РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИИ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В.ПЛЕХАНОВА

КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 12

Часть 1

Москва – 2017

БК 60ю54
66.75 (2 Рос)
Р 76

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт, *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *И.В. Зайцев* – д.и.н., врио директора ИНИОН РАН, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *В.Г. Минашкин* – д.э.н., профессор, проректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *С.В. Карпова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН, *О.С. Крюкова – д.ф.н., профессор МГУ, В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *С.В. Манахов* – к.э.н., начальник управления РЭУ им. Г.В. Плеханова, *О.А. Махова* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, заместитель директора по науке Института природных и технических систем РАН, *А.И. Орлов* – д.э.н., д.т.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики МГТУ, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

Инициаторы Форума: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Российское общество социологов, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Комитет по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, Союз малых городов России, Академия геополитических проблем, Всероссийский конгресс «СЕЛО-XXI», Международное общественное движение «Российская служба мира», Инновационное агентство Республики Башкортостан, Клуб субъектов инновационного и технологического развития, журналы «Россия и современный мир», «Инновации», «Информационные войны», «Экономические стратегии».

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / РАН. ИНИОН. Отд.
Р 76 науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – 984 с.
ISBN 978-5-248-00845-2

Рассматриваются проблемы стратегического проектирования социально-экономического развития России, национальных интересов России в изменяющемся мире, модернизации российской экономики на основе инновационного и технологического развития, качества власти и управления, регионального развития, модернизации российского здравоохранения, образования и науки, проблемы молодежной политики. В ежегоднике представлены материалы XVI Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», Международной научной конференции «Интеграционные процессы, взаимодействие и сотрудничество в современном мире» и др.

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

ББК 60.54
66.75 (2 Рос)

ISBN 978-5-248-00845-2

© ИНИОН РАН, 2017

Содержание

Стратегия развития России в XXI веке

Абдуназарова Н.У., Чепель С.В.
Факторы и условия повышения надежности макроэкономических прогнозов: Обзор существующих оценок и выработка рекомендаций для России и других стран СНГ 11
Величковский Б.Т.
Будущее человечества и социальная биология человека 16
Дерябин Н.И.
Стратегическое управление государством Россия в информационном обществе XXI века 25
Захаров В.К.
Синтетизм как проект будущей России 33
Конашев М.Б.
Альтернативы исторического развития России и эволюционная теория 41
Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н.
Стратегия пространственного развития России и ее Арктический вектор 49
Литвинов В.А.
Человек и экономический рост 55
Магарил С.А.
Россия: Консолидация общества как основа устойчивого развития 59
Моисеев А.А.
Природа глобализации и государственные стратегии социально-экономического и научно-технологического развития 64
Назаров В.И.
Механизм национального возрождения и развития 70
Никитенко П.Г.
Политико-экономическая модель возрождения и развития ноосферной цивилизации 72
Орлов А.И.
Вперед к Аристотелю: солидарная информационная экономика вместо рыночной экономики 80
Потехин Н.А., Потехин В.Н.
Вторая индустриализация России – выход из системных кризисов, основа инновационного способа воспроизводства 85
Пястолов С.М.
Модели человека в стратегиях развития России 91
Садков В.Г., Аронов Д.В.
О системной модели российского общества как основополагающей и исходной части долгосрочной стратегии развития России XXI века (открытое письмо президенту, правительству, партиям и общественным движениям) 98
Селиванов А.И.
Ценностные основания целеполагания и проектирования будущего России 103
Сургуладзе В.Ш.
Проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования Российской Федерации 106
Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г.
Мировые тенденции современного экономического развития в разрезе динамики показателей счета производства 111

Национальные интересы в изменяющемся мире

Базаркина Д.Ю.
Влияние квазирелигиозного терроризма на общественное мнение: На опыте Европейского союза 117
Баранов Н.А.
Внешние факторы влияния на трансформацию политической системы современной России 121
Булгару Д.И.
Использование США технологий коммуникационного менеджмента на Ближнем Востоке в условиях «Арабской весны» 126

Васильева Л.В.
Система классификационных признаков импортозамещения 130
Великая А.А.
Российская публичная дипломатия в странах большого евразийского пространства 137
Вэй Лиянь, Чжан Мяожань
Выбор стратегии подготовки кадров в рамках инициативы КНР «Один пояс, один путь» («Экономический пояс шелкового пути и морской шелковый путь XXI века») 140
Коротков А.В., Вершинина А.А.
Национальная конкурентоспособность: Понятие и оценка 143
Котилко В.В., Фарков А.Г.
Вопросы продовольственной безопасности Сибири и Дальнего Востока: Возможности кластерного подхода 147
Лузан А.А., Лузан С.А.
Глобализация и государственный суверенитет Украины и России 150
Морозов Ю.В.
Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире 154
Нысанбаев А. Н., Нурмуратов С.Е.
Казахстанский опыт межнационального согласия и его значение в условиях модернизации современного общества 161
Радзиевский В.А.
Украинский вопрос и теория деградации 164
Семёнова Е.А.
Предварительные итоги реализации политики импортозамещения в Российском машиностроении 171
Семенова Н.Н.
Финансово-кредитный механизм импортозамещения в агропромышленном комплексе 177
Тарасов В.И., Осинина А.Ю., Козлова К.Б.
Россия в системах региональной и глобальной продовольственной безопасности 184
Убайдуллаев С.Н.
Мегатенденции современного развития: Монополизм в мировой экономике 190
Шафиев Р.М., Максимов Д.А.
Эффект импортозамещения Российской промышленной продукции 195
Явчуновская Р.А.
Современное видение международной безопасности 199

Интеграционные процессы, взаимодействие и сотрудничество в современном мире

Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Глухих П.Л.
Перспективные векторы развития Евразийской экономической интеграции 203
Антохонова И.В., Каленова С.А.
Потенциал и ограничения межрегионального экономического сотрудничества на Евразийском пространстве 207
Батырканова Ж.К.
Евразийский Экономический союз: Тенденции и перспективы развития 210
Браницкий А.Г.
Интеграционные и дезинтеграционные процессы в ЕС 214
Бредихин А.В.
Использование возможностей Азовского моря в реализации потенциала Донецко-Ростовской приграничной агломерации 217
Вертинская Т.С.
Институциональные факторы экономической интеграции регионов стран-членов ЕАЭС: Методические подходы к оценке и механизм управления 220
Витушко В.А.
Отражение интеграционных процессов в современных правопорядках, истоки и возможные перспективы 226
Гладков И.С.
Транстихоокеанское партнерство: Мегапроект в системе глобальной торговли 231
Гранин Ю.Д.
Стратегии развития стран БРИКС и Россия 237
Григорьева М.О.
Конкурентоспособность Франции в современных интеграционных процессах: Проблемы и концепция развития национальной экономики 242
Гришанова А.Г., Красинец Е.С.
Межрегиональное сотрудничество на Евразийском пространстве: Миграционный аспект 247
Довгаль Е.А.
Анализ тенденций и факторов структурных сдвигов в двусторонних внешнеторговых отношениях Украины и Венгрии 250

Емельянов А.И.
Современные тенденции развития интеграционных процессов в Латинской Америке 256
Жевора С.В., Старовойтов В.И., Звягинцев П.С.
Разработка и реализация стратегических межгосударственных проектов в рамках ЕВРАЗЭС: Программа «Интеграционное развитие производства картофеля и топинамбура на базе инновационных технологий и агротехнопарков на 2018–2021 гг.» 262
Захарова С.В.
Реализация торговой политики в рамках функционирования ЕАЭС 268
Зобова Л.Л.
Экономическая основа успешности интеграционных союзов 272
Игнатова Т.В., Ямбушев Д.Ф.
Глобальное и национальное измерения интеграционных процессов в высшем образовании 276
Искакова Г.К.
Проблемы региональной безопасности на Евразийском пространстве: Тенденции, риски и угрозы 282
Каленова С.А.
О совместном научно-исследовательском проекте казахстанских и российских ученых «Интеграционные эффекты экономического взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза».....286
Каратаев С.В.
Банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: Новые возможности для обеспечения интересов России в международных институтах развития 291
Каратаева К.Е.
Фактор Китая в контексте развития концепции ЭПШП и интересы России 295
Костюнина Г.М.
Особенности интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе 300
Кочербаева А.А.
Евразийская экономическая интеграция: Проблемы, реалии и перспективы для Кыргызстана 306
Кравченко Л.И.
Факторы развития интеграционных процессов в Латинской Америке 312
Курманбаева Ш.А., Тулешов В.У., Курманбаев Е.А.
Казахстан: стратегия интеграции на Евразийском пространстве 316
Логинова А.С.
Украина и Европейский союз: Реальность и перспективы 319
Лойко А.И.
Эволюция Евразии от межконтинентального к трансконтинентальному статусу 328
Лойко Л.Е.
Материальные и социокультурные интенции Евразийской интеграции: О чем говорит историческая память 335
Максимцев И.А., Межевич Н.М.
Новый регионализм как подход к изучению Европейской экономики 338
Малько А.В., Елистратова В.В.
Приоритеты правовой политики в сфере Евразийского экономического союза.....342
Михейкина Л.А.
Особенности международного сотрудничества в области науки и образования 347
Мызрова О.А.
Повышение инновационной активности стран ЕАЭС на основе кластерного подхода 350
Нагуманов К.С.
Евроинтеграция как тихий суицид европейских народов 353
Нысанбаев А.Н., Курманбаева Ш.А.
Смысл и ценность концепта евразийства в пространстве межкультурного диалога 357
Нысанбаева А.М.
Перспективы развития Евразийской экономической интеграции 360
Океанова З.К.
Интеграционные процессы и взаимодействие стран в XXI веке 361
Прикладова А.А.
Сотрудничество стран БРИКС в области энергетики в контексте проблемы загрязнения окружающей среды 362
Рутко Д.Ф., Радюк О.С.
Развитие внешнеэкономического сотрудничества Республики Беларусь со странами БРИКС 365
Селиванов А.И.
Принцип мозаичности как основание гармонии планетарной интеграции 371
Стародубцева Е.Б.
ЕАЭС и Вьетнам: Возможности сотрудничества 375
Султанова Л.Ш.
Центральная Азия: Экономические коридоры и глобальные цепочки создания стоимости 377

Ткаченко И.Ю.
Перспективы инновационно-технологического сотрудничества в рамках БРИКС 381
Ткаченко И.Ю.
Россия и перспективы интеграции в Северо-Восточной Азии 388
Толмачев П.И.
Приоритеты экономической дипломатии в трансатлантических интеграционных процессах 393
Тульчеев В.В., Жевора С.В., Аршин К.В.
Перспективы инновационно-технологического сотрудничества в рамках АПК ЕАЭС, ШОС и БРИКС по взаимовыгодным поставкам скоропортящейся сельхозпродукции 404
Циватый В.Г.
БРИКС в полицентричной модели современного мирового сообщества: Интеграционное, глобализационное и институциональное измерение региональной внешней политики (Ибероамериканская модель дипломатии) 410
Черномаз П.А.
Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях Украинско-Российского пограничья 415
Шульга М.А.
Ещё раз о евразийстве: Культурно-стратегические акценты 420
Щеголева Н.Г.
Ретроспектива платежных систем региональных союзов стран Африки и Латинской Америки: Опыт для ЕАЭС 430
Яковенко А.В.
Интеграционные процессы: От кризиса к безнадежной надежде 434

Модернизация экономики России

Алексеев А.В.
Денежная эмиссия и экономический рост: Иллюзии выбора 438
Андрианов В.Д.
Перспективы развития и модернизации топливно-энергетического комплекса России 444
Быков А.А., Горлова О.А., Хвалько Т.В.
Сбалансированный рост и структурная политика: Мировые тенденции и опыт Республики Беларусь 459
Владыка Ю.П.
Инвестиционное обеспечение выращивания и реализации зерна 470
Воронков И.С., Ферару Г.С.
Роль компьютеризации документооборота в стратегическом управлении компанией 472
Герасимова И.А.
Возможный взгляд на предпринимаемые меры по модернизации экономики России 474
Данченок Л.А., Мартасов Д.А.
Особенности бренд-строительства в товарной категории на ранней стадии развития 478
Дарда Е.С.
Развитие животноводства в Российской Федерации: Оценка тенденций и перспектив развития 481
Мамарасулов Х.К., Курбанова Д.М.
Земельный потенциал сельского хозяйства Узбекистана: Состояние и возможности развития оптимальной специализации 486
Носова О.В.
Влияние глобализации на экономическую модернизацию: Тенденции развития 490
Овешникова Л.В., Сибирская Е.В.
Статистическое исследование инвестиций на мезо- и макроуровне 495
Сибирская Е.В., Овешникова Л.В., Строева О.А., Ляпина И.Р.
Формирование благоприятного инвестиционного климата на рынке разработки и реализации инвестиционных проектов.....502
Чепель С.В.
Условия и предпосылки увеличения вклада экономического роста в продуктивную занятость: На примере России и других стран СНГ 513
Шелест С.А.
Проблемы измерения инклюзивного экономического роста для России и стран СНГ 517

Инновационно-технологическое развитие: Современное состояние и перспективы

Богдан Н.И.
Инновационная политика Беларуси: Стратегия и механизмы реализации 521
Бондарева Н.Н.
Использование роботов в Арктике 526
Ваганян Г., Ваганян О.
Побеждая с помощью глобальных инноваций (На примере России и других стран-участниц ЕАЭС) 528

Варавва М.Ю.
Интеллектуальная миграция как дестабилизирующий фактор на пути к инновационной модели развития России 536
Воронин С.А.
Налоговый механизм стимулирования инноваций и необходимость его совершенствования в Узбекистане 540
Дроздов Б.В.
Развитие индустрии жизнеобеспечения России на этапе новой индустриализации 545
Ермакова Е.А.
Направления развития краудфандинговой модели финансирования инноваций в России 549
Кабулов А.А.
Инновации на предприятиях – путь к успеху 552
Квак А.А.
Формирование национальной технологической базы как основа социально-экономического развития России 554
Клочков В.В.
Анализ трендов технологического развития и поиск направлений технологического прорыва в авиастроении 560
Койчуев Т.К.
На пути к инновационной модели развития 567
Комков Н.И.
Научно-технологический потенциал как основа экономики развития 570
Кумакова С.В.
Новые возможности совершенствования государственной инновационной политики 577
Курбанова Д.М.
Перспективы развития сферы ИКТ в Узбекистане 585
Мишунина Л.Н., Якубовский Ю.В.
Стратегическое планирование производства гражданской продукции на основе взаимодействия предприятий ОПК с университетами 588
Никонова А.А.
Приоритеты инновационно-технологического развития и сотрудничества хозяйствующих субъектов: Системный подход 593
Огородников П.И., Матвеева О.Б., Коловертнова М.Ю.
Функциональное моделирование бизнес-процессов предприятий агротехсервиса 603
Разумовский В.А.
О механизме формирования и реализации критических технологий 608
Сливицкий А.Б.
Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства 618
Сухарев О.С.
«Инновационная экономика»: Старые и новые технологии 625
Файзуллоев М.К., Рахмонов Д.Р.
Инновационная стратегия на предприятиях промышленности Республики Таджикистан: Необходимость разработки и выбор 636
Шутьков А.А., Шутьков С.А.
Инновационная политика как основа модернизации экономики 641
Якубовский Ю.В., Огнев Ю.Ф., Карастелев Б.Я., Бровко П.М.
Стратегическое планирование и управление технологическим развитием, методический инструментарий 647

Становление социального государства в России: Современные реалии и перспективы

Брега А.В.
Изменение модели общественного договора как условие модернизации России 653
Галаева Е.В., Кумар Ю.Б.
Приоритеты социальной политики в условиях кризиса 657
Капитанов В.А., Иванова А.А.
Неравенство и ранговый обмен 661
Клочкова Е.Н., Дарда Е.С.
Рынок ассистивных технологий и устройств: Статистическая оценка состояния 668
Костин Ю.Д., Ущаповский К.В., Телегин В.С.
Из практики применения эконометрических моделей в вопросах мотивации персонала на энергетических предприятиях Украины 673
Нехаев В.В.
Уровень жизни пенсионеров как аспект социально-экономической ситуации в Тульской области 679
Смирнова Т.Л.
Инструменты анализа социально-экономической сплочённости в России 683

Ткаченко А.А.
Измерение бедности и трудовой миграции в странах ЕАЭС и СНГ: Различия методологических подходов 685
Тулешов В.У., Курманбаев Е.А.
Социальный капитал в Казахстане в контексте тенденций мирового развития 690
Шаховская Л.С., Климкова К.О.
Борьба с бедностью как национальный приоритет России 694

Демографические процессы и сбережение нации

Безруков А.В., Тенетова Е.П.
Роль демографической конъюнктуры в современном экономическом развитии регионов Российской Федерации 700
Белов П.Г.
Прогнозирование и снижение риска демографического вызова национальной безопасности России на основе моделирования 704
Бойко Ю.П., Масюк Ю.А., Старовойтова О.А.
Органический картофель – основа здоровья населения и экологической безопасности России 712
Зотов Н.А., Назмутдинова Р.Н.
О реализации основных мероприятий в рамках года профилактики онкологических заболеваний и о планах на 2017 год в Альметьевском муниципальном районе 717
Карманов М.В., Махова О.А.
Статистическая оценка основных параметров демографического развития стран БРИКС 719
Киселев С.Н.
Тенденции изменения возрастной структуры населения Дальневосточного Федерального округа в начале XXI века 724
Низамов И.Г.
Смертность экономически активного населения – важнейший тормозной механизм в социально-экономическом развитии современной России 727
Павлов К.В., Степчук М.А., Пинкус Т.М.
Оценка динамики и определение перспектив развития медицинской помощи населению в условиях модернизации здравоохранения региона (На примере Белгородской области) 732
Пациорковский В.В.
Социально-экономическое развитие страны, демографические процессы и благополучие граждан 743
Поплыко В.И.
Демографический фактор социально-экономического развития Беларуси 749
Свистунов А.А., Сучков С.В.
На пути к персонализированной медицине как модели практического здравоохранения нового поколения 754
Ярных Э.А., Константинова А.Г.
Система статистических показателей анализа демографического потенциала региона 759

Молодежь и будущая Россия

Беленикин Р.О.
Молодежь в контексте регионального общественно-политического пространства: Некоторые особенности и проблемы 764
Головчин М.А., Соловьева Т.С.
Отношение молодежи к труду как к социокультурной ценности: Региональный аспект 767
Дунаева В.И.
Проблемы формирования ценностных ориентиров молодежи России 770
Зуляр Р.Ю.
Государственная молодежная политика Иркутской области в современный период: История, проблемы, перспективы.....774
Левикова С.И.
Неформальная молодежная субкультура в России: Уход в небытие или повторение пройденного? 779
Макарова О.А.
О некоторых аспектах реализации государственной молодежной политики в Забайкальском крае 784
Медведева Л.Н., Ковалев С.П., Медведев А.В.
Молодежное предпринимательство в России: Основания для выделения бизнес – групп 790
Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н., Ардюкова О.С., Довыденко Л.В.
Смена парадигмы успеха в системе ценностей студентов Красноярска 795
Савойский А.Г.
Интеграция молодежи России в социально-политическое пространство Евразийского экономического союза 802

Селиванова З.К.
О влиянии важных политических событий на отношение студентов к России (На основе социологического исследования) 805
Фионова Л.Р., Ладанова О.Ю.
Проектная деятельность как одна из продуктивных форм работы по патриотическому воспитанию студентов 809

Наука и общество

Голубев В.С.
К проблеме управления наукой: Цели и методы 813
Дерябин Н.И.
Стратегические приоритеты развития кибернетической медицины в информационном обществе XXI века 823
Камнев А.Н.
Стратегия НТР России и концепция развития гидробиологии в России (часть вторая) 830
Медведева Л.М.
Пореформенные проблемы Российского высшего образования и науки 836
Михайлов О.В.
Альтернатива «глобализм – антиглобализм» и библиометрия Российской науки 839
Орлов А.И.
Как нам обустроить Российскую науку? 843
Положихина М.А.
Кадровая политика в научной сфере: Некоторые теоретические подходы и результаты их реализации в России (На примере научных организаций ФАНО) 849
Раков Д.Л., Синев А.В., Терещук В.С., Печейкина М.А.
Использование морфологического и кластерного анализа для оценки результатов научной деятельности 854
Уварова Т.Б., Шемберко Л. В.
Актуальные задачи развития информационных ресурсов по социальным и гуманитарным наукам в контексте стратегии научно-технологического развития России 858

Модернизация образования и инновационное развитие России

Аванесов В.С.
Модернизация образования в России: Ключевые проблемы и пути их решения 863
Валицкая А.П.
Модернизация Российского образования: Проблемы и перспективы 873
Измайлова М.А.
Современные тренды становления нового образования в инновационной России 876
Каспрук Л.И., Жакупова Г.Т., Снасапова Д.М.
К вопросу об инновационной роли научно-исследовательской работы в формировании исследовательских компетенций в медицинском образовании 879
Коломейцев А.Е.
Стратегия педагогики: Ценности и смыслы 882
Корнилов И.К.
Инженерное образование будущего: Новые смыслы 887
Крюкова О.С.
Единый государственный экзамен как один из инструментов социализации личности 890
Матюшенко С.В.
Педагогическая интеллектуальная собственность как фактор инновационного развития Российского образования 893
Махова О.А.
Развитие инклюзивного образования в России сквозь призму статистики 898
Осипов М.Ю.
Фундаментализация высшего образования как условие становления личности профессионала в вузе 902
Тагаев М.Дж., Борчиева Б.Т.
Билингвальное образование как основа гуманитарного пространства и интеграционных процессов в ЕАЭС (На материале Киргизской Республики) 908

Регионы и города России

Алиев А.Ш.
Методические подходы к оценке резервов роста обрабатывающей промышленности и промышленного потенциала региона 912
Важенина И.С., Важенин С.Г.
Доверие как стратегическая платформа конкурентного сотрудничества территорий 916

Герасименко О.А., Семибратский М.В.
Механизм проектного финансирования ГЧП на региональном уровне 922
Голодов С.В.
Динамика производительности труда: Региональный аспект 926
Горнин Л.В.
Роль государственного регулирования в развитии структурной политики комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства в Сибирском Федеральном округе 928
Губайдуллина Т.Н.
О некоторых проблемах оценки уровня устойчивого развития муниципальных образований 932
Касаев Б.С.
Менеджмент и маркетинг территорий как инновационные факторы развития современных экономических систем 935
Мазилов Е.А.
Инструменты стимулирования процессов модернизации обрабатывающих производств территорий 943
Молчанова Н.П., Антонов А.Ю.
Управление экономическими структурами в регионе: Эффективность и качество таможенных услуг 949
Новоселов А.С., Маршалова А.С., Волянская Т.В.
Проблемы управления пространственным развитием субъекта Федерации: Методологический аспект 954
Петросянц Д.В.
Социально-политические особенности развития психообщественной инфраструктуры регионов РФ в кризисных условиях 959
Погодина Т.В.
Оценка и перспективы повышения инновационного потенциала регионов России 964
Саатова Х.
Тенденции развития сельскохозяйственного производства в разрезе специализации регионов (На примере Узбекистана) 967
Сатывалдиева Б.А.
Возможности реализации территориального маркетинга в Кыргызстане 970
Царьков А.С., Кудряшов С.А.
Проектный подход: Стратегические аспекты аналитической сборки на муниципальном уровне. Механизмы и результаты 972
Шамрай-Курбатова Л.В., Леденёва М.В.
Анализ зарубежного опыта эффективной политики прироста регионального богатства 981

Абдуназарова Н.У.
к.э.н., и.о. руководителя проекта, Институт прогнозирования и макроэкономического анализа при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент
abd_nodira@yahoo.com
Чепель С.В.
д.э.н., гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономического анализа при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент
swchep@mail.ru

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ: ОБЗОР СУЩЕСТВУЮЩИХ ОЦЕНОК И ВЫРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Ключевые слова: *прогноз, ВВП, надежность, эффективность, отклонения прогнозных значений, макроэкономическая политика, СНГ.*

Одной из важнейших задач исследовательских и аналитических центров России и других стран СНГ является получение надежных и обоснованных прогнозных оценок ВВП, инфляции, экспорта, инвестиций и других макроэкономических индикаторов. Это, в свою очередь, требует разработки соответствующего модельного инструментария, способного получать в рамках базового сценария наиболее реалистичные прогнозные оценки развития экономики по ключевым макроэкономическим индикаторам. В связи с этим, в рамках данной статьи сделана попытка оценить качество прогнозов, осуществляемых различными экономическими международными организациями, дать рекомендации по совершенствованию модельного инструментария для среднесрочного прогнозирования, используемого в научных организациях России, Узбекистана и других стран СНГ.

Разработка прогнозов развития мировой экономики, отдельных стран и регионов мира является одной из главных функций МВФ, Всемирного банка и других ведущих международных финансово-экономических организаций. Эти прогнозы являются ключевыми ориентирами для большинства правительств стран мира, крупных международных инвесторов и бизнеса. Оценки будущего развития призваны содействовать в определении основных направлений, прежде всего, фискальной, торговой, валютной и монетарной политик. Грамотные прогнозные оценки позволяют вовремя определить, а также предотвратить риски и угрозы для устойчивости экономического развития.

Однако в настоящее время специалисты все чаще критикуют составляемые международными организациями прогнозы, в том числе относительно обоснованности и надежности прогнозных оценок[1].

Выявление отклонения прогнозных оценок от фактических значений имеет важное значение, т.к. они проливают свет на проблемы развития экономики, из-за которых ожидания специалистов не реализовались. Здесь необходимо отметить, что наличие отклонений прогнозных значений макроэкономических показателей от их фактических значений является логичным, закономерным и характерным для всех простых и сложных прогнозных моделей. В то же время, наличие систематических ошибок, чрезмерно высоких отклонений и необъективность в прогнозах могут существенно повлиять на оценку устойчивости налогово-бюджетной и монетарной политики, счета текущих операций, оценки равновесного реального обменного курса, а также оценку рисков и угроз в среднесрочной и долгосрочной перспективе как отдельных стран, так и мировой экономики в целом.

Наиболее серьезные риски с точки зрения замедления мировой экономики вызывают систематические ошибки завышения прогнозных оценок роста для стран и регионов мира. Канал их негативного воздействия на мировую динамику можно представить следующей цепочкой:

< завышенные прогнозные оценки ВВП >→< принятие правительствами, инвесторами неверных решений >→<избыточный приток инвестиций, излишние госрасходы>→<падение эффективности их использования>→<замедление развития страны >→<замедление роста мировой экономики>

Обобщение существующих в мире публикаций на эту тему свидетельствует о том, что большинство макроэкономических прогнозов, составляемых международными финансовыми организациями, отличает завышенность и субъективность оценок ВВП и других макроиндикаторов. Так, К. Де Резенде (2014) оценил среднесрочные (трех-, че-

[1] См., например, Freedman D. 2011. Why Economic Models Are Always Wrong. – https://www.scientificamerican. com/article/finance-why-economic-models-are-always-wrong/

Beach W., Schavey A., Isidro I. 1999. How Reliable Are IMF Economic Forecasts? – http://www.heritage.org/research/reports/1999/08/how-reliable-are-imf-economic-forecasts; Mauldin J. 2016. These 8 charts prove economic forecasting doesn't work. – http://www.businessinsider.com/8-charts-prove-economic-forecasting-doesnt-work-2016-1

тырех- и пятилетние) прогнозы МВФ роста ВВП за период с 1990 по 2012 гг., представленные в отчетах World Economic Outlook (т.е. около 180 стран)[1]. Ошибка прогноза определялась как разница между фактическим значением и его прогнозным значением, рассчитанным годом ранее.

Он протестировал нулевую гипотезу о приемлемости ошибки прогнозирования с помощью стандартного двустороннего t-теста, а также аналогичного теста Уилкоксона. Ошибка прогноза считается приемлемой (статистически незначимой), если фактическое (по данным статистической отчетности) значение прогнозируемого индикатора не выходит за пределы 90-процентного, либо 95-процентного интервала доверия.

К. Де Резенде делает вывод о том, что в целом прогноз МВФ отвечает базовым стандартам по эффективности, т.е. в нем отсутствует автокорреляция между настоящими и прошлыми ошибками прогнозов, а также корреляция ошибки прогноза с другими переменными (например, с ценами на нефть, ВВП страны, ВВП крупных экономик).

Однако автором была выявлена общая тенденция завышенного прогноза ВВП для большинства стран мира, а также неспособность этих прогнозов вовремя выявить риск возникновения будущего кризиса (Азиатского кризиса, мирового кризиса 2008 года и т.д.). Полученные им результаты согласуются с более ранними работами, сделанными по данной тематике[2].

Примечательно и то, что эта тенденция завышения не прослеживается для стран Центральной Азии. По мнению автор, это связано с тем, что в этом регионе сконцентрированы страны экспортеры сырьевых ресурсов, цены на которые крайне непредсказуемы и волатильны (он отмечает, например, что для большинства экспертов по нефти прогнозные параметры были пессимистичны).

Согласно сделанным расчетам, ошибки прогноза для стран Центральной Азии коррелируют с прогнозными параметрами по экономике Китая. Следовательно, для повышения эффективности прогноза экономик Центральной Азии, важную роль играет фактор развития китайской экономики, учет которого позволит повысить качество прогнозов стран региона ЦА.

Автор представил результаты опроса сотрудников МВФ касательно процедуры прогнозов. Наиболее популярными методами оценки оказались методы суждения или экспертные оценки, т.е. не связанные с разработкой и использованием модельного инструментария.

Опросы специалистов МВФ, работающих по прогнозу по странам СНГ и странам-экспортерам нефти, показали, что в 70%-ных случаев они используют экспертную оценку, и очень редко – сложные модели, например, стохастические модели общего равновесия. Примечательно, что процесс прогнозирования параметров экономик, богатых нефтью в 90%-ных случаев проходит с использованием экспертных оценок.

Х. Генберг и А. Мартинес[3] рассмотрев ошибки годовых прогнозов МВФ (ежегодно публикуемых в апреле) с 1991–2011 гг. для почти 140 стран отмечают, что в целом прогнозы не имели существенных искажений в ту или иную сторону. В то же время, прогнозы были слишком оптимистичны (завышены) в период региональных, страновых и мировых кризисов.

Авторы, тестируя эффективность прогнозов, выявили, что ошибка прогноза для многих стран мира коррелирует с ВВП крупных экономик, прежде всего США и Германии. Вследствие этого, для повышения надежности прогнозов важен больший учет влияния этих «экономик-локомотивов» при составлении прогнозных значений других стран. Данные выводы подтверждают результаты работ, сделанные другими исследователями[4].

По результатам эконометрической оценки, проведенной Х.Генберг и А.Мартинес, было выявлено, что эксперты МВФ, имеющие больший опыт работы с прогнозными оценками, представляют их с наименьшими искажениями, особенно для стран с низкими доходами.

Для выявления факторов и условий повышения надежности макроэкономических прогнозов, нами были проанализированы годовые прогнозы роста ВВП, составляемые такими международными финансовыми организациями, как Международный Валютный Фонд (IMF) и Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN/DESA) за период с 2008 по 2016 годы. В краткосрочных прогнозах в меньшей степени учитывается структурный фактор, и в большей – внешние факторы и внутренние текущие риски экономического развития.

Анализ приведенных выше прогнозных оценка МВФ, UN/DESA на 2008–2016 гг. позволили выявить следующее (см. таблицу 1):

1. Завышение (смещенность) прогнозных оценок (в особенности МВФ для посткризисного периода по всем категориям стран и UN/DESA по развитым, развивающимся странам и СНГ). Кроме того, для России наблюдались завышенные прогнозные оценки по темпам экономического роста в период применения санкций 2015–2016 гг., которые стали одной из причин спада ВВП страны в последние годы;

2. Высокую степень неточности прогнозов по развитым странам и странам СНГ. По первой категории ошибка составляет от 0,8–0,9 п.п. при среднегодовом фактическом темпе прироста ВВП 1,1%, по второй 1,2–2,4 п.п. при среднегодовых темпах в 1,3%;

---

[1] De Resende C. An Assessment of IMF Medium-Term Forecasts of GDP Growth / Independent Evaluation Office of the International Monetary Fund. 2014.

[2] Timmermann A. An Evaluation of the World Economic Outlook Forecasts. IMF Working Paper. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

[3] Genberg H., Martinez A. On the Accuracy and Efficiency of IMF Forecasts: A Survey and Some Extensions / Independent Evaluation Office of the International Monetary Fund. 2014.

[4] Timmermann A. An Evaluation of the World Economic Outlook Forecasts. IMF Working Paper. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

3. Высокий разброс прогнозных оценок различных международных организаций для одних и тех категорий государств мира;

4. Ограниченные возможности имеющегося прогнозно-аналитического потенциала международных организаций в прогнозировании глобальных кризисных явлений даже за год до их наступления, о чем свидетельствует серьезные ошибки в прогнозе макроэкономической динамики на 2009 год.

Таблица 1

Отклонение фактических значений динамики ВВП от ее краткосрочных (годовых) прогнозных оценок по данным международных организаций*, (факт-прогноз, в п.п.)

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Сред. ошибка	Сред. темп прир. ВВП**
В целом по странам мира											
МФВ	–1,8	–3,1	2,3	0	–0,5	–0,8	–0,2	–0,6	–0,5	–0,6	3,2
UN/DESA	–0,6	–2,2	3,8	1,0	–0,1	0,1	0,3	0	0	0,2	
Развитые страны											
МФВ	–2,1	–3,9	1,8	–0,5	–0,7	–0,8	–0,1	–0,2	–0,6	–0,8	1,1
UN/DESA	–2,1	–4,9	2,1	–0,7	–1,1	–0,9	–0,3	–0,5	0	–0,9	
Развивающиеся страны											
МФВ	–1,6	–3,2	2,4	–0,1	–0,8	–1,0	–0,5	–1,0	–0,3	–0,7	5,7
UN/DESA	–0,9	–2,4	3,2	0,0	–1,5	–1,3	–1,1	–1,3	–0,5	–0,7	
СНГ											
МФВ	–1,7	–12,6	2,6	0,1	–0,9	–2,0	–2,3	–4,4	–0,8	–2,4	1,3
UN/DESA	–1,6	–1,5	3,2	1,2	–1,3	–2,1	–2,8	–5,1	–1,2	–1,2	
Россия											
МФВ	–1,3	–13,3	3,0	–0,3	–0,6	–2,6	–2,3	–4,2	–0,2	–2,4	0,8
Узбекистан											
МФВ	1,5	0,6	1,5	1,3	1,2	1,5	1,6	1,5	–1,0	1,1	8,0

Источник: составлено авторами на основе ежегодных отчетов МВФ: World Economic Outlook: October2007-October 2016; UN/DESA: World Economic Situation and Prospects 2007–2016

* Отрицательные значения означают оптимистичную ошибку прогноза

** Данные МВФ.

Если для мира, большинства стран СНГ и России ошибки прогноза носили смещенный характер в сторону его завышения, то для Узбекистана МВФ постоянно занижал прогнозную оценку динамики ВВП. К. Де Резенде также в своей работе отмечает отсутствие завышенного прогноза в странах Центральной Азии, по сравнению с другими странами.

Тут нужно отметить, что в Отчете Мирового банка в 2016 году по Систематической диагностике Узбекистана несколько раз особо подчеркивалось недоступность важнейших данных и исходной аналитической информации для иностранных экспертов по анализу и прогнозу макроэкономической ситуации[1].

Таким образом, полученные нами результаты согласуются с выводами К. Де Резенде, Х. Генберг и А.Мартинес, А. Тиммерманна, которые использовали статистические методы и сложные модели для оценки качества существующих и доступных для анализа прогнозов.

Обобщение других материалов с результатами прогнозов международных организаций на среднесрочный период свидетельствует о том, что с увеличением прогнозного периода, при переходе от годовых к трех и пятилетним прогнозам, величины ошибок возрастают. Так, К. Де Резенде отмечает, что проблемы автокорреляции ошибок прогноза, а также их корреляции с другими переменными встречаются чаще в среднесрочных, чем в краткосрочных прогнозах.

При этом возникает ряд вопросов: *насколько оправдано использование таких прогнозов для принятия на их основе важных экономических решений; каковы основные причины и источники ошибок прогноза; что необходимо изменить в методологии и технологии макропрогнозирования, чтобы свести вероятность таких ошибок к минимуму*.

Обобщение выводов, полученных названными выше зарубежными экспертами и опыт прогнозирования, накопленный в нашем институте, позволяет систематизировать причины и источники прогнозных ошибок. Основными из них являются:

1) *Принципиальная непредсказуемость ряда факторов, формирующих динамику ВВП и других макроэкономических индикаторов*. Для долгосрочных прогнозов основным источником неопределенности является непредсказуемость технологического прогресса, процесса коммерциализации новых научных достижений, влияние климатических изменений на экономику и общество, изменений в предпочтениях потребителей. Для кратко- и среднесрочных прогнозов таким источником является высокая волатильность и непредсказуемость сырьевых рынков.

Как следует из данных таблицы 2, среднесрочные прогнозы мировых цен на сырьевые ресурсы, опубликованные Всемирным банком в 2012 году на 2012–2015 годы, как и рассмотренные выше оценки ВВП, отличаются смещенностью в направлении ожидания завышенных оценок по отношению к фактическим. При этом наибольшие отклонения прогнозных оценок от фактических характерны не только для нефти, но и для черных металлов (почти в два

[1] Мировой банк. 20 мая 2016 г. Систематическая диагностика страны по Узбекистану. Отчёт №106454. – http://documents.worldbank.org/curated/ru/516181470070366635/pdf/106454-RUSSIAN-PUBLIC-Uzbekistan-SCD-Final-rus.pdf

раза в конце прогнозного периода), что подтверждает вывод о маловероятности получения приемлемых по точности прогнозных оценок конъюнктуры мирового рынка ресурсов, используемых для прогноза макроэкономической динамики.

На сырьевые ресурсы оказывают влияние огромное количество как экономических, так и политических факторов. Необходимо иметь в виду, что для стран экспортеров или импортеров сырьевых ресурсов волатильность цен на сырьевые ресурсы влияет на формирование государственного бюджета, объемы закупок или госрасходов, а также приток иностранных инвестиций, что в конечном итоге формирует труднопредсказуемую динамику ВВП и других макроиндикаторов.

Таблица 2

Ошибки прогноза мировых цен на сырьевые ресурсы на 2012 по 2015 гг. (факт – прогноз) / факт, в %

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Сред. ошибка
Золото (за тройскую унцию)	–4,8	–13,4	–10,7	–3,4	–8,1
Природный газ (за тыс. куб. метров)	–20,2	–11,7	–26,6	–72,4	–29,8
Хлопок-волокно (за тонну)	–16,8	–14,6	–23,0	–41,9	–20,4
Медь (за мегатонну)	–6,8	–22,7	–16,6	–27	–12,6
Черные металлы (за тонну)	–17,2	0	–23,7	–97,1	–34,5
Нефть (за баррель)	6,7	+6,7	0,2	–87	–20,0
Среднее отклонение (по абсолютной величине)	12,1	11,5	16,8	54,8	

Источники: составлено авторами на основе:

1. Прогнозные значения цен – World Bank, Commodity Price Forecast Update from January 17, 2012;

2. Фактические значения цен – World Bank, Commodity Price Data December, 2012; December, 2013; December, 2014; December, 2015).

2) Неизученность закономерностей изменений и существенные масштабы теневой экономики, особенно в развивающихся странах мира. Хотя во многих странах органы госстатистики делают досчет ВВП по этому фактору, сама величина досчета, в силу неоднозначности определения теневого сектора вызывает вопросы, что в конечном итоге искажает фактические оценки ВВП и ведет к неправильным прогнозным значениям.

Мировая практика показывает, что «теневая» экономика существует практически во всех странах мира. Однако по различным оценкам, теневая экономика в развитых странах составляет около 20% от ВВП, в развивающихся – более 40%[1].

Теневой сектор в Узбекистане чаще рассчитывается как неформальная занятость и составляет около 40% от всех занятых[2]. Нарастание теневой деятельности может свидетельствовать о недостаточной эффективности действующих рычагов государственного регулирования экономики. В условиях роста сферы «теневой» экономики у международных организаций и правительства снижается качество информации о реальной экономической ситуации в стране, а также возможности прогнозирования. В результате могут быть приняты малоэффективные решения, что ведет к замедлению роста формального сектора экономики.

3) Ограничения, связанные с несовершенствами национальных систем статистической отчетности. Как известно, получение максимальных надежных оценок требует формирования модельного инструментария разрабатываемого на основе существующей статистической отчетности. Искажения в существующей статистической отчетности, ее фрагментарность не позволяют использовать современные методики и наиболее совершенный модельный инструментарий. Использование недостоверной или неточной отчетности в моделировании приводит к разработке моделей, неадекватных закономерностям развития объекта моделирования.

4) Недостаточно отражающий специфику каждой конкретной страны модельный инструментарий, Эксперты международных финансовых организаций используют несколько унифицированных методов и моделей для всех стран мира, в том числе:

– эконометрические фильтры, т.е. определение разрыва между потенциальным и фактическим ВВП. Разделение фактического ВВП на долгосрочный тренд и цикличный компонент широко используется в прогнозировании. Однако потенциальный ВВП не наблюдаем, поэтому оценки с помощью нескольких методов (фильтр Ходрика-Прескота) дают несколько различных результатов. Эти методы являются большей частью статистическими, что требует больших знаний экспертов, и их субъективные оценки могут привести к различным прогнозным оценкам;

– универсальные структурные модели, включающие динамические стохастические модели общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium models) и структурные авторегрессивные модели – structural vector-autoregressive models). Существует ряд исследований, показывающих, что данные модели не достаточно эффективны при проведении прогнозов[3], т.к. они слабо учитывают специфику каждой страны, реальные закономерности их развития, которые могут значительно отличаться от теоретических, особенно в странах с формирующейся рыночной системой. Кроме

[1] Elgin C., Oztunali O. Shadow economies around the world: model based estimates / Bogazici University Department of Economics Working Papers, *5*. 2012. – P. 1–48.

[2] Более подробно см. Мировой банк. 20 мая 2016 г. Систематическая диагностика страны по Узбекистану. Отчёт №106454. – http://documents.worldbank.org/curated/ru/516181470070366635/pdf/106454-RUSSIAN-PUBLIC-Uzbekistan-SCD-Final-rus.pdf

[3] Edge R. M., Gurkaynak R. S. How Useful are Estimated DSGE Model Forecasts? / Finance and Economics Discussion Series. Federal Reserve Board. – Washington, 2011; Minford P., Xu Y., Zhou P. How Good are Out of Sample Forecasting Tests on DSGE Models? // Italian Economic Journal. 2015. – Vol. 1, Issue 3, November.

того, в странах СНГ, в т.ч. в Узбекистане, использование данных моделей затруднено вследствие недостаточного соответствия национальной системы статотчетности международным стандартам и крайне ограниченного доступа к базе данных системы затрат-выпуск, системе социальных счетов.

Еще одной сложностью является то, что данные модели дают трудно интерпретируемые для практики результаты, поэтому несмотря на все попытки создать полноценную модель общего равновесия для стран Центральной Азии и СНГ, пока не существует признанной, эффективной и адекватной в интерпретации модели[1].

– зачастую специалистами по прогнозам используются так называемые «наивные» методы, т.е. метод скользящей средней или метод экстраполяции. К. Де Резенде в своем исследовании отмечает, что ошибка прогнозов МВФ положительно коррелирует с ошибками прогноза, сделанных с помощью «наивных» методов. И хотя ошибки прогноза, рассчитанного с помощью «наивных» методов намного больше и серьезней, автор исследования делает вывод о том, что, скорее всего, эти методы также используются специалистами МВФ.

5) Значительная степень неопределенности связана с ожидаемыми последствиями декларируемых правительствами мер по реформированию экономики. Основные причины – неэффективность самих мер применительно к условиям конкретной страны[2], отсутствие реальных шагов правительства в направлении продекларированных реформ, неотработанность методических подходов к оценке чистого вклада реформ в рост ресурсной эффективности и в макроэкономическую динамику. В частности, завышение прогнозных оценок МВФ макроэкономической динамики стран и регионов мира в ряде случаев объясняется ожиданиями специалистов относительно применения развивающимися странами рекомендаций международных финансовых организаций.

Понятно, что нелогично предоставлять пессимистичный прогноз МВФ по странам, которые следуют рекомендациям этой организации. Аналитики Heritage рассмотрели экономические прогнозы МВФ с 1971 по 1998 год для промышленно развитых стран и развивающихся регионов и выявили, что искажения действительно существуют[3]. Они выявили, что по мере увеличения финансирования МВФ растет и ошибка прогноза. Значимая взаимосвязь между финансированием МВФ и ошибками прогноза говорит о том, что смещение в прогнозе зависит от того, получает ли страна финансирование МВФ. В то же время отмечается, что прогнозы не позволяют оценивать риски и угрозы будущих кризисов.

Было отмечено, что развивающиеся страны имели более оптимистичные прогнозы, чем развитые страны. Эксперты центра Heritage отмечают, что МВФ, как правило, не предоставляет финансирование для развитых стран, поэтому прогнозы по этим странам редко бывают чрезмерно оптимистичными. Однако это не совсем согласуется с полученными нами выводами.

Есть ли в этих условиях возможность повысить надежность и обоснованность макропрогнозов и что для этого необходимо сделать? С одной стороны ясно, что устранить или ограничить источники неопределенности прогнозных факторов, связанные с непредсказуемостью конъюнктуры мирового рынка ресурсов и сырья, процессами глобализации и технологического развития в ближайшие годы вряд ли возможно. С другой стороны бурный прогресс в области информационных технологий, создания систем искусственного интеллекта, появление новых источников информации о результатах экономической деятельности, развитие прогнозной индустрии позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы решения этой проблемы.

Для развивающихся стран мира, включая страны СНГ, ключевыми являются вопросы формирования устойчивого спроса на прогнозно-аналитические работы, развитие системы статистической отчетности, повышение ее надежности и объективности, формирование кадрового потенциала аналитиков-эконометристов, в одинаковой степени способных проводить глубокий анализ проблем и перспектив развития национальной экономики и использовать для этого современные методы, модели и информационные технологии[4]. Следует создать международную сеть экспертов в области макропрогнозирования, где можно было бы размещать материалы с результатами прогнозов, описанием используемых методик и моделей, осуществлять мониторинг качества и надежности прогнозных оценок, обмениваться опытом в освоении современных подходов и методов экономического прогнозирования, симуляция, агент-ориентированные модели и т.д.

---

[1] Выводы сделаны по итогам участия в работе «Центрально-азиатского семинара по региональному модельному анализу», организованному Институтом ЦАРЕС и Азиатским Банком Развития в г. Алматы (Казахстан), 12–15 декабря 2016 года.

[2] Так, рекомендации международных финансовых организаций для развивающихся стран и стран с переходной экономикой, в последние годы подвергались серьезной критике. Их суть сводилась в основном к монетарному фактору и структурным реформам, направленным преимущественно на либерализацию экономики, приватизацию, макроэкономическую стабилизацию и не затрагивала такие важные для этой категории стран проблемы, как проведение эффективной промышленной политики и технологическое развитие, рост конкурентоспособности, расширения продуктивной занятости и ограничения бедности, накопление социального и человеческого капитала (см., например, Stiglitz J. E. Is there a Post ‑ Washington Consensus Consensus? // The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance. – Oxford: Initiative for Policy Dialogue, 2008.

[3] William W. B., Schavey A., Isidro I. How Reliable Are IMF Economic Forecasts? – http://www.heritage.org/research/reports/1999/08/how-reliable-are-imf-economic-forecasts

[4] Применительно к экономике Узбекистана эти вопросы подробно изложены в монографии Чепель С. Системный анализ и моделирование перспектив устойчивого развития национальной экономики Узбекистана. – Ташкент: IFMR, 2014.

Величковский Б.Т.[1]

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ БИОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ключевые слова: *социально-экономические преобразования, покупательная способность населения, трудовая мотивация, социальный стресс, демографический кризис, смертность, репродуктивные потери, продолжительность жизни, прожиточный минимум, минимальная оплата труда, подоходный налог.*

Российский опыт исторического развития уникален: Россия – многонациональное государство, но единая российская нация [14]. Поэтому для выяснения влияния социально-экономических факторов на здоровье населения важно изучение жизнеспособности российской нации. Не просто населения страны, состоящего из различных национальностей, а единой российской нации, объединенной общей культурой, историей развития и условиями проживания в суверенном государстве. Особое значение нации для существования жизни на Земле состоит в том, что через этот «срединный» механизм организации человеческого общества осуществляется генетическая преемственность поколений, сохранность исторически соседствующих этносов и защита биосферы в условиях преобразующей деятельности людей. По-видимому, нация – общественная формация, в наибольшей степени отвечающая современному этапу эволюционного развития [3]. Особенности экономического развития и государственного правления, а также генетические отличия российской популяции создают новые риски либо меняют влияние традиционных факторов риска для здоровья населения. В этом направлении социальной биологией человека в последние годы получены важные факты, которые, однако, еще не востребованы руководителями здравоохранения и органами государственной власти.

Влияние покупательной способности населения на общественное здоровье

При изучении влияния социально-экономических факторов на здоровье населения наибольшая трудность заключалась в поиске критерия, адекватно характеризующего социальное положение населения. При чрезмерной социальной поляризации нашего общества, определяемые Росстатом средний размер начисленной заработной платы и средний размер доходов населения подобны средней температуре по больнице. Поэтому для характеристики социального положения населения был выбран экономический показатель, характерный для рыночных отношений и достаточно адекватно отражающий социальное положение населения. Таким показателем, по нашему разумению, является реальная покупательная способность населения в данном административно-территориальном образовании. Она определяется средней величиной номинальной начисленной заработной платы одного работника, либо средней долей дохода одного индивидуального предпринимателя в потребительской цене товара, то есть покупательной способностью тех и других. Чтобы сгладить различие региональных потребительских цен, покупательная способность населения определяется не в рублях, а в относительных величинах, указывающих, во сколько раз средняя величина начисленной заработной платы в данном субъекте Российской Федерации превышает стоимость прожиточного минимума (местной потребительской корзины). Указанные данные приводятся в официальном ежегодном издании Росстата «Социальное положение и уровень жизни населения России» в таблице 5.22 «Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации за IV квартал» [20]. Росстат обозначает соответствующую рубрику как «соотношение с величиной прожиточного минимума (в процентах) среднемесячной начисленной заработной платы», но не сопоставляет приводимые данные ни с демографическими показателями, ни с показателями состояния здоровья населения.

По величине покупательной способности населения: числу доступных прожиточных минимумов / потребительских корзин (ПК) все административно-территориальные образования были разделены на 4 группы:

1. покупательная способность повышенная – больше 3-х ПК;
2. покупательная способность средняя – от 3-х до 2,5-х ПК;
3. покупательная способность низкая – от 2,5 до 2-х ПК
4. покупательная способность очень низкая – меньше 2-х ПК.

С годами покупательная способность населения увеличивалась, число доступных потребительских корзин росло, но величина «потребительского шага» в покупательной способности населения оставалась прежней – 0,5 ПК.

В этих группах сравнивались показатели, характеризующие глубину демографического кризиса: рождаемость, смертность населения, репродуктивные потери, ожидаемая продолжительность жизни.

Однако пять республик Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чеченская республика) из анализа пришлось исключить. В этих субъектах Российской Федерации уровень безработицы столь высок, что оплата труда не занимает ведущее место в структуре денежных доходов населения.

---

[1] Величковский Борис Тихонович – д.м.н., профессор, академик РАН, советник по научной работе ректора Российского национального исследовательского университета им. Н.И. Пирогова Минздрава РФ.

Исследования были начаты в 2004 году. Главная закономерность – зависимость демографических изменений от величины покупательной способности населения – сохранилась на протяжении всего 15-летнего периода наблюдений (табл. 1). Оказалось, коэффициенты общей смертности, смертности населения трудоспособного возраста, смертности от основных классов болезней, смертности детей до 5 лет и репродуктивные потери тем меньше, чем больше покупательная способность населения в данном субъекте Российской Федерации. Ожидаемая продолжительность жизни, наоборот, тем больше, чем больше покупательная способность населения [3].

Таблица 1

Соотношение величины покупательной способности населения и коэффициентов смертности, а также ожидаемой продолжительностью жизни в субъектах Российской Федерации в 2004 г.

Характеристика субъектов РФ по покупательной способности населения (ПСН)	Количество субъектов РФ	Средняя величина ПСН*	Коэфф. общей смертности	Коэфф. смертности в трудоспособном возрасте	Коэфф. перинатальной смертности	Ожидаемая продолжительность жизни (лет)		
						Всё население	Муж.	Жен.
Повышенная (более 3 ПК**)	9	4,04	12,50	6,97	9,49	66,76	60,77	73,18
Средняя (от 2,5 до 3ПК)	20	2,75	15,20	8,66	10,99	64,46	57,66	71,16
Низкая (от 2 до 2,5 ПК)	29	2,24	16,91	9,16	11,54	63,60	57,18	70,93
Очень низкая (менее 2 ПК)	25	1,68	17,53	9,80	11,04	62,55	56,14	70,40
Российская Федерация	83	2,67	16,00	8,01	11,08	65,30	58,90	72,30

* ПСН – покупательная способность населения.
** ПК – потребительская корзина.

В 2004 году для достижения коэффициента общей смертности не ниже, чем в среднем по Российской Федерации, величина покупательной способности населения должна была превышать 2,5 потребительские корзины, а у людей трудоспособного возраста – 3,0 потребительские корзины, то есть быть выше, чем у населения в целом. Это отличие представляется вполне закономерным. Семейные и иные обязательства у трудоспособного населения более высокие, поэтому необходима и большая величина заработка для сохранения здоровья и жизни.

В 2004 г. связь между величиной покупательной способности населения и коэффициентами общей смертности и смертности населения трудоспособного возраста, перинатальной смертности, а также ожидаемой продолжительностью жизни оказалась сильной: коэффициенты детерминации R^2 =0,968, R^2 =0,934, R^2=0,743, R^2 =0,924 и R^2 =0,919 (рис. 1).

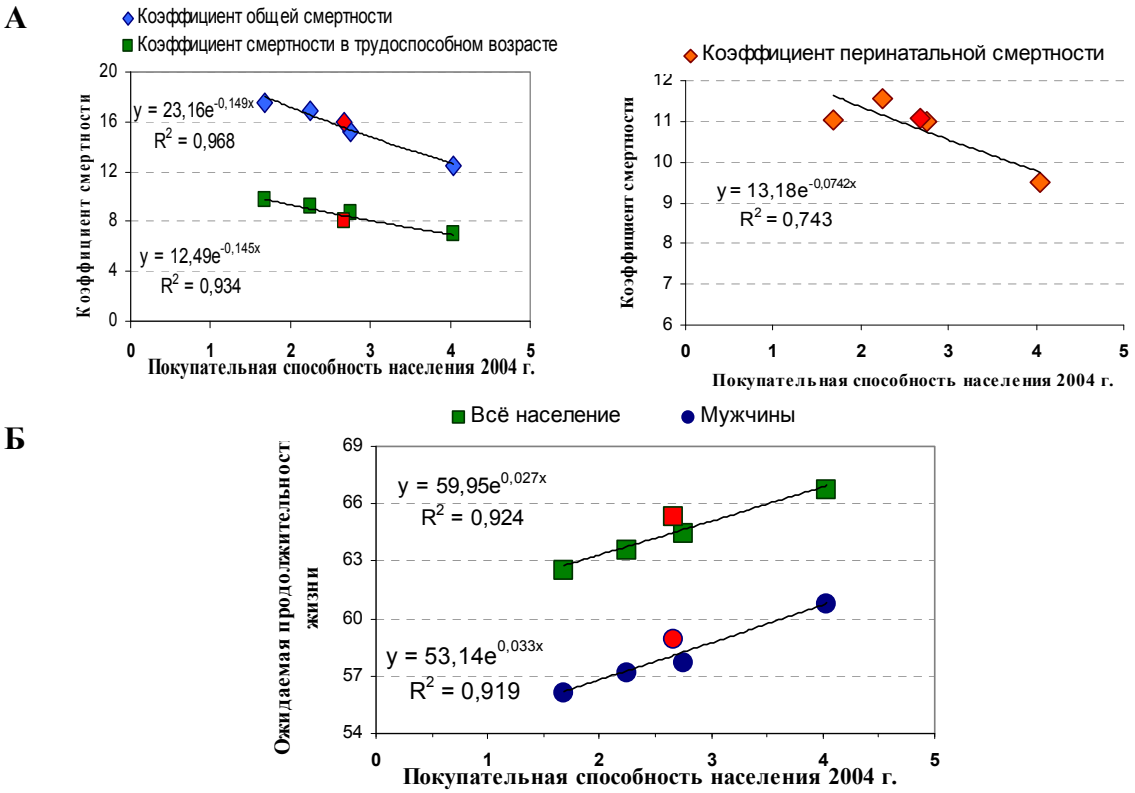


Рисунок 1.
Влияние величины покупательной способности населения на коэффициенты смертности (А) и ожидаемую продолжительность жизни (Б) в субъектах Российской Федерации в 2004 г. Красные маркёры – величина средняя по России

Влияние покупательной способности населения на уровень смертности подтвердил всероссийский «социальный эксперимент» 2009 года. По требованию президента В.В. Путина, с 1 января 2009 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) повысился до прожиточного минимума – с 2300 до 4330 рублей. Численность трудоспособного населения, имеющего зарплату меньше прожиточного минимума, уменьшилась по отношению к предыдущему году практически в два раза – на 97,9%. Соответственно, смертность населения снизилась с 14,7 в 2008 г. до 14,2 в 2009 г. Снижение произошло, несмотря на то, что в этот кризисный год ВВП уменьшился, а безработица увеличилась [20]. Таким образом, смертность населения в России действительно определяется, прежде всего, численностью «работающих нищих» с зарплатой меньше прожиточного минимума, а коэффициент общей смертности зависит от величины покупательной способности населения.

Чтобы проверить влияние удельного веса «работающих-нищих» с зарплатой меньше прожиточного минимума на коэффициент общей смертности, была прослежена зависимость изменения указанного коэффициента от фактической доли оплаты труда в российском ВВП в 1995–2014 годах (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение коэффициента общей смертности и доли оплаты труда к валовому внутреннему продукту страны

Год	Валовой внутренний продукт, в рыночных ценах*	Оплата труда наемных работников**	Доля оплаты труда в ВВП, в процентах	Коэффициент общей смертности
1995	1429	648	45,4	15,0
1996	2008	1023	***51,0***	***14,2***
1997	2343	1203	***51,3***	***13,8***
1998	2630	1263	***48,1***	***13,6***
1999	4823	1934	40,1	14,7
2000	7306	2937	40,2	15,3
2001	8944	3848	42,7	15,6
2002	10 819	5065	46,8	16,2
2003	13 208	6231	47,1	16,4
2004	17 027	7845	46,1	16,0
2005	21 610	9474	43,8	16,1
2006	26 917	11 986	44,5	15,2
2007	33 248	15 526	46,7	14,6
2008	41 277	19 560	47,4	14,7
2009	38 807	20 412	***52,6***	***14,2***
2010	46 309	22 996	***49,6***	***14,2***
2011	55 967	27 763	***49,6***	***13,5***
2012	62 176	31 222	***50,2***	***13,3***
2013	66 190	34 269	***51,8***	***13,0***
2014	71 406	37 119	***52,0***	***13,1***

* млрд. рублей, до 1998г. – трлн. руб.

** включая скрытые оплату труда и смешанные доходы

В отличие от натуральных величин ВВП, доля оплаты труда в ВВП (в процентах) соотносится с уровнем смертности населения. Когда оплата труда составляет 50% ВВП или имеет близкую величину (48,1–49,5% ВВП) коэффициент общей смертности населения становился меньше 15,0 (14,2–13,0) [8, 9]. Следовательно, имеет место принципиально важная закономерность: чем выше покупательная способность населения (доля оплаты труда в ВВП), тем ниже смертность населения.

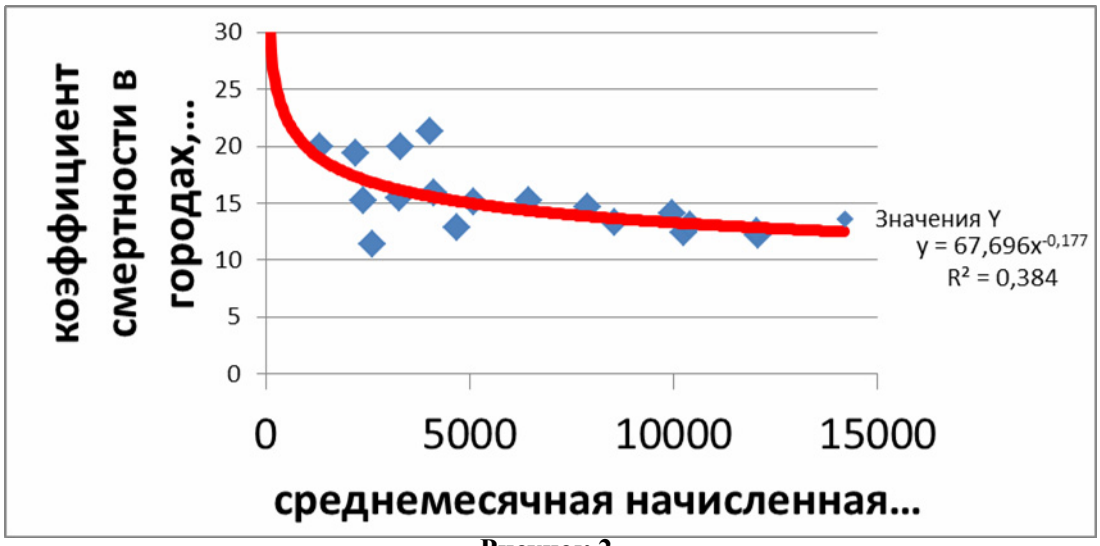


Рисунок 2.
Зависимость коэффициента общей смертности населения от среднемесячной заработной платы работников в трех городах Курской области (Железногорске, Курске и Льгове) в 2001 г. [5]

С повышением покупательной способности населения и улучшением качества жизни кривая становится более пологой, зависимость ослабевает, но сохраняется (рис. 2).

Негативное влияние чрезмерно низкой оплаты труда на общественное здоровье обусловлено не голодом и дистрофией, губившей людей в годы Великой Отечественной войны. По-видимому, ключевую роль играет процесс, который точнее всего можно обозначить как «социальный стресс». Эта особая разновидность стресса имеет свою специфическую причину возникновения. Она заключается в утрате населением эффективной трудовой мотивации, основанной на возможности честным трудом обеспечить достойное существование себе и своей семье [4]. Социальный стресс последовательно запускает развитие в организме комплекса патологических процессов. Важнейшие из них: фаза истощения общего адаптационного синдрома (Г. Селье) [17], срыв динамического стереотипа высшей нервной деятельности (И.П. Павлов) [11], формирование феномена «запрограммированной смерти организма – феноптоза» (В.П. Скулачев) [19]. В развитии «социального стресса» несомненна роль свободно-радикальных процессов (Б.Т. Величковский).

Установленная возможность адекватной оценки социального положения исследуемых когорт населения по одному показателю – величине средней покупательной способности ее членов, (средней начисленной заработной плате) существенно упрощает задачу их формирования и может дать новый импульс для изучения патогенетических особенностей социального стресса.

Анализ влияния величины покупательной способности населения на общественное здоровье приводит к заключению, что заработная плата не должна быть меньше величины, необходимой для выживания населения. Поэтому минимальный размер оплаты труда (МРОТ) должен превышать стоимость прожиточного минимума (потребительской корзины) в своём административно-территориальном образовании.

Во сколько раз превышать?

Величина покупательной способности населения субъекта РФ должна быть, как минимум, такой, при которой коэффициент общей смертности в нем оказался бы не больше, чем в среднем по России.

Для расчета такой величины покупательной способности населения может быть использована следующая формула:

$$X = \frac{Y - a}{b},$$

где

Y– коэффициент общей смертности в субъекте РФ в данном году,

X – требуемая величина покупательной способности.

Формула получена из уравнения простой линейной регрессии: $Y = a + b*X$ [6].

Если правительство ежеквартально станет утверждать не размер прожиточного минимума, а величину «МРОТ – выживания» для каждого из субъектов Российской Федерации, то в социальной сфере наступят коренные изменения. Государство станет оказывать поддержку исключительно недееспособным категориям населения и перестанет за свой счёт «доплачивать» лицам, работающим по найму, но оказавшимся за чертой нищеты. Эти расходы станет нести работодатель. Необходимость ежеквартально повышать МРОТ лучше любых увещеваний о социальной ответственности бизнеса, мобилизует его на модернизацию производства и освоение наукоёмких технологий. Это, в свою очередь, возродит востребованность отечественной науки. Одновременно для бизнеса должны быть предоставлены значимые налоговые льготы, при условии использования не менее половины прибыли на модернизацию собственного производства. Однако следует помнить, что человек, зарабатывающий «МРОТ – выживание», остается в зоне жесткой бедности.

Министерству здравоохранения РФ следует внести в перечень факторов риска для здоровья населения «низкую величину покупательной способности населения». В России в настоящее время этот фактор возглавляет перечень рисков для здоровья.

В экономике общепринятым считается правило: «**повышение заработной платы не может опережать рост производительности труда**». В противном случае, увеличение доли оплаты труда в себестоимости продукции повысит её цену и снизит конкурентоспособность предприятия.

Наука социальная биология человека вынуждена сформулировать своё непреложное правило: «**заработная плата не может быть меньше величины, необходимой для выживания населения**». В противном случае, возникает высокая и ранняя смертность основной массы людей, занятых наёмным трудом, сокращается численность населения и, в конечном итоге, ухудшаются условия развития экономики всей страны. **Если заработок повышается за счёт совместительства – в жертву приносится качество труда.**

Чтобы иметь качественную рабочую силу со сформировавшейся эффективной трудовой мотивацией и высокой производительностью труда, стоимость всех жизненно необходимых товаров и услуг в стране должна быть по карману всем квалифицированным работникам. Чтобы отечественная рабочая сила к тому же была конкурентоспособной на мировом рынке труда, стоимость жизненно необходимых товаров и услуг должна быть как можно более низкой. Поэтому правительственная стратегия не может быть направлена на постоянное повышение доли частного сектора в здравоохранении, образовании и других сферах деятельности, определяющих качество «человеческого капитала». Повышение удельного веса частного сектора в этих сферах деятельности увеличивает их стоимость. Для России это оборачивается жизнью не по средствам. Частный сектор в этих сферах можно безболезненно расширять, только при соответствующем росте ВВП.

Зависимость жизнеспособности нации от уровня трудовой мотивации её трудоспособных членов, по-видимому, представляет собой тот эволюционно выработанный биологический механизм, который не позволя-

ет развитию вида *Homo sapiens* повернуть вспять. Чтобы не остановился эволюционный процесс, жертвуются те этнические группы и нации, которые не сумели обеспечить реализацию указанного условия [5]. Обвал демографических показателей в России в первые годы реформ и после дефолта 2008 года подтверждает справедливость этого положения.

Генетические процессы в популяции и их влияние на здоровье населения в годы реформ

Не менее значимо выяснение особенностей генетических процессов, происходящих в российской нации. Природные популяции людей не являются однородными по своей внутренней структуре, а представляют собой исторически сложившиеся системы этносов. С развитием транспорта и возрастанием подвижности населения радиус миграции непрерывно увеличивается. Современный многомиллионный город представляет собой популяцию генетически эффективного объема. Это своего рода гигантский «котел», в котором интенсивно перемешивается наследственная информация множества близлежащих и отдаленных популяций, имеющих различные генофонды. Поэтому в настоящее время для изменения генофонда народонаселения мира типична возрастающая скорость обмена генов – повышенная гетерозиготность.

Как показал выдающийся отечественный биолог, основатель научной школы биохимической генетики популяций, академик Ю.П. Алтухов, много лет возглавлявший Институт общей генетики им Н.И. Вавилова РАН, подобная генетическая особенность весьма характерна для России [1]. Она обусловлена как многонациональным составом населения, так и обширностью территории страны, способствующей возникновению региональных отличий генотипа даже внутри одной и той же этнической группы. Нормальные межнациональные отношения в Советском Союзе и организованная трудовая миграция молодежи, участвовавшей в подъеме целинных и залежных земель, строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, освоении Севера, способствовали возникновению смешанных браков и нарастанию избыточной гетерозиготности. При сравнении средних уровней гетерозиготности и средней длины тела человека в различных этнических группах на территории Северной Евразии оказалось, что с 30–50-х по 60–80-е годы XX века, то есть за одно – два поколения, в девятнадцати из них (русские, украинцы, белорусы, татары, казахи, башкиры и т.д.) оба этих показателя увеличились, в том числе, рост – более чем на 2 см: со 165 см до 167 см. Иными словами, наблюдалось ускоренное развитие организма – акселерация.

Причины возникновения акселерации до недавнего времени не были известны. Исследования ученых Института общей генетики им Н.И. Вавилова РАН доказали, что акселерация – явление генетической природы [1]. Наши исследования добавили, что она обусловлена сочетанным влиянием двух факторов: повышенной гетерозиготности популяционного генофонда и благоприятных условий жизни [3]. Повышенная гетерозиготность генома изменяет структуру метаболизма – обмен веществ в таком организме происходит более интенсивно [2]. Когда условия жизни и питания благоприятны, у человека с гетерозиготным генотипом вырабатывается больше энергии, которая расходуется на быстрый рост, раннее половое созревание и увеличение продолжительности жизни – происходит акселерация.

Вместе с тем, избыточная гетерозиготность генома, характерная для населения России, представляет собой, по образному выражению академика Ю.П. Алтухова, «бомбу замедленного действия», способную существенно изменить демографическую ситуацию при ухудшении условий жизни [1]. Это и произошло в годы реформ, когда акселерация, пик которой наблюдался в Советском Союзе в 60–70-е годы, сменилась замедлением физического развития в годы социально-экономических преобразований. При этом быстро изменились не только параметры физического развития детей, но и ухудшилось их здоровье.

Один из важных механизмов ухудшения здоровья, по-видимому, заключается в нарушении баланса между уровнем свободно-радикального окисления и возможностями системы антиоксидантной защиты организма [15, 16, 18]. Указанный механизм вносит свою лепту в возникновение различных патологических процессов: от катаракты до опухоли, а также способствует преждевременному биологическому старению организма.

Нарушение свободно-радикального баланса организма особенно пагубно в детском и подростковом возрасте, когда адаптационные системы организма еще не полностью сформированы. Нельзя исключить, что именно избыток свободных радикалов на фоне неполноценного и несбалансированного питания является причиной участившегося возникновения болезней кроветворения и злокачественных новообразований у современных российских детей и подростков. Что касается «социального стресса», то роль свободно-радикальных процессов и при его возникновении и развитии несомненна.

Не менее важно влияние генетических особенностей российской нации на течение беременности. Чем больше степень генетически обусловленной антигенной чужеродности родителей, тем активнее иммунологический конфликт, возникающий между материнским организмом и плодом. Если питание беременной женщины достаточно для снабжения всеми необходимыми веществами и энергией, иммунологический конфликт преодолевается полностью, плацента вырастает больших размеров, уровень основного обмена плода повышается, новорожденный оказывается более приспособленным к жизни. Если нет полноценного питания, организм беременной женщины мобилизует свои внутренние ресурсы. При этом увеличивается частота возникновения железодефицитной анемии, плод развивается в условиях нарастающей гипоксии, возрастает число детей, рождающихся с низкой массой тела, чаще возникают пороки развития и осложнения беременности и родов. В 2014 году численность беременных женщин, страдающих железодефицитной анемией, составила 34,1%, в 2006 г. – 41,6% [20], в предшествующие годы она была еще выше. В России беременные женщины из бедных семей остаются группой самого высокого медицинского и социального риска. Необходимо учитывать двойственную биологическую роль избыточной гетерозиготности генома. При полноценном питании и нормальном течении беременности она приводит к ускоренному физическому развитию ребенка и повышению

адаптационных резервов его организма (акселерации), а при отсутствии этих условий порождает противоположные изменения – отставание в физическом развитии и снижение адаптационных возможностей организма (ретардацию).

Сейчас в перечне стратегических целей и задач охраны материнства и детства отсутствует базовая позиция, обусловленная особенностью протекания генетических процессов в российской популяции. Недавний президент Российской академии медицинских наук академик РАН и РАМН Давыдов М. И., анализируя уровень детской инвалидности, отражающий как состояние здоровья, так и эффективность медицинской помощи, указал на следующие причины неудовлетворительного состояния:

- недостаточная эффективность пренатальной диагностики,
- недостаточный уровень внедрения современных технологий выхаживания и реабилитации новорожденных,
- низкий уровень оснащения педиатрических учреждений,
- недостаточная сеть учреждений восстановительного лечения детей,
- низкий уровень состояния здоровья родителей [7].

Как видим, бесплатное питание беременных женщин из бедных семей, как действенная профилактическая мера улучшения здоровья новорожденных и снижения младенческой смертности, не привлекла его внимание.

Опыт США – страны иммигрантов, подобно России, характеризующейся высокой скоростью обновления генома, убедительно доказывает эффективность специальной программы продовольственной помощи женщинам и детям из бедных семей (WIC program) [24]. В рамках этой программы дополнительное питание получают все беременные женщины, доходы которых меньше 130% американского прожиточного минимума. В перечень продуктов, получаемых беременными, включены молоко, сыр, яйца, соки, зерновые продукты, бобовые, растительное масло и др. Такой продуктовый набор в среднем обеспечивает поступление около 50 г белка и 1000 ккал в день. Доказано, что такое питание нормализует прибавку массы тела беременных женщин, снижает риск преждевременных родов, уменьшая частоту рождения детей с низкой массой тела. Главная особенность этой программы, заключается в том, что помощь оказывается не в виде денежного пособия, а только в форме продуктового набора, получаемого беременной женщиной по специальной социальной пластиковой карте [24]. После того, как в США была с помощью дополнительного питания оздоровлена группа беременных женщин высокого риска, коэффициент перинатальной смертности снизился до европейского уровня.

В России жизненно необходимо обеспечить беременных женщин из бедных семей бесплатным полноценным питанием.

Каково сейчас положение в этой сфере?

Порядок обеспечения полноценным питанием беременных женщин, кормящих матерей и детей в возрасте до трех лет устанавливается законодательством субъектов Российской Федерации и оплачивается из их бюджета (Статья 23 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1). В 2006 году Минздравсоцразвития России утверждены среднесуточные наборы продуктов питания для беременных женщин из малоимущих семей, учитывающие территориальные особенности дефицита микроэлементов. Эти материалы опубликованы, в частности, в журнале «Педиатрическая фармакология» № 5 за 2006 год. Прошло десять лет, ни в одном субъекте Российской Федерации питание беременных женщин не реализовано должным образом. Кое-где беременные женщины получают бесплатно комплекс витаминов или БАДов. Однако эти формальные действия повышают доходы посредников, а не здоровье беременных женщин.

По российским законам необходимость бесплатного дополнительного питания определяется заключением врача. Это пробел в существующем законодательстве. Основанием для бесплатного дополнительного питания должен служить недостаточный уровень доходов в семье, устанавливаемый собесом, а не наступившее ухудшение состояния здоровья беременной женщины. Чем раньше назначается дополнительное питание, тем оно более действенно.

Принятый у нас критерий бедности на уровне прожиточного минимума (стоимости потребительской корзины) уменьшает контингент беременных женщин, нуждающихся в дополнительном бесплатном питании. Для этого должна быть принята величина «МРОТ – выживания».

Сведения о распространенности анемий у беременных женщин следует перевести из годовой отчетности в оперативные показатели, отражающие текущее положение вещей с питанием и здоровьем беременных женщин в каждом субъекте Российской Федерации.

В соответствии с современной социальной доктриной о правах человека равные возможности развития должны быть предоставлены каждому индивиду при рождении. С позиции учета влияния генетических процессов в популяции «момент реализации» указанных прав запаздывает. Они должны быть предоставлены уже при зачатии (при первом установлении беременности). Реализация равных возможностей в этом случае заключается в обеспечении оптимального питания каждой беременной женщины. ООН рекомендует бесплатное питание беременных и новорожденных на протяжении 1000 дней.

Анализ экономического развития и государственного правления страны с позиции социальной биологии человека

Реализация двух обоснованных выше рекомендаций: о законодательной замене прожиточного минимума на минимальную оплату труда, достаточную для физического выживания населения и о бесплатном питании беременных женщин из бедных семей из средств федерального бюджета, представляет в настоящее время немалые трудности для медицины. Однако они не идут ни в какое сравнение с тем кошмаром, который возникнет после оценки особенностей экономического и государственного строительства с позиции социальной биологии человека.

Трудности экономического развития России обусловлены не социально-экономическими преобразованиями, как таковыми, а стратегией их проведения. Наукой социальной биологией человека показано, что главной причиной неэффективности экономического развития является «плоская» шкала подоходного налога. Известно, что она не позволяет сбалансировать пенсионную систему. В этом мы убеждаемся ежегодно. Но гораздо важнее, что «плоская» шкала подоходного налога препятствует формированию у бизнесменов постоянной мотивации к модернизации собственного производства. Мировой опыт показывает, для этого требуется прогрессивная шкала подоходного налога и налоговые льготы, зависящие от величины прибыли, вложенной в модернизацию **собственного** производства. Мотивация – важнейший элемент формирования поведения человека. Это именно то внутреннее побуждение, тот стимул, который движет нами. Первичным толчком к формированию любой мотивации служит возникшая потребность и субъективная оценка необходимости её удовлетворения. Прогрессивная шкала подоходного налога и налоговые льготы, зависящие от величины прибыли, вложенной в модернизацию собственного производства, формируют постоянную эффективную мотивацию для вкладывания средств частного сектора в совершенствование и развитие своего бизнеса. Из-за отсутствия мотивации к модернизации собственного производства, в России оказались востребованы не наука, наукоемкие технологии и классные специалисты, а дешевые, неквалифицированные мигранты.

Задача кардинального роста заработной платы наемных работников связана не только с достижением социальной справедливости. Она обусловлена объективной необходимостью «сбережения народа». Но и это еще не все. Рост заработной платы необходим для повышения платежеспособного спроса – единственного двигателя рыночной экономики. Требуемый объем платежеспособного спроса может обеспечить население, получающее зарплату, сбалансированную с ценами, которые, в свою очередь, сбалансированы с издержками производства. Главный инвестор экономики – народ, а не банкир (Р.И. Нигматулин) [10]. Тем более, не внешний инвестор, хотя сегодня вся государственная политика направлена именно на привлечение внешнего инвестора. Россия – северная страна, в которой накладные расходы развития производства объективно всегда выше, чем, например, в Китае. Поэтому внешний инвестор вкладывает средства только в уникальную добывающую промышленность страны, игнорируя все другие направления ее развития, тем самым превращая Россию в сырьевой придаток мировой экономики.

Необходимо активное включение государства в решение давно назревшей проблемы снижения социальной дифференциации общества, и формирование действенного механизма распределения прибыли по видам производства в соответствие с вновь созданной прибавочной стоимостью. Пример угольной промышленности показывает, что рыночные механизмы, основанные на высокой коммерческой заинтересованности отечественного бизнеса, способны поднять производительность труда, увеличить покупательную способность населения и обеспечить устойчивое развитие отрасли без государственных дотаций даже в условиях экономического кризиса и негативных международных санкций [12]. Предмет особого внимания и зависти – кузбасская социальная жилищная ипотека. Она начала действовать с 2001 года и до настоящего времени работает успешно. Вначале выделяли льготные ссуды на жилье только работникам бюджетной сферы – учителям, врачам, работникам культуры – сроком на 10 лет со ставкой 6% годовых. Потом дважды увеличивали сроки выплаты ссуды: в 2005 году – до 15 лет, в 2007 году – до 20 лет. Затем приняли специальный закон, согласно которому семьи молодых специалистов, имеющих дефицитную для Кузбасса профессию, могут получить ипотечный кредит без процентов, без первоначального взноса, сроком на 20 лет. Уже почти 13 тысяч молодых семей купили квартиры по этой «супер льготной» ипотеке. За хорошую двухкомнатную квартиру в областном центре выплаты составляют около 7 тысяч рублей в месяц. Для других категорий населения стала действовать жилищная социальная ипотека под 3 и под 5% на 20 лет. Социальная ипотека в Кузбассе работает за счет **областного бюджета**. Опыт Кемеровской области заслуживает статуса Национальной программы. По наличию такой социальной ипотеке можно будет безошибочно узнавать стабильно и успешно работающие субъекты Российской Федерации.

Движущей силой модернизации производства в стране сейчас является политическая воля президента, то есть принуждение. Обычно основой принуждения служит бедность, побуждающая к труду. Но в сложившихся условиях «ручного управления» принуждение распространяется и на бизнес.

Историческая ретроспектива показывает, что принуждение и насилие никогда не порождали высокую производительность труда и ответственную исполнительность. Во все исторические формации (рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической) это положение оставалось неизменным. В указанные исторические периоды создавались замечательные шедевры человеческой деятельности. В основе таких творений лежали талант, призвание, идейный стимул. Это, однако, не изменяет характерную для всех исторических формаций главную закономерность – низкую производительность труда и низкую исполнительность, основанную на принуждении. И в наши дни это положение сохраняется – производительность труда и исполнительская дисциплина тем хуже, чем меньше трудовая мотивация и больше принуждение.

Движущая сила человеческих поступков обычно обусловлена одной из двух главных причин: удовлетворением собственной возникшей потребности или подчинением принуждению. Принуждение может быть обусловлено нищетой, политической волей или террором (И. Сталин). С позиции социальной биологии человека искусство управления государством заключается в умении максимально снизить необходимость принуждения и увеличить возможности личного удовлетворения потребностей до такой степени, чтобы государственная машина исправно действовала какое-то время даже в отсутствие главы государства.

Китайский лидер Дэн Сяопин в свое время справедливо провозгласил: «не важно, какого цвета (идеология) кошка, важно, чтобы мышей ловила». Отечественная неолиберальная экономическая наука «мышей не ловит». Но объективная оценка не дана и необходимые выводы не сделаны.

Россия сможет преодолеть кризис, если сумеет стимулировать внутренний спрос. Только в этом заключается продуктивный ответ на падение мировых цен на сырье и на ограничение доступа России на внешние рынки.

Для оценки государственного правления важно знать, что бытие цементируется доверием, а не принуждением. Без доверия не могут быть устойчивыми ни семья, ни общество, ни государство. Доверие настолько важно для развития жизни на Земле, что эволюция и естественный отбор создали для него специальную гормональную систему во главе с гормоном окситоцином [22]. Этот гормон отвечает за степень доверия, привязанность и эмоциональный подъем. При рождении ребёнка у отца увеличивается содержание окситоцина в крови, что приводит к повышению доверия в семье и поднимает шансы выживания новорождённого. Современные исследования, посвященные «гамлетовскому вопросу» о роли доверия в государстве, свидетельствуют, что оно важно для человеческого общения, облегчает принятие рациональных решений и самоконтроль поступков, повышает социальную наблюдательность и служит инструментом успеха в современном обществе [21]. Исследования последних лет открывают двери для естественнонаучного изучения механизмов доверия, социальных взаимоотношений, чувства справедливости, а также источников конфликтов в обществе и между людьми [23]. По мнению В.В. Путина, российское государство «укрепит доверие, которое, все больше становится дефицитным ресурсом» [13].

С вопросом о доверии тесно связаны представления о том, каким образом правящая элита может длительно оставаться у власти, не приближая развал государства, как это произошло в Советском Союзе? Основных вариантов всего два: однопартийная система при обязательной периодической полной смене руководства (пятилетний период – Китай) и двухпартийная система, позволяющая совершенствовать развитие страны при сохранении президента, пользующегося доверием народа (три президентских срока Ф. Рузвельта, США).

Президент В.В. Путин имеет устойчивый высокий уровень доверия населения России, по-видимому, больший, чем у кого-либо из современных руководителей экономически развитых государств. Уже на основании этого критерия оправдано стремление сохранить В. В. Путина президентом страны. Следовательно, для нас предпочтительна двухпартийная система. Надо бы, как можно скорее, превратить общероссийский народный фронт (ОНФ) в сильную, системную оппозицию, перетащив в нее наиболее умных оппонентов (Сергея Глазьева, Ольгу Дмитриеву, Бориса Титова и др.).

* * *

Россия обрела свободу, но еще не достигла настоящей стабильности – развитие её зависит от мировых цен на энергоносители. Тем более далека страна от настоящей социальной справедливости – социальное неравенство нашего общества достигло угрожающих размеров. Для устойчивого развития нам надо преодолеть множество сложных проблем. Прежде всего, по-видимому, необходимо добиваться повышения платежеспособного спроса и массового потребления, то есть роста покупательной способности населения. На этой основе Россия не только сможет возродить утраченный рост экономики, но и стать для всего мира притягательным примером создания научно обоснованного рыночного справедливого социального государства, гармонично удовлетворяющего биологические и социальные потребности населения и экономические и социальные требования бизнеса.

Список литературы

1. Алтухов Ю.П. Генетические процессы в популяции. – М.: ИКЦ Академкнига, 2003. – 431 с.
2. Алтухов Ю.П. Гетерозиготность генома, интенсивность метаболизма и продолжительность жизни // Докл. АН. – М., 1999. – Т. 348, № 5. – С. 207-707.
3. Величковский Б.Т. Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России. – М.: Тигле, 2012. – 256 с.
4. Величковский Б.Т. Значение социального стресса и эффективной трудовой мотивации в формировании образа жизни и состояния здоровья населения России // Вестник РАМН. – М., 2007. – № 5. – С. 41–48.
5. Величковский Б.Т. Основы жизнеспособности нации. Введение в социальную биологию человека. – М.: Тигле, 2012. – 72 с.
6. Величковский Б.Т., Дерстуганова Т.М., Кочнева Н.И., Полкова Т.В. Оценка влияния величины покупательной способности населения на демографическую составляющую трудового потенциала // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 17.
7. Давыдов М.И. Здоровье детей и подростков – системообразующий фактор государственной политики в сфере здравоохранения и образования, национальной безопасности России / Здоровье и образование детей – основа устойчивого развития российского общества и государства. Научная сессия академий 5 – 6 октября 2006 г. – М.: Наука, 2007. – С. 11–18.
8. Демографический ежегодник России. Официальное издание. – М.: Госкомстат, 2005. – 595 с.; 2010. – 526 с.; 2012. – 500 с.
9. Население России за 100 лет. – М.: Госкомстат, 1998. – 222 с.
10. Нигматулин Р.И. Четыре «Э» современности: экономика, экология, энергетика, этнос: Избранные лекции. – СПб.: СПбГУП, 2015. – 46 с.
11. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3. Кн. 2. Динамическая стереотипия высших отделов мозга. – С. 240–244.
12. Плешков И. Угольная сила России // Российская газета. – М., 2015. – 28 августа, № 192 (6763).
13. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – М., 2012. – 13 февраля.
14. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – М., 2012. – 23 января.
15. Свободные радикалы в биологии / Под ред. У. Прайора: Пер. с англ. – М.: Мир, 1979. – Т. 1 – 211 с., Т. 2. – 301 с.
16. Свободные радикалы в живых системах / Владимиров Ю.А., Азизова О.А., Деев А.И., Козлов А.В., Осипов А.Н., Рощупкин Д.И. – М.: ВИНИТИ. Итоги науки и техники, 1991. – Т. 29. Биохимия. – 250 с.
17. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. – М.: Медгиз, 1960. – 254 с.
18. Сент-Дьёрдьи А. Биоэлектроника. Исследование в области клеточной регуляции, защитных механизмов и рака. – М.: Мир, 1971. – 80 с.

19. Скулачев В.П. Кислород и явления запрограммированной смерти: Первое северинское чтение. – М.: МГУ, 2000. – 48 с.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. Официальное издание / Росстат. – М., 2010. – 511 с.; 2015 – 306 с.
21. Burt A., Trivers R. Genes in conflict: The biology of selfish genetic elements. Harvard University Press, 2006. – 259 p.
22. De Dreu C.K.W., Greer L.L, Kleef G.A. van, Shalvi S., Handgraaf M.J.J. Oxytocin promotes human ethnocentrism // Proceedings of the National Academy of Sciences DOI: 10.1073/pnas.1015316108
23. Hauser M.D. Wild Minds and Moral Minds: How nature designed our universal sense of right and wrong. – N.Y.: Harper Collins Publishers, 2006.
24. Rush D., Sloan N., Leighton J. e.a. The national WIC evaluation V. Longitudinal study of pregnant women // Am. J. Clin. Nutr. 1988. – Vol. 48. – P. 439–483.

Дерябин Н.И.
к.т.н., президент фонда поддержки информационных технологий в авиационной и ракетно-космической промышленности, доцент Московского филиала Военно-медицинской академии

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ РОССИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА

Ключевые слова: *стратегия, управление, государство, иерархия, кибернетика, системный подход, информация, технология.*

«Великой нацией нас делает не наше богатство,
а то, как мы его используем».
Теодор Рузвельт

В XXI веке человечество пришло к информационному обществу, которое является одной из высших ступеней развития цивилизации на Земле и характеризуется глобальной системообразующей интеграцией знаний и информатизацией всех сфер деятельности людей. Самое простое определение информационного общество – **это общество знаний.**

Понятно, что федеральная система стратегического управления в современном информационном обществе должна создаваться на базе современных информационных технологий, обеспечивающих её эффективное функционирование.

В общем случае стратегическое управление направлено на достижение максимальной эффективности по каждому показателю, характеризующему процесс достижения цели, и является основным инструментом организации системного подхода в информационном обществе. Практическая реализация системы государственного стратегического управления осуществляется посредством иерархической структуры современных ситуационных центров, постоянно функционирующих в едином федеральном информационном поле в режиме реального времени. Схема такого управления на высшем уровне в России приведена на рис. 1. В принципе такая схема характерна для любой страны.

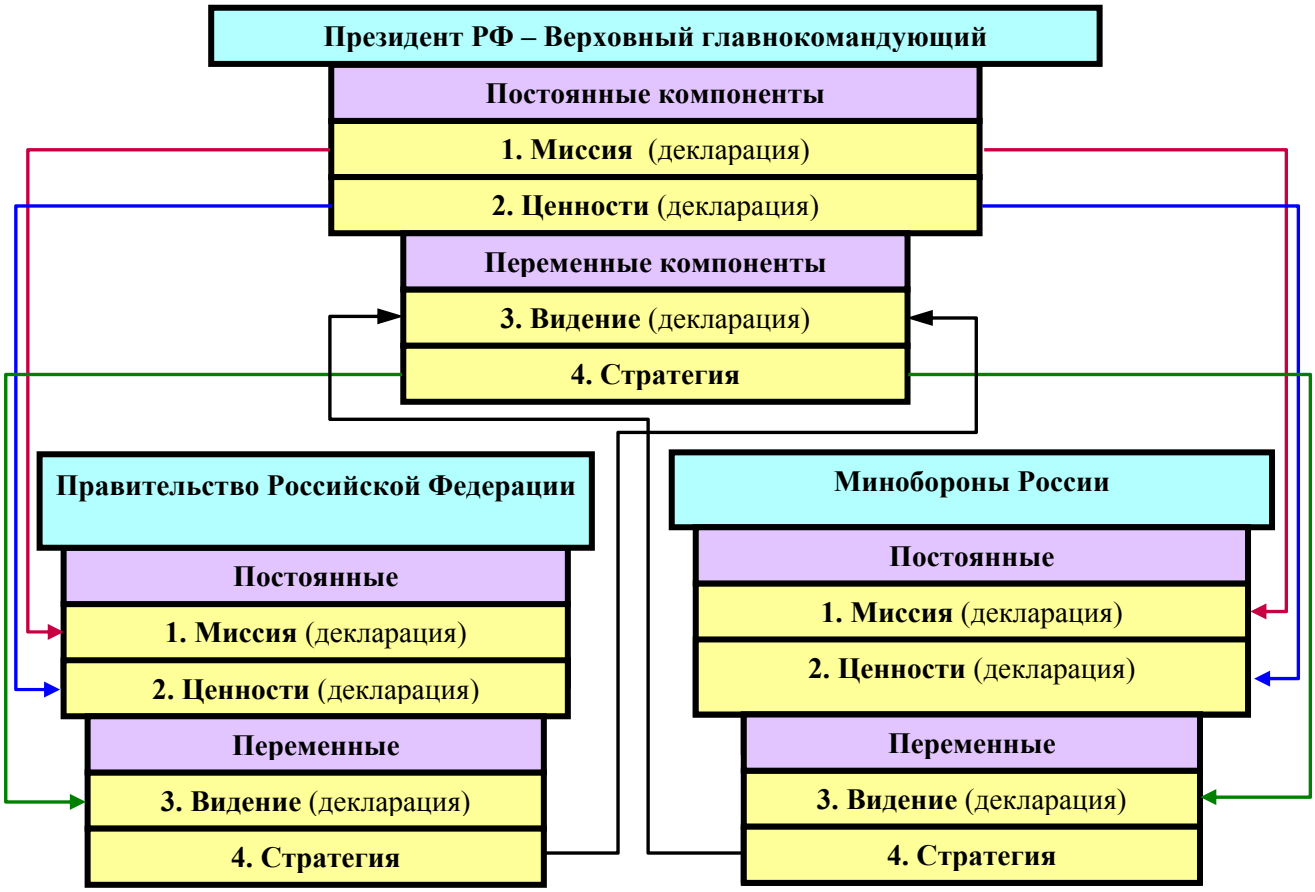


Рисунок 1.
Стратегическое управление на высшем уровне государственной власти

Миссия – это базовая категория (исходное понятие) для разработки стратегии любой организации. Миссия призвана раскрыть смысл существования каждой организации, которую она должна выполнять. Её должен знать весь персонал организации, а также все клиенты и контрагенты. Декларация о миссии неизменна в течение всего срока существования организации. Так же как и декларация о ценностях организации, которая определяет руководящие принципы, обязательные для исполнения всеми без исключения работниками, включая высшее руководство. Декларация о ценностях должна быть хорошо известна клиентам и контрагентам организации. Термин «миссия» является общепринятым в теории стратегического управления и его нельзя заменить термином «цель», как иногда предлагают.

Иначе говоря, миссия является стратегической категорией, так как она всегда направлена на решение внешних задач организации в интересах заказчика (клиента), а, в конечном счете, и в интересах нации. Этим миссия всегда отличается от цели, которая является тактической категорией, потому как направлена она на решение внутренних задач организации в собственных интересах. Иными словами, если для коммерческой организации главной целью всегда является получение максимальной прибыли (и это законодательно декларируется её юридическим статусом), то декларация о миссии будет определяться, прежде всего, тем, кто является её заказчиком и производственной спецификой самой организации. Итак:

Миссия определяет смысл существования организации или учреждения.

Ценности – руководящие принципы организации (учреждения) при выполнении миссии.

Видение – прогноз состояния организации (учреждения) на длительную перспективу (5, 10 и даже 50 лет) в соответствии с миссией и ценностями.

Стратегия – комплекс планируемых действий по реализации мероприятий (отличных от таковых у других организаций), направленных на достижение прогнозируемого состояния организации (декларация о видении) и основанных на заложенных руководящих принципах (декларация о ценностях), обеспечивающих выполнение главной цели существования организации (декларация о миссии).

Миссия и ценности неизменны в течение всего срока существования организации или учреждения. При выполнении или даже корректировке миссии организация (учреждение) ликвидируется. В случае необходимости изменения миссии создаётся новая организация или учреждение.

Важным понятием в приведённой схеме управления является стратегическое каскадирование.

Стратегическое каскадирование – соответствие миссий, ценностей, видения и стратегий нижестоящих организаций тем, которые имеются у вышестоящей организации: при этом миссия вышестоящей организации поддерживается миссиями нижестоящих организаций, а вышестоящие стоящие организации обеспечивают все условия для выполнения миссий нижестоящими организациями. Для реализации единого видения во всех организациях и учреждениях создаются подразделения стратегического развития, которые полностью освобождаются от решения текущих задач и занимаются только перспективными программами, определяющими будущее состояние соответствующих структур.

В общем случае такая структура государственного управления характерна для любой страны. То же самое можно сказать и о декларациях о миссии для всех трёх блоков. Как же их следует сформулировать? Исходим из того, кто назначает или точнее сказать выбирает главу государства – народ, граждане. А теперь обратимся к пирамиде Маслоу, иллюстрирующую иерархию потребностей каждого человека, образующего народ (рис. 2).

Рисунок 2.
Иерархия потребностей каждого человека

Физиологические потребности людей охватывают, в первую очередь, потребности в пище, одежде, жилье и сексе (продолжение рода). Второй уровень обозначает необходимый уровень личной и общественной (национальной) безопасности. Третий указывает на социальные институты в обществе. Четвертый отражает иерархическую значимость каждого человека в обществе. А **самоактуализация** по определению Маслоу – «это непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как **свершение своей миссии**, или призвания, судьбы и т.п., как более полное познание и, стало быть, приятие собственной изначальной природы, как неустанное стремление к

единству, интеграции, или внутренней синергии личности». Чтобы человек смог самоактуализироваться, ему сначала необходимо удовлетворить все остальные потребности. Иными словами, ему необходимо создать все условия для творчества – в условиях информационного общества – это уже приоритетная государственная задача. Нет условий – не будет в человеческом обществе и высшего уровня эволюционного развития. Ведь именно этот уровень выделяет человека среди приматов на планете Земля. Еда, секс, ареал обитания (жильё), безопасность – базовые потребности любого животного. А как насчёт совместной деятельности, признания и уважения? Обратите внимание на иерархию взаимоотношений в волчьей стае, в прайде львов или в сообществе гиен (а также в пчелином улье и муравейнике). Как ни странно, но вы можете увидеть, что там все эти показатели присутствуют.

В выборах главы государства должен участвовать каждый гражданин и его базовые потребности – первые два уровня. Это фактически отражает структура государственного управления на рис.1: правительство, прежде всего, обеспечивает физиологические потребности граждан, а министерство обороны – их национальную безопасность. Отсюда автоматически вытекает **декларация о миссии** главы любого государства мирового сообщества: **обеспечение благосостояния народа и национальной безопасности страны.** И эта миссия должна каскадироваться сверху вниз по всей иерархической структуре государственного стратегического управления с учётом тех задач и полномочий, которые получают создаваемые или преобразуемые организации и учреждения. Следует отметить, что стратегическое управление для всех этих организаций и учреждений является инструментом реализации системного подхода (приводит бюджет организации в соответствие с её нематериальными активами).

В высокоразвитых странах обязательно создаются все условия для самоактуализации граждан, потому что именно такой подход обеспечивает высокий уровень развития общества за счет высокоэффективной поддержки миссии первого лица государства миссиями его граждан. Чем больше граждан государства достигли уровня самоактуализации и чем выше этот уровень, тем лучше в стране образование, наука, здравоохранение, культура, обороноспособность и экономика – это сферы деятельности подвластные и посильные только государству – ради обеспечения их эффективного функционирования оно и создаётся.

Если углубиться в суть процесса функционирования государства, то становится очевидным, что оборона является интегрирующим фактором всех основных государственных сфер деятельности: науки, образования, здравоохранения и культуры. А уровень обеспечения национальной безопасности, который определяется, в первую очередь, состоянием оборонного комплекса и вооруженных сил РФ, сегодня является тем самым показателем стратегического превосходства страны в мировом сообществе. То, что наука и образование являются традиционными составляющими оборонного комплекса, полагаю не вызывают дополнительных вопросов. Кроме того, общеизвестно, что наука позволяет получить до 80% прироста реального ВВП страны. Здравоохранение в настоящее время приобретает особое значение в связи с особой демографической ситуацией и её перспективами в стране, а также в связи с неудовлетворительным положением кадрового обеспечения в оборонном комплексе. Необходимость культурной составляющей можно прокомментировать словами 26 президента США Теодора Рузвельта (1858–1919): «Воспитывать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно – значит вырастить угрозу для общества».

Схема стратегического управления на федеральном уровне приведена на рис. 3.

Рисунок 3.
Стратегическое управление в России на федеральном уровне

Ценности (руководящие принципы), подлежащие декларированию в конституции государства, могут содержать, например, следующие положения:

– Прилагать все усилия для повышения благосостояния нации и обеспечивать необходимые условия для самоактуализации каждого гражданина страны.

– Всеми силами способствовать социально-экономическому росту страны.

– Запретить использовать национальные богатства страны только в личных интересах отдельных граждан и обеспечить соответствующую законодательную базу. За бесконтрольное использование национальных богатств, чиновники и законодатели, виновные в этом, несут солидарную ответственность с расхитителями независимо от срока давности нанесения ущерба.

– Неукоснительно обеспечивать территориальную целостность государства российского.

– Запретить заниматься бизнесом не только чиновникам, но и всем их родственникам 1-й и 2-й очереди.

– В целях обеспечения социально-нравственных принципов и национальной безопасности государства установить не более чем четырехкратную разницу между средней по стране и максимальной зарплатой (доходом) для всех её граждан без исключения.

– В целях обеспечения социально-нравственных принципов и национальной безопасности государства установить не более чем трехкратную разницу между минимальной и максимальной пенсией в стране для всех её граждан без исключения.

– Установить соотношение средней пенсии в стране не ниже 60% от средней заработной платы.

– Неукоснительно соблюдать задекларированные ценности: даже однократное несоблюдение любого руководящего принципа должно караться, независимо от социального положения и должности гражданина РФ, как минимум увольнением, а в случае нанесения ущерба экономического или безопасности страны, то и уголовным наказанием. Причём должно быть не важно, нанесён ли ущерб в личных корыстных интересах или из-за недостатка профессионализма (если не можешь – не берись).

– Безусловно исполнять утвержденные бюджеты государства, регионов и муниципалитетов, не допуская нецелевое использование выделенных средств.

Схема стратегического управления в России на отраслевом уровне приведена на рис. 4.

Рисунок 4.
Стратегическое управление в России на отраслевом уровне

Обязательным атрибутом любого процесса управления является система обратных связей, которые отражены на рис.1, 3, 4.

Стратегическая обратная связь – информационный поток от нижестоящих организаций к вышестоящим организациям, обеспечивающий постоянное приведение в соответствие всех стратегий в иерархии организаций, объединенных процессом стратегического управления и планирования.

На рисунке 4 видно, что кроме стратегической обратной связи в организациях существуют ещё два вида обратной связи, которые можно определить как тактическая и оперативная обратные связи.

Тактическая обратная связь – информационный поток, определяющий стратегическую обратную связь, который является результатом программных мероприятий по реализации стратегии организации, требующим изменения декларации о видении и соответственно стратегии организации.

Оперативная обратная связь – информационный поток, не влияющий на стратегическую обратную связь, который является результатом программных мероприятий по реализации стратегии организации, отражающим необходимость корректировки стратегии без изменения декларации о видении.

Если говорить об экономике государства, то следует акцентировать внимание на некоторых общеизвестных положениях. Во-первых, во всех государственных программах приоритет должен отдаваться внутренней экономике страны, которая определяется развитием производительных сил и производственных отношений. Во-вторых, во внешней экономике следует ориентироваться на экспорт конкурентоспособной отечественной продукции (товаров) при минимальном импорте (для самой богатой по природным ресурсам страны в мире – это вполне естественно). В-третьих, всегда надо помнить о главном двигателе внутренней экономики – платёжеспособности населения страны. Без такого подхода внутренняя экономика развиваться просто не может. Именно поэтому в развитых странах мира уровень заработной платы и пенсий населения самый высокий (а не наоборот, как иногда пытаются объяснять малограмотные чиновники в России). В-четвёртых, это необходимость прогрессивного налога, особенно, в странах, где имеет место частный бизнес. Такой налог является основным инструментом стабилизации государственной экономики в условиях кризисов, потому как попытки некоторых высокопоставленных чиновников выйти из кризиса за счёт пенсионеров или низкооплачиваемых работников только усугубляют ситуацию, разрушая внутреннюю экономику страны. Здесь же следует учитывать, что главным инвестором в экономику любой страны является её народ, а не малочисленная группа отечественных олигархов, которые никогда по доброй воле не возьмут на себя эти функции. Поэтому держа доходы населения на уровне прожиточного минимума, государство лишает людей возможности добровольного инвестирования (например, через облигации государственного займа). Ведь не зря 26-й президент США Теодор Рузвельт сказал: «Наш прогресс проверяется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало». И наконец, в-пятых, повсеместно следует грамотно учитывать и использовать нематериальные активы страны. Только финансовая оценка деятельности организации (корпорации) дает представление о состоянии организации на момент оценки, но не может предсказать перспективу, особенно долгосрочную. Поэтому при реализации системы стратегического управления обязательно учитываются показатели, отражающие текущее состояние нематериальных активов организаций и учреждений.

В условиях информационного общества необходимо понимать, что только гармонизация производительных сил и производственных отношений позволяет экономике страны эффективно развиваться. Гармонизацию в простейшем варианте можно определить, как «мало – плохо, но и много – тоже плохо». Кроме того, надо учитывать, что в условиях информационного общества специалист-профессионал мирового уровня, особенно в высокотехнологичных отраслях и высших органах управления державой, становится главным национальным достоянием государства, так как он делает для страны то, что не может сделать никто другой. И пока это не будет осознано в государственных органах власти, вряд ли следует рассчитывать на эффективное социально-экономическое развитие державы, конкурентоспособной в современном мировом сообществе.

Здесь уместно вспомнить мудрое высказывание Лао-Цзы: «Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвует еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает».

Экономическое развитие – структурная перестройка экономики в соответствии с потребностями технологического и социального прогресса – миссия Правительства РФ.

Основным показателем экономического развития страны в России считается увеличение показателей ВВП или ВНП на душу населения, свидетельствующее:

- о росте эффективности использования производственных ресурсов страны
- о росте среднего благосостояния ее граждан.

Рассмотрим некоторые показатели экономического развития страны.

ВВП (ППС) на душу населения. ВВП (валовой внутренний продукт) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) является наиболее точной характеристикой, определяющей уровень экономического развития, а также роста экономики. Все показатели для сопоставимости выражаются в единой валюте – долларе ФРС США (данные Всемирного банка на 05.07.2016 – https://ru.wikipedia.org/wiki/ Список_стран_по_ВВП_(ППС)_на_душу_населения) – см. таблицу 1.

Таблица 1

Сокращенный список стран по ВВП (ППС) на душу населения 2013–2015 годы

№	Страна	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	Катар	138 067	141 442	143 788
9	США	52 660	54 398	55 837
14	Германия	44 185	46 394	47 268
22	Великобритания	39 111	40 217	41 325
24	Франция	39 158	39 163	39 678
26	Япония	36 618	36 577	37 322
33	Чехия	30 044	31 186	32 167
45	Польша	24 494	25 262	26 135
46	Казахстан	24 641	25 689	25 877
48	Россия	24 165	25 095	24 451

Таблица охватывает так называемый мировой кризисный период, хотя динамика роста ВВП на душу населения в развитых странах мира (кроме России) демонстрирует обратный процесс. Интересно, что покажет официальная статистика за 2016 год[1].

Данные МВФ по ВВП (номинал) на душу населения в России с указанием её мирового рейтинга (66 место) представлены ниже (в долларах США):

№	Страна	2014 г.	2015 г.	2016 г.
66	Россия	13 872	9054	7742

ВВП – макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг (то есть предназначенных для непосредственного употребления), произведённых за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства. Список стран по ВВП приведён в табл. 2 (данные Всемирного банка на 01.01.2016 – https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП).

Таблица 2

Сокращенный список стран по ВВП (номинал) 2014–2015 годы (в млрд. $)

№	Страна	2014 г.	2015 г.
1	США	17419	17947
2	КНР	10355	10866
3	Япония	4601	4123
4	Германия	3868	3356
5	Великобритания	2989	2849
6	Франция	2829	2422
13	Россия	2031	1326
24	Польша	545	475
49	Казахстан	218	184
50	Чехия	205	182

На основании табл. 2 посмотрим динамику изменения ВВП по странам. Результаты расчётов представлены в табл. 3.

[1] Прогноз МВФ по ВВП (номинал) на душу населения на 2016 год для России предрекает дальнейшее снижение этого показателя на 15% (снижение в 2015 году относительно 2014 года было около 35%). В США, Германии, Великобритании, Японии, Франции динамика предсказывается положительная.

Таблица 3

Относительное изменение величины ВВП (номинал)

№	Страна	Изменение ВВП в % (2015/2014)
1	США	+ 3
2	КНР	+ 5
3	Япония	–10
4	Германия	–13
5	Великобритания	–4,7
6	Франция	–14,4
13	Россия	–35
24	Польша	–12,9
49	Казахстан	–15,6
50	Чехия	–11,3

Из табл. 3 видно, что по этому показателю, в значительной степени отражающему динамику изменения качества жизни населения, Россия существенно уступает другим странам из рассматриваемого списка.

Валовой национальный продукт – один из основных макроэкономических показателей системы национальных счетов.

В отличие от Валового внутреннего продукта, отражающего совокупную стоимость всех конечных товаров и услуг, созданных на территории страны, валовой национальный продукт отражает совокупную стоимость благ, созданных только её резидентами, вне зависимости от их географического положения.

- Если ВНП превышает ВВП – значит, жители данной страны получают за границей больше, чем иностранцы зарабатывают в данной стране.
- Если ВНП меньше ВВП – значит, иностранцы зарабатывают в данной стране больше, чем жители данной страны получают за границей.

Рейтинг стран по номинальному ВНП (МЛН US$), ТОП 10

Место	2014 г.							
1	США	17,601,118						
2	КНР	10,069,179						
3	Япония	5,339,076						
4	Германия	3,853,486						
5	Франция	2,844,284						
6	Великобритания	2,754,109						
10	Россия	1,930,633						

Есть и другие важные показатели. **Коэффициент замещения пенсией утраченного заработка** – показатель соотнесения средней пенсии с размером средней зарплаты[1]. Его значение в таких богатых природными ресурсами странах как Россия должно быть в пределах 60 – 90%. Снижение коэффициента до 20% оценивается как нарушение пенсионных прав граждан.

«В развитых странах этот показатель составляет 60–70% с учетом добровольной накопительной части пенсии. В Российской Федерации коэффициент замещения составляет 38%, сообщает ТАСС.

Бывший министр финансов РФ Алексей Кудрин считает, что в ближайшие 15–20 лет коэффициент замещения в России может снизиться до 28%, если не принять меры по реформированию пенсионной системы Российской Федерации»[2].

Так ли это на самом деле? «Средняя пенсия в России на 20% меньше официальной… По данным Росстата, средняя пенсия по стране – 12 тыс. 406 рублей, однако в реальности, по данным телеканала ОТР, она составляет всего 9 тыс. 827 рублей»[3]. Если исходить из этой цифры и средней зарплаты в России в 2016 году – 36,2 тыс. рублей[4], то коэффициент замещения будет чуть больше 27%. А если ориентироваться на цифру Росстата, то получим чуть больше 34%.

Интересно, что «самой приятной во всех отношениях страной для пенсионеров, согласно тому же рейтингу, стала Дания – там размер пенсии в рублях составляет 120 тыс. рублей, кроме того, люди преклонного возраста имеют

[1] Следует отметить, что до сих пор Россией не ратифицирована Конвенция МОТ, согласно которой коэффициент замещения пенсией заработной платы не должен быть ниже 40%.

[2] Минфин сообщил, какая будет пенсия. 18 мая 2016. – http://izvestia.ru/news/614272.

[3] Реальная пенсия в России на 20% меньше официальной, зарплата учителей — меньше вдвое. 8 ноября 2016. – http://www.rosbalt.ru/russia/2016/11/08/1565311.html

[4] Средняя зарплата в 2016 году по регионам России и другим странам мира. – http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2016.html

там много других привилегий. Второе место занимает Финляндия с пенсией в 110 тыс. рублей, третье – Израиль – 98 тыс. рублей»[1].

А что с пенсиями в Москве? **«В 2016 году средняя московская пенсия по старости составляет 12 896 рублей (а минимальный размер пенсии в Москве в 2016 году составил 8842,08 рубля)»**[2]. По состоянию «на 1 января 2016 года средняя заработная плата в столице составляет 60 тыс. руб. Москва продолжает опережать все регионы по уровню доходов. Департамент развития Москвы до конца этого года прогнозирует рост на 10 тыс. руб. Такие данные были утверждены еще в программе развития Москвы 2014-2016 года и одобрены Правительством»[3]. Итак, коэффициент замещения в конце 2016 года составит всего лишь 18,4%. Иначе говоря, налицо нарушение пенсионных прав граждан. Если же средняя зарплата в Москве не превысит 70 тыс. рублей, тогда только для неработающих пенсионеров коэффициент замещения будет около 20%, потому что их пенсия с региональной социальной доплатой равна 14,5 тыс. рублей в случае, если они прожили в Москве не менее 10 лет (в противном случае их пенсия – 11 428 рублей).

Кроме того надо понимать: приведённые усредненные показатели ситуацию приукрашивают, и реальная покупательная способность пенсий сократилась гораздо больше. Следовало бы оперировать не средними, а медианными зарплатами и пенсиями, как это принято в европейских странах, где **порогом бедности считается доход в 60% от медианной зарплаты**. (Медианная зарплата – доход, ниже и выше которого имеют по 50% населения)[4].

Вышеприведённые значения показателей экономического развития России и их динамика показывают, что Правительство РФ вряд ли можно считать выполняющим свою государственную стратегическую миссию и поэтому большинство чиновников этого ведомства никак нельзя отнести к главному национальному достоянию страны.

Список литературы

1. Дерябин Н.И., Виртуальная революция: миф или реальность? // Стратегическое управление оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века (издание седьмое, дополненное). – М.: МАИ, 2007. – 316 с.
2. Дерябин Н.И., Концепция стратегического управления оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / ИНИОН РАН. – М., 2010. – Вып. 5, ч. I. – С. 98–105.
3. Дерябин Н.И. Государство как институт социальной иерархии и порядка // Материалы Всероссийской научной конференции «Нравственное государство как императив государственной эволюции». Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 396–408.
4. Дерябин Н.И. Государственное управление развитием стратегических оборонных отраслей промышленности России // Материалы Всероссийской научной конференции «Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование», (Москва, 21 октября 2011) / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2012.
5. Дерябин Н.И., Государственное стратегическое управление и национальная безопасность // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / ИНИОН РАН. – М., 2016. – Вып. 11, ч. 2, 2016. – С. 32–38.

[1] Сколько в среднем пенсионеры получают в мире. – https://newsland.com/community/politic/content/skolko-v-srednem-pensionery-poluchaiut-v-mire/5506369

[2] Средняя пенсия по Москве сегодня. – http://pensiyainfo.ru/pensiya-v-regionah/srednjaja-pensija-po-moskve.html

[3] Средняя зарплата в Москве в 2016 году: Официальные данные 27.02.2016. – http://yurface.ru/buhgalteriya/vyplaty/srednyaya-zarplata-v-moskve/

[4] Российских пенсионеров ждет тяжелое будущее. 06.03.2016. – http://krizis-kopilka.ru/archives/29608

Захаров В.К.[1]

СИНТЕТИЗМ КАК ПРОЕКТ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Ключевые слова*: устроительные проекты, царский проект, социалистический проект, либеральный проект, синтетичный (объединительный) устроительный проект.*

Keywords*: arranging projects, tsarist project, socialist project, liberal project, synthetic (unifying) arranging project.*

1. Изъяны последних российских устроительных проектов

За последние 100 лет в России были осуществлены два устроительных проекта: социалистический (1917–1993 гг.) и либеральный (с 1993–2012 гг.)[2]. Социалистический проект выражался лозунгом «Прежде думай о родине, а потом о себе». Либеральный проект выражается лозунгом «Личность важнее государства».

Социалистический проект оказался несостоятельным, поскольку в нём было изначально заложено разрушительное противоречие между принудительно созданным *социальным феномом общества* и его подавленным *биологическим и биосоциальным менталитетом* (см. далее). В либеральном проекте наоборот изначально было заложено разрушительное противоречие между созданным *биологическим и биосоциальным феномом общества* и его подавленным *социальным менталитетом*. Следовательно, оба проекта являются разрушительно противоречивыми и поэтому неустойчивыми.

2. Обеспечение устойчивости и суверенности России через синтетичный проект

Для сохранения России как исторического субъекта необходим переход к *синтетичному* (*объединительному*) *устроительному проекту*, учитывающему три исконные сущности общества: биологическую, биосоциальную и социальную (см. далее). При этом не надо придумывать ничего прекрасно умозрительного, типа построения коммунизма, а нужно использовать имевшиеся практически опробованные исторические проекты, устранив их изъяны и указав их достоинства. Таких проектов в недавнем прошлом было всего три: царский, социалистический и либеральный. Значит, нужно осуществить органическое соединение (синтез) этих исторически опробованных проектов и создать *синтетичный* (*объединительный*) *устроительный проект*. При этом синтетичность проекта должна быть представлена во всех сферах бытия российского общества.

3. Основные черты синтетичного устроительного проекта

3.1. Синтетичное представление о мире и его бытии

Синтетичность (слаженная соединённость) материального мира

Под *человечеством* понимается совокупность всех людей, живших и живущих на нашей планете. *Материальный* (*т.е. вещественный и мысленный*) *мир* (на данный момент времени) можно обобщённо определить как совокупность, включающую в себя: 1) *природный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*) Земли и Вселенной; 2) *надприродный мир* (как *вещественный*, так и *мысленный*), созданный человечеством в процессе его бытия. Ясно, что само человечество является частью и природного, и надприродного мира.

Мысленный (природный и надприродный) мир включает в себя *мысленный мир живых существ Земли* и, в частности, *мысленный мир людей*. Мысленный мир людей подразделяется на *сознательный* (*ведательный*) и *подсознательный* (*наивный*) *миры*. Сознательный мир воссоздаётся и добавочно создаётся путём общественного познания и общественного вменения. Подсознательный мир воссоздаётся путём биологического рождения. Подсознательный мир добавочно создаётся путём постепенного перехода устойчивой во времени части сознательного мира в подсознательный мир. Подсознательный мир гораздо менее изменчив во времени, чем сознательный мир[3].

---

[1] Захаров Валерий Константинович – д.ф.-м.н., профессор кафедры теоретической информатики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам общественного развития, в том числе по социальной философии и социальной психологии, философии истории, экономике, теории государства и государственного управления, геополитике, политологии, россиеведению, а также по концептуальным и математическим моделям государства и его учреждений. Лауреат Ломоносовской премии. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

[2] По мнению автора, некоторый эволюционный отход от либерального проекта стал общественно заметным с 2013 года. Направление этого отхода можно обозначить как патриотически консервативное.

[3] Захаров В.К. Психо-эволюционные предпосылки устойчивого существования российского общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 36. – С. 2-12; Захаров В.К. Исконная синтетичность общества и устойчиво-успешная государственная идеология // Всероссийская конференция «Государственная идеология и современная Россия» (28 марта

Синтетичное представление о мире как основа синтетичного устроительного проекта

В основе синтетичного устроительного проекта должно быть заложено признание равноправности вещественного и мысленного миров, как составных частей общего материального мира.

3.2. Синтетичное представление об обществе и его бытии

Общество в широком понимании

Под *обществом* (*сообществом*) (*в данный момент времени*) будем далее понимать любой предмет материального мира, обязательно включающий в себя часть человечества, обладающую некоторой совокупностью общих признаков, и всю непосредственно связанную с этой частью человечества часть надприродного мира. Дополнительная (остальная) часть материального мира называется (*бытийной, жизнедеятельной*) *средой общества* (*в данный момент времени*). Часть среды составляет *природная среда общества*. Вся непосредственно связанная с обществом часть природной среды называется *внутренней природной средой общества*; остальная часть называется *внешней природной средой общества*.

Если рассматривать всё человечество в целом и всю непосредственно связанную с ним часть надприродного мира, то такое общество естественно называть *мировым*.

Любую мысленно отмеченную часть общества и его внутренней природной среды будем далее называть *достоянием этого общества*. Понятие достояния является более широким, чем понятие благо, поскольку не все достояния можно отнести к благам; например, создаваемые обществом отходы. Достояние общества, не содержащее людей, будем называть *опорным*.

Достояние общества, обязательно включающее некоторую совокупность людей, будем называть (*бытийной* или *жизнедеятельной*) *единицей общества*. Ясно, что каждое общество является единицей мирового общества. Минимальными (по совокупности людей) единицами общества являются *личности общества*.

Вышеприведённое понимание общества является слишком широким. Для нас особенно важными являются такие общества, как государства и их учреждения. Их отличительным признаком является то, что эти общества являются составными. Для выделения составных обществ сначала выделим составные предметы материального мира.

Система как внутренне-внешний синтез

Под *системой* (*составным предметом*, *устроенным предметом*, *организованным объектом*) будем понимать предмет материального мира, обладающий следующими свойствами:

1) он является совокупностью нескольких (не менее двух) других предметов материального мира, называемых далее *деталями*, и нескольких других предметов материального мира, называемых далее *связями между деталями*;

2) (*свойство внутренней вложенности*) деталь сама может быть совокупностью нескольких (не менее двух) других деталей и нескольких связей между ними, называемых далее *составляющими деталями детали* и *составляющими связями детали*; такая деталь называется *сложной;* деталь, не являющаяся сложной, называется *простой*, или *первичной*, *или атомарной*, или *элементарной*, или *элементом*;

3) (*свойство внешнего обустройства*) предмет [сложная деталь] первоначально во времени устраивается (организуется) из составляющих деталей обязательно при наличии некоторых связей некоторых составляющих деталей хотя бы с одним внешним по отношению ко всем составляющим деталям предметом мира; такой внешний предмет можно назвать *обустраивающим данный предмет* [*данную сложную деталь*];

4) (*свойство внутренней необоснованности*) и сам предмет, и каждая сложная деталь обязательно имеет хотя бы одно новое свойство, которого не было ни у одной из составляющих деталей; такое свойство называется далее *внутренне необоснованным*;

5) (*свойство внешнего обоснования*) каждое внутренне необоснованное свойство предмета [сложной детали] обязательно основано на наличии некоторых связей предмета [сложной детали] хотя бы с одним внешним по отношению к предмету [к сложной детали] предметом мира; такой внешний предмет можно назвать *обосновывающим данное свойство предмета* [*сложной детали*];

6) (*свойство внешнего переустройства*) предмет [сложная деталь] вторично во времени перестраивается (достраивается) обязательно при наличии некоторых связей предмета [сложной детали] хотя бы с одним внешним по отношению к предмету [к сложной детали] предметом мира; такой внешний предмет можно назвать *перестраивающим данный предмет* [*данную сложную деталь*].

Грубо говоря, никакого чисто внутреннего самоустроения (автоэмергентности) системы из какой-либо совокупности предметов, которые могут стать порождающими деталями этой системы, не существует. Также не существует никакого чисто внутреннего появления (эмергентности) новых свойств у системы. Также не существует никакого чисто внутреннего переустроения (реэмергентности) системы. Для этого должны существовать внешние обустраи-

---

2014г.). Материалы. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 336–352; Захаров В.К. Психо-эволюционные предпосылки создания устойчивой постсоветской идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН. 2014. – Вып. 9, ч. 2. – С. 251–258.

вающие, обосновывающие, перестраивающие предметы, соответственно[1]. Отметим, что обстоятельства тоже являются предметами.

Из перечисленных выше свойств следует, что каждая сложная деталь системы сама является системой, называемой далее *подсистемой системы*. Отметим, что для сложной детали внешними деталями могут быть и детали самой системы.

Системное общество

Под *системным* (иначе, *устроенным, организованным*) *обществом* (*сообществом*) (*в данный момент времени*) будем понимать любое общество, в котором некоторые из опорных достояний и единиц и все личности являются порождающими деталями некоторой системы.

Из сказанного выше следует, понятие системного общества является настолько ограничительным, что видов системных обществ (среди всех видов обществ) очень мало: первый вид составляют государства, а второй − его учреждения. Поэтому можно сказать, что человечество порождает новые сущности очень рачительно.

Типы бытия общества

Прошедшее или настоящее материальное бытие[2] любого общества может быть сведено к отдельным (т.е. выделяющимся, явно различимым) совокупностям, называемым далее *типами бытия* (*данного общества*). Все типы бытия данного общества можно подразделить на следующие классы. Один класс типов составляют *неотипы бытия,* т.е. те типы, которые зародились в прошлом и воспроизводились вплоть до недавнего времени. Подкласс класса неотипов составляют *стереотипы бытия*, которые зародились весьма давно. Про них, благодаря их воспроизводству на достаточно длинном промежутке времени, можно судить, что они в некотором будущем ещё будут воспроизводиться. Подкласс класса стереотипов составляют а*рхетипы бытия*, которые зародились в глубокой древности. Про них, благодаря их воспроизводству на очень длинном промежутке времени, можно уверенно судить, что они ещё очень долго будут воспроизводиться в данном обществе в будущем вплоть до неотменяемости[3].

Памятный образ типа бытия

В каждом обществе, осуществлявшем или осуществляющем данный тип бытия, полное представление в мысленном мире людей о типе бытия как действительной совокупности заменяется некоторым частичным, обобщённым и усреднённым *узнаваемо-передаваемым представлением о типе бытия* (*данного общества*) или иначе *памятным образом* (*мемом*) *типа бытия*, включающем в себя *памятный образ исходного состояния бытийной среды* (короче, *исходный образ среды*), при котором происходило возникновение этого типа бытия[4].

Побуждающее воздействие мема на воспроизводство типа бытия

Практика показывает, что мем типа бытия обладает *побуждающим воздействием на общество для воспроизведения этого типа бытия* членами данного общества, осуществлявшего или осуществляющего данный тип бытия.

Происходит это, по-видимому, следующим образом. В индивидуальном и коллективном сознании членов данного общества постоянно создаётся *текущий образ его бытийной среды* (на данный момент времени). Этот образ постоянно соотносится (сверяется) с памятью и, в частности, со всеми мемами.

Если текущий образ среды близок к хранящемуся в каком-либо меме исходному образу среды, то этом мем побуждает общество воспроизводить данный тип бытия и степень его побуждающего воздействия на воспроизведение типа бытия данным обществом в данном месте в данное время прямо пропорциональна величине близости образов.

Более того, при наличии указанной близости степень побуждающего воздействия мема типа бытия на его воспроизведение данным обществом в данном месте в данное время вдобавок прямо пропорциональна, во-первых, близости времени последнего действительного осуществления этого типа бытия к рассматриваемому моменту времени, и, во-вторых, времени всего предыдущего действительного осуществления этого типа бытия в этом обществе.

И поэтому степень воспроизведения типа бытия прямо пропорциональна сумме трёх указанных независимых величин (факторов). В частности, побуждающее воздействие мема архетипа сильнее побуждающего воздействия мема стереотипа, а побуждающее воздействие мема стереотипа сильнее побуждающего воздействия мема неотипа.

---

[1] Захаров В.К. Трудовое восполнение как архетипический антиэнтропийный процесс: излишество или необходимость? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2011. – № 2. – С. 54–64.

[2] В данной статье ***бытие*** понимается как процесс существования мира во времени.

[3] Захаров В.К. Исконная синтетичность общества и устойчиво-успешная государственная идеология // Всероссийская конференция «Государственная идеология и современная Россия» (28 марта 2014 г.). Материалы. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 336–352.

[4] Захаров В.К. Номология. Устроение и направление человеческой деятельности. – М.: МГППУ, 2011. – С. 17–21; Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. − М.: Onebook.ru, 2016. – С. 19–21.

Если же текущий образ среды далёк от исходного образа среды какого-либо мема, то этот мем не побуждает общество воспроизводить соответствующий тип бытия[1]. Мем с высокой степенью побуждающего воздействия будем называть *побудительным*, а с низкой степенью – *спящим*.

В зависимости от текущего образа бытийной среды промежутки осуществления и промежутки не осуществления типа бытия чередуются.

Бытийная и исконная сущности общества

Систему всех типов бытия, осуществляемых данным обществом (в данный момент времени), будем называть *бытийной сущностью* (*феномом*, *строем*) *этого общества* (*в данный момент времени*). Систему мемов всех типов бытия, осуществлявшихся или осуществляемых данным обществом (к данному моменту времени включительно), будем называть *исконной сущностью* (*менталитетом, кодом, духом, настроем*) *этого общества* (*в данный момент времени*). Часть исконной сущности (менталитета), состоящую только из побудительных мемов, будем называть *действенной исконной сущностью* (*актуальным менталитетом*) этого общества[2]. Бытийную сущность (феном) и исконную сущность (менталитет) вместе будем называть *сущностью* (*форматом*) *данного общества* (в данный момент времени).

Исконная сущность общества шире его бытийной сущности, и. следовательно, является более показательной характеристикой общества. Более того, она является мало изменяемой характеристикой общества (его инвариантом) на временных промежутках в сотни лет.

Эволюционная синтетичность исконной сущности общества

Согласно этапам эволюции человека и каждого человеческого общества биологические (жизненные) типы бытия (есть, пить, спать, производить потомство, мыслить,…) возникли раньше социальных (общественных) типов бытия. Во временном промежутке между ними возникли биосоциальные (в частности, психологические) типы бытия (например, жить в семье). Более того, некоторые биосоциальные и социальные типы возникли на основе биологических.

При этом биосоциальные и социальные типы не отменили, не вытеснили, не заместили биологические, а присоединились к ним. Однако воспроизводство биосоциальных типов изменяло побудительную силу биологических мемов, а воспроизводство социальных типов изменяло побудительную силу и биологических, и биосоциальных мемов. В итоге данной накопительной эволюции человек оказался существом и биологическим, и биосоциальным, и социальным. Все осознаваемые и неосознаваемые, видимые и невидимые результаты этой эволюции и образовали исконную сущность общества.

Совокупность мемов всех биологических типов бытия общества образует *исконную биологическую сущность*, совокупность мемов всех биосоциальных типов бытия общества образует *исконную биосоциальную сущность*, а совокупность мемов всех социальных типов бытия общества образует *исконную социальную сущность общества*. Таким образом, исконная сущность каждого современного человеческого общества является эволюционно слаженным соединением (синтезом) трёх исконных сущностей: биологической, биосоциальной и социальной. Иначе можно сказать, что каждое общество является *исконно синтетичным*[3].

Покажем, что пренебрежение этой синтетичностью сыграло роковую роль в судьбе России после 1917 года.

Пренебрежение исконной синтетичностью общества в социалистическом Советском Союзе

После Октябрьской социалистической революции 1917 года в Советском Союзе постепенно был создан новый общественный строй – социалистический. Властная система социалистического Советского Союза создавала и в течение почти 70 лет поддерживала в стране такую материальную (вещественную и мысленную) среду, при которой подавлялось в «социалистическом человеке» воспроизводство биологических и биосоциальных *архетипов обращённости к себе* посредством максимальной поддержки воспроизводства социальных *архетипов причастности к стране*. Это выражалось, в частности, во вменении населению таких установок как «Прежде думай о родине, а потом о себе!», «Жила бы страна родная – и нету других забот!» и пр. Цель развития советского общества в социалистическом уст-

---

[1] Захаров В.К. Историческая реализация двух естественных прав в России // Современное право. 2010. – № 3. – С. 156–162; Захаров В.К. Номология. Устроение и направление человеческой деятельности. – М.: МГППУ, 2011. – С. 19; Захаров В.К. Номология. Воспроизведение и обновление человеческого бытия. − М.: Onebook.ru, 2016. – С. 20–21.

[2] Захаров В.К. Психо-эволюционные предпосылки устойчивого существования российского общества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 36. – С. 2–12; Захаров В.К. Исконная синтетичность общества и устойчиво-успешная государственная идеология // Всероссийская конференция «Государственная идеология и современная Россия» (28 марта 2014 г.). Материалы. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 336–352; Захаров В.К. Психо-эволюционные предпосылки создания устойчивой постсоветской идентичности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН. 2014. – Вып. 9, ч. 2. – С. 251–258.

[3] Захаров В.К. Исконная синтетичность общества и устойчиво-успешная государственная идеология // Всероссийская конференция «Государственная идеология и современная Россия» (28 марта 2014 г.). Материалы. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 336–352.

роительном проекте можно определить так: «Наша страна должна процветать!». Поэтому можно утверждать, что в Советском Союзе неизбывная исконная синтетичность общества совершенно не принималась во внимание.

Из сказанного выше следует, что в социалистическом советском обществе изначально закладывалось разрушительное противоречие между бытийной сущностью общества и его действенной исконной сущностью, проявлявшееся в том, что некоторые принудительно созданные социальные неотипы бытия противоречили некоторым побудительным биологическим и биосоциальным архемемам.

В результате это разрушительное противоречие исчезло вместе с разрушением социалистического строя.

Пренебрежение исконной синтетичностью общества в либеральной России

В отличие от отклоняющей революции 1917 года после возвращающей революции 1985–1993 годов (названной уклончиво «перестройкой») в России был создан другой общественный строй – либеральный. Властная система либеральной России в течение 25 лет создавала и поддерживала в стране такую материальную (вещественную и мысленную) среду, при которой подавлялось в «либеральном человеке» воспроизводство архетипов причастности к стране посредством максимальной поддержки воспроизводства архетипов обращённости к себе. Это выражалось, в частности, во вменении населению таких установок как «личность важнее государства», «приоритет прав человека» и пр. Цель развития российского общества в либеральном устроительном проекте можно определить так: «Я должен процветать!». Поэтому можно сказать, что в либеральной России неизбывная исконная синтетичность общества также не принималась во внимание.

В результате в либеральном российском обществе было просто пересоздано разрушительное противоречие между бытийной сущностью общества и его действенной исконной сущностью, проявляющееся в том, что некоторые принудительно созданные биологические и биосоциальные неотипы бытия противоречат некоторым побудительным социальным архемемам.

Синтетичная цель развития российского общества в синтетичном устроительном проекте

Из сказанного выше следует, что с точки зрения исконной синтетичности общества оба рассмотренных общественных строя являются крайними симметричными противоположностями. Однако оба являются, обобщённо говоря, бытийно-исконно разрушительно противоречивыми.

И *проблема учёта исконной синтетичности общества* состояла и состоит в создании в современной России *синтетичного общественного строя*, т.е. такого материального (вещественного и мысленного) мира, который не является разрушительно бытийно-исконно противоречивым.

С учётом эволюционной синтетичности общества цель развития российского общества в синтетичном устроительном проекте можно определить так: «И я, и мы, и наша страна должны процветать!».

3.3. Синтетичное представление о способах хозяйственной деятельности общества

Комплекс способов хозяйственной деятельности

Существуют всего три основных способа хозяйственной деятельности: *изымающий* (*метааграрный*) *способ,* связанный с изъятием достояний из природной среды, *перерабатывающий* или *промышленный* (*индустриальный*) *способ,* связанный с обработкой и переработкой изъятых природных достояний, и *обслуживающий* (*сервисный*) *способ,* связанный с обслуживанием, как изъятия, так и переработки.

Беспристрастный исторический анализ показывает, что все упомянутые способы хозяйственной деятельности не составляли отдельных последовательных стадий в развитии человеческого общества. Они сосуществовали и сосуществуют одновременно в целом *комплексе археспособов хозяйственной деятельности*[1]. Иначе говоря, экономика любой страны всегда была и остаётся *трёхсекторной*, однако с разными сочетаниями *метааграрного, индустриального* и *сервисного секторов*.

Разрушение соотношения способов хозяйственной деятельности в СССР

Однако большевики, как марксистская партия, включали в свою идеологию представление о линейном прогрессе хозяйственной деятельности, согласно которому устаревшая аграрная цивилизация должна быть заменена прогрессивной индустриальной цивилизацией. Поэтому они насильственными методами провели сверхбыструю индустриализацию в стране, в которой 85% населения были заняты в аграрном секторе.

Для того чтобы провести такое огромное мероприятие, требовались такие же огромные ресурсы. Для извлечения таких ресурсов была использована марксистская идеологическая база. Согласно марксистской идеологии, после

---

[1] Захаров В.К. Процесс глобального природно-народного равновесия и центро-периферийные проблемы перехода стран к новым способам жизнедеятельности // Вестник АГУ. Серия «Экономика». 2010. – № 1. – С. 21–30; Захаров В.К. Перспективы перехода России к инновационной экономике знаний с точки зрения центро-периферийного разделения труда // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН. 2010. – Вып. 5, ч. 1. – С. 119–125; Захаров В.К. Номология. Устроение и направление человеческой деятельности. – М.: МГППУ, 2011. – С. 94–105; Захаров В.К. Объединительная (синкретичная) идеология для России (окончание) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 13. – С. 2–13.

осуществления социалистической революции население страны разделяется на несколько разных частей. Одна часть, называемая пролетариатом, становится гегемоном, т.е. передовым классом. Этот класс составляют в основном горожане. А крестьянское население становится *пережитком уходящей аграрной эпохи и отжившей капиталистической формации*. Основываясь на этой идеологии, большевики приняли решение осовременить этот пережиток посредством принудительной и насильственной коллективизации. Массовая коллективизация крестьянских хозяйств началась в 1929 году. Вдобавок к коллективизации был введен новый вид социалистического крепостничества, когда колхозников лишили паспортов и запретили им свободное передвижение по стране.

Введённый вид крепостничества позволял перемещать колхозников из одной области хозяйствования в другую. Поэтому значительные массы крестьянского населения были насильственно «выдернуты» из сельскохозяйственного производства и переведены в создаваемое промышленное производство.

Свойственный крестьянам частный труд в семейном земледельческом хозяйстве был насильственно заменён коллективным трудом в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях, на государственных стройках и т.д. Однако неотип коллективного труда в течение семидесяти лет находился в непримиримом противоречии с мемом архетипа частного труда.

Все это привело к тому, что крестьянское население, как только получало на руки паспорта, переселялось в города с желанием влиться в ряды гегемона. Перетекание сельского населения в города привело к тому, что выращенный урожай приходилось убирать силами городских промышленных рабочих, учащихся, служащих, военнослужащих и пр. Осенняя страда превращалась в «битву за урожай».

В результате Советский Союз неизбежно попался в *«ловушку» аграрного невосполнения*, т.е. отсутствия аграрной восполняющей периферии. Это привело к непреодолимым проблемам в снабжении населения продовольствием.

Деиндустриализация в либеральной России

После возвращающей социальной революции в России в 1991–1993 годах населению страны внушалось, что Россия сможет так же, как до этого Япония, Германия, Китай и пр., стать промышленной периферией США. Однако этого не произошло. Развивать современное промышленное производство на территории России оказалось менее выгодно, чем в указанных выше странах. В результате Россию даже в пассивную восполняющую промышленную периферию развитых государств «не взяли».

После того, как иллюзии и надежды на промышленное и сельскохозяйственное обновление страны с помощью иностранных инвесторов, эффективных собственников и «невидимой руки рынка» рассеялись, руководство либеральной России, увлечённое более современной идеей сервисного прогресса, «бросило» эти сектора экономики на «эффективное отмирание» и начало осуществлять переход к сервисной экономике, к постиндустриальному обществу, к экономике знаний[1], к информационному обществу, к инновационному развитию, к использованию человеческого капитала и потенциала и пр., не подкрепляя этот переход ни созданием своей контролируемой восполняющей аграрной и индустриальной периферии, ни политикой сервисного протекционизма.

В результате осуществления этого «перехода» в силу невозможности конкурировать с более качественными промышленными товарами из Европы и с более дешёвыми товарами широкого потребления из Китая в России произошла деиндустриализация[2]. При этом сырьевая составляющая промышленного способа производства в России осталась. Россия была включена в состав сырьевой периферии объединенной Европы.

Как и следовало ожидать, в результате этого идейного и форсированного «перехода» экономика либеральной Россия стала окончательно неполноценной, и страна оказалась пассивной метааграрной периферией развитого центра, включающего в себя США, ЕС, Японию, Китай, Турцию и пр., причём метааграрной периферией, изымающей только те собственные природные богатства, которые необходимы этому центру.

Восстановление архетипического синтетичного соотношения способов хозяйственной деятельности

С учётом горького опыта гипериндустриализации в социалистическом Советском Союзе и гиперпостиндустриализации в либеральной России нужно постепенно восстановить архетипическое синтетичное соотношение способов хозяйственной деятельности, свойственное исторической царской России и нарушенное как в социалистическом проекте, так и в либеральном проекте.

3.4. Синтетичное управление хозяйством

Разрушение синтетичности управления хозяйством России в начале XX века за счёт архетипа самоуправляемой хозяйственной деятельности

Сложная внутренняя и внешняя обстановка, сложившаяся после Первой мировой войны и Октябрьской революции потребовала от властной системы раннего Советского Союза значительного расширения архетипа государственно управляемой хозяйственной деятельности за счёт принудительного сужения архетипа рыночно самоуправляемой хозяйственной деятельности.

---

[1] Экономика знаний. – М.: ИНФРА-М, 2008.

[2] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – Г. 2.8–2.9.

Однако по чисто идейным соображениям власти зашли слишком далеко в этом направлении и в несколько этапов подавили систему самоуправляемого хозяйствования. На последнем этапе этого подавления в 1956–1960 годах был осуществлён переход к «окончательной победе социализма в СССР», который заключался в том, что существовавшая до этого времени система промысловой кооперации была ликвидирована и переведена в систему государственного планового управления. В итоге догматический переход к «развитому индустриальному социализму» привёл лишь к появлению тотального дефицита всех потребительских товаров и к исчезновению многомиллионной части российского крестьянства. Вследствие этого Советский Союз оказался в непреодолимой зависимости от ввоза сельскохозяйственной продукции из-за рубежа.

Пренебрежение синтетичностью управления хозяйством России в конце XX века в пользу архетипа самоуправляемого хозяйствования

Перестройка восстановила подавленный архетип рыночно самоуправляемой хозяйственной деятельности в правах. Но пришедшие к власти рыночные фундаменталисты так же, как до этого их социалистические предшественники, снова «перегнули палку» и разрушили господствовавшую в Советском Союзе государственно управляемую систему хозяйствования, настроенную в основном на внутреннее развитие.

В послеперестроечной России полное предпочтение получила самоуправляемая система хозяйствования, причём ориентированная не на внутренний, а на мировой рынок[1]. Однако слишком быстрое и неподготовленное встраивание России в мировую хозяйственную систему привело к тому, что созданная в России социально-экономическая система вошла в состояние глубокого кризиса.

Второй НЭП, но с другого конца: воссоздание параллельной системы управляемой хозяйственной деятельности

Для преодоления этого кризиса необходимо частичное воссоздание системы управляемой хозяйственной деятельности[2]. Такая параллельная воссозданной системе самоуправляемой хозяйственной деятельности дополнительная система управляемой хозяйственной деятельности могла бы стать основой устойчивого развития России и, в частности, основой её реиндустриализации[3]. Образно говоря, в России нужно провести второй НЭП. Только теперь в отличие от первого НЭПа нужно заходить с другого конца этого пути.

Указанная дополнительная система должна быть основана на долгосрочном планировании национального развития и на краткосрочном плановом частичном государственном заказе[4].

3.5. Синтетичное освоение внутреннего жизненного пространства

В результате политики гипериндустриализации в социалистическом Советском Союзе и гиперпостиндустриализации в современной либеральной России произошло разрушение эволюционно сложившейся системы сельского и городского расселения. В частности, за период между двумя последними переписями населения российское село утратило 10,7 тыс. населенных пунктов. В последние десятилетия численность населения малых городов и моногородов стала стремительно падать. Население из северных и восточных территорий страны перебирается по мере возможности в крупные региональные и федеральные центры.

Поэтому нужно отказаться от губительной политики сведения населения всей страны только в несколько отдельных гиперполисов типа Москвы. А именно, государственно управляемая система хозяйствования должна быть направлена на развитие малых городов и сельских поселений. Государство должно взять на себя трудную миссию создания соответствующей инфраструктуры по всей стране.

Как показывает история и России, и США, «... на каждом этапе освоение страны являлось первоочередной задачей. Из этого, в свою очередь, следовали экономическое благосостояние, улучшение демографической ситуации и обеспечение обороноспособности – плоды освоения новой территории, обладающей богатейшими девственными ресурсами, от земли до нефти»[5]. «... у эволюции существует единственный категорический императив − *территория, поддающаяся освоению возникающими технологиями, должна быть освоена.* Если это не делается проживающими на ней народами, то, как показывает история, например, североамериканских индейцев, всегда находится значительный контингент желающих их заменить или разделить их наследство»[6]. Пример с американскими индейцами должен служить хорошим побуждением и для растерянного населения, и для близорукого господствующего класса на синтетич-

---

[1] Основы теоретической экономики / Под ред. Д.Ю. Миропольского: Учебник. – СПб., 2008. – С. 366–367.

[2] Захаров В.К. Финансово-кризисные способы государственного и межгосударственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2010. – № 11. – С. 9–16; Захаров В.К. Второй НЭП как способ изменения геополитической химеры современной России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2012. – № 3. – С. 34–43.

[3] Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. − М.: Экономика, 2016. – С. 556–619.

[4] Закиматов Г.В. Централизованное директивное планирование в рыночной экономике − новое качество экономики // Экономика и управление. 2014. – № 6. – С. 927–932.

[5] Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 107.

[6] Там же, с. 115.

ное освоение внутреннего жизненного пространства, которое заключается в одновременном развитии как больших городов, так и малых городов и сельских поселений, хотя бы расположенных вдоль железнодорожных и автомобильных магистралей и вдоль больших рек, а также на морских берегах.

3.6. Синтетичное взаимодействие с внешним миром

Россия должна осваивать своё жизненное пространство, используя и внутренние, и внешние источники развития, но в соответствии только со своими устремлениями. Поэтому взаимодействие с внешним миром должно быть *синтетичным*, т.е. прагматически и суверенно многовекторным.

Для России стратегически разумным было бы «... производство нефти на продажу, по мере направления газа на развитие собственной промышленности в рамках своей экономики дешёвого и обильного энергоносителя»[1].

Для этого Россия не должна вступать ни в какие долговременные политические или экономические союзы ни с какими крупнейшими геополитическими центрами: ни с Западом в лице США или Европы, ни с Востоком в лице Китая или Японии, поскольку они в соответствии со своими собственными устремлениями будут по своему осваивать и присваивать российское жизненное пространство и его достояния[2].

3.7. Синтетичная нравственность

Поведенческий устав синтетичного общества должен быть основан на сочетании *воли*, понимаемой как свобода проявления личности каждого жителя страны, не приносящая ущерба ни другим людям, ни стране, ни миру в целом (и в частности, его природе), и *чести*, понимаемой в самом широком смысле, включающем в себя понятия честности и справедливости, хранящиеся в сознании и подсознании народа России.

Синтетичный нравственный идеал можно задать следующим образом: «Честное дело на вольной земле для созидания блага, приумножения рода, возвышения духа, устроения лада и удержания мира»[3].

---

[1] Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 144.

[2] Захаров В.К. Объединительная (синкретичная) идеология для России (окончание) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 13. – С. 2–13.

[3] Там же.

Конашев М.Б.
к.б.н., гл.н.с. СПбФ ИИЕТ РАН
mbkonashev@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

Ключевые слова: *теория эволюции, социальная эволюция, революция, Россия.*
Keywords: *theory of evolution, social evolution, revolution, Russia.*

Весь конец XX и начало XXI вв. прошли под знаком «окончательной гибели коммунизма», громогласного торжества неолиберализма и утверждения не только в политике и идеологии, но и в респектабельной академической науке концепции «конца истории»[1]. Правда, Ф. Фукуяма позже сам признал, что слегка переборщил, но это признание уже не вызвало ни такого же внимания, ни тем более такого же восторга[2]. А вот «конец истории» остался как в политике и идеологии, так и в респектабельной академической науке. И там, и там, конечно же, речь шла и идет о процессах трансформаций в бывших социалистических странах, включая современную Россию, о необходимости все новых реформ, но лишь тех, которые продолжают и углубляют те, что уже были проведены и еще проводятся, но недостаточно энергично, по направлению к совершенной финальной точке, т.е. к установленному на Западе миропорядку[3]. Сам же Запад не подлежит сходным по масштабам и темпам трансформациям, а лишь неким улучшениям в рамках уже достигнутого несомненного и благословенного «конца истории»[4]. Таким образом, Запад есть ни много, ни мало, само воплощение гегелевского абсолютного духа, некая конечная станция на маршруте всего человечества.

Но, к несчастью для апологетов «конца истории» и «исчерпанности лимита на революции», подземные толчки истории стали столь явственны, что их просто невозможно не замечать, а революции просто неизбежны, и их приближение для кого-то пугающе, а для кого-то радостно очевидно[5]. Впрочем, те же апологеты и их хозяева фактически не только давно признали революции, но и действуют, создавая «цветные революции»[6].

---

[1] Fukuyama F. The End of History // National Interest. 1989. Summer; Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

[2] «Эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» (1989), принесшее его автору, высокопоставленному чиновнику Госдепартамента США в Вашингтоне, всемирную известность, уже давно не выглядит провокативным. Даже иронизирование по поводу фукуямовского благодушия, два-три года назад считавшееся хорошим тоном в продвинутых интеллектуальных кругах Запада, перестало занимать критиков». См.: Малахов В. С. Ещё раз о конце истории. – http://lib.philosophical.ru/vopros/45.html

[3] «В период после 1989 г. главенствующей идеей является идея о том, что с «триумфом» капиталистической глобализации и «концом эры революций» в «недолгом 20 столетии», снова проявляются невозможность перехода по ту сторону капитализма, <…> Исторический цикл, который был открыт в Октябре 1917, с этой (буржуазной) точки зрения, закрыт безвозвратно» См.: Михаил-Матцас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. – М., 2016. – № 2. – С. 71.

[4] Например: «корпоративный капитализм США полагается общественным идеалом, все же прочие общества идут в направлении к идеалу, только вот что-то никак не доходят». См.: Михайлов А.И. Миросистемный анализ распада СССР // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 12.

[5] «Новая эра глобализации», которую много и шумно приветствовали, оказалась просто глобализацией *всех противоречий* (здесь и далее в цитатах курсив мой – М.К.) капиталистической системы до точки взрыва. Фальшивые «окончательная и полная победа» либерального капитализма, объявленная после краха Советского Союза, и бесконечный период мирного процветания буржуазной демократии вскоре сменились *свертыванием демократии* в условиях «чрезвычайного положения», провозглашенного в метрополиях для сопровождения *непрерывной варварской войны* на периферии, «перманентной террористической войны», «долгой войны», ложно представляемой империализмом как «столкновение цивилизаций». Эта глобализация империалистической войны как выхода из тупика финансовой глобализации, провалилась в своих попытках подавить народное сопротивление и за границей, и у себя, и, в конце концов, привела к негативной реакции в форме политического кризиса буржуазных режимов на их же родине, означающего переход к крупным историческим противостояниям. Предчувствие революции снова нависает над планетой, хотя его постоянно и тщетно отрицают и изгоняют». См.: Михаил-Матцас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. – М., 2016. – № 2. – С. 65.

[6] См. например: Карпович О. Г., Манойло *А. В*. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: ЮНИТИ Закон и право, 2015; Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Бочанов М.А. «Цветные революции» как технологии современной геополитики: научная монография. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016; Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. – СПб.: Алетейя Историческая книга, 2013; Прокофьев А.В. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI в. на примере Грузии, Киргизии и Украины: сравнительное исследование. – Казань: Казанский университет, 2011; Родькин П.Е. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. – М.: Совпадение, 2015; Шевченко В.Н. А. Грамши и цветные революции нового века // Альтернативы. – М., 2015. – № 4. – С. 73–86.

Эволюционная теория и социальная эволюция

Вывод о том, что революции не стали лишь событиями исторического прошлого, основывается на целом ряде неоспоримых фактов и теоретических заключений. Помимо социальных революций известны и многие другие. Все они являются не просто кардинальными изменениями того или иного предмета, а переходами из одной стадии той или иной эволюции в другую, т.е. в самом общем виде переходами между стадиями всеобщей эволюции, или эволюции материи. В частности, социальные революции представляют собой переходы из одной стадии социальной эволюции в другую. В силу этого революция есть предмет теории социальной эволюции[1], и, как ее части, теории революции. В свою очередь теория социальной эволюции является частью теории всеобщей эволюции[2] и неотъемлемой составной частью всякого научного эволюционного мировоззрения. Поскольку существует определенная преемственность и соотношение стадий не только социальной, но и всеобщей эволюции[3], понятие «революция» является всеобщим, или универсальным и входит в систему понятий теории каждой частной эволюции, будь то эволюция искусства, морали, науки и т.д. Иначе говоря, экспансия эволюционных принципов и понятий из теории биологической эволюции в другие научные теории, дисциплины и целые области науки имеет своим следствием то, что обычно принято называть эволюционизмом[4].

Рассуждения о «конце истории» и само это понятие изначально ненаучны, т.к. игнорируют давно уже установленный всеобщий характер эволюции, означающий в частности, что эволюция человечества, т.е. его история, может закончиться лишь с самим человечеством, которое не может не эволюционировать. Природа этой эволюции вовсе не предзадана и не предопределена, как не предзадан и не предопределен ее ход, пути и способы осуществления. Непредсказуемость, многофакторность и разнонаправленность эволюционных процессов давно изучаются в эволюционной биологии.

Биологическая эволюция, разумеется, не одно и то же, что социальная эволюция, а теория биологической эволюции, возникшая в результате «эволюционного синтеза» в 30–40-х гг. XX в., и долгое время именовавшаяся не иначе как «синтетическая теория эволюции»[5], не может и не должна заменять собой теорию социальной эволюции. В то же время есть взаимодействие и преемственность между биологической и социальной эволюциями. В частности, это означает, что т.к. каждая предшествующая эволюция является основой последующей, то эта последующая не может протекать как угодно, а лишь в тех направлениях и границах, которые позволяет та основа, на которой она развивается. Причем некоторые черты, свойства и даже законы последующей эволюции в определенном (как качественно, так и количественно) отношении, являются развитием черт, свойств и законов предшествующей эволюции. Таким образом, «синтетическая теория эволюции» позволяет предположить какими чертами, свойствами и даже законами может, и какими не может обладать социальная эволюция и составляющие ее эволюционные процессы. Более того, можно с определенной долей достоверности и неопровержимости делать некоторые утверждения об эволюции отдельных цивилизаций, обществ, государств, культур, в т.ч. и современной России.

Две концепции исторического развития России

Прошлое Российской империи (и мира в целом) на протяжении последних двадцати пяти лет подвергалось неоднократной переоценке и переинтерпретации как научной, так и идеологической. Часто эти два аспекта (идеологический и научный) невозможно отделить друг от друга, но сам «идеологический окрас» почти всегда очевиден. Из всего

---

[1] О соотношении теорий биологической, социальной эволюции и эволюции материи см.: Конашев М.Б. Эволюционная теория Ч. Дарвина и эволюционная революция // Чарльз Дарвин и современная биология. Труды Международной научной конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург). – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 748–754.

[2] Показательно, что выдающийся отечественный генетик и эволюционист, Н.К. Кольцов, первую, вводную часть статьи, посвященную проблемам прогресса и регресса в биологической эволюции, посвящает как раз всеобщей эволюции материи, разбивая ее соответственно на разделы: «Постановка проблемы»; «Эволюция атома»; «Эволюция молекул»; «Эволюция организмов». См.: Кольцов Н.К. Проблема прогрессивной эволюции // Биологический Журнал. 1933. – Т. 2, вып. 4–5. – С. 475–476, 476–481, 481–482, 482–500. Аналогичным образом делают и некоторые современные авторы. Так, например, первая часть одного из учебных пособий по теории биологической эволюции состоит из трех глав: «Эволюция Вселенной», «Эволюция звезд», «Происхождение жизни на Земле» См.: Бирюков Н.Б. Эволюция: Происхождение Вселенной, жизни на Земле, популяц.-генет. основы эволюции живых организмов, макроэволюция. – Калининград: КГТУ, 1999. – С. 29–45, 45–56, 57–80.

[3] Эта преемственность уже очевидна, по крайней мере, для досоциальных стадий всеобщей эволюции материи: «В событиях, которые происходили в ранней Вселенной (физическая эволюция), и в событиях, которые произошли миллиарды лет спустя (биологическая эволюция), есть общее – и в том, и в другом случае имеет место *преемственность, случайное взаимодействие, естественный отбор* и конечная (по-видимому, неизбежная) *симметрия*». См.: Бирюков Н.Б. Эволюция: Происхождение Вселенной, жизни на Земле, популяц.-генет. основы эволюции живых организмов, макроэволюция. – Калининград: КГТУ, 1999. – С. 9.

[4] См. например: Гиляров А.М. Ариаднина нить эволюционизма // Вестник Российской академии наук. – М., 2007. – Т. 77, № 6. – С. 508-519; Глобальный эволюционизм: (Филос. анализ): [Сб. ст.] [Отв. ред. Л.В. Фесенкова]. – М.: ИФРАН, 1994; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм = Global evolutionism: идеи, проблемы, гипотезы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012; Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. – М.: ИздАТ, 1993; Попов В.П., Крайнюченко И.В. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы. – Ростов н/Д.: АПСН: СКНЦ ВШ, 2003; Черникова И.В. Глобальный эволюционизм: (Филос.-методол. Анализ). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987.

[5] См. подробнее: Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. – М.: Изд. Отдел УНЦ, ДО МГУ, Прогресс-Традиция, АБФ, 1999; Развитие эволюционной теории в СССР. – Л.: Наука, 1983; Создатели современного эволюционного синтеза / Отв. ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб. Нестор-История, 2012.

спектра предлагавшихся и предлагаемых трактовок прошлого (как чисто исторических, так и в духе макросоциологических теорий) выделяются две основные, принципиально отличные макросоциальные концепции – модернизации и смены общественно-экономических формаций[1].

Согласно первой Россия, пусть и с некоторым запозданием, развивалась по так называемому общецивилизационному пути, на котором в начале XX в. перед ней встала историческая задача модернизации. Итогом модернизации должен был стать переход России от доиндустриального к индустриальному обществу. Большевистская революция сбила Россию с этого нормального, правильного пути, и хотя модернизация все-таки была совершена, но коммунистическими методами и слишком большой ценой. Историческая задача, стоявшая перед страной, была решена, но сам способ ее решения и полученные результаты в то же время закрыли дорогу к решению следующей задачи – переходу страны от индустриального к постиндустриальному («информационному» и т.п.) обществу.

Согласно другой Россия оказалась самым слабым звеном в цепи капиталистических государств Европы, и именно в этом звене произошел разрыв цепи, в принципе открывавший дорогу к новому, некапиталистическому типу общества, к коммунизму. Однако в силу ряда причин вместо предполагавшегося социализма (а затем и коммунизма) в стране образовался тупиковый «казарменный социализм», обернувшийся затем с неизбежностью капиталистической реставрацией[2]. Иначе говоря, «создав основы социалистического строя в некогда отсталой стране, отстояв свое право на жизнь, русская революция» так и осталась «незавершенной революцией»[3].

Противопоставление и противостояние двух концепций, в особенности по политико-идеологическим причинам, привело к их восприятию и трактовке как взаимоисключающих. Однако, при серьезном рассмотрении оказывается, что вторая концепция вовсе не отрицает некоторые представления и понятия первой, но, в откорректированном и развитом виде, превосходящем изначальный, включает в себя как свои собственные органические элементы. При этом оказывается, например, что революция есть одновременно и предпосылка, и средство модернизации, причем более полной, чем та, что предполагается в концепции модернизации. Перед Россией действительно стояла задача модернизации (социально-политической, культурной, технической), но эта задача, в силу той конкретно-исторической ситуации, в которой ее пришлось решать России, в том числе из-за соотношения сил на мировой арене тогда, не могла быть решена никак иначе как через революцию[4]. Все попытки решить задачу модернизации как-то по-другому, в том числе лишь бы каким-то образом избежать революции в России, закончились неудачей. Но и за границей в большинстве стран, оказавшихся в аналогичной ситуации, они закончились фактически тем же. В итоге к середине XX в. образовался т.н. двуполярный мир с двумя «сверхдержавами» – США и СССР. Причем Россия начинала модернизацию как полуразрушенная в результате Первой мировой войны и фактически навязанной ей гражданской войны страна, и осуществила ее всего за десять лет в условиях почти полной экономической блокады.

В ходе попыток аналогичных модернизаций также возникал социалистический вариант дальнейшего развития (Парижская коммуна, Баварская советская республика, Венгерская советская республика и т.д.). Иначе говоря, этот социалистический вариант оказался возможен и в принципе осуществим на определенном витке социальной эволюции, нижняя граница которого технологически, вероятно, определяется созданием крупной индустрии.

Разумеется, на каждой такой «развилке» истории, в случае успешной реализации мог получиться свой особый, возможный именно на этом этапе социальной эволюции, в том числе на этом уровне развития производительных сил, социализм. Это подтверждается анализом как утверждений о том, что никакого социализма в СССР не было, а был госкапитализм[5], так и противоположных, что в СССР был коммунизм и именно он-то и потерпел поражение[6]. В обоих

---

[1] См. например, обзор разных трактовок социализма и противоположных ему теорий: Славин Б.Ф. Социализм и Россия. – М.: УРСС, 2004.

[2] См. например*:* Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. С. 289; Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2011. С. 514–515; Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Пер. Ирины Давидян. – М.: АИРО-XXI, 2011.

[3] Белёвский О.А. Всеобщее и особенное в русской революции // IX Плехановские чтения. Союз Советских Социалистических республик, 1922-1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития? Материалы конференции. 30 мая – 1 июня 2010 г. – СПб.: РНБ, 2010. – С. 24.

[4] «Чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна (в силу полного социально-политического банкротства российской буржуазии), а социалистическая самодеятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию, была трудно достижимым идеалом и к тому же категорически отвергалась бюрократическим прагматизмом. Поэтому партийное большинство, консолидировавшееся вокруг Сталина, сделало единственно возможный для него выбор. Выбор был таков: индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов за счет всех основных социальных слоев советского общества (не исключая и пролетариат). Таким образом, Сталин нашел реалистический ответ на вопрос, как завершить широкомасштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии» см.: Колганов А.И. СССР как [не]социализм // Альтернативы. – М., 2011. – № 2. – С. 69.

[5] См. например: Cliff T. **State Capitalism in Russia. –** L.: Pluto Press**,** 1974. Русский перевод: Клифф Т. Государственный капитализм в России. – М.: Б. и., 1991; Островский А.В. Существовал ли социализм в СССР? // Альтернативы. – М., 2011. – № 4. – С. 152–153; Панюта И.Н. Классовая природа СССР и причины поражения строительства социализма // IX Плехановские чтения. Союз Советских Социалистических республик, 1922–1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития? Материалы конференции. 30 мая – 1 июня 2010 г. – СПб.: РНБ, 2010. – С. 74.

[6] См. например: Певзнер Я.А. Крах коммунизма и современные общественные отношения. – М.: Наука, 1999. – С. 238; Скидельски Р. Дорога от рабства: Об экон. и полит. последствиях краха коммунизма / [Пер. с англ. С. Сумина]. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 21; Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии / [Пер. с фр. В.И. Божович]. – М.: Ad Marginem, 1998. – С. 12, 13, 557.

случаях, воспроизводится… сталинское понимание социализма и коммунизма: «*Сталин отождествлял то общество, которое было в СССР в 30–50-годы де-факто* (раннесоциалистическое и одновременно деформированное сталинизмом), *с социализмом.* Отсюда, с одной стороны, ряд теоретических положений (о товарном характере производства, значительной роли государства, сохранении неантагонистических классов) соответствовал уровню общественного развития страны на тот период, но не соответствовал социализму как первой фазе коммунистического общества»[1]. При этом «Сталин, в целом, рассматривал социализм как однородное, непротиворечивое общество, то есть метафизически»[2], как уже построенное в 1930-х гг. в СССР[3], т.е. незаконченный процесс формирования социализма он полагал и объявил самим социализмом[4].

Независимо от того, чем считать этот незавершенный процесс, в нем были реализованы (пусть и в искаженной форме) некоторые действительные потенции и черты именно социализма! Причем этот процесс можно было продолжать именно в лучшую сторону: «социализм как общественный строй, направляющий развитие экономики в интересах всего общества, мог быть сохранен в СССР и получить новое развитие при существенном расширении роли частной собственности»[5]. К тому же отдельные элементы социализма в виде т.н. социального государства появились в капиталистических странах под влиянием СССР, и все еще сохраняются там, несмотря на наступление на них неолиберализма. Наконец, социализм выжил и развивается в таких разных по достигнутому и по возможностям развития странах, как Вьетнам, Куба, КНДР и Китай[6]. Хотя социализм в этих странах, в особенности «социализм с китайской спецификой» по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма»[7].

Полная и окончательная победа «цивилизованного» капитализма пока что означает лишь то, что социальная эволюция достигла новой «развилки» истории, когда вновь, хотя, быть может, в последний раз (по крайней мере, на данном отрезке социальной эволюции) возможен «выбор» между капиталистическим и социалистическим вариантами развития. Какой из двух вариантов и в какой конкретно форме реализуется, будет зависеть от очень многих факторов и условий, соотношения социальных сил в момент, или в ряде моментов «выбора». Существующие в России проблемы и перспективы, в т.ч. альтернативы, последующих исторических преобразований необходимо рассматривать и оценивать с точки зрения нахождения в этой исторической (эволюционной) развилке.

Альтернативы исторического развития России

Теория биологической эволюции объясняет целый ряд особенностей биологической эволюции, в частности разнонаправленность и разнотемповость эволюционного процесса. Эволюционисты много спорили об этих особенностях биологической эволюции, о том, чем обусловлен именно такой его характер, о соотношении в эволюции прогресса, регресса и стазиса, а также, в особенности на рубеже XX–XXI вв. по вполне понятным причинам о том, является ли появление человека случайностью или необходимостью. Американский палеонтолог С.Дж. Гулд, наверное, более других современных эволюционистов настаивал на том, что происхождение человека – случайность, и с большой долей вероятности «*H. sapiens* всего лишь крошечный, поздно возникающий прутик на чрезвычайно ветвистом кустарнике жизни»[8]. Его эволюционную концепцию критиковали многие авторы, в первую очередь американские, и один из них, Ф. Айяла особо подчеркивал, что основные теоретические утверждения как в главной книге С.Дж. Гулда[9], так и в других его работах, «являются непоследовательными, если не противоречивыми»[10]. Эти дебаты весьма симптоматичны, и имеют непосредственное отношение к проблеме альтернативности социальной эволюции.

Преемственность между биологической и социальной эволюцией, о которой шла речь выше, позволяет с высокой долей достоверности утверждать, что социальной эволюции так же, как и биологической, присущи в целом различия как по направлениям, так и по темпам, а ее, так сказать, генеральная линия, вовсе не прямой линейный хай-вэй, а

---

[1] Черняков С. Ф. К вопросу о теоретических взглядах И.В. Сталина // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 142.

[2] Там же, с. 142.

[3] Там же, с. 130.

[4] Там же, с. 131–132.

[5] Эпштейн Д.В. Социализм, частная собственность и демократия // Свободная мысль. – М., 2011. – № 11. – С. 102.

[6] О том, чем является современный Китай существует три основные точки зрения. Согласно первой, которой придерживаются прежде всего неолиберальные авторы, Китай является капиталистической страной. По второй сама антиномия «капитализм-социализм» уже устарела, поэтому приложимы лишь такие термины как «смешанная экономика», «многоукладная экономика» и пр. Согласно третьей в Китае меняется именно социализм см.: Шевченко В.Н. Социализм с китайской спецификой: опыт марксистского анализа // Альтернативы. – М., 2016. – № 2. – С. 200–201. В своих оценках данный автор основывается также на публикациях самих китайцев. В частности: «Многим иностранным друзьям кажется, что от социализма с китайской спецификой осталась только китайская специфика… мы имеем дело с ошибочным пониманием происходящего… Социализм – это строй, который рассматривает в качестве главной ценности общество и освобождает общество от гнёта капитала, в то время как капитализм рассматривает в качестве главной ценности именно капитал». См.: Китайская мечта и мир. – Пекин, 2013. – С. 16. При этом Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в своём выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва ещё раз подчеркнул важность ускорении темпов именно социалистической модернизации. См.: Документы третьего пленума ЦК КПК Китая 18-го созыва. – Пекин, 2013. – С. 109).

[7] Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: Форум, 2011. – С. 324.

[8] Gould S.J. The Evolution of Life on the Earth // Scientific American. 1994. – Vol. 271. – P. 91.

[9] Gould S.J. Structure of Evolutionary Theory. – Cambridge (Mass.); London: Belknap Press of Harvard University Press, 2002.

[10] Ayala F.J. The Structure of Evolutionary Theory: on Stephen Jay Gould's Monumental Masterpiece // Theology and Science. 2005. – Vol. 3, N 1. – P. 99.

извилистый серпантин, хотя и поднимающейся вверх, к вершине социального прогресса, но несколькими путями[1] и по нескольким склонам этой вершины.

Причем одни пути этой серпантинной сети обрываются в пропасть, другие упираются в непреодолимые отвесные склоны, третьи спускаются вниз, в том числе к той развилке, где они разошлись ранее. Зная природу склонов, по которым идут эти пути, их начальные точки и многое другое, можно в принципе предсказать с той или иной долей вероятности, в т.ч. для некоторых путей с достаточно высокой, куда они могут привести и куда, скорее всего, приведут. Причем для одних дорог вероятность того, что они доведут до вершины, а не оборвутся в пропасть, будет одна, у других другая, и для некоторых вероятность того или другого исхода составит почти 100 процентов.

Тем самым, с определенной долей вероятности можно на основе только того знания, которое дает теория биологической эволюции, предположить, а то и предсказать, судьбу отдельной страны как части того или иного потока социальной эволюции.

Так по какой же дороге пытается достичь вершины социальной эволюции Россия? Какова вероятность, что по этой дороге она ее достигнет? И, кстати, пытается ли она достичь вершины вообще, топчется на месте, добравшись до некоего относительно комфортного для «правящей элиты» плато на каком-то участке подъема, или, вовсе, замечая это или нет, балансирует на краю пропасти?

Разные эксперты дают разные ответы, часто с прямо противоположным знаком. Тем не менее, однозначно можно сказать одно: двигаясь и дальше по дороге капитализма, будь то его неолиберальная ветвь, или правоконсервативная, Россия в лучшем случае съедет в низ к той точке, с которой начинала подъем. Подтверждением этому являются, например, данные в книге Д. Лэйна[2], «указывающие, что во многих ключевых областях, таких как научные исследования и разработки, постсоциалистические государства существенно не продвинулись в мировой экономике»[3]. Обусловлено это, прежде всего, тем, что страны «периферийного капитализма» двигаются по пути «догоняющего развития», а попасть в желанный капиталистический центр, двигаясь по этому пути, невозможно. Только СССР и другие социалистические страны в свое время оказались способны, если и не перегнать, то догнать капиталистический центр, тогда как все остальные «страны догоняющего развития не смогли покинуть периферию, за исключением Японии, но она ей никогда и не была»[4].

Более того, сам курс на капиталистический центр был объективно и изначально ложным: «Ещё более фантастическими были надежды войти в ядро мир-системы. С тех пор как ядро мир-системы сформировалось, этого не удавалось никому. Даже Япония, стоявшая наособицу в международном разделении труда до 1945 г., успела сесть на вторую кондратьевскую волну 1870-х, когда ядро мир-системы закончило формироваться вместе с эпохой европейских революций. Немаловажную роль сыграли и победа в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. и весьма выгодное участие в Первой мировой»[5]. Тем более, он бесперспективен сейчас, и по очевидной причине: «Современное рентное государство базируется на инфраструктуре (электроэнергетика, коммунальное хозяйство, газотранспортные системы и телекоммуникации) чьё функционирование, в отличие от строительства, требует минимальных трудозатрат, а значит, позволяет в условиях естественной монополии просто «стричь купоны», т.е. является продуктом загнивающего капитализма. Хотя такие режимы и более управляемы, их должна постигнуть судьба «старых режимов», дабы открыть дорогу постиндустриальному развитию»[6].

К тому же, следование по любому капиталистическому пути, как по неолиберальному, так и по правоконсервативному, или по какой-то промежуточной дороге, сочетающей в себе тем или иным образом неолиберальную и неоконсервативную политику, может привести к еще одному, совсем уж трагичному для страны итогу: либо к ее полной и окончательной, либо к фактической гибели, когда некие внешние, формальные атрибуты государства останутся, но никаких полноценных государственных институтов уже не будет, как не будет и самостоятельной национальной экономической и любой другой политики.

В любом случае следование по этому пути не приведет ни к чему хорошему в силу того, что капитализм как таковой находится не на восходящей, а уже на нисходящей траектории своей эволюции[7]. Для капитализма в целом, или т.н. глобального капитализма эволюция заканчивается, и в этом смысле можно действительно говорить о «конце истории» – о конце истории капитализма. Потому что современный мир «не является ни интегрированной целостностью со странами на различных уровнях того же самого капиталистического развития, ни двумя отдельными организмами, *внешне* связанными и взаимодействующими: глобальным капитализмом в кризисном состоянии, с одной стороны, и с другой – бывшим «социалистическим» миром, находящимся в процессе реставрации капитализма на разных уровнях готовности. Обе открытые под-целостности подвергаются воздействию процесса исторического ***умирания*** капитализма в целом. Реставрация капитализма происходит слишком поздно. Интеграция постсоветской России (или даже Ки-

---

[1] В частности, о дивергенции траекторий социальной эволюции именно на постсоветском пространств идет речь в книге: Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010.

[2] Lane D. The Capitalist Transformation of State Socialism: The Making and Breaking of State Socialist Society, and What Followed. – N.Y.: Routledge, 2014.

[3] Тарас Р. Дэвид Лэйн, «Капиталистическая трансформация государственного социализма: создание и разрушение социального государства и последствия этого» // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 153.

[4] Михайлов А.И. Миросистемный анализ распада СССР // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 12.

[5] Там же, с. 15.

[6] Там же, с. 19.

[7] См. например: Есть ли будущее у капитализма? = Does capitalism have a future? / Пер. с англ. [А. Аполлонова и др.] под ред. Георгия Дерлугьяна. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

тая) в мировой капиталистический рынок не может быть повторением интеграции Китая в Британскую империю 19 ст.»[1]. В силу множества причин кризис современного капитализма «стал неизбежным, а с ним и сомнения в будущем капитализма, по крайней мере, в его нынешнем виде»[2].

В то же время, тезис об ошибочности альтернативной дороги и об обреченности «советского проекта» сам ошибочен. Обращение к статистическим данным, а не к анекдотам и выступлениям сатириков, подтверждает, что экономика СССР практически на протяжении всего периода «холодной войны» развивалась успешно, по темпам развития превосходя экономики ведущих капиталистических стран[3], в т.ч. производство продуктов питания «по многим параметрам соответствовало западноевропейскому уровню, а по потреблению, например, молока было выше, чем во многих странах Западной Европы»[4]. В частности, в 1988–1989 гг. в СССР «потребление на душу населения молока было выше, чем в Великобритании (310–320 кг), таким же, как в ФРГ (359–366 кг), выше чем в Италии (280 кг) и в США (263–265 кг). Потребление яиц было выше, чем в Великобритании (190–218), в ФРГ (253-262), во Франции (251–257), в Италии (210–214), в США (229–238). Потребление рыбы в СССР (17,2–17,5 кг) было выше, чем в Великобритании (12–12,5 кг), в ФРГ (6,8–7,2 кг), во Франции (13–15 кг), в Италии (8–9 кг), в США (12–13 кг). Это же касается овощей и сахара»[5].

Высокие темпы советской экономики признавались и на Западе, и из этого делались практические выводы: «Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был, примерно, в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей»[6]. Кроме того, доказано, что у советского «реального социализма» действительно были возможности для развития, но они и структурные «макроэкономические преимущества социализма в 70-х-80-х явно были использованы не до конца»[7].

О том же фактически говорит и более чем успешное, хотя и не без своих противоречий и проблем, развитие тех стран, что остались социалистическими, особенно Китая[8] и Кубы[9]. В КНР с 1978 по 1990 г. ежегодный прирост ВВП составлял 9%, а объем торговли увеличивался на 15,4%. За это время доход городского населения рос ежегодно на 5,9%, а сельского на 9,9%[10]. По темпам роста экономики за последние 5 лет, т.е. в 2011–2016 гг. Китай превосходил все другие страны, в т.ч. США.

Китай: 9,3% в 2011 г., 7,8 – в 2012 г., 7,8 – в 2013 г., 7,4 – в 2014 г., 6,8 – в 2015 г., 6,3% в 2016 г.

США: 1,6% в 2011 г., 2,3 – в 2012 г., 2,2 – в 2013 г., 2,4 – в 2014 г., 3,1 – в 2015 г., 3,2% в 2016 г.

По прогнозам разрыв в 2 раза между Китаем и США по темпам роста сохранится в ближайшие 2 года.

Китай: 6,0% в 2017 г., 6,0 – в 2018 г.

США: 2,9% в 2017 г., 2,7 – в 2018 г.[11]

Уменьшение темпов роста китайской экономики связано с замедлением темпов роста мировой экономики с 5,4% в 2011 г. до 3,4 – в 2012–2015 гг. и 3,6% в 2016 г. с предполагаемым сохранением темпа роста в 3,6% в 2017–2018 гг.[12] Среднегодовые темпы роста ВВП Китая держатся на сравнительно высоком уровне в 6,8%[13]. Уже в 2010 г.

---

[1] Михаил-Матсас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. – М., 2016. – № 2. – С. 74.

[2] Механик А. Эксперты предрекают глобальный кризис и крах мирового капитализма. – http://www.yuri-kuzovkov.ru/journalism/world_crisis/59_world_krah/

[3] Сурганов В.С. СССР. Экономика. Общая характеристика // Большая советская энциклопедия. – Т. 24, ч. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – С. 203.

[4] Эпштейн Д.Б. Советский социализм периода 60-80-х годов (политико-экономический анализ) // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 112.

[5] Мировое сельское хозяйство. Краткий статистический справочник. – М.: Минсельхоз РФ, 1992. – С. 61–65.

[6] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. – http://opentown.blogspot.ru/2014/01/blog-post_20.html

[7] Михайлов А.И. Миросистемный анализ распада СССР // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 16.

[8] См. например: Китай на новом этапе экономической реформы: [сборник выступлений на конференции Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока, 16 марта 2015 г.] / сост.: П.Б. Каменнов; отв. ред.: А.В. Островский. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2016.; Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: Форум, 2011; Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок: теория и практика. – М.: Весь Мир, 2016.

[9] Куба: новый этап адаптации. – М.: ИЛА РАН, 2011; Малюгин В.Г., Пыленок П.И, Шутов И.Д. Подвиг кубинского народа и преступления капитала США: уроки для России. И не только. – Рязань: Русское слово, 2015; Моисеев А.Н. Куба = Cuba: мудрость на каждый день. – М.: Аванглион-принт, 2014; Россия и Куба в контексте экономической глобализации = Rusia y Cuba en el contexto de la globalizacion economica / [отв. ред. В.М. Давыдов]. – М.: ИЛА РАН, 2005; Ченцов Н.Н. Куба от штурма казарм Монкада до года героического герильеро. Альтернативы развития. – М.: Белый Ветер, 2014; Langer H. Kuba: die lebendige Revolution: la revolución dinámica: zur Entwicklung Kubas in jüngster Zeit. – Böklund: Heinen, 2007; Veltmeyer H. and Rushton M. The Cuban revolution as socialist human development. – Leiden; Boston: Brill, 2012.

[10] Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: Форум, 2011. – С. 256.

[11] Мировая экономика. – http://www.mirprognozov.ru/prognosis/economics/tendentsii-razvitiya-mirovoy-ekonomiki/

[12] Там же.

[13] Там же.

ВВП Китая стал вторым по величине в мире после США, а с 1978 по 2010 г. увеличился более чем в 10 раз[1]. Правда, доход на душу населения в КНР остается ниже среднемирового, что не удивительно, если учесть, что население Китая достигло 1,380 млрд. чел.[2]

По информации МИД РФ на Кубе в 2011 г. темпы прироста ВВП составили 2,7% (в 2010 г. – 3,1%). Динамично развивается туристическая отрасль. Число иностранных туристов, ежегодно посещающих Кубу, составляет порядка 2,7 млн. человек. Важными отраслями национальной экономики являются фармацевтическая промышленность и биотехнологии. Основу товарного экспорта Кубы составляют никель, табак, сахар, медикаменты и продукты биотехнологий. Уровень инфляции – 1,4%, безработицы – 2,5% экономически активного населения.

Несмотря на материальные трудности, социальные параметры остаются высокими даже по сравнению с экономически развитыми странами. По данным Всемирного банка, в 2010 г. Куба занимала 51-е место в мире по показателю уровня человеческого развития. Средняя продолжительность жизни составляет 78 лет, детская смертность – 4,5 на тысячу новорожденных. По данным ЭКЛА за 2009 г. на Кубе самый высокий в Латинской Америке показатель государственных расходов на социальные нужды – 40,8% ВВП (в Бразилии – 26,2%, в Колумбии – 13,5, в Чили – 15,3 %. По данным Национального статистического управления (Oficina Nacional de estadistica– ONE), в 2010 г. в структуре государственных расходов 18,4% расходов было выделено на образование, 13,9 – на здравоохранение, 10,8 – на социальное страхование и содержание пенсионной системы, 3,8% – на строительство жилья[3].

На Кубе всем гражданам оказывается высококлассная медицинская помощь на бесплатной основе, полностью искоренены заразные болезни, проходят бесплатное обучение иностранные специалисты из более чем 32 стран мира. Только за последнее десятилетие с помощью Кубы были подготовлены десятки тысяч врачей из других стран, возвращено или улучшено зрение 2,2 миллионам людей с низкими доходами по всей Латинской Америке. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) назвала кубинскую систему здравоохранения «примером для остальных стран». ВОЗ констатировала, что на Кубе разработаны и продолжают развиваться вакцины против рака и других заболеваний, началось тестирование на человеке вакцины против СПИДа.

В 1960-1985 гг. экономика Кубы росла темпами 3,1% в год против 1,8% в целом по Латинской Америке. С 1989 по 1993 г. из-за свертывания, а потом и практически прекращения экономических связей СССР, а затем РФ с Кубой, ее ВВП упал на 35%, внешнеторговый оборот сжался в 30 раз. Затем началось восстановление экономики, возобновился экономический рост с очень высокими темпами в 2000-х гг. (2004 г. – 5%, 2005 – 11,8, 2006 – 12,5, 2008 г. – 4,3%). В кризисном 2009 г., в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры и после серии разрушительных ураганов, нанесших урон в 20% ВВП, рост замедлился до 1,4%. По ИРЧП Куба в Латинской Америке уступает только Чили (44-е место), Аргентине (45-е), Барбадосу (47-е) и Уругваю (48-е)[4].

Оценивая успехи и трудности экономики Кубы необходимо учитывать непрекращающееся губительное воздействие экономических санкций, наложенных США и названных на Кубе «актом геноцида». Экономический ущерб от них за полвека блокады оценивается в 100 млрд. долл.[5]

Об успехах этих стран в российских СМИ практически не сообщается по вполне очевидным причинам: ведь сразу даже т.н. обыватель сравнит эти успехи с российскими реалиями, и, невольно задастся вопросом: а почему это так? А ответ очевиден и неоспорим, ибо подтверждается фактами и цифрами, а также мнением ученых, причем не только китайских и кубинских. Согласно китайским авторам успех КНР обусловлен как раз тем, что еще в начале XX в. Китай в лице КПК выбрал социалистический путь и выбрал именно потому, что был вдохновлен примером революционной России: «Китайская интеллектуальная элита пришла к выводу, что Китай должен последовать русскому примеру и построить новое общество, в котором марксизм будет поставлен ядром всей идеологии, рабочий класс будет руководить, а угнетение бедных богатыми уйдёт в прошлое»[6]. На протяжении всей истории сначала борьбы за социализм, а затем эволюции китайского социализма, марксизм был руководством к действию и остается им[7]. В результате китайское общество, в т.ч. китайская экономика развиваются под марксистским управлением. В частности, хотя китайская экономика действительно «сильно изменилась, однако, она неизменно отказывается от приватизации, что резко отличает её от России и большинства бывших социалистических государств Восточной Европы. Хотя в Китае и существуют миллионы частных компаний, в настоящее время именно сотни огромных государственных предприятий господствуют в китайской экономике»[8].

О необходимости не только изучения, но и правильного использования китайского опыта пишет ряд авторов[9]. Некоторые прямо указывают при этом на то, что, несмотря на все усилия, новой российской буржуазии «пока не уда-

---

[1] Экономика Китая. Структура экономики КНР. – http://www.ereport.ru/articles/weconomy/china2.htm

[2] Основная характеристика и численность жителей Китая. – http://chinaed.ru/strana/chislennost-naseleniya-2014.html

[3] Куба: новый этап адаптации. – М.: ИЛА РАН, 2011. – С. 20.

[4] Куба сегодня. – http://rossiyanavsegda.ru/read/696/

[5] Там же.

[6] Ванг Гуокс. Почему марксизм популярен в Китае: три функции марксизма. Знамя, оружие и брэнд: роли, которые марксизм играет в Китае // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 146–147.

[7] Там же, с. 150.

[8] Там же.

[9] См. например: Бергер Я.М. Уроки китайских реформ для России // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – С. 192–204; Лукин А.В. Реформы в Китае и Россия: что можно взять на вооружение? // Там же, с. 187–192; Титаренко М.Л. Китай как стимул развития России // Там же, с. 21–28.

ется навязать свою культурно-идеологическую гегемонию»[1], и Россия в целом не только ностальгирует по советскому прошлому, но и остается привержена социализму, все еще сохраняя определенные предпосылки для возврата на этот путь, т.к. «по своим ценностным ориентациям остаётся пока вполне левой страной»[2].

Имеются разные, в т.ч. прямо противоположные точки зрения относительно того, по какой именно дороге пойдет Россия. По мнению некоторых авторов, движение по той или иной капиталистической дороге не только желательно, но и наиболее вероятно, и разница лишь в выборе между неолиберальной и неоконсервативной магистралью. Причем выбор в пользу неоконсервативного пути более вероятен и прагматичен, т.к. «национальный капитализм является реальной альтернативой неолиберальному капитализму» и «более вероятным сценарием в бывших странах социалистического мира, чем возвращение к социализму»[3]. По мнению других, в ситуации, когда «Россия сегодня действительно находится на распутье … становится вполне вероятной возможность достижения национального согласия в России на базе левых ценностей»[4]. Предсказать, по какому пути будет двигаться страна дальше, однако, никто не берется. Слишком сложны и противоречивы те эволюционные процессы, социальные, экономические, политические, культурные и многие другие, в ходе и в результате которых постоянно определяется и изменяется направление эволюции страны и всего человечества.

Тем не менее, можно все же утверждать, что только дорога, ведущая в социализм, а затем в коммунизм, является, и как раз с большей долей вероятности, при всех ее «ухабах», дорогой к следующей вершине социальной эволюции и настоящего прогресса. Известные западные социологи сходятся в том, что «конец капитализма вселяет определенную надежду, либо на его преобразование в новые, человечные формы, либо на переход к обновленному, демократическому социализму»[5]. Такова действительная, а не мнимая, альтернатива современности[6]. Но и достигнутая вершина, если на нее удастся взойти, есть лишь стартовая площадка для нового восхождения.

---

[1] Шевченко В.Н. А. Грамши и цветные революции нового века // Альтернативы. – М., 2015. – С. 84.

[2] Там же, с. 83. См. подробнее: Шевченко В.Н. Левое измерение современного российского общества // Альтернативы. – М., 2013. – № 1. – С. 61–74.

[3] Тарас Р. Дэвид Лэйн, «Капиталистическая трансформация государственного социализма: создание и разрушение социального государства и последствия этого» // Альтернативы. – М., 2016. – № 3. – С. 153.

[4] Шевченко В.Н. А. Грамши и цветные революции нового века // Альтернативы. – М., 2015. – № 4. – С. 84.

[5] Механик А. Эксперты предрекают глобальный кризис и крах мирового капитализма. – http://www.yuri-kuzovkov.ru/journalism/world_crisis/59_world_krah/

[6] «Изучение перехода необходимо больше, чем когда бы то ни было, поскольку, прежде всего, **наша эпоха имеет четко переходный характер**, как эпоха перехода *от угасающего капитализма к мировому социализму* (курсив мой. – *М.К.*), который отрицается» Михаил-Матсас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. – М., 2016. – № 2. С. 71.

Лексин В.Н.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Информатика и управление» РАН
Порфирьев Б.Н.
д.э.н., профессор, академик РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР[1]

Ключевые слова: *стратегия, пространственное развитие, доктрины, основные направления. концепции, программы, Арктическая зона России.*

Разработка, общественное обсуждение и реализация стратегии пространственного развития России начались и будут проходить в период неоднозначного отношения к самой возможности квалифицированного и неформального решения этой сложнейшей задачи. Причины длительного откладывания таких решений известны, и наиболее часто называемой из них является тотальная нестабильность и международной обстановки, и внешнеэкономических факторов (в первую очередь, мировых цен на углеводородные энергоносители), и условий функционирования экономики, социальной сферы и многих населенных пунктов страны при общей неопределенности перспектив российской государственности и ее федеративных оснований. Тем не менее, необходимость в более или менее отчетливых представлениях о будущем становится все более актуальной, и это определяется интересами не только корпоративного бизнеса и потенциальных инвесторов, но и каждого гражданина России, даже в условиях нестабильности выстраивающего планы своего индивидуального, семейного и хозяйственного бытия. Осознание этого побудило преодолеть насаждаемое в 90-х годах мнение о противопоказанности чего бы то ни было, ориентированного на планирование, и на федеральном (а затем и на субфедеральном) уровне были приняты такие имеющие некоторое сходство с планами документы как «доктрины», «основные направления» «концепции», «программы», «стратегии» и т.п. Особое место среди них занимают установленные Конституцией РФ (ст. 84) ежегодные «Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ», формулирующие приоритеты внешней и внутренней политики страны, и так называемые «Бюджетные послания Президента РФ Федеральному собранию». Сформировался немалый массив указанных документов, принятых разными федеральными и региональными органами, и 28 июня 2014 г. федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ) включил некоторые из них в общегосударственные перечни «документов стратегического планирования» и «стратегического прогнозирования».

Немногочисленными, но политически весомыми документами стратегической направленности являются «доктрины», утверждение которых входит в число конституционных полномочий Президента РФ[2]. Первая из них появилась 2 ноября 1993 г., когда был подписан неопубликованный в СМИ указ «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации». Текст новой «Военной доктрины Российской Федерации», содержащий перечень внешних и внутренних угроз и принципов их отражения, был утвержден 21 апреля 2001 г., новая редакция – 4.февраля 2010 г., а очередная редакция – 26 декабря 2014 г. Указами Президента РФ были приняты «Доктрина развития российской науки» (13 июня 1996 г.), «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.» (27 июля 2001 г., новая редакция – 26 июля 2015 г.), «Климатическая доктрина Российской Федерации» (17 декабря 2009 г.), «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» (30 января 2010 г.) и «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (9 сентября 2000 г. , новая редакция – 5 декабря 2016 г.). Принимаемые в России «доктрины» определяют не столько планы или программы действий по важнейшим направлениям функционирования страны, сколько политику этих действий. В связи с этим существуют прецеденты конкретизации «доктрин», например, в 2010 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 г.», развивающая положения только что принятой «Морской доктрины Российской Федерации», а в 2011 г. Правительством РФ был принят «Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г.». Отметим, что все «доктрины» вне зависимости от их названий и предмета в той или иной степени определяют долгосрочную политику пространственного развития.

---

[1] Доклад подготовлен по результатам исследования, выполняемого при финансовой поддержке гранта Российского Научного Фонда (проект 14-38-00009) «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ».

[2] Это полномочие де-юре относится только к военной доктрине (ст.83 Конституции РФ), но оно де-факто было распространено и на большинство других принятых доктрин. Были прецеденты принятия доктрин актами Правительства РФ: «Национальная доктрина образования Российской Федерации» (4 октября 2000 г.) и «Экологическая доктрина Российской Федерации» (31 августа 2002 г) и одна – Минздравом России: «Доктрина среднего медицинского и фармацевтического образования в Российской Федерации» (28 декабря 1999 г.).

Самыми распространенными документами стратегического характера, непосредственно затрагивающими проблематику пространственного развития, являются «программы», утверждаемые (одобряемые) и Президентом РФ, и Правительством РФ, и федеральными органами представительной и исполнительной власти, и соответствующими структурами регионального и даже муниципального масштаба. За последние 25 лет только на федеральном уровне было принято несколько сотен «программ». «Программы» – документы стратегического характера, наиболее близкие к формату планов (конкретные задания, их исполнители, сроки исполнения, финансирование) и в последние 15 лет принимаемые (утверждаемые, одобряемые) только органами исполнительной власти[1]. На федеральном и региональном уровнях все эти программы, по определению, являются государственными, хотя они могут называться «федеральными целевыми программами», просто «федеральными программами», собственно «государственными программами» и «специальными программами» (из них самые известные – «Программы социально-экономического развития Российской Федерации» на среднесрочную перспективу).

Отметим, что в законе 172-ФЗ разработка государственных программ жестко связана с задачами «достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Предполагается, что эти приоритеты и цели предварительно определены в стратегии социально-экономического развития, в отраслевых документах стратегического планирования, в стратегии пространственного развития и в основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации (ст. 28 172-ФЗ). Немаловажно и то обстоятельство, что для государственных программ установлен утверждаемый только Правительством РФ их унифицированный Перечень[2], в соответствии с которым ответственными исполнителями должны быть разработаны 43 такие программы. При этом, согласно закону 172-ФЗ, в состав государственных программ Российской Федерации могут включаться подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти Российской Федерации. Завершение в 2010 г. формирования нормативной правовой и методической базы по разработке и реализации государственных программ позволило федеральным органам исполнительной власти приступить к их непосредственной разработке. В 2011 г. были утверждены две государственных программы: «Доступная среда» и «Информационное общество», а в 2012–2013 гг. были разработаны и утверждены еще 37 государственных программ. Согласно требованиям Бюджетного кодекса РФ в 2014 г. 39 государственных программ были актуализированы и приведены в соответствие с утвержденными параметрами федерального бюджета на 2014 г. и плановый период 2015–2016 гг. В том же 2014 г. была утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», первым годом реализации которой был определен 2015 год. Актуализация государственных программ и приведение их в соответствие с утвержденными параметрами федерального бюджета на 2015 г. и плановый период 2016–2017 гг. не осуществлялась ввиду приостановления до 1 января 2016 г. действия соответствующей нормы Бюджетного кодекса РФ.

Уже к середине 2015 г. Правительством РФ были утверждены 39 государственных программ, сгруппированных по пяти направлениям: (1) новое качество жизни (качественное развитие отраслей, ориентированных на человека, включающее развитие здравоохранения, образования, поддержка семьи и улучшение качества жизни социально незащищенных групп населения, развитие пенсионной системы и другие); (2) инновационное развитие и модернизация экономики (вопросы развития отраслей промышленности, науки, внешнеэкономической деятельности), (3) сбалансированное региональное развитие (региональная политика и развитие макрорегионов, межбюджетные отношения), (4) обеспечение национальной безопасности (обороноспособность, госбезопасность) и (5) эффективное государство (управление федеральным имуществом, управление госфинансами, развитие финансовых и страховых рынков, внешнеполитическая деятельность, юстиция). На реализацию государственных программ в федеральном бюджете 2016 г. было заложено более 50% всех его расходов, а по отдельным регионам страны доля программных расходов превышает 70% и имеет тенденцию последовательного роста.

Своеобразным «стратегическим фундаментом» большинства программ являются «основные направления» и «концепции». «Основные направления» принимаются в течение всего периода существования Российской Федерации органами государственной власти федерации, субъектов РФ и муниципальных образований; по нашим подсчетам за первые 20 лет только на федеральном уровне было принято около 20 таких документов, утвержденных (одобренных) актами Правительства РФ, около 60 – различными федеральными министерствами и ведомствами и более 10 – палатами Федерального собрания РФ. Так 3 июня 1993 г. было принято Постановление Верховного Совета РФ № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в РФ», 11 июля 2001 г. Постановлением Правительства РФ №526 были одобрены «Основные направления реформирования электроэнергетики РФ», а в октябре 2016 г. Минфином РФ был опубликован проект «Основных направлений налоговой политики на 2017–2019 гг.). Примером такого акта на субфедеральном уровне может служить Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 июня 2014 года № 229-п «Об утверждении основных направлений антикоррупционной деятельности в государственных учреждениях и государственных унитарных предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а также хозяйственных обществах, товариществах, фондах, автономных некоммерческих организациях, единственным учредителем (участником) которых является Ханты-Мансийский автономный округ –

[1] Класс «президентских» программ был установлен специальным указом Президента РФ 1 июля 1994 г., в соответствии с ним было принято и реализовано 16 программ, последние из которых были 16 ноября 2001 г. утверждены указом Президента РФ «О президентских программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 2001–2002 гг.», а сам исходный указ о статусе президентских программ был отменен 20 августа 2004 г. указом Президента РФ.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р. (ред. от 02.11.2015) «Об утверждении перечня государственных программ Российской Федерации».

Югра». Каждый из таких актов представлял своего рода стратегию конкретного вида общественно значимой деятельности.

«Концепции» (политики, реформ и т.п.) общегосударственного значения, как правило, принимаются первыми лицами государства и государственными (федеральными и региональными) органами исполнительной власти. Так, 1 апреля 1996 г. указом Президента РФ была принята «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», 1 мая 1996 г постановлением Правительства РФ – «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», 7 марта 2000 г. постановлением Правительства РФ – «Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера», 25 октября 2005 г. распоряжением Правительства РФ была одобрена «Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. и план мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.». Значительный общественный резонанс вызвали: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г., новая редакция – 8 августа 2009 г.), «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» (распоряжение Правительства РФ 30 июля 2009 г.), «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ 20 ноября 2013 г.), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утверждена указом Президента РФ 30 ноября 2016 г.) и ряд других. Большинство положений «концепций» непосредственно входят или интерпретируются при обосновании и разработке государственных программ.

По нашей оценке во многих «концепциях» ранее, чем в других выше названных официальных документах, формулировались стратегические направления пространственного развития страны и, в их числе, «арктический вектор». Так, в разделе VII уже упоминавшейся «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» после подразделов «Основные принципы государственной политики регионального развития» и «Инновационная и социальная ориентация регионального развития» обрисованы перспективы «Центров регионального развития» и среди них – направления «активизации освоения российского сектора Арктики». К сожалению, здесь «освоение» Арктики понималось как более интенсивное использование ее природных ресурсов (нефтегазовых и морских биологических) и «повышение конкурентоспособности Северного морского пути», обеспечение национальной безопасности в Арктическом регионе так же соотносится с «расширением использования ресурсного потенциала Арктики», а социальные аспекты «освоения» были обозначены как задача снижения «показателей стойкой утраты трудоспособности и преждевременной смертности населения, проживающего в Арктическом регионе».

Собственно понятие «стратегия пространственного развития» было узаконено лишь в законе 172-ФЗ, где в п. 26 статьи 3 «Основные понятия, используемые в законе» сказано: «стратегия пространственного развития Российской Федерации – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития… и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации», а в статье 20 «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» указано, что она «разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению». Тем самым предполагается, что разработке этой Стратегии должно предшествовать принятие вышеуказанных «основ», «основных положений» и «стратегии». Существенно то обстоятельство, что закон 172-ФЗ одновременно обязывает принимать «стратегии социально-экономического развития» субъектов РФ и муниципальных образований. Сама же «Стратегия пространственного развития Российской Федерации» в соответствии с этим законом должна утверждаться Правительством РФ.

Концептуальным, информационным и содержательным подспорьем разработки «Стратегии пространственного развития Российской Федерации», в принципе, могли бы стать практически все ранее принятые государственные документы, идентифицированные как «стратегии». Ведь до настоящего времени на федеральном уровне Президентом РФ, Правительством РФ (индивидуально и совместно), а в ряде случаев и отдельными федеральными органами было принято более сорока таких документов, и многие из них претендовали на определение перспектив функционирования как страны в целом, так и ее регионов. Таковы, например, утвержденные указами Президента РФ (Указ Президента РФ от № 608), «Государственная стратегия Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации» (утверждены соответственно 29 апреля 1996 г. и 4 февраля 1994 г.), утвержденная 13 октября 1995 г. постановлением Правительства РФ «Энергетическая стратегия России», утвержденная распоряжением Правительства РФ 7 июня 2002 г. «Стратегия экономического развития Сибири», утвержденные приказами Минтранса России 12 мая 2005 г. «Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года» и 31 июля 2006 г. «Стратегия развития транспорта Российской Федерации на период до 2010 года». Как уже отмечалось, эти и другие названные «стратегиями» документы имеют самое непосредственное отношение к формированию стратегии пространственного развития России, но их консолидация связана с большими методологическими трудностями; то же относится и к таким документам, как утвержденные указами Президента РФ 13 мая 2009 г. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и 1 декабря 2016 г. «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации».

Декларативный характер закона 172-ФЗ (особенно в части разработки стратегий пространственного развития) определил необходимость конкретизации его положений, и одним из шагов в этом направлении стало принятие в соответствии с п. 5 статьи 20, п. 5 статьи 40 и со статьей 42 этого закона Постановления Правительства РФ от 20 августа 2015 г. «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Россий-

ской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации»[1]. Перед разработчиками этой стратегии были поставлены задачи, для решения которых в современной России нет ни опыта, ни информационных и институциональных ресурсов. Отметим лишь, что главным ответственным за разработку Стратегии пространственного развития, а так же мониторинг и контроль ее реализации определено Министерство экономического развития, не располагающее собственными научно-аналитическими организациями такого профиля при том, что требования к содержанию Стратегии чрезвычайно масштабны и серьезны.

Действительно, Стратегия пространственного развития должна была определить (т.е. обосновать!) и р«приоритеты, цели и задачи комплексного регионального развития Российской Федерации, направленного на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации и снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий, включающим предложения о совершенствовании системы расселения и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации… применительно ко всей территории Российской Федерации с детализацией ее положений по субъектам Российской Федерации на период, на который разрабатывается стратегия социально-экономического развития Российской Федерации». Все это должно было основываться на анализе «особенностей и проблем пространственного развития Российской Федерации, содержащего оценку факторов, условий и рисков пространственного развития Российской Федерации, в том числе существующей системы расселения на территории Российской Федерации, природно-ресурсного и производственного потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, пространственных аспектов межрегионального, приграничного и международного сотрудничества, а также иные оценки, связанные с пространственными аспектами экономического и социального развития Российской Федерации»,

Предусматривалось наличие обоснованных приоритетов «совершенствования системы расселения» и механизмов «стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения», доказательных знаний о «перспективных конкурентных преимуществах и экономической специализации субъектов Российской Федерации в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающих принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития» и, наконец, опять же обоснованных «прогнозов (оценок) потребности субъектов Российской Федерации в трудовых ресурсах… и в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий». Должны были быть разработаны «механизмы достижения установленных приоритетов и целей пространственного развития Российской Федерации, в том числе определение необходимости корректировки действующих (разработки новых) схем территориального планирования Российской Федерации, государственных программ Российской Федерации, инвестиционных программ субъектов естественных монополий с целью удовлетворения потребностей субъектов Российской Федерации в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры». Все это сделать было бы крайне полезно, но, повторим, неформальное выполнение таких требований в обозримом будущем представляется маловероятным, и кроме уже указанных причин этого следует иметь ввиду и такую фундаментальную, как отсутствие сколько-нибудь обоснованных средне- и долгосрочных планов деятельности ведущего актора региональной политики – крупного, среднего и малого бизнеса.

Одним из оснований для определения приоритетов пространственного развития страны стал принятый 16 января 2017 г. (п. 6.ст. 20 172-ФЗ[2]) Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В нем традиционно предлагаются определения основных понятий, перечисляются «факторы и условия регионального развития»[3], формулируются принципы государственной политики регионального развития, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития, а также то, что «должно стать» результатами этой реализации (например, повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления»).Это так же – документ требований к разработчикам Стратегий, – требований исключительно трудно выполнимых.

Проблемы разработки и реализации Стратегии пространственного развития и, особенно, несоответствие общегосударственной значимости конкретных проектов такого развития и их управленческих практик их реализации наглядно демонстрирует «арктический вектор» российской внутренней и внешней политики. Новейшие планы многоцелевого развития Арктической зоны, зафиксированные в соответствующих директивных документах[4] – амбициозный и, в то же время, насущно необходимый для России стратегический мегапроект, который по своей значимости может

---

[1] Это же постановление признало утратившим силу постановление Правительства РФ от 5 апреля 1999 г. № 370 "О разработке и согласовании Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и Основных положений Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации».

[2] «По поручению Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации разрабатывает основы государственной политики регионального развития Российской Федерации, являющиеся основой для определения приоритетов регионального развития Российской Федерации. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации утверждаются Президентом Российской Федерации».

[3] Среди них – «недостаточная инфраструктурная обеспеченность ряда регионов и городов, низкий уровень их экономического взаимодействия, высокая степень износа транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры» (!)

[4] Речь идет о рассматриваемых далее «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденной Президентом РФ 8 февраля 2013 г. и о государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 г.

быть сравним с историческими «атомным» или «космическим» проектами. Нами было предложено использовать для характеристики государственной политики развития российской Арктики понятие «переосвоение», поскольку речь идет не о пионерном освоении («с чистого листа») – ведь в значительной степени Арктика уже освоена – а о качественно новом его этапе. Это предполагает переосмысление концепции и условий функционирования ранее созданного хозяйственного потенциала и условий жизнедеятельности населения уникального макрорегиона, обогащение политики их развития новыми стратегическими решениями и их результатами (новыми объектами).

Все, что было создано в советское время (поиски, а затем и промышленная добыча ценнейших полезных ископаемых, освоение и оснащение всей необходимой инфраструктурой Северного морского пути, создание сети постоянных населенных пунктов, портов и аэродромов, использование специально созданной системы гарантированного жизнеобеспечения арктических территорий и стимулирования работников и т.п.), функционировало в составе единого народно-хозяйственного комплекса СССР, каждая территория которого была связана с другими планово организованными хозяйственными и ресурсными связями. Можно без преувеличения утверждать, что в то время Арктика «работала» на весь СССР, а он – на Арктику. Созданное в советской Арктике было закономерным результатом политики социалистического размещения и развития производительных сил, в которой доминировала государственная собственность, отсутствовали свободное ценообразование и конкуренция. Поэтому неудивительно, что произошедший в 1990-х слом государственного строя, политических, экономических и социальных оснований функционирования прежней социально-экономической системы страны, сказался, в первую очередь, на такой ее рыночно уязвимой подсистеме как Арктический регион. С началом реформ государство декларировало свой максимальный уход из экономики, сокращение государственной собственности, доминирование частного собственника и перехода к конкурентным рыночным отношениям при открытости рынка, а также ненужность (в связи с окончанием «холодной войны») сохранения советского оборонного потенциала. Всё это противоречило самому факту продолжения существования советского арктического наследия.

По хорошо известным обстоятельствам в 1990-х годах арктические территории России оказались на периферии государственных интересов, и лишь недавно сама жизнь поставила на повестку дня проблему Арктики как важнейшего геополитического и геоэкономического макрорегиона России.

Поворот к арктической проблематике со стороны государства наметился ещё в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2008 г. Положения этого документа были переосмыслены и значительно расширены в 2013–2014 годах. В это время были опубликованы «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденная Президентом РФ 8 февраля 2013 г., государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 г. Кроме того 2 мая 2014 г., был подписан Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Предложенные законом 172-ФЗ и другими ранее рассмотренными нормативными актами представления о сути и содержании стратегического планирования территориального развития словно бы «прошли мимо» планов развития Арктической зоны России. Прежде всего отметим, что государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» состоит из набора отдельных и мало связанных между собой проектов ранее принятых федеральных и государственных программ, а также проектов федеральной адресной инвестиционной программы.

Многие аспекты реализации государственных намерений в части переосвоения российской Арктики подробно изложены в нашей монографии[1] и многих статьях[2], что позволяет лишь кратко сформулировать несколько основных положений, имеющих непосредственное отношение к теме этого доклада.

(1) Программа комплексного развития Арктической зоны РФ является принципиально новым предметом управления развитием макрорегиона в отсутствии положительного опыта решения таких задач. Поэтому одним из решающих условий достижения целей Программы должно стать создание организационных форм и методов управления, адекватных этим целям и задачам.

---

[1] Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Государственное управление развитием Арктической зоны Российской Федерации. Монография. – М.: Научный консультант, 2016. – 194 с.

[2] Ивантер В.В., Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Арктический мега-проект в системе государственных интересов и государственного управления // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2014. – № 6. – С. 40–63 и серия публикаций В.Н. Лексина и Б.Н. Порфирьева: Переосвоение российской Арктики: вопросы методологии и организации // Российский экономический журнал. – М., 2015. – № 2. – С. 84–104; Методологические основы системной диагностики сложившейся ситуации и проблем в Арктической зоне России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2015. – № 2. – С. 47–59; Переосвоение российской Арктики как предмет системного исследования и государственного программно-целевого управления: вопросы методологии // Экономика региона. 2015. – № 4. – С. 8–23; Новое обустройство Арктики вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 6. – С. 54–60; Научный и институциональный потенциал комплексного развития российской Арктики в средне- и долгосрочной перспективе // Вопросы прогнозирования. – М., 2015. – № 6. – С. 58–66; Проблемы и перспективы использования проектного подхода в управлении развитием российской Арктики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. – Т. 6, № 4. – С. 10–18; Особенности оценки результативности и эффективности программ развития макрорегионов // Проблемы теории и практики управления. – М., 2016. – № 4. – С. 28–36; Evaluation of the Effectiveness of Government Programs of Socioeconomic Development of Regions of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2016. – Vol. 27, N 4. – P. 418–428; Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. 2016. – № 3. – С. 3–27.

(2) Необходимо осознание того, что Арктическая зона России является территорией доминирующих государственных интересов, которые должны учитываться всеми хозяйствующими субъектами, действующими на этой территории. Это положение должно найти отражение во всех программных и проектных документах, регламентирующих функционирование Арктической зоны.

(3) Утвержденные Президентом и Правительством РФ основополагающие документы о развитии российской Арктики принимались в отличной от настоящего времени международной и внутриэкономической обстановке, содержат ряд дискуссионных положений и недостаточно отвечают новейшим требованиям к стратегиям и программам. Это обусловливает необходимость принципиального обновления вышеуказанных документов.

(4) В обновленных основополагающих документах, прежде всего, в Государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»», должны быть детально определены конкретные меры по взаимоувязанному решению задач развития Арктики в особых, присущих только Арктической зоне РФ, условиях, в том числе, необходимости переосвоения этой территории страны в условиях активизации геополитических интересов иностранных государств к доминированию в Арктике и обусловленным этим обстоятельством императивом восстановления российского военного присутствия в указанном регионе. Должны быть определены конкретные и, главное, реалистичные меры по достижению целей упомянутой государственной программы на территориях аборигенного населения и особо охраняемых природных территориях. В программе должен присутствовать блок конкретных мер, учитывающих наличие аномально высоких рисков всех видов деятельности в Арктической зоне РФ и мер по управлению этими рисками.

(5) Возможности совершенствования организации и повышения эффективности управления развитием Арктической зоны РФ имеются. Для их использования необходимо принятие ряда государственных решений о трансформации высшего органа государственного управления, занимающегося исключительно арктической проблематикой, о включении в структуру этого органа специализированных подразделений информационно-аналитического обеспечения, государственной статистики, государственного мониторинга и государственной экспертизы принимаемых решений с использованием уже имеющегося потенциала таких служб. Должна быть осуществлена системная оценка нормативных актов федерального, субфедерального и муниципального уровня, действующих на территории Арктической зоны РФ, и разработан новый федеральный закон о стимулировании развития Арктической зоны России, дополняющий и устраняющий лакуны действующего законодательства. В 2017-2019 гг. актуальность решения проблемы управления комплексным развитием Арктической зоны РФ не только сохраняется, но и возрастает.

Во-первых, требует концептуального осмысления сама постановка задачи управления развитием Арктической зоны РФ в условиях разделения предмета такого управления между несколькими жестко локализованными в пространстве «опорными зонами», как территориями реализации ряда конкретных проектов. Эти положения, разработанные Минэкономразвития России, ныне вошли в проект федерального закона “О развитии Арктической зоны РФ” (где эта зона названа территорией «особого государственного управления»). Внесенный в Государственную Думу законопроект вызвал негативную реакцию в арктических регионах России, в том числе и по причине фактического устранение органов государственной власти субъектов РФ от участия в реализации программы комплексного развития Арктики.

Во-вторых, кардинально изменились возможности реализации проектов, входящих в программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года». Выступая в апреле 2015 г. на первом заседании Государственной комиссии по развитию Арктики, заместитель Председателя Правительства РФ Д.А Рогозин заявлял, что проблемы устойчивого развития Арктики решаются «фрагментарно и бессистемно» и что финансирование «арктических» программ на ближайшие пять лет должно составить 222 млрд. руб., из них 160 млрд. руб. – за счет бюджета. Программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» была единственной государственной программой, не имевшей самостоятельного финансирования: она включала ориентированные на развитие Арктики проекты и задания других программ. Необходимость исправления этого положения была очевидна, однако, в проекте федерального бюджета на 2017–2019 гг. в связи с финансовыми трудностями государства было сокращено бюджетное финансирование всех программ в среднем на 10%, программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» в приложениях 15 и 19 вообще не поименована, а проекты других программ, как-то связанные с арктической проблематикой, переформатированы по содержанию (исключено целевое арктическое назначение) и сокращены очень значительно. Так, в указанных приложениях к законопроекту о федеральном бюджете на 2017–2019 гг. фактически нет упоминания Арктики, а, например, в составе государственной программы «Развитие транспортной системы РФ» есть проекты «государственной поддержки авиапредприятий, расположенных в районах Крайнего Севера, и приравненных к ним местностей» и «субсидии аэропортам, расположенным в районах Крайнего Севера, и приравненных к ним местностей», в составе программы «Коренные малочисленные народы Российской Федерации» есть «основное мероприятие» «повышение качества жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». При этом бюджетное финансирование государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока», частично покрывающей Арктическую зону РФ (Чукотский автономный округ), в 2017 г. по сравнению с текущим годом предлагается сократить более чем на 40%, бюджетное финансирование программы «Развития судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 гг.» сокращено на 30% и т.д.

Таково в самом кратком изложении соотношение требований к стратегиям пространственного развития страны и государственно-управленческой практики реализации этих требований.

Литвинов В.А.
д.э.н., профессор МГПУ

ЧЕЛОВЕК И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Ключевые слова: *самореализация, благосостояние, благополучие, уважение, уровень доходов, экономический рост.*

Keywords: *self-realization, welfare, well-being, respect, the level of income, economic growth.*

Проблемы человеческого развития и проблемы безопасности личности, хотя они и имеют свои особенности, следует рассматривать в тесном единстве.

На протяжении многих лет в качестве одного из основных целевых показателей развития, применявшихся при разработке политики, выступал экономический рост. Считалось, что достижение экономического роста автоматически влечет за собой прогресс в развитии человека и всего общества, а увеличение совокупного объема производства (например, рост ВВП на душу населения) уменьшает масштабы нищеты и повышает общее благосостояние населения.

В основе такого предположения лежало мнение о том, что производство порождает доходы, а более высокие доходы в свою очередь, повышают материальное, или экономическое благосостояние.

Связь между ростом производства и сокращением масштабов нищеты считалась настолько сильной, что многие экономисты полагали, что достаточно сосредоточить внимание на росте как таковом, чтобы достичь цели развития. Другими словами, рост стал не просто средством обеспечения развития, а целью самого развития.

Тем не менее, даже на этом этапе некоторые специалисты понимали, что экономический рост является не самоцелью, а лишь средством развития. Осознание этого, приходило с нарастанием социально-политической нестабильности и бедности населения.

Практика некоторых развивающихся стран показала, что положение людей может ухудшаться и при развитии производства. В таких странах наблюдался быстрый экономический рост, но при этом сохранялись неравенство, неполная занятость населения и повсеместная бедность. Тогда как другие страны смогли добиться довольно удовлетворительного уровня благосостояния, несмотря на небольшие доходы.

Стало очевидным, что экономический рост сам по себе не способен обеспечить справедливое распределения ресурсов. Это происходило лишь в тех немногих странах, правительства которых целенаправленно принимали меры для увеличения равенства, в том числе осуществляли программы в области образования и здравоохранения.

Что касается самых богатых стран, то доказательством того, что высокий уровень доходов не несет защиту от человеческих лишений, стали такие показатели как рост уровня преступности, загрязнение окружающей среды, распространение заболеваний, ослабление социального положения. Высокие темпы экономического роста не привели к улучшению жизни людей.

В начале 70-х годов XX века основное внимание экономических концепций развития стало смещаться в сторону взаимодействия экономического и социального развития, к проблеме распределения доходов и благ, повышения роли публичного сектора.

Тем не менее, взаимосвязь между экономическим ростом и качеством жизни людей еще не прояснилась до конца. Базовые потребности, например, в основном сводились к предоставлению товаров и услуг, а не к показателям качества жизни людей; основной акцент был сделан на государство, и население выступало в качестве получателей, а не активных участников деятельности, направленной на обеспечение развития. Более того, такие меры снижали экономическую активность, при этом чрезмерно увеличивая расходы государства на социальную сферу.

К началу 80-х годов стало очевидно, что экономический рост как таковой не может быть признан ценностью. Во многих странах наблюдались замедление темпов экономического роста и структурный кризис. В политике развития на первый план выдвигаются качественно новые приоритеты, такие как сокращение государственного долга и расходов, преодоление экономического спада.

Был опубликован документ «Перестройка с человеческим лицом» (Adjustment with a Human Face), в котором авторы доклада, не отрицая важности структурных экономических преобразований, призвали МВФ и Всемирный банк уделять больше внимания проблемам нищеты и улучшения условий жизни человека.

Основополагающим принципом было то, что социальные аспекты не должны просто «прибавляться» к пакету стратегий структурной перестройки в качестве единственного его изменения. Вместо этого они должны включаться в новый комплексный механизм развития, рассчитанного на долгосрочную перспективу и сосредоточенного на нуждах человека.

В 1987 году Комитет ООН по планированию развития принял решение рассмотреть в своем докладе 1988 года человеческие издержки структурной перестройки. Это стало стимулом для проведения исследований под руково-

дством Махбуба-уль-Хака, а также К. Гриффина и Дж. Найта, результаты которых были опубликованы в проекте доклада «Развитие человеческого потенциала: забытое измерение стратегии развития».

Огромное влияние на современное понимание развития человеческого потенциала оказали теоретические разработки лауреата Нобелевской премии по экономике (1998 г.) Амартии Сена.

В 1989 году им была опубликована работа «Развитие как расширение возможностей», в которой был использован подход, именуемый «подходом с точки зрения возможностей» (capability approach).

А. Сен рассматривал процесс развития, как процесс расширения возможностей человека, а не возрастание только материального или экономического благосостояния. С его точки зрения, уровень жизни в обществе следует оценивать не по среднему уровню доходов, а по возможностям людей вести такую жизнь, которую они считают достойной.

Цель общественного развития он видел не в беспредельном увеличении производства, а в создании возможностей для расширения выбора людьми: выбора совершать больше дел, жить долго, спастись от болезней, которых можно избежать, иметь доступ к знаниям. Данный процесс А. Сен связывал с расширением свобод человека, с тем, чтобы выбирать из большего количества вариантов наиболее предпочтительные.

На основе концепции А. Сена было дано определение развитию как процессу, в центре которого находится человек. Впоследствии эта и другие идеи были объединены группой экспертов ПРООН и составили основу концептуального подхода к человеческому развитию, который впервые был представлен в Глобальном Докладе о человеческом развитии за 1990 год.

Измерением, которое устанавливает уровень человеческого развития, являются равный доступ людей к качественным знаниям, достойному рабочему месту и достаточной оплате труда, а также возможность пользоваться квалифицированной медицинской помощью.

На сегодняшний день богатство страны определяется не природными ресурсами, а людьми этой нации. То есть, в стране, в которой созданы возможности широкого выбора своим гражданам, царит благосостояние и благополучие за счет всестороннего развития людей. *«…Люди рассчитывают, что им будут обеспечены широкие и равные возможности для самореализации, … на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду»*[1].

В тех же странах, где упор делается на развитие производства, люди счастливее не становятся, поскольку теории экономического роста, которых придерживаются власти этих государств, как правило, не имеют ничего общего с жизнью реальных людей.

Так, в частности британский исследовательский центр New Economic Foundation, специально измеряет уровень счастья в странах мира. Цель исследования — показать относительную эффективность, с которой страны используют экономический рост и природные ресурсы для того, чтобы обеспечить своим гражданам счастливую жизнь. Для этого применяется специальный комбинированный показатель – Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index). Список стран и территорий мира, упорядоченных по Индексу счастья, охватывал в 2012 году исследование 151 страны мира.

Возглавляли список Коста-Рика – с индексом 64,036 и Вьетнам – 60,439. США же занимали в указанном списке лишь 105 место с индексом – 37,340. Наша страна оказалась еще ниже – всего лишь на 122 месте со значением индекса – 34,518[2].

Существует и иной комбинированный показатель другого британского аналитического центра The Legatum Institute, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их процветания – Индекс процветания Института Legatum (The Legatum Prosperity Index). Цель исследования — изучение общественного благополучия и его развитие в глобальном масштабе. Ведется такое исследование с 2006 года. Список стран и территорий мира, упорядоченных по Индексу процветания, в 2016 году охватывал исследование 149 стран.

По указанному индексу первые места занимали Новая Зеландия – 79,28; Норвегия – 78,66 и Финляндия – 78,56. США со значением индекса – 73,51 занимали лишь 17 место. К сожалению, Россия в указанном списке стоит только на 95 месте со значением индекса – 54,73. По списку рядом стоят Непал и Кения[3].

Есть и другие подобные индексы, например: Global Age Watch, оценивающий уровень жизни пожилых людей (там Россия на 78-м месте из 91), или индекс благополучия Gallup-Healthways (Well-being Index), по которому Россия занимала 62 место из 135 (по данным за 2013 г.).

Повторим, люди должны рассматриваться не как средство, а как конечная цель достижения прогресса в социально-экономическом развитии страны. Основная идея состоит в том, что настоящее богатство нации – это её люди.

По определению ПРООН, человеческое развитие – это процесс обеспечения людей более широким выбором. Принципиально, этот выбор может быть бесконечным и изменяться со временем. Но на всех уровнях развития главными аспектами человеческого развития являются возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. В том случае если нет доступа к этим основным выборам, у человека не будет доступа и к другим возможностям.

Человеческое развитие не сводится лишь к формированию ресурсов для производственной деятельности и ориентации на увеличение материального богатства. Формирование человеческого выбора во многом зависит от «благоприятной среды», то есть от существующих в той или иной стране экономических, социальных и политических возможностей.

Таблица 1

[1] Послание Президента Федеральному собранию РФ. 1 декабря 2016 г. – https://www.1tv.ru/news/2016/12/01/315183

[2] http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info

[3] http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info

Отдельные параметры, характеризующие возможности жителей России (без учета данных по Крымскому федеральному округу)[1]

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Индекс потребительских цен (в процентах к предыдущему году)**:**				
– *все товары и услуги;*	108,4	105,1	106,8	107,8
в том числе				
– *продукты питания и безалкогольные напитки*[1)]	110,9	103,3	106,2	110,0
Структура потребительских расходов домашних хозяйств (в процентах к итогу) на:				
– *продукты питания и безалкогольные напитки;*	29,5	28,1	27,7	28,5
– *алкогольные напитки, табачные изделия;*	2,5	2,5	2,6	2,8
– *одежду и обувь;*	10,1	10,1	9,5	8,9
– *жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива;*	11,4	10,9	10,5	10,3
– *предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом;*	6,5	6,3	6,7	6,3
– *здравоохранение;*	3,5	3,4	3,6	3,6
– *транспорт;*	15,9	17,3	17,7	17,8
– *связь;*	3,7	3,5	3,4	3,4
– *организацию отдыха и культурные мероприятия;*	6,8	6,9	7,2	7,1
– *образование;*	1,2	1,3	1,0	1,0
– *другие товары и услуги.*	8,9	9,7	10,1	10,3
Индекс уверенности потребителя *(в целом по совокупности опрошенных за IV кв.)* *(по данным выборочного обследования потребительских ожиданий населения; баланс; в процентах)*	---	– 8	–11	–18
Число поездок российских граждан в страны дальнего зарубежья[2)] (тысяч)	29 271	33 142	38 521	37 752

[1)] В соответствии с международным классификатором COICOP (КИПЦ).

[2)] Данные ФСБ России (Пограничная служба). Без учета, выехавших на постоянное место жительства, и военнослужащих.

Понятие возможностей подразумевает доступ к ресурсам, средствам или деятельности, направленной на формирование или использование преимуществ возможностей. В соответствии с точкой зрения А. Сена, возможности опираются на личностные данные и тот социальный и экономический выбор, который предоставляет человеку общество.

Таким образом, основная цель человеческого развития заключается в создании такой окружающей политической, экономической, социальной, культурной и экологической среды, которая бы позволила обеспечить людям материальный достаток и возможность достаточно долго наслаждаться здоровой и созидательной жизнью.

Идея о взаимосвязи между человеческим развитием и экономическим ростом наиболее полно рассматривалась в Докладе за 1996 г., в котором четко определено, что человеческое развитие является целью, а экономический рост лишь средством ее достижения.

Экономический рост является важным фактором общественного прогресса. Увеличивая богатство страны в целом, он расширяет ее потенциальные возможности в борьбе с нищетой и в разрешении прочих социальных проблем. Быстрый экономический рост может быть достигнут за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов или породить инфляционное давление, которое в конечном итоге приведет к спаду. При этом быстрые темпы роста не обязательно предполагают соответствующего роста занятости.

Экономический рост может обеспечить повышение человеческого потенциала тогда, когда рост не только обеспечивает повышение дохода на душу населения, но и позволяет иметь достаточный уровень государственных расходов, инвестируемых в социальную сферу, а не производство вооружения.

Повышение уровня производства выступает не как цель, а как средство для достойного существования человека. В то же время существует и обратная связь – через повышение уровня развития людей достигается более высокий уровень развития производства. *«Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России»*[2].

Люди не являются средством роста производства. Возросший объем производства должен выступать средством повышения уровня жизни людей. Реальной задачей является обеспечение взаимосвязи между экономическим ростом и человеческим развитием. Людям не нужен бесконечно высокий доход для обеспечения достойного уровня жизни. Высокий доход в целом способствует расширению человеческого выбора, но это воздействие ослабевает по мере увеличения дохода.

Доход – это только одна из возможностей, хотя и очень значимая, которой бы хотел располагать человек. Но он не определяет всю сложность и многообразие жизни человека. Не менее важными являются здоровье, образование, среда обитания, свобода действий и слова. Следовательно, развитие больше чем просто рост дохода и богатства. То есть доход является не конечной целью, а лишь средством расширения возможностей людей в области экономики, общественной деятельности, образования, здравоохранения и т.п.

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / Росстат – М., 2015. – С. 37; 192–193; 262; 295. (С 2014 года сборник издается только в электронном виде, с 2016 года с периодичностью один раз в два года (следующий выпуск – 2017 год).

[2] Послание Президента Федеральному собранию РФ. 1 декабря 2016 г. – https://www.1tv.ru/news/2016/12/01/315183

Имеются две причины, по которым исключительное внимание на материальном доходе неверно. Прежде всего, накопление богатства не является непременным условием исполнения всех человеческих желаний. Обществу не обязательно быть богатым для установления равноправия мужчин и женщин, сохранения и развития культурного наследия. Во-вторых, человеческие желания могут выходить далеко за рамки экономического благосостояния. Люди, как правило, стремятся прожить долгую и здоровую жизнь, приобщиться к культуре и науке, сохранить природу и жить в согласии с нею.

Принцип, на основе которого решаются противоречия между максимизацией богатства и человеческим развитием, формулируется следующим образом. Национальное богатство может существенно расширить возможности выбора людей. Но это, однако, может и не произойти. Решающим здесь является не само богатство, а то, как его используют. Общество должно осознать, что основное его богатство – это люди, а не производство материальных благ.

Магарил С.А.
к.э.н., доцент РГГУ
magaril@yandex.ru

РОССИЯ: КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *национальное развитие, социальные противоречия, монополизация ресурсов, риски инерционного движения, политико-правовой процесс.*

Государство пухло — народ хирел.
В.О. Ключевский

Введение

Российское государство распадалось четыре раза: в XI в. на удельные княжества распалась Киевская Русь; 600 лет спустя в ходе Великой Смуты – четырнадцатилетней гражданской войны – конец XVI – начало XVII вв. рассыпалось Московское царство; через 300 лет, в начале XX в. ушла в небытие Российская империя; по прошествии всего 74 лет, в конце XX в. распался Советский Союз. Распад государства свидетельствует: периодически в обществе возникают мощные силы, разрывающие социум. В то же время принцип Лейбница[1] вынуждает рассматривать эти катастрофы как объективную компоненту российской исторической динамики. Распад государства всегда сопровождают огромные человеческие жертвы. Отсюда – риски дальнейшего движения России по исторически традиционной колее.

Сокращение жизненного цикла и периодический крах государства происходят на фоне последовательного, в течение столетий, роста всего многообразия ресурсов, необходимых для восходящего развития общества. Устояв и одержав исторические победы над всеми вражескими нашествиями – наиболее опасной формой внешней угрозы – государственность России периодически оказывается беззащитна перед внутренними угрозами и распадается под их тяжестью.

Причины распада российской государственности

Российской империей управляли представители привилегированных групп; Советским Союзом – выходцы из внеэлитных слоев. Однако, исторический результат тождественен – распад государства. Это свидетельство сходного социокультурного качества правящих групп обоих общественно-исторических проектов. Неустойчивую историческую динамику определяет комплекс причин: обширное географическое пространство, открытое для вторжения извне; неблагоприятные для земледелия природно-климатические условия; поздний выход России на историческую арену по сравнению с европейскими народами; многовековая отсталость в сфере образования; неизбывное пренебрежение правящими элитами принципом социальной справедливости; низкое качество стратегического государственного управления. Но есть еще один фактор, негативное влияние которого на российскую историческую динамику в должной мере все еще не осмыслено.

Речь идет о социокультурном расколе (СКР) российского общества. В отечественном массовом сознании он ограничен расколом РПЦ, возникшим в 1650–1660 гг. в ходе церковной реформы патриарха Никона по поводу богослужебно-обрядовых нововведений. Однако раскол существенно древнее, он возник еще в удельное время и его основа – социально-экономические противоречия. Так согласно В.Ключевскому, усобицы княжеской элиты XI–XII вв. привели к ***распаду Киевской Руси*** на местные областные миры, плохо связанные между собой и все более обособливающиеся друг от друга политически. Одновременно, характеризуя резкое имущественное расслоение, ученый приводит пример единоразового самообложения населения Великого Новгорода на оплату наемников, относящийся к 1018 г. Высший класс был обложен более чем в 100 раз тяжелее, сравнительно с простолюдинами. Создавая столь значительное имущественное расслоение, такой порядок «не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями»[2].

Следующий случай социального раскола – **Смутное время** (15-летняя гражданская война с 1598 по 1613 гг.). Поводом к смуте послужило отсутствие законного преемника на царский трон. Однако глубинные причины трагических событий Ключевский видит во взаимной вражде, в «резком социальном разъединении», в том, что «всякий значительный город стал ареной борьбы между низом и верхом общества». Этому весьма способствовало «Московское

[1] Принцип Лейбница гласит: «Если что-либо произошло в действительности, следовательно, только для этого оказались достаточные основания».

[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1956. – Т. 1. – С. 191–284.

законодательство, направленное к определению и распределению государственных обязанностей», оно «не формулировало и не обеспечивало ничьих прав, ни личных, ни сословных». Одновременно ученый отмечает скудость московских политических понятий: и правитель, и народ видели в государстве не политический союз, а вотчину княжеской династии. «Московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными временными обывателями в чужом доме»[1]. И лишь тяжкие годы смуты убедили московитов сплотиться, чтобы преодолеть общую беду.

Распад Российской империи – трагедия революции и гражданской войны. В ходе ожесточенного социального конфликта, вчерашние единоверцы, 1000 лет воспитываемые Церковью в православии, беспощадно убивали друг друга. Число жертв оценивается не менее чем в 10 млн. чел. Вектор исторического движения России вызывал опасения у наиболее дальновидных представителей русского общества задолго до крушения империи. В августе 1856 г. фрейлина императорского двора Анна Тютчева (дочь поэта), характеризуя общественную ситуацию, записывает в своем дневнике: «Я не могла неоднократно не задавать себе вопроса, какое будущее ожидает народ, высшие классы которого проникнуты глубоким растлением… низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически *(преднамеренно – С.М.)* поддерживаемом невежестве»[2].

Выразительны оценки социокультурного раскола отечественной наукой. По мнению Ключевского: «Из реформ Петра вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделивших силы русского общества и обративших их на борьбу друг с другом, вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»[3]. Ему же принадлежит трагическое предвидение: «Средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации ***культурно безоружных масс***, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготовляли их к бунту, а не к свободе»[4]. Прошли считанные годы и российская история подтвердила правоту ученого.

Глубинная причина крушения имперской государственности – острейший социальный конфликт дворян-землевладельцев и многомиллионного крестьянства, не признававшего социально-справедливыми, а потому и легитимными права собственности на землю привилегированных групп. Согласно вековому убеждению крестьянства – «земля Божья». Степень ожесточения являет наказ крестьян деревни Куниловой Тверской губернии депутатам Государственной думы (1906 г.): «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и другие военные орудия и напомнить 1812 г., в котором наши предки защищали свою Родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков»[5].

Об остроте конфликта свидетельствует и т.н. «аграрный террор» – низовое насилие, широко разлившееся в начале XX в. по европейской России. Во многих губерниях крестьяне громили и поджигали помещичьи имения, захватывали хлебные амбары, происходили вооруженные столкновения с полицией и войсками. «В деревне развернулась настоящая гражданская война. За 1907–1909 гг. сожжено 71 и 29% хозяйств кулаков. В период с 1910 по 1913 г. сожжено 32% помещичьих усадеб и 67% кулацких хуторов»[6]. Столь массовые беспорядки не могли обойтись без жертв. Саратовский губернатор П.А. Столыпин в отчете Николаю II признал: «Все крестьянские беспорядки, агитация среди крестьян и самовольные захваты, возможны только на почве земельного неустройства и крайнего обеднения сельского люда. Грубое насилие наблюдается там, где крестьянин не может выбиться из нищеты. Там он обозлен и верит всякой пропаганде, а отчасти полагает, что насилием заставит власть имущих обратить внимание на свою обездоленность»[7].

В ходе «аграрного террора» большевики отчетливо осознали, чем можно увлечь за собой большинство населения России – озлобленное, беднейшее, малоземельное крестьянство – обещанием мести и расправы над помещиками, разделом их земли, масштабным насилием над богатыми. Действительно, для исторически вчерашних крепостных массовое насилие было слишком хорошо известно в поколениях и потому понятно, тогда как «писаное право» для десятков миллионов азбучно неграмотных крестьян было культурной фикцией. Массовое неверие в барское право отлилось в известной формуле: «Закон, что дышло...». Именно штыками крестьян, одетых в красноармейские шинели, социалистическая утопия и была утверждена в России как проект коммунистического будущего. Однако реальным содержанием этой утопии стала диктатура партийно-государственной бюрократии, что согласно Ленину есть политический режим, опирающийся непосредственно на насилие, неограниченное никаким законом. В считанные годы диктатура лидеров большевистской партии выродилась в единоличную диктатуру Сталина.

Не менее ожесточенным был и предреволюционный *«городской террор»*. Общее число государственных чиновников, убитых и покалеченных террористами, с 1901 по 1916 г. – порядка 17 000; из них только в 1905–1907 гг. 2180 убитых и 2530 раненых[8].

В отсутствии эффективных политико-правовых инструментов разрешения конфликта, неспособности предотвратить его перерастание в антагонистический, верховная власть России, ее правящий класс, дворянство, интеллиген-

---

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1956. – Т. 3. – С. 17–58.

[2] Тютчева А. Воспоминания. – М., 2002. – С. 258.

[3] http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156640/video_id/156640/

[4] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1990. – С. 458.

[5] Цитируется по: http://profilib.com/chtenie/10203/sergey-kara-murza-krakh-sssr-14.php

[6] Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. – М., 2009. – С. 28–29.

[7] Столыпин П.А. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора 1903-1904 гг. Сост. А.Г. Бесов. – М., 1993.

[8] Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. Пер. с англ. – М., 1997.

ция, духовенство, народные массы не нашли реального способа преодоления противоречий. Его предложили большевики, выдвинув в 1915 г. «лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую»[1].

Номинально партийно-парламентские механизмы уже существовали. Но в условиях полупатриархального общества, неграмотности подавляющего большинства населения, в отсутствии политической культуры и традиций, за 10 лет своего существования (1907–1917) эти механизмы к моменту революции успели сделать лишь первые неуклюжие обороты. Итогом стал масштабный социальный конфликт.

Распад Советского Союза

Крах коммунистического режима и последовавший за ним распад государства – следствие монопольных политических институтов, а потому и низкого качества стратегического государственного управления. В числе наиболее значимых факторов распада следует также назвать глубочайшее отчуждение молчаливого большинства от государства вследствие нарушения принципа социальной справедливости. Многомиллионный народ проявил полнейшую безучастность к судьбе СССР и «крупнейшей геополитической катастрофе XX века» (В. Путин)[2], не возникло никакого общественного движения в защиту социалистического строя и территориальной целостности СССР. Политический режим, совершив массовые репрессии против собственного народа, не может рассчитывать на защиту этого народа. Вторая сверхдержава, вложив колоссальные средства в системы защиты от внешних угроз, распалась в условиях мирного времени, в отсутствии критически-значимых внешних угроз и обладая всей полнотой государственного суверенитета. Советское государство оказалось беззащитно от внутренних гроз и рухнуло под тяжестью собственной неэффективности. Что стоит государственность, которую оказалось возможно упразднить росчерком пера!

Модификация причин распада

Отечественный опыт XX в. вынуждает признать, политический режим, не способный обеспечить национальное развитие и межгосударственную конкурентоспособность, исторической перспективы не имеет и неизбежно сойдет с исторической сцены. Проблема однако в том, конфликты какого масштаба и числа жертв будут сопровождать его уход: миллионы жертв по прецеденту начала XX в. или сотни тысяч – по прецеденту конца XX в.

В ходе исторического процесса произошла существенная модификация причин распада отечественной государственности. Внешнее давление, как решающий фактор крушения Киевской Руси и значимое сопутствующее обстоятельство развала Московского царства, с течением времени утратил свое былое значение. Ни для Российской империи, ни тем более для Советского Союза внешнее давление не достигало критического уровня. На первый план вышли иные факторы: низкое качество государственного управления; ограниченная способность и отстающие темпы развития социума; посредственное интеллектуальное и нравственное качество национальной элиты. Что осталось неизменным? Неизбывным остались незначимость рядового человека, его политическое и юридическое бесправие, социально-экономическая неустроенность, пренебрежение правящих элит принципом социальной справедливости, а потому и социальная рознь как важнейшее базовое условие неустойчивости государства.

Весьма показательно: сокращение жизненного цикла и периодический крах государства происходят на фоне последовательного, в течение столетий, роста территории государства, его природно-ресурсного, экономического, демографического и военного потенциала – всего, что необходимо для восходящего развития и благополучия общества. При 3% мирового населения Россия обладает 30% мировых природных ресурсов. К тому же к концу XX в. советское государство располагало мощным образовательным потенциалом, квалифицированными научно-техническими кадрами, а также организационно-политическими, информационными и идеологическими ресурсами, консолидированными в руках правящего режима.

Значимым фактором национальной интеграции и преодоления социокультурного раскола не стала и Русская православная церковь (РПЦ). К концу XIX в. проповедь гуманистических идеалов христианства звучала на Руси уже 1000 лет. Однако подлинную оценку усилиям церкви дал отечественный, беспрецедентный по своей жестокости, XX в.: революция и кровопролитная гражданская война; насилие раскулачивания и коллективизации; голодомор; масштабный государственный террор (ГУЛАГ).

Реалии постсоветской России в качестве наиболее значимых общественных противоречий вновь вынуждают назвать: острейшую и продолжающую расти имущественную поляризацию; глубокое отчуждение значительной части россиян от институтов государственной власти, «кроме президента страны, что повышает риски целостности общества и государства»[3]. В рейтинге доверия населения политические партии и Госдума устойчиво занимают позиции внизу списка.

Следует назвать также отказ большинства признать легитимными права собственности, возникшие в ходе антисоциальной приватизации наиболее доходных объектов советской экономики, созданных многомиллионным народным трудом. Но за 15 лет существования нынешнего режима власть отчетливо продемонстрировала, она «не намерена

[1] Ленин В.И. ПСС. Т. 27. – М.: Издательство Политической литературы, 1973. – С. 29.

[2] Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. – М.: Феория, 2009. – С. 186.

[3] Лапин Н.И. Развилки процессов модернизации и взаимопонимания в российском обществе // Социологические исследования. – М., 2017. – № 1. – С. 149.

принципиально пересматривать результаты номенклатурной приватизации»[1]. Однако рано или поздно эти отношения собственности станут причиной масштабного социального протеста, несмотря на «срок давности» приватизации. Типологически-подобный конфликт уже имел место в предреволюционной России по поводу земельной собственности, несмотря на многовековую традицию помещичьего землевладения.

По сути, в обществе воспроизведены социально-властные отношения типологически подобные тем, что обусловили историческую неустойчивость предшествующих форм российской государственности. Не случайно Е.М. Примаков констатирует: «Для нынешней России уже стали главными угрозы не внешние, а внутренние»[2]. И вновь общество не имеет в своем распоряжении эффективных политико-правовых / партийно-парламентских механизмов достижения социального компромисса. Хватит ли у России исторического времени для их освоения? Ни у Российской империи, ни у СССР его не хватило.

Не внушает оптимизма и социальное качество основных групп российского общества, макросоциальные стратегии которых вновь направлены на его дезорганизацию, а потому и дезинтеграцию. Об этом свидетельствуют астрономическая коррупция и хищения финансов *государственными чиновниками*; многомиллиардный вывоз капитала из России *крупнейшим бизнесом*; отказ *массовых слоев населения* от ответственности за происходящее в России; неготовность *интеллигенции* – образованной части общества / носителя национального интеллекта – к общественной и политической самоорганизации, а потому ее неспособность остановить антисоциальные процессы и навязать правящим группам реформы в интересах большинства, неспособность сформировать действенные системы уголовной и политической ответственности.

О значительных рисках свидетельствует и нисходящая макроэкономическая динамика ВВП последних лет, подобная тенденциям брежневского правления:

– Темпы ежегодного роста ВВП (%)[3]	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
	5	**3,1**	**1,8**	**1,8**

– Темпы ежегодного роста ВВП (%)[4]	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	4,5	**4,3**	**3,5**	**1,3**	**0,7**	**3,7**

Отнюдь не случайно ректор Академии народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ В. Мау констатирует: «По основным макроэкономическим характеристикам нынешняя российская ситуация напоминает положение СССР рубежа 1970–1980 гг.»[5] – т.е. страна осталась на позициях 30–40-летней давности «брежневского застоя», сформировавшего важнейшие предпосылки краха СССР. Отсюда, опасения острейших системных рисков дальнейшего движения общества по инерционной траектории.

Так, по мнению члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, основным институциональным содержанием происходящего в России вновь стала вседозволенность авторитарных слоев. С начала XXI в. правящий режим осуществляет консервирующую стабилизацию, сохраняя инерцию социальных практик российско-азиатского этатизма[6].

Академик Ю.Н. Афанасьев убежден: Россия не развивается по восходящей траектории, так как подавляющее большинство населения лишено свободного доступа к ресурсам — недрам, земле, основным фондам, финансам и тем видам деятельности, которые формируются в ходе освоения этих ресурсов. Нет укорененных, направляющих социальную практику институтов, гарантирующих права личности, собственности, даже морали и нравственности. Население России никогда не имело свободного доступа к ресурсам и основным видам деятельности по их освоению, не видно даже исторического движения в этом направлении[7].

Выводы ученых вынуждают признать: в России начала XXI в. вновь сформированы социально-властные отношения подобные тем, что уже не однажды обрушивали российскую государственность.

Заключение

Многовековыми усилиями народа российское государство расширялось, наращивая многообразные ресурсы, необходимые для эффективного развития. Россия отразила все вражеские нашествия. При этом ни одно нашествие не привело к разрушению русской государственности. Тем не менее, государство периодически распадается под тяжестью внутренних проблем и угроз. А продолжительность существования каждой следующей версии государственности кратно сокращается по сравнению с предыдущим циклом.

В сложных, масштабных процессах большой длительности результат всегда обусловлен сложным взаимовлиянием многих причин. Одна из наиболее значимых причин периодического крушения государства – созданный еще в раннем средневековье правящим классом России режим ограниченного доступа к национальным ресурсам массовых слоев населения, что неизбежно тормозит национальное развитие. Политическая, а потому и экономическая монопо-

---

[1] Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. – М., 2015. – № 2. – С. 77.

[2] Примаков Е.М. Мысли вслух. – М., Центрполиграф, 2016. – С. 182.

[3] Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. – М., 2014. – № 3. – С. 17.

[4] Аганбегян А.Г. Есть ли у нас план? Как спасти экономику? // Аргументы и факты. – М., 2016. – 8 июня.

[5] Мау В. Четыре долгосрочные проблемы развития // Ведомости. – М., 2013. – 20 февраля.

[6] Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования, № 5, 2016. С. 26.

[7] Афанасьев Ю.Н. Закат России? // Современная Россия. Дискуссия. ИНИОН РАН. – М., 2014. – С. 232.

лия групп господства воссоздается при каждой смене формации: Древняя Русь – Московское царство – Российская империя – Советский Союз – буржуазно-демократическая Россия. Ситуация иррациональная: при изобилии национальных ресурсов миллионы россиян поколениями живут в бедности, а то и в откровенной нищете. В ходе постсоветских рыночных реформ режим ограниченного, привилегированного доступа не только воссоздан, но и ужесточен. Феномен «власти-собственности» остался незыблем. «Акционерно-ваучерная кампания привела к торжеству номенклатурной приватизации: реальными собственниками стали в первую очередь представители старой партийно-хозяйственной элиты… Улучшить свою жизнь смогли в основном постсоветские элитные группы, у большинства же россиян уровень жизни существенно снизился»[1]. При этом основная масса продуктивных активов фактически монопольно закреплена за правящим классом России. К 2015 г. основная масса экономически активных работников – 94,3% по-прежнему остается наемными и зависимыми от работодателей[2]. А число бедных по состоянию на начало 2016 г. оценивается в 23 млн. чел., без малого три Швеции.

Режим ограниченного доступа распространяется не только на собственность, но и на виды деятельности. Академик М.К. Горшков отмечает: «практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов – куда бы они ни шли работать – на изменение их жизни и профессиональных траекторий»[3]. Группы господства, как и столетия назад, цинично пренебрегают фундаментальным принципом устойчивости государства – принципом социальной справедливости. Не случайно за годы постсоветских реформ, в процессе деградации отечественной экономики, Россия вышла на второе место (после США) по числу долларовых миллиардеров. И дальнейшее движение по традиционной колее вновь чревато огромными системными рисками. Судя по массовому бегству представителей правящего класса за рубеж на ПМЖ, эта публика отчетливо осознает степень риска и явно опасается остаться наедине с ограбленным ею народом.

Принципиально изменить ситуацию способно лишь реальное представительство интересов массовых слоев населения в конкурентном политико-правовом/партийно-парламентском процессе на основе качественного роста массовой политической культуры. У социогуманитариев России безбрежное поле деятельности. Отечественная история вновь и вновь подтверждает правоту М.М. Сперанского «Самые благие намерения политических перемен сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум». Прошедших с тех пор двухсот лет нам не хватило…

---

[1] Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветские институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. – М., 2015. – № 2. – С. 50, 54.

[2] Смирнов С.Н. Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. – М., 2016. – № 1. – С. 16.

[3] Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 36.

Моисеев А.А.
д.ю.н., доктор права Австралии, вице-президент Российской ассоциации международного права.
moiseevlaw@gmail.com

ПРИРОДА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *глобализация, «золотой миллиард», рыночная экономика, Интернет, ТНК, СССР, кризис, международное право, МВФ-МБРР, мондиализм.*
Keywords*: globalization, the «Golden Billion», market economy, Internet, Transnational corporations, USSR, crisis, international law, IMF-IBRD, mondializm.*

Глобализация является объектом исследования представителей обществоведческих и других наук: философы, экономисты и юристы международники, историки, социологи, культурологи, экологи, географы, представители технических наук[1] практически всех государств изучают глобализацию с точки зрения самых разных аспектов. Разнообразие определений и характерных признаков глобализации, отмечаемых исследователями, поражает воображение своим многообразием. Однако, исследуя всемирную глобализацию как всеобъемлющий феномен, наука к настоящему времени так и не пришла к общепринятой позиции относительно этого общественно-исторического явления.

За много веков до появления ООН, транснациональных корпораций и Интернета целостность мира воплощалась в повсеместном распространении знаний, технических и технологических новшеств, основанных на единобожии мировых религий, вершин философской мысли, художественных шедевров. В этом смысле верно полагать, что провозвестниками глобализации были Христос, Магомед, Будда, свой бесценный вклад в нее внесли У. Шекспир, Мигель де Сервантес, Лев Толстой, другие гении, творчество которых перешагнуло пределы национальной культуры и стало неотъемлемой частью целостной культуры мира[2].

Очевидно, что возникновение глобализации не произошло мгновенно в один исторический момент. Говоря об истории вопроса, различные авторы относят время возникновения глобализации к различным историческим периодам. Некоторые ученые считают, что зачатки глобализации можно обнаружить в эпоху Античности. В частности, Римская империя была одним из первых государств, которое в VII–IV вв. до н.э. утвердило свое господство над Средиземноморьем и привело к глубокому переплетению различных культур и появлению местного разделения труда в регионах Средиземного моря.

Другие видят глобализацию прямым продолжением интернационализации капитала, начало которой отнесено к периоду великих географических открытий XV в. и устойчивого экономического роста в Европе XVI–XVII вв., когда было положено начало созданию «мировой экономики» вокруг нескольких центров становления европейского капитализма, во время проникновения европейцев в иные культуры, когда португальские, испанские, британские торговцы распространились по всему миру и занялись колонизацией Америки.

Третьи связывают возникновение глобализации с идеями немецкого философа И. Канта (1724–1804) относительно формирования мирового правительства как гарантии «обретения вечного мира».

Четвертые полагают, что появление глобализации произошло в XIX в. и было вызвано быстрой индустриализацией, которая привела к росту торговли и инвестиций между европейскими державами и США, а также к империалистической эксплуатации их колоний. Причем, по их мнению, в первой половине XX в. процессы глобализации были прерваны двумя мировыми войнами и разделявшим их периодом экономического спада, однако после Второй мировой войны глобализация возобновилась в ускоренном темпе. Ей способствовали улучшения в технологии, которые привели к быстрым морским, железнодорожным и воздушным перевозкам, а также доступности международной телефонной связи.

Их оппоненты наоборот считают, что «мировые войны были исторически самым первым проявлением взаимозависимости и целостности мира» – первоначальным опытом глобализации, а вторым подобным опытом – «пришедшееся на XX в. становление техносферы – искусственной среды жизнедеятельности человека»[3].

---

[1] Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век». По материалам выступлений. – М., 2004. – 240 с.; Ударцев С.Ф. Государственность в условиях глобализации: кризисные явления, адаптационная трансформация и развитие // Право и государство. 2013. – № 4(61). – С. 18–23; Саидов А.Х. Юридическая глобалистика: глобальный подход к правовой карте мира // Право и государство. 2013. – № 4(61). – С. 14–17.

[2] Шахназаров Г.Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 5, № 4. – С. 185.

[3] Косолапов Н. Россия, США и мировое развитие // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 5, № 2. – С. 129.

Пятые делят глобальные процессы на периоды и видят их связь с информационным этапом современной научно-технической революции и ее реальным влиянием на развитие мировой экономики, финансов, телекоммуникационных и транспортных систем, науки, с нарастающей скоростью преобразующих бытие человечества. Они наделяют понятие глобализации статусом одного из главных направлений мирового развития на этапе становления информационного общества, считают Интернет символом глобализации, подчеркивают все возрастающий вес в жизни человечества охватывающих весь мир транснациональных организаций, корпораций, движений, отмечают глобализацию финансово-кредитной сферы[1].

Большинство исследователей увязывают начало развития глобализации с экономическим развитием государств и, в частности, с распространением рыночных отношений. Начиная с 80-х гг. XX в. лидеры США и Великобритании Р. Рейган и М. Тэтчер пропагандировали идеологию свободной рыночной экономики, утверждая, что простое распространение рыночных отношений способно уничтожить бедность и объединить культуры разных государств.

Вплоть до азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. теоретики глобализации получали подтверждения правоты продвижения рынка как приоритетной тенденции в современном мировом развитии. Действительно, в то время постиндустриальное общество, характерное для жизни развитых государств мира, достигло серьезных социально-экономических показателей. Западный мир продемонстрировал способность развиваться на собственной основе и решающим образом влиять на основные общемировые тенденции, проводить собственную стратегию глобализации в мире, так называемую политику «вестернизации» по принципу «West и Rest»[2].

В работах отечественных ученых часто отмечается западоцентричность глобальных процессов, которая выражается в «экспансии мирового капитализма»[3]. В зарубежной научной литературе глобализация в первую очередь рассматривается в связи с феноменом вестернизации как основного направления модернизации современного мира, глобального проникновения культуры евроатлантической цивилизации, распространение западного капитализма и западных институтов. Английский историк Р. Конквест заявил, что «вряд ли кто-либо всерьез сомневается в том, что именно Запад в общем смысле является основой и центром того, что сегодня представляют собой международное сообщество или мировая политическая культура»[4].

Возникает вопрос, где находятся истоки вестернизации, какова ее идеологическая основа? При этом сразу вспоминается несколько подзабытая концепция «золотого миллиарда». Безусловно, мы не устанавливаем прямой аналогии между вестернизацией, глобализацией и «золотым миллиардом», но очевидно, что все эти концепции направлены на создание особых условий для граждан одних и тех же известных государств.

Теория «золотого миллиарда» как целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция образовалась в результате пессимистического признания ограниченности земных ресурсов и невозможности их распространения на все население планеты. Термин «золотой миллиард» стал своеобразным наследием «Римского клуба»[5], представители которого утверждали, что причиной международных кризисов является нехватка жизненно важных ресурсов и как следствие – увеличивающаяся пропасть между богатым Севером и бедным Югом. Идеология глобализации из всего содержания концепции «золотого миллиарда» выделяет одну ее сторону – необходимость доступности ресурсов планеты для лидеров мировой экономики как наиболее приспособленных к мировому рынку, подразумевая, прежде всего, США и ведущие европейские государства[6].

Идеологи концепции «золотого миллиарда» исходят из того, что для благополучной жизни на Земле ресурсов, сырья и энергии достаточно только для 1 млрд. человек[7]. Численность населения планеты непрерывно растет: на 1 января 1990 г. на Земле проживало более 5,2 млрд. человек, в 2000 г. – более 6 млрд. человек, в начале 2007 г. численность населения планеты составила 6,6 млрд. человек и уже уверенно приблизилась к семимиллиардной отметке. Не является открытием, что «золотой миллиард» составляют в основном граждане США, Европы и Япония, а другим странам, обладающим основной массой ресурсов, предписывается роль сырьевых колоний упомянутых государств.

Западные специалисты справедливо считают, что удержать простыми уговорами 7 млрд. человек нищего населения практически невозможно. Согласно этой концепции, для сохранения высокого уровня потребления для своих граждан, промышленно развитые государства должны экономическими и военными мерами держать остальной мир в

---

[1] Dolffus O. La mondialisation. – P., 1997. – P. 13; Подберезкин А.И. Понятия «глобальные проблемы» и «глобальные процесс». Их различия. Методология. Периодизация // Библиотека Института современного социализма. Вып. 1. – М., 2001. – С. 117–118.

[2] «Западные государства и все остальные». Иноземцев В.Л. акцентировано растолковал, как «консолидация развитых стран в их противостоянии остальному миру». Иноземцев В.Л. Открытое общество за закрытыми границами // НГ-сценарии. – М., 2001. – 10 июня.

[3] Мартынов В. // МЭиМО. – М., 2000. – № 3. – С. 90; Миронов В. Что сулит России глобальный расклад сил в XXI веке? // Независимая газета. – М., 1997. – 15 апреля; Неклесса А.И. Проект «глобализация»: глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. – М., 1999. – № 1. – С.113; Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М., 2001. – С. 45.

[4] Conquest R. Reflections on a Ravaged Century. – L., 2000. – P. 240.

[5] Римский клуб – международная неправительственная организация, созданная в 1968 году по инициативе вице-президента фирмы «Оливетти» А. Печчеи, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. В разное время действительными членами клуба были академики Д.М. Гвишиани, Е.К. Федоров, Е.М. Примаков, А.А. Логунов, С. Капица, Ч. Айтматов, а также М.С. Горбачев и Б.Е. Патон.

[6] Богатуров А. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. – М., 1999. – Т. 4, № 4. – С. 32.

[7] По расчетам влиятельного американского ученого Пиментела Д. в 1987 году, «относительно высокие стандарты жизни могут быть обеспечены для всех живущих на Земле, лишь если ее население составляет примерно один миллиард». Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. – М., 1994. – 304 с.

промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Меры по достижению контроля над естественными и природными ресурсами Земли уже предпринимаются представителями Запада.

Разумеется, в отличие от термина «глобализация» термин «золотой миллиард» не употребляется в официальных документах[1]. Он, как правило, заменяется набором других понятий и определений, а реальный смысл становится ясен из контекста. Не удивительно, что в декларативных программах ООН на 1990-е гг. были изъяты положения о суверенитете государств над их естественными и природными богатствами. Фактически ставится под сомнение принцип уважения суверенитета государств над их территорией и ресурсами, под предлогом избежания «риска разбазаривания сырья по национальным квартирам». Обладание Российской Федерацией природными ресурсами также рассматривается мондиалистами[2] как несправедливый исторический факт. Результатом радикального мондиализма являются попытки обоснования «права» Запада на применение силы, например, против ряда государств Ближнего Востока.

В чем же проявляется глобализация в настоящее время?

Практически, все ученые обществоведы признают объективный характер глобализации, делая акцент именно на ее экономическую составляющую. Они полагают, что сегодня именно в экономике связи между государствами становятся теснее, взаимная зависимость – жестче, а потребность в многосторонней координации – насущнее[3].

Развитие глобализации приводит к таким экономическим явлениям, как проницаемость межгосударственных границ для свободного движения финансовых потоков, перемещения товаров, услуг, технологий, рабочей силы, т.е. к распространению правовых режимов наибольшего благоприятствования и национального режима в упомянутых сферах. Государства с рыночной экономикой сближаются по уровню цен на товары, прибыльности предприятий и зарплат, усиливается тенденция к международному аутсорсингу, растёт число и размер слияний компаний внутри государств и на международном уровне, которые сопровождаются реструктуризацией и уменьшением количества занятой рабочей силы. В результате происходит частноправовая универсализация рыночных отношений через утверждение единых экономических принципов, обычаев и правовых норм для субъектов международных экономических отношений, а в результате – усиление взаимосвязи и взаимозависимости национальных рынков государств.

Сторонники глобализации отмечают целый ряд преимуществ, которые состоялись благодаря глобализации. По их мнению, глобализация ослабляет предпосылки крупных конфликтов, способствует миру во всем мире, установлению и укреплению демократии, развитию глобального гражданского общества, подотчетности властей и верховенству закона. Всемирная торговля способствует «открытию» национальных границ, развитию производства, распространению западных стандартов потребления, быта, мировосприятия на другие государства. Благодаря глобализации произошёл рост производительности в сельском хозяйстве, улучшилась сфера здравоохранения, за счёт технического прогресса разработано множество новых материалов, уменьшивших потребность в сырье, снижена материалоёмкость в тех производствах, в которых заменить натуральное сырьё на синтезированное не удалось. В то же время происходит быстрый рост добычи разведанных запасов полезных ископаемых.

Укажем и негативные стороны процесса экономической глобализации. Известный финансист Дж. Сорос предупреждает, что экономическая функция современного капитализма не просто начинает доминировать над остальными сферами общественной жизни, но и делает главной и чуть ли не абсолютной ценностью мотив получения прибыли[4]. В экономических отношениях все больше преобладает спекулятивно-ростовщический принцип получения прибыли вместо конкурентно-производительного. Глобализация в экономике приводит к неравномерности развития развитых и развивающихся государств, ведет к концентрации могущества в руках богатого Севера, к эксплуатации труда капиталом и расслоению общества: обогащению богатых и обнищанию бедных.

Кроме этого, логика развития глобализации указывает на известную заинтересованность в укреплении стабильности доллара США на фоне нестабильности во многих других сферах, начиная от национальных валют и заканчивая политическими режимами (и искусственными усилиями по их раскачиванию), в низком жизненном уровне большинства населения планеты и т.д. В таких условиях доллар США многими, фактически, воспринимается как всемирная валюта, несмотря на крупнейшую сумму государственного долга США.

Информатизация и автоматизация производства приводят к утверждению экономики, не нуждающейся в рабочих. В промышленных отраслях политику производства определяет достаточно узкий круг высокопрофессиональных

---

[1] Термин «золотой миллиард» приобрел широкое хождение на Западе и стал означать население государств «первого мира», в основном входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Cooperation and Development – OECD).

ОЭСР – международная экономическая организация развитых государств, объединяющая 34 государств-членов, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. ОЭСР создана в 1948 году, на долю ее государств-членов приходится около 60 проц. мирового ВВП. Россия вступила в переговорный процесс для обсуждения условий вступления в организацию с 2007 г.

[2] *Мондиализм* – социальное и общественное движение за объединение мира и его отдельных регионов на федеративной основе с общим и всемирным правительством. Доктрина, согласно которой национальное и государственное как минимум второстепенно, как максимум – не имеет права на существование. В романских языках мондиализм выступает как синоним глобализации. Организации, имеющие своей целью создание мирового правительства: Совет по международным отношениям (1921), Бильдербергский клуб (1954, Бильдербергская группа), Трехсторонняя комиссия Европа-Япония-США (1973). Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997. – С. 121–130; Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, идеология. – М., 1990. – № 5.

[3] Богомолов О.Т. Вызов мировому порядку // Независимая газета. – М., 2000. – 27 января; Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. – М., 2000. – № 1; Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. – М., 1999. – Т. 4, № 4. – С. 94; Неклесса А.И. Указ. соч., с. 113.

[4] Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М., 1999. – С. 262.

специалистов и интеллектуалов, что порождает «элитарность» как организующий принцип экономической жизни, а, следовательно, и системы образования.

В условиях информационно-технологической революции претендовать на достойное место могут лишь государства, граждане которых обладают достаточно высоким уровнем образования. На усиливающееся материальное расслоение общества как в развитых, так и в развивающихся государствах во многом влияет неравный доступ граждан к образованию. Только высококвалифицированные граждане могут сохранить свой социальный статус или выиграть в процессе глобализации, причем значительное число работников рискует оказаться в числе безработных[1].

Международный финансовый рынок стал первым глобальным рынком и остается самым крупным международным рынком до настоящего времени[2]. Современная международная финансовая система оказалась весьма эффективной в условиях компьютеризации и либерализации валютно-финансовых отношений на международном уровне. Глобализация охватывает все государства мира, не обращая внимания на различие их политических режимов.

За короткий исторический период в товарно-денежные отношения международного финансового рынка были вовлечены все регионы и сферы человеческой деятельности, изменены пропорции и расстановка сил между государствами, корпорациями, изменились соотношения между политикой и экономикой, финансами и производством, конкуренцией и научно-техническим прогрессом. Быстрое распространение финансовой информации по всему миру благодаря Интернету, непрерывное движение частного капитала с помощью всевозможных финансовых инструментов: ценных бумаг, акций предприятий, паевых фондов, товарных фьючерсов и пр., деятельность финансовых фондов и бирж, которые практикуют займы под залог ценных бумаг и игру на валютных курсах, действительно носят глобальный характер.

Наиболее активными субъектами глобальных экономических отношений являются транснациональные корпорации[3]. Никогда в истории частные компании не были столь финансово могущественными. Финансово слабые государства попадают под прессинг ТНК и становятся их жертвами, отдавая рычаги экономического управления индустриально развитому Западу[4].

В результате деятельности десятков тысяч ТНК и сотен тысяч дочерних филиалов ТНК, мировая экономика функционирует как единая экономическая система, единый глобальный организм с развитой сетью мировых коммуникаций, всемирным Интернетом[5]. Эффективная деятельность ТНК связывается с гибким подходом этих компаний к работе на национальных рынках и высокой компетентностью их сотрудников. ТНК используют в конкретном регионе мира наиболее подходящие условия для бизнеса, учитывая состояние социальной и промышленной инфраструктуры, производственные стандарты и национальное законодательство, квалификацию рабочей силы, уровень ее социальной защиты и оплаты, паритет покупательной способности национальной валюты, ее обменный курс и соотношение с твердыми валютами, близость к источникам сырьевых ресурсов, и даже климатический фактор.

ТНК умело организуют свою деятельность в глобальной среде рынка[6]. Суть возникшего в этой связи противоречия заключается в том, что руководство ТНК в своем устремлении получать сверхприбыли утрачивает чувство гражданской ответственности, демонстрируя безразличие к судьбам не только конкретных народов, но и человечества в целом.

Благодаря глобализации общечеловеческая цивилизация в основном движется в сторону параметров и ценностей евроатлантического миропорядка, превращая мировое сообщество в единое мировой общество; укрепляя мировую иерархию богатого Севера и бедного Юга.

Неправильно было бы отгораживаться от глобализации лишь на том основании, что она основывается на западных принципах построения бизнеса через «сетевые структуры», менеджмент, производство и распределение[7], которые доказали свою экономическую эффективность. Также не продуктивно создавать себе образец для подражания в виде модели западной цивилизации, что объективно приведет к экономическому отставанию. Сегодня глобализация уже существует, и государствам для благополучного существования необходимо активно в ней участвовать и влиять на международные процессы.

К концу XX века был достигнут принципиально новый уровень информационного охвата планеты. Благодаря информационной революции мир сжался, стал доступным, проницаемым и информационно тесным. Стремительное развитие телекоммуникаций и информационных инфраструктур способствовало усилению взаимосвязанности мира.

---

[1] Рифкин Дж. Конец работы // Обозреватель. – М., 1997. – № 3–4. – С. 78–79.

[2] Моисеев А.А. Международные финансовые организации. Правовые аспекты деятельности. – М., 2006. – С. 57–68. Доклад МВФ «Потенциал и опасности глобализации». 12.04.2000. – www.imf.org

[3] ТНК – это не только производственные компании, но и транснациональные банки, телекоммуникационные компании, страховые компании, аудиторские компании, инвестиционные и пенсионные фонды.

[4] Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. – N.Y., 1998. – P. 4; Krugman P. Pop Internationalism. – Boston, 1996; Zurn M. The Challenge of Globalization and Individualization: A View from Europe // Whose World Order? / Ed. by H.-H. Holm, G. Sorensen. – Oxford, 1995. – P. 141–165; Дауленов М.М. К проблеме определения международно-правового статуса «Княжества Силенд» // Право и государство. 2013. – № 2(59). – С. 71-77.

[5] ТНК обеспечивают около 50 проц. мирового промышленного производства, на их долю приходится более 70 проц. мировой торговли.

[6] Badie B. La fin des territoires. – P., 1995; Косолапов Н. Указ. соч., с. 130–132; Неклесса А.И. Указ. соч., с. 108–113.

[7] МЭиМО. – М., 2000. – № 3. – С. 91; Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. – М., 2001. – № 6. – С. 137; Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность // МЭиМО. – М., 2002. – № 1. – С. 18.

Человеческое общество получило новое измерение – информационное. «Создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам»[1].

В условиях глобализации распространение информации преследует вполне понятные задачи обеспечения «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных установок, призванных обосновать преимущества и неизбежность тенденций, направленных на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются государства Запада. Глобализация – это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать, и что они думают о происходящем и его перспективах. Как и любая идеология, идеология глобализации фальсифицирует мировоззрение, она направлена на сокрытие конкурентного противостояния региональных центров сил – Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии.

В результате государства получают распространение «пиара», мощный поток рекламы во всех средствах массовой информации (СМИ), размывание четких различий между информацией и рекламой, уверенность управленцев, менеджеров, представителей СМИ, что все проблемы можно решить «промывкой мозгов». Идеология глобализации развивается в условиях глубокого духовного кризиса. Человеческие ценности перестают играть роль регуляторов социальной жизни, размываются понятия добра и зла применительно к общественному прогрессу. В сфере глобальных информационных сетей для «международного общественного мнения» в ущерб государственно-патриотическим идеологиям распространяются оценочные политико-демократические стандарты и установки, культивируются мондиалистские ценности ответственности всех и каждого за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых уголках мира.

Не секрет, что концентрация экономической мощи часто преобразуется в контроль над СМИ, который становится ступенькой на пути к власти, а приобретенная власть часто используется для дальнейшего укрепления экономической мощи и так далее по замкнутому кругу. «В условиях быстрых перемен, когда традиции утратили былую власть,– пишет финансовый спекулянт Дж.Сорос – а людей со всех сторон осаждают предложения, разменные меновые ценности вполне способны заменить подлинные»[2]. Реальный мир пытаются заменить фикциями потребительской культуры.

Ценности западного общества хорошо известны, они связаны с культом потребления и приобретательства, желанием господствовать над природой ради удовлетворения своих потребностей. Торжество прагматизма, рациональности, «профессионализма» как высших добродетелей общества, приводят к снижению общего нравственного уровня. В подобной конструкции мира цели развития оказываются подчиненными корыстным интересам финансовой олигархии, стремящейся унифицировать и стандартизировать человеческий интеллект превратить его в «производительные силы» и основной источник экономического роста.

Попытки национальных правительств ограничить доступ в Интернет в эпоху глобализации становятся все более дорогим и фактически бессмысленным мероприятием. Виртуальное пространство соединяет регионы мира в едином экономическом информационном поле, увеличивает возможности граждан для непосредственного приобщения к глобальным информационным процессам в любой точке планеты. Без искусственно созданной человечеством среды жизнедеятельности, связанной с использованием высоких технологий, систем телекоммуникаций и транспорта человек уже не представляет своего существования.

Глобализация лишь тогда сможет избавиться от негативных социальных последствий современного мира, когда государства изменят свои жизненные ценностные ориентиры и перейдут от принципа «иметь» к принципу «быть, являться»[3], поставив в центр своих приоритетов социальное развитие личности, самобытность, творческий потенциал, профессиональное мастерство каждого человека.

Основную часть преимуществ от рыночных отношений получают именно богатые государства, богатые компании и богатые индивиды западной цивилизации. Именно по этой причине незападным государствам, воспринявшим для себя рыночную экономику, жизненно необходимо развивать и усиливать «средний класс» собственников, способных вкладывать свои финансовые средства в акции эффективных компаний и которые должны становиться опорой национального бизнеса. В этом, на наш взгляд, заключается и правда об объективности глобализации, и оптимизм относительно глобальных процессов.

То, что международное сообщество движется к состоянию все большей целостности, в этом нет сомнений ни у сторонников, ни у противников глобализации. Основные разногласия связаны с выбором пути, по которому следует двигаться государствам. Бывший Генсек ООН К.Аннан заявил: «Глобализация создает благоприятные условия для экономических субъектов и видов деятельности по всему миру и новые каналы связей между ними. Она стала возможной благодаря постепенной ликвидации барьеров, препятствующих движению капитала, а также благодаря основополагающим техническим достижениям и неуклонному снижению стоимости транспорта, связи и компьютеров. Ее объединительная логика кажется неумолимой, а ее движущая сила – непреодолимой. Выводы из глобализации ясно видны: более быстрый экономический рост, более высокий уровень жизни, ускоренное внедрение и распространение технических новшеств и навыков управления, новые экономические возможности как для отдельных лиц, так и для стран»[4].

---

[1] Делягин М.Г., Братимов О.В., Горский Ю.М., Коваленко А.А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000. – С. 15.

[2] Сорос Дж. Указ. соч., с. 262.

[3] Фромм Э. Иметь или быть. – М., 1990.

[4] Аннан К. Мы, народы: роль ООН в XXI веке // Коммерсантъ. – М., 2000. – 4 апреля.

Исходя из сути глобализации, полагаем, что ее стихийный характер не поддается управлению в традиционном для международного права понимании, однако, процесс глобализации можно и нужно направлять в выгодное для всего международного сообщества русло, наделяя определенными полномочиями межгосударственные организации, в том числе надгосударственными инструментами[1]. На межгосударственном уровне, кроме Организации Объединенных Наций, основными локомотивами глобализации, бесспорно, являются три крупнейшие экономические организации: Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, а также группа Всемирного банка[2].

В современных международных отношениях прослеживается, как меняются функции государств. Например, в связи с облегчением условий перемещения капиталов и свободной миграции физических лиц правительства вынуждены усиливать свои возможности в части контроля за перемещением капиталов и граждан[3]. Вместе с тем, после распада предсказуемого биполярного мира много государств фактически оказались отстраненными от участия в международном регулировании, другие же, наоборот, в нарушение международного права стали откровенно прибегать к использованию силы в решении международных проблем.

Успех глобализации будет зависеть от равномерности распределения ее результатов между государствами. Представляется, что необходимо всячески укреплять и пропагандировать существующий универсальный межгосударственный согласительный механизм ООН, благодаря которому государства должны улаживать возникающие противоречия и конфликты.

---

[1] Моисеев А.А. Надгосударственность в современном международном праве. – М., 2007. – 288 с.

[2] Следует пересмотреть систему управления международных экономических организаций, включая перераспределение голосов в МВФ и во Всемирном банке. Моисеев А.А. Международные финансовые организации… 2006.

[3] Федеральная миграционная служба России, Постановление Правительства Российской Федерации № 124 от 15 февраля 1993 г. «О реорганизации подразделений виз, регистраций и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел».

Федеральная служба Российской Федерации по финансовому мониторингу, Указ Президента Российской Федерации № 1263 от 1 ноября 2001 г. «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

Назаров В.И.
д.т.н., вице-президент Консорциума СОЮЗНЕФТЕГАЗИНВЕСТ, профессор Международного славянского института
nazarov_1956@mail.ru

МЕХАНИЗМ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ[1]

В моем докладе 2014 года дано обоснование необходимости выработки Идеологии возрождения и развития, и приведены основные её положения. Было указано, что **Целью** общественного развития является **создание полноты условий для воспроизводства народа в его социальной сложности и многоэтнической составленности,** а не доминирование какой-либо из социальных составляющих (пролетариата, либо международных финансистов).

Был структурно описан механизм реализации Идеологии возрождения через решение основной задачи в сфере экономики – введение в хозяйственное освоение наиболее рационального объема природных ресурсов, что ограничивает частно-предпринимательские предпочтения и делает их вторичными по отношению к потребностям развития общества (к стратегии развития).

Был приведен алгоритм механизма народовластия, реализуемый не в форме любых публичных высказываний, не имеющих последствий, а в форме выбора и непрерывной проверки и корректировки стратегии общественно-экономического развития.

Была определена задача в сфере общественного устройства – как максимальное использование и наиболее полное раскрытие «человеческого потенциала», а также перечислены основные императивы, структурирующие сферу общественных отношений, включая механизм раскрытия частно-предпринимательской инициативы в вопросах реализации (тактики) утвержденной обществом стратегии своего развития.

Был обозначен способ реализации указанного Механизма в реальной политике, что повышает устойчивость Власти и дает ей эволюционные перспективы системного развития.

Поскольку предложенный Механизм носит черты «цивилизационного проекта», необходимо подобрать ему сущностно-онтологичское название и уточнить основное противоречие, которое станет источником его диалектического развития.

«Русский Мир» представляется адекватным названием этого «цивилизационного проекта», наиболее соответствующим его онтологической сущности, явленной нам столетиями своего исторического развития, когда имперскообразующий русский народ собрал в единую государственную общность все аборигенные народы, не мечтавшие ранее о возможностях такого своего развития.

К.Маркс показал, что основным противоречием капитализма является противоречие между трудом и капиталом, а распад СССР и стран социализма выявил основное противоречие социализма – между массами трудящихся и парт-элитой.

В чем тогда противоречие «Русского Мира»?

Очевидно, что это будет противоречие между Народом (в его социальной сложности и многоэтнической составленности) и вмещающим ландшафтом, к которому Народу надлежит приспособиться и выстроить траекторию своего преобразования Природы.

Конфликт впервые уходит из социальной сферы в сферу взаимодействия живой и неживой природы, что предсказывал академик В.И. Вернадский почти 100 лет назад.

Суть Конфликта в том, что всякий народ (по Л.Н. Гумилеву) образуется, когда в общности людей генетически закрепляется совокупность черт, являющихся реакцией приспособления к вмещающему ландшафту, но затем всякий народ мигрирует, осваивая новые ландшафты с помощью инструментария, обретенного ранее и в других условиях.

Так, исследованиями академика Б.Рыбакова наглядно показано как менялся хозяйственный уклад, а также весь спектр общественных отношений с приходом на территории славян – так было в 4–6 века до н.э., когда праславяне пришли с юга на территории современных Польши и Саксонии (см. Тацит, Плиний-мл., «лужицкая культура» в археологии), так было, когда они начали расселение с этих земель на Средне-Русскую равнину в 6–8 вв. (В.О. Ключевский и др.)

Вывод: в славянских народах генетически закреплены черты, сформированные в «ландшафте-колыбели», который можно по этим чертам угадать.

---

[1] Этот доклад является продолжением доклада, сделанного автором на XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», которая проходила 18–19 декабря 2014 г. в ИНИОН РАН. См.: Назаров В.И. Механизм национального возрождения и развития (ответ Ф. Фукуяме) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып.10, ч. 1. – С. 123–127.

Во-первых, славяне всегда привносили высокую культуру обработки земли и навыки выращивания пшеницы и ржи, что всегда давало высокий, по сравнению с аборигенным хозяйством (лесным, степным), объем прибавочного продукта, позволяло достигать более высокой специализации членов общества, что вело к развитию производительных сил, государственности, торговли, искусств.

Во-вторых, у славян всегда был культ воды, когда в жаркий летний день все семьями стремятся выбраться к водоему и с радостью плескаться в нем, в отличие от семей тюркских и угрских этносов, в массе своей не умеющих плавать, отчего в их городах на побережьях южных морей просто отсутствуют городские пляжи, а на олимпиадах – нет спорсменов-пловцов от этих народов (сейчас для них стали делать отдельные заплывы, но это лишь подчеркивает различие).

В-третьих, в славянской традиции никогда не было глубокой пропасти, разделяющей элиту и простых людей – и русские князья среди своих ратников, и Ермак Тимофеевич среди казаков, как и царь Леонид среди 300 спартанцев, – разительно отличались от иерархичности отношений, например, у тюркских народов.

Несомненно, что в процессе миграции и приспособления к условиям различных ландшафтов, славянские народы, как всякие живые системы, развивались и обретали новые свойства и качества, что неизбежно отражалось в мировоззрении, хранящемся всегда в традиционной религии. Так произошло разделение на православных (русский народ – см. квалификацию-определение на XVIII Всемирном Русском Соборе от 11.11.2014), на католиков, протестантов и др. Та беспощадность, с которой югославы-католики уничтожали села югославов-сербов показывает, что это уже разные народы!

Аналогичную ситуацию мы видим в противостоянии галицийских украинцев восточным, что придает настоящему построению практическую остроту и значимость.

Такие черты русского народа (часть славянского мира), как первичность справедливости, соборность, добротолюбие, способность к эффективному коллективному труду (О.А. Платонов), а также неприхотливость в быту и аномальное число талантов – указывают на его целевую предназначенность как народа-преобразователя больших равнин (а не покорителей Матери-Природы, не угнетателя других народов).

Для решения таких задач одного народа всегда мало, вот почему в Русском Народе закреплены веротерпимость как инструмент приобщения всех аборигенных народов в одно общее дело; нестяжание как свойство бережного отношения к людям, поскольку все ресурсы следует брать не у ближнего своего, а у Природы.

Именно благодаря этим качествам сформировался Русский Мир, включающий и «эфиопа» Пушкина, и «грузинов» Сталина и Багратиона, и Барклай-де-Толли, и Белинсгаузена, и Витуса Беринга, и «татар» Кутузова и Менделеева, и художника Левитана, и детского хирурга Рошаля…

В этом многоэтническом Русском Мире, объединенном общим Делом, русский этнос является стержнем, «мотором» общественного развития, о чем наглядно свидетельствуют, например, судьбы среднеазиатских народов, получивших бурное социальное развитие с приходом Русского Мира, и опускающихся в темноту средневековых отношений после его ухода в последние 20 лет.

Именно Общее Дело – в рациональном преобразовании, развитии Природы (по В.И. Вернадскому, Н.Ф. Федорову др.), по законам Гармонии и Красоты (по о. Флоренскому) – вот **основа для Социального Договора,** скрепляющего общество, без чего невозможно устойчивое дление Народа в истории.

Никитенко П.Г.[1]

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НООСФЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *ноосфера, модель, человек, технологии, цивилизация, закон времени ускорения научно-технологического развития и смены логики социально-экономического поведения, кризисы, ноосферная политэкономия и экономика.*

Key words: *noosphere, model, people, technology, civilization, the law of the time of accelerating scientific and technological development and the change of the logic of social and economic behavior, crises noosphere political economy and economics.*

Ничто так не интегрирует людей как концептуальная Власть мировоззрения и идеологии.

Всё, что делается в мире, РУКОТВОРНО! Законы природы и общества объективны, но их исполнение субъективно. Случайностей в мире нет. Случайность есть проявление закономерности.

Наряду с прокризисными догмами современной эпохи нас гнетёт целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы, уклады и модели производства и сопутствующие им устарелые мировоззренческие взгляды, идеологии, производительные силы, технологии, общественные и политэкономические отношения.

Говоря словами К. Маркса, мы страдаем не только от живых, но и от мёртвых (мёртвый хватает живого!). Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ. Мы, как премудрые пескари, закрываем шапкой-невидимкой глаза и уши, чтобы иметь возможность не видеть и не слышать умирающих чудовищ, т.е. уходящую, отживающую своё время реальность. Такова диалектика жизни нынешней человеческой цивилизации.

Мы живём и трудимся в системе действия планетарной капиталоцентрической и докапиталоцентрической парадигмы обществознания и социально-экономического развития. Капитал, особенно фиктивная его форма (Д-Д`) и закон капиталистического накопления, обоснованные К. Марксом, стали глобально господствовать на планете – в каждом государстве, регионе, на предприятии и в домашнем хозяйстве.

Мировое сообщество подошло к необходимости смены данной мировоззренческой и идеологической капиталоцентрической парадигмы. Тело, подчёркивал К. Маркс, легче изучать, чем клеточку тела. Клеточкой-субстанцией новой парадигмы обществознания и социально-экономического развития может выступать ноосферный (созидательный, разумный, духовно-нравственный) уклад экономики и ноосферная политэкономическая модель общественного цивилизационного развития человечества.

В последние годы ноосферологи, философы, политэкономы, экологи, социологи, политологи, богословы, культурологи, биологи, физики, химики, другие гуманитарии и естественники мира все чаще пытаются связывать истоки современной экономической, социальной, экологической ситуации на планете с действием закона времени – ускорения смены технологий, с несоблюдением содержания и принципов новой, ноосферной, экономики (читай: экономики счастья, зеленой экономики и др.) и ноосферной политической экономии.

Так, 15 декабря 2015 года в рамках заседания секции Проблемного совета по вопросам социально-экономического развития Республики Беларусь при Отделении гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси прошел «круглый стол» на тему: «Научная революция XXI и формирование новой парадигмы обществознания». На «круглом столе» был заслушан и обсуждался доклад П. Никитенко «Белорусская модель развития экономики XXI века – ядро формирования новой парадигмы обществознания: разум, труд, созидание, мир, природа, человек, общество» и президента Международного института П. Сорокина – Н. Кондратьева, академика РАЕН Ю. Яковца «Формирование новой парадигмы обществознания: российские научные школы». Каковы же их основные идеи?

Модель соответствует основным законам стран – Конституциям Республики Беларусь и России, марксовой методологии общественного воспроизводства капитала, методологии цивилизационного развития Андрея Карловича Шторха и, главным образом, учению В.И. Вернадского о ноосфере – сфере разума. В ноосферной модели воспроизводства национального богатства цивилизационного развития к производительному труду относится не только труд в сфере материального (вещного) производства, но и труд людей, занятых в социальной сфере: науке, религии, образовании, здравоохранении, культуре, искусстве, спорте и других видах деятельности сферы услуг.

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи **не входят в круг наших понятий»** – Козьма Петрович Прутков.

---

[1] Никитенко Пётр Георгиевич – советник НАН Беларуси, д.э.н., профессор, академик НАН Беларуси, академик РАЕН., Ноосферной академии, МИА, МАСТ, МАОУН, ЕАЕН и др. основатель международной инновационной и ноосферной школы Беларуси.

«Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия...», – писал в XX веке выдающийся ученый академик В.И. Вернадский, для которого характерна постановка проблем научного стратегического предвидения. И теперь такое переходное время наступило.

Динамика населения людьми планеты Земля

8000 г. до н.э. – 5 млн. чел.

500 г. до н.э. – 100 млн. чел. (через 7500 лет)

600–700 г. – 200 млн. чел. (через 1150 лет)

1250 г. – 400 млн. чел. (через 600 лет!)

1805 г. – 1 млрд. чел (через 555 лет!)

1927 г. – 2 млрд. чел. (через 122 года!)

1959 г. – 3 млрд. чел. (через 32 года!)

1974 г. – 4 млрд. чел (через 15 лет!)

1987 г. 11 июля – 5 млрд. чел (через 13 лет!)

1999 г. 12 октября – 6 млрд. чел (через 12 лет!)

2011 г. 31 октября – 7 млрд. чел (через 12 лет!)

2015 г. 01 января – 7.4 млрд. чел. (через 3,2 года!!!)

Прогноз: прибавки очередного миллиарда людей на планете Земля через каждые 11–12 лет, и период будет уменьшаться до 10, 9, 8 лет.

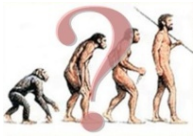
Скорость биологического воспроизводства себе подобных у людей более чем в девять раз выше, чем у животных (у людей воспроизводство занимает около 3/4, а у животных – 1/12 биологически активного времени жизни).

В.Г. Белинский (1811–1848), русский мыслитель, писатель, литературный критик, публицист, философ: «Толпа – это собрание людей, живущих по преданию, и рассуждающих по авторитету либо вождя, либо предания, либо священного писания».

Джеральд Месси (1828–1907), английский поэт и египтолог: «Им будет не просто, тем, кто полагается на истину авторитета, вместо того чтобы полагаться на авторитет истины».

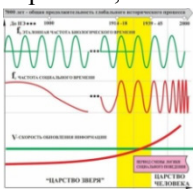
Автобиосинхронизация – основной инструмент бесструктурного управления толпой…

Взаимодействие разума, закона времени и социально-экономического поведения



При реализации предложенной модели ноосферной экономики и общественного воспроизводства следует учитывать возрастающее действие космического разума и закона времени ускорения смены технологий, определяющего объективную смену логики социально-экономического поведения людей на планете Земля, целью которого является ее сохранение, а также сохранение самого человека, непрерывное повышение качества производимых товаров и услуг (сирийский и украинский конфликт и др.).

График резонанса (совпадения частот) (жёлтый цвет – две мировые войны через 25 лет, революции в России, Германии, Мексике, Китае, Индии, и др.) биологического и социального времени жизнедеятельности человека:



1. Биологическая частота. (Смена поколений – 25 лет. +–5лет).

2. Социальная частота. (Смена технологий – 5 лет.+–2года).

3. Смена концептуальной власти мировоззрения, логики социально-экономического поведения, закона капиталистического накопления и капитала. Развитие закона социалистического накопления.

«Он звёзды сводит с небосклона, он свистнет – задрожит луна; но **против времени закона его наука не сильна…» – А.С. Пушкин**.

Ноосферные политико-экономические приоритеты цивилизационной жизнедеятельности людей

Практическая деятельность людей в соответствии с действием закона времени предполагает системное использование семи институциональных жизнедеятельностных управленческих подсистем (приоритетов):

1 – мировоззренческой;

2 – историко-биолого-генетической;

3 – информационно-идеологической;

4 – кредитно-финансовой;

5 – алкогольно-наркотической;

6 – культурно-нравственной (музыкально-цветовой);

7 – силовой (военной, административной, властной).

В настоящее время идёт мировая гибридная война по всем названным приоритетам.

Сфера разума – ноосфе́ра (греч. νόος – разум и σφαῖρα – шар) остается пока за пределами осознанного включения в производственные отношения и не рассматривается в качестве главного экономического фактора. Это не позволяет надлежащим образом учитывать роль и влияние разума и его носителя – человека в процессе общественного воспроизводства, хотя стремительный рост наукоемкости ВВП, развитие новых высоких технологических укладов по закону времени являются сутью ноосферной экономики. В ноосферной социально-ориентированной экономике известные сегодня воспроизводственные соотношения отраслей по двум совокупным марксовым подразделениям обще-

ственного воспроизводства следует дополнить третьим уравнением в составе фондов (капитала – постоянного и переменного) и прибавочной стоимости, которое бы отражало процесс воспроизводства природных ресурсов и человека как экологического, социального и биологического продукта (в совокупности разума, знаний науки, образования, культуры, услуг) и учитывало вовлечение в экономику планетарного разума как особого товара с присущей ему спецификой определения стоимости и воспроизводственного цикла.

Сам человек, по В.И. Вернадскому, является геологической производительной силой, по своим природным и нравственным качествам он способен к самосовершенствованию и переходу в другие энерго-магнетические формы и виды существования. Он единственный на планете Земля, кто не только потребляет, но и производит всё жизненно-необходимое в хозяйстве. Именно человек является главной производительной силой и носителем производственных отношений.

Человек рассматривается нами как разумный космо-природный, духовно-нравственный, энерго-магнетический, нанотехнологический, созидательный, не живущий за чужой счёт биокластер, состоящий из воды, атомов, бактерий, микробов, вирусов, нейросетей, способный к разумной жизнедеятельности, самосовершенствованию, самовоспроизведению и переходу, трансферу (реинкарнации) в другие энерго-магнетические формы и виды существования. Разум, дух, слово, язык, сознание, знание, страх, власть, насилие, зависть, инстинкт самосохранения, интуиция, любовь, вера, надежда и другие понятия отражают названия соответствующей энерго-магнетической материальности атомов, молекул, бактерий, вирусов и других наноэлементов (10^{-9}м) и фемтоэлементов (10^{-15}м).

При этом само понятие «экономика» трактуется в изначальном смысле древнегреческого словосочетания: «οἶκος- ойкос» – хозяйство (дом, жилище) и «νόμος- номос» – правило, закон. Ноосферная экономика – мировое созидательное хозяйство.

ЭКОНОМИКА в целом и ее составные структурные элементы нацелены на благо человека. Она действует во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими естественными космо-природными и общественными законами: сохранения материи, энергии и магнетизма, отрицания отрицания, единства и взаимопроникновения противоположностей, перехода количества в качество, соответствия спроса и предложения, возвышения потребностей людей и т.д.

Ноосферная экономика трактуется нами как разумный духовно-нравственный способ общественного воспроизводства человека, товаров, работ и услуг на основе совершенствования системы корпоративных стоимостных (экономических) производственных отношений и преимущественно постиндустриальных производительных сил с соответствующими показателями эффективности: креативным развитием личности, максимальной занятостью трудоспособного населения, сохранением природы для будущих поколений, качественным воспроизводством ВВП (дохода) и его справедливым распределением между членами общества в зависимости от эффективности их труда.

Развивая учение А.Шторха о цивилизации, белорусская наука отмечает, что главные невещественные блага также могут быть накопляемы и обращаемы, как и вещественные блага; отсюда следует, что труд создающих невещественные блага – например, учителей, ученых, врачей, чиновников, религиозных деятелей – следует считать в такой же степени производительным, как и труд земледельца и фабричного рабочего. Это по сути дела критерии, первичные базовые основы инновационного и ноосферного развития. Стратегия развития любой страны, региона, предприятия, организации, ИП, домашнего хозяйства, рождения и воспитания детей – все является производительной категорией труда.

Баланс и взаимоотношение сфер общественного воспроизводства в ноосферной экономике, целесообразно, по нашему мнению, осуществлять в единстве не по двум (I, II) подразделениям, как ныне общепринято по схеме К. Маркса, а по трем подразделениям, включая человека и природу:

Это научно обосновано автором статьи в докторской диссертации «Социалистическое накопление и фондоэкономный метод повышения его эффективности». Работа выполнена и защищена в Академии общественных наук при ЦК КПСС по специальности 08.00.01. в 1991 г.:

$$\begin{array}{ll} I & C_1 + V_1 + M_1 = \Pi_1; \\ II & C_2 + V_2 + M_2 = \Pi_2; \\ III & C_3 + V_3 + M_3 = \Pi_3; \\ \hline \sum & C + V + M = \Pi, \end{array}$$

где I – воспроизводство средств производства, включая природные ресурсы;

II – воспроизводство предметов потребления, включая дары природы;

III – воспроизводство человека как биосоциального продукта (разум, знание, наука, образование, культура, услуги); C, V, M, П – воспроизводство соответственно постоянных фондов, переменных фондов, прибавочного продукта и валового национального продукта (национального богатства). Данная модель в полной мере отражает разработки А.К. Шторха о цивилизационном развитии и С. Кузнеца о национальных счетах.

Сейчас, как известно, затраты на человека в бухгалтерском учёте неправомерно включают в издержки, себестоимость, расходы. Чем меньше затрат на человека, тем более эффективным считается управление экономикой. Парадокс. Стимулируется паразитизм, бюрократизм, обман, воровство (рейдерство), коррупция и эксплуатация созида-

тельного человека, результатов его производительного труда. В обществе растёт число занятых в непроизводительной сфере (силовые, таможенные, контрольные структуры и др.)[1]

По формуле золотого сечения

Оптимальная эффективность ноосферной структуры ВВП может определяться следующим образом:

1/3 ВВП – сфера вещественного производства (товара).

2/3 ВВП – социальная сфера (услуги).

В ноосферной экономике и общественном воспроизводстве главным в производительной деятельности выступает третье подразделение, которое создает производительные силы и совершенствует производственные отношения, стимулирует созидательную деятельность человека (домашнее хозяйство, услуги), формирует знания по природосохранению, воспитанию и воспроизводству человека.

С разделением и кооперацией труда для жизнеобеспечения человека в каждом государстве появляется необходимость использования взаимообмена товаров и услуг, **денег** (валют) как средства платежа и накопления фондов (резерва) и долга.

«Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс (и всем накопленным национальным богатством – П.Н.) в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, **что они окончательно запутались с теорией золотого запаса, как единственного обеспечения устойчивости валюты?**» – И.В. Сталин. Доклад «Итоги первой пятилетки», 07 января 1933 г.

«Золото – для идолопоклонников, а не для нас. Пока есть идолопоклонники, а они важнее золота, нашему делу ничто не угрожает» – Натан Ротшильд.

«Фиксинг» (англ. Fixing – to fix – укреплять, устанавливать) – цена или ценовая котировка товара.

«И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт (национальное богатство – П.Н.) имеет…». (А.С. Пушкин)

Ноосферная экономика и предполагает экономическую оценку (учет, акционирование) всего природного и рукотворного национального богатства (фондов), введение его в ликвидность национальной банковской системы. Из результатов эмиссионного балансового расчета денежной массы и расчета денежной суммы долга следует, что расчет вновь созданной рыночной стоимости валового национального продукта (дохода) осуществляется на основе правила золотого сечения по формуле:

ВВП (Д) = 1/3 (налоги) + 2/3 (заработная плата, прибыль, амортизация фондов).

Эмиссионный балансовый расчет денежной массы может осуществляться по формуле:

$$МД = (ВВП+Д+Нф)*П/W*Ц,$$

где МД – денежная масса; ВВП – воспроизводство валового национального продукта (товаров, работ и услуг); Д – сумма долга; Нф – денежная сумма накопленных фондов (резерв); П – временной период; W – скорость обращения денег; Ц – уровень цен отечественных и импортных товаров, работ и услуг. Денежная сумма неиспользованных накопленных фондов (резервов, сокровищ) в мире составляет около 200 трлн. у.е.

Д.И. Менделеев (1834–1907), выдающийся русский учёный, химик, мыслитель): « …наука начинается там, где начинают измерять проявление сущности явления, когда основные положения единства количества и качества получают математическую формулировку...».

Так как в основе создания любого ВВП лежит энергия, а до середины XX века господствовал мускульный вид энергии, требующий воспроизводства в основном за счёт потребления продуктов питания – злаков (хлеба), цены на которые, как базовые, негласно определяли все остальные цены на товары и услуги. С развитием научно-технического прогресса и глобализации рынка, основанных на использовании других видов энергии (солнца, ветра, воды, газа, нефти и др.), деньги целесообразно метрологически фиксировать в Международной палате мер и весов посредством базовых информационных **энерго-денег – кВт-час** на единицу затрат производства и реализации товаров, работ и услуг.

Соотношения курсов национальных валют в мировом торгово-экономическом, рыночном пространстве можно осуществлять на единой измерительной сущностной основе – 1/1. При этом денежно-кредитное и ценовое обеспечение устойчивого развития экономик строго основывается на околонулевом ссудном проценте (–1% <0> +1%) с государственным математическим решением межотраслевого баланса трёх подразделений при необходимом лимитировании отраслей. Банковский институт наделяется государственными функциями, правом разделять доход и риск его получения с заказчиком.

[1] См. Ефимов В.А. (2013.06.21) «Россия перед лицом глобализации», «Зелёная экономика». – http://eatx.narod.ru/efimov.html; интервью студии Закон времени (2013.05.27); Никитенко П.Г., Чигирёв В.А., Юнацкевич П.И. Профилактика социального паразитизма. – Минск: Право и экономика, 2009.

Не детализируя вопрос о функции денег как информационного средства платежа и расчета разделенных и специализированных видов труда каждого человека, предприятия, региона, каждой страны, государства, отметим, что фактически проценты на кредитный долг – это «раковое» заболевание (экспонента) финансово-экономической системы, истинный генератор инфляции. Каждый цикл развития экономики просто не может не заканчиваться финансовой или военной катастрофой. Продолжительность этих циклов, перераспределения богатства, подъема и инфляционного роста экономики определяется величиной ссудного процента. Практически независимо от того, открытой или закрытой является экономика, время, необходимое для первого, самого длинного периода ростовщического удвоения суммы обращающихся денег при взимании 3% годовых составляет 24 года, при 6% – 12 лет, при 12% – 6 лет. С этими интервалами и связаны периоды инфляционно-девальвационного существования человечества и периодичность неизбежных финансовых кризисов в каждой стране и мировой экономике.

Сравнение учётных ставок нацбанков-регуляторов и схем финансирования национальных производителей

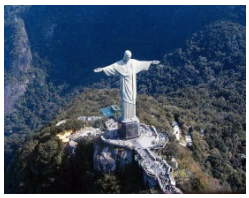
	Учетная ставка (ставка рефинансирования)	Схемы финансирования производителей
Япония	0,00% с октября 2010 г.	в осн. по инвестиционным схемам
США	от 0 до 0,25% с декабря 2008 г.	в осн. по инвестиционным схемам
Еврозона	от 0,25 до 0,15% с ноября 2013г	в осн. по инвестиционным схемам
Великобритания	0,5% с марта 2009 г.	в осн. по инвестиционным схемам
Россия	11% с 01.01.2016 г.	в осн. по инвестиционным схемам
Казахстан	5,5% с августа 2012 г.	в осн. по инвестиционным схемам
Китай	5.35% с марта 2015 г.	в осн. по инвестиционным схемам
Республика Беларусь	24% с марта 2016 г. Пост. Нацбанка от 15.03.2016 № 131	в осн. лишь по кредитным схемам

Мировоззренческую концепцию создания ссудного процента и управления им сформулировала Библия и ее светская разновидность «Капитал» К. Маркса: фиктивный капитал и прибыль, которая способствовала ускорению научно-технического прогресса и созданию технократической цивилизации.

И.В. Гёте (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель: «Нет рабства безнадёжнее, чем рабство тех рабов, себя кто полагает свободным от оков».

«Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич». (А.С. Пушкин)

ДОЛГ как денежная политэкономическая форма рабства капитала и паразитизма



Денежная сумма долга просчитывается по формуле: **Sк = Sн (1+%)** ^{n} Где Sк – конечная сумма долгового займа, увеличивающаяся по экспоненте; Sн – начальная сумма долгового займа; (1+%) – сложный ссудный процент долгового займа (экспонента); **n (степень)** – срок (период) долгового займа.

В Ветхом Завете, во Второзаконии изложена мировоззренческая концепция и механизм её реализации: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост, иноземцу (т.е. не иудею) отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост <…> чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (23:19,20). «<…> и будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы, и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (28:12). В Книге Пророка Исаии говорится: «Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе <…>. И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. <…> народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (60:19-12).

А вот альтернативная мировоззренческая концепция Корана (Сура 2 Аят 275):

«Те, которые берут лихву, восстанут [в Судный день], как восстанет тот, кого шайтан своим прикосновением обратил в безумца. Это им в наказание за то, что они говорили: “Воистину, торговля – то же, что и лихва”. Но торговлю Аллах дозволил, а лихву запретил. Если к кому-либо [из ростовщиков] придет увещевание от Аллаха и если он поступит согласно этому увещеванию, то ему простятся прошлые его грехи. Его дела принадлежат Аллаху. А те, кто станет [вновь давать в рост], – обитатели адского пламени на вечные времена».

Аят 276 «Аллах искореняет лихву и поощряет милостыню. Аллах не любит никого из неблагодарных грешников» (перевод Османова).

Известно, что долговое ростовщичество в Древней Греции каралось смертной казнью.

Здесь обратим внимание на то, что для реализации библейской долговой концепции управления необходимо обладать искусством создавать долги, постоянно учиться этому и «внедрять» это в мировоззрение людей.

«Где вы – певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век “крови и меча”!

На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача». (Н.А. Некрасов «Памяти Шиллера», 6 сентября 1874 г.)

Следует добавить, что до сих пор не устаревают мысли, высказанные известными политиками и банкирами.

Второй президент США Дж. Адамс подчеркивал: «Есть два пути завоевания и порабощения нации. Первый – мечом. Второй – долгом».

Не менее оригинально высказывался основатель легендарной династии банкиров М. Ротшильд: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто будет устанавливать там законы».

А вот мнение председателя и управляющего Совета директоров, председателя Федеральной резервной системы США М. Эклза (1941 г.): «Такова наша денежная система, если бы не было долгов в этой системе, то не было и денег».

Директор Банка Англии (1928–1941 гг.) Дж. Стемп так высказался по этому поводу: «Если вы хотите продолжать оставаться рабами банков, продолжайте оплачивать свое собственное рабство, позвольте им и дальше создавать деньги и контролировать долги государства <…>. Заберите у них эту великую власть, и все великие состояния, как и мое, исчезнут, а они должны исчезнуть, чтобы этот мир стал лучше и счастливее».

Экономист Джон Кеннет Гэлбрейт: *«Процесс создания банком денег настолько прост, что ум отказывается в это поверить <…>».*

Генри Форд: «Хорошо, что люди нашей страны не понимают нашу банковскую систему и валютную систему. Если бы они в них разбирались, уже завтра утром началась бы революция».

В фильме «Бесценный доллар-1» показано искусственное ограничение национальной денежной эмиссии для любого государства, принятого в МВФ (Международный валютный фонд). Ни одно государство, вступившее в МВФ, не может иметь в банковской системе больше национальной валюты, чем у него имеется в наличии долларов США (в пересчете по курсу). По сути, все банки государств – членов МВФ являются его филиалами.[1]

Что касается фондов, представляющих основу ноосферной экономики, то они, на наш взгляд, по своему составу отличаются от понятия Капитала количественно и качественно. Фонды включает стоимость всех природных ресурсов и воспроизводство человека, его домашнего хозяйства, всего накопления национального богатства. В составе фондов целесообразно учитывать не только трудовые ресурсы и средства производства, но и природные ресурсы, имущество, финансы, интеллектуальную собственность, другое национальное богатство.

На основе такой трактовки возможно креативное использование опыта разработки и функционирования в 1965–1980 гг. фондоэффективного механизма хозяйствования в СССР (Косыгинская экономическая реформа 1965 г.).

Отказ в 1980 году от Косыгинской реформы учёта и контроля недр, ресурсов и системы хозяйствования открыл дорогу опасному рейдерству, паразитизму, воровству в богатейшей кладовой планеты Земля.

Господствующая в мире идеология «холодной (интеллектуальной, информационной – П.Г.) войны», отраженная Алленом Уэлшем Даллесом в доктрине США **(1944–1945 гг.), обосновывает непрерывное вмешательство во внутренние дела других стран и является безнравственной раковой опухолью ноосферного мировоззрения людей, не позволяющей человеку стать Человеком.**

«Окончится война (Вторая мировая – П.Н.), все утрясется и устроится. И мы бросим все, что имеем: все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг (разум – П.Н.), сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России (СССР).

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания. Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; отучим художников и писателей – отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, зависти, насилия, садизма, предательства – словом, всякую БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, процветанию взяточников и беспринципности. Бюрократизм, паразитизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость (зависть – П.Н.), ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов – прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать НА МОЛОДЕЖЬ – станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов. Вот так мы это сделаем!»

[1] https://www.youtube.com/watch?v=J11XFCSMUBQ

И продолжают делать, насаждая в людях мировоззренческую, паразитирующую античеловеческую смуту, разруху и анархию. Что всему этому нужно противопоставить? Альтернативой должны стать формирование и развитие нового ноосферно-созидательного мировоззрения и ноосферной экономики под руководством государственных лидеров, приверженных созидательным гуманитарным принципам и общечеловеческим ценностям.

При формировании новой, ноосферной экономики важно учитывать объективную смену логики социально-экономического поведения людей на Земле во имя сохранения планеты и самого человека (например, такие процессы, как сирийский и украинский конфликты), приоритеты развития и идеологическое противоборство.

В завершение добавим, что Союз экономистов Украины в сентябре 2015 г. принял положения ноосферной модели цивилизационного развития, изложенные в рекомендациях Международной научно-практической конференции, как руководство к использованию властью Украины для выхода из сложившегося положения[1]

Ноосфера – власть!

«Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли». (А.С. Пушкин)

Власть и мозги

«Молчит история, пока бушуют страсти:
Власть без мозгов (разума – П.Н.). Мозги (разум – П.Н.) без власти.
Избавь нас, Боже, от такой напасти». (Баян Баянов / Евгений Артурович Наумов). Басни. Москва, 2015.

Список литературы

1. Лукашенко А.Г., Назарбаев Н.А., Путин В.В., Си Цзиньпин и др. государственные лидеры – Доклады, выступления, интервью, программы и др.
2. Андреев И.Л., Никитенко П.Г. Цивилизационный процесс под углом ноосферного зрения / В 3 кн. – Минск: Право и экономика, 2002.
3. Андреев И.Л., Никитенко П.Г. Беларусь, Россия, СНГ, Африка и Европа: Аспекты геополитики ноосферной жизнедеятельности. – Минск: Право и экономика, 2010.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: МО, 1998.
5. Большаков Б.Е. Наука устойчивого развития. – М.: РАЕН, 2011. – 272 с.
6. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.
7. Вернадский В.И. Научная мысль, как планетарное явление. – М.: Наука, 1991.
8. Вернадский В. И. и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография / Под науч. ред. А. И. Субетто и В. А. Шамахова: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Астерион, 2013. – 574 с.
9. Глазьев С.Ю. Доклад О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу Российской экономики на траекторию опережающего развития. – М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. – 60 с.
10. Гусаков В.Г. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь: [выступление Председателя Президиума НАН Беларуси В.Г. Гусакова на совещании с ведущими учеными по вопросу перспектив развития науки 31.03.2014 г.] // Веды. 2014. – № 14. – С. 4-5.
11. Зазнобин В.М. (1990) – Концептуальная власть: миф или реальность? – http://www.russiapost.su/archives/1089
12. Зазнобин В.М., Ефимов В.А., Петров К.П., Грейвз К. – http://kobtv.narod.ru/lector/zaznobin-list.htmlhttp://eatx.narod.ru/efimov.html
13. Кузык Б.Н. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец: В 6 т. – М., 2006–2010.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25, ч. 2. – М., 1962.
15. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации, путь разума. – М., 1998.
16. Мясникович М.В., Никитенко П.Г. К вопросу об устойчивом социально-экономическом развитии Беларуси в контексте цивилизационного процесса // Наука – народному хозяйству: Сб. ст. / НАН Беларуси. 2002.
17. Никитенко П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. – Минск, 2006.
18. Никитенко П.Г. [и др.]; Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики. – Минск, 2009.
19. Никитенко П.Г. Формирование ноосферного мышления и мировоззрения – императив науки Беларуси в 21 веке // Беларуская думка. 2001. – № 9. – С. 57–66.
20. Никитенко П.Г. Социалистическое накопление и общественное воспроизводство: (не усвоенные уроки «краха СССР» и «социализма»). – Минск, 2011.
21. Никитенко П.Г. В духе ноосферного мировоззрения // Наука. – Минск, 2016. – № 11 (2582), 14 марта. – С. 3.
22. Ноосферная Этико-Экологическая Конституция человечества, (Ноо-Конституция), Гордина Л.С., Лимонад М.Ю., Казначеев В.П., Никитенко П.Г., Субетто А.И., и др.; Саммит ООН по устойчивому развитию Рио+20 < Ноосфера XXI века на Всемирном саммите ОН по устойчивому развитию РИО+20> Бразилия, Рио-де-Жанейро, 13–23 июня 2012 г.
23. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М., 1999.
24. Яковец Ю.В. Глобальные экономические трансформации 21 века. – М., 2011.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги в 2-х томах. Один из известнейших современных философов анализирует роль Платона, Гегеля и Маркса в формировании идейной и социально-экономической, феодально-крепостной, капиталистической базы тоталитаризма. – http://ay.by/lot/popper-k-otkrytoe-obschestvo-i-ego-vragi-v-2-h-tomah-508400329.html; http://www.torrentino.com/torrents/49529
26. Кузнецов П.Г. См. работы в Интернете (поисковик Google,Yandex).

[1] Ссылка в Интернете на фильм П.Г. Никитенко «Ноосферная экономика: духовно-нравственная хозяйственная система». – http://dl.dropbox.com/u/101849935/%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F-%D0%9B%D1%8E%D0%B4%D0%B8_K.avi

27. Указ Путина В.В. от 21.08.2012 №1206 о праздновании 150-летия со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского.
28. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Путиным В.В. 20.11.2013 г. – http://www.kremlin.ru/acts/19653
29. Концепции инновационного развития России, Беларуси, Республики Казахстан до 2020 года. Экономика цивилизаций в глобальном измерении. Монография / Под ред. А.А. Пороховского, В.Н. Тарасевича. – Москва: ТЕИС, 2011. – 772 с.
30. Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее: монография / Под ред. В. М. Гейца, В. Н. Тарасевича. – К.: ЦУЛ, 2014. – 1058 с.
31. Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – М. 2011. – 304 с.
32. Субетто А.И. Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества / Под науч. ред. В.Т. Пуляева // Личность. Общество. Образование. Качество жизни и образование: стратегии и инновационные практики: материалы XIX Международной научно-практической конференции. Т. 2. – СПб.: ЛОИРО, 2016. – 265 с.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., заведующий лабораторией экономико-математических методов в контроллинге Научно-образовательного центра «Контроллинг и управленческие инновации», профессор МГТУ и МФТИ
prof-orlov@mail.ru

ВПЕРЕД К АРИСТОТЕЛЮ: СОЛИДАРНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ВМЕСТО РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *управление хозяйством, экономическая теория, Аристотель, солидарная информационная экономика, рыночная экономика, информационные технологии, теория принятия решений.*
Keywords: *property management, the economic theory, Aristotle, solidary information economy, market economy, information technology, decision theory.*

Начнем с обсуждения терминов. Слово «экономика» имеет два основных значения – хозяйственная деятельность и наука об этой деятельности. Можно было бы говорить «экономика» и «экономическая наука», подобно тому, как используются пары терминов «педагогика» и «педагогическая наука», «медицина» и «медицинская наука». Во всех трех случаях в связи с ростом научного знания обычно используют множественное число: «экономические науки», «педагогические науки», «медицинские науки». Среди экономических наук выделяют основную, базовую, наиболее общую и называют ее «экономической теорией». Обсуждению содержания понятия «экономическая теория» посвящена настоящая работа. В этой области накопилось много заблуждений, и именно поэтому необходим их критический анализ и выработка научно обоснованных рекомендаций.

1. Что означает термин «экономическая теория»?

В учебных курсах, рассказывающих о развитии экономических учений, первым экономистом в истории науки называют Аристотеля. Согласно его определению, экономика – наука о разумном ведении хозяйства, о деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, т.е. на производство и приобретение благ для дома и государства.

С целью принизить значение Аристотеля иногда утверждают, что он занимался домоводством (писал о ведении домашнего хозяйства). Те, кто это утверждает, рассчитывают, что их читатели не знакомы с сочинениями Аристотеля (они изданы в переводе на русский язык). На самом же деле Аристотель писал обо всех основных видах хозяйствующих субъектов. Среди них – предприятие (как сельскохозяйственное, так и производство в городе), город (полис), регион (сатрапия), государство (империя).

По мнению Аристотеля, противоестественной является хрематистика, т.е. деятельность, направленная на приобретение выгоды, извлечение прибыли, на накопление богатства. Аристотель резко противопоставлял экономику хрематистике. Он развивал экономическую теорию как основу деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей, и резко критиковал хрематистику как антиобщественную (преступную) деятельность.

В настоящее время понимание экономической теории извращено по сравнению с трудами Аристотеля. Приведем обширную цитату из известного учебника Самуэльсона, содержащую некоторые из популярных определений этого понятия[1]:

«1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми.

2. Экономическая теория есть наука об использовании людьми редких или ограниченных производительных ресурсов (земля, труд, товары производственного назначения, например машины, и технические знания) для производства различных товаров (таких, как пшеница, говядина, пальто, концерты, дороги и яхты) и распределения их между членами общества в целях потребления.

3. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств.

4. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства.

5. Экономическая теория есть наука о богатстве».

Наблюдаем много извращений по сравнению с формулировками Аристотеля. Главное из них состоит в том, что вместо ведения хозяйства акцент перенесен на второстепенные стороны хозяйственной деятельности – обмен, денежные сделки, «редкие» ресурсы, богатство и т.п. Определению экономики по Аристотелю соответствуют такие совре-

[1] Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. – М.: НПО «Алгон» ВНИИСИ, 1992 . – 331 с.

менные научные и учебные дисциплины, как менеджмент, экономика предприятия, организация производства. Эти дисциплины находятся среди экономических наук, но на вторых ролях. А на первое место вышла современная хрематистика – финансы и кредит, банковское дело, анализ курсов акций и валют, рынки ценных бумаг и т.п.

Необходимо освободить экономическую теорию от извращений хрематистики, развивать, излагать и применять ее в практической работе в соответствии с Аристотелем как науку о деятельности, направленной на удовлетворение потребностей людей.

2. Вперед к Аристотелю: освободить экономическую теорию от рыночных извращений

В современной России распространено представление о том, что экономическая теория – это теория рыночной экономики. Под таковой имеется в виду система ведения хозяйства, основанная на принципах свободного предпринимательства, многообразия форм собственности на средства производства, рыночного ценообразования, договорных отношений между хозяйствующими субъектами, ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность субъектов. Это экономика, в которой только решения самих покупателей, поставщиков товаров и услуг определяют структуру распределения.

По мнению многих экономистов, «рынок» представляет собой не более чем одну из исторически обусловленных и исторически приходящих форм товарообмена и товарораспределения.

Приведем еще несколько типовых формулировок. Как обычно отмечают, рыночная экономика основана на принципах:

- свободного предпринимательства;
- многообразия форм собственности на средства производства;
- рыночного ценообразования;
- договорных отношений между хозяйствующими субъектами (людьми, предприятиями и т.д.);
- ограниченного вмешательства государства в хозяйственную деятельность.
- Основные черты рыночной экономики:
- различные виды конкуренции;
- многообразие форм собственности (личной, частной, коллективной, государственной, общинной);
- полная административная независимость и самостоятельность хозяйствующего субъекта, занимающегося производством товаров и услуг (поскольку товаропроизводитель должен быть собственником результатов своего труда);
- свободный выбор поставщиков сырья и покупателей продукции;
- ориентированный на покупателя рынок.

Иногда полагают, что рыночная экономика обладает следующими свойствами:

- рыночное ценообразование не предполагает какого-либо вмешательства государства;
- любое вмешательство государства в экономику является ограниченным.

Одним из достижений рыночной экономики принято называть равные возможности.

И еще[1]:

Рыночная экономика — социально-экономическая система, развивающаяся на основе частной собственности и товарно-денежных отношений. Рыночная экономика опирается на принципы свободы предпринимательства и выбора.

Рыночная экономика — экономика, организованная на основе рыночной саморегуляции, при которой координация действий участников осуществляется государством, а именно законодательной и судебной властью непосредственно, а исполнительной только опосредованно, путем введения различных налогов, сборов, льгот и т.п. Это экономика, в которой только решения самих покупателей, поставщиков товаров и услуг определяют структуру распределения.

С позиции истории бизнеса **рыночная экономика** — экономическая система, направляемая и регулируемая механизмом стихийных рыночных трансакций в институциональной среде и при господстве соответствующих институтов.

По оценке американского экономиста П. Друкера[2], 1873 г. – «конец эры либерализма – конец целого столетия, на протяжении которого политическим кредо была политика невмешательства в экономику».

Итак, рыночная экономика осталась в XIX веке. Основное течение (мейнстрим) современной **экономической науки** – обоснование несостоятельности рыночной экономики и необходимости перехода к плановой системе управления хозяйством. В условиях России это означает, в частности, переход государства к непосредственному управлению экономикой, воссоздание Госплана и отраслевых министерств.

Согласно А. Файолю первая из пяти функций менеджмента – прогнозирование и планирование[3]. Предприятия и корпорации работают по планам – стратегическим и оперативным, долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным. Удивительно, что перенос идеи планирования с корпорации на государство вызывает сопротивление некоторых лиц, именующих себя «экономистами».

---

[1] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/6795

[2] Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении: Пер. с англ. – М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 380 с.

[3] Орлов А.И. Менеджмент: организационно-экономическое моделирование. Учебное пособие для вузов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. — 475 с.

Внедрение в России в начале 1990-х годов в массовое сознание, в преподавание и практику государственного управления мысли о необходимости и перспективности рыночной экономики – результат успешной операции геополитических противников в информационной войне. Таким образом были разрушены конкурентные преимущества экономики СССР, прежде всего централизованное управление.

При развитии экономической теории необходимо избавиться от рыночных извращений и двигаться вперед, руководствуясь идеями Аристотеля, которые не только не устарели, но являются более современными, чем рассуждения о пользе рынка.

3. «Умное управление» – новое направление в менеджменте

В рамках мейнстрима плановой экономики имеются различные системы взглядов. Мы полагаем, что современные модели и методы управления промышленными предприятиями и коммерческими компаниями должны учитывать разрабатываемое в Институте проблем управления РАН новое направление в менеджменте, известное как «Умное управление». Оно предполагает использование современных механизмов управления организационными системами (механизмов прогнозирования и планирования, организации, стимулирования (мотивации), координации и контроля) как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне региона, страны и международных отношений.

Как сказано на сайте разработчиков проекта «Умное управление» (http://www.mtas.ru/about/smartman/), одна из ключевых тенденций XXI века – появление первых примет наступления эпохи «умной» экономики, экономики знаний. Она заставляет пересмотреть место человека в контуре управления. Из факторов производства (наряду с трудом и капиталом) человека «повысили» до уровня нематериального «актива», обладающего рациональным экономическим поведением со способностью к саморегулированию и саморазвитию.

Чем же отличается управление человеком, коллективом от управления самым сложным техническим объектом? Отличий, безусловно, много, но можно выделить основные, порожденные спецификой человека как объекта управления – его **активностью**.

Первое отличие – это способность человека к самостоятельному **целеполаганию**.

Второе – способность самостоятельно выбирать **действия**, в частности – сознательно искажать информацию (если это ему выгодно) и/или не выполнять планы, опять же если это ему выгодно.

Третье отличие – способность к рефлексии относительно собственной деятельности и деятельности других субъектов, в том числе – возможность прогнозирования их поведения.

В современном менеджменте остро ощущается необходимость перехода от несистематизированного и подавляющего своим объемом набора лучших практик к комплексу инструментов управления.

Целью проекта «Умное управление» является разработка научного подхода к конструированию таких инструментов – механизмов управления – учитывающих активность сотрудников, на основе теоретического анализа (теории активных систем) и обобщения передового опыта участников проекта.

Технологии управления должны опираться на систематическое использование теории принятия решений[1], в том числе экспертных технологий[2].

4. Солидарная информационная экономика

Солидарная информационная экономика (СИЭ) – разрабатываемая нами базовая организационно-экономическая теория[3], предназначенная для замены «рыночной экономики». СИЭ – функционалистско-органическая информационная экономика, опирающаяся на взгляды Аристотеля[4]. СИЭ можно соотносить с научным направлением «Умное управление». Ранее СИЭ мы называли неформальной информационной экономикой будущего (НИЭБ). На 27.01.2017 основной Интернет-ресурс по СИЭ (НИЭБ) на форуме сайта «Высокие статистические технологии» просмотрен 118,0 тыс. раз. По солидарной информационной экономике опубликовано 48 статей и тезисов докладов[5].

5. Экономика – часть менеджмента

В западных учебниках со «Школы научного управления» начинается изложение менеджмента. Однако «Школа научного управления» основана на «русской системе обучения ремеслам», разработанной в Императорском Московском Техническом Училище (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана). Констатируем кражу интеллектуальной собственности[6].

---

[1] Орлов А.И. Теория принятия решений. Учебник для вузов. – М.: Экзамен, 2006. – 576 с.

[2] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование : учебник : в 3 ч. Ч. 2. Экспертные оценки. Гриф УМО. – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. – 486 с.

[3] Орлов А.И. О развитии солидарной информационной экономики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 121. – С. 262–291. – http://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/07.pdf

[4] Orlov A.I. Functionalist-Organic Information Economy – the Organizational-Economic Theory of Innovation Development // BIOCOSMOLOGY – NEO-ARISTOTELISM (Биокосмология – нео-Аристотелизм). Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2013. – Vol. 3, N 1 (Winter). – P. 52–59.

[5] См.: http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=951

[6] Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование, эконометрика и статистика в техническом университете. – Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Естественные науки». – М., 2012. – № 1. – С. 106–118.

Место и время рождения современного менеджмента – Москва, 60–70-е годы XIX в. Вполне естественно, что современная базовая организационно-экономическая теория – СИЭ – также создана в МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Общепризнано, что управленческие решения необходимо принимать на основе всей совокупности социальных, технологических, экономических, экологических, политических факторов. Итак, экономика – часть менеджмента как науки об управлении людьми.

Согласно СИЭ информационные технологии и теория принятия решений позволяют построить информационно-коммуникационную систему, предназначенную для выявления потребностей и организации производства с целью их удовлетворения. Для реализации этой возможности необходима лишь воля руководства хозяйственной единицей, нацеленная на преобразование ее системы управления. В частности, как и происходит в развитых и развивающихся странах, российское государство должно стать основным действующим лицом в экономике.

Общая схема принятия решений в солидарной информационной экономике проста: целеполагание – планирование – выполнение планов – анализ результатов – целеполагание. Ключевым этапом является целеполагание. Необходимо сформировать цели, которые общество желает достигнуть (включая набор показателей и их целевых значений). Этот этап нельзя полностью формализовать, хотя использование разнообразных инструментов теории принятия решений полезно. Прохождение трех остальных этапов не представляет принципиальных трудностей, поскольку необходимые для этого организационно-экономические методы достаточно хорошо разработаны.

6. Предшественники

Основные предшественники СИЭ – Аристотель, В.М. Глушков, Ст. Бир[1]. Многие исследователи высказывали схожие мысли. В то числе Ф. Бекон, Г.Форд, К. Поланьи.

В рамках плановой системы можно смоделировать любые рыночные отношения, а потому плановое хозяйство заведомо не менее эффективно, чем рыночное. Шотландские экономисты В. Пол Кокшотт и Аллин Ф. Коттрелл убедительно продемонстрировали[2] теоретическую возможность организации производства с целью непосредственного удовлетворения потребностей в масштабах страны или человечества в целом. Для расчетов управленческих решений мощностей стандартных современных компьютеров вполне достаточно. Следовательно, критика планового хозяйства Хайеком в современных условиях несостоятельна.

Важна концепция «контроллинга методов»[3]. Инновации в сфере управления основаны, в частности, на использовании новых адекватных организационно-экономических методов. Контроллинг в этой области – это разработка процедур управления соответствием используемых и вновь создаваемых (внедряемых) организационно-экономических методов поставленным задачам. В деятельности управленческих структур выделяем используемые ими организационно-экономические методы и рассматриваем их с точки зрения влияния на эффективность (в широком смысле) процессов управления предприятиями и организациями. Если речь идет о новых методах (для данной организации), то их разработка и внедрение – организационная инновация, соответственно контроллинг организационно-экономических методов можно рассматривать как часть контроллинга инноваций.

Пример – система контроллинга методов управления безопасностью полетов. Речь идет об инновационном проекте по разработке АСППАП – автоматизированной системы прогнозирования и предотвращения авиационных происшествий (стоимость разработки – 180 млн. руб.). Разработана система организационно-экономических методов и программ поддержки принятия управленческих решений в области управления безопасностью полетов, весьма важной для авиации. Эта система играет роль службы контроллинга, снабжая руководителей, отвечающих за безопасность полетов, правилами принятия решений и проектами решений в конкретных ситуациях. Разработка АСППАП выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Постановления Правительства РФ № 218.

Представляет интерес анализ практики управленческой работы в Группе авиакомпаний (ГРК) «Волга-Днепр». ГрК – мировой монополист в области нестандартных грузоперевозок. Самолеты АН-124 «Руслан» – самые мощные в мире. Практика нашей управленческой работы в ГрК «Волга-Днепр» демонстрирует главенство менеджмента над экономикой, в частности, большое значение экспертных технологий. За 2011–2012 гг. в ГрК «Волга-Днепр» под нашим руководством проведено около 400 экспертиз, собрано и обработано около 20000 экспертных оценок.

Многие авторы высказывали взгляды, аналогичные положениям солидарной информационной экономики. Внутри этого движения выделим наш вклад в экономическую теорию. Применительно к СИЭ он состоит в разработке теории принятия решений как инструментария СИЭ, в частности, методов сбора и анализа экспертных оценок для выявления и согласования потребностей. За подробностями отсылаем к многочисленным статьям и тезисам[4].

---

[1] Орлов А.И. Освободить экономическую теорию от извращений // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 82–87.

[2] Cockshott W. P., Cottrell A. F. Information and Economics: A Critique of Hayek. November 1996. – http://ricardo.ecn.wfu.edu/~cottrell/socialism_book/hayek_critique.pdf

[3] Контроллинг. Учебник / А.М. Карминский, С.Г. Фалько, А.А. Жевага, Н.Ю. Иванова; под ред. А.М. Карминского, С.Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.

[4] http://forum.orlovs.pp.ru/viewtopic.php?f=2&t=951

7. Выводы

Освободить экономическую теорию от извращений – это значит избавиться от «рыночной экономики» и вернуться к взглядам Аристотеля, которым в сегодняшней ситуации соответствует солидарная информационная экономика (с точки зрения биокосмологии – это функционалистско-органическая информационная экономика, опирающаяся на взгляды Аристотеля).

Солидарная информационная экономика должна стать основой для принятия управленческих решений на всех уровнях – от предприятия до государства.

Преподавание экономической теории должно опираться на взгляды Аристотеля и солидарную информационную экономику.

Потехин Н.А.
д.э.н., профессор кафедры управления и права УрГАУ, г. Екатеринбург
vnp1@ya.ru
Потехин В.Н.
к.э.н., доцент кафедры управления и права УрГАУ
vnp1@ya.ru

ВТОРАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ – ВЫХОД ИЗ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ, ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО СПОСОБА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *Вторая индустриализация России, инновационный способ воспроизводства, междисциплинарная системно-целостная методология, исходная модель жизнедеятельности человек-общество в природе, устойчивое социально-экономическое развитие.*

Keywords: *The Second industrialization of Russia, innovative way of reproduction, cross-disciplinary system and complete methodology, initial model of activity of people society in the nature, sustainable social and economic development.*

Постановка проблемы

Вторая индустриализация России предполагает использование качественно новой научной базы, теории, методологии, соответствующих новых физических и социально-экономических принципов, смену исходной деградационной модели жизнедеятельности человека-общества в природе на гуманную модель. Все это в совокупности обеспечивает кардинальное решение проблемы выхода из постоянно усиливающихся внутренних и внешних системных кризисов, гуманитарных катастроф, переход на качественно новый цикл обновления общественного производств – на инновационный способ воспроизводства[1].

Анализ многочисленных распространенных в настоящее время экономических и управленческих теорий, методологий, концепций социалистического и буржуазного способов производства, их конвергенции (модификации) показывает, что все они имеют значительные недостатки в используемой научной базе и уже более 50 лет назад исчерпали свой потенциал. По этой причине от представителей такой «науки, политики, практики управления» нет смысла ожидать чего-то обнадеживающего и позитивного в развитии всего населения страны и цивилизации.

В настоящее время мировое сообщество стоит на рубеже выбора – модернизировать и продолжать разрушение общественных институтов и цивилизации или выработать в кратчайшие сроки и использовать в практике принципиально новую научную базу, теорию и методологию позитивного развития человечества в природе без кровавых революций, перестроек, гуманитарных катастроф, системных кризисов и всеобщего краха[2].

Сущность проблемы

Обобщение теории и практики осуществления перестройки в жизнедеятельности СССР и России, позволяет выделить несколько основных негативных тенденций, которые постоянно усиливаются в стране: во-первых, высокими темпами увеличивается отставание теории и методологии экономических, управленческих, правовых и иных наук от требований жизнедеятельности общества, как недостаточно обеспечивающих потребности практики; во-вторых, продолжается разрушение материально-технической базы страны в промышленности, сельском хозяйстве, приборостроении, электронной промышленности, транспорте и других[3]; в-третьих, реформа системы образования идет по пути ликвидации былой самой прогрессивной и внедрения самой худшей системы, рекомендованной для колониальных стран 40-х годов прошлого века; в-четвертых, подобная тенденция характерна и для системы здравоохранения, пенсионного обеспечения по старости и инвалидности; в-пятых, постоянное снижение качества жизни порядка 90% населения страны[4], уровня общей социально-культурной и профессиональной подготовки кадров всех категорий, особенно руководящего состава, не владеющих фундаментальной подготовкой; в-шестых, экстенсивный и фрагментарно интен-

---

[1] Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011; Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016. – № 1. – С. 90–98.

[2] Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016. – № 1. – С. 90–98.

[3] Ларуш Л. Российский вариант разрухи, как составная часть кризиса мировой экономической системы / Шиллеровский Институт Науки и культуры. – М., 1996. Бюллетень № 7 (1).

[4] Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. – М.: ВИНИТИ, 1995.

сивный подходы к развитию отдельных отраслей хозяйствования за счет приобретения зарубежного оборудования, технологий и «модернизации устаревшего отечественного оборудования»; в-седьмых, использование субъективно-договорных показателей в устаревшей системе «ручного управления» и соответствующего деструктивного государственного хозяйственного механизма; в-восьмых, одностороннее развитие экономики России в виде специализации на экспорте нефти, газа и превращение ее в финансово-сырьевой придаток стран Большой семерки[1].

1. В настоящее время используется неадекватная и преимущественно субъективная по содержанию экономическая теоретическая и методологическая база[2], соответствующая провозглашенной руководством США и Великобритании директиве «новый мировой порядок», «золотой миллиард», «порядок из хаоса» и «либерально-демократическая экономика на американский лад»[3], дополняемые отечественными «неолиберальными разработками» о «неперспективных предприятиях, деревнях, детских садах, школах, колледжах, вузах, НИИ, академии наук, регионах» и т.д., о необходимости тупикового развития «конкуренции и рыночного управления»[4]. Проводится забытое укрупнение предприятий ОПК, вузов, как при Н.С. Хрущеве. История показывает, что негативная практика ничему не научила ни в прошлом, ни в настоящем либерал-демократов в управлении государством и общественным производством.

Агрессивную направленность по отношению к России концепции «либерально демократической экономики» на американский лад весьма убедительно раскрыл Е.М. Примаков в своем выступлении на страницах Российской газеты. По его словам, российская экономика потеряла в 90-е годы больше, чем за время Второй мировой войны[5]. Комментарии излишни.

Следует обратить внимание на «неперспективные территории» с точки зрения «инвестиционной привлекательности» согласно «либерально-демократической экономической» концепции. На практике это привело к тому, что большая часть регионов России (71 субъект федерации из 85) стали дотационными, и лишь у 14 бюджетные доходы превышают расходы[6].

Однако данный подход не применяется к оценке деятельности «неперспективных руководителей» всех рангов, от которых зависят преимущественно все неудачи, связанные с принятием ими субъективных управленческих решений по реализации необоснованных, тупиковых и деградационных направлений развития экономики, науки, хозяйственного механизма, промышленности, сельского хозяйства и других сфер жизнедеятельности общества.

2. Перестройка системы образования, в том числе подготовка кадров привела к тому, что значительно снизился общий и профессиональный уровень подготовки кадров всех категорий. Характерной для большинства работников предприятий является узкая и поверхностная подготовка, исключающая творчество в процессе труда. Что касается руководителей районного, областного и федерального уровня, то они владеют лишь «ручным управлением» и давно устаревшей системой разработки «кусочных» программ, направленных на развитие отдельных сторон, звеньев, отраслей и сфер жизнедеятельности на основе выделения трех субъективных сценариев (позитивный, нейтральный, негативный) на основе большого количества субъективно-стоимостных показателей расчета[7].

---

[1] Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 декабря; Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России // Российская газета. – М., 2014. – 14 января; Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. – М., 2015. – 13 января.

[2] Л. Ларуш раскрыл убедительно указал на субъективизм в теории и практике ведущих американских ученых. Лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев открыто упрекает экономистов кембриджской школы, к которой принадлежат Дж.М. Кейнс и Дж. Хикс и др., в излишнем увлечении далеким от практики теоретизированием. Он опубликовал получившую широкую известность работу «Слепое теоретизирование. Методологическая критика неокембриджской школы». Общим недостатком «либерально-демократического направления», по их мнению, является высокий уровень субъективизма и неопределенности. В России и других странах наблюдается дальнейшее развитие подходов кембриджской школы и отсутствие объективности в оценках и перспективности выводов и предложений для выхода страны и цивилизации из всеобщего кризиса.

[3] Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 года. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548; Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. – М.: ВИНИТИ, 1995; Губин В.Б. О методологии лженауки // Философские науки. – М., 2002. – № 1. – С. 150–156; Иноземцев В.Л. Власть – от Бога, Бог – от власти // Огонёк. – М., 2011. – № 26 (5185); Кара-Мурза С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. – М., 1999; Ларуш Л. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания / Шиллеровский Институт науки и культуры. – М., 1997; Ларуш Л. Российский вариант разрухи, как составная часть кризиса мировой экономической системы / Шиллеровский Институт науки и культуры. – М., 1996. Бюллетень № 7 (1); Леонтьев В.В. Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты // США – экономика, политика, идеология. – М., 1972. – № 9; Леонтьев В.В. «Слепое» теоретизирование. Методологическая критика неокембриджской школы: Экономические эссе. – М., 1990. – С. 84–99; Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986; Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 декабря; Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России // Российская газета. – М.,2014. – 14 января; Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. – М., 2015. – 13 января.

[4] Аксентьев А.Г. Среда развития человека будущего // Эколого-водохозяйственный вестник. Вып. 4 / Свердловское региональное отделение РЭА; Академия водохозяйственных наук; РосНИИВХ; УГТУ; Свердловский филиал РТО. – Екатеринбург: Аэрокосмоэкология, 1999. – С. 9–12; Шапиро А. Рынок как порок // Коммерсант Weekend. – М., 2009. – 10 апреля , № 13 (109).

[5] Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 декабря; Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России // Российская газета. – М.,2014. – 14 января; Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. – М., 2015. – 13 января.

[6] Приказ Минфина России от 09.12.2014 N 453 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации»; Шапиро А. Рынок как порок // Коммерсант Weekend. – М., 2009. – 10 апреля, № 13 (109).

[7] По определению В.С. Цаплина в подготовке кадров необходимо отойти от «бездумного следования стереотипам, неспособность анализировать мотивы собственного поведения и делают поступки людей нелепыми, эгоистичными и тупиковыми» … и перейти к «подъему уровня массового мышления … мирным путем» … и «неординарного развития массового мышления», которое сейчас в России очень не приветствуется. См.: Цаплин В.С. Странная цивилизация. – М.: АСТ-Астрель, 2006.

Такие программы очень далеки от реальной действительности. Всем руководителям и рядовому составу кадров не хватает знания качественно новой научной базы и междисциплинарной системно-целостной методологии, позволяющих вести расчеты в условиях полного знания предмета и объекта на основе объективных социально-экономических показателей в виде кВт/час и других сопоставимых единиц измерения. Это дает возможность адекватно определить на нелинейной модели и с использованием нелинейной математики преимущества и недостатки заявленных качественно новых технологий в общественном производстве до проведения практических испытаний[1].

3. Анализ общественного производства показывает, что промышленность, сельское хозяйство, другие отрасли и управление России находятся уже более 50 лет на заключительной фазе цикла обновления, на которой наступают значительные потери в обществе, отрасли, качестве жизни и т.п.[2] На данной фазе государственная политика «модернизации», есть по своей сущности, попытка сдержать весь прогресс в развитии производительных сил, производственных, надстроечных отношений в обществе. Это приводит к дальнейшему разрушению всех имеющихся в обществе институтов и к полному закабалению зарубежными странами российской экономики.

4. Надуманность и необоснованность политики «модернизации» приводит на практике к закреплению в развитии промышленного и аграрного сектора экстенсивных, деструктивных направлений, требующих многократного увеличения инвестиций в оживление и производство устаревшей техники и технологий, на приобретение зарубежных технологий, которые дороже отечественных в 10–12 раз и более.

Более того, политика «модернизации» является не только деструктивной, но и расточительной со всех сторон для общества. Для сравнения, чтобы повысить производительность труда и объем производства в 2 раза за счет действующей, по существу устаревшей техники и технологии, потребуется увеличить инвестиции в 8 раз. При использовании же отечественных супертехнологий потребуется увеличение инвестиций лишь в 1,5–2 раза, а производительность труда и объемы производства увеличатся в 8 и более раза[3].

5. Выделенные негативные тенденции в значительной степени обусловливаются использованием деструктивной теоретической, методологической и методической базы в практике информационных и управленческих систем действующего современного хозяйственного механизма страны. Применяемая теория и методология в современных экономических науках и практике в большинстве своем основаны на субъективно-договорных началах и неадекватном инструментарии исследования, выработки, принятия и реализации управленческих решений по всем уровням хозяйствования. В результате применения негодного методологического и методического инструментария, включающего в дополнение к отмеченному, также субъективно-договорные стоимостные показатели, получается полный набор того, как не надо принимать управленческие решения на всех уровнях государственного управления[4].

6. Такое направление в теории и практике управления полностью отвечает требованиям «нового мирового порядка» и «либерально-демократической экономики на американский лад». На ее основе была сформирована система ложных целей, которая закреплена в системе права России. Она воплощена в практику всех сфер жизнедеятельности страны: в государственном и рыночном управлении, финансово-инвестиционной и налоговой системе, системе образования, здравоохранения, промышленном, сельскохозяйственном воспроизводстве, развитии транспорта, информационных технологий, связи и т.д. С помощью отечественных и зарубежных «неолибералов» экономика России в короткий срок была полностью разрушена и поставлена в зависимость от зарубежных международных концернов[5].

7. За 30 прошлых лет государством не было предложено ни одного мало-мальски позитивного аргументированного стратегического проекта о выводе СССР, а затем и России из постоянно усиливающихся внутренних и внешних системных кризисов, о необходимости осуществления научно-технологического и социально-экономического прорыва. Также нет до сих пор объективного теоретико-методологического и практического анализа причин возрастающего высокими темпами ухудшения качества жизни, низкой продолжительности жизни населения, кардинального ухудшения системы образования, здравоохранения, роста безработицы, увеличения доли бедных в структуре общества (которая стране составляет уже 60%) и других негативных тенденций.

---

[1] Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Смысл, 2000; Бугровский В.В. и др. Экологические корни культуры. Сборник статей в 3-х томах. – М.: Слово, 2002; Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011; Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. – М.: ВИНИТИ, 1995; Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Основы физической экономики. (Физические аналогии и модели в экономике). – М.: Радио и связь, 1999; Крон Г. Тензорный анализ сетей. – М.: Радио и связь, 1972; Кузнецов П.Г. Энергетический анализ основ общественного производств. – М.: Советское радио, 1972; Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие / Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна». 2000.

[2] Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011; Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016, – № 1. – С. 90–98.

[3] Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016, – № 1. – С. 90–98.

[4] Бугровский В.В. и др. Экологические корни культуры. Сборник статей в 3-х томах. – М.: Слово, 2002; Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Основы физической экономики. (Физические аналогии и модели в экономике). – М.: Радио и связь, 1999.

[5] Ларуш Л. Российский вариант разрухи, как составная часть кризиса мировой экономической системы / Шиллеровский Институт Науки и культуры. – М., 1996. Бюллетень № 7 (1); Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. – М., 2012. – 9 декабря.

Отмеченным недостаткам сопутствуют и другие: критическое состояние экономики в России; неспособность государственного аппарата, экономики, системы управления и права к эффективному решению социально-экономических, политических и иных задач без катаклизмов, без потерь в обществе, без гуманитарных катастроф; неспособность современных экономических наук, управления и права обеспечить выход страны из постоянно усиливающегося внутренних и внешних перманентных кризисов. Сказанное подтверждает необходимость разработки в короткие сроки качественно новой теории, методологии и практики, предоставляющих для всего народа страны, системы управления более простые, точные и объективные инструменты познания закономерностей жизнедеятельности общества в природе, позволяющие рационально решать стратегические, тактические, оперативные задачи на всех уровнях хозяйствования по выходу из системного кризиса и обеспечению устойчивого развития всего населения страны[1].

Пути решения проблемы

В настоящее время издается большой объем экономической, управленческой литературы и вводятся в научно-практический оборот термины, не отвечающие их новому предназначению типа «новая индустриализация», «реиндустриализация» «третья индустриализация с эмоционально-психологических позиций»[2] и иные подобные «либерально-демократической экономике» на американский лад. На наш взгляд, это есть, с одной стороны, попытка заговорить, заболтать, увести в сторону экономическую науку, теорию, методологию и практику управления, с другой, – убедить руководство страны (самих себя) в том, что в России нет уже принципиально новых научно-технологических наработок, что без приобретения зарубежной «новой» техники (с сорокалетним сроком производства и многократно дороже, чем отечественное) не обойтись. По их подсчетам, такая новая индустриализация и реиндустриализация охватывает три этапа: первый этап предполагает закупку импортной техники и технологий на сумму в объеме 360 миллиардов долларов; второй и третий этапы, с разрывом каждый через 15 лет, предусматривают закупки в таком же объеме. Отсюда получается, что Россия будет приобретать заведомо отсталую технику (на 35–40 лет), новую просто не продадут, а потому отстанет от ведущих стран навсегда. Вот такой результат их предложений.

Большое распространение в настоящее время получила экономическая идея о том, что государственно-монополистический строй в России[3] находится на заключительной фазе цикла обновления уже более 50 лет. На этой фазе потенциал всех базовых идей, заложенных в развитии данного типа общества, уже исчерпан, наступает саморазрушение экономики и связанных с ней институтов[4]. Наблюдается постоянное увеличение социально-экономических и иных потерь, усиление внутренних и внешних политических, военных и иных конфликтов, ухудшение качества жизни и благосостояния всего населения страны.

Реконструкция социализма также не возможна, т.к. научная база, теория и методология имеют существенные недостатки, которые и привели к разрушению СССР. Современные общественные науки, все научные школы и направления остановились на фазе модификации теорий, концепций, идеи государственно-монополистической формации и социализма, потенциал которых уже исчерпал себя давно. Наука до сих пор не сделала и не делает даже намека, достаточно внятного и научно обоснованного предложения обществу о дальнейшей позитивной судьбе и пути перспективного, устойчивого развития России и цивилизации.

Более того, до сих пор никто из ученых не ставил вопрос и не рассматривал возможность перехода на объективный эволюционный путь развития каждой страны и цивилизации на Земле на новый цикл обновления формации на основе инновационного способа общественного производства. На наш взгляд, такой вариант является наиболее приемлемым для развития цивилизации. Он (инновационный способ воспроизводства), в свою очередь, предполагает активное участие ведущих стран и их государственных аппаратов в переходе на качественно новый цикл жизнедеятельности и инновационный способ общественного воспроизводства без уничтожения населения, узурпации власти группой лиц и всяких военных действий. Это предполагает для общества и науки следующие комплексные действия: а) дальнейшее позитивное проникновение науки в глубинные тайны и закономерности взаимодействия человека с природой и Вселенной[5]; б) отказ от устаревшей технологической основы – «ручной-механической-электромагнитной эры» жизнедеятельности общества в природе, обеспечивающих получение лишь случайных физических эффектов и низкие коэффициенты полезного действия (КПД) техники-технологий (от 0,16 до 0,30), а коэффициенты эффективности деятельности (КЭД) общества еще ниже с учетом загрязнений, заболеваний и т.д. составляет (0,001 и менее); в) выход на познание, затем «всеобщее использование новых физических и социально-экономических принципов, обеспечивающих постоянное получение эффектов» в общественном воспроизводстве[6]; г) создание на этой основе комплекса объективных социально-экономических и иных предпосылок для перехода с заключительной фазы цикла государственно-монополистического типа производства на качественно новый подлинно «инновационный способ

---

[1] Потехин Н.А., Потехин В.Н. Методология междисциплинарного анализа и синтеза на примере экономических, управленческих и правовых наук // Агропродовольственная политика России. 2015. – № 12. – С. 97–107.

[2] Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. – М. Альпина нон-фикшн, 2014.

[3] Иноземцев В. Л. Власть – от Бога, Бог – от власти // Огонёк. – М., 2011. – 4 июля, № 26 (5185).

[4] Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011; Ларуш Л. Российский вариант разрухи, как составная часть кризиса мировой экономической системы / Шиллеровский Институт Науки и культуры. – М., 1996. Бюллетень № 7 (1).

[5] Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: Ноосфера, 1991.

[6] Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М.: 2009.

общественного воспроизводства»[1]. Здесь полностью отсутствуют религиозно-политические основы и деструктивная исходная модель жизнедеятельности человек-общество в природе, одновременно формируется качественно новая гуманная исходная модель «Человек сам хозяин своей жизни» и принципиально новая научная база общественного производства.

Инновационный способ воспроизводства имеет свои кардинально новые научные и иные базовые отличия от государственно-монополистического. Краеугольными исходными научными, методологическими, теоретическими и практическими основами инновационного производства для перехода на новый цикл эволюции России и обеспечения устойчивого развития всех членов общественного воспроизводства являются:

– использование качественно новой научной базы, теории, системно-целостной междисциплинарной методологии, позволяющих вести исследования в условиях полного знания структуры, содержания, учета всеобщих и социально-экономических закономерностей развития общественного воспроизводства в режиме реального времени[2];

– повсеместное использование качественно новой комплексной научно-технологической материально-технической базы, на основе повсеместного применения новых физических и социально-экономических принципов, воплощенных в кинетронных и иных супертехнологиях, позволяющих получать постоянный эффект в общественном производстве, многократно повышающих КПД, КЭД и коэффициент воспроизводимости природных ресурсов[3], улучшающих качество жизни всего населения страны, природную среду, обеспечивающих устойчивое развитие населения России и цивилизации на Земле;

– соблюдение и учет в междисциплинарной методологии, теории и практике действия всеобщих законов сохранения энергии, кинетронного импульса, кинематического импульса, закона полной мощности (выполненной работы обществом), сохранения энергоинформационного потенциала, направленных на постоянное увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в бюджете социального времени по уровням хозяйствования;

– постоянное увеличение коэффициента полезного действия (КПД) техники и технологий и повышение коэффициента эффективности деятельности (КЭД) общества на основе прорывных, гибридных и кинетронных супертехнологий (КСТ);

– повсеместное внедрение экологически чистых технологий общественного производства и среды обитания человека;

– кратное увеличение доли воспроизводимых природных ресурсов, используемых в общественном воспроизводстве с 17%, как в настоящее время, до 62% в условиях инновационного способа воспроизводства – первого этапа осуществления Второй индустриализации и до 100% на последующем этапе индустриализации России и соответствующее уменьшение доли невоспроизводимых природных ресурсов[4];

– фундаментальное и комплексное воспитание на основе использования междисциплинарной методологии и КСТ-технологий, профессиональная подготовка новым инновационным принципам, прорывным, гибридным и кинетронным супертехнологиям всех членов общества и кадров всех категорий, опережающее развитие средств производства[5];

– постоянное повышение реального уровня качества жизни и благосостояния всех членов общества, обеспечиваемые комфортными условиями труда и отдыха в рабочее и свободное время;

– повсеместное использование информационных технологий, основанных преимущественно на объективных и сопоставимых единицах измерения данных (кВт/час и подобных) в системах управления нового поколения с применением искусственного интеллекта, обеспечивающих достижение синергетического эффекта со знаком плюс по всем уровням хозяйствования.

Приведенные методологические, теоретические и практические базовые научные положения указывают на кардинальные отличия нового инновационного способа общественного производства от государственно-монополистического и иных. Их более полное рассмотрение позволяет глубже раскрыть объективную необходимость и возможность перехода на новый цикл обновления производства, выявить существенные преимущества сохранения и обеспечения устойчивого развития России.

Выделение и системная реализация качественно новой научно-технологической комплексной идеи – осуществление Второй индустриализации в России и «переход на инновационный способ воспроизводства» охватывает все стороны кардинального улучшения жизнедеятельности общества. Она направлена на дальнейшее: позитивное развитие всех участников производства; активизацию резервов каждого человека; высокоэффективное использование природных ресурсов и возможностей на базе кинетронных супертехнологий во благо всего населения России; служит важнейшим всеобщим, внутренним и внешним, стимулом выхода из системных внутренних и внешних кризисов, на объективный путь эволюции и сохранения всего человечества на Земле.

---

[1] Потехин Н.А., Потехин В.Н. О новой общественно-экономической формации – инновационном способе воспроизводства // Агропродовольственная политика России. 2016. – № 1. – С. 90–98.

[2] Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / Под ред. д.э.н., профессора Н.А. Потехина. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011; Конторов Д.С., Михайлов Н.В., Саврасов Ю.С. Основы физической экономики. (Физические аналогии и модели в экономике). – М.: Радио и связь, 1999; Крон Г. Тензорный анализ сетей. – М.: Радио и связь, 1972; Кузнецов П.Г. Энергетический анализ основ общественного производств. – М.: Советское радио, 1972.

[3] Бейтсон Г. Экология разума. – М.: Смысл, 2000; Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М.: 2009.

[4] Там же.

[5] Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. – М.: 2009.

Сформулированная научно-технологическая идея перехода на новый цикл объективного развития цивилизации имеет важнейшее методологическое значение и является социально-экономической и научно-технологической формой кардинального решения всех системных внутренних и внешних кризисов, в которых находится Россия, выхода из них эволюционным мирным, гуманным и наиболее рациональным путем.

Выводы

Таким образом, отказ государства по существу от деструктивной политики «либерально-демократической экономики» на американский лад, «развития конкуренции», «неперспективных предприятий, школ, вузов, регионов, сфер производства», от «деградационной исходной модели жизнедеятельности» и выход из внутренних и внешних системных кризисов предполагает комплексное и концентрированное осуществление в короткие сроки Второй индустриализации в России на качественно новой научной базе и гуманной исходной модели – «Человек сам хозяин своей жизни».

Принятие такого политического решения явится определяющим шагом в спасении России от дальнейшего разорения; стимулом для всего населения страны и главным вектором позитивного дальнейшего творчества трудящихся масс ускоренного и устойчивого развития общественного производства по всем уровням хозяйствования по пути улучшения высокими темпами качества жизни, труда и отдыха.

Предложенный вариант перехода на качественно новый цикл обновления общественного воспроизводства и инновационный способ общественного воспроизводства имеет принципиальное научно-гуманитарное, теоретическое, методологическое и практическое значение для дальнейшего эволюционного развития без кровавых религиозно-политических и классовых революций, перестроек, узурпаций государственной и иной власти группами лиц, постоянных переделов собственности, капиталов, системных кризисов, гуманитарных катастроф.

В современных критических условиях обществу, государству, политикам, ученым, практикам-управленцам дается единственный шанс:

– спасти человечество от самоуничтожения;

– реализовать в короткий срок возможности комплексного преобразования всей совокупности факторов производства на основе мирного, гуманного и качественного эволюционного изменения производительных сил, производственных и надстроечных отношений;

– создать реальные предпосылки для устойчивого социально-экономического развития всего народа России, а затем и цивилизации на Земле.

Пястолов С.М.
гл.н.с. ИНИОН РАН, д.э.н., профессор
Ibs-piast@mail.ru

МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *стратегия инновационного развития, инновационный человек, жидкосредный робот, национальная инновационная система, системное время, способы мышления.*

Keywords*: strategy of innovation development, innovative man, moist robot, national innovation system, system time, means of thinking.*

Основной тезис статьи: в инновационной экономике первичным становится мышление как вид деятельности, и способы мышления определяют способы производства.

Горизонты мышления в экономике и наиболее распространенные межвременные предпочтения потребителей заданы выбором доминирующих экономических моделей. Автор предполагает, что реализуемая сегодня в России Стратегия инновационного развития, по умолчанию, опирается на модель «жидкосредного робота». Проецируясь на прогнозы будущего, выбранная модель человека выводит на соответствующие сценарии (например, сценарий «цветовой дифференциации» регионов РБК). В то же время, у названных сценариев могут появиться и альтернативы, если планировщики стратегий захотят вернуться к идеям дискретности благ и потребностей человека, а также к производной идее о безусловном приоритете производства благ высшего порядка, при условии достаточно / разумно полного удовлетворения витальных потребностей. Должно быть также очевидно, что постоянные изменения в рамках «инновационной экономики» происходят на определенных уровнях сложных социально-экономических систем, преимущественно там, где осуществляется производство и потребление благ от «основания пирамиды» до среднего уровня. На уровнях благ высших порядков должна сохраняться стабильность – как условие выживания человеческой общности.

Стратегия 2020 в качестве ключевого выдвигает понятие «инновационный человек», которое и по списку стоит первым, перед другими: инновационный бизнес, эффективная наука, инновационное государство, инфраструктура инноваций, глобальная инновационная система[1]. В то же время, разработчики Стратегии, признавая, что лишь небольшая доля населения способна к предпринимательской деятельности (а инновационная, хотя и с некоторыми оговорками, по факту, к ней приравнивается), утверждают, что «каждый гражданин *должен* стать … *активным инициатором и производителем*» изменений (в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий), или, по крайней мере «каждый гражданин будет играть свою роль в общем инновационном сообществе в соответствии со своими склонностями, интересами и потенциалом» (Стратегия 2020, с. 45) (*курсив мой*).

Обзор публикаций по направлениям, близким к тому, что называют «управлением инновациями»/«innovation management», «компетенции, инновации и предпринимательство»/«competencies, innovation and entrepreneurship», показывает, что в основе исследований в данных областях лежат известные модели поведения рационального субъекта, максимизирующего полезность. Более современные эмпирические и теоретические исследования показывают, что, помимо демонстрации реакций на разного рода ограничения, поведение большинства участников соревнования за звание «инновационного человека» укладывается в рамки паттернов поведения «жидкосредного робота» (D. Dennett, J.G. Taylor), т.е. субъекта, проявляющего активность в соответствии с вложенными в его сознание (оперативную память) командами программ-рутин.

Заметим, что в условиях доминирования «максисимизирующего» поведения (потребительского и производственного), *ceteris paribus*, наиболее вероятные сценарии будущего подразумевают, в социальном плане, оставляя за скобками технологические аспекты, организацию сообществ и, далее – с ростом масштаба – «глобального» общества, в таких форматах, как кастовые/варновые, сословные, анклавные системы, «цветовая дифференциация». Именно последний вариант представил в своей презентации Е. Кузнецов, заместитель генерального директора ОАО «Российская Венчурная Компания». В его футурологическом прогнозе на ближайшие 20–30 лет регионы глобального мира поделены на зоны – «кремниевые», «зеленые», «желтые», «красные»[2].

В микроэкономических моделях потребительского поведения используется также понятие «межвременных предпочтений», их характер зависит, помимо прочего, от культурных факторов, воспитания, традиций. Оценивая качество нынешнего воспитания, (не)способность наших современников противостоять влиянию размножившихся тота-

[1] Стратегия 2020. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М., 2011. – ерцир.рф/wp-content/uploads/2015/06/ЦКР-Инновационная-Россия-2020.pdf

[2] Кузнецов Е. (2016). Россия и мир технологического диктата. – http://www.globalaffairs.ru/number/Rossiya-i-mir-tekhnologicheskogo-diktata-18023

литарных сект[1], автор испытывает желание получить более подробное разъяснение такой, например, нередко встречающейся трактовке тезисов *Стратегии 2020*: «Ключевой особенностью, отличающей инновационного человека от других людей является *инновационность предпочтений*»[2] (*курсив мой*). А что можно ожидать в регионах в виду их предстоящей «цветовой дифференциации»?

А.С. Царьков утверждает, что «контекст развития регионов России» можно назвать сегодня «институциональной ловушкой». В современной российской гибридной и внутренне противоречивой модели баланс между государством и бизнесом оказывается «неустойчивым и подвижным, способствующим расширению существующих и появлению конфликтных зон». В рамках такой модели «все новации, исходящие снизу, должны получать одобрение сверху, и далеко не всегда они приветствуются. Одобряются они сразу в том случае, если дают результаты, быстро конвертируемые в политические дивиденды. Даже инициативы, исходящие из региональных законодательных органов, с трудом находят поддержку на федеральном уровне. В период «заморозки» инновации в сфере управления поощряются, в основном, в рамках административной реформы, проводимой сверху»[3].

Описывая ситуацию в перспективе надвигающегося «технологического диктата» на уровне некоторых регионов и отраслей, Е. Кузнецов, в частности, прогнозирует, что роботомобили вытеснят человека в течение 20–30 лет. При этом водителей большегрузных автомобилей, «track-drivers», только в США несколько миллионов человек (они не «инновационны» в большинстве своем, не имеют других специальностей и привыкли к достаточно высокому уровню жизни). «Никто не знает, что с ними делать, когда они выйдут на рынок труда»[4]. То же самое, по всей видимости, происходит в медицине, энергетике, сфере услуг.

Более масштабные источники глобальной нестабильности формируются благодаря действию факторов: (1) «нежелания стран «красной» зоны (или государств «желтой» зоны, сползающих в «красную»), принимать правила игры и становиться объектами «пересборки»; (2) нежелания национальных правительств «желтой» зоны терять субъектность и формировать внутри себя «кремниевые» и «зеленые» пояса, управляемые фактически наднациональными органами; (3) нежелание правительств «зеленой» зоны терять контроль над высокоэффективными «кремниевыми» зонами[5].

Правомерен вопрос: есть ли альтернатива используемым моделям и, соответственно, возможны ли другие варианты будущего. Прежде чем дать на него ответ, дополним описание нормативно-прогнозной ситуации характеристикой текущего состояния российской научно-технической сферы или – Национальной Инновационной Системы (НИС).

Обращение к базовым концепциям современной экономики как науки показывает, что выбор формата «модернизации» в духе представленной выше стратегии подразумевает коренную смену парадигмы, и это затрагивает в первую очередь те сферы, которые традиционно считались и до сих пор формально считаются частью общественного сектора экономической системы, и где, соответственно, основным товаром является общественное благо. Это, в нашем случае – фундаментальная наука и образование. Таким образом, без оглашения, по умолчанию, принятие концепции НИС/Национальной инновационной системы/ (в 2002-м) изменило содержание экономической политики.

При помощи методов метаанализа представим текущую ситуацию российской НИС с эмпирической точки зрения. Данные для этих целей предоставляют такие ресурсы, как «Глобальный индекс инноваций» (ГИИ)[6]. База данных ГИИ формируется с 2011 г., и уже позволяет получать в определенной степени цельные преставления о той или иной НИС, проводить эконометрические исследования с целью обнаружения закономерностей инновационного развития. В этой связи отметим, что российский бизнес не стремится следовать за новой парадигмой и заменить государство в качестве производителя инноваций[7].

Структура ГИИ, по мнению автора, может быть взята за основу для построения концептуальной схемы НИС, позволяющей представить динамику энергоинформационных потоков в данной системе. На рис. 1 с достаточной долей условности показаны параметры входа НИС; {(1) Институты, (2) Человеческий капитал + ИР, (3) Инфраструктура, (4) Степень развитости рынка (Market sophistication), (5) Степень развитости бизнеса (Business sophistication)}; параметры выхода: {(6) Инновационные продукты (Знание и технология) и (7) Творческие продукты} (использованы показатели ГИИ).

Особенностью предлагаемой схемы является то, что в ней разделены потоки краткосрочного и долгосрочного периодов. Единицей измерения для долгосрочного периода служат поколения технологий. Следует также иметь в виду, что когда применительно к данной схеме речь идет о времени, оно принимается системным. Таким образом, если применить схематическое представление НИС к описанию концепции технологических укладов (ТУ), то можно заметить, что линия «прошлое» –«будущее» имеет форму логистической кривой, при помощи которой обычно описывают динамику выпуска продукции определенного уклада, т.е. рис. 1 выполнен в масштабе жизненного цикла ТУ. На на-

---

[1] В этом случае раскачиваются эмоции, и человек теряет часть своих интеллектуальных способностей и, следовательно, часть навыков рационального принятия решений.

[2] Энциклопедии социологии, статья «инновационное поведение». – http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0409.htm

[3] Инновационный человек и инновационное общество / Под ред. В.И. Супруна. — Н.: ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 220.

[4] Кузнецов Е. (2016). Россия и мир технологического диктата. – http://www.globalaffairs.ru/number/Rossiya-i-mir-tekhnologicheskogo-diktata-18023. В тексте по данной ссылке эта фраза отсутствует. Это было сказано на Стратегической форсайт-сессии «Вовлеченность, мотивация, человеческий капитал 2035», проведенной 28–29 мая 2016 г. в НИУ ВШЭ.

[5] Кузнецов, 2016.

[6] Описание методологии ГИИ можно найти в The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation / Ed. by S. Dutta and B. Lanvin. INSEAD, WIPO; и в других отчетах.

[7] См., например: Пястолов С. Метафизика «системной модернизации» // Экономист. – М., 2016. – № 3. – С. 46–54.

чальной фазе, на старте ТУ, ресурсами НИС являются институты и человеческий капитал. К завершению жизненного цикла ТУ должны быть сформированы знания и компетенции, которые станут ресурсами (человеческим капиталом, институтами и др.) для последующих укладов. («Инновационный человек» как раз и должен стать ресурсом для следующего уклада).

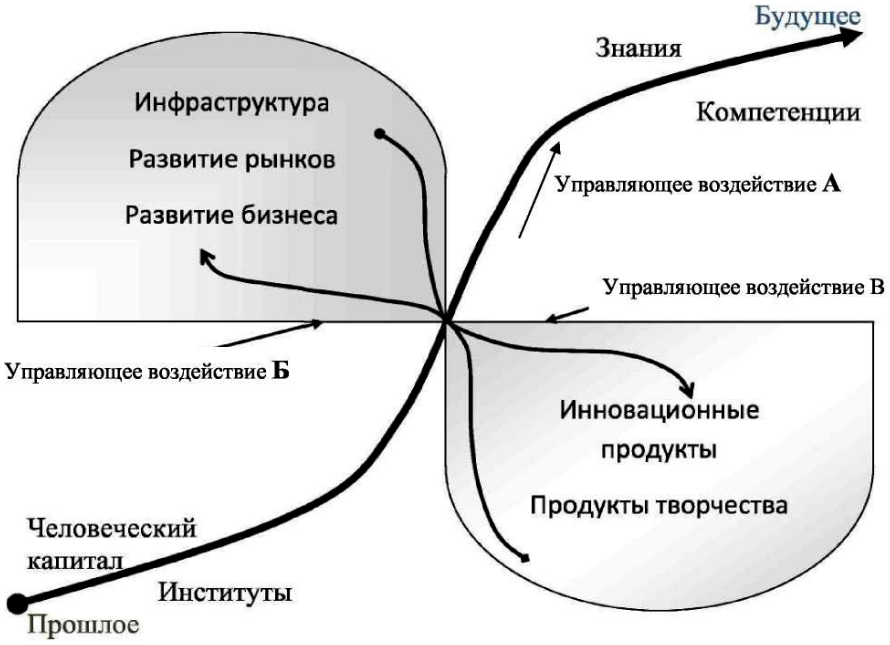


Рисунок 1.
Схема организации энерго-информационных потоков в структуре НИС

Продукция «на выходе», которую учитывает ГИИ, и другие параметры «входа» рассматриваются в предложенной схеме как составляющие процессов краткосрочного периода. Т.е. они преимущественно имеют значение в рамках существующего уклада. Применяя данное представление в анализе текущей ситуации в научно-технической сфере России, отметим следующее.

Ситуация сложилась таким образом, что в отношении НИС российская администрация может осуществлять управляющие воздействия лишь на уровнях Б и В (см. рис. 1), а возможности влиять на будущее на уровне А, все более сокращаются. Здесь же можно заметить, что распределение усилий в зонах Б и В не способствует сохранению баланса и эффективному развитию НИС, но это – тема отдельного сообщения. Скажем только, что внутренние угрозы проявлены, в том числе, как системные проблемы государственного управления, которые видны в случаях подмены реальных целей государственного управления в области развития научно-технической сферы целями обеспечения «экономической эффективности» деятельности государства, а также в случаях недостатка понимания содержания, в частности, научно-технической и воспитательной функций государства.

«Внешний» аспект ситуации в научно-технологической сфере представлен многими экспертами как старт нового этапа глобальной конкуренции: в США реализуется Стратегия Президента Обамы для американских инноваций 2009 (President Obama's 2009 Strategy for American Innovation); Китай вместе с «Азией 8» с 2006 г. формирует около 1/2 мирового экспорта высокотехнологичных товаров; Европейская Комиссия в целях своей программы Europe 2020 провозглашает необходимость и возможность превращения Европы в зону инновационного развития.

К сожалению, результаты усилий российского правительства в области научно-технического развития оставляют желать лучшего. В настоящем рассмотрении ограничимся следующим фактом. На заседании Правительства 10 апреля 2014 года был заслушан «вопрос, связанный с подведением итогов работы по двум ФЦП, которые касаются нашей науки». Тогдашний министр науки и образования сообщил: «В частности, оформлено более 5 тыс. патентов, опубликовано около 90 тыс. научных статей, подготовлено и защищено более 12 тыс. научных диссертаций». Однако не понятно, каким образом с такими результатами мы можем конкурировать с ведущими игроками «инновационной экономики», если, например, по итогам аналогичных программ число патентов, предоставленных в Китае находящимся в стране изобретателям, повысилось от 5 000 в 2001 г. до 65 000 в 2009 г.; в этом же году в КНР к обучению приступили более 6 млн. аспирантов, в ЕС – около 3 млн., в США – 2,5 млн. С сожалением отметим, что в России аналогичный показатель не превышает 0,2 млн. человек[1].

В ряду препятствий, стоящих на пути технологического развития России, чаще всего называют ловушки «отсталости» (технологической); «технологических заимствований»; «координации» (рутины командной экономики + бюрократически – коррупционный капитализм, характеризующийся рентоориентированным поведением); «демографической ямы» науки. Сложной задачей остается измерение наличия, состояния, уровней и эффектов связей в инновационных структурах, внешних эффектов научной и инновационной деятельности.

[1] Подробнее: Пястолов С. Метафизика «системной модернизации» // Экономист. – М., 2016. – № 3. – С. 46–54.

Базовой причиной такого положения, по мнению автора, является то, что различные агенты инновационного развития обладают различной административной и рыночной властью, которая нередко используется для достижения краткосрочных политических целей в ущерб долгосрочным жизненно важным интересам общества.

Вопрос о власти сегодня широко обсуждается и применительно к пространствам научных дисциплин. Немецкий ученый П. Финке указывает на экономику, которая «всегда является весьма влиятельным и потенциально опасным соседом для любой другой культурной экосистемы (возьмите политику!), в том числе, научной. Поддержание устойчивости науки путем ограничения значений меняющихся полномочий соседних экосистем является критерием, не доступным для логической точки зрения»[1]. В данном рассуждении использовано понятие «экосистем ума» Г. Бейтсона, который убедительно показал возможность и необходимость такого «эволюционно нового дополнения к экологии материи»[2].

«Сила» экономической теории проявилась в таком явлении, как «экономический империализм», который характеризует «основное течение в экономической мысли»/мэйнстрим. Силу мэйнстрима можно почувствовать, например, в том упорстве, с которым некоторые социологи, психологи и представители других («гуманитарных») наук отстаивают свое «право» на использование таких понятий, как «капитал», «ресурсы», «эффективность» (типичные граничные объекты – ГО). В результате, например, «*Концепция устойчивого развития сельских территорий*» оперирует такими категориями, как «эффективность сельского хозяйства», «полная занятость», «рациональное использование земель» и т.п., а собственно человек, даже в тех разделах, где речь идет о социальном развитии, появляется как расшифровка, например, такого показателя: «плотность населения низкая – 2,3 человека на 1 кв. километр»[3].

Сегодня уже сформировались новые научные дисциплины, которые изучают различные феномены сознания, активность отделов головного мозга человека в связи с его экономической деятельностью, такие как нейроэкономика. Очевидно, следует вести речь о целом спектре наук, венчаемом синергетикой, которую сегодня назвали бы трансдисциплинарной наукой. Один из основателей синергетики, Г. Хакен, заявляет, что общество – это сеть взаимодействующих мозгов. А нашими мыслями управляют слова, которые следует рассматривать как параметры порядка[4]. Применительно к теме нашего исследования заметим, что это относится, прежде всего, к ГО и ТГО (трансграничные объекты), обладающим наибольшим энергетическим потенциалом.

Отсюда можно продолжить рассуждения и показать, каким образом составляются программы, содержащие слова – ГО, направляющие «жидкосредного робота» в требуемый программисту тип соглашения. Можно предположить, что «потребности» – это граничный объект, который советскими политэкономами до середины 1950-х еще соотносился с со стратегией, намеченной классиками марксизма, – к развитию высших человеческих потребностей, как цели социально-экономического развития. Но затем «рыночно-ориентированным» администраторам удалось совместить этот объект с понятием «благосостояние» и перенести сознание советского человека в направлении квадратных метров, килокалорий на душу населения и прочего «гуляш-коммунизма».

В схеме на рис. 2 реализовано представление, изначально основанное на тезисе Энгельса о потребностях с учетом более современного принципа иерархии связанных с ними типов благ и веберовского понимания типов поведения, которые связаны между собой цепью факторов и средств взаимодействия.

Вполне естественным выглядит предположение о том, что блага различных уровней иерархии должны быть дополнены тем количеством времени, физических, эмоциональных и интеллектуальных усилий, которое необходимо для их получения и потребления. В комплексе получается своего рода инвариант потребления, который на каждом уровне характеризуется определенным соотношением количества благ и их энергоинформационной емкостью. Количественное значение самого инварианта, по всей видимости, должно характеризоваться энергетическим потенциалом человека: его способностью потребить определенное количество благ. В простейшем, экономическом, случае это, очевидно, – платежеспособность.

Схематическое представление онтологической модели, по сути, есть часть решения проблемы дихотомии ментального и физического, что в итоге привело к созданию динамической модели спирального взаимодействия и развития психических и общественных форм[5]. В одной версии схемы ее структура сопоставлена со структурой *античного*[6] «тривиума»: Физика – Этика – Логика. На рис. 2 представлен первый блок – «Физика». Условно, это начальная ситуация выбора в реальном пространстве благ, как, например, в случае «стремления к \Истине»: человеку приходится выбирать, какую часть своих усилий он посвятит поиску Истины, а какую – «мирской суете».

Потребности, в соответствии с концепцией дискретного блага, разделены на уровни, каждому из которых соответствует определенный уровень благ: выживание, блага низшего, среднего и высшего уровней (на рис. 2 это, соответственно – S, LLG, MLG, HLG). Названным уровням соответствует определенное количество усилий – энергии – энергоинформации, необходимых для получения блага и удовлетворения соответствующей потребности. Объем таких усилий условно обозначен горизонтальными отрезками — сечениями угла «энергоинформации», который на схеме по-

---

[1] Finke P. The ecology of science and its consequences for the ecology of language // Language Sciences. 2014. – N 41. – P. 78.

[2] Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. – Chicago, 1972.

[3] Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.

[4] См., например: Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002; + интервью русского философа Аршинова В.И. – http://oralhistory.ru/talks/orh-1442

[5] Подробнее: Пястолов С.М. Перспективы теории перспектив // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 12. – С. 43–60.

[6] Не следует путать с тривиумом схоластическим (Грамматика, Риторика, Логика).

мещен рядом с треугольником благ. Поднимаясь по «треугольнику благ», отметим, что количество энергоинформации, требуемое для их потребления, увеличивается, а высшие духовные потребности можно удовлетворять бесконечно долго (вспомним понятия «вечное блаженство», «нирвана» в духовных учениях). Также следует учитывать, что для обозначения объектов высших порядков необходимо использовать соответствующие категории, понятия, слова и символы, обладающие достаточно высокой энергетикой.

Рисунок 2.
Взаимосвязь различных типов благ с объемом энергоинформации, необходимым для их потребления («Физика»)

Здесь, на взгляд автора, уместно вернуться к весьма характерному призыву «Инновационной стратегии» и соответствующих нормативных актов к «англоязычеству», в том числе, к оценке результатов научной деятельности по данным англоязычных рейтингов. Не вдаваясь в дискуссию, хотелось бы просто предложить авторам подобных призывов найти в англоязычной литературе, например, разбор соотношений таких категорий, как «предмет», «вещь» (в контексте анализа процессов «опредмечивания» – «распредмечивания»; «овеществления» – «развеществления»), хотя бы приближающийся по глубине анализа к тем примерам, что присутствуют в русскоязычных публикациях. Полезно также попробовать описать на английском различия в способах мышления и думания.

В свое время М. Вебер определил зависимость между способностями принимать разумные решения и объемом доступной индивиду информации[1]. Решения (рациональные или не очень) выражаются в поведении, которое, в свою очередь, разделено на типы: (1) целерациональное (направленное на достижение определенной цели), (2) целостнорациональное (не создает препятствий к достижению цели), (3) традиционное (обусловленное нормами), (4) аффективное (активность биоида).

Названные типы поведения, характеризуются собственной логикой (логикой соответствующего соглашения) и входят в блок «Логика» (рис. 3). В блок «Этика» включены условия принятия решений, факторы, эти условия определяющие. В состав факторов попадают, в том числе, эмоции. Условия и факторы разделены на уровни (в продолжение принципа дискретности благ). Иерархия уровней задана направлением когнитивного вектора (1 →2: аналог вектора Канемана).

[1] Weber M. (1962). Basic Concepts in Sociology. – http://www.goodreads.com/work/editions/2244989-soziologische-grundbegriffe

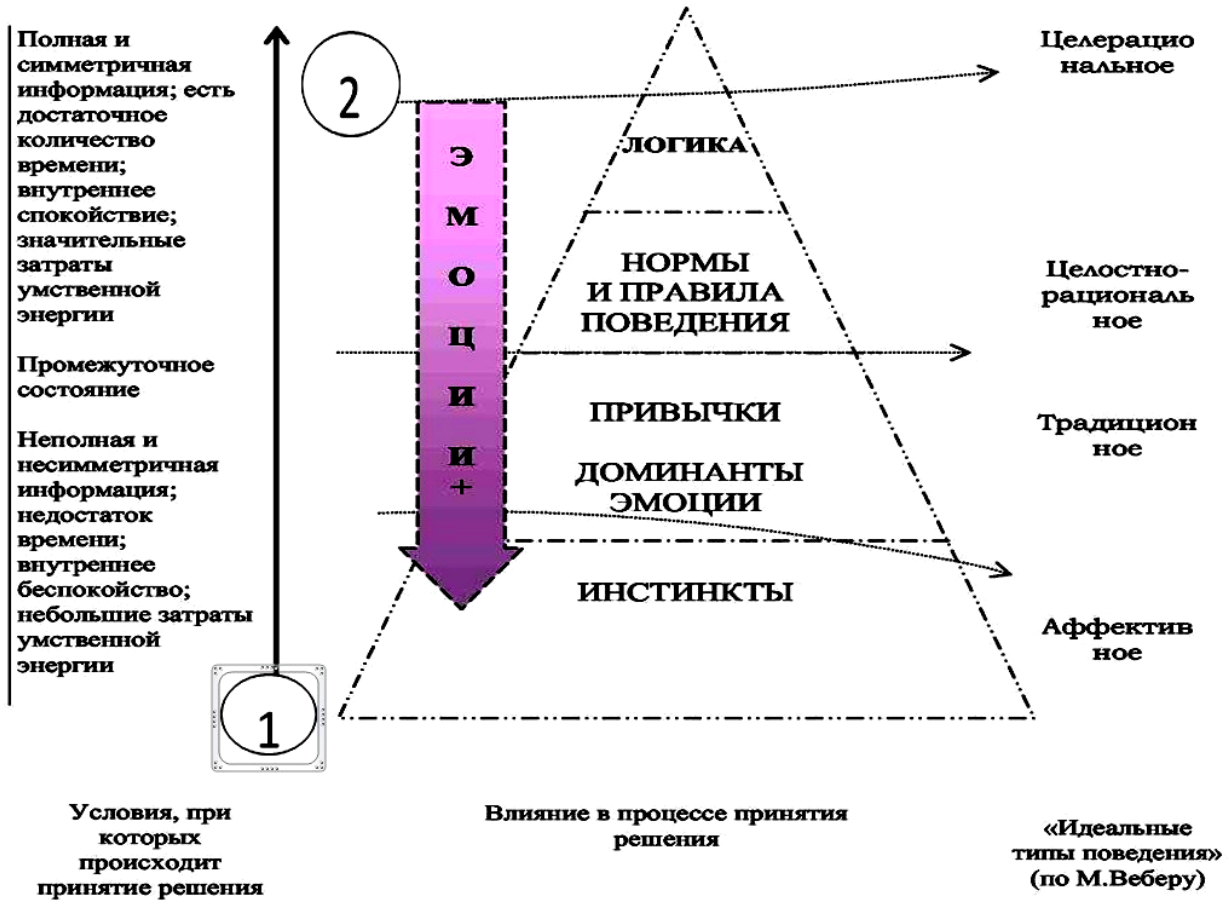


Рисунок 3.
Продолжение схемы (Этика – Логика): условия принятия решений и типы поведения

При рассмотрении данной схемы очевидным, в частности, становится одно из противоречий, скрытых в положениях «Стратегии 2020». В нормативных тезисах нет упоминаний о благах высших порядков, а практика демонстрирует, что достижения «инновационной экономики» применяются преимущественно в целях удовлетворения материальных и снобистских потребностей. Но выбор благ на низших уровнях осуществляется в основном под влиянием доминант, эмоций, институциональных факторов, но не за счет логики высшего уровня, к которой, как предполагается, должен обращаться «инновационный человек».

Здесь мы не можем продолжить цепь рассуждений ввиду ограничений по объему статьи, но следует, тем не менее, вспомнить некоторые базовые принципы политической экономии. Кроме того, известный тезис о том, что в правильной системе каждый объект соответствует своему определению, позволяет обозначить условия и границы устойчивости социально-экономической системы, обеспечивающей поддержку когнитивного вектора в направлении «вверх» – к высшим ценностям. Действительно, если слова (в т.ч. слова – определения) являются аттракторами, параметрами порядка, то любое изменения их смысла, изменит внутреннее наполнение понятий и повлияет на состояние системы. Вспомним о «вытряхивании смыслов» из слов[1], и в этой связи рассмотрим, какие ментальные конструкции (подсознательные образцы) преимущественно соотносятся с категориями «политической экономии».

Категория политической экономии объединяет понятия «политика» и «экономия», каждое из которых само по себе является составным. В «пространстве политики» проложено множество «маршрутов», основными при этом являются: теологический, антропологический, биологический, психологический, социальный. Однако базовой ментальной конструкцией, каркасом для прочих, является объединение слов: *πολι* (множество) и *τόκος* (интерес). Интерес (в латыни: *inter* (между) + *est* (находится)) – это проявленная человеческая/общественная/организационная потребность. Интерес уже более «материален», чем потребность, он задан и в пространстве, и во времени, и, в зависимости от толкований данной категории, выбираются соответствующие маршруты. Это позволяет политическим экономам определять союзников и противников, попутчиков и случайных пассажиров.

Применительно к теме статьи, можно отметить, что выбор временного горизонта в (экономических) моделях определяет границы пространства воспринимаемости, и этим же определяются межвременные предпочтения, о которых шла речь выше. И уже лишь ограниченные этими границами множества теорий могут строить в нем свои пространства доступности. Сегодняшние экономические пространства доступности (горизонты планирования), как правило, имеют протяженность порядка одного финансового года.

То есть, уже установлением временных границ было задано направление, которое привело к формированию модели антипода того общества, построение которого, как считается по оглашению, являлось изначальной целью

[1] Пястолов С.М. Научная терминология в арсеналах информационных войн // Информационные войны. – М., 2016. – № 2 (38). – С. 33–37.

марксистского проекта. Однако сторонники концепции, генерирующей разного рода «пожирателей времени» (хотя, они, конечно, так формально не называются; это различные институты «общества потребления»), могут возразить и привести свой аргумент: все это является результатом свободного выбора каждого участника.

Действительно, там, где сформировались уклады т.н. информационного общества, почти невозможно обнаружить случаи прямой эксплуатации человека человеком. Но, этот подход уже не столь актуален, как во времена Маркса и Энгельса. Сегодня человека эксплуатирует Система, а конкретный «эксплуататор» является лишь проводником чьих-то интересов, которого также эксплуатируют «хозяева игры». Втягивание человека в систему происходит посредством кражи (обособления, если хотите) тех ценностей, которые пока еще немногие научились (а можно сказать, что многие разучились) ценить (определять их *ценность*). Это, прежде всего, свободное время и доверие.

Профессор А.В. Бузгалин, излагая свое видение методики преподавания политической экономии в университете[1], называет три ключевых категории этой науки, методики преподавания которых нуждаются в совершенствовании: «Человек», «Государство», «Фирма». Используя высказанные выше идеи в изложении названных тем, было бы полезно показать, каким образом неявно осуществляемые процессы управления в экономической системе государства, рутины, установленные в компании, трансформируют ментальные конструкции, и уровень осознанности/нравственности опускается вниз или поднимается вверх по шкале, масштаб которой задается размерностью когнитивного вектора на рис. 3. В этом случае будет использован т.н. трансдисциплинарный подход в обучении/исследовании с применением понятий граничных и трансграничных объектов.

Кстати можно заметить, что развитие способов мышления обусловлено развитием человека, производным от него будет развитие уровней отношений государства, его институтов, предприятий, работников. И пора уже поправить классика: если Ф. Энгельс считал, что потребность первична, а мышление вторично, то это было справедливым для индустриального общества. В современном обществе и экономике знаний первичным становится мышление. Точнее – способы мышления, так как они определяют в том числе и новые способы производства.

[1] Бузгалин А.В. Классическая политэкономия: путь в университеты // Вопросы политической экономии. 2015. – № 1. – С. 8–23.

Садков В.Г.
д.э.н., профессор, заслуженный работник высшей школы, лауреат премии Президента РФ в области образования, директор научно-консалтингового объединения «Социальный прогресс страны»
Аронов Д.В.
д.и.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования, зав. кафедрой «История правовых учений, директор Института регионального развития Орловского государственного университета

О СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ И ИСХОДНОЙ ЧАСТИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ XXI ВЕКА
(Открытое письмо президенту, правительству, партиям и общественным движениям)

Ключевые слова: *модель общественного развития, модернизация российского общества, стратегия развития, Россия в XXI веке.*
Keywords*: model of social development, modernization of Russian society, the development strategy of Russia in the XXI century.*

Нет попутного ветра для того,
кто не знает куда плыть
Луций Анней Сенека

Социально-экономические трансформации, происходящие в России, начиная с начала 90-х гг. XX века, сопровождались разработкой стратегических документов по реформированию общественно-экономических отношений. Некоторые из стратегий, безусловно, в определенной степени позволили получить позитивные результаты по развитию общества и экономики. Ряд стратегий остались в значительной степени лишь многостраничными фолиантами, довольно быстро подвергнутыми забвению.

Помимо достаточно известных (хотя для большинства сугубо титульно) проектов масштабного (качественно системного) преобразования социально-экономической, а, как правило, и социально-политической системы социума, относящихся к периоду революционных потрясений в России начала XX века, существовал и ряд иных проектов. К ним прежде всего относятся активно конкурировавшие между собой консервативный и либеральный проекты модернизации России. Первый, в наиболее концентрированном виде может быть сведен к подходу П.А. Столыпина, суть которого во многом раскрывается в известных крылатых фразах первого российского премьер-министра: «Сначала успокоение – потом реформы» или «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Второй же, либеральный, попытка реализации которого де-факто была предпринята в виде совокупности законопроектов, внесенных фракциями либеральных политических партий в Государственную Думу первого и второго созыва, предполагал последовательную трансформацию социально-политического устройства страны в форме, преимущественно, широкомасштабной правовой реформы.[1]

Однако в начале XX века, в силу целого ряда известных факторов цивилизационного порядка, население России не воспринимало сценариев общественных преобразований, предполагающих некую степень постепенности, ища ответ на повседневные нужды и чаяния в рецептах, предлагавших быстрые способы их удовлетворения, оказавшиеся глубоко ошибочными, ведущими государство к потере самоидентичности. Соответственно одной из задач любого масштабного сценария трансформации и развития страны является не только соответствие социальному состоянию общества, но и постулирование профилактики обострения социальных отношений до уровня, на котором фактически перестает работать логический выбор и начинает превалировать охлократическое состояние социума.

Ключевой проблемой формировавшихся в постсоветской России стратегических документов, включая антикризисные программы, являлось то, что в них не было представлено КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XXI века.

В течение истекшего двадцатипятилетия наряду с несколькими официальными Правительственными программами по выводу экономики из кризиса был подготовлен ряд альтернативных проектов антикризисных программ, в которых предлагается весьма широкий спектр направлений, методов и механизмов обеспечения вывода социально-экономической системы на траекторию устойчивого роста. Конечно, эти программы имеют и много общих положений

[1] См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – М.: РОССПЭН, 1996; Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). – М.: Юрист, 2005; Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). – Орел: ОрелГТУ; М.: Юрист, 2005 и др.

и существенные отличия, связанные с различным уровнем компетентности разработчиков и разным пониманием ими ключевых проблем современности.

Как известно, одной из последних широко пропагандируемых антикризисных программ, была, так называемая «Программа Россия-2020», положения которой изложены в документе «Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу». Безусловно, в указанных документах представлен весьма обширный спектр проблем и возможных методов их решения. Позитивно даже то, что этот документ разработчики «открыли» первой частью, включающей направления социальной политики, имея в виду, что модернизация экономики, представленная во второй части, должна обеспечивать повышение ее эффективности в интересах социальных преобразований. Это, несомненно, разумный и плодотворный подход.

Однако, тем не менее, необходимой системной логики, стройности и завершенности в представленном документе все-таки нет! Причем нет самого главного: представления ОБРАЗА (КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ) формируемого общества в РОССИИ XXI века. А, если нет главного, – то все остальное, излагаемое в этом обширном документе, несмотря на наличие актуальных и нужных положений, все-таки является лишь частным, а не общим решением (по терминологии из математики). Нет конструктивных концептуальных положений относительно МОДЕЛИ Российского общества и в программах политических партий и общественных движений. Пока нет особых надежд, судя по наблюдениям за процессом, что и в начатых работах по формированию СТРАТЕГИИ 2030 этот концепт будет представлен.

Рассмотрим, в этой связи, концептуальные положения, определяющие модель Российского общества XXI века.

Социально-экономические и политические процессы, развивающиеся в нашем обществе в последние годы, отражают огромное многообразие позиций и точек зрения социологов, экономистов, политиков по поводу состояния и перспектив развития общества. Позиции эти зачастую противоположны даже среди представителей общественных движений и смежных политических партий. Идет поиск. Так и должно быть. Однако подлинно научное управление обществом требует наличия на каждом этапе общественного развития определенной теоретической основы для дальнейшего развития, для дальнейших практических действий.

Анализ показывает, что программные документы практически всех общественных движений и политических партий не дают ответа на главные ключевые вопросы: в каком обществе мы сейчас живем, к какому обществу (определенному не одними лозунгами, а системно и научно) и как мы должны двигаться? Причем, в представленных программных документах, заявлениях и декларациях, как правило, перемешаны цели и средства, наблюдается подмена целей средствами, становящимися «самоцелью».

Реалии нашей жизнедеятельности таковы, что фактически реформы стали интенсивно проводиться ради самих реформ, рынок стал создаваться ради самого рынка. Произошла трансформация средств в цели.

В теории управления известно, что самым эффективным способом управления большими системами является управление с предвидением, с прогнозированием будущих возможных проблем. Своевременное прогнозирование возникновения проблем позволяет не тратить огромные ресурсы и не прилагать многолетних усилий по устранению тех проблем, которые самими же высшими органами государственной власти, как правило, пока и порождаются.

В программных документах подавляющей части общественных движений и политических партий весьма неконструктивно раскрываются многие из выдвигаемых лозунгов и тезисов. Не предлагается и система эффективных механизмов реализации провозглашаемых установок (именно система, а не набор разнокалиберных положений). Отсутствуют, таким образом, обязательные атрибуты целостной, системно построенной концептуальной модели общества, регламентированной далее Конституцией, которое должно формироваться и развиваться и на основе реализации программ соответствующих общественных движений и политических партий.

Целостная, системно построенная, концептуальная модель общества (нормативно-целевая модель общества) должна включать две взаимосвязанных части:

– образ общества в виде основополагающей общественно-государственной идеи и ключевых принципов общественного прогресса, раскрывающих ценностные ориентиры общества и определяющих МАГИСТРАЛЬ общественного прогресса;

– систему принципов построения целереализующих общественных и государственных структур, институтов, нормативных актов и механизмов обеспечения развития в направлении эффективного движения к определенному образу общества, в направлении осуществления сформулированных концептуальных целей в рамках магистрали общественного прогресса.

В масштабах и общепланетарной цивилизации, и России, и каждого из ее регионов – высшими ценностными ориентирами общества должны являться социальные и экологические ценности, а не только экономический рост и даже не только эффективность, конкурентоспособность экономики.

Системно-конструктивное определение российского общества XXI века, таким образом, может быть представлено как «социально-экологически ориентированное конкурентно-демократическое общество». (Другими словами – социально-экологический справедливый капитализм или социально-экологический нравственно ориентируемый капитализм, хотя можно обходиться и без штампов. Вот это на самом деле и есть подлинный, полноценный социализм. Он и должен был быть таким в свое время: нравственным по целям и высокоэффективным по средствам, механизмам в условиях наличия экономических и политических свобод для самореализации способностей человека).

В приведенном определении, как видно, установлены как глобальные конечные ценностные ориентиры, так и содержание ключевых форм саморазвития в экономике и политике (нравственно-эффективная рыночная экономика и нравственно-эффективная политика).

Соответственно, прорывная общественно-национальная идея России в XXI веке может быть определена как обеспечение одного из высших на планете качества жизни человека и окружающей среды на основе воссоздания мощного государства и конкурентно-демократических отношений в экономике и политике.

Представленная формула общественно-государственной идеи должна быть неразрывно связана с системой ключевых нормативно-позитивных ценностей гражданина России, раскрываемой в виде двух направлений (секторов).

1. Социально-экономические ценности.

1.1 Наличие гарантий надежности будущего и уверенности в завтрашнем дне для творческого, активного и нравственного человека.

1.2 Наличие максимума возможностей, простора и свобод для самореализации и нравственного продвижения по ступеням общественно-деловой карьеры во всех сферах жизнедеятельности человека.

1.3 Наличие возможностей получения размера доходов, адекватных результатам труда и творчества во всех сферах жизнедеятельности.

1.4 Наличие максимума возможностей для гражданина по обеспечению своего качества жизни на уровне пятерки стран-мировых лидеров.

1.5 Наличие гарантий отсутствия угнетения и эксплуатации другими членами общества, собственниками предприятий и государством.

1.6 Наличие гарантий безопасности от преступности и внешней агрессии.

2. Экологические ценности.

2.1 Наличие гарантий высокого качества экологической среды в масштабах всей страны.

2.2 Наличие гарантий высокого качества экологической среды в масштабах населенных мест непосредственной жизнедеятельности.

2.3 Наличие гарантий высокого качества окружающей среды на рабочих местах.

2.4 Наличие гарантий обеспечения расширенного воспроизводства всех компонентов природной среды.

Сформулированная общественно-государственная идея России XXI века и представленный спектр нормативно-позитивных ценностей каждого человека позволяют представить систему ключевых принципов консолидированного развития общества в целом[1], определяющих стратегическую МАГИСТРАЛЬ общественного прогресса и задающих важнейшие направления деятельности государства.

1. По направлению (сектору) социальный прогресс.

1.1 Каждому из граждан – обеспечение надежности будущего и уверенности в завтрашнем дне при блокировании иждивенчества на основе тезиса «государство для честного человека, а не человек для государства (принцип личностного императива)».

1.2 Каждому из граждан – максимум простора, возможностей и свобод для самореализации при создании обществом и государством системы выдвижения творческих и достойных лидеров во всех сферах и отраслях (принцип свободного саморазвития).

1.3 Каждому из граждан – уровень доходов по результатам творчества, созидания и труда в соответствии с мотивационной шкалой общественной значимости видов деятельности при одновременном предотвращении эксплуатации с учетом непревышения десятикратного разрыва в среднемесячных доходах 10% высокодоходных и 10% низкодоходных слоев населения (принцип оптимального сочетания экономической эффективности и социальной справедливости).

1.4 Каждому из граждан – максимум возможностей для обеспечения своего качества жизни на уровне первой пятерки стран-лидеров (принцип обеспечения качества жизни по уровню лидирующих стран).

1.5 Каждому из граждан – обеспечение его безопасности от преступности и возможной внешней агрессии на основе необходимой оборонной достаточности (принцип надежности и безопасности жизнедеятельности).

2. По направлению (сектору) экологический прогресс.

2.1 Безусловное обеспечение приоритета экологических ценностей над производственно-экономическими интересами (принцип экологического императива).

2.2 Безусловное обеспечение гармоничного развития и устойчивого равновесия антропогенных и экологических систем (принцип эколого-антропогенного равновесия).

2.3 Безусловное обеспечение предотвращения и сокращения загрязнений окружающей среды и нарушений стандартов природопользования (принцип экологического не навреди).

2.4 Безусловное обеспечение расширенного воспроизводства возобновляемых природных ресурсов (принцип экологического расширенного воспроизводства).

2.5 Безусловное обеспечение жесткой и полной ответственности за нарушения экологических стандартов (принцип адекватной ответственности).

Обобщающим (интегральным) критерием общественного прогресса должен стать индекс гармоничного развития (ИГР) страны, региона, муниципалитета, интегрирующий оценки качества жизни (ИКЖ), экологической среды (ИКЭС) и эффективности экономики (ИЭЭ), а не только валовой внутренний продукт (ВВП).

$$\text{ИГР} = 0{,}3*\text{ИКЖ} + 0{,}3*\text{ИКЭС} + 0{,}4*\text{ИЭЭ}$$

[1] См.: Садков В.Г. Системные основы формирования общества XXI века и модель Основного закона России. – М.: Прогресс, 2008; Садков В.Г., Аронов Д.В., Мельников С.А., Федякова Н.И. Мифы о чрезмерной налоговой нагрузке на бизнес и ключевые направления модернизации налоговой системы России, устраняющие ее реальные недостатки // Финансы и кредит. – М., 2009. – № 13. – С. 19–27 и др.

Сформулированная система ключевых принципов-ценностей общественного прогресса России XXI века как важнейшая составляющая МОДЕЛИ общества, представленная далее в модернизированной КОНСТИТУЦИИ страны и в профильном законодательстве, должна создавать все необходимые условия для активизации жизнедеятельности каждого члена общества.

Таким образом, именно в рамках сформулированной общественно-государственной идеи и системы ключевых принципов общественного прогресса как раз и должны разрабатываться эффективные антикризисные программы.

Не ставя своей целью повторения уже изложенных в имеющихся программах положений, сформулируем в компактном виде ключевые меры схемы стратегического антикризисного маневра по созданию и поддержанию достойного качества жизни на основе активизации творческого, предпринимательского, производственного потенциала граждан и отечественных товаропроизводителей.

Корректировка хода реформ вообще и превентивное антикризисное управление требуют принятия следующих первоочередных мер.

1.Обоснование концепции и формируемой МОДЕЛИ общества.

2. На строго субвенциальной (целевой), блокирующей инфляцию, основе – доведение объема денежной массы, оцениваемой по агрегатам МО и М2 до уровня, соответствующего удельному весу этих агрегатов в валовом внутреннем продукте динамично развивающихся стран: размер денежной массы по агрегату М2 должен быть не ниже 50% валового внутреннего продукта к 2015 г. и 75% ВВП к 2020 году, поскольку денежная масса в России сейчас занижена по сравнению с оптимальной, как минимум, почти в два раза! Такое занижение денежной массы привело и к занижению объема ВВП, и размеров консолидированного бюджета, а значит, и к занижению оплаты труда и в бюджетной сфере, и в сфере производства. Эта проблема Правительством РФ и Центробанком пока вообще не осознана и не обсуждается! Количество денег в экономике должно быть необходимым и достаточным, а еще более строго – оптимальным! А обвинения в призывах к накачке экономики денежными знаками демонстрируют некомпетентность обвинителей.

Последнее означает, что дополнительная эмиссия необходима, а антиинфляционное распределение (целевая канализация) денежных средств должно производиться по следующим основным каналам:

1) населению, занятому в бюджетной сфере, в размерах, обеспечивающих повышение доходов (в среднем по стране), соответствующих уровню рациональных потребительских бюджетов и устранения накопленных долгов по зарплате (подчеркнем, что именно до уровня соответствующего рациональному, а не минимальному потребительскому бюджету, что, безусловно, требует разработки и принятия закона Российской Федерации «О рациональном потребительском бюджете и его использовании при обосновании ориентиров средней заработанной платы», проект которого нами подготовлен. Такое решение обеспечит восстановление уровня жизни до достойного состояния и одновременно приведет к повышению платежеспособного спроса; при этом для блокирования инфляции должны быть внедрены социальные карты для покупок товаров только отечественного производства, а наличное денежное обращение, оцениваемое по агрегату М0, наоборот должно быть сокращено (на середину 2015 года минимальный потребительский бюджет (МПБ) по нашим оценкам составлял около 10 тыс. руб. в месяц, а рациональный потребительский бюджет (РПБ) – около 50 тыс. руб.). Поэтому минимальный размер оплаты труда (МРОТ) с учетом содержания детей, не имеющих доходов, должен составлять при среднероссийском коэффициенте 0,5 (один ребенок на двух взрослых) – 15 тыс. руб.

2) предприятиям, выполняющим государственные заказы (в том числе – оборонные заказы) под их плановые объемы и для устранения долгов по зарплате, в связи с тем, что долги государства, как известно, порождают «лавину неплатежей» в смежных отраслях.

Потоки денежных средств при этом должны быть организованы так, чтобы блокировать их «прокручивание» в коммерческих банках и на валютном рынке.

Параллельно с субвенциями денежных средств в обязательном порядке следует ввести ступенчатое квотирование некритического импорта (не только по стране в целом, но и для каждого региона) для переориентации спроса населения на отечественную продукцию конечно-продуктовых производств (пищевая промышленность, легкая промышленность, мебельная промышленность…). Оживление этих секторов отечественной промышленности и сферы услуг далее по цепочке межотраслевых связей обеспечит мультипликативный спрос на продукцию машиностроения, приборостроения и далее – отраслей первичной переработки и сырьевых отраслей.

Безусловно, введение ступенчатых квот на импорт должно сопровождаться созданием системы мониторинга изменения запасов товарной массы в разрезе регионов страны, вплоть до каждого административного района и города с тем, чтобы органы государственного и муниципального управления регулярно имели сведения о наличии и динамике потребления товаров. При этом в случае проявления тенденций возникновения дефицита товаров, импортные квоты должны (при невозможности быстрого наращивания отечественного производства) оперативно увеличиваться на определенный период.

Доведение объемов денежной массы до необходимого уровня параллельно должно сопровождаться соответствующим контролем за целевым (субвенциальным) доведением денежных средств до конкретных предприятий, реализующих эффективные инновационно-инвестиционные бизнес-проекты.

3. Обеспечение пополнения оборотных и инвестиционных средств предприятий кредитами на основе установления необходимого и достаточного уровня ключевой ставки на заранее оговоренный период времени в размере не выше 9%, а в перспективе – 6%.

4. Обеспечение надежного государственного регулирования цен и тарифов на продукцию и услуги трех основных отраслей, производящих энергоносители (газ, уголь, нефть) и отраслей естественных монополий при создании

сети независимых аудиторских центров экспертизы издержек предприятий этих отраслей, и установлении оптимальной нормы рентабельности.

5. Обеспечение кардинального (а не чисто косметического) изменения налоговой системы, ориентированной на оптимальное сочетание фискальной, регулирующей и стимулирующей функций, проект которой нами разработан (что, безусловно, требует отдельного обсуждения).[1]

6. Обеспечение оптимального сочетания общегосударственной централизации функций, власти и ресурсов с необходимой и достаточной самостоятельностью регионов и муниципальных образований.[2]

7. Модернизация схемы формирования законодательных и представительных органов власти на всех уровнях на основе социально-структурного представительства от всех основных слоев (социумов) общества.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что предотвращение развития социально-экономического кризиса, требует незамедлительного и синхронного принятия такого рода системы взаимосвязанных превентивных мер по его дальнейшему углублению при согласованных (а не как Лебедь, Рак и Щука по И.А. Крылову) действиях Министерства экономического развития РФ, Министерства финансов РФ, Центрального банка РФ!

---

[1] См.: Садков В.Г. Системные основы формирования общества XXI века и модель Основного закона России. – М.: Прогресс, 2008; Садков В.Г., Аронов Д.В., Мельников С.А., Федякова Н.И. Мифы о чрезмерной налоговой нагрузке на бизнес и ключевые направления модернизации налоговой системы России, устраняющие ее реальные недостатки // Финансы и кредит. – М., 2009. – № 13. – С. 19–27 и др.

[2] См.: Садков В.Г., Гринкевич Л.С.. Централизация и самостоятельность регионов в модели оптимального федерализма // Россия на рубеже веков. – М. Прогресс. 2000; Садков В.Г., Греков И.Е. О взаимосвязях оплаты труда, монетизации экономики и государственного бюджета: необходимость реформирования // Общество и экономика. 2010. – № 10–11. – С. 136–151 и др.

Селиванов А.И.
д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета
seliv21@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ

Ключевые слова: *метафизические основания, культура, ценность, целеполагание, проектирование, будущее, стратегическое управление.*

Будущее чаще понимается как любое состояние, следующее во времени за настоящим. Этот формально-регистрационный подход к пониманию будущего дает слишком слабые и весьма противоречивые основания для целеполагания и проектирования будущего. Существенно иные возможности открываются при подходе, ориентированном на конкретные развивающиеся объекты, разновидностью которых являются социально-культурные и субкультурные объекты. При таком подходе создается продуктивная методологическая платформа для анализа закономерностей развития конкретных развивающихся объектов в их взаимодействии и пересечении, а также выявления ценностных оснований различных субъектов развития при осуществлении целеполагания и проектирования будущего, в том числе применительно к России[1]. Здесь будущее предстает как содержательная реальность, формируемая настоящим, причем, реальность (состояние), соотносящееся с настоящим и прошлым собственным качеством, то есть сравнимое и сопоставимое с ним. Будущее конкретных объектов (и конкретных субъектов) обретает модальность: оно может быть лучше или хуже настоящего, более совершенным и менее совершенным, более прогрессивным и менее прогрессивным, более эффективным или менее эффективным, чем настоящее и прошлое и чем иные варианты будущего. Будущее перестает быть безразличным, абстрактным следованием состояний во времени, для человека оно обретает ценностно-целевой смысл. Будущее становится ценностью, сопоставляемой с настоящим и прошлым, с разными вариантами будущего.

Указанный подход, будучи применен к национальной культуре, требует четкого выделения субъектов формирования будущего, выявления их ценностных ориентаций для понимания их представления о предпочтительном будущем, соответственно, о целях будущего, мотивации и содержании их проектов будущего, далее – о взаимодействии и пересечении различных целей, проектов и потенциале (в том числе разных субъектов) их воплощения в будущем. Причем, необходимо понимать, что человек как социально-культурный объект выступает одновременно как объект развития и как субъект развития, развитие человека сочетает в себе объективные закономерности и субъективные интересы, потребности, цели, мотивации.

В принципе, сам тот факт, что ценностные ориентации человека (личности, социальной группы) влияют на формулирование целей и способов их достижения – почти банальная истина. Однако при этом данная проблема крайне редко обсуждается в науке, применяемой к практике управления социальными процессами, системами, при проектировании конкретных объектов, в том числе социально-культурных. Как будто социальность стала ценностно-нейтральной («бесценностной»), каковой она не является и не может являться в принципе. На деле же по умолчанию внедряются ценности, цели, интересы конкретных (часто скрытых) социальных субъектов, доминирующих в тех или иных субъектах управления.

Теперь о ценностях. Высшей фундаментальной основой формирования ценностей объектов и субъектов культуры являются базовые ценности национальной культуры, в России русской культуры[2] и национальных культур народов России, в которых на сегодня наблюдается подавляющее сходство наряду с некоторыми различиями[3]. Эти ценности являются неустранимыми элементами культурных матриц, которые слабо изменяются со временем, хотя и они подвержены процессам изменчивости, в том числе эволюции, но на очень больших интервалах времени, сопоставимых с временем существования культур.

---

[1] См.: Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М., 2016. – 884 с.; Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). – М.: Когито-Центр, 2015. – 107 с.

[2] Базовые ценности русской культуры в истории отечественной и зарубежной мысли осмыслялись в разные эпохи и с различных позиций. В современной философской литературе с патриотических позиций они достаточно подробно обобщены в работах: Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – М., 2004. – 320 с.; Шишкин В.А. Национальный идеал как общий закон развития культуры. – Барнаул, 2014. – 224 с.

[3] См. особенно: Синелина Ю.Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. – М., 2009. – № 4. – С. 89–95.

Вторым по уровню фундаментальным основанием ценностей является социально-групповая принадлежность субъекта (особенно классовая, имущественная, профессиональная и т.д.). Зависимость ценностей от социальной принадлежности, ценности субкультур во всякой национальной культуре в любой отрезок исторического времени, влияние ценностей той или иной субкультуры на выбор целей и проектов будущего – важнейшая, ключевая проблема и для всякого конкретного случая это предмет специального философского и научного исследования.

Третий уровень оснований ценностей – личностный с присущим ему множеством вариаций. Однако при всей его значимости для человека необходимо четко понимать, что статистически значимые (для общества и/или для социальной группы) системы ценностных ориентаций формируются и организуются как социальная значимость на первом и втором уровнях. Даже выдающиеся индивидуальные проявления в итоге оказываются таковыми лишь как проявления традиции.

С этих позиций (с научной точки зрения – лишь с этих позиций) есть смысл исследовать проблемы целеполагания и социального проектирования.

В мировой и Российской истории есть множество самых различных примеров взаимодействия ценностей социальных групп и целей и последующих результатов, в том числе в плане соответствия ценностей и целей политических и деловых элит – ценностям и целям собственных народов, собственных культурных традиций. Относится это в том числе и к крупным модернизационным проектам страны.

Так, в России можно считать в значительной части успешными реформы Петра I. При этом пришлось многие модернизационные проекты и кадры заимствовать из-за рубежа, жестко пресекать отставшую от потребностей и задач модернизации боярскую элиту, вовлекать энергичную часть народа для дела военного и государственного строительства, формировать новую (дворянскую и деловую) элиту, в том числе из представителей простого народа.

В России 1917 года проект буржуазной реформы, в ходе которой было свергнуто деградировавшее и оторвавшееся от народа царское правительство[1] и была предпринята попытка установления иной формы правления[2], привела к резкому социальному расслоению и гражданской войне. Единственной силой, которая смогла встать во главе ценностей и целей простого народа – рабочих, солдат, крестьянской бедноты – стали большевики во главе с В.И.Лениным[3]. При этом ценности и цели буржуазного вектора модернизации, предложенные буржуазными элитами, значительной частью военных и представителей городской интеллигенции, вошли в противоречие с чаяниями народа (его ценностями и целями), были отвергнуты и побеждены в итоге гражданской войны.

В России в настоящее время складывается странная и запутанная ситуация в среде правящей элиты, связанная с соотношением сил личности и корпорации. Нет сомнений в том, что элиты постсоветского периода несут в себе доминанты личностно-потребительских ценностей. На этой ценностной платформе развились корпоративные, криминальные, коррупционные, коллаборационистские и компрадорские ценности (5-К), которые не несут в себе национально-патриотических ценностей. Объективный запрос (потребность) на патриотические ценности и основанные на них цели и проекты требует смены элит. Эта смена может быть проведена внутренними усилиями элит либо их отторжением от народа – революция.

В настоящее время ценностями, востребуемыми народом и культурой России являются:

– народность, демократичность, ориентация на потребности народа как 95% населения страны;

– патриотизм как приверженность традиции, настоящему и будущему России, принадлежность российской культуре и укорененность на ее метафизической платформе;

– просвещение, научное познание, конструирование реальности настоящего и будущего на научной основе;

– ценность будущего как нового проявления традиции;

– поиск инструментов организации эстетики быта в России.

Все более широкие слои общества, в том числе его культурные элиты, отворачиваются от либерального проекта модернизации. Так, давно и активно выступает Н.С. Михалков, а теперь к антилиберальному хору присоединился А.С. Кончаловский, до недавнего времени занимавший пролиберальные позиции и являвшийся одним из «культурных столпов» российского либерализма. Конечно, движение культурно-художественного слоя в русле патриотического крыла сложно и противоречиво – так было всегда в национальной (в том числе русской) истории. Эмоции «переживания образа» непосредственной реальности порой не дают возможности глядеть вглубь и видеть вдаль. Вот и в на-

---

[1] Причем, в царском роду к тому времени практически полностью исчезла русская кровь рода Романовых, которая была почти на 100% вытеснена немецко-голландской кровью. Генетически-кровная правомочность претензий этого рода на «русский престол» исчерпали себя уже в середине XIX века, если даже отвлечься от отрицания монархии как социально-политического института всей страной, всеми сословиями в начале XX века.

[2] Методы и способы свержения царской власти сторонниками буржуазного развития, в том числе политические движения (особенно кадеты), саботаж, масонские, англосаксонские, французские и иные влияния здесь оставим в стороне. Спекуляцию на них с целью доказать антироссийский характер антимонархического движения считаем ненаучной, поскольку движение по новому модернизационному пути, органически требовавшее отмены монархии, исходило из почти всеобщего запроса всех слоев населения, в том числе из народных глубин, пронизало все слои общества. Даже в последовавшей гражданской войне в белом движении, как известно, монархисты были редкостью, находились как-бы в подполье (что часто искажается в нынешних работах, особенно публицистического и художественного профиля).

[3] Особенно важна сегодня историческая истина тех событий, отраженная во многих научных исследованиях, и, что особенно важно, в работах очевидцев. Особенно ярко начало и основания Октябрьской революции и последовавшей гражданской войны отражены в работе Дж. Рида (Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1921. В 1919 году издана в США). Считаем полезным освежить ее в памяти (или впервые прочесть ее) либеральным и консервативным критикам большевизма и ревнителям возвращения России в «традиционное прошлое», которое на поверку оказывается совершенно антитрадиционным и отражает взгляды лишь исчезающе малой части некоторых слоев элит.

стоящее время А.С. Кончаловский и многие другие в идее патриотизма увидели лишь необходимость возвращения к патриархальности, к деревне как идеалу[1]. Красота, эстетика этого бытия, воспета во множестве художественных произведений XIX–XX века. В середине XX века восприятие чуда этого бытия сложилось в некоторое направление в искусстве, названное «деревенщики». Этот смысл на самом деле тепло греет душу русского человека и потому он любит читать и перечитывать С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, М.А. Шолохова, В.М. Шукшина… Однако попытка выдать архаику за социальный идеал будущего страны – это страшное и гибельное заблуждение. На этом пути Россия будет уничтожена ее врагами, и уничтожит себя сама. В том числе это относится к попытке религиозно-клерикальной реформации общественного бытия России. Заблуждаются те, кто полагает за истину управленческие решения, базирующиеся на клерикальной концепции и ее идеологии (как пример приведем выражение «официально канонизированные» в предположении этого как высшей истины у Н. Поклонской)[2]. Здесь принципиально важно отметить то, что несогласие с Н. Поклонской не означает согласия с обозначенными здесь ее оппонентами: эти два «дерущихся» между собой решения есть лишь разные версии клерикальности. Они – не единственные в России. Более важным и решающим для будущего России является противопоставление клерикализму рациональной философии и науки, идеи Просвещения. Попытки архаизации и клерикализации национальной традиции, наблюдающиеся в настоящее время[3] – бесперспективны. Русской альтернативой является только модернизационный проект, тоже непростой и политически противоречивый, но – реально перспективный[4]. В этой связи Просвещение как великий компонент отечественной культурной традиции – это базовая платформа движения в будущее.

Основанием реализации такого подхода, формулирования и достижения этих целей является только философская доктрина материализма, которая является одной из традиционных концепций русской метафизики и культуры. Причем, материализм в современную эпоху – явный победитель. Мы – современники триумфа материализма. Все другие философские платформы (объективный идеализм, субъективный идеализм, религиозная философия, позитивизм) потерпели крах.

---

[1] «Нельзя во главу угла ставить права человека». Интервью А.Кончаловского о «Рае» и необходимости цензуры. 26.12.2016. – https://meduza.io/feature/2016/12/26/nelzya-vo-glavu-ugla-stavit-prava-cheloveka; Кончаловский А. Чем дольше будет Путин, тем лучше. 24.01.2017. – http://sobesednik.ru/dmitriy-bykov/20171017-andrey-konchalovskiy-chem-dolshe-budet-putin-tem-luchshe

[2] https://news.mail.ru/society/28603571/?frommail=1

[3] Попытку комплексного анализа феномена архаизации см. в работе: Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Мир печати, 2016. – 405 с.

[4] Проханов А. Сомнения и надежды // Изборский клуб. 2016. – № 1. – С. 3–5.

Сургуладзе В.Ш.
к.филос.н., ведущий методолог Компании «Р.О.С.Т.У.» по стратегическому планированию
bafing@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *прогноз социально-экономического развития, государственное стратегическое планирование в Российской Федерации, законодательство в области стратегического планирования Российской Федерации, государственное управление, прогнозирование.*

Keywords: *prognosis of socio-economic development, state strategic planning in the Russian Federation, legislation in the field of strategic planning of the Russian Federation, governance,forecasting.*

В соответствии с 172 Федеральным Законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» одним из ключевых документов стратегического планирования Российской Федерации в рамках прогнозирования должен быть документ под названием «Стратегический прогноз Российской Федерации».

Согласно 23 статье главы 6 172-ФЗ Стратегический прогноз Российской Федерации разрабатывается по поручению Президента Российской Федерации на двенадцать и более лет Правительством Российской Федерации с учетом данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Российской академией наук. Корректировка Стратегического прогноза Российской Федерации осуществляется каждые шесть лет. Документ должен содержать: 1) оценку рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности Российской Федерации; 2) поэтапные прогнозные оценки вероятного состояния социально-экономического потенциала и национальной безопасности Российской Федерации; 3) оптимальный сценарий преодоления рисков и угроз с учетом решения задач национальной безопасности Российской Федерации; 4) оценку конкурентных позиций Российской Федерации в мировом сообществе; 5) иные положения по решению Президента или Правительства Российской Федерации. Порядок разработки, корректировки и утверждения (одобрения) стратегического прогноза Российской Федерации определяется Президентом Российской Федерации при участии Совета Безопасности Российской Федерации.

Поскольку в настоящее время наиболее близким по своему характеру к предусмотренному 172 Федеральным Законом Стратегическому прогнозу Российской Федерации действующим документом стратегического планирования является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, актуальной задачей является его переосмысление в целях подготовки рекомендаций к дальнейшему совершенствованию и гармонизации системы стратегического планирования Российской Федерации. Слабые места ныне действующего Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года должны быть всесторонне проанализированы в целях минимизации подобных недочётов при разработке как Стратегического прогноза Российской Федерации, так и других стратегических документов прогнозирующего характера.

Согласно ст. 24 главы 6 172 Федерального Закона Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период должен содержать: 1) оценку достигнутого уровня социально-экономического развития Российской Федерации; 2) определение вариантов внутренних условий и характеристик социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, включая основные показатели демографического и научно-технического развития, состояния окружающей среды и природных ресурсов; 3) определение вариантов внешних условий социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, основные показатели развития мировой экономики, включая прогноз мировых цен на отдельные сырьевые ресурсы; 4) оценку макроэкономического эффекта от реализации государственных программ Российской Федерации, отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации и планируемых институциональных преобразований; 5) показатели вариантов прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период и других вариантов, учитывающих изменение внешних и внутренних условий развития; 6) направления и основные показатели социально-экономического развития, балансы по основным видам экономической деятельности и институциональным секторам экономики, показатели развития транспортной и энергетической инфраструктур на долгосрочный период с учетом проведения мероприятий, содержащихся в государственных программах Российской Федерации; 7) основные показатели регионального развития на долгосрочный период; 8) иные положения, определенные Правительством Российской Федерации.

Из приведённых выше сопоставлений двух основных прогнозных документов российской системы государственного стратегического планирования, предусмотренных российским законодательством, видно, что оба документа достаточно сильно взаимосвязаны концептуально, однако Стратегический прогноз Российской Федерации носит бо-

лее комплексный характер, так как должен учитывать национальные интересы государства в наиболее широком понимании, обобщать не только вопросы социально-экономического развития общества, но и его национальной безопасности.

В настоящее время основным документом стратегического планирования, действующим в рамках прогнозирования, является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (расширенная версия долгосрочного прогноза, утвержденного Правительством Российской Федерации, с дополнительными рабочими материалами). Согласно этому документу «Долгосрочный прогноз формирует единую платформу для разработки долгосрочных стратегий, целевых программ, а также прогнозных и плановых документов среднесрочного характера»[1].

При анализе положений Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года необходимо учитывать тот факт, что он разрабатывался до принятия в 2014 году 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в силу чего недостаточно хорошо вписан в формируемую этим законом обновлённую систему документов стратегического планирования в том виде, в котором она отражена в указанном законе, что тем не менее не отменяет его положений.

При разработке Прогноза долгосрочного социально-экономического развития на период до 2030 года исходными документами служили основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года[2], Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года[3], Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596–606[4], Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018[5] года и другие документы долгосрочного характера.

Так как Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года готовился до принятия 172 Федерального Закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» его авторы руководствовались положениями действовавшего в тот момент 115 Федерального Закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 года[6] (утратившим силу после принятия 172-ФЗ) и 536 Указом Президента «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» от 12 мая 2009 года[7] и разрабатывался на основании прогнозных материалов федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации. В результате кропотливой межведомственной работы был создан документ объёмом в 354 страницы чрезвычайно насыщенного фактическими данными текста.

В Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития предусмотрено 3 сценария экономического развития: консервативный, инновационный и форсированный (целевой)[8].

---

[1] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – С. 4.

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской Федерации на период до 2020 года от 17 ноября 2008 № 1662-р. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009

[3] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. (В ред. Указа Президента РФ от 1 июля 2014 г. № 483)/ – http://base.garant.ru/191961/

[4] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35262; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35264; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». – http://www.kremlin.ru/events/president/news/15239; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35266; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса». – http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11914260@egNPA; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35268; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270

[5] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. (новая редакция). Утв. Правительством Российской Федерации 14 мая 2015 г. – http://government.ru/news/18119/

[6] 115-ФЗ от 20 июля 1995 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Утратил силу с принятием 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/8100

[7] Назаров В.П. Региональные аспекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: задачи стратегического планирования // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России. Региональная безопасность: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции. Москва, 23 мая 2014 г. / Под ред. д. полит. н. С.В. Смульского, д. полит. н. А.В. Шевченко. – М.: Проспект, 2014. – С. 9–17; Афиногенов Д.А., Грибин Н.П., Назаров В.П., Плетнёв В.Я., Смульский С.В. Основы стратегического планирования в Российской Федерации: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Назарова. – М.: Проспект, 2015. – 368 с.

[8] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – С. 54–60.

Согласно Прогнозу целевой (форсированный), то есть наиболее оптимистический и желанный сценарий предполагал полномасштабную реализацию всех задач, поставленных указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года. Консервативный сценарий предусматривал умеренный успех реализации долгосрочного социально-экономического развития, а инновационный представлял собой промежуточный вариант реализации рассмотренных сценариев.

При этом отличительной, обращающей на себя внимание чертой документа является его ориентация на сырьевые факторы роста российской экономики. Неудивительно, что при таком исключительно ориентированном на источники дохода от реализации сырья на мировом рынке подходе к социально-экономическому развитию государства в рамках рассматриваемого Прогнозом долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года инновационного сценария модернизации рассматривается вариант «нефтяного подарка», а при умеренно успешном сценарии экономического развития – «нефтяной диеты». При этом, как это часто случается в экспертных заключениях государственных структур, отмечается возможный «позитивный очистительный эффект кризиса» и открываемое им «окно возможностей»[1] для российской экономики.

Авторы Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года исходили из предположения, что цены на нефть в период между 2013–2030 годами будут находиться на уровне $ 90–110 за баррель, а цены на газ – $ 310 за тыс. куб. м. При этом они считали, что риск снижения цен на нефть больше[2]. Пессимистический сценарий низких цен на нефть предусматривал $ 75 за баррель, а рост экономики должен был находиться на уровне 2,5% в год[3] и расти в пределах этой отметки в течение 20 лет. Предполагалось также, что рост цен на нефть будет составлять 1% в год, обеспечивая дополнительный прирост ВВП за счёт «фактора нефти» ежегодно в среднем на 0,2–0,4 процентных пункта.

Между тем, с января по май 2016 года цены на нефть марки Brent колебались в пределах $ 34–45 за баррель[4]. Цена российского газа для Европы и остальных стран, кроме СНГ за девять месяцев 2015 г. упала более чем на $100 составив $ 252,1 за 1000 куб. м, тогда как за девять месяцев 2014 г. она составляла $ 352,7 за 1000 куб. м[5]. Как видно эти данные не вписываются в прогнозные величины, предложенные авторами Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Ещё большее расхождение между прогнозом и реальной действительностью представляет собой динамика изменений российского ВВП, падение которого в 2015 году по отношению к 2014 году составило по данным Росстата 3,7%[6]. При этом уместно отметить, что по итогам года публикации Прогноза (2013) рост ВВП составил 1,3%, а в следующем (2014) – 0,7%. Т.е. темпы его прироста последовательно и неуклонно снижались[7], что также не соответствует сценариям, предложенными авторами Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Приведённые цифры красноречиво говорят о том, что даже консервативный, умеренный сценарий Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года на текущий момент оказался несостоятелен. Более того, важно отметить, что этот сценарий предполагал повышение качественного уровня энерго-сырьевых отраслей и укрепление сырьевой специализации Российской Федерации в мире, в том числе освоение Арктического шельфа и месторождений Восточной Сибири, которые при текущих ценах на нефть неконкурентоспособны, так как себестоимость добычи на них слишком высока, а значит, их разработка невыгодна.

Основная проблема прогнозирования долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в этой связи видится во вполне понятной и совершенно очевидной ориентации российских властей на сырьевую модель экономики. Именно сырье и экспортный потенциал страны были положены во главу угла авторами Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года при рассмотрении сценариев развития России. Между тем, отсутствие предполагавшегося авторами документа сырьевых доходов и колебания мировой конъюнктуры, на наш взгляд, не должны рассматриваться как базовый и основной ресурс и источник обретения государством и обществом стабильности и перспектив долгосрочного развития.

Успешный опыт социально-экономических реформ и модернизации в других странах свидетельствует о том, что при долгосрочном прогнозировании желательно опираться не на оптимистические сценарии развития, а на наиболее приближенные к действительности, более того, нужно сознательно стараться анализировать и наихудшие варианты. Так, в случае с рассматриваемым Прогнозом долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года совершенно неясно, почему даже при наименее благоприятном прогнозе социально-экономического развития рассматривались вполне приемлемые и комфортные для властей условия цен на энергоносители и уровень роста ВВП.

Необъективные и завышенные ожидания, пассивный подход к осуществлению реформ, связанные с надеждой на удачную внешнеэкономическую конъюнктуру делают процесс государственного управления неэффективным, так

---

[1] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – 85, 88.

[2] Там же, с. 52.

[3] Там же, с. 62.

[4] Bloomberg Markets. Crude Oil & Natural Gas. – http://www.bloomberg.com/energy

[5] Газ «Газпрома» для Европы подешевел на $ 100 за тысячу кубометров // Ведомости. 15.01.2016. – http://www.vedomosti.ru/business/news/2016/01/15/624165-gaz-gazproma-evropi

[6] Маркелов Роман. Росстат подтвердил снижение ВВП на 3,7 процента в 2015 году // Российская газета. 2.02.2016. – http://rg.ru/2016/02/02/rosstat-podtverdil-snizhenie-vvp-na-37-procenta-v-2015-godu.html

[7] Russia GDP – real growth rate. – http://www.indexmundi.com/russia/gdp_real_growth_rate.html

как оно становится зависимым от внешних, неподконтрольных властям факторов. В этих условиях, несомненно, необходимы расчёты сценариев колебания мировых цен, но эти цены не должны быть основой всего прогнозирования. Уместно вспомнить, что безответственные завышенные ожидания и ориентация на наиболее благоприятный сценарий развития событий привели к краху плановую экономику СССР, к таким же плачевным результатам привела и проводившаяся Мао Цзэдуном в Китае политика Большого скачка[1]. И напротив последующие поколения руководителей КНР, осознав пагубность необоснованных радужных ожиданий, планомерно и последовательно проводили политику прагматичной модернизации, частью которой стала концепция общества «сяокан» (среднего достатка)[2].

Другой пример планирования социально-экономического развития, которое основывалось исключительно на необходимости достижения искомых результатов, вне зависимости от каких-либо ресурсов (просто в силу того, что такие ресурсы отсутствовали) были реформы Ли Куан Ю в Сингапуре[3].

Исходя из этого, по нашему мнению, в будущем целесообразно при разработке предусмотренного 172-м Федеральным законом Стратегического прогноза Российской Федерации, а также других документов в рамках прогнозирования прежде всего ориентироваться на развитие внутреннего потенциала российской экономики, развитие производства, импортозамещение, использование значительных ресурсов внутреннего спроса, а не на ключевую роль в российской экономике сырьевого сектора.

В то же время необходимо отметить, что государственные структуры активно работают на направлении более адекватной оценки потенциала российской экономики. В частности об этом свидетельствует документ Министерства экономического развития Российской Федерации, датированный апрелем 2016 года под названием «Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов», в котором даются значительно более реалистичные оценки развития российской экономики. В частности, в документе рассматриваются два основных сценария: базовый, с ценой нефти $ 40 за баррель и консервативный – $ 25 за баррель. В качестве целевого сценария взят базовый вариант ($ 40 за баррель)[4], исходя из которого предполагается рассчитывать бюджет на 2017–2019 годы.

Сложно согласиться с авторами ныне действующего Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, что экономический кризис сам по себе при сохранении целевых установок и мышления, основанных на исключительно сырьевом экспортоориентированном понимании происходящих в стране экономических процессов, может открыть для общества какое-либо «окно возможностей». Есть основания полагать, что скорее новые возможности открываются благодаря введённым против Российской Федерации санкциям и вынужденной ориентации российских властей на развитие импортозамещающих производств, что в свою очередь может подстегнуть и научно-техническое развитие страны, которому посвящён не один документ государственного стратегического планирования[5], в том числе, в значительной мере и рассматриваемый Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. В частности важным шагом на пути восстановления научно-технологической независимости стал состоявшийся в апреле 2016 года первый запуск с космодрома Восточный.

Задачи развития российской экономики с опорой на внутренние ресурсы диктуют необходимость внесения некоторых дополнений в общий подход к научно-техническому развитию, прослеживающийся в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, связанный с амбициозными задачами выхода на мировой рынок инновационной продукции. В частности более прагматичным был бы подход, при котором общий фокус развития производительных сил рассматривался не исключительно с точки зрения их инновационности, но и с позиций их практического применения внутри страны. Кроме акцента на инновации было бы край-

---

[1] Панцов А. Мао Цзэдун. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 880 с.

[2] Панцов А. Дэн Сяопин. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 592 с.; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай–Россия–2050: Стратегия соразвития. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.

[3] Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 гг.: из третьего мира – в первый. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 657 с.; Сургуладзе В.Ш. Идеология трудолюбивой нации: Ли Куан Ю и уроки сингапурского «экономического чуда» // Международная жизнь. – М., 2015. – № 6. – С. 88–102.

[4] Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. – М.: Министерство экономического развития Российской Федерации, апрель 2016 г. – 56 с. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/d8297656-48da-4d60-aec3-1d3d27ee908e/%D0%A1%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F2017_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=d8297656-48da-4d60-aec3-1d3d27ee908e. – С. 3–5. См. также: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов. – 306 с. – http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e/1.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e; О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации до 2018 года и параметрах проекта федерального бюджета на 2016 год // Аналитический вестник. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2015. – № 31 (584). – 146 с.; О сценарных условиях, основных параметрах прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельных уровнях цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Заседание Правительства Российской Федерации 21 апреля 2016 г. Материалы и стенограмма. – http://government.ru/meetings/22750/

[5] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р. – http://government.ru/docs/9282/; Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. Председателем Правительства Российской Федерации Д. Медведевым. – http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf

не целесообразно развивать традиционные отрасли лёгкой и тяжёлой промышленности, жилищного строительства, транспортной отрасли.

Являясь девятой страной мира по численности населения,[1] Россия может увереннее опираться на внутренний спрос. Снижающиеся мировые цены на энергоносители и падение стоимости национальной валюты дают стране шанс на структурные преобразования, реальное окно возможностей слезть с «нефтяной иглы» и диверсифицировать экономику.

Подводя итог сказанному, важно подчеркнуть, что в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года совершенно верно отмечено, что «качество государственного стратегического планирования (управления) во многом предопределяет возможность перехода к новой модели экономического роста, в основе которой факторами роста являются стимулирующая деловую активность институциональная среда и человеческий капитал»[2].

Хочется надеяться, что в условиях быстрых изменений и заметного прогресса в области развития системы стратегического планирования в Российской Федерации, наблюдающегося в настоящее время, Стратегический прогноз Российской Федерации станет выверенным и практически полезным документом стратегического планирования, в котором в соответствии с 23 статьёй 172-ФЗ, достойное место займут выявление и оценка рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности Российской Федерации, а также будет преодолена опасная тенденция ориентации стратегического планирования на внешние ресурсы экономической модернизации с опорой на сырьевые доходы, столь заметная в ныне действующем Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Новый документ должен быть более реалистичным, сбалансированным и гармонично увязанным со всем комплексом документов государственного стратегического планирования.

[1] Countries in the world by population (2016). – http://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/

[2] Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – С. 274.

Тимофеев А.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
rea105@mail.ru;
Лебединская О.Г.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Lebedinskaya19@gmail.com

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РАЗРЕЗЕ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЧЕТА ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *система национальных счетов, счет производства, внешнеторговая квота, структура расходов секторов экономики, ВВП, валовое накопление основного капитала.*

Keywords: *System of National Accounts, the production, foreign trade quota, the cost structure of economic sectors, GDP, gross fixed capital formation.*

Целью данного исследования является выявление характерных черт и закономерностей развития мировых тенденций формирования ВВП. В разрезе Счета производства Системы национальных счетов в работе проанализированы такие показатели, как разрыв между экспортом и импортом, степень открытости экономики, экспортное усилие стран, зависимость стран от импорта, налоговое бремя, доля инвестиций и капитальных товаров в ВВП.

К числу важнейших источников, используемых при составлении национальных счетов, относится информация о производстве, получаемая из экономических обследований заведений, включая производственную информацию по крупным предприятиям. Исследование показало, что приемлемой универсальной количественной модели, которая адекватно отражала бы влияние возможных эффектов внешней торговли на параметры структуры счета производства, не существует. Чаще всего применяется система экономических показателей, производные которых отражают те или иные аспекты влияния внешней торговли на ключевые экономические показатели состояния и динамики хозяйственной системы страны: ВВП, объём промышленного производства, традиционный уровень ВВП на душу населения объём и товарная структура экспорта и импорта, рентабельность производства и экспорта продукции и т.д.

В работе отражены и проанализированы выборочные данные Счета производства Системы национальных счетов по 86 странам. Анализируемые показатели представлены в текущих ценах, в сопоставимых ценах 2013 г. и 2008 г. Предметная область исследования в данной статье ограничена Счетом производства, так как стадия производства в экономическом обороте является основой и источником потребления и накопления различных институционных единиц. Именно поэтому расчет показателей, который характеризует результаты производственной деятельности институционных единиц, является особенно важным.

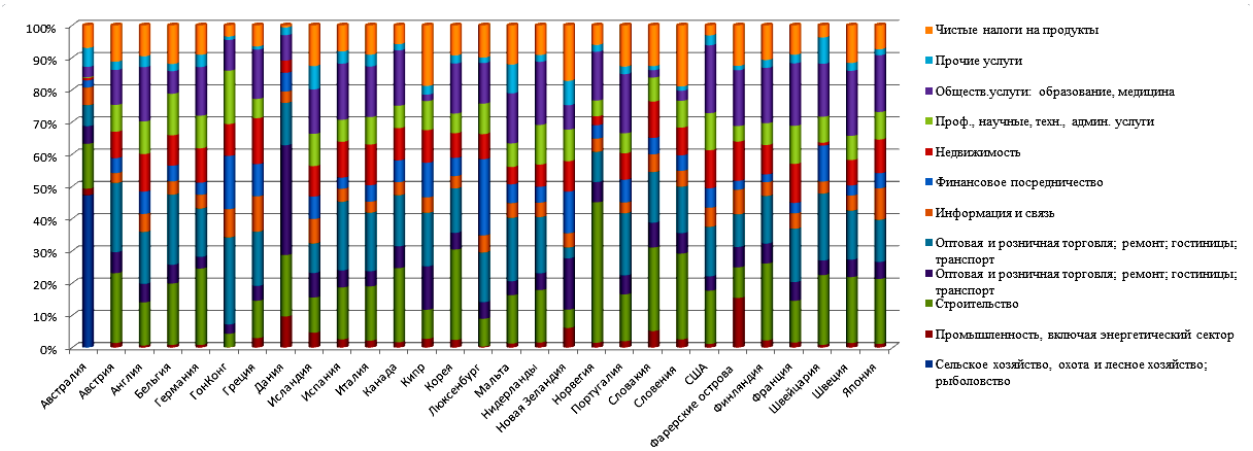


Рисунок 1.
Структура ВВП производственным методом в 2015 г. (в ценах 2008 г.) развитых стран

Проведенный анализ показал, что структура ВВП развитых стран за исследуемый период (2008–2015 гг.) не претерпела существенных изменений и определяется в основном их специализацией на международном рынке. Однако, следует отметить все возрастающую роль услуг в структуре ВВП многих стран. Так, наибольшую долю в структуре ВВП научные и технические услуги занимают в таких странах, как Гонконг (16,29%), Нидерланды (13,87%) и

Франция (13%). Лидерами на рынке информационных услуг и, как следствие, лидерами информационных услуг в структуре ВВП являются Австралия (11,61%) и Греция (12,83%).

Наибольший вклад в структуру ВВП промышленности и энергетики отмечен в таких странах, как Австралия, Германия, Корея и Норвегия (доля в ВВП 29,55%–32,03%), против 4,17% в Гонконге и 5,73% в Новой Зеландии. В развивающихся странах лидерами вклада промышленного развития в формирование ВВП являются ОАЭ (47,47%), Китай (41,17%) и Северная Ирландия (35,02%)

Доля стран с высоким вкладом оптовой и розничной торговли в развитых государствах составляет 11% (Австрия, Гонконг, Греция, Испания, Италия, Мальта, Нидерланды, Португалия и Швейцария), идентичное значение получено и по развивающимся странам.

Рассмотрим структуру конечных потребительских расходов.

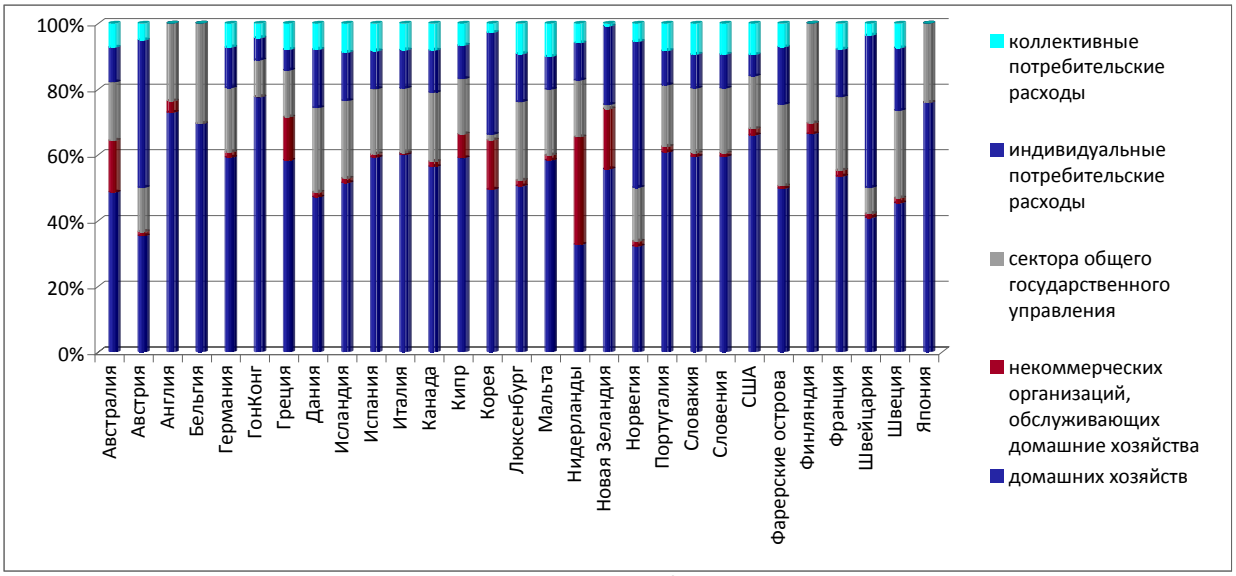


Рисунок 2.
Структура конечного потребления развитых стран по состоянию на 01.01.2015 г.

Среди группы развивающихся стран доля стран с долей конечного потребления в структуре ВВП свыше 90% составляет 11,6%. Структура конечного потребления развитых стран представлена на рис. 2

Лидерами прироста валового накопления основного капитала традиционно выступают развитые станы. Неоспоримым лидером выступает Южная Корея, показатель ВНОК которой достиг к 2015 г. уровня 47,55% при высочайшем значении показателя «Изменение запасов и приобретений за исключением выбытия ценностей» – 42,86%; тройку лидеров замыкают Китай и Черногория. Анализируя темпы роста валового накопления основного капитала, следует отметить достаточно высокую противоречивость развития двух последних стран. При очень высоких темпах прироста ВНОК (40,01 и 38,05% соответственно), прирост запасов и приобретений за исключением выбытия ценностей составляет в среднем 3%.

Динамика доли инвестиций и капитальных товаров в ВВП существенно зависит от группы стран. Так, среди развитых стран их доля за 2008–2014 гг. практически не изменилась, демонстрируя незначительную отрицательную динамику и варьируя в пределах 17–25%. Значительная отрицательная динамика показателя в таких странах, как Греция (доля инвестиций в ВВП снизилась с 21% в 2008 г. до 8% в 2014 г.), Ирландия (с 25 до 9%), Испания (с 29 до 19%), Кипр (с 33 до 14%) объясняется наличием внутренних финансовых кризисов.

Развивающиеся страны также демонстрируют в основном незначительную динамику, но с противоположным знаком. Лидером прироста доли инвестиций в структуре ВВП за исследуемый период среди данной группы стран стал Китай (доля инвестиций увеличилась с 40% в 2008 г. до 91%), Макао (с 31 до 52%), Малайзия (с 21 до 37%).

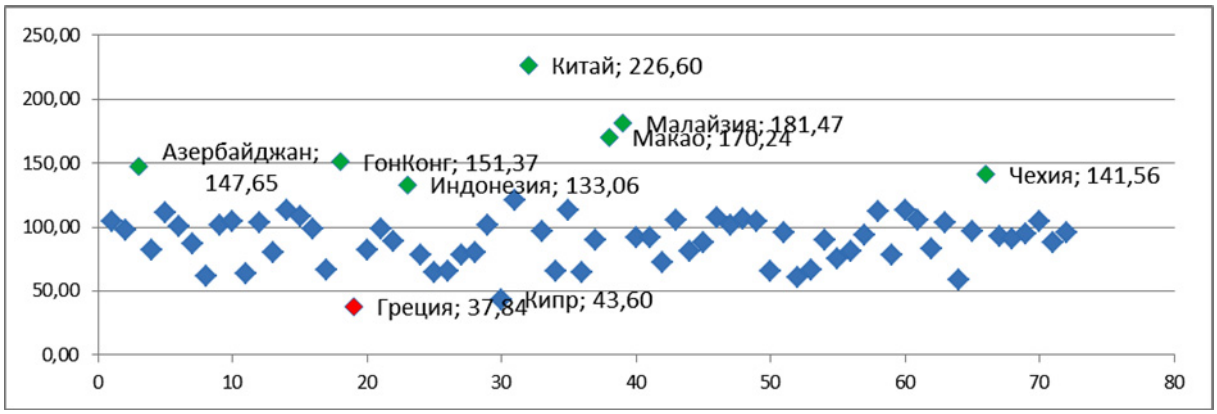


Рисунок 3.
Распределение стран мира по темпам роста доли инвестиций в ВВП за 2008–2014 гг.

Среди слаборазвитых стран только в Алжире соотношение ВНОК к ВВП за исследуемый период достигает 40%.

За изучаемый период в целом по экономике наблюдался рост валовой добавленной стоимости, однако этот рост был обусловлен в первую очередь опережающим по сравнению с ростом физического объема ростом цен на продукцию и услуги.

В экономике страны большую роль играет внешняя торговля. Для того чтобы определить, насколько страна интегрирована в международную экономическую систему рассчитывают различные показатели, но наибольший интерес представляет динамика показателя внешнеторговой квоты (ВТК). Она рассчитывается как отношение величины внешнеторгового оборота страны (ВТ) к объему ее валового внутреннего продукта (ВВП). В формульном виде этот показатель можно записать следующим образом:

$$\text{Внешнеторговая квота (ВТК)} = \frac{\text{ВТ}}{\text{ВВП}} * 100\%$$

На рис. 3 мы привели динамику данного показателя по различным странам. Некоторые экономисты выделяют следующую закономерность: чем больше вес в структуре экономики занимают базовые отрасли (энергетика, металлургия, горнорудное производство и др.), тем меньше участие в международном разделение труда, тем меньше открытость экономики. По мнению американских экономистов Дж. Сакса и Э. Уорнера, степень открытости национальной экономики определяется отсутствием у страны «чрезмерно больших» экспортных и импортных пошлин, наличием «разумного уровня» конвертации национальной валюты.

Таблица 1

Группировка стран по значению показателя внешнеторговой квоты

Значение показателя	2008 г.		2015 г.	
	Доля стран, %	Страны-представители	Доля стран, %	Страны-представители
0–0,5	17,78	Австралия; Азербайджан; Албания; Армения; Бразилия; Израиль; Индия; Непал	9	Азербайджан; Албания; Бразилия; Израиль; Китай
0,5–1,0	42,22	Австрия; Англия; Босния и Герцеговина; Венгрия; Германия; Греция; Исландия; Испания; Италия; Казахстан; Китай; Ливан; Мексика; Оман; Сербия; Тунис; Филиппины; Франция; Шотландия	46,67	Австралия; Австрия; Англия; Армения; Босния и Герцеговина; Венгрия; Германия; Греция; Индия; Испания; Италия; Казахстан; Корея; Ливан; Мексика; Непал; Сербия; Филиппины; Франция; Шотландия
1,0–1,5	24,44	Беларусь; Бельгия; Болгария; Гондурас; Дания; Кипр; Макао; Молдавия; Нидерланды; Черногория; Эстония	31,11	Алжир; Беларусь; Бельгия; Болгария; Гондурас; Дания; Исландия; Кипр; Макао; Малайзия; Молдавия; Оман; Тунис; Черногория
Свыше 1,5	8,89	Алжир; Боливия; Гонконг; Малайзия	8,89	Боливия; Гонконг; Нидерланды; Эстония

Как правило, малые индустриально развитые страны имеют особенно высокую степень открытости. Она составляет 55–70%. Несколько понижается и колеблется вокруг 40–45% у таких «средних» государств, как Франция, Италия, Великобритания. У крупных мировых держав, независимо от уровня их индустриального развития, не превышает 20% (США, Россия, Китай, Индия). Понятно, что причины состоят здесь в большом размере внутреннего рынка, относительной обеспеченности сырьем, длительной ориентации на замкнутую модель развития.

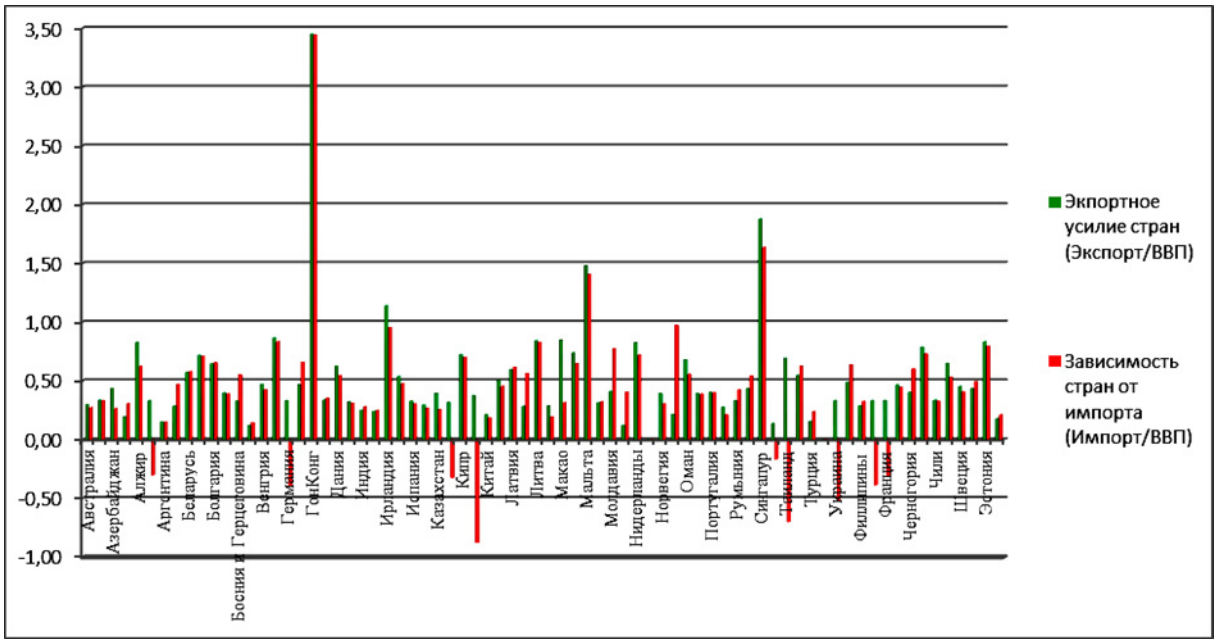


Рисунок 4.
Соотношение экспортных усилий стран и их зависимости от импорта в 2014 г.

Проведенный анализ показал, что практически все страны существенно увеличили объемы экспорта за исследуемый период (2008–2015 гг.). Однако для достижения быстрого роста объемов экспорта эти страны прибегали к совершенно отличным друг от друга способам. Так, Гонконг и Сингапур прибегали практически к схеме свободной торговли, а в Чили использовали снижение единых тарифных ставок – это хрестоматийные образцы политики «открытой экономики», которые, как правило, рекомендует Всемирный банк. Маврикий и КНР использовали схемы создания экспортных перерабатывающих зон. Южная Корея и Тайвань (а также и КНР) первоначально имели высокие тарифные ставки, которые снижались с течением времени, однако при этом они применяли комплексную систему стимулов для экспортеров. Государственное содействие экспорту осуществляется в достаточно развитом виде во многих развитых и развивающихся странах Америки, Европы и Азии. Оценивая экспортные усилия стран и их зависимость от импорта следует, прежде всего, учитывать значительную роль ВТО в развитии мировой торговли.

Среди арабских экономистов нашлось немало противников присоединения к ВТО. В частности, весьма неоднозначно мнение ливанских экспертов в вопросе членства в ВТО. Некоторые из них опасаются, что крупнейшие корпорации США, ЕС и Китая получат контроль над важнейшими рынками по причине более низкой конкурентоспособности арабских компаний. Современная ситуация не дает возможности говорить о ближайших перспективах присоединения этих стран к ВТО.

Другой существенный фактор формирования ВВП, который может быть рассчитан с применением данных Счета производства СНС, – налоговое бремя, под которым понимаются экономические ограничения, которые возникают у хозяйствующих субъектов в результате отчисления средств на уплату налогов. Это значит, что налоги отбирают у юридических лиц и ИП определенную долю доходов, которые они могли бы потратить на свое развитие.

Понятие «налоговое бремя» должно определяться на макро- и микроэкономическом уровнях. Так как одно дело – это налоги в рамках государства, и совсем другое – налоги организаций и физических лиц.

В рамках страны налоговое бремя равно доле общей суммы чистых налогов за конкретный год в внутреннем валовом продукте за этот же год[1].

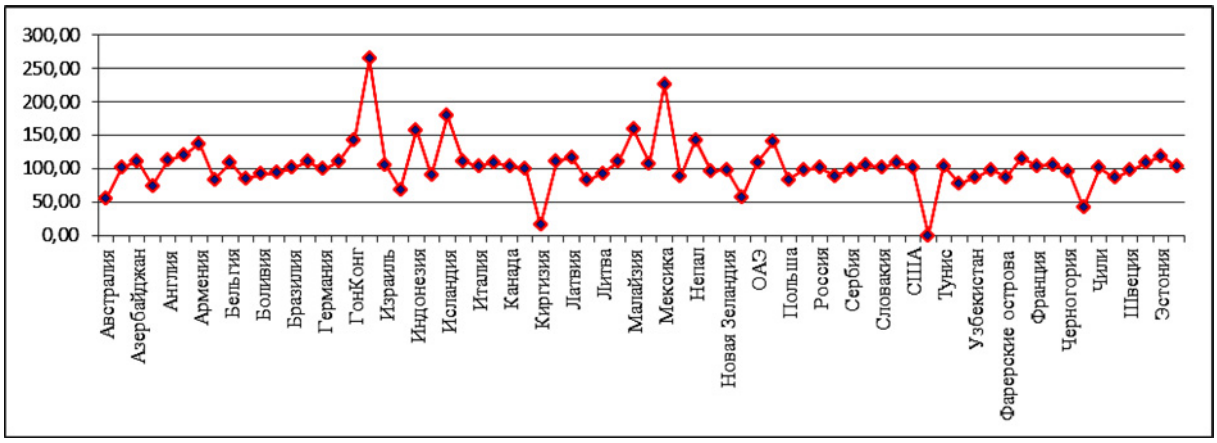


Рисунок 5.
Изменение налогового бремени в 2014 г. по отношению к 2008 г. по странам мира, %

Анализируя динамику показателей счета производства по странам мира, проведем трехфакторный анализ. Согласно модели, валовая добавленная стоимость может быть представлена как произведение численности работающих или затрат труда (Т), выработки одного работающего (V) и доли ВДС в валовом выпуске. Тогда система примет следующий вид:

$$ВДС = \sum T \times V \times dВДС$$

Система индексов в абсолютном выражении будет иметь вид:

$$\Delta ВДС = \sum ВДС_1 - \sum ВДС_0 = \sum T_1 V_1 dВДС_1 - \sum T_0 V_0 dВДС_0$$

– общее изменение ВДС в абсолютном выражении.

Влияние каждого из факторов определяется как:

$$\Delta ВДС = \Delta ВДС(T) + \Delta ВДС(V) + \Delta ВДС(dВДС),$$

где $\Delta ВДС(T) = \sum T_1 V_0 dВДС_0 - \sum T_0 V_0 dВДС_0$ – изменение ВДС за счет изменения затрат труда;

$\Delta ВДС(V) = \sum T_1 V_1 dВДС_0 - \sum T_1 V_0 dВДС_0$ – изменение ВДС за счет производительности труда;

$\Delta ВДС(dВДС) = \sum T_1 V_1 dВДС_1 - \sum T_1 V_1 dВДС_0$ – изменение ВДС за счет доли ВДС отдельного сектора (отрасли, вида деятельности) в общем объеме ВДС.

Результаты факторного анализа представлены в таблице 2.

[1] http://bibliotekar.ru/hozyaystvennoe-pravo/157.htm

Таблица 2

Результаты факторного анализа по счету производства по странам мира (за 2014 г.)

Страна	Абс. изменение ВДС в 2014 г. по сравнению с 2013 г.	В том числе за счет влияния факторов			Страна	Абс. изменение ВДС в 2014 г. по сравнению с 2013 г.	В том числе за счет влияния факторов		
		численность работающих	Выработка на одного работающего	Доля ВДС в ВВ			численность работающих	Выработка на одного работающего	Доля ВДС в ВВ
Австралия	–57 912	–57 321	–9 646	9055	Люксембург	–3973	1037	–4832	–178
Австрия	7248	556	6459	233	Макао	3018	3857	–672	–167
Азербайджан	356	364	2157	–860	Малайзия	4996	6316	–1040	–280
Албания	–1194	102	–1466	171	Мальта	516	340	128	48
Алжир	13 111	15 391	–10 851	8571	Мексика	–6 123 746	2 287 288	5 619 653	–1 783 195
Англия	72 723	36 707	37 249	–1232	Молдавия	–736	–1	657	81
Аргентина	1899	5386	–8148	4661	Непал	1714	404	1414	–104
Армения	591	46	568	–22	Нидерланды	11 534	–4899	16 924	–492
Бельгия	–102 162	2002	–71 663	–32 501	Норвегия	71 083	35 388	–32 647	68 342
Боливия	1577	3228	18	–1669	ОАЭ	13 255	6315	6761	179
Босния и Герцеговина	–121	64	–52	–133	Польша	–3 014 120	–523 961	–1 386 717	–1 103 442
Бразилия	–1 046 496	2 751 743	–4 538 337	740 098	Португалия	–22 773	3030	–24 742	–1062
Венгрия	–1 088 035	517 821	–1 600 593	–5262	Россия	–853 848	4159	–855 800	–2203
Вьетнам	14 162	1688	12 009	465	Северная Ирландия	–14 759	–2526	–10 963	–1270
Германия	–272 180	30 014	–303 112	918	Сербия	–1479	1833	–2 936	–377
Гондурас	715	526	391	–202	Словакия	16	13	8	–5
Гонконг	14 481	1520	13 437	–476	Словения	–51	0	–52	0
Греция	–212 045	–2995	–209 075	26	США	654 888	331 546	331 170	–7828
Дания	45 739	9347	39 109	–2717	Таджикистан	1016	80	184	752
Израиль	10 474	7393	1402	1679	Таиланд	–15 541	215	–15 412	–345
Индия	5 658 688	3 221 611	5 047 926	–2610 848	Турция	–2	2	–6	3
Индонезия	–10	–14	7	–3	Узбекистан	-2	1	–3	0
Ирландия	3624	8910	–2895	9640	Украина	–79 488	–10 740	–64 648	–4100
Исландия	951	337	587	27	Фарерские острова	–197	32	–231	2
Испания	–144 520	11 879	–153 645	–2753	Финляндия	–23 882	4594	–28 636	160
Италия	–223 328	22 917	–243 950	–2295	Франция	–259 692	11 009	–267 774	–2927
Казахстан	–11 700	2889	–16 793	2205	Хорватия	–2860	7472	–10 423	91
Канада	55 309	8154	47 881	–725	Черногория	0	18	123	–42
Кипр	–2473	–2927	455	0	Чехия	–947 985	–211 712	98 963	–835 237
Киргизия	–348	109	–454	–3	Чили	–1420	2564	–20 943	16 960
Китай	819 443	34 266	806 846	–21 669	Швейцария	8 876	6787	1925	164
Корея	–139 355	–1 170 042	1 086 188	–55 502	Швеция	153 445	18 329	129 275	5841
Латвия	–2502	–282	–2153	–67	Шотландия	–4642	6281	–11 877	954
Ливан	3383	–812	3565	1223	Эстония	–1947	118	–1923	–141
Литва	3264	–410	–618	4292	Япония	66 158	22 739	60 568	–17 148

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Существуют значительные структурные различия ВВП по видам экономической деятельности по странам мира, которые объясняются отсутствием стратегически важных запасов полезных ископаемых в отдельных странах, ослаблением позиций реального сектора экономики и ростом вклада сферы услуг в структуре ВВП в основных ценах;

2. Наблюдается тенденция сокращения в институциональной структуре вклада домашних хозяйств в создание ВВП и, напротив, увеличение вклада нефинансовых корпораций, а также государственного управления;

3. Самое значимое влияние на стоимостные потоки, формирующие динамику ВВП, оказывали цены, а наименьшее – совокупные затраты труда;

4. Следует отметить, что распределение по группам стран объемов ВРП и ВРП per capita приобретает все более неравномерный характер. Аномальная дифференциация социально-экономического пространства, исключая унифицированный подход к выработке тактики и стратегии развития различных стран, предъявляет новые требования к особенностям проведения региональной политики с точки зрения согласованности и равномерности мирового развития.

В целом методология современной версии СНС обеспечивает дальнейшее совершенствование информационной базы макроэкономического анализа и прогнозирования. Использование ее принципов позволяет повысить качество и обеспечить комплексность и большую детализацию показателей, включаемых в информационную базу макроэкономического анализа и прогнозирования, а также обеспечивает и более широкие возможности для выбора наиболее эффективных аналитических методов и моделей.

Список литературы

1. National Accounts of OECD Countries, Volume 2016 Issue 1: Main Aggregates. – http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/economics/national-accounts-of-oecd-countries-volume-2016-issue-1/germany_na_ma_dt-v2016-1-13-en#.WCtaZrKLS70#page1
2. Проект TrendEconomy. – Индикаторы. – Национальные счета. Компоненты ВВП. – http://data.trendeconomy.ru/eurostat/
3. Лебединская О.Г., Тимофеев А.Г. Использование методов факторного анализа в оценке результатов деятельности системообразующих предприятий // Научный альманах. 2015. – № 12–1 (14). – С. 230–234
4. Дементьев В.Е. Неравномерность экономического развития и его приоритеты // Системное моделирование социально-экономических процессов: сб. докл. междунар. науч. шк.-семинаре им. С.С. Шаталина (6-10 октября 2005 г.). – Н. Новгород, 2005/

Базаркина Д.Ю.[1]

ВЛИЯНИЕ КВАЗИРЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: НА ОПЫТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: *Европейский Союз, квазирелигиозный терроризм, коммуникация, общественное мнение, «Аль-Каида», ИГИЛ, Шарли Эбдо, ПЕГИДА.*

После террористических актов в Мадриде и Лондоне вступление Европейского Союза в «войну с террором» было воспринято европейцами как логичный ответ на угрозу. Однако с течением времени отношение в Европе к «войне с террором» менялось, нарастало недовольство необходимостью участвовать в конфликтах на чужой территории[2], также закономерно росла боязнь терактов в своих странах. Недовольство это привело, с одной стороны, к антивоенным протестам в разной форме, а с другой стороны – стало причиной обращения граждан, прежде всего, молодежи (как коренных европейцев, так и мигрантов), к экстремистской идеологии, а в ряде случаев – поддержке террористических организаций. Теракты марта 2004 г. в Мадриде выявили необходимость акцентирования усилий на борьбе с терроризмом внутри ЕС. Со временем видимой становится и несогласованность внутри- и внешнеполитического курсов (проведение политики мультикультурализма с соответствующей риторикой на фоне участия ЕС в конфликтах в Ираке и Афганистане), что порождает массовое недовольство, канализируемое идеологами «Аль-Каиды» и схожих организаций в русло квазирелигиозного экстремизма и терроризма.

Основными эффектами, оказываемыми террористической деятельностью и коммуникацией квазирелигиозных (манипулирующих в своей пропаганде религиозными ценностями) групп на общественное мнение, можно назвать два явления:

1) «Сплочение вокруг флага», феномен которого довольно подробно описан. Так, в ноябре 2001 г., под влиянием терактов 11 сентября, европейская общественность большей частью поддержала участие своих стран в «войне с террором», провозглашенной США, а также одобрила антитеррористические меры своих правительств[3]. Данный эффект отмечают, главным образом, в период, следующий непосредственно за терактом[4].

2) Радикализация, которая на определенном этапе может спровоцировать рост экстремистских настроений, способных, в отсутствие понимания сути террористической пропаганды, перейти в пособничество террористам или террористическую деятельность.

Наряду с активностью организованных террористических групп, среди террористов-одиночек растет число граждан ЕС. Это свидетельствует о крайне негативных последствиях коммуникации террористических организаций – активизации вербовки исполнителей, которые теперь часто происходят не из семей иммигрантов, а являются коренными европейцами, принявшими ислам. При этом принятие ислама происходит зачастую не как результат философского осмысления религии, в которой важную роль играет «большой джихад» – постоянное самосовершенствование человека, а как результат политизированного ее осмысления.

Неприятие в странах Европы вторжений в Ирак и Афганистан получило новое развитие в ливийском и сирийском кризисах. К примеру, в ходе войны в Ливии НАТО активно использовало ожидания общественности и управляло ими, что выражалось, в частности, в четком обозначении хронологических рамок военного конфликта. В Ираке и Афганистане, по свидетельству исследователя из Колледжа обороны Швеции Г. Саймонса, этот принцип еще не был введен, и длительность конфликта негативно повлияла на его восприятие[5]. Таким образом, США не только использовали террористическую проблему после 11 сентября 2001 г. для развязывания военных конфликтов, но и дали понять, что война будет затяжной, в том числе и для европейцев, постепенно терявших уверенность в целесообразности своего участия в ней.

---

[1] Базаркина Дарья Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью МПГУ, координатор программ по коммуникационному менеджменту и стратегической коммуникации Международного центра социально-политических исследований и консалтинга. E-mail: bazarkina-icspsc@yandex.ru. Сфера научных интересов – коммуникационное обеспечение борьбы с терроризмом.

[2] К примеру, в 2003 г. более 80 женских организаций Польши (в то время еще не член ЕС), входящих в Предвыборную коалицию женщин, организовали протест против направления польских солдат в Ирак. См.: Планета протестует против войны в Ираке // NEWSru. 21.03.2003. – www.newsru.com/world/21mar2003/demonstr.html

[3] Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 года и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. – М., 2009. – С. 214 – 215.

[4] Гарев В.А. Информационные угрозы современного международного терроризма. – М., 2010. – С. 40.

[5] Simons G. Communication Management and the Humanitarian War Blueprint: The Libya War (the manuscript). – P. 14.

Катализатором роста антивоенных настроений становится, во-первых, информация о том, что приходится пережить солдату в «горячих точках», с каждым годом все более остро воспринимаемая в европейском обществе (к примеру, в Германии ее распространением занимаются такие общественные организации, как Союз немецких ветеранов[1] или общественная организация «Eisblume», занимающаяся помощью солдатам, получившим посттравматическое стрессовое расстройство в ходе военных действий[2]). Во-вторых, антивоенные призывы и критика военной политики НАТО в воззваниях протестного движения, в ходе массовых акций, наконец, в произведениях массовой культуры, появившихся под влиянием этих тенденций.

На фоне этих настроений в моменты кризисов часто слышатся высказывания в пользу реакционных мер, наблюдается рост ультраправых организаций, активизируется и террористическая пропаганда квазирелигиозного направления. Основной целевой аудиторией этой пропаганды становится молодежь, стремящаяся к активным действиям.

При изучении влияния квазирелигиозного терроризма на общественное мнение можно применить схему преобразования информации о теракте, предложенную О.М. Нечипоренко, согласно которой информация, обработанная СМИ и различными институтами гражданского общества, обладает двумя основными признаками: токсикогенностью (способностью вызывать неврозы, демобилизовать, приводить в состояние паники) и провоцирующим эффектом (дает материал для анализа эффективности стратегий как для антитеррористических структур, так и для самих террористов)[3]. Европейские СМИ делают попытки минимизировать первое свойство информации о теракте, подвергая определенной цензуре изображения жертв террористических актов. В качестве примера можно привести ретушь фотографии, сделанной журналистом *El Pais* Пабло Торресом Герерой на месте взрыва поезда в Мадриде 11 марта 2004 г. Сама газета *El Pais* опубликовала фотографию на первой полосе в оригинальном виде, однако в редакциях различных европейских газет, также напечатавших это фото, была заретушированa оторванная человеческая рука, лежащая на переднем плане. К примеру, в лондонских газетах *Times, Daily Telegraph, Sun, Daily Mail* скрыли изображение руки, продублировав изображения лежащих рядом камней. *Guardian* сменила ее цвет с красного на серый, сделав предмет неопределяемым. *The Independent* и *Daily Mirror* обошли проблему, опубликовав фото черно-белым[4]. Отмечается повышение внимания к фото- и видеоматериалам по сравнению с текстами самих сообщений.

Официальные СМИ также могут создать определенный дискурс проблемы терроризма и террористической пропаганды. Лица, отбывшие срок наказания за терроризм, выходя на свободу, становятся объектом внимания СМИ, что позволяет им в завуалированной форме передать свои идеи по официальным каналам. Примером может служить случай австрийского гражданина Абу Усамы аль-Гариба, известного также как Мухаммед Махмуд и возглавлявшего GIMF. Можно привести его описание в газете *The New York Times*, которое доносит до читателя невербальные сигналы внешнего облика пропагандиста терроризма: «Вена. Мухаммед Махмуд, 26-летний австриец, носит традиционную белую тунику, светло-коричневый головной убор и длинные волосы, как того требует традиция в поселениях пуштунов Пакистана и Афганистана. Только его камуфляжный жилет и темно-синие кеды перемещают его в современный мир, сюда, в Европу, в которую он вернулся 12 сентября [2011 г.] после четырехлетнего тюремного срока за ... активную поддержку «Аль-Каиды» и ее филиалов»[5]. По сути, СМИ дают отбывшему срок наказания пропагандисту терроризма не только выразить свои взгляды, но и напрямую связать их в сознании читателя с традиционной религией, культурой, подчеркивая соответствие внешности террориста пуштунской традиции. Никак не комментируется намек на целесообразность насилия, посылаемый Мухаммедом Махмудом своей целевой аудитории: «Я готов умереть за мою религию в любое время ... Мне нечего терять в жизни. Сегодня я знаю, что демонстрации и протесты не помогают, ... что Запад лжет о своей свободе слова и правах человека»[6].

The New York Times, ссылаясь на интервью с сотрудниками неназванных арабских, американских и европейских разведслужб, а также на материалы расследований, утверждает, что Махмуд «готовит подарок для вдохновленных последователей, трюк, позволяющий почувствовать власть Интернета и виртуальных связей лидеров «Аль-Каиды». Журналисты делают прогноз, согласно которому М. Махмуд – наиболее удачная кандидатура на роль главного пропагандиста «Аль-Каиды» после Анвара аль-Авлаки, убитого в сентябре 2011 г. В этом примере – налицо стремление СМИ в погоне за сенсацией вызвать страх перед новыми терактами и террористической пропагандой, а также заострить проблему, используя религиозную терминологию.

Коммуникационный аспект собственно террористического акта подразумевает, что «террористы практически управляют активностью тревожных служб»[7], заставляя их делать заявления и принимать меры, входящие в стандартный план кризисных коммуникаций, поэтому являющиеся предсказуемыми. В связи с этим проблема эффективного противодействия террористической пропаганде остается нерешенной, в том числе и европейскими силовыми структурами, что открыто признается[8]. Наглядными примерами таких схем можно считать уже описанные стратегии кризис-

---

[1] Der Bund Deutschen Veteranen. – bund-deutscher-veteranen.de

[2] Eisblume. – ptbs-eisblume.de

[3] Нечипоренко О.М. Избыточная информация о террористических угрозах как элемент напряженности в обществе // Институты гражданского общества против глобализации преступности и терроризма. Сборник статей. – М., 2008. – С. 121.

[4] Moeller S.D. Packaging Terrorism. Co-opting the News for Politics and Profit. – Southern Gate, 2009. – P. 163.

[5] Austrian Returns, Unrepentant, to Online Jihad // The New York Times. 16.11.2011. – www.nytimes.com/2011/11/16/-world/europe/austrian-returns-to-online-jihad.html

[6] Ibid.

[7] Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация. – М., 2012. – С. 21-22.

[8] См., например: Understanding Violent Radicalisation. Terrorist and Jihadist Movement in Europe / Ed. by M. Ranstorp. – London; New York, 2010.

ных коммуникаций после террористических актов в Мадриде и Лондоне. В настоящее время, даже после ряда очевидно дискредитировавших себя вводов европейских войск в страны Ближнего Востока, после которых усилилась группировка ИГИЛ, отрицательный эффект «сплочения вокруг флага» может усилиться.

После террористического акта в редакции французского еженедельника *Шарли Эбдо* в Париже, Марселе, Лондоне и Мадриде прошли массовые демонстрации в память о погибших, против терроризма и в поддержку свободы слова. В них приняли участие до 3,7 миллиона человек, что делает их самыми массовыми с 1944 г., когда прошли выступления в честь освобождения Парижа от нацистов и окончания Второй мировой войны. В парижском Марше Республики участвовало до 1,6 млн. чел. В ходе шествий в Мадриде несколько сотен мусульман прошли к станции метро, на которой произошел взрыв в 2004 г., неся баннеры с лозунгом: «Не от нашего имени!»[1]

Однако наряду с активным отрицанием терроризма в европейском обществе стала расти популярность ультраправых организаций. К примеру, обозреватель *The Telegraph* Ф. Джонсон считает, что антиисламские настроения начинают превращаться из прерогативы ультраправых в «господствующую тенденцию народного недовольства». В Германии в конце октября 2015 г. во многих городах прошли марши, инициированные организацией под названием ПЕГИДА («Европейские патриоты против исламизации Европы») как кампании против явлений, которые организация рассматривает как «исламизацию»[2]. В Нидерландах после терактов усилилось политическое влияние ультраправой Партии свободы во главе с Гертом Уилдерсом, которая находит серьезную общественную поддержку даже при том, что ее лидер обвиняется в разжигании расовой ненависти[3].

На следующий день после терактов в Париже, ультраправые и антииммигрантские организации Европы разместили серию сообщений, в которых заявили об опасности роста мусульманского населения Европы. Наибольшую популярность антиисламские организации снискали в Дании, Великобритании, Германии и Франции. В прессе стала распространяться точка зрения, согласно которой теракт в Париже будет одним из главных аргументов ультраправых партий, заявляющих, что ислам несовместим с западными ценностями. Есть опасность того, что большое количество европейцев станут их избирателями.

Сплочение ультраправых сил – не в последнюю очередь обратная сторона страха перед квазирелигиозным терроризмом. Уровень этого страха довольно высок в Европе. Так, согласно исследованию, проведенному *Pew Research Center* в десяти государствах ЕС в июне 2016 г., европейцы указали ИГИЛ в качестве основной угрозы безопасности своих стран. Среди восьми потенциальных угроз, предложенных к рассмотрению, ИГИЛ назвали основной в восьми странах более 70% респондентов (исключения – Греция, где ответ «нестабильность мировой экономики» вышел на первое место (95% респондентов против 73% у ответа «ИГИЛ»), и Швеция, где ответ «ИГИЛ» вышел на первое место, но набрал 69%). Наибольшее беспокойство угроза ИГИЛ вызывает в Испании (93%), Франции (91%), Италии (87%) и Германии (85%). Отмечается и высокая обеспокоенность граждан ростом численности беженцев из Сирии и Ирака. Примерно две трети или более в Польше, Венгрии, Греции и Италии считают это серьезной угрозой. Намного реже такой ответ давали в Нидерландах (36%), Германии (31%) и Швеции (24% респондентов)[4].

Показателем расширения базы ультраправых движений могут считаться и результаты опроса, проведенного в Германии в мае 2016 г. и показавшего, что большинство граждан страны не находят в ней места исламу. По сравнению с результатами предыдущего такого опроса, проведенного шесть лет назад, когда подобный ответ дало меньшинство (47% опрошенных), доля таких ответов составила 60%. При этом более половины опрошенных (52%) обеспокоены слишком быстрым ростом влияния ислама в стране в результате активного притока беженцев. В связи с этим 72% респондентов признались, что боятся новых терактов на территории Германии[5]. Изменение настроений проявляется и в атаках на убежища для мигрантов: если в 2014 году их было около двухсот, то в следующем году перевалило за тысячу. Описывается эпизод, когда жители города Баутзен хлопали в ладоши и радовались, когда после нападения горел центр для мигрантов[6]. Подобные события могут изменить к еще худшему статистику Евробарометра, согласно которой весной 2015 г. только 17% считали в полной мере достаточными антитеррористические меры своих национальных правительств[7]. Таким образом, террористическая деятельность квазирелигиозных организаций и террористов-одиночек может способствовать в будущем еще большему росту ультраправых настроений среди коренных европейцев и спровоцировать межнациональные столкновения, которые, в конечном счете, будут выгодны террористам, желающим разжечь новую религиозную войну в Европе.

Можно отметить неожиданные последствия коммуникации террористов для бизнес-сообщества. Не только в Европейском Союзе, но и на Западе в целом название террористической организации ИГИЛ заставило многих предпринимателей сменить названия своих фирм. Так, бельгийский производитель шоколада *Isis*, с 1923 г. работающий под этим брендом, принял решение сменить название на *Libeert* – по фамилии владельцев-основателей, чтобы отстра-

---

[1] Paris attacks: Millions rally for unity in France // BBC. 11.01.2015. – www.bbc.com/news/world-europe-30765824

[2] Johnson Ph. Charlie Hebdo attacks: Anti-Islam parties are now on the march across Europe. Religion should be able to cope with being satirized // The Telegraph. 07.01.2015. – www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11330287/Charlie-Hebdo-attacks-Anti-Islam-parties-are-now-on-the-march-across-Europe.html

[3] Ibid.

[4] Stokes B., Wike R., Poushter J. Europeans Face the World Divided // Pew Global Research. – www.pewglobal.org/2016/06/13/europeans-see-isis-climate-change-as-most-serious-threats

[5] Broomfield M. Majority of Germans think Islam does not 'belong' in their country // The Independent. 13.03.2016. – www.independent.co.uk/news/world/europe/refugee-crisis-germany-islam-does-not-belong-in-country-a7027361.html

[6] Ibid.

[7] Special Eurobarometer 432. Europeans' Attitudes towards Security. April 2015.

ниться от террористической организации, так как имя бренда стало отталкивать даже постоянных покупателей, у которых оно стало ассоциироваться не с богиней Изидой, олицетворявшей плодородие, женственность и брак, а с сокращенным наименованием ИГИЛ. Помимо бельгийской фирмы, с конца лета 2014 г. несколько компаний с названием «Isis» сменили его, другие раздумывают над этим, а третьи отказываются даже рассматривать такой вариант[1], так как, по их мнению, это означало бы открытое проявление слабости перед террористической пропагандой.

Проанализированные примеры показывают неутешительный рост влияния террористической деятельности квазирелигиозных групп в ЕС, в том числе и в коммуникационном аспекте. Основным эффектом пропагандистской деятельности организаций, подобных «Аль-Каиде» и ИГИЛ, наряду с вербовкой новых рекрутов, стало формирование ультраправых настроений среди европейских граждан, что на фоне неразрешенного миграционного кризиса в будущем может стать причиной для изоляционистских тенденций в политике безопасности государств-членов.

[1] Макаренко Г., Сухаревская А. Исламская Изида: как джихадисты вынуждают компании менять названия // РосБизнесКонсалтинг. 24.10.2014. – www.rbc.ru/photoreport/24/10/2014/544a2080cbb20fc255f298b5/1.shtml

Баранов Н.А.[1]

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *политическая система, внешнеполитические факторы, институциональная подсистема, нормативно-регулятивная подсистема, информационно-коммуникационная подсистема, консервативные тенденции.*

Одной из главных задач современного государства является поддержание стабильности и порядка, необходимых для повышения уровня жизни общества. Реализации этой задачи способствует политическая система, под которой понимается целостная и динамическая совокупность политических институтов, дополняющих друг друга политических ролей и отношений, норм и правил политического и государственного управления, политического сознания и исторических традиций. Для своего стабильного функционирования политическая система должна ориентировать людей действовать по ее правилам, убедив или принудив выполнять ее предначертания.

На трансформацию политической системы России в 2000–2010-е гг. оказывали влияние различные факторы экономического, геополитического, глобального, технологического характера. Попытка построить политическую систему на основе западных политических институтов и практик, предпринятая в постсоветское время, оказалась неудачной, с одной стороны, в результате неспособности российской власти осуществить демократические преобразования в 1990-е гг., с другой стороны, из-за разочарования Западом со стороны политической элиты и значительной части населения.

Потребность в восприятии ценностей, не характерных для российского общества, но привлекательных с точки зрения их воплощения в реальной жизни, стала в конце 1980-х – начале 1990-х гг. реакцией на разочарование в советском образе жизни. Однако неспособность их практического применения как по субъективным, так и по объективным причинам подтолкнуло общество к тем ценностным приоритетам, которые оказались привычными, подтверждая актуальность теории Д. Норта path dependence («зависимость от траектории предшествующего развития»)[2], которая объясняет институциональные изменения сложившейся в обществе системой ценностей, неформальными нормами и правилами, имеющими глубокие корни в жизни народов и связанными со стереотипами поведения больших групп населения.

У.Г. Николаева такой тренд в развитии российского общества называет «архаизацией» – изменениями, которые сопровождаются возрождением социальных отношений и форм, типичных для самых ранних стадий социального развития. По ее мнению, процессы архаизации объясняют рост популярности в современной российской экономической науке концепций «исторической колеи» (А. Аузан), теорий «зависимости от предшествующего пути развития» (Д. Норт). При этом определяющим фактором является не культура, не традиции и не менталитет, а реанимация «архаических экономических отношений, опутывающих будто паутиной все хозяйственные и распределительные процессы»[3].

Восприимчивость к архаических моделям мировосприятия У.Г. Николаева связывает с аномией российского общества после кризисных 1990-х гг. В России же архаизация усугубляется еще и тем, что власть с радостью потакает желаниям основной массы обывателей, нередко намеренно формирует подобные настроения, оперируя при этом громкими формулами: «возрождение великой державы», «восстановление национальных традиций», поиск «особого пути», обретение «высокой духовности» и т.д. В условиях высокотехнологичной, прежде всего телевизионной пропаганды на уже подготовленное аномией общественное сознание накладывается культурно-идеологическая матрица, причем со всеми необходимыми образами «друзей» и «врагов», «патриотов» и «предателей».

Существующий в российском обществе консервативный запрос возник в числе других причин и как реакция общества на антироссийскую политику западных стран и несовершенство либеральной демократии. Оказалось, что западные государственные институты направляют весь свой мощный ресурс на формирование определенной точки зрения относительно происходящих в мире (особенно в России) событий, применяя при этом дискриминационные меры в отношении несогласных журналистов, теле- и радиоканалов, политиков, активистов общественных организаций. Антироссийская олимпийская кампания, предпринятая на Западе в преддверии Олимпиады, в очередной раз показала обществу чужеродность Европы и еще больше сплотила общество и власть в России. Любые несправедливые с

---

[1] Баранов Николай Алексеевич – д.полит.н., профессор, профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех». E-mail: nicbar@mail.ru

[2] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 130.

[3] Николаева У.Г. Грозит ли России новое Средневековье // Независимая газета. – М., 2016. – 25 октября. – http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html

точки зрения российского обывателя действия, предпринимаемые Западом в отношении России, служат мощным мобилизационным фактором сплочения власти и общества, являясь основой авторитарного тренда страны. Следует согласиться с Г. Явлинским в том, что если бы после окончания холодной войны западные страны включили Россию «в существующий миропорядок на условиях, которые воспринимались бы российским политическим классом и большинством граждан как достойные», то отношение к власти, исторически сложившееся в российском общественном сознании, было бы другим[1].

Обостренное чувство несправедливости, явившееся мощным отголоском 1990-х гг., сплотило самые разнообразные слои населения в ходе украинских событий: и тех, кто выходил на массовые акции протеста в 2011–2012 гг., и тех, кто всегда поддерживал власть. «Крымская весна», ставшая возможной из-за активного вмешательства ведущих западных держав во внутреннюю политику Украины без учета интересов России, оказалась отправной точкой для многих жителей страны. В выборе между европейскими ценностями, которые стали подвергаться сомнению, и консолидацией власти и общества внутри страны, ставшей важной составляющей усиления авторитарности политического режима, победили государственнические патриотические настроения. Антизападные настроения стали доминирующими в большинстве слоев российского общества.

Постимперский синдром, охвативший россиян после присоединения Крыма, направленный на объединение «русского мира» в противовес Западу, в значительной степени выступил консолидирующим фактором между обществом и властью, минимизировал требования граждан в рамках внутренней политики. Н. Зубаревич полагает, что «поддержка политики Путина по «собиранию русских земель» сохранится надолго, это ценностный выбор подавляющего большинства россиян вне зависимости от места проживания»[2].

Не дождавшись приглашения в клуб мировых держав, определяющих судьбы планеты, Россия стала осуществлять великодержавную политику наперекор западным государствам. Такая политика, которая поддерживается большинством населения страны, не стала откровением для Запада, так как, по выражению Г. Киссинджера, «российская политика всегда следовала собственному ритму, причем так продолжалось на протяжении столетий»[3]. В то же время негативная реакция ведущих западных стран дала дополнительный толчок авторитарному тренду в трансформации политической системы России.

В основе формирования современной политической системы России, рассматриваемой как совокупность политических институтов, нормативно-регулятивной сферы и информационно-коммуникативных практик, лежат потребности общества, реализуемые властными институтами.

В институциональной сфере создается конфигурация политических институтов, исходя из представлений политической элиты о наиболее эффективном государственном управлении. Учитывая историческую предрасположенность российского народа к персонификации власти, сформирована управленческая вертикаль, замыкающаяся на президента как главу государства, избираемого народом и несущего полную ответственность перед обществом. В стране нет другого политического института, который мог бы соперничать по значимости с институтом президента. По мере высвобождения общества, связанного с осознанием гражданами необходимости влиять на политическую сферу, создаются выборные механизмы на различных уровнях властной вертикали, предполагающие передачу части ответственности на региональный или местный уровень. Устоявшаяся партийная система из четырех парламентских и некоторых непарламентских партий в целом отражает интересы большинства граждан и имеет тенденцию к консолидации на базе общих государственных ценностей. Включение в политическую систему ОНФ является попыткой дистанцироваться от партийных ошибок и повысить контроль со стороны общественности за состоянием дел в регионах. Формирование гражданского общества приобрело направленный прогосударственный характер, что нашло в целом поддержку со стороны большинства общества. Прозападно ориентированная часть общества находится на периферии политического поля, но не по причине запрета, а из-за непопулярности оппозиционных лидеров и возглавляемых ими политических объединений.

Нормативно-регулятивная сфера трансформируется наряду с изменениями представлений властной политической элиты об устройстве общества, соизмеряемая с ожиданиями большинства. Формируются новые политические правила игры, под которые подводится правовая база, характеризующаяся ограничениями политической активности гражданского общества и оппозиции, что в целом поддерживается российскими гражданами. Порядок функционирования и взаимодействия органов государственной власти институционализируется, находя документальное выражение в законодательных и иных нормативных правовых актах, издаваемых этими органами.

В информационно-коммуникативной сфере государство проводит активную целенаправленную политику по развитию таких ценностей, которые исторически являлись характерными для России: патриотизм, справедливость в ее исторической интерпретации, великодержавие. Контролируя СМИ, формирующие широкое общественное мнение, государство допускает в информационную сферу иные медиа, отражающие интересы различных групп населения, не разделяющих мнения большинства. Как пишут некоторые публицисты, «полная свобода слова в Интернете, достаточная свобода слова на радио, определенная свобода слова бумажных СМИ»[4].

При достаточно широкой поддержке граждан происходит изменение социокультурной парадигмы российского общества. Так, в утвержденной 31 декабря 2015 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

---

[1] Явлинский Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. – М.: Медиум, 2015. – С. 69–70.

[2] Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. 17.01.2016. – http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/

[3] Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: Издательство АСТ, 2015. – С. 74.

[4] Радзиховский Л. Путин опроверг Оруэлла. – http://aru.tv/syuzhet/putin-oproverg-oruella-leonid-radzihovskiy

констатируется: «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм».

Таким образом, происходит трансформация политической системы России при доминирующем влиянии консервативных тенденций, разделяемых значительной частью населения и реализуемых как во внешне-, так и внутриполитической практике.

Стабильность политической системы во многом определяется поддержкой властных институтов со стороны общества. Когда речь идет о способах функционирования политической системы, используют термин «политический режим», характеризующий взаимосвязь государственной власти и общества. Он определяет совокупность средств и методов, используемых государством при отправлении власти, отражает степень политической свободы в обществе и правовое положение личности.

Характеризуя политический режим в современной России, следует отметить, что методы и способы реализации власти в большинстве своем не вызывают негативной реакции со стороны широких слоев общества и в целом отвечают интересам большинства социально-политических институтов. Можно констатировать становление в России консолидированного режима, под которым английский политолог Ричард Роуз понимает «такой режим, который имеет достаточно сильные институты, чтобы возникающие запросы на изменения разрешались в рамках существующей системы то ли в результате действий, которые сохраняют режим в неизменном виде (например, смена руководства государства на выборах), то ли в результате соглашения, достигнутого внутри военной хунты или центрального комитета в однопартийном государстве»[1].

Центром консолидации является Владимир Путин. Падение рубля и цен на нефть, инфляция, война в Сирии, теракт на борту российского пассажирского самолета и уничтожение боевого самолета у турецкой границы, протесты дальнобойщиков и других недовольных не изменили отношение граждан к Президенту России.

Ненасильственная поддержка обществом власти является демократической тенденцией. Следует отметить, что за последние годы значительно возросло число людей, считающих, что мы живем в демократической стране. По данным Левада-центра 62% россиян полагают, что демократия в России существует в полной мере или отчасти. Причем 46% признают, что демократия в нашей стране должна быть «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России». И лишь 16% считают, что демократия у нас должна быть такой же, как на Западе[2].

Таким образом, сформировавшаяся в стране политическая система воспринимается большинством россиян как демократическая и соответствующая их интересам. Но это не институциональная демократия, а персонифицированная, а потому нестабильная, так как зависит от одного показателя – доверия к лидеру, которое может колебаться в зависимости от социально-экономической ситуации и многих субъективных причин.

По мнению российского публициста Леонида Радзиховского, в России сформировалось общество, которое живёт в придуманном виртуальном мире. Проводя параллели с романом Дж. Оруэлла «1984», он пишет: «мы живём в обществе стопроцентно управляемом…», в котором присутствуют «пятиминутки ненависти, речекряки, голдстейн, образ врага, и так далее. И вместе с тем, полная открытость, полная возможность всё это критиковать, всё это разоблачать, что ни в какой степени не только не мешает устойчивости системы, но делает систему значительно более устойчивой»[3].

Вероятно, весь этот симбиоз несочетаемых эклектичных факторов и характеризует в значительной степени современную политическую систему России.

Что является слабым звеном в созданной политической системе?

1. Бюрократизация, которая пронизала все сферы жизнедеятельности общества: все структуры власти, образование, здравоохранение и т.д. С одной стороны, именно бюрократизация лежит в основе системы, созданной В.В. Путиным и консолидирующей общество; с другой стороны, задача повышения управляемости страной давно достигнута и дальнейшее ее расширение приводит к засилью чиновников и препятствует эффективному развитию общества. Везде, где это возможно, минимизируются выборные процессы: в университетах, в органах местного управления. Созданная вертикаль власти оказалась наиболее удобной властной конфигурацией для распространения коррупции.

2. Стабильности политической системы не способствуют сомнительные решения, принимаемые исполнительной властью и ни с кем не согласованные, главным образом, характерные для регионов (оплата проезда в общественном транспорте, тарифы ЖКХ и др.). Эти решения принимаются в отрыве от представительных органов власти и общественности, поэтому снижают степень доверия населения в целом к государству, вызывают резко негативную реакцию со стороны заинтересованных слоев населения.

3. Недоверие государства к гражданскому обществу. Взаимодействие государства и гражданского общества является принципиально важным для поддержания стабильности политической системы: кто как не гражданское общество окажет поддержку государству в трудную минуту. Особенностью взаимодействия государственных органов с общественно-политическими объединениями и активными гражданами является деление общественности на патриотично ориентированную и прозападную. Самостоятельно действующие общественные структуры вызывают недове-

---

[1] Роуз Р. Демократические и недемократические государства // Демократизация: учеб. пособие / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 62.

[2] Российская демократия. Пресс-выпуск. – http://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/

[3] Радзиховский Л. Указ. соч.

рие со стороны государства, что выражается в стремлении дистанцироваться от нередко справедливых требований и представить их в качестве «пятой колонны».

Тем не менее, понимание необходимости координировать свои действия с широкой общественностью в органах государственной власти все же постепенно возникает. В данном контексте следует отметить, что впервые в документе стратегического планирования отмечена необходимость «взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам…»[1]. А в ходе заседания Совета по противодействию коррупции 27 января 2016 г. было заявлено: «Эффективная борьба с коррупцией невозможна без гражданского общества, невозможна априори. Поэтому задача органов власти всех уровней не просто прислушиваться к информации небезразличных граждан, но и активно привлекать к антикоррупционным действиям патриотично и конструктивно настроенных активистов»[2]. То есть деление гражданского общества на «своих» и «чужих» сохраняется, поэтому следует отметить, что государственные органы по-прежнему с недоверием относятся к институтам гражданского общества, неподконтрольных властным структурам.

4. Опасность для стабильности представляет рост бедности населения.

По данным ФОМ у 49% россиян материальное положение в 2015 г. ухудшилось[3]. По данным ВЦИОМ число материально неблагополучных граждан в стране возросло до 60%, что почти в 4 раза выше показателя ноября 2014 г.[4] По данным Левада-центра эта цифра составляет 58% – это люди, которые тратят все свои средства на питание и одежду[5].

В рамках Гайдаровского форума 14 января 2016 года состоялась экспертная дискуссия «Россия в кризисе: политические риски 2016 года», в ходе которой участники дискуссии пришли к выводу, что декларируемый уровень протестных настроений в стране невысок, но этот показатель не отражает реальной ситуации. Прежде всего, протестные настроения усиливаются в ранее благополучных субъектах (регионах-донорах). В условиях ухудшения социально-экономической ситуации, население этих субъектов острее других переживает ухудшение своего положения. Протестные настроения превратятся в значимый фактор дестабилизации в том случае, если локальные протестные инициативы синхронизируются с общим протестом, обусловленным негативными экономическими тенденциями в стране[6].

5. Относительная стабильность политической системы, достигнутая на волне патриотических геополитических настроений, не является долговременной. К тому же она не решает стратегической задачи – вписаться на правах актора в новый социальный мир, новую социальную реальность, формирующуюся под влиянием современных технологий, изменяющих всю нашу жизнь, включая политическую сферу. Передовые страны переживают уже вторую информационную революцию, создавая «киберфизические системы». Акторы в этом новом мире будут определять технические стандарты – это стратегическая цель, к которой уже сейчас стремятся США, Германия, Южная Корея, Китай.

В данном контексте первоочередной задачей в России является не просто создание отдельных центров информационных технологий, не в полной мере себя реализовавших (Сколково), а в целом формирование благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности, ориентированной на инновации. А для этого необходимо решить первоочередные задачи, актуальные на протяжении последних полутора десятилетий: гарантия права собственности, снижение налоговой нагрузки на бизнес, минимизация бюрократического давления на предпринимателей, независимая судебная система, практико-ориентированная система образования. Наука должна быть связана с практикой и с образованием, образование, должно быть связано с практикой и с наукой, а бизнес, должен быть связан с наукой и с образованием.

Как показывает политическая практика, демократическая система более стабильна, так как ее политические институты не только перераспределяют выгоду от политики в пользу большинства граждан, но и играют решающую роль в будущем распределении политической власти. Демократии более чувствительны к проблемам людей и заботятся об интересах общества больше, чем недемократии, так как решения в демократической системе принимаются под влиянием мнений и потребностей большинства.

Согласно подходу американских экономистов Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсона, закрытое общество обходится дороже, чем открытое. С их точки зрения, наиболее стабильной политическая ситуация становится в случае изменения в структуре активов общества, соотнесенных с затратами и выгодами для элиты. То есть, если репрессии будут обходиться государству очень дорого, то элита откажется от них в пользу более дешевых и стабильных методов управления[7], каковыми являются демократические методы. Поэтому демократизация становится возможной лишь перед угрозой революции и массовыми выступлениями граждан. Д. Асемоглу и Дж.А. Робинсон полагают, что демократии не даруются обществу элитой потому, что «изменились ее ценности. Ее требуют лишенные права голоса как

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/l8iXkR8XLAtxeilX7JK3XXy6Y0AsHD5v.pdf

[2] Заседание Совета по противодействию коррупции. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/51207

[3] Итоги года: изменения в материальном положении и на работе, 31.12.2015 г. – http://fom.ru/posts/12462

[4] Чернозуб О. Общество и кризис: политические риски 2016 г. – http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-01-14-krizis.pdf

[5] Потребительский статус, 13.01.2016 г. – http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/

[6] VII Гайдаровский форум 2016. Экспертная дискуссия «Россия в кризисе: политические риски 2016 года». – http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/conferences/vii_gaidarovskii_forum_2016

[7] Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 118.

способ получить политическую власть и тем самым гарантировать большую долю экономических благ в рамках системы»[1].

По мнению А.И. Соловьева, «нынешняя стадия развития государства базируется на приоритетах самосохранения политического режима и второстепенном характере целей развития общества»[2], что может привести к разрушению достаточно хрупкого доверия, сформировавшегося между государством и гражданами. Косвенно о таком развитии событий свидетельствует увеличивающаяся разница в доходах между богатыми и бедными в пользу первых. В данном контексте можно предположить, что в российском варианте приоритет демократии будет отдан тогда, когда общество перестанет надеяться только на своего национального лидера, а отдаст предпочтение созданию таких политических институтов, которые будут формироваться населением в ходе честных выборов, а впоследствии – находиться под постоянным контролем общественности. Для этого массовое сознание россиян должно обрести чувство гражданского достоинства и политической ответственности, а в рамках политической системы создана атмосфера доверия к сформированным под влиянием народа институтам власти, а не к отдельным политикам.

Таким образом, консервативное наполнение социального и политического пространства в современной России, связанное с обращением к историческим ценностям и привычным политическим институтам, обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе. Для реализации стратегических задач необходимо формировать политическую систему с открытой социальной средой, эффективно функционирующими политическими институтами, развитым гражданским обществом и модернизаторски ориентированной политической элитой. А после геополитических процессов последних лет стало очевидным, что демократизация политической системы является уделом не внешних акторов, заявляющих о заинтересованности в демократизации России, но на деле препятствующих данному процессу, а исключительно россиян – граждан, для которых небезразлична эффективность институтов и практик в российской политике.

---

[1] Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Указ. соч., с. 54.

[2] Соловьев А. Мир – дворцам, война – несогласным // Независимая газета. – М., 2015. – 17 ноября. – http://www.ng.ru/ng_politics/2015-11-17/14_peace.html

Булгару Д.И.[1]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США ТЕХНОЛОГИЙ КОММУНИКАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Ключевые слова: *коммуникационный менеджмент, революция, Сирия, «Арабская весна», Б. Асад, СМИ.*
Keywords: *communication management Syria, psychological warfare, PsyOps, twitter revolution, Arab spring, B. Assad.*

С началом «Арабской весны» многие государства ближневосточного региона столкнулись с таким новым явлением как цветные революции, – «процессом смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций»[2]. Их также называют «Твиттер-революциями», так как при организации происходивших в Египте (2011), Ливии (2011), Тунисе (2010-2011), Сирии (2011) протестах, координация происходила через такие социальные сети, как Twitter и Facebook. Впервые, «Твиттер-революциям» дал определение Клей Ширки, исследователь социальных медиа, написавший книгу «Сюда приходят все», с которой началось развитие идеи о социальных сетях как об инструменте воздействия на общественное мнение.

Власти стран, в которых произошли события «Арабской весны», не смогли противостоять организованному оппозиционному движению, использующему, в том числе, и технологии коммуникационного менеджмента. Действуя по наитию, в Тунисе власти заблокировали Youtube, Vimeo и другие иностранные веб-сайты, руководство Египта распорядилось отключить доступ к сети Интернет по всей стране, однако это не привело к прекращению протестов.

В общем контексте коммуникационный менеджмент понимается, как «профессиональное управление людьми и капиталами посредством коммуникаций»[3]. Существует значительное количество исследований, посвященных анализу влияния КМ на различные социальные процессы[4], подтверждающие эффективность коммуникационного менеджмента. В рамках «оранжевых революций» и попыток смены режимов технологии КМ также продемонстрировали себя весьма эффективно. Посредством целенаправленного и системного использования таких средств коммуникации, как радио, телевидение, сеть Интернет, а также формальных и неформальных видов коммуникации и СМИ, достигается высокая эффективность в управлении процессами в стране-объекте. Коммуникационный менеджмент предполагает в зависимости от поставленных задач использование как отдельных инструментов, так и их комбинаций, а также более сложные конструкции, к которым относятся, в частности, «коммуникационные цепочки управления и резонансное реагирование»[5].

Так называемая «цифровая дипломатия», которая определяется в Стратегии IT Государственного Департамента США 2011–2013 гг. как «применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями сети Интернет»[6], может быть причислена к технологиям КМ, которые используют США на Ближнем Востоке. По исследованию Н.А. Цветковой[7], все существующие проекты «цифровой дипломатии» США можно разделить на следующие направления:

– Создание молодёжного протестного движения посредством социальных сетей;
– Объединение пользователей вокруг американского радио и телевидения;
– Мобилизация групп диссидентов посредством блогосферы;

---

[1] Булгару Дмитрий Игоревич – аналитик Института прикладных политических исследований. E-mail: dmitriiwork23@gmail.com

[2] Почепцов Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. – М., 2005. – С. 11.

[3] См. подробнее: Пашенцев Е. Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии глобального влияния и управления. – М., 2014.

[4] Базаркина Д.Ю. Противодействие терроризму посредством коммуникаций: обобщение европейского опыта // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2013. – № 40; Щербакова Т.В. Внешняя политика США: коммуникационный аспект. – М., 2006; Карбасова О.В. Коммуникационный менеджмент во внешней политике Франции в конце XX века. – М., 2010: Пашенцев Е.Н. Коммуникационный аспект гуманитарной интервенции в условиях «арабской весны» // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2012. – № 35; Виноградова Е.А. К вопросу о работе с «новыми медиа» в стратегической коммуникации // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2013. – № 41; Ray M.L. Advertising and Communication Management. – Upper Saddle River, 1981; Grunig L.A., Grunig J.E., Dozier D.M. Excellent Public Relations and Effective Organizations: A Study of Communication Management in Three Countries. – L., 2002.

[5] Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент как важный фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2012. – № 34.

[6] The US Department of State. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 Digital Diplomacy. 2010. – www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm

[7] Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура. – М., 2011. – № 3. – С. 109.

– Формирование диалога между США и отдельными блоггерами;

Все эти направления характерны и для конфликта в Сирии. Ярким примером осуществления цифровой дипломатии США на практике представляется Конференция кибердиссидентов[1], организованная в 2010 г. при активной поддержке Института Джорджа Бушамл. На конференции присутствовали оппозиционеры из Китая, России и Ирана. Также присутствовали и диссиденты из Сирии. Одним из них оказался сирийский политический беженец Ахед Аль Хенди (Ahed Al Hendi), который стал координатором арабского направления сайта CyberDissidents.org[2], активно критикующего деятельность официального Дамаска. Уровень и специфику мероприятия отражает также присутствие на конференции представительницы одной из крупнейших на рынке IT компаний «Wipro Technologies» Эдры Вильямс (Edra Williams). Эта компания, в частности, занимается разработкой информационных технологий и средств обхода Интернет-защиты.

Первые признаки дестабилизации в стране в начале 2011 г. стали для властей Сирии сигналом к повышению уровня контроля над СМИ и сетью Интернет, что позволило на какое-то время задержать формирование протестного движения.

Учитывая то, что попытка смены режима в Сирии была не первой в череде «Арабской весны», а результаты смены режимов в других странах Ближнего Востока представлялись весьма наглядными, президент Б. Асад принял необходимые меры для предотвращения эскалации ситуации в кратчайшие сроки. В свою очередь, сирийские повстанцы, впитавшие опыт ведения информационной войны своих коллег из Египта, представляли серьезную угрозу государственности Сирийской Арабской Республики. «Сирийское повстанческое движение сыграло важную роль в процессе монополизации насилия. С началом восстания, когда легитимная власть потеряла монополию на использование силы, нарушилось централизованное государственное руководство Сирии»[3].

Предводители сирийской оппозиции от «доброжелателей» извне контрабандой получали необходимые технические средства и программное обеспечение для записи и публикации оппозиционных материалов. К июлю 2011 г. видеозаписи сирийских оппозиционеров регулярно публиковались на видеохостинге Youtube[4], а международный канал Аль-Джазира, освещая события в Сирии, использовал и продолжает использовать видеозаписи, которые предоставляет оппозиция[5]. Спустя несколько месяцев локальные столкновения полиции и оппозиционных сил переросли в полномасштабную гражданскую войну, а международные СМИ продолжили оказывать информационную поддержку оппозиционным силам.

Как уже было сказано, лидеров оппозиции в Сирии «обучали» проведению информационно-психологических операций в условиях военного конфликта. В режиме онлайн они черпали знания и опыт у «коллег» из Туниса и Египта, поднаторевших в борьбе с властью. По окончании такого «онлайн-курса» группа активистов, называющая себя «The Calendar of Freedom», продемонстрировала все разнообразие методов манипуляции массовым сознанием, среди которых: окраска воды крупнейших в Дамаске фонтанов в красный цвет, символизировавший кровь убитых; размещение лазерной анимации на здании президентского дворца; наклейки на дорожные знаки с именами людей, убитых силами государственной безопасности; запуск воздушных шаров с символикой оппозиции; антиправительственные граффити; печать и распространение информационных бюллетеней; создание учебных видеофильмов[6]. 220 миллионам человек из более чем 100 стран мира, составляющих аудиторию канала Аль-Джазира, демонстрировали вышеуказанные действия повстанцев в контексте борьбы за свободу и равенство в Сирийской республике.

Среди инструментов КМ особое место занимают неправительственные организации. При попытке смены режима в Сирии некоторые из них активно поддерживали оппозицию и накаляли ситуацию в стране. Так, международная организация журналистов «Reporters sans frontières» («Репортеры без границ») на протяжении всего конфликта создавала в лице президента Б. Асада образ тирана и диктатора, тем самым формируя определенное отношение у аудитории. Кроме того, еще в 2005 году RSF издала специальную брошюру[7] для блоггеров и диссидентов, где содержится информация об обходе Интернет-блокировок, сокрытии IP-адреса и о многом другом, что использовали оппозиционеры для осуществления коммуникации.

RSF долгое время позиционировала себя как независимая НКО, преследующая высокие принципы борьбы с бесправностью и жестокостью «авторитарных режимов». Однако впоследствии генеральный секретарь RSF Робер Менар признал, что, по большей части, бюджет организации формируется за счет «американских организаций, тесно связанных с внешней политикой США»[8]. По заявлению главы RSF, ее финансирование осуществляли такие организации, как «Открытое общество» (Open Society Foundation), учрежденная известным своей репутацией Джорджем Соро-

---

[1] George W. Bush Institute and Freedom House to Convene Freedom Activists. Human Rights and Internet Experts to Assess Global Cyber Dissident Movement. 2010. – www.businesswire.com/news/home/20100330006873/en/George-W.-Bush-Institute-Freedom-House-Convene

[2] cyberdissidents.s3-website-us-east-1.amazonaws.com/index.html

[3] Mehmet O. Transborder violence: the PKK in Turkey, Syria and Iraq // Dynamics of Asymmetric Conflict. 2014. – Vol. 7, Issue 1. – P. 39.

[4] Preston J. Seeking to disrupt protesters, Syria cracks down on social media // New York Times. – www.nytimes.com/2011/05/23/world/middleeast/23facebook.html?_r=1&ref=syria

[5] Al Rifai D. P. Strickland. Syria bombs Douma despite use of human shields. – www.aljazeera.com/news/2015/11/syria-bombs-douma-human-shields-151103171542946.html

[6] Atassi B. A colourful uprising in Damascus. – www.aljazeera.com/indepth/features/2011/12/201112111054368238 41.html

[7] «Reporters without borders» organization. Handbook for bloggers and cyber-dissidents. 2005.

[8] Энгдаль Ф.У. Похоже, у «Репортеров без границ» есть и геополитические цели // Onlinejournal. – inosmi.ru/usa/20100507/159781224.html

сом, Агентство международного развития США (USAID) и Национальный фонд за демократию американского Конгресса.

Весьма эффективными с точки зрения коммуникационного менеджмента оказались новостные репортажи таких медиа-агентств, как BBC, Аль-Джазира и CNN. О связях канала BBC и оппозиции было известно давно. Однако после того как в 2012 году канал представил репортаж о том, как оппозиция готовила пленного сирийской армии в качестве камикадзе[1], общественность выразила недовольство относительно сомнительных связей BBC, после чего видео было удалено с сервера канала. В арсенале BBC также присутствуют и визуальные манипуляции – канал использовал фотографии жертв иракского конфликта, обвиняя сирийское руководство в резне[2].

Создание источника данных и представление его в качестве авторитетного представляет особый интерес в контексте коммуникационного менеджмента. Как пишет Грег Саймонс, 20 мая 2012 года была создана базирующаяся в Великобритании неправительственная организация Syrian Observatory for Human Rights (Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека), и западные СМИ довольно часто в своих репортажах ссылаются на данный источник как на авторитетный[3], не говоря, впрочем, о том, что организацию представляет по сути один человек – Осама Али Сулейман, диссидент Сирии, покинувший страну в 2000 году и проживающий в Великобритании в качестве политического беженца. Сложно представить, что данные, предоставляемые столь предвзятым источником, могут быть объективны.

Медиа-гигант Аль-Джазира также не раз доказывал свою приверженность силам оппозиции в Сирии. Бывший корреспондент канала Али-Хашим (Ali Hashem), в интервью RT поведал о том, как сотрудники катарского медиахолдинга представляют общественности ситуацию в Сирии. Журналист рассказал о предвзятой трактовке ситуации не только в Сирии, но и в Бахрейне. Когда Али Хашим представил редакции фото боевиков, переходящих границу Сирии для помощи повстанцам, администрация канала «попросила его забыть увиденное»[4]. Кроме того, журналист рассказал и о технической поддержке сирийской оппозиции со стороны канала Аль-Джазира путем контрабанды спутниковых устройств связи в Сирию через границу с Ливаном. Али Хашим и продюсер бейрутского отделения Муса Ахмад (Mousa Ahmad) подали в отставку, назвав канал политическим инструментом, который используется против сирийского президента.

Важно отметить, что лексика также используется в качестве инструмента коммуникационного менеджмента для формирования «выгодной» интерпретации событий. На основе полученной информации из СМИ человек формирует концепты собственной картины мира. С опорой на данный тезис были изучены материалы таких медиаагентств, как BBC, Аль-Джазира и CNN, и определены методы воздействия, относящиеся к коммуникационному менеджменту. Как показал семантический анализ статей и репортажей вышеуказанных СМИ, выбор лексических конструкций создавал негативное, предвзятое отношение к таким предметам повествования, как «руководство Сирии», «сирийская армия» и «правительство Сирии». С помощью семантико-стилистических синонимов представлялась определенная оценочная характеристика действиям как сирийского руководства, так и действиям оппозиции, где последние представлялись в качестве «борцов за свободу и демократию», а легитимный президент Б. Асад – в крайне негативном свете «жестокого диктата». Так, в частности, для описания действий повстанцев выбирались слова с нейтральными или положительными коннотациями, для обозначения действий президента – более эмоционально-окрашенные слова или слова, имеющие отрицательные коннотации.

Использование дайджестов также стало излюбленным инструментом BBC. Данный формат новостных сообщений построен на упрощении взгляда на сложную, комплексную проблему гражданской войны в Сирии и составлен из таких сообщений, которые позволяют представить события просто, но односторонне. Овеществление в качестве лексического приема также часто применялось в новостных хрониках международных медиа-холдингов. Суть метода состоит в том, что к неодушевленным предметам приравниваются те люди, которых необходимо представить в негативном контексте, в противоположном ключе выстраивается текст, если необходимо его позитивное восприятие. Так, в одной и той же статье использовались формулировки «антиправительственные активисты» и «государственные СМИ Сирии»[5]. Кроме того, в материалах западных медиа используются такие приемы как метафоры, «штампы» и другие средства, которые с высокой долей вероятности направлены на формирование определенной точки зрения о событиях в Сирии.

Риад Хаддад, чрезвычайный и полномочный посол Сирийской Арабской Республики в РФ, на конференции, организованной изданием «Новое Восточное Обозрение» (НВО) заявил, что «все, что происходит в Сирии, – это совокупность разных видов войн: классической, бандитской, уличной, а также дипломатической, экономической, политической, психологической, интеллектуальной, и, самое главное, информационной и электронной»[6]. Он упомянул атаки на электронную версию сирийского информационного агентства «САНА» со стороны США, а также запрет на спут-

---

[1] Syrian rebels try to use prisoner for suicide bombing // BBC. – www.bbc.com/news/world-middle-east-19342917

[2] BBC News uses 'Iraq photo to illustrate Syrian massacre // Telegraph. – www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/9293620/BBC-News-uses-Iraq-photo-to-illustrate-Syrian-massacre.html

[3] Сирия: более 45 погибших в результате двойного взрыва в Хомсе // BBC. – www.bbc.com/russian/news/2016/02/160221_syria_homs_blasts

[4] «No independent journalism anymore» – ex-Al Jazeera reporter // Russia Today. 2012. – www.rt.com/news/hashem-al-jazeera-resignation-523/

[5] Сирия: более 45 погибших в результате двойного взрыва в Хомсе // BBC. – www.bbc.com/russian/news/2016/02/160221_syria_homs_blasts

[6] Хаддад Р. Электронные средства массовой информации и их роль в войне против Сирии // Новое Восточное Обозрение. – ru.journal-neo.org/2013/12/04/rus-e-lektronny-e-sredstva-massovoj-informatsii-i-ih-rol-v-vojne-protiv-sirii/

никовое вещание сирийского телевидения через спутники Арабсат и Найлсат в рамках введенных санкций. По мнению г-на Хаддата, применение подобных мер направлено на сокрытие правды от мировой общественности о том, что действительно происходит в Сирии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что конфликт будет продолжаться, но с различной интенсивностью. Уместно сказать, что руководство Соединенных Штатов стремится к установлению неконтролируемой ситуации по примеру Ливии, также возможен вариант с выдвижением лояльного Западу «демократического лидера» из числа сил оппозиции. В 2016 году США выделило 1,3 млрд. долл. на содержание и обмундирование «умеренной» сирийской оппозиции[1]. Тем не менее, в этом контексте нельзя не отметить ключевое противоречие процесса внешнего вмешательства США посредством КМ, а именно отсутствие корреляции разработанных технологий КМ и общей стратегии США, спущенной «сверху»[2], которая зависит, как было сказано, от интересов элит, причем не всегда согласованных.

Б. Асаду удалось удержать власть, но, к сожалению, одновременно с этим усилился радикализм оппозиционных сил, и появилась более серьезная угроза на Ближнем Востоке – Исламское Государство[3] (ДАИШ). Ряд факторов позволил легитимному руководству Сирии удержать рычаги управления:

- запрет трансляции западных СМИ на территории Сирийской Республики на начальных этапах развития конфликта;
- блокирование работы радиостанций и Интернет-ресурсов;
- реализация курса на противодействие пропаганде и доведение фактических данных до мирового сообщества и населения собственной страны;
- введение уголовной ответственности за разжигание гражданской войны;
- поддержка легитимного режима Асада со стороны России как в информационном пространстве, так и путем проведения операции ВКС РФ;
- активная защита Сирией своей позиции на международной арене;
- фактор поддержки дружественного режима Ирана.

В данный момент информационная война продолжается. Сирия продолжает бороться за свое право на независимость, собственные геополитические интересы и право их отстаивания на международной арене.

На наш взгляд, развитие событий в Сирии имело, как минимум, два сценария развития. Сирийское общество могло пойти путем реформ, способствующих развитию общества и устранению существующих социальных и экономических проблем, и путем протестов, что в действительности и произошло. Первый вариант вызывает сомнения относительно возможности его осуществления, так как внешние акторы, как бы то ни было, стали бы препятствовать выработке национально-ориентированных альтернатив решения существующих проблем и противоречий, используя, прежде всего, отработанные технологии «оранжевых революций».

В начале протестов в Сирии деструктивные силы были представлены под видом демократической оппозиции, которая формировалась на протяжении нескольких лет до Арабской весны. После эскалации конфликта оппозиции и властей Сирии технологии КМ способствовали созданию образа «мучеников» и «защитников демократии», где существенную роль сыграли СМИ. В контексте данной ситуации они разделились на тех, кто провоцирует конфликт, и тех, кто выявляет фактические материалы и доносит до мировой общественности неискаженную информацию. При всем своем многообразии в XXI веке СМИ теперь не только рассказывают о тех или иных событиях, но и создают их. В случае попытки смены режима в Сирии, СМИ выступают в качестве инструмента КМ, используемого внешними силами для поддержки перманентной напряженности и формировании позитивного образа сил оппозиции.

Учитывая то, что идеальных правительств не бывает, более того, практически в каждой стране есть проблемы, которые с помощью технологий коммуникационного менеджмента можно «обострить», угрозе осуществления сирийского сценария подвергаются практически все государства. Само зарождение оппозиции в любой стране строится на «коррупции и разложении правящих элит»[4], которые используются заинтересованной стороной в нужном им русле. Коммуникационный менеджмент позволяет развить и ускорить деструктивные процессы. Пока подобные сценарии осуществляются лишь в отношении «неугодных США режимов». «Ядром» защиты от такого рода угроз, с условием сохранения самостоятельной политического курса, может стать *поступательное социально-экономическое развитие*, а «защитным поясом» ядра – выстроенная *система контрмер,* имеющая в качестве основы коммуникационный менеджмент.

---

[1] The U.S. Department of Defense. DoD Releases Fiscal Year 2016 Budget Proposal. Release No: NR-031-15. 2015. – dod-cio.defense.gov/Portals/0/Documents/Library/2016%20Press%20Release.pdf

[2] Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии глобального влияния и управления. – М., 2014.

[3] Организация запрещена в РФ.

[4] Пашенцев Е.Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: современные технологии глобального влияния и управления. – М., 2014.

Васильева Л.В.
к.э.н., в.н.с. Финансового университета
vasilieval@yandex.ru

СИСТЕМА КЛАССИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ[1]

Ключевые слова: *промышленная политика, импортозамещение, теория импортозамещения, классификационные признаки.*
Keywords: *industrial policy, import substitution, the theory of import substitution, classification features.*

В настоящее время проблема импортозамещения является стратегическим приоритетом промышленной политики в России, от решения которой во многом зависит обеспечение национальной (экономической) безопасности страны. Импортозамещение рассматривается в качестве инструмента, используемого для повышения конкурентоспособности отечественной продукции [1, 2]. Наполнение программы импортозамещения конкретными проектами и мероприятиями модернизации и развития отраслей и регионов требует проведения тщательного анализа их возможностей развития. Одной из ключевых задач является поиск форм, методов и механизмов реализации программы импортозамещения, в частности – оценка потенциала импортозамещения отраслей и регионов (субъектов) РФ [3]. Успешность реализации намеченных мероприятий зависит от научного обоснования подходов к разработке механизмов государственного регулирования. В свете этого актуальным является разработка методологических и методических основ импортозамещения.

В экономических исследованиях понятие «импортозамещение» не имеет однозначного толкования, поскольку это живой процесс, проходящий в своем развитии различные этапы в соответствии со стратегией государства и глобальными тенденциями. Соответственно, с учетом динамичности процесса, требуется периодическая систематизация параметров в данной сфере для идентификации и прогнозирования, обоснования мер регулирования. Это достигается проведением классификации по ряду существенных признаков, отражающих свойства и характеристики объекта.

Обзор публикаций по развитию теории импортозамещения

Первые работы по теоретическому обоснованию импортозамещения принадлежат немецкому экономисту Фридриху Листу, который, выдвинув идею поддержки национальной экономики на основе политики протекционизма, считал это уместным лишь на определённой стадии экономического развития – при переходе от земледельческого состояния к промышленному [4]. По его мнению, меры ограничения международной торговли нежелательны и даже наносят вред экономике в период подъема национальной промышленности. С другой стороны, политика протекционизма эффективна только там, где существуют условия для промышленного развития. Идеи Ф. Листа получили развитие в середине XIX века с началом индустриализации в Европе и практически все страны, ставшие на этот путь, прошли через стадию импортозамещения. Существенно позже их осуществляли импортозамещение страны Азии, Африки и Латинской Америки. В значительной степени это объяснялось структурой колониальной экономики, высокой прибыльностью экспорта сырья, неразвитостью национальной промышленности. Ситуация изменилась в первой половине XX века со снижением цен на сырье и значительным отставанием от развитых стран, а во второй половине XX в. с распадом колониальной системы доктрина импортозамещения окончательно укрепилась во многих развивающихся странах [5, 6, 7, 8].

Дальнейшее развитие теория импортозамещения получила в работах британского экономиста Ганса Зингера и аргентинского экономиста Рауля Пребиша [9]. Г.Зингер в рамках теории «большого толчка» впервые предложил использовать импортозамещение и развитие собственной производственной и социальной инфраструктуры, чтобы дать импульс для развития всей экономики и самоподдерживающегося роста [5]. Опираясь на его идеи, Р. Пребиш на основе эмпирического материала выдвинул гипотезу, суть которой заключалась в том, с течением времени под влиянием различных факторов, в том числе из-за разной эластичности спроса, соотношение динамики цен на сырье и готовую продукцию существенно изменялось в пользу готовой продукции. С течением времени разрыв только увеличивается. Поэтому опережающее развитие наблюдалось у стран с развитой обрабатывающей промышленностью, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью [7, 10, 11, 12, 13]. В последующем идеи Р. Пребиша нашли поддержку в работах бразильского экономиста Селса Фуртадо.

Представители неокейнсианской школы Х. Ченери, М. Бруно, А. Страуг, Н. Картер рассматривали промышленное импортозамещение как одну из целей экономического развития. Согласно их модели «экономического роста с двумя дефицитами» (дефицит сбережений и внешнеэкономический дефицит) экономическое развитие системы обес-

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-02-50045.

печивается за счёт замены внешних источников заимствования на внутренние, а импортных товаров на отечественные [14].

Вопросам теории и методологии импортозамещения в разных аспектах посвящены работы современных российских и зарубежных ученых. Американский экономист П. Линдерт изучал сферу международной торговли и влияние импортозамещения на изменение ее условий [15]. Динамику макроэкономических процессов во взаимосвязи с импортозамещением анализировали Киреев А.П., Кадочников П.А. [16, 17]. Региональные аспекты развития импортозамещающих производств рассматриваются Зайцевым Д.Н., Исмагиловой Л.Р. [18, 19]. В контексте обеспечения экономической безопасности изложена данная проблема у Семеновой Н.И., Утяцкого С.П. [20]. Исследования российских ученых в сфере импортозамещения активизировались после кризиса 2008–2009 гг. и в еще большей степени – с введением в 2014 году экономических санкций. Следует отметить, что как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе на сегодня не завершено создание целостной теории импортозамещения, исследования носят фрагментарный характер. Актуальными вопросами являются уточнение понятийного аппарата и развитие системы классификационных признаков импортозамещения.

Уточнение понятийного аппарата

В экономической литературе можно встретить разные варианты определения понятия «импортозамещение». Обзор мнений исследователей представлен был нами ранее в работе [3]. В основном импортозамещение трактуется как уменьшение объема импортных товаров и увеличение объема национального производства (Калашникова Т.М. [21], Зайцев Д.Н. [18], Румянцева Е.Е. [22], Баранов Э.Ф., Волкова Н.Н. [23], Елецкий Н.Д. [24 и др.). При этом выделяются различные аспекты проблемы, касающиеся направленности, механизмов регулирования и пр. (роль государства в регулировании реализации программы импортозамещения; стимулирование, возрождение и рост производства; необходимость структурных преобразований для реализации импортозамещения; повышение уровня технологичности продукции; обеспечение экономической безопасности страны) [22; 26–36]. Фрагмент выполненного обзора публикаций с позиций уточнения понятийного аппарата представлен в табл. 1.

Таблица 1

Трактовка понятия «импортозамещение» в работах российских ученых (фрагмент)

Авторы	Определение импортозамещения
Кадочников П.А. [17]	Импортозамещение – увеличение производства и внутреннего потребления отечественных товаров при снижении потребления импортных товаров (в физическом выражении).
Зайцев Д.Н. [18]	Под импортозамещением можно понимать относительное уменьшение или прекращение ввоза в страну определенного товара в связи с организацией производства того же или аналогичного товара на месте.
Назарчук Е.Н. [14]	Импортозамещение … увеличение производства отечественной продукции при снижении потребления импортных товаров (только для товаров, по которым такое замещение возможно и экономически целесообразно). Импортозамещаемый элемент … часть изделия либо услуга импортного производства, которые можно заменить отечественным аналогом.
Лукьянчук Е. [6]	Импортозамещение – процесс сокращения или прекращения импорта определенных товаров путем их замещения на внутреннем рынке страны аналогичными отечественными, адекватными или обладающими более высокими потребительскими свойствами и стоимостью не выше импортных.
Береснев П. [37]	Под импортозамещением имеется в виду изменение определенных производственных процессов, введение новых механизмов, которые позволят развивать собственные производства и вытеснять иностранный товар.
Елецкий Н.Д. [24]	Импортозамещение – уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране того же или аналогичных товаров
Гучетль Р.Г., Тётушкин В.А. [38]	Под импортозамещением следует понимать процесс оптимизации структуры экономики страны и региона путем создания дополнительных производств и отраслей, способных заменять импорт, позволяющих делать экономику независимой от внешних рисков, внешнеэкономических связей, внешних сговоров монополий и группировок стран, способных наносить ущерб странам-импортерам путем подрыва их стабильности и устойчивости, удорожания поставок комплектующих товаров, сырья, продовольствия.
Трюэль Ж.-Л., Пащенко Я.Н. [29]	Импортозамещение – политика содействия повышению конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе
Жиронкин С.А.. Колотов К.А. [27]	Неоиндустриальное импортозамещение в российской экономике – политика государства, направленная на восстановление конкурентоспособной обрабатывающей промышленности и инновационное развитие базовых отраслей.
Бодрунов С.Д. [39]	Импортозамещение – это снижение доли импортируемой продукции на внутреннем рынке (не тотальное снижение, а снижение рисков в сферах экономической и оборонной безопасности, доступности передовых технологий, продовольственной и товарной зависимости).
Клейнер Г.Б. [28]	…Осознание необходимости комплексного всестороннего развития экономики, критического повышения ее устойчивости и целостности. Импортозамещение здесь выступает не только как процесс, но и как своеобразный индикатор результативности этого движения.
Ершов А.Ю. [40]	Под импортозамещением следует понимать, прежде всего, увеличение производства отечественной продукции при снижении потребления импортных товаров (только для товаров, по которым такое замещение возможно и экономически целесообразно). Следовательно, импортозамещающая продукция – это продукция отечественных товаропроизводителей, вытесняющая с рынка импортный аналог в силу своих более привлекательных потребительских свойств.

Старовойтова О.В. [41]	Импортозамещение – часть протекционистской политики, которая направлена не на дискриминацию и ограничение импорта, а на стимулирование национального производства и производителя.
Информационно-аналитический портал Импортозамещение.ру [42]	Импортозамещением называется замещение импорта товарами, произведёнными отечественными производителями, то есть внутри страны. Для замещения импорта национальными товарами могут быть использованы таможенно-тарифное (пошлины) и нетарифное (квоты, лицензирование ввоза) регулирования, а также субсидирование производств внутри страны.

По нашему мнению, трактовка термина «импортозамещение» должна отражать целеполагание и позиционирование этой программы не только в контексте подъема национальной промышленности и наполнения внутреннего рынка, но и в русле мировых процессов преобразования экономики – как этап преодоления критической импортозависимости экономики страны и создания основы для перехода к новому технологическому укладу. С учетом этого было разработано авторское определение импортозамещения, отличающееся от существующих ориентированностью на технологическое развитие и перспективы индустриализации: «импортозамещение – это направление экономической (промышленной) политики государства, нацеленное на рациональное замещение импортных товаров отечественными на внутреннем рынке в процессе поэтапных структурных преобразований экономики, развитие несырьевых экспортоориентированных высокотехнологичных отраслей промышленности, повышение конкурентоспособности продукции на внешнем рынке и позволяющее увеличить долю продукции страны в глобальных цепочках добавленной стоимости, оптимизировать экспортно-импортный профиль» [3].

Система классификационных признаков импортозамещения

Классификация импортозамещения по ряду существенных признаков позволяет систематизировать разнообразные характеристики (параметры, свойства) этого процесса, установив взаимосвязи между ними. Это дает возможность выявить существующие и потенциально возможные проблемы, оптимизировать инструментарий их решения и, в итоге, повысить эффективность мер импортозамещающей политики.

Классификации экономических объектов выполняются с использованием двух основных методов – иерархического и фасетного, отличающихся стратегией применения классификационных признаков. При иерархическом методе классификации начальное множество объектов последовательно делится на классы разных уровней, совокупность подчиненных группировок образует при этом иерархическую древовидную структуру. Количество уровней характеризует глубину классификации. Преимущества данного метода заключаются в его простоте и возможности использования независимых классификационных признаков в различных ветвях иерархической структуры. Однако при этом формируется жесткая структура взаимосвязей между отдельными классификационными группировками, не дающая возможности группировать объекты по изменившемуся сочетанию признаков. Особенностью фасетного метода является несвязанность признаков между собой и параллельное разделение множества параметров на независимые классификационные группировки. Такой подход отличается большей гибкостью, возможностью регулировать число признаков и группировок и увеличивать информационную емкость путем выделения общих и частных классификационных группировок [43]. Общим правилом построения классификаций является выбор метода ее построения в зависимости от целевого назначения и обоснование классификационных признаков. Обобщенно, в качестве признаков классификации используются свойство или характеристика объекта, по которому производится классификация.

В экономической литературе выработалось несколько подходов к классификации (типологии) импортозамещения. Существующие классификации выполнены в основном с использованием фасетного метода. Наиболее распространенными являются такие признаки, как подходы и модели импортозамещения, объекты, фазы, сферы реализации данного процесса. В табл. 2 приведено обобщение классификационных признаков импортозамещения для зарубежных стран [14, 40, 41, 44].

Таблица 2

Классификационные признаки импортозамещения (специфика зарубежных стран)

Группы стран	Страны	Модель импортозамещения	Цель импортозамещения
Развитые страны	Страны ЕС	Импортный протекционизм	Повышение уровня производства сельскохозяйственной продукции
	США	Импортный протекционизм	Защита от экспансии (азиатских и европейских конкурентов)
	Япония	Импортозамещение	Самообеспечение
Развивающиеся страны	Страны БРИКС	Внутри- и внешнеориентированное, комбинированное импортозамещение	Самообеспечение, выход на внешние рынки, выравнивание платежного баланса, снижение уровня безработицы и инфляции.
	Страны НИС	Внешнеориентированное импортозамещение	
	Страны ЦВЕ	Импортный протекционизм	Повышение уровня производства сельскохозяйственной продукции
	Страны СНГ	Комбинированное импортозамещение	Самообеспечение, защита отечественных производителей от иностранной конкуренции на внутреннем рынке.

* Страны ЕС (Европейского союза);
** Страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика;
*** Страны НИС (Новые индустриальные страны) ;
**** Страны ЦВЕ – (Страны Центральной и Восточной Европы);
***** Страны СНГ (Содружество независимых государств.

В последнее десятилетие активизировались исследования российских экономистов в области теории классификации импортозамещения, развития системы классификационных признаков (табл. 3).

Таблица 3

Развитие системы классификационных признаков импортозамещения (фрагмент)

Признаки классификации импортозамещения	Группы объектов	Авторы
Позиционирование с контексте различных экономических теорий	Экономический процесс	Симановская М.Л., Силантьева Е.С. [44].
	Экономическая категория	
	Экономическая политика	
Взаимосвязь со стратегиями экономической трансформации	Форма импортозамещения	Самусева Л.А. [45].
	Форма экспортной ориентации	
Стратегии	Ориентированная на внутренний рынок	Ершов А.Ю., Назарчук Е.Н., [40,14].
	Ориентированная на внешний рынок	
	Комбинированная (смешанная)	
	Опережающая	Старовойтова О.В. [41].
	Догоняющая	
Цели	Импортозамещающая индустриализация	Загашвили В.С. [5].
	Импортозамещающая диверсификация	
	Вынужденное импортозамещение	
Направления реализации	Ориентированное на инвестиционный спрос	Назарчук Е.Н., Ершов А.Ю., Левченко Л.В., Иванова Н.И., Духовницкая О.И. [14,40,46,47].
	Ориентированное на потребительский спрос	
Подход к реализации	Меры протекционизма	Симановская М.Л., Силантьева Е.С. [44].
	Увеличение страновой конкурентоспособности и конкурентоспособности национальных компаний	
Вид	Традиционное (индустриальное)	Старовойтова О.В. [41].
	Инновационное	
	Догоняющее	Красоченкова Н.П. [32].
	Инновационное	
	Принудительное	
	Упреждающее	
Степень государственного регулирования	Государственная политика	Старовойтова О.В. [41].
	Экономический процесс	
Уровень реализации	Макроуровень	Назарчук Е.Н., Ершов А.Ю., Старовойтова О.В. [14,40,41].
	Мезоуровень	
	Микроуровень	
Используемые инструменты	ограничительные	Старовойтова О.В. [41].
	стимулирующие	
Фазы реализации	Стимулирование внутреннего производства потребительских товаров	Левченко Л.В. [46].
	Поддержка выпуска товаров производственного назначения, в т.ч. оборудования	
Объекты импортозамещения	Продукция	Назарчук Е.Н., Ершов А.Ю. [14,40].
	Услуги	
	Оборудование, технологии	
	Сырье, материалы, комплектующие	
Модели	На основе собственных ресурсов и (или) технологий	Назарчук Е.Н., Ершов А.Ю. [14, 40].
	На основе совместных предприятий	
	На основе импортных ресурсов и (или) технологий	
Доступность (возможность, реальность) реализации импортозамещения в отраслях	Импортозамещение не требуется	Фальцман В.К. [30].
	Импортозамещение затруднено	
	Импортозамещение возможно	
Капиталоемкость импортозамещения	Инвестиционно-емкое	Старовойтова О.В. [41].
	Инвестиционно-сберегающее	
Назначение импортозамещающей продукции	Потребительские товары	Старовойтова О.В. [41].
	Промежуточные товары	
	Инвестиционные товары	
	Услуги	
Значимость импортозамещающей продукции	Стратегическая	Старовойтова О.В. [41].
	Критически важная	
	Социально значимая	
Специализация конкурентоспособности	По цене	Старовойтова О.В. [41].
	По качеству	
Производственная база импортозамещения	На базе существующего производства	Назарчук Е.Н. [14].
	На базе вновь созданного производства	

Обзор существующих систем классификации импортозамещения свидетельствует о том, что они находятся в постоянном развитии в направлении расширения спектра и увеличения глубины детализации для повышения информационной емкости классификационных признаков. Представленные в табл. 3 признаки позволяют определить место импортозамещения в экономической теории, исследовать управленческие аспекты и производственно-технологические особенности этого процесса. Однако глобальные тенденции экономического развития и динамичность происходящих процессов определяют необходимость совершенствования теоретических и методологических подходов к исследованию явлений, в частности, в плане теории классификации. На основе обобщения и анализа существующих подходов, их развития, нами разработана система классификационных признаков импортозамещения. В авторской редакции даны уточнения отдельных ранее разработанных признаков и (или) выделяемых групп объектов, а также предложения по дополнению этого перечня новыми позициями: глобальные цели, временная продолжительность, импортозависимость отраслей, потенциал импортозамещения, направления инвестиционной политики и другие (табл. 4). Главное отличие нашего подхода заключается в том, что предложенная система классификационных признаков позволит обосновать меры государственного регулирования процесса импортозамещения с учетом глобальных целей, потенциала импортозамещения отраслей и регионов, стратегии привлечения инвестиций.

Таблица 4

Авторская система классификационных признаков импортозамещения

Признаки классификации импортозамещения	Группы объектов
Частичное изменение (уточнение) существующих признаков	
Стратегии	Насыщение внутреннего рынка
	Выход на внешний рынок
	Комбинированная
Цели	Индустриализация
	Диверсификация
	Неоиндустриализация
	Самообеспечение
Внешнеэкономическая политика	Протекционизм
	Эспортоориентированность
Вид	Догоняющее
	Инновационное
	Принудительное
Степень государственного регулирования	Государственная политика
	Экономический процесс
Уровень реализации	Макроуровень
	Мезоуровень
	Микроуровень
Используемые инструменты	Ограничительные
	Поддерживающие
	Стимулирующие
Объекты импортозамещения	Продукция
	Услуги
	Сырьевые ресурсы
	Оборудование, технологии
Виды импортозамещающей продукции	Потребительские товары
	Промежуточные товары
	Инвестиционные товары
	Услуги
Производственная база импортозамещения	Существующее производство
	Вновь созданное производство
Предложения автора по дополнению классификационных признаков импортозамещения	
Глобальные цели (цели долгосрочной перспективы)	Самообеспечение
	Увеличение доли национальной продукции в глобальных цепочках добавленной стоимости
	Неоиндустриализация
	Увеличение экспорта несырьевых видов продукции
	Национальная безопасность
Временная продолжительность программ импортозамещения	Долгосрочные
	Среднесрочные
	Краткосрочные
Этапы реализации импортозамещения	Период защиты национального производства (протекционизм)
	Постепенное смягчение ограничений во внешнеэкономической деятельности
	Стимулирование международной интеграции
Сырьевое и технологическое обеспечение	Собственные ресурсы и (или) технологии
	Некритичный уровень импорта ресурсов и (или) технологий
	Импортные ресурсы и (или) технологий
Потенциал реализации импортозамещения	Высокий (возможно полное импортозамещение)
	Средний (возможно расширенное (секторальное) импортозамещение)

	Низкий (возможно локальное импортозамещение)
Состояние импортозависимости отраслей	Критичное (более 80% импорта, импортозамещение не реально в средне-срочной перспективе))
	Зависимое (доля импорта более 20%)
	Мало зависимое (доля импорта менее 20%)
Формы организации производства	Самостоятельное производство
	Единичное кооперационное взаимодействие
	Кластеры
Направления инвестиционной политики	Привлечение внутренних инвесторов
	Привлечение внутренних инвесторов
	Комбинированное
Приоритетные отрасли	Все виды экономической деятельности
	Перерабатывающая промышленность
	Высокотехнологичные отрасли промышленности
	Отдельные виды экономической деятельности
Ожидаемые результаты	Укрепление позиций страны на мировом уровне
	Улучшение социально-экономического положения
	Структурные преобразования экономики
	Интеграция в глобальную экономику

Список литературы

1. Об утверждении плана содействия импортозамещению в промышленности: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.09.2014 № 1936-р.
2. Доклад «Основы национальной технологической инициативы». – М.: Информационно-аналитический центр «Наука» РАН. 2015. – http://www.labrate.ru/20151229/20151215_strategija-ntr-concept-ras.pdf
3. Васильева Л.В. Подходы к оценке потенциала импортозамещения // Апробация. 2016. – № 11 (50). – С. 98-101.
4. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – СПб.: Издание А.Э. Мартенс, 1891. – 452 с.
5. Загашвили В.С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России. – http://institutiones.com/general/2886-zarubezhnyi-opyt-importozamezcheniya.html
6. Лукьянчук Е. Импортозамещение: зарубежный опыт. – http://www.apteka.ua/article/magazine/786
7. Казначеев П. Об иллюзиях импортозамещения. К чему ведет самоизоляция нефтяной экономики? – http:www//slon.ru/posts/52426
8. Миронова О.А. Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России. – http:research-journal.org/economical/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii
9. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В.В. Вольского, И.К. Шереметьева]. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 221 с.
10. Красильщиков В. А. Пределы импортозамещения. Опыт Латинской Америки и перспективы России. http:www.ng.ru/ideas/2015-06-17/5_america.html
11. Гаман-Голутвина О.В. Страны БРИК: элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Политическая концептология. 2014. – № 3. – С. 117–153.
12. Васильева Л.В. Опыт импортозамещения в странах БРИКС // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.10. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Ч.3. – С. 14–19.
13. Васильева Л.В. Зарубежный опыт импортозамещения: тенденции государственного регулирования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.11. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Ч. 3. – С. 237–241.
14. Назарчук Е.Н. Теоретические и методические основы эффективного импортозамещения на российских промышленных предприятиях / Дисс. ... канд. экон. наук. – Самара, 2007. – 137 с. – http://geum.ru/ec-aref/teoreticheskie-i-metodicheskie-osnovy-effektivnogo-importozamescheniya-na-rossiyskih-promyshlennyh-predpriyatiyah.htm
15. Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей: Пер с англ. / Под общ. ред. О.В. Ивановой. – М.: Прогресс, 1992. – 520 с.
16. Киреев А.П. Международная экономика. В 2-х ч. 4.1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. – М.: Международные отношения, 1997. – 416 с.
17. Кадочников П.А. Влияние импортозамещения на процессы экономического роста в переходной экономике / Дисс… канд. экон. наук. – М., 2005. – 230 с. – http://economy-lib.com/vliyanie-importozamescheniya-na-protsessy-ekonomicheskogo-rosta-v-perehodnoy-ekonomike
18. Зайцев Д.Н. Организация производства импортозамещающей продукции как направление экономического развития региона / Дисс… канд. экон. наук. – Оренбург, 2002. – 175 с. – http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/organizacija-proizvodstva-importozamewajuwej-produkcii-kak-napravlenie.html
19. Исмагилова Л.Р. Развитие экспортоориентированных и импортозамещающих производств как фактор интеграции региона в систему мирохозяйственных связей / Дисс… канд. экон. наук. – Казань, 2004. – 202 с. – http://www.dissercat.com/content/razvitie-eksportoorientirovannykh-i-importozameshchayushchikh-proizvodstv-kak-faktor-integra
20. Семенова Н. И., Утяцкий С. П. Импортозамещение как основа обеспечения продовольственной безопасности России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. – Т. 23. – С. 76–80. – http://e-koncept.ru/2015/95260.htm
21. Территориальная организация хозяйства в современных условиях / Под ред. Т.М. Калашниковой. – М.: МГУ, 1990. – 176 с.
22. Румянцева Е. Г. Новая экономическая энциклопедия. – М.: Инфра-М, 2005. – 724 с.
23. Баранов Э.Ф., Волкова Н.Н. Импортозамещение в динамике внешней торговли товарами в Российской Федерации // Экономические науки. – М., 2013. – № 7. – С. 7–11.
24. Елецкий Н.Д., Столбовская А.Г. Импортозамещение в России: не проблема, а задача // Молодой ученый. 2015. – № 6. – С. 406–408.
25. Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Глумов А.А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 160–172.

26. Березинская О.Б., Ведев А.Л. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы статистики. 2015. – № 2. – С. 103–115.
27. Жиронкин С.А., Колотов К.А. Проблемы и направления развития неоиндустриального импортозамещения в российской экономике. – http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/24/economics/zhironkin-kolotov.pdf
28. Клейнер Г.Б. Импортозамещение как зеркало современной российской экономики // Экономическое возрождение России. – М., 2016. – № 3 (49). – С. 19–26.
29. Трюэль Ж.-Л., Пащенко Я.Н. Импортозамещение и новая индустриализация: возможен ли тандем? // Экономическое возрождение России. – М., 2016. – № 1 (47). – С. 66– 72.
30. Фальцман В.К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. – М., 2015. – № 1. – С. 22–32.
31. Федоськина Л.А. Оценка потенциала импортозамещения региона: теория и практика на примере Республики Мордовии // Региональная экономика: теория и практика. 2016. – № 3 (426). – С. 130–144.
32. Красоченкова Н.П. Национальное инновационное пространство: стратегии и принципы реализации импортозамещения. – http://elib.fa.ru/art2015/bv4186.pdf/download/bv4186.pdf
33. Васильева Л.В. О совершенствовании системы показателей, характеризующих импортозамещение в России // Инновационное развитие российской экономики: матер. IX Международной научно-практической конференции. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – Т. 1.– С. 228–231.
34. Васильева Л.В. Импортозамещение в России в контексте неоиндустриализации // Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм: сб. тезисов выступлений участников Международной научной конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, С.С. Нипа, Т.С. Сухиной. – М.: МГУ, 2016. – С. 72–73.
35. Васильева Л.В. Инновационное развитие в условиях импортозамещения // Управление инновациями – 2016: матер. международной научно-практической конференции. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ) им М.И. Платова, 2016. – С. 43–50.
36. Васильева Л.В. Развитие механизмов государственного регулирования импортозамещения в промышленности // Экономическая наука и развитие университетских научных школ: сб. статей Международной научной конференции «Ломоносовские чтения-2016» / Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. – М.: Эк. фак. МГУ, 2016. – С. 274–281. – http://www.econ.msu.ru/science/News.20161019092841_3500/
37. Береснев П. Политика импортозамещения: история, принципы, примеры. – http://www.bel-jurist.com/page/import-substitution
38. Гучетль Р.Г., Тётушкин В.А. Анализ мероприятий по импортозамещению как элемента экономической безопасности (на примере Тамбовской области) // Научно-практический журнал «Агропродовольственная экономика». – http://apej.ru/article/12-02
39. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация экономики: начнем с импортозамещения // Экономическое возрождение России. – М., 2014. – № 3 (41). – С 5–7.
40. Ершов А.Ю. Формирование импортозамещающей стратегии // Фундаментальные исследования. 2015. – № 8 (часть 2). – С. 374–379. – http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38904
41. Старовойтова О.В. Импортозамещение в условиях малой открытой экономики / Автореф. дисс… канд. эк. наук. – Минск, 2011. – 24 с. – http://dislib.ru/ekonomika/3399-1-ekonomicheskiy-universitet-udk-33956-starovoytova-olga-viktorovna-importozamescheniе-usloviyah-maloy-otkritoy-ekonomiki.php
42. Информационно-аналитический портал. Импортозамещение.ру. – http://importozamechenie.ru/importozamechenie/#comment-area
43. Плескач ВЛ. Информационные системы и технологии на предприятиях. – http://uchebnikionline.com/informatika/informatsiyni_sistemi_i_tehnologiyi_na_pidpriyemstvah-pleskach_vl/klasifikatsiya_ekonomichnoyi_informatsiyi.htm
44. Симановская МЛ Силантьева Е.С. Импортозамещение в аспекте экономических теорий // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2016. – Вып. 56, июнь. – С. 198–219. – http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk__56._ijun_2016_g./ekonomitcheskie_voprosi_upravlenija/simanovskaya_silantieva.pdf
45. Самусева Л.А., Петушкова Е.Н. Генезис теории импортозамещения. – http://www.be5.biz/ekonomika1/r2012/2351.htm
46. Левченко Л.В., Иванова Н.И. Стратегии импортозамещения в мировой экономике: уроки для России. // Экономические науки. – М., 2016. – № 5 (138). – С. 125–128.
47. Духовницкая О.И. Импортозамещение как стратегический ориентир политики правительства Российской Федерации на современном этапе // Новое слово в науке: перспективы развития: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 1 (7). – С. 234–239. – https://interactiveplus.ru/article/16212/discussion_platform

Великая А.А.[1]

РОССИЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *публичная дипломатия, экспертный диалог, большое Евразийское партнёрство, аналитические центры.*

Keywords: *public diplomacy, expert dialogue, the Big Eurasian Partnership, think tanks.*

Сегодня на пространстве большого Евразийского партнёрства – гибкого интеграционного объединения с участием широкого круга стран, входящих в ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, инициатива по формированию которого выдвинута Президентом В.В. Путиным[2], – наблюдается запрос на согласование позиций экспертного сообщества по наиболее острым вопросам международных отношений. Движущей силой данного процесса является публичная дипломатия, связанная с адресной работой с нынешними или будущими элитами иностранных государств (понимаемыми, по определению Г.К. Ашина, как авангард социальной общности, слой людей, играющий решающую, часто огромную роль в социальном процессе[3]).

Следует отметить, что публичная дипломатия является взаимодействием с зарубежным экспертным и гражданским сообществом по вопросам мировой политики и международной безопасности, направленным на отстаивание внешнеполитических интересов собственной страны. Данный термин иногда считают синонимом «мягкой силы» или общественной, народной дипломатии. Однако, это не так: публичная дипломатия является инструментом «мягкой силы»[4], и если в английском варианте она включает в себя общественную, народную дипломатию (people-to-people diplomacy), то в русском эти понятия различаются. Публичная дипломатия предполагает акцент на экспертную аудиторию (Track II Diplomacy), корреляцию с целями официальной дипломатии. То есть, можно сказать, что самым высоким уровнем международного взаимодействия является классическая дипломатия, межправительственное сотрудничество, следующим – публичная дипломатия, экспертное сотрудничество (к примеру, встреча на острове Бойсто, участники которой выдвинули рекомендации по Минским договорённостям), а фундаментальным – общественная дипломатия, направленная на работу с представителями гражданского общества, творческой интеллигенцией, молодыми лидерами (к примеру, культурные форумы стран-участниц СНГ). Именно публичная дипломатия позволяет создать столь необходимое доверие, найти общие точки соприкосновения интересов, сформировать объективное представление о собственной стране.

В настоящее время отношения между многими странами далеко не дружественные, а противоречия лишь нарастают. Наблюдается опасная милитаризация, которая может привести мир к краю той же пропасти, что и в самые драматичные моменты Холодной войны: к примеру, если сравнить выступление президента Кеннеди в Американском университете 1963 года с выступлением там же президента Обамы 2015 года, мы увидим, что если первый употреблял слово «мир» 12 раз, а слова «война» – 28, то сейчас соответствующая пропорция выглядит как 8 к 36[5]. Однако, как отмечал в ходе своей «Примаковской лекции» Генри Киссинджер, экспертная среда всегда осознаёт необходимость диалога, ищет пути мирного сосуществования, использует механизмы «второй дорожки», компромиссные формулировки, доносит до высшего руководства своих стран необходимость деэскалации ситуации. Для этого, безусловно, необходимо глубокое знание ценностей и установок, которыми руководствуется партнёр, осознание национальных интересов другой страны, нахождение точек соприкосновения, на основании которых можно выстраивать долгосрочное сотрудничество.

С помощью публичной дипломатии можно добиться лояльности внешней аудитории – устойчивого положительного или благожелательно-нейтрального отношения к определённой стране. Однако лояльность не всегда является самоцелью, поскольку существует часть внешнеполитической аудитории, интересы которой можно удовлетворить только в ущерб собственным. Так, говоря о такой «ложной лояльности», можно привести пример, когда пару лет на-

---

[1] Великая Анна Алексеевна – к.полит.н., эксперт Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. E-mail: velikaya@gorchakovfund.ru

[2] См. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство. – http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295; Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе встречи с представителями Ассоциации европейского бизнеса, Москва, 25 октября 2016 года. – http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2506106

[3] Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук. – http://www.mgimo.ru/files/138689/vestnik_09-03_ashin.pdf

[4] Sun H.H. International political marketing: a case study of United States soft power and public diplomacy // Journal of Public Affairs. 2008. – Vol. 8, N 3. – P. 165–183.

[5] Zaharna R.S. A Tale of Two Speeches: American Identity and Diplomacy. Aug 6, 2015. – http://uscpublicdiplomacy.org/blog/tale-two-speeches-american-identity-and-diplomacy

зад один видный представитель академических кругов Украины предлагал первоначально урегулировать газовый вопрос для превращения нашего соседа из партнёра в друга[1]. История показала, что дружба в этом случае на рыночной основе не вышла: на экономических началах целесообразнее иметь предсказуемого партнёра, а не переменчивого друга. Способствуют укреплению лояльного отношения «горизонтальные» контакты: крайне важно выстраивать сотрудничество аналитических центров и университетов.

Можно сказать, что одной из задач публичной дипломатии является формирование объективного образа страны на международной арене, причём для этого необходимо использовать современные информационно-коммуникационные технологии, знать портрет людей, являющихся потенциальными получателями информации, проводить исследования по выявлению запросов зарубежной целевой аудитории.

Тот факт, что жители других стран доброжелательно относятся к определённой стране, не означает, что они будут автоматически активно с ней сотрудничать, учиться в её вузах, участвовать в проводимых программах. Следует уделять внимание поощрению активности по отношению к нашей стране. Следует чётко ответить на вопросы: «Чего мы конкретно хотим добиться, от кого? Какова роль в этом анализируемых действий? Каким образом будет оценен результат? Как будет осуществляться послепроектная работа?»

В сфере публичной дипломатии межличностные отношения остаются первостепенными, в силу чего эффективным может быть только адресный подход. Публичная дипломатия требует доверия, причём важно понимать, что в иностранном регионе голос, внушающий наибольшее доверие, принадлежит местным лидерам мнений и аналитическим центрам, – следовательно, для ретрансляции собственной точки зрения необходимо работать именно с ними. Также важно сотрудничать с международными акторами, чьей деятельностью является публичная дипломатия, к примеру, с агентствами по международному развитию. Следует осознавать, что иностранная аудитория лучше воспринимает не слова, а поступки, поэтому при принятии внешнеполитических решений необходимо учитывать её реакцию.

Реальных веских аргументов в пользу определённого курса становится всё меньше, многие государства заявляют о приверженности Уставу ООН, демократическим ценностям, в связи с чем при сравнении стратегий начинает доминировать их эмоциональная составляющая. Представляется, что в самом ближайшем будущем выбор внешнеполитической ориентации будет основываться не только на экономическом прагматизме, но и на эмоциях, отношении и приверженности определённой модели развития. Убедить партнёров в формировании общей модели развития, совместной защите общих интересов и призвана публичная дипломатия, при этом при выстраивании новых интеграционных проектов важно недопущение демонтажа существующей системы связей[2].

Следует отметить, что публичная дипломатия является крайне сложным и многоуровневым процессом. До недавнего времени начинания в сфере российской публичной дипломатии были связаны с межправительственными отношениями или же проектами с творческой и научной интеллигенцией, не охватывая работу с политическими и деловыми кругами. Но за несколько лет в России были предприняты значительные усилия в данном направлении: создан Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, осуществляющий грантовые и собственные программы в данной области; Российский совет по международным делам; Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом; существенные полномочия переданы Россотрудничеству; запущены успешные медиапродукты, такие, как Россия Сегодня, новостное агентство «Спутник», приложение Российской газеты Russia beyond the Headlines, проект «Евразия. Эксперт». Причём данные инициативы имеют крайне важное значение, поскольку бо́льшим доверием пользуются печатные СМИ, именно они останутся ключевыми для business to business communication[3] – направления, крайне важного для публичной дипломатии.

Среда для функционирования российской публичной дипломатии крайне благоприятна: Россия находится на седьмом месте в мире по количеству нобелевских лауреатов; на лучших мировых площадках с триумфом проходят концерты Валерия Гергиева, Дениса Мацуева, Николая Луганского, Анны Нетребко; выступления российских спортсменов, проведённая в Сочи Олимпиада вызывают восхищение во всём мире – по словам президента Международного Олимпийского Комитета Томаса Баха, в Сочи гости приехали с глубоким почтением к богатой и разнообразной истории России, а уехали как её друзья[4]. Также Россия предпринимает всё больше шагов в гуманитарной области: в соответствии с заявлением ООН, наша страна вышла на первое место в мире по количеству обращенных к ней просьб об убежище (275 000 человек, 99% из которых составляют граждане Украины)[5]; кроме того, было подписано соглашение о создании Трастового фонда «Российская Федерация – Программа развития ООН в целях развития»[6], представляющего собой устойчивый финансовый механизм реализации помощи России с первоначальным финансированием в размере 25 млн. долларов на проекты ПРООН (прежде всего, в государствах-участниках СНГ). Данные события, формирующие положительный образ страны за рубежом, создают плодотворную почву для российской публичной дипломатии.

---

[1] Круглый стол «Россия и Украина: контуры внешней политики на 2013 год» (из личного архива автора).

[2] См.: Богатуров А.Д. «Украинский вызов» и альтернативы внешней политики России // Международные процессы. – М., 2014. – Т. 12, № 4. – С. 6–16.

[3] Defining the new business marketing culture // Marketing & Media Decisions.1985. – Vol. 20. – P. – Karl y.com/pubs/pdfs/defining_new_culture.pdf

[4] Olympics closing ceremony is trip through Russian culture. Steve Almasy, CNN. – http://www.cnn.dk/2014/02/23/sport/olympics-closing-ceremony/index.html?iid=article_sidebar

[5] UNHCR. Forced displacement in 2014. – http://www.unhcr.org/556725e69.html

[6] Соглашение о создании Трастового фонда в целях развития. – http://www.undp.ru/documents/Agreement_Russia-UNDP%20Trust%20Fund%20for%20Development_rus.pdf

К сожалению, в России наблюдается проблема дефицита экспертного диалога академических учёных-международников с их зарубежными коллегами, поскольку бюджет исследовательских центров на проведение международных конференций, зарубежные командировки сотрудников во многих случаях оставляет желать лучшего. Представляется необходимым активизировать именно это направление публичной дипломатии.

Мы вступаем в период, когда дипломатия играет ничуть не меньшую роль, чем во времена серьёзнейших международных кризисов середины XX века, а учитывая, что общественность – политические, деловые, научные круги – всё сильнее влияет на формирование позиции государства, важно активнее прибегать к инструментам публичной дипломатии.

Перспективной для публичной дипломатии стран большого Евразийского партнёрства является работа с молодёжью – магистрантами, аспирантами, молодыми профессионалами, которые через 5–10 лет станут аналитиками, дипломатами, журналистами, преподавателями профильных вузов и руководителями НПО. Публичная дипломатия приносит результаты в долгосрочной перспективе: к примеру, по словам экс-заместителя Госсекретаря США по публичной дипломатии Тары Зоненшайн, эффект от образовательных проектов виден лишь в долгосрочной перспективе: так, в грузинском парламенте она встретила 17 выпускников американских программ[1].

Представляется целесообразным отметить такую особенность дипломатии стран большого Евразийского партнёрства, апеллирующих в своих действиях к культурному, гуманитарному, экономическому сотрудничеству, как демонстративное невмешательство во внутренние дела стран-партнёров: у них имеется осознание, что гражданское общество бывает не только либеральным. Они не прибегают к насильственной демократизации или правозащитной повестке, а выбор инструментария ограничивается законодательством страны-партнёра, имеющей, по их представлению, право на отстаивание собственных национальных интересов[2]; они сознательно отказываются от практики построения государств («nation-building» или «state-building»), направленной на привнесение извне институтов власти в несостоявшиеся государства, которую Дж.Фр. Кеннан называл «законнически – морализаторским» («legalistic-moralistic») подходом к международным отношениям[3]. События, которые мы сейчас наблюдаем на Ближнем Востоке и в Северной Африке: разрушение государственности, 12 миллионов беженцев[4], миллионы погибших гражданских лиц, систематические нарушения прав человека, подтверждают верность подобного подхода. По словам М.А. Хрусталёва, мы находимся в ситуации, когда стратегическая линия Запада предусматривает формирование единого мирового правового пространства, в котором регулирование распространяется не только на межгосударственные отношения, но и на внутригосударственные процессы – на отношения между населением и режимом: «Концепция прав человека объективно противостоит концепции суверенитета, а следовательно, отказу от принципа «невмешательства во внутренние дела» в межгосударственных отношениях. Это последнее создает квазилегитимное основание для иностранной интервенции»[5]. Как писал Андре Моруа, в международной политике, как и в «семейной политике», изречение: «Все понять – значит все простить» – вещь опасная. Посягательства и дальше продолжатся, если не будет должного отпора». Публичная дипломатия должна влиять на формирование общей позиции. В этом смысле показательным является отсутствие реакции со стороны российских партнёров на недопуск части российской олимпийской и всей параолимпийской сборной к Олимпийским играм в Рио, продемонстрировавшее слабость координации усилий по вопиющему случаю нарушения прав человека.

Президентом Б. Обамой было отмечено, что задачей США является ежеминутное формирование международной повестки дня[6]. Страны большого Евразийского партнёрства должны перехватывать инициативу в вопросах от изменения климата до борьбы с общими угрозами, противодействия социальному инжинирингу. В ближне- и среднесрочной перспективе в рассматриваемом регионе можно предвидеть возможность дестабилизации ситуации, связанной как со сменой руководства ряда стран по естественным причинам, так и с возвращением граждан, приобретших боевой опыт на стороне ИГИЛ; крайне конфликтогенным выглядит регион Южно-Китайского моря. Все эти общие вызовы в то же время могут стать шансом для наших стран по выработке с помощью публичной дипломатии механизмов эффективного сотрудничества. Примечательно, что подходы стран большого Евразийского партнёрства относительно одного из краеугольных вопросов современных международных отношений – иностранного вмешательства во внутренние дела суверенного государства, привнесения извне государственных институтов, – созвучны. Это вселяет надежду на возможность выработки скоординированной политики по наиболее важным вопросам мировой политики.

---

[1] Video: Undersecretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs Tara Sonenshine on Why Public Diplomacy Matters. – http://csis.org/multimedia/video-undersecretary-state-public-diplomacy-and-public-affairs-tara-sonenshine-why-public

[2] Великая А. Рекомендации Фонда Маршалла – отказ от национального суверенитета. – http://gorchakovfund.ru/news/16544/

[3] Kennan G. F. American Diplomacy. Sixtieth-Anniversary Expanded Edition. The Chicago University Press. – 192 p.

[4] Belfer Center Conversation with Secretary of State John Kerry. October 14, 2015. – http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/25886/belfer_center_conversation_with_secretary_of_state_john_kerry.html

[5] Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологи. – М.: НОФМО, 2008. – С. 18.

[6] «The Obama Doctrine»: The Atlantic's Exclusive Report on the U.S. President's Hardest Foreign Policy Decisions. – http://www.theatlantic.com/press-releases/archive/2016/03/the-obama-doctrine-the-atlantics-exclusive-report-on-presidents-hardest-foreign-policy-decisions/473151

Вэй Лиянь,
Чжан Мяожань[1]

ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ КНР «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» («ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ И МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ XXI ВЕКА»)[2]

Ключевые слова: *«один пояс, один путь», подготовка кадров, выбор стратегии.*

На текущий момент экономика КНР уже вступила в переходный период, требующий изменения модели и структурного регулирования. В данных условиях подготовка междисциплинарных специалистов, обладающих международным видением и инновационным подходом становится весьма актуальной. Каким образом упрочить выдвинутую Председателем КНР Си Цзиньпином концепцию «Четырех стратегий» о приоритете квалифицированных кадров, как взращивать кадры, отвечающие требованиям развития инициативы «один пояс, один путь» – эти вопросы требуют широкого обсуждения и научного анализа. Авторы настоящей статьи выдвигают четыре направления в реализации стратегии подготовки кадров в рамках инициативы «один пояс, один путь», при этом правительство рассматривается в качестве субъекта, осуществляющего функции взращивания кадров и способствующего социально-экономическому развитию.

1. Расширение внешних связей в области образования, повышение качества подготовки китайских студентов за рубежом

В апреле 2016 года Канцелярия Центрального комитета Коммунистической партии Китая, Канцелярия Госсовета выпустили «Рекомендации касательно работы по расширению внешних связей в области образования в новый период», суть которых состоит в активизации усилий по осуществлению плана действий за рубежом, ускорении подготовки первоклассных специалистов с инновационным потенциалом, специалистов со знанием редких языков, специалистов, входящих в международные организации, специалистов в области регионоведения и страноведения, прибывших из других стран выдающихся кадров и еще 5 видов специалистов. Данное постановление полностью соответствует текущей тенденции КНР в области расширения обучения китайских студентов за рубежом. В «Отчете о расширении обучения китайских студентов за рубежом (2016)» за декабрь 2016 года отмечено, что по данным на декабрь 2015 года число китайских студентов, обучающихся за рубежом, составило 1/4 от общего числа студентов, обучающихся за границей. Большое число специалистов, прошедших обучение за рубежом, после возвращения на родину с энтузиазмом занимается предпринимательской деятельностью, особенно в новых и стратегически значимых отраслях промышленности. Наблюдается и рост числа иностранных студентов, прибывающих в Китай из государств, расположенных вдоль «одного пояса, одного пути», в то же время в докладе отмечается, что условия жизни и обучения данных студентов нуждаются в оптимизации[3].

В дальнейшем нам необходимо определить стратегические потребности инициативы «один пояс, один путь» и развивать востребованные в рамках данной инициативы специальности, относящиеся к информационно-телекоммуникационной инфраструктуре, свободной торговле, финансированию; усиленно готовить квалифицированных и междисциплинарных специалистов, соответствующих стратегии «одного пояса, одного пути»; изменить модель подготовки кадров, поощрять организацию учебных программ высшими учебными заведениями в сотрудничестве с предприятиями, синхронно развивать образование и промышленность, уделять особое внимание важнейшим инфраструктурным проектам «одного пояса, одного пути», разворачивать подготовку специалистов в области применения технологий и др.[4]

13 июля 2016 г. Министерством образования был опубликован официальный документ под названием «Продвижение образовательных мероприятий в рамках совместной реализации инициативы “один пояс, один путь”», суть которого состоит в предоставлении двухаспектной поддержки по комплексной реализации пяти взаимосвязанных на-

---

[1] Вэй Лиянь – доктор управленческих наук, доцент, направления исследований: человеческие ресурсы, политика социального обеспечения и др. Чжан Мяожань – магистр Сямэньского университета.

[2] Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Сямэньского университета. В статье представлены результаты исследований по стратегии развития кадровых ресурсов в рамках инициативы «один пояс, один путь» (порядковый номер: 20720151201).

[3] См. составленный группой экспертов сборник исследований о КНР и процессах глобализации «Отчёт о расширении обучения китайских студентов за рубежом № 5». Издательство литературы по социальным наукам при Академии общественных наук (КНР), 2016.

[4] Цян, Цзин Сяоли. В ожидании прокладывания нового пути для обучения за границей // Ученые Шэньчжоу. 2015. – № 10.

правлений «у тун» (налаживание связей в сфере политики, информационно-телекоммуникационная инфраструктура, свободная торговля, финансирование, социальное взаимопроникновение и др.). Первый аспект поддержки выражается в стимулировании социального взаимопроникновения, второй аспект заключается в предоставлении кадровой поддержки для реализации остальных четырех взаимосвязанных направлений.

В рамках данной инициативы необходимо всеми силами способствовать как развитию сферы образования, так и торгово-экономическому сотрудничеству. В области образовательных программ, подготовки кадров и др. предлагается в соответствии с потребностями развития различных стран, расположенных вдоль «одного пояса, одного пути», в целях взаимовыгодного сотрудничества проводить скоординированные совместные действия. Кроме того, вносятся предложения по увеличению финансирования стипендий от правительства КНР, учреждению стипендии от китайского правительства «Великий Шелковый путь», ежегодной выдаче грантов 10 тысячам перспективным специалистам, прибывающим в Китай на обучение либо повышение квалификации из стран, примыкающих к «одному пути, одному поясу». Вышеперечисленные предложения имеют важнейшее значение для строительства и развития проекта на примыкающих территориях.

2. Создание платформы для обучения и взращивания кадров, интенсификация взаимного сотрудничества

В рамках инициативы «один пояс, один путь» делается упор на концепции совместных договоренностей, совместного строительства, совместного пользования. Данной концепции неотступно следует и Институт Конфуция, который является связующим звеном, аудиторией для изучения китайского языка, а также окном в китайскую культуру. В дальнейшем в целях удовлетворения спроса примыкающих государств на изучение китайского языка квалифицированными специалистами необходимо усиливать поддержку Институту Конфуция в реализации стоящих перед ним задач. К примеру, Председатель КНР Си Цзиньпин, пребывая на Китайско-африканском форуме, объявил о готовности провести повышение квалификации для 200 тысяч африканских технических специалистов. Институт Конфуция, оказывая поддержку подготовке кадров в рамках инициативы «один пояс, один путь», будет принимать активное участие в данном тренинге, сотрудничая с компаниями с участием китайского капитала, объединит в учебном процессе изучение языка с технической подготовкой.

В рамках инициативы «один пояс, один путь» предполагается создание исследовательского института, а также центров стратегических исследований, под эгидой которых соберутся эксперты и ученые соответствующих областей, в том числе и обладающие богатым опытом международные специалисты. Научно-исследовательские центры в области внутренней и внешней политики и консалтинговые организации в области стратегического планирования и принятия политических решений играют важную роль в продвижении инициативы «один пояс, один путь». На текущий момент достаточно успешно действует Институт стратегических исследований «один пояс, один путь», организованный Вторым Пекинским университетом иностранных языков. Этот институт стал одним из первых членов Союза высших учебных заведений нового Великого шелкового пути. Он успешно реализует свои конкурентные преимущества в таких специальностях, как иностранные языки, туризм, культура, торговля, деловое администрирование, международные отношения и др. Данная площадка по международному сотрудничеству и обмену была создана в целях подготовки специалистов со знанием специфики стран, расположенных в пределах ареала «одного пояса, одного пути».

3. Расширение связей и сотрудничества между высшими учебными заведениями, проведение изысканий в области механизмов подготовки транснациональных кадров

17 октября 2015 г. Фуданьский университет, Пекинский педагогический университет, Ланьчжоуский университет, Российский Уральский государственный экономический университет и еще 46 китайских и заграничных вузов (8 заграничных и 39 национальных вузов) в г. Дуньхуан провинции Ганьсу создали Стратегический союз высших учебных заведений «одного пояса и одного пути», который стал прекрасной площадкой для сотрудничества вузов стран, расположенных вдоль экономического пояса Шелкового пути. Деятельность этого союза основывается на принципах взаимодействия, открытости, совместного внедрения инноваций, взаимовыгодного сотрудничества. Этот союз является сообществом вузов, соответствующим идее продвижения инициативы «одного пояса, одного пути» – он выращивает высококвалифицированные кадры с широким международным кругозором, создает новые механизмы в области подготовки транснациональных высококвалифицированных кадров и их трансграничной мобильности.

Союз высших учебных заведений нового Шелкового пути был основан 22 мая 2015 г. Сианьским университетом путей сообщения, затем к этому союзу присоединился МГТУ им. Н.Э. Баумана и еще около ста университетов из 22 стран и регионов. Этот союз формирует «научный пояс Великого шелкового пути», способствует сотрудничеству в области международного обмена, подготовки кадров, научно-исследовательских работ, культурного диалога, политических исследований, медицинского обслуживания и др. между являющимися членами союза вузами, а также служит целям расширения и строительства Экономического пояса нового Шелкового пути.

В рамках данной инициативы развивается многостороннее сотрудничество в области организации учебных процессов – совместно учреждаются вузы и открываются филиалы, проводятся исследования в области механизмов подготовки транснациональных кадров. Для целей взращивания местных высокопрофессиональных кадров, соответствующих требованиям инициативы «один пояс, один путь», сторонами прилагаются усилия по интеграции ресурсов на базе построения рациональных моделей подготовки специалистов, управления процессами и др. Примером служит учреждение Московским государственным университетом в сотрудничестве с Пекинским политехническим универ-

ситетом совместного российско-китайского международного университета в Шэньчжэне. Филиал Сямэньского университета в Малайзии является первым филиалом, открытым китайским университетом за рубежом. Данный филиал Сямэньского университета в Малайзии будет содействовать совместному использованию и интеграции на международной арене научных, человеческих и других ресурсов высших учебных заведений.

4. Претворение концепции «Четырех великих стратегий» о приоритете квалифицированных кадров, служащей удовлетворению спроса на квалифицированные кадры в рамках инициативы «один пояс, один путь»

Последовательная реализация концепции «Четырех великих стратегий», заключающейся в приоритетном регулировании структуры квалифицированных кадров, приоритетном привлечении дефицитных кадров, приоритетной системе кадров инновационного типа, приоритетном развитии профессиональных кадров, служит требованиям претворения инициативы «один пояс, один путь» в области подготовки высокопрофессиональных кадров. Актуальной задачей также является реализация плана по преимущественному привлечению и развитию специалистов из западных районов. Распределение человеческих ресурсов в Китае неравномерно с точки зрения кадровой структуры, кадровых потребностей, организации, развития персонала и других параметров. Существуют большие трудности в привлечении высококвалифицированных кадров в западные районы из-за неблагоприятных условий окружающей среды, экономической отсталости данных районов. В качестве примера можно привести «План по специальному привлечению образованных кадров в район Тяньшань», реализуемый в Синьцзянском автономном районе, выработку Китайской академией наук обновленной в рамках инициативы «один пояс, один путь» программы «Сияние западных районов», проект «Образованная молодежь западных районов», которые дали новый импульс формированию высококвалифицированных научно-технических кадров в западной части Китая.

Кроме того, в ключевых провинциях, расположенных вдоль «одного пояса, одного пути», необходимо развивать значение учебных заведений, предприятий и их социальное влияние. В государствах, расположенных в ареале «одного пояса, одного пути», необходимо разворачивать сотрудничество в сфере образования, обеспечить обмен передовым опытом в области образования, совместно использовать высококачественные образовательные ресурсы, укреплять обмен высококлассными специалистами на всех уровнях, тем самым оказывая необходимую для продвижения инициативы «один пояс, один путь» кадровую поддержку.

Заключение: При выборе стратегии подготовки кадров в рамках реализации инициативы «один пояс, один путь» нельзя ограничиваться представленными направлениями деятельности. Особо значимым является поиск мер и рычагов развития потенциала квалифицированных кадров, соответствующих нуждам обеих сторон. Используя принцип приоритетности высококлассных специалистов, совершенствуя структуру, систему и другие аспекты кадровой политики, возможно сбалансированно обеспечить потребности государств, расположенных вдоль «одного пояса, одного пути», в талантливых специалистах, тем самым воплощая важнейшую роль высококвалифицированных кадров в реализации инициативы «один пояс, один путь».

Коротков А.В.
д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики Российского экономического университета
Korotkov.AV@rea.ru
Вершинина А.А.
к.э.н., доцент кафедры экономической теории Российского экономического университета
Vershinina.AA@rea.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОЦЕНКА

Ключевые слова: *рыночная конкуренция, национальная конкурентоспособность, глобальная конкурентоспособность, индексы конкурентоспособности.*

Введение

Цель настоящей статьи состоит в анализе содержания категории конкурентоспособности на страновом (государственном, национальном) уровне, а также в характеристике известных в международной экономической практике показателей глобальной конкурентоспособности. В статье поставлены и решены следующие задачи: анализ содержания категории конкурентоспособности; характеристика некоторых индексов конкурентоспособности с позиций соответствия их названий и содержания.

1. Основы рыночной конкуренции и конкурентоспособности

Основы конкурентоспособности разработаны применительно к рынку товаров и услуг. При рассмотрении конкурентоспособности исходной, базовой является категория конкуренции. В литературе часто под рыночной конкуренцией понимается состязательность свободных в своем рыночном поведении продавцов в борьбе за потребителя – за право продать продукт следующему звену в системе товародвижения[1]. Отметим, что необходимо учесть также состязательность за право купить – конкуренция покупателей.

Более общим является определение, в соответствии с которым рыночная конкуренция — состязательность, соперничество участников рынка в процессе купли-продажи конкурирующих продуктов, что согласуется с Федеральным законом «О защите конкуренции»: Конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке[2].

Сделаем важные замечания:

- конкуренция продавцов и конкуренция покупателей существуют в экономике одновременно. При анализе конкуренции необходим конкурентный дуализм (термин авторов), когда каждый участник рынка (кроме конечного потребителя) рассматривается с двух позиций – конкуренции продавцов и конкуренции покупателей.
- при конкуренции продавцов конкурируют продукты, которых два или более, а при конкуренции покупателей – покупатели продукта, имеющегося в ограниченном количестве или даже одного;
- при конкуренции продавцов на первом плане находятся свойства конкурирующих продуктов, а при конкуренции покупателей – характеристики покупателей, характеризирующие право покупателя владеть продуктом;
- по мнению авторов, конкуренция может быть виртуальной, мысленной, когда реально продукт не отчуждается и не приобретается.

Поскольку конкуренция определяется через соперничество, состязательность, то конкурентоспособность продукта[3] – *сравнительная* характеристика преимущества конкретного продукта на рынке по сравнению с другими продуктами аналогичного назначения по принципу «лучше-хуже» с позиции потребителей. Это состязательность за право быть выбранным (в частности, проданным или купленным на рынке). По мнению авторов, здесь важны две ключевых идеи в понимании конкурентоспособности продукта: первое – наличие конкуренции, как совокупности трех составляющих – состязательности, наличия объекта и субъекта выбора, второе – конкурентоспособность сравнительная характеристика.

Для конкретизации содержания конкуренции авторами предложена *логическая модель конкуренции*, в соответствии с которой конкуренция предполагает одновременное наличие четырех условий (составляющих) – 1) непосредственно продукта, 2) объекта выбора, 3) субъекта выбора, 4) состязательности. Поясним объект и субъект выбора в

[1] Коротков А.В. Маркетинговые исследования: учебник для бакалавров. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 595 с.
[2] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 29 ноября 2010 г.).
[3] Коротков А.В. Маркетинговые исследования: учебник для бакалавров. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 595 с.

терминах конкуренции продуктов, хотя данная логическая модель универсальна – она справедлива и для конкуренции продуктов (конкуренция продавцов) и для конкуренции покупателей:

- продукт – объект, который переходит от продавца покупателю. Без продукта нет конкуренции. При конкуренции продавцов он является объектом выбора;
- объекты выбора – это конкуренты. При конкуренции продавцов – это продукты, покупателей – это покупатели;
- субъект выбора – тот, кто осуществляет осознанный выбор объекта выбора в пользу одного (части из) конкурентов по результатам их состязательности;
- состязательность – соперничество объектов выбора по принципу «кто лучше». Состязательность предполагает сравнение, сопоставление.

2. Конкурентоспособность экономики: обзор определений

Распространение понятие конкурентоспособности с рынка товаров и услуг на предприятия, отрасли, территории и страны неочевидно и требует очень внимательного рассмотрения. Используются следующие термины: конкурентоспособность экономики, национальная конкурентоспособность, глобальная конкурентоспособность, конкурентоспособность страны (нации, государства). Анализ приведенных далее определений показывает, что понятие конкурентоспособности на уровне страны существенно отличается от конкурентоспособности продукта.

В толковом словаре «Инновационная деятельность»[1] конкурентоспособность понимается как способность выигрывать в конкурентной борьбе на трех (мировых – прим. авторов) рынках – товаров, капитала, рабочей силы.

В Википедии (статья «Национальная конкурентоспособность» – *National Competitiveness*) национальная конкурентоспособность понимается широко и не привязана только к рынку. Сказано, что конкурентоспособность – многозначный термин, который чаще всего обозначает: 1) способность страны добиться высоких темпов экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе; 2) уровень производительности факторов производства в данной стране; 3) способность компаний данной страны успешно конкурировать на тех или иных международных рынках.

В определении национальной конкурентоспособности известный теоретик конкурентоспособности М. Портер выделяет два параметра, отмечая, что национальная конкурентоспособность определяется способностью промышленности постоянно развиваться и производить инновации[2]. Там же М. Портер выделяет способность промышленности конкретной нации вводить новшества и модернизироваться.

Приведем определения национальной конкурентоспособности в редакции создателей двух существующих на сегодня показателей – индекса национальной конкурентоспособности по версии Всемирного экономического форума и рейтинга национальной конкурентоспособности по версии Международного института менеджмента:

- Всемирный экономический форум (World Economic Forum – WEF) – создатель индекса глобальной конкурентоспособности (the Global Competitiveness Index) – определяет национальную конкурентоспособность как способность страны и её институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе[3];
- Международный институт менеджмента (International Institute for Management Development), публикующий рейтинг национальной конкурентоспособности, под конкурентоспособностью страны понимает способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес[4].

По результатам рассмотрения определений можно сделать три вывода:

1. Обращает на себя внимание тот факт, что не только в авторских и энциклопедических определениях конкурентоспособности стран, но и в определениях действующих индексах с мировым признанием нет единого мнения о том, что же измеряет индекс. Все это свидетельствует о необходимости проработки данного вопроса;

2. Такое широкое понимание конкурентоспособности практически во всех формулировках имеет противоречие с пониманием конкурентоспособности как эти принято на рынках, где присутствуют: 1) продукт, 2) объекты выбора, 3) субъекты выбора, 4) состязательность. Обоснования отхода от классического понимания конкурентоспособности товара нет;

3. Совершенно не ясно, о каком виде конкуренции идет речь – продавца или покупателя. Никакие иные виды из теории не известны. В литературе этому вопросу внимание не уделено. Абстрактное рассмотрение конкуренции ненаучно.

3. Анализ содержания факторного подхода к конкурентоспособности страны

Анализ пусть и немногочисленных источников, проведенный выше, все-таки позволяет авторам выделить два принципиально различных подхода к пониманию национальной конкурентоспособности – рыночный и факторный:

---

[1] Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я). 2-е изд., доп. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008.

[2] Портер М.Э. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2001. – 495 с.

[3] Индекс глобальной конкурентоспособности. Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info

[4] Рейтинг стран мира по уровню глобальной конкурентоспособности по версии IMD. Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – http://gtmarket.ru/ratings/the-imd-world-competitiveness-yearbook/info

• *рыночный* подход состоит в сведении национальной конкурентоспособности к конкурентоспособности продуктов на рынках. Иначе – страна конкурентоспособна, когда конкурентоспособны её продукты на мировых рынках. Подход, имеет теоретическую преемственность с рыночной конкурентоспособностью продукта, но он не реализован в показателях;

• *факторный* подход состоит в конкретизации набора факторов страны (экономики страны), которые, по мнению авторов, определяют уровень национальной конкурентоспособности. Теоретическое обоснование факторного подхода отсутствует. Факторный подход реализован при построении показателей конкурентоспособности.

В индексе по версии Всемирного экономического форума (WEF) все 113 факторов объединены в двенадцать блоков и соответствующих комплексных показателей: 1) качество институтов, 2) инфраструктура, 3) макроэкономическая стабильность, 4) здоровье и начальное образование, 5) высшее образование и профессиональная подготовка, 6) эффективность рынка товаров и услуг, 7) эффективность рынка труда, 8) развитость финансового рынка, 9) уровень технологического развития, 10) размер внутреннего рынка, 11) конкурентоспособность компаний, 12) инновационный потенциал. В целом, в WEF набор блоков достаточно произвольный и характеризует социально-экономическую сферу. Обоснование такого их состава отсутствует.

В рейтинге по версии Международного института менеджмента (IMD) все 333 фактора объединены в четыре блока показателей (термин авторов): 1) экономическое развитие (включает 76 показателей), 2) эффективность работы правительства (71 показатель), 3) эффективность работы бизнеса (67 показателей), 4) инфраструктура (113 показателей)[1]. Данный индекс содержит более однородный набор факторов – все факторы характеризуют экономическую сферу общества. Индекс IMD содержит более однородный набор факторов – все факторы характеризуют экономическую сферу общества.

По мнению авторов, категория конкурентоспособности страны (экономики), которая основана на факторном подходе и реализована в индексах конкурентоспособности, малосодержательна. Обоснование *малосодержательности* категории конкурентоспособности страны, как эта категория представлена в литературе, основано на анализе её соответствия представленной ранее логической модели конкуренции.

Во-первых, отсутствуют: аналог продукта, объекты выбора (конкуренты), субъект выбора. С формальной стороны, не ясно, кто и с кем конкурирует (объекты выбора) и по поводу чего (продукт), кто делает выбор (субъект выбора). Не удается провести аналогию с рынком.

Во-вторых, отсутствует состязательность для страны в целом. Для страны в целом состязательность нехарактерна. Так нельзя утверждать, что страны в целом участвуют в соревновании, вовлечены в этот процесс, который является неотъемлемым условием их взаимодействия и существования. Тем не менее, в некоторых сферах деятельности государства состязательность имеет место, но это еще не конкуренция. Понятно, что существует состязательность стран на рынке, в спорте, в пропаганде, в военной мощи. Менее очевидна состязательность стран в экономической мощи (а именно экономические факторы, как мы видели, лежат в основе конкурентоспособности страны), в экономическом суверенитете, в уровне экономической безопасности, хотя само сравнение содержательно.

В литературе можно найти высказывания авторитетных ученых о малосодержательности категории национальной конкурентоспособности. По мнению известного теоретика конкуренции М. Портера[2] не существует даже общепринятого определения понятия конкурентоспособности применительно к стране. Известный экономист, нобелевский лауреат по экономике (2008 г.) Пол Кругман указывает, что экономическое содержание понятия национальной конкурентоспособности сводится к понятию *продуктивности*. Пол Кругман замечает: «…давайте скажем правду: конкурентоспособность является *бессмысленным* словом, когда прилагается к национальной экономике. И одержимость конкурентоспособностью является одновременно ошибочной и опасной». (Википедия. Статья «Национальная конкурентоспособность).

Так почему же существует такая приверженность к термину «конкурентоспособность» на страновом уровне. Возможно дело в том, что этот термин служит прикрытием отсутствия качественного анализа, когда авторы не говорят или не знают точно, о каком процессе или явлении идет речь. Это не что иное, как проявление формализма, когда исследователь пренебрегает качественным анализом. В результате он не знает, что же он, в сущности, измеряет.

4. Компромиссный вариант

Но может быть Пол Кругман излишне категоричен. По мнению авторов, может быть сформулирован компромиссный вариант. Какой же может быть страновая конкуренция? Очевидно, что рассматриваемые индексы каждый со своей стороны и со своими акцентами, по сути, характеризуют уровень экономического или социально-экономического потенциала страны, что следует из набора показателей, входящих в индекс. Далее, следует рассмотреть два варианта – это аналог конкуренции продавцов и аналог конкуренции покупателей.

По первому варианту страна рассматривается как аналог конкурирующих продуктов, продавцов. На самом деле, экономика рукотворна и включает: 1) экономическую деятельность по превращению ресурсов в экономические блага, 2) результаты экономической деятельности – сами блага. Она есть конъюнкция (логическое умножение) ресурсов и осознанной хозяйственной деятельности. Конкуренция стран здесь является виртуальной (мысленной). Непо-

[1] Колосов И.А. Динамика конкурентоспособности России по индексу WCY // Вопросы экономики и права. 2011. – № 7. – С. 178.

[2] Портер М.Э. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2001. – 495 с.

средственно конкурируют государственные облигации, покупатель которых первейшее внимание обращает на состояние экономики страны.

По второму варианту страна рассматривается как аналог конкурирующих покупателей. Можно обратиться к рынку кредитов международных организаций, а также к рынку квалифицированных специалистов и рассмотреть конкуренцию стран по привлечению этих специалистов к себе в страну. Здесь, однако, важнейшую роль играют не столько факторы страны, сколько конкретного предприятия, которое покупает специалиста.

Авторы полагают, что при рассмотрении конкуренции на национальном уровне по компромиссному варианту имеет место *феномен единства*, когда социально-экономические показатели страны едины для рассмотрения конкуренции и покупателя и продавца. Показатели экономики страны характеризуют её и как продукт и как покупателя одновременно. Не исключено, что именно этот факт как-то объясняет сложившуюся ситуацию.

Выводы и рекомендации

В целом, очевидно, что имеющиеся индекс и рейтинг – показатели уровня социально-экономического и экономического развития страны соответственно. Требуется научно-обоснованная система показателей (индексов), характеризующих экономическую и социальную сферы деятельности государства, а также различные стороны национальной экономики. Построение таких показателей должно базироваться на базовом для статистики принципе – неразрывной связи качественного и количественного анализа при примате первого. При этом не следует считать оправданным проведение подобного исследования в рамках анализа национальной конкурентоспособности.

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, гл.н.с. Совета по изучению производительных сил
Фарков А.Г.
к.э.н., доцент Алтайского государственного аграрного университета

ВОПРОСЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВОЗМОЖНОСТИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: *кластеры, региональное развитие, продовольственная безопасность, хозяйственная агломерация, территориально-производственный комплекс, территориально-производственная агломерация.*
Keywords*: clusters, regional development, food security, economic agglomeration, territorial-production complex, territorial-production agglomeration.*

Регионы Сибири и Дальнего Востока составляют по площади почти 2/3 всей площади территории России и являются основной сырьевой базой страны в долгосрочной перспективе. В регионе сосредоточены уникальные кадровые, сырьевые, биологические и энергетические ресурсы.

Для реализации этого потенциала предполагается создание комплекса кластерных структур. Перечень кластеров и направления их деятельности приведены в табл. 1.

Таблица 1

Кластеры субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов

Регион	Название кластера
Новосибирская область	Инновационный территориальный кластер в сфере информационных и телекоммуникационных технологий Новосибирской области «СибАкадемСофт»
	Биофармацевтический кластер Новосибирской области
Томская область	Кластер «Фармацевтика и медицинская техника Томской области»
	Кластер «Информационные технологии и электроника Томской области»
Алтайский край	«Алтайский биофармацевтический кластер»
Кемеровская область	Кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов в Кемеровской области»
Красноярский край	Кластер Инновационных технологий ЗАТО г. Железногорск (ядерные и авиакосмические технологии)
Приморский край	Кластер по транспортировке и глубокой переработке углеводородного сырья
	Рыбохозяйственный кластер
	Кластер судостроения и судоремонта
Хабаровский край	Лесопромышленный кластер
	Верхнебуреинский энергетический кластер Кластер авиа- и судостроения
Амурская область	Межрегиональный горнометаллургический кластер
	Свободненский Дальневосточный космический кластер (создание)
	«Амурский соевый кластер»
Камчатский край	Биоресурсный (рыбопромышленный) кластер
	Минерально-сырьевой кластер
	Туристско-рекреационный кластер
Магаданская область	Минерально-сырьевой комплекс (МСК)
Сахалинская область	Нефтегазохимический комплекс (с. Ильинское)
	Биоресурсный кластер

Однако принятые решения по реализации этого потенциала совершенно не учитывают потребностей обеспечения территорий Сибири и Дальнего Востока продовольствием, которая, безусловно, также должна решаться на основе кластерного подхода. В настоящее время Западная Сибирь обеспечивает за счет внутренних ресурсов лишь 60% потребностей в продовольствии, Восточная Сибирь – на 30–35%, а регионы Дальнего Востока – меньше чем на 15%. При этом по некоторым видам сельхозсырья ситуация может быть признана совершенно неудовлетворительной. Так, объем производства зерновых культур на Дальнем Востоке весьма незначителен и не превышает 0,5 млн. тонн в год, при существующих потребностях, как минимум, в 20 раз больших.

В связи с этим весьма странным представляется то, что развитие сельскохозяйственного производства на новых кластерных принципах предполагается осуществлять лишь по остаточному принципу. Среди перечисленных выше кластерных структур лишь три имеют отношение к производству продовольствия, причем все – лишь отдельных его видов, таких как рыба и морепродукты, соя – виды продовольствия, имеющие отнюдь не первостепенное значение в продовольственном балансе большинства российских регионов.

Аграрный кластер должен включать в себя совокупность субъектов территориального хозяйства как производственной, так и непроизводственной сферы. Это является ключевым условием его жизнеспособности. В настоящее время кластер может быть «собран» лишь из тех элементов, которые присутствуют в хозяйстве конкретной территории. Добавление новых элементов в общую конструкцию кластера может происходить лишь после начала функционирования всей системы в целом. Ключевыми субъектами при создании аграрного кластера можно считать следующие: (а) предприятия-производители сельскохозяйственного сырья; (б) предприятия-поставщики инфраструктурных услуг, используемых для нужд производства; (в) предприятия непроизводительной сферы, обеспечивающие своими услугами население территории; (г) органы местного самоуправления. При отсутствии какого-либо из перечисленных субъектов в структуре кластера, его возможности, вероятно, будут существенно снижены. При этом следует понимать, что перечисленные субъекты могут входить в состав кластера не только в том виде, в котором они существовали ранее, но и существенно видоизменяясь в рамках процесса формирования кластера. Для некоторых элементов кластерной структуры это необходимо и естественно (в частности, это касается большинства отраслей непроизводственной сферы), для других это может быть скорее исключением из правил, однако вполне возможным.

Создание новых мощностей по производству сельскохозяйственного сырья, вероятно, может быть оправданно лишь в тех регионах, где таковые отсутствуют, или утрачены в результате неудачного хозяйствования в предшествующем периоде. Следует заметить, что такие территории не могут рассматриваться как приоритетные с точки зрения кластерного развития. Причиной этому является слишком высокая затратность создания кластерной структуры на начальном этапе. Конечно, создание кластера на основе уже существующих производственных мощностей таит в себе немало «подводных камней», главным из которых являются отношения между собственниками, однако, существенным достоинством такого подхода является то, что сумма необходимых затрат может быть существенно уменьшена.

В плане масштабов участия каждого из хозяйствующих субъектов с позиции кластеризации важно, чтобы ни один из хозяйствующих субъектов не имел абсолютного доминирования над остальными участниками кластера. В российских условиях этого можно достичь только при весьма значительных масштабах деятельности кластера, когда в ареал его деятельности входят сразу несколько крупных хозяйствующих субъектов, или же в ареале кластера их нет вовсе.

Формы участия крупных сельскохозяйственных предприятий могут быть различными, они определяются, прежде всего, их текущим хозяйственным положением, а также другими местными особенностями. В частности, это может быть добровольное участие, вхождение в кластер на правах ассоциированного члена, а также и другие формы, в частности выкуп имущества другим участником кластера, участие кластера в процессе конкурсного управления имуществом обанкротившегося сельхозпредприятия и прочие варианты.

Мелкие товаропроизводители (и прежде всего личные подсобные хозяйства граждан) являются не менее значимым элементом кластерной структуры. Как правило, существование и развитие хозяйств такого рода не требует каких-либо масштабных инвестиций, что является весьма важным фактором развития. С другой стороны, мелкие хозяйства весьма уязвимы от внешних факторов, среди которых важнейшим, безусловно, является конъюнктура рынка сбыта готовой продукции.

Личные подсобные хозяйства граждан сегодня являются практически универсальной формой самозанятости большой доли сельского населения, особенно средней и старшей возрастной группы. Следует заметить, что эта группа сельских товаропроизводителей в наименьшей степени заинтересована в какой-либо формализованной структуре. Однако, ключевым её интересом является безопасный и эффективный сбыт произведенной продукции, обеспечивающий приемлемый уровень дохода. Безусловно, в некоторых случаях был бы полезен и кредит, либо какие-то другие формы поддержки, однако их отсутствие, как правило, не имеет столь разрушительных последствий, как это бывает в крупных хозяйствах индустриального типа. Естественно, что для успешной кооперации необходимо сосредоточение в пределах достаточно ограниченной территории большой массы экономически активного населения, способного вести домашнее хозяйство и испытывающего к этому склонность. Следует также заметить, что создание эффективной кооперационной схемы сбыта может стать локомотивом роста остальных элементов кластера, поскольку способно обеспечивать прибыль без сколько-нибудь значительных вложений средств извне. Учитывая это, кластер должен обеспечивать условия для развития личных подсобных хозяйств, в тех случаях, когда это необходимо, выступая в качестве посредника в урегулировании вопросов поставки кормов, земельных правоотношений и пр. Условием, способным привлечь население как товаропроизводителей в кластер, безусловно, может и должно стать повышение доходности личного подсобного хозяйства, что возможно обеспечить за счет меньшего числа посредников при сбыте продукции.

Третья составляющая производительных сил в сельской местности – предприятия, осуществляющие переработку сельскохозяйственного сырья, к которым относятся различного рода маслосырзаводы, мельницы, комбикормовые цеха, консервные заводы, и т.п. Предприятия такого рода могут входить в состав кластера, более того, их наличие в составе кластера, как правило, определяет устойчивость и стабильность функционирования остальных его производительных сил. В силу этого свойства, данный элемент территориального хозяйства является единственным элементом производственного сектора, создание которого возможно, а в некоторых случаях и необходимо, при формировании хозяйственных структур кластерного типа. В рамках формирования кластера возможен и вариант, при котором структура данного типа будет формироваться вокруг уже существующих производственных мощностей, профилем которых является переработка сельскохозяйственного сырья. Это в особенности актуально для предприятий с достаточно сложным технологическим циклом, требующим наличия дорогостоящих основных средств – таких, например, как предприятия сахарной, маслоэкстракционной и т.п. отраслей перерабатывающей промышленности. Предприятия такого рода могут стать центрами формирования кластерной структуры, обеспечивая свою собственную сырьевую базу, с одновременной гарантией производителям сельскохозяйственного сырья сбыта их продукции. При этом важным

фактором возможной концентрации производительных сил вокруг этих предприятий является наличие необходимой производственной инфраструктуры, в первую очередь – транспортной, способной обеспечить связь производителей и потребителей сельскохозяйственного сырья.

Основными принципами, которыми следует руководствоваться при формировании кластера, являются следующие: (а) наличие производительных сил (производственных мощностей) на территории, где предполагается развернуть основную хозяйственную деятельность кластерной структуры; (б) наличие лимитирующих факторов развития производительных сил, выраженных в отсутствии, или же дефицитности, затрудненном доступе к какому-либо производственному ресурсу, или же в проблемах со сбытом готовой продукции; (в) наличие необходимой кадровой базы для обеспечения производственных мощностей; (г) наличие производственной инфраструктуры, способной удовлетворить запросы производительных сил региона; (д) наличие социальной инфраструктуры, способной обеспечить надлежащий уровень социальных услуг (и, соответственно, качество трудовых ресурсов).

В настоящее время в российских условиях возможны три основные магистральные схемы развития кластера в аграрном производстве: (а) возникновение кластера по инициативе, идущей снизу, с задачами, направленными в основном на повышение хозяйственной устойчивости и рентабельности функционирования его членов; (б) формирование кластера по инициативе вышестоящих организаций – органов местного самоуправления, региональных властей и пр., с задачами, имеющими более комплексный характер, в т.ч. и ориентированными на первостепенное решение задач территориального развития конкретного региона, его социальное развитие и пр.; (в) формирование кластера вокруг доминирующего элемента экономики конкретной аграрной территории – в этом случае интересы развития всех основных элементов кластера должны соотноситься с интересами его инициатора, в этом плане такая схема процесса кластеризации близка к предыдущей, однако в большей степени ориентирована на коммерческую деятельность.

Специфика аграрного производства прямо влияет на территориальную структуру кластерных образований, в первую очередь по причине того, что для большой части отраслей аграрного производства характерен значительный пространственный разброс производственных мощностей. Конечно, это не самое благоприятное обстоятельство с точки зрения кластеризации. Вероятно, для этих задач было бы предпочтительна максимальная концентрация производительных сил в одной точке. Однако, это невозможно для большинства отраслей аграрного производства, каждая из которых имеет предельные величины своей концентрации на географическом пространстве, что определяется, во-первых, продуктивностью сельскохозяйственных угодий, а во-вторых, наличием остальных видов производственных ресурсов, в первую очередь, трудовых. В связи с этим аграрный кластер будет, как правило, иметь достаточно сложную структуру производительных сил, распределенную в пространстве. Поэтому с момента его организации необходимо решать вопросы, связанные с формированием его территориально-хозяйственной структуры.

В общем случае, когда формирование кластера происходит по принципу технологической общности производительных сил, сконцентрированных на определенной территории, вероятно, следует пользоваться существующими критериями, применяемыми при территориальной организации производительных сил. В целом, вероятно, кластер не должен выходить на начальном этапе за пределы одного муниципального образования уровня сельского административного района, кроме некоторых особых ситуаций, например, таких, когда создание кластера сопряжено с необходимостью использования каких-либо объектов инфраструктуры, расположенных в соседнем муниципальном образовании. Однако, в любом случае, территории, где разворачивается деятельность кластерной структуры, должны граничить друг с другом, или же иметь иные устойчивые связи, например, быть связанными единой транспортной системой. Учитывая, что именно территориальный фактор является лимитирующим элементом кластерного развития, вопросы районных планировок на микроуровне имеют в процессах кластеризации весьма важное значение.

Вероятно, следует стремиться к наибольшей концентрации производительных сил на территории, имеющей ресурсы для развития аграрного производства. В этом плане весьма полезны меры, позволяющие интенсифицировать такое производство путем внедрения новых технологий или технологически увязанной его диверсификации. По мере развития кластера возможно распространение его деятельности на большие территории, однако, в любом случае следует обеспечивать максимально возможную концентрацию производительных сил.

Таким образом, начальной точкой концентрации производительных сил по кластерному типу должна быть территории, располагающая возможностями относительно недорогой доставки необходимых производственных ресурсов и вывоза готовой сельскохозяйственной продукции. В современных российских условиях это предполагает наличие на территории доступа к магистральной железнодорожной сети РАО «РЖД». Возможно при этом использование существующих объектов промышленного транспорта, имеющих иную ведомственную принадлежность, при условии, что их использование не повлечет значительного увеличения затрат. В этом плане возможны многие варианты, главным условием для реализации которых должно быть незначительное возрастание стоимости инфраструктурных услуг в общей стоимости производимой продукции, поступающей на рынок.

Лузан А.А.,
Лузан С.А.[1]

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ УКРАИНЫ И РОССИИ

Ключевые слова*: государственный суверенитет, глобализация, структура государственного суверенитета, составляющие суверенитета, полный государственный суверенитет, неполный государственный суверенитет.*

Keywords: *state sovereignty, globalization, the structure of state sovereignty, components of sovereignty, full state sovereignty, incomplete state sovereignty.*

Вот уже более 350 лет прошло с тех пор как Жан Баден провозгласил, а Вестфальский договор закрепил верховенство государственной власти перед религиозной во внутренних и межгосударственных делах. Государственная власть признана суверенной, то есть высшей на своей территории, независимой в международных отношениях. Все иные власти получают свои полномочия, что касается своих внутригосударственных и межгосударственных дел, от государственной власти.

С тех пор как возникло это понятие, его юридическое содержание не менялось. И сегодня государственная власть признается на словах высшим арбитром на своей территории и независимой на международной арене. Это дает основание некоторым ученым рассматривать суверенитет как не меняющееся по существу понятие[2]. И глобализация, начавшаяся не вчера и не в конце XX века, а в конце XIX века с перерастанием капитализма в империализм, здесь никакой роли не играет. В действительности как государственный суверенитет, так и глобализация меняет свое содержание. Особенно остро встал вопрос о содержании государственного суверенитета в конце XX – начале XXI века в связи с развалом Советского Союза, возникновением на его месте самостоятельных государств и интенсификацией процессов глобализации. Заслуга Жана Бадена заключается в том, что он высшим арбитром во внутренних и международных делах признал государство и отобрал это право у церкви. И большинство политиков на территории бывшего Союза, да, пожалуй и в мире, так считало и в конце XX века. Политики, находящиеся у власти в бывших союзных республиках, да и оппозиция, полагали, что стоит выйти из Союза, стать юридически независимым государством, как республики приобретут государственный суверенитет. Возможно в начале 90-х так и было в том смысле, что они получили доступ к государственной власти и всему с ней связанному. Но для того, чтобы стать суверенными государствами, этого оказалось недостаточно.

Государственный суверенитет в конце XX – начале XXI века имеет более сложное содержание. Содержание суверенитета кроме юридической составляющей имеет военный, экономический и политический элементы. И без учета этих элементов о полном суверенитете государства нельзя говорить. Это в какой-то степени понимал один из застрельщиков государственной независимости Украины – Народный Рух Украины. В 1991 году, когда шел на выборы Президента Украины Вячеслав Черновол – председатель Руха, в одной из своих листовок Народный Рух показывал, какое высокое место по экономическим показателям занимает Украина в Европе. Правда он не учел, что такого места Украина добилась в составе Союза.

Мы исходим из того, что полным государственным суверенитетом в настоящее время в мире владеют и могут владеть потенциально в обозримом времени, исходя из критериев содержания суверенитета, лишь два государства: США и Россия. Мы попытаемся привести доказательства этого ниже, исходя из содержания государственного суверенитета, а сейчас вернемся к Украине и пониманию суверенитета ее политической элитой.

Украинская политическая элита исходила из юридически-политического подхода к суверенитету. Она полагала, что достаточно провозгласить независимость, объявить о создании нового государства, добиться признания этого государства если не всеми, то ведущими государствами мира, чтобы это государство уже состоялось. Но скорее всего, как показывает все последующее развитие, независимость политической элите Киева нужна была лишь для того, чтобы отстранить московскую, а вернее российскую политическую элиту от начавшегося процесса приватизации. А то обстоятельство, что на Украине не было государства и, следовательно, нет государственных людей, не бралось в расчет.

Украинские президенты в своей деятельности, похоже, не знали и не знают содержания понятия суверенитет. Иначе трудно понять заключение весьма неоднозначного соглашения об отказе Украины от ядерного оружия Президентом Л. Кравчуком, отказ всех президентов заботиться об армии, содержание ее на голодном пайке вплоть до возникновения гражданского конфликта на Востоке Украины. И вообще, хотя Украина и «большая страна», как она себя

---

[1] Лузан Анатолий Александрович – д.филос.н., профессор, академик Украинской академии политических наук, действительный член Российской академии политической науки, зав. кафедрой философии и социально-политических наук Донбасской государственной машиностроительной академии, г. Краматорск. E-mail: aluzan1941@gmail.com

Лузан Сергей Анатольевич – к.соц.н., г. Москва.

[2] См. Бордачев Т. Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – № 1.

именует, власть предержащим необходимо помнить, что Украина является государством, которое не может самостоятельно обеспечить свою внешнюю безопасность и суверенитет.

Но не это является главным для Украины. Необходимо рассмотреть экономическую составляющую суверенитета. Не потому, что так сказал К. Маркс, а потому что, как говорят в народе, кто платит, тот и заказывает музыку. Государство существует для того, чтобы обеспечить благосостояние народа, а оно зависит от состояния экономики. Как показал двадцатипятилетний опыт, политика «Прощай Россия» привела к краху украинской экономики. Дело в том, что экономика Украины была составной частью экономики Союза и промышленные предприятия, их продукция были рассчитаны на Союз, и потому разрыв экономических отношений с Россией привел к росту безработицы и снижению жизненного уровня большинства украинских граждан. В свою очередь это заставляло правительства брать внешние кредиты, что привело к тому, что долг Украины приблизился к ВВП страны. О какой независимости и суверенитете в таком случае можно говорить?! Тем более что коррупция в украинской власти как была, так и остается, потому что сама власть и является рассадником коррупции. В итоге мы должны констатировать, что в экономическом плане Украина сегодня не является ни независимой, ни суверенной.

Важнейшим фактором суверенности государства является политический фактор. Сегодня неотъемлемым признаком демократии является наличие политической оппозиции, политических партий, их представителей в законодательном органе власти, выступающих с критикой политического курса правящей партии и предлагающих свою альтернативную политику. При этом оппозиционные партии могут использовать различные формы борьбы с властью – как парламентские, так и внепарламентские. Но и системная, и внесистемная легальная оппозиция должны исходить из признания законности и суверенности государства. Об этом хорошо сказал ныне действующий Президент США Б. Обама по случаю победы республиканца Трампа и поражения демократа Клинтон на выборах президента: «…Мы – одна команда, в первую очередь, мы не демократы, не республиканцы, а мы американцы и патриоты». Государственную власть нельзя «трогать руками». Государственные служащие, особенно служащие репрессивных органов государства («особенно» потому, что их основная функция следить за порядком и наказывать за его нарушение), неприкосновенны на службе, если они действуют в рамках закона. Нападение на полицейского и даже попытка и призыв к нападению во всех демократических государствах признаются одним из самых тяжких уголовных преступлений, поскольку это рассматривается как покушение на государственную власть, на ее суверенитет. А когда в бойцов «Беркута» летят камни, когда их на морозе поливают из брандспойта, то это является свидетельством того, что в обществе отсутствует легитимная суверенная государственная власть. Следует сказать и о том, что, если милиция прибегает к грубой силе при мирном выражении протеста, то это тоже свидетельство слабости государственной власти, отсутствие ее легитимности, признания у значительной части населения страны.

Впрочем не стоит особо удивляться поведению простых сторонников оппозиции, если ее лидеры с парламентской трибуны и с трибун митингов провозглашают не свою экономическую и социальную программу (таковой у них нет, а то, что есть мало чем отличается от программы правящей партии), а лозунги «Ганьба», «Банду геть» и т.п. В такой ситуации ясно, что борьба идет не за государственную власть как форму организации общества, имеющей целью удовлетворение интересов граждан Украины, а за государственную власть как средство наживы. Государственная власть в данном случае понимается как виртуальность, которая может материализоваться в многомиллионные состояния. Впрочем, не только оппозиционная, но и властвующая элита рассматривает государственную власть в том же ракурсе. Политика (а главное в политике власть) олигархическими группами рассматривается как форма (средство) реализации своих интересов.

Особенно проявился дефицит государственной власти, ее несуверенность в период Майдана. Безусловно, в возникновении Майдана в большей степени виновата власть. И не только нынешняя власть. Со времени провозглашения независимости Украина так и не определилась со своим внешнеполитическим курсом. Данный фактор оказывает очень важное, если не решающее значение на легитимность и суверенность государственной власти. Но особенно велика роль данного фактора в возникновении Майдана при власти Президента Януковича и его команды. Провластным большинством Верховной Рады, которое, идя на выборы, обещало укреплять отношения с Таможенным союзом, был утвержден внешнеполитический курс на евроинтеграцию. Последние полгода перед Вильнюсским саммитом Европейского сообщества и исполнительная, и законодательная власть твердили, что в Вильнюсе будет подписано соглашение Украины и ЕС крайне выгодное для украинского государства. И вдруг за неделю до саммита премьер-министр заявляет, что Украина не подпишет соглашение, т.к. оно не выгодно Украине. Для успешной торговли на западном рынке Украине нужно 20 млрд. долларов для модернизации своей промышленности, для ликвидации потерь от приостановки предприятий, ориентированных на рынок Таможенного союза, для выпуска конкурентной продукции на рынке Европейского Союза. Лидер большинства в парламенте Ефремов называет цифру 50 млрд. долларов, президент еще больше. В общем, все свелось к торгам с ЕС и Россией, как уже не раз было в истории Украины. В конечном итоге В. Янукович не подписал заявление об ассоциации.

Во-первых, это свидетельствует о том, что власть руководствуется не долгосрочными интересами Украины, а интересами кланово-олигархических групп. Во-вторых, власть не учитывает национальный состав населения Украины, его раскол по линии запад – восток, глубину этого раскола. В результате власть потеряла поддержку, легитимность, суверенность в глазах своих граждан. Она окончательно потеряла свою легитимность в глазах подавляющего большинства граждан западной Украины и значительной части юго-восточной Украины.

Фактически власть не просчитала последствий отмены подписания соглашения с ЕС об ассоциации. В отношении интерпретации этого может быть два варианта. В соответствии с первым власть с самого начала реализовывала сценарий, позволяющий вести торг между ЕС и Россией и подороже себя продать. Второй вариант – власть в последний момент просчитала экономические последствия подписания соглашения об ассоциации и, избегая политики шо-

ковой терапии, которую ей предстояло вводить в случае подписания соглашения, или других опасностей, отступила назад. В любом случае власть грубо просчиталась, показала свою слабость, некомпетентность. Майдан обусловлен не действиями оппозиции, а поведением власти. Власть считала народ неразумным ребенком, толпой. Его куда ни позови, он пойдет беспрекословно. В таком взгляде есть доля истины, но только доля, иначе нет смысла говорить о гражданском обществе.

Возникновение Майдана, на наш взгляд, есть проявление становящегося гражданского общества. На Майдан стихийно вышли те, кто связывал и связывает свое будущее с евроинтеграцией. Это, прежде всего, студенты киевских вузов и представители населения Западной Украины. Они вышли отстаивать свое право на облегчённый въезд в Европу, на возможность получить там работу. Все это они связывали с подписанием соглашения об ассоциации. Это потом уже лидеры оппозиции попытались возглавить протест, с чем частично согласился Майдан; надо же было откуда-то брать деньги на стояние на Майдане, и деньги немалые. По своей природе протест гражданского общества не может быть длительным, потому что и самим протестующим надо на что-то жить и семью кормить надо. Власть этого не поняла и устроила силовой разгон, пытаясь прекратить, закрыть Майдан, чем еще усугубила положение и в еще большей степени показала свою несостоятельность и неуверенность.

Майдан показал, прежде всего, внутреннюю слабость власти в стране и в то же время подтвердил раскол страны. На волне Майдана произошел захват обладминистраций по существу во всех западных областях Украины, а потом и фактическая смена власти, образование Народных рад. Что это такое, никто не знает. И хотя по существу сегодняшние народные рады – это фарс, но он свидетельствует о нелегитимности власти на западе Украины и де-факто о двоевластии на Западной Украине. На юго-востоке Украины власть легко справилась с попытками сторонников евроинтеграции организовать свои майданы и захватить обладминистрации. Это еще раз фактически подтверждает давно известную истину о том, что Украина только по Конституции является унитарным государством.

Суверенитет России обусловлен, прежде всего, военной составляющей. России перешел весь ядерный потенциал Советского Союза, а к моменту своего распада Союз сохранял ядерный паритет с США и являлся мировой державой. Если судить по ВВП, то СССР занимал тогда второе место, и потому статус сверхдержавы обусловлен был не только военным элементом, но и экономическим. Сейчас Россия по уровню ВВП располагается в первой десятке стран, но далека от второго места. Сегодня спор по ВВП идет между США и Китаем. Казалось бы, статус сверхдержавы перешел от СССР к Китаю. Но последний имеет на порядок меньший, чем Россия ядерный потенциал, кроме того он не в силах самостоятельно поддерживать экономическую составляющую суверенитета, он сильно зависит от транснациональных компаний в технологическом компоненте и от других стран в энергетическом и сырьевом. Статус США как мировой сверхдержавы и в военном, и в экономическом отношении никто не отрицает. У США имеются все необходимое для полного суверенитета. Но является ли США единственным государством, имеющим полный суверенитет после распада СССР? По нашему глубокому убеждению, не является.

Статус военной сверхдержавы, а точнее супердержавы, имеющей влияние во всем мире, признал за Россией Президент США Барак Обама на пресс-конференции с Ангелой Меркель в Берлине. Да и глупо было бы отрицать очевидное. Если при первом Президенте России Б. Ельцине можно было сомневаться в этом, то уже при второй каденции Владимира Путина Россия заявила о своих интересах, а при третьей его каденции Россия не только открыто заявила, но и начала практически их отстаивать. В этом нужно, прежде всего, видеть подлинную причину обострения международных отношений, а не в присоединении Крыма к России и конфликте на Донбассе. США должны у себя спросить, кто первый начал перекраивать карту Европы и изменять политические системы по всему миру. Возможно, Трамп и спросит. Но нам кажется, что эйфория в России по поводу избрания Трампа Президентом США не вполне обоснована. Конечно, политика – такая область человеческой деятельности, где роль личности очень высока, и где нет объективных законов. Но из этого отнюдь не следует, что избранный президент может действовать по своему разумению, совершенно не учитывая сложившихся норм и традиций.

В России наличествует и политическая составляющая государственного суверенитета. Прошли те времена, когда многие субъекты Федерации, особенно богатые энергоресурсами и другими природными богатствами, действовали по принципу, провозглашенным бывшим Президентом России Б. Ельциным: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Сегодня предрекают распад России по примеру Союза или сторонники гибридной войны или те, кто хочет желаемое принять за действительность. Конечно проблем в межнациональных отношениях и на Кавказе, и в других местах немало, но они не являются свидетельством предстоящего развала России.

Прежде всего, все провластные структуры и в центре, и на местах не хотят распада России. Партии, заседающие в Государственной Думе по результатам прошедших выборов, являются сторонниками единой российской государственности. Что касается Единой России, ЛДПР и Справедливой России, то они расходятся лишь в деталях, и ни одна из этих партий не собирается изменять политическую систему. Что же касается КПРФ, то здесь вопрос более сложный. Против развала России выступает и хозяйственная элита. Ее устраивает нынешняя политическая власть и менять ее они не намерены, даже если бы у них была такая возможность. Так что политических предпосылок распада России сегодня нет, и с политической точки зрения ее суверенитет сегодня не подлежит сомнению.

Этого не скажешь об экономической составляющей суверенитета российского государства. Хотя экономика России и выросла после развала Союза, она далеко не достаточна для сверхдержавы, какой хотят видеть Россию и власть, и простые граждане. Российская экономика не только количественно не соответствует сверхдержаве, но и качественно, технологически. Рост экономики России связан в основном с ростом цен на энергоносители, на нефть и газ. Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете в 2015 году составила 43%, а доля ТЭК в ВВП страны 27 %. Доля ТЭК в экспорте России вообще составила 63%. Именно это делает экономическую составляющую суверенитета российского государства уязвимой и экономически делает Россию суверенной лишь потенциально. Этим обстоятельст-

вом обусловлены в значительной мере и санкции Запада против России и политика импортозамещения последней. Ведь входя в мировую экономику, Россия надеялась получить и новые технологии, и западные инвестиции для развития собственной экономики. Но на поверку оказалось, что западные страны Россия интересовала не как сверхдержава, имеющая и отстаивающая собственные интересы, но прежде всего как перспективный рынок.

А между тем у России имеется все для того, чтобы экономическую составляющую суверенитета государства сделать реальной. У нее есть природные богатства, рабочая сила, научный потенциал – все необходимое для экономического суверенитета государства. Нужно только, чтобы отечественные производители не занимались только ростом собственного капитала и перенаправлением его в офшоры и на покупку западных футбольных команд и элитной недвижимости, а вкладывали собственные деньги в новые технологии и науку, способные структурно перестроить экономику.

Выводы. Несмотря на глобализацию, которая проходит сегодня в мире, мировое развитие в обозримом будущем будет происходить в рамках государств. Поэтому проблема государственного суверенитета сохраняет свою актуальность.

Вместе с тем, мы должны признать, что само понятие государственного суверенитета не может быть застывшим.

Авторы исходят из того, что в настоящее время только два государства могут иметь полный суверенитет – Россия и США, остальные государства имеют частичный суверенитет.

Исходя из этой позиции, можно признать, что суверенитет украинского государства не является полным в отношении всех составляющих суверенитета, в то время как суверенитет российского государства, за исключением экономической составляющей, сейчас уже является полным.

Список литературы

1. Бордачев Т. Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – № 1.
2. Добрынин Н.М. Государственный суверенитет в контексте последних тенденций глобализации: право или привилегия? // Государство и право. – М., 2015. – № 6. – С. 36–42.
3. Пастухова Н.Б. Государственный суверенитет: история и современность. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 365 с.

Морозов Ю.В.[1]

ПРИМЕНЕНИЕ США «МЯГКОСИЛОВОГО АРСЕНАЛА» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ключевые слова: *«мягкая сила», культура, образование, неправительственные организации, стратегия непрямых действий, миротворческая деятельность, Россия, Китай, США.*

Keywords: *«soft power», culture, formation, the non-governmental organizations, strategy of indirect actions, peace-making activity, Russia, China, the USA.*

Использование Соединенными Штатами «мягкой /умной силы»

В теорию международных отношений понятие «мягкая сила» ввел в 1990 г. профессор Гарвардского университета Дж. Най. По его мнению, она представляет собой использование политических идеалов и убеждения для оказания необходимого влияния на население других стран без силового давления. Согласно концепции Ная, к «мягкой силе» государства относятся экономическая модель его развития, его культура (прежде всего, американская), идеология, ценностные ориентации и сила влияния в международных делах. Внедряя американские образцы этих составляющих в других странах, Вашингтон всячески пытается выставлять их как образец подражания[2]. При этом в значительной мере мягкую силу Америки создает не государство, а гражданское общество – начиная с университетов и фондов, и заканчивая Голливудом и поп-культурой[3]. Благодаря им Соединенным Штатам удается сохранять своё влияние в той или иной стране вопреки действиям Пентагона, который, зачастую, эту силу подрывает. Такая ситуация характерна для ряда ближневосточных государств, которые вопреки военному вторжению США в Афганистан и Ирак, продолжают следовать в форварде Соединенных Штатов.

В связи с этим уходящий в отставку в 2016 г. 44-й президент США Б. Обама считал, что «перебор» с применением силы подрывает позиции США в мире, формирует в сознании международного сообщества имидж Соединенных Штатов как милитаристского государства и вбивает клинья между ними и теми, кто преследует те же цели, что и Америка, но расходится с ней в отношении стратегий и средств их реализации[4]. Поэтому если Буш вводил войска в Афганистан и Ирак, то Обама поэтапно вывел их из этих стран, оставив там незначительные силы.

За годы своего президентства Б. Обама добавил к двум «классическим» опорам внешней политики США – обороне и дипломатии (Defense and Diplomacy) – третью: «помощь развитию» (Development). При этом большая роль в плане обеспечения национальных интересов отводится программам по увеличению гуманитарной помощи бедным и развивающимся странам. Одной из главных целей данных программ является формирование у населения этих стран позитивного имиджа об Америке. Показательным примером подобной деятельности является оказание гуманитарной помощи Республике Кыргызстан. После получения статуса независимости в сентябре 1991 г. в Республику поступила крупная американская гуманитарная помощь в рамках программы «Дать надежду». Одновременно с организацией поставок американская сторона провела в Кыргызстане массированную пропагандистскую кампанию, широко информирующую местное население о ходе «благородной гуманитарной миссии США». В обмен на оказание гуманитарной помощи американское руководство добилось от киргизских властей аренды авиабазы Манас для использования её в военных целях. Так, при очевидно незначительных финансовых затратах Соединенные Штаты получили возможность военного присутствия в Центральной Азии, что во время проведения военных акций в Афганистане упрочило геополитические позиции США на Евразийском континенте.

Стратегия Б. Обамы в тот период требовала, чтобы такие акции проводились с соблюдением международных стандартов. По его мнению применение силы допускается: когда несиловые средства исчерпаны; после сравнительной оценки цены действия и бездействия; и при международной поддержке – со стороны НАТО и СБ ООН.

Таким образом, в современных условиях в основе подхода администрации Белого дома к международным делам лежит не военная, а «умная сила» – smart power. Она представляет собой сочетание в практической деятельности Соединенных Штатов «мягкой и жесткой» силы и соответствующий инструментарий: вооруженные силы, дипломатию, помощь развивающимся странам, а также частные фонды и неправительственные организации, усилия отдельных граждан и т.п., где упор делается на разумный баланс между ними.

---

[1] Морозов Юрий Васильевич – к.в.н., в.н.с. Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, профессор Академии военных проблем. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

[2] Владимирова Л. Китай: политика мягкой силы. – http://www.nbenegroup.com/true/thePolicy.html

[3] Nye J.S. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 30.04.2013. – http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html

[4] Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века: монография. – М.: ИДВ РАН, 2016. – 376 с.

При этом «мягкая сила» имеет два основных компонента: оказание влияния на информационное поле других стран через сеть своих СМИ, и опора на интеллигенцию, приверженную западным ценностям. Для создания широкого слоя такой интеллигенции США тратят много ресурсов на образовательные программы, НПО, программы обмена, Интернет-технологии и т.д., которые являются проводниками американских идей, в том числе и деструктивных.

Так, когда Хиллари Клинтон была госсекретарем, Вашингтон в своей деятельности в международных делах стал делать упор на Интернет-технологии, которые были успешно обкатаны на Ближнем Востоке. В событиях 2011 г. в Египте по полной программе был задействован ресурс Twitter, Facebook и Blackberry Messenger. По электронной почте распространялся подробный план свержения режима Мубарака со спутниковыми фотографиями и схемами дорог, описанием стратегических объектов для штурма: президентский дворец, теле- и радиостанции. И Мубарак не смог удержать власть при беспрецедентном давлении этих сетей и поднятой ими «улицы». Также основным средством вывода людей на улицы городов Сирии стали Twitter и Facebook. В Ливии американцы тоже активно применяли ИТ-технологии. И в Иране во всю мощь задействованы информационные технологии: госдепартамент США завел на Twitter.com блог на фарси, чтобы обращаться к иранцам.

Логичное объяснение активного использования «сетевых» революций в арабском мире дал американский исследователь Ф.У. Энгдаль. Он считает, что Б. Обама сознательно дирижировал сменой режимов – от Сирии, Египта до Йемена, Иордании и Ливии. Его цель – «создание Большого Ближнего Востока под устойчивой американской властью, которая будет держать в своих руках основной контроль будущих движений капитала и энергетических потоков Китая, России и Европейского союза. Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры»[1].

В конце XX – начале XXI веков в мире появилась большая прослойка людей, которые постоянно находятся в Интернет-поле. А это та среда, с которой активно работает Вашингтон в сфере применения технологии мягкой силы. Здесь ставка делается на молодежь, которая завтра и послезавтра под влиянием этой технологии превратится в прослойку людей с западными ценностями, которые будут осуществлять проамериканскую политику в своих странах.

В настоящее время одним из самых сложных и деликатных вопросов американской внешней политики является вопрос о её ценностях. Администрация Буша, исповедовавшая откровенно «реалистический» подход к международным делам, исходя из политической целесообразности, в свое время объявила о линии на «продвижение демократии» во всем мире. Однако эта линия мало что привнесла для мирового сообщества. Практика администрации Буша в ходе борьбы с терроризмом включала отступления от демократических и правовых норм, что дискредитировало политику Вашингтона и подрывало международное доверие к нему. Белый дом часто упрекали в лицемерии, циничных разменах, когда права человека за рубежом приносились в жертву тем или иным интересам США.

И если Буша критиковали за позицию, основанную на принципе «Делай, как я говорю, а не так, как я делаю», то иной принцип был у Обамы – «Делай как я». Его администрация постулировала необходимость укрепления международных норм и помощь «хрупким демократиям». В отличие от администраций Буша или Картера она не выделяла права человека и демократические ценности в отдельное направление. Эта проблематика аккуратно вплеталась в диалог с другими странами, на которые США стремятся воздействовать не только собственным примером, но и методами убеждения.

К числу таких стран принадлежит Китай. В связи с ростом могущества этой страны всё чаще стали возникать моменты, когда Соединенные Штаты вынуждены учитывать интересы КНР. В этом плане уместно отметить возникновение американской концепции G2. В ней США признавали определенную зависимость от Китая, а также демонстрировали готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах. Однако Пекин отклонил сомнительную идею разделить бремя ответственности с Вашингтоном за судьбы мира.

Тем не менее, американцы в отношениях с китайцами продолжают активно использовать «мягкую» дипломатию играя на самолюбии китайцев, стараясь использовать все доступные средства для привлечения их на свою сторону, учитывая, что в нынешних отношениях Китая и США много проблем. Вашингтон опасается, что КНР бросит ему вызов в борьбе за мировое лидерство, а Пекин в свою очередь обвиняет Штаты в политике сдерживания Поднебесной. И, несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих экономик мира, Америка ревностно защищает от Китая свои передовые технологии. Это выражается, в частности, в установлении торговых барьеров и ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в КНР. Противостояние с Вашингтоном по всем ключевым для Пекина вопросам – от территориального конфликта с Японией до положения дел в Тибете – также не способствует сближению внешнеполитических позиций двух государств.

В мировых СМИ циркулирует информация, что Агентство национальной безопасности США шпионило за китайским телекоммуникационным гигантом «Хуавэй», лидерами КНР, включая Ху Цзиньтао, министерствами иностранных дел и коммерции, а также банками. Эта поставило в неудобное положение Б. Обаму, который в 2014 г. рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Однако Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность «справедливой позиции Китая по Украине, которая заключалась в «отстаивании необходимости политического решения кризиса» и воздержался во время голосования в СБ ООН. В нынешнем противостоянии Вашингтона и Москвы по украинской проблеме Поднебесная пока не может открыто встать на сторону России, как это было в случае с Сирией, в виду наличия своих собственных проблемных территорий, таких как Тибет и СУАР, а также неразрешенного тайваньского вопроса.

[1] Цит. по: Черных Е. Сможет ли Россия противостоять электронным атакам // Комсомольская правда. – М., 2011. – 3 марта.

Применение США стратегии непрямых действий

Важным инструментарием внешнеполитической деятельности США является применение стратегии непрямых действий (СНД) по отношению к странам с неугодными Вашингтону режимами. При реализации этой стратегии основные усилия сосредотачиваются на организации межгосударственных политических, экономических, религиозных, территориальных и других противоречий.

К примеру, в период «холодной войны», успех СНД США применительно к соцстранам был достигнут благодаря оказанию тайной финансовой и политической помощи прозападным партиям и движениям в Польше, Венгрии, Чехословакии, что гарантировало успех оппозиции в этих странах. А чтобы посеять неуверенность среди населения и руководства этих стран, проводились детально разработанные информационно-психологические операции, где активно работали радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», находящиеся под опекой ЦРУ.

В настоящее время возможности для осуществления непрямых действий против неугодных Вашингтону режимов власти значительно увеличились. Борьба, в том числе и вооруженная, перестала быть сущностным признаком войны, она стала составной частью комплексного воздействия СНД, при котором борьба ведется не за захват территории страны, а за установление там режимов, управляемых извне. Примеров тому множество. Можно вспомнить, как при помощи СНД с политической карты мира исчезла Союзная Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), проведена «революция роз» в Грузии, совершен госпереворот на Украине и т.д. При этом целями Вашингтона являлись: изменение внутренней и внешней политики государств с неугодным для США режимами, смена или ослабление там органов власти, изменение конституционного строя, перераспределение властных полномочий, изменение статуса территорий и др. А средствами достижения этих целей – внутренние экономические, политические, идеологические, социальные, этнические, культурные и иные противоречия в этих странах.

Такая обстановка, к примеру, была характерна для социально-экономической ситуации в СФРЮ в 60–70-е гг. прошлого века. Именно тогда извне были предприняты усилия, направленные на раскол среднего социального слоя страны, разрушение национальной идеи и государственной идеологии и работы системы госуправления. Внутри страны была создана «пятая колонна» из числа агентов влияния, лидеров ряда сепаратистских партий, движений и СМИ. В результате их деятельности режим Тито столкнулся с политическими испытаниями, в том числе с усилением либерализма в Сербии и национализма в Хорватии, выступлениями албанских сепаратистов в Косово. Идеями сепаратизма были проникнуты выступления лидеров этнических движений в Македонии и в Боснии и Герцеговине. Все эти акции тщательно планировались и координировались, обеспечивались крупными финансовыми средствами из Вашингтона.

К середине 1992 г. процесс распада Югославии приобрел необратимый характер. Вслед за Словенией и Хорватией о своей независимости заявила Македония. Начались межреспубликанские переговоры по «цивилизованному» разводу бывших республик СФРЮ. Однако неудачное окончание переговоров, взаимное недоверие между национальными лидерами, вооружение населения, создание национальных военизированных формирований стали прологом развития военного конфликта.

В этих условиях внешнее воздействие США было направлено на создание потенциала напряженности и на провоцирование столкновений между конфликтующими сторонами. Далее началась гражданская война, непосредственными участниками которой стали три государственно-этнических образования бывшего государства – сербы, боснийские мусульмане и хорваты.

Это позволило США и другим странам НАТО сначала развернуть информационную кампанию против сербов, а затем – и военную операцию в СФРЮ при поддержке ООН. Еще до завершения операции НАТО в Боснии и Герцеговине и в Сербской Республике появились государственные образования – Мусульмано-Хорватская Федерация и Косово, которые немедленно были признаны США и рядом других стран как независимые государства. Ныне эти «лоскутные» страны бывшей СФРЮ находятся под внешним управлением Вашингтона и активно проводят прозападную политику в регионе. К этому следует добавить, что в Косово на постоянной основе была размещена самая крупная военная база США в Европе[1].

Очевидно, что и после выборов в ноябре 2016 г. нового президента США (будь то Хиллари Клинтон, либо Дональд Трамп), новая администрация Белого дома будет активно использовать как мягкую силу, так и стратегию непрямых действий для продвижения своих национальных интересов. Также очевидно, что Белый дом и Пентагон для этих целей будет продолжать активно использовать американский миротворческий потенциал.

Миротворческие акции США как проводник американской стратегии

Современному мировому сообществу «в наследство» от XX века достались локальные войны и вооруженные конфликты, которых во второй половине прошлого века насчитывалось около 300. Они и ныне происходят в различных точках планеты, начиная от Юго-Восточной Европы и заканчивая в Южной Африке. Для их прекращения активизировалась международная миротворческая деятельность, которая представляет собой многоаспектные операции в целях разоружения конфликтующих сторон и реинтеграции бывших комбатантов в мирную жизнь; защиты уязвимых групп населения; расселения беженцев и перемещенных лиц; соблюдения прав человека. Эти миссии оказывают содействие не только обеспечению безопасности, но и осуществляют гуманитарные программы, предоставляют экономическую помощь и поддержку сложных политических процессов, включая выборы, проведение госреформ, реорга-

[1] Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. «Миролюбивый агрессор», или армия мирового порядка // Проблемы национальной стратегии. 2011. – № 3. – С. 185-190.

низацию силовых структур и судебной системы. Таким образом, миротворчество стало специфичным способом обеспечения военного присутствия государства во многих регионах мира, что, безусловно, учитывается в Вашингтоне.

В настоящее время миротворческие силы США размещены в 18 горячих точках планеты: Судане, Бурунди, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Конго, Эфиопии и Эритрее, в Западной Сахаре, в Восточном Тиморе, Индии, Пакистане, на Кипре, в Грузии, на Голанских высотах, в Ливане и в других частях мира. ВС США составляли костяк воинских контингентов, оказывающих поддержку миссии ООН в Афганистане. Крупный контингент размещен США в Косово, а полицейские силы – на Гаити. Вашингтон оплачивает 26% бюджета всех миротворческих операций ООН, во многих миссиях руководящие посты принадлежат американцам, в СБ ООН не последнюю роль играет мнение США в принятии резолюций ООН по миротворчеству. Всего за годы существования этой страны её вооруженные силы примерно 250 раз принимали участие в операциях за пределами своей территории[1]. В большинстве случаев это была демонстрация флага, операции, связанные с обеспечением безопасности американских объектов, беженцев и пр., миротворческие операции по принуждению к миру, либо иного рода международные миссии. Вследствие этого США имеют богатый исторический опыт использования военной силы в качестве инструмента политики умиротворения за рубежом.

В официальных документах МО США классификация всех миротворческих операций приведена к двум видам – «боевые» (по установлению мира) и «небоевые» (операции по поддержанию мира). В Едином уставе 3-07 «Концепция совместных операций в условиях отсутствия войны» (1995 г.) такие подвиды миротворческих операций как «способствование миру», «строительство мира» и ранее редко упоминавшаяся в официальных документах «превентивная дипломатия», были выделены в отдельный вид миротворческой деятельности.

Следует отметить, что американские уставы по миротворчеству по некоторым положениям зачастую вступают в противоречие с документами, принятыми в ООН. Так в рамках 7 и 8 главы Устава ООН предусматривается, что военная сила может выступать как средство предотвращения и нейтрализации вооруженных конфликтов. Это осуществляется в рамках превентивной дипломатии. Например, при возникновении межгосударственных споров может иметь место превентивное развертывание международных военных сил, когда конфликтующие стороны/страны считают, что присутствие «третьих» сил по обе стороны линии соприкосновения может содействовать предотвращению боевых столкновений. Военные эксперты США выводят эти действия за рамки превентивной дипломатии, целиком относя их к классу миротворческих операций по поддержанию мира, что противоречит имеющимся документам ООН[2].

В последнее время в международный оборот прочно вошел термин «принуждение к миру» – принятие принудительно-силовых и иных мер по отношению к государству-агрессору или стороне конфликта, не желающей выполнять требования международных/региональных организаций безопасности и угрожающей миру. Ранее принуждение к миру не рассматривалось в контексте миротворчества ООН, однако в его более поздних официальных документах принуждение к миру уже присутствует в этом качестве. Такое изменение вызвано не в последнюю очередь позицией развитых стран Запада и, прежде всего, США, что отражает их склонность к использованию или угрозе применения силы для достижения своих военно-политических целей. Ее основополагающим принципом является допущение и даже оправдание вмешательства, в том числе вооруженного, во внутренние дела стран, где «грубо нарушаются права человека или право наций на самоопределение», поскольку, как считают западные политологи, в современной обстановке главную угрозу миру и стабильности представляют внутренние конфликты, а не внешние факторы. Эта теория «нового интервенционизма» дезавуирует известный принцип Вестфальского международного права, согласно которому суверенитет имеет главенство над правами человека. Также «новый интервенционизм» фактически игнорирует Устав ООН, которым предусматривается непременное единогласие всех постоянных членов СБ ООН при решении вопросов войны и мира.

Анализ линии поведения США в области миротворчества в последние годы, позволяет сделать некоторые выводы относительно средств и методов, с помощью которых Вашингтон намерен добиваться закрепления своего влияния в мире с использованием этого инструмента. Вырисовывается ряд основных тенденций развития американского миротворчества в современных условиях.

Первая из них – *решительное применение военной силы по отношению к конфликтующим сторонам.* Она будет по-прежнему ведущим компонентом и основой американской политики по стабилизации обстановки в горячих точках планеты. Следует ожидать, что в ближайшей перспективе Вашингтон в ряде случаев по-прежнему не будет консультироваться со своими партнерами и союзниками при принятии решений о проведении каких-либо силовых акций в регионах мира. Подобная линия поведения наглядно проявилась в случае с Ираком, когда США принимали решения единолично, не считаясь со странами альянса, при этом заручившись поддержкой лишь со стороны Великобритании.

Вторая тенденция – *усиление американской составляющей в миротворческой деятельности ООН.* В 2009 г. администрация Б. Обамы приняла решение об активизации участия ВС США в миротворческой деятельности ООН. В июле этого года Постпред США в ООН Сьюзан Райс пообещала, что США отныне будут откомандировывать в состав «голубых касок» больше военнослужащих и полицейских[3]. Также Вашингтон профинансировал расходы ООН на миротворчество (порядка $8 млрд.) более чем на четверть – $2,2 млрд. США ясно продемонстрировали, что не собираются больше финансово давить на международное сообщество, требуя реформировать формат миротворческой дея-

[1] По подсчетам Исследовательской службы Конгресса США.

[2] Морозов Ю.В. Вооруженные силы США и миротворческая деятельность: монография; Военная политика президента США Б. Обамы (2009–2012 гг.) – М.: ИСК РАН, 2013. – С. 196–238.

[3] См. Газета.Ru. 2009. – 6 августа.

тельности ООН[1]. В дополнение к этому Вашингтон раскритиковал западные страны, в частности Великобританию и Францию, за нежелание направлять своих военных в состав миротворческих контингентов ООН в горячие точки планеты.

Перенос миротворческих усилий США на африканский континент. По прогнозам Минэнергетики США, через 10 лет ожидается существенное (до 28–30%) возрастание удельной доли тропической Африки в мировом экспорте нефти (в 2000 г. этот показатель составлял менее 9%). Увеличение будет происходить в основном за счет стран Гвинейского залива (Нигерии, Экваториальной Гвинеи и Анголы). Исследования также говорят о перспективности новых нефтеносных районов, прежде всего в приморских шельфах и непосредственно в Сахельской зоне (Алжир, Тунис, Чад, Нигер, Мавритания). Именно поэтому приоритет политики США на африканском направлении будет таким же, что и на Ближнем Востоке – глобальный контроль за энергоресурсами.

В 2002 г. администрация США сформулировала программу «Подготовка и оказание помощи африканским странам к действиям в чрезвычайных условиях» (African Contingency Operations Training and Assistance – ACOTA). Ее принципиальным моментом стала переориентация методики осуществления операций по поддержанию мира в рамках 6 главы Устава ООН на боевые операции в соответствии с 7 главой (принуждение к миру).

Наряду с участием в укреплении африканского миротворческого потенциала, США все более активно развивают тезис о возрастании террористической угрозы в ряде африканских стран и необходимости в этой связи наращивать усилия по развитию возможностей африканцев противостоять терроризму. Для обоснования важности африканского направления, Пентагон выдвинул программу «Транссахарская контртеррористическая инициатива» (Trans-Sahara Counter-Terrorism Initiative). Ее декларируемой целью является совершенствование возможностей ряда стран Африки эффективно противодействовать террористическим угрозам. К участию в программе привлечены Мали, Мавритания, Нигер, Чад, Сенегал, Алжир, Марокко и Нигерия. США и военные представители участников этой программы уже приступили к разработке планов совместных действий.

Что касается аспектов развития африканских стран в посткризисный период под контролем Вашингтона, то здесь можно привести следующий пример. После завершения активной фазы миротворческой операции в Либерии, руководство ООН предложило американской компании «Din Corp. International» принять участие в программе воссоздания либерийской армии. Эта структура также привлекалась для подготовки сил полиции и безопасности в Афганистане и Ираке.

Усиление военной составляющей операций невоенного типа и контроля США за их ходом тоже являются характерной чертой американского миротворчества последнего времени**.** Если ранее для «традиционных» миротворческих операций под эгидой ООН было характерно более или менее четкое разделение функций между военным и гражданским персоналом, то сейчас военные стали все чаще использоваться в операциях невоенного типа, и выполнять гуманитарные, полицейско-административные, технические и другие невоенные задачи. Милитаризация гуманитарных и других операций невоенного типа наиболее отчетливо проявилась в ходе миротворческих операций с участием ВС США на Балканах – в Боснии, Албании, Македонии и Косово.

Анализ этих операций показал, что гражданские организации оказались не в состоянии справиться с резко увеличившимся объемом гуманитарных и других задач в конфликтных районах[2]. Участие ВС в операциях невоенного типа оказало большое влияние на формирование и развитие структур военно-гражданского взаимодействия как в ВС США, так и в ВС других государств. В настоящий момент модель военно-гражданского сотрудничества НАТО в операциях невоенного типа носит наиболее развитый характер. Она вобрала в себя опыт широкомасштабного вмешательства США/альянса в конфликты последнего десятилетия. Эта концепция базируется главным образом на американском опыте в этой области[3].

Усиление информационно-психологической составляющей операций, проводимых США. Особое место при подготовке и проведению миротворческих акций отводится СМИ, формирующим благоприятное общественное мнение к политике США по отношению к конфликту и её миротворцам. Так, в 1999 г. перед операцией США/НАТО против Союзной Республики Югославия глобальная информационная сеть была заполнена американскими репортажами о «зверствах» сербов по отношению к косоварам. Мировому сообществу настойчиво доказывалось необходимость военных акций против Белграда с целью защиты «прав косоваров и права нации на самоопределение». Затем последовало информационное давление на ООН с целью получения мандата на проведение миротворческой операции KFOR. В ходе этой операции силы и средства психологической войны ВС США активно работали в зоне конфликта и с населением Косова. Особенно деятельными были американские 4-ая группа психологических операций специального назначения, а также 193-й эскадрильи специального назначения ВВС США.

Действенным элементом операции ВС США «Несгибаемая свобода» в Афганистане также было проведение информационно-психологических акций. Они включали оказание психологического воздействия на противоборствующую сторону; поддержание лояльных отношений между коалиционным командованием и силами «Северного альянса», правительственными и неправительственными организациями и с местным населением. Из-за малого количества в Афгани-

---

[1] В свое время Дж. Буш (мл.) требовал от Организации большей прозрачности, приведения в порядок ее отчетности и повышения эффективности, за которую, естественно, должны были отвечать США.

[2] Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества. – М., 2001. – С. 375.

[3] Официальный документ НАТО определяет военно-гражданское сотрудничество как «военную операцию, основной задачей которой является поддержка гражданских властей, населения, международных и правительственных организаций, способствующая реализации военных целей».

стане теле- и радиоприемников основными носителями распространяемой информации были печатные материалы, а также громкоговорители[1]. Основными объектами воздействия являлись боевики «Талибана» и «Аль-Каиды», подразделения афганских войск, а также население страны. Комплексное воздействие на эти объекты способствовало успешному проведению боевых действий и достижению поставленных задач с минимальными потерями в живой силе американских ВС.

Привлечение к участию в миротворческих миссиях американских частных военных компаний. За последние 20 лет резко увеличилось число частных военных компаний (ЧВК), которые предоставляют свои услуги в зонах вооруженного конфликта и постконфликтных ситуациях. При этом 70% услуг на мировом рынке приходится на долю высокопрофессиональных компаний из США и Великобритании. Американские ЧВК предоставляли не только услуги по тыловому обеспечению войск в Афганистане, но и везде, где несут службу солдаты США. Например, в эпоху балканских войн получила известность фирма Military Professional Resources Inc., которая входит в состав корпорации L-3 Communications, крупнейшего частного подрядчика, выполняющего заказы в интересах боевого управления, связи и тылового обеспечения ВС США.

Частные компании также снабжают Белый дом данными разведки, которую ведут силами своих сотрудников и субподрядчиков. Среди них – компания из Северной Каролины Blackwater Worldwide – с 2009 г. переименованная в «Хе», которая считается крупнейшей частной военной фирмой в мире. По сути дела – небольшая, но мощная «частная армия» – в ее рядах около 2,3 тыс. профессиональных наемников на действительной службе и около 25 тыс. солдат в резерве. Эта организация оказывала и оказывает самую активную поддержку американским войскам в Ираке. Она же – в числе главных подрядчиков минобороны и Госдепартамента США[2]. Следует также отметить, что сотрудники ЧВК являются активными участниками боевых действий, твердых правил их деятельности – нет, а юридическая ответственность за такие действия находится «в юридическом тумане».

Важной тенденцией миротворчества США является – *популяризация американской модели миротворчества на мировом уровне.* Для этого в 1976 г. была учреждена программа «Военное образование и подготовка зарубежных кадров» (ВОПЗК) МО США[3]. Ежегодно в рамках этой программы проводится подготовка более 10 тыс. слушателей приблизительно из 120 стран. Подготовка осуществляется главным образом на базе двух военных вузов США – Центра военно-гражданских отношений при высшей школе ВМС и Университета национальной обороны. Мобильные преподавательские группы ВОПЗК также направляются во многие страны мира для подготовки и обучения военных кадров непосредственно в пунктах постоянной дислокации зарубежных ВС, что позволяет американскому командованию достигать своих целей при значительно меньших финансовых затратах.

Приоритетным направлением является обучение слушателей из стран, участвующих в антитеррористических и миротворческих операциях США (на эти цели выделяется почти 75% средств). Например, в программе ВОПЗК участвовали слушатели из 29 стран, направивших в свое время свои ВС в Афганистан и Ирак.

В ходе обучения иностранным слушателям раскрываются отражающие точку зрения американской военной доктрины на типы и масштабы современных угроз безопасности, требующих силового вмешательства со стороны США или НАТО. Целенаправленно и методично обосновываются мотивы современной военной политики США в отношении стран «оси зла», к примеру, КНДР. Умело аргументируется неизбежность проведения военных операций США в «горячих точках» планеты. В результате обучения большинство выпускников программы ВОПЗК становятся активными распространителями проамериканских взглядов и мнений в национальных аудиториях. Параллельно решается и ряд специальных задач, связанных с информационно-психологическим обеспечением американской внешней политики: создание позитивного имиджа США за рубежом; формирование в стратегически важных регионах мира правящей элиты, лояльной к военно-политической деятельности США; навязывание другим странам американских стандартов военной политики и строительства ВС, а также техники и вооружения США.

Программа ВОПЗК пользуется престижем в зарубежных странах. К примеру, начиная с 1985 г. по этой программе был подготовлен 471 иностранный офицер, 25 из которых впоследствии стали главами государств, послами, министрами обороны, начальниками родов войск или командующими миротворческими силами ООН. Фактически обучение на курсах ВОПЗК является негласным требованием для выдвижения на высокую командную должность в министерствах обороны многих стран мира. При этом сформированные благодаря учебе в США дружеские отношения между слушателями и преподавательским составом вносят значительный вклад в урегулирование различного рода кризисных ситуаций, связанных с внешнеполитической деятельностью Соединенных Штатов.

В целом, органы власти США рассматривают миротворческую деятельность как один из непременных атрибутов современного государства, способ расширения своего геополитического влияния, повышения международного авторитета и отстаивания национальных интересов в изменяющемся мире. Миротворчество также является специфичным способом обеспечения военного присутствия США во многих регионах мира в современных условиях. Именно под его флагом, а после 11 сентября 2000 г., под лозунгом борьбы с международным терроризмом, США создали военные базы на Балканах и в Афганистане, расширяют военное присутствие в Закавказье и в Африке.

Поэтому очевидно, что практика решения военных конфликтов силами региональных организаций (НАТО и т.д.), где США играют одну из «первых скрипок в оркестре» продолжится. При этом неравенство партнеров США в

---

[1] Всего в ходе операции было подготовлено и сброшено на территорию этой страны более 80 млн. листовок (для сравнения – население страны в тот период составляло примерно 27 млн. человек)

[2] Частные армии мира: Blackwater WorldWid. – http://military-az.com/forum/viewtopic.php?p=57679

[3] Исмаилов Т. О том, как США используют международное сотрудничество. – http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/21242/

миротворческих операциях в военно-политических и экономических возможностях и в средствах воздействия на обстановку в районе кризиса приводит к фактическому подчинению политики региональных организаций и миротворческих коалиций целям и задачам политики Вашингтона. А когда в момент прекращения конфликта с использованием механизмов миротворчества начинает рушиться «старая» государственная машина страны – участницы конфликта и начинают налаживаться новые схемы взаимоотношений, у Вашингтона появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Ибо, в постконфликтном урегулировании вслед за военными в стране – бывшей участнице конфликта начинают «разворачиваться» гуманитарные организации, экономисты, промышленники, приходит частный бизнес страны-миротворца и т.п. Десятки американских НПО, тянущиеся за международными миссиями, проникают во все поры местного общества, делая его зависимым от США. В последующем американский бизнес, как правило, выигрывает тендеры на послевоенное восстановление экономики этой страны и разработку там полезных ископаемых. Так было на Балканах, в Ираке, на Африканском континенте, где американские компании безоговорочно одерживали победу над конкурентами.

Таким образом, в современном мире США умело пользуются своим «мягкосиловым арсеналом», позволяющим при помощи миротворчества устанавливать мир в «горячих точках» планеты в выгодном для Вашингтона ракурсе и обеспечивать реализацию национальных интересов в стратегически важных регионах мира при помощи «мягкой силы» и стратегии непрямых действий.

Нысанбаев А. Н.
д.филос.н., профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, советник директора Института философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.
iphp@inbox.ru
Нурмуратов С.Е.
д.филос.н., профессор, заместитель директора Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: *модернизация, культура, согласие, толерантность, взаимопонимание, этнос, народ, единство, государство.*
Keywords: *modernization, culture, consent, tolerance, mutual understanding, ethnos, nation, unity, state.*

Когда мы говорим о единстве и межнациональном согласии, в первую очередь, это касается межнационального и межкультурного взаимодействия. Являясь полиэтническим, поликультурным государством, Казахстан рассматривает это обстоятельство как важнейшую ценность, обогащающую спектр возможностей для развития страны. Более 130 этносов и 17 конфессий живут в нашей стране в мире и согласии, не зная раздоров и столкновений. Во многом это заслуга казахского народа, имеющего исторически сформированное толерантное сознание. Ведь казахи всегда отличались исключительной доброжелательностью, гостеприимством, сердечностью, в годы тоталитарного режима приняли и обласкали на своей древней земле тех, кого настигла злая судьба в лице советской власти. Из всех постсоветских государств именно Казахстан, хотя и не избежал эмиграционных процессов, сохранил общий характер дружелюбия и активного сотрудничества многочисленных этносов. Более того, в Республике появился новый национальный опыт осуществления культуры согласия и межкультурной коммуникации: Ассамблея народа Казахстана, от которой избираются 9 депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Этот опыт получил высокую оценку со стороны других постсоветских государств и может стать моделью межнационального согласия и сосуществования этносов для стран ближнего и дальнего зарубежья.

Для нас, однако, важно осознать, что тема толерантного сознания и культуры согласия отнюдь не исключает проблематику противоречий и конфликтов. Согласие достигается именно через разрешение противоречий, трудностей, не путем их замалчивания и регулирования. На наш взгляд, надо развивать культурное многообразие, заложить законодательную базу для мирного сосуществования, взаимодействия всех этносов в процессе модернизации.

Перспектива культуры согласия и сосуществования этносов в обществе, прежде всего, связана с взаимодействием доминирующих в стране казахского и русского этносов. У них есть основательная база для глубинного межкультурного диалога и взаимопонимания. Это давние крепкие традиции евразийского братства, духа взаимности и коллективизма, многовековой коммуникации в области экономики, культуры, политики. Казахов и русских связывают прочные узы на уровне ментальных программ, т.е. универсалий, определяющих тип и национальный характер того и другого этноса: склонность к коллективизму, аналогичное отношение к женщине, определенная трактовка властных функций.

Мы должны стремиться к тому, чтобы народ Казахстана сформировал демократическую культуру согласия и сосуществования, чтобы характер нашего народа проявлялся в каждодневных поступках и актах межкультурной коммуникации и межэтнической интеграции, чтобы наше единство и согласие сохраняло внутреннее различие и многообразие этнического самосознания и культурного освоения мира. Казахстан на пути к такой культуре согласия и сосуществования этносов. И опыт нашей страны может оказаться весьма востребованным в мировом сообществе XXI века. Ведь именно наша страна демонстрирует уникальную практику синтеза традиций и модернизации, согласия настоящего и будущего с прошлым опытом, с культурным наследием.

Культура согласия и сосуществования народов требует больших усилий, интенсивного каждодневного труда, неисчерпаемой энергии. Но доверие, толерантность, уважение, взаимозаинтересованность, все то, что включается в культуру согласия и сосуществования, – первостепенные ценности в современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире, согреваемом светлой надеждой на торжество истины, добра и красоты, на утверждение высших идеалов духовности.

Сегодня в независимом Казахстане созданы для налаживания диалога как способа национальной и гражданской консолидации все необходимые условия: решаются задачи по обеспечению темпов экономического роста, переходу Казахстана на инновационную модель развития, совершенствованию институтов демократии и гражданского общества, укреплению стабильности, безопасности и независимости молодого государства в контексте современного миро-

вого развития. Таковы культурно-исторические предпосылки формирования пространства межнационального и межконфессионального согласия в Республике Казахстан.

В нашей стране сформировались прочные, испытанные столетиями цивилизационные традиции межэтнического и межконфессионального диалога как формы мирного сосуществования различных этносов и религий. На обширных пространствах Евразии добрососедски уживались и уживаются буддизм, суфизм, тенгрианство, народные верования, политеистические и монотеистические религии. Особенно важно, что такой же толерантностью характеризуются и взаимоотношения двух крупнейших религий – православного христианства и ислама.

Причину мирного сосуществования и добрососедского диалога между исламом и христианством следует видеть, во-первых, в том, что происхождение, исторические корни этих религий едины, причем обе они являются звеньями одной цепи духовного развития. Во-вторых, при известных различиях необходимо видеть и много общих моментов в этих вероучениях: признание и утверждение идеи Бога, единого для всего человечества; содержание и характер духовной истории, как она изложена в Библии и Коране; преемственность в деятельности главных пророков. А главное – единый духовно-нравственный потенциал.

Вообще всегда следует помнить о том, что нормальный и плодотворный диалог конфессий в процессе модернизации общества будет возможен только в том случае, если наше государство будет последовательно и неуклонно обеспечивать права и свободы верующих, одновременно стремясь направлять потенциал конфессиональной безопасности в русло укрепления молодой демократической государственности Казахстана. Важно держать ситуацию в межнациональной, конфессиональной и межконфессиональной сфере под постоянным контролем с тем, чтобы религия никогда не становилась объектом политических игр и спекуляций.

Говоря о конструктивном диалоге религий, конфессий и культур, следует также подчеркнуть необходимость достижения взаимного уважения, понимания, согласия и единства. Имеется в виду диалог реальный, т.е. тот, в котором стороны слышат или, по крайней мере, стараются услышать друг друга. Ведь национальное и межконфессиональное согласие – не формализованный и вынужденный договор, предписывающий «терпеть» друг друга, а искреннее видение и принятие общности целей и задач. И в этой связи нам надо глубже проанализировать фундаментальное понятие толерантности в контексте глобализации. Единство понимается отнюдь не как унификация, или растворение одной культуры в другой, или как их взаимное поглощение, и даже не как искусственное сохранение имеющегося культурного многообразия. Единство, если говорить о нем не в формальном, а в содержательно-диалектическом смысле, есть не что иное, как обогащающая все взаимодействующие стороны сотворческая связь. Говоря иначе, единство понимается как внутренняя гармоничная связность многообразного, культурное многообразие в единстве, а следовательно, как развитие многообразного. Ведь развитие может осуществляться только благодаря творческому взаимообогащению, взаимовлиянию многообразных сторон целого, в противном случае многообразие будет не развиваться, а распадаться. Только через межэтнический и межконфессиональный диалог можно двигаться к согласию и тем самым к развитию. При этом казахстанский путь развития таков: от социально-политической стабильности через ускоренную системную модернизацию к расцвету всей страны.

Политика Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева обеспечила Казахстану прочное место в ряду молодых демократических государств мира и создала репутацию и авторитет одного из самых перспективных в плане демократического продвижения а, следовательно, и общественно-политического согласия стран на постсоветском пространстве. Можно сказать, что решение внутренних проблем Казахстана и созданная им модель межэтнического и межконфессионального согласия может в известном смысле послужить образцом для международного сообщества и присоединения других стран к культуре согласия и толерантности. Это означает, что наша Республика успешно переводит идеи согласия из модуса «должного, идеального» в модус «наличного, реального», одной из первых являя всем другим бесценный опыт культуры согласия и сосуществования народов в государстве.

Казахстан поставил перед собой стратегическую цель войти в ближайшее десятилетие в число тридцати наиболее конкурентоспособных стран мира. Основание для реализации этой цели имеется – экономический рост в стране как прочный фундамент мира и согласия, продуманная и теоретически обоснованная национальная политика, которую проводит Глава государства в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В стране формируется гражданская идентичность: как показывают социологические исследования, Казахстан считают своей родиной практически все представители; проживающие здесь этносов.

Процессы национальной идентичности в контексте трансформации и модернизации общества очень сложны и болезненны. Осознание собственного «я» каждым народом невозможно вне и независимо от собственной истории, ее героических и трагических событий. Историческое самосознание наиболее чувствительно к культурному наследию. Самосознание народа не может быть оторванным от культуры и истории, и тем более оно не может развиваться без опоры на прочную культурную традицию, «вписанную» в тенденцию новаторского развития, как, в свою очередь, трудно представить себе какие-либо культурные новации вне учета традиций. И этой благородной задаче способствовало успешное выполнение Государственной программы «Культурное наследие» (2004-2011 гг.), инициированной Президентом Казахстана.

Философия взаимопонимания есть основа духовного согласия современного полиэтнического общества. В процессе модернизации общества создается толерантная межконфессиональная диалоговая площадка (2003–2012 гг.). У истоков философии взаимопонимания толерантного мира стоял великий философ – аль-Фараби, Первый Учитель Востока[1].

Доминантой общественного сознания в независимом Казахстане является идеал согласия, взаимопонимания и толерантности всех этносов и социальных слоев, индивида и общества, личности и государства. Поэтому в настоящее

[1] Курмангалиева Г.К, Нысанбаев А.Н, Соловьева Г.Г., Сейтахметова Н.Л. Наследие аль-Фараби и современная философия взаимопонимания. – Алматы: ИФП МОН РК, 2011. – 245 с.

время главной задачей казахстанской внутренней политики становится наряду с сохранением и укреплением межнационального согласия также сохранение и упрочение, прежде всего, межрелигиозной толерантности, межконфессионального диалога и согласия. Дело в том, что если эту сферу упустить из виду, не придав ей должного значения, то веками складывавшееся национальное единство полиэтнического народа Казахстана может дать трещину, а это, конечно, повлечет за собой чрезвычайно опасные последствия, быть может, непоправимую беду. Иными словами, духовное согласие можно без преувеличения рассматривать как основание всех иных форм согласия, поскольку оно есть внутреннее, мировоззренческо-мироотношенческое ядро межчеловеческих связей.

Без стабильности в обществе и единства народа у нас нет будущего. Однако единство не отрицает своеобразия и многоголосия этнических культур, избегает поглощения и ассимиляции, как то было в советские времена. Веление времени парадоксально: крепить национальное единство, но за счет сохранения и, более того, укрепления и развития национальных образов мира, уникальных, неповторимых жизненных практик.

В соответствии с современными философскими принципами единство народа должно обеспечиваться свободным, интенсивным развитием различий которых созидает силовое поле единства. Если применить философские понятия герменевтики и постструктурализма к анализу межэтнической ситуации в современном Казахстане, то станет ясным, что именно многообразие национальных традиций есть условие их содружества.

Какая философия нужна нам, людям третьего тысячелетия? Та, что, выражая духовную квинтэссенцию эпохи глобализации, размышляя над извечными проблемами добра и зла, счастья и страдания, вины и ответственности, долга и совести, обращается к новым, прежде не известным вопросам: глобализация, экология, сохранение жизни на планете, сбережение уникальности человеческого бытия и самобытного национального духа многочисленных этносов.

Чтобы решить эти грандиозные проблемы, нам нужна философия толерантности, философия диалога и взаимопонимания. Этому принципу казахи следовали всегда. В советское время они принимали в свою семью переселенцев так сердечно, с такой теплотой и участием, что Казахстан стал и для них дорогой и любимой родиной. Потому во многом из всех постсоветских республик именно наша страна сохранила атмосферу дружелюбия между всеми этносами. Более того, в годы независимости дружба эта окрепла и получила новые импульсы и формы в связи с реализацией национальной модели межэтнического и межконфессионального согласия. Воплощением реального единения и сотрудничества при сохранении культурного многообразия стала Ассамблея народа Казахстана.

Философы не только анализируют теоретические принципы толерантности, но и представляют результаты социологических исследований, подтверждающие высокий уровень этнической и религиозной толерантности в нашем обществе. При социологических опросах в явном меньшинстве оказались те казахстанцы, которые отстаивают позицию этноцентризма. Большинство респондентов всех национальностей заявили, что в своей повседневной деятельности они отдают предпочтение деловым и личностным качествам окружающих людей, а не их этнической принадлежности.

Все опрошенные поддержали политику межэтнической толерантности и призвали воспитывать с детства культуру добросердечия и взаимопонимания. Но стремление к добрым отношениям с людьми разных национальностей сочетается у респондентов с желанием сохранить собственную культурную идентичность, язык и традиции, с чувством личной гордости за достижения своего народа. И это еще раз подтверждает на деле теоретический тезис о единстве многообразия. Несмотря на выявленные проблемы и противоречия, ученые приходят к выводу, что в независимом Казахстане сформирована поликультурная социальная среда, в которой граждане чувствуют себя полноправными членами общества с императивами доверия и сотрудничества.

Реальным воплощением идеи толерантности является евразийское братство, прежде всего, славянских и тюркских этносов. Наши ученые исследуют историю, теоретические и культурно-исторические предпосылки формирования идеи евразийства и ее концептуальное обновление в ключе современных проблем глобализации, межкультурной коммуникации и сохранения национальной идентичности[1].

Проблемы, противоречия и даже конфликтные ситуации неизбежны, ведь интересы различных слоев и групп приходят в столкновение. Но важно помнить, что отличительной чертой традиционной культуры казахов является бесценное свойство находить выход из самих сложных жизненных коллизий, быть доброжелательными, открытыми, проявлять волю к взаимопониманию, уважению всех членов рода.

Мы при этом акцент сделали на понятии «согласие». Культура в этом словосочетании означает, что согласию надо систематически учиться, что оно должно проявляться не от случая к случаю, а стать привычным, как бы второй натурой. При этом надо обратить особое внимание на воспитание толерантной культуры молодежи, на формирование толерантного сознания народа в процессе модернизации общества. Добродетельным можно считать не того, кто совершает добрые поступки как бы по наитию, а того, для кого они стали привычными, воспитав его соответствующий характер.

[1] Нечипоренко О.В., Нысанбаев А.Н. Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ / Под ред. д.филос.н. В.С. Шмакова. – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – 496 с.

Радзиевский В.А.[1]

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И ТЕОРИЯ ДЕГРАДАЦИИ

Ключевые слова: *культура, субкультура, модель культуры, схема культуры, таблица культуры, Украина, культурология.*

Keywords*: culture, subculture, culture model, culture scheme, table culture, Ukraine, culturology.*

Развитие социокультурных процессов на Украине в последние годы иногда осуществляется за счет паразитирования на национальных компонентах, с подменой традиционной духовности ее суррогатом. Не удивительно, что «в новом фотопроекте Института национальной памяти «Воины. История украинского войска», который делали за бюджетные деньги, «забыли» украинцев, воевавших в период Второй мировой в Красной армии. Это время представляют исключительно бойцы Карпатской Сичи и УПА»[2], а материал «будут рассылать в школы, военные вузы и воинские части»[3]. Разве во Второй Мировой в составе Красной армии с фашизмом не боролись миллионы украинцев? «Это настоящая фальсификация истории, и такая трактовка опасна. Если мы еще помним зверства фашистов и подвиги, в том числе и украинцев, противостоявших им, то сейчас дети поверят тому, что им расскажут… в некоторых школах стали убирать комнаты боевой славы, директора боятся останавливаться на советском периоде», – говорит глава совета Киевской городской организации ветеранов Украины Н. Мартынов[4].

Директор Украинского еврейского комитета Э. Долинский возмутился Украинским институтом национальной памяти, чей стенд героизирует Ивана Рогача, члена ОУН и главного редактора киевской газеты «Українське слово», которая издавалась в сентябре-декабре 1941 года, в ней печатали «статьи призывавшие к преследованию и уничтожению евреев»[5].

К 2017 г. многие шедевры советского кино («Одиноким предоставляется общежитие», «Зигзаг удачи» и т.д.) оказались в «черном списке», ведь «минкульт запретил демонстрировать фильмы с участием 83 российских и советских актеров»[6].

Новогодние фильмы «Ирония судьбы» и «Чародеи» на Украине «теперь угрожают нацбезопасности»[7]. При этом «каждый выпускник в 2016-м, сдавая ВНО (Внешнее независимое оценивание – В. Р.), оставил пустым место для написания краткого эссе. Просто не смог сформулировать хотя бы несколько предложений. Пожалуй, это самый красноречивый результат работы учителей языка и литературы»[8]. Трагедия, что «на выходе (из школы – В. Р.) получаем человека, который банально не умеет излагать мысли»[9]. Попытки «завлекать» старшеклассников суждениями типа «владели ли на самом деле кобзари тайными знаниями»[10] выглядят странно. Сколько можно «коверкать» свое прошлое?

Не только советская классика и многие книги детских писателей становятся объектом декоммунизации. В библиотеках «под нож идут Барто, Чуковский, Михалков…»[11], бывает, что «собрания сочинений утилизируют целиком»[12]. Немало слышно и о стереотипах некоторых украинцев: якобы в Тернополе «запретили говорить по-русски», якобы во Львове «не любят русских» и т.д.[13]. Не менее деструктивны слухи о «заказах» на якобы расправы[14] или даже

---

[1] Радзиевский Виталий Александрович – кандидат культурологии, доцент Киевского национального университета культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики, член-корреспондент Международной академии фундаментальных основ бытия, академик Украинской технологической академии.

[2] Маркин Я. Работа на раскол. Из истории Украины начали стирать упоминания о красноармейцах // Вести. 2016. – 18 октября. – http: // vesti-ukr.com›Украина›…-o-vojnakh-kracnoj-armii…

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Ведомство Вятровича установило в Бабьем Яру стенд памяти «палачу евреев» // Вести. 2016. – 8 октября. – http: // vesti-ukr.com›…vjatrovicha…v-babem-jaru…pamjati…

[6] Рябоконь А. Новогодний телевизор: без советской классики // Вести. 2016. – 13 декабря. – С. 5.

[7] Там же.

[8] Неделина А. Бунт в учительской. Зачем в Минобразования хотят скрестить Шевченко с Гарри Поттером // Деловая столица. 2016. – 12 декабря. – С. 24.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Кучкина А. Советских писателей сдают в макулатуру // Вести. 2016. – 7 ноября. – С. 4.

[12] Там же.

[13] Стереотипы украинцев // Вести. 2016. – 17 ноября. – С. 1.

[14] Вишневский Ю. Какой жупель получиться из Новинского // Деловая столица. 2016. – 12 декабря. – С. 2–3.

смерти неугодных. Так, «его (В. Медведчука – В. Р.) гипотетическое убийство порадовало бы миллионы украинцев»[1]. Не аморальны ли сама тема и подобная постановка вопроса?

Цель статьи – показать те современные векторы трансформации украинской культуры, которые напоминают худший вариант проявления субкультурной теории развития, – в ее низшей, негативной составляющей, в аспекте деградации.

Среди ученых, изучающих историю и культуру Украины, выделяются две группы. Первая – объективные исследователи (П. Толочко, Г. Ивакин, А. Моця, В. Король, Н. Сенченко и другие), вторая, – тенденциозные (С. Наливайко, С. Плачинда, В. Сергийчук, Л. Силенко и т.д.). Их позиции мы и будем учитывать.

Западные Санта-Клаус и мультяшный Гринч вытесняют Деда Мороза. Легкий наряд Клауса (короткая куртка, легкий колпак и потеющие очки) способствует болезням, а артистов «принципиально просят вести утренник на украинском»[2]. Неужели вместо культурного возрождения на традиционно высокодуховной и моральной Украине получают субкультурное вырождение?

Разве многое в украинских реалиях не напоминает о внешнем управлении и рабстве? Разве украинская банкнота в 500 гривен не вмещает треугольник от доллара США с символичной отсылкой к «новым хозяевам», а банкнота в 200 гривен, имея знаковую лилию, не свидетельствует ли о вассальном положении Украины к Евросоюзу? Где Киев К. Паустовского и М. Булгакова, А. Ахматовой и А. Куприна, В. Некрасова и тысяч других деятелей общеславянской культуры? Русский язык объявляют «чужим», «враждебным», языком «агрессоров» и «оккупантов».

Выходцы с территории Украины и традиционная малорусская культура стали особенно известны миру, в первую очередь, благодаря Московскому периоду в истории славян. В столицу России едет не только Н. Гоголь, к императрице-матушке спешит и его Вакула. В России обрели приют и счастье миллионы украинцев. Многие из них вошли в мировую историю и культуру[3]. Неужели Киев уподобился безумной матери? Может ли славный град превратиться в дитятю-выродка, возненавидевшего добрых благодетелей? Может ли где-то повториться то, что произошло со славянами московской ориентации в Галиции в 1915–1917 гг.? Их мучили и убивали в концлагерях австрийские оккупанты и коллаборационисты.

Со второй половины 2016 года актуализировали вопрос о возможности «только по одному подозрению… блокировать интернет-сайты, вмешиваться в электронные реестры... Сторонники закона уверяют, что нам такой документ нужен в условиях войны»[4]. Политолог А.Золотарев отмечает, что «любого неугодного человека могут без разбора обвинить в чем угодно»[5]. «На сегодня есть много уголовных дел, например, по статьям «Пособничество терроризму», которые были открыты и доведены до суда на основании высказываний в соцсетях», — говорит адвокат Д. Ципин[6]. «По его словам, люди сидят уже годами за то, что в резкой форме высказали мысли по поводу каких-то событий»[7]. По словам Т. Поповой, «угрозой национальной безопасности могут посчитать, даже если человек просматривал со своего компьютера сайты интимного характера»[8]. Где же будут права украинцев, если «личные вещи фигурантов и вовсе могут изъять на время расследования. Причем блокировать сайты смогут даже без решения суда. А интернет-компании заставят открывать данные о своих абонентах… хотят узаконить и негласный доступ спецслужб к жилью подозреваемого, разрешить проводить видеонаблюдение и аудиозаписи в его жилье или офисе, а также рыться в его электронной почте»[9]. Где ж тогда будут демократические свободы и плюрализм?

У некоторых популярен слоган: «Мову – нації, язык – скоту»[10], и констатация: «не надо говорить о равенстве граждан»[11]. Невъездными становятся все новые певицы (К. Орбакайте, Н. Королева, К. Саркисян и т.д.) и деятели культуры (якобы обсуждают как «неправильных» «до 700 человек»[12]). Актеры и писатели входят «в перечень лиц, угрожающих нацбезопасности»[13]. Списки есть не только в СБУ и в Минкульте Украины, но «есть еще список Погранслужбы, а кто в нем – можно узнать только на границе»[14]. Как пример – история «с Егором Кридом»[15].

Украинизацию давно внедряют в вузы, в школы и даже в детсады, «а в Раде всерьез обсуждают подготовку закона, который заставит граждан России отрекаться от родины»[16] и не только[17]. Уже не удивительно и требование:

---

[1] Дяченко В. «Убить Медведчука». НФ объявил кастинг на «киллера»? // Деловая столица. 2016. – 12 декабря. – С. 2–3.

[2] Дранник А., Приходько Б. Декоммунизация: Дедов Морозов гонят с улиц Киева // Вести. 2016. – 23 ноября. – С. 7.

[3] Ср. Толочко П.П. Украинцы в России. – Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2013. – 164 с.

[4] Кучкина А. В Раде лоббируют закон о тотальной слежке за украинцами в Сети // Вести. 2016. – 23 сентября.

[5] Там же.

[6] Маркин Я. В тюрьму за лайк. Как за украинцами следят в соцсетях и какие сроки получают несогласные // Вести. 2016. – 3 октября.

[7] Там же.

[8] Кучкина А. В Раде лоббируют закон о тотальной слежке за украинцами в Сети // Вести. 2016. -23 сентября.

[9] Там же.

[10] Славянские новости. 2016. 27 октября – 17 ноября. – С. 8.

[11] Губин Д. Украина выкорчевывает русский язык // Славянские новости. 2016. 27 октября-17 ноября. – С. 8.

[12] Разенкова М. Черные списки СБУ хотят расширить в пять раз // Вести. 2016. – 7 ноября. – С. 3.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Рябоконь А., Кучкина А. В роддоме: «Говори по-украински и поможем» // Вести. 2016. – 9 ноября. – С. 3.

[17] В Украине могут запретить въезд гражданам РФ без осуждения на камеру политики Путина // Вести. 2016. – 7 ноября. Подозреваемые русские должны «будут проверяться путем опроса «на камеру» по нескольким вопросам: «Чей Крым?», «Кто такой Янукович?», «За что стоял Майдан?», «Воюют ли россияне на Донбассе?» И это видео будет выкладываться в открытый доступ»

«Ты же в Украине живешь, говори по-украински, тогда поможем родить украинца»[1]. Пишут о сорванных концертах Потапа и Н. Каменских, Н. Королевой и А. Лорак, забывая о миллионах других украинцев. Просматривается закономерность: деруссификация и расчеловечевание часто взаимосвязаны[2]. Отдельные деятели культуры и политики утверждают, что «культура двуязычия угрожает государству, потому от нее нужно избавляться»[3]. Языковая дискриминация может стать прологом не только ущемления русских. Русский язык – язык международного общения, отказ от него – признак деградации и примитивизма. С 2014 г. в Киеве распространяют идеи и изображения новых кумиров (преимущественно соратники Петлюры и Бандеры). Преуспевают и их апологеты. Среди новых светил «идеологического фронта» талантливая Г.Могильницкая[4], пишущая «о бесноватом Иване Васильевиче Грозном»[5], «бесноватым политикам, типа Хутина и «сына юриста»»[6].

Научный уровень отдельных «историософов» известен: «А слыхали ли вы, уважаемые читатели, что в каком-то Ельце, кажется (не упомнила точно название города…) буквально пару лет назад явление новой иконы произошло? Вот была в церкви икона святого Владимира Равноапостольного, многие годы висела… А в какой-то день – о чудо! – вместо лика крестителя Руси, на той же иконе, узкоглазый лик современного Владимира! «Сам по себе» в одну ночь появился. А мы еще говорим иногда, что нынче чудес не бывает…. Скоро должно еще какое-то «чудо» появиться со «святым» Йосифом… Говорят 25000 усатых сталинских икон было уже изготовлено для канонизации сатрапа, но пока «чуда» не произошло…»[7]. Неоднократно осенью 2016 г. в Киеве оскверняли памятник князю Владимиру, рисуя на старейшем скульптурном монументе столицы, например, свастику и антипутинские надписи[8]. Похоже, что некоторые недоброжелатели президента РФ давно отождествляют В.Путина и одноименного равноапостольного князя.

Для акцентуированных ненавистников Россия – не просто «двуглавый монстр»[9], а источник всего зла: «Мир (а особенно Европа) должен уяснить: проблемы сегодняшней Украины – я имею в виду в т.ч., а может и прежде всего, проблемы внутренние, – это отрыжка 400-летнего московского господства, и, помогая Украине… (далее она выделяет жирным – В. Р.) **мир спасет не только Украину – он себя спасет, свое спокойствие, свои ценности и благополучие**»[10].

По этой «логии»» поэт А.С. Пушкин – не Пушкин, а Липкин, ведь «сказки Пушкина… имеют угро-финское происхождения («пуш» – липа по-фински, то есть по-русски фамилия поэта – Липкин)»[11]. Если «Невской битвы не было вообще»[12], то кому-то надо «списать в расход» далеко не только Александра Невского. Если не знать, например, о А. Суворове и М. Кутузове, то от них тоже «можно отказаться», как когда-то от суворовских училищ на Украине или в 2016 г. в Киеве от улицы в честь своего военного губернатора (1806–1809) и победителя Наполеона Бонапарта.

В «передовом» «неопостмодерном неоисториоведении» все позволительно. Черное зовут красным, а белое – черным и синим, вместо правды – ложь, приоритет – извращенный гиперсубъективизм. Так вектор развития направляется не вверх (согласно субкультурной теории прогресса и ее частной составляющей – теории субкультурной цивилизации), а вниз. То есть в соответствии с субкультурной теорией регресса и к ее элементу: к теории субкультурного регресса. Суть утверждения в том, что доминирующие субкультуры (где-то сегодня деструктивные, даже криминальные, нациоориентированые, ЛГБТ и т.д.) имеют большой потенциал, «задают тон» и могут активно влиять на многие социокультурные процессы.

Почему «заигравшиеся» неософисты, особенно неоисториоведы, суммируя «1» и «1» никогда не получают «2»? В лучшем случае, складывая «1» и «1», они пишут «10» (двоичная система) или «2» с дельтой (методология А. Малюты), но чаще при сложении «1» и «1» после равно они ставят ромб, зигзаг или квадрат. Их умозаключения очень отдаленно напоминают суждения известного литературного героя, когда при умножении «2» на «2» (слова Пигасова у

(Там же). Инициатива выглядит сюрреалистично, но последствия для взаимоотношений братских стран и народов будут реальными и негативными. Неужели в хлебосольном Киеве правду пишет адвокат И. Либерман: «Ко мне часто обращаются русскоязычные люди, которых передразнивали в общественном транспорте или кричали вслед из маршрутки: «Москаль!»?» (Рябоконь А., Кучкина А. В роддоме: «Говори по-украински и поможем» // Вести. 2016. – 9 ноября. – С. 3).

[1] Рябоконь А., Кучкина А. В роддоме: «Говори по-украински и поможем» // Вести. 2016. – 9 ноября. – С. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Количество работ Г.А. Могильницкой последних лет впечатляет. Вот отдельные ее книги: Могильницька Г. Карманний пісенник українського воїна-захисника Вітчизни. – Одеса: Акваторія, 2014. – 44 с.; Могильницька Г. Білкун – син Білкуна, або анатомія давнього злочину: повість. – Одеса: Друкарський дім, 2014. – 52 с.; Могильницька Г. Рогніда: ліро-епічна історична поема. – Одеса: Акваторія, 2014. – 122 с.; Могильницкая Г. Мифотворчество как обоснование исторического мародерства. – Никополь: Принтхаус Римм, 2015. – 268 с.;. Могильницька Г. Україна славить Бога: збірник сценаріїв масових заходів, підготовлених і проведених з учнями недільної школи та слухачами лекторію для дорослих церкви Різдва Христового (УПЦ КП) міста Одеси. – Одеса: Акваторія, 2016. – 224 с.; Могильницька Г. Учителі брехні під маскою «захисників православ'я». – Одеса: Акваторія, 2016. – 32 с.

[5] Могильницкая Г. Мифотворчество как обоснование исторического мародерства. – Никополь: Принтхаус Римм, 2015. – С. 9.

[6] Там же, с. 13. Не трудно догадаться, кого имеет в виду Г. Могильницкая под ненавидимым ею великим русским «Хутиным». Не будем вдаваться в «перлы» «культуробредия».

[7] Там же, с. 199. Правды ради, отметим, что на Украине известны десятки случаев чудес с иконами, например, в центре Киева: в 1995 г. на (уже бывшей) улице Московской 42/2, в 2015 г. на Кловском спуске, 13 и т.д.

[8] В Киеве снова осквернили памятник князю Владимиру // Вести. 2016. – 2 октября.

[9] Могильницкая Г. Цит. соч., с. 161.

[10] Там же, с. 161.

[11] Там же, с. 92.

[12] Там же, с. 128.

И. Тургенева в произведении «Рудин») может, в итоге, получиться стеариновая свечка. Но одно дело – доминирующее убеждение, другое – веселый юмор.

Описывает Г. Могильницкая Андрея Боголюбского и его «поход на Киев в 1969 году»[1]. Это опечатка или подсказка для читателей? Она советует россиянам: «Не пейте воду из своих водоемов и колодцев! Не ешьте хлеб и овощи, возросшие на ваших полях! Они отравлены повсеместно лежащим прахом наших отцов и дедов, превратившимся в яд…»[2]. Но и русские погибали за украинские земли. Надо ж новым витиям «доказать», что, например, Илья Муромец не православный богатырь из русского Мурома, а языческий полубог из-под Чернигова. Или что величие Москвы – ошибка истории. Главное – уколоть: русские – «народ рабов и тиранов»[3].

Развивая тему своеобразного глумления (не ограничиваясь только СССР, Россией, Сталиным, Путиным, иконами и традициями, летописями и житиями) популярная Г. Могильницкая целую главу («О правде московских анафем, святости святых и козе-дерезе»[4]) по-своему как бы кощунствует. Отсюда и совет: «начать создавать новую церковь»[5]. Это уже практиковала богиня-преступница М. Цвигун, одурманившая в 1990-х миллионы украинцев[6] и захватив Софию Киевскую. Теперь надо тоталитарнее, деструктивнее и «новее» – в духе времени.

Переложив это на разработанный нами алгоритм украинской культуры, получим неутешительный итог (дегенерации) на трех уровнях (общества, групп, индивидов) как не только образное, но и действенное отражение теории субкультурного регресса. Если культуру отдельного человека или субкультуры можно показать на схеме декартовой системы координат, изобразив по оси абсцисс материальную культуру, а по оси ординат – духовную, то получим вариант схемы модели культуры Украины. В XIX в. Д.И. Менделеев предложил человечеству уникальную таблицу химических элементов. XX век при всем его разнообразии и прогрессивности так и не предложил гипертаблицу всего, хотя о «теориях всего», холизме, цельности и системности было написано сотни работ.

В XXI веке, в связи с развитием НТР, актуализировались многие проблемы. Среди них и проблема хотя бы схематического (но лучше модельного или даже табличного) отражения сложнейших социокультурных процессов. Стал вопрос реального отражения существующих в действительности процессов[7].

---

[1] Могильницкая Г. Цит. соч., с. 53.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 95.

[4] Там же, с. 200.

[5] Там же, с. 201. В истории церкви можно видеть историю неурядиц, расколов и несогласий, а можно – историю духовности, святости, «церковного совершенства и спасения». Все зависит от наблюдателя; от позиции, развития и духа самого субъекта. Жития святых – это не документы, а обычно литературные иконы, летописи – часто своеобразные протокартины, без фотографической точности. Если новые «спецы» предлагают корректировать и переписывать их, то понятно, что новый «вариант-перевод» будет намного хуже старого.

[6] Не привел ли культурно-политический выбор Украины к духовному дурману криминального Белого братства в 1993 г. и раскольничьего «православия»? Почему произошел захват сектантами Софии Киевской, а не Софии Новгородской или Полоцкой? Нынешние политические реалии способствуют развитию еще более радикальных «духовных практик».

[7] В связи с развитием сложных культурных процессов, дальнейшими волнами НТП и новыми фазами НТР встал вопрос выделения гиперкультурологической константы как основы для осмысления культурных процессов и результатов, в т.ч. для понимания глобального развития. Отсюда и попытки осмысления, в частности, проблем субкультурализации культуры (Украины и далеко не только ее). Причем в конце XX века периферия культуры пытается стать центром, а ядро культуры маргинализируется и т.д. Как вариант осмысления гиперкультурологической константы (в реальной производной, соотнося при дистанцировании теорию и практику) с дальнейшей ее имплементацией в контекст всеобщей мегатеории, мы предлагаем следующую, нижеприведенную схему.

Если культуру отдельного человека или субкультуры можно показать на схеме декартовой оси координат, изобразив по оси абсцисс материальную культуру, а по оси ординат – духовную, то схема модели культуры Украины такова. В центре украинцы (далеко не только этнические, а вообще граждане страны как носители соответствующих ценностей и культурных кодов). По сторонам линии – стрелки развития культуры (вверху духовной, справа материальной на которых под номерами идут значки «д» как отражения развития духовной культуры и «м» как отражения развития материальной культуры с разными цифрами). Выше, над основными стрелками еще необходимо изобразить по стрелке с сюрреальными цифрами и дельтами-величинами, а все это вписываются в систему координат, в центре которой находится соответствующая гиперкомплексная матрица. Вся же схема, которая находится на первом плане (и первого вида) находится в круге. Этот круг является первым приближением и отражает сегодняшний день, констатируя нынешнее развитие культуры.

На отдаленном плане нашего изображения будет ретроспектива в прошлое, собственно «путь назад». Отсчет на боковой оси (реалии человечества, вписанные в оси духовной и материальной культур) будет осуществляться от современности (XXI век) в прошлое по убывающей оси. Потому с соответствующей нумерацией соответствующих предметов, явлений и процессов культуры. То есть от XXI века и все далее в прошлое, где по удалению отмечены столетия. Например, соответственно, X век, III в., I в. и т.д., до момента появления или «исторической фиксации» первых событий. Аналогично можно проектировать и модель в будущее (с соответствующими, как минимум двумя, вариациями).

В предлагаемой схеме заданы параметры в специально выведенных условных культурологических единицах, согласно их материальным и духовным эквивалентам, то есть по этим осям (развития и отражения материальной и духовной культуры), соответственно: 1 мек, 1 дек и т.д. Все это имеет и дополнительное пространственное измерение, и трехмерную (а при углубленном и более детальном изображении и четырехмерную) данность. Подобно в трансформированной системе координат через предлагаемую табличную матрицу (она выступает квинтэссенцией, изображая соответствующие культурные гиперкомплексы и их взаимосвязи в соответствии с математическими и систематологическими правилами) можно выразить и всю схему мировой культуры. Но только в иных соотношениях, гиперкомплексах и связях, где доминирует пространственная – уменьшаемая по мере удаления в условную бесконечность (к началу культуры) – матрица.

В этой схеме под стрелой-показателем степени развития материальной культуры (нижний план относительно основного изображения) нужно располагать ряд слоев, включая геосферу и множество материальных данностей (как материал для развития материальной культуры). Необходимо отразить и иные факторы, в т.ч. включить и отдельные известные учения, таблицы и схемы

Для укроцентристов и укрокосмистов «УПЦ МП (Украинская православная церковь Московского патриархата, крупнейшая конфессия Украины – В.Р.)… представляет собой вполне реальную угрозу национальной безопасности»[1]. Отсюда – призыв к «справедливости», ведь кому-то мало, что руководители («владыки») УПЦ МП уже «ходят в прокуратуру, дают показания»[2]. Чья-то субъективная «правда» жаждет большего «своего». Может поэтому многие на Украине «зацепились за Русскую православную церковь – как за последнее, что еще осталось в Украине от нефашистского, нерусофобского, нечеловеконенавистнического»[3].

Лживые национальные образцы для подражания – это медвежья услуга нации и троянский конь для молодежи. Не псевдопатриотичны ли примеры возвеличивания аморальных антигероев? На Украине было и есть множество великих, мудрых и достойных сыновей и дочерей. Нужно ли «отбеливать» сомнительных людей?

В СМИ уже давно можно прочесть о неких «королях Украины» (например, род Острожских[4]). Или о националистах, устраивающих «этнические чистки» (Г. Мотыка)[5], например, на Волыни. Польский режиссер В.Смажовский о своем произведении «Волынь» (2016 г.) сказал: это «фильм против национализма и ненависти»[6]. Писатель С. Сроковский заметил: «Европа понятия не имеет… об истреблении бандами ОУН-УПА… до 300 тыс. польских граждан»[7]. Неужели в Варшаве «пойдут на сговор с захватившими власть в Киеве идейными наследниками убийц»[8]? Печальны и украинофобские тенденции, в т.ч. и в Польше. Так, в Перемышле 10 декабря 2016 г. нелюди с факелами кричали «смерть украинцам»[9].

В конце 2016 года актуализировали проблему физического вырождения украинцев. И.Беркут сравнил план развития Украины с планом Гитлера «Ост». Якобы некие стратеги, «проанализировав те страны, которые достигли больших успехов на пути к здоровой экономики, поняли, что необходимо делать все, как в Швейцарии. Только Украине не повезло, потому что… на ее территории проживает 42 миллиона человек. Вывод прост: надо сократить до 8!»[10]. В итоге: «бедные умрут или уедут»[11], а «гастарбайтеры и проститутки – источники счастья Украины»[12]. «А тут министр культуры (!) вдруг… заявил, что народец в Донецкой области не тот, “нет никакой генетики”. И очертил “не сортовыми” полстраны, упомянув Черкассы, Запорожье, Донбасс»[13]. Оговорился ли мэр Киева В. Кличко, сказав, что надо

согласно их сути, периодам изучения и специфике проблематики (например, над таблицей Д. Менделеева располагаем ноосферу В. Вернадского, соединив ее с расположенной чуть выше эволюционной теорией Ч. Дарвина и т.д.).

Таким образом, все это будет отражать не только конкретно-исторические эпохи, но и особенности национальной, классовой и иной среды, а также их значение, роль и потенциалы. Из общей схемы (как основы для новой культурологической таблицы) мировой культуры мы получили свыше десятка формул (но при более точных расчетах и соотношениях их может быть раз в пять больше), отражающих разные параметры культуры.

Отдельно стоит проблема человеческого фактора и его понимания на разных уровнях (не только в культурном, но и на психологическом, в т.ч. на групповом и индивидуальном) и в разной степени. Отсюда соответствующие блоки вопросов, которые вмещают не только теории типа общеизвестной «теории золотого миллиарда», но и более закрытого типа (например, «теории бриллиантового миллиона» как отражения надгосударственных связей богатейших людей планеты, «для коих, якобы, нет границ, государств и ограничении» и есть «свои гетто»).

Общая всепланетарная модель экстраполируется на национальные и региональные уровни, создавая свои подсхемы и алгоритмы, которые вписываются в общую таблицу и репрезентируются во всеобщей матрице. При большей конкретизации, разработанный нами алгоритм украинской культуры экстраполируется на три уровня. Первый уровень – всего общества; второй – групп с их производными в виде классов, субкультур, коллективов и т.д.; третий – отдельных людей от индивидов до личностей. Это не только образное, но и действенное отражение реальной культурной практики. Вышеприведенная модель соответствует и теории субкультурного развития (при вариатизации: от прогресса до регресса, от цивилизации до деградации).

Отсюда возникает далеко не только такая гиперкультурологическая константа как теория двухэтажности субкультур (высший и низший слои в каждой субструктуре), которая отчасти вписывается не только в социальную и культурную, но и в генетическую модель, создавая фундамент для всеобщей мегатеории.

Современные субкультуры (а порой и неосубкультуры), таким образом, рассматриваются не только как миникультуры, но и как базис для переосмысления многих реалий прошлого, как всеобъемлющие реалии современности и как культурообразующая основа грядущего. Это обусловлено вариативностью, множественностью, дифференциацией, разнообразием и многомерностью множества социокультурных процессов в разные времена, у разных народов и в различных частях нашей планеты.

[1] Деловая столица. 2016. – 21 ноября. – С. 22.

[2] Там же.

[3] Бузила А. Церковь, как последнее убежище человека // Славянские новости. 2016. – 19–29 августа. – С. 2.

[4] Неділько С. Королі України // Улюблена газета. 2016. – 5-20 ноября, №309. – С. 1–4.

[5] Гулевич В. «Волынь» рассказывает правду о Волыни. Захочет ли знать правду Украина? // Славянские новости. 2016. – 19–27 октября. – С. 7.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Маркин Я. Отношения Украины и Польши будут накаляться // Вести. 2016. – 13 декабря. – С. 2.

[10] СМИ узнали, что территорию Украины ожидает зачистка… – http: // news-glance.com/46815-smi-uznali-chto-territoriyu-ukrainy-ozhidaet-zachistka-full.h...

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Газубей А. Фразой о генетике министр Нищук оскорбил меня, моих предков и самого себя // Комсомольская правда в Украине. 2016. – 24 ноября. Конечно, генетика у каждого своя, но каково узнать, что полстраны – это «неполноценные»? Теория двухэтажности субкультур (высший и низший слои) отчасти вписывается в генетическую модель, но этнические чистки – это преступление. Даже нормальные грызуны не едят своих сородичей.

готовиться «к земле»[1]? Или Ю. Бирюков о «брезгливости к русским»[2]? Можно ли к людям относиться, «как к какому-то мелкому и вредному насекомому»[3]?

Неужели президент П.Порошенко прав, сказав 2 декабря 2016, что Украина воюет всего лишь (или, наоборот, аж за то), «чтобы похоронить Советский Союз в головах некоторых, потому что другого повода для войны просто не существует»[4]?

Больно, что богатая и мудрая, гостеприимная и хлебосольная Украина в 1991 г. «обладая на старте самой сильной армией в Европе, мощнейшим промышленным потенциалом, продуктивным сельским хозяйством, людскими ресурсами, которые по оценкам ООН занимали 10-е место в мире по комплексному человеческому потенциалу, на сегодня… скатилась во всех областях до уровня самых бедных развивающихся стран»[5]. Для кого-то лучшее средство «обезопасить территорию» – освободить ее от автохтонных обитателей. В контексте субкультурной теории развития это говорит о негативном векторе: в ее части субкультурной теории регресса и далее – о деградации, о духовном ослеплении и службе лжи.

Депопуляция, как вырождение (вследствие декультуризации как процесса понижения уровня культуры), имеет количественные (уменьшение народонаселения) и качественные (необразованность, бескультурье, «мутации» вследствие, – в т.ч. и духовной – «радиации» и иных факторов) параметры. Качественные деградации многомерны и многозначны. Так, например, сегодняшней украинской нации в аспекте усредненного возраста далеко не двадцать и не тридцать. Требовать от больного мужчины предпенсионного возраста того же, что и от молодого, полного сил комсомольца, мягко говоря, наивно и неразумно. Тем более что далеко не только теория субкультурного регресса авторитетно свидетельствует: народ моральных калек обречен – восстановительные тенденции почти нереальны.

Демографические проблемы имели в основе и культурный «срыв». Нравственное падение обусловило физическое вымирание. Диссиденты соотносимы с истоком демографического кризиса части славянства и с квазикультурным «расцветом». Причина – отход от традиций и заимствование привнесенных (в плохом смысле слова, ибо часто новации конструктивны, полезны и необходимы) деструктивных моделей. Затем их развитие с имплементацией в традиционную среду «пластиковой» истории, «интеллектуального ГМО» культурфилософии. Надуманной и «зараженной культуре» соответствуют и мутированные мораль и сознание.

Многие искренние защитники «традиций» (в реальности привнесенных новаций) мнят себя продолжателями славных дел минувшего и преемниками культуры предков. Но они оказываются врагами дел прадедов, разрушителями традиционной системы ценностей и национальной культуры, являя воплощенный пример теории субкультурного регресса на разных социальных уровнях.

«Некультурная» (для невежд и неучей) Россия дала азбуку и правописание десяткам народов и иногда бескорыстно учила у себя молодежь десятков стран со всего мира. Не только страны «социалистической ориентации» на разных континентах часто за пустые обещания финансировал Кремль. Столетиями Москва дотировала разные нации и государства. Многие позабыли своих спасителей. На постсоциалистическом пространстве старики боятся собственной русофобствующей молодежи. Освободив от турок Балканы, почему было не присоединить Румынию и Болгарию? Взяв Париж или Берлин, почему бы не остаться там? Отпустили Польшу и Финляндию, почти задарма отдали США Аляску[6]…

Почему бывшие английские колонии и сегодня говорят по-английски, а на территории «Московской империи» множество народов общаются «всяк на своем»? Россия несла своим подданным разных наций и народов, как правило, культуру и просвещение, сохраняя единство в многообразии и приводя их к общему знаменателю (в т.ч. и вы, и мы – подданные одного государства, братья и соратники). Англичане часто всех пытались унифицировать, сеяли вражду и ненависть (Индия и Пакистан, или зачистки коренных народов далеко не только в Северной Америке). На чем создавали свою мощь США? Не на эксплуатации ли? Не на крови ли «краснокожих», страданиях «чернокожих», муках «желтолицых» и «бледнолицых» «унтерменшей» низшего («второго, третьего и т.д.») порядка?

Есть украинцы, которые искренне считают, что их традиционная культура развивается и якобы «на подъеме». На улицах ходят некие казаки, носящие дорогую форму с различными высокими знаками отличия. А модные шарова-

---

[1] ТОП-10 лучших «ляпов» Кличко: подготовка к земле и взгляды в – ТСН. – http: // ru.tsn.ua/.../top-10-luchshih-lyapov-klichko-podgotovka-k-zemle-i-vzglyady-v-zavtr...

[2] Ср. Заявление украинского политика Юрия Бирюкова о «брезгливости к русским» можно сравнить с идеями лидеров нацистской Германии. Об этом заявила официальный представитель МИД Мария Захарова. – http://ok.ru›group53456898687210/topic/64975248228586

[3] Там же. Ср. Ю. Бирюков: «То самое чувство, за мгновение до удара тапкой... Жаль, наша тапка еще не готова. Но это в процессе» (Советник Порошенко пообещал давить россиян тапками... – http:// ren.tv›Новости›…-davit-rossiyan-tapkami…

[4] Советский Союз продолжает существовать и это необходимо прекратить. Такое мнение высказал глава Украины Петр Порошенко во время конференции «Форум лидерства» в Варшаве, передает «5 канал». – http://fromua.news›article/49872946/poroshenko…za…ukraina

[5] Например: Война на Украине: «Зачистка территории» определена тайным договором... – http://rosinform.ru/evromaydan/863218-... или Ждем зачистку на территории Украины! – http:// otvet.mail.ru/question/185412856

[6] Надо подарить Д. Трампу и многим иностранным политикам хорошо оформленную книгу, повествующую о настоящей большой истории России, в которой отразить и великую, более чем тысячилетнюю преемственную, цельную и неразрывную историю культуры России.

ры пользуются популярностью[1]. Однако, разве в Запорожской Сечи были казаки-генералы и казаки-маршалы? И неужели дорогие шаровары – это свидетельство высокой духовности? Историю можно подтасовать, но нельзя поменять.

Судьба украинцев, при определенной политике внешнего управления[2], может уподобиться судьбе американских индейцев. В отдаленной перспективе, при усилении нынешних тенденций (при подсчетах, в т.ч. системными методами 3 и 4 поколений[3]), на Украине может остаться до 30% этнических украинцев, тогда более 70% населения будут составлять мигранты. Местные станут рабами, а приезжие (в т.ч. из Африки) – хозяевами. Неужели это путь, на который уже вступает Украина[4]?

Искаженное изложение исторического наследия, культурологическое шулерство, «аферы в гуманитаристике», неософистические уловки и полигон экспериментов «по прочистке мозгов» где-то на Земле могут срабатывать. Тогда итог один: вырождение одурманенных адептов, их уход с Земли. Некоторые современные векторы трансформации культуры (отказ от подлинного прошлого, ревизия достижений культуры, дерусификация и т.д.) напоминают о худшем варианте проявления субкультурной теории развития, – в аспекте ее деградации.

Украинцам теперь порою внушают, что русский – это «извечный «собиратель» чужих земель, алчный агрессор с ордынским менталитетом»[5], а «под личиной российского «цивилизованного» политика и государственного деятеля и сегодня прячется «хайло разбойничье»»[6]. Если вместо семян любви сеют плевелы ненависти, то доброго урожая не будет: бездумный сеятель зла пожнет человеконенавистничество и себя погубит. Деструкции губительны.

История и теория людского регресса свидетельствуют: народы шли в небытие, а их культуры иногда бесследно исчезали из-за моральной деградации, потери нравственных ориентиров и адекватности, тотальных искажений культурных кодов, устоявшихся норм и общечеловеческих стереотипов. Хочется верить в грядущий подъем уникальной культуры Украины в семье братских государств.

Будущее величие славной Украины и процветание трудового, талантливого украинского народа вполне возможно при правильных приоритетах, в том числе в культурной политике, в акцентах на христианских доминантах любви и братства, т.е. при возрождении истинных традиционных, народных украинских ценностей.

---

[1] В цирке медведя можно посадить на мотоцикл, но где вы видели медведей-механиков? В шоу дрессированный заяц прекрасно «сыграет» на барабанах, но где вы слышали о кроликах-композиторах? Сколько не говори «халва», слаще во рту не станет, а сколько и как не корми и не «тренируй» удава, он все равно останется змеей.

[2] Например: СМИ узнали, что территорию Украины ожидает зачистка. – http://Nutmorenutmore.com/46815-smi-uznali-... Или ср.: Как сообщает информационно-аналитическое агентство Regnum.ru, территорию Украины ожидает зачистка. – http://liveinternet.ru/users/3790905/...

[3] Радзієвський В. Теорія субкультур у системологічному аспекті культурології: виховний аспект // Історія у школі. 2016. – № 7–8. – С. 46–48.

[4] Кучкина А. Беженцы в обмен на безвиз с Европой // Вести. 2016. – 29 ноября. – С. 3.

[5] Могильницкая Г. Цит. соч., 237.

6 Там же, с. 238.

Семёнова Е.А.
с.н.с. Российского института стратегических исследований
elena.semenova@riss.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ МАШИНОСТРОЕНИИ

Ключевые слова: *импортозамещение, Россия, станкостроение, топливно-энергетический комплекс, нефтегазовая промышленность.*
Keywords: *import substitution, Russia, machine-tool industry, Energy, Oil and Gas industry.*

«Шоковые» реформы 90-х гг. прошлого века, отсутствие продуманной промышленной политики привели к деиндустриализации России и сильной зависимости отечественного внутреннего рынка от поставок импортных машин и оборудования. По данным Минпромторга, к 2014 г. доля импорта в станкостроении, по разным оценкам, превысила 90%, в тяжёлом машиностроении – 60–80, лёгкой промышленности – 70–90, радиоэлектронной промышленности – 80–90, фармацевтической и медицинской промышленности – 70–80%[1].

Чрезвычайно высокая доля потребления импорта создаёт потенциальную угрозу как для технологической безопасности страны, так и для конкурентоспособности российской экономики в целом. И хотя за последние 25 лет проблема импортозамещения неоднократно поднималась, зависимость от импорта по-прежнему оставалась высокой, а в отдельных отраслях (например, в станкостроении) критической.

Вопрос о необходимости уменьшения импортозависимости вновь встал в связи с резким снижением цен на нефть и последовавшей затем девальвацией рубля, что привело к значительному удорожанию импорта. А введение в 2014 г. против России экономических санкций подтолкнуло руководство нашего государства к проведению более активного курса на импортозамещение. В развитие положений выбранного курса был принят целый ряд документов. Причём следует отметить, что нацеленное на ограничение импорта и поддержку российских производителей постановление Правительства РФ № 1224 от 26 декабря 2013 г.[2] увидело свет ещё до ввода санкций (29 декабря 2015 г. в него были внесены изменения). Согласно этому постановлению за рубежом разрешено закупать лишь то оборудование, аналоги которого не производятся в России, для чего введена экспертиза заявок на закупку по импорту. При наличии аналогов такие заявки отклоняются специально созданной экспертной группой, и рекомендуется соответствующий российский производитель.

Минпромторгом России утверждены и реализуются планы по импортозамещению в 20 отраслях промышленности (19 гражданских[3], а также промышленности обычных вооружений[4]) с общим количеством проектов – 1730[5]. Средства для поддержки импортозамещения, как правило, предоставляются в виде субсидий и софинансирования исследований, а также грантов и преференций при государственных закупках. Создано 17 межведомственных рабочих групп, занимающихся вопросами снижения зависимости от импорта оборудования, комплектующих и запасных частей, услуг иностранных компаний и использования иностранного программного обеспечения.

В 2015 г. заработал Фонд развития промышленности (ФРП). Его цель – эффективное использование механизма возвратного финансирования по сниженным ставкам при реализации инвестиционных проектов, что позволит отечественным производителям укрепить свои позиции на внутренних рынках. По состоянию на начало декабря 2016 г. ФРП одобрил 181 заявку на общую сумму свыше 47 млрд. рублей[6].

В качестве других инструментов государственной поддержки, применяемых в сфере импортозамещения, можно назвать:

– субсидии на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 1312);

---

[1] Зависимость промышленности России от импорта к 2020 году снизится в 1,5 раза: Пресс-релиз Министерства промышленности и торговли РФ. 2014. – 10 июля. – http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!8750

[2] Постановление Правительства Российской Федерации № 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства» // Российская газета: интернет-сайт. 2013. – 26 декабря. – https://rg.ru/2013/12/26/zapret-site-dok.html

[3] Приказы Минпромторга России от 31 марта 2015 г. № 645-663.

[4] Приказ Минпромторга России от 2 апреля 2015 г. № 762.

[5] См.: Скорлыгина Н., Циноева Я. Нет задачи вслепую заместить всё и вся // Коммерсантъ: интернет-сайт. 2016. – 16 августа. – http://kommersant.ru/doc/3064815

[6] См.: Огородников Е. Мы точно не обездоленные // Эксперт. – М., 2017. – № 3 (1013). 16 января. – http://expert.ru/expert/2017/03/myi-tochno-ne-obezdolennyie/

– субсидии на уплату процентов по кредитам, полученным в 2014 – 2016 гг. на реализацию инвестиционных проектов (постановление Правительства Российской Федерации от 3 января 2014 г. № 3);

– программу поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на основе проектного финансирования (постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2014 г. № 1044).

Новым механизмом, направленным на стимулирование импортозамещения, стали специальные инвестиционные контракты (СПИК), заключаемые государством с инвесторами. Они предусматривают создание, модернизацию или освоение производства промышленной продукции, в том числе не имеющей российских аналогов[1]. Минимальные инвестиции в рамках СПИК – 750 млн. руб., в обмен государство обязуется предоставить инвесторам налоговые льготы и льготы по уплате таможенных платежей, а также гарантии от неблагоприятных изменений действующего законодательства в течение срока действия контракта. По состоянию на середину января 2017 г. заключено 7 СПИК (суммарный объём заявленных инвестиций в промышленность в рамках реализации этих контрактов составит свыше 150 млрд. рублей.)[2].

В целом в 2015 г. государственная поддержка импортозамещения составила около 53,5 млрд. руб., ещё 20 млрд. руб. было выделено по линии Фонда развития промышленности (почти столько же профинансировали компании за счёт собственных и заёмных средств). В результате было запущено более 800 инвестиционных проектов[3]. Общий объём инвестиций в реализацию проектов (бюджетное финансирование, кредиты, собственные средства предприятий) достиг 560 млрд. рублей[4]. В 2016 г. предполагалось реализовать 423 новых проектов с объёмом инвестиций около 300 млрд. рублей (бюджетное финансирование практически сохранилось на уровне предыдущего года).

С момента введения санкций и активизации деятельности правительства в направлении импортозамещения прошло более 2 лет, поэтому уже можно говорить о предварительных результатах проводимого курса. Рассмотрим, как реализуется концепция импортозамещения в двух критически важных для развития экономики России секторах: станкостроении и топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Наш выбор обусловлен тем, что станкостроение является базовой отраслью промышленности, без которой невозможно решить задачу по модернизации экономики и переводу её на инновационные рельсы. А ТЭК, в свою очередь, остаётся важнейшим бюджетообразующим сегментом отечественной экономики.

Импортозамещение в станкостроении

Отсутствие государственной поддержки и хроническое недофинансирование станкостроения в России привело к тому, что за период 1991-2014 гг. производство металлообрабатывающего оборудования (МОО) в натуральном выражении сократилось более чем в 20 раз[5] (до 4 тыс. единиц). Станкостроение практически перестало выполнять свою основную функцию – обеспечивать все отрасли промышленности конкурентоспособным технологическим оборудованием в необходимом количестве. По данным компании BusinesStat[6], отечественное производство нового станочного оборудования составляет менее 1% предложения на внутреннем рынке[7].

Чрезвычайно высокий уровень импортозависимости России в совокупности с незначительным объёмом собственного производства станков и кузнечно-прессового оборудования создаёт угрозу технологической безопасности страны. Причём особую актуальность эта проблема приобрела в связи с введением санкций против России, которые коснулись в первую очередь товаров двойного назначения, а большинство наиболее современных и точных металлообрабатывающих станков как раз и попадает в эту категорию. К тому же выпускаемое отечественными заводами оборудование примерно на 70% состоит из импортных узлов и деталей, также частично подпадающих под определение технологий двойного назначения.

В 2013 г. в рамках курса на импортозамещение была принята подпрограмма «Станкоинструментальная промышленность»[8] и создан системный интегратор АО «Станкопром» (в составе государственной корпорации «Ростех»). В настоящее время с учётом постановления Правительства РФ от 27 ноября 2014 г. № 1257 АО «Станкопром» реализует 11 инвестиционных проектов по созданию новых высокотехнологичных производств (общий объём финансиро-

---

[1] Постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности».

[2] Глеб Никитин: внедрение принципов проектного управления в промышленность показало свою эффективность / Министерство промышленности и торговли РФ: интернет-сайт. 2017. – 12 января. – http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!gleb_nikitin_vnedrenie_principov_proektnogo_upravleniya_v_promyshlennosti_pokazalo_svoyu_effektivnost

[3] Заседание Правительственной комиссии по импортозамещению / Правительство Российской Федерации: интернет-сайт. 2016. – 25 апреля. – http://government.ru/news/22797/#manturov

[4] См.: Скорлыгина Н., Циноева Я. Нет задачи вслепую заместить всё и вся.

[5] Механик А. Станок для нового уклада // Эксперт. – М., 2013. – № 7 (839), 18 февраля. – http://expert.ru/expert/2013/07/stanok-dlya-novogo-uklada/

[6] С 2005 г. компания BusinesStat осуществляет оперативный маркетинговый анализ и прогнозирование динамики развития отраслей российской экономики.

[7] Анализ рынка металлообрабатывающих станков в России в 2010–2014 гг., прогноз на 2015–2019 гг. // BusinesStat: интернет-сайт. 2015. – http://businesstat.ru/images/demo/metal_processing_machinery_russia.pdf

[8] Она сменила существовавшую с 2011 г. подпрограмму «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности» на 2011–2016 годы», которая осуществлялась в рамках ФЦП «Национальная технологическая база».

вания – около 15 млрд. рублей), обеспечивающих серийное производство станков, инструмента, устройств числового программного управления (ЧПУ)[1].

Как уже было сказано, на поддержку импортозамещения направлено постановление Правительства № 1224 «Об установлении запрета и ограничений на допуск товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых иностранными лицами, для целей осуществления закупок товаров, работ (услуг) для нужд обороны страны и безопасности государства». Однако многие предприятия нарушают условия постановления и в обход федерального законодательства игнорируют российские аналоги иностранных станков (в 2014 г. было приобретено всего 5% российского оборудования[2]).

По мнению отечественных станкостроителей, развитие отрасли сдерживается в результате сложившейся инерции рынка, а также бытующих стереотипов о значительном технологическом и организационно-техническом отставании станкостроения России от ведущих стран мира. Чтобы убедиться на практике в том, что российское оборудование как минимум не хуже импортного, его сначала нужно приобрести и начать эксплуатировать, а предприятие-заказчик не всегда готово идти на риск. Участники рынка уверены, что главное для развития российского станкостроения – это устойчивый спрос, но его в настоящее время может обеспечить только государство. Если государственные корпорации, такие как Объединенная авиастроительная корпорация или Объединенная двигателестроительная корпорация, ещё на стадии своих опытно-конструкторских работ будут работать с национальными станкостроителями, заказывая им технологические решения и оборудование, то появится шанс производить эти продукты с помощью национальных технологий, среди которых есть и уникальные, не уступающие зарубежным аналогам.

В то же время ситуация далеко не однозначна. Сами станкостроители отмечают невозможность полного отказа от импорта, поскольку им приходится приобретать за рубежом значительную часть комплектующих (подшипники, системы ЧПУ, гидравлические системы и т.д.), российских аналогов которым либо нет, либо они заведомо худшего качества. Вместе с тем импорт комплектующих можно существенно сократить, если правительство примет решение о новых инвестиционных проектах по этим направлениям.

Одним из важнейших элементов технологической независимости и готовности к импортозамещению российского станкостроения является создание собственных систем ЧПУ. Хотя до сих пор бытует мнение о том, что Россия критично отстала от мировых лидеров в разработке таких систем, сами российские разработчики с этим не согласны и считают, что имеют достаточно конкурентоспособные наработки в области построения промышленных систем ЧПУ. Архитектурные и программные решения таких компаний как «Балт-Систем», «Модмаш-Софт», «Микрос» и ряда других успешно эксплуатируются отечественными и зарубежными предприятиями. Доля отечественной продукции на российском рынке систем ЧПУ в настоящее время превышает 40% (практически каждый отечественный производитель предлагает от одной-двух до десятка и более моделей и модификаций)[3]. Однако уровень ЧПУ, прежде всего, определяется спросом на станки. В странах, где развито станкостроение, мировыми лидерами одновременно являются и производители ЧПУ (в Германии – компания Siemens, в Японии – Fanuc, в Китае – GSK). Поэтому для того, чтобы российское станкостроение смогло полностью уйти от зависимости от иностранных систем ЧПУ, необходимы другие масштабы производства собственных продуктов этого сегмента и расширение спектра их функциональных возможностей.

В настоящее время комплекс мер государственной поддержки российского станкостроения включает в себя квотирование закупок станков[4], введение методики поэтапной локализации производства на территории РФ, а также технологический и ценовой аудит инвестиционных проектов[5]. В 2015 г. на поддержку станкостроения из бюджета было выделено 1,5 млрд. руб., в 2016 г. – 2,7 млрд. руб.[6]

Но, несмотря на это, финансово-экономическое состояние станкостроения России остаётся достаточно сложным. Отечественные предприятия практически не располагают собственными оборотными средствами, и для развития производства используются банковские кредиты. Однако станкостроительные предприятия могут нормально функционировать только в том случае, если ставка по кредитам будет ниже их уровня рентабельности. Уровень рентабельности в среднем по отрасли составляет около 2%, у ведущих предприятий – 5%. Банки же предоставляют кредиты под 10–15% годовых[7]. В такой ситуации, даже имея заказ, предприятие, как правило, не получает прибыли, в лучшем случае ему удается вернуть полученные в банке кредиты. Поэтому для станкостроителей, как впрочем, и для всех машиностроительных предприятий, обладающих низкой рентабельностью, необходимы специальные кредиты.

---

[1] См.: Рейтер Т. Дмитрий Косов: в станкостроении реализуется 11 инвестиционных проектов суммой в 15 млрд. рублей // StroyPuls.ru: строительный портал. 2015. – 12 октября. – http://stroypuls.ru/pso/2015/166-oktyabr-2015/104786/

[2] Посашкова Т., Мальцев В. Санкции, политика импортозамещения и даже кризис помогают развитию станкостроения // Планета САМ: интернет-сайт. 2015. – 15 июля. – http://planetacam.ru/articles/russian_cam/sanktsii_politika_importozameshcheniya_i_dazhe_krizis_pomogayut_razvitiyu_stankostroeniya/

[3] Таранова Г. Российские системы ЧПУ сегодня и завтра // Умное производство: интернет-сайт. 2015. – Сентябрь. – Вып. 31. – http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=650&group_id_4=109&m_id_4=33

[4] В рамках государственных контрактов на предоставление бюджетных субсидий включено обязательство по достижению доли закупок станков российского производства на уровне 10% в 2015–2017 гг.; 40% в 2018–2020 гг.; 60% в 2021–2023 гг.

[5] Меры государственной поддержки промышленных предприятий в 2015 году // ИТО-новости. 2015. – Май. – http://www.ito-news.ru/archive/2015/1505itoN04gospodd.pdf

[6] О развитии станкоинструментальной промышленности / Правительство Российской Федерации: интернет-сайт. 2016. – 15 марта. – http://government.ru/news/22178/

[7] Григорьев С., Грибков А. Российский рынок металлообрабатывающего оборудования: как обеспечить технологическую безопасность страны // ЭКО. 2015. – № 3. – С. 23.

Сложности, возникающие в процессе импортозамещения, связаны с наличием не только финансово-экономических или технологических проблем, но также и организационно-экономических, без решения которых предприятие не может успешно существовать в конкурентной среде. Это отставание в области организации труда, низкий уровень автоматизации производства, слабая подготовка кадров, плохая организация сопровождения, гарантийного и послепродажного обслуживания оборудования.

В настоящее время одной из заметных тенденций становится создание совместных предприятий с ведущими мировыми компаниями. В качестве примера можно привести российско-швейцарское производство электроэрозионных станков на базе Савёловского машиностроительного завода (ОПК «Оборонпром») при участии группы компаний Georg Fischer Group, фирм Galika AG и Codere S.A., российско-чешское предприятие MTE Kovosvit MAS в Азове и ряд других. Но пока это лишь сборочные производства, продукция которых слабо локализована. Для тех, кто готов локализовать производство в России с 2015 г. добавилась возможность пользоваться специальным инвестиционным контрактом, который предполагает сохранение фиксированных налоговых и регуляторных условий бизнеса.

В июне 2016 г. Межведомственная комиссия при Минпромторге одобрила первый специнвестконтракт в станкостроении – с немецко-японской компанией DMG Mori. Этот СПИК рассчитан на 10 лет. Компания, которая уже вложила 70 млн. евро в строительство станкостроительного завода в Ульяновской области, обязуется инвестировать в проект не менее 750 млн. руб., а также довести локализацию производства до 70%. В 2016 г. она открыла технологический, сервисный и обучающий центры (инвестиции – 40 млн. евро)[1].

Определённые надежды на снижение зависимости отечественной промышленности от зарубежных поставщиков Минпромторг связывает с появлением крупных станкостроительных холдингов и кластеров. Ожидается, что в 2017 г. такой холдинг будет создан на базе компании «Стан» (на неё приходится более 50% выпускаемых в России металлообрабатывающих станков). В настоящее время в эту компанию входит шесть предприятий, до конца года планируется присоединить ещё порядка четырёх.

Падение курса рубля и снижение вследствие этого импорта металлообрабатывающего оборудования (в 2014–2015 гг. доля импорта в потреблении сократилась с 92[2] до 81%[3]) несколько уменьшило импортозависимость. Однако если не наращивать собственное производство, то проблема устаревания существующего парка и убывания количества установленного оборудования будет усугубляться.

Импортозамещение в топливно-энергетическом комплексе

В российском ТЭК существует целый ряд направлений, по которым зависимость от зарубежных технологий довольно велика. Например, в угольной отрасли в 2012 г. она составляла около 50%, а к 2014 г., по некоторым оценкам, увеличилась до 60%[4]. Доля импорта в потреблении технологий и оборудования для геологоразведки колеблется в пределах 40–85%, для шельфовых проектов – 80–90%[5].

В газовой отрасли наиболее критична зависимость от технологий производства крупнотоннажного сжиженного природного газа (СПГ). Все крупнотоннажные проекты в России – Сахалин, Владивосток, Балтийский (ОАО «Газпром»), Ямал (ОАО «Новатэк»), Дальневосточный (ОАО «НК «Роснефть»–Exxon Mobil), Печора (Группа АЛЛТЕК и ОАО «НК «Роснефть») осуществляются с использованием иностранных технологий. Введение санкций в отношении «Роснефти», «Транснефти», «Новатэка» влечёт за собой риски срыва планов российских компаний по выходу на рынки СПГ. Поэтому вопрос импортозамещения является стратегическим для развития крупных проектов СПГ.

В целом, как показали события 2014 г., высокая зависимость от иностранных компаний может представлять угрозу долгосрочной энергетической и экономической безопасности России. Следует напомнить, что в список так называемого «подсанкционного» оборудования вошла техника для освоения шельфа и технологии разработки трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ). Причём проблема ТРИЗ для России особенно актуальна, поскольку в последние годы существенно выросло количество месторождений, разрабатывать которые необходимо именно методами повышения нефтеотдачи и освоения трудноизвлекаемых ресурсов. В противном случае добыча становится экономически неэффективной.

Для снижения рисков руководством страны была поставлена задача импортозамещения. В настоящее время, по словам министра промышленности и торговли РФ Д. Мантурова, «импортозамещение в интересах ТЭК осуществляется в трёх связанных отраслях: нефтегазовом, тяжёлом и энергетическом машиностроении». В 2015 г. предприятия этих секторов через различные инструменты государственной поддержки в совокупности получили более 5 млрд. рублей, которые пошли на реализацию свыше 60 проектов, включённых в соответствующие отраслевые планы импортозамещения[6].

---

[1] Циноева Я. Не каждый СПИК к станку // Коммерсант. – М., 2016. – № 96, 2 июня. – С. 9.

[2] World Machine-Tool Output & Consumption Survey. Gardner Research // Gardner: website. 2015. – P. 5. – http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/GR-2015-WMTS.pdf

[3] World Machine-Tool Survey. Gardner Research // Gardner: website. 2016. – P. 7. – https://www.gardnerweb.com/cdn/cms/2016%20WMTS%20Report.pdf

[4] Кулагин В., Грушевенко Д., Козина Е. Эффективное импортозамещение // Энергетика и геополитика: интернет-сайт. 2015. – Вып. 1. – С. 51. – https://www.eriras.ru/files/effektivnoe-importozameshhenie.pdf

[5] Андрианов В. Импортозамещение: пирамида без основания // Нефтегазовая вертикаль. 2016. – № 6. – С. 100.

[6] См. Заседание Правительственной комиссии по импортозамещению.

Так, в тяжёлом машиностроении (в части горно-шахтного оборудования) с господдержкой реализуются 7 проектов импортозамещения. В частности, Минпромторгом предусмотрено проведение Копейским и Юргинским машиностроительными заводами НИОКР по разработке освоения производства высокотехнологичного оборудования для угледобычи. К приоритетным направлениям импортозамещения в угольной отрасли относят проектирование и производство очистных комбайнов для отработки угольных пластов большой мощности, гидравлических экскаваторов и взрывозащищённых электродвигателей напряжением свыше 1140 В, а также создание систем управления механизированными гидравлическими крепями для подземной добычи угля.

На реализацию 28 проектов по импортозамещению в сфере энергетического машиностроения из бюджета выделено 2,3 млрд. руб.[1] Приоритетными направлениями в электроэнергетике являются комплектация магистральных электросетей напряжением 330 кВ и выше; создание и развитие автоматизированных систем управления, цифровых систем передачи данных в электроэнергетике; разработка газовых турбин большой мощности. Причём актуальность последнего направления диктуется необходимостью вывода в ближайшие годы из эксплуатации значительного объёма генерирующих мощностей. В связи с этим *Межведомственная рабочая группа при участии Минпромторга, Минэнерго, РАН, научных и проектных институтов, компаний энергетического машиностроения и генерирующих компаний разработала программу импортозамещения энергооборудования* в области *газотурбинных технологий. Эта программа* (утверждёна 12 мая 2016 г.) будет реализовываться в 2 этапа: 2016–2023 гг. и 2024–2035 гг.[2] Однако источники финансирования пока не определены. Правительство предполагает, что дополнительные финансовые возможности удастся изыскать в ходе предстоящих бюджетных циклов.

Среди приоритетных направлений импортозамещения в нефтегазовой отрасли, прежде всего, следует назвать технологии бурения и эксплуатации наклонно-направленных, горизонтальных и многозабойных скважин; технологии сжижения природного газа; технологии геологоразведки, транспортировки нефти и газа; технологии разработки трудноизвлекаемых запасов, техника для освоения шельфа и др.

Если судить по отчёту Минпромторга и публикациям в средствах массовой информации, то процесс импортозамещения в нефтегазовой сфере идёт достаточно интенсивно. Тем более что государственные структуры прикладывают значительные усилия по его активизации. Так, для координации деятельности нефтегазовых компаний, производителей оборудования и научно-исследовательских институтов Минпромторг создал научно-технический совет (НТС) по развитию нефтегазового оборудования, который состоит из 11 экспертных групп. В состав НТС вошли более 200 компаний ТЭК, проектных институтов и предприятий нефтегазового машиностроения[3].

В нефтегазовой промышленности, как и в станкостроении, начинают внедрять систему специальных инвестиционных контрактов. В июне 2016 г. Межведомственная комиссия при Минпромторге дала положительное заключение по первым двум проектам. Один из них предполагает выпуск Томским электромеханическим заводов арматуры для нужд «Газпрома» (объем инвестиций – около 2 млрд. руб.). В рамках второго «ГМС Ливгидромаш» предложил локализовать производство насосов для нефтепереработки, магистральных насосов большой мощности для транспорта нефти и нефтепродуктов, энергетики и водного хозяйства. Объём инвестиций в течение 6 лет составит 1,2 млрд. руб. В настоящее время доля импорта в РФ по данному типу продукции – 60%[4].

Наряду с локализацией технологий необходимо стимулировать и собственные инженерные разработки, тем более что по некоторым направлениям уже есть определённые сдвиги. Так, в 2015 г. успешно проведены опытно-промышленные испытания российской роторной управляемой системы для бурения горизонтальных скважин, которую разработал петербургский концерн ЦНИИ «Электроприбор». Её серийный выпуск, запланированный на 2019 г., позволит заместить импортное оборудование при освоении месторождений трудноизвлекаемой нефти и реализации шельфовых проектов. Кроме того, ведётся разработка отечественной системы полностью подводной добычи углеводородов[5].

В то же время говорить о масштабном импортозамещении в нефтегазовой отрасли пока преждевременно. Простой пример: российские машиностроители за 2 года сумели наладить производство недорогих буровых установок, по цене сопоставимых с китайскими, а по техническим характеристикам их превосходящих. Однако замена парка бурового оборудования по-прежнему остается главной проблемой российского нефтесервиса. Президент Союза нефтегазопромышленников РФ Г. Шмаль отмечает, что из 1800 работающих буровых установок 40% сделаны в 80-е годы и требуют замены. Но «Уралмаш НГО Холдинг» даже после модернизации производства способен выпускать лишь 50 буровых установок в год (в нулевые годы годовое производство не превышало 30 единиц)[6].

---

[1] См. Заседание Правительственной комиссии по импортозамещению.

[2] Минпромторгом совместно с Минэнерго и РАН разработана программа импортозамещения в области газотурбинных технологий / Правительство Российской Федерации: интернет-сайт. 2016. – 13 мая. – http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorgom_sovmestno_s_minenergo_i_ran_razrabotana_programma_importozameshheniya_v_oblasti_gazoturbinnyh_tehnologiy

[3] Минпромторг намерен за два года реализовать большую часть проектов импортозамещения в ТЭК / Национальная ассоциация нефтегазового сервиса: интернет-сайт. 2016. – 26 апреля. – http://nangs.org/news/industry/minpromtorg-nameren-za-dva-goda-realizovat-bolshuyu-chast-proektov-importozameshcheniya-v-tek-11659

[4] Ласкутова А. «Российское не закупать импортное»: нефтяники и промышленники расставляют запятые // Накануне.RU: интернет-сайт. 2016. – 12 июля. – http://www.nakanune.ru/news/2016/7/12/22441443/

[5] Молодцов К. Шаг вперед // Российская газета. – М., 2016. – 31 августа. – https://rg.ru/2016/08/31/rossijskij-neftegazovyj-kompleks-nachal-uhodit-ot-importozavisimosti.html

[6] Критерии российскости буровых установок. Импортозамещение или импортонезависимость? / Информационное агентство Девон: интернет-сайт. 2016 – 19 июля. – http://iadevon.ru/news/articles/kriterii_rossiyskosti_burovih_ustanovok__importozameshchenie_ili_importonezavisimost-4285/

Более того, существует ряд технологий, создание российских аналогов которым в ближайшие годы вообще маловероятно. К тому же, как правильно заметил генеральный директор Национального института нефти и газа В. Кершенбаум, «вопрос импортозамещения – не только технологический, но и во многом экономический»[1]. Строить предприятие для производства единичных экземпляров оборудования и для ограниченного числа российских потребителей без возможности дальнейшего экспорта – слишком дорогое удовольствие. Поэтому полный отказ от импортных поставок вряд ли возможен, да и не нужен.

Проблема технологического отставания России и чрезвычайно высокой зависимости от иностранных технологий формировалась на протяжении более двух десятилетий, и для её решения потребуется не два и не три года. Поэтому вполне закономерно, что взятый Правительством РФ курс на импортозамещение масштабных результатов пока не дал. И этому есть свои причины. В последние два года, хотя и появились отдельные перспективные образцы востребованной на российском рынке продукции, однако у отечественных компаний зачастую не хватает мощностей для её производства в необходимом объёме. К тому же уровень проработки и согласованности конкретных мероприятий, стимулирующих потребление отечественной продукции, пока не слишком высок. Не способствует импортозамещению и низкая доступность кредитных средств (вследствие необоснованно высокой ставки рефинансирования). Общий объём займов, выданных банковским сектором бизнесу (нефинансовым организациям) в 2016 г., снизился по сравнению с 2015 г. на 9,5%[2].

Вместе с тем нельзя отрицать и некоторых локальных успехов в сфере импортозамещения. Однако в виду комплексного характера проблемы точечная господдержка отдельных проектов вряд ли способна изменить ситуацию в целом. Без подъёма общего уровня базовых отраслей промышленности (а для этого необходимы дешёвые кредиты, подготовка национальной системой образования квалифицированной рабочей силы, создание доступной инфраструктуры и реального рынка сбыта) невозможно достичь подлинной импортонезависимости страны.

[1] Кершенбаум В. Как не болеть от западных «чихов» // Нефть России. 2016. – № 1-2. – С. 23.

[2] О динамике развития банковского сектора Российской Федерации в декабре и итогах 2016 года / Банк России: интернет-сайт. 2016. – Декабрь. – http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/din_razv_16_12.pdf

Семенова Н.Н.
д.э.н., зав. кафедрой финансов и кредита Национального исследовательского Мордовского государственного университета
nnsemenova@mail.ru

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЙ МЕХАНИЗМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ключевые слова: *финансово-кредитный механизм, импортозамещение, субсидирование, кредитование, проектное финансирование, налогообложение, страхование.*

Импортозамещение в агропромышленном комплексе является одной из наиболее обсуждаемых научным сообществом проблем на протяжении последних лет. Причем учеными-экономистами исследуется различные аспекты импортозамещения. Особое место в современной научной литературе отводится исследованию проблемы импортозамещения в контексте обеспечения продовольственной безопасности [1, 2, 3, 4]. Вопросы эффективности аграрного производства как основы импортозамещения получили отражение в работах А.В. Голубева [5]. Проблемам модернизации АПК в контексте импортозамещения посвящены работы Э. Липковича, И. Санду и др. [6, 7].

Стоит отметить, что особую актуальность проблема импортозамещения в АПК приобрела в 2014 г. в связи с введением Россией продовольственного эмбарго в отношении некоторых западных стран. Под действие эмбарго попали ЕС, США. Австралия, Канада и Норвегия. В списке запрещенных товаров оказались мясные и молочные продукты, рыба, овощи, фрукты и орехи. В этом же году Правительством РФ 2 октября 2014 г. был утвержден план мероприятий («дорожная карта») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы. Также были определены новые приоритетные направления развития АПК: развитие производства картофеля и овощей открытого грунта, развитие производства овощей в защищённом грунте, развитие молочного и мясного скотоводства, развитие селекционно-генетических центров в подотраслях растениеводства и животноводства, развитие оптово-распределительных (логистических) центров по закупке, переработке, хранению и сбыту сельскохозяйственной продукции, развитие финансово-кредитной системы АПК. Таким образом, санкционная война заставила российское правительство обратить внимание не только на угрозы, но и на возможности роста отечественного АПК, перспективы достижения продовольственной безопасности страны, наращивания экспортных возможностей.

Повышенное внимание Правительства РФ и отечественных ученых-экономистов к проблеме импортозамещения в АПК во многом было обусловлено значительным увеличением зависимости российской экономики от импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Так, в 2013 г. импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в Россию почти в 6 раз превысил уровень 2000 г. и был самым высоким за более чем двадцатилетний период рыночных преобразований (рис. 1).

В течение 2014-2015 гг. наблюдалась тенденция сокращения импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия: в 2015 г. импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья по сравнению с 2013 г. сократился на 38,8%. Однако удельный вес импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в товарной структуре импорта увеличился и составил 14,5% против 13,8% в 2013 г. Поэтому нельзя не согласиться с мнением российских ученых-экономистов (например, А. Алтухова, И. Ушачева и др.), что девальвация рубля, а не продовольственное эмбарго стала основным фактором сокращения импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия [8, 9, 10].

При этом нельзя не отметить тот факт, что в 2014 г. был самый высокий за все предшествующие годы экспорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия – 18,9 млрд. долл. Рекордных объемов достиг экспорт зерна (30,1 млн. т) и растительного масла (2,4 млн. т). Причем доходы от экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия в 2014 г. на 30,2% превысили доходы от импорта вооружения.

Следует также подчеркнуть, что в настоящее время удельный вес импортного продовольствия в общих товарных ресурсах внутреннего рынка по таким продуктам, как зерно, картофель, сахар, растительное масло, мясо и мясопродукты превышает пороговые значения, установленные Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации (табл.1).

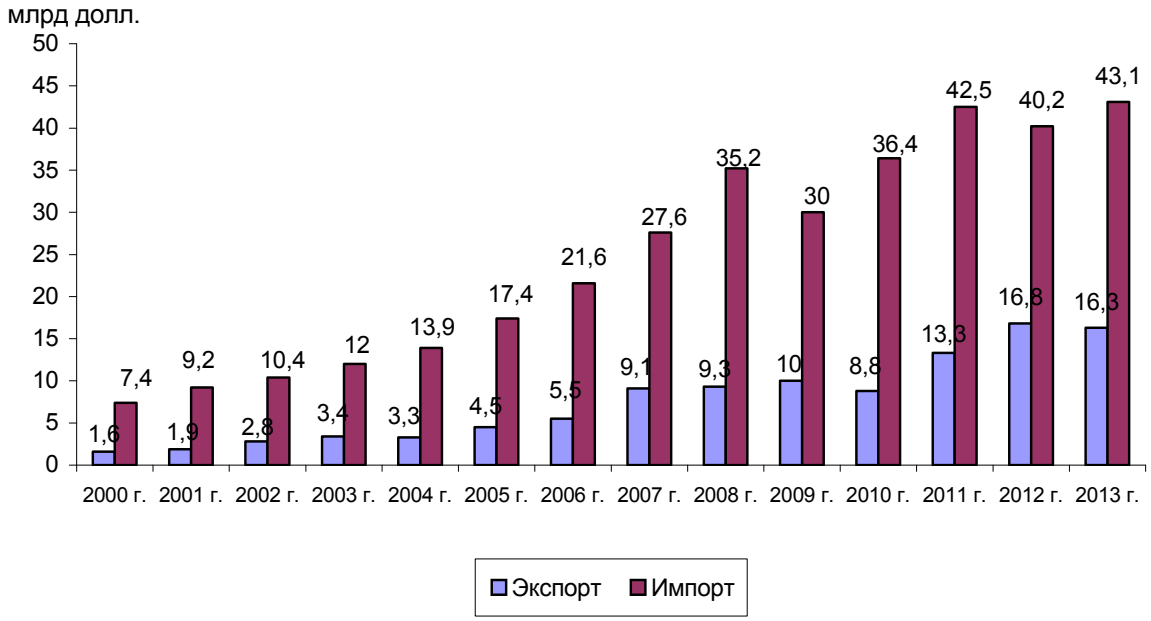


Рисунок 1.
Экспорт и импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в России.

Таблица 1

Доля отечественного продовольствия в общих товарных ресурсах внутреннего рынка (с учетом переходящих запасов), %

Продукция	Пороговое значение, установленное Доктриной продовольственной безопасности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Картофель	95	87,4	87,6	96,3	95,3	96,8	97,6	97,1	97,3
Зерно	95	99,0	99,4	99,4	99,3	98,8	98,4	98,9	99,82
Молоко и молокопродукты	90	82,5	82,3	79,7	79,9	78,9	76,5	77,0	81,2
Мясо и мясопродукты	85	68,3	69,4	71,4	73,4	74,8	77,3	81,9	87,4
Сахар	80	96,7	95,9	57,6	62,4	77,9	84,3	819	83,5
Растительное масло	80	69,0	80,9	76,6	78,0	83,6	81,4	85,0	83,9

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Национального доклада о ходе реализации в 2015 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Однако несмотря на достигнутые положительные тенденции развития экспортно-импортных операций в части сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, одной из актуальных проблем развития отечественного АПК является значительная техническая зависимость отрасли от импорта, что создают угрозу продовольственной безопасности страны. Сегодня доля импортной сельскохозяйственной техники в общем ее количестве составляет: по тракторам – 69,4%; зерноуборочным комбайнам – 20,7; кормоуборочным комбайнам – 22; машинам и оборудованию для животноводства – 90%. Кроме того, лишь 2% оборудования для пищевой промышленности производится в России, из них только пятая часть соответствует мировому уровню [8, с. 11].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях импортозамещение является важнейшим стратегическим приоритетом агропродовольственной политики России. При этом важнейшим условием реализации стратегии импортозамещения является формирование эффективного финансово-кредитного механизма, стимулирующего развитие отечественного АПК. Под финансово-кредитным механизмом импортозамещения в АПК мы будем понимать совокупность финансовых методов и способов аккумуляции, распределения и использования финансовых ресурсов с повышения конкурентоспособности отрасли на внутреннем рынке и наращивания экспортных возможностей. Схема финансово-кредитного механизма импортозамещения в АПК представлена на рис. 2.

Рассмотрим более подробно основные элементы финансово-кредитного механизма импортозамещения.

1. Бюджетное финансирование.

С 2008 г. в России основной формой бюджетного финансирования сельского хозяйства, реализуемой в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия, является софинансирование. При этом ставки по каждому мероприятию в рамках бюджетной поддержки, установленные в Госпрограмме, дифференцируются по субъектам РФ в зависимости от их бюджетной обеспеченности, а нормативы софинансирования ежегодно изменяются.

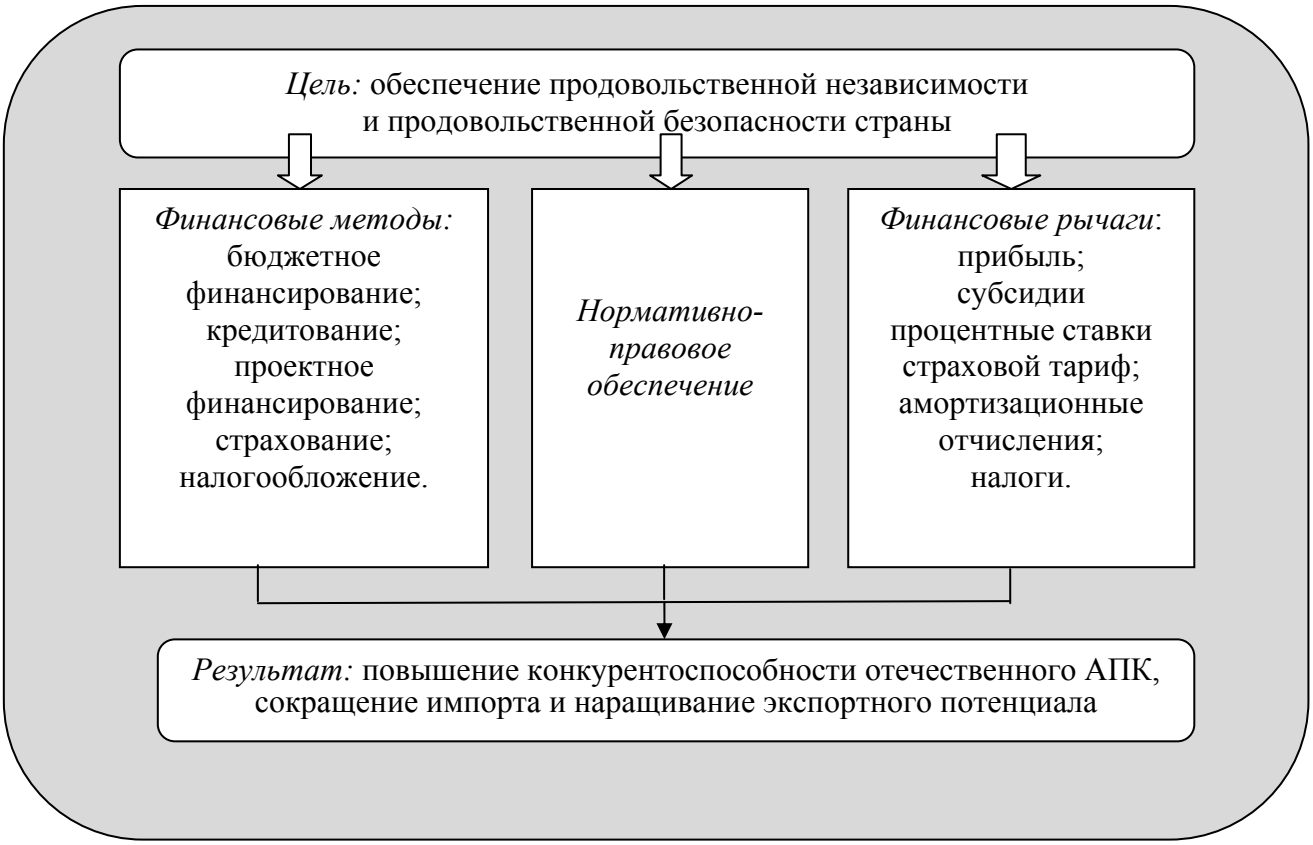


Рисунок 2.
Финансово-кредитный механизм импортозамещения в АПК

В настоящее время основной формой государственной поддержки растениеводства являются погектарные субсидии (действуют с 1 января 2013 г.). Необходимость введения новой формы поддержки сельского хозяйства была вызвана вступлением России в ВТО, обусловившего сокращение мер «желтой корзины». Данный вид субсидий основан на консолидации (укрупнении) ранее существовавших их видов: вместо механизма скидок на ГСМ, субсидий на приобретение минеральных удобрений, компенсации части затрат на повышение плодородия почв введена поддержка доходности сельхозпроизводителей в расчете на 1 га пашни. При этом ставки прямых выплат дифференцируются в зависимости от типа и состояния почв, природных и биоклиматических условий. В 2015 г. средний размер субсидий из федерального бюджета составлял 434 руб. на 1 гектар. В то же время в странах Европейского союза несвязанная поддержка растениеводства превышает 16 тыс. руб. на 1 гектар [9, с. 12–13].

Кроме того, в течение последних трех лет реализуется принципиально новый подход к субсидированию молочной отрасли: субсидии выделяются на 1 л реализованного молока высшего и первого сортов (причем ставка дотации на молоко высшего сорта в 3 раза выше). Стоит отметить, что на долю субсидий на 1 кг реализованного молока приходится более 60% средств, выделяемых на поддержку животноводства [11, с. 59].

В рамках реализация политики импортозамещения реализуются меры по поддержке отечественного сельхозмашиностроения. Так, с 2015 г. производителям сельскохозяйственной техники предоставляются субсидии из федерального бюджета на возмещение затрат на производство и реализацию сельскохозяйственной техники. При этом установлены следующие ограничения размера субсидий с учетом средней численности персонала, участвовавшего в производстве сельскохозяйственной техники за последние 12 месяцев работы: менее 200 человек – не более 5%, от 200 до 500 человек – 10%, от 500 до 1000 человек – 15%, более 1000 человек – 25%. Также важнейшим условием предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники является реализация ими техники по фиксированным ценам в течение календарного года со скидкой не менее 15%.

Стоит также подчеркнуть, что отечественным организациям предоставляются субсидии на возмещение прямых инвестиционных затрат на создание и модернизацию объектов АПК в целях импортозамещения. Размер субсидий составляет 20% для всех импортозамещающих проектов и 30% – для селекционно-генетических центров молочного скотоводства. В 2015 г. данные субсидии были предоставлены для реализации 138 инвестиционных проектов, общая стоимость которых составляет около 13 млрд. руб.

В настоящее время в Российской Федерации на развитие сельского хозяйства выделяется 0,3% ВВП, а доля расходов консолидированного бюджета страны на поддержку сельскохозяйственного производства в 2015 г. составила лишь 0,4% от их общего объема (справочно: в 2008 г. данный показатель составлял 1,7%). В то же время на сельское хозяйство приходится 6,3% общего ВВП страны. Низким является и уровень бюджетной поддержки отрасли в процентах от стоимости продукции. Так, доля государственной поддержки отрасли в стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции в России составляет лишь 4,1%, тогда как в странах ЕС, Японии, Швейцарии, Норвегии этот показатель достигает 23–61% [12, с.8].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на принимаемые Правительством РФ дополнительные меры по поддержке сельского хозяйства, современный уровень финансирования отрасли не обеспечивают ее переход на инновационное развитие и не обеспечивают ускоренное импортозамещение в АПК.

На наш взгляд, важнейшими направлениями совершенствования бюджетного субсидирования АПК в контексте стимулирования процесса импортозамещения являются:

– использование дифференцированного подхода к установлению объемов бюджетной поддержки для различных территорий (регионов). В частности целесообразно выделение аграрных территорий и сельскохозяйственных производителей, работающих в неблагоприятных условиях для ведения сельского хозяйства. Для таких регионов целесообразно предусмотреть специальные меры (или даже программы) с тем, чтобы вывести экономику АПК в них на траекторию развития;

– дифференциация государственной поддержки для хозяйств с различным уровнем доходности. При этом сельскохозяйственных товаропроизводителей следует разделить на три группы: а) конкурентоспособные хозяйства, функционирующие в нормальных почвенно-климатических и экономических условиях; б) хозяйства, находящиеся в неблагоприятных социально-экономических условиях; в) хозяйства, временно утратившие конкурентоспособность;

– введение несвязанной поддержки для животноводства;

– предоставление субсидий не только производителям сельскохозяйственной техники, но и сельскохозяйственным товаропроизводителям для возмещения затрат на приобретение машин и оборудование.

2. Кредитование

Сегодня кредитование – один из важнейших элементов финансово-кредитного механизма АПК. В настоящее время прямые сезонные кредиты коммерческих банков пока не носят массового характера. По объективным причинам банки не заинтересованы в кредитовании сельскохозяйственных предприятий, поскольку многие из них являются неблагонадежными заемщиками. На кредитование сельского хозяйства приходится примерно 4% от общей суммы выданных банками кредитов предприятиям и организациям нефинансового сектора. Основной объем кредитных ресурсов (около 90%), предоставленных предприятиям и организациям АПК, приходится на ПАО «Сбербанк России» и АО «Россельхозбанк». По данным Министерства сельского хозяйства РФ в 2015 г. совокупный объем кредитных ресурсов, выданных предприятиям и организациям АПК, составил 1129,74 млрд. руб., что на 9% выше показателя 2014 г. В то же время произошло сокращение инвестиционного кредитования организаций АПК на 13% .

Одним из факторов, повлиявших на снижение инвестиционного кредитования, является высокий уровень процентных ставок. Так, средневзвешенные процентные ставки по краткосрочному кредитованию АО «Россельхозбанк» в 2014–2015 гг. составляли 18–19%, а по инвестиционному – 16–17,5, что значительно превышает рентабельность сельскохозяйственных организаций, которая в 2015 г. составила 10,9%. Соответственно при столь высоких для заемщика ставках доступ к банковскому кредитованию имеет ограниченное количество сельскохозяйственных товаропроизводителей. При этом соотношение между краткосрочными и инвестиционными кредитами составляет 74 и 26%.

В сложившейся ситуации обеспечение доступности кредитных ресурсов является одной из актуальных проблем реализации стратегии импортозамещения в АПК. В связи с этим Правительством РФ в 2015 г. были изменены правила субсидирования процентов по кредитам и займам. В частности, был уточнен порядок расчета размера возмещения по краткосрочным и инвестиционным кредитам с учетом изменения ключевой ставки Центрального банка РФ. Внесенные коррективы позволили снизить стоимость кредитных ресурсов для сельхозтоваропроизводителей до 4–7% годовых. Однако субсидируются не все привлеченные кредиты. Например, в краткосрочном кредитовании только 80% привлеченных организациями АПК в 2015 г. кредитов являлись субсидируемыми. На наш взгляд, повышение экономической доступности кредитных ресурсов для организаций АПК в целях стимулирования импортозамещения возможно за счет изменения денежно-кредитной политики ЦБ РФ, направленной на увеличение денежного предложения и снижения ключевой ставки.

Стоит также отметить, что с 1 января 2017 г. начнет действовать новый льготный механизм кредитования для организаций АПК, предусматривающий предоставление им льготных кредитов по ставке не более 5% годовых. На эти цели из федерального бюджета будет выделено 214 млрд. руб. Причем субсидии в размере ключевой ставки рефинансирования ЦБ РФ государство будет перечислять напрямую в банк, а не сельхозпроизводителям. В системе льготного кредитования примут участия десять российских банков.

3. Проектное финансирование

Проектное финансирование является одним из ключевых инструментов развития финансово-кредитного механизма стимулирования импортозамещения в АПК. Проектное финансирование в АПК представляет собой специфический инструмент масштабной аккумуляции финансовых, материальных и нематериальных активов, позволяющий сформировать проектный денежный поток и обеспечить финансирование производственных, инфраструктурных, инновационных и социальных проектов.

Проектное финансирование как инструмент поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории РФ введено Постановлением Правительства РФ №1044 от 11 октября 2014 г. «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования». Согласно указанному постановлению, процентная ставка по инвестиционным проектам, финансируемым в рамках Программы, не должна превышать уровня процентной ставки ЦБ РФ по кредитам, предоставленным уполномо-

ченным банкам в порядке их рефинансирования, плюс 2,5% годовых. Государственную поддержку могут получить инвестиционные проекты, стоимостью от 1 млрд. руб. до 20 млрд. руб.

В настоящее время инвестиционные кредиты организациям АПК на основе проектного финансирования предоставляют четыре российских банка: ПАО «Сбербанк», АО « Россельхозбанк», **ПАО «Банк ВТБ»,** АО «АЛЬФА-БАНК». **Согласно данным Министерства экономического развития РФ, в настоящее время** *реализуется 12 проектов на общую сумму кредитов 45,4 млрд. руб.*[1] *Отличительной особенностью проектного финансирования является длительный срок кредитования – 7–16 лет. Кроме того,* в качестве залога выступает сам инвестиционный проект, что в перспективе будет способствовать снижению процентной ставки по кредитам и решению проблемы залога.

В то же время одним из недостатков данной формы является то, что данный инструмент больше подходит для крупных инвестиционных проектов. Поэтому в дальнейшем целесообразно сохранение существующего субсидирования процентных ставок по инвестиционным кредитам, особенно для предприятий малого и среднего бизнеса.

4. Страхование

В настоящее время в России осуществляется страхование урожая сельскохозяйственных культур и животных. Законодательной основой страхования рисков в сельском хозяйстве является Федеральный закон № 260-ФЗ от 25 июля 2011 г. «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «Развитие сельского хозяйства»». В нем (с учетом последних изменений) предусмотрены следующие условия организации сельскохозяйственного страхования:

– страхователь должен вносить только 50% страховых взносов;

– обязательное наличие в будущих страховых сделках условной франшизы в размере 30%, а также возможной безусловной франшизы в размере до 30% страховой суммы;

– возможность применения неполного (не менее 80%) страхового покрытия;

– страхование с государственной поддержкой осуществляется по риску утраты, гибели урожая сельскохозяйственных культур, посадок многолетних насаждений и сельскохозяйственных животных. Под гибелью или утратой понимается снижение фактического урожая по сравнению с запланированными объемами на 20% и более (справочно: 2011–2014 г. – 30%; 2015 г. – 25%), а гибель многолетних насаждений – на площади более чем 40%.

Стоит подчеркнуть, что современный механизм государственной поддержки страхования рисков в сельском хозяйстве является недостаточно эффективным. Достаточно отметить, что в 2015 г. по сравнению с 2006 г. количество организаций, принявших участие в страховании урожая сельскохозяйственных культур, сократилось почти в 4 раза. Удельный вес застрахованной площади сельскохозяйственных культур с государственной поддержкой составил в 2015 г. лишь 10,9% . На протяжении последних десяти лет доля государственных субсидий в сумме уплаченных страховых премий сельскохозяйственными товаропроизводителями по договорам страхования урожая сельскохозяйственных культур и посадок многолетних насаждений составляла в среднем 46,3%, а уровень страхового возмещения, выплаченного сельскохозяйственным товаропроизводителям, по отношению к взносам – 38,2%. Это значительно ниже установленного уровня в зарубежных странах, где соотношение уровня страхового возмещения к страховым взносам составляет 80%.

Как известно, с 2013 г. в нашей стране осуществляется субсидирование части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей по страхованию животных. В 2013–2014 гг. по договорам страхования сельскохозяйственных животных размер субсидий, перечисленных сельхозтоваропроизводителям из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, по отношению к уплаченной страховой премии составил в среднем 48,9%. В то же время выплата страхового возмещения сельскохозяйственным товаропроизводителям в 2013 г. не производилась, а в 2014 г. уровень страхового возмещения, выплаченного сельскохозяйственным товаропроизводителям, по отношению к взносам составил лишь 8,9%.

Таким образом, для России реформирование системы страхования сельскохозяйственных рисков является важным звеном модернизации финансово-кредитного механизма в АПК. Для дальнейшего его развития необходимо совершенствовать существующую систему страхования соответствующих рисков, вовлекать большее количество сельскохозяйственных товаропроизводителей, тем самым поддерживая их финансовую устойчивость. В то же время следует отметить, что построение эффективной системы страхования сельскохозяйственных рисков невозможно без участия государства. На наш взгляд, в целях развития агрострахования необходимо:

– создание страхового резервного фонда для обеспечения полного возмещения ущерба хозяйствам регионов, наиболее пострадавших от стихийных бедствий, и более полной мобилизации финансовых ресурсов, выделяемых на страхование;

– создание общероссийской перестраховочной системы;

– снижение порога гибели, с которого начинаются выплаты страхового возмещения до 5–7%;

– модификация действующей практики государственного субсидирования страхования рисков в сельском хозяйстве, предусматривающая: а) применение дифференцированного подхода к установлению страховых тарифов в разрезе сельскохозяйственных товаропроизводителей, использующих высокоинтенсивные технологии, а также районов (зон) внутри субъектов РФ, природные условиях которых существенно различаются; б) определение страховой

[1] Реестр инвестиционных проектов, отобранных для участия в Программе поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/CorpManagment/investprojectprogramme/reestr/

стоимости и ставок для расчета субсидий исходя их показателя средней урожайности (продуктивности) одинакового временного периода; в) осуществление раздельного субсидирования расходов на ведение страхового дела и расходов на возмещение потерь сельхозтоваропроизводителей в результате стихийных бедствий.

Основная задача модернизации механизма сельскохозяйственного страхования – сделать его распространенным и эффективным инструментом, обеспечивающим снижение рисков и повышающим устойчивость сельхозпроизводителей. Только многосторонняя поддержка государства может стать действенным импульсом развития сельскохозяйственного страхования и решения проблем импортозамещения в АПК.

5. Налогообложение

В условиях реализации стратегии импортозамещения возрастает роль налогообложения как эффективного инструмента стимулирования развития агропромышленного производства. В российском налоговом законодательстве для сельхозпроизводителей предусмотрена возможность применения либо общего режима налогообложения, либо специальных налоговых режимов, к которым относятся единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), упрощенная система налогообложения и патентная система налогообложения).

В настоящее время большинство отечественных сельхозтоваропроизводителей (около 70%) используют единый сельскохозяйственный налог, предусматривающий замену уплаты налога на прибыль, НДС, налога на имущество организаций. Налоговая ставка установлена в размере 6% суммы доходов, уменьшенных на величину расходов.

Кроме того, для сельскохозяйственных товаропроизводителей и рыбохозяйственных организаций, использующих общий режим налогообложения, до 1 января 2017 г. действует нулевая ставка по налогу на прибыль, а при ввозе племенного скота и биоматериала используется пониженная ставка НДС в размере 10%. Заметим, что с 1 января 2007 г. до 31 декабря 2012 г. ввоз на таможенную территорию РФ племенной продукции был освобожден от уплаты НДС. На наш взгляд, данную льготу следовало бы сохранить, поскольку введение НДС привели к существенному увеличению налоговой нагрузки на сельское хозяйство, а также затрат на производство сельскохозяйственной продукции. Также для организаций АПК установлена льгота по транспортному налогу: при исчислении налога из объекта налогообложения исключаются сельскохозяйственная техника и специальная техника, используемые для производства сельскохозяйственной продукции. Важной налоговой льготой является освобождение фермеров и индивидуальных предпринимателей от НДФЛ при получении ими производственных субсидий и грантов в рамках программ поддержки начинающих фермеров и строительства семейных животноводческих ферм.

В период 2007-2014 гг. налоговая нагрузка для сельхозпроизводителей колебалась в диапазоне 10–13,5%. Как справедливо отметила Н.Ф Зарук, несмотря и на наличие большого количества льгот и преференций, налоговое бремя в сельском хозяйстве остается все еще достаточно высоким по сравнению со странами, входящими в ЕАЭС [8, с. 49]. По мнению Р.М. Пинской, налоговые льготы в сельском хозяйстве, являющиеся своего рода косвенным субсидированием отдельных категорий налогоплательщиков, не имеют четко выраженной цели импортозамещения [9].

Можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию налогообложения АПК России в контексте стимулирования импортозамещения:

– применение налогового вычета при формировании налоговой базы по налогу на прибыль в размере 30% затрат организации на инвестиции в новейшие отечественные и зарубежные технологии, на реконструкцию, модернизацию и техническое перевооружение основных фондов;

– предоставление налоговых каникул по земельному налогу и налогу на имущество вновь создаваемым инновационным фирмам;

– введение налоговых каникул по ЕСХН вновь созданным организациям, реализующим инвестиционные проекты сроком на 5 лет;

– снижение ставок по страховым взносам для малого бизнеса, внедряющего инвестиционные проекты, предусматривающие создание новых рабочих мест;

– увеличение сроков предоставления инвестиционного налогового кредита до 10–15 лет;

– введение нулевой ставки по акцизам на продажу топлива для сельскохозяйственных товаропроизводителей;

– предоставление сельхозтоваропроизводителям-плательщикам ЕСХН права выбора статуса плательщика НДС;

– установление пониженной или нулевой ставка НДС для сельскохозяйственной продукции, произведенной плательщиками ЕСХН, что позволит сохранить все преимущества ЕСХН для сельхозтоваропроизводителей и при этом оставить неизменной существующую систему обложения НДС в России;

– предоставление организациям, применяющим общую систему налогообложения, возможности учитывать «входной» НДС при реализации товаров (работ, услуг), приобретенных у организаций-плательщиков ЕСХН;

– освобождение от НДС организаций, занимающихся производством и реализацией экологически чистой продукции, поскольку ее производство требует значительных инновационных и технологических затрат.

В заключение отметим, что для решения задачи импортозамещения в АПК необходима модернизация существующего финансово-кредитного механизма, предусматривающая усиление его стимулирующей направленности посредством льготного кредитования и установления целевых инвестиционных льгот производителям конкурентоспособной отечественной продукции, не уступающей зарубежным аналогам; закупку и внедрение новейших технологий; бюджетную поддержку предприятий, занимающихся переработкой и сбытом продукции из отечественного сырья; совершенствование страхования сельскохозяйственных рисков. При этом при применении конкретного финансового инструмента стимулирования импортозамещения следует учитывать системный характер данного процесса, т.е. учитывать их влияние на субъект стимулирования. К примеру, налоговые методы регулирования способствуют развитию

тех участников рынка, которые получают налоговые льготы. В то же время их широкое применение обусловливает появление выпадающих доходов бюджета, что ограничивает возможность применения бюджетного субсидирования.

Список литературы

1. Коровкин И. Проблемы импорта сельскохозяйственной продукции и продовольственная безопасность России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2011. – № 6. – С. 36–39.
2. Клименко А.С. Импортозамещение в системе поддержания продовольственной безопасности // Экономические науки. 2008. – № 47. – С. 186–189.
3. Попова Е.Н. Продовольственная безопасность России: как уйти от импорта? // ЭКО. 2012. – № 1. – С. 91–95.
4. Милосердов В., Борхунов Н., Родионова О. Импортозамещение, продовольственная независимость и аграрная политика // АПК: экономика управление. 2015. – № 3. – С. 3–24.
5. Голубев А.В. Импортозамещение и эффективность АПК: монография. – М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2016. – 167 с.
6. Липкович Э. Импортозамещение и модернизация АПК // АПК: экономика управление. 2016. – № 8. – С. 4–19.
7. Санду И., Полухин А., Бурак П. Импортозамещение на рынке сельскохозяйственной техники России // АПК: экономика управление. 2016. – № 3. – С. 46–50.
8. Ушачев И., Серков А., Маслова В.. Чекалин В. Росту и развитию агропромышленного производства необходим комплексный подход // АПК: экономика управление. 2016. – № 4. – С. 4–15.
9. Ушачев И. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала продукции агропромышленного комплекса России // АПК: экономика управление. 2016. – № 1. – С. 4–22.
10. Алтухов А. Ускоренное импортозамещение в АПК требует адекватного инвестирования // Экономист. – М., 2016. – № 6. – С. 11–24.
11. Маслова В. Особенности финансово-кредитного механизма в АПК на современном этапе // АПК: экономика, управление. 2015. – № 10. – С. 57–66.
12. Ушачев И.Г. Обеспечение продовольственной безопасности в контексте глобального партнерства // АПК: экономика, управление. 2011. – № 11. – С. 3–11.
13. Зарук Н.Ф. Особенности налогообложения малого бизнеса в сельском хозяйстве России // АПК: экономика, управление. 2016. – № 5. – С. 45–50.
14. Пинская М.Р. Налоговые инструменты институционализации импортозамещения в сельском хозяйстве // Финансовый журнал. 2015. – № 5. – С. 72–79.

Тарасов В.И.
академик Международной академии информатизации, руководитель Аграрного центра ЕАЭС при ВНИИЭСХ
Осинина А.Ю.
м.н.с. ВНИИЭСХ
Козлова К.Б.
м.н.с. ВНИИЭСХ

РОССИЯ В СИСТЕМАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *Россия; Европейский союз; Евразийский экономический союз; коллективная продовольственная безопасность.*

При рассмотрении разнообразных задач и этапов разработки механизма развития общего аграрного рынка России совместно с другими государствами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) требуется изучение и оценка опыта зарубежных интеграционных формирований, перед которыми стояла прежде всего задача обеспечения коллективной продовольственной безопасности населения всех своих государств, как и в случае ЕАЭС.

Несомненно, что при разработке механизмов интеграции аграрных рынков России с другими государствами ЕАЭС в условиях их взаимной и внешней торговли следует эффективно использовать богатый опыт формирования общего аграрного рынка ЕС.

При этом приходится учитывать условия развернувшихся кризисных ситуаций как на мировом продовольственном рынке, так и возникших и развивающихся санкций против России как системного интегратора ЕАЭС, которые коллективно предприняты государствами, входящими в G7, ЕС и даже в Европейскую зону свободной торговли, включающую Норвегию, Швейцарию, Исландию, Лихтенштейн.

Наряду с этим предстоит непрерывно оценивать влияние не только предпринятых санкций, но и воздействия антисанкций, инициированных Россией. К сожалению, они в целом практически не согласованы со всеми государствами-членами ЕАЭС. При этом следует принять во внимание, что все остальные государства ЕАЭС не отказываются от соглашений о зоне свободной торговли с Украиной, которые Украиной были заключены с каждым государством отдельно, а не с ЕАЭС в целом.

Необходимо оценить неоднозначную позицию Республики Армения, которая до настоящего времени не вышла из состава регионального интеграционного формирования ВЭП («Восточно-европейское партнерство») и по-прежнему принимает участие в многосторонних переговорах о зоне свободной торговли с ЕС, хотя уже юридически оформила свое вступление в ЕАЭС.

Несмотря на то, что развитие аграрной сферы экономики государств-основателей ЕАЭС в 2013–2014 гг. происходило в сложной социально-экономической ситуации, динамика производства продукции сельского хозяйства, приведенная в табл. 1, демонстрирует тенденцию роста совокупного объема производства продукции сельского хозяйства по ЕАЭС в целом. В 2014 г. он увеличился по сравнению с 2009 г. на 33% и достиг 138 млрд. долл.

Таблица 1

Производство продукции сельского хозяйства, в текущих ценах, млрд. долл.

Страна	Годы						2014 г. в % к 2009 г.
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
Беларусь	9,6	12,1	9,9	11,6	11,7	12,8	133,3
Казахстан	11,1	9,8	15,6	13,4	16,0	14,0	126,1
Россия	79,4	85,2	111,1	107,5	119,1	111,3	140,2
ЕАЭС	100,1	107,1	136,6	132,5	147,0	138,1	138,0

Источник: Развитие экономической интеграции в аграрном секторе Евразийского экономического союза [5].

Евразийский экономический союз, обладающий уникальным географическим положением и существенным экономическим потенциалом, играет значимую роль с точки зрения развития международного экономического сотрудничества. Говоря о взаимодействии с международными интеграционными объединениями, необходимо отметить

позитивные перспективы развития сотрудничества ЕАЭС с такими партнерами как Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

По всем направлениям взаимодействия ЕАЭС с международными интеграционными объединениями основным приоритетом его наднациональных органов будет являться продвижение и защита интересов деловых кругов ЕАЭС, содействие экономическому росту и развитию его государств – членов. Одним из наиболее эффективных инструментов реализации имеющегося экспортного потенциала в аграрной сфере государств ЕАЭС является создание ЗСТ.

Формирование экономических отношений ЕАЭС с другими государствами идет достаточно высокими темпами, и в этой сфере в настоящее время преобладает восточный вектор развития – ЕАЭС ориентирован на рынки стран АСЕАН и азиатского региона в целом.

Особое место среди стран Юго-Восточной Азии для ЕАЭС занимает Вьетнам, с которым 29 мая 2015 г. было заключено Соглашение о зоне свободной торговли (далее – Соглашение ЗСТ). Перечень экспортируемых сельскохозяйственных товаров ЕАЭС, на которые снижаются таможенные пошлины со стороны Вьетнама, приведен в табл. 2.

Таблица 2

Динамика изменения таможенных пошлин со стороны Вьетнама на импорт сельскохозяйственных товаров ЕАЭС

Период снижения ставки таможенной пошлины	Наименование агропродовольственной продукции
Без переходного периода	пшеница и меслин, семена льна и рапса, лук, молоко и молочная продукция, мясо КРС (свежее или охлажденное)
3 года	переработанная мясная продукция, переработанная рыбная продукция, консервы, икра
5 лет	мясо домашней птицы, фрукты и орехи консервированные (частично), рыба мороженая, кроме рыбного филе, шоколад (частично), кондитерские изделия из сахара (частично)
10 лет	меласса, фрукты и орехи консервированные (частично), шоколад и прочие готовые пищевые продукты (частично), кондитерские изделия из сахара (частично)

Источник: Применение расширенного перечня механизмов регулирования в аграрной сфере ЕАЭС и третьих стран, присоединившихся в формате ЗСТ [6].

Также Соглашением ЗСТ предусмотрено предоставление Вьетнамом тарифных квот для импорта товаров из государств ЕАЭС [6].

При этом для некоторых групп товаров планируется применять так называемый триггерный механизм, позволяющий в случае угрозы для рынка ЕАЭС вводить в упрощенном порядке ставки пошлины на уровне Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

По экспертным оценкам, экономия на пошлинах для экспортеров ЕАЭС во Вьетнам в первый год может составить около 40 млн. долл., а по истечению всех переходных периодов – около 55-60 млн. долл. в год. Ожидается, что отмена таможенных пошлин приведет к росту экспорта из ЕАЭС во Вьетнам мясной и молочной продукции, пшеницы и муки. В свою очередь, Вьетнам сможет нарастить поставки рыбы, риса, фруктов, овощей и орехов.

Проявляет интерес к налаживанию торгово-экономического взаимодействия с ЕАЭС в формате ЗСТ и Китай. Что касается китайского аграрного рынка, то ввиду значительных объемов потребления и высокой доли импорта по отдельным товарам, представляется целесообразным наращивать объёмы уже поставляемой из ЕАЭС продукции (рыба и морепродукты) с последующим расширением ассортимента (зерновые, масличные и др.).

Перспективной экспортной сельскохозяйственной продукцией для государств ЕАЭС являются зерновые, которых в 2014 г. Китай импортировал на сумму более 5 млрд. долл., особенно ячмень, учитывая низкий уровень тарифной защиты – ставка таможенной пошлины равна 1,5% – и то, что доля импорта ячменя составляет в потреблении КНР более половины, достигая 2,5 млн. т.

Кроме того, на рынке Китая государствами ЕАЭС могут быть эффективно реализованы пшеница и кукуруза, несмотря на высокий уровень ставок таможенного тарифа по ним – 65 и 42,5% соответственно. Дело в том, что КНР ежегодно открывает тарифную квоту, с минимальным уровнем тарифной защиты и значительным объемом поставок. При этом квота не распределена между странами, и администрирование производится по методу «первым пришел – первым обслужен».

В связи с тем, что правительственной программой Китая по обеспечению продовольственной безопасности страны предусмотрено наращивание объемов производства и импорта аквапродукции, возможно увеличение объемов экспортных поставок рыбы и морепродуктов из государств ЕАЭС.

Для того чтобы аграрная продукция ЕАЭС на рынках третьих стран повысила свою конкурентоспособность, необходимо разработать механизмы совершенствования интеграции аграрных рынков государств ЕАЭС, предусматривающие согласованные экспортные поставки и учитывающие особенности внешнеэкономической деятельности в аграрной сфере, включая и защитные инструменты.

Что касается внешней торговли, то государства-основатели ЕАЭС являются одними из крупнейших поставщиков пшеницы на мировой рынок. Так, суммарный объем поставок пшеницы в 2015 г. составил около 24 млн. тонн, что на 32,9 % больше чем в 2011 г.

Таблица 3

Динамика экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государствами ЕАЭС

Наименование товара	Стоимость, млрд. долл.	Доля в экспорте, %	Стоимость, млрд. долл.	Доля в экспорте, %	Стоимость, млрд. долл.	Доля в экспорте, %	Стоимость, млрд. долл.	Доля в экспорте, %	Стоимость, млрд. долл.	Доля в экспорте, %
	2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.*	
Экспорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	13,60	100	18,70	100	16,9	100	19,0	100	16,3	100
Пшеница	4,25	31,2	5,98	31,99	4,43	26,2	6,29	33,1	4,45	27,3
Рыба мороженая	1,79	13,2	1,93	10,30	2,06	12,2	1,83	9,6	1,82	11,2
Ячмень	0,60	4,4	0,96	5,1	0,61	3,6	0,91	4,7	1,04	6,3
Масло подсолнечное	0,64	4,7	1,56	8,32	1,38	8,1	1,35	7,1	1,00	6,1
Табачные изделия	0,43	3,2	0,77	4,1	0,75	4,4	0,76	4,0	0,75	4,6
Кукуруза	0,16	1,2	0,57	3,0	0,59	3,4	0,71	3,7	0,60	3,7
Мука пшеничная или пшенично-ржаная	0,77	5,7	0,66	3,54	0,61	3,6	0,60	3,2	0,55	3,4

Источник: составлено на основе данных www.eurasiancommission.org
* С 2015 с учетом Республики Армения и Республики Киргизия.

Кроме того основными товарами, экспортируемыми государствами ЕАЭС, являются рыба мороженая, ячмень, масло подсолнечное, табачные изделия, кукуруза, мука пшеничная. Динамика экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из государств ЕАЭС за период 2011–2015 гг. в стоимостном выражении, представлена в таблице 3, а динамика экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из государств ЕАЭС в натуральном выражении за период 2011–2015 гг. – в табл. 4.

Основным направлением экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия из государств ЕАЭС является Ближний Восток. Основными импортерами пшеницы из ЕАЭС являются Египет, Турция и Иран. При этом поставки пшеницы в Египет в 2015 г. увеличились на 11,8% по сравнению с 2014 г. с 4,1 млн. тонн до 4,5 млн. тонн, а поставки в Турцию в 2015 г., напротив, сократились на 29,1% по сравнению с 2014 г. с 4,5 млн. тонн до 3,2 млн. тонн.

Таблица 4

Динамика экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государствами ЕАЭС, тыс. тонн

№ п/п	Наименование товара	Годы						
		2011	2012	2013	**2013 г. к 2011 г., %**	2014	2015*	**2015 г. к 2014 г.,%**
1.	Пшеница	17 941, 1	22 821,2	17 731,2	**98,8**	25 992,0	23 836,6	**91,7**
2.	Рыба мороженая	1 291, 0	1 291,0	1 340,8	**103,9**	1 136,3	1 173,8	**103,3**
3.	Ячмень	2 587,5	3 711,8	2 533,3	**97,9**	4 633,0	5 886,5	**127,1**
4.	Масло подсолнечное	511,6	1 376,3	1 268,4	**248,0**	1 542,0	1 236,0	**80,2**
5.	Табачные изделия	27,0	38,1	41,4	**153,3**	46,7	120,5	**258,0**
6.	Кукуруза,	732, 6	2 206,4	2 604,6	**355,5**	3 509,0	3 706,2	**105,6**
7.	Мука пшеничная или пшенично-ржаная	2 512,8	2 370,7	1 938,4	**77,1**	1 930,6	1 998,3	**103,5**

Источник: составлено авторами на основе данных www.eurasiancommission.org
*С 2015 с учетом Республики Армения и Республики Киргизия.

Кроме того, Египет и Турция являются также и основными импортерами подсолнечного масла из государств ЕАЭС. В 2015 г. в Турцию было экспортировано 605,5 тыс. тонн подсолнечного масла, что более чем в 4,5 раза больше по сравнению с 2011 г. Поставки подсолнечного масла в Египет увеличились на 19,4 за аналогичный период и составили в 2015 г. 133,2 тыс. тонн.

Мороженую рыбу закупает, прежде всего, Китай (в среднем 770 тыс. тонн в год) и Республика Корея (в среднем 455 тыс. тонн в год), а также Япония (в среднем 36 тыс. тонн в год).

Основными импортерами кукурузы из стран ЕАЭС являются Турция, Республика Корея, а также Азербайджан. При этом поставки кукурузы в Турцию в 2015 г. увеличились в 15 раз по сравнению с 2011 г. и составили 1,4 млн. тонн.

Что касается импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в государства ЕАЭС, то здесь сложилась иная ситуация. Государства ЕАЭС в период 2011-2015 гг. закупали в основном животноводческую продукцию, продукты ее переработки, а также фрукты. Основными статьями импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в государства-основатели ЕАЭС в стоимостном выражении являются фрукты, говядина, свинина и табачное сырье. Основными поставщиками говядины в государства ЕАЭС являются государства-члены Южноамериканского регионального формирования МЕРКОСУР: Бразилия, Парагвай, Уругвай и Аргентина.

Динамика импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из государств ЕАЭС за период 2011-2015 гг. в стоимостном выражении, представлена в табл. 5, а в натуральном выражении – в табл. 6.

Таблица 5

Динамика импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государствами ЕАЭС, млн. долл.

Код ТН ВЭД ТС	Наименование товара	Годы						
		2011	2012	2013	**2013 г. к 2011 г.,%**	2014	2015*	**2015 г. к 2014 г.,%**
0805	Цитрусовые плоды	1688	1643	1830	**108,4**	1636	1380	**84,4**
0202	Говядина замороженная	2271	2641	2398	**105,6**	2213	1106	**49,9**
0808	Яблоки, груши и айва, свежие	1331	1382	1329	**99,8**	1304	1106	**84,8**
2401	Табачное сырье	1275	1289	1262	**99,0**	1148	1048	**91,3**
0203	Свинина	2407	2 774	2354	**97,8**	1592	985	**61,9**
2208	Крепкие спиртные напитки	1241	1514	1589	**128,0**	1351	737	**54,6**
0406	Сыры и творог	1522	1560	1741	**114,4**	1041	183	**17,6**

Источник: составлено на основе данных www.eurasiancommission.org
* С 2015 с учетом Республики Армения и Республики Киргизия.

Таблица 6

Динамика импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государствами ЕАЭС, тыс. тонн

Код ТН ВЭД ТС	Наименование товара	Годы						
		2011	2012	2013	**2013 г. к 2011 г., %**	2014	2015*	**2015 г. к 2014 г.,%**
0805	Цитрусовые плоды	1795,8	1742,0	1 893,4	**105,4**	1830,3	1735,5	**94,8**
0202	Говядина замороженная	583,5	604,7	559,4	**95,9**	528,2	319,8	**60,5**
0808	Яблоки, груши и айва, свежие	1812,4	1967,5	2011,0	**111,0**	1882,2	1660,4	**88,2**
2401	Табачное сырье	264,4	278,9	266,1	**100,6**	233,4	226,0	**96,8**
0203	Свинина	764,1	845,3	688,1	**90,1**	399,6	318,6	**79,7**
2208	Крепкие спиртные напитки	69,5	87,5	84,9	**122,2**	74,0	51,3	**69,3**
0406	Сыры и творог	303,3	331,7	341,5	**112,6**	196,8	41,4	**21,0**

Источник: составлено на основе данных www.eurasiancommission.org
* С 2015 с учетом Республики Армения и Республики Киргизия.

При этом следует отметить резкое снижение поставок говядины из США с 48 тыс. тонн в 2012 г. до 300 тонн в 2013 г. Это связано с тем, что в процессе производства США используют рактопамин – вещество, которое наращивает мышечную массу у КРС и свиней, а ввоз мяса с содержанием этого компонента на территорию России запрещен [5]. За этот же период ввоз говядины из Бразилии увеличился на 34%, из Парагвая – в 2,7 раза.

Свинину государства ЕАЭС импортируют из Бразилии, Чили и Сербии. Так же, как и в случае с импортом говядины в государства ЕАЭС из США, в 2013 г. произошло резкое снижение поставок по свинине с 92,6 тыс. тонн в 2012 г. до 6,1 тыс. тонн в 2013 г. Цитрусовые на рынок государств ЕАЭС поступают в основном из Турции, Марокко и Египта.

Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве встречается с постоянным противодействием со стороны других стран и интеграционных формирований. Достаточно сослаться на признание бывшего государственного секретаря США Хилари Клинтон, которая в декабре 2012 г. в Дублине заявила: «Нет разницы, как это называется. Это может называться Таможенным союзом, Евразийским союзом и в том же духе далее. Но давайте не будем заблуждаться по этому поводу. Мы знаем, какова цель, и мы попытаемся найти эффективные способы замедлить или предотвратить это» [3].

Еще одним фактором, препятствующим эффективному функционированию ЕАЭС, стало введение некоторыми развитыми странами антироссийских санкций, прежде всего в банковской сфере, выразившихся в лишении российских агентов валютного рынка возможности перекредитования заимствований и обвальном снижении международного рейтинга Российской Федерации и ее экономических агентов. Это привело к резкой девальвации рубля и высокому уровню инфляции, что крайне негативно отразилось на предполагаемой возможности выбора рубля как единой расчетной валюты государств ЕАЭС.

Из-за санкций ЕС, США, Австралии, Канады, Норвегии и Швейцарии, российских контрсанкций и девальвации рубля в декабре 2014 г. часть социально значимых продуктов питания в Российской Федерации подорожала на треть.

В отношении интеграционного формирования следует оперировать категорией коллективная продовольственная независимость, которая может быть определена как доля обеспечения основными видами продовольственных продуктов всего населения государств-членов регионального интеграционного формирования за счет их производства всеми государствами формирования. Если говорить об ЕАЭС, то уровень этого показателя по большинству чувствительных видов продовольственных товаров в период 2011–2013 гг. оставался существенно ниже единицы.

Как известно в ответ на объявленные в различных сферах экономики антироссийский санкции 6 августа 2014 г., Россией в одностороннем порядке, без согласования с партнерами по ЕАЭС, были введены контрсанкции только в одной сфере – агропродовольственной, выразившиеся в отказе от импорта продовольствия из объявивших санкции

стран. Это еще более осложнило возможность форсированного достижения коллективной продовольственной независимости ЕАЭС и привело к возникновению внутренних разногласий. Это вынуждает белорусских трейдеров осуществлять транзит подсанкционных агропродовольственных товаров из ЕС. Например, из Белоруссии в Казахстан идут поставки польских яблок и норвежской рыбы, учитывая то, что Казахстан и Беларусь не присоединились к контрсанкциям России.

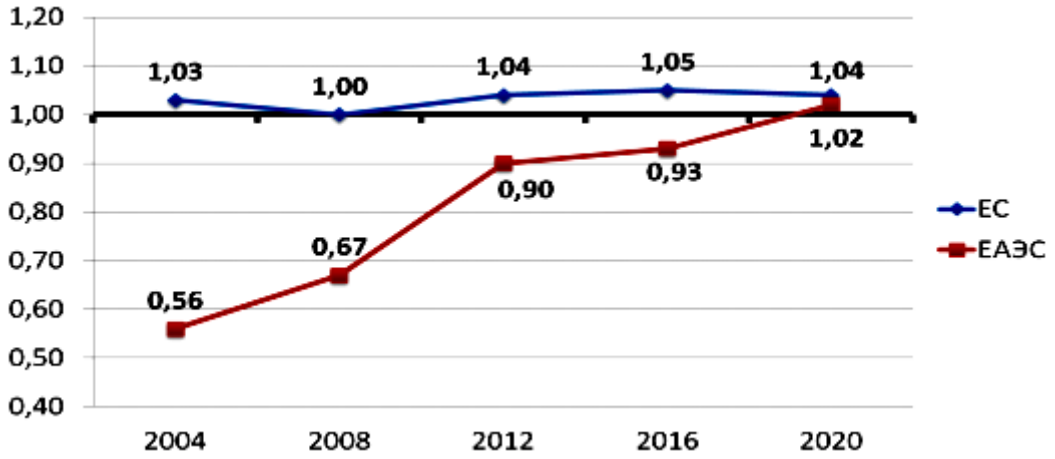


Рисунок 1.
Фактическое значение и прогноз коэффициента продовольственной независимости ЕС и ЕАЭС по мясу птицы [7]

Данные, приведенные на рис. 1, показывают, что государства ЕАЭС на текущий момент достигли продовольственной независимости по мясу птицы.

Вместе с тем, как показывают данные, приведенные на рис. 2 и 3, государства ЕАЭС не обеспечивают необходимого уровня коллективной продовольственной независимости при производстве свинины и говядины.

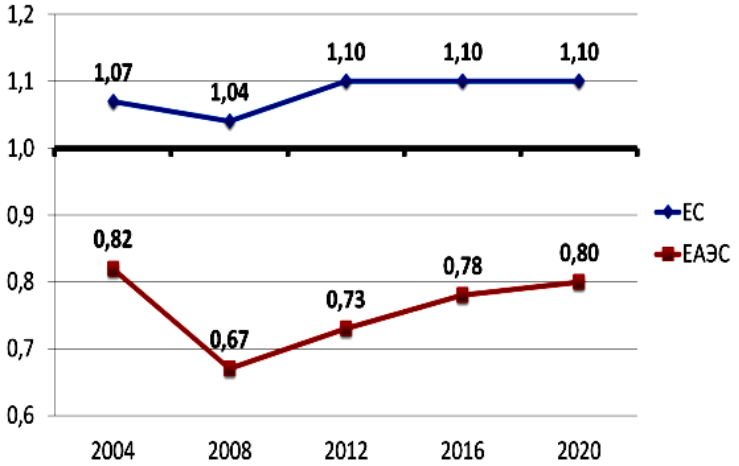
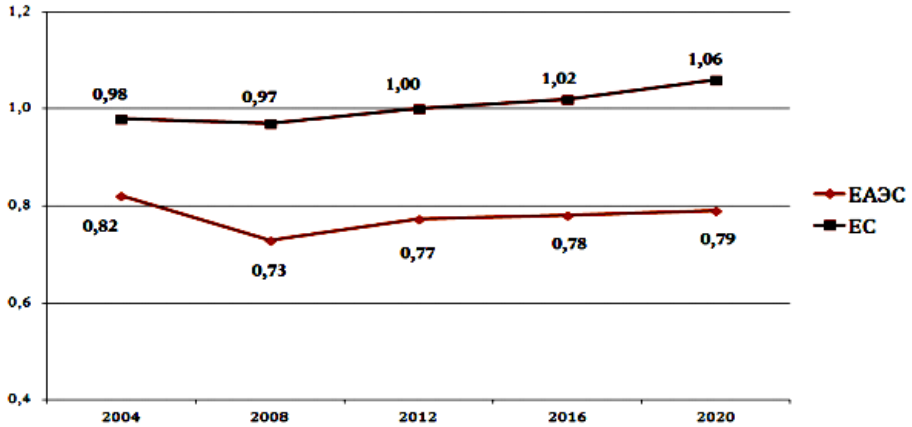


Рисунок 2.
Фактические значения и прогноз коэффициента продовольственной независимости ЕС и ЕАЭС по свинине [7]



Источник: Сотрудничество между Россией и странами ЕАЭС в агропродовольственной сфере в условиях санкций и контрсанкций [7].

Рисунок 3.
Фактические значения и прогноз коэффициента продовольственной независимости ЕС и ЕАЭС по говядине

Внутреннее производство свинины и говядины по-прежнему растет за счет инвестиционных проектов, запущенных в прошлые годы.

В соответствии с изложенным для достижения коллективной продовольственной независимости ЕАЭС необходимо:

1. Актуализировать Доктрину продовольственной безопасности РФ, предусмотрев в ней:

- актуализацию критериев продовольственной независимости по предусмотренным в ней видам продовольствия;
- установление критериев уровней продовольственной независимости по не предусмотренным в ней видам продовольствия (овощи, фрукты, ягоды и др.);
- обеспечение продовольственной безопасности в конфликтных ситуациях, включая санкции и контрсанкции;
- установление критериев независимости по кормам для животных и семенным материалам.

2. Предусмотреть разработку Доктрины коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС с отражением в ней всех аспектов, перечисленных в пункте 1.

Список литературы

1. Сидорук А.С. Совершенствование правил регулирования внутренней поддержки сельского хозяйства в рамках ВТО. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М., 2009.
2. Тарасов В.И. О тенденциях эволюции региональных интеграционных формирований в Европейском союзе и СНГ в начале XXI века // Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Формирование новой экономики XXI века». – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – 180 с.
3. Тарасов В.И. РИФы на пути ВТО – М.: ООО «Угрешская типография», 2013. – 362 с.
4. Ушачев И.Г. Агропродовольственный сектор России в условиях санкций: проблемы и возможности // Агропродовольственный сектор России в условиях санкций: проблемы и возможности. Материалы Московского Экономического Форума «Новый курс. Время не ждет» 25–26 марта 2015 г. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С. 13–30.
5. Глотова И.С. Развитие экономической интеграции в аграрном секторе Евразийского экономического союза // Материалы Московского Экономического Форума «Новый курс. Время не ждет» 25–26 марта 2015 г. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С. 107–112.
6. Тарасов В.И., Осинина А.Ю., Глотова И.С. Применение расширенного перечня механизмов регулирования в аграрной сфере ЕАЭС и третьих стран, присоединившихся в формате ЗСТ // Евразийский союз ученых. 2016. – № 3 (24). – С. 106–108.
7. Тарасов В.И. Сотрудничество между Россией и странами ЕАЭС в агропродовольственной сфере в условиях санкций и контрсанкций // Материалы Московского Экономического Форума «Новый курс. Время не ждет» 25-26 марта 2015 г. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2015. – С. 255–262.
8. ВТО: опубликовано решение третейской группы по спору ЕС с Россией о торговле свининой // Мосты. – Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Формирование новой экономики XXI века» http://www.ictsd.org/bridges-news/

Убайдуллаев С.Н.
к.э.н., в.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент
Usn219@mail.ru

МЕГАТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ: МОНОПОЛИЗМ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *либерализм, мировоззренческая система, институциональная система, транснациональные корпорации, монополизм, наука, инновационные технологии.*

Keywords*: liberalism, worldview system, institutional system, transnational corporations, monopoles, science, innovative technologies.*

Начиная со второй половины XX века одной из основных тенденций, характеризующих развитие современной мировой экономики, стало сокращение сферы охвата рыночным регулированием инвестиционных процессов. По способам формирования инвестиционной деятельности мировая экономика была поделена на две самостоятельные части. В первой части экономики формирование объемов, и направление движения инвестиционных потоков подчинялось законам рынка. Во второй части мировой экономики все параметры и направления движения инвестиционных потоков определялись уже не рынком, а производственными программами, составленными в управленческих структурах крупных глобальных корпораций.

Здесь речь идет не только о производственных структурах самих транснациональных корпораций, что вполне естественно, здесь речь идет о всех предприятиях, связанных с ТНК технологическими и экономическими цепочками. Эти предприятия, заключая с ТНК договора о поставке какой-либо продукции, планируют свою производственную деятельность в соответствии с этими договорами. Поэтому их инвестиционная деятельность определяется не рынком, а планами и программами глобальных ТНК.

Возникновение и усиление этой тенденции в развитии мировой экономики было обусловлено формированием научно-технологического ядра современной мировой экономики. Это ядро состоит из нескольких сотен глобальных корпораций, обеспечивающих весь мир новейшими производственными технологиями и инновационными продуктами. Естественный процесс усложнения научных знаний и самой инновационной деятельности привел к тому, что центры по созданию новых средств производства оказались сосредоточены, в основном, в очень больших компаниях. Не малое значение в формировании такой тенденции имело увеличение стоимости научно-исследовательского оборудования, испытательных полигонов и других объектов инфраструктуры, необходимых для научной и инновационной деятельности. В настоящее время число стран, из которых распространяются инновационные технологии, значительно сократилось. Только очень небольшое число западных стран сохранили возможность для развития науки и создания новых технологий.

По большому счету, это изменение вызвано усложнением науки, оно закономерно, и, по сути, только оно одно никак не могло бы привести к изменению самого механизма развития мировой экономики. Однако на фоне сокращения числа государств, способных продвигать инновационный процесс в мировом производстве произошло еще одно изменение, затронувшее уже сами возможности новых инновационных технологий.

Дело в том, что новые технологии оказались намного производительнее прежних средств производства. Кроме того, то качество продукции, которое обеспечивали новые технологии, прежние обеспечить были не в состоянии. Различная производительность старого и нового оборудования была настолько разительной, что это привело к существенному изменению всей ситуации на мировом рынке.

Некоторое время назад работа на морально устаревшем оборудовании была способна длительное время кормить тех предпринимателей, которые его использовали. Прежде многие предприятия, не модернизируя свое производство достаточно долго, вполне могли выживать и даже получать солидную прибыль. В настоящее время такое предпринимательское поведение стало уже невозможным. Предприниматель, не успевающий за техническим прогрессом, сразу же оказывается неконкурентоспособным, он разоряется. Дело в том, что при новых производственных технологиях рост объемов выпускаемой продукции сдерживает только платежеспособный потребительский спрос. Поэтому как только где-то появляется спрос, туда сразу же устремляются предприниматели со своими инвестициями.

Это изменило весь механизм функционирования мирового рынка. У тех производителей, кто желал выжить и сохранить свое место на рынке, сразу же появилась потребность в новых производственных технологий. Однако продавцов этого товара в мире очень мало. Только несколько наиболее развитых стран Запада способны создавать и производить это новое, высокопроизводительное оборудование. В основном хозяевами новых производственных технологий являются глобальные ТНК. Поэтому в настоящий период самым ликвидным товаром в мире стало новое инновационное оборудование.

По классическим законам рынка на такой товар всегда набрасывается наценка за редкость этого товара. Например, высокая стоимость драгоценных камней определяется редкостью их наличия в природе. То же самое происходит и с новыми технологиями. Они производятся монополистами, и поэтому цены на них кратно превышают затраты по их созданию и производству. Именно этим в значительной мере обусловлено то, что уровень жизни западных стран намного выше, чем стран развивающихся.

То, что глобальные ТНК, создавая и продавая новые технологии, получают от развивающихся стран за этот товар монопольную прибыль – это еще не самое негативное следствие такой монополии. Наиболее негативным моментом здесь является то, что выстраивая свои технологические и экономические пирамиды, глобальные ТНК лишают многие другие страны возможности для их свободного экономического развития. Особенно плохо то, что монополия на инновационные производственные технологии приводит к формированию монополии этих ТНК и на другую продукцию, крайне необходимую для развития инновационной и промышленной производственной деятельности. В частности, это приводит к монополии ТНК на наиболее редкие и ценные природные ресурсы на всей нашей планете. Дело в том, что обладая самым ликвидным в мире товаром, ТНК в обмен на эти технологии приобретают наиболее дефицитные полезные ископаемые и другие ресурсы в любой части нашей планеты. Для других предпринимателей, не обладающих таким ликвидным товаром, это обстоятельство затрудняет или полностью перекрывает всякую возможность для их промышленного и инновационного развития.

Необходимо заметить, что в истории развития промышленного производства подобная тактика конкурентной борьбы существовала всегда. Так, главной целью завоевания и удержания колоний Англией и Францией было создание таких условий, при которых предприниматели из других стран не имели бы возможностей для приобретения тех природных ресурсов, которые были им необходимы. Германия не имела колоний и ей очень сложно было конкурировать за мировые рынки промышленной продукции со странами, имевшими колонии. Эта страна была первой, которая нашла свой собственный метод выхода из этого положения. После того, как Германия достигла такого же экономического могущества, как старые колониальные страны, она стала развязывать войны за передел «колониального пирога». Этот факт показывает, насколько важен для развития промышленного капитала доступ к дешевым сырьевым ресурсам. Точно так же, поход Наполеона в Россию был обусловлен тем, что французским предпринимателям для того, чтобы стать монополистами, требовалось обеспечить эмбарго Англии. Россия не соглашалась осуществлять эмбарго Англии, и именно это привело к войне 1812 года.

После Второй мировой войны у западных корпораций, специализирующихся на производстве высокотехнологических средств производства, остался только один реальный конкурент, который мог угрожать их господствующему положению на мировом рынке новейших производственных технологий. Этим конкурентом был СССР. Если бы Советский Союз смог сохранить свою экономическую специализацию, как государство, создающее и производящее новые производственные технологии, то конкурентная борьба в этой сфере экономики между западными корпорациями и СССР продолжалась бы и в настоящее время. В этом случае никакого кризиса и замедления экономического роста мировой экономики, могло бы и не быть.

Однако, вследствие внутренних институциональных причин, процесс развития науки и экономики в СССР начал замедляться. Наука в стране стала постепенно подменяться псевдонаучными исследованиями, не обеспечивающими страну новыми инновационными технологиями и продуктами. Причиной этого процесса было ослабление контроля над качеством и результативностью научных исследований и, обусловленное этим проникновение в научную среду людей, малокомпетентных и неподготовленных. Карьеризм и бюрократизм стали постепенно превращаться в «ахиллесову пяту» советской науки. Кроме того, связь науки и производства, в плане внедрения новых разработок в промышленность, так же оказалась тем вопросом, который трудно было решить в условиях обюрократившегося аппарата управления народным хозяйством. Вследствие этого, техническое и технологическое развитие советской экономики стало во все большей мере отставать от технологического развития производства в Западных странах. Конкуренция, являющаяся основным рычагом развития новейших технологий в мировой экономике, стала ослабевать. Западные предприниматели очень быстро прочувствовали изменение ситуации в развитии мировой экономики. Суть ее состояла в том, что им стало не от кого оберегать дефицитные природные ресурсы и сырьевые запасы в развивающихся странах.

Единственный конкурент, которым являлся СССР и который мог предложить развивающимся странам новые высокопроизводительные технологи, постепенно стал сходить с арены конкурентной борьбы. Западные ТНК, способные создавать и производить инновационные производственные технологии, стали полными монополистами на мировом рынке высокотехнологичных средств производства.

Что происходит в настоящий период? С развалом социалистического лагеря в государствах, прежде входящих в СЭВ, существенно замедлилось развитие фундаментальной науки. Это привело к монополизации наиболее развитыми западными странами возможностей по дальнейшему развитию фундаментальной науки. Прямым следствием этого изменения стало то, что развитие фундаментальной науки стало постепенно приостанавливаться. Не получая от фундаментальной науки новых результатов, стала пробуксовывать и прикладная наука. На этом фоне закономерным следствием стало то, что темпы развития инновационного процесса в мире стали замедляться. Это то, что касается интенсивного типа развития. Что же касается экстенсивного типа развития, то при долгом сохранении одного и того же технологического уровня развития производства, потенциал экстенсивного развития экономики неизбежно сокращается. Эти процессы и стали одной из главных причин перехода мировой экономики к кризису и «новой нормальности» в ее функционировании.

В настоящий период «ключи» от интенсивного типа развития мировой экономики оказались в «руках» глобальных транснациональных корпораций. Серьезная инновационная деятельность становится прерогативой крупных

транснациональных корпораций. Это означает, что развитие мировой экономики, фактически, происходит тогда, когда это входит в планы крупных, глобальных компаний и развивается в том направлении, куда указывают управляющие структуры этих компаний.

Весь мир поставляет им либо сырье и вспомогательные материалы, либо конечную продукцию, необходимую для жизнеобеспечения их персонала и людей, занятых на предприятиях, входящих в их технологические пирамиды. Управляющие структуры ТНК определяют технологические параметры той продукции, которая необходима им для производства и сохранения высокого качества жизни их работников. Многие предприятия в различных странах мира вступают в конкурентную борьбу за то, что бы произвести и поставить в структуры ТНК ту продукцию, которая им требуется. Почему же все предприятия мира стремятся попасть в число тех счастливчиков, которым повезло заключить договора на поставку своей продукции для нужд ТНК? Транснациональные корпорации платят твердой валютой и тем самым расширяют потребительский спрос в мировой экономике. Свою экономическую власть, как власть хозяев наиболее ликвидной в мире продукции, они делегируют тем участникам рынка, которые встраиваются в их технологические и экономические цепочки.

Каким же образом в сложившихся условиях развивающиеся страны могут отойти от их сырьевой и аграрной специализации? Имеется ли путь, следуя которому они смогут начать развивать науку, инновационную деятельность и создавать создания новейшие производственные технологии? Единственной возможностью переломить современный тренд, состоящий в формировании монополизированной глобальной экономики с жесткой структурой экономической специализации, является последовательное продвижение по пути, открытому и проложенному еще в XIX веке Германией под руководством канцлера Бисмарка. Необходимо отметить, что после Германии этот же путь экономического развития, но в более усовершенствованной форме, был продолжен в XX веке в СССР. В наиболее совершенной своей форме он использовался до 50-х годов прошлого столетия, после чего начал разрушаться.

В чем же состоит суть нового метода подъема национальной экономики, примененного в Германии при Бисмарке? Этот метод состоял в централизации управления инвестиционными процессами, в усилении роли государства в развитии экономики, в активизации государственного регулирования в области образования и науки. В чем же система управления, сформированная в Германии, оказалась более эффективной, чем механизм рыночного регулирования, существовавший в других промышленных странах Западной Европы? Главное отличие этой системы состояло в том, что в Германии появился более быстрый метод создания крупных промышленных компаний и банков. Он был намного более результативен, чем метод, основывающийся на стихийном, эволюционном способе создания этих хозяйствующих субъектов.

К концу XIX века Германское правительство прекрасно осознавало, что сила и мощь английского и французского капитала состояла в том, что у них имелись крупные промышленные компании и банки. Это позволяло зарубежным предпринимателям осуществлять крупные инвестиционные проекты и капиталоемкие инновационные разработки. Первоначально Германское правительство, действительно, ждало и надеялось, что рынок сработает, и такого рода компании появятся в Германии сами по себе. Потом терпение лопнуло. В Германии была выработана и принята политика искусственного, но зато намного более быстрого создания крупного бизнеса и инфраструктуры, необходимой для развитого промышленного общества. В частности, при сильном государственном регулировании в стране были созданы крупные акционерные общества, разветвленная сеть железных дорог, крупные помещичьи капиталистические хозяйства, организована специфическая система Академий наук.

Однако успех в проведении подобной политики не приходит только от того, что правительство решило идти другим путем. Для того чтобы успех был обеспечен, необходимо было многое осуществить заранее, необходимо было создать соответствующую почву для становления этих субъектов хозяйствования. Прежде всего, в Германии должна была появиться совершенно новая идеология и мировоззренческая система. Без этого новая институциональная система, при которой могли бы нормально функционировать новые субъекты хозяйствования, никак не смогла бы сложиться.

В высших стратах германского общества в тот период господствующей мировоззренческой системой были протестантство и католицизм. В высших стратах Англии и Франции в этот же период господствующей мировоззренческой системой был либерализм. Религиозные мировоззренческие системы для развития промышленного способа производства не подходили. Либерализм в Германии не приживался. Это происходило потому, что институциональная система, основывающаяся на либерализме, в Германии не работала. В Англии и Франции она нормально функционировала, а в Германии эта институциональная система никак не способствовала ее экономическому процветанию. Потому в этой стране в тот далекий период и не прижились идеи либерализма. Единственным выходом из сложившейся ситуации было создание своей собственной мировоззренческой системы и уже на этой основе формирование своей, опять-таки отличной от всех иных, институциональной системы. Немцы так и поступили.

В Германии усилиями философов и естествоиспытателей была создана своя собственная мировоззренческая система. Она получила название диалектического идеализма. Наибольший вклад в ее создание внесли И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель. На основе новых идей и модернизации феодальной институциональной системы была создана новая институциональная система, сумевшая обеспечить новый порядок управления общественным производством. Эта институциональная система оказалась чрезвычайно эффективной, несмотря на то, что во многом она повторяла прежнюю феодальную систему централизованного управления обществом.

Еще одним важным фактором, определившим экономический подъем Германии, стало то, что немецкая фундаментальная наука получила новую, более продвинутую по сравнению с английской и французской наукой методологическую базу. Диалектическая мировоззренческая система позволила немецкой науке сделать значительный шаг вперед по сравнению с наукой в других европейских странах. Такой прогресс привел к развитию прикладной науки и

появлению не только новых технологий, но и совершенно новых отраслей промышленности (химия, электротехника, металлургия и др.). В скором времени Германия вырвалась вперед, обогнав по технологическому развитию своих конкурентов.

В еще большей степени, чем в Германии централизация системы управления экономикой была достигнута в Советском Союзе. Здесь на основе научных разработок была создана система планирования народным хозяйством страны. Эта система включала в себя не только программу производства всех отраслей национальной экономики, но также и оптимальный вариант размещения производительных сил на территории всей страны. На основе рекомендаций науки определялись основные параметры производственной деятельности всех отраслей экономики. Стихия рынка здесь была заменена научными разработками, выполняемыми в сотнях научно-исследовательских институтов, централизованных ведомств и комитетов. После всестороннего обсуждения научными работниками, специалистами и производственниками выработанные программы и планы утверждались высшими органами власти в стране.

Именно фактор науки в управлении экономикой и обеспечил все те достижения советской экономики, которые вывели страну в разряд наиболее развитых стран мира. Освоение космоса, оборонный щит государства и лучшая в мире система образования – все это является результатом использования такого метода управления, который основывался на науке. Во многих отраслях экономики технологический уровень, достигнутый в СССР, оказался самым высоким в мире.

Почему же в таком случае при наибольшем влиянии науки на развитие производства и социальной сферы все-таки произошел спад в 1980–1990 годах? Экономический спад произошел из-за того, что в последние десятилетия существования Советской власти высшие страты общества оказались на гребне своей мощи. Им уже ничто грозило, как это было прежде, а внутренних стимулов к ответственности за результаты своей работы у них не нашлось. При достижении Советским Союзом полной безопасности со стороны внешних сил, в высших стратах советского общества начался процесс их вырождения. Они стали постепенно снимать с себя ответственность за жизнь и благополучие советского народа, что и привело систему управления государства в ее нерабочее состояние.

Ослабление контроля со стороны высших страт за результатами управленческой деятельности привело страну к мощнейшей деформации системы подбора и расстановки кадров. Истинная наука постепенно была вытеснена из управления экономикой страны. Ученых, нацеленных на поиск истины, постепенно стали вытеснять и сменять люди, недостаточно подготовленные к научной деятельности, люди, стремящиеся к карьерному росту. Произошел сбой в механизме воспроизводства социальной стратификации советского общества, по-видимому, советское общество уже давно переросло существовавшую в тот период институциональную систему.

В целом же необходимо отметить, что тренд на увеличение степени влияния науки на принятие стратегических решений при управлении общественным производством является правильным и полностью соответствует естественному ходу развития человеческого общества. За научно управляемым обществом или за научно-организованными процессами производства, распределения, обмена и потребления, действительно, будущее.

Поэтому первое, с чего необходимо начать реставрацию эффективной системы управления экономикой стран СНГ, это создание приемлемых условий для деятельности научных работников. Для того чтобы в структуру управления экономикой органично вписались научно-исследовательские структуры, эта структура должна быть коренным образом преобразована. В подобной постановке вопроса нет ничего необычного. Как известно, управление всеми глобальными ТНК осуществляется строго централизованным методом, основываясь на научных проработках управленческих решений. Научно-исследовательские подразделения ТНК органично вписаны в их структуру. При этом доход этих глобальных ТНК бывает на порядок выше, чем у многих государств мира. И, ничего, никто ни в чем не запутывается, и внутрифирменная финансовая и технологическая дисциплина от таких масштабов совершенно не страдает.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в сложившихся условиях подобное преобразование может произойти только при формировании в странах СНГ новой институциональной системы. Сегодня, наверное, никто не знает, какой должна быть эта новая институциональная система. Это может быть выяснено только после того, как будет раскрыта и сформирована новая ступень в развитии диалектической мировоззренческой системы. Для этого необходимо обобщить знание всех фундаментальных закономерностей, раскрытых к настоящему времени, и свести все эти знания в единую систему. При этом, в первую очередь, необходимо свести в единую систему все те закономерности, которые в настоящий период регулируют и управляют современным экономическим, социальным и культурным развитием всего человеческого общества.

Формирование современной, передовой мировоззренческой системы требует привлечения большого числа высококвалифицированных специалистов. Довести создание такой системы до уровня, пригодного для разработки новой институциональной системы государства, дело совсем не простое. Однако без успешного завершения этой работы любые начинания по реформированию могут оказаться пустопорожними. Они будут способны только умножить знания о тех путях развития, по которым не следует идти, о тех путях, которые способны привести только к барьерам и непреодолимым преградам. При строительстве высотного здания необходим проект строящегося сооружения. Точно так же и при формировании институтов, способных обеспечить экономический рост, необходима мировоззренческая система, предлагающая верные ориентиры формирования новой институциональной системы. Следование же либеральному пути реформирования государств, как это было показано выше, означает лишь пособничество в дальнейшем превращении стран с переходной экономикой в сырьевые и аграрные придатки глобальных транснациональных компаний.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – С. 159.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
3. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.
4. Мотрошилова Н.В. Социально-исторические корни немецкой классической философии. – М.: Наука, 1990.
5. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. – http://www.rulit.me/books/mirovoj-krizis-obshchaya-teoriya-globalizacii-download-free-297399.html
6. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб., 1998.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007.
8. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. – М.: Радуга, 1991.
9. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
10. Убайдуллаев С.Н.. Механизм развития современной экономики // Свободная мысль. – М., 2016. – № 1.

Шафиев Р.М.
д.э.н., профессор, советник государственной гражданской службы РФ 1 класса, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета
Максимов Д.А.
к.э.н., доцент, начальник отделения факультета МЭО Российского экономического университета

ЭФФЕКТ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

Ключевые слова*: российская экономика, промышленное производство, импортозамещение.*

Каждая страна, будучи неотъемлемой частью мирового экономического хозяйства, так или иначе, подвержена влиянию экономических и политических процессов, происходящих в мире. Последние несколько лет оказались непростыми для России как участницы международных экономических отношений. Политическая напряженность повлекла за собой неблагоприятные экономические последствия. Санкции, наложенные на нее Евросоюзом, не могли не оставить своего следа на экономике страны. Но стала ли Россия беспомощной жертвой, или это лишь дало ей импульс с гордо поднятой головой приступить к политике импортозамещения?

Для ответа на этот вопрос можно процитировать слова Президента РФ, Владимира Путина: «Замещение импорта – это не «какой-то фетиш», а развитие высокотехнологических производств в собственной стране. Мы, так или иначе, всё равно должны этим заниматься, должны были бы это делать. Но сейчас будем делать просто с ускоренной силой и двойным эффектом»[1]. Эта фраза как нельзя лучше характеризует роль санкций в переходе к импортозамещению в России: они явились лишь катализатором тех процессов, которые назревали в России уже давно. Осталось разобраться, действительно ли импортозамещение является панацеей от всех бед российской экономики?

Для начала следует отметить, что Россию нельзя назвать импортоориентированной страной. Ее импортная квота равна 15,2% [2], что является показателем относительно слабой зависимости страны от ввоза товаров из-за рубежа. Но превалирующую роль в российском импорте играет именно ввоз машин и оборудования, что указывает на недостаточность отечественной базы промышленности. Действительно, российским промышленным компаниям сложно конкурировать с высокотехнологичным зарубежным производством. Но иногда обстоятельства складываются таким образом, что выбора нет. Подобная картина наблюдается и сейчас.

Для подтверждения выше сказанного обратимся к данным Федеральной таможенной службы. На рис. 1 изображена товарная структура импорта России в 2013 году (до введения Евросоюзом санкций). Как мы видим, почти половину российского импорта составляют именно машины и оборудование. В 2015 году ситуация изменилась, но не в тех масштабах, в каких могла бы. Если бы политика импортозамещения в России имела колоссальный успех, то за 2 года снижение доли машин и оборудования в импорте было бы намного больше, чем 4%.

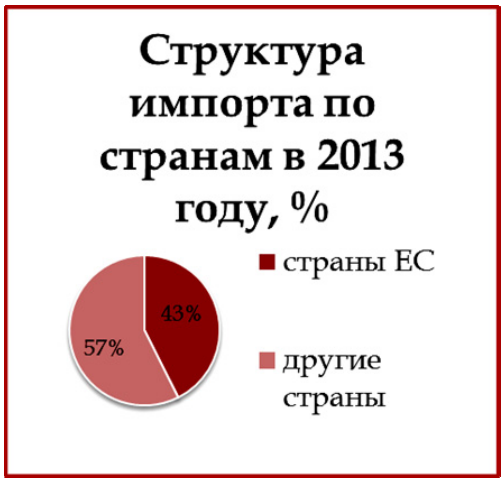
Рисунок 1.
Источник: составлено авторами на основе данных сайта ФТС [5]

[1] http://www.ntv.ru/novosti/1528256/

Источник: составлено авторами на основе данных сайта ФТС [5]

Рисунок 2

Обращаясь к рис. 3 и 4, можно заметить, что страны Евросоюза как были основными экспортерами продукции в Россию, так ими и остались. Санкции пошатнули позиции ЕС лишь на 5%, что не является серьезным уменьшением. Таким образом, напрашивается вывод, что импортозамещение в России носит в большей мере формальный характер.



Источник: составлено авторами на основе данных сайта ФТС [5]

Рисунок 3 **Рисунок 4**

А реальное положение дел таково: Правительство РФ задало высокую планку в импортозамещении и в целом с ней справилось. На заседании Государственного совета РФ 18 сентября 2014 г. были оглашены примерные масштабы импортозамещения – около 100 млрд. долларов [2]. Данную программу планировалось реализовать в течение двух-трёх лет. Такую немалую сумму трудно компенсировать в столь короткие сроки даже для страны с высокоразвитой промышленностью (к коим Россия не относится). И что же мы видим сейчас? За 2015 год объём импорта в стоимостном выражении составил 182,7 млрд. долларов [5], что меньше данного показателя за 2014 г. на 100 млрд. долларов. Поставленная задача была выполнена даже раньше срока. Для обеспечения снижения зависимости отраслей российской промышленности от импорта была также создана Правительственная комиссия по импортозамещению. Каковы итоги?

Очевидно, основным препятствием для стремительного роста отечественной промышленности является недостаток финансовых средств. Развитие такой капиталоемкой отрасли, как машиностроение, невозможно без вливания значительных инвестиционных средств. Основным экспортером капитала в Россию является именно Евросоюз, что подтверждается таблицей 1, на которой представлены данные об инвестиционном сотрудничестве Евросоюза и России до введения санкций.

Таблица 1

Импорт капитала из ЕС, млрд. долл.

	2012	2013		2012	2013
Инвестиции-всего	86,2	112,7	Накопленные инвестиции	276,8	293,8
в том числе:			в том числе:		
прямые инвестиции	14,4	20,9	прямые инвестиции	105,1	99,9
портфельные инвестиции	0,7	0,8	портфельные инвестиции	5,5	3,4
прочие инвестиции	71,1	91	прочие инвестиции	166,2	0

Источник: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития РФ [1].

Таким образом, вполне логичным следствием ухудшения отношений России с Евросоюзом является ослабление этого потока финансовых средств. И, конечно же, промышленность от этого страдает в большей мере, чем иные сферы деятельности.

На рис. 5 иллюстрируется всё вышесказанное. Российские компании сумели отказаться от импорта капитала: практически во всех отраслях степень отказа от инвестиционного импорта превышает 50%. Но отказаться-то они отказались, но замещать его объективно нечем. Поэтому степень замещения инвестиционного импорта крайне мала во всех отраслях, кроме чёрной и цветной металлургии, которые явно не являются слабым местом российской экономики. К числу слабых мест относится и машиностроение, в котором степень отказа от импорта составила 64%, но степень замещения – всего 14%.

Источник: составлено авторами на основе данных РБК [3].

Рисунок 5

В данной ситуации напрашивается вопрос: что же делать российскому Правительству, чтобы решить эту проблему? Единственно верным решением являются именно административные меры. Государство должно оказать помощь российским промышленникам, чтобы у них хватило сил на полную «реанимацию» отечественной промышленности. И такие меры уже приняты: в конце 2014 года был основан Фонд развития промышленности [6]. Казалось бы, очередная государственная структура, которая едва ли сможет помочь в решении рассматриваемой проблемы. Но Наблюдательный Совет данного фонда утвердил новые программы, которые предусматривают выдачу займов российским предприятиям под 5% годовых. Эти программы напрямую связаны с импортозамещением, и производства, запущенные в рамках этих программ, вселяют определенный оптимизм.

Но финансовая сторона вопроса не является единственным аспектом, рассматриваемым как препятствие для импортозамещения в России. Институт Гайдара провел опрос руководителей отечественных предприятий в январе и августе 2015 года. Результаты в процентах представлены в табл. 2.

Таблица 2

	Январь	Август
Отсутствие отечественных аналогов оборудования и сырья любого качества	62	62
Низкое качество отечественного оборудования и сырья	35	31
Завышенные цены на отечественное оборудование и сырье	11	13
Недостаточные объемы выпуска отечественного оборудования и сырья	13	12
Недостаточная поддержка властями выпуска отечественного оборудования и сырья	18	11
Все еще приемлемые цены на импортное оборудование и сырье	2	5
Недостаточные административные запреты (санкции) на импорт оборудования и сырья	0	1
Оттягивание самим предприятием перехода на отечественное оборудование и сырье	0	0

Источник: составлено авторами на основе данных РБК [4]

Как видно из таблицы, более половины респондентов выделили как главную проблему отсутствие отечественных аналогов оборудования и сырья. Таким образом, наблюдается замкнутый круг: импортозамещение не может проводиться на полную мощность из-за отсутствия отечественных аналогов, а отечественные аналоги не могут производиться без опоры в виде политики импортозамещения. Значительно снизилось недовольство руководителей предприятий поддержкой государства в этом вопросе, очевидно, благодаря административным мерам, рассмотренным выше. Следовательно, по мере развития отечественной промышленности проблема отсутствия российских аналогов отпадет сама собой. Но нужно быть готовыми к тому, что это трудоёмкий и длительный процесс, результаты которого проявятся не через год, и не через два.

Подводя итоги, можно сказать, что импортозамещение в России имеет очень неоднозначный характер. Несмотря на то, что цифры подтверждают его эффективность, на деле существует еще множество нерешенных проблем. Радует то, что Правительство не оставляет их без внимания и прикладывает усилия для всесторонней помощи отечественным производителям. Важным показателем успеха импортозамещения в России является недавняя жалоба США во Всемирную Торговую организацию [7]. В Вашингтоне российские меры по импортозамещению расценили как угрозу для американских компаний, а это значит, что Россия находится на верном пути.

Список литературы

1. Министерство экономического развития. – http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/201407107
2. Оболенский В.П. Возможности и ограничения политики импортозамещения в промышленности // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2015. – № 2. – С. 66.
3. РосБизнесКонсалтинг. – http://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2015/557195f39a7947931cc95b68
4. РосБизнесКонсалтинг. –http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/10/2015/56309c699a7947c537e05f9e
5. Федеральная таможенная служба. – http://www.customs.ru/
6. Эксперт Online. – http://expert.ru/2016/03/15/importozameschenie-otdayut-na-otkup-srednemu-biznesu/
7. Life #Бизнес. –https://life.ru/t/бизнес/416828/ssha_zhaluiutsia_na_rossiiskoie_importozamieshchieniie_v_vto

Явчуновская Р.А.
д.полит.н., профессор РАНХиГС
reguina10@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: *международная безопасность, роль международных организаций, интересы государств, политическая воля, диагностика современных причин угроз и вызовов, консолидированная политика.*

Keywords: *international security, the role of international organizations, the interests of the State, the political will, the modern diagnosis of the causes of threats and challenges, consolidated policy.*

Если исходить из того, что безопасность мирового сообщества это состояние защищенности от угроз его ключевым ценностям, то зададимся вопросом – является ли среда международной безопасности анархической, бессистемной или наоборот, системной и существуют ли определенные закономерности, которые помогают этими процессами управлять?

Проблема международной безопасности является в истории всех народов генеральной проблемой. Это подтверждают многочисленные мирные договоры. После завершения «холодной войны» мир не стал безопаснее. И в изменяющемся мире одни риски и угрозы сменяются другими, или меняются местами по степени своей опасности.

Насущной потребностью в обеспечении стратегии международной безопасности в наступившем тысячелетии становится беспристрастный объективный анализ сложившейся ее архитектуры, теоретических и практических закономерностей для нейтрализации внутренних и внешних причин возникновения угроз международной безопасности. Поэтому понятие «безопасность» объединяет неразлучную пару «угрозы – защита от них».

Прекращение биполярной конфронтации открыло новые возможности для конструктивного сотрудничества государств на региональном и глобальном уровнях, в ООН и других международных организациях. Угроза глобального конфликта прежнего типа по идее должна была бы быть сведена до минимума, но становится очевидным, что практически все институциональные механизмы поддержания международной безопасности, созданные после Второй мировой и в годы холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.), не адекватны, а порой и беспомощны в отношении вызовов и угроз нового столетия. Попытки реформирования этих структур пока успеха не имели. Политической воли создавать новые более эффективные структуры международной безопасности пока тоже не наблюдается. В результате резко падает уровень управляемости международными кризисами и процессами.

В глобализирующемся, все более взаимосвязанном и взаимозависимом мире начинает стираться ранее четко обозначавшаяся грань между внутренней и внешней политикой, а, следовательно, между внутренней и внешней безопасностью государств. Становится все более очевидным, что глобализация экономики и информатизация международных отношений создают беспрецедентные возможности для развития, но одновременно делают мировую систему все в большей степени уязвимой для терроризма, применения ОМУ и нанотехнологий, информационного оружия. Обостряется соперничество за энергоресурсы, значение которого среди факторов, влияющих на военно-политическую обстановку, существенно возрастает. Борьба за ресурсы подспудно подталкивает гонку вооружений, опасения за сохранность контроля над своими ресурсами толкают государства к наращиванию своих оборонных усилий. Неизбежное пересечение интересов государств в различных областях международных отношений, нередко становится источником кризисов и конфликтов, ложится в основу блокирования государств, имеющих совпадающие либо сходные интересы.

Как известно, большинство международных конфликтов, которые угрожают всеобщей безопасности и миру, имеют своим источником либо внутригосударственную, либо региональную нестабильность, вызванную различными экономическими (стремление к переделу энергоресурсов, продуктов питания, питьевой воды и т.д.), политическими (борьба за власть и сферы влияния), этническими (чувство национального превосходства, зависти, вражды и неприязни), религиозными (недостаток духовной и нравственной зрелости конфликтующих народов) и иными факторами (связанными, к примеру, с терроризмом, экстремизмом). Стало быть, предполагаемый конституционно запрограммированный и гарантированный механизм раннего предупреждения и мирного (правомерного) решения международных конфликтов и проблем должен быть основан, прежде всего, на понимании и анализе причин и природы всякого рода противостояний и очагов опасности.

В современных условиях система международной безопасности включает в себя совокупность основополагающих принципов безопасности, межгосударственных механизмов и структур, международно-правовых норм, многосторонних договоров и других элементов, создаваемых и функционирующих для предотвращения военных столкновений, их локализации, урегулирования политических, экономических и военно-стратегических противоречий политическим путем, а также специальный режим контроля за международной, особенно военной деятельностью и соответствующий режим информации. Наиболее весомую роль в обеспечении международной безопасности играют меж-

государственные институты с внутренней жесткой структурой, органами координации и контроля, явно выраженной политикой в военно-политическом и экономическом планах, в которых значим «удельный политический, экономический и военный вес» их участников.

Иногда своевременное выявление, признание и диагностика национальных и региональных проблем, которые могут стать началом тех или иных глобальных конфликтов, могут оказаться не менее сложным делом, нежели их правомерное и мирное разрешение. Дело в том, что любая глобальная проблема для своего разрешения, как правило, требует обязательного участия и правомерной и согласованной воли всех заинтересованных и вовлеченных в данный конфликт государств. Мера эффективности предупреждения и своевременного решения глобальных проблем, связанных с сохранением международного мира и безопасности, в основном зависит от успеха поддержания постоянного диалога между территориально или политически сопряженными государствами, от выработки общих оснований и долговременных интересов в их многообразной религиозной, политической и экономической жизни, а также способов их ежедневного сосуществования.

Эта идея может быть закреплена в конституции каждого государства в форме «непрерывного законодательного сотрудничества», которая призвана стать частью упомянутого механизма преддоговорного решения и раннего предупреждения международных споров и конфликтов. В отличие от ныне действующих форм периодического межпарламентского сотрудничества предлагаемая форма «непрерывного законодательного или, так сказать, внутрипарламентского сотрудничества», предоставляет законодателям дополнительную возможность фиксации нарождающихся и уже ощутимых межгосударственных трений на самых ранних стадиях, а также своевременного установления причин потенциальных споров и профилактического устранения условий, которые способствуют их возникновению и развитию[1].

По мнению как зарубежных, так и российских аналитиков, основными факторами, повлиявшими на рост глобальных оборонных расходов, стали военные действия в Ираке, Египте, Ливии, Сирии и других странах Ближнего Востока; наращивание военного присутствия США в различных точках земного шара; возвращение России на глобальную мировую арену, а также рост мощи Китая, претендующего на лидерство; т.е. факторы, которые стали катализатором в контексте общего повышения уровня напряженности в современном мире.

Меры по созданию предпосылок для мира (peacebuilding), предполагающие необходимые действия в условиях социального хаоса и распада государственности в той или иной стране, по своему содержанию являются скорее военными операциями, чем полицейскими. Они применяются по отношению к «неудавшимся государствам» (включая целый набор элементов и мер от борьбы с преступностью до формирования гражданской администрации), или к так называемым в Национальной военной стратегии США «ревизионистским государствам», которые «напрямую несут угрозу их национальным интересам» и в состав которых включается Россия.

В результате, возрастающая опасность военных конфликтов побуждает многие страны повысить расходы на оборону, улучшив оснащенность и подготовку своих вооруженных сил. Так, например, увеличили свои военные расходы в 2015 г. по сравнению с 2014 г. по данным СИПРИ (SIPRI) такие не самые экономически развитые государства как Эстония с 430 млрд. до 461 млрд., Литва – с 359 млрд. до 474 млрд., Латвия – с 252 до 283 млрд. Эта тенденция коснулась практически всех регионов мира — от Юго-Восточной Азии до Латинской Америки.

[1] Осипян Б.А. Правовые основы международной безопасности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2014. – № 2. – С. 245–254.

Особенно опасно расширение НАТО на Украину, что формирует дугу миникризисов, которая не только надолго отбросит назад Украину, но и создаст серьезные проблемы и для России, и для Европы в целом. Вполне возможно, что многие в России сочтут такой шаг объявлением новой холодной войны, откровенной провокацией. Расширение НАТО на Украину, от попыток добиться которого не отказались, является одним из крупнейших военно-политических вызовов для России на ближайшие годы.

Не менее существенный вклад в этот кризис вносит отсутствие консолидированной политики постоянных членов Совета Безопасности ООН по отношению к фактическим и потенциальным странам-нарушителям режима ядерного нераспространения, в том числе к принятию действенных политических, дипломатических и экономических санкций. Как, например, КНДР, руководство которой искусно играет на противоречиях между ведущими странами мира и, по существу, игнорирует резолюции СБ ООН.

Соответственно возрастают общая нервозность и военно-политическая нестабильность. Некоторые государства будут испытывать соблазн нанести упреждающие удары. Соединенные Штаты получат еще один аргумент в пользу накапливания средств для создания глобальной космической ПРО. Другие страны, в том числе и Россия, окажутся перед необходимостью создания более эффективной системы ПРО. В этой сфере может начаться новая гонка вооружений.

Революция в военном деле строится на коренных и качественных изменениях, происходящих под влиянием научно-технического прогресса в средствах вооруженной борьбы. Они в корне меняют строительство и подготовку вооруженных сил, способы ведения военных действий и войны в целом. Но появление даже самого новейшего оружия, военной техники очень редко приводило к коренному изменению форм и способов вооруженной борьбы и ведения войны в целом.

Известный военный специалист В.Слипченко считает, что в истории развития военного дела было уже пять революций или пять поколений и можно говорить о формировании шестого. И совершенно ясно, что все принимаемые меры в ядерных странах будут связаны только с повышением ставки на ядерное оружие. Здесь следует ожидать дальнейшей модернизации ракетно-ядерного оружия, а также ужесточения в военных доктринах положения об отказе от принципов неприменения ядерного оружия первыми. Таким образом, все выделяемые бюджетные средства будут продолжать вкладываться, в основном, в ядерное оружие и системы управления им. Вполне естественно, что на подготовку вооруженных сил к бесконтактным войнам шестого поколения средства уже усиленно стали выделяться. Передовые технологии в настоящее время позволяют создавать практически новое, не имеющее аналогов оружие космического базирования, которое будет способствовать изменению характера вооруженной борьбы и войн в целом. Может не только произойти расширение количества стран, использующих военный космос, но предвидятся и запретительные действия со стороны некоторых стран — лидеров в космосе. Весьма вероятны военные действия в космосе с целью беспрепятственного создания масштабной космической инфраструктуры для обеспечения ведения бесконтактных войн. В случае если подготовленная к войнам шестого поколения страна начнет бесконтактную агрессивную войну с любым противником, отставшим в своем военном развитии на поколение войн, то военно-политические цели в ней могут быть достигнуты только нанесением массированных высокоточных ракетных, радиоэлектронных и информационных ударов по экономике противника.

Разрабатываются и особые системы защиты для военной техники. Применение наноматериалов в военной технике открывает новые возможности для улучшения ее прочности. Она будет покрыта специальной «электромеханической краской», которая позволит менять цвет, предотвратить коррозию. С помощью системы оптических матриц наномашинам в «краске» исследователи хотят придать боевой технике эффект невидимости. Так, на исследования «нанокраски» министерство обороны США выделило около двух миллиардов долларов. Современные нанотехнологи активно работают над керамическими материалами. Их, к примеру, используют при изготовлении валов пропеллеров, телескопических перископов и другого оборудования, которое требует особой прочности. Нанотехнологии также позволяют создать устройства размером с мельчайшее насекомое, впрыскивающее яд. Примечательно, что вместе со средствами нападения разрабатываются и средства защиты[1].

Для сохранения режима мировой безопасности нужны решительные, радикальные и согласованные шаги всех заинтересованных держав и международных организаций по укреплению этого режима, его институтов и норм. Причем Россия в силу своего геостратегического положения заинтересована в них больше других и способна сыграть здесь более значительную роль по сравнению с той, что играет в настоящее время.

Практика последних лет свидетельствует, что решение этой задачи сопряжено с целым рядом проблем и трудностей, связанных как с глобальными процессами и тенденциями, так и с неэффективностью деятельности многих государственных и общественных институтов, включая ошибки прогнозирования развития процессов, так или иначе влияющих на уровень безопасности России, и неверную оценку актуализации различных угроз и вызовов.

Несомненно, человечество не может позволить себе отложить решение первоочередных глобальных проблем (прежде всего проблем мира, разоружения, экологии и др.) до той поры, пока социальная солидарность и планомерное, сознательное развитие общества повсеместно возобладают на нашей планете. Этого не в состоянии ждать и сама природа: она буквально взывает к спасению от расхищения ее ресурсов и катастрофического загрязнения окружающей среды.

---

[1] Ожидается, что скоро одеждой солдата станет нанокостюм, который условно называют «мягкая броня». Он не только защитит от пуль, но и будет фиксировать пульс, давление, температуру и передавать эти данные в центр за сотни километров. Приказы будут отображаться на стекле защитного шлема, который станет выполнять функции бинокля и прибора ночного видения.

В настоящий момент назрела необходимость разработки интегрированной долгосрочной стратегии в области нераспространения конфликтогенности, стратегии синтезирующей дипломатические, экономические и другие меры. Первоочередной задачей должно стать развитие новых глобальных и региональных структур безопасности, совершенствование взаимодействия разведывательных служб и систем международных гарантий безопасности, а также разработка военно-силовых операций, но как крайней меры. Обсуждение любых вопросов использования военной силы как крайнего средства поддержания международных режимов нераспространения должно происходить не в Пентагоне, а в Совете Безопасности ООН, который вводит такие действия в рамки законности.

В связи с этим прогнозирование (в том числе и форсайтинг) должно стать одним из важнейших компонентов национальной внешней и внутренней политики государств. Другим элементом такой политики должна стать организация прикладного применения высоких технологий, успешно используемых в бизнесе, в военной сфере и информатике.

Во внешней политике упор следовало бы сделать на инициативах по принятию мер, перечисленных выше, в особенности по модернизации и укреплению механизмов региональной и глобальной безопасности (включая все действующие международные институты – ООН, НАТО, ОДКБ, ШОС и др.). Необходимо попытаться сформировать механизм реального партнерства между Россией и НАТО. Тогда удастся создать эффективную систему евроатлантической безопасности. Расширенную (за счет Китая, Индии, Бразилии и ЮАР) коалицию государств, заинтересованных в международной безопасности, целесообразно наделить функциями Глобального альянса международной безопасности (или создать такой альянс «с чистого листа»). В любом случае укреплением национальной безопасности государств на всех уровнях – глобальном, региональном – и отражением новых вызовов и угроз следует заниматься в рамках кооперационной модели с наиболее мощными в экономическом и военном плане державами мира.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Андреева Е.Л.
Ратнер А.В.
Глухих П.Л.[1]

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ[2]

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, развивающиеся страны-партнёры, расширение сотрудничества, межрегиональный формат, научно-технологическое сотрудничество, БРИКС и ШОС, цели развития, улучшение мирохозяйственных позиций, освоение Арктики.*

На евразийском пространстве Россия является инициатором и ведущим участником регионального интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС; вступил в силу в 2015 г.), официально включающего в себя Россию, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Армению. Сотрудничество в рамках ЕАЭС характеризуется, помимо торгового, целевой установкой на создание единого рынка товаров и факторов производства.

Перспективы расширения ЕАЭС. Ядро евразийской экономической интеграции в настоящее время образует сам ЕАЭС в составе 5 стран. При этом перспективы расширения ЕАЭС имеют важнейшее стратегическое и геоэкономическое измерение и могут быть объединены в следующие три основных потенциальных блока.

Собственно, у ЕАЭС с 2015 г. уже имеется соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) – с Вьетнамом. Во многом взаимодействию с Вьетнамом способствует историческое прошлое: во времена СССР с Вьетнамом осуществлялось интенсивное сотрудничество.

В настоящее время сотрудничество с Вьетнамом активизируется по всем направлениям. Так, в 2015 г. велась активная работа в рамках научно-исследовательского проекта федерального уровня «Обновление моделей и форм научно-технологического сотрудничества между Вьетнамом, Россией, Белоруссией и Казахстаном в условиях интеграции». В 2014 г. достигнута договорённость о создании совместного судостроительного предприятия во Вьетнаме и договорённость о создании в России кластера лёгкой промышленности с участием вьетнамского капитала в Приморском крае и Московской области. Экономические отношения с внезональными странами-партнёрами предоставляют возможности для развития международной кооперации – сотрудничества на уровне предприятий в сфере научных исследований, материально-технического обеспечения, процесса производства и сбыта[3].

Ряд стран является потенциальными кандидатами на углубление экономического сотрудничества с ЕАЭС. По словам председателя Правительства РФ Д.А. Медведева, «официально о своей заинтересованности о формировании … отношений [с ЕАЭС] разного уровня, разной интенсивности заявили более 40 стран, объединений»[4].

Среди стран ближнего зарубежья, в первую очередь, можно отметить Таджикистан, президент которого ещё в 2014 г. заявил о необходимости исследования экономической возможности присоединения к ЕАЭС. Таджикистан относится при этом к зоне свободной торговли СНГ, является вместе с членами ЕАЭС участником Евразийского банка развития. Банк призван содействовать экономическому росту стран – его участниц, расширению торгово-экономических связей между ними и развитию интеграционных процессов на евразийском пространстве путём осуществления инвестиционной деятельности[5].

---

[1] Андреева Елена Леонидовна – д.э.н., профессор РАН, руководитель центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН, профессор кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета. E-mail: elenandr@mail.ru

Ратнер Артем Витальевич – к.э.н., н.с. Центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН. E-mail: aratner@inbox.ru

Глухих Павел Леонидович – к.э.н., н.с. Центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН, доцент кафедры технологии и экономики Уральского государственного педагогического университета. E-mail: Gluchih_P_L@mail.ru

[2] Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН № 15-14-7-5 «Региональная экономика институтов инновационного развития».

[3] Капустина Л.М., Кондратенко Ю.Н. Международная промышленная кооперация в машиностроительном комплексе России // Известия Урал. гос. экон. ун-та. 2008. – № 2 (21). – С. 10-15 (11).

[4] Подписано Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом // Веб-страница Правительства России. – http://government.ru/news/18296/

[5] О банке // Веб-страница Евразийского банка развития. – http://www.eabr.org/r/about/

В 2001–2014 гг. Таджикистан входил в Евразийское экономическое сообщество – предшественник ЕАЭС. Также на определённом этапе в ЕврАзЭС входил Узбекистан. Вместе с Таджикистаном он взаимодействует с Россией, Казахстаном и Киргизией в рамках ШОС, где принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов (2003 г.) и в 2014 г. достигнута договоренность о создании Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС.

В одном ряду с Вьетнамом можно отметить сопредельную России Монголию, которой выражалась заинтересованность в создании зоны свободной торговли. Как и в случае Вьетнама, при помощи СССР в Монголии было построен целый ряд предприятий, готовились кадры для монгольского народного хозяйства.

Заинтересованность в экономическом сотрудничестве с ЕАЭС выражалась также Китаем, Египтом (достигнута договорённость о создании ЗСТ), Индией (изучается возможность создания зоны свободной торговли), Ираном; Пакистаном, Европейским союзом, Зимбабве (заинтересованность в ЗСТ); Тунисом, Сирией, Иорданией, Албанией (заинтересованность в зоне преференциальной торговли); Израилем (изучается возможность создания зоны свободной торговли); АСЕАН в целом (в 2016 г. заключено соглашение).

Отдельно можно выделить перспективы развития инвестиционно-финансового сотрудничества ЕАЭС с такими крупными экономическими центрами развивающегося мира, как Китай и Индия. Здесь необходимо отметить сотрудничество России в рамках группы БРИКС – с Китаем и Индией (с Китаем взаимодействие России, Казахстана и Киргизии осуществляется также в рамках ШОС). В рамках БРИКС в 2014 г. достигнуты соглашения о создании общих финансовых институтов, в частности, Банка развития Группы и Пула условных валютных резервов Группы.

Важным фактором сотрудничества на евразийском экономическом пространстве является перспектива реализации китайского проекта возрождения Великого шёлкового пути, северное направление которого пролегает через Центральную Азию, Россию и страны Балтии. Китай готов инвестировать в формирование необходимой транспортной инфраструктуры. Так, переход к активной фазе осуществления стратегии Шёлкового пути связан с началом финансирования первых его проектов в Казахстане в 2015 г. из средств фонда Шёлкового пути, составляющего 40 млрд. долл.[1]

То, насколько Россия готова участвовать в обустройстве необходимой инфраструктуры, во многом определяет вероятность успеха Шёлкового пути на его северном направлении. Т.е. Шёлковый путь, рассматриваемый как «пояс экономического роста» для Китая, при участии России может приобрести новый международный статус и закрепить за Россией и Китаем роль важнейших участников и организаторов международных транспортных перевозок, что может существенным образом повысить роль и значение этих стран в мировой экономике в целом. Также развитие данного направления позволит в значительной степени продвинуться в направлении развития Евразийского экономического пространства.

Кроме того, сотрудничество стран ЕАЭС с их потенциальными партнёрами может осуществляться в *арктическом регионе*. В создавшихся геоэкономических условиях затруднения сотрудничества России с другими странами-членами Арктического совета (развитыми странами) вследствие ограничения перемещения товаров, капитала и технологий следует целенаправленно использовать интерес других крупнейших экономик мирового хозяйства, проявляемый к изучению и освоению арктической зоны, в первую очередь это относится к Китаю. Он обладает большими валютными резервами, имеет экономический рост, превышающий среднемировые темпы. При этом у Китая нет доступа к арктической зоне, и развитые страны не стремятся ему его предоставлять. Россия же, имеющая обширный доступ к этой зоне, нуждается в её более активном освоении и развитии. В этих условиях Россия как арктическое государство может играть роль страны, объединяющей усилия партнёров по ЕАЭС, группе БРИКС и других развивающихся стран в изучении Арктики (в той части, в которой они в этом заинтересованы).

Так, растёт готовность Китая к коммерческому использованию Севморпути на предлагаемых Россией условиях. Китай рассчитывает, что к 2020 г. на этот путь будет приходиться до 15% его внешнего грузопотока[2]. В соответствии с этим, он осуществляет экспериментальные коммерческие рейсы по Севморпути. Китайская гражданская инженерно-строительная корпорация (CCECC) планирует инвестировать в проект российской компании «Белкомур» по сооружению железной дороги из Архангельской области через Республику Коми[3].

Китайские нефтегазовые компании обладают опытом деятельности на шельфе, и они заинтересованы в совместной с «Роснефтью» разработке участков в Баренцевом море и в участии в проекте «Сахалин-3»[4]. Индия планирует совместно с Россией «разрабатывать технологии переработки редкоземельных материалов» в российской Арктике[5].

Китайская промышленность сегодня готова производить оборудование необходимого качества для добычи полезных ископаемых – платформы, буровые установки, трубы, компрессорные станции. Это позволяет компенсировать западные санкционные технологии и продукцию[6].

---

[1] Михеев В., Луконин С. Китай после Боао-2015 // МЭиМО. – М., 2015. – № 8. – С. 61–70 (61).

[2] Российские и иностранные эксперты обсудят вопросы сотрудничества в Арктике на заседании Международного экспертного совета в Санкт-Петербурге // Веб-страница Междунар. экспертного совета по сотр-ву в Арктике. 14.09.2015. – http://www.iecca.ru/zakonodatelstvo/strategii/item/449-rossijskie-i-inostrannye-eksperty-obsudyat-voprosy-sotrudnichestva-v-arktike-na-zasedanii-mezhdunarodnogo-ekspertnogo-soveta-v-sankt-peterburge

[3] Медведев Д.А. Интересы и цели неарктических государств в Арктике // Арктическое обозрение. 2015. – № 1. – С. 57–63 (60).

[4] Там же, с. 60–61.

[5] Арктика дает шанс разморозить отношения между Россией и Америкой // Веб-страница Междунар. экспертного совета по сотр-ву в Арктике. 15.1.2015. – http://www.iecca.ru/zakonodatelstvo/strategii/item/350-arktika-daet-shans-razmorozit-otnosheniya-mezhdu-rossiej-i-amerikoj-the-national-interest-ssha

[6] Медведев Д.А. Цит. соч., с. 61.

Использование Россией такого финансового института БРИКС, как Банк развития, также может способствовать освоению Арктики. В рамках БРИКС планируется создание институтов и в других сферах взаимодействия, потенциал которых может быть задействован в освоении и развитии арктической зоны. Так, Научно-исследовательская и инновационная инициатива БРИКС будет охватывать сотрудничество в рамках крупных исследовательских инфраструктур, включая исследование возможностей осуществления научных мега-проектов.

Оценка потенциала расширения экономического сотрудничества ЕАЭС. Представляется актуальным оценить потенциал выделенных блоков стран, с точки зрения расширения ЕАЭС и повышения его роли и значимости в мировой экономике. Для этого были рассчитаны суммарные значения по таким показателям, как доля в мировом ВВП, в численности населения и запасах полезных ископаемых.

Таблица 1

Доля в мировых показателях стран ЕАЭС с учётом потенциала его расширения, %

	ВВП	Численность населения	Запасы природного газа (доказанные)	Запасы железной руды подтверж-дённые
ЕАЭС = 5 стран (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения)	3,87	2,55	18,2	28,4
ЗСТ = 6 стран (ЕАЭС + Вьетнам)	4,34	3,82	18,5	28,4
Потенциал расширения I (ЗСТ + Китай и Индия)	27,79	40,83	21,1	41,4
Потенциал расширения II (ЗСТ + 15 стран: Таджикистан, Узбекистан, Монголия, Молдавия, Китай, Индия, Египет, Иран, Пакистан, Зимбабве, Тунис, Сирия, Иордания, Албания, Израиль)	31,59	47,26	41,4	42,9

Данные – за 2014 г., кроме запасов железной руды (2007 г.). По Сирии доля в мировом ВВП и численность населения взяты за 2010 г.

Составлено и рассчитано по: World economic outlook database, October 2015 / International monetary fund. – http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/index.aspx; British Petroleum Statistical review of world energy, June 2015, 64th edition. – P. 20. – http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf; Железо // Веб-страница информационно-аналитического центра «Минерал». – http://www.mineral.ru/Facts/stat/124/206/index.html

Как показывают расчёты, страны ЕАЭС в настоящий момент при незначительной доле в мировом ВВП (3,9%) и мировой численности населения (2,6%), располагают более чем 15% мировых запасов природного газа и более чем 1/4 мировых запасов железной руды, что позволяет объединению занимать особое место среди поставщиков минеральных ресурсов с точки зрения объёмов запасов и географии поставок[1]. Зона свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом позволяет повысить долю в мировом ВВП до 4,3%, а в мировой численности населения – до 3,8%. С учётом таких ведущих центров мировой экономики, как Китай и Индия, потенциальное интеграционное объединение имеет около 1/3 мирового ВВП, более 40% мирового населения и более 1/2 мировых запасов руды.

Второй гипотетический вариант расширения экономического сотрудничества ещё больше укрепляет его позиции. С учётом предшествовавшего участия в евразийской интеграции Таджикистана и Узбекистана, а также ряда стран Африки и Ближнего Востока, с которыми со стороны ЕАЭС может быть в той или иной степени установлено экономическое сотрудничество, потенциальный ВВП интеграционного объединения превысит 1/3 мирового, совокупное население – 1/2 мирового населения, запасы природного газа – 40% мировых запасов, запасы железной руды – ½ её мировых запасов.

Таким образом, рассмотренные потенциальные варианты расширения ЕАЭС существенно усиливают экономические позиции этого интеграционного объединения в мировой экономике, повышая его доли по основным экономическим показателям. Кроме того, это расширение может оказать содействие существенному улучшению важнейших качественных параметров развития экономики России, а также других стран-участниц. В частности, оно будет способствовать:

– осуществлению модернизации и диверсификации экономики;

– повышению доли высокотехнологичной и наукоёмкой продукции, в том числе в структуре экспорта;

– развитию стратегических инфраструктурных проектов, имеющих большую интеграционную значимость и являющихся двигателем роста регионов евразийского пространства;

– реализации такого важнейшего проекта, как освоение Арктики;

– повышению статуса страны в международном экономическом пространстве.

Заключение. Таким образом, растёт заинтересованность развивающихся стран во взаимном экономическом сотрудничестве со странами ЕАЭС.

При этом экономическое сотрудничество с Вьетнамом и Монголией имеет объективные предпосылки в силу богатого опыта сотрудничества в предыдущий период, особенно, в научно-технологической сфере. Потенциальному развитию интеграции на евразийском пространстве способствует и наличие институциональной базы и соответствующих структур, способствующих сотрудничеству, в рамках ШОС и БРИКС.

Отдельно следует отметить перспективы развития сотрудничества ЕАЭС с такими экономическими центрами развивающегося мира, как Китай и Индия. С ними Россия взаимодействует в формате группы БРИКС, где уже созда-

[1] Шеломенцев А.Г., Козаков Е.М., Андреева Е.Л. Роль природных ресурсов в обеспечении экономической безопасности регионов и стран // Экономика региона. 2008. – № 3. – С. 127.

ны общие финансовые институты и активно развивается инвестиционное сотрудничество в важнейших секторах промышленности и инфраструктуры, включая такой важнейший сегмент мировой экономики, как арктическое пространство.

Развитие сотрудничества членов ЕАЭС с третьими странами соответствует такой современной тенденции развития международной экономической интеграции, как возникновение межрегионального формата, когда в интеграционном режиме взаимодействуют страны, расположенные в разных регионах мирового хозяйства.

Перспективы активизации сотрудничества в рамках ЕАЭС по различным направлениям с целым рядом развивающихся экономик, в том числе ведущих, могли бы не только послужить вкладом в решение первостепенных задач в условиях мирового кризиса, но и заложить основы долгосрочного повышения роли и значимости стран-участниц в мировой экономике и изменения мировой архитектуры с учетом приоритетов развития и национальных интересов стран евразийского пространства.

Антохонова И.В.
д.э.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г.Улан-Удэ
iv.antokhonova@gmail.com
Каленова С.А.
д.э.н., профессор Университета Туран, г. Алматы
saulesh57@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

Ключевые слова: *ресурсный потенциал, трансграничное сотрудничество, конкурентные преимущества, туризм, трудовая миграция, рента, ограничения.*

Keywords*: resource potential, cross-border cooperation, competitive advantages, tourism, labor migration, rent, restrictions.*

Региональная тематика в новейшей экономической истории ввиду огромного пространства и разнообразия России стабильно вызывает геополитический и научный интерес. Особую актуальность приобрели пространственные аспекты и тенденции развития приграничной экономики в условиях внешних и внутренних вызовов. Становление ЕАЭС происходит в условиях нового глобального передела мирового рынка, в котором ключевые роли играют Россия, Китай и объединенная Европа. Проблемой взаимодействия этих игроков является значительный разрыв в ценностях и менталитете общества. Латентные последствия этого несовпадения проявляются в сложности формирования институтов, интеграционных механизмов и развития реального сотрудничества. Необходимо переформатирование ряда организаций с тем, чтобы сосредоточить и концентрировать усилия на новых задачах и вызовах Евразийского экономического союза.

Основная особенность зарождающегося витка нового цикла заключается в структурной смене формата и парадигмы мировой экономики. Формат размещения транснациональными корпорациями производств на территориях с рентой (доступных ресурсов, дешевого труда, инфраструктуры), в том числе на территориях бывшего СССР, исчерпывает эффективность. Избранный президент США определил вектор развития на внутреннее производство. Парадигма современной экономики определяется инновациями, прямыми транзакциями, возросшей трудовой миграцией. Тренды новейшей истории регионов России[2], сложившиеся с начала рыночных преобразований за период 1992–2007 и в период после кризиса 2008 года, показали зависимость от внешнего и внутреннего спроса.

Целью исследования является оценка интеграционного потенциала, современных тенденций развития и возможных последствий формирования единого экономического пространства и выявление ограничений экономического сотрудничества.

Основным методом реализации проектов в области евразийского сотрудничества является системный анализ, обусловленный зависимостью интеграционных процессов от множества участвующих в данном процессе объектов. Однако ЕАЭС не представляет единую систему, поскольку не характеризуется системной целостностью и интегративными функциями. Функциональный анализ использован при выявлении взаимосвязей и взаимозависимостей, влияющих на интеграционные процессы между странами ЕАЭС. Оценка изменения параметров ценообразования, конкуренции, темпов экономического развития и условий предпринимательства отраслей на примере Казахстана и России дана на основе использования методов обобщений, экономического анализа, экономико-статистических группировок, сравнений.

Изучение мер макроэкономического регулирования показало, что евразийская экономическая интеграция пока не оказывает достаточного воздействия на формирование благоприятных макроэкономических тенденций[3]. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что на данный момент регулирование в этой сфере остается неглубоким вследствие еще недостаточно совершенного уровня интеграции. Заявленные цели и задачи создания интеграционного объединения – привлечение иностранных инвестиций, повышение конкурентоспособности национальных экономик, облегчение условий ведения бизнеса в Евразийском экономическом союзе – пока не выполняются предметно и систематически.

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-46-04388).

[2] Антохонова И.В. Исследование закономерностей территориальных трансформаций в новейшей экономической истории регионов России. Вопросы статистики. 2014. – № 9. – С. 36–40.

[3] Каленова С.А. О перспективах взаимовыгодного сотрудничества в рамках ЕАЭС // Материалы международной научно-практической конференции «Становление, проблемы и перспективы развития стран-участниц ЕАЭС», 6 ноября 2015 г. – Алматы: Университет «Туран», 2015. – С. 57–63.

Становление ЕАЭС происходит в условиях нового глобального передела мирового рынка. Современная совокупная площадь стран Евразийского экономического союза 20 263 081 км^2 (15% площади всех стран), население составляет 182 810 900 человек (менее 2% мирового населения)[1]. Российская Федерация занимает на этой площади несоизмеримо большую долю. Даже Республика Казахстан выглядит скромно на фоне российской территории. В этой связи реальное сотрудничество имеет вектор восток-запад, ориентировано на европейскую часть Союза и сконцентрировано преимущественно на европейской территории.

Вследствие данного обстоятельства члены ЕАЭС рассматривают сотрудничество с Россией как более достижимую задачу для решения последующей задачи – сотрудничество с другими национальными экономиками. В данном аспекте имеется *потенциал* притяжения и интеграции с Российской Федерацией. При этом потенциал сотрудничества реализуется в экономических и политических интересах участников евразийской интеграции. Для России первостепенно сохранение и рост влияния в экономическом пространстве соседних государств, расширение сотрудничества и поддержка проводимой интеграционной политики.

В ЕАЭС наблюдается рост трудовой мобильности. Для трудовых мигрантов и их семей, к примеру, из Кыргызстана, сняты все ограничения по доступу на российский рынок труда, квотирование и разрешительные документы, предоставляются социальные услуги и т.д. Мигранты из стран СНГ пополняют дефицит трудовых ресурсов и в определенной степени способствуют решению проблемы депопуляции населения России.

Также имеет место потенциал возрождения и дальнейшего развития проектов с Китаем[2], в том числе Нового Шелкового пути и его части – Евразийского сухопутного моста через территорию Китая, Казахстана и России в Европу. Позиционирование стран ЕАЭС не только как территорий, обеспечивающих транзит китайских товаров на европейский рынок, представляет многоаспектную сложную задачу.

К *ограничениям* евразийского сотрудничества относятся:

– политическая асимметрия – введение против России в 2014–2015 гг. политических и экономических санкций, к которым присоединилась 41 страна, (24% мировой территории)[3]; к остальным странам ЕАЭС санкции не применялись; система государственного управления в Белоруссии в отличие от других стран является жесткой унитарной;

– экономическая асимметрия – значительный разрыв в масштабе национальных экономик; Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Кыргызстан занимают по объему ВВП соответственно 12, 47, 66, 136, 143 позиции из 195 стран по данным ООН; в соответствии с этим масштабы спроса на локальных рынках несопоставимы;

– экологические ограничения, связанные с завершением жизненных циклов унаследованной инфраструктуры, выбросы в атмосферу, сокращение лесных массивов на территории восточной Сибири в России, экологическая регламентация развития промышленности вблизи озера Байкал и других водоемов чистой воды;

– демографическая асимметрия по возрастной структуре населения, данные табл. 1 свидетельствуют о потенциале трудовых ресурсов в странах Азии и одновременно о растущей пенсионной нагрузке в России и Белоруссии, актуальности пенсионных реформ;

– природно-климатические условия и ландшафт не способствуют развитию разных векторов межрегионального сотрудничества; это проявляется в концентрации сотрудничества на европейской территории России; удаленные регионы России привлекательны лишь для трудовых мигрантов без образования и квалификации;

– социальные модели поведения скорее характеризуется дивергенцией с российской моделью, особенно в поколениях молодых мигрантов, уже не имеющих опыта жизни в единой стране, но сохраняющих приверженность семейным ценностям и ответственность перед семьей; имеют место значительные для ВВП этих стран потоки ремитансов от мигрантов;

– ментальные модели базируются на этнических, национальных традициях, рыночном опыте, уровне образованности, уровне клановой поддержки, здесь наблюдается большой спектр разнообразия, однако в целом это унаследованные от прежней системы и скорее восточные модели, чем западные.

В этой связи трудно согласиться с тем, что экономики стран ЕАЭС имеют симметричные проблемы. При этом с точки зрения макроэкономических тенденций экономика Республики Казахстан, не ограниченная внешнеэкономическими санкциями, которые испытывает Российская Федерация, имеет те же основные стратегические проблемы качества экономического роста, что и Россия, хотя и в менее острой форме. Как итог, снижение ВВП России на 0,6% в 2016 году является результатом снижения совокупного потребительского спроса, доходов населения, в том числе и в результате обслуживания кредитных обязательств; международных санкций.

Из проведенного рассмотрения можно сделать вывод о том, что в отношении формирования конкурентных преимуществ стран ЕАЭС наиболее перспективными прорывными направлениями являются АПК, легкая промышленность и туриндустрия, по которым даны практические рекомендации в выполненных проектах[4] и публикациях[5].

---

[1] http://geo.koltyrin.ru/

[2] Antokhonova I.V. Mental bases of national security of the Baikal subregion in the euroasian space // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. – Т. 9, № 11. – С. 2756–2764.

[3] http://geo.koltyrin.ru/

[4] Герасименко В.В. Интеграционный потенциал взаимодействия экономик России и Казахстана и направления его развития // Материалы международной научно-практической конференции «Становление, проблемы и перспективы развития стран-участниц ЕАЭС», 6 ноября 2015 г. – Алматы: Университет «Туран», 2015. – С. 8–13.

[5] Интеграционные эффекты в рамках Евразийского экономического союза: монография / Под ред. Р.А. Алшановой, С.А. Каленовой. – Алматы: Ценные бумаги, 2016. – 192 с.

Таблица 1

Возрастная структура населения России и стран Азии[1]

Страна	Население страны в возрасте (лет) в %			Плотность населения, чел./кв. км	Средняя продолжительность жизни, лет
	До 14	15–64	Старше 65		
Россия	17,41	69,78	12,81	8,39	69,8
Казахстан	26,73	66,03	7,24	5,96	67,35
Беларусь	17,93	68,21	13,86	45,61	70,2
Монголия	32,99	63,13	3,88	1,77	67,05
Китай	25,01	67,88	7,11	139,57	72,95
Южная Корея	21,59	71,14	7,27	501,37	75,36
Япония	14,64	67,83	17,53	337,16	82,15
Северная Корея	25,52	67,63	6,85	199,03	72,0

В связи с различными масштабами стран ЕАЭС актуальность представляет развитие межрегионального сотрудничества в приграничном пространстве. Объектом нашего исследования является локальная территория приграничных регионов России, в частности Республики Бурятия. Региональный социально-экономический комплекс Республики Бурятия исследован с точки зрения институциональной среды, ресурсного потенциала, локальных рынков и поведения домашних хозяйств. Основные индикаторы Республики Бурятия в сравнении с соседними субъектами представлены в табл. 2.

Концептуальная схема исследования межрегиональной интеграции состоит из пяти аналитических блоков:

а) анализ межрегиональных экономических потоков и степени интегрированности регионов в национальную и мировую экономику;

б) анализ эффективности интеграционных проектов с участием хозяйствующих субъектов двух и более регионов;

в) анализ влияния уровня межрегиональной интеграции на экономическое положение регионов и экономику страны в целом;

г) выявление и анализ межрегиональных экономических систем (площадок);

Таблица 2

Основные индикаторы Байкальского региона в 2012 г.[2]

Субъекты РФ	Население, тыс. чел. на 1.01.2013	Площадь, тыс. км2	ВРП, млн. руб.	Доля в ВВП РФ	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.
Забайкальский край	1095,2	431,9	208257,7	0,5	58129	17 335,6
Иркутская область	2422,0	774,8	627 856,2	1,4	156 470	17 720,3
Республика Бурятия	971,8	351,3	154 677,7	0,3	41 039	1 7119,0
Всего	4489	1558	990 791,6	-	255 638	–

По сравнению с другими субъектами Республика Бурятия имеет меньший масштаб экономики, в 2015 году наблюдалось существенное сокращение резидентов. Период развития обрабатывающей промышленности практически завершается, в Бурятии нет больших, в том числе межрегиональных проектов, на территориях муниципальных районов реализуются небольшие социальные проекты под управлением ТОС.

В целях интеграции региона в национальную и мировую экономику могут быть использованы региональные бренды: байкальского омуля, органической продукции животноводства и др. Перспективы имеет развитие медицинского, исторического и религиозного туризма. Для развития медицинского туризма имеются необходимые ресурсы – система уникальных источников по всей территории Бурятии, академические научные институты природопользования нетрадиционной медицины, таежные дикоросы и практики восточной медицины. Успех медицинского туризма демонстрируют экономики Израиля, Южной Кореи, Китая. Возросший поток туристов из Монголии после открытия безвизового режима в 2015 году позволяет прогнозировать рост спроса на названные уникальные услуги, дальнейшее их продвижение требует информационной поддержки.

[1] http://www.mir-geo.ru/

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.

Батырканова Ж.К.
преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета, Бишкек
j.batyrkanova@gmail.com

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *евразийская интеграция, евразийство, интеграция, интеграционное сообщество, межгосударственное объединение, экономическое объединение, Таможенный союз, Евразийский экономический союз.*

Keywords: *Eurasian integration, Eurasianism, integration, integration community, interstate association, economic union, The Customs Union, The Eurasian Economic Union.*

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация региональной экономической интеграции, с января 2015 года государствами-членами этой организации являются Казахстан, Россия, Белоруссия, Армения, Кыргызстан. Согласно статье 1 «Договора о Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 года (подписан в г. Астане), ЕАЭС является «международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза»[1].

В основе этой частично реализованной на сегодняшний день интеграционной модели лежит «евразийская идея», являющаяся теоретической основой формирования общеевразийской самобытной цивилизации как квинтэссенции европейской и евразийской культур. Евразийство, как философско-политическая концепция, опирается на многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих различные религии, прежде всего православие и ислам, которые при всех своих теологических различиях имеют общую составляющую – ориентацию на коллективизм, соборность, уважение к роли государства в условиях сурового континентального климата и постоянных внешних военных угроз[2]. В основе мировоззренческой модели евразийской интеграции лежит открытый регионализм, основанный на принципах демократического уважения прав народов – учета их культурных, языковых и этнических особенностей. В настоящее время актуальность этой идеи обусловлена возможностью для потенциальных стран-участниц занять достойное место в глобальном мире, выйти на качественно новый уровень экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Впервые идею об интеграции на евразийском пространстве озвучил Н.А. Назарбаев в 1994 году в МГУ имени М.В. Ломоносова. Инициатива Президента Казахстана реализовывалась поэтапно: в 2000 году подписан договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), с 2010 года начал функционировать Таможенный союз (ТС), а с 2012 года Казахстан, Россия и Беларусь перешли на третий этап интеграционного строительства – Единое экономическое пространство (ЕЭП). Год назад был подписан вышеупомянутый Договор о создании Евразийского экономического союза. А с 1 января 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Процесс интеграции основывается на общности исторических корней и прочных кооперационных связях в экономике. Современная евразийская интеграция осуществляется на взаимовыгодных условиях исключительно на добровольной основе в отличие от предыдущего исторического опыта интеграции, которая проходила в рамках одного государства с жесткой авторитарной политической системой. Основной причиной кооперации является необходимость объединения экономических потенциалов всех стран для повышения конкурентоспособности и выживания в современных условиях[3]. В дальнейшем она должна развиваться, опираясь на общее духовное наследие народов и вбирая в себя современную парадигму устойчивого развития, цели повышения качества жизни граждан, принципы общей ответственности участвующих в процессе интеграции государств за будущее человечества.

Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал Евразийский экономический союз – «стратегическим вектором развития России», «мощным наднациональным объединением, способным стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»[4].

---

[1] «Договор о Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 года. – https://docs.eaeunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/

[2] Кротов М.И. Евразийская идея – теоретическая основа евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. – № 12. – С. 160.

[3] Васильева Н.А. К вопросу о формировании Евразийского союза: теоретический аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. – № 10. – С. 169.

[4] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – М., 2011. – 3 октября.

Учитывая все особенности евразийского экономического процесса, стоит отметить, что он идет в рамках, которые, с одной стороны, определяются тенденциями глобализации, а, с другой стороны, заданы правилами ВТО и нормами международного права. При этом, наряду с универсальными формами региональной интеграции (например, институты Таможенного союза строго определены нормами ВТО), есть вероятность выбора конкретных ограничений и основных элементов интеграции. К примеру, существует возможность создания единого финансового регулятора. Однако можно ограничиться и гармонизацией норм регулирования финансового рынка. В таком случае необходимо прибегать к комплексным мерам создания общего экономического пространства и дальнейшей интеграции (например, создание монетарного союза требует унификации требований к долговой политике)[1]. Но не стоит забывать, что есть относительно автономные процессы, которые можно последовательно достраивать, постепенно совершенствуя архитектурный ансамбль регионального интеграционного образования. Не стоит также забывать о некоторых внутренних и внешних факторах при выборе определенных элементов и конструкций. При наличии корректного задания со своими ограничениями и критериями, существует возможность оптимизации процесса интеграции и создания общих наднациональных конструкций.

Согласно учредительному договору, основными целями Евразийского экономического союза являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики[2].

Евразийский экономический союз имеет свою систему наднациональных органов власти, в частности: Высший Евразийский экономический совет, в состав которого входят президенты государств-членов Союза; Евразийский межправительственный экономический совет, состоящий из глав правительств государств-членов; Евразийскую экономическую комиссию – постоянно действующий орган Союза, формирующий, в свою очередь, Совет и Коллегию Комиссии; Суд Союза, обеспечивающий применение государствами-членами и органами ЕАЭС международных договоров в рамках Союза.

Если в качестве ограничения принять идеологически приемлемый для каждого государства набор делегируемых на национальный уровень полномочий, тогда единая логика оптимизации евразийского интеграционного процесса могла бы строиться следующим образом.

Существует три основных показателя, которые могут охарактеризовать повышение уровня ЕЭП – показатель уровня экономического развития, показатель уровня технического развития и показатель уровня развития человеческого потенциала. Наряду с универсальными элементами и конструкциями, охарактеризованными выше, здание евразийской интеграции может строиться на основе сочетания наиболее удачных национальных институтов регулирования и механизмов развития с учетом закономерностей современной международной конкуренции, на которые определенное влияние оказывает развертывание глобального кризиса[3].

Под основным принципом интеграции понимается создание единого воспроизводственного комплекса, что предполагает не только ликвидацию межгосударственных таможенных, но также и других барьеров. Помимо этого необходимо согласование конечных целей социально-экономического развития между заинтересованными странами, а также выработка согласованных направлений инвестиционной, инновационной, структурной, внешнеэкономической и социальной политики. Все работы необходимо осуществлять исходя из критерия повышения уровня развития.

Инициатива российских парламентариев по созданию наднационального Евразийского парламента, наделенного законодательными и контролирующими функциями, на сегодняшний день не получила поддержки со стороны их коллег из Белоруссии и Казахстана, считающих данный шаг преждевременным. По их мнению, если Евразийский парламент будет формироваться по аналогии с Парламентом Европейского союза, то Российская Федерация, как самое крупное государство по размеру территории и численности населения, получит в учрежденном органе большее количество мандатов, в связи с чем политические элиты других стран-основательниц утратят свое влияние и будут зависимы от РФ[4].

Наиболее широкие исполнительные полномочия закреплены за Евразийской экономической комиссией, к установленным сферам деятельности которой отнесены: таможенно-тарифное и нетарифное регулирование и администрирование; санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры; установление торговых режимов с третьими странами; статистика внешней и взаимной торговли; макроэкономическая, конкурентная, энергетическая и валютная политика; промышленные и сельскохозяйственные субсидии; естественные монополии; взаимная торговля услугами и инвестиции; транспорт и перевозки; трудовая миграция. Финансирование Комиссии осуществляют государства-члены на основе долевых взносов.

Процесс евразийской экономической интеграции достиг фазы зрелости. Эта фаза характеризуется тем, что содержательное наполнение единого экономического пространства совместными видами сложной хозяйственной деятельности становится не менее важным, чем углубление и расширение интеграционных форм. Экономический потен-

---

[1] Волков С.Д., Кокушкина И.В. Особенности экономической интеграции на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. – № 12. – С. 98.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе. – http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170264

[3] Глазьев С., Клоцвог Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран участниц // Российский экономический журнал. – М., 2008. – № 7/8. – С. 45.

[4] Кротов М.И. Евразийская идея – теоретическая основа евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. – № 12. – С. 154.

циал интеграции раскрывается в формировании совместных корпораций, развитии трансграничной производственно-технологической кооперации, сочетании сравнительных национальных преимуществ в производстве технологически сложных изделий. Самого по себе внутреннего рынка для этого недостаточно. Нужны общие стратегии развития, реализуемые на началах частно-государственного партнерства, совместные программы и проекты развития[1].

Создание ЕАЭС будет способствовать усилению трудовой миграции в рамках Союза в связи с взаимным признанием дипломов об образовании, за исключением дипломов юристов, педагогов, медиков и фармацевтов.

Кроме того, с 2015 г. для граждан стран-участниц ЕАЭС не предусматривается необходимость получение разрешения на работу для трудоустройства в любой из них, а для работающих по контракту более 6 месяцев резидентов существует определенная преференция в виде взимаемого подоходного налога, приравненного к тому, который платят местные жители. Пока не получил договорного оформления вопрос о сохранении и переводе пенсионных прав граждан при переезде в одну из стран ЕАЭС[2]. Проект такого договора находится в стадии разработки Евразийской экономической комиссией.

Важнейшей причиной зависимости наших экономик от колебаний мировой финансовой конъюнктуры стала их чрезмерная ориентация на экспорт сырья, ослабление и разрушение внутренних кооперационных связей, сжатие внутреннего рынка, разрыв технологических цепочек по производству сложных видов продукции, разделенных возникшими таможенными границами. Для обеспечения устойчивого развития необходимо восстановление емкого внутреннего рынка, глубокая модернизация и повышение конкурентоспособности экономки на новой технологической основе. Динамика экономической активности свидетельствуют о положительном влиянии емкости, глубины и защищенности внутреннего рынка на антикризисную устойчивость производственной и инвестиционной деятельности в различных странах.

Экономические аналитики, прогнозируя общий макроэкономический эффект от интеграции в рамках ЕАЭС, выделяют такие показатели, как снижение цены на товары вследствие уменьшения издержек перевозки сырья и экспорта готовой продукции, увеличение средней заработной платы благодаря повышению производительности труда, наращивание производства благодаря увеличению потребительского спроса на товары, увеличение совокупного объема ВВП стран-членов ЕАЭС минимум на 25% и, как следствие, рост благосостояния народов государств-членов ЕАЭС[3].

Таким образом, главным интеграционным направлением на текущем этапе является экономический сегмент. В дальнейшей перспективе в зависимости от результативности функционирования ЕАЭС можно будет ставить новые амбициозные задачи по углублению интеграции: переход на единую для стран-участниц валюту, введение института единого гражданства, создание военно-политического союза, включая совместные вооруженные силы, формирование единого гуманитарного пространства, включающего науку, образование, культуру и историю, основанного на консервативных ценностях и традиционных религиях Евразии. Для этого необходимо гармонизировать национальное законодательство государств-членов и впоследствии создать единую унифицированную законодательную базу и практику правоприменения. Это, безусловно, длительный процесс, эффективность которого будет зависеть от степени реализации совместных усилий государств-членов по выполнению в рамках организации взятых на себя обязательств.

Учреждение Евразийского экономического союза как межгосударственного объединения – это, без сомнения, веление времени. На фоне нестабильности глобальной экономики, определенного застоя мирового хозяйства, интеграция стала для стран важнейшим драйвером роста. Однако современные реалии диктуют странам, потенциально являющимся стратегическими партнерами, объединенным не только географическим пространством, но и общей историей, близким менталитетом, необходимость перехода на качественно новый уровень сотрудничества, предполагающий модернизацию механизмов партнерства не только в приоритетной сегодня экономической, но и в социальной, правовой, политической и военной сферах[4]. По мере развития союза и с углублением взаимовыгодного сотрудничества данные противоречия будут разрешены с учетом национальных интересов всех членов ЕАЭС. Для этого у ЕАЭС имеются огромные возможности и потенциал.

Чтобы определить перспективы данной региональной экономической организации необходимо прибегнуть к методу SWOT-анализа. SWOT-анализ (Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).) – это метод исследования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации.

Сильные стороны ЕАЭС:

- новый союз имеет самую большую географическую территорию с выходом на все четыре стороны света;
- единый потребительский рынок (свыше 170 миллионов потребителей);
- огромные природные ресурсы (на территории союза сосредоточена значительная часть мирового запаса полезных ископаемых);
- союз расположен в очень важном, геостратегическом регионе: между Западом и Востоком, между ЕС, Китаем, Индией, Центральной Азией и Ближним Востоком.

---

[1] Волков С.Д., Кокушкина И.В. Особенности экономической интеграции на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. – № 12. – С. 103.

[2] Договор о Евразийском экономическом союзе. – http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170264

[3] Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. Европейский Союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различия процессов интеграционного строительства. – М.: Экономическая газета, 2013. – С. 48.

[4] Нарышкин С.Е. Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции // Проблемы современной экономики. 2014. – № 4 (52). – С. 8.

Слабые стороны ЕАЭС:

- отсутствие союзной идентичности. На постсоветском пространстве сохранились стереотипы и страхи тоталитарного союзного прошлого. За время независимости каждая страна боролась сама за себя, защищая собственные национальные интересы.
- ЕАЭС отстает от своих развитых конкурентов по уровню развития науки, инноваций, техники и технологии. В экономике ЕАЭС превалирует сырьевая направленность, слабо развиты реальный сектор экономики, наукоемкое производство, малый и средний бизнес, туризм находится в зачаточном состоянии;
- в странах ЕАЭС остаются высокими уровень коррупции, бюрократии, клановости;
- до конца не согласованы межгосударственные структуры и законодательство стран участниц ЕАЭС, которые в свою очередь способствуют торможению интеграции;
- экономика ЕАЭС сильно зависит от таких внешних факторов как экономические санкции западных стран по отношению к России, мировые цены на энергоносители и природные ресурсы, курс доллара США и евро и т.д.

Угрозы ЕАЭС:

- угрозы терроризма, экстремизма и сепаратизма присущи всем членам-государствам интеграционного союза;
- определенная угроза экономического характера исходит от чрезмерной долларизации национальной экономики отдельных членов ЕАЭС. Народ живет в страхе перед возможной девальвацией;
- государства-члены ЕАЭС зависимы от ценовой конъюнктуры на сырьевые и энергетические ресурсы на мировом рынке. Во многом это связано с тем, что основу экономики ЕАЭС составляет продажа углеводородов и железной руды;
- разный уровень экономического развития союзников может вызвать некоторые социально-экономические проблемы.

Возможности Союза очень велики при рациональном их использовании. ЕАЭС может не только обеспечить свои потребности, но и стать мировым поставщиком сырья, товаров и услуг. У ЕАЭС есть все возможности к расширению, в него могут вступать новые члены-союзники[1].

Для этого, необходимо выработать устраивающую всех потенциальных участников, компромиссную схему дальнейшей интеграции, ориентированную на прагматичную и конструктивную политику сотрудничества, призванную защищать национальные интересы на международной арене без ущемления суверенитета государств-членов.

[1] Нарышкин С.Е. Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции // Проблемы современной экономики. 2014. – № 4 (52). – С. 12.

Браницкий А.Г.
д.и.н., профессор Института международных отношений и мировой истории ННГУ
abranitskiy@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕС

Ключевые слова: *европейская интеграция и дезинтеграция, Brexit, расширение ЕС, регионализация, сепаратизм, ЕАСТ.*
Keywords: *European integration and disintegration, Brexit, Enlargement, regionalization, separatism, EFTA.*

Постоянное расширение ЕС в конце XX – начале XXI вв. сделало практически невозможным создание федерального Европейского Союза и, в целом, завело европейскую интеграцию в тупик. 27 ноября 2016 г. федеральный президент ФРГ Йоахим Гаук в интервью газете «Welt am Sonntag» предложил приостановить процесс расширения ЕС[1]. В частности, он заявил, что «мы хотим подумать о паузе, в ходе которой мы обсудим, какую цель и в каком темпе мы хотим достичь», ибо «мы не хотим утонуть в волне антиевропейского популизма»[2]. Как и их германские коллеги, французские политики тоже предпочитают «взять паузу», предлагая пройти определенную «фазу консолидации». Однако в Договоре о Европейском Союзе – даже в редакции Лиссабонского договора – по-прежнему содержится положение, открывающее возможность вхождения в ЕС любой европейской стране, разделяющей основные ценности Союза (уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека и др.)[3].

В конце 2016 г. пять стран (Турция, Черногория, Македония (БЮРМ), Сербия, Албания) официально признаны кандидатами в члены ЕС, а две (Босния и Герцеговина, Косово) ожидают получения данного статуса[4]. Переговорный процесс с Турцией фактически приостановлен, а с Македонией и Албанией даже и не начат. 18 ноября 2016 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, возвращаясь домой после официального визита в Узбекистан, заявил журналистам в самолете, что он прорабатывает вопрос о вступлении своей страны в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), так что «не нужно говорить, что ЕС – это единственный вариант»[5]. Франк Нинхойзен в своей статье «Почему растет влияние Москвы в Европе», опубликованной в «Sueddeutsche Zeitung» 16 ноября 2016 г., утверждает, что «ЕС самое позднее после брексита и кризиса с беженцами настолько занят проблемой собственного существования, что для новых кандидатов, кажется, уже нет и места. Но это ослабляет на Востоке усердие к реформам и побуждает к новым прагматичным альянсам. В Сербии переговоры с ЕС не сдвинулись с места, в то же время страна тренирует «славянское братство» в рамках военных маневров с российскими и белорусскими солдатами»[6]. Зато уже запущен процесс выхода Великобритании из Союза. Средний уровень благосостояния в ЕС в случае успеха Brexit'а и новых этапов расширения будет неуклонно снижаться, ибо уйдет важная страна-донор, а кандидаты не отличаются высокими показателями социально-экономического развития. К проблемам, которые сегодня создают Греция, Румыния и Болгария, прибавятся совершенно аналогичные, которые вызовут Македония и Черногория. Настоящей катастрофой было бы вступление в ЕС Албании. Однако есть все основания полагать, что в ближайшем будущем нового расширения ожидать не стоит.

В связи с расширением конфессиональное, культурное и языковое разнообразие внутри ЕС постоянно нарастало. В Евросоюз изначально – с 1993 г. – входили наряду с преимущественно католическими странами, собственно и затеявшими европейскую интеграцию, Дания и Великобритания – как представители протестантских стран – и православная Греция. В дальнейшем ЕС принял в себя новые государства европейского Севера и Востока, для которых некоторые принципы и механизмы европейской интеграции «по-брюссельски» оказались малоподходящими. В принципе, протестантской ментальности больше соответствует модель Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Поэтому и Brexit не следует считать безосновательным или случайным. Благодаря Лиссабонскому договору появился

---

[1] Президент ФРГ высказался за приостановку интеграции в рамках ЕС // Российская газета. 28.11.2016. – https://rg.ru/2016/11/28/prezident-frg-vyskazalsia-za-priostanovku-integracii-v-ramkah-es.html

[2] Людям нужна Родина. Пер. с нем. / Гаук Й., Пошардт У., Каде К., Бальцли Б. // ИНОСМИ.РУ. 29.11.2016. – http://inosmi.ru/politic/20161129/238300444.html

[3] Договор о Европейском Союзе. Ст. 2, Ст. 49 // Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. Пер. с фр. – М., 2008. – С. 170, 208.

[4] On the road to EU membership // Official website of the European Union – https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en#on-the-road-to-eu-membership

[5] Идея вступления в ШОС для Эрдогана более перспективна // Новостной фронт. 20.11.2016. – http://news-front.info/2016/11/20/ideya-vstupleniya-v-shos-dlya-erdogana-bolee-perspektivna/

[6] Нинхойзен Ф. Почему растет влияние Москвы в Европе. Пер. с нем. // ИНОСМИ.РУ. 16.11.2016 – http://inosmi.ru/politic/20161116/238210755.html

механизм выхода из ЕС (ст. 50 обновленного Договора о Европейском Союзе»)[1]. «Первой на выход» записалась именно Великобритания, чьи политические деятели никогда не разделяли до конца идеалы, характерные для лидеров стран изначальной «шестерки». В частности, британцев никогда не устраивал курс на «излишнее», по их мнению, углубление европейской интеграции. Модель ЕАСТ изначально гораздо более соответствовала британскому взгляду на пределы интеграции, посему Великобритания после выхода из ЕС, скорее всего, предпримет попытку реанимации Ассоциации. А так как ЕАСТ и ЕС имеют соглашение о Едином экономическом пространстве, Великобритания все равно останется в экономическом плане страной, тесно связанной с Евросоюзом.

Излишнее языковое разнообразие также затрудняет работу институтов ЕС. На перевод решений, принимаемых официальными органами Союза, на все 24 официальных языка тратятся изрядные средства. Кроме того, граждане ЕС обращаются в институты Союза и получают ответы на свои запросы на любом из официальных языков, что требует содержания целой армии переводчиков. Немецкий, французский и английский – три рабочих языка Комиссии – гораздо шире других языков используются во всех институтах ЕС (несмотря на декларируемое языковое равноправие). Однако гимн ЕС исполняется без слов, так как после Второй мировой войны немецкий язык неприятен слуху многих европейцев. Посему оригинальные слова Ф. Шиллера к «Оде к радости» Л. ван Бетховена не имеют официального статуса. Интересно отметить, что Союз уже использует в качестве официального один из вариантов арабского языка – мальтийский (с латинской графикой и большим количеством заимствований из итальянского и английского), в то время как люксембургский язык на уровне ЕС официальным не признан. После нескольких этапов расширения резко возросло число славянских, балтийских и финно-угорских официальных языков Союза. Планируемые новые этапы расширения могли бы принести в Евросоюз как абсолютно новые языки (албанский, турецкий), так и «условно новые», близкородственные существующим официальным языкам Союза (черногорский и сербский – близкие к хорватскому, македонский – близкий к болгарскому). С другой стороны, список официальных языков ЕС со временем может пополниться и за счет таких «региональных языков», как каталонский и шотландский.

Расширение в какой-то мере способствует решению демографических проблем ЕС, связанных с низкой рождаемостью и старением населения. Но данный ресурс не бесконечен, ибо надо учитывать, что страны ЦВЕ тоже не отличаются высокой рождаемостью. Предыдущие этапы расширения ЕС привели к закреплению «Европы разных скоростей» и «Европы переменной геометрии» в качестве доминант европейского интеграционного процесса[2]. «Новички» довольно медленно интегрируются в Шенгенское пространство и еврозону. Так, Болгария, Кипр, Румыния и Хорватия все еще не вошли в Шенгенскую зону, а Венгрия, Польша, Хорватия и Чехия – в зону евро. Переход на евро, кроме очевидных выгод, несет и дополнительные расходы, бремя которых хорошо ощущается населением (в целом, цены заметно растут). Кроме того, устойчивость самой зоны евро давно уже ставится под вопрос. Можно отметить, что в связи с событиями в Греции единая европейская валюта утратила значительную часть своей привлекательности для стран-«новичков».

Западные Балканы сегодня признаны наиболее перспективным направлением расширения Евросоюза. Однако в ситуации длительной «паузы», сопровождаемой Brexit'ом, становятся возможными самые различные варианты. Напомним, что ряд малых европейских стран использует единую европейскую валюту (Сан-Марино, Монако, Андорра, Ватикан), причем Сан-Марино и Монако де-факто вообще находятся внутри ЕС, не вступив туда де-юре. Кроме того, состав ЕС могут пополнить Шотландия и Каталония, где «продвинутая» регионализация уже давно переросла в откровенный сепаратизм. Brexit будет достаточно длительным процессом, окончательный успех которого не гарантирован. Если же Великобритания «благополучно» покинет Союз, Шотландия будет добиваться проведения нового референдума о своей независимости (дабы впоследствии самостоятельно вступить в ЕС). В свою очередь, выход Шотландии из состава Великобритании может иметь «эффект домино» для европейских государств, имеющих регионы с сильными сепаратистскими устремлениями. Особенно опасным было бы совпадение по срокам данного события с весьма вероятным выходом Каталонии из состава Испании.

В настоящее время кажутся совершенно невероятными такие события, как отделение Корсики от Франции или Северной Италии от Южной. Однако появление на карте Европы Шотландии и Каталонии способно кардинально изменить ситуацию. Нельзя исключить, что европейские политики, ныне опасающиеся усиления позиций Германии в ЕС, однажды с изумлением встретят возрождение независимых Баварии и Саксонии. Даже средние и малые европейские государства способны испытать «эффект домино» – и поучаствовать в становлении новой «Европы регионов». Так, Польша, кажущаяся сегодня со стороны почти моноэтническим государством, будет иметь серьезные проблемы с кашубами. Небольшой Латвии будет грозить распад на ряд еще более мелких государственных образований – Латгалию, Земгалию (или Курляндию) и т.д. Впрочем, «точкой невозврата» будет не факт признания Шотландии и Каталонии мировым сообществом (и Брюсселем), а последующее вхождение этих новых государств в ЕС.

Расширение Европейского Союза, в целом, влияет на углубление европейской интеграции неоднозначно: позволяет решать одни проблемы (чаще всего – частично) и тут же создает новые. В частности, все сложнее становится координировать усилия стран-членов в самых разных областях. И здесь самый яркий пример – общая внешняя политика и политика безопасности. Хотя согласно Лиссабонскому договору в ЕС появилась должность Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности (которая соединила в себе полномочия Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности и полномочия еврокомиссара по внешним сношениям), саму общую внешнюю политику Евросоюза вырабатывать становится все труднее и труднее. Согласование нацио-

[1] Договор о Европейском Союзе. Ст. 50 // Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. Пер. с фр. – М., 2008. – С. 208–209.

[2] Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной. – М., 2012. – С. 74.

нальных интересов и внешнеполитических подходов 28 стран с собственными дипломатическими традициями – уже весьма непростая задача.

Если Великобритания все же покинет ЕС, то единая Европа со временем сможет стать полноценной федерацией и даже избавиться от американского влияния[1]. Возможность создания независимой «европейской армии» давно беспокоит натовских генералов[2]. С одной стороны, Единая Европа, безусловно, медленно, но верно превращается в самостоятельный «центр силы» – и все менее нуждается в опеке «большого брата», а европейская интеграция (в некоторых случаях) может быть прямо противопоставлена евроатлантическому сотрудничеству. С другой стороны, именно постоянное расширение ЕС способствует сохранению (а иногда – и усилению) американского влияния в Единой Европе. Какая тенденция победит – вопрос открытый. Но следует помнить, что США заинтересованы не в углублении европейской интеграции, а в максимальном расширении Евросоюза, в том числе – за счет Турции и Западных Балкан. З. Бжезинский в своей книге «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис», изданной в США в 2012 г., утверждает: «Расширенная структура Европы, включающая в тех или иных аспектах Турцию и Россию, означает, что Европа, остающаяся в союзе с Америкой, станет, по сути, одним из значимых мировых игроков»[3].

Итак, расширение Европейского Союза – процесс сложный, имеющий как положительные, так и отрицательные последствия (и для самого ЕС, и для современного мира). «Усталость от расширения», которая так хорошо ощущается сегодня в западноевропейских столицах, в перспективе, вероятно, будет преодолена. Brexit – весьма неожиданно для некоторых недальновидных британских политиков – может привести к очередному пополнению рядов ЕС за счет Шотландии. Однако Союз, безусловно, ждут новые трудности, связанные с необходимостью координации усилий все возрастающего числа стран-членов. И, вполне возможно, уже в ближайшее время потребуется ревизия Лиссабонского договора.

---

[1] Браницкий А.Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности: дис. … докт. ист. наук : 07.00.15. – Н. Новгород, 2006. – С. 428–429.

[2] Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х т. Т. 1. История объединения Европы и теории европейской интеграции. Ч. 1. Под ред. О.А. Колобова. – Н. Новгород, 2008. – С. 332.

[3] Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. – М., 2015. – С. 234.

Бредихин А.В.[1]

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АЗОВСКОГО МОРЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА ДОНЕЦКО-РОСТОВСКОЙ ПРИГРАНИЧНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Ключевые слова: *Азовское море, приграничье, агломерация, Ростов-на-Дону, Донецк, ДНР, Таганрог, Азов.*

В современных процессах глобализации и объединения государств в наднациональные формы кооперации все большее внимание научного сообщества привлекает тенденция глокализации. Ее естественным проявлением является развитие приграничного сотрудничества, выраженного в создании еврорегионов и приграничных агломераций.

Имеет подобные образования и Евразийский экономический союз[2]. Среди них, достаточно перспективной, на наш взгляд, является Донецко-Ростовская приграничная агломерация, включающая в себя крупную южнороссийскую Ростовскую агломерацию и большую часть непризнанной Донецкой народной республики. Фактически она объединяет четыре столицы: 1) г. Ростов-на-Дону – административный центр Ростовской области и столица Южного федерального округа; 2) г. Донецк – столица непризнанной Донецкой народной республики; 3) г. Новочеркасск – столица мирового казачества, экс-столица Области войска Донского; 4) г. Таганрог – несостоявшаяся столица Российской империи. Уникальность ее обусловлена и выгодным приморским расположением на северном и восточном берегу Азовского моря.

Целью нашего исследования станет рассмотрение фактора Азовского моря в развитии Донецко-Ростовской приграничной агломерации.

Азовское море (*греч.* Меотида – «болото») – самое мелкое море в мире, его глубина не превышает 13,5 м, однако оно обладает стратегическим значением для Ростовской агломерации, обеспечивая работу портов гг. Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова и включая их в систему международных экономических отношений.

Азовское море, согласно теории Черноморского потопа, разработанной геологами из Колумбийского университета Уильямом Райаном и Уолтером Питменом, до 5600 г. до н.э. представляло собой дельту реки Дон[3], что его исторически связывает с исследуемым нами объектом.

С момента распада СССР акватория Азовского моря являлась предметом спора между Российской Федерацией и Украиной. 24 декабря 2003 г. был подписан Договор между РФ и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, признающий Азовское море внутренним морем РФ и Украины и обеспечивающий свободное судоходство для российских и украинских кораблей, а также взаимодействие сторон в области рыболовства, навигационного обеспечения, защиты морской среды, экологической безопасности, при проведении поисково-спасательных операций в море.

В рамках развития межрегиональнной интеграции в период, предшествующий украинскому политическому кризису 2014 г., рассматривалась идея создания еврорегиона «Азов», одной из целью которого было восстановление полноценного промышленного потенциала Азовского моря. Инициатива принадлежала руководству Ростовской и Запорожской областей[4], однако она так и осталась нереализованной.

«Русская весна» и референдум 16 марта 2014 г. вернули Крымский полуостров в состав РФ, что сняло ряд российско-украинских острых вопросов, в том числе и проблему принадлежности Керченского пролива. Однако, на настоящий момент, северо-западная часть акватории моря все же находится под украинским контролем, а наиболее радикальные депутаты, в частности вице-спикер Верховной Рады Украины Андрей Парубий, вносили на рассмотрение законопроект о денонсировании российско-украинского договора о сотрудничестве в Азовском море и Керченском проливе[5].

В настоящее время часть Азовского моря контролирует непризнанный субъект международного права Донецкая народная республика. Единственным ее портом является г. Новоазовск, который можно рассматривать в качестве части единой Донецко-Ростовской приграничной агломерации. В 2011 г. властями Новоазовского района Донецкой области и Неклиновского района Ростовской области было подписано соглашение о сотрудничестве, направленное на решение общих задач: экологии, экономики, берегоукрепления Азовского моря и восполнения рыбных запасов, разви-

---

[1] Бредихин Антон Викторович – к.и.н., с.н.с. Центра политологических исследований Финансового университета, н.с. Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН. E-mail: dyachkino@yandex.ru

[2] Бредихин А.В. Локальные формы кооперации ЕАЭС// Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. – № 10-2. – С. 48–50.

[3] Ryan W.B., Pitman W.C. Noah's Flood: The New Scientific Discoveries about the Event that Changed History. – New York: Simon and Schuster, 1999. – 319 p.

[4] Ростовская и Запорожская области планируют создать еврорегион «Азов» // Аргументы и факты. – http://www.rostov.aif.ru/politic/gover/616641

[5] Украина хочет разорвать договор с РФ об Азовском море и Керченском проливе // ИА REGNUM. – https://regnum.ru/news/polit/1943639.html

тия рекреационной зоны и туризма, привлечения инвестиций[1]. В то же время руководство ДНР рассматривает г. Таганрог в качестве порта по поставке угля в страны Ближнего Востока и Северной Африки[2].

Возросла роль Азовского моря для Донецко-Ростовской приграничной агломерации и ввиду Указа Президента РФ от 28 июля 2016 г. № 375 «О Южном федеральном округе», благодаря которому Республика Крым и город федерального значения Севастополь вошли в состав ЮФО. Столицей федерального округа остался г. Ростов-на-Дону. При этом в целях улучшения коммуникации между Ростовской областью и Крымским полуостровом, ростовским губернатором Василием Голубевым была предложена инициатива запуска морских судов типа «Ракета» по маршруту Таганрог – Азов – Керчь[3].

Донецко-Ростовская приграничная агломерация обладает статусом «приморской», а три ее крупных центра обладают портами[4]. Благодаря своему положению агломерация обладает выходами как в Черное море, так и Средиземноморский бассейн, а затем Индийский и Атлантический океаны. Река Дон обеспечивает посредством Волго-Донского канала выход агломерации в Каспийское море, а далее по Волге в Балтийское и Белое море[5].

В системе Ростовской агломерации возможно выделение двух субструктур по отношению к Азовскому морю:

– приморские муниципалитеты: Азовский и Неклиновский районы, г. Ростов-на-Дону, Таганрог и Азов.

– Муниципалитеты, интегрированные с приморской зоной: Мясниковский и Аксайский районы, гг. Батайск и Новочеркасск[6].

Морской порт г. Ростова-на-Дону обладает пропускной способностью грузовых терминалов 12 853,35 тыс. тонн в год. До 2008 г. городской порт обладал статусом речного порта и в 2009 г. изменил его на морской[7]. На сегодняшний момент именно он является крупнейшим портом на Азовском море, занимая также узловое положение в железнодорожном сообщении Москва-Ростов-на-Дону-Кавказ и автомагистрали М4 «Дон». Основной специализацией выступает обслуживание судов категории «река-море». К числу ведущих операторов стоит отнести ОАО «Ростовский порт», ООО «Ростовский универсальный порт», ООО «Юг Руси – Золотая семечка», ООО «АИК Астон» и др.

Морской порт г. Таганрога обладает пропускной способностью грузовых терминалов 4400 тыс. тонн в год, а пропускная способность его пассажирских терминалов составляет 70000 пассажиров в год. Исторически порт выступал конкурентом Одесского порта, а в настоящее время является одним из универсальных портов на Юге России. Его значимым преимуществом выступает круглогодичность навигации. Портовый кластер включает следующие компании: ОАО «ТМТП», ОАО «Приазовье», ОАО «ТСРЗ» и ООО «Курган-нефть продукт». К основным сферам транспортировки относятся цветные металлы, трубы, лес, сталь, зерновые[8].

Морской порт г. Азова обладает пропускной способностью грузовых терминалов 10134,4 тыс. тонн в год. Географическое расположение порта говорит о его роли посредника между морским и внутренним сообщением. Статус морского порт получил как и Ростовский в 2009 г.[9] Основными направлениями специализации являются минеральные и строительные материалы, тарно-штучные грузы, лесоматериалы, уголь, прокат черных металлов.

Заметим, что в рамках агломерации основным конкурентом Таганрогского порта является Ростовский порт, который хотя и имеет универсальный характер, но уступает г. Таганрогу ввиду возможности зимней навигации у последнего.

Вдоль Азовского побережья расположен ряд перспективных кластеров, укрепляющих агломерацию в целом. В х. Новоазовский Азовского района расположен завод одной из крупнейших мировых транснациональных корпораций Coca-Cola Hellenic Group. Ростовский аэропорт, совместно со строящимся к Чемпионату мира по футболу-2018 аэропортовым комплексом «Южный», дополняет приморский аэропорт «Таганрог-Южный». На юге к границе агломерации примыкает федеральная игорная зона «Азов-Сити», первоначальное строительство которой планировалось до с. Порт-Катон Азовского района. Значителен и туристический потенциал Азовского побережья.

На основании изложенного отметим:

---

[1] Новоазовский район Донетчины и Неклиновский район Ростовской области заключили договор о сотрудничестве // Приазовский рабочий. – http://pr.ua/news.php?new=11122

[2] ДНР заявила о намерении начать поставки угля в Иран и Северную Африку // ВЗГЛЯД. – http://vz.ru/news/2015/2/20/730719.html

[3] Ростовская область хочет отправить «Ракету» до Крыма // Крестьянин. – http://www.krestianin.ru/news/40968-rostovskaya-oblast-hochet-otpravit-raketu-do-kryma

[4] Бредихин А.В. Ростовская агломерация: интеграционные приоритеты развития // Вопросы территориального развития. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – № 4 (34). – http://vtr.vscc.ac.ru/article/1978

[5] Кузина С.И., Григорян Д.К., Халилов Р.Р. Региональные аспекты государственного управления в области морских перевозок (на примере Ростовской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. – № 4 (59). – С. 80–84.

[6] Дружинин А.Г., Гонтарь Н.В., Сухинин А.С. «Приморский фактор» в современной центро-периферийной структуре Ростовской области: специфика проявления и учет в системе управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. – № 4. – С. 33–39.

[7] Приказ Министерства транспорта РФ от 9 июля 2009 г. № 114 «Об открытии морского порта Ростов-на-Дону для оказания услуг»

[8] Анистратенко Т.И., Босых А.В., Орлова В.Г. Анализ влияния факторов внешней среды на развитие Таганрогского морского порта // Актуальные вопросы развития национальной экономики. Материалы международной заочной научно-практической конференции. – Пермь, 2015. – С. 150–152.

[9] Распоряжение Росморречфлота от 4 октября 2010 г. № АД-265-р «О внесении сведений о морском порте Азов в Реестр морских портов Российской Федерации»

Во-первых, использование потенциала Азовского моря в качестве важного узла мировой системы экономических отношений следует отнести к числу приоритетов в дальнейшем развитии Донецко-Ростовской приграничной агломерации;

Во-вторых, необходимо дальнейшее развитие логистических путей, установление транспортных морских контактов между частями агломерации;

В-третьих, требуется расширение прибрежного сотрудничества с другими муниципалитетами Азовского моря, подписание соглашений о сотрудничестве и побратимстве, запуск совместных экономических кластеров.

Вертинская Т.С.
к.э.н., зав. отделом Института экономики НАН Беларуси, Минск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕАЭС: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *институциональный анализ, институциональные факторы, институциональный механизм, метод, регион, формальные и неформальные институты, экономическая интеграция.*
Keywords: *institutional analysis, institutional factors, institutional mechanism, method, region, formal and informal institutes, economic integration.*

Введение

Процесс дальнейшего углубления экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) во многом будет зависеть от того, в какой степени будет обеспечено реальное, а не номинальное единство евразийского экономического пространства. Региональный срез экономического пространства формируют межрегиональные и приграничные связи участников интеграционного объединения. В настоящее время это одно из слабых звеньев интеграционной политики ЕАЭС, что требует совершенствования, прежде всего, в направлении институциональных механизмов интеграции и проведения соответствующего анализа.

Целесообразность институционального анализа интеграции регионов стран-членов ЕАЭС вызвана следующим:

во-первых, исходя из положения, что международная интеграция – это, прежде всего, экономика соглашений, международных договоров, определяющих правовые рамки взаимодействия субъектов различных стран и их регионов;

во-вторых, необходимостью поиска новых резервов углубления евразийской интеграции и включения субнационального управленческого уровня в интеграционную политику, который до сих пор остается слабо задействованным фактором, требующим активизации и, соответственно, анализа существующих для этого правовых предпосылок;

в-третьих, повышением роли нематериальных факторов и новых тенденций в региональном развитии, когда важным для интеграции регионов становятся факторы доверия, коммуникабельности, ментальные и поведенческие особенности экономических субъектов и представителей органов государственного управления на местах;

в-четвертых, отнесением механизма межрегиональных связей к пространственной интеграции или интеграции социально-экономических пространств, где бизнес-среда, инвестиционная и инновационная привлекательность территорий формируют так называемый «институциональный контур региона» или «институциональное поле», что является важной составляющей механизма региональной интеграции;

в-пятых, междисциплинарной основой реализации институционального анализа как одной из характерных его черт, что позволяет комплексно подойти к анализу условий участия регионов во внешнеэкономических связях;

в-шестых, тем фактом, что именно институциональные несоответствия по ряду направлений являются в настоящее время одной из причин сдерживания процессов интеграции на субнациональном уровне в ЕАЭС.

С учетом того, что в настоящее время в региональных исследованиях институциональный анализ практически не используется, необходимо дополнительное обоснование его содержания и алгоритма применения для анализа институциональных факторов интеграции регионов стран-участниц ЕАЭС.

1 Методический подход к оценке институциональных факторов экономической интеграции регионов стран-членов ЕАЭС

Прежде всего, важно определить, что представляют собой институциональные факторы экономической интеграции регионов и содержание институционального анализа в рассматриваемой сфере.

Один из основоположников институциональной экономики Д. Норт трактует институт, как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»[1].

Следует обратить внимание, что Д. Норт различает институты и организации. Он считает, что институты представляют собой правила игры, а организации и те, кто входит в них, являются игроками. В понятие «организация», в его интерпретации, входят политические органы и учреждения (политические партии, Сенат, городской совет, регуля-

[1] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. North D., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1973. – http://assets.cambridge.org/97805212/90999/excerpt/9780521290999_excerpt.pdf

тивные органы); экономические структуры (фирмы, профсоюзы, семейные фермы, кооперативы); общественные образования (церкви, клубы, спортивные ассоциации) и образовательные (школы, университеты, профессионально-технические училища).

Имеет место и более расширенная трактовка институтов. Так, согласно О. Уильямсону, институты рассматриваются как механизмы управления контрактными отношениями, поэтому важнейшими экономическими институтами являются фирмы, рынки и отношенческая контрактация[1].

Таким образом, состав институтов, предложенный О. Уильямсоном, включает не только «правила» (в данном случае, контрактных отношений), но и реализующих их хозяйствующих субъектов, а также используемые на практике формы экономических отношений (например, рыночные) между ними.

Можно согласиться с аргументацией и других специалистов, в частности, А.В. Асадуллиной, А.В. Бондаренко, Н.В. Вакуленко и др.[2], что правила как базовый детерминант экономики не могут быть выполненными без действия субъектов, вступающих между собой в определенные отношения. Поэтому наряду с нормами и правилами элементами институциональной среды являются организационные механизмы и структуры. Нормы и правила регулируют формирование общих условий и ограничений взаимодействия субъектов экономики, а организационные механизмы и структуры включают в себя учреждения и организации, их воплощающие.

Ряд российских исследователей, например, А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова применительно к институциональной картине региона также рассматривают широкий спектр структур: территориально-локализованные рынки; локальные естественные монополии; институт региональной и муниципальной собственности; соответствующую нормативно-правовую базу; институт теневой экономики; корпоративные структуры регионального масштаба; территориальную организацию общества и экономики[3].

С учетом имеющихся подходов в специальной литературе к раскрытию содержания указанных дефиниций возможно отталкиваться от следующих определений.

Институциональные факторы экономической интеграции регионов – это комплекс формальных и неформальных институтов, норм, правил (ограничений), а также механизмов координации и мотивации и соответствующих структур их реализующих, совокупность которых оказывает влияние и регулирует поведение экономических субъектов, расположенных на определенной территории, побуждая их организовывать и развивать экономические (межрегиональные) связи с международными контрагентами стран и регионов.

Институциональный анализ в самом первом приближении – это качественная оценка состояния региона, где объектом институционального анализа выступают институциональные условия и факторы развития отношений экономической интеграции на субнациональном (региональном и местном) уровнях. Важно подчеркнуть, что в контексте интеграции регионов стран-членов ЕАЭС важен сравнительный анализ институтов.

Особенность институционального анализа состоит в том, что для его проведения требуется большой массив информации, выводы носят вероятностный характер, значимое место занимают экспертные оценки и ограничен эмпирический анализ. По сравнению с формальными методами количественной оценки, в данном случае возможен субъективный подход к интерпретации имеющейся информации. В этом состоят слабые стороны институционального анализа.

В то же время институциональный анализ, как правило, расширяет исследовательский объект за счет новых явлений и факторов (идеи, социальные сети, экономическое поведение), которые находятся вне поля изучения при использовании традиционных методов экономического анализа. Помимо этого к числу положительных черт институционального анализа можно отнести высокую гибкость метода.

По каким направлениям целесообразно осуществлять институциональный анализ экономической интеграции регионов, и какие задачи он призван решать?

Во-первых, одной из задач анализа должно стать *выявление институциональных факторов,* оказывающих влияние на масштабы, динамику и глубину экономического взаимодействия регионов.

Во-вторых, необходимо определить влияние отдельно формальных и неформальных институтов на процесс экономической интеграции на уровне регионов.

В-третьих, в рамках сравнительного институционального анализа важно сопоставление видов координации субъектов-участников межрегиональных связей, степени их информационной открытости внешнему миру, способности к организационным изменениям с учетом особенностей внешней среды, а также наличие и эффективность работы институтов, обеспечивающих координацию. Другими словами, выявление *особенностей экономической коммуникации в конкретном пространственном контуре* можно определить как одну из задач институционального анализа.

В-четвертых, весьма важной составляющей институционального анализа следует считать *сравнение режимов взаимодействия государства и регионов, центральной и местной власти, объема полномочий местных властей, уровня развития института местного самоуправления.*

---

[1] Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Рынки, фирмы, «отношенческая» контрактация. – СПб., 1996. – 702 с.

[2] Асадуллина А.В. Институциональные условия конкурентоспособности регионов: автореф. дис. канд. экон. наук. – Уфа, 2008. – С. 7; Бондаренко А.В. Региональное развитие экономики и факторы влияния / А.В. Бондаренко, Н.В. Вакуленко. – http://www.rusnauka.com/9_DN_2010/Economics/60967.doc.htm

[3] Дружинин А.Г. Территориальная составляющая институциональной модернизации российской экономики: постановка проблемы / А.Г. Дружинин, В.Е. Шувалов // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект / Под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – С. 16–21.

В-пятых, особого внимания заслуживает *формулировка выводов* по итогам анализа с целью *совершенствования институционального механизма интеграции*, особенно учитывая тот факт, что рекомендации будут касаться не только общего механизма интеграции, но и развития институтов в каждой из интегрируемых стран в отдельности.

Как показал анализ специальной литературы***, методы проведения сравнительного институционального анализа*** чаще всего включают следующие позиции.

1. Сплошной и (или) выборочный *анализ региональной нормативной правовой базы* для выявления специфики формальных институтов в области интеграционной политики на уровне регионов.

2. *Экономико-статистический анализ* выявления динамики и трендов изменения состояния регионального развития и вклада институциональных факторов в развитие региона.

3. *Анализ новостного потока (контент-анализ) и Интернет-анализ (веб-аналитика)* для выявления преобладающих тенденций влияния неформальных институтов.

4. Метод *экспертных оценок* на основе анкетных опросов для выявления влияния неформальных институтов и институциональных ловушек.

5. Построение *различных рейтингов* с использованием результатов анкетных опросов, экономико-статистических индикаторов.

6. *Метод аналогии,* в данном случае *метод аналогов-регионов*: для сравнительного анализа на региональном уровне подбираются регионы, идентичные по основным социально-экономическим показателям, но отличающиеся по уровню развития интеграционных связей. В этом случае существующие региональные различия в известной мере могут быть отнесены за счет влияния институциональных факторов.

Алгоритм проведения институционального анализа экономической интеграции регионов может включать следующие шаги:

1) обоснование перечня институциональных факторов, оказывающих влияние на интеграционные отношения на уровне регионов и их классификация;

2) раскрытие содержания влияния институциональных факторов на экономическую интеграцию регионов;

3) определение индикаторов и показателей оценки выделенных факторов;

4) обоснование выбора используемых методов и инструментов анализа и уточнение индикаторов оценки[1];

5) формирование информационной базы и источников получения информации;

6) проведение сравнительного институционального анализа в соответствие с выбранным методом анализа или комбинацией нескольких инструментов, формулировка основных выводов;

7) разработка предложений по улучшению институциональной среды внешнеэкономической деятельности регионов.

2 Институциональные факторы экономической интеграции регионов: понятие и классификация

Ключевым этапом проведения институционального анализа является обоснование региональных институциональных факторов экономической интеграции, или институтов.

Как показывает анализ специальной литературы, в основу классификации институциональных факторов может быть положен ряд критериев.

Во-первых, *различия между институтами в зависимости от степени формализации правил*. С одной стороны, взаимодействие на основе четких законодательно установленных правил, норм, положений *(формальные институты),* а с другой стороны, институты, регулирующие отношения не путем жесткой регламентации, а базирующиеся на ценностных и нравственных нормах, традициях, обычаях *(неформальные институты).* В последнем случае, чаще всего, это – институты, образованные добровольным объединением, общественные организации, клубы, ассоциации и др.

Во-вторых, критерием классификации являются функции, которые выполняют анализируемые институты в контексте объекта институционального анализа или институциональной единицы. Например, в литературе, исходя из функционального подхода, можно встретить большое разнообразие видов институтов.

Так, российские экономисты выделяют правовые институты; регулирующие институты; институты развития человеческого капитала; институты координации и распределения рисков[2].

Рассматриваются, в частности, следующие функции, имеющие отношения к рассматриваемым в настоящей работе интеграционным связям:

– координации – это институты, определяющие модели поведения, создания коммуникационной инфраструктуры;

– кооперации, интеграции – эти институты связаны с процессом сплочения, консолидации, взаимозависимости экономических субъектов.

Специалистами предлагаются и более детальные классификации. Например, деление институциональных факторов, помимо рассмотренных критериев, осуществляется в зависимости от управленческого уровня (национальный,

---

[1] Например, если в качестве основного способа анализа используется метод регионы-аналоги, то требуется определение ключевых показателей для выбора регионов-аналогов, значимых для сравнительного анализа интеграционных связей на региональном уровне. Если планируется использовать метод анкетирования, то формируются опросник и шкала значимости ответов и т.п.

[2] Фрейнкман Л.М. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой / Л.М. Фрейнкман, В.В. Дашкеев, М.Р. Муфтяхетдинова – М.: ИЭПП, 2009. – С. 27, 35–37, 39–44.

региональный); их статуса или роли (базовые, вспомогательные, регулирующие, компенсирующие); содержательной стороны или природы факторов (рыночные, нерыночные, некоммерческие и т.п.) и другое[1].

В настоящей работе для классификации институциональных факторов экономической интеграции регионов применяется комбинация следующих критериев: деление на формальные и неформальные институты; функциональный критерий; выделение разновидностей институтов по субъектно-объектному признаку. Последний критерий определяет, с одной стороны, институты, связанные с субъектом управления анализируемых отношений, а с другой стороны, институты, воплощающие объективную сторону интеграционных связей на региональном уровне – интеграционную среду.

К числу **формальных институтов** следует отнести, во-первых, **правовые институты для развития межрегиональных связей**. Иначе говоря, созданную законодательную и нормативно-правовую основу для формирования и развития интеграционных связей на региональном уровне.

Во-вторых, это – **правовая основа функционирования институтов управления на субнациональном уровне.** Здесь ключевым субъектом управления выступают органы местной власти. При этом особое внимание отводится оценке уровня развития института местного самоуправления; степени экономической самостоятельности органов местной власти, соответствие нормативной правовой базы реальным отношениям, установление проблем правоприменительной практики, анализ эволюции законодательной основы, включая выделение основных структурных блоков в региональном законотворчестве. Главное – степень соответствия по указанным выше параметрам органов местной власти интегрируемых стран.

В-третьих, с учетом концепции устойчивого развития интеграционных связей актуальность приобретают **институты человеческого развития**. Они отражают состояние региональных рынков труда, условия международной мобильности трудовых ресурсов, уровень образования и квалификации рабочей силы и соответствие приоритетным направлениям интеграционной политики.

В-четвертых, для анализируемых связей важными являются **институты, формирующие интеграционную среду** и отражающие в этой связи объектную сторону интеграционных связей регионов.

В этом блоке институтов выделяют:

- условия предпринимательской активности, которые определяются правовыми условиями организации международного бизнеса, структурой экономики регионов по формам собственности, местом малого и среднего бизнеса в основных показателях социально-экономического развития регионов, включая внешнеэкономические связи.

- **инвестиционный климат в регионах для зарубежных инвесторов,** формируемый правовыми рамками привлечения инвестиций**,** системой льгот и преференций, организационной поддержкой государства и оцениваемый на основе ряда показателей, например, объема иностранных инвестиций на одного человека;

- **институциональные условия для коммуникаций** между субъектами хозяйствования, расположенными в конкретных регионах различных стран, которые будут различаться в зависимости от:

условий координации: либо это рыночные условия свободного перетока материальных, финансовых, человеческих, информационных ресурсов, либо строгая регламентация их движения;

типов экономического взаимодействия агентов, включая определение существующих барьеров: структуры вертикальной интеграции, участвующих во внешнеэкономической деятельности и их количество; структуры горизонтального типа в виде ассоциаций, союзов, производственных партнерств; сетевые взаимодействия.

С точки зрения **неформальных институтов** в рамках выделенных субъектно-объектных видов институциональных факторов целесообразно рассматривать следующие.

Во-первых, **институты гражданского общества**, вовлеченные в интеграционную деятельность; **местные инициативы,** связанные с выходом местной экономики на внешние рынки; побратимские связи между городами, населенными пунктами и, соответственно, уровень их развития в сравнительном аспекте.

Во-вторых, в ходе оценки институциональных условий коммуникации важно уточнить **культурный контекст** регионов. В частности, в области культурного разнообразия и традиций важным является присутствие в регионах творческой атмосферы, инновационного поиска, предпринимательской энергии и в целом траектории регионального развития согласно выбранным приоритетам.

В-третьих, неформальный контекст институтов человеческого развития, который связывается с **уровнем развития бизнес-культур управленческих кадров,** условиями их взаимодействия в международном формате и в определенных пространственных рамках.

В-четвертых, для институционального анализа экономической интеграции регионов важна оценка традиционных неформальных институтов, таких как уровень бюрократизации и коррупции.

В данном блоке источниками информации могут стать данные Минюста о регистрации неправительственных организаций, новостные потоки событий и мероприятий, проводимых в регионах и связанных с партнерскими и побратимскими отношениями на уровне регионов других стран.

[1] Волошина Е.Ф. Место и роль внешних формальных институциональных факторов в развитии региональной экономической системы // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2014. – № 2(34).

Таблица 1

Институциональные факторы развития экономической интеграции регионов

Название фактора	Влияние фактора	Индикаторы
Формальные институциональные факторы (институты)		
Законодательная и правовая основы развития межрегиональных и приграничных связей	Создает правовые рамки для развития интеграционных связей на уровне регионов стран-участников ЕАЭС.	Количество заключенных международных договоров, соглашений по развитию межрегиональных и приграничных связей, в том числе заключенных на уровне региональных и местных властей.
Правовая основа деятельности местной власти, объем компетенции органов местной власти, включая внешнеэкономические полномочия	Определяет условия самостоятельности и потенциальной активности в развитии интеграционных связей на субнациональном уровне.	Количество полномочий, делегированных на региональный уровень; уровень бюджетной самостоятельности органов местной власти; количество организационных структур в регионах, выполняющих функции, аналогичные местной власти или имеющие дополнительные управленческие полномочия в области интеграционных связей.
Институты человеческого развития	Связаны с участием человеческих ресурсов в интеграционных отношениях.	Правовые предпосылки и институты, обеспечивающие межрегиональную мобильность трудовых ресурсов, уровень образования трудоспособного населения.
Уровень развития интеграционной среды	Создает предпосылки для налаживания различных форм интеграционного взаимодействия регионов, сокращает издержки выхода субъектов хозяйствования на региональные рынки других стран, снижает финансовые, инвестиционные и хозяйственные риски внешнеэкономической деятельности.	Уровень региональной интеграционной активности (доля региона в общем объеме экспорта товаров и услуг); условия привлечения иностранных инвестиций (объем иностранных инвестиций на одного человека; доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций); уровень развития бизнес-среды (вклад сектора предпринимательства в ВРП; доля занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса); уровень коммуникационного взаимодействия в регионе (количество вертикально интегрированных структур, включенных во внешнеэкономические связи; количество профессиональных ассоциаций, занимающихся деятельностью на внешних рынках).
Неформальные институциональные факторы (институты)		
Уровень развития гражданского общества в регионах	Способствует активизации межрегиональных связей путем включения инициатив местного сообщества, создает благоприятную гуманитарную среду для налаживания различного рода сотрудничества между регионами.	Количество неправительственных организаций и общественных объединений, работающих в сфере интеграционного взаимодействия регионов; количество местных инициатив в области региональной интеграции, поддержанных в рамках различных проектов; количество установленных побратимских связей и форм сотрудничества между породненными регионами и городами.
Уровень бюрократизации, в том числе на региональном уровне	Для бизнес-структур – это отсутствие различного рода преград и ограничений для предпринимательской деятельности.	Экспертные оценки
Бизнес-культура управленческих кадров в области внешнеэкономической деятельности	Оказывает влияние на интеграционную активность через мировоззрение, отношение к труду и бизнесу, закону, определяет правовую культуру и культуру предпринимательства в целом.	Экспертные оценки
Уровень коррупции	Его влияние ощущается через транзакционные издержки бизнеса, с одной стороны, уровня собираемости налогов, с другой.	Индекс восприятия коррупции[1]

Источник: разработка автора.

3 Институциональные инструменты и механизмы экономической интеграции регионов стран-членов ЕАЭС

По результатам предварительного анализа (анализировались регионы Республики Беларусь и Российской Федерации), который включал оценку правовой базы межрегиональных и побратимских связей, действующих институтов гражданского общества, вовлеченных в международную деятельность, основных индикаторов, определяющих

[1] **Индекс восприятия коррупции** (Corruption Perception Index) – ежегодный составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран.

Индекс составляется международной организацией Transparency International на основе данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах. Опросы проводят независимые экспертные организации, которые занимаются анализом госуправления или бизнес-климата.

интеграционную среду на уровне регионов, определились основные векторы и направления совершенствования институционального механизма интеграции регионов стран-членов ЕАЭС[1].

Первое, регламентация деятельности субъектов интеграционных связей в рамках трехуровневого управления (наднациональный, национальный, субнациональный (региональный и местный) управленческий уровни, каждый из которых, исходя из объема полномочий, обеспечивает решение свойственных этим уровням задач.

Это вызвано тем, что в создании ЕАЭС сегодня доминируют национальный и первичный (субъект хозяйствования) уровни управления. Одним из негативных проявлений сложившейся схемы участия в интеграции органов управления является перекос в сторону реализации национальных интересов и недоучет региональной специфики конкретных территорий, а также отсутствие рычагов управления на наднациональном уровне.

Во-вторых, содействие «снятию» асимметрии в полномочиях органов местной власти и сближению систем местного управления и самоуправления стран-членов ЕАЭС, в том числе с применением промежуточных вариантов уменьшения существующих различий. В частности, механизмы снятия асимметрии в полномочиях органов управления регионального и местного уровней стран-членов ЕАЭС могут включать:

- создание ассоциаций органов местного самоуправления на уровне регионов, малых и средних городов, агломераций;
- формирование института уполномоченного национальных органов в отдельном регионе или на приграничной территории;
- специальное делегирование на региональный уровень дополнительной компетенции на период выполнения совместного проекта.

В-третьих, создание информационно-коммуникационной платформы для взаимодействия регионов по различным направлениям и с использованием цифровых технологий и возможностями в получении информации экономических субъектов различных форм собственности, а также представителями общественного сектора. В частности, как вариант можно рассматривать формирование на кооперационной основе единой информационно-маркетинговой сети регионов стран-членов ЕАЭС.

В-четвертых, реализация согласованного комплекса мер по развитию интеграционной среды регионов с учетом приоритетов интеграционной политики, складывающейся международной специализации регионов и условий реализации региональных конкурентных преимуществ.

В-пятых, проведение политики модернизации институциональных факторов интеграции в рамках новых подходов к социально-экономическому развитию и новых направлений экономической интеграции. Это:

- повышение внимания к человеческому развитию как ключевому фактору модернизации интеграционного пространства ЕАЭС, в том числе на уровне регионов;
- развитие инновационного сотрудничества регионов на основе выявления точек интеграционного роста и поддержка их развития, например, в виде создания на их базе и совместной основе технопарков, индустриальных парков, технологических платформ;
- формирование сети городов стран-членов ЕАЭС, что направлено на формирование институциональной среды, способствующей решению региональных проблем и установлению более тесных контактов между всеми игроками регионального процесса не только в экономической, но и социальной, культурной сферах (субъектами хозяйствования промышленности и сферы услуг различных форм собственности, местным сообществом, институтами общественного сектора, органами местного самоуправления).

В-шестых, на уровне регионов стран-членов ЕАЭС разработка и реализация стратегий развития межрегиональных связей, которые предусматривают механизмы включения институциональных факторов экономической интеграции.

[1] Вертинская Т.С. Концептуальные основы развития интеграционных связей на уровне регионов стран-членов Евразийского экономического союза. – Минск: Право и экономика, 2016. – 76 с.

Витушко В.А.
д.ю.н., профессор, Международный университет «МИТСО», г. Минск
vovka50@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ, ИСТОКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *взаимозависимость, формы интеграции, цивилизационное право, принципы партнерства, сотрудничества, единство прав и обязанностей, симметрия, асимметрия, двоичность, многомерность, расщепленное мышление, социальный функционализм, социальный интеграционный эффект.*

Интеграционные процессы происходят во всех физических, химических, социальных и иных космических системах при взаимодействии их элементов. Такие процессы могут быть позитивными и негативными в той или иной мере. В социальных, в том числе, правовых, экономических, культурных и иных системах позитивизм интеграционных процессов зависит от степени осознанности, активности и согласованности взаимодействия. В обществе интеграционные процессы протекали в той или иной степени и форме на протяжении всей истории мировой цивилизации. Но правовые основы глобальной международной интеграции, принципы – на языке права, были осознанным образом отражены международным сообществом лишь во второй половине XX в. Так, ЮНЕСКО 19 ноября 1974 г. были приняты Рекомендации о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод. В данном документе государствам-членам предложено принять юридические и иные меры по реализации принципов Рекомендаций. В тексте этого акта зафиксировано, что его принятие обусловлено осознанием глобальной взаимозависимости людей, наличием не только прав, но и обязанностей, возлагаемых на отдельных лиц, их групп и государства по отношению друг к другу, пониманием необходимости международной солидарности и сотрудничества, готовности отдельных лиц участвовать в решении проблем своего общества, своей страны и мира в целом[1].

В философской, политической, экономической и юридической литературе данные аргументы стали предметом исследований не ранее времени начала распада рабовладельческой формации. Расслоение населения на классы, страты и иные прослойки, а также имперские амбиции не создавали почвы для партнерства и сотрудничества в широких масштабах как основы осознанной и взаимосогласованной интеграции на национальном и международном уровне.

Одно из первых проявлений партнерства между гражданами всех сословий, осознанные представления об обременении личности обязанностями перед согражданами и всем обществом мы обнаруживаем в движении гуманистов, возникшем в Италии в эпоху Возрождения[2].

В юриспруденции представления взаимозависимости субъектов общественных отношений и правоотношений развивались в средневековье вместе с развитием понятия договора как соглашения двух и более лиц, института вассалитета и сюзеренитета и др.

В период Новой истории эти идеи выражались в представлениях Ж.Ж. Руссо об общественном договоре и равенстве, работах утопических социалистов о всеобщем благе и др. Но наиболее отчетливое выражение представления о взаимозависимости людей получили в XIX в. Так, К. Маркс метко заметил, что общество – это продукт взаимодействия людей[3]. Французский теоретик права и цивилист Леон Дюги, развивая философию позитивизма О.Конта и Е. Дюркгейма, сделал выводы, что частных прав больше нет, вместо них есть только обязанности личности в обществе[4]. Этим было положено начало юридическому функционализму. Данный подход стал противоположной крайностью в отношении провозглашенных буржуазными революциями абсолютных прав и свобод личности. Поэтому в таком своем выражении он не получил законодательного закрепления, кроме как в экспериментальном праве советского государства и социалистического содружества, которые отвергли право частной собственности. Тем не менее, правовая идея о связи прав с обязанностями получила легальное закрепление в различных национальных правопорядках. Так, в статье 14 Конституции ФРГ после Второй мировой войны было записано, что право частной собственности должно служить не только личности, но и обществу. На аналогичные цели указывают Конституции Франции, Испании и др. Привязка частных прав к интересам общества зафиксирована в статье 1 Гражданского кодекса Японии и многих других стран.

Сказанное не означает, что представлений о взаимозависимости и взаимодействии людей не существовало в более ранние периоды истории. Наоборот, имеется достаточно свидетельств того, что представления о взаимозависи-

---

[1] ЮНЕСКО и права человека / Л.В. Павлова, А.Е. Вашкевич: Под ред. Л.В. Павловой. – Минск: Тесей, 2002. – С. 74–83.
[2] Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. – М.: Наука, 1978 – С. 52–53, 57, 61.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е издание. – М.: Политиздат, 1955. –Т. 27. – С. 402.
[4] Дюги Л. Общие преобразования гражданского права. – М.: Госиздат, 1919. – 108 с.

мости, гуманизме отношений, единстве прав и обязанностей возникли еще в период зарождения человека как вида. Анализ соответствующих свидетельств и выводы нами сделаны в ряде публикаций[1].

Так, еще во времена неандертальцев, социальные отношения были подчинены императиву гуманного отношения между членами семьи и иных крупных сообществ[2]. В борьбе видов за выживание гоминиды оберегали детей как свой физиологический генофонд и стариков как свои библиотеки, интеллектуальный генофонд.

Исследование норм тотемов и табу туземных народов Азии, Африки и Америки, проведенное З. Фрейдом, также указывает на наличие в них императивов гуманистического и общественно значимого характера. З. Фрейд писал, что с религиозной стороны тотемизм выражается в отношениях почитания и заповедности отношений между человеком и его тотемом, а с социальной стороны – в обязательствах членов клана друг к другу и другим племенам[3].

Сравнение описания норм тотемов и табу З. Фрейдом с современными нормами, их системой и внутренней структурой позволяет сделать выводы, что нормы о правах в первобытном и современном праве включают не только дозволения, но и запреты, и предписания, а обязанности содержат в себе не только запреты и предписания, но и дозволения. Следовательно, права и обязанности едины и неразрывны. Всякое право одновременно означает и обязанность. Право частной собственности есть и обязанность, обязанность частной собственности служить интересам общества[4].

Такая сложная внутренняя структура прав и обязанностей имеет под собой ряд объективных оснований. Во-первых, человек есть единственное существо в живой материи, отличающееся способностью расщеплять свои понятия на множества симметричных и асимметричных составляющих. Человек способен видеть в добре зло, а в зле – добро. При этом добро и зло имеют многозначные определения. Такое расщепленное мышление было присуще еще гоминидам. Оно возникло объективно, например, в силу духовного расстройства, но, во всяком случае, оно повторяло двоичность и иную многомерность окружающего мира, космоса.

Во-вторых, обременение себя обязанностями для гоминида было естественным и понятным. Первобытные люди никогда не отделяли прав от обязанностей. Примечательно, что в первых писаных источниках права древних цивилизаций нет терминов право и обязанность. Там использовались другие, более сложные понятия. Термины право и обязанность стали результатом изобретательской мысли юристов в период Новой истории.

В-третьих, мышление гоминид отличалось релятивизмом, хотя осознанным образом он проявил себя лишь в начале XX в., причем, не только в теории А. Эйнштейна, но и в юриспруденции. Разумные суждения гоминид и человека привязаны к конкретным обстоятельствам времени, места, иных факторов окружающей действительности.

В-четвертых, суждения и действия гоминид и человека основаны не только на их уровне рационализма, но и на мистических и иных социальных, а также личных чувствах, побуждениях и мотивах.

В-пятых, поскольку окружающий мир для человека всегда был многомерным, и его мышление синтезировало в себе полярности, как минимум, он оказался самым непредсказуемым и дезорганизованным в своем поведении живым существом. В условиях борьбы видов и для устранения антагонистического позиционирования индивидов и их сообществ и было сотворено то, что мы сегодня называем правом. Хотя система первых норм у гоминид[5], тотемов, табу, календарей, обычаев и иных норм у туземных народов была продуктом творчества в своей основе, первоначально она носила подсознательный характер. Подсознание также является формой творческой деятельности, которое и сегодня в значительной мере руководит процессами правотворчества и правоприменения.

В-шестых, надо понять, что наличие права есть факт, который имеет место независимо от того, хотят этого отдельные люди и их сообщества или нет. Право – это не только продукт воли отдельных лиц, групп и государств. Стремление к своеволию и анархии побуждает отказаться от права. Но человеку как виду, а не как индивиду, и обществу в целом удалось преодолеть анархические порывы и создать систему общеобязательных и универсальных норм – право. Право есть основа взаимодействия людей и социальных форм интеграции.

В-седьмых, право, как социальное явление и, одновременно, как информационная система, подчиняется законам космоса и развивается как самодостаточная система. Коль скоро окружающий человека мир симметричен и, одновременно, асимметричен, носит полярный, двоичный и иной многомерный характер, то и право отвечает тем же требованиям. Права и обязанности личности и ее сообществ, будучи отражением указанной полярности и многомерности, одновременно взаимосвязаны своим функциональным предназначением. Взаимная обусловленность и функциональный характер частных и публичных прав, свобод и обязанностей в обществе сегодня носит глобальный социальный характер, продиктованный человеку и его сообществам окружающей средой. Человек привык добиваться от окружающего мира функциональности, но и сам в отдельности, а также в составе своих сообществ, включая государства, должен отвечать тем же требованиям функциональности, т.е. жить и служить интересам других. Без этого невозможны осознанные и эффективные интеграционные процессы.

В-восьмых, полярности и прочие антитезы человек поставил себе на службу. На этом строятся конкуренция идей и деяний, демократия, интеграция, развитие всей материи.

Из сказанного следует, что право есть единство объективных и субъективных факторов его возникновения, развития и применения. А коль скоро оно как социальная регулятивная и как информационная система отличается уни-

---

[1] Витушко В.А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка. – Минск: БГЭУ, 1996. – 176 с.; Витушко В.А. Цивилизационное право. – Минск: ВИП-С Плюс, 2011. – 224 с. и др.

[2] Ансон Н. История Европы. – М.: Транзиткнига, 2004. – С. 50.

[3] Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1 / Зигмунд Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 233–234, 294 и др.

[4] Витушко В.А.Цивилизационное право, с. 25–26.

[5] Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – С. 84–87, 151, 155, 272–275 и др.

версализмом, то право всех прошлых и настоящих народов, цивилизаций и государств возникало, развивалось и продолжает формироваться по единым для человечества законам. Данное явление не нашло еще должного понимания и отражения в научной литературе. Право рассматривается как явление национальное и, с той или иной степенью признания, как международное. Активно международное право в современном его понимании стало развиваться не ранее XVII в. Поэтому мы назвали такое единое для всей цивилизации и ее видов право цивилизационным правом, стоящим над национальными правопорядками и над международным правом, не исключая их сосуществования, особенно в связи с императивами ООН о позитивности национального многообразия.

Идея наличия единого и универсального права для цивилизации проистекает не только из представлений об объективности и универсальности интеграционных процессов, но и из специального юридического, исторического, систематического, антропологического и иного научного анализа возникновения и эволюции права[1].

Объективность наличия единого цивилизационного права обусловлена наличием единых подходов к пониманию позитивного права у всех прошлых и настоящих народов, цивилизаций и государств, с той или иной степенью и формой правопонимания. Так, изначально ни у одной древней цивилизации не было разграничения права на виды, отрасли и т.п. Все право считалось единым. Первое формальное деление права на частное и публичное мы обнаруживаем в Древнем Риме в начале III в. н.э. Отраслевое деление права стало зарождаться в Европе с начала Новой истории. Ныне все страны мира поделены на правопорядки, приверженные одной из указанных систем, либо отвергающие это деление.

Универсализм правового регулирования общественных отношений отражается и в наличии у всех народов и государств единых алгоритмов установления правовых институтов. Подтверждение тому мы видим в единой системе источников права, включающей обычаи, доктрину, судебное право и писаные акты (законы и подзаконные акты), наличии достаточно универсальных институтов преступления и наказания, права собственности, налоговых отношений, общих процессуальных правил уголовного и гражданского следствия и правосудия и др.

Объективизм и практическая потребность в использовании понятия цивилизационного права особо значимы в современных условиях международных отношений, когда возникшая после Второй мировой войны система международного права практически разрушена анархическим поведением отдельных национальных и международных сил на международной арене, разрушением стабильности жизни стран Северной Африки, Ближнего Востока и др.

Позитив признания единого цивилизационного права при этом указывает, как минимум, две перспективы дальнейшего существования цивилизации на Земле. Одна состоит в том, что человечество может вернуться, как говорят, на новом витке истории, к своей изначальной природе жить на принципах гуманизма, партнерства и сотрудничества, что будет способствовать интересам всех народов и государств, решению энергетических, экологических, продовольственных и иных глобальных проблем, а также повышению эффективности интеграционных процессов.

Другая перспектива развития цивилизации в целом или в рамках ее национальных и региональных видов состоит в том, что объективные интеграционные процессы будут проигнорированы или получат развитие в неадекватных формах.

Возможны и иные перспективы, в которых могут иметь место имперские санкции и иного рода ограничения одними государствами других участвовать в экономических, культурных, политических и иных международных интеграционных процессах. На национальном уровне возможны ограничения господствующими политическими силами других политических сил и общественности в процессах совместного участия в управлении общественными процессами и др.

Особенности отражения универсальных правовых императивов взаимного сосуществования индивидов, народов и государств мира и состояние осознанного правового регулирования интеграционных процессов, выглядят ныне на национальном и международном уровне следующим образом.

Прежде всего, бросается в глаза отсутствие жестких императивов социального функционализма в международном праве, а также полное игнорирование этого феномена в законодательстве и политике стран постсоветского пространства. Вопреки указанным выше Рекомендациям ЮНЕСКО правовые принципы партнерства и сотрудничества не закреплены в нашем законодательстве в качестве общих принципов. Гражданское законодательство государств СНГ, как центральная правовая основа развития интеграционных процессов в экономике и культуре, со времен «перестройки» и выхода на рыночные рельсы, легализовало и диктует обществу личностный эгоизм и меркантилизм. Никаких из указанных выше императивов на обременение личности интересами общества, в том числе, обременения права частной собственности обязанностями перед обществом, не имеется. А поскольку реальные общественные отношения требуют обременения частного капитала, то такое обременение осуществляется, главным образом, путем тотального чиновничьего администрирования, замешанного на такой же тотальной коррумпированности этих структур, что с неизбежностью только усиливает анархические неуправляемые процессы в обществе.

Основой правового индивидуализма и эгоизма, закрепленного в действующем гражданском законодательстве стран СНГ, являются положения о том, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе» (статья 2 ГК Беларуси, статья 1 ГК России, статья 12 ГК Украины и др.). Такого рода императивы являются ничем иным как очередной привнесенной извне идеологической диверсией в отношении наших народов и государств. Нашим разработчикам законов и законодателям предложили, а они некритично восприняли правовые парадигмы, которых в современных странах с развитой рыночной эконо-

[1] Витушко В.А. Антропологическая периодизация развития общества семьи и права // Сацыяльна-эканамічныя I прававыя даследаванні. 2005. – № 2. – С. 9–26; 2006. – № 1. – С. 53–65; Витушко В.А. Цивилизационное право, 2011; Витушко В.А. Теория цивилизационного права: монография. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. – 320 с. и др.

микой нет. Данные парадигмы основаны на древнеримских представлениях о безграничной власти римского господина над своими рабами и домочадцами, его праве осуществлять свое право собственности даже в ущерб таким же правам сограждан, а также на кальвинистском и ином индивидуализме. Не может быть у славянских и иных народов православной или иной веры, базирующейся на коллективизме, соборности, человеколюбии, не стяжательстве, ничего общего с правом индивидуалистического и эгоистического толка.

Но этим действующие гражданские кодексы не ограничиваются. Согласно статье 1 и статье 44 ГК Беларуси (статье 50 ГК России) интересы субъектов коммерческой деятельности, в том числе и государственных, состоят исключительно в систематическом получении прибыли, т.е. наживы. Ни о каких социальных целях закон не говорит.

Пункт 1 статьи 8 ГК Беларуси (пункт 1 статьи 9 ГК России) еще более усиливает указанный лейтмотив индивидуального эгоизма, предписывая, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Статья 9 ГК Беларуси (статья 10 ГК России), направленная на определение пределов осуществления гражданских прав, носит не доработанный, урезанный характер, страдает юридической дистрофией. При этом она декларирует презумпцию добросовестности производителей и продавцов товаров. Поскольку такая презумпция предполагает обязанность других считать должника добросовестным, но не связывает должника обязанностью быть добросовестным, презумпция делает производителей и продавцов товаров, работ и услуг не досягаемыми для судебного их усмирения по искам потребителей граждан и юридических лиц. В такой ситуации производственная кооперация, как проявление интеграционных процессов, может носить лишь эпизодический характер.

В наших странах производители и продавцы настолько срослись с государственными структурами и законодателем, что законодательство о защите прав потребителей практически утратило свое предназначение защищать потребителя как заведомо не профессиональную и слабейшую сторону в отношениях с производителем и продавцом. Теперь в обществе распространяются домыслы о потребительском экстремизме, а значит, необходимости защищать производителя и продавца от гражданина потребителя. В такой обстановке субъекты предпринимательской деятельности систематически поставляют на рынок товары, работы и услуги, которые противоречат правам и законным интересам граждан и иных субъектов предпринимательской деятельности, но ведь это, как предполагается, в легальных интересах производителей.

В последние годы модным стало говорить о так называемом государственно-частном партнерстве (ГЧП). Оно также отражает интеграционные процессы между такими социальными силами как государство и частный бизнес. По этому поводу даже приняты специальные законы. Но, как и в других отношениях, данное партнерство в наших странах приобрело искаженные формы.

Партнерство государства и частного капитала у нас развивается преимущественно в форме создания совместных коммерческих структур в сфере производства и торговли товарами, работами и услугами. Разумеется, в состав такого партнерства не входят граждане-потребители и, даже, те коммерсанты, которые не имеют доступа к телу государственного чиновника. Тем более что на каждого коммерсанта чиновников, да еще высокопоставленных, не хватит. Таким образом, за счет граждан и указанных неудачников коммерсантов, предполагается получение наживы (дохода) субъектами ГЧП. Такие формы ГЧП следует признать неправомерными уже в силу формальных юридических оснований. Как уже сказано, целью деятельности коммерческих структур является исключительно получение прибыли. Но у государства правосубъектность и цели иные, чем у частных коммерческих структур. Деятельность государства и его предприятий носит социальную направленность, коль скоро государство, согласно Конституции, заявлено социальным. Социальные задачи, в особенности учет личных потребностей нетрудоспособных, инвалидов, детей и иных категорий населения для государства и его предприятий являются важными составляющими, если не первостепенными. Соответственно, субъекты, имеющие различные основные цели, никак не могут создавать юридические лица, законодательно не ориентированные на социальные цели и задачи.

К тому же здесь уместно вспомнить классиков марксизма-ленинизма, которые отмечали еще в конце XIX – начале XX вв., что сращивание государственного и частного капитала есть империализм, как наиболее жестокая форма эксплуатации трудящихся. Поэтому и с политической точки зрения ГЧП в указанных формах недопустимо. В России необходимость разграничения частного и государственного капитала была осознана и озвучена министром финансов Н. Кудриным. Но его подход оказался несозвучным с позицией системы, и министр был отстранен от своей должности.

В СССР колоссальное развитие, невзирая на монополизацию власти коммунистической партией, получили идеи участия народа в управлении государством, иные формы политической, правовой, культурной и иной солидаризации и интеграции социальных сил. Не случайно именно российским профессором И.Б. Новицким еще в 1951 г. впервые были научно разработаны основы сотрудничества и взаимопомощи юридических лиц во благо их самих и всего общества[1].

В 80-х гг. XX в. в СССР за трудовыми коллективами предприятий законодательно были закреплены права непосредственного управления своими предприятиями. Трудовым коллективам были даны такие права как право планирования деятельности предприятий, назначения руководителей, определения системы оплаты труда и др. Но этот опыт ныне проигнорирован. Трудовые коллективы государственных предприятий лишены всяких прав, даже права контроля за деятельностью своих руководителей. Контрактная система найма рабочей силы свела рабочих и служащих на уровень безропотных исполнителей чужой воли, проще говоря, лиц с феодальной зависимостью. К тому же, организационно-правовые формы коммерческих юридических лиц с коллективной формой собственности рабочих и служащих на имущество этих юридических лиц (по типу арендных предприятий, получивших признание у народов

[1] Новицкий И. Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. – М.: Госюриздат, 1951. – 120 с.

СССР) ныне законодательно ликвидированы и запрещены как класс, как явление. Тем самым инициатива народа, его творческий потенциал в очередной раз ушли в песок. Социального интеграционного эффекта не произошло.

Советское арбитражное право предусматривало, что рассмотрение хозяйственных споров в арбитражах проводится арбитражами, в составе которых помимо штатного арбитра государственного арбитража включались истец и ответчик по спору. Таким образом, штатный арбитр выполнял функцию посредника (медиатора) в процессе рассмотрения дела, основной целью которого было достижение по согласованию с истцом и ответчиком взаимоприемлемого решения, которое бы отвечало и интересам государства, общества. В период «перестройки» и суверенизации бывших союзных республик данная правовая идеология была проигнорирована. Арбитражи, в частности, в Беларуси были преобразованы в хозяйственные суды по форме и по содержанию своей деятельности, в процессе которой они взяли на себя функции государственных судов общей компетенции, навязывающим истцам и ответчикам свою особую позицию при рассмотрении дел. В такой обстановке ни о каком партнерстве и сотрудничестве участников споров не могло быть и речи. Соответственно и в судебной системе не было места социальному интеграционному процессу. Люди не объединялись, а все больше и больше разъединялись. И это несмотря на исторические традиции славян, у которых языческий бог правосудия Прево осуществлял правосудие не как древнеримская Фемида, пытающаяся поделить на своих весах справедливость, а указывая спорящим сторонам на монолитное единство их интересов, которое они, при его посредничестве, должны найти при разрешении спора. И только спустя десятилетия, в последние годы в нашем законодательстве стало пропагандироваться посредничество в форме медиации и иных процедур при разрешении частных споров. Но время, динамика и национальная идея единения народа утрачены.

Не лучшее правовое обеспечение социально-экономических и иных интеграционных процессов и на региональном международном уровне. Проблема стран участниц СНГ и ЕврАзЭС в интеграции экономик и культур усугубляется не только указанными пробелами их национального гражданского и иного законодательства, но и тем, что изменения и дополнения в свое законодательство наши страны производят самостоятельно, а не коллективно. Такой национальный анархизм не способны исправить сотни имеющихся межгосударственных соглашений. Полноценной унификации, как формы интеграции, гражданского законодательства в рамках данных международных образований нет[1].

В рамках глобальной системы миропорядка ситуация стала складываться в последние годы крайне угрожающе. В этой системе, после распада Советского Союза и социалистического содружества, нарушена конструкция многомерности и многополярности социальных отношений. При этом преодоление национального индивидуализма и эгоизма в международном праве и политике идет, скорее, не путем осознания позитивизма такого преодоления, а в силу разного рода негативных факторов, в частности, в силу разгула международного терроризма, последствий международного экономического кризиса 2008 г. и др.

Поэтому перед цивилизацией остро стоит вопрос всеобщего осознания позитивности межгосударственного, международного взаимного функционализма и правового закрепления. Без него невозможна осознанная и активная экономическая и культурная интеграция. Противопоставление национальных интересов международным интересам, интересам других стран, представления о богоизбранности отдельных народов перед другими народами противны императиву социального функционализма. Это губительно для таких народов. Социальная коррозия, энтропия уже проникла в души американцев и их государство в процессе последних выборов.

Ретроспективный опыт всех мировых империй, канувших в Лету, учит, что потребительское и иное откровенно негативное отношение к другим народам и цивилизациям в конечном итоге привело к распаду самих империй. Никакие современные технологии не спасут тех, кто сегодня пытается возложить на себя корону мировой империи, мирового жандарма. Империям более нет места в рамках мировой цивилизации, ее культурных ценностей. Только соответствие императиву всеобщего служения одних народов и государств другим, а не только собственным интересам, позволит отдельным народам и мировой цивилизации в целом выстоять перед нависшими и надвигающимися мировыми угрозами.

[1] Витушко В.А. Гражданско-правовое регулирование рынка Евразийского экономического союза должно быть унифицировано в русле развития общечеловеческих и национальных правовых и культурных ценностей // Приоритетные направления модернизации интеграционных процессов евразийского экономического сообщества: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. О.С. Безбаева, Б.М. Бесбаевой. – Алматы: Центр оперативной печати КазАТиСО, 2016. – С. 219–226.

Гладков И.С.[1]

ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: МЕГАПРОЕКТ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ

Ключевые слова: *Транстихоокеанское партнерство, ТТП, международная торговля, товарный экспорт (импорт), преференциальное торговое соглашение, США, Япония, Россия.*

Keywords: *Trans-Pacific Partnership Transpacific partnership, TTP, international trade, merchandise export (import), preferential trade agreement, USA, Japan, Russia.*

Период функционирования уходящей администрации США характеризовался в сфере глобального обмена ее существенными усилиями по формированию выгодной для ведущей экономики мира конфигурации международных торговых связей. Во многом это определялось стремлением США к сохранению и, в определенной мере, восстановлению своего особого статуса в системе современного мирового хозяйства посредством ослабления позиций основных их конкурентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Европе.

При этом США весьма активно использовали не только собственные инициативы, но также «мегапроекты», предложенные их партнерами (в частности, так называемой «тихоокеанской четверкой» в составе Новой Зеландии, Сингапура, Чили и Брунея).

Реализации этих целей, согласно замыслу, должно способствовать развитие процессов трансокеанской интеграции в ходе формирования двух крупнейших альянсов – Транстихоокеанского партнерства (ТТП; Trans-Pacific Partnership, TPP) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП; Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP)[2]. При этом находящиеся на разных стадиях своего осуществления оба соглашения рассматриваются странами-участницами как прототипы «высококачественного партнерства XXI века»[3].

Транстихоокеанское партнерство (ТТП) является формально уже сформированным интеграционным объединением двенадцати государств наиболее быстро растущего в современном глобальном экономическом пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона[4]. На практике его основой явилось преференциальное торговое соглашение между Австралией, Брунеем, Вьетнамом, Канадой, Малайзией, Мексикой, Новой Зеландией, Перу, США, Сингапуром, Чили и Японией. При подписании соглашения прозвучала его оценка как наиболее «амбициозного проекта нынешнего поколения», ставшего во многом результатом достаточно активной внешнеэкономической политики США и стран-инициаторов[5].

Однако путь всех стран-участниц к официальному подписанию документов о создании Транстихоокеанского партнерства 4 февраля 2016 г. (Окленд, Новая Зеландия; Auckland, New Zealand) оказался непростым и довольно длительным[6].

Согласно экспертным данным, первоначальное предложение о создании подобного регионального интеграционного блока выдвинуто было в 2003 г. тремя странами – Новой Зеландией, Сингапуром и Чили, поставившими весьма непростую задачу – добиться либерализации торговли в рамках всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате многолетнего переговорного процесса, в 2005 г. страны-инициаторы и Бруней подписали соглашение об учреж-

---

[1] Гладков Игорь Сергеевич – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института Европы РАН. Профессиональные интересы: международные экономические отношения, внешнеторговые связи Европейского Союза, Российской Федерации, стран АТР. E-mail: professorgis@rambler.ru

[2] Согласно оценке экспертов РАН, главными выгодоприобретателями данных проектов считаются именно США, поскольку предпринимаемые их экономической дипломатией меры ориентированы на то, чтобы посредством создания крупных региональных проектов компенсировать некоторую утрату их лидирующего положения в мировой экономике, в том числе, вследствие повышения экономической, политической и военной мощи Китая, России, других стран с формирующимися рынками. См. подробнее: Аналитическая записка № 8 (38). – М., 2016. – www.instituteofeurope.ru/publications/analytics

[3] http://www.ng.ru/ideas/2015-02-27/5_partnership.html

[4] По данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2015 – 2017 гг. темпы экономического роста в АТР оказываются в диапазоне 5,4–5,3% ежегодно, опережая среднемировые показатели, составляющие 3,1%, 3,2 и 3,5%, соответственно. Но для отдельных стран региона оценки и прогнозы МВФ еще более высокие: для Индии – 7,3%, 7,5, 7,5%, Китая – 6,9%, 6,5, 6,2%, Вьетнама – 6,7%, 6,3 и 6,2% См.: World Economic Outlook. April 2016. Too Slow for Too Long. – Washington, DC: International Monetary Fund, Publication Services, 2016. – P. 37, 168.

[5] http://www.reuters.com/article/us-trade-tpp

[6] Данное соглашение нацелено странами-подписантами, прежде всего, на полную отмену в Азиатско-Тихоокеанском регионе таможенных пошлин на товары и услуги. Подведен итог переговорного процесса, начатого в феврале 2008 г. и завершившегося 5 октября 2015 г. – http://www.iarex.ru/articles/52313.html Договор вступит в силу после его ратификации всеми странами-участницами; предположительно – в период до двух лет. См. подробнее: https://www.bbc.com/news/business-35480600; http://lenta.ru/news/2016/02/04/ttp/

дении проекта Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства (ТСЭП; TransPacific Strategic Economic Partnership Agreement, TSEPA), вступившего в силу в 2006 г.[1]

Несмотря на сопутствовавшие подписанию документов заявления участников данного соглашения о создании, в соответствии с нормами ВТО, зоны свободной торговли в данном ареале, на протяжении двух последующих лет новая региональная структура практически ничем себя не проявляла.

В последующем актуализация этого мегапроекта связана была с интересом к нему, проявленным в феврале 2008 г. со стороны США, за которыми вскоре (ноябрь 2008 г.) последовали Австралия, Вьетнам и Перу. Позднее, в 2010 г. переговоры о присоединении к ТТП начала Малайзия, в 2012 г. – Канада и Мексика, в 2013 г. – Япония. Переговорный процесс проходил в закрытом режиме и, по экспертным оценкам, продвигался с немалыми трудностями[2].

Во многом это обусловливалось принадлежностью государств-подписантов к группам стран с различным уровнем экономического развития. Кроме развитых экономик (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США, Япония), в группировке приняли участие некоторые развивающиеся страны АТР. По классификации Всемирного банка, Малайзия, Мексика, Перу и Чили относятся к развивающимся странам с доходами выше среднего уровня, а Вьетнам – с доходами ниже среднего. Недавно считалось возможным присоединение к мегаблоку других экономик региона (к примеру, Таиланда, Индонезии, заявивших о своей заинтересованности в 2013–2015 гг.)[3] (см. табл. 1).

Вполне закономерно, что в связи с этим возникали вопросы обеспечения решения существенных вопросов. К ним относятся такие как развитие отстающих стран в рамках *преференциальных торговых соглашений* (ПТС), согласование проблем защиты прав человека, рабочей силы, охраны интеллектуальной собственности. Поэтому ТТП ставит целями не только снижение тарифных барьеров, но также регулирование внутренних правил в странах-участницах в сферах трудового права, экологии, интеллектуальной собственности и пр.

По оценке экспертов, Транстихоокеанское партнерство представляет собой ПТС XXI века, поскольку предлагается не только доступ на рынок товаров, но также новое решение вопросов торговли и производства в областях сельского хозяйства, текстиля, правил происхождения товаров, услуг, технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер, инвестиций, финансовых услуг, телекоммуникаций, электронной коммерции, прав на интеллектуальную собственность, конкуренции, наращивания мощностей в производстве, стандартов функционирования рабочей силы и правил охраны окружающей среды. В данном ПТС предлагаются подходы к оптимизации стандартов регулирования, требующие от партнеров США проведения глубоких внутренних реформ системы госрегулирования. Страны-подписанты выражают надежду на то, что Транстихоокеанское партнерство сможет выйти на самые высокие стандарты взаимного открытия рынков и качества регулирования торговли, инвестиций, рабочей силы, окружающей среды. То есть, на примере ТТП может происходить формирование новой базовой схемы «мультилатерального регионализма». Поэтому страны-участницы проекта изначально рассматривали Транстихоокеанское партнерство в качестве «модели» для прочих преференциальных торговых соглашений во всех регионах мирового хозяйства в XXI веке[4].

Проводимое экспертами сравнение концепции ТТП с опытом функционирования прежних преференциальных торговых соглашений показывает, что они базировались в основном на преодолении высоких тарифных барьеров, обеспечении транзита готовых товаров через границы. В контексте Транстихоокеанского партнерства рассматриваются новые вопросы, касающиеся функционирования компаний на зарубежных территориях. Такой подход связан с процессами нарастания взаимозависимости экономик вследствие существенного расширения масштабов международных инвестиционных и торговых потоков. Кроме того, согласно первоначальному замыслу, ТТП формировалось как сообщество «открытого типа», что предполагало возможность присоединения к нему новых стран-участниц.

Тем не менее, не все государства Азиатско-Тихоокеанского региона могут иметь шансы на присоединение к группировке ТТП, поскольку одним из мотивов ее формирования стали стратегические расчеты США на создание некой «системы сдерживания» ряда крупных экономик, прежде всего, Китая, России. Согласно экспертным оценкам, цели США в данном случае далеко не исчерпывались вопросами в торгово-экономической сфере. Существует немало

---

[1] Здесь и далее: www.imemo.ru; см. подробнее: Чувахина Л.Г. Транстихоокеанское партнерство и стратегические интересы США // Горизонты экономики. 2015. – № 4. – С. 63.

[2] Когда отдельные положения соглашения стали известны, появилась возможность оценить намерения составлявших основные документы государств. В частности, вопросы касались охраны окружающей среды, а также интеллектуальной собственности.

В разделе «Добровольные механизмы улучшения защиты окружающей среды» сторонам предложено признать, что «гибкие, построенные на добровольной основе механизмы, такие, как добровольный аудит и публикация его результатов, рыночные стимулы, добровольный обмен информацией и опытом, государственно-частное партнерство могут способствовать созданию и поддержанию высокого уровня защиты окружающей среды и дополнять национальные меры регулирования». Однако это означало полную капитуляцию перед энергетическими корпорациями, могло вызвать человеческие жертвы, масштабные экологические катастрофы, поскольку приоритет отдается интересам энергетических компаний (занятых, в частности, добычей сланцевого газа), а не информированию потребителей о степени вреда для окружающей среды новых способов разработок полезных ископаемых.

Раздел соглашения об интеллектуальной собственности содержал угрозы повышения стоимости лечения, ограничивая доступ населения к дешевым лекарствам. Документ позволял фармацевтическим компаниям в течение длительного времени монопольно использовать фирменные торговые наименования лекарств.

Подчинение сфер охраны здоровья населения и окружающей среды интересам крупных корпораций, достигнутое в результате закрытых переговоров, посчитали «способом развития экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона». Кроме того, предыдущие торговые договоры, такие, как Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), приводили, в основном, к появлению низкооплачиваемых рабочих мест, а также урезанию зарплат. Здесь и далее: http://ria.ru/cj_analytics/20141118/1033851469.html

[3] Здесь и далее см. http://www.ng.ru/ideas/2015-02-27/5_partnership.html

[4] Ibid.

проблем геополитического плана, решение которых увязывалось с функционированием мегарегионального торгового партнерства. Создание двусторонних альянсов, углубление в их рамках военно-технического сотрудничества рассматривались уходящей администрацией США как меры противостояния возрастающему экономическому и военно-политическому потенциалу и влиянию КНР в мире, включая, прежде всего, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Помимо геоэкономических аспектов либерализации международных торговых контактов в АТР целесообразно подробнее рассмотреть основные макроэкономические показатели участников соглашения ТТП (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели стран-участниц соглашения Транстихоокеанское партнерство, 2015–2016 гг.

Страны	Население, млн. человек	ВВП, млрд. долл. США	Место в рейтинге стран мира	ВВП (по ППС), млрд. долл. США	Доля в мировом ВВП (по ППС), *%*	ВВП (по ППС) на душу населения, долл. США*		Место в рейтинге стран мира*	
	2015 г.	2015 г.	2015 г.	2015 г.	2015 г.	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.
США	321,239	18 124,7	1	18 124,7	*16,10*	56 421,3	57 220,2	11	13
Япония	126,729	4 210,4	3	4 843,1	*4,30*	38 215,9	38 731,3	29	30
Канада	35,876	1 615,5	10	1 640,4	*1,46*	45 723,0	46 199,4	21	24
Австралия	23,874	1 252,3	12	1 136,6	*1,01*	47 607,7	48 196,0	17	18
Мексика	121,087	1 232,0	13	2 224,3	*1,98*	18 369,5	17 905,5	64	69
Малайзия	30,776	327,9	33	788,8	*0,70*	25 631,6	27 278,2	49	48
Сингапур	5,523	296,1	39	470,6	*0,42*	85 198,2	86 853,7	3	4
Чили	18,006	250,5	40	424,2	*0,38*	23 556,3	23 803,3	53	58
Вьетнам	91,578	204,5	45	546,1	*0,49*	5 963,7	6 399,7	128	127
Новая Зеландия	4,563	191,7	49	165,0	*0,15*	36 151,8	36 950,1	31	34
Перу	31,911	190,3	50	388,9	*0,35*	12 187,4	12 580,6	89	94
Бруней	0,419	11,2	…	30,3	*0,03*	72 370,5	77 661,9	4	5
Всего:	811,581	27907,1	…	30783,0	*27,37*	…	…	…	…
Для сравнения:									
Китай	1 374,957	11 211,9	2	18 975,9	*16,86*	13 801,1	15 095,2	88**	85
Россия	146,700	1 176,0	15	3 725,4	*3,07*	24 066,8	25 185,5	45**	55

* Оценка.

** 2014 г.

Составлено и подсчитано автором по: World Economic Outlook (WEO): a survey by the staff of the International Monetary Fund. Adjusting to Lower Commodity Prices. October 2015. – Wash., DC: IMF, 2015. – P. 168, 182; World Economic Outlook (WEO): Too Slow for Too Long. April 2016. – Wash., DC: IMF, 2016. – P. 168. – http://investorschool.ru/ www.imf.org/external/pubs

Прежде всего, стоит отметить значительную численность населения в странах этого торгового сообщества, совокупно превышающую 811,5 млн. человек, что составляет примерно 11,3% общего числа жителей планеты.

Вероятное присоединение к группировке прочих государств данного мегарегиона, недавно заявивших о своей заинтересованности – кроме названных выше также Колумбии (2010 г.), Тайваня (2013 г.), Республики Корея (2013 г.) с общим населением 449,7 млн. человек – сможет повысить данный параметр торгового блока примерно до 1,261 млрд. жителей (17,5% населения мира)[1].

Кроме того, государства-участники соглашения Транстихоокеанское партнерство обладают довольно существенным экономическим потенциалом (объемами производства валового продукта).

Согласно приведенным в табл. 1 данным, в 2015 г. обобщающий показатель ВВП группировки в текущих ценах составлял 27,9 трлн. долл. США. При расчете ВВП по паритету покупательной способности (ППС) рассматриваемый совокупный индикатор сообщества ТТП равнялся 30,8 трлн. долл. США, или почти 27,4% мирового валового продукта.

При возможном вступлении в блок вышеназванных стран общий объем производства валового продукта торгового блока в пересчете по паритету покупательной способности возрастет примерно до 38,4 трлн. долл. США, или до 34,0% глобального ВВП[2].

Тем не менее, очевидно существование серьезных различий между нынешними участниками ТТП по важнейшим социально-экономическим показателям. По численности населения в блоке лидируют США, Япония, Мексика и Вьетнам. Прочие государства можно отнести к сравнительно малонаселенным. По размерам экономического потенциала в группировке первенствуют США, Япония, Канада, Австралия и Мексика, тогда как другие ее участники обладают заметно более скромными показателями.

Немалые различия между участниками ТТП существуют и по такому индикатору, как уровень хозяйственного развития, характеризуемому объемом производства валового продукта на душу населения. Признанными лидерами, причем не только в этом блоке, но и в мире, здесь выступают небольшие государства субрегиона Юго-Восточной Азии – Сингапур (86,9 тыс. долл. США) и Бруней (77,7 тыс. долл. США). Эти страны значительно опережают таких крупных партнеров, как США, Австралия, Канада и Япония. При этом очевидным аутсайдером является Вьетнам (6,4 тыс. долл. США) с его быстро растущим населением (см. табл. 1).

[1] Подсчитано автором по данным МВФ: см. http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo

[2] Расчеты автора, см.: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo

Очевидно, созданная группировка объединила во многом страны-антиподы, обладающие достаточно значимыми различиями в социально-экономической сфере. К тому же, присутствие в данном блоке США и Японии, очевидных лидеров в системе глобального хозяйства, обмена товарами и услугами, вряд ли может вызывать позитивное отношение со стороны прочих участников данной группировки, имеющих основания опасаться доминирования двух стран-гигантов в рамках нового ПТС. Если учесть особую, проявлявшуюся уходящей администрацией США, заинтересованность в продвижении этого проекта, становятся более понятными цели и приоритеты соглашения Транстихоокеанское партнерство. Когда в ноябре 2009 г. президентом США был провозглашен переход к новой стратегии «возвращения в Азию», США в качестве азиатско-тихоокеанской страны собирались подключиться к дискуссиям, оформляющим будущее региона, выражали готовность в полном объеме участвовать в работе соответствующих организаций по мере их становления[1].

Тем не менее, эксперты по проблемам функционирования ПТС дают весьма пессимистичные оценки перспективам выработки действительно «новых качественных» соглашений XXI века. Специалистам очевидно, что только небольшая группа участников, к которой относятся США, ЕС и Япония, обладает потенциалом получать выгоды в силу асимметрии экономической и политической мощи. Поэтому усилия экономической дипломатии в ходе переговоров о новых, более «глубоких» стандартах ПТС вполне могут оказывать негативное воздействие на позиции и роль Всемирной торговой организации как ведущей глобальной структуры, устанавливающей правила в мировой торговле. Однако новые ПТС могут использоваться странами с более значительным внешнеторговым потенциалом в качестве средства диктата условий торговли и экономического взаимодействия в целом[2].

При этом многие участники ТТП занимают лидирующее или весьма существенное положение в системе современной товарной торговли (см. Таблицу 2).

На основе анализа расчетных данных можно отметить, что страны этой торговой группировки на современном этапе могут контролировать не менее 1/4 всего глобального товарообмена – 23,5% мирового экспорта и 27,6% мировых закупок. Но неоспоримое первенство в системе международной товарной торговли принадлежит, прежде всего, только ряду стран-участниц ТТП – США, Японии, Канаде, Мексике и Сингапуру.

Несмотря на доминирующий тренд к понижению долевого участия ведущих экспортеров (импортеров) мира в глобальном товарообмене, в посткризисный период США пытались переломить такую тенденцию и несколько повысить свой вклад в мировой обмен товарами. Тем не менее, пока отрыв показателей от уровня 2001 г. составлял около 3 процентных пунктов. При этом другие страны, входящие в лидирующую «пятерку», смогли в целом сохранить свои позиции в международной товарной торговле, что продемонстрировало их «устойчивость» в непростой ситуации, которая складывалась в последнее время в мировом товарном обмене, особенно в «провальном» 2015 г.[3]

Таблица 2

Динамика географического распределения мирового товарообмена, страны – участницы соглашения ТТП, 2001–2015 гг., млрд. долл. США, %

Страны \ Годы	2001 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
	Экспорт						
Мир, всего							
млрд. долл. США	6114,5	15 052,5	18 059,5	18 091,9	18 552,4	18 685,6	16 346,7
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе: *							
2. США	12,0	8,5	8,2	8,5	8,5	8,7	9,2
4. Япония	6,6	5,1	4,6	4,4	3,9	3,7	3,8
11. Канада	4,3	2,6	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
13. Мексика	2,6	2,0	1,9	2,0	2,0	2,1	2,3
14. Сингапур	2,0	2,3	2,3	2,3	2,2	2,2	2,1
22. Малайзия	1,4	1,3	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2
24. Австралия	1,0	1,4	1,5	1,4	1,4	1,3	1,2
26. Вьетнам	0,2	0,5	0,5	0,6	0,7	0,8	1,1
41. Чили	0,3	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
58. Новая Зеландия	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
59. Перу	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
97. Бруней	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Для сравнения:							
1. Китай	4,4	10,5	10,5	11,3	11,9	12,5	14,0
3. Германия	9,3	8,4	8,2	7,8	7,7	7,9	8,1
15. Россия	1,6	2,6	2,9	2,9	2,8	2,7	2,1
	Импорт						
Мир, всего							
млрд. долл. США	6321,1	15241,9	18229,5	18226,8	18584,6	18773,0	16582,0
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:							

1 Здесь и далее см. http://www.ng.ru/ideas/2015-02-27/5_partnership.html

2 Ibid.

3 См. подробнее: Гладков И.С. Международная товарная торговля 2001-2015: тренды и провалы 2015 года // Власть. – М., 2016. – № 6. – С. 92–100.

1. США	18,7	12,5	12,1	12,5	12,2	12,5	13,9
6. Япония	5,5	4,6	4,7	4,9	4,5	4,4	3,8
9. Канада	3,5	2,6	2,5	2,5	2,4	2,4	2,5
12. Мексика	2,7	2,0	1,9	2,0	2,1	2,1	2,4
16. Сингапур	1,8	2,0	2,0	2,1	2,0	1,9	1,8
22. Австралия	1,0	1,2	1,3	1,4	1,3	1,2	1,2
23. Вьетнам	0,3	0,6	0,6	0,6	0,7	0,8	1,2
26. Малайзия	1,2	1,1	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1
43. Чили	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
54. Перу	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
57. Новая Зеландия	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
147. Бруней	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Для сравнения:							
2. Китай	3,9	9,2	9,6	10	10,5	10,4	10,1
3. Германия	7,7	7	6,9	6,4	6,4	6,5	6,4
25. Россия	0,7	1,5	1,7	1,7	1,7	1,5	1,1

* В таблице указаны порядковые номера (по убыванию) стран в рейтинге крупнейших экспортеров и импортеров товарной продукции в системе современной международной торговли.

Составлено и подсчитано автором по: ITC data.

Согласно экспертным оценкам, сформированное на рубеже 2015–2016 гг. «Транстихоокеанское партнерство» в составе 12 государств АТР, в качестве преференциального торгового соглашения нового типа и более «высокого качественного уровня XXI века», может иметь достаточно благоприятные перспективы. По данным «East-West Centre», к 2025 г. группировка превысит базовый прогноз по совокупному объему валового продукта на 285 млрд. долл. США (или на 0,9%). По данным «C.D. Howe Institute» (Канада), производство общего ВВП стран-участниц ТТП возрастет относительно прогнозных показателей к 2035 г. только на 74 млрд. долл. США (или на 0,21%). Еще более скромные оценки даются экспертами «Asian Development Bank Institute», так как предполагается, что факт присоединения к ТТП сможет оказать слабое влияние на динамику ВВП, в частности, США[1].

Очевидно, что некоторые опасения среди потенциальных участников новой зоны свободной торговли в мегарегионе связаны были с большой активностью США, демонстрирующих свое стремление к доминированию в АТР[2]. Помимо этого, поскольку ход переговорного процесса, принятые решения, содержание соглашения, прочие нюансы длительное время носили закрытый характер, закономерно возникли сомнения в эффективности ТТП. Сложности сохраняются и в оценке последствий вступления в силу этого соглашения (после его ратификации сторонами) для не являющихся его участниками экономик, прежде всего, для таких крупных, как КНР и Российская Федерация[3].

Но новая внешнеторговая политика США, если судить по сделанным недавно заявлениям избранного президента, ориентирована будет скорее на выход страны из этого соглашения. По его мнению[4], подписание соглашения о Транстихоокеанском партнерстве представляется «чудовищной сделкой», которая сработает не против роста экономического влияния Китая, как считала предыдущая администрация, а на пользу ему. Однако Япония, несмотря на требования оппозиции, считает целесообразным упорно добиваться ратификации и вступления в силу соглашения о ТТП, поскольку оно способствует развитию системы региональной экономической интеграции[5].

Внимания заслуживает обсуждение соглашения о Транстихоокеанском партнерстве странами-участницами саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Перу (Лима; Peru, Lima; 19–20 ноября 2016 г.). Так, рассматривалась возможность присоединения к ТТП Китая, несмотря на намерение США покинуть проект. По данным The Australian, предложение направить приглашение Китаю поддерживают несколько стран-участниц соглашения[6]. При этом КНР проявляет заинтересованность в продвижении своего проекта. После подписания соглашения в феврале 2016 г. не участвующий в нем Китай оказался перед реальной угрозой потери рынков сбыта своей товарной продукции. Очевидно, ориентированной на экспорт китайской экономике нужен некий надежный вариант формирования зоны свободной торговли, в рамках которой она смогла бы добиваться доминирующих позиций[7].

Помимо этого, поскольку перспективы реализации намерений избранного президента США о выходе из соглашения ТТП представляются неясными, на закрытых встречах представителей Канады, Новой Зеландии, Мексики, Перу, Чили, ряда азиатских стран обсуждалось предложение не отказываться от данного проекта. При этом некоторые страны-участницы соглашения «Транстихоокеанское партнерство» считают, что выход США из него приведет к негативным для его полномасштабной реализации последствиям.

---

[1] См. http://www.iarex.ru/articles/52313.html

[2] Поэтому некоторые страны, в частности, Китай, ранее расположенные к вступлению в ТТП, стали выражать намерение сформировать альтернативный региональный торговый блок с участием Республики Корея и Японии, но без США. – http://world.eizvestia.com/full/strany-ates-tozhe-protiv-torgovyh-vojn

[3] См. Гладков И.С. Транстихоокеанское партнерство: внешнеторговые связи стран–участниц в XXI веке // Власть. – М., 2016. – № 1. – С. 139–147.

[4] См.: https://ria.ru/world/20151111/1318492337.html

[5] http://www.tass.ru; https://www.gazeta.ru/business/news/2016/11/28/n_9384887.shtml

[6] http://www.theaustralian.com.au/foreign-affairs/us-retreat-on-transpacific-trade-could-see-china-step-in/news-story

[7] http://www.ritmeurasia.org/news--2016-11-29--sammit-ates-liderstvo-kitaja-i-interesy-rossii-27112

Таким образом, следует констатировать наличие серьезных проблем на пути ратификации всеми странами-участницами подписанного соглашения о ТТП, затем практического осуществления первоначального замысла «тихоокеанской четверки» по формированию в мегарегионе «образцовой модели» зоны свободной торговли, созданной по новым стандартам XXI века, а, в целом, реального продвижения транстихоокеанской региональной экономической интеграции.

Гранин Ю.Д.[1]

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС И РОССИЯ

Ключевые слова: *глобализация, модернизация, наука, образование, цивилизация, экономика.*
Keywords: *globalization, modernization, science, education, civilization, economy.*

По мнению сторонников модернистского подхода, в обозримом будущем у стран «второго эшелона» развития («новых индустриальных стран» – Бразилии, Китая, Индии, России и др.) практически нет шансов догнать экономики стран «первого мира». Они связывают перспективы государств «полупериферии» с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях НТП, либо с формированием «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе.

Как и основной посыл, последние два предположения имеют утопический характер. Зато вполне реальны стратегии развития, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, реформирование экономики, опирающееся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и национальных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными – от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу.

Пример первого варианта развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности: не меняясь социокультурно, японцы провели технологическую революцию. По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, успех которого был особенно впечатляющ.

* * *

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых учёных, КНР даёт образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты … Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское»[2]. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы»[3].

Китайское руководство, как и китайские учёные, исходят из того, что современная (евроатлантическая) форма глобализации является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы извлечь из неё максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого начиная с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, работающими в Китайской академии наук (директор Центра и руководитель группы — профессор Хэ Чуаньци) были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно – характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год[4].

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно-развитых» стран, которые достигнут уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

---

[1] Гранин Юрий Дмитриевич – д.филос.н., профессор, в.н.с. Института философии РАН, заведующий кафедрой Академии медиаиндустрии.

[2] Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. – М., 2007. – № 5. – С. 18.

[3] Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. – № 1. – С. 11.

[4] Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под редакцией Хэ Чуаньци и Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011.

Китайское руководство настойчиво добивалось приёма в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приёма собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.).

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате оказалось, что лидеры модернизации – «азиатские тигры» – стали менее привлекательными партнёрами для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвалиться другие страны полупериферии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, особенно в особых экономических зонах – Шанхае и Тяньцзине. Причём коммунистическое государство часто оказывается союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем, у Китая в отношении ПИИ есть то преимущество, что приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Если руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, то в России бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В 1990-е у нас слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой. Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Ещё одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики, рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего, социальной и культурной. В результате создаётся успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость»[1].

В отличие от стратегов российских реформ 1990-х годов, китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привёл к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся исследования в РАН. Видимо, всё дело в выборе правильной стратегии: китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения современной (в значительной степени скроенной по американским лекалам) глобализации и патриотизма – на основе приоритета национальных интересов. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый всё более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни»[2].

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России, а составляют консенсус элиты и массы. Это особенно наглядно выступает при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них, повторю, считают глобализацию объективной исторической тенденцией и рассматривают её как новую стадию процесса модернизации. Которая, как считают китайцы, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских учёных западная теория гуманитарных ин-

[1] Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии. – М., 2005. – № 2. – С. 169.

[2] Буров В.Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 48.

тервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики.

Несмотря на то, что в 2013–2016 годах темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться в первой тройке быстрорастущих экономик Азии. По данным агентства Bloomberg, в 2016 году экономический рост в Китае останется в пределах 7%. Не случайно в конце 2015 года Директор Международного валютного фонда (МВФ) Кристин Лагард и два десятка членов исполнительного совета фонда на заседании в Вашингтоне включили большинством голосов китайский юань в корзину ключевых международных валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) МВФ. Таким образом, юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 году. Кроме того, правительство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ – объем китайских ПИИ в следующие 10 лет может достичь 1,25 трлн. долл.

В 2015–2016 годах были осуществлены государственные программы инвестиций в инфраструктуру, запущенные еще в 2014 г. Было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования более 110 млрд. долларов. Кроме того, рассматриваются еще более 50 проектов для привлечения частных инвестиций общим объемом около 160 млрд. долл. При их осуществлении предполагается отработать систему государственно-частного партнерства.

Правда, в последние два года Китай постепенно идет по пути дерегулирования экономики – взят курс на допуск частного китайского капитала в отдельные сегменты экономики, прежде всего, в отрасли, монополизированные госкорпорациями. Сохраняют актуальность увеличение производства высокотехнологичных товаров, увеличение доли таких товаров в общем объеме китайского экспорта. В этих условиях Китай пытается компенсировать «недобор» темпов, а также усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в т.ч. в рамках стратегии экономического пояса «Шелкового пути». Ее реализация предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог и инфраструктурных инвестиций. Китай, через разные источники – региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др., предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство ж/д магистралей при условии использования китайских технологий и поставок продукции китайских промпредприятий в страну осуществления проекта. При этом используются меры поддержки экспорта – страхование, льготное кредитование и т.д.

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получателя придет китайский бизнес. В 2015 г. на продвижение Шелкового пути были направлены основные усилия китайского правительства во внешней политике. Географический приоритет мегастратегии на первом этапе реализации – страны Центральной Азии, далее Восточная, Центральная и Западная Европа. Соответствующее предложение было сделано и России – проект строительства высокоскоростной магистрали «Москва – Казань», а также участие китайских компаний в создании транспортного коридора «Владивосток – Москва». Планируется активное вовлечение в строительство экономического пояса китайского малого и среднего бизнеса.

Индия также является страной, способной создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от регулирующей системы над импортом, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлёк за собой экономического прогресса. Стране всё ещё трудно справляться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжёлым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причём не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время, экспансия евроатлантического глобализма не принесла Индии и серьёзных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как однонаправленный процесс «вестернизации», и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. В Индии существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитии внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Не случайно, что в первое десятилетие XXI века экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая в 9,1%, Индия с тех пор явно замедлила развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8%, в 2011 – до 7,1%, в 2012 г. рост составил 6.9%. Индия не только не

сумела обогнать по этому показателю Китай, она последовательно отставала от него на 1–2%. Правда, обрушение мировых фондовых рынков и падение цен на углеводороды в январе 2016 года, особенно негативно сказавшихся на экономике Китая, почти не затронуло Индию. По данным исследования международного рейтингового агентства Moody's, в 2015-2016 темпы роста ее экономики составят 7–7,5 % и это будет самый высокий рост экономики среди G20[1]. Но учитывая, что по показателям на душу населения КНР превосходит Индию более чем в 2 раза, возможные темпы роста следует воспринимать со сдержанным оптимизмом.

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трёх полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой «триаде» как впрочем и в БРИКС и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет лидировать. И вот почему.

Учитывая почти пятикратное превышение над РФ экономики Китая, низкий объем торгового оборота между нашими странами (1,67% от всей торговли КНР), высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4 месте, уступая не только Китаю, но и Индии – 39 и 16 университетов соответственно против российских 15), огромные (более 3 трлн.) золотовалютные резервы КНР, можно утверждать, что уже сейчас структура БРИКС выстраивается вокруг Китая, который станет, по сути, китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата».

Кроме того, все члены БРИКС за исключением России являются импортерами энергоресурсов, то есть потенциальными рынками сбыта для российского сырья. В результате, как и с Западом, сотрудничество через БРИКС не увеличивает вес страны в мировой политике, а ведет к еще большей сырьевизации экономики и увеличению поставок сырья странам, куда потенциально могла быть направлена продукция обрабатывающей промышленности. «Даже инвестиции Нового банка развития БРИКС в Россию будут привлечены на проекты по разведке и добыче углеводородного сырья на шельфе и суше согласно сообщению Минприроды России. Директор департамента Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунъю заявил, что освоение нефти и газа на территории России – одно из приоритетных направлений для Китая»[2].

Но важно другое. В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 году была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе, а по мнению некоторых, когда-то влиятельных, аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть ни что иное как «прогрессизм» – инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной»[3]. С тех пор критика правительства со стороны оппозиционных партий только усиливалась, достигнув пика на выборах в Госдуму осенью 2016 года.

Если сбросить со счетов неизбежный в таких случаях популизм, в «сухом остатке» окажется массовое недовольство «либеральным курсом» правительства, его экспертов и консультантов. И основания для этого наблюдения есть. Думаю, большинство из тех, кто принимает финансово-экономические решения, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного «линейного прогресса». Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, показывают исследователи, взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ[4]. «Вероятно, – замечает Александр Шубин, – наши правители осознают, что по мере смещения страны в «третий мир» она деградирует социально. Соответственно, задача перехода к модернизации может читаться как надежда переломить тенденцию деградации, развернуть вектор движения страны от регресса к возвращению на путь модерного прогресса»[5].

Быть может. Но дело не только в «правителях». Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяже-

---

[1] Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20. Адрес размещения: URL: http://www.gigamir.net/money/pub2172021

[2] Кравченко Л.И. Экспансия Китая через институты БРИКС. – http:// www. rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherez-instituty-briks

[3] Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. – № 46–47. – С. 2.

[4] Рябов А. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. – М.: Московский центр Карнеги, 2008. – № 4.

[5] Шубин А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или Почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. 2010. – № 6 (74). – http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/

нии 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки[1].

Несмотря на то, что начиная с нулевых годов Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, по развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было[2]. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования – сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20% ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн. человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 году в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. Согласно прогнозам, в результате бюджетной оптимизации без работы к 2019 году останутся 10,3 тыс. научных сотрудников вузов, РАН и Курчатовского института. В Китае каждый год число учёных возрастает почти на 9%, а в России неуклонно снижается.

В 2013–2015 годах финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд., что отразило истинную суть обещаний властей относительно модернизации. В 2017 году Федеральное агентство научных организаций России (ФАНО) получит всего 73,5 млрд. руб. из федерального бюджета, что на 12,5 млрд. меньше, чем годом ранее, однако рассчитывает сохранить финансирование науки в полном объеме за счет привлечения дополнительных средств. С учетом обострения конфронтации с США и Европой, продолжения мирового экономического кризиса, экономических «санкций» и роста бюджетных расходов на оборону в 2016 г. годах до рекордных 22,3% (4,4% ВВП) от всех расходов, очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образования очевидно.

Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса. Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки можно только мечтать.

---

[1] Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. – № 2 (14). – С. 72.

[2] Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. – № 1. – С. 166–182.

Григорьева М.О.
старший преподаватель РЭУ
mock-sun@yandex.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФРАНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ПРОБЛЕМЫ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *Франция, конкурентоспособность, развитие национальной экономики.*
Keywords: *France, competitiveness, development of national economy.*

Франция – одна из высокоразвитых стран, занимающих лидирующие позиции на мировой арене. Она является самой крупной по площади страной Западной Европы с населением более 66 миллионов человек, около 80% которого являются городскими жителями. Это обусловлено более высоким уровнем жизни в городских поселениях и более развитой инфраструктурой.

На протяжении длительного времени показатели развития экономики Франции находятся на высоком уровне. Отчасти успехи страны обеспечены ее выгодным географическим положением и значительными природными ресурсами. Это способствует развитию сельского хозяйства и животноводства, повышению агрокультуры. В стране высоко развита промышленность и строительство, особенно привлекательной считается туристическая сфера. Все эти факторы позволяют Франции активно участвовать в международной торговле и быть вовлеченной в процесс мировой интеграции.

Доля населения Франции в мире относительно мала, за последние 10 лет она не достигла 1%, лишь стремясь к нему. В 2014 году показатель составлял 0,91%, что ниже, чем значения 2004 года, на 0,07%. При этом численность населения на протяжении всего периода росла. Следовательно, данное снижение объясняется более быстрыми темпами роста населения в других странах, особенно развивающихся. В целом по данному показателю Франция далека от лидирующих позиций, что в некоторой степени может благоприятно влиять на экономику страны: на душу населения приходится больший уровень ВВП, что способствует более быстрому и эффективному развитию общества и, соответственно, государства в целом (рис. 1).

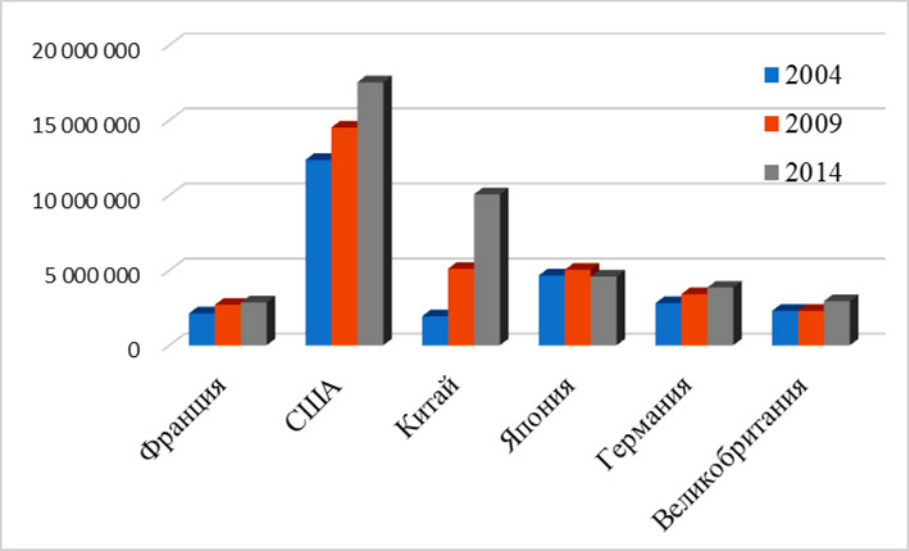


Рисунок 1.
Динамика объема ВВП за период с 2004 по 2014 гг. (млн. долл.)

За период с 2004 по 2014 год ВВП Франции увеличился с 2 128 256 до 2 848 703 млн. $, т.е. приблизительно в 1,3 раза. Темп роста объема ВВП Франции за эти 10 лет находится практически на одном уровне с США, показатель которых вырос в 1,4 раза. Колоссально повысился объем ВВП Китая. Несмотря на то, что в 2014 году страна занимает второе место после Америки, по темпу роста она значительно опередила это государство, увеличив ВВП более, чем в 5 раз. В Японии, напротив, показатель в 2014 году снизился по сравнению с 2004 на 1,5%. Во Франции также наблюдалось падение показателя на рубеже 2008–2009 года. Оно связано с мировым экономическим кризисом, вследствие которого экономика Франции потеряла свою устойчивость, что отразилось и на финансовых показателях. Но уже с

2009 года наблюдается постепенное повышение показателя. Увеличение объема ВВП в денежном выражении говорит о создании большего количества товаров и услуг или повышению цен на них, что связано с улучшением качества.

По доле ВВП в МВП Франция занимает довольно высокие позиции. Несмотря на то, что в 2014 году показатель мирового лидера-США превысил значение Франции, равное 3,68%, более чем в шесть раз, она близка к Великобритании (ниже на 0,13%), которая занимает пятое место по миру. В целом за 10 лет показатель Франции уменьшился на 1,2%. Тенденция к снижению наблюдается и в других ведущих странах Европы, а также США и Японии, что связано с увеличением доли ВВП Китая в МВП практически в 3 раза. Доля ВВП Франции в МВП в период с 2004 по 2014 год была наибольшей в 2004 году и составляла 4,88%, наименьшей – в 2012, она равнялась 3,65%.

В стране значение ВВП на душу населения за 10 лет менялось довольно скачкообразно, в целом оно увеличилось на 26%. Франция довольно далека от мировых лидеров в данной категории (рис. 2). Так, значение её показателя в 2,7 раз меньше, чем Люксембурге, находящемся на первом месте, и в 2 раза ниже, чем на Бермудских островах, занимающих пятую позицию. Однако значение показателя Франции в сравнении с мировым является высоким. Это говорит о том, что уровень жизни населения во Франции значительно выше, чем в среднем по миру. За последние годы показатель ВВП на душу населении во Франции стал подниматься, достигнув 42568 долл. США на человека в 2014 году, это говорит об улучшении качества жизни в стране, повышении производительности труда и экономическом росте.

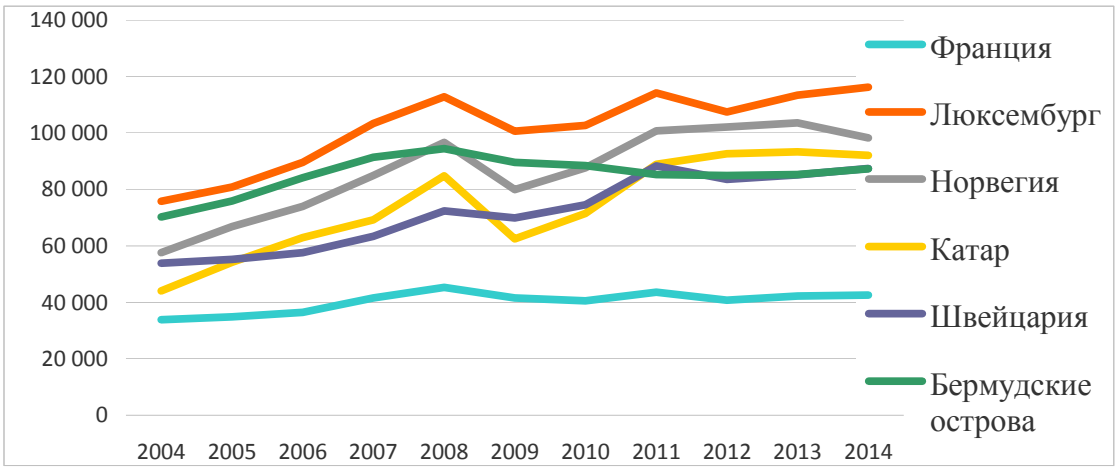


Рисунок 2.
ВВП на душу населения за период с 2004 по 2014 гг., долл. США

Франция – страна, располагающая большим объемом ресурсов, поэтому в ней развиты различные отрасли хозяйства. Однако, более подробно изучив отраслевую структуру ВВП страны на протяжении всего периода, можно заметить, что наибольшая его часть сосредоточена в сфере услуг. Так, в 2014 году на нее приходилось 78,92% процента всего объема ВВП. При этом приблизительно 13% от ВВП составляет торговля вместе с ресторанным и гостиничным бизнесом. Отчасти это обусловлено высоким спросом на туризм, который оказывает огромное воздействие на национальную экономику. Также в стране развит транспорт, связь и другие виды услуг. В целом за 10 лет в области услуг показатель вырос на 2,77%.

В то же время часть ВВП, приходящаяся на сельское хозяйство и промышленность, в период с 2004 по 2014 сократилась. Несмотря на достаточное количество ресурсов в данной сфере, они стали менее востребованными. Доля сельского хозяйства в структуре ВВП снизилась на 0,35%, промышленности – на 2,42%. При этом в добывающей промышленности наблюдается снижение показателя за 10 лет на 0,19%, в обрабатывающей – на 2,57%, в то время как в строительстве – повышение на 0,35%.

Одной из главных причин падения доли ВВП в аграрно-промышленном комплексе можно считать то, что на современном этапе ключевым, движущим сектором мировой экономики являются услуги, именно они дают возможность развития других секторов и ускорения темпов роста национальной экономики. Кроме того, сфера услуг является более прибыльной, чем сельское хозяйство и промышленность, поэтому она доминирует над остальными сферами во Франции, ускоряя темп экономического развития страны.

Рассматривая государственный долг Франции, стоит отметить, что этот показатель за период с 2004 по 2014 увеличился приблизительно на 30%, и в 2014 году был всего на 4,5% ниже, чем ВВП страны. Возможной причиной данного роста является стремление к ускоренному развитию экономики, в которое государство вкладывает собственные и заемные средства. Одним из неблагоприятных последствий является этого повышение уровня налогообложения в стране, что ухудшает уровень жизни населения.

Индекс глобальной конкурентоспособности, рассчитанный по методике Всемирного экономического форума, основан на оценке 12 факторов страны: институтов (как частных, так и государственных), инфраструктуры, макроэкономической среды, здоровья населения, уровня обучения в стране, эффективности рынка продовольственных товаров и рынка труда, развитости финансового рынка, технологической оснащенности страны, размера рынка, эффективности бизнеса и инноваций[1]. За десятилетний период индекс конкурентоспособности страны вырос на 0,16 единиц, что

[1] http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2014-2015/methodology/#view/fig-1

говорит о совершенствовании экономики страны. В 2014 году индекс глобальной конкурентоспособности Франции составлял 5,08 единиц, довольно высокий уровень обеспечивается главным образом за счет качественного образования, развитой инфраструктуры и успехов в инновационной сфере.

Таблица 1

Рейтинг и значение индекса глобальной конкурентоспособности Франции за период с 2004 по 2014 гг.

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Франция	4,92	4,78	5,21	5,18	5,22	5,13	5,13	5,14	5,11	5,05	5,08
Швейцария	5,49	5,46	5,54	5,62	5,61	5,60	5,63	5,74	5,72	5,67	5,70
Сингапур	5,56	5,48	5,46	5,45	5,53	5,55	5,48	5,63	5,67	5,61	5,65
США	5,82	5,81	5,80	5,67	5,74	5,59	5,43	5,43	5,47	5,48	5,54
Германия	5,28	5,10	5,48	5,51	5,46	5,37	5,39	5,41	5,48	5,51	5,49
Нидерланды	5,30	5,21	5,37	5,40	5,41	5,32	5,33	5,41	5,50	5,42	5,45

Франция является важным участником инвестиционных процессов, происходящих по всему миру. Так, за период с 2004 по 2014 гг. объем притока ПИИ менялся скачкообразно. В целом объем инвестиций, поступающих в страну, вырос на 17765 млн. долл. США за рассматриваемый период, при этом наибольшее увеличение наблюдалось в 2013 году, тогда показатель вырос на 152,62% по сравнению с предыдущим годом. Наиболее резкий скачок в сторону падения пришелся на 2014 год и составил 64,58%, что можно связать с ухудшением положения всех стран на мировом рынке[1].

На 2014 год доля товарооборота Франции в мировом товарообороте выросла на 1,68% по сравнению с 2004 годом. Китай занимает первое место, товарооборот этой страны составил практически четверть от всего мира. На втором месте находится США, чья доля равняется чуть более одной пятой мирового товарооборота. Франция завершает пятерку лидеров по данному критерию, однако на данную страну приходится лишь 6,62% мирового товарооборота.

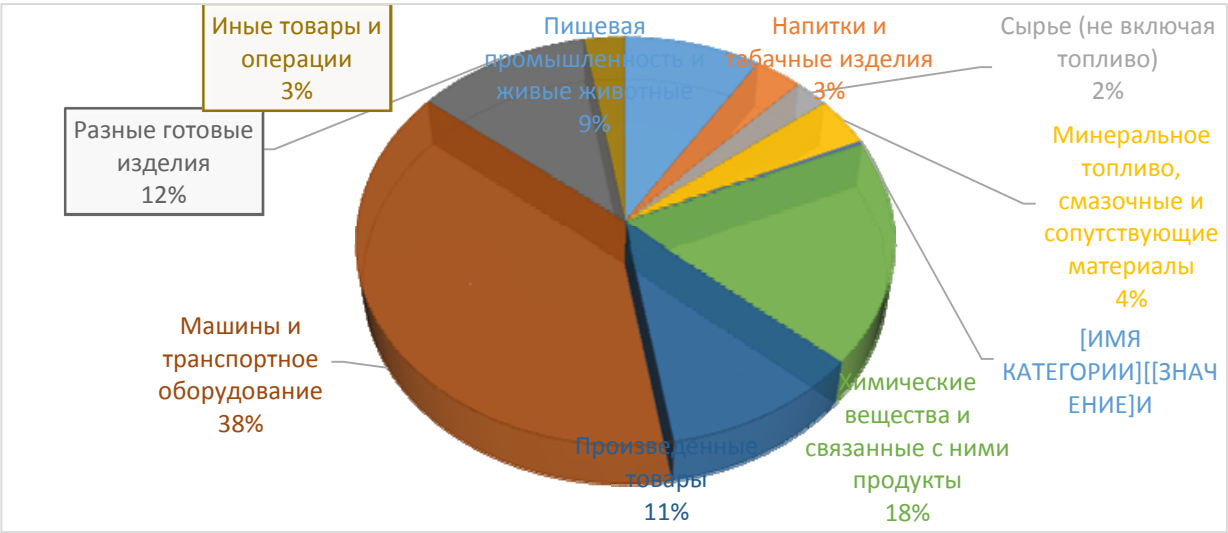


Рисунок 3.
Товарная структура экспорта Франции в 2014 г.

Важнейшими экспортируемыми товарами в 2004–2014 гг. являлись машины и транспортное оборудование. Страна славится высоким качеством как легковых автомобилей, так и космической и авиационной техники. Их практичность является главной причиной высокого спроса на данную категорию товаров по всему миру. Так, в 2014 году на машины приходилось 38,4% от общего объёма экспортируемых товаров. Второе место в структуре экспорта принадлежит химическим продуктам, которые составляют 17,78% всего экспорта. Помимо данных статей в экспорте высокую долю имеют готовые изделия и полуфабрикаты и продукты пищевой промышленности. При этом в аграрном экспорте преобладает зерно и молочные продукты. Доля мясной продукции и консервов ниже, чем в других ведущих странах. Наименьшую долю в экспорте составляют животные и растительные масла и жиры, каждый год значение данной категории товаров было ниже 0,5%.

В структуре импорта основное место на протяжении десяти лет также занимают машины и оборудование (рис. 4). Это связано с тем, что, несмотря на высокий уровень качества отечественного транспорта, страна все же не специализирована на производстве промышленного оборудования и машин. В результате на мировом рынке Франция является крупным импортером продукции данного вида. В 2014 году на данную категорию товаров приходилось около 33% всего объема импорта. Также особенно важной статьей импорта для экономики Франции является минеральное топливо, смазочные и сопутствующие материалы. По причине недостаточной обеспеченности запасами углеводо-

[1] https://data.oecd.org/gdp/investment-by-asset.htm#indicator-chart

родного сырья Франция вынуждена закупать его у других стран. Доля топлива и смазочных материалов в импортируемой продукции составляла в 2014 году 14,57%. Также значительная часть импорта приходится на готовые изделия и химические вещества. Наименее популярными импортируемыми товарами являются животные и растительные масла и жиры, а также напитки и табачные изделия, относительно данных категорий жители Франции предпочитают отечественную продукцию, которой богат внутренний рынок.

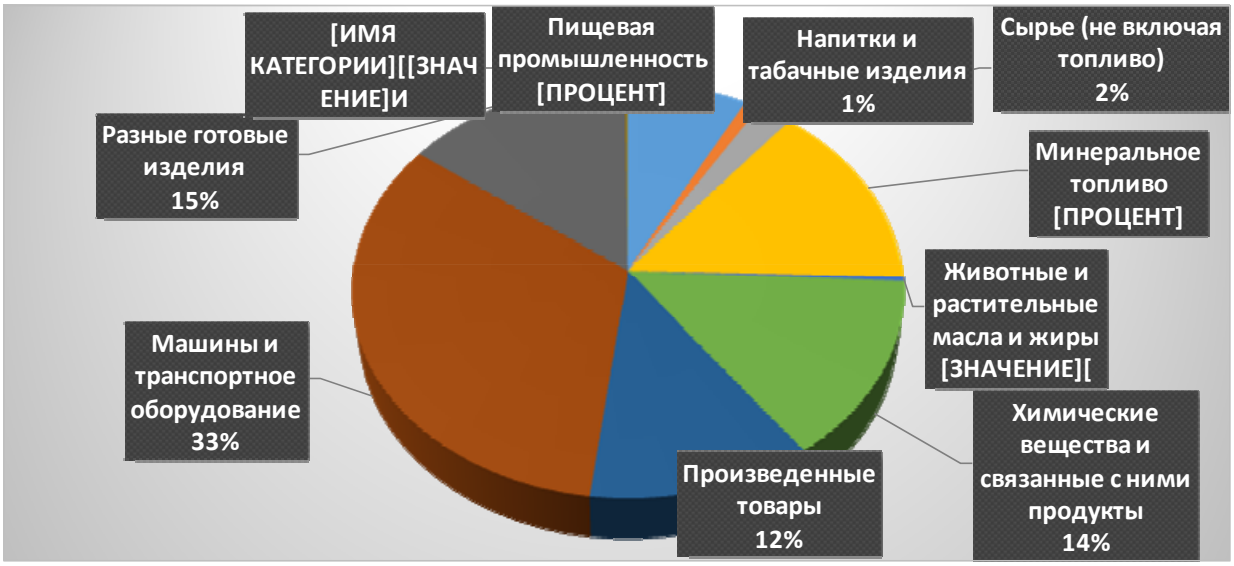


Рисунок 4.
Товарная структура импорта Франции в 2014 г.

В связи с усилением интеграционных процессов в Европе за последние полвека возросло значение внутриевропейской торговли. Для европейских стран сотрудничество и торговля друг с другом стали проще и выгоднее по причине устранения торговых барьеров. Кроме того, важным фактором в повышении значимости внутриевропейской торговли является взаимодополняемость экономик соседствующих стран.

Все вышесказанное объясняет тот факт, что большинство стран-импортеров товаров из Франции являются членами ЕС. Так, главным импортером продукции французского производства является Германия, на нее приходится 16,55% всего экспорта. За Германией следуют Бельгия, Италия, Испания и Великобритания. Первая пятерка стран, в которые Франция экспортирует свои товары, состоит из участников ЕС. Помимо европейских стран, Франция экспортирует товары также в США и Китай. США принимает 6,42% всех экспортируемых из Франции товаров, Китай – 3,79%.

Главным источником поступления импортных товаров во Францию является Германия, 17,12% продукции поступает именно из этой страны. На втором месте находится Китай, который предоставляет качественные и высокотехнологичные товары по приемлемым ценам. На Китай приходится 8,55% всей импортной продукции. В импорте также наблюдается активное сотрудничество со странами Европы, они являются основными поставщиками импортных изделий. Пятую позицию в числе стран, у которых Франция приобретает товары, занимают США – 6,34% от общего объема импорта. В десятку стран также входит и Россия, она занимает последнее место, приблизительно 2,07% продукции поступает из данной страны во Францию.

При оценке конкурентоспособности Франции стоит учитывать 4 фактора: сильные и слабые стороны развития страны, ее возможности и угрозы, которые могут определенным образом ослабить позицию страны в мировом хозяйстве (табл. 2). К сильным сторонам Франции относится, во-первых, ее выгодное географическое положение. Еще одной сильной стороной страны является использование достижений в области инноваций. Также в стране высоко развита инфраструктура. Кроме того, Франция славится высоким качеством образования. Благодаря этому в стране существует множество квалифицированных и опытных специалистов, которые повышают эффективность и производительность экономики. Немаловажным фактором является инвестиционный климат. Во Франции действует четкое законодательство в области инвестиций, основным документом, регулирующим движение капитала в стране, является Валютно-финансовый кодекс, что способствует привлечению все большего объема ПИИ в страну, в ее развивающиеся отрасли, особенно в инновационную сферу. Еще одной сильной стороной Франции является то, что она выступает в качестве одного из наиболее популярных туристических центров в мире. Большое число туристов также увеличивает бюджет государства и повышает конкурентоспособность страны на мировой арене. Помимо всего перечисленного, Франция является участником во многих эффективных интеграционных блоках и международных организациях, например, ЕС и ОЭСР. Сотрудничество с другими мировыми лидерами способствует повышению производительности внутри страны за счет импортируемых технологий и улучшению финансовых показателей.

Таблица 2

SWOT-анализ конкурентоспособности Франции в системе современных международных экономических отношений

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Выгодное географическое положение 2. Инновационное развитие страны 3. Высокоразвитая инфраструктура 4. Благоприятный инвестиционный климат 5. Высокий уровень образования 6. Лидирующие позиции в туристическом секторе 7. Участие в наиболее эффективных интеграционных группировках в мире	1. Высокий уровень государственного долга 2. Скудность энергетических ресурсов в стране 3. Высокий уровень налогообложения 4. Зависимость от торговли со странами-партнерами 5. Старение населения 6. Высокий уровень безработицы в сравнении с другими странами ЕС 7. Высокий уровень забастовок
Возможности	**Угрозы**
1. Повышение конкурентоспособности страны за счет развития технологий 2. Привлечение инвестиций в развивающиеся отрасли 3. Создания новых рабочих мест благодаря международным программам сотрудничества 4. Более тесное сотрудничество с Восточными странами	1. Ухудшения экономической ситуации в связи с природными катаклизмами 2. Ухудшение криминогенных условий 3. Ослабление положения под влиянием неэффективной миграционной политики

Одной из слабых сторон экономики Франции является высокий уровень государственного долга, который за последний период только растет. В 2014 году он уже практически сравнялся с ВВП. Это увеличивает угрозы обвала экономики страны. Кроме того, государство старается снижать этот показатель за счет повышения собственного бюджета, что приводит к возникновению еще одного недостатка французской экономики – высокого уровня налогообложения, что заметно ухудшает качество жизни населения. Скудность энергетических ресурсов вызывает рост зависимости Франции от других стран, что также является отрицательным моментом. Кроме того, за последние годы наблюдается тенденция старения населения. Еще одна проблема наблюдается на рынке труда – уровень безработицы довольно высок. К тому же в последние годы наблюдается рост числа забастовок, жители страны не желают работать на предоставляемых государством условиях.

Экономика Франции, находясь на довольно высоком уровне, обладает определенным потенциалом развития. Во-первых, страна может улучшить свое положение на мировом рынке за счет развития технологий. В последние годы в стране быстрыми темпами развивается отрасль инноваций, благодаря чему Франция может опередить по конкурентоспособности ряд стран, развивающихся менее быстрыми темпами. Кроме того, повышается возможность привлечения инвестиций в наиболее эффективно функционирующие сектора. Франция может открыть для себя новые возможности путем более тесного сотрудничества с иностранными государствами, особенно со странами Востока, а также благодаря вступлению в новые международные экономические организации, это поможет не только повысить производительность страны, но и создать новые рабочие места, уменьшив уровень безработицы в стране.

Развитие экономики Франции ведет повышению качества жизни населения однако и создает некоторые угрозы. Во-первых, более тесное взаимодействие с другими странами приводит к увеличению числа иммигрантов в стране, зачастую с низким уровнем образования, что, в свою очередь, вызывает замедление темпов развития страны и недовольство со стороны коренного населения. Еще одним негативным последствием может стать обострение конфликтов между коренным населением и приезжими, в результате чего возрастает угроза терактов и разбоев в стране.

Список источников

1. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. – https://oecd.org/
2. Официальный сайт Мирового атласа данных. – http://knoema.com/
3. Официальный сайт Конференции ООН по торговле и развитию. – http://unctadstat.unctad.org/
4. Официальный сайт Государственного и муниципального управления зарубежных стран. – http://www.gmu-countries.ru/

Гришанова А.Г.
к.э.н., в.н.с. ИСЭПН РАН
gralexandra1949@gmail.com
Красинец Е.С.
к.э.н., зав. лабораторией ИСЭПН РАН
e_krasinets@mail.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ[1]

Ключевые слова: *миграционный обмен населения, международные миграции населения, интеграция.*
Keywords*: migratory exchange of population, international migration, integration.*

С теоретической точки зрения, глобализация того или иного процесса приводит к возникновению той или иной глобальной проблемы. Последняя подразумевает невозможность ее решения без участия в этом всех стран мира. Однако на современном этапе развития производительных сил, важнейшую роль для каждой отдельно взятой страны играет, прежде всего, исторический аспект параллельности ее потоков эмиграции и иммиграции с ограниченным числом других стран мира. При этом, с качественной точки зрения, для каждого государства в отдельности важен, с одной стороны, уровень нацеленности той или иной формы его межгосударственного типа миграции населения в виде эмиграции конкретно на ту или иную страну, при уровне нацеленности той или иной части иммиграционного потенциала соответствующей страны на нее. С количественной точки зрения – важно соотношение конкретных параметров эмигрантов и иммигрантов для каждого государства. Оба эти момента зависят, в первую очередь, от конкретной социально-политической, социально-экономической, социально-демографической ситуации и геополитики в каждой стране мира, которую следует рассматривать, с одной стороны, как страну исхода, так и, с другой стороны, как страну – приема мигрантов, при значимости для нее, в первую очередь, страновой направленности ее межгосударственной миграции.

Для России в постсоветский период, в силу вышесказанных моментов, в межгосударственных миграционных взаимосвязях на первом месте стояли и продолжают стоять государства постсоветского пространства, т.е. бывшие союзные республики, как традиционные миграционные партнеры со сложившимися встречными потоками различных форм миграций на протяжении многих десятилетий советского периода. А среди последних (как в целом, так и в 2011–2015 гг., в особенности), в новых геополитических и социально-экономических реалиях мирового финансового кризиса для России (в связи с созданием Евразийского экономического союза) становится особенно важным, чтобы в миграционное межгосударственное взаимодействие были в первую очередь активно вовлечены его страны-участницы: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика.

Мы разделяем мнение ведущих экономистов России о том, что: специфика современного этапа развития процессов глобализации заключается в том, что в настоящее время «речь идет о переносе центра тяжести с «глобальной глобализации», символом и квинтэссенцией чего выступает ВТО, на «глобализацию по интересам» или регионам…Регионализация глобализации в последнее время получила новый импульс»[2]. Представляется совершенно правомерным отметить, что «произошедшая примерно пять лет назад активизация процессов постсоветской интеграции и движение к единому экономическому пространству оказались исключительно своевременными. Причем ход дальнейших событий показал ошибочность интерпретации этой политики как «взгляда назад», т.е. как попытку восстановить Советский Союз. Даже признавая наличие у определенной части российской элиты ностальгии по СССР, создание ЕАЭС отвечает не на вопросы прошлого, а на вызовы будущего, отражая новый тренд на «регионализацию глобализации»[3].

В связи с вышесказанным, межгосударственная миграция, как важнейший механизм взаимосвязи в рамках ЕАЭС, с позиций исследования миграционного взаимодействия России в евразийских интеграционных процессах, представляет для России в координатах интеграционных процессов, особый интерес как вообще, так и в рамках евразийской цивилизации – в особенности. Что обозначает такое понятие, как «евразийская цивилизация»? Мы разделяем мнение И.Б. Орловой, которая предлагает определять цивилизацию как «социетальную культурно-историческую систему, объединяющую на суперэтническом уровне население, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой. В основе цивилизации лежат системообразующие связи:

---

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 17-22-01001а(м) и гранта РФФИ, проект № 15-06-05817.

[2] Российская экономика в 2015 году: Тенденции и перспективы (Вып. 37) [В. Мау и др. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.]; Ин-т экономической политики им Е.Т. Гайдара. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

[3] Там же.

– пространственные, простирающиеся на особенности природной среды, ландшафта;

– временные, формирующие общность исторического бытия, широко понимаемой культуры, языка;

– социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность за счет формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей.

Мы полагаем, что универсальным, общим отличительным признаком, свойственным всем цивилизациям, является только один – признание каждым индивидом, входящим в ее состав, дихотомии «мы» и «они», «мы такие-то, а все прочие другие», «свои» и «чужие». Оно является индикатором, служащим для определения цивилизационной принадлежности на субъективном уровне и, как мы уже отмечали, одним из типов системообразующей связи». 3

Приведение столь пространственной цитаты в настоящем исследовании оправдывает, на наш взгляд, ее непосредственная связь с объектом нашего исследования – процессом миграции населения. Ведь миграция населения выступает и на субъективном, и уже на объективном уровне в качестве одного из типов системообразующей связи. Конкретно – миграционного типа системообразующих связей. В связи с этим продолжим цитирование И.Б. Орловой: «никто не будет отрицать, что существовала четкая самоидентификация советских граждан, осознание отличительности от других. После разрушения Советского Союза изменились геополитические формы объединения людей на постсоветском пространстве, но глубинное, сформированное многовековой исторической традицией осознание общности и взаимного тяготения у большей части этносов и отдельных индивидов сохранилось. Это общность не декларируется как евразийская. Лишь немногие ученые и политики отождествляют ее с евразийским культурно-историческим пространством. Продвижению осознания этой общности от рефлекторного уровня к четко выраженной идее, к практическим действиям, как нам представляется, может способствовать наука, средства массовой информации, государственная политики. Для чего это нужно?... По нашему глубокому убеждению, Россия возродится, только осознав себя евразийской державой, и объединение вокруг России самостоятельных евразийских государств даст новый импульс развитию евразийской цивилизации, переживающему второй за столетие тяжелейший кризис»[1].

Рассмотренные выше вопросы, на наш взгляд, представляются необходимой методологической базой для рассмотрения конкретных параметров межгосударственного обмена России на постсоветском пространстве в рамках интеграционных процессов в Евразийском Союзе. Страны-участницы Евразийского экономического союза – Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация имеют в целом численность населения в 182,1 млн. человек, проживающих на территории более 20 млн. кв. км, составляющей 1/7 мировой суши. Миграция внутри региона и за пределы стран евразийской интеграции представляет собой один из важнейших факторов, определяющих устойчивое экономическое и социальное развитие государств ЕАЭС. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2015 году общий миграционный прирост стран ЕАЭС составил 220,9 тыс. человек и обеспечил более трети (33,4%) увеличения численности населения этого интеграционного объединения. Что позволяет утверждать, что евразийское экономическое сообщество характеризуется массовыми миграционными потоками.

Вместе с тем, евразийская интеграция представляет собой неоднородное пространство с точки зрения результативности международной миграции. Сложившиеся к настоящему времени параметры международной миграции населения таковы, что за счет миграционного прироста население Белоруссии и России увеличивается, а Армения, Казахстан и Кыргызстан в миграционном взаимодействии с другими зарубежными странами теряют свое население[2]. При этом и в том, и в другом случае в характере динамики этого положительного или отрицательного баланса межгосударственной миграции для каждого государства наблюдается определенная специфика. Например, в Беларуси величина этого миграционного прироста с 2011 по 2015 гг. фактически возросла в 1,9 раз. А в России, этот же миграционный прирост фактически уменьшился в 1,3 раза. Для стран с отрицательным миграционным балансом в 2012–2015 гг. в Кыргызстане его абсолютная величина снизилась в 1,8 раз, а в Армении, наоборот, возросла в 2,7 раз. Из-за отсутствия данных по Армении за 2011 г. вышеприведенные данные характеризуют не весь последний пятилетний период. А если это рассмотреть по имеющимся данным, то для Казахстана получим картину слома баланса межгосударственной миграции – в 2011 г. Казахстан приобретал межгосударственных мигрантов, зато в дальнейшем, включая 2015 г., он их уже терял, причем начиная с 2013 г. – во все возрастающем объеме. Для Кыргызстана 2011 г. имел наиболее значимую миграционную убыль.

Представляет интерес рассмотрение межгосударственного обмена государств-членов ЕАЭС не только в целом, как это сделано выше, но и с точки зрения России.

В целом, характеризуя параметры нетто-миграции между Россией и странами ЕАЭС в 2011–2016 гг., можно отметить следующие моменты. Во-первых, в рамках миграционного взаимодействия стран ЕАЭС с Россией наша страна, по-прежнему, как фактически на протяжении всей последней четверти века, сохраняет свои лидирующие позиции как основной центр миграционного притяжения и для всех остальных государств СНГ. Это – характерная черта регионального миграционного взаимодействия и в рамках ЕАЭС, и в рамках СНГ. В этих координатах движение в Российскую Федерацию является главным миграционным трендом. Во-вторых, в структуре миграционного прироста для России, в основном, преобладают выходцы не из государств ЕАЭС, а из других государств СНГ, особенно – Украины и Узбекистана. Вместе с тем, в Россию идет миграционный приток населения абсолютно из всех стран евразийской интеграционной группировки – Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Но их как совместный, так и индивидуальный вклад в миграционный прирост России, соответственно, участниками ЕАЭС, так и государствами – СНГ, неравнозначен. С одной стороны, прослеживается фактически неуклонное снижение доли государств ЕАЭС в

[1] Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М.: НОРМА, 1998.

[2] Данные Евразийской экономической комиссии. – http://www.eurasiancommission.org/

миграционном приросте России со странами СНГ. Эта доля составила в 2011 г. – 38,2%, в 2012 г. – 38,4, в 2013 г. – 30,6, в 2014 г. – 32,1 и в 2015 г. – уже 25,2%, то есть вклад в миграционный прирост России со странами СНГ за счет государств ЕАЭС в настоящий момент формируется только на одну четверть. В 2016 г. (по данным за 1 полугодие) эта доля составила уже только 23,3%, что показывает устойчивость вышепредставленной динамики.

Представляется, что в период 2014-2015 гг. непосредственное влияние на объемы и направления миграционных потоков в Россию из стран СНГ оказал общественно-политический кризис на Украине. Его следствием стал массовый исход жителей юго-востока Украины под защиту Российской Федерации, в том числе – в рамках Государственной программы оказания содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Это привело к резкому возрастанию количества прибывших на российскую территорию из Украины. В то же время под воздействием экономического кризиса в миграционном взаимодействии России со странами ЕАЭС сохранилась негативная тенденция сокращения результативности миграционных потоков. Так, в миграционном взаимодействии с Арменией миграционный прирост (чистая или нетто-миграция) населения России за 2015 год уменьшился в 1,5 раза относительно 2011 года. В январе-июне 2016 года по сравнению с соответствующим периодом 2015 года нетто-миграция между Россией и Арменией сократилась уже в 1,9 раза. Аналогичная картина прослеживается и для Беларуси, где это снижение составило 2,3 раза. Для Казахстана и Киргизии, хотя в целом в 2015 г. произошло снижение сальдо миграции для России, но в 2016 г., если рассматривать данные за январь-июнь, по отношению к 2015 г. в этих государствах произошло его возрастание: небольшое для Казахстана – на 3%, и значимое – на 280% для Киргизии.

Вместе с тем, в целом, для российского миграционного пространства миграционный коридор «Центральная Азия – Российская Федерация» остается одним из самых крупных и устойчивых не только в Евразии, но и в мировом масштабе. В последние годы, особенно в 2014–2015 гг. наблюдается тенденция сокращения количества въехавших граждан стран центрально-азиатского региона. За 2014–2015 гг. в миграционном взаимодействии России с Казахстаном сальдо миграции для России сократилось на 15%. Положительное сальдо миграции Российской Федерации с Киргизией в течение 2011–2015 гг. сократилась в 4 раза. Однако в 2015-2016 годах в связи с вступлением республики в ЕАЭС, наблюдалось незначительное увеличение числа прибывших в Россию и чистого миграционного притока по данному направлению. В целом во взаимодействии России со странами ЕАЭС в период 2011–2015 гг. нетто-миграция сократилась с 109,9 тыс. человек до 70,0 тыс. человек, или в 1,6 раза.

Для России положительное межгосударственное сальдо фактически со всеми странами СНГ, которое было характерно на протяжении всего постсоветского периода, и продолжало благотворно сказываться на демографическом развитии России за последнее пятилетие, это позитивная и желательная картина межрегионального взаимодействия, в том числе – и в рамках ЕАЭС. В то же время, для государств ЕАЭС и других стран СНГ такая картина межгосударственного обмена в пользу России не всегда и не для всех была желательна.

Она была нежелательна, например, для Казахстана и Молдовы. В то время как для среднеазиатских государств такой вариант межгосударственного обмена в условиях социально-экономического кризиса был весьма желательным, а для Киргизии, например, – крайне необходимым. При этом с такими государствами, как Беларусь и Украина, на наш взгляд, даже отрицательный миграционный баланс для России должен рассматриваться как нормальный миграционный обмен как вообще, так и с этнической точки зрения – обмен славянским населением между традиционными миграционными партнерами.

Рассмотрение некоторых теоретических и практических вопросов миграционного взаимодействия России в интеграционных процессах Евразийского экономического союза позволяет нам сделать вывод, если не о негативности, то о нежелательности сохранения в ближайшем будущем современных тенденций. Представляется, что эти процессы необходимо в дальнейшем регулировать в целях создания более эффективных условий для интеграции, чем это имеет место в современных социально-политических, социально-экономических, социально-демографических и геополитических условиях.

Это обусловлено и тем, что уже в ближайшем будущем следует ожидать в целом ухудшения демографической ситуации и, особенно, в области естественного движения населения.

В первой половине второго десятилетия текущего столетия масштабные безвозвратные миграции по-прежнему остаются динамичным и позитивно направленным фактором формирования демографического и трудового потенциалов на евразийском пространстве. В настоящее время общий миграционный прирост стран Евразийского экономического союза превышает двести тысяч человек и характеризуется четкой тенденцией к сокращению.

Довгаль Е.А.
д.э.н., профессор Харьковского национального университета
e.a.dovgal@gmail.com

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ И ФАКТОРОВ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ В ДВУСТОРОННИХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ УКРАИНЫ И ВЕНГРИИ

Ключевые слова: *двусторонние внешнеторговые отношения, структурные сдвиги, внешнеэкономические отношения, взаимозависимость стран, интеграционные процессы.*

Keywords: *bilateral trade relations, structural changes, foreign economic relations, the interdependence of countries, integration processes.*

Двусторонние внешнеторговые отношения государств, как правило, строятся на основе взаимной выгодности. Однако взаимовыгодность в двусторонних внешнеторговых отношениях это не только сбалансированность экспортных и импортных операций, но и гораздо более широкая проблема реализации стратегии и тактики внешнеэкономических отношений конкретных стран в конкретных условиях с учетом как внутренних, так и внешних факторов. На динамику и структуру двусторонних внешнеторговых отношений существенное влияние оказывают как общеэкономическое и социально-политическое положение в самих странах, так и участие стран в мировых интеграционных процессах, тенденции на мировых рынках с учетом современной интернационализации мирохозяйственных связей, расширения мировой торговли товарами и услугами, развития международного предпринимательства, увеличения сферы деятельности ТНК.

В глобальных условиях развития именно усиление взаимозависимости экономик стран и интенсификация интеграционных процессов обусловили трансформацию их внешнеторговых отношений. При этом различные уровни социально-экономического развития стран и их интегрированности в региональные группировки, с одной стороны, затрудняют выбор форм и национальных приоритетов развития их двусторонних внешнеторговых отношений, исходя из влияния специфических факторов, присущих только отдельной национальной экономике, а с другой стороны – формирование и проведение внешнеторговой политики страны должно быть согласовано с системой внешних факторов развития современного мирового хозяйства. Так, внешнеторговые отношения Украины и Венгрии отражают динамику трансформации торгового сотрудничества национальных хозяйств, которые имели общее экономическое прошлое, а на современном этапе оказались в составе различных интеграционных объединений и проводят разноскоростную конвергенцию в пределах европейского региона.

В этом отношении представляет интерес динамика и структурные изменения в двусторонних внешнеторговых отношениях Украины и Республики Венгрия под влиянием различных факторов на протяжении почти двух десятилетий – с 1995 г. по 2014 г.

Следует отметить, что все годы партнерства между странами поддерживаются тесные политические контакты на уровне глав государств и правительств, на министерском и межпарламентском уровнях, результатом которых являются межгосударственные документы, способствующие внешнеторговым отношениям этих стран с перспективой трансформации в стратегический формат.

Важный сегмент системы международных отношений между этими странами – система взаимоотношений двустороннего украинско-венгерского внешнеторгового сотрудничества. Республика Венгрия и Украина на протяжении всех этих лет остаются важными внешнеторговыми партнерами. При этом, по официальным данным Государственной службы статистики Украины[1], динамика взаимной торговли в 1995–2014 гг. была разнонаправленной: периоды относительного роста сменялись замедлением и снова подъемом, а в последние годы наблюдается существенное наращивание темпов взаимного товарооборота. Тенденцией развития двусторонней торговли Украины и Республики Венгрия с 1995 г. было практически постоянное увеличение ее объемов с некоторыми спадами в 1999, 2003, 2008 и 2011 гг. Причиной таких колебаний были мировые кризисные процессы, вступление Республики Венгрия в ЕС, нестабильная экономическая и политическая ситуация на Украине в соответствующие годы.

Надо отметить, что объем экспорта Украины в Республику Венгрия с 1995 г. по 2014 г. вырос в 8,5 раз и составил в 2014 г. 1,5 млрд. долл., а импорт вырос в 12,5 раза и составил 1,4 млрд. долл. Наибольшее влияние на стоимостные объемы товарооборота оказал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.

С 1995 г. Украина имела положительное сальдо торгового баланса с Венгрией, за исключением 2007 и 2010 гг., когда импорт имел незначительное превышение, связанное с сокращением поставок Украиной российского топлива в страны ЕС. С 1995 г. по 2005 г. основной товарной позицией в экспорте Украины в Республику Венгрия была группа «топливо, нефть и продукты ее переработки», удельный вес которой постепенно снижался в общем объеме украинского

[1] Державна служба статистики України. – http://www.ukrstat.gov.ua

экспорта с 25,1 до 14%. С 2006 г. по 2014 г. на первое место по объему в украинском экспорте вышла группа «электрические машины и оборудование», которая нарастила свою долю в общем объеме экспорта с 18,2 до 37,9%. Следует отметить, что только с 2006 г. по 2007 г. удельный вес этой группы увеличился вдвое, а к 2010 г. (предкризисному на Украине) вырос в 3,3 раза по сравнению с 2006 г., когда эта группа впервые вышла на первые позиции, и составил 60,8% от общего объема экспорта Украины в Республику Венгрия. В результате же политического кризиса на Украине доля этой группы сократилась до 37,9% в 2014 г., достигнув уровня кризисного 2008 г.

В целом на протяжении исследуемого периода, помимо группы «электрические машины и оборудование» наиболее стабильными были:

– группа «топливо, нефть и продукты ее переработки». Эта все указанные годы присутствовала в украинском экспорте, ее удельный вес с 1995 г. по 1997 г. увеличивался с максимальным значением за весь период – 33,0%. Спад в украинской экономике конца 1990-х был причиной сокращения экспорта данной группы, стабилизация которой наметилась только в 2002 г. Республика Венгрия после вступления в ЕС несколько сократила закупки из восточноевропейских стран, диверсифицировав свои поставки и открыв рынок для других стран ЕС. Кроме того, мировой кризис 2008 г. существенно отразился на торговле двух стран, так что увеличить удельный вес этой группы в общем объеме экспорта Украины в Венгрию удалось лишь к 2012 г. до 17,2%, что, тем не менее, на 7,9% ниже, чем было в 1995 г.;

– группа «черные металлы» с 2006 г. по 2014 г. занимала одно из первых мест в украинском экспорте в Республику Венгрия. Ее доля колебалась от 5,2% в кризисные годы до 36,0 и 25,3% в последние годы, что говорит о восстановлении черной металлургии в статусе экспортоориентированной отрасли Украины в Республику Венгрия.

В целом, анализируя период с 2011 г. по 2014 г., можно отметить, что совокупный удельный вес трех данных групп общем объеме экспорта Украины в Республику Венгрия достигал 70–85%.

Что касается импорта Украины из Республики Венгрия, то следует отметить, что первое место в разные годы занимали различные группы товаров: «фармацевтическая продукция», доля которой с 1995 г. по 1999 г. составляла 15–19%, ведь рынки стран бывшего СССР были основными для поставщиков венгерской фармацевтической продукции; «изделия из недрагоценных металлов» и «алкогольные и неалкогольные напитки» – от 14,6 до 20,8% в 1990-х гг. В период с 2002 г. по 2004 г. на первое место вышла товарная группа «пластмассы, полимерные материалы и изделия из них» с долей в 14–17% в общем импорте Украины из Венгрии. Длительный период (2006–2012 гг.) значительную долю (22–40%) в украинском импорте из Венгрии составляла группа «электрические машины и оборудование», занимавшая такое же положение в украинском экспорте. Взаимные поставки товаров данной группы свидетельствуют о взаимосвязи двух стран в торговле электрическим оборудованием. 2013–2014 гг. характеризуются преобладанием в украинском импорте доли группы «топливо, нефть и продукты ее переработки» (23,7 и 36,7%, соответственно) в связи с реверсными поставками газа на Украину через Республику Венгрия.

На протяжении всего исследуемого периода наиболее стабильными были группы «фармацевтическая продукция» и «пластмассы, полимерные материалы и изделия из них», которые все указанные годы присутствовали в украинском импорте. Фармацевтическая отрасль Республики Венгрия обеспечивала рынок Украины в 1990-х гг. и до вступления Венгрии в ЕС. После вступления в ЕС Республика Венгрия диверсифицировала свои поставки в новые для нее страны ЕС, поэтому доля венгерского экспорта этой группы в Украину постепенно уменьшалась и достигла 7,8% в 2014 г. Подобная ситуация наблюдалась и в товарной группе «реакторы ядерные, котлы, машины, оборудование», доля которой начала уменьшаться после присоединения Венгрии к ЕС с 12,9 – в 2003 г. до 3,7% – в 2014 г. Еще одна группа товаров – «пластмассы, полимерные материалы и изделия из них» – хотя и имела некоторые колебания с пиками в 1999, 2005 и в 2012 гг. четко воспроизводила основные процессы, которые происходили в мире и в исследуемых странах в эти годы, но при этом сохраняла достаточно стабильную долю в общем объеме импорта на уровне 10–20%.

Кроме этих групп заслуживает внимания группа «электрические машины и оборудование» своим почти двукратным ростом удельного веса в 2007 г. с 22,6 до 40,3%, что составило максимум в этой группе. Но на фоне мирового финансового кризиса и нестабильной политической ситуации на Украине в последние годы доля этой группы постоянно уменьшалась и в 2014 г. составила 15,1%.

И, наконец, в 2013–2014 гг., в связи с реверсными поставками газа в Украину, доля группы «топливо, нефть и продукты ее переработки» выросла до 23,7 и 36,7%, соответственно. Таким образом, в 2014 г. совокупный удельный вес двух последних групп составил более половины общего объема импорта Украины из Республики Венгрия.

Сравнительный анализ изменения товарной структуры внешней торговли Украины и Республики Венгрия приведен в табл. 1. Разделение по периодам 1995–2000, 2000–2006, 2006–2010 и 2010–2014 гг. связано с различиями в преобладании тех или иных групп товаров в различные периоды исследуемого отрезка времени.

В целом структура экспорта Украины в Республику Венгрия в 1995-2014 гг. изменилась более существенно, чем структура импорта. Абсолютные структурные сдвиги экспорта в этот период составляли 45,61%, а импорта – 41,45%. В годовой же динамике изменения в экспорте были менее значительными – в пределах 5–12%, чем колебания по импорту – в отдельные периоды изменения были почти вдвое.

Рассмотрим основные структурные сдвиги в экспорте за весь исследуемый период 1995–2014 гг. Первый период структурных сдвигов приходится на 1995–2000 гг. Основными объектами нестабильности в 1995–1996 гг. были товары групп «алюминий и изделия из него» – 18,4% и «черные металлы» – 12,9%.

В отличие от предыдущего периода, для 1996–1997 гг. не были характерны существенные амплитудные колебания. Хотя структурные сдвиги в этот период произошли за счет следующих групп: «топливо, нефть и продукты ее переработки» – 7,9%; «алюминий и изделия из него» – 6,6; «органические химические соединения» – 5,1; и «пластмассы, полимерные материалы и изделия из них» – 5,1%, их колебания были незначительными.

Таблица 1

Структурные сдвиги во внешней торговле Украины и Республики Венгрия, 1995–2014 гг.

Годы	Коэффициент структурных изменений	
	Экспорт	Импорт
1995–1996	35,0589	48,7777
1996–1997	23,6107	24,3634
1997–1998	19,5020	26,0679
1998–1999	20,0605	32,1191
1999–2000	18,4978	15,3601
2000–2001	25,9023	11,0464
2001–2002	25,6302	5,7692
2002–2003	20,7918	6,0664
2003–2004	19,9265	15,2632
2004–2005	16,1737	20,4561
2005–2006	27,4994	18,2246
2006–2007	26,4639	16,9132
2007–2008	17,1386	14,1193
2008–2009	23,9593	15,4756
2009–2010	16,8475	28,6316
2010–2011	21,2071	25,8562
2011–2012	10,7729	15,7460
2012–2013	21,3218	15,3284
2013–2014	12,9107	16,9895

Рассчитано по материалам Государственной службы статистики Украины[1].

В период с 1997–2000 гг. основными объектами структурных сдвигов были две группы – «топливо, нефть и продукты ее переработки» и «зерновые культуры». Причем колебания структурных сдвигов по первой из этих групп уменьшились с 11,9 до 4,8%, а по второй группе, наоборот, увеличились с 4,9 до 12,4%, фактически последний раз демонстрируя свою значимость в структурных сдвигах украинского экспорта. Поскольку уже после 2000 г. группа «зерновые культуры» больше не оказывала сколь-нибудь существенного влияния на структурные сдвиги в экспорте Украины, уступив место группе «топливо, нефть и продукты ее переработки» в результате активного участия Украины как транзитного государства в поставках российского газа в Европу. Резкий скачок в 1997 г. именно в этой товарной группе до 12% связан с ростом цен на нефть.

Новый период с 2000-2006 гг. характеризуется структурными сдвигами в экспорте за счет групп «реакторы ядерные, котлы, машины, оборудование», «электрические машины и оборудование» и «приборы оптические, медицинские, фотографические, хирургические». Причем, в первую очередь, серьезные структурные изменения коснулись группы «реакторы ядерные, котлы, машины, оборудование», которая была фактором нестабильности в 2000–2002 гг. (13,1 и 14,1%). В этот период Украина заключила контракт с Республикой Венгрия на поставку электрического оборудования, что обусловило количественный рост в экспорте.

В 2006-2010 гг. структурные сдвиги вновь произошли за счет таких товарных групп как «черные металлы» и «электрические машины и оборудование». Амплитуда их колебаний носила ежегодный характер: структурные сдвиги в первой из этих групп колебались в пределах 8,9–11,2%, и были результатом нестабильности 2007 г. и 2009 г.

Структурные сдвиги в 2010–2011 гг. произошли за счет трех групп, восстановивших колебания 2008–2009 гг.: «электрические машины и оборудование» – 12,9%, «черные металлы» – 10,3 и «топливо, нефть и продукты ее переработки» – 9,6%. Это объясняется тем, что страны постепенно начали выходить из кризисной ситуации, возобновилась торговля между ними, наладилось промышленное производство на Украине и возможность удовлетворить спрос в Республике Венгрия в украинском сырье.

В 2012–2014 гг. серьезные изменения касались групп товаров «черные металлы» и «электрические машины и оборудование» и колебались с постепенным падением от 18,1% до 10,7 и от 11,9 до 5,8%, соответственно.

Это свидетельствует о том, что в экспорте Украины в Республику Венгрия за исследуемый период не было устойчивой стабильной товарной группы, которая играла бы ведущую роль в структурных сдвигах в пределах всего периода. Структурные сдвиги происходили за счет то одних, то других товарных групп, колебания которых были разнонаправленными даже в пределах одного периода. Так, например, в период с 1995 г. по 2000 г., значительные структурные сдвиги произошли в 4-х группах и только в течение одного года.

Основными причинами структурных сдвигов, на наш взгляд, являлись изменения рыночной конъюнктуры, особенности государственного регулирования, девальвация или ревальвация национальной валюты, внешнеэкономические санкции, привлечение инвестиций. Так, например, специфической причиной структурных сдвигов по товарной группе «зерновые культуры» в 1999–2000 гг., которые составили 12,38%, был пик урожайности зерновых на Украине, что привело сначала к возможности увеличения экспорта в Республику Венгрия по этой товарной группе с 12,9 млн. долл. до 34,8 млн. долл. с последующим спадом до 4 млн. долл. уже в 2000 г.

[1] Державна служба статистики України. – http://www.ukrstat.gov.ua

В другой товарной группе – «топливо, нефть и продукты ее переработки» – структурные сдвиги наблюдались в 1997–1998 гг. и составили 11,9%, но они носили другой характер. Это было связано с экономической конъюнктурой на мировом рынке нефти. С 1991 г. цены на нефть продолжали падать и достигли минимума в 11 долл. за баррель в 1998 г., что привело к падению объемов продаж в этой сфере. На Украине экспортные поставки этой товарной группы сократились почти вдвое с 105,2 млн. долл. в 1997 г. до 55,4 млн. долл. в 1998 г.

Еще одна товарная группа, которая была фактором нестабильности и характеризовалась специфическими структурными сдвигами в 1995–1996 гг. – «алюминий и изделия из него» – имела один из самых высоких показателей 18,4% за весь исследуемый период. Это объяснялось тем, что после распада Советского Союза в 1994–1995 гг. поставки сырья в Венгрию из России почти прекратились и основная роль поставщика была отведена украинскому монополисту – Запорожскому алюминиевому комбинату, в связи с чем с 1995 по 1996 гг. украинский экспорт в Венгрию увеличился с 3,2 млн. долл. до 75,1 млн. долл.

В структурных сдвигах в импорте Украины из Республики Венгрия также наблюдалась тенденция выделения определенных периодов: 1995–2000, 2000–2004, 2004–2006, 2006–2012, 2012–2014 гг.

В первый исследуемый период (1995–2000 гг.) три группы товаров: «алкогольные и безалкогольные напитки», «топливо, нефть и продукты ее переработки» и «изделия из недрагоценных металлов» были факторами нестабильности, колебания изменений которых достигало 20,8%. Основные структурные сдвиги в 1995–1996 гг. происходили за счет групп «изделия из недрагоценных металлов» – 20,8%, «топливо, нефть и продукты ее переработки» – 12,9, а также «фармацевтическая продукция» – 9,9 и «алкогольные и безалкогольные напитки» – 8,4%. Еще двумя группами, за счет которых произошли структурные изменения этих лет, были группы «алкогольные и безалкогольные напитки» и «фармацевтическая продукция» с 7,7 и 7,6%, соответственно.

Период 2000–2004 гг., структурные изменения в котором не превышали 6,3%, кроме скачка по товарной группе «средства наземного транспорта, кроме железнодорожного» в 2003–2004 гг. до 15,4%, отличается от других периодов более медленными изменениями структурных сдвигов, которые можно было наблюдать по другим товарным группам.

Период 2004–2006 гг. характеризовался наличием структурных сдвигов за счет групп «электрические машины и оборудование» – 12,7–17,7% в 2005–2007 гг. и «средства наземного транспорта, кроме железнодорожного» – 9,9% в 2005–2006 гг.

В период 2006–2012 гг. основная товарная группа, которая была источником структурных сдвигов, – «электрические машины и оборудование» изменения которой с 17,7% в 2007 г. хотя и снизились до 9,1% в 2012 г., но имели самую широкую среднюю амплитуду за исследуемый период.

Кризисные явления в политической и экономической ситуации на Украине обусловили структурные сдвиги периода 2012–2014 гг., когда Украина была неспособна импортировать товары из Венгрии в прежнем объеме и, благодаря реверсному газоснабжению со стороны европейских стран, покупала товары группы «топливо, нефть и продукты ее переработки», структурные сдвиги которой составляли 18,1%–13,0% в 2012–2014 гг.

Наибольшая стабильность на протяжении всего исследуемого периода наблюдалась в группах «зерновые культуры», «алкогольные и безалкогольные напитки» и, за вычетом 2003–2004 гг., в группе «черные металлы».

Рассматривая основные причины структурных сдвигов по импорту Украины из Республики Венгрия, необходимо отметить, в первую очередь, что 2000 г. для сельского хозяйства Венгрии был урожайным и избыток ячменя экспортировался в страны постсоветского пространства и страны Европейского Союза. Наоборот, этот же год для Украины был неурожайным и поставки венгерских зерновых вначале увеличились с 27,1 млн. долл. в 2000, а затем существенно сократились – до 7 млн. долл. в 2001 г.

Группа «изделия из недрагоценных металлов» была фактором нестабильности венгерского импорта в Украину в период с 1995 г. по 1997 гг. – 20,8 и 20,7%, что было самым высоким показателем структурных сдвигов за весь исследуемый период с 1995 г. по 2014 г. Это объясняется особенностями государственного регулирования импорта на Украине. В связи с тем, что курс доллара был фиксирован, это привело к стимулированию ввоза импортной продукции, кроме того, действия по установлению низких таможенных ставок в 1993–1995 гг. были направлены на расширение сотрудничества с ГАТТ/ВТО. Средняя ставка таможенного тарифа на недрагоценные металлы составила 7%, а льготная колебалась в пределах 0–5%, что явилось следствием потребности государства в этом виде продукции. Это обстоятельство объясняет стремительный рост импорта товаров данной группы из Венгрии с 71 тыс. долл. в 1995 г. до 49,6 млн. долл. в 1997 г.

Однако, разразившийся в конце 1997 г. мировой финансовый кризис, приведший к двукратному обесцениванию гривны по отношению к доллару, вызвал противоположный сдвиг всего украинского импорта и, в первую очередь, этой группы товаров – ее резкого снижения до 300 тыс. дол.

Еще одной причиной структурных сдвигов в торговле Украины и Республики Венгрия стала активная внешнеэкономическая деятельность венгерских компаний на рынках Восточной Европы и закрепление филиалов некоторых ТНК в Венгрии после расширения ЕС, что повлияло на экспортную политику Республики Венгрия в отношении Украины. Так, товарная группа «средства наземного транспорта, кроме железнодорожного» почувствовала структурные сдвиги в 2003–2004 гг., когда экспорт компании «Audi Hungaria», специализировавшейся на производстве автомобилей и автомобильных двигателей, составлял 10% от общего венгерского экспорта, а экспорт товаров этой группы на Украину с 4,3 млн. долл. в 2003 г. увеличился до 79,8 и 122,6 млн. долл. в 2004 г. и 2005 г., соответственно. Структурные сдвиги в этот период составили 15,4%.

Эта же причина послужила основанием увеличения венгерского экспорта на Украину по группе «электрические машины и оборудование». Экспорт Республикой Венгрия продукции компаний «Flextronics» и «Nokia» в этот период

вырос с 64,1 до 500,2 млн. долл. Вместе с «Audi Hungaria» только эти три компании на тот момент обеспечивали 25% всего венгерского экспорта, что не могло не отразиться на поставках в соседнюю страну.

Самые значительные колебания в украинском импорте из Венгрии произошли в последние годы по группе «топливо, нефть и продукты ее переработки». Это объяснялось тем, что в период кризисной ситуации на Украине, начали осуществляться реверсные поставки российского газа с территории Польши, Словакии и Республики Венгрия посредством газотранспортной системы, оператором которой является венгерская компания FGSZ. Только за период с 2012 г. по 2013 г. Украина нарастила импорт газа из Европы в 4 раза, что обусловило возникновение фактора нестабильности структурных сдвигов в данной группе в импорте Украины из Республики Венгрия.

Таким образом, если суммировать проведенные наблюдения и проанализировать коэффициенты, характеризующие уровни сдвигов, начиная с самых значительных в общем объеме внешнеторгового оборота между Украиной и Республикой Венгрия с 1995 г. по 2014 г., то в экспорте Украины в Венгрию структурные изменения касаются 9,3% (16 позиций), а в импорте Украины из Венгрии этот показатель составляет 6,4% (11 позиций).

На этом основании можно выделить по пять периодов в двусторонних внешнеторговых отношениях между Украиной и Республикой Венгрия, которые стали результатом действия внутренних и внешних факторов. Падение и рост экспорта и импорта в обеих странах обусловили возникновение пиков структурных сдвигов благодаря выявлению основных факторов нестабильности в различные исследуемые периоды. Основные изменения в периодах и направленности структурных сдвигов совпадают с событиями в социально-экономической, политической и внешнеэкономической сфере деятельности этих стран.

Так, первый период приходится на 1995–2000 гг., когда основные макроэкономические показатели двух стран растут, особенности государственного регулирования поставок импорта на Украину, снижение ставок таможенных тарифов с целью расширения взаимодействия с ВТО и транзит газа в Европу позволили нарастить показатели экспорта двух стран.

Следующий период 2000–2006 гг. характеризовался увеличением экспорта двух стран за счет гомогенной группы товаров – электрического оборудования. Подписание контракта между двумя странами относительно увеличения экспортных поставок в Венгрию электрического оборудования, безусловно, стимулировало экспорт именно этой группы товаров. В этот же период Республика Венгрия вступила в ЕС (2004 г.), что обусловило структурные сдвиги в связи с закреплением европейских филиалов ТНК в Республике Венгрия, и, соответственно, резкий рост экспорта электрического оборудования на Украину. Несмотря на антиправительственные выступления в Республике Венгрия из-за значительно завышенных показателей экономического развития, дальнейшие экономические реформы привели к улучшению темпов развития экономики и росту ВВП. Что касается Украины, то снижение макроэкономических показателей, а вслед за этим и внешнеторговой деятельности было результатом смены власти, которая сопровождалась нестабильностью в политической и экономической жизни страны.

Еще один период (2006–2012 гг.) для Республики Венгрия характеризовался второй волной вхождения филиалов ТНК в страну с последующим наращиванием экспорта электрического оборудования на Украину. Этот же период на Украине можно разделить на 2 этапа: 2006–2010 гг., 2010–2012 гг. Объясняется это тем, что мировой финансовый кризис и смена власти в Республике Венгрия не повлияли в такой степени на структурные сдвиги в экономике, как это произошло на Украине в 2010 г., когда перемены в политической власти, улучшение инвестиционного климата, увеличение экспорта, в частности, экспорта в Венгрию минеральных удобрений, железа и стали, привели к незначительному, но все-таки росту макроэкономических показателей в стране.

Последний период структурных сдвигов в торговле Украины и Республики Венгрия – 2012–2014 гг. – совпадает в обеих странах, однако эти сдвиги являются разнонаправленными в связи с тем, что нестабильная политическая ситуация на Украине привела к сокращению поставок в Республику Венгрия таких товарных групп, как «черные металлы» и «электрические машины и оборудование» и, с другой стороны, обнаружила признаки неплатежеспособности украинских партнеров по ряду традиционных групп товаров венгерского импорта. В свою очередь, в Республике Венгрия произошли значительные структурные сдвиги благодаря реверсным поставкам газа в Украину, что подкрепилось победой действующей политической партии на выборах в Парламент Республики Венгрия и стабилизацией макроэкономических показателей с 2012 г.

Все это свидетельствует о том, что как внутренняя, так и внешняя политика двух стран непосредственно влияет на внешнеторговые отношения между Украиной и Республикой Венгрия, несмотря на контроль за торговой политикой Венгрии со стороны ЕС. Кроме того, природные условия также повлияли на значительные структурные сдвиги в товарообороте обеих стран наряду с экономическими и неэкономическими факторами в течение всего исследуемого периода.

При этом, несмотря на влияние внутренних и внешних факторов, тенденции и структурные сдвиги в двусторонней торговле Украины и Республики Венгрия отражают тесную взаимозависимость этих стран и создают основу для развития перспективных направлений дальнейшего сотрудничества. На современном этапе развития первоочередными инструментами повышения эффективности двустороннего внешнеторгового сотрудничества для Украины должны быть следующие:

– общеэкономические, а именно улучшение социально-экономической и политической ситуации на Украине, что позволит наладить диалог внутри украинского общества, государственных и частных институтов, а также их сотрудничество с международными организациями, непосредственно с правительством Республики Венгрия и с правительствами других стран;

– институциональные, которые тесно связаны с нормативными мерами и должны сопровождаться приведением нормативно-правовой базы Украины в соответствие с мировыми стандартами и со стандартами ЕС;

– регуляторные, направленные на упрощение внутренней экономической политики относительно деятельности малого и среднего бизнеса на Украине, поощрения конкуренции на внутреннем рынке, диверсификации экономики и экспорта;

– инфраструктурные, направленные на качественное преобразование социальной и производственной инфраструктуры на Украине, в т.ч. автодорог, пассажиро- и грузоперевозок, подготовка кадров, обеспечение информационной и правовой защиты отечественных производителей и т.д.

– финансовые, касающихся реформирования налоговой системы, стабилизации валютного курса гривны, дефицита платежного баланса, необходимости рефинансирования значительного внешнего долга и др.

Емельянов А.И.[1]

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Ключевые слова: *Латинская Америка, интеграционные процессы, интеграция, международные организации, политика.*

Keywords*: Latin America, integration processes, integration, international relations, politics.*

В настоящее время Латинская Америка представляет собой образец формирования интеграционных образований, наблюдая за которыми можно проследить все этапы их формирования. Так как латиноамериканский регион является динамично развивающимся субъектом мировой политики, региональные организации становятся всё более значимыми акторами в межрегиональных отношениях, решении локальных проблем, а также выработки общего курса для стран региона.

Ввиду колониального прошлого Латинской Америки, диверсификация торговых связей является приоритетом для стран Латинской Америки, которые на протяжении большей части своего существования находились, а в некоторых случаях и продолжают находиться, в зависимости от государств англосаксонской цивилизации. В особенности это затрагивает экономическую составляющую, которая остаётся основной проблемой для стран региона. Страны Латинской Америки, близкие по языковой и культурной составляющим, стремясь избавиться от угроз их национальным интересам, выбрали путь интеграционного взаимодействия в целях обретения полного суверенитета во внешней политике. Можно сказать, что создание надгосударственных структур стало логическим шагом, отражающим завершение процесса деколонизации региона и снижение зависимости от США. За этим последовало взаимоприспособление государственных экономических, правовых, фискальных, социальных и прочих систем, вплоть до определенного сращивания управленческих структур. Таким образом, можно выделить следующие цели создания интеграционных объединений региона:

– исследование возможных сфер для межгосударственного сотрудничества;
– замена нерегиональных торговых партнёров региональными;
– обеспечение благоприятного влияния экономического сотрудничества на внешнеполитическую среду региона;
– ускорение темпов роста экономики;
– содействие структурной перестройке экономики.

По своему масштабу и охвату в Латинской Америке функционируют различные интеграционные проекты, которые можно подразделить на:

1. Субрегиональные объединения на правительственном уровне, в которых страны-участницы представлены главами государств или правительств. Их решения принимаются и реализуются на государственном уровне и являются обязательными или почти всегда обязательными для всех стран-членов таких организаций (например, Союз южноамериканских наций и др.).

2. Региональные организации на неправительственном уровне. В них страны представлены лидерами отдельных организаций, крупными общественными и политическими деятелями (например, Латиноамериканский парламент и др.).

3. Локальные организации, представленные отдельными группами населения, представителями различных культур (различные религиозные организации и др.).

На территории Латинской Америки присутствуют все три категории из вышеперечисленных, что указывает на масштаб и обилие сфер интеграционного взаимодействия на различных уровнях. Это говорит о том, что взаимодействие осуществляется на различных уровнях и в разнообразных сферах латиноамериканского общества, которое становится всё более монолитным при решении региональных проблем. Вместе с тем утверждение о полной латиноамериканизации общества на континенте, согласно мнению ряда авторитетных специалистов, несколько неуместно в связи с незавершённостью его интеграции[2].

Стоит отметить, что интеграционные инициативы не затихают даже при наличии межгосударственных противоречий, возникших из-за конфликтов между политическими акторами региона. Имеются в виду конфликты, которые

[1] Емельянов Антон Игоревич – к.полит.н., доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета. E-mail: anton.politolog@ya.ru

[2] См.: Россия и ибероамериканский мир в XXI веке: горизонты развития и сотрудничества / Под ред. В.М Давыдова. – М.: ИЛА РАН, 2006; Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. – М.: Наука, 1987 и др.

происходили в трёх важных геополитических ареалах: андском, амазонском и лаплатском[1]. Некоторые из них носят реликтовый или потенциальный характер.

К первой группе относятся напряжённости в отношениях между Аргентиной и Бразилией за влияние в Лаплатской низменности. Возникшие более полувека назад, они были улажены за счёт взаимовыгодного сотрудничества в рамках межгосударственных организаций и совместных проектов по развитию этого региона. Этому также способствуют «левый» дрейф в Латинской Америке, прагматизм в отношениях с Западом.

Ко второй группе относятся напряжённые отношения между Венесуэлой и Колумбией. Если политика первой страны зиждется на идеях построения социализма в XXI в. и против деятельности США в регионе, то Колумбия, наоборот, стремится сотрудничать с США во всех сферах. Между этими двумя латиноамериканскими государствами до конца не разграничены месторождения нефти, что влечёт за собой проблемы во взаимоотношениях. Несмотря на эти проблемы Венесуэла и Колумбия стараются решать все вопросы в рамках Организации американских государств и Союза южноамериканских наций.

В настоящее время в Латинской Америке существует большое количество организаций, созданных с целью интенсификации процессов развития торговли, политического, экономического сотрудничества и интеграции. Из большого количества подобных организаций можно выделить региональные организации, которые являются ключевыми площадками для диалога в Латинской Америке:

1. Организация американских государств (ОАГ);
2. Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР);
3. Союз южноамериканских наций (УНАСУР);
4. Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА);

Названные надгосударственные акторы имеют свои особые цели, кроме того в них создается политический климат, который закладывается в основополагающем документе организации. В основном деятельность этих организаций направлена на решение следующих геополитических задач:

1. интеграция латиноамериканских государств в политической и экономической сферах в целях проведения единой политики и защиты интересов стран региона на международной арене;
2. диверсификация торговых отношений с евразийскими и африканскими государствами и государствами Океании;
3. снижение роли США во внутренних латиноамериканских процессах.

Исторически усилия государств Латинской Америки по строительству региональных организаций сводились на «нет» политикой «доброго соседа» в лице США, преданных доктрине Монро[2]. Как отмечает У. Мид, подобный контроль в интеграционных процессах: «является одним из инструментов США по реализации своей внешнеполитической доктрины в регионе»[3]. В настоящее время контроль Вашингтона не так значителен, как ранее. В связи с переключением внимания США на проблемы в другом полушарии и развитием гражданского общества в Латинской Америке, латиноамериканские страны получили больше возможностей для самостоятельного решения региональных проблем и координации внешнеполитических действий.

Стоит особо выделить ОАГ – структуру, в которой большую роль играет США. Политическую оппозицию ОАГ составляют такие организации как МЕРКОСУР и УНАСУР. В рамках последней существует Южноамериканский совет обороны (ЮАСО), что говорит о большом потенциале данной организации, т.к. интеграционный процесс в ее рамках затрагивает не только политическую и экономическую сферы, но и вопросы военного сотрудничества. Подобных советов не существует в других организациях, что делает УНАСУР наиболее институционализированной организацией континента.

Анализ основополагающих документов данных организаций и совместных деклараций данных организаций, позволяет выделить общие факторы, которые способствуют координации деятельности государствами Латинской Америки[4]. Среди этих факторов можно выделить следующие:

1. Общая цивилизационной идентичность;
2. Общая языковая группа;
3. Католическая религия;
4. Общие корни;
5. Стремление сформировать новый центр силы[5].

---

[1] Речь идёт о вооружённых столкновениях между Перу и Эквадором за доступ к судоходным верховьям реки Амазонки, о самой кровопролитной войне за всю историю Латинской Америки между Боливией и Парагваем, за предположительно богатые нефтяные районы, и затяжном латентном конфликте между Венесуэлой и Колумбией, который связан с вопросом демаркации сопредельной территории. (См.: Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор): автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. – М., 1994; Гавриков Ю.П. История изумрудной страны. – М.: Наука, 1985).

[2] Политика «доброго соседа» принята правительством Ф.Д. Рузвельта в 1933 г. в качестве нового этапа в укреплении позиций США в западном полушарии. Она подразумевала экономическое и политическое доминирование США, их участие во внутренней и внешней политике стран Латинской Америки под предлогом строительства демократии и свободного рынка. Данная политика явилась логическим продолжением доктрины Монро, принятой в 1823 г.

[3] Мид У.Р. Власть, террор, мир и война / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 26–27.

[4] См.: Objetivos específicos de la UNASUR. – http://www.unasursg.org/node/48; Centro de Estudios Estratégicos de Defensa del Consejo de Defensa Suramericano (CEED-CDS) de la UNASUR. – http://www.ceedcds.org.ar/Espanol/01-CEED/01-Mision.html; Resultados de las cumbres de la UNASUR. – http://unasursg.org/reuniones

[5] См.: Статья 8 декларации УНАСУР. – http://unasursg.org/node/48; Заявление генерального секретаря МЕРКОСУР. – http://www.mercosur.int/t_generic.jsp?contentid=5635&site=1&channel=secretaria

Первым успешным интеграционным проектом в данном регионе можно признать МЕРКОСУР, одну из крупнейших организаций в Южной Америке, включающую Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Парагвай и Уругвай. По количеству населения и объёму национальных экономик МЕРКОСУР – второй после ЕС по размерам и экономическому потенциалу таможенный союз и третья после ЕС и НАФТА зона свободной торговли[1]. Поступательная динамика развития этого объединения превращает его в центр притяжения для других стран: происходит процесс присоединения к нему Боливии и Эквадора. МЕРКОСУР имеет также политическое измерение. В состав МЕРКОСУР, помимо пяти полноправных участников объединения, входят пять ассоциированных членов (Боливия, Колумбия, Перу, Чили и Эквадор). В практику этой организации вошло принятие совместных политических заявлений по наиболее важным международным проблемам[2]. Кроме того, МЕРКОСУР стремится проводить активную внешнеэкономическую политику. Например, МЕРКОСУР пытается интенсифицировать процессы сотрудничества со странами БРИКС[3].

На основе конвергенции Андского сообщества, экономической организации региона, объединяющего страны андского региона, и МЕРКОСУР в 2008 году был создан УНАСУР, включающий в себя все государства Южной Америки, что способствовало формированию в регионе единого политического и экономического пространства. В рамках УНАСУР сформирован ряд механизмов сотрудничества: Южноамериканский совет обороны, Банк юга, Университет юга и др. УНАСУР – организация, обладающая международной правоспособностью, которая включает в себя все суверенные государства Южной Америки. Основная цель сообщества – создание единого южноамериканского интеграционного пространства без дискриминации участников организации и её потенциальных членов с целью устранения социально-экономического неравенства, достижения социального партнерства и уменьшения различий на пути упрочения суверенитета и независимости государств. Кроме того, среди целей и задач организации особо подчёркивается задача формирования общей латиноамериканской идентичности[4].

Подобные цели стремится достичь и «Боливарианский альянс для народов нашей Америки» (АЛБА). В его состав входят девять стран, среди них Боливия, Венесуэла, Гондурас, Куба, Никарагуа, Эквадор. Создание АЛБА было ответом на политику США, которая старалась создать новое интеграционное объединение – Межамериканскую зону свободной торговли (АЛКА). США старались включить латиноамериканские страны в интеграционный процесс под своим руководством и распространить зону Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), которая могла бы привести к деградации промышленности Латинской Америки в результате отмены пошлин и открытия границ для свободного передвижения промышленной продукции.

Замысел США потерпел фиаско, хотя разговоры о его реализации продолжают вестись, например, в рамках ОАГ. Против выступили все государства МЕРКОСУР ввиду угрозы, которую несла АЛКА для развития всех интеграционных объединений региона, включая сам МЕРКОСУР. По предложению президента Венесуэлы, Уго Чавеса, была создана организация АЛБА, которая объединила страны Латинской Америки, негативно настроенные в отношении США. При этом подчеркивалось, что этот проект не просто союз, а объединение стран, идентифицирующих себя в едином латиноамериканском цивилизационном ключе. Согласно заявлению членов этого блока, сделанного во время совместного заседания в 2006 году. «АЛБА позиционирует себя воплощением проекта интеграции региона в рамках единой цивилизации»[5].

Интеграция под лозунгами латиноамериканизма имеет и экономические последствия. Внутрирегиональная торговля среди членов этих интеграционных группировок всего за недолгое время выросла более чем в два раза[6]. Кроме того, по мнению А.И. Евдокимова и Л.В. Грук, «этот процесс сочетается с динамикой увеличения доли внутренней региональной торговли»[7].

Анализируя принципы этих международных интеграционных объединений, можно заключить, что ОАГ и НАФТА с одной стороны, МЕРКОСУР, УНАСУР, АЛБА с другой – зиждутся на двух разных принципах: панамериканском и латиноамериканском. Поддержка лидерами Латинской Америки интеграции по второму сценарию объясняется следующими причинами. Во-первых, это самоидентификация латиноамериканскими государствами цивилизационной близости. Во-вторых, это неприятие политики США, которое не исключает экономического взаимодействия с североамериканским актором, поскольку экономики стран региона нуждаются в инвестициях. Например, самым крупным покупателем нефти Венесуэлы являются США[8]. Результатом всего этого является возрастание роли межгосударственного взаимодействия в рамках латиноамериканских международных организаций (см. табл. 1).

---

[1] См.: Estudio económico de América Latina y el Caribe 2014: Desafíos para la sostenibilidad del crecimiento en un nuevo contexto externo. – http://www.cepal.org/es/publicaciones/36970-estudio-economico-de-america-latina-y-el-caribe-2014-desafios-para-la

[2] Там же.

[3] Китай предложил Латинской Америке кредит в $10 млрд. // Известия. – М., 2012. – 27 июня.

[4] См.: Tratado Constitutivo de UNASUR. – http://unasursg.org/node/6

[5] Azzi D.H. ALBA. Venezuela's answer to «free trade»: the Bolivarian alternative for the Americas. – São Paulo: Alianza Social Continental, 2006. – P. 7.

[6] См.: Weisbrot M., Johnson J. The Gains From Trade: South American Economic Integration and the Resolution of Conflict. – Washington, 2010. – P. 1. (International trade statistics 2009). – http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2013_e/its09_world_trade_dev_e.htm

[7] Евдокимов А.И., Грук Л.В. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки: проблемы и перспективы // Проблемы современной экономики. 2011. – № 2. – С. 92–96.

[8] См.: The RPC and Latin America and the Caribbean: Towards a Strategic Relationship // ECLAC report. – P. 12. – http://www.eclac.org/publicaciones/21.02.2012

Таблица 1

Особенности идеологических течений в Латинской Америке

Показатель	Панамериканизм	Латиноамериканизм
Истоки	культура западной Европы	смесь культуры западной Европы и древней Американской культуры
Отношение к другим нациям	покровительственное	равноправие
Тип воздействия на другие культуры	поглощение, унификация, вплоть до культурной интервенции (Макдоналдс, Голливуд)	включение, обобщение, отказ от культурной унификации
Ценностные основания	на основе незыблемости неолиберальных ценностей	многонаправленное (признание права самостоятельного развития народов)
Приоритетные ценности	материальные	нематериальные
Отношение личности и социума	индивидуализм	коллективизм, общинность
Типологический прообраз в новой истории	колонизация	зависимость от западных государств, неоднократные попытки интеграции

Есть основания утверждать, что в Латинской Америке существуют наднациональные организации, ведущие свою деятельность, базируясь на тех или иных идеологических принципах. Анализ показывает, что принцип панамериканизма является более консервативным и обращённым, прежде всего, на предпринимательские круги латиноамериканского региона, для которых важны контакты с рынками США. В то же время латиноамериканизм направлен на широкие массы латиноамериканцев, желающих превращения Латинской Америки в одного из ключевых акторов мировой политики.

МЕРКОСУР и УНАСУР являются международными организациями, ориентированными на интеграцию государств Латинской Америки вне зависимости от политической ориентации стран членов. В отличие от них ОАГ, созданная в середине прошлого столетия, признавала необходимым наличие на американских континентах исключительно проамериканских либеральных правительств. В этой ситуации АЛБА представляется идеологическим противовесом ОАГ, который уравновешивает чашу весов в идеологическом разнообразии региона (см. табл. 2).

Таблица 2

Различия интеграционных объединений в Латинской Америке

Характеристика	ОАГ	АЛБА	Меркосур
Цели образования организаций	функционирует под патронажем США в целях создания зоны свободной торговли	оппозиция США в Латинской Америке, всесторонняя политическая и экономическая интеграция	коллективное принятие решений в экономической и политической сферах
Идеологическое обоснование сближения	«панамериканизм», политика «доброго соседа»	«боливаризм», социализм в XXI в.	клуб самых развитых стран региона
Экономическое строительство	создание единого экономического пространства, введение беспошлинного режима торговли	содействие торговле и политической кооперации между странами-членами	Формирование единой экономической политики
Постоянно действующие надгосударственные органы	есть	есть	есть
Возможность расширения	в организацию входят почти все страны западного полушария	организация открыта для новых членов, стремящихся к социальной справедливости	целью организации, прежде всего, является координация между самыми развитыми странами региона
Политика в сфере безопасности	договор о защите стран-членов организации от внешней агрессии	политика имеет декларативный характер	политика имеет декларативный характер

В результате проведённого анализа можно сделать вывод, что активный диалог государств латиноамериканского региона в рамках многих организаций, стремящихся стать активными политическими акторами и являющимися инструментами взаимодействия в различных сферах, начиная от защиты политико-экономической интеграции и заканчивая взаимодействием в гуманитарной сфере, ведёт к повышению значимости и потенциала этих организаций, а также их числа.

Востребованность во взаимодействии в латиноамериканском регионе определяется необходимостью обеспечения безопасности региона, политической стабильности и экономического благополучия. Цивилизационная близость и забота о будущем региона побуждает государства Латинской Америки активно сотрудничать для решения важных проблем, среди которых выделяются: растущая криминализация населения, наркотрафик и терроризм.

Проблема *криминализации* вызвана замедлением темпов экономического развития, ухудшением жизненных условий основной массы населения в странах Латинской Америки, ростом социального неравенства, распространением коррупции. Росту преступности способствовали также миграционные процессы. Криминализация препятствует развитию институтов гражданского общества и построению социально-ориентированной экономики. Согласно докладу

комиссии ООН по наркотикам и преступности, «криминализация региона препятствует созданию гражданского общества, ведёт к развитию латентных акторов влияния на экономическую и политическую сферы стран региона»[1].

Наркотрафик является традиционной проблемой для региона и не имеет однозначного решения. Так, согласно данным ООН, в 2013 году объём изъятых наркотических средств в регионе достиг 2 млн. т., без учёта товара, который преступным организациям удалось реализовать. Общая площадь плантаций кокаинового куста в Латинской Америке в 2012 году составляла 153,7 га[2].

Терроризм в Латинской Америке в основном связан с деятельностью крайне левых революционных марксистских организаций. Их активность проявляется в пограничных районах между Аргентиной, Бразилией и Парагваем, на границе Бразилии, Колумбии и Венесуэлы, а также в Центральной Америке. Угрозу стабильности представляет так называемый «леворадикальный экстремизм» в странах с высокой социальной напряжённостью, например, в Боливии, Колумбии и Эквадоре. Одной из известных организаций являются Революционные вооружённые силы Колумбии (ФАРК). Они видят своей целью создание государства на основе марксистско-ленинской идеологии[3]. Характерно, что террористические организации, как правило, содержатся за счёт доходов от продажи наркотических средств. По экспертным оценкам «в 2012 году поток наркотиков на территорию Венесуэлы, произведенных на плантациях, подконтрольных ФАРК, составлял около 100 тыс. тонн в год»[4]. В концепциях же обороны и безопасности стран региона терроризм обоснованно рассматривается как «комплексное явление и следствие социально-политической напряжённости, в том числе ввиду проблем криминализации в этом регионе»[5].

В то же время существуют причины, препятствующие эффективному функционированию региональных организаций:

1. территориально-ресурсные различия,
2. блоковые и национальные расхождения в целях развития,
3. преобладание частнопредпринимательских субъективных интересов участников объединений;
4. недостатки организационно-практической работы в проектировании дальнейших шагов институционализации региональных организаций;
5. традиционное политическое и финансово-экономическое давление со стороны США.

Кроме того, ни одна крупная страна региона (Мексика, Аргентина, Бразилия) не является центром притяжения региональных сил, противостоящих гегемонии Вашингтона, т.к. не желают вступления в активную фазу конфронтации с могущественной державой. Другие государства, ведущие активную антиамериканскую политику – Венесуэла, Куба, Никарагуа, Боливия, Эквадор, Уругвай, Парагвай – не могут создать эффективный геополитический блок для противодействия политике США, т.к. их потенциал несравним с ресурсами ведущих стран Латинской Америки.

Государства Латинской Америки, самоидентифицирующие себя с единой цивилизацией, становятся субъектами мирового политического процесса. Показателем обретения признаков субъектности региона в мировой политике становится повышение внимания к нему со стороны ключевых акторов, а также влияние, которое оказывает Латинская Америка на процессы регионального уровня, что проявляется, в том числе в их внешнеполитических стратегиях.

Такую возможность предсказывал ещё в XX в. Ф. Бродель. В своём труде «Грамматика цивилизаций» он утверждал, что «близость стран региона в конечном итоге должна привести к институционализации стран региона, а в итоге к становлению единой самобытной цивилизации»[6]. Подобную позицию разделяет представитель современной французской политической школы, Жан-Жак Курляндски. Он утверждает, что: «интеграционные процессы в Латинской Америке неминуемо приведут к развитию внешнеполитических связей региона со странами Азии, Африки и России. В дальнейшем же это приведёт к политике, направленной против США и Европы и ставящей во главу угла благосостояние народов Латинской Америки»[7].

Латиноамериканские интеграционные процессы основаны на так называемом принципе десаррольизма[8]. Данное интеграционное течение в отечественной и зарубежной политической науке считается примером открытого регионализма[9]. В рамках этого варианта регионализма, который также называется «плюралистическим регионализмом», представлено многообразие группировок, моделей и концепций интеграции. Примечательна точка зрения отечествен-

---

[1] Управление ООН по наркотикам и преступности. – http://www.unodc.org/unodc/ru/index.html

[2] См.: Доклад международного комитета по контролю над наркотиками за 2013 год при ООН. – http://www.incb. org/ documents/Publications/AnnualReports/AR2013/Spanish/AR_2013_S.pdf

[3] См. Официальный сайт революционных вооружённых сил Колумбии. – http://farc-ep.co/

[4] Blasco E. El final de Hugo Chávez destapa su vinculación con el narcotráfico // ABC. 2012. – 30 de abril.

[5] Давыдов В.М. Вопросы национальной безопасности в Латинской Америке // 2013 год. Научно-методические вопросы международной безопасности / Под. ред. Н.Н. Успенского. – М.: Известия, 2014. – С. 36.

[6] Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. – М.: Весь Мир, 2008. – С. 436.

[7] Kourliandsky J. Renouveau politique et nouvelle donne diplomatique en Amérique latine // La revue internationale et stratégique. – Paris: Le monde diplomatique, 2010. – N 78. – P. 57.

[8] От исп. desarrollo – развитие. Идейное течение, сформировавшееся в 1950-х – начале 1960-х. гг. Десаррольизм – условное обозначение широкого спектра реформистских течений в экономической науке латиноамериканских стран, подразумевавших латиноамериканскую версию кейнсианства с большой долей экономического национализма. См.: Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. – М., Наука, 1991; Шестопал А.В. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. – М.: Мысль, 1981.

[9] См.: Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. – М.: ИЛА РАН, 1992; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

ного исследователя А.А. Лавут, которая отмечает, что «наличие схожих черт в культуре народов Латинской Америки, близость позиций на международной арене являются отражением центростремительных интеграционных императив»[1]. Таким образом, финальная стадия единения государств латиноамериканского региона может быть достигнута лишь при институциональном оформлении межгосударственных отношений.

По убеждению латиноамериканского публициста К. Рохаса, «работа надгосударственных образований, которые опираются на мнение населения региона, не продвигая при этом империалистические идеи глобализации Латинской Америки с западным миром, может стать залогом развития региона, как в экономическом, так и в геополитическом плане»[2]. Принимая во внимание эти высказывания, можно предположить, что интеграционные процессы в регионе продолжат охватывать всё новые сферы. В свою очередь, это может превратить латиноамериканский регион в новый политической центр мира, с которым Россия могла бы более активно противостоять давлению США и других стран.

[1] Лавут А.А. Поиски латиноамериканской модели // Латинская Америка. – М., 2011. – № 2. – С. 5.

[2] Рохас К. Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики. – М.: Кругъ, 2012. – 160 с.

Жевора С.В.
к.с.-х.н., директор ВНИИКХ
Старовойтов В.И.
д.т.н., зам. директора ВНИИКХ
Звягинцев П.С.
к.э.н., в.н.с., Институт экономики РАН

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ В РАМКАХ ЕВРАЗЭС: ПРОГРАММА «ИНТЕГРАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВА КАРТОФЕЛЯ И ТОПИНАМБУРА НА БАЗЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И АГРОТЕХНОПАРКОВ НА 2018–2021 гг.»

Ключевые слова: *картофель и топинамбур, инновационные технологии, семенной картофель и топинамбур, импортозамещение, агротехнопарки.*

Задача Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – протекционизм, замещение импорта и продвижение торговли между странами-членами с помощью повышения пошлин на товары из других стран.

Созданное содружество ЕврАзЭС может эффективно работать при условии получения синергетического эффекта в результате реализации совместных научно-технических Программ по продвижению инноваций. Примером такой научно-технической программы может стать Программа частно-государственного партнерства «Интеграционное развитие производства картофеля и топинамбура на базе инновационных технологий и агротехнопарков на 2018–2021 г.».

Цель Программы: обеспечение населения Российской Федерации, Казахстана, Республики Беларусь, Армении и Киргизии продуктами здорового питания высокого качества из картофеля и топинамбура, обеспечение продовольственной безопасности, повышение эффективности и конкурентоспособности картофелеводства; разработка и освоение технологии промышленного производства и переработки топинамбура на основе частно-государственного партнерства.

Решение задач продовольственной безопасности и обеспечение достойного уровня жизни населения ЕврАзЭС требуют интенсивного развития и внедрения новых технологий в сельское хозяйство на основе использования генетического ресурса растений, в том числе картофеля и топинамбура – сельскохозяйственных культур, дающих наибольшую биомассу. Характерно, что Китай ежегодно наращивает объемы производства картофеля более чем на 20%.

Картофель является уникальным продуктом для здорового питания, являясь самым значимым в мире растительным источником пищевой энергии среди незлаковых растений, источником восполнения недостатка витаминов, макро- и микроэлементов, антиоксидантов, незаменимых пищевых и физиологически активных веществ, а также аминокислот, углеводов, биофлавоноидов, фитонцидов.

Страны ЕврАзЭС производят более 40 млн. тонн, т.е. более 12% мирового производства. Картофель – «второй хлеб» и влияет на продовольственную безопасность и импортозамещение.

Картофелеводство в ЕврАзЭС характеризуется в настоящее время низкой инвестиционной привлекательностью из-за высокой ресурсоемкости производства. Это препятствие можно устранить в короткие сроки за счет использования новых высокоурожайных сортов, разработки инновационных технологий производства и переработки, в том числе в продукты оздоравливающего питания и корма.

К основным факторам, сдерживающим рост урожайности картофеля в странах ЕврАзЭС, относится отсутствие технологий производства качественного семенного материала для гарантированного сорто-обновления и сорто-смены в объемах, обеспечивающих потребности рынка. Научно-технический потенциал стран ЕврАзЭС позволяет решить эту проблему на основе инновационных подходов и использования схем межгосударственного разделения труда.

В России картофель – одна из самых высокорентабельных растениеводческих культур, занимающая по объёму производства 2-е место после зерновых.

Импорт картофеля в Россию составил 798,6 тыс. тонн в 2015 году, что ниже уровня 2014 года на 8,7%. Импортная цена картофеля в 2015 году снизилась на 24,1% по отношению к 2014 году и составила 377,7 долл. США за тонну.

Экспорт картофеля (без учета продуктов переработки) в 2015 году вырос в 4,3 раза по сравнению с 2014 годом (38,6 тыс. тонн) и составил 164,3 тыс. тонн.

Потребление картофеля, включая продукты его переработки, в расчете на душу населения, по предварительным данным за январь-декабрь 2015 года увеличилось до 114 кг при рекомендованной норме 95–100 кг. Таким образом, с одной стороны, внутренний спрос на картофель насыщен, с другой – снижение реальных располагаемых доходов населения способствует увеличению потребления этой культуры.

В 2011–2014 гг. импорт продуктов переработки картофеля в Российскую Федерацию стабилизировался, и наметилась тенденция к снижению объемов импорта по некоторым видам продукции, за исключением 2011 года, когда

последствия засухи 2010 года привели к существенному снижению объемов производства картофеля и дефициту сырья для перерабатывающих предприятий нашей страны, табл. 1.

Таблица 1

Импорт картофеля и продуктов его переработки (данные ФТС России)

Наименование продукции	2011 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Кол-во, тыс. т	Стоимость, млн. долл.	Кол-во, тыс. т	Стоимость, млн. долл.	Кол-во, тыс. т	Стоимость, млн. долл.	Кол-во, тыс. т	Стоимость, млн. долл.
Картофель свежий или охлажденный	1466,2	728,9	461,0	227,5	448,2	233,5	689,7	382,5
Мука тонкого и крупного помола, порошок, гранулы картофельные	16,7	19,5	8,2	9,1	7,9	9,1	12,8	15,3
Крахмал	45,4	30,5	41,9	29,2	41,7	31,6	47,8	33,7

В 2012 г. ввоз свежего картофеля осуществлялся из 32 стран, картофеля переработанного в муку, порошок, гранулы, хлопья – из 8 стран, крахмала – из 20 стран, в 2014 г. поставщиками были – 32, 10, и 18 стран, соответственно.

Основные объемы импортных закупок свежего картофеля в 2013–2014 гг. приходятся на такие страны как Египет (29–45%), Китай (до 14%), Азербайджан, Израиль (до 12%) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение импорта картофеля и продуктов его переработки по основным странам (данные ФТС России)

Наименование продукции и страны	2013 год				2014 год			
	Количество, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Удельный вес страны в импорте, %	Ср. цена закупки, долл./т	Количество, тонн	Стоимость, тыс. дол.	Удельный вес страны в импорте, %	Ср. цена закупки, долл./т
Картофель свежий или охлажденный								
Египет	128061	70374	28,6	550	308317	172124	44,7	558
Азербайджан	53841	27850	12,0	517	49317	33900	7,2	687
Нидерланды	51619	27485	11,5	532	10199	10091	1,5	989
Китай	57624	30295	12,9	526	97676	50221	14,2	514
Израиль	10049	6701	2,2	667	81762	47683	11,8	583
Беларусь	14271	4549	3,2	319	20546	7393	3,0	360
Индия	1397	682	0,3	488	18431	9036	2,7	490
Мука тонкого и крупного помола, порошок, хлопья, гранулы картофельные								
Германия	4899	4710	61,6	961	6168	5894	48,3	956
Нидерланды	2131	3069	26,8	1440	3196	4767	25,0	1492
Бельгия	486	699	6,1	1439	1137	1620	8,9	1425
Крахмал, инулин								
Украина	13012	7101	31,2	546	15220	6116	31,8	402
Германия	5234	5859	12,5	1119	7038	7809	14,7	1110
Дания	4121	2601	9,9	631	5052	3223	10,6	638
Франция	2709	2327	6,5	859	2508	2215	5,2	883
Литва	3319	2044	7,9	616	4503	2258	9,4	501
Беларусь	3077	1929	7,4	627	1679	1345	3,5	801

Самый дешевый свежий картофель поступает из стран ближнего зарубежья – Белоруссии, Казахстана, Молдовы, но доля этих стран в импорте невелика. Среди стран дальнего зарубежья дешевый свежий картофель поступает из Индии, Китая и Египта – 490–558 долл./т.

Лидирующими странами по поставкам в Россию картофеля переработанного в муку, порошок и гранулы в последние годы являлись Германия, Нидерланды и Бельгия – 95% в 2013 г. и 82% в 2014 г. от всего импорта.

В 2013–2014 гг. почти половина завозимого по импорту крахмала приходилась на Украину и Германию. Существенную долю в объемах импорта крахмала имели также Дания, Литва и Франция.

В связи с введением запрета в 2014 г. на импорт продовольствия, в т.ч. картофеля, из стран Евросоюза и некоторых других стран основными поставщиками свежего картофеля стали такие страны как Египет, Китай и Израиль.

В Российскую Федерацию импортируется в основном ранний и семенной картофель (табл. 3), о чем свидетельствуют наибольшие объемы закупок в весенний период.

После введения Россией эмбарго увеличили поставки свежего картофеля в Россию: Китай – в 7 раз, Египет и Израиль – в 4 раза; появились такие поставщики как Индия и Марокко с достаточно крупной долей (5,5%) в импорте картофеля. В первом и втором кварталах 2014 г. основной объем импорта молодого картофеля приходился на Египет 76,5 и 225,5 тыс. т или 58,5 и 46,4 %, соответственно. В третьем квартале лидировал в импорте Китай – 28,4 тыс. т или 54,4% от общего объема.

Прекратился завоз свежего картофеля из стран Евросоюза, за исключением семенного картофеля, объемы которого существенно не сократились, а в 2015 г. – возросли. Так, всего семенного картофеля в 2015 году было поставлено 30,1 тыс. т, в 2014 г. – 20,8 тыс. т, в 2013 году – 25,1, а в 2012 году – 24,6 тыс. тонн. Нидерланды поставили в 2015 г. 17,1 тыс. т., что составляет 130% от объема поставки этой страной в 2013 году и 168% – от уровня 2014 года. В Гер-

мании было закуплено 9 тыс. т в 2015 г., 4,0 тыс. т – в 2014 г, 5,9 тыс. т – в 2013 году и 4,2 тыс. т – в 2012 году. Третьей лидирующей страной в объемах импорта семенного картофеля является Финляндия. Поставки из этой страны семян картофеля составляли в среднем за 2012–2015 гг. 2-3 тыс. т в год. В среднем по Российской Федерации используется на посадку в количестве 460–540 тыс. тонн.

Таблица 3

Импорт семенного картофеля (данные ФТС России)

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2014 г.	Цена, долл./т
ВСЕГО	24,59	25,07	20,82	30,13	145	926
в т.ч. Нидерланды	12,42	13,14	10,20	17,08	168	989
Германия	4,24	5,88	3,99	8,97	225	992
Финляндия	3,01	2,07	2,48	1,96	79	1034
Англия	2,03	1,50	–	1,04	–	1160
Польша	0,74	0,54	2,16	0,01	0,46	681
Беларусь	1,82	1,67	1,45	0,95	66	484
итого	24,26	24,79	20,28	30,01	148	990
прочие	0,33	0,28	0,54	0,12	23	–

По данным Россельхозцентра и Госкомиссии по испытанию и охране селекционных достижений сорта картофеля зарубежной селекции используются в РФ более широко, чем отечественные. За последние 3 года эта тенденция усиливается: в Госреестр РФ внесено 88 сортов картофеля, из них только 32 отечественных. Из пяти наиболее распространенных в производстве сортов четыре сорта – импортные (Ред Скарлет, Розара, Романо, Гала (из них защищен патентом только Гала, а остальные уже не охраняются патентами), и только один – российский. Таким образом, РФ находится в критической зависимости от зарубежных сортов.

Средние цены на семенной картофель выросли и составили в 2014 году 990 долл./т против 530 долл./т в 2013 году. В условиях снижения валютного курса рубля, розничные цены на импортный картофель будут расти, что может стимулировать импортозамещение. Однако в крупных городах всегда существует покупательский спрос на молодой картофель в зимне-весенний период, и определенное количество импортного картофеля будет присутствовать на рынке.

Производство картофеля в странах – членах ЕврАзЭС представлено в табл. 4.

Таблица 4

Производство картофеля в странах – членах ЕАЭС (по данным FAOSTAT)

Страна	Население, млн. чел.	Средние за 2009–2012 гг.			
		Площади, занятые под картофелем, тыс. га	Урожайность, т/га	Производство картофеля, тыс. т	На душу населения, кг
Российская Федерация	143,30	2 172,8	13,2	28 622,2	199,7
Армения	3,24	30,3	18,9	570,0	176,0
Беларусь	9,47	355,8	20,5	7 253,7	766,1
Казахстан	16,20	180,8	15,9	2 878,2	177,1
Киргизия	5,55	84,5	16,1	1 356,1	244,3
ИТОГО.	**177,76**	**2 824,2**	**14,4**	**40 680,2**	**228,8**

Как видно из табл. 4 самый низкий урожай картофеля во всех категориях в среднем за 2009–2012 гг. был в России (13,2 т/га), в которой валовой сбор клубней составил 28,6 млн. т., или в 2,4 раза больше чем в остальных странах – членах ЕАЭС вместе взятых. По уровню производства картофеля на душу населения в год Россия (200 кг/чел/год) превышает Армению и Казахстан на 23–24 кг. Больше всего картофеля производят в Белоруссии 766 кг/чел/год и в Киргизии – 244 кг/чел/год.

Рост площадей, урожайности, производства и потребления картофеля в Киргизии и других южных странах ЕврАзЭС связан с быстрым ростом их населения и продовольственной проблемой, как и в России.

Переход на самообеспечение картофелем в бывших республиках Средней Азии, Закавказья и сокращение производства хлопка, теплолюбивых ранних плодоовощных, бахчевых, виноградных и других культур произошёл из-за отсутствия цивилизованной межреспубликанской системы товародвижения, в т.ч. с использованием специализированного рефрижераторного железнодорожного транспорта.

Та же проблема возникла и с перевозкой семенного картофеля, качество которого при производстве в северных регионах России намного выше, чем в южных республиках бывшего СССР.

Проблема состоит в том, что при перевозке семенного и продовольственного картофеля в течение 2-х недель на расстоянии до 3–4 тыс. км осенью свежеубранные сильно повреждённые клубни в крытых не вентилируемых вагонах (в которых перевозят кирпич, цемент и др. стройматериалы общего пользования, интенсивно выделяют тепло и влагу (картофель состоит на 75% из воды), а благодаря перепадам температуры от 5–10°С в России до 35–40°С в республиках Средней Азии они задыхаются (или возгорают) и после 10–12 перевалок и 90–100% повреждений к январю – февралю месяцу следующего года (к началу посадки) полностью сгнивают.

С другой стороны отгрузить семенной и продовольственный картофель с окрепшей кожурой в январе – феврале месяце Россия не может, так как в открытые хранилища проникает холодный воздух нарушая температурно-влажностный режим, а подъехать к заваленным снегом буртам невозможно. Невозможно и перевозить картофель в

Казахстан, Киргизию и Армению в холодных вагонах общего пользования, а также транспортировать в обратном направлении скоропортящуюся сельхозпродукцию – зимние сорта винограда, бахчевых, цитрусовых, яблок, груш и т.п. (длительного хранения), а также ранних ягод (вишни, черешни, абрикос) и овощей (капуста, лук, морковь, свекла и т.п.) без специализированного железнодорожного транспорта – вагоны – термосы, АРВ (автономный рефрижераторный вагон), 5-вагонной рефрижераторной секции БМЗ (Брянского машиностроительного завода) и других. Отметим, что сопоставительный анализ эффективности транспортировки скоропортящейся сельхозпродукции автомобильным и железнодорожным транспортом в условиях роста цен и тарифов на продукты питания и спецтранспорт никто не проводил.

Кроме того, для отгрузки семенного и продовольственного картофеля в южные страны ЕврАзЭС и СНГ в любое время года (а также круглогодового приёма овощебахчевой, виноградной и др. скоропортящейся сельхозпродукции) кооперативы и агрохолдинги должны иметь крупные прирельсовые хранилища – комплексы с крытым дебаркадером (или отапливаемым коридором) для исключения отпотевания, подмораживания и других нежелательных процессов, снижающих качество товара.

Топинамбур-культура, имеющая наибольший выход биомассы с единицы площади на территории ЕврАзЭС, которая является ценным источником **инулина** и **фруктозы, пектина, пищевых волокон, кристаллической целлюлозы**.

Топинамбур (подсолнечник клубненосный) или, как его еще называют в России, «земляная груша» – многолетнее клубненосное растение семейства астровых. Топинамбур является близким родственником «подсолнуха». В Россию топинамбур попал в XVIII веке. Родиной земляной груши считается Северная Америка.

Инулин повышает чувствительность организма к гормону инсулин, что снижает уровень сахара в крови. Инулин особенно необходим при несбалансированном питании, злоупотреблении углеводными и крахмальными продуктами, при острых и хронических заболеваниях кишечника, ожирении.

Топинамбур – уникальное растение во многих отношениях.

Во-первых, по сбалансированности, входящих в его состав микроэлементов:

– железа (до 12 мг%) – магния (до 30 мг%)

– калия (до 200 мг%) – марганца (до 45мг%)

– кальция (до 40 мг%) – фосфора (до 500 мг%)

– кремния (до 8 мг%) – цинка (до 500 мг%)

Такое оптимальное соотношение минералов усиливает функциональную активность иммунной, эндокринной, нервной систем организма, а также улучшает показатели крови.

Во-вторых, топинамбур богат витаминами. В клубнях топинамбура достаточно много витамина С и витаминов группы В. Он также содержит витамин РР и каротиноиды. Каротина в топинамбуре содержится 60–70 мг на 1 килограмм.

В-третьих, топинамбур содержит большое количество органических поликислот, к которым относятся: лимонная кислота, яблочная кислота, малиновая кислота, янтарная кислота, фумаровая кислота. В комплексе с витамином С, они обладают ярко выраженными антиоксидантными свойствами.

В-четвёртых, клубни топинамбура богаты белком (3,2%, на сухое вещество). В белке топинамбура много аминокислот (16), в том числе 10 незаменимых (они не производятся организмом человека, а поступают только из пищи): аргинин, валин, гистидин, изолейцин, лейцин, лизин, метионин, треонин, триптофан, фенилаланин.

По данным Новосибирского научно-исследовательского института клинической иммунологии СО РАМН эти белковые соединения очень близки по своей структуре белкам вилочковой железы (тимуса) обладают свойствами, практически, идентичными свойствам этих белков, главных регуляторов созревания и функциональной активности клеток иммунной системы!

В-пятых, топинамбур богат пектиновыми веществами (их в топинамбуре около 11 % от массы сухого вещества). Пектины – высокомолекулярные углеводы, из которых состоит мембрана клетки и межклеточное вещество. Пектины обладают абсорбирующими, вяжущими и желирующими свойствами. Они снижают уровень холестерина в организме, способствуют улучшению обменных процессов, нормализуют перистальтику кишечника, улучшают периферическое кровообращение. Но самым ценным свойством пектина является его способность очищать живые организмы, не оставляя после себя никакого «мусора» и не нарушая баланса внутренней среды организма.

В-шестых, в клубнях топинамбура самая высокая концентрация редкого природного биологически активного вещества – инулина (до 17%). Природная фруктоза, из которой состоит инулин, является уникальным сахаром, который способен участвовать в тех же обменных процессах, что и глюкоза, и полноценно замещать ее в ситуациях, когда глюкоза клетками не усваивается. Именно поэтому диетическая и лечебная ценность инулина очень велика.

Клубни топинамбура являются сырьем для получения порошка, соломки, кубиков, крупки и экстракта топинамбура.

Продукция предназначена для использования в качестве ингредиента при производстве пищевых продуктов в хлебопекарной, кондитерской, молочной промышленности, при производстве напитков, биологически активных добавок. Может использоваться непосредственно в пищу после восстановления в воде, в молоке.

Продукты из топинамбура применяют для улучшения обмена веществ при заболеваниях сахарным диабетом, атеросклерозом, при ожирении. Рекомендуется при повышенной физической и психоэмоциональной нагрузке, а также при снижении работоспособности и быстрой утомляемости (синдром хронической усталости). При профилактике и лечении острых и хронических инфекционных заболеваний, порошок топинамбура повышает активность иммунной системы.

В случае проживания в экологически неблагоприятных зонах обитания и работе с повышенным риском поражения (радионуклидами, тяжелыми металлами, токсикантами органического происхождения) рекомендуются регулярные курсы применения продукта с целью детоксикации. Для детоксикации организма при отравлениях органическими растворителями, включая алкогольное отравление, и при отравлении тяжелыми металлами используют продукты с топинамбуром как средство очистки организма.

Для профилактики новообразований при вероятном воздействии канцерогенов через источники окружающей техногенной среды обитания (воздух, почва, осадки, вода, пища) показаны регулярные курсы использования продуктов с топинамбуром.

Продукты с топинамбуром рекомендуются для восстановления функций желудочно-кишечного тракта при расстройствах неясной этиологии и при проявлениях дисбактериоза. Инулин и олигофруктозаны топинамбура являются превосходными селективными стимуляторами роста и энергетическими субстратами для бифидобактерий, и, в меньшей степени, для лактобацилл.

Зеленая масса топинамбура характеризуется высоким содержанием углеводного комплекса (фруктоза, глюкоза, сахароза, фруктозиды и др.), что позволяет получать из каждой тонны более 80 л спирта.

Имеющийся в нашей стране научный потенциал по выращиванию, уборке и разработанные технологии по глубокой переработке топинамбура, получения экологически чистых продуктов в результате производства, позволяют решать важнейшие проблемы импортозамещения в этой области. Особое значение для повышения конкурентоспособности этой продукции имеет научное обеспечение семеноводства высококачественным оригинальным картофелем и топинамбуром, формирование сети региональных базовых предприятий по оригинальному (первичному) семеноводству с ежегодным производством растений, микро- и мини-клубней гарантированного качества лучших отечественных сортов в количестве 7 млн. шт. мини-клубней и на этой основе выращивание супер-суперэлитного материала объёмом до 10 тыс. т, обеспечивающего потребности РФ в элите. В настоящее время производство мини-клубней составляет около 3,0 млн. шт. и необходимо дополнительно ежегодно производить 4,0 млн. шт., т.е. удвоить эти объемы. Однако выращивание не является самоцелью, важным аспектом является расширение переработки и создания новых продуктов здорового питания, кормов, топливных добавок.

Комплекс мероприятий, предусматриваемых в рамках предлагаемой Программы «Интеграционное развитие производства картофеля и топинамбура на базе инновационных технологий и агротехнопарков на 2018–2021 г.» направлен на:

– модернизацию базового центра по оригинальному (первичному) семеноводству картофеля на уровне меристемно-тканевых культур, клонального микроразмножения, выращивания микро- и мини-клубней и применения высокоэффективных методов диагностики фитопатогенов на всех этапах производства оригинальных семян и особенно первичных полевых поколений, организация тест-питомников новых российских и белорусских сортов картофеля и топинамбура;

– выделение специальных семеноводческих территорий (севооборотов) и создание специализированных хозяйственных обществ с наиболее чистыми фитосанитарными условиями, обеспечивающими выращивание здорового (свободного от фитопатогенов) оригинального картофеля и топинамбура, оснащение их современным оборудованием, приборами для диагностики фитопатогенов методами ИФА и ПЦР, экспресс-анализа, а также комплектами полевой техники для первичных питомников;

– формирование агроэкологических коллекций и тест-питомников новых отечественных высокопродуктивных конкурентных сортов картофеля и топинамбура, пригодных по комплексу хозяйственно-ценных признаков для переработки в продукты здорового питания, топливные добавки и кормовые смеси;

– создание инновационных технологий быстрого размножения оригинального картофеля и топинамбура;

– создание ресурсо-, влагосберегающих, засухоустойчивых технологий возделывания картофеля и топинамбура;

– создание эффективного комплекса сельскохозяйственной техники по возделыванию и уборке топинамбура и картофеля;

– создание технологии, эффективных систем хранения картофеля и топинамбура, экспериментальных хранилищ;

– создание высокоэффективных технологий и пилотных предприятий получения продуктов питания, инулина, топливных добавок и кормов.

Кроме этого, требуется:

– организация сортового первичного семеноводства (в России для стран – членов ЕврАзЭС):

– строительство хранилищ – комплексов из ЛМК (в т.ч. прирельсовых) по хранению (переработке), сортировке, фасовке и упаковке продукции;

– организация эффективной системы межгосударственного и международного лизинга сельхозтехники и оборудования для хранилищ;

– содействие в создании системы целевого консультирования и обучения фермеров через Интернет, содействие в освоении новейшей техники и технологий;

– налаживание системы льготного кредитования.

Программой предусмотрено создание специализированных сельскохозяйственных производственно-торговых кооперативов (СПТК, вместо потребительских СПоК, не нашедших широкого распространения в стране) семеноводческого и продовольственного направления со строительством современных высокомеханизированным и автоматизированных хранилищ – комплексов любой вместимости из быстровозводимых (за 30–40 дней) лёгких металлических

конструкций (ЛМК) окупаемых за 0,5–1 года, с целью получения сертифицированного семенного материала потребителями всех форм собственности и хозяйствования Российской Федерации и стран – членов ЕврАзЭС.

Предусмотрены также крупнотоварные поставки продовольственных мытых клубней, полуфабрикатов, готовых картофелеродуктов и картофельного крахмала в торговую сеть страны, другие государства ЕврАзЭС, СНГ, БРИКС и т.д. На основе остальных 7% посевных площадей, занятых средними и крупными СХО, должны быть созданы агропромышленные предприятия (АПП) и объединения (АПО) холдингового типа с замкнутым циклом производства, хранения (безотходной переработки) и реализации картофеля и продуктов его переработки на внутреннем и мировом рынках.

Аналогичные агрохолдинги селекционно-семеноводческого направления с замкнутым циклом производства и реализации элиты и семян высших репродукций должны быть созданы на базе 8 региональных центров, и специализированных семеноводческих КФХ и СХО, расположенных в благоприятных фитосанитарных условиях.

Таким образом, создание и функционирование региональных (межрегиональных) селекционно-семеноводческих и продовольственных инновационных агротехнопарков и агрохолдингов в ЕврАзЭС является важнейшим направлением импортозамещения – до 20% рыночного оборота продовольственного картофеля, до 50% и более семенного картофеля и картофелепродуктов, и до 80% и более картофельного крахмала. С созданием в России единого рыночного селекционно-семеноводческого комплекса, напрямую связанного с работой всего картофелепродуктового подкомплекса АПК Российской Федерации будут параллельно решаться аналогичные проблемы на всём пространстве ЕврАзЭС.

Реализация программы «Интеграционное развитие производства картофеля и топинамбура на базе инновационных технологий и агротехнопарков на 2018–2021 г.» позволит обеспечить население Российской Федерации, Казахстана, Республики Беларусь, Армении и Киргизии продуктами здорового питания высокого качества из картофеля и топинамбура, обеспечить продовольственную безопасность, повысить эффективность и конкурентоспособность картофелеводства.

Захарова С.В.
к.э.н., доцент, Российский экономический университет / Саратовский социально-экономический институт – филиал

РЕАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ В РАМКАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕАЭС

Ключевые слова*: интеграция, Евразийский экономический союз, внешняя торговля, взаимный товарооборот, макроэкономические показатели.*
Keywords*: integration, Eurasian Economic Union, foreign trade, mutual trade, macroeconomic indicators.*

Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения (со 2 января 2015 года), Республика Беларусь (с 1 января 2015 года), Республика Казахстан (с 1 января 2015 года), Кыргызская Республика (с 12 августа 2015 года) и Российская Федерация (с 1 января 2015 года).

Прежде чем рассматривать особенности торговой специализации стран-членов ЕАЭС, представим основные макроэкономические показатели, сведя их в табл.[1].

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели стран ЕАЭС

Страна	ВВП, 2015 г. (по данным CIA Factbook и Всемирного Банка)	ВВП по секторам, 2015 г., % (по данным CIA Factbook)	Индекс, развития человеческого потенциала, 2015 г. (программа развития ООН)	Уровень безработицы, % (по данным CIA Factbook)	Экспорт, млрд. долл. 2015 г. (по данным CIA Factbook)	Импорт, млрд. долл., 2015 г. (по данным CIA Factbook)	Государственный долг, % к ВВП, 2015 г. (по данным CIA Factbook)	Население, млн. чел. (по данным CIA Factbook)
Армения	**CIA:** 25,32 млрд. долл. **ВБ:** 11644 млн. долл. (135 место)	Сельское хозяйство – 23,3. Отрасль – 30,1. Услуги – 46,7.	0,733	2014 год – 17,8.	1,496	3,117	47,5	3,051,250 (июль 2016г.)
Беларусь	**CIA:** 167,7 млрд. долл. **ВБ:** 76139 млн. долл. (67 место)	Сельское хозяйство – 9,3. Отрасль – 41,3. Услуги – 49,4.	0,798	2014 год – 0,7.	28,63	29,72	36,4	9,570,376 (июль 2016г.)
Казахстан	**CIA:** 429,1 млрд. долл. **ВБ:** 217872 млн. долл. (48 место)	Сельское хозяйство – 4,8. Отрасль – 35,3. Услуги – 59,9.	0,788	2015 год – 5	45,37	31,64	17,6	18,360,353 (июль 2016г.)
Кыргызстан	**CIA:** 20,1 млрд. долл. **ВБ:** 7404 млн. долл. (146 место)	Сельское хозяйство – 18. Отрасль – 25,5. Услуги – 56,4.	0,655	2013 год – 8	1,933	4,268	Нет данных CIA. По данным Кыргызской статистики – 60,3.	5,727,553 (июль 2016г.)
Россия	**CIA:** 3,718 трлн. долл. **ВБ:** 1860598 млн. долл. (10 место)	Сельское хозяйство – 4,4. Отрасль – 35,8. Услуги – 59,7.	0,798	2015 год – 5,4	337,8	197,3	13,5	142,355,415 (июль 2016г.)

[1] Захарова С.В., Соколова О.Ю. Развитие внешнеэкономических связей стран БРИКС. Монография. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 136 с.

Говоря также об экономическим потенциале интеграционного объединения ЕАЭС, рассмотрим данные каждого государства с точки зрения структуры ВВП и в потенциальных отраслях.

В структуре ВВП Армении в 2015 г. лидирующую позицию занимала сфера услуг (56,1%), на второй позиции – сельское хозяйство (17,3%), третье место – промышленность (16,0%).

В сфере услуг лидером является торговля оптом и в розницу (10,8%), далее располагается строительство (9,4%) и операции с недвижимостью (8,9%).

В промышленной сфере лидирует обрабатывающая промышленность, на долю которой приходится 9,1%, на второй позиции – энергетика (4,8%), третьей – горнодобывающая промышленность (2,1%).

В сфере сельского хозяйства на первой позиции располагается растениеводство (10,2%), на второй – животноводство (6,2%), на третьей – рыболовство (0,9%).

Приоритетными отраслями в экономике Армении являются растениеводство (12,2%), обрабатывающая промышленность (9,1%), строительство (9,4%), животноводство (6,2%).

Следующее государство, о котором следует предоставить информацию – Республика Беларусь.

По оценке белорусских специалистов, территория Республики Беларусь занимает 0,15% всей площади Земли, доля республики по численности населения составляет 0,17%.

По объему производства ВВП (по паритету покупательной способности в долларах США) Беларусь занимает четвертое место среди стран СНГ (после России, Украины и Казахстана) и 25-е среди 46 европейских государств.

Республика Беларусь осуществляет экспортно-импортные операции со 196 странами мира. Товары поставляются на рынки 165 государств, импортируются из 181 страны.

Республика Беларусь является экспортоориентированным государством с развитым сектором услуг и сельским хозяйством. Потенциал Беларуси базируется на промышленности, на долю которой приходится около 33% ВВП страны.

Ключевыми отраслями экономики являются: машиностроение, металлургия, металлообработка, производство сельхозмашин и тракторов, производство строительных материалов, легкая и текстильная промышленность, химическая и нефтехимическая промышленность, нефтепереработка, производство электрического оборудования и электроники, сельское хозяйство, лесная и деревообрабатывающая промышленность, информационно-коммуникационный сектор, строительство, энергетика.

Казахстан уже более года существует как полноправный член Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Данное обстоятельство позволило Казахстану значительно усилить показатели внутреннего рынка. С начала формирования ЕАЭС годовой товарооборот Казахстана с партнерами вырос на 2,8 млрд. долл. США – с почти 13 млрд. долл. США в 2009 году до 15,8 млрд. долл. США в 2015 году.

За счет формирования общего рынка ЕАЭС повысилась инвестиционная привлекательность Казахстана. Объемы прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность с начала функционирования Таможенного союза по сравнению с предыдущим пятилетним периодом утроились, что явилось результатом комплекса мероприятий, в том числе по реализации внутригосударственных программ развития.

Формат ЕАЭС открывает и новые возможности для Казахстана.

Казахстан заинтересован в предоставлении доступа к инфраструктуре и внутренним тарифам на перевозку грузов, что позволит уменьшить транспортные издержки для казахстанских товаропроизводителей. С начала функционирования Евразийского экономического союза применение внутреннего российского железнодорожного тарифа при перевозках грузов из Казахстана в Европу через морские порты России, по отдельным расчетам, может дать казахстанским отправителям грузов экономию до 240 млн. долл. США ежегодно.

Основными отраслями промышленности являлись горнодобывающая промышленность и разработка карьеров, производство в которой уменьшилось на 2,5%, составив 33,6 млрд. долларов США, и обрабатывающая промышленность, объем производства в которой составил 25,9 млрд. долларов США с ростом на 0,2% к уровню 2014 года.

Помимо представленных данных, следует отметить, что в настоящее время страна является крупнейшей в мире по добыче металлов (железо, хром, ферросплавы, сталь, алюминий). В последние годы в мировом списке основных поставщиков ее позиции укрепились. Входя в число ведущих экспортеров, Казахстан отправляет за рубеж минерально-сырьевую продукцию, пользующуюся высоким спросом, в том числе: в Россию – свинец, железную руду, окатыши; в США – цинк, рений, бериллий; в Германию – нефть.

Казахстан входит в десятку стран – ведущих производителей и экспортеров угля на мировом рынке, его доля в мировом производстве угля составляет около 2%, а в мировом экспорте угля – почти 5%.

Рассмотренные выше страны-члены ЕАЭС, несмотря на мировой экономический кризис и внутренние сложности, обладают достаточно обнадёживающими параметрами развития хозяйственной системы в рамках постсоветского пространства. Представителем наименее привлекательной экономической картины является Киргизская Республика.

Киргизская Республика – страна, богатая природными ресурсами, имеющая высокий уровень образованности, выгодное географическое положение для производства электроэнергии и мягкий климат для ведения сельского хозяйства.

Государство имеет высокий потенциал развития новых отраслей промышленности, сельского хозяйства и туризма.

К приоритетным отраслям экономики Киргизии относятся гидроэнергетика, цветная металлургия, горнорудная промышленность, легкая и пищевая промышленность, туризм.

Перспективным направлением развития экономики Киргизии является разработка гидроэнергетических ресурсов.

Таким образом, представленные сферы хозяйствования позволяют государство наиболее полно осуществлять торговую политику не только в рамках торгового союза, но и с третьими странами.

Состояние внешнеторговых связей – один из важнейших показателей формирования интеграционных течений на территории Евразийского экономического союза. Масштабы и структура свободного обмена товарами, производимыми его участниками, свидетельствуют об интенсивности взаимного экономического общения, успехах и неудачах строительства единого экономического пространства.

По итогам первого года существования Евразийского экономического союза объем взаимной торговли стран-участниц ЕАЭС в долларовом эквиваленте составил 45,4 млрд. долл., данный показатель на 26% ниже уровня взаимного товарооборота стран-участниц ЕАЭС в 2014 году. Сокращение торговли в денежном эквиваленте внутри ЕАЭС связано с продолжающимся экономическим кризисом, и в частности с девальвацией национальных валют, последовавшей за падением российского рубля. В связи с этим покупательная способность населения и предприятий значительно сократилась. Однако следует иметь в виду, что сокращение взаимного товарооборота стран-участниц ЕАЭС произошло именно в долларовом эквиваленте, тогда как расчеты в национальных валютах, а также физические показатели объема торговли по многим статьям, напротив, увеличиваются.

Примечательно, что внутрисоюзная торговля оказалась менее подверженной всем тем факторам, которые вызвали падение внешнеторговых операций стран Союза. Сокращение объема торговли между государствами ЕАЭС в 2015 году было менее глубоким, чем сокращение объема торговли с третьими странами, в результате чего удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли в целом по ЕАЭС увеличился с 11,7% по итогам 2014 года до 13,5% по итогам 2015 года.

Вступление в ЕАЭС в 2015 году Армении и Кыргызстана не оказало резко отрицательного воздействия на структуру взаимных торговых операций по причине незначительного объёма их экономических систем. По итогам 2015 года торговля России с Белоруссией (57,1%) и Казахстаном (33,5%) составляла основную базу данного вида деятельности. Также РФ играет ведущую роль в торговле с Кыргызстаном (3,2%) и Арменией (2,8%). Взаимная торговля между государствами ЕАЭС, не связанная с Россией, незначительна. Заметного уровня достигла лишь торговля между Казахстаном и Кыргызстаном (1,9%), а также Казахстаном и Белоруссией (1,3%). Отметим, что рост взаимной торговли в долларовом эквиваленте в 2015 году наблюдался лишь между Арменией и Кыргызстаном (рост на 8,1%), взаимный товарооборот остальных стран сократился, наибольшее сокращение наблюдается в паре Казахстан – Белоруссия (на 39,2%).

Особенностью Евразийского экономического союза является то, что взаимная торговля для России является менее значимой, чем для всех остальных участников объединения. Так, по итогам 2015 года соотношение торговли с третьими странами и внутри союза для России выглядело как 91,9% и 8,1%, однако отмечается рост доли взаимной торговли России с союзными странами (в 2014 году составляла 7,2%). Наибольшее значение взаимной торговли между участницами ЕАЭС наблюдается для таких стран как Белоруссия (доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли страны составляет 49,5%) и Кыргызстан (44,3%).

В товарной структуре взаимной торговли государств-членов ЕАЭС наибольший удельный вес занимают:

- минеральные продукты (33,4% объема взаимной торговли), из которых 81,7% на рынок ЕАЭС поставляет Российская Федерация.
- машины, оборудование и транспортные средства (16,4%), из которых 60,0% поставляет Россия и 37,1% – Беларусь.
- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (15,5%), из которых 54,8% поставляет Беларусь и 34,0% – Россия.
- металлы и изделия из них (10,6%), из которых 67,2% поставляет Россия.

Отметим, что в 2015 году в структуре взаимной торговли увеличилась доля продовольственных товаров относительно показателя 2014 года на 1,2%. Также увеличение доли продукции в общем объеме взаимной торговли наблюдается по продукции химической промышленности (на 1,0%) и минеральным продуктам (на 0,6%).

По итогам взаимной торговли стран-членов ЕАЭС в 2015 году можно сделать следующие выводы:

– Республика Армения среди стран-участниц ЕАЭС имеет наименьший оборот взаимной торговли (1,2 млрд. долл.). Наибольшая значимость торговли с ЕАЭС для Армении представляется в товарообороте минеральных продуктов и продовольственных товаров.

– Среди стран-участниц ЕАЭС Республика Беларусь является крупнейшим импортером минеральных продуктов (9,5 млрд. долл.), металлов и изделий из них (1,6 млрд. долл.) и продукции химической промышленности (1,5 млрд. долл.), а также выступает крупнейшим экспортером продовольственных товаров (3,9 млрд. долл.). Товарооборот Белоруссии со странами ЕАЭС превышает внешнюю торговлю Республики с третьими странами по таким товарным группам, как: минеральные продукты, продовольственные товары и металлы и изделия из них.

– Республика Казахстан является крупнейшим импортером машин, оборудований и транспортных средств среди стран-участниц ЕАЭС (2,7 млрд. долл.). Наибольшую значимость взаимной торговли со странами ЕАЭС для Казахстана представляет торговля продукцией химической промышленности и продовольственными товарами.

– Кыргызская Республика практически полностью ориентирована на рынок ЕАЭС по товарной группе минеральные продукты (доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли Кыргызстана превышает 90%). Также товарооборот Кыргызстана с союзными странами превышает оборот внешней торговли с третьими странами по продовольственным товарам и металлам и изделиям из них.

Российская Федерация является крупнейшим экспортером продукции практически всех товарных групп, в результате чего является единственной страной-членом ЕАЭС, имеющей положительное сальдо от взаимной торговли

(14,6 млрд. долл.). По продовольственным товарам Россия уступает в экспорте Белоруссии, однако является лидером по импорту данной категории товаров среди стран-участниц ЕАЭС. Также отметим, что именно по данной категории продукции Российская Федерация имеет наибольший удельный вес товарооборота со странами ЕАЭС в общем объеме внешней торговли России (14,5%).

Дальнейшее развитие евразийской интеграции существенно зависит от роста взаимной торговли стран-участниц ЕАЭС, для чего необходимо эффективно решить ряд вопросов, первоочередными из которых являются:

– создание единых рынков товаров и услуг (так до настоящего времени затягивались решения о запуске единого рынка фармацевтических и лекарственных средств[1], принятие Концепции общего рынка газа и Концепции общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС[2]);

– отмена и унификация нетарифных барьеров внутри союза, которые существенно обременяют взаимные потоки товаров и услуг между странами ЕАЭС, снижая эффективность общего рынка, и в особой степени препятствуют развитию и кооперации технологичных отраслей. Наиболее негативное влияние на торговлю оказывают меры ценового контроля и меры, влияющие на конкуренцию (ограничения в области сбыта и государственных закупок, субсидии), которые в принципе могут быть полностью ликвидированы.

Список литературы

1. Захарова С.В., Кондратьев О.А., Соколова О.Ю. Перспективы стратегического взаимодействия стран БРИКС //Аграрный научный журнал. 2015. – № 5. – С. 86–90.
2. Захарова С.В., Соколова О.Ю., Чистякова Е.А. Развитие внешней торговли РФ со странами БРИКС // Аграрный научный журнал. 2015. – № 10. – С. 80–83.
3. Захарова С.В., Соколова О.Ю. Развитие внешнеэкономических связей стран БРИКС. Монография. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 136 с.
4. Соколова О.Ю., Захарова С.В., Лысенко Е.И. Показатели развития внешней торговли Евразийского экономического союза. Развитие международного торгового потенциала России: проблемы и перспективы: Сборник научных статей преподавателей и магистрантов / Под ред. Л.Г. Акуловой. – Саратов: Издательство Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 158 с.
5. http://www.eaeunion.org – Официальный сайт Евразийского экономического союза.

[1] Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС должно было вступить в силу 1 января 2016 года, однако Россия завершила процесс ратификации Соглашения в феврале 2016 года. Только в августе 2016 года был одобрен соответствующий документ по запуску единого рынка лекарств в ЕАЭС.

[2] Планировалось данные концепции разработать и принять до конца 2015 года, однако Концепция общего рынка газа была утверждена в феврале 2016 года, а Концепция общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС – в мае 2016 года.

Зобова Л.Л.
д.э.н., профессор кафедры экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права
Кемеровского государственного университета
llzob@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА УСПЕШНОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОЮЗОВ

Ключевые слова: *интеграция, международная интеграция, интегрированное экономическое пространство, международное обобществление.*
Keywords: *integration, international integration, integrated economic space, international socialization.*

Международная экономическая интеграция (МЭИ) является многоаспектным и разноуровневым процессом, что предопределяет и различные подходы к анализу. В отечественных научных исследованиях экономической интеграции к настоящему времени сложилась неоднозначная ситуация. Неоднозначность в том, что отсутствует единая общепринятая теория интеграции вообще и международной интеграции в частности. Разнообразие анализа МЭИ связано с различной методологией анализа представителями общественных наук. Авторы исследования «Региональная интеграция и развитие»[1] ставят знак равенства между понятиями международная экономическая интеграция и региональная интеграция. Безусловно, многоаспектность анализа обогащает знание о предмете, вместе с тем терминологическая неясность порождает неоднозначность выводов.

Так, представители исторической науки полагают, что «…региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира. Ее главная общая цель – создание максимально успешной страты…Задача каждой отдельно взятой страны – обеспечить себе максимально благоприятную стратегическую перспективу»[2].

В большинстве исследований под международной интеграцией понимают «процесс хозяйственного и политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами»[3]. Данное определение является широким, охватывающим экономические и политические процессы, поэтому требует существенного уточнения.

Можно согласиться с тем, что «интеграция это политико-экономический процесс по созданию единого экономического пространства стран, входящих в интеграционную группировку, с единым механизмом регулирования экономических и социальных отношений между ними»[4]. Однако из этого определения не ясно, касается ли данный вывод всех форм интеграционных союзов – от зоны свободной торговли до общего экономического союза.

Рекомендации для экономической политики могут быть эффективными только в условиях ясности и однозначности экономических терминов.

Определим самый общий круг теоретических проблем, связанных с категорией «международная экономическая интеграция». К проблемам можно отнести: неоднозначность дефиниции «международная экономическая интеграция»; различение интеграции как процесса и как состояния (уровня) интегрированности субъектов процесса; нелинейность процесса интеграции; международное обобществление производства как экономической основы интеграции и соответственно описание уровня обобществленности как экономической предпосылки международной интеграции. Кроме того, в анализ необходимо ввести фактор времени. Принципиальным является вопрос о цели создания интеграционных союзов, которая в большинстве случаев заявлена как формирование общего экономического пространства. В этой связи возникает вопрос об обоснованности использования термина «пространство» вместо термина «территория».

Свидетельством отсутствия общепринятой теории международной интеграции является существование различных моделей интеграции – «традиционная» модель, модель «нового регионализма», «ступенчатой интеграции», «Европы концентрических кругов», «дифференцированной интеграции». Все названные проблемы необходимо рассматривать в рамках различных моделей международной интеграции.

Дальнейшие выводы сформулированы на основе понимания международной интеграции как процесса согласования внешней экономической политики государств с целью достижения эффективного функционирования национальных экономик в границах интегрированного экономического пространства.

Поскольку процесс международной интеграции растянут во времени, т.е. достижение намеченной цели не может быть достигнуто одномоментно, следует различать понятия процесса интеграции и его достигнутого развитого

---

[1] Региональная интеграция и развитие / Шифф М., Уинтерс А. – М.: Весь мир, 2005. – С. 18.
[2] Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной. — М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. – С. 8.
[3] http://nuru.ru/ek/general/040_1.htm
[4] Иохин В. Я. Экономическая теория. – М.: Экономистъ, 2004. – С. 615.

состояния. В научной литературе на это обстоятельство обращено внимание[1]. Но и начало процесса, и достигнутый результат описывается одним термином «интеграция». Полагаем, что достижение результата интеграции в пространстве и времени должно быть описано с помощью термина «интегрированность». Определенный уровень интегрированности будет означать возникновение нового определенного интегрированного экономического пространства. При этом подчеркнем, что в отличие от экономической территории экономическое пространство – это экономическая среда, формируемая участниками экономических отношений в целях разграничения сферы экономических интересов.

Практика международной интеграции свидетельствует, что в последние десятилетия интенсивно создаются новые экономические пространства. При этом географическое пространство формирующихся интегрированных рынков расширяется, а в экономическом смысле сужается. Каждой форме международного согласования, т.е. различных форм интеграционных союзов (ЗСТ, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз), соответствует определенный характер экономического пространства.

Римский договор 1957 г провозгласил в качестве конечной цели интеграции создание общего целостного рыночного пространства. В. Репке, М. Аллэ, Г. Мюрдаль полагали, что результатом полной интеграции должно стать создание единого интегрированного рыночного пространства нескольких стран. Иначе говоря, должен возникнуть определенный обособленный ареал экономической деятельности субъектов интеграции, отделенный экономическими границами от других экономических агентов. Насколько эта цель достижима? Ответ необходимо коррелировать с разными формами интеграционных союзов (табл. 1). Представленная формализация соотношения форм интеграции и характера экономических пространств рассмотрена применительно к традиционной модели интеграции.

Таблица 1

Соотношение уровня интегрированности и характера экономического пространства

Уровень интеграции	Характер пространства	Пример
Зона свободной торговли	Общее, но сохраняются таможенные границы	НАФТА, Транстихоокеанское партнерство
Таможенный союз	Единая таможенная территория. Создаются межгосударственные органы	МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз
Общий рынок	Общее. Формируются наднациональные органы	Европейская экономическая зона, Центральноамериканский общий рынок
Единый экономический и валютный союз	Единое. Наднациональные институты	Евросоюз

Создается видимость, что по мере углубления интеграции качество интегрированного пространства меняется от общего к единому пространству. Практика показывает, что этот вывод не всегда верен. Пространство такого интеграционного союза как общий рынок требует определенного теоретического уточнения: это пространство общее или единое? Категории «общее экономическое пространство» и «единое экономическое пространство» применительно к процессам экономической интеграции имеют качественные и количественные различия.

Однако иногда в международных документах не делается различие между этими терминами. Понятие «единое экономическое пространство» употребляется наряду с понятием «общее экономическое пространство», причем, не только в разных международных договорах, но и в одном международном договоре. Так, в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (1995 г.) цель заявлена как создание общего экономического пространства, далее указано, что необходимо способствовать созданию условий для формирования единого экономического пространства[2]. Таким образом, создаваемое пространство описано разными по смыслу терминами. В международном праве эти категории не имеют четкого юридического определения.

Проблема успешности (или неуспешности) функционирования интеграционных союзов должна быть описана в рамках конкретного экономического пространства. Общее экономическое пространство – это пространство, в рамках которого свободно перемещаются товары, услуги, капитал и трудовые ресурсы и функционируют совместные правовые регуляторы. Единое экономическое пространство – пространство, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика[3]. В российском законодательстве понятие «единое экономическое пространство» юридически не прописано.

Общие черты «единого пространства» и «общего пространства» проявляются, прежде всего, в том, что оба вида пространств создаются для обособления сферы своей экономической деятельности от соседних экономических пространств и создания преференций странам-участницам интегрированного пространства. Из этой важной посылки следует принципиальный вопрос о характере взаимоотношений сопредельных интеграционных союзов. Часто процесс интеграции рассматривается как «тенденция снижения экономического значения политических границ»[4]. Но конкуренция между субъектами интегрированного пространства и между самими интегрированными пространствами не

[1] См. например: Баласса Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милчейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 147 Максимова М. К вопросу об отечественной теории интеграции // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2007. – № 6. – С. 108.

[2] Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 21 февраля 1995 г.

[3] http://www.macro-econom.ru/economs-1621-1.html

[4] http://online.rae.ru/sciences/7/year-2009

исчезает. Между тем, проблема конкуренции рядом расположенных интеграционных пространств пока не нашла должного отражения в научных публикациях.

Принципиальным критерием различия общего и единого экономического пространства применительно к международной интеграции является не только уровень интегрированности (как это следует из табл. 1), но возможный или достигнутый уровень международной обобществленности.

В настоящее время из зарегистрированных в ВТО 220 соглашений подавляющее большинство имеют цель создание зоны свободной торговли и только 20 соглашений предусматривают создание таможенного союза. Причем 11 из них заключены между странами ЕС (между собой и с третьими странами).

Создание зон свободной торговли свидетельствует о том, что в данном случае пока не существует предпосылок для развитых форм интеграции. Предпосылкой является определенный уровень обобществленности производства (или его отсутствие) в потенциальных странах-партнерах. Подчеркнем, что правильность выводов базируется на различие процесса обобществления и состояния (уровня) обобществленности.

Развитую международную экономическую интеграцию можно рассматривать как особую форму международного обобществления производства, что позволяет оптимизировать связи между странами и объединять их в одну новую систему. В свою очередь, определенный уровень развития международного обобществления производства дает основание для оценки потенциальной успешности реальной международной интеграции.

В любом случае речь идет о новом интегрированном пространстве. Поэтому следует иметь в виду, что в создаваемом или уже созданном интегрированном пространстве объективно начнут проявляться закономерности, которые проявляются в любом экономическом пространстве. К таким закономерностям относятся: круговая причинная связь, эндогенная асимметрия, катастрофическая агломерация, пространственный гистерезис и как результат усиление национального рынка[1]. Практика функционирования существующих интегрированных пространств полна примерами проявления названных закономерностей. Подчеркнем, чем неоднороднее в экономическом смысле интегрированное пространство, тем больше вероятность проявления закономерностей. Пространство любой степени интегрированности неизбежно будет характеризоваться делением на страны центра и страны периферии. На пространстве Евросоюза уже прослеживается проявление эндогенной асимметрии, поскольку выделяют страны так называемой «новой периферии». Ситуация станет более наглядной, если количество участников союза увеличится. Выход Великобритании из Евросоюза и потенциальное желание других стран совершить аналогичное действие иллюстрирует проявление эффекта пространственного гистерезиса, как предпосылки пространственной катастрофы.

Практика международной интеграции показала целесообразность участия какой-либо страны одновременно в интеграционных объединениях различного уровня. Положительный эффект возникает от выгод беспошлинного экспорта и отсутствия тарифов на импорт. Известно, что, например, Чили состоит в 12 торговых блоках, Панама входит в 9 блоков, Мексика, Чехия и Словения в 8 блоков[2]. При этом наблюдается специфическая тенденция, при которой существующие интеграционные союзы заключают соглашения с третьими странами. Так, Евросоюз заключил 25 двусторонних соглашений с третьими странами, ЕАСТ – 14, АСЕАН – 5. Только треть соглашений имеют многосторонний формат[3].

Российской Федерации в условиях глобальной конкуренции важно определить приоритеты участия в разнообразных международных потенциально интеграционных союзах. При этом необходимо ответить на вопрос – насколько эффективным является одновременное участие РФ в интеграционных объединениях различного уровня.

За последние 25 лет РФ заключила большое количество международных договоров, в которых заявлена цель формирования единого или общего экономического пространства (табл. 2).

Надо полагать, что чем глубже интеграционные процессы, тем более наглядно проявятся закономерности функционирования интегрированного пространства. В интегрированном пространстве СНГ, ЕАЭС Россия объективно является центром союзов. В других экономических пространствах роль РФ неоднозначна.

Таблица 2

РФ в интегрированном экономическом пространстве

Интеграционный союз	Уровень интеграции	Характер пространства	ВВП интеграционного союза (2015г.)	Количественные параметры пространства
СНГ	Зона свободной торговли	Общее экономическое пространство	$ 6716, 8 млрд.	Территория – 22,1 млн. кв. км. Население – 282 млн. чел
Союзное государство РФ и Беларуси	Общий рынок. Сформированы наднациональные органы	Цель – единое экономическое, таможенное, валютное пространство	$1928,710 млрд.	Территории – 17 332 791 кв. км Население – 156 043 410 чел.
ЕврАзЭС	Общий рынок	Цель – создание единого экономического пространства	$ 4360,4 млрд.	Территория –. 20 229 248 км² Население – 183 319 693 чел.
ШОС		Цель в перспективе – создание зоны свободной торговли	$37 трлн.[4]	Территория – 34,3 млн. км² Население – 3 млрд. 40 млн. человек

[1] Ottaviano G., Thisse J.-F. New Economic Geography: what about the N? // Environment and Planning. 2004. – N 37(10), 26 January. – P.18.

[2] Региональная интеграция и развитие / Шифф М., Уинтерс А. – М.: Весь мир, 2005. С.-106/

[3] Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной. – М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. – С. 43.

[4] ИнфоШОС. – http://infoshos.ru/ru/?idn=15617

Интегрированное экономическое пространство, являясь динамической структурой, изменяется во времени и является результатом взаимодействий экономических субъектов.

Наличие стран – наблюдателей, т.е. потенциальных участников требует ответа на вопрос о количественных пределах интеграционного соглашения. В девяностые годы XX века появился термин «открытая интеграция». Потенциальная открытость интегрированного пространства находит выражение в так называемом «эффекте домино». Однако следует согласиться с тем, что данный термин является оксюмороном, поскольку географические рамки союзов ограничены[1]. Поэтому необходимо ответить на вопрос об оптимальном размере интегрированного блока. Практика показывает, что многие интеграционные союзы за время своего существования изменились количественно (табл. 3). До каких пределов возможно количественное увеличение? Одно из успешных интегрированных пространств – НАФТА за время своего существования не расширила географические границы, а выгоду извлекает за счет внутриблоковой торговли. В основном документе ЕАЭС организация заявлена как открытая.

Получение дополнительных выгод в случае расширения интегрированного пространства возникает только в случае взаимодополняющихся экономик, т.е. определенного уровня международного обобществления производства.

Таблица 3

Количество участников в интеграционных союзах

Интеграционный союз	Количество участников при создании	Количество участников в настоящее время	Количество стран наблюдателей в настоящее время
ЕС	6	28	5 стран-кандидатов; 2потенциальных кандидата
НАФТА	2	3	
МЕРКОСУР	4	5	2; 6 ассоциированных членов
ЕврАзЭС	4	5	5; 6 стран выразили интерес
ШОС	6	8	4; 2 кандидата в государства-наблюдатели; 6 государств со статусом «партнёр по диалогу»

Еще раз подчеркнем, что экономическое пространство является результатом конкуренции. Поэтому оценка потенциальной эффективности интегрированного пространства должна соотноситься с процессами конкуренции как внутри союза, так и с учетом конкуренции извне. В зарубежных исследованиях приведены данные о том, что проконкурентный эффект торговли в ЕС возникает там, где высок уровень конкуренции в области импорта со стороны фирм из третьих стран[2]. Однако серьезных исследований эффекта конкуренции в региональных союзах развивающихся стран нет. Поэтому, в настоящее время проблематично сделать однозначный вывод о выгодности для российской экономики расширения экономических союзов за счет вступления новых стран.

Таким образом, реальная политика по формированию определенного интегрированного пространства должна учитывать ряд основополагающих моментов. Уровень международной интеграции должен соответствовать определенной форме интегрированного пространства. Пока нет доказательств того, что для РФ региональная интеграция выгоднее, чем заключение двусторонних договоров. Пример функционирования ЕС в данном случае не является универсальным, поскольку страны-члены до его расширения имели примерно одинаковый уровень развития, чего нельзя сказать о ЕврАзЭС.

[1] Региональная интеграция и развитие / Шифф М., Уинтерс А. – М.: Весь мир, 2005. – С. 319.

[2] Там же, с. 79.

Игнатова Т.В.
Ямбушев Д.Ф.[1]

ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: *высшее образование, глобализация, интеграция, университетский комплекс, сетевой университет.*

Keywords: *higher education, globalization, integration, University complex, network University.*

Большинство населения мира считает образование важнейшей жизненной ценностью. В современных условиях сектор высшего образования – это один из наиболее динамичных отраслей экономики. По оценкам специалистов школы управления «Сколково», в ближайшее десятилетие модель организации вузов будет вынуждена существенно измениться под давлением внешних обстоятельств. Изменения определяются в первую очередь сдвигом технологической парадигмы и освоением новых возможностей глобальными лидерами образовательного рынка. Переходным этапом является период 2017–2025, когда новые изменения глобальных правил станут очевидны и в России.

Наиболее важной тенденцией в развитии сферы высшего образования в конце XX века представляется ее массовый характер, связанный с современными тенденциями развития экономики, производства, знания, культуры и общества в целом. При этом основная часть студентов сосредоточена в университетах, в Западной Европе и Японии их доля составляет 80%, в США – 60% всех студентов. Образовательные услуги превратились в социальную потребность современного общества[2].

В современных условиях система высшего образования – один из важнейших факторов, определяющих ход процесса глобализации. Термин «глобализация» встречается на страницах практически всех исследований, посвященных современным проблемам образования, в том числе высшего. Так, английский исследователь П. Скотт, профессор Кингстонского университета, отмечает, что все университеты вовлечены в процесс глобализации – частично как объекты и даже жертвы этих процессов, а отчасти как субъекты и главные посредники глобализации. По мнению П. Скотта, во все времена университет являлся институтом интернациональным, но никогда не был институтом глобальным. «Глобализация – не отделимое от новых форм общественной жизни и новых парадигм производство знания», подчеркивает П. Скотт[3].

Глобализация в образовании ведет к возрастанию академической мобильности, унификации учебных планов и методов обучения, широкому распространению дистанционного образования[4].

Анализ происходящих изменений в сфере высшего образования показывает, что современными ключевыми тенденциями, влияющими на конкурентоспособность образовательных организаций (ОО), являются:

- глобализация высшего образования: усиление мобильности студентов и НПР, укрепление международного сотрудничества, рост импорта и экспорта образовательных услуг;
- рост конкуренции между ОО на рынке образовательных услуг, «расслоение» вузов по категориям и уровню качества образования;
- повышение требований к качеству образовательных услуг со стороны потребителей;
- уменьшение жизненного цикла знания, повышение роли инновационной составляющей образования;
- внедрение новых форм, методов и технологий обучения, повышение гибкости образовательного процесса;
- развитие рыночных методов в высшем образовании;
- реализация процессов горизонтальной и вертикальной интеграции ОО;
- ориентация ОО на реализацию концепции Lifelong Learning;
- тотальная цифровизация образовательного и научного контента.

Для российских ОО очень актуальна проблема соответствия данным тенденциям и, в первую очередь, это касается возрастающей конкуренции на глобальном уровне. Однако ситуация в данной сфере достаточно сложная. Так, в соответствии с глобальным рейтингованием, проводимом Всемирным экономическим форумом (World Economic Forum), по критерию высшего образования Российская Федерация находится на 39 месте среди 144 стран, включенных в рейтинг, а по качеству системы высшего образования страна занимает 84 позицию. Показатели, прямо или опо-

[1] Игнатова Татьяна Владимировна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону. E-mail: tignatova@uriu.ranepa.ru

Ямбушев Дамир Фатихович – к.э.н., экономист ОАО «Дубки», Москва. E-mail: damirka-90@mail.ru

[2] Симаш О.М. Основные тенденции развития высшего образования в мире – http://academicon.ru/publ/obshhaja_pedagogika/

[3] Джесси Рассел Скотт Книга по требованию. – СПб.: Питер, 2013.

[4] Шмугуров В.А. Тенденции развития высшего образования – http://www.surm.md/index.php?option=com_content&task=view&id=281

средованно влияющие на конкурентоспособность российских ОО также низки (доступность исследовательских и образовательных услуг – 59-е место, качество математического и естественнонаучного образования – 59-е место, уровень подготовки персонала в ОО – 89-е место, качество исследовательских институтов – 56-е место, сотрудничество вузов и предприятий в области исследований – 67-е место) (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинговые позиции России в рейтинге глобальной конкурентоспособности стран мира[1]

Показатель	2012/2013 гг.	2013/2014 гг.	2014/2015 гг.
Общий рейтинг России	67 (из 144)	64 (из 148)	53 (из 144)
Высшее образование	52	47	39
Качество системы высшего образования	86	85	84
Качество математического и естественнонаучного образования (в школе)	52	56	59
Уровень подготовки персонала в ОО	89	88	89
Доступность исследовательских и образовательных услуг	80	76	59
Качество исследовательских институтов	70	65	56
Сотрудничество вузов и предприятий в области исследований	85	64	67
Инновационный потенциал	56	64	66

Из представленной таблицы видно, что за последние три года общий рейтинг страны несколько укрепился (на 14 позиций), при этом укрепление страны в рейтинге по качеству системы высшего образования составило всего два ранга, а по инновационному потенциалу мы видим снижение на 10 позиций. На семь пунктов снизился рейтинг по качеству математического и естественнонаучного образования в школе. Положительным является улучшение рейтинга страны по доступности исследовательских и образовательных услуг (+21), качеству исследовательских институтов (+14), а также по сотрудничеству вузов и предприятий в области исследований (+18). Во многом это является результатом государственной политики по реформированию образования, поддержке лидеров отрасли и ориентации системы высшего образования на международный уровень.

Наиболее значимые тренды сферы высшего образования в контексте процессов и особенностей развития современной экономики и общества нами представлены на рис. 1. Указанные тенденции отражаются на развитии сферы образовательных услуг в большинстве стран мира. Например, рост роли знаний стал основой экономик и культур отдельных наций. Правительства многих стран озабочены возможностью использовать потенциал науки для укрепления национальной конкурентоспособности. В последнее десятилетие из-за определения направлений государственной политики, поддерживающих и стимулирующих творческую инициативу не только в прикладных, но и в фундаментальных исследованиях данная возможность приобрела все более реальные очертания[2].

Особое внимание созданию инноваций уделяется в странах Азии. Для этого используются различные методы, включая ускорение процедур выдачи въездных виз для иностранных исследователей, развитие технопарков и иных формирований, в которых инноваторы в области искусства, общественных и технических наук могли бы объединиться для взаимной реализации новаторских идей[3].

Формирование эффективного трудового потенциала обусловливается необходимостью перехода к инновационному типу развития экономики[4]. Закономерностью становится, прежде всего, неразрывная, на протяжении всей жизни связь образования с производственной деятельностью. Анализ системы воспроизводства кадров высшей квалификации как наиболее сложного элемента механизма развития трудового потенциала позволил сделать вывод о том, что сформулированная во второй половине прошлого века концепция непрерывного обучения претерпевает определенное усложнение в условиях требований инновационного развития: теперь необходимо не просто накопление новых знаний и навыков в процессе трудовой деятельности, но и умение эффективно применять их на практике[5].

Вузы для набора студентов на разные формы и сроки обучения активно используют инструменты маркетинговых коммуникаций (рекламу, связи с общественностью, event-маркетинг и др.). Буклеты, листовки, статьи в журналах и справочниках, выступления руководителей в СМИ, насыщенные сайты вузов, PR в социальных сетях – все работает на формирование высокого спроса на образовательные услуги и положительный имидж вуза на конкурентном рынке сферы высшего образования.

Кроме того, производится оценка эффективности и экономической целесообразности структурных подразделений вузов. По данным исследований РАН, при университетах растет количество разных экономически выгодных до-

[1] The Global Competitiveness Report. – www.weforum.org

[2] Филимонцева Е.М., Ямбушев Д.Ф. Направления повышения конкурентоспособности российской системы управления сферой образования в условиях модернизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 1.

[3] Филенко Ю.А. Региональные аспекты конкурентоспособности вуза // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 88–92.

[4] Игнатова Т.В., Немашкалова К.Г. Образование как фактор инновационно-ориентированного общественного развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 657–663.

[5] Васильев П.П., Шевелева О.М. Современные тенденции формирования трудового потенциала и развития интеллектуального капитала // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. – № 5 (48). – С. 7–16.

полнительных форм образовательных услуг. Научные исследования в вузах, в среднем, по Европе на 60–70%, а в США на 80% носят прикладной характер, финансируются фирмами или частными фондами[1].

Рисунок 1.
Основные тренды сферы высшего образования

Одним из важнейших трендов развития сферы высшего образования является тенденция ее интернационализации, вызванная факторами экономического и социально-политического сближения стран. Она выражается в необходимости обеспечения совместимости образования, формирования общего образовательного пространства. Именно на создание общего образовательного пространства направлен Болонский процесс добровольного сотрудничества образовательных систем европейских стран.

Основные изменения, которые происходят в вузе, активно участвующем в процессе интернационализации, показаны в табл. 2. Из таблицы можно сделать вывод, что университеты не могут существовать только в локальном или национальном контексте, они должны выходить на международный уровень, лишь в этом случае они приобретут конкурентоспособность и привлекательность для потенциальных студентов.

Таблица 2

Изменения в работе вузов под влиянием интернационализации[2]

Старая парадигма	С учетом влияния интернационализации
Сотрудничество в исследовательских проектах	Образовательное сотрудничество (признание степеней, международные консорциумы)
Международное сотрудничество, инициированное представителями профессорско-преподавательского состава и кафедрами	Международное сотрудничество, инициированное университетами
Международное сотрудничество имело альтруистическую основу	Поиск сотрудничества, которое может принести доходы вузу
Несогласованность действий	Четкая стратегия интеграции

Самая известная форма интернационализации высшего образования – это академическая мобильность студентов. Для преподавателей, ученых и административно-управленческого персонала мобильность означает возможность проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности, а также стажировки и обмен

[1] Филиппов В. Некоторые тенденции развития классических университетов – http://www-old.informika.ru/text/magaz/higher/3_96/13-16.html

[2] Садовская А. МГУ возглавил все национальные рейтинги университетов 06.2014. –http://ibusiness.ru/isslyedovaniya/32890

профессиональным опытом в разных странах-участницах Болонского процесса с соблюдением их прав в установленном законом порядке[1].

Количество студентов, обучающихся за рубежом, за последние пятьдесят лет в мире увеличивалось более чем в тридцать раз. В среднем за год увеличение происходило на 10%. Активный рост происходил в последнее десятилетие. На современном этапе мировое пространство сферы высшего образования в аспекте предоставления образовательных услуг иностранцам характеризуется высокой концентрацией. По прогнозам к 2020 году уровень международной мобильности студентов достигнет – 5,8 млн. человек, а к 2025 году практически 8 млн. человек[2].

Рост международной мобильности студентов объясняется различными факторами. Наиболее значимые из них: привлекательность интеллектуального, культурного и политического климата в стране предполагаемого обучения, определенная легкость доступа к высшему образованию за рубежом, включая расходы на обучение и язык обучения, общность языка и религии принимающей стороны, политическая стабильность и безопасность, географическая близость и наличие родственников и друзей в стране обучения. Не менее важными факторами желания молодых людей выехать на обучение за рубеж являются репутация и статус вузов, репутация образовательных программ и доступность информации об их содержании[3].

Мобильность преподавателей не настолько исследована как мобильность студентов, но ее можно считать также чрезвычайно важной формой интернационализации высшего образования. Традиционно международная мобильность профессорско-преподавательского состава связана с чтением академических курсов и научными исследованиями.

Важным следствием интернационализации является международные сопоставления вузов или их рейтингование. Необходимо отметить, что российские вузы сравнительно плохо представлены в мировых рейтингах ведущих университетов мира. Так в ТОП-100 QS World University Rankings нет ни одного российского университета и всего лишь 9 вузов входят в ТОП-500. В рейтинге QS среди стран BRICS в первую сотню вошли 18 вузов России (для сравнения: в этой группе 34 вуза Китая и 18 вузов Бразилии) (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг российских вузов в QS World University Rankings в 2015/2016 г.[4]

Место в общем рейтинге QS	Наименование вуза	Место в рейтинге QS-BRICS
108	1. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	4
256	2. Санкт-Петербургский государственный университет	15
317	3. Новосибирский государственный университет	19
338	4. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана	35
397	5. Московский государственный институт международных отношений (университет)	39
471–480	6. Санкт-Петербургский политехнический университет	60
481–490	7. Томский государственный университет	44
481–490	8. Национальный исследовательский Томский политехнический университет	64
501–550	9. Московский физико-технический институт (государственный университет)	45
501–550	10. Государственный университет – Высшая школа экономики	63
551–600	11. Казанский (Приволжский) федеральный университет	72
601–650	12. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина	77
601–650	13. Национальный исследовательский Саратовский государственный университет	
601–650	14. Южный федеральный университет	81
651–700	15. Дальневосточный федеральный университет	98
701+	16. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского	86
701+	17. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова	91
701+	18. Воронежский государственный университет	–

В рейтинге QS-BRICS представлены 53 российских вуза, на их долю приходится 26,5% всей вузов стран БРИКС, включенных в рейтинг ТОП-200. Россия уступает китайским вузам, удельный вес которых в данном рейтинге 33,5% (табл. 4).

В ТОП-400 университетов мира по версии The Times Higher Education World University Rankings входят два российских университета: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (196-е место) и Новосибирский государственный университет (место в группе 301–350). К слабым сторонам российских вузов, препятствующие занятию высоких позиций в мировых рейтингах, относятся недостаточно высокий уровень научных исследований (как правило, это не исследования мирового уровня), малая известность ученых и низкая их цитируемость в

[1] Захарова И.В. Некоммерческий маркетинг образовательного учреждения как источник инноваций // Проблемы развития инновационно-креативной экономики. Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции, С.-Петербург, 19–20 мая 2009. / Под общ. ред. проф. Горелова Н.А., проф. Мельникова О.Н. – М.: Креативная экономика, 2009.

[2] Колесник Л.А. Международная академическая мобильность студентов // Образовательно-научно-производственный портал «Рудана». – http://www.rudana.in.ua/showanalit_40.htm

[3] Стрельников А.В. Формирование организационно-экономического механизма обеспечения конкурентоспособности вузов, занимающихся подготовкой кадров для сервиса и туризма // Сборник статей научной конференции «Современные тенденции развития индустрии туризма и гостеприимства». – М.: ИТиГ, 2011. – С. 45–52.

[4] QS University Rankings. – www.topuniversities.com/

мировом научном сообществе, низкая международная активность, включая малое число иностранных студентов, обучающихся в вузе.

Таблица 4

Рейтинг российских вузов в QS BRICS Rankings в 2015 г.[1]

Страна	Число вузов	Доля в общем числе
Россия	53	26,5
Китай	67	33,5
Бразилия	40	20,0
Индия	28	14,0
ЮАР	12	6,0

Важной тенденцией также является изменение форм и технологий предоставления образовательных услуг. Вузы переходят на активные методы обучения. Претерпевает существенные изменения лекционно-семинарская модель обучения, активно используются онлайн-курсы, разработанные лучшими университетами. Получают распространение дистанционные технологии. Программы электронного образования разрабатываются более чем в 30 странах. Например, в США по программам дистанционного обучения сегодня обучается около 1 млн. человек. Учебные курсы, передаваемые по образовательным каналам доступны по всей стране, а через спутник – другим странам мира[2].

Следующая тенденция – интеграция участников образовательной сферы, под которой подразумевается процесс взаимодействия учебных заведений одного и того же уровня, или объединение таковых в новую структуру при наличии экономической целесообразности (рис. 2).

Рисунок 2.
Виды современной интеграции участников образовательной сферы

Самый всеобъемлющий вид интеграции – горизонтальная интеграция вузов в форме ассоциаций, некоммерческих объединений и партнерств по созданию проектов межвузовского взаимодействия[3].

Еще более мощным вариантом горизонтальной интеграции является создание Web-университетов, конечная цель которых – объединить накопленный его участниками опыт создания современной информационно-образовательной среды высшего образования для ее конкретного применения.

Третий вид интеграции – смешанная (горизонтально-вертикальная) интеграция различных ступеней образования, а именно создание университетских комплексов.

Основным видом интеграции в настоящее время считается – «сетевое взаимодействие вузов», представляющее собой их совместную деятельность, которая обеспечивает возможность обучающимся осваивать образовательную программу с использованием ресурсов нескольких ОО. Для данного вида взаимодействия характерны признаки высокого уровня культуры отношений, выраженные в следующих принципах: доверие между партнерами, общие цели и ценности, добровольность и долговременность партнерских отношений, а также признание взаимной ответственности субъектов взаимодействия за результат их совместной деятельности[4].

Университетский комплекс объединяет структурные подразделения, реализующие образовательные услуги различных уровней. Основной целью создания таких комплексов является повышение качества профессионального образования всех уровней и обеспечение преемственности, непрерывности и вариативности реализуемых образовательных программ[5].

Важно отметить, что модернизация и эффективность функционирования экономики России в большой степени определяются результативностью деятельности сферы образовательных услуг и реализацией мер по повышению ее

[1] QS University Rankings. – www.topuniversities.com/

[2] Грудева И. Дистанционное обучение в вузах России и Зарубежья. – С. 10. – http://melifrya.org.ru/dist/DistanceEducation.pdf

[3] Игнатова Т.В. Формирование управленческого резерва региона через развитие административно-образовательных кластеров // Креативная экономика. 2012. – № 3. – С. 94–99.

[4] Женина В.С. Сетевое взаимодействие вузов как инновационный тип отношений образовательных учреждений. – http://www.kpinfo.org/activities/research/conferences

[5] Филимонцева Е.М. Образовательная услуга как ключевой элемент сферы образования // Известия Сочинского государственного университета. 2014. – № 1. – С. 132–138.

конкурентоспособности. При этом каждый вуз должен самостоятельно проводить оценку конкурентоспособности своих услуг. Для этой цели можно использовать сопоставление параметров образовательных услуг анализируемого вуза с параметрами конкурентов. Данный анализ покажет сильные и слабые стороны услуг анализируемого вуза и позволит выработать правильную стратегию на рынке и наметить пути улучшения их конкурентных позиций.

Искакова Г.К.
д.полит.н., профессор, проректор по учебно-методической работе Государственного университета им. Шакарима, г. Семей, Казахстан
gulisk@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ И УГРОЗЫ

Ключевые слова*: регион, Центральная Азия, безопасность, евразийское пространство, интеграция, угроза, международные отношения.*

Новые угрозы и вызовы XXI века требуют гораздо более эффективной стратегии региональной безопасности. Регион Центральной Азии стал одним из очагов нестабильности, проявлениями чего стали рост этнонационалистических настроений, этнические и территориальные конфликты, активизация экстремистских сил и др. Центральная Азия – это регион, в котором сосуществуют и сталкиваются различные цивилизационные модели, этносы, религии, культуры и социально-экономические уклады. Этот регион стал объектом конкурентной борьбы крупных держав (Китай, США, Россия) за богатейшие природные ресурсы и лидерство в Центральной Азии.

Учитывая свое геополитическое положение, государства Центральной Азии стремятся наладить сотрудничество как друг с другом, так и с могущественными соседями (прежде всего, Россией и Китаем), найти новые выходы на мировой рынок (возрождение Великого Шелкового пути, строительство железнодорожных и шоссейных дорог и др.).

Центрально-азиатский регион – это достаточно конфликтогенная зона, которая характеризуется различными очагами локальных и скрытых конфликтных ситуаций. Одна часть конфликтов вызвана историческими и политическими условиями возникновения независимых государств Центральной Азии и связанными с ними проблемами социально-экономического и этнотерриториального характера. Другие конфликты появились в результате ренессанса ислама, его политизации и радикализации. Этно-территориальные и пограничные проблемы, порожденные, в основном, в советское время, ввиду их нерешенности оказывают серьезное дестабилизирующее влияние в настоящее время. В частности, это межнациональные противоречия и конфликты, территориальные споры (между Кыргызстаном–Узбекистаном, Таджикистаном–Узбекистаном, Казахстаном–Узбекистаном), дефицит водных ресурсов и аграрная направленность экономики). К тому же действия Китая в отношения Черного Иртыша обостряют проблему водных ресурсов в Восточном Казахстане. Обострению межэтнических отношений в регионе способствуют также демографические факторы и активизация миграционных процессов, обострение проблем с беженцами и трудовыми мигрантами. К другим глобальным угрозам, оказывающим все большее влияние на ситуацию в Центральной Азии, относится религиозный фактор (распространение идей радикального ислама) и проблема наркотиков. Многочисленные нерешенные внутренние проблемы Афганистана, связанные с обеспечением безопасности, наркотрафик и целый ряд других вопросов социально-экономического характера оказывают негативное влияние на ситуацию в Центральной Азии.

Реализация огромного экономического, транспортного и коммуникационного потенциала, которым обладают страны Центральной Азии, и на этой основе обеспечение национальной и региональной безопасности затрудняется из-за несогласованности подходов к решению ряда ключевых проблем. С одной стороны, это группа проблем – сложности исторического характера, в том числе территориально-пограничные проблемы, водо- и землепользования, коммуникационные. За последние годы к ним добавилась вторая группа проблем, называемая «нетрадиционной»: рост религиозного экстремизма, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми. Все эти проблемы препятствуют развитию интеграционных процессов в Центральной Азии, содержат в себе скрытый конфликтогенный потенциал, и в итоге, снижают общую инвестиционную привлекательность региона. Конфликтообразующие разногласия стран региона, касающиеся взаимных претензий по территориальным, водно-энергетическим и транспортно-коммуникационным проблемам, не получившие разрешения в советский период, за годы независимости еще более обострились

Государства Центральной Азии, в отличие от стран Балтии, Грузии и др. (которые придерживаются западной ориентации как ведущего направления своей геополитической и внутриполитической стратегии) продолжают пока ориентироваться на Россию и готовы выстраивать и выстраивают с ней тесные экономические интеграционные отношения в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС.

К 2000 году произошли значительные структурные изменения в политике и экономике стран региона, в основном сформировались интересы как стран ЦА региона, так и внерегиональных субъектов мировой политики, стремящихся к усилению своего влияния в Центральной Азии. Россия, США и Китай к 2000 году определились со своими геополитическими интересами в регионе и оказывали наибольшее влияние на политическую, экономическую и военно-стратегическую ситуацию в Центральной Азии. При этом эти страны, претендуя на региональное влияние, заинтересованы в укреплении своего лидерства в Центральной Азии и в снижении влияния соперников.

Сегодня усилия государств по обеспечению международной, региональной и национальной безопасности направлены на совместный поиск адекватных форм урегулирования конфликтов нового поколения, создания возможности для их предупреждения, а в случае возникновения и обострения – для их разрешения на взаимоприемлемой основе.

Обострению межэтнических отношений способствуют также демографические факторы и активизация миграционных процессов, проблемы с беженцами и трудовыми мигрантами.

Обеспечение евразийской безопасности затрудняется из-за несогласованности подходов государств к решению ключевых проблем региона. Периодические всплески локальных политических конфликтов (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) также создают угрозы евразийской безопасности.

Сегодня усилия государств по обеспечению евразийской безопасности направлены на совместный поиск адекватных форм урегулирования конфликтов, создания возможности для их предупреждения, а в случае возникновения и обострения – для их разрешения на взаимоприемлемой основе. Однако готовность государств Центральной Азии к сотрудничеству по урегулированию региональных конфликтов далеко не одинакова, и сотрудничество имеет многоуровневый характер: в рамках двухсторонних связей, ОДКБ, ШОС и других региональных организаций. Шанхайская организация сотрудничества, например, призвана стабилизировать положение в регионе и сдерживать стремление США, России и Китая к монополии на политических и экономических рынках региона. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, в определенной степени играя на интересах России и Китая, стали добиваться гораздо больших результатов внутри ШОС, чем вне этой структуры.

В ШОС Китай наряду с Россией играет ведущую роль, активно распространяя свое влияние на других участников – государства Центральной Азии. Для Пекина ЦА – в первую очередь Казахстан – представляет собой зону геостратегических интересов. Поэтапное расширение ШОС представляет две стороны одной политики – признание перспективного альянса России и КНР и одновременно противостояние продвижению США [1]. Роль ШОС в мировой политике в связи с указанными тенденциями значительно возрастает и вполне вероятно, что эта организация станет одной из влиятельных геополитических сил.

По мнению З. Бжезинского, США не могут допустить появления в Евразии такого государства или коалиции государств с участием России, Китая и Ирана, которые могли бы ограничить или ослабить американское влияние в данном регионе. З. Бжезинский считает, что регион тяготеет к конфликтному развитию геополитической ситуации и определяет задачи США в этом регионе. «Проблема того, сумеет ли Америка не допустить появление в Евразии доминирующей и антагонистической силы, определяет способность Америки осуществлять глобальное первенство» [1]. США стремятся не допустить восстановления стратегического контроля России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. В то же время США необходимо сотрудничество с Россией для предотвращения дестабилизации в Евразии. США рассматривают Центральную Азию как часть более широких геополитических конструкций, представленных в различных стратегических концепциях: Балто-Черноморско-Каспийский демократический союз, Большой Ближний Восток (ББВ), Большая Центральная Азия (БЦА) и т.п. Вместе с тем, по мнению специалистов, любая форма американо-российской конфронтации угрожает расколом Центральной Азии.

Во второй половине 90-х годов важнейшей экономической и геостратегической доминантой для США был определен Каспий как часть американских энергетических интересов. Запасы углеводородного сырья в Каспийском море могут снизить зависимость США от ближневосточных энергоресурсов. Кроме экономической выгоды есть и прямая политическая доминанта – блокирование стремления России и Ирана сохранить Каспий в качестве внутреннего водоема приморских стран.

Военное присутствие в Центральной Азии (с открытием американских и натовских военных баз в Кыргызстане и Узбекистане) позволяло США решать геополитические задачи: воздействовать на третье в мире нефтегазовое месторождение Большого Каспия; а также на Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китая; изолировать Иран; усилить контроль над Афганистаном; контролировать ядерное противостояние в Индостане. В принятом в 2002 году документе «Акт в поддержку свободы в Афганистане» Афганистан и Центральная Азия рассматриваются как единое целое, в этом документе также отражено стремление США способствовать развитию демократии и гражданского общества не только в Афганистане, но и в Центральной Азии. В официальных публикациях американских СМИ также заявлены намерения помочь государствам региона реформировать экономику и общество и после разрешения афганского конфликта. В 2004 г. США выдвинули стратегию создания «Большого Ближнего Востока», включающего и Центральную Азию.

Для сохранения и упрочения своих позиций в регионе США (после «тюльпановой» революции в Кыргызстане и антиправительственных выступлений в Андижане (Узбекистан), стремясь ослабить влияние России и Китая, начали корректировать свою тактику в регионе. По мнению экспертов, основную ставку США делают на Казахстан, что объясняется стремлением не допустить укрепления позиций России в нефтегазовом секторе Казахстана и предсказуемостью политики Казахстана в вопросах нефтегазового сотрудничества. Американо-казахстанские экономические отношения за двадцать лет достаточно успешно развивались: американцами в экономику Казахстана было вложено более 15 млрд. долларов, из которых более 50% – в нефтегазовый сектор [2]. США, продолжая политику диверсификации транспортировки углеводородов на мировые рынки, в первую очередь, добиваются подключения Казахстана к трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан, сотрудничества в рамках Каспийского трубопроводного консорциума, а также участия Казахстана и Туркмении в предполагаемом строительстве Транскаспийского газового трубопровода для поставок природного газа на европейский рынок через порты Турции. США стремятся добиться участия Туркмении в строи-

тельстве Транскаспийского трубопровода, а самое главное – согласия экспортировать туркменский газ по этому маршруту.

По мнению ряда экспертов, рассматривающих проект ТАПИ как геополитическую победу США в отношении Китая и России, подчеркивают, что главным вдохновителем проекта явился Вашингтон, который не заинтересован в укреплении позиций России, Ирана и Китая. Они отмечают, что главными героями Большой политики являются не США и Россия, а США и Китай. США заинтересованы в создании вокруг Китая «постоянной зоны нестабильности», а это СУАР и Центральная Азия, где помимо традиционно взрывоопасной Ферганской долины отмечен и мирный нейтральный Туркменистан. Ж. Алматбаева, к примеру, допускает возможность попытки создания в Туркменистане, несмотря на его статус нейтрального государства, подобия военной базы для действий в Афганистане.

Ярким примером противоречивости интересов государств в борьбе за природные ресурсы является проблема Каспия. Одна из ключевых проблем региона – международно-правовой статус Каспия (является ли эта акватория морем или озером). Из-за этого страны СНГ и Иран занимают противоположные позиции в вопросе о разделе Каспия. США за последнее время добились принципиальных сдвигов по проблеме так называемого газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) и строительства Транскаспийского газопровода (ТК) по дну озера от Туркмении до Баку, что не в интересах России. Двусторонние отношения, за которые выступают Россия и Казахстан, являются стабилизирующим фактором, но являются полумерой и не решают проблему в целом. По мнению эксперта британского института Chartman House Юрия Федорова, борьба за энергоресурсы может привести даже к вооруженному конфликту. Не исключают эксперты и применения силы со стороны Ирана, поскольку Тегеран чувствует себя обделенным каспийским богатством. Обострилась ситуация с территориальным спором между Азербайджаном и Туркменистаном из-за пограничных Апшеронских месторождений в Каспийском море. По мнению эксперта Брукингского института Джохан Линн, на карте Каспия появилась еще одна горячая точка вместо замороженного конфликта. Проблема обострилась летом 2010 г. в связи с ультимативным требованием Туркмении не учитывать полуостров Апшерон при определении медианной линии.

Россия стремится решить территориальные споры путем заключения двусторонних соглашений с другими странами, но их действия ограничиваются только северной частью Каспия. Азербайджан стремится к заключению соглашений, при которых он всегда бы оставался транзитной страной, особенно, когда речь идет о доставке туркменского газа через Украину в Европу. Казахстан согласен с прокладкой ТС по дну Каспия до Черного моря, чтобы наполнить трубу Набукко своим сырьем. Иран акцентирует внимание на вопросах экологии, отмечая, что эта проблема выходит на первое место после трагедии в Мексиканском заливе [10]. Возросло влияние в регионе и Китая. Ключевую роль здесь играет строительство газопровода из Туркмении в КНР. По сути, Китай стремится сделать Центральную Азию своей резервной базой. В выигрыше при любом раскладе остается Туркменистан, который готов транспортировать газ как через трубу Набукко в Европу, так и трубу ТАПИ.

Политолог-китаевед К. Сыроежкин подчеркивает, что «резервы Каспийского региона огромны, и на их фоне соревнование за контроль над каспийскими месторождениями нефти и газа вполне закономерно. При этом оно отражает не столько экономические, сколько политические интересы ряда государств, и прежде всего США, стремящихся не столько «застолбить» нефтяные залежи в каспийском регионе, сколько обеспечить свое доминирование в нем и тем самым предупредить возможное превосходство здесь России, Китая и Ирана». При этом политолог справедливо считает, что в эпоху глобализации не имеет смысла завоевывать какие-то территории. Особенно те, которые и без этого работают на вашу экономику [11].

По мнению российского политолога В. Иноземцева, сегодня перераспределение центров силы в мировом масштабе идет скорее с Запада в Азию, чем из Европы в Россию. Политика России в отношении СНГ крайне непоследовательная и не очень успешная. И беспокойство Запада относится не к России, а, в первую очередь, к Китаю.

Казахстану в сложившихся обстоятельствах разумнее ориентироваться не на Китай и Россию, а на собственные интересы и сбалансировать возможности России и Китая через апеллирование к другим странам. По мнению В. Иноземцева, Казахстану следует выстраивать баланс между Россией, США, Европой и Китаем, стремясь чтобы ни один из этих центров силы не играл доминирующей роли. Потому что в любом случае четкая ориентация на одного из соседей приведет в конечном итоге к гипертрофированной зависимости. Концепции Большой России и Большого Китая опасны и угрожают государственному суверенитету Казахстана [12].

Казахстан, сочетая либеральную экономическую политику и гибкость в привлечении инвестиций, стал экономическим лидером в Центральной Азии. Однако сегодня экономические трудности, связанные с мировым финансовым кризисом и рядом других причин, вынудили Казахстан сделать два значительных внешнеполитических шага – взять у Китая кредит в 13,5 миллиарда долларов (в обмен на разрешение покупать нефтяные и урановые активы) и вступить в Таможенный Союз вместе с Россией и Белоруссией.

Казахстан – точка пересечения интересов основных мировых держав. Для Европы и Китая он – дополнительный источник углеводородов и урана, альтернативный поставкам из России и стран Персидского залива. Для России Казахстан – стратегически важная территория, торговый партнер (более 30% импорта составляют российские товары) и буфер по отношению к Центральной Азии. Исламские государства рассматривают Казахстан как конкурента на нефтяном рынке. Японию интересуют в основном урановые месторождения.

Казахстан использует свое геополитическое положение в целях укрепления своих позиций в мировой транспортной системе, что позволит перетянуть грузопотоки из Азии в Европу, которые сейчас осуществляются по морскому пути, на свою территорию. Путь через Казахстан сокращает доставку грузов из стран Азии в Европу с 30-35 дней до 12. Здесь явная выгода не столько с точки зрения сокращения времени доставки груза, сколько с точки зрения роста темпов развития экономики стран [13].

В силу географических, исторических, экономических и политических факторов Россия и Китай остаются наиболее приоритетными направлениями во внешней политике Казахстана. Смагулов И. считает, что в связи с глобализационными процессами происходит трансформация международной системы, сужение мирового пространства, происходит сдвиг от исторических приоритетов к цивилизационным и геополитическим. Многовекторность внешней политики Казахстана объясняется разнообразием и разнонаправленностью внешнеполитических интересов страны. «Как система сдержек и противовесов политика многовекторности не допускает перекоса внешней политики Казахстана ни в чью сторону. Это позволяет Казахстану в течение двадцати лет занимать собственную нишу в мировом пространстве. Отказ от ядерного оружия, активная борьба за разоружение, содействие диалогу религий, консолидация государств для обеспечения всеобщей безопасности» [14].

Основная внешнеполитическая задача Казахстана – обеспечение выхода на мировые рынки. Так как большинство грузов (прежде всего, нефть) идет через Россию, Казахстан старается диверсифицировать поставки, используя пути через Закавказье и в Китай. В зависимости от количества и характера инвестиций, торгового баланса и политической поддержки Казахстан выстраивает свою систему ранжирования потенциальных партнеров по степени значимости – Россия, США, Китай, Евросоюз, Япония, Канада, Швейцария, Белоруссия, ОАЭ, Израиль, Киргизия [15].

Таким образом, центрально-азиатский регион – это место пересечения интересов мировых держав (в том числе Китая и США), стремящихся усилить свое присутствие в регионе. Особый интерес ведущих стран, транснациональных корпораций, различных финансово-экономических институтов к региону объясняется его геополитическим положением, коммуникационными возможностями, наличием значительных запасов природных ресурсов. Геополитические особенности Центральной Азии вызывают значительный интерес мировых и региональных держав и с военно-стратегической точки зрения. Расположение региона по соседству с нестабильным Афганистаном, Пакистаном, Ираном и другими нестабильными странами делает сотрудничество с ним важнейшим элементом как глобальной, региональной, так и национальной безопасности таких мировых держав как Россия и Китай. Одной из основных задач США, России и Китая является достижение лидирующего положения в регионе и недопущение союза двух других государств. При этом США, Китай и Россия имеют как совпадающие, так и противоположные интересы в регионе. Совпадающие интересы (борьба с терроризмом, распространением наркотиков и др.) создают возможность сотрудничества США, Китая и России между собой и со странами Центральной Азии. Противоположные интересы ведут к заключению соглашений каждой из этих стран в отдельности со странами Центральной Азии или к двустороннему согласованию действий России и Китая в рамках ШОС.

Сегодня, по мнению Н.Назарбаева, Центральная Азия – это «новый динамичный субрегион всей Евразии и мира. Казахстан и другие государства Центральной Азии доказали свою способность к суверенному и достойному развитию» [16]. Учитывая общность исторических, культурных, языковых, этноконфессиональных факторов, имеющийся географический, транзитный, ресурсный и интеллектуальный потенциал, предстоит найти общие подходы к решению как важнейших политических, экономических и социальных проблем, так и проблем по обеспечению тесной интеграции и обеспечению региональной безопасности. Ведь стабильность Центральной Азии является и ключом к обеспечению стабильности и безопасности всей Евразии.

Список литературы

1. Brzezinski Zb. A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. 1997. – September/October. – P. 52.
2. Келешек Р. Американские компании в Казахстане // Казахстанская правда. 2007. – 3 апреля.
3. Дробот Г. Китай в мировой политике: ресурсы, цели проблемы, отношения с Россией // Вестник Моск. Университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. – № 1. – С. 47.
4. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. Дынкина А.М. – М., 2007. – С. 325–326.
5. Полетаев Э. Взгляд эксперта // Свобода слова. 2010. – 16 сентября.
6. Ли Лифань, Дин Шиу. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. – № 3. – С. 164.
7. Свобода слова 2010. 19 августа. – С. 19.
8. См.: Взгляд. – М., 2011. – 20 апреля. – С. 6.
9. Алматбаева Ж. «Шутки» по-пекински // Свобода слова. 2010. – 16 сентября. – С. 8.
10. Парамонов В. У нас одна цель – добить самих себя // Свобода слова. 2010. – 25 ноября. – С. 6.
11. Взгляд. 2011. – 20 апреля. – С. 6.
12. Свобода слова. 2010. – 26 августа. – С. 8.
13. Вольф М. Прикладное искусство. Как на астанинском саммите ОБСЕ сходятся интересы различных государств // АИФ Казахстан. 2010. – № 43. – С. 10
14. Смагулов И. Искусство дипломатии: от Абылая до Нурсултана Назарбаева // Аргументы и факты. – М., 2010. – № 37. – С. 10.
15. На линии большого разлома // Свобода слова. 2010. – 26 августа. – С. 8.
16. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на XI Евразийском медиа-форуме. – http://www.zakon.kz/4553738-vystuplenie-prezidenta-respubliki.html

Каленова С.А.
д.э.н., профессор Университета «Туран», г. Алматы
saulesh57@mail.ru

О СОВМЕСТНОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ КАЗАХСТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ «ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА»

Ключевые слова: *глобализация, евразийская интеграция, конкурентные преимущества, макроэкономические тенденции, ресурсный потенциал, агропромышленный комплекс.*

Keywords: *globalization, Eurasian integration, competitive advantages, macroeconomic trends, resource potential, agriculture industry.*

Несмотря на экономические проблемы, существующие в Казахстане, отечественным исследователям ежегодно предоставляется возможность проведения научных изысканий во многих областях экономики. Министерство образования и науки Республики Казахстан в течение уже многих лет выделяет гранты на проведение конкурсов по многим направлениям фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе по приоритетам форсированного индустриально-инновационного развития, с привлечением средств национальных компаний или реального сектора. Примечательно, что Казахстан активно привлекает также зарубежных ученых, в том числе в качестве соруководителей проектов.

В сентябре 2014 г. профессорско-преподавательский состав Университета «Туран» совместно с учеными экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова подали заявку на грантовое финансирование по вышеуказанной теме и выиграли грант, то есть проект основывается на совместной реализации программы исследования на базе ведущих научно-образовательных учреждений Казахстана и России. Участники проекта имеют многолетний опыт тесного сотрудничества в области науки и образования и обладают определенным потенциалом для реализации проекта. Поскольку проект рассчитан на равноправное участие с двух сторон: казахстанской и российской, то реализация поставленных задач идет параллельно, участие равномерное во всех заявленных задачах, то есть все участники несут одинаковую нагрузку по всей проблематике.

Мотивация заявки заключалась в том, что с началом функционирования Договора о Евразийском экономическом союзе между странами ЕАЭС экономические отношения стран-участниц выйдут на качественно новый уровень. Модель взаимовыгодной интеграции и сотрудничества между странами экономического союза определяется исторической общностью связей, комплексом геоэкономических и геополитических факторов, схожим вектором экономического развития, в основе которого находится ресурсный потенциал. От решения проблем, возникающих в процессе работы стран-участниц ЕАЭС, зависят судьбы не только народов отдельных стран, но и целых континентов.

Целью проекта является выявление интеграционного потенциала, современных тенденций развития и возможных последствий формирования единого экономического пространства, разработка перспективных направлений инновационного развития и модернизации экономики стран ЕАЭС.

Реализация проекта направлена на повышение качества уровня жизни населения стран-содружеств. Социальный спрос и экономическая заинтересованность в реализации проекта и получении его результатов определяется основными целями создания экономического союза. Проект направлен на повышение экономической эффективности экономик стран-участниц, технологический прогресс от объединения ресурсов, защиту общих стратегических интересов.

В чем преимущество совместного проекта? Как известно, Россия и Казахстан играют огромную системообразующую роль в развитии многосторонней интеграции на евразийском пространстве. Наличие общих структурных проблем экономики в целом и промышленного производства в частности, а также задачи перехода к постиндустриальному развитию обусловливают выбор главных направлений промышленной и торговой политики стран ЕАЭС.

На данный момент, когда уже прошло 2 года научно-исследовательской работы можно утверждать, что впервые было проведено системное исследование проблем оценки интеграционных эффектов экономического взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза и были разработаны определенные перспективные направления инновационного развития и модернизации экономики двух стран.

В первый год исследования (2015 г.) проведен анализ условий развития интеграционных процессов в экономическом пространстве постсоветских государств (особое внимание уделено Республике Казахстан и Российской Федерации); дана оценка процессам интеграции региональных и отраслевых рынков, изменениям параметров ценообразования, конкуренции, темпов экономического развития и условий предпринимательства отраслей и территорий; проведена оценка влияния трудовой миграции на формирование единого рынка труда, определены последствия создания и преимущества Евразийского экономического союза в повышении интеграционного потенциала мигрантов как участников регионального рынка труда.

За второй год выполнения проекта (2016 г.) проведен анализ макроэкономических тенденций, происходящих под влиянием интеграционных процессов для определения влияния этих процессов на возможности развития стран-участниц ЕАЭС; проведены экспертизы и даны оценки эффективности использования ресурсного потенциала и возможностей превращения естественных преимуществ в конкурентные преимущества национальных производителей; определены ключевые приоритеты технологической интеграции и диверсификации на прорывных направлениях.

В процессе исследования нами было выявлено, что экономики стран-участниц ЕАЭС одинаково ощущают на себе как достоинства глобальной экономики, так и еще не преодоленные последствия структурной деформации экономики. Страны экономического содружества имеют симметричные проблемы. Хотя с точки зрения макроэкономических тенденций экономики Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Армении не имеют тех внешнеэкономических ограничений, которые испытывает в настоящее время Россия. Несмотря на эти преимущества, экономики четырех государств испытывают те же основные стратегические проблемы экономического роста, что и Российская Федерация, хотя и в менее острой форме. Общим результатом этих проблем является тенденция торможения экономического развития.

Изучение мер макроэкономического регулирования в странах ЕАЭС показало, что экономическая интеграция пока не оказывает достаточное воздействие на формирование благоприятных макроэкономических тенденций. Вполне возможно, что кратковременность нашего союза не дала за два года сверхположительных результатов. Заявленные в Договоре о Евразийском экономическом союзе[1] цели и задачи создания интеграционного объединения – повышение конкурентоспособности национальных экономик, облегчение условий ведения бизнеса, привлечение иностранных инвестиций в страны ЕАЭС – пока в полной мере не выполняются.

Проведенный анализ показал, что ключевые направления импортозамещения связаны, прежде всего, с конкурентными преимуществами экономик стран содружества в области сельскохозяйственной и пищевой продукции, товаров широкого потребления, индустрии туризма. В процессе исследования нами определены три наиболее перспективных прорывных направлений, когда естественные преимущества могут обеспечить конкурентные преимущества стран ЕАЭС: АПК, легкая промышленность и индустрия туризма. В силу ограниченности объема статьи остановимся на конкурентном преимуществе агропромышленного комплекса.

АПК является одним из стратегических направлений экономики государств-членов ЕАЭС, обеспечивающим продовольственную безопасность. В сельскохозяйственном обороте государств-членов находится около 300 млн. гектаров земель, а общий рынок составляет 182,1 млн. потребителей. Удельный вес сельскохозяйственного производства в валовом внутреннем продукте в среднем за последние 5 лет составил: в Республике Армения – 20%, Кыргызской Республике – 15, Республике Беларусь – 8, Республике Казахстан – 4,5 и Российской Федерации – 3,5%[2].

АПК – это отрасль, обладающая всеми возможностями превращения естественных преимуществ в конкурентные при дальнейшем углублении региональной интеграции стран ЕАЭС. Обладая естественными преимуществами сравнительно с другими интеграционными группировками и большим потенциалом в области сельского хозяйства страны ЕАЭС должны не только обеспечить собственные нужды в качественной, экологической, органической сельхозпродукции, но и могут вступить в равную конкурентную борьбу за потребителя вне рынка ЕАЭС.

Анализ показал, что, несмотря на положительные тенденции во взаимодействии стран ЕАЭС в сфере АПК – рост производства и объемов торговли сельскохозяйственной продукции в рамках объединения и др. – в странах ЕАЭС сохраняется импортозависимость от третьих стран, что в принципе противоречит канонам теорий интеграции и конкурентоспособности. Поэтому ключевым приоритетом технологической интеграции и диверсификации в области АПК, особенно между Казахстаном и Россией, следует признать углубление специализации и кооперирования в области сельхозпереработки, выход на производственные мощности, позволяющие полностью ориентироваться на национальных производителей.

Изучение специальной литературы показало, что эффективность сельскохозяйственного производства оценивается с точки зрения удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, индустрии – в сырье, а также денежного вклада отрасли в решение народнохозяйственных задач.

Согласно методологии ЕАЭС, расчет удельного веса произведенной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в совокупном объеме других товарных ресурсов внутреннего рынка страны-участницы союза является ориентировочным показателем количественной оценки обеспечения продовольственной безопасности. В нашем понимании именно обеспечение продовольственной безопасности является одной из наиважнейших задач использования тех естественных преимуществ, которыми обладают страны-члены ЕАЭС благодаря своим природно-климатическим, территориально-локальным особенностям наряду с уникальной возможностью взаимного обеспечения продуктами питания в рамках интеграционного объединения.

Для оценки достижения порога безопасности по вопросам обеспечения населения ЕАЭС продовольствием будем ориентироваться на рекомендации экспертов, которые выработали следующие нормативные значения в соотношении производство/потребление: зерна – не менее 95%; растительного масла – не менее 80; сахара – не менее 80; мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85; молока и молочных продуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90; рыбной продукции – не менее 80%.

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015). – http://www.consultant. ru/document/cons_doc_LAW_163855/

[2] Агропромышленная политика Евразийского экономического союза / Под редакцией С.С. Сидорского, члена Коллегии (Министра) по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии. – М., 2015. – С. 20.

Качественное углубление интеграционного сотрудничества будет способствовать решению проблем семеноводства, откорма молодняка, организации племенного дела и др. Интеграционные процессы между сельским хозяйством и промышленными отраслями позволяют совершенствовать материально-техническую базу сельского хозяйства, осуществлять углубленную переработку сельскохозяйственной продукции, ее длительное хранение, сокращать потери. В конечном итоге, всякий интеграционный процесс позволяет получить более высокий конечный результат, чем отдельное предприятие или отрасль. Не случайно, президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, идейный вдохновитель и инициатор интеграционных взаимодействий на постсоветском пространстве, подчеркивает необходимость решения проблем, связанных с улучшением жизни казахстанского народа, не только с помощью национальной политики республики, но и благодаря внешней политике, в том числе путем объединения усилий стран-членов Евразийского экономического союза по качественному развитию региональной экономической интеграции. Так, он отмечает, что необходимо дальновидно развивать наш союз, объединив силы, знать траекторию нашего развития на 15–20 лет вперед. При этом основная задача ЕАЭС в первой половине XXI века выражается в следующих двух значимых аспектах. Первое – это использование естественных конкурентных преимуществ, а именно расположение между Востоком и Западом, для превращения группировки ЕАЭС в один из ключевых экономических макрорегионов мира. Второе – выход по показателям развития на уровень высокоразвитых стран мира[1].

Для оценки результативности применения, имеющегося у стран-участниц ЕАЭС ресурсного потенциала в сфере АПК, приведем результаты расчета индекса сравнительного преимущества по экспорту продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья стран-членов ЕАЭС по итогам 2015 г. (табл. 1).

Таблица 1

Индекс сравнительного преимущества экспорта по товарной группе «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» стран-членов ЕАЭС за 2015 год

Страна	Индекс сравнительного преимущества	
	ЕАЭС	Дальнее зарубежье
Россия	0,22	0,715
Казахстан	0,006	0,011
Беларусь	0,136	0,001
Армения	0,0001	0,00005
Кыргызстан	0,0001	0,00002

Примечание – Составлено по источнику[2]

Согласно цифрам, вывоз продукции государств-участниц ЕАЭС по товарной группе «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» ориентирован географически преимущественно в дальнее зарубежье. При этом напомним, что если значение индекса близко к 1[3] то, страна вывозит товар, имея сравнительные преимущества, иначе говоря, страна имеет больше шансов в борьбе за потребителя своей продукции. Наоборот, когда рассчитанный показатель приближается к 0, то вывоз по данной категории товаров нерационален с точки зрения способности конкурировать с другими аналогичными товарами, и соответственно его реализация потребует больше усилий по продвижению, защите и улучшению его свойств и качественных характеристик. Исходя из этого, можно заключить, что российский экспорт в страны дальнего зарубежья наиболее конкурентоспособен по сравнению с другими членами интеграционного блока, индекс составил 0,715, тогда как Кыргызстан с показателем 0,00002 наименее ориентирован вне союза.

Экспорт России, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана и Армении в ЕАЭС имеет более низкое значение индекса сравнительных преимуществ, диапазон показателя колеблется от 0,22 (самое высокое – Россия) до 0,0001 (самые низкие – Кыргызстан и Армения).

Примечательно, что Республика Беларусь, а точнее расчет ее индекса сравнительного преимущества в экспорте продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья говорит об эффективном использовании своих аграрных возможностей при вывозе продукции именно в составе интеграционного союза – ЕАЭС. Из пяти стран только у Беларуси можно зафиксировать преобладание конкурентных преимуществ в географической направленности вывоза агропродукции на общесоюзный рынок, в сравнении с вывозом в страны, удаленные от Евразийского союза.

Нами были выявлены сравнительные преимущества стран-партнеров в торговле сельхозпродукцией между собой (рис. 1). Из рисунка видно, что наименьшая глубина товарного ассортимента продукции, вывозимой на экспорт стран-партнеров по ЕАЭС, характерна для казахстанской экономики. Количество товарных позиций колеблется от 1 до 4, тогда как у других партнеров по союзу – у России и Беларусь глубина торгового взаимодействия намного дифференцирована.

Стоит отметить конкурентоспособность белорусских агропроизводителей в сравнении с союзниками. Глубина товарного ассортимента вывозимой продукции колеблется от 12 – в Российской Федерации до 19 – в Республике Казахстан.

---

[1] Перспективы развития евразийского экономического союза. – http://kazorta.org/perspektivy-razvitiya-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza/

[2] Блудова С.Н. Оценка динамики сравнительных преимуществ во внешней торговле стран ЕАЭС // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. – № 1. – С. 30–34.

[3] Balassa B. Trade Liberalization and Revealed Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1965. – Vol. 33. – P. 99–123.

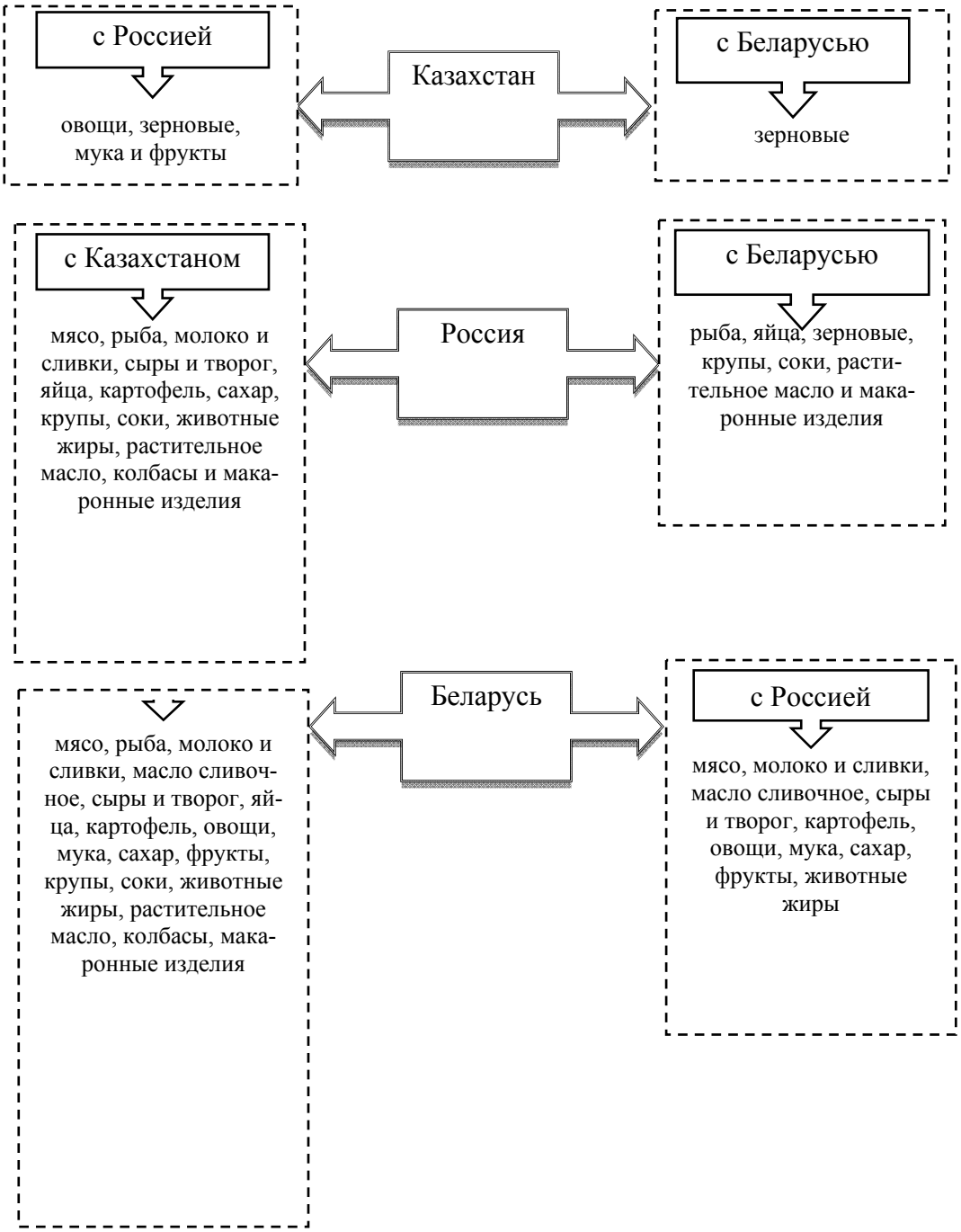


Рисунок 1.
Товарные позиции со сравнительными преимуществами стран ЕАЭС в торговле сельхозпродукцией (по показателю индекса чистого экспорта)[1]

Республика Казахстан, согласно расчетам, вывозит в Россию с большей выгодой овощи, зерновые, муку и фрукты. На белорусском направлении преимущества сложились в пользу вывоза отечественных зерновых культур.

Более широкой перечень товаров, а именно мясо, рыбу, молоко и сливки, сыры и творог, яйца, картофель, сахар, крупы, соки, животные жиры, растительные масла, колбасы и макаронные изделия выгодно экспортировать Российской Федерации в нашу страну. По направлению Республика Беларусь, российским аграриям выгоднее вывозить рыбу, яйца, зерновые, крупы, соки, растительные масла и макаронные изделия.

Заслуживает признания внешнеторговая политика Республики Беларусь, а точнее результаты торговых отношений с основными партнерами по союзу – Россией и Казахстаном. Белорусская аграрная отрасль на сегодняшнем этапе интеграционного сотрудничества показывает свою достаточно высокую экспортоориентированность. Так, вывоз товаров в Казахстан производится практически по всем товарным позициям, исключение – зерновые, и это естественно – ведь наш край, имеет также высокие конкурентные позиции по производству данной продукции.

[1] Разработан по данным, представленных в статье: Темирбекова А.Б., Ускеленова А.Т., Болуспаев Ш.А., Алдабергенов Н.А. Влияние интеграции на конкурентоспособность национальной экономики(на примере АПК ЕАЭС) // Практика интеграции ЕЭИ. 2015. – № 1(26). – С. 95–118.

Широкий ассортимент продукции белорусских фермеров (мясо, молоко и сливки, масло сливочное, сыры и творог, картофель, овощи, мука, сахар, фрукты, животные жиры и колбасы) с большой конкурентоспособностью по цене и качеству поставляется на российские рынки.

Сравнительно короткое по времени членство Армении и Кыргызстана в интеграционной группировке ЕАЭС, пока не позволяет провести адекватную оценку возможной эффективности использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных отраслей этих стран при взаимной торговле. Но уже на данном этапе эксперты оценивают возможности превращения естественных преимуществ национальных сельхозпроизводителей в конкурентные достаточно оптимистично. В качестве перспективных направлений экспортной политики «молодых» участников ЕАЭС – Кыргызстана и Армении называется вывоз мяса, фруктов и овощей. Так, Армения является крупным производителем парниковых товаров, к примеру, томатов, и, по данному товару она может конкурировать с узбекскими и другими производителями, вывозя его на общий рынок ЕАЭС.

Хотелось бы отметить, что естественные преимущества стран ЕАЭС в АПК не используются в качестве инструментов в конкурентной борьбе с производителями из стран Европы, Китая. Этот факт подтверждают следующие цифры: у казахстанских экспортеров агропромышленной продукции – 94 из 100% это вывоз сырья и товаров с низкой добавленной стоимостью и только 6% составляет экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью. Такая же картина актуальна не только для Казахстана, но и для России, Кыргызстана и остальных членов союза, поскольку 86,1% – это экспорт сырья и товаров с низкой добавленной стоимостью из ЕАЭС в третьи страны. С такой структурой внешней торговли, где преобладает сырьевая агропродукция о конкурентоспособности и эффективности не может быть и речи[1]. Поэтому ключевой и приоритетной задачей является повышение инвестиционной привлекательности отрасли, агробизнеса в целом. В частности, в Казахстане на низкий уровень конкурентоспособности национальных сельхозпроизводителей влияет недофинансирование инструментов Программы «Агробизнес-2020». Так, объем недофинансирования в 2013 году составлял 26 млрд. тенге (14,13%), в 2014 году – 110 млрд. тенге (35,4%), в 2015 году – 109 млрд. тенге (32,5%), в 2016 году – 124 млрд. тенге (35,9%), в 2017 году (в прогнозе) – 175,4 млрд. тенге (45,8%)»[2]. Сохраняется недостаточный объем инвестирования в сельское хозяйство РК. По итогам 2015 года, в основной капитал сельского хозяйства было вложено 167,1 млрд. тенге, что в 23 раза меньше объема вкладов в основной капитал в промышленность и в 7 раз в транспорт и складирование[3].

В целом, на данном этапе интеграционного взаимодействия, говорить о высокой результативности использования ресурсного потенциала аграрного сектора стран ЕАЭС пока рано. Оценка экспортных возможностей национальных производителей продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья стран-членов ЕАЭС позволила сделать следующие выводы:

1. Российская и белорусская стороны обладают более высокими сравнительными преимуществами при осуществлении вывоза продукции АПК в сравнении с другими странами-членами ЕАЭС.

2. Максимальные возможности для экспорта своей продукции страны-члены ЕАЭС внутри региональной группировки пока не используют, характерен низкий уровень развития экспортного потенциала ЕАЭС в сфере АПК. Для того чтобы возможности превратились в конкурентные преимущества национальных агропроизводителей, нам необходимо системно решать накопившиеся в данной отрасли проблемы. Так, большой проблемой, тормозящей качественное развитие отрасли и тем самым снижающей потенциал эффективного интеграционного сотрудничества на региональном уровне является недостаточное финансирование АПК.

3. Задачами министерств сельского хозяйства стран ЕАЭС, а также других ведомственных структур, должны являться подготовка высококлассных специалистов, выработка научно-обоснованной методологии интенсивного развития отрасли, с применением прогрессивного зарубежного опыта успешных стран мира, развитие инфраструктуры поддержки отрасли, повышение благосостояния сельского населения. Надо серьезно отнестись к применению энергосберегающих технологий, технологий вторичного использования и переработки сырья.

4. Немаловажно организовать строгий контроль за соблюдением норм технического регулирования, норм экологической безопасности и требований по качеству продукции. С целью перевооружения предприятий отрасли необходимо использовать возможности лизинга, рычаги субсидирования модернизации производства. Необходимо, опираясь на мировую практику, проводить совместную эффективную борьбу с нелегальным импортом и контрабандой.

5. К ключевым приоритетам технологической интеграции в сфере АПК можно отнести: производство товаров с высокой добавленной стоимостью и глубокую переработку сырья; стимулирование инвестиционной деятельности и инновационного развития отрасли; повышение рентабельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и разработка механизмов повышения привлекательности работы на селе; развитие совместными усилиями инфраструктуры агропродовольственного рынка и современных логистических центров; развитие совместных кооперационных связей и проектов в области агробизнеса с целью импортозамещения; реализация согласованной маркетинговой политики, в том числе сбытовой для выхода на внешние рынки.

---

[1] Оценка эффективности использования ресурсного потенциала АПК стран-участниц ЕАЭС (в соавторстве с Нурпеисовой А.А.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. – № 10, ч. 2. – С. 305–309.

[2] Программа «Агробизнес 2020» ежегодно недофинансируется на 30–40%. Конкурентоспособность казахстанского АПК снижается – МСХ. – http://margin.kz/news/1880/programma-agrobiznes-2020

[3] Выступление Министра сельского хозяйства на Парламентских слушаниях по теме: «Повышение конкурентоспособности отечественного аграрного сектора в условиях ЕАЭС и ВТО – законодательное регулирование и его практическая реализация».

Каратаев С.В.
к.э.н., заместитель руководителя центра – начальник сектора экономики зарубежных стран Центра экономических исследований РИСИ
sergey.karataev@riss.ru

БАНК РАЗВИТИЯ БРИКС, АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТАХ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, БРИКС, Всемирный банк, инвестиции, Новый банк развития, Россия.*
Keywords: *Asian infrastructure investment bank, BRICS, investments, New development bank, Russia, World bank.*

Рост инвестиций является одним из ключевых факторов преодоления спада в российской экономике. В то же время инвестиционная активность продолжает снижаться. Так, в 2015 г. объем капиталовложений сократился на 8,4%, в 2016 ожидаемое падение составит 3,7%. Прогнозы Министерства экономического развития РФ предусматривают дальнейшее снижение этого показателя в 2017 г. – еще на 0,5%[1]. Наибольшее сокращение при этом наблюдается в части иностранных инвестиций. Если в 2013 г. чистый приток прямых иностранных инвестиций, по данным Банка России, составил 69,2 млрд. долл., то в 2014 г. он сократился до 22 млрд. долл. В 2015 г., на фоне санкций, падения мировых цен на нефть и сокращения объемов ВВП, ситуация ухудшилась. Объем прямых иностранных инвестиций упал до 6,5 млрд. долл., причем получены они были за счет реинвестирования доходов[2].

Важную роль в увеличении объема зарубежных инвестиций могли бы сыграть международные банки развития (МБР). Ведь они, как правило, выступают не только как непосредственные источники финансирования, но также и как организаторы привлечения дополнительных средств со стороны международных, государственных и частных инвесторов. Для последних участие МБР является значимым свидетельством приемлемого уровня рисков проекта и соответствия его кредитной документации принятым в современной практике требованиям. Однако для России эти возможности были закрыты еще в 2014 г., когда одним из инструментов, использованных государствами Запада против нашей страны, стало приостановление финансирования российских проектов со стороны крупнейших международных банков развития – Всемирного банка (ВБ)[3] и Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР)[4].

В то же время средства, выделяемые ранее этими двумя институтами, были достаточно значительны. Так, с момента присоединения России к крупнейшему институту группы Всемирного банка – Международному банку реконструкции и развития (МБРР) – в 1992 г. им было одобрено свыше 70 проектов на сумму более 10 млрд. долл.[5] Международная финансовая корпорация (МФК), после того как РФ стала ее членом в 1993 г., к 2014 г. инвестировала также более 10 млрд. долл.[6]

Согласованная стратегия сотрудничества ВБ и России на 2012-2016 годы предусматривала дополнительное выделение около 10 млрд. долл.[7], которые, в результате, так и не были предоставлены в полном объеме. Если к 2014 г. текущая сумма задолженности российских заемщиков перед структурами Всемирного банка составляла около 4 млрд. долл.[8], то к 2016 г. ее размер сократился до 2 млрд. долл., в том числе МБРР – 0,6 млрд. долл., МФК – 1 млрд. долл.,

---

[1] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов / Минэкономразвития России. – С. 52–53. – http://economy.gov.ru/minec/resources/9dd9931d-3960-454c-a8db-ec6fc1ab4bfc/prognoz_2017_2019. pdf

[2] Прямые инвестиции в Российскую Федерацию по странам-партнерам в 2007-2015 годах и I-II квартале 2016 года (участие в капитале, реинвестирование доходов и долговые инструменты) / Банк России. Статистика внешнего сектора. – http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/inv_in-country.xlsx

[3] Rastello S., Fouquet H. G-7 Nations Said to Oppose New World Bank Russia Projects / Bloomberg. 2014. August, 1. – http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-07-31/g-7-nations-said-to-oppose-new-world-bank-projects-in-russia

[4] EBRD statement on operational approach in Russia / EBRD Press Office. 2014. July, 23. – http://www.ebrd.com/news/2014/ebrd-statement-on-operational-approach-in-russia.html

[5] Country Lending Summaries – Russian Federation / World Bank Projects and Operations. – http:// web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/PROJECTS/0,,pagePK:64392398~piPK:64392037~theSitePK:40941~countrycode:RU~menuPK:64820000,00.html

[6] IFC в России – цифры и факты / International Finance Corporation. 2014. 10 апреля. – http:// www.ifc.org/wps/wcm/connect/58d045004cc2e933bc0ffdf81ee631cc/IFCinRussia2012Ru.pdf

[7] Country Partnership Strategy (Cps) for the Russian Federation for the Period 2012–2016 / World Bank. 2011. November, 18. – http://documents.worldbank.org/curated/en/ 519081468307477360/pdf/651150CAS0P12300disclosed0110280110.pdf

[8] Посчитано по Country Lending Summaries – Russian Federation, IFC в России – цифры и факты

Многостороннее агентство по гарантированию инвестиций – 0,4 млрд. долл.[1] При этом в силу политических разногласий ни один новый проект за прошедшие три года одобрен не был, что, в частности, стало причиной для решения России отозвать средства в размере 245 млн. долл. из Международной финансовой корпорации[2]. Ранее эта сумма была предоставлена для пополнения фонда капитализации российских банков.

Долгое время Россия была одним из приоритетных направлений кредитной деятельности и для Европейского банка реконструкции и развития. На российские проекты приходилось около четверти кредитного портфеля этого финансового института. В целом аккумулированный объем инвестиций со стороны ЕБРР в 1991–2016 гг. составил 26 млрд. евро. Размер ежегодных вложений в начале 2010-х годов составлял в среднем от 2 до 3 млрд. евро, а операционный портфель – до 10 млрд. евро[3]. Согласно договоренности между Россией и руководством ЕБРР объем кредитования в 2014-2015 гг. планировался на уровне 2,0-2,5 млрд. евро ежегодно[4]. Однако этот показатель по политическим причинам так и не был достигнут. Инвестиции со стороны банка составили 608 млн. евро в 2014 г., 106 млн. евро – в 2015 г.[5] В 2016 г. ЕБРР проекты в России не финансировал.

Обратим также внимание на то, что доля инфраструктурного финансирования со стороны обоих банков была достаточно низка и не превышала 20%. Для Всемирного банка (в частности, МБРР) приоритетным направлением вложений являлось финансирование национальных и региональных программ[6], для ЕБРР – финансовые институты и корпоративный сектор[7]. Однако эта сфера представляется для России наиболее востребованной в части привлечений инвестиций из-за рубежа – особенности инфраструктурных проектов определяют необходимость заимствований на сверх длительный срок с минимальной процентной ставкой. При этом именно здесь появляется возможность использовать кредитные ресурсы новых институтов развития – созданных при активном участии РФ Нового банка развития (НБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

Образованию НБР и АБИИ, напомним, способствовало сразу несколько объективных и субъективных факторов. Среди первых следует выделить масштабный недостаток инфраструктурных инвестиций во многих странах, особенно заметный в азиатском регионе, а также значительные трудности с адаптацией к изменившимся условиям функционирования мировой экономики существующих институтов, прежде всего, Всемирного банка. Субъективные факторы связаны с появлением группы БРИКС, и желанием стран-членов этого объединения перевести свое сотрудничество в практическую плоскость, создав собственные финансовые институты и ответив таким образом на отказ государств Запада соблюдать ранее достигнутые договоренности по реформированию бреттон-вудских организаций.

Специализация банков на инфраструктурном финансировании представляется обоснованной и открывает большие перспективы для обоих учреждений. Выбранная сфера деятельности снижает уровень конкуренции с существующими институтами развития, для которых приоритетом в настоящее время является борьба с бедностью и проведение институциональных реформ. Отличительной особенностью банков также становится их отказ от требований макроэкономического характера к заемщику. Подобный подход показывает уважение к их национальному суверенитету и подчеркивает тот факт, что обеспечение экономического роста является задачей государственных органов, а не иностранных и международных кредитных институтов. Кроме того, первоначально относительно скромные финансовые ресурсы НБР и АБИИ, отсутствие достаточного опыта работы являются естественными ограничениями для использования традиционной модели деятельности.

Уже на этапе создания Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций проявилась различная идеология развития деятельности этих институтов. НБР имеет значительную степень свободы в определении механизмов управления и приоритетов деятельности. АБИИ свойственен более консервативный подход, предполагающий использование сложившихся практик. Эти отличия вытекают из состава участников и заложенных в учредительных документах принципов функционирования каждого из банков.

Учредителями Нового банка развития (в равных долях) стали пять стран БРИКС. Общий объем разрешенного к выпуску капитала согласован на уровне 100 млрд. долл. Первоначальное участие государств «пятерки» определено в размере 50 млрд. долл., из которых оплачиваемая часть составляет 10 млрд., оставшаяся (40 млрд.) – подлежит внесению по требованию. Для последующего распределения, в том числе, между новыми участниками, предназначена половина капитала.

Целью деятельности банка называется «мобилизация ресурсов для реализации проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других странах с формирующимся рынком и развивающихся странах»[8]. При этом важным условием предоставления средств является их использование для приобретения това-

---

[1] Russian Federation Staff Report for the 2016 Article IV Consultation–Press Release; And Staff Report / IMF. Country Report No. 16/229. 2016. July. – http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16229.pdf

[2] Россия выводит деньги из структур Всемирного банка // Вести. Экономика. 2015. 13 апреля. – http://www.vestifinance.ru/articles/55935

[3] EBRD projects in Russia / European Bank for Reconstruction and Development. 2016. – http://www.ebrd.com/where-we-are/russia/data.html

[4] «Временная приостановка» финансирования новых проектов ЕБРР в России противоречит целям международных институтов развития / Министерство экономического развития РФ. 2014. 26 июля. – http://economy.gov.ru/minec/press/news/260720141200

[5] EBRD projects in Russia.

[6] World Bank-financed projects in Russian Federation / World Bank. – http://projects.worldbank.org/search?lang=en&searchTerm=&countrycode_exact=RU

[7] EBRD projects in Russia.

[8] Распоряжение Правительства РФ № 1238-Р от 7 июля 2014 г. Приложение Статьи соглашения Нового банка развития // Официальный сайт Правительства РФ. – http://government.ru/media/files/41d4f182b0a752fcdac5.pdf

ров и услуг, произведенных в государствах-членах банка, что определяет усиление кооперации стран с развивающимися рынками в качестве приоритета работы НБР.

В свою очередь акционерами АБИИ в 2016 г. стали 37 государств из Азии и Океании, т.н. «региональных членов», и 20 «нерегиональных членов» из Европы, Америки и Африки. Капитал банка также согласован на уровне 100 млрд. долл., из которых 20% приходится на оплачиваемые акции, 80% – на оплачиваемые по требованию. Важным фактором представляется значительное участие в АБИИ стран БРИКС. На Китай, Индию и Россию приходится 26,06%; 7,5 и 5,92% голосов. Бразилия и ЮАР также приняли участие в учреждении банка и стали его нерегиональными участниками, что позволило довести долю стран БРИКС в капитале до 48,5%.

Следует отметить, что АБИИ – это, прежде всего, региональный институт развития. Согласно уставу целями банка является содействие устойчивому экономическому развитию, повышению благосостояния и улучшению инфраструктурных связей в Азии, а также стимулирование регионального сотрудничества и партнерства в решении проблем в области развития. При этом отдельно отмечается, что понятия «Азия» и «регион» основываются на классификации Организации Объединенных Наций и включают в себя Азию и Океанию.

Появление Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций символизирует успешность стратегии крупнейших развивающихся экономик по созданию собственных институтов развития. Одной из важнейших оценок стало, в частности, признание принципов и политики деятельности этих банков со стороны других МБР – всего за год они полноценно «вошли в семью» международных банков развития.

Так, в течение 2016 г. соглашения о сотрудничестве с НБР и АБИИ были подписаны Всемирным банком и Азиатским банком развития. Банк развития Латинской Америки заключил аналогичное соглашение с НБР, Европейский банк реконструкции и развития и Европейский инвестиционный банк – с АБИИ. При этом договоренности предусматривают в том числе и совместное финансирование проектов.

Кроме того, на уровне «Группы 20» на саммите в Ханчжоу в сентябре 2016 г. была принята «Совместная декларация международных банков развития по совместным действиям для поддержки инфраструктурных инвестиций». Участниками этой инициативы были и АБИИ, и НБР. В основе документа лежит заявление одиннадцати крупнейших международных институтов о готовности объединить свои усилия в целях преодоления дефицита инфраструктурного финансирования, оказания помощи заемщикам в подготовке проектной документации, а также всемерного привлечения средств частных инвесторов[1].

Важным успехом первого года деятельности обоих банков следует также назвать полное выполнение всех поставленных на 2016 г. задач, в том числе:

– создание и открытая публикация внутренних документов (политик), определяющих принципы деятельности банков (некоторая закрытость была одним из главных объектов критики и АБИИ, и НБР в период их создания и начала функционирования);

– одобрение первых проектов, на финансирование которых в совокупности предусмотрено выделение более 1,7 млрд. долл.;

– выход Нового банка развития на финансовый рынок одной из стран-участниц (КНР) и успешное размещение первых облигаций в национальной валюте.

Кредитная политика обоих банков свидетельствует о том, что одним из основных направлений их деятельности будет стимулирование перехода стран-участниц к зеленой экономике, поддержка проектов возобновляемых источников энергии, а также строительство транспортной инфраструктуры. При этом области кредитования Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в 2016 г. были более диверсифицированы. Первый транш кредитов, одобренный советом директоров банка в конце июня 2016 г., включил в себя инвестиции в энергоснабжение Бангладеш, строительство дорог в Таджикистане и Пакистане, а также улучшение условий жизни в трущобах Индонезии. При этом три из четырех проектов предусматривают участие в их реализации других международных институтов с дополнительным финансированием с их стороны.

Отдельно следует отметить итоги взаимодействия этих институтов и России. В 2016 г. одобрение со стороны Нового банка развития получил проект строительства малых ГЭС в Карелии. Размер средств, выделяемых НБР, согласован на уровне 100 млн. долл. Помимо этого, что важно, предусматривается также участие в финансировании китайской компании «Гэчжоуба» (China Gezhouba Group Corporation) и Российского фонда прямых инвестиций[2]. При этом заемщик из России – «Норд Гидро» – получит средства в российских рублях. Это стало возможно благодаря участию в проекте финансовых институтов-партнеров: Евразийского банка развития и Международного инвестиционного банка[3], которые возьмут на себя валютные риски. Характерным в данном случае является и сам проект. В 2014 г. он получил предварительное одобрение финансирования от Международной финансовой корпорации, однако в последующем по известным причинам контакты со стороны МФК были приостановлены[4].

---

[1] MDBs Joint Declaration of Aspiration on Actions to Support Infrastructure Investment // Официальный сайт Group 20. 2016. – 5 September. – http://g20.org/English/Documents/Current/201608/P020160815360318908738.pdf

[2] Новый банк развития БРИКС рассмотрит проект строительства двух ГЭС в Карелии за 10 млрд. // ИАР ТАСС. 2016. – 15 июля. – http://tass.ru/ekonomika/3456956

[3] Новый Банк Развития БРИКС одобрил схему финансирования строительства Белопорожских ГЭС в Республике Карелия // Официальный сайт Республики Карелия. 2016. – 22 июня. – http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2016/06/0622_06.html

[4] Проект строительства Белопорожских ГЭС может оказаться первым проектом от Российской Федерации финансируемый Новым Банком Развития БРИКС // Официальный сайт АО «Норд Гидро». 2015. – 21 ноября. – http://nord-hydro.ru/press-tsentr/novosti/2015/proekt-stroitel-stva-beloporozhskikh-ges-mozhet-okazat-sia-pervym-proektom-ot-rossiiskoi-federatcii-finansiruemyi-novym-bankom/

Достигнутые НБР и АБИИ в 2016 г. результаты показывают высокий потенциал выбранной ими стратегии развития. Для повышения эффективности работы в рамках обоих институтов планируется также создание специальных фондов (в размере 50 млн. долл.), средства которых будут использоваться для помощи в подготовке документации перспективных проектов. В то же время финансовые возможности НБР и АБИИ пока остаются небольшими. Оплата капитала согласно договоренности учредителей осуществляется равными частями в течение 7 лет для НБР и 5 лет – для АБИИ, что определяет необходимость привлечения дополнительных ресурсов для осуществления кредитной деятельности. Следует отметить, что подобная ситуация характерна для большинства международных институтов развития. Оплаченный капитал крупнейших из них составляет всего 16 млрд. долл. для Всемирного банка[1], 7,4 млрд. – для Азиатского банка развития (АБР)[2]. При этом объем ежегодно выделяемых ими средств достигает порядка 30 млрд. долл. (ВБ)[3] и 10 млрд. долл. (АБР)[4].

Расчеты, проводимые экспертами, показывают, что потенциально ежегодный объем кредитования АБИИ и НБР (совместно) может достичь 24 млрд. долл.[5] Однако более объективной среднесрочной оценкой представляется кредитование на уровне до 10 млрд. долл. в год. При этом в ближайшие два-три года финансовые возможности будут еще ниже. Так, в 2017 г. НБР планирует выделение средств в размере 2,0–3,0 млрд. долл., АБИИ – около 2,5 млрд., в 2018: 3,5–5,0 млрд. и 3,5 млрд. соответственно[6].

В отношении России объемы кредитования могут составить около 1 млрд. долл. ежегодно. Так, глава Нового банка развития озвучил возможный размер финансирования российских проектов в 2017 г. в размере 500–600 млн. долл.[7] Схожая сумма, с учетом идентичных кредитных возможностей институтов, может быть выделена и АБИИ, однако для этого необходимо представление проработанных заявок, которые будут соответствовать всем требованиям банка. Пока на рассмотрении в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций нет ни одного отечественного проекта, что свидетельствует о необходимости более глубокой работы с российской стороны в данном направлении.

Тем не менее, создание Нового банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, влиятельным участником которых стала Россия, уже позволило обеспечить дополнительные финансовые возможности для отечественных заемщиков, и повысить влияние РФ и ее партнеров на деятельность МБР.

При этом новые банки следует, в первую очередь, рассматривать как независимые от Запада международные экспертные центры, способные в перспективе проводить самостоятельную оценку крупных проектов в сфере инфраструктуры и устойчивого развития и готовить необходимую для привлечения средств международных, государственных и частных инвесторов документацию. Их появление позволит России и странам-партнерам обеспечить собственную методологическую базу для проведения анализа кредитных заявок и внедрения отличных от существующих стандартов кредитования. Тем самым будет преодолена существующая до настоящего времени монополия западных стран, удерживающих контроль над деятельностью бреттон-вудских институтов и крупнейших региональных банков развития.

---

[1] Financial Strength Backed by Shareholder Support // World Bank. 2016. – http://treasury.worldbank.org/cmd/htm/financial_shareholder.html

[2] Management's Discussion and Analysis and Annual Financial Statements / Asian Development Bank. 2015. – 31 December. – P. 61. – http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/182852/adb-financial-report-2015.pdf

[3] World Bank Group Summary 2016 / World Bank. 2016. – http://www.worldbank.org/en/about/annual-report/wbg-summary-results

[4] 2015 Annual Report / Asian Development Bank. 2016. – P. 7. – http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/182852/adb-annual-report-2015.pdf

[5] Рейзен Г. Вклад БРИКС в глобальное управление: направления политики Альтернативные многосторонние банки развития и глобальное финансовое управление // Вестник международных организаций. 2015. – № 2. – http://iorj.hse.ru/data/2015/08/27/1087269797/Страницы из Вестник_2015_02_типогр-7.pdf

[6] MDBs Joint Declaration of Aspiration on Actions to Support Infrastructure Investment.

[7] «Мы инвестируем в Россию $500-$600 млн»: глава банка БРИКС Кундапур Ваман Каматх — RT // Russia Today. 2017. – 19 января. – http://russian.rt.com/business/article/351675-briks-rossiya-investicii-2017

Каратаева К.Е.
к.т.н, с.н.с РИСИ

ФАКТОР КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭПШП И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ключевые слова: *КНР, Россия, транспортная система, Экономический пояс Шелкового пути.*

За прошедшие с момента распада СССР годы развитие транспортных сетей в Евразии велось в контексте формирования новой системы трансконтинентальных коридоров. Этот процесс был, с одной стороны, связан со стремлением государств региона обеспечить расширение своих транспортных связей с внешними рынками, с другой – упростить доступ крупных экономик (прежде всего, Китая и Европейского союза) к природным богатствам, находящимся на их территории.

Россия в формирующейся транспортной системе была представлена собственной магистралью – Транссибом (включая выходы на корейский полуостров и Монголию), а также активно развивала дополнительные направления: Китай – Казахстан – Россия – Белоруссия – Европа, МТК «Север-Юг» с ответвлениями через Азербайджан, Казахстан и Туркмению.

Одновременно с российскими проектами на территории Евразии реализовывались и другие инициативы. При этом основной объем транзитных грузов продолжал идти преимущественно морским путем. Переключение грузовых потоков на железнодорожные перевозки оказалось достаточно скромным и составило всего несколько процентов от общего объема транзита. Это не остановило реализацию транспортных инициатив, однако снизило их приоритетность для стран региона и сократило масштабы направляемых инвестиций.

Главной причиной низкого спроса на сухопутные перевозки была их высокая стоимость, в несколько раз превышающая цены морского сервиса. Также следует выделить и проблемы, связанные с большим количеством пересекаемых границ, отсутствием единой административной и таможенной политики, различными техническими транспортными стандартами, а также экономическими факторами.

Так, поддерживаемая европейскими странами программа ТРАСЕКА, предполагавшая создание мультимодального коридора по направлению ЕС – Центральная Азия с последующим выходом на Китай, так и не смогла выйти на проектную мощность. За 20 лет действия программы и более 1 млрд. долл. вложенных инвестиций[1] участникам проекта не удалось кардинально сократить административные барьеры, препятствующие перевозкам, равно как и снизить до конкурентоспособного уровня стоимость транспортировки.

Поддерживаемый Россией проект создания транспортного маршрута на направлении РФ – Иран – Индия (МТК «Север-Юг») после подписания заинтересованными странами соответствующего соглашения в 2000 г. был в последующем кардинальным образом изменен. Первоначально усилия были направлены на развитие перевозок по Каспийскому морю, в том числе на строительство нового морского торгового порта Оля, однако это не позволило привлечь достаточного количества грузов. В последующем приоритет был отдан железнодорожным направлениям. Инициатива строительства западной ветки маршрута РФ – Азербайджан – Иран так и не была полностью реализована, а железная дорога по восточному маршруту (через Казахстан и Туркменистан) была открыта для эксплуатации только в конце 2014 г.[2]

Схожие проблемы испытывали и другие проекты, в меньшей степени это относилось лишь к кратчайшему направлению из Китая в Европу через Казахстан, Россию и Белоруссию. Данный маршрут смог привлечь наибольшее число грузов, для которых скорость доставки, являющаяся главным преимуществом сухопутных коридоров, имела большее значение, чем цена.

В этих условиях выдвижение Китаем проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) стало важным фактором возврата интереса участников евразийского транспортного рынка к дальнейшему развитию трансконтинентальных маршрутов. Следует отметить, что КНР всегда активно поддерживал реализацию транспортных проектов в регионе. Однако в 1990-х и 2000-х годах его участие, как правило, сводилось к двусторонним межгосударственным или к международным программам, к примеру, ЦАРЭС.

После того как Китай стал одним из крупнейших инвестиционных и торговых партнеров Центрально-азиатских стран, он выступил с инициативой создания ЭПШП. В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с

---

[1] Баженов Ю. Международные транспортные коридоры, как фактор интеграции пространства Евразии / Доклад на конференции «Идеология Евразийского союза» (Санкт-Петербург), 2012. 15 мая. – http://ruskline.ru/analitika/2012/05/31/mezhdunarodnye_transportnye_koridory_kak_faktor_integracii_ prostranstva _evrazii/

[2] Гришкова И.Г. Состоялась церемония открытия транснациональной железной дороги Казахстан – Туркменистан – Иран / Министерство строительства и архитектуры Туркменистана. Интернет-сайт. 2014. – 3 декабря. – http://www.construction.gov.tm/ru/node/52

речью в «Назарбаев-университете» и предложил «совместно построить экономический пояс Шелкового пути, опираясь на инновационную модель взаимодействия с целью большего укрепления экономических связей между странами Евразии» [1].

Стратегическая концепция ЭПШП определялась 5 составляющими: развитие политических связей, соединение дорог, свободная торговля, денежное обращение и общие стремления народов. При этом под соединением дорог подразумевалось улучшение трансграничной инфраструктуры, строительство целой сети транспортных магистралей, соединяющих страны Евразии с Китаем и Европой, и улучшение тем самым условий для экономического развития и передвижения людей и грузов[2].

Программа ЭПШП является для Китая частью стратегии «выхода вовне», предполагающей интенсивное развитие собственных окраин. В частности, развитие региональных транспортных связей призвано способствовать более равномерному размещению ресурсов и производств на территории КНР. Китайские эксперты предполагают, что в рамках этого проекта Китаю удастся реализовать потенциал западных провинций. На этот регион приходится более половины территории страны, но проживает здесь только четверть населения КНР, и эти районы считаются экономически отсталыми (лишь 15% ВВП)[3].

Китай планирует существенно улучшить транспортную систему этой части страны, построив там семь новых железнодорожных линий и создав сеть логистических комплексов, которые облегчат процедуру грузоперевозок китайской продукции в западном направлении. Также предполагается построить и перенести из других регионов страны производства, которые не требуют применения высоких технологий (товары широкого потребления, пищевая продукция), и наиболее эффективно транспортируются сухопутными маршрутами.

ЭПШП – чрезвычайно амбициозный проект, который рассчитан на длительную перспективу и отражает стремления Китая как новой, растущей сверхдержавы. КНР рассчитывает, что реализация этой инициативы сможет создать глобальную транспортную сеть в Евразии, которая позволит Пекину несколько снизить зависимость от морских путей и, в случае обострения ситуации в Южно-Китайском море, получить альтернативные маршруты доставки своих товаров в Европу. Также называется и другая причина – строительство новых транспортных магистралей позволит китайским компаниям получить значительные заказы в соседних странах.

Благоприятствуют реализации планов Пекина прогнозы увеличения объемов торговли между основными рынками на Евразийском континенте. Предполагается, что товарооборот между Китаем и странами Европейского Союза составит порядка 1,2 трлн. долл.[4] Следует отметить, что инициатива КНР не предполагает преимущественного развития каких-то отдельных направлений. Скорее наоборот, транспортная политика страны представляет собой пример многовекторности. Концепция ЭПШП предполагает, что Пекин совместно с партнерами будет «совершенствовать региональную инфраструктуру, формировать базовую сеть безопасных и высокоэффективных транспортных путей …разрабатывать взаимосвязи нового уровня».[5] То есть фактически КНР выступает за всестороннее развитие новых маршрутов, справедливо полагая, что развитие транспортных связей будет, в конечном счете, способствовать углублению взаимовыгодной экономической интеграции стран региона.

Так, наряду с координацией усилий по развитию российских направлений (Китай – (Монголия) – Россия (Транссиб) – Европа, Китай – Казахстан – Россия – Европа) Китай планирует и создание новых, проходящих через страны ЦА, Закавказье или Иран и Турцию в Европу. В настоящее время можно говорить о намерениях КНР сформировать сразу шесть действующих сухопутных направлений в Европу: три российских маршрута, а также Китай–Казахстан–Азербайджан–Грузия–Турция–Европа, Китай–Пакистан–Иран–Турция–Европа, Китай–Казахстан–Киргизия–Узбекистан с возможным выходом на Иран, Турцию и Европу через Туркмению или Афганистан. При этом большинство потенциальных участников проектов активно поддерживает китайские транспортные инициативы. Они рассчитывают получить дополнительные доходы в бюджет от транспортировки транзитных грузов, а также улучшить состояние национальных транспортных систем.

Реализацию инициативы ЭПШП Пекин видит также в облегчении таможенных, пограничных и других процедур при пересечении грузами границ. Еще одно направление, на котором сегодня отмечается повышенная активность Китая, связанная с инициативой ЭПШП – формирование зон свободной торговли (ЗСТ) в приграничных с КНР регионах. Актуальность создания ЗСТ китайская сторона обосновывает усилением протекционизма в мировом производстве в последние годы. На сегодняшний день подобные проекты реализуются на казахстанской границе (СЭЗ «Хоргос

---

[1] Построение нового Шёлкового пути способствует переконфигурированию геоэкономической карты Евразийского континента // Russian.News.Cn: интернет-сайт. 2013. – 19 декабря. – http://russian.news.cn/economic/2013-12/19/c_132980994.htm

[2] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и министерство коммерции (издано с санкции госсовета КНР), 2015. – Март. – http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml

[3] Тавровский Ю. «Шёлковая» стратегия // Завтра. Интернет-сайт. 2016. – 13 октября. – http://old.zavtra.ru/content/view/shyolkovaya-strategiya/

[4] Новый Шелковый путь откроет для Казахстана уникальные возможности доступа на мировые рынки / Премьер-Министр Республики Казахстан. Официальный сайт. 2015. – 4 августа. – http://primeminister.kz/ru/news/finansi/novyj-shelkovyj-put-otkroet-dlja-kazahstana-unikalnye-vozmozhnosti-dostupa-na-mirovye-rynki-

[5] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века.

Восточные ворота»), достигнуты договоренности по созданию ЗСТ в районах контрольно-пропускных пунктов «Иркештам» и «Торугарт» в Киргизии, в районе КПП «Карасу-Кульма» в Таджикистане[1] и т.д.

Активно развиваются и непосредственно транспортные проекты с участием КНР. Так, в рамках объявленного в 2015 г. проекта «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК) предусмотрено создание сети автомобильных и железных дорог, газо- и нефтепроводов, линий электропередач между пакистанским портом Гвадар и Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР. Объем китайских инвестиций оценивается в 46 млрд. долл. При этом в рамках КПЭК уже проведена модернизация портовой инфраструктуры в Гвадаре и порт начал свою работу в конце 2016 г.[2]

Китай планирует развивать железнодорожное сообщение не только в направлении Запада, но и в направлении Востока. Так, в настоящее время идут переговоры о строительстве железнодорожной ветки между Бангкоком и Накхонратчасимой в Таиланде и т.д.

КНР также ведет активную работу по расширению сети маршрутов контейнерных поездов. По состоянию на середину 2016 г. железнодорожные рейсы Китай-Европа соединяют уже более десяти китайских городов, включая Чунцин, Чэнду, Сиань, Ухань, Сучжоу с одиннадцатью европейскими городами в семи странах. Открываются и новые маршруты. В феврале 2016 г. был запущен пробный контейнерный поезд из Китая через Казахстан и Туркменистан в Иран. Состав за 14 дней преодолел около 10 тысяч километров (в два раза быстрее по сравнению с морской доставкой)[3], что было признано организаторами успешным опытом скоростной доставки грузов от побережья Восточного Китая на рынки стран Персидского залива.

В конце марта 2016 г. открылся грузовой железнодорожный маршрут, соединяющий город Куйтунь Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая со столицей Таджикистана Душанбе. В августе 2016 г. первый контейнерный поезд отправился из г. Наньтун в Афганистан. А несколькими месяцами ранее был осуществлен тестовый запуск контейнерного поезда по маршруту Украина-Грузия- Азербайджан-Казахстан-Китай (через Каспий и Черное море). Планируется к запуску маршрут между Латвией и Китаем и т.д.

Однако, несмотря на усилия отдельных стран приоритетом в европейском направлении, по данным китайской стороны, остаются три маршрута перевозок: западный, пересекающий границу на пограничном переходе Алашанькоу, центральный (КПП Эрэн-Хото) и восточный (КПП Маньчжоули). Все три маршрута, таким образом, проходят через территорию России, что вызвано более низкой себестоимостью перевозки по указанным направлениям. Другие маршруты, тем более требующие использования нескольких видов транспорта, даже в долгосрочной перспективе не будут конкурентоспособными для транзита и могут быть использованы для доставки местных грузов (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка стоимости транспортировки грузов по евразийским маршрутам

Варианты маршрута	Тарифы, $/TEU		Необходимые инвестиции, $ млрд.
	Сейчас	В перспективе	
Северные	2200	1400	2–2,5
Морские	4000–4500	2000–25 000	2,5–5
Южные	3000–5000	1500-2000	1–2,5

Источник: Дискуссионный клуб «Валдай».

Именно поэтому сегодня основные усилия китайских транспортных компаний направлены на расширение географии маршрутов и повышение качества сервиса. Так, в октябре 2015 г. из Линьи первый состав отправился в Габмург (Германия). Рейс будет выполняться раз в два дня. В апреле 2016 г. был организован маршрут Хубэй – Лион (Франция), в июле 2016 г. – Хуанхуа – Дуйсбург (Германия), в августе-сентябре 2016 г. – Сиань – Варшава и Сиань – Гамбург[4] и т.д.

В июне 2016 г. китайские операторы грузовых железнодорожных перевозок по направлению Китай – Европа подписали меморандум о сотрудничестве, предусматривающий укрепление взаимодействия путем «совместного использования кода», что позволяет упростить консолидацию грузов и создать единую платформу расчетов. Также на территории КНР планируется строительство дополнительных сортировочных пунктов и логистических центров, что в значительной степени позволит повысить качество оказываемых транспортных услуг.

Предпринятые Китаем меры позволяют рассчитывать на дальнейшее увеличение грузопотока. Так, эксперты из Казахстана оценивают рост перевозок по коридору КНР – Казахстан – Европа в 2016 г. на уровне 23% по сравнению с 2015 г. (9 млн. т) и 25% в 2017 г. (11,5 млн. т). При этом наилучшая динамика наблюдалась именно по контейнерным

[1] Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. – № 1. – С. 24.

[2] Китай начал торговлю через пакистанский порт Гвадар // CCTV. 2016. – 14 ноября. – http://russian.cctv.com/2016/11/14/VIDETV3F3e98Vo7hQZ369wrE161114.shtml

[3] СМИ: запущен первый тестовый поезд Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран // РИА Новости. 2015. – 11 февраля. – http://ria.ru/world/20160211/1372753749.html

[4] СМИ: Китай запускает еще один контейнерный поезд в Европу // ТАСС. 2016. – 6 сентября. – http://tass.ru/transport/3597844

перевозкам. За 7 месяцев 2016 г. количество поездов возросло в 2,5 раза до 554 по сравнению с аналогичным периодом 2015 г.[1]

В то же время ограничением в развитии перевозок могут стать приграничные переходы. Так, от Забайкальска (КПП Маньчжурия) до Транссиба идет 14 км однопутной железной дороги и 12 разъездов. Не лучше состоят дела и на казахстанско-китайской границе, где из-за природных факторов невозможно построить терминалы высотой более двух этажей. Требуются дополнительные инвестиции и на многих других участках транзитных маршрутов. Они могут быть получены за счет привлечения заинтересованных компаний к участию или путем комплексного совместного развития направлений. В последнем случае следует назвать сразу две инициативы, реализация которых позволит существенно улучшить ситуацию с перевозкой транзитных грузов.

Первая – это реализация «Программы создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия», подписанной тремя странами в июне 2016 г. Документ определяет основные направления трехстороннего взаимодействия в таких сферах, как транспортная инфраструктура, таможенное и карантинное администрирование, промышленность и инвестиции, защита окружающей среды, приграничное межрегиональное сотрудничество. Летом прошлого года был подписан Международный протокол об организации железнодорожных перевозок по итогам работ трехстороннего совещания пограничных железнодорожных комиссий. Тогда стороны смогли решить вопросы увеличения грузооборота между Россией и Китаем.

В 2015 г. во время проведения в Уфе седьмого Совещания министров транспорта государств-членов ШОС министры транспорта России, Монголии и Китая согласовали вопрос о взаимодействии при развитии транзитного коридора из Центрального Китая через Монголию и Россию в Европу. В частности, были запланированы работы по сбалансированному развитию и увеличению пропускных и провозных способностей участков железных дорог в направлении Улан-Удэ – Наушки – Сухэ-Батор – Замын-Ууд – Эрлянь – Цзинин. Их целью было названо увеличение транзита китайских товаров по монгольской и российской железной дороге, ведь недостаточная пропускная способность сдерживала объемы грузоперевозок.

Китай в рамках трехсторонней программы уже начал реформу таможенных органов на прилегающих территориях. Планируется, что она значительно облегчит импорт и экспорт для предприятий, расположенных на северо-востоке Китая: вне зависимости от места регистрации они смогут выбирать любой КПП для оформления таможенных деклараций с помощью электронной системы. Будет упрощена и сама система подачи деклараций. При этом правительство автономного района Внутренняя Монголия предполагает, что основой развития его территории будет именно расширение транзита китайских товаров в Европу через Монголию и Россию. Для этого были предусмотрены инвестиции в развитие инфраструктуры контрольно-пропускных пунктов в размере 1,5 млрд. юаней ежегодно в течение предстоящих пяти лет[2].

При этом с точки зрения расстояния перевозки маршрут через Монголию получается короче, чем через Забайкальск или дальневосточные порты. Однако для реализации его потенциала, необходимо существенное улучшение инфраструктуры и сервиса на погранпереходе Замын-Ууд – Эрлянь. Также необходимо решить вопрос возврата порожних контейнеров и вагонов, а также обеспечить реконструкцию монгольского участка Сухэ-Батор – Сайншанд – Замын-Ууд протяженностью 1100 километров, представленного в настоящее время однопутной дорогой с тепловозной тягой.

Но даже, несмотря на имеющиеся недостатки, интерес к использованию данного маршрута достаточно высок. Еще в апреле 2016 г. был отправлен первый грузовой поезд из района Внутренняя Монголия в Европу. Железнодорожный рейс согласно расписанию прибыл в Москву через 10 дней после пересечения границы Китая (КПП Эрлянь-Хото), а еще через 2 дня прибыл на конечный пункт маршрута. Таким образом время доставки сократилось примерно на 20 дней по сравнению с временем транспортировки по морю.

Маршрут предусматривает перевозку китайских автозапчастей, металлургической продукции, товаров легкой промышленности и предметов широкого потребления в сторону Европы, российской древесины и удобрений, немецких механических комплектующих и упаковочных материалов из стран Северной Европы – в обратном направлении. В последующем рейсы через КПП Эрлянь-Хото стали осуществляться на постоянной основе. На май 2016 г. график предусматривал пропуск двух поездов в сторону Европы и одного в направлении Китая еженедельно, что позволяет говорить о начале регулярной эксплуатации маршрута.

В рамках трехстороннего соглашения проводятся также работы по организации автосообщения. Этому способствовало упрощение и гармонизация требований к перевозчикам, в результате чего транспортировка грузов по всей длине маршрута будет происходить без смены транспортной компании. Ранее и российские, и монгольские поставщики были вынуждены передавать свои заказы перевозчикам на границе. Новые условия, которые дадут возможность российским перевозчикам совершать рейсы до крупных китайских промышленных центров, в том числе портов, должны открыть для грузовладельцев дополнительные преимущества маршрута.

В дальнейшем для решения остающихся проблем в организации движения планируется заключение специального межправительственного соглашения о международных автомобильных перевозках по сети азиатских автомобильных дорог, предусматривающее осуществление перевозок между Китаем и Россией с транзитом транспортных средств по территории Монголии.

---

[1] Перевозка грузов между Казахстаном и КНР вырастет на 23% // ЦДИ Капитал. 2016. – 27 августа. – http://kapital.kz/economic/53145/perevozka-gruzov-mezhdu-kazahstanom-i-knr-vyrastet-na-23.html

[2] АР Внутренняя Монголия создает китайско-монгольско-российский экономический коридор // «Жэньминь жибао» онлайн. 2015. – 18 мая. – http://russian.people.com.cn/n/2015/0518/c31518-8893636.html

Еще одним перспективным направлением развития транспортных связей для России является совместная с КНР организация движения грузов по коридорам Приморье-1 и Приморье-2. Китай заинтересован в реализации обоих проектов в связи с тем, что его северные провинции испытывают дефицит перевозочных мощностей до портов на северо-востоке страны. В силу загруженности внутренних железнодорожных линий выход на российские порты представляется удобным вариантом для китайской стороны.

Первый проект предполагает транспортировку грузов из Суйфэньхэ (провинция Хэйлунцзян) через Уссурийск в порт Владивосток и Находку. С точки зрения первоначальной инфраструктуры проект не требует серьезных затрат: железнодорожное сообщение уже существует, автомобильная дорога находится в стадии реконструкции. Единственным недостающим элементом является современный пограничный терминал.

Приморье-2 предусматривает транзит грузов из города Хуньчунь (провинция Цзилинь) в направлении портов Зарубино и Славянка. На этом маршруте, существует значительно больше проблем с инфраструктурой, причем как с российской, так и с китайской стороны: изношенная автодорога, отсутствие железнодорожного сообщения и портовых терминалов. Вместе с тем, длина маршрута значительно меньше по сравнению с Приморьем-1.

В силу развитой инфраструктуры наибольший интерес у Китая вызывает перевозка грузов в направлении порта Владивосток. Первый контейнерный поезд в этом направлении был отправлен из г. Суйфэньхэ в марте 2016 г. В последующем контейнеры из Владивостока доставляются в Пусан (Республика Корея) морским путем. По сообщению Комитета по делам развития и реформ провинции Хэйлунцзян уже с 30 марта данная сухопутно-морская линия начала свою работу в еженедельном режиме. Интерес к использованию маршрута со стороны китайских грузовладельцев связан с экономией времени доставки в среднем на 2-3 дня по сравнению с маршрутом Харбин-Далянь (маршрут Харбин-Суйфэньхэ-Восточный-Пусан на 224 км короче по сравнению с маршрутом Харбин-Далянь-Пусан). При этом общий срок доставки грузов в Корею сокращается до четырех дней, в Японию – до пяти дней.

Более того, в целях развития маршрута в Суйфэньхэ уже в июне 2016 г. был открыт ширококолейный железнодорожный вокзал для российских поездов. Проект строительства вокзала был реализован китайской стороной в рамках реконструкции железнодорожного перегона Муданьцзян-Суйфэньхэ, которая началась еще в 2010 году. В результате составы из России смогут прибывать в Суйфэньхэ без перемены колесных пар, что позволит получить дополнительную экономию во времени доставки.

* * *

Несмотря на наличие альтернативных маршрутов, проходящие через Россию и другие государства ЕАЭС направления имеют большой потенциал как в части снятия административных барьеров в движении грузов, так и в оптимизации себестоимости их транспортировки. Подтверждением тому могут служить выделяемые Китаем основные сухопутные маршруты транзита китайских грузов: Китай – Казахстан – Россия, Китай – Монголия – Россия, Китай – Россия (через КПП Маньчжоули). При этом преимуществом отечественных перевозчиков можно назвать вариативность предлагаемых направлений как с участием Казахстанских или Монгольских железных дорог, так и непосредственно по сети РЖД. Кроме того, значительная территория страны позволяет задействовать и другие маршруты для транзитных грузов, например, с использованием мурманского или архангельского транспортных узлов.

В этих условиях России целесообразно сосредоточиться на совместном со всеми заинтересованными сторонами развитии транзитных коридоров, уделяя наибольшее внимание вопросам снятия административных барьеров, гармонизации пограничных, таможенных, и других процедур при пересечении грузами границ, облегчению процедуры оформления трансконтинентальной доставки для грузовладельцев, обеспечению единства нормативных и технических требований, а в последующем – формированию единой тарифной политики. Данные процессы могут быть успешно совмещены с идущими в настоящее время переговорами в рамках ЕАЭС по согласованию условий формирования единого транспортного пространства.

При этом предложения Китая по реализации совместных проектов в рамках ЭПШП должны активно использоваться для модернизации и российской транспортной инфраструктуры, прежде всего Транссиба и БАМа с ответвлениями в сторону Китая на восточных участках маршрутов. Такой подход позволит России, не соперничая с Китаем за сферы влияния, органично влиться в ЭПШП и в перспективе влиять на позицию Пекина по вопросам реализации отдельных проектов в регионе.

Костюнина Г.М.[1]

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *АТР, экономическая интеграция, зона свободной торговли, АСЕАН, АТЭС, АНЗСЕРТА*
Keywords*: Asia-Pacific region, economic integration, free trade area, ASEAN, APEC, ANZCERTA.*

Периодизация торговой либерализации в рамках АТР

Можно выделить несколько этапов торговой либерализации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В рамках первого этапа (1960-1967 гг.) известный японский аналитик К.Кодзима выдвинул концепцию создания Тихоокеанской зоны свободной торговли (ПАФТА, Pacific Free Trade Area, PAFTA) в составе экономически развитых государств – США, Канады, Японии, Австралии и Новой Зеландии. В качестве институциональной структуры К.Кодзима предложил в 1968 г. образовать Тихоокеанскую организацию по торговле и развитию – ОПТАД (Organization on Pacific Trade and Development, OPTAD) по аналогии с ЮНКТАД[2]. С выдвижения этой идеи начался второй этап торговой либерализации в АТР, который охватил 1968-1977 гг. Но для ее реализации отсутствовали объективные экономические и политические предпосылки.

В рассматриваемый период институционализация экономического сотрудничества в регионе пошла по пути образования неправительственных организаций. Их главным инициатором выступала Япония, предложившая формирование в 1968 г. Тихоокеанского форума по торговле и развитию (Pacific Forum on Trade and Development, PAFTAD) как неправительственной организации, объединившей ученых стран региона. Ее главная цель – концептуальная разработка основ регионального экономического сотрудничества в рамках проведения конференций и составления аналитических обзоров.

В том же году образовался Экономический совет Тихоокеанского бассейна (ТЭС, Pacific Basin Economic Council, PBEC) как неправительственная организация в составе руководителей более 1000 компаний из 17 стран. Цель ТЭС заключается в содействии развитию торговли и инвестиций в рамках АТР на основе взаимодействия с руководителями правительств и международными организациями.

Третий этап торговой либерализации в регионе (1978-1988 гг.) характеризовался продолжением формирования региональных экономических организаций неправительственного характера. В 1980 г. по предложению Японии создается Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС, Pacific Economic Cooperation Council, PECC) как трехсторонняя организация с участием представителей правительственных, предпринимательских и научных кругов с целью определения направлений региональной экономической политики и создания зоны свободной торговли. Основное достижение СТЭС – принятие концепции «открытого регионализма» в 1992 г., ныне общепризнанной в мировой интеграционной практике.

В рассматриваемый период происходит смещение организационных основ экономического сотрудничества в АТР от чисто консультативных рамок к попытке создания общерегионального объединения, а также активизация интеграционных процессов на субрегиональном уровне. В 1983 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли между Австралией и Новой Зеландией (АНЗСЕРТА, Australia – New Zealand Closer Economic Relations, ANZCERTA).

Четвертый этап торговой либерализации азиатско-тихоокеанского сотрудничества (1989-1999 гг.) оказался богатым на выдвижение новых интеграционных инициатив – создание зоны свободной торговли в рамках АСЕАН (1992 г.) и в рамках АТЭС (1994 г.), зон экономического роста в Восточной Азии (начиная с 1989 г.) и ряда других. Большая дифференциация стран региона по различным макроэкономическим показателям сказалась на специфике экономической интеграции: наряду с углублением интеграции в рамках институционально оформленных субрегиональных экономических объединений наблюдалось оживление интеграции на неформальной основе в силу частнопредпринимательских инициатив, что получило название «мягкой» регионализации (т.е. без институционального оформления).

Наконец, в 1989 г. в АТР создана первая межправительственная экономическая организация – Форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в рамках которой выдвинута идея создания зоны свободной торговли товарами, услугами и инвестиций к 2020 г.

Пятый современный этап с 2000 г. характеризуется активизацией подписания новых интеграционных соглашений как на многосторонней, так и на двусторонней основах.

---

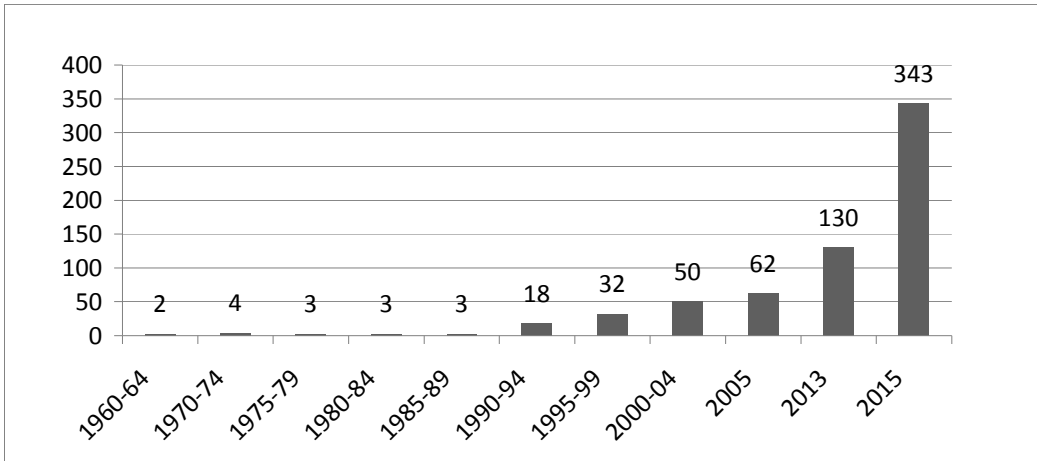
[1] Костюнина Галина Михайловна – д.э.н., профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО (университет) МИД РФ. E-mail: galina_kostynina@yahoo.com

[2] Kodjima K. Pacific Economic Community and Asian Development Countries. – Tokyo, 1966.

Место АТР в системе региональных торговых соглашений

Начиная с 2000 г., в АТР быстро растет количество вновь создаваемых зон свободной торговли (ЗСТ). Если в 1955–1959 гг. количество ЗСТ равнялось 1, то к 2000 г. выросло до 32, а в 2015 г. – 343 (более подробно см. диагр. 1).

Диаграмма 1.
Динамика количества зон свободной торговли в АТР



Источник. Построено на основе данных Asian Regional Integration Center. – http://aric.adb.org/fta

Если взять только западную часть АТР (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия и юг Тихоокеанского бассейна), то количество РТС возросло с 9 до 120, или в 13 раз за 2000-2015 гг. В том числе количество соглашений, нотифицированных в ВТО, увеличилось с 8 до 102, соглашений, подписанных и вступивших в силу, – с 1 до 14 и соглашений, подписанных и не вступивших в силу – с 0 до 4 соответственно. Что касается соотношения между двусторонними и многосторонними соглашениями, то если в 2000 г. их количество было сравнимо (4 и 5 соответственно), то в 2015 г. изменилось в пользу двусторонних РТС (78 и 42)[1].

Современный этап интеграционных процессов в АТР характеризуется полномасштабными зонами свободной торговли, многие из которых вступили в силу в 2010 г., как например, зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) или АСЕАН-Китай. Стали функционировать все пять соглашений АСЕАН о зоне свободной торговли с основными торговыми партнерами – с Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией, и Индией.

Их отличительная особенность – включение норм ВТО+. В разрезе по странам наиболее высокий уровень охвата торговли в рамках зон свободной торговли (ЗСТ)[2] имеют Чили (90%), Мексика (81,5%), Канада (68,4%), Сингапур (65,9%) и Индонезия (63,9%). Что касается политических и экономических лидеров АТР, то наиболее высокий уровень охвата у США – 34,4%, тогда как у Японии – 16,5% и Китая – 11,2%. Последние показатели не учитывают подписанные, и вступившие в силу в конце 2012 г. соглашения Республики Корея и США, Республики Корея и ЕС.

Далеко не все действующие в регионе интеграционные соглашения перешли на беспошлинную торговлю, но почти все отличаются комплексностью охвата. Так, в 22 интеграционных соглашениях 89% товарных позиций облагались нулевыми пошлинами в 2010 г. и 84% в 38 соглашениях осуществлялись на беспошлинной основе. По прогнозу, к 2020 г. их доли возрастут до 96% и 97% соответственно. В странах АТЭС средневзвешенные пошлины на все товары снизились с 6% до 3% в пяти развитых государствах и с 13% до 7% в 16 развивающихся странах[3].

Благодаря расширению беспошлинной торговли в рамках ЗСТ и увеличению количества ЗСТ АТР становится все более интегрированным мега-рынком, что сказывается на росте экономической взаимозависимости и взаимодополняемости региона, на бизнес-среде компаний, функционирующих в странах АТР. Постепенно происходит эволюция от акцента на стимулирование производственной базы к стимулированию внутреннего спроса и развитию потребительского рынка в странах АТР (что выступает в качестве основы для стабильного и динамичного экономического роста).

Регион отличается наиболее динамичными темпами экономического роста в мире. Он включает две самые динамично развивающиеся экономики мира – Китай и Индию (хотя с географической точки зрения последняя относится к Южной Азии, но благодаря активному участию в различных институциональных структурах АТР часто рассматривается как азиатско-тихоокеанская страна), а также ряд других государств с меняющейся моделью экономического развития, нацеленной на рост производства и рост внутреннего спроса в Азии. Проведение торговой либерализации в рамках зон свободной торговли стимулирует бизнес ТНК, прежде всего, японских. Наиболее интегрирующимся субрегионом является Восточная Азия.

Процесс торговой и инвестиционной либерализации в АТР отличается более динамичными темпами в отличие от других регионов мира, на односторонней основе и с учетом обязательств перед ВТО.

---

[1] RTA Database. – http://rtais.wto.org/UI/PublicSearchByMemberResult.aspx?MemberCode=158&lang=1&redirect=1

[2] Уровень охвата торговли соглашениями о зонах свободной торговли определяется как удельный вес торговли страны с партнерами по ЗСТ в совокупном товарообороте государства.

[3] APEC and Progress Towards Bogor Goals / IADB. 2010. – March. – P. 3.

Общерегиональные интеграционные процессы и инициативы в АТР

На общерегиональном уровне в АТР функционируют: Форум АТЭС, и Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА), известное как Бангкокское соглашение (Asia Pacific Trade Agreement, APTA) в составе Бангладеш, Индии, Лаоса, Китая, Республики Корея и Шри-Ланки (1975 г.). В октябре 2015 г. подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП, Transpacific Partnership Agreement, TPP) с участием 12 государств АТЭС – США, Австралии, Перу, Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Брунея, Новой Зеландии, Чили, Канады, Мексики и Японии.

С 2014 г. продолжается переговорный процесс по Региональному соглашению о всеобъемлющем экономическом партнерстве в Восточной Азии (РВЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) в составе АСЕАН-10, Японии, Китая, Республики Корея, Индии, Австралии и Новой Зеландии, т.е. по модели АСЕАН+6. Переговоры планировалось завершить до конца 2016 г., но с учетом результатов переговорного процесса это вряд ли возможно.

Форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС, Asia Pacific Economic Cooperation Forum, APEC) создан в 1989 г. В его состав входит 21 экономика: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (САР КНР), Индонезия, Канада, Китай, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Япония.

В 2015 г. на долю стран АТЭС приходилось 54,5% мирового ВВП, 39,3% численности мирового населения, 51,2% совокупного импорта прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и 52,8% мирового экспорта ПИИ. Среднедушевой ВВП в среднем возрос с 5762 долл. в 1989 г. до 21888 долл. в 2015 г.[1]

В рамках АТЭС еще в 1994 г. была утверждена Богорская цель по формированию зоны свободной торговли и инвестиций (ЗСТ) к 2010 г. для развитых государств и к 2020 г. для развивающихся стран.

В течение 1995-1997 гг. на саммитах АТЭС были приняты несколько программ – Осакская (1995 г.), Манильская (1996 г.) и Ванкуверская (1997 г.) как планы действий по достижению Богорской цели. Азиатский финансовый кризис (1997-1998 гг.), приверженность принципам невзаимности и добровольности, а также дифференциация по разным макроэкономическим показателям между странами-членами негативно сказались на результатах выполнения перечисленных программ. Так, ЗСТ для развитых государств так и не была создана, хотя сохраняется дата – 2020 г.

За 25 лет своего функционирования АТЭС достиг немалых успехов, включая снижение средневзвешенного уровня таможенно-тарифного обложения с 16,9% до менее 5% за 1989–2014 гг.; гармонизацию национальных стандартов с международными по некоторым товарным позициям; снижение транзакционных издержек на 10 п.п.; реализацию около 1500 инвестиционных проектов в рамках экономического и технического сотрудничества; введение Дорожной карты по упрощению миграции предпринимателей (Business Travel Card): увеличение доли взаимного экспорта в совокупном экспорте АТЭС с 57,9% до 69,2% за 1989–2015 гг.

Вместе с тем, сохраняются немалые проблемы в деятельности АТЭС, в том числе медленный и противоречивый процесс торговой и инвестиционной либерализации на основе невзаимности и добровольности; недостаточное финансирование инвестиционных проектов в рамках ЭКОТЕК; противоречия между странами, разочарование развивающихся государств в АТЭС как организации, способной противостоять мировым финансовым потрясениям и предложить реальные пути решения таких проблем[2].

В 2006 г. на Ханойском саммите АТЭС по инициативе США был утвержден проект Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП, Free Trade Area for Asia Pacific, FTAAP). Проект учитывает достижения в рамках реализации Богорской цели, является ее логическим продолжением. С учетом огромного разрыва в уровнях экономического развития между участвующими экономиками предложено сначала сформировать ЗСТ в узком составе стран более или менее приближенных по уровню развития, а затем расширить ее состав за счет принятия других государств АТЭС. Инструментами достижения этой задачи стали Транстихоокеанское партнерство (вступит в силу после ратификации)[3] и проект Регионального всеобъемлющего экономического партнерства.

Проведение торговой и инвестиционной либерализации в регионе АТЭС содействовало росту роли стран в мировых показателях торговли и увеличению взаимной торговли (см. табл. 1). Доля АТЭС в мировом экспорте возросла с 40,7 до 48,2% за 1989–2015 гг., а доля в мировом импорте – с 40,1 до 47,3% соответственно.

Таблица 1

Торговля товарами и услугами стран АТЭС, млрд. долл.

Показатель	1989 г.	1992 г.	2000 г.	2007 г.	2014 г.	2015 г.
Экспорт АТЭС	1544	2083	3749	7477	11 091	10 260
Взаимный экспорт	885	1180	2264	4178	6232	5757
Доля АТЭС в мировом экспорте, %	40,7	43,8	47,0	42,4	46,0	48,2
Совокупный импорт	1580	2007	4006	7621	11 312	10 147
Взаимный импорт	888	1156	2323	4272	5079	5671
Доля в мировом импорте, %	40,1	40,9	48,6	42,9	46,8	47,3
Совокупный оборот	3124	4090	7735	15 099	22 403	20 407
Доля в мировой торговле, %	40,4	42,3	47,8	42,7	46,4	47,7

Источник: APEC Region Trade and Investment 2016. – Canberra, 2016. – P. 25–26.

[1] APEC Region Trade and Investment 2016. – Canberra, 2016. – P. 24.

[2] Костюнина Г.М. Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2011. – № 6. – С. 33.

[3] Более подробно см. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная жизнь. – М., 2016. – № 2. – С. 90–112.

За 1989–2015 гг. совокупный экспорт стран АТЭС возрос с 1544 млрд. долл. до 10 260 млрд. долл. или в 6,65 раза, а взаимный экспорт – с 885 млрд. долл. до 5757 млрд. долл., или в 6,5 раза[1]. Главный показатель экономической взаимозависимости и взаимодополняемости – доля взаимного экспорта товаров в совокупном экспорте стран-участниц составляет 69,2%, а доля взаимного импорта возросла – 69,5% в 2015 г.

Взаимная торговля в АТЭС растет благодаря снижению торговых ограничений, динамичному экономическому росту Китая и азиатских НИС, расширению региональной стоимостной цепочки поставок, сформированной в рамках ТНК. 2/3 совокупного товарооборота АТЭС приходится на взаимную торговлю, а 42% взаимной торговли составляют торговые связи между странами зон свободной торговли, и 27% совокупной торговли АТЭС приходится на страны, входящие во внутриазиатские зоны свободной торговли. В целом, за 50 лет внутрирегиональная торговля в АТР растет более быстрыми темпами по сравнению с показателями Северной Америки и приближается к уровню ЕС.

За последние два десятилетия существенно возросла роль интеграционных соглашений во внешней торговле стран АТЭС. Особенно четко это видно по практике Австралии (с 0,0 до 55,8% за 1995–2014 гг.), Чили (с 5,2 до 90,1%) и Перу (с 5,4 до 54,0%).

Другой важный показатель, определяющий степень торговой взаимозависимости, – доля АТЭС в совокупном экспорте той или иной страны – варьирует от 42% в экспорте США и Чили до 79 – в экспорте Мексики и 83% в экспорте Канады[2].

Однако общерегиональные интеграционные процессы уступают по глубине субрегиональной интеграции, которая охватила Юго-Восточную Азию, Северо-Восточную Азию и юг Тихоокеанского бассейна.

Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии в рамках АСЕАН

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН, Association of South East Asian Nations, ASEAN) была создана в 1967 г. в составе пяти государств – Сингапура, Таиланда, Филиппин, Индонезии и Малайзии. Позднее присоединились Бруней, Вьетнам, Лаос, Союз Мьянма, Камбоджа.

Как определено в Бангкокской декларации (1967 г.), Ассоциация призвана сформировать рамочный механизм регионального сотрудничества по реализации трех основных целей: стимулирование экономического роста, социального прогресса и развития культуры региона на основе совместных действий; укрепление мира и безопасности в Юго-Восточной Азии; развитие сотрудничества и взаимопомощи по вопросам, представляющим общий интерес в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях[3].

В 2017 г. АСЕАН отметит 50-летие со дня создания. За прошедший период она прошла сложный и относительно противоречивый процесс углубления интеграционных процессов. К середине 1980-х гг. была создана зона преференциальной торговли с немалыми исключениями. Причины связаны с низким уровнем экономического развития, невысокой степенью экономической взаимозависимости и политическими разногласиями т.е. отсутствием необходимых экономических объективных предпосылок.

В 1992 г. на Сингапурском саммите решено начать формирование зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА, ASEAN Free Trade Area, AFTA). Сначала она охватила торговлю товарами, затем услуги и инвестиции. В итоге к 2000 г. АФТА была создана для 6 стран (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур и Филиппины), в 2003 г. – для Вьетнама и к 2007 г. – для трех других государств.

Спустя 3 года в 2003 г. принимается решение об экономическом, политическом и социально-культурном сообществе АСЕАН, которое планировалось создать к 2015 г. на основе свободного движения товаров, услуг, инвестиций и лиц квалифицированного труда. Основные направления – формирование единого рынка и производственной базы, высококонкурентоспособного экономического региона, региона сбалансированного экономического развития и интеграции в мировую экономику. Для достижения поставленной цели были подписаны соглашения, как например, Соглашение по торговле услугами (2004 г.), Соглашение по торговле товарами (2009 г.), Комплексное соглашение по инвестициям (2010 г.) и Рамочное соглашение о признании квалификационных навыков (2014 г.), определившие задачи и направления формирования экономического сообщества АСЕАН.

В конце 2015 г. экономическое сообщество было в основном сформировано. Следует заметить, что сообщество в рамках АСЕАН не соответствует понятию общего рынка в соответствии с теорией экономической интеграции, так как АСЕАН не прошел стадию таможенного союза, а значит, не проводит общую торговую политику на основе такого инструмента, как общий таможенный тариф в торговле с неучаствующими странами.

В целом, благодаря созданию Экономического сообщества средний уровень таможенно-тарифного обложения в АСЕАН снизился с 12,76 – в 1993 г. до 0,54% в 2014 г., в том числе в рамках АСЕАН-6 до 0,04 – и в рамках АСЕАН-4 до 1,33%[4].

За 2000–2015 гг. совокупный экспорт АСЕАН вырос с 410,1 млрд. долл. до 2270,0 млрд. долл., или в 5,54 раза, а взаимный экспорт возрос с 93,4 млрд. долл. до 544,0 млрд. долл., или в 5,82 раза. Таким образом, темпы прироста взаимного экспорта превышали соответствующий показатель для совокупного экспорта стран АСЕАН. Эволюция инте-

---

[1] APEC Region Trade and Investment 2016. – Canberra, 2016. – P. 25–26.

[2] APEC and Progress Towards Bogor Goals // IADB. 2010. – March. – P. 3.

[3] Костюнина Г.М. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Международная экономическая интеграция. – М.: Экономистъ, 2006. – С. 226–260.

[4] Костюнина Г.М. Экономическое сообщество АСЕАН: направления и перспективы формирования // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2015. – № 12. – С. 18.

грационных процессов в рамках Ассоциации стимулировала рост взаимного экспорта в совокупном экспорте с 23,0 до 25,8%[1].

Совокупные ПИИ возросли с 23,5 млрд. долл. в 2000 г. до 143,0 млрд. долл. в 2015 г., или в 6,1 раза. Приток взаимных инвестиций увеличился с 762 млн. долл. до 22,2 млрд. долл. соответственно, или в 29,2 раза. Более динамичный рост взаимных прямых инвестиций стимулировал увеличение их доли в совокупном притоке ПИИ с 3,9 до 18,4% за 2000–2015 гг.[2]

Таким образом, АСЕАН демонстрирует эффект создания торговли и эффект создания инвестиций.

В 2015 г. утверждена программа окончательного завершения создания Экономического сообщества АСЕАН к 2025 г. Она призвана содействовать активизации отраслевого сотрудничества, завершить реализацию программ «одного окна» и самосертификации, формирования базы данных по торговле и либерализацию нетарифных ограничений, а также полностью достичь свободной торговли услугами, свободного перемещения инвестиций и капитала, и лиц квалифицированного труда.

Интеграционные проекты в Северо-Восточной Азии

Интеграционные процессы институционального формата в Северо-Восточной Азии начались позже, чем в других регионах АТР. Вместе с тем, в регионе развивалась рыночная интеграция в рамках высокой степени экономической взаимозависимости и взаимодополняемости.

Важным прорывом в институционализации экономической интеграции стало подписание в 2015 г. Китаем и Республикой Корея соглашения о зоне свободной торговли. Оно призвано сформировать ЗСТ в течение 20 лет на основе ликвидации таможенных пошлин на 90% товаров взаимной торговли с сохранением исключений[3]. В отраслевом разрезе исключения коснулись продукции электроники, металлургической продукции с высокой добавленной стоимостью, некоторой продукции автомобилестроения и ИТ, а также аграрной продукции[4]. Соглашение содержит нормы по инвестиционному регулированию, либерализации торговли услугами, по защите прав интеллектуальной собственности и по экологии.

В 2003 г. три страны СВА решили сформировать трехстороннюю зону свободной торговли в регионе, начав с проведения исследования ее целесообразности, которое завершилось в 2009 г. Проект Северо-Восточноазиатской зоны свободной торговли (СВАЗСТ) охватывает торговлю товарами и услугами, правила происхождения, таможенные процедуры, защитные меры, права интеллектуальной собственности и электронную торговлю. Переговоры по его подписанию ведутся с 2012 г., и первоначально стороны намеревались их завершить до конца 2015 г. Важным шагом на пути продвижения этого проекта стало подписание в 2012 г. трехстороннего инвестиционного соглашения, а также соглашения о ЗСТ между Китаем и Республикой Корея.

В целом, перспективы подписания соглашения о СВАЗСТ сохраняются.

Интеграционные процессы на юге Тихоокеанского бассейна

Странами юга Тихоокеанского бассейна подписано и инициировано 96 региональных интеграционных соглашений, в том числе 53 действуют, 2 соглашения подписаны, но не вступили в силу и еще 41 проект находится в переговорной стадии. В субрегионе действуют такие региональные соглашения, как АНЗСЕРТА, Форум Тихоокеанских островов, Тихоокеанское соглашение о сближении экономических связей, ПАСЕР и Торговое соглашение между островными странами Тихого океана, ПИКТА.

Самым первым и успешным интеграционным проектом по созданию зоны свободной торговли в Тихоокеанском бассейне стало соглашение об углублении торгово-экономического сотрудничества между Австралией и Новой Зеландией, АНЗСЕРТА (Australia – New Zealand Closer Economic Relations Trade Agreement, ANZCERTA). Оно вступило в силу в 1983 г. и стало одним из первых соглашений, в названии которого присутствуют слова о сближении экономических связей. Такой подход возьмет на вооружение Япония при подписании соглашений интеграционного типа, начиная с 2002 г. (первое такое соглашение было подписано с Сингапуром).

ЗСТ была создана за семь лет к 1990 г. на основе отмены пошлин, квот, импортных лицензий, антидемпинговых процедур торговли товарами. Позднее была либерализована торговля услугами и сформирован общий рынок труда, когда граждане одной страны свободны в праве выбора работы в другом государстве. Главный недостаток зоны свободной торговли был связан с отсутствием регулирования инвестиционных вопросов в течение более 30 лет. Соответствующий документ был подписан лишь в 2011 г. как Протокол по инвестициям к соглашению АНЗСЕРТА и вступил в силу с 2013 г. Он призван либерализовать взаимные инвестиционные потоки.

В целом, АНЗСЕРТА считается самой эффективной двусторонней зоной свободной торговли в мировой практике благодаря либерализации рынков товаров, услуг и лиц. Правда, доля взаимной торговли в совокупном товаро-

---

[1] ASEAN Economic Community 2015: Progress and Key Achievements / ASEAN Secretariat. 2015. – P. 9; ASEAN Economic Community Chartbook. 2016. – P. 15.

[2] Op. cit. P. 43.

[3] Schott J., Jung E., Cimino-Isaaks C. An Assessment of the Korea – China Free Trade Agreement // Policy Brief #PB 15-24 / Peterson Institute for International Economics. 2015. – December. – P. 4.

[4] Более подробно см. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. – М., 2016. – № 7. – С. 28–39.

обороте СЕР невысока и составляет 11,4% (доля взаимного экспорта – 5,0% и доля взаимного импорта – 18,3% в 2014 г.), что связано с большей направленностью торговых связей на страны Восточной Азии.

Специфика интеграционных процессов в АТР

Благодаря беспошлинной торговле и увеличению сети интеграционных объединений АТР становится все более интегрированным рынком, что благоприятно сказывается на предпринимательском климате для компаний, функционирующих на азиатско-тихоокеанском рынке. Большая роль в расширении производственной сети принадлежит японским компаниям. Постепенно эволюционирует и сам азиатско-тихоокеанский рынок от производственной базы к потребительскому рынку. Сложившаяся в регионе модель «догоняющего развития» меняется благодаря росту объемов производства и росту внутреннего потребления в регионе.

Проведение торговой либерализации в рамках интеграционных объединений стимулирует бизнес компаний, прежде всего, японских. Разработана и функционирует с помощью региональных интеграционных объединений эффективная региональная стоимостная цепочка поставок для производства и расширения внутреннего спроса.

Современные институты в АТР отличаются нехваткой четко разработанных процедур, имеют небольшой объем обязательств, определенных для стран-членов. В основу их работы положены принципы консенсуса и добровольности выполнения обязательств несвязанного характера. Сложившаяся азиатско-тихоокеанская региональная архитектура отличается комплексностью, слабостью и неформальностью. С учетом этого необходимо повысить уровень институционализации АТР, что позволит укрепить роль региона в мировой экономике и политике, усилить уровень взаимодействия с глобальными институтами.

Еще одна особенность азиатско-тихоокеанской интеграции связана с эффектом «тарелки спагетти», а именно: большим количеством соглашений, не соответствующих друг другу по основным нормам и увеличивающим предпринимательские издержки, потерями для благосостояния населения, с действием эффекта отклонения торговли. Несовместимость связана с различными временными схемами таможенной либерализации, различными правилами страны происхождения товаров, списком исключений, с требованиями к стандартам, различными антидемпинговыми процедурами. Отсюда, невысокая заинтересованность бизнеса в использовании потенциала зон свободной торговли, хотя она постепенно растет. Чем большее количество стран входит в интеграционные соглашения и чем выше интеграционная взаимозависимость, тем больше экономический эффект от создания объединения и меньше издержки отклонения торговли.

Подытоживая, можно сказать, что АТР в целом отличается многообразием интеграционных процессов, включая (1) преобладание интеграционных соглашений на субрегиональном в отличие от общерегионального уровня; (2) большей глубиной субрегиональной интеграции в отличие от региональной; (3) использованием мягких схем интеграции как на общерегиональном уровне (в рамках АТЭС), так и на субрегиональном (в рамках зон экономического роста); (4) динамичными темпами интеграционных процессов; (5) эффектом спагетти; (6) ростом роли интеграционных соглашений во внешнеторговых связях; (7) преобладанием двусторонних региональных торговых соглашений над многосторонними; (8) подписанием мега-соглашения о Транстихоокеанском партнерстве и продолжением переговоров по Соглашению о региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве; (10) слабой институционализацией, основанной на принципах невзаимности, добровольности и консенсуса (в рамках АТЭС).

Несмотря на сильные дезинтегрирующие факторы, сохраняются перспективы формирования общерегиональной зоны свободной торговли в АТР в рамках ФТААП, а инструментами считаются мега-соглашение ТТП, находящееся в процессе ратификации, и мега-проект РВЭП, по которому продолжаются переговоры.

Кочербаева А.А.[1]

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КЫРГЫЗСТАНА

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, экономическая интеграция, Таможенный союз, трудовая миграция.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, economic integration, Central Asia, Customs Union, work migration.*

Глобализация является одной из главных тенденций в развитии международных экономических отношений. В экономическом аспекте глобализация означает процесс бурного роста международного обмена товарами, услугами и капиталом. Начавшееся в последней четверти прошлого века интенсивное развитие международных экономических связей, их количественный рост и в итоге усложнение системы транснациональных экономических отношений продолжается и в XXI в. При этом одной из ведущих тенденций развития современной мировой экономики, наряду с глобализацией мирового хозяйства, является международная региональная экономическая интеграция.

Экономическая интеграция, являясь частью процесса глобализации, направлена на создание единого рынка капиталов, товаров, услуг, рабочей силы. При этом интеграция признается одним из наиболее значимых факторов развития мировой экономики[2].

Евразийский экономический союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Союз создан в целях всесторонней модернизации, кооперации, повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. В рамках Союза обеспечивается стремление к свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе (далее Договор) и международными договорами в рамках Союза. Договор основан на кодификации договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства[3].

Евразийская экономическая интеграция направлена на развитие многочисленных межрегиональных, межгосударственных инвестиционных, торгово-экономических, социальных, миграционных связей для достижения экономических и политических эффектов, способствующих процветанию экономик стран участниц. Евразийская экономическая интеграция – это ключевая сила развития в сфере движения капитала, торговли, транспорта, рабочей силы.

Кыргызстан присоединился к Евразийскому экономическому союзу в августе 2015 года. Вхождение Кыргызстана в ЕАЭС было обусловлено необходимостью развития производства в республике, увеличения экспортного потенциала и облегчения условий пребывания трудовых мигрантов в странах Союза.

Присоединение Кыргызстана к Союзу является важным шагом для дальнейшей интеграции экономических процессов, так как страны Таможенного Союза, в первую очередь Россия и Казахстан, являются стратегическими партнерами страны.

Кыргызская Республика стала полноправным участником Евразийского экономического союза.

К основным задачами ЕАЭС, кроме перечисленных в Договоре, правомерно добавить следующие:

- создание нового центра силы в рамках глобальной системы управления, который позволит его участникам эффективно реагировать на вызовы глобализации;
- формирование общей системы норм и практик, отвечающих внутренним и внешним интересам региона;
- сохранение культурного и идейного своеобразия региона, упрочение его суверенитета на мировой арене. Эта задача, несмотря на ее кажущееся внеэкономическое содержание, имеет решающее значение для будущего развития ЕАЭС. Результаты создания евразийского экономического пространства, равно как его способность стимулировать процесс модернизации в государствах-членах, кардинальным образом зависят от того, в какой степени интеграция будет ориентирована на специфические потребности региона[4].

---

[1] Кочербаева Айнура Анатольевна – д.э.н., профессор, профессор кафедры Менеджмент Кыргызско-Российского славянского университета им. Б.Н. Ельцина (КРСУ), Кыргызстан. Научные исследования/интересы в области: социальной политики; человеческого капитала; рынка труда и занятости населении; миграции населения; социально-экономической безопасности; экономические интересы; вопросы сельского хозяйства. E-mail:ainura_koch@mail.ru; ainura-koch@rambler.ru

[2] Евразийская экономическая интеграция в рамках СНГ (международно-правовые аспекты). 2012.

[3] Евразийская экономическая интеграция: исследования и проекты Центра интеграционных исследований ЕАБР. С. 7. – http://www.eabr.org/general//upload/EDB_Centre_Projects_Eurasian_Economic_Integration_RUS_1.pdf

[4] Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза. // Евразийская экономическая интеграция. 2015. – № 2 (27). – С. 54–55.

Согласно исследованиям ЦИИ ЕАБР, несмотря на сложные условия функционирования, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) демонстрирует достаточно высокую внутреннюю прочность. Это проявляется как в показателях общественной поддержки евразийского интеграционного проекта, так и в показателях взаимных инвестиционных и торговых потоков между странами ЕАЭС.

Результаты исследования 2016 года показывают, что идея евразийской экономической интеграция достаточно популярна среди граждан государств-членов ЕАЭС и ряда соседних стран. В целом уровень поддержки превышает 60%.

По данным «Интеграционного барометра ЕАБР», в государствах-членах ЕАЭС преобладает в целом положительное отношение к евразийской экономической интеграции.

В Беларуси выявлен незначительный рост общественной поддержки евразийской интеграции за год – с 60% до 63%. В остальных странах – членах Союза за минувший год произошло снижение общественной поддержки участия в ЕАЭС: в Кыргызстане – с 86 до 81%, в Казахстане – с 80 до 74%, в России – с 78 до 69%, в Армении – с 56 до 46%. Почти во всех указанных случаях снижение уровня поддержки евразийской интеграции произошло за счет роста доли относящихся к интеграции безразлично, а в Армении – в том числе и за счет роста отрицательных оценок (на 5 п.п.)[1].

Присоединение Кыргызстана к ЕАЭС, в нынешних экономических условиях не имело альтернативы. Вступление в ЕАЭС нашего государства открыло нашим товарам доступ на почти 200-миллионный рынок стран-участниц союза.

Основная цель евразийской экономической интеграции, как известно, – обеспечение роста благосостояния населения участвующих в ней стран, повышение их занятости, рост реальных доходов, но на практике, однако, существует ряд серьезных препятствий на пути евразийского интеграционного процесса.

Рисунок 1.
Торговля между странами ЕАЭС[2]

Так, в настоящее время происходит сокращение внешнеторгового оборота всех стран постсоветского пространства. Следует отметить, что взаимная торговля в рамках ЕАЭС сокращается меньшими темпами. Если торговля стран-членов ЕАЭС с третьими странами в 2015 году уменьшилась более чем на 33%, то их взаимная торговля – на 25%.

[1] http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/integration_barometer/index.php?id_16=49597
[2] Там же.

И получился непредвиденный эффект: удельный вес взаимной торговли членов ЕАЭС в их внешнеторговом обороте вырос. Отрицательно сказываются на развитии интеграции исключения из общих правил взаимной торговли[1].

В связи с вхождением в ЕАЭС Кыргызстана число таких исключений возросло. Исключения касаются в первую очередь изъятия определенных групп товаров, которые представляют особую значимость для той или иной страны, из единообразных налоговых и таможенных правил и процедур. Так, в Кыргызстане, в г.Бишкек есть три огромных рынка: «Дордой», «Кара-Суу» и «Мадина», которые, по сути, являются слабо закамуфлированной процедурой нелегального импорта из Китая. Таким образом, китайские товары как бы становятся продукцией члена ЕАЭС – и на рынке всего интеграционного объединения появляется огромный поток контрабанды из КНР. Наложение административного запрета на функционирование этих рынков может привести к росту безработицы.

Экономический потенциал союза, составляющего около 2,7% мирового ВВП, 2,5 – мирового населения, около 3 – мирового экспорта и около 2,5% импорта, складывается почти полностью за счет России, крупнейшей экономики альянса. Доля внутрирегиональной торговли в ЕАЭС – одна из самых низких для подобных мировых союзов (см. рис. 1): в среднем около 13% против, к примеру, около 63 – в Евросоюзе и 68% – в АТЭС. Хотя за 2010–2015 гг. эта доля возросла с 12 до 13,6%, произошло это за счет спада совокупного торгового оборота ЕАЭС со всеми странами: за тот же период он упал на 14%, а внутрирегиональный оборот – только на 3%, поддержав и несколько увеличив значимость торговли внутри союза[2].

Внутри ЕАЭС на российский рынок приходится более 60% всех поставок, а в торговле самой России доля стран ЕАЭС составляет 7–8%, тогда как почти 35% ее торгового оборота формируется с Китаем, Нидерландами и Германией. Для других стран ЕАЭС значимость общего рынка также различается: например, у Белоруссии на ЕАЭС приходится около 40% экспорта и более 55% импорта, а у Казахстана экспорт в страны ЕАЭС меньше, чем в Китай ($5,1 млрд. и $5,5 млрд. соответственно; 2015 г.), у Кыргызстана на Китай приходится почти 20% товарооборота[3].

Макроэкономические показатели Кыргызстана

В Кыргызской Республике отрицательное сальдо консолидированного бюджета сложилось в результате операций бюджета центрального правительства. На формирование дефицита бюджета повлияло снижение темпов роста доходов бюджета в результате замедления экономического роста, в том числе, в связи со снижением трансфертов мигрантов, и сохранение темпов роста государственных расходов, направленных на поддержку экономики в рамках реализации программы по переходу к устойчивому экономическому развитию на 2013–2017 гг. Обесценение национальной валюты и большой объем долга в иностранной валюте внесли существенный вклад в дефицит консолидированного бюджета в связи с увеличением объема платежей на облуживание долга. Результаты мониторинга показателей, характеризующих устойчивость консолидированного бюджета СГУ, свидетельствуют о нарастании рисков устойчивости государственных финансов в связи с превышением допустимого количественного значения отношения платежей на обслуживание и погашение долга СГУ к доходам бюджета, рекомендуемого МВФ. Расходы на обслуживание долга СГУ в общем объеме расходов консолидированного бюджета СГУ и показатель объема платежей по обслуживанию и погашению долга в % к ВВП за анализируемый период обставались на приемлемом уровне[4]

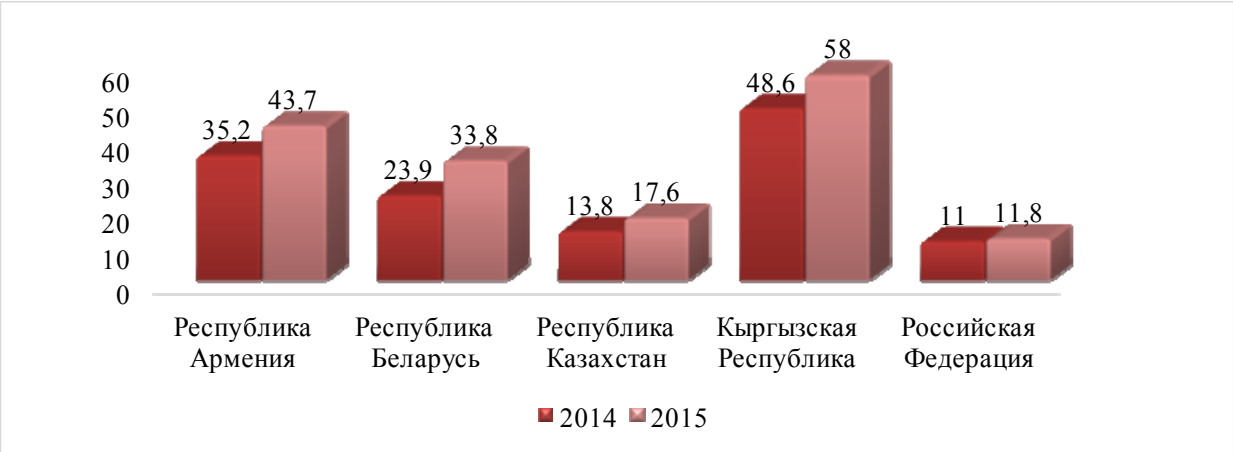


Рисунок 2.
Долг сектора государственного управления государств-членов ЕАЭС, в % к ВВП[5]

[1] https://ru.sputnik.az/world/20160526/405368469.html

[2] Снижение барьеров в торговле стран ЕАЭС может увеличить их товарооборот на четверть http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/14/669499-snizhenie-barerov#/galleries/140737493055943/normal/1

[3] Там же.

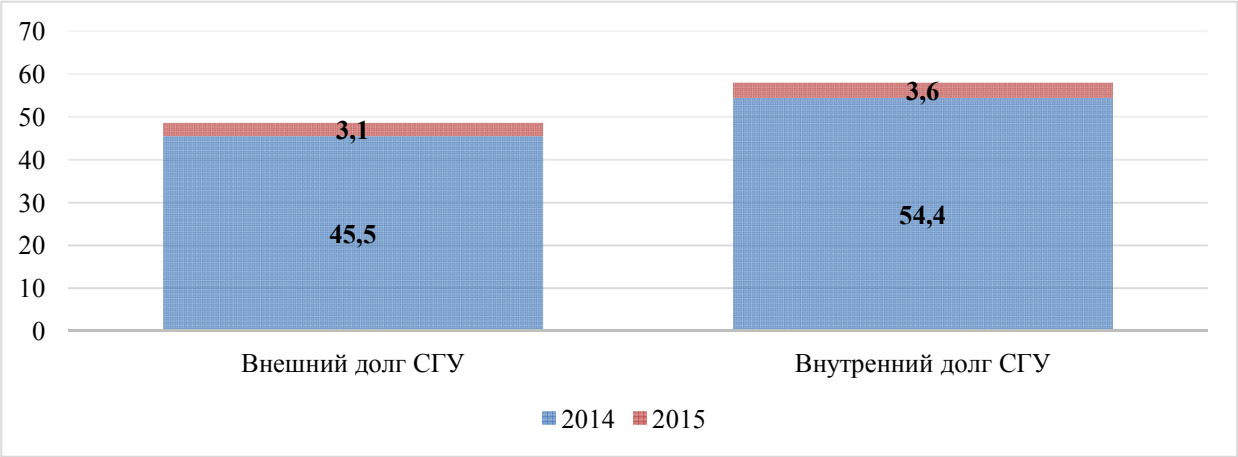
[4] Мониторинг соблюдения государствами – членами ЕАЭС количественных значений макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития, за 2015 год.

[5] Там же.

Долг сектора государственного управления

По итогам 2015 г. долг сектора государственного управления в % к ВВП вырос во всех государствах-членах Союза. В Кыргызской Республике долг сектора государственного управления составил 58% ВВП, превысив установленное Договором о ЕАЭС значение на 8 п.п.

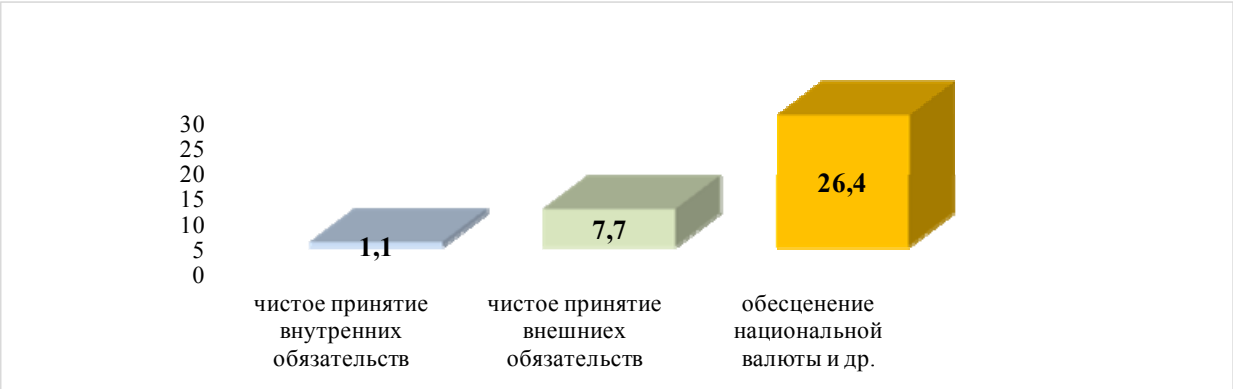
В Кыргызской Республике долг СГУ увеличился в национальной валюте на 35,2%. В долларах США сумма долга сектора государственного управления на конец 2015 года составила 3,8 миллиардов. Внешний долг СГУ, пересчитанный в национальную валюту, на конец 2015 года вырос на 35,8% по сравнению с концом 2014 года. Внутренний долг СГУ вырос на 25%. Соответственно, внешний долг СГУ рос быстрее внутреннего долга (рис. 3).



Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, расчеты Комиссии

Рисунок 3.
Изменение внешнего и внутреннего долга СГУ в рамках общего долга СГУ в % ВВП в 2015 году

Прирост долга СГУ в основном объясняется ростом внешнего долга СГУ, который выражен в иностранной валюте. Увеличение суммы долга СГУ было обеспечено в основном обесценением национальной валюты и внешним финансированием дефицита консолидированного бюджета СГУ (рис. 4).



Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, расчеты Комиссии

Рисунок 4.
Вклад компонентов в уровень инфляции (индекс потребительских цен), в п.п.

Уровень инфляции (индекс потребительских цен)

В 2015 г. неблагоприятные внешние и внутренние условия, ухудшившие состояние платежных балансов, привели к уменьшению международных резервных активов и обесценению национальных валют, что на фоне значительной зависимости от импорта и потребления некоторых продовольственных и непродовольственных товаров, привело к росту уровня инфляции (индекса потребительских цен) во всех государствах-членах Союза.

В Кыргызской Республике основной вклад в уровень инфляции внес рост цен на непродовольственные товары (2,4 п.п.). Также выросли цены на платные услуги населению, их вклад в уровень инфляции составил 1,0 п.п. (рис. 5).

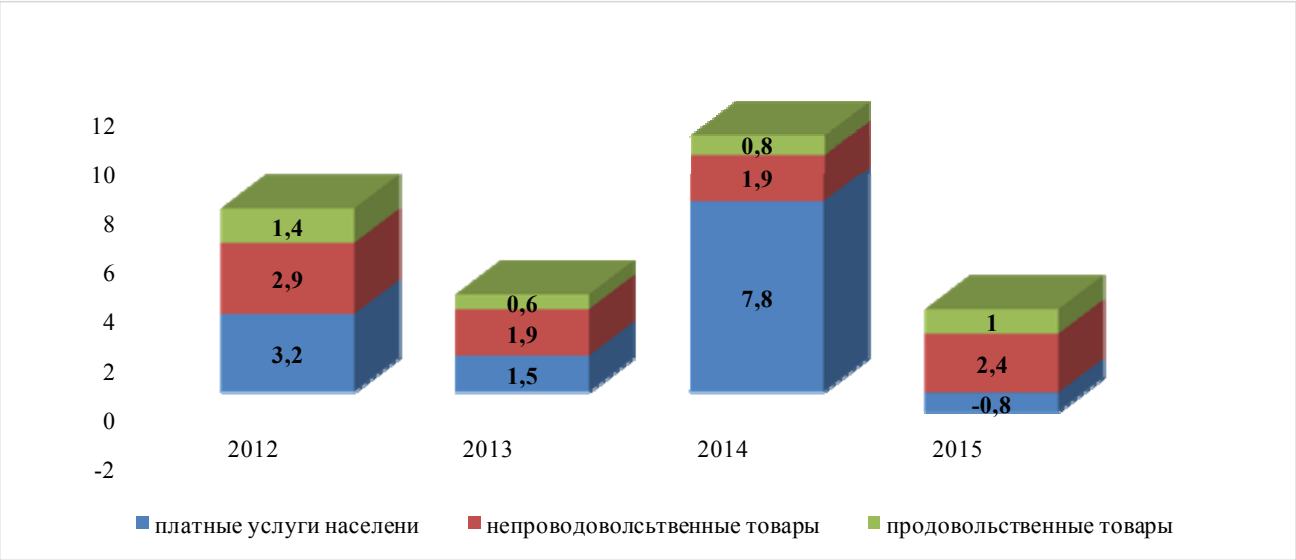


Рисунок 5.
Вклад компонентов в уровень инфляции (индекс потребительских цен), в п.п.

Основным фактором, оказывающим влияние на инфляцию, является динамика мировых и внутренних цен на с\х сырье и товары ввиду высокой продовольственной импортозависимости внутреннего потребительского рынка. В связи с обесценением национальной валюты Национальный банк ужесточил монетарную политику, повысив учетную ставку с 4,16 до 10%, что наряду с сокращением спроса домашних хозяйств за счет сокращения трансфертов граждан Кыргызской Республики, работающих за рубежом, способствовало значительному снижению инфляции.

Следует отметить, что ЕАЭС действует в условиях рецессии мировой экономики, падения цен на сырье и энергоносители, которые являются основой доходов России, Казахстана и других стран ЕАЭС.

Трудовая миграция в рамках ЕАС

Одним из основных направлений деятельности Евразийской экономической комиссии является трудовая миграция.

В рамках СНГ оставались неурегулированными вопросы доступа трудящихся Союза на общий рынок труда. К примеру, в рамках СНГ для работы в Российской Федерации требовалось приобрести медицинскую страховку, пройти медосмотр, сдать экзамен на знание русского языка, истории и законодательства. Кроме того, для осуществления трудовой деятельности было необходимо приобрести патент на соответствующее право. В рамках ТС и ЕЭП права граждан государств-членов значительно расширились. На данном этапе интеграции начало действовать Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19 ноября 2010 года, которое обеспечивает доступ трудящимся без учета ограничений по защите национального рынка труда, а также доступ к осуществлению трудовой деятельности без получения специального разрешения. Договором о Союзе предусмотрено, что в отношении трудящихся Союза не будут применяться ограничения, установленные законодательством государств-членов в целях защиты национального рынка труда. Трудящимся не потребуется разрешение на осуществление трудовой деятельности; также в целях расширения сферы возможного трудоустройства гражданам государств-членов будет предоставлена возможность трудиться не только по трудовому договору, но и по гражданско-правовому договору. Договор значительно расширяет права трудящихся из государств-членов.

Договор о Союзе выводит на качественно новый уровень такое направление сотрудничества государств-членов Союза, как трудовая миграция. В разделе XXVI «Трудовая миграция» содержатся положения, касающиеся вопросов обеспечения свободы осуществления трудовой деятельности на территориях государств-членов.

Таблица 1

Сведения о численности граждан государств-членов ЕАЭС, въехавших в Российскую Федерацию для осуществления трудовой деятельности (тысяч)

Государство-член	Численность трудящихся		Увеличение (%)
	2014 год	2015 год	
Республика Армения	124,5	286,7	130
Республика Беларусь	3,5	4,3	23
Республика Казахстан	187,0	113,8	- 39
Кыргызская Республика	354,0	430,8	22

Источник: Материалы Научно-методического семинара Аналитического управления (Совет Федерации, 24 марта 2016 года) // Аналитический вестник. – М., 2016. – № 18 (617). – С. 23. – http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2016/18_617/VSF_NEW_18_617.pdf

Цифры, представленные в таблице, наглядно свидетельствуют, что многие проблемы, возникавшие ранее при осуществлении мигрантами трудовой деятельности на территории Таможенного союза и Единого экономического пространства, урегулированы положениями Договора.

Для формирования общего рынка труда предусматривается выработка общей политики в сфере трудовой миграции, в том числе по предоставлению социального обеспечения, медицинского обслуживания для трудящихся граждан Союза, экспорту пенсий и зачету трудового стажа.

Довольно значимым результатом интеграции стало облегчение процессов миграции, а также решение визовых и других административных вопросов.

Таким образом, Евразийская экономическая комиссия в сфере трудовой миграции в рамках процесса евразийской интеграции смогла достигнуть решающих результатов по обеспечению свободы передвижения трудовых ресурсов и наладить сотрудничество с мировыми и региональными организациями.

В условиях реализации общей экономической политики необходимо поднять на новый уровень сотрудничество в научно-технической сфере и в сфере образования. Признание дипломов образовании, привлечение иностранных студентов стран-партеров на обучение и стажировки, предоставление грантов и стипендий – все это позволило бы повысить уровень профессиональной подготовки будущего человеческого капитала стран-партнеров, а также создать предпосылки для успешного развития интеграционного объединения.

Одним из плюсов вступления Кыргызстана в ЕАЭС можно считать беспошлинный импорт стратегических товаров (нефть, газ, зерно и т.д.), привлечение прямых иностранных инвестиций, решение проблем, связанных с миграцией, экономическую поддержку со стороны партнеров, создание выгодных условий для торговли без таможенных границ.

К минусам вступления можно отнести рост миграции населения, рост цен на товары, импортируемые из третьих стран, сокращение импорта из Китая, спад в секторах с низкой конкурентоспособностью, рост издержек из-за слабой инфраструктуры качества и выполнения новых требований техрегламентов ЕАЭС.

Серьезные выгоды, связанные с более емкими рынками, ростом прямых иностранных инвестиций, внедрением современных технологий и общим усилением конкуренции, позволят нашей стране обеспечить модернизацию экономики и ее дальнейшее развитие.

В Кыргызстане, например, были большие ожидания от присоединения к ЕАЭС. Но надо понимать, что интеграция – это процесс очень длительный, порой болезненный, требующий компромиссов. Ощутимые результаты будут проявляться постепенно, на протяжении достаточно долгого времени. И для успешного развития и функционирования Союза его члены должны устранить все внутренние барьеры и изъятия, необходимо научиться договариваться между собой, при этом нормы и правила, принятые в ЕАЭС, должны применяться ко всем одинаково.

Безусловно, вступление в ЕАЭС Кыргызстана укрепит экономику нашей страны и благосостояние населения возрастет, именно это окажется тем фактором, который обеспечит дальнейшее социально-экономическое развитие страны.

Кравченко Л.И.
эксперт Центра научной политической мысли и идеологии
likravchenko88@mail.ru

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Ключевые слова: *интеграция, МЕРКОСУР, АЛБА, Тихоокеанский альянс, Латинская Америка, экономическая мощь, факторы интеграции, политическое лидерство.*

Протекающие в Латинской Америке интеграционные процессы можно рассматривать как интеграцию первого поколения и интеграцию второго поколения. Интеграция первого поколения представляет собой создание объединений государств на основе экономических принципов и приоритетов. Это такие интеграционные объединения, как Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА), Тихоокеанский альянс. Интеграция второго поколения базируется на политических началах и предусматривает создание политической организации (УНАСУР, СЕЛАК). Факторы, определяющие эти два этапа развития интеграционных процессов в регионе, будут отличны, однако объектом исследования в данной статье будут выступать интеграционные процессы первого поколения.

Рассмотрим основные характеристики интеграционных объединений с целью выявления факторов, обусловивших их формирование.

В МЕРКОСУР связи реализуются через торговлю, регулируемую Таможенным кодексом, и инвестиционное сотрудничество. Взаимодействие между странами интенсивное, центром интеграции выступает Бразилия, хотя длительное время на эту роль претендовала Аргентина. Парагвай экономически и политически ориентирован на Бразилию. Уругвай остается государством социальной стабильности и благополучия, извлекая выгоды от интеграции, но в то же время проводя самостоятельную политику. Наименее связана с Бразилией Аргентина, что объясняется политической и идеологической ориентацией государства. Венесуэла, ставшая членом организации в 2012 году, более активно вовлечена в интеграционные процессы в рамках АЛБА. Анализ структуры экспортно-импортных операций показывает, что страны ориентированы на сотрудничество с Бразилией (15-30% приходится на торговлю с ней).

АЛБА имеет широкий спектр связей – это кооперация через торговлю в условной валюте сукре на основе справедливости, солидарности и взаимодополняемости[1], инвестиционное сотрудничество, инфраструктурные проекты[2], гуманитарная помощь, постоянный политический диалог, в том числе по вопросам региональной безопасности. Система базируется на политической воле Венесуэлы. Проект был создан в декабре 2004 года по инициативе Президента Венесуэлы Уго Чавеса, и представляет собой интеграцию схожих по государственному строю стран (социалистическая направленность), с явно выраженным лидером – Венесуэлой, выступающим для других стран-участниц донором[3]. За годы существования проекта эффект интеграции отразился на экономическом росте стран. Государства развиваются сонаправлено, то есть риски стабильности внутри этих стран в случае смены строя в Венесуэле существенно увеличиваются. Доля во взаимной торговле демонстрирует, что страны не связаны друг с другом торговыми отношениями. Ведущим партнером остаются США, следовательно, устойчивость этого объединения близка к нулю, так оно основано на политической воле руководителя и экономической мощи образующего государства. Выступающий стержнем фактор идеологической близости содействует выработке единого подхода стран на международной арене. Смена власти в Венесуэле, государственный переворот и его попытки в странах-членах блока[4], а также ослабление экономики Венесуэлы из-за снижения цены на нефть вывели интеграционное объединение из состояния равновесия, под угрозой оказалась жизнеспособность организации.

Тихоокеанский альянс был образован в 2012 году. Связи между государствами осуществляются через взаимную торговлю, привлечение прямых иностранных инвестиций, миграционную политику, образовательные контакты и политическое взаимодействие для выработки общей позиции решения глобальных и региональных проблем[5]. Фактическим центром интеграции является неофициальный член объединения – США, с которым все страны объединения заключили договоры о свободной торговле. США имеют статус постоянного наблюдателя в блоке, и их представители

---

[1] Саммит Боливарианского альянса народов нашей Америки (АЛБА). 2009. – http://www.rodon.org/polit-091021122346

[2] Межгосударственные предприятия – так называемые крупно-национальные корпорации.

[3] Piatakov A. ALBA: evolucion y desafios // Iberoamérica. 2011. – N 1 (60); Ricupero P. Sombra de Charles de Gaulle: Uma Diplomacia Carismática e Intransferível // Novos Estúdios. 2010. – N 87. – P. 43–57.

[4] Государственный переворот в Гондурасе в 2009 г., попытки государственного переворота в Боливии (2009 г.), Эквадоре (2010 г.).

[5] Пятаков А.Н. Боливарианский и Тихоокеанский альянсы // Латинская Америка. – М., 2014. – № 9. – С. 25–41.

присутствуют на каждом саммите альянса. Взаимодействие между государствами, реализуемое через торговлю, направлено на перенос «полюса» экономической гравитации в Латинской Америке из Бразилии в Мексику[1].

Появление интеграционных объединений, базирующихся на экономических принципах, было обусловлено совокупностью факторов.

Первое. Геополитическое положение государств интеграционного объединения, основанное на территориальной близости, необходимости обороняться от единых внешних угроз и вызовов[2]. В силу этого интеграционные процессы происходили между государствами, граничащими друг с другом. Исключение – Тихоокеанский альянс, в котором каждое государство граничит только с одним-двумя членами, а также некоторые страны блока АЛБА (Куба и др.), объединенные по принципу политического императива.

Второе. Историческая обусловленность, определяемая как степень взаимодействия стран в разные временные отрезки, динамика их исторической ориентации, включая вооруженные конфликты[3]. Такой исторической обусловленностью для формирования объединений стал естественный процесс консолидации стран на основе неприятия американской доктрины Монро, объявившей американский континент (две Америки) зоной, закрытой для вмешательства европейских держав. Зародившееся освободительное движение своей целью ставило формирование единого государства – Великой Колумбии. В XXI веке идея формирования единой общности без США стала возможной благодаря дистанцированию Штатов от Латинской Америки после 11 сентября 2001 года[4].

Третье. Отсутствие вооруженных конфликтов или территориальных претензий, что повышает возможность интеграции, в то время как их наличие создает барьеры на уровне двустороннего взаимодействия, ослабляя интеграционные стремления.

Четвертое. Фактор ведущей политической силы, «очага» интеграции, исследованный бельгийским международником Ж. Барреа. Интеграция имеет тенденцию развиваться вокруг «ядра сферы», представляющего одно (возможно и больше) более мощное государство, притягивающее в свою орбиту окружающие его территории[5]. Претендующее на роль лидера государство должно обладать такими характеристиками, как экономическая мощь, под которой понимается агрегированный показатель валового внутреннего продукта, численности населения (рабочая сила) и площадь территории и политическая позиция. Наличие государства, осуществляющего целеполагание, без которого невозможны объединительные процессы, является главным фактором интеграции.

Наличие государства, претендующего на роль центра интеграции, определено такими параметрами, как значительно выделяющиеся экономическая мощь, политическая цель. В целях выявления государств, вокруг которых формировались системы, используем относительные параметры, то есть соотношение государств друг с другом. Параметр экономической мощи статистически рассчитываем в виде индекса ресурсной мощи, в состав которого входят три главных ресурса государства – валовый внутренний продукт (ВВП), население и площадь территории (рис. 1)[6].

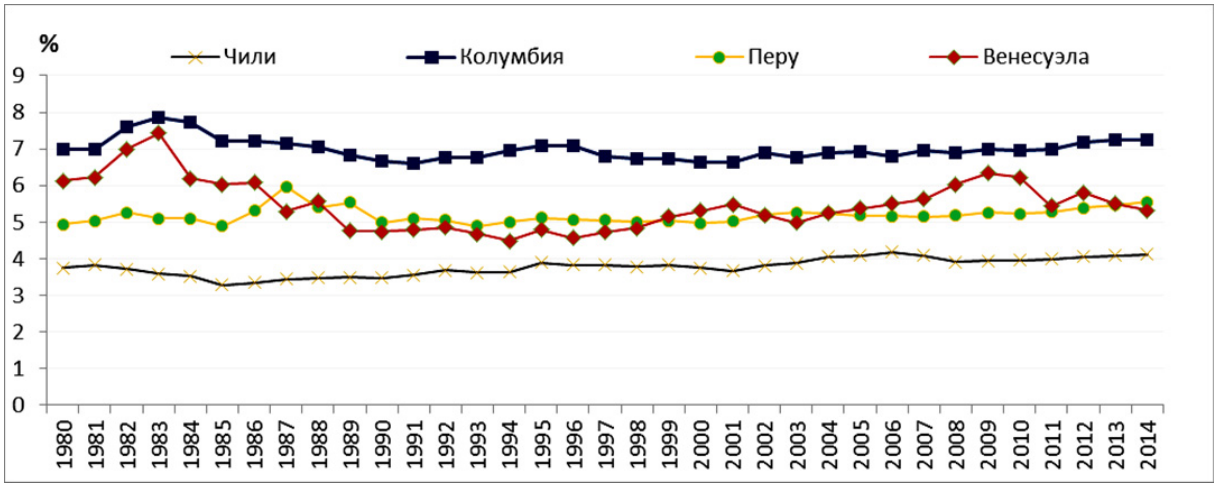


Рисунок 1.
Индекс ресурсной мощи[7]

---

[1] Пятаков А.Н. Боливарианский и Тихоокеанский альянсы // Латинская Америка. – М., 2014. – № 9. – С. 25–41.

[2] Торкунов А.В. Латинская Америка в современных международных отношениях/ Современные международные отношения. Учебник / Под ред. А.В. Торкунова.– М.: РОССПЭН, 2002. – С. 356.

[3] Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки (XX-начала XXI века). – М.: Навона, 2008. – С. 124.

[4] Мартынов Б.Ф. Новая ситуация в регионе и возможности ее эволюции // Латинская Америка. М., 2006. – № 5. – С. 31–42.

[5] Barrea J. Theories des relations internationales. – Paris: Artel, 1978. – P. 243–244.

[6] Кравченко Л.И. Региональное лидерство в Латинской Америке // Политика и общество. 2015. – № 5. С. – 637–642.

[7] Индекс ресурсной мощи государств рассчитывается как среднее значение трех относительных параметров: ВВП, площади государства и населения. Относительность параметра формируется за счет отнесения показателя по государству к показателю региона.

I = (Площадь территории страны*100/площадь региона + численность населения страны*100/численность населения региона + ВВП страны*100/ВВП региона)/3

Наиболее влиятельными странами в регионе традиционно выступали Бразилия, Мексика и Аргентина. Абсолютный лидер – Бразилия – с начала 90-х годов начинает наращивать влияние, в то время как Аргентина – теряет. Долгое соперничество двух держав в пределах одного объединения (МЕРКОСУР) привело к признанию Аргентиной доминирующей роли Бразилии. Учитывая ее геополитическое положение – южный конус и соседство с Бразилией – закономерной стала синергия их совокупной мощи через механизмы интеграции. Мексика – второй центр роста – могла претендовать на роль ядра интеграционного объединения. Геополитическое положение – близость к США и соседство с мелкими государствами перешейка, экономический союз с которыми не оказал бы влияния на экономический рост страны, исторический контекст и традиционная внешнеполитическая ориентация предопределили выбор страны в пользу интеграции с северным соседом и частичное дистанцирование от процессов в латиноамериканском регионе.

Менее крупные государства региона, претендующие на роль лидера интеграции, образованной небольшими государствами региона, – это Колумбия, Венесуэла и Перу. В силу геополитического положения, экономической мощи и исторического прошлого центром интеграции северной части южного континента могла выступить Колумбия. Во-первых, она граничит с несколькими государствами. Во-вторых, исторически именно на территории современной Колумбии существовало единое государство Новая Гранада, преобразованное впоследствии в Великую Колумбию[1]. Идея интеграции соответствовала бы исторической памяти жителей государств, входивших в состав Великой Колумбии. В-третьих, экономически Колумбия оставалась одним из самых влиятельных государств в субрегионе. Препятствиями стали: политический раскол страны, когда длительное время контроль над территорией осуществляли Революционные вооружённые силы Колумбии — Армия народа (ФАРК), отсутствие политической воли у руководства страны и амбиций на геополитическое лидерство, проамериканский внешнеполитический курс, предопределивший процесс встраивания государства в североамериканскую систему.

Вторым лидером в регионе является Перу. По территории и численности населения она превосходит Венесуэлу, это государство остается способным возглавить интеграционный процесс, но выстраивает отношения с равными по мощи государствами. Три возможных региональных лидера – Мексика, Колумбия и Перу организовали совместно с Чили в 2012 году торговый блок – Тихоокеанский альянс. Учитывая значительно превышающую ресурсную мощь Мексики, стоит ожидать, что если блок будет успешно функционировать, то его центром станет Мексика. Но внешнеполитическая ориентация государств свидетельствует о вашингтонских корнях проекта, таким образом, это объединение выступает не как латиноамериканский проект и по чертам и характеру внешнеполитической ориентации является чуждым латиноамериканскому региону[2].

Еще одним лидером в регионе, вокруг которого действительно сложилось кольцо государств, стала Венесуэла. На фоне повышения цен на главный экспортный товар – нефть, экономика страны росла темпами, превышающими колумбийские показатели. Высокие темпы роста экономики, наличие волевого лидера, инициировавшего интеграционный процесс, сходство политических систем государств стали главными факторами интеграции[3].

Итак, по признаку экономической мощи на роль лидера системы с 1980-го года могли претендовать Бразилия, Мексика, Аргентина, Колумбия, Перу и Венесуэла. Проанализируем политический фактор усиления положения названных государств. Учитывая традиционную ориентацию стран региона на связи с США, в Латинской Америке к 2000-м годам число стран, выступающих на открыто антиамериканских позициях, было ограничено.

Бразилия с момента прихода к власти Партии трудящихся во главе с Лула да Силва провозгласила курс на самостоятельную внешнюю политику с опорой на латиноамериканские союзы и левые силы континента. Бразилия стала позиционировать себя в качестве новой восходящей державы[4]. Роль регионального центра виделась Бразилии как необходимая ступень к продвижению на внешней арене.

Мексика как член НАФТА не претендовала на роль лидера нового интеграционного объединения и традиционно следовала за США, что стало следствием установления «особых отношений» с Вашингтоном[5]. Анализ политики Мексики показывает, что чем больше Мексика втягивается в орбиту интересов США, тем больше она отдаляется и расходится во взглядах с Латинской Америкой. Именно из-за данного фактора эта страна не стала центром интеграционного объединения.

Позиция Аргентины на мировой арене до 1999 года определялась концепцией «периферийного реализма», предусматривающей отказ от притязания на ведущую роль в мировой системе через реалистичную оценку периферийного положения страны. Основной принцип внешней политики сводился к экономической выгоде, а ведущим партнером в регионе оставались США. Проамериканская ориентация вынудила правительство Аргентины отказаться от традиционного нейтралитета в международных делах и отправить воинский контингент в 1990 году в Персидский залив, что вызвало волну протеста внутри страны, когда общественность осудила «вмешательство в войну, не имевшую непо-

---

[1] Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки (XX – начала XXI века) – М.: Навона, 2008. – С. 146.

[2] Ложечко М.С. НАФТА в интеграционных процессах: проблемы и перспективы // Внешняя торговля. – 2000. – № 5–6. – С. 18–20.

[3] Грук Л.В. Венесуэла в интеграционных процессах Латинской Америки: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.14. / Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. – СПб., 2011. – С. 45–48.

[4] Мартынов Б.Ф. Бразилия: приоритеты и фобии восходящей державы // Индекс безопасности. 2010. – Т. 16, № 4. – С. 45–47.

[5] Проценко А. Е. Мексикано-американские отношения в условиях глобализации: дис. … канд. полит. наук: 23.00.04. / Институт Латинской Америки. – М., 2007. – С. 36–39.

средственного отношения к безопасности страны». Данная политика Аргентины не вызвала поддержки и в регионе[1]. С 2003 года, когда к власти пришло левое правительство Н. Киршнера, внешнеполитический вектор начинает меняться в сторону сотрудничества с другими странами левого фланга, хотя отношения с США трактуются как взвешенные. Аргентина готова была выступить в роли политического лидера, но встроенная в Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР) она признала очевидное лидерство Бразилии.

Колумбия сосредоточилась на решении внутриполитических проблем: продолжительные войны с ФАРК за власть, охрана границ заставили проводить политику, направленную на сохранение государственности[2]. Традиционно проамериканский внешнеполитический курс и сосредоточенность на внутренних проблемах не позволили государству стать политическим лидером.

Венесуэла с приходом левого правительства Уго Чавеса провозгласила курс на сотрудничество с антиамериканскими странами, осудив позицию США в Латинской Америке. Имея идеологическое единство с Кубой, участвуя в политических выборах в соседних странах, в результате чего победу одерживали левые правительства, обладая ресурсной мощью, Венесуэла возглавила движение левых в регионе[3]. Таким образом, страна вынесла концепцию боливарианского социализма на региональный и международный уровни.

Государство Перу в новом тысячелетии проводило прагматичную политику, направленную на создание благоприятных внешних условий для экономического развития. В 2006 г. страна заключила соглашение о свободной торговле с НАФТА и тем самым определила свой курс как экономико- и проамерикански ориентированный с сохранением самостоятельной позиции в решении международных проблем. Страна не поддержала инициативу США по решению конфликтов силовыми методами в Косове и Ираке, не одобрила проведение военных маневров на своей территории[4], но на роль регионального лидера не претендовала, будучи ориентированной на встраивание в действующие союзы.

Итак, данное исследование выявило, что фактором образования таких интеграционных объединений как МЕРКОСУР, АЛБА стало наличие государства, выдвинувшего проект интеграционного объединения. Приблизительно равные ресурсные возможности членов Тихоокеанского альянса и проамериканская внешнеполитическая позиция определили это образование как нецентрализованное, ориентированное на функционирование равнозначных государств под неформальным лидерством США.

---

[1] Щербакова А. Аргентина и США: уроки «периферийного реализма» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. – № 1. – С. 100–106.

[2] Чумакова М.Л., Сударев В.П., Лунин В.Н., Пятаков А.Н., Теперман В.А., Мартынов Б.Ф., Визгунова Ю.И., Проценко А.Е., Яковлева Н.М., Шинкаренко А.А. Международная жизнь Латинской Америки сегодня («круглый стол» в ИЛА РАН) // Латинская Америка. – М., 2008. – № 11. – С. 145–149.

[3] Розенталь Д. М. Внешняя политика Боливарианской Республики Венесуэла: автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.15. / Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2013. – С. 39–43.

[4] Петрова Т.В. Перу в системе международных отношений (1821–2010). – М.: Аванглион-принт, 2011. – С. 347.

Курманбаева Ш.А.[1]
Тулешов В.У.[2]
Курманбаев Е.А.[3]

КАЗАХСТАН: СТРАТЕГИЯ ИНТЕГРАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *Казахстан, Россия, ЕАЭС, интеграция, опыт ЕС.*
Keywords: *Kazakhstan, Russia, Eurasian Economic Union, integration, EU's experience.*

Евразийский экономический союз – не застывшая структура, а постоянно развивающийся организм, который не только прирастает новыми государствами-участниками Союза, но и расширяет внешние связи как на уровне Евразийского экономического союза (ЕАЭС), так и посредством интеграционных механизмов, реализуемых в межгосударственном сотрудничестве, осуществляемом государствами, входящими в ЕАЭС. Причем межгосударственная интеграция весьма динамична, она осуществляется в меняющихся реалиях, и необходимо вести постоянный мониторинг интеграционных процессов для точного анализа состояния и перспектив развития собственно ЕАЭС. В этом контексте важен опыт интеграции в Европейском союзе. Однако следует признать, что адаптация принципов формирования Общего рынка в Европе в Республике Казахстан происходит в основном за счет новых путей интеграции.

Каждое интеграционное объединение создается на основе естественно-исторического объединения материальных и человеческих ресурсов государств в целях обеспечения более стабильного и предсказуемого состояния безопасности. Так, из-за боязни конфликтов после Второй мировой войны на Европейском континенте было создано Европейское сообщество угля и стали, которое прошло ряд стадий своего развития, чтобы в 1992 г. превратиться в Европейский союз (ЕС).

Сегодня ЕС представляет собой классический образец интеграционного объединения, которое развивалось естественно-исторически, решая поэтапно и постепенно все возникающие перед его субъектами – независимыми европейскими государствами – вопросы, проблемы и задачи сочленения национальных интересов. Пройдя все стадии интеграционного процесса, ЕС как экономическое и политическое объединение 28 европейских государств был принят и в качестве модели для евразийской интеграции, необходимость которой возникла сразу после дезинтеграции СССР.

Поскольку дезинтеграционные процессы, происходившие на постсоветском пространстве, детерминировались сохраняющимся господством устаревшей формы экономических (производственных) отношений, исключающих либеральные (рыночные) основания и предполагающих господство нерыночных государственно-патерналистских форм управления общественными процессами («рыночно ориентированный авторитаризм»), то те государства, которые выбрали иной цивилизационный (в частности, европейский) путь, основанный на либеральной экономико-политической системе, вступили в естественное противоречие и жесткую политическую конкуренцию с государствами, где сохранился в качестве доминирующего прежний тип экономических и политических отношений. Это привело к возникновению затяжных политических конфликтов на постсоветском пространстве. Границей между новой либерально-демократической тенденцией и сохраняющимся внешне реформированным авторитарным способом организации жизни стали Приднепровье, отчасти Карабах, Грузия и Украина.

В данных обстоятельствах Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, который предвидел, что процесс демократизации постсоветского пространства будет долгим и драматическим, были выдвинуты различные инициативы, направленные на сохранение доверия между народами в период их суверенизации. Главной из этих инициатив стала идея евразийской интеграции, которая по мысли Главы государства должна основываться на опыте и принципах европейской интеграции. Последовательное отстаивание этих позиций привело первоначально к созданию Таможенного Союза, а с 1 января 2015 г. к созданию Евразийского экономического союза.

Отказавшись от излишней политизации интеграционного процесса, Казахстан по сути своей национальной позиции остановил сползание евразийской интеграции в политическое противостояние с мировой экономической и политической системой, направил процесс евразийской интеграции в сугубо экономическое русло, сохранив тем самым доверие между народами и создав условия для стабильного развития постсоветского пространства.

В настоящее время, несмотря на трудности, связанные с противостоянием одного из членов ЕАЭС – России с Западом по поводу Крыма и Востока Украины, с санкциями в отношении Российской Федерации, повлекшими за собой отрицательные внешнеторговые последствия, а также неопределенностью перспектив вхождения Казахстана в

[1] Курманбаева Шырын Асылхановна – д.полит.н., профессор, ректор Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (г. Семей), член Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК. E-mail: semey_urist@mail.ru
[2] Тулешов Валихан Утебалыулы – к.филос.н. E-mail: tulesh1@yandex.ru
[3] Курманбаев Ербол Асылханович – к.ф.-м.н. E-mail: erbol_k@bk.ru

ВТО, для среднесрочного развития ЕАЭС и необходимой сопряженности строительства Экономического пояса Шелкового пути, особо актуальным остается вопрос использования опыта Европейского союза по созданию полноценного экономического сообщества («Общего рынка») для Евразийского экономического союза.

Изначально определив предметом интеграции свободный обмен товарами, услугами, рабочей силой и капиталами, ЕАЭС существенно вдохновил сообщество интегрирующихся независимых государств. Модель «всеохватной экономической интеграции», используемая изначально, позволила переориентировать экономические системы государств-членов ЕАЭС на глобальное направление развития мировой экономики – интеграционное. Производители и потребители стран ЕАЭС стали гораздо лучше и эффективнее (несмотря на политическую и экономическую турбулентность постсоветского пространства) ориентироваться в своих предпочтениях и экономических интересах. Это стало побудительным мотивом к повышению национальной и региональной конкурентоспособности и большим позитивным результатом ЕАЭС. Однако в последующем, почти на всем протяжении 2016 года, модель «всеохватной экономической интеграции» стала давать сбои.

Экономика стран-членов ЕАЭС в 2016 г. продолжала сокращаться. Замедление экономического роста в 2016 г. затронуло (помимо России и Беларуси в 2015 г.) Казахстан и Кыргызстан. ВВП России по прогнозу Всемирного Банка сократится по итогам 2016 года на 1,9%, Казахстана по разным прогнозам примерно на 1%, Беларуси на 1%, Кыргызстана на 2,4%. Только экономика Армении вырастет на 2,4%, однако это не окажет сколько-нибудь позитивного влияния на ЕАЭС.

В целом, падение ВВП Евразийского экономического союза в 2016 г. будет меньше, чем в 2015 г., и составит, как по прогнозу Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), 1,4%. Взаимная торговля государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на июнь 2016 г. составляла всего 13,5% их общего внешнего товарооборота [1] и продолжает снижаться (8,6 млрд. долл. США, или 84% к уровню января – марта 2015 года [2]). Столь быстрое падение показывает, что структура экономических связей и отношений между государствами ЕАЭС продолжает «проседать», хотя в физических объемах взаимная торговля и выросла.

Вывод: в 2016 году сотрудничество между институтами развития стран-членов ЕАЭС приостановилось. Страны-члены ЕАЭС пока не смогли реализовать интеграцию как модернизационный проект, а союз в целом оказался технологически отсталым политическим проектом в сравнении с развитыми интеграционными объединениями. Четвертая промышленная революция не затронула экономики государств-членов ЕАЭС и, следовательно, не отразилась на развитии взаимных связей и отношений. А поскольку Россия, как доминирующий член ЕАЭС, находится под экономическими санкциями, то ЕС, например, не видит возможности возобновить свою стратегию обмена технологий на сырье.

Из-за падения уровня взаимной торговли, свертывания сотрудничества в высокотехнологических сферах и научных и технологических разработках, перспективы развития межгосударственных экономических и политических отношений в рамках ЕАЭС заметно ухудшились. Их продолжают поддерживать лишь личные отношения президентов стран-членов ЕАЭС. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, учитывая проблемы, нависшие над ЕАЭС, тем не менее, с оптимизмом смотрит на будущее ЕАЭС, поскольку политические отношения между Россией и Казахстаном носят характер стратегического партнерства и союзничества и тем самым укрепляют союз. «Мы, – как заявил В. Путин на встрече с Н. Назарбаевым в Астане 4 октября 2016 года, – взаимодействуем практически на всех направлениях» [3].

В целом, политические лидеры будут и дальше сотрудничать в ЕАЭС, чтобы поддержать текущий уровень экономического взаимодействия, которое позволяет избегать политических конфликтов. Однако каждая страна при этом будет все же скрытно преследовать свои интересы.

Поскольку возникшие на основе различий финансово-валютных и в целом экономических систем дисбалансы во взаимной торговле между членами ЕАЭС привели к некоторой хаотизации интеграционного процесса, несовпадению торгово-экономических трендов, то сегодня существует настоятельная необходимость перейти к следующему этапу согласования экономических политик государств-членов ЕАЭС. Теперь необходимо задействовать весь потенциал разности торгово-экономических отношений и товарной номенклатуры, необходимо заново пересмотреть все позиции интеграции и отсечь, вынести за поле интеграции те из них, которые не находят своего адекватного политико-государственного значения и места в общем направлении евразийской экономической интеграции. Следовательно, необходимо перейти от модели «всеохватной экономической интеграции» к модели ее реструктуризации – модели «оптимальной структуры экономической интеграции».

Сегодня государствами начала реализовываться протекционистская политика, и в каждом из государств-членов ЕАЭС выявились национальные приоритеты их развития. Поэтому теперь необходимо разделить сферы интеграционного процесса на конкурентные и договорные – неконкурентные (составляющие основу национальных экономик и собственно предмет интеграции).

Для государств ЕАЭС изначально таким конкретным предметом, основой интеграции, вероятнее всего, должны были стать нефть и газ. Однако теперь, после некоторого ослабления геополитического статуса углеводородов, предстоит заново определить более конкретный предмет интеграции, очистив его от определенных элементов.

В конкурентоспособных сферах можно планировать гораздо меньше или вообще не планировать. Поскольку в этих сферах главную роль играет рыночная конкуренция, планирование сверху может не принести желаемого результата. С вмешательством государства в таких сферах легко перейти грань. В договорных сферах можно и нужно планировать и совмещать интересы государств-членов ЕАЭС более подробно и конкретно, что собственно и составит договорной предмет «оптимальной структуры экономической интеграции».

«Всеохватная интеграция» сегодня сильно мешает Казахстану в части его присоединения к ВТО, а также существенно тормозит развитие торгово-экономического сотрудничества с Китаем. Если бы конкурентные сферы выбыли

из интеграционного процесса, то стало бы возможным более последовательно и эффективно развивать торговое партнерство не только с Китаем, но и с развитыми странами. Таможенные барьеры ЕАЭС в области технологий и новейшего оборудования очень сильно ограничивают возможности Казахстана по диверсификации его экономики.

Опыт Европейского Союза показывает, что декларация Жана Монне от имени Франции и созданное на ее принципах Франко-немецкое объединение угля и стали заложили основы для интеграции Европы, стало «первым конкретным шагом к европейской федерации». Вскоре, как известно, Италия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды согласились присоединиться к союзу. Таким образом, было создано Европейское объединение угля и стали (ECSC), положившее начало Европейскому экономическому сообществу, а Жан Монне в 1952 г. стал первым президентом ECSC.

От варианта «всеохватной интеграции», детерминируемой внутренними политическими трендами Российской Федерации, который ослабляет позитивные интеграционные аспекты и результаты, возможно, следует отказаться. Нужно провести реструктуризацию интеграционного проекта, способную очистить его от чрезмерной политизации и трудно преодолеваемых барьеров политико-экономического, торгово-промышленного свойства, ведущих к росту дезинтеграционных настроений среди населения стран ЕАЭС.

Исторический опыт интеграции ЕС необходимо весьма последовательно учесть для современного этапа развития ЕАЭС. Это отвечает национальным интересам Казахстана, поскольку, очистив интеграцию от ненужных наслоений, Казахстан сможет успешно интегрироваться в ВТО и последовательно осуществить представленную Президентом Назарбаевым Государственную программу инфраструктурного развития «Нурлы Жол» на 2015–2019 гг., сочетая ее со строительством Экономического пояса Шелкового пути. В долгосрочном отношении такая реструктуризация евразийского интеграционного проекта создаст необходимые и достаточные условия, усилит возможности Казахстана в продвижении к неоспоримому суверенитету и достижению цивилизационной цели – вступлению государства к 2050 году в тридцатку самых развитых государств мира.

Список литературы

1. Взаимная торговля стран ЕАЭС составила 13,5% от внешнего товарооборота. – http://www.tks.ru/news/nearby/2016/06/21/0008
2. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. Аналитический обзор 25 мая 2016 г. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201603.pdf
3. Назарбаев встретился с Путиным в Астане // 365info.kz. – 4 октября 2016. – http://365info.kz/2016/10/nazarbaev-vstretilsya-s-putinym-v-astane-2/

Логинова А.С.[1]

УКРАИНА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Ключевые слова**: Украина, Европейский союз, Российская Федерация, экономика, политика, внешнеэкономические связи, евроинтеграция, Зона свободной торговли, Всемирная торговая организация.*

***Keywords:** Ukraine, European Union, Russian Federation, economics, politics, foreign economic relations, European integration, the Free Trade Zone, the World Trade Organization.*

С момента приобретения Украиной независимости сотрудничество с ЕС развивается неравномерно. В 1994 г. Украина стала первой страной из бывших Союзных республик, подписавшей с Евросоюзом Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Названное соглашение предвещало Украине немалые экономические выгоды. Однако процесс по установлению партнерских отношений Украина-ЕС начался значительно позже. Декларативность государственных управленческих решений, слабое функциональное и институциональное закрепление приоритетности политики европейской интеграции, низкий уровень профессионализма государственных служащих и отсутствие знаний в области евроинтеграции негативным образом сказались на реализации заключенного соглашения.

Подписанное в 1994 г. соглашение вступило в силу только 1 марта 1998 г., когда торговые отношения с Украиной отошли на второй план. В заявлении Европейской комиссии в декабре 2001 г. отмечалось, что приоритетными задачами по Украине является борьба со СПИДом, туберкулезом, нелегальной миграцией и организованной преступностью. По уровню социально-экономического развития Украина существенно отставала от многих стран субрегиона, уровень национальной экономики был ниже не только относительно европейских стран, но и многих развивающихся стран. Думается, что подобная ситуация сложилась вследствие того, что Украина за первые 10 лет независимости не провела ни одной эффективной экономической реформы. Полагаем, что Европейскому союзу на тот момент было не выгодно направлять крупные денежные средства на решение проблем нестабильной украинской экономики.

Переговоры Украины с ЕС, ежегодные саммиты Украина-ЕС, заседания Совета по вопросам сотрудничества не приносили ощутимых результатов для Украины. Каждый раз ей предъявлялись новые требования и претензии. Украина систематически просила предоставить ей статус ассоциированного члена. В ответ на это Еврокомиссия в 2004–2005 гг. предложила ей статус «соседа ЕС»[2]. С одной стороны, такой статус не предусматривал членства в ЕС, но с другой, – страна-сосед в перспективе должна получить доступ к рынку и войти в открытый инвестиционный режим.

На момент подписания Соглашения об ассоциации с ЕС Украину волновал, прежде всего, доступ к открытому инвестиционному режиму. Украине были необходимы иностранные инвестиции для развития национальной экономики, впрочем, как и в настоящее время. Приобретя самостоятельность, Украина осталась наедине со своими экономическими и политическими реалиями. Слабые интеграционные позиции Украины и несоответствие ее характеристик политическим и экономическим критериям вступления в ЕС оставили Украину позади стран Центральной и Восточной Европы, которые активно и продуктивно осуществляли сложные и многогранные рыночные преобразования.

Украинские эксперты и экономисты говорят о целом ряде проблем в налаживании торгово-экономических отношений ЕС с Украиной: хроническая недостаточность торговли; отсутствие расширения в товарной структуре; отсутствие в перспективе наращивания экспортного потенциала и проблемы импорта[3]. Среди основных преград, препятствующих интеграции страны, украинские специалисты называли:

1) неготовность правовой системы Украины, которая требует гармонизации и адаптации к общим правилам ЕС.

2) большие риски для важнейших экспортных отраслей украинской экономики (металлургия и агропромышленный комплекс) на европейском рынке (низкая конкурентоспособность по качеству и высокая стоимость товаров);

---

[1] Логинова Анастасия Сергеевна – магистр международной экономики, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Россия, Нижний Новгород. Автор более 60 научных работ, в том числе трех монографий и пяти учебников. В настоящее время занимается исследованиями в области таможенного дела, внешнеэкономической деятельности, правовыми и экономическими исследования ВТО и БРИКС. E-mail: pantera-cut84@mail.ru

[2] См.: Україна в інтеграційних процесах на пострадянському просторі: моделювання альтернатив / І.В. Клименко, Ю.М. Харазішвілі, О.М. Шаров, І.В. Ус. – Київ: НІСД, 2013. – 68 с.

[3] См.: Козырева Е.В., Кондратенко Н.О. Проблемы и перспективы интеграции Украины в ЕС // Стратегії економічного розвитку: держава, регіон, підприємство / Абдуллаев К.Н., Алєксєєв В., Андрєєва Н.М., Боголіб Т.М., Булик О.Б., Вартанова О.В., Василина О.Р., Величко В.В., Винничук Р.О., Гайденко С.М., Голуб Т., Данилович-Кропивницька М.Л., Деркач Т.В., Дикань О.В., Зеліско Н.Б., Ілляшенко О.В., Каніщенко О.Л., Карковська В.Я., Козырева Е.В., Кондратенко Н.О. et al. Колективна монографія. За загальною редакцією: Шапошникова К.С., Соловйової Н.І., Станкевич Ю.Ю. – Херсон, 2015. – С. 153–166.

3) трудности выполнения определенных финансовых обязанностей перед ЕС из-за нестабильного финансового положения страны[1].

Прорывным в отношениях Украины и ЕС был 2008 г., когда она вступила в ВТО. В этом же году начался процесс подготовки соглашения о расширенной и всеобъемлющей зоне свободной торговли и ассоциации с ЕС (далее – Соглашение о ЗСТ). Ключевой задачей в реализации этого процесса было совершенствование системы координации международной интеграции Украины на политическом уровне. Модернизация системы координации международной интеграции должна была включать в себя процессы по внедрению эффективного централизованного институционального координационного механизма. Это было направлено на осуществление мониторинга и анализа эффективности реализации государственной политики евроинтеграции Украины, в частности по внедрению внутренних реформ, направленных на сближение с ЕС.

Революционным шагом в вопросах реализации евроинтеграционного направления Украины стали разработка и предварительное подписание Соглашения об ассоциации с ЕС в 2008 г. В рамках Соглашения об ассоциации с Евросоюзом с 2008 г. Украина и ЕС вели переговоры о заключении Соглашения о «глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли» (Соглашение о ЗСТ), в рамках которого предусмотрено не только снижение тарифов, но и снижение затрат торговли за счет гармонизации регуляторных практик и упрощение таможенного режима.

Необходимо отметить, что переговоры по данному соглашению базировались на принципе «ВТО+» и были направлены на обеспечение «экономической интеграции Украины во внутренний рынок ЕС». Подход «ВТО+» означал стремление сторон достичь не только максимального снижения тарифов и ограничений на торговлю услугами, но и построить «правила торговли», которые будут способны обеспечить упразднение барьеров в торговых отношениях между Украиной и ЕС. Поэтому, основной задачей переговоров было создание максимально благоприятной правовой среды для торговли.

Анализ условий Соглашения об ассоциации между Европейским союзом и государствами – членами Европейского союза с одной стороны и Украиной с другой стороны позволил увидеть разногласия в некоторых его положениях, которые стоит формально разделить на политико-юридические и экономические аспекты.

I. Политико-юридические аспекты сводятся к тому, что особенности отношений ассоциации ЕС с Украиной основываются на устоявшихся принципах и традициях ЕС. Заключая соглашение об ассоциации, Украина заявила о своей решимости перейти к новому качеству: от постсоветской страны, которая вынуждена соблюдать принципы ЕС под страхом быть изолированной от цивилизованного мира, в страну – интегральную составляющую цивилизованного мира.

В то же время соглашение об ассоциации имеет ряд негативных юридических аспектов для Украины, а именно:

– заключение соглашения не предполагает обретения «ассоциированного членства» в ЕС;

– в Соглашении отсутствует упоминание о перспективе членства Украины в ЕС, что существенно отдаляет Украину от достижения конечной цели – получение полного членства в ЕС в среднесрочной перспективе;

– неоднократное подчеркивание в тексте Соглашения важности обеспечения сторонами верховенства права вызвано тем, что в ценностном аспекте верховенство права является главным инструментом консолидации демократии. Игнорирование одной из сторон Соглашения (прежде всего Украиной) этого принципа превращает Соглашение в нежизнеспособный документ, что, соответственно, предусматривает процедуру прекращения его действия[2].

Новым и новаторским элементом политической части соглашения стали положения о гарантиях безопасности Украины, в частности положение об обязательствах сторон уважать принципы суверенитета и территориальной целостности, нерушимости границ и независимости.

Внедряя механизм неотложных/срочных политических консультаций (процедуры и механизмы политического диалога, включая чрезвычайные консультации) в случае возникновения угрозы территориальной целостности, нерушимости границ и суверенитета, Украина стремилась расширить список достаточно условных международных гарантий собственной безопасности в контексте ее неучастия в институциализированных системах коллективной безопасности.

Хотя в Соглашении об ассоциации с ЕС и закреплено принципиально важное для Украины положение о гарантии безопасности, оно ослаблено словосочетанием «стремиться уважать», что, по сути, обнуляет правовой характер обязательства.

Невзирая на то, что Украина настаивала на необходимости включения в новое Соглашение положения о механизме неотложных политических консультаций, ЕС не пожелал устанавливать прямую связь между применением такого механизма консультаций и возникновением национальной угрозы. Согласие ЕС на использование той или иной формы консультаций по вопросам безопасности Украины, не могло бы считаться полноценным дополнением существующего перечня гарантий, поскольку реальный эффект от них ограничен.

Принципиальным элементом политической части Соглашения Украина считает фиксацию в ней термина «политическая ассоциация». Под политической ассоциацией украинская сторона понимает:

– установление тесных и привилегированных политических связей Украины в деятельности институтов ЕС, которые помогут ей соответствовать необходимым критериям членства в ЕС;

---

[1] См.: Рєзніков В.В. Формування комплексного підходу щодо вдосконалення державного регулювання механізму міжнародної інтеграції України: монографія. – Харків: Екограф, 2011. – 168 с.

[2] Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны. – URL: http://euroua.com/association/

– возможности участия представителей Украины в качестве наблюдателей в заседаниях в рамках институтов и рабочих групп ЕС.

В то же время ЕС не восприняла украинское предложение по участию представителей Украины в заседаниях рабочих органов ЕС, поскольку такой механизм предоставляется лишь странам-кандидатам на заключительной стадии процесса их присоединения к ЕС[1].

После бурных событий конца 2013 – начала 2014 гг. произошло несколько принципиально важных изменений в понимании политико-юридических вопросов и вопросов безопасности, которые являются составляющей частью Соглашения об ассоциации Украины с ЕС.

До 21 марта 2014 г. длился переговорный процесс выработки текста договора на уровне экспертов, уполномоченных на это участвующими в переговорах сторонами – Украиной, ЕС и его членами. Политические лидеры 29 европейских государств и Европейского Союза договорились о «подписании политической части Соглашения об ассоциации». Двадцать первого марта 2014 г. представители ЕС и премьер-министр Украины Арсений Яценюк подписали политический блок Соглашения[2]. Была подписана та часть документа, которая касалась политического взаимодействия, вопросов безопасности и борьбы с терроризмом. Двадцать седьмого июня 2014 г. во время саммита ЕС в Брюсселе была подписана экономическая часть Соглашения.

Экономическая часть предусматривает глубокую экономическую интеграцию Украины с ЕС, а также создание зоны свободной торговли (ЗСТ)[3]. Шестнадцатого марта 2014 г. Верховная рада Украины одобрила законопроект о ратификации соглашения, который в этот же день был подписан президентом Украины П. Порошенко. Соглашение должно быть ратифицировано Украиной, всеми членами ЕС, Европейским парламентом и Советом ЕС. По состоянию на начало 2016 г. данную процедуру полностью выполнило 26 сторон[4]. Первого ноября 2014 г. Украина приступила к созданию ЗСТ с ЕС, однако, по требованию России 12 сентября 2014 г. в Брюсселе на переговорах «Украина – Россия – ЕС» была достигнута договоренность об отсрочке имплементации соглашения о создании зоны свободной торговли Украина – ЕС до 31 декабря 2015 г.

Дело в том, что в случае подписания Соглашения об ассоциации Украины в ЕС Россия обязана принять меры экономической безопасности и ограничить свои рынки от украинских товаров, поставив вопрос об исключении Украины из ЗСТ СНГ. Представители США, Польши, Германии, Швеции и др. страны обвиняли Россию в срыве подписания Соглашения об ассоциации Украины в ЕС и давлении на Украину. Между тем Президент Российской Федерации В. Путин неоднократно подчеркивал, что подписание каких-либо соглашений между Украиной и ЕС – это суверенный выбор Украины. В то же время, цель России – защитить собственные экономические интересы, а не оказать давление на Украину, и уж тем более – не сорвать подписание Соглашения. Российское руководство длительное время убеждало Украину изменить свой выбор и вступить в Таможенный союз[5].

Положения в отношении ЗСТ Украины с ЕС[6] начали действовать с 1 января 2016 г. в режиме временного применения. Создание ЗСТ между Украиной и ЕС предусматривает либерализацию:

– торговли товарами и услугами;

– движение капиталов;

– движение рабочей силы (частично)[7].

Предусмотренная Соглашением о ЗСТ с ЕС либерализация «принципиально всех» тарифов и пошлин (с учетом правил ВТО, объемов и графиков выполнения), в дальнейшем может дать следующие результаты:

– упрощение и компьютеризация таможенных процедур, преодоление коррупции, снижение времени и расходов на таможенное оформление. Кроме того, предусматривается предоставление технической помощи украинским таможенникам со стороны коллег из ЕС;

– отмена или существенное уменьшение таможенных тарифов для более чем 97% тарифных линий (или 95% объема двусторонней торговли между Украиной и ЕС). По 99 процентам тарифных линий отмена ввозных пошлин ЕС произойдет уже в первый год действия Соглашения, что способствует снижению фактических и административных расходов для бизнеса.

В то же время отмена Украиной импортных пошлин приведет к необходимости переоборудования таможен, переподготовки кадров и сокращению поступлений в государственный бюджет Украины.

Кроме того, ЕС предложил Украине, как и другим странам, с которыми были заключены соглашения о ЗСТ, существенную асимметрию тарифной защиты в пользу ЕС, в первую очередь, по агропромышленным товарам и продукции. Так, традиционно высокие ставки наблюдаются в торговле сельскохозяйственными товарами, при этом рынок ЕС оказывается более защищенным, чем рынок Украины.

---

[1] Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны. – http://euroua.com/association/.

[2] Подписан политический блок соглашения об ассоциации Украины с ЕС. ИТАР-ТАСС, 21.03.2014. – http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1064745

[3] Украина и ЕС подписали экономическую часть соглашения об ассоциации. – http://www.interfax.ru/business/382968

[4] http://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/agreements-conventions/agreement/?aid=2014045

[5] http://rian.com.ua/economy/20130822/338310286.html

[6] https://focus.ua/money/343217/

[7] Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны. – http://euroua.com/association/

Следовательно, указанный подход к формированию ЗСТ, который асимметрично выгоден ЕС, может создать для Украины серьезные экономические проблемы, прежде всего, для развития сектора сельского хозяйства и продовольствия.

Гармонизация стандартов, технического регулирования и процедур оценки соответствия, предусмотренная Соглашением о ЗСТ с ЕС, после его внедрения на Украине в соответствии с принятыми в ЕС нормами, может привести к следующим последствиям:

– расширятся возможности для экспортирования украинских товаров не только в ЕС, но и в третьи страны, что значительно усилит экспортный потенциал страны;

– укрепятся позиции национального производителя и на внутреннем рынке, что, в частности означает обеспечение украинских потребителей качественной продукцией;

– появится больше возможностей для импортозамещения, что наряду с расширением экспорта будет способствовать улучшению внешнеторгового баланса;

– появятся возможности получения частичной компенсацию своих затрат на гармонизацию за счет финансовой и технической помощи со стороны ЕС.

Однако стоит сказать и о том, что для гармонизации законодательства Украины с нормами ЕС требуются дополнительные затраты. На данный момент непонятно, из каких источников на Украине будут покрываться соответствующие расходы на проведение институциональных реформ, поскольку государственных финансовых ресурсов недостаточно даже для поддержания текущей способности осуществлять критически важные социальные выплаты.

Сроки имплементации актов законодательства ЕС, которые Украина обязалась практически внедрить в национальную правовую систему в соответствие с нормами ЕС, составляют от 2 до 7 лет с момента вступления Соглашения о ЗСТ в силу. Думается, что это очень короткие сроки для гигантского объема работы по внедрению новой системы стандартов. Отметим, что на Украине отсутствует необходимое количество квалифицированных специалистов, способных в сжатые сроки выполнить задачи имплементации актов законодательства ЕС в рамках ЗСТ.

Отличительной чертой ЗСТ между Украиной и ЕС является осуществление комплексной программы адаптации содержания секторальных законодательных и подзаконных актов Украины к соответствующим стандартам ЕС. Это позволит в значительной степени устранить нетарифные (технические) барьеры в торговле между Украиной и ЕС и обеспечить расширенный доступ украинских экспортеров на внутренний рынок ЕС, который обслуживает 503 700 000 жителей с уровнем среднего дохода в 39 тыс. долл. на душу населения.

Либерализация торговли между Украиной и ЕС может также привести к совершенствованию правил торговли на внутреннем рынке в соответствии с нормами ЕС и к расширению присутствия европейских экспортеров на украинском рынке, что способствует более полному удовлетворению украинцев качественными товарами.

Требования, которые Украина должна выполнить для введения ЗСТ между Украиной и ЕС, фактически совпадают с программой необходимых для Украины реформ. В то же время создание ЗСТ между Украиной и ЕС потребует серьезных усилий со стороны Украины по унификации своих технических регламентов и стандартов качества производимой продукции.

В условиях внедрения ЗСТ Украине необходимо взять на себя четкие обязательства по приведению в соответствие с европейской практикой своей политики в сферах конкуренции, корпоративного управления, регулирования внутреннего рынка, экологической безопасности и т.д.[1]

Соглашение о ЗСТ ЕС с Украиной предусматривает существенное улучшение бизнес-среды на Украине, переход к европейским стандартам и способам ведения бизнеса. Со стороны ЕС уже сейчас потребуется реализация соответствующей поддержки, которая должна включать в себя:

– оказание технической помощи;

– инвестиции в развитие инфраструктуры;

– подготовку квалифицированных управленческих кадров[2].

В соответствии с программами экономического реформирования 2012–2013 гг. украинским правительством были сделаны первые шаги по улучшению инвестиционного климата, включая дерегулирование предпринимательской деятельности, совершенствование бюджетного и налогового законодательства. В частности, в 2012 г. была принята новая редакция Таможенного кодекса и Стратегия таможенного сотрудничества между Украиной и ЕС, вступил в силу новый Уголовный процессуальный кодекс, одобрена Концепция развития системы управления государственными финансами, начат неформальный Диалог Украина–ЕС, касающийся вопросов бизнес-климата[3].

В рамках действия зоны свободной торговли ЕС и Украина относительно текущей платежеспособности и движения капитала, договорились не ограничивать и позволять проводить любые платежные операции с текущими счетами платежного баланса между ЕС и Украиной в свободно конвертируемой валюте. Кроме того, стороны обязуются обеспечивать свободное движение капитала, связанного с поступлением прямых инвестиций, а также ликвидацию или репатриацию этих инвестиций и любой получаемой от них прибыли. Предполагается, что на фоне использования существующих конкурентных преимуществ украинской экономики это станет дополнительным аргументом в пользу прямых иностранных инвестиций в производство товаров и услуг, ориентированных на экспорт в страны ЕС.

---

[1] Гайдуцький П. Україна-ЄС: проблеми інтеграції // Дзеркало тижня. 2013. – № 20. – С. 6.

[2] См.: Козырева Е.В., Кондратенко Н.О. Проблемы и перспективы интеграции Украины в ЕС // Стратегії економічного розвитку: держава, регіон, підприємство. – Херсон, 2015. – С. 153–166.

[3] Подробнее об этом см.: Довган Д. Фонд допомоги Україні // Дзеркало тижня. 2014. – № 11. – С. 8.

Украина и ЕС обязались обеспечивать свободное движение капитала, связанного с предоставлением кредитов, касающихся коммерческих операций, а также капитала, связанного с инвестиционным портфелем и финансовыми займами и кредитами инвесторов другой стороны договора. Согласно условиям Соглашения Украина и ЕС в случае крайней необходимости могут вводить защитные меры по движению капитала между собой на срок до 6 месяцев.

Целый ряд предусмотренных Соглашением мер связан с огромными инвестициями, которые вряд ли могут быть в значительной части покрыты фондами ЕС с учетом текущей финансовой напряженности в ЕС.

ЕС также пока не поддержал идею включения положений по усилению финансово-технической помощи из своих структурных фондов непосредственно в текст Соглашения о ЗСТ.

Участники «Майдана» полагали, что Соглашение о зоне свободной торговли с Евросоюзом откроет им ворота для трудовой миграции. Однако нормы Соглашения никак не предусматривают свободный безвизовый режим для Украины. В свете последних внешнеполитических событий, связанных с войной в Сирии, сложившаяся в Европе миграционная обстановка не способствует решению вопроса об отмене визового режима для Украины в рамках ЕС.

Украинская сторона настаивает на перспективе введения всех «четырех свобод» (свободное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала) в отношениях Украины с ЕС, одной из которых является и введение свободного перемещения рабочей силы. Осуществление свободного перемещения рабочей силы является наиболее сложной задачей из всего перечня мероприятий, необходимых для создания общего рынка труда между Украиной и ЕС. Между тем, в рамках Соглашения Украина имеет определенные возможности реализовать принцип свободы передвижения работников и связанной с ней свободы осуществления экономической деятельности. На это могут влиять следующие факторы:

– уровень экономического развития Украины;

– объем торгово-экономических связей;

– степень интегрированности ее экономики в общий рынок ЕС;

– уровень политических отношений и приоритетность Украины для ЕС.

Правда, распространение на Украину всех «четырех свобод», включая свободное передвижение лиц, позволит требовать от нее привести свое законодательство в полное соответствие всему пакету законодательства ЕС относительно общего рынка на том уровне, которого достигли страны Европейского экономического пространства (ЕЭП). Модернизация же украинских норм и стандартов в этой сфере в соответствие с ЕС является чрезвычайно затратным процессом.

Достаточно жесткая позиция ЕС до введения свободного перемещения рабочей силы из Украины обусловлена двумя факторами:

– общей отрицательной настроенностью стран-членов ЕС по взаимному открытию рынков труда между ЕС и третьими странами, с которыми подписывается экономический союз;

– отсутствием среди стран-членов ЕС единого видения механизмов обеспечения доступа рабочих из третьих стран на собственные рынки труда[1].

Таким образом, необходимо понимать, что подписание Соглашения об ассоциации Украины в ЕС, которое состоялось 21 марта 2014 г. означает получение Украиной перспективы членства в ЕС. Однако, ни Европейский союз, ни институты ЕС, ни государства-члены ЕС не могут дать юридическое обязательство принять Украину в члены ЕС, поскольку отсутствует правовой механизм принудительного исполнения этого обязательства. Предоставление перспективы членства в ЕС является лишь политическим обязательством[2].

Итак, оценивая условия Соглашения об Ассоциации Украины с ЕС, можно сделать несколько предварительных выводов:

– жесткое регулирование ведения бизнеса на Украине приводит к падению конкурентоспособности отечественных производителей по сравнению с иностранными. В то же время даже для небольших предприятий возрастают возможности сбыта украинской продукции на рынки ЕС;

– технические стандарты ведения бизнеса ЕС создают в отдельных случаях необходимость дополнительных инвестиций, однако эти нормы противопоставляются техническим стандартам экспорта в другие страны, в том числе и в странах Таможенного союза;

– Соглашение с ЕС позволит значительно снизить, а в дальнейшем, возможно, свести к нулю влияние гигантского теневого сектора в экономике Украины, как в системе внешней торговли, так и в конкурентной среде;

– языковые барьеры, отсутствие безвизового режима Украины и ЕС затрудняют поиск партнеров и согласования позиций, внедрение менеджерских приемов ведения бизнеса;

– Соглашением в отношении Украины установлены огромные квоты и ограничения. Так, в Соглашении есть нормы, по которым «в случае, если украинская промышленность будет мешать европейской, будут установлены ограничения на экспорт»[3].

После подписания Украиной Соглашения об ассоциации инвестиционные показатели страны ухудшились, а ключевые отрасли экономики, в том числе экспортоориентированные, погрузились в глубокий кризис. Торговля со странами СНГ упала, при этом негативное сальдо в торговле со странами СНГ частично сократилось. В основном это

---

[1] Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны. http://euroua.com/association/

[2] См. подробнее: Козырева Е.В., Кондратенко Н.О. Проблемы и перспективы интеграции Украины в ЕС // Стратегії економічного розвитку: держава, регіон, підприємство. – Херсон, 2015. – С. 153–166.

[3] http://minfin.com.ua/2015/10/09/9985592/

объясняется падением объёмов закупок российского газа, замещенного газом из газовых хранилищ, принадлежащих ЕС, а не Украине.

За 2014 г. экспорт в страны ЕС вырос лишь на 5%[1], а по итогам первых четырёх месяцев 2015 г. упал на 35%, или на 2,2 млрд. долл., по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года[2]. За январь-апрель 2015 г. доля украинского экспорта в страны ЕС составила 34% от общего объёма экспорта[3]. Получается, что ЗСТ эффективна только в одном направлении – из ЕС в Украину. Поставив под сомнение дружественные отношения с Россией, Украина потеряла значительный сегмент рынка для экспорта своей продукции, что не замедлило отразиться на экономических показателях ее развития.

Присоединение Крыма к России: цена вопроса

Присоединение Крыма к России является предметом жарких споров юристов, политологов, экономистов, историков. На протяжении многих лет после приобретения Украиной статуса независимости в общественном сознании российских граждан присутствовала «тема» Крыма и России.

По результатам проведенного в 2009 г. социологического опроса 44 процента российских граждан считали необходимым обсуждать с Украиной вопрос о том, кому должен принадлежать Крым[4]. В сознании российских граждан всегда присутствовало убеждение о необходимости защищать интересы русских в Крыму (79% от опрошенных)[5], даже несмотря на возможность осложнения отношений с Украиной. Кроме того, опросы показали, что российские граждане допускают возможность конфликта с Украиной по поводу Крыма.

Думается, что тема Крыма являлась устойчивой и волнующей для российских граждан, поскольку подавляющая часть россиян считает присоединение Крыма к России восстановлением исторической справедливости. Крым отошел к России 8 апреля 1783 г. в результате Русско-турецкой войны. Указами Верховного совета СССР от 19 февраля и 26 апреля 1954 г. Крым был передан из Российской СФСР в состав Украинской ССР. При этом не проводилось никакого референдума, позволившего учесть волеизъявление населения Крыма. Политические мотивы передачи Крыма в состав Украинской советской социалистической республике (УССР) во многом остаются непонятными. Законность данного шага является спорной, поскольку согласно Конституции Союза советских социалистических республик (СССР) 1996 г.[6] территория республик не могла быть изменена без их согласия. Президиум Верховного совета СССР не имел полномочий для принятия решения об изменении границ территорий республик. Спорным с точки зрения права являлась и легитимность (законность) передачи Севастополя Украинской ССР. Севастополь на тот момент имел статус города республиканского подчинения РСФСР[7].

Интересным, является тот факт, что в период с 2009 по 2014 гг. произошло увеличение численности тех, кто считает, что Россия должна отстаивать свои интересы в Крыму (с 73 процентов до 91 процента). По результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) в марте 2014 г. на вопрос «Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к РФ в качестве субъекта РФ?» 91 процент ответили: «Согласны»[8]. Сформировалось единодушие во взглядах россиян на присоединение Крыма к России и проводимую в этом направлении политику президента В. Путина в целом.

Присоединение Крыма и Севастополя к России получило признание россиян, о чем свидетельствует последовавшее за ним повышение рейтинга Президента РФ В. Путина. Всероссийский опрос граждан России, проведенный Фондом общественного мнения (далее – ФОМ) в декабре 2014 г., показал, что более половины опрошенных россиян признают, что присоединение Крыма оказало негативное влияние на международное положение страны, но в конечном итоге оно принесет России несомненную пользу[9]. Отдельный опрос ВЦИОМа жителей Крыма в феврале 2015 г. показал, что в случае повторного референдума о воссоединении Крыма с Российской Федерацией они приняли бы аналогичное решение (за это высказались 90 процентов опрошенных)[10].

Общеизвестно, что 16 марта 2014 г. в Автономной Республике Крым и г. Севастополе прошел референдум о будущем статусе Крымского полуострова, на который были вынесены два вопроса. Первый вопрос – «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?», а второй – «Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 г. и за статус Крыма как части Украины?». Постановление Верховного Совета Крыма от 6 марта 2014 г. гласило, что вопрос, получивший большинство голосов, считается выражающим прямое во-

---

[1] См.: Русакович А. В. Политика Европейского союза в отношении постсоветских государств Восточной Европы в 2004—2014 гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2014. – № 4.

[2] http://obozrevatel.com/blogs/92076-pochemu-eksport-ukrainyi-v-es-upal-na-35.htm

[3] http://vesti-ua.net/novosti/ekonomika/18066-obem-eksporta-ukrainskih-tovarov-v-strany-es-upal.html

[4] Пресс-выпуск № 1160 «Крым без России: 55 лет спустя». – http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11440

[5] Там же.

[6] http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/

[7] См.: Прокофьев С.Е., Титова А.И., Елесина М.В. SWOT-анализ присоединения территории Крыма к России // Муниципальная академия. 2014. – № 3. – С. 23–33.

[8] http://wciom.ru

[9] Россияне о присоединении Крыма. – http://fom.ru/Politika/11883

[10] Там же.

леизъявление населения Крыма[1]. Результаты показали: 96,77% имеющих право участвовать в референдуме жителей Крыма и 95,60 % жителей Севастополя проголосовали за вступление в состав РФ[2].

На основе Указа Президента России В. Путина от 21 марта 2014 г. был образован Крымский федеральный округ, в состав которого в качестве субъектов РФ вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь[3]. Конституционный суд РФ признал Договор о присоединении указанных территорий соответствующим Конституции РФ[4]. Комитет по делам СНГ единогласно поддержал законопроект о ратификации данного договора. Согласно ст. 6 Договора о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым до 1 января 2015 г. на территории Крыма действовал переходный период, в течение которого должны были быть урегулированы вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации: в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации; в систему органов государственной власти Российской Федерации; вопросы исполнения воинской обязанности и несения военной службы на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя[5].

Реакция международных организаций на присоединение Крыма к России была неоднозначной. Двадцать седьмого марта 2014 г. на Генеральной ассамблее ООН по вопросу о признании незаконности крымского референдума из 193 государств – членов ООН однозначно «за» принятие резолюции проголосовало 100 государств, голоса почти такого же количества остальных государств распределились так: «против» – 11, воздержалось – 58, не голосовало – 24[6]. Текст резолюции призвал не признавать вступление Крыма в состав России. Против этой резолюции выступили Армения, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Куба, КНДР, Зимбабве, Никарагуа, Россия, Сирия и Судан[7]. Такие международные организации, как Венецианская комиссия, Организация Североатлантического договора (НАТО), Парламентская ассамблея Совета Европы и Парламентская ассамблея ОБСЕ посчитали присоединение Крыма к России незаконным и нарушающим нормы международного права. В большинстве своем международное сообщество отрицательно отнеслось к присоединению Крыма к России.

В российском академическом сообществе возник принципиальный спор о законности присоединения Крыма к России. Разногласия были сформулированы в публичной дискуссии между директором Института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты Е. Лукьяновой и председателем Конституционного суда РФ В. Зорькиным.

Е. Лукъянова полагает, что Конституционный суд РФ при проверке конституционности Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации двух новых субъектов (далее – Договор) вышел за рамки своей компетенции, нарушив нормы ст. 47.1, ч. 2 ст. 74, 86, 89, 90 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде РФ». Дело в том, что Севастополь на момент проведения общекрымского референдума не входил ни в Крымскую область на момент распада СССР, ни в Автономную Республику Крым. Поэтому, по мнению Е. Лукьяновой, если Республика Крым имея достаточное количество государственных признаков, могла самоопределиться, и быть признанной в качестве независимого государства другими государствами, то г. Севастополь сделать этого не мог[8].

Председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин настаивал, что Россия действовала в рамках положений Декларации Генеральной ассамблеи ООН «О принципах международного права» 1970г. (далее – Декларация 1970 г.). Согласно Декларации 1970 г. «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов»[9]. В соответствии с Декларацией 1970 г. Россия имела право ответить на действия Украины, когда Верховная рада отменила закон о региональных языках и лишила почти 2 млн. жителей Крыма права официально использовать родной язык. Русское население Крыма возмутило и обеспокоило также то, что представители «новой» власти объявили о сборе и погрузке эшелонов майданных «добровольцев» для «наведения украинского порядка в Крыму»[10].

---

[1] На референдуме в Крыму будет поставлен вопрос о вхождении в состав РФ // РИА Новости. 2014. 6 марта. – http://ria.ru/world/20140306/998414789.html

[2] http://www.rg.ru/sujet/5184/

[3] Указ Президента РФ «Об образовании Крымского федерального округа» // Собрание законодательства РФ. 24.03.2014, N 12, ст. 1265.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

[5] Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // Бюллетень международных договоров. 2014. – № 6.

[6] Информационное телеграфное агентство России // Генассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины (Цит. по: представитель РФ при ООН Чуркин В.И. ИТАР-ТАСС. – http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1079720).

[7] Подробнее об этом см.: Прокофьев С.Е., Титова А.И., Елесина М.В. SWOT-анализ присоединения территории Крыма к России // Муниципальная академия. 2014. – № 3. – С. 23–33.

[8] Лукьянова Е. «О праве налево». – http://www.novayagazeta.ru/politics/67715.html

[9] Официальный сайт ООН на русском языке. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles

[10] Зорькин В.Д. Право – и только право. – http://www.rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html

Особый резонанс вызвало заявление, которое сделали представители украинской власти «обещав быстро выгнать из Севастополя Черноморский флот, предложив эту важнейшую военно-морскую базу новым партнерам из стран НАТО, столь активно поддержавшим «украинскую революцию». В связи с этим Россия не могла не применить сравнительно новый основополагающий принцип международного права, который еще не введен официально в Устав ООН, но общепризнан и уже широко применяется – это принцип «Обязанность защищать». Данный принцип требует от международного сообщества прямой защиты граждан страны, где грубо нарушаются основополагающие права собственных граждан, включая право на жизнь и безопасность, и которая не хочет или не может прекратить эти нарушения прав. Именно в рамках данного принципа и действовала Россия при защите населения крымского полуострова.

Кроме того, Россия, введя в Крым дополнительный военный контингент для предотвращения появления на полуострове «майданных десантов», не нарушала Договор с Украиной о базировании Черноморского флота, ратифицированный Законом Украины № 547-XIV (547-14) от 24.03.99 г.[1] По нему максимальная численность российского контингента не могла превышать 25 тыс. чел. Это ограничение было соблюдено. Согласно этому договору российские военнослужащие имели право выходить за пределы объектов базирования при необходимости защиты членов своих семей[2].

Далее, после крымского референдума, обнаружилось, что Киев собирает для наведения в Крыму «украинского порядка» уже не только эшелоны «майданных добровольцев», а крупные военные силы. России пришлось реагировать на новую угрозу проживающим в Крыму граждан рассмотрением и принятием правовых решений, следующих из законного и демократичного волеизъявления этих граждан[3]. Таким образом, Россия действовала в рамках международного права, защищая жителей Крымского полуострова. Отметим также и то, что резолюция Генеральной ассамблеи ООН о непризнании крымского референдума законным, в отличие от решений Совета Безопасности ООН, в компетенцию которого и входит разрешение вопросов мира и безопасности, не обязательна для исполнения и носит исключительно рекомендательный характер. То же можно сказать и о Заключении Венецианской комиссии.

Как показывает мировая практика, интеграция территорий требует много времени, создания новых органов власти, разработки и принятия нормативно-правовой базы и значительных финансовых вливаний. В этом смысле цена присоединения Крыма к России складывается из множества факторов. Переходный период для адаптации Крыма был 2014 г. В это время проходила переаттестация государственных служащих, военных, адвокатов. Полученные за 2014 г. налоги и сборы поступали в бюджет Крыма. Гривна применялась до 1 января 2016 г. По оценкам экспертов возникла необходимость в разработке и принятии около 300 законодательных актов для вхождения АР Крым и города федерального значения Севастополь в правовое пространство РФ.

Эксперты и экономисты оценивают по-разному присоединение полуострова к России. Одни склонны считать это безусловной выгодой для России, поскольку появляются возможности по расширению и развитию туристического бизнеса, санаторно-курортной инфраструктуры, получение топливно-энергетических ресурсов полуострова. В республике существует высокий потенциал для развития сельского хозяйства, виноделия, химической промышленности, туризма (из 6 миллионов отдохнувших в Крыму в прошлом году примерно 50 процентов – граждане Украины, 25 процентов – россияне, остальные – из стран СНГ, дальнего зарубежья). Однако годовые затраты на Крым оценены от 100 до 200 миллиардов рублей в год[4], что не может не отражаться на бюджетной составляющей экономического развития Российского государства.

В то же время экономисты полагают, что вхождение Крыма в состав России позволит стране экономить порядка 100 миллионов долларов в год за аренду военной базы Черноморского флота. В связи с размещением на полуострове радиолокационных станций предупреждения о ракетном нападении возрастут возможности России по контролю над морским и воздушным пространством в районе Черного моря. Кроме того под контроль России переходит часть украинской армии, боевой техники и почти весь Черноморский флот Украины. С возвращением в российские границы важнейших памятников истории России и символов русской культуры восполнит важнейшие духовные ценности России [5].

Группа экспертов Комитета гражданских инициатив (далее-Комитет), который возглавляет бывший министр финансов Алексей Кудрин, вывела цифру потенциальных убытков для украинской экономики из-за осложнившихся отношений с РФ. По мнению Комитета, потери могут составлять около 33 млрд. долл. США в год. Приведенная цифра объясняется:

1. снижением объемов экспорта сельскохозяйственной продукции в Россию. По мнению Арсения Яценюка, потери украинской экономики не ограничиваются ущербом от конфликта в Донбассе и аннексией Крыма. По его словам экспорт сельскохозяйственной продукции Украины в ЕС в первом полугодии 2015 г. вырос на 1,3 млрд. долл. США, но объемы экспортных поставок в РФ снизились на 2,5 млрд. долл. США за аналогичный период. Таким образом, только от снижения экспортных поставок сельскохозяйственной продукции в Россию, Украина потеряла 1 млрд. долл. США. Для сравнения транш Украине от МВФ в 2014 г. составил 1,4 млрд. долл. США[6].

---

[1] http://old.ua-today.com/modules/myarticles/print_storyid_23797.html

[2] http://flot2017.com/file/show/normativeDocuments/579

[3] Зорькин В.Д. Право – и только право. – http://www.rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html

[4] http://newsland.com/user/4297812402/content/4584327

[5] См.: Завражнева М.В. Положительные последствия присоединения Крыма к России // Механизмы развития современного общества Сборник научных статей по материалам Международной заочной научно-практической конференции / Лаборатория прикладных экономических исследований имени Кейнса. – М., 2014. – С. 23–24.

[6] http://www.politnavigator.net/poteri-ukrainy-ot-ssory-s-rossiejj-nastolko-veliki-chto-kredita-mvf-ni-na-chto-uzhe-ne-khvatit.html

2. уменьшением величины доходов украинских мигрантов. На территории России работает около 1 миллиона граждан Украины, которые часть заработка отправляют в Украину на содержание своих семей. По оценке А. Кудрина, потери составят от 11–15 млн. долл. США, то есть 7% от ВВП Украины[1].

3. снижением доходов от туризма на 50%, а это почти 1,5 млрд. долл. США.

4. снижением инвестиционной привлекательности Украины (украинская экономика недополучит 2 млрд. долл. США только от российских инвесторов).

5. потерей Украины вследствие вхождения Крыма в состав РФ: около 2 млн. человек (трудоспособного возраста); добычи полезных ископаемых на территории полуострова и акватории Черного и Азовского моря; девяноста семи млн. долл. США, поступавших от РФ за аренду земли, на которой располагается Военно-морская база России (с 2017 г. Россия была обязана платить 100 млн. долл. США); пятнадцати млн. долл. США в год за пользование Керченским проливом[2].

Тем не менее, говоря о столь радужных перспективах для экономики России, при оценке последствий присоединения Крыма не стоит забывать и о слабых сторонах данного политического акта. Крым является дотационным регионом. Это значит, что на его развитие потребуются большие финансовые вливания.

Неспособность полуострова обеспечивать себя пресной водой является одной из самых острых проблем коммунального хозяйства Крыма, разрешение которой, несомненно, ложится на плечи РФ. Примерно 80% пресной воды поступает на территорию полуострова по Северо-Крымскому каналу, который проходит по территории Украины. Украинские власти перекрыли большинство шлюзов. Решение проблемы энергоснабжения Крыма также потребует значительных инвестиций. Для создания собственной генерации электроэнергии в Крыму понадобится от 90 до 100 млрд. рублей[3]. На строительство специального газопровода, мощность которого составит1,5–2 млрд. кубометров в год, нужно 5–6 млрд. рублей[4].

Нельзя забывать о том, что часть крымских татар (25% от общего количества опрошенных) и часть украинцев в Крыму до сих пор выступают против интеграции с Россией[5]. Присоединение Крыма стало одной из причин угрозы экономической блокады страны и начала новой «холодной войны». Взаимное доверие между Россией и Западом сильно пошатнулось. Россия и НАТО развертывают свои вооруженные силы все ближе друг к другу. Из-за конфликта с Украиной инвестиционный имидж России стал менее привлекательным.

Все же можно выделить возможные способы смягчения негативных последствий сложившейся ситуации, просчитав возможные риски и спрогнозировав перспективы развития России в контексте присоединения Крыма. Ограничение импорта Россия надеется компенсировать при помощи поставщиков из Бразилии, Аргентины, Израиля Узбекистана, Азербайджана, Белоруссии и Ирана. Страны Латинской Америки в свете запрета на поставки продукции из ЕС, США, Канады и ряда других стран получили шанс выйти на продовольственный рынок России.

Для обеспечения Крыма пресной водой Россия разрабатывает месторождения подземных вод на севере полуострова и строит водопровод по дну Керченского пролива.

Проблемы с энергоснабжение Россия решает строительством генерации общей мощности около 1320 МВт и снабжением полуострова с помощью ЛЭП со стороны Таманского полуострова.

Для улучшения транспортной инфраструктуры и связи Крыма с Россией ведется активное строительство моста через Керченский пролив. Видим, что цена присоединения Крыма для России высокая.

Между тем, при условии больших финансовых вливаний необходимо применение системы жесткого контроля распределения денежных средств на всех стадиях, строгого учета и тщательного и честного выбора заказчиков по принципу прозрачности будет способствовать развитию Автономной Республики Крым и российской экономики в целом.

Заметим, что политика Президента России В. Путина нередко подвергается жесткой критике[6]. Его обвиняют в том, что он окончательно утратил доверие во взаимоотношениях с западными лидерами. Справедливости ради отметим, что взаимное доверие было подорвано гораздо раньше. Причина того видится в неспособности и нежелании выстраивать равный диалог с Россией. Предложения В. Путина, направленные на развитие взаимовыгодного партнерства (по типу Единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока) воспринимаются, как правило, необоснованными по содержанию и игнорируются. В то же время конструктивных предложений взамен не делается. Демонстрируется лишь отсутствие инклюзивной стратегии в отношении России, в то время как страны российского ближнего и дальнего зарубежья активно вовлекались в различные формы сотрудничества и взаимодействия с Западом. На этом фоне присоединение Крыма повлекло обострение взаимоотношений России с США и ЕС и стало одной из причин применения экономических санкций.

---

[1] http://iteranet.ru/it-novosti/2014/06/24/kudrin-ukraina-teryaet-ot-ssory-s-rossiej-33-mlrd-v-god/

[2] Там же.

[3] Эксперт online // Экономика / Выгодный Крым. http://expert.ru/2014/03/11/vyigodnyijkryim/

[4] Там же.

[5] http://wciom.ru/

[6] См.: Соловьев Э.Г. Украинская рулетка в трансформации российско-американских отношений // Россия и новые государства Евразии. 2014. – № 4(25). – С. 34–35.

Лойко А.И.[1]

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИИ ОТ МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОГО К ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОМУ СТАТУСУ

Ключевые слова: *Евразия, Запад, Восток, интеграция, кооперация, трансконтинентальная логистика*
Keywords: *Eurasia, East, West, integration, cooperation, transcontinental logistics.*

Термин «Евразия» стал играть важную роль в условиях противостояния Запада и Востока. Это противостояние возникло в средние века, когда сформировался средневековый Запад и ближневосточный исламский мир. Ж. Ле Гофф достаточно обстоятельно описал атмосферу противостояния трансконтинентальных социальных суперсистем с точки зрения формирования институциональной основы этого противостояния в виде схизмы 1054 года, принятой к действию католической церковью[2]. К пространству Востока была отнесена часть христианского православного мира. Этот мир представляла Византия. Именно она фактически первой в условиях противостояния Запада и Востока апробировала на себе понятие евразийского межконтинентального статуса. Это было совершенно иное содержание, после эпохи античного мира, в период которой Евразия имела трансконтинентальный статус, поскольку в нее входили без всяких географических и культурных разделений территории Средиземноморья, Малой и Средней Азии. Территориальное единство этих территорий обеспечивали греки, скифы, римляне.

По итогам великого переселения народов монголо-татары воссоздали единое пространство Северной Евразии посредством Золотой Орды. Это пространство просуществовало до 1480 года. В его пределах конституировалось пассионарное движение великороссов. Оно трансформировалось в великорусский суперэтнос, составной часть которого стали тюркские племена и малые сибирские народы. Северная Евразия оказалась в пространстве противостояния Запада и Востока после принятия Русью православия. Тем самым Россия приобрела евразийский межконтинентальный статус. Его апробация произошла в период крестовых походов. В отличие от Византии А. Невскому, представлявшему интересы России, удалось заручиться в борьбе с крестоносцами дипломатической поддержкой Золотой Орды. В 1240 году была одержана важная победа на западном направлении. Крестоносцы были остановлены на границах русского мира.

На фоне внутренних процессов в Северной Евразии, сопровождавшихся ротацией государств (Золотая Орда уступила доминантную роль Московскому государству), южная Евразия в лице византийского государства находилось в условиях прямого противостояния средневекового европейского Запада и исламского Востока. Основным механизмом этого противостояния были крестовые походы. Крестоносцы рассматривали Византию как враждебный мир и периодически совершали разрушительные походы в пределы этого государства, армия которого неспособна была противостоять постоянным внешним вторжениям. Приглашение в пределы Византии турков-османов способствовало не столько усилению военных ресурсов государства, сколько его политическому разрушению изнутри. В экономику была на льготных условиях допущена Венеция, которая имела неограниченный доступ к транзитным и национальным ресурсам Византии.

В самый ответственный момент взятия турками-османами в 1453 году штурмом Константинополя Венеция ничего не сделала для сохранения византийского государства и межконтинентального евразийского пространства. Принявшие ислам суннитского толка турки-османы, распространили на южную Евразию статус Востока.

Евразийский межконтинентальный статус в регионе сохранило только Московское княжество. Оно предприняло для закрепления этого статуса усилия, связанные с интеграцией в его пространство территорий Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. В результате в пространстве Северной Евразии оказалась значительная часть мусульманского населения. Отряды казаков за относительно короткое время достигли побережья Тихого океана. Московское государство, несмотря на значительное территориальное расширение, оставалось византийским по геополитическому статусу. В связи с этим существовала проблема, связанная со способностью России конкурировать с западной техногенной цивилизацией. Ее решением занялся Петр I. За относительно короткое время ему удалось интегрировать в пространство российской культуры европейские аналоги институтов армии, флота, промышленности, академии наук, университетского образования. Это позволило России одержать победу в Северной войне, успешно противостоять Османской империи, принять активное участие в разделах Речи Посполитой, по итогам которых православное население Беларуси и Украины оказалось интегрированным в единое пространство русской культуры.

Факторами успеха стали сильная государственная власть, модернизация, интеграция в европейский рынок промышленного и аграрного производства. Россия стала активным участником политического процесса в Европе и тем самым приобрела статус метрополии в глазах европейских политиков. Восток на этом фоне стал рассматриваться как

[1] Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

[2] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 63.

регион колониальных интересов. Россия стремилась опередить европейские метрополии в их колониальных претензиях на Среднюю Азию, поскольку считала эти территории евразийскими. По причине евразийского мировосприятия Россия планировала возврат в евразийское пространство черноморских проливов, морского пути через Босфор и Дарданеллы. Она стремилась вытеснить Османскую империю с черноморского побережья и Закавказья. Эта политика сопровождалась военными компаниями, патриотизмом, желанием освободить православное население Балкан и Закавказья из-под влияния Османской империи.

Борьба шла в контексте, затрагивавшем интересы Великобритании и Франции в Средиземноморье. России пришлось выдержать трудную компанию в период Крымской войны. Однако вернуть статус южной Евразии как самостоятельного политического центра не удалось. Россия сосредоточила свои усилия на укреплении Причерноморья и региона Северного Кавказа. До начала первой мировой войны Россия смогла интегрировать в пространство Северной Евразии Среднюю Азию, Дальний Восток и выйти на границы Афганистана и Китая.

Неудачи на фронтах первой мировой войны во внутренней политике России использовали сторонники марксистской идеологии. В 1917 году они пришли к власти. Место российской империи занял Союз Советских Социалистических Республик. Фактически речь шла об экономическом и политическом союзе государств северной Евразии. В итоге Западу противостояло уже не одно государство, а группа государств. Это обстоятельство сыграло важную роль в противостоянии СССР коалиции фашистских государств Европы и квантунской Японии. Сменившая Османскую империю Турецкая республика смогла сохранить фактический нейтралитет и не начала военных действий против СССР. Не решалась на прямые военные действия на территории СССР и японская армия. Эти обстоятельства были использованы СССР для противостояния Западу в европейской части территории.

Патриотическая евразийская тематика, невзирая на идеологическое противостояние, фактически объединила российскую эмиграцию с национальными интересами Советской России в форме евразийства. Речь шла о принятии Россией на себя исторической миссии консолидации Евразии на основе идеократического государства. Подобный подход вызывал сомнение в его практической реализации. Имелся в виду плавный переход Евразии через идеократическое государство, основанное на доминанте идеи правительницы к институту церкви, главной задачей которого предполагалось достижение царства небесного. В данном контексте очевидны параллели с революционной миссией Советской России в реализации программы коммунистического общества в пределах планеты[1].

Евразийство, как идеология, имело толерантную основу в виде позиции, озвученной П.Н. Савицким: «Быть самостоятельным во всем и до конца – это не значит пренебрегать ценностями других народов»[2]. Подобная основа, по мнению Я.С. Яскевич, формировала механизм межкультурного диалога евразийства с разными культурными традициями[3].

Л.П. Карсавин и С.Н. Трубецкой видели основу евразийской цивилизации не в государстве, а в «симфонической личности». Она формирует процесс единения евразийских народов с позиций их единого исторического прошлого, настоящего культурного многообразия и вытекающей из этих факторов будущей евразийской государственности[4]. Важнейшей идеей евразийства, по нашему мнению, была идея исхода к Востоку. В ней заключалась фундаментальная оценка ограниченности европоцентризма и нецелесообразности нахождения в его пределах. В начале XXI столетия этот тезис оказался абсолютно оправданным, поскольку изменилась география центров экономических и политических сил и взаимодействий. Постсоветская Россия в этой ситуации чуть не стала региональной страной, чего очень хотелось администрации США.

Но Россия смогла открыть для себя перспективу не только Северной Евразии, включая Дальний Восток, но и сделать акцент на совместное с КНР строительство Большой континентальной Евразии. О необходимости создания такой Евразии по аналогии с европейской семьей народов говорил Н.А. Назарбаев[5]. Стартовым в реализации стратегии трансконтинентальной Евразии должен был стать экономический и военно-политический проект создания союза постсоветских евразийских государств. Его реализации способствовал советский период истории, в рамках которого имели место успешные проекты индустриализации, создания региональных рынков производства зерна (Казахстан), животноводства (Беларусь), хлопка (Средняя Азия). Военно-политической консолидации постсоветских государств Средней Азии и России способствовала угроза терроризма.

В политике России евразийский вектор не сразу стал доминирующим. Широту ее взглядов на политические процессы в мире сдерживал акцент на европейском регионе. Здесь Россия терпела постоянные геополитические неудачи. Необратимыми с точки зрения психологии мировосприятия для России должны были стать события на Украине. Администрация США это прекрасно понимала. Но в составе Украины был Крым, от которого Россия отказаться не могла. Важную роль сыграл фактор русскоязычного населения. В результате российская политическая элита пришла к видению геополитики как глобальной системы, в которой России, как и СССР, нужно выполнять статус ключевого

---

[1] Гудрат С. Евразийская концепция государственности и власти // Вестник российского философского общества. – М., 2013. – № 1. – С. 119–123.

[2] Савицкий П.Н. Кто и что делает русскую культуру «провинциальной»? // Философские науки. – М., 2013. – № 3 – С. 64.

[3] Яскевич Я.С. Евразийство как мост к диалогу культур и консолидации общества // Общая история единения народов. – Минск, 2015. – С. 21–27.

[4] Карабаева К.Д. Евразийское государство как выбор будущего исторического пути России (на основе трудов мыслителей русского зарубежья) // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России. – Тамбов, 2013. – С. 330–334.

[5] Н.А. Назарбаев и евразийство (к 100-летию Л.Н. Гумилева). – Астана, 2012.

противодействующего механизма амбициям США. Как только такой взгляд сформировался, стала понятной стратегия деятельности России в Сирии.

Трансконтинентальная Евразия имеет огромный рынок экономической деятельности. Этот рынок стал восстанавливаться в границах постсоветского пространства. Согласие на его создание дали Казахстан, Россия, Беларусь. Затем к нему присоединились Армения, Кыргызстан. Рынок функционирует на основе национальных валют, подверженных волатильности, девальвации. Россия, Казахстан имеют экономики, ориентированные на экспорт нефти и газа в пространство Европейского Союза. Целью является создание валютных резервов, которые используются для закупки высокотехнологичного оборудования.

Участники Евразийского экономического союза рассчитывают на отсутствие ограничений на едином рынке. Важной является тема единых тарифов на нефть и газ, соответствующих отпускным ценам, действующим для российских и казахстанских потребителей. Поэтому цены на нефть и газ периодически становятся предметом дискуссий между участниками евразийского экономического пространства. Они формируют изъятия из обширного списка товаров, по которому уже достигнуты приемлемые для всех участников тарифы. Девальвация российского рубля привела к сокращению показателей взаимной торговли в долларовом эквиваленте между участниками Евразийского экономического союза на фоне растущих объемов товарных показателей.

Очевидно, что евразийское экономическое пространство требует транснационального наполнения, позволяющего диверсифицировать поставки нефти и газа из России и Казахстана на мировые рынки. Одним из вариантов диверсификации стали переговоры с КНР, позволившие наладить рынок экспорта и импорта нефти и газа в пределах самой Евразии.

Одновременно с новым рынком экспорта углеводородного сырья евразийские государства приобрели крупного инвестора. Это инвестор строит свою экономическую деятельность не на целях создания бюрократических экономических структур, подобных Европейскому Союзу, а на интегрирующей миссии трансконтинентальных проектов, таких как «Экономический пояс Шелкового пути». Этот проект конструктивен тем, что предполагает инвестирование в модернизацию транспортно-логистической системы евразийских государств на основе использования новейших достижений в методологии экономической деятельности.

В белорусском секторе трансконтинентального проекта ключевая роль отводится индустриальному парку «Великий камень»[1]. На уровне таких экономик как белорусская речь идет о структурных изменениях, связанных с увеличением в ее пространстве экспортных ресурсов высокотехнологичного сектора деятельности и снижения зависимости от материалоемких и энергоемких производств. Традиционные производства трансформируются в инжиниринговые компании, естественным продолжением которых станет аутсорсинг. Белорусские компании активно открывают сборочные производства в государствах большой Евразии, где их продукция интегрирована в задачи наращивания объемов производства продовольствия для быстро растущего населения.

Трансконтинентальная Евразия создается на основе стратегического партнерства политических элит России и КНР. Политические, экономические цели и задачи формирования трансконтинентальной Евразии мотивированы глобальной конкуренцией. Эту глобальную конкуренцию создает политическая элита США. Она заинтересована в отмене барьеров для экономической деятельности в трансатлантическом и тихоокеанском регионах для реализации конкурентных преимуществ североамериканских компаний. В эти интеграционные пространства не получили приглашения КНР и Россия. Через континентальную Евразию КНР надеется создать прямую логистику с Европейским Союзом, колеблющимся относительно заключения соглашения с США о трансатлантическом сотрудничестве. Европейские компании боятся оказаться вытесненными с собственного внутреннего рынка. Эти опасения оправданны объективно. Компании США и Канады располагают лучшим кадровым ресурсом менеджеров, банковскими гарантиями кредитования. Они могут рассчитывать на государственную поддержку и лоббирование их интересов на внешних рынках.

Европейский Союз создан на неустойчивой основе общественного кризисного сознания, национализма, неравных экономических возможностей и ресурсов, экономическом иждивенчестве новых членов. Теневая экономика, созданная для транспортировки населения из Азии и Африки в Европейский Союз, еще больше усугубила внутренние противоречия старого континента. Брексит положил начало институциональному испытанию Европейского Союза на прочность.

Европейцы апеллируют к общей основе в виде интеллектуального пространства, христианской традиции. Интеллектуальное пространство старого континента базируется на уникальных ресурсах античной философии, разработавшей широкий спектр научной и культурной тематики. Это наследие оказалось интегрированным в средневековый период в христианство католического Запада. Особым влиянием пользовались труды Платона, Аристотеля, Плотина. Часть философов (как Августин Блаженный) приняла христианство и стала представлять теологическую философскую традицию. В период позднего средневековья европейский Запад в рамках эпохи Возрождения еще раз обозначил свои истоки в античной культуре. Речь шла о науке, искусстве, светском образе, жизни, антропоцентризме, морской логистике и сопровождавших ее географических открытиях.

Светская культура Европы была дополнена реформационным движением, в результате которого европейский Запад стали представлять две модификации жизнедеятельности населения. Протестанты в северной части Европы активно создавали рыночную экономику капитализма и связанную с ней техногенную цивилизацию. Сначала эту миссию возглавляли Нидерланды, затем инициатива перешла к Соединенному Королевству. Часть протестантов под дав-

[1] Зиневич А.С. Перспективы участия Республики Беларусь и ЕАЭС в логистическом проекте возрождения «Нового шелкового пути» // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016. – С. 262–265.

лением политических обстоятельств с целью поиска новой земли обетованной покинула Европу и обосновалась в Северной Америке. Колонизация происходила под патронажем Соединенного Королевства.

Южная часть Европы упустила инициативу в создании конкурентной среды для северных территорий континента. Этому способствовал консерватизм католической церкви, а также периферийное положение в возникшем трансатлантическом пространстве логистики. Развитию торговли и логистики в Евразии мешала Османская империя. Обходные морские торговые пути из Азии заканчивались в Нидерландах, где имел место высокий спрос на пряности. Взамен транзитом из Нидерландов направлялись драгоценные металлы, добытые в Латинской Америке, на которые был высокий спрос в Индии и странах Юго-Восточной Азии.

Единству интеллектуального пространства Европы способствовал латинский язык. Его роль проявилась в эпоху Возрождения и на территории Беларуси. Уникальным явлением национальной литературы стала новолатинская поэзия. Графические преимущества латиницы ускорили развитие книгопечатанья, типографской деятельности. Печатные книги сделали интеллектуальное пространство Европы еще более устойчивым. В эпоху Возрождения на территории Беларуси типографии получили массовое распространение. Кроме латиницы в них использовались шрифты в виде кириллицы. Было положено начало книгоиздательской деятельности в Московской Руси усилиями Н. Федорова и П. Мстиславца.

Университетское образование на основе латинского языка также способствовало интеллектуальной общности европейских народов. Ее дополняли языковые практики древнегреческого, древнееврейского, формировавшихся национальных языков. В результате обычной была ситуация многоязычия. Так, представители Возрождения из Беларуси свободно владели пятью-шестью языками. Этот языковой ресурс снимал ограничения в межкультурном диалоге и издательской деятельности. Одновременно он позволял сохранять в новоевропейских текстах оригинальную основу древнегреческой, латинской и древнееврейской культур.

Межкультурное пространство способствовало творчеству европейских философов и ученых. Они располагали потенциалом трансграничности в пределах старого континента. В результате философия XVII–XIX веков генерировала в интеллектуальном пространстве Европы оригинальные концепции, связанные с методологией науки, антропологией, инженерной деятельностью, социологией, экономикой. Британские, немецкие, французские, австрийские мыслители доминировали в этом пространстве по количеству инновационных идей. Достаточно назвать школы британского и французского Просвещения, классическую немецкую философию, марксизм. Общеевропейский статус приобрели школы экзистенциализма, позитивизма, герменевтики, философии жизни, феноменологии, персонализма, неокантианства, психоанализа, структурализма, постмодернизма, философской антропологии, эволюционизма.

Во второй половине XIX столетия возросли риски устойчивому функционированию интеллектуального пространства философии и науки Европы. Причиной стали идеологии национализма, шовинизма, тоталитаризма. Их следствием стали континентальные войны с усилившимися акцентами на массовое уничтожение мирного населения, в том числе творческой интеллигенции. В результате началась массовая миграция представителей философских и научных школ Европы в США. Возникла атмосфера симбиоза европейских интеллектуальных ресурсов с аутентичными практиками североамериканской культуры, мировосприятия, образа жизни, системой ценностей. На этой основе возникло англоязычное пространство трансатлантической философии. Весомый вклад в формирование этой философии внес европейский позитивизм. Англоязычная основа позволила интегрироваться в него представителям Австралии и Новой Зеландии.

Трансатлантическая модель философии жестко интегрирована в геополитическую стратегию США. Вследствие этого она идеологическая и инструментальная по форме. Она базируется на образе США как обществе демократии, свободы, рыночной экономики и предлагает другим локальным пространствам технологии социальной трансформации в форме догоняющей модернизации, либерализации, синергетики динамического хаоса. Ее стандарты базируются на аналитическом стиле мышления и коммуникативном действии. Духовность сводится к тезису о богоизбранности американского народа.

К моменту массовой миграции творческой и интеллектуальной элиты старого континента в США и на Британские острова европейские философские школы стали важным ресурсом для евразийского интеллектуального пространства. Этому способствовали представители такого общественного движения в России как западники. Благодаря их усилиям к задачам модернизации России был адаптирован марксизм. Стратегия предполагала захват политической власти, индустриализацию страны, внедрение стандартов массового образования, территориальной мобильности. Акцент делался на развитие науки и производства. Российская империя была трансформирована в СССР. Новое политическое образование территориально находилось и в Европе, и в Азии.

Через Россию марксизм распространился в Монголию, Китай, Корею, государства Юго-Восточной Азии. Его различные модификации создали общую картину его евразийской локальности. Парадоксальность эволюции марксизма заключена в том, что отказ от этой идеологии в европейских постсоциалистических государствах не привел к отказу от этой политической идеологии в Евразии. Даже в России марксизм продолжает присутствовать в политической системе государства и в общественном сознании на уровне деятельности политической партии коммунистов.

Экзистенциализм занял в России сегмент литературного творчества благодаря творчеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, И. Бунина. Он трансформировался в евразийскую сущность на местной почвеннической основе. Позитивизм был адаптирован в евразийских условиях к задачам методологии науки. Он явно не позиционировался, но его влияние на развитие методологии было значительным. Оно позволило советской науке с минимальными потерями сохранить свое присутствие в кибернетике, генетике, психологии. Дореволюционный период культивировавший практики стажировок российских ученых в центрах европейской науки приобрел кумулятивный эффект на многие годы, особенно в сегментах естествознания и техникознания.

Вплоть до тридцатых годов XX столетия в европейской среде существовала уверенность в наличии благоприятной научной атмосферы в России. Однако это представление не трансформировалось в массовую миграцию европейских ученых в СССР. Опасения вызывала атмосфера обострения классовой борьбы, репрессии, высылка видных философов и ученых из Советской России, символом которой стал «философский пароход».

Европейские влияния не могли выразить сущность евразийской культуры. Поэтому на уровне национальных государств эта культура опиралась на собственные интеллектуальные ресурсы. Они были локализованы природными факторами географического изоляционизма, возникшего после исчезновения Золотой Орды, создававшей единое пространство межкультурных контактов в Евразии вплоть до Тихого океана. Длительная эпоха географического изоляционизма привела к тому, что России, Китаю, Японии, Индии пришлось в XIX столетии воссоздавать единое евразийское пространство диалога. Восстанавливалось оно трудно, поскольку его участники в лице Китая, Индии, Японии ассоциировались не столько с Евразией, сколько с Азией, имевшей колониальный статус.

Россия, напротив, относилась к Европе и ассоциировалась с политикой европейских метрополий. Марксизм смягчил психологию противостояния России и Китая, создав в их отношениях общую основу борьбы за социальную справедливость, неприятие капитализма. На основе марксизма евразийские акценты сложились в отношениях России с Вьетнамом, Лаосом, Камбоджей, Кореей. Возникшее в дальневосточной Евразии противостояние коммунистических стран с их противниками ускорило их интеграцию в геополитические интересы США, особенно после подписания капитуляции квантунской армии, завершения второй мировой войны. Прибрежные страны и острова стали частью тихоокеанского региона.

Возрождение интегрированного пространства Евразии началось на основе оригинальных философских школ, среди которых – русский космизм. Эта интеллектуальная традиция возникла на теологической основе, отражавшей стремление человека к Богу. Поскольку расположение Бога связывалось Н. Федоровым с космосом, то неизбежно возникла задача, решение которой требовало инженерного обоснования. Она ясно была сформулирована К. Циолковским и воплотилась в космических технологиях.

Но космизм не сводится только к проблеме перемещения человечества в космическом пространстве. Благодаря исследованиям Л. Чижевского возникла тема влияния космических факторов, в частности, солнечной активности, на жизнедеятельность человечества в условиях Земли. Когда интерес ученых сосредоточился на планетарном пространстве, зазвучала тематика биосферы и ноосферы в работах Н. Вернадского. Она актуализировала экологическую тематику рационального природопользования и обратной связи с биосферой.

Л. Гумилев спроецировал влияние космических факторов на эволюцию евразийского пространства человеческой истории. Он актуализировал интерес к исследованию не только земледельческих, но и лесостепных цивилизаций. Его методологическая позиция заключается в равнозначности социальной динамики культур в истории Земли. Историю актуализирует космическая энергия, которая трансформируется на Земле в материале человечества в форму пассионарных движений, интегрирующих огромные трансконтинентальные пространства не по географическому принципу, а по принципу положительной комплементарности. Границы действия этого принципа формируют границу интегрированного пространства культуры, в частности, евразийской культуры. Пассионарии являются основными пользователями космической энергии и ее продолжением на Земле в виде пассионарного движения. Ресурсы этой энергии в конкретном носителе ограничены. Поэтому активность конкретных пассионарных групп населения носит ограниченный характер. Исчерпавшие энергетический ресурс космоса пассионарии уступают место постоянно генерируемым пассионарным группам. Между ними может иметь место конкуренция и взаимодействие. Так, Золотая Орда фактически поддержала А. Невского в противостоянии крестовым походам. Доминантную роль сыграли положительные комплементарные практики общности евразийских интересов. Именно по этой причине практически без больших людских потерь произошла ротация пассионариев в Северной Евразии – великороссы сменили монголо-татар и интегрировали значительную часть тюркского населения в пространство единой российской культуры.

Трансконтинентальная Евразия представлена в начале XXI столетия пассионариями России, Индии, КНР, Ирана, арабского региона, Турции. Трансконтинентальные задачи в форме использования транзитного потенциала Евразии с выходом на Европейский Союз сформулировала КНР. Россия, КНР, Индия, Турция пошли по пути использования трансконтинентальной логистики Евразии в рамках реализации энергетической программы.

Российская Федерация и КНР в области философии оказались интегрированными в европейские практики интерпретации социальной реальности. Эти практики в современных реалиях обнаружили границы самоорганизации, поэтому происходит их ассимиляция с особенностями аутентичной евразийской среды. Вопрос заключается в восстановлении ценностного статуса общего исторического истока трансконтинентальной Евразии в виде практик интегрированного пространства, логистики, интеллектуального наследия. В Евразии с помощью археологов реконструируется механизм преемственности в функционировании интегральных культурных пространств и их субъектов. Объектами исследования стали Гиперборея, Скифия, Персия, Древний Китай, Древняя Индия, великое переселение народов и феномен тюрков, Средняя Азия.

Экономическая интеграция трансконтинентальной Евразии может быть основана только на принципе взаимодействия европейского и азиатского рынков. В результате эта интеграция не увязывается с методикой жесткого блокового противостояния. Она строится исходя из сформировавшегося единого рынка трансконтинентальной Евразии на уровне энергетических ресурсов, производства и потребления товаров массового спроса. Россия обеспечивает единство этого рынка в энергетическом сегменте деятельности. КНР формирует его стабильность в индустриальном сегменте деятельности. Через потенциал бывших колоний Великобритании и Португалии создан механизм трансфера технологий и инвестиций в евразийский регион. В нем роль экономики Великобритании уникальна. Инвестиционная активность не может ограничиваться только локальным пространством. Она должна располагать ресурсом межрегио-

нальной кооперации. Стратегическое партнерство Великобритании и КНР в экономической сфере является важным фактором синергетики евразийского социального пространства. В рамках Евразийского форума такой же резерв формирования трансконтинентальных интересов в пределах Евразии демонстрирует Италия.

Таким образом, актуальность сохраняют две модели трансконтинентальной Евразии. Одна акцентирована на стратегии интеграции интеграций и охватывает региональные пространства ЕАЭС и Европейского Союза. Это пространство Северной Евразии от Атлантического до Тихого океана. Но у него есть конкурент – модель трансатлантической и тихоокеанской кооперации, инициаторами которой являются США.

Вторая модель трансконтинентальной Евразии опирается на кооперационную основу в рамках БРИКС. Ключевыми взаимодополняющими друг друга экономиками являются экономические системы КНР, России, Индии. Эта модель также ориентирована на потребительский рынок Европейского Союза. Для усиления привлекательности трансконтинентальной Евразии на основе БРИКС нужна логистика, система транспортных коммуникаций. Наиболее активно в эту сферу инвестирует КНР.

Экономическая кооперация постсоветских евразийских государств важна для них в рамках адаптации к жестким условиям конкуренции на рынках глобальной экономики. Формирование экономического пространства евразийских государств сопровождается использованием методик инновационной деятельности, в первую очередь, методологии кластерного подхода. В России этой проблематике посвящен один из национальных докладов[1]. Не осталась без внимания методология кластерного подхода в Беларуси[2]. Наиболее ощутимые практические результаты кооперации в рамках реализации инвестиционных проектов получены на основе методологии технопарковой логистики. Особенно активно эта методология используется в белорусско-китайских отношениях. Межвузовские технопарки интегрировали усилия ученых в реализации исследовательских проектов. Индустриальные парки, в частности, «Великий камень», создали практическую основу для промышленной кооперации евразийских экономик с выходом на логистику европейского региона.

В Беларуси практика реализации методологии технопарковой логистики апробирована в сфере IT-технологий на примере функционирования Парка высоких технологий[3]. В евразийском регионе на кооперационной основе высоких технологий формируется экономика знаний[4]. Она призвана помочь предприятиям производить экспортно-ориентированные товары конечного потребления. Факторы ускорения модернизации создает четвертая промышленная революция с характерными для нее аддитивными технологиями[5]. В данном контексте эволюции евразийского экономического пространства обсуждается феномен виртуального предприятия[6].

Растет значение исследовательских центров евразийской философской культуры. Они имеют интегрированную основу единого интеллектуального пространства, созданную в советский период истории. В этот период происходила естественная миграция научных кадров. Потоки формировались не только по принципу направленности от периферии к центру, но и по горизонтальному кросс-культурному параметру. Так, уроженец Беларуси, А.О. Маковельский после завершения обучения в Казанском университете, стажировки в научных центрах Европы, в 1920 году получил приглашение Народного комиссариата Азербайджанской республики и прибыл в Баку. Здесь он создал крупный центр исследований евразийской философии. Важное место в этих исследованиях отводилось изучению азербайджанской философии[7]. Подобные исследования сформировали предметное поле философии народов СССР.

В обществознании постсоветского периода актуализируется комплексное рассмотрение евразийской тематики. Особый интерес вызывают проблемы институционального оформления отношений евразийских государств, формирования новых геополитических и экономических конфигураций социального пространства. Поэтому плановые мероприятия интеграционной направленности должны учитывать синергетику социального пространства[8]. Решить эту задачу помогает методология партикулярных структур. В этой методологии важную роль играет тематика социальной психологии партикулярных структур[9].

Евразийский вектор центрирует интересы государств, их стремление к интеграции во всех областях жизнедеятельности социума. Посредством подобной методологии преодолевается замкнутость бюрократических региональных структур, сохраняется актуальность двусторонних отношений в условиях разной степени готовности стран и их эко-

---

[1] Инновационное развитие – основа модернизации экономики России: Национальный доклад / Редсовет Евтушенко В.П., Кириенко С.В., Чубайс А.Б. – М., 2008.

[2] Лойко А.И. Социальная динамика партикулярных структур и методология кластерного подхода // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. 2012. – № 2. – С. 151–158.

[3] Цепкало В.В., Старжинский В.П. Парк высоких технологий как инновационный проект на пространстве ЕАЭС // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016. – С. 16-20.

[4] Старжинский В.П., Цепкало В.В. На пути к обществу инноваций. – Минск, 2016.

[5] Лойко А.И. Четвертая промышленная революция: риски Евразии // Thesaurus: зборнік навуковых прац. Выпуск 3. Інфармацыйна-прававое поле еуразійскай інтэграцыі. – Магілеу, 2016. – С. 52–62.

[6] Анфимова М.Л. Виртуальные предприятия как одно из направлений развития рынка инновационных технологий // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых и инженерных подходов. – Минск, 2015. – С. 58–61.

[7] Лойко А.И. Исследовательские центры межкультурного диалога евразийских культур // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. – Минск, 2016. – С. 42–46.

[8] Лойко А.И. Синергетика социального пространства: евразийский регион. – Саарбрюккен, 2015.

[9] Лойко А.И. Социальная психология партикулярных структур. – Саарбрюккен, 2016.

номик к единому экономическому пространству. Пример подобной интерпретации евразийского вектора создали Беларусь и Россия в форме Союзного государства[1].

Участникам интеграционных объединений необходим трансконтинентальный статус Евразии. Подобный статус минимизирует риски евразийских экономик, характерные для межконтинентального статуса. Историческая судьба Византии постоянно будет напоминать о том, что между Западом и Востоком должна существовать равнозначная им по территориальному, военно-политическому и экономическому ресурсу Евразия.

[1] Лойко А.И. Евразийский вектор в отношениях Беларуси и России. – Саарбрюккен, 2012.

Лойко Л.Е.
к.филос.н., доцент Академии МВД Республики Беларусь
larisa.loiko@tut.by

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕНЦИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: О ЧЕМ ГОВОРИТ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Ключевые слова: *Евразия, межкультурный диалог, Никитин, Гошкевич, Верещагин, Рерих, историческая память, вторая мировая война.*

Keywords*: Eurasia, intercultural dialogue, Nikitin, Goshkevich, Vereshagin, Rerich, historical memory, Second World War.*

Вопрос о соотношении материально-экономических и социокультурных детерминант евразийской интеграции актуализируется на фоне ослабления экономических показателей взаимной торговли между участниками Евразийского экономического союза[1]. Исследование динамики материальных и социокультурных факторов в диалоге евразийских государств и статуса российской культуры в этом диалоге целесообразно организовать через обращение к феномену исторической памяти.

Рассмотрим несколько примеров евразийских путешествий из Российской истории. В XV столетии путешествие по евразийскому региону совершил тверской купец А. Никитин. Он посетил Крым, Византию, Персию, Индию. Ценной историографической основой анализа данного примера является авторское сочинение самого А. Никитина[2]. Значительную исследовательскую базу составляют также работы М.Н. Виташевской, И.А. Ильина, Г.Д. Ленхоффа, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, Дж.Б. Мартина, В.Н. Перетца, Л.С. Семенова, Д.И. Языкова.

Путешествие А. Никитина не имело религиозной направленности. Он размышлял о реальности в жанре светского мировосприятия. Замысел поездки по Евразии был первоначально коммерческий (материальный). Но уже в самом начале путешествия, после ограбления в районе Астрахани, произошла трансформация его содержания. Культурные аспекты вышли на первый план. На основе этой мотивации А. Никитин продолжил путешествие. Оно осуществлялось на двух судах в направлении Дербента. Во время шторма одно из судов потерпело крушение. В Дербенте существовала возможность прекращения экспедиции, но она была продолжена, и А. Никитин направился в Баку, затем в Персию. Конечным местом путешествия стала Индия. Единственная за время путешествия торговая операция – продажа лошади – прибыли не принесла. Обратная дорога из Индии на Родину проходила через Персию и Османскую империю (Трапезунд), Крым и Великое Княжество Литовское. Недалеко от Смоленска путешественник умер. Его спутники, русские купцы, доставили записи А. Никитина в Москву. В 1818–1821 гг. Н.М. Карамзин обнаружил их в архивных фондах и опубликовал.

Второй пример евразийских путешествий, уже XIX века, дает биография уроженца Беларуси И.А. Гошкевича. О его деятельности писали И.А. Гончаров, В.П. Грицкевич, Г.Д. Иванова.

Получив образование в Санкт-Петербургской Духовной академии, И.А. Гошкевич решением Святейшего Синода был зачислен в российскую духовную миссию в Китае, в составе которой находился с 1839 по 1848 гг. Изучая китайский, маньчжурский, корейский и монгольский языки, он обратился к изучению средневековых восточных текстов. В них он обнаружил технологию приготовления туши, методику китайских счетов. На этой основе в жанре компаративистики им была написана работа по сравнительному анализу конструктивных особенностей китайских и русских счетов. И.А. Гошкевич глубоко ознакомился с историей Китая, его литературой, искусством, философией, архитектурой, естествознанием. Он собрал коллекцию насекомых, провел астрономические и метеорологические наблюдения, отчеты о которых поступили в физическую обсерваторию в Пулково.

Вернувшись из Китая, И.А. Гошкевич получил должность чиновника особых поручений в азиатском департаменте министерстве иностранных дел, а затем был направлен к вице-адмиралу Е.В. Путятину в статусе переводчика и советника. На фрегате «Паллада» они прибыли к берегам Японии и провели переговоры с японскими властями, которые закончились подписанием договора между Россией и Японией. В 1857 году И.А. Гошкевич стал Российским императорским консулом в Японии и работал в этой должности до 1865 года. Жил в городе Хакодате.

Еще во время плавания на «Палладе» И.А. Гошкевич начал изучать японский язык под руководством помощника корабельного врача, японца Татибаны Косая Кумэдзо, самурая из клана Какэгава, получившего убежище на российском судне. Вдвоем они приступили к работе по созданию русско-японского словаря. Впоследствии Татибан вместе с И.А. Гошкевичем прибыл в Петербург, принял православие, новое имя – Владимир Яматов (от старинного на-

[1] Байчоров А. Проблемы становления евразийского экономического союза // THESAURUS. Зборнік навуковых прац. – Магілеу, 2016. – С. 48–49.

[2] Никитин А. Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. – М.; Л., 1958.

звания Японии «Ямато»); создал в России семью, имел двух сыновей. Будучи образованным человеком, он служил переводчиком в Азиатском департаменте министерства иностранных дел и преподавал в Петербургском университете. В 1874 г. Татибан вернулся на родину.

Первый русско-японский словарь был издан в 1857 г. в Санкт-Петербурге. В предисловии к нему И.А. Гошкевич подчеркивал связь лингвистических и ментальных особенностей японского языка. В тексте словаря воспроизводилась оригинальная языковая графика Японии. Словарь был награжден Демидовской премией Императорской Академии Наук с вручением золотой медали. Впоследствии И.А. Гошкевич опубликовал в Вильно книгу «О корнях японского языка», которая знаменовала завершение труда исследователя в изучении евразийской культуры и способствовала формированию интереса к японскому языку в России.

Примером социокультурной мотивации евразийских контактов стала и деятельность В. Верещагина1. Он был в числе первых деятелей культуры, осмысливших растущее значение духовных связей россиян с Индией. В. Верещагин дважды посещал Индию с целью создания в своем художественном мировосприятии интегрального образа евразийской культуры. Это была своеобразная философская задача, которая решалась художественными средствами изобразительного искусства.

Мы не знаем, насколько глубоко В. Верещагин ознакомился с философским наследием Индии. На его интерес к тематике интегрального восприятия евразийской культуры указывают путешествия в Китай, на Филиппины, в Японию. Они мотивировались разными обстоятельствами, в том числе военными компаниями. В одной из них и оборвалась жизнь художника и ученого.

Пример социокультурного интереса к Евразии дал Н. Рерих. Духовная деятельность Рерихов стала предметом исследований В. Иванова, Э. Гоппербаха, А.С. Баранова, П.Ф. Беликова, Н.П. Германова, С.Я. Ермоловича, В.П. Князева, М.Н. Чирятьева, Л.В. Шапошникова.

В 1919 г. Н. Рерих с семьей прибыл в Лондон для организации поездки в Индию. Здесь он принял участие в оформлении сценических постановок русских сезонов С.П. Дягилева и познакомился с Р. Тагором. Затем Н. Рерих посетил США, где активно пропагандировал русское искусство. Он мог жить в Европе, или в США, где его творчество имело признание и значительные материальные возможности, но выбрал Восток.

В 1923 году Н. Рерих с семьей приехал в Индию и посетил города Бомбей, Джайпур, Агру, Сарнатх, Бенарес, Калькутту, Дарджилинг. В Индии он провел большую подготовительную работу для организации экспедиции по Центральной Евразии, посетив с этой целью США и Европу для оформления необходимых документов, поскольку официально экспедиция осуществлялась от имени США. Маршрут экспедиции проходил через Кашмир, Синьцзян, Москву, Сибирь, Алтай, Монголию, Тибет. Ее география охватила Индонезию, Цейлон, Мадрас. Завершилась экспедиция в 1928 году.

В ходе экспедиции были проведены археологические и этнографические исследования Евразии, найдены редкие манускрипты, собраны лингвистические материалы, произведения фольклора, описаны местные обычаи. Концентрированно результаты исследований были отражены в книгах Н. Рериха: «Сердце Азии» и «Алтай – Гималаи»[2] Не менее важным итогом стала живопись. Евразийские экспедиции Н. Рериха вызвали много толкований по поводу их истинной мотивации. Интерпретации варьируются от коммерческой заинтересованности до увлечения эзотерикой Тибета и спиритизмом. Так, неоднозначно оценивалась и отвергалась в СССР идея Н. Рериха о возможности синтеза буддизма и коммунизма.

В Индии Н. Рерих открыл институт Урусвати. В нем были созданы медицинская, зоологическая, ботаническая, биохимическая лаборатории; оформлены ботанические и зоологические коллекции, переведены на европейские языки редкие письменные источники. Это обеспечило возможность систематизировать обширный научный материал, собранный во время экспедиции. Результаты исследований поступали во многие университеты мира. С институтом сотрудничали крупные ученые – Л. Де Бройль, Н.И. Вавилов, А. Эйнштейн.

На уровне философской рефлексии в русле идей русского космизма, Н. Рерих обосновал проект Живой Этики. Его концептуальная часть построена на понятиях космической эволюции, культуры, красоты, творчества[3]. В практической части проекта предполагалась реализация общечеловеческой стратегии гармонии мира через поддержку национальных и международных структур. Формой представления Живой Этики стала выставочная деятельность Н. Рериха. На фоне техногенной цивилизации предпочтение отдавалось культуре, духовному миру современного человека.

Н. Рерих постоянно жил на территории Индии в Северных Гималаях. За двенадцать лет он создал множество картин. Во время Великой Отечественной войны часть картин была выставлена на продажу, а деньги переведены советскому Красному кресту. В художественных произведениях получила реализацию патриотическая тематика. В это время родилась идея создания Индо-Русской культурной ассоциации, чему способствовало общение Н. Рериха с Дж. Неру.

В 30–40-е годы XX века военно-патриотическая тематика объединила советский, китайский и монгольский народы, что выразилось в борьбе против японской оккупации. Этому способствовали дипломатические усилия и международные договоры. 12 марта 1936 года между Советским Союзом и Монгольской народной республикой был заключен Протокол о взаимопомощи. Когда в 1939 году армии Японии и марионеточного государства Маньчжоу-Го вторг-

[1] В.В. Верещагин и Восток. – Череповец, 2016.

[2] Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. – М., 1974.

[3] Рерих Н.К. Зажигайте сердца. – М., 1975.

лись на территорию Монголии, первая армейская группа под командованием Г. Жукова поддержала монгольскую армию. В результате боев на реке Халхин-Гол японские и маньчжурские войска были остановлены.

По факту агрессии фашистской Германии против Советского Союза состоялось объединенное заседание Президиума Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Президиума Малого Государственного Хурала МНР и Совета министров МНР. Была выражена поддержка СССР и принято решение об оказании помощи в борьбе против гитлеровской Германии.

По призыву правительства МНР начались массовые пожертвования в фонды помощи Советской Армии. В аймаках были созданы бригады по заготовке пушнины и мяса, теплой одежды. Осенью 1942 года из города Ховд вышел караван из 1200 верблюдов с вещами для Красной Армии. Монголия внесла вклад в обеспечение Красной Армии вооружением и стала основным поставщиком лошадей. В январе 1942 года был объявлен сбор средств на приобретение танков. В результате была сформирована колонна «Революционная Монголия» из тридцати двух танков.

Танки имели персональные названия. Колонна вошла в состав 112-й Краснознаменной танковой бригады. Она сражалась за Тулу, за Москву. Монголия передала СССР 237 вагонов продовольствия и снаряжения. До конца Великой Отечественной войны Монголия осуществляла полное обеспечение танковой бригады продовольственным и вещевым довольствием. В 1943 году была реализована идея формирования авиационной эскадрильи под названием «Монгольский арат». И.В. Сталин выразил благодарность руководству МНР за оказанную помощь в формировании эскадрильи[1]. Передача двенадцати самолетов советскому командованию состоялась на полевом аэродроме на станции Вязовая под Смоленском 25 сентября 1943 года.

Продовольственная помощь, оказанная Монголией Красной Армии, практически равнялась поставкам продовольствия из США. В поддержку СССР в Монголии был принят закон о всеобщей воинской обязанности. Монгольская армия контролировала границу с Китаем. Это позволило передислоцировать несколько советских дивизий с Дальнего Востока в европейскую часть СССР. Вместе с советской армией в освобождении Китая от японских завоевателей участвовали монгольские войска.

Позитивный межгосударственный диалог в годы второй мировой войны характеризовал отношения СССР с Китаем. В мае 1938 года в Китай приехали первые советские военные советники. За ними последовали сотни человек, включая наземный технический персонал, специалистов по аэродромному обслуживанию, инженеров и рабочих по сборке самолётов. В августе 1939 года советские военные специалисты помогли Китаю открыть в Инине авиационную школу. Часть китайских летчиков прошла непосредственное обучение в Советском Союзе. В 1937–1942 годах на территории Китая воевали тысячи советских добровольцев2. В воздушных боях над китайскими городами участвовали советские летчики-добровольцы. Сотни из них погибли. В КНР им воздвигнуты памятники. За боевые заслуги в боях в Китае четырнадцать советских летчиков-добровольцев были удостоены звания Героя Советского Союза.

Таким образом, история межкультурного диалога евразийских народов дает немало примеров стремления к сотрудничеству, взаимной помощи и реализации общих региональных интересов.

[1] Семенов А.Ф., Дашцэрэн Б. Эскадрилья «Монгольский арат». – М., 1971.

[2] Окороков А.В. Русские добровольцы. – М., 2007.

Максимцев И.А.
д.э.н. профессор, ректор СПбГЭУ
Межевич Н.М.
д.э.н., профессор СПбГУ

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *международные отношения, региональное развитие, новый регионализм, европейская экономика.*

Одной из характерных черт развития международных отношений (МО) в послевоенный период явилось повышение роли регионального и субрегионального уровней мировой системы, где формировались относительно самостоятельные подсистемы. СССР в своем довоенном качестве мог претендовать на статус идеологической альтернативы, но никак не на ранг региональной подсистемы международных отношений. К концу 40-х годов социалистический блок государств сформировался именно как самодостаточная часть системы международных отношений. Подчеркнем, имеющая масштабные связи с мировой системой, но обладающая самостоятельностью в управлении. Именно по такой модели начиналась европейская интеграция, не претендующая изначально на статус «модели».

Значимость регионального уровня резко упала после постепенного разрушения конфронтационной модели в международных отношениях. Квазиидеология глобализации заменила традиционный набор приоритетов развития как на Западе, так и на Востоке.

Однако в последние годы, а еще точнее в 2016 году стало очевидно, что произошли масштабные изменения в структуре, географии, модели управления мировой экономикой. Столь же очевидно и то, что теоретическое осмысление указанных изменений несколько отстает от текущих практик. Концепция глобализации, вероятно, стала адекватным по времени и по теоретическому содержанию отражением экономических процессов, проходящих начиная с конца 80-х и включенных в научный оборот в России в начале 90-х годов прошлого века[1]. После достаточно активных дискуссий сложилось классическое экономическое определение глобализации, предполагающее, что глобальная экономика «в реальном времени работает как единое целое в мировом пространстве,… касается ли это капитала, менеджмента, труда, технологии, информации или рынков»[2].

Современные экономические практики в сопоставлении с этим определением свидетельствуют о том, что эпоха глобализации завершается, или, как минимум, она (глобализация) находится в процессе сложной трансформации. Новый протекционизм, а значит, и регионализм, затрагивает не только традиционные сферы, такие как рынки товаров или финансовые рынки, но и распространение информации, в т.ч. и через Интернет.

Дискуссия о глобализации неизбежно связывается с общенаучным спором о статусе государства, его возможности реагировать на новые вызовы. На протяжении примерно тридцати последних лет правовые нормы, экономические и политические практики, ассоциируемые с суверенитетом, подвергались сомнению именно в контексте глобализации.

С одной стороны, в современных условиях исследование мировой экономики с «государствоцентричных позиций» уже не является единственным возможным подходом к исследованию мировой экономики и международных отношений. С другой стороны, мы помним, что государство не всегда было единственным актором международных отношений. Его значение было ключевым в вестфальской, версальско-вашингтонской, ялтинской системе международных отношений. Однако, это только три с половиной века истории.

Эволюция статуса государств как международных акторов – процесс постепенный и имеющий значимое историческое измерение. При этом если в течение длительного довестфальского периода, шла медленная кристаллизация политико-правового статуса государств, то период с 1648 года до конца XX века мы можем определить как «золотой век государств». «В Европе периода Нового времени оказалось неспособной к самостабилизации старая форма империи, объединяющей множество народов, – империи, продолжавшей существовать в виде старой Римской империи германской нации или Российской и Османской империй. Среднеевропейский пояс городов дал вторую, федеративную структуру формирования государств. Прежде всего, в Швейцарии возникла такая федерация, которая оказалась достаточно сильной для того, чтобы снять этнические напряжения мультикультурного гражданского союза. Но лишь третья форма – централизованное территориальное государство – для европейской системы государств надолго приобрела структурирующую силу»[3].

---

[1] Литовка О.П., Межевич Н.М. Глобализм и регионализм – тенденции мирового развития и фактор социально-экономического развития России. – СПб.: ИПРЭ РАН, 2002.

[2] Castells M., Hall P. Technopoles of the World. – London; New York. 1994. – P. 3.

[3] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995. – С. 211.

Попытка оспорить эту тенденцию, акцентируя внимание на технологических и экономических аспектах глобализации, привела к тому, что глобальное неравенство, во-первых, стало больше, во-вторых, стало очевидным для большинства ученых и экспертов.

В характеристиках процессов глобализации можно проследить наличие взаимосвязей между глобализацией и регионализмом. Поскольку государства современного мира различаются по масштабам и уровню социально-экономического развития, можно предположить, что результаты воздействия глобализации на отдельные страны и группы стран не одинаковы. Более того, в крупных странах тенденция глобализации вызывает неодинаковые последствия в различных регионах. Все это требует учета именно региональных особенностей экономического развития[1].

В настоящее время весьма распространенной стала следующая позиция: «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации»[2]. Эта позиция разделяется и рядом российских экспертов, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию в ограниченных масштабах[3]. Такая трактовка парадигмы «глобализма-регионализма» встречается и в России, и на Западе. При этом, очевидно, что экономическая модель региона, как части мирового хозяйства, получает права на жизнь даже в условиях Российской Федерации. С нашей точки зрения глобализация и регионализм – понятия взаимосвязанные. Одновременное существование тенденций регионализма и глобализации в современном мире и их взаимозависимость приводит к ослаблению роли государства. Эффект децентрализации при этом может рассматриваться и как последствие глобализации, и как последствие регионализации. Одно из важнейших направлений такой трансформации – ренессанс регионализации. Новая регионализация – закономерная реакция на провал глобализации. Двадцать лет назад М. Альброу писал: «глобализация – совокупность всех процессов, посредством которых происходит инкорпорация населения планеты в единое мировое сообщество, глобальное сообщество»[4]. Согласимся и зададим вопрос, в какой степени за прошедшие двадцать лет сложилось мировое сообщество?

Единый рынок не выстраивается, и это относится не только к Америке и Европе, но и к системе связей между Германией и Польшей. В области экономической интеграции Брюссель неоднократно подавал сигналы, предполагающие углубление сотрудничества. Это обстоятельство позволяло предположить то, что интеграционные процессы между ЕС и Россией можно будет рассматривать как одно из достижений, закладывающих фундамент взаимного экономического роста[5]. Однако сегодня дискуссию об эффективной интеграции Европы и России следует считать закрытой. К сожалению, пусть и не сразу, но победила негативная точка зрения на перспективу отношений России и ЕС. «Политика ЕС в отношении России основана на том, что Россия должна привести свою национальную политическую, экономическую и социальную модель в соответствии с западноевропейскими нормами, при этом участие России в определении этих норм не рассматривается»[6]. Интеграция в статусе Македонии или Литвы не устроила Россию. Возник конфликт, внесший свой вклад в новую модель международных отношений и мировой экономики складывающуюся после 2016 года.

Мировая экономика достаточно долго развивалась под влиянием научно-технического и экономического прогресса Европы. Однако последние годы убедительно свидетельствуют о том, что прежнее понимание глобализации и роли экономики Европы в ней постепенно утрачивается. Эта позиция аргументируется не нами, а прежде всего, европейскими учеными и экспертами[7]. Не случайно главный экономический обозреватель Financial Times – Мартин Вулф считает, что «если правящие элиты по-прежнему не смогут предложить убедительных решений, их может скоро смести – а вместе с ними и попытки объединить демократическое самоуправление с открытым мировым порядком, основанным на сотрудничестве»[8]. Лидирующая роль Европы базировалась на мощной самоинтеграции и интеграции сопредельных пространств. При этом сложная внутрирегиональная структура Европы как минимум сохранялась.

В Европе в начале 1990-х годов был осуществлен переход к новому качеству интеграции (трансформация Европейского экономического сообщества в Европейский Союз), но затем в 1995–2013 гг. число стран участников увеличилось почти в два раза. Таким образом осуществлять успешную интеграцию на качественно новом уровне становилось все труднее. Была сделана попытка одновременно решить две стратегических задачи:

Во-первых, качественно углубить интеграцию, рывком перейти к фактически федеративному государству.

Во-вторых, включить в Европейский Союз всех желающих. В том, числе те страны, где к еврооптимистам относилось около половины населения.

---

[1] Горбашко Е.А., Дюков И.И., Туманов К.М. Конкурентоспособность стран. Ее оценка и роль в преодолении последствий экономического кризиса // Стандарты и качество. – М., 2009. – № 10. – С. 66–71.

[2] Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics / Ed. by Fawcett L., Hurell A. Oxford University Press, 1995. – P. 26.

[3] Долгов С.И. Глобализация экономики. Новое слово или новое явление. – М., 1998. – С. 13.

[4] The Globalization of World Politics. An Introduction to International relations / Ed. by J. Baylis, St. Smith. Oxford University Press, 1997. – P. 9.

[5] Максимцев И.А. Глобализация и перспективы развития российско-европейских интеграционных процессов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2006. – № 1. – С. 18–29.

[6] Максимцев И.А., Горобашко Е.А., Гаранина О.Л. Международная интеграция России: реалии и перспективы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2004. – № 1. – С. 25

[7] European Union in the World 2025. Scenarios for EU relations with its neighbours and strategic partners / Ed. by M. Sus, F. Pfeifer. Dahrendorf Forum, 2016.

[8] Аналитик: мировым элитам пора реформировать капитализм. – http://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/analitik-mirovym-elitam-pora-reformirovat-kapitalizm.d?id=47700721

Каждая задача по отдельности, возможно, могла быть решена, обе одновременно – нет. Мировой экономический кризис четко обозначил масштаб реальных проблем Европы. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами разворачивается кризис конкретной практики ее реализации в экономической сфере. Предпосылки кризиса достаточно разнообразны. Прежде всего, следует помнить то, «интеграция приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации»[1]. Если же результаты отсутствуют или являются обратными к интеграции как процессу и цели экономического развития, то неизбежно возникает разочарование, хорошо заметное в Европе в настоящее время.

Современное геоэкономическое пространство развивается по своим законам и правилам, одно из которых связано с тем, что глобальный рынок всегда выгоднее национального или регионального в силу его масштабов. Границы экономического или экономико-географического пространства, или какого-то отраслевого рынка уже давно не совпадают с территорией отдельного государства. Произошел переход от системы «рынок – государство» к системе «много государств (но не все государства) – один рынок». Одновременно, проблемы ведущих государств становятся проблемами всех. Глобализация рассматривалась именно как инструмент нового баланса между технологическим прорывом и гуманитарными, общечеловеческими ценностями. Глобализация должна была обеспечить эффективное экономическое развитие для всех или почти для всех. Этого тоже не произошло. Попытка оказалась, как минимум, спорной с точки зрения конечного результата.

Рассматривая текущую ситуацию в мировой экономике, следует вспомнить и то, что 2016 год с точки зрения МВФ не обещал быть легким: «Риски для мировых перспектив все еще смещены в сторону снижения роста и связаны с продолжающимися корректировками в мировой экономике: общим замедлением роста в странах с формирующимся рынком, перебалансировкой в Китае, снижением цен на биржевые товары и постепенным ужесточением необычно мягких денежно-кредитных условий в США. Если трудности, связанные с этими ключевыми процессами, не будут успешно преодолены, мировой рост может застопориться»[2]. В настоящее время уже очевидно, что речь идет не о том, что устойчивый рост в мире в целом и в Европе в частности закончился. Среди текущих оценок наиболее оптимистичной выглядит следующая: «Глобальный процесс восстановления продолжается, но все более медленными и неровными темпами»[3].

Применительно к Европе одной из причин экономического кризиса является пренебрежение региональной спецификой, расчет на существование какой-то универсальной экономической модели. Т.А. Романова так пишет о причинах кризиса евроинтеграции: «Первая – отказ стран членов зоны единой валюты от монетарного инструмента воздействия на рынок, но сохранение свободы действий в определении фискальной политики, в стоимости рабочей силы и в социальной политике». Эта позиция достаточно очевидна, и имеет прямое отношение к рассматриваемой в статье научной проблеме. Следует обратить внимание и на вторую проблему «отсутствие сближения стран-участниц зоны евро в сфере конкурентоспособности, производительности и стоимости труда, недостаточная синхронизация их экономических циклов»[4].

Рассмотрим эту ситуацию на конкретном примере. Повышение стоимости рабочей силы при сохранении производительности делает нерентабельным производство в Эстонии, Латвии, Литве. Рекомендации МВФ вызывают неприятие даже в Прибалтике, казалось бы, привыкшей к любым внешним и внутренним экономическим экспериментам. С другой стороны, пример Польши показывает то, что был сделан стратегически верный выбор на сохранение национальной валюты и, соответственно, национальных конкурентных преимуществ[5]. Вообще же пренебрежение национальной и региональной спецификой, «головокружение от успехов» стало отличительным признаком глобализации в ее практике начала XXI века.

Регионы, страны и границы пережили эпоху их забвения, впрочем, очень короткую. В этом контексте отметим, что не Россия развеяла европейские мечты о будущем, в котором постмодернистский остров ЕС раскинется на весь континент[6], а сама Европа сделала все для разрушения этого проекта. «В развитии Европейского союза …. завершился период отрицания, когда хорошим тоном было делать вид, что происходящее – не более как временные трудности и издержки роста»[7]. Главное, тем не менее, лежит в экономической сфере. В Европе деградируют именно те отрасли, которые создали ей заслуженную славу. Безусловно, мы должны понимать, что кризис европейской интеграции это не только экономика, но определяющее значение экономической интеграции, ее успехов и поражений признают не толь-

---

[1] Бусыгина И. Ассиметричная интеграция в Евросоюзе. – http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm

[2] Перспективы развития мировой экономики. Обзоры мировой экономики и финансов. / International Monetary Fund. 2016. – январь. – С. 2.

[3] Там же, с. XIII.

[4] Романова Т. Кризисы Европейского Союза и его будущее // Валдайские записки. 2016. – № 54. – С. 5.

[5] Максимцев И.А., Королева А.В., Сирота Н.П. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Европейского Союза в регионе Балтийского моря. Монография / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – СПб., 2016; Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века вторых республик. Монография. – М.: Русская книга, 2016. – С. 185–190.

[6] Крастев И., Леонард М. Новый европейский беспорядок. – http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-evropeiskii-besporyadok-17196

[7] Лукьянов Ф. 2015: попытка найти позитив // Российская газета. – М., 2015. – 3 декабря. – http://www.rg.ru/2015/12/23/kolonka.html

ко экономисты. В контексте данной статьи не менее важно и понимание того факта, что Европа, как макрорегион, вошла в период масштабных изменений, динамику которых необходимо исследовать именно в контексте регионоведения в целом.

Отметим и то, что процессы регионализации показали, что новым пространством притяжения становится Евразия, а не Европа. Именно здесь находится центр конкуренции для одних и сотрудничества для других мощных геополитических игроков. Огромная, богатая ресурсами территория способна не только связать Восток и Запад, став поистине исполинским мостом, но и выступить новым игроком в новом качестве. Но как, на каких и на чьих условиях это будет происходить? Да, интерес крупнейших держав огромен, но могут ли они, как о том мечтали многие теоретики и политики-идеалисты последней четверти века, найти общий язык, построить «общий дом» в условиях общей же политической и экономической турбулентности, которая лишь усиливается? Каковы условия достижения экономического прогресса? С нашей точки зрения учет региональных особенностей, специфики национальных экономических моделей необходим для выстраивания экономической и политической интеграции. Укажем на то, что эффективный учет региональной специфики, как научная задача, возможна в рамках комплекса подходов современного регионоведения.

Новая регионализация оформляется через четыре главных тенденции:

1. Тенденция к размыванию границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность крупных регионов и других объектов федеративных государств непосредственно влияет и на международную жизнь и на внутреннюю политику.

2. Государства или даже группы государств, сохраняя формальный суверенитет, утрачивают влияние как на мировую экономику, так и на экономику национальную.

3. Расширение состава и рост многообразия экономических и политических акторов.

4. Изменения в содержании угроз международному миру и расширение понятия безопасности на региональный и субрегиональный уровень.

Подведем итоги. Американские и европейские постмодернисты считали, что географические карты, национальная специфика, региональная история вышли из моды, их вытеснили экономические диаграммы, иллюстрирующие финансовую и коммерческую взаимозависимость всего мира. Однако события последних лет показывают, что это не так. Региональная специфика – специфика национальных экономических моделей неизбежно будет определять характер глобального развития.

Малько А.В.
Елистратова В.В.[1]

ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, глобализация, межгосударственное объединение, правовое обеспечение, правовая система, правовая политика, судебная система, государственный суверенитет, унификация, гармонизация, Европейский Союз, наднациональная правовая жизнь.*

Keywords: *Eurasian Economic Union, Euroasian integration, globalization, interstate consolidation, legal support, system of law, policy of law, judicial system, state sovereignty, unification, harmonization, European Union, supranational legal life.*

Процессы глобализации и активное использование потенциала интеграционных связей оказывают большое влияние на наднациональную правовую жизнь современного общества. Актуальность наднационального регулирования в рамках межгосударственных структур неуклонно возрастает в связи с его активной ролью в выстраивании глобального правопорядка. Наднациональность, как ответная реакция на вызов стремительно развивающейся глобализации, представляет форму реализации государственного суверенитета, а также метод обеспечения эффективного сотрудничества суверенных государств.

Одним из важнейших способов позитивного развития правовой жизни государств и всего мирового сообщества становится ее целенаправленное правовое регулирование посредством грамотной правовой политики и творческого использования апробированного правового опыта межгосударственных структур[2]. Использование инструментария интеграционного права способствует обеспечению баланса национальных, наднациональных и интернациональных интересов государств, а также необходимой в условиях глобализации адаптации государств к ее негативным проявлениям.

В мировых интеграционных процессах достаточно активно используется правовой опыт Европейского Союза, который выступает примером широких возможностей и потенциала межгосударственной интеграции. Неслучайно А.В. Авдийский охарактеризовал данное межгосударственное объединение как стратегически дальновидный пример для сглаживания «острых углов» глобализации[3]. Значимость и широкое применение опыта Европейского Союза объясняется его влиянием как на международное, так и на конституционное право. В рамках Европейского Союза заложены общие тенденции развития современного права, позволяющие делать прогнозы в сфере объединения государств. Основным инструментом правовой политики ЕС на настоящем этапе является сближение национального права государств-членов, в результате которого правовая жизнь мирового сообщества наполняется новым содержанием.

Сближение права и взаимодействие правовых систем современности – явление актуальное для развития права в XXI веке. Глобализация стимулирует ускорение процессов универсализации в области права и деятельности государственных органов[4]. Сближение права означает курс государств на согласование принципов правового регулирования на основе норм международного права, определение этапов, способов и совместных мер по развитию национальных законодательств, курс на выработку общих правовых позиций. Цель сближения права – добиться согласованности, стройности, как минимум непротиворечивости в системе права и в наиболее его формализованной части, в законодательстве. Этот термин является обобщающим понятием по отношению к гармонизации, координации и унификации, обозначающим процесс согласованного правового развития государств в рамках мировых интеграционных процессов.

В интеграции стран на постсоветском пространстве ведущая роль отводится именно России как естественному ядру объединительных процессов. Сегодня, в условиях напряженной политической обстановки в мире, эта миссия становится еще более значимой. Содружество Независимых Государств пока не превратилось в полноценный и эффективный институт управления странами постсоветского пространства. Союзное государство России и Белоруссии,

---

[1] Малько Александр Васильевич – д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», директор Саратовского филиала Института государства и права РАН. E-mail: i_gp@ssla.ru

Елистратова Валентина Владимировна – к.ю.н., докторант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии. E-mail: v.elistr@yandex.ru

[2] См. подробнее: Malko A., Elistratova V. Die Eurasische Wirtschaftsunion: Die Verwendung der europäischen rechtlichen Erfahrung der zwischenstaatlichen Integration // Rechtspolitisches Forum. – Trier, 2014. – S. 7–17.

[3] См.: Авдийский В.И. Национальная экономическая безопасность в условиях глобализации // Международное публичное и частное право. 2012. – № 2. – С. 9.

[4] См.: Хижняк В.С. Международно-правовая жизнь // Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты: монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А.В. Малько. – М., 2016. – С. 170.

продемонстрировав достаточно высокий уровень сближения государств, устанавливает лишь двусторонние связи. Рамки Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза, Единого экономического пространства оказались недостаточными для создания максимально действенной модели управления интеграционными процессами.

Будущее государств постсоветского пространства связано с процессом их дальнейшего единения, установлением прочных, взаимовыгодных многосторонних отношений. Создание экономически и стратегически выгодных альянсов – это тоже глобализация, но для процветания наших стран[1]. Формирование и функционирование межгосударственных структур на постсоветском пространстве – процессы, имеющие свои специфические черты. Эффективная практическая реализация целей и задач существующих объединений государств различного уровня с участием Российской Федерации предполагает поиск оптимального сочетания национальных и интернациональных интересов на основе продуманной правовой политики в данной сфере.

Евразийская региональная интеграция предполагает альтернативный глобализации путь развития межгосударственных связей. Р.А. Курбанов отмечает, что исторические предпосылки взаимодействия государств в рамках региональных объединений на евразийском пространстве, в отличие от других регионов мира, составляют прочную основу плодотворного и успешного развития интеграционных процессов[2]. Евразийская доктрина позиционируется сегодня в качестве одного из принципов внешней политики современной России.

29 мая 2014 года в Астане (Казахстан) подписан договор о создании Евразийского экономического союза. С 1 января 2015 года ЕАЭС начал функционировать в составе России, Белоруссии и Казахстана. Со 2 января 2015 года членом Евразийского экономического союза стала Армения, а с 8 мая 2015 г. – Киргизия. Союз открыт для присоединения к нему других государств. «И сегодня, когда перед нами вновь возник цивилизационный ориентир – пока в виде Евразийского экономического союза, а далее… не только экономического, – появился сам собой весьма четко привлекательный интегрирующий образ России»[3]. Кроме того, формирующееся наднациональное право Союза характеризуется более глубокой интегрированностью правовых взаимоотношений между странами-субъектами, что значительно усиливает их защитный потенциал в связи с угрозами экономического кризиса.

Евразийский экономический союз за достаточно короткое время органично вписался в процессы современной экономической и политико-правовой жизни его государств-членов. Этому предшествовала огромная работа в рамках различных интеграционных структур на постсоветском пространстве. ЕврАзЭС, выполнив свою историческую миссию, передало эстафету новому интеграционному объединению. Создание Союза имеет историческое значение для будущего его государств-членов и других стран, которые в перспективе будут к нему присоединяться. Евразийский экономический союз сможет на равных конкурировать и сотрудничать с остальными полюсами современного многополярного мира, что выводит наши страны на принципиально новый интеграционный уровень и пробуждает к жизни совершенно иную геоэкономическую реальность XXI века[4].

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что наиболее оптимальное развитие евразийских интеграционных процессов и их перспективы связаны именно с эффективным функционированием Евразийского экономического союза. Он задуман, прежде всего, как пространство экономического взаимодействия. Это находит отражение в самом названии межгосударственного объединения. Создание экономических альянсов, союзов, объединений есть естественное проявление глобализации, поскольку ее самый мощный фактор – именно экономический. Экономическая интеграция государств позволяет путем объединения усилий заинтересованных государств достичь больших экономических успехов в каждом из договаривающихся государств. Об этом ее преимуществе свидетельствует рост числа региональных экономических образований в международном сообществе[5]. Достижения в сфере экономики, несомненно, повлекут за собой развитие интеграционных процессов и в иных областях сотрудничества, в том числе и политической.

Евразийский экономический союз призван реализовать новые возможности в интеграции на постсоветском пространстве. Он впитает многое от Европейского Союза, но не станет его аналогом. Это и не попытка воссоздания СССР. Это новая форма межгосударственного объединения со свойственными ей особенностями.

Позитивная динамика в развитии Евразийского экономического союза возможна лишь при реализации продуманной, адекватной, разноуровневой правовой политики как средства организации правовой жизни в условиях равноправного сотрудничества государств-членов. Правовая политика в данной сфере направлена на установку определенных правил, четких ориентиров, которые будут способствовать целям Союза. Юридические средства достижения этих целей устанавливаются также в рамках правовой политики. Сегодня выстраиваются ее приоритеты.

На современном этапе следует разработать основы качественного правового обеспечения деятельности ЕАЭС именно с применением положительного опыта существующих на постсоветском пространстве межгосударственных объединений и организаций, а также Европейского Союза. Необходимо выявить эффективные средства правового обеспечения деятельности новой наднациональной модели на основе продуманной правовой политики. Требуется научное осмысление правовой основы и четкое определение ее природы, правовое прогнозирование развития интегра-

---

[1] См.: Авдийский В.И. Указ. соч., с. 10.

[2] См.: Курбанов Р.А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. – М., 2015. – № 9. – С. 71.

[3] См.: Мурадов Г.Л. Кризис идентичности в Европе и на постсоветском пространстве: влияние на интеграционные процессы // Международная жизнь. – М., 2014. – № 1. – С. 97.

[4] См.: Мансуров Т.А. ЕврАзЭС: от интеграционного сотрудничества к Евразийскому экономическому союзу // Международная жизнь. – М., 2014. – № 10. – С. 33.

[5] См.: Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. – М., 2013. – № 10. – С 134.

ционных процессов. Большое значение будут иметь рекомендации и предложения ученых, направленные на совершенствование организационно-правового механизма Евразийского экономического союза. Важно также определение основных тенденций в сфере межгосударственного объединения[1].

Особую значимость имеет изучение и осмысление такого аспекта заявленной проблемы, как правовая природа и форма новой модели интеграции на постсоветском пространстве, поскольку именно от формы межгосударственного объединения зависит реализация его практических целей и задач. Теоретическую разработку данного аспекта можно также рассматривать как важный вклад в общую теорию права и государства, а именно в развитие категории «формы межгосударственного объединения».

Анализ различных видов межгосударственных союзов на постсоветском пространстве, рассмотрение их наиболее существенных характеристик в историческом аспекте поможет определить возможности использования их правового опыта в современной евразийской интеграции в свете становления правовой системы[2].

Именно от решения проблем правового обеспечения деятельности ЕАЭС зависит достижение целей Союза. Широкое понимание такой категории как «правовое обеспечение» сегодня не сводится лишь к созданию нормативно-правовой базы, гарантирующей функционирование межгосударственного объединения. Правовое регулирование является лишь частью правового обеспечения. Поскольку правовая система выступает как организующее начало правовой жизни общества, эта категория играет ключевую роль и в интеграционных процессах. Поэтому формирование правовой системы Евразийского экономического союза следует рассматривать как важнейшую проблему правового обеспечения деятельности данного межгосударственного объединения.

Правовая политика как феномен практики и, особо, как фактор формирования правовой системы Евразийского экономического союза – достаточно гибкий процесс целенаправленной трансформации постоянно меняющихся социальных связей. Только с ее помощью можно выстроить полноценную и эффективную правовую систему Евразийского экономического союза, организовать формирующееся евразийское правовое пространство. Научное осмысление сложной и многогранной природы правовой системы ЕЭАС через призму правовой политики направлено на активное внедрение научных результатов в практическую деятельность наднациональных органов и иных управленческих структур Союза.

Именно правовая политика в области интеграции государств-членов ЕАЭС является важнейшим фактором формирования его правовой системы**.** Первичным звеном здесь должно стать именно союзное законодательство как ведущий фактор в повышении качества правовой жизни. На передний план выходит деятельность по созданию и совершенствованию базы договоров между государствами-членами Евразийского экономического союза. Поскольку это межгосударственное объединение определяется как экономический союз, в первую очередь предполагается целый блок нормативных договоров в сфере экономики. Здесь нужна строгая последовательность правотворческих шагов и четкая система действий.

Правовая политика в сфере создания Евразийского экономического союза направлена на формирование единой договорно-правовой базы. Все процессы ее создания должны быть тесно связаны с достижениями юридической науки как одного из важнейших элементов правовой жизни. Следует разработать положения о наиболее оптимальных способах сближения права, ориентированных на согласование государствами-членами Союза принципов правового регулирования на основе норм международного права, определение этапов, способов и совместных мер по развитию национальных законодательств, курса на выработку общих правовых позиций. В основу договорно-правовой базы следует заложить стремление к оптимальному соотношению частных и публичных интересов, что отражает общий курс правовой жизни на удовлетворение интересов ее субъектов.

Формирование единой правовой системы получит свое реальное воплощение в конкретных шагах государств-членов по унификации нормативных регуляторов. Необходимо учитывать реально сложившийся уровень интеграционных отношений между государствами на современном этапе, который должен отражаться в деятельности по унификации и гармонизации имеющегося законодательства.

Гармонизация и унификация юридических норм представляют основные способы сближения правовых систем. Использование и повышение роли такого средства согласования международного и национального права, как унификация, является характерной чертой современного уровня межгосударственной интеграции[3]. «Унификация права в широком значении заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и развития регулируемых национальным правом отношений»[4].

Гармонизация права, как один из способов его сближения, характеризуется отсутствием обязательности достижения полного единообразия в правовом регулировании. Она не означает отказ от специфики национальных правовых традиций, отражающих разнообразие и уникальность организации жизни в разных государствах. Гармонизация права предполагает обязанность государства при разработке национального законодательства следовать определенному

---

[1] См.: Малько А.В., Елистратова В.В. К проблеме формирования Евразийского экономического союза как новой модели межгосударственного объединения // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. – № 1. – С. 10.

[2] См. подробнее: Малько А.В., Елистратова В.В. Об использовании правового опыта межгосударственной интеграции при создании Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2014. – № 2. – С. 40–43.

[3] См.: Волошин Ю.А. Средства взаимодействия правопорядков межгосударственных объединений и государств-членов: проблемы теории и практики // Новая правовая мысль. 2011. – № 6. – С. 47.

[4] Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. – М., 2013. – № 10. – С. 137.

принципу правового регулирования в соответствии с международным договором. Конечная цель гармонизации права – установление единого результата действия нормы права. Гармонизация как более простой процесс, не связывающий государства жесткими юридическими обязательствами, часто является более предпочтительной и реально способствует сближению права. Будучи способом обеспечения единства в многообразии, она предполагает согласование концепций и программ правового развития, выработку общих нормативных понятий и оценок, а также упорядоченность правовых действий.

Осуществление эффективной межгосударственной интеграции в рамках Евразийского экономического союза обязательно предполагает создание организационно-правового механизма гармонизации законодательства государств-членов. Опыт европейского межгосударственного объединения показывает, что именно законодательная деятельность органов ЕС на основе гармонизации права привела к наиболее высокой степени интеграции[1]. Благодаря процессам гармонизации в рамках ЕС удалось создать общий, а затем единый рынок. Законодательная деятельность органов Евразийского экономического союза потребует поиска соответствующих форм и методов гармонизации права.

Стремление к сближению, унификации и гармонизации права отражено в статье 2 Договора о Евразийском экономическом союзе в ключевых понятиях единой, скоординированной и согласованной политики в рамках Союза. Под единой политикой понимается «политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий». Скоординированная политика означает «осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза». Согласованная политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагает «гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза»[2]. Очевидно, что сами процессы глобализации подсказывают средства оптимального правового регулирования деятельности ЕАЭС. Договор о Евразийском экономическом союзе построен на международно-правовых принципах. Союз осуществляет свою деятельность и участвует в международных отношениях на правах международной организации[3]. Однако можно с уверенностью констатировать, что его система наднациональных органов уже указывает на конкретную форму межгосударственного объединения. Основными наднациональными органами управления ЕАЭС являются Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза.

Важнейшей проблемой правового обеспечения функционирования Евразийского экономического союза в его структуре является действенный наднациональный парламент. Здесь важно учесть явно недостаточную эффективность простой формы парламентского органа в практике СНГ и других региональных организаций на постсоветском пространстве, а именно органа межпарламентского сотрудничества. Его недостаток связан с рекомендательным характером принимаемых решений.

Евразийскому экономическому союзу требуется более «авторитетный» парламентский орган. Создание органа нового типа позволит придать необходимый импульс интеграционному процессу, особенно в части укрепления его правовой основы и повышения его легитимности, а также будет способствовать усилению демократических начал концепции организационно-правового механизма евразийской интеграции[4]. Опыт ЕС показывает, что формирование наднационального парламентского органа не должно приводить к полному исключению национальных парламентов из процесса подготовки и принятия решений в интеграционной организации, поскольку государства-члены не утрачивают своего суверенитета, а национальные парламенты сохраняют право контроля внешней политики своих государств.

В целях организации успешной деятельности Евразийского экономического союза необходимо разработать систему гарантий для его участников. Сюда следует отнести, прежде всего, гарантии защиты национального суверенитета государств-членов в рамках Союза, обеспечения их равноправного членства, соблюдения баланса публичных и частных интересов всех участников. Эти меры, несомненно, будут способствовать повышению уровня и качества правовой жизни, ее надежности. Качественная правовая жизнь создает равные юридические возможности для обеспечения интересов ее субъектов.

Наряду с гарантиями возникает вопрос об определении мер ответственности уполномоченных субъектов правовой политики в области объединения государств. Опыт действующих на постсоветском пространстве межгосударственных структур свидетельствует о возможных препятствиях на пути создания действенного механизма правового регулирования общественных отношений, которые представляют негативную сторону правовой жизни общества. Особо опасны препятствия субъективного характера. Это непрофессионализм и некомпетентность отдельных субъектов правовой политики, нежелание некоторых политических лидеров следовать ее направлениям, бюрократизм интеграционных органов, принятие поспешных или неадекватных правовых решений или вовсе их непринятие, несоблюдение баланса частных и публичных интересов участников объединения, слабая взаимосвязь институтов государства

---

[1] См.: Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. – М., 1998. – № 6. – С. 58.

[2] См.: Договор о Евразийском экономическом союзе. (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма и некоторые проблемы интеграции на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) // Государство и право. – М., 2015. – № 2. – С. 95.

[4] См.: Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. – М., 2012. – № 8. – С. 13.

и институтов гражданского общества. Причиной названных факторов часто является отсутствие ответственности компетентных лиц за соответствующие нарушения или их бездеятельность. Законность и правопорядок, как составляющие правовой жизни, призваны способствовать юридической защищенности интересов субъектов права, повышению уровня правового развития общества.

Становление и развитие правовой системы Евразийского экономического союза целесообразно осуществлять подобно процессу становления правопорядка Европейского Союза. Указанный правопорядок состоит из нескольких составных частей: международного права, права ЕС и национального права государств-членов. Предполагается широкое использование апробированных правовых моделей и методов интеграционного регулирования, а также внедрение нового опыта на основе лучших достижений юридической науки. Только при таком подходе имеют место большие перспективы дальнейшего интеграционного развития в рамках нового межгосударственного объединения, включая возможность принятия Конституции Евразийского экономического союза. Для этого правовая политика в сфере создания ЕАЭС должна быть адекватной, динамичной, гибкой и конструктивной.

На современном этапе в рамках доктринального направления правовой политики достаточно актуальна разработка Концепции правовой политики Евразийского экономического союза. Она могла бы стать единой моделью правового развития евразийской интеграции, программой согласованных действий, способной обеспечить достижение целей и задач объединительного процесса. Этот документ мог бы способствовать формированию правовой системы новой межгосударственной структуры. Концепция правовой политики Евразийского экономического союза, ориентированная на совершенствование всего комплекса правовых средств и обеспечение реализации задач данного межгосударственного объединения юридическими ресурсами, призвана способствовать повышению эффективности правового регулирования и наиболее оптимальному развитию евразийских интеграционных процессов.

При функционировании межгосударственных объединений все чаще возникают вопросы, связанные с проблемой юридической ответственности государств-членов, а также наднациональных органов ЕС. Евразийский экономический союз, творчески используя правовой опыт Европейского Союза, должен создать собственную полноценную судебную систему, которая, будучи самостоятельной, сама является одной из составляющих общей правовой системы Союза. Требуются соответствующие судебные структуры, которые будут способствовать цивилизованному развитию евразийской интеграции.

Именно согласованная правовая политика в данной сфере обеспечит необходимую комплексность мер по формированию названной судебной системы. Судебно-правовая политика, как особая разновидность правовой политики, представляет собой упорядоченную совокупность целенаправленных долгосрочных мер по выстраиванию соответствующего судоустройства и судопроизводства. В ее рамках необходимо создать эффективные механизмы разрешения неизбежных споров и разногласий между государствами-членами, а также определить меры их ответственности в случае нарушения установленных норм и принципов, определяющих положительную динамику евразийских интеграционных процессов. Необходимо формирование демократических механизмов наднациональной судебной системы на основе принципа верховенства права. При разработке данных вопросов представляются полезными анализ и использование опыта Суда Европейского Союза[1].

Подобно Суду ЕС, Суд Евразийского экономического союза должен обладать широкими полномочиями. Именно Суд играет существенную роль как орган, гарантирующий правопорядок Евразийского экономического союза. Политически независимый Суд делает межгосударственное объединение правовой системой. Как нейтральный орган, Суд может обеспечить единое применение права в его рамках, издание новых правовых актов и углубление интеграции.

Таким образом, целенаправленное правовое регулирование интеграционных процессов в условиях глобализации посредством грамотной правовой политики и творческого использования апробированного правового опыта межгосударственных структур становится одним из важнейших способов обеспечения баланса национальных и интернациональных интересов государств.

Исследование и решение проблем правового обеспечения деятельности Евразийского экономического союза направлено на расширение потенциальных возможностей конструирования оптимальной интеграционной модели, соответствующей целям и задачам евразийской интеграции. Определение средств правового обеспечения и форм реализации правовой политики в данной сфере обозначит четкие ориентиры для правовой жизни интегрирующегося общества.

[1] См. подробнее: Малько А.В., Елистратова В.В., Семикина С.А. О необходимости формирования правовой политики в сфере создания судебной системы Евразийского экономического союза // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. – № 3. – С. 144–146; Малько А.В., Елистратова В.В. Судебная система Евразийского экономического союза: проблемы формирования // Вопросы российского и международного права. 2016. – № 1. – С. 99–112.

Михейкина Л.А.
к.э.н., старший преподаватель кафедры статистики Российского экономического университета
mikheykina.la@rea.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *международное сотрудничество, наука, образование, исследователи, иностранные абитуриенты, патенты, совместные проекты.*
Keywords: *international cooperation, science, education, researchers, foreign entrants, patents, joint projects.*

В условиях рыночной экономики знания являются товаром и играют решающую роль в конкурентной борьбе между организациями. В связи с этим, особое значение приобретает деятельность в области международного сотрудничества между Россией и другими странами мира в области науки и образования. Данный вид деятельности является одним из приоритетных направлений Министерства науки и образования Российской Федерации. Ст.105 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 217-ФЗ[1] гласит, что международное сотрудничество в области науки и образования в стране должно осуществляться по следующим основным направлениям:

1. расширение возможностей граждан, в том числе и иностранных для получения доступа к образованию;
2. координация взаимодействия Российской Федерации с международными организациями и другими странами по развитию образования;
3. совершенствование внутригосударственных и иностранных механизмов развития образования.

Для того чтобы определить, насколько эффективно осуществляются перечисленные выше направления, нами были проанализированы основные показатели, характеризующие деятельность по международному сотрудничеству и позволяющие определить насколько эффективной она является. В соответствии с данными, опубликованными в статистическом сборнике «Индикаторы образования: 2016», нами была составлена таблица с темпами прироста показателя численности иностранных студентов, обучающихся по программам среднего и высшего образования в Российской Федерации за период с 2011 по 2015 гг.[2] (табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста численности иностранных студентов, обучающихся по программам среднего и высшего образования

Показатель	2011/2012 уч. г.	2012/2013 уч. г.	2013/2014 уч. г.	2014/2015 уч. г.
Темп прироста обучающихся по программам среднего образования, %	16,67	15,54	169,74	–16,23
Темп прироста обучающихся по программам высшего образования, %	–0,87	7,59	19,87	9,19
Средний темп прироста обучающихся по программам среднего и высшего образования, %	10,75	11,49	79,82	–4,4

Большая часть иностранных студентов являются выходцами из бывших стран Советского союза, поэтому и прирост числа иностранных студентов происходит исключительно за счет увеличения этой категории. Абсолютный прирост численности обучающихся в 2011/2012 уч. г. составил 1003 чел. (10,75%), а в 2012/2013 уч. г. данный показатель вырос на 14,3 тыс. чел. или на 11,49%. В 2013/2014 уч. г. наблюдался существенный прирост количества иностранных студентов на 79,82% в среднем, что составило 61,858 тыс. чел. Связано это было с тем, что в декабре 2012 года вступил в силу новый закон «Об образовании в Российской Федерации», который определил международное сотрудничество как одно из основных направлений деятельности образовательных учреждений. По данным Института статистики ЮНЕСКО по рассматриваемому показателю Российская Федерация вошла в Топ-10 и заняла 6 место[3]. Но уже в 2014/2015 уч. г. мы наблюдаем отрицательный прирост численности иностранных обучающихся, на что особым образом повлияли санкции, введенные против нашей страны в 2014 году. На мнение студентов о выборе страны для получения образования повлияли такие факторы, как безопасность в стране, международная аккредитация программ, перспективы трудоустройства, уровень жизни, гранты и стипендии. В связи с тем, что иностранные

[1] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – http://base.garant.ru/70291362/14/#ixzz4RUb8aDgW

[2] Индикаторы образования: 2016: статистический сборник / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 320 с.

[3] Санкции и российское образование. – http://tass.ru/opinions/1597457

СМИ мало внимания уделяют российскому образованию и достижениям российской науки, а на сайтах посольств информация является неполной, а часто и устаревшей, иностранные абитуриенты не получили достаточный объем информации о том, что может предложить Россия на рынке образовательных услуг. А введенные санкции усугубили данное положение, тем самым мы получили отрицательное значение прироста иностранных студентов за рассматриваемый период.

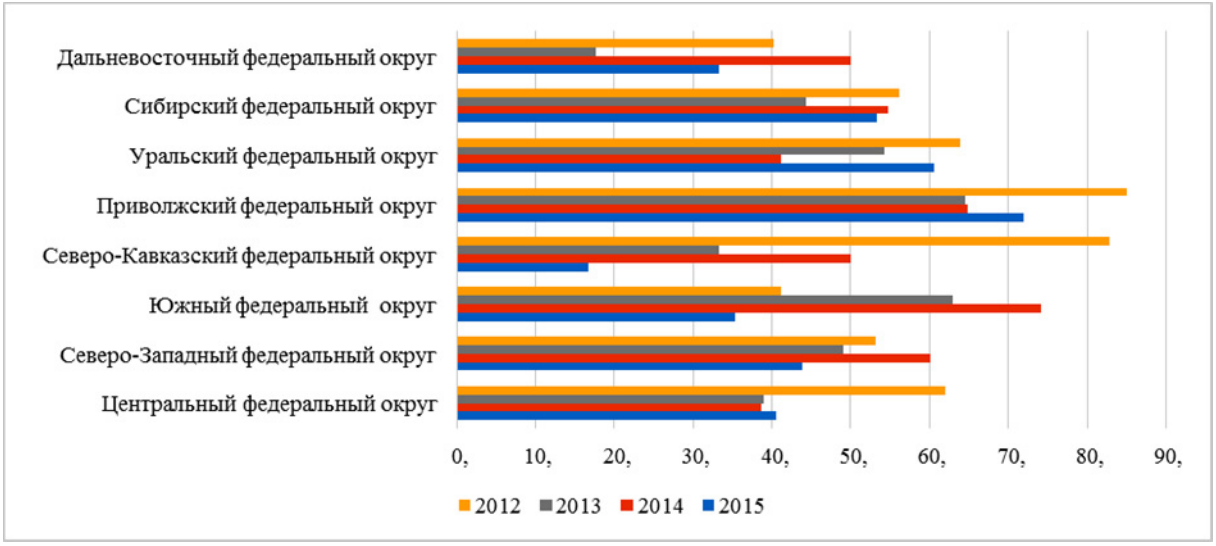


Рисунок 1.
Изменение удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, направленных на стажировку в зарубежные научные организации[1]

Также, чтобы оценить расширение возможностей граждан, в том числе и иностранных для получения доступа к образованию, мы проанализировали изменение удельного веса исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, отправленных на стажировку в зарубежные научные организации за период 2012–2015 гг. по федеральным округам Российской Федерации (кроме Крымского ФО). В соответствии с данными рисунка 1, можно сделать вывод о том, что практически по всем Федеральным округам наблюдается спад показателя в 2014 году, что так же связано с геополитической обстановкой в стране.

Проанализировав структуру внутренних затрат на исследования и разработки из средств иностранных источников (зарубежных организаций) (рис. 2) можно отметить, что за рассматриваемый период к 2014 году в структуре внутренних затрат из средств иностранных источников увеличилась доля средств международных организаций и сократилась доля средств прочих зарубежных организаций.

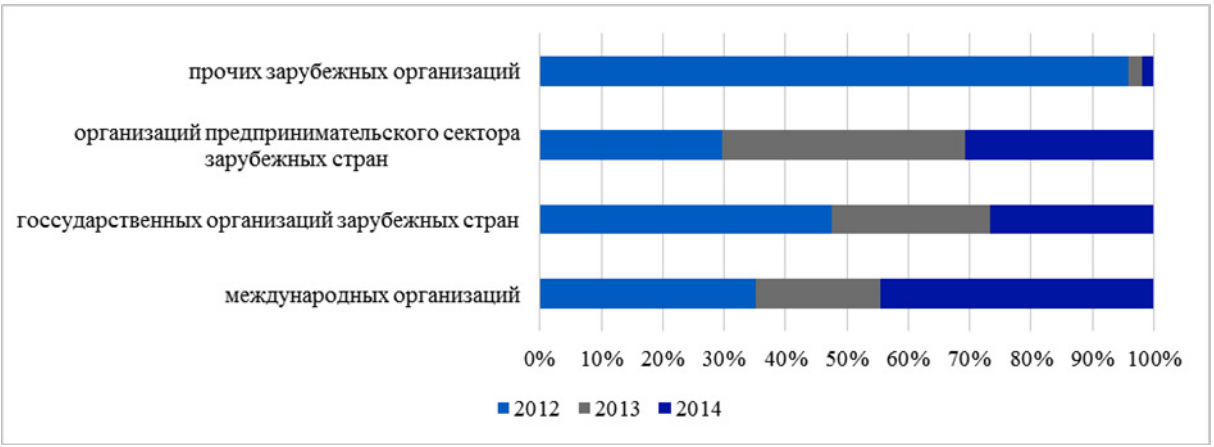


Рисунок 2.
Структура внутренних затрат на исследования и разработки из средств иностранных источников (зарубежных организаций)

Динамика поданных патентных заявок за период с 2005 по 2014 год говорит о том, что в среднем наблюдается рост количества поданных заявок иностранными заявителями (средний темп прироста показателя – 10,4%). При этом количество поданных заявок российскими заявителями за рассматриваемый период увеличилось в среднем на 4%. Таким образом, структура поданных заявок меняется в сторону иностранных заявителей[2] (рис. 3), что является не са-

[1] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks/ru

[2] Статистика науки и образования. Вып. 2. Результативность научных исследований и разработок: информационно-статистический материал / Е.В. Березина, А.В. Кольцов, К.В. Лебедев, Н.А. Плужнова, Л.В. Прохорова. – http://csrs.ru/archive/stat_2016_efficiency/2016_efficiency.pdf

мым положительным моментом для российских исследователей. Данная тенденция может отрицательно повлиять на внутренний рынок страны в связи с тем, что на рынке может появиться сходная продукция иностранных производителей.

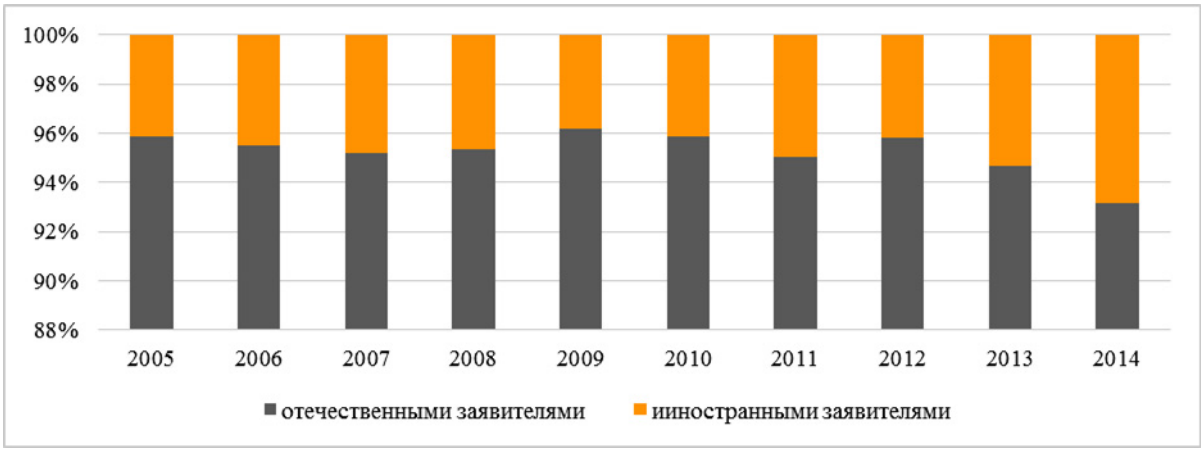


Рисунок 3.
Динамика поданных патентных заявок в России

Международное сотрудничество в области науки и образования является основой для стабильного экономического роста страны в связи с тем, что позволяет создать такие механизмы и методы взаимодействия, которые будут способствовать обмену опытом и выявлению наилучших вариантов решений глобальных проблем. Так между Россией и Китайской Народной Республикой ведется давнее плодотворное сотрудничество в области образования, также реализуется ряд проектов и программ в разных направлениях, проводятся совместные конференции, семинары и круглые столы. В 2009 и 2010 гг. были проведены годы русского и китайского языков. На текущий момент установлено свыше 900 партнерских связей между вузами нашей страной и Китаем. Развивается сотрудничество и со странами СНГ, реализуются совместные проекты, программы, выполняются гранты на актуальные темы.

Спрос на услуги высшего образования формируется под влиянием факторов активности учреждений науки и образования. Гибкость реагирования на условия внешней среды вуза, использование механизмов воздействия на формирование спроса населения на образовательные услуги, стали необходимым условием для конкурентоспособного функционирования в современных рыночных отношениях. В свою очередь, выбор мероприятий, направленных на формирование спроса, должен базироваться на актуальной эмпирической базе. На наш взгляд, чтобы следовать основным направлениям развития науки и образования, нужно развивать следующие элементы международного сотрудничества: заключать договора на совместные проекты с транснациональными корпорациями и другими университетами, развивать программы обмена студентами, привлекать известных преподавателей и ученых в образовательную деятельность, увеличить информационную доступность для иностранных абитуриентов. Перечисленные мероприятия позволят не только увеличить координацию взаимодействия с международными организациями, но и совершенствовать внутригосударственные и иностранные механизмы развития образования и повысить конкурентоспособность отечественных вузов.

Мызрова О.А.
д.э.н., профессор, Саратовский государственный технический университет
Olga_Myzrova@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТРАН ЕАЭС НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: *инновационная активность, интеграция стран-участников ЕАЭС, кластерный подход, межгосударственный инновационный промышленный кластер, принципы формирования кластера.*

Keywords: *innovation activity, the integration of the EAEU countries-participants, the cluster approach, international innovation industrial cluster, the cluster principles formation.*

Развитие интеграционных процессов между странами-участниками ЕАЭС, построение инновационных систем, одной из характеристик которых является ведущая роль науки и высокотехнологичных отраслей промышленности, возможны при условии развития интеграционных процессов на основе создания новых форм межгосударственной организации бизнеса. Это связано с тем, что все большую актуальность приобретает управление не отдельными инновациями, а процессами, направленными на создание инновационных систем и системного использования нововведений. Следствием этих изменений выступает потребность формирования новых подходов к государственному и межгосударственному регулированию, и управлению инновационной деятельностью, содержанию, согласованности и взаимодействия научно-технической, инновационной, промышленной и инвестиционной политик.

Целями промышленной политики стран ЕАЭС, как определено в статье 92 Договора о Евразийском экономическом союзе, являются:

1. Ускорение и повышение устойчивости промышленного развития.
2. Повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов ЕАЭС.
3. Осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности.
4. Устранение барьеров в промышленной сфере, в т. ч. на пути движения промышленных товаров государств-членов ЕАЭС[1].

На наш взгляд, достижению этих целей в области промышленной политики стран ЕАЭС может способствовать кластерный подход. В этом случае, в условиях интеграции, кластер должен представлять собой группу связанных между собой единством целей и политикой предприятий и организаций, располагающихся на территории этих стран. В группы взаимосвязанных организаций входят поставщики, основные производители, потребители, связанные технологической цепочкой; организации инфраструктуры; научно-исследовательские институты, вузы и другие организации, взаимодополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества как отдельных предприятий, кластеров, государств участников, так и ЕАЭС в целом. Кластерный подход должен обеспечить получение положительных синергетических эффектов территориальной агломерации, сетевого эффекта, диффузии знаний за счет миграции персонала и развития бизнеса.

Процесс кластеризации направлен на повышение конкурентоспособности как каждой из стран ЕАЭС, так и союза в целом и является инструментом экономической промышленной политики как основного элемента межгосударственной политики в условиях интеграции. При этом конкурентоспособность ЕАЭС должна рассматриваться не в отношении каждой страны в отдельности, а кластеров как группы взаимосвязанных и взаимодополняющих организаций, функционирующих в определенной сфере.

Формирование межгосударственных инновационных промышленных кластеров (МИПК) должно быть направлено на решение задач повышения конкурентоспособности стран, отраслей, выступая основой межгосударственной промышленной политики; повышения инновационной активности; улучшения взаимодействия сфер науки, образования, бизнеса, финансов ЕАЭС.

Таким образом, МИПК должен представлять собой устойчивый и постоянно развивающийся элемент инновационной системы в условиях интеграции, позволяющий получить синергетический эффект, и имеющий в своем составе взаимосвязанные предприятия, организации, занимающихся проведением научных исследований, разработкой и их коммерциализацией.

Основными признаками МИПК являются производственно-технологическая и территориально-производственная взаимосвязь входящих в него организаций; развитая инфраструктура, которая обеспечивает трансфер знаний и технологий; наличие гибкости состава и структуры, что характеризуется отсутствием жестких формальных ограничений, препятствующих развитию кластера.

МИПК должен формироваться на основе пяти групп принципов:

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

1. Принципы частно-государственного партнерства, предполагающие общность и оптимальный учет интересов государств-участников ЕАЭС и всех элементов кластера; а также селективность и экономическую ответственность; законодательное обеспечение формирования и функционирования МИПК.

2. Организационные принципы, включающие коллективное принятие решений в процессе деятельности Евразийской экономической комиссии; гибкость принимаемых решений при формировании и функционировании кластера; устойчивость и непрерывность функционирования кластера; общность интересов потенциальных участников МИПК; концентрацию; развитие механизмов всесторонней интеграции в области инновационной деятельности; создание инфраструктуры эффективного взаимодействия государственных органов, учебных и научных заведений, бизнеса стран ЕАЭС.

3. Принципы системности, которые подразумевают эволюционное саморазвитие МИПК; синергетический эффект, получаемый в результате формирования и дальнейшего непрерывного функционирования кластера.

4. Принципы ресурсного обеспечения, предполагающие наличие возможности привлечения высококвалифицированных кадров, обеспеченности проведения научно-практических исследований, внедрения и продвижения инновационных разработок, информационной обеспеченности, а также обеспеченности финансово-инвестиционными ресурсами.

5. Принципы целеполагания, к которым относятся эффективность деятельности кластера; наличие долгосрочных стратегических целей; комплексное развитие; повышение конкурентоспособности участников кластера.

Межгосударственная политика построения МИПК может проводиться «сверху вниз» (на основе образования первоначально органов мониторинга и координации, определения стратегии и ресурсной поддержки формирования кластера); «снизу-вверх» (на основе построения программ и проектов, в которых заинтересованы потенциальные участники кластера и готовые объединиться для их выполнения); по смешанному сценарию (на основе параллельного использования первых двух вариантов).

МИПК с активным участием стран-участниц ЕАЭС должны формироваться, развиваться в соответствии с межгосударственной промышленной политикой этих стран, которые и осуществляют его финансирование.

По степени развития межфирменных связей на различных этапах формирования и функционирования МИПК можно выделить:

– сильные, которые обладают стабильными конкурентными преимуществами и активными связями между всеми участниками инновационного и производственного процессов. Сильные кластеры имеют сбалансированное развитие основных и связанных с ними производств, специализированного сервиса, инновационную активность;

– устойчивые, характеризующиеся поступательным развитием на основе высокой инновационной активности;

– потенциальные, основанные на интенсивно развивающихся производственных и технологических структурах различных предприятий;

– латентные кластеры, обладающие сильными инновационными объединяющими предприятия центрами и полностью сформированную систему коммуникативных связей.

Основными формами МИПК являются:

– агломерация, основанная на наличии в странах ЕАЭС предприятий, объединенных профилем деятельности или технологической цепочкой;

– возникающий кластер, являющийся следующей стадией после агломерации, и основанный на кооперации предприятий и организаций вокруг основной деятельности;

– развивающийся кластер, характеризующийся появлением новых участников, связей, различных видов сотрудничества;

– зрелый кластер, имеющий взаимосвязи с другими кластерами, направлениями деятельности, странами, а также создающий новые фирмы, совместные предприятия;

– трансформирующийся кластер, претерпевающий изменения в результате влияния рынков и технологий.

Однако в таком виде перечисленные формы МИПК, на наш взгляд, не могут существовать достаточно долгое время, т.к. в процессе своего развития кластеры не только формируются и расширяются, но могут также сокращаться и распадаться. Таким образом, МИПК являются динамичными во времени и гибкими в отношении изменяющихся условий, что является, на наш взгляд, одним из преимуществ перед другими формами инновационного развития промышленности в условиях интеграции стран ЕАЭС.

В процессе становления МИПК может проходить стадии мотивации потенциальных участников, разработки общей инновационной и кластерной стратегии, разработки пилотного проекта, разработки стратегического проекта, инновационного проектирования.

На стадии формирования МИПК мотивацию участников должна определять межгосударственная промышленная политика через определение принципов и объемов финансирования, формирование специального законодательства, методов оценки и формулирование «межгосударственной кластерной политики в условиях интеграции», включающей ликвидацию барьеров для его развития. Межгосударственная кластерная политика может решать проблемы развития промышленности, стран и экономики ЕАЭС в целом.

Формирование МИПК, на наш взгляд, может строиться на следующих принципах:

1. Государственно-частное партнерство, под которым понимается общность интересов, экономическая ответственность, селективность, законодательная обеспеченность государств ЕАЭС и всех участников кластера.

2. Системность, под которой понимается комплексное эволюционное развитие, непрерывность функционирования, взаимодействие, а также синергетический эффект, получаемый в результате формирования и функционирования МИПК.

3. Целеполагание, под которым понимается эффективная деятельность, наличие стратегических целей повышения инновационной активности участников кластера, его конкурентоспособности.

4. Организационные принципы, которые предполагают непрерывность и гибкость при формировании кластера на основе коллективного принятия решений, наличие взаимосвязанных областей деятельности, общего рынка, регулярных контактов; взаимосвязей и взаимозависимостей, механизма интеграции в инновационной деятельности, инфраструктуры, эффективного взаимодействия государственных органов, бизнеса, учебных и научных учреждений.

5. Принцип устойчивости, обеспечивающий необходимый уровень организационно-экономической стабильности.

6. Ресурсная обеспеченность, предполагающая привлечение высококвалифицированных кадров, возможность внедрения, продвижения инноваций, наличие информационной и финансово-инвестиционной обеспеченности.

Процесс формирования МИПК может проходить три этапа. Первый – это подготовительный этап, на котором выявляются возможности формирования кластера, для чего проводится оценка потенциала кластеризации, определяются объемы и виды необходимых ресурсов, организационные и экономические возможности, выявляются и обосновываются преимущества использования кластерной формы повышения инновационной активности в промышленности в условиях интеграции стран ЕАЭС; Второй – организационный этап, на котором разрабатывается программа, определяются участники, порядок и сроки формирования МИПК, проводится технико-экономическое обоснование целесообразности его создания, объемы и источники финансирования и инвестирования, прогнозируются результаты, определяется мера участия и ответственности каждого государства и частного сектора, разрабатываются проекты нормативно-правовых документов, необходимых для успешной деятельности МИПК. Третий – заключительный этап, на котором создаются органы управления формирования МИПК, одним из которых, на наш взгляд, может быть Межгосударственный Совет МИПК, в который войдут представители стран ЕАЭС, руководители предприятий-участников кластера, представители организаций, осуществляющих научные исследования, опытно-конструкторские работы, осуществляющих подготовку специалистов. Четвертый – итоговый этап, предполагающий заключение межправительственных соглашений и утверждение плана формирования, функционирования и развития МИПК.

Таким образом, межгосударственная политика, направленная на повышение инновационной активности, основанная на кластерном подходе будет способствовать повышению конкурентоспособности всех участников как внутри, так и ЕАЭС в целом.

Нагуманов К.С.
д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических стратегий «Альтернатива», Астана
nugman75@list.ru

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ КАК ТИХИЙ СУИЦИД ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Ключевые слова: *Европейский союз, цель интеграции, уровень благосостояния населения, пределы роста, депопуляция населения, единая теория эволюции природы и общества, постчеловеческое общество, границы человечности.*

Какими бы мотивами не оправдывали интеграционные процессы, речь, в конечном счете, идет об экономических интересах. Наиболее известным примером такой интеграции служит Европейский союз. У его истоков лежит организованное в 1952 году Европейское объединение угля и стали. Идеолог этого объединения министр иностранных дел Франции Робер Шуман заявил тогда: «В результате возникнет новая, единая и сильная Европа, где возрастёт жизненный уровень населения, поскольку произойдёт объединение производства и расширение рынка, что приведет к снижению цен…». И до сих пор все свои инициативы по объединению стран в подобные союзы политики объясняют тем же стремлением повысить благосостояние людей. Поверим в их искренность, и спросим: каким показателем чаще всего принято оценивать результаты интеграции, достигнутый уровень жизни?

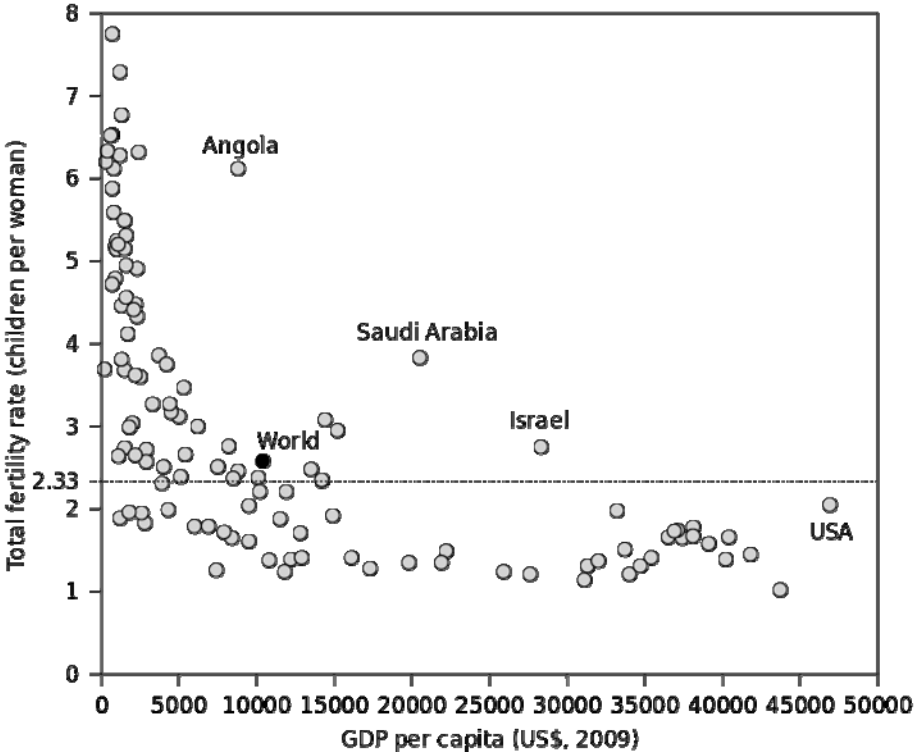
Здесь впору вспомнить, что политика есть концентрированное выражение экономики. Потому-то спектр возможных вариантов оценки ограничили экономикой, и в качестве показателя благосостояния народа был сконструирован валовый внутренний продукт (ВВП), приходящийся на душу населения. Вместе с этим показателем родилась и догматическая установка на всемерный рост ВВП. Тем не менее, всё же находились серьезные экономисты (в том числе и лауреат Нобелевской премии по экономике Саймон Кузнец, предложивший в 1934 году данный показатель) предупреждавшие, что применение ВВП в качестве индикатора общего благосостояния может приводить к опасным заблуждениям. Ведь методика подсчёта ВВП поощряет и оправдывает истощение природных ресурсов, засчитывая уменьшение природного капитала в качестве дохода, невзирая на то, что этим подрывается основа аналогичных доходов в будущем. Экономическая экспансия, определяющая рост ВВП, ведёт к деградации экосистем, с которыми связано поддержание жизни на планете.

И действительно, уже ко второй половине XX века ученые, смотревшие чуть дальше своего носа, встревожились экологическими последствиями безудержного роста экономики. В 1972 году Римскому клубу группой исследователей был представлен доклад «Пределы роста», в котором проанализированы причины и следствия роста населения и материального потребления в долговременной перспективе. В докладе предупреждалось, что человечеству придется направлять все больше усилий и капитала на решение проблем, которые вызваны его же воздействием на среду. Выражалась надежда, что будут предприняты упреждающие меры, которые удержат от выхода за пределы самоподдержания Земли и позволят избежать экологической катастрофы

Надеждам этим не суждено было сбыться. В 1992 году было проведено повторное исследование и его результаты опубликованы в книге «За пределами роста». Оказалось, что человечество вышло уже за пределы самоподдержания Земли. К примеру, было показано, что влажные тропические леса вырубаются в недопустимых масштабах; появились заявления о том, что общемировое производство зерна больше не в состоянии поддерживать рост населения; укрепились опасения насчет глобального потепления климата и т.д. Несомненна важность осознания тяжких экологических последствий от хищнической эксплуатации природы в погоне за экономическим ростом, а также и необходимости принятия соответствующих мер. Странно другое: исследователи почему-то не ставят также остро вопрос о губительных последствиях безудержного роста экономики не только на природу, но и отдельного человека, и общество в целом. Хотя в той же книге «Пределы роста», среди многочисленных графиков, описывающих деградацию природной среды, помещен, и график падения рождаемости с увеличением ВВП на душу населения. Приведем такой же график с более свежими данными (рис. 1).

На графике видна устойчивая тенденция к падению рождаемости с ростом ВВП для любой страны. Демографы, введя суммарный коэффициент рождаемости (СКР), вычислили границу простого воспроизводства населения – это рождаемость, при которой на одну женщину детородного возраста в среднем приходится не меньше 2,1 ребенка (на графике – 2,33). Т.е., при этом значении происходит хотя бы замещение поколения родителей поколением детей. В противном случае, начинается процесс депопуляции населения.

Наглядно скорость депопуляции, физического вымирания людей в мирное и сытое время исследователи демографических процессов показали на примере японцев (рис. 2).



Данные 2009 года. Указаны только страны с населением более 5 миллионов.
Источник: Всемирная книга фактов ЦРУ

Рисунок 1.
Суммарный коэффициент рождаемости и ВВП на душу населения (1)

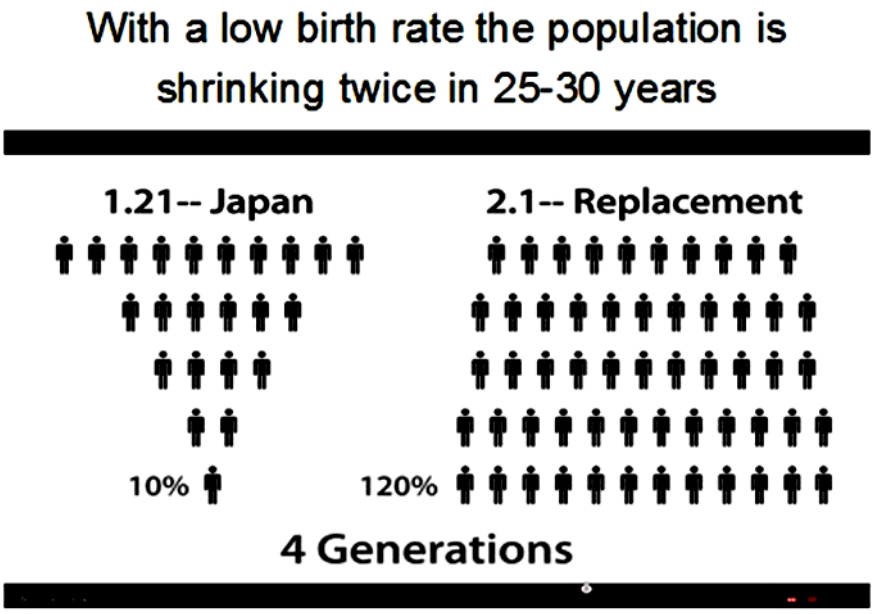


Рисунок 2.
Население с низкой рождаемостью сокращается вдвое через 25–30 лет

Как видим, при СКР = 1,21 уже в четвертом поколении от населения страны остается лишь 10% (!!!). По данным на 2016 год той же Всемирной книги фактов ЦРУ(1) максимальное значение СКР среди стран ЕС на 2016 год составило 2,07 (Франция), минимальное – 1,34 (Польша, Румыния). Среднее значение СКР по Евросоюзу равно 1,61, что ниже критического, и потому коренное население входящих сюда стран неумолимо сокращается. Если и наблюдается небольшое увеличение общей численности населения, то это за счет рвущихся в Европу иммигрантов из Африки и Азии. И теперь континент вовсю «чернеет» и «смуглеет», что видно уже и невооруженным глазом. Причем, чем больше иммигрантов, тем меньше желания интегрироваться в местную культуру и это вызывает все большие опасения.

Ведущей экономической державой, локомотивом Евросоюза является Германия. Но как мы уже видели, чем выше материальный достаток, тем ниже рождаемость. И в самом деле, один из самых низких показателей в мире (СКР всего 1,44) – у немцев. Не случайно здесь существует и расползается движение брачных пар DINK. Аббревиатура английских слов Double Income, No Kids, что означает «два дохода, без детей». Результат: каждая третья брачная пара

напрочь отвергает даже одного ребенка. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, к чему это приведет – к самоубийству, суициду нации, государства. Нашумевшая у себя в Германии и во всем мире книга политика и просто человека, искренне болеющего за свой народ, Тило Саррацина так и называется: «Германия: самоликвидация»(2). Более того, суицид стал присущ коренным народам не только Европы, но экономически высокоразвитых стран всех континентов, которых принято объединять понятием Запад (3).

Вообще-то, термин суицид означает самоубийство отдельного человека. Когда же речь заходит о целом народе, то говорят о геноциде. Причем это понятие означает не самоубийство, а действия, направленные одной национальной общностью на уничтожение другой. Среди действий, совершаемых при геноциде, «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятая Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1948 года, в статье II указывает на:

« … *c*) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы».

В интеграционных процессах умышленных расчетов и действий на предотвращение деторождений как бы нет, но, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад. Поэтому нужно решительно порвать со своего рода ВВПманией и в срочном порядке свернуть с этой дороги. Разумеется, нет ничего хорошего в нищете и бедности людей, но и безудержная погоня за материальным достатком, «жизни для себя» приводит, оказывается, к неожиданным, губительным результатам. Выходит, что забыт основополагающий принцип жизни: все должно быть в меру. Следовательно, необходимо выявить эту меру и в поиске её необходимый ориентир может дать единая теория эволюции природы и общества (4, 5).

Исходным пунктом теории служит такое простейшее свойство как стабильность. Это – способность системы сохранять своё состояние целостности на время, достаточное для образования и функционирования системы более высокого уровня. В фундаменте всего окружающего нас мира лежит стабильность 4-х элементарных частиц: протона, электрона, фотона и нейтрино. По сути, эволюция окружающего нас мира представляет собой последовательный ряд интеграций этих простых элементов во все более сложные системы: элементарные частицы – атомы – молекулы – … – организмы – люди – народы и цивилизации. При этом под действием фундаментальных, движущих сил эволюции (6) возникают различные варианты интеграции. Среди них путем естественного отбора выживают те системы, которые обеспечивают большую стабильность своих элементов, то есть систем предыдущего уровня интеграции.

Человек – результат культурной эволюции особей биологического вида Гомо сапиенс. Для указанной стабильности социально-экономическая, политическая культура народа и государства не должна нарушать биологическую природу человека. Закон живой природы: «Плодитесь и размножайтесь!». Поэтому рождаемость в стране ни в коем случае не должна опускаться ниже границы простого воспроизводства населения страны, т.е., СКР $\geq$ 2,1.

Наряду с ВВП об экономической развитости государства и уровне жизни его граждан часто судят ещё и по средней продолжительности жизни людей – $T_ч$. Начиная с XIX века, продолжительность жизни неуклонно растет. Если в конце XIX века $T_ч$, например, в Германии была порядка 40 лет, то за XX век она увеличилась вдвое и сейчас составляет 81 год. Происходит это благодаря техническому прогрессу, улучшению системы общественного здравоохранения, питания, образования и многого другого. Успехи в разработке био-, нано- и информационных технологий, сулят в ближайшем будущем невиданные ранее, радикальные изменения в образе жизни и судьбе всех людей. Сейчас уже становится обычной замена человеческих органов механическими приспособлениями (протезами, имплантами). В 2008 году немецкие ученые-офтальмологи впервые имплантировали человеку глазной электронный протез, полностью помещающийся внутри глаза, добившись частичного восстановления зрения (7). Создана и действует искусственная рука с возможностью осязания (8). Можно привести множество других примеров. Тем самым создаются условия для постепенного превращения биологического организма, содержащего механические или электронные компоненты, в машинно-человеческий гибрид.

В конце концов, это приведет к появлению описанных фантастами киборгов, аватаров, и от биологической природы человека ничего не останется. Об этом беспокоится, например, один из самых известных американских футурологов Фрэнсис Фукуяма. Он указывает, что новейшие технологии потенциально несут в себе целый букет серьёзных угроз, но угроз незаметных, латентных, не способных сразу же привлечь к себе внимание на политическом уровне. Изобретение ядерного оружия было моментально признано чрезвычайно опасным творением рук человеческих и потому попало под очень строгий национальный и международный контроль. То же произошло с биологическим оружием. Теперь же пора осознать новые угрозы, способные трансформировать саму человеческую природу и создать своего рода постчеловека (9, 10). Чтобы не допустить этого, нужно своевременно установить пределы внедрения результатов передовых технологий, как, например, запрет на клонирование людей.

Вопрос о возможности создания и степени замещения тех или иных природных органов человека их заменителями будет вызывать и вызывает споры. Выход из создавшегося положения подсказывает единая теория эволюции природы и общества. Для сохранности и стабильности венца творения, культурная эволюция человека не должна разрушать и подменять её же биологические основы.

О здоровом моральном климате в обществе можно судить по отношению к старикам. Интегральным, количественным показателем успехов медицины, социального обеспечения, а также традиционной человеческой заботы о стариках, служит средняя продолжительность жизни. Благодаря этим успехам и заботам продолжительность жизни людей продолжает расти, но она, оказывается, имеет естественные границы. Американские ученые (11) своими исследованиями четко установили, что эти границы связаны с генетически запрограммированными этапами развития организма: рождением, развитием, размножением, старением и смертью. В общем случае средняя продолжительность не

может превышать 115 лет. Свои доводы они приводят на страницах самого авторитетного в мире научного журнала Nature. На основе всего вышесказанного, можно установить вилку ограничений, в рамках которого допускается развитие политико-экономических интеграций:

СКР $\geq$ 2,1

$T_ч \leq$ 115 лет

Эти требования носят общий характер, но особенно актуальны для так называемых развитых стран «золотого миллиарда». Первое требование «общества потребления» давно уже нарушили, и уже сейчас происходит тихий суицид собственных, коренных народов этих стран. Судя по всему, через пару десятков лет они же вплотную приблизятся ко второму ограничению. Поэтому Западу жизненно важно осознать пагубность всей своей социально-экономической политики и игнорирование указанных границ строго квалифицировать не иначе как преступление против человечности.

Список литературы

1. Total fertility rate. The World Factbook, ЦРУ (США). – https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127 rank. html?countryName=Russia&countryCode=rs&regionCode=cas&rank=197#rs.
2. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. Пер. с нем. – М.: Рид Групп, 2012. – 400 с.
3. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожает нашей стране и цивилизации. Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 444 с.
4. Нагуманов К.С. Единая теория эволюции природы и общества и государственное культивирование социального паразитизма // Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США): Материалы Международной научно-общественной конференции (Москва, 19 декабря 2013 г.). – М.: Наука и политика, 2014. – С. 297–304.
5. Нагуманов К.С. К решению ключевых проблем России на базе единой теории эволюции природы и общества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 9. Ч. 1 / Российская Академия наук. ИНИОН. – М., 2014. – С. 118–123.
6. Нагуманов К.С. Фундаментальные движущие силы эволюции природы и общества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 56–58.
7. Немецкие ученые имплантировали протез для восстановления зрения. – dwelle.de
8. Искусственная рука с возможностью осязания. – http://www.med007.ru/news/iskusstvennaja_ruka_s_vozmozhnostju_osjazanija/ 2014-09-13-1570
9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. Перевод с английского: М.Б. Левин. – М., 2004. – http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3604
11. Xiao Dong, Milholland B., Vijg J. Evidence for a limit to human lifespan, Nature, 2016. – http://www.nature.com/articles/ nature19793.pdf

Нысанбаев А.Н.[1]
Курманбаева Ш.А.[2]

СМЫСЛ И ЦЕННОСТЬ КОНЦЕПТА ЕВРАЗИЙСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Ключевые слова: *евразийство, Казахстан, Россия, ЕАЭС, интеграция, взаимопонимание.*
Keywords: *eurasian, Kazakhstan, Russia, Eurasian Economic Union, integration, mutual understanding.*

Казахстан имеет исключительно выгодное геополитическое положение между Востоком и Западом и полиэтнический состав населения с вековыми традициями мирного сосуществования, культуры согласия, добрососедства и сотрудничества. Евразийская концепция направлена на разумное использование этого огромного потенциала межэтнического, межконфессионального и межкультурного евразийского взаимодействия. Такой путь развития может и должен сделать Казахстан обществом уникальным по новизне своих социокультурных оснований и гуманистических идеалов, ибо имеет прочное историческое обоснование.

Дело в том, что в древние и средние века траектории Великого Шелкового пути проходили в том числе по землям тюркоязычных народов, даже преимущественно по их территориям. Казахстанские степи входили в их число. Влияние тюрков на развитие пути было огромно. Но долгое время внимание было обращено только на угрозу со стороны кочевников караванам. Драматизм пути подчеркивался необходимостью нанимать охрану и оплачивать вооруженные отряды сопровождения, причем исследователи единодушно считают, что охрана набиралась как раз из воинов тюркского каганата [1]. Но сам факт угрозы со стороны кочевых тюрков был как бы тоже неоспорим. Кочевники считались разбойниками. В лучшем случае им отводилась роль таможенников, которые оставляли себе товарную долю.

Однако караваны не выходили бы в путь, если грабежи были регулярны, а пошлины неподъемны. Торговля сама по себе была важна в тюркских каганатах, и грабежи были просто бессмысленны. Источником благосостояния кочевников могла быть только постоянная меновая торговля. Поэтому кочевым племенам было выгодно поддерживать Шелковый путь в благополучном состоянии. Кочевым тюркам вообще не было нужды заниматься исключительно грабежом. Было много других дел. Кочевые общества столетиями и тысячелетиями существовали достаточно автаркично за счет основного способа хозяйствования – кочевого скотоводства, которое только и возможно в степных ландшафтах Евразии. И именно торговля с оседлым населением соседних народов, чему, несомненно, способствовал Шелковый путь, была подспорьем кочевому скотоводству тюрков-кочевников. Но многие современные исследователи придерживаются теории зависимости кочевников от оседлых культур [2]. Концепция зависимости кочевников Евразии от оседлых культур находит крайнее выражение в теории даннических отношений кочевников и покоренного ими оседлого населения, которые якобы реализуются в не всегда упорядоченных вассально-даннических формах коллективной зависимости и эксплуатации [3, с. 129]. Но все же данничество носило, видимо, вторичный характер, поскольку подарки от покоренных народов обычно демонстративно раздаривались или даже уничтожались кочевниками на массовых праздниках [3, с. 271]. Быть определяющим фактором эволюции кочевого общества данничество не могло.

Поэтому не подчинение и завоевание оседлого населения с последующим растворением в среде горожан и земледельцев определяло циклический характер развития кочевых обществ – это было следствие, а не причина. А в первую очередь важнейшим фактором был сам кочевой способ хозяйствования, подчиняясь ритмам которого, шли кочевники евразийских степей по жизненному кругу – от рассвета до заката, от кочевья к кочевью, от одних степных пространств к другим в поисках счастья. И цикличность развития проявлялась на разных системных уровнях: в движении кочевых племен и родов по внутреннему кругу кочевания, в пространственных миграциях с освоением новых территорий (западные завоевания, покорение оседлых земледельческих и городских государств) и в многовековых циклах зарождения, подъема, расцвета и последующего распада тюркских кочевых империй. И фундаментальная цивилизационная парадигма Великого Шелкового пути состояла в том, что тюркский кочевой мир органично вписался в глобальную мир-систему древнего мира и средневековья, которая реально соединяла государства и культуры. А наши современники воплотили идею интеграции в реальный Евразийский экономический союз.

Весна 1994 года. В Московском университете собирается российская научная элита: выступает Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев [4]. Он говорит о вековом евразийском братстве, вечной дружбе, связывающей казахов и русских. О том, что Евразия – это не Восток и не Запад, а особая исторически сложившаяся экономическая и куль-

[1] Нысанбаев Абдумалик Нысанбаевич – д.филос.н., профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, член Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», советник директора Института философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: iphp@inbox.ru

[2] Курманбаева Шырын Асылхановна – д.полит.н., профессор, ректор Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (г. Семей), член Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК. E-mail: semey_urist@mail.ru

турная территория со своими традициями, менталитетом и ценностями. Нам, евразийцам, надо возродить дух евразийской цивилизации и в современных условиях использовать ее могучий потенциал интеграции.

Что это было? Боязнь потерять незыблемость национального суверенитета при понимании безусловной потребности единения? Нет, в сегодняшних условиях интеграция может состояться только благодаря сохранению суверенитета и строгого учета национальных интересов каждого государства. Укрепление суверенитета и независимости как наших главных ценностей возможно только в условиях усиления евразийской интеграции.

Евразийский проект, по существу, ознаменовал собой начало нового стратегического курса во взаимоотношениях государств Центральной Азии с Россией и другими бывшими советскими республиками. Он содержал перспективы развития отношений между азиатской и европейской частями бывшего СССР, а также принципы, механизмы и геополитические контуры этих взаимоотношений. В проекте создания Евразийского экономического сообщества казахстанская сторона предложила четкую и функциональную модель кооперативного развития, учитывающую опыт стран СНГ и предполагающую не имперский, а равноправный и добровольный тип интеграции. Добавим, что в рамках ЕврАзЭС проделан немалый объем работы, подписан ряд правовых базовых документов, которые служат основой к дальнейшему продвижению, по многим отраслям созданы соответствующие органы. Таможенный союз Казахстана, России и Беларуси, вступивший в новую фазу своего развития, – наглядное подтверждение правоты евразийской политики.

В веках прославился наш земляк Абу Наср аль-Фараби, чье имя по праву вошло в пантеон мировой культуры. Он стал создателем исламской онтологии как основы исламской духовности. Он оказался замечательным «архитектором» по строительству мостов взаимопонимания между различными культурами мира: античность, Восток, тюркский ареал и наша сегодняшняя виртуальная реальность постмодерна.

Современность невозможно также представить без голоса великого Абая как гуманиста, просветителя, мыслителя, воплотившего в своем творчестве самые сокровенные мотивы казахской ментальности: единство разума и сердца. Кто из сегодняшних философов мог бы сказать, как Абай, столь проникновенно и точно: «В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот – мудрец, тот – учен».

Эти замечательные имена мы вспомнили, чтобы еще раз сказать, что история есть развертывание человеческой сущности во времени. Прошлое, настоящее и будущее невозможно выстроить линейно, они взаимосвязаны, образуя единую целостность. Необходимо еще раз подчеркнуть, что евразийство – это, прежде всего, единство многообразного. Не случайно умственный и психический склад жителей внутренней Евразии выражается одним емким словом «соборность», которое означает открытость любому человеку, любому народу, если, конечно, они не враждебны человеческой природе. Соборность смыкается с идеалом гуманизма, а в своем высшем пределе – с идеалом общечеловеческого братства и общепланетарной культуры.

И если девиз Запада – «Познай и переделай внешний мир», а девиз Востока – «Познай и переделай самого себя», то девизом евразийства может служить призыв «Твори добро». Или, говоря словами великого Абая, «Будь человеком!»

Таким образом, идея евразийства в своей сущности есть особый тип мироотношения, пронизанный нравственным началом и способный благодаря своему практически-гуманистическому потенциалу стать также и интегральным, то есть преодолеть крайности Запада и Востока и синтезировать их лучшие черты. Евразийство – это прообраз совершенно нового способа отношения человека к миру, новой формы жизни, единственно достойно отвечающей вызовам третьего тысячелетия.

Философия евразийского диалога и взаимопонимания есть основа духовного согласия современного полиэтнического общества. В этом отношении основы философии взаимопонимания, разработанные нами в Институте философии и политологии КН МОН РК, – это поистине философия будущего, нацеленная на решение фундаментальных проблем и задач, которые взывают к нам из прошлого во имя нашего достойного существования в XXI веке. Именно евразийство выступает системой новых отношений и ценностей, формируемых на постсоветском пространстве.

Активные евразийские инициативы, нашедшие отражение в идее создания Евразийского экономического союза, нацелены на всеобъемлющую интеграцию в третьем тысячелетии, напоминая, что промедление с интеграцией способно нанести необратимый вред. Очевидное беспокойство в условиях ужесточающегося противостояния культур, стремление к евразийской интеграции на всех уровнях, последовательное возрождение духовной связи поколений роднит инициативы Нурсултана Назарбаева с усилиями Чокана Валиханова по интеграции культур России и народов Центральной Азии.

Лев Гумилев незадолго до смерти, отвечая на вопрос «Как?», то есть на вопрос о путях подъема и развития России, сказал следующее: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [5]. На путях евразийской интеграции открываются большие возможности независимому Казахстану как евразийской державы. Поэтому мы должны уделить большое внимание развитию теории и практики евразийства.

Чтобы найти свое место в мировой системе отношений и эффективно и свободно конкурировать на мировом рынке, постсоветские государства должны делать шаги навстречу друг другу, согласовывать свои национальные интересы и основные параметры динамики социально-экономических процессов, развивать экономическую и гуманитарную интеграцию. Именно на пути региональной интеграции можно адекватно ответить на вызовы и угрозы глобализации. От национальных государств – к региональным интеграционным объединениям, и от них – к глобальному толерантному миру, такова перспективная формула концепта евразийства.

Если евразийская интеграция станет полноценной реальностью, к чему стремятся страны-участницы ЕАЭС, то в мире, наряду с американской, европейской и азиатской, возникнет «четвертая зона» – важный субъект мировой геополитики. Если эта интеграция не произойдет в полной мере, то евразийское пространство все равно будет интегриро-

вано, но уже по частям: что-то отойдет в Европу, что-то в Азию, что-то останется бессильным, изолированным, зависимым осколком.

Межгосударственная интеграция – закон XXI века, и она неизбежна. И выбор лишь в том, будет ли интеграция евразийской, то есть сводящей воедино потенциалы стран СНГ, и в частности, России и Казахстана, либо неевразийской. Либо участницы ЕАЭС и другие страны СНГ будут в центре интеграции, строя свою собственную свободную и защищенную «четвертую зону», либо окажутся на периферии интеграции западных стран как ее объекты, а не субъекты. Это общая угроза для всех новых независимых государств. Между тем, наличие четвертой – евразийской – зоны изменит геополитический статус остальных трех зон. Если Евразия станет единой и Евразийский экономический союз превратится в полноценную реальность, Европа и Азия будут более свободными и независимыми от американского доминирования, возникнет подлинная многополярность. Если же Евразия будет мировой периферией, расколотым пространством, мир будет однополярным и ассиметричным. От того, реализуется ли евразийский проект, напрямую зависит не только судьба наших народов, но и образ будущего глобализирующегося мира. Евразийская интеграция – это ключ к интеграционным процессам в мировом масштабе.

Дисбаланс между человеком и природой, техникой и нравственностью, исламом и христианством, национальным и общечеловеческим, атлантизмом и континентализмом чреват глобальными разрушительными последствиями, даже распадом всей планеты. Практическое воплощение идеи евразийства как типа мироотношения могло бы стать одним из главных путей преодоления этого дисбаланса, способом гармонизации различных сторон современного человеческого общежития. В этом смысле продуктивна новая евразийская философия взаимопонимания, необходимая для обеспечения духовно-нравственной и культурной безопасности государств и народов евразийского пространства. Духовное согласие, без преувеличения, можно рассматривать как основание всех иных форм согласия, поскольку оно есть внутреннее, мировоззренчески-мироотношенческое ядро межчеловеческих связей.

Что же касается евразийской интегральной философии взаимопонимания, основанной на культуре согласия и сосуществования этносов, добрососедских межгосударственных отношениях, то она – вполне естественное проявление глубинной сути идеи евразийства. И если говорить конкретно об идее Евразийского экономического союза наших государств, то она основана на убеждении во внутренней, этнокультурной и психоментальной близости народов, фактическом родстве славян и туранцев.

Возможно, на роль новой философии истории будет претендовать в нашем регионе идея евразийства как перспективная геополитическая и социо-культурная концепция, охватывающая глубокие многоуровневые интеграционные процессы. Ведь синтез национальных и общечеловеческих ценностей – важнейшее эффективное средство формирования пространства межэтнического диалога и межкультурной коммуникации. В этом заключается могучий интеграционный потенциал идеи евразийства, логическим выражением которого стал Евразийский экономический союз.

Список литературы

1. Сулейменов О. Шелковый путь и тюрки. –http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1382023740
2. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
3. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
4. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. – Астана: Деловой Мир Астана, 2012. – С. 142–143.
5. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» // Дайджест «Социум». 1992. – № 5. – http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm

Нысанбаева А.М.
к.полит.н., старший преподаватель кафедры международных отношений Международного казахско-турецкого университета, г.Туркестан, Казахстан
alya77@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *интеграционные процессы, постсоветское пространство, экономическое сотрудничество.*
Keywords*: integration processes, the post-soviet space and economic cooperation.*

Евразийская экономическая интеграция, несомненно, один из самых интересных процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Интерес к нему в глазах мирового сообщества растет день от дня. Растет на фоне затяжного кризиса в странах Европейского Союза, усугубленного санкциями экономического характера против России. Одним из основных инициаторов создания ЕврАзЭС в 1994 году стал Президент РК Н.А. Назарбаев. Евразийская экономическая интеграция предполагает развитие совместного рынка товаров, услуг, инвестиций и трудовых ресурсов. В дальнейшем может способствовать активизации трудовой мобильности на постсоветском пространстве.

«Для Казахстана Евразийский экономический союз представляет потенциально обширный рынок сбыта. Так, объем госзакупок стран-партнеров – 198 млрд. долларов США, что в 26 раз больше объема госзакупок Казахстана. Совокупный объем импорта России и Беларуси составляет 360 млрд. долларов США, что превышает ВВП Казахстана в 1,6 раза»[1].

Евразийская экономическая интеграция в идеале могла бы стать многогранным подобием Великого Шелкового пути, однако охлаждение отношений между Россией и Украиной, а также европейскими странами могут отбросить этот процесс назад, стать определенным препятствием.

По мнению ряда экспертов, Евразийское экономическое интеграционное объединение несомненно, будет способствовать реализации транзитного потенциала как Казахстана, так и России и Белоруссии. «Объем казахстанского транзита через Россию только по железной дороге достиг в 2013 году 24,8 млн. тонн, что составляет 15% всего объема казахстанского экспорта (168 млн. тонн).

Кроме того, предприниматели получают такие преимущества, как выдача единого сертификата качества и происхождения товара, отмена таможенных, фитосанитарных, ветеринарных и иных видов контроля на внутренних границах (кроме пограничного), что позволит бизнесу экономить время, снизив издержки»[2].

В целом, развитие евразийской экономической интеграции может происходить по позитивному сценарию. В будущем вполне возможно дальнейшее расширение горизонтов евразийской интеграции как в азиатском направлении, так и в европейском. Россией совместно с Казахстаном и Белоруссией в настоящее время активно формируется рынок свободных торговых взаимоотношений, который в будущем мог бы конкурировать с европейским. По мнению некоторых экспертов, идея и возможность евразийской интеграции может охватить большую часть постсовесткого пространства, в дальнейшем интеграционное объединение может продвинуться в азиатском направлении.

Нельзя сбрасывать со счетов возможности выхода Казахстана на европейский рынок. Прибыль от реализации казахстанской продукции возросла бы в несколько раз. Так, по мнению ряда экспертов: «При обеспечении благоприятного доступа к газотранспортной инфраструктуре (России) возможно получение дополнительной прибыли при экспорте газа в Европу. Так, экспортная цена казахстанского газа составляет 223,8 долларов США/тыс. $м^3$, в то время как в Европе достигает 470 долларов США/тыс.$м^3$. Таким образом, выгода в случае льготного доступа к транспортной инфраструктуре составит порядка 145,2 долларов США/тыс.$м^3$»[3].

Кроме того, дальнейшему развитию и реализации транзитного потенциала как Казахстана, так и России и Белоруссии, может способствовать завершение строительства и запуск трансконтитентальной автомагистрали «Западная Европа-Западный Китай». С одной стороны, это может повысить конкурентоспособность товаров казахстанского производства как на европейском, так и на азиатском рынках, с другой стороны, увеличению транзита различных товаров через территорию Казахстана, а также несомненно позитивно скажется на росте уровня жизни и благосостояния населения как Казахстана, так и России и Белоруссии.

В заключении хотелось бы добавить, что Евразийская экономическая интеграция – один из самых успешных, перспективных мегапроектов на евразийском континенте.

---

[1] Евразийская экономическая интеграция: 20 наиболее часто задаваемых казахстанцами вопросов (по материалам СМИ, социальных сетей, срезов общественного мнения, экспертных опросов). – Астана 2014. – С. 10. – www.nurotan.kz

[2] Там же.

[3] Там же.

Океанова З.К.
д.э.н., профессор МГЮА
okeanovaz@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: *интеграционная, дезинтеграционная тенденции мирового развития, кризисное состояние мировой экономики, новые методологии сотрудничества, взаимодействия стран в мировой системе.*

Трансформационные процессы рубежа XX–XXI в. оказали огромное влияние как на отдельные страны, так и на процессы мирового развития, обусловив взаимозависимость стран в мировой системе.

При этом проявились две тенденции в развитии стран:

1) *интеграционная,* ориентированная на открытость мира, взаимосвязанность развития, снятие барьеров на пути свободного перемещения товаров, услуг, труда, капитала, информационных, инжиниринговых и других технологий; свободный выход предприятий всех форм собственности на внешние рынки и пр. [1, с. 28–31]

2) *дезинтеграционная,* ориентированная на противодействие стран в условиях противоречивости развития.

Россия, как и многие другие страны, в начале XXI в. приняла концепцию интеграционного развития, став в 2012 г. 156-й членом Всемирной Торговой Организации (ВТО).

Однако в начале второго десятилетия XXI в. ситуация изменилась. В результате присоединения Крыма, Севастополя к России были введены санкции США, Евросоюза против России.

Новая ветвь отношений, проявившихся в условиях противоречивости развития, направлена на сотрудничество, в том числе и России с крупнейшими мировыми державами в интеграционных объединениях БРИКС, ШОС и др. на новых принципах взаимодействия. Для России это важные стратегические партнеры, располагающие мощной сырьевой и производственной базой, финансовыми и трудовыми ресурсами и заинтересованные во взаимовыгодном сотрудничестве.

Ставка на международное взаимодействие и сотрудничество, ориентированная на новые принципы международных отношений, взаимовыгодность участия в союзах, торговли может быть сделана и в современном противоречивом мире.

Сегодня формируется новая ситуация, особое значение для которой имеет избрание Президентом США человека с новыми взглядами – республиканца Дональда Трампа, делающего ставку прежде всего на внутренние проблемы Соединенных Штатов Америки – на создание новых рабочих мест, на технологическое развитие, производство собственной продукции, отказ от импорта, преодоление преступности и т.д. На международной арене его позиция может выразиться в налаживании отношений со всеми странами, которые к этому стремятся. США будут ориентироваться на взаимодействия и сотрудничество, например, с Россией в борьбе с международным терроризмом и др.

Важное высказывание Трампа: «Я буду президентом для всех американцев».

Особое внимание к внутренним проблемам страны со стороны Д. Трампа является важным ориентиром и для других стран, особенно крупных держав, руководство которых, несомненно, обратится к выверке параметров эффективности национального развития.

Сегодняшний мир находится в ожидании перемен и во внешней политике – и в отношении миграционных процессов, борьбы с терроризмом, экономического сотрудничества стран и т.д. Без совместного решения важнейших мировых проблем, достижения консенсуса по основополагающим проблемам мирового развития современное развитие практически невозможно. Здравомыслящие лидеры, как представляется, понимают свою сегодняшнюю историческую миссию.

Список литературы

1. Океанова З.К. Глобализация и проблемы национального развития / The International Scientific Association of Economists «Consilium» // International Scientific Periodical Journal for economists and jurists «The genesis of genius». – Geneva, 2014. – N 3.
2. Океанова З.К. Глобальный системный кризис: тупик или шаг вперед к новым возможностям развития? // The International Scientific and Practical Congress of Economists and Jurists «The global Systemic crisis: new Milestone in Development or an impasse?» Professional scientific publication, – Geneva; Minsk; Odessa; St Petersburg, 2015.
3. Океанова З.К. Глобализация – проблемы и противоречия мирового развития // Бюллетень науки и практики. Научный электронный журнал. – М., 2016. – № 4.
4. Евразийский экономический союз: в интересах бизнеса и граждан. – М., 2015.

Прикладова А.А.
старший преподаватель Российского экономического университета
a.a.prikladova@yandex.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: *БРИКС, научно-технологическое сотрудничество, альтернативная энергетика, возобновляемые источники энергии, ВИЭ, чистые угольные технологии, биотопливо.*

Важным фактором развития сотрудничества стран БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций является наличие общих интересов. В частности, государства объединения уделяют особое внимание проблемам энергетики, связанным с повышением спроса на электроэнергию и истощением месторождений невозобновляемых энергоресурсов. Кроме того, проводятся исследования в области альтернативных источников энергии, в том числе направленных на использование экологически чистого топлива в транспортной сфере. По последним данным, в 2014 г. в глобальной структуре загрязнений доля КНР составила 23,43%, Индии – 5,7, РФ – 4,87, Бразилии – 4,17, ЮАР – 1,6%[1].

Построение модели взаимозависимости между потреблением электроэнергии, численностью городского населения, экономическим ростом и выбросами углекислого газа (CO_2) в странах БРИКС в период с 2004 по 2010 гг. позволило выявить главные факторы загрязнения, а именно: повышение ВВП страны и процесс урбанизации населения. В то же время стоит отметить, что в Бразилии и России рост валового продукта не оказал негативного воздействия на окружающую среду. Данный факт объясняется сырьевой ориентированностью экономик стран и выгодной конъюнктурой на мировых рынках, что стало основной причиной повышения объёмов ВВП Бразилии и РФ.

Весьма распространённым предложением по решению проблемы загрязнения окружающей среды является переход на использование экологически чистых источников энергии. Однако анализ структуры потребления различных видов топлива в странах БРИКС выявил высокую степень зависимости государств объединения от использования минеральных ресурсов, таких как нефть, природный газ и уголь, в энергетической сфере (табл. 1). Следовательно, реализация кратко- и среднесрочных программ по переориентации энергетических систем стран БРИКС на использование ВИЭ представляется экономически нецелесообразной.

Таблица 11

Объём и видовая структура потребления топлива в группе БРИКС в 2014 г.

Страна	Общий объём потребления топлива, млн. т	Доля вида топлива в структуре потребления, %					
		Нефть	Природный газ	Уголь	Атомная	ГЭС	ВИЭ
Бразилия	296,0	48,1	12,1	5,2	1,2	28,2	5,2
Россия	681,9	21,7	54,0	12,5	6,0	5,8	0,01
Индия	637,8	28,3	7,1	56,5	1,2	4,6	2,2
Китай	2972,1	17,5	5,6	66,0	1,0	8,1	1,8
ЮАР	126,7	23,0	2,9	70,6	2,8	0,2	0,5

Источник: BP Statistical Review of World Energy / BP. 2015. – June. – P. 41.

В то же время, существуют альтернативные способы снижения нагрузки на окружающую среду, в частности, использование чистых угольных технологий. Поскольку тепловые электростанции, работающие на каменном угле, занимают наибольший удельный вес в энергетическом балансе Индии, КНР, ЮАР, внедрение подобных инноваций позволит существенно ослабить негативный эффект от использования угля в качестве основного вида топлива для электростанций.

Опыт США показывает, что применение подобных технологий позволяет сократить удельный показатель выброса загрязнений на 77%[2]. В результате полного перехода национальных экономик стран БРИКС на использование чистого угля, совокупная доля группы в глобальной структуре загрязнений может сократиться с 39,8 до 24% при сохранении текущего уровня потребления энергии. При этом возможно усиление положительного эффекта от внедрения чистых угольных технологий за счёт проведения государственной политики энергосбережения.

Поскольку проведение разработок в энергетической сфере является капитало- и наукоёмким направлением, предлагается разработка совместной стратегии группы БРИКС по исследованию и развитию чистых угольных технологий, что позволит повысить экономическую эффективность проекта и укрепить научно-технологические связи объ-

[1] Jaya Josie. BRICS Cooperation for Addressing Carbon Emissions in the Global Commons // VII BRICS Academic Forum / Ed. by G.Toloraya. – Moscow: NCR BRICS, 2015. – P. 502.

[2] Ibid., p. 505.

единения. Реализации программы развития будет способствовать многоуровневая система сотрудничества, о создании которой было объявлено на встрече министров профильных ведомств государств БРИКС в конце 2015 г. Ожидается, что реализация научно-исследовательского и технического потенциала стран объединения будет осуществляться по следующим направлениям[1]:

– взаимодействие в рамках крупнейших научно-исследовательских инфраструктур;

– координация крупномасштабных национальных программ стран БРИКС;

– рамочная программа БРИКС по финансированию многосторонних научно-исследовательских проектов и коммерциализации новых технологий;

– создание Исследовательской и инновационной сетевой платформы стран БРИКС.

В настоящее время сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций предполагает распределение ответственности между государствами БРИКС за осуществление деятельности по пяти тематическим направлениям, которые закреплены в Форталезской декларации. В частности, курирующей стороной по вопросам новой и возобновляемой энергетики, а также энергетической эффективности является КНР[2].

Также следует отметить, что в Китае реализуется масштабная инвестиционная программа по внедрению новых технологий на угольных ТЭС, которые вырабатывают в совокупности более 600 МВт электроэнергии[3]. Кроме того, в партнёрстве с американской компанией Colombia Clean Power & Fuels китайское предприятие Dongshi занимается исследованием нового технологического процесса по производству металлургического кокса. В свою очередь, правительство КНР оказывает всестороннюю поддержку национальным компаниям, занимающимся разработкой конкурентной технологии по подземной газификации угля.

Вторым направлением по снижению нагрузки на окружающую среду является интенсификация научно-исследовательской работы в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) с последующей коммерциализацией разработок посредством внедрения в производственные процессы и экспорта новых технологий.

Основными сегментами рынка ВИЭ является биотопливо, солнечная и ветровая энергетика. По данным аналитической компании в области чистых технологий Clean Edge, размер мирового рынка альтернативных источников энергии в 2013 г. составил 247,6 млрд. долл., в том числе сегменты биотоплива – 97,8 млрд. долл. (39,5% от общего объёма), солнечной энергетики – 91,3 млрд. долл. (36,9%), ветровой энергетики – 58,5 млрд. долл. (23,6%). Несмотря на замедление темпов роста, связанное с нестабильной экономической ситуацией в мире, в целом по отрасли сохраняется положительная динамика. Тем не менее, стоит отметить, что в период 2000–2013 гг. было зафиксировано уменьшение объёма отдельных сегментов, в частности, размер глобального рынка солнечной энергетики сократился на 13% в 2012 г., а ветровой – на 20,7% в 2013 г.

По прогнозам экспертов, объём мирового рынка возобновляемых источников энергии увеличится до 397,8 млрд. долл. к 2023 г. Ожидается, что основным драйвером роста станет сектор солнечной энергетики, который должен увеличиться до 158,4 млрд. долл., что составляет 173,5% к уровню 2013 г. В свою очередь, сегменты биотоплива и ветровой энергетики, по оценкам экспертов, к 2023 г. расширятся до 145,6 млрд. долл. и 93,8 млрд. долл., соответственно[4].

По прогнозам Российского энергетического агентства, к 2030 г. удельный вес биотоплива в структуре глобального энергетического рынка составит от 10 до 30% в зависимости от сценария развития[5]. Соответственно, совокупная доля возобновляемых источников энергии (включая солнечную, ветровую, геотермальную, силы приливов и отливов и др.) может составить не менее 25%, исходя из текущей структуры рынка ВИЭ.

Развитие партнёрских отношений стран объединения в области науки, технологий и инноваций предлагается на основе схемы, предусматривающей полный цикл проведения научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР): от определения стран-координаторов по тематическому направлению до коммерциализации новых разработок:

1. Определение центров притяжения, или координации.
2. Разработка технического задания НИОКР.
3. Привлечение государственных и частных инвестиций.
4. Поэтапная реализация научно-исследовательских проектов.
5. Внедрение новых технологий в производство / создание совместных предприятий.

Центры притяжения координируют совместную работу по осуществлению НИОКР на всех этапах. Разработка технического задания научно-исследовательских работ проводится совместно с заинтересованными структурами, что позволяет повысить практическую значимость исследований. Одним из главных вопросов реализации многостороннего сотрудничества является финансирование проектов. Помимо государства в качестве инвесторов необходимо привлекать частные структуры, что является ключевой предпосылкой для успешного внедрения новых разработок в хозяйственный оборот. Дополнительным источником финансирования НИОКР может стать Банк развития БРИКС.

---

[1] Московская декларация министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС (28 октября 2015 года). – http://brics2015.ru/load/794540

[2] Декларация, принятая по итогам VI саммита БРИКС (г. Форталеза, Федеративная Республика Бразилия) 15 июля 2014 года. – http://brics2015.ru/load/17233

[3] Jaya Josie. Op. cit., p. 506.

[4] Clean Energy Trends 2014 / Clean Edge, Inc. 2014. – March. – http://cleanedge.com/content/reports-download?fid=581.

[5] Шаталова О. Растим горючее // Бизнес-журнал. 2014. – № 3. – http://b-mag.ru/2014/russia/rastim-goryuchee/

Впоследствии, происходит поэтапная реализация научно-исследовательских проектов с возможностью мониторинга и контроля промежуточных результатов со стороны центров координации и заказчиков. В завершении проведения НИОКР ожидается внедрение новых разработок на действующих предприятиях или в новое производство, в том числе совместное.

В заключении, стоит отметить основные положения:

– группа БРИКС должна стать одной из главных движущих сил в решении глобальной проблемы загрязнения окружающей среды, поскольку на страны объединения приходится около 40% мировых выбросов;

– ввиду высокой степени зависимости государств от использования традиционных источников энергии, переход на ВИЭ в кратко- и среднесрочной перспективе является экономически невыгодным;

– для усиления роли стран БРИКС на международном рынке энергетических технологий предполагается интенсификация сотрудничества при разработке и внедрении чистых угольных технологий, а также проведении совместных НИОКР, направленных на развитие возобновляемых источников энергии;

– основой успешного сотрудничества государств БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций должна стать специализация стран на конкретном направлении и ориентирование на коммерциализацию инноваций, которая предполагает расширение экспорта новых технологий.

Рутко Д.Ф.
к.э.н., с.н.с. Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси
diev2001@mail.ru
Радюк О.С.

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ БРИКС

Ключевые слова*: БРИКС, Республика Беларусь, внешнеэкономическое сотрудничество, экспорт, импорт, инвестиции, инвестиционное сотрудничество.*

Keywords: *BRICS, the Republic of Belarus, foreign economic cooperation, export, import, investment, investment cooperation.*

Основу влияния БРИКС на международной арене составляют растущая экономическая мощь государств-участников, их значение как одной из главных движущих сил развития глобальной экономики, значительная численность населения и богатые природные ресурсы. На долю БРИКС приходится 30% мировой территории, 42 – населения планеты, 21 – мирового ВВП, 17 – мировой торговли товарами и 13% мировой торговли услугами[1].

Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Беларусь со странами БРИКС представляет особый интерес, так как дает определенные возможности для белорусской экономики, перед которой перманентно стоят задачи модернизации, расширения и диверсификации экспорта и привлечения иностранных инвестиций.

На современном этапе Беларусь развивает торгово-экономические отношения со всеми странами БРИКС. Два государства из пяти, входящих в объединение, – Россия и Китай – являются стратегическими партнерами Республики Беларусь. В целом же на государства БРИКС приходится 55,0% внешнеторгового товарооборота, 44,4 – экспорта, 64,4% импорта Беларуси[2].

Традиционным торговым партнером Республики Беларусь в силу географических, исторических и экономических предпосылок является Российская Федерация, с которой Беларусь строит Союзное государство и вместе входит в Евразийский экономический союз. Именно Россия, занимающая первое место в географической структуре белорусского экспорта и импорта, определяет высокую долю участия стран БРИКС во внешней торговле Республики Беларусь.

Удельный вес России в товарообороте Республики Беларусь в течение последних 10 лет практически не менялся и составляет около 48%. При этом экспорт в Россию занимает 35–40% в экспорте Беларуси, а импорт из России – 56–60%. Беларусь импортирует из России в основном сырьевые товары: нефть, природный газ, черные металлы и др. Импорт сырьевых товаров в среднем занимает 70% от общего объема импорта товаров из России. Традиционно ввозится около 20 млн. м^3 природного газа, 21,5–23 млн. тонн нефти на переработку. Кроме того Беларусь импортирует из России черные металлы, электроэнергию, легковые автомобили, телефонные аппараты и др.[3] Таким образом, импорт из России является преимущественно сырьевым (энергетический) и используется в основном на производственные цели.

Экспортирует Беларусь в Россию в основном готовую продукцию. В 2015 г. 47% экспортируемых тракторов, 75 – грузовых автомобилей и 78% автобусов поставлялись непосредственно на российский рынок. Кроме того, Россия является и основным рынком для белорусской продовольственной продукции: 97% всего экспорта мяса говядины, свинины и кур, 96 – экспорта молочных продуктов и 90% колбас и аналогичных готовых изделий из мяса поставляется в Россию. В последние годы увеличились объемы поставок на экспорт в Россию нефтепродуктов в рамках достигнутых соглашений. В 2013 г. этот объем достиг 1,3 млн. т на сумму 880 млн. долл., в 2014 г. поставлено 1,8 млн. т на сумму 1,1 млрд. долл., в 2015 г. – 903 млн. т на 372,5 млн. долл.[4]

В целом белорусский экспорт в Россию носит несырьевой характер. Российский рынок является основным потребителем белорусской промышленной продукции.

Кроме того следует отметить, что в России организован ряд сборочных производств белорусской техники, в связи с чем высоки объемы поставляемых туда частей и приспособлений для моторных транспортных средств.

Среди совместных производств лидируют предприятия сельхозмашиностроения. Например, в середине 2000-х годов ряд российских предприятий организовали сборочные производства белорусских тракторов. Так, ОАО «Ногин-

---

[1] Официальный сайт Всемирного банка. Статистическая база. – http://data.worldbank.org/indicator

[2] International trade centre. – http://www.intracen.org; Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – http://belstat.gov.by/

[3] Внешняя торговля Республики Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редколлегия: И.В. Медведева (председатель) и др.]. – Минск: Нац. статистический комитет Респ. Беларусь, 2015. – 131 с.

[4] Внешняя торговля / Министерство иностранных дел Республики Беларусь – http://mfa.gov.by/export

ский завод топливной аппаратуры» приступило к сборке тракторов МТЗ-80, а ОАО «Елабужский автозавод» начало сборку тракторов МТЗ-82 и МТЗ-1221 и т.д. Участие российской стороны заключается также и в изготовлении навесного оборудования к тракторам.

Еще на ряде российских производств организована сборка белорусских тракторов Минского тракторного завода класса 1,4, к числу которых относятся ОАО «Смолспецтех» (Смоленск), Бузулукский механический завод, ТД «МТЗ-ЕлАЗ», Череповецкий литейно-механический завод и ООО «Инмаш» (г. Стерлитамак).

Сборка тракторов в Татарстане осуществляется на производственных мощностях Елабужского автомобильного завода (ОАО «ЕлАЗ») по лицензии Минского тракторного завода (МТЗ). В 2011 году на ОАО «ЕлАЗ» было произведено 8 тысяч тракторов. Машины были реализованы как на территории Татарстана, так и на территории других субъектов Российской Федерации.

Помимо тракторных производств в России создаются сборочные производства белорусских комбайнов. В настоящее время от РУП «Гомсельмаш» созданы и функционируют совместные производства в различных регионах России. Крупнейшие из них – ЗАО СП «Брянсксельмаш», выпускающее зерно- и кормоуборочные комбайны с использованием машинокомплектов «Гомсельмаша», а также ЗАО «Шимановский машиностроительный завод «Кранспецбурмаш» в Амурской области, который осуществляет крупно-узловую сборку зерноуборочных комбайнов ПАЛЕССЕ GS812C на армированных резиновых гусеницах, самостоятельно производя необходимые узлы гусеничного хода.

В Удмуртской Республике сборку комбайнов ПАЛЕССЕ GS812 осуществляет ОАО «Удмуртагроснаб». С 2011 года ПАЛЕССЕ GS812 и ПАЛЕССЕ GS812C собираются на производственных площадях ОАО «Агропромпарк» (Ульяновская область) и ООО «АгроцентрАлтай» (Алтайский край).

Сборку зарекомендовавшего себя в российских хозяйствах кормоуборочного комбайна ПАЛЕССЕ FS60 осваивает ООО «Агросельхозтехника» (Красноярский край).

В Омске на «Механическом заводе «Калачинский» организовано производство зерноуборочных комбайнов «Лида-1300», собранных из узлов и деталей, полученных с белорусского завода ОАО «Лидагропроммаш».

ОАО «Бобруйскагромаш», выпускающее технику для заготовки и раздачи кормов, прицепную технику организовало уже четыре СП в России: в Барнауле, Москве, Вологодской области, Татарстане. Спектр выпускаемых на них агрегатов широчайший – от пресс-подборщика до самосвальных полуприцепов. При этом широко используются российские материалы и комплектующие узлы, детали.

В производстве лесозаготовительной техники активно развивает совместные производства ОАО «Амкодор». Стратегическим партнером ОАО «Амкодор» на российском рынке в области производства и продвижения лесозаготовительной техники выступает ООО «Велмаш-С». В результате совместного сотрудничества на российском предприятии освоен серийный выпуск форвардера АМКОДОР-ВЕЛМАШ 2661-01 и харвестера АМКОДОР-ВЕЛМАШ 2551.

Уже несколько лет в России производятся белорусские холодильники «Атлант». Производство продукции под одноименной торговой маркой в Российской Федерации осуществляет совместное предприятие «Атлант-СМ», созданное в 2006 году на производственных площадях Смоленского завода холодильников «Айсберг» с целью расширения модельного ряда. В рамках лицензионного договора предприятие «Атлант-СМ» производит 5 моделей холодильников и 2 модели морозильников под торговой маркой «Атлант». Их производство было перенесено из Минска в Смоленск с целью освоения новых рынков и создания международного холдинга во главе с ЗАО «Атлант».

Совместные предприятия, созданные «Могилевлифтмашем», работают в Нижегородской области, Санкт-Петербурге, Кемерово, Новосибирске, Хабаровске. Одни заводы уже вышли на проектную мощность, другие пока находятся в стадии становления.

Однако анализ динамики экспорта на рынок основного партнера Беларуси показывает, что белорусский экспорт в последние годы по отдельным позициям машиностроения сократился в несколько раз. Это касается как готовых тракторов (падение в 2015 г. по сравнению с 2011 г. в 3,8 раза) и грузовых автомобилей (соответственно, в 2,4 раза), так и частей моторных транспортных средств (в 1,9 раза). Объем продаж шин и покрышек в 2011–2015 гг. упал в 2,5 раза, холодильников на 27% и т.д.[1]

Сужение внутреннего рынка Российской Федерации привело к существенному сокращению белорусского несырьевого экспорта и падению промышленного производства. Кроме того необходимо учитывать, что в рамках ряда государственных программ в Российской Федерации создаются и развиваются аналогичные производства как в сфере сельского хозяйства, так и в промышленности.

Таким образом, стратегически необходимо частично диверсифицировать поставки с российского рынка, даже если сейчас более выгодно реализовывать продукцию там. На рынке самой России следует также приложить максимум усилий, чтобы не потерять достигнутых позиций в конкурентной борьбе со странами ВТО по традиционному белорусскому экспорту.

Укреплению позиций Беларуси и расширению экономического сотрудничества в машиностроении двух стран частично могло бы содействовать образование межгосударственных холдинговых структур и транснациональных корпораций с участием БелАЗ, МАЗ, МТЗ, «Гомсельмаш» и других заводов. В частности, в настоящее время конкурентами являются «Гомсельмаш» и «Ростсельмаш». Линейка зерноуборочной техники, которую они выпускают, во многом дублируется и пересекается. Объединение же двух ведущих производителей сельскохозяйственной техники Беларуси и России в холдинг позволит усилить позиции не только на внутреннем рынке, в пределах единого экономического пространства, но и на внешнем.

[1] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – http://belstat.gov.by/

Объединение в холдинг «Росбелавто» производителей тяжелых грузовиков КамАЗа и МАЗа позволит получить новый сегмент рынка КамАЗу, нарастить объемы производства МАЗу и укрепить рыночные позиции обоих предприятий, чтобы противостоять конкурентам из стран-участниц ВТО.

Возможен вариант кооперации Минского завода колесных тягачей («МЗКТ») и российского «ГАЗа» и т.д.

Хотя, справедливости ради, следует отметить широкий спектр проблем построения подобных межстрановых холдингов в машиностроении Беларуси и России, в первую очередь, в связи с принятием или непринятием сторонами рыночной оценки активов партнера.

В целом же в ситуации, когда российский рынок сужается, вопрос торгово-экономического взаимодействия с государствами-членами БРИКС, кроме Российской Федерации, приобретает еще большую актуальность.

Вторым государством БРИКС по объемам товарооборота с Республикой Беларусь является Китай, на долю которого приходится 2,9% белорусского экспорта и 6,9% импорта[1].

В 2015 г. в Китай поставлено белорусской продукции на 785,7 млн. долл., импортировано из Китая товаров на 2028,2 млн. долл.

О динамике развития белорусско-китайской торговли можно судить по тому факту, что в целом за двадцать четыре года с момента установления дипломатических отношений взаимный товарооборот вырос в 84 раза: с 34 млн. долл. в 1992 году до 2,8 млрд. долл. по итогам 2015 года[2].

Из Беларуси в Китай экспортируются, главным образом, сырьевые товары – калийные удобрения, полиамиды в первичных формах, соединения гетероциклические, лен-сырец, жгут синтетических нитей, лесоматериалы, а также комбайны и др.

Импортируются из Китая телефонные аппараты, вычислительные машины, оборудование, части транспортных средств, детали обуви и др.

В развитие предложения Премьера Госсовета Ли Кэцяна на встрече с Премьер-министром Республики Беларусь Мясниковичем М.В. о совместной разработке и организации производства сверхмощных тракторов было подписано Соглашение о сотрудничестве по проекту создания сверхмощных тракторов 400-550 л.с. между ОАО «МТЗ» и «YTO GROUP Corporation», в соответствии с которым опытные образцы трактора мощностью до 450 л.с. планировалось изготовить в мае 2015 г., трактора до 550 л. с. – в мае 2016 г.

Стимулируя поставки современного китайского оборудования и комплектующих в страну, Беларусь, в свою очередь, заинтересована в наращивании объемов экспорта белорусской продукции в КНР. Это касается как традиционных позиций экспорта Республики Беларусь (калийные удобрения, нефтехимическая продукция, карьерные самосвалы, тракторы, комбайны, полупроводники и интегральные схемы), так и других товаров машиностроительной, сельскохозяйственной, пищевой отраслей (молочная продукция), которые пока недостаточно представлены в Китае.

Третьим государством БРИКС по объемам товарооборота с Республикой Беларусь является Бразилия, экспорт в которую составляет 1,9% экспорта Республики Беларусь, импорт – 0,4%. В 2015 г. в Бразилию экспортировано товаров на 521,3 млн. долл., ввезено из Бразилии – на 123,2 млн. долл.[3]

Основными экспортными позициями Беларуси на бразильском рынке являются калийные и азотные удобрения; аппаратура, основанная на использовании рентгеновского излучения; ткани льняные, полиамиды в первичных формах, стекловолокно, осциллоскопы, шины новые и др.[4] Ввозятся из Бразилии, главным образом, фрукты (яблоки, груши, цитрусовые, абрикосы, вишня, персики, томаты), сахар, свинина, кожа и др.

Как и в случае с Китаем, несмотря на наличие местного спроса на аналогичный импорт, ряд экспортных возможностей Беларуси в Бразилии не реализован. Так, проведенный анализ показывает, что объемы бразильского рынка в разы превышают белорусский экспорт по таким позициям, как: калийные и азотные удобрения, льняные ткани, стекловолокно, изделия из пластмасс, полиамиды в первичных формах, шины, одежда, продукция машиностроения (тракторы, грузовые автомобили, комбайны, автобусы), комплексные синтетические нити, лифты, инсектициды, белье и др. Данный факт следует рассматривать как не использованный потенциал наращивания торговых поставок в Бразилию.

Четвертым по объемам товарооборота партнером Беларуси из БРИКС является Индия. Ее удельный вес в белорусском экспорте составляет 1,2%, в импорте – 0,4%. На экспорт в Индию поставляются из Беларуси калийные и азотные удобрения (на эти две товарные позиции приходится 88,5% белорусского экспорта в эту страну), кислоты поликарбоновые, жгут синтетических нитей, полиамиды в первичных формах, нити комплексные синтетические, гидразин и гидроксиламин, проволока из железа или нелегированной стали, дубленая кожа или кожевенный краст и др.[5]

В Индии зарегистрированы представительства ЗАО «Белорусская калийная компания», ЗАО «Белтехэкспорт», ОАО «Амкодор», совместное предприятие «BelAZ Enrika Mining Equipments Services Private Limited».

Импортирует Беларусь из Индии лекарственные средства, рыбу и ракообразных, табачное сырье, чай, рис, антибиотики и проч.

---

[1] Внешняя торговля / Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – http://mfa.gov.by/export

[2] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – http://belstat.gov.by/

[3] Внешняя торговля Республики Беларусь: статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редколлегия: И.В. Медведева (председатель) и др.]. – Минск: Нац. статистический комитет Респ. Беларусь, 2015. – 131 с.

[4] История двусторонних отношений Беларуси и Бразилии / Посольство Республики Беларусь в Федеративной республике Бразилия. – http://brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/

[5] International trade centre. – http://www.intracen.org; Торгово-экономические отношения Беларуси и Индии / Посольство Республики Беларусь в Республике Индия. – http://india.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_ economic/

Невысокий удельный вес Индии, страны с рынком огромной емкости, в экспорте Беларуси свидетельствует о недостаточной проработке белорусскими предприятиями данного рынка. Учитывая имеющийся спрос на импорт, представляется возможным нарастить в Индию поставки калийных удобрений, дубленой кожи, комплексных синтетических нитей, белорусской техники, холодильников и морозильников, молочной продукции, косметической продукции, проводов, льна и льняных товаров, полимеров этилена, инсектицидов и проч.

Наименьшие объемы торговли среди стран БРИКС Беларусь имеет с ЮАР, экспорт в которую в 2015 г. составил лишь 0,1% от суммарных поставок за рубеж, импорт – 0,4% от ввоза товаров в республику.

Основными экспортными позициями Беларуси в ЮАР являются калийные удобрения, части моторных транспортных средств, антидетонаторы, антиоксиданты, льняные ткани, двигатели и силовые установки, измерительные приборы, устройства на жидких кристаллах и проч. При этом, например, по шинам и покрышкам Беларусь в последние годы лишь теряла позиции на данном рынке. Импортируются в Беларусь из ЮАР, как и в случае с Бразилией, фрукты (яблоки, груши, цитрусовые, абрикосы, вишня, персики, виноград, томаты, финики) и овощи[1].

При общем объеме импорта ЮАР в 2015 г. 86 млрд. долл., ввоз товаров из Беларуси в эту страну составил лишь 7 млн. долл., из них 4,6 млн. долл. – калийные удобрения. В силу географических, политических, финансовых факторов работать на данном рынке достаточно сложно, но, тем не менее, возможно. Беларусь может предложить ЮАР весьма широкий перечень продукции: азотные и комплексные удобрения, технику (грузовые автомобили, тракторы и проч.), лифты, казеин, молочную продукцию, синтетические волокна и нити, льняные ткани, насосы воздушные, аппаратуру на основе использования рентгеновского излучения и др.

Таким образом, следует отметить высокий потенциал роста поставок белорусской продукции в страны БРИКС. Как показал постраховый анализ импорта, перечень товаров, ввозимых БРИКС, тесно коррелирует с номенклатурой белорусского экспорта. Все производственные возможности для наращивания поставок в государства объединения у Беларуси имеются, поскольку в ситуации падения спроса на российском рынке мощности многих белорусских предприятий используются не полностью (экспорт Беларуси в 2015 г. составил лишь 58% от уровня 2012 г., когда наблюдался его всплеск; объем промышленного производства – 90,6% к 2012 г.).

В настоящее время страны БРИКС являются одними из основных доноров и получателей белорусских инвестиций. В целом на объединение приходится 58,1% накопленных ПИИ, привлеченных в Республику Беларусь, и 79,3% ПИИ из Беларуси.

Основными партнерами республики в сфере инвестирования являются Россия, которая занимает первое место как по объемам вложения в белорусскую экономику, так и по объемам получения инвестиций из Беларуси, и Китай (10 место по объемам вложения и 5-е место по объемам получения, соответственно)[2].

Таблица 1

Инвестиционное сотрудничество Беларуси и стран БРИКС (по данным международной инвестиционной позиции Республики Беларусь), млн. долл.

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Накопленные ПИИ в Беларусь – всего, в т.ч.:	9 904,2	12 993,3	14 586,2	16 673,5	17 773,0
БРИКС, в т.ч.:	5 898,4	8 401,0	9 131,5	9 942,2	10 324,8
Россия	5 877,9	8 372,9	9 037,3	9 822,2	10 154,5
Южная Африка	0,3	0,2	1,0	1,4	1,4
Бразилия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Китай	18,9	27,8	93,0	118,5	168,7
Индия	1,4	0,2	0,2	0,1	0,1
Накопленные ПИИ из Беларуси – всего, в т.ч.:	204,8	289,3	468,7	730,2	668,5
БРИКС, в т.ч.:	164,2	245,4	381,3	589,2	530,1
Россия	155,7	236,6	370,8	577,8	518,3
Южная Африка	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3
Бразилия	0,3	0,6	0,9	1,1	1,1
Китай	7,9	7,9	9,2	10,0	10,3
Индия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: данные Национального банка Республики Беларусь.

Инвестиционное партнерство Республики Беларусь с Россией является наиболее долгим и плодотворным вследствие объективных географических, исторических и экономических факторов.

Так, в Беларуси создано 7172 организации с участием иностранного капитала, в том числе 4133 – совместные организации и 3003 – иностранные организации. При этом число предприятий, созданных в республике с участием российского капитала, по состоянию на 01.01.2014 г. составило 2746, в том числе число совместных предприятий с участием российского капитала составило 1704, а со 100% российским капиталом – 1024.

Среди совместных белорусско-российских предприятий, действующих на белорусском рынке, следует выделить ОАО «Брестгазоаппарат» (г. Брест, производство газовых плит), СООО «МобильныеТелеСистемы» (г. Минск),

[1] Торгово-экономическое сотрудничество с ЮАР и другими странами Юга Африки / Посольство Республики Беларусь в Южно-Африканской республике. – http://rsa.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/

[2] Прямые иностранные инвестиции Республики Беларусь. Статистическая информация / Национальный банк Республики Беларусь. – http://www.nbrb.by/statistics/ForeignDirectInvestments/

СООО «Юнимилк-Шклов» (Могилевская область, производство молочных продуктов), СООО «Юнимилк-Пружаны» (Брестская область, производство молочных продуктов), ЗАО «Гранд Экспресс» (Могилевская область, вагоностроение), ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод» (Гомельская область, производство нефтепродуктов), ОАО «БПС-Сбербанк», ЗАО «Банк ВТБ (Беларусь)», ЗАО «Альфа-Банк (Беларусь)» и ОАО «Банк БелВЭБ» др. В рамках генерального контракта на сооружение белорусской АЭС в ноябре 2013 г. ЗАО «Атомстройэкспорт» начато строительство белорусской АЭС.

В качестве основного приоритета инвестиционной политики Беларуси в России, как уже отмечалось выше, остаётся работа по созданию сборочных производств белорусской техники на российских предприятиях.

Инвестиционное взаимодействие Беларуси и России осуществляется также в рамках программ и мероприятий Союзного государства, на которые выделяются средства из бюджета Союзного государства. Продолжается сотрудничество двух стран в области создания единого навигационно-информационного пространства на территории Беларуси и России, развития совместной нормативно-правовой базы в области создания и использования космических технологий, использования навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, а также регулирования деятельности сетевых операторов[1].

Кредитно-инвестиционное сотрудничество Беларуси и Китая в основном можно рассматривать как проектное финансирование, то есть привлечение кредитных ресурсов китайских банков для финансирования крупных инвестиционных проектов (Минские ТЭЦ-2, ТЭЦ-5, цементные заводы, Березовская, Лукомльская ГРЭС и пр.). Эти инвестиционные проекты реализуются, как правило, путем проектирования, поставки, монтажа и строительства объектов китайской стороной. Китайская составляющая в проекте варьирует от 30% (иногда от 50%) и зависит от требований китайского банка и страховой компании. Кроме того часто условием привлечения китайского финансирования является поставка ключевого оборудования китайского производства. Участие белорусских субподрядчиков может быть регламентировано условиями коммерческого контракта, которые оговариваются сторонами. Финансирование проектов осуществляется кредитами китайских банков (как правило, кредит составляет 85% от суммы контракта). В данном случае не предусматривается привлечение прямых или портфельных китайских инвестиций в проект. С одной стороны, это выгодно белорусской стороне, которая сохраняет право собственности на объект, с другой стороны – китайской, которая минимизирует риски прямых инвестиций и управления объектом[2].

В последние годы имеет место интенсификация процессов кредитно-инвестиционного сотрудничества с Китаем. Так, если за 2003–2008 годы в экономику Беларуси поступило китайских инвестиций на сумму около 230 млн. долл. США, то за 2008–2013 годы завершены либо находятся в активной стадии реализации проекты на общую сумму более 5 млрд. долл. США. За данный период китайские банки (Экспортно-импортный банк Китая и Государственный банк развития Китая) открыли Беларуси кредитные линии на общую сумму 14 млрд. долл. США.

В активной стадии реализации находятся такие совместные проекты, как строительство целлюлозного завода; электрификация участков железной дороги Гомель-Жлобин-Осиповичи; реконструкция участка автомобильной дороги М5/Е271; строительство Витебской ГЭС; строительство завода по производству картона; создание национальной системы спутниковой связи и вещания и др.[3]

Беларусь и Китай реализуют ряд совместных проектов с участием прямых инвестиций сторон в области промышленности: СП «Мидеа-Горизонт» (г. Минск), СП «Волат-Саньцзян» (г. Минск), СП «Санцзян-Волат компания Лтд.» (г.Ухань), СП ООО «АВИК-БЕЛАЗ Карьерные Машины» (г.Пекин), СП «Харбин Дунцзинь Гомель предприятие сельскохозяйственного машиностроения» (г.Харбин), СП «Харбин Дунцзинь Минск Трактор Ко.» (г.Харбин). Прорабатывается вопрос создания в Китае новых СП по сборке сельхозтехники в ряде провинций Китая.

С участием китайских прямых инвестиций в Беларуси также реализуются проекты в области недвижимости. Пекинская компания «БиЮСиСи» построила и в апреле 2014 г. ввела в эксплуатацию отель «Пекин». Идет застройка жилого массива в микрорайоне «Лебяжий». Уже реализуются квартиры первых двух домов, построенных китайской компанией. Одновременно идет строительство еще пяти домов.

В декабре 2011 г. в Беларуси было создано СЗАО «БелДжи» (учредителями являются ОАО «БелАЗ» (50% акций), китайская компания «Джили» (32,5%) и совместное белорусско-китайское предприятие по производству автокомпонентов «Союзавтотехнологии»). В настоящее время на предприятии осуществляется сборка легковых автомобилей из SKD-комплектов (крупноузловая сборка).

С 2010 года Беларусь и Китай сотрудничают по созданию в Республике Беларусь Китайско-Белорусского индустриального парка. Кроме того, достигнута договоренность о более глубоком участии Беларуси в Экономическом поясе Шелкового пути.

Потенциал инвестиционного сотрудничества Беларуси с Индией пока не задействован даже наполовину, о чем свидетельствуют практически нулевые данные об объеме взаимных ПИИ. В то же время по итогам прошедшего 2–4 июня 2015 г. первого официального визита в Беларусь Президента Индии Пранаба Мукерджи достигнут ряд договоренностей, которые будут способствовать активизации данного процесса. В частности, одним из главных практических итогов белорусско-индийских переговоров в Минске стало подписание дорожной карты двустороннего сотрудничества. Стороны также достигли договоренности о поставках белорусской техники, в первую очередь сельскохо-

---

[1] Российско-белорусское инвестиционное сотрудничество / Портал внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации. – http://www.ved.gov.ru/exportcountries/by/by_ru_relations/by_rus_projects/

[2] Рудый К.В. Кредитно-инвестиционное сотрудничество Беларуси и Китая // Банкаўскі веснік. 2011. – № 28 [537]. – С. 47.

[3] О кредитно-инвестиционном сотрудничестве Беларуси и Китая / Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – http://china.mfa.gov.by/ru/invest/

зяйственной, о создании совместных предприятий по производству белорусской техники в Индии и создании совместных предприятий в Беларуси, на что индийское правительство выделило около 100 млн. долл. США кредитных ресурсов[1].

В качестве приоритетов инвестирования индийским президентом были названы такие сектора, как традиционная и малая энергетика, новые и возобновляемые источники энергии, металлургия и горнодобывающая промышленность, автомобильная и сельскохозяйственная техника, фармацевтика, нефть и газ, сельское хозяйство, пищевая промышленность, расширение взаимодействия в сфере услуг (IT, здравоохранение, финансы, транспорт и логистика).

Республика Беларусь заинтересована в создании в Индии собственного центра сервисного обслуживания БелАЗа, в организации совместных производств автобусов, грузовых автомобилей, коммунальной и дорожно-строительной техники, тракторов. Кроме того, белорусская сторона приветствует приход индийских инвесторов в сферу фармацевтического производства. Перспективными могут также стать совместные разработки в области нано- и биотехнологий, микроэлектроники, машиностроения, возобновляемых источников энергии[2].

Невысок в настоящее время и уровень инвестиционного сотрудничества Беларуси и Бразилии, о чем свидетельствуют статистические данные. Хотя следует отметить, что взаимная заинтересованность в активизации сотрудничества высказывалась несколько раз на высшем уровне. В частности в 2010 г. во время визита Александра Лукашенко в Бразилию на встрече белорусского лидера с Президентом Бразилии Луисом Инасиу Лулой да Силвой было решено, что Беларусь и Бразилия создадут торгово-экономическую комиссию и откроют посольства. Результатом проведенных переговоров стала договоренность о развитии сотрудничества между Беларусью и Бразилией в сфере сельского хозяйства, автомобилестроительной и химической промышленности.

В Бразилии работают представительство ЗАО «Белорусская калийная компания» – «BPC Fertilizantes Brazil Ltda» и торговый дом ОАО «Белшина» – «Belshina Brazil Export-Import Ltda». Ведется работа по реализации проекта по созданию сборочного производства тракторов «Беларус»[3].

Уровень инвестиционного сотрудничества Беларуси и ЮАР также невысок. В начале 2000-х годов высказывалась заинтересованность в расширении взаимодействия Беларуси и ЮАР в энергетической сфере и привлечении белорусских инвестиций в разработку богатых минеральных ресурсов этой страны, а также развитии производственной кооперации. Однако мировой экономический кризис существенно замедлил реализацию подобных планов. 2010 год стал периодом восстановления деловых контактов и объема торговых операций между двумя странами. Тем не менее, присутствие белорусских производителей на южноафриканском рынке пока не отвечает потенциальным возможностям и потребностям партнеров. Особенно с учетом перспектив развития этой страны на африканском континенте[4].

Таким образом, в настоящее время развитым можно назвать только инвестиционное взаимодействие Беларуси с двумя ее стратегическими партнерами – Россией и Китаем, уровень сотрудничества с другими странами БРИКС в инвестиционной сфере минимален, что свидетельствует о значительном нереализованном потенциале по наращиванию инвестирования. Кроме того, говоря о БРИКС, не следует сбрасывать со счетов созданные в рамках объединения такие финансовые институты, как Банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС. Теоретически в будущем у Беларуси есть возможность кредитоваться в банке БРИКС[5]. Хотя самые первые кредиты, вероятно, будут связаны с инфраструктурными проектами именно стран-участниц объединения, потенциально имеются планы по проведению операций с более широким кругом государств.

Таким образом, для Республики Беларусь – страны с открытой экономикой и многовекторной политикой – идея налаживания диалогового механизма с данными пятью быстроразвивающимися странами является достаточно актуальной. Государства БРИКС являются не только крупнейшими центрами экономического роста и политического влияния, но и обладают значительным интеграционным потенциалом в своих регионах. Партнерские отношения со столь влиятельными акторами мировой арены для небольшого белорусского государства – это огромные возможности. В свою очередь, Республика Беларусь представляет интерес для стран БРИКС по различным направлениям внешнеэкономического сотрудничества.

---

[1] Беларусь – Индия: курс на миллиард // Россия в БРИКС [Электронный ресурс]. – http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBNovstart/025CA2B5D6E76FEA43257E5B0047929E

[2] Беларусь – Индия: развитие инвестиционного сотрудничества // Портал информационной поддержки экспорта. – http://export.by/resources/izdaniya_i_publikacii/belarus_%E2%80%94_indiya_razvitie_investicionnogo_sotrud.html

[3] Беларусь – Бразилия: через региональные связи к расширению сотрудничества // Портал информационной поддержки экспорта. – http://export.by/resources/izdaniya_i_publikacii/belarus_%E2%80%94_braziliya_cherez_regionalnie_svyazi_k_.html. – Бразильские инвестиции обсудили сегодня в правительстве / Агентство теленовостей. – http://www.tvr.by/news/ekonomika/brazilskie_investitsii_obsudili_segodnya_v_pravitelstve/

[4] Беларусь – ЮАР: основа взаимодействия – инвестиции // Портал информационной поддержки экспорта. – http://export.by/resources/izdaniya_i_publikacii/belarus_%E2%80%94_yuar_osnova_vzaimodeistviya_%E2%80%94_invest.html

[5] Беларусь с формированием нового банка БРИКС может рассчитывать на кредиты – эксперт. – http://news.21.by/economics/2015/07/10/1097521.html

Селиванов А.И.
д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета
seliv21@mail.ru

ПРИНЦИП МОЗАИЧНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ГАРМОНИИ ПЛАНЕТАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *взаимодействие, мозаичность, интеграция, гармония, культурная традиция, развитие, планетарное сообщество.*

Процессы планетарной интеграции в настоящее время проходят точку бифуркации в переходе к новым принципам взаимодействия, коммуникации, организации, управления. Это относится ко всем уровням – межрегиональному, межгосударственному, межцивилизационному (общественному и культурному), межличностному и ко всем сферам – в том числе обороне и безопасности, политике, экономике и производству, науке, образованию и т.д. При этом каждая культура предлагает (будет предлагать) свои подходы, основанные на собственной традиции, которые будут иметь мировоззренческие, политические, правовые, морально-этические и другие аспекты. Естественно, русская культура будет продолжать предлагать и продвигать свою традицию, основанную на равенстве и взаимном уважении разных субъектов взаимодействия, на принципах мирного урегулирования всех проблем. Так же естественно англосаксонская традиция будет продолжать продвигать свой проект, основанный на неравенстве, элитарности, превосходстве отдельных народов (культур и стран), не будет ограничивать себя в использовании силы для навязывания своей воли, сохранения и усиления своего доминирования и превосходства. Другие народы в меру своего потенциала также будут выдвигать собственные ценностные и организационные парадигмы.

Однако наряду с ценностно-мировоззренческими аспектами необходимо учитывать объективные основания различных типов организации и взаимодействия. При всем многообразии традиций и ценностей оказывается, что в природе и обществе существует лишь два базовых типа взаимодействия, каждый из которых носит обменный характер:

1. *Па́рное взаимодействие* – обмен веществом, энергией, информацией, эмоциями с определенной периодичностью или перманентно между двумя объектами. Парный обмен *теоретически* выглядит как эквивалентный, равноправный обмен между двумя объектами, но *практически* является таковым лишь при тождественных по «массе» объектах. Если объекты несоизмеримы, такой тип обмена приводит к реализации тотальности[1] более сильного объекта, к поглощению слабого через превращение его в ресурс сильного, в его часть, навязывание ему своего смысла, доминирование своих законов взаимодействия, целей и ценностей. На этой основе вырастает определенный тип культуры права, культуры политики, культуры этики. Этот метод интеграции (единения) основан на признании некоего индивида – всеобщностью, имеющим право на подчинение своей индивидуальности всего иного, на поглощение иного, потому ведет к унификации, типологичности как основаниям и следствиям индивидуально-тотальный деятельности.

2. *Коллективное взаимодействие* – постоянное «совместное владение» определенным облаком обменного субстрата – веществом, энергией, информацией. При этом происходит взаимное формирование единого субстратного поля и взаимное владение им, то есть обмен осуществляется не непосредственно, а через поле одного типа субстрата несколькими объектами. Наиболее близкими нашему пониманию коллективного взаимодействия оказываются идеи Г.С. Батищева, в том числе по характеру взаимодействия – «общение» именно в смысле этого автора[2]. Мы считаем, что это *принципиально* отличный от парного обмена тип взаимодействия. В обществе этот тип взаимодействия соответствует общинному способу осуществления взаимодействия, когда есть реальный субъект (совет и т.п.), который осуществляет управление и контроль за коллективизированным, совместным субстратом взаимодействия, его порождением, воспроизводством, сохранением и утилизацией.

В соответствии с двумя обозначенными выше типами взаимодействия существует два структурообразующих принципа формирования (создания) нового объекта любой природы (включая планетарное сообщество как специфический биопсихосоциальный объект) либо интеграции существующих объектов (включая интеграцию различных социальных объектов и типов социальных объектов):

1. *Принцип органического единства (тотальности)* основывается на попарном обмене между собой субстратом обмена двух или более индивидуальных объектов. При этом всегда сохраняется тенденция превращения одного

[1] Тотальность в смысле Гегеля, как втягивание в себя, как целокупность и подчинение себе (см., например: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – С. 534).

[2] Описывая полипарадигмальность как существо его понимания полифонии, он пишет: «...здесь возможны отношения между другими субъектами без преобладания, без привилегий, без монополии для одних и без отрицания других, а тем самым и первых» (Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 48). Как покажем, это оказывается основанием осуществления коллективного взаимодействия и отличает его от индивидуально-попарного.

из этих объектов в самодостаточное нечто, а остальных взаимодействующих объектов всего окружающего мира – в часть этого объекта либо в его ресурс, который присваивается и поглощается им для развития своей индивидуальности. Пример осмысления и идеального представления таких индивидуальных тотальностей, предстающих как обращенный индивидуализм, перерастающий в универсализм единственного, в логику отдельного понятия, отдельной теории, отдельной культуры, совершеннее всего отражен в философских системах Б. Спинозы, Г. Гегеля, К. Маркса[1], а в реальной практике – в деятельности англосаксонской культуры.

2. *Принцип мозаичного единства* основывается на коллективном обмене. Мозаика – специфический тип системы и тип единства системы. Это не целостная и не суммативная система. В такой системе между элементами (корпускулами) взаимодействия осуществляются не настолько жестко, чтобы говорить о подчинении корпускулы системе либо какому-то компоненту системы как целостному, тотальному. Это, во-первых, позволяет корпускулам развиваться на основе собственных начал, осуществляя при этом коллективное взаимодействие и осуществляясь самим посредством них. А во-вторых, объединяться несамодостаточным и более «слабым» корпускулам в самодостаточное, но *мозаичное* целое.

Принцип мозаичности как одна из форм организации бытия осмыслен независимо в двух культурах – в русской и европейской (французской). Однако он понят различно, причем, в принципиальных основаниях. Европейская культура под давлением объективной реальности предложила «мозаику» в стиле некоего абстракционизма или «кубизма», сочетающего в себя разные сюжеты и фрагменты, не складывающиеся в общее гармоническое полотно. Так, в политике это вылилось в «мультикультурализм» как формально-правовое равенство и сочетание разного на одной территории, но одних навсегда – в виде элитных территорий (организаций и т.д.), других – в виде гетто, мусульманских кварталов (и т.д.). В той политике, которая терпит жуткое фиаско на наших глазах. Русская (и евразийская) культура предложила мозаику в стиле полотен М.В. Ломоносова – складывающуюся из невзрачных кусочков стекла в гармонические, эстетически прекрасные и идейно величественные полотна. В политике это выразилось в многовековом опыте сосуществования множества (сотен!) различных культур на одной территории с сохранением их индивидуальности, равенством и взаимным дополнением, вершиной которого в прошедшей истории был СССР и его интернациональная международная политика. Той политике, которая вновь возрождается в практике политики России и современной мировой политике.

В русском понимании мозаика – это не голография; каждый ее осколок не становится вновь самостоятельной полноценной картиной одного типа. Но мозаичность бытия – это и не калейдоскопичность, когда любая конфигурация частей может оказаться гармоничным узором, что отличает нашу концепцию мозаичности от «мозаичной культуры» («сцепленной как попало» разнородности) французской традиции в концепции А. Моля[2] и даже более гармонической «ризомы» в концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари. При этом мозаика и не целостная система организмического типа, когда элемент функционально связан с системой как тотальным. Мозаичность – принцип, который отражает единство многообразных отдельных объектов, допускающий одновременно и множественность, и единство бытия, «единство во множестве». Многообразие такого мира не хаотично, а упорядочено, оформлено в мозаичные полотна, гармонические узоры. В особенности важно понимание сочетания мозаичности применительно к развивающимся объектам в понимании постоянной динамической смены содержания мозаики с одновременным постоянным устремлением к новой мозаичной форме как структурному основанию новой гармонии (нового «порядка»)[3].

Иных способов осуществления единства, за пределами двух рассмотренных, в известном человеку бытии не существует. Причем, в каждом реальном объекте (например, конкретном обществе) есть оба типа единения, но в разных пропорциях, и один из них обычно доминирует. Совокупность этих взаимодействий в реальных объектах иерархически-целостного типа образует интегральное по характеру системное взаимодействие как взаимодействие части и целого, которое существует наряду с двумя типами взаимодействия, объединяя их в конкретном нечто.

Несколько подробнее остановимся на мозаичности как принципе осуществления бытия. Элемент мозаики, ее корпускула – единичное, простейшее, далее неделимое без утраты своей сущности, хотя одновременно сложное и бесконечно многообразное в своих свойствах. Однако это – не нечто самодостаточное. Корпускула тоже представляет собой открытую систему, способна воспроизводиться, размножаться, развиваться и функционировать, ее свойства подобны свойствам других систем, она является самоценной и самодостаточной в том смысле, что при соответствующих условиях, создаваемых мозаичным целым, корпускула функционирует и развивается по своим внутренним законам. Каждый элемент-корпускула сохраняет свое лицо в мозаике, не становясь только лишь частью целого, продолжая существовать по своим законам функционирования и развития. Однако самодостаточность корпускул кажущаяся, поскольку вне мозаики корпускула не может существовать как открытая система – для самодостаточности ей нужно упорядочение внешних потоков, обеспечиваемое только мозаикой в целом, для чего каждая корпускула окружена другими и взаимодействует с ними. Без других корпускул она не существует и не обладает свойством полноты бытия. Ее бытие есть бытие через другое и для другого – лишь это дает ей истинную полноту бытия, несмотря на самость. Другими словами, корпускула не может существовать сама по себе, осуществляясь, существуя как конкретная данность, имея свойство быть лишь благодаря всей остальной мозаике. И лишь целая мозаика поистине самодостаточна,

---

[1] Наш анализ и выводы в этом отношении несколько отличаются от анализа и выводов Г.С. Батищева (см.: Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 420–424 и др.).

[2] Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 44.

[3] Селиванов А.И. Мозаичная философия развивающегося мира. – Уфа: Изд-е Башкирск. ун-та, 1997; Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: Алгоритм-Пресс, 2016. – 848 с.

есть монада, картина и гармония; лишь в мозаике как целом есть смысл бытия, есть основа и гарантия бытия, есть конкретное «в-себе-бытие» такого типа объектов.

Мозаичная модель предназначена в особенности для описания сложных системных объектов, которые развиваются исторически. Еще и поэтому мозаический тип систем имеет право на самостоятельное выделение, отличаясь от всех остальных типов систем способностью к историческому (эволюционному) развитию. Например, если человек станет основой жесткого единения мира, его зарегулирования, это будет означать остановку развития, а тем самым создаст основу для гибели жизни на планете (поскольку то, что не развивается – неминуемо погибает). Лишь мозаичность человеческой культуры, мозаичность оснований разума, деятельности вообще дает возможность дальнейшего исторического развития.

Таким образом, целостная организмическая система – есть поглощающее, мозаика – сохраняющее самость своих корпускул. Мозаика потому есть проявление свободы с сохранением общей идеи и гармоничности целого. Этот теоретический и практический подход органичен русской культурной традиции. Вспомним такие модели, как «соборность» А.С. Хомякова, «симфоническая личность» Л.П. Карсавина (укореняющаяся в человеке посредством соборности)[1], «полифония» М.М. Бахтина и особенно Г.С. Батищева, которые нужно рассматривать как вершину (идеал) мозаичности в полагаемом для них отношении (для общества, для личности). При этом мозаика представляется нам более общим в своей абстрактности понятием, некоторой схемой, основой, материалом, который лежит в основе полифонии, соборности и тому подобных гармонических целостностей. Если быть точнее, то мозаика даже не перерастает в симфонию (песню) как наиболее совершенный тип своей гармонии, но порождает их, как хор или оркестр порождают симфонию, община или коллектив – соборность как некоторый дух единения и целостности. Мозаика и есть способ и форма организации этого хора, но не сама симфония, которая есть цель и результат, также как симфония есть результат и смысл полифонии в целеустремленном ее действии, хотя без полифонии оркестра не может быть симфонии. Здесь индивидуальная тотальность как механизм противостоит гармонической, полифонической тотальности, в которую (в идеале) перерастает мозаика.

Мозаичность бытия имеет временной и исторический срезы. Временной срез – как бы «поперечный» разрез потока бытия, который всегда есть мозаика, хотя он не всегда складывается в целостную картину или гармоничный орнамент. Иногда это – разбросанные куски мозаики – обломки прошлых или кирпичики будущего мозаического полотна, могущего случиться в следующем временном срезе. Масштаб (степень охвата) таких мозаических полотен постоянно меняется, то уменьшаясь, локализуясь и отрываясь от иных частей полотна, то увеличиваясь, разрастаясь и сливаясь с иными кусками, то пытаясь стать всеохватным, планетарным и даже вселенским. Это можно говорить и о мозаике универсума, и о мозаике отдельного потока развития, и о мозаике духовной, о мозаике планетарного сообщества.

Мозаичность многоуровнева. Однотипные корпускулы складываются в мозаику, формирующую многоуровневую мозаику бытия – мозаику природного бытия (мозаика видов, популяций, экосистем, мозаика социальных и культурных систем; мозаика типов процессов, в том числе типов развития) и мозаику духовного бытия (мозаика личностей и внутренних духовных миров; мозаика мировоззрений; мозаика философских систем; мозаика человеческих культур; мозаика смыслов и т.д.). То есть, существует онтологическое (и гносеологическое) и культурологическое (и личностно-человеческое) многообразие форм, мозаичность бытия.

Естественно, есть также генетическая связь потока, обусловливающая возможность (или невозможность) связей внутри каждого исторического, «продольного» среза потока, которая, в свою очередь, определяет пути дальнейшей эволюции, будущего этого потока. Поэтому можно говорить о мозаичности и в историческом, надвременном (и лучше внутри-временном) смысле, о мозаичности исторического тела потока, например, тела культуры, взятой в ее истории.

Таким образом, мозаика оказывается способом, механизмом осуществления единства в реальном и идеальном бытии осуществившегося множества различного. Она противостоит монолитности единства тотальности в ее стационарности бытия и устремленности на самосохранение, предполагая ее как необходимость в единообразных мирах.

Отсюда, в частности, следует вывод – если мы хотим, чтобы мир был единым, не обязательно искать единства-сходства и переделывать его под одну единственную модель, подводить под единые основания, уничтожая тем самым все нетипичное, «иное-индивидуальное». Необходимо и достаточно искать пути взаимодействия различных миров для осуществления гармонии бытия в его *объединяемом* единстве, стремиться достигнуть структурного единства мира. Если мы хотим, чтобы мир был единым, эти взаимодействия нужно искать и устанавливать, постоянно заботясь об их воспроизводстве. Единство, вырастающее из мозаичности и многообразия мира, основано на взаимодействии, становится конструируемым, творимым, целью и смыслом, а не предзаданностью, не рождается само в себе, а *созидается*, хотя в осмыслении механизмов «синтеза качественно различных элементов мозаичной системы» есть определенные сложности[2]. Полагаем, что такое единство сегодня не имеет принципов реализации, отличных от оснований и принципов человеческой деятельности, от духовных и материальных устремлений и усилий человека.

Поэтому множественность организованных структур оказывается основным принципом бытия мироздания и плюральная модель бытия, имеющая длительную историю в мировой культуре, имеет под собой достаточные философские и научные основания, позволяющие ей выступать наравне и в дополнительности с традицией универсальности. Наиболее успешной моделью плюральности является мозаичность, создающая гармоничные основания для организации, постижения и освоения множественного развивающегося мира, конструирования его будущего. Такая модель позволяет принять за основу анализа и освоения бытия отдельное нечто во всей совокупности его свойств, идя в

[1] Карсавин Л.П. О личности. – Каунас, 1929.

[2] См.: Абрамова Н.Т. Мозаичный объект: поиски оснований единства // Вопросы философии. – М., 1986. – № 2. – С. 111–112.

освоении и мысленном постижении реальности по пути построения единого мира из конкретных объектов, не пытаясь при этом унифицировать и отождествлять различные объекты. Однако единение необходимо, но единение, сохраняющее самость своих составных частей, обосновывая необходимость взаимодействия между этими мирами, в особенности на основе мозаического подхода, имея потенцию перерастания в методологию взаимодействия и единения конкретных объектов (локальных миров). Потому что из мозаического подхода следует и понимание того, что интеграция – не самоцель, цель – гармонизация бытия целого и каждой его части посредством интеграции, избегание подчинения в тождественной в себе тотальности. Средство – формирование и совместное управление облаком обменного субстрата (веществом, энергией, информацией), эффективные примеры чего существуют.

Стародубцева Е.Б.[1]

ЕАЭС И ВЬЕТНАМ: ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Ключевые слова: *ЕАЭС, Вьетнам, зона свободной торговли, внешнеторговый оборот, внешняя торговля.*

Евразийский экономический союз, появившийся 1 января 2015 года, закрепил свободу движения товаров внутри союза и создание единого тарифа для внешних партнеров. Это должно было бы по замыслу создателей увеличить объем взаимной торговли. Однако даже после этого доля взаимной торговли невероятно мала во внешнеторговом обороте как отдельных стран, так и в совокупном товарообороте. Она составляет на середину 2016 года 14,2%. Объем взаимной торговли товарами за январь – июнь 2016 года, исчисленный как сумма стоимостных объемов экспортных операций государств – членов Евразийского экономического союза во взаимной торговле, составил 19 млрд. долл. США. При этом объем внешней торговли товарами со странами вне ЕАЭС за тот же период составил 361,7 млрд. долларов США, в том числе экспорт – 218,5 млрд. долларов, импорт – 143,2 млрд. долларов.

Но свобода движения товаров делает данный союз достаточно привлекательным для сотрудничества с другими странами, и прежде всего так называемыми новыми индустриальными странами. Среди этих стран особое место занимает Вьетнам. Стоит отметить, что Вьетнам в последние годы встал на путь индустриализации, и имеющиеся преимущества, такие как стоимость рабочей силы, имеющаяся база привели к перемещению массы предприятий из Китая, конкурентные преимущества которого несколько снизились, во Вьетнам, внешнеторговый оборот которого в последние годы резко возрос. Достаточно интересным направлением для Вьетнама стали страны СНГ, и в частности страны ЕАЭС, с которыми у него были старые связи. Именно поэтому Вьетнам заключил соглашение о свободной торговли с ЕАЭС. Это дает возможность Вьетнаму расширить торговые отношения сразу со всеми странами ЕАЭС и завоевать для своих товаров достаточно широкий рынок, который насчитывает почти 183 млн. потребителей, а совокупный объем валового внутреннего продукта около 2,2 трлн. долл. Такое сотрудничество строится на взаимовыгодной основе. Страны ЕАЭС смогут на льготной основе продавать товары во Вьетнаме, где проживает более 90 млн. человек. По оценкам, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом может увеличить торговый оборот с текущего уровня в 4 млрд. долл. до 10 млрд. долл. к 2020 году[2]. Этому будет способствовать практика снижения таможенных пошлин. К примеру, средний размер таможенных пошлин для товаров, которыми будут торговать ЕАЭС и Вьетнам к 2025 году должен снизиться с 10 до 1%. На отдельные виды продукции снижение будет еще более значимым, например, на ввоз молочной продукции во Вьетнам снижение составит 20 раз, что очень выгодно для белорусских производителей. Еще одним примером может служить снижение (а в течение десяти лет и устранение) пошлин на ввоз во Вьетнам автобусов, которые в настоящее время составляют 40%, что практически закрывает рынок для российских автобусов и легковых автомобилей, по которым пошлина составляет 50–70% в зависимости от класса конкретного производителя. Сложности были и для российских и белорусских производителей грузовиков, для которых пошлина составляла 17%. Если же пошлины будут обнулены (правда, полное обнуление произойдёт не раньше 2024 года), то автомобили, производимые на территории ЕАЭС, составят серьёзную конкуренцию другим производителям на растущем вьетнамском рынке. В течение ближайших пяти лет Вьетнам также снимает пошлины на ввоз мяса птицы, алкогольную продукцию. Наибольший эффект от снижения таможенных пошлин может быть связан со сферой услуг, а также сферой наукоёмких технологий – например, вовлечением вьетнамских капиталов в российские космические программы, совместную работу по созданию микроэлектроники. По оценкам, в ближайшие 5 лет уровень экспорта товаров из ЕАЭС во Вьетнам может удвоиться по таким продовольственным позициям, как пшеница, мясо, молоко, мука. Кроме того, ожидается существенный рост уровня экспорта нефтепродуктов, металлопроката, удобрений, автомобильных шин.

Сразу, как только вступит в силу соглашение, Вьетнам открывает рынок для многих товаров стран ЕАЭС. Это касается в первую очередь сельскохозяйственной продукции, в числе которой говядина, свинина и птица, мясная переработанная продукция, консервированная рыба, семена, мука, молочная продукция, сыр, растительное масло, корма для животных, алкогольная продукция. Не отстает от этого и производство промышленного сектора: драгоценные камни, шины, асбест, трубы, прокат, корабли, механическое оборудование, электронное оборудование, детали для автомобилей, изделия из стали, сельхозтехника, автобусы, легковые автомобили, грузовики, нефтепродукты. С точки зрения импорта продукции для Вьетнама интерес представляет мясная продукция (мясо птицы, колбасы), молочная

[1] Стародубцева Елена Борисовна – д.э.н., профессор департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета. Круг интересов автора – международные экономические отношения, интеграция ЕС и ЕАЭС, движение капитала. E-mail: evdokija59@mail.ru

[2] http://ru.investing.com/news

продукция (сыр, масло), пшеница, мука, семена зерновых, табачная продукция (сигареты), удобрения, нефть и нефтепродукты, стальные трубы и прокат, шины и покрышки, автомобили (грузовики, автобусы)[1].

Каждая страна выигрывает от такого соглашения. Например, имеется хорошая база для развития более тесного казахстанско-вьетнамского сотрудничества. Стоит отметить, что за последние годы товарооборот между двумя странами значительно вырос – с 88,379 миллионов долларов США в 2009 году, до 272 миллионов долларов в 2014 году, то есть, более чем в три раза. С 2005 по 2013 годы вьетнамские инвестиции в экономику Казахстана составили 2,4 миллиона долларов США, а прямые казахстанские инвестиции в экономику Вьетнама пока отсутствуют[2].

Естественно, в первую очередь для Вьетнама интересна Россия как источник минеральных ресурсов, с одной стороны, и большой потребительский рынок, с другой. На пятнадцатилетнюю перспективу намечено полное обнуление пошлин на ввоз бензина из ЕАЭС во Вьетнам, что будет способствовать расширению поставок его из России. Сегодня эти пошлины составляют 19%. В целом, несмотря на снижение внешнеторгового оборота с Россией на протяжении 2016 года на 11,37% (103 млн. долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года во 2 квартале 2016 года он составил 803 млн. долл. США. Экспорт России во Вьетнам во 2 квартале 2016 года составил 230 млн. долл. США, уменьшившись на 56,43% (298 млн. долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Импорт России из Вьетнама во 2 квартале 2016 года составил 572 млн. долл. США, увеличившись на 51,72% (195 млн. долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Доля Вьетнама во внешнеторговом обороте России во 2 квартале 2016 года составила 0,7% против 0,6% в аналогичном периоде 2015 года. По доле в российском товарообороте во 2 квартале 2016 года Вьетнам занял 27 место (во 2 квартале 2015 года – 28 место). Доля Вьетнама в экспорте России во 2 квартале 2016 года составила 0,3% против 0,5% в аналогичном периоде 2015 года. По доле в российском экспорте во 2 квартале 2016 года Вьетнам занял 46 место (во 2 квартале 2015 года – 34 место). Доля Вьетнама в импорте России во 2 квартале 2016 года составила 1,3513% против 0,8430% в аналогичном периоде 2015 года. По доле в российском импорте во 2 квартале 2016 года Вьетнам занял 19 место (во 2 квартале 2015 года – 26 место)[3].

В структуре экспорта России во Вьетнам во 2 квартале 2016 года (и во 2 квартале 2015 года) основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров: машины, оборудование и транспортные средства – 38,62% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 61,13%); минеральные продукты – 24,91% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 5,42%); металлы и изделия из них – 17,00% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 1,85%); продукция химической промышленности – 12,60% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 7,04%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё) – 4,26% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 0,86%); древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 2,12% от всего объема экспорта России во Вьетнам (во 2 квартале 2015 года – 1,44%)[4].

В структуре импорта России из Вьетнама во 2 квартале 2016 года (и во 2 квартале 2015 года) основная доля поставок пришлась на следующие виды товаров: машины, оборудование и транспортные средства – 61,21% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 53,64%); текстиль и обувь – 16,05% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 17,59%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 15,13% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 18,84%); продукция химической промышленности – 2,23% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 2,13%); металлы и изделия из них – 2,05% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 1,65%);минеральные продукты – 0,08% от всего объема импорта России из Вьетнама (во 2 квартале 2015 года – 1,01%)[5].

Взаимный интерес представляют торговые отношении Вьетнама и с другими странами ЕАЭС. Но есть и некоторые моменты, которые в определенной степени «настораживают» производителей из стран ЕАЭС. Например, Киргизия, несмотря на то, что договорилась о принятии заградительных мер в отношении текстиля, тем не менее, не уверена в успешности данных мер, и боится, что импорт из Вьетнама текстиля приведет к снижению конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. То же касается и сельскохозяйственных продуктов, которые могут составить конкуренцию производителям и Белоруссии, и России, и другим странам. В этом случае необходимо уже сейчас взвесить все возможные плюсы и минусы зоны свободной торговли для стран ЕАЭС и постараться проводить внешнеторговую политику неопротекционизма в целях защиты национальных интересов.

[1] http://ru.investing.com/news

[2] http://www.inform.kz/ru/soglashenie-o-svobodnoy-torgovle-mezhdu-eaes-i-v-etnamom-nachnet-deystvovat-s-5-oktyabrya_a2939459

[3] http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-10/vneshnyaya-torgovlya-mezhdu-rossiey-i-vetnamom-vo-2-kv-2016-g/

[4] Там же.

[5] Там же.

Султанова Л.Ш.
к.э.н., доцент Ташкентского государственного экономического университета
lolasultan@rambler.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРИДОРЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ

Ключевые слова: *экономические и транспортные коридоры, глобальные цепочки создания стоимости, промежуточные товары, Центральная Азия, Новый Шелковый путь, интеграция.*

Keywords: *economic and transport corridors, global value chains, intermediate goods, Central Asia, the New Silk Road, integration.*

Международное производство, торговля и инвестиции все больше и больше организованы в так называемых глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС), где различные этапы производственного процесса расположены в разных странах. Глобализация заставляет компании реструктурировать свои операции на международном уровне через аутсорсинг и периферийную производственную деятельность.

Новые данные показывают, что 75% мировой торговли в настоящее время состоит из промежуточных товаров и услуг[1]. Кроме того, данные показывают, что услуги являются гораздо более важными в продвижении торговли, чем предполагалось ранее – более половины от общего объема торговли состоит из дополнительных услуг в странах ОЭСР, и 42% в Китае. Растущая торговля промежуточными товарами и услугами часто отмечается в качестве сильной стороны в пользу фрагментации производства в контексте ГЦС. Промежуточные продукты составляют сегодня 40 процентов от общей суммы мировой торговли товарами и услугами (более $ 7 трлн. в 2011 году)[2]. В то же время участие развивающихся стран в мировой торговле по-прежнему мало и в значительной степени ограничивается экспортом сырьевых товаров.

Увеличение глобальных цепочек создания стоимости является результатом перестройки всей структуры международных торговых потоков. Сегодня уже не является абсолютной правдой, что вся или даже большая часть стоимости экспорта страны может быть отнесена к отечественному производству.

Возможность для страны принять участие в международном процессе производства определяют сравнительные преимущества этой страны. В настоящее время для большинства развивающихся стран с их богатыми природными ресурсами и рабочей силой имеются весьма хорошие возможности для того, чтобы принять участие в ГЦС.

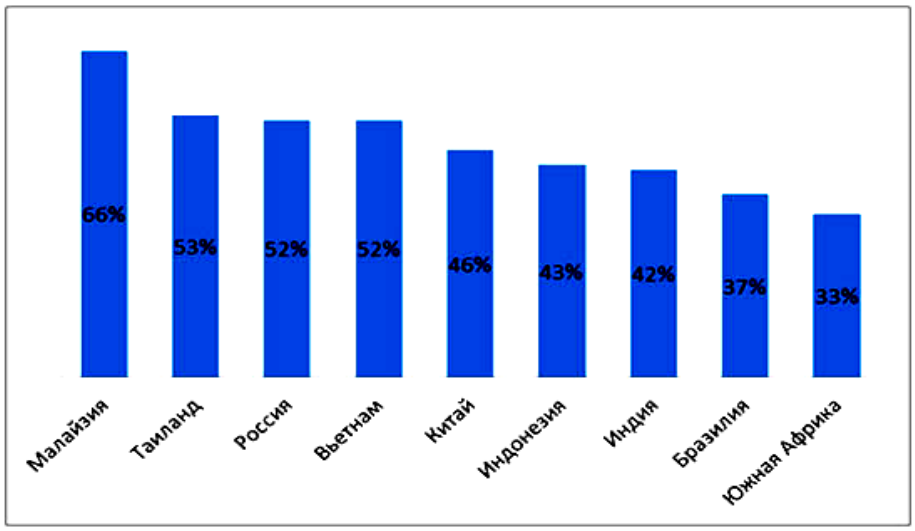


Рисунок 1.
Индекс участия в глобальных цепочках добавленной стоимости развивающихся стран в 2013 г., %[3]

Страны, которые участвуют в ГЦС, могут иметь выгоды от передачи технологий, доступа к иностранным рынкам, а также интеграции местной и международной экономики. Для реализации этих преимуществ развивающиеся

[1] World Trade Organization International Trade Statistics 2013 www.wto.org/statistics
[2] Там же.
[3] http://www.perspektivy.inforus/ekob/globalnyje_cepochki_dobavlennoj_stoimosti_v_sovremennoj_ekonomike _2014-03-17.htm

страны должны определить факторы, которые делают страну привлекательной для транснациональных компаний, преодолевая узкие места для обеспечения участия в ГЦС, которые ведут к экономическому росту. Понятно, что эффективное участие в ГЦС требует применения набора интегрированных стратегий и мер, которые создают синергетический эффект, делая страну привлекательной с точки зрения инвестиций.

Экономические коридоры

Экономические коридоры[1] обеспечивают связь, которая позволяет экономическим центрам, находящимся далеко друг от друга, взаимодействовать. По мере улучшения инфраструктуры этих коридоров, люди и товары могут двигаться быстрее и более эффективно, увеличивая объем торговли и содействуя развитию бизнеса, который создает рабочие места и приносит лучшее качество жизни для людей в регионе. В Центральной Азии шесть экономических коридоров[2] связывают экономические центры региона друг с другом и обеспечивают выход к морю, доступ к другим областям Евразии и мировом рынкам.

Эффективные экономические коридоры способствуют экономическому росту, предоставляя доступ к новым рынкам. Укрепление региональных связей позволяет местным фирмам участвовать в новых цепочках создания стоимости, в том числе на региональном уровне. Тем не менее, экономические коридоры сталкиваются с особыми проблемами. Коридоры не являются «конечным продуктом», они лишь посредники, которые необходимы для удовлетворения потребностей своих клиентов. Таким образом, модернизация физической инфраструктуры этих коридоров не является достаточной мерой, для того чтобы обеспечить увеличение трафика.

Глобальные цепочки стоимости вдоль Нового Шелкового пути (НШП)

Роль Центральной Азии быстро растет с завершением новых транспортных коридоров[3]. Предоставление прохода для грузов между Востоком и Западом, однако, не может быть главной елью для стран этого региона. Они должны привлечь инвестиции для диверсификации своей экономики. Другие части Азии разработали свои стратегии для интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Это может быть вариантом и для Центральной Азии, но для этого нужно преодолеть некоторые серьезные препятствия.

Современный НШП является важнейшей частью стратегии развития Китая в современном мире – Новый шёлковый путь не только должен выстроить самые удобные и быстрые транзитные маршруты через центр Евразии, но и усилить экономическое развитие внутренних регионов Китая и соседних стран, а также создать новые рынки для китайских товаров. Китай продвигает проект «Нового шёлкового пути» не просто как возрождение древнего Шёлкового пути, транспортного маршрута между Востоком и Западом, но как масштабное преобразование всей торгово-экономической модели Евразии, и в первую очередь – Центральной и Средней Азии.

В конце 2014 года, грузовой поезд отошел от Иу, города, расположенного к югу от Шанхая, и отправился на запад по Евразийскому континенту и через 3 недели прибыл в Мадрид. Покрыв расстояние более 10 000 км, он прошел от КНР через Казахстан, Российскую Федерацию и другие страны, прежде чем достигнул Испании. После выгрузки своих товаров для рождественского рынка, поезд был перезагружен и вернулся с испанскими продуктами обратно по грузовой линии Иу-Синьцзян-Европа. Эта линия и другие маршруты открывают новый этап торговли между Востоком и Западом по сухопутному пути через Центральную Азию, что именуется как Новый Шелковый путь. Три недели поездки на поезде из КНР в Европу намного быстрее, чем 8-недельное путешествие на корабле и намного дешевле, чем авиаперевозки. Страны Центральной Азии выиграют от использования услуг по логистике, обслуживанию, дозаправки и др. сопутствующих видов деятельности, но также и от лучшего доступа к рынкам для их природных ресурсов и сельскохозяйственных продуктов. Но в перспективе открытие этого маршрута может иметь более значимые последствия и привести к более диверсифицированному развитию сектора производства и услуг в Центральной Азии. Как минимум 10 стран Центрально-азиатского региона заинтересованы в этом.

Один из стратегических подходов к максимизации выгод от Нового Шелкового пути является участие в глобальных цепочках создания стоимости. Экспорт из Центральной Азии в настоящее время в значительной мере сосредоточен на продукции нефтяной, горнодобывающей промышленности и сельскохозяйственной продукции, хотя в этом отношении между странами региона имеются существенные различия (табл. 1). Правительства стран Центральной Азии могли бы привлечь инвестиции от глобальных компаний, которые заинтересованы в размещении части их стоимостных цепочек в этих странах. Это не просто, однако КНР и страны Юго-Восточной Азии смогли ускорить свой рост и индустриализацию за счет привлечения инвестиций, связанных с ГЦС. Они воспользовались производственными стратегиями фирм из стран с высоким уровнем дохода как на Востоке (Япония, Республика Корея, Сингапур, Китай), так и на Западе (США и Европа). Этот процесс расширения глобальных производственных сетей и расширение географической фрагментации производства стал признанным успешным шагом для стран с низким и сред-

---

[1] Экономические коридоры – интегрированные сети инфраструктуры в пределах географической зоны, предназначенные для стимулирования экономического развития. Коридоры могут быть в рамках одной страны или между странами.

[2] Экономический коридор Китай-Монголия-Россия, Новый Евразийский сухопутный мост, Китай-Центральная Азия-Западная Азия Коридор, китайско-индокитайский полуостров, экономический коридор китайско-пакистанских отношений и коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма.

[3] Международный транспортный коридор – высокотехнологическая транспортная система, концентрирующая на генеральных направлениях транспорта общего пользования железнодорожный, автомобильный, морской, трубопроводный транспорт и телекоммуникации.

ним уровнем доходов в течение последних 3 лет. Этот процесс, инициированный транснациональными корпорациями, означает, что многокомпонентные товары, оформленные в одной стране и имеющие компоненты, произведенные во многих других странах, собираются как целое в конкретном месте. Затем эти товары продаются на глобальном уровне и в странах, которые внесли свой вклад в их производство и в тех, которые этого не сделали. Корпорации используют эти стратегии производства, чтобы извлечь выгоду из местных производственных преимуществ. Меняющиеся модели производства отражаются в глобальных торговых статистических данных. Доля добавленной стоимости в мировой торговле, приходящаяся на развивающиеся страны, увеличилась с 20 до более чем 40% в 1990–2013 гг., хотя бедные развивающиеся страны по-прежнему играют ведущую роль в экспорте природных ресурсов.

Таблица 1

Экономика стран Центральной Азии: доходы, экономический рост и экспорт

Страна	ВВП на душу населения, 2013 г. ($)	Среднегодовые темпы роста ВВП (%)	Основные статьи экспорта
Казахстан	13,610	6,92	Сырая нефть (55,0%), продукты нефтепереработки (на 4,9%), рафинированная медь (4,3%), ферросплавы (4,3%)
Туркменистан	7,987	10,61	нефтяной газ (81,0%), нефтепродукты (10,0%), не розничная чистая хлопчатобумажная пряжа (2.3%)
Азербайджан	7,812	12,92	Нефть сырая (88,0%), нефтепродукты (4,3%), нефтяной газ (1,1%)
Монголия	4,056	9,23	Угольные брикеты (37,0%), медная руда (23,0%), железная руда (13,0%), сырые нефтепродукты (9,4%), золото (4,3%)
Узбекистан	1,878	8,16	Хлопок-сырец (15,0%), автомобили (15,0%), рафинированная медь (9,3%), не розничная чистая хлопчатобумажная пряжа (6,6%)
Пакистан	1,275	4,29	Домашнее постельное белье (10,0%), не розничная чистая хлопчатобумажная пряжа (9,2%), рис (7,9%), мужские костюмы (на 4,3%)
Кыргызская Республика	1,263	4,57	Золото (34,0%), нефтепродукты (6,9%), грузовики (4,6%), женские костюмы (3.4%)
Таджикистан	1,037	7,23	Сырье алюминия (59,0%), хлопок-сырец (12,0%), руды свинца (3,8%), другие руды (3,7%), сухофрукты (3,6%)
Афганистан	665	8,71	Хлопок-сырец (50%), угольные брикеты (11,0%), виноград (9,7%), металлолом (9,2%), смолы насекомых (7,2%)

Источник: Всемирный банк, World Bank Databank (2015).

Стратегия ГЦС способствует распространению возможностей для добавленной стоимости и занятости в различных местах и обеспечивает возможность развивающимся странам «догнать» страны с высоким уровнем дохода. Внутренняя стоимость, созданная в ГЦС, составляет в среднем почти 30% валового внутреннего продукта[1]. ГЦС также значительно изменили международную торговлю и сегодня 60% мировой торговли на сумму свыше $ 20 трлн. состоит из промежуточных товаров и услуг[2].

Интеграция Центральной Азии в глобальные цепочки создания стоимости

Центральная Азия была в состоянии привлечь больший поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в течение последнего десятилетия, хотя в большой мере это относится к странам со значительным нефтяным сектором. В этих странах были также привлечены инвестиции в производство ГЦС, хотя они все еще находятся на начальной стадии. Ключевые секторы ГЦС концентрируются в таких многокомпонентных товарах, как автомобили и электроника. Производство автомобилей имеется в нескольких странах Центральной Азии, в виде совместных предприятий с зарубежными производителями.

Наиболее заметным является General Motors в Узбекистане. Узбекистан сегодня – это единственный производитель полного спектра легковых автомобилей и коммерческой техники на территории Центральной Азии. В настоящее время в отрасли работает свыше 200 предприятий и организаций, объединенных в рамках государственной Акционерной компании «Узавтосаноат», и предоставляющих более 25 тыс. рабочих мест. Также в 2011 году создано совместное предприятие GM Powertrain Uzbekistan, которое производит двигатели для автомобилей GM, собранных для потребителей в стране и на экспорт. Сходным образом Toyota вступила в партнерство с Saryaka Автопром в 2014 году в Казахстане, чтобы осуществлять сборку внедорожника Fortuner. Это первое сборочное производство Toyota в центрально-азиатских республиках.

В нескольких странах Центральной Азии через региональные сбытовые цепочки (РСЦ) производятся менее сложные товары, такие как текстиль и одежда, основные промышленные товары. В некоторых случаях, они производятся в основном из отечественных ресурсов, например, в Пакистане, где хлопок выращивается и перерабатывается в ткани. В других местах производство является частью региональной сбытовой цепочки. В Кыргызской Республике,

[1] Zhan J. et al. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development / United Nations Conference on Trade and Development. – Geneva: United Nations Publications, 2013.

[2] Yang C. Linking with GVCs – Manufacturing Investment from Hong Kong, China and Taipei, China to the Pearl River Delta, PRC: Lessons for Central Asia. Presentation at workshop on Central Asia's Economic Opportunities: Economic Corridors and Global Value Chains. – Urumqi, 2015. – 2–3 March.

например, синтетическая ткань импортируется в основном из КНР и из нее производится одежда, которая экспортируется и продается в Казахстане, других республиках Центральной Азии и Российской Федерации. Экспорт одежды резко увеличился с $ 15 млн. до $ 155 млн. в 2003–2012 и в секторе занято более 100 000 сотрудников в Кыргызской Республике[1]. Многие из производителей являются отечественными фирмами и, следовательно, сектор не полагается на иностранные инвестиции.

Центральная Азия является также конкурентоспособной в производстве сельскохозяйственной продукции. Продукты питания могут стать важной частью экспортной основы производства, как показали такие страны как Новая Зеландия, Таиланд и другие страны[2]. Переработка этих продуктов может способствовать расширению произведенной продукции и диверсификации структуры производства и экспорта.

Центральная Азия, являясь важным экономическим и транспортным коридором, регионом, производящим экспортные товары и услуги, может стремиться к привлечению инвестиций в ГЦС. Правительства могут поддержать такие инвестиции в нескольких ключевых областях.

Инфраструктура: Для преодоления географических ограничений, важно, чтобы в Центральной Азии интенсифицировалось строительство современной транспортной инфраструктуры, так как производителям в рамках ГЦС нужно загружать и транспортировать детали, компоненты, материалы и готовую продукцию быстро и дешево как в регионе, так и за его пределами. Например, большинство производственных центров в рамках ГЦС в КНР это восточные прибрежные города, а в Юго-Восточной Азии крупные города такие, например, как Бангкок, Хо Ши Мин Сити, Манила, Сингапур, которые имеют доступ к перевозке грузов морскими путями, которые позволяют иметь низкие транспортные расходы. Центральная Азия не имеет такого доступа[3]. Чтобы преодолеть эту проблему, регион должен рассчитывать на строительство хорошего качества дорог и железнодорожной инфраструктуры, а также эффективного воздушного транспорта. Внутрирегиональные транспортные сети также необходимо подключить через страны с морскими портами.

Упрощение процедур торговли: В результате политических и этнических конфликтов страны Центральной Азии построили «стены» на границах, транспортные средства, зарегистрированные в одной стране при пересечении границы в другой, как правило, подлежат выгрузке и проверяются на пограничных переходах[4]. Эти вопросы должны решаться путем двусторонних обсуждений и согласованных действий. Кроме того, торговля ГЦС требует гибкой эффективной инфраструктуры на границах, для того чтобы товары могли проходить более эффективно.

Бизнес-среда: Страны должны обеспечить благоприятную бизнес-среду и регулятивные меры для привлечения иностранных инвестиций в ГЦС. Это может быть проблемой из-за нестабильности в законодательной системе, поразившей некоторые страны, а также ограничений прав иностранных инвесторов в отношении частной собственности, административных правил и налоговых режимов, которые в совокупности могут создавать препятствия для инвесторов в Центральной Азии. Как правило, для функционирования иностранных производственных предприятий требуется широкий спектр вспомогательных и дополнительных услуг. Эти услуги часто предоставляются отечественными малыми и средними предприятиями, но также иностранными МСП из страны основного инвестора по ГЦС. Отечественные фирмы также выступают в качестве партнеров по совместному предприятию. Поэтому политика правительства по поддержке развития малого и среднего бизнеса может способствовать привлечению инвестиций и гарантировать, что ГЦС глубоко укореняются в национальной экономике. Конкретная политика и программы включают в себя облегчение доступа к кредитам и обеспечение ключевыми технологиями.

Заработная плата и квалифицированная рабочая сила: Мотивирующим фактором для глобальных фирм в отношении инвестирования является снижение затрат, в частности на заработную плату. Таким образом, правительство должно управлять конкурентной средой в оплате труда. Уровень квалификации рабочей силы также важен для привлечения инвестиций по ГЦС, в частности, в высоко технологичные отрасли. Государственная политика может обеспечить прочную основу для базового образования и системы профессиональной подготовки, что обеспечит работников навыками квалифицированного труда.

Выводы

Новый Шелковый путь может оказать существенное содействие развитию торговли между основными экономическими центрами Азии и Европы, в том числе Российской Федерации. Стратегически интегрированная, в том числе посредством ГЦС Центральная Азия сделает Новый шелковый путь жизнеспособным. Участие в ГЦС может помочь в этом отношении и будет способствовать переходу экономик стран региона от поставок природных ресурсов и сырья к производству товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью.

---

[1] Jenish N. Export-Driven SME Development in Kyrgyzstan: The Garment Manufacturing Sector. Working Paper N 26 / Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia. – Bishkek, 2014.

[2] Vandenberg P., Kikkawa K. New Zealand: A Farming and Services Growth Model for Asia. Asia Pathways // Blog of the Asian Development Bank Institute. 2015. – 16 January.

[3] Zhan J. et al. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development / United Nations Conference on Trade and Development. – Geneva: United Nations Publications 2013.

[4] Jekic J. Necessary Trade and Investment Policies to Support Greater Value Chain Investment in Central Asia. Presentation at workshop on Central Asia's Economic Opportunities: Economic Corridors and Global Value Chains, Urumqi. 2015. – 2–3 March.

Ткаченко И.Ю.
к.ф.н., профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли
irinautkachenko@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС

Ключевые слова: *БРИКС, инновации, сотрудничество, четвертая технологическая революция, «умные технологии», интеллектуальная собственность, национальные интересы, синергетический эффект.*
Keywords*: BRICS, innovation, cooperation, the fourth technological revolution, «Smart Technology», intellectual property, national interests, a synergistic effect.*

В современных условиях осложнения реализации долгосрочных целей макроэкономического и социального развития России, сокращения расходов частного бизнеса на инновации и обострения структурных проблем российского инновационного комплекса неизбежен поиск оптимальной модели сотрудничества в рамках БРИКС в инновационной и технологической сфере.

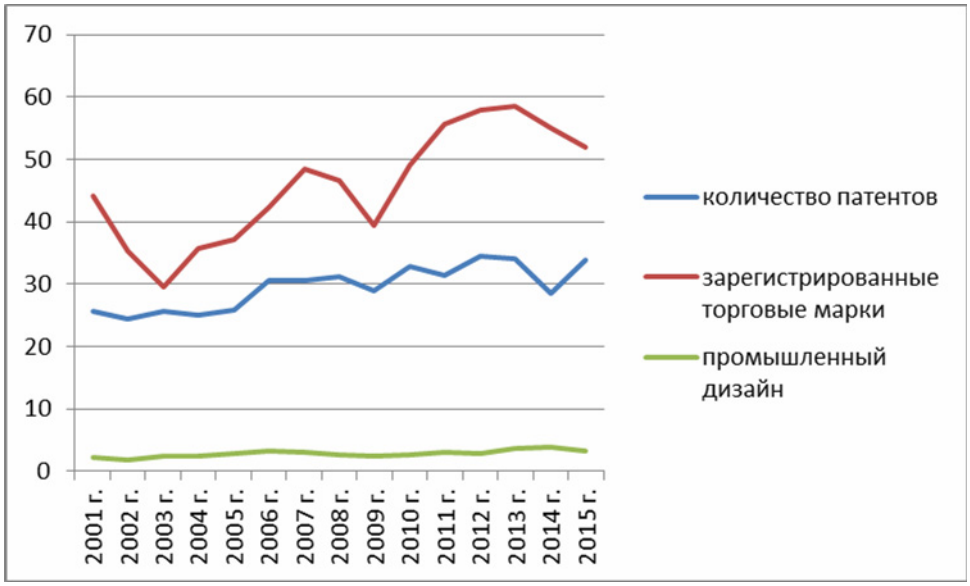
Перспективность инновационно-технологического сотрудничества в рамках БРИКС обусловлена тем, что в настоящее время мир стоит на пороге четвертой технологической революции, которая обеспечит конкурентные позиции национальных экономик на мировом рынке. При разработке подходов по расширению научно-технического сотрудничества в рамках БРИКС, как представляется, целесообразно исходить из ряда принципиальных соображений:

1. происходит неуклонное и очевидное возрастание роли научно-технического фактора в обеспечении поступательного и устойчивого развития всех стран мировой экономики и, в особенности, стран БРИКС;

2. целью инновационного и технологического сотрудничества в рамках БРИКС должны стать фундаментальные и прикладные исследования, трансфер технологий пятого и шестого технологического уклада и финансовая поддержка наиболее интересных международных проектов на паритетных началах;

3. Россия сталкивается с рядом внешних вызовов, ключевыми из них в части инновационного развития являются:

- ускорение технологического развития мировой экономики в направлении развертывания технологий четвертой промышленной революции;
- усиление в глобальном масштабе конкурентной борьбы за факторы, определяющие конкурентоспособность инновационных систем (высококвалифицированную рабочую силу и «умные» деньги).



Источник: составлено по данным The World Intellectual Property Organization, WIPO.

Рисунок 1.
Динамика позиции Росси на мировом рынке интеллектуальной собственности

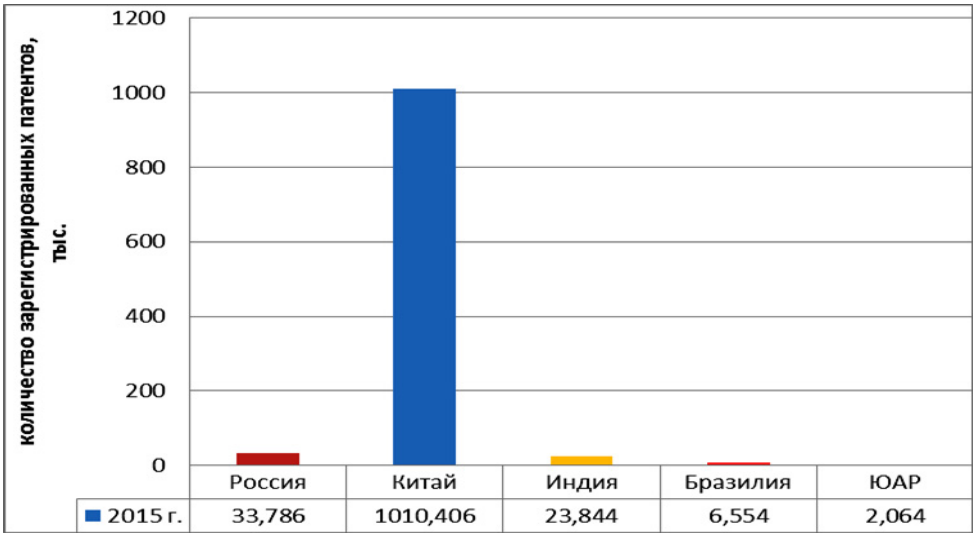
Для России ускоренное развитие научно-технической сферы должно стать фактором прорыва в развитии, что подтверждается в материалах Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на

2013–2020 годы[1] и Федеральной целевой программы развития научно-технического комплекса в России до 2020 года «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»[2].

В настоящее время позиции РФ на мировом рынке инноваций отражаются следующим образом (рис. 1)[3].

В 2016 году Россия является восьмой (после КНР, США, Японии, Республики Корея, ЕС, Германии и Индии) по количеству патентов, девятой – по числу зарегистрированных торговых марок[4].

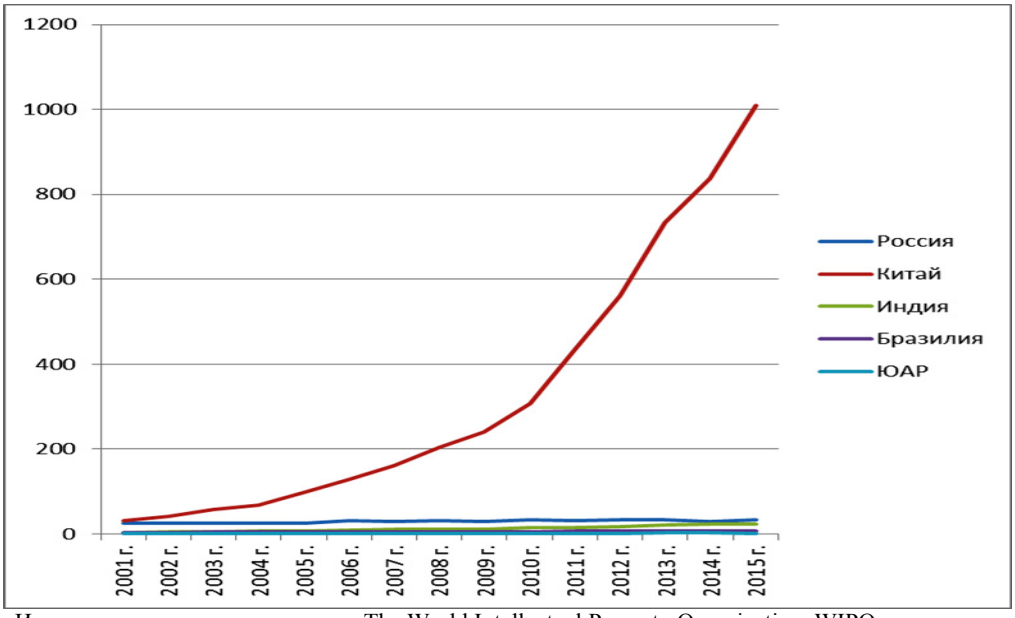
Хотя все страны БРИКС демонстрируют рост активности в патентной деятельности, Россия является второй среди них по количеству зарегистрированных в 2016 году патентов, после бесспорного лидерства КНР (рис. 2)[5].



Источник: составлено по данным The World Intellectual Property Organization, WIPO.

Рисунок 2.
Патенты, зарегистрированные странами БРИКС в 2015 году

Наибольшую динамику патентной деятельности все годы показывает Китай (рис. 3)[6]., который стал мировым лидером в 2015 году, зарегистрировав 1,102 млн. патентов, в то время как остальные страны БРИКС имеют гораздо более скромные позиции на мировом рынке.



Источник: Источник: составлено по данным The World Intellectual Property Organization, WIPO.

Рисунок 3.
Количество патентов стран БРИКС, 2001–2015 годы

---

[1] Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы. – http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2966

[2] О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы». – http://government.ru/docs/2129

[3] Statistical Country Profiles Russian Federation. – http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=RU

[4] WIPO IP Facts and Figures 2016. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_943_2016.pdf

[5] Statistical Country Profiles Russian Federation. – http://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/profile.jsp?code=RU

[6] WIPI, 2016. – http://www.wipo.int/export/sites/www/pressroom/en/documents/wipi_2016_infographic.pdf

Сотрудничество в рамках БРИКС в инновационной научно-технической сфере отвечает национальным интересам Российской Федерации, поскольку предполагает использование синергетического эффекта совместных усилий и опыта стран БРИКС во взаимовыгодных сферах сотрудничества.

Продвижение интересов России через системное сотрудничество со странами БРИКС в инновационной научно-технической сфере может стать многосторонним и взаимовыгодным процессом, поскольку Россия имеет инновационные конкурентоспособные проекты и идеи актуальные для стран БРИКС.

Расширение международных научно-технических связей Российской Федерации в научно-технической сфере в рамках БРИКС является одним из аспектов вовлечения отечественного научно-технического сектора в глобальную международную инновационную систему развития.

Главной целью и ориентиром сотрудничества в инновационной сфере должно стать дополнение двусторонних контактов между странами БРИКС многосторонним сотрудничеством и использование синергетического эффекта от кооперации в тех отраслях, где имеется отставание экономик объединения от ведущих стран мира, с одной стороны, и их значительные успехи, с другой. Модель сотрудничества в инновационной сфере в рамках БРИКС предполагает переход от стимулирования инноваций в рамках национальных экономик к многосторонней кооперации стран объединения для инициации нового качества роста на инновационной основе и формирование экономики нового технологического уклада – экономики знаний и информации.

Идеология сотрудничества стран БРИКС в области инноваций должна строиться на понимании того, что в современном информационном мире инновации являются фактором, соединяющим экономики. Открытость инноваций позволяет синхронизировать усилия национальных компаний и стран-разработчиков в сфере НИОКР, а также более эффективно использовать финансовые и материальные ресурсы в интересах создания и коммерциализации прорывных технологий будущего.

Актуальность интеграции усилий стран БРИКС в сфере инновационного технологического развития объясняется во многом тем, что для всех стран БРИКС характерно в той или иной степени известное отставание от ведущих стран мира в сфере науки и технологий. Это отставание вполне объяснимое с точки зрения того, что в предыдущие десятилетия в странах БРИКС были активно задействованы те факторы развития, в которых эти страны имели относительные преимущества: территория – в Бразилии, природные ресурсы, в том числе, углеводороды – в России, многочисленное население – в Индии и Китае, природные ресурсы – в ЮАР. Потенциальное исчерпание этих факторов и явное отставание по ряду направлений, формирующих современную экономику, таких, как «зеленая» энергетика, персонифицированная медицина, новые технологии в сельском хозяйстве и т.д., стали вызовом для всех стран БРИКС, потребовавшим найти другие драйверы развития, и одновременно стимулом для нового качества роста. Следует отметить, что, к примеру, по объему общей мощности солнечных батарей КНР, по данным New Energy Outlook 2016. Powering a changing world, уже стал мировым лидером, оставив позади Германию и США[1]. Большая часть этих мощностей была установлена в Китае в 2015 и 2016 годах, что говорит о постепенном изменении структуры энергобаланса страны в направлении роста доли чистой энергетики. При этом по производству солнечных батарей КНР давно является мировым лидером в данном сегменте мирового рынка.

В настоящее время страны БРИКС находятся на разных уровнях инновационного развития, что подтверждается мировыми рейтингами инновационности:

Так, к примеру, из стран БРИКС самые высокие позиции по инновационности имеет КНР[2] (табл. 1).

Таблица 2

Страны БРИКС в рейтинге 50 наиболее инновационных стран мира, 2017

2017	2016	Изменение, год к году	Экономика	Общий индекс	Расходы на НИОКР	Добавленная стоимость в промышленности	Высокотехнологичное производство	производительность	Эффективность образования	Исследовательская концентрация	Патентная активность
46	–	–	Бразилия	46,40	29	46	45	30	50	50	47
–	–	–	Индия	–	–	–	–	–	–	–	–
21	21	0	Китай	68,89	15	19	43	9	43	43	7
26	12	–14	Россия	65,24	31	48	42	24	3	27	16
–	–	–	ЮАР	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание: Индия и ЮАР не входят в топ 50 наиболее инновационных согласно методике расчетов The Bloomberg Innovation Index,2017.

Источник: составлено по данным The Bloomberg Innovation Index, 2017.

Опыт западных стран показал, что только ускоренное технологическое развитие позволяет обеспечить устойчивый прогресс общества, что отвечает целям стран БРИКС.

На наш взгляд, при определении перспективных областей сотрудничества со странами БРИКС приоритетной сферой должно стать технологическое сотрудничество в сфере инноваций. Для России приоритетами в высокотехнологичном развитии являются:

[1] Clean Energy & Energy Smart Technologies. – https://data.bloomberglp.com/bnef/sites/14/2017/01/BNEF-2016-Clean-Energy-EST-League-Tables-1.pdf

[2] These Are the World's Most Innovative Economies. – https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-17/sweden-gains-south-korea-reigns-as-world-s-most-innovative-economies

1. медицинские и биотехнологии: медицина будущего, развитие биоиндустрии и биоресурсов, биоэнергетика.

2. Фотоника: инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии.

3. Энергетика: экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности, перспективные технологии возобновляемой энергетики, малая распределенная энергетика.

4. Технологии и новые материалы металлургии.

5. Добыча природных ресурсов и нефтегазопереработка: технологическая платформа твердых полезных ископаемых, технологии добычи и использования углеводородов, глубокая переработка углеводородных ресурсов.

6. Электроника и машиностроение.

7. Экологическое развитие и освоение океана[1].

Российские приоритеты в значительной степени пересекаются с целями развития стран БРИКС. В область совместно значимых отраслей, которые рассматриваются и поощряются национальными правительствами стран БРИКС в рамках национальных экономических систем, попадают такие сферы, как социально ориентированная медицина, энергосберегающие технологии в добывающих отраслях, электроника и машиностроение, экология, информатика.

Формирование общих площадок по указанным направлениям должно стать основой для практического взаимодействия стран. При этом ключевую роль в качестве технологического и организационного драйвера будет исполнять та страна, успехи которой в данной сфере очевидны: например, в биоэнергетике, на глобальном рынке продовольствия, в области авиастроения (если иметь в виду ее конкурентоспособную авиационную промышленность) – Бразилия, в области медицины, ядерной энергетики, космических технологий, точного приборостроения и интеллектуальных встраиваемых систем – Россия, в информационных технологиях, фармацевтике – Индия и т.д.

Формой реализации высокотехнологичного развития могли бы стать технологические платформы – объединения государства, бизнеса, науки в определении основных перспективных направлений инновационного развития, разработке программ актуальных исследований и путей их реализации.

Россия имеет большой опыт в развитии фундаментальной науки и образовательных практик, что ежегодно подтверждается различными международными рейтингами. Так, например, согласно данным The Bloomberg Innovation Index, 2017, Россия занимает по данному параметру 2 место среди самых инновационных стран мира[2]

РФ может инициировать создание технологической платформы разработки и коммерциализации результатов научных исследований «Научное и образовательное пространство БРИКС». Основной целью такого инструмента инновационного развития станет содействие созданию общего научного пространства с непосредственной направленностью на практическую реализацию результатов научных исследований предприятиями малого и среднего бизнеса в рамках БРИКС. В настоящее время сотрудничество в научной и образовательной сфере стран БРИКС осуществляется, как правило, на двусторонней основе. Так, вполне успешно функционирует программа развития основных научных и инновационных направлений Амурской государственной медицинской академии, направленная на развитие китайско-российского научно-технического сотрудничества и обмена студентами и преподавателями (медицинские университеты городов Харбина и Цицикара). Программа имеет целью расширение международного сотрудничества для проведения исследований и коммерциализации современных научных технологий в области биологии и медицины, развития академической мобильности студентов и преподавателей. В 2016 году между Хэйлунцзянским университетом традиционной китайской медицины и фармакологии и Амурской государственной медицинской академией подписано рамочное соглашение о создании первого российско-китайского медицинского института и клиники в г. Харбине[3].

Уверенно развивается Российско-Индийский научно-технический Центр. Целью деятельности организации является взаимная разработка и передача технологий в интересах использования новых форм коммерциализации результатов научно-технических исследований и внедрение в производство совместно разработанных технологий[4]. Российско-бразильское сотрудничество в области биотехнологий, реализуемое в проекте российской компании «Биокад» в Бразилии, предусматривает создание на территории Бразилии передового предприятия по выпуску лекарственных препаратов по инновационным российским технологиям. Проект выходит на новый уровень, поскольку предусматривает создание международного центра передового опыта в области биотехнологий. В настоящее время российские компании получают доступ на рынок фармпрепаратов Бразилии и через него – на рынок стран Латинской Америки[5].

Представляется очевидной возможность преобразование подобного рода двустороннее сотрудничество в многостороннее, с использованием накопленного инновационного опыта и в интересах технологического развития всех стран БРИКС. Это создаст условия для проведения совместных научных исследований с различными образовательными и научными учреждениями стран БРИКС в форме организации научно-образовательных центров и других объединений. Такие центры будут работать на повышение мобильности научного, академического и образовательного сообщества, что, в конечном счете, будет также способствовать налаживанию общегуманитарных контактов народов стран БРИКС.

Переход от двустороннего к многостороннему сотрудничеству тем более актуален в тех отраслях экономики, которые характерны для шестого технологического уклада: развитие и применение биотехнологий, нанотехнологий,

---

[1] Технологические платформы. – http://mrgr.org/tp/

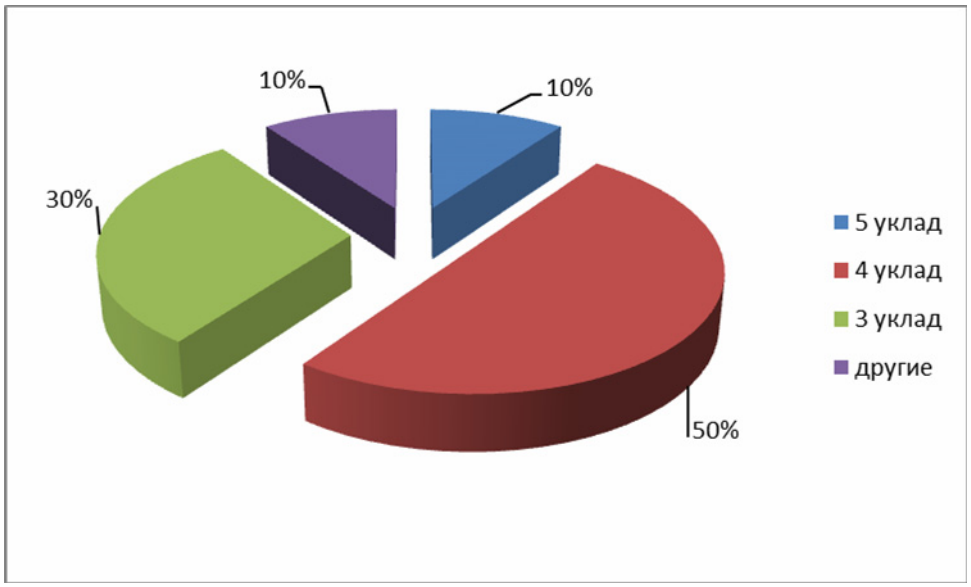
[2] The Bloomberg Innovation Index, 2017. – https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/

[3] Первый китайско-российский мединститут откроют в Харбине. – http://dp.media/news/obshchestvo-i-chelovek/pervyy-kitaysko-rossiyskiy-medinstitut-otkroyut-v-kharbine/

[4] Пилотный проект по трансферу технологий. – http://www.ristc.ru/index/proekty_ri_ntc/0-16

[5] BIOCAD прошел GMP-сертификацию в Бразилии. – http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/biocad-proshel-gmp-sertifikatsiju-v-brazilii.html

генной инженерии, мембранных и квантовых технологий, фотоники, микромеханики, термоядерной энергетики. Для России это более чем актуально, поскольку в нашем технологическом укладе преобладают технологии предыдущих этапов, что проиллюстрировано на рис. 4.



Источник: составлено автором.

Рисунок 4.
Технологические уклады в экономике РФ

Так, доля технологий пятого уклада составляет примерно 10% (в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической отрасли), 4-го – свыше 50%, третьего – около 30%[1] . Из стран БРИКС ближе всех к созданию отраслей пятого уклада подошел Китай. Именно поэтому целесообразно инициировать создание технологической платформы «Прорывные технологии будущего», сориентированной на ускоренное развитие вышеназванных отраслей науки и технологий, что позволит всем странам БРИКС сделать мощный технологический рывок достичь нового качества роста.

Россия может использовать свои пионерские позиции в фотонике для создания интеграционной технологической платформы «Фотоника в интересах человечества», инициируя проекты, связанные с разработкой и использованием лазерно-информационных технологий в медицине, биологии и геологии, что в равной степени должно быть востребовано всеми странами БРИКС, испытывающими потребности в развитии этих направлений.

В дальнейшем более тесное взаимодействие стран в сфере технологий может логично материализоваться в создании Банка технологий БРИКС, который будет представлять собой постоянно пополняемый источник идей для развития приоритетных направлений технологического развития стран БРИКС. Организационно-финансовым средством реализации технологических инновационных идей сможет стать Фонд технологий будущего, сформированный на базе соответствующих национальных Фондов поддержки науки и технологий.

Технологическая платформа «Информационное сообщество БРИКС» для формирования постоянной коммуникационной среды с целью преодоления информационной разобщенности, создания общего информационного пространства, обмена информацией между странами БРИКС по широкому кругу вопросов, одним из аспектов которой станет инновационное технологическое сотрудничество. Информатизация является той высокотехнологичной сферой, в которой Россия продвигается наиболее динамично, что отражается в росте на информационные услуги и на средства коммуникации. Несомненно, актуальным может стать проект, посвященный совместным разработкам для защиты информации и интеллектуальной собственности. Особую нишу в развитии информационных технологий занимает разработка Business Intelligence (BI)-решений. Неудивительно, что ведущими разработчиками BI-решений являются американские SAP, Oracle, SAS, IBM, Microsoft. Вместе с тем, в этом секторе представлены и российские производители. Например, пермская компания «Прогноз», образованная в 1991 году на базе кафедры экономической кибернетики Пермского госуниверситета, занимающая существенную долю рынка BI-решений в России, вполне уверенно выходит на зарубежные рынки. Среди ее заказчиков числятся крупные российские и зарубежные компании и организации (например, Газпром, Роснефть, Аэрофлот, Мечел, Метафракс, Сибур Холдинг, Казмунайгаз, СТС-медиа, Сбербанк, Внешэкономбанк, Электронная библиотека МВФ, проект видеоконференций для Всемирного Банка, Ассоциация нефтяной и химической промышленности Китая (China Petroleum and Chemical Industry Association) и др.). Начиная с 2011 года, компания признана лидером российского рынка BI-решений. В 2014 году компания стала лидером среди компаний этого сегмента российского рынка[2].

[1] Каблов Е.Н. Курсом в 6-й технологический уклад. – http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tekhnologicheskii-uklad

[2] Бизнес-аналитика и большие данные в России 2014. – http://www.cnews.ru/reviews/bi_bigdata_2014

Движение в направлении четвертой технологической революции в России, отраженное, к примеру, в деятельности компаний-участниц Форума «Интернет вещей»[1], свидетельствует о том, что отечественные разработки вполне применимы в качестве в качестве базовых для создания совместных проектов стран БРИКС в области «умных» технологий. В рамках технологической платформы «Зеленая планета» можно было бы предложить совместную разработку странами БРИКС идеологии «умного города», тем более что вызовы глобализации, связанные с неуклонным нарастанием процесса урбанизации в условиях ограниченных ресурсов для всех стран БРИКС стали очевидными. «Умный город» – это комплексная, постоянно совершенствующаяся система, которая позволяет удовлетворять постоянно растущие потребности увеличивающегося населения в области образования, здравоохранения и социальных услуг. Анализ проектов «умных городов» в странах БРИКС показывает, что технологические решения для них на текущий момент предлагаются японскими, австрийскими и американскими высокотехнологическими компаниями.

В Китае, Индии, России, Бразилии разворачиваются проекты создания «умных городов», которые представляют собой территории, удобные для жизни людей, с точки зрения новых подходов к градостроительству, безопасности, экологии, жилищной и транспортной инфраструктуре, социальной сфере, утилизации отходов, водо- и энергоснабжению. Идеология «умных городов» состоит в синхронном решении двух задач: создании высококачественной и удобной городской среды обитания и обеспечении устойчивого развития на инновационной основе для всех сторон городской жизни.

Самое значительное число проектов создания таких городов предполагается к реализации в Китае[2], что вполне объяснимо, если иметь в виду процессы урбанизации в стране, ограниченность ресурсов и экологические проблемы китайских мегаполисов. В настоящее время их реализация осуществляется через сотрудничество инвестфондов КНР с разработчиками Израиля и предполагаются к реализации на территории КНР. Если в настоящее время в Китае для создания «умных городов» используется, к примеру, опыт Израиля, то применение этого опыта в других странах БРИКС видится вполне логичным[3].

В Индии разработан грандиозный план создания 500 новых городов в течение последующих 20 лет, при этом семь проектов находятся в стадии реализации. Индия уже имеет планы построить семь новых «умных городов». Есть планы расширения данной деятельности в рамках программы Make in India[4]. Предполагается, что инновационные решения создадут удобную инновационную среду для 700 млн. чел. Страна имеет опыт создания «умного города» в Индии – Лавасы, проект которого будет завершен к 2020 году. В 2016 году индийский проект по управлению городскими отходами Kabadiwalla Connect стал победителем всемирной выставки Smart City Expo, и эти решения крайне актуальны для всех стран БРИКС и могут быть распространены на всех участниц объединения[5].

В Бразилии концепция «умного города» применяется в качестве стратегии Рио-де-Жанейро[6]. Интересен также опыт бразильской Куритибы, в которой успешное решение комплекса обычных для среднего по размерам города проблем (транспортных, экономических, социальных и экологических) сопровождалось ростом качества жизни большинства жителей.

Как представляется, странам БРИКС было бы целесообразно объединить интеллектуальные ресурсы для разработки такого проекта в интересах всех стран БРИКС, в особенности, для России, где объявлено о старте проекта «умного города» в районе Сестрорецка, а также для ЮАР, в которой нет комплексных проектов создания умных городов, а есть проекты внедрения ERP-систем в городское хозяйство, к примеру, Кейптауна.

Как известно, в мировом информационном обществе стоит серьезная проблема обеспечения кибербезопасности. В России существует собственная система передачи данных на базе открытого программного обеспечения Linux, которая позволяет в военных целях объединить в единое информационное пространство системы, которые обеспечивают боеготовность Вооруженных Сил. При определенных условиях такая система может стать одним из аспектов военно-технического сотрудничества в рамках БРИКС.

Российская сторона может предложить своим партнерам по БРИКС использовать достижения отечественной школы платформонезависимой открытой криптографии[7], в частности, фотонной криптографии для обеспечения системной безопасности национальных баз данных, защиты конфиденциальной информации, включая персональные данные, в автоматизированных и информационных системах персональных данных, в том числе, с использованием средств криптографической защиты информации (СКЗИ). Все это касается данных, не содержащих государственную тайну, что позволяет применять российские разработки в странах БРИКС без ущерба для национальной безопасности. Россия может предложить создать на этой основе Центр совместных разработок систем защиты средств информации и персональных баз данных «Крипто», который будет работать в интересах стран БРИКС, который позволит объединить усилия математиков, программистов, других специалистов в этой области и использовать их в интересах стран БРИКС для обеспечения или повышения уровня безопасности информации.

---

[1] Форум «Интернет вещей в Умном городе 2016». – https://runet-id.com/event/iot16/

[2] Smart cities: How China is leading the world. – http://www.theweek.co.uk/77008/smart-cities-how-china-is-leading-the-world

[3] В Китае построят «умный город» с помощью израильских технологий. – http://stmegi.com/posts/34883/v-kitae-postroyat-umnyy-gorod-s-pomoshchyu-izrailskikh-tekhnologiy/

[4] Make in India. – http://www.makeinindia.com/article/-/v/internet-of-things

[5] The winners of the 2016 World Smart City Awards. – http://www.smartcityexpo.com/en/cfa-finalists

[6] Mission Control, Built for Cities. – http://www.nytimes.com/2012/03/04/business/ibm-takes-smarter-cities-concept-to-rio-de- janeiro.html?pagewanted=all&_r=0

[7] Лисси софт. – http://soft.lissi.ru/solution/

Таким образом, национальные интересы России в части модернизации экономики на основе стимулирования инновационного развития могут быть успешно продвинуты через сотрудничество в рамках БРИКС. Такое взаимодействие в равной степени актуально для всех остальных участников объединения, поскольку страны БРИКС, как и весь мир, стоят на пороге четвертой промышленной революции, и технологическое отставание будет означать для них утрату конкурентных преимуществ на долгие годы.

Ткаченко И.Ю.
к.филос.н., доцент, профессор кафедры мировой и национальной экономики Всероссийской академии внешней торговли
irinautkachenko@gmail.com

РОССИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: *интеграция, сотрудничество, международные организации, Расширенная Туманганская инициатива, Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии.*

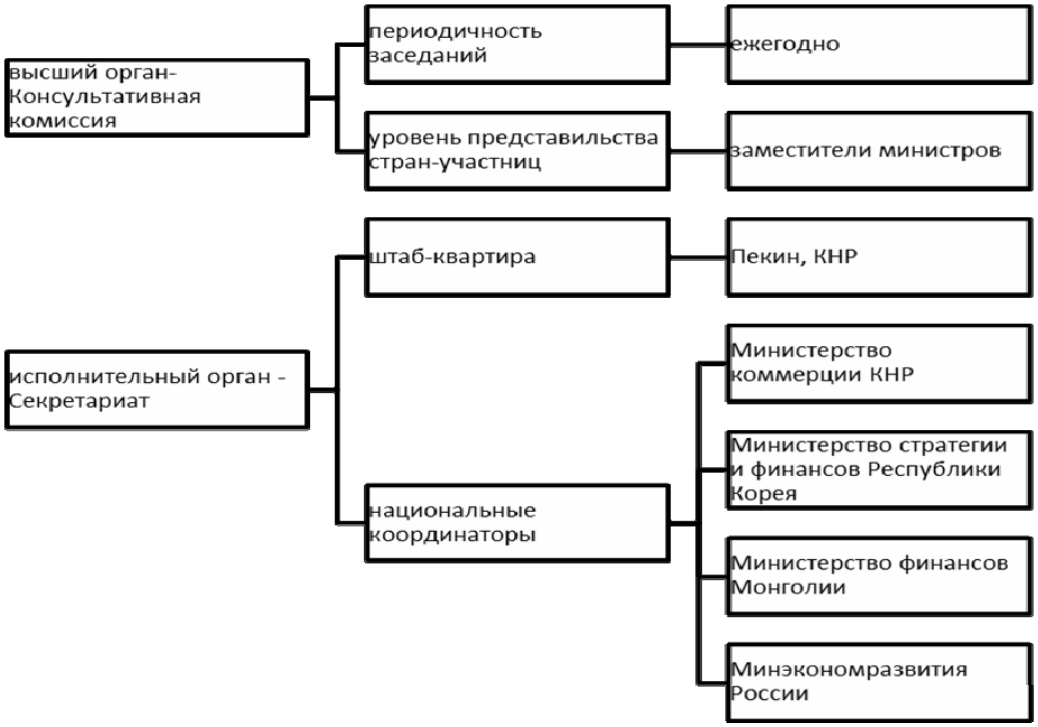
Keywords: *integration, cooperation, international organizations, the Greater Tumen initiative, the Association of Regional Administrations of the countries of Northeast Asia.*

Регион Северо-Восточной Азии представляет несомненный интерес для России, поскольку географически он охватывает территории Китая, Японии, Республики Корея, КНДР, Монголии, а также российские регионы Сибири и Дальнего Востока.

Среди проектов международного сотрудничества, которые активно продвигаются Россией, особое место занимает Расширенная Туманганская инициатива (РТИ). Расширенная Туманганская инициатива – проект многостороннего сотрудничества, инициированный ПРООН в 1991 году в целях совместного развития сопредельных территорий КНР, РФ, Монголии и Республики Корея. Первоначально проект был заявлен как Программа ООН по развитию района реки Туманная (UNDP Tumen River Area Development Programme – TRADP) и был составляющей Программы ООН по развитию Северо-Восточной Азии. РТИ была учреждена в 2005 году путем преобразования Программы развития зоны реки Туманная, финансировавшейся ПРООН с 1991 по 2005 гг. На старте проекта среди участников была и КНДР, однако в настоящее время сотрудничество КНДР в проекте приостановлено, поскольку КНДР вышла из проекта в 2009 году. В качестве наблюдателей в проекте присутствует и Япония, чьи интересы в данном регионе также могут быть реализованы через многостороннюю кооперацию, однако в настоящее время участие Японии в данном формате взаимодействия не имеет системного характера.

Основными сферами многостороннего сотрудничества в рамках РТИ являются транспорт, энергетика, инвестиции, туризм и окружающая среда.

В настоящее время идет становление РТИ как полномасштабной международной организации многостороннего сотрудничества, с соответствующей организационной структурой и системой управления и принятия решения (рис. 1).



Источник: составлено автором

Рисунок 1.
Структура РТИ

Эффективность сотрудничества на местном и региональном уровне обеспечивается образованным в 2011 Комитетом местного сотрудничества (КМС) РТИ в Северо-Восточной Азии (GTI NEA Local Cooperation Committee), основной целью которого является разработка действующей сети сотрудничества для укрепления потенциала местных правительств СВА в области регионального сотрудничества и усиления взаимодействия между местными и центральными органами власти в СВА.

Принципиальным вопросом экономической кооперации в рамках РТИ является отраслевое взаимодействие, которое осуществляется через работу отраслевых советов и комитетов, в состав которых входят представители соответствующих министерств стран-участниц.

В настоящее время действуют следующие советы и комитеты

- Совет по туризму
- Совет по защите окружающей среды
- Транспортный совет
- Комитет по упрощению торговых процедур
- Совет по энергетике
- Деловой Консультативный Совет.

В 2016 году председательство в РТИ осуществляет Российская Федерация.

Причины, которые побудили ПРООН инициировать проект кооперации стран региона реки Туманная, заключаются в общности ключевых интересов стран региона по преодолению депрессивного характера развития сопредельных территорий и использования в этих целях синергетического эффекта от взаимодействия. Территория РТИ распространяется на три северо-восточные провинции (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) и Внутреннюю Монголию КНР, три восточных аймака Монголии (Дорнод, Хентии и Сухбаатар), восточные порты Республики Корея и Приморский край.

Так, для России и КНР одинаково актуально преодоление региональных экономических диспропорций и низкого уровня развития сопредельных территорий: российских дальневосточных территорий и китайских северных провинций. Интересы преодоления изолированности Монголии от ключевых торгово-экономических маршрутов в Северо-Восточной Азии (СВА) объективно вовлекают ее в данный проект. В то же время потребности расширения и углубления взаимодействия Японии и Республики Корея с материковыми партнерами выступают для них драйверами роста. Преодоление изолированности КНДР и включение ее в региональное сотрудничество в среднесрочной перспективе также вполне вероятно.

Наличие объективных общих интересов стран СВА ограничено, тем не менее, противоречиями на политическом уровне и столкновением интересов отдельных стран, что замедляет или даже противодействует процессам внешнеэкономической либерализации и развитию интеграционных процессов. Так, серьезное беспокойство РФ и КНР вызывает размещение США мобильных комплексов THAAD на Корейском полуострове, вполне объяснимое с точки зрения предупреждения потенциальных угроз ракетных запусков КНДР в отношении Республики Корея и Японии, однако не соответствующее реальному военному потенциалу КНДР.

Именно поэтому конкретные совместные международные проекты в интересах стран-участниц служат как экономическим, так и социально-политическим целям и могут обеспечить в перспективе сглаживание политических разногласий и противоречий в СВА.

Одной из проблем РТИ является недостаточный объем финансирования, что обусловливает внимание РТИ к небольшим по масштабам проектам. В настоящее время заложен фундамент финансового сотрудничества в регионе в виде созданной в 2012 г. Ассоциации экспортно-импортных банков Северо-Восточной Азии. В Ассоциации участвуют экспортно-импортные банки государств-членов РТИ: Экспортно-импортный банк Китая, Экспортно-импортный банк Республики Корея, Банк Развития Монголии. В 2013 г. к инициативе присоединился российский Внешэкономбанк, а в 2014 году было подписано рамочное соглашение с другими участниками Ассоциации[1]. Обеспечение финансовой основы сотрудничества позволит РТИ перейти к разработке и реализации крупных инфраструктурных, в том числе, мультимодальных проектов, взаимной либерализации условий торговли в регионе, продвижения трансграничных региональных туристических маршрутов. Необходимость транспортного обеспечения СВА объективно способствует продвижению проекта развития транспортного маршрута Муданьцзян – Суйфэньхэ – Гродеково – Владивосток – Донхэ – Сакаиминато. Инициаторами проекта выступают префектуры Японии, Республики Корея и Китая, существенную помощь в реализации оказывает комитет по сотрудничеству региональных властей РТИ. Данный проект отвечает интересам России, поскольку включает маршруты, проходящие по территории Приморья.

Степень вовлеченности в РТИ обусловлена состоянием экономик стран-участниц. Страны-участницы проекта характеризуются следующими макроэкономическими показателями[2]:

[1] ВЭБ и Ассоциация экспортно-импортных банков стран Северо-Восточной Азии подписали рамочное соглашение. – http://veb.ru/press/news/index.php?id_19=32050&filter_year_19=2014&filter_month_19=9

[2] Countries. – http://www.worldbank.org/en/country

Таблица 3

Макроэкономические показатели стран-участниц проекта РТИ

Экономика	Население, млн. чел	ВВП (ППС), млрд. долл.	ВВП (официальный курс), млрд. долл.	ВВП на душу населения (ППС), долл.	ВНД на душу населения	Уровень доходов	Экономический рост, %	Экспорт, млрд. долл.	Импорт, млрд. долл.
КНР	1 371,2	19 390	10 980	14 100	7820	Выше среднего	6,9	2,143	1,576
Монголия	2,959	36,07	11,74	12 100	3830	Ниже среднего	2,3	4,619	
Республика Корея	50,617	1849	1377	36 500	27 440	Высокий	2,6	548,8	428,5
РФ	144,1	3718	1325	25 400	11 440	Выше среднего	–3,7	341,5	193

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

Особенности экономического развития стран существенным образом влияют на степень участия партнеров по РТИ в совместной деятельности по продвижению инициативы (табл. 2):

Таблица 4

Место стран РТИ в рейтинге Doing business,2017[1]

Экономика	2016 г.	2017 г.
КНР	80	78
Монголия	62	64
Республика Корея	4	5
РФ	36	40

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

Поскольку проекты международного сотрудничества стран СВА инициируются государствами, то параметры национального регулирования экономик являются существенным фактором развития совместных проектов. Для всех стран-участниц характерна высокая роль государства в регулировании бизнеса, что отражает такой показатель, как получение разрешений на строительство и регистрация прав собственности (табл. 3):

Таблица 5

Позиции стран – участниц в рейтинге Doing business,2017: получение разрешений на строительство и регистрация прав собственности

Экономика	Получение разрешений на строительство		Место в рейтинге Doing business, 2017	Регистрация собственности		Место в рейтинге Doing business, 2017
	Процедуры, количество	Дни, количество		Процедуры, количество	Дни, количество	
КНР	22,0	244,3	177	4,0	19,5	42
Монголия	17,0	137,0	29	5,0	10,5	46
Республика Корея	10	28	31	7,0	5,5	39
РФ	13,7	239,3	115	5,0	15,0	9

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

Устойчивое экономическое развитие КНР делает чрезвычайно перспективными проекты создания международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», которые смогут эффективно обеспечивать транзит грузов из Китая, Республики Корея, Японии, других стран АТР. Россия в процессе развития РТИ предложила ряд совместных проектов, среди которых можно выделить проект развития порта Зарубино в Приморье, превращение его в мощный транспортный хаб по перевалке зерна, контейнерных и других грузов. Развитие порта Зарубино позволит другому участнику РТИ, китайской провинции Цзилинь получить через этот порт выход к морю.

Второй – строительство в Амурской области на базе Ерковецкого угольного месторождения ТЭЦ и линии для экспорта электроэнергии в КНР.

Развитие государственно-частного партнерства на уровне регионального взаимодействия должно стать инструментом развития многостороннего сотрудничества. Поскольку именно государства проявляют взаимную заинтересованность в реализации совместных проектов в регионе, можно предположить, что разрешительные процедуры в общих интересах в данном случае могут быть оптимизированы.

В регионе действует также и другая площадка взаимодействия – Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА), созданная в 1996 и успешно функционирующая в настоящее время. Причины возникновения данного формата взаимодействия коренятся в общности целей регионального развития, а также необходимости разрешения потенциально болезненных противоречий, обусловленных территориальной сопряженностью соседних регионов (табл. 4).

[1] Рейтинг стран. – http://russian.doingbusiness.org/rankings

Таблица 6

Участники АРАССВА

Страна	Количество территориальных единиц – участниц АРАССВА
КНР	7
Япония	10
КНДР	2
Монголия	22
РФ	16
Республика Корея	16

Источник: составлено по данным АРАССВА.

Главная цель создания АРАССВА состоит в достижении всеобщего благосостояния в регионе путем интенсификации обменов и сотрудничества во всех областях, включая управление, экономику и культуру на принципах взаимопонимания, равноправия и взаимной выгоды.

Основными видами деятельности Ассоциации являются:

- регулярное проведение Конференции региональных администраций стран Северо-Восточной Азии;
- сбор и предоставление членам Ассоциации информации об экономике, технологии и ходе развития территорий, входящих в Ассоциацию;
- оказание содействия мероприятиям, направленным на развитие сотрудничества и расширение взаимодействия регионов СВА, в числе которых выставки, ярмарки, обмены делегациями и пр.[1]

Управление деятельностью Ассоциации осуществляется рабочей комиссией, которая формируется из региональных представителей на уровне начальников управлений. В рамках комиссии действуют 11 подкомиссий: по экономике и внешней торговле, по образовательному и культурному обмену, по экологии, по предотвращению стихийных бедствий, по приграничному сотрудничеству, по научным технологиям, по морским делам и рыболовству, по туризму, по разработке и регулированию в области добычи полезных ископаемых, по энергетике и изменению климата, по вопросам женщин и детей (рис. 2).

Источник: составлено по данным АРАССВА.

Рисунок 2.
Организационная структура АРАССВА

Секретариат АРАССВА координирует связь между членами Ассоциации, составляет проекты мероприятий, доклады и отчеты, формирует и исполняет бюджет. Штаб-квартира Секретариата находится на территории той администрации, которую возглавляет председатель Ассоциации[2].

[1] Ассоциация Региональных Администраций стран Северо-Восточной Азии. – http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2596&

[2] АРАССВА. – http://www.neargov.org/ru/page.jsp?mnu_uid=2816&

В настоящее время основные направления сотрудничества в рамках АРАССВА находятся преимущественно в сфере культурных, межэтнических, экологических, образовательных контактов. Вместе с тем, сотрудничество в рамках АРАССВА может внести ясность и сгладить многие противоречия, которые возникают вследствие осуществления национальных проектов, затрагивающих интересы соседних территорий. К числу таких проектов можно отнести строительство трех ГЭС на реке Селенга и ее притоках, реализация которых может угрожать экосистеме Байкала. Если реализация данного проекта финансируется Всемирным банком, то строительство плотины на реке Эгийн-гол – самом крупном притоке Селенги обеспечивается инвестициями китайских «Эксимбанка» и «Гэджоуба Интернейшнл» (China Gejuba Group Limited).

В результате заключения кредитного соглашения с Эксимбанком КНР на сумму 1 млрд. долларов сроком на 20 лет Монголия решает свои комплексные проблемы: так, 703,5 млн. долл. пойдет на строительство ГЭС на реке Эгийн-гол, 102,5 млн. долл. направят на возведение 260-километровой высоковольтной ЛЭП, а 66,2 млн. долл. – на строительство 12 мясокомбинатов. Оставшиеся средства Монголия предназначает для модернизации ТЭС в городе Эрдэнэт, расширение пригородной автомагистрали и улучшение технической базы профессионально-производственных учебных центров[1].

Перспективы развития многостороннего сотрудничества в регионе во многом обусловлены необходимостью использовать синергию совместной деятельности при решении общих проблем. Так, в частности, вполне реалистичной является идея экономического коридора России, Монголии, КНР, который будет создан путем сопряжения инфраструктурных проектов ЕАЭС, Экономического пояса Шелкового пути, а также монгольского проекта «Степной путь». В основе концепции «степного пути» лежит понимание начавшихся евразийских интеграционных процессов и необходимости определения места страны в этом процессе. Поэтому активное развитие горнодобывающей отрасли и расширившиеся поставки минеральных ресурсов за границу вынуждают Улан-Батор совершенствовать транспортно-логистическую инфраструктуру, которая сегодня существует в зачаточном состоянии и зависит от транспортных артерий Китая и России[2]. Такой совместный проект может стать основой для создания в перспективе единой зоны свободной торговли в рамках экономических проектов ШОС. Маршруты еще не согласованы, однако география проекта говорит о том, что Китай пытается провести свой путь по районам, где другие страны хотят реализовать собственные инфраструктурные проекты для региональной кооперации. Например, железная дорога соединяет Китай с Монголией и Россией, сейчас обсуждается похожая инициатива строительства «Степного пути»[3]: реконструкция железной дороги и строительство автомобильной. В августе 2016 началось пилотное функционирование транспортного коридора грузового транзитного автотранспорта из порта Тяньцзинь (КНР) через столицу МНР Улан-Батор в Улан-Удэ, что благоприятно скажется на развитии транспортной инфраструктуры трех государств, интенсификации торговых инвестиционных связей[4]. Естественно, реализация подобного рода масштабных проектов материализуют межгосударственные договоренности, достигнутые на высшем уровне, но конкретное претворение их в жизнь является результатом повседневной деятельности региональных администраций.

Следует признать, что взаимодействие в рамках АРАССВА в настоящее время является недостаточно эффективным, хотя сопряжение региональных интересов на уровне национальных региональных администраций позволяет более оперативно и гибко реагировать на вызовы времени и текущие социально-экономические проблемы. Однако необходимость в общих действиях повышает роль и значение АРАССВА в качестве координатора совместных проектов в регионе.

---

[1] Кичанов М. Монголия наносит удар. – http://expert.ru/siberia/2016/08/mongoliya-nanosit-udar/

[2] Выбор Монголии – «степной путь». - http://www.eastrussia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoy-put/eastrussia.ru

[3] «Степной путь» соединит Монголию с Китаем и Россией. – http://www.moscowmongols.com/2015/06/11/stepnoj-put-soedinit-mongoliyu-s-kitaem-i-rossiej html

[4] Россия, Китай и Монголия открыли движение по транспортному коридору из Азии в Европу. – http://www.vz.ru/news/2016/8/18/827488 html

Толмачев П.И.[1]

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Ключевые слова: *интеграционные процессы, трансатлантическое партнерство, экономическая дипломатия.*

Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство (TTIP), подписание которого после избрания Дональда Трампа президентом США, оценивается подавляющим большинством экспертного сообщества как не совсем очевидное в том формате, который был положен в основу переговорного процесса предыдущей администрацией. В частности, предполагалось, что в результате образуется огромная зона свободной торговли для населения в 800 млн. чел., что составляет *почти 50% всего мирового ВВП* и международной торговли. Все пошлины для стран ЕС и США исчезнут, а для внешнего рынка, вроде России и Китая, резко поднимутся. ТТИП – это тренд и индикатор глобализации экономических процессов в современной мировой экономике. Реализован он может в форматах как многосторонней экономической дипломатии, так и двусторонних соглашений.

В любом случае, содержание переговорного процесса представляет исключительный интерес в контексте понимания основных тенденций современных международных экономических отношений.

Подтверждением данного тезиса являются также и две инициативы в 2000-е гг. в Восточной Азии: Восточноазиатская ЗСТ (Китай), Всеобъемлющее экономическое партнерство в Восточной Азии (Япония); 2012 г. – решение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства. Стратегические цели участников: АСЕАН – закрепление роли двигателя интеграции в Восточной Азии и центра сосредоточения торгово-экономической активности в регионе; Китай – стратегические цели, укрепление позиций; Индия – включение в интеграционные процессы в АТР; Австралия, Новая Зеландия – открытие доступа на рынки стран ВА – ведущих торговых партнеров.

Изначально Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство представляло собой комплексное торговое соглашение, которое ЕС и США обсуждали последние несколько лет. Цель переговоров – уменьшить количество препятствий или вовсе устранить барьеры, существующие в торговле товарами и услугами, обеспечить защиту прав инвесторов и содействовать сотрудничеству в рамках нормативно-правового регулирования.

Таблица 1

Разрезы регулирования экономической деятельности

Области многостороннего регулирования	Соглашения с ограниченным числом участников (существующие и потенциальные)	Региональные торговые соглашения
• Тарифы (ГАТТ)	• Соглашение по правительственным закупкам	• Тарифы (обнуление)
• Нетарифные меры в торговле товарами		• Нетарифные меры
		• Услуги
• Услуги (ГАТС)	• Соглашение по торговле гражданской авиатехникой	• Инвестиции
• Таможенные процедуры и лицензирование		• Интеллектуальная собственность
• Инвестиции (ТРИМС)	• Соглашение по информационным технологиям	• Государственные закупки
• Интеллектуальная собственность (ТРИПС)		• Политика конкуренции
• Упрощение процедур торговли и др.	• Соглашение по экологическим товарам	• Правила происхождения товаров
	• Соглашение по услугам (TISA) + выходящие за рамки ВТО: АСТА и др.	• Электронная коммерция
		• Окружающая среда
		• Госпредприятия
		• Барьеры локализации
		• Трудовые ресурсы и др.

Мы разделяем оценку основных параметров данных процессов как «конкуренцию в интеграции»[2]. С известной долей условности сущностные характеристики глобальных интеграционных процессов можно свести к следующим обобщениям:

---

[1] Толмачев Петр Иванович – д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России, департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ. Член Диссертационных советов Д 505.00101 – специальность – 08.00.14 – «Мировая экономика»; Д 209.001.03 – специальность – 12.00.10 «Международное право, европейское право». Сайт: http://petrtolmachev.ru; www.pt53@yandex.ru

[2] Данная концепция высказана член-корр. АН РФ, проф. Спартаком А.Н.

• вероятность перехода от глобальной тенденции глобализации к регионализму;

• продвижение переговоров на многостороннем уровне путем консолидации региональных преференций;

• гармонизация ряда горизонтальных областей регулирования торговли и инвестиций лишь на региональном уровне;

• консервация существующих *глобальных цепочек добавленной стоимости* (ЦДС) и вытеснение из торгово-производственного процесса стран, не являющихся активными участниками интеграционных процессов.

Статус переговоров. Переговоры о ТТИП начались в июле 2013 года, причем на настоящий момент состоялось 8 раундов этих переговоров. Переговоры зашли в тупик и поэтому стороны объявили о том, что переговоры были начаты "сначала" в декабре 2014 года. Руководители ЕС в Заключениях Европейского совета от 19-20 марта 2015 года объявили, что переговоры по ТТИП должны завершиться в 2016 году. Однако этот срок в целом рассматривался как нереалистичный. Подготовка переговорного процесса началась в 2011 г., когда ЕС и США создали рабочую группу высокого уровня по вопросам занятости и развития. Мандат рабочей группы предполагал изучение возможности реализации соглашения и потенциальных преимуществ комплексного торгового соглашения, которое бы затрагивало все сферы.

В настоящее время Европейский парламент (ЕП) работает над рекомендациями по переговорам по ТТИП. Документ будет исходить от Комитета по международной торговле (INTA), однако в работе примут участие еще 14 дополнительных комитетов Европарламента. Комитет по международной торговле (INTA), провел голосование по проекту рекомендаций 28 мая 2015 г. Предполагалось, что следующим этапом станет голосование членов Европарламента по рекомендациям ТТИП на пленарном заседании.

Цели ТТИП. Предполагается, что ТТИП будет комплексным торгово-инвестиционным соглашением, которое будет распространяться на все сферы и способы осуществления трансграничных поставок товаров или услуг. Цель данного соглашения – сокращение или устранение пошлин на промышленные и сельскохозяйственные товары, а также ограничение использования субсидий и нормативных ограничений, которые усложняют торговый процесс или ему препятствуют. Соглашение предназначено для использования во всех сферах услуг, включая такие «чувствительные» сферы как здравоохранение и образование. Помимо этого, цель данного соглашения – обеспечить юридическую защиту инвесторов, что может привести к ограничению государственной политики. Ввиду своей масштабности, ТТИП является беспрецедентным соглашением. Участники переговорного процесса намереваются обсудить вопросы, которые обычно находятся вне сферы действия торговых соглашений. Соответственно, существует ряд общих вопросов, которые вызывают беспокойство.

Секретность переговоров по ТТИП. Первый вопрос касается секретности переговоров по ТТИП. Несмотря на то, что участники переговорного процесса признают уникальность соглашения ввиду его объема и глубины, они, тем не менее, не видят необходимости привлечения большого количества участников к столь масштабному соглашению. Европейская Комиссия часто заявляет, что на сегодняшний день переговорный процесс по вопросу ТТИП является наиболее прозрачным. Однако спустя год после официального начала переговоров общественности не известен даже мандат ЕС. Кроме этого, в письме, адресованном главному переговорщику со стороны США, ЕС пообещал соблюдать полную секретность всех документов, имеющих отношение к переговорам или изменениям, касающимся ТТИП.

Европейская Комиссия заявляет, что необходимо обеспечить секретность ввиду того, что переговоры касаются международных отношений. Однако если переговорный процесс влияет на внутреннюю политику, как в случае с ТТИП, необходимо обеспечить большую прозрачность процесса и возможность проведения консультаций.

Наибольший интерес в экономической дипломатии переговорного процесса представляет нормативный документ *«Кооперация в области нормативно-правового регулирования»* в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства[1], который на наш взгляд, *заложит основу конвергенции механизмов нормативно-правового регулирования экономического партнерства*.

В преамбуле к TTIP стороны намерены обратить внимание на *важность регулирования в области достижения общественно-политических целей, и их право на регулирование и принятие мер ради гарантирования защиты этих целей на уровне, который каждая сторона считает приемлемым, наряду с соответствующими национальными законодательными нормами*.

В контексте данного механизма будет использоваться законодательство различных уровней современного права США и ЕС, в том числе: наднационального, национального, регионального, отраслевого, местного, для которых предусмотрено использование определений в следующем их значении:

а). Определение «Нормативные акты центрального уровня» означает:

Для ЕС:

Нормативные требования и директивы в рамках статьи 288 договора о функционировании ЕС включают:

I. Нормативные требования и директивы адаптированы согласно законодательной процедуре в соответствии с данным договором;

II. Подзаконные и выполняемые акты адаптированы в соответствии со статьями 290 и 291 данного договора.

---

[1] Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство (TTIP). Глава *«Кооперация в области нормативно-правового регулирования»*; далее, в тексте данного исследования используется в значении: *«Раздел «Кооперация в области нормативно-правового регулирования» TTIP*. Он был вынесен на обсуждение с США во время раунда переговоров, проходивших с 20 марта по 14 апреля 2015 года. Этот документ представляет собой первоначальный проект, который «должен быть улучшен и оптимизирован более подробными дополнениями в различных сферах». Окончательная редакция финальной версии соглашения будет представлена после окончания переговоров между ЕС и США.

Для США:

I. Федеральные законы

II. (A) Правила в соответствии с разделом 5 USC (сводная кодификация федерального законодательства США) § 551 (4); Предписания в соответствии с разделом 5 USC § 551 (6); И (C) Методические документы, в соответствии с правительственным распоряжением 12,866 § 3(g) выпущенным любым федеральным агентством, государственной корпорацией, корпорацией подконтрольной государству или другими ведомствами исполнительной власти в соответствии с разделом 5 USC § 552 (f) (1) Закон об административной процедуре, в действующей редакции;

III. Правительственные распоряжения [другие правительственные документы, которые определяют основные правила или требования, предоставляемые государственными органами].

Определение «Нормы регулирования на центральном уровне» не включает в себя отдельные физические или юридические лица.

b) *Определение «Регулирующие структуры и компетентные органы центрального уровня» означает:*

I. Для ЕС – Европейская Комиссия;

II. Для США – Федеральные агентства США [в соответствии с законом об административной процедуре (APA); 5 U.S.C. § 552 (f)].

c) *Определение «Нормативные акты не центрального уровня» означает:*

Для ЕС:

– Законы и нормативно-правовые акты, адоптированные центральными органами государственной власти стран членов ЕС, за исключением тех, которые транспонируются в национальные законодательные акты ЕС.

Для США:

– Законы и нормативно-правовые акты, адоптированные центральными органами государственной власти США.

Определение «Нормативные акты не центрального уровня» не включает в себя акты, ориентированные на отдельные физические или юридические лица.

d) *Определение «Регулирующие структуры и компетентные органы центрального уровня» означает:*

I. Для ЕС, центральные органы государственной власти стран членов ЕС.

II. Для США, центральные органы государственной власти США.

e) *Определение «международные соглашения»*[1] подразумевает под собой документы адаптированные международными организациями или форумами, в которых принимают участие регулирующие структуры и компетентные органы центрального уровня от обеих сторон. И те документы, которые предоставляют требования или взаимосвязанные процедуры, рекомендации или наставления по предоставлению или использованию средств обеспечения, к примеру, таких как санкционирование, лицензирование, проверка на соответствие заявленных характеристик или производственных методик, демонстрация или использование продукта.

Предполагается, что с прогрессированием переговоров по TTIP, положения, представленные в этом разделе, могут быть пересмотрены в свете изменений в других главах, и, наоборот, в целях предотвращения возможных повторов, параллелизмов и несоответствий. Частично стоит рассматривать связь с главами TBT (Технические препятствия торговле) и SPS (Санитарные и фитосанитарные меры) вместе с отраслевыми положениями, включая финансовые услуги. Секторальные положения предназначены для реагирования на специфические нужды сектора. Судя по имеющейся информации о ходе переговорного процесса, стороны стремятся настолько, насколько это возможно, к согласованности и целостности различных подходов и решений, которые будут реализовываться в отраслевых положениях, и других частях TTIP. При этом в *случае возникновения частичных совпадений или сомнений, специфические или секторальные положения будут иметь приоритет*. На данной стадии разработки документа это утверждение остается открытым для обсуждения, т.к. может касаться таких секторов, как, например, химическая промышленность – подобные специфические или секторальные положения могут иметь многогранный характер.

Правовые методики и методики принятия решений в «горизонтальной главе» (горизонтальная глава – инновационный подход к заключению международных торговых договоров, она содержит основу для будущего регулирования в кооперации – *прим. П.Т.*), рассматривающие обновление, модификацию и дополнение специфических или секторальных положений будут обсуждены на переговорах по нормам государственного регулирования. Далее они должны быть согласованы с основными организационными положениями TTIP.

Принимая во внимание то, что положения раздела *«Кооперация в области нормативно-правового регулирования»*, преимущественно относятся к операциям внутри кооперации, данные положения могут не попадать в сферу применения правил по урегулированию споров. Альтернативные механизмы обеспечения надлежащего урегулирования споров могут быть протестированы с помощью постоянного контроля и представления отчетов, включая отчетность на политическом уровне (Коллективный министерский орган). Предполагается, что в дальнейшем, в отношении специфических или секторальных положений в нормах государственного регулирования, потребуется проведение

[1] Это определение затрагивает документы, выпущенные международными организациями в которых принимают участие Еврокомиссия и федеральные власти США или одно и более федеральных агентств США. Включая, например, такие организации как Европейская экономическая комиссия ООН, Организация экономического сотрудничества и развития, IMDRF, Международная конференция по гармонизации ВОЗ. Но определение не распространяется на такие организации как МЭК, МКС, частные организации США или европейской инициативы по инсульту. Подразумевается, что глава TBT (Технические препятствия торговле) будет охватывать кооперацию в сфере стандартов на продукцию в целом; секторальные положения в договоре TTIP так же могут затрагивать кооперацию в отношении стандартов.

тщательного осмысления относительно наиболее подходящих механизмов обеспечения надлежащего урегулирования споров. Например, применительно к кооперации в области финансовых услуг, ЕС придерживается мнения, что данные положения не должны быть предметом урегулирования споров.

Содержание диапазона регуляторного механизма раздела *«Кооперация в области нормативно-правового регулирования»* обусловлено проектными уточнениями «нормативных актов». В данном разделе охвачены лишь те нормативные акты, которые отвечают критериям (то есть предметной составляющей нормативных актов, приведенных в пункте 3.1, – нормативные акты центрального уровня[1], а точнее на те их составляющие, которые не были исключены из структуры положений TTIP). Таким образом, данная глава не охватывает законодательство центрального и нецентрального уровня, которое устанавливает стандарты и нормы, применяемые на межотраслевой основе для достижения общественно-политических целей. К таким законам относятся законы, определяющие нормы в области конкуренции, корпоративного закона, защиты потребителей, защиты прав интеллектуальной собственности, защиты личной информации или защиты окружающей среды.

Положения *«Кооперации в области нормативно-правового регулирования» TTIP* распространяются на нормативные акты центрального уровня, а точнее, на те их составляющие, которые не были исключены из структуры положений TTIP и затрагивают:

a) Установленные требования или взаимосвязанные процедуры для предоставления или использования средств обеспечения[2] на территории стороны договора, к примеру, таких как санкционирование, лицензирование, проверка на соответствие; или

b) Установленные требования или взаимосвязанные процедуры, распространяющиеся на товары, торгуемые на территории страны члена договора и касающиеся характеристик данных товаров или производственных методик, их демонстрация или использование.

*Взаимосвязь со специфическими или секторальными положениями. С*пецифические или секторальные положения, касающиеся товаров и услуг, будут определены позже. Взаимосвязь между специальными и секторальными положениями TTIP и горизонтальной главы должна постоянно регулироваться, пока идет процесс формирования данных положений. При этом секторальные положения TTIP будут иметь приоритет. Нормативно-правовое регулирование в области оказания финансовых услуг должно придерживаться специальных положений, которые будут определены и изложенных позже в главе финансовые услуги. Декларируется, что: (a) обмен конфиденциальной информации между регулирующими структурами и компетентными органами; (b) информация, полученная на основании данной главы для содействию нормативно-правовому регулированию в кооперации не может быть использована для других целей без согласия стороны, предоставившей данную информацию.

«Кооперация в области нормативно-правового регулирования» TTIP, определяя порядок регулирования в отношении товаров, предусматривает информационную открытость, в том числе и предварительную информацию о запланированных нормативных актах. Для этих целей каждая сторона, минимум раз в год, обязана публиковать в свободном доступе список запланированных нормативно-правовых актов центрального уровня[3], предоставляя информацию об их структуре и целях[4]. Для определения оценки влияния запланированных актов центрального уровня на торговлю и инвестирование и т.д., каждая сторона договора должна, как можно раньше, опубликовать информацию о планах и сроках адаптации данных актов, в том числе информацию о совещаниях вовлеченных лиц и потенциале оказания существенного влияния на торговлю и инвестирование.

Совещания вовлеченных лиц. Во время приготовления мероприятий по определению оценки влияния запланированных актов центрального уровня, сторона договора, регулирующая процесс, должна предоставить приемлемую возможность, на справедливых началах, по оказанию содействия в процессе осуществления публичных совещаний, любому заинтересованному физическому или юридическому лицу, и принять во внимание полученные рекомендации[5]. Сторона договора, регулирующая процесс, должна использовать электронные средства связи и коммуникации и стремиться к предоставлению единого выделенного доступа к веб-порталам, там, где это возможно.

Средства осуществления нормативно-правовой политики. «Кооперация в области нормативно-правового регулирования» в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства предусматривает обязательство сторон их оценки по осуществлению, в соответствии со своими национально-законодательными нормами и процедурами. Проводя оценку влияния запланированных актов центрального уровня, сторона договора, регулирующая процесс, должна, наряду с другими факторами, включая неэкономические факторы, задействованные в их национально-законодательных процедурах, которые рассматривает сторона, проанализировать следующие опции: установить взаимосвязь между соответствующими международными договорами; учитывать подходы в нормативно-правовом регу-

---

[1] Предполагается, что в дальнейшем требуется более тщательное рассмотрение данных нормативных актов.

[2] Данная глава не включает в себя те нормативные акты, которые касаются услуг, не рассматриваемых в секции 1 главы 2 [Снятие инвестиционных ограничений] и главы 3 [Межгосударственное оказание услуг] документа [услуги и инвестиции].

[3] Проекты нормативно-правовых актов, которые были предложены правительством США конгрессу, расцениваются как «запланированные» акты, это же касается законопроектов, представленных конгрессменами.

[4] Стороны могут исполнить требования данного положения, предоставив более полный список нормативно-правовых актов.

[5] Это обязательство регулирующих структур по рассмотрению соображений по существу анализируемого вопроса, а не обязанность использовать все предложения выдвинутые вовлеченными лицами. Определение («принять во внимание») является стандартным для международных договоров рассматривающих вопросы регулирования и консультирования.

лировании другой стороны, когда эта сторона адоптировала или планирует адоптировать нормативные акты по тому же разделу договора; влияние на международную торговлю и инвестирование[1].

Применительно к нормативным актам центрального уровня:

a) Результаты оценки влияния должны быть опубликованы не позже публикации планируемых или законченных актов;

b) Стороны должны поддерживать обмен информацией и доступными релевантными данными или статистикой, полученными в результате своей аналитической деятельности, в целях оценки влияния нормативных актов центрального уровня на международную торговлю и инвестирование, это же касается методологии и экономических предположений применяемых при анализе регуляторной политики[2];[12]

c) Стороны должны поддерживать обмен опытом и делиться информацией о запланированных процедурах заключительного анализа актов и проведении ретроспективных обзоров.

Кооперация в области нормативно-правового регулирования TTIP рассматривает нормативные акты центрального и не центрального уровня, если не указано обратное. В числе приоритетных инструментов утвержден *двусторонний механизм кооперации*, призванный поддерживать кооперацию в области нормативно-правового регулирования между регулирующими структурами и компетентными органами для содействия информационному обмену и стремления к высокому уровню совместимости между нормативно-правовыми базами сторон, если это потребуется.

Предполагается, что в дальнейшем механизм будет направлен на определение приоритетных сфер для кооперирования в области нормативно-правового регулирования и будет отражаться в ежегодной программе нормативно-правового регулирования.

При этом каждая сторона должна сформировать ведомство, которое будет действовать как координатор, отвечающий за обмен информацией о планируемых и существующих нормативных актах. Данный обмен включает в себя списки документов, касающихся актов, которые подготовлены или рассматриваются законодательными органами каждой из сторон.

Обмен информацией и правовыми сведениями, касающихся нормативных актов центрального уровня[3], устанавливает, что когда сторона публикует список запланированных нормативных актов центрального уровня[4], то она должна позиционировать данные акты как акты, которые могут иметь существенное влияние на международную торговлю и инвестирование, включая торговлю и инвестирование между сторонами. Сторона, совершающая публикацию, должна проинформировать другую сторону через свой координационный центр. Также сторона должна регулярно информировать другую сторону о предложенных нормативных актах центрального уровня, которые могут иметь существенное влияние на международную торговлю и инвестирование, включая торговлю и инвестирование между сторонами, если эти акты были предложены не системой органов исполнительной власти, и если эти акты не были включены в самую последнюю редакцию опубликованного списка.

В случае обращения одной стороны в координационный центр другой стороны, стороны должны произвести обмен информации о запланированных или существующих нормативных актах центрального уровня. Обмен правовыми сведениями должен быть проведен под руководством регулирующих и компетентных органов центрального уровня, отвечающих или имеющих отношение к сферам, затронутым в нормативных актах.

Проект «*Кооперации в области нормативно-правового регулирования» TTIP* предусматривает, что стороны должны принимать конструктивное участие в обмене правовыми сведениями. В дополнении к информации, которая публикуется в открытом доступе, сторона должна предоставить, по запросу другой стороны, дополнительную информацию, связанную с запланированными нормативными актами, которые находятся на рассмотрении.

Кооперация может проходить в форме встреч, обмена информацией в письменной форме и других приемлемых видов прямой коммуникации. Каждый вопрос по существу договора, поднятый одной стороной, должен быть направлен другой стороне договора, которая в свою очередь должна дать ответ на данный вопрос.

Предполагается, что каждая сторона должна поддерживать постоянную связь со своими законодательными органами. Принимать во внимание целевые письменные замечания и комментарии, направленные в координационный центр другой стороной, если эти отчеты и комментарии касаются нормативных актов центрального уровня, подготовленных или рассмотренных этими органами. Законодательные органы не обязаны отвечать на замечания, направленные другой стороной.

Статья 10 – Содействие совместимости нормативно-правового регулирования центрального уровня, распространяется на сферы регулирования, где взаимная польза может быть достигнута без конфронтации с целями легитимной национальной политики. Когда обмен нормативно-правовой информацией в отношении запланированных и существующих нормативных актов центрального уровня был с инициирован в соответствии со статьей 9, одна сторо-

---

[1] Данный контекст подразумевает торговлю и инвестирование между США и ЕС, сторона договора, осуществляющая оценку влияния, должна учитывать интересы инвесторов другой стороны.

[2] Любой обмен информацией подразумевает уважение к правилам договора, условия обмена конфиденциальной информацией должны быть оговорены. Также, если обмен информацией содержит сведения защищенные правами на интеллектуальную собственность, то данный обмен должен протекать в рамках правовых режимов каждой из сторон.

[3] Механизм обмена информацией и правовыми сведениями, касающимися нормативных актов центрального уровня, не препятствует осуществлению прямых контактов между регулирующими структурами и компетентными органами центральных и нецентральных уровней, в случае если координационный центр был своевременно проинформирован о подобных контактах.

[4] Примечательно, что данное обязательство также затрагивает федеральные законы США.

на может предложить другой стороне совместное рассмотрение применяемых терминов с целью достижения нормативно-правовой совместимости. При рассмотрении могут быть использованы следующие методы:

a) Взаимное признание равноценности нормативных актов, полностью или частично основанное на том факте, что данные нормативные акты преследуют эквивалентные цели в отношении реализации задач национальной политики, преследуемых обеими сторонами.

b) Гармонизация нормативных актов или их основных элементов посредством:

I. Применения существующих международных договоров или, если документов, затрагивающих рассматриваемый вопрос, не существует, объединения сторон с целью содействия развитию нового международного договора;

II. Согласования правил и процедур на двусторонней основе или

c) Упрощения нормативных актов наряду со связанными с ними законодательными или административными принципами и нормами.

При этом предложение должно быть аргументировано должным образом, включая обоснование выбранного метода. Сторона, получившая предложение к совместному рассмотрению, должна дать ответ запрашивающей стороне, без лишнего промедления, информируя о своей конечной позиции по запросу. Любой ответ должен быть аргументирован. Помимо обмена нормативно-правовыми сведениями, стороны дают согласие на кооперацию в областях совместных интересов, в сфере пренормативных исследований, и обмен информацией научного и технического характера, относящейся к данным исследованиям[1].

TTIP (ст. 11) предусматривает также обмен информацией и правовыми сведениями, касающимися нормативных актов нецентрального уровня в отношении сфер и секторов, в которых у сторон могут быть совместные интересы. Предусматривается, что регулирующие и компетентные органы одной стороны, получившие запрос от другой стороны, должны предоставить информацию об специфических запланированных актах или изменениях в существующих нормативных актах нецентрального уровня, с целью предоставления другой стороне возможности выделить сферы общих интересов.

Если одна сторона делает запрос на осуществление обмена нормативно-правовыми сведениями о специфических запланированных или существующих нормативных актах нецентрального уровня, сторона, получившая запрос, должна осуществить действия по обеспечению совершения подобного обмена[2]. Регулирующие и компетентные органы нецентральных уровней, связанные с запрашиваемой информацией, могут обозначить свое намерение в осуществлении обмена нормативно-правовыми сведениями. Данные информационные обмены должны быть проведены под руководством регулирующих и компетентных органов, отвечающих за нормативные акты.

Временные рамки исполнения обмена нормативно-правовой информацией. Обмен нормативно-правовой информацией относительно запланированных нормативно-правовых актов центрального уровня может быть начат на любой стадии подготовки данных актов[3]. Обмен может продолжаться вплоть до адаптации данного нормативно-правового акта. Когда запрос об осуществлении обмена нормативно-правовой информацией относительно запланированных или существующих нормативно-правовых актов был послан в соответствии с пунктом 3 статьи 9 или пунктом 3 статьи 11, то обмен начинается немедленно. Обмен нормативно-правовой информацией не должен ущемлять право на осуществление своевременного рассмотрения актов, особенно в неотложных случаях или в соответствии со сроками исполнения, установленными национальным правом.

«Кооперация в области нормативно-правового регулирования» в рамках Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства предусматривает *содействие кооперации в области нормативно-правового регулирования*, таким образом, что стороны дают согласие на кооперацию между собой и третьими странами с целью усиления, развития и осуществления содействия реализации положений международных договоров, в частности путем представления общих инициатив, предложений и подходов через международные организации или форумы, в особенности в областях, где обмен нормативно-правовой информацией основан или реализуется по процедурам данного соглашения, и в сферах, которые рассматриваются в специальных или секторальных положениях данного соглашения.

При этом стороны подтверждают свое намерение исполнять, с соблюдением соответствующих национальных правовых систем, международные договоры, в которых они принимают участие, в соответствии с порядком, предусмотренным в данных международных договорах.

Институциональная структура TTIP. Учреждение совета по кооперации в области нормативно-правового регулирования. «Кооперация в области нормативно-правового регулирования» в рамках Трансатлантического торгового

---

[1] Это обязательство регулирующих структур по рассмотрению соображений по существу анализируемого вопроса, а не обязанность использовать все предложения, выдвинутые вовлеченными лицами. Определение («принять во внимание») является стандартным для международных договоров, рассматривающих вопросы регулирования и консультирования.

[2] В соглашении предусмотрено, что сторона договора, представляющая США, должна принудить ответственные органы нецентрального органа к участию в обмене нормативно-правовой информацией.

[3] Для большей ясности, переговоры могут быть начаты после того как регулирующая сторона анонсировала, путем публикации списка, предусмотренного в статье 5.1 (5.1. Каждая сторона, минимум раз в год, обязана публиковать в свободном доступе список запланированных нормативно-правовых актов центрального уровня, предоставляя информацию о их структуре и целях), свое намерение на осуществление регулирования и a) Для США, до публикации предварительного варианта проекта или b) для ЕС, перед адаптацией плана предложенного комиссией. Данная сноска не применима к предложенным актам, указанным в статье 9.2.(9.2. Также сторона должна регулярно информировать другую сторону о предложенных нормативных актах центрального уровня, которые могут иметь существенное влияние на международную торговлю и инвестирование, включая торговлю и инвестирование между сторонами, если эти акты были предложены не системой органов исполнительной власти, и если эти акты не были включены в самую последнюю редакцию опубликованного списка в соответствии со статьей 5.1.).

и инвестиционного партнёрства предусматривает, что стороны учреждают совет по кооперации в области нормативно-правового регулирования (в дальнейшем «RCB») с целью отслеживания и оказания содействия по исполнению положений, установленных в данной главе для нормативно-правовых актов центральных и нецентральных уровней, и специальных или секторальных положений, касающихся области товаров и услуг данного договора. Функции RCB будут включать в себя:

a) Подготовку и публикацию ежегодной программы кооперации в области нормативно-правового регулирования, в которой будут отражены общие приоритеты сторон и итоги проведения прошлогодних или осуществляющихся на данный момент проектов. Включая информацию об изменениях и дополнениях, запланированных мероприятиях и временных рамках, установленных в отношении определения общих приоритетов;

b) Контроль и реализация положений, изложенных в данной главе, включая специальные и секторальные положения, касающиеся сектора товаров и услуг данного договора. Представление отчетности о прогрессе в достижении согласия относительно программ по кооперации коллективному министерскому органу.

c) Место для внесения информации о подготовке предложений в целях обновления, видоизменения или дополнения специальных или секторальных положений. Данные обновления, видоизменения или дополнения будут адаптированы в соответствии с внутренними процедурами каждой стороны. RCB не будет иметь полномочий по адаптации правовых актов.

d) Рассмотрение новых инициатив в отношении кооперации в области нормативно-правового регулирования на базе информации, поступающей от обеих сторон или вовлеченных лиц. В определенных случаях рассмотрение предложений по увеличению уровня нормативно-правовой совместимости;

e) Подготовка совместных инициатив или предложений по международным договорам в области нормативно-правового регулирования;

f) Обеспечение прозрачности между сторонами в области нормативно-правового кооперирования между сторонами.

g) Анализ любого другого вопроса, касающегося применения положений данной главы, специальных или секторальных положений, касающихся сферы товаров и услуг поднятого одной из сторон.

3. Функции в области финансовых услуг, которые установлены пунктом 2, будут осуществляться совместным форумом по финансовому регулированию ЕС/США, который будет обеспечивать RCB соответствующей информацией. Любые решения относительно финансовых услуг должны приниматься компетентными органами, действующими в рамках FRF.

4. RCB может создавать секторальные рабочие группы и отдавать им или рабочим группам, которые могут быть созданы коллективным министерским органом, на исполнение определенные задачи.

5. Повестка и протокол встреч RCB должны быть опубликованы в свободном доступе.

Трансатлантический регулятивный совет по сотрудничеству. Важной частью данного соглашения является предложение об основании Трансатлантического регулятивного совета по сотрудничеству (TRCC). Этот орган позволит собрать представителей органов государственного регулирования ЕС и США с целью проведения мониторинга выполнения принятых обязательств и изучения новых приоритетов сотрудничества в области регулирования, включая совместную разработку дальнейших норм. Европейская Комиссия утверждает, что участники переговоров установят рамки регулятивного сотрудничества, а регуляторы будут выполнять «техническую работу». Тем не менее, данное предложение означает, что Совет по сотрудничеству будет рассматривать как новые законодательные, так и подзаконные акты. Это весьма обширная сфера деятельности, и такое разделение, по всей видимости, приведет к серьезным последствиям.

Анализ современных интеграционных процессов указывает на наличие в экономической дипломатии региональной экономической интеграции, в том числе, Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве, широкого спектра областей регулирования.

Таблица 2

Области регулирования в РЭИ

	TTP	RCEP	TTIP	EAEC
Услуги	+	+	+	+
Инвестиции	+	+	+	+
НТБ	+	+	+	+
ИС	+	+	+	+
Конкуренция	+	+	+	+
Госзакупки	+		+	+
Электронная коммерция	+		+	+
Госпредприятия	+		+	
Барьеры локализации	+	+	+	
Занятость	+		+	+
Окружающая среда	+		+	
МСП	+	+	+	

Предположения о занятости и развитии. Положение о занятости и развитии. Европейская Комиссия активно содействует проведению переговоров по вопросу ТТИП, утверждая, что данное соглашение обеспечит огромные пре-

имущества обеим сторонам. В частности, Европейская Комиссия заявляет, что ТТИП пойдет на пользу ЕС, поскольку будет способствовать появлению новых рабочих мест и развитию. Однако цифры, полученные в ходе исследования, проведенного Центром исследований экономической политики, основаны на достижении наиболее амбициозных результатов, связанных с устранением так называемых нетарифных барьеров (внутреннего контроля) для обеспечения качества товаров и услуг. В экономических моделях, подобных той, которая использовалась Центром исследований экономической политики, степень контроля оценивается с точки зрения затрат, преимущества же вовсе не рассматриваются. Европейская Комиссия утверждает, что европейский экономический кризис был одним из основных условий начала переговорного процесса по вопросу ТТИП, поскольку данное соглашение позволит создать в Европе новые рабочие места. Сказка о создании рабочих мест является лишь одним из ожидаемых последствий заключения соглашения о ТТИП. В ходе оценки воздействия, проведенной Европейской Комиссией, выяснилось, что существуют обоснованные опасения, а также возможны продолжительные и существенные издержки регулирования. В частности, в ходе оценки внимание было обращено на сферы, в которых с большой вероятностью можно прогнозировать сокращение рабочих мест, а также отсутствие гарантий повторного трудоустройства работников в связи с несоответствием их навыков и необходимостью переучиваться, а также ввиду географических и структурных условий на рынке труда ЕС.

«Специальное положение» и «список исключений». Еще один вопрос, вызывающий обеспокоенность, касается возможности включения в соглашение «специального положения» и «списка исключений». Принятие «специального положения», как в случае Всестороннего торгово-экономического соглашения (CETA) между Канадой и ЕС, приведет к расширению влияния ТТИП ввиду требования к сторонам об автоматическом закреплении любых автономных процессов либерализации. Это значит, что если правительство одной страны решит в качестве эксперимента провести либерализацию всей сферы или ее части, в дальнейшем оно не сможет отменить это действие без выплаты существенной компенсации. Например, если правительство согласится открыть свой рынок для иностранных поставщиков образовательных услуг, это будет автоматически включено в соглашение. Если цена этого эксперимента окажется слишком высокой, от принятого обязательства будет очень сложно отказаться. Это также касается использования «списка исключений», согласно которому соглашение о ТТИП будет распространяться на все меры и нормы, не входящие в данный список. Это резко контрастирует с Генеральным соглашением по торговле услугами (GATS), согласно которому стороны составляют «список обязательств», что позволяет избежать необходимости перечислять все несогласующиеся меры. «Список исключений» также позволяет участникам переговорного процесса по торговым вопросам определить четкие цели проведения дальнейших переговоров. В случае с ТТИП это вызывает особую обеспокоенность, в частности связанную с тем, что участники переговоров считают, что ввиду своей сложности, ТТИП должен стать «живым соглашением».

Урегулирование споров между инвесторами и государством (ISDS)

Урегулирование споров между инвесторами и государством (ISDS) представляет собой наделение частных инвесторов правом подавать в суд на государство за заявленное нарушение ТТИП. Из всех спорных моментов вопрос урегулирования разногласий между инвесторами и государством привлекает к себе наибольшее внимание и критику. По этой причине Европейская Комиссия приняла решение начать общественное обсуждение по вопросу защиты инвестиций и механизма урегулирования споров между инвесторами и государством. Процесс общественного обсуждения включает в себя уведомление о проведении консультаций, консультационный документ и положение о конфиденциальности. ETUCE приветствует проведение общественного обсуждения и призывает все членские организации принять в нем участие. С помощью общественного обсуждения Европейская Комиссия пытается убедить критиков в необходимости включения данного механизма в ТТИП, при этом предлагая внести некоторые изменения в модель. Вскоре после начала общественного обсуждения Европейская Комиссия заявила о своих планах по финансированию новой международной базы данных для обеспечения прозрачности механизма урегулирования споров между инвесторами и государством (ISDS). Европейская Комиссия считает, что подобная база данных будет содействовать повышению прозрачности и доступности, поскольку будет являться частью одного из новых правил ООН по обеспечению прозрачности данного механизма. Критика использования данного механизма исходит не только от профсоюзов и гражданского общества, но и от стран-членов ЕС. Франция и Германия призвали не использовать данный механизм, мотивируя это тем, что национальная судебная система в ЕС и США обеспечивает достаточную юридическую защиту. Положения механизма противоречивы, поскольку позволяют иностранным инвесторам подавать на государство в арбитражный суд, который имеет весьма ограниченный мандат. В результате этого, иностранные инвесторы получают законное право оспаривать любые регулятивные или директивные меры, принимаемые государством, если они считают, что они нарушают право доступа на рынок или ведут к сокращению инвестиционной стоимости. По всей видимости, это приведет к сокращению законодательной деятельности, поскольку защита дела в рамках процесса по ISDS стоит от $500.000 до $1.000.000. С учетом предыдущих дел, имевших отношение к ISDS, возникают серьезные опасения относительно возможности сохранения внутреннего регулятивного пространства со стороны государства, а также относительно ответственности иностранных инвесторов за ущерб, причиненный в результате инвестиционной деятельности.

Образование и ТТИП. Основная проблема относительно данного сектора услуг, сводится к оценке целесообразности включения образовательных услуг в ТТИП. В ходе четвертого раунда переговоров выяснилось, что образование также рассматривается в рамках соглашения. Главный переговорщик со стороны США, Dan Mullaney, заявил, что США стремятся к расширению доступа американских коммерческих компаний во все сферы услуг в Европе, включая сферу высшего образования, обучение взрослых и другие образовательные услуги. В то же время ни одна из сфер об-

разования не исключена из списка приоритетов США. Это противоречит заявлению, которое неоднократно звучало из уст представителей Европейской Комиссии о том, что соглашение не затронет государственные услуги, в том числе и образование. Несмотря на различия в заявлениях относительно образовательной сферы, прозвучавших со стороны ЕС и США, Европейской Комиссией неоднократно подчеркивалась необходимость открытия рынка услуг с целью упрощения инвестиционного процесса. Экспертным сообществом, неоднократно подчеркивалось, что наличие нечетких формулировок, касающихся ожидаемого исключения из ТТИП государственных услуг, включая образование, приводит к появлению противоречивых толкований и обострению проблемы. Участники переговорного процесса заявили, что будут руководствоваться положением Генерального соглашения по торговле услугами (GATS) об исключении из соглашений государственных услуг. В соответствии с Генеральным соглашением по торговле услугами (GATS), государственными услугами являются услуги, оказываемые государственными организациями на безвозмездной основе и вне рамок конкурентной борьбы с другими поставщиками услуг.

В соответствии с правилами, определяющими доступ к рынкам, в случае либерализации образовательных услуг, страны ЕС будут частично лишены возможности ограничивать выход на рынок и регулировать качество частных и коммерческих школ и учреждений. Любые меры, направленные на повышение стандартов качества и усовершенствование процесса лицензирования, могут быть истолкованы как «скрытое препятствие для торговли» или «излишняя нагрузка на торговлю».

В большинстве стран ЕС образовательная система состоит из государственных, частных, коммерческих и некоммерческих учреждений. Разницу между государственным и частным образованием не всегда легко определить. Следовательно, обязательства, принимаемые на себя частными образовательными учреждениями, могут также влиять на государственное образование.

Образование относится к государственным услугам, на которые данное соглашение будет оказывать как прямое, так и косвенное влияние. Образование является одной из сфер, на которые в меньшей степени распространяются торговые соглашения. Это связано с тем, что существует обоснованное беспокойство относительно того, что обязательные юридические правила торговли ограничат возможности власти и уполномоченных органов по обеспечению доступа к качественному образованию. В то же время частные и коммерческие образовательные компании, как и некоторые страны, все чаще настаивают на включении образовательных услуг в такие торговые соглашения, как Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство.

Например, недавно правительство Великобритании в рамках стратегии международного образования заявило, что «для того, чтобы Великобритания могла воспользоваться глобальными возможностями, существующими в сфере образовательных услуг, правительство будет принимать активное участие в процессе рассмотрения того, каким образом проведение важных торговых переговоров как текущих, так и будущих, может способствовать устранению рыночных препятствий, с которыми сталкиваются поставщики образовательных услуг на рынках некоторых третьих стран». Кроме того, консервативный Институт Катона опубликовал документ, в котором призывает Соединенные Штаты и другие страны провести либерализацию торговых отношений в образовательной сфере, в частности в сфере высшего образования, что будет содействовать «снижению роли государства и приведет к значительному расширению присутствия коммерческих компаний».

Одним словом, ощущается растущее давление со стороны некоторых правительств и промышленных групп, лоббирующих использование таких торговых соглашений как ТТИП с целью создания новых рынков образовательных услуг.

Признается, что государственные услуги, такие как образование, как правило, должны исключаться из сферы действия существующих торговых договоров между США и ЕС.

Переговоры находятся пока на ранней стадии, однако, весьма вероятно, что ТТИП будет содержать положение об общем исключении «услуг, предоставляемых в рамках государственной ответственности». Такая формулировка имеется и в других соглашениях, таких как Генеральное соглашение о торговле услугами (GATS). Однако, такое исключение слишком узкое и может иметь противоречивые интерпретации. Происходит это из-за того, что государственные услуги интерпретируются в очень узком смысле как услуги, предоставляемые на некоммерческой основе и в отсутствии конкуренции с другими провайдерами. Другими словами, если какая-то часть образовательной системы страны предоставляется на коммерческой и платной основе и при наличии платных школ, образование не подпадает под общее исключение. С другой стороны, трактовка ЕС государственно финансируемых образовательных услуг не убедительна. Учитывая, что большинство образовательных систем в ЕС и США сочетают в себе некоммерческие и коммерческие элементы, государственную и частную систему, представляется маловероятным, чтобы система образования будет целиком исключена из сферы действия договора. Таким образом, необходимо предусмотреть более эффективное и широкое исключение образовательных и других государственных услуг для того, чтобы государство сохраняло возможность предоставлять услуги в надлежащей пропорции, необходимой для достижения целей внутренней образовательной политики страны.

Некоторые эксперты ЕС видят опасность включения образовательных услуг в сферу действия ТТИП. При этом приводятся следующие аргументы. Включение образовательных услуг в любые торговые соглашения чревато серьезным риском ограничения возможностей государства определять политику в сфере образования наряду с интенсификацией давления в направлении приватизации и коммерциализации системы образования. Как правило, торговые соглашения содержат целый ряд правил или «регламентов», которым страны должны подчиняться либо по всем сферам, либо – в зависимости от структуры соглашения – в тех сферах, в которых она приняла на себя конкретные обязательства по либерализации. Из этих правил наиболее весомыми являются национальный режим и доступ к рынку.

Национальный режим требует от участника торгового соглашения распространить преимущества и льготы, которыми пользуются местные провайдеры услуг образования, на иностранных провайдеров из других стран. Доступ к рынку запрещает участникам использовать такие меры как квотирование и ограничения коммерческих провайдеров в целях ограничения их возможностей внедрения в рынок.

Ввиду того, что такие торговые правила имеют правовую силу, они на деле способствуют утверждению и интенсификации давления в направлении коммерциализации и приватизации. Так, например, если ТТИП полностью либерализует образовательные услуги, национальный режим потребует предоставления субсидий, предоставляемых школам и другим образовательным учреждениям в каждой конкретной стране, и провайдерам из других стран.

Правила, связанные с доступом к рынку, могут ограничить возможности США и стран ЕС регулировать вопросы внедрения и регламентирования деятельности частных и других коммерческих школ и учреждений на своей территории. Любая попытка аккредитации новых учреждений или требование качественных гарантий может быть истолкована как скрытый барьер для свободной торговли. Даже отсутствие четкой системы аккредитации для иностранных провайдеров услуг образования может рассматриваться как нарушение собственных обязательств. Так ныне ведется дискуссия в ЕС относительно нарушений, совершенных Словенией, ибо образовательная сфера должна быть подчинена директиве о предоставлении услуг общеевропейского плана.

Наконец, доступ к рынку может также не позволить проводить различия между государственными и частными, коммерческими и некоммерческими провайдерами. Это означает, что если такие обязательства принимаются правительством, оно не имеет более права создавать для государственных школ режим, отличный от режима для частных школ из любой другой страны-члена договора ТТИП.

Какие опасности для сферы образования таит в себе ТТИП? Системы образования в ЕС и США могут претерпеть существенные изменения, если ТТИП будет содержать новые правила по регулятивному сотрудничеству. Такие правила могут содержать новые ограничения по мерам, предпринимаемым для соблюдения качественных требований, лицензирования и других стандартов с тем, чтобы такие правила не были слишком обременительны для свободной торговли. Квалификационные регламенты потенциально могут привести к конфликту между США и ЕС в вопросах взаимных требований к сфере образования, профессиональным стандартам аккредитации, сертификации и процедурам тестирования, которые не должны быть «обременительнее, чем необходимо». Правила по процедурам лицензирования и требованиям могут также затронуть вопросы, связанные не только с профессиональными лицензиями, но и с аккредитацией школ и образовательных учреждений. Технические стандарты затронут правила, согласно которым должна предоставляться услуга, таким образом, потенциально ставя под вопрос любые стандарты обеспечения качества, предусмотренные для системы образования.

Применение критериев строгой необходимости к внутренним регламентам игнорирует реальность, в соответствии с которой образовательные нормы формируются в каждой отдельной стране. Правила и стандарты будут разрабатываться и внедряться методом компромисса, требующего чтобы бремя, возлагаемое на провайдеров образования, не было ни чрезмерным, ни слишком щадящим. Требование снижения бремени может ограничить как охват, так и сам процесс демократического принятия решений по данному вопросу.

Кроме того, в отличие от ГАТС, ТТИП содержит в себе механизм Урегулирования конфликтов между инвестором и государством (ISDS), предоставляющий частным компаниям право направлять жалобы с обвинениями в предполагаемых нарушениях правил непосредственно государству. Большинство торговых соглашений предполагают разрешение разногласий на уровне государств. Однако положения ISDS позволят американским компаниям, инвестирующим в Европе, напрямую призывать Европейские правительства к ответу перед международными судами с протестами против любой меры, которая согласно их мнению снижает прибыльность их деятельности. Естественно, европейские компании, инвестирующие в США, будут обладать аналогичными привилегиями.

Такие положения в других соглашениях уже позволили компаниям успешно опротестовывать законные государственные меры, направленные на усиление и расширение государственных услуг. В конце 2012 года голландская страховая компания Achmea (ранее Eureko) получила 22 миллионов Евро в качестве компенсации от Словакии на основании норм, защищающих права инвесторов и предусмотренных в двустороннем соглашении, существующим с Нидерландами. Компания Achmea опротестовала решение словацкого правительства от 2006 года, призванное повернуть вспять политику приватизации здравоохранения, принятую предыдущем правительством и требующую от представителей услуг здравоохранения действовать на некоммерческой основе. Такая опасность судебных осложнений может убедить законодательные органы воздержаться от разработки нового законодательства и норматив в любой общественной сфере, затрагивающей деятельность иностранных инвесторов.

Лучшим способом предотвращения подчинения образовательных и других государственных услуг коммерческим торговым правилам является принцип общего исключения или «изъятия» этих услуг из сферы действия ТТИП. Так, Совет министров иностранных дел Европейского Союза уже исключил аудиовизуальную сферу из обсуждений в рамках ТТИП. Такое решение основывалось на защите общественного блага, связанного с сохранением и продвижением культурного и языкового разнообразия в Евросоюзе. Возможно те же соображения применимы и к сфере образования и могут служить оправданием для исключения ее из сферы действия ТТИП.

Выводы

В современной мировой экономике однозначно обозначились новые тенденции регионализма – формирование всеобъемлющих соглашений нового поколения.

России нельзя игнорировать формирование Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (TTIP) и двух региональных блоков в АТР, необходимо рассматривать варианты как участия, так и кооперации в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости.

Не вызывает сомнения их высокий потенциал влияния на региональную и международную экономическую структуры.

Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство (TTIP) является наиболее закрытым по процедурам экономической дипломатии для целей анализа и оценки процесса по содержанию. Имеющаяся на сегодняшний день в свободном доступе информация не позволяет осуществить количественную оценку пороговых значений достигнутых договоренностей, их влияния на экономику России.

Транс-Тихоокеанское Партнерство и Всеобъемлющее региональное экономическое Партнерство – два основных центра концентрации регионализации в АТР. Очевидна необходимость включения экономик России и стран-членов ЕАЭС и ЕЭП в интеграционные процессы в АТР. В связи с этим в краткосрочной перспективе необходимо уточнить основные направления стратегии постепенного включения путем заключения ЗСТ *с отдельными членами ВРЭП (в том числе странами-членами АСЕАН) с целью выхода на* многосторонний уровень в перспективе.

Тульчеев В.В.
д. э. н. ВНИИ картофельного хозяйства
lib.vniikh@bk.ru
Жевора С.В.
к. с.-х. н., директор ФГБНУ ВНИИ картофельного хозяйства
coordinazia@mail.ru
Аршин К.В.
к.ф.н. зав. отделом научно технической информации и координации научно-исследовательских работ ВНИИ картофельного хозяйства
coordinazia@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ АПК ЕАЭС, ШОС И БРИКС ПО ВЗАИМОВЫГОДНЫМ ПОСТАВКАМ СКОРОПОРТЯЩЕЙСЯ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ

Ключевые слова*: АПК и его структурная перестройка, конкурентоспособность, интеграция, общий рынок стран ЕАЭС, ШОС и БРИКС, продовольственная безопасность.*

Keywords*: AIC and structural adjustment, competitiveness, integration, the market of the EAEU, SCO and BRICS, food security.*

Всё большую актуальность в странах ЕАЭС, ШОС и БРИКС вызывают совместные научно-исследовательские разработки в области импортозамещения сельхозпродукции; сельхозтехники, оборудования для хранения, переработки и реализации продуктов питания; проектирования унифицированных хранилищ и цехов переработки сельхозсырья; бизнес-проекты создания рыночной инфраструктуры; вопросы коммуникационных и информационных технологий и др. Разработана стратегия экономического партнёрства, в которой предусмотрена реализация совместных инновационных проектов, обеспечивающих рост товарооборота продовольствия, техники и технологий последних поколений. Перспективными направлениями совместных проектов стран БРИКС в области сельского хозяйства Китай считает – продовольствие, Индия – создание агрохолдингов и совместных предприятий по производству продуктов питания. Россия займётся обучением специалистов из ЮАР и других стран объединения[1].

Основной проблемой бывших республик СССР сегодня является разрушение структуры бывшего союзного АПК в результате поспешного акционирования и приватизации хозяйств и предприятий, разрыв организационно-экономических и технологических взаимоотношений между государствами и переход от крупнотоварного промышленного производства сельхозпродукции в сельхозорганизациях (СХО) к малым формам хозяйствования (МФХ), в которые входят владельцы личных подсобных (ЛПХ), фермерских (КФХ) хозяйств и малых СХО, которые производят и поставляют на внутренний рынок России более 60% отечественной сельхозпродукции.

На основе малых форм хозяйствования – МФХ, занимающих 90 и 93% всех посевных площадей под картофелем и овощами в России целесообразно (в т.ч. для увеличения товарности с 17–48% до 70–80% и выпуска крупных партий картофелеовощной продукции) создать специализированные на производстве картофеля и овощах открытого грунта (морковь, свекла, лук репчатый, капуста) «борщевого набора» сельскохозяйственные производственно-торговые кооперативы (СПТК) вместо СПоК, не нашедших широкого распространения в стране, а на базе средних и крупных СХО, возделывающих клубни и овощи на оставшихся 7–10% площадей организовать агропромышленные предприятия (АПП) и объединения (АПО холдингового типа), которые в кооперации с аналогичными плодоовощными и другими агропромышленными формированиями (АПФ) могут иметь собственные продовольственные рынки (со своими продавцами, директорами и умеренной зарплатой), логистические центры, а также магазины «Фрукты и овощи» шаговой доступности, с целью обеспечения потребителей России и стран-участниц ЕАЭС и СНГ высококачественной дешёвой экологически чистой сельхозпродукцией в короткие сроки, без посредников, перекупщиков с высокой прибылью, так как налоги будут платить лишь с конечного оптового или розничного звена. Перевод работы владельцев МФХ на индустриальную основу в составе СПТК позволит наконец-то решить проблему мойки, фасовки, упаковки (в т.ч. вакуумной) и реализации свежего сортового картофеля и овощей крупных партий, более глубокой (при необходимости) их переработки и реализации с высокой добавленной стоимостью.

Центром этих оптимальных по размеру, сбалансированных по единой продуктовой (технологической) цепочке СПТК, АПП и АПО должны стать высокомеханизированные и автоматизированные хранилища – комплексы (в т.ч.

[1] Черемная Т.С. Реализация проектов государственно-частного партнёрства как фактор социально-экономического развития в странах БРИКС // Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире. Труды 1 научно-практической конференции РАН / Под ред. Ю.С. Пивоварова. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 304–307.

прирельсовые) необходимой вместимости (от 3 до 50 тыс. т) из быстровозводимых (за 30–40 дней) лёгких металлических конструкций (ЛМК), окупаемых за 0,5–1 года, в которых осуществляется до 80–90% всех затрат труда и средств на производство конечной продукции.

Только за счёт ликвидации до 50% и более потерь картофеля, овощей и другой растениеводческой продукции в системе «поле – потребитель», можно увеличить почти в 2 раза реальное потребление населением России, стран ЕАЭС и СНГ при той же низкой (в сравнении с западными фермерами) средней урожайности картофеля и овощей.

Если совсем недавно Россия была вынуждена покупать за границей в огромных количествах картофель (до 1,5 млн. т в 2011 г.) и не меньше овощей, то в 2016 г. за рубеж было продано 230 тыс. т клубней. Между тем из-за перепроизводства и падения цен многие картофелеводы понесли убытки, что привело к снижению посадочных площадей на 4–5%[1].

Таким образом, увеличение экспорта картофеля из России, уступившей не так давно 1 и 2-е места Китаю и Индии по валовому его сбору и площадям, становится крайне необходимым и выгодным, чтобы за валюту продолжить расширять современное производство, хранение, переработку и реализацию уже высокотранспортабельных картофелепродуктов с высокой добавленной стоимостью.

О громадном потенциале экспорта картофеля и продуктов его переработки из России говорят: 3-е место в мире по посевным площадям и валовым сборам «второго хлеба»; одна из самых низких в мире урожайность клубней с гектара; 40 млн. га выведенных из сельскохозяйственного севооборота пашни; высокое среднегодовое потребление картофеля по регионам – от 56 кг в Республике Коми до 189 кг/чел. в Красноярском крае и по стране в 2011–2014 гг. (110 кг/чел.), при рекомендуемой 95–100 кг/чел./год.

Между тем, в 1989 г. (до начала «реформ») Россия должна была поставить по плану Союзного фонда в республики Средней Азии и Закавказья более 750 тыс. т картофеля. В обратном направлении в Россию должно было поступить 2,5 млн. т овощей, плодов семечковых культур, винограда и бахчевых, что в 3,3 раза больше, чем планировалось завозить картофеля в южные регионы СССР.

С развалом СССР и Союзного фонда картофеля, плодоовощной, бахчевой, виноградной и другой сельскохозяйственной продукции были разрушены (непродуманным акционированием и приватизацией) крупные агропредприятия и объединения, и данные культуры переместились в мелкие частные хозяйства населения практически во всех странах СНГ, с примитивной техникой и технологией их производства. Государство, которое организовывало раньше обмен крупных партий данной дешёвой продукцией между южными и северными республиками СССР, сегодня ушло с рынка, а образовавшуюся нишу занял мелкий торговец в основном с автомобильными транспортными средствами, далёкими от совершенства, с различной грузоподъёмностью, без всякого вентиляционного, температурного и влажностного режима. Перевозка скоропортящейся продукции незначительными партиями в пассажирских вагонах и т.п. при транспортировке на расстояние до 3–4 тыс. км, требует значительных дополнительных материальных затрат в расчёте на единицу конечной реализованной продукции. Они возмещаются высоким уровнем розничных цен, что значительно сдерживает спрос, товарооборот, объём продаж и соответственно производство данных культур в бывших советских республиках Средней Азии и Закавказья. Высокие розничные цены на дыни, арбузы, виноград, цитрусовые и т.п. компенсируют потери и затраты, связанные с: неорганизованной на государственном уровне перевозкой данной продукции транспортом общего пользования; замерзанием её поздней осенью; всевозможными поборами на всём пути следования к потребителю и т.п. В конечном счёте, огромные потери во всех странах СНГ несут производители и потребители. Производство картофеля в странах ЕАЭС представлено в табл. 1.

Таблица 1

Производство картофеля в странах-членах ЕАЭС (по данным FAOSTAT)

Страна	Население, млн. чел.	Средние за 2009–2012 гг.			
		Площади, занятые под картофелем, тыс. га	Урожайность, т/га	Производство картофеля, тыс. т	На душу населения, кг
Российская Федерация	143,30	2 172,8	13,2	28 622,2	199,7
Армения	3,24	30,3	18,9	570,0	176,0
Беларусь	9,47	355,8	20,5	7 253,7	766,1
Казахстан	16,20	180,8	15,9	2 878,2	177,1
Киргизия	5,55	84,5	16,1	1 356,1	244,3
ИТОГО.	**177,76**	**2 824,2**	**14,4**	**40 680,2**	**228,8**

Как видно из табл. 1, самая низкая урожайность картофеля во всех категориях в среднем за 2009–2012 гг. была в России (13,2 т/га), в которой валовой сбор клубней в 2.4 раза больше чем в остальных странах-членах ЕАЭС вместе взятых. По уровню производства картофеля на душу населения в год Россия (200 кг/чел/год) превышает Армению и Казахстан на 23–24 кг. Больше всего картофеля производится в Белоруссии – 766 кг/чел/год и в Киргизии – 244 кг/чел/год.

Рост производства картофеля в странах-участниках ЕАЭС происходил преимущественно за счёт расширения посадок картофеля в связи с принятой в них национальной политики повышения самообеспечения «вторым хлебом» (табл. 2).

Таблица 2

Производство и потребление картофеля на душу населения в странах – участниках ЕАЭС, кг

Страны-участницы	Производство					Потребление		
	Годы			Валовой сбор в 2013 г., млн. т	Доля производства в ЕАЭС, %	Годы		
	1992	2009–2012	2009–2012 к 1992, %			1992–1995	2013	2013 к 1992–1995, %
Россия	258	200	78	30.20	78.6	123	111	90
Армения	93	176	189	0.66	0.4	74	44	59
Белоруссия	879	766	87	5.91	7.1	176	179	102
Казахстан	158	177	112	3.34	12.8	78	111	142
Киргизия	80	224	280	1.38	1.1	63	99	157

Как видно из табл. 2, больше всех на душу населения картофеля производит Белоруссия 766 кг/чел. в среднем за 2009–2012 гг., а валовой сбор в 2013 г. был выше в России – 30,2 млн. т, что составляет 72,8% от всех собранных клубней в ЕАЭС – 41,5 млн. т. Если в России в 1992 – 1995 гг. преобладало картофельно-хлебное питание (123 кг/чел./год), то в период до 2013 г. потребление клубней на душу населения в год снизилось до 111 кг при норме 90–100 кг/чел./год, а хлебопродуктов осталось на уровне 120 кг/чел./год. За 23 года увеличилось потребление картофеля в Белоруссии до 179%, Казахстане – 142 и Киргизии – 99%. В Армении снизилось потребление картофеля с 74 до 44 или в 1,7 раза за счёт роста экспорта раннего картофеля и увеличения потребления овощей.

По данным Нацстатслужбы Армении в 2012 г. посевные площади картофеля составили 31,2 тыс. га, с которых собрано 646 тыс. т, что превосходит показатели 2011 г. на 10 и 15% соответственно при урожайности около 21 т/га. В 2013 г. Армения экспортировала в Грузию около 20 тыс. т. картофеля и в ближайшие 3 года увеличит экспорт клубней в Россию.

Рост площадей, урожайности и потребления картофеля в Киргизии и других южных странах ЕАЭС и СНГ связан с быстрым ростом их населения, продовольственной проблемой и стремлением к самообеспечению «вторым хлебом».

В настоящее время около 35% картофеля и овощей, например, в Киргизии производится в ЛПХ, 62% – в мелких КФХ и лишь 3% выращивается в крупных СХО. Большинство мелких КФХ, возникших в результате приватизации земли и имущества колхозов и совхозов, не обладает необходимыми финансовыми и техническими ресурсами, чтобы применять передовые промышленные технологии возделывания, хранения, переработки, фасовки и упаковки картофеля и овощей. В результате – низкая производительность труда, неустойчивые и небольшие доходы фермеров в растениеводстве, в то время как себестоимость производства картофеля выше чем в России в 2–3 раза. Средняя площадь земельного надела, приходящаяся на одного сельхозтоваропроизводителя Киргизии, составляет около 3 га, что ведёт к росту себестоимости производства картофеля из-за нерационального использования техники и других ресурсов для проведения всех полевых операций групповым способом. Использование семенного материала низкого качества, недостаточное применение химических средств защиты растений и удобрений также ведёт к получению низкого урожая и качества. Ежегодно завозится в Киргизию лишь 100 т элитных семян из Германии (сорт Желли) и Нидерландов (сорт Сантэ)[1].

В Белоруссии, Казахстане, Армении и других странах ЕАЭС и СНГ также преобладает мелкотоварное производство картофеля, овощей, бахчевых, винограда, фруктов и др.

В табл. 3 представлена структура производства картофеля в основных картофелеводческих странах ЕАЭС в 2014 г. по категориях хозяйств и темпы развития КФХ за период 2010–2014 гг.

Таблица 3

Структура производства картофеля в странах ЕАЭС по категориях хозяйств в 2014 г., %

Основные картофелеводческие страны ЕАЭС	Категории хозяйств				В т. ч. доля КФХ		
	ЛПХ	КФХ	СХО	ЛПХ и КФХ (МФХ)	2010 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г.
Россия	80,2	7,6	12,6	87,8	5,5	7,6	2,1
Беларусь	79,1	4,9	16,0	84,0	2,0	4,9	2,9
Казахстан	60,5	32,2	7,3	92,7	23,7	32,2	8,5

Как видно из табл. 3, больше всех картофеля производят МФХ Казахстана – 92,7% от всего объёма по стране, в России – 87,8 и 84,0% в Беларуси, где в большей мере сохранилось промышленное производство в СХО и более высокими темпами оно развивалось в КФХ. Ещё выше темпы прироста валового сбора клубней в КФХ Казахстана – 8,5% за период 2010–2014 гг. Самыми медленными темпами – 2,1% за 2010–2014 гг. развивается производство картофеля в КФХ России.

В период с 2010 по 2014 гг. импорт картофеля в странах ЕАЭС варьировал в пределах 52–1682 тыс. т и в 2014 г. составил 738 тыс. т, в т. ч. Россия завезла из-за рубежа 667 тыс. т клубней, Казахстан 55 и Беларусь – 16 тыс. т. Экспорт картофеля стран ЕАЭС незначителен и составляет лишь около 0,1% от объёма производства. Экспорт из России за период 2010–2014 гг. варьирует в пределах от 26,5 до 41,7 тыс. т и является самым высоким среди стран ЕАЭС, взаимный оборот у которых составлял в 2014 г. только 5,1 тыс. т.

[1] Исламов А. Р. Овощеводство и картофелеводство Киргизии // Картофель и овощи. 2015. – № 11. – С. 2–4.

По данным официальной статистики в государствах – членах ЕАЭС валовой сбор овощей в 2014 г. по сравнению с 2013 г. увеличился на 5,8% и составил 20 704 тыс. т, в т.ч. в Беларуси – 1734 тыс. т, в Казахстане – 3470 тыс. т, России 15 500 тыс. т. Посевные площади овощных культур в государствах – членах ЕАЭС в 2014 г. увеличились на 2,4% и составили 891 тыс. га, в т.ч. в Беларуси – 70 тыс. га, Казахстане – 137 тыс. га и России – 684 тыс. га. Наибольшие показатели урожайности овощных культур отмечены в Казахстане – 24,3 т/га, в Беларуси – 24,2 т/га. Урожайность в России несколько ниже – 21,8 т/га. (табл. 4).

В табл. 4 представлена структура производства овощей в основных овощеводческих странах ЕАЭС в 2014 г. по категориям хозяйств и темпы развития КФХ за период 2011–2014 гг.

Таблица 4

Структура производства овощей в основных странах ЕАЭС по категориям хозяйств в 2014 г., %

Основные овощеводческие страны ЕАСС	Категории хозяйств				В т. ч. доля КФХ		
	ЛПХ	КФХ	СХО	ЛПХ и КФХ	2010 г.	2014 г.	2014 г. к 2010 г.
Россия	69,2	14,0	16,8	83,2	11,4	14,0	1,2
Беларусь	67,2	15,3	17,5	82,5	6,1	15,3	2,5
Казахстан	44,6	49,6	5,8	94,2	42,3	49,6	1,2

Данные табл. 4 показывают, что наибольший удельный вес в производстве овощей в Казахстане занимали в 2014 г. КФХ – 49,6%, в то время как СХО – 5,8% или в 8,6 раза меньше. Высокими темпами производство овощей растёт в КФХ Беларуси с долей 6,1% в 2010 г. и до 15,3% в 2014 г., что в 2,5 раза больше. В России данный рост с 11,4 до 14,5% составил лишь 1,2 раза.

Что касается производства других ингредиентов «борщевого набора» в ЕАЭС, то здесь не всё просто. Так как производство капусты в странах ЕАЭС в 2014 году выросло по сравнению с 2013 годом на 5,4% и составило 4395,6 тыс. т (в т.ч. в Беларуси – 398,3; Казахстане – 498,0; и России – 3499,3 тыс. т). Импорт капусты в странах ЕАЭС в этом году вырос на 88% и составил в Беларуси – 65,7; Казахстане – 125,1 и в России – 221,5 тыс. т. Экспорт капусты из стран ЕАЭС в третьи страны незначителен и составил в 2014 г. 0,2 тыс. т.

Производство же лука в странах ЕАЭС в 2014 г. выросло по сравнению с 2013 г. на 4% и составило 2814,7 тыс. т (в т.ч. в Беларуси 212 тыс. т, Казахстане – 608.4 тыс. т и России – 1994.

Импорт лука в 2014 г. в Беларусь составил 13,7 тыс. т, Казахстан – 128,3 тыс. т и Россию – 408,4 тыс. т. Объёмы взаимной торговли стран ЕАЭС луком в 2014 г. составили всего лишь 9,5 тыс. т.

Самообеспеченность стран – членов ЕАЭС капустой и луком составляет 93,1 и 86,3% с необходимым импортом соответственно 6,9 и 13,7%.

В Российской Федерации в рамках государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции на 2013–2020 гг. намечено ускоренное импортозамещение в отношении овощей открытого и защищённого грунта, семенного картофеля, повышение удельного веса картофеля российского производства к 2020 г. почти до 100.

Программа предусматривает: увеличение производства картофеля в СХО, КФХ включая индивидуальных предпринимателей (ИП) до 6 млн. т, овощей открытого грунта – до 5,2 млн. т овощей защищённого грунта – до 1,4 млн. т;

– увеличение ёмкости современных картофеле- и овощехранилищ на 3,5 млн. т единовременного хранения;

– обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей отечественным семенным картофелем и семенами овощных культур в объёме не менее 75%;

В Российской Федерации осуществляется Господдержка отрасли картофелеводства (согласно Госпрограмме на 2013–2020 гг.) в части предоставления сельхозтоваропроизводителям: субсидий на компенсацию 20% затрат на строительство и модернизацию овощехранилищ и картофелехранилищ; субсидий на строительство и (или) модернизацию селекционно-семеноводческих центров (до 20%) сметной стоимости объектов; несвязанной поддержки в области развития производства семенного картофеля (10 тыс. руб./га); субсидий на развитие элитного семеноводства в виде возмещения части затрат на приобретение элитных семян.

В странах ЕАЭС производство картофеля и овощей в настоящее время сосредоточено в хозяйствах населения (около 80% валового производства) При этом данные хозяйства при малопроизводительном ручном труде, отсутствии современной техники, современных агротехнологий, отсутствия научно-обоснованных севооборотов, отсутствия системы интегрированной защиты растений, недостатке качественного семенного материала, удобрений, необходимого перерабатывающего и моечно-фасовочного оборудования не в состоянии решить проблему поставки крупных однородных партий высококачественного сортового картофеля в торговые сети, стандартных клубней на перерабатывающие предприятия, а также на экспорт в связи с высокими международными требованиями по качеству.

Значительная часть картофелепродуктов завозится в ЕАЭС из развитых стран, поэтому в них необходимо также решать проблему хранения и безотходной переработки клубней в СПТК, АПП и АПО, увеличивать производство картофелепродуктов: очищенного картофеля, чипсов, фри, пюре, модифицированных крахмалов, других транспортабельных сухих продуктов питания с повышенными сроками хранения.

В России сложилось неудовлетворительное положение с производством картофельного крахмала. Использование мощностей специализированных предприятий по переработке картофеля в крахмал в последние 20 лет сократилось в 3,8 раза с 61,7 до 16,2%, а производство картофельного крахмала уменьшилось в 5,9 раза. В результате доля импорта этой продукции достигла 83,3% рыночного оборота, что более чем в 4 раза превышает порог продовольст-

венной безопасности, в то время как из ежегодных 30 млн. т валового сбора можно до 20%, или около 6 млн. т нестандартного картофеля, очисток можно переработать и получить до 1 млн. т крахмала для всех стран ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др. вместо отправки их на свалку, в канализацию и т.п.

Отдельная проблема – это обеспечение сельхозтоваропроизводителей высококачественным семенным материалом картофеля. Недостаток качественного семенного материала для своевременного сортообновления и сортосмены – один из основных факторов, сдерживающих рост урожайности культуры и объёмы производства картофеля и продуктов его переработки. Высокая доля сортов зарубежной селекции (Голландия, Германия) и отсутствия развитой системы сортового семеноводства в России, не позволяет переходить на производство картофелепродуктов из сортов отечественной селекции.

Это связано как с характеристиками самих сортов картофеля, так и с состоянием семеноводства картофеля в каждой из стран ЕАЭС, что серьёзно влияет на урожайность, качество и цену семенного, продовольственного картофеля и картофелепродуктов.

По данным Картофельного союза России, только в Россию за период 2012–2015 гг. импортировано около 101,5 тыс. т семенного картофеля на сумму 82,5 млн. долл. США. При этом из 10 наиболее широко возделываемых сортов картофеля в России только 2 – отечественной селекции. Для промышленной переработки картофеля (для производства чипсов, замороженного полуфабриката «фри» и др.) в сельскохозяйственном производстве иностранными компаниями используются, как правило, сорта зарубежной селекции с необходимыми технологическими характеристиками.

Перспективным является сотрудничество научно-исследовательских учреждений государств-членов Союза для осуществления совместных проектов в селекции и семеноводстве картофеля.

Современные кризисные явления диктуют необходимость выработки нового формата экономического взаимодействия, который может выражаться в усилении многостороннего сотрудничества как внутри уже созданных интеграционных союзов ЕАЭС, СНГ, ШОС и др., так и со странами других объединений.

Создание в странах ЕАЭС, СНГ и др. СПТК, АПП и АПО холдингового типа приведёт к значительному снижению издержек в расчёте на единицу конечной сельхозпродукции, расширению объёмов производства и реализации семенного, продовольственного картофеля и продуктов его переработки с использованием специализированного автомобильного и железнодорожного транспорта, восстановлению бывшей союзной кооперации в области производства тракторов, сельскохозяйственных машин, фасовочно-упаковочного, перерабатывающего оборудования, спецтранспорта и т.п.

Многие продуктовые подкомплексы АПК РФ являются высокотехнологичными и конкурентоспособными на внутреннем и мировом рынках. Это мясо птицы, свинины, производство зерна, маслосемян, макаронных изделий, круп и т.п. В картофелепродуктовом подкомплексе точками роста стали семеноводческие СПТК (Устюженский Вологодской области), продовольственный СПТК («Гильдии картофелеводов и картофелепереработчиков» Брянской области), АПП (типа «совхоз – завод») ЗАО «Озёры» и АПО «Дмитровские овощи», «Малино», холдингового типа Московской области, семеноводческий агрохолдинг (КРИММ, Тюменской области).

Вполне понятно, что в условиях глобализации, выполнения правил ВТО, роста конкуренции на мировом рынке продовольствия, работа ЕЭК не должна уступать по интенсивности ежедневной и ежечасной кропотливой работе аналогичных органов в ЕС и других сообществах, оперативно решающих все возникающие международные (между 27 странами) вопросы и проблемы, в отличие от Таможенного Союза (ТС) и др. Так Представители Постоянного Комитета Союзного Государства доложили, что остатки прошлых лет в размере 1,8 млрд. российских рублей перетекли в бюджет 2017 г. и в 2018 г. опять начнётся работа, без утверждения союзного бюджета, что приведёт к спешному освоению средств и выполнению важных задач в основном во второй половине года с извечной потерей общих денег и качества выполненных исследований и такое же внедрение в производство. При этом все «разработки, патенты, изобретения, полученные в результате совместных российско-белорусских программ до сих пор не приносят в общий бюджет ни копеечки»[1].

Депутаты постоянно говорят о бюрократических препонах, мешающих реализации важнейших союзных программ и необходимости устранения ограничений двусторонней торговли; пересмотра всей нормативной базы, которая регулирует экономику Союза; сближения законодательства России и Беларуси, его гармонизации и унификации, которыми практически не занимаются соответствующие министерства и ведомства; решения проблем, с которыми каждодневно сталкиваются граждане Союзного государства и других, которые привели к падению торгового оборота между Беларуси и России.

Высокие доходы имеют фермеры развитых стран ЕС, создавшие картофелеводческие кооперативы с собственной розничной торговой сетью, имеющие современные хранилища.

Если, например, владельцы 12 млн. долей в России размером до 50 га, не имеющие хранилищ, продают осенью картофель посредникам почти по себестоимости – 6 руб./кг, при его наличии – можно зимой продать – по 12 руб./кг, весной – по 18 руб./кг, имея до 12 руб./кг дохода, отказавшись от всех мизерных государственных субсидий, дотаций и компенсаций, запрещённых ВТО, которые в сумме в России составляли – 5 коп. на 1 руб. реализованной продукции.

Так как АПК содержится в основном за счёт налогоплательщиков – населения России, то с созданием самой эффективной и справедливой формы организации на селе – СПТК (в т.ч. прирельсовых), общество получит также упрощённый контроль за единой продуктовой цепочкой и за состоянием качества сельхозпродукции (в т.ч. по пищевой безопасности) не на прилавках 30-50 тысяч магазинов, предприятий общественного питания и госснабжения (распо-

[1] Общие деньги тратить с умом. Играть по единым правилам // Союзное вече. Газета парламентского собрания Союза России и Беларуси. 2016. – № 59, 29 декабря. – С. 6.

ложенных неизвестно где), а прямо в хранилищах вместимостью до 30–50 тыс. т и в цехах производства продуктов питания. То к чему передовые европейские страны шли 200–300 лет, мы можем осуществить по всей России и странам ЕАЭС в растениеводстве за 2–3 года, построив хранилища-комплексы (в т. ч. прирельсовые), заменив автотранспорт и крытые вагоны общего пользования на рефрижераторные автомобили и вагоны с обслуживающим киргизским, белорусским, или казахским персоналом, следящим на всём пути следования, за температурой внутри 5-вагонных секций Брянского машиностроительного завода. При этом во всех странах ЕАЭС и СНГ в прирельсовых СПТК, АПП и АПО, имеющих высокомеханизированные хранилища (в т.ч. с крытым дебаркадером) открывается клондайк технико-технологических и организационно-экономических инноваций, обеспечивающих снижение себестоимости и повышение качества экологически чистой скоропортящейся растениеводческой продукции с использованием многооборотных сборно-разборных контейнеров, деревянных или пластмассовых поддонов с ящиками и сетками, загруженных ранним картофелем, овощами, бахчевыми, виноградом, цитрусовыми и другой скоропортящейся сельхозпродукцией, вплоть до подвижного дна (транспортёра) вагона, применяемого в США для снижения повреждений картофеля и овощей при их разгрузке и навальном способе перевозке.

Белоруссия с самого начала санкций в 2000 г. обратилась к внутренним ресурсам расширения собственного производства сельхозпродукции, чтобы не тратить валюту (как в России) на закупку чужого продовольствия, тем более что сельскохозяйственное производство в этой стране, не было так сильно разрушено как в России с 1990-х годов. В результате объединения двух убыточных колхозов в 30 км от Минска появился агрокомбинат с современной системой хранения и переработки картофеля и овощей – АО «Колино» к которому относится комплекс «Цнянсоил экопродукты», на 90% принадлежащий частному инвестору, который в 2015 г. собрал урожай картофеля по 45 т/га, а также морковь, свеклу, лук, зерно и кукурузу с полей, где несколько лет назад были пустыри, со средней зарплатой работников предприятия – 500 долл. США со стремлением довести до 1000 евро на человека[1].

Принятые в России законы по кооперации и агропромышленной интеграции противоречат друг другу и не содержат многих крайне необходимых сегодня нормативных положений. Поэтому в стране не развиваются ни СПТК, ни АПП и АПО холдингового типа.

Надо признать, что промышленное развитие сельского хозяйства и 140–160 связанных с ними отраслей народного хозяйства является фундаментальным ресурсом роста экономики в основном аграрных стран ЕАЭС и БРИКС. Партнёрство в области производства сельхозтехники, перерабатывающего сельхозсырьё оборудования, приоритетных технологий и инноваций в агропромышленном производстве, позволяет быстрее создать реальный сектор с участием малого и среднего бизнеса на селе, ориентированного на промышленное сельскохозяйственное производство во всех странах ЕАЭС, ШОС и БРИКС, что усилит продовольственную безопасность, финансовую надёжность и стабильность развития в каждой из стран-участниц.

Принятый на саммите 2015 г. для распространения проект «Дорожная карта торгово-экономического инвестиционного сотрудничества БРИКС до 2020 года» должен быть дополнен новыми проектными предложениями, связанными с созданием АПФ с унифицированными хранилищами-комплексами, элеваторами, цехами и перерабатывающими сельхозсырьё предприятиями, (в т. ч. прирельсовыми) и единой наиболее оптимальной и более скоростной международной транспортной системы, путём государственно-частного партнёрства, что значительно улучшит условия инвестирования.

Активизация деятельности ЕАЭС, координация, кооперация и интеграция как между странами-участниками, так и с внешним (в т.ч. ШОС, БРИКС, АТЭС) объединениями, позволит новому Союзу противостоять всё возрастающему противодействию западных стран.

Необходимо сформировать такой механизм экономического взаимодействия стран, входящих в ЕАЭС, который будет способствовать обеспечению синергетического эффекта в решении проблемы коллективной продовольственной безопасности. Необходима реализация целого комплекса организационно-экономических мер: разработка совместного продовольственного баланса; создание конъюнктурного центра по анализу и прогнозированию продовольственной ситуации; создание межгосударственных объединений, совместных предприятий, кооперативных Союзов (Ассоциаций), объединяющих фермеров ЕАЭС картофелеовощного, плодово-ягодного, зернового и других растениеводческих и животноводческих направлений.

[1] Короткова Е. Белорусское зеркало для героев // Московский комсомолец. 2016. – 24 ноября. – С. 4.

Циватый В.Г.[1]

БРИКС В ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА: ИНТЕГРАЦИОННОЕ, ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (ИБЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИИ)

Ключевые слова: *внешняя политика, дипломатия, модель дипломатии, дипломатический инструментарий, институционализация, Латинская Америка, Ибероамерика.*

Las palabras clave: *la política exterior, la diplomacia, el modelo de la diplomacia, las herramientas diplomáticas, la institualización, América Latina, Iberoamérica.*

Keywords: *foreign policy, diplomacy, diplomacy model, diplomatic instruments, institutionalization of Brazil, Latin America, Iberoamerica.*

Интенсификация интеграционных процессов в современном мире, несомненно, способствовала появлению новых форматов и пространств многостороннего сотрудничества. В этом процессе в настоящее время особую роль играет новое институциональное образование – БРИКС. Оценивая влияние глобализации на мировое развитие, следует учитывать, прежде всего, то, что речь идёт о процессе, который не только институционально не завершился, но находится на одной из первичных стадий. Такой процесс никогда не реализуется равномерно. У него проявляются не только элементы дискретности, но временами длительные периоды попятного движения. Это затрудняет взвешенную оценку его позитивных и негативных процессов. Тем не менее, для понимания сути и перспектив происходящего такая оценка необходима.

Глобализация в том варианте, в каком она реализуется ныне, подвела своего рода объективную базу под гегемонистские устремления политико-дипломатических сил, рассматривающих сложившуюся ситуацию как исторический шанс максимально расширить сферы влияния. Порождённое глобализацией доминирующее положение на международной арене одной державы провоцирует возвращение к силовой внешней политике и дипломатии, маскируемой задачами «цивилизующего давления». Всё это, разумеется, сказалось на геополитических императивах мирового развития. Экономические интересы и экономическая дипломатия в ещё большей степени, чем ранее, стали определять общегосударственные интересы. Конфронтационные действия экономического порядка стали одним из важнейших инструментов внешней политики и дипломатии государств полицентричного мира. В начале XXI века меняется и целевая установка геополитических притязаний. Если раньше в их основе лежало стремление добиться территориальных приращений и утверждения на новых торговых рынках, то теперь речь в первую очередь идёт о политическом и дипломатическом влиянии (доминировании) в том или ином регионе и о беспрепятственном доступе к стратегическому, прежде всего энергетическому сырью.

В новом столетии появляются, соответственно, новые модели межгосударственных отношений и политико-дипломатических интеграционных объединений как, например, БРИКС. БРИКС в глобализирующемся мире становится объектом глобальной дипломатии и субъектом полицентричной системы международных отношений и многосторонней дипломатии. В новых глобализированных условиях многосторонняя дипломатия, которая стала «сетевой», требует постоянного обновления форм и методов своей дипломатической деятельности, опирающихся на новый дипломатический инструментарий, гибкие формы участия государств в многосторонних структурах (институциях) в целях коллективного поиска решений общих задач, и прежде всего, в контексте новой архитектоники европейского и мирового пространства безопасности. Многосторонняя дипломатия, или, в более узком смысле, конференционная дипломатия, стала основным инструментом поиска и согласования международных решений в глобальном, региональном, национальном и отраслевом масштабах. Именно она генерирует новые креативные подходы и концепции, принципы и нормы современного институционально-международного общения. Глобальная история, современная политическая глобалистика и глобальная дипломатия – все эти составляющие институционализируются в глобальную дипломатическую или политико-дипломатическую систему, которая постоянно эволюционирует в ответ на новые вызовы и угрозы современности[2].

Динамичные и фундаментальные институциональные изменения глобального характера, которые переживает мировое сообщество в условиях новых вызовов и угроз XXI века, оказывают существенное влияние на особенности

---

[1] Циватый Вячеслав Григорьевич – к.и.н., доцент, Заслуженный работник образования Украины, ректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины. E-mail: tsivatyi@gmail.com

[2] Циватый В.Г. Социология дипломатии, дипломатические системы и институты дипломатии в условиях новых вызовов и угроз глобализации XXI века // Сборник научных материалов IX Международной научной конференции «Сорокинские чтения». – М.: МГУ, 2014. – С. 799–802.

развития, трансформации и усовершенствования моделей и институтов дипломатии государств Латинской Америки. В качестве приоритетов дипломатической деятельности латиноамериканских государств можно выделить многостороннюю дипломатию и особенности её институционального развития.

Система международных отношений XXI века всё отчётливее приобретает черты полицентричности. Полицентричный мир и полицентричная система межгосударственных координат – это реалии и неизбежность сегодняшнего политико-дипломатического диалога. Полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, становится уникальным продуктом беспрецедентной стадии глобализации, которую она достигла к настоящему времени. Принципиальное отличие многополярности от «концертов» прошлого заключается в том, что, во-первых, мир прекращает быть не только европоцентричным, но и евроатлантичным[1]. Впервые в истории практически на всех континентах планеты появились или появляются державы с трансрегиональными амбициями. Во-вторых, степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, а также от различного рода инструментов «мягкой силы». В-третьих, во второй половине XX века возник феномен современного международного права, фундаментом которого является Устав ООН. До сих пор он играет роль главного мерила легитимности действий государств на мировой арене, своего рода смирительной рубашкой, сковывающей намерения тех, кто хотел бы действовать, не взирая на рамки общепринятых правил[2].

Пугать многополярностью под предлогом того, что это якобы возрождение баланса сил XIX века безосновательно по обозначенным выше причинам. Впрочем, если бы даже это и было так, предотвратить объективные процессы мирового развития невозможно. Необходимо стремиться скорректировать их, направить в максимально позитивное русло, но не делать вид, что их можно игнорировать.

Ссылки на то, что полицентричный мир намного сложнее для управления и менее предсказуем, чем мир двухполюсный или, тем более, однополюсный, также не способствуют решению проблемы. Закон развития человеческой миросистемы – усложнение механизмов управления и регулирования ею на всех уровня. Так было всегда, очевидно, будет и впредь.

В то же время, в условиях регионализации мировой политики, связанной с ускорением интеграционной и институциональной политики в различных регионах мира, Латинская Америка активно ведёт самостоятельный поиск адаптации своей внешней политики и дипломатии к новым геополитическим реалиям, ищет своё место в полицентричной мировой системе государств.

В действиях дипломатии и дипломатических служб государств этого региона (на примере бразильской модели дипломатии), в использовании ими нового дипломатического инструментария на этом направлении чётко прослеживаются новые креативные тенденции.

Есть все основания выделить и особую новую перспективную модель дипломатии – «ибероамериканская модель дипломатии». Этот дипломатический опыт представляет практический и научный интерес для многих европейских государств и государств постсоветского пространства: России, Украины, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджана и др.

На сегодня особенностью развития дипломатии латиноамериканских стран является приоритетное внедрение и реализация на практике «мягкой силы» как основного инструмента современной дипломатии. С этой точки зрения научный интерес представляет изучение и анализ теории и практики использования «мягкой силы» во внешней политике Бразилии (особенностей бразильской «soft power») как главного южноамериканского гранда и одной из ведущих экономик мира.

Особенно следует подчеркнуть, что именно в Бразилии использование «мягкой силы» становится трендом и считается важным атрибутом бразильской модели дипломатии XXI века. Следует отметить и факт осознания бразильской политической и дипломатической элитой её приоритетности и значимости применения данного фактора в целях продвижения национальных интересов Бразилии на глобальном, региональном и национальном уровнях. Знаменательным уже стало выражение бразильского политолога У.В. Биасотто: «…Бразилия применяет «мягкую силу», которая открывает гораздо больше возможностей в сфере торговли, науки и технологий, чем винтовка…»[3].

Бразильская модель дипломатии имеет свои исторические традиции, но за отправную точку отсчёта формирования такой модели, основанной на осознанном и целенаправленном применении «мягкой силой» как основного институционального её элемента, следует считать демократические преобразования в Бразилии вследствие прихода к власти конституционно избранного Президента Жозе Сарнея в марте 1985 года. Модель бразильской дипломатии, как прообраз региональной модели дипломатии, окончательно институционализировалась во время президентства Фернанду Энрике Кардозу (1995–2002 гг.). Эта модель характеризовалась реальным использованием в качестве дипломатического инструментария «мягкой силы» во внешнеполитической и дипломатической деятельности Бразилии.

Своё дальнейшее институциональное развитие новая бразильская модель дипломатии («модель мягкой силы») получила в период правления президента Луиса Лулы (2003–2010 гг.). В целом данную модель можно уже назвать классической формой (моделью) межгосударственных отношений Бразилии с государствами мира.

Фактическое эволюционно-институциональное развитие и становление бразильской модели дипломатии, главным критерием которой является политика «мягкой силы», продолжается и после 2011 года при новом Президенте

---

[1] Ціватий В.Г., Громико О.А. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд XXI століття (інституційний контекст) // Зовнішні справи. 2014. – № 8. – С. 26–29.

[2] Громыко А.А. Становление нового мирового порядка // США – Канада. Экономика. Политика. Культура. – М., 2002. – № 11. – С. 78–88.

[3] Biasotto W.V. Ai como é grande o meu Brasi. 2013.

Дилме Роуссефф. Она стала первой женщиной-президентом в истории Бразилии. Институтами, через которые реализуется новая бразильская модель дипломатии, становятся научно-исследовательские центры, культурные центры, спортивные институции, а также общественные и неправительственные организации Бразилии. Но важный шаг от модели дипломатии к внешнеполитической доктрине Бразилии на сегодня ещё не сделан, национальная доктрина на данном этапе окончательно не закреплена соответствующим нормативным актом.

Концепция внешней политики Бразилии до сих пор находится в стадии разработки. Но практика дипломатии Бразилии в глобализированном полицентричном мире фактически опережает теорию дипломатии – во внешней политике Бразилии систематически внедряются и реализуются элементы «мягкой силы» и несомненно, что в проекте национальной доктрины внешней политики Бразилии дипломатия «мягкой силы» занимает приоритетные позиции.

В проекте этого документа чётко обозначены общие задачи по использованию и продвижению политики «мягкой силы» как на уровне двухсторонней, так и на уровне многосторонней дипломатии. При этом особо следует подчеркнуть, что данное направление имеет научные основы, бразильские и латиноамериканские учёные, политологи и дипломаты всё чаще обращаются к теоретико-методологическим разработкам нового направления внешнеполитической и дипломатической деятельности Бразилии XXI века. Так, экс-министр иностранных дел Бразилии С. Аморим в 2013 году в одной из своих статей отмечал: «Не существует никаких сомнений, что миролюбивая внешняя политика служит интересам Бразилии. …Уникальная способность Бразилии продвигать эти идеалы является важным инструментом её «мягкой силы» и выражается в широкой международной поддержке…»[1].

Не менее интересно утверждение политолога Алине Паваса дус Сантуса, в котором он конкретизирует национальную идею «мягкой силы» дипломатии Бразилии: «Посредством анализа внешней политики и действующей конъюнктуры будут определяться атрибуты, присущие «мягкой силе» в модели международной деятельности Бразилии, например предоставление государственной помощи международному сообществу, выбор в пользу многосторонних решений, формирование привлекательной повестки дня, которая бы включала такие вопросы, как защита прав человека, демократия и возможность индивидуальных доходов»[2].

Особенно ярко практическая реализация дипломатии «мягкой силы» Бразилии выражается в деятельности Бразилии в различных региональных и международных организациях.

Сегодня Бразилия является политико-дипломатическим южноамериканским лидером. Поэтому концепция и модель дипломатии «мягкой силы» быстрыми темпами внедряется в практическую дипломатию остальных государств региона[3]. А в концептуально-институциональном сочетании с политикой государств Латинской Америки, Испании и Португалии в современных условиях они приобретают черты новой «ибероамериканской модели дипломатии» как неотъемлемой составляющей полицентричной системы международных отношений первых десятилетий XXI века.

Бразилия как региональный лидер и активный политический áктор международных отношений в мировой политике активно использует потенциал «мягкой силы» в продвижении интеграционных процессов и своих подходов в различных многосторонних структурах и региональных объединениях. В первую очередь речь идёт о БРИКС, МЕРКОСУР, Южноамериканском сообществе, G 20.

Бразилия во всех сферах своей политико-дипломатической деятельности, руководствуясь концептуальными подходами бывшего Президента Л. Лулы, активно отстаивает и укрепляет институциональную память и историческое, социальное и культурное своеобразие своего государства. Бразилия, по мнению учёных-исследователей Л. Бижоса и В. Арруда, должна использовать «мягкую силу» «…в формировании регионального лидерства, выполняя роль главного áктора в регионе, за счёт финансирования Национального банка экономического и социального развития для проведения работ в области инфраструктуры в других странах»[4].

Несмотря на то, что главным проводником «мягкой силы» Бразилии в отношении многих государств мира, включая Россию и Украину, остаётся официальная дипломатия, в последнее время к этой деятельности подключаются различные коммерческие и общественные структуры, в том числе – торгово-экономического профиля.

Высокоэффективным инструментом в реализации политики и дипломатии «мягкой силы» Бразилии является деятельность национальных научных, исследовательских и академических центров, занимающихся международной, региональной проблематикой, включая вопросы сотрудничества в ООН, G20, БРИКС, урегулированием различных интернациональных и локальных конфликтов.

Важным фактором презентационного характера и продвижения позитивного имиджа Бразилии как регионального лидера «мягкой силы» дипломатии, тренда Ибероамерики, являются несомненно труды и исследования бразильских специалистов, учёных-международников и практических дипломатов, которые переведены на иностранные языки, в том числе украинский, русский, испанский, португальский, английский и в конечном счёте оказывают влияние на ход образовательного и научного процессов.

Особой похвалы заслуживает продуктивная деятельность Центра изучения и исследований стран-членов БРИКС (ЦИИ БРИКС) (BRICS Policy Center), созданного в конце 2010 года[5]. За почти шестилетие своего существова-

---

[1] Amorim Celso. Robustecendo o poder brando do Brasil. 2013.

[2] Pavan dos Santos Aline. Inserção internacional do Brasil: o «poder brando» e a política externa do governo Lula. – São Paulo, 2009. – P. 45–46.

[3] Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2012. – 134 с.

[4] Bijos Leila, Arruda Verônica. A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira. 2015.

[5] См. подробнее: Жариков М.В. Интернационализация валют стран БРИКС: Монография. – М.: Проспект, 2016. – 208 с.; БРИК. Предпосылки сближения и перспективы взаимодействия: Монография. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010. – 232 с.; Давыдов В.М., Бобровников А.В. Роль восходящих гигантов в мировой политике. Шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении: Монография. – М.: Институт Латинской Америки, 2009. – 240 с.

ния этот научно-исследовательский центр провёл более 30 научных конференций, «круглых столов», симпозиумов и методологических семинаров по широкому спектру внешнеполитических вопросов, в частности – вопросов деятельности БРИКС, в которых принимали участие кроме бразильских специалистов представители научных и академических кругов мирового научного сообщества, включая Россию и Украину.

Несомненно, эффективным инструментом бразильской «мягкой силы» становятся современные информационные технологии, включая Интернет-ресурсы[1]. В данном контексте заслуживает внимания создание специального канала Министерства иностранных дел Бразилии на видеохостинге «Youtube» (http://www.youtube.com/mrebrasil), где имеется доступ к видео- и аудиопрограммам, интервью главы бразильского внешнеполитического ведомства, других дипломатов и представителей официальных властей по тематике внешней политики, дипломатии, международной безопасности.

К ряду подобных примеров следует отнести официальный сайт посольства Бразилии в Москве или официальный сайт посольства Бразилии на Украине – их содержательные политический, экономический, консульский, культурный и туристический контенты востребованы среди граждан, частных и государственных организаций.

Данная деятельность дипломатии Бразилии поставлена во главу угла в практической реализации бразильской модели дипломатии с опорой на «мягкую силу» дипломатии. Ведь обладая рядом бесспорных преимуществ (широкий охват аудитории, молниеносная передача информации, возможность общения в режиме он-лайн), бразильские официальные и общественные веб-страницы являются сильным и одновременно гибким средством воздействия на самосознание и формирование общественного мнения как на региональном, так и на мировом уровнях.

Важной составляющей в модели бразильской дипломатии является вопрос позиционирования и продвижения позитивного имиджа крупнейших городов страны (в первую очередь Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) в качестве весьма привлекательных и комфортных мест для проведения крупных международных общественно-политических и политико-дипломатических, экономических и спортивных мероприятий.

Эта линия «мягкой» дипломатии Бразилии последовательно проводится не только официальными властями федерального, регионального и муниципального уровней, но и общественными и неправительственными организациями[2].

Утвердившимися и наиболее распространёнными формами бразильской «мягкой силой» в отношении отдельных государств (двустороння дипломатия) являются различные общественно-политические, спортивные и культурные мероприятия, включая демонстрацию в России и Украине широко известных бразильских телевизионных сериалов, организацию фестивалей современного бразильского кино, выставок живописи, фестивалей национальной кухни.

К инструментарию «мягкой» дипломатии Бразилии следует также отнести и такие уникальные социокультурные бразильские явления, как всемирно известный Бразильский карнавал и бразильский национальный футбол. Всё это, безусловно, оказывает влияние на умонастроения россиян и украинцев. Особенно молодёжи, и в целом на формирование позитивного образа и позитивного имиджа Бразилии в наших государствах.

Политико-дипломатическая система и модель дипломатии Бразилии формировались в контексте исторического опыта, исторических трендов и новых тенденций современного мира[3].

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать повышение роли «мягкой силы» во внешней политике ведущих государств мира, включая Бразилию. Бразильское руководство приобретает вкус к большой политике, стремится включать «мягкую силу» в свои внешнеполитические стратегии с целью создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития, решения практических вопросов модернизации и расширения ареала своего влияния. Вместе с тем очевидно, что использование «мягкой силы» – это длительный и требующий немалых экономических и интеллектуальных вложений процесс.

Модель бразильской дипломатии на сегодня институционализировалась и базируется на методологии и критериях, позволяющих измерять «мягкую силу» Бразилии, оценивать её потенциал и возможности реального влияния, в том числе в исторической ретроспективе и перспективе. При этом следует исходить из того, что «мягкая сила» представляет собой сложное политико-дипломатическое явление, занимающее важное самостоятельное место в межгосударственных и внешнеполитических координатах современности, в системе координат полицентричного мира.

В условиях глобализации особое значение приобретает формирование политико-дипломатических центров, функционирование которых позволит завершить формирование полицентричной (многополярной) системы международных отношений. К таким центрам на мировом и постсоветском пространстве, безусловно, относятся Россия, Украина и ибероамериканские страны (Латинская Америка, Испания и Португалия). А государства Латинской Америки, Испания и Португалия в перспективе имеют потенциальную возможность создать один из новых центров силы в полицентричной системе мироустройства XXI века.

Необходимо отметить, что бразильская модель дипломатии относится к новому типу региональных моделей дипломатии и является образцом, по которому другие государства этого региона выстраивают свои модели и институты дипломатии. Государства Латинской Америки широко используют дипломатический инструментарий и практический опыт Бразилии в реализации своих внешнеполитических задач.

---

[1] Pimenta de Faria Carlos Aurélio, Nogueira Joana Laura Marinho. Coordenação intragovernamental para a implementação da política externa brasileira. 2012.

[2] Bijos Leila, Arruda Verônica. A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira. 2012.

[3] Циватый В.Г. Институционально-исторические традиции политико-дипломатических систем и дипломатии: социологический аспект // Социология дипломатии: Гипотеза, структура и тематические исследования: Монография / Милан Язбец, Вячеслав Циватый. – Киев, 2015. – С. 269–280.

Модели и институты дипломатии государств Латинской Америки в условиях новых вызовов и угроз XXI века представляют собой в настоящее время исторические тренды и дипломатический инструментарий для нового мирового сообщества в условиях полицентричного мира.

Новая модель их взаимодействия в новых геополитических условиях на уровне двусторонней дипломатии и многосторонней дипломатии, неоспоримо, может создать новые возможности и условия, открыть новые перспективы для институционализации новой региональной модели межгосударственных отношений XXI века.

Бразильская модель дипломатии имеет потенциал институционализироваться в новую модель межконтинентальной дипломатии – «ибероамериканскую модель дипломатии».

Современная дипломатия во многом будет зависеть от того, по какому пути пойдёт становление нового мирового порядка XXI века: однополярность, полицентричность (многополярность), мировое правительство и т.д. Но она по-прежнему останется основным инструментом управления международными процессами. Накопленный многовековой опыт мировой дипломатии в укреплении межгосударственного диалога сослужит полезную службу государствам и другим новым áкторам на международной арене в формировании нового, более безопасного и предсказуемого мира XXI века.

Современные глобальные тенденции свидетельствуют о повышении актуальности гуманитарного измерения внешней политики, публичная дипломатия и её «мягкая сила» («soft power») становится всё более весомым фактором международной жизни большинства государств современного мира.

Таким образом, можно отметить, что современная дипломатия, в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический и институциональный опыт межгосударственного общения в современных политико-дипломатических системах и институциональных, региональных и глобализационных координатах современного мира. Глобальные политические процессы и глобальная дипломатия XXI века – это тренд современного глобализированного мира. БРИКС на сегодня – это уже неотъемлемая часть этого мирового политического пространства, регионального политико-дипломатического пространства и планетарного пространства. БРИКС – это одна из важнейших институций в системе построения координат многополярного мира XXI века.

Черномаз П.А.
к.геогр.н., доцент кафедры международных экономических отношений Харьковского национального университета
pavel.chernomaz@gmail.com

ОПЫТ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕАЛИЯХ УКРАИНСКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: *украинско-российские отношения; трансграничное сотрудничество; еврорегион «Слобожанщина»; духовный кризис.*
Keywords: *Ukrainian-Russian relations; cross-border cooperation; Euroregion* ***Slobozhanschina****; spiritual crisis.*

Развитие межрегионального приграничного сотрудничества является одним из приоритетов Совета Европы. Его основным вкладом в определение правовых основ этого сотрудничества стала Европейская рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями (Мадридская конвенция) 1980 г. Она закрепила уже существовавшую на тот момент в Европе тенденцию – появление объединений трансграничного сотрудничества, которые получили название еврорегионов по имени первой такой группировки «Euregio», возникшей в 1958 г. на границе Германии и Нидерландов. Еще до подписания конвенции, в июне 1971 г., была создана Ассоциация европейских приграничных регионов (Association of European Border Regions) с секретариатом в г. Гронау (Германия) на территории первого еврорегиона «Euregio». Эта добровольная неправительственная организация сейчас объединяет около 200 разных институциональных форм трансграничного сотрудничества в Европе, большинство из которых названы еврорегионами.

В целом же для практической реализации трансграничного сотрудничества в Европе на данный момент предложено и отработано несколько форм: 1) договор о сотрудничестве; 2) еврорегион (создание совместного координирующего органа управления); 3) объединение еврорегионального сотрудничества (создание совместного юридического лица с собственным бюджетом).

Как Украина, так и Россия ратифицировали Европейскую рамочную конвенцию о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями и два дополнительных протокола к ней. Таким образом, в украинско-российских отношениях появилась правовая основа для развития полноценного трансграничного сотрудничества.

В результате на границе Украины и России в пределах Баренцево-Черноморской оси трансграничного сотрудничества сформировался каркас еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между территориальными общинами, расположенными по обе стороны границы. В этот каркас вошли еврорегионы «Днепр» (2003 г.), «Слобожанщина» (2003 г.), «Ярославна» (2007 г.) и «Донбасс» (2010 г.).

Базируясь на основных положениях Мадридской конвенции, а также на реалиях трансграничного сотрудничества, можно предложить следующее определение: ***еврорегион*** – это форма европейского трансграничного сотрудничества между имеющими общую границу территориальными общинами или местными органами власти регионов двух или более государств, оформляемая юридически в соответствии с внутренними законодательствами этих стран и нормами международного права в виде действующего соглашения, целью которого является координация взаимных усилий и осуществление согласованных мероприятий в разных сферах жизнедеятельности для решения общих вопросов в интересах населения, проживающего на территориях этих общин по разные стороны государственной границы.

16 ноября 2009 г. в Утрехте (Нидерланды) принят 3-й Протокол к Мадридской рамочной конвенции об «объединениях еврорегионального сотрудничества» (Euroregional Co-operation Groupings – ECGs). Он призван обеспечить основные положения создания и функционирования органов трансграничного и межрегионального сотрудничества и полностью соответствовать требованиям Регламента № 1082/2006 Европейского парламента и Совета ЕС от 5 июля 2006 г. «О европейских группах территориального сотрудничества» (European grouping of territorial cooperation – EGTC). Данным регламентом определены правовые основы создания еврорегиональных групп в странах ЕС. Таким образом, третий протокол к Мадридской конвенции расширяет действие основных положений данного регламента на страны Совета Европы, которые не входят в ЕС.

В протоколе определено, что ***объединение еврорегионального сотрудничества*** – это форма органа трансграничного сотрудничества в виде юридического лица с правом на собственный бюджет, которое подпадает под законодательство той страны-члена Совета Европы, где расположена его штаб-квартира.

ОЕС основывается путем заключения письменного соглашения между его членами-основателями. ОЕС могут основать территориальные общины или органы власти и другие члены, которые определены в п. 1 ст. 3 протокола. Под другими членами понимаются государства-члены Совета Европы, а также юридические лица, созданные с целью решения конкретных задач, представляющих взаимный интерес, которые не занимаются производственной или ком-

мерческой деятельностью. Юридические лица могут быть членами ОЕС, если соблюдается хотя бы одно из следующих условий: 1) их деятельность финансируется преимущественно государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом; 2) их управление контролируется этими субъектами; 3) половина членов их административного, управленческого или надзорного органа назначается государством, территориальной общиной, территориальным органом власти или подобным органом.

При этом территориальные общины или власти имеют большинство избирательных прав в ОЕС. Также п. 1 ст. 3 протокола определено, что физические лица не могут быть членами ОЕС.

Хочется подчеркнуть, что «еврорегион» и «объединение еврорегионального сотрудничества» – это формы трансграничного сотрудничества, возникшие в Европе и закрепленные в европейском законодательстве, позволяющие реализовывать на практике содержание трансграничного сотрудничества – улучшение взаимодействия органов управления приграничных регионов для решения совместных задач с целью повышения благосостояния населения за счет совместных действий во всех сферах жизнедеятельности (экономическая, социальная, экологическая и др.). При дискуссионности терминов «еврорегион» и «объединение еврорегионального сотрудничества» важны суть, которую они отражают, и наработанный опыт. Вполне возможна замена названий на «регион трансграничного сотрудничества», «объединение трансграничного сотрудничества» или какой-либо другой термин.

Развитие еврорегионов на просторах Европы позволило гармонизировать взаимоотношения населения стран в приграничных территориях и впоследствии – снять многие барьеры, созданные на границах. Причем часто граница разделяла один народ, имеющий общую историю и духовное единство, что актуально для украинско-российского сотрудничества[1]. Наглядным примером может служить регион Эльзас, лежащий на границе Германии и Франции. Долгие годы эти государства боролись за господство над данной территорией, что приводило для ее населения к трагическим последствиям вплоть до вовлечения в военные конфликты.

Это стало толчком к тому, чтобы в 1917 г. французский географ, профессор Сорбонны Поль Видаль де ла Блаш в работе «Восточная Франция», посвященной вопросу французской принадлежности Эльзаса и Лотарингии (которые в результате Франко-прусской войны 1870-71 гг. были присоединены к Германии и возвращены Франции в 1919 г.), выдвинул идею преобразования пограничных земель двух государств в зону взаимного сотрудничества. Он предлагал совместное освоение этих земель немцами и французами, считая, что граница должна стать не разделяющей, а объединяющей линией.

Таким образом, была сформулирована суть трансграничного сотрудничества, которое четыре десятилетия спустя (в 1958 г.) было оформлено в виде первого еврорегиона «Euregio». Впоследствии появился еврорегион на территории французского Эльзаса и соседней немецкой земли Баден-Вюртемберг. Сейчас он трансформировался в новую форму – европейскую группу территориального сотрудничества (European grouping of territorial cooperation – EGTC) под названием «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau».

Группа территориального сотрудничества «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» создана 25 января 2010 г. на французско-немецком пограничье муниципалитетом французского Страсбурга (столица региона Эльзас) и администрацией немецкого района Ортенау (земля Баден-Вюртемберг), население которого традиционно являлось эльзасским. Население данной территории – 868 тыс. жителей, площадь – 2176 кв. км. Штаб-квартира EGTC – в Страсбурге (Франция), секретариат – в Келе (Германия). Создан Совет EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» (48 членов по 24 представителя с обеих сторон), заседания проводятся регулярно в открытом режиме, о чем заранее сообщается на сайте www.eurodistrict.eu.

Данная форма сотрудничества в виде территориальной группы (в терминах Совета Европы – «объединения еврорегионального сотрудничества»[2]) позволяет сегодня реализовывать совместные немецко-французские проекты, усиливающие единство населения Эльзаса. Примерами таких проектов являются:

– экологический проект «Одна природа, два языка, одна сеть»;

– строительство трансграничного трамвайного сообщения между городами Страсбург и Кель;

– микропроекты фонда «Мой еврорайон» (50% софинансируются в рамках программы INTERREG Верхний Рейн, для участия в конкурсе на получение финансирования можно подавать заявки через сайт еврорайона «Strasbourg-Ortenau»). Общий бюджет проекта может составлять от 2000 до 80 000 евро. Направления – культура, спорт, образование, экология, социальное обеспечение и др.;

– проекты, направленные на сохранение эльзасского языка (алеманнская группа немецких диалектов) и поощрение двуязычия, в том числе через программы обмена учащимися (путем заполнения заявок на сайте), создание фонда трансграничных перемещений учащихся.

Успешная реализация проектов EGTC «Eurodistrict Strasbourg-Ortenau» объясняется следующими сформированными предпосылками:

1. Руководящей элитой сообщества создана и реализуется региональная государственная политика, основанная на реальном финансировании (в ЕС – политика сплочения, бюджет которой в 2014-2020 гг. составит 351,8 млрд. евро).

---

[1] Черномаз П.А. Укрепление духовного единства населения приграничных территорий – важная задача еврорегиона «Слобожанщина» // Евангелие в контексте современной культуры: Матер. I Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 9–13.

[2] Черномаз П.А. Институциональные перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества в контексте третьего протокола к Мадридской конвенции // Українсько-російське порубіжжя: стан та перспективи співробітництва: Матеріали науково-практичної конференції 16 квітня 2011 р. – Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2010. – С. 111–114. –http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5249

2. Созданы действующие инструменты финансирования (в ЕС – Европейский фонд регионального развития и программы INTERREG).

3. Инициатива местных органов власти (желание региональных политических элит развивать сотрудничество).

4. Прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов (на конкурсной основе).

5. Действующая институциональная структура органа трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы).Положительный опыт сплочения и единения населения приграничных территорий нами было предложено воплотить в жизнь приграничья России и Украины, используя форму еврорегиона «Слобожанщина»[1].

В сложных организационно-финансовых условиях за десять лет существования еврорегиона «Слобожанщина» были налажены деловые отношения между Белгородской областной Думой и Харьковским облсоветом, в частности создана междепутатская группа, члены которой обменивались информацией, обсуждали вопросы улучшения взаимодействия регионов. К примеру, белгородцы активно продвигали льготный режим для предпринимателей, которые инвестировали в их регион. И некоторые харьковские предприятия открыли свои дочерние в Белгородской области, например, – подшипниковый завод. Были реализованы малобюджетные, прежде всего научно-образовательные проекты в русле «политики малых дел»[2]. Для жителей приграничья начал действовать упрощенный режим пересечения границы через местные пункты пропуска без оформления миграционной карты.

Однако эта форма трансграничного сотрудничества не смогла заработать на полную силу и показать такую же эффективность, как в странах ЕС. Причин тому множество. Выделим основные препятствия, которые помешали наполнению формы еврорегиона содержанием в украинско-российском трансграничном сотрудничестве.

1. Отсутствие четкой государственной региональной политики, подкрепленной финансированием, с приоритетом приграничного сотрудничества.

2. Отсутствие механизма согласованного совместного украинско-российского стратегического планирования в трансграничном сотрудничестве.3. Отсутствие специальных инструментов финансирования (не был создан российско-украинский фонд развития трансграничного сотрудничества по примеру Европейского фонда регионального развития).

4. Не была обеспечена конкурсность и прозрачность выделения средств на реализацию трансграничных программ и проектов.

5. Не создана действенная (работающая, а не формальная) институциональная структура органов трансграничного сотрудничества (совет, секретариат, рабочие группы).Обострение украинско-российских отношений, обоюдная информационная война и эскалация конфликта привели к тому, что приграничные с Россией территории Украины превратились в своеобразное «яблоко раздора». Апофеозом стал военный конфликт на юго-востоке Украины с его страшными и непоправимыми последствиями для людей, втянутых в противостояние.

Изменившиеся политические и экономические условия поставили украинско-российское сотрудничество перед новыми вызовами. Главный вызов связан с кризисом человеческих отношений, негативно повлиявшим на двустороннее сотрудничество.

Почему же подобное могло случиться между двумя духовно близкими христианскими народами? По нашему мнению, истоки современного общественно-политического кризиса лежат в духовной сфере. Главнейшая его причина – приоритет материальных ценностей над духовными. Поэтому только духовное возрождение общества на основе повышения уровня духовности каждого человека путем личного совершенствования может стать основой выхода из социально-экономического и политического кризиса[3]. При этом важно, куда направляет свои силы и энергию каждый человек – на созидание или разрушение.

Духовный кризис в православной цивилизации состоит в отходе людей от истинной веры в Бога и начался он не сегодня и даже не в годы «воинствующего атеизма», а ранее. Духовным стержнем славяно-православного суперэтноса, к которому принадлежат как украинский, так и русский народы, является православие. Общественным институтом, призванным сохранять православную духовность в народе, является православная Церковь. Поэтому источник современного духовного кризиса следует искать в кризисном состоянии (отразившемся в «обмирщении») Церкви в Российской Империи, где к XIX веку православная вера превратилась преимущественно в определенную форму с присущими обрядами, но с выхолощенным содержанием.

---

[1] Голиков А., Черномаз П. Еврорегион «Слобожанщина» как форма трансграничного сотрудничества сопредельных областей Украины и России // Регион: Проблемы и перспективы. 1997. – № 4. – С. 52–54. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5204; Черномаз П.А. Еврорегион «Слобожанщина» – перспективы трансграничного сотрудничества Харьковской области // Вестник торгово-промышленной палаты: Совместный выпуск Харьковской и Белгородской ТПП. 2002. – № 11. – С. 15–16; Черномаз П. Еврорегион «Слобожанщина» и перспективы украинско-российского трансграничного сотрудничества // Часопис соціально-економічної географії: Зб. наук. праць. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – Вип. 7 (2). – С. 85–92. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5208; Черномаз П.А. Украинско-российское трансграничное сотрудничество в рамках еврорегиона «Слобожанщина»: реалии и возможности // Развитие частно-государственного партнерства в Республике Беларусь: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 дек. 2012 г. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – С. 241–252. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/7792

[2] Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / Отв. ред. В.А. Колосов, О.И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 248-253.

[3] Черномаз П.А. Роль духовного возрождения в преодолении негативных тенденций развития мирового хозяйства // Мир и Россия: регионализм в условиях глобализации: Материалы III Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Москва, 11–12 ноября 2010 г. – М.: РУДН, 2010. – С. 149–157. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5252

Подтверждение этому находим у выдающегося православного подвижника XIX века святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), который постоянно об этом свидетельствовал и в одном из своих писем сообщал: «Положение Церкви и христианства самое горестное, горестное повсеместно. Предсказанное в Писании совершается: охлаждение к вере объяло и наш народ и все страны, в которых доселе держалось Православие»[1].

Можно вполне согласиться с архиепископом Горловским и Славянским Митрофаном, который во время недавней проповеди в Успенской Святогорской Лавре произнес следующие слова: «…если бы для всех нас, которые крещены в православной вере, христианство было на первом месте, никогда бы войны не было»[2]. Этот неутешительный вывод он обосновал следующим образом: «Вопрос, который задают каждому священнослужителю: как может быть так, что единоверные христиане друг на друга подняли руку? Ведь, если вспомнить, ещё три года назад мы вместе праздновали Пасху и Рождество, причащались, исповедовались, вместе в храме молились. Но сегодня – друг другу враги. И все христиане. Что же произошло? Всё очень просто. Христиане – это не те, кто ходит на службу, не те, кто крестик на себе носит и не те, кто соблюдает обычаи и обряды. Христиане – это те, кто своё христианское звание ставит на первое место… Христиане никогда не откажутся от своего христианства, всегда будут следовать за своей совестью, смотреть на заповеди Божии и спрашивать себя: "А угодно ли Богу то, что я делаю? А как должен поступить христианин?"»[3]

Христианство – религия любви, война – концентрация ненависти. Угодна ли Богу война? Вопрос риторический. Тем не менее, есть много людей, обосновывающих необходимость войны, называя себя православными христианами и приводя примеры из Библии и отечественной истории.

Именно к таким христианам относятся слова святителя Игнатия: «Плотские люди, привязанные всею душою к земной жизни, знакомые с Законом Божиим поверхностно, по букве…, чуждые Закону Божию по духу, по сердцу, по жизни, по делам своим…»[4] Святитель Игнатий вслед за святыми отцами Церкви ставит четкое различие между человеком «духовным» и человеком «плотским». В духовном человеке, благодаря прикладываемым подвижническим усилиям для исполнения Божиих заповедей, действует Святой Дух, который руководствует человеком в его поступках. И это делает его христианином. Плотской же человек руководствуется прежде всего действующими в нем страстями, при этом может считать себя христианином, будучи далеким от Бога.

Утрачивается ли в связи с возникшим политическим кризисом значение сотрудничества в рамках еврорегиона «Слобожанщина»? Думаю, наоборот, оно должно усиливаться на основе понимания духовного единства населения Слобожанщины.

Другой вызов украинско-российскому трансграничному сотрудничеству связан с желанием властей ограничить трансграничные потоки людей для недопущения экстремистских проявлений. Однако ужесточение правил пересечения границы, то есть усиление ее барьерной функции, может привести и уже приводит к нежелательным последствиям.

Барьерная функция позволяет задерживать на границе объекты, которые государство считает негативными, а их проникновение на свою территорию – крайне нежелательным. Однако барьерная функция границы, если она используется государством слишком жестко (вплоть до строительства стен и других укрепленных сооружений)[5], порождает негативные эффекты, являясь тормозом трансграничного сотрудничества.

Пограничные барьеры создают прямые или косвенные препятствия для трансграничных контактов, то есть затрудняют контактную функцию границы. С другой стороны, полная отмена пограничного и таможенного контроля в наибольшей степени способствует развитию трансграничных связей, однако может повлечь за собой их криминализацию. Возникает вопрос: возможна ли «золотая середина», соответствующая оптимальной реализации фильтрующей функции, – минимум эффективных барьеров на границе, которые бы отсекали наиболее неблагоприятные эффекты трансграничного потока людей и товаров из одного государства в другое, таких как трансграничная преступность, нелегальная миграция, контрабанда и т.п., и в то же время пропускали ту часть потока, которая пользуется доверием государства и необходима для его развития?

Ответом на данный вопрос стала «умная граница» (англ. Smart Border) – концепция построения сопредельными государствами совместного управления потоками людей и товаров на границе таким образом, чтобы способствовать оптимальной реализации ее фильтрующей функции[6]. Впервые она была применена на американско-канадской границе.

«Умная граница» дает возможность наладить добрососедские отношения между граничащими государствами, избегать дублирования в пограничном и таможенном контроле и, как следствие, экономить время и средства, а также устранять ненужные барьеры на пути трансграничных потоков людей, товаров и транспорта.

Нами еще в 2010 г. с целью повышения эффективности прохождения границы между Россией и Украиной было предложено реализовать концепцию «умной границы» на российско-украинском пограничье[1]. Необходимость вне-

---

[1] Игнатий (Брянчанинов), свт. Избранные письма. – http://azbyka.ru/otechnik/?Ignatij_Brjanchaninov/pisma

[2] В день памяти 40 мучеников Севастийских архиепископ Митрофан принял участие в богослужении в Успенской Святогорской лавре // Горловская и Славянская епархия: Официальный сайт. –http://gorlovka-eparhia.com.ua/v-den-40-muchenikov-sevastiyskih-arhiepiskop-mitrofan-prinyal-uchastie-v-bogosluzhenii-v-uspenskoy-svyatogorskoy-lavre/

[3] Там же.

[4] Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетическая проповедь. – http://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/asketicheskaya_propoved/41#sel=14:1,14:32

[5] Всем известен символ «холодной войны» – Берлинская стена. Для предотвращения проникновения террористов стены были возведены на границах Израиля с Египтом и Палестинской автономией, а также Индии с Пакистаном.

[6] Українсько-російське транскордонне співробітництво: сучасний стан і перспективи: Монографія / За ред. проф. А.П. Голікова. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – С. 215.

дрение ее на украинско-российском пограничье была очевидной, но напрямую зависела от политической воли руководства обеих стран. Однако если раньше Украина и Россия шаг за шагом шли к сокращению препон на границе, то сегодня движение идет в противоположном направлении.

В сложившейся политической ситуации Кабинет Министров Украины пошел на ужесточение режима пересечения границы, введя в одностороннем порядке с 1 марта 2015 г. въезд граждан РФ в Украину по заграничным паспортам своим постановлением от 30.01.2015 г. № 23 «О приостановлении действия отдельных положений Соглашения между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о безвизовых поездках граждан Украины и Российской Федерации», а с 16 марта 2015 г. произошло закрытие Украиной местных пунктов пропуска для въезда жителей пограничных регионов РФ (постановление КМУ от 04.03.2015 г. № 86). Последнее решение прекратило «малое приграничное движение» в соответствии с подписанным 18 октября 2011 г. «Соглашением между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями пограничных регионов Украины и Российской Федерации».

В 2014 г Харьковской областью планировалось обустройство местных пунктов пропуска на украинско-российской границе, на эти цели в областном бюджете было предусмотрено более 6 млн. грн. Но вместо обустройства пунктов пропуска решением сессии Харьковского областного совета от 2 октября 2014 г. эти средства были перенаправлены на оборудование государственной границы. Как объясняется в пояснительной записке к решению сессии, «необходимость в пунктах пропуска отпала»[2].

Таким образом, возникшие украинско-российские политические противоречия ведут к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. И если не наладить двусторонний политический диалог, то это существенно усугубит кризис в Украине, особенно в приграничных с РФ регионах.

При этом создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового, в том числе европейского, опыта является чрезвычайно важной задачей как для внутреннего развития сопредельных пограничных регионов, так и для восстановления добрососедских отношений между Украиной и Россией.

Выводы

1. За последнее десятилетие на Украине и в Российской Федерации была сформирована правовая база для развития трансграничного сотрудничества, в том числе в форме еврорегионов на основе положений Мадридской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве.

2. Еврорегион «Слобожанщина» выступил в роли катализатора процессов украинско-российского межрегионального трансграничного сотрудничества, направленных на улучшение жизни населения приграничных регионов. По его примеру в приграничном регионе Украины и России сформировался каркас территориально компактных еврорегионов, в основе которых лежат соглашения между расположенными по обе стороны границы территориальными органами власти и самоуправления.

3. Украинско-российские политические противоречия привели к сворачиванию трансграничного взаимодействия, разрыву гуманитарных связей и экономического сотрудничества приграничных регионов. Для выхода из кризиса необходим двусторонний украинско-российский политический диалог, одной из важных частей содержания которого должно стать создание эффективных механизмов трансграничного сотрудничества на основе имеющегося передового опыта.

---

[1] Черномаз П.А. «Умная граница»: суть и необходимость применения на украинско-российском пограничье // Україна в системі світових економічних процесів. – Х.: МСУ, 2010. – С. 209–216. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5234; Черномаз П.А. Построение «умной границы» между Россией и Украиной как механизм повышения эффективности ее пересечения // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т. 1. – С. 148–151. – http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/9385

[2] Грищенко А. Облсовет выделил миллионы на ров на границе и заграждения из колючей проволоки // STATUS QUO. – http://www.sq.com.ua/rus/news/vlast/02.10.2014/oblsovet_vydelil_milliony_na_rov_na_granice_i_zagrazhdeniya_iz_kolyuchej_provoloki/

Шульга М.А.[1]

ЕЩЁ РАЗ О ЕВРАЗИЙСТВЕ: КУЛЬТУРНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ

Ключевые слова: *евразийство и ориентализм, культурная автаркия и культурная гегемония, евразийская идея, многополярный мир и одно – (или уни -)полярный мир, евразийство и универсализм.*

Keywords*: Eurasianism and Orientalism, Cultural Autarky and Cultural Hegemony, Eurasian idea, Multipolar world and Unipolar world, Eurasianism and Universalism.*

Евразийство и ориентализм

Формирование отношения к евразийству как к некоему средоточию «диктаторских ценностей», находящихся в антагонизме и к «базовым цивилизационным ценностям», и к «общечеловеческим ценностям Европы» в официальном украинском дискурсе определено в качестве одной из составляющей исторического образования и, шире, – национально-патриотического воспитания детей и молодежи[2] [см.: 15]. Указанное толкование евразийства вполне укладывается в логику ориентализма как логику «использования культурной силы» для установления и поддержания гегемонии европейских (и, шире, – западных) представлений о Востоке[3] [20, с. 16, 18, 58], противостояние которой, если вспомнить Эдварда Саида, не ограничивается лишь просветительской работой, но и не исключает ее. То есть, с одной стороны, западные «репрезентации Востока», по заключению Э. Саида, – это не просто вымыслы о Востоке, которые развеются в тот же миг, как о них будет сказана правда. Это – результат деятельности «созданного усилиями многих людей корпуса теории и практики, в который вложены значительные материальные инвестиции» [20, с. 17]. Но, с другой стороны, анализ этих репрезентаций заключается не столько в указании их правильности как соответствия оригиналу, сколько в раскрытии особенностей «стиля, речевых оборотов, нарративных приемов», которые и образуют отличительную черту ориентализма как особой «корпоративной институции», созданной Западом для того, чтобы узаконивая определенные взгляды на Восток, «контролировать, подчинять или даже инкорпорировать мир, который явно есть другим (или альтернативным, или новым)» [20, с. 25].

Соответственно, анализируя клише «евразийство = мир диктаторских ценностей», важно не только раскрыть содержание самих этих ценностей, но и уяснить, на каких основаниях представителями ориентализма как «множества общественно-экономических и политических институций», накладывающих определенные ограничения на «все, что может быть сказано о Востоке» [20, с. 14, 17], они классифицированы как «диктаторские». Иными словами, если сосредоточиться исключительно на культурно-стратегических аспектах противостояния ориентализму, то есть не касаться вопроса важности создания равноценной ориентализму по эффективности и соразмерной ему же по материальным инвестициям «корпоративной институции», то получаем важность уяснения тех содержательных моментов евразийства, акцентирование которых как «других (или альтернативных, или новых)» и должно осуществляться соответствующим «корпусом теории и практики»[4].

Напомним, что, согласно Э. Саиду, цель ориентализма – управление Востоком путем такой его репрезентации (словесно-интерпретационной и не только), которая выгодна Западу. А поскольку Западу выгодно иметь дело с тем Востоком, который он сам для себя описывает (ведь это позволяет Западу на основании приписываемых Востоку негативных коннотаций обосновывать свое превосходство над Востоком и, далее, свое доминирование, а также свое господство над ним за счет превращения его в свое «привилегированное поле действий»), то задача приверженцев евразийства заключается не в том, чтобы убедить Запад в отсутствии у евразийства им же (Западом) приписанных ему (евразийству) «диктаторских ценностей». Попытки такого убеждения, по выводу того же Э. Саида, изначально будут обречены на неудачу, потому как стоит ориенталу лишь открыть рот, он тут же будет назван «агитатором, желающим создавать трудности» и «оскорбляющим западные демократии» [20, с. 49, 144].

---

[1] Шульга Марина Андреевна – д.полит.н., профессор, профессор кафедры государственного управления, Киевский Национальный университет им. Тараса Шевченко. E-mail: marina_shulga@i.ua

[2] Дословно: «Учитель должен доказать ученикам, что благодаря базовым цивилизационным ценностям удалось разграничить мир диктаторских ценностей евразийства и общечеловеческих ценностей Европы» [см.: 15].

[3] Суть «гегемонии западной культуры по отношению ко всей мировой культуре» раскрыта в свое время Антонио Грамши [см.: 10, с. 133]. Им же разработана и концепция гегемонии как «аппарата духовного и морального руководства» людьми [см.: 9, с. 212, 216, 241, 244, 246].

[4] «Мягкая сила» должна иметь свой четко определенный объект своего приложения, отсутствие которого грозит ей «размягчением».

Культурная автаркия и культурная гегемония

Задача состоит в том, чтобы сформулировать цель евразийства[1] не только лишь как экономического проекта, но и как культурной и, возможно, культурно-образовательной программы, предполагающей, что используемая в ее рамках «культурная сила» не будет, как это предусмотрено в ориентализме, силой культурного превосходства одного из участников евразийского проекта. Если обратиться к текстам основателей евразийства, то, скажем, у Николая Трубецкого, указанная «культурная сила» тождественна не культурной гегемонии России-Евразии, но ее культурной автаркии. Эта, на первый взгляд, парадоксальность (где же «диктаторские ценности»?!) заслуживает боле детального рассмотрения.

Согласно Н. Трубецкому, именно изменение культуры является наиболее важным программным пунктом евразийства, изменение же политического строя или политических идей без изменения культуры следует отбросить как несущественное и нецелесообразное [22, с. 352]. Поэтому евразийство синонимично поиску «самодовлеющего» культурного контекста для реформирования политического строя и выработки политических идеологий, контекста, который бы учитывал не только географическую или хозяйственную, но и этнопсихологическую особенность России-Евразии в качестве особого мира.

Первым шагом в этом направлении, как следует из рассуждений Н. Трубецкого, следует считать отмежевание от ценностей европейской культуры в вопросах евразийского культурного строительства. Это диктуется тем, что европейская культура, во-первых, является продуктом истории только одной, – а именно, романо-германской, – этнической группы [22, с. 59]. И, во-вторых, – базируется на эгоцентричных установке и оценке, – «то, что похоже на нас является лучшим и совершенным чем то, что на нас не похоже»[2] [22, с. 64, 81]. Последнее предусматривает отнесение тех народов, которые по своей культуре и психологии являются наиболее отличными от современных романо-германцев, к классу «дикарей», «малокультурных» или «первобытных народов». Культурное творчество этих народов воспринимается сквозь призму так называемого «оптического обмана»[3], ограничивающего понимание представителя «не нашей» культуры восприятием лишь тех ее элементов, которые являются наиболее общими для обоих участников культурного контакта. Соответственно, во время встречи представителей максимально отличающихся между собой культур, они оба покажутся друг другу смешными, нелепыми, а потому – необходимо «дикими» [22, с. 71, 74-75].

«Оптический обман», считает Н. Трубецкой, присутствует в методологии европейской этнологии, антропологии и истории культуры, в виде двух аксиом, лежащих в основе их теоретических построений. Во-первых, это «чудовищное petitio principii» – «предвосхищение основания», – предполагающее наличие прогресса исключительно в истории самих романо-германцев, так как только в ней имеет место постепенное приближение к современному состоянию культуры, произвольно провозглашенному венцом совершенства[4] [22, с. 78]. Во-вторых, это постулирование того, что история народов, культура которых максимально отличается от современной европейской культуры, считается оправданной постольку, поскольку они вступают на путь европеизации, демонстрируя как можно большую степень близости и сходства с теми или иными элементами романо-германской культуры, которая предлагается им в качестве некоего «общечеловеческого» мерила оценки, как их собственных достижений, так и их собственной истории. «... в этой истории все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости; наивысшим моментом этой истории признается тот, в который совершился решительный поворот к Европе; в дальней-

---

[1] О евразийстве речь тут идет с учетом констатированной в свое время Вадимом Цымбурским омонимии термина «Евразия» [см.: 25, с. 422]. А именно: с одной стороны, это название континента в целом или Евразия как «храмина континента» [см.: 18, с. 296]. С другой, – это название особенного пространства, – России-Евразии, которое является центром этой «храмины», очерченным «системой степи» [18, с. 339]. Единство приведенных определений «Евразии» воплощено в следующей геополитической формуле. А именно: «... объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» [22, с. 215]. В какой-то мере, не столь важно, какая именно Евразия здесь имеется в виду – «храмина континента» или «Россия-Евразия», ведь по желанию и, учитывая определенную историческую конъюнктуру, можно принять как первое, так и второе значение этого термина. В первом случае, поглощая пространство «системы степи», Россия-Евразия стремится консолидировать вокруг себя континент Евразию. Во втором – отходя за линию, тянущуюся «от Карпат до Хингана» и, сосредотачиваясь на освоении и благоустройстве собственных внутренних пространств, Россия-Евразия сохраняет себя в качестве центра «храмины континента», – «континентальной территории, равноудаленной как от Атлантического океана и Средиземного моря, так и от Тихого океана и Индийского» (П. Милюков [16, с . 69]), – ожидая лучших времен для развития этой «храмины» под своим началом. Не обусловлен ли тезис Збигнева Бжезинского о целесообразности создания конфедеративной России, прилегающей на западе к трансатлантической Европе, а своим востоком отходящей китайской сфере влияния [См.: 3, с. 117, 202, 209], среди всего прочего, и пониманием того, что, до тех пор, пока существует Россия в виде центра «храмины континента», сохраняется и возможность консолидация этой «храмины» вокруг России? Ведь: «Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”» [18, с. 296].

[2] Фактически Н. Трубецкой задолго до Э. Саида указал на главный отличительный тезис ориентализма: «культура современных романогерманцев совершеннее всех прочих культур», а потому «то, что похоже на нас лучше и совершенней всего, что на нас не похоже» [22, с. 81, 82]. Поэтому, пишет Э. Саид, не быть ориенталистом, прежде всего, означает «не пытаться упорно повторять, что “наша” культура или страна – номер один» [19, с. 467].

[3] Э. Саид констатирует существование «ограниченного количества типичных инкапсуляций: путешествие, повествование, легенда, стереотип, полемическая конфронтация», образующих своеобразные линзы, с помощью которых Европа смотрит на Восток и которые «формируют речь, перцепцию и виды взаимодействий между Востоком и Западом» [20, с. 82].

[4] Ориентализм, подмечает Э. Саид, «смотрит на Восток как на нечто, чье существование не разворачивается во времени и в пространстве, а сохраняется там фиксированным для потребностей Запада», потому что лишь «Запад – это тот, кто действует, а Восток – только лишь пассивный реагент» [20, с. 145].

шем же ходе истории все, что бралось из Европы, считается прогрессом, а всякое отклонение от европейских норм – реакцией»[1] [22, с. 94].

Перечисленным аксиомам Н. Трубецкой противопоставляет ряд положений, которые, по его мнению, подрывают веру в «универсальность и безотносительную ценность европейской культуры» и, как таковые, могут стать исходными в деле создания надлежащей «культурно-исторической базы» евразийства и достижения культурной автаркии. А именно: европейская культура не является ни чем-то особенным, ни культурой всего человечества, а лишь результатом творчества определенной этнографической группы народов, которые имели общую историю; только для этой определенной группы народов, которая ее и создала, европейская культура является чем-то обязательным; европейская культура не может быть более совершенной или же «высшей» по сравнению с любой другой культурой, созданной другой этнографической группой, потому как «высших или «низших» культур и народов нет, а есть только более или менее похожие друг на друга культуры и народы; полное, органическое усвоение романо-германской культуры (как и любой чужой культуры), то есть усвоение, которое делает творчество в ее духе наравне с народами, ее создавшими, возможно лишь при условии антропологического смешения с романо-германцами; без такого антропологического смешения возможен только суррогат полного усвоения культуры, при котором усваивается только «статика» культуры, но не ее «динамика», то есть народ, усвоив современное состояние европейской культуры, оказывается неспособным к дальнейшему ее развитию и каждую новую смену элементов этой культуры вынужден снова перенимать от романо-германцев; вследствие этого этот народ всегда будет «отставать» от романо-германцев, то есть усваивать и воспроизводить различные этапы их культурного развития всегда с некоторым опозданием, а потому окажется по отношению к природным европейцам в невыгодном и подчиненном положении. В конце концов: «Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо» [22, с. 81-82].

Таким образом, европейская (и, шире, – западная) культура, по выводу Н. Трубецкого, изначально страдает первородным грехом того, что и будет впоследствии определено Э. Саидом как ориентализм. У Н. Трубецкого этот «первородный грех» суммирован тезисом: «Романогерманец считает высшим самого себя и все, что тождественно с ним, низшим – все, что отличается от него» [22, с. 90]. У Э. Саида – указанием на то, что «как культурный аппарат, ориентализм – это полная агрессия, активная деятельность, пренебрежительная оценка». Как таковой он не только «отражает европейское превосходство перед восточной отсталостью», но и закрепляет «неискоренимое различие между превосходящим Западом и низшим Востоком» [20, с. 18, 60, 266]

При этом ориентация на «универсальность и безотносительную ценность европейской культуры» не только обрекает проект евразийства на «культурное бессилие» перед «культурной силой» Запада. Учитывая, что евразийская этнопсихологическая стихия соткана двумя особенными, но комплементарными (дополняющими друг друга) элементами, – славянским и туранским («степь и оседлость» у Петра Савицкого), – указанная ориентация чревата «позиционным превосходством» (Э. Саид) одного из них по типу «позиционного превосходства» Запада над Востоком. Перефразируя П. Савицкого, – превосходством «тех экономических «европейцев», которыми могут стать земледельцы русской лесной и лесостепной полосы и население промышленное, где бы оно ни осуществляло свои занятия» как над «кочевником-монголом, киргизом, калмыком, которые не исчезнут и не смогут исчезнуть» в силу их проживания в областях «абсолютного» скотоводства. Так и над народами, практикующими трехполье и представляющими собой некий переход между первыми и вторыми [18, с. 336, 337].

Предотвращение этого своеобразного «внутреннего ориентализма» требует, поэтому, не просто указания на безосновательность «общеобязательности “законов мирового прогресса”», которая, на самом деле, скрывает «универсальность и безотносительную ценность европейской культуры». Но и уяснения иного, чем это предусмотрено Западом, механизма синтеза разнородных культурных элементов, культурно-хозяйственных укладов как иного, – не ориенталистского, – принципа их совместного бытия в рамках единого пространства. Установления такой формулы их сосуществования, когда бы отличие этих элементов друг от друга служило не аргументом в пользу гегемонии одного из них, так что: «С одной стороны стоят люди западного мира, а с другой – <…> ориенталы; первые (без какого-либо определенного порядка) – это люди рационально мыслящие, мирные, свободолюбивые, логичные, способные взращивать подлинные ценности, лишенные врожденной подозрительности; другие не имеют ни одного из этих признаков» [20, с. 70]. Но аргументом – в пользу значимости отличительных черт каждого для развития друг друга.

У Н. Трубецкого искомая формула определяется как «оправославление татарщины и туранизация византийской традиции» [22, с. 158]. Первая часть этой формулы обусловлена не только тем, что «напряженное горение религиозного чувства», облагородив татаро-монгольскую государственность, превратило ее в русскую. Но и неоспоримым соединением с Православием всех унаследованных Россией традиций, которые, в свою очередь, только за счет этого и могли стать собственно русскими. И Византийская культура изначально была для россиян неотделима от Православия, и церковно-славянская литературно-языковая традиция легла в основу русского литературного языка, потому что была церковной и православной.

Вторая часть указанной формулы – «туранизация византийской традиции», – обусловлена проникновением черт туранской психики в российское толкование Православия. Туранский же психологический тип характеризуется, прежде всего, существованием так называемой «подсознательной философской системы», которая является основой жизни и в которой неразрывно связаны между собой восприятие действительности, поступки, поведение и быт [22, с. 155]. Именно поэтому, однажды приняв определенное мировоззрение и превратив его в подсознательный закон понимания и поведения, носитель туранской психики на этом успокаивается и крепко держится за свое верование, по-

[1] Поэтому ориентализм, заключает Э. Саид, – это такое знание о Востоке, которое помещает все ориентальное «в класс, в суд, в тюрьму, или в учебник, для внимательного обследования, изучения, осуждения, исправления или управления» [20, с. 58].

скольку достигает желаемых для себя устойчивого равновесия и ясной основы собственной жизни. Несмотря на своеобразное «мумифицирование» единожды воспринятых верований и взглядов, туранская психика в целом создает для нации определенные благоприятные условия развития, в частности – культурную устойчивость, культурно-историческую преемственность и экономию национальных сил [22, с. 155–156]. Позитив туранского психического типа, заключает Н. Трубецкой, заметен в допетровской Московской Руси, уклад жизни которой представлял собой своеобразное «бытовое исповедание», где государственная идеология, материальная культура, искусство и религия были нераздельными составляющими единой системы. Последняя в виде православия находилась в подсознании каждого и определяла собой жизнь, как всего национального целого, так и отдельного его представителя, была своеобразной рамкой душевной жизни россиян, но не предметом их сознательного теоретизирования [22, с. 157]. Несмотря на то, что Православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, и противопоставлялось в русском национальном сознании татарщине, именно отношение россиян к православной вере и та роль, которую эта вера играла в их жизни, во многом базировались именно на особенностях туранской психологии [22, с. 157].

Последнее, по мнению Н. Трубецкого, и объясняет тот факт, что «религиозное горение» Московской Руси не дало ни одной продуманной и детально детализированной богословской системы так же, как и турки, несмотря на свою большую набожность по сравнению с арабами, не дали ни одного выдающегося мусульманского богослова [22, с. 158]. Взамен Россия получила уже упоминавшееся «бытовое исповедание», предусматривавшее воплощение религиозных переживаний и идей не в изящных богословских трактатах, а в формах внешнего быта и культуры, во всем устройстве повседневной жизни в целом. «Именно в силу туранских черт своей психики древнерусский человек не умел отделять своей веры от своего быта, сознательно выделять из проявлений религии несущественные элементы, и именно поэтому он оказывался таким слабым богословом, когда встречался с греками» [22, с. 157].

С учетом выведенной формулы синтеза славянского и туранского элементов в стихии русской жизни, евразийство как проект государственного строительства не может и не должно опираться на разного рода «пан-измы», усиливающие центробежные силы путем подчеркивания односторонней связи, – по языковому, религиозному и иным подобным признакам, – того или иного элемента с каким-либо иным народом, проживающим за пределами России [22, с. 425]. Наиболее удачной формой выражения найденной формулы и будет, согласно Н. Трубецкому, евразийская идея, которая объединяет славянский и туранский свои элементы[1] не по какому-то частичному признаку, а на основании подкрепленной историческими аргументами констатации общности их исторической судьбы [22, с. 425]. Без широкой пропаганды этой идеи среди носителей обоих элементов, без превращения ее в их стойкое убеждение пространство России-Евразии (как и пространство Евразии в целом[2]) обречено на распад в качестве политического и экономического целого. Именно поэтому евразийская идея должна стать идеей-правительницей, то есть идеей, согласно которой должны быть организованы все стороны жизни России-Евразии, в том числе и ее государственность.

Относительно последней идея-правительница не означает неизбежности упрочения какой-то одной определенной политической формы: «Что же касается формы правления, то из того фактического положения, которое мы выше охарактеризовали как типичное для идеократического строя, со временем может развиться либо особого рода монархия, либо особого рода республика» [22, с. 416]. Указанная особенность означает, что любая политическая форма призвана обрести вид идеократии, то есть обеспечить такую организацию государственной власти, когда правящий класс состоит из людей, объединенных единым мировоззрением[3]. Именно последнее в сочетании с готовностью принести себя в жертву идее-правительнице является тем «селекционным признаком», на основании которого происходит отбор в правящую когорту [22, с. 439]. Элемент жертвования, содержанием которого являются постоянные мобилизованность и тяжелые нагрузки, обусловленные принадлежностью к «правящему отбору», необходим при этом для уравновешивания тех привилегия, которые неизбежно связаны с такой принадлежностью.

Отсюда следует, отмечает Н. Трубецкой, что идея-правительница должна быть такой, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой, а, во-вторых, чтобы жертва ради неё расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок [22, с. 439]. В соответствии с этими требованиями, содержанием идеи-правительницы не может быть ни благо отдельного класса или отдельного народа, – обоснование превосходства и преимущества одного класса или одного народа над остальными классами или народами невозможно, и обречено на неудачу, – ни благо человечества, жертвовать ради которого можно только из соображений «сохранения вида», а не из соображений нравственного долга [22, с. 440–441]. Искомым содержанием может быть только «особый мир», понятие которого находится между слишком конкретным понятием народа, с одной стороны, и слишком абстрактным понятием человечества, – с другой. «Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвития и связанных друг

[1] У П. Савицкого речь идет о четырех сельскохозяйственных зонах, располагающихся на территории и Евразии как Старого Света, и России как его «сердцевины», которая «… в обозримой потенции – не просто частица Старого Света, но некоторое уменьшенное воспроизведение его совокупности» [18, с. 339]. Первая – зона «европейского» земледелия; вторая – область степного земледелия (трехполье); третья – зона «абсолютного» скотоводства; четвертая – переходит в пустыню, в преодолении которой «возникает зона искусственного орошения» и на линии которой Россия соприкасается с субтропической зоной, подобно тому, как это делает любая страна-участница «океанического хозяйства» [18, с. 338–339]. По выводу П. Савицкого, лишь российскому народу интересны «задачи экономического воскрешения “древней Азии”» путем восстановления оросительной системы в провинциях «Персии, Афганского и Китайского, а также отчасти и русского Туркестана» [18, с. 338, 339]. Не потому ли «главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ»? [см. 5, с. 88].

[2] Как тут не вспомнить Збигнева Бжезинского, подчеркивающего важность сохранения геополитического плюрализма на карте Евразии для сохранения «глобального первенства Америки» [3, с. 198].

[3] В этом контексте интересны рассуждения А. Грамши о «проблеме сохранения идеологического единства», причем сам термин «“идеология” берется именно в самом высоком его смысле, смысле мировоззрения» [см.: 10, с. 30].

с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства, – вот то целое, которое отвечает вышеуказанному требованию» [22, с. 441] . Это целое не является биологической единицей, поскольку предполагает примат духовного, культурного родства и общности судьбы (социальных связей) над антропологическим родством (биологическими связями), а забота о нем не вредит остальным человеческим коллективам, потому что, во-первых, место его развития является автаркическим, и, во-вторых, указанная забота утверждает поддержку своеобразия, но не «эгоцентричных самоподъемов», каждого отдельного народа, входящего в это целое [22, с. 441–442].

Евразийская идея: Nota bene

Именно в идее-правительнице принято усматривать те самые «диктаторские ценности», которыми попрекают евразийство. Но почему так важно следование евразийской идее именно как идее-правительнице? Напомним, что евразийская идея, по выводу Н. Трубецкого, обеспечивает некий продуктивный синтез славянского и туранского культурных начал, представленных соответствующими хозяйственными укладами – земледельческим и кочевым[1]. А поскольку Россия-Евразия не ограничивается исключительно степью, а объединяет её с зонами леса, пустыни и тундры, на территории евразийского пространства, отмечает М. Трубецкой, возникают особые смешанные культурно-бытовые типы, могущие служить основой для целой «радуги евразийских культур», являющихся разновидностями единой обще-евразийской культуры [22, с. 260].

Отказ от евразийской идеи в пользу либо «универсальности европейской культуры», либо одного из этнопсихологических ее элементов фактически означает разрыв этих «культурно-бытовых типов» и противопоставление их друг другу, что в свою очередь делает их неспособными к совместному противостоянию «позиционному превосходству» Запада, для которого все они – суть ориенталы. Вспомним геополитику[2]. Внутренняя граница зоны проникновения «народов моря» (а именно они являются носителями западной культуры[3]) вокруг континентов «грубо обозначена линией, вдоль которой цена <...> океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья» соответствует цене перевозки по континентальной железной дороге [14, с. 26]. Для Евразии эта граница очерчена, согласно Альфреду Мэхену, 40-й параллелью северной широты, контроль над которой со стороны «народов моря» предоставляет им стратегические преимущества, поскольку исключает (в силу экономической невыгодности) возможность связывания внутренних составляющих Хартленда – «пространств на территории Российской империи», – вместе с примыкающими к нему территориями в единое народнохозяйственное целое – «огромный экономический мир»[4] [14, с. 27].

Противостояние народов Евразийского континента плану А. Мэхена [см.: 5, с. 88–91], бесспорно «оскорбляет западные демократии» и побуждает последние к использованию технологий социализации и социального обучения, обеспечивающих усвоение элитами не западных государств европейских норм, ценностей, а также способствующих развитию у них новых идентичностей. Социализация задаёт им чёткие ориентиры в виде либеральных рыночных принципов и стандартов демократического управления, ориентируясь на которые эти элиты теперь должны определять свои интересы и идентичности. Социальное обучение предполагает тесные контакты между носителями западной культуры и странами, к ней не принадлежащими, с целью создания в этих странах политических институтов по западному образцу [см.: 11, с. 33-39]. Показательны в этом контексте рассуждения Влада Генина (Университет Феникс,

---

[1] Продуктивный – в том смысле, что обеспечивает их совместному (это непременное условие) сосуществованию автаркию как способность продемонстрировать иной способ взаимодействия культур, чем тот, который знает Запад и который предполагает радикальное исправление того, что Запад считает «абсолютно другим» для себя. Иными словами, продуктивный синтез предполагает использование различий в качестве ресурса для сотрудничества, а не конфронтации. Тем самым, евразийство дает ответ на вопрос, сформулированный Э. Саидом: «Можно ли считать понятие отличной культуры (или расы, или религии, или цивилизации) полезным, или же оно всегда оборачивается самовосхвалением (когда говорится о собственной культуре), либо враждебностью и агрессией (когда говорится о культуре “других”)?» [20, с. 421]. Иными словами: «… как опровергнуть представление о том, что отличие влечет за собой враждебность»? [19, с. 453]. Автаркия поэтому – это не столько несогласие с западным проектом мироустройства, сколько способность создать альтернативный ему проект, в смысле обеспечивающий такую «организацию взаимодействия с культурами всех окружающий народов» [18, с. 297], чтобы исключить саму возможность «позиционного превосходства» любой из них.

[2] Обращение к геополитике не случайно, ведь, по заключению Э. Саида, ориентализм и есть распределение геополитического знания между различного рода текстами – эстетическими, экономическими, социологическими и т.п. [20, с. 24]. И если культурная сила ориентализма используется для организации мирового пространства по образцу западной культуры (как совокупности способов организации человеческой жизни и деятельности), то в евразийстве культурная автаркия рассматривается как условие организации обще-евразийского пространства безотносительно к западным образцам (моделям) мироустройства. Потому как: «Не в обезьяньем копировании “океанической” политики других, которая много в чём к России не может быть применена, а в осознании “континентальности” и в приспособлении к ней – экономическое будущее России» [18, с. 418].

[3] Почему так – См.: 17.

[4] П. Савицкий отмечает, что континентальный мир способен втягивать в свой внутренний обмен приморские районы, которым выгодно покупать продукты в «странах своего Hinterland'a» [18, с. 412]. Так, в пределах России с эти миром сопряжены определенные области западноевропейской, иранской и средиземноморской хозяйственно-географических сфер, которые «представляют собой как бы выдвинутый в глубины материка эмпориум “окраинно-приморских” миров» [18, с. 339]. Для раскрытия «в хозяйственных категориях образа России как территориального “центра” Старого Света» П. Савицкий предлагает термин-программу «континент-океан», отмечая, что в случае его игнорирования Россия будет обречена на экономическую примитивность «натурального» хозяйства, а ее вхождение в «мировой океанический обмен» (синоним «мировой торговли») обернется для нее промышленным «небытием», обусловленным значительной дороговизной сухопутных перевозок по сравнению с морскими [18, с. 339, 402, 406, 408].

США) о «коренной проблеме российских вузов» (почему не принято рассуждать о «коренной проблеме американских вузов»?), заключающейся, по его мнению, в том, что им не хватает серьезного компонента – «воспитанной с детства готовности к маркетингу» и, тем самым, «готовности к бизнесу для себя». Отсюда – важность обучения студентов сознательному отношению к бизнесу (само собой по американским лекалам), суть которого выражена формулой «О долях надо торговаться» [6, с. 27, 28]. Тем самым искусство «продавать» себя [6, с. 28], которое должно культивироваться с детства, преподносится как та высшая ценность, ради которой можно забыть обо всем, вплоть до национальных интересов собственного государства. Ведь установка «бизнес для себя» абсолютна даже в случае, если она грозит ущербом этим самым интересам. Что это, если не пресловутая истина ориентализма – «исследование чужеземного региона, такого, как Восток» (в данном случае – специфики системы российского высшего образования) «оборачивается программой контроля путем предвосхищения»? [20, с. 379]. Предвосхищения (и упреждения) возможности овладения другим государством умением использовать «совместную работу геостратегии, геоэкономики и бизнеса», как это предусматривает тот же «американский imperium, ибо двуединая геополитика (геостратегия + геоэкономика), прокладывая путь “своему” бизнесу, в то же время держит его в поле своего доминирования» [25, с. 512]. Но последнее, согласно логике ориентализма, – привилегия Запада. Другие культуры обязаны открыть свои пространства для «двуединой геополитики», но не отечественной, а, само собой разумеется, западной, отстаивающей интересы «своего» бизнеса[1]. Поэтому в западной культуре геоэкономика – это государственный курс, «обеспечивающий живучесть устремляющемуся в новый век национальному Левиафану», а, перефразируя В. Цымбурского, другим культурам она преподносится как программа «приватизации политики», имеющая мощный «антиэтатический заряд: за ее антигеополитизмом маячит безгосударственничество» [25, с. 509]. Но разве ориенталу доступно государственное строительство? Разве что при условии предварительного использования по отношению к нему технологий социализации и социального обучения …

Вернемся к Н. Трубецкому. Таким образом, делает вывод Н. Трубецкой, содержанием идеи-правительницы может быть только благо совокупности народов, населяющих некоторый особый мир и соединенных между собой культурным, а не собственно кровным, языковым или религиозным родством. Территория идеократического государства неизбежно совпадает поэтому с определенным автаркическим миром, но автаркия государства в привычном, – хозяйственном, – смысле автоматически не гарантирует последнему идеократических характеристик [22, с. 442]. Отсюда проистекает необходимость несколько шире взглянуть на саму автаркию, в частности осознать, что исключительно хозяйственных связей недостаточно[2] для выработки идеи-правительницы. Подобная выработка требует, прежде всего «живого ощущения» общности культурных и исторических традиций, причем сама эта общность должна быть не только теоретически установлена и признана, но и глубоко осознана, то есть, заложена в психику человека. «... основной плюс автаркии – ее неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, – возможен только при том условии, если области, объединенные в особый мир, спаяны друг с другом не лишь экономикой, но и историей («общностью судьбы»), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием (чтобы не было белого “мастера” и черного раба)» [22, с. 436].

Невозможность произвольного перекраивания «особого мира» актуализирует проблему взаимного дополнения (комплементарности) «особых миров». Ее решение, по мнению Н. Трубецкого, требует смещения акцента исследования с хозяйственной автаркии тех государств, которые не являются особым миром, на систему действительно автаркических, – особых в культурном отношении, – государств-миров как такую форму организации мировой экономики, которая не тождественна той, что предложена европейской цивилизацией. Предлагаемая последней форма организации мирового хозяйства предусматривает единый тип цивилизации, но с различными жизненными стандартами для каждого отдельного государства и для различных частей внутри одного государства. Система же автаркических миров, наоборот, является многообразной относительно цивилизаций, но в то же время одностандартной в пределах каждого автаркического мира [22, с. 436-437].

Поскольку территория России – это потенциально автаркический мир, населенный разными народами, не кровными, но связанными между собой общей исторической судьбой, то ее автаркия, – существование в качестве особого мира или «континента в себе», – будет зависеть от умения сформулировать идею, которая, во-первых, позволит построить Россию-Евразию с учетом этнопсихологического единства ее славянского и туранского элементов. И, во-вторых, будет конкурентоспособной при устройстве мира по образу и подобию романо-германской культуры за счет резкого духовного отмежевания «всего русского общества» от Европы [22, с. 302]. Внешнеполитическим измерением такой идеи должна стать азиофильская ориентация России, содержанием которой является неразрывное сочетание ее интересов с интересами Турции, Персии, Афганистана, Индии, Китая и другими странами Азии [22, с. 344]. Если та-

---

[1] Как это происходит на деле, описал в свое время Алексей Едрихин (Вандам) [см.: 5, с. 90]. Сначала в страну заходит частная торговая предприимчивость. Это дает повод иностранному государству к вмешательству в целях защиты своих подданных. Такое вмешательство означает обязательное получение права участвовать в местном управлении. «Раз посеянные таким образом семена начинали прорастать и с течением времени покрывали собою страну» [5, с. 90].

[2] Такая недостаточность много в чем связана с тем, что экономические выгоды, например, у Реймона Арона отнесены к историческим (исторически обусловленным развитием техники и идеями относительно организации и управления человеческими сообществами) целям-задачам внешней политики. Достижение же извечных целей-задач, – стремление выжить, стремление к безопасности и стремление славы, – предполагает ориентацию не на экономические выгоды как таковые (они могут быть невелики в данный конкретный момент), а на получение еще и так называемой «невидимой» пользы. Пользы, выраженной не количественно, а в виде обретения контроля над «территориями, людьми и душами» как факторами, позволяющими решать «все задачи, которые ставят перед собой государства в разных исторических обстоятельствах» [см.: 2, с. 90–99].

кая идея не будет сформулирована, Россия, предостерегает Н. Трубецкой, будет иметь лишь тень самостоятельности, что неизбежно обернется для нее бесславной гибелью [22, с. 297].

Многополярный мир vs одно – (или уни -)полярный мир (евразийство vs универсализм): стратегические вопросы для евразийства

Причем само такое отмежевание, как следует из размышлений Н. Трубецкого, должно быть продуктивным, то есть заключаться в инициировании иной модели мироустройства, чем та, что предусмотрена миром гегемонии[1]. Модели, сердцевину которой и составит «система автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства» [22, с. 436]. Их взаимное другу друга дополнение по «принципу континентальных соседств» (П. Савицкий), должно быть таковым, что, перефразируя Хэлфорда Макиндера, «передвижение по глади океана» перестанет быть «естественным конкурентом внутриконтинентального передвижения» [14, с. 23]. Несложно увидеть, что в евразийстве содержится набросок многополярной модели мира, в которой взаимодействие ее участников задается универсализмом. Но универсализмом не как ширмой для прикрытия частных интересов одного из них[2], а как равное уважение и равное право каждого на индивидуальность, право Другого «быть другим» [См.: 24, с. 28–29, 181]. Или, если вновь обратиться к Н. Трубецкому, – право «быть самим собой» [22, с. 119]. Поэтому культурная автаркия, отстаиваемая евразийством, – это не просто отрицание «позиционного превосходства» Запада, но и демонстрация иного способа совместного существования народов и государств, где: «вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара» [22, с. 81].

Однако, как возможна реализация права Другого «быть другим» в мире, подверженном глобализации? Учитывая факт последней, предусматривает ли евразийство противостояние ориентализму как чему-то «исполнительно-административному» [20, с. 12], то есть предполагающему использование определенных управленческих, в том числе и государственно-управленческих практик?[3] Ориентализму как чему-то «экономическому» и «финансовому»?[4] Кроме того, Н. Трубецкой писал о важности «также поставить радикально вопрос о стандарте жизни и о типе цивилизации в связи с экономической автаркией», поскольку «всякая данная географическая область может или не может быть автаркична только при данном жизненном стандарте и при данном типе цивилизации» [22, с. 437]. И если эти стандарты будут разными для разных автаркических миров, хотя и едиными в пределах каждого из них, то позволит ли это устранить указанный Э. Саидом факт, что «белый западный буржуа считает своим исключительным человеческим правом не только править небелым миром, но и владеть им, именно потому, что по своему определению, “те люди” не являются людьми в том понимании, в каком ими являемся “мы”» [20, с. 145]. Ведь предполагается, что социальные стандарты у них, как у представителей разных автаркических миров, будут разными. Затрагивает ли евразийство социальные вопросы, готово ли оно противостоять ориентализму «напряженным социальным соревнованием», включающим в себя такие конкретные политические проблемы, как иммиграционные законы, правовые нормы индивидуального поведения, законодательное урегулирование насилия и мятежа, характер и содержание образования, направ-

---

[1] Согласно Реймону Арону, мир гегемонии означает бесспорное преобладание одного из государств. Это преобладание таково, что недовольные государства не надеются изменить статус-кво, а государство-гегемон не пытается их поглотить территориально и почитает внешние формы их государственной независимости [2, с. 158]. И если ориентализм фактически утверждает культурную гегемонию Запада (в смысле бесспорности его мировоззренческого превосходства), то евразийство существует как проект, претендующий на устранение самих предпосылок для такого рода бесспорности. Тут интересна увязка понятий «идеократии» у Н. Трубецкого, «аппарата гегемонии» у А. Грамши и «корпуса ориентализма» у Э. Саида. Увязка в контексте уяснения механизмов формирования мировоззрения, свойственных западной культуре, причин их восприятия в качестве универсальных, а также условий продуктивного противостояния им как претендующим на бесспорную универсальность. В этом плане важно понимать, что «одна социальная группа может перенимать научные знания от другой без принятия ее идеологии» [10, с. 82]. Но как обеспечить это на практике? И распространяется ли этот тезис А. Грамши на знания об обществе?

[2] Э. Саид, например, указывает на то, что словосочетание «арабская нефть» после нефтяного бойкота 1973–1974 годов было увязано с «отсутствием каких-либо арабских моральных обоснований своего права владения огромными нефтяными ресурсами». Отсюда выдвигалось «предложение взять нефтяные просторы арабов под контроль военно-морского флота западных держав» [20, с. 371].

[3] В этом смысле должна ли культурная автаркия означать и умение противостоять технологиям «осмысления уроков», когда знание политических реалий, способов административного устройства, отражающее определенные обстоятельства места и времени, используется для развития политической жизни, административных преобразований в ином пространственно-временном контексте. Составляющими «осмысления уроков» принято считать: 1) «мягкие» трансферы, то есть передачу идей, концепций, подходов; 2) «жесткие» трансферы, то есть передачу программ и способов их использования [см.: 11, с. 33–39]. Например, термин «good governance» («достойное управление») с 1997 года имеет статус программы, предложенной Всемирным банком развивающимся странам в качестве нормативной глобальной модели управления и предусматривающей оформление культурно-исторических контекстов этих стран в соответствии с определенным набором требований – «разумное управление государственным сектором», прозрачность, подотчетность, правовая база для развития [см.: 7]. Требований, которые выдвигаются фактически западными институциями, и под реализацию которых выделяются соответствующие кредиты на цели развития, гранты и т.п. Все это превосходно вписывается в парадигму «несостоявшихся государств» с ее отстаиванием необходимости использования в государственном строительстве «типических, универсальных решений в очень непохожих контекстах» [13]. Предусмотрены ли в евразийстве иные государственно-управленческие практики, автаркические по отношению к западной науке управления? Иными словами, предусмотрено ли противостояние западной науке управления и, в целом, западному обществознанию, в пункте их ориенталистских интенций?

[4] Важность «необходимой связи между экономической и финансовой автаркией» акцентирована Н. Трубецким и им же подмечено, что «европейские и американские автаркисты практически эту связь отрицают, и половина несчастий происходит от этого» [22, с. 437].

ление внешней политики, имеющей дело с определением официальных врагов [20, с. 429–430]? Например, как предусмотрено (и предусмотрено ли?) в евразийстве «иное политическое отношение, чем отношение “господин-раб”» [см.: 20, с. 130]? Или же такая система образования, которая предотвратит формирование у представителей правящего класса и интеллектуальной элиты свойственного ориентализму отношения к согражданам как к объектам оценочных суждений и проблемам, «которые должны быть решены», а также сделает невозможным отсутствие у первых ко вторым «симпатии, прикрытой профессиональным знанием»[1] [см.: 20, с. 139, 269]?

Наконец, как предусмотрено изменение той «диспозиции силы и бессилия», на которой и зиждется ориентализм как «цепочка зависимостей, тянущаяся от Востока к Западу», как некая сложившаяся между ними система отношений «силы, доминирования, различных степеней сложной гегемонии» [см.: 20, с. 16, 64]? Если евразийство – это некий эскиз многополярного мира, то, как быть с утверждением Мортона Каплана о том, что любая многополярная система неизбежно трансформируется в биполярную, участникам которой свойственно подчинять цели универсальных акторов своим целям, а цели противоположного блока – целям универсальных акторов [см.: 12]? Как может быть установлена многополярная модель мироустройства без устранения, а точнее понимания путей такого устранения, той неразрывной дуги знания и силы, объединяющей европейского или западного правителя и ориенталиста, которые и сегодня могут опереться на авторитет своей нации, подпертый системой силы [см.: 20, с. 17-18]. Силы административной, экономической, финансовой, военной и, в целом, – культурной, то есть возделывающей мир с помощью определенных[2] форм человеческой деятельности? И если в евразийстве найдена формула продуктивного синтеза нескольких различных, но комплементарных культурных элементов, олицетворяющих собой различные хозяйственные уклады, в рамках одного «особого мира» так, что «позиционное превосходство» одного из них исключено, то, как возможен такой же продуктивный синтез автаркических «особых миров»? Языком геополитики, синтез морских и сухопутных систем коммуникаций (двух «видов мобильности» у Х. Макиндера [См.: 14, с. 25]) как двух равноценных составляющих единой системы мировых средств сообщения так, чтобы предупредить «позиционное превосходство» народов, контролирующих эти коммуникации, и снять сам вопрос о культурном их превосходстве друг над другом. И, тем самым, исключить реализацию известной формулы Х. Макиндера[3], довольно последовательной в своей стратегической нацеленности. Какой должна быть стратегическая последовательность евразийства, упреждающая саму возможность практического воплощения указанной формулы?[4] И если ориентализм – это «контроль через предвосхищение» [См.: 20, с. 379], то какого рода предвосхищение со стороны евразийства может ему противостоять?

Далее, если стратегическое планирование предполагает моделирование неких «“чрезвычайных” ситуаций, которые способны изменить сложившиеся тенденции» [см.: 1], то какими должны быть те события, не только лишь административные, финансовые, экономические и т.п.[5], но и культурно-просветительские, культурно-образовательные, культурно-воспитательные[6], чтобы лишить Запад способности сохранять и реконструировать Восток в том виде, в каком он его устраивает – как неспособный к самостоятельному промышленному и, шире, финансово-экономическому развитию, а также и государственному строительству (ведь все это предполагает национализацию и природных ресурсов, и собственности транснациональных корпораций). Как присутствует ориентализм в обществознании и, если можно так сказать, в общество-делании? Согласно Э. Саиду, в первом случае – как «разветвленная и систематизированная дисциплина, благодаря которой европейская культура сумела сформировать, политический, социологический, милитаристский, идеологический, научный и окрашенный ярким творческим воображением взгляд на Восток <…>, причем она часто формировала не только взгляд, но и сам предмет» [20, с. 14]. Во втором, учитывая последнее, – как «целая сеть интересов, которая неизбежно дает о себе знать (а потому всегда влияет на происходящие события), когда речь идет о такой специфической сущности, как “Восток”» [20, с. 14]. Эти определения Э. Саида ценны тем, что обращают внимание на ключевое для анализа ориентализма слово – «сеть», указывающее на сетевой принцип его орга-

---

[1] Как тонко подметил А. Грамши: «… чтобы чувства народа знали и изучали такими, какими они объективно предстают, и не относились к ним как к не заслуживающим внимания и бесплодным в историческом движении» [10, с. 148]. Без этого «отношения интеллигента с народом-нацией являются или становятся отношениями чисто бюрократического, формального порядка» [10, с. 147].

[2] Тут интересна игра слов: «определить» – установить содержание чего-либо (отграничить) и «определить» – о-преде́лить, установить предел чему-либо (ограничить). Ориентализм, по признанию Э. Саида, – это сумма ограничений, которые налагаются на мысли и действия, так или иначе связанные с Востоком. И, одновременно, – «стандартное сито для просеивания Востока в западное сознание». В обоих случаях – «специфический и конкретный корпус информации о Востоке» [см.: 20, с. 18, 60, 267, 370-371].

[3] «Трех знаменитых тезисов Макиндера», как пишет Р. Арон [см.: 2, с. 191].

[4] Скажем, нельзя реализовать проект «континент-океана» (П. Савицкий) без нейтрализации попыток со стороны «народов моря» закрепиться в зоне между 30 и 40 параллелями северной широты и без выстраивания системы отношений с этими народами с учетом рецидива таких попыток. И принцип «оставьте нас в покое» тут не сработает, так как допущение, что западный потребитель «имеет право владеть или распоряжаться (или и то, и другое) большей частью мировых ресурсов» просто потому, что «он, в отличие от ориентала является настоящим человеком» [20, с. 145] уже давным-давно институционализировано.

[5] Обсуждение этих событий вряд ли может быть публичным.

[6] То есть предполагающие использование силы культурной автаркии как силы действенного противостояния не западной культуре как таковой, а попыткам представителей ее финансово-экономической, политической, интеллектуальной элиты при помощи «часто употребляемых идиом» (Э. Саид) убедить всех остальных, что их культура – это «номер один». То есть не западной культуре как определенной культуре, а западной культуре как определяющей и о-преде́ливающей другие культуры.

низации в качестве «корпоративной институции»[1]. Институции, руководствующейся «не столько эмпирической реальностью, сколько системой желаний, угнетений, инвестиций, проектов» [20, с. 19].

Не стоит ли евразийству, приняв во внимание феномен ориентализма и сетевой характер его воспроизведения[2], показать, как последний работает на пространстве Евразии[3] (и не только!) в качестве особого «корпуса теории и практики», оберегающего и продвигающего тут вполне определенные экономические интересы, руководствуясь тем, что « … естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства» [5, с. 91]. В этом контексте интересен вопрос о том, как евразийство должно противостоять формированию компрадорской элиты и, шире, компрадорских настроений в обществе (было бы интересно рассмотреть евразийство в этом ракурсе – скажем, не это ли противостояние можно считать изначальной целью его концептуальной разработки?)[4], являющихся важной функциональной составляющей ориентализма и готовых «открыть экономику страны для внешнего вмешательства в обмен на получение материальных благ» [4, с. 166–167]. «Сегодня, – подмечает Э. Саид, – ориенталист пытается рассматривать Восток как имитацию Запада, как регион, который <…> может улучшить свое положение лишь в том случае, если его национализм “будет готов договориться с Западом”» [20, с. 416].

Как возможно противостоять этому в мире транснациональных корпораций?[5] Ответ на этот вопрос предполагает увязку, предвиденную Н. Трубецким, «идеократии, функциональной собственности и государственно-частной системы»[6] [22, с. 437]. И если такого рода увязка не будет найдена, евразийство так и будет восприниматься лишь как бросающее вызов «позиционному превосходству» Запада и «оскорбляющее западные демократии». То есть классифицироваться по примеру ориентала как нечто деспотичное, иррациональное, косное, противоречащее «законам мирового прогресса», и потому достойное пренебрежения. Иными словами, удерживаться коллективно-институциональным Западом[7] «в общепринятых схемах и репрезентоваться через эти схемы» [20, с. 58], дабы иметь возможность, тем самым, усиливать свое собственное «позиционное превосходство» на этом фоне.

Список литературы

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 519 с. – http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4155/4157#t10
2. Арон Р. Мир і війна між націями / Пер. з фр. – К.: МП «Юніверс», 2000. – 688 с.
3. Бжезінський З. Велика шахівниця. Американська першість та її стратегічні імперативи. – Львів; Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000. – 236 с.
4. Бодуен Ж. Вступ до політології / Пер. з фр. О. Марштупенко. – К.: Основи, 1995. – 174 с.
5. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
6. Генин В. Время «российской специфики» прошло! // Инновации. – СПб., 2008. – № 5 (115). – С. 26–29.
7. Глосарій Програми розвитку ООН. – http://www.unpan.org/Directories/UNPAGlossary/tabid/928/Default.aspx
8. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине. – http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0490-1.shtml
9. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Тюремные тетради. – М.: Изд. иностранной литературы, 1959. – 371 с.
10. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
11. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон и др.; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2005. – 312 с.
12. Каплан М. Система и процесс в международной политике. – http://grachev62.narod.ru/tmo/chapt20.html
13. Мазарр Дж. Майкл Расцвет и упадок парадигмы несостоявшихся государств. – http://polismi.ru/politika/sled-anakondy/429-rastsvet-i-upadok-paradigmy-nesostoyavshikhsya-gosudarstv.html
14. Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. Сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 9–30.
15. Методичні рекомендації щодо національно-патріотичного виховання у загальноосвітніх навчальних закладах. Додаток до Наказу Міністерства освіти і науки України від 16.06.2015 р. № 641. – http://mon.gov.ua/usi-novivni/novini/2015/06/16/naczionalno-patriotichne-vixovannya/

---

[1] Согласно Э. Саиду, на Востоке обязательными элементами этой сети всегда были «ученый-натуралист, филолог, миссионер, купец, солдат» [20, с. 19]. Согласно Х. Макиндеру, – «миссионер, завоеватель, фермер, горнопромышленник и, наконец, инженер» [14, с. 9]. И немаловажный вопрос: «как они *могли* быть там <…>, не рискуя, что Восток им в этом воспрепятствует» [20, с. 19].

[2] Не является ли, указанная Владом Гениным, важность «воспитанной с детства готовности к маркетингу» у жителей Евразии (с учетом омонимии этого термина) условием функционирования на ее пространстве ориентализма? И может ли евразийство быть убедительней и привлекательней, чем установка на «искусство “продавать” себя»?

[3] Что касается Украины, не лишним будет вспомнить о «Соглашении между Правительством Украины и Правительством Соединенных Штатов Америки о гуманитарном и технически-экономическом сотрудничестве», подписанном еще в 1992 году [см.: 23].

[4] Тут интересны рассуждения Н. Трубецкого о раболепии части русской интеллигенции перед романогерманцами, грозящем обернуться добровольным приведением ею иностранцев в Россию [см.: 22, с. 301–306]. Тут же важно уяснение того, усвоение каких «стилей, текстов, ценностей» (Э. Саид) может стать подспорьем для предотвращения компрадорства?

[5] Помня, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана»? [см.: 8].

[6] Не избежать и ответа на вопрос Э. Саида о роли интеллектуала. А именно: «В том ли она заключается, чтобы утверждать культуру и государство, к которым он принадлежит? Какое значение он должен придавать независимому критическому сознанию, оппозиционному критическому сознанию?» [20, с. 421].

[7] Запад, как он определен Айром Страусом, – «униполь» или система трансатлантических структур. Сам А. Страус считает, что Россия должна быть интегрирована в униполь в качестве базы стабильности его стран-членов [см.: 21]. Учитывая признание Р. Арона, что «морское государство не выживет, несмотря на высокое качество своего флота и своих моряков, если окажется с глазу на глаз с противником, владеющим превосходящими материальными и человеческими ресурсами» [2, с. 192–193], можно конкретизировать – в качестве базы ресурсной. То есть в виде, который отвечает интересам Запада и будет предлагаться России как единственно возможное условие (и алгоритм!) их взаимодействия.

16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3-х т. Т. 1. Земля. Наследие. Экономика. Сословие. Государство. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
17. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М.: РОССПЭН, 1995. – 238 с.
18. Савицкий П.Н. Континент Евразии. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
19. Саїд Е. Культура й імперіалізм. – Київ: Критика, 2007. – 606 с.
20. Саїд Е. Орієнталізм / Пер. з англ. В. Шовкун. – Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. – 511 с.
21. Страус А. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России) // Полис. – М.,1997. – № 2. – С. 27–44.
22. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 800 с.
23. Угода між Урядом України і Урядом Сполучених Штатів Америки про гуманітарне і техніко-економічне співробітництво від 07.05. 1992 року. -http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/840_295
24. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2008. – 192 с.
25. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. – М.: РОССПЭН, 2007. – 544 с.

Щеголева Н.Г.[1]

РЕТРОСПЕКТИВА ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ СТРАН АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ОПЫТ ДЛЯ ЕАЭС

Ключевые слова: *ЕАЭС (Евразийский экономический союз), Сообщество развития Юга Африки (SADC), Западно-Африканский Экономический и Монетарный Союз (WAEMU), Западно-Африканская Монетарная Зона (WAMZ), Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA), Система оплаты в местной валюте (SML).*

Keywords*: The EEU (Eurasian Economic Union), SADC (Southern African Development Community), WAEMU (West – African Economic and Monetary Union), WAMZ (West African Monetary Zone), COMESA (Common Market for Eastern and Southern Africa), SML (Payment system in local currency).*

В настоящее время на евразийском пространстве в большей степени реализуется интеграция в сфере товарного рынка с безусловным доминированием РФ[2]. Вместе с тем одна из стратегических задач, которая должна решаться одновременно с реализацией системно значимых региональных инициатив, – это поступательное развитие национальных экономик, и, как следствие, региональной экономики ЕАЭС; одна из тактических задач – наращивание темпов роста взаимной торговли.

Сравнивая объемы финансовых рынков стран ЕАЭС, следует отметить безусловное доминирование рынка Российской Федерации[3]. Так, в 2015 г. его удельный вес составлял более 85% количества банков региона; если распределить доли между тремя ведущими экономиками региона, то на начало 2014 г. почти 93% активов были российскими, 5 – из Казахстана и 2% – из Белоруссии.[4]

Формирование единого платежного пространства в формате ЕАЭС подразумевает необходимость внедрения системы мультивалютных операций, или переход на платежное пространство единой валюты. Одновременно перед национальными банками стран-участниц встает вопрос об исключении из межгосударственного платежного оборота ведущих мировых валют – доллара США и евро. По имеющимся статистическим данным, около половины взаимного платежного оборота между странами Евразийского экономического союза приходится именно на эти валюты, что усиливает их зависимость от внешних факторов.

В проекте «Концепции развития платежных систем на территории ЕАЭС» обозначена стратегическая цель – к 2025–2030 гг. осуществить переход на расчеты только в национальных валютах (рубли, белорусские рубли, тенге, драм), что обусловливает актуальность теоретического анализа платежных систем в финансовой инфраструктуре, особенностей процесса интеграции платежных систем на основе изучения опыта интеграции платежных систем в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

Африка. На сегодняшний день в регионе складывается достаточно сложная ситуация, прежде всего, это касается юга Африканского континента. Ключевой преградой является то, что данный регион находится под влиянием одновременно как новых, так и старых группировок с доминированием в них ЮАР, например, Южноафриканский Таможенный Союз[5] и Единая монетарная зона[6]. Экономический блок «нового типа» представляет собой Сообщество развития Юга Африки (SADC)[7], который был сформирован в 1992 г. Три страны-члены SADC (ЮАР, Лесото и Свази-

---

[1] Щеголева Наталья Геннадьевна д.э.н., профессор, зав. кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью МГУ, факультет государственного управления. E-mail: Shegoleva@spa.msu.ru

[2] Щеголева Н.Г., Гончарова М.А. Факторный анализ интеграционных процессов в ЕАЭС // Научное обозрение. 2016. – № 18. – С. 98–105.

[3] Там же.

[4] Табах А.В., Подругина А. В. Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС // Вестник Московского университета. Сер. Экономика. – М., 2015. – № 4. – С. 122–143. – http://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=25381&p=attachment

[5] Участники Южноафриканского Таможенного Союза: Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Намибия, ЮАР.

[6] Единая монетарная зона: зона рэнда. В настоящее время в зону рэнда формально, на основании Многостороннего валютного соглашения, входят ЮАР, Лесото и Намибия; в последних двух странах введены собственные валюты, соответственно лоти (в 1980 г.) и намибийский доллар (в 1993 г.), курсы которых привязаны к южноафриканскому рэнду в соотношении 1:1. Рэнд на территории Лесото и Намибии является полноценный законным средством платежа; напротив, в ЮАР лоти и намибийский доллар не используются. Свазиленд, на территории которого законным средством платежа является только лилангени, не входит в Многостороннее валютное соглашение, но курс его национальной валюты привязан к рэнду в соотношении 1:1. В зону рэнда формально не входит и Ботсвана, но и ботсванская пула фактически привязана к южноафриканской валюте: с 1976 по 1980 гг. её курс был зафиксирован по отношению к доллару США, однако в этот же период к доллару был привязан и рэнд, а с 1980 г. в основе курсового режима Ботсваны лежит бивалютная корзина из СДР и рэнда.

[7] SADC. Remittances project status //Southern African Development Community Payment, Clearing and Settlement Subcomittee. 2011. – https://www.sadcbankers.org/subcommittees/PaySystem/projects/Documents/Remittances_Final.pdf

ленд) могут оперировать как своими национальными валютами, так и южноафриканским рэндом, но в ЮАР все операции номинированы исключительно в рэндах. Заметим, что из 15 стран-участников SADC, 6 имеют членство также и в других интеграционных проектах. Несмотря на хроническую нехватку ликвидности на финансовых рынках данного региона, можно констатировать относительную успешность инициативы по объединению платежных систем в SADC, отличительной чертой которого выступает инициатива формирования как общего оптового, так и розничного кластеров. В SADC страны-участники избрали в качестве расчетной валюты ZAR (южноафриканские рэнды), поскольку в данном регионе более 80% всех трансграничных переводов номинированы в ZAR; соответственно, 20% операций осуществляется в долларах США и евро. Как известно, конвертация валют с использованием кросс-курса увеличивает транзакционные издержки.

Проект стратегического плана валютной интеграции предусматривал последовательное прохождение следующих этапов: инициация зоны свободной торговли к 2008 г., таможенный союз к 2010 г., общий рынок – 2015 г, валютный союз – 2016 г., единая валюта в 2018 г. Так, первый этап был реализован в июле 2013 г. в Единой монетарной зоне, где транзакции осуществлялись исключительно в рэндах; в перспективе планировалось создание региональной клиринговой палаты для массовых платежей и запуска общих стандартов для кредитовых переводов и прямого дебетования[1].

В 2009 г. Группа Всемирного банка на конференции в Кейптауне охарактеризовала Южную Африку как страну, имеющую 4 самых дорогих схемы денежных переводов в мире[2]. В настоящее время SADC концептуально напоминает первоначальную версию TARGET[3] с децентрализованной структурой, которая в перспективе будет заменена на централизованную. По нашему мнению, основными недостатками данной системы являются следующие: во-первых, довольно низкий уровень развития инфраструктуры в отдельных странах; во-вторых, отсутствие четкого правового регулирования. Так, страны подписали протокол по финансам и инвестициям; к 2013 г. большая часть принятых положений была реализована; 8,4% пунктов находятся в процессе введения в действие; более 50% обязательств были выполнены в ЮАР, Маврикии, Намибии, Замбии, Ботсване и Танзании; на уровне блока SADC было реализовано всего лишь 14,3% правил соглашения[4].

Еще одним примером формирования столь значимого элемента финансовой архитектуры, как платежная система, является *Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA)*, в рамках которого была запущена Клиринговая палата COMESA (входят 19 африканских государств) для оплаты взаимной торговли в своих национальных валютах. Важной вехой стало введение в 2009 г. Региональной платежной и расчетной системы, которая позволяет странам-участникам минимизировать стоимость расчетных операций, оптимизировать ликвидность для безопасных платежей, сократить тарифы корреспондентского банкинга. В отличие от системы еврозоны TARGET, Региональная платежная и расчетная система Общего рынка Восточной и Южной Африки представляет собой неттинговый механизм, который при его эффективном функционировании сможет привлечь значительные объемы мелких транзакций. В качестве коммуникационного канала используется SWIFT[5], а ключевыми расчетными валютами являются американский доллар и евро. На наш взгляд, основными минусами данной системы стали политические и валютные риски (расчет производится на 1 день позже клиринга) в странах-участниках, а также отсутствие общего фонда, выступающего гарантом по расчетной операции в случае короткой позиции одного из центральных банков-контрагентов транзакции.

Международная торговля в *Западно-Африканском монетарном союзе* на базе франка КФА (франк финансового сотрудничества в центральной Африке) сформировала объективные предпосылки укрепления данной валюты. Созданный в 1962 г. Центральный банк государств Западной Африки проводит эмиссию франка КФА, который используется в качестве коллективной валюты 6 странами: Габон, Камерун, Республика Конго, Центрально-Африканская Республика, Чад, Экваториальная Гвинея.

В настоящее время идет активное обсуждение аналогичного сценария и для *Западно-Африканской Монетарной Зоны (WAMZ)*, включающей следующие страны: Гамбия, Гана, Гвинея, Либерия, Нигерия и Сьерра Леоне. По нашему мнению, доминирующее использование национальных валют в данном регионе также ускорит поступательное развитие внутрирегиональной торговли, как в *COMESA*. Вместе с тем на современном этапе развития доминирует наличный оборот, что стало предпосылкой к обсуждению объединения платежных систем в формате в WAMZ; однако в двух из шести стран этой интеграционной группировки еще нет своей системы валовых расчетов в режиме реального времени (RTGS): в Гвинее и Либерии они еще не сформированы.

Обратим внимание на довольно эффективное использование долларов США по причине отсутствия доверия к национальным валютам в регионе. Кроме того, COMESA строится на открытых стандартах и стремится к увеличению числа стран-участников, а рынки долларов и евро с позиции их ликвидности не сопоставимы с любой другой местной валютой Восточной и Южной Африки.

---

[1] Matongela A.M. Encouraging Innovation in Organizations – Lessons from First National Bank Group // Research Journal of Finance and Accounting. 2013. – N 4 (14). – P. 19–24.

[2] SADC. Remittances project status // Southern African Development Community Payment, Clearing and Settlement Subcomittee.- 2011. – https://www.sadcbankers.org/subcommittees/PaySystem/projects/Documents/Remittances Final.pdf

[3] Трансъевропейская телекоммуникационная автоматизированная система переводов международных расчетов в режиме реального времени, функционирует с 04.01.1999 г.

[4] Романчук Е.С. Региональная валютно-финансовая интеграция на Юге Африки: проблемы и перспективы введения единой региональной валюты. // Финансы и кредит. – М., 2015. – № 28 (652). – С. 44–53.

[5] SWIFT. The global adoption of real-time retail payment systems (RT-RPS) // SWIFT White paper. 2015. – https://www.swift.com/node/4716

Еще одним примером платежной системы является *Западно-Африканский Экономический и Монетарный Союз (WAEMU). WAEMU* была инициирована Центральным Банком Западно-Африканских Государств (BCEAO) на базе франка КФА (франк Африканского финансового сообщества), который эмитируется центробанком государств Западной Африки и используется в качестве коллективной валюты следующими странами: Бенин, Буркина – Фасо, Гвинея – Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того.

WAEMU базируется на 3 ключевых позициях: формирование RTGS для систематически важных платежей, создание системы многостороннего клиринга, а также продвижение региональной межбанковской структуры платежных карт. Кроме того, был запущен Центр платежных инцидентов под руководством банка BCEAO в роли инструмента, гарантирующего безопасность переводов. Согласно данным Всемирного Банка, платежный сервис WAEMU достиг своих приоритетных задач, скорость международных переводов увеличилась, тарифы на проведение платежей сократились на 25%. Безусловным сходством с системой TARGET2 (Еврозона) является то, что у всех восьми стран союза есть общая валюта – франк КФА.

*Латинская Америка***.** В отличие от Европейского Союза, торговля в других экономических блоках практически всегда происходит между странами с разными национальными валютами. Если эти валюты не являются свободно обратимыми, то наиболее очевидным выходом является использование третьей валюты в качестве инвойсинговой (одна из свободно обратимых валют). В этом случае общее число транзакций возрастает, следовательно, увеличиваются транзакционные издержки. Одной из первых стала Система оплаты в местной валюте (SML), начавшая функционирование с октября 2008 г. Напомним, что государства Латинской Америки имеют аналогичный опыт; так, в 1982 г. между 12 странами в рамках соглашения Латино-Американская Ассоциация Интеграции (ALADI) была учреждена общая платежная система, номинированная в долларах США, в которой расчеты проводились на неттинговой основе каждые 4 месяца. Необходимо подчеркнуть, что данная система использовалась только для торговых отношений, а не для финансовых. Каждый из центробанков, участвующих в ней, имеет взаимные кредитные линии, номинированные в долларах США. Ключевая цель – обеспечение долларовой ликвидностью и импорт валютных рисков в суверенные государства; система также включает в себя гарантии платежей: экспортерам гарантировано, что они получат свою валютную выручку за проданные товары, даже если от импортеров платеж не поступил.1 Пиковое состояние загруженности этой системы было диагностировано в 1980-е гг. из-за долгового кризиса и нехватки ликвидности. В качестве основного недостатка, можно отметить доминирование американского доллара, соответственно, зависимость национальных экономик от внешних шоков.

В октябре 2008 г. между двумя центробанками двух стран Общего рынка Южного Конуса (МЕРКОСУР[2]), Аргентиной и Бразилией, была введена в действие общая платежная Система оплаты в местной валюте (SML), заключено Соглашение об использовании кросс-курсов ARS-BRL (аргентинский песо – бразильский реал) для упрощенной конвертации аргентинских песо в доллары, а затем в бразильские реалы. Одной из приоритетных задач SML является развитие внутреннего рынка торговли в национальных валютах – реале и песо, неттинг по которым проходит ежедневно. Курсы реал/песо устанавливаются центробанками стран каждый день. Но проблема заключается в том, что они привязаны к доллару США. Именно в этой денежной единице номинировано регулирование расчетов между центральными банками. Среди недостатков системы следует отметить: во-первых, наличие валютного риска для импортеров, поскольку SML не является гарантийной системой; во-вторых, нехватка инструментов на местных финансовых рынках для проведения операций по хеджированию валютных рисков; в-третьих, целевой аудиторией данной системы являются преимущественно субъекты малого и среднего бизнеса. Так, в 2008 г. бразильский экспорт через SML составлял 9,8 млрд. реалов, а в 2015 г. уже 2,5 трлн. реалов, однако лишь 4–5% взаимного торгового оборота между Аргентиной и Бразилией осуществляется с использованием SML[3].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что каждый регион, стремящийся к формированию общего платежного пространства, прежде всего, базируется на локальных особенностях, однако ключевым индикатором региональных платежных соглашений остается их экономическая эффективность. Так, «стимулом» запуска системы SML между Аргентиной и Бразилией стало их стремление минимизировать транзакционные издержки в обход конверсии аргентинского песо и бразильского реала в доллары США. Вместо этого курс доллар/песо и кросс-курс реал/песо устанавливаются на базе оптовых обменных курсов американского доллара, но без реальной валютообменной транзакции.

Вместе с тем раздробленность валютного пространства и платежных механизмов трансформируется в многочисленные договоренности с учетом необходимости использования местного счета в отдельной стране.

Можно констатировать, что развитие интегрированной платежной системы с мультивалютным функционалом эффективно для всех субъектов рыночной экономики; а расширение количества участников позволяет системе увеличивать объемы обрабатываемых транзакций и делать ее более привлекательной для других стейкхолдеров: так, COMESA оптимизировала транзакции, номинированные в местной валюте, без обращения к каналам корреспондентских счетов.

---

[1] Inter-American Development Bank. Latin America explores alternatives to boost trade in local currencies // IADB. 2008. – http://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=36427873

[2] Члены МЕРКОСУР: Аргентина, Бразилия, Уругвай; Венесуэла. *Ассоциированные члены:* Чили Боливия; Колумбия; Эквадор; Перу.

[3] Inter-American Development Bank. Latin America explores alternatives to boost trade in local currencies // IADB. 2008. – http://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=36427873

По нашему мнению, наиболее успешными стали интеграционные проекты в области платежных инфраструктур, которые обладали следующими характеристиками: наличие общей валюты или расчетной единицы, наличие единого наднационального регулирующего органа в лице центробанка, отработанные элементы национальных платежных систем и обязательная политическая поддержка со стороны государств в рамках согласованной интеграционной концепции.

Таким образом, без учета ретроспективы платежных систем в интеграционных союзах регионов мира невозможно эффективно решать практические вопросы дальнейшего развития платежных отношений в процессе формирования единого экономического пространства стран – членов ЕАЭС.

Яковенко А.В.
д.соц.н., профессор, Луганский национальный университет
daoav@rambler.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ОТ КРИЗИСА К БЕЗНАДЕЖНОЙ НАДЕЖДЕ

Ключевые слова: *интеграция, противоречия, доверие, прагматизм, ценности, интересы, техносфера, общество необязательной трудовой занятости, социальная справедливость, лидерство, поколение, будущее.*

Keywords: *integration, conflict, trust, pragmatism, values, interests, technosphere, society of optional employment, social justice, leadership, generation, future.*

Происходящие интеграционные процессы продолжают находиться в тисках сложных противоречий. Неизбежность, социально-историческая прецедентность объединительных тенденций постоянно сопровождается сомнениями в их целесообразности, полезности как для государств, так и для личности. Мир переполнен парадоксами, в результате которых провозглашаются выходы из одних союзов, сообществ, содружеств и государственных образований, менее выгодных, прежде всего, экономико-политически, и вступление в другие с небескорыстными расчетами на многоплановую поддержку; вчерашние остовы объединений отказываются от своей консолидирующей роли, а затем выстраивают или встраиваются в иные макроформаты. Почти любая дезинтеграция осуществляется в пользу иной интеграции. При этом многочисленные межгосударственные структуры, по сути, не могут выйти за рамки экономических целей, а апелляции к высоким ценностям в большинстве случаев оказываются способами прикрытия прагматических интересов. И все это накладывается на стремительное развитие техносферы, предлагающей уже сверхфантастические разработки, способные самостоятельно производить значительное количество продуктов при минимальном использовании человеческого труда, включая воссоздание и собственно человека как биологического существа. Сам же личностный выбор рассредоточен между осознанием своей: а) этнической и конфессиональной принадлежности; б) универсальности, подкрепляющейся развитием и нарастанием насыщенности информационно-коммуникационных связей; в) абсолютной малости и потерянности, одиночества в агрессивно безразличном социуме, порождая «человека, в котором уживаются взаимоисключающие друг друга мотивы и ценности»[1]. С одной стороны, визуализируется и обостряется ощущение тотальной взаимозависимости и целесообразности глобально гуманистических позиций, однако, с другой стороны, сохраняют свою принципиальную значимость локальные ориентации и самоидентификации, базирующиеся нередко на противопоставлении и конфликтогенной платформе.

Так или иначе, но интеграционные процессы, охватывающие сегодня практически все основные направления общественного развития, без преувеличения имеют в качестве различимого результата лишь два варианта перспективы: переход к новым системам кооперации или тотальное разрушение миропорядка. Как справедливо замечал А.Уткин: «общая тональность футурологических расчетов будущего, несмотря на феноменальные обещания современной науки, выглядит пессимистичной»[2].

Вот уже несколько десятилетий подряд фиксируется стандартный набор проблем и противоречий в отношении интеграционных стратегий поведения государственных субъектов, обладающих правовой монополией на выполнение социальных обязательств перед своими гражданами.

Интеграции и проблема доверия. Налицо общий кризис интеграционного доверия. Сохраняется поле жесточайшей конкуренции и подозрительности даже между традиционными союзниками. Практический опыт истории заставляет опасаться того, что интеграционные процессы могут оказаться лишь расчетливым инструментарием по аннигиляции государственных образований. Побежденный исчезает с геополитического ландшафта, как это постоянно случалось, включая и прецеденты ухода в политическое небытие самых влиятельных империй. В мире на сегодняшний день отсутствует какое-либо однозначно авторитетное интеграционное образование. При этом наличествует общая неудовлетворенность дихотомией «интеграция-дезинтеграция», адресуемая отдельным субъектам административно-политического пространства. На самом же деле стагнирует то ли перед окончательным упадком, то ли перед новым импульсом развития общечеловеческая цивилизация, а не условные Запад или Восток. И ни у кого нет ни исторических, ни социальных, ни экономических, ни политических, ни моральных преимуществ в попытках хотя бы прощупывания контуров и принципов интеграции, которые бы соответствовали плотности связей и отношений глобального социума, его стремительно возрастающей потребности в новой культуре взаимодействия на уровне всех социальных институтов, которые, в свою очередь, пребывают в перманентных кризисных состояниях и также едва просматривают перспективы качественных параметров собственных трансформаций.

---

[1] Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2016. – С. 261.

[2] Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М.: Эксмо, 2002. – С. 264.

Интеграция альтернативистская или принципиально общесоюзническая. Ахиллесовой пятой всех прецедентов интеграций является их альтернативистский, сопротивленческий характер. В политэкономической истории до настоящего времени приходилось встречаться лишь с союзами против иных союзов. Многочисленные объединения и коалиции создавались на принципах вынужденности, легко меняя конфигурации, заставляя принципиальных сторонников прежних союзов или подчиняться новым реалиям, чувствуя себя предателями резко устаревших убеждений, или физически сходить с исторической тропы.

С момента распада двуполюсной системы продолжает углубляться противоречие между экономическими интеграционными проектами и военно-политическими объединениями. Экономические союзы все более и более тяготеют к дистанцированию от явного военно-стратегического доминирования центров милитарной силы. Традиции соподчинения интересам данных центров ради имеющихся у них «зонтиков» военной мощи испытывают коррозию. Усиливается тенденция перехода от фабулы мононаправленного союзничества к практике интеграции по всем доступным векторам. Повсеместно и одновременно развиваются, и «союзы моря (океана)», и «союзы суши», нередко накладываясь друг на друга.

Интеграционные проекты альтернативистского характера не устраняют проблем, вызванных их заведомой локальностью. Динамично расширяющееся информационно-коммуникационное пространство подкрепляет представления об отчетливой общности проблем социально-экономического, политико-институционального, морально-этического и личностно-смыслового планов. Мир все более и более воспринимается как скопление схожих сложностей без пиетета в отношении какой-то особой географической зоны и государственной ниши: «хорошо, где нас нет» или, напротив, «хорошо там, где мы есть».

Сразу оговоримся, насколько возможен переход к неальтернативистским интеграционным моделям, выстраиваемым на соответствующих принципах, не знает в этом мире никто.

Интеграция и новое/старое качество социально-экономических отношений. В сложившихся и формирующихся объединениях сохраняется разрыв между провозглашением ценностных критериев сотрудничества и жесткой прагматикой финансово-экономического взаимодействия. Кроме того, имеют место сложности с восприятием реалий мира новых технологий, создающих материальные и социальные предпосылки для наращивания компактности союзнических отношений неформального характера и продвигаемых, инициируемых ими представлений о потенциальных возможностях организации неэкспансионистского общественного порядка.

Здесь следует учитывать, что мир стоит на пороге перехода к экономике минимальной трудовой занятости. Декларации о необходимости, а теперь уже и попытки введения в практику социально-экономической жизни безусловного базового дохода говорят о готовности отдельных государств, а в перспективе и значительного числа стран внедрить еще ни разу в истории не апробированные принципы организации социально-трудовых отношений. Появляются реальные предпосылки формализации социума преимущественной праздности, необязательной трудовой занятости и т.п. Сегодня глобального прибавочного продукта хватает для перехода от безработицы, чреватой тотальным голодом и вымиранием, к безработице управляемой, с минимально обеспеченной нищетой.

Создание мощнейшего инновационно-технологического базиса, позволяющего начать движение к обществу необязательной трудовой занятости, ставит также вопрос о зрелости субъектов интеграции. Возникает реальный соблазн путем обострения противостояния и допущения полууправляемого кризиса с разрушением экономической и социальной инфраструктуры попытаться отстрочить подобного рода перспективу. С данного ракурса можно несколько по-иному посмотреть и на предшествующие мировые переразделы. Возможно, причинами социальных катаклизмов в виде глобальных войн выступали, помимо прочего, появляющиеся в отдельных частях мировой системы условия для перехода к более гуманным социальным и экономическим отношениям. Центры империй, не осознавая (или, напротив, четко осознавая) вызревание предпосылок для действительно инновационных социально-экономических конфигураций, ввязывались в разрушительнейшие мировые катаклизмы, в результате которых уничтожались и средства производства, и рабочая сила, после чего обществу на руинах приходилось вновь отстраиваться, опираясь на мобилизационные организационные формы трудовой повинности.

Тенденции к возникновению стран и даже сообществ необязательной трудовой занятости, кажущиеся сегодня сомнительными, малореальными, тем не менее, способны еще более актуализировать полемику об основаниях зрелости и ключевых задачах межгосударственных союзов, переводя социальную целесообразность кооперации из плоскости преимущественно экономического достатка к повышенным требованиям качества жизни (самореализация, счастье…). Обостряется негативное отношение к проблеме социальной несправедливости и неприятие порядков, базирующихся на традициях двойной институциональности, а по сути, «двойной морали». В то же время слабы ресурсы перехода из данной стадии на уровень создания условий открытости и действительной конструктивной этики взаимоотношений. В любом случае возрастает значимость «социализации» критериев экономического сотрудничества. Тем более, принимая в учет процессы все большего размывания рабочей силы в межинтеграционном пространстве, начиная от возможностей, благодаря коммуникационным системам, работать одновременно в различных содружествах и союзах и заканчивая реальными массовыми миграциями из одних интеграционных объединений в другие.

С учетом создаваемого техносферой фундамента многоформатного взаимодействия большинство вопросов зрелости и качества интеграционных процессов уже давно упираются в сложности сугубо субъективного характера. Способы и сама возможность некатастрофичного прохождения социумом данного отрезка эволюции, зависят, как бы банально это не звучало, от управленческой страты, существенно интегрированной по имущественному и статусному признакам, но дезинтегрированной по интересам.

В значительной мере скептическая и пессимистическая оценка перспектив интеграционных процессов базируется именно на знаниях и представлениях о неспособности руководящей когорты к взаимодоговорным отношениям, к

интегрированию, исключая практику переразделов, распадов и т.п. Европейские монархи век назад, несмотря на связывающие их многочисленные родственные узы, не смогли ничего противопоставить тотальному военному переделу мира. Почему мы можем стать исключением из исторических правил – не понятно. Впрочем, поскольку люди не в состоянии вживить в себя принцип «мы должны умереть»[1], вновь приходится апеллировать к ключевым фигурам принятия решений относительно содержания мирной и позитивно направленной интеграции. До настоящего времени аргументы в пользу альтернативных интеграционных основ социально-экономической жизни формируются и формулируются путем апеллирования к негативной реальности (экология, предрекаемые катастрофы военного, экономического и иного характера…). Такая методика мотивирования посредством страха мало воздействовала на глобальный управленческий класс, да и не вызывала особых организованных порывов к фундаментальной переорганизации со стороны тех, кем данный класс управляет.

Интеграция – лидерство без лидеров. Как отмечалось, традиционно надежды на посткризисную перспективу связываются со способностью участвующих в интеграционных процессах политических субъектов и тех, чьи интересы они представляют, преодолевать комплексы безапелляционного лидерства, предлагая преимущественно общедоговорные принципы сотрудничества и союзничества. Это испытание на зрелость всех стран, претендующих на роль форпостов объединений, и, так или иначе, подспудно складывающейся «интеграции интеграций».

Очевидно повышение роли персон, действительных лидеров, нацеленных на формирование интегративного консенсуса, способных его реализовывать, встраивая национальные интересы в логику объединительных стратегий несмотря на сопротивление в том числе и «своих» корпоративных игроков, которые зачастую весьма эффективно вступают в закулисные интернациональные коалиции против собственных руководителей. Пресловутая мягкая сила, сопровождаемая твердой волей и ориентированная на проработку хотя бы основ универсального проекта многообразия, возводимого на принципах фантастических для современного запрагматизированного социума, здесь важна в первую очередь. Прогрессивный консерватизм представителей государственных элит всегда состоял в их стремлении реформировать системы без разрушительнейших потрясений, в попытках (часто, правда, малоуспешных) приводить в соответствие производственно-технологические возможности, революционизирующие общественную жизнь, и старые/новые социальные уклады.

Интеграционные процессы в тисках взаимоисключающих интересов. Малоконфликтное развитие интеграционных процессов будет заведомо обречено без создания среды для минимальной консолидации интересов крупнейших, влиятельнейших корпораций, без формирования предпосылок для плавного перетекания капиталов из сфер «старой» экономики, включая и ее спекулятивный сегмент, в инновационную, «зеленую» и т.п. Необходим комплекс мер по смягчению сопротивления мощных в финансово-экономическом и институциональном отношении групп через расширение практических условий их отхода из зон прямого конфликта в договорные порядки. Сделать это чрезвычайно сложно в условиях концентрации существенного объема прибылей в финансово-экономических сферах. Однако, без культивирования позитивной заинтересованности к перенаправлению их мощностей и ресурсов в иные зоны экономической активности с явным просоциальным вектором – любые макроинтеграционные проекты будут спекулятивными и в конечном итоге нежизнеспособными.

Впрочем, экономика, называемая «экологической», «зеленой», также не решает в полной мере ключевых проблем, оставаясь в парадигме конкурентного соперничества и сохраняя приоритет прибыльности. Цепочка новых технологических производств закладывается для подавления экономического потенциала «отстающих» и, следовательно, ведет скорее к перераспределению собственности проигравших (проигрывающих) в пользу выигравших (выигрывающих), нежели к формированию более справедливой всепланетарной финансово-экономической системы. Т.е. здравые поползновения смягчить или предотвратить внешние экологические катаклизмы трансформируются в способы обострения межгосударственных и межкорпоративных конфликтов, которые могут спровоцировать катастрофы вселенского масштаба. Объявляемая «зеленой» такая экономика способна оказаться не менее «красно-кровавой», чем ее предшественницы. Необходим отход от крайностей доминирующих представлений о макроэкономических моделях: экономики «нулевого роста» и экономики «устойчивого развития», что в социальном плане нередко принимает гипертрофированные формы либо тотальной экономии, едва ли не аскезы, либо безудержного потребления, базирующегося к тому же на вопиющем социальном неравенстве. Возможно, наиболее привлекательными для перспективных интеграционных систем все же будут становиться стили социально-экономической жизни, базирующиеся не на преимуществах максимального материального достатка, а на оптимальном соотношении между самореализованностью, представлениями о самоуважении и оптимальной обеспеченностью (содержательное качество жизни), включая «приоритет подлинной культуры – культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности»[2]. Подобного рода предложения воспринимаются в настоящее время как нереалистические или же наивные. Однако и модель, в которой доминируют принципы и факторы конкурентного роста, закладываемая в основание интеграционных проектов, вряд ли приведет к социальному миру и действительному процветанию. Скорее она создаст основания для очередного глобального кризиса.

Интеграционные процессы и поколенческий фактор. Все это первостепенно важно с ориентацией на собственно поколение будущего. Ему уже сегодня приходиться осваивать жесткие законы беспринципной конкуренции, поддаваясь на соблазны в общем-то архаичной системы политико-экономического устройства. При этом повсеместно декларируется: новое поколение не должно быть нигилистичным – ни по отношению к своим предшественникам, ни

[1] Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: АСТ, 2014. – С. 458.

[2] Гринберг Р.С., Бузгалин А.В. Старая модель развития исчерпана. Куда движется мир? // Россия и современный мир. – М., 2015. – № 2 (87). – С. 41

по отношению к миру, за который оно берет ответственность. «Молодые волки» без скреп этики ответственности способны окончательно подтолкнуть цивилизацию к уничтожению, вместо того, чтобы стать ее первым конструктивно-договорным поколением.

В данной связи важна проработка наряду с многообразными интеграционными экономическими и технологическими проектами также и социопроектов. Требуется особая межгосударственная поддержка идеям создания и апробации социопрактик малоконфликтного взаимодействия, рассмотрение неких едва ли не идеальных моделей договорных взаимопроникающих союзнических отношений. Развивать и культивировать необходимо не только лидерство молодых технологических инноваторов, менеджеров и политиков, но и повышать значимость инноваторов в области неконфликтной социальной коммуникации. Прозвучит несколько пафосно, но от этого действительно возможность самовыживания человечества. Именно здесь абсолютный дефицит практик, прецедентов и реально функционирующих стратегий действия. По сути, необходим переход от артикуляции предложений к формированию реальных институтов и институций интеграционного согласия.

Уязвимость (не хотелось бы произносить обычное и обреченное «утопичность», «нереализуемость») всех конструктивно интегрирующих проекций будущего обусловлена стремлениями опираться на принципы социальной организации «высокого порядка», вступающими в столкновение с прагматикой материальных интересов, которые в свою очередь подпитываются массово распространенными, сложно подавляемыми качествами и проявлениями человеческого характера, такими, например, как алчность и зависть. Многочисленные религиозные и светские традиции могут лишь манифестировать и призывать к корректности и умеренности желаний, независтливости, альтруизму и человеколюбию. Однако многовековая практика делает из данных правильных и социально ответственных доктрин лишь способ приуменьшения давления неэтических мотивов личностного поведения, которые, тем не менее, определяют пульс социальной и экономической жизнедеятельности общества. На заре нового тысячелетия А.Этциони уже формулировал традиционный вопрос: «Но возможны ли нравственные диалоги в общемировом масштабе и, если да, то с каким результатом?»[1]. Сколь-нибудь аргументированного утвердительного ответа пока нет.

Выводы: Социум, если ему не придется вновь пройти через саморазрушение, чтобы привычно в тяжких трудах восстанавливать инфраструктуру и возобновлять попытки взаимодействия, будет продвигаться к еще более насыщенным формам интеграции экономических отношений, существенно трансформируя принципы социально-политического мироустройства и даже этику.

Доминирующие на сегодняшний день утилитарные платформы интеграционных процессов входят в противоречие с установками на развитие творческих способностей, широкой и конструктивной самореализации, расширение возможностей для восприятия своей жизни в качестве полноценно и счастливо проживаемой.

Переход из общетеоретического в предметно-практический пласт чреват шаблонизмами и бессилием перед обыденностью. В этой обыденности сконфигурированы и зацементированы общественные рудименты, привычки и комплексы многовековой давности. При просчитывании перспектив социально ориентированных интеграционных моделей с учетом прорывных техноинноваций открытой остается проблема создания оснований для неких «тотальных» договоренностей и их неукоснительного выполнения через выработку процедур, норм, регламентов, инструментария контроля. Важно, чтобы в пользу такого устройства социально-экономической жизни сложился консенсус критического большинства как на уровне государственных и корпоративных управленческих органов, так и среди представителей иных социальных групп, выражающих превалирующие общественные интересы.

Передовые интеграционные системы и те, кто собирается выступать их ключевыми зрелыми проводниками, должны уже ныне осознавать и ориентироваться на сложности как глобального экономического, так и социально-культурного, этического плана, вытекающие из открывающихся возможностей массового высвобождения граждан из процессов производства материальных благ и услуг, начинать активно прорабатывать возможности и способы синхронизации технолого-революционных тенденций с системой организации общественной и индивидуальной жизнедеятельности. В противном случае эсхатологические установки могут осуществиться.

[1] Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004. – С. 94.

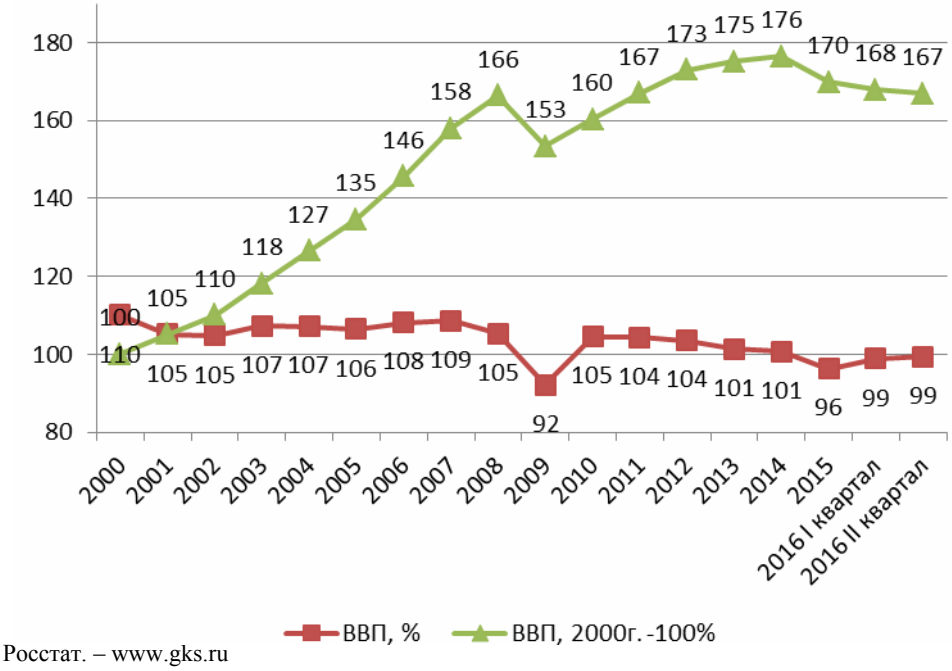
Алексеев А.В.
к.э.н., доцент, зав. Отделом темпов и пропорций промышленного производства Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
avale@mail.ru

ДЕНЕЖНАЯ ЭМИССИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ИЛЛЮЗИИ ВЫБОРА

Ключевые слова: *денежный агрегат М2, инфляция, экономический рост, научно-технический прогресс, институты.*
Keywords*: M2, inflation, economic growth, technological progress, institution.*

В посткризисные годы общим местом в экономической дискуссии стало утверждение, что экономическая модель, лежащая в основе российского экономического развития, работать перестала. Суть модели – не мешать рыночным силам самим определять приоритеты развития материального производства и сферы услуг. Если они указывают на то, что сконцентрироваться следует на добыче нефтегазовых ресурсов, а на ренту, полученную в результате их реализации на мировом рынке приобретать то, что производить в РФ «неэффективно», то так и следует поступать.

Если в качестве критерия эффективности данной модели ориентироваться на показатель роста ВВП, то, по меньшей мере, до 2008 г. она работала вполне успешно. В 2009 г. произошел первый серьезный сбой. В 2010–2012 гг. ситуация как будто вернулась в прежнюю колею, но в 2013–2014 гг. темпы роста ВВП начали затухать, а в 2015 г. и вовсе стали отрицательными (рис. 1). В рамках рассматриваемой модели ситуация с ВВП логична: с сентября 2013 г. основной макроэкономический ориентир развития российской экономики – стоимость нефти на мировых рынках – стал быстро терять свои позиции (рис. 2).



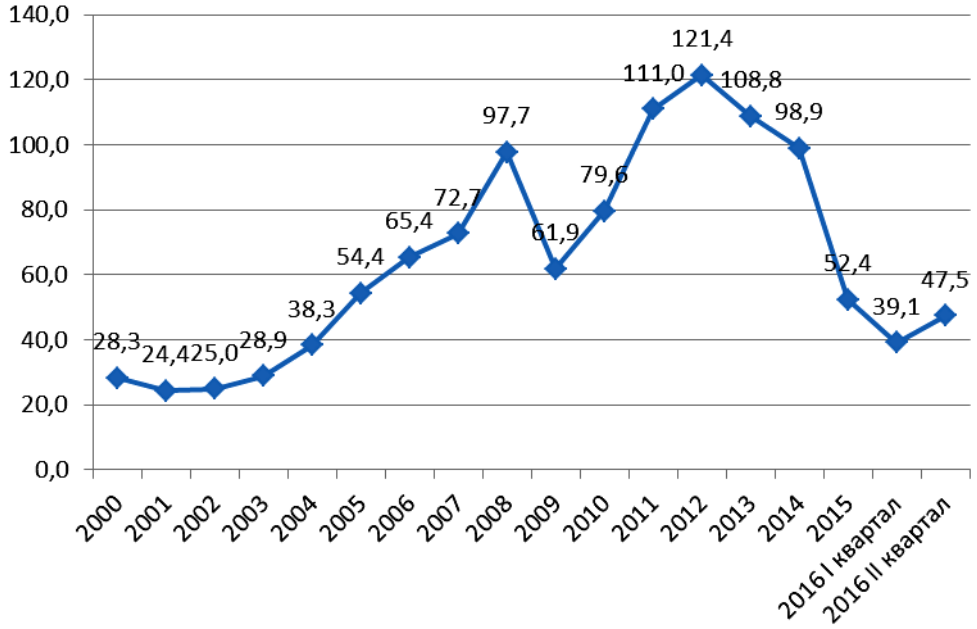
Источник: Росстат. – www.gks.ru

Рисунок 1.
Индекс физического объема ВВП, %

Не следует забывать, что «после» не всегда означает «вследствие». Но не в рассматриваемом случае. Действительно, доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете РФ в последние годы превышала 50%[1]. В этих условиях

[1] Филимонова И.В. Особенности государственного регулирования в области фискальной политики в нефтегазовом комплексе // XII Междунар. научный конгресс и выставка «Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016». Междунар. науч. конф. «Недропользование. Горное дело. Направления и технологии поиска, разведки и разработки месторождений полезных ископаемых. Геоэкология»: сб. материалов в 4-х т. / М-во обр. и науки РФ, Сиб. гос. ун-т геосистем и технологий (СГУГиТ). – Новосибирск: СГУГиТ, 2016. – Т. 4. – С. 177.

сколько-нибудь существенное изменение нефтяных цен просто не может не оказывать значимого влияния на динамику российского ВВП.



Источник: http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=crude-oil-brent&months=360

Рисунок 2.
Среднегодовая цена на нефть марки «брент», долл. за баррель

Представленные данные вовсе не свидетельствуют о том, что рассматриваемая модель перестала работать. Проблема как раз в обратном – она продолжает работать. Более того, связь между динамикой российского ВВП и мировой конъюнктурой нефтегазовых цен скорее усилилась. Так, если коэффициент корреляции между этими двумя факторами в 2000–2007 гг. составил 0,69, то в 2009–2016 гг. уже 0,82. В общем случае коэффициент корреляции свидетельствует о силе связей двух переменных, но ничего не говорит о том, что из них является причиной, а что следствием. В рассматриваемом случае этот вопрос не актуален: понятно, что динамика российского ВВП практически не влияет на мировые нефтяные цены. В действительности речь не о том, что модель перестала работать, а о том, что общество перестало устраивать качество этой работы.

Зададимся вопросом: как именно динамика мировых нефтяных цен определяет темпы российского ВВП.

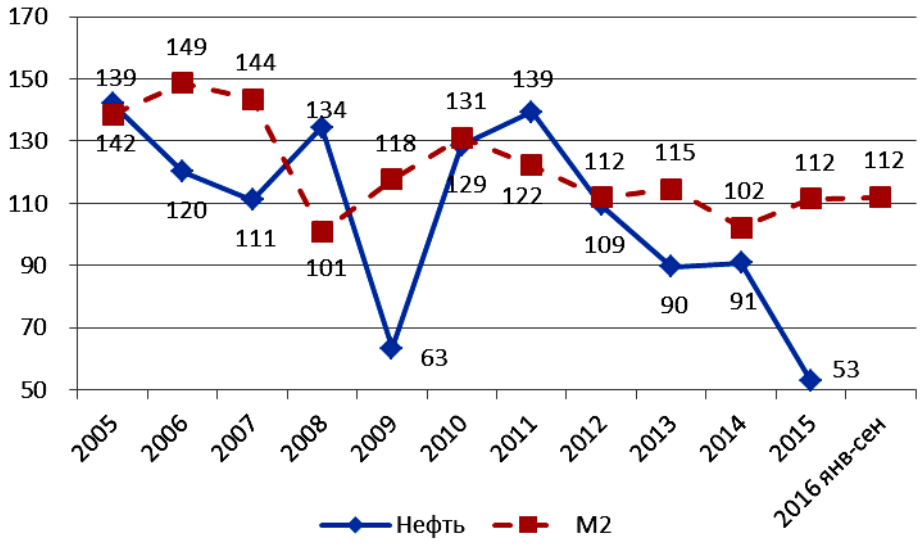
Доходы нефтегазового сектора конвертируются в рубли. Здесь два варианта развития событий. Вариант 1. Центральный банк не вмешивается в этот процесс, валюта реализуется на рыночных принципах. Большой (и растущий) объем валюты при относительно фиксированной рублевой массе ведет к быстрому укреплению рубля. Возникает классическая голландская болезнь, выражающаяся в быстрой потере конкурентоспособности обрабатывающей промышленности со всеми вытекающими социальными проблемами, вопросами национальной безопасности и др.

Вариант 2. Российское государство, несмотря на риторику и действия, основанные в немалой степени на либеральной идеологии, в данном вопросе все же пытается как-то ограничить «рыночные силы». Происходит это в режиме покупки валюты Центральным банком как для собственных нужд (создание золотовалютных резервов), так и потребностей Министерства финансов (пополнение Резервного фонда и Фонда национального благосостояния). Тонкий момент здесь – приобретение валюты осуществляются не из имеющихся на балансе ЦБ рублей, а за счет их эмиссии под покупку валюты.

В принципе такие действия не угрожают национальной финансовой системе. Эмиссия проводится под реальное обеспечение и если по каким-то соображениям эмитированные рубли потребуется изъять из экономики, можно провести обратный обмен: выкупить рубли за приобретенную ранее ЦБ валюту. Но здесь важно другое: при быстрорастущей цене на нефть в экономике, работающей, вообще говоря, в прежнем режиме, рублевая масса растет. Действительно, на Рисунок хорошо видно, что за изменением цены нефти с лагом в один год следует соответствующее изменение денежного агрегата М2[1]. Корреляция между этими показателями (с учетом годового лага) достаточно высока (коэффициент корреляции равен 0,78).

Чтобы снять возможные возражения в том, что агрегат М2 в силу высокой российской инфляции недостаточно показателен, дефлятируем его, разделив на индекс цен производителей соответствующих лет. Расчеты в рамках данного подхода лишь усиливают приведенный тезис – темпы роста М2 сильно коррелированны с мировыми нефтяными ценами.

[1] Денежный агрегат М2 включает денежный агрегат М1 и остатки средств в национальной валюте на счетах срочных депозитов и иных привлеченных на срок средств населения, нефинансовых и финансовых (кроме кредитных) организаций, являющихся резидентами Российской Федерации.



Источник: ЦБ РФ. – http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=dkfs

Рисунок 3.
Индексы среднегодовой цены нефти «брент» на мировом рынке и денежного агрегата М2, %

Таким образом, предложение денег в российской экономике, по крайней мере, в последние 15 лет в существенной степени определялось не столько уровнем мировых нефтяных цен, сколько темпами роста этого уровня. Прекращение роста нефтяных цен и, тем более, их снижение стало серьезным испытанием для российской экономики – нефтяное «основание» для роста денежного предложения исчезло, а иных фундаментальных основ не появилось. Но, как показано выше, динамики М2 и ВВП тесно связаны – за сокращением денежного предложения быстро следует и снижение темпов роста ВВП.

Объяснять высокие темпы роста отечественной экономики в прошлом десятилетии исключительно масштабной денежной эмиссией, очевидно, было бы большим упрощением. Тем не менее, такая постановка вопроса актуализирует вопрос: а что вообще является стимулом роста отечественной экономики?

Классический ответ – внедрение достижений научно-технического прогресса и улучшение институциональной системы, выражающееся, в частности, в активизации промышленной политики и повышении ее качества, – для рассматриваемого периода российской истории не представляется убедительным. Действительно, говорить о сколько-нибудь значимых технологических прорывах, да и вообще о повышении инновационного уровня российской экономики в последние годы не приходится[1]. Наблюдаемый слабый прогресс в институциональной сфере также не объясняет динамику российского ВВП. Так, по данным авторитетного доклада «Индекс глобальной конкурентоспособности» качество российских институтов в 2004–2005 гг. оценивалось в 3,54 балла (89 место в мире, данные по 104 странам)[2], в 2016–2017 гг. –3,6 балла (88 место из 138 стран)[3]. Минимальный, но прогресс. Тем не менее, при «плохих» институтах темпы прироста ВВП в 2005 г. составляли 6%, а при «улучшившихся» стали отрицательными. Приведенные данные не говорят о том, что улучшение институциональной среды не является фактором ускорения роста ВВП, но явно свидетельствуют в пользу того, что стабильно плохая российская институциональная система не являлась таким фактором на протяжении последнего десятилетия.

Примем как рабочую гипотезу: темпы роста ВВП в РФ в новом веке в значительной степени определялись темпами роста стоимости нефти. Операционно эта зависимость реализовывалась через соответствующий рост денежного агрегата М2. В 2013 г. рост нефтяных котировок сменился падением. Соответственно, в 2014 г. (с лагом в 1 год) резко сократились и темпы роста М2. В полном соответствии с описанной логикой с лагом в еще один год – в 2015 г. – рухнул ВВП (на 4 п.п.).

Возникает естественное соображение: если собака (цена нефти на мировом рынке), имеющая хвост (агрегат М2), неожиданно отощала, следует ли из этого, что махать хвостом (продолжать наращивать агрегат М2) больше нельзя? В экономической литературе четко просматриваются две полярные точки зрения на этот вопрос. Первая: увеличение денежного предложения, особенно сколько-нибудь масштабное – угроза стабильности финансовой системы, провоцирование инфляции. Вторая: увеличение денежного предложения – стимул развития экономики. Растущая экономика требует большей денежной массы для своего обслуживания, что автоматически снимает проблему расшатывания денежной системы при увеличении денежного предложения.

У каждой из рассмотренных позиций свои аргументы. Так, за изменением М2 с лагом в год следует изменение цен производителей. На протяжении 2005–2013 гг. сила связи этих двух показателей весьма велика (коэффициент

[1] Алексеев А.В. Приоритеты государственной политики создания инновационной экономики в РФ / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2015. – 423 с.

[2] The Global Competitiveness Report 2004–2005. – http://www.ieseinsight.com/casos/Study_0035.pdf. – P. XVII.

[3] The Global Competitiveness Report 2016–2017. – https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1. – P. 307.

корреляции 0,78 с учетом годового лага); с учетом 2014–2015 гг. и предварительных данных за 2016 г. – меньше (0,66). Следует ли из этого, что рост М2 «с неизбежностью» ведет к росту цен производителей, т.е. инфляции? Если исходить из монетарной теории инфляции, видимо, да.

Природа российской инфляции – предмет специального рассмотрения[1]. Здесь же отметим, что мы склонны объяснять российскую инфляцию не столько монетарными факторами, сколько следующим «МИГом»: сильным ***монополизмом***, плохими ***институтами*** и чрезмерной зависимостью России от ***глобальной*** экономики.

Действительно, российские естественные монополии могут (и пользуются этой возможностью!) повышать цены на свою продукцию и услуги просто в силу своей монополистической природы. О низком качестве российских институтов, препятствующих превращению денег в капитал и, следовательно, мотивацией производителя не столько наращивать производство товаров и услуг, сколько ориентированием их на увеличение цен на свою продукцию, говорилось выше. Слишком сильная интеграция российской экономики в мировую через механизм голландской болезни, с одной стороны, и слабую защиту национального производителя от сильного зарубежного, с другой, затрудняет развитие отечественных обрабатывающих производств, что также является проинфляционным фактором.

Возможно, в 2014 г. ситуация начала меняться. Так, в полном соответствии с логикой рассмотренной российской экономической модели развития, за снижением нефтяных цен в 2013 г. в 2014 г. практически прекратился прирост М2, а следующие за ним с лагом в год цены производителей не только не сократились, но, напротив, существенно возросли. В 2015 г. ситуация оказалась еще менее типичной: на фоне продолжающегося снижения цен на нефть агрегат М2 неожиданно вырос, а прирост цен производителей в 2016 г.[2], напротив, заметно уменьшился. Очевидно, что дело здесь в резком падении рубля, выразившимся в существенном росте отпускных цен. Но и ситуация 2016 г. весьма показательна: в 2015 г. агрегат М2 резко вырос, а в 2016 г. цены производителей практически не изменились (рис. 4). На основе не окончательных данных за 2016 г., конечно, нельзя делать вывод о том, что рост денежного агрегата не обязательно ведет к росту цен, но аргументов сторонникам «зажима» М2 все же не добавляет.

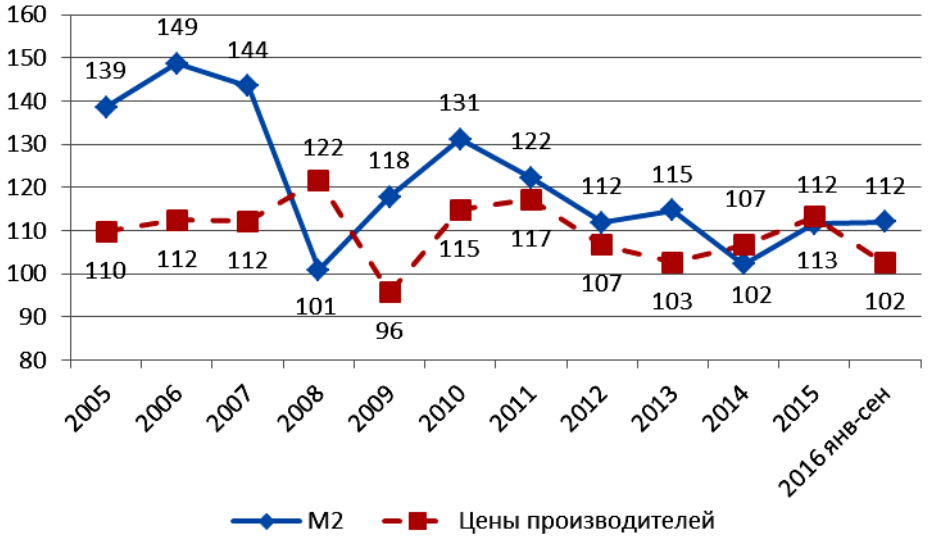


Рисунок 4.
Индексы денежного агрегата М2 и цен производителей, %

Таким образом, можно соглашаться с тезисом о том, что российская инфляция, мягко говоря, не полностью определяется монетарными факторами, можно – нет, но факт остается фактом: за ростом М2 с лагом в один год следует рост ВВП (коэффициент корреляции, с учетом временного лага 0,9) (рис. 5). Сопровождается этот рост инфляцией или нет – вопрос второй. Если в силу в том числе институциональных причин экономический рост в РФ без инфляции невозможен, то рост с инфляцией все же лучше, чем победа над инфляцией ценой отказа от экономического роста. Речь не идет о том, что с инфляцией следует смириться, но сначала стоит выявить ее фундаментальные причины, а затем назначать соответствующие болезни методы лечения. Пока же прописанное лечение – жесткий контроль М2 – приносит экономике больше вреда (низкие, а в последние годы и отрицательные темпы роста ВВП), чем пользы (весьма умеренные успехи в борьбе с инфляцией).

До последнего времени увеличение денежного предложения являлось de facto вынужденной мерой, направленной на недопущение переукрепления рубля. Действительно, крепкий рубль не только не способствовал развитию обрабатывающих производств, но и вообще стал угрожать их существованию[3]. Денежная эмиссия в этой ситуации не воспринимается как прямая угроза финансовой системе. Как отмечалось выше, если станет «совсем плохо», на находящуюся в резервах ЦБ валюту всегда можно выкупить эмитированные под ее покупку рубли. Однако судя по тому, что темпы роста М2 на протяжении рассматриваемого периода оставались существенно положительными, этого не

[1] Алексеев А.В. Пора за флажки? Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста // ЭКО. 2015. – № 9. – С. 55–72.

[2] Данные за январь-сентябрь.

[3] Алексеев А.В. Российские кризисы нового века: хождение по кругу? // ЭКО. 2015. – № 12. – С. 32–44

происходило. И это вызывает некоторое недоумение: денежное предложение год от года росло, вслед за ним росла экономика, валюта же «спокойно» лежала на счетах ЦБ (возвращение ее в экономику означало бы обратную конвертацию и, соответственно, снижение М2, чего в значимых масштабах не наблюдалось).

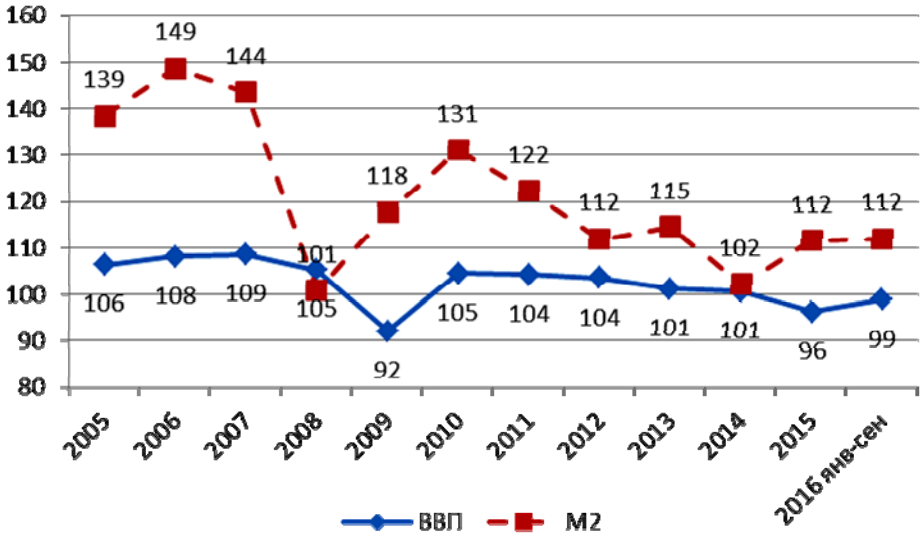


Рисунок 5
Индексы денежного агрегата М2 и ВВП, %

Тогда почему рост денежного предложения должен быть непременно связан с эмиссией под приобретение валюты? Может, и не должен? Страны, не являющиеся экспортерами нефтегазовых ресурсов, ведь как-то решают проблему денежного предложения. Действительно, «в США и Японии на госбумаги приходится 80–90% всей эмиссии (денежной базы) национальной валюты. То есть все деньги, которые находятся в обращении у этих государств, на 90% были эмитированы под бюджетные приоритеты… доля российских госбумаг в эмиссии рубля по итогам 2015 г. составляет менее 5%»[1].

Рассмотрим подробнее взаимосвязь динамик денежного агрегата М2 и производства (разделы C, D, E: добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды). Теснота связи здесь ниже, чем с ВВП (коэффициенты корреляции 0,7 и 0,9, соответственно). Ситуация меняется, если учесть инфляцию. Так, коэффициент корреляции индекса производства и показателей М2, скорректированных с учетом цен производителей и годового лага, равняется 0,8 (рис. 6).

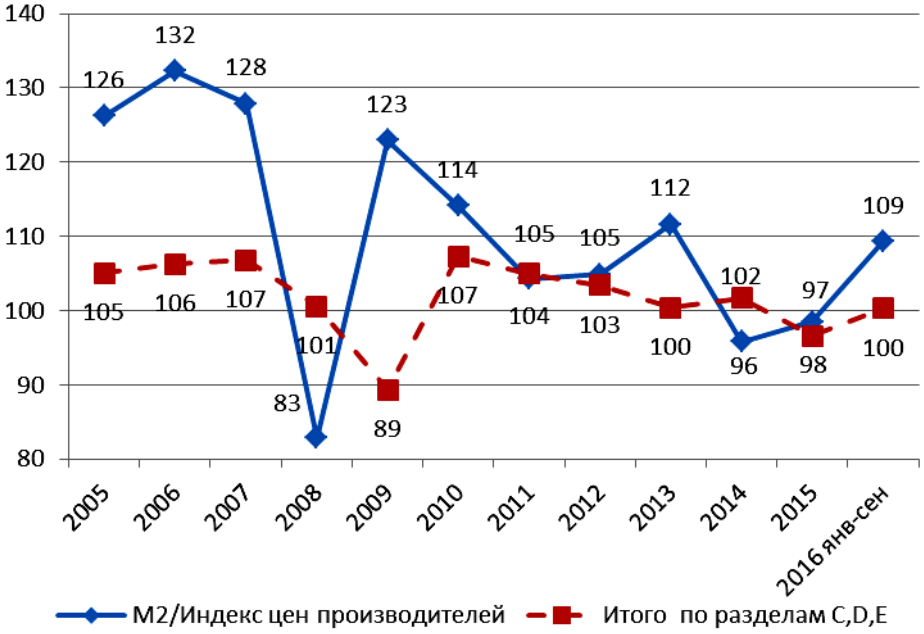


Рисунок 6.
Индексы денежного агрегата М2, скорректированного на индекс цен производителей, и промышленного производства, %

[1] Ершов М. Тайны бюджетной эмиссии // Эксперт. – М., 2016. – №47. – С. 44.

Отметим, что добывающие производства связаны с М2 слабее (коэффициент корреляции 0,72), обрабатывающие – сильнее (0,84). Эти результаты хорошо соответствуют «нефтяной» теории природы российского экономического роста: если спрос на российские энергоносители на мировом рынке высок, то он удовлетворяется добывающей промышленностью вне зависимости от того, что происходит в остальной части российской экономики. Обрабатывающие же производства, ориентированные в основном на внутренний рынок, существенно более чувствительны к внутрироссийским спросовым ограничениям, задаваемым количеством денег в обращении (М2).

Так как же перезапустить российскую экономику, вывести ее из рецессии, в которой она находится уже два года? Выбор, как видим, не велик.

Лучший вариант – ускорить преобразование экономики на инновационной основе. Проблема здесь в том, что инновации реализуются через инвестиции. Инвестиционная же активность в условиях стагнирующего производства (следствие слабого спроса) такова, что данная цель заведомо не достижима. Более того, динамика инвестиций определяется динамикой М2 в еще большей степени, чем динамика производства (коэффициент корреляции 0,94 с учетом годового лага).

Рисунок 3.
Индексы денежного агрегата М2 и инвестиций в основной капитал по полному кругу организаций, %

Не менее сложен в реализации вариант улучшения институтов. Вряд ли у точки зрения «улучшение институциональной системы способствует экономическому росту» много оппонентов. Но период экономической стагнации – не лучшее время для ее совершенствования. С одной стороны, это не ситуация острого кризиса, когда, нравится или нет, но приходится принимать в том числе и серьезные непопулярные болезненные решения. С другой, это и не ситуация экономического подъема, когда растущие доходы позволяют купировать социальные последствия институциональных трансформаций. Как уже отмечалось, Россия традиционно не сильна в институциональных преобразованиях. Определенный прогресс здесь наблюдается, но он не настолько быстр и масштабен, чтобы рассматривать его как основной фактор будущего экономического роста.

Самый простой и, следует признать, результативный способ ускорения экономического роста – увеличение денежного агрегата М2. Происходит это в режиме вынужденной эмиссии под приобретение валюты для стабилизации национальной денежной единицы или продажи государственных бумаг под приоритетные проекты национального развития, вопрос второй. Несмотря на неприятие по идеологическим соображениям этого пути не только либеральной «общественностью», но и финансовым блоком правительства, все же есть признаки, что процесс здесь пошел. Действительно, при более низкой цене нефти в 2016 г. по сравнению с 2015 г. темпы роста агрегата М2 за первые три квартала 2016 г. не только не уменьшились, как это наблюдалось в рамках «нефтяной» модели российской экономики, а, напротив, заметно выросли. Материализуется ли этот рост в соответствующее увеличение ВВП, покажет время. Но заявления о том, что дно кризиса пройдено, наблюдаются первые признаки подъема, уже звучат. И основания для них есть. Так, производство за январь-сентябрь 2016 г. хотя и символически, но выросло. Вспомним, что в 2015 г. здесь наблюдалось заметное падение.

Наивно считать, что печатный станок спасет российскую экономику, но и отказ от него тоже не самое сильное экономическое решение. В бизнесе есть хороший принцип: «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Следует ослабить денежные ограничения, пусть и ценой создания в выросшей экономике новых проблем, чем этого не делать, и впоследствии сожалеть о бездарно упущенных возможностях.

Андрианов В.Д.
д.э.н., профессор МГУ
andrianov_vd@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Ключевые слова: *Топливно-энергетический комплекс, структура топливно-энергетического баланса; энергосбережение и энергоэффективность экономики, и отдельных отраслей экономики; единая энергетическая система и ее реформа, система вертикальной интеграции; возобновляемые и альтернативные источники энергии; межрегиональная энерготранспортная инфраструктура; глобальные вызовы и энергетическая безопасность.*

Keywords: *Fuel and energy industry, structure of fuel and energy balance; energy saving and energy efficiency of the economy and its specific sectors; common energy system and its reform, system of vertical integration; renewable and alternative sources of energy; interregional energy transportation infrastructure; global challenges and energy security.*

Энергетика является одной из основных отраслей народного хозяйства любой страны, по уровню ее развития и потенциальным возможностям можно судить об экономической мощи страны, потенциале ее развития.

Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) России является одним из крупнейших в мире – по добыче топливно-энергетических ресурсов и масштабам производства он уступает лишь ТЭК США.

Россия располагает уникальным энергетическим потенциалом. Имеет огромные ресурсы традиционных источников энергии – углеводородных (нефть, газ, уголь), а также значительный потенциал возобновляемых и альтернативных источников энергии.

В отличие от многих других стран в топливно-энергетическом балансе России достаточно велик удельный вес природного газа и низка доля каменного угля.

Россия имеет развитую газовую, нефтяную, угольную промышленность, электроэнергетику и ядерный энергетический комплекс.

Активно развивается энергетика, основанная на возобновляемых и нетрадиционных и альтернативных видах энергии.

Россия обладает уникальной сетью трубопроводного транспорта, в нашей стране создана современная система энергетических коммуникаций, накоплен профессиональный опыт управления энергетическими потоками.

Благодаря этому Россия занимает одно из ведущих мест в мировой торговле энергоресурсами, активно участвует в международном сотрудничестве в области производства и поставок на внешние рынки топливно-энергетических ресурсов.

В связи с этим ТЭК играет системообразующую роль в экономике России. Базовые отрасли ТЭК вносят существенный вклад в создание ВВП, являются основой экспортных доходов страны, обеспечивая значительную долю в формировании доходной части федерального бюджета.

В настоящее время производство в отраслях ТЭК формирует около 30% валового внутреннего продукта, 70% экспортных доходов России, 50% бюджетных поступлений страны.

Производство и добыча основных топливно-энергетических ресурсов

Газовая промышленность

Россия располагает самыми богатыми в мире ресурсами природного газа**.** Потенциальные (прогнозные + перспективные) ресурсы природного газа России в 2016 г. оценивались примерно в 150–200 трлн. куб. м, что составляло около 40% мировых запасов.

Ресурсная база природного газа характеризуется высокой степенью концентрации запасов в отдельных регионах и крупных месторождениях, что создает благоприятные условия для добычи и транспортировки газа по трубопроводам.

Основным районом, обеспечивающим около 80% добычи газа в России, является Западная Сибирь, в первую очередь – север Тюменской области. Перспективными являются месторождения на шельфах острова Сахалин и полуострове Ямал.

Россия является крупнейшим в мире производителем природного газа. Годовая мировая добыча природного газа в начале третьего тысячелетия составляла около 3,0 трлн. м^3. На долю России приходилось более четверти мировой добычи этого сырья.

Добыча природного газа

За период 2000 – 2005 гг. **добыча природного газа** в Росси возросла с 584 до 640 млрд. м^3. В 2006 г. в России было добыто 656 млрд. м^3. природного газа, в 2007 г. – 653 млрд. м^3., в 2008 – 665 млрд. м^3.

В 2009 г., вследствие мирового финансово-экономического кризиса и общего снижения внешнего и внутреннего спроса на природный газ, объем добычи газа в России резко сократился и составил 582 млрд. м^3.

После 2010 г. рост добычи «голубого топлива» в России возобновился и имел следующую динамику: 2010 г. – 651 млрд. м^3., 2011 г. – 671 млрд. м^3., в 2012 – 655 млрд. м^3., 2013 г. – 668 млрд. м^3., 2014 г. – 640 млрд. м^3., 2015 г. – 635 млрд. м^3 [1]

По состоянию на 01.01.2014 г., добычу природного и попутного нефтяного газа (ПНГ) осуществляют 258 добывающих предприятий, в том числе 97 входят в структуру нефтяных ВИНК, 16 предприятий Газпром, 2 предприятия НОВАТЭК, 140 являются независимыми добывающими компаниями и 3 предприятия – операторы СРП.

В 2013 г. добыча газа составила 668,2 млрд. куб. м, что выше уровня 2012 г. на +13,7 млрд. куб. м (+2,1%).

В структуре добычи произошло увеличение объемов как природного газа на +9,8 млрд. куб. м (+1,6%), так и ПНГ на +3,8 млрд. куб. м (+6,9%), соответственно доля ПНГ в добыче газа выросла с 8,4% в 2012 г. до 8,8% в 2013 году.

Крупнейшим производителем и экспортером природного газа в России является ОАО «Газпром».

В 2014 г. добыча природного газа ОАО «Газпром» составила 423 млрд. м^3, в 2015 г. увеличилась до 469 млрд. м^3.

Производственные мощности ОАО «Газпром» включают более 10 тыс. газовых и нефтяных скважин, 6 заводов по переработке газа, газового конденсата и нефти, 160 тыс. км магистральных газопроводов и отводов, 280 компрессорных станций, 25 объектов подземного хранения газа.

В начале третьего тысячелетия «Газпром» контролировал около трети мировых запасов природного газа, 80% европейских континентальных запасов, 34% мировой торговли природным газом. Поэтому компания имеет значительное влияние на мировой рынок энергоресурсов.

В последние годы растет добыча природного газа нефтяными компаниями и независимыми производителями газа. В 2014 г. добыча «голубого топлива» независимыми производителями составила 208 млрд. м^3. Доля этих компаний достигла 30% всей добычи газа в России.

Среди независимых производителей природного газа в России крупнейшей является созданная в 1994 г. ОАО «НОВАТЭК. В 2015 г. компания добыла 68 млрд. м^3.

Объемы добычи газа другими нефтяными и независимыми производителями характеризовался следующими данными:

- ОАО «Роснефть» – 42 (млрд. м^3.)
- ЛУКОЙЛ – 19 (млрд. м^3.)
- Газпромнефть – 13 (млрд. м^3.)
- Сургутнефтегаз – 10 (млрд. м^3.)

Экспорт природного газа

Россия прочно удерживает первое место в мире по экспорту газа. В начале третьего тысячелетия Россия поставляла природный газ в 22 европейских государства.

Монопольное право на экспорт российского природного газа сохраняет ОАО «Газпром».

Согласно существующим прогнозам мировое потребление газа может увеличиться к 2040 г. примерно на 50% до 5,3 трлн. м^3.

Основным драйвером столь бурного роста спроса во всех регионах мира будет в первую очередь увеличение газовой генерации. Кроме того, значительный рост потребления природного газа во многом обусловлен его экологическими преимуществами перед другими традиционными источниками энергии[2].

По прогнозам экспертов, мировая торговля газом к 2030 г. может увеличиться до 700–800 млрд. м^3 ежегодно. Экспорт природного газа из России может возрасти к 2020 г. – до 330–340 млрд. м^3.

Поскольку российская газовая отрасль традиционно привязана к европейскому рынку, то основные поставки природного газа будут приходиться на этот регион. Спрос на природный газ к 2020 г. в европейских странах возрастет примерно до 750 млрд. м^3, в то время как уровень собственной добычи снизится и будет покрывать лишь 34% потребностей.

Доля Алжира на европейском газовом рынке к 2020 г. сохранится на уровне 11–12%. В этих условиях, несмотря на экономические санкции, большинство европейских стран рассчитывают на поставку природного газа из России.

Сложности в реализации крупных российских газовых проектов в европейских странах, возникшие из-за кризиса на Украине, вынуждают Россию осваивать новые рынки сбыта и переориентировать экспортные поставки на страны АТР, и прежде всего на Китай.

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru; Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

[2] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Институт энергетических исследований РАН; Аналитический центр при Правительстве РФ. – М., 2013.

В 2014 г. ОАО «Газпром» и крупнейшая китайская энергетическая компания CNPC заключили долгосрочный договор на поставки газа по восточному маршруту.

Договор между двумя компаниями заключён сроком на 30 лет и предусматривает поставку до 38 млрд. кубометров газа в год. Общая стоимость контракта составляет 400 млрд. долл.

Согласно прогнозам экспертов, к 2020 г. ежегодный уровень добычи природного газа в России сохранится в объеме 650–670 млрд. $м^3$.

В перспективе развитие сырьевой базы связано с освоением месторождений на полуострове Ямал, в Западной Сибири, (север Тюменской области), районах Восточной Сибири, Дальнего Востока, российского континентального шельфа, в том числе на острове Сахалин и др.

Особое внимание будет уделено освоению Чаяндинского месторождения и строительству газопровода «Силы Сибири» от Чаянды до Китая протяженностью 2136 км.

Значительный потенциал России имеет в создании предприятий по производству сжиженного природного газа (СПГ) и его поставкам на внешние рынки.

Перспективным энергоресурсом являются газовые гидраты – молекулы газа, заключенные в оболочку из молекул воды. Потенциальные запасы газовых гидратов располагаются в морских донных отложениях и в районах вечной мерзлоты.

По мнению экспертов, разработка и создание безопасных и эффективных технологий добычи газогидратов может стать новым технологическим прорывом в мировой энергетике.

В настоящее время основные риски дальнейшего развития и модернизации российской газовой отрасли связаны не столько со «сланцевой революцией», сколько с технологическим отставанием от зарубежных конкурентов в освоения новых месторождений.

Сохраняется недостаточная восприимчивость газовых компаний к продуцированию и внедрению инноваций и новых технологий последнего поколения.

Игнорирование указанных проблем может в ближайшем будущем снизить конкурентоспособность газовой отрасли, а также повысить её уязвимость в условиях нарастающего геополитического соперничества.

Нефтяная промышленность

Добыча нефти

Долгое время Советский Союз оставался крупнейшим в мире производителем нефти. Своего пика добыча нефти в СССР достигла в 1987 г. и составила 569 млн. т.

После этого началось постепенное падение добычи сырой нефти. Вплоть до 1991 г., несмотря на падение производства в отрасли, по уровню добычи сырой нефти в объеме 461 млн. т страна сохраняла первое место в мире.

После распада СССР началось резкое сокращение добычи нефти, в том числе и в России. На всех крупных и высокопродуктивных месторождениях ухудшились условия добычи. В связи с этим увеличились затраты на бурение скважин и добычу нефти. В эти годы резко сократилось финансирование капитальных вложений в нефтедобычу и начался процесс перехода к освоению менее эффективных запасов нефти.

Указанные тенденции совпали с резким падением мировых цен на нефть. Самая низкая цена нефти марки Brent на мировом рынке была зафиксирована 10 декабря 1998 г. и составила 9,1 доллара за баррель. В результате добыча нефти в России к 1998 г. сократилась до минимального уровня — 303 млн. т.

Постепенный рост мировых цен в начале текущего столетия переломил негативную тенденцию и стимулировал рост добычи в России, которая с тех пор начала стабильно расти.

Динамика роста добычи нефти в России характеризовалась следующей динамикой: 1999 г. – 305 млн. т., 2000 г. – 327 млн. т., 2001 г. – 352 млн. т., 2002 г. – 384 млн. т., 2003 г. – 426 млн. т., 2004 г. – 463 млн. т., 2005 г. – 475 млн. т., 2006 г. – 486 млн. т., 2007 г. – 491 млн. т., 2008 г. – 488 млн. т., 2009 г. – 494 млн. т., 2010 г. –506 млн. т., 2011 г. – 512 млн. т., 2012 г. – 519 млн. т[1].

Начиная с 2010 г. добыча нефти в России преодолела планку в 500 млн. тонн в год и устойчиво держится выше этого уровня, постепенно повышаясь.

В течение 2000–2012 гг. доля России в мировой добыче нефти возросла с 8,9 до 12,8%. В 2009 и 2010 гг. Россия вновь вышла на первое место в мире по добыче нефти. В 2011 г. она переместилась на второе, уступив первенство Саудовской Аравии.

В 2013 г. продолжилась повышательная тенденция в добыче нефти, объем которой достиг рекордного уровня 522 млн. тонн. Доля России в мировой добыче нефти составляла 12,3%.

Среднесуточная добыча нефти в России, достигла 1,4 млн. тонн. Этот показатель стал рекордным за всю историю современной России с 1987 г., когда суточная добыча составляла 1,5 млн. тонн в сутки.

В 2014 г. добыча нефти в России составила 526,8 млн. тонн. В 2015 г. Россия установила новый рекорд в добыче нефти, объем которой возрос до 534 млн. тонн.

По прогнозам экспертов Минэнерго РФ, в 2016 г. уровень добычи нефти может сохраниться на прошлогоднем уровне.

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru; Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

В конце ноября 2016 г. в Вене на саммите ОПЕК страны-члены организации впервые за последние 15 лет согласились с 1 января 2017 года сократить среднесуточную добычу нефти на 1,164 млн. баррелей до 32,5 млн. баррелей в сутки. Уменьшат объемы нефтедобычи и 11 нефтедобывающих стран, не входящие в ОПЕК. Они согласились сократить добычу нефти на 558 тыс. баррелей в сутки.

Международное энергетическое агентство полагает, что если производители не нарушат свои обязательства, то спрос на нефть может обогнать поставки уже в первой половине 2017 г., что соответственно может привести к росту мировых цен на нефть и другие энергоносители.

В рамках этих договоренностей России готова сократить производство нефти на 300 тысяч баррелей в сутки. Таким образом следует ожидать в период 2017-2020 гг. некоторое снижение добычи нефти в России примерно на 10 млн. т. в год.

В период до 2035 г. добыча нефти в среднем в год может составлять в среднем примерно 525 млн. т.

Вертикально-интегрированные нефтяные компании (ВИНК)

С начала экономических реформ в нефтяной отрасли стали создаваться компании, используя концепцию вертикальной интеграции, которая представляет собой объединение различных звеньев технологической цепочки добычи и переработки углеводородов, условно от «скважины до бензоколонки».

В систему вертикальной интеграции входят разведка потенциальных запасов нефти, бурение и обустройство месторождений, добыча нефти и ее транспортировка, переработка нефти и транспортировка нефтепродуктов, сбыт (маркетинг) нефтепродуктов.

Созданные по этому принципу вертикально-интегрированные нефтяные компаниии (ВИНК) имеют ряд конкурентных преимуществ на рынке:

- гарантированные условия поставок сырья и сбыта конечной продукции;
- снижение рисков, связанных с изменениями рыночной конъюнктуры;
- снижение издержек производства, в том числе затрат на выпуск единицы продукции и др.

Добычей нефти в 2015 г. в России занималось 240 компаний. Примерно 95% всей добычи приходилось на 11 крупнейших вертикально-интегрированных нефтяных компаний.

В 2014 г. добыча нефти среди крупнейших компаний распределялась следующим образом: «Роснефть» (202 млн. тонн), «ЛУКОЙЛ» (87 млн. тонн), «Сургутнефтегаз» (61 млн. тонн), «Газпромнефть» (51 млн. тонн), «Татнефть» (27 млн. тонн)., «Славнефть» – 19 (млн. тонн), «Башнефть» (18 млн. тонн) «Русснефть» (13 млн. тонн).

В рекордном 2015 г. добыча нефти среди крупнейших компаний распределялась следующим образом:

- «Роснефть» (189 млн. тонн);
- «ЛУКОЙЛ» (86 млн. тонн);
- «Сургутнефтегаз» (62 млн. тонн);
- «Газпромнефть» (34 млн. тонн);
- «Татнефть» (27 млн. тонн);
- «Славнефть» 16 (млн. тонн);
- «Башнефть» (20 млн. тонн);
- «Русснефть» (13 млн. тонн).

Объем капитальных вложений вертикально-интегрированных нефтяных компаний в нефтедобычу России в 2015 г. оценивался примерно в 1,07 трлн. руб.

Наряду с ростом добычи нефти в последние годы увеличилась ее переработка внутри страны. В 2014 г. на отечественных нефтеперерабатывающих заводах было переработано 289 млн. тонн, в 2015 г. – 282 млн. тонн[1].

Следует отметить, что из-за технологической отсталости глубина переработки нефти в России в 2015 г. составляла 72,4%, что было существенно ниже мирового уровня.

В целях оптимизации процессов переработки нефти внутри России ее объем в ближайшие годы будет составлять примерно 270 млн. тонн.

Экспорт нефти

Россия является крупным поставщиком нефти и нефтепродуктов на рынки европейских стран**.** В последние годы активно наращиваются поставки нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Экспорт нефти по итогам 2014 г. составил 222 млн. тонн, в том числе по системе нефтепроводов ОАО «Транснефти» – 176 млн. тонн.

По данным Федеральной таможенной службы, в 2015 г. Россия экспортировала 244,5 млн. т сырой нефти на сумму на сумму 89,6 млрд. долл.

По оценкам Минэнерго экспорт нефти из России в 2016 г. может составить рекордные 253 млн. тонн.

Следует отметить, что значительная часть внешней торговли России, том числе нефтью и нефтепродуктами сохраняет сильную оффшорную «окраску». По данным Счетной Палаты России доля экспортных операций с оффшорными странами в общем объеме экспорта из России в 2013 г. составляла 47,5%, в первой половине 2014 г. – 51%[2].

---

[1] Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

[2] Материалы к парламентским слушаниям на тему: «О мерах по предупреждению негативных вызовов национальной экономики и первоочередных задачах экономического развития в современных условиях», Комитет Совета Федерации по экономической политике, Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, 24 ноября 2014 г.

По нашим подсчетам, более 40% от объема и стоимости поставок нефти в 2015 г. приходилось на 8 торговых российских компаний, зарегистрированных в Швейцарии (5), Нидерландах (2) и Ирландии (1).

Большая часть торговли российской нефтью и нефтепродуктами, осуществляется через швейцарских трейдеров, которые в основном пользовались кантональными специальными льготными режимами оффшорного типа.

В частности, в Швейцарии по состоянию на начало 2016 г. были зарегистрированы оффшорные торговые фирмы крупнейших российских нефтяных компаний, в том числе:

- Gazprom Schweiz AG – «Газпром экспорт»;
- Litasco – «ЛУКойл»;
- Total Oil Trading – «Газпром нефть», «Сургутнефтегаз», «Роснефть»;
- Trafigura – «Роснефть», «Сургутнефтегаз»;
- Tatneft Europe – «Татнефть»;
- Glencore – «Нефтиса», «Зарубежнефть», «Роснефть».

По оценкам экспертов, средний уровень цен, по которым исполняются внешнеторговые оффшорные контракты ниже цен при внешнеторговых контрактах, заключаемых напрямую с получателями товаров.

По оценкам Минэнерго России экспорт нефти в 2017 г. может увеличиться примерно до 270 млн. тонн.

В сфере экспорта нефти и нефтепродуктов российские компании стремятся к диверсификации товарной структуры и направлений экспортных поставок, главным образом, за счет развития восточного направления.

Весомая доля России на мировом нефтяном рынке делает страну одним из ведущих участников системы глобальной энергетической безопасности.

Сырьевая база России позволяет полностью обеспечить потребности народного хозяйства в нефти и нефтепродуктах. Но в последние годы произошло ухудшение структуры и качества сырьевой базы и снизились геолого-экономические показатели ее освоения. Начальные запасы месторождений нефти, находящиеся в разработке, выработаны в среднем на 48%. Доля трудноизвлекаемых, низкоэффективных запасов в общем балансе разведанных месторождений достигла 55%. Увеличилось количество месторождений с высокой степенью выработанности и обводненности. В результате добыча нефти на половине месторождений малорентабельна или нерентабельна.

Для поддержания оптимальных темпов развития нефтяному комплексу России необходимы новые современные инновационные технологии и значительные капиталовложения.

Угольная промышленность

Одним из основных факторов развития угольной промышленности является обеспеченность значительными запасами сырья.

Политика энергосбережения и диверсификации энергоснабжения, проводимая развитыми странами, привела к повышению добычи и потреблению угля и довольно четкой специализации его использования в качестве топлива на электростанциях и сырья для металлургической и химической промышленности. За период с 1972 по 2014 г. мировая добыча угля выросла более чем в три раза с 2232 до 7456 млн. т.

В последние годы значительный рост объема добычи сланцевого газа и сланцевой нефти привел к тому, что некоторые страны стали отказываться от развития угольной промышленности. Стали закрываться действующие шахты, сократилось финансирование проектов по добыче угля за рубежом.

По оценкам специалистов, в период до 2030 г. уголь останется основным первичным энергоносителем, а его доля в мировом энергобалансе может увеличиться до 44%.

Россия обладает самыми крупными в мире прогнозными запасами каменного угля, которые оценивались в 5,3 трлн. т, что составляет около 30% от общемировых мировых запасов. Разведанные запасы угля в России оценивались в 202 млрд. т (12% мировых). По этому показателю Россия занимала 3-е место в мире после США (445 млрд. т) и Китая (272 млрд. т). Около половины промышленных запасов углей в России соответствуют мировым стандартам.

Доля разведанных запасов высококачественных, дефицитных коксующихся углей и антрацита составляет 12% от общих запасов каменного угля в России.

В настоящее время на территории России разрабатываются 22 угольных бассейна и 129 отдельных месторождений. Большая часть угля производится в Кузнецком бассейне, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

В топливно-энергетическом балансе России на долю угля приходится примерно 12–13%. Угольная промышленность России, как и большинство других добывающих отраслей, в 90-е годы прошлого столетия пережила глубокий кризис. За период с 1991 по 1998 г. добыча угля в России сократилась почти в полтора раза и составила 220 млн. т. Однако в начале текущего столетия объем добычи угля начал постепенно возрастать и за десятилетие увеличилась до 322 млн. т. В последующие годы динамика роста добычи угля в России характеризовалась следующими данными: 2011 г. – 336 млн. т., 2012 г. – 357 млн. т., 2013 г. –351 млн. т., 2014 г. – 356 млн. т. Более половины добычи угля приходилась на Кузбасс[1].

Крупнейшими производителями угля по итогам 2014 г. были следующие компании: «СУЭК» – (99 млн. т), ХК СДС-уголь – (29 млн. т), «Кузбассразрезуголь» – (43 млн. т), «Южный Кузбасс» – (12 млн. т), «Востоксибуголь» – (12 млн. т) «Южкузбассуголь» – (11 млн. т), «Распадская» – (10 млн. т), «Якутуголь» – (9 млн. т).

Из общей добычи угля в России более 44% поставлялось на экспорт. Основными рынками сбыта российского угля были следующие страны: Кипр, Великобритания, Украина, Южная Корея, Турция, Япония, Нидерланды, Швей-

[1] Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

цария, Польша, Китай. Доля поставок российского угля в эти страны составляла около 75% от общего объема экспорта угля из России. На внешние рынки поставлялись в основном энергетические угли, поставки которых осуществляли 74 российские угольные компании.

Согласно прогнозам экспертов, к 2020 г. ежегодный уровень добычи угля в России может возрасти до 435 млн. т., в том числе около 60% добычи будет приходиться на Кузбасс.

Усиление межтопливной конкуренции на внутреннем рынке и развитие газовой генерации приводит к снижению спроса на уголь и росту доли потребления газа в энергобалансе страны. В этой связи существенный прирост объемов добычи угля возможен только за счет увеличения поставок угля на экспорт, что наблюдается в последние годы.

Большая часть мощностей по добыче и запасам угля сконцентрирована в Сибири и на Дальнем Востоке страны. Основные запасы угля, пригодные для добычи, удалены от потребителей как внутри России, так и за ее пределами.

Для обеспечения конкурентоспособности угольной продукции необходимо сокращать транспортные расходы при поставках угля как внутри страны, так и на экспорт.

Согласно оценкам специалистов, в перспективе доля угля в топливно-энергетическом балансе страны может повышаться, и спрос на уголь в связи с изменениями структуры запасов основных энергоносителей будет возрастать.

Для роста объемов производства отрасли в России необходимо осваивать новые мощности по подземной и, особенно, открытой добыче угля. Необходимо оснащение отрасли высокопроизводительным и надежным современным горно-шахтным оборудованием. Требует совершенствования технология сжигания «чистого угля», при котором снижается загрязнение окружающей среды и др.

Электроэнергетика

Электроэнергетический потенциал

У России большой гидроэнергетический потенциал, что дает значительные возможности развития отечественной гидроэнергетики. На территории России сосредоточено около 9% мировых запасов гидроресурсов.

Россия обладает значительным электроэнергетическим потенциалом, который теоретически определен в 2900 млрд. кВт·ч годовой выработки электроэнергии или 170 тыс. кВт*ч на 1 кв. км территории. Из общего теоретического потенциала экономически обоснованы около 860 млрд. кВт·ч год. В настоящее время освоено лишь 20% этого потенциала.

По обеспеченности гидроэнергетическими ресурсами Россия занимает второе место в мире, превосходя США, Бразилию и Канаду.

Основная часть энергетического потенциала сконцентрирована в Сибири и на Дальнем Востоке — в значительном удалении от основных потребителей электроэнергии, а его реализация увязывается с промышленным развитием указанных регионов. Кроме удалённых от потребителей территорий менее значительным, и не до конца освоенным гидропотенциалом обладают высокогорные реки Кавказа, многоводные реки Урала, Кольского полуострова, Камчатки.

Производство электроэнергии

Производство электроэнергии в России в период экономических реформ сократилось с 1057 млрд. кВт. ч. в 1990 г. до своего минимального уровня в 860 млрд. кВт. ч в 1995 г. Удельный вес России в мировом производстве электроэнергии за этот период уменьшился с 8,2 до 7,4%. Главными причинами сокращения выработки электроэнергии являлись уменьшение спроса со стороны потребителей и износ установленного оборудования.

По оценкам специалистов, в конце 90-х гг. прошлого столетия около 40% электростанций в России имели устаревшее оборудование, а 15% станций были отнесены к категории «не безопасных для эксплуатации».

В начале третьего тысячелетия производство электроэнергии постепенно начало увеличиваться и в 2008 г. достигло 1040 млрд. кВт. ч., что соответствовало уровню начала 90-х годов прошлого столетия. Однако в результате мирового финансово-экономического кризиса и аварии на Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 г. производство электроэнергии вновь сократилось до 992 млрд. кВт. ч.

Динамика роста производства электроэнергии в России в последующие годы характеризовалась следующими данными: 2010 г. – 1038 млрд. кВт. ч., 2011 г. – 1055 млрд. кВт. ч., 2012 г. – 1069 млрд. кВт. ч., 2013 г. – 1045 млрд. кВт. ч., 2014 г. –1059 млрд. кВт. ч., 2015 г. –1050 млрд. кВт. ч , (включая производство электроэнергии на электростанциях промышленных предприятий)[1].

В 2015 г. Россия производила электроэнергии в 5 раз меньше, чем Китай и в 4 раза меньше, чем США, не достигая уровня производства электроэнергии в Советском Союзе.

В электроэнергетический комплекс России входит около 700 электростанций единичной мощностью свыше 5 МВт. На начало 2016 г. общая установленная мощность электростанций единой энергетической системы России составила 235,30 ГВт.

Коэффициент использования мощности составлял 54,7%. Установленная мощность парка действующих электростанций по типам генерации имела следующую структуру:

- тепловые электростанции (ТЭС) – 68,4%;
- гидроэлектростанции (ГЭС) – 20,3%;

[1] Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

• атомные (АЭС) – около 11,1%;

• электростанции на возобновляемых источниках энергии (ВЭС), (солнечные, ветровые, гидротермальные) – около 0,2%.

В структуре генерирующих мощностей электростанций России по-прежнему преобладают тепловые электростанции. Однако определенные изменения в структуре производства электроэнергии в России в последние годы связаны с уменьшением доли в генерации тепловых электростанций и ростом удельного веса атомных электростанций и электростанции на возобновляемых источниках энергии.

Потребление электроэнергии

Фактическое потребление электроэнергии в Российской Федерации в 2015 г. составило 1036,4 млрд. кВт ч. Основными потребителями электроэнергии являются промышленность, ТЭК, жилой сектор и железнодорожный транспорт.

В условиях затянувшегося в России экономического кризиса в последние годы снизился спрос на электроэнергию. Наиболее значительное снижение потребления электроэнергии в указанный период наблюдалось в объединенных энергосистемах (ОЭС) Средней Волги и Сибири.

По оценкам экспертов**,** замедление темпов роста ВВП на 1 процент ведет к сокращению энергопотребления примерно на 0,3 процентных пункта.

По существующим прогнозам, в случае выхода экономики России из длительной стагнации и перехода на траекторию устойчивого экономического роста прирост электропотребления в период до 2020 г. может составить 4,1% в год. По этому сценарию прогноза к 2020 году объем потребления электроэнергии в экономике России может увеличиться до 1710 млрд. кВт ч. в год.

Реформа РАО «ЕЭС»

Долгое время в России фактически сохранялась монополия на производство электроэнергии Российского акционерного общества Единые энергетические системы (РАО «ЕЭС»), которое являлось крупнейшим в мире централизованно управляемым энергетическим объединением. В РАО «ЕЭС» входили 72 территориальных акционерных общества энергетики и электрификации.

В 2008 г. в результате реформы РАО «ЕЭС» прекратило свое существование, разделившись на отдельные генерирующие и сетевые компании. В процессе реформы отрасли крупнейшие тепловые электростанции России были объединены в оптовые генерирующие компании (ОГК) и территориальные генерирующие компании (ТГК). В результате были сформированы следующие основные организации электроэнергетической отрасли:

• ОАО «ФСК ЕЭС» – оказание услуг по передаче электрической энергии (мощности) по сетям, относящимся к ЕНЭС;

• ОАО «СО ЕЭС» – оказание услуг по диспетчеризации;

• ТГК/ОГК (20 компаний) – выработка электрической энергии (мощности) на тепловых электростанциях;

• ОАО «РусГидро» – выработка электрической энергии (мощности) на гидроэлектростанциях;

• ОАО «МРСК Холдинг» – оказание услуг по передаче электрической энергии (мощности) по территориальным распределительным сетям;

• ОАО «РАО ЭС Востока» – все компании электроэнергетики Дальнего Востока.

• ОАО «Концерн Энергоатом» – объединившее все АЭС России.

На основе Генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики была составлена инвестиционная программа компаний на 2008–2012 гг., образованных в результате реформирования холдинга ОАО РАО «ЕЭС России».

Общий объем требуемых инвестиционных ресурсов в соответствии с Генеральной схемой в период 2006–2010 гг. в области развития электростанций составлял 11,6 трлн. руб., в том числе:

• ТЭС – 6,5 трлн. руб.;

• АЭС – 3,1 трлн. руб.;

• ГЭС – 2,0 трлн. руб.

Планировалось осуществить техническое перевооружение и реконструкцию тепловых электростанций, работающих на угле, и перевод их на использование чистых угольных технологий, а также реконструировать электростанции, работающие на газе, оснастив их парогазовыми установками. Данная программа была положена в основу инвестиционных обязательств, которые взяли на себя новые владельцы генерирующих компаний электроэнергетики при их приватизации. Однако созданные после реформы РАО «ЕЭС» энергетические компании, к сожалению, не полностью выполняли взятые на себя обязательства по инвестициям в расширение энергомощностей и строительство новых электростанций.

Среди иностранных компаний крупными игроками на российском рынке электроэнергетики после реформы РАО «ЕЭС» стали германская компания E.ON, контролирующая один из крупнейших энергоактивов – ОГК-4, итальянская ENEL ключевой акционер ОГК-5, финский концерн Fortum контролирующая бывшую ТГК-10.

Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики

В 2015 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года.

Крупнейшей российской гидроэлектростанцией остается – Братская ГЭС, которая обеспечивает дешёвой электроэнергией алюминиевое производство и покрывает пиковый спрос в Сибирской энергосистеме.

Перспективное развитие гидроэнергетики связывают с освоением сибирского потенциала – достройкой Бурейского и Колымского каскадов, увеличением мощности Вилюйской-III. В проектах Нижнеангарские ГЭС или Среднеенисейская ГЭС, освоение нижнего Енисея (Нижнекурейская и Эвенкийская), Нижнезейские ГЭС, Южно-Якутский ГЭК.

Осваивается энергетический потенциал Северного Кавказа – в стадии строительства находится Зарамагские, Гоцатлинская ГЭС, Зеленчукская ГЭС-ГАЭС. В перспективных планах строительство второй очереди Ирганайской ГЭС, Агвалинская ГЭС, развитие Кубанского каскада и Сочинских ГЭС.

Перспективным направлением является развитие малой гидроэнергетики в Карелии, Северной Осетии и Дагестане и др.

Значительным потенциалом обладают множественные российские морские и океанические заливы с высокими, достигающими высоты в 10 метров приливами.

С 1968 г. действует экспериментальная приливная электростанция (ПЭС) – Кислогубская мощностью 1,7 МВт, планируется строительство опытной Северной ПЭС мощностью в 12 МВт. Разработаны проекты строительства достаточно мощной Мезенской ПЭС (11,4 ГВт) и Пенжинской ПЭС.

Энергетическая стратегия РФ на период до 2030 г.

Согласно «Энергетической стратегии РФ на период до 2030 г»., производство электроэнергии в России к 2030 г. может увеличиться почти в два раза, примерно до 1800–2210 кВт ч. в год. Наибольший рост увеличения элетрогенерации ожидается на атомных электростанциях (АЭС) примерно в 2,7 раза до 356-437 млрд. кВт ч. На электростанциях, работающих на возобновляемых источника энергии (ВИЭ), рост производства увеличится примерно в 2,5 раза до 319–422 млрд. кВт ч в год. Производство электроэнергии на тепловых электростанциях (ТЭЦ) возрастет примерно на треть до – 478–505 млрд. кВт ч. Общая установленная мощность электростанций к 2030 г. вырастет почти в 2 раза и составит 355–445 ГВт.

Такой объем ввода новых генерирующих мощностей потребует примерно 700 млрд. долл. капитальных вложений, которые станут возможными только при условии успешного реформирования отрасли и создания полноценного конкурентного рынка электроэнергии.

В связи с быстро нарастающим старением оборудования электростанций и необходимостью его вывода из эксплуатации в перспективе необходимо обеспечить более интенсивный рост мощности новых генерирующих источников по сравнению с ростом суммарной установленной мощности.

Ядерный энергетический комплекс

История ядерной энергетики охватывает период более полувека, и за это время она уже стала традиционной отраслью энергетики. В настоящее время выработка электроэнергии на АЭС составляет существенную долю в энергобалансе и энергопотреблении.

С пуском в 1954 г. в г. Обнинске под Москвой первой в мире атомной электростанции у нас в стране появилась новая отрасль энергетического производства – ядерная энергетика.

Многие специалисты весьма оптимистично полагали, что уже к 2000 г. атомная энергетика будет давать около четверти общей мировой выработки электроэнергии. Однако ожидания оказались преувеличенными. В 2000 г. доля ядерного топлива в мировом энергобалансе составляла лишь 6%.

Темпы строительства новых атомных электростанций снизились под влиянием крупных аварий на АЭС, особенно на Чернобыльской в СССР в 1986 г. и на Фукусима – 1 в Японии в 2011 г. Таким образом, многие страны после аварии на АЭС Фукусима-1 переоценили свои программы развития ядерной энергетики.

Кроме того, для большинства стран, эксплуатирующих АЭС, серьезную проблему представляет безопасное хранение возрастающих запасов отработанного топлива и ядерных отходов, часть которых будет сохранять радиоактивность до конца третьего тысячелетия.

В результате, несмотря на то, что атомная энергетика обеспечивала значительную часть мирового европейского производства электроэнергии, эта отрасль сталкивалась с серьезными проблемами экологического и политического характера.

Однако, несмотря на эти проблемы, ядерная энергетика предлагает реальную возможность низкоуглеродного производства электричества и уменьшения зависимости от ископаемого органического топлива и является гарантом энергообеспечения государств.

Доля АЭС в структуре потребления первичных энергоресурсов упала с 4,9% в 1990 г. до 4,6% в 2000 г. Будущее атомной энергетики зависит от решения проблем их надежности и безопасности.

По состоянию на начало 2015 г. всего в мире на 195 атомных электростанциях эксплуатировалось 438 ядерных энергоблоков, 71 установки находились в стадии строительства и 126 в стадии проектирования.

Общая мощность энергетических реакторов составляла 374 332 МВт. По количеству атомных реакторов первое место в мире занимали США – 104, за ними следовали Франция – 59, Япония – 50, Россия – 33, Южная Корея – 23, Китай – 21, Индия – 21, Канада – 19, Великобритания – 16, Украина – 15, Швеция – 10, Германия – 9[1].

Россия обладает технологией ядерной электроэнергетики полного цикла от добычи урановых руд до выработки электроэнергии.

Концерн «Росэнергоатом»

Крупнейшим предприятием электроэнергетической отрасли России и единственной в России компанией, выполняющей функции эксплуатирующей организации (оператора) атомных станций является **АО «Концерн Росэнергоатом».** В состав концерна входят все 10 атомных станций России, которые наделены статусом филиалов Концерна, а также предприятия, обеспечивающие деятельность генерирующей компании.

В общей сложности на 10-ти атомных станциях России в эксплуатации находятся 35 энергоблоков суммарной установленной мощностью 26,2 ГВт., в том числе:

18 энергоблоков с реакторами типа ВВЭР (из них 12 энергоблоков ВВЭР-1000 и 6 энергоблоков ВВЭР-440 различных модификаций);

15 энергоблоков с канальными реакторами (11 энергоблоков с реакторами типа РБМК-1000, четыре энергоблока с реакторами типа ЭГП-6);

2 энергоблока с реактором на быстрых нейтронах с натриевым охлаждением (БН-600 и БН-800)[2].

В России используется и совершенствуется технология реакторов на быстрых нейтронах, увеличивающая запасы топлива для классических реакторов в несколько раз.

Производство атомной электроэнергии

Динамика роста производства атомной электроэнергии в последние годы характеризовалась следующими данными: 2007 г. – 160 млрд. кВт ч., 2008 г. – 163 млрд. кВт ч., 2009 г. – 164 млрд. кВт ч., 2010 г. –171 млрд. кВт ч., 2011 г. – 173 млрд. кВт ч., 2012 г. – 178 млрд. кВт. ч., 2013 г. – 178 млрд. кВт. ч, 2014 г. – 181 млрд. кВт. ч.

В 2015 г. атомными электростанциями было выработано рекордное за всю историю отрасли количество электроэнергии – 195,2 млрд. кВт·ч, что составило около 18,6% от общей выработки электроэнергии в Единой энергосистеме России[3]. Для сравнения — аналогичный показатель для стран Западной Европы в целом оставлял 30%, во Франции – около 74%, Бельгии и Словакии более 51%, на Украине – 46%. Следует подчеркнуть, что себестоимость электроэнергии, производимой АЭС, в полтора-два раза ниже, чем на ТЭС.

В перспективе планируется строительство 5 атомных электростанций, а также введение в эксплуатацию новых энергоблоков на Калининской, Курской, Ростовской, Ленинградской и Кольской АЭС. Вместе с тем, предполагается вывести из эксплуатации ряд мощностей в Центральном и Северо-Западном районах.

Ожидается, что в дальнейшем в России будут сооружаться более совершенные и более безопасные АЭС, использующие реакторы четвертого поколения. Общие мощности АЭС планируется увеличить к 2020 г. до 50 ГВт.

Стоимость реализации программы развития атомной энергетики России на ближайшее десятилетие оценивается примерно в 13,8 млрд. долл. Большая часть ассигнований предназначена для государственной корпорации «Росатом», которая будет осуществлять реконструкцию действующих станций и строительство новых.

Более трети потребностей атомной энергетики в сырье обеспечивает уранодобывающая компания «Приаргунское производственное горно-химическое объединение», которая добывает 93% российского урана.

Приоритетом эксплуатации АЭС является безопасность. С 2004 года на российских АЭС не зафиксировано ни одного серьёзного нарушения безопасности, классифицируемых по международной стандартам выше нулевого (минимального) уровня.

Основным перспективным научным направлением развития атомной энергетики является создание технологии управляемого термоядерного синтеза..

Потенциал термоядерного синтеза как источника энергии будущего весьма велик. Даже если предположить, что дейтерий-тритиевые термоядерные реакторы должны будут обеспечивать все будущие потребности электроэнергетики, то запасов основного расходуемого материала — лития — хватит на многие сотни лет.

Российские ученые участвуют в проекте разработки международного экспериментального термоядерного реактора. Анализ хода реализации соответствующих проектов позволяет сделать вывод о возможности строительства первых коммерческих термоядерных реакторов уже во второй половине XXI в. Это позволит совершить технологический прорыв в мировой энергетике, сравнимый с вводом в эксплуатацию первого ядерного реактора, началом освоения космического пространства.

---

[1] Statistical Review of World Energy 2015. – http://www.bp.com/content/dam/bp; Energy-economics/statistical-review-2015/BP-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.

[2] Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

[3] Там же.

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ)

Возобновляемые источники энергии весьма многообразны и имеют огромный потенциал развития. По прогнозу экспертов мировое потребление ВИЭ к 2040 г. может достичь почти 3 млрд. т. н.э.[1]

Потенциал возобновляемых источников энергии

В России технический ресурс возобновляемых источников энергии, по существующим оценкам, составляет не менее 4,5 млрд. т у.т. в год.

Указанный объем в 4 раза с лишним раза превышает объем современного потребления всех топливно-энергетических ресурсов России.

В настоящее время потенциал ВИЭ на территории России оценивается в 270 млн. т у.т., в том числе по основным видам источников энергии:

- тепловая энергия Земли – 115 млн. т у.т.;
- энергия малых рек – 65 млн. т у.т.;
- энергия биомассы – 35 млн. т у.т.;
- энергия низкопотенциальных источников тепла – 31,5 млн. т у.т:
- энергия Солнца – 12,5 млн. т у.т.;
- энергия ветра – 10 млн. т у.т..

Имеющийся на территории России потенциал ВИЭ создает благоприятные перспективы решения энергетических, социальных и экологических проблем.

В России имеются обширные районы, где по экономическим, экологическим и социальным условиям целесообразно приоритетное внимание уделять развитию именно возобновляемой энергетики, в том числе нетрадиционной и малой.

Основные направления развития ВИЭ утверждены в Государственной программе Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики», рассчитанной на период до 2020 г.

В частности, целевым ориентиром в Программе является увеличение доли производства электрической энергии генерирующими объектами, функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии, в совокупном объеме производства электроэнергии в два с лишним раза с 1,1% в настоящее время до 2,5% к 2020 г. Для достижения намеченных целевых показателей и объемов производства электроэнергии на базе ВИЭ необходимо обеспечить увеличение мощности генерирующих объектов в целом до 1,4 ГВт. Увеличение указанных мощностей планируется за счет ВИЭ геотермальных электростанций, малых ГЭС, ветроэлектрических станций, приливных электростанций, тепловых электростанций, использующих биомассу в качестве одного из топлив и прочих видов электроустановок.

Геотермальная энергетика

Одним из наиболее перспективных направлений развития электроэнергетики в России является геотермальная энергетика. Все действующие российские геотермальные электростанции расположены на территории Камчатки и Курил.

В настоящее время в России разведано 56 новых месторождений термальных вод с потенциалом, превышающим 300 тыс. м/сутки.

На 20 месторождениях ведется промышленная эксплуатация, среди них: Паратунское (Камчатка), Казьминское и Черкесское (Карачаево-Черкессия и Ставропольский край), Кизлярское и Махачкалинское (Дагестан), Мостовское и Вознесенское (Краснодарский край).

При этом суммарный электроэнергетический потенциал пароводных терм, который оценивается в 1 ГВт рабочей электрической мощности, реализован только в размере чуть более 80 МВт установленной мощности. Некоторые геотермальные установки при наличии соответствующего ресурса по рентабельности могут быть близки к электроэнергетике.

Наиболее конкурентоспособными среди технологий возобновляемой энергетики являются малые ГЭС. В некоторых случаях удельные дисконтированные затраты[2] строительства и эксплуатации таких станций на малых реках могут быть ниже, чем для АЭС, угольных и газовых электростанций.

Энергетика биогаза

Важным направлением является также увеличение использования энергетического потенциала биомассы.

Из биомассы получают биогаз в результате процесса биологического разложения. Органические материалы преобразуются в метан, углекислый гази компостируются при отсутствии кислорода. Биогаз используется для произ-

---

[1] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Институт энергетических исследований РАН; Аналитический центр при Правительстве РФ. – М., 2013.

[2] Показатель удельных дисконтированных затрат производства электроэнергии учитывает капитальные затраты, фиксированные и операционные затраты, налоговую ставку, доступность и эффективность технологий.

водства тепла и пара, производство электроэнергии (когенерация), топливных элементов, топлива для транспортного сектора.

Для развития этого направления ВИЭ планируется увеличить использование местных видов топлива, таких как, например, торф, отходов лесной промышленности и сельского хозяйства, твердых бытовых отходов.

Солнечная энергетика

В последние годы активно стала развиваться солнечная энергетика. Строительство солнечных электростанций (СЭС) осуществляется в Республике Саха (Якутия), в Астраханской и Оренбургской областях, Республике Башкортостан, Республике Хакасия, Республике Алтай и др.

В 2016 г. в Орске была открыта одна из крупнейших в России СЭС мощностью 25 МВт с перспективой расширения до 40 МВт.

Станция была построена на территории бывшего места хранения отходов угольных электростанций с проведением дополнительных работ по восстановлению земель.

В 2015 г. состоялось открытие солнечной электростанции (СЭС) в поселке Переволоцкий Оренбургской области. Эта станция мощностью 5 МВт стала первой солнечной электростанцией, построенной в европейской части России и первой СЭС в ценовой зоне оптового рынка электроэнергии и мощности.

В 2015 г. в поселке Батагай Верхоянского улуса Республики Саха (Якутия) заработала крупнейшая СЭС в Заполярье. Мощность первой очереди энергообъекта составила 1 МВт. Солнечная станция интегрирована в существующую систему энергоснабжения поселка и совместно с действующей дизельной электростанцией представляет единый энергокомплекс. Благодаря СЭС ежегодная экономия дизельного топлива в поселке Батагай составила порядка 300 тонн или 16 млн. рублей в ценах 2015 года. При создании проекта разработчики учли климатические особенности заполярья, поэтому оборудование может выдержать перепад температур от +40°С летом до –45°С зимой. При строительстве этой станции впервые был опробован «кустовой метод» строительства СЭС. Закупка и доставка оборудования для малых СЭС были объединены с реализацией проекта батагайской солнечной станции, что позволило оптимизировать капитальные затраты и сроки монтажа оборудования.

В ближайшем будущем «кустовой метод» планируется применить при строительстве станций в Олекминском, Усть-Янском, Верхнеколымском и Оймяконском улусах Республики Саха (Якутия).

В 2015 г. в селе Бурибай Хайбуллинского района Республики Башкортостан была запущена первая очередь Бурибаевской СЭС мощностью 10 МВт. Более 70% комплектующих для станции были произведены на территории России, 88 тысяч солнечных модулей, установленных на станции, выпустил Новочебоксарский завод ООО «Хевел».

Также в 2015 г. были введены в эксплуатацию Абаканская СЭС (5,1 МВт) в Республике Хакасия, вторая очередь Кош-Агачской СЭС (5 МВт) в Республике Алтай и Бугульчанская СЭС (5 МВт) в Республике Башкортостан[1].

Ветровая энергетика

Технический потенциал ветровой энергии России оценивается примерно в 50 трлн кВт·ч в год. Экономический потенциал составляет примерно 260 млрд. кВт·ч в год, то есть около трети производства электроэнергии всеми электростанциями России.

Наиболее высокий ветроэнергетический потенциала имеют побережья Тихого и Арктического океанов, Приморья, юга Камчатки, Кольского полуострова, побережья Каспийского и Азовского морей, предгорные и горные районы Кавказа, Урала, Алтая, Саянских гор. В этих районах, имеющих подходящую инфраструктуру возможно строительство крупных ветропарков.

Развитию масштабной ветроэнергетики в стране способствует наличие значительных запасов природного газа, который лучше других видов топлива подходит для развития высокоманевренной генерации. Весьма эффектно применение малых ветроустановок, например для поднятия грунтовой воды и непосредственной выработки тепла, в степной и сельской местности.

Установленная мощность ветряных электростанций в стране на 2007 год составляла около 16,5 МВт, суммарная выработка не превышала 25 млн. кВт·ч в год.

В рамках реализации проекта по строительству первого ветропарка — на Дальнем Востоке в 2015 г. был открыт ветроэнергетический комплекс в поселке Усть-Камчатск. Комплекс состоит из трех ветроэнергетических установок суммарной мощностью 900 кВт. Прогнозируется, что после сдачи в коммерческую эксплуатацию объект возобновляемой энергетики будет ежегодно вырабатывать более 2 млн. кВт·ч, частично заместив выработку дизельной электростанции поселка, что позволит экономить более 550 тонн топлива. В дальнейшем планируется строительство еще 7 ветроустановок, в результате чего мощность всего комплекса ветропарка достигнет 3 МВт[2].

Ветрогенераторы на суше, будучи уже достаточно хорошо развитой и распространенной технологией, фактически вписываются в диапазон удельных дисконтированных затрат для традиционных энергоресурсов. (50 – 130 долл. за МВт-ч).

В 2003 г. в России была разработана комплексная научно-исследовательская программа в области **водородной энергетики и создания топливных элементов.**

---

[1] Министерство энергетики Российской Федерации. – http://www.minenergo.gov.ru

[2] Там же.

Программа реализуется Российской академией наук при финансовой поддержке компании «Норильский никель».

Создание водородных топливных элементов способно в корне изменить всю мировую энергетическую систему.

По оценкам специалистов, к 2035 г. в России мощность электростанций, работающих на ВИЭ, может увеличиться в 15-20 раз, а выработка электроэнергии на них – в 10–15 раз по сравнению с 2016 годом.

В настоящее время для ВИЭ характерна более высокая стоимость получения энергии по сравнению с энергией, получаемой из традиционных источников.

В перспективе развитию ВИЭ будет способствовать совершенствование технологий по снижению издержек их использования. Однако в ближайшие десятилетие для внедрения таких технологий потребуется государственная поддержка.

Трубопроводный транспорт

Активное развитие трубопроводного транспорта в Советском Союзе началось в конце 60-х годов прошлого столетия. В настоящее время в России это – единственный вид транспорта, который по уровню развития и эффективности использования соответствует мировым стандартам.

В последние десятилетия в ежегодном грузообороте всех видов транспорта России трубопроводный транспорт прочно удерживал первое место. На долю трубопроводного транспорта в 2015 г. приходилось почти 50% всего грузооборота страны (2423 млрд. т/км).

Россия обладает уникальной сетью трубопроводного транспорта. По своему назначению трубопроводы делятся на магистральные, региональные и местные.

Протяженность магистральных трубопроводов России на начало 2016 г. составляла свыше 250 тыс. км, в том числе, включая газопродуктопроводы – 175 тыс. км, нефтепроводы – 55 тыс. км, нефтепродуктопроводы – 20 тыс. км.

По протяженности магистральных трубопроводов, по их плотности (12 км на 1 тыс. кв. км) Россия в начале третьего тысячелетия занимала одно из ведущих мест в мире.

В России преобладают трубопроводы большого диаметра (1220 и 1420 мм) и большой протяженности в широтном направлении.

По системе магистрального трубопроводного транспорта перемещается 100% добываемого в России газа, 99% добываемой нефти, более 50% производимой продукции нефтеперерабатывающих предприятий.

Крупнейшая в мире система газопроводов – Уренгой – Помары – Ужгород, которая соединяет газовые месторождения Западной Сибири с конечными потребителями в Европе, имеет протяженность 4451 км.

К другим наиболее значимым и стратегически важным газопроводам следует отнести газопровод, проходящий от Оренбурга через Украину в страны Восточной и Западной Европы; газопроводы Ямал – Европа; Голубой поток; Дзуарикау – Цхинвал; Джубга – Лазаревское – Сочи; Средняя Азия – Урал и др.

Крупнейшим оператором российских газопроводов является государственная компания ОАО «Газпром». В состав Единой системы газоснабжения страны входят 160 400 магистральных газопроводов и отводов.

Трубопроводный транспорт имеет следующие преимущества:

- возможность повсеместной укладки трубопровода;
- низкая себестоимость транспортировки;
- сохранность качества благодаря полной герметизации трубы;
- относительно низкая материало- и капиталоёмкость строительства;
- полная автоматизация операций по наливу, перекачки, транспортировки и сливу;
- малочисленность персонала, необходимая для эксплуатации, непрерывность процесса перекачки и др.

Главным недостатком является его узкая специализация, и необходимость значительных запасов перекачиваемого сырья для поддержания эффективности функционирования системы.

Крупнейшей в мире системой магистральных нефтепроводов владеет Российская государственная компания ОАО «Транснефть». Протяженность ее нефтепроводов составляет 48,7 тыс. км., по которым прокачивается более 90% российской нефти.

Через систему трубопроводного транспорта Россия имеет возможность регулировать поставки газа, нефти и нефтепродуктов на внутренний и внешний рынки.

Трубопроводный транспорт в перспективе, как и прежде, может приносить государству значительные доходы.

Дополнительные валютные поступления Россия может получать в качестве платы за транзит по территории страны газа и нефти, добываемых в странах СНГ.

Перспективы развития отрасли связывают со строительством газопроводов: Северный поток; Бованенково – Ухта; Сахалин – Хабаровск – Владивосток; Турецкий поток; Якутия – Хабаровск – Владивосток и Прикаспийский газопровод.

Развитие системы трубопроводного транспорта имеет не только стратегическое значение для России, но и является важным геополитическим фактором.

Актуальные проблемы развития топливно-энергетического комплекса России

При позитивной в целом динамике развития основных отраслей топливно-энергетического комплекса России сохраняется ряд нерешенных проблем, основными из которых являются следующие.

В России сохраняется **высокая энергоемкость ВВП и низкая энергоэффективность экономики** и отдельных ее отраслей. Недостаточно эффективно используется имеющийся огромный потенциал технологического и бытового энергосбережения.

Несмотря на то, что энергоемкость российской экономики все последние годы снижалась, что связано главным образом со структурными трансформациями в сфере энергопотребления, Россия по-прежнему входит в число 25 стран мира с самой энергоемкой экономикой.

Энергоемкость ВВП России в 2,5 раза выше среднемирового уровня и в 2,5–3,5 раза выше, чем в развитых странах. По оценкам экспертов, в настоящее время объем неэффективного использования энергии в России равен годовому потреблению первичной энергии во Франции.

Высокий износ производственных фондов практически во всех отраслях ТЭК

Износ оборудования в нефтеперерабатывающей промышленности достигает 80%, в электроэнергетике и газовой промышленности этот показатель составляет примерно 58%.

Проектный ресурс оборудования действующих электростанций выработан почти на 40%. Об этом, в частности, свидетельствует серьезная авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г., повлекшая за собой значительные человеческие жертвы.

Более 30 лет эксплуатируется 38% существующих нефтепроводов и 47% нефтепродуктопроводов. Более 20 лет эксплуатируется 75% нефтепроводов и 80% нефтепродуктопроводов.

Действующая технологическая база отраслей ТЭК не только изношена физически, но и **морально устарела по своим техническим и экономическим параметрам.**

Отставание производственного потенциала ТЭК от мирового научно-технического уровня, высокая зависимость от импортных технологий и оборудования. В топливно-энергетическом комплексе до сих пор не сформирована современная инновационная инфраструктура. Отечественные энергетические компании ТЭК до сих пор не уделяют достаточного внимания развитию и внедрению инноваций.

Ощущается нехватка собственных необходимых компетенций и современного технологического оборудования для реализации сложных шельфовых и других проектов в восточных регионах страны.

Если раньше эта нехватка, могла быть компенсирована за счет импорта, то в условиях введенных западными странами санкций и ограничений на поставки в Россию оборудования и технологий возникают существенные риски стабильной работы нефтяной и газовой отрасли и перспектив их модернизации.

Сложное положение наблюдается также в **нефтепереработке.** Технологическая отсталость является одним из основных факторов того, что **глубина переработки нефти в России** (72,4%) существенно отстает от мирового уровня (85-95%).

В этой отрасли доля отечественной продукции, в том числе машино-технической, полуфабрикатов и сырья составляет всего 30–40%.

Развитие **нефтехимической и газохимической** промышленности также тормозится отсутствием собственных технологических решений и ориентацией на импорт технологического оборудования и химических товаров, в частности катализаторов для нефтепереработки.

Сложная ситуация сложилась с поставками российской машиностроительной продукции для угольной отрасли и электроэнергетики.

Например, **обеспеченность электроэнергетики технологиями и оборудованием российского производства,** в том числе парогазовыми установками (ПГУ) и газотурбинными установками (ГТУ) не превышает 50%, с учетом производства такого оборудования на совместных предприятиях.

Отставание приростов разведанных геологических запасов углеводородов от объемов их добычи. Прирост разведанных запасов нефти за счет геологоразведочных работ хронически отстает от добычи. За последние 10 лет из-за этого разрыва потерян трехлетний объем добычи в геологических запасах.

Существенно меняется структура разведанных запасов за счет увеличения трудноизвлекаемых и сложнокомпонентных запасов.

Такая ситуация в геологоразведке нефти несет серьезные риски и угрожает энергетической безопасности страны.

Региональная асимметрия в обеспеченности территорий энергоресурсами и их потреблении. В частности, в Уральском федеральном округе производство топливно-энергетических ресурсов превышает потребности региона в 6,5 раз, в Дальневосточном федеральном округе – в 2,2 раза, в Сибирском федеральном округе в 1,8 раза.

В Приволжском федеральном округе производство топливно-энергетических ресурсов практически соответствует потребностям округа (98%).

Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа обеспечивают свои потребности в энергоресурсах за счет собственного производства всего на 16%, Крымский федеральный округ – на 30%, Южный федеральный округ – на 68%, Северо-Западный федеральный округ – на 73%.

При таких различиях в энергетической самообеспеченности важную роль играет модернизация и развитие межрегиональной энерготранспортной инфраструктуры.

Кроме того, происходит постепенное смещение центров добычи, переработки и экспорта топливно-энергетических ресурсов на север и восток страны.

Сохраняющиеся проблемы и множество «узких мест» в энергоснабжении регионов существенно тормозит их экономическое развитие.

Актуальными проблемами остаются высокая **стоимость крупных инвестиционных проектов и неэффективная система корпоративного управления.**

В последнее время нарастают **геополитические риски** развития энергетического сектора России, связанные с экономическими санкциями, введенные западными странами против российских энергетических компаний.

Усиление геополитической напряженности, ухудшение взаимоотношений Российской Федерации с рядом ведущих западных стран ограничивает доступ российских энергетических компаний к кредитным ресурсам на мировом рынке капиталов, а также к передовым технологиям.

В этих условиях влияние кризиса оказывается весьма ощутимым. Он вносит определенные коррективы в перспективы развития российского ТЭК, которое определяется долгосрочными тенденциями развития внешнего и внутреннего спроса на энергоресурсы, научно-техническим прогрессом в энергетике и характером внутреннего развития отдельных отраслей ТЭК.

Существенное влияние на развития российского ТЭК оказывают **тенденции развития мировой экономики и энергетики** отдельных стран мира, к которым в первую очередь следует отнести следующие:

- сохраняющуюся высокую волатильность мировых цен на основные топливно-энергетические ресурсы;
- появление новых производителей топливно-энергетических ресурсов, включая разработку нетрадиционных нефтегазовых ресурсов – «сланцевый» газ и «сланцевая» нефть;
- ужесточение конкуренции на ключевых мировых энергетических рынках, включая как традиционные европейские рынки сбыта российских энергоресурсов, так и наиболее перспективные и емкие рынки в странах Азиатско-Тихоокеанского региона;
- изменения в регулировании мировых энергетических рынков, в том числе требования к условиям поставок энергоресурсов, деятельности товарных бирж, соблюдения глобальной климатическая политика и др.;
- рост капиталоемкости и интеллектуалоемкости научно-технических и опытно-конструкторских разработок в топливно-энергетической сфере и др.

Основные направления развития и модернизации топливно-энергетического комплекса России

Анализ текущего состояния российского топливно-энергетического комплекса показал, что он исчерпал созданный в советское время ресурсный и инфраструктурный задел и нуждается в глубокой модернизации.

В ближайшей перспективе развитие российского топливно-энергетического комплекса должно быть ориентировано, в первую очередь на:

- кардинальную модернизацию и широкое внедрение инноваций;
- сохранение и обеспечение энергетической безопасности страны;
- снижение зависимости от импортных технологий и развитие импортозамещения;
- диверсификацию структуры экспорта энергоресурсов и рынков их сбыта, в том числе за счет увеличения поставок в страны АТР;
- активное развитие неуглеводородной, альтернативной, возобновляемой энергетики и местных энергоресурсов;
- модернизация и создание новых систем транспортировки нефти, нефтепродуктов, газа и электроэнергии.

Стратегическим направлением развития ТЭК России на период до 2035 года должен стать переход от экспортно-сырьевой ориентации на эффективное использование отечественного ресурсного и инновационного потенциалов.

При этом должна значительно возрасти роль ТЭК в формировании новых инновационных центров экономического роста России, к которым и перейдет приоритет формирования ВВП, доходов бюджета и экспортных поступлений.

В ближайшие годы одним из направлений модернизации отрасли должно стать повышение энергоэффективности, сокращение энергоемкости ВВП и энергоемкости отдельных отраслей промышленности.

Исходя из Энергетической стратегии России снижение энергоемкости экономики в период до 2020 г. прогнозируется на уровне 13,5%.[1]

Приоритетным направлением повышения энергоэффективности будет технологическая экономия энергии.

При сохранении таких темпов динамики этого показателя к 2040 г. энергоемкость российского ВВП может снизиться на 57%.[2]

Будущее российской газовой отрасли, конкурентоспособность её продукции на мировом рынке во многом будут зависеть от того, насколько отечественной науке, промышленности и российским энергетическим компаниям удастся продвинуться в решении следующих задач:

- создание отечественных технологий освоения углеводородных ресурсов арктического шельфа;
- создание новых, более эффективных технологий производства сжиженного природного газа;
- создание отечественных технологий освоения ресурсов нетрадиционного газа – газогидратов, метана угольных пластов, сланцевого газа и др.
- создание новых эффективных технологий сооружения и эксплуатации трубопроводного транспорта газа и др.

Значительный потенциал России имеет в создании **предприятий по производству сжиженного природного газа (СПГ)** и его поставкам на внешние рынки.

---

[1] Из выступления Президента РФ Путина В.В. на климатической конференции ООН в Париже 30 ноября 2015 г.

[2] Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Институт энергетических исследований РАН; Аналитический центр при Правительстве РФ. – М., 2013.

Перспективным энергоресурсом являются **газовые гидраты** – молекулы газа, заключенные в оболочку из молекул воды. Потенциальные запасы газовых гидратов располагаются в морских донных отложениях и в районах вечной мерзлоты.

Разработка и создание безопасных и эффективных технологий добычи газогидратов может стать новым технологическим прорывом в мировой энергетике.

В процессе **модернизации российской электроэнергетики приоритет** должен быть отдан снижению износа основных фондов, созданию и завершению строительства современных парогазовых ТЭС, экологически чистых ТЭС на угле, ГЭС малой и средней мощности, а также созданию АЭС нового поколения, на базе реакторов четвертого поколения.

Особое внимание необходимо уделить развитию энергетики на основе ВИЭ и местных энергоресурсов.

Для удовлетворения потребностей отечественной электроэнергетики в ближайшие годы необходимо освоить производство и ввести в эксплуатацию **экономичные энергетические газотурбинные установки** мощностью до 35 МВт, 60–80 МВт, 110 и 180 МВт.

Спроектировать, соорудить и ввести в действие **конденсационные и теплофикационные парогазовые установки** мощностью 80–540 МВт, газотурбинные ТЭЦ и надстройки на действующих электростанциях.

Разработать **конструкции критических узлов ГТУ** для проектирования перспективного газотурбинного агрегата мощностью 250–300 МВт.

Разработка и внедрение отечественных высокоэкономичных высокотемпературных газовых турбин мощностью 25–180 МВт и парогазовых установок мощностью 80-540 МВт, которые по своим техническим характеристикам будут на уровне зарубежных аналогов, **создадут техническую и производственную базу для коренной структурной перестройки электроэнергетики России.**

Достижение успеха здесь возможно только при условии конверсии и использования богатого опыта и научно-технического потенциала авиационной промышленности.

Ожидается, что в дальнейшем в России **будут сооружаться более совершенные и более безопасные АЭС, использующие реакторов четвертого поколения.** Общие мощности АЭС планируется увеличить к 2020 г. до 50 ГВт.

По оценкам специалистов, к 2035 г. в России мощность электростанций, работающих на ВИЭ, может увеличиться в 15–20 раз, а выработка электроэнергии на них – в 10–15 раз по сравнению с 2016 годом.

В перспективе развитию ВИЭ будет способствовать **совершенствование технологий по снижению издержек их использования.** Однако в ближайшие десятилетие для внедрения таких технологий потребуется государственная поддержка.

В более отдаленной перспективе необходимо обеспечить **проведение новой электрификации страны на базе прорывных технологий** в потреблении, централизованной и распределённой энергогенерации и интеллектуализации энергетических систем.

Перспективы развития **трубопроводного транспорта** связывают со строительством газопроводов: Северный поток; Бованенково – Ухта; Сахалин – Хабаровск – Владивосток; Турецкий поток; Якутия – Хабаровск – Владивосток и Прикаспийский газопровод.

Развитие системы трубопроводного транспорта имеет не только стратегическое значение для России, но и **является важным геополитическим фактором.**

Долгосрочная энергетическая стратегия России должна быть ориентирована прежде всего на максимально эффективное использование природных топливно-энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для обеспечения роста экономики и в повышения качества жизни населения страны.

Для успешного решения этих задач и обеспечения стабильной работы такой сложной и значимой для национальной экономики отрасли, как ТЭК, необходимо создание эффективной системы управления на базе долгосрочной энергетической стратегии с использованием системы сбалансированных показателей.

Важным условием повышения конкурентоспособности российского ТЭК является коренное улучшение качества государственного управления и особенно корпоративного управления.

Одним из важных направлений модернизации российского ТЭК должно стать **радикальное снижение стоимости масштабных инвестиционных проектов** при всесторонней оценке рисков и экономической эффективности их реализации.

Противодействием внешним вызовам должно стать **кардинальное повышение инвестиционной привлекательности и эффективности российского ТЭК**, улучшение энергоэффективности и конкурентоспособности экономики в целом.

Быков А.А.
д.э.н., профессор зав. кафедрой экономики и управления Белорусского государственного экономического университета
aliaksei.bykau@yandex.ru
Горлова О.А.
к.э.н., доцент Мытищинского филиала МГТУ
o-nil@mail.ru
Хвалько Т.В.
консультант Управления экономики инновационной деятельности Министерства экономики Республики Беларусь
viexost@mail.ru

СБАЛАНСИРОВАННЫЙ РОСТ И СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова*: денежно-кредитное стимулирование, добавленная стоимость, сбалансированность, структурная политика, экономический рост.*

Текущий тренд и перспективы экономического роста в Беларуси

С 2016 года началась реализация V пятилетней программы развития экономики Республики Беларусь, основные положения которой были приняты на очередном Всебелорусском народном собрании в мае 2016 г. Программа принималась в условиях экономического спада, который наблюдается в белорусской экономике впервые за 20 лет.

В сентябре текущего года Международный валютный фонд представил свой прогноз для белорусской экономики, согласно которому, в 2016 г. ВВП снизится на 3%, экономический спад закончится в 2018 г., а максимальные темпы роста в 1,8% будут достигнуты лишь в 2021 г.[1] При этом средний прогнозируемый темп роста в предстоящие 5 лет составит 1,1%, что втрое ниже ожидаемого роста мировой экономики (см. рис. 1).

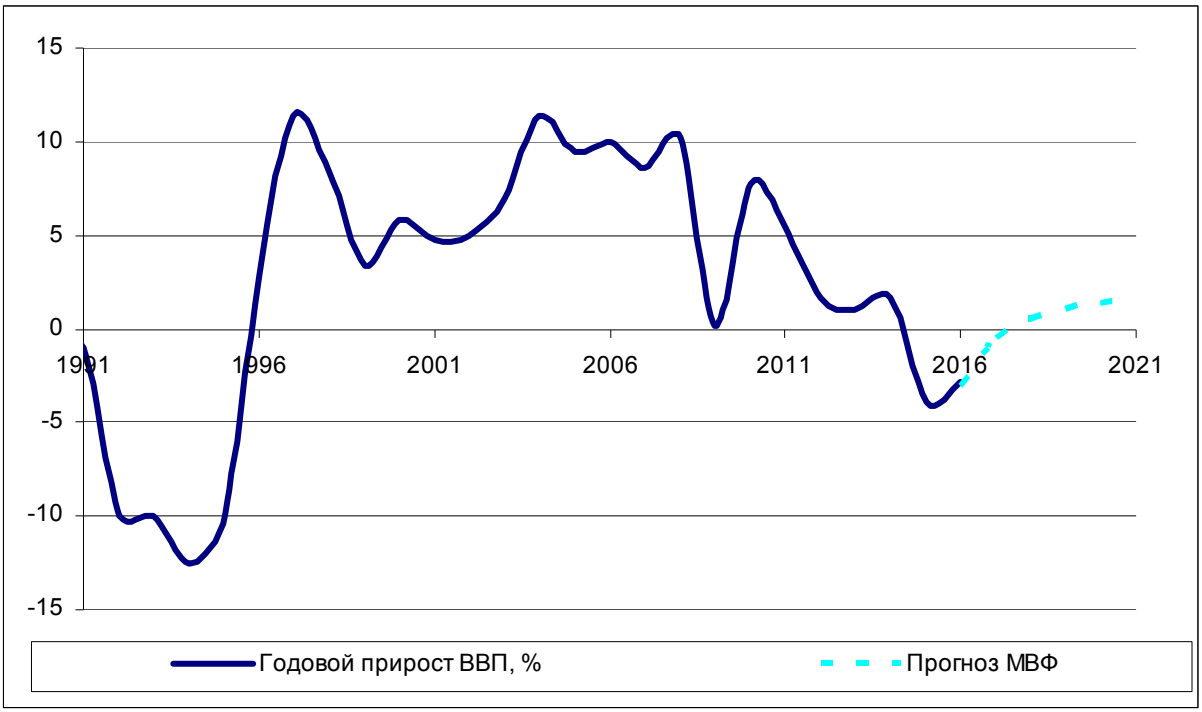


Рисунок 1.
Фактические и прогнозные показатели прироста ВВП в Беларуси

[1] Республика Беларусь. Доклад МВФ по стране №16/298. Сентябрь 2016. – Вашингтон: МВФ, 2016. – 89 с.

В чем причина сегодняшней рецессии в белорусской экономике? В первую очередь экономический спад связан с кризисом в экономиках основных торговых партнеров – России и Украины. Белорусский ВВП примерно наполовину формируется из экспортных доходов, а указанные страны, в свою очередь, покупают около половины белорусского экспорта. Экономика Украины, в частности, сократилась на 28% в 2014 г. и еще на 31% в 2015 г. (в долларах США в номинале).

Второй причиной можно признать преобладание продуктов первичной переработки сырья – продуктов питания, нефтепродуктов, химических продуктов – в отраслевой структуре обрабатывающей промышленности и, соответственно, структуре белорусского экспорта. Пока цены на мировых товарных рынках оставались высокими, производить и экспортировать такие продукты было выгодно. Снижение мировых цен напрямую коснулось белорусских производителей.

Вряд ли стоит надеяться на изменение ситуации в лучшую сторону без проведения структурных реформ, поскольку:

– нет предпосылок для роста мировых цен на товары, в т.ч. на нефть, следовательно, рост экспортных доходов при сложившейся структуре экспорта маловероятен;

– стагнирующий рынок становится менее привлекательным для иностранных инвестиций, вероятность успешного осуществления технологических инноваций на основе притока ПИИ снижается;

– без инвестиций невозможна технологическая модернизация, которая необходима для предотвращения технологического отставания экономики.

Обеспечение сбалансированности и структурные реформы в Беларуси

Нельзя сказать, что сегодняшняя рецессия в Беларуси оказалась сюрпризом: замедление темпов экономического роста началось с 2011 г., после более чем двукратной девальвации белорусского рубля, вызванной торговым дисбалансом и ростом внешнего долга. Примерно с этого времени изменились приоритеты экономической политики: вместо «роста любой ценой» правительство перешло к обеспечению сбалансированного роста, под которым понимается достижение умеренных темпов приращения ВВП, не приводящее к торговым дисбалансам. Действительно, внешнеторговое сальдо с 2011 г. стабилизировалось (рис. 2), во многом благодаря отказу от практики применения целевых объемных показателей, доводимых государством через профильные министерства до субъектов хозяйствования.

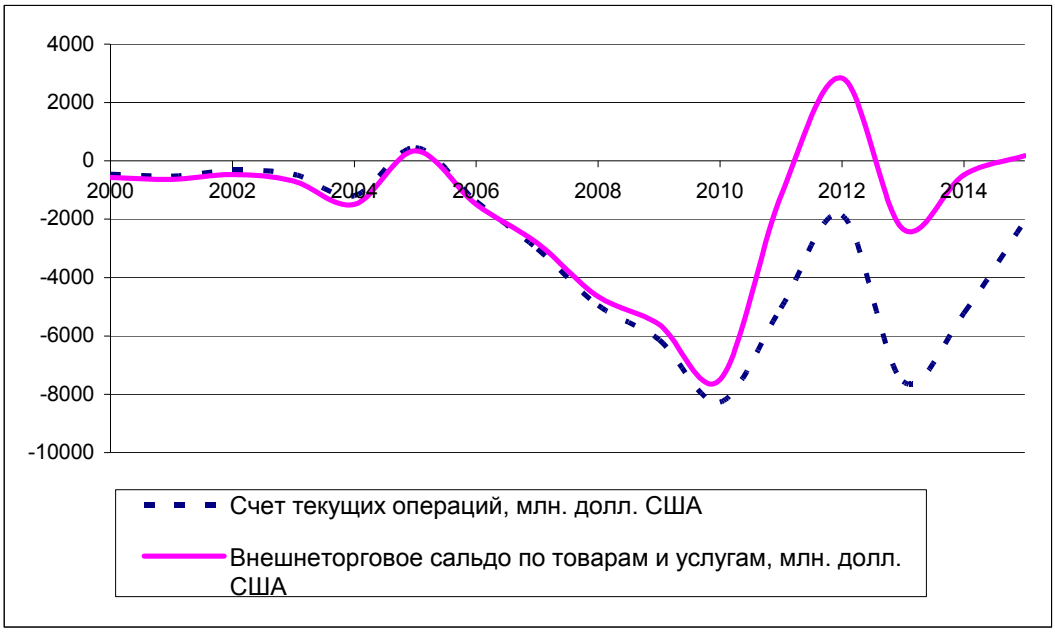


Рисунок 2.
Динамика платежного баланса Беларуси

Параллельно Нацбанк ужесточал денежно-кредитную политику, повысив процентные ставки выше уровня инфляции и сократив объемы льготного кредитования населения и предприятий. Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 гг. восстановление сбалансированного экономического роста признано основным приоритетом. В Программе указано, что своевременное ужесточение в течение 2015 года бюджетно-финансовой и денежно-кредитной политики, переход к гибкому обменному курсу белорусского рубля позволили качественно улучшить показатели платежного баланса страны, обеспечить стабильность на валютном рынке, снизить инфляцию[1].

Обоснованность решений, направленных на сбалансированность, подтверждена выводами белорусских и зарубежных экономистов. В исследовании, проведенном учеными НАН Беларуси, доказано, что кризисы в белорусской экономике происходили в результате ее разбалансированности, вызванной активным стимулированием роста. Основ-

[1] Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 05.04.2016 № 274 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы».

ным признаком несбалансированности назван дефицит платежного баланса, возникший на фоне чрезмерного внутреннего спроса[1]. Однако, как показывает теория, приведение экономики к равновесному состоянию не сможет ускорить ее рост, который определяется, в конечном счете, темпами роста экспорта: малая открытая экономика не может расти быстрее, чем растет ее равновесный платежный баланс – гласит «закон Тирволла», доказанный на примере развивающихся экономик[2].

Все сказанное верно, но возникают другие вопросы:

1) если основным источником роста ранее были целевые показатели, устанавливаемые правительством, и их достижение приводило к торговым дисбалансам, то возможен ли вообще сбалансированный рост в условиях действующей модели белорусской экономики?

2) какими должны быть структурные реформы, чтобы обеспечить в будущем сбалансированный экономический рост?

3) можно ли назвать в полной мере сбалансированным рост ведущих экономик мира в настоящее время?

Скорее всего, практически невозможно достичь высоких темпов прироста экономики в 5–10% при одновременном обеспечении ее сбалансированности. Не случайно Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы предусмотрен ожидаемый прирост ВВП в 2020 к 2015 около 12–15%, что соответствует среднегодовому приросту в 2,5%[3]. Даже эти цифры весьма оптимистичны, хотя в 2–4 раза уступают ранее наблюдаемым темпам роста экономики.

В разговорах о структурных реформах специалисты чаще всего указывают на необходимость реструктуризации крупных предприятий, увеличения доли малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости. Кроме того, эксперты МВФ в рамках генеральной линии структурного реформирования белорусской экономики предлагают следующие действия[4]:

– сокращение масштабов целевого кредитования предприятий и постепенный отказ от применения целевых плановых показателей;

– переход к полному возмещению населением затрат на коммунальные услуги;

– ограничение деятельности Банка развития;

– сдерживание роста заработной платы;

– сохранение уровня капитальных расходов.

Очевидно, что перечисленные рекомендации ориентированы, в первую очередь, на поддержание равновесия на финансовых рынках, но никак не на модернизацию и развитие экономики. Кроме того, они не позволяют обеспечить традиционно высокий уровень социальной поддержки населения в республике.

Подобные направления структурных реформ не содержат перспективного видения отраслевой структуры экономики. Видимо по умолчанию предполагается, что отраслевая структура будет формироваться сама под влиянием рыночной конкуренции и в результате действия механизмов «созидательного разрушения», при этом любое государственное вмешательство, будь то стимулирование приоритетных отраслей, либо общее стимулирование потребительского спроса, будет только препятствовать эффективной работе рыночных механизмов.

Интересно сопоставить данные рекомендации с приоритетами развития ведущих экономик мира: полагаются ли они исключительно на «рыночный естественный отбор», либо там все же присутствует структурная политика с четкими отраслевыми приоритетами? И в какой степени развитие крупнейших экономик мира на современном этапе можно назвать сбалансированным?

Мировой опыт стимулирования экономического роста

После кризиса 2008 г. Соединенные Штаты, Япония и Евросоюз столкнулись с проблемами снижения потребительского спроса и инвестиционной активности и практически сразу перешли к стимулирующей экономической политике, снижая процентные ставки и увеличивая предложение денежной массы. Минимальные процентные ставки по банковским кредитам призваны активизировать потребительский спрос, а также инвестиционную активность секторов экономики, находящиеся на низком уровне после кризиса.

Кроме того, начиная с 2008 г. США, Евросоюз и Япония проводили экспансионистскую денежно-кредитную политику в форме количественного смягчения. В результате государственный долг США вырос с 9,0 до 18,1 трлн. долл. за период с 2007 по 2015 г., превысив годовой ВВП. При росте массы долга в разы процентные ставки сократились на порядок, поэтому долговая нагрузка на сектора экономики, определяемая как сумма платежей за пользование кредитами, близка к историческому минимуму.

Находясь в столь благоприятной финансовой среде, западные промышленные корпорации могли привлекать существенные финансовые ресурсы для модернизации с целью внедрения технологий нового уклада. В частности, неоиндустриализация в США, Германии и других развитых странах предполагает комплексное замещение ручного труда машинным на основе использования промышленных роботов, организации полного информационного контроля

[1] Колесникова И.В. Сущность сбалансированного развития, критерии и показатели оценки // Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики / А.И. Лученок и др. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 5–19.

[2] Thirwall A. The balance-of-payments constraint, capital flows and growth rate differences between developing countries / A. Thirwall, N. Hussain // Oxford Economic Papers. 1982. – N 34. – P. 498–510.

[3] http://shod.belta.by/programma

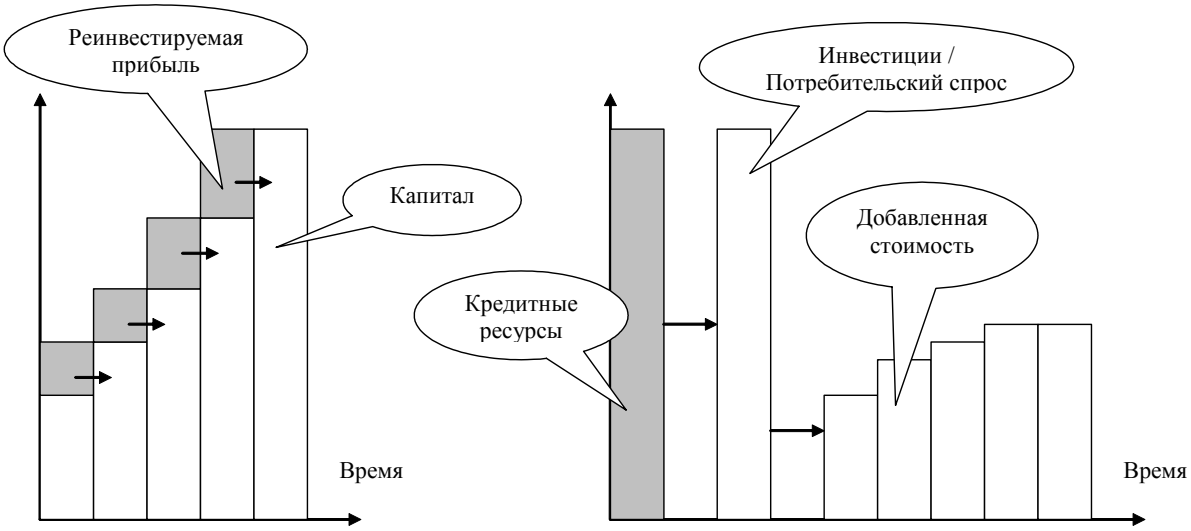
[4] Республика Беларусь. Доклад МВФ по стране №16/298. Сентябрь 2016. – Вашингтон: МВФ, 2016. – 89 с.

технологических процессов[1], а также увеличение самообеспеченности топливно-энергетическим ресурсами на основе внедрения новых энергетических технологий.

Внедрение новых технологий поддерживалось не только денежно-кредитными, но и бюджетно-налоговыми механизмами. К примеру, электроэнергия, выработанная на нетрадиционных и возобновляемых источниках в Европе, отпускается в сеть по более высокому тарифу – в результате дополнительные затраты ее производителей перекладываются на потребителей электроэнергии.

Необходимым условием для внедрения передовых технологий является сравнительно высокая стоимость труда. Еще Давид Рикардо утверждал, что по мере роста реальной заработной платы в будущем интерес предпринимателей будет заставлять замещать рабочих машинами и увеличивать производительность труда. Но с другой стороны, этим не отменяется, а наоборот вызывается долгосрочное снижение нормы прибыли[2]. Норма прибыли в обрабатывающей промышленности ведущих экономик мира снижается на протяжении уже более 50 лет, это явление названо в теории Diminishing Return, или законом убывающей отдачи капитала. Инвестиции в новое оборудование окупятся лишь при низких, либо вообще нулевых процентных ставках, поскольку новые технологии чрезвычайно капиталоемкие, а новые предприятия создаются не «в чистом поле», а замещают действующие, поэтому норма прибыли на вложенный капитал снижается.

Учитывая вышесказанное, вряд ли стоит признавать случайным полное соответствие параметров эффективности новых технологий в обрабатывающей промышленности с новыми параметрами денежно-кредитной политики; их сочетание по большому счету характеризуют новую модель экономического развития – кредитную модель, – которая заменяет традиционную модель развития на основе накопления прибыли (рис. 3).



А) Традиционная модель развития на основе накопления прибыли

Б) Кредитная модель развития при нулевой рентабельности и нулевых процентных ставках

Рисунок 3.
Модель финансирования экономического развития на основе накопления прибыли и новая кредитная модель экономического развития

В общепринятой модели капиталистической экономики основным источником развития фирмы долгие годы оставалась накопленная прибыль, а кредитные ресурсы, при их сравнительно высокой стоимости, выполняли лишь вспомогательную роль. По мере развития финансовых рынков в конце XX – начале XXI вв. данная модель начала трансформироваться в направлении все большего вовлечения кредитного финансирования в хозяйственную практику.

Вот как описывается разница между «старой» и «новой» моделями финансирования экономического развития[3]. Ранее «…сама возможность появления кредита изначально определялась наличием временно свободных доходов, которые распределялись банками в виде части сбережений, превращаемых в инвестиции». Теперь же можно предположить, «…что внедряемый банками необеспеченный кредит, превращаясь в инвестиции в производство, позволяет в будущем произвести необходимый доход, равный как минимум выданному кредиту». В итоге нормальная (ранее принятая) логика хозяйственной деятельности «доход – сбережения – инвестиции» меняется на новую логику: «необеспеченный кредит – инвестиции – доход – сбережения».

Пока что новая модель развития вполне успешно работает в крупных экономиках ОЭСР, а также в Китае – за счет включения кредитного мультипликатора величина дополнительного дохода зачастую превышает объем аванси-

[1] Толкачев С.А. Две модели неоиндустриализации: Германия – «Индустрия 4.0», США – «Промышленный интернет» // Экономист. – М., 2015. – № 9.

[2] Прогнозирование будущего: новая парадигма / Под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. – М.: Экономика, 2008. – С. 85.

[3] Рязанов В.Т. Кейнсианская экономическая теория и практика: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. – Сер. 5. – Вып. 2. – С. 3–25.

рованного необеспеченного кредита. Но рост долгов государства и прочих секторов, который наблюдается в США, Европе, Японии и Китае с 2008 г., никак не позволяет назвать такой экономически рост сбалансированным.

Эндогенные и экзогенные факторы экономического роста

При составлении прогноза развития белорусской экономики (равно как и прогнозов для других экономик) персонал МВФ руководствовался положениями популярных в последние годы теорий эндогенного роста. Данные теории получили развитие в результате исследования взаимосвязи экономического роста и инвестиций в науку, инновации и новые технологии.

Поступательно-волновой характер экономического роста под воздействием инноваций наиболее полно описан в теории технологических укладов С.Ю. Глазьева[1], которая опирается на результаты проведенных ранее исследований Н.Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, Г. Менша, А. Кляйкнехта, Д.С. Львова, и подтверждается современными исследованиями М. Хируки, А. Акаева[2] и др.

Но не они положены в основу теорий эндогенного роста, а получившая распространение на Западе концепция «технологий широкого применения», которые в отличие от технологических укладов не отличаются периодичностью. Русскоязычный термин введен В. Полтеровичем, а к разработчикам концепции относят Р. Липсей, П. Дэйвида, Н. Розенберга, Б. Йовановича и др. Внедрение технологий широкого применения ведет к росту совокупной факторной производительности (СФП), которая характеризует прирост национального дохода, не объясняемый приращением осязаемых факторов производства – труда и капитала. Начиная со второй половины XX века, вклад совокупной факторной производительности в рост развитых экономик превышает 50%[3].

Если более-менее точный расчет производственных функций и, соответственно, СФП, возможен на примере экономик США или Японии, то в условиях развивающихся экономик, как показывает практика, могут возникнуть ощутимые погрешности[4]. Не случайно, оценка совокупной факторной производительности для белорусской экономики, проведенная персоналом МВФ[1], существенно отличается от аналогичных расчетов, проведенных специалистами Национального банка[5] (рис. 4).

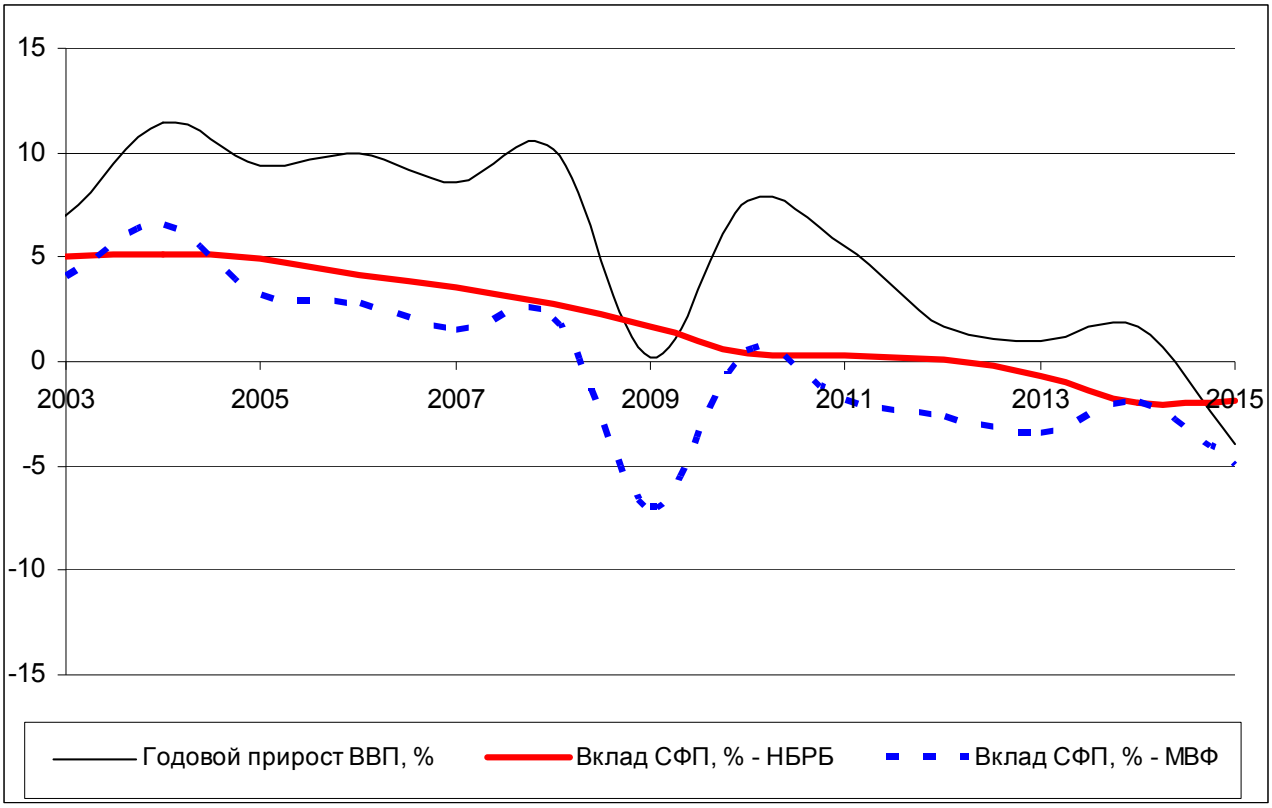


Рисунок 4.
Вклад совокупной факторной производительности в экономический рост Беларуси

[1] Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики. – 26 с. – http://glazev.ru/upload/iblock/77b/77b8141c dfc1038b78520f79fc9acd40.pdf

[2] Акаев А.А., Садовничий В.А. Замкнутая динамическая модель для описания и расчета длинной волны экономического развития Кондратьева // Вестник Российской академии наук. – М., 2016. – Т. 86, № 10. – С. 883–896.

[3] Petrescu A.S. Science and Technology for Economic Growth. New Insights from when the Data Contradicts Desktop Models // Review of Policy Research. 2009. – Vol. 26, N 6. – P. 839–880.

[4] Прогнозирование будущего: новая парадигма / Г.Г. Фетисов [и др.]; под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. – М.: Экономика, 2008. – С. 199.

[5] Мирончик Н.Л., Судник С.В., Качерская Е.Е. Анализ факторов экономического роста в Республике Беларусь на основе производственной функции // Банковский вестник: Исследования банка. 2016. – № 9, апрель. – С. 1–52.

Чем можно объяснить долгосрочное снижение СФП? Снижением затрат на науку, исследования и разработки? Исчерпанием административного ресурса в управлении экономикой?

В целом принимая результаты вышеназванных исследований, нельзя также исключать, что данный подход, возможно, и применимый для крупных экономик с емким внутренним рынком, зачастую оказывается непригодным для малой открытой экономики. Ее рост в наибольшей степени определяется объемами и условиями импорта и экспорта, нежели внутренними факторами, включая СФП. Если так, то какую альтернативу можно предложить для выявления факторов динамики ВВП малой открытой экономики, а также для анализа взаимосвязи ее структурных изменений с темпами экономического роста?

В данном случае нами взят на вооружение методологический подход, разработанный в рамках системы статистического учета международной торговли добавленной стоимостью.

Торговля добавленной стоимостью

С распространением аутсорсинга в мире и опережающим ростом объемов торговли промежуточными товарами получили развитие новые методы статистического учета и анализа международной торговли. Фактически возникла необходимость объединить два разнородных стандарта макроэкономической статистики: систему национальных счетов, которая рассматривает во взаимосвязи процессы создания, распределения и использования добавленной стоимости в национальной экономике, со статистикой платежного баланса, оперирующей финансовыми и товарными потоками национальных экономик во взаимодействии с внешним миром.

Комбинация двух статистических стандартов, базирующаяся на применении таблиц «Затраты-Выпуск» для учета межотраслевых взаимосвязей, позволила оценивать международную торговлю не в ценах товаров и услуг, а по добавленной стоимости, которую каждая страна покупает и продает, производит и потребляет в процессе международной кооперации (рис. 5). В глобальных производственных цепочках национальные экономики фактически торгуют не товарами и услугами, а добавленной стоимостью, в них заключенной.

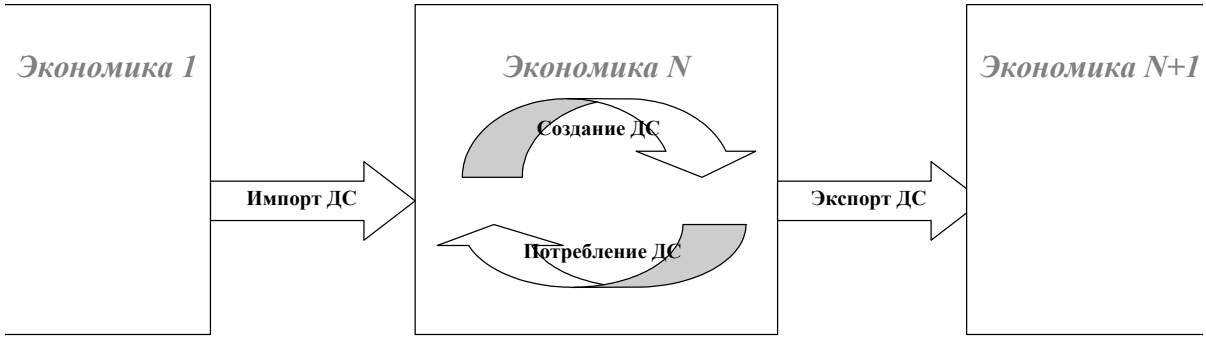


Рисунок 5.
Условная схема международной торговли добавленной стоимостью

Первые результаты оценки международной торговли добавленной стоимостью и основы методологии ее статистического учета были опубликованы в научных работах во второй половине 1990-х гг., а с 2011 г. международные организации – ЮНКТАД, Евростат, ОЭСР, ВТО – запустили онлайн-сервисы с доступом к базам данных, в которых создаваемая и потребляемая в мире добавленная стоимость распределена по странам и отраслям[1].

Разработанная методология базируется на взаимосвязанных таблицах «Затраты-Выпуск» для каждой страны и предполагает применение набора показателей, отражающих степень интеграции страны в систему международного разделения труда на основе соотношения собственной и импортируемой добавленной стоимости в валовом экспорте и конечном спросе.

В работе[2] нами был проведен расчет показателя «добавленная стоимость национального происхождения в экспорте» для белорусской экономики на основании таблиц «Затраты-Выпуск» с использованием международной методологии «торговля в добавленной стоимости». Показатель определяет добавленную стоимость всей цепочки национальных производителей, полученную за счет экспорта (*ДСЭ*). Соответственно можно рассчитать показатель добавленной стоимости, созданной национальными производителями за счет продаж на внутреннем рынке:

$$ДСВ = ДС – ДСЭ \quad (1)$$

где *ДСВ* – добавленная стоимость всей цепочки национальных производителей в конечных товарах и услугах, проданных на внутреннем рынке для удовлетворения конечного спроса, денежных единиц;

ДС – добавленная стоимость по национальной экономике, денежных единиц (ВВП за вычетом чистых налогов).

Данный подход отличается от метода расчета ВВП по использованию доходов в СНС тем, что вместо чистого экспорта как разницы между экспортом и импортом всех товаров и услуг мы определяем вклад в ВВП отечественных производственных цепочек, часть которых производит конечные продукты для внутреннего рынка – для удовлетворе-

[1] Пономаренко А.Н., Мурадов К.Ю. Новая статистика движения добавленной стоимости в международной торговле // Экономический журнал ВШЭ. 2014. – № 1. – С. 43–79.

[2] Быков А.А., Колб О.Д. Показатель «добавленная стоимость национального происхождения в экспорте»: расчет и возможности применения // Белорусский экономический журнал. 2016. – № 1. – С. 128–143.

ния конечного спроса в отечественных продуктах на этом рынке, а другая часть – продукты для экспорта. Таким образом, мы можем определить вклад в ВВП внутреннего спроса и экспорта.

Результаты расчета по белорусской экономике приведены на рис. 6 за период с 2007 по 2013 г., за который доступны данные по таблицам «Затраты-Выпуск». Показатели переведены в доллары США по номинальному обменному курсу.

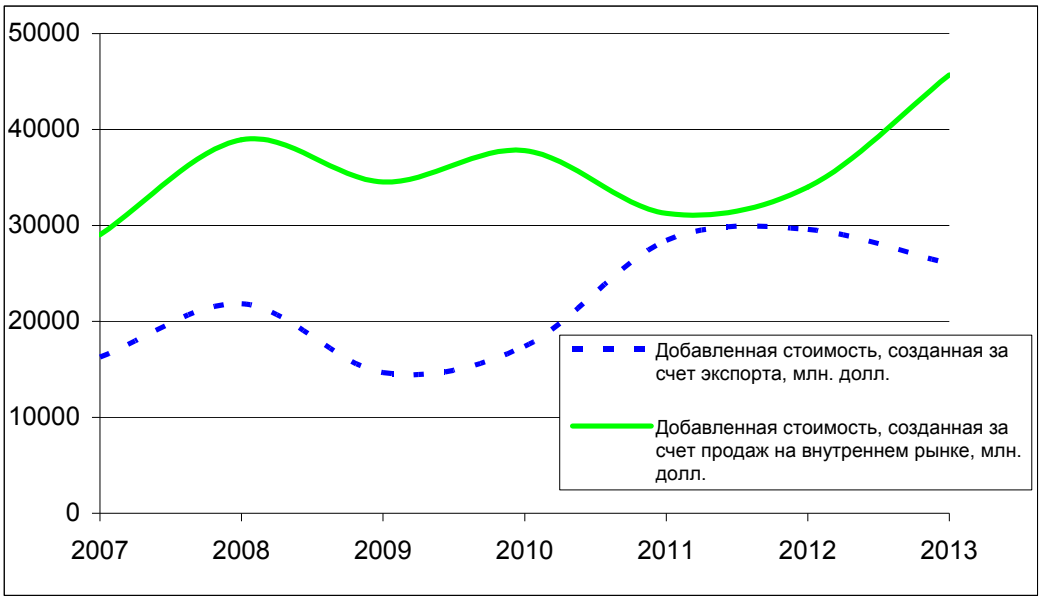


Рисунок 6.
Вклад в ВВП внутреннего спроса и экспорта

Приведенная динамика характеризует вклад в белорусский ВВП факторов совокупного спроса на внутреннем и внешнем рынках. И если внешний спрос является независимой величиной, на которую сложно оказывать прямое воздействие инструментами макроэкономической политики, то внутренний спрос может регулироваться, например, посредством его денежно-кредитного стимулирования.

Что происходит при стимулировании внутреннего спроса, осуществляемого с помощью дополнительного финансового обеспечения государством производителей или покупателей на внутреннем рынке?

Если бы экономика постоянно находилась в «равновесном» состоянии, тогда, согласно «закону Тирволла», внутренний рынок расширялся и сжимался бы вслед за ростом или сокращением экспорта. Например, рост экспорта ведет к росту доходов занятых на предприятиях-экспортерах, что увеличивает потребительский спрос на отечественные товары и услуги и расширяет внутренний рынок.

Однако в действительности динамика внутреннего спроса не повторяет динамику доходов от экспорта, главным образом вследствие периодического стимулирования внутреннего рынка. В исследуемом периоде стимулирование внутреннего спроса в белорусской экономике было тем сильнее, чем сильнее снижались экспортные доходы, пик пришелся на 2009–2010 гг. Это утверждение можно доказать, рассчитав разрыв между показателями ДСЭ и ДСВ, представляющий разницу между спросом на отечественную добавленную стоимость цепочек белорусских производителей на внешнем и внутреннем рынках. Сопоставим рассчитанный показатель с величиной внешнеторгового сальдо (рис. 7).

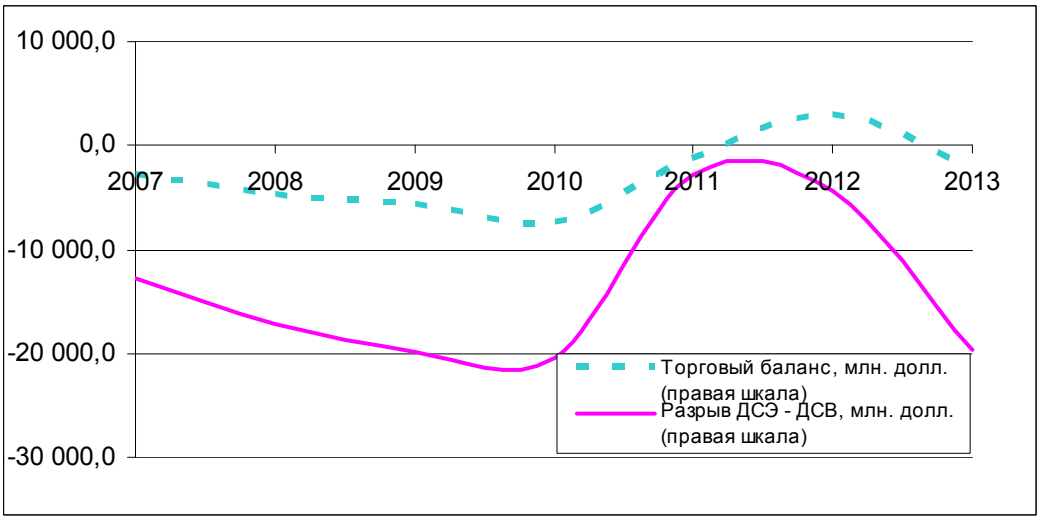


Рисунок 7.
Разрыв внешнего и внутреннего спроса на добавленную стоимость белорусских производителей и внешнеторговое сальдо

Коэффициент корреляции между показателями составил 0,81 – статистическая связь между ними высокая. Отрицательные значения разрыва означают снижение экспортных доходов при одновременном росте спроса на внутреннем рынке. На первый взгляд, стимулирующие действия государства выглядят логично: в случае циклического спада на внешних рынках задействуются внутренние резервы роста, при этом сохраняется его равномерность. Но именно такая политика государства в малой открытой экономике вызывает торговый дисбаланс за счет роста потребительского импорта. Авансированные государством денежные средства, даже если первоначально и поступают отечественным производителям, в конечном итоге используются для увеличения потребления импортных продуктов. Кредитное стимулирование роста малой открытой экономики ведет к росту импорта и последующему росту внешнего долга. Очевидно, такой тип экономического роста нельзя назвать сбалансированным.

Сказанное вовсе не означает, что денежно-кредитное стимулирование малой открытой экономики недопустимо. Более правильным представляется такое утверждение: поиск путей стимулирования роста малой открытой экономики без роста дисбалансов является сложной научной и практической задачей, требующей детального анализа технологических и воспроизводственных взаимосвязей между отраслями экономики.

Отраслевые приоритеты и ограничения политики стимулирования экономики

Рассматривая возможности стимулирования экономики, можно выделить, по крайней мере, три ее варианта:

– стимулирование потребительского спроса;

– стимулирование предложения в части денежной поддержки экспортеров;

– стимулирование предложения в части денежной поддержки предприятий, поставляющих продукт преимущественно на внутренний рынок – импортозамещающих производств.

В работе В.Т. Рязанова проводится сопоставление стимулирования совокупного спроса (неоклассический подход) и стимулирования предложения (кейнсианский подход). Одним из отличительных признаков названных вариантов в определенной степени является показатель доли инвестиций в ВВП.

Не менее важным критерием, позволяющим выделять приемлемые методы кредитного стимулирования, может оказаться доля добавленной стоимости, создаваемой за счет экспорта и, соответственно, за счет продаж на внутреннем рынке. Чем выше доля в ВВП добавленной стоимости, создаваемой за счет экспорта, тем в большей степени открыта экономика, и тем выше риски недостижения целей выдачи авансированных кредитных ресурсов. Приведем, в качестве иллюстрации, несколько примеров, когда кредитное стимулирование не ведет к экономическому росту, а ведет скорее к разбалансированности экономики:

1) доходы населения повышают с расчетом на последующие покупки отечественных товаров; но растет по большей части импорт, в результате растет внешний долг;

2) рост объемов капитального строительства ведет к росту импорта – за счет промежуточных продуктов, закупаемых строительной отраслью, и за счет увеличившихся доходов работников сферы строительства (см. п. 1);

3) инвестиции в модернизацию предприятий, способных производить импортозамещающую продукцию, не приводят к достижению цели, поскольку новая продукция дороже и хуже по качеству, чем импортные аналоги.

Чем больше доля внутренних продаж в ВВП и, соответственно, меньше импорт и экспорт, тем более замкнута экономика, следовательно, тем ниже риски нарастания торговых дисбалансов и внешнего долга в результате кредитной экспансии.

На рис. 9 приведено разделение вклада экспорта и внутреннего спроса в ВВП с использованием формулы:

$$\frac{ДСЭ}{ВВП} = \frac{ДСН}{Э} \cdot \frac{Э}{ВВП} \quad (2).$$

Где *ДСН* – показатель «добавленная стоимость национального происхождения в экспорте» (EXGR_DVASH: Domestic value added share of gross exports), рассчитываемый в системе TiVA, млн. долл.

Э – валовой экспорт, млн. долл.

ВВП – валовой внутренний продукт в текущих долларах США по номинальному обменному курсу.

Очевидно, что чем крупнее экономика, тем важнее ее внутренний рынок для экономического роста, и тем больше шансов на успех кредитного стимулирования. Более того, рынки самых крупных экономик – США, ЕС, КНР – важны для роста всей мировой экономики, на них формируется спрос на конечные продукты глобальных цепочек стоимости, поэтому стимулирование этих экономик положительно сказывается на мировом экономическом росте в целом.

Не менее важна в вопросе стимулирования роста зависимость экономики от импорта: чем выше его доля по отношению к ВВП, тем выше риски подобной зависимости, особенно в тех случаях, когда доля отечественного производства отдельных групп продуктов в совокупном внутреннем спросе мала.

По логике напрашивается вывод относительно целесообразности «замыкания» открытой экономики путем развития отечественных цепочек добавленной стоимости, замещающих импорт, в том числе переориентации экспортных поставок сырья на внутренний рынок с целью его глубокой переработки.

Рассматривая возможности ускоренного развития отраслей белорусской экономики, использующих преимущественно отечественное сырье, С.П.Вертай приходит к выводу, что данному процессу препятствует низкое качество выпускаемой продукции, поскольку производится она на устаревшем оборудование и по старым технологиям, а также

низкое качество менеджмента на этих предприятиях[1]. Действительно, крупные экспортеры уже давно работают на мировых рынках и привыкли действовать в условиях международной конкуренции. Новые импортозамещающие производства фактически выходят на новый рынок, начиная конкурировать с годами отлаженными сетями поставок зарубежных поставщиков. Их менеджмент, выросший в тепличных условиях небольшой рыночной ниши, с трудом адаптируется к новой ситуации – потому и финансовый результат проектов модернизации производств на отечественном сырье зачастую далек от намеченных планов.

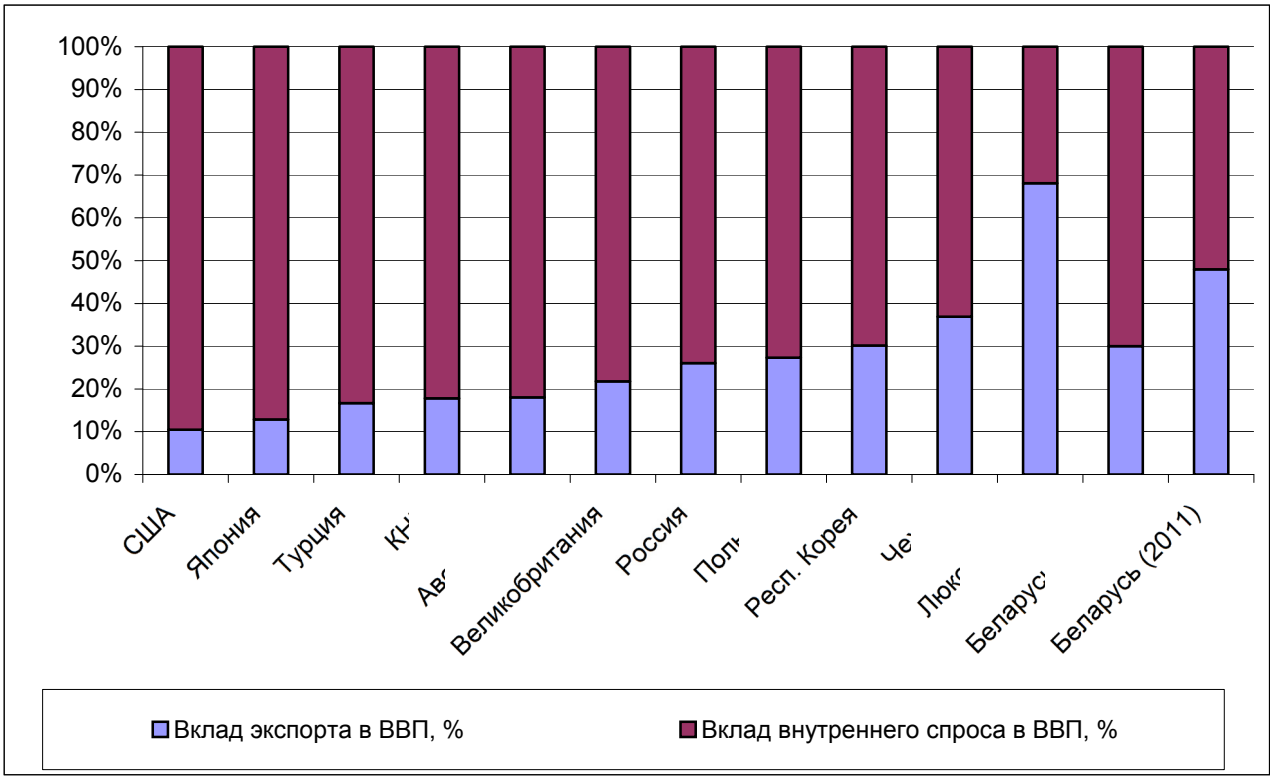


Рисунок 9.
Вклад экспорта и внутреннего спроса в ВВП разных стран (2011)

Наряду с этим, проекты модернизации экспортеров отличаются прозрачностью, когда достаточно легко сопоставить планируемые валютные доходы с затраченными валютными ресурсами. В импортозамещающих проектах валютные инвестиции должны окупиться на счет продаж на внутреннем рынке, реальные доходы от которых сложно прогнозировать ввиду высокой волатильности национальной денежной единицы.

Таковы общие результаты, к примеру, масштабной модернизации деревообрабатывающих предприятий в Беларуси, проведенной в период с 2011 по 2014 гг. После реализации инвестиционных проектов с использованием бюджетного финансирования большинство из них оказались убыточными. И наоборот, ранее проведенная модернизация двух нефтеперерабатывающих заводов в Новополоцке и Мозыре, Белорусского металлургического завода оказалась успешной – а эти предприятия относятся к лидерам белорусского экспорта и работают преимущественно на импортном сырье.

Есть в этом перечне и удачные примеры – модернизация предприятий мясомолочной отрасли, в совокупности с масштабной программой возрождения и развития села – позволила нарастить экспорт пищевой продукции, используя при этом отечественное сырье. Доля отрасли в совокупной добавленной стоимости от экспорта составляет на 2013 г. 15% и продолжает расти.

Рис. 10 показывает значимость отрасли (вида деятельности) в создании добавленной стоимости и потреблении ресурсов. Расчеты проведены по данным межотраслевого баланса (таблиц «Затраты-Выпуск») по состоянию на 2012 г.

На основе анализа и обобщения данных рис. 10 можно сделать некоторые выводы:

1) приемлемым способом стимулирования роста белорусской экономики является стимулирование предложения в части модернизации экспортно-ориентированных предприятий:

– экспортно-ориентированные отрасли белорусской экономики – производство нефтепродуктов, химическое производство, металлургическое производство;

– производительность труда в этих отраслях высокая, контролирующий акционер – государство; доходы могут реинвестироваться, либо направляться на нужды государства;

– проекты модернизации предприятий этих отраслей будут успешны при благоприятных условиях на внешнем рынке, поскольку затраченная на модернизацию валюта напрямую сопоставляется с ростом валютных доходов;

– их общий недостаток – первичная переработка сырья, поэтому спрос на конечную продукцию нестабилен и зависит от мировых цен.

[1] Вертай С.П. Формирование стратегии развития предприятий, использующих местные виды природных ресурсов / Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.э.н. – Минск: БГЭУ, 2010. – 23 с.

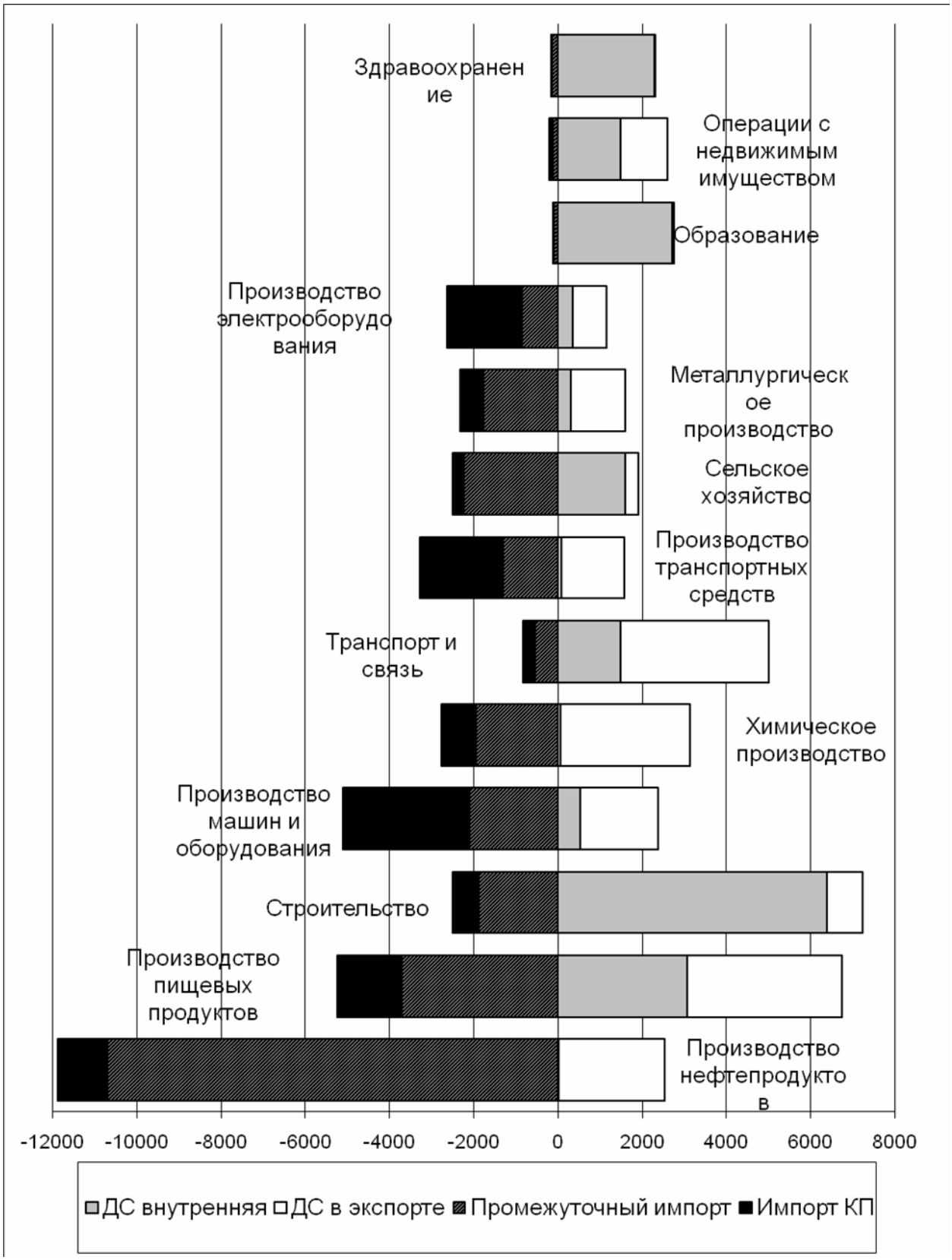


Рисунок 10.
Вклад ВЭД в добавленную стоимость и импорт, 2012 г., млн. долл. США по номинальному курсу, без учета налогов

2) менее успешен опыт стимулирования потребительского спроса, а также предложения со стороны импортозамещающих отраслей:

– такими отраслями являются строительство, сельское хозяйство, образование, здравоохранение;

– предприятия этих отраслей поставляют товары/услуги преимущественно на внутренний рынок, не имеют достаточного опыта международной конкуренции;

– отрасли низкорентабельны, производительность труда низкая; доходы направляются на оплату труда, затем используются по усмотрению домашних хозяйств – иными словами, если деньги поступают в эти отрасли, они впоследствии переходят к домашним хозяйствам, которые с большой вероятностью будут направлять их на рост импорта;

3) ряд отраслей поставляет продукты и на экспорт, и на внутренний рынок, известны примеры их успешной модернизации:

– к ним относят производство пищевых продуктов, машиностроение, транспорт и связь;

– предприятия машиностроения наиболее остро нуждаются в модернизации, продукция в основном экспортно-ориентированная, производительность труда низкая, конкурентоспособность продукции падает;

– импортируемые продукты машиностроения (оборудование, электроника и транспортные средства) занимают наибольшую долю в структуре импорта потребительских и инвестиционных продуктов на белорусском рынке, при том что отечественное машиностроение специализируется на тех продуктах, которые не находят спрос внутри республики;

– ввиду высокой капиталоемкости модернизации предприятий машиностроения приоритет должен быть за иностранными инвестициями;

– производители продуктов питания в основном успешно модернизированы, продукция конкурентоспособна на внутреннем и внешних рынках; спрос на продукты питания на внешних рынках относительно стабилен.

Общие выводы

Опыт Республики Беларусь показывает, что в вопросе стимулирования роста для малой экономики наименее рискованным вариантом является ограниченное стимулирование предложения путем модернизация предприятий-экспортеров.

Вероятно, для экономик большего размера с емким внутренним рынком, включая Россию, высока вероятность успешного стимулирования предложения на основе модернизации и развитии импортозамещающих производств. Для наиболее крупных экономик стимулирование потребительского спроса с высокой степенью вероятности будет способствовать экономическому росту.

Преимущественная модернизация экспортеров за счет кредитной экспансии, либо за счет ПИИ, сделает малую открытую экономику еще более зависимой от экспорта – процессы являются взаимно усиливающими. Следовательно, краткосрочная выгода от реализации подобных проектов может обернуться высокими рисками в дальней перспективе.

Повышению автономности национальных экономик и, следовательно, достижению успеха денежно-кредитного стимулирования способствует образование экономических союзов – Европейский союз достаточно автономен и способен проводить самостоятельную финансовую, структурную политику, хотя большинство национальных экономик – членов ЕС зависимы от экспорта.

Приоритетным направлением международной экономической политики как Беларуси, так и России, даже при наличии ряда нерешенных проблем в регулировании двусторонних отношений, являются:

– развитие и усиление Евразийского экономического союза;

– совместное участие в более масштабных интеграционных проектах, например, Шанхайской организации сотрудничества;

– развитие общих финансовых рынков с использованием производных финансовых инструментов с целью роста совокупного спроса.

Владыка Ю.П.
к.э.н. ассистент Национального авиационного университета, Киев

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫРАЩИВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЗЕРНА

Ключевые слова: *инвестирование сельскохозяйственных предприятий, управление инвестиционной деятельностью, привлечение инвестиций в производство зерновых.*
Keywords: *investment of agricultural enterprises, investment management, investment in the grain crop production.*

Процесс экономического обеспечения сельскохозяйственного производства носит системный характер, разворачивается в определенных формах и методах, проявляется в диверсификации структуры источников финансирования, в росте использования новых технологий, инноваций и другое. Своевременное и эффективное инвестиционное обеспечение производства и реализации зерна сельскохозяйственными предприятиями в современных условиях интеграции агропромышленного производства в мировое пространство является необходимым условием поддержания его финансового и конкурентоспособного состояния, а достижения установленной цели – залогом успеха деятельности любого предприятия [3, с. 22].

Производство зерна – ведущая отрасль сельского хозяйства России. В 2014 г. зерновые и зернобобовые культуры занимали 14,801 млн. га или 54,3% посевных площадей. Урожайность зерновых культур составила 43,7 ц/га, что значительно уступает урожайности в развитых европейских страна, где она достигла уже 50–70 ц/га [1, с. 79]. В связи с этим повышение урожайности всех зерновых культур следует рассматривать как ключевое направление в развитии зернового хозяйства. Зерновая отрасль должна обеспечить растущие потребности страны в высококачественном продовольственном и фуражном зерне, государственные резервы зерна и ресурсы его для экспорта. Стабилизация и наращивание темпов производства зерна возможно лишь на основе применения конкурентоспособных технологий, которые обеспечивают урожай зерна на уровне 70–90 ц/га. Для достижения таких результатов необходима научно обоснованная и взвешенная государственная политика относительно обеспечения сельскохозяйственных предприятий средствами для материального обеспечения технологий и соблюдение их требований в каждом предприятии.

Анализ современного состояния производства зерна позволил выявить ряд негативных тенденций: 1) наличие диспаритета цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию; 2) технологическое и техническое отставание отрасли; 3) уменьшение бюджетной поддержки [4, с. 114].

Исследования показали, что в зерновом производстве необходимо учитывать следующие факторы: технические, технологические, биологические, экономические, организационно-экономические, правовые. Правильное планомерное и комплексное использование основных факторов научно-технического прогресса и осуществления их направлений будет способствовать развитию производства и реализации зерна, повышению эффективности зерновой отрасли.

Изучение особенностей инвестирования отечественного производства и реализации зерна сельскохозяйственными предприятиями и с учетом его мировых тенденций дает возможность сформулировать основные направления формирования инвестиционного обеспечения производства и реализации зерна сельскохозяйственными предприятиями, где предполагается выделение и решение проблемных вопросов инвестиционного обеспечения, а также разработка механизма инвестиционного обеспечения сельскохозяйственных предприятий-производителей зерна.

Государственная политика, государственное управление, как механизм ее реализации, должны обеспечить стабилизацию аграрного производства, аграрных рынков, гарантирования доходов производителей. В основе реализации институциональных трансформаций государственного регулирования аграрного рынка должен быть экономический интерес рыночных агентов. Базовыми институтами регулирования аграрного рынка является цена, собственность, инфраструктура, институциями – органы государственной власти и уполномоченные структуры, которые воплощают регуляторную политику, механизмами – хозяйственный, ценовой, финансовый, страховой др. При этом следует подчеркнуть, что базовыми институтами общественных формаций являются институты собственности, организации, контракты, на основе которых формируются и выполняют функции институции, в том числе и регулирования аграрного рынка [2, с. 34].

В рамках отечественного инвестирования в отношении хозяйствующих субъектов выделяются внутрихозяйственная и внешняя форма привлечения инвестиций. Первую из них составляют: использованнные средства амортизационного фонда; направление прибыли на капитальные вложения и другие инвестиции; внутрихозяйственный фондовый рынок; венчурные фонды. Участие иностранных инвесторов в восстановлении экономики России осуществляется в следующих формах: прямые инвестиции иностранных компаний; совместное создание предприятий; представленность на международных фондовых рынках; международный лизинг и предоставление грантов.

Выводы. Таким образом, инвестиционное обеспечение производства и реализации зерна сельскохозяйственных предприятий должно быть системным, способствовать динамичному социально-экономическому развитию и по-

вышению конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, что требует тщательного SWOT-анализа. Масштабная модернизация национального сельскохозяйственного производства, рост производительности труда, укрепление конкурентных позиций отечественных производителей возможны на основе широкого применения инвестиционно-инновационной модели развития. Среди мер по смягчению негативных последствий, основное место должно принадлежать государственной поддержке сельскохозяйственных предприятий, стимулированию процессов инвестирования, развитию государственного регулирования взаимодействия сельскохозяйственного производства со смежными отраслями и государством, которое должно основываться на кластерном подходе. Государственное регулирование инвестиционных бизнес-процессов должно способствовать развитию инвестиционного обеспечения производства, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, снабжения и обслуживания сельского хозяйства.

Список литературы

1. Борейко І.П. Оцінка інвестиційної діяльності підприємств аграрного сектору економіки / І.П. Борейко // Економіка АПК. 2009. – № 12. – С. 74–79.
2. Владика Ю.П. Інвестиційне забезпечення сільськогосподарських підприємств-виробників зерна // Науково-практична конференції викладачів, аспірантів та студентів Сумського НАУ, 14–18 квітня 2014 р.: тези доп. – В 3 т. – Т. І. – Суми, 2014. – С. 307.
3. Жигирь А.А. Подготовка инвестиционной инфраструктуры: формирование вертикально интегрированных предпринимательских структур в аграрной сфере // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції [«Финансовые рынки и инвестиционные процессы»]: (Партенит, 15–16 октября 2013 р.) / ТНУ» – Сімферополь: ТНУ, 2013. –252 с.
4. Кравченко С.А. Особенности финансово-кредитного механизма функционирования сельскохозяйственных предприятий в период адаптации к условиям рынка // Економика АПК. 2007. – № 5. – С 114–118.

Воронков И.С.
магистрант Белгородского государственного научно-исследовательского университета
Ферару Г.С.
д.э.н., доцент Белгородского государственного научно-исследовательского университета

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ДОКУМЕНТООБОРОТА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЕЙ

Ключевые слова: *документооборот, стратегическое управление, электронный документооборот, документооборот в стратегическом управлении.*

В настоящее время ежегодное возрастание количества документов бумажного формата приводит к огромным трудностям поиска нужных документов, поддержания их в актуальном состоянии, обеспечения сохранности деловых бумаг компании, режима конфиденциальности и так далее. В соответствии с этим увеличиваются затраты на документооборот, что в свою очередь снижает оперативность принятия управленческих решений.

Идеология построения современных систем электронного документооборота направлена на обеспечение размещения всех документов в едином информационном пространстве, что избавляет любого сотрудника – от рядового работника до генерального директора – от поиска файлов и данных, созданных другими сотрудниками в локальных каталогах на своих компьютерах.

Защита от незаконного вмешательства и конфиденциальность документов (случайной коррекции, ликвидации) обеспечивается за счет методов автоматизации и достигается за счет настройки прав доступа к документации компании и за счет соблюдения протоколирования действий, совершаемых над документами.

В конечном счете, современные системы компьютеризированного документооборота поддерживают весь жизненный цикл работы с электронной документацией, что обеспечивает повышение эффективности работы компании за счет:

- оперативного поиска требуемой информации;
- соблюдения конфиденциальности доступа к документации;
- обновления и актуализации состояния документов;
- четкого определения статуса документов;
- предотвращения утери документации;
- снижения расходов на бумагу;
- накопления корпоративных знаний (включая систему информирования об ознакомлении сотрудника с документом), и другие.

Современная система электронного документооборота обязана поддерживать «жизненный путь» любой значимой информации на всех стадиях жизненного цикла документа: стадия разработки, согласования, утверждения, ввод в действие, использования, контроля исполнения, корректировки, изъятия, архивирования.

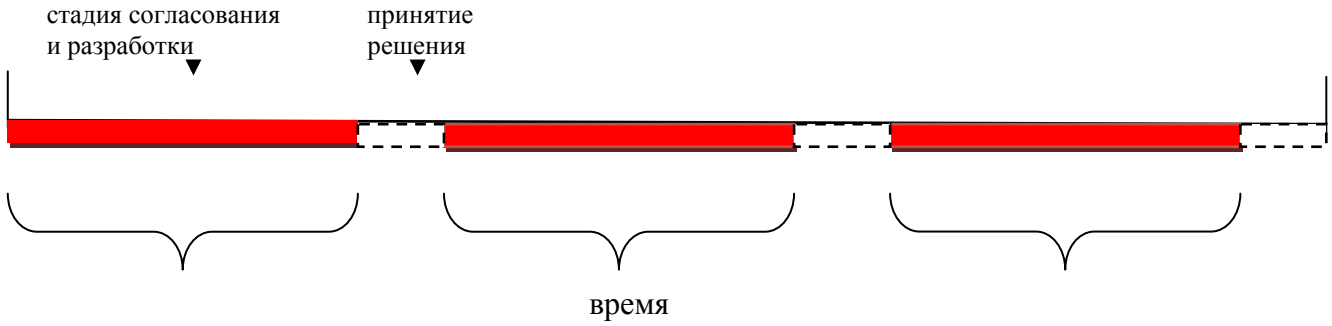


Рисунок 1.
Этапы жизненного пути документа на предприятии

Благодаря вышеуказанным технологиям компаниям предоставляется возможность не просто минимизировать потери времени из-за ожидания, а также уменьшить движения сотрудников и, так называемую, «беготню по кабинетам», но и в первую очередь повысить ценность конечного продукта. На рисунке четко обозначены временные рамки стадии согласования и разработки какого-либо документа, которые в три, а иногда и в вчетверо раз превосходят по времени само принятие управленческого решения. Данная ситуация характерна для большинства отраслей российской экономики. Многие руководители компаний не желают внедрять систему электронного документооборота из-за доро-

говизны самого продукта и трат на обеспечение деятельности данной системы. Отказ от компьютерных технологий может оказаться большой ошибкой таких недальновидных менеджеров и руководителей организаций, ведь вся экономия данного метода содержится именно в стратегической перспективе управления предприятием. На первый взгляд может показаться, что выигрыш за счет работы с электронным документооборотом пары минут не сильно скажется на деятельности фирмы. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что данная инновация приводит к существенной экономии времени и сил всех сотрудников компании.

Можно назвать некоторые выгоды, связанные с внедрением компьютеризированного продукта по документообороту:

- ускорение выполнения процессов;
- уменьшение времени выполнения бизнес-функций;
- рациональное распределение нагрузок сотрудников;
- оперативный мониторинг и контроль состояния выполняемых задач;
- анализ статистики выполнения деловых процессов;
- повышение контроля исполнительской дисциплины работников организации;
- анализ загруженности сотрудников и результативности их работы и т.д.

Полностью исключить бумажные документы не представляется возможным в соответствии с российским законодательством и безопасностью самих предприятий[1]. Однако, для стратегического управления компанией, и для повседневной работы сотрудников в разработке и согласовании документов, мероприятий или каких-либо вопросов электронный документооборот незаменимый помощник.

Появление электронного продукта в компании само по себе ничего не даст. Воздействие на качество управления и эффективность технологии будут ощутимы только в случае полной адаптации и изучения каждым сотрудником основ работы с электронным документооборотом. Результат будет особенно значим при слаженной работе специалистов, наличии высокой корпоративной культуры, а также при соблюдении требований и стандартов работы с информацией. Комплексная работа по компьютеризации документооборота приведет компанию к следующим положительным результатам:

- снижение нагрузок на сотрудников по выполнению рутинных операций;
- повышение ответственности и исполнительской дисциплины;
- обеспечение возможности ускорения процессов, протекающих в организации;
- обеспечение соблюдения регламентов работы организации;
- адекватное восприятие документа со стороны;
- контроль за жизненным циклом документа со стороны менеджеров.
- снижение рисков за счёт прописанных взаимосвязей элементов, которые возможно проследить с помощью моделирования бизнес-процессов предприятия.

Проблемы управления огромным количеством документов, которыми нас наградила бюрократия, актуальны для любой организации. Но особую остроту такие проблемы приобретают при переходе на современные компьютерные технологии, когда документы бумажного типа заменяются электронными. В XXI веке наличие успешно действующей системы автоматизации делопроизводства и электронного документооборота говорит о благополучии учреждения и его руководства. Компьютеризация документооборота предоставляет возможность производить оперативный и эффективный обмен информацией между всеми участками процесса, позволяет сократить временной промежуток разработки самого документа, а также исключает появление возможных ошибок при подготовке отчётной документации. Внедрение автоматизированной системы обеспечивает комфорт в работе, рациональную организацию работы персонала и уменьшение психологических нагрузок, снижаются и физиологические нагрузки, так как с внедрением соответствующего программного обеспечения время, затрачиваемое на конкретную работу, серьезно уменьшится. Такие изменения положительно влияют на работоспособность работников организации, это приводит к сокращению объема обрабатываемой информации, а также к появлению дополнительного времени для анализа и принятия управленческих решений.

[1] Янковая В.Ф. Проблема разграничения понятий «юридическая сила документа» и «юридическая значимость документа» // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2011.– № 11.– С. 49–54.

Герасимова И.А.
к.э.н., доцент Российского экономического университета

ВОЗМОЖНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРЕДПРИНИМАЕМЫЕ МЕРЫ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: *конкурентоспособность, уровень жизни, миграционные процессы, финансирование предприятий, налоговые льготы, образование, государственная программа, открытое правительство.*

В последние годы научное сообщество и представители органов власти не часто обсуждают необходимость модернизации экономики России, хотя несколько лет назад это было одной из самых обсуждаемых тем.

Действительно, модернизация экономики стране необходима для поддержания своей конкурентоспособности на мировом рынке, для обеспечения достойного уровня граждан и как следствие своей значимости в мире. Модернизация должна изменить качество жизни населения за счёт облегчения физического труда, высвобождения времени, занятого рутинными процессами, на интеллектуальную деятельность. Кроме того, такие изменения могут привести к изменению качества общественных отношений.

В развитых странах Европы и в США наблюдаются данные тенденции. Раньше проблему тяжелого физического труда данные страны решали за счёт привлечения дешевой рабочей силы, мигрантов, что позволило высвободить часть своего населения, дать ему больше образования, сформировать новое общество знания. В настоящее время данные страны более рационально подходят к вопросам миграции. Да, действительно, половозрастная структура общества не очень хорошая и мигранты нужны для её улучшения. Но теперь привлекаются только либо люди с большим капиталом, которые могут финансировать экономику страны, либо люди, стремящиеся к знаниям, имеющие достаточное образование, которые принесут пользу своей интеллектуальной деятельностью.

В России по результатам обсуждений ведущих экономистов и представителей власти было принято решение об управлении процессом модернизации экономики при помощи государственных программ. В соответствии с данным решением был создан ряд государственных программ, реализация которых рассчитана на период с 2013 до 2020 года. Их целью является создание условий для сохранения Россией ведущих позиций в таких отраслях как производство электроэнергии, добыча и переработка полезных ископаемых и для появления большого количества компаний в инновационной сфере. Данные программы были созданы для конкретных отраслей экономики, к которым относятся сельское хозяйство, рыболовство, оборонная и авиационная промышленности, радиоэлектроника и др. Кроме того, в ходе реализации программ, должна быть модернизирована транспортная сеть России. Всего в списке 18 государственных программ. У каждой программы есть подпрограммы. Так, например, у программы «Развитие науки и технологий» – 11 подпрограмм. Такое же количество подпрограмм существует у программы «Экономическое развитие и инновационная экономика». Кроме того, каждая подпрограмма содержит перечень ключевых показателей, рассматриваемых как в целом по экономике, так и в разрезе отраслей и регионов РФ. Данная система представляется достаточно тяжелой и трудно анализируемой даже в условиях полной компьютеризации процесса сбора и обработки информации.

Таблица 1

Некоторые результативные показатели экономики РФ

	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2012 г.	2011 г.
ОС, млрд. руб.	45 093	42 541	33 791	30 231	26 870,2
Внеоборотные активы, млрд. руб.	96 017	86 349	71 277	60 607	53 921,6
Инвестиции в ОК, млрд. руб.	14 556	15 981	13 256	12 569	10 776,8
Темпы роста ОС	106,00%	125,89%	111,78%	112,51%	–
Темпы роста инвестиций	91,08%	120,56%	105,47%	116,63%	–
Темпы роста внеоборотных активов	111,20%	121,15%	117,61%	112,40%	–
ВВП, млрд. руб.	81 287	77 802	71 016	66 926	59 698
Темпы роста ВВП	104,48%	109,56%	106,11%	112,11%	–
Инфляция	107,7%	115%	104,8%	108,3%	103,7%
Прирост стоимости ОС за счёт инвестиций с учетом инфляции	9,83%	39,75%	22,06%	18,44%	–
Изменение ВВП с учётом инфляции	97,01%	95,27%	101,25%	103,52%	–
Изменение инвестиций с учётом инфляции	84,57%	104,83%	100,64%	107,69%	–

Кроме того, с точки зрения статистики и экономической теории, трудно построить модели для подтверждения или опровержения влияния предпринятых мер на конечный результат.

На реализацию всего комплекса программ планируется потратить 1986,2 млрд. руб. Интересна не столько сама цифра, сколько её соотношение с ВВП страны. ВВП за 2015 год – 81 287,2 млрд. руб., в 2014 – 77 802,7 млрд. руб. За это время инвестиции в основной капитал в стране составляли в 2015 году – 14 556 млрд. руб., в 2014 – 15 981 млрд. руб.

Таким образом, номинально все показатели увеличиваются, но с учётом официального уровня инфляции, снижаются. Пока не видно положительных изменений макроэкономических показателей, вызванных принимаемыми мерами по модернизации экономики. Можно предположить, что предпринятые меры имеют отложенный эффект, тогда встает вопрос о временном лаге, так как программы действуют в течение уже трёх лет.

Также для оценки процессов модернизации экономики можно рассмотреть ВВП, предполагая, что модернизация отдельных отраслей скажется на его структуре в сторону увеличения долей обрабатывающей и машиностроительной промышленностей и сервисных отраслей, таких как здравоохранение, связь.

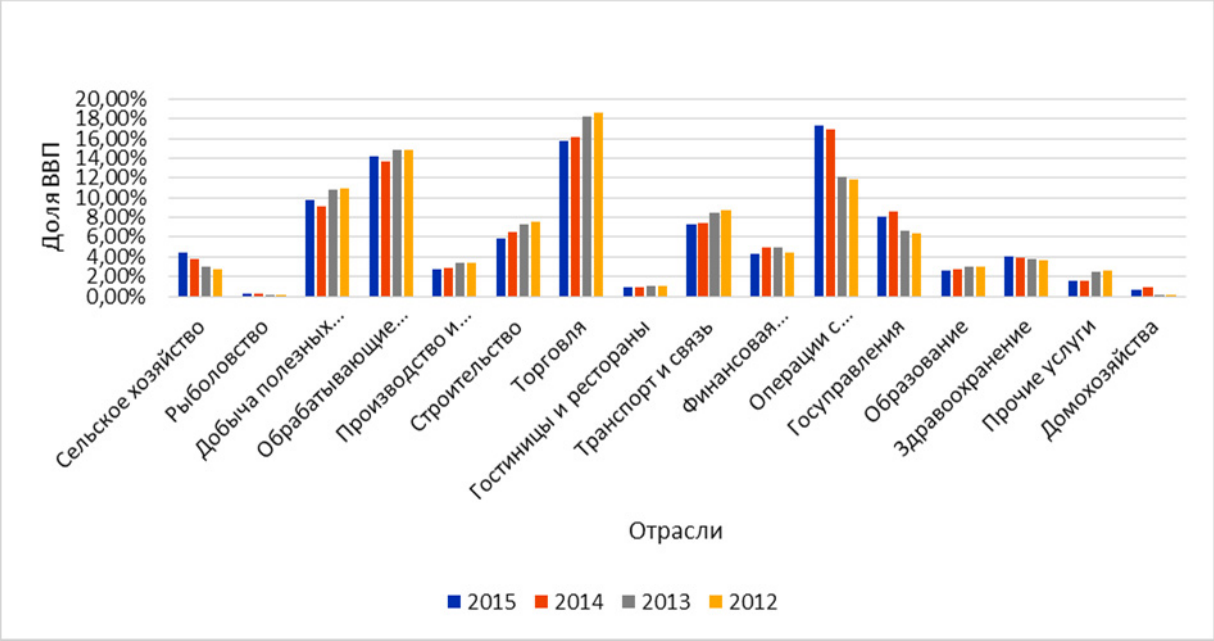


Рисунок 1.
Вклад отраслей экономики в ВВП России в период с 2013 по 2015 годы, доли

Из рисунка 1 видно, что существенных изменений вкладов отраслей в ВВП в период с 2013 по 2015 годы не произошло. Наблюдается общая тенденция снижения долей. Однако при такой тенденции должны быть и компенсирующие. В данном случае это отрасль операций с недвижимостью, доля которой в ВВП увеличилась с 11,9% до 17,35%. Считать её подвергшейся сильнейшей модернизации не возможно, так как в этой отрасли происходит всего лишь регистрация прав на недвижимость и в случае снижения доли строительства в общем объеме ВВП, можно предположить, что операции с недвижимостью заключаются в перераспределении собственности. Кроме того, рост доли в структуре ВВП наблюдается у сельского хозяйства с 2,73 до 4,36%. Такой же рост доли наблюдается у отрасли госуправления. Увеличение доли обрабатывающей промышленности в 2015 году не превышает снижение её доли в предшествующие периоды.

Кроме того, интерес представляет ресурс, за счет которого произошёл рост в перечисленных отраслях. Так возможно, что было нанято больше работников или наоборот, уволено меньше, чем в других отраслях, т.е. рост мог быть обеспечен экстенсивными факторами, а не за счёт вовлечения в процесс производства новых технологий и оборудования.

Отсюда вытекает еще одно из условий модернизации экономики – повышение профессиональной квалификации населения. Модернизация экономики требует квалифицированных кадров, имеющих высшее, а главное среднее специальное образование. Причём кадры со средним образованием требуются в большем объёме. Современный уровень техники требует четкого соблюдения инструкций по эксплуатации и качественного сервисного обслуживания. Техника может тестировать своё состояние сама, а вот обеспечивать процесс обслуживания пока приходится людям. При этом нет необходимости в изучении общетеоретических дисциплин, таких как философия, экономическая теория или общая теоретическая физика. Достаточно изучения специальных дисциплин и прохождения производственной практики определенного объема.

Однако, из общих данных по образованию, представленных на сайте Росстата можно сделать вывод, что количество поступающих в высшие профессиональные заведения практически не изменяется. На программы подготовки специалистов среднего звена количество поступающих так же практически не изменяется. А вот количество поступающих в учебные заведения системы средних профессиональных учреждений постоянно сокращается. Если предположить, что для эксплуатации современного оборудования все-таки необходимы кадры с высшим образованием, то для оценки изменений, происходящих в сфере подготовки необходимых экономике кадров нужны данные о структуре обучающихся в разрезе отраслей. К сожалению, на названном сайте такие данные отсутствуют.

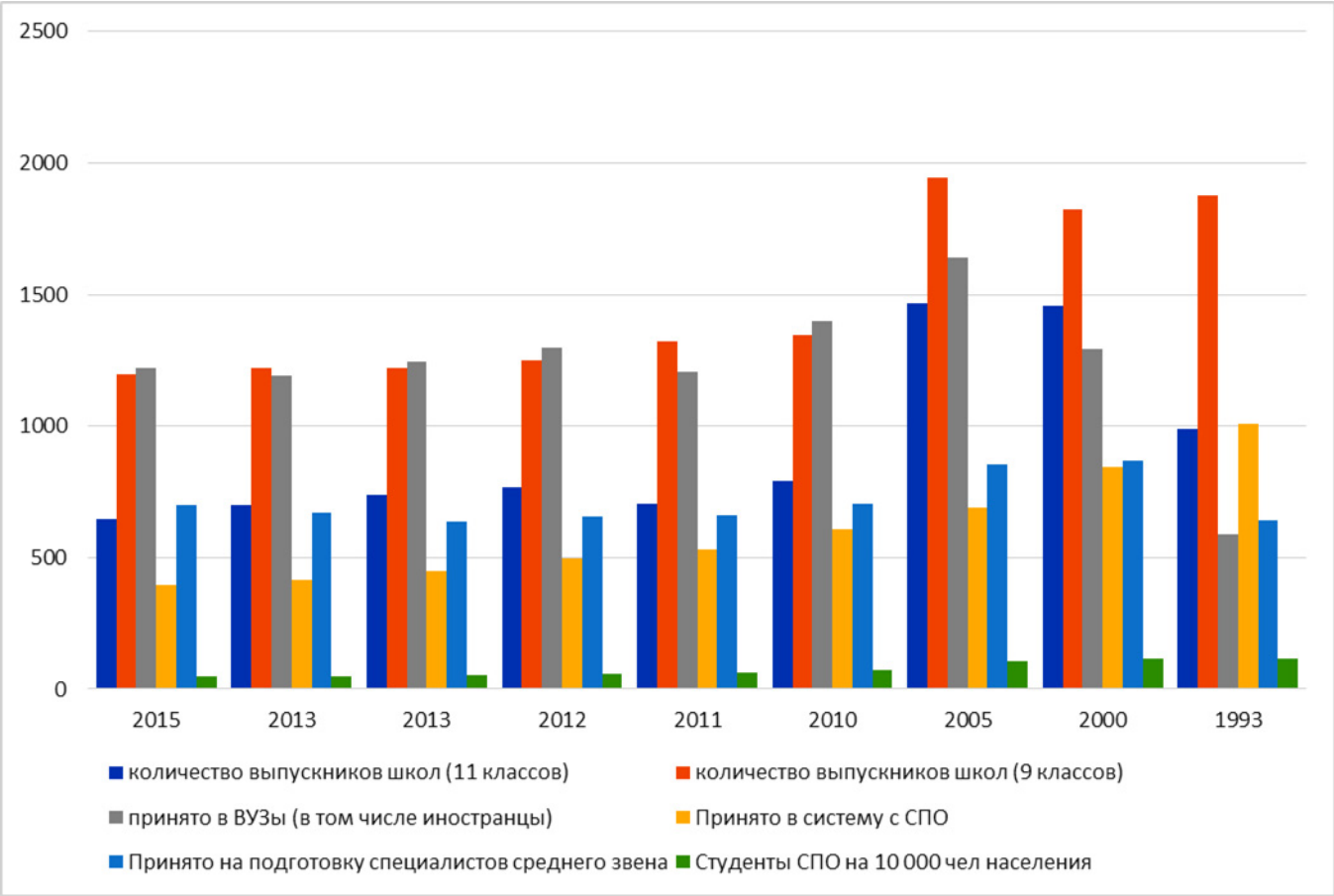


Рисунок 2.
Динамика численности выпускников школ и лиц, поступающих в учебные заведения различных уровней подготовки, тыс. чел.

Таким образом, по результатам проведенного исследования невозможно сделать вывод, что российская экономика движется по пути модернизации, так как отсутствует подтверждающая это статистическая информация. Все показатели, которые заложены в государственных программах, носят достаточно умозрительный характер. Отсутствует четкая доказанная взаимосвязь между прилагаемыми усилиями (финансированием) и полученными результатами. В связи с вышесказанным представляется необходимым упрощение систем управления модернизацией экономики. Имеет смысл рассмотреть отказ от программ как и от проектов с недоказанной или недоказуемой эффективностью.

Высвобождаемое от первого шага финансирование имеет смысл направить на совершенствование системы статистического учета, упрощение его ведения через создание электронного документооборота, новых меток для производимых продуктов, которые целесообразно использовать при ведении производственного процесса, учета и формирования отчетности.

В-третьих, следует понимать, что экономика – это самодостаточная система, которая будет развиваться, если её не сильно ограничивать. Для решения данной проблемы необходимо пересмотреть многие регулирующие законодательные положения. Именно это является целью деятельности открытого правительства – Департамента Правительства Российской Федерации по формированию системы «Открытое правительство». Данное предложение должно было быть реализовано путём проведения обсуждений с представителями различных профессиональных групп как новых, так и уже существующих нормативных документов на предмет регулирующего воздействия на предпринимательскую деятельность. В дальнейшем представляется целесообразной отмена части нормативных актов с избыточной зарегулированностью, дублирующих или не работающих.

В-четвёртых, авансовое финансирование в условиях российской экономики не приводит к желаемым результатам. Финансирования в ходе реализации проектов постоянно оказывается недостаточно, реализаторы проектов требуют его увеличения под угрозой заморозки проектов. При этом на этапе заключения контрактов, были устроены торги, которые выигрывала компания, обещавшая потратиться на реализацию проекта меньшие средства. В связи с этим, можно попробовать отказаться от авансовых платежей и перейти к оплате по результатам реализации проектов только доказанных расходов. В этом случае, необходимо будет привлекать коммерческое финансирование, то есть использовать ресурсы банковской системы. Банки будут проверять качество проектов и кредитоспособность заемщиков. И при этом для оплаты должны выбираться уже реализованные, социально значимые проекты.

Логическим продолжением вышеизложенного может быть снижение налоговой нагрузки для предприятий перерабатывающей промышленности, эффективно осуществляющих свою деятельность, т.е. прибыльных. Финансирование убыточных предприятий экономике не выгодно, такие предприятия практически никогда не переходят в разряд прибыльных и не отказываются от государственного финансирования. Предоставление налоговых льгот прибыльным

предприятиям позволит им снизить объемы привлечения заемных средств для развития своей деятельности. Наличие большего объёма собственных средств может стимулировать собственников компании к расширению деятельности.

В современной экономике добавленная стоимость создаётся использованием квалифицированных трудовых ресурсов и наиболее производительного оборудования. Квалифицированные трудовые ресурсы не могут получать низкую заработную плату. В связи с этим, имеет смысл установить нижнюю планку оплаты труда, которая экономически обоснована и достаточна для поддержания жизнедеятельности работника на достойном уровне, повышения его образовательного уровня, воспроизводства, меньше которой работодатель не имеет право платить.

Все перечисленные меры способны стать катализатором модернизации экономики РФ.

Список источников

1. http://www.gks.ru/
2. https://programs.gov.ru/
3. http://government.ru/
4. http://economy.gov.ru/
5. http://minfin.ru/

Данченок Л.А.
д.э.н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан факультета «Бизнес-школа маркетинга и предпринимательства», профессор кафедры маркетинга Российского экономического университета
Мартасов Д.А.
аспирант Российского экономического университета

ОСОБЕННОСТИ БРЕНД-СТРОИТЕЛЬСТВА В ТОВАРНОЙ КАТЕГОРИИ НА РАННЕЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *маркетинговые исследования, карта рынка, иерархическая модель потребительского выбора, товарная категория, комплексное маркетинговое исследование, бренд-строительство, платформа бренда.*

В современных условиях импортозамещения и экономических санкций как никогда ранее актуален вопрос модернизации российской экономики в целях обеспечения ее продуктивности и повышения конкурентоспособности. Для того, чтобы идти по этому пути, отечественным предприятиям необходимо, в том числе, повышать степень инновационности выпускаемой продукции, работать не только на традиционных рынках, но и развивать новые для рынка товарные категории. В статье рассматривается специфический комплекс маркетинговых исследований, проведение которых необходимо в процессе бренд-строительства в товарной категории, находящейся на стадии раннего развития с точки зрения идентификации ее субъектами рынка, в том числе, потребителями. Ключевой особенностью работы с новыми товарными категориями является то, что помимо задач дифференциации бренда на фоне конкурентов, его образ необходимо «прикрепить» к категории, которая сама еще не имеет четких и жестких контуров в сознании потребителей.

Работая с такими товарными категориями, важно, во-первых, осознавать данную особенность, а во-вторых, применять соответствующий маркетинговый подход. Работая в аналогичной товарной категории на развитом рынке, достаточно сформулировать принцип позиционирования бренда, отличный от конкурентов и донести его до потребителей. В случае новой категории, прежде всего, до потребителей необходимо донести суть, физические границы товарной категории, в которой ведется бренд-строительство, исследовав подробно потребительские стереотипы, и вместе с тем дифференцировать бренд. Если упустить эту особенность, возникнет риск того, что масштаб рынка в непонятной потребителям категории будет слишком мал. Ниже рассмотрим, каким образом с помощью комплекса маркетинговых исследований можно диагностировать состояние «неразвитости» товарной категории, и как скорректировать процесс бренд-строительства в такой категории. Исследовательская работа авторов посвящена товарной категории готовых замороженных продуктов мясопереработки.

Маркетинговое исследование рынка является первым этапом бренд-строительства, необходимым для формирования информационной базы, отвечающей целям бренд-строительства.

Бренд-строительство должно быть основано на взаимовыгодном сотрудничестве субъектов канала товародвижения. В основе комплексного подхода к бренд-менеджменту в подобных условиях лежит знание структуры рынка и вариантов каналов товародвижения.

В рамках соответствующего этапа исследования поставлены задачи классификации рынка по критериям типа и функций готовой продукции, анализ сегментов субъектов рынка (поставка сырья, его переработка, дистрибуция). Разработка комплексной системы бренд-менеджмента требует знания специфики взаимоотношений этих участников рынка, которое предлагается формализовать в виде комплексной карты рынка.

В основе бренд-строительства лежит также знание потребностей и характеристики потребительских сегментов. Данная цель исследования может быть отражена в виде построения модели потребительского выбора товарной категории, которая характеризует факторы, влияющие на знание и выбор, повторные покупки товарной категории.

На первом этапе анализ вторичной информации решает задачу выявления характеристик выбора товарной категории готовых замороженных продуктов мясопереработки; последующее полевое исследование позволит скорректировать выявленные модели.

Цели и задачи комплексного маркетингового исследования систематизированы в виде модулей (табл. 1).

Апробированная методика комплексного маркетингового исследования позволила получить представление о специфике внешней и внутренней маркетинговой среды рынка, а также сформировать необходимую информационную базу для создания комплексной системы бренд-менеджмента с учетом иерархии взаимодействия субъектов рынка.

По результатам анализа рынка готовых замороженных продуктов мясопереработки, взаимодействия субъектов и особенностей товародвижения на рынке авторами разработана карта рынка, которая характеризует распространенность различных каналов товародвижения на рынке. Типы каналов оказывают значительное влияние на сквозное управление брендом: так, полное управление достигается через собственные магазины производителя, частичное –

через федеральные сети или через собственные торговые дома и филиалы, а избирательное – через региональный сбыт с привлечением дистрибьюторов.

Таблица 1

Этапы маркетингового исследования, реализуемого в целях бренд-строительства (составлено авторами)

Этапы маркетингового исследования	Основные задачи этапа	Основа для бренд-строительства
Модуль: Анализ структуры и товародвижения на рынке готовых замороженных продуктов мясопереработки		
Классификация готовых замороженных продуктов	Дифференцированный опрос для оценки типичной мотивации для категории	Формирование аргументов для позиционирования бренда
Анализ структуры рынка мясопереработки	Экспертный опрос с целью выявления границ кластеров рынка мясопереработки. Характеристики, отличающие рынок мясопереработки, необходимые для позиционирования	
Выявление факторов и проблем развития на рынке поставщиков сырья рынка мясопереработки	Кабинетное исследование для выявления механизмов влияния государственной политики в мясной сфере на рынок мясопереработки	Адаптация системы бренд-менеджмента к изменившимся условиям поставки сырья в случае дифференциации бренда на основе страны-происхождения сырья
Выявление факторов и проблем развития на рынке переработки (производства мясных изделий)	Выявление содержания корпоративных стратегий субъектов рынка в зависимости от принадлежности производителя к типу по масштабу	Формирование конкурентного окружения брендов для бренда производителя и технологий бренд-менеджмента
Выявление факторов и проблем развития на рынке дистрибуции	Выявление факторов, определяющих развитие субъектов товародвижения на рынке. Выявление мотивов вовлечения посредников в систему бренд-менеджмента	
Формирование карты рынка	Выявление взаимосвязей между сегментами субъектов рынка, графический анализ	Формирование подходов к уровням бренд-менеджмента и выбору инструментов (HR-брендинг)
Модуль: Анализ потребностей, мотивации и поведения потребителей		
Анализ вторичной информации о рынках мясопереработки и готовых замороженных продуктов мясопереработки	Формирование моделей поведения потребителей. Оценка влияния поведения потребителей на подходы к бренд-строительству	Разработка программ воздействия и коммуникации, бренд-продвижения
Полевое исследование потребителей	Опрос потребителей готовых замороженных продуктов мясопереработки. Построение портрета целевой аудитории	Формирование атрибутов для продукции готовых замороженных продуктов мясопереработки
Разработка модели потребительского выбора товарной категории готовых замороженных продуктов мясопереработки	Выявление характеристик выбора товарной категории и определение их воздействия на потребительский выбор	Разработка инструментов бренд-строительства в зависимости от этапа выбора товарной категории и последующего выбора бренда

Главным результатом потребительского этапа исследования стала построенная модель потребительского выбора. Для выявления основных характеристик выбора товарной категории готовых замороженных продуктов мясопереработки был разработан алгоритм проведения полевого исследования, включающий 6 этапов: определение целей исследования; разработка анкеты; тестирование анкеты на ограниченной выборке респондентов и финальная доработка анкеты; проведение полевого исследования методом CAWI; анализ результатов.

Исследование проводилось в 2015 г. методом CAWI (опрос через Интернет). География исследования: все регионы России. Целевая аудитория: мужчины/женщины в возрасте от 18 лет. Выборка составила 4 тыс. человек, выборка квотировалась по полу и возрасту с учетом состава целевого рынка.

Ключевые выводы исследования:

1. В отличие от традиционных категорий рынка мясопереработки, в категории готовых замороженных продуктов мясопереработки преобладает более молодая потребительская аудитория с ядром в возрасте 18-24 года;

2. Основной источник знания о категории – представленность товара в магазине. Вывод о недостаточном медиавесе рекламы.

3. Конверсия из знающих категорию в потребляющих невысокая (потребляет категорию 39% знающих о ней).

4. Потребители готовых замороженных продуктов мясопереработки имеют незначительный опыт потребления категории (более 50% потребляет менее 1 года). Это подтверждает гипотезу о начальной стадии развития рынка.

5. Качество представления потребителей о категории полностью готовых замороженных продуктов мясопереработки находится на низком уровне. Гипотеза о низком уровне идентификации границ товарной категории потребителями, проверка которой была одной из целей исследования, подтвердилась. Отвечая на вопрос о том, какие продукты из рассматриваемой категории они знают, респонденты наряду с продуктами, входящими в категорию, назвали, например, «пельмени для варки», для приготовления которых нужна термообработка. Этот продукт входит в другой сегмент рынка мясопереработки – замороженные полуфабрикаты, но более 25% респондентов ошибочно причисляют его к рассматриваемой категории.

6. Основным барьером для увеличения потребления категории готовых замороженных продуктов мясопереработки является отсутствие продукции в ближайших магазинах (53%). В ходе экспертного опроса было выявлено так-

же, что значительной проблемой в развитии категории является низкая скорость проникновения продукции в каналы распределения из-за непонимания категории персоналом субъектов канала распределения продукции.

Полевое исследование позволило выявить характеристики потребительского поведения, на основе которых разработан комплекс решений бренд-менеджмента в соответствии с иерархией покупательской готовности при выборе товарной категории и товарного бренда. Первым этапом является знание о категории, преодоление возможных возражений при выборе товарной категории (в процессе сравнения с категориями-субститутами при условии нивелирования барьеров при потреблении), выбор категории на основе потребительских ценностей, доступности продукции (ценовая чувствительность потребителей) и создание условий для дальнейшего повторного потребления (рис. 1).

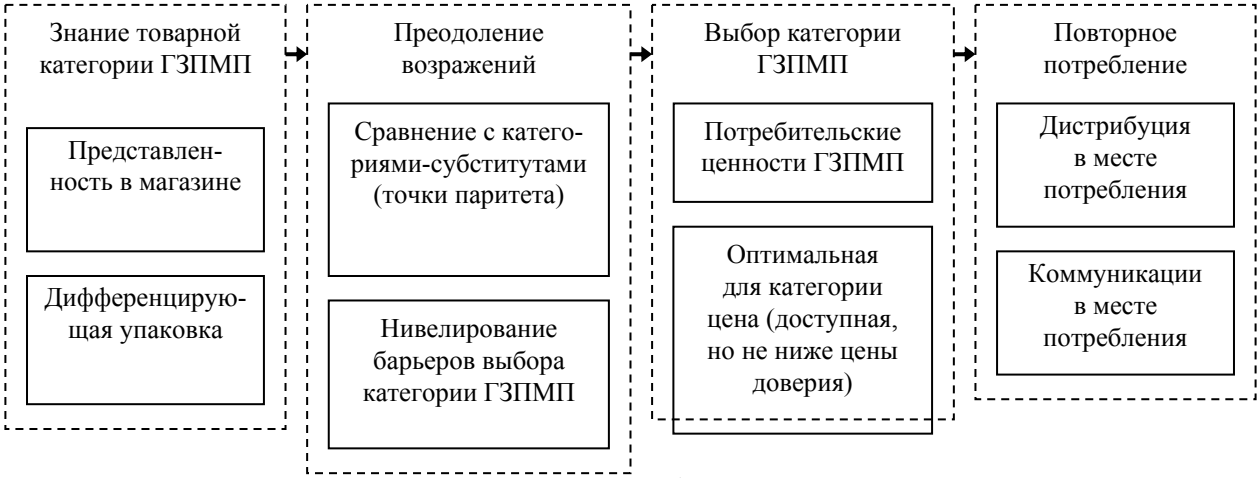


Рисунок 1.
Модель потребительского выбора категории готовых замороженных продуктов мясопереработки (ГЗПМП)

Разработанная авторами модель позволяет учесть особенности выбора товарной категории с низкой степенью идентификации на основе поэтапного воздействия на потребителя в точках контакта с товарной категорией, которые соответствуют выявленным этапам. На основе данных этапов предложены решения для комплексной системы бренд-менеджмента, в основу которых заложены механизмы преодоления психологического сопротивления потребителя при выборе категории с низким уровнем знания.

Применение научно-практических подходов к бренд-строительству в товарной категории, находящейся на ранней стадии развития, позволило компании-производителю готовых замороженных продуктов мясопереработки занять не менее 15% рыночной доли на специализированном рынке России. Таким образом, внедрение данного подхода в целом должно способствовать повышению релевантности применяемых управленческих и маркетинговых решений.

Список литературы

1. Скоробогатых И.И., Завьялова Н.Б., Завьялов Д.В. Головина А.Н. Сагинова О.В. Сагинов Ю.Л. Мельников М.С. Строганов И.А. Методология и методы научных исследований в экономике и менеджменте. Учебное пособие с грифом УМО. – М: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014.
2. Аакер Д., Дэй Дж., Кумар В. Маркетинговые исследования. – СПб.: Питер, 2004. – 848 с.
3. Беляевский И.К. Маркетинговое исследование. Информация, анализ, прогноз. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 320 с.
4. Данченок Л.А. Маркетинг. Учебник и практикум / Л.А. Данченок, С.В. Ласковец, П.Ю., Невоструев и др. – М.: Юрайт, 2014. – 486 с.
5. Данченок Л.А. Маркетинговая политика торговых организаций малого и среднего бизнеса // Товаровед продовольственных товаров. 2015. – № 8. – С. 15–21.
6. Каден Р. Дж. Партизанские маркетинговые исследования. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
7. Карасев А.П. Маркетинговые исследования и ситуационный анализ: Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2015. – 324 с.
8. Коротков А.В. Маркетинговые исследования: Учебник. – М.: Юрайт, 2014. – 608 с.
9. Невоструев П.Ю., Данченок Л.А. Концептуальные подходы к определению инновационного маркетинга // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. Сборник статей: в двух частях. 2016. – С. 372–375.
10. Myers J.H., Tauber E. Market Structure Analysis. Marketing Classics Press, 2011. – 245 p.

Дарда Е.С.
к.э.н., доцент Российского экономического университета

РАЗВИТИЕ ЖИВОТНОВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *животноводство, продукция животноводства.*
Keywords*: agriculture, livestock and livestock products.*

Развитие сельскохозяйственного производства определяется специфическими особенностями данного сектора экономики, которые заключаются в следующем:

1. Основным фактором производства является земля или животные.
2. Роль государственной поддержки сельхозпроизводителя является весьма значимой.
3. Сильная зависимость от природно-климатических условий и физиологических процессов в организмах сельскохозяйственных животных.
4. Высокий уровень конкуренции.
5. Неэффективная система ценообразования на сельскохозяйственную продукцию.
6. Ориентация производства на потребителя.

Земля лежит в основе сельскохозяйственного производства, следовательно, ее качество в значительной степени определяет результат. Известно, что понятие «плодородие земельных угодий», с одной стороны, определено заложенными природными качествами, а, с другой стороны, во многом зависит от самого производителя, поскольку обеспечение грамотного и научно-обоснованного использования земель, своевременное проведение необходимых мероприятий по мелиорации, внесению удобрений, известкованию и т.п., позволяет не только сохранить плодородие, но и обеспечить его в будущем. Использование животных в производственном процессе также требует постоянных капитальных вложений, поскольку сохранение высокой эффективности их использования является результатом постоянного проведения зоотехнических мероприятий.

Сельское хозяйство является крайне зависимым от природно-климатических факторов: наводнения, пожары, засухи, эпидемии – все это может не только сократить объем получаемой продукции, но и стать причиной потери всего урожая или всего поголовья сельскохозяйственных животных. Кроме того, достаточно длительный технологический процесс производства отдельных видов продукции приводит к существенному замедлению оборачиваемости оборотных средств и, как следствие, к отсрочке получения прибыли. Все это обусловливает особую роль государства в системе сельскохозяйственного производства, поскольку именно государство может обеспечить своевременную поддержку сельхозпроизводителя как денежными ресурсами, так и другими способами.

Помимо всего выше перечисленного, целесообразно отметить, что в результате введенных против России рядом западных стран санкций отечественный сельхозпроизводитель получил благоприятные условия для развития бизнеса, поскольку антисанкции сократили поставки сельхозпродукции зарубежного производства и создали определенную нишу на рынке.

Также следует отметить, что начавшаяся в 2010 г. реализация «Доктрины продовольственной безопасности», тоже создала благоприятные условия для отечественного производителя сельскохозяйственной продукции.

Отметим, что в животноводстве сложилась менее благоприятная динамика, чем в растениеводстве (рис. 1).

Рассматривая динамику производства основных видов продукции животноводства в период с 2000 по 2015 гг., следует отметить, что наиболее динамично развивающимися производствами являются производство мяса и яиц.

Объемы производства мяса увеличились за рассматриваемый период в 2 раза, однако это произошло только за счет интенсивного роста птицеводства. Если в 2000 г. на долю производства отрасли птицеводства приходилось 17,3% рынка мяса, то к 2014 г. она увеличилась до 46%. Данное изменение произошло за счет сокращения доли говядины и телятины на рынке (рис. 2).

В среднем за год объемы производства мяса увеличивались на 330,3 тыс. тонн или 5,2%. При этом наблюдалась устойчивая ежегодная положительная динамика, за исключением 2005 г., когда объемы производства сократились на 1,1%.

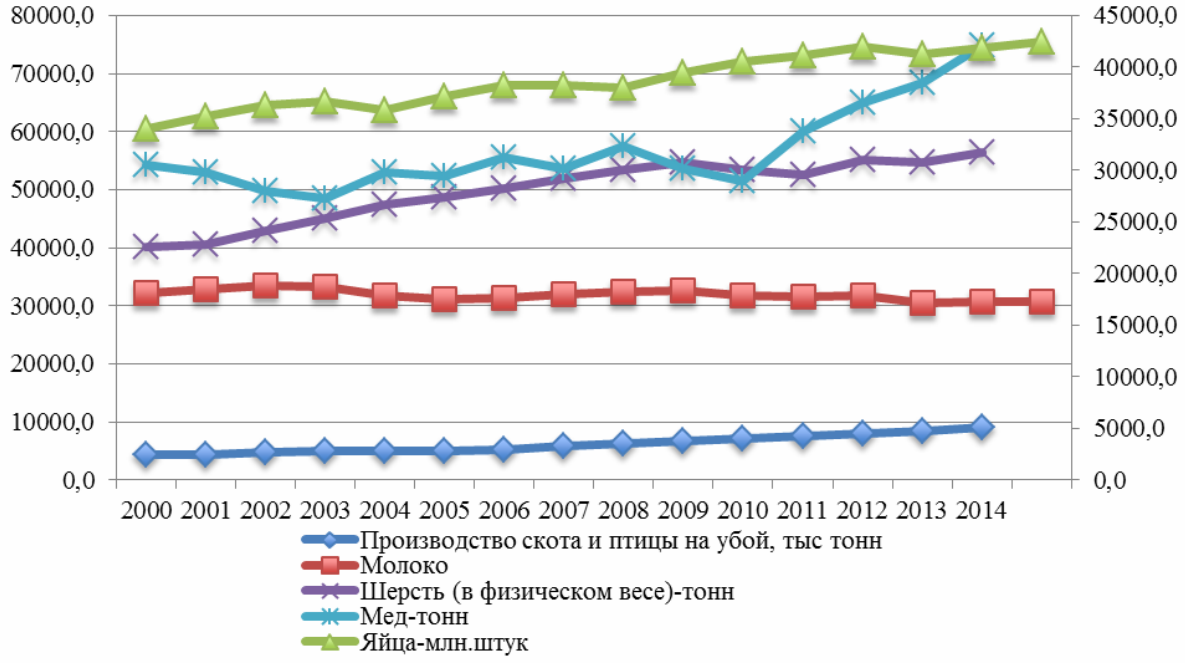


Рисунок 1.
Производство основных видов продукции животноводства в Российской Федерации в 2000–2015 гг.[1]

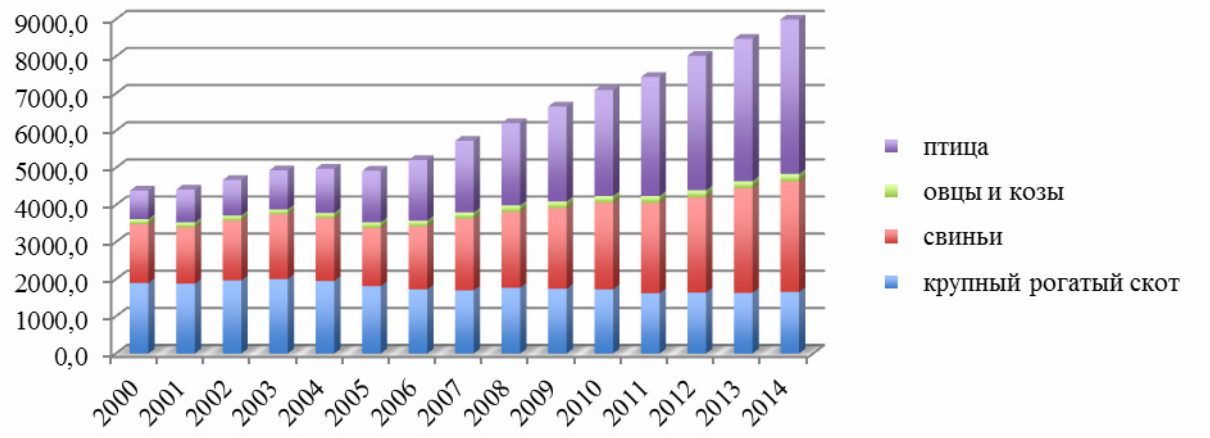


Рисунок 2.
Производство скота и птицы на убой (в убойной массе) в Российской Федерации в 2000–2015 гг.[2]

Столь же стремительно увеличивались и объемы производства яиц, что определено интенсивным развитием отрасли: за период с 2000 по 2015 гг. объемы производства выросли на четверть и достигли 42,5 млрд. штук. В среднем за год объемы производства увеличивались на 562,6 млн. штук или 1,5%.

Аналогичными по характеру динамики являются объемы производства шерсти и меда: за период с 2000 по 2015 гг. производство меда увеличилось на 22,8%, и в среднем за год рост составлял 1472,86 тонн или 2,3%.

Производство шерсти увеличилось на 40,7% и достигло к 2014 г. уровня 56,406 тыс. тонн за год. Можно констатировать тот факт, что рост производства данных видов животноводческой продукции происходил за счет увеличения поголовья животных.

Наиболее сложная ситуация сложилась в производстве молока: валовые надои за рассматриваемый период сократились на 1477,9 тыс. тонн и достигли уровня 30781 тыс. тонн в год, т.е. ежегодно в среднем падение составляло 98,5 тыс. тонн или 0,3%.

Сокращение объемов надоев молока связано с рядом причин. В первую очередь, это значительное сокращение поголовья крупного рогатого скота: за период формирования рыночных отношений в экономике страны стадо сократилось на 60%. Второй причиной является сезонный характер производства, объемы производства молока значительно дифференцированы в течение года: максимальные объемы приходятся на летний период и минимальные – на осенне-зимний период. Третья причина – низкий уровень продуктивности стада, что является следствием беспородности стада. Четвертой причиной является неудовлетворительный уровень содержания животных: по мнению экспертов если улучшить кормовую базу, то надои возрастут в два раза. И, наконец, еще одной причиной снижения валовых на-

[1] http://www.gks.ru
[2] Ibid.

доев молока является низкоэффективный уровень производства с низким уровнем оборачиваемости оборотных средств.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В производстве продукции животноводства следует отметить стремительное развитие птицеводства, которое повлекло за собой увеличение объемов производства мяса птицы и яиц. Наряду с этим, в животноводстве наблюдается устойчивая стагнация в развитии скотоводства, что объясняется низким уровнем развития производственной базы и значительным сокращением поголовья животных.

Рассматривая динамику показателей производства продукции животноводства, следует отметить, что существенное влияние здесь оказывает развитие основных факторов производства продукции животноводства, к основным факторам развития которого в стране можно отнести: демографический и земельный потенциал, поголовье сельскохозяйственных животных, наличие достаточного уровня инвестиций и т.д.

Рассмотрим динамику показателя, характеризующего ресурсную базу отрасли: поголовье сельскохозяйственных животных и трудовые ресурсы.

Если основным фактором производства продукции растениеводства являются посевные площади, то для животноводства – это поголовье сельскохозяйственных животных, поскольку именно они создают основу производственного процесса.

Динамика поголовья крупного рогатого скота (далее – КРС) – рис. 3, позволяет сделать выводы о постоянном сокращение поголовья, поскольку за рассматриваемый период оно сократилось с 27,5 млн. голов до 18,9 млн. голов (в среднем за год убыль поголовья составляла 570,4 тыс. голов или 2,5%).

Аналогичная динамика наблюдалась и в поголовье коров: за период с 2000 по 2015 гг. оно сократилось с 12,7 млн. голов до 8,4 млн. голов (в среднем за год поголовье сокращалось на 290,9 тыс. голов или 2,8%). Как отмечалось выше, это крайне негативно сказалось на объемах производства молока и говядины.

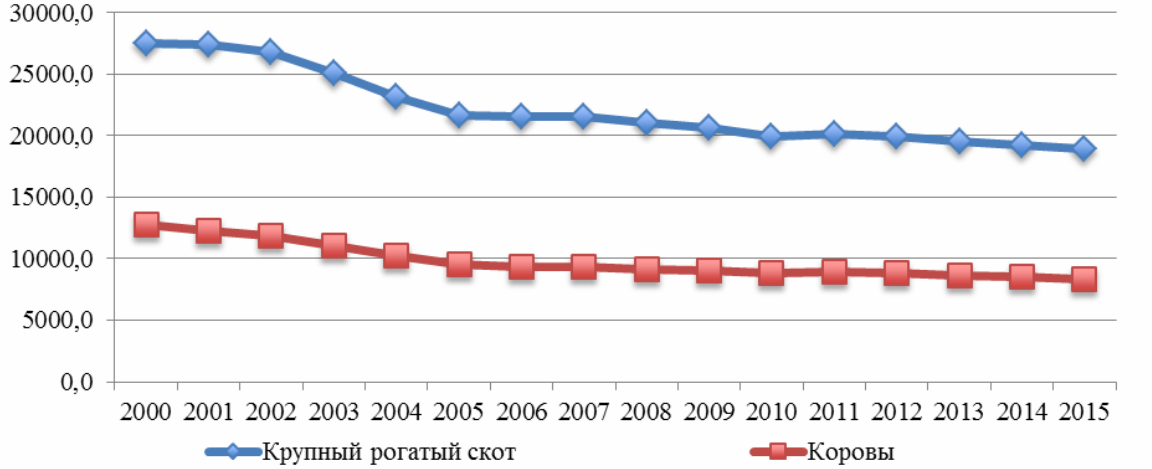


Рисунок 3.
Поголовье крупного рогатого скота в Российской Федерации в 2000–2015 гг.

Другая динамика наблюдалась в поголовье птицы. За рассматриваемый период поголовье птицы возросло на 206,5 млн. голов, при этом период интенсивного роста начался в 2005 г. (рис. 4). Целесообразно отметить, что данный характер динамики не является случайным: птицеводство является наиболее высокоэффективной отраслью животноводства с высокими показателями оборачиваемости капитала, что и явилось движущей силой для развития птицеводства (в среднем за год прирост поголовья птицы составлял 13,8 млн. голов или 3,2%).

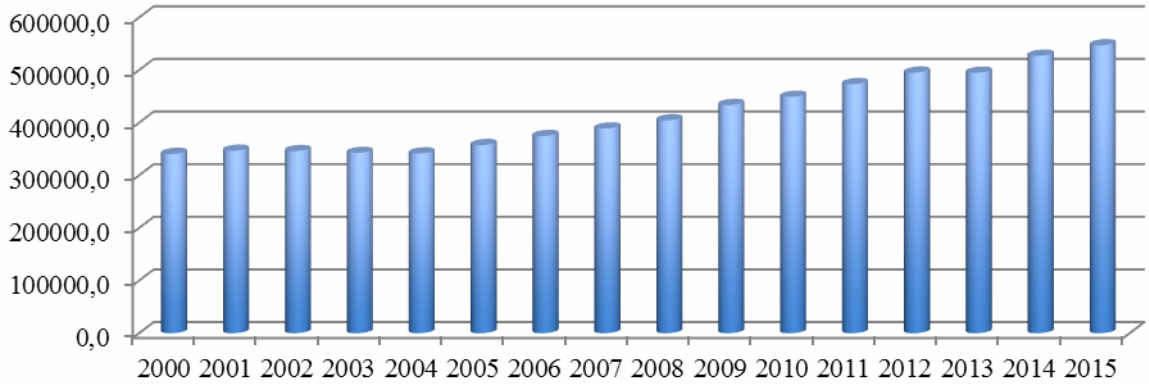


Рисунок 4.
Поголовье птицы в Российской Федерации в 2000–2015 гг.[1]

Говоря о поголовье сельскохозяйственных животных, целесообразно также рассмотреть число семей пчел как производителей меда. Несмотря на рост объемов производства меда, число пчелиных семей ежегодно практически

[1] http://www.gks.ru

оставалось неизменным, что указывает на повышение эффективности данного вида животноводческого производства: за период с 2000 по 2014 гг. среднегодовое количество семей пчел составляла 3,3 млн.

Основой сельскохозяйственного производства является рабочая сила, а сложившиеся тенденции последних лет, связанные с оттоком сельских жителей и переездом их в города, крайне негативно отразились на развитии сельскохозяйственного производства: динамика численности занятых в сельскохозяйственном производстве указывает на то, что за период с 2000 по 2014 гг. численность уменьшилась на 2,7 млн. чел. (в среднем за год убыль составляла 196,4 тыс. чел. или 3%), а к 2014 г. численность занятых в сельском хозяйстве составляла 69,4% от уровня 2000 г. При этом, начиная с середины 2000-х годов, наблюдается замедление сокращения данного показателя.

Таким образом, можно отметить, что динамика основных факторов развития сельскохозяйственного производства (земля, животные и трудовые ресурсы) была крайне разнонаправленной, что значительно отразилось на объемах производства продукции. Особенно следует обратить внимание на существенное сокращение занятых в сельскохозяйственном производстве, что указывает на существующую острую проблему, к решению которой необходимо в большем объеме прилагать ресурсы государственного управления.

Проведенный анализ сформировавшихся тенденций показателей развития животноводства позволит сделать прогнозные оценки развития данного вида экономической деятельности. С этой целью, используя метод аналитического выравнивания, построим модели каждого показателя. Используя модели, получим прогнозные оценки методом экстраполяции тренда (табл. 1, 2).

Таблица 1

Прогнозные значения факторов развития сельского хозяйства России на 2016–2018 гг., полученные методом экстраполяции тренда

№ п/п	*Показатель*	*Уравнение тренда*	Период упреждения, годы	*Прогнозные оценки*		
				Нижняя граница	Значение	Верхняя граница
1	Поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов;	$\bar{y} = 29838{,}4 \cdot 0{,}946^{t} \cdot 1{,}002^{t^2}$	2016	18 876,4	19 386,0	19 909,4
			2017	18 870,4	19 515,1	20 181,8
			2018	18 913,3	19 715,0	20 550,7
2	Поголовье коров, тыс. голов;	$\bar{y} = 13717{,}27 \cdot 0{,}936^{t} \cdot 1{,}002^{t^2}$	2016	8520,9	8757,5	9000,6
			2017	8598,4	8900,5	9213,2
			2018	8709,1	9088,8	9485,0
3	Поголовье птицы, тыс. голов;	$\bar{y} = 427209{,}22 + 36528{,}99t -$	2016	564 528,9	571 744,2	578 959,4
			2017	586 019,2	594 459,9	602 900,7
			2018	607 802,3	617 554,3	627 306,4
4	Число семей пчел, тыс.	$\bar{y} = 546{,}88 - 62{,}32t + 2{,}27t^2$	2016	115,7	130,0	144,3
			2017	124,2	142,5	160,8
			2018	136,7	159,5	182,3
5	Численность занятых в сельском хозяйстве, тыс. чел.	$\bar{y} = 10648{,}90 + 161{,}73t - 175$	2016	6153,6	6217,6	6281,6
			2017	6087,7	6163,3	6238,9
			2018	6027,1	6115,3	6203,4

При сохранении тенденции в ресурсной базе животноводства к 2018 г. поголовье крупного рогатого скота достигнет величины 19715,0 тыс. голов, коров – 9088,8 тыс. голов, птицы – 617 554,3 тыс. голов, а число семей пчел в 2018 г. составит 159,5 тыс. семей (табл. 1).

Таблица 2

Прогнозные значения показателей продукции сельского хозяйства Российской Федерации на 2016–2018 гг., полученные методом экстраполяции тренда

№ п/п	*Показатель*	*Уравнение тренда*	Период упреждения, годы	*Прогнозные оценки*		
				Нижняя граница	Значение	Верхняя граница
1	Производство скота и птицы на убой (в убойном весе), тыс. тонн	$\bar{y} = 4407{,}12 + 20{,}61t + 19{,}81t^2$	2016	10 265,9	10 479,8	10 693,6
			2017	10 926,1	11 193,4	11 460,7
			2018	11 619,5	11 946,6	12 273,8
2	Производство молока, тыс. тонн	$\bar{y} = 33017{,}09 - 131{,}44t$	2016	30 333,9	30 789,3	31 244,8
			2017	30 161,0	30 658,3	31 155,6
			2018	29 987,2	30 527,3	31 067,4
3	Производство яиц, млн. шт.	$\bar{y} = 34011{,}60 + 547{,}86t$	2016	42 928,6	43 325,3	43 722,0
			2017	43 439,9	43 873,1	44 306,4
			2018	43 950,6	44 421,0	44 891,5
4	Производство шерсти, тонн	$\bar{y} = 36608{,}46 + 2552{,}16t - 87{,}02t^2$	2016	53 971,2	55 165,4	56 359,6
			2017	53 318,5	54 845,8	56 373,2
			2018	52 443,3	54 352,2	56 261,2
5	Производство меда, тонн	$\bar{y} = 55456{,}46 \cdot 0{,}967^{t} \cdot 1{,}003^{t^2}$	2016	78 585,0	84 473,5	90 803,3
			2017	84 140,1	92 092,7	100 796,8
			2018	90 509,6	101 088,6	112 904,0

Полученные на основе экстраполяции тренда прогнозные оценки основных показателей производства сельскохозяйственной продукции позволяют сделать вывод о том, что продукция животноводства (при сохранении тенденций) к 2018 г. достигнет следующего уровня: производство скота и птицы на убой – 11946,6 тыс. тонн., молока – 30 527,3 тыс. тонн, яиц – 44 421,0 млн. шт., шерсти – 54 352,2 тонн, меда – 101 088,6 тонн (табл. 2).

Необходимо отметить, что полученные прогнозные оценки свидетельствуют об укреплении позиции сельского хозяйства в процессе формирования продовольственной безопасности страны и позволяют достичь установленные в Доктрине продовольственной безопасности пороговые значения. Исключение составляет производство молока, поскольку прогнозная модель свидетельствует о дальнейшем сокращение объемов производства, вследствие чего, государству следует обратить особое внимание на данный вид деятельности в части корректировки государственных и региональных программ поддержки молочного животноводства.

Мамарасулов Х.К.
к.э.н., в.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан
Курбанова Д.М.
к.э.н., в.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан
tumarisbegim@mail.ru

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *сельское хозяйство, земельный потенциал, посевные площади, оптимальная специализация.*
Keywords: *agriculture, land potential, specialization, cultivated areas, the optimal specialization.*

Территория современного Узбекистана является одним из древнейших центров земледелия в истории мировой цивилизации. Именно с орошаемым земледелием неразрывно было связано историческое развитие Центральной Азии. Следуя накопленному опыту, в течение многих тысячелетий создавалась развитая сеть ирригации, строительство которой требовало привлечения не только человеческих ресурсов и развитых методов управления, но и научных познаний в области геологии, геодезии, географии, а также специальных инженерных навыков.

Сельское хозяйство как одна из наиболее крупных отраслей является одним из приоритетных направлений развития экономики страны. Узбекистан обладает благоприятными природно-климатическими условиями для производства различных сельскохозяйственных, в том числе технических культур. Значительная часть посевных площадей (а под технические культуры практически все) – это орошаемые земли, которые обслуживаются мощной государственной ирригационной системой.

Узбекистан располагает достаточно богатыми климатическими, земельными, водными и некоторыми другими природными ресурсами, а также рядом полезных ископаемых.

В то же время республика начинает испытывать дефицит пресных вод, необходимых для дальнейшего расширения площади поливных земель. Расширение производства и освоение природных ресурсов в ближайшие десятилетия связаны с реализацией ряда сложных технических проектов и с ростом капиталовложений.

Территорию Узбекистана можно условно разделить на три части: горы и предгорья, расположенные на востоке и юго-востоке республики; полупустыни и пустыни на западе; а также подгорные равнины, сложенные плодородными сероземами лёссового происхождения.

В Узбекистане два широтно-зональных типа почв. На равнинах, где находятся северные полынно-солончаковые пустыни, это серо-бурые пустынные почвы, а в южных полынно-эфемеровых субтропических пустынях – серозёмные пустынные. Почвенные ресурсы зоны пустынь составляют 29,2 млн. га, в том числе серо-бурых почв – 11,2 млн. га, серозёмов – 5,2 млн. га, интразональных такырных – 1,6 млн. га, песков и пустынных песчаных почв – 11,9 млн. га. Азональные болотные лугово-такырные почвы (0,9 млн. га), как правило, характерны для речных долин. Солончаки занимают 1 млн. га, орошаемые земли – 3,5 млн. га.

Для республики характерен континентальный субтропический климат, что позволяет развивать субтропическое земледелие (хлопководство, виноградарство и др.), но исключительно поливное. Богарное (неполивное) земледелие ограничено среднегорьями восточных районов республики.

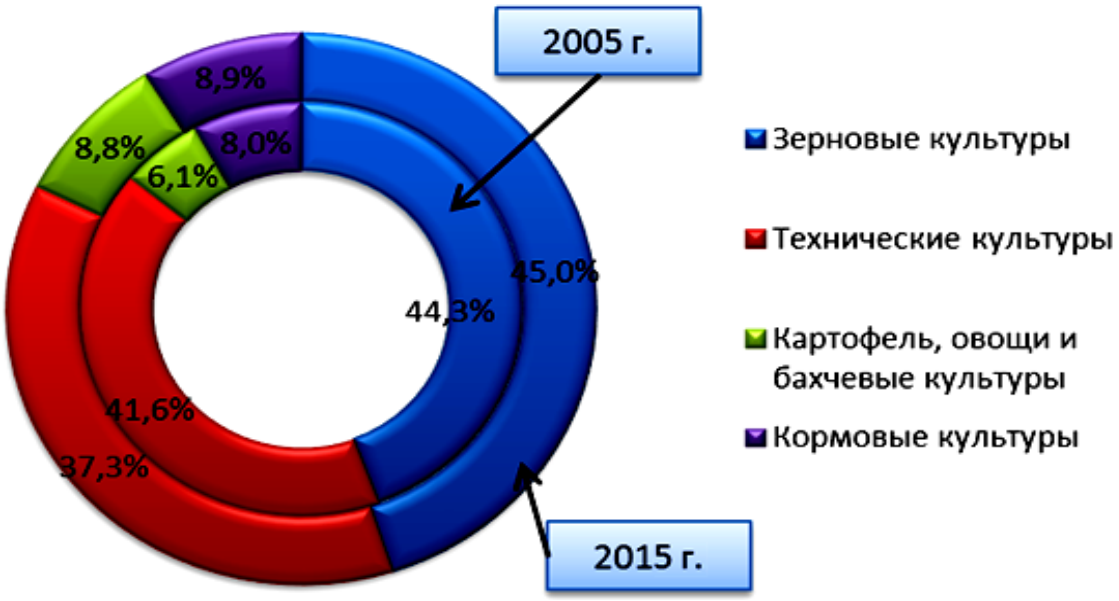
Проводимые в сельском хозяйстве Узбекистана структурные преобразования, прежде всего, подразумевают «изменение структуры посевных площадей за счет оптимизации посевов под хлопчатник и увеличения площадей под зерновые колосовые культуры, овощеводство, садоводство и виноградарство»[1].

В результате работ по дальнейшей диверсификации сельскохозяйственного производства Республики Узбекистан за последние 10 лет произошли существенные изменения в структуре посевных площадей (рис. 1).

В результате проводимой целенаправленной политики постепенного высвобождения посевных площадей под хлопчатник и размещения на этих землях зерновых, овощных, бахчевых культур, картофеля и кормовых культур, за период 2005–2015 гг. посевные площади под хлопчатник сократились на 171,2 тыс. га, доля посевов технических культур была сокращена до 37,3%.

За счет высвобожденных земель и прироста посевных площадей (на 30,4 тыс. га), посевы под другие культуры увеличились. В частности, площадь посевов зерновых возросла на 39,3 тыс. га, овощей – на 54,2 тыс. га, картофеля – на 30,5 тыс. га, бахчевых – на 17,6 тыс. га, кормовых – на 35,8 тыс. га.

[1] Доклад Президента Республики Узбекистан И. Каримова на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2014 г. и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2015 год.



Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике.

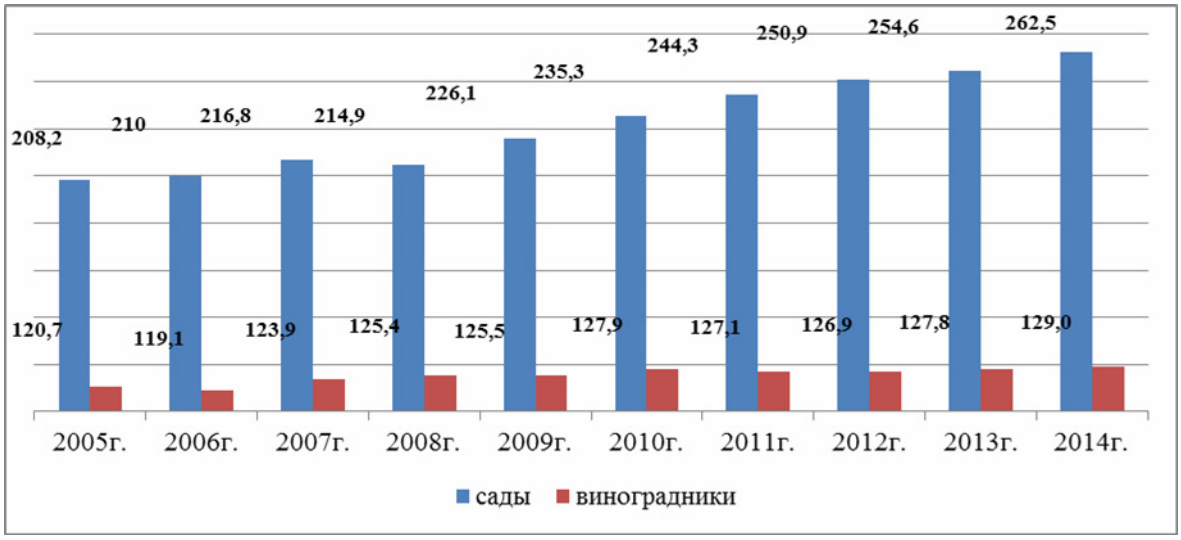
Рисунок 1.
Структура посевных площадей в 2005–2015 гг., (%)

Реализация данных мер осуществлялась с целью предотвращения дефицита основных продовольственных товаров и повышения цен на них в условиях мирового финансово-экономического кризиса, а также достижения продовольственной независимости республики в условиях глобализации мировой экономики.

Отмечается тенденция к увеличению площадей садов, прежде всего за счет создания новых высокоэффективных интенсивных карликовых насаждений. Общая площадь садов в 2015 г. составила 262,5 тыс. га, что на 54,2 тыс. га или на 26,0% больше показателя 2005 г.

Так, «за 2010–2014 гг. осуществлена посадка новых садов на площади почти 50 тыс. га, в том числе более 14 тыс. га садов интенсивного типа, а также виноградников – на площади 23 тыс. га. Для создания интенсивных садов завезено более 6 миллионов саженцев из Польши, Сербии и других стран»[1].

Анализ статистических данных показывает, что в 2005–2014 гг., увеличилась площадь под сады на 114,4 тыс. га и составила 262,5 тыс. га в текущем году. Это произошло, прежде всего, за счет посадки новых насаждений – высокоэффективных интенсивных карликовых видов (рис. 2).



Источник: данные Государственного комитета РУз по статистике.

Рисунок 2.
Динамика площади многолетних насаждений в 2005–2014 гг. (тыс. га)

[1] Каримов И. Создание в 2015 году широких возможностей для развития частной собственности и частного предпринимательства путем осуществления коренных структурных преобразований в экономике страны, последовательного продолжения процессов модернизации и диверсификации – наша приоритетная задача / Доклад на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2014 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2015 год. // Народное слово. 2015. – 17 января.

Исходя из принятой в 2013 г. Программы дальнейшего совершенствования организации и развития виноградарства в республике на 2013–2015 гг.[1], были реализованы меры по увеличению площадей виноградников, которые возросли с 120,7 тыс. га до 129,0 тыс. га (на 8,3 п.п.).

Увеличение посевных площадей под новые плантации виноградников и садов происходит за счет сокращения посевов зерноколосовых культур на землях с низким уровнем водообеспеченности, в частности этому критерию соответствуют посевные земли некоторых районов таких областей, как Джизакская, Самаркандская и Ташкентская.

Все эти меры являются продолжением целенаправленной политики оптимизации посевных земель, используемых в сельскохозяйственном севообороте, с одной стороны. С другой стороны, это является результатом политики обеспечения населения продовольственными товарами собственного производства, поскольку данная подотрасль выступает основой развития отечественной пищевой индустрии.

Основными результатами развития сельского хозяйства за анализируемый период являются качественные сдвиги в структуре и диверсификации сельскохозяйственного производства, развитие фермерских хозяйств, создание механизмов реализации скота населению и фермерским хозяйствам на аукционных торгах, выделение льготных целевых кредитов, расширение и повышение качества ветеринарных услуг, обеспечение кормами.

Несмотря на сложившиеся в последние годы благоприятные тенденции в развитии сельского хозяйства, все же имеется ряд проблем, сдерживающих его дальнейший рост, к которым можно отнести следующие:

– посевные земли под пшеницу (38,7%) и хлопчатник (36,1%) занимают около 74,8% от общей посевной площади, но при этом остается проблема ввода научно-обоснованных севооборотов, необходимых для достижения высокой урожайности;

– наблюдается ухудшение мелиоративного состояния орошаемых земель, из всего объема которых около 49% засолены в различной степени, при этом около 18% – это сильно и среднезасоленные земли, свыше 23% относятся к категории земель с низким баллом бонитета (на 2015 г.);

– низкий уровень выделения льготных кредитов во время проведения агротехнологических мероприятий для производства хлопка-сырца и зерновых культур для государственных нужд (60%), что не позволяет осуществлять их своевременно и качественно;

– недостаточный объём производства кормов для интенсивного развития животноводства из-за низкой доли в общей посевной площади кормовых культур (8,6%). Как следствие, объёмы производства продукции животноводства недостаточны для удовлетворения потребностей населения согласно рациональным нормам потребления;

– недостаточны объёмы инвестиций, привлекаемых в сельское хозяйство, доля которых в валовом объёме инвестиций составляет всего около 6,4%.

Согласно полученным результатам, в долгосрочной перспективе дальнейшему наращиванию производства сельскохозяйственной продукции и росту удовлетворения потребностей растущего населения продовольствием будет препятствовать проблема ограниченности земельных ресурсов и снижения плодородия почвы.

Наблюдается тенденция к сокращению площади орошаемых земель и посевной площади на душу населения. При этом в структуре посевных площадей, по-прежнему, преобладают пшеница (39,5%) и хлопчатник (35,4%), которые в совокупности занимают почти 3/4 общей посевной площади.

В настоящее время на 1 чел. приходится 0,161 га орошаемых земель и 0,122 га посевной площади. В период до 2030 г. эта тенденция только усилится. Вызывает опасение риск обострения проблем засоленности почвы и снижения плодородия: из общей площади орошаемых земель 18,4 % (669,8 тыс. га) относятся к категории земель с низким баллом бонитета и с баллом ниже среднего.

В целом, для решения проблем в области рационального и эффективного использования земельных ресурсов и повышения их эффективности целесообразно принятие и реализация следующих мер:

– стимулирование и повышение ответственности сельхозпроизводителей за целевое, рациональное и эффективное использование земельных ресурсов;

– внедрение передовых экологических чистых агротехнологий для повышения плодородия почв;

– использование научно-обоснованного комплексного подхода к решению проблем ирригации и мелиорации сельскохозяйственных земель, поскольку при мелиорации можно получить и обратный эффект (заболачивание земли, повышение засоленности и т.д.);

– активное внедрение и применение в сельскохозяйственном производстве современных водосберегающих технологий полива, в том числе системы капельного орошения, а также переносных гибких поливных трубопроводов, в особенности в регионах, испытывающих дефицит оросительной воды;

– для решения проблем орошаемого земледелия – засоления почв различной степени – необходимы активизация и расширение объема мероприятий по улучшению мелиоративного состояния земель, в частности путем строительства новых и реконструкции существующей коллекторно-дренажной сети, а также скважин вертикального дренажа;

– исходя из особенностей современного ведения хозяйства, необходимо изменение подхода к проведению ирригационных работ, то есть главной задачей должно стать обеспечение сбалансированного водопользования всеми регионами республики, а не обеспечение водой всех земель, пригодных к орошению;

– целесообразно создание специализированного межведомственного органа для жесткого регулирования водопотребления, упорядочение существующих оросительных систем и транспортировки воды в защитных чехлах, позволяющих снизить испарение;

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан от 13 марта 2013 года № ПП-1937 «О мерах по дальнейшему развитию виноградарства в республике на период 2013–2015 гг.».

– необходимо совершенствование системы повышения квалификации и переподготовки специалистов водного хозяйства.

Таким образом, при выработке стратегии развития и совершенствования специализации сельского хозяйства в условиях ограниченности земельных ресурсов и размещения сельскохозяйственного производства, необходимо учитывать территориальные особенности и факторы, влияющие на эффективность сельскохозяйственного производства, а также природно-климатические, экономические и другие факторы повышения эффективности и конкурентоспособности производства.

Список литературы

1. Каримов И. Создание в 2015 году широких возможностей для развития частной собственности и частного предпринимательства путем осуществления коренных структурных преобразований в экономике страны, последовательного продолжения процессов модернизации и диверсификации – наша приоритетная задача./ Доклад на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2014 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2015 год. // Народное слово. 2015. – 17 января.
2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 13 марта 2013 года № ПП-1937 «О мерах по дальнейшему развитию виноградарства в республике на период 2013–2015 гг.».
3. Сельское хозяйство Узбекистана / Статистический сборник Госкомстата Республики Узбекистан. – Ташкент, 2005.
4. Сельское хозяйство Узбекистана / Статистический сборник Госкомстата Республики Узбекистан. – Ташкент, 2015.

Носова О.В.
д.э.н., профессор кафедры финансов Харьковского учебно-научного института Банковского университета
nosova1982@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *глобализация, модернизация, прямые иностранные инвестиции, экономическое развитие.*
Keywords: *globalization, modernization, foreign direct investment, economic development.*

Глобализация как цивилизационный процесс представляет диалектически, внутренне неоднородное явление, основывающееся на распространении технологий и многообразия форм пространственно-временных отношений в планетарном масштабе. Предпосылками глобализации выступает НТП, прежде всего в области транспорта и связи, образующий материальную основу развития международных экономических отношений. Последовательная либерализация внешнеэкономических связей, включая международную торговлю и международное движение капитала, является важной предпосылкой развития глобализации.

Практика проведения рыночных реформ в постсоветских странах указывает на необходимость использования разнообразных нововведений для эффективного воспроизводства и использования преимуществ НТП. Государство, осуществляющее инвестиции в современные экологически-безопасные, энерго- и ресурсосберегающие технологии, производство и реализацию новых видов конкурентоспособной продукции, стимулирует повышение конкурентоспособности экономики.

Одним из главных направлений сложного и противоречивого процесса глобализации является формирование условий для быстрого и качественного технологического обновления национальной экономики, масштабной модернизации производственно-технологической базы национальных предприятий, формирование нового технологического уклада.

Анализ современных тенденций развития мировой экономики указывает на существование ряда дискуссионных вопросов относительно роли глобализации в мировом развитии. Концепция глобализации основывается на принципах устойчивого развития. Возникновение вопросов, связанных с расширением экспансии западной цивилизации, взаимосвязи глобализации и модернизации, капитализации как средства модернизации общества, гармонизации отношений капитализации и социализации, использовании разнообразных подходов при создании оптимальной модели корпоративного управления, указывает на актуальность исследования характера взаимосвязи и взаимовлияния процессов глобализации, модернизации и капитализации.

Несмотря на значительное количество работ Л. Григорьева, В. Клочко, Т. Игнатова, О. Миронова, Г. Солодков, В. Тамбовцева, Дж. Фаундез, проведенные отечественными и зарубежными экономистами по указанной проблематике, остается нерешенным значительное количество теоретических и практических вопросов в рассматриваемой сфере[1]. Соблюдение принципов единства биологической природы всех людей и социально культурной целостности человечества являются отличительными характеристиками данного процесса. В соответствии с подходом приверженцев идеи глобальной цивилизации человек и человечество рассматриваются как внутренне единые явления, причем между ними существуют отношения отражения.

Значительное влияние на развитие бизнеса национальных экономических систем в целом оказывает глобальная социально-экономическая среда, в пределах которой значительно активизировались циклические процессы, связанные со становлением сетевой экономики. Это привело к стремительным структурным сдвигам на микроэкономическом уровне, трансформации государственного строя, видоизменению форм и методов взаимодействия хозяйственных субъектов и т.д.

Глобальный финансовый кризис создает возможности для завершения периода неолиберализма и восстановления справедливого и устойчивого общественно-демократического экономического порядка. Насколько полно эти возможности будут реализованы, зависит от принимаемых политиками и экономистами решений. В случае затяжной рецессии гегемония неолиберального финансового капитала может быть разрушена.

---

[1] См.: Григорьев Л., Тамбовцев В. Модернизация через коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 1. – С. 59–69; Клочко В. К измерению глубинных глобализационных изменений в экономике // Актуальные проблемы экономики. 2009. – № 9 (99). – С. 24–30; International law, economic globalization and developing countries / Ed. by J. Faundez. Edward Elgar Publishing, 2010; Носова О.В. Инвестиционные перспективы Украины: экономико-правовая модель. Монография. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 306 с.

В экономической литературе получил распространение подход, рассматривающий взаимосвязь и взаимовлияние глобализации и модернизации[1]. Процесс модернизации рассматривается как органически присущий развитию страны, как усовершенствование, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества, приводящее к коренным изменениям во всех сферах деятельности. Догоняющая модернизация означает заимствование иностранных технологий, норм менеджмента, использование специалистов, прошедших подготовку за рубежом в ведущих компаниях. Модернизация является процессом усовершенствования, обновления объекта в условиях технологического прорыва страны. Данный процесс предполагает включение страны в глобальную экономику при использовании своих конкурентных преимуществ. «Модернизация, – по мнению В. Иноземцева, – это мобилизационный процесс, который предпринимается в тех или иных странах для сокращения образовавшегося отставания от государств-конкурентов»[2]. Основными формами модернизации являются внутренняя модернизация страны, которая обеспечивает саморазвитие государства; догоняющая модернизация, характеризующаяся использованием политики для достижения уровня развития стран приблизительно того же технологического и социального уровня; эволюционная модернизация как непрерывный процесс, происходящий посредством проведения реформ и инноваций. Использование модели догоняющего развития было свойственно странам, когда модернизировавшаяся страна конкурировала с другими индустриальными странами. Опыт проведения модернизации в рамках индустриальной системы хозяйствования в Германии, Великобритании, США и Японии показывает, что индустриальная модернизация может помочь догнать и перегнать лидеров.

Е. Брагин подчеркивает, что глобализация существенно расширяет возможности модернизации на национальном уровне. По мнению автора, проблема состоит в том, что в большинстве стран Юга внешние заимствования, начиная от технологий и кончая современными ноу-хау, попадают в неблагоприятную бизнес-среду и могут лишь частично адаптироваться к местным социально-экономическим условиям. Только при широкой адаптации названных заимствований они могут стать импульсами обновления производства, а не обернутся потерей средств и времени[3]. В. Иноземцев считает, что стартующая в России и нацеленная на «догоняющее развитие» модернизация абсолютно не реализуема в современных условиях[4]. Задача текущего этапа развития должна состоять в том, чтобы сократить существующий разрыв с развитыми странами при повышении благосостояния граждан. Для решения данной задачи следует обеспечить проведение стратегии повышения конкурентоспособности экономики. При проведении модернизации экономики важная роль отводится технологическим, экономическим, организационно-политическим и социальным заимствованиям. Инновации в социальный капитал обеспечивают создание хозяйственно-правового механизма, позволяющего сделать качественный скачок в экономическом развитии.

В странах Западной Европы получил распространение подход импортируемой модернизации западного типа, который сфокусирован на строительстве новых институциональных экономических стимулов, способных изменить человеческое поведение. Противоположной точки зрения придерживаются авторы, связывающие особенности появления нескольких моделей развития и их модернизации в традиционных обществах, например Индии, Китае и т.д. с процессами, протекающими в странах Восточной Европы.

В основе глобализации лежит процесс общественного разделения труда, который способствует углублению внешних и внутренних связей между компаниями, фирмами и предприятиями. Глобализация представляет комплексный процесс, характеризующийся переходом к качественно новой ступени интернационализации хозяйственной жизни. Категорию «глобализация» абстрактно можно определить как процесс, приводящий к интернационализации производства и НТП, к объединению капитала, международных финансовых рынков, людей в единую мировую систему, глобальное сообщество[5].

Глобализация устраняет естественные и искусственно возникающие преграды для распространения информации, расширяет возможности выбора фирмой стратегии размещения производства. Развитие технологического прогресса приводит к уменьшению транспортных и коммуникационных издержек, а также устранению барьеров для передачи информации. «Быстрый рост Китайской экономики, занимающей десятое место в мире в 1989 году и ставшей четвертой крупнейшей мировой державой в 2006 году, открытие Индии, стран Центральной и Восточной Европы глобальным рыночным вызовам, изменило пространственную картину ведения бизнеса в мире», – указывает Дж. Даннинг[6].

Для понимания механизма глобальной взаимозависимости экономик на основе оценки финансовых параметров современного развития выделяют несколько тенденций, которые описывают траектории глобальных дисбалансов и позволяют анализировать последствия финансового кризиса. Они включают значительное усиление международной

---

[1] Бритикова Е. А. Модернизация и глобализации: перспективы и противоречия // Общество и право. 2014. – № 1 (47). – С. 286 – 290.

[2] См.: Иноземцев В.Л. Модернизация России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2010. – № 2. – С.90.

[3] См.: Брагин Е. Южная Азия: регион на фоне глобализации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2011. – № 7. – С. 99.

[4] См.: Иноземцев В.Л. Россия и «новые индустриальные страны» перед вызовами XXI века // Вестник Института Кеннана в России. – М., 2006. – Вып. 9. – С. 64.

[5] См.: Носова О.В. Влияние глобализации на экономическую модернизацию стран // Материалы международной научно-практической конференции «Россия в глобализирующейся мировой экономике» / Под ред. Ю.М. Осипова, В.А. Алешина, А.Ю. Архипова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. Ун-та, 2006. – С. 19.

[6] См.: Dunning J.H. Space, location and distance in IB activities: a changing scenario // Foreign direct investment, location and competitiveness / Ed. by John H, Dunning, Philippe Gugler. Vol. 2: Progress in International Business Research. JAJ Press, 2008. – P. 110.

финансовой интеграции, особенно среди стран с развитой экономикой, резкое расширение глобальных дисбалансов, которые стали реалией современной экономики, различия в доходности между внешними активами и обязательствами, что вызывает существенное перемещение капитала и других видов ресурсов между странами[1].

Под глобализацией понимается образование международного правового и культурно-информационного поля, своего рода инфраструктуры межрегиональных, в том числе информационных обменов[2]. Следует отметить противоречивую сущность процесса глобализации, с одной стороны, приводящего к экономическому объединению и стабильности, а, с другой стороны, изменяющего систему распределения, сопровождаемого появлением новой транснациональной системы взаимоотношений. Одним из последствий этого процесса, оказывающих негативное влияние на состояние окружающей среды, является расширение индустриализации в глобальном масштабе.

К особенностям современных отношений интернационализации относятся расширение международных экономических связей и включение в международную систему отношений стран переходной экономики, которые не имеют опыта участия в международных альянсах и соглашениях. Расширение процесса глобализации выражается в росте международных объемов торговли и услуг. Многие ученые утверждают, что международные инвестиции – мощный инструмент продвижения к более тесной экономической интеграции[3]. Привлечение иностранных инвестиций обеспечивают перенос ноу-хау, новых технологий и методов управления, способствуют повышению квалификации рабочей силы. Значительных успехов в проведении модернизации добились Китай, Чили, создавшие благоприятный инвестиционный климат для привлечения иностранного капитала.

Основными способами инвестирования в зарубежные страны выступают коммерческие кредиты, официальные денежные потоки, прямые иностранные инвестиции и портфельные инвестиции.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) являются основной движущей силой интеграции и роста экономического благосостояния постиндустриальных стран. Портфельные инвестиции – это инвестиции в ценные бумаги, они состоят в покупке финансовых инструментов (акций или долговых обязательств) иностранной компании и не предусматривают установления контроля со стороны инвестора над собственностью. Значительный рост ПИИ отмечается во всех регионах мира как в абсолютном, так и в относительном выражении (по отношению к ВВП). Потоки ПИИ распространяются и проникают в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, возрастает пространственная диверсификация инвестиций. Развитие капиталистических отношений стимулировало повышение эффективности производства и расширение ПИИ, что способствовало развитию региональной интеграции, сопровождалось созданием новой структуры конфигурации трансграничных венчурных предприятий и росту сетевой экономики. В докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях 2015 года указывается, что общий объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире снизился в 2014 году на 16% до 1,23 трлн. долл.[4]

В процессе интеграции экономик преобладающими являются международные сделки, которые принимают форму трансакций между различными подразделениями транснациональных корпоративных систем, расположенных в разных странах. В рамках ТНК интернационализирована большая доля мировой торговли и около одной четвертой части потоков технологий. Дж. Даннинг указывает на три основные особенности ПИИ, связанные с глобализацией и технологическим изменением. Они включают, во-первых, тенденцию постепенной географической децентрализации НИОКР в рамках стоимостной цепочки ТНК, что связано с распространением инноваций. Во-вторых, рост сектора услуг, который отражает политику государства в области либерализации режима ПИИ в сфере услуг, что связано со снижением транспортных и коммуникационных затрат, ростом глобальной конкуренции и использованием финансовой инфраструктуры в качестве основы интернационализации. В-третьих, изменение мотивов ПИИ. В начале 2000-х годов под влиянием экономических и социальных изменений значительная доля ПИИ была предназначена для приращения конкурентных преимуществ инвестирующих фирм путем создания или приобретения новой стоимости. Такая стоимость может быть представлена в форме новых технологий, менеджерских и организационных компетенций, институтов, системы распределения и т.д.[5]

Результатом создания глобальных сетей явилось объединение финансовых и товарных рынков, образование мирового финансового рынка. Постиндустриальные страны оказались в эпицентре развития мировых процессов, в то время как остальные государства лишь косвенно задействованы в них. Качественные изменения в финансовой сфере экономики при выполнении не чисто финансовых, а спекулятивных и страховых операций обусловили изменение роли финансовых рынков в обслуживании реального сектора экономики. Увеличение количества заключаемых трансакционных сделок, перемещение значительных денежных средств на финансовых рынках вызвали обострение конкуренции на мировом рынке банковских услуг, привели к дерегулированию финансовой сферы. Спекуляция на изменении курса валют превратилась в одну из наиболее выгодных рыночных операций. Это выразилось в появлении дериватов, функционирующих наряду с фьючерсами и опционами. В результате их использования открываются большие возможности для выполнения спекулятивных операций на изменении курса валют, а также расширении использования финансовых активов.

---

[1] См.: Миргородская Е.О. Глобальный финансовый капитал. – М.: Магистр, 2007. – С. 25.

[2] См.: Симония Н. Глобализация и неравномерность мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2001. – № 3. – С. 35–45.

[3] См.: Михайлова А.А. Роль прямых иностранных инвестиций в экономике стран-реципиентов // Экономическая наука современной России. – М., 2009. – № 3(46). – С. 86.

[4] См.: UNCTAD. World Investment Report 2015. Reforming international governance. United Nations. – New York; Geneva, 2015. – http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2015_en.pdf

[5] См.: Dunning J.H. The globalization of business. – London: Addison-Wesley Publishing, 1993. – P. 87–88.

Глобализация непосредственно связана с возрастанием международного обмена технологиями. Международная торговля и ПИИ выступают в качестве основных путей распространения технологического знания. Существенное значение имеет размещение НИОКР. Потребность создания научных объединений вызвана технологической сложностью производственного процесса, изменением размещения многих видов услуг, стимулирующих развитие электронной торговли. Потребность достижения конкурентоспособного состояния производства стимулирует постоянный поиск более выгодного размещения производственных инноваций и их постоянное совершенствование. Каждый из указанных факторов влияет на целостную конфигурацию всех составляющих процесса создания и использования нового знания.

В основе наблюдаемого успеха новых индустриальных стран в области технологического соперничества лежит стремление и способность привлечь к сотрудничеству и заставить работать на себя новейшие технологии, разрабатываемые странами-технологическими лидерами. Заимствование существующих новых технологических знаний и изучение способов их переноса из стран с высоким доходом является менее затратным процессом, чем разработка новых технологий. Следует отметить, что зарубежные НИОКР оказывают положительный эффект на показатель уровня производительности труда в стране. Величина эффекта тем значительнее, чем выше степень торговой открытости страны. Существуют области интенсивного обмена научно-исследовательской продукцией. К факторам, обеспечивающим стимулирование международного торгового обмена знаниями между странами, относится свободный доступ местных компаний на конкурентный рынок международной торговли.

Национальные компании получают возможности использовать разнообразные техники и технологии посредством международной торговли. Они производят продукты, которые готовы покупать местные потребители. Таким образом, национальные потребители не просто покупают современные импортные товары высокого качества, но и требуют соответствующего качества от местных производителей, которые оказываются поставленными в аналогичные условия под влиянием процесса модернизации. Следовательно, международная торговля стимулирует инновационный процесс через повышение конкурентного уровня рынка продуктов. Примером успешной торговой политики служит реализация экспортной стратегии Китая под лозунгом «Идти наружу», которая превратила страну в крупного экспортера капитала на международной арене. Экспорт капитала Китая в США, Европу и другие страны увеличился с 3 млрд. до 16, 1 млрд. долл. с 2002 по 2005 г. Общий объем притока ПИИ Китая за границу превысил 63 млрд. долл. Доля инвестиций в основной капитал увеличилась с 24,2 до 48,5% ВВП за 15 лет проведения экспортно-ориентированной политики[1].

Международная торговля позволяет той или иной стране, независимо от уровня ее доходов, увеличивать выпуск специализированных товаров для удовлетворения глобального спроса на них. Таким образом происходит развитие инновационных разработок в специализированных отраслях производства. Увеличивая выпуск продукции, фирмы быстрее овладевают специализированным знанием о том, как уменьшить производственные издержки. При этом они получают больше стимулов для создания новых технологий, внедрения инноваций, сокращающих издержки.

ПИИ способствуют распространению технологического знания. Рост производительности труда в промышленности как результат процесса развития НИОКР в богатых странах повышает ее уровень в беднейших странах. Этот процесс напрямую зависит от того, насколько страны и с большим, и с малым доходом открыты для международной торговли, иностранного инвестирования и распространения знаний. В погоне за развитыми странами отстающие государства, открытые для международной торговли и ПИИ – и, таким образом, получающие больший доступ к зарубежным технологическим разработкам, – могут получить преимущество от применения не только уже получивших распространение инноваций, но и самых новейших разработок. Ряд развивающихся стран считают нецелесообразным проводить политику полной открытости своих торговых границ, поскольку появление новых товаров, приобретение новых навыков работниками и использование современных форм организации деятельности в большинстве случаев делает их предыдущую организацию работы совершенно устаревшей. Например, серьезным препятствием для развития является создание транспортной и коммуникационной инфраструктуры. В процессе информационной революции расходы на ее создание существенно снизились. Вместо трудоемкого процесса создания плотной сети дорогостоящих телефонных линий и связываниями проводами миллионов домов появилась возможность обеспечения коммуникаций посредством беспроводных телефонов, обеспечивающих мобильность связи.

Следует отметить противоречивую природу процесса глобализации. Негативные тенденции, возникающие под воздействием развития современных технологий, выражаются в обособлении и автаркии. В настоящий период эти тенденции еще не проявились в достаточной мере, но под воздействием развития международного обмена технологиями и углубления связей между странами эти процессы будут более осязаемы в будущем. В процессе интернационализации капитала углубляются диспропорции экономического развития между странами. Существенно возрастает роль транснационального частного капитала, определяющего ситуацию на мировом финансовом рынке. В системе мировой экономики постиндустриальные страны занимают главенствующее положение по сравнению с индустриальными странами. Происходит разделение на высокодинамичные и стагнирующие системы. Страны с переходной экономикой выступают в качестве поставщиков не только дешевого сырья, рабочей силы для индустриально развитых стран, но также используются высокоразвитыми странами для вывоза устаревших технологий и утилизации своих отходов. В результате имеет место конфликт между двумя противоположными тенденциями, с одной стороны, взаимопроникновением, слиянием экономик в рамках мировой экономики и, с другой стороны, выделением, обособлением национальной специфики, особенностей отдельно взятой страны. Разумное сочетание интеграционных процессов с признанием национальных особенностей стран будет способствовать их поступательному развитию.

---

[1] См.: Бельчук А. Вновь об оценке реформ в Китае // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 4. – С. 86–89.

Современный этап цивилизационного развития определяется развитием двух процессов – сохранения национальной специфики стран (культурной идентичности) и глобализации социально-экономических отношений. Расширение деятельности ТНК, делящих мир на глобальные сети производства и НИОКР, является важным фактором углубления процессов глобализации. Глобализация стимулирует развитие модернизации, но для получения эффекта данный процесс должен быть регулируем. Регулятором глобализации должны выступать правительства тех стран, которые выступают реципиентами финансовых потоков и новых технологий.

Управление глобальной системой капитала направлено на обеспечение согласования связей на основе обмена информации, объема и направленности сигналов с другими системами. Цель системы заключается в эффективном использовании преимуществ международного движения капитала на основе поддержания соответствия инвестиционного спроса инвестиционному предложению. Поступающие в развивающиеся страны потоки капитала являются недостаточными и дорогостоящими. Это объясняется существованием экономических диспропорций и сохранением высокого показателя риска в этих странах.

Успешное проведение политики индустриальной модернизации в Таиланде, Малайзии, Индонезии и Китае в конце XX века позволило им достичь высоких темпов роста ВВП и начать конкурировать с ведущими мировыми производителями в отдельных отраслях промышленности. Изучение азиатской модели развития позволяет выделить ее следующие особенности: высокую скорость накопления капитала; небольшую величину потребления в накоплении и значительную долю национальных сбережений.

Темпы роста капитала в Китае превышают в три раза темпы инвестирования в США, Европе и в два раза темпы в развивающихся странах. Заслуга Китая состоит в обеспечении притока спекулятивного капитала в страну и создании благоприятного инвестиционного климата для его вложения в индустриальное производство. Китай использует смешанную модель экономического развития. Она содержит элементы рыночной экономики, основанной на развитой конкуренции, и централизованно-управляемой, которая использует жесткую государственную политику в перераспределении ресурсов. В соответствии с данными Всемирного Банка к 2020 году на долю азиатских стран будет приходиться 40% всемирного экономического продукта. Согласно большинству прогнозов, китайская экономика в XXI веке станет крупнейшей в мире, а внешний потенциал КНР уже в середине XXI века может оказаться сопоставимым с американским. О.А. Арин считает, что восточный блок, возглавляемый Китаем, в XXI веке превзойдет по совокупному экономическому потенциалу западный блок во главе с США[1].

Под влиянием процессов глобализации и интернационализации мировой экономики происходит расширение взаимозависимостей, взаимосвязей между основными мировыми индустриальными центрами, государствами на макроуровне. Отмечено также углубление производственных процессов на микроуровне, что сопровождается совершенствованием внутренних взаимоотношений между экономическими субъектами на уровне компаний, фирм. Проведение модернизации в странах Восточной Европы предусматривает реализацию модели догоняющего развития. Государство должно проводить активную политику, нацеленную на сокращение изначального отставания от экономически продвинутых стран. Индустриализация экономики является основным путем повышения производительности труда и качества жизни.

Исследование влияния процессов глобализации на экономическое развитие показывает существование противоречивых тенденций, способствующих развитию государств, так и приводящих к регрессу в их экономике. В результате становления и роста финансовых рынков капитала происходят значительные изменения в финансовой сфере, сопровождаемые перемещением больших объемов капитала между странами. Мобильность движения капитала определяет эффективность производственной и научно-технической кооперации, стимулирует развитие рынков факторов производства. Активизация роли государства как регулятора процессов модернизации: структурной перестройки, перетока капитала в современные высокотехнологичные отрасли и производства, привлечения на льготных условиях иностранных инвестиций может создать условия для экономического прорыва страны[2].

Проведение модернизации в постсоветских странах должно быть связано с укреплением культурной идентичности, создающей благоприятную среду для проведения реформ. Формирование общих ценностей и приоритетов в обществе, а также приспособление к новым, быстро меняющимся условиям, позволит привлечь и использовать достаточные ресурсы для развития.

Страны, интегрированные в глобальную финансовую систему, демонстрируют в среднем более высокие темпы роста реального национального дохода, чем не причастные к ней. Рациональное управление денежными потоками госбюджета, предприятий, экономических субъектов стимулирует экономическую модернизацию национальной экономики.

Влияние процесса глобализации на экономическую модернизацию стран свидетельствует о существовании противоречивых тенденций, сопровождающихся как поступательным развитием стран, так и приводящих к регрессу их экономик. Нерешенность глобальных проблем бедности, сохранение домашинного, кустарного быта, неограниченное тиражирование продуктов массовой культуры приводит к функционированию «западной социокультурной и производящей закрытой, монологичной, не способной к существенной самокоррекции системы»[3]. В качестве основной задачи стимулирования взаимовыгодного экономического развития экономисты выделяют обеспечение эффективного сочетания мер по координации международной политики между странами и усилий, направленных на достижение конкурентных преимуществ на мировой арене.

---

[1] См.: Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. – М.: Альянс, 2001. – 106 с.

[2] См.: Шейнис В. Экономический кризис и вызовы модернизации // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2009. – № 9.- С. 9.

[3] См.: Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – С. 290.

Овешникова Л.В.
д.э.н., профессор кафедры статистики Российского экономического университета
lud_proz@mail.ru
Сибирская Е.В.
д.э.н., профессор кафедры статистики Российского экономического университета; профессор Департамента экономической теории Финансового университета
e-sibirskaya@rambler.ru

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ НА МЕЗО- И МАКРОУРОВНЕ

Ключевые слова: *статистическое исследование, регионы, мезоуровень, макроуровень, инвестиции.*
Keywords*: statistical study, regions, meso, macro level, investments.*

Роль инвестиций в национальной экономике сложно переоценить. Посредством инвестиций реализуются достижения научно-технического прогресса, от них зависят изменения структуры производства, занятость населения, темпы экономического роста, а, следовательно, и возможности увеличения потребления и роста благосостояния населения.

Инвестирование в значительной степени составляет существенный элемент базы, на которой основывается экономическое развитие общества и его научно-технологический потенциал. Следует отметить необходимость анализа инвестиций как основной ресурсной основы экономического развития национальной экономики и экономики регионов. При этом особую важность, на наш взгляд, имеет структурно-динамический анализ, который совмещает временной (горизонтальный) и структурный (вертикальный) анализ и его виды, обладает достаточной информативностью для оценки инвестиций [5].

В самом общем виде целевая направленность анализа инвестиций на мезо- и макроуровне характеризуется задачами оценки достигнутого уровня развития инвестиционной деятельности. Успешная реализация поставленной цели формирует определенные направления используемого аналитического инструментария. Так, на макроуровне: проведена оценка динамики инвестиций в основной капитал и строительство; динамики темпов прироста инвестиций в основной капитал; динамики прямых иностранных инвестиций в РФ; структуры инвестиций по источникам финансирования; а также структуры инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности. На мезоуровне исследованы: объем инвестиций по субъектам РФ; структура инвестиций в основной капитал по федеральным округам, %; структура инвестиций в строительство по федеральным округам, а также проведена группировка субъектов РФ по объемам инвестиций в строительство.

Методологической основой исследования послужили фундаментальные работы отечественных и зарубежных экономистов в области теории и практики инвестиционной деятельности. Исследования проводились с использованием методов экономической статистики, а также общенаучных сравнительно-сопоставительных методов (анализ, синтез, аналогия, классификация) на основе системного подхода. Информационную базу составили данные, опубликованные в статистических сборниках и на сайте Федеральной службы государственной статистики РФ [4].

Проведенный основанный на данных Росстата анализ показал, что с 2001 по 2015 гг. инвестиции в основной капитал выросли в 12,5 раз, их объем к 2015 г. составил 14 555 902 млн. рублей (рис. 1).

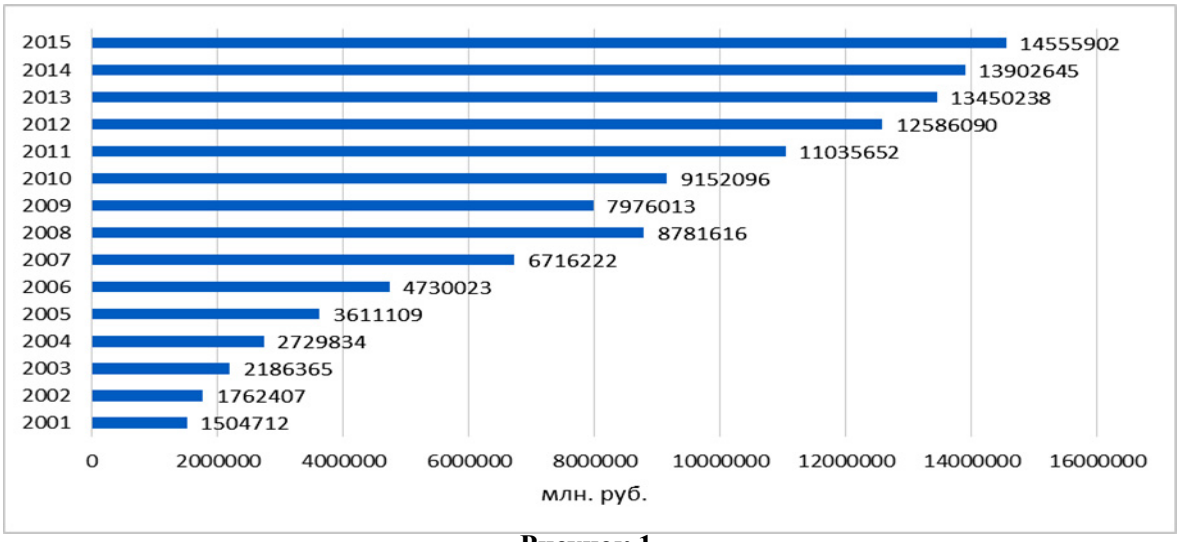


Рисунок 1.
Динамика инвестиций в основной капитал в РФ в 2001–2015 гг., млн. руб.

Динамика темпов прироста инвестиций (цепных) в основной капитал, представленная на рис. 2, говорит о том, что наибольший прирост приходится на 2007 г. с увеличением инвестиций на 42% (на 1 986 199,36 млн. р.). Самое низкое значение приходится на 2009 г., когда темп прироста инвестиций был отрицательным и составлял –9,17% (снижение суммы инвестиций на 805 603 млн. руб.). После кризиса до конца анализируемого периода наблюдается положительный прирост инвестиций в основной капитал, который в 2015 г. составил 4,7%.

Рисунок 2.
Динамика темпов прироста инвестиций в основной капитал, %

Рассмотрим структуру инвестиций в основной капитал по федеральным округам (рис. 3). Наибольшим удельным весом в 2001 и 2015 гг. обладает Центральный федеральный округ: 27,21 и 26,13% соответственно. Самое значительное изменение произошло в Приволжском федеральном округе, где за исследуемый период размер инвестиций в основной капитал увеличился в 52 раза, тем самым составив в общем объеме в 2015 г. 17,41%, по сравнению с 3,66% в 2001 г.

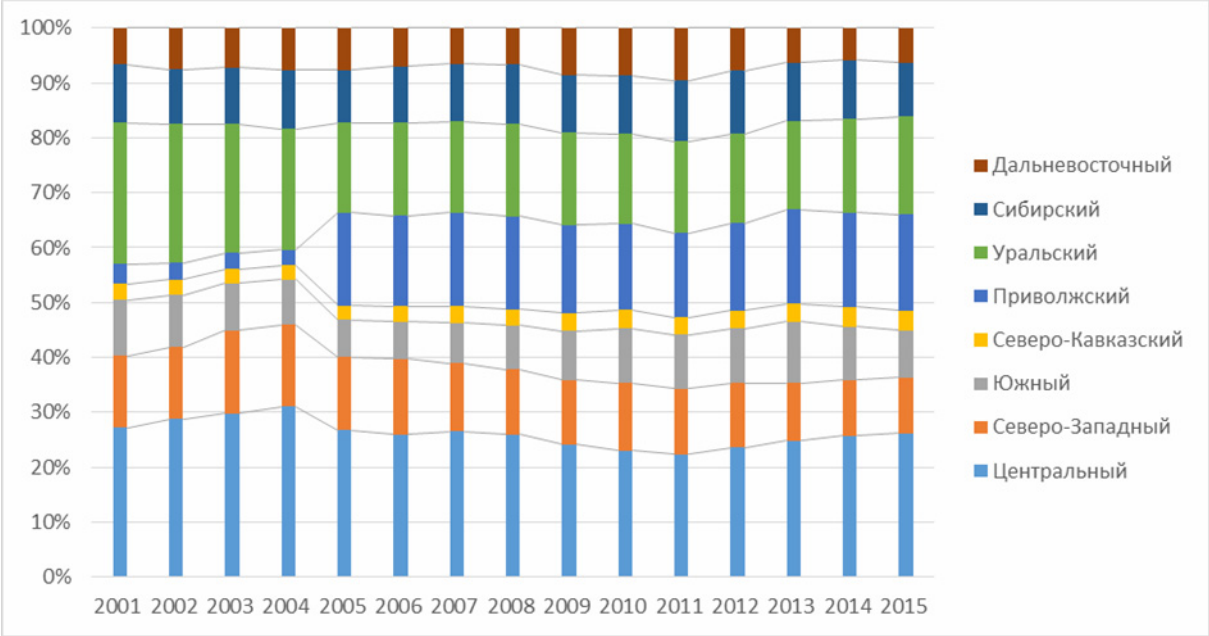


Рисунок 3.
Структура инвестиций в основной капитал по федер. округам, %

Для анализа равномерности инвестирования в табл. 1 и 2 представлены субъекты РФ, имеющие наибольший и наименьший объем инвестиций в 2001 г. и 2015 г.

Таким образом, рейтинг субъектов с наибольшими и наименьшими размерами инвестиций не претерпел серезных изменений (в лидерах остались Тюменская область, Москва, Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Красноярский край, Самарская область; в отстающих: Ингушетия, Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Еврейская автономная область, Тыва, Алтай, Чукотский автономный округ). Стоит отметить, что Республика Башкортостан, которая в 2001 году была в списке субъектов с наименьшими инвестициями, в 2015 г. заняла 9 место по данному показателю (316 718 млн. руб.).

Таблица 1

Объем инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2001 г., млн. руб.

Субъекты-лидеры по объему инвестиций		Субъекты, имеющие наименьший объем инвестиций	
Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.	Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.
Тюменская область	267 293	Северная Осетия	2266
г. Москва	173 839	Республика Башкортостан	1945
Краснодарский край	63 395	Карачаево-Черкесская Республика	1749
Республика Мордовия	56 385	Чукотский автономный округ	1743
г. Санкт-Петербург	53 169	Республика Ингушетия	1548
Московская область	52 701	Республика Адыгея	1510
Оренбургская область	37 977	Республика Алтай	1130
Красноярский край	33 758	Республика Тыва	582
Самарская область	32 541	Еврейская автономная область	440
Ленинградская область	32 273	Пензенская область	286

Таблица 2

Объем инвестиций в основной капитал в субъектах РФ в 2015 г., млн. руб.

Лидеры по объему инвестиций		Субъекты, имеющие наименьший объем инвестиций	
Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.	Субъект	Объем инвестиций, млн. руб.
Тюменская область	1 923 344	Камчатский край	25 950
г. Москва	1 611 512	Ивановская область	25 651
Московская область	640 320	Республика Ингушетия	17 995
Республика Татарстан	617 180	Республика Калмыкия	16 084
Краснодарский край	579 908	Республика Адыгея	15 548
г. Санкт-Петербург	521 293	Карачаево-Черкесская Республика	15 304
Красноярский край	394 410	Еврейская автономная область	12 977
Свердловская область	350 442	Республика Тыва	12 724
Республика Башкортостан	316 718	Республика Алтай	11 019
Самарская область	298 746	Чукотский автономный округ	8443

Структура инвестиций по источникам финансирования показывает, что основным источником (более 50%) в период с 2001 г. по 2014 г. были привлеченные средства, однако в 2015 г. больший удельный вес имели собственные источники финансирования, которые составили 5260,3 млрд. руб. (50,17%) (рис. 4).

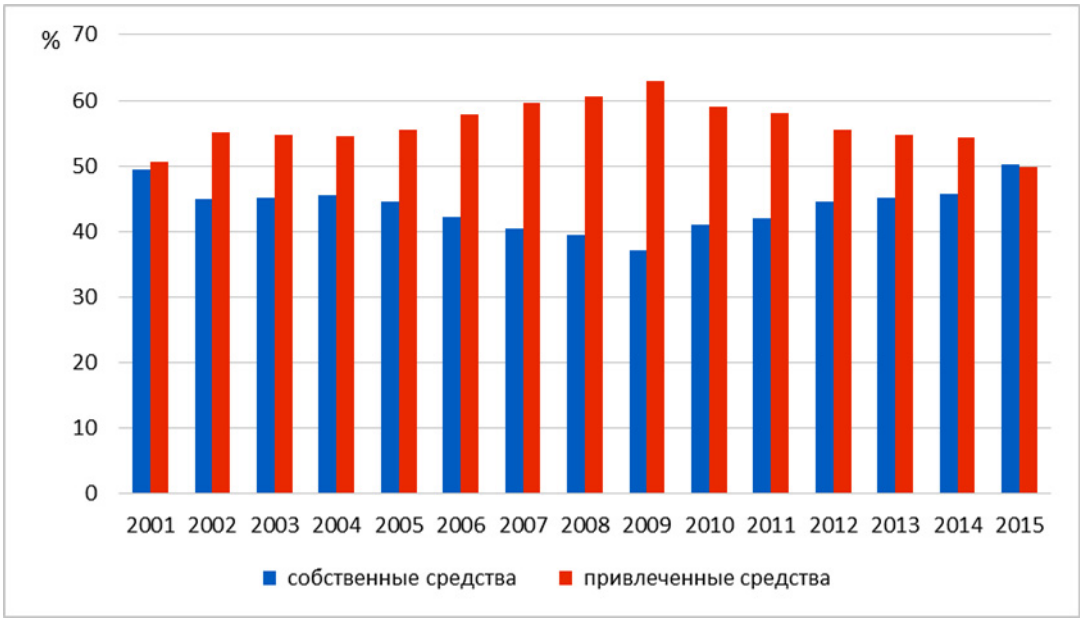


Рисунок 4.
Структура инвестиций по источникам финансирования, %

Достаточно важными для развития государства являются средства, поступившие из-за рубежа. Это позволяет быстрее реализовать проекты, на которые внутренних резервов бизнеса недостаточно. Роль инвестиций, привлеченных от иностранного капитала, важна еще и потому, что с приходом иностранного капитала в страну вливается огромный опыт и внешние связи, дается толчок развитию инновационных направлений и технологий, происходит активная модернизация действующих предприятий [3].

Рассмотрим прямые иностранные инвестиции в РФ. За исследуемый период данный показатель увеличился более чем в 6,1 раз (на 20 329 млн. долл. США), где максимальный прирост наблюдается в 2011 г. – 41274 млн. долл. США, минимальный зафиксирован в 2014 (–46362 млн. долл. США) (рис. 5).

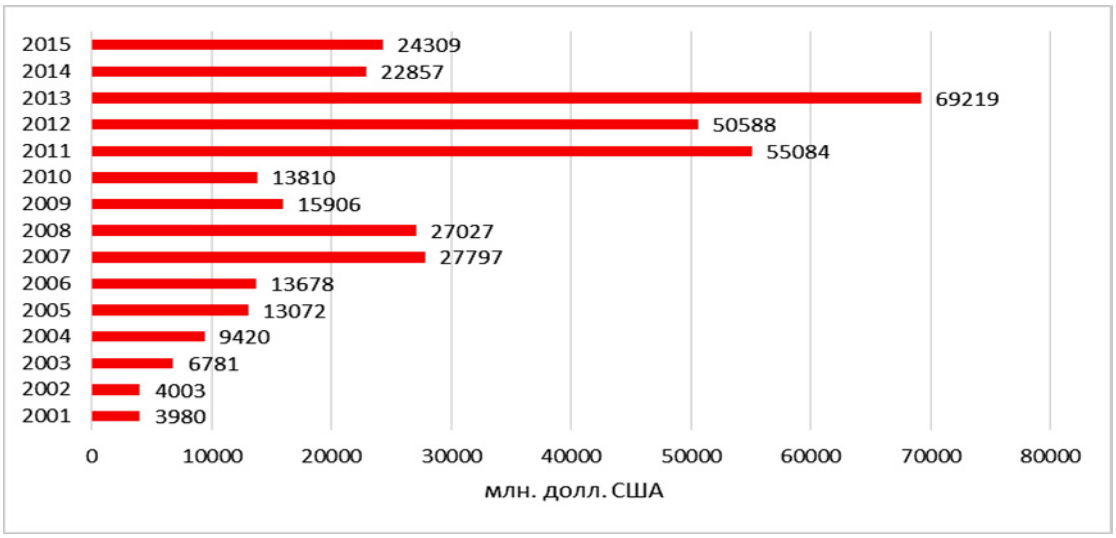
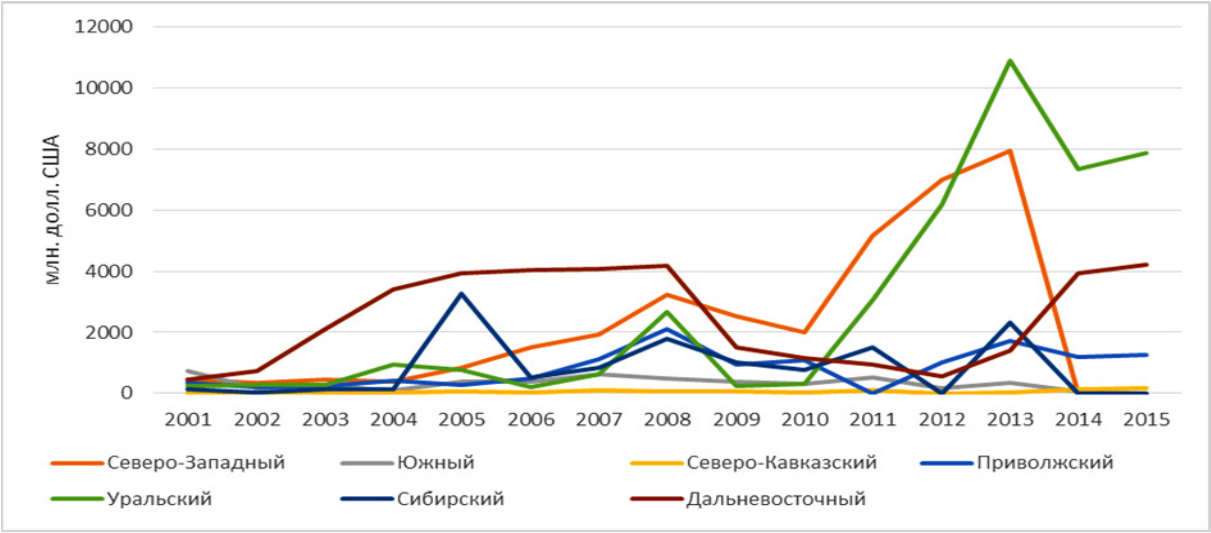


Рисунок 5.
Динамика прямых иностранных инвестиций в РФ, млн. долл. США

Изучение иностранных инвестиций по федеральным округам показывает, что наибольший удельный вес (более 40%) за весь исследуемый период имеет Центральный федеральный округ. Самые значительные сдвиги в 2015 по сравнению с 2001 произошли в Уральском (рост в 34,5 раз), Дальневосточном (в 9,2 раз) и Северо-Кавказском (в 8,6 раз) федеральных округах (рис. 6).



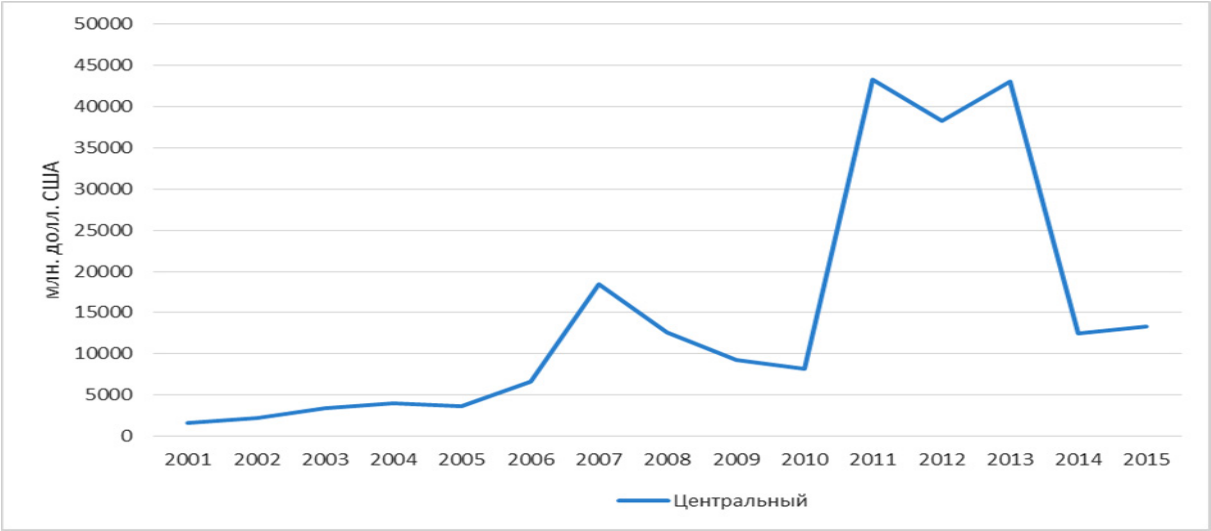


Рисунок 6.
Динамика иностранных инвестиций по федеральным округам, млн. долл. США

Для анализа степени структурных изменений нами использован индекс структурных различий Рябцева, применение которого возможно на любой совокупности статистических данных, который также имеет шкалу оценки меры существенности структурных различий [1, 2]. Рассчитав индекс структурных различий Рябцева, получаем табл. 3, исходя из которой можно сделать вывод, что в структуре иностранных инвестиций по федеральным округам произошли заметные изменения.

Таблица 3

Значения индекса Рябцева по структуре иностранных инвестиций по федеральным округам

	Значение индекса	Интервал значений	Характеристика меры структурных значений
2001 по сравнению с 2009	0,231	0,151–0,300	Существенный уровень различий структур
2009 по сравнению с 2015	0,344	0,301–0,500	Значительный уровень различий структур
2015 по сравнению с 2001	0,388	0,301–0,501	Значительный уровень различий структур

При анализе структуры прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности (рис. 7) было выявлено, что больше всего идет вложений в такие сферы, как обрабатывающие производства (21,9%); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (18,7%); добыча полезных ископаемых (18,4%); оптовая и розничная торговля, ремонт (14,8%).

Рассмотрим структуру общего объема инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности. В 2001, 2009 и 2015 годах структура была примерно одинаковая: наибольшим удельным весом обладает сфера транспорта и связи (22,17%, 26,56 и 24,44% соответственно), в то время как меньше всего инвестиций привлекалось в рыболовство и рыбоводство: за исследуемый период удельный вес данной области не превышал 0,2% (рис. 8).

Рисунок 7.
Структура прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности в 2015 г., %

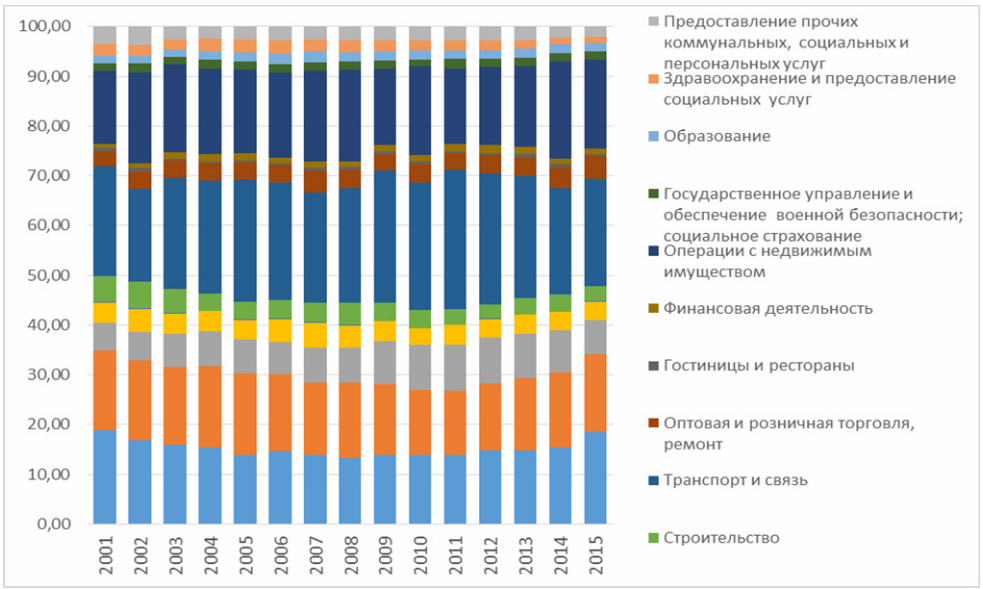


Рисунок 8.
Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, %

Таким образом, уровень изменения структуры по видам экономической деятельности за исследуемый период довольно низкий. Это подтверждается значениями индекса структурных различий Рябцева, которые представлены в табл. 4.

Таблица 4

Значения индекса Рябцева по структуре инвестиций по видам экономической деятельности

	Значение индекса	Интервал значений	Характеристика меры структурных значений
2001 по сравнению с 2009	0,103	0,071–0,150	Низкий уровень различий структур
2009 по сравнению с 2015	0,104	0,071–0,151	Низкий уровень различий структур
2015 по сравнению с 2001	0,066	0,031–0,070	Весьма низкий уровень различий структур

Далее мы проанализировали более подробно вид экономической деятельности – инвестиции в строительство, поскольку в этой сфере наблюдается существенный уровень различий в структуре и динамике инвестирования.

На рис. 9 представлена динамика инвестиций в строительство. Объем вложений в данную сферу деятельности в 2015 по сравнению с 2001 увеличился на 369,7 млрд. руб., или в 5,7 раз. В 2008 г. наблюдается пиковое значение – 399,8 млрд. руб., однако из-за кризиса в 2009 г. данный показатель снизился на 27,5% (на 110 млрд. руб.).

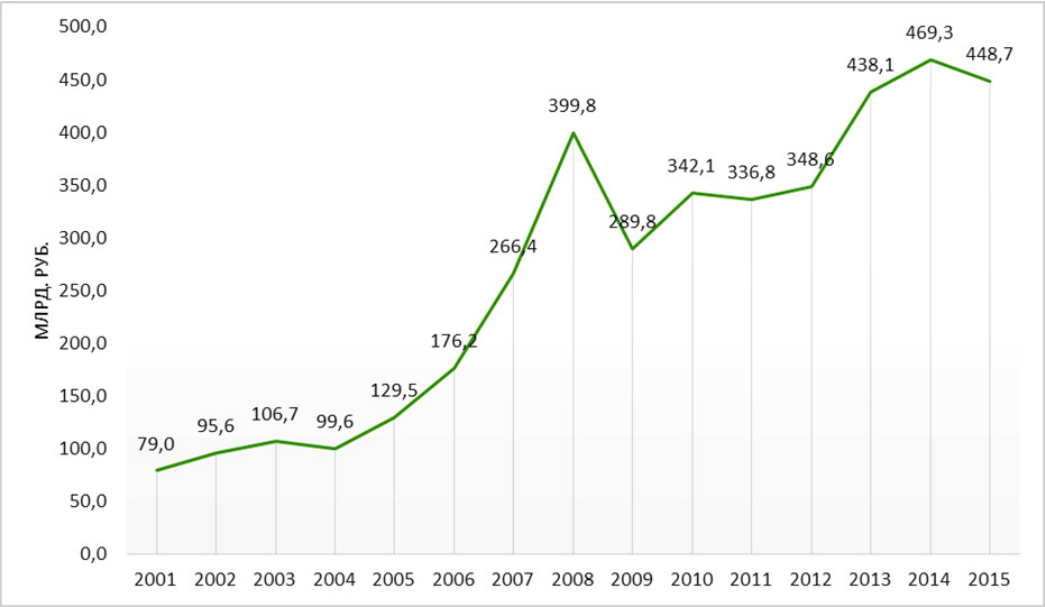


Рисунок 9.
Динамика объема инвестиций в строительство

Анализ инвестиций в строительство по федеральным округам показал, что структура с течением времени видоизменялась: в 2001 году наибольший объем инвестиций в строительство приходился на Приволжский федеральный округ (более 30%), в 2009 – на Уральский (24,5%), в 2015 – на Центральный (26,1%). В то же время, удельный вес Северо-Кавказского федерального округа является наименьшим во всех годах рассматриваемого периода (рис. 10).

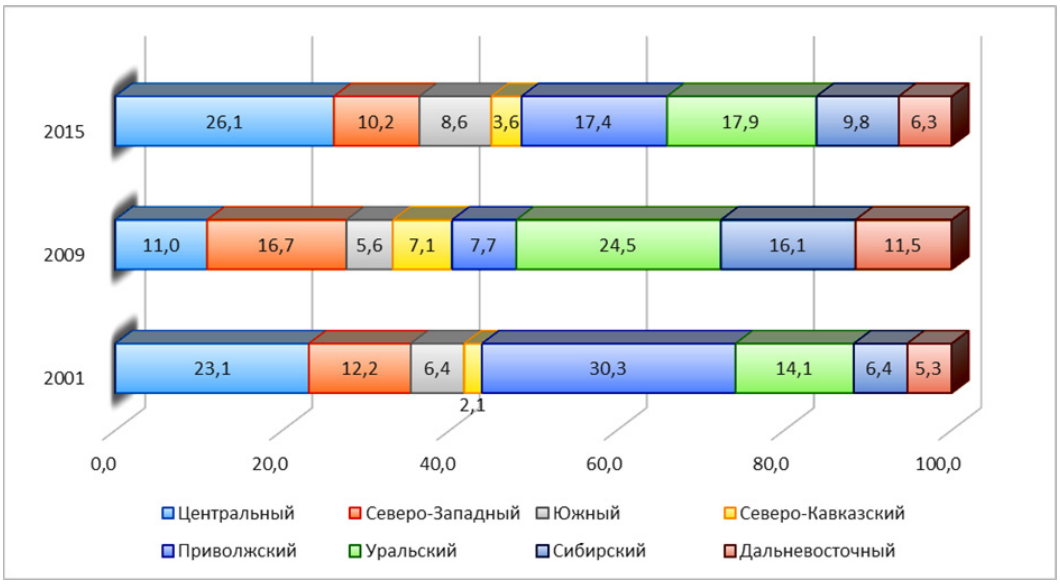


Рисунок 10.
Структура инвестиций в строительство по федеральным округам, %

Отсутствие тождественности структур подтверждает и индекс Рябцева: значения индекса находятся в интервале 0,151–0,300, что говорит о существенном уровне различий.

В таблице 5 приведена группировка субъектов РФ по объему инвестиций в строительство (табл. 5).

Таблица 5

Группировка субъектов РФ по объемам инвестиций в строительство, млн. руб.

№ группы	Интервал	Субъекты, входящие в интервал
1	менее 262,6	Костромская обл., Курганская обл., Ивановская обл., Хакасия, Марий Эл, Брянская обл., Пензенская обл., Тамбовская обл., Кемеровская обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Еврейская автономная обл.
2	262,7–526,7	Тульская обл., Рязанская обл., Новгородская обл., Адыгея, Кировская обл., Смоленская обл., Алтайский край, Орловская обл., Владимирская обл., Карелия, Липецкая обл., Тыва, Чувашская Респ., Вологодская обл., Курская обл., Приморский край
3	526,8–1194,4	Калужская обл., Кабардино-Балкарская Респ., Бурятия, Ярославская обл., Омская обл., Псковская обл., Ульяновская обл., Чукотский автономный округ, Тверская обл., Белгородская обл., Челябинская обл., Томская обл., Ингушетия, Оренбургская обл., Ставропольский край, Камчатский край
4	1194,5–8941,6	Воронежская область, Удмуртская Республика, Нижегородская область, Волгоградская область, Архангельская область, Свердловская область, Новосибирская область, Калининградская область, Республика Мордовия, Саратовская область, Хабаровский край, Иркутская область, Ростовская область, Красноярский край, Забайкальский край, Республика Коми, Сахалинская область, Амурская область, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Чеченская Республика, Самарская область, Астраханская область, Пермский край, Республика Татарстан, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Московская область, г. Москва
5	более 8941,7	Тюменская область, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург

Таким образом, в группу № 5 с наибольшими инвестициями в строительство вошли следующие субъекты РФ: Тюменская область (31 328 млн. руб.), Ленинградская область (32 724,5 млн. руб.), г. Санкт-Петербург (46 531,4 млн. руб.); в то же время группу № 1 с наименьшими инвестициями составляют: Костромская обл. (20,1 млн. руб.), Курганская обл. (63,6 млн. руб.), Ивановская обл.(64,4 млн. руб.), Хакасия (99,0 млн. руб.), Марий Эл (112,8 млн. руб.), Брянская обл. (126,5 млн. руб.), Пензенская обл. (144,9 млн. руб.), Тамбовская обл. (190,9 млн. руб.), Кемеровская обл. (226,4 млн. руб.), Магаданская обл. (253,5 млн. руб.), Мурманская обл. (260,3 млн. руб.), Еврейская автономная обл. (262,6 млн. руб.).

Выводы. Проведенный анализ показал, что инвестиционная деятельность национальной экономики характеризуется существенной неравномерностью по отдельным периодам, отраслям и регионам. Наиболее высокие масштабы инвестиционной деятельности наблюдаются по Центральному федеральному округу. По структуре прямых иностранных инвестиций по видам экономической деятельности выявлено, что больше всего идет вложений в такие сферы, как обрабатывающие производства; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; добыча полезных ископаемых; оптовая и розничная торговля, ремонт.

Рейтинг субъектов с наибольшими и наименьшими размерами инвестиций не претерпел серьезных изменений. При этом наблюдается существенный уровень различий в структуре инвестирования строительства по федеральным округам, причем структура за период 2001–2015 гг. претерпела существенные изменения, что подтверждается приведенными расчетами динамики, структуры и группировки регионов, а также индексом Рябцева, значения которого находятся в интервале 0,151–0,300, что говорит о существенном уровне различий.

В целом в региональном разрезе установлено, что чем больше инвестиций направляется в экономику региона, тем предполагается более высокий уровень его социально-экономического развития.

Список литературы

1. Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015.
2. Инвестиционная деятельность и инвестиционный процесс. – http://studme.org/13761025/investirovanie/investitsionnaya _deyatelnost_investitsionnyy_protsess
3. Иностранные инвестиции и способы их привлечения в российскую экономику. – http://alexnest.ru/kursovye-referaty-sochineniya/inostrannye-investicii-i-sposoby-ix-privlecheniya-v-rossijskuyu-ekonomiku/
4. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf/

Сибирская Е.В.
Овешникова Л.В.
Строева О.А.
Ляпина И.Р.[1]

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА НА РЫНКЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: *инвестиционный климат, инвестиционный проект, разработка процесса, реализация проекта.*
Keywords: *investment climate, investment project, development process, implementation of the project.*

Инвестиционный климат – это среда, в которой протекают инвестиционные процессы. Он формируется под воздействием взаимосвязанного комплекса законодательно-нормативных, организационно-экономических, социально-политических и других факторов, определяющих условия инвестиционной деятельности в отдельной стране, регионе, городе. Инвестиционный климат – это сложный механизм, на который воздействуют различные факторы макро- и микроэкономики, а также социально-политическая обстановка. При наличии положительной тенденции в развитии нормативно-правовой базы страны происходит и улучшение инвестиционного климата, соответственно рост притока инвестиций и развития предпринимательской деятельности. В нашей стране для иностранных инвесторов положительными являются следующие особенности отечественного хозяйствования: большие масштабы рынка в России, слабая освоенность этого рынка, неограниченные сырьевые возможности страны, возможность получить большую прибыль на инвестиции (Sibirskaya, E., Stroeva, O., Serebryakova, N., Petruchina, E., 2014). Однако социально-политическая нестабильность страны и регионов, слабая степень страхования инвестиций, коррумпированность управления, неразвитость инфраструктуры снижают привлекательность России для инвесторов. Таким образом, активизация инвестиционного процесса, создание благоприятного инвестиционного климата – весьма актуальная проблема. С ее решением связаны такие аспекты социально-экономического развития, как повышение жизненного уровня населения и преодоление бедности, обеспечение стабильного развития, безопасности общества и т.д. Инвестиции, динамика их изменений – это важнейший индикатор развития национальной экономики (Sibirskaya E., Mikheykina L., Egorov A., Safronova A., Ivashkova T., 2015).

Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные работы отечественных и зарубежных экономистов в области теории и практики инвестиционной деятельности. Исследования проводились с использованием методов экономической статистики, а также общенаучных сравнительно-сопоставительных методов (анализ, синтез, аналогия, классификация) на основе системного подхода. Информационную базу составили данные, опубликованные в статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики РФ, Министерства экономического развития РФ, правовой информационной базы «Консультант Плюс».

При ухудшении параметров инвестиционного климата, приводящих к низкой доходности и высокой степени риска (Сельсков, 2009) реализации инвестиционных проектов, создаются условия, при которых один или несколько субъектов инвестиционного рынка покидают его пределы. Наиболее уязвимой в этом смысле является «инвесторная» инвестиционная система, предполагающая наличие внешнего инвестора, который имеет возможность непрерывно менять направления капиталовложений в зависимости от поведения характеристик внешней среды. В этих обстоятельствах острого дефицита внешних инвестиционных ресурсов поведение и взаимоотношения оставшихся субъектов инвестиционного рынка коренным образом изменяются. «Ресурсная» инвестиционная система, основанная на использовании внутренних резервов или инвестиционного потенциала промышленной корпорации и эффективного использования внутрикорпоративных финансов (Брейли & Майерс, 1997), активно взаимодействует с фондовым рынком с целью привлечения дополнительных финансовых ресурсов группы внешних акционеров. «Фондовый» субъект инвестиционного рынка, основанный на привлечении в экономическую деятельность ресурсов паевых инвестиционных фондов, отдельных юридических и физических лиц, перераспределяет ресурсы между участниками фондового рынка в направлении развития высокодоходных инновационных проектов посредством прямых и производных инструментов срочного рынка (Галанов, 2002). Очевидно, что в этих обстоятельствах отсутствует рынок предложения инвестиционного капитала. Тогда основой анализа при выборе направлений инвестиционной деятельности или при определении состава субъектов инвестиционного рынка является анализ параметров спроса на инвестиционный капитал.

[1] Сибирская Елена Викторовна – д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики РЭУ, профессор Финансового университета. E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru. Овешникова Людмила Владимировна – д.э.н., профессор, профессор кафедры статистики РЭУ. E-mail: lud_proz@mail.ru. Строева Олеся Анатольевна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и экономической безопасности Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: stroeva-olesya@mail.ru. Ляпина Иннара Рафаильевна – д.э.н., доцент, профессор кафедры маркетинга Орловского государственного университета. E-mail: innara-lapina@mail.ru

Спрос на инвестиционный капитал определяется вектором параметров ψ – фактора. Если доходность от альтернативных источников вложений выше в сравнении с инновационным проектом, тогда инвестирование средств в инновационные разработки нецелесообразно. ψ – фактор проявляется в сравнении текущих параметров инновационного проекта и характеристик финансовых инструментов фондового рынка. Суть анализа заключается в определении характеристик капитализации, доходности и способности к возврату заемных средств в ходе последнего этапа оборачиваемости инвестиционного капитала (табл. 1).

Таблица 1

Содержание элементов ψ– фактора, определяющих состояние рынка спроса на инвестиционный капитал

Порядок	1 состояние	2 состояние	3 состояние
Задача	Альтернативная капитализация	Равный доход	Возврат средств
Элементы ψ – фактора	Ψ_1	Ψ_2	Ψ_3
Барьер	$\mathbf{t_{b1}} = \frac{\ln(1/(1-\mathbf{Ka}\cdot\mathbf{i}))}{\ln(1+\mathbf{i})}$	$\mathbf{t_{b2}} = \frac{\ln(2+\mathbf{i})}{\ln(1+\mathbf{i})}$	$\mathbf{t_{b3}} = \frac{\ln(1/\mathbf{i})}{\ln(1+\mathbf{i})}$
Формула	$К_{ИНН} – К_{ФИН}$ t_T-t_{b1}	$Д_{ИНН} – Д_{ФИН}$ t_T-t_{b2}	$С_{АНН} – С_{ЗК}$ t_{b3}-t_T
Приоритеты	Ориентир на величину капитализации. Создание альтернативного по величине (К) финансового инструмента.	Ориентир на величину дохода. Создание альтернативного по доходности финансового инструмента.	Ориентир на способность погашения кредитных линий.

Инвестирование средств осуществляется аннуитетными платежами головной производственной компании как в инновационный проект, так и в рыночные финансовые инструменты.

Вложение средств в финансовые инструменты, уровень доходности которых (d) ниже доходности производственного бизнеса (r) экономически нецелесообразно (r>d). Возможно, что уровень доходности финансового инструмента может быть выше доходности производственного бизнеса, т.е. (r<d). Будем рассматривать этот тезис как вероятный для высоко рисковых ценных бумаг (Вяткин, Вяткин & Гамза, 2003]. В рассматриваемом исследовании остановимся на компромиссном варианте, когда (i=r=d) уровень доходности компании и фондового рынка совпадают, где (i) – равная ставка доходности, соответствующая временному барьеру (t_b) (табл. 2).

Более строго с экономической и математической точек зрения это обстоятельство интерпретируется следующим образом. В зоне, где (r>d) вложение средств в финансовые инструменты нецелесообразно, так как доходность промышленного производства выше. Для зоны (r<d) финансовый рынок предпочтительнее как альтернативный источник дохода. Граница, где (i=r=d) представляет собой раздел между экономически выгодным (обоснованным) вложением средств между производственным «ресурсным» субъектом инвестиционного рынка и «фондовым» участником.

Тогда для финансового анализа состояния инвестиционного рынка особый интерес представляет изучение закономерностей поведения барьера (t_b) в зависимости от различных экономических показателей. Наличие равной ставки доходности в текущий момент времени (t_T) означает нахождение (t_T) на барьере (t_b), когда уровни капитализации или доходности, или способности к возврату средств совпадают. Логико-математический анализ определения барьера (t_b) в зависимости от равной ставки доходности (i) произведен в работе (Олейник, 2002), основные результаты которого представлены в табл. 2.

Здесь элементы ψ – фактора распределены по задачам определения альтернативных капитализаций, доходов и способностей к возврату инвестированных ресурсов для «ресурсного» и «финансового» субъектов инвестиционного рынка.

Далее под (t_{b1}, t_{b2} и t_{b3}) обозначены барьеры равных капитализаций, доходности и возврата ресурсов, соответственно. Ка – соотношение стартовой величины капитализации инновационного проекта к величине ежегодного инвестиционного аннуитета, который способна осуществлять промышленная корпорация. Стартовый момент времени (t_H) – момент начала реализации инновационного проекта. Очевидно, что барьеры $t_{b1}=f_1(Ka;i)$, $t_{b2}=f_2(i)$ и $t_{b3}=f_3(i)$ носят логарифмический характер.

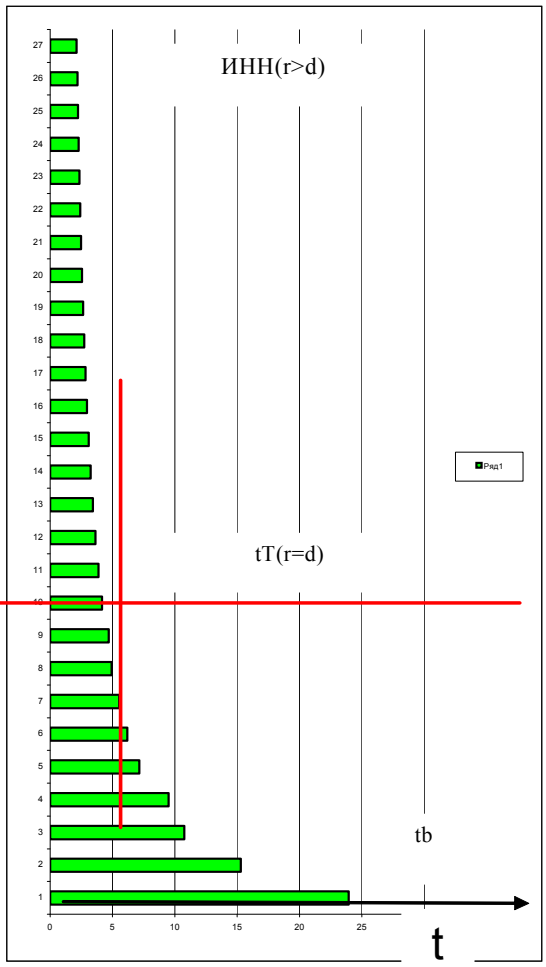
В табл. 2 изображена функция $t_{b2}=f_2(i)$ поведения барьера (t_{b2}). Низкая ставка равной доходности (i) делает привлекательными стабильные финансовые инструменты такие, как муниципальные бумаги (ММ), инструмент (DOW JONES) и (S&P). Финансовый и реальный инвестиционные проекты достигают равной доходности в постпрогнозном от 5 до 10 лет и в течение непредсказуемого периода свыше 10 лет. С увеличением ставки равного дохода сроки ее достижения сокращаются. Однако высокая доходность бумаг фондового рынка повышает степень риска, что уменьшает привлекательность фондового рынка. И наоборот, рост ставки равного дохода расширяет зону привлекательности реальных инновационных проектов в связи с ростом реальной материально-технической базы инновационных проектов и, как следствие, повышение уровня их стабильности.

Степень риска высокодоходных ценных бумаг не дает возможности ориентироваться на привлекательную ставку доходности из-за высокой степени волатильности. Содержание элементов ψ – фактора определяется как разница между капитализацией (К), доходностью (Д) и способностей к возврату средств (С) соответственно реального инновационного (ИНН) и фондового (ФИН) субъектов инвестиционного рынка и определяется для текущего момента времени (t_T). $\psi_1>0$, когда капитализация инновационного проекта выше капитализации финансового. Это обстоятельство имеет место в том временном интервале, когда (t_T) не достигло значения (t_{b1}). Аналогичная ситуация имеет место при

анализе доходности субъектов инвестиционного рынка. Обратная ситуация имеет место при анализе способности к возврату средств, когда прохождение барьера (t_{b3}) может означать превышение стоимости кредитной линии над возможностями производственной корпорации по ее погашению.

Таблица 2. Барьер (tb) равных доходностей "ресурсного" и "фондового" субъектов инвестиционного рынка

			ГОДЫ
С	55		2,1359563
Т	52	ALFA+	2,2073945
А	51		2,2331017
В	49		2,2877065
К	47		2,3470189
А	45		2,4116682
	43		2,4824006
Д	41		2,560108
О	39		2,6458653
Х	37		2,74098
О	35		2,8470585
Д	33		2,9660965
Н	31		3,1006051
О	29		3,2537881
С	27		3,4297986
Т	25		3,634119
И	23		3,8741386
	21		4,160062
	18	PUTNAM	4,7085009
	17		4,9344501
i	14,8	S&P	5,5392696
	13		6,1866849
	11		7,1549237
%	8	MM	9,5160861
	7		10,753224
	4,8	ALFA+	15,290292
	3		23,953467



ФИН(r<d)

Срок достижения равного аннуитета

- прогнозный период, до 5 лет;

- постпрогнозный период, от 5 до 10 лет

- непредсказуемый период, свыше 10 лет

Произведем логико-теоретический анализ взаимоотношений субъектов рынка, позволяющих сохранить на высоком уровне ставку доходности инвестиционного рынка. На рис. 1 изображен график прироста капитализации финансового и реального инвестиционного проектов для «фондового» и «ресурсного» субъектов инвестиционного рынка. В интервале [t_0; t_H] «ресурсный» участник рынка осуществляет накопление инвестиционных ресурсов. Инвестиционные ресурсы в виде аннуитетных вложений от производственной корпорации могут поступать как в финансовый, так и в инновационный проект. При размещении этих средств в банковских депозитариях степень капитализации ресурса растет в соответствии с величиной депозитной ставки. Тогда на этапе накопления кривые роста капитализации финансового инновационного проектов совпадают. Интервал [t_H; t_K], как затратный, соответствует четвертой стадии оборачиваемости инвестиционного капитала для «ресурсного» участника инвестиционного рынка. Динамика роста капитализации «фондового» субъекта не претерпевает изменений и соответствует величине фондовой ставки (d).

Степень капитализации инновационного проекта зависит от рыночной стоимости уже возведенных к текущему моменту времени производственных мощностей и может как отставать от капитализации финансового проекта в случае низкой рыночной стоимости, так и опережать ее в случае положительной оценки перспективности проекта участниками и игроками фондового рынка. Временной интервал [t_K; $t_П$] определяется как доходный, когда инновационный проект приносит ожидаемую прибыль и соответствует последней стадии оборачиваемости инвестиционного капитала. Динамика роста капитализации финансового проекта не меняется. Рост доходности реального проекта может как превышать (r_2>d), так и отставать от ставки прироста капитализации (r_1<d) финансового проекта.

Точка (С) соответствует ситуации, когда при очевидной недооценке инновационного проекта фондовым рынком, он, тем не менее, дает высокую степень доходности, превышающую доходность финансового проекта (Цветкова & Арлюкова, 2002).

При движении по временной оси (t) фактор роста капитализации (ψ_1) рассчитывается как разница между капитализациями инновационного и финансового проектов. Тогда для стадии накопления (ψ_1=0); для затратной стадии (ψ_1>0); для доходной стадии для интервала [t_K; t_{b1}] (ψ_1>0), а для интервала [t_{b1}; $t_П$] (ψ_1<0). Здесь необходимо отметить, что рост капитализации производственного проекта с течением времени увеличивается в связи с окончанием расчетов по долговым обязательствам. Рост капитализации финансового проекта с течением времени имеет тенденцию к снижению в связи с высокой степенью нестабильности отечественного фондового рынка.

Следовательно, под влиянием этих факторов барьер (t_{b1}) смещается вправо. Тем самым увеличивая зону [t_K; t_{b1}] приоритетного выбора инновационного проекта. Тогда становится очевидным, что одного критерия капитализации (t_{b1}) недостаточно для объективной оценки приоритетности «ресурсного» и «фондового» субъектов инвестиционного рынка.

Следовательно, под влиянием этих факторов барьер (t_{b1}) смещается вправо. Тем самым увеличивая зону [t_K; t_{b1}] приоритетного выбора инновационного проекта. Тогда становится очевидным, что одного критерия капитализации (t_{b1}) недостаточно для объективной оценки приоритетности «ресурсного» и «фондового» субъектов инвестиционного рынка.

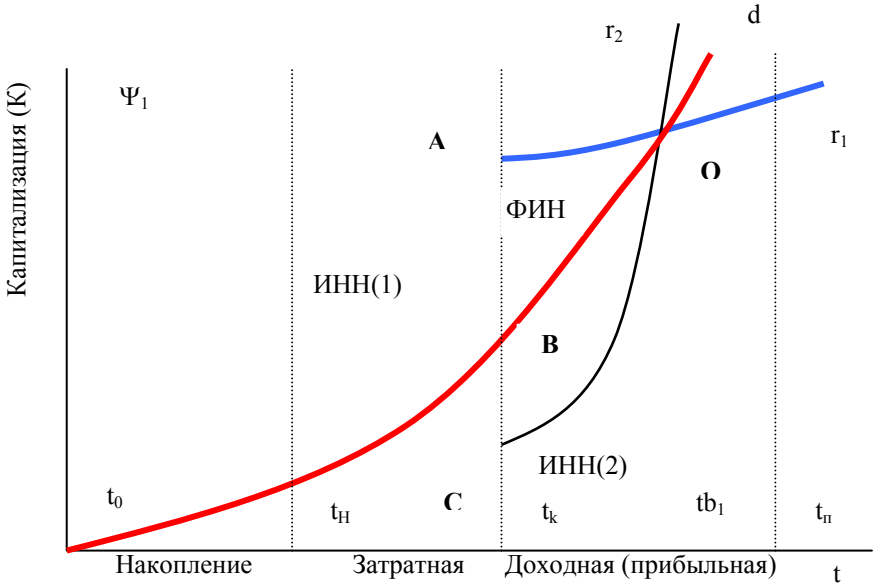


Рисунок 1.
Степень капитализации финансового и реального инновационных проектов

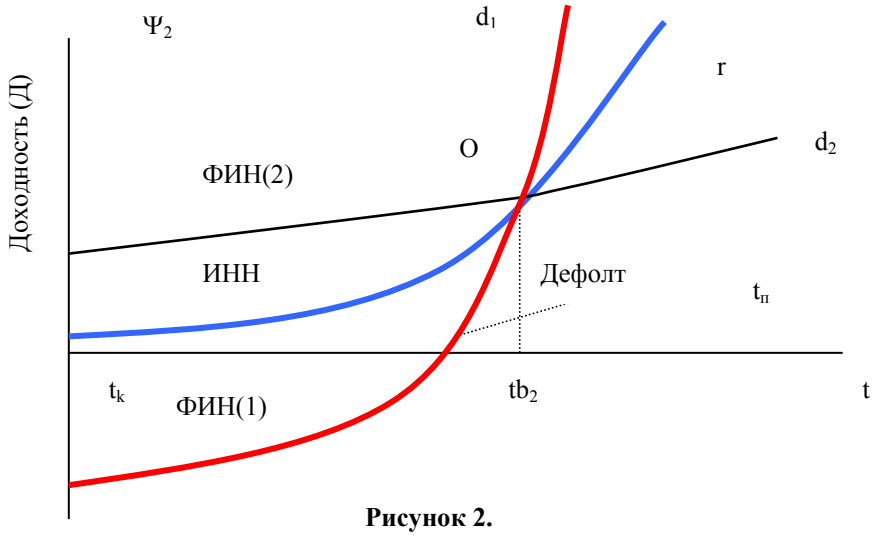


Рисунок 2.
Анализ доходности финансового и реального инновационных проектов

На рис. 2 изображен график прироста доходности финансового и реального инвестиционного проектов. Начальной точкой отсчета считается момент времени (t_K) ввода в строй и получения прибыли инновационным проектом. С течением времени доходность инновационного проекта увеличивается в связи с окончанием взаиморасчетов с кредиторами и продолжением инвестиционной деятельности, направленной на повышение конкурентоспособности готового продукта. Доходность финансовых институтов имеет различный характер. Она может иметь стабильный характер, кривая ФИН(2), в наибольшей степени отражающая состояние мировой экономики. Нестабильное поведение финансового рынка характерное для российской экономики отражает кривая ФИН(1), способная иметь отрицательное значение в результате действия, например, дефолта.

(d_1>r) при высокой степени нестабильности фондового рынка. Такая ситуация гарантирует наличие точки (О) пересечения кривых ИНН и ФИН(1) в момент времени (t_{b2}) барьера, слева от которого приоритетен инновационный проект, а справа соответственно финансовый. Фактор роста доходности определяется как разница между доходностью инновационного и финансового проектов.

В интервале [t_K; t_{b2}] (ψ_2>0); в интервале [t_{b2}; $t_П$] соответственно (ψ_2<0). Очевидно, что нестабильность фондового рынка расширяет зону [t_K; t_{b2}] приоритетного выбора инновационного проекта. Стабильный характер фондового рынка при средней ставке доходности безрисковых, например, муниципальных ценных бумаг (3,5% годовых), кривая ФИН(2),влияет на поведение фактора доходности (ψ_2) противоположным образом.

Одним из важнейших критериев, определяющих эффективность инвестиционного проекта, является способность к возврату инвестиционных ресурсов. Способность к возврату средств в значительной степени определяется доходностью инновационного проекта, особенно на начальных этапах его функционирования. На рис. 3 изображены кривые роста доходности инновационного проекта ИНН со ставкой доходности (r) и различные виды роста стоимости кредитных линий. Кредитная линия ФИН(1), не имеющая залога, в начальный момент времени (t_K) по общему объему кредита меньше капитализации инновационного проекта, однако стоимость такой кредитной линии (d_1) превышает доходность инновационного проекта (r), т.е. (d_1>r). В такой ситуации, предприятие способно погасить кредит в интервале [t_K; t_{b3}] или [t_K; n_b]. В предлагаемом исследовании в обстоятельствах острого дефицита внешних инвестиционных ресурсов с применением стадий накопления инвестиционных ресурсов взаимоотношения с внешними кредитными организациями имеют форму инвестиционно-кредитных линий. Такая форма означает (предполагает) наличие залога из состава неизрасходованных ресурсов. Этот залог значительно снижает стоимость кредитной линии на величину депозитной ставки залога.

Тогда инвестиционно-кредитная линия в начальный момент времени может превышать возможности инновационного проекта в интервале [t_K; n_a] или [t_K; t_{b3}]. Кривая ФИН(2) имеет пологий характер, т.к. (d_2<r). После прохождения барьера (t_{b3}) предприятие способно полностью рассчитаться по обязательствам инвестиционно-кредитной линии. Если временной интервал [t_K; t_{b3}] оговорен с банковской организацией как срок предоставления кредита, то в этот период промышленная корпорация не теряет финансовой устойчивости. Тогда характер взаимодействия кривых ИНН и ФИН(2) примем за основу при анализе способности инновационного проекта к возврату инвестированных ресурсов. Фактор возврата средств (ψ_3) должен рассматриваться как разница между капитализацией предприятия и стоимостью кредита и в интервале [t_K; t_{b3}] (ψ_3<0), а в интервале [t_{b3}; $t_П$] (ψ_3>0).

Тогда за основу анализа примем кривую ФИН(1) с высокой степенью доходности.

На рис. 4 изображена сводная схема поведения элементов ψ – фактора по критериям капитализации (К), доходности (Д) и способности к возврату средств (С). Фактор (ψ_1) рассматривается для расположения кривых ФИН(1) и ИНН, где для интервала [t_K; t_b] (ψ_1>0), а для интервала [t_b; $t_П$] (ψ_1<0). Фактор (ψ_2) также рассматривается для расположения кривых ФИН(1) и ИНН, где для интервала [t_K; t_b] (ψ_2>0), а для интервала [t_b; $t_П$] (ψ_2<0). Фактор (ψ_3) рассматривается для расположения кривых ИНН и ФИН(2), где для интервала [t_K; t_b] (ψ_3<0), а для интервала [t_b; $t_П$] (ψ_3>0). Такое поведение элементов ψ – фактора относительно барьера (t_b) примем за основу при анализе перспектив инвестирования средств в «ресурсный» или «фондовый» субъект инвестиционного рынка (Егоров, Меркулина, Safronova & Сельсков, 2014).

Нетрудно видеть, что параметры, определяющие значения элементов ψ – фактора, носят достаточно общий характер и по отдельности не могут иметь решающего воздействия на принятие решений при ведении инвестиционной деятельности. Однако их совокупность дает более целостную картину при выборе типа участника инвестиционного рынка, наиболее привлекательного для размещения свободных от обязательств средств. Анализ сочетаний элементов ψ – фактора приводит к обоснованному принятию решений по ведению инвестиционной деятельности.

Вектор значений ψ – фактора $\Psi(\psi_1;\psi_2;\psi_3)$ определяет состояние финансового рынка в плане спроса на инвестиционный капитал. Если ставки доходности фондового рынка достаточно высоки, то возникает реальная альтернатива инвестирования средств в финансовый сектор. И наоборот, низкие ставки доходности финансового рынка определяют приоритетность вложения средств в инновационное производство реального сектора экономики.

При сравнимых степенях привлекательности финансового и инновационного рынков, производится анализ сочетаний значений элементов Ψ – фактора по капитализации, доходности и способности к возврату инвестированных средств. В табл. 3 приведены различные сочетания элементов Ψ – фактора. Элементы ψ – фактора сравниваются с нулевым значением (<; >).

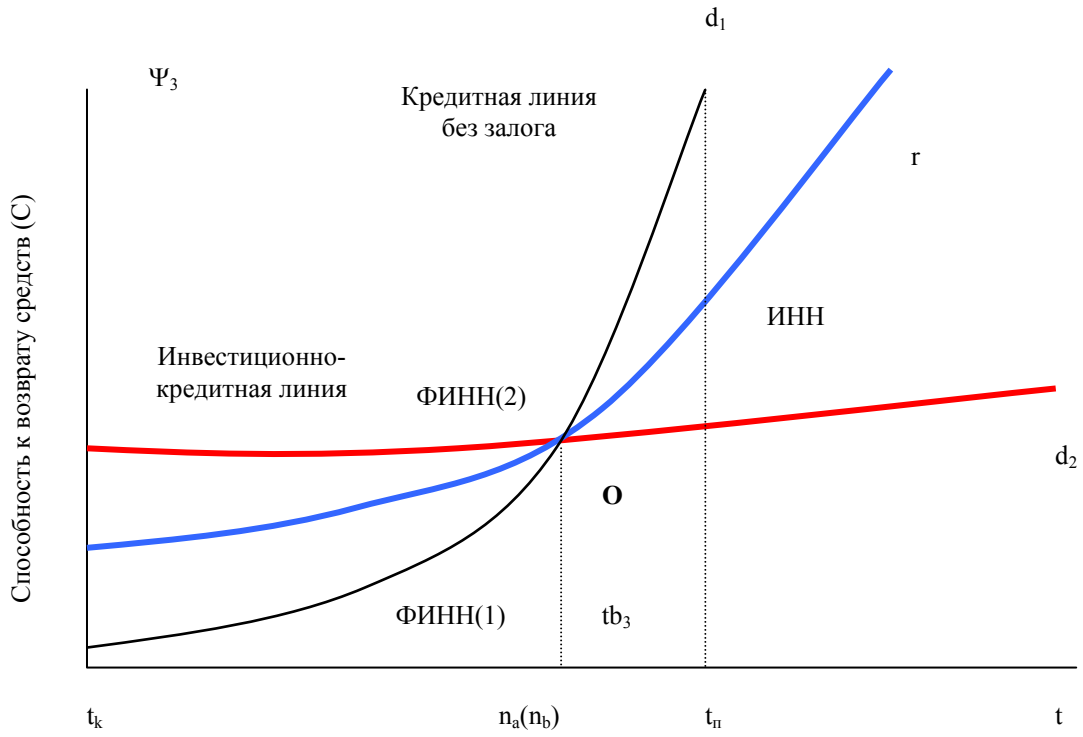


Рисунок 3.
Анализ способности к расчету по долговым обязательствам

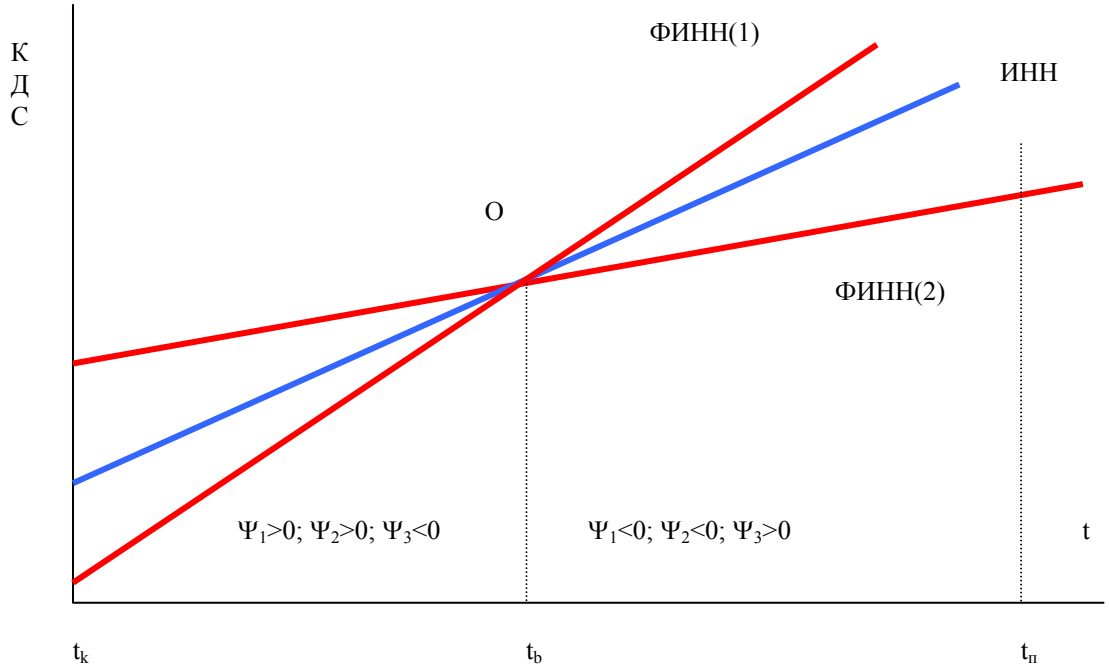


Рисунок 4.
Анализ поведения элементов Ψ – фактора

Таблица 3

Алгоритм принятия управленческих решений в инвестиционной деятельности на основании трех значений элементов ψ – фактора

N/N	Фактор			Приоритет		Основание
	Ψ1	Ψ2	Ψ3	ИНН	ФИНН	
1	>	>	>	+	–	Инновационная деятельность предпочтительнее по всем параметрам
2	>	>	<	+	–	Высокий уровень доходности инновационного проекта
3	>	<	>	+	–	Наличие волатильности (неустойчивости) финансового рынка
4	>	<	<	-	+	При низком уровне доходности нет возможности расчета с кредиторами
5	<	>	>	+	–	Основные характеристики инновационного проекта достижимы
6	<	>	<	+	–	Высокий уровень доходности совместно с реструктуризацией кредитных линий дает положительный эффект
7	<	<	>	–	+	Низкая доля заемного капитала не дает оснований для выбора инновационного проекта
8	<	<	<	–	+	Финансовые инструменты фондового рынка предпочтительнее по всем параметрам

На основании анализа приоритет (+) инвестиционной деятельности отдается инновационному или финансовому субъектам инвестиционного рынка.

1. $\psi_1>0$; $\psi_2>0$; $\psi_3>0$ – инвестиционная деятельность направлена на производственный инновационный проект.

2. $\psi_1>0$; $\psi_2>0$; $\psi_3<0$ – по величине капитализации и уровню доходности инновационный проект приоритетен, однако перегружен кредитами. Для продолжения инновационной деятельности необходим пересмотр параметров кредитных линий и отношений с кредитными организациями. В противном случае следует отдать предпочтение иному проекту.

3. $\psi_1>0$; $\psi_2<0$; $\psi_3>0$ – капитализация проекта и возможность расчета с кредиторами положительны, однако уровень доходности финансового рынка выше. В этом случае отказ от инновационного проекта нецелесообразен, т.к. требуемый уровень доходности проекта достигнут, а величина доходности фондового рынка характеризуется высокой степенью неустойчивости.

4. $\psi_1>0$; $\psi_2<0$; $\psi_3<0$ – по степени капитализации инновационный проект предпочтительнее, однако при низком уровне доходности невозможен расчет с кредиторами. В этом случае от проекта следует отказаться и отдать предпочтение финансовому инструменту фондового рынка.

5. $\psi_1<0$; $\psi_2>0$; $\psi_3>0$ – при низкой капитализации уровень доходности и сроки расчетов с кредиторами выполнимы. Приоритет отдается инновационному проекту, т.к. уровень доходности и возможность возврата средств являются основополагающими для инвестиционного проекта.

6. $\psi_1<0$; $\psi_2>0$; $\psi_3<0$ – при слабой капитализации невозможен расчет с кредиторами, однако уровень доходности выше, чем у финансового инструмента. В этом случае не следует отказываться от инновационного проекта, т.к. высокий стабильный уровень доходности совместно с реструктуризацией кредитных линий дает положительный эффект. Основным аргументом является тот факт, что кредитная организация заинтересована в возврате кредита, зная высокий уровень доходности инновационного проекта.

7. $\psi_1<0$; $\psi_2<0$; $\psi_3>0$ – при слабой капитализации и низкой доходности возможен расчет с кредиторами. Это означает лишь то, что инновационный проект не перегружен кредитами, по всем остальным параметрам он менее предпочтителен. В этой ситуации выбор необходимо сделать в пользу финансовых инструментов.

8. $\psi_1<0$; $\psi_2<0$; $\psi_3<0$ – инвестиционную деятельность следует направить в финансовые инструменты фондового рынка и отказаться от инновационного проекта.

Из анализа таблицы 3 следует, что приоритетность инвестиционной деятельности в пользу инновационного проекта определяется при двух положительных значениях элементов Ψ – фактора из трех. Исключение составляет лишь шестая комбинация, когда высокий уровень доходности инновационного проекта позволяет говорить о реструктуризации долга.

Средний уровень доходности инновационного проекта означает его сравнимость с доходностью финансового инструмента. Финансовый инструмент общедоступен, в том числе и для кредитных организаций. Следовательно, средняя доходность инновационного проекта не является основанием для кредитной организации для предоставления льгот по кредитным линиям. Тогда фактор ψ_3 является решающим при определении приоритетных направлений инвестиционной деятельности. Вторым по значимости является доход ψ_2. Капитализация инструментов определяется фактором ψ_1 и является последней в рейтинге элементов Ψ – фактора.

В случае, когда нет возможности осуществления основного вида деятельности (изменение государственной политики в области частного бизнеса), он без труда может быть закрыт и центр доходности корпорации будет переведен на вновь созданную финансовую структуру вплоть до выхода за пределы РФ (Клейнер, Тамбовцев & Качалов, 1997). Здесь инвестиционные потоки могут быть направлены на воссоздание утерянного основного производства, например, в странах ближнего зарубежья в случае прежней востребованности товара, организацию иных видов производств или остановиться на получении дохода от размещения капитала на финансовых или товарных биржах. На рис. 5 отображена сводная схема трех элементов Ψ-фактора.

Временной интервал $[t_1; t_5]$ разделен на четыре зоны, определяемые точками пересечения функций роста эффективности финансового (ФИН) и инновационного (ИНН) проектов. Очевидно, что каждой из этих точек соответст-

вует свой определенный момент времени: t_2, t_3 и t_4. В то же время точка пересечения кривых (ИНН) и (ФИН) для каждого элемента Ψ-фактора может находиться на любой из временных вертикалей: (t_2-t_2), (t_3-t_3) и (t_4-t_4). Если предположить, что на одной временной вертикали может находиться только одна точка пересечения, то в распоряжении аппарата управления остаются шесть возможных комбинаций положений точек пересечения.

Например, на рис. 5 изображена комбинация №1, когда для фактора ψ_1 точки пересечения находятся на временной оси (t_2-t_2), для фактора ψ_2 – на оси (t_4-t_4) и для фактора ψ_3 – на оси (t_3-t_3). Для второй комбинации или №2: ψ_1 – (t_3-t_3), ψ_2 – (t_4-t_4) и для ψ_3 – (t_2-t_2). Все возможные шесть комбинаций занесены в таблицу 4.

Таблица 4

Возможные сочетания параметров Ψ – фактора

Ψ – фактор	Комбинации	Временные вертикальные оси		
Вертикаль	№	$t_2 – t_2$	$t_3 – t_3$	$t_4 – t_4$
Ψ_1	1	1	2	3
	2	4	5	6
Ψ_2	3	5	3	1
	4	6	4	2
Ψ_3	5	2	1	4
	6	3	6	5

Возможность ведения инвестиционной деятельности в альтернативные инновационные и финансовые проекты хеджирует основную группировку рисков промышленного предприятия (Сельсков, 2009; Москвин, 2004). Эта группировка рисков соответствует тем обстоятельствам, когда компания не в состоянии оказывать на них какое-либо воздействие (Качалов, 2002; Егоров & Валинурова, 2004). Они особенно опасны на начальных этапах жизненного цикла предприятия. При появлении у компании возможности осуществления внешней инвестиционной деятельности, возможно создание альтернативных финансовых и инновационных структур с той же величиной собственного капитала или с той же доходностью, что и инновационное производство (рис. 5 и табл. 5).

Далее проведем анализ поведения значений элементов Ψ-фактора для различных комбинаций точек пересечения кривых капитализации, доходности и способности к возврату заемных средств. Для первой комбинации на графике капитализации ψ_1 рис. 5 точка пересечения кривых (ИНН) и (ФИН) находится в точке (1) на временной оси (t_2–t_2). Тогда для временного интервала [t_1; t_2] – фактор ψ_1>0, согласно рис. 1. Для всех остальных интервалов: [t_2; t_3], [t_3; t_4] и [t_4; t_5] – ψ_1<0. На графике доходности ψ_2 точка пересечения (1) лежит на временной оси (t_4-t_4). Тогда для интервалов: [t_1; t_2], [t_2; t_3] и [t_3; t_4] – ψ_2>0, а для интервала [t_4; t_5] – ψ_2<0. Для графика возврата средств ψ_3 точка (1) лежит на оси (t_3-t_3), тогда согласно рис. 3, для интервалов: [t_1; t_2] и [t_2; t_3] – ψ_3<0, а для интервалов: [t_3; t_4] и [t_4; t_5] – ψ_3>0.

Аналогичный анализ производится и для оставшихся пяти сочетаний, результаты которого сведены в табл. 5. Здесь для каждого из шести сочетаний определяются значения элементов Ψ-фактора для каждой из четырех временных зон. Элементы Ψ-фактора сравниваются с нулевой отметкой. Знак (>) означает приоритет инновационного проекта с точки зрения экономической эффективности. Знак (<) означает приоритет финансового инструмента фондового рынка. Для каждого сочетания точек пересечения (ИНН) и (ФИН) и для каждого временного интервала определен набор значений элементов Ψ-фактора, на основании которых, согласно табл. 3, определен приоритет начала инвестиционного или финансового проекта для текущего момента времени.

Например, для сочетания точек пересечения (ИНН) и (ФИН) №1 и для временного интервала [t_1; t_2] – ψ_1>0, ψ_2>0, ψ_3<0. Согласно табл. 3 строка 2, приоритет отдается инновационному проекту реального сектора экономики. Подобный анализ производится для всех сочетаний и временных интервалов.

Очевидно, что при движении от (1) к (6) комбинации, параметры Ψ-фактора ухудшаются сточки зрения инновационного проекта. Главным образом это ухудшение характеристик доходности и способности к возврату средств в сравнении с финансовым проектом.

Для временного интервала [t_3; t_4] инновационный проект приоритетен, несмотря на низкую доходность. Оба эти решения имеют высокую степень риска и в равной степени могут быть заменены на альтернативные финансовые инструменты. Тогда определим шестое сочетание как приоритетное для финансовой деятельности. Тогда на основании данных табл. 5 можно определить положение барьера (t_b), разделяющего приоритетность вложений в реальный и финансовый сектор экономики. Слева от барьера лежит зона повышенной экономической эффективности инновационного проекта. Справа располагается зона сравнительно повышенной эффективности финансового проекта.

Тогда алгоритм выбора направления инвестиционной деятельности заключается в выборе текущей комбинации пересечений кривых (ИНН) и (ФИН) для всех элементов Ψ-фактора: ψ_1, ψ_2 и ψ_3. Далее следует определение положения барьерного значения (t_b), которое разделяет приоритетность вложений между реальным и финансовым направлениями. Если менеджмент корпорации выбирает интервал [t_1; t_b], то инвестиции следует направлять в инновационный проект, если – [t_b; t_5], то в финансовый сектор экономики. Таким образом, если промышленная корпорация имеет инновационные разработки, готовые к материальному воплощению, то делать это следует в период [t_1; t_b]. После момента (t_b) инновационный проект становится неэффективным или рискованным в сравнении с финансовым инструментом фондового рынка [Sibirskaya, Stroeva, Serebryakova & Petruchina, 2014).

Необходимо отметить, что барьер (t_b) относится к конкретному инновационному проекту. При движении от временной оси (t_0–t_0) к (t_1–t_1), рис. 6, варианты приоритетного начала реального проекта сводятся к минимуму при приближении к временной оси (t_2–t_2). При приближении к оси (t_2–t_2) планка (O;O*) поднимается, сокращая зону при-

оритетного выбора инновационного проекта или «ресурсного» субъекта инвестиционного рынка. Это связано, прежде всего, с моральным старением технического решения инновационного проекта. Однако развитие научно-технического прогресса и непрерывное ведение инновационной деятельности в рамках промышленной корпорации приводят к выработке новых инновационных идей и разработок.

Последняя шестая комбинация, согласно логике табл. 3, содержит приоритетность инновационного проекта. Однако для временного интервала [t_1; t_2] инновационный проект не имеет возможности расчета по долговым обязательствам, несмотря на высокую капитализацию и доходность. Таким образом, для временной оси (t_1–t_1) появляется новое инновационное решение, которому соответствует барьер (t_{b2}), для оси (t_2–t_2) – барьер (t_{b3}). Если допустить, что сочетание параметров Ψ – фактора для всех инновационных решений совпадают (A; A*), то приоритетное начало выполнения инновационного проекта для временной оси (t_0-t_0) лежит в интервале [t_0;T_1]; для оси (t_1–t_1) – в интервале [t_1;T_2]; для оси (t_2-t_2) – в интервале [t_2;T_3] и т.д.

Таблица 5

Управление перспективными направлениями инвестиционной деятельности в зависимости от состояния элементов Ψ – фактора

Ψ - фактор		Временные зоны I - IV			
№ комбинации элементов Ψ - фактора	Элементы Ψ - фактора	t_1-t_2	t_2-t_3	t_3-t_4	t_4-t_5
1	Ψ_1	A C***	<	C <	A* <
	Ψ_2	>	>	>	<
	Ψ_3	<	<	>	>
	Проект	B D*	И D	и	B* Ф
2	Ψ_1	>	>	<	<
	Ψ_2	>	>	>	<
	Ψ_3	<	>	>	>
	Проект	и	И	И	Ф
3	Ψ_1	>	>	>	<
	Ψ_2	>	>	<	<
	Ψ_3	<	>	>	>
	Проект	И	И	И	Ф
4	Ψ_1	>	<	<	<
	Ψ_2	>	>	<	<
	Ψ_3	<		<	>
	Проект	И	И	Ф	Ф
5	Ψ_1	>	>	<	<
	Ψ_2	>	<	<	<
	Ψ_3	<	<	<	>
	Проект	И	Ф	Ф	Ф
6	Ψ_1	>			<
	Ψ_2	tb >	ФИН	tb	<
	Ψ_3	<			>
	Проект	И	Ф	И	Ф

И Н Н

Следовательно, непрерывный процесс ведения инновационной деятельности расширяет возможности приоритетного ведения высокотехнологичных инновационных проектов с точки зрения экономической эффективности в сравнении с финансовыми инструментами. Высокая степень риска операций на фондовом рынке побуждает инвестора обратить внимание на реальный сектор экономики. Тогда процесс ведения инновационной деятельности в рамках самофинансирования или острого дефицита внешних инвестиционных ресурсов, значительно повышает степень инвестиционной привлекательности производственных инновационных проектов. Эффективное ведение инвестиционной деятельности в режиме самофинансирования неизбежно привлечет внешнего инвестора в реальный сектор российской экономики

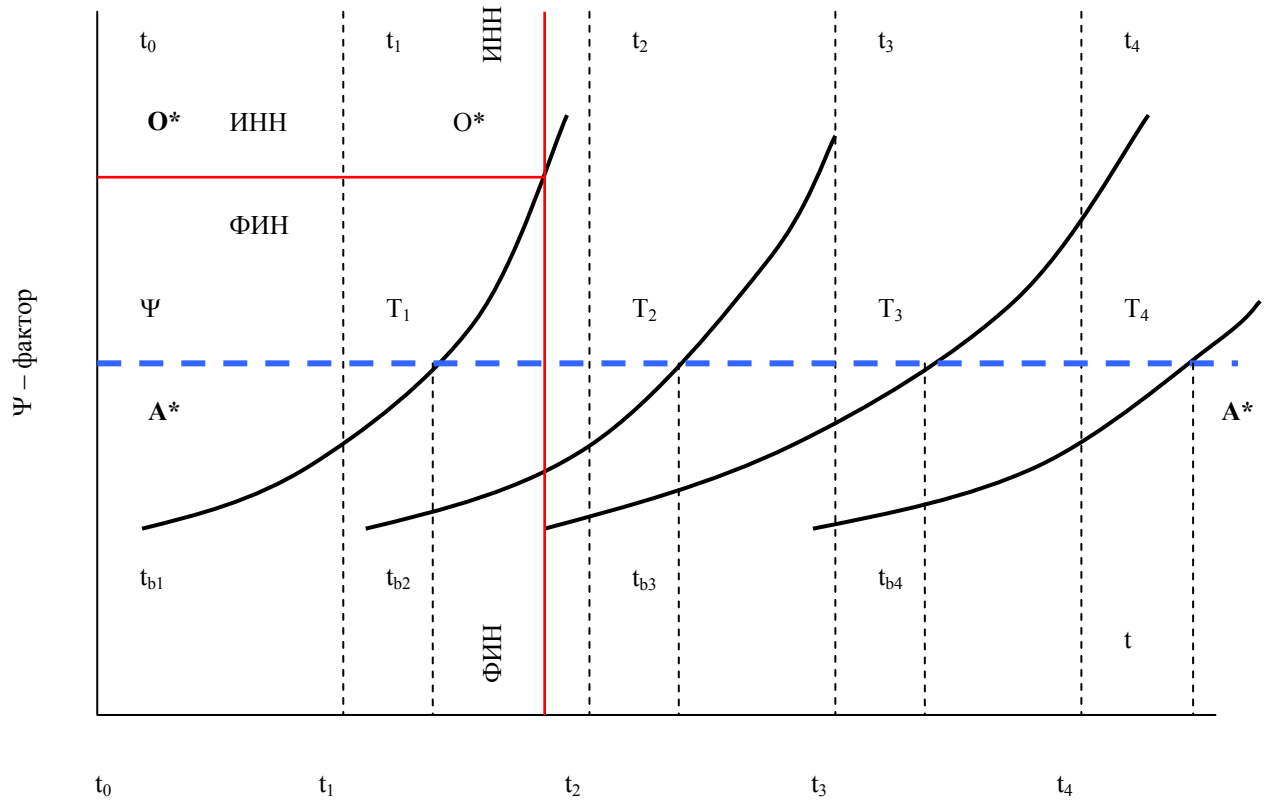


Рисунок 6.
Поведение барьера (t_{bi}) во времени

Из приведенного логико-теоретического анализа следует, что барьер (t_b) раздела между ведением инвестиционной деятельности между реальным инновационным и финансовым направлениями имеет характер близкий к логарифмическому. Если предположить, что при движении от 6-го сочетания элементов ψ – фактора к 1-му равная ставка доходности (i) увеличивается, то эффективность реального инвестиционного проекта увеличивается, а эффективность финансового проекта уменьшается в связи с низкой степенью стабильности фондового рынка.

Приведенные выше тенденции поведения характеристик капитализации, доходности и способности к возврату средств характерны для национальной экономики, обладающей высокой степенью нестабильности. Причем факторы капитализации и доходности имеют сходный характер поведения в отличие от фактора возврата средств. Определим тенденции поведения элементов Ψ-фактора для стабильных экономических систем. Фактор ψ_1 остается без изменений, как адекватно учитывающий рост капитализации и перспективность инновационных проектов участниками фондового рынка. Логика фактора ψ_2 изменится на противоположную, рис. 2. кривая ФИН(2), как не учитывающая дефолтов и падений фондового рынка. Логика фактора ψ_3 также изменится на противоположную, рис. 3, кривая ФИН(1), т.к. в стабильных экономиках применение инвестиционно-кредитных линий не получило распространение, в связи с доступностью внешних кредитных ресурсов.

В связи с тем, что факторы ψ_2 и ψ_3 определены как доминирующие над фактором ψ_1 и принимают противоположные значения в отличие от анализа инвестиционных тенденций национальной экономики, то результаты логико-теоретического анализа, отображенные в табл. 5, в начале временной оси обозначат приоритетность «фондовой» системы над «ресурсной». Если принять, что для стабильных экономических систем в логике табл. 3 в качестве приоритетного принять фактор возврата средств над доходностью, то положение барьера (tb) изменится так, это отображено пунктирной линией, табл. 5. В этой ситуации результаты исследования подобны результатам логико-математического анализа, табл. 2, что свидетельствует о том, что математический анализ ориентирован на параметры стабильной экономики и не учитывает неопределенности и перепады макроэкономических показателей развивающихся стран.

Для стабильной экономики, пунктир таблица 5, начало временной оси соответствует приоритету «фондового» субъекта инвестиционного рынка особенно при низких ставках доходности, табл. 2. Этот факт объясняется прежде всего надежностью и стабильностью финансовых систем развитых экономик мира. С повышением ставки доходности повышается коэффициент риска, и приоритетность фондового рынка уменьшается с приближением начала осуществления реальных инвестиционных проектов. Тогда временной интервал приоритетности «фондового» субъекта инвестиционного рынка относительно невелик, что отражает повышенный интерес инвесторов к реальным инновационным проектам [Сельсков, 2005; Сельсков, 2009; Егоров Сафронова & Сельсков, 2007).

Для национальной экономики приоритетными являются производственные инновационные проекты в связи с высокой степенью нестабильности финансовой системы. Из анализа фигур (A,B,C,D) и (A*,B*,C*,D*), табл. 5, очевидно, что при росте ставки доходности, зона приоритетного выбора производственного инновационного проекта расширяется для стабильной экономики согласно логике (C*,D*), а для развивающейся в направлении вверх (C,D) на

основании сходных тенденций или законов. (В данном случае близких к логарифмическим). Отсюда следует единство законов развития инвестиционной деятельности для различных типов экономических систем (Сафронова, 2008).

Выводы

Из проведенного исследования очевидно, что приоритет инвестиционной деятельности в текущий момент времени принадлежит тому субъекту инвестиционного рынка, ожидаемая ставка доходности которого выше, чем у прочих участников. Это обстоятельство стабилизирует инвестиционный рынок, при постоянном росте его ставки доходности. В данных условиях ставка доходности является определяющим фактором, положительно влияющим на улучшение характеристик инвестиционного климата. При высоком значении ставки доходности рынка «инвесторная» инвестиционная система, вышедшая за рамки инвестиционного рынка в результате ухудшения инвестиционного климата, вынуждена вернуться в состав его субъектов в связи с необходимостью размещения свободных ресурсов на выгодных для себя условиях. Таким образом, инвестиционный рынок является самодостаточным, т.к. в условиях ухудшения инвестиционного климата и выхода субъектов за его рамки, оставшиеся участники организуют свои взаимоотношения так, что инвестиционная привлекательность рынка непрерывно возрастает, что неизбежно приведет к возврату выпавших субъектов в состав инвестиционного рынка.

Список литературы

1. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов. – М.: Олимп-Бизнес, 1997.
2. Вяткин В.Н., Вяткин И.В., Гамза В.А. Риск-менеджмент. – М.: Издательский дом Дашков и К, 2003.
3. Галанов В.А. Производные инструменты срочного рынка. – М.: Финансы и статистика, 2002.
4. Егоров А.Ю., Валинурова Л.С. Методологические проблемы управления инвестиционным процессом в социально-экономических системах // Инновации и инвестиции. 2004. – № 2. – С. 24.
5. Егоров А.Ю., Сафронова А.А., Сельсков А.В. Рынок инновационных проектов: методология формирования, управления и развития. – М.: Палеотип, 2007.
6. Качалов Р.М. Управление хозяйственным риском. – М.: Наука, 2002.
7. Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегия, безопасность. – М.: Экономика, 1997.
8. Москвин В.А. Управление рисками при реализации инвестиционных проектов. – М.: Финансы и статистика, 2004.
9. Олейник К.А. Экологические риски в предпринимательской деятельности. – М.: АНКИЛ, 2002.
10. Сафронова А.А. Экономическое развитие хозяйственных систем на основе инновационных проектов: теория и методология. – М.: Риалтекст, 2008.
11. Сельсков А.В. Управление инвестиционными потоками промышленного предприятия. – М.: ГАСИС, 2005.
12. Сельсков А.В. Инвестиционный цикл хозяйствующего субъекта в структуре экономической деятельности промышленной корпорации. Транспортное дело России. 2009. – № 8.
13. Цветкова Е.В., Арлюкова И.О. Риски в экономической деятельности. – СПб.: Общество Знание Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2002.
14. Egorov A.Yu., Merkulina I.A., Safronova A.A., Selskov A.V. Algorithms of financial stability control and internal rate of the investment project profitability // Life Science Journal. 2014. – N 11. – P. 620–625.
15. Sibirskaya E., Mikheykina L., Egorov A., Safronova A., Ivashkova T. Organization of favorable investment climate in the market of development and implementation of investment projects // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. – T. 6, N 36. – P. 135–146.

Чепель С.В.[1]

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ УВЕЛИЧЕНИЯ ВКЛАДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПРОДУКТИВНУЮ ЗАНЯТОСТЬ: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Ключевые слова: *продуктивная занятость, экономический рост, производительность труда, индексные методы, панельный эконометрический анализ, эластичность занятости по росту, ресурсосберегающая модель развития.*

Одним из основных условий стабильного развития любого государства является *обеспечение занятости населения*. Эта проблема особенно актуальна для развивающихся стран с быстрорастущим населением. По определению Всемирного банка основным условием инклюзивного роста является вовлечение большей части трудовых ресурсов в активную экономическую деятельность путем создания устойчивых рабочих мест, позволяющих повышать доходы занятых и благосостояние населения[2].

Существенную роль в решении этой задачи играет достигнутое *качество экономического роста* с точки зрения его способности расширять продуктивную (устойчивую и достойную) занятость. Статистика Всемирного банка[3] показывает, что среди развивающихся стран мира существует немало таких государств, которым на протяжении длительного интервала времени (15–20 лет) удавалось сочетать высокие темпы роста экономики с ростом занятости и производительности труда[4]. Используя *индексные методы*[5] были сделаны прямые оценки эластичности прироста занятости по приросту ВВП, которые для данной выборки стран менялись в диапазоне от 0,1 до 1,5. При этом средняя оценка эластичности для лучших по данному критерию десяти развивающихся стран составляла 0,55–0,6 (с учетом разной величины запаздывающего лага), а для последней десятки – 0,14.

На основе статистики Всемирного Банка по широкому кругу макроэкономических, структурных и качественных индикаторов[6] для каждой из этих двух групп стран нами были рассчитаны их средние оценки, а затем сделаны выводы о том, какие из этих индикаторов потенциально могут объяснить сталь значительные различия в эластичностях занятости по росту, сложившихся в последние 20 лет применительно к отобранным развивающимся странам мира. Выводы, полученные при этом, свидетельствуют о необходимости наделения высшим приоритетом мер, направленных на переход к ресурсосберегающей модели развития, на улучшение инвестиционного климата, развитие индустриального экспортоориентированного малого бизнеса, на инвестиции в госинституты и человеческий капитал.

Вместе с тем, эти и другие выводы, полученные с использованием индексных методов расчета и сопоставления отдельных индикаторов, нуждаются в уточнении и расширении доказательной базы. Одним из направлений в развитии нашего исследования является *использование эконометрики (панельный анализ) для уточнения оценок эластичностей занятости по росту.*

Выбор методологии оценки эластичности занятости по росту – довольно сложный процесс. Это, прежде всего, связано с тем, что теория инклюзивного роста находится на начальной стадии своего развития и пока не дает однозначных рекомендаций по использованию эконометрики в исследовании влияния экономического роста на занятость.

Обобщение существующих по этой тематике работ позволяет выделить *три основных направления:* использование методов эконометрики временных рядов, cross section analysis, эконометрический анализ панельных данных. Все они имеют свои преимущества и ограничения. Использование *временных рядов* (первое направление) позволяет рассчитывать эластичность занятости по росту для отдельной страны на основе годовой (квартальной) статистики выпуска и занятости по этой стране (без учета статистики других, близких по уровню развития стран). Соответствующая модель (эконометрическое уравнение) в этом случае имеет вид:

---

[1] Чепель Сергей Васильевич – д.э.н., гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономического анализа при Кабинете министров Республики Узбекистан, Ташкент. Область научных интересов: изучение макроэкономических и институциональных предпосылок для выхода развивающихся стран и стран с переходной экономикой на траекторию инклюзивного экономического роста, ресурсосбережение, расширение продуктивной занятости, макроэкономическое моделирование и прогнозирование, использование модельного инструментария для оценки последствий корректировки экономической политики, изменения нормативно-законодательной базы, реализации крупных инвестиционных проектов. E-mail: swchep@mail.ru

[2] Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development / World Bank. Commission on Growth and Development. – Washington, 2008.

[3] http://data.worldbank.org

[4] См. Алиев А., Чепель С. Анализ фактора занятости в моделях инклюзивного роста // Материалы 4-го Форума молодых ученых-экономистов Узбекистана. ИПМИ, Ташкентский филиал Вэстмистерского университета. – Ташкент, 2015.

[5] Islam R. The nexus of economic growth, employment and poverty reduction: an empirical analysis. – Geneva: ILO, 2004.

[6] Структура экономики и показатели сырьевой направленности, уровня открытости экономики, развитость финансовой системы, госинститутов, масштабов государственного присутствия в экономике, уровня ее либерализации, качества человеческого капитала, макроэффективности и т.д., всего около 50 индикаторов.

$$lnE_t = \alpha_1 + \alpha_2 * lnY_t + \alpha_3 * lnY_{t-1} + \ldots,$$

где, E_t – уровень занятости, Y_t – уровень ВВП, **α1** – константа и неучтенные факторы, **α2 = dlnE / dlnY = (dE / E) / (dY / Y)**, т.е. коэффициент эластичности занятости по росту. Однако так как данный метод требует достаточно длинных временных рядов для анализа, оценки эластичностей для некоторых стран с ограниченными статистическими возможностями получаются не надежными.

В качестве примера можно привести анализ взаимодействия роста и занятости для России[1], где коэффициент коинтеграционных соотношений между ВВП и занятостью (коэффициент эластичности занятости по труду) в 1992–2014 гг. составил порядка 0,17–0,18. При этом были использованы тесты на стационарность исходных временных рядов (DF) и на наличие структурных сдвигов; тест Гренджера на определение направленности взаимосвязи между трудом и выпуском; использование лаговых моделей; методы OLS и VECM. При этом было установлено, что наилучшие результаты достигаются при включении в модель фактора «выпуск» с лагом запаздывания в несколько кварталов.

Такой же метод использовал турецкий экономист К. Аккемик[2] для анализа эластичностей труда для Турции, применяя при этом модель векторной авторегрессии VECM. Было установлено, что эластичность по экономике в целом составила 0,7 и по обрабатывающей промышленности 0,5.

Следует подчеркнуть, что преимуществом этого метода является его способность давать относительно устойчивые оценки эластичности по сравнению с предыдущим методом. Вместе с тем, этот метод не лишен и недостатков. В частности, для получения качественных результатов необходимы очень длинные временные ряды, что очень сложно обеспечить для большинства развивающихся стран мира.

Второе направление предусматривает использование межстрановой (межрегиональной) статистики (cross-section analysis) для выявления степени влияния экономического роста на занятость в рамках отдельного региона (страны). В качестве примера здесь можно привести исследование эластичностей занятости по труду для экономики Индонезии[3]. Оценка проводилась по каждому году отчетного периода (1977–1996 годы) с использованием данных на уровне провинций (26 провинций). При этом был использован обычный метод оценки OLS и регрессионное уравнение вида:

$$lnE_i = \alpha_1 + \alpha_2 * lnY_i,$$

где **i** – индекс по провинциям.

В отличие от предыдущего подхода здесь появляется возможность рассчитывать эластичности для каждого года отчетного периода, и тем самым оценивать складывающиеся тенденции в их изменении. Если при этом использована выборка по различным странам, то результаты будут отражать закономерности, свойственные совокупности всех включенных в выборку стран, что в ряде случаев предоставляет более ценную информацию, чем регрессия, построенная на совокупности данных одной конкретной страны.

При этом однофакторная модель, представленная выше, имеет и ряд *серьезных ограничений.* Во-первых, данная методика для получения эластичности занятости учитывает только информацию относительно занятости и роста производства. В результате, вполне вероятно, что полученные оценки эластичности занятости могут оказаться смещенными, так как модель не позволяет контролировать влияние каких-либо других переменных, которые потенциально могут связанными с показателями занятости или ростом производства (например, фактор доходов занятых). Во-вторых, не исследована проблема эндогенности изменения занятости по отношению к изменению ВВП (что на что влияет – рост на занятость или наоборот?). В третьих, за рамками модели осталась проблемы запаздывания прироста занятых по отношению к приросту ВВП, что обедняет этот подход и делает модель менее реалистичной.

Наиболее перспективным методом оценки эластичности является, на наш взгляд, *третий подход* – эконометрический анализ панельных данных. С. Капсос[4], а также И. Ислам[5] используют многомерную логарифмированную линейную регрессионную модель для оценки панельных данных по 160 странам за 1991–2003 гг. Стандартная модель анализа панельных данных позволяет оценить эластичности изменения зависимой переменной (***E***) по факторам (***Y***) для всей совокупности стран.

При этом в уравнения включаются дамми-переменные по каждой стране в отдельности, что позволяет получить не одну оценку эластичности для всей совокупности стран, а эластичности для каждой из них с учетом информации по всем остальным странам, включенным в выборку. Данный подход использует следующее поведенческое уравнение для определения коэффициента эластичности:

$$lnE_{it} = \alpha_1 + \alpha_2 * lnY_{it} + \alpha_3 * lnY_{it} * D_i + \alpha_4 * D_i + u_{it}$$

где, D_i – страновые дамми-переменные. Эластичность ε_i для страны ***i*** будет в этом случае определена как $\varepsilon_i = \alpha_2 + \alpha_3(i)$, где $\alpha_3(i)$ – коэффициент α_3, полученный для всей совокупности стран при использовании условной переменной D_i для конкретной страны ***i.***

---

[1] Вакуленко Е., Гурвич Е. Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 3.

[2] Akkemik K. Ali. The response of employment to GDP growth in Turkey: an econometric estimation // Applied Econometrics and International Development. 2007. – Vol. 7–1.

[3] Islam I. Poverty, Employment and Wages: An Indonesian Perspective // Labour Market Policies and Poverty Reduction Strategies in Recovery from the Asian Crisis / ILO. 2002.

[4] Kapsos S. The Employment Intensity of Growth: Trends and Macroeconomic Determinants / ILO Employment Strategy Papers 12. – Geneva: International Labour Organization, 2005.

[5] Islam I. Poverty, Employment and Wages: An Indonesian Perspective // Labour Market Policies and Poverty Reduction Strategies in Recovery from the Asian Crisis / ILO. 2002.

С одной стороны, использование панельных данных резко повышает число наблюдений и, следовательно, обоснованность оценок коэффициентов перед факторами. При этом используется модель со случайными эффектами (RE) и метод оценивания GLS. Однако здесь уже теряется возможность получения оценок эластичностей для каждого года, а также возникает ряд специфических проблем, свойственных получению некоррелированных ошибок регрессии для панельного эконометрического анализа. Применительно к Индонезии использование этого метода дает оценку эластичности по стране в целом (0,54 за 1977–1996 годы), занимающую промежуточное положение между оценкой, полученной на основе прямого индексного метода (0,49), и метода cross-section analysis (0,66).

Более продвинутую концепцию предлагает Э.Кривелли и др.[1], где учитывается и инерционность процессов занятости в виде лаговой переменной для 167 стран за 1991–2009 гг.:

$$lnE_{it} = \mu + \alpha_1 * lnE_{it-1} + \alpha_2 * ln\ E_{it-1} * D_i + \beta_1 * lnY_{it} + \beta_2 * lnY_{it} * D_i + u_i$$

где, коэффициент эластичности ε_i равен β /1-α. В целях учета возможной причинно-следственной взаимосвязи между ростом занятости и ВВП используется инструментальная переменная ВВП с лагом на два года.

Кроме того, в целях учета специфики определенной страны по тем или другим параметрам экономического, социального, экологического развития можно использовать функцию оценки вида:

$$E = F(Y, Z)$$

где, **Z** – круг факторов, отражающих изменения в экономической политике и реформах, потенциально влияющие на занятость. Есть исследования, которые в качестве Z используют уровень заработной платы[2].

Примененный новый метод расчета повышает устойчивость оценок коэффициентов эластичностей занятых по росту, т.к. здесь уже используется статистика не только по России или Узбекистану, но и для большого числа других развивающихся государств мира, близких по своим параметрам к этим странам. При этом большой объем выборки позволяет выделять как за предкризисный, так и за посткризисный периоды, которые по своим закономерностям и тенденциям в источниках роста могут заметно отличаться друг от друга.

Используя приведенную выше модель С. Капсоса с условными переменными для каждой страны, а также выборку по 76 развивающимся странам мира за 2000-2014 годы, были получены новые оценки эластичностей труда по росту для Узбекистана и ряда других стран СНГ на макроуровне (см. табл. 1[3]). По сравнению с прямыми расчетами эластичности для Узбекистана (0,2 за 1993–2013 гг., если использовать запаздывающую переменную ВВП с скользящим средним лагом за 1-3 года) полученные оценки оказались выше. Они составили в предкризисный период 0,44[4] (без учета временных лагов) и 0,54 (с учетом лагов), в то время как посткризисный период она снизилась до 0,31–0,28 (без учета и с учетом лагов, соответственно).

По аналогичной схеме были сделаны расчеты для России и Казахстана. Показатели Узбекистана выглядят вполне благоприятно на фоне оценок этих стран, лежащих в диапазоне от 0,18 до 0,26, если не учитывать оценку 0,04 для России в посткризисный период.

Таблица 1

Сопоставительный анализ эластичностей занятости по экономическому росту для Узбекистана, России, Казахстана

Страна	Величина лага	2000-2007 гг.	2010-2014 гг.
Узбекистан	без лага	0,44***	0,31***
	лаг 3 года	0,54***	0,28*
Россия	без лага	0,23**	0,26***
	лаг 3 года	0,23***	0,04***
Казахстан	без лага	0,20***	0,28***
	лаг 3 года	0,21***	0,18*

*** значимость на уровне 0,01

** значимость на уровне 0,05.

* значимость 0,1 или чуть менее.

Источник*:* эконометрический анализ с использованием метода GLSна основе статистики Всемирного банка по 76 развивающимся странам мира.

Использованная модель: $lnE_{it} = \alpha_1 + \alpha_2 * lnY_{it} + \alpha_3 * lnY_{it} * D_i + \alpha_4 * D_i + u_{it}$, см. Kapsos (2005).

Примечание: оценка занятости по Узбекистану и другим странам получена на основе данных Всемирного банка о занятом населении в возрасте от 16 лета и выше (employment population ratio, population 16-65, 65+).

Такой низкий вклад роста в занятость в посткризисный период развития России может быть объяснен негативными тенденциями закрытия большого числа производств, особенно в моногородах, которое последовало за глобальным финансовым кризисом, ухудшением динамики цен на углеводороды, ростом безработицы, снижением инвестиционной активности и другим кризисными проявлениями, предшествовавших резкому спаду экономики в 2015 году.

---

[1] Crivelli E., Furceri D., Toujas-Bernaté J. Can Policies Affect Employment Intensity of Growth? A Cross-Country Analysis / IMF Working Paper. 2012.

[2] См., например, Min H. Estimation Of Labor Demand Elasticity For The RMSM-LP: Revised Minimum Standard Model For Labor And Poverty Module // International Business & Economics Research Journal. 2007. – Volume 6, N 7.

[3] В проведении эконометрического анализа, результаты которого представлены в табл. 1,2, активное участие принимал с.н.с. ИПМИ Хамидов Б.

[4] Получен на основе формулы $\varepsilon_i = \alpha_2 + \alpha_3(i)$ и значений соответствующих коэффициентов (модель 1; **0,44 = 0,31+0,13).**

Для учета эффекта дополнительных факторов, которые, в случае их статистической значимости могут заметно изменить оценку вклада роста в занятость, согласно подходу Min (2007) в исходное эконометрическое уравнение были добавлены несколько контрольных переменных (см. табл. 2). Результаты показали устойчивость ранее полученных оценок эластичности, которые в этом случае колеблются от 0,40 до 0,46 в предкризисный период (без учета крайних точек для экспорта и инфляции) и 0,30–0,32 в посткризисный.

Таблица 2

Эластичность занятости по экономическому росту для Узбекистана с включением дополнительных факторов

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
Pre-crisis (2000-2007)						
ВВП	0.31***	0.30***	0.28***	0.27***	0.38***	0.30***
ВВП*Дамми	0.13**	0.16***	0.12***	0.08**	0.27***	0.14***
Дамми	–3.18***	–4.21***	–3.09***	–1.98**	–7.54***	–3.71***
Доля услуг в ВВП		–0.13				
Энергоэффективность			0.03***			
Дефлятор ВВП				0.08**		
Экспорт					–0.17***	
Рента						–0.007
N	*608*	*586*	*568*	*575*	*601*	*595*
R sqr overall	*0.31*	*0.31*	*0.33*	*0.32*	*0.30*	*0.32*
Post-crisis (2010–2014)						
ВВП	0.39***	0.39***	0.37***	0.35***	0.40***	0.36***
ВВП*Дамми	–0.07**	–0.07	–0.002	–0.04	–0.09**	–0.04
Дамми	2.26**	2.19*	0.24	1.55**	2.80***	1.50*
Доля услуг в ВВП		0.05				
Энергоэффективность			–0.07			
Дефлятор ВВП				–0.006		
Экспорт					–0.001	
Рента						–0.004
N	*374*	*345*	*223*	*354*	*357*	*296*
R sqr overall	*0.32*	*0.33*	*0.34*	*0.32*	*0.33*	*0.32*

*** значимость на уровне 0,01

** значимость на уровне 0,05.

* значимость 0,1 или чуть менее.

Примечание: все переменные в логарифмической форме.

Для предкризисного периода все контрольные переменные за исключением ренты и услуг оказались статистически значимыми. Вместе с тем, по двум из них – инфляции и экспорту, оценки эластичности труда существенно отличаются от полученных ранее: для инфляции 0,35, а для экспорта 0,65. Однако эти переменные имеют нелогичные знаки (плюс для инфляции и минус для экспорта), что требует рассматривать крайние оценки с определенной степенью условности. Кроме того, введение контрольных переменных в эконометрический анализ существенно не сказывается на проценте объясненной дисперсии (она остается менее 1/3), что свидетельствует о необходимости расширения круга таких переменных за счет тех из них, которые можно найти за пределами статистических ресурсов Всемирного банка.

Для посткризисного периода уже все контрольные переменные становятся незначимыми. Кроме того, только модель 5 имеют значимые параметры перед базовыми факторами. Для нее оценка эластичности (0,31) практически совпадает с эластичностью для базовой модели (0,32). Таким образом, включение контрольных переменных существенно не отражается на оценках вклада роста в занятость

Общий вывод – кризис 2008–2009 года ограничил способность роста создавать новых рабочие места как в Узбекистане, так и в других ведущих странах СНГ, что свидетельствует о необходимости существенной корректировки текущей стратегии их развития, *перехода от энерго-сырьевой к ресурсосберегающей модели роста, основанной на расширении продуктивной занятости*.

Кроме рассмотренных выше моделей, был выполнен аналогичный эконометрический анализ для Узбекистана с лагами запаздывания для ВВП в один и два года с целью оценки чистого влияния фактора для каждого года, включая и запаздывающие. Однако в этом случае не все базовые факторы (**ВВП**, **ВВП*Дамми, Дамми)** оказались статистически значимыми, что свидетельствует о необходимости продолжения исследований в этом направлении (переход к новым страновым выборкам, изучения возможности введения нелинейности, новых контрольных переменных и т.д.).

Шелест С.А.
стажер-исследователь Института прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ДЛЯ РОССИИ И СТРАН СНГ

Ключевые слова*: инклюзивность, инклюзивный рост, измерение инклюзивного роста, оценка инклюзивности роста, индикаторы, СНГ.*
Keywords*: inclusiveness, inclusive growth, inclusive growth measurement, indicators, CIS.*

На сегодняшний день для развивающихся стран с формирующимся рынком актуальным является не только достижение экономического роста, но и повышение его качества или инклюзивности[1]. В связи с этим, важным является вопрос *как измерить качество (инклюзивность) экономического роста?*

В настоящее время не существует общепринятого подхода к оценке инклюзивности роста, т.к. само определение инклюзивности еще окончательно не сформировано. Разные авторы и организации используют различные подходы (см. табл. 1). Все они имеют свои достоинства и ограничения.

Таблица 1

Индикаторы, предлагаемые различными международными организациями и авторами для измерения инклюзивности роста

Наименование индикатора	Сущность индикатора	Источник
1. Индикаторы, получаемые на основе эконометрического анализа		
Эластичность бедности по росту (growth elasticity of poverty)	Показатель, измеряющий способность экономического роста ограничивать бедность на основе оценки уровня снижения бедности на 1% прироста ВВП	Habito C. F. (2009); Chhibber Nayyar (2007); A.Fosu (2011)
Эластичность занятости по росту (growth elasticity of employment)	Показатель, измеряющий способность экономического роста расширять продуктивную занятость на основе оценки прироста занятости на 1% прироста ВВП	Kapsos Steven (2005); Adedokun A.J. (2016)
2. Композиционные индикаторы		
Индекс инклюзивного роста (inclusive growth index) Азиатский банк развития	Интегральный показатель, характеризующий качество экономического роста на основе объединения в единый индикатор четырех составляющих: экономический рост, расширение продуктивной занятости и экономическая инфраструктура (8 индикаторов – 50%); снижение бедности по доходу и рост всеобщего равенства (10 индикаторов – 25%); человеческие возможности (7 индикаторов – 15%); и социальная защита (4 индикатора – 10%). Шкала – от 0 до 10 (1–3 неудовлетворительная оценка, 4–7 удовлетворительная оценка, 8–10 высокая оценка)	McKinley T. (2010).
Индекс инклюзивности роста (inclusiveness of growth) Международный аналитический центр по политике инклюзивного роста	Составной показатель, измеряющий инклюзивность роста как процесс совместного пользования выгодами роста и участия каждого в процессе роста на основе трех показателей (которым присуждается одинаковый вес): уровень бедности, неравенство (прокси совместного пользования выгодами) и соотношение занятости к численности населения (прокси совместного участия). Шкала – от 0 до 1 (чем ближе значение индекса к нулю, тем выше инклюзивность роста).	Ramos A. R., Ranieri R. & Lammes J. (2013)
3. Качественные индикаторы		
Функция социальной мобильности (social mobility function) МВФ	Модель измерения инклюзивности роста на основе кривой социальной мобильности, которая представляет собой графическое изображение прямой зависимости между равенством и уровнем доходов (распределение доходов). Оценка инклюзивности производится в зависимости от движения кривой социальной мобильности, при этом не применяется количественный индикатор для оценки инклюзивности роста	Anand R., Mishra S. & Peiris S. J. (2013)

Источник: составлено автором на основе обзора имеющейся литературы по данной тематике.

[1] Инклюзивный экономический рост – рост, способствующий сбалансированному развитию всех секторов экономики, расширению продуктивной занятости, снижению неравенства доходов и возможностей, снижению бедности и обеспечению экологической устойчивости (ООН, Азиатский банк развития, Европейская комиссия).

Хронологически в работах по данной тематике первоначально наиболее часто используемыми в анализе индикаторами были эластичности бедности или занятости по экономическому росту[1], которые показывали способность экономического роста решать различные социальные проблемы (расширять занятость, ограничивать бедность). В частности, такой экономический рост, который сопровождался ограничением бедности, получил в экономической теории термин *«pro-poor economic growth»*.

Эластичность бедности по росту (ЭБР) является показателем влияния экономического роста на сокращение бедности, которое определяется как отношение процентного изменения доли бедного населения к процентному изменению темпа роста. Говоря иначе, эластичность бедности по росту позволяет ответить на вопрос, *приводит ли экономический рост к сокращению бедности*, т.е. позволяет измерить инклюзивность роста по критерию бедности. Чем выше эластичность бедности по росту, тем выше способность экономического роста ограничивать бедность. Преимущество эконометрического метода заключается в том, что он позволяет оценить степень влияния экономического роста на бедность с учетом других факторов, влияющих на уровень бедности, т.е. получить несмещенные оценки эластичностей ЭБР. Однако здесь возникает проблема эндогенности факторов и ряд других, затрудняющих использование этого метода на практике.

Эластичность занятости по росту (ЭЗР) является количественной оценкой изменения занятости, являющейся следствием роста экономики. Преимущество данного показателя – возможность оценки влияния экономического роста на расширение занятости, т.е. оценки инклюзивности экономического роста по критерию занятости. Кроме того, данный показатель позволяет определять и анализировать структурные сдвиги в занятости в динамике. Однако он не позволяет судить о качестве рабочих мест или росте достойных рабочих мест. Существует множество работ, посвященных анализу ЭЗР, в которых произведена оценка ЭЗР по отраслям, странам, регионам, миру (см. табл. 2).

Таблица 2

Эластичность занятости по экономическому росту некоторых стран

	1991–1995	1995–1999	1999–2003
Азербайджан	–0.01	0,00	0,16
Армения	0,10	–0,34	0,24
Белоруссия	**0,18**	–0,03	–0.05
Казахстан	**0,20**	–2,26	0,02
Кыргызстан	0,03	–0,17	0,72
Молдавия	0.06	0,83	0,25
Россия	**0,38**	0,40	0,13
Таджикистан	–0,03	0,11	0,26
Туркменистан	–0,13	0,05	0,19
Узбекистан	–0,19	0,31	0,76
Украина	–0,11	0,83	0,12
СНГ	0,19	0,28	0,18

Источник: Kapsos S. The employment intensity of growth: Trends and macroeconomic determinants / ILO. 2005.

В целом, степень влияния экономического роста на занятость оставалась относительно низкой для стран СНГ, что можно объяснить происходившими на тот период трансформационными процессами в экономике. В частности, наиболее примечателен рост ЭЗР Кыргызстана, Молдавии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Напротив, наблюдалась отрицательная динамика ее оценок для России, Белоруссии и Казахстана. По нашему мнению, низкий вклад экономического роста в расширение занятости в России можно объяснить обострением социальных проблем и неэффективностью трансформационных реформ, осуществленных в России.

Индекс инклюзивного роста предложен Азиатским банком развития[2]. Данный индекс включает индикаторы роста, продуктивной занятости, экономической инфраструктуры, бедности по доходу и всеобщего (в т.ч. гендерного) равенства, человеческих возможностей и социальной защиты. Значение индекса варьирует от 0 до 10. При этом, значение индекса в диапазоне от 1 до 3 оценивается как неудовлетворительное, от 4 до 7 – удовлетворительное и от 8 до 10 – высокое достижении страны в обеспечении инклюзивности роста (см. рис.1).

Преимущество данного составного индикатора состоит в простоте оценки прогресса страны в достижении инклюзивного роста и возможности межстранового сравнения. Однако, включение большого количества индикаторов, которые в той или иной мере легко подвергаются количественной оценке, несколько усложняет сам индекс и делает его в некоторой степени субъективным. Индекс является сложным в плане данных, и ограничения в данных могут привести к трудностям в сравнении показателя между странами, если его субкомпоненты не рассчитываются на основе одинаковой количественной оценки. Вместе с тем, схема присваивания весов довольно условна, и система расчета баллов нуждается в четкой спецификации.

[1] Fosu A. Growth, Inequality, and Poverty Reduction in Developing Countries: Recent Global Evidence / UNU-WIDER. World Institute for Development Economic Research. Working Paper N 1, 2011; Chhibber Nayyar. Pro-poor growth: explaining the cross-country variation in the growth elasticity of poverty/ BWPI Working Paper. N 14, 2007.

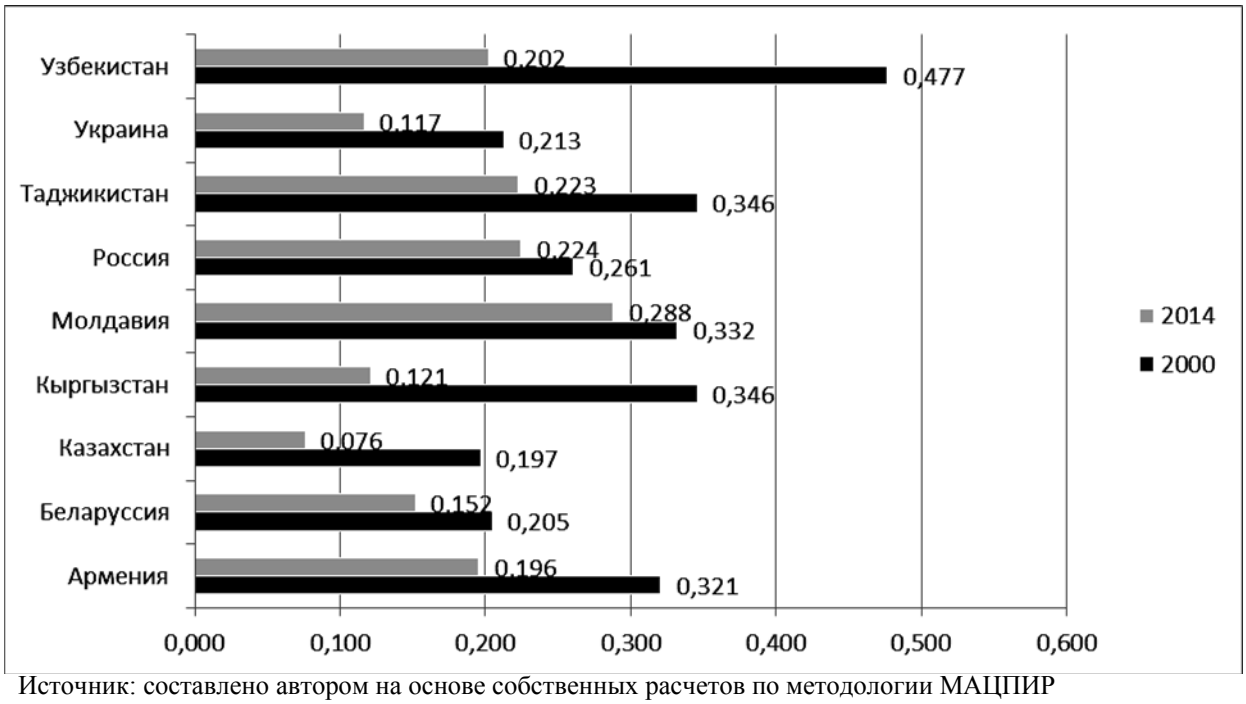
[2] McKinley T. Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress / ADB Sustainable Development Working Paper Series, N 14. – Mandaluyong City: Asian Development Bank, 2010.

В рамках исследования АБР, была произведена оценка данного индикатора для ряда стран – Узбекистана, Бангладеш, Камбоджи, Индонезии, Филиппин, Индии. Самую высокую оценку индекса в 6,8 получил Узбекистан, за которым следует Индия (5, 7).

В рамках подхода Международного аналитического центра по политике инклюзивного роста (МАЦПИР)[1], предлагается *индекс инклюзивности роста*, основанный на измерении его вклада в расширение занятости и ограничение неравенства по доходам. При этом в отличие, например, от определения эластичности занятости по росту, в расчетную формулу для оценки данного индикатора темпы экономического роста не включаются[2].

В соответствии с определением инклюзивного роста, трактующим его как процесс совместного использования результатов роста и совместного участия каждого в процессе роста, данный индекс включает в себя три показателя: уровень бедности по доходу, неравенство в распределении доходов и соотношение занятости к численности населения. Всем трем индикаторам, которые первоначально подвергаются нормализации, присваивается одинаковый вес. Значение индекса варьирует от 0 до 1, данные по которым представляют собой межстрановые сравнения. При этом *чем ближе значение индекса к нулю, тем выше инклюзивность роста.* Основное преимущество данного подхода заключается в возможности межстранового сравнения инклюзивности роста.

В целях выявления тенденций в достижении инклюзивности роста в странах СНГ нами была оценен индекс инклюзивность роста в ряде стран СНГ на основе методики МАЦПИР. При этом, сравнение производилось по двум периодам: 1996–2000 и 2010–2014 (рис. 1).



Источник: составлено автором на основе собственных расчетов по методологии МАЦПИР

Примечание: расчеты произведены на основе статистики Всемирного банка. Нормализация выполнена по 148 развивающимся странам.

Рисунок 1.
Сравнение индекса инклюзивности роста по странам СНГ

В целом, во всех рассматриваемых странах СНГ наблюдалось снижение значения индекса инклюзивности, что свидетельствует о повышении качества экономического роста в этих странах. Однако наблюдаются различие в степени инклюзивности роста и факторы его достижения по странам. В частности, снижение значения индекса в России было обусловлено главным образом снижением уровня бедности и ростом занятого населения, но при этом сопровождался ростом неравенства. В Казахстане, напротив, наблюдались улучшения по всем показателям: инклюзивность достигалась за счет снижения уровня бедности и неравенства доходов и ростом занятости.

Оценка инклюзивности роста на основе *функции социальной мобильности* была предложена Международным валютным фондом[3]. Функция социальной мобильности представляет собой функцию распределения доходов в различных социальных группах. Чем выше кривая социальной мобильности, тем выше социальная мобильность. Рост является инклюзивным, когда кривая социальной мобильности движется вверх по всем точкам. При этом отсутствует количественная характеристика индекса инклюзивности, поскольку об инклюзивности можно судить только по движению кривой социальной мобильности.

---

[1] Ramos A. R., Ranieri R., Lammes J. Mapping Inclusive Growth / Working Paper, International Policy Centre for Inclusive Growth, N 105. 2013.

[2] $II = \frac{1}{3}Pov + \frac{1}{3}Gini + \frac{1}{3}EPR$, где II – индекс инклюзивности, Pov – уровень бедности, Gini – коэффициент Джини, EPR – доля занятого населения в общей численности населения.

[3] Anand R., Mishra M. S., Peiris S. J. Inclusive growth: Measurement and determinants / International Monetary Fund. 2013.

Построение кривой социальной мобильности дает важную информацию о том, способствует ли экономический рост повышению доходов населения и снижению неравенства в их распределении. В свою очередь, инклюзивность оценивается в зависимости от того, насколько кривая движется вверх (для учета роста) и насколько меняется распределение доходов (для учета равенства).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что выработка единого подхода к оценке инклюзивности роста *позволит странам выявить недостатки существующей модели экономического роста*, ее ограничения в решении различных социальных проблем и предпринять определенные меры по их решению.

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Богдан Н.И.
д.э.н., профессор Белорусского государственного экономического университета, г. Минск
bohdannina@gmail.com

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ: СТРАТЕГИЯ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ[1]

Ключевые слова: *инновационное развитие, инновационная политика, стратегии, программы инновационного развития, белорусская экономика.*

Стратегия инновационной политики Беларусь опирается на реализацию государственных программ инновационного развития. Таких программ было две: на 2007–2010 гг. и 2011–2015 гг. В настоящее время готовится к реализации третья программа инновационного развития Беларуси. Принята Концепция Государственной программы инновационного развития (ГПИР) Беларуси на 2016–2020 годы, которая рассматривает инновационную политику как составную часть государственной социально-экономической политики, а инновационный путь развития экономики республики как объективное условие обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны. Проект ГПИР на 2016–2020 гг. предусматривает увеличение удельного веса инновационно-активных организаций в общем числе промышленных организаций с 19,6% в 2015 г. до 26% в 2020 г. Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции промпредприятий достигнет 21,5% (в 2015 г. – 13,1%).

Правительством Республики Беларусь планируется обеспечить ускоренное инновационное развитие экономики путем сокращения технико-технологического отставания национальной экономики от экономически развитых стран, повышения эффективности управления научно-технической и инновационной деятельностью, формирования рынка научно-технической продукции, наращивания кадрового потенциала в инновационной сфере.

Одним из основных направлений инновационного развития, обеспечивающих формирование укладов нового уровня, является научная и научно-техническая деятельность, связанная с разработкой и производством биотехнологической продукции, в том числе для фармацевтики и агропромышленного комплекса, имеющих значительный экспортный потенциал. Всестороннее развитие сферы информационно-коммуникационных технологий является одним из основных направлений инновационной стратегии. Сектор высоких технологий планируется сделать драйвером инновационного развития страны.

Предусматривается создание предприятий, работающих по технологиям V–VI технологических укладов, на которых базируются 19 проектов госпрограммы, в программе будут инновационные проекты, которые соответствуют новым мировым технологиям. Добавленная стоимость на одного работающего должна быть не меньше, чем в Европе (60 тыс. евро в год), и не менее 50% продукции – поставляться на экспорт. Источником финансирования становится республиканский централизованный инновационный фонд. Ранее инновационные фонды были в министерствах и концернах, их использование не всегда было связано с инновационными проектами. Госпрограмма станет открытой и будет ежегодно пополняться проектами по созданию новых производств, имеющих определяющее значение для инновационного развития страны.

Однако выполнение заданий предыдущей ГПИР Беларуси (табл. 1) показало недостаточную эффективность мер политики, в результате чего ряд плановых заданий оказались не выполненными. Причин несколько, к ним можно отнести внешние факторы, такие как ухудшение ситуации на внешних рынках, замедление экономического роста. Внутренние факторы обусловлены как слабым пониманием особенностей современного инновационного развития, недоучетом факторов изменения технологического развития в мире, так и слабым механизмом оценки политики на основе современных индикаторов инноваций.

Уровень инновационной активности бизнеса в Беларуси существенно ниже европейского, в ЕС практически каждое второе предприятие занимается инновационной деятельностью, а среди крупного бизнеса 2/3 является инновационного активными предприятиями. Показатель «интенсивность затрат на инновации» (отношение инновационных затрат к отгруженной продукции в процентах) отечественной статистикой не определяется, но является важным для международной практики и определяется российской статистикой в течение ряда лет. По этому индикатору Беларусь, как показали наши расчеты, вполне соответствует европейским показателям. Например, в 2014 г. в Бельгии аналогичный показатель составлял 1,9%, Финляндии – 2,93%, Германии – 2,12%, а в Австрии и Нидерландах был ниже,

[1] Статья выполнена в результате сотрудничества по Договору БРФФИ-РГНФ № Г16Р-014.

соответственно: 1,74 и 1,64%[1] . Таким образом, в относительных показателях инновационные затраты в стране сравнимы с европейскими, а результативность, в виде роста конкурентоспособности инновационных товаров, является невысокой. По данным белорусской статистики 2005 г. 83% инновационной продукции промышленности поставлялось за пределы страны, в 2015 г. – 64%. Доля инновационной продукции новой для мирового рынка в общем объеме отгруженной составляла в 2014 г. 1,6%, в 2015 г. – 1,8%, в 2015 году 62,5% инновационной продукции обладали новизной только на уровне предприятия.

Таблица 1

Основные показатели инновационной деятельности Республики Беларусь

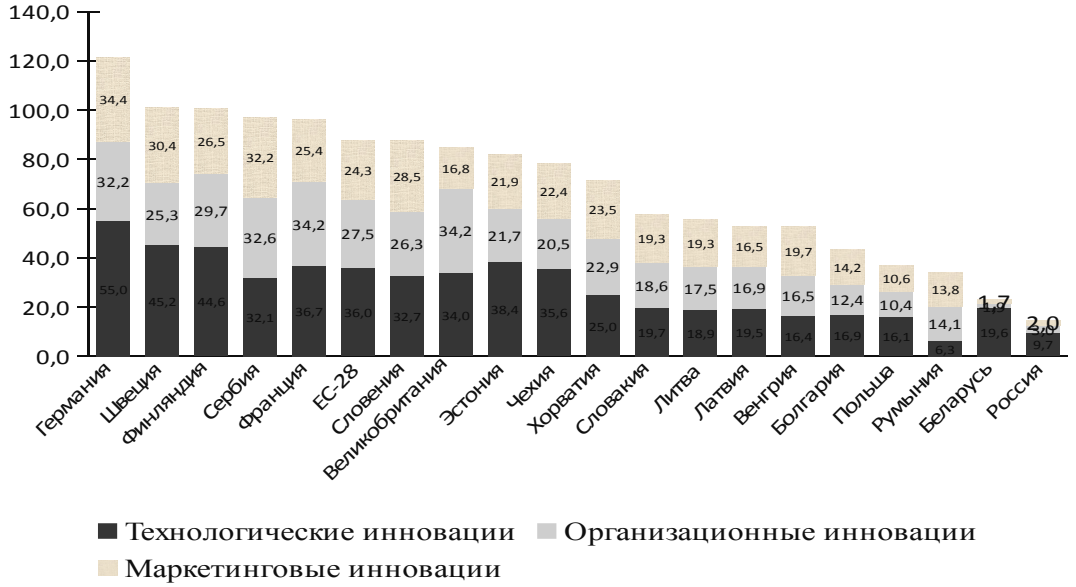
Наименование показателя, ед. измерения.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
	план факт	план факт	План Факт	План Факт	план факт
доля инновационно-активных организаций в общем числе организаций, %	20,0 22,7	25,0 22,8	26,0 21,7	27,0 20,9	40,0 19,6
уд. вес отгруженной инновационной продукции, %	12,0–13,0 14,4	13,8–14,5 17,8	18,0 17,8	19,0 13,9	20,0 –21,0 13,1
внутренние затраты на научные исследования и разработки (наукоемкость ВВП), % к ВВП	1,2–1,4 0,70	0,9–1,1 0,67	1,0–1,1 0,67	1,1–1,15 0,52	2,5–2,9 0,52
объем экспорта высокотехнологичной и наукоемкой продукции, млн. долл. США	3100,0 3205,3	3934,7 10762,9	4766,7 9658,0	5604,2 8254,2	7950,0 5271,1
доля экспорта высокотехнологичной и наукоемкой продукции в общем объеме белорусского экспорта, %	6,9 (факт)	10,0 20,1	11,0 21,9	12,0 18,7	12,0–14,0 16
Интенсивность затрат на технологические инновации, %	3,4	1,7	2,1	2.0	1,8

Источник: рассчитано по данным Белстат и ГПИР.

Проблема развития инновационных процессов в Беларуси во многом связана с недостаточным финансированием научных исследований. Наукоемкость ВВП сократилась до 0,52% ВВП, а в структуре инновационных затрат промышленности, затраты на научные исследования составляют 6–8%, а более 60% – это затраты, связанные с приобретением нового оборудования, под инновациями часто понимается модернизация технологической базы.

Другая проблема современного инновационного развития – «технократическое» понимание инноваций (Рисунок 1). Доля предприятий, которые одновременно с технологическими изменениями осуществляют обучение и переподготовку персонала, проводят маркетинговые исследования, в России составляет 5%, а в Беларуси – 3,6%, что на порядок ниже, чем во многих европейских странах.

Важным фактором развития инноваций является наличие практики эффективного взаимодействия в процессе инновационной деятельности. В Беларуси число организаций, участвующих в совместных инновационных проектах в 2014 г., составило 69, что составляет 18% от общего числа инновационных организаций. Доля партнеров внутри республики составляет 88%. Таким образом, взаимодействие и сотрудничество в процессе инновационной деятельности носит сегодня крайне ограниченный характер и не учитывает глобальный характер кооперации.



Источник: составлено по данным Белстат, Росстат и Евростат[2]

Рисунок 1.
Инновационная активность предприятий по типам инноваций, % предприятий, осуществлявших инновации, от общего числа предприятий

[1] Индикаторы инновационной деятельности**:** стат. сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016.

[2] http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6483064/9-21012015-BP-EN.pdf

Анализ факторов, препятствующих инновациям, который проводится при ежегодном статистическом исследовании, показывает, что основной причиной торможения инновационных процессов в Беларуси предпринимательский корпус считает недостаток финансов (759 респондентов). Такие факторы как: «нехватка знаний о новых технологиях», «незнание рынков сбыта», «невосприимчивость организации к нововведениям», «недостатки сотрудничества» оценили как «основные» в 2013 г. соответственно: 88, 89, 69 и 68 респондентов. Значимость современной инновационной культуры у предпринимателей была на порядок меньше, чем потребность в финансах.

Крупной проблемой для разработки современных механизмов реализации стратегии инновационного развития страны является асимметричность информации.

В последние годы белорусская статистика ввела новые индикаторы, позволяющие оценить развитие сектора высоких технологий. Анализ данных таблицы 1 свидетельствуют о высокой динамике развития данного сектора. Однако оценка развития высокотехнологичного сектора экономики проводится не вполне корректно, что искажает политические решения. Проблема состоит в том, что данный сектор в отчетности рассматривается совокупно как «наукоемкий и высокотехнологичный». В то же время, статистика позволяет рассмотреть его более детально. Экспорт разделяется на экспорт высокотехнологичных товаров, экспорт среднетехнологичных товаров высокого уровня, экспорт наукоемких высокотехнологичных услуг, экспорт наукоемких финансовых услуг, экспорт наукоемких рыночных услуг (табл. 2). Как показывает анализ, основную долю наукоемкого и высокотехнологичного экспорта составляет экспорт средневысоких технологий (химическая продукция (за исключением фармацевтической), производство машин, аппаратов, транспортных средств). За последние годы экспорт высокотехнологичного сектора возрос по товарам с 1,9 до 2%, по услугам с 1,6 до 3,5%, но основную долю в структуре экспорта занимает сектор средних технологий высокого уровня, т.е., во многом, это – традиционный сектор национальной экономики, который в настоящее время испытывает трудности сбыта. Следовательно, делать выводы об успешном развитии экспорта высокотехнологичных товаров и услуг рано.

Таблица 2

Показатели наукоемкого и высокотехнологичного экспорта Беларуси

Показатели экспорта, %	2010г.	2015г.
высокотехнологичных товаров	1,9	2,0
среднетехнологичных товаров высокого уровня	24,9	22,2
наукоемких высокотехнологичных услуг	1,6	3,5
наукоемких финансовых услуг	0,1	0,1
наукоемких рыночных услуг	3,1	3,1
Всего, в общем экспорте	31,6	30,9

Источник: составлено по данным Белстат.

Достаточно хорошо состояние сектора высоких технологий Беларуси характеризует динамика занятых (рис.2.) Данные показывают, что роста занятости в высокотехнологичном секторе промышленности не произошло, напротив, занятость снизилась за период 2010–2015 гг. с 1,25 до 0,93% общей занятости, сократилась занятость и в производстве товаров средневысоких технологий с 7,4 до 6,4%.

Заметно приросла занятость по белорусской статистике в секторе т.н. наукоемких услуг (knowledge-based services) – с 29,85 до 31,33%[1]. Однако, рассматривая положительную динамику развития сектора наукоемких услуг, следует иметь в виду, что здесь наблюдается несоответствие белорусской и международной статистики. Международная статистика, применительно к анализу структуры занятости в наукоемком секторе экономики, выделяет в нем отдельно сектор наукоемких бизнес-услуг (Knowledge Intensive Activities – Business Industries (KIABI), и по стандартам Евростата (Knowledge Intensive Activities NACE Rev. 2). Именно этот показатель используется для характеристики наукоемкого сектора услуг, он не включает в себя занятость в сфере здравоохранения и образования. С учетом корректировок занятость в секторе наукоемких бизнес-услуг в Беларуси можно оценить на уровне 9,3%, а совокупную занятость в наукоемком секторе экономики на уровне 10,2%.

Таким образом, правильная оценка достижений экспорта и занятости в секторе высоких технологий может изменить механизмы стимулирования и поддержки.

Важную роль в оценке эффективности инновационной политики может сыграть учет данных позиционирования Беларуси в международных рейтингах. К нему, в первую очередь, следует отнести Глобальный инновационный индекс (ГИИ), в котором Беларусь участвует с 2012 г. В последней оценке 2016 года, по сравнению с 2015 годом, позиция Беларуси существенно снизилась – с 53 до 79 из 128 стран[2].

Рассматривая структуру Глобального инновационного индекса, следует отметить, что в ней выделяют затраты, результаты и эффективность. С точки зрения **затрат** (Input subindex) позиция снизилась с 55 до 64. Что повлияло? Во-первых, в разделе «Человеческие ресурсы и наука» произошло снижение с 32 позиции до 35 из-за сокращения затрат на науку в ВВП (наукоемкость ВВП составляет лишь 0,52%), повлияло и отсутствие ряда индикаторов, которые необходимо рассчитывать. В частности, не рассчитывается численность научных работников в эквиваленте полной занято-

[1] Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет, 2016. – С. 14.

[2] The Global Innovation Index 2016. – Geneva; Ithaca; Fontainebleau: INSEAD, WIPO.

сти, нет данных по оценке качества образования школьников (индикатор PISA), Беларусь не входит в оценку конкурентоспособности ВЭФ и это ограничивает определения ряда индикаторов инновационной деятельности.

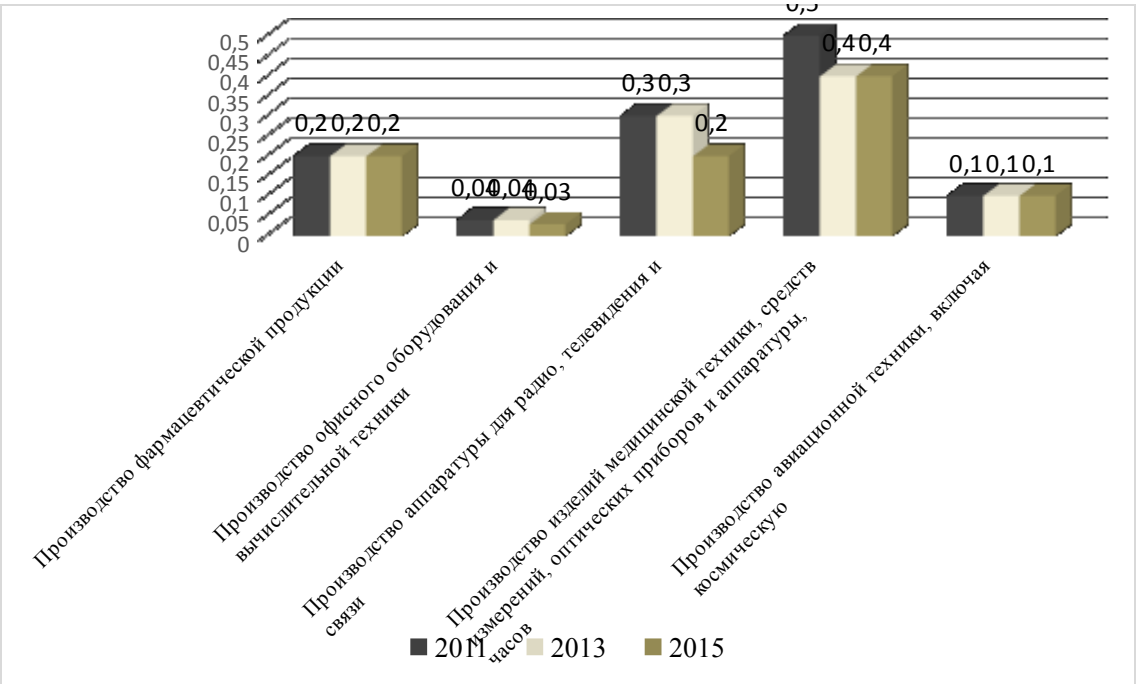


Рисунок 2.
Доля работающих в высокотехнологичном производстве
(в процентах к общей списочной численности работников организаций)

Во-вторых, в разделе «Инфраструктура» ГИИ произошло снижение позиций с 60 до 63. Несмотря на высокий рейтинг страны в ИКТ по рейтингу Международного союза электросвязи (31 ранг в 2016 г.), показатели, характеризующие развитие информационных технологий, в сравнении с международными трендами остаются невысокими. Особенно это касается позиционирования страны в оценке «Электронного правительства e-government». Сохраняется необходимость освоения стандартов ИСО14000 и показателей энергоэффективности, где позиции страны требуется повышать.

В-третьих, существенно снизилась – с 32 места до 89 – оценка эффективности «рыночной инфраструктуры» в ГИИ. Это говорит о том, что слабость национальной инновационной системы Беларуси определяется в основном макроэкономической политикой и недостаточными рыночными преобразованиями. Слабы позиции страны по условиям выдачи кредитов (116 и 92 место) недостаточные размеры кредитования обусловили низкий рейтинг показателя «внутренний кредит частному сектору» (104 позиция). Отсутствие венчурных фондов и венчурных инвестиций в стране является основанием отставания Беларуси еще по 2 индикаторам ГИИ.

В-четвертых, оценка инновационного развития Беларуси по разделу «качество бизнес-среды» показывает, что наиболее узким местом является эффективность связей участников инновационного процесса. Невысокой позиция страны остается в восприимчивости новых знаний (109 ранг), на эту позицию влияют, в частности, показатели торговли объектами интеллектуальной собственности.

Оценка результатов инновационной деятельности проходит в ГИИ по двум разделам – «Результативность знаний и технологий» и « Креативность». По этим разделам произошло снижение ранга Беларуси соответственно до 45 и 124 позиции. Следует признать, что здесь не учитываются такие традиционные для Беларуси показатели, как выпуск инновационной продукции и ее экспорт. Оценка происходит на основе структурных сдвигов в экономике под влиянием инноваций и формирования экономики знаний. В целом по **результатам** инновационной деятельности (Output Subindex) Беларусь снизила позиции с 58 до 103. И это очень тревожный факт, свидетельствующий о нарастании тенденций отставания страны в конкурентоспособности на мировом уровне. Каковы основные причины?

Во-первых, в формировании результатов учитывают создание знаний через патентные заявки резидентов страны и здесь позиции Беларуси неплохие, хотя снизились (с 7 до 27 позиции в мировом рейтинге). Но показатель, характеризующий патентование на зарубежных рынках, например, «заявки по процедуре Договора о патентной кооперации – PCT» (66 ранг), показывает, что требуются более эффективные меры стимулирования. По данным белорусских исследователей[1], количество международных заявок на изобретения по процедуре PCT за период 2005–2014 г. сократилось с 22 до 13, как количество, так и динамика заявок не соответствует научно-техническому потенциалу страны. Для сравнения количество таких заявок в России возросло с 658 до 949. В Беларуси необходимо учитывать и стимулировать заявки в высокотехнологичных секторах экономики.

[1] Нечепуренко Ю.В. Объекты промышленной собственности в Республике Беларусь: статистический анализ. – Минск: БГУ, 2016.

Во-вторых, оценка «креативности» экономики в ГИИ на низком уровне связана с неумением оценивать нематериальные активы. По этому индикатору страна занимает 124 место, что также не соответствует ее потенциалу. Объемы внешней торговли объектами интеллектуальной собственности в Беларуси незначительны: поступления составляют от 0,3 до 1,7 млн. долл. США, а выплаты – от 0,5 до 9,1 млн. долл. США, что дает 2–4 долл. США на жителя, что на два порядка ниже, чем в развитых странах мира. Отсутствует статистическая отчетность об объемах лицензионных сделок внутри страны, что затрудняет оценку роли интеллектуальной собственности в инновациях и формировании интеллектуального капитала. Крайне важна координация усилий нескольких ведомств, чтобы нематериальные активы, результаты современных ИКТ нашли отражение в статистике.

Следует подчеркнуть, что наиболее тревожным для политиков является вывод ГИИ, касающийся **индекса эффективности инноваций** (Innovation Efficiency Ratio) Беларуси, по которому страна занимает 116 позицию среди 128 стран, что свидетельствует о том, что ресурсы инноваций не соответствуют результатам инновационной деятельности. Причем, это снижение наблюдается в течение ряда лет: в 2012 г. – 66 позиция, в 2015 г. – 73, в 2016 г. – 116. Институциональная составляющая инновационного развития сыграла заметную роль в этом процессе. Показатели: эффективность правительства, верховенство права, качество регулирования, процедуры банкротства, ригидность рынка труда, остаются слабым звеном в Глобальном инновационном индексе для Беларуси.

Таким образом, рассматривая место Беларуси в Глобальном инновационном индексе по его составляющим, следует отметить, что на снижение позиции Беларуси повлияло множество факторов и, в основном, это отражает сложность и многогранность современной инновационной политики.

Задачи статистики должны быть сосредоточены, как на измерении инновационного процесса, так и на его результатах. Исследователи отмечают необходимость изменения учета расходов на НИОКР[1]. В соответствии с методологией СНС 1993 года расходы институциональных единиц на выполнение научных исследований и разработок отражались в составе их промежуточного потребления. В силу этого недооценивалась величина валового внутреннего продукта. В настоящее время накопление знаний является важной предпосылкой будущего экономического роста. В составе активов СНС 2008 года предусмотрено учитывать в качестве самостоятельных активов продукты интеллектуальной собственности, включая затраты на исследования и разработки. Прирост стоимости этого актива за год соответствует валовому накоплению капитала за счет научно-исследовательской деятельности. Таким образом, статистическая оценка требует увязки анализа микро-, мезо- и макроэкономических данных в таких вопросах, как затраты на науку, технологическое содержание экспорта, возможность формирования инновационных сетей, связь между образованием и занятостью, интеллектуальная собственность, эффективность различных инструментов для поддержки и поощрения инноваций.

Выработка политики на основе фактических данных и эффективная оценка государственной политики приобретают все большее значение в последние годы, особенно в области науки, технологий и инноваций. Эти сферы становятся широко признанными в качестве основных факторов экономического роста и конкурентоспособности. Исследование позволяет выделить следующие задачи в сфере оценки инновационной политики Беларуси:

1) Совершенствование оценки на основе широкой трактовки инновационной деятельности и ее связь с макроэкономическими показателями.

2) Содействие разработке новых статистических методов и междисциплинарных подходов к сбору данных.

3) Содействие измерению социальных целей инноваций и социальных воздействий инноваций.

4) Включение мониторинга и оценки на стадии разработки стратегии инновационной политики.

[1] Новиков М.М. Прогрессивные изменения в методологии исчисления валового внутреннего продукта // Вести Института предпринимательской деятельности. 2016. – № 1. – С. 27–31.

Бондарева Н.Н.
н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования
bonna2005@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОБОТОВ В АРКТИКЕ

Ключевые слова: *безопасность, роботизация Арктики, интегрирование арктических технологий, рынок арктической робототехники, арктическая конкуренция, национальные интересы РФ.*

В последнее десятилетие в условиях усиления глобальной конкуренции за природные ресурсы массовое внедрение арктических промышленных и военных роботов стало глобальным трендом.

По данным Международной федерации робототехники (IFR), более 1,5 млн. промышленных роботов работает в мире. В 2015 году продажи роботов повысились на 12%, составив исторический максимум – 248,000 ед. Средний мировой показатель уровня роботизации («плотность» роботов на 10 тыс. производственных рабочих) – 60 роботов, при этом в Южной Корее он достигает 400 роботов, в Японии – 340, в Германии – 280, в РФ – менее 10 роботов. Очевидно, что РФ – слабо автоматизированная страна, с огромным потенциалом для модернизации не только автомобильного производства, но и других отраслей. В условиях санкций к 2018 году рынок робототехники, включая арктическую, в РФ может вырасти на 100%. Научные прорывы в РФ ведут к революционным R&D и коммерциализации арктической робототехники.

Полагаем, что *адаптационный и конверсионный робототехнический тренд* будет нарастать в РФ и во всем мире. Новым вызовом *станет стратегия эффективного менеджмента по конверсии всех возможных арктических и неарктических технологий мира в конкретные проекты и программы во благо национальных интересов РФ в Арктике.*

Согласно The Arctic Journal *сегодня в* мире используется 7,5 тыс. моделей роботов для подводных миссий (до 6 км) под прикрытием надводных кораблей. Трудно определить, какие страны лидируют в робототехническом освоении Арктики, и уточнить объемы российских роботов в этих арктических миссиях ввиду отсутствия открытой отраслевой информации, однако, по численности и мощи ледокольного флота РФ нет равных в мире.

Р*оботизированное освоение Арктики* в странах Арктического Совета (США, Канада и др.) ведется с *использованием инновационных методологических подходов и инструментов, включая следующие*:

1) интегрирование и адаптация *имеющихся арктических технологий* к потребностям и нуждам ПЖЦ освоения Арктики (проникающие в землю радары, спектрометры, геотехнические инструменты и др. адаптируются для нужд Арктики, робот KUKA);

2) интегрирование и адаптация *имеющихся неарктических технологий* (космических, военных и иных) к потребностям Арктики (роботизированные автономные арктические сноумобили (SnoMotes) по проекту «NASA Robots in Arctic», технологии Haughton-Mars Project (HMP-2010, NASA) тестируются в рамках программы «Advanced Information Systems Technology program, K10, Moon and Mars Analog Mission Activities Program, NASA и Mars Institute, Calif);

3) *целенаправленное* создание новейших исключительно арктических технологий и разработок следующего поколения, не имевших аналогов ранее (Проект NASA «Роботы-подледники Puma и Jaguar», военный всепогодный дрон-робот Global Hawk);

4) одновременное, параллельное, целевое создание *многофункциональных технологий* для Арктики и для иных областей знаний (например, гражданская медицина и военные потребности в Арктике, гуманоид OmniTread);

5) создание дополнительных контрольных приборов для перепроверки деятельности, осуществленной человеком в Арктике (Lunar Surface Systems Project, K10 robot, HMP's MARS-1 Humvee Rover, KR QUANTEC PA, криобот NASA и Norwegian Polar Institute);

6) проведение иных арктических автономных роботизированных миссий, без участия человека, использование Арктики как тестовой площадки для других миссий и целей (НИИ «Naval Research, Программа автономных роботизированных миссий и технологий (MIZ), дронов – прогнозистов погоды в Арктике от «US National Oceanic and Atmospheric Administration», «KR Quantec Arctic»;

7) активизации присутствия в Арктике национальных корпораций с любыми целями (добыча нефти, исследования землетрясений, прогноз погоды и др.) как гаранта закрепления интересов в дальнейшем и на общегосударственном уровне (Компания BP имеет 9 офисов на Аляске);

8) новые арктические стандарты менеджмента внешней среды, стандарты и критерии мониторинга льда и арктических оффшорных структур, включения знаний о среде (медведи, птицы, система ре-вегетации травы в тундре и др.) в арктические бизнес-модели;

9) интегрирование арктических технологий в проекты повседневного использования (арктические дроны-сенсоры для традиционного рутинного прогноза погоды, Программа «Marginal Ice Zone (MIZ)»),

10) встраивание существующих арктических технологий в текущие и будущие динамические и комплексные системы и др. (вызовы, ниши кооперации, общие базы данных текущего состояния и текущих и будущих потребностей арктических систем).

Полагаем, что методологической основой для названных целевых исследований является *комплексный подход* (комплексные программы), наиболее эффективным форматом кооперации – частно-государственное партнерство, частные проекты, международные кооперационные союзы. Так, в США принят «План Арктических исследований на 2013–2017 гг.» («ARCTIC RESEARCH PLAN: FY2013–2017»), под эгидой Исполнительного офиса Президентского Совета по науке и технологиям. Совет координирует все исследовательские проекты по Арктике и смежным дисциплинам, ориентирует инвесторов, издает и координирует комплексные национальные стратегии с федеральными агентствами. Функционируют 5 комитетов (Environment, Natural Resources and Sustainability; Homeland and National Security; Science, Technology, Engineering, Math (STEM) Education; Science; Technology) и рабочие группы в рамках каждого комитета.

Важно отметить, что с 1984 года в США внедрен *комплексный* подход в освоении Арктики (Interagency Arctic Research Policy Committee, The Arctic Research and Policy Act от 1984 года (ARPA), Public Law 98-373 от 31.07.1984, Public Law 101-609 от 16.11.1990 г.). Для реализации стратегии федеральной координации и глобального лидерства США в освоении Арктики созданы Арктическая исследовательская комиссия (ARC) и Межведомственный комитет по политике Арктических исследований (IARPC). Заявленные семь сфер арктических исследований – комплексные отраслевые программы роботизации американской Арктики на ближайшие годы. Важно прогнозировать сферы усиления инвестиций США и конкурентов РФ в Арктике в конкретные области национальных интересов, учитывать все глобальные сигналы при коррекции ежегодных планов РФ по освоению Арктики.

Роботизация в следующие 20 лет произойдет в США в областях: 1) морские экосистемы и лед; 2) ледовые процессы на поверхности земли и экосистемы; 3) атмосфера,, нагрев поверхности, баланс масс и энергетика; 4) системы наблюдения; 5) региональные климатические модели; 6) адаптационные инструменты для устойчивости местных сообществ; 7) здоровье человека.

Предполагаем, что на основе скоординированного использования имеющихся ресурсов в США будут созданы прорывные роботизированные комплексы (типа исследовательского судна «SIKULIAQ» с потенциалом работы в 30 лет), подводные комплексы-города и разработаны технологии встраивания уже существующих арктических технологий в текущие и будущие динамические и комплексные системы и управления ими.

С учетом масштаба и инвестиций в федеральные миссии в Арктике, международные и американские корпорации в области робототехники активно предлагают результаты своих исследований. Правительство США, по сути, скупает на мировом рынке инновационные разработки роботов (и смежные идеи) для конкурентоспособного освоения Арктики. В итоге реализации плана в США ожидаются *реальные результаты, а именно*:

1) коррекция текущей адаптационной стратегии США в Артике на базе новой технологии прогнозирования неучтенных позитивных и негативных событий любого масштаба;

2) прогноз противоречий Арктических и смежных мета-экосистем;

3) информационное обеспечение ЛПР по Арктике в США для успешной адаптации стратегии освоения Арктики;

4) управление эффектами последствий изменения климата и их влиянием на социально-экономические стрессоры в регионе и мире;

5) прогнозирование сценариев развития Арктики, с учетом ослабленного и/или усиленного воздействия человека на природные и неприродные экосистемы Арктики и смежных регионов;

6) разработка новых инструментов по сохранению Арктики и реабилитации здоровья и культурного наследия местных жителей.

Полагаем, что перспективы рынка арктической робототехники в РФ существуют, но требуются *коллаборационная многоуровневая национально-международная Стратегия роботизации в Российской Арктике,* прогрессивная «Модель комплексной конверсии, адаптации, коммерциализации научных достижений робототехники и смежных дисциплин для Российской Арктики».

Список литературы

1. Комков Н.И., Бондарева Н.Н. Перспективы и условия развития робототехники в России // МИР. 2016. – № 2.
2. www.arcus.org/search/searchscience
3. www.globalchange.gov

Ваганян Г.
д.э.н., к.т.н., профессор Российско-Армянского (Славянского) университета
Ваганян О.
к.э.н., доцент Ереванского филиала Российского экономического университета

ПОБЕЖДАЯ С ПОМОЩЬЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС)

Ключевые слова: *экономика, проблемы развития, стратегические цели, интеллектуальный капитал, инновации, инновационная политика.*

Почему США побеждают с помощью глобальных инноваций[1]?

- «Мы осознаем, что та нация, которая продвигает свой путь посредством инноваций сегодня, будет управлять всемирной экономикой завтра».
- «В XXI веке бизнес будет основываться на американской науке и технике, научных исследованиях и разработках. Я хочу, чтобы американцы победили в этой гонке, делая открытия, которые позволят создать новые рабочие места».
- «Фундаментальные исследования, по своей сути, иногда могут привести к безвыходным положениям, но они могут также указать на неизвестное нам, что в дальнейшем поможет определить новые пути. И когда проделанная работа оправдает сделанный вклад, создадутся экономические возможности такого уровня, которые невозможно было бы представить раньше».
- «Являемся ли мы нацией, которая в наших университетах обучает наилучших и выдающихся представителей в мире только с той целью, чтобы они вернулись к себе домой и создали бизнес в странах, которые конкурируют с нами. Или же мы та нация, которая побуждает их остаться и создавать рабочие места, бизнесы и промышленности здесь – в Америке».
- «Нашей целью является не увеличение численности STEM (наука, технология, инженерия, математика) студентов. Нашей целью является обеспечить разнообразие STEM программ, а также увериться, что все – независимо от этнической принадлежности и предпосылок, вовлечены в данный процесс. Наука предназначена для всех нас, и наша цель состоит в том, чтобы наши аудитории и лаборатории, рабочие места и средства массовой информации отражали данную идею».
- «Мы не можем быть уверены какие именно отрасли промышленности в будущем создадут рабочие места. Мы можем лишь быть уверены, что они должны быть созданы здесь – в Америке. Вот почему треть экономики среднего класса направлена на создание наиболее конкурентоспособной экономики».
- «В настоящий момент своевременно выдвижение идей на крупномасштабную арену посредством технологического прогресса. Но мы должны быть уверены, что являемся абсолютным лидером в данной области, а это возможно с использованием всех тех ресурсов и талантов, которые Америка может предложить».
- «Мы неизменно поддерживали инновации и проведение исследований и изучений, которые затем коммерциализируются, чтобы каждый мог извлечь из них выгоду. В дальнейшем мы начинаем экспортировать и продавать товары по всему миру, создавая высококачественные рабочие места. Таким образом, создается цепь, в которой каждый только выигрывает, и никакая из сторон не пренебрегается».
- «Мы должны не только приветствовать проведение инноваций, но и инвестировать в них. Нам нужно создать для них благоприятные условия. Нам необходимо по возможности эффективнее поддержать их деятельность».
- «Мы обязаны наилучшим образом служить будущим поколениям. Те, кто верят, что правительство может и должно служить добру, что совместными усилиями мы сможем защитить нашу страну и обеспечить национальную безопасность, кто верят как в индивидуальную инициативу, так и в общее благо, должны работать усердней и преданней, с целью обеспечить правильную деятельность правительства».

США в 2015 г. остаются лидером по числу международных заявок на патенты и товарные знаки. Они сохраняют давно занимаемую ими лидирующую позицию в качестве главной страны происхождения международных заявок на патенты, поданных через ВОИС, в то время как прошлый год стал еще одним годом сильного роста числа заявок на объекты интеллектуальной собственности (ИС) во всем мире, а фирма-производитель электроники обогнала фирму-производителя часов в качестве лидера по числу международных заявок на промышленные образцы. Число международных заявок на патенты, поданных в 2015 г. в рамках Договора о патентной кооперации (PCT) ВОИС, выросло на 1,7%, до 218 000 заявок, что стало новым рекордом. Базирующиеся в США новаторы уже в течение 38 лет

[1] Цитаты из выступлений Президента США Б. Обамы, 2014–2015 гг.

подают наибольшее число международных заявок на патенты в год. Однако в значительной степени данный общий рост также связан с существенным усилением патентной деятельности среди новаторов, базирующихся в Китае.

США остаются одной из наиболее инновационных стран в мире (4-е место в 2016 г.) и имеют особенно сильные показатели в таких областях, как участие фирм в проведении глобальных НИОКР, уровень развития финансового рынка, включая инвестиции в новые предприятия, качество высших учебных заведений и научных публикаций, расходы на программное обеспечение и состояние инновационных кластеров. Однако США имеют более низкие показатели расходов на образование, качества высшего и среднего специального образования из-за малой доли выпускников по научно-техническим специальностям, энергоэффективности и общих инвестиций в экономику и производительности, имеющих особое значение для будущего роста.

Видение и ключевые стратегии

В таблице 1 представлены **видение и ключевые стратегии** социально-экономического развития России и других стран-участниц ЕАЭС.

Таблица 1

Видение и ключевые стратегии социально-экономического развития России и других стран-участниц ЕАЭС

Стратегическая цель государств – обеспечение всеобщего благосостояния
Основа процветания и социально-экономического роста **– инновации, вовлеченность в международные инновационные сети**
Инновационное развитие обеспечивается на основе **эффективного и качественного инновационного менеджмента**
Инновационный менеджмент обеспечивается на основе **эффективного и качественного управления интеллектуальным капиталом**
Важными компонентами интеллектуального капитала являются **образование и наука**. Образование и наука вместе с талантом и трудолюбием, волей, традициями и культурой наций являются **источником открытий и изобретений, а открытия и изобретения – источником роста добавленной стоимости и процветания стран**[1]

Анализируя растущую долю инноваций, создаваемых с помощью глобальных инновационных сетей, мы приходим к выводу, что она служит доказательством того, что в условиях растущего трансграничного обмена знаниями и талантами возможно более широкое применение их результатов. Существуют широкие возможности для углубления международного сотрудничества в рамках частных и государственных НИОКР для усиления будущего экономического роста стран-участниц ЕАЭС. На национальном уровне политика в области инноваций должна быть более непосредственным образом направлена на оказание содействия международному сотрудничеству и трансграничному распространению знаний. Новые руководящие структуры должны стремиться к расширению передачи технологий и их распространению в странах-участницах ЕАЭС.

Россия, Армения и другие страны-участницы ЕАЭС в рейтинге «глобальный индекс инноваций»

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) представляет собой оценку деятельности в области инноваций в 141 стране на основе 79 показателей. Ниже приводится таблица показателей «Глобальный инновационный индекс»[2] за 2011–2016 гг. стран-участниц Евразийского экономического союза и стран, граничащих с Арменией (*чем ниже значение показателя, тем лучше состояние дел в области инновационного развития*).

Таблица 2

«Глобальный инновационный индекс» 2011–2016 гг.

Страна/годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Турция	*65*	*74*	*68*	*54*	*58*	*42*
Россия	56	51	62	56	48	43
Армения	69	69	59	65	61	60
Грузия	73	71	73	74	73	64
Казахстан	84	82	83	69	82	75
Иран	95	104	113	106	120	78
Беларусь	-	78	77	58	53	79
Азербайджан	88	89	105	101	93	85
Кыргызстан	85	109	117	90	109	103

ГИИ публикуется совместно ВОИС, Корнельским университетом и INSEAD, Конфедерацией индийской промышленности (КИИ), «A.T. Kearney» и Европейской академией управления инновациями.

Целью ГИИ является совершенствование показателей инновационной деятельности и ее понимания, поскольку **инновации играют ключевую роль в качестве фактора экономического роста и процветания**. С учетом призна-

[1] Ваганян О.Г. Управление формированием и развитием интеллектуального капитала (концепция, технология, системотехника). – Ереван: Mega Print, 2016.

[2] https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator

ния необходимости в широком видении инновационных процессов как в развитых странах, так и странах с формирующимся рынком, **глобальный индекс инноваций** включает показатели, которые выходят за рамки традиционных индикаторов инновационной деятельности, таких как уровень НИОКР.

Рейтинг **глобальный индекс инноваций** рассчитывался как среднее двух субиндексов. Субиндекс инновационных затрат позволяет оценивать элементы национальной экономики, в которых протекают инновационные процессы. Эти элементы разделены на пять основных групп: (1) институты; (2) человеческий капитал и исследования; (3) инфраструктура; (4) уровень развития рынка и (5) уровень развития бизнеса. Субиндекс инновационных результатов отражает фактические результаты таких усилий в разбивке по двум основным группам: (6) результаты в области знаний и технологий и (7) результаты творческой деятельности. Среди важнейших показателей, характеризующих инновационное развитие – индикаторы численности кандидатов и докторов наук, количество заявок на патенты и изобретения, расходы на НИОКР и другие. Авторитетные статистические данные в области инновационного развития, интеллектуального капитала, интеллектуальной собственности и экономики знаний являются важным инструментом для понимания тенденций в сфере развития экономики, жизнеспособности наций, потенциала коммерческой деятельности, развития бизнеса и технологий в мире.

Среди лидеров ГИИ 2016 г. четыре страны – **Япония, США, Соединенное Королевство и Германия**. Они выделяются в плане «качества инноваций», важного индикатора, отражающего **уровень развития высшего образования, число научных публикаций и количество поданных международных заявок на патенты**. **Китай** переместился **на 17-е место** по качеству инноваций, став по данному индикатору лидером среди стран со средним уровнем дохода; далее за ним следует Индия, которая опередила Бразилию.

Рассматриваемые страны по таблице **«Глобальный инновационный индекс» 2011–2016 гг.** расположились следующим образом: **на первом месте Турция (42-е место), за ней следует Россия (43), Армения (60), Грузия (64), Казахстан (75), Иран (78), Беларусь (79), Азербайджан (85)**. Замыкает таблицу Кыргызстан (103). Турция в 2016 г. обогнала Россию.

Анализ таблицы показывает, что **ГИИ России** за 2011–2016 гг. вырос на **13 ступеней, Армении – на 9 ступеней**. Наиболее благоприятный был 2013 г., Армения – лидер **(59-е место)** среди стран региона и стран-участниц Евразийского экономического союза. **Однако Турции удалось выйти вперед, обеспечить рост ГИИ на 23 ступени и опередить Армению на 18 пунктов, а Россию на 1 пункт**. В то же время ГИИ Грузии вырос на **9** ступеней, Азербайджана – на **3**, Казахстана – на **9**, Ирана – на **17**. **ГИИ** Кыргызстана спустился на **18** ступеней, Беларуси по сравнению с 2012 г. спустился на **1** ступень.

Из стран-участниц **ЕАЭС в 2016 г. Россия на первом месте, на втором месте Армения. Однако как Россия, так и Армения обладают неиспользуемым потенциалом**, который может позволить им **обойти Турцию**.

Показатели количества патентов

По рейтингу количества патентов 2012 г. для 103 стран мира **первое место занимает Китай**, имеющий **526,412 заявок** (из них **резидентов** 415,829 и **нерезидентов** 110.583). На **втором месте США** (соответственно число заявок 503,582, из них **резидентов** 247,750 и **нерезидентов** 255,832). Количество заявок нерезидентов США более чем в два раза превышает китайский показатель (255,832 против 110,583). На третьем месте **Япония** (соответственно 342,610, 287,580 – больше чем в **США** и 55,030, что почти в пять раз меньше США).

Россия занимает **седьмое место** (41.414, 26.495 и 14.919), уступает **Южной Корее** (в четыре раза) и **Германии**. По числу заявок нерезидентов (14,919) Россия уступает **Канаде** (30,357), **Австралии** (23,143) и **Бразилии** (19,981). Суммарный показатель по числу заявок нерезидентов у **Гонконга и Сингапура** больше показателя **России.**

Турция занимает 26-е место (соответственно: 4,113, 3,885 и 228), **Грузия** – 64-е место (398, 138 и 260), **Азербайджан** – 76-е место (205,193 и 12). **Армения по рейтингу количества патентов** уступает не только России, но и Турции, Грузии и Азербайджану. **Она на 80-м месте** (140, 121 и 19). По числу заявок резидентов Армения приблизилась **к Кыргызстану (140)**[1]. В 2014 г. число заявок выросло до 181, в 2015 г. этот показатель снизился до 170 (соответственно в 2014 г. заявок нерезидентов – 6, в 2015г – 3). То есть количество заявок нерезидентов в **Армении катастрофически снижается (если в 2012 г. их было 19, то в 2015 г. – 3)**. Если в 1993 г. в Армении было подано **216 заявок на изобретение, то в 2015 г. – 115 (падение вдвое)**.

В университетах многих стран-участниц ЕАЭС (например, Армении) не готовят специалистов в области инновационного менеджмента и предпринимательства, трансфера технологий и коммерциализации науки и знаний. Нет необходимого числа кандидатов и докторов наук в этой области. Исследования показали, что результаты научных работ, в частности диссертаций, как правило, не коммерциализируются, не доводятся до заявок на изобретение, патент или открытие.

Количество защищенных кандидатов и докторов наук (на примере Армении)

За период с 1994 по 2015 гг. наблюдается рост (76 → 353) общей численности защитившихся кандидатов и докторов наук Республики Армения (РА). Ежегодное число защищающихся докторов практически мало меняется (21 → 25), число кандидатов возросло в 6 раз (55 → 328).

[1] www.wipo.int

Результаты диссертаций 5599 кандидатов наук и 752 докторов наук по части научной новизны имели и имеют инновационный потенциал и некоторые из них могли и могут быть коммерциализированы, подготовлены и представлены в качестве заявок на изобретение, патент, открытие, но для этого требуются инвестиции, дополнительные финансовые ресурсы, высококвалифицированные специалисты и эксперты.

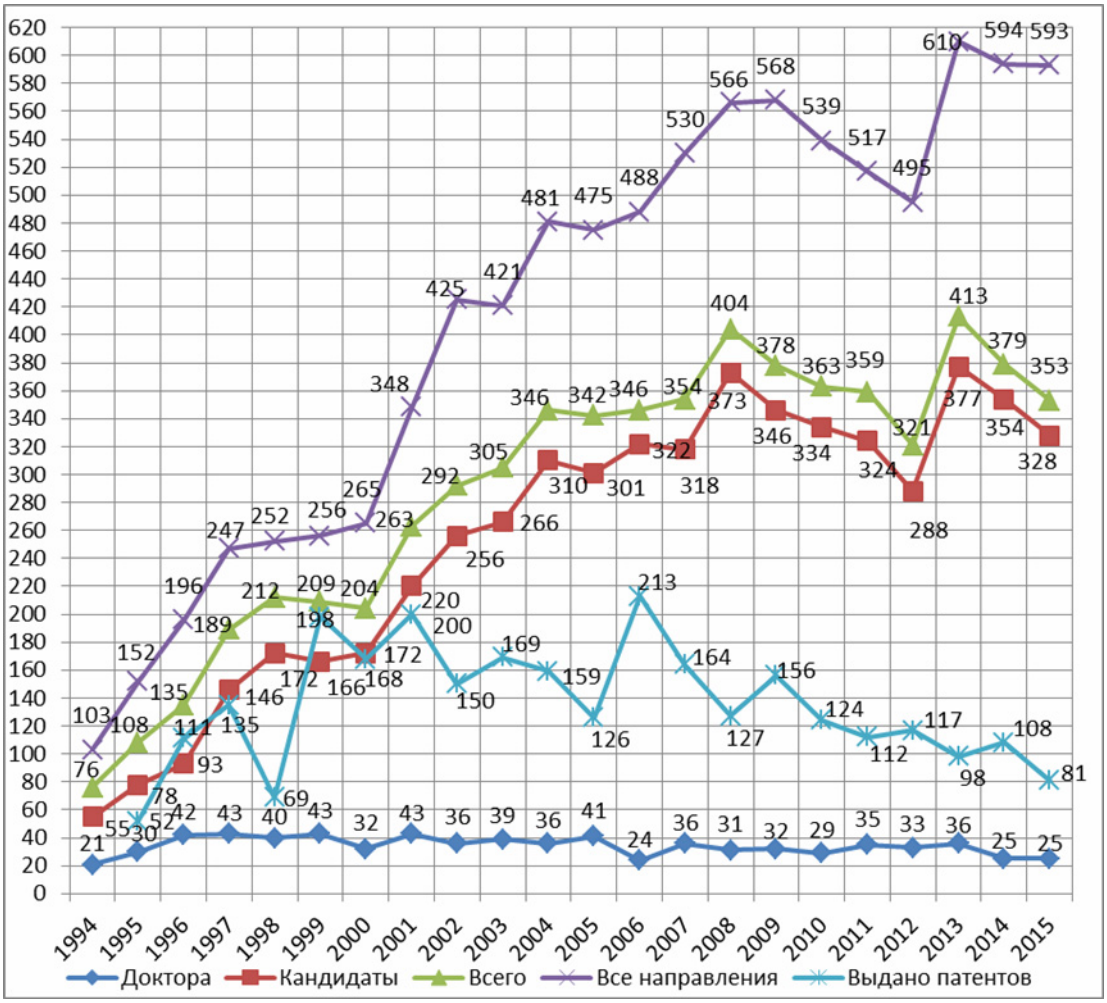
Количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций и выданных патентов РА (1994–2015 гг.)

Отсутствие инвестиций и экспертизы результатов диссертационных исследований приводит к тому, что многие новые идеи, «ноу хау», разработки остаются невостребованными и находят благоприятную почву для использования за рубежом. На диаграмме представлены графики роста числа защитивших диссертации и количества заявок на патенты в РА, которые позволяют выявить и оценить связи, корреляции между этими показателями. **Анализ диаграммы показывает, что наибольшее количество выданных патентов приходится на 2006 год (213).**

С 1995 по 1997 гг. наблюдается рост количества выданных патентов в 2.6 раз (52 → 135). В 1998 г. наблюдается спад в 2 раза (135 → 69). В 2015 г. насчитываются всего 81 выданных патентов. Наибольшее количество выданных патентов приходится на 2006 год, в течение которого сохраняется динамика защит кандидатских и докторских диссертаций.

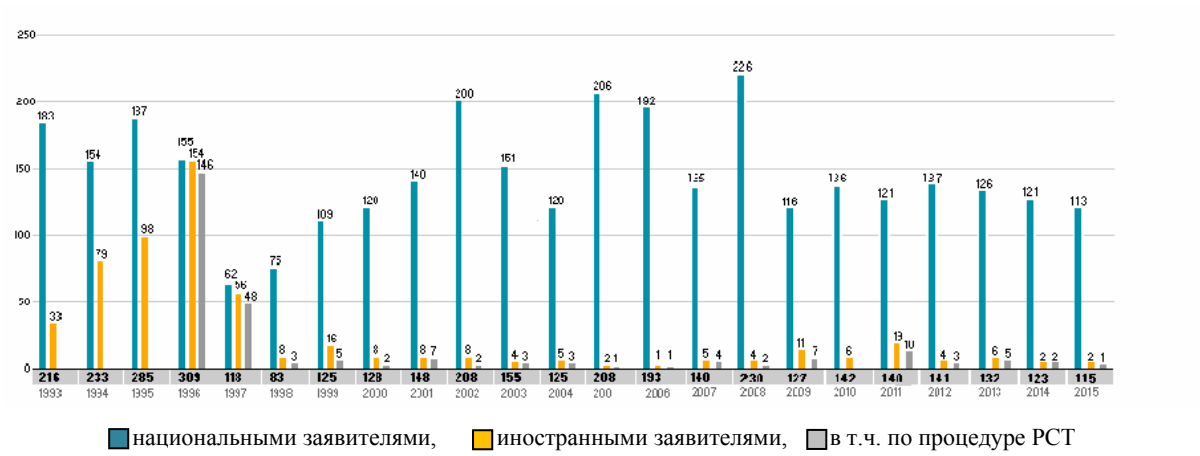
С 1994–2015гг. Армения представила в ВОИС (WIPO) всего **85 заявок** на изобретение, в то время когда в Армении есть сотни академиков, членов корреспондентов и докторов наук. В указанный период защитили диссертации примерно **752 докторов и 5599 кандидатов наук (всего 6351)** без учета гуманитарных направлений. **Ниже для сравнения приводятся данные Агентства Интеллектуальной собственности РА за 1993–2015 гг.**

Диаграмма 1.
Количество защищенных кандидатских и докторских диссертаций и выданных патентов в Армении (1994–2015 гг.)

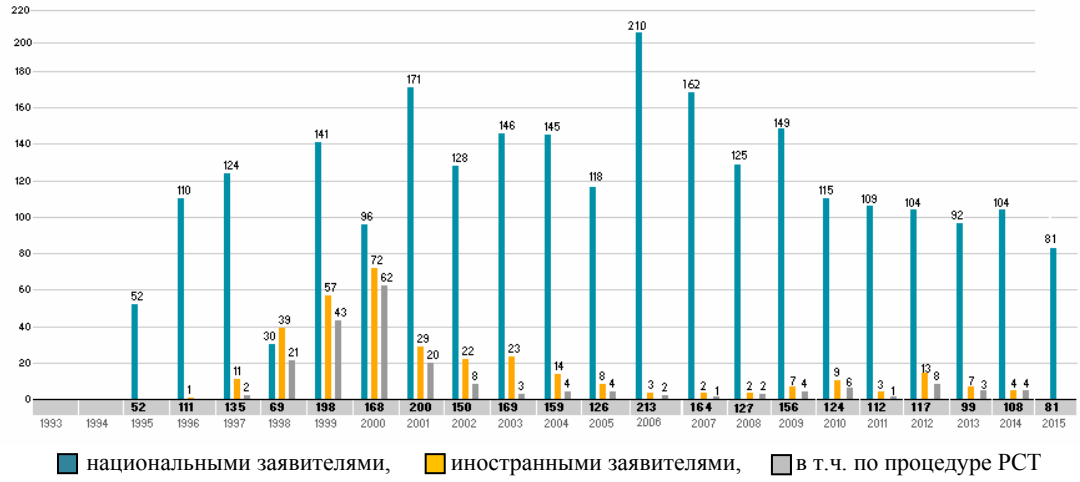


Статистика агентства Интеллектуальной собственности РА, 1993–2015 гг.

Подано заявок на изобретения



Выдано патентов на изобретения



Рейтинги виртуального интеллектуального капитала электронных представительств сетей инновационных центров

Уникальным инновационным инструментом является методика ArcalerScorecard для рейтинговых измерений и оценок показателей индекса виртуального интеллектуального капитала (ВИК). Эта методика позволяет осуществить раннюю диагностику, предвидеть предкризисные ситуации в глобальной и национальной экономиках на основе анализа трендов развития виртуальных представительств транснациональных корпораций, инновационных центров, сетей и университетов.

Обобщенный индекс интеллектуального капитала (QI) выводится с использованием нормализованных показателей качества и востребованности Интернет-ресурсов (цитируемости, значимости, важности, информативности, популярности и авторитетности виртуальных представительств, веб-сайтов и порталов исследуемых организаций) путем расчета индексов цитирования, а также подсчета рангов. Полученные показатели, отражающие качественные и количественные характеристики пользователей (заинтересованных сторон, потребителей различных услуг, поставщиков, партнеров, представителей госорганов и других контрагентов), учитывающие социальную и региональную структуру Интернета, ранжируются. Динамика QI позволяет оценить эффективность продвижения и позиционирования организации в виртуальной сети. С использованием предложенных индикаторов, начиная с 2004 года проводится сравнительный анализ динамики обобщенного индекса ВИК и создаются рейтинговые таблицы для электронных представительств.

К примеру, анализ результатов рейтинга ВИК электронных представительств транснациональных корпораций, сети инновационных центров России, Беларуси и Молдовы (см. http://www.iatp.am/arcalerscorecard/xls/ric.htm) позволил прогнозировать начала различных этапов мирового, в том числе, российского финансового кризиса. Тенденции снижения QI диагностируют симптомы кризиса (см. рис. 1). Подтверждается гипотеза: рейтинг виртуального интел-

лектуального капитала виртуальных представительств сети инновационных центров дает возможность осуществить эффективный мониторинг ситуации, прогнозировать предкризисные и кризисные ситуации в России, тем самым осуществить раннюю диагностику нежелательных социально-экономических процессов.

С 13.01.2011 по 10.06.2016 зафиксировано устойчивое падение QI ВИК европейской сети инновационных центров (R&D)[1]. Если в 10.06.2014 г. **QI = 0.051**, в 10.12.2014 **QI = 0.049**, то уже в 10.06.2016 г. **QI = 0.044**, что свидетельствует о том, что Европа столкнулась с серьезными проблемами в области инновационного развития.

Это стало причиной того, почему в 2015 г. был учрежден Европейский фонд стратегических инвестиций. *«Целью создания фонда, объем капитализации которого составит **315 млрд**. евро, является восстановление посткризисного роста экономики Евросоюза. Предполагается, что средства фонда будут вкладываться в проекты в сфере создания стратегической энергетической, транспортной и электронно-цифровой инфраструктуры в Европе, развитие отдельных направлений образования и исследований, развитие инновационных, экологически чистых технологий, а также подразумевает финансирование проектов, направленных на поддержку малого бизнеса»*[2].

Авторы убеждены, что и ЕАЭС также должен адекватно отреагировать на сложившуюся ситуацию. Ниже для сравнения приводятся рейтинги виртуального интеллектуального капитала электронных представительств российской и европейской сетей инновационных центров.

Российская сеть инновационных центров

В первую тройку QI* рейтинга виртуального интеллектуального капитала 63 электронных представительств сети инновационных центров России, Беларуси и Молдовы, 16.06.2016 г. входят: Российский фонд фундаментальных исследований (QI=1.08), Вологодский научно-координационный центр Центрального экономико-математического института РАН (QI=1.00), Нижегородский центр инкубации наукоемких технологий (QI=0.91).

В первую десятку рейтинга вошли также сайты Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Москва, Инновационно-технологического центра МЭИ (Московского Энергетического Института), Московского государственного института стали и сплавов (МИСиС), Российско-французского центра МИСиС "Окружающая среда, природные ресурсы и отходы индустриальных систем", Томского регионального центра трансфера технологий, Федерального институт промышленной собственности, Москва, Инновационного центра Марийского государственного университета, Иркутского государственного технического университета, Регионального Центра Развития Инновационной Деятельности.

По сравнению с рейтингом на 16.12.2015 г. значение обобщенного индекса ВИК **поднялось с 0.099 до 0.158** (см. рис. 1).

Европейская сеть инновационных центров

В первую тройку QI* рейтинга виртуального интеллектуального капитала 182 электронных представительств европейской сети инновационных центров (R&D), 10.06.2016 г. входят: The Consiglio Nazionale Delle Ricerche (Italy) (QI=1.104), Centre d'appui scientifique ettechnologique – CastEPFL (France) (QI=1.003), Fundación parael Conocimiento Madrid (Spain) (QI=0.504).

В первую десятку рейтинга вошли также сайты следующих организаций: Warsaw University (Poland), SINTEF Technology and Society (Norway), Bulgarian Academy of Sciences (Bulgaria), Universitàdegli Studi di Napoli Federico 11 – Centro di Ateneo per la Comunicazion (Italy), University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland), Tekes – the Finnish Funding Agency for Technology and Innovation (Finland), Enterprise Estonia (Estonia). По сравнению с рейтингом на 10.12.2015 г. среднее значение обобщенного индекса ВИК **опустилось с 0.050 до 0.**044 (см. рис. 1).

Результаты сравнительного анализа

Индекс **QI** ВИК электронных представительств российской сети инновационных центров опережает аналогичный показатель **QI** ВИК представительств европейской сети инновационных центров. Из 63 электронных представительств российской сети инновационных центров **только 14 имеют QI выше среднего значения (0.158), а из** 182 электронных представительств европейской сети инновационных центров **только 35 имеют QI выше среднего значения (0.044) (см. рис. 1).**

Имеется значительный потенциал роста у российской сети инновационных центров по сравнению с европейской, которая фактически исчерпала свой ресурс. Для обеспечения роста интеллектуального капитала европейской сети потребуется намного больше инвестиций, чем для российской. Грамотное управление позволит российской сети инновационных центров вместе с инновационными центрами стран-участниц ЕАЭС стать локомотивом формирования и развития интеллектуального капитала Экономического союза, который может обеспечить рост конкурентоспособности ЕАЭС в целом, а также сбалансированное повышение благосостояния народов стран-участниц.

[1] http://www.iatp.am/arcalerscorecard/xls/eic.htm

[2] http://vz.ru/news/2015/7/22/757430.html

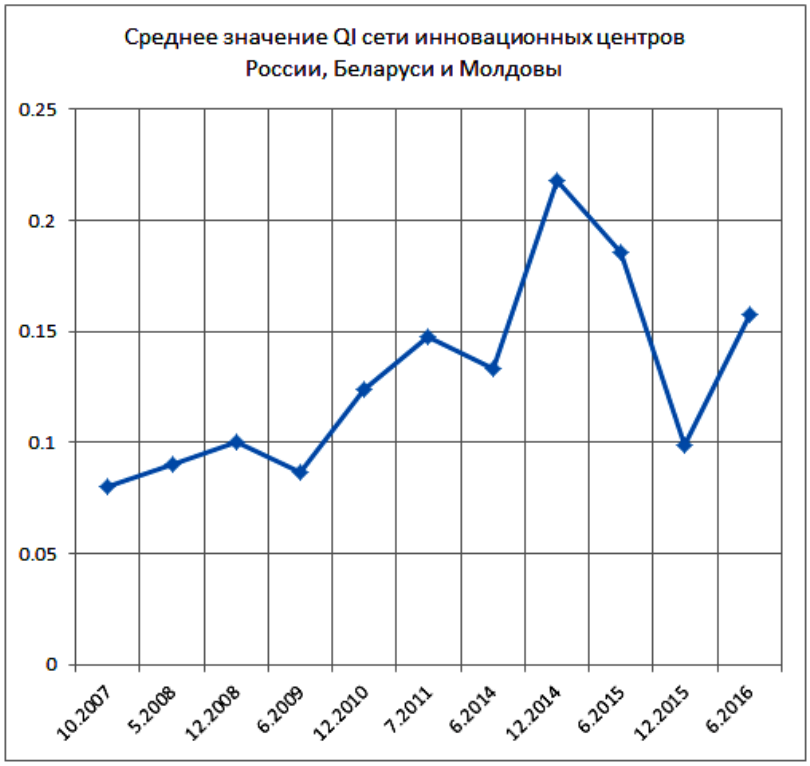


Рисунок 1.
Средние значения QI сети инновационных центров России, Беларуси и Молдовы и европейской сети инновационных центров (2006–2016 гг.)

Основные выводы

Инновационная политика играет центральную роль в развивающихся странах и в странах с формирующимся рынком, в которых содействие инновациям является одним из основных элементов планов и стратегий развития, а также ключевым фактором при решении острых социальных проблем, таких как загрязнение окружающей среды, проблемы в области здравоохранения, бедность и безработица.

Тщательно скоординированная политика в области инноваций, основанная на четких целях и соответствующей институциональной инфраструктуре, служит неоспоримым средством достижения успеха.

Совершенствование методов предпринимательской деятельности – увязка предпринимательства с научной деятельностью и работой научных учреждений, привлечение иностранных дочерних предприятий и наем научных кадров – является сложной задачей. В то время как значительные ресурсы часто направляются на привлечение иностранных многонациональных корпораций и инвестиций, необходимо, чтобы разработчики политики в странах–участницах ЕАЭС рассмотрели бы способы максимально эффективного использования положительных вторичных эффектов от результатов инновационной деятельности в национальной экономике.

В странах–участницах ЕАЭС слабо изучена область деятельности, связанная с привлечением инноваций и исследований для решения конкретных проблем на местах, в каждой конкретной области. Хотя эта деятельность может и не привести к созданию передовых технологий или к интеграции в существующие глобальные цепочки создания добавленной стоимости, она может помочь найти решения проблем на местах. Приоритетом является поиск инновационных способов преодоления проблем, с которыми сталкиваются страны–участницы ЕАЭС в области энергетики, транспорта, медицины, охраны окружающей среды, безопасности питания и получения более высокой нормы прибыли для местных ремесленных и творческих производств.

Инновации требуют непрерывных инвестиций. **До кризиса 2009 г. расходы в мире на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) росли приблизительно на 7% в год.** Опубликованные в ГИИ 2016 г. данные показывают, что в **2014 г. расходы на НИОКР во всем мире выросли только на 4%. В странах–участницах ЕАЭС** этот показатель примерно в два раза ниже. Это стало результатом замедления экономического роста в странах с формирующимся рынком и сокращения расходов на НИОКР.

Список литературы

1. Ваганян О. Управление формированием и развитием интеллектуального капитала (концепция, технология, системотехника). – Ереван, 2016. – 236 с.
2. Ваганян Г., Ваганян О., Тумян Л. Сопоставительный анализ национального интеллектуального капитала стран БРИКС ключевого фактора роста качества государственного управления и конкурентоспособности // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире / Труды I Международной научно-практической конференции Москва, 2–3 ноября 2015 г. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 218–221.
3. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г., Казарян М.Э. Ранняя диагностика глобальных предкризисных ситуаций. 29.07.2015. – http://www.iatp.am/news/rating/rating-2015.pdf
4. Ваганян Г.А., Ваганян О.Г. Концепция интерактивного менеджмента интеллектуального капитала Евразийского экономического союза как ключевой фактор роста конкурентоспособности и модернизации // XV Международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». ИНИОН РАН, 18-19 декабря 2014. Москва.
5. Vahanyan H.G. A Virtual Tool for Intellectual Capital Management // European Conference on Intellectual Capital. Haarlem, the Netherlands, 28-29 April 2009.
6. Ваганян Г.А. Мировой финансовый кризис, измерение и оценка интеллектуального капитала ведущих коммерческих и инновационных организаций, образовательных учреждений мира и России // IX Международная научная конференция «Россия: ключевые проблемы и решения», 11–12 декабря 2008, ИНИОН РАН, Москва.
7. Ваганян О.Г. Инструмент измерения и оценки интеллектуального капитала российских организаций в условиях сетевой экономики. Сб. научных трудов. Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. РГИИС. – М., 2008.
8. Ваганян О.Г. Менеджмент интеллектуального капитала – эффективный инструмент стратегического управления в России в условиях экономики знаний // Креативная экономика. – М., 2007. – № 5, 6, 7.
9. Ваганян О.Г. Методика оценки эффективности в интеллектуальный капитал // Креативная экономика. – М., 2007. – № 9.
10. Ваганян О.Г. Уточненная оценка интеллектуального капитала на основе коэффициента Тобина и методика оценки эффективности в интеллектуальный капитал // Российское предпринимательство. – М., 2007. – № 11.
11. Ваганян О.Г., Гапоненко А.Л. Сопоставительный анализ показателей экономик, основанных на знаниях, формируемых в США, Европе и России // Актуальные проблемы Европы: Сб. научных тр. – М., 2007. – № 2. Европа: Переход к обществу знаний?
12. Strategy for American Innovation: Executive Summary, 2012.
13. A Strategy for American innovation, October 2015. National Economic Council and Office of Science and Technology Policy.

Варавва М.Ю.[1]

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР НА ПУТИ К ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *интеллектуальная миграция, интеллектуальный потенциал, экономика знаний, «утечка умов», циркуляция кадров, научная диаспора.*

Keywords: *intellectual migration, intellectual capacity, knowledge economy, «brain drain», the circulation of personnel, scientific diaspora.*

Переход к экономике, основанной на знаниях и инновациях, обусловливает актуализацию интеллектуальных ресурсов общества. В рамках глобализации идёт активный обмен информацией, знаниями и идеями, что порождает и усиливает профессиональную и интеллектуальную мобильность субъектов национальных хозяйств. Профессиональная мобильность становится сегодня закономерностью, нормой и культурой перелива знаний и компетенций в рамках планетарного разделения труда.

Как отмечает И.Г. Дежина, «мобильность – это механизм диффузии знаний; она способствует развитию новых направлений исследований, в том числе междисциплинарных, расширению кругозора и квалификации исследователей»[2].

Зачастую мобильность превращается в интеллектуальную миграцию, которую в научных источниках обозначают терминами «утечка мозгов» (brain drain), «мозговой обмен» (brain exchange), «мобильность мозгов» (brain mobility), «внутренняя утечка умов» (internal brain drain). Под «утечкой умов» или интеллектуальной миграцией (внешний отток) следует понимать выезд из страны научной и творческой интеллигенции, создателей и носителей уникальных научных, инновационных, креативных, духовных, культурных невещественных ценностей, идей и знаний.

«Утечка умов» может происходить в различных формах:

– внешняя миграция (безвозвратный отток исследователей и специалистов за границу);

– трансмиграция или миграция по контрактам и индивидуальному предложению услуг зарубежным фирмам;

– внутристрановая миграция в другие области деятельности и сферы, не связанные с наукой (может быть представлена переходом ученых в сферу бизнеса и академического предпринимательства, выпадением постдокторских и постаспирантских уровней подготовки специалистов, т.е. без выхода соискателей на защиту соответствующих диссертаций);

– маятниковая миграция («научное отходничество») – эпизодические выезды за границу с целью заключения временных контрактов для работы в проектах, продвижения идей в своей области знания, поиска зарубежных грантов, завершения эксперимента, подработки в условиях лучшей лабораторно-экспериментальной базы, чтение лекций;

– разовая миграция (может иметь место в рамках университетских научных обменов, зарубежных стажировок и пр.);

– виртуальная мобильность, не предполагающая физического перемещения исследователей и разработчиков за границу (ИТ-аутсорсинг, удаленная работа в рамках выполнения исследовательских программ и заказов со стороны крупных иностранных корпораций).

Можно с уверенностью констатировать, что все обозначенные формы интеллектуальной миграции представлены в современной России.

Россия сегодня занимает третье место в мире по количеству ученых и инженеров на душу населения; около 1 миллиона специалистов потенциально способны работать в секторе информационных и высоких технологий. Однако страна отстает по многим индикаторам экономики, основанной на знаниях. На развитие новейших отраслей оказывает воздействие отток наиболее подготовленных и востребованных человеческих ресурсов, профессионалов, инноваторов, интеллектуальными усилиями которых в развитых странах формируется новый уклад экономики, основанной на знаниях.

Согласно аналитическим отчетам Счетной палаты РФ, за последние годы из России в эмиграцию уехали 1 млн. 250 тыс. человек[3]. Страну покидают наиболее подготовленные носители высококачественного когнитивного ресурса, способные к продуктивной научной работе, чьи идеи и являются базисом для технологического обновления экономики и инновационного развития всего общества. Как отмечает А. Щетинин, «русские едут в первую очередь в Европу,

---

[1] Варавва Маргарита Юрьевна – к.э.н., доцент Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова; сфера научных интересов: экономика, основанная на знаниях, инновационные модели развития, когнитивный потенциал социума, наука как ресурс экономики знаний, интеллектуальные ресурсы. E-mail: margur2010@mail.ru

[2] Дежина И.Г. «Охота за головами»: как развивать связи с российской научной диаспорой? // Науковедческие исследования: Сб. науч. тр. / Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям / Отв. ред. Ракитов А.И. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 3.

[3] Средний класс бежит из России. – http://www.mrwolf.ru

затем – в США, Канаду,… они предпочитают готовую инфраструктуру и рабочие места. Уезжают лучшие, наиболее способные, образованные, талантливые, предприимчивые – активная часть российского общества, в основном – средний класс, для которого отъезд связан с утратой социального оптимизма, невозможностью найти для себя социальный лифт»[1]. С 1985 по 2014 годы из российской научной сферы ушло почти 3 млн. квалифицированных кадров: выезд научных работников за рубеж в отдельные годы 1990-х достигал 300 тыс. человек в год[2].

В профессиональном разрезе Россию в основном покидают математики, программисты, химики, технологи, IT-специалисты, биоинженеры, генетики, фармацевты, т.е. представители профессий из области высоких технологий и отраслей, генерирующих принципиально новые знания, интеллектуальная элита общества, которая в значительной степени определяет его культурный, научно-технический и социально-экономический прогресс. Главными объектами притяжения для других стран являются не просто ученые, а наиболее перспективная и креативная их часть из числа молодых исследователей до 30 лет, способных не просто к стандартной научной работе, а к формированию новых паттернов знаний, прорывных идей и новаций.

Ежегодные потери от «утечки умов» из России оцениваются в 50 миллиардов долларов[3]. Основными поставщиками высокоподготовленных специалистов за рубеж являются три ведущих вуза страны: МГУ, МВТУ, МФТИ (Физтех). Так, до 30% всех ученых – выходцев из СССР, которые в настоящее время работают за рубежом, окончили в свое время Физтех[4].

За последние 5–7 лет интеллектуальная миграция значительно «помолодела», и по данным РАН, из России уезжают до 75% молодых ученых, связанных с биотехнологиями. Поток молодых российских ученых в ОЭСР вырос с 1,9 до 2,3% в год[5]. Почти половина из них отправляется в Китай и Индию, где биотехнологии, фармацевтическая индустрия и биоэкология питания переживают бурный рост и спрос на новые технологии в этих сферах.

Способствуют оттоку за границу молодых специалистов и меняющиеся правила привлечения: с 2011 года страны ЕС ввели так называемую «голубую карту» – вид на жительство для мигрантов с востребованной специальностью. Кроме того, по окончании первого срока контракта у специалиста появляется возможность продолжить работу в другой стране Евросоюза. Это достаточно грамотный ход в нарастающей борьбе за интеллектуальный высокопрофессиональный ресурс.

Кардинальные перемены в глобальной в экономике, расширение карьерных схем и изменения в организации исследовательского ландшафта обусловливают спрос на новые компетенции ученых. Это внесло значительные коррективы в географию интеллектуальной мобильности. Необходимо отметить, что вектор интеллектуальных миграционных потоков постепенно смещается из Европы и Америки в Азию. Сегодня всё больший спрос на учёных, вузовских преподавателей и исследователей предъявляют Индонезия, Малайзия, Пакистан, страны Ближнего Востока, причём, условия, предлагаемые иностранным специалистам, вполне конкурентоспособны по мировым меркам[6]. На рынках интеллектуальных ресурсов этих стран требуются ученые в области прикладных исследований, специалисты в сфере ВПК и технологий двойного назначения. Поэтому, если раньше центрами интеллектуального притяжения были США, Канада, Западная Европа, Япония, Израиль, Австралия, то сейчас практически любые страны, за исключением самых отсталых, способны удерживать талантливых ученых, разработчиков, исследователей, преподавателей, предложением выгодных условий работы и проживания.

Заработная плата учёных за рубежом все еще остаётся почти в десять раз выше заработной платы исследователей того же уровня в России. В России статус учёного означает фактическую бедность и невозможность серьёзной карьеры. Значительная часть выпускников российских естественнонаучных и технических вузов, обучившись на родине, продолжают учебу за рубежом на магистерских курсах и не возвращаются в Россию (только в США их доля достигает 77%). В последние годы лишь 14,5% молодых специалистов приходят в российские научные организации после окончания учебы. Вузы выпускают большое число студентов, но отечественные высокотехнологичные производства простаивают, поэтому институты и университеты фактически работают на экспорт.

Большинство абитуриентов отечественных вузов выбирают специальность, не руководствуясь намерениями начать карьеру в сфере науки и высоких технологий. В России уже сегодня снижается доля выпускников вузов по инженерно-техническим и естественнонаучным специальностям. Такие выпускники остро чувствуют свою бесперспективность, так как «...в российской экономике практически отсутствует сфера приложения с большим трудом полученных знаний и умений. Типичная судьба выпускников такого профиля – переквалификация или работа за границей»[7]. Это особенно опасно в условиях российской «демографической ямы», когда в среднесрочной перспективе общая численность молодежи сократится, а 80% талантливых, энергичных, инициативных, талантливых молодых людей идут не в науку, а в бизнес или силовые структуры.

Закономерным итогом данных процессов стал тот факт, что в российских научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро возник так называемый «разрыв поколений». Средний возраст исследователей составляет 63 года. К 2015 году доля ученых в возрасте до 29 лет в общей численности исследователей составила

---

[1] Щетинин А. Эмигрируй или деградируй! – http://kld.gazeta39.ru/

[2] Глобальные проблемы современности. – http://abc.vvsu.ru

[3] Институт проблем развития науки РАН. – http://www.issras.ru

[4] Физтех хочет остановить «утечку мозгов» из России. – http://maxpark.com

[5] Емельяненко В. Мозговая гипермобильность (о мобильности высококвалифицированных кадров). – http://demoscope.ru

[6] Варавва М.Ю. Интеллектуальная миграция: масштабы и угрозы для экономики России // Декабрьские научные чтения (Оренбург, 12 декабря 2014 г.): сборник статей. – Оренбург: Издательство ОГИМ, 2015. – С. 11.

[7] Тавокин Е.П. Российское образование как оно есть // Вестник Российской академии наук. – М., 2012. – Т. 82, № 8. – С. 744.

20,2% (из них кандидатов наук –5,7%, докторов наук – 0,05%), 40–49 лет – 13,2%; 60 лет и старше – 17,1%[1]*. Наука катастрофически «постарела» в том числе и по причине «утечки умов»: страну покидают активно работающая молодежь и ученые среднего возраста, уже достигшие значительных научных результатов и известные по публикациям за рубежом. Только в 2014 году из 75 655 выбывших высококвалифицированных мигрантов, имеющих высшее образование, насчитывалось 207 докторов наук и 420 кандидатов наук*[2]*. Большая часть выехавших на постоянное место жительства за границу ученых из РАН имеет степень кандидата (55,9%) и доктора (16,2%) наук, а половина покинувших страну (48,5%) не достигла сорокалетнего возраста*[3].

Отсутствие притока молодежи в когнитивную сферу и НИОКР влечет за собой утрату научного и технологического опыта исследований, накопленного старшими когортами ученых. Тем самым нарушается преемственность, размывается этос науки, исчезают традиции трансляции новым поколениям знаний, культуры научного поиска и социального опыта, а при сохранении таких тенденций многое будет утеряно безвозвратно.

Необходимо отметить, что многие исследователи проблем интеллектуальной мобильности склонны считать, что отток умов нельзя рассматривать как абсолютное зло для страны: циркуляция талантов – это вполне закономерный процесс в условиях глобализации. Однако не следует забывать о рисках утраты важнейших направлений и целых научных школ с отъездом только одного ученого или исследователя. Если за рубеж уедет несколько десятков второразрядных ученых, национальная наука ничего не потеряет, но если эмигрирует лидер и основатель ведущей научной школы – потери будут невосполнимы. По этому поводу академик А.Д. Некипелов отмечает: «В сфере творческой деятельности огромное значение имеет авторитет конкретного человека»[4].

Современной России важно, чтобы талантливые исследователи не только не уезжали из страны, но и возвращались, что, несомненно, труднодостижимо. Если 5 лет назад, когда большие надежды связывались с потенциалом Сколково, рассматривался вопрос реэмиграции ведущих ученых российского происхождения, то сегодня это становится достаточно проблематично по многим причинам. А имеющие место единичные примеры показывают, что даже возвращаясь в Россию, представители научной элиты больше тяготеют к зарубежным исследовательским центрам и в значительной мере идентифицируют себя скорее как представители международного научного сообщества, чем как сотрудники российских НИИ и вузов.

Более реальным является процесс обмена опытом, знаниями, методиками в рамках «циркуляции кадров». Сегодня в результате массового «исхода» научной интеллектуальной элиты за последние 25 лет за рубежом сформировалась достаточно широкая российская научная диаспора. Под научной диаспорой следует понимать специфическую общность исследователей, проживающих и работающих вне страны происхождения. К настоящему времени, по самым скромным подсчетам, за рубежом насчитывается порядка 30 тыс. исследователей и разработчиков, покинувших Россию.

Российская диаспора стремится поддерживать отношения не только друг с другом, но и с оставшимися на родине коллегами, способствуя своего рода «перекрестному опылению» научных исследований. Использование накопленного когнитивного потенциала зарубежной научной диаспоры является ценным для России, поскольку её представители освоили передовой научный опыт многих стран и могут принести принципиально новые знания, современные стандарты научной работы, международные связи, практику организации независимой экспертизы. В этом аспекте взаимодействие с учёными российского происхождения, длительное время живущими и работающими за рубежом, сегодня становится приоритетным направлением для решения проблем формирования инновационной модели развития, модернизации научной сферы и интеграции с мировым научным сообществом.

Такое взаимодействие важно в плане обмена новыми идеями и научными подходами, в том числе по вопросам менеджмента в науке, технологий проведения фундаментальных и прикладных исследований, особенно по проблемам, где есть существенный задел у отечественных ученых. Однако такой интеллектуальный обмен только в рамках личных контактов и инициатив, международных симпозиумов и конференций, явно недостаточен.

Необходима логичная и работающая государственная политика, включающая систему политических и законодательных мер по регуляции и выстраиванию эффективного сотрудничества с российской научной диаспорой и мировой наукой.

Отдельные мероприятия в рамках данного аспекта хотелось бы обозначить. Принципиальным моментом является создание особого фонда с государственным участием для осуществления целенаправленного хед-хантинга – поиска, отбора и привлечения ведущих российских исследователей по завершении их активной научной карьеры за рубежом с целью создания или воспроизводства научных школ на основе сочетания исследований и преподавания в университетах, руководства и консультирования магистрантов и аспирантов. Сегодня уже реализуется частная программа краткосрочных визитов иностранных учёных для участия в научных семинарах Фонда «Династия» и целый комплекс программ государственного фонда «Русский мир». Кроме того, представители зарубежной российской научной диаспоры участвуют в экспертизе научных инновационных проектов для «Роснано».

---

[1] Индикаторы науки: 2016: статистический сборник / Л.М. Гохберг, Я.И. Кузьминов, К.Э. Лайкам, С.В. Салихов. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – С.41.

[2] Статистический бюллетень Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году», 2015. – http://www.gks.ru

[3] «Утечка умов» из России. – http://www.rhr.ru

[4] Некипелов А.Д. Точка зрения. – М.: Магистр, 2011. – С. 362.

Целесообразным является создание ассоциации из сети центров превосходства и перспективных исследований. Такая ассоциация могла бы заниматься внешней экспертизой российских научных проектов, консультациями по вопросам научного и технологического развития, организации научных исследований в России[1].

Таким образом, в современной России продолжают действовать разнообразные факторы, инициирующие и поддерживающие интеллектуальную миграцию. Процесс оттока перспективных кадров из научной сферы повлек за собой целую цепь негативных явлений в национальных секторах генерации фундаментальных и прикладных знаний: отсутствие смены поколений учёных (уходят носители научных традиций и создатели научных школ); крайне неудовлетворительное качество подготовки будущих исследователей; обесценение накопленного когнитивного и технологического потенциала; утрата опыта выполнения крупных научно-технических проектов; закрытие целых научных направлений и школ; падение престижа научного труда.

Остановить процессы оттока интеллектуального капитала из страны сегодня становится задачей практически неосуществимой, поэтому более реальными представляются усилия по решению проблемы «циркуляции кадров», в том числе путем выстраивания более продуктивных отношений с российской зарубежной научной диаспорой. И если Россия окончательно не хочет утратить национальный интеллектуальный ресурс, то ставка должна быть сделана на удержание молодых, перспективных и образованных граждан, которые обладают превосходной профессиональной подготовкой, стремлением сделать научную карьеру на родине и внести неоценимый вклад в формирование экономики, основанной на знаниях и инновациях.

[1] Горбатова А.А. Зачем нужны России ученые, уехавшие за рубеж? – http://ipim.ru/discussion

Воронин С.А.
д.э.н., гл.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований, г. Ташкент
Sergey_voronin63@yahoo.com

НАЛОГОВЫЙ МЕХАНИЗМ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: *инновационная деятельность, налоговое стимулирование инноваций, налоговые льготы, национальная инновационная система.*

Keywords: *innovation, tax incentives for innovation, tax incentives, national innovation system, the competitiveness of products.*

В настоящее время в экономике Республики Узбекистан осуществляются глубокие структурные преобразования и реализуются важные стратегические цели, среди которых – модернизация созданного потенциала и повышение его конкурентоспособности на основе инновационного развития. Поэтапный переход экономики на инновационный путь, несомненно, является предпосылкой роста конкурентоспособности любой страны. По мнению авторитетных специалистов, «в решении всего спектра стратегически важных проблем различных стран в XXI веке ключевая роль отводится инновациям, инновационной деятельности и основанной на знаниях экономике или инновационной экономике. Уровень технологического развития является одним из важнейших факторов, определяющих степень социально-экономического развития государства, его экономической и политической независимости…»[1] Известно, что переход на путь устойчивого развития достигается в основном за счет масштабной активизации инновационных процессов. Главным фактором эффективности инноваций является наличие хозяйственного механизма, названного К. Фрименом «Национальной инновационной системой»[2]. Именно на ее формирование нацелена в последние годы деятельность правительств ряда государств, намеревающихся достичь значительных успехов на мировых рынках в условиях нестабильности и ужесточения конкурентной борьбы.

В Узбекистане, как и в ряде других стран, инновационная деятельность также поддерживается государством. Это осуществляется при помощи нормативно-правовой системы, государственных и ведомственных фондов, крупных проектов и инвестиционных программ, налогообложения, а также других инструментов. Одними из первых после достижения независимости нормативными документами в сфере развития науки и инноваций являются Указ Президента Узбекистана «О государственной поддержке науки и развитии инновационной деятельности» от 8 июля 1992 г. и постановление Кабинета Министров «О мерах по государственной поддержке развития науки и инновационной деятельности» от 21 июля 1992 г. В соответствии с постановлением Президента Узбекистана «О мерах по совершенствованию координации и управления развитием науки и технологий» от 7 августа 2006 г. были продолжены реформы в области государственного регулирования управления и финансирования отечественной науки, сосредоточения ее усилий на приоритетных для страны направлениях. Важное место для развития науки и инноваций имеет постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по стимулированию внедрения инновационных проектов и технологий в производство» от 15 июля 2008 г., в соответствии с которым были проведены структурные реформы в системе управления научными исследованиями.

В соответствии с принятыми правовыми актами ответственность за реализацию инновационных проектов по приоритетным государственным программам была возложена на Комитет по координации развития науки и технологий при Кабинете Министров, а продвижение наукоемких технологий в производство – на Министерство экономики. Патентную защиту отечественных инноваций осуществляет Узбекское агентство по интеллектуальной собственности. Экспортным инновационным поставкам и привлечению инвестиций в национальную экономику содействует Министерство внешнеэкономических связей, инвестиций и торговли и Фонд поддержки экспорта, созданный в 2015 г. при Национальном банке Республики Узбекистан.

Принятые за годы независимости меры по формированию инновационной экономики способствовали росту уровня производительных сил за счет более глубокого и эффективного использования интеллектуальных ресурсов и результатов фундаментальных и прикладных работ. Прикладные исследования и инновационные разработки, прежде всего, интенсивно развиваются в системе институтов Академии наук. При этом результаты исследований ориентированы в основном на нужды базовых отраслей экономики республики. За последние годы становится все больше примеров тесной связи академической науки с реальным сектором экономики. Академия наук внедрила в производство многие крупные инновационные разработки.

---

[1] Кадыров А.А. Основные направления формирования Национальной инновационной системы Узбекистана. – http://www.innovation.uz/docs/FORMING_NIS.pdf

[2] Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. – L.: Pinter Publishers, 1987.

Академией наук, Комитетом по координации развития науки и технологий сформирован Банк инновационных проектов. В этом Банке все инновационные проекты включены в две отдельные группы: «требующие проведения опытных испытании» (группа №1, состоящая из 56 проектов) и «предлагаемые для внедрения в отраслях экономики» (группа № 2 из 131 проекта)[1]. Любое физическое или юридическое лицо может принять участие в продвижении инновационного проекта на любом этапе.

Реформирование системы управления наукой, проведенное в последние годы, позволило создать действенный механизм продвижения исследований от фундаментальных и прикладных разработок до инновационных работ, направленных на их практическое применение. Одним из важных инструментов внедрения, а также коммерциализации результатов исследований, обеспечения более тесной связи науки и производства, производителей инновационной продукции и ее потребителей стали ежегодные республиканские ярмарки инновационных идей, технологий и проектов. В ходе ярмарок 2008-2016 гг. было продемонстрировано более 4,0 тыс. инновационных идей и разработок, технологий, было подписано свыше 3 тысяч договоров общей стоимостью более 110 млрд. сумов. В результате было произведено новой продукции более чем на 1,0 трлн. сумов[2].

Другим эффективным инструментом привлечения инвестиций в инновационную сферу является проведение международных инвестиционных форумов. Так, в ноябре 2015 г. в Ташкенте прошел форум, в котором приняли участие свыше 560 представителей авторитетных компаний из 33 развитых стран, а также руководители ведущих международных финансовых институтов. По итогам форума был подписан пакет инвестиционных соглашений более чем на 12 млрд. долл. США, включающий реализацию ряда важных инновационных проектов[3]. Благодаря принятым мерам в 2015 г. доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства составила около 9,0%.

В настоящее время в научно-исследовательских институтах и университетах Узбекистана имеется ряд готовых к применению наукоемких технологий, которые в том числе требует своего завершения в форме опытно-промышленных испытаний, оформления нормативной документации, бизнес-планов и других, и которые должны финансироваться либо из Государственного бюджета, а по большей части – заинтересованными базовыми отраслями экономики и ведущими предприятиями[4]. Для внедрения и коммерческой реализации данных проектов следует создавать малые посреднические фирмы, усилить стимулирующую роль налоговых инструментов, а также принять другие необходимые меры.

Механизм налоговых льгот для стимулирования инновационной деятельности широко используется во многих развитых странах мира. При этом особое внимание уделяется льготам, обеспечивающим развитие возобновляемых источников энергии и разработку «зелёных технологий». Так, доля налоговых льгот в ВВП колебалась от 0,06% в Великобритании до 0,22% – в Канаде, 0,19% – Южной Корее. Срок действия многих льгот был продлен до 2012 и 2013 гг., а в некоторых странах – до 2019 г. В США две трети финансирования НИОКР приходится на бизнес, а фундаментальные исследования обеспечиваются преимущественно за счет Федерального бюджета, в том числе – за счет предоставления льгот[5]. Таким образом, налоговые льготы и государственные инвестиции являются важным инструментом формирования инновационной экономики во многих успешных странах.

Во Франции с 2002 г. для новых предприятий появилась возможность приобретения статуса YIC, что позволило им воспользоваться налоговыми льготами и другими преференциями, предоставляемыми государством. Впервые этот статус был применен для стимулирования деятельности биотехнологических компаний. В 2004 г. после приобретения данного статуса в этих компаниях экономия на фонде заработной платы за счет предоставленных льгот составила в среднем 20% или около 40 млн. евро. В результате снижения операционных издержек у предприятий появилась возможность направлять сэкономленные средства на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Это позволило фирмам начать реализацию новых инновационных проектов за счет средств отечественных и иностранных инвесторов. Установление статуса YIC позволило значительно упростить порядок субсидирования частных предприятий (в первые годы их существования), использовать различные налоговые и прочие льготы независимо от сектора экономики.

Необходимо отметить, что в Европейском Союзе с 2007 г. введены новые правила предоставления государственной помощи инновационным предприятиям, которые позволяют странам сообщества расширить поддержку исследований и разработок исходя из национальных приоритетов. В условиях действия данных правил значительно повышен «предел» помощи, которую каждое государство может предоставлять предприятиям без одобрения руководящих органов ЕС. Смягчение условий государственной помощи проведению исследовательских работ нацелено на достижение Лиссабонского 3% ориентира (общий объем работ от ВВП), а также на повышение эффективности государственной помощи частному бизнесу. Данные правила характеризуются строгостью и ответственностью в силу проведения правительством жесткой конкурентной и антимонопольной политики. Эти меры нацелены на поддержку инноваций с особым акцентом на поддержку малого бизнеса.

Налоговые льготы, стимулирующие инновационную деятельность, обычно рассматриваются в двух группах: объемные, т.е. пропорциональные размеру понесенных затрат, и приростные, рассчитываемые в зависимости от при-

---

[1] www.uzscience.uz/ru/bank/index

[2] Салихов Ш. В Узбекистане развивается эффективный механизм внедрения научных разработок в реальный сектор экономики. – http://uzscience.uz/ru/linkpages/view/id/2

[3] Секрет успеха – в инновациях // Правда Востока. 2015. – 10 декабря. – www.pv.uz

[4] Салихов Ш. В Узбекистане развивается эффективный механизм внедрения научных разработок в реальный сектор экономики. – http://uzscience.uz/ru/linkpages/view/id/2

[5] Гимранова О.Б. Налоговые стимулы активизации инновационной деятельности. 30.11.2015.| – http://www.biznes-daily.uz/ru/birjaexpert/35120-nalogovi-stimulo-aktivizatsii-innovatsionnoy-dyatlnosti

роста затрат на НИОКР по сравнению с базовым годом или средним уровнем за определенный период[1]. Наиболее значительные объемные скидки применяются в Австралии (150%) и Сингапуре (200%). В данном случае из налогооблагаемого дохода вычитаются суммы, в 1,5–2 раза превышающие затраты на НИОКР. В Голландии скидку применяют к сумме заработной платы научных работников и технических специалистов, осуществляющих НИОКР. Скидка предоставляется исходя из достигнутого компанией роста затрат на НИОКР по сравнению с уровнем базового года или среднего за какой-то период.

Такие страны, как Франция, Канада, США и Тайвань используют приростную схему расчета налоговых льгот. Наибольший уровень данной ставки используется во Франции (50%), а также в Канаде, США, Японии и на Тайване, где она составляет 20%. Отдельные страны используют одновременно обе системы, но для различных видов расходов. Так, в США приростная скидка дополнена объемной скидкой в размере 20%. Она используется для расходов частного предпринимательства, осуществленных в сфере фундаментальных исследований.

В некоторых странах принят предельный уровень расходов для списания налоговых платежей по скидкам на проведение научно-исследовательских работ. Так, в Японии и Республике Корея верхний «потолок» не должен быть выше 10% от суммы корпоративного налога (для мелких и средних предприятий, функционирующих в Японии – 15%), Испании – 35%, Канаде – 75%, на Тайване – 50%. Предельный уровень налоговой скидки установлен также с таких странах, как Австралия, Франция, Италия и Нидерланды.

В США фирма не имеет права удваивать затраты на НИОКР в течение одного года, а коэффициент средней наукоемкости (соотношение затрат на НИОКР и стоимости продаж) не может быть выше 16%. Данные финансовые ограничения применяются в целях недопущения существенных колебаний суммы налоговых платежей и исключения возможности манипулирования отчетностью фирм в целях получения необоснованно высоких налоговых льгот и преференций[2].

Использование налоговых льгот в качестве механизма стимулирования инновационной деятельности нередко обосновывается тем, что опосредованное стимулирование требует значительно меньших бюджетных затрат, по сравнению с прямым финансированием, и в то же время им может быть охвачен гораздо больший круг инновационных предприятий и выпускаемой ими продукции[3].

В экономике Узбекистана налоговые поступления являются главным источником формирования средств Государственного бюджета, а также действенным инструментом воздействия на инвестиционно-инновационную деятельность. В настоящее время в национальной экономике в соответствии с Налоговым кодексом действует 10 видов налогов, 5 других обязательных платежей, а также применяются упрощенные режимы налогообложения для малых предприятий, микрофирм, торговых организаций, фермерских хозяйств, и фиксированный налог по отдельным видам деятельности. По некоторым из них государство установило льготы, стимулирующие инновации (табл. 1).

Таблица 1

Действующие механизмы налогового стимулирования инновационной деятельности и рекомендации по их расширению

Принятые меры налогового стимулирования по Налоговому кодексу РУз	Рекомендации по усилению действия налоговых стимулов
Налоговые льготы по налогу на прибыль: – выплаты физическим лицам за рационализаторские предложения вычитаются из дохода, облагаемого налогом на прибыль предприятий; – прочие расходы, вычитаемые из дохода, облагаемого налогом на прибыль, включают в себя и расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, связанные с деятельностью (кроме расходов на приобретение основных средств, их установку и других расходов капитального характера); – расходы на изобретательство, рационализацию производственного характера, проведение опытно-экспериментальных работ, изготовление и испытание моделей и образцов по изобретениям и рационализаторским предложениям, организацию выставок, смотров, конкурсов, а также на другие мероприятия по изобретательству и рационализаторству, на выплату авторского вознаграждения, создание новых и совершенствование промышленных технологий, создание новых видов сырья и материалов, переоснащение производства вычитаются из дохода, облагаемого налогом на прибыль предприятий; – налогооблагаемая прибыль юридических лиц уменьшается на сумму средств, направляемых на модернизацию, техническое и технологическое перевооружение производства, приобретение нового технологического оборудования, расширение производства в форме нового строительства, реконструкцию зданий и сооружений, используемых для производственных нужд, но не более 30% налогооблагаемой прибыли.	В целях создания благоприятных налоговых условий для активизации инновационной деятельности целесообразно: – установить льготы для банковско-кредитных учреждений, стимулирующих НИОКР и инновации (освобождение части прибыли, полученной ими в результате предоставления долгосрочных кредитов под конкретные инновационные проекты); – ввести льготы по налогу на доходы физических лиц (снижение налоговой базы на величину дохода, полученную за счет изобретательства, рационализаторства, владения патентом или промышленным образцом); – расходы предприятий на освоение новых производств, новых видов серийной и массовой продукции и технологических процессов, комплексное апробирование оборудования и установок следует вычитать из налоговой базы по налогу на прибыль. Следует предоставить налоговые льготы промышленным предприятиям, научным учреждениям, малым и другим фирмам не только по налогу на прибыль и НДС, но и по другим налоговым платежам (единый налоговый платеж, единый земельный налог, налог на благоустройство и развитие социальной инфраструктуры).

Источник: Составлена автором на основе Налогового кодекса Республики Узбекистан.

[1] Киселева В.В., Колосницына М.Г. Государственное регулирование инновационной сферы: Учеб. пособие для вузов / Высшая школа экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – С. 402.

[2] Рюмина Ю.А. Зарубежный опыт налогового стимулирования инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2012. – № 3.

[3] Инновационный менеджмент: теория и практика / Под ред. Казанцева А.К., Миндели Л.Э. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 518.

До 2013 г. значительная часть налоговых льгот действовала в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 15 июля 2008 г. «О дополнительных мерах по стимулированию внедрения инновационных проектов и технологий в производство», а также Налоговым кодексом Республики Узбекистан[1]. В сфере деятельности научных учреждений средства, направляемые на инновационную деятельность, были освобождены от уплаты практически всех видов налогов, кроме единого социального платежа[2]. Однако в конце 2012 г. срок их действия завершился, а на новый период они не были продлены. Это сказалось на инновационной активности научных учреждений и других организаций, которые ранее использовали данные льготы.

Вместе с тем в настоящее время продолжают действовать отдельные льготы, предоставленные Налоговым кодексом. Так, в соответствии с Налоговым Кодексом предусматривается, что отдельные расходы предприятий не вычитаются при исчислении налогооблагаемой прибыли в момент их возникновения в текущем отчетном периоде, но подлежат вычету в последующих периодах, в течение срока, установленного учетной политикой налогоплательщика, но не более 10 лет. К данным расходам относятся расходы на освоение новых производств, цехов, агрегатов, а также производство новых видов серийной и массовой продукции и технологических процессов; комплексное апробирование (вхолостую) всех видов оборудования и технических установок с целью проверки качества и их монтажа[3].

В соответствии со статьей 208 Налогового кодекса освобождаются от НДС обороты по научно-исследовательской деятельности и инновационным работам, выполняемым предприятиями и организациями за счет средств Госбюджета (при наличии заключения финансового органа о выделении средств из бюджета), если иное не предусмотрено статьей 212 Кодекса[4]. Однако было бы более обоснованным, если бы данная льгота действовала не только для научных работ, реализуемых за счет средств Госбюджета, но и за счет средств частных инвесторов. Это будет не только способствовать развитию конкуренции на рынках инноваций, но и стимулировать повышение их качества.

Большинство предоставленных государством налоговых льгот, стимулирующих НИОКР и инновационное развитие, связано со снижением налогооблагаемой базы по налогу на прибыль. Однако в настоящее время данный налог в Узбекистане исчисляется по сравнительно низкой ставке в размере 7,5% (обычная) и является наименее обременительным для предприятий. В Госбюджете республики поступления по данному налогу занимают сравнительно небольшой удельный вес (3,5% от доходов Госбюджета). Поэтому, предоставленные льготы по этому налогу не дают промышленным предприятиям существенного эффекта для стимулирования НИОКР и инноваций.

Анализ нормативно-правовой базы налогообложения доходов физических лиц показывает, что налоговых стимулов для активизации инновационной деятельности изобретателей, рационализаторов, новаторов производства также явно недостаточно (в особенности, занятых в сфере промышленности). Так, в соответствии с Налоговым кодексом, выплаты физическому лицу за реализацию рационализаторских предложений являются частью дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц[5].

Таким образом, исследование существующей в Узбекистане практики налогообложения юридических и физических лиц показывает, что в настоящее время имеются существенные резервы для усиления налоговых стимулов в инновационной сфере экономики. Действие налоговых льгот во многом зависит от приоритетов социально-экономического развития страны. Главным ориентиром для развития Узбекистана в ближайшей перспективе является поэтапное увеличение глубины переработки отечественных сырьевых ресурсов минерального и растительного происхождения, расширение объемов и номенклатуры производства продукции с высокой добавленной стоимостью[6]. Однако в настоящее время имеются отдельные проблемы, которые сдерживают инновационное развитие в высокотехнологических отраслях экономики. Так, сложился разрыв между завершенной научной частью НИОКР и спросом на инновации со стороны крупного промышленного производства. В связи с этим уже в краткосрочной перспективе в условиях ужесточения конкурентной борьбы на внутренних и мировых рынках, усиления действия внешних рисков следует расширить спектр действия налоговых льгот для стимулирования инновационной деятельности в секторах, в которых производится продукция с высокой степенью обработки.

В целях создания благоприятных условий для активизации инновационной деятельности в краткосрочной перспективе некоторые экономисты предлагают реализовать следующие меры: снизить налоговые ставки на прибыль, используемую на финансирование НИОКР, приобретение высокотехнологичного оборудования и другие цели, связанные с инновационной деятельностью; рассмотреть вопрос уменьшения налогооблагаемой базы на величину расходов, направленных на проведение НИОКР; разработать порядок предоставления налогового кредита по налоговым платежам из прибыли, используемой на инновационные цели; включить затраты на НИОКР в себестоимость продукции; предусмотреть налоговые каникулы на прибыль, полученную от внедрения инновационных проектов, предоставляемые на несколько лет; установить льготы по налогообложению прибыли, полученной в результате использования запатентованных изобретений, ноу-хау и других объектов интеллектуальной собственности; уменьшить налогооблагаемую прибыль на суммы взносов в фонды, используемые для инновационной деятельности, на приобретение приборов и оборудования, передаваемого в научно-исследовательскую и инновационную сферы[7]. На наш взгляд, выше-

---

[1] Налоговый кодекс Республики Узбекистан. – www.soliq.uz/upload

[2] Инновационная деятельность Академии наук Республики Узбекистан. – http://www.academy.uz/ru/activities/part_5.php

[3] П.1 и П.2 Статьи 146 Налогового Кодекса Республики Узбекистан.

[4] Статья 208 Налогового Кодекса Республики Узбекистан.

[5] Статья 173 Налогового Кодекса Республики Узбекистан.

[6] www.gov.uz/ru/news/view/4238

[7] Гимранова О.Б. Налоговые стимулы активизации инновационной деятельности. 30.11.2015. – http://www.biznes-daily.uz/ru/birjaexpert/35120-nalogovi-stimulo-aktivizatsii-innovatsionnoy-dyatlnosti

перечисленные меры могут успешно использоваться и в экономике Узбекистана, Российской Федерации и других странах СНГ для развития инновационной сферы.

В целях стимулирования инноваций важным фактором является снижение совокупного налогового бремени на деятельность инновационных коммерческих и некоммерческих структур. Регулятору (правительству) необходимо создать эффективный механизм перераспределения налоговых поступлений государства в пользу развития инновационной сферы, улучшить существующую систему банковского кредитного и фондового финансирования инноваций на базе венчурной системы, усилить мотивации к творчеству в научно-технической сфере.

В целях стимулирования инноваций для юридических лиц целесообразно использовать налоговые льготы не только по налогу на прибыль, но и по таким налоговым платежам, как единый налоговый платеж (ЕНП) для малых предприятий и микрофирм, налог на благоустройство и развитие социальной инфраструктуры, единый земельный налог (ЕЗН) для сельскохозяйственных товаропроизводителей (если они занимаются созданием, продвижением, коммерциализацией и использованием инноваций).

В части льгот по налогу на прибыль следует установить правило, что расходы хозяйствующих субъектов на освоение новых производств, цехов, производство новых видов серийной и массовой продукции и технологических процессов, комплексное апробирование всех видов оборудования и технологических установок с целью проверки качества и их монтажа следует вычитать из налогооблагаемой базы налога на прибыль не только в будущих периодах, но и в момент их возникновения в отчетном периоде.

Следует вернуться к практике, когда доходы физических лиц от продажи патента (лицензии), полученные дивиденды или проценты от наличия прав на новшества в пределах срока их действия не облагаются налогом на доходы с физических лиц. Необходимо ускорить разработку нормативно-правовых документов, предусматривающих существенные льготы для новаторов, изобретателей, рационализаторов, а также – обеспечение параллельного финансирования как исследования научных институтов и центров, так и промышленных предприятий (особенно на начальном этапе создания или трансфера новых технологий). Это позволит существенно повысить материальную заинтересованность новаторов (ученых, работников предприятий и др. организаций), а также юридических лиц в активизации инновационного процесса.

Таким образом, на основе развития механизмов налогообложения и реализации других необходимых мер следует создавать условия, способствующие повышению конкурентоспособности продукции с высокой степенью обработки и добавленной стоимостью. Рост доходности у юридических и физических лиц от создания и внедрения инноваций будет способствовать активизации инновационной деятельности и на этой основе – повышению конкурентоспособности экономики и достижения установленных приоритетов в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Дроздов Б.В.
д.т.н., генеральный директор НИИ ИАТ

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИИ НА ЭТАПЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: *индустриализация, жизнеобеспечение, способы производства, города, автомобильный транспорт.*
Keywords: *industrialization, life supporting, production, development, motor car transport, urbanization.*

Современный этап научно-технического развития России может быть назван новой индустриализацией, поскольку именно новые, перспективные индустриальные технологии способны обеспечить экономическую и политическую независимость страны после пережитого разрушительного периода деградации отечественного промышленно-производственного комплекса. Проповедуемая западными учеными идеология постиндустриализма[1] оказалась для России несостоятельной. Было показано, что индустриализация является генеральным направлением развития способов производства современной цивилизации[2]. Индустриальные технологии должны занять ведущее место не только в сфере промышленного производства, но и в значительной части систем жизнеобеспечения. Эти системы составляют основу того, что называется коммунальное хозяйство. По своему хозяйственно-экономическому и социальному статусу они строятся на принципах общедоступности, массового использования и индустриализма.

Особенно высокий уровень концентрации коммунальных систем различного назначения достигается в городах, которые превратились сейчас в одни из основных и наиболее эффективных способов проживания человечества. Центральным звеном коммунальных систем жизнеобеспечения являются так называемые системы инженерных коммуникаций. Это – основное звено коммунальных систем жизнеобеспечения, в состав которых входят, в первую очередь, системы энерго-, тепло-, газо-, водо- обеспечения и водоотведения (канализации). Такие системы являются коммунальными, общественными по своей природе, по технологии производства и потребления, по организации и управлению.

Системы инженерных коммуникаций (СИК) обладают следующими технологическими особенностями, которые предъявляют жесткие требования к хозяйственно-экономическим и организационно-управленческим принципам построения этих систем:

– непрерывный и потоковый характер производства;

– ограниченность или невозможность складирования готовой продукции и технологических переделов;

– большая пространственная протяженность и исключительно большая тяжесть последствий от возникающих аварий, что требует для обеспечения эффективной работы совершенных централизованных систем оперативно-диспетчерского управления.

Поскольку в таких системах одно из основных технологических требований – непрерывность технологического процесса, то деление этих систем по любому основанию чревато самыми серьезными последствиями. Для таких систем хозяйственно-экономическое обособление отдельных звеньев только нарушает целостность системы, а значит, – снижает качество и надежность снабжения потребителей необходимым ресурсом (электроэнергией, теплом, водой, газом). Зловещими показателями порочности политики хозяйственно-экономического расчленения таких систем являются происшедшие тяжелейшие техногенные аварии на системах энергообеспечения – московская энергоавария 25 мая 2005 года и авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года. Поэтому первое направление развития индустриальных систем жизнеобеспечения в России заключается в восстановлении хозяйственно-экономической и производственно-технологической целостности таких систем.

Одним из важнейших жизнеобеспечивающих комплексов России является транспорт. Здесь индустриальные и деиндустриальные тенденции связаны с преобладанием одной из двух тенденций развития – преобладанием массового или индивидуального видов транспорта. Если сравнивать между собой эти виды транспорта по одному из ведущих показателей (энергозатратности перевозок), то по данным мирового опыта[3] величины этого показателя по видам транспорта составляют в килокалориях на 1 пассажиро-километр:

для метрополитена – 103,

для автобуса – 171,

для легкового автотранспорта – 648.

---

[1] Тофлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 781 с.

[2] Дроздов Б.В. Перспективные направления новой индустриализации России. // Мир новой экономики. 2014. № 3, С. 14–20.

[3] Мнацаканов В.А. Предельные возможности метрополитена как транспортной системы // Метро и тоннели. 2002. – № 3.

Таким образом, все виды массового транспорта (МТ) требуют в 5–7 раз меньше энергозатрат, чем легковой автомобиль индивидуального пользования (ИТ). Меньше всего энергозатрат требует рельсовый транспорт (железнодорожный, метрополитен, трамвай), поскольку для этого вида транспорта минимальным оказывается сопротивление движению. Затраты энергии на перемещение одного человека на расстояние в 1 км. в личном автомобиле в 3,4 раза выше, чем в автобусе.

Таким образом, транспортные средства индивидуального пользования (ИТ) приводят к расточительному распоряжению всеми затраченными на их изготовление и эксплуатацию ресурсами. Эти средства нерациональным образом отторгают часть улично-дорожной сети и гаражно-стояночного пространства. Растет дефицит этой сети и стояночного пространства, особенно острый для крупных городов. Сокращение свободных полос движения приводит к затруднениям дорожного движения и к заторам (пробкам) на дорогах.

Известно, что пассажир в общественном транспорте (автобус, трамвай, троллейбус) занимает в 10 раз меньшее дорожное пространство, чем сидящий в автомобиле. Следовательно, одна полоса движения, занимаемая общественным транспортом, в 10 раз более эффективна полосы, занимаемой личным автотранспортом.

При сравнении различных видов транспорта по безопасности перевозки, оказывается естественным, что наилучшими показателями здесь обладает метрополитен.

Приводимые оценки показывают, что этот вид транспорта в 10 раз более надежен и безопасен, чем уличные виды транспорта, прежде всего ИТ. 75% всех дорожно-транспортных происшествий приходится именно на долю уличного транспорта.

Есть и другой показатель безопасности поездок, который исчисляется количеством смертельных случаев в ДТП на 1 млн. пассажиро-километров. Для рельсового транспорта (трамвай) эта величина составляет 2–3, для автомобильного транспорта – 20–30, то есть в 10 раз выше. Таким образом, индустриальное направление развития на транспорте, связанное с применением всех видов общественного (массового) транспорта (МТ), обеспечивает, по крайней мере, в 10 раз большую безопасность, чем автомобильный транспорт индивидуального пользования (ИТ).

При всех преимуществах МТ по сравнению с ИТ при комплексном решении транспортной проблемы больших городов всегда будут существовать ситуации, когда возникает потребность осуществить индивидуальные перевозки «от двери до двери». Есть множество жизненных ситуаций, в которых более удобен и рационален для потребителя именно транспорт индивидуального пользования. Вопрос заключается в том, какие экономические, организационные и хозяйственные формы должны быть по преимуществу использованы для эксплуатации этого индивидуального транспорта и какое наиболее рациональное место должен занять ИТ во всей транспортной системе.

Сейчас везде в мире и в России возобладала тенденция личного владения индивидуальным транспортом. Выше было показано, что это не рационально в целом в масштабах всего общества, усугубляет транспортную ситуацию, неэффективно использует гаражно-стояночное пространство и улично-дорожную сеть, материальные ресурсы, затраченные обществом на создание ИТ, энергетические мощности транспортных средств. Есть ли индустриальные способы использования ИТ, исключающие или существенно уменьшающие перечисленные выше недостатки индивидуального владения транспортным средством (ТС). Таких способов два – такси и прокат. Такси позволяют принципиально обеспечить максимальную эффективность эксплуатации ТС за счет профессионализма и специализации технического обслуживания, применения индустриальных методов организации перевозок и гибкого регулирования (распределения) ИТ между клиентами (пользователями).

Все, что сейчас происходит в России в сфере таксомоторных перевозок, далеко от эталонов качества и эффективности, достигнутых в странах Западной Европы и даже Китая, а по ряду показателей хуже того, что было в советскую эпоху.

Ниже изложим основные принципы проекта создания перспективной системы таксомоторного обслуживания индустриального типа. Основными целями создания такой системы являются

– достижение высокого уровня качества и профессионализма обслуживания клиентов,

– обеспечение высокого качества технического состояния ТС,

– достижение высоких показателей итоговой общественной эффективности таксомоторного транспорта как целостной транспортной системы.

Для достижения этих целей все элементы системы таксомоторного транспорта (СТТ) должны удовлетворять требованиям взаимной согласованности и скоординированности функционирования исходя из единых критериев эффективности.

Проект предусматривает создание сети равномерно распределенных по территории города таксомоторных парков (ТМП), являющихся частью единой общегородской хозяйственной системы и не имеющих жестко закрепленного состава ТС. Водители ТС занимаются только и исключительно обслуживанием клиентов и никак не связаны с процессами технического обслуживания и ремонта ТС. Этим занят технический персонал ТМП, в состав которого входят и механики-водители, выполняющие функции проверки технического состояния ТС, оставленных на стоянках ТС, и при необходимости перегона этих ТС в зоны технического обслуживания (ТО) и ремонта на территории ТМП.

В городе создается единая система приема, распределения и контроля исполнения заказов населения на перевозки. Единство этой системы должно обеспечить минимальное время подачи ТС по адресу клиента (не более 3–5 минут) и минимальный нулевой пробег ТС от момента получения заказа до прибытия ТС по адресу клиента. Естественно, что такое может быть достигнуто только в том случае, если эта система будет автоматизирована, а каждое ТС оснащено средствами навигации и мобильной связи.

В мировой и отечественной практике уже отработаны высокоэффективные системы оперативного заказа такси. При соответствующем оснащении таксомоторов средствами мобильной связи и навигации и наличии централизован-

ных систем приема и распределения заказов можно добиться вышеуказанного 3-х–5-и минутного времени ожидания клиентом заказного автомобиля-такси. Такие системы оперативного управления такси позволяют обеспечить минимизацию холостого пробега такси, а значит, максимизацию объема транспортной работы на одно транспортное средство.

Средства навигации и связи должны позволить единому диспетчерскому центру (ЕДЦ) иметь оперативную информацию о месте положения ТС, в результате чего будет возможно решение задач оптимального распределения заказов по множеству находящихся на линии и освободившихся ТС. Владение информацией обо всей совокупности поступивших заказов, о месте положения освободившихся и движущихся с клиентами ТС позволяет потенциально решать задачу составление цепочек заказов для каждого ТС при минимизации нулевых и холостых пробегов ТС. При этом, например, каждое ТС, перевозящее пассажира по указанному адресу, может заранее получить заказ на следующий рейс.

Все заказы, обрабатываемые автоматизированной системой (АС), разделяются на предварительные и срочные. Предварительные заказы обрабатываются заранее по мере поступления и передаются для исполнения по адресам ТМП и находящихся в зоне их обслуживания автостоянок ТС. Срочные заказы обрабатываются в реальном масштабе времени. Они распределяются по сети освободившихся ТС, находящихся на линии, а также по тем ТС, которые выезжают с автостоянок и не имеют заказов на обслуживание клиента. Такие заказы оперативно поступают из подсистемы АС сбора и распределения предварительных заказов.

Заказы на обслуживание такси клиенты могут передавать со стационарных городских телефонов, с мобильных телефонов, с городских таксофонов, а также с телефонов на ближайших автостоянках такси.

Водители, отработавшие смену, оставляют свои ТС на ближайшей стоянке ТС. Водители, заступающие на смену, получают ТС на ближайшей к месту жительства автостоянке с уже сформированным набором поступивших заявок на обслуживание. Учет работы, выполненной водителями, ведется в составе АС, где фиксируются все выполненные заказы и номера ТС, на которых водитель выполнял свою работу. Это позволяет подводить общие итоги работы водителей и рассчитывать им полагающееся вознаграждение.

Автомобили, оставленные водителями ТС на автостоянках ТМП, обслуживаются механиками-водителями ТМП. Они проверяют их техническое состояние и при необходимости отгоняют в зону ТО и ремонта ТМП.

В составе АС также учитывается общий объем перевозок, выполняемый каждым ТС, на основании чего рассчитывается график выполнения ТО и ремонта на ТМП, графики замены агрегатов и деталей, а также срок исчерпания технического ресурса ТС, проведения необходимого капитального ремонта и замены ТС на новое.

Преимущества представленной системы ТМТ заключаются в ее общедоступности для всех жителей и гостей города, в применении самых эффективных индустриальных технологий организации перевозок и технического обслуживания ТС.

Эта система может успешно функционировать при соблюдении ряда обязательных условий, которые выполнимы только при использовании индустриальных принципов во всех смежных системах – системе планирования и управления всем транспортом города, системе развития и поддержания дорожного хозяйства и др.

Один из основных дефектов, свойственных прежней советской системе ТМТ, проистекал из фактов прямых расчетов водителей ТС с клиентами наличными деньгами. Это провоцировало водителей ТС на всевозможные мошеннические операции. Можно было вымогать у клиентов дополнительное вознаграждение (так называемые «чаевые»), можно было «утаивать» от таксопарка часть выручки, можно было выбирать только «выгодных» клиентов и соглашаться только на «выгодные» рейсы. В итоге вся система такси подвергалась коррупционному разложению, искусственно создавался дефицит в сфере такси со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями.

Излагаемый здесь проект основывается на применении безналичной системы расчетов клиентов со всей коммунальной системой такси с помощью персональных электронных карт (смарт-карт). Такими картами должны быть обеспечены все жители города и все гости, приезжающие в город. Процедура получения приезжающими такой карты в любом аэропорту или на любом вокзале должна быть чисто технической и не занимать нескольких минут. Жители города с помощью таких карт могут расплачиваться не только за такси, но и за пользование другими видами транспорта и за прочие виды коммунальных услуг.

Для обеспечения удобств обслуживания клиентов целесообразно, чтобы вся система такси использовала специальные типы подвижного состава, ориентированные на работу в режиме городского такси. Технические особенности такого подвижного состава были описаны еще в далеком 1967 году в книге Ю. Долматовского[1].

Принципиальные особенности этого вида транспорта (городского такси) следующие:

- экономичность двигателя,
- низкий пол и более высокий потолок салона,
- широкая отодвигающаяся дверь для входа в салон для пассажиров со стороны тротуара,
- изолированность помещения водителя от салона пассажиров,
- возможность блокирования водителем выходной двери из салона,
- оснащение системой мобильной связи и навигации и автоматического считывания электронных карт клиентов.

Аналоги такого вида автомобилей уже используются в ряде зарубежных стран.

Эффективно функционирующая индустриальная система такси должна в значительной степени решить проблему индивидуальных перевозок и снизить напряженность транспортной ситуации в городе. При этом потребный обществом объем транспортных услуг обеспечивается минимумом транспортных средств, минимумом затрат энерге-

[1] Долматовский Ю. Мне нужен автомобиль. – М.: Молодая гвардия, 1967.

тических ресурсов на перевозки (затраты горюче-смазочных материалов) и минимальным отторжением площади улично-дорожной сети на передвижение и стоянку транспортных средств.

Основной фигурой, определяющей ситуацию на улично-дорожной сети (УДС), станет профессиональный водитель-таксист. Он должен постоянно иметь хорошую физическую форму, большой опыт вождения автомобиля в городских условиях, хорошо ориентироваться в дорожно-транспортной обстановке, знать психологию клиента, особенности работы всех транспортных узлов города (аэропортов, вокзалов, транспортно-пересадочных узлов). Такая коммунальная система такси может надежно гарантировать клиентам необходимое качество и эффективность обслуживания. По технико-экономическим показателям подобная система может приближаться к массовому транспорту (МТ).

На настоящее время в городе Москве зарегистрировано 5,5 млн. личных легковых автомобилей. По оценкам московского архитектора Б.В. Оськина,[1] одновременно в движении находится только 5% от всего наличного количества автомобилей. Остальные стоят, занимая территорию города. Если вместо всех имеющихся в городе автомобилей, которые в массе своей стоят на стоянках и в гаражах, оставить только находящихся в активной эксплуатации (полезном движении), то при индустриальной системе транспортного обслуживания индивидуальных поездок в городе Москве достаточно будет иметь не более 200 тысяч легковых автомобилей для полного удовлетворения потребностей населения в индивидуальных перевозках.

По аналогичной индустриальной схеме построения системы заказов может быть построена система обслуживания автобусами перевозки групп пассажиров и система грузовых перевозок.

Таким образом, при современном индустриальном способе использования основных технических комплексов жизнеобеспечения можно существенно повысить качество и эффективность применения материальных, энергетических и трудовых ресурсов, ускорив при этом темп социально-экономического развития страны.

[1] Оськин Б.В. Архитектура пространства обитания человечества на планете Земля. – М.: Спутник, 2004.

Ермакова Е.А.
д.э.н., профессор, Саратовский социально-экономический институт (филиал РЭУ)
Eae13@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРАУДФАНДИНГОВОЙ МОДЕЛИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В РОССИИ

Ключевые слова: *краудфандинг, краудинвестинг, инновации, инструменты финансирования.*
Keywords: *crowdfunding, equity crowdfunding, innovation, financial instruments.*

В Российской Федерации, как и в большинстве развитых стран, идет активный поиск эффективного подхода, который бы, с одной стороны, опирался на всесторонний анализ и понимание глобальных инновационных процессов, особенностей развития высокотехнологичных мировых рынков, а с другой – учитывал текущее состояние отечественной инновационной сферы, ее сильные и слабые стороны, тот социально-экономический контекст, в котором предстоит осуществить переход к инновационной экономике, основанной на знаниях. Курс на инновационную экономику взяли все страны мира. Так, если сравнить современный мировой рынок высоких технологий (объем которого составляет порядка 3 трлн. долл.) и рынок энергетических ресурсов (объем – 700 млрд. долл.), то их соотношение составит 4:1. В течение ближайших лет (до 2020 г.) прогнозируется динамичный рост объема рынка высокотехнологичной продукции до 10–12 трлн. долл. по основным направлениям, и относительное падение рынка энергетических ресурсов – до 1 трлн. 200 млн. долл.[1] Таким образом, в глобальном масштабе произойдет кардинальное изменение инновационной и традиционной ресурсной базы, которое составит 10:1. В последние годы расходы на освоение составляющих новый уклад технологий и масштаб их применения растут с темпом около 35% в год[2].

Важнейшими элементами и основой здоровой экономики в большинстве стран являются малый бизнес и создание новых инновационных предприятий. Неоклассическая модель экономического роста Солоу-Свона показывает, что экономический рост тесно связан с инновационным уровнем страны[3]. Малый бизнес вносит существенный вклад в развитие инновационной экономики многих стран: во Франции – 4,2%, в США, Германии и Италии – более 5, Канаде, Великобритании – более 10%[4]. В современной российской экономической практике доля малого бизнеса в ВВП не превышает 17% (в развитых странах – около 50%), а доля инновационного малого бизнеса не превышает 1% ВВП. При этом российская модель финансирования инноваций характеризуется ограниченным доступом к финансовым ресурсам и возрастающей потребностью малого бизнеса и стартапов в привлечении небольших сумм для начального финансирования при наличии свободных денежных средств населения, не задействованных в финансировании инноваций, и расширении возможностей Интернет-технологий в финансовых отношениях.

На сегодняшний момент ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике, а также его неэффективная структура – избыточный перекос в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок. Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций. Восприимчивость бизнеса к инновациям технологического характера остается низкой. Несмотря на увеличение расходов на исследования и инновации их результативность и эффективность не растут. Рост бюджетного финансирования, направляемого на поддержку исследований и разработок, на развитие сектора генерации знаний, не привел к должному росту инновационной активности предприятий. Основной дефицит рынок испытывает в инвесторах, которые рисковали бы на ранней стадии. Существующие источники финансирования, включая инструменты финансовой поддержки со стороны государства, покрывают инвестиционные потребности малых и средних инновационных компаний не более чем на 10–15%[5]. На финансирование посевной стадии в России приходится меньше 5% доступных на рынке денег[6]. В результате в России назрела проблема внедрения альтернативных инструментов финансирования инновационного бизнеса на ранних стадиях его развития.

Новым финансовым инструментом становится краудфандинг или народное финансирование (от англ. crowd funding, crowd – «толпа», funding – «финансирование») как коллективное сотрудничество людей, которые доброволь-

---

[1] Кузык Б. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. – М., 2009. – № 1. – С. 56–67.

[2] Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Доклад РАН России / Под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.:, 2013. – http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654#content

[3] Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. – N 70. – P. 65–94.

[4] Новиков А.А. Ресурсы и факторы инновационного развития российской экономики // Интернет-журнал «Науковедение». 2012. – № 4. – С. 6. – http://naukovedenie.ru/PDF/132evn412.pdf

[5] Опыт формирования зон инновационного роста: достижения и ошибки. – http://www.raexpert.ru/docbank/38c/7cb/150/560e945f7460925d2ec6055.pdf

[6] Национальная ассоциация бизнес-ангелов. – http://rusangels.ru/naba/investors/business-angels-investment/

но объединяют свои деньги или другие ресурсы, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций. В настоящее время краудфандинг зарекомендовал себя как полноценный финансовый инструмент, причем инвестиций на посевной стадии. Краудфандинг позволяет вовлечь финансовые ресурсы населения в инновационную деятельность и увеличить тем самым финансирование высокорискованного инновационного бизнеса на ранних этапах развития.

Инновации нуждаются в начальном или посевном капитале для формирования модели бизнеса, команды и прототипа технологии или сервиса. Именно это и есть узкое место инновационных проектов, т.к. традиционные финансовые институты (и даже венчурные фонды) обычно не вкладывают деньги в стартапы на ранних стадиях их развития. По европейским данным EAVC на 2009 г. из 1200 частных инвестиционных фирм только 0,6% вкладывали в стартапы на ранних стадиях.

Под краудфандингом мы понимаем инструмент коллективного финансирования конкретных проектов или целей (культурных, социальных, благотворительных, коммерческих, производственно-технологических) посредством перераспределения финансовых ресурсов между широкой общественностью и предпринимателями, пользующимися Интернетом, безвозмездно либо в обмен на денежные или неденежные вознаграждения.

Данное определение позволяет выделить несколько важных характеристик краудфандинга как финансового инструмента. Во-первых, краудфандинг считается более доступным источником в сравнении с другими традиционными вариантами финансирования новых компаний (включая и венчурное финансирование). В этом краудфандинг близок к неформальному инвестированию, например, семейному (друзья и члены семьи) или ангельскому капиталу. Во-вторых, краудфандинг возникает и развивается исключительно благодаря Интернет-технологиям. В-третьих, этот финансовый инструмент позволяет привлечь в качестве инвесторов широкий круг непрофессиональных инвесторов, обычных людей из «толпы». В-четвертых, в краудфандинговой модели финансирования инноваций инвесторы ищут компании, в то время как во всех иных моделях в большинстве случаев компании сами ищут инвесторов.

Возможность использования краудфандинга для финансирования инноваций определяется рядом тенденций и факторов его развития:

– технологические достижения и развитие социальных средств массовой информации. Современный уровень развития технологий позволяет пользователям Интернета вступать в онлайн-сообщества по интересам, чтобы обмениваться идеями и решать насущные проблемы;

– отказ от посредничества. Обеспечивается прямая связь покупателей с продавцами, создателей с инвесторами и проектов с сообществами. Традиционные бизнес модели слишком сложны и требуют больших временных и финансовых затрат;

– малый бизнес испытывает трудности с привлечением начального капитала. Стартапы сталкиваются с большими трудностями, пытаясь привлечь небольшие суммы для начального финансирования (до 1 млн. долл.).

– краудфандинговый эффект – «парадигма сдвига». Предприниматели начинают осваивать краудфандинговый способ финансирования, благодаря которому они получают не только необходимый стартовый капитал, но и дополнительную рекламу через социальные сети, и бесценные отзывы от потребителей. Многие инвесторы осознают, что они могут участвовать в реализации проектов от начала до конца, отслеживая процесс их развития и помогая по мере сил;

– внедрение акционерного краудфандинга.

Краудинвестинг (акционерный краудфандинг) позволяет обеспечить огромную мобилизацию капитала для инвестирования в инновации за счет снижения входных барьеров и подлинной трансграничности. Развитие всех существующих краудфандинговых платформ идет в направлении создания больших возможностей и снижения рисков для краудинвесторов с целью минимизации махинаций и пирамид.

По мнению представителей Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, к 2020 году объём денежных средств, инвестируемых квалифицированными инвесторами-физическими лицами в стартапы через механизмы краудфандинга в США и Великобритании, превзойдет текущие объемы прямых инвестиций в стартапы через механизмы ангельского инвестирования в 4–6 раз[1]. Практически весь объем новых денег поступит от инвесторов, которые в настоящий момент не инвестируют в стартапы из-за отсутствия удобного для них механизма инвестирования и доступа к информации о стартапах. Среднее время, необходимое стартапу для привлечения инвестиций до 500 тыс. долл., сократится до 21 дня с момента начала размещения.

Краудфандинг как инструмент финансирования радикально изменит ситуацию на всем рынке прямых и венчурных инвестиций – произойдет постепенное нивелирование, а в дальнейшем и исчезновение фондов как посредников между инвесторами, предоставляющими капитал для инвестиций в неторгуемые ценные бумаги в процессе прямого и венчурного инвестирования и эмитентами ценных бумаг. Пока же фонды прямых инвестиций и венчурные фонды являются безальтернативным каналом для компаний, не имеющих доступа к рынку публичных ценных бумаг. Таким образом, краудфандинг подрывает монополию венчурных фондов на капитал, одновременно значительно увеличивая прозрачность рынка. По мнению российских аналитиков, «распространение краудфандинга достаточно быстро приведет к появлению производных финансовых инструментов, например, индексных фондов, правомерно инвестирующих во все без исключения стартапы, отвечающие определенным минимальным критериям»[2]. Такие инструменты могут оказаться для крупных инвесторов венчурных фондов интереснее, чем управляемые инвестиции в те же стартапы, не в последнюю очередь вследствие того, что вознаграждение индексных фондов на порядок меньше, чем принятые в венчурной индустрии системы платы за управление (2% от суммы активов под управлением) и вознагра-

[1] Четыре мобильности: вызовы России в 2015–2030. – С. 38. – http://ac.gov.ru/files/publication/a/1711.pdf

[2] Там же, с. 39.

ждение за успех (20% от прироста инвестированного капитала)[1]. По оценкам, только 10–25% венчурных фирм, которые в настоящее время действуют в индустрии, могут значительно ускорять развитие стартапов, с которыми они работают[2]. Капитал, который не будет направлен институциональными инвесторами в венчурные фонды, перераспределится в краудфандинговые порталы и производные от них инструменты, то есть будет инвестироваться напрямую без посредников.

Проблемы и ограничения для развития рынка краудинвестинга заключаются в следующем:

1. институциональные: отсутствие законодательной основы; неготовность регуляторной среды с точки зрения удобства осуществления инвестиций большим числом инвесторов через онлайн платформы и защиты прав инвесторов и предпринимателей при краудинвестинге;

2. рисковые: сложности управления рисками массовых непрофессиональных инвесторов из-за их низкой инвестиционной и технологической грамотности; неотработанные на текущий момент бизнес-модели развития платформ краудинвестинга в мире (ранняя стадия развития рынка) и соответственно процедур работы с инвесторами и проектами – является риском для платформы; риск раскрытия и воровства информации связанной с интеллектуальной собственностью для соискателей инвестиций (предпринимателей); риск мошенничества для инвесторов в целом со стороны соискателей инвестиций, негативный опыт с обманными схемами (на примере МММ);

3. рыночные: отсутствие культуры коллективных частных инвестиций, что ограничивает развитие краудинвестинга как массового направления инвестиций в целом; отсутствие вторичного рынка; неликвидность инвестиций для массового инвестора.

Для нивелирования или снижения ограничений для развития краудинвестинга необходимы:

– инструменты аккредитации инвесторов (внешние законодательство и внутренние – требования платформы);

– создание механизмов минимизации рисков для непрофессиональных инвесторов на краудинвестинговой платформе;

– стимулирование прихода на рынок разных типов частных инвесторов (налоговые льготы, дополнительное финансовое плечо, другие инструменты);

– создание положительного имиджа краудинвестинга в широких слоях населения, что будет во многом зависеть от эффективности самих этих инвестиций через платформу;

– привлечение на внутренний рынок нерезидентов.

[1] Четыре мобильности: вызовы России в 2015–2030. – С. 39. – http://ac.gov.ru/files/publication/a/1711.pdf

[2] Там же, с. 40.

Кабулов А.А.
к.э.н., доцент, зам. декана факультета экономики, бизнеса и финансов Ташкентского филиала РЭУ

ИННОВАЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ – ПУТЬ К УСПЕХУ

Ключевые слова: *инновации, конкурентоспособность, эффективность производства, технологии, мировой прогресс, инновационная и инвестиционная привлекательность, инновационная стратегия.*

В сегодняшних условиях, когда постоянно растут темпы и масштабы производства, существенно меняется «лицо» самого производства, усиливается конкуренция между товаропроизводителями, а рынок уже не воспринимает устаревшие товары и изделия, инновации становятся катализаторами как экономического, так и технико-технологического успеха предприятий. Благодаря активной инновационной деятельности предприятий в стране обеспечивается макроэкономическая стабильность, укрепляется и развивается промышленно-производственный потенциал, экономика становится самодостаточной и конкурентоспособной. Другими словами, инновации материализуют достижения научно-технического процесса, способствуют повышению эффективности производства, росту производительности труда и профессионализма кадров.

Предприятия, особенно промышленные и крупные, являются созидателями и одновременно потребителями инноваций. Как свидетельствует практика, по сравнению с малыми предприятиями у крупных предприятий больше возможностей для создания и использования инноваций. Однако малые предприятия быстрее реагируют на конъюнктуру рынка и соответственно быстрее реализуют новшества и удовлетворяют инновационный потребительский спрос. Через инновации происходит практическое использование идей и изобретений, что приводит не только созданию лучших технологий, но и производству высококачественных и конкурентоспособных видов продукции и услуг. Поэтому коммерческая реализуемость признается одним из главных условий создания и использования инноваций на любом предприятии – крупном или малом, государственном и частном, совместном и др.

По своей внутренней логике инновации – это новый момент в жизни предприятий, основа экономического успеха и обеспечения их выживаемости в условиях конкуренции. Это хорошо усвоили зарубежные промышленные компании, фирмы, корпорации. Они осуществляют немалые затраты на инновационные разработки. Например, в США эти затраты составляют 2,8% к ВВП, в Великобритании – 1,9, в Швеции – 3,8%. Японские промышленные компании отчисляют на научные исследования и разработки до 10% от всего объёма продаж, понимая, что наибольшую прибыль, выгоду приносят товары, изготовленные с применением современных передовых технологий.

Как показывают наши наблюдения, Узбекистан не стоит в стороне от мирового прогресса. В стране инновационной деятельности придаётся внимания не меньше, если не больше, чем за рубежом. Этому способствуют не только имеющиеся в республике огромные природные и трудовые ресурсы, интеллектуальный потенциал, но и принимаемые на государственном уровне меры по совершенствованию координации и управления развитием науки и технологии, стимулированию внедрения инновационных проектов и технологий в отечественное производство, дальнейшему совершенствованию инвестиционного климата и деловой среды в стране.

В республике ежегодно проводятся ярмарки инновационных проектов, идей и технологий, в которых участвуют представители не только отечественных, но и зарубежных предприятий, фирм и компаний. Так, в ходе состоявшихся в 2008–2015 годах ярмарок было представлено около 3900 инновационных идей и технологий, созданных ученными нашей страны, подписано более 3100 договоров, в результате реализации которых произведено новой продукции почти на 1,8 трлн. сумов.

Инновационные наработки в сочетании с реализацией политики и принципов ресурсосбережения в экономике получены и в нынешнем году. С начала текущего года освоен выпуск 36 новых видов и 45 новых моделей готовых швейно-трикотажных изделий, 69 новых видов кондитерских изделий, плодоовощной и мясомолочной консервной продукции, 60 наименований новых лекарственных препаратов. В производство внедрены энергосберегающие технологии, достигнуто снижение энергозатратности производственной продукции в среднем на 9,8%. Ориентация предприятий на современные технологии позволяет им успешно функционировать не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, развивать с зарубежными предприятиями партнёрские связи, расширять круг потребителей своей продукции как в республике, так и за её пределами.

Например, за первое полугодие 2016 г. объёмы экспорта свежей и переработанной плодоовощной продукции, которой, как известно, славится наша республика, превысили 354 тыс. тонн, или в 1,3 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Возрос объём экспорта и промышленных видов продукции, в частности, полиэтилена в 18,8 раза, молибдена – 2,5 раза, грузовых автомобилей – 1,3 раза, проката чёрных металлов настолько же, хлопчатобумажных тканей – 1,4 раза и других видов продукции с высокой добавленной стоимостью.

По сообщениям зарубежных СМИ, Узбекистан является единственной страной Центральной Азии, которая вошла в число 20 государств мира, имеющих инновационную и инвестиционную привлекательность. Благодаря исполь-

зованию достижений науки и техники, а также передового мирового опыта отечественные предприятия добиваются не только ресурсосбережения, увеличения выпуска качественной и конкурентоспособной продукции, роста экспортного потенциала, но и улучшения своего экономического и финансового положения, обеспечения длительного жизненного цикла.

Инновации – специфический продукт. Они представляют собой результат комплексного процесса, состоящего из создания, разработки, коммерческого применения и распространения новшеств, удовлетворяющих в каждом случае конкретную общественную потребность. В этом процессе не только совершенствуются техника, технология и организация производства и труда, но и создаются новые продукты и услуги, а зачастую одновременно то и другое. Инновации являются, кроме того, основным средством предприятий в конкурентной борьбе за нахождение и укрепление своей ниши на рынке товаров и услуг. Поэтому предприятия должны обладать не только производственной стратегией (что, сколько и кому производить), но и инновационной политикой, позволяющей им застраховаться от производства невостребованной, не пользующейся спросом продукции, не допускать ненужных, непроизводительных затрат, избежать краха и т.д.

Разработка инновационной стратегии должна опираться на следующее:

– получение информации о существовании какого-либо определённого новшества, близкого к деятельности данного предприятия;

– всесторонний анализ свойств, качества и других параметров данного новшества;

– оценка и обоснование целесообразности новшества в качестве объекта внедрения, применения, использования на данном предприятии;

– принятие решения о приемлемости и осуществлении инноваций;

– собственно осуществление и распространение (реклама) инноваций.

В заключении необходимо отметить два важных, с нашей точки зрения, момента реализации инновационной политики. Первое – это то, что стремление к инновациям не должно быть самоцелью и осуществляться любыми способами и средствами. Инновационная деятельность должна опираться, прежде всего, на здравый смысл и ресурсные возможности, а также на целесообразность, важность и необходимость осуществления инноваций в конкретный момент времени. Второе – инновации нельзя рассматривать как рядовое организационно-техническое мероприятие, включаемое в бизнес-план предприятия. Важно иметь ввиду то, что инновации всегда связаны с определёнными затратами, которые должны обязательно окупиться, дать эффект, желаемую отдачу. Без полезной отдачи любые инновации теряют свой смысл, становятся практически ненужными, бесполезными. Речь идёт не только о технической или технологической стороне вопроса, но и об экономической, т.е. коммерческой реализуемости инноваций, и не только для предприятия, но и общества.

Имеющийся на сегодня в Узбекистане промышленно-производственный и научно-технический потенциал позволяет не только использовать, но и расширять зону применения новшеств, овладевать новыми направлениями и сферами инноваций. Это, в свою очередь, является важным индикатором наращивания объёмов производства во всех отраслях и сферах экономики, ускорения научно-технического и общественного процесса, а также быстрейшего вхождения республики в число высокоразвитых государств мира.

Квак А.А.
генеральный директор компании ООО «Русские традиции»
a.kvak@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова*: национальная технологическая база, социально-экономическое развитие.*
Keywords*: national technology base, socio-economic development.*

Формирование технологической базы представляется нам актуальным процессом, в результате которой в стране будет построена инновационная архитектура высокотехнологичного бизнеса, которая будет основана на подходах, ценностях, пилотных проектах, с опорой на которые государство, общество и бизнес выстроят систему социально-экономического развития экономики.

В общественном мнении должен быть сформирован соответствующий российским социокультурным условиям идеологический образ технологической базы, определяющий значимость сферы высоких технологий для общества и привлекательность участия в ее развитии.

Ключевыми ценностями развития технологической базы являются: проектные группы[1]; лидерство на высокотехнологичных рынках[2]; персонал; высокотехнологические активы; маркетинговое обеспечение. В сфере формирования принципиально новой технологической базы количество серьезных работ, проводимых в рамках самоорганизации как бизнеса, так и научного сообщества крайне невелико, проиллюстрируем это данными представленными на сайте Федеральной службы государственной статистики[3].

Характер развития российской экономики является отражением снижающегося потенциала развития, что подтверждается высокой загрузкой производственных мощностей, отсутствием масштабных инвестиций, низким уровнем безработицы[4]. Кроме того, длительный рост издержек производства, связанный с тарифной политикой инфраструктурных монополий, и рост заработной платы, опережающий производительность труда, еще более осложняют ситуацию. Доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких видов деятельности в валовом внутреннем продукте Российской Федерации представлена на рис. 1.

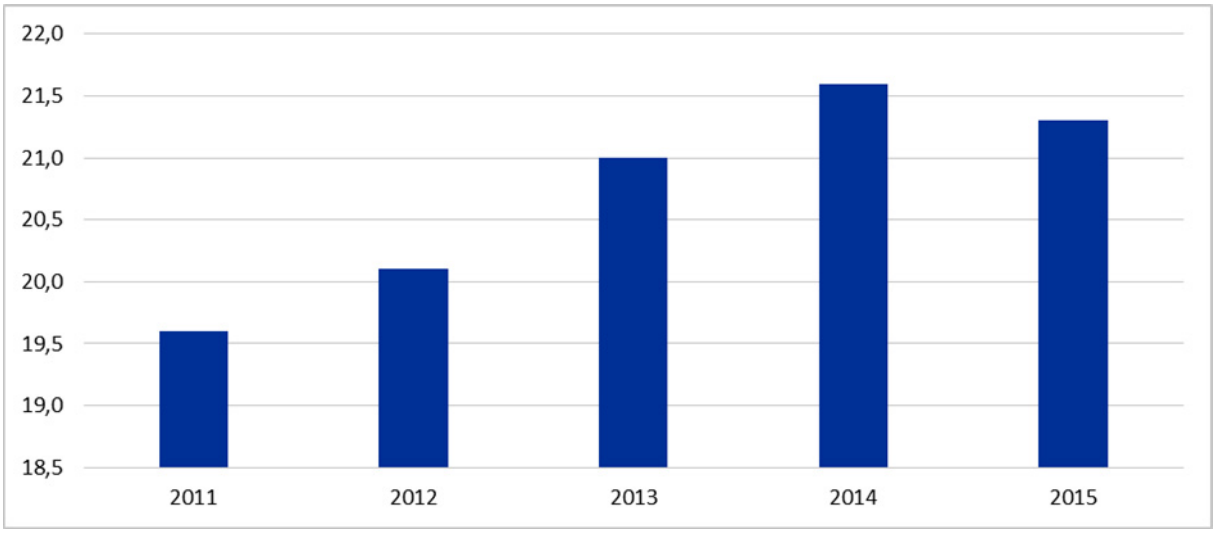


Рисунок 1.
Доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких видов деятельности в валовом внутреннем продукте РФ

[1] См.: Решение Председателя Правительства Российской Федерации от 12 марта 2015 года № ДМ-П8-1523р и Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» в которых предусматривается формирование проектного офиса в части обеспечения проектного управления.

[2] Приоритетная поддержка должна быть сосредоточена на тех направлениях, где существуют серьезные научно-технические заделы, развита фундаментальная наука, есть основа для подготовки квалифицированных кадров.

[3] Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[4] Sibirskaya E.V., Oveshnikova L.V., Sosedov G.A. Cluster typology of Russian regions based on their innovation and investment infrastructure evaluation // Actual problems of economics. 2016. – N 7(181). – P. 231–240.

Основными факторами, определяющими развитие российской экономики на протяжении последних двух лет, были: сокращение внешнего спроса и цен на основные российские сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала; ослабление внутреннего спроса, связанное с падением доходов экономики и ростом издержек; сужение масштабов импорта, формирующих более трети ресурсов внутреннего рынка; сокращение объемов отечественных и иностранных инвестиций в основной капитал.

Коэффициент обновления основных фондов по отраслям экономики, в т.ч. относящимся к высокой степени технологичности[1] позволяет оценить уровень развития и обновления материально-технической базы отрасли (рис. 2 и 3).

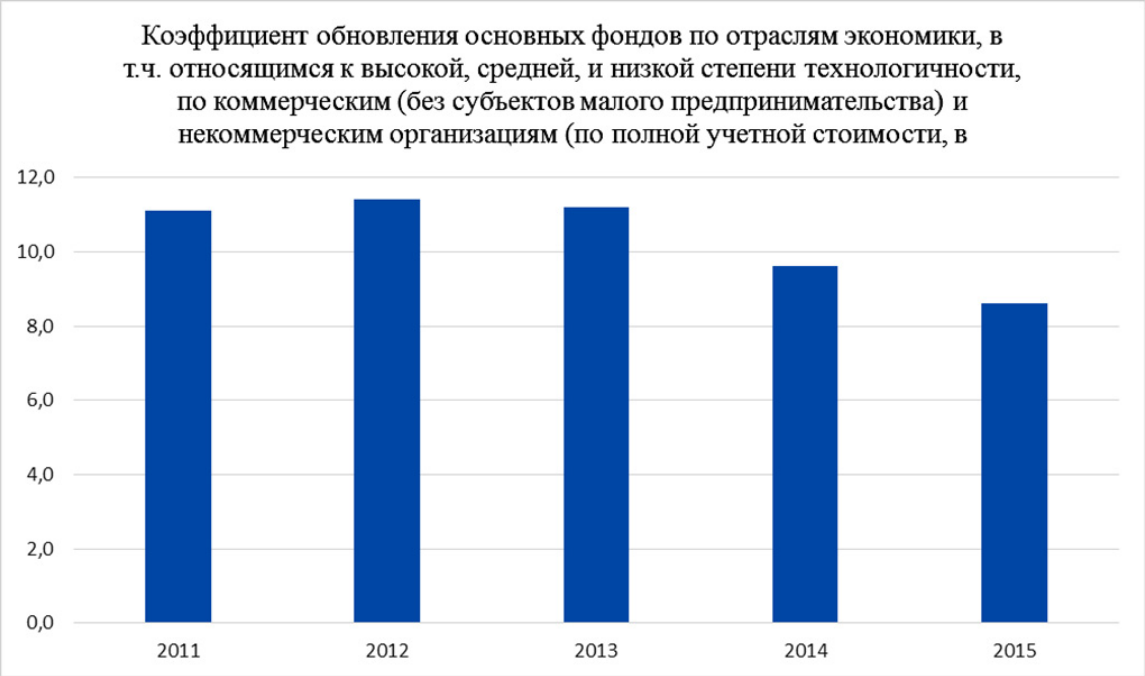


Рисунок 2.
Коэффициент обновления основных фондов по отраслям экономики

Рисунок 3.
Коэффициент обновления основных фондов по высокотехнологичным видам деятельности

Высокая степень физического и морального износа основных фондов, неблагоприятная возрастная структура парка машин и оборудования являются жесткими ограничениями экономического роста. При длительно действующей тенденции к снижению доли валового накопления в основных фондах в ВВП произошло нарушение нормального цикла воспроизводства основных фондов. При сложившемся уровне накопления в основном капитале в ВВП инвестиционная деятельность ограничивалась функциями поддержания накопленного потенциала.

Позитивным моментом последних 5 лет было изменение пропорций основных фондов по видам при опережающем росте основных фондов обрабатывающих производств относительно добычи полезных ископаемых и производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Наибольший удельный вес в составе основных фондов экономики России занимают основные фонды транспорта и связи (27,1%), операций с недвижимым имуществом, аренды и

[1] Виды экономической деятельности: Производство фармацевтической продукции (код ОКВЭД 24.4); Производство офисного оборудования и вычислительной техники (код ОКВЭД 30); Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи (код ОКВЭД 32); Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования (код ОКВЭД 33); Производство летательных аппаратов, включая космические (код ОКВЭД 35.3).

предоставления услуг (24,8%), добычи полезных ископаемых (10,6%). В обрабатывающих производствах на начало 2015 г. было сосредоточено 8,5% основных фондов экономики. О недостаточности объемов ввода основных фондов для обеспечения их обновления свидетельствует также соотношение показателей ввода и износа основных фондов. Степень износа основных фондов по отраслям экономики и по высокотехнологичным видам деятельности представлена на рис. 4.

Рисунок 4.
Степень износа основных фондов по отраслям экономики и по высокотехнологичным видам деятельности

С учетом разницы в ценах стоимость годового ввода новых машин, оборудования и транспортных средств лишь более или менее компенсирует их годовой износ. При этом она явно недостаточна для преодоления наблюдающейся длительный период тенденции старения машин, оборудования.

Сопоставление динамики производства и характеристик использования труда и капитала показывает, что при тенденции к снижению технико-экономических показателей производственного аппарата в промышленности произошел своеобразный «размен» факторов производства. Высокий уровень применения ручного труда и труда на устаревшем оборудовании в известной степени позволял компенсировать недостаток инвестиционных ресурсов, но в то же время приводил к технологической стагнации производства. Изменение структурных характеристик использования и воспроизводства основного капитала сопровождалось снижением коэффициента фондоотдачи и приростом фондовооруженности труда. По видам экономической деятельности и по отдельным годам соотношение показателей использования труда и капитала довольно существенно дифференцировалось и определялось как структурными, так и конъюнктурными факторами[1].

Основными факторами, определяющими развитие российской экономики на протяжении последних двух лет, были: сокращение внешнего спроса и цен на основные российские сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала; ослабление внутреннего спроса, связанное с падением доходов экономики и ростом издержек; сужение масштабов импорта, формирующих более трети ресурсов внутреннего рынка; сокращение объемов отечественных и иностранных инвестиций в основной капитал (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных факторов развития экономики в 2011–2015 гг., % к предыдущему году

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ВВП	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Внутренний спрос В том числе:	108,8	105,5	100,5	101,3	89,7
конечное потребление домашних хозяйств	106,8	107,4	103,7	101,7	89,9
инвестиции в основной капитал	110,8	106,8	100,8	97,3	91,6

В 2011–2015 гг. происходило постепенное снижение темпов экономического роста, усиливались диспропорции в сфере производства и потребления, падала инвестиционная активность производителей, усиливалась разбалансированность технико-технологических характеристик основных фондов и инвестиций в основной капитал по базовым видам экономической деятельности. Развитие, основанное на экстенсивном использовании основных факторов, сни-

[1] Михейкина Л.А., Квак А.А. Проблемное поле инновационной деятельности // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2014. – № 7. – С. 35–39.

жало конкурентоспособность российской экономики и динамику ее развития. Рост инвестиций в основной капитал, наблюдавшийся до второй половины 2012 г., не приводил к повышению отдачи на единицу вложенных средств и труда.

Ситуация существенно осложнилась со второй половины 2014 г. в результате формирования принципиально новых политико-экономических факторов. Изменение конъюнктуры мирового рынка при одновременном введении санкций и контрмер оказало существенное влияние на основные параметры функционирования экономики. В III–IV кварталах 2014 г. началось падение курса рубля, а также ускорение инфляции при сокращении масштабов внешнего спроса. Внутренний спрос в IV квартале 2014 г. формировался под действием, с одной стороны, резкого всплеска ажиотажного потребительского спроса, инициированного усилением инфляционных ожиданий населения, а с другой – сжатия инвестиционного спроса в результате удорожания кредитных ресурсов при динамичном повышении ключевой ставки на протяжении года с 5,5% (03.02.2014) до 17% (16.12.2014).

Падение инвестиций в основной капитал привело к одновременному сокращению спроса на отечественные и импортные капитальные товары и усиливало развитие негативных тенденций на внутреннем рынке. Дополнительные сложности возникли из-за введенных ограничений на поставки отдельных видов технологического оборудования, необходимых для реализации инвестиционных планов добывающих и обрабатывающих производств и инфраструктурных проектов[1].

Падение темпов экономического роста привело к сокращению запасов материальных оборотных средств. Доля валового накопления в основном капитале повысилась по сравнению с предыдущим годом, однако удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП сохранился на среднем за период 2013–2014 гг. уровне и составил порядка 18,1%. Характерная черта российской инвестиционной модели – значительные объемы сбережений, заметная часть которых не трансформируется в инвестиции в основной капитал. Низкий уровень трансформации валового национального сбережения и валового накопления в инвестиции в основной капитал является хроническим явлением функционирования российской экономики на протяжении весьма длительного периода времени.

В связи с такой ситуацией, государство ставит глобальную цель – развитие национальной технологической базы, способной обеспечить разработку и производство конкурентоспособной наукоемкой продукции для решения приоритетных задач в области социально-экономического развития и национальной безопасности России.

В соответствии с заданной целью были поставлены и задачи: разработка промышленных технологий, критически важных для обеспечения разработки и производства конкурентоспособной наукоемкой продукции; технологическое перевооружение отечественной промышленности на основе передовых технологий; создание научно-технологического задела; разработка технологий подготовки и повышение профессионального уровня кадров для высокотехнологичных отраслей промышленности; активизация процессов коммерциализации новых технологий.

Основная сложность формирования национальной технологической базы заключается в необходимости одновременного решения как ближне- и среднесрочных задач, так и долгосрочных задач социально-экономического развития государства и технологических проектов. Проанализировав Стратегию развития России до 2020 года[2], Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации[3], отраслевые стратегии и программы, а также Ключевые гипотезы Национальной технологической инициативы[4] мы более детально рассмотрим перечень национальных приоритетов (прямо или косвенно влияющих на развитие национальной технологической базы) по срокам, приведенный в табл. 2.

Результаты реализации национальных приоритетов должны быть описаны с точки зрения: реализации стратегических задач социально-экономического развития; степени парирования выявленных долгосрочных системных вызовов; изменения позиционирования России в мировом научно-технологическом пространстве; изменения уровня конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках, а также эффективности и уровня технологического развития производства; изменения позиционирования России на существующих и перспективных рынках[5].

Исходя из выше изложенного под национальной технологической базой будем понимать – совокупность технологий, важнейших научно-производственных комплексов и интеллектуального потенциала производственного персонала, владеющего, развивающего и реализующего указанные технологии в приоритетных областях науки, техники и промышленности, обеспечивающих жизнедеятельность и безопасность страны. Обладание передовыми технологиями является важнейшим фактором развития национальной экономики и обеспечения национальной безопасности любой страны. Преимущество страны в технологической сфере обеспечивает ей приоритетные позиции на мировых рынках и одновременно увеличивает ее оборонный потенциал, позволяя компенсировать за счет качества высоких технологий диктуемые экономическими потребностями необходимые количественные сокращения сил и средств вооруженной борьбы[6].

---

[1] Сибирская Е.В. Влияние институциональных условий на развитие инновационных процессов в регионе // Регион: системы, экономика, управление. 2011. – № 1. – С. 32–36

[2] Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года – http://minsvyaz.ru/common/upload/2227-pril.pdf

[3] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

[4] Белоусов Д.Р. «Образ будущего»: Россия, как полюс развития / Д.Р. Белоусов, А.Ю. Апокин, Р.Г. Волков, К.В. Михайленко, Е.А. Пенухина, Е.М. Сабельникова. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/ForumASI/NTI_strategy.pdf

[5] Национальные приоритеты научно-технологического развития России. – http://www.protown.ru/information/hide/4499.html

[6] Правительство Российской Федерации постановление от 8 ноября 2001 г. N 779 об утверждении федеральной целевой программы «Национальная технологическая база» на 2002 – 2006 годы. – http://docs.cntd.ru/document/901801959

Таблица 2

Национальные приоритеты, прямо или косвенно влияющие на развитие национальной технологической базы

	Национальные приоритеты	Степень влияния
Приоритеты, относящиеся к зоне ближайшей реализации		
1	Оборона и безопасность	*Прямое*
2	Технологическая модернизация образования	*Прямое*
3	Технологическая модернизация здравоохранения, включая медицинскую технику и фармацевтику	*Прямое*
4	Экология и рациональное природопользование	*Прямое*
Приоритеты технологической модернизации экономики в среднесрочной перспективе		
1	Обеспечение эффективного функционирования и развития нефтегазового комплекса	*Прямое*
2	Энерго- и ресурсосбережение, энергоэффективное потребление	*Прямое*
3	Развитие транспортной инфраструктуры[1]	*Прямое*
4	Технологическая модернизация АПК	*Прямое*
Приоритеты в сфере формирования принципиально новой технологической базы и достижения технологического лидерства в долгосрочной перспективе		
1	Аэронет – распределенный сетевой рынок авиационно-космической логистики и информации (грузоперевозки, мониторинг, точное земледелие, поисковые и спасательные операции)	*Прямое*
2	Маринет – глобально распределенная интеллектуальная система управления морским транспортом и технологии освоения мирового океана	*Прямое*
3	Автонет – рынок услуг на базе распределенной сети экологичных беспилотных транспортных средств, шеринговых, опенсорсных, производимых под заказ	*Прямое*
4	Нейронет – информационный обмен следующего поколения (сегменты «НейроФарма», «НейроМедтехника», «НейроОбразование», «НейроРазвлечения и спорт», «НейроКоммуникации и маркетинг», «НейроАссистент»)	*Прямое*
5	Энерджинет — экосистема производителей и потребителей энергии, которые беспрепятственно интегрируются в общую инфраструктуру и обмениваются энергией.	*Прямое*
6	Фуднет – интеллектуальный рынок питательных веществ и пищевых продуктов с индивидуальной логистикой (персонализированное питание, геномика, альтернативные источники сырья, точное земледелие и органическое сельское хозяйство)	*Прямое*
7	Хэлснет – технологии здоровья, в том числе превентивная медицина, спортивное здоровье, здоровое долголетие, медицинская генетика и биомедицина	*Косвенное*
8	Сейфнет – развитый рынок систем безопасности информационных и киберфизических систем	*Прямое*
9	Финнет – рынок децентрализованных финансовых систем, основанный на технологии блокчейн	*Прямое*
10	Медианет – рынок коммуникативных услуг и сервисов, основанный на интеллектуальных платформах и нейротехнологиях	*Косвенное*
11	Персоналнет – адаптированный к проектному управлению персонал	*Прямое*

То есть нашему государству в средне- и долгосрочной перспективе предстоит решить следующие задачи для формирования национальной технологической базы с учетом приоритетов: создание передовой технологической базы высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики; информатизация общества, совершенствование средств телекоммуникаций; повышение жизненного уровня и обеспечение здоровья нации; обеспечение безопасности функционирования сложных технических систем; создание транспортной инфраструктуры будущего; обеспечение экологической чистоты производств и комфортной среды обитания; совершенствование подготовки кадров в интересах развития экономики; сформировать объединенные площадки и ресурсы, порталы; создать коммуникационные сервисы для национальной технологической базы; развивать краудтехнологические процессы, выполняющие также и маркетинговые функции.

В настоящее время в России нет ни возможности, ни необходимости создавать все технологии собственными силами. Необходимо использовать технологические достижения других развитых стран, включиться в международное технологическое пространство на правах равного партнера, то есть предложить собственные технологические достижения и при этом найти свою технологическую нишу. Для этого надо иметь достаточно высокий национальный технологический уровень[2]. Вместе с тем уровень отечественных технологий по большинству показателей пока еще позволяет занять достойное место в мировом процессе технологического развития.

Для успешного решения задачи подъема отечественной промышленности как главного фактора устойчивого роста экономики страны необходима современная, динамично развивающаяся технологическая база, способная обеспечить создание и производство конкурентоспособной наукоемкой продукции, которая должна со временем занять опережающие позиции в экономическом развитии нашей страны и стать основным источником пополнения федерального бюджета.

Таким образом, процесс формирования национальной технологической базы должен:

– развиваться в единстве и взаимосвязи, по объективным экономическим законам;

– вмешательство в его содержание и развитие должно быть грамотным и взвешенным;

[1] Овешникова Л.В. Классификация элементов инфраструктуры региональной экономики // Современные проблем науки и образования. 2014. – № 6. – С. 641.

[2] Ляпина И.Р. Предпосылки трансформации системы управления развитием региона // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. – № 2. – С. 71.

– находится под влиянием факторов и условий, которые следует учитывать, принимая хозяйственные решения;

– поддаваться научному познанию, изучению, а, следовательно, и управлению в интересах достижения ближайших и более отдаленных целей развития общества и государства;

– не допускать разрыва в процессе непродуманного реформирования;

– быть нацеленным на социально-экономическое развитие нашего государства.

Клочков В.В.
д.э.н., к.т.н., директор департамента Национального исследовательского центра «Институт имени Н.Е. Жуковского»

АНАЛИЗ ТРЕНДОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПОИСК НАПРАВЛЕНИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОРЫВА В АВИАСТРОЕНИИ

Ключевые слова: *технологии, доступность авиаперевозок, прямые эксплуатационные затраты, инновации, тренды, прорывные технологии, принцип Парето, оптимизация, пределы развития, прогнозирование.*

Keywords: *technology, air transportation availability, direct operating costs, innovation, trends, breakthrough technology, Pareto principle, optimization, limits, prediction.*

Введение

Распоряжением Правительства РФ № 1959-р от 16 сентября 2016 г. был принят План деятельности ФГБУ «Национальный исследовательский центр «Институт имени Н.Е. Жуковского» по развитию науки и технологий в авиастроении (далее – План деятельности). Согласно этому основному стратегическому плановому документу в сфере научно-технологического развития отрасли, к генеральным целям развития науки и технологий в области гражданского авиастроения относятся:

- достижение приемлемого уровня эффективности обеспечения безопасности полетов;
- повышение экономической и физической доступности услуг, оказываемых с применением авиационной техники российского производства;
- повышение качества работ и услуг, оказываемых с применением авиационной техники российского производства и уровня конкурентоспособности авиационной техники российского производства;
- снижение вредного воздействия авиационной техники на окружающую среду.

Количественное измерение степени достижения целей развития науки и технологий требует определения информативных показателей, характеризующих именно уровень научно-технологического развития – хотя на степень достижения целей влияют и внешние условия. Например, доступность услуг воздушного транспорта зависит как от себестоимости авиаперевозок и уровня тарифов, так и от распределения доходов населения. Причем, если себестоимость авиаперевозок определяется, преимущественно, уровнем технического совершенства парка авиационной техники и конъюнктурой на рынках привлекаемых ресурсов (например, авиатоплива), то уже уровень тарифов при заданной себестоимости может существенно различаться в зависимости от структуры рынка авиаперевозок, условий его регулирования. Тем более, сильна роль внешних по отношению к отрасли и ее технологическому уровню факторов в определении собственно коэффициента доступности авиаперевозок. Он зависит от социально-экономической ситуации. И хотя технологические характеристики «преломляются» в социально-экономических системах, что необходимо учитывать при планировании технологического развития, но планировать это развитие все-таки следует в терминах уровня совершенства технологий. Т.е., например, применительно к цели повышения доступности авиатранспортных услуг, следует ставить цели в терминах себестоимости авиаперевозок, точнее, прямых эксплуатационных затрат (ПЭР) на единицу транспортной работы.

При этом в различных странах, в зависимости от уровня их социально-экономического развития и специфики природно-климатических условий, могут ставиться различные генеральные цели развития авиастроения. Например, страны с высоким уровнем доходов большинства населения уже могут считать повышение экономической доступности авиаперевозок неактуальным. Однако, располагая развитым национальным авиастроением, играющим ведущую роль на мировом рынке и вносящим существенный вклад в национальный доход и занятость квалифицированных кадров, эти страны могут ставить цель повышения конкурентоспособности выпускаемой авиационной техники. Впрочем, и в этом случае актуально сокращение ПЭР. Основные составляющие ПЭР (см., например, [8]) – затраты на горюче-смазочные материалы (ГСМ), оплату труда экипажей, амортизацию либо лизинг авиационной техники, ее техническое обслуживание и ремонт (ТОиР), аэропортовые и аэронавигационные сборы. Соответственно, определяются и направления повышения доступности авиаперевозок – как снижение той или иной составляющей ПЭР[1]. На протяжении нескольких десятилетий прогресс в области гражданского самолетостроения шел, главным образом, по пути снижения удельного расхода ГСМ. Это направление становилось более актуальным по мере удорожания нефти и производимого из нее авиационного топлива. Разумеется, снижались и прочие составляющие ПЭР. Так, при повышении ресурса авиационных ГТД сокращались затраты на их приобретение и ТОиР. В этой области произошел качественный скачок

[1] Здесь рассматривается принятая в Плане деятельности трехуровневая иерархическая система целеполагания: генеральные цели – направления – задачи.

благодаря переходу к обслуживанию изделий авиационной техники по техническому состоянию, без назначения «твердых» установленных и межремонтных ресурсов для большинства деталей, узлов и агрегатов – что позволило повысить их долговечность и периодичность ТОиР практически на порядок, без радикальных изменений в области конструкционных материалов и производственных технологий (и при многократном повышении безотказности, снижении частоты отказов, приводящих к тяжелым последствиям, что позитивно сказалось и на безопасности полетов). Прогресс в области автоматизации управления движением ВС и функционированием их систем позволил радикально – с 5–7 до 2 человек – сократить численность летных экипажей (при одновременном повышении уровня безопасности полетов), причем, в настоящее время оба члена двучленных экипажей взаимозаменяемы, что позволяет также снизить затраты на сменные экипажи.

Тем не менее, главным направлением прогресса в гражданском самолетостроении остается снижение удельного расхода ГСМ. Причем, как показано во многих источниках (см. [4, 10]), возможности дальнейшего его снижения практически исчерпаны. Поэтому в настоящее время в ведущих авиастроительных державах мира как на уровне корпораций, так и на уровне отраслевой науки (как правило, финансируемой государством) уделяется значительное внимание поиску альтернативных способов энергообеспечения движения ЛА, от перехода на биотопливо, используемое традиционными ГТД, до перехода ВС на электротягу и такие бортовые источники энергии, как аккумуляторы или топливные элементы, см., например, [9, 11]. Отказ от ГТД в составе маршевой силовой установки видится и как способ радикального решения проблем улучшения экологичности воздушного транспорта, поскольку практически исключает вредные выбросы, а также открывает возможности существенного снижения шума от двигателей.

В связи с этим, принципиально важен следующий вопрос. Способен ли, и при каких условиях, переход на альтернативные источники энергии для движения ЛА обеспечить

- существенное повышение доступности авиаперевозок и авиационной подвижности населения;
- многократный рост емкости рынков гражданской авиационной техники, открывающий емкие рыночные ниши для российского авиастроения?

В работе [5] был предложен модельный инструментарий для прогнозирования влияния на себестоимость и доступность перевозок появления авиатоплива с заданными интегральными технико-экономическими характеристиками (включая функцию предложения, а также удельный расход и уровень прочих составляющих ПЭР, соответствующий переходу на новое топливо, с учетом изменения конструкции ЛА, технологии его эксплуатации и т.п.). При этом учитывались особенности рынков авиатоплива и авиаперевозок. Однако в указанной работе параметры технологий рассматриваются лишь в виде условных наборов значений, в ней не ставилось цели проанализировать эффективность конкретных технологий и определить приоритетные направления научно-технологического развития авиастроения и, возможно, других отраслей, с ней взаимодействующих. В данной работе именно эти задачи исследования рассматриваются как основные.

Анализ возможного влияния сокращения цены энергии, используемой для движения воздушных судов, на себестоимость авиаперевозок

Как правило, выделение приоритетов облегчается в тех случаях, когда имеются явно выделяющиеся факторы, существенно более значимые, чем прочие – и тогда именно на них следует концентрировать усилия, а не на второстепенных. В менеджменте широко известен *принцип «20 на 80%»*, восходящий к известному принципу классика политэкономии В. Парето. Хотя изначально он касался именно распределения населения по доходам или богатству, нередко этот принцип проявляется в самых разных областях хозяйственной жизни, техники и др. Суть его состоит в том, что, как правило, для любой многофакторной зависимости можно указать несколько важнейших факторов – нередко не более 2–3 – которые и определяют подавляющую долю итогового эффекта. На этом принципе основана и важнейшая практическая рекомендация в современном менеджменте качества (причем, в ее рамках строится т.н. *диаграмма Парето*, см., например, [1]): для улучшения продукта, повышения его эффективности и конкурентоспособности – а именно это и является, в данном случае, целью развития технологий в авиастроении – достаточно выделить небольшое количество, не более 2-3, приоритетных направлений, не тратя ресурсы на прочие, как бы много факторов ни влияло на уровень качества или конкурентоспособности.

Однако приложение этого, на первый взгляд, бесспорного и эффективного принципа к проблеме повышения доступности авиаперевозок (а в сфере обеспечения безопасности полетов, как показано выше, он вполне применим) оказывается проблематичным. На рис. 1 приведена типичная структура ПЭР для современных магистральных пассажирских самолетов.

Можно увидеть, что в этой структуре отсутствует какое-то преобладающее, явно доминирующее слагаемое. Насколько, в таком случае, оправданы планы достичь прорыва в развитии гражданского авиастроения путем перехода к новым видам и источникам энергии на борту?

Несмотря на то, что в настоящее время затраты на ГСМ составляют, для современных ВС, не более 30–35% ПЭР, в принципе возможно, что радикальное сокращение стоимости энергии способно значительно – в несколько раз – снизить ПЭР и, соответственно, радикально повысить доступность авиаперевозок и авиационную подвижность населения. Такая возможность видится в следующем. Прочие составляющие ПЭР – прежде всего, амортизация ВС и стоимость ТОиР – определяются стоимостью ВС и его компонент. Последние, в свою очередь, спроектированы в расчете на некоторый уровень технического совершенства (в т.ч. топливной экономичности), оптимальный при нынешней стоимости ГСМ. Можно полагать, что в настоящее время принцип «20 на 80%» потому и не выполняется применительно к составляющим ПЭР, что, руководствуясь им, на протяжении нескольких десятилетий развития гражданских

ВС с ГТД, их разработчики, сокращая то одну, то другую «выделяющиеся» компоненты, достигли приблизительно равномерной, сбалансированной структуры ПЭР – разумеется, при нынешнем уровне цен ГСМ.

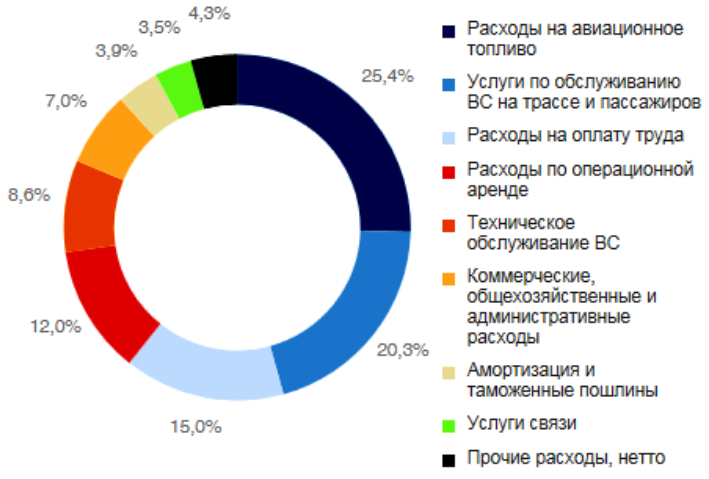


Рисунок 1.
Структура операционных расходов ОАО «Аэрофлот» в 2015 г. – http://annualreport2015.aeroflot.ru/ru/financial-statements/

В то же время, если бы ГСМ (или альтернативные виды энергоносителей) имели многократно более низкую цену, вполне возможно, что оптимальный уровень технического совершенства ЛА – в т.ч. весового совершенства, аэродинамического качества и т.п. – был бы существенно ниже, что позволило бы, в свою очередь, удешевить как сами изделия авиационной техники, так и их ТОиР (например, в предельном случае перейдя к необслуживаемым «одноразовым» конструкциям, которые по исчерпании ресурса подлежат рециклированию – опять-таки, малозатратному, в силу дешевизны энергии). Такая возможность рассматривается в статье [5]. Разумеется, конкретные оценки снижения прочих составляющих ПЭР при удешевлении энергии определяются характером функций зависимости стоимости конструкций и их ремонта от уровня топливной экономичности ВС.

Если суммарные ПЭР в расчете на пассажиро-километр представить как сумму топливных издержек и прочих, нетопливных затрат:

$$c = c_{fuel} + c_{other} = p_{fuel} \cdot g + c_{other},$$

где c_{other} – прочие, нетопливные затраты;

p_{fuel} – цена ГСМ;

g – удельный расход ГСМ в расчете на пассажиро-километр,

и известна зависимость прочих затрат от проектного уровня расхода топлива:

$$c_{other} = c_{other}(g), \quad \frac{\partial c_{other}}{\partial g} < 0,$$

оптимальный проект (по уровню расхода топлива) определяется из следующего условия:

$$\frac{\partial c}{\partial g} = p_{fuel} + \frac{\partial c_{other}}{\partial g} = 0,$$

$$\text{т.е.} \quad \left| \frac{\partial c_{other}}{\partial g} \right| \Bigg|_{g=g_{opt}} = p_{fuel}.$$

Как правило, характер зависимости $c_{other} = c_{other}(g)$ таков, что сокращение расхода топлива достигается ценой прогрессирующего роста прочих издержек, т.е. эта зависимость выпукла вниз: $\frac{\partial c_{other}^2}{\partial g^2} > 0$. Это и обеспечивает существование и единственность оптимального решения. Можно наглядно изобразить оптимальный выбор проектного уровня удельного расхода топлива на графике зависимости $c_{other} = c_{other}(g)$, см. рис. 2. Оптимум достигается в точке касания этого графика с прямой, проведенной под углом α, соответствующим условию $tg\alpha = p_{fuel}$.

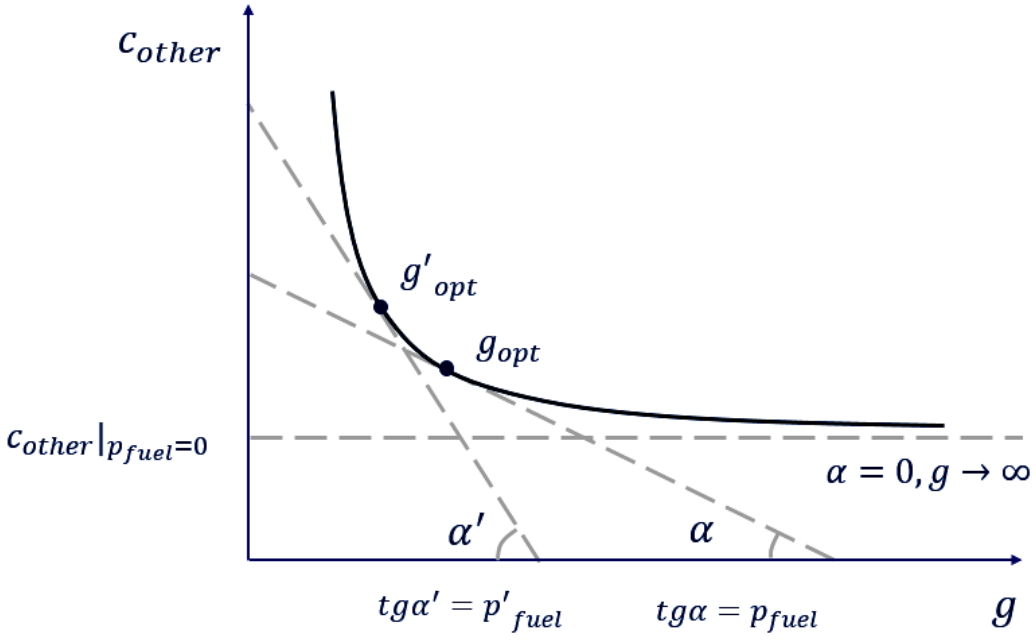


Рисунок 2.
Выбор оптимального уровня удельного расхода топлива

Таким образом, при повышении цены ГСМ, как наглядно показано на рис. 2 пунктирной касательной, проведенной под углом $\alpha' > \alpha$, снижается оптимальный уровень расхода топлива, и повышается соответствующий ему оптимальный уровень прочих, нетопливных затрат, включающих в себя приведенную к пассажиро-километру стоимость самого воздушного судна, его ТОиР и т.д.:

$$\frac{\partial g_{opt}}{\partial p_{fuel}} < 0, \ \frac{\partial c_{other}}{\partial p_{fuel}} > 0 .$$

Кроме того, на рис. 2 наглядно показано, что возможности сокращения – как расхода топлива, так и прочих, нетопливных затрат – ограничены. Т.е. даже при снижении цены топлива до нуля или околонулевых значений, оптимальный уровень прочих, нетопливных затрат сократится не до нуля – а лишь до некоторого конечного уровня. В принципе, он и в самом деле может быть в несколько раз ниже, чем оптимальный уровень этих затрат при нынешнем, относительно высоком, уровне цен ГСМ:

$$\lim_{p_{fuel} \to 0} c_{other}\left(g_{opt}\Big|_{p_{fuel}}\right) << c_{other}\left(g_{opt}\Big|_{p_{fuel}(2016)}\right).$$

В любом случае, даже при наличии соответствующих возможностей ожидаемый эффект (радикальное снижение себестоимости авиаперевозок, повышение их доступности и подвижности населения) достижим лишь при условии наличия дешевой энергии. Необходимо проанализировать возможности кратного удешевления энергии, используемой на борту ВС. Если, к примеру, уже в настоящее время доступны источники энергии, хотя бы и электрической, обеспечивающие ее стоимость в несколько раз ниже, чем энергия, используемая на борту ВС в форме ГСМ, тогда переход на электротягу, гипотетически, позволяет достичь ожидаемого эффекта. В противном случае, развитие альтернативных технологий энергообеспечения полета ВС должно идти параллельно с развитием собственно технологий генерации энергии, с целью ее многократного удешевления.

Проведенный анализ приводит к важному качественному выводу. Логика технологического развития такова, что разработчики технологий и наукоемкой продукции, выбирая приоритетные направления повышения уровня технического совершенства изделий, в первую очередь концентрируют усилия именно на выделяющихся факторах, оказывающих наибольшее влияние на результирующие показатели. В результате этих усилий значимость приоритетных факторов снижается, возможно, на первый план выходят другие факторы. В конечном итоге, значимость основных влияющих факторов оказывается приблизительно одинаковой, или, по крайней мере, близкой, т.е. принцип «20 на 80%» практически перестает выполняться. Можно сказать, что в данной области техники устанавливается равновесие показателей уровня технического совершенства. Возможности прорывного улучшения показателей достижения генеральных целей развития отрасли открываются лишь в том случае, если в смежных, взаимодействующих с данной отраслях (в данном случае – в ТЭК) происходят кардинальные изменения. Они могут, как и описано в рассмотренном примере, открывать возможности структурных изменений оптимальных проектных параметров и движения к новому «технологическому равновесию». Такая динамика технологического развития обусловлена именно активным характером субъектов техноэволюции, тем, что решения о развитии технологий принимаются, исходя из экономических критериев и принципов, аналогичных принципу «20 на 80%».

Еще один практически важный вывод из вышеизложенных рассуждений таков. Возможности прорывного развития технологий лежат на пути межотраслевого взаимодействия. Осуществление технологического прорыва – даже в отдельно взятой отрасли, например, в авиастроении – требует координации стратегий развития науки и технологий

между различными отраслями или областями техники. В работе [3] предлагался основанный на теоретико-игровых подходах метод количественной оценки эффективности координации инновационного развития внутри одной отрасли, в рамках создания одной сложной системы с взаимодействующими элементами. Как показывает проведенный здесь анализ, координация стратегий научно-технологического развития необходима и между отраслями.

Анализ возможностей сокращения удельной стоимости энергии, необходимой для движения ЛА

Вопрос о возможности многократного снижения затрат на энергообеспечение движения ЛА требует более обстоятельного анализа, но предварительно можно высказать следующие соображения. Себестоимость электроэнергии различается в несколько раз в зависимости от способа генерации и условий ее транспортировки к месту потребления. Интересно сопоставить характерные значения себестоимости генерации электроэнергии на различных типах электростанций с ценой ГСМ, применяемых на современных ВС с ГТД. Однако для обеспечения сопоставимости цен, следует привести альтернативные варианты к единому базису. Его выбор представляет собой отдельную проблему, требующую анализа. На первый взгляд, например, стоимость электроэнергии для зарядки аккумуляторов (если будет выбран именно этот способ хранения энергии на борту ВС) следует сопоставлять с ценой традиционного авиатоплива, единообразно приводя цены к энергетическому эквиваленту, т.е. кВт-ч или т.н.э. В то же время, теплотворная способность авиатоплива превращается в работу по перемещению ЛА с некоторым коэффициентом полезного действия силовой установки. Своим значением КПД – возможно, существенно иным, нежели КПД современных силовых установок с ГТД – обладает и электрическая силовая установка, ввиду потерь при хранении энергии в аккумуляторах и ее отдаче в бортовую сеть, потерь в силовых кабелях, электромоторах и т.д.

Поэтому более корректно сопоставлять, как это делается при сравнении топливной эффективности современных ВС с ГТД, стоимостные энергетические затраты в расчете на единицу транспортной работы c_{energy}, т.е. на пассажиро-километр. Для различных видов авиатоплива они будут определяться как произведение цены авиатоплива на его километровый расход, как уже было записано выше:

$$c_{energy} = c_{fuel} = p_{fuel} \cdot g \, .$$

Что касается, например, электроэнергии, правомерно использовать цену энергии за кВт-ч «в точке зарядки» p_{energy}, т.е. непосредственно в том месте, где возможна зарядка аккумуляторов ВС – после генерации, передачи, возможно, хранения и преобразования электроэнергии.

Следует подчеркнуть, что соответствующие слагаемые способны в значительной степени нивелировать даже многократное различие в себестоимости генерации электроэнергии различными способами (с другой стороны, некоторые способы генерации минимизируют потребность в передаче энергии на большие расстояния с высокими потерями, в ее хранении и т.п., позволяя генерировать энергию близко к точке зарядки в те периоды, когда она необходима).

Таким образом, аналогичные удельным топливным затратам удельные затраты на электроэнергию в расчете на пассажиро-километр будут выражаться формулой

$$c_{energy} = p_{energy} \cdot e \, ,$$

где e – удельные километровые затраты электроэнергии для данного ВС, кВт-ч/пасс.-км.

Аналогичный подход представляется корректным и для сопоставления стоимости всех прочих видов энергии, которые рассматриваются для применения на борту ЛА для обеспечения их движения. Полученное вышеописанным образом значение c_{energy} и следует сравнивать с удельными топливными затратами c_{fuel}. И только в том случае, если будет выполняться неравенство $c_{energy} << c_{fuel}$, можно ожидать, что переход к альтернативному способу энергообеспечения движения ЛА позволит значимо сократить как энергетические затраты, так и прочие составляющие ПЭР, в соответствии с описанными в данной работе возможностями адаптации конструкции ЛА к изменившейся цене энергии.

Как известно, рынки энергоресурсов обладают высокой волатильностью, в новейшей истории известны примеры резких – в 2 и более раза – изменений цен энергоресурсов на протяжении периода порядка года, что, разумеется, не может объясняться кардинальными технологическими сдвигами, существенным изменением потребностей в энергоресурсах или возможностей их производства (добычи). Поэтому, планируя долгосрочное, на периоды порядка десятилетий, технологическое развитие авиастроения, необходимо провести тщательный анализ соответствующих рисков. Прежде всего, необходим анализ чувствительности цены энергии «в точке зарядки» к изменениям цен первичных энергоресурсов, а также изменениям составляющих себестоимости генерации, передачи (транспортировки), преобразования энергии, возможно – ее хранения, и т.д. Эти составляющие, которые, в общем случае, можно представить как капитальные вложения в оборудование, постоянные текущие затраты на оплату труда и материальные (сырьевые) затраты, имеют различный удельный вес в разных отраслях энергетики. Также они существенно зависят от цен труда, капитала и т.п. ресурсов.

Анализ возможностей сокращения прочих (нетопливных) затрат при удешевлении энергии, используемой воздушными судами

Необходимо более детально проанализировать возможности радикального сокращения прочих, нетопливных издержек, по сравнению с нынешним уровнем. Как уже упоминалось, в их составе – амортизация ВС, затраты на ТОиР, а

также оплата труда экипажа и разнообразные сборы. Даже в случае радикальных экономических и технологических изменений, вероятно, общественные запросы потребуют, чтобы уровень безопасности на воздушном транспорте, по меньшей мере, не ухудшился, по сравнению с достигнутым – весьма высоким, по меркам прочих областей техники и видов транспорта. Т.е. необходимо сохранить достигнутый уровень развития функциональности бортового оборудования, а также прочностной надежности, устойчивости и управляемости ВС. Также вряд ли будет признано приемлемым существенное снижение уровня комфорта. Таким образом, добиваться радикального удешевления ВС и их ТОиР, снижения уровня разнообразных сборов, придется, по меньшей мере, сохраняя достигнутый уровень безопасности и комфорта современных воздушных судов.

В настоящее время подавляющая доля затрат на производство и ТОиР авиационной техники приходится на оплату высококвалифицированного, причем, преимущественно, ручного труда. Лишь в последние несколько лет наметилась тенденция к механизации и автоматизации производства планера ВС, окончательной сборки. Отчасти это связано с широким применением ПКМ в конструкции планера, когда ручное производство становится принципиально невозможным, отчасти – с механизацией производства наиболее массовых моделей самолетов (прежде всего, Boeing-737), которая становится оправданной при достижении определенных объемов выпуска, подробнее см. [7]. Еще менее механизированными и автоматизированными остаются операции ТОиР, поскольку даже для наиболее массовых моделей ВС численности однотипных парков в любом аэропорту базирования не обеспечивают рентабельности отказа от ручного выполнения большинства операций по мониторингу и диагностике технического состояния, монтажу и демонтажу систем, узлов и агрегатов ВС, дефектации и восстановлению элементов. В связи с этим, возможно, что прорыв в части удешевления производства ВС и ТОиР авиационной техники следует искать в области перехода к «одноразовым», практически необслуживаемым конструкциям, производимым автоматизированным образом на основе аддитивных технологий[1]. Однако неизбежное в этом случае частое воспроизводство и рециклирование конструкций и материалов является весьма энергоемким[2]. Таким образом, снижение этих компонент ПЭР также требует наличия дешевой энергии. Во многом ее наличие определяло бы и эффективность автоматизации, роботизации процессов производства, а также ТОиР ЛА с использованием современных технологий, необязательно аддитивных.

Далее необходимы технико-экономические исследования, направленные на оценку минимально достижимого порога $\lim\limits_{p_{fuel}\to 0} c_{other}\left(g_{opt}\Big|_{p_{fuel}}\right)$. В частности, необходимо оценить возможности сокращения удельной (в расчете на пассажиро-километр) стоимости производства ВС с практически необслуживаемой конструкцией (по крайней мере, на уровне крупных модулей), рециклируемой по мере выработки ресурса автоматизированным образом с использованием аддитивных технологий.

Отчасти удешевление энергии способствует и снижению некоторых сборов – прежде всего, аэропортовых, поскольку, при наличии дешевой и доступной энергии, возможно значимое снижение стоимости строительства аэропортов и их содержания (весьма трудоемкого и энергоемкого в природно-климатических условиях, характерных для большей части территории России). В то же время, снижение затрат на ОрВД, а также на оплату труда экипажей (включая косвенные издержки на их подготовку и т.п.) – подчеркнем, при сохранении или даже повышении уровня безопасности полетов – требует развития и других технологий, прежде всего, информационных. Необходимо развитие интеллектуальных технологий управления ВС на всех уровнях – от управления функционированием бортовых систем и движением ЛА, до организации воздушного движения в целом. Заметим, что это же направление научно-технологического развития является приоритетным и с точки зрения повышения уровня безопасности полетов.

Выводы

1. Радикальное сокращение себестоимости авиаперевозок, открывающее возможности повышения их доступности и подвижности населения, в принципе, достижимо за счет перехода на альтернативные источники энергии для движения ЛА. Несмотря на то, что в настоящее время затраты на ГСМ не превышают 25-30% ПЭР, в принципе возможно существенное снижение прочих, нетопливных составляющих ПЭР в том случае, если воздушные суда изначально будут проектироваться в расчете на низкую стоимость энергии (которая является необходимым условием достижимости прорыва в технологическом развитии авиастроения). Однако при этом недопустимо снижение достигнутого уровня безопасности и комфорта воздушных судов.

Возможно, существенное снижение стоимости производства и ТОиР может быть достигнуто путем перехода к «одноразовым», практически необслуживаемым конструкциям, производимым автоматизированным образом на основе аддитивных технологий (требуются дальнейшие исследования для получения количественных оценок). Однако, в силу высокой энергоемкости производства современных конструкционных материалов и их рециклирования, эффективность такого решения также зависит от наличия дешевой энергии.

2. В долгосрочной перспективе, руководствуясь принципом выделения приоритетных направлений развития (принципом «20 на 80%»), разработчики технологий и изделий стремятся к приблизительно равномерной структуре факторов, влияющих на уровень достижения целей развития (т.е. принцип «20 на 80%», в конечном счете, перестает

---

[1] Частичной альтернативой такому решению может служить применение «самозалечивающихся», самовосстанавливающихся материалов и конструкций, подробнее см. [11].

[2] Оценки удельной энергоемкости производства основных конструкционных материалов приводятся, например, в книге [2], и далее подробно рассматриваются именно применительно к изделиям авиационной техники и энергоемкости их жизненного цикла в статье [6].

выполняться). В таком состоянии выделение явных приоритетов становится затруднительным, и радикальный прорыв в технологическом развитии становится возможным лишь при условии значительных внешних шоков, существенно меняющих относительную значимость факторов и стимулирующих переход к новому долгосрочному равновесию показателей уровня технического совершенства изделий. Вероятным источником такого шока для гражданского авиастроения на данном этапе его развития могут быть инновации в энергетической сфере.

Выявленный эффект целесообразно принимать во внимание при прогнозировании и планировании научно-технологического развития авиастроения и других наукоемких отраслей.

Список литературы

1. Васильев В.А., Каландаришвили Ш.Н., Новиков В.А., Одиноков С.А. Управление качеством и сертификация. – М.: Интермет инжиниринг, 2002. – 416 с.
2. Гордон Дж. Конструкции, или Почему не ломаются вещи. – М.: Мир, 1980. – 390 с.
3. Дутов А.В., Клочков В.В. Стратегическое управление развитием авиационных технологий: проблемы и современные решения // Экономический анализ: теория и практика. 2013. – № 48 (351). – С. 2–15.
4. Клочков В.В. Управление инновационным развитием гражданского авиастроения. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. – 280 с.
5. Клочков В.В., Багир-заде Б.А. Моделирование развития рынков авиаперевозок и воздушных судов при внедрении новых видов авиационных топлив // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. – № 3 (237). – С. 21–35.
6. Клочков В.В., Игнатьева А.И. Эколого-экономические проблемы обновления мирового парка авиатехники // Экономика природопользования. 2009. – № 2. – С. 23–40.
7. Компания «Боинг» добилась снижения времени окончательной сборки самолетов Боинг – 737 на 50%. 2005. – 1 февраля. – www.aviaport.ru
8. Костромина Е.В. Экономика авиакомпании в условиях рынка. – М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес», 2002. – 304 с.
9. Форсайт развития авиационной науки и технологий до 2030 г. и на дальнейшую перспективу. – М.: ЦАГИ им. проф. Н.Е. Жуковского, 2012. – 190 с.
10. Commercial Aircraft Design Characteristics – Trends and Growth Projections / International Industry Working Group. 5th Edition. 2007. – January. – 60 p.
11. IATA Technology Roadmap Technical Annex / International Air Transport Association, 2009 – 92 p.

Койчуев Т.К.[1]

НА ПУТИ К ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *инновационная модель развития, постсоветская Центральная Азия, Кыргызстан.*
Keywords: *innovative development model, the post-Soviet Central Asia, Kyrgyzstan.*

Какие мы есть

Экономический коренной вопрос: что должно принадлежать государству, а что частному сектору, чтобы эти сектора слаженно взаимодействовали и дополняли друг друга? Экономика страны состоит из экономики с государственной собственностью и из экономики с частной собственностью, и их не надо противопоставлять. Государство – это не нечто «злое», противодействующее стране, а общественная форма её существования. Государство как власть – не «антисубъект» народа, а форма организации управления жизнедеятельностью. Как форма управления власть выбирается и избирается самим народом, а не навязывается кем-то извне.

Для достижения действенности и эффективности хозяйствования и управления какая форма собственности годится в одном случае, какая – в другом случае? Формы собственности, методы управления, режим хозяйствования должны не насильно насаждаться, а органично, «естественно» вписываться. В этом плане не все удачно определено в институциональном выборе экономических объектов.

Геопространство страны (территория, земля со всеми биологическими, минеральными, энергетическими ресурсами, воздушным и водным пространствами) существует как общенародное достояние и принадлежит неделимо всему народу и не может передаваться и продаваться в частную собственность отдельным лицам или их группам. Да, то, что принадлежит всему народу, может на определенных условиях и на определенный срок или бессрочно передаваться для хозяйственного использования или иных целей, но право владения должно оставляться непререкаемо за государством.

Государственные предприятия тоже могут и должны работать эффективно, как и частные. Пустая болтовня и неправда, что государство не может обеспечить успешную работу экономики. Это ложь. Важно каждому сектору экономики найти адекватные сферу и механизмы функционирования. В мире есть поучительные и успешные примеры. Весьма показателен опыт КНР, с которой и у России, и у Кыргызстана сложились стратегические партнерские и дружественные отношения.

К чему приводят необоснованные решения о передаче в частную собственность земли и других природных ресурсов, незнание и непонимание структуры отношений собственности на них?

Вот что произошло в Кыргызстане. В Нарынской области, в период эйфории от процесса приватизации и передачи и продажи ресурсов, в частную собственность определили участки земли вдоль реки Нарын, главной водной артерии республики, которая «снабжает» водой для многоцелевого использования не только Кыргызстан, но и Узбекистан, Казахстан, «опосредованно» и Туркменистан, впадая в Сыр-Дарью, «несущую» свою воду туда.

Река Нарын является главным гидроэнергетическим источником Кыргызстана. В Советское время в Южном Кыргызстане на реке Нарын были построены и введены в эксплуатацию Уч-Курганская, Шамалды-Сайская, Таш-Кумырская, Токтогульская, Курпсайская ГЭС, в Северном – Атбашинская. Существовал разработанный на союзном уровне проект о строительстве на реке Нарын каскада 18 ГЭС.

Река Нарын, начав свой путь с гор Северного Кыргызстана, протекает через Нарынскую и Чуйскую области, затем продолжает свое течение в Южном Кыргызстане и далее «уходит» в Узбекистан и Таджикистан и впадает в Сыр-Дарью, одну из главных водных артерий постсоветской Центральной Азии, жизненно важнейшую для всей постсоветской Центральной Азии, включая Туркменистан. Проект имел союзное значение. Распад СССР свёл на нет реализацию проекта.

Каждая новая независимая республика ПЦА не имела достаточных средств для инвестирования проекта. Сложиться, сотрудничать, получать взаимную выгоду – до этого решения независимые государства ПЦА или недозрели, или не считали нужным, или других проблем «хватало». Может, такое решение – еще впереди.

А сегодняшняя реальность в Кыргызстане такова. Кыргызстан решился на строительство так называемого Верхне-Нарынского каскада из трех ГЭС, потом еще трех в Северном Кыргызстане с помощью России, при ее финансовой поддержке. Россией были выделены первоначальные средства. Начались работы.

И вдруг выясняется: земли, где расположатся ГЭС, отданы в частную собственность. Частные собственники заломили такую цену, которая не «лезет» ни в какие здравомыслимые «ворота». Власть не могла «возвратить» землю в

[1] Койчуев Турар Койчуевич – д.э.н., академик, член Президиума Национальной академии наук Кыргызской Республики. E-mail: tkoichuev@gmail.com

собственность государства. Это, на мой взгляд, одна из причин того, что Кыргызстан отказался от проекта. Безграмотный подход к формированию отношений собственности привел к крупному экономическому провалу. Власть должна была найти разумный выход, а в крайнем случае – перейти к национализации земельных участков. Интересы не отдельных лиц, а народа в целом, страны, межгосударственное значение проекта оправдало бы национализацию. А сколько же сомов заплатили хозяева этих участков за приватизацию? Или они стали бесплатной «благодаря» высокому чиновничьему положению лиц? Ни ума, ни совести, ни государственного уровня мышления. Личная, неоправданная, преступная корысть!

В Кыргызстане в подходе к приватизации нет теоретически грамотного, по-государственному оправданного четкого определения, что должно сохраниться как общенародное достояние, а что может быть передано в частную собственность. Бездумно переданы в частные руки ресурсы, имеющие национальное значение. Так, лицензированы и отданы в частные руки, иностранных и отечественных субъектов месторождения драгоценных, цветных, редкоземельных металлов, имеющие валютообразующее и стратегическое производственно-техническое значение в современных индустриальных и инновационных отраслях. Интенсивная их эксплуатация не начата. Есть слухи о спекулятивной перепродаже.

Отечественные компании, государственные, совместные государственно-частные, способные эффективно работать, не созданы. Отдать кому-то извне на освоение – не самый лучший выход из положения. Полноценное, отечественное освоение природных ресурсов, имеющее серьезное экономическое значение, содействует созданию новой структуры промышленности, наращиванию промышленного потенциала и достижению финансовой устойчивости.

Серьезного общественного, государственного внимания требует демографический ресурс. По территории и численности населения Кыргызстан не относится к крупным и даже средним странам с территорией в 199 тыс. кв. м. и более чем 6 миллионным населением. Трудоспособное население составляет 3,5 млн. человек, занятые – 2,3 млн. человек. Рождаемость в сопоставлении с другими странами относительно высокая, трудовые ресурсы постоянно пополняются. В свое время республика относилась к республикам с высокой рождаемостью.

Сегодня ситуация несколько иная. Рождаемость сохранила свою стабильность, однако наблюдается тенденция к ее снижению. После распада СССР и в связи с экономическим кризисом многие трудоспособные лица стали выезжать за пределы страны в поисках работы и лучших условий жизни. По экспертным данным, более миллиона лиц работают заграницей. Они обустроили свою жизнь в России, Казахстане, Германии, Турции, Англии, Канаде и т.д. Как говорится, на дальних просторах чужих стран замечены кыргызские следы. Уезжают группами, семьями, образуя нередко колонию кыргызской диаспоры. Такие диаспоры уже существуют в Сибири, на Дальнем Востоке России, на Камчатке, Сахалине. Может и на Курильских островах? Кыргызы смогут!

Возможно, часть трудовых мигрантов вернется в Кыргызстан, но вряд ли. Стоит надеяться. Возникает вопрос: для возрождения отечества, где взять квалифицированные, обученные кадры, если они уехали? Кто будет поддерживать рождаемость в стране, если женщины фертильного возраста уезжают, как и мужчины дееспособного возраста?

Базовые природные и демографические ресурсы, можно сделать вывод, не безграничны. По мере постоянного и более полного их использования будут ограничиваться масштабы их дополнительного освоения и привлечения. Как поддерживать рост, какие нужны меры? На что нужно опереться?

Инновационный путь безальтернативен

Нужно от модели, базирующейся на природных и демографических ресурсах перейти к инновационной модели развития, которая, с использованием принципиально прорывных научно-технических и технологических решений, обусловливает глубокую структурную новизну, обеспечивающая высокую производительность, выпуск новой, качественной продукции, осваивая и охватывая новые сферы, достигая высокой эффективности, преодолевает ограничительные «границы» ресурсной модели. Готова ли сегодня к этому Кыргызская Республика?

На сегодняшний день в республике не разработан на национальном уровне и не запущен в действие ни один инновационный проект. Инновационная проблема не стала на государственном уровне объектом исследований и специальным предметом обучения в вузах. Это означает, что действенной научной поддержки и подготовки квалифицированных кадров для инновационных проектов нет.

Инновационная деятельность невозможна без индустриальной базы в республике, должны существовать и развиваться соответствующие машиностроительные предприятия. В Советском Кыргызстане машиностроение в промышленности занимало одно из ведущих мест. Удельный вес машиностроения составлял 25% и оно было разнообразным: инструментальное, сельскохозяйственное, приборостроение, контрольно-измерительное, ЭВМ, энергетическое, электротехническое, автомобилестроение, радиотехническое, насосное, производство электрических ламп, бытовых приборов.

Машиностроение имело союзное значение, его продукция направлялась в другие республики и шла на экспорт. Фрунзенский завод сельхозмашиностроения был единственным в СССР. Фрунзенский инструментальный выпускал помимо станков и инструментов и предметы оборонного значения. Фрунзенский завод физических приборов производил приборы для военно-морских сил. И другие предприятия машиностроения выпускали технические средства для удовлетворения потребностей многих производств в союзных республиках.

В связи с экономическим кризисом и распадом СССР и соответственно бездумным разрушением экономических связей, Кыргызстан потерял машиностроение. Практически ничего кроме некоторых бытовых изделий (обогреватели, батареи, котлы) не производится. Проблема сейчас состоит в том, что новые технические средства, учитывая новую структуру экономики, должны выпускать вновь созданные машиностроительные предприятия.

Их значимость состоит не только в создании рабочих мест, но и в обеспечении других отраслей экономики республики соответствующими техническими средствами, создающими индустриальную основу инновационного развития. Для этого требуется время. Но, чтобы в будущем стать инновационной, республика уже сегодня должна прогнозировать структуру экономики страны в инновационной модели развития. Предметно должно быть спрогнозировано что и где вводить, в каких масштабах, сроки ввода, в каком взаимодействии. Надо обеспечить инновационно-кластерный подход. Этот прогноз должен быть долгосрочным – до 2030, 2050, 2070, 2100 годов – и должен давать представление о том, как должна измениться экономика республики в очередное десятилетие. Конечно, эти прогнозы имеют целепредполагающий, предварительно ориентирующий, футурологический смысл, в будущем они помогут поиску правильных решений с учетом изменений в действительности. В этом плане важен прогностический опыт КНР, которая разработала прогнозы будущего развития вплоть до 2100 года – начала XXII века. Это не «игра» в прогнозы, а попытка предвидения. Весьма полезная!

На постсоветском пространстве государства СНГ переход к инновационному пути развития начали с «опозданием» по отношению к развитым странам Запада. Ресурсная модель, вера в нее и достаточно богатые наличные ресурсы ее применения «убаюкали», «усыпили» власть и общество. Ориентация на инновационный путь в нашей стране «оглашена», но не сопровождается энергичной реализацией.

Достаточно целенаправленно действует Россия. У нее есть солидный научно-технический потенциал, кадры, инвестиции, масштабная экономика. В России уже целенаправленно реализуются необходимые на национальном уровне меры, накапливается положительный опыт. Отрабатываются методы организации и управления, экономические и правовые механизмы инициирования инновационных проектов. Результаты уже есть. Но, чтобы «инновационизировать» экономику на уровне развитых стран, России нужно сделать многое и пройти определенный путь. Российской экономике, богатой ресурсами, приносящими доход, «по плечу» направление средств на инновационные проекты. Сидеть на «ресурсной» игле уже нельзя, если цель – войти в группу развитых стран и занять место в передних рядах, а не средних и последних.

Другие страны СНГ провозглашают ориентированность на инновации, но реальные результаты здесь не так заметны. Готовность экономики к инновационному развитию в них ниже, чем в России. И средства недостаточны. Хотя, при умном целевом распределении средств, большие результаты мог бы получить Казахстан. Нефть, газ, минералы обеспечат Казахстан инвестициями.

Неплохой индустриальной основой для инновационных проектов обладает Белоруссия. Она сохранила индустриальный потенциал. Нефть, газ, минералы приносят доходы Узбекистану, Туркменистану, Азербайджану, которые тоже могут быть использованы для инновационных проектов.

Конечно, нужно время для заметных изменений, но действия нужно уже сейчас. Инвестиционными ресурсами менее обеспечены Кыргызстан, Таджикистан, но и они могут и должны найти инвестиционные возможности. Альтернативы инновационному пути нет!

Чтобы самодостаточно обеспечивать инновационную модель развития экономики, Кыргызстану и Таджикистану надо эффективнее использовать гидроэнергетические ресурсы и устойчиво выходить на экспорт. В Кыргызстане нужно развить добычу и переработку золота и других драгоценных и цветных металлов, редкоземельных металлов, создать крупную национальную (государственную) компанию, которая может стать валютообразующей основой экономики республики и инвестировать инновационное развитие. Бездарно и проигрышно отдавать иностранцам золотые месторождения (и крупные, и малые), обогащать их, а самим оставаться нуждающимся – это просто преступление. Если и привлекать их, то экономически грамотно и с пользой для себя.

Государство в процессе перехода на инновационную модель экономики должно сыграть ведущую организующую роль как гарант экономической целостности и безопасности, эффективности и устойчивости, стабильности и динамичности. Экономико-правовая база инновационной модели должна быть безукоризненной. Только так может быть создана инновационная модель. Какова цель инновационной модели? Это создание динамичной, устойчивой, стабильной, эффективной, качественной экономики, способной удовлетворить материальные, социальные потребности общества, обеспечить экономическую безопасность, улучшить производственно-технический и технологический уровень экономики, стать экологически безопасной. Положительный опыт других стран должен быть использован, но, с учетом особенностей собственного развития, должна быть создана своя национальная модель инновационного развития.

К какому обществу должна привести высокоразвитая инновационная экономика? Общечеловеческая цель развития – это толерантность и мир, согласие и солидарность, душевная доброта и теплота в отношениях, нравственная и моральная чистота и честность. Главное – это создание нового по своему качеству общества, общества с добрым человеческим лицом.

Будем иметь инновационную экономику и гуманизированное общество! Для Кыргызстана путь будет достаточно продолжительным. Но другого не дано!

Комков Н.И.
д.э.н., профессор, зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *развитие, прогноз, импортозамещение, технология, структурная перестройка, программы.*

Научно-технологический прогресс (НТхП) во второй половине XX века и в начале XXI века стал главным фактором мирового социально-экономического развития, когда совокупный мировой ВВП увеличился в разы, а численность населения Земли превысила 7 млрд. человек. Особенно наглядно НТхП нашел отражение в росте экономик стран промышленных лидеров: США, ведущих стран ЕС (Великобритании, Германии, Франции, Италии), а также Японии и Южной Кореи, где доля интенсивных факторов, сконцентрированных в новых технологиях, составила 60–80%. В бывшем СССР доля интенсивных факторов в 70-е годы находилась на уровне 20–25%.

Переход к рыночной экономике в России многие эксперты и исследователи в сфере экономики связывали с возможностью более эффективного использования научно-технологического и ресурсно-промышленного потенциала, которое обеспечивается за счет рыночных механизмов. Однако это не произошло.

Жесткое влияние США и западных стран на руководство РФ и принятие демократическим меньшинством навязанной теории монетарной экономики и открытых рынков привело к глубокой деформации всей экономики России, а востребованной оказалась только ресурсная часть всего российского потенциала. Ошибочность принятой в 90-х годах ресурсно-экспортной модели экономики России многим специалистам, экспертам и даже отдельным членам Правительства стала особенно очевидна в последние годы после резкого падения мировых цен на углеводороды и введения санкций США и стран ЕС на поставку высоких технологий и ограничения доступа к их финансовым ресурсам.

В этих условиях перспективы развития экономики России многие эксперты видят в структурной перестройке на основе инновационной модернизации. Эта во многом декларативная тенденция развития экономики России стала постепенно формироваться с начала XXI века. Однако ее медленная материализация заставила многих экономистов и экспертов сомневаться в возможности ее реализации в сложившихся в России условиях для бизнеса и развития инноваций. Вместе с тем тезис о том, что технологии и их уровень не влияют на развитие экономики, ошибочен. Это подтверждается не только положительным опытом промышленно развитых стран, но и во многом негативным опытом бывшего СССР, не сумевшем полноценно использовать интенсивные факторы развития гражданской сферы экономики.

Для анализа и прогноза необходимо более точное определение понятия технологии. Технология – это способ, организованный процесс получения конкурентоспособного продукта или оказания услуги, а не только сам продукт или услуга.

То, что Россия отстает в уровне технологического развития от мирового уровня развитых стран – не секрет, а факт, который подтверждается высоким удельным уровнем энергозатрат на получение единицы ВВП, низкой производительностью труда в сравнении с промышленно развитыми странами и низкой долей высокотехнологичной продукции на мировом рынке (0,4%) и др.

Эти данные подтверждаются результатами мониторинга, проводимого на протяжении более 10 лет ИНП РАН в рамках Программы Президиума РАН «Прогнозирование научно-технологического развития». Статистическое наблюдение в РФ ведется за разработкой передовых производственных технологий (ППТ) [1]. Ежегодно в последнее время разрабатывается почти 1500 ППТ, осваивается около 200000 технологий. Общие затраты на разработку и освоение технологий сохраняются стабильно на сравнительно невысоком уровне. Доля защищенных патентами технологий – около 40%, т.е. далеко не все ППТ конкурентоспособны на мировом уровне.

Доля новой (инновационной) продукции – 7–9% в объеме отгруженной, а ведущие страны имеют 15–20%. Показательно превосходство на 40–60% уровня производительности труда компаний с частной и иностранной формами собственности над государственными компаниями.

Технологически активные предприятия имеют производительность труда на 50–70% выше, чем технологически пассивные, инертные.

В большинстве правительственных документов содержатся сомнительные установки на прорывные технологии, опережающие мировой уровень, масштабный рост высокотехнологичной продукции и др. Бесспорно, необходима ориентация при разработке инновационных решений на достижение конкурентоспособного уровня отечественными технологиями и продуктами, причем не только в статике, но и в динамике. Но при этом разработка необходимых методических и нормативных документов федеральными властями и компаниями не предполагается.

Перспективные оценки влияния технологий, с учетом их качественного уровня и взаимосвязей в рамках полного технологического цикла, свидетельствует о том, что многие радикальные позитивные изменения в технологиях и их продукции проявляются в изменении объемов и качества продукции в смежных отраслях. Так, наиболее заметны

изменения качества и разнообразия конструкционных материалов при улучшении качества и потребительских свойств (надежности, малоремонтности, роста ПЖЦ и др.) машин и оборудования. Рост качества конструкционных материалов, машин, оборудования в свою очередь позитивно влияет на объемы и качество создаваемых объектов и конечных продуктов (товаров народного потребления, разнообразных услуг и др.). Рост качества добываемых ресурсов, средств связи, компьютеров и др., положительно влияет на качество и рост объемов продукции всех других секторов экономики.

Анализ уровня развития компаний, принадлежащих разным секторам полного технологического цикла, свидетельствует о существенном различии признаков инновационной, конкурентоспособной и успешной компании. Так, наиболее успешные и конкурентоспособные компании сосредоточены в добывающем секторе экономики, но при этом они менее чем компании других секторов, инновационны, а уровень их инновационности более чем в 3 раза ниже среднего по экономике. Наиболее инновационные компании сосредоточены в переработке и обработке, но уровень их конкурентоспособности и успешности значительно ниже, чем аналогичные уровни компаний добывающего сектора [2].

В ИНП РАН выполнен прогноз оценок потенциала технологий, распределенных с учетом индекса перспективности по стадиям полного технологического цикла, на основе вычисления динамики роста ВДС в разрезе показателей ОКВЭД [3]. Наиболее перспективной оказалась добыча топливно-энергетических ресурсов (0,75); целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность (0,71); производство минеральных удобрений, прочих неметаллических продуктов (0,93); в обработке – производство машин и оборудования (0,66); строительство (0,67); при производстве конечной продукции и инфраструктуре – транспорт и связь (0,67); здравоохранение и предоставление социальных услуг (0,66); коммунальных (ЖКХ), социальных и персональных услуг (0,83); государственное управление (0,61).

Цели развития нашей страны нередко формулируются так, чтобы удивить общество и бизнес как внутри страны, так и наших оппонентов за рубежом. Например, в проекте стратегии научно-технологического развития предлагалось «быть РФ мировым технологическим лидером» или «войти РФ в пятерку промышленно развитых стран по размеру ВВП» и др. Предпочтительно, по нашему мнению, формировать ориентир (скаляр) развития на множестве компонент вектора национальных целей. К таким целям относятся следующие [4]:

1) Безопасное с учетом агрессивного внешнего окружения развитие страны;

2) Безопасное внутри страны развитие российского общества, бизнеса и науки;

3) Гармоничное развитие основных секторов российской экономики в рамках полного научно-технологического цикла;

4) Доступная для населения страны эффективная медицина;

5) Доступное полное среднее и высшее образование;

6) Повышение уровня доходов и продолжительности жизни населения в работоспособном состоянии;

7) Дружественные отношения с соседними странами;

8) Независимая внешняя политика России в отношении с промышленно развитыми странами;

9) Независимая от государства судебная практика;

10) Эффективная правоохранительная система;

11) Эффективная и регулярно уточняемая законодательная база.

Этот перечень может быть расширен.

Неэффективность отечественных технологий объясняется не только автаркией инновационно-технологического развития бывшего СССР и гипертрофированным развитием оборонно-промышленного комплекса, но и сложными природно-климатическими условиями развития экономики. К таким особенностям, прежде всего, относится огромная территория страны, неравномерная плотность населения по регионам и распределенность промышленного потенциала освоения территории, сложные природно-климатические условия в северо-восточной части страны (холодные зимы, неравномерность атмосферных осадков и др.) и огромные объемы природных ресурсов, расположенных в основном в удаленных, труднодоступных районах, не обеспеченных достаточной инфраструктурой. Эти особенности затрудняют прямое копирование моделей и схем промышленного развития экономик ведущих стран без учета многовекового опыта освоения национальных интересов и природно-климатических условий России. Только сочетание использования зарубежного опыта с учетом российских условий может быть успешным на длительном отрезке времени в развитии экономики РФ. Вместе с тем при формировании модели экономики развития необходимо также учитывать современные условия технологического развития, включая необходимость соблюдения экологических требований к уровню загрязнений воздуха, водных ресурсов и территорий ограничения выбросов CO_2 для противодействия потеплению климата и др. Перечисленные условия требуют разработки новых подходов, методов, инструментов и механизмов управления развитием на основе инновационных решений и новых технологий.

Если потребность в технологически полезных отечественных инновационных решениях не вызывает сомнений, то возможность их осуществления зависит от многих условий и ограничений. Жесткие финансовые ограничения общих объемов затрат на НИР существуют в России с начала 90-х годов, но эффективность их распределения по секторам научной сферы вызывает большие сомнения. Приближение к стандартам западной университетской модели инновационного развития науки и инноваций отечественной модели организации, включающей академический, отраслевой и вузовский сектора, включало и преднамеренную ликвидацию отраслевой науки. В последние годы по решению властных структур настала очередь ликвидации академического сектора. Если упразднение отраслевой науки, по мнению его организаторов и исполнителей, было основано на избыточности научной сферы, ликвидации бывших отраслевых министерств и необходимости коммерциализации прикладного сектора за счет привлечения к его финансированию отечественных компаний, то аргументами для ликвидации академического сектора выступают ошибочные и искажен-

ные данные о ее низкой публикационной активности. При этом происходит переманивание научных кадров из НИИ РАН в спешно создаваемые Минобрнаукой структуры при университетах. Необходимо подчеркнуть, что показатели цитирования отражают только «статейный вал», а не существо научных результатов и не содержат качественной оценки инновационных решений. Следует отметить, что по данным мониторинга академические НИИ являются отечественными лидерами по разработке патентуемых передовых производственных технологий. Следует заметить, что ликвидация академического сектора осуществляется «рыночными методами» путем сокращения финансирования НИИ РАН, объединения отдельных НИИ в более крупные по территориальному, а не по содержательному, целевому и тематическому признаку. Такое реформирование не соответствует национальным целям технологического развития, а является примером ошибочного подражания западным моделям развития.

Можно ли проводить структурно-инвестиционную политику за счет импорта технологий без конкурентоспособных отечественных? Наш ответ – нет, нельзя. Даже возможная скорая отмена санкций на поставку в Россию технологий не позволит отечественным компаниям получать самые передовые технологии, поскольку в США и странах ЕС созданы и длительное время эффективно работают структуры, контролирующие экспорт технологий в страны-конкуренты. Заказы импортируемых технологий, как правило, сопряжены с жесткими условиями на поставку необходимых расходных комплектующих и запасных частей. Нередко их приобретение разоряет эксплуатирующие их российские компании, а организация производства отечественных аналогов часто либо невозможна, либо приводит к поставкам некачественных запчастей по завышенным ценам.

Кроме того, структурная перестройка отечественной экономики вряд ли обрадует те страны и компании, которые начнут терять рынки сбыта своей продукции в России. Поэтому безопасная для страны структурная перестройка во многом должна опираться не только на отечественные прогнозы, но и на отечественные технологии.

Импортозамещение нередко воспринимается министерствами и компаниями упрощенно – как способ замены поставлявшихся в Россию до введения санкций технологий, продуктов и (или) услуг. Однако замена всех поставлявшихся по импорту и попавших под запрет товаров может быть целесообразна только при обязательном выполнении следующих условий:

1) Российский аналог, заменяющий импорт, функционально замещает импортный продукт, конкурентоспособен и обладает необходимыми потребительскими свойствами для удовлетворения требований к товару соответствующего назначения;

2) Российский аналог так же, как и импортируемый продукт, востребован отечественной экономикой, а его отсутствие может привести к существенным, а иногда и невосполнимым потерям;

3) Располагаемый в России отечественный инновационный, технологический и производственный потенциал достаточен и обладает необходимыми компетенциями для производства отечественного аналога в приемлемый для заказчика срок.

К наиболее значимым секторам экономики, где особенно остро ощущается потребность в импортозамещении, относятся следующие:

– сельское хозяйство и производство продовольствия;
– оборонно-промышленный комплекс;
– электронная промышленность;
– фармацевтическая промышленность;
– нефтегазовый комплекс.

В этих секторах в 2015–2016 годах Правительством РФ, министерствами и ведомствами проведены организационные меры, в результате которых были определены заказчики, потенциальные потребители, разработаны программы, их целевые индикаторы, обозначено и уже осуществляется их финансирование. Общий размер финансирования на программы импортозамещения составляет сотни миллиардов рублей.

Наиболее успешно импортозамещение реализуется в сельском хозяйстве и при производстве продовольствия. Это отражается в росте годовых объемов производства – почти 3,0%, высоком уровне производства зерновых – почти 119 млн. т, росте объемов производства птицы и свинины. Достигнутые объемы в значительной степени были получены за счет роста объемов фермерских хозяйств. Наряду с успехами отмечаются трудности в реализации фермерской продукции, производимой малыми хозяйствами. Главные причины – это противодействие реализации фермерской продукции со стороны монополистов – крупных товаропроизводящих сетей и крупных супермаркетов. Попытки наладить сбыт продукции наталкиваются на отсутствие эффективных экономико-правовых механизмов содействия малым предприятиям, включая льготные кредиты, защиту от неправовых действий налоговых и правоохранительных органов. Вместе с тем имеется достаточно положительных примеров налаживания во многих регионах устойчивых цепочек «фермер – доставка грузов – реализация в фермерских магазинах». Необходимо поддержать этот опыт и распространить его в остальные регионы РФ.

К практически важным секторам экономики России также относится машиностроение, электронная промышленность и фармацевтическая промышленность. Эти отрасли, с одной стороны, в наибольшей степени пострадали в период начального этапа ваучерной приватизации, а с другой – они являются стратегически важными для устойчивого, гармоничного развития отечественной экономики и укрепления здоровья нации, а их конкурентоспособная продукция способна в значительной степени (более чем на половину) снизить потребность в импорте.

Сравнительно низкий уровень качества отечественной продукции в начале 90-х годов прошлого века, ее несоответствие стандартам стран ЕС и промышленно развитых стран, а также желание не пускать на свои рынки российские экспортные промышленные товары (станки, оборудование, авиалайнеры, вертолеты, автомобили и др.) существенно ограничили экспортные возможности страны. Устаревшие технологии советского периода и отсутствие госу-

дарственной поддержки предприятиям, производящим экспортные товары, привели к резкому снижению производственного потенциала многих машиностроительных предприятий, часть из которых в этих условиях были вынуждены прекратить свое существование (НПО «Обрабатывающие центры» в г. Иваново, НПО станкостроения им. Орджоникидзе и др.). Всего в начальных годах XXI века в России были закрыты десятки тысяч предприятий. Только нефтяники, газовики и металлурги со своей продукцией охотно принимались на мировых рынках. Зарубежных потребителей российского сырья не смущало не очень высокое качество получаемой продукции, которое компенсировалось ценовыми скидками, а на доведении до потребителей сырья в странах ЕС до требуемых стандартов западные страны еще и неплохо зарабатывали, используя криогенные технологии выделения из природного газа пропана, этана и бутана, современные технологии очистки от серы нефти и конденсата и др.

Если технологическое несовершенство отечественных добывающих отраслей не привело к резкому снижению экспортного потенциала страны, то для перерабатывающих и обрабатывающих отраслей низкий уровень технологий, способных производить устаревшую продукцию низкого качества и с большими потерями сырья (металла, электроэнергии и др.), оказался решающим фактором в снижении уровня экспорта. Начиная с 2000 года постепенно обозначился рост импорта химических продуктов, машин и оборудования, а также импорт продовольствия (табл. 1). Динамика соотношения импорт/экспорт имеет три характерных этапа: 2001–2005 гг. начало освоения импорта продуктов и технологий; 2006–2010 гг. – достижение наибольших объемов импорта; 2011–2015 гг. – снижение роста импорта и увеличение экспорта российской продукции. По оценкам импорт конструкционных материалов, используемых машиностроителями, составлял около 50% всего объема применявшихся материалов, а доля импортного контрольного и измерительного оборудования, например, в нефтегазовых отраслях приближалась к 90%.

Таблица 1

Товарная структура соотношения импорта к экспорту в РФ

Товары	Импорт/ Экспорт		
	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2016 гг.
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	3,96	3,54	2,37
Минеральные продукты	0,03	0,02	0,02
Продукция химической промышленности, каучук	1,06	1,35	1,50
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,78	2,61	3,06
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,40	0,52	0,54
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3,06	11,59	17,48
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	0,17	0,29	0,38
Машины, оборудование и транспортные средства	2,11	4,87	5,09
ВСЕГО:	0,41	0,54	0,57

Значительное (более чем вдвое) падение курса рубля и снижение мировых цен на углеводороды существенно повлияли на динамику экспорта и импорта (табл.1).

В период с 2001 по 2015 гг. последовательно сформировались следующие тенденции в соотношении импорта-экспорта:

1. Росла доля продовольственных товаров в структуре экспорта;
2. Доля минеральных ресурсов в российском экспорте последовательно снижалась;
3. В целом была стабильной доля экспорта древесины и целлюлозно-бумажных изделий;
4. Доля в экспорте металлов, драгоценных камней и изделий из них увеличивалась;
5. Снижалась доля импорта машин, оборудования и транспортных средств и рос их экспорт;
6. В целом величина соотношения импорта и экспорта в наблюдаемом периоде снижалась.

Невозможность в начале XXI века обеспечить в России производство современных авиалайнеров цифровой авионикой, средствами навигации и экономичными двигателями послужила причиной снижения производства и даже полного прекращения их выпуска. Способность сваривать корпуса судов при отсутствии отечественных комплектующих, средств контроля и управления судном не спасло российское судостроение от «посадки на мель». Только в последние годы обозначились шаги по преодолению распада потенциала производства высокотехнологичных комплектующих для авиа- и судостроения и организации их импортозамещения.

Многие эксперты и руководители различных уровней в последние годы регулярно заявляют о необходимости смены экономической модели. Среди обязательных свойств новой модели отмечается необходимость ее диверсификации в сторону увеличения роста валовой добавленной стоимости за счет прежде всего наукоемких секторов экономики, снижения зависимости от сырьевых секторов экономики и роста устойчивости экономики к внешним вызовам и колебаниям цен на мировых рынках.

Анализ опыта промышленно развитых стран в достижении ими высокого уровня конкурентоспособности свидетельствует о роли бизнес-элиты этих стран в инновационной модернизации экономик. Наглядным примером такого влияния может служить поведение бизнес-элиты Великобритании в 80–90-х годах, содействовавшей восстановлению мировой конкурентоспособности этой страны после снижения уровня в 60–70-е годы. Если бизнес-элита Великобритании формировалась представителями крупных компаний, работавших в сфере самолето- и автостроения, финансов, точного машиностроения и электроники, то бизнес-элита России была образована представителями добывающих отраслей и металлургами. Их основной целью был экспорт продукции своих компаний на мировые рынки и накопление первоначального капитала. Переработка и использование экспортируемых ресурсов внутри экономики России находилась в явном противоречии с основными целями этой бизнес-элиты, поскольку из-за разницы мировых и внутрен-

них цен она лишалась значительной части прибыли, а использование этих ресурсов на предприятиях с устаревшими технологиями сопровождалось многочисленными рисками при сбыте продукции на внутреннем рынке по рентабельным ценам.

Поддержку ресурсной бизнес-элите обеспечили Правительство РФ, банковский сектор, Госдума РФ и правоохранительная система, которые в тот период понимали необходимость и важность такой поддержки как для всей страны, так и для добывающих компаний. В результате вся финансовая, промышленная и в значительной степени социальная инфраструктура была перестроена в интересах ресурсно-добывающего сектора, что привело в том числе к снижению всего остального промышленного потенциала страны. Последствия такой структурной деформации стали явно ощущаться при снижении мировых цен на углеводороды, ограничение на импорт в Россию высоких технологий и запрет на использование дешевых финансовых ресурсов стран ЕС. Эти последствия прямо проявились в падении курса рубля и снижении уровня доходов населения. Возможности исправления структурной деформации экономики РФ связаны со многими условиями, главным из которых является восстановление структурной сбалансированности экономики России.

Обязательные свойства модели экономики развития рассматривались в начале XXI века в работах Института народнохозяйственного прогнозирования и были учтены при обосновании ресурсно-инновационной стратегии развития [5]. Суть предлагавшейся стратегии развития состояла в необходимости последовательного ограничения темпов роста экспорта необработанного сырья (нефти, природного газа, леса кругляка, необработанных алмазов и др.), наращивания потенциала перерабатывающих отраслей за счет роста объемов добывающих отраслей и увеличения объемов экспорта продукции перерабатывающих отраслей. При этом стоимость экспортной продукции по прогнозным оценкам могла возрасти в разы: продукты нефтепереработки повышались в 2–2,5 раза, газохимии увеличивались в 5–7 раз, лесопереработки – в 3–5 раз, обработанные алмазы – в 6–10 раз и т.д.

По расчетам, в которых использовалась возможность инвестиций за счет части средств, получаемых при экспорте ресурсов, а также использования этих средств для инновационной модернизации перерабатывающих и обрабатывающих отраслей, были получены оценки динамики роста ВВП и последовательного увеличения ВДС по народнохозяйственным комплексам, при которых появлялась возможность менее, чем за 10 лет удвоить ВВП. Однако многие добывающие компании в начале XXI века не были заинтересованы в развитии своего технологического потенциала и отказывались от развития мощностей перерабатывающих производств. Интерес к такому развитию появился после финансового кризиса 2008 года, когда обозначились ограничения для ресурсной составляющей в перспективах роста мировой экономики. Одновременно в экономике стали формироваться на государственном уровне тенденции и намерения по оказанию содействия развитию авиационной промышленности, судостроения, станкостроения, фармацевтики и др.

Резкое падение мировых цен на углеводороды, санкции стран ЕС, США на поставку технологий оборонного назначения и возможности получения кредитов вынудили решать проблемы импортозамещения, продовольственной и технологической безопасности.

Известно, что сложившаяся в бывшем СССР экономика «количества», в прогнозных и плановых документах которой качество выпускаемой продукции в явном виде не учитывалось, оказывала повышенную нагрузку на ресурсно-добывающие отрасли. Это приводило к необходимости выпуска значительных объемов некачественных ресурсов, которые в основном использовались в гражданской экономике, а качественные ресурсы распределялись, прежде всего, в оборонную промышленность. Эту особенность планово-директивной экономики одним из первых отметил академик Яременко Ю.В. [6]. Вместе с тем русский философ Иван Ильин еще в начале XX века говорил, что «верим и знаем, придет час и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что спасение надо искать в качестве» [7]. Следовательно, необходимо освоить новую модель экономики, которую, по-видимому, лучше считать экономикой развития, когда, например, при оценке ожидаемой эффективности инновационно-инвестиционных проектов разработки новых технологий используется четыре показателя: стоимость, длительность, уровень качества (технико-экономический уровень) и уровень риска.

При построении модели развития экономики важно согласованно использовать всю совокупность возможных инструментов развития социально-экономических систем. Начальным, задающим в этой совокупности является прогноз развития, определяющий пространство развития на определенный период. Политика – это описание множества возможных вариантов прогноза развития, а выбор определенного и в некотором заданном смысле лучшего из них будет соответствовать стратегии развития социально-экономической системы.

Для обеспечения устойчивого к внешним вызовам социально-экономического развития страны необходимо гармоничное развитие базовых секторов экономики, включающих добычу, переработку, обработку и конечное потребление, а также производственную инфраструктуру [5]. За прошедший почти двадцатилетний период структурное соотношение по объему ВДС между этими секторами последовательно изменялось. Распределение в виде «падающей горки» в конце 90-х годов трансформировалось в форму «ямы» в конце первого десятилетия XXI века, которая стала «выпрямляться» к 2015 году (рис. 1). Следует подчеркнуть, что распределение ВДС по секторам в США в конце 90-х годов имело форму «выпуклой горки», которая за счет наращивания объемов сланцевой добычи углеводородов к 2010 году превратилась в «горку с полкой». Аналогичное США распределение ВДС наблюдалось для ведущих стран ЕС и Японии. Для обеспечения устойчивого развития распределение ВДС для России должно иметь форму близкую к горизонтальной, но «выпуклую» в середине полного технологического цикла (рис. 1). При этом в перспективе желательно такое перераспределение долей экспорта между комплексами отраслей, когда только 25,0% добываемых ресурсов должно экспортироваться, до 40,0% перерабатываемого сырья может направляться на экспорт; экспортироваться

30,0% обрабатываемой продукции (машиностроение, электроника, средства измерения); при производстве товаров конечного потребления, услуг и производственной инфраструктуры доля экспорта может составить 20,0%.

Есть основания считать (если обозначившиеся в последние пять лет тенденции будут продолжены), что доля экспорта перерабатывающих и обрабатывающих производств через несколько лет может превзойти в экспорте долю минеральных ресурсов.

Какие меры необходимы, чтобы преодолеть сформировавшиеся ограничения на возможности научно-технологического развития отечественной экономики?

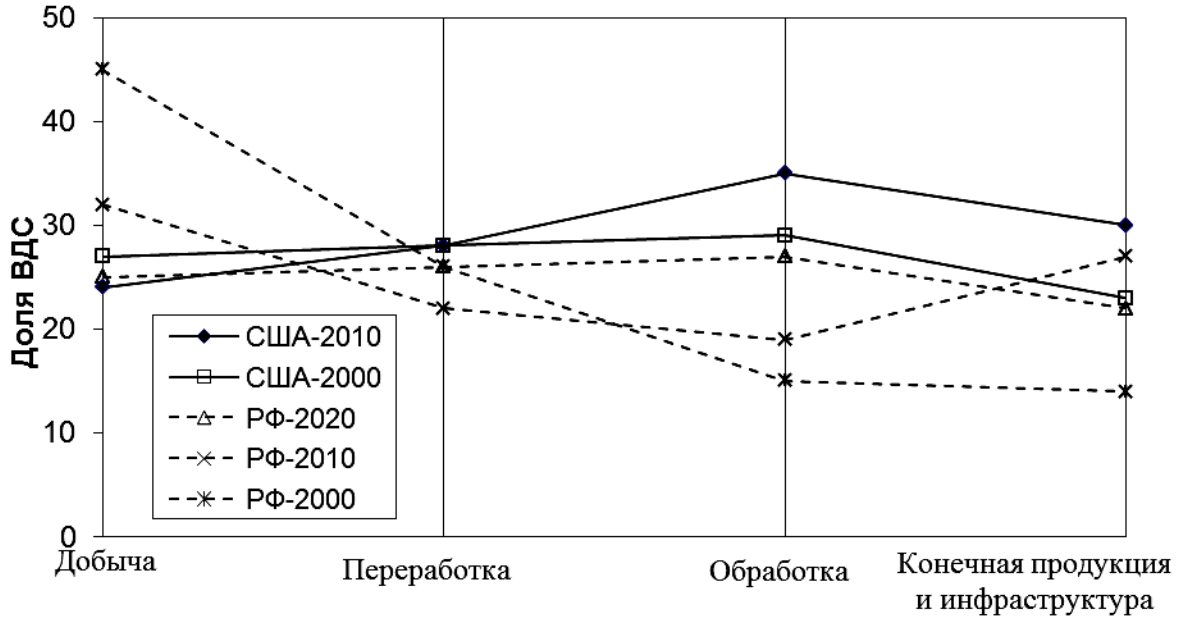


Рисунок 1.
Схема распределения ВДС по основным секторам (комплексам) экономики РФ и США

Для этого необходима сбалансированная, поддерживаемая обществом и бизнесом, ориентированная на полное использование отечественного потенциала, стратегия научно-технологического развития для гармоничного функционирования отечественной экономики. Такая стратегия принята в декабре 2016 года, хотя она имеет существенные недостатки [8].

«Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период» (далее «Стратегия») содержит ряд объективных оценок состояния научно-технологического потенциала России и некоторые предложения по перспективам его развития в соответствии с интересами науки, общества и экономики. Вместе с тем общая конструкция и архитектура, а также отдельные положения «Стратегии» вызывают многочисленные вопросы и возражения.

Во-первых, утверждение, что за период с 2005–2016 годов созданы условия перехода к новому этапу развития научно-технологической системы, определены условия коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности является значительным преувеличением и противоречит как результатам выполнения ранее принятых стратегий, так и оценкам, содержащимся в тексте самой «Стратегии».

Большие вызовы, определяемые ими приоритеты и соответствующие им основные направления развития в сфере науки и технологий не должны заменять цели национального развития, которые в тексте «Стратегии» и не предлагается рассматривать. Цели научно-технологического развития традиционно делятся на три взаимосвязанных категории: статические, динамические и ожидаемые (перспективные). Статические – это цели известные и отмеченные в предыдущих документах, но не достигнутые ранее, а без их достижения невозможно эффективное дальнейшее развитие; динамические цели – это цели, формируемые на текущий горизонт стратегии; а цели ожидаемые – это пока не обозначившиеся в текущем периоде; но перспективные и вытекающие из логики научно-технологического и социально-экономического развития, т.е. цели завтрашнего дня. Эти цели относятся к сфере фундаментальных исследований, и их формирование должно быть доверено квалифицированным исследователям, а не предсказателям и гадалкам.

В-третьих, известно, что стратегия – это не только формирование целей, но и умение маневрировать ресурсами для их достижения. Кратко суть предлагаемой в проекте «Стратегии» состоит в использовании постоянно наращиваемого интеллектуального потенциала университетского сектора науки для получения инновационных ответов на «большие вызовы». Потенциал университетского сектора науки предлагается увеличивать за счет реформирования Российской академии наук. Известно, что научно-исследовательский потенциал университетского сектора промышленно развитых стран формировался столетиями. В России наращиванию исследовательского потенциала университетов стали уделять усиленное внимание только с начала XXI века, и эффективность этого сектора, если ее оценивать объективно (не объемом потребляемых финансовых ресурсов, а долей создаваемых перспективных производственных технологий, количеством патентов и др.) крайне мала, она значительно уступает эффективности академического сектора и государственных научных центров.

Кроме того, в университетской модели промышленно развитых стран потенциал для освоения инновационных технологий предоставляется крупными промышленными компаниями. Союз «университеты-компании» в России формируется очень медленно и пока не сложился, а его реальное образование ожидается за пределами рассматриваемой «Стратегии».

Следовательно, в предлагаемой «Стратегии» неявно, скрыто намечается расформирование потенциала Российской академии наук в интересах развития университетской науки, которая при самых благоприятных условиях только через несколько десятилетий сможет обрести потенциал, позитивно влияющий на отечественную экономику и общество. При этом Российская академия наук, как наиболее мощная инновационная структура, при снижающихся объемах финансирования утратит свой потенциал в этот ответственный для России период инновационного реформирования экономики.

В проекте «Стратегия» верно отмечается ведущая роль фундаментальных исследований в достижении целей и результатов стратегического развития. Поэтому, намечаемый в «Стратегии» ориентир на реформирование потенциала фундаментальных исследований, который сосредоточен в основном в Российской Академии наук, можно расценивать как серьезную стратегическую ошибку. Конечно, Российская академия наук также нуждается в реформировании, проводимые ею перспективные исследования, инновационные решения и новые технологии необходимо сопровождать подготовкой молодых специалистов и исследователей по новым дисциплинам и научным направлениям. Такое реформирование перспективно и заслуживает отражения в «Стратегии».

Необходимы новые источники финансирования науки, инновационных и инвестиционных проектов, а также новые механизмы доведения финансовых средств до конкретных исполнителей процессов, исследователей и разработчиков. К таким механизмам относится целевое проектное финансирование, выпуск ценных бумаг под новые эффективные проекты, целевые государственные займы и субсидии. Проектное финансирование – важное, необходимое, но недостаточное условие эффективного управления проектами. Также следует ввести уже разработанные механизмы активного управления целевыми проектами на основе разработки корпоративных стандартов для компаний с государственной и частной собственностью.

Для обеспечения и сохранения высокого уровня потенциала конкурентоспособности отечественных технологий необходимы научно обоснованные методические основы определения этого потенциала, а также способы оценки потенциала создаваемых продуктов (услуг) и конкурентоспособности отечественных компаний. Такие оценки должны быть обязательными в практике оказания услуг консультационными центрами и экспертными сообществами, способными оценить риск утраты и возможности сохранения потенциала конкурентоспособности технологий в рамках их жизненного цикла.

Чтобы снизить уровень неэффективного использования финансовых средств, важно не только контролировать их целевое использование, но и обеспечить эффективное аккумулирование и управление использованием этих средств. Для этого необходимы как методические основы, так и разработанные на научной основе прогрессивные корпоративные стандарты. Для поиска перспективных для компаний «точек роста» следует увеличить в стране масштаб работ по прогнозированию научно-технологического развития. Подготовку целевых инновационных и инвестиционных проектов следует вести с учетом влияния потенциала этих проектов на материальные и нематериальные активы.

Инновационная модернизация российской экономики может остаться пустой декларацией, если не будет воссоздан полный инновационный цикл, заканчивающийся не только разработкой, но и освоением новых технологий. Это возможно в том случае, когда в заказе, финансировании, создании и освоении новых технологий будут активно участвовать российские компании. Если для компаний с государственным участием такому участию могут содействовать административные меры, которые должны быть учтены в Гражданском кодексе, то частные компании с российским капиталом необходимо стимулировать к инновационному развитию и модернизации. Такие стимулы возможны в форме льготных кредитов, налоговых льгот, благоприятной региональной тарифной и налоговой политики, прямого субсидирования и др.

Список литературы

1. Кулакин Г.К. Анализ и оценка организационно-технологического потенциала среднесрочного горизонта планирования / Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: Макс-Пресс, 2016.
2. Комков Н.И., Романцов В.С. Прогрессивная компания: признаки и основы формирования // Проблемы прогнозирования. – М., 2013. – № 5.
3. Комков Н.И. Поэтапный переход к корректировке псевдорыночной модели экономики России // Научно-практический журнал «Модернизация, инновации, развитие». 2015. – № 4.
4. Комков Н.И. Инновационная модернизация экономики: проблемы и возможности их решения / Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования. – М.: Макс-Пресс, 2016.
5. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. – М.: Макс-Пресс, 2005.
6. Яременко Ю.В. Труды. Т. 1–2. – М.: Наука, 1996.
7. Ильин И. Спасение в качестве //Русский колокол. 1982. – № 4.
8. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период.

Кумакова С.В.
к.э.н., доцент Поволжского института управления (филиал РАНХиГС)
es067@yandex.ru

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: *инновационно-технологическое развитие, инновационная политика, модернизация российской экономики.*

Продолжающийся экономический кризис в России, расширение экономических санкций способствовали трансформации государственной инновационной политики, корректировке масштабов и приоритетов финансирования научно-технологического развития.

Значительные расходы государства на антикризисные меры в России в 2008–2010 годы не были увязаны с реализацией Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, что не позволило улучшить ситуацию в инновационной сфере в эти годы. В развитых странах значительная часть антикризисных денег направлялась на поддержку модернизации экономики и инновационной активности. Так, доля расходов на развитие передовых технологий в целях модернизации энергетической, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры в антикризисной программе Южной Кореи составила 80,5%, ЕС – 58,7, Китае – 37,8, в то время как в России – не более 1,5 при 15,6% по миру в целом [1].

Следует отметить, что в последнее десятилетие ориентация экономики России на экспорт сырьевых товаров усилилась [2]. Если доля сырой нефти и природного газа в общем объеме товарного экспорта в 2000 году составляла 54,5%, то в 2011 году возросла до 73,7%. С учетом экспорта металлов и драгоценных камней общая доля сырья в товарном экспорте достигает 85,4% [3]. По данным Всемирного банка, доля высокотехнологичной продукции в структуре экспорта промышленных товаров РФ в 2012 году составила 8,4%. По этому показателю Россия уступает большинству развитых стран, а также странам БРИКС (за исключением Индии и ЮАР). В Бразилии доля высокотехнологичного экспорта составляет 10,5%, в Китае – 26,3, в Индии – 6,6, в США – 17,8, в Германии – 15,8% [4].

На сегодня Россия — страна с ярко выраженной сырьевой ориентацией экономики. Средняя цена экспортируемых из России товаров составляет 0,47$/кг. Средние по миру цены на товары составляют около 1,2$/кг, а страны с высокотехнологичной экономикой продают свои товары по цене 4,0 $/кг. [5]. По оценкам Всемирного экономического форума (ВЭФ) экономический рост в инновационно-активных странах зависит на 50% от технологий, на 23% – от эффективности функционирования общественных институтов и на 25% – от качества микроэкономической среды. В развитых странах от 70 до 85% прироста ВВП получается за счет новых или усовершенствованных технологий и продуктов. Глобальный рынок высоких технологий оценивается в 2,5–3 трлн. долл., что превосходит рынок сырьевых и энергетических ресурсов [6]. Доля инновационной продукции в промышленном производстве России сохраняется на уровне 5,5 процентов, в то время как в США она составляет 70, а в Китае уже приближается к 40 процентам [7].

По данным Национальной Ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), на НИОКР Россия тратит ежегодно около 800 млн. долл., в то время как на мировом рынке этот показатель составляет 532 млрд. долл. В условиях, когда инвестиции в исследования и разработки невелики, надеяться на внедрение инноваций не приходится. В России инвестиции в исследования и разработки составляют около 141 долл. на душу населения (данные Всемирного банка), в то время как в США примерно 1,1 тыс. долл. [8]. Разработку и внедрение технологических инноваций в 2014 г. осуществляло всего 10,9% российских промышленных предприятий [9]. Для сравнения, в Германии этот показатель составляет 69,7%, в Дании – 56,4, Швеции – 50,9, Великобритании – 43,7, Португалии – 40,7, Турции – 35,3%. На мировом рынке наукоемкой продукции доля РФ составляет около 0,3%. [8].

Финансирование науки, опытно-конструкторских разработок и научно-исследовательских работ в России составляет 1/17 от аналогичных расходов Соединённых Штатов Америки, 1/12 от аналогичных расходов Европейского союза, 1/7 от расходов Японии и Китая. Всё финансирование Российской академии наук составляет 2 млрд. долл. Это финансирование хорошего американского университета [10].

По уровню производства наукоемкой продукции наша страна отстает от западноевропейских стран на целый технологический уклад, от Южной Кореи – на 15–20 лет. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции за последние десять лет снизилась до 4,5% против 30–40% в конце 1980-х гг., а доля инновационно-активных предприятий не превышает 10% против 60–70% в конце 1980-х гг. [11]. Общее число используемых передовых производственных технологий снизилось в 2011 г. до 191,6 тыс. с 203,3 тыс. в 2010 г. (на 6%) [12]. По оценкам экспертов, до 90% российских инноваций не реализуемы внутри страны из-за отсутствия технологий и производственной базы [13]. Доля затрат на технологические инновации в стоимости промышленной продукции составляет в России – 1,16% (в Германии – 5, Италии – 2, Испании 1,4%) [14].

Импорт машин, оборудования и транспортных средств обеспечивает 77,5% всех потребностей народного хозяйства в соответствующей товарной группе. В составе инвестиций предприятий в машины, оборудование и транспортные средства доля, приходящаяся на импортные закупки, составляет в зависимости от отрасли, от 1/4 до 1/2. В целом по экономике этот показатель составляет 20–25%, в авиакосмической промышленности – около 30%. В транспортном машиностроении за период 2006–2011 годы доля, приходящаяся на инвестиции в импортное оборудование, выросла с 23,8 до 44,4%. [3]. Таким образом, происходит усиление технологической зависимости России, что не только влечет угрозу экономической безопасности, но и вовлекает ее в неэквивалентный торговый обмен, приводя к отрицательному сальдо платежного баланса [15].

Доля малых предприятий страны, внедряющих инновации составляет 3,7%. Количество организаций, внедряющих принципиально новые продукты, составляет менее 0,5%, тогда как в ведущих зарубежных странах этот показатель составляет 5%. [16].Для помощи стартапам из малого и среднего бизнеса из федерального бюджета субъектам РФ выделяется от 200 до 275 млн. рублей. Предполагается, что 23% этих денег должны направляться на развитие инновационных компаний. Но не всегда эти деньги востребованы, так как руководители таких компаний не осведомлены о программах поддержки стартапов, а те компании, которые знают о субсидиях, не могут подготовить документы. В 2011 году даже в Томской области, занимающей по данным НАИРИТ шестое место в рейтинге инновационной активности регионов, осталось неосвоенными 28 млн. рублей, предназначенных для действующих и начинающих инновационных компаний, а также экспортно-ориентированных. Такая же ситуация отмечается властями Кемеровской, Курской, Ленинградской и Липецкой областей [17].

В 2000-е гг. появились признаки улучшения показателей инновационно-ориентированных производств, однако кризисные явления последних лет фактически вернули предприятия к старым формам инновационного поведения, которые предприятия практиковали на рубеже 1990–2000-х гг. Исследование, проведенное в НИУ ВШЭ д.э.н. В. Карачаровским показало, что существующие объемы затрат на НИОКР не позволяют назвать наукоемкой почти ни одну из крупных отраслей российской экономики. По международным стандартам (OECD) индекс наукоемкости имеет значение от 3–5% и выше. Единственная отрасль, в которой этот индекс соответствует пороговому значению – авиакосмическая промышленность (2010 г. – около 4%). В машиностроении индекс наукоемкости 1–2%. Это говорит о том, что большая часть высоких технологий приобретается за рубежом, а следовательно, остается невостребованным научно-технический потенциал страны [3].

В 2013 г. был отмечен спад инновационной активности. На основе социологического исследования НАИРИТ, проведенного среди 538 разработчиков инновационных проектов из 21 региона России, 31% участников инновационных проектов планируют сменить свою деятельность в сфере инноваций на работу в реальном секторе, а 13% уже оставили свои проекты. Среди инновационных проектов в России преобладают информационно-телекоммуникационные технологии – 35,9%, биотехнологии и медицина – 29,8, энергетика и энергосбережение – 28,1%. На промышленные технологии приходится 1,4%, сельскохозяйственные технологии – 1,1, индустрию наносистем и материалов – 1,3, авиационные и космические технологии – 1,1% [18].По мнению президента НАИРИТ О. Усковой, эффективность инвестиций в отечественные инновации остается на крайне низком уровне. До конечного потребителя доходит лишь от 22% до 28% средств, расходуемых в России на инновации [19].

Мировой опыт и экономические расчеты показывают, что высокотехнологичное развитие национальной экономики обеспечивается лишь при условии, когда на долю машиностроения приходится не менее 25–30% промышленного производства, а на долю принципиально новых производственных технологий в машиностроении – не менее 50–60%. Это значит, что удельный вес машиностроительных предприятий, активно занимающихся разработкой и внедрением технологических инноваций, должен составлять не менее 60–70% [20]. К настоящему времени в абсолютном измерении отсталость России от США в промышленности: в 2,7 раза – по суммарной мощи производительной силы, в 3,3 раза – по качеству технологического потенциала и агрегированной производительности труда [21].

Крупный российский бизнес значительно уступает крупным зарубежным корпорациям по расходам на НИОКР. Суммарный объем затрат российского корпоративного сектора на НИОКР более чем в 2 раза уступает бюджету на исследования и разработки компании Volkswagen. Удельный вес затрат на НИОКР в выручке российских компаний в 46 раз ниже, чем у зарубежных конкурентов. Большинство зарубежных крупных компаний производят не только прикладные, но и фундаментальные исследования. В США частные инвестиции составляют больше 25% общего объема затрат на фундаментальные исследования. В Японии затраты корпоративного сектора достигают почти 38% совокупных расходов на фундаментальные исследования, в Южной Корее – 45%. В России за счет корпоративного сектора финансируются лишь 20% затрат на НИОКР [22].

По мнению генерального директора Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере И. Бортника, когда предприятие тратит менее 3% от оборота на НИОКР, то оно не конкурентоспособно, а если пока процветает, то потому что вокруг него нет конкурентной среды[23]. Доля инвестиций в НИОКР в прибыли Газпрома составляет 0,6%, Авто ВАЗа – 0,8% [24]. Доля малых предприятий страны, внедряющих инновации составляет 3,7%. Количество организаций, внедряющих принципиально новые продукты, составляет менее 0,5%, тогда как в ведущих зарубежных странах этот показатель составляет 5% [16].

В России по-прежнему низким остается спрос на инновации, который имеет неэффективную структуру: в основном это закупка готового оборудования вместо внедрения новых отечественных разработок. По данным РБК, среди причин, ограничивающих спрос на инновации со стороны промышленного бизнеса в России, называются: главное для предприятий выжить и обеспечить приемлемый уровень прибыли (42%); в России нет ни технологий, ни оборудования для инноваций (18,9%); нет сотрудничества между бизнесом и наукой (16,8%); все находится только на начальном этапе (9,4%); это только большие расходы и не приносит прибыли (9,2%); затрудняюсь ответить (3,7%). А при

ответе на вопрос, что для успешного развития инноваций находится на крайне низком уровне в России, отвечают: заинтересованность во внедрении (36,8%); правовая база для инноваций (16,8%); финансирование инноваций (16,2%); система бизнес инкубирования (4,8%); технопарки (3,0%); затрудняюсь ответить (1,9%) [25].

Решения Правительства РФ по поддержке инноваций в последние годы способствовали поднятию России на 13 строчек в международном инновационном рейтинге The Global Innovation Index 2014, который седьмой год подряд выпускают Корнельский университет, французская бизнес-школа INSEAD и Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). Заняв 49-е место, наша страна продемонстрировала не только самую лучшую динамику среди стран БРИКС (для сравнения, Китай прибавил 6 позиций, заняв 29-ю строчку, а Индия и вовсе потеряла 10 пунктов, оказавшись на 76-м месте), но и среди всех 143 участников рейтинга. В тройке лидеров оказались Швейцария, Великобритания и Швеция [26]. В 2012 году Россия заняла 4-е место в Европе по объемам вложений в высокотехнологичные отрасли (исследование Dow Jones VentureSource). Москва уверенно поднимается в рейтинге инновационных столиц мира (Рейтинг мировых инновационных городов – Innovation Cities Index): с 74-й позиции (2013 год) до 63-й (2014 год) [4].

Участие в мировой инновационной системе – это необходимое условие инновационного развития экономики любой страны, поскольку последнее невозможно без открытого взаимодействия и обмена опытом между странами. Для России это условие не является исключением. Интеграция России в глобальную инновационную систему происходит по двум направлениям. С одной стороны, это и выход на зарубежные рынки российской высокотехнологичной продукции, и участие в международной кооперации по вопросам инновационного развития. С другой – привлечение зарубежных партнеров к реализации инновационных инициатив в России [4].

В 2013 году было поддержано 88 инновационных проектов во внешнеэкономической деятельности, по которым торгпредства РФ искали зарубежных партнеров, прорабатывались локальные рынки высокотехнологичной продукции, исследовалось местное законодательство и отраслевой рынок применительно к планам коммерциализации результатов проектов [4]. С 2010 по 2013 год почти в два раза увеличилась доля инновационной продукции в общем объеме товаров, работ и услуг, в три раза – доля инновационной продукции в экспорте. В условиях снижения доходов от экспорта углеводородного сырья особенно актуальным становится задача по продвижению российских высокотехнологичных компаний на внешние рынки. Должен быть разработан и утвержден план мероприятий по поддержке компаний, осуществляющих экспорт инновационной продукции и зарубежное патентование [9].

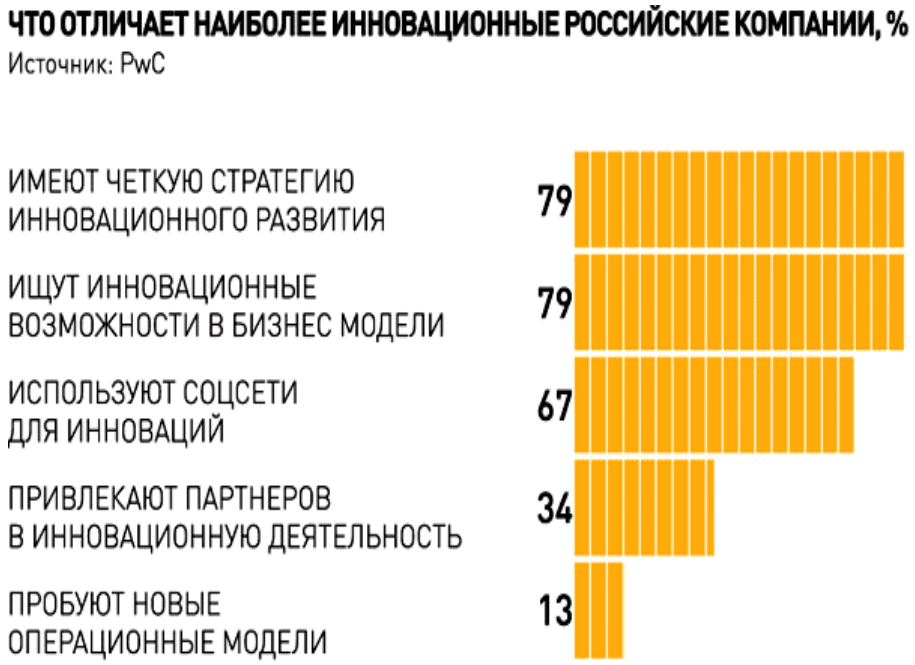
Для развития механизмов финансирования инноваций предполагается расширение объемов долгового финансирования инновационных проектов, прежде всего за счет субсидирования процентных ставок в рамках госпрограммы «Развитие промышленности», деятельности Агентства кредитных гарантий, Фонда развития промышленности». Предусматривается внедрение нового рыночного механизма, широко распространенного в зарубежной практике, – корпоративные венчурные фонды. Планируется их создание в компаниях с государственным участием в объеме не менее 10 млрд. рублей [9]. Для увеличения спроса на инновации будет обеспечена реализация дорожной карты по расширению доступа малого бизнеса к закупкам компаний с государственным участием, а также закупок инновационной продукции для государственных и муниципальных нужд, в том числе с помощью реестра инновационной продукции [9]. Сегодня только 8% российских компаний считают себя лидерами в области создания и внедрения инноваций. Для сравнения, в других странах БРИКС число таких компаний составляет 22%. Ведущие инновационные компании рассматривают инновации как отдельный самостоятельный бизнес-процесс, который можно эффективно структурировать и внедрить и которым необходимо системно управлять. Лишь пятая часть из наиболее инновационных компаний управляют инновациями без четко прописанного процесса. А среди наименее инновационных компаний таких треть [27].

Наиболее сложной задачей в области инновационного развития почти 40% руководителей компаний считают формирование эффективной операционной модели управления инновациями, которая позволяет на практике внедрить разработанную ранее инновационную стратегию. В результате почти 60% компаний испытывают трудности с быстрой коммерциализацией инноваций и эффективным выводом новых продуктов на рынок.

Российские компании предпочитают фокусироваться на улучшающих инновациях и достаточно осторожно инвестируют в прорывные инновации. При этом наиболее инновационные компании мира инвестируют в прорывные и революционные инновации почти в два раза больше в сравнении с их менее инновационными конкурентами. Также опрос показал, что все большее число российских компаний используют партнерства, в том числе с иностранцами, для решения задач инновационного развития и получения доступа к технологиям. В то же время российские компании недостаточно активно вовлекают потребителей в разработку и внедрение инновационных решений.

Попытки Правительства России сформировать эффективную национальную инновационную систему будут напрасны без выстраивания институтов коммерциализации исследований и разработок, устраняющих преграды на пути инвестиций и создающих стимулы для продвижения результатов исследований и разработок на рынок [28]. В России существуют проблемы с коммерциализацией результатов исследований, которые профинансировал бизнес. Чтобы создать конкурентоспособный рыночный продукт «инновационную продукцию» и продвинуть его (ее) на рынок:

- институт должен поставить на баланс современное исследовательское оборудование, закупленное бизнесом, а для этого бизнесу приходится уплатить за него налог на прибыль;
- большие накладные расходы в договоре с институтом для бизнеса сокращают инвестиции бизнеса на целевые исследования;
- исследовательский коллектив института может одновременно работать по нескольким договорам, в том числе зарубежным. Заказчик из-за рубежа может быстро оформить интеллектуальную собственность, которая непонятно за чьи средства создана;



«Российская Бизнес-газета» – Инновации №924 (46).

- после создания по заказу новой технологии бизнес приступает к ее коммерциализации и сталкивается с тем, что лабораторные технологические регламенты не могут быть переведены в промышленные технологические регламенты по причине технологической неподготовленности и инновационной невосприимчивости нашей промышленности;
- возникают трудности в вопросах технического регулирования (регламенты, стандарты, нормы, коды, сертификация продукции), без решения которых невозможно перейти на инновационный путь развития. Не просто решить и проблему соответствия российского технического регулирования международным нормам;
- отсутствуют квалифицированные проектные организации, которые могли бы спроектировать производственные мощности, разработать строительно-монтажную документацию, чтобы осуществить промышленное производство инновационной продукции;
- отсутствуют инжиниринговые компании, которые бы осуществляли строительно-монтажные, пусконаладочные работы [29]. Коммерциализация научных исследований и разработок является важным звеном инновационного процесса. Огромные вложения бюджетных средств в Федеральную целевую программу (ФЦП) «Развитие науки и технологий» не могут обеспечить становление инновационной экономики, а значит, качественный экономический рост без широкой коммерциализации конкурентоспособных на международном рынке технологий. Государство должно помочь становлению инфраструктуры национальной инновационной системы для повышения результативности коммерциализации проводимых исследований и разработок [30]. Для развития механизмов коммерциализации технологий планируется запуск программы коммерциализации технологий и поддержки создания стартапов в университетах и научных центрах, механизмов поддержки правовой охраны результатов перспективных коммерческих разработок институтами развития, реализация мер по повышению эффективности управления правами на результаты интеллектуальной деятельности госкомпаниями [9]. На эти цели будет направлена деятельность основных инфраструктурных организаций поддержки инновационной активности: Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российской венчурной компании, ОАО «РОСНАНО», Российского фонда технологического развития, а также Внешэкономбанка. На активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, привлечению дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок, совершенствованию нормативно-правовой базы в области научно-технологического и инновационного развития будет направлена деятельность технологических платформ. Планируется, что технологические платформы станут инструментом эффективной координации усилий государства, науки и бизнеса по развитию стратегически важных технологических направлений и заложат основу долгосрочной конкурентоспособности ключевых секторов российской экономики [32].

Технологические платформы (техплатформы) — относительно новый в России инструмент реализации научно-технической и инновационной политики. Формирование и реализация техплатформ направлены на решение следующих задач: усиление влияния потребностей бизнеса и общества на реализацию важнейших направлений научно-технологического развития; выявление новых научно-технологических возможностей модернизации существующих секторов и формирование новых секторов российской экономики; определение принципиальных направлений совершенствования отраслевого регулирования для быстрого распространения перспективных технологий [33].

Технологические платформы являются важнейшими в стране сетевыми организациями, объединяющими бизнес с университетами и научными центрами на многосторонней основе, они являются и одним из наиболее перспективных институтов для развития международной научно-технической кооперации. Они способны помочь выводить инновационную продукцию на внешние рынки и встраивать российские предприятия в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Один из позитивных результатов деятельности технологических платформ – это выявление заинтересованности будущих потребителей в разрабатываемых технологиях. То есть спрос становится легче прогнозировать, а это позволяет снизить риски финансирования проектов в сфере высоких технологий и инноваций и расширяет возможности привлечения средств из частных источников [34].

В ФЦП Исследования и разработки (на период 2014–2020 гг.) 30% мероприятий будут реализованы при поддержке техплатформ за счет федерального бюджета. В 2014 году им предоставлено 12 млрд. рублей, распределяемых на конкурсной основе. Техплатформы поддержали 87% заявок по текущим объявленным конкурсам (это 1500 заявок) [35].

Можно выделить три ключевых мероприятия в этой ФЦП, которые позволяют обеспечить полный цикл научного исследования: прикладные исследования по тематике, формируемой научным сообществом; мероприятия по формированию тематики технологических платформ с участием среднего бизнеса; проведение научных исследований в интересах отраслей экономики. Здесь будут принимать участие как инновационные кластеры, так и технологические платформы, но основной упор делается на крупный бизнес, компании с государственным участием в рамках программ инновационного развития, и на отраслевые министерства. Минобрнауки России в рамках ФЦП «Исследования и разработки» финансирует первую часть какого-то крупного исследования, а государственная корпорация или отраслевое министерство берут на себя обязательство по последующему использованию полученных результатов НИР и выводу продукта на рынок [36].

Минобрнауки России создало сеть федеральных центров коллективного пользования (ЦКП), обладающих самым современным научным оборудованием, обеспечивающим инфраструктурную поддержку в сфере приоритетных фундаментальных и поисковых научных исследований. В настоящее время они загружены на 60-70 процентов, и этот потенциал мог бы стать одной из основ сети инжиниринговых центров, а возможно, и определяющим фактором при определении их специализации [37].

Председатель комиссии по экономике интеллектуальной собственности Комитета ТПП РФ по интеллектуальной собственности д.э.н. Б.Б. Леонтьев в 2011 г. проходил стажировку в США по теме коммерциализации технологий. Изучая опыт тридцати самых разных организаций, выполняющих различные функции в национальной инновационной системе США, он пришел к выводу, что эта система нашим специалистам практически не известна [38].

Инновационная система в США, созданная на уровне государства, – это изначально объединение высоких профессионалов со стороны государства, науки, бизнеса и образования. Ее основное отличие от современного российского варианта Национальной инновационной системы (НИС) именно в практической состоятельности и высоком профессионализме организаторов и участников. Леонтьев Б.Б. считает, что в России поэлементно есть все то же самое, но оно не работает, ввиду отсутствия самостоятельного лидера в каждом конкретном направлении. По его мнению «НИС США – это, во-первых, среда специфических технико-экономико-правовых нормативов и знаний. Во-вторых, это среда весьма своеобразных, юридически ответственных деловых взаимоуважительных отношений в сфере воспроизводства коммерчески ценной интеллектуальной собственности (ИС) и самых разных инноваций. В-третьих, это технологически предопределенная среда междисциплинарного формирования и коммерческой реализации ИС. В-четвертых, это среда самовыражения состоятельных, востребованных творчески активных специалистов, где непрерывно воспроизводится огромное количество новых идей и инноваций. В-пятых, это среда, где государство стимулирует инновации через успешные личности в науке и малом бизнесе, как более знающих, заинтересованных, активных и эффективных. При этом государство не помогает средним и, тем более, крупным компаниям, ввиду непрозрачности финансовых схем и низкой эффективности. Это принципиально отличается от российского подхода» [38].

Анализ мировой практики содействия инновационной деятельности показывает, что наибольший интерес для России представляет модель инновационного развития США. Эта страна, являясь лидером по выпуску товаров высоких технологий, обеспечивает треть мирового экспорта высокотехнологичной продукции. Американский подход к инновационной деятельности ориентирован на создание государством экономической среды, в которой развитие инноваций является необходимым фактором выживания компаний в условиях глобальной конкуренции [38].

Движущей силой научно-технического прогресса США являются механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП) и коммерциализации технологий. Министерства, работающие на национальную безопасность и создание высоких технологий должны выделять 10–20% своего научного бюджета на организацию кооперативных исследований с участием частного бизнеса. В 1990-е гг. совместное финансирование государства и частного сектора становится основной формой реализации государственных технологических программ. Участие бизнеса в совместных исследованиях рассматривается как мощное средство приближения разработок к их фактическому использованию и коммерциализации. Финансирование в рамках реализации программ ГЧП определяется заинтересованностью сторон. Если программа нацелена на получение быстрой прибыли, и результаты исследований будут востребованы рынком, то в этом случае должна расширяться доля финансового участия частного сектора, который и получит прибыль. Если при реализации проекта обеспечивается широкое распространение технологий, то главными становятся государственные капиталовложения, а финансовое участие частного сектора уменьшается. При этом на государстве лежит технический риск, а частные компании берут на себя риски продвижения получаемого продукта на рынок [39].

Программы инновационного развития (ПИР) – ключевой на сегодня инструмент стимулирования инноваций на уровне крупнейших компаний. Они осуществляются с 2011 года. Эти документы стратегического планирования формируются сроком на 5–7 лет и описывают комплекс мероприятий, направленных на разработку, внедрение и вывод на рынок новых технологий, инновационных продуктов и услуг, соответствующих мировому уровню**. ПИР реализуют более 60 компаний, которые обеспечивают около 20%** российского **ВВП.** Среди них крупнейшие госкомпании в области машиностроения («Ростех», ОАК, РКК «Энергия»), добывающей промышленности («Газпром», «Роснефть»), инфраструктуры (РЖД, «Россети»).

Почти половина компаний работает в высокотехнологичных секторах и имеет серьезные научно-технологические заделы, в том числе полученные в результате выполнения госзаказа на НИОКР. Отмечается распространение практики формирования в некоторых госкомпаниях расширенных научно-технических и экспертных советов по инновациям с участием представителей вузов и научных организаций, а также усиление участия компаний в деятельности технологических платформ и инновационных территориальных кластеров.

Заказ госкомпаний – важный источник поддержки и развития вузовской науки: к 2013 году его масштабы выросли на 35% по сравнению с уровнем 2011 года. Среди конкретных позитивных эффектов, произошедших в госкомпаниях за период реализации ПИР, в качестве главного респонденты называли появление лиц, ответственных за инновации. Значительной части организаций удалось добиться видимых результатов в разработке и внедрении нововведений. Однако лишь в трети опрошенных компаний реализация ПИР повлияла на содержание общей стратегии их развития, что свидетельствует о проблеме позиционирования ПИР, их недостаточной весомости в рамках сложившейся практики корпоративного управления [40].

Новые методические указания по разработке программ инновационного развития (ПИР) государственных компаний были актуализированы Минэкономразвития России **вместе** с Открытым правительством при участии НИУ ВШЭ и одобрены в апреле 2015 года Президиумом Совета при Президенте Российской **Федерации** по модернизации экономики и инновационному развитию России. Они включают увеличение числа заказов новых технологий у российских поставщиков, раскрытие планов закупок и привлечение экспертов к разработке программ. Обновленный регламент повышает значение корпоративных инноваций и – через введение инновационных KPI – усиливает мотивацию топ-менеджмента в инновациях.

Новый регламент обязывает компании учитывать в ПИР ключевые стратегические документы национального уровня (в частности, Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года, актуализируемую в настоящее время Стратегию инновационного развития РФ на период до 2020 года, дорожные карты развития новых отраслей, утвержденные Правительством РФ в 2013 году, а также документы, формируемые в рамках Национальной технологической инициативы (НТИ) и встраивать их в систему корпоративного управления во взаимосвязи с долгосрочными программами развития. Усиливается акцент на проектное управление и утверждается приоритет инвестиций в российские технологии и инновационную продукцию (через систему госзакупок, проведение офсетных сделок, совместные исследования с вузами и научными организациями, вовлечение малого и среднего бизнеса и др.).

Пакет рекомендаций РВК для госкомпаний направлен на то, чтобы преодолеть разрыв между российскими разработками и спросом на них со стороны компаний. В частности, создание корпоративных венчурных фондов и собственных системных интеграторов, максимизацию полезных эффектов уже действующих инструментов стимулирования инноваций (это – кластеры, технологические платформы, акселераторы, инжиниринговые центры). Руководители РВК, которая назначена проектным офисом НТИ, призывали госкомпании активно подключаться к формированию в рамках НТИ дорожных карт, а не только учитывать их в своих программах инновационного развития [41].

Последняя версия методических указаний по разработке ПИР была разработана еще в 2010 году, ее основной целью было создание инновационных департаментов внутри госкомпаний. Теперь же госкомпаниям рекомендуется перейти от внедрения новых разработок «снизу вверх» (когда потребность в них предлагают подразделения компании) к стратегическому планированию «сверху вниз» и распространить ПИР и на «дочки». Оценка возможного внедрения инноваций должна проводиться для всех инвестпроектов дороже 1 млрд. руб. Самих инноваторов также предлагают разделить на поставщиков и покупателей технологий.

В критерии эффективности ПИР госкомпании также должны включить объем инвестиций на внедрение российских технологий и закупки инновационных товаров, работ, услуг у российских поставщиков. Утверждать разработанные госкомпаниями ПИР (всего в списке 35 госкомпаний, не считая «дочки») будет комиссия, в которую помимо профильных министерств входят Минэкономики и Минобрнауки. Эффективность ПИР предлагается сравнивать в первую очередь с зарубежными конкурентами по итогам оценки существующих технологий и возможностей их переноса. Вес ПИР в перечне показателей эффективности госкомпании должен составлять 20-25%.

«Типичные проблемы для 90% госкомпаний – это нехватка персонала, который занимался бы внедрением новых разработок, ограниченный бюджет и отсутствие коммуникации между соответствующими департаментами и остальными подразделениями компании», – отмечает директор Центра взаимодействия с органами власти, институтами развития и компаниями Высшей школы экономики [42].

Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) разработала «Рейтинг инновационной активности регионов 2014», целью которого является определение регионов, демонстрирующих лучшие показатели в области стимулирования развития науки и инновационной сферы, а также получение объективной картины текущего состояния сферы инноваций в России. В исследовании приняли участие 85 субъектов РФ [43].

Основным итогом исследования стал общий рост инновационной активности. Общий инновационный индекс субъектов РФ вырос более чем на 12%, что является самым высоким показателем за последние годы. По словам Президента НАИРИТ О. Усковой, одной из основных причин повышения активности субъектов РФ является реализация программы импортозамещения. Это подтверждается положительной динамикой по целому ряду показателей: числу новых стартапов (средний рост на 13%) и технологий (8%), полученных патентов (5%) и других. Чрезвычайно важно, что в стране появились промышленные проекты, основанные на принципиально новых подходах, относящихся к шестому технологическому укладу: робототехника, системы искусственного интеллекта, нано, биотехнологии и другие.

Таблицу рейтинга и группу субъектов РФ с очень высокой инновационной активностью, как и предыдущие годы, возглавляет Москва. Эту категорию покинул Санкт-Петербург, переместившись в группу с высокой активностью. Его место заслуженно занял Татарстан. Развитие прорывных проектов, таких как «Иннополис» и создание беспилот-

ного транспортного средства на базе КАМАЗ позволили региону продемонстрировать наивысшую динамику – инновационный индекс вырос более чем на 18% по сравнению с прошлым годом. Самарская область заняла почетное четвертое место рейтинга, за год поднявшись на две позиции (в 2013 году было 6 место) [44].

Идея и методология рейтинга разработаны НАИРИТ на основе методики ведущих мировых аналогов (в первую очередь европейского рейтинга «European Innovation Scoreboard»). Следуя данной методике, для анализа инновационной активности регионов используется система количественных инновационных индикаторов. За основу данной системы были взяты критерии, разработанные в рамках EIS для оценки уровня инновационного развития Европейских стран и адаптированные с учетом национальной специфики и возможностей по поиску различных статистических данных.

Для совершенствования инновационного развития России необходимо:

- законодательно определить систему экономических стимулов для внедрения бизнесом инновационных технологий, развития инновационной инфраструктуры, государственно-частного партнерства в области приобретения современного научного и экспериментального оборудования, а также санкции к корпорациям, которые недостаточно занимаются инновационной деятельностью;
- ориентировать инновационную политику на разработку, освоение и распространение технологий и инноваций перспективного VI технологического уклада с целью обеспечения конкурентоспособности российской экономики;
- создавать потребности в разработке инновационных продуктов VI технологического уклада;
- внедрять новые технические нормы и стандарты для расширения возможностей развития инновационного предпринимательства;
- кроме действующих приоритетов технологий определить приоритеты продуктов, например, говоря о нанотехнологиях – определять приоритеты различных видов нанопродукции;
- формировать стабильный госзаказ на высокотехнологичную продукцию;
- согласовывать политику госзакупок, в том числе госкорпораций, с приоритетами развития отечественной промышленности и планами развития российской технологической базы;
- создавать федеральные и региональные сети промышленного прототипирования и технического проектирования, инжиниринговые фирмы;
- стимулировать развитие технологических платформ и сетей превосходства;
- привлекать техплатформы к созданию и развитию центров научно-технологического прогнозирования, формируемых на базе компаний, вузов, научно-исследовательских организаций;
- для снижения финансовых рисков частных инвесторов государство должно предоставлять им гарантии на ранних стадиях инновационного процесса, расширять свое участие в системе государственно-частного партнерства;
- использовать технологические дорожные карты в качестве интерфейса между государственными стратегиями и программами инновационного развития компаний;
- учитывать положения дорожных карт при формировании отраслевых прогнозов, программ развития инновационных кластеров:
- заключать с ведущими мировыми производителями соглашения, которыми гарантируются им существенная доля рынка в обмен на создание совместных производств с полным трансфером технологий, что позволило бы получить у ведущих производителей различные ноу-хау;
- увеличить государственное участие в программах посевного, стартового финансирования и программах развития инфраструктуры малого предпринимательства;
- развивать центры трансфера технологий, инжиниринговые центры, центры коллективного пользования, создавать федеральные и региональные сети промышленного прототипирования и технического проектирования для повышения результативности коммерциализации исследований и разработок;
- использовать технологические дорожные карты в качестве интерфейса между государственными стратегиями и программами инновационного развития компаний;
- учитывать положения дорожных карт при формировании отраслевых прогнозов, программ развития инновационных кластеров.

Список литературы

1. Глазьев С. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции (научный доклад). – http://www.glazev.ru/
2. Кумакова С.В. Механизмы реализации стратегии инновационного развития России // Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти. Ч. 2. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – С. 71–80.
3. Карачаровский В. Инновационные процессы: национальный и региональный разрез // Экономист. – М., 2012. – № 10.
4. Носкова Е. Подарок из Азии // Российская бизнес – газета – Инновации №966 (37). – http://www.rg.ru/2014/09/23/sotrudnichestvo.html
5. Состояние науки в РФ. – http://9000innovations.ru/analitika/costoyanie-nauki-v-rossiyskoy-federacii
6. Инновационные стратегии государств-участников СНГ – путь в будущее. Калуга, 2006. – С. 89.
7. Бабин В.А. Инновационный потенциал экономики и показатели оценки инновационного развития // Инновационное развитие экономики. 2013. – № 6.
8. Миндели Л.Э., Черных С.И. Финансово-экономические аспекты инновационного развития // Инновации. – СПб., 2011. – № 9.
9. Фомичев О. За пять лет Россия поднялась на 19 позиций в Глобальном инновационном индексе. – http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depino/20150604

10. Выступление Ж.И. Алферова на пленарном заседании Государственной Думы. – http://9000innovations.ru/analitika/vystuplenie-zhoresa-alferova-na-plenarnom-zasedanii-gosdumy-ot-imeni-frakcii-kprf
11. Вечканов Г. Неоиндустриализация и модернизация // Экономист. – М., 2012. – № 9.
12. Корчагин Ю. Стратегия на развилке // Российская бизнес-газета. 2012. – 15 мая.
13. Титов Б. Остаться наедине с трубой // Российская бизнес – газета. 2011. – 15 март.
14. Ясин Е. Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения // Проблемы теории и практики управления. – М., 2007. – № 7
15. Кумакова С.В. Стратегическое планирование технологического развития как основа достижения технологического лидерства России // Технодоктрина – 2014. – М.: МОО «Русто», 2014. – С. 98–102.
16. Калышева Е. Нано пострадало // Российская бизнес газета. 2010. – 24 августа.
17. Калышева Е. Вложат под присмотром // Российская бизнес-газета. 2012. – 24 января.
18. Российская сфера инноваций бьет рекорды и готовится к кризису. – www.nair-it.ru/news/21.08.2013/411
19. Ускова О. Семь миллиардов за три месяца // Российская бизнес-газета. 2012. – 4 декабря.
20. Нешитой А. Некоторые меры по обеспечению неоиндустриального развития. Экономист. – М., 2012. – № 10.
21. Губанов С.К. К политике неоиндустриализации России // Экономист. – М., 2009. – № 9.
22. Решетникова Е. Не хватает стимула // Российская бизнес-газета. 2011. – 5 июля.
23. Калышева Е. Жадных не пустят // Российская бизнес-газета. 2011. – 29 ноября.
24. Калышева Е. Денег будет больше // Российская бизнес-газета. 2011. – 11 октября.
25. Куц С., Калышева Е. Взаимоотношения бизнеса и инноваций в России (инфографика) // Российская бизнес газета. 2010. – 12 октября.
26. Носкова Е. Тринадцать шагов вверх // Российская бизнес-газета. – № 957 (28). -http://www.rg.ru/2014/07/22/innovatsii.htm
27. Революция отменяется // Российская бизнес- газета – Инновации. – № 924 (46). – http://www.rg.ru/2013/11/26/kompanii.html
28. Кумакова С.В. Роль государства в коммерциализации исследований и разработок // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире. – М.: Инфра-М, 2015. – С. 474–478.
29. Кумакова С.В. Возможности инновационной и технологической конкурентоспособности России в XXI веке // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 237–242.
30. Кумакова С.В. Препятствия инновационного и технологического развития России // Россия: тенденции и перспективы. Вып. 9. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 512–516
31. Калюжный С.В. Чтобы развивалась инновационная экономика и рынок интеллектуальной собственности. – http://9000innovations.ru/analitika/sergey-kalyuzhnyy-chtoby-razvivalis-innovacionnaya-ekonomika-i-rynok-intellektualnoy-sobstvennosti-trebuyutsya-po-krayney-mere-chetyre-vazhnyh-e
32. Целевые индикаторы реализации поставленных задач // Нанотехнологии. Экология. Производство. 2012. – № 1.
33. http://www.hse.ru/org/hse/tp/
34. Ясиновская Е. Территории научного потенциала и бизнеса. -http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=62165#.VhhMWuztmko
35. Гутарук Е. Техплатформы как технология и платформа для международной кооперации. – http://prognoz2030.hse.ru/news/124315307.html
36. Горбатова А. Выборочная поддержка. – http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=393&d_no=56890#.U0Qv8qh_uNA
37. Новые технологии и исследовательские центры. -http://9000innovations.ru/analitika/novye-tehnologii-i-issledovatelskie-centry
38. Инновационная политика США. – http://9000innovations.ru/analitika/innovacionnaya-politika-ssha
39. Гаврилова Н. Инструменты инновационного развития: опыт США // Экономист. – М., 2011. – № 8.
40. Гутарук Е., Гершман М., Голанд М. Госкомпании развивают инновации без принуждения. – http://issek.hse.ru/news/156011085.html
41. Гутарук Е., Гершман М. Новый порядок разработки программ инновационного развития усиливает вес инноваций в госкомпаниях. – http://issek.hse.ru/news/152511131
42. Голанд М. Вдовина Т. Инновации ищут большей доли в бюджетах компаний с госучастием. -http://www.kommersant.ru/doc/2759787
43. Инновационная активность выросла благодаря импортозамещению. – http://www.nair-it.ru/news/31.07.2015/461
44. Топ-10 регионов с высокой инновационной активностью – http://nair-it.ru/pressabout/2015-08-04_vf.php

Курбанова Д.М.
к.э.н., с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан
tumarisbegim@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ИКТ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, малый бизнес, электронное правительство, разработчики программного обеспечения.*
Keywords: *information and communication technology, small business, e-government, software developers.*

Использование новейших средств коммуникаций, постоянное совершенствование компьютерных сетей и спутниковой связи позволили расширить правовые и технические возможности доступа к современным услугам связи и информационным ресурсам для всех категорий пользователей в США, Южной Корее и странах Европы, что позволило им достичь более высокого уровня оперативности и конкурентоспособности экономики в целом. Это способствует усилению внутриведомственного взаимодействия и доступности государственных услуг как для населения, так и юридических лиц.

В рейтинге стран по уровню развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index[1] – 2014) представлены данные о состоянии электронного правительства 192 стран. Данным индексом раз в два года оценивается готовность и возможности национальных государственных структур в использовании информационно-коммуникационных технологий для предоставления гражданам государственных услуг. В первую пятерку лидеров рейтинга ООН входят Южная Корея, Австралия, Сингапур, Франция, Нидерланды. Узбекистан находится на 100 месте с индексным значением 0,4695 (табл. 1).

Развитие сферы связи, информатизации и телекоммуникационных технологий как важного фактора повышения благосостояния народа и экономического роста страны является одним из основных приоритетов государственной политики Узбекистана. В связи с этим было принято Постановление Президента Республики Узбекистан о Комплексной программе развития Национальной информационно-коммуникационной системы Республики Узбекистан на период 2013–2020 гг.[2].

Основными целями программы являются дальнейшее развитие и широкое внедрение во всех отраслях экономики и сферах жизни современных информационно-коммуникационных технологий, обеспечение ускоренного развития информационных ресурсов, систем и сетей, а также стимулирование расширения спектра и улучшения оказываемых интерактивных государственных услуг субъектам предпринимательства и населению.

Таблица 1

Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Южная Корея	0.9462
2	Австралия	0.9103
3	Сингапур	0.9076
4	Франция	0.8938
5	Нидерланды	0.8897
6	Япония	0.8874
7	Соединенные Штаты Америки	0.8748
8	Великобритания	0.8695
9	Новая Зеландия	0.8644
10	Финляндия	0.8449
…	…	…
100	Узбекистан	0,4695

Источник: The United Nations E-Government Survey 2014.

Комплексная программа развития Национальной информационно-коммуникационной системы Республики Узбекистан на период 2013-2020 гг. условно разделена на две программы. Первая – программа развития телекоммуника-

[1] http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014
[2] Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-1989 «О мерах по дальнейшему развитию Национальной информационно-коммуникационной системы Республики Узбекистан» от 27.06.2013 г.

ционных технологий, сетей и инфраструктуры связи в Узбекистане, а вторая – программа по созданию комплексов информационных систем и баз данных системы «Электронное правительство».

Программа развития телекоммуникационных технологий, сетей и инфраструктуры связи направлена на расширение сетей фиксированного и мобильного широкополосного доступа, центров коммутации передачи данных и голосового трафика, модернизацию и расширение магистральных телекоммуникационных сетей, создание необходимой инфраструктуры для развития мультимедийных услуг.

К примеру, до 2020 г. планируются работы по расширению оптических сетей широкополосного доступа и строительства волоконно-оптических линий связи, дальнейшей установке по всей стране базовых станций EDVO, 3G и 4G LTE. Предусматривается создание студий для оказания мультимедийных услуг корпоративному сектору, центров информационно-справочных услуг, хранения и обработки данных, а также хранения часто используемых данных (центров кеширования).

Также в число приоритетных задач входит реализация необходимых мер по развитию системы «Электронное правительство» (рис. 1).

Программа по развитию системы «Электронное правительство» включает разработку и утверждение стандартов и регламентов по межведомственному взаимодействию и обмену данными, формирование баз данных по различным направлениям, создание новых и интеграция существующих комплексов информационных систем в сфере государственных закупок, налогообложения, таможенного оформления, здравоохранения, образования и многих других.

Рисунок 1.
Схема работы системы «Электронное правительство»

Для идентификации пользователей системы «Электронное правительство» в программе предусмотрен проект по созданию Единой системы идентификации на базе инфраструктуры открытых ключей.

Ключевыми проектами программы развития системы «Электронное правительство» является формирование национальных баз данных и реестров: о физических и юридических лицах, о транспорте, кадастровая информация, недвижимость, единые справочники и классификаторы и т.д.

Для эффективного управления, учета и повышения информационной безопасности ведомственных информационных ресурсов и баз данных будет создан межведомственный государственный центр обработки данных системы «Электронное правительство», который должен обеспечить централизованное хранение и обработку ведомственных информационных ресурсов, а также интеграцию межведомственных информационных систем.

Таким образом, в результате внедрения системы «Электронное правительство» ожидается переход к интерактивным услугам, которые исключают необходимость посещения разных инстанций и общения с госслужащими для получения государственных услуг населением и представителями бизнеса, что в свою очередь будет способствовать созданию для них дополнительных удобств и улучшению условий ведения бизнеса.

Следует отметить, что перспективным направлением развития сферы ИКТ в Узбекистане, кроме вышесказанного, для субъектов малого бизнеса является индустрия производства программного обеспечения (ПО). Данный сегмент ИКТ в Узбекистане характеризуется высоким уровнем профессиональных навыков программистов наряду с относительно низким уровнем оплаты их работы, а также невысокими расходами на поддержку производственной инфраструктуры. В данной сфере осуществляют хозяйственную деятельность около 300 компаний. Общее количество специалистов, по экспертным оценкам, занятых в индустрии разработки ПО составляет около 5 тыс. человек.

С каждым годом расширяется спектр продукции отечественных разработчиков ПО. Так, наряду с дистрибуцией программных продуктов известных фирм-производителей и его внедрением, разрабатываются новые отечественные продукты ПО, способные конкурировать с зарубежными аналогами.

Согласно экспертным оценкам, общий объем рынка программных продуктов в Узбекистане на сегодняшний день оценивается примерно от 15 млн. до 20 млн. долл. США, а ежегодный рост составляет в 10–15%. Около 50–60% разрабатываемых программных продуктов относятся к системам управления базами данных, 15–25% приходится на веб-дизайн. При этом наиболее востребованными на рынке остаются программные продукты для поддержки бухгалтерского учета, платежных систем, функционирования банковской инфраструктуры. Банковский сектор наряду с телекоммуникационным сектором является основным потребителем ПО в Узбекистане. Следует отметить, что в последнее время в республике проявляется большой спрос на системы электронного документооборота.

По мнению специалистов данной отрасли, рынок разработки экспортоориентированного ПО в Узбекистане все еще находится на этапе своего становления, несмотря на успешные первые шаги на мировом рынке в этой сфере. Хотя некоторые программисты из Узбекистана успешно работают в международных аутсорсинговых проектах, все еще существуют некоторые объективные причины, препятствующие более активному участию разработчиков из Узбекистана в глобальном рынке.

Согласно экспертной оценке специалистов данной отрасли, общий объем экспорта ПО из Узбекистана оценивался от 2 млн. до 5 млн. долл. США. А доля экспорта в общем объеме разработки ПО в Узбекистане составляет примерно 35%.

По оценкам специалистов, наибольшую долю в экспорте ПО из Узбекистана имеют мелкие компании (менее 10 человек), независимые группы программистов, а также индивидуальные разработчики.

Правительство Узбекистана уделяет большое внимание развитию национального рынка ПО как одного из перспективных направлений повышения экспортного потенциала республики и активизации смежных секторов экономики. В целях координации работ в данном направлении в Мининфокоме функционирует отдел Внедрения автоматизированных систем и программных продуктов в отраслях экономики, в задачи которого входит организация разработки программных продуктов и их внедрение в отраслях экономики для использования в производственных и управленческих процессах, всемерное развитие рынка программной продукции.

Одной из стимулирующих мер является внедрение государственных заказов на создание программных продуктов субъектами малого предпринимательства для определенных сегментов рынка, в частности государственных предприятий, создания специализированных баз данных для государственных органов и т.д.

Официальная регистрация программ для ЭВМ и баз данных ведется в Государственном реестре программных продуктов или Государственном реестре баз данных путем подачи заявки их авторами или правообладателями в Государственное патентное ведомство.

Таким образом, производство ПО отечественными разработчиками может стать конкурентоспособным направлением как в части роста объемов экспорта, так и создания продуктов программного обеспечения. В данном направлении необходимо развивать соответствующую инфраструктуру, создавать более благоприятные условия для прорывного развития данного направления в информационных технологиях, создавать отечественную школу разработчиков программных продуктов, поскольку спрос на продукты программного обеспечения как со стороны внешних потребителей, так и внутренних постепенно растет.

В ближайшем будущем необходимо осуществить прорывное развитие телекоммуникационной инфраструктуры страны и полную цифровизацию всех линий связи. Следующим аспектом является развитие сферы Интернет как в плане технического совершенствования, так и содержания национальных ресурсов в сети Интернет. Одним из важных направлений является дальнейшее внедрение ИКТ в государственном управлении и совершенствование его. Также необходимо на постоянной основе совершенствовать законадательную базу в сфере ИКТ.

Список литературы и источников

1. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-1989 «О мерах по дальнейшему развитию Национальной информационно-коммуникационной системы Республики Узбекистан» от 27.06.2013 г.
2. Анализ технико-экономического состояния и тенденции развития мирового и отечественного рынка информационно-телекоммуникационных технологий. – М.: Ассоциация МВТК, 2006.
3. Комплексный анализ мировой и отечественной индустрии информационно-телекоммуникационных технологий и прогноз ее развития на 2008 – 2009 годы. – М.: Рос НИИ ИТ и АП, 2008.
4. http://unpan3.un.org/egovkb/Reports/UN-E-Government-Survey-2014
5. The United Nations E-Government Survey. 2014.

Мишунина Л.Н.
старший преподаватель Дальневосточного федерального университета, Владивосток
562937@mail.ru
Якубовский Ю.В.
д.т.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и организация производства» Дальневосточного федерального университета, Владивосток
kbj1946@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ГРАЖДАНСКОЙ ПРОДУКЦИИ НА ОСНОВЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК С УНИВЕРСИТЕТАМИ

Ключевые слова: *стратегия, стратегическое планирование, оборонно-промышленный комплекс, инновационная деятельность.*
Keywords*: strategy, strategic planning, the military – industrial complex, innovative activity.*

Структурные преобразования, начавшиеся в девяностые годы, затронули практически все сферы хозяйственной жизни страны. Коснулись они и оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Сокращение объемов государственного заказа до 30%, свертывание большинства текущих и перспективных разработок, нарушение структурных связей, ухудшение финансового состояния предприятий ОПК и изменение формы собственности, снизили финансово-экономические показатели деятельности предприятий, снизили их производственный и инновационный потенциал. Решением сложившихся проблем могла бы стать конверсия, однако по объективным причинам она потерпела неудачу.

Возникла необходимость активизации инновационной деятельности, направленной на поиск новых форм функционирования оборонных предприятий. Инновационный потенциал предприятий мог быть востребован через производство гражданских модификаций высокотехнологичного продукта в другие сектора народного хозяйства. Достигнуть этих результатов можно только на основе интеграции предприятий ОПК в систему рыночных отношений через включение их в рыночную инфраструктуру, то есть определить условия для их функционирования во внешней среде.

Взаимодействие предприятий ОПК с внешней средой возможно с использованием современных инструментов планирования. Одним из таких инструментов являются методы стратегического планирования и управления. Экономическая эффективность от применения систем стратегического планирования проявляется в наиболее целесообразном и наименее рискованном использовании всех видов ресурсов предприятия, повышении уровня его конкурентоспособности и создании благоприятных перспектив постоянного и долговременного присутствия на целевом рынке. Целью разработки стратегии развития предприятия является выявление главных направлений дальнейшего его функционирования на основе максимального использования научно-технического, технологического, производственного, кадрового потенциала.

Процесс стратегического планирования является инструментом, помогающим в принятии управленческих решений. Его задача в современных условиях функционирования предприятий ОПК связана не столько с завоеванием новых рынков, сколько с обеспечением экономико-технологических нововведений и организационных изменений в достаточном объеме для адекватной реакции на изменения во внешней среде. Отсюда важной составной частью общей стратегии предприятия является его инновационная стратегия, определяющая содержание и направленность нововведений, адекватных потребностям и изменениям внешней среды, и в конечном счете, интересам потребителей[1].

Принятие стратегии лежит в основе стратегического планирования и управления. Стратегия представляет собой план, набор правил, последовательность или программу действий, комплекс политических установок, совокупность взаимосвязанных решений, направление или сферу деятельности. Перечисленные различия в понимании стратегии предприятия относятся в большей степени не к ее сущности, а к форме ее представления.

Схема основных этапов стратегического планирования продукции гражданского назначения на предприятиях ОПК представлена на рис. 1.

Данная методика позволяет на практике получить исходный инструмент для определения уровня экономического развития и прогноза развития территории. Она была апробирована на отчетных данных производственных предприятий ОПК Приморского края.

[1] Завлин П.Н. Инновационный менеджмент. Доклад на XII Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», 15–16 декабря 2011 г. – СПб.: Наука, 1997.

Таблица 1

Определения понятия «стратегия»

Понятие	Источник
Стратегия – путь, на котором может быть достигнут тот или иной набор целей.	Твис Б.
Под стратегией принято понимать набор правил и приемов, с помощью которых достигаются основополагающие цели развития той или иной системы.	Бестужев-Лада И.В.
Стратегия представляет собой систему управленческих решений, имеющих долгосрочный характер, направленных на реализацию миссии организации и ее преобразование в новое состояние.	Градов А.П.
Стратегия в общем виде – это поиск наиболее результативных вариантов ввода в действие ресурсов (капитала, рабочей силы) в соответствии с главными целями предприятия и с учетом ситуации на рынке как в настоящий момент, так и в ожидаемом будущем. Предполагает разработку обоснованных мер и планов (программ, проектов) достижения намеченных целей, в которых должны быть учтены научно-технический и производственный потенциалы предприятия и его рыночно-сбытовые возможности.	Завлин П.Н.

Экономика Приморского края до перестройки в основном состояла из предприятий военно-промышленного комплекса, которые обеспечивали заказами предприятия других отраслей. Продукция этих отраслей была необходима для нормального функционирования экономики региона и обеспечения населения территории товарами народного потребления. На предприятиях ВПК выпускалось до 12–15% товаров народного потребления (мебель, бытовая техника, электро- и радиотовары, посуда, оснастка, инструментарий отдельных технологических узлов, приспособлений и т.д.), что положительно влияло на развитие экономики края. На предприятиях военно-промышленного комплекса работало до 70% всего населения Приморья. До перестройки в Приморском крае предприятий ОПК насчитывалось 40 единиц. На сегодняшний день таких предприятий 30 единиц.

Этап	Основные элементы
I. Целеполагание	1.1 Определение цели исследования
	1.2 Определение задач исследования
	1.3 Обоснование объекта исследования
	1.4 Определение сроков и исполнителей
	1.5 Выбор необходимых инструментальных средств
II. Сбор и подготовка информации	2.1 Формулирование требований к информации
	2.2 Определение источников информации
	2.3 Сбор необходимой информации
	2.4 Оценка и подготовка полученной информации к исследованию
III. Расчетный	3.1 Анализ портфеля традиционной продукции
	3.2 Анализ возможности использования двойных технологий
	3.3 Анализ емкости рынков в продукции региональных производителей
	3.4. Расчет уровня капитальных вложений и выделение стратегической зоны хозяйствования (СЗХ)
IV. Организация взаимодействия	4.1 Формирование с университетом структуры бизнес-инжиниринга в формате малого инновационного предприятия (МИП)
	4.2 Проектирование и организация опытного производства
	4.3 Проектирование и организация мало серийного производства
V. Заключительный	5.1 Разработка продуктово-технологической стратегии планирования и управления технологическим развитием производственной системы
	5.2 Определение необходимых инвестиций
	5.3 Коммерциализация инновационной стратегии

Рисунок 1.
Поэтапная схема процедур стратегического планирования по созданию продукции гражданского назначения на предприятиях ОПК

В 1990 году в стране началась структурная перестройка. К 1998 г. (период спада) уровень производства в России, том числе и в Приморском крае сократился по сравнению с 1990 г. на 42%, а инвестиции в основной капитал – на 79%. Доля военной продукции в общем объеме промышленного производства по Приморскому краю в 1990 г. составила 68,9%. Производство гражданской продукции в общем объеме производства резко сократилось, о чем свидетельствуют показатели в табл. 2.

Таблица 2

Удельный вес продукции гражданского назначения в общем объеме производства (в %)

Годы	ОАО «Варяг»	ОАО «Изумруд»	ОАО «Радиоприбор»	Дальприбор
1998	65,8	62,8	16,32	64,51
1999	48,7	38,7	11,06	49,35
2000	48,2	38,2	10,47	49,29
2001	35,6	35,6	11,94	44,39
2002	30,7	29,7	37,9	35,85
2012	30,2	25,0	27,0	27,0
2014	30,1	22,3	25,0	27,0
2016	27,0	21,0	0	17,0

Источник: Данные Примстата.

Падение объемов производства сопровождалось масштабным выбытием основных фондов. Сократились производственные инвестиции в основные фонды. Степень износа основных фондов приблизилась к 50%. При этом коэффициент обновления составил 3,4%, что предопределило нарастающее технологическое отставание российской экономики. Средний возраст оборудования превысил 20–30 лет, что вдвое больше, чем в развитых странах. Произошло практически полное вытеснение ядра современного технологичного уклада (ТУ) с внутреннего рынка импортными аналогами.

За период с 1995 по 2016 год из-за отсутствия необходимых средств обновление существующего парка оборудования составило менее 6%.

Острая ситуация складывается по определяющему оборудованию, особенно по станкам с ЧПУ (станки отработали амортизационный срок 20 лет, имеют отклонения по периодически контролируемым паспортным параметрам точности, изношены системы ЧПУ и электроприводы).

Следующей особенностью предприятий ОПК является наличие мобилизационных мощностей. Содержание мобилизационных мощностей предприятия ОПК увеличивают внутризаводские расходы, из-за необходимости консервации оборудования, не вовлеченных в государственный оборонный заказ (ГОЗ), необходимости проведения реконструкции и перевооружения мощностей более новым технологическим оборудованием; отсутствия поставщиков ряда комплектующих изделий для устаревших и не находящихся в текущем производстве образцов вооружения, военной и специальной техники, но стоящих на вооружении. Кроме того расходы связаны с увеличением тарифов на энергоресурсы, коммунальные услуги, горюче-смазочные материалы, услуги связи и увеличением затрат на содержание, ремонт и обслуживание оборудования, зданий и сооружений в связи с их износом.

Следующая особенность предприятий ОПК Приморского края – использование земельных участков, занятых промышленными объектами оборонно-промышленного комплекса, расположенных на территории края.

Дореформенные предприятия получили в пользование земельные участки при регистрации в качестве унитарных предприятий или в результате приватизации имущественного комплекса. На сегодняшний день эти земли используются не эффективно. Эффективность использования земельных участков предприятий ОПК Приморского края представлена в табл. 3.

Таблица 3

Эффективность использования земельных участков предприятий ОПК Приморского края (по состоянию на 2016 год)

Показатель	ОАО «Варяг»	ОАО «Изумруд»	ОАО «Радиоприбор»	ОАО «Дальприбор»
Объем производства, тыс. руб.	232 132	513 661	715 865	389 529
Общий размер производственных площадей, кв. м	172 590	95 090	157 130	505 660
Размер производственных площадей, используемых предприятием, кв. м	80 340	80 350	123 370	140 620
Размер производственных площадей, неиспользуемых предприятием, кв. м	92 250	14 740	33 760	365 040
Структура использования земельных площадей, %	46,5	84,4	78,5	27,8
Землеемкость (соотношение размера производственных площадей и объема производства), тыс. руб./кв. м	1,3	5,4	4,5	0,8
Кадастровая стоимость земельного участка под промышленными объектами, тыс. руб.	579 978	260 627	383 458	395 735

Источник: Отчетные данные исследуемых предприятий.

Из проведенного расчета видно, что земельные участки используются недостаточно эффективно. Такие предприятия, как ОАО «Варяг», ОАО «Дальприбор», используют земельные участки под производственную деятельность наполовину (ОАО «Варяг» – 46,5%, ОАО «Дальприбор» – 27,8%), в то время ОАО «Изумруд» – 84,4% и ОАО «Радиоприбор» – 78,5%.

На протяжении долгого времени предприятия ОПК функционировали в условиях административно-командной системы, основанной на государственной собственности и централизованных методах управления. При этом созданная продукция товаров народного потребления не могла в полной мере конкурировать на внутреннем рынке. Инициатива персонала в жесткой иерархической структуре управления воспринималась как элемент, мешающий исполнению должностных обязанностей.

Анализ внутренних и внешних факторов хозяйственной деятельности позволил выявить системообразующее несоответствие особенностям управления на предприятиях оборонно-промышленного комплекса принципам саморазвития, которые свойственны традиционным производственным системам гражданских секторов экономики. Это обусловлено тем, что условия рынка, в которых в настоящее время функционируют предприятия ОПК, не предполагают необходимости приобретения новых экономико-технологических компетенций, обеспечивающих эффективное функционирование производств в быстро изменяющихся внешних и внутренних средах.

Последнее обстоятельство побудило авторов рассмотреть и предложить методологические принципы стратегического планирования саморазвития, реализация которых, в первую очередь, связана с задачей совершенствования методологии и инструментария планирования инновационной деятельности для предприятий ОПК. Состав предлагаемых принципов, а также закономерности, их обусловливающие представлены в табл. 4:

Таблица 4

Принципы стратегического планирования саморазвития (составлено авторами)

№ п.п	Принципы планирования саморазвития	Изготовление продукции государственного оборонного заказа	Изготовление высокотехнологичной продукции гражданского назначения
		Закономерности, обусловливающие саморазвитие	
1.	Конкурентоспособность	Невосприимчивость к конкуренции. Выживание	Устойчивое конкурентное превосходство на рынке товаров
2.	Коммуникативность	Сдерживающий фактор достижения цели – режим секретности	Отсутствует сдерживающий фактор. Преодоление непредсказуемости поведения экономической среды
3.	Необходимость	Зависимость устойчивости развития от объемов ГОЗ	Актуализация роли диагностики и возможности управления изменениями в организации
4.	Гибкость	Изменения определены государственной политикой. Отсутствует возможность управления изменениями самостоятельно	Возможность самостоятельного управления организационными изменениями
5.	Динамичность	Длительный цикл изготовления оборонной продукции. Сдерживающий фактор – военная приемка продукции	Сокращение жизненного цикла изготовления продуктов в результате доминирования инновационной деятельности.

Сформулированные принципы сохраняют свою значимость для стратегического планирования организации производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения как основополагающего фактора экономического развития предприятий ОПК.

Стратегическое планирование производства продукции гражданского назначения на предприятиях ОПК на основе внедрения новых инструментов планирования и управления технологическим развитием, отвечает требованиям динамичной конкуренции на глобальных рынках и требованиям внешних субъектов. Требования внешних субъектов к структурам оборонно-промышленного комплекса (ОПК) представлены в табл. 5.

Таблица 5

Предъявляемые требования к структурам оборонно-промышленного комплекса разными субъектами Российской Федерации

№ п/п	Субъект	Предъявляемые требования
1	Государство	Обеспечение обороноспособности и занятости, налоговые поступления, инновационное развитие
2	Население страны	Обеспечение обороноспособности при оптимальном перераспределении ресурсов, стабильная занятость и рост качества жизни
3	Высокотехнологичные предприятия ОПК	Использование мобилизационных мощностей, земельных участков, производственных площадей.
4	Бизнес, (МИПы)	Получение долгосрочного заказа на поставленную продукцию
5	Университеты и другие образовательные учреждения	Заказы на проведение научных исследований, опытно-конструкторских, технологических работ и подготовку кадров
6	Работники организаций	Постоянная занятость и стабильное повышение доходов
7	Территориальные власти	Диверсификация и производство продукции гражданского назначения для территориального развития, пополнение бюджетов.

Однако проведенные исследования выявили ряд несоответствий в управлении взаимодействием предприятий ОПК с университетами по производству продукции гражданского назначения.

Таблица 6

Внутренние несоответствия (диспропорции) в управлении технологическим развитием производства

№ п/п	Показатели	Несоответствия (диспропорции)
1	Финансирование	Поздние сроки авансирования ГОЗ и, вследствие этого дефицит финансовых средств, отсутствие оборотных средств для производства гражданской продукции. Использование заемных средств.
2	Кадровый потенциал	Кадровая стагнация, вызванная нарушением процесса воспроизводства из-за отсутствия преемственности опыта, длительного оттока квалифицированных специалистов. Отсутствует система подготовки и переподготовки кадров инженерно-технических специальностей для конкретных производств.
3	Ценообразование	Цены на военную продукцию утверждаются заказчиком в соответствии с ведомственными нормативами на основе расчетов калькуляций себестоимости, представляемых головным исполнителем заказа. Сложность в учете и перераспределении управленческих расходов на гражданскую продукцию
4	Научно – исследовательская деятельность	Слабая научно-исследовательская база. Предприятия ОПК Дальневосточного региона не располагают ресурсами НИР и ОКР для решения вопросов перехода на выпуск конкурентоспособной гражданской продукции в соответствии с требованиями рынка, возникает необходимость обращения к высшим учебным заведениям, что напрямую сделать сложно.
5	Хозяйственные связи	Нарушение сложившихся хозяйственных связей и транспортная удаленность Дальнего Востока от индустриально развитой европейской части. Отсутствует прямая связь с университетами. Нужны новые форматы взаимодействия.

Все субъекты устойчивого развития экономики взаимосвязаны и взаимозависимы (табл. 5), и чтобы преодолеть внутренние несоответствия в управлении технологическим развитием производства необходимо взаимодействие. В этом случае каждый субъект взаимодействия, получит эффекты, представленные на рис. 2.

Реализация механизма взаимодействия предприятий ОПК с университетами по производству гражданской продукции позволит всем участникам инвестиционного процесса получить определенные полезные результаты.

Государство получает прирост бюджетных средств, активизацию деловой активности в секторах среднего и малого бизнеса, повышение конкурентоспособности отечественных товаров и насыщение спроса на продукцию и услуги.

Муниципалитет решит проблему повышения занятости и качества деловой среды в регионе, практически автоматически улучшится инвестиционный имидж территории, что способствует повышению качества жизни граждан.

Промышленные предприятия оборонного комплекса получат возможность решить проблемы по загрузке мобилизационных мощностей, возможность иметь оборотный капитал для производства ГОЗ.

Банковский сектор получит возможность размещения капитала в больших масштабах в условиях сниженных платежных рисков.

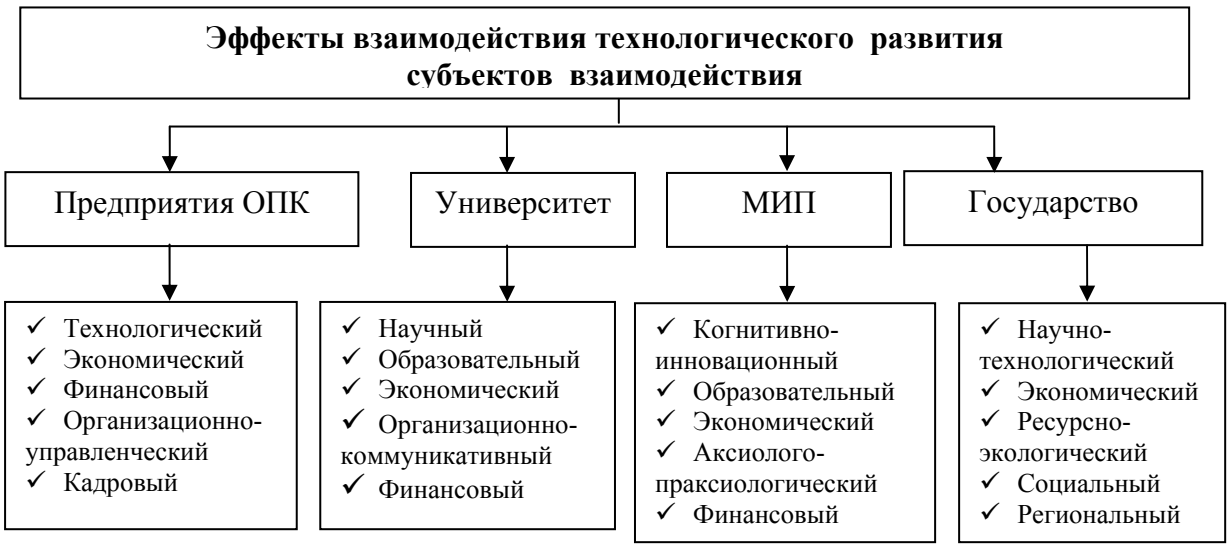


Рисунок 2.
Эффекты взаимодействия субъектов экономического развития (составлено авторами)

Технологическое перевооружение в промышленности потребует коренной модернизации сферы среднего и *высшего профессионального образования*, что обеспечит высококвалифицированными кадрами предприятия ОПК. Это приведёт к созданию высокоэффективной инновационной среды, обеспечивающей превращение научных знаний в новые технологии и продукты.

Никонова А.А.
к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН

ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: *инновации, передовые технологии, знания, энергетические ресурсы, интересы, стратегия, сотрудничество, взаимодействия.*
Keywords*: innovation, advanced technologies, knowledge, energy resources, interests, strategy, collaboration, interaction.*

Инновационно-технологические сдвиги задают новое качество роста мировой экономике. Это должно находить отражение в стратегиях развития стран и хозяйствующих субъектов и в соответствующих механизмах реализации принимаемых решений. Однако новые технологии осваиваются и распространяются в отечественной экономике, в целом, более низкими темпами, нежели планируется в правительственных документах. Для повышения инновационной активности важно определить причины отставания и правильное направление движения с учетом разнонаправленных тенденций глобального развития и внутристрановых изменений в экономике и социуме. Для решения задач инновационно-технологического развития экономики с учетом различных факторов мы развиваем системную методологию стратегического планирования и управления, в рамках которой выполнены представленные в настоящей статье исследования при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00229 (а).

Задачи исследования

Согласно системным принципам стратегического планирования, выбор приоритетов научно-технологического развития нужно делать в соответствии с имеющимися внутренними и внешними условиями и факторами. Современные инновационные тренды определяют новые формы и механизмы создания и использования знаний и технологий, новые способы взаимодействий исследовательских организаций, инвесторов, хозяйствующих субъектов и потребителей, формирование новых инновационно-промышленных структур. Системный подход к интенсификации технологического обновления российской экономики предполагает также выбор наиболее перспективных направлений научно-технологического сотрудничества на основе согласования интересов сторон.

В связи с этим задача исследования – обосновать правила выбора приоритетов НИОКР и направлений международного сотрудничества экономических субъектов. Принятие таких решений рассматривается как часть целостного процесса стратегирования научно-технологических изменений национальной экономики и её звеньев, включая системный анализ потенциала развития, инвентаризацию ресурсов, оценку реализации прошлых решений, перспектив согласования целей различных уровней экономической иерархии. На первый план выходит способность к стратегическому мышлению и видению перспектив, опираясь на адекватные реальности оценки барьеров и возможностей движения системы в том или ином её окружении. Одним из ключевых результатов стратегирования должен быть образ будущей экономической системы, представленный в виде комплекса определенных количественных и качественных характеристик.

Новые качества «новой экономики»

«Новая экономика» отличается доминированием особых факторов создания стоимости и формированием новых отношений субъектов в инновационной деятельности (рис. 1). В новой экономике знаний такие факторы как интеллект, когнитивные способности и информационные технологии вносят вклад до 80% добавочной стоимости продукта. Качественные особенности таких факторов (безграничность, воспроизводимость, самостоятельность существования и др.) существенно определяют формы и способы использования информационных и интеллектуальных ресурсов и результативность экономики. Рост наукоемкости технологий и производства предъявляет повышенные требования к человеческим способностям и компетенциям, вызывает необходимость изменений учебных программ и систем кадровой подготовки. Одновременно с изменением технологий принципиально новые продукты и услуги формируют нового человека, новые потребности, интересы, социальные отношения.

Глобализация и интернационализация знаний, производственных связей, рынков, отношений, институтов наряду с усилением мобильности труда и капитала определяет новые принципы и особенности инновационной деятельности: открытые инновации, конвергенцию технологий на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), новое измерение географических расстояний в виде феноменов цифрового пространства, виртуальных предприятий, электронных технологий бизнеса. С одной стороны, это создает предпосылки для ускорения создания и трансфера

технологий; с другой, повышает риски. Диффузия знаний и технологий, чаще всего, на основе ИКТ, ведет к конвергенции их и при благоприятных условиях – к синергии. Увеличение открытости как наиболее яркий атрибут новой экономики позволяет получать выгоды от электронной торговли, движения инвестиций, знаний и технологий, но вместе с этим, снижает независимость экономики, в особенности, отсталой в этой сфере.

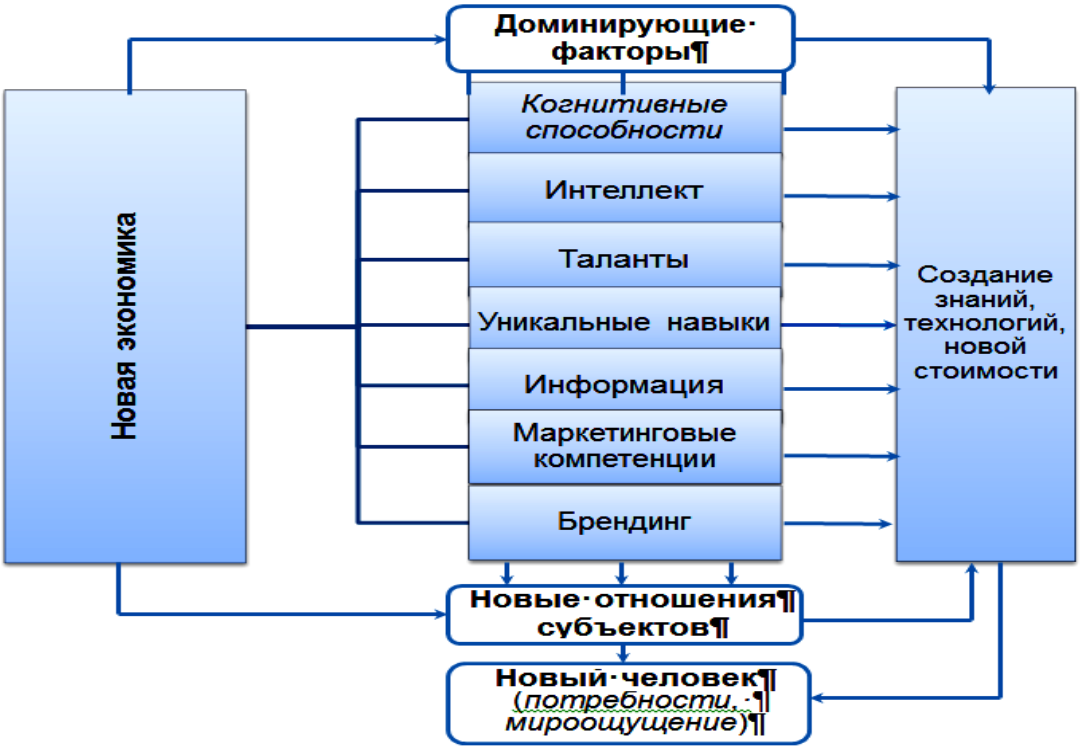
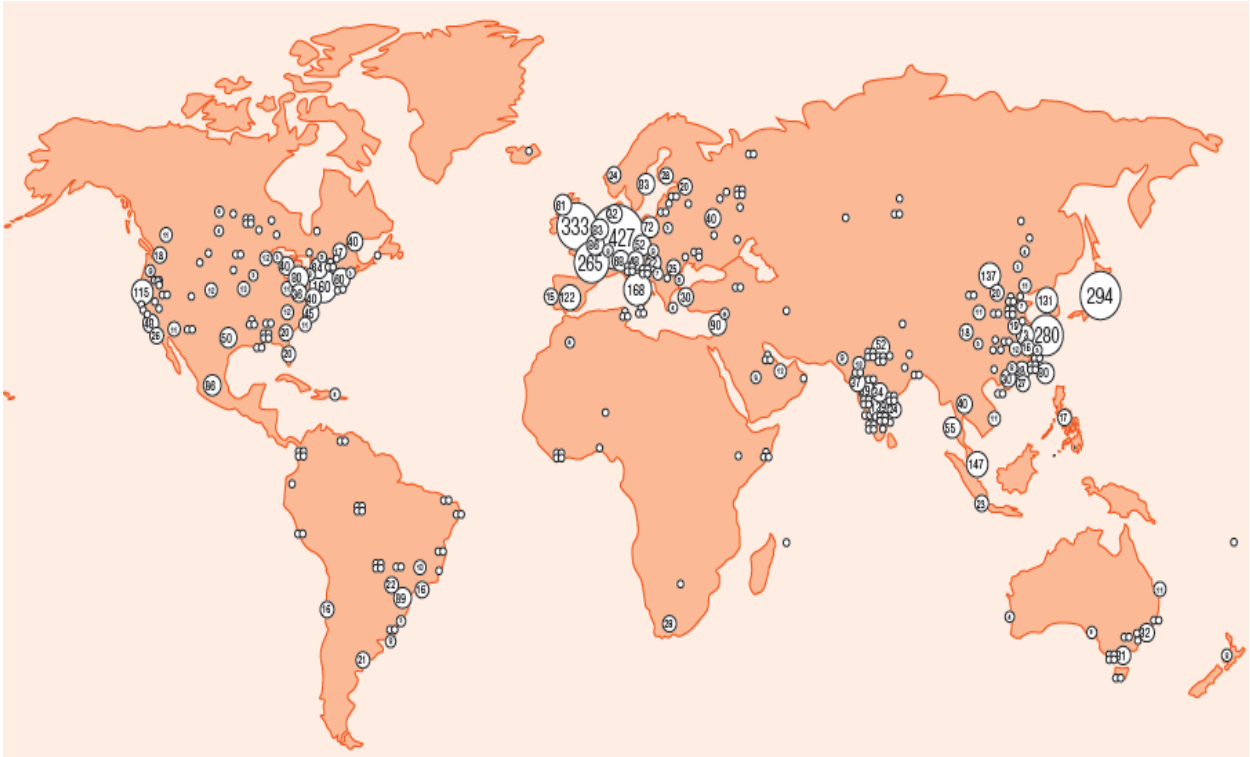


Рисунок 1.
Факторы и особенности новой экономики

Основной выигрыш от открытой экономики знаний получают транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки в силу способности их к аккумулированию финансовых ресурсов и интеллектуальных сил, позволяющую захватить большую часть интеллектуальной ренты. Именно те субъекты, которые успеют освоить передовые технологии, станут глобальными игроками на новых рынках и основными бенефициарами созданных знаний. С этой целью ТНК создают международные научные центры (МНЦ) и контролируют межграничные потоки «умов», которых притягивают привлекательные условия жизни и творчества. Свыше 2000 МНЦ из 5877 располагается в Европе, 294 в Японии, 360 в США на Восточном побережье и 200 на Западном; в РФ – всего 50 [17, с. 126]. С одной стороны, «отток мозгов» серьезно ослабил Россию (рис. 2). С другой стороны, ТНК отправляют затраты на НИОКР в развивающиеся страны, где есть талантливые исследователи, высокообразованная амбициозная молодежь, растущие локальные рынки, низкие издержки, в т.ч. на НИОКР и переключение, особенно в Китае и Индии, но также и в России. За 2000-2015 гг. количество МНЦ в развитых странах удвоилось, а в растущих (Китае, Индии, Малайзии, др.) – выросло в 5 раз (рис. 3).

Источник: [2, с. VIII].

Рисунок 2.
«Утечка мозгов» из РФ за 1996-2012 гг. и структура российской диаспоры в 2010 г.



Источник: INSEAD [17, с. 126].

Рисунок 3.
Концентрация международных центров НИОКР на карте мира (единиц)

В связи с этим для России чрезвычайно важно суметь эффективно распорядиться национальными преимуществами в человеческих ресурсах и использовать глобальные тенденции открытых инноваций с целью совместного создания нужных российской экономике технологий на базе углубления взаимодействий субъектов и образования инновационно-производственных структур в интересах развития передовой индустрии. Повышение роли интеллектуальных активов в новой экономике предопределяет соответствующий выбор приоритетов и принципов распределения ресурсов, фокусирование их на ключевых направлениях человеческого развития и умножения талантов как ключевых факторов, определяющих научно-технологические перспективы национальной экономики (рис. 4). Неслучайно в 2018 г. в мире более всего вложений в НИОКР ожидается в секторе здравоохранения, до 165 млрд. долл. [15, с. 4].

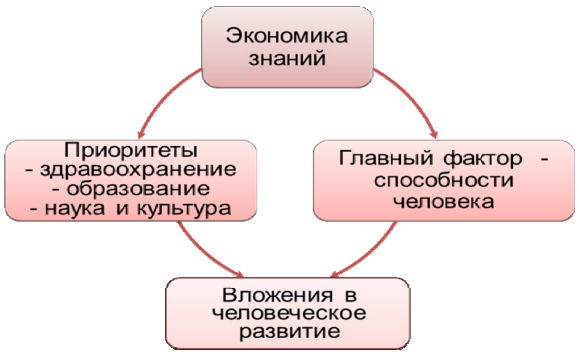


Рисунок 4.
Приоритеты человеческого развития в экономике знаний Приоритеты в российских стратегиях развития

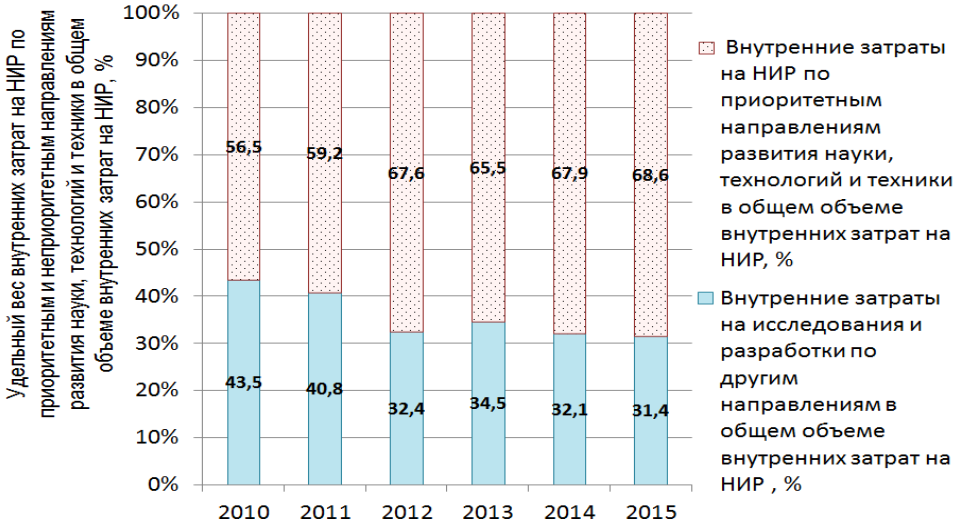
В национальных стратегиях научно-технологического развития РФ более или менее полно учтены ведущие современные тренды новой экономики и поставлены задачи когнитивизации, цифровизации, роботизации, применения аддитивных технологий в целях повышения конкурентоспособности производства инновационных товаров и услуг. Однако меньше внимания уделено вопросам влияния уровня человеческого развития на воссоздание передовой индустрии в основе устойчивости страны.

В 2011 г. в Указе Президента РФ и в Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г., действовавшей до конца 2016 г., определено восемь приоритетных направлений (жирный шрифт на рис. 5). Также названы приоритетными конкретно композитные и неметаллические материалы, высокотехнологичная химия и фармацевтика [9]. В 2015 г. к приоритетам добавлены робототехнические комплексы (системы) военного, специального и двойного назначения [4].

Источник: построено на основе [13].

Рисунок. 5.
Приоритеты в Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г.

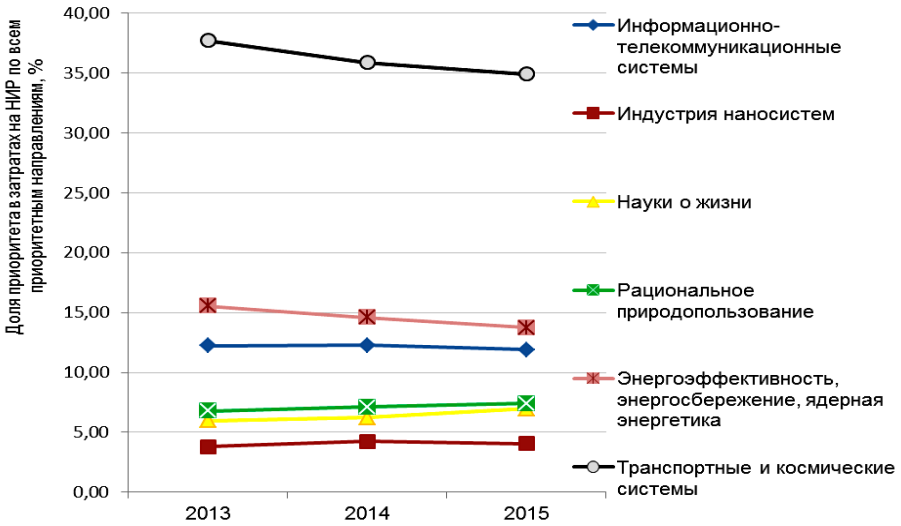
В 2013 г. затрачено на НИР в приоритетных областях 491 274,7 млн. руб.; в 2014 – 575 588,6 млн. руб.; в 2015 г. – 627 405,5 млн. руб. [10, с. 513]. За 2010–2015 гг. доля приоритетных направлений в затратах на НИР выросла с 56,5 до 68,6% (рис. 6).



Источник: рассчитано по данным Росстата [6].

Рисунок 6.
Удельный вес приоритетных направлений в затратах на НИР в 2010–2015 гг.

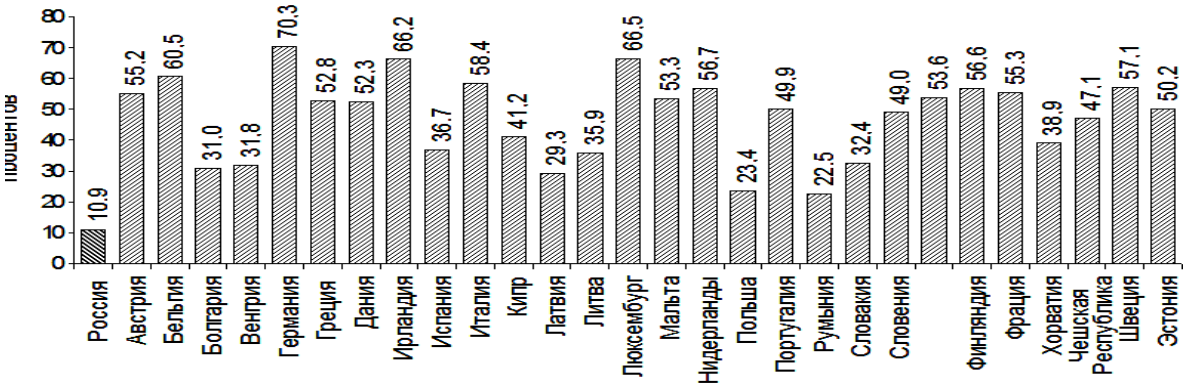
В структуре приоритетных затрат НИР удельный вес транспортных и космических систем преобладал, но он снижался в динамике (рис. 7).



Источник: рассчитано по данным Росстата [10, с. 513].

Рисунок 7.
Удельный вес приоритетов в затратах на НИР на все приоритетные направления, %

В целом продвижение инноваций не столь значительно как ожидалось. За период 2000–2015 гг. создание технологий удвоилось, но принципиально новых создается по-прежнему мало, 10–12% [10, с. 516–517], во многом, из-за ослабления российской прикладной науки. В 2015 г. превышение стоимости импортируемых технологий над экспортом в добыче топливно-энергетических ресурсов составило 23,7 раза, в обрабатывающих отраслях – 9,4 раза [10, с. 521]. Удельный вес промышленных организаций, осуществлявших все виды инноваций, не растет, он в 3–5 раз ниже в РФ, чем в странах ЕС, в 7 раз ниже, чем в Германии (рис. 8).



Источник: Росстат [12, с. 123].

Рисунок 8.
Удельный вес организаций, осуществлявших инновации в общем количестве промышленных организаций стран ЕС в 2013 г., %

Несмотря на предпринимаемые усилия и заметные затраты на НИОКР (8-е место в мире), отставание России по уровню инновационного развития от развитых и многих развивающихся стран растет. Так, согласно глобальному инновационному индексу GII, в 2005 г. разрыв между РФ и Кореей составлял 1,4 раза, в 2015 г. – 1,5 раза; между РФ и КНР, соответственно, 1,2 раза и 1,3 раза [16, с. 27; 17, с. 20].

В 2015 г. предприняты меры для объединения усилий нескольких министерств на ключевых направлениях программы развития инновационно ориентированных отраслей промышленного сектора и решения задач импортозамещения [8]; в связи с этим названы приоритетными несколько передовых технологий:

1. Перспективные технологии организации и управления производством
2. Компьютерные технологии для моделирования и производства изделий
3. Промышленная и сервисная робототехника
4. Аддитивное производство
5. Новые материалы («Спроектированные материалы»).

В частности, акцентировано создание полного цикла промышленного инженерного программного обеспечения. По оценкам, к 2020 г. лидеры инноваций будут тратить на эти цели больше, чем на создание самих товаров и услуг [15, с. 4]. Динамика российского рынка таких технологий (18% в год) выше мировой (8,5%), что говорит о нашем значительном потенциале в этой сфере, однако спрос со стороны отечественной индустрии невысок [5]. Отечественные предприятия тратят на приобретение оборудования половину затрат на инновации и лишь 0,9% – на покупку программных средств [10, с. 527]. Внедрение инноваций встречает, кроме прочих барьеров, сильное сопротивление со стороны десятилетиями не обновляемой материально-технической базы промышленных отраслей – предприятия вынуждены экономить на инвестициях.

В условиях глобального наступления «новой экономики» Президент РФ фокусирует внимание на развитии «сквозных технологий», которые охватывают несколько приоритетных областей развития науки и техники [7]. В Стратегии научно-технологического развития РФ до 2035 г. [14], принятой 1 декабря 2016 г., приоритеты рассматриваются как научно-технологические решения, отвечающие на т.н. «большие вызовы», и как направления, финансируемые в первую очередь (но не наоборот!), и определяемые Национальной инновационной инициативой:

а) передовые цифровые, интеллектуальные производственные технологии, новые материалы и технологии конструирования;

б) повышение эффективности использования человеческого потенциала, развитие систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, роботизированных систем;

в) создание экологически чистой и ресурсосберегающей энергетики, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии;

г) создание персонифицированной и прогностической медицины, противодействие новым и возвращающимся инфекциям, разработка и внедрение систем рационального и целевого применения антимикробных препаратов, готовность к новым демографическим и социальным условиям;

д) создание высокопродуктивного и экологически чистого агро- и аквахозяйства, разработка и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранения и эффективной переработки сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания;

е) противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также кибер-угрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства;

ж) развитие национальной транспортной инфраструктуры и систем связи нового поколения, а также участие в создании международных транспортно-логистических систем, освоении и использовании космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики;

з) возможность эффективного управления социотехническими системами на основе социальных и гуманитарных знаний, глубокого понимания условий и механизмов социально-экономического развития [14, п. 20].

Размытое выражение целей и неопределенные формулировки приоритетов присущи многим отечественным федеральным и корпоративным документам. Также отсутствует будущий образ системы, не определены отраслевые контуры и пути модернизации, а также связи с другими подсистемами экономики и общества. Сопряжение всех приоритетов развития системы без конкретизации затруднительно.

Системные принципы выбора приоритетов

Главное – куда двигаться, в каком направлении. Для этого надо представлять закономерности и факторы развития сложной социально-экономической системы. Соответствующей теоретической основой служит системная теория экономики [3]. Проектируемые изменения технологий следует базировать на результатах системного анализа внешних и внутренних условий и факторов, причем, в динамике. Формирование целей и выбор на их основе приоритетов развития состоит из нескольких итеративных процедур системного анализа и синтеза образа будущей системы (рис. 9). Согласно системному пониманию ориентиров развития, стратегические цели выражаются в категориях устойчивости и экономической безопасности: базисные условия сформулированы впервые в 1992 г. в Рио-де-Жанейро – поддержание экологии, социальное развитие, эффективное расходование ресурсов, научно-технический прогресс. Возможность реализации составляющих нужно сопоставить с имеющимися условиями и факторами, уточняя по мере сопоставления направления и цели роста и развития системы.

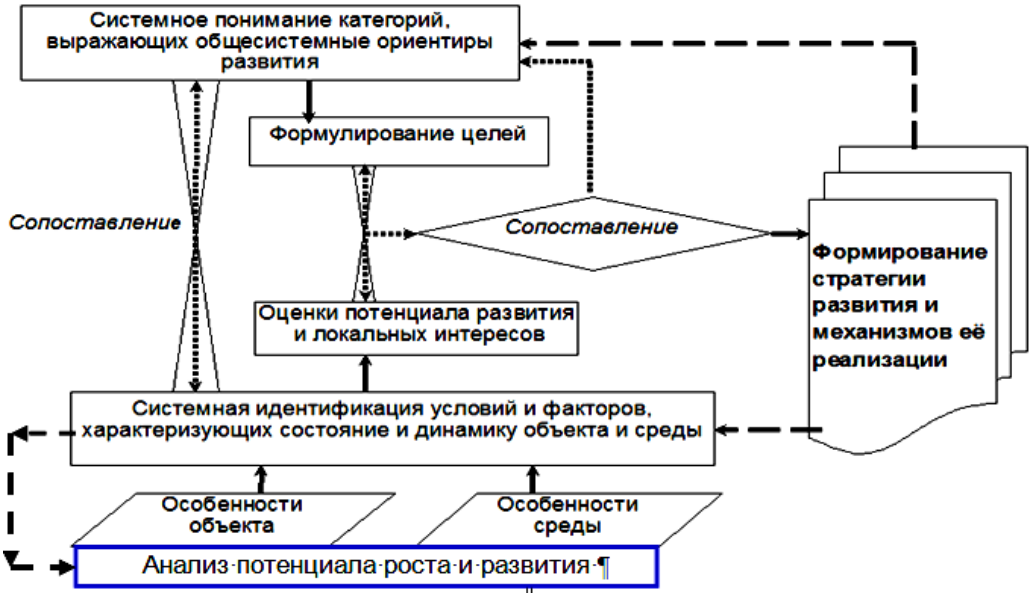


Рисунок 9.
Согласование результатов оценки потенциала развития системы

В планировании перспективного роста и развития системы внимание фокусируется на всех её подсистемах. В конечном итоге научно-технические решения должны быть увязаны с другими хозяйственными решениями в рамках национальной стратегии. Вместе с этим выбор научно-технологических приоритетов и механизмов их реализации представляет собой относительно самостоятельную задачу разработки отдельной стратегии, в которой входными параметрами служит некоторые переменные и ограничения национальной стратегии, а также оценки характеристик внешней среды и внутреннего потенциала, которые получены в результате системного анализа и в той или иной мере связаны с научно-техническими аспектами движения системы. Мониторинг созданных и создаваемых технологий в России и за рубежом способствует Форсайту в сфере НИОКР и предназначен для инвентаризации возможных источников инноваций и своевременного улавливания важнейших технологических сдвигов и тенденций (рис. 10).

Согласно оценке человеческого потенциала, он может стать достаточно сильным драйвером научно-технологического развития экономики РФ при условии повышения мотиваций и удовлетворения как минимум естественных запросов россиян. Так, в РФ 76 студентов на 100 чел. населения соответствующего возраста, 14-е место из 188; 90,9% россиян имеет высшее и среднее специальное образование, 29-е место; однако большое неравенство доходов: коэффициент Джини 0,397, 81-е место, и чрезвычайно низкая ожидаемая продолжительность жизни: 70,1 года против 71,5 – в среднем в мире [18]. Темпы повышения уровня человеческого развития в РФ ниже, чем в среднем в мире и во всех группах стран. Сравнительно низкое качество жизни и просчеты в организации научной деятельности препятствуют рачительному использованию способностей россиян. Эти факторы упущены при выборе приоритетов.

В создании знаний мы на 23-м месте из 128, в использовании их в экономике – на 82-м, хотя по показателю создаваемых полезных моделей по отношению к ВВП по ППС РФ на 7-м месте [17, с. 273]. Разрыв свидетельствует о дефектах трансляционного механизма передачи знаний в экономику и изъянах системы управления инновациями.

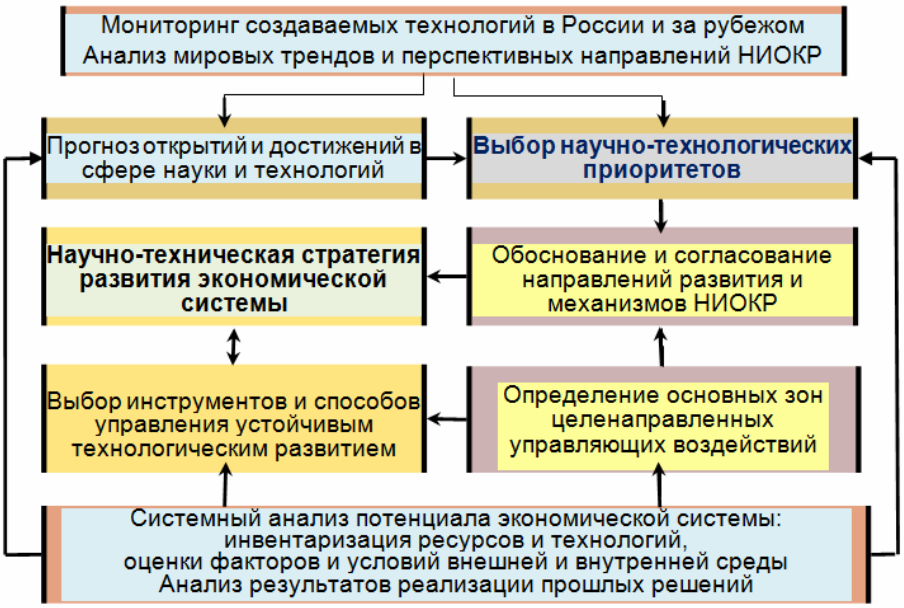


Рисунок 10.
Схема формирования научно-технической стратегии

Нарушение системных принципов согласования подсистем и недочеты стратегического планирования приоритетов ведут к нестыковке принимаемых решений между собой и торможению инноваций. Кроме того, важно правильно определить место страны и секторов экономики в международных цепочках создания добавленной стоимости на перспективу с позиций национальных интересов и конкурентоспособности игроков. Особую роль здесь играют способности стратегического видения и мышления, а также адекватные аналитические оценки, полученные по данным научных публикаций, докладов, отчетов, патентов и других результатов исследовательской деятельности.

Патентная информация может дать достаточно содержательную пищу для идентификации мировых достижений и наших перспектив в сфере создания и освоения передовых технологий, включая новые для России и новые в мире. Задача анализа патентов и применяемых технологий состоит в том, чтобы оценить распределение зон научно-технологической активности и конкурентоспособности РФ и контрагентов в перспективе (рис. 11). Такое ранжирование предназначено для выбора направлений международного сотрудничества и потенциальных субъектов взаимодействий «в зависимости от уровня их технологического развития и инновационного потенциала» [14, п. 35а].

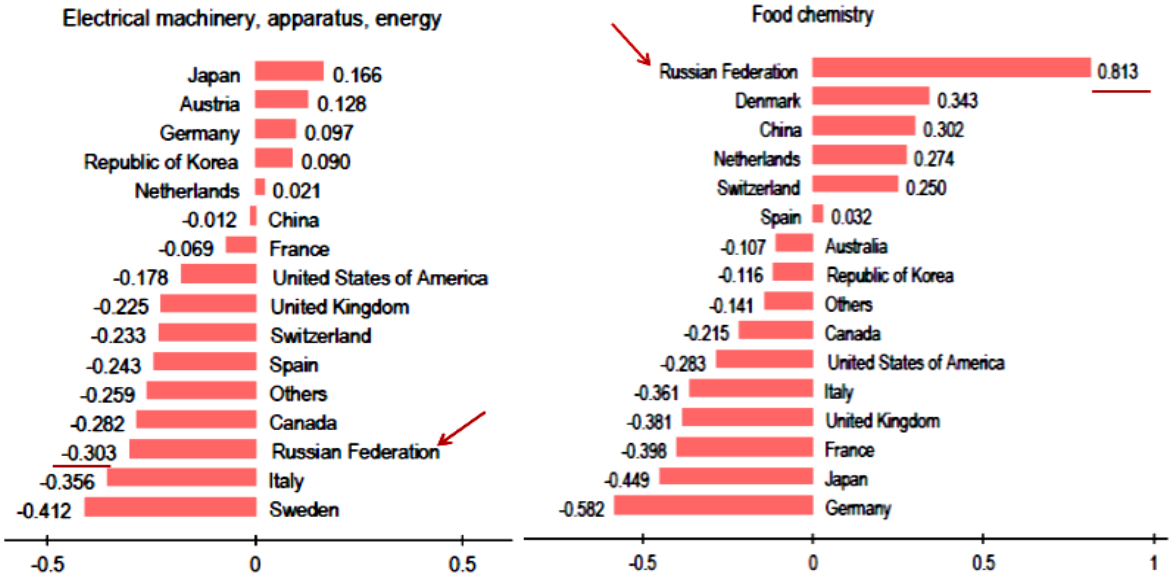
Advanced Manufacturing Technologies	US	China	Europe
Predictive analytics	1	1	4
Smart, connected products (IoT)	2	7	2
Advanced materials	3	4	5
Smart factories (IoT)	4	2	1
Digital design, simulation, and integration	5	5	3
High performance computing	6	3	7
Advanced robotics	7	8	6
Additive manufacturing (3D printing)	8	11	9
Open-source design/Direct customer input	9	10	10
Augmented reality (to improve quality, training, expert knowledge)	10	6	8
Augmented reality (to increase customer service & experience)	11	9	11

Источник: Deloitte [19, с. 7].

Рисунок 11.
Ранжирование будущей значимости передовых производственных технологий по «странам-исполнителям»[1]

[1] Отмечены технологии, представляющие, по некоторым оценкам, особую значимость для российской промышленности как основа производства конкурентоспособной продукции [1, с. 83].

Результаты анализа научных публикаций, патентной информации и других результатов НИР в глобальном разрезе показывают распределение силы и слабости российских и иностранных игроков, тенденции изменения потенциала акторов и расклада сил. Так, в НИОКР в сфере пищевой химии мы опережаем других, в электромашиностроении мы сильно отстаем, особенно от Японии, которая лидирует в этой области, т.е. может стать потенциальным источником новшеств (рис. 12).



Источник: WIPO [20, p. 51].

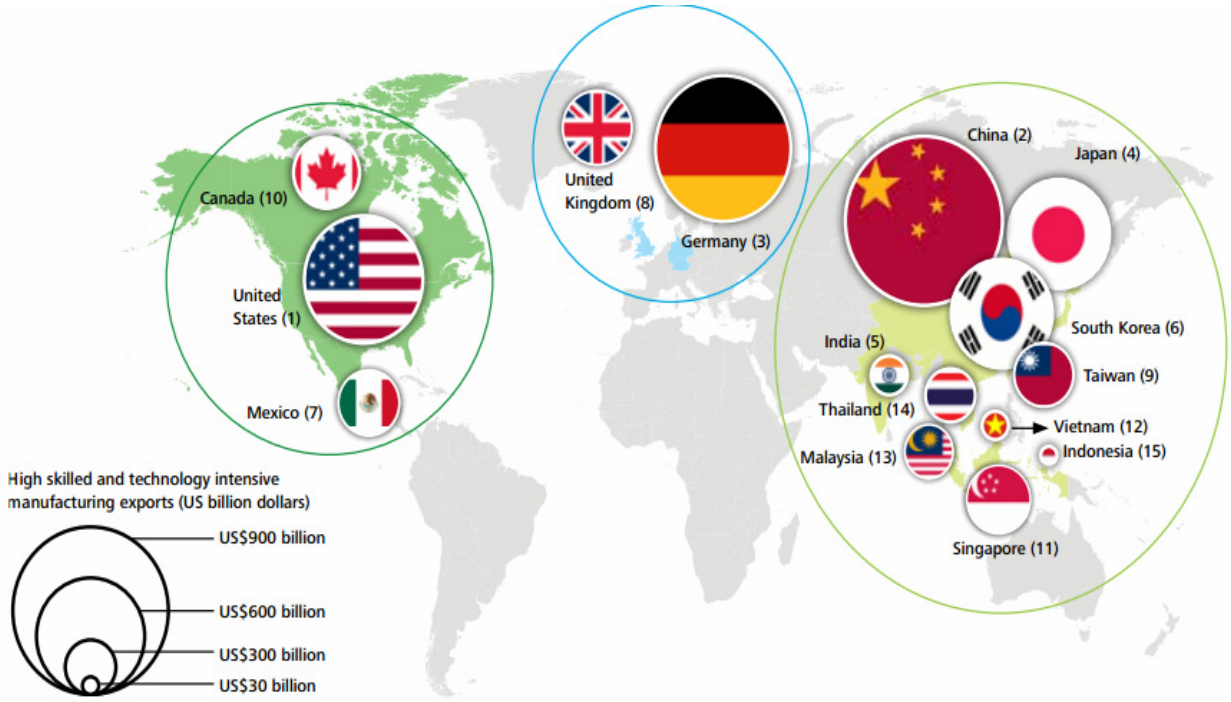
Рисунок 12.
Индекс относительной специализации, измеряющий склонность страны к НИОКР в соответствующей технологической сфере

Приоритеты международного сотрудничества как драйвер прогресса

Для компенсации слабых сторон в сфере передовых технологий, определяющих конкурентоспособность и устойчивость научно-технологического развития экономики и её звеньев, полезно усилить взаимодействия на принципах открытых инноваций. Сегодня создание знаний и разработок технологий происходит вне границ компаний и государств: идеи могут поступить отовсюду. Для технологически отстающих стран и отраслей появляется шанс получения знаний и новых технологий в результате выполнения совместных НИОКР или инвестиционных проектов, обучения в процессе создания инноваций, трансфера через различные каналы. «Внешняя зависимость России в области технологий и оборудования для энергетической отрасли достаточно высока: импортируется 80–100% программного обеспечения в нефтегазовой сфере, 70% турбин и котлов, 50–60% компрессоров, 20% труб, 80% технологий разработки континентального шельфа» [11, с. 29]. Преимущество предприятий КНР в технологиях и цене в производстве энергетического оборудования создает предпосылки для наращивания технологического сотрудничества в энергетике. По оценке уровня индустриального развития с точки зрения высокой квалификации и интенсивности технологичного промышленного экспорта, развивающиеся страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) демонстрируют неуклонный прогресс (рис. 13). Перспективы партнерства с наиболее продвинутыми в научно-технологическом плане организациями стран АТР базируются на взаимном дополнении экономик РФ и АТР. Углубление энергетического и научно-технологического сотрудничества взаимно выгодно: Россия получит нужные передовые технологии взамен поставок углеводородов.

В 2014 г. в Китае высококвалифицированный и технологичный промышленный экспорт составил 42% общего экспорта [19, с. 6]. В перспективе прогнозируется выдвижение ряда развивающихся стран АТР на лидирующие позиции технологичной индустрии, что создает предпосылки для сотрудничества (рис. 14).

Для освоения передовых энергетических технологий и создания современных нефтехимических производств в местах сосредоточения запасов нефти и газа необходимо согласование интересов российских и китайских организаций, координация решений и корректировка планов наращивания поставок углеводородов. Россия заинтересована, прежде всего, в эффективных способах переработки сырья, добычи из труднодоступных месторождений, аккумулирования энергии, генерации из возобновляемых источников, Такие технологии могут быть получены в результате совместного создания производств на территории ВСФО и ДВФО. Сложность консенсуса в том, что китайская сторона стремится к расширению не таких форм взаимодействий, а импорта сырых ресурсов по минимально возможной цене. Надо уметь договариваться и согласовывать приоритеты.



Источник: Deloitte [19, с. 9].

Рисунок 13.
Прогнозируемые кластеры развивающихся стран с технологичной индустрией

Country	Malaysia	India	Thailand	Indonesia	Vietnam
2020 (projected) rank	13	5	14	15	12
Difference	(▲ +4)	(▲ +6)	(⟷)	(▲ +4)	(▲ +6)
2016 (current) rank	17	11	14	19	18

Источник: Deloitte [19, с. 9].

Рис. 14.
Текущий и прогнозируемый рейтинг стран АТР в области технологичной индустрии

Согласно системным принципам взаимодействий, совместные инвестиционные проекты следует дополнить сотрудничеством в научно-образовательных проектах, учитывая лидирующие позиции китайских, японских, южнокорейских и российских университетов: соответственно, 7-е, 8-е, 9-е и 27-е места в мире из 128 в 2015 г. [17, с. 328]. Потенциал создания совместных инноваций обусловлен также чрезвычайно высокими темпами роста исследований и разработок в Ю. Корее, Китае, Японии, которые значительно увеличили затраты на НИОКР; Китай и Ю. Корея резко ускорили темпы роста патентных заявок; число корейских исследователей выросло до 6457 чел. на 1 млн. жителей [19, с. 53].

В «информационной экономике» защита телекоммуникационных сетей, прежде всего объектов критической информационной инфраструктуры, становится вопросом наивысшего приоритета» [11, с. 30]. Результаты анализа структуры патентных заявок стран АТР говорят о возможности использования преимуществ в совместных НИОКР в сфере информационной безопасности; фундаментальных исследований в физике, химии, математике, биологии, др.; прикладных исследований в медицине, генной инженерии, ядерной энергетике, ряде отраслей машиностроения, в области космических технологий, NBIC-технологий, включая киберпространство; в управлении климатическими и экологическими изменениями [20, с. 30]. Вместе с этим, в выборе партнеров и приоритетов трансграничного сотрудничества надо сопоставлять преимущества и риски, т.к. риски выше, чем при взаимодействии субъектов одной страны между собой. Однако способы снижения таких рисков не предусмотрены в Стратегии до 2035 г.

Заключение

1. Взаимовыгодное энергетическое и научно-технологическое сотрудничество субъектов РФ и АТР может стать источником новых технологий и создания передовых производств на территории РФ. Задача в том, чтобы в результате анализа найти и обосновать взаимовыгодные направления и формы сотрудничества, а в процессе взаимодействий отстаивать наши национальные интересы в реализации избранных приоритетов инновационного развития российской экономики. При помощи расширения научных связей, организации стажировок, углубления контактов между хозяй-

ствующими субъектами и исследовательскими организациями могут быть реализованы не только приоритеты технологического развития национальной экономики, но также цели социально-экономической и политической стабилизации в регионе в целом.

2. Принятие решений следует базировать на системной парадигме экономики и общества, поэтому ключевым приоритетом являются технологии стратегического планирования и управления научно-технологическими изменениями на основе системной теории экономики. Выбор приоритетных направлений науки и техники должен быть встроен в целостную систему стратегического планирования и управления и увязан с программами промышленного и социально-экономического развития РФ. С системных позиций в новой экономике чрезвычайно приоритетны направления всестороннего человеческого развития. Кроме того, для России принципиально важно улучшить организационные технологии трансляции создаваемых знаний в экономику.

Список литературы и источников

1. Боровков А.И. О формировании новых индустрий на основе передовых производственных технологий // Роль крупных компаний в научно-технологическом развитии. – М.: НИУ ВШЭ, 2016.
2. Киселев В.Н. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / Гл. ред. И.С. Иванов. РСМД. – М.: Спецкнига, 2014. – 60 с.
3. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 6.
4. О национальном центре развития технологий и базовых элементов робототехники. Указ През. РФ от 16.12.2015 № 623. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/40306
5. О развитии новых производственных технологий. Заседание президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России // Госменеджмент: Электр. журнал. 17.09.14. – http://www.gosman.ru/?news=37017
6. Официальная статистика: Технологическое развитие отраслей экон. Росстат. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#
7. Послание Президента к Федеральному собранию 01.12.2016. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379
8. Проект скоординированной программы исследований и разработок в интересах развития новых производственных технологий на 2016–2020 годы. 28.08.2015. – http://tass.ru/ekonomika/2219330
9. Путин В.В. О наших экономических задачах // Ведомости. – М., 2012. – № 3029, 30 января.
10. Российский статистический ежегодник 2016. Стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 725 с.
11. Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др. Гл. ред. И.С. Иванов / РСМД. – М.: НП РСМД, 2016. – 93 с.
12. Россия и страны – члены Европейского Союза, 2015. Стат. сб. – М.: Росстат, 2015.
13. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р.
14. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года. Утв. Приказом Президента РФ 01.12.2016. – http://www.unn.ru/site/images/news/2016/11/24/strategia.pdf
15. Экономика и жизнь. – М., 2016. – № 45(9661), 18 ноября. – С. 4.
16. The Global Innovation Index, 2007. – https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/gii-2007-report.pdf
17. The Global Innovation Index, 2016. – file:///C:/Users/ПК/Downloads/gii-full-report-2016-v1%20(1).pdf
18. The Human Development Report 2015. – New York: UNDP, 2015. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf
19. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte Touche Tohmatsu Limited. – London: The Creative Studio at Deloitte, 2016. – file:///C:/Users/ПК/Downloads/gx-global-mfg-competitiveness-index-2016.pdf
20. World Intellectual Property Indicators 2016. – Geneva: WIPO, 2016. – http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2016.pdf

Огородников П.И.
д.т.н., директор Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
ofguieuroran@mail.ru
Матвеева О.Б.
к.э.н., н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН
Коловертнова М.Ю.
к.э.н., с.н.с. Оренбургского филиала ИЭ УрО РАН

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОТЕХСЕРВИСА

Ключевые слова: *эффективность, агротехсервис, бизнес-процесс, оптимальность, производственные процессы, ферма, молочное скотоводство, информационное обеспечение.*
Keywords: *efficiency, agrotechnical service, business process, optimality, production processes, farm, dairy cattle breeding, information support.*

В настоящее время, в виду большой конкуренции на российском рынке, особенно в области техсервиса, современным предприятиям необходимо постоянно заниматься повышением качества своей деятельности. Для этого требуется разработка новых технологий и приемов ведения бизнеса, улучшение качества получаемых результатов и, конечно, внедрения усовершенствованных и более эффективных способов управления и организации деятельности предприятия.

С целью извлечения наибольшей прибыли предприятия проводят различного рода мероприятия, среди которых: разработка маркетинговой стратегии, расширение клиентской базы, сокращение издержек производства и прочие. Для развития предприятия руководством проводится стратегическое планирование и управление производственными процессами, в результате чего формируется оптимальная стратегия функционирования предприятия. Моделирование бизнес-процессов помогает ответить на все вопросы, касающиеся усовершенствования деятельности предприятия и повышения его конкурентоспособности.

Моделирование бизнес-процессов и их анализ крайне необходимы агротехсервису в существующих экономических условиях. Это позволяет совершенствовать процесс управления предприятием и повысит его конкурентоспособность.

Исследованию вопросов моделирования бизнес-процессов посвящены работы многих отечественных ученых-экономистов. Так, весомый вклад в развитие теории и практики моделирования бизнес-процессов внесли А.П. Буйносов [1], И.М. Пышный [1], В.А. Тихонов [1], Е.А. Колмаков [2], Е.С. Пахомова [2] и другие. В работах указанных авторов особое внимание при оценке потенциальной эффективности моделирования бизнес-процессов уделяется четырем показателям: производительности труда, рентабельности труда, рентабельности производства и рентабельности капиталовложений. Однако в работах данных авторов, в основном, рассмотрены типовые модели построения бизнес-процессов. Также необходимой и наиболее важной является информация, которая позволит знать и контролировать не только, как работает предприятие в целом, как оно взаимодействует с внешними поставщиками и заказчиками, но и как налажена деятельность на каждом отдельно взятом рабочем месте.

Эффективность технического обслуживания и ремонта (ТО и Р) средств механизации ферм молочного скотоводства во многом зависит от правильности построения организационной структуры предприятия. Для ведения эффективной организации ТО и Р средств механизации ферм молочного скотоводства должна существовать структура управления с наиболее благоприятными условиями. Быть гибкой, надежной и восприимчивой к изменениям при любых условиях хозяйствования.

Организационная структура среднего уровня предприятия агротехсервиса представлена на рис. 1.

Структура предприятия разделена на несколько блоков:

– управление – контроль над деятельностью предприятия, а также его финансирования (кадры, маркетинг, бухгалтерия);

– продажи – обеспечение торгового процесса (непосредственно передачи новых запчастей и оборудования для животноводческих ферм);

– сервис – обеспечение диагностики, поступающего оборудования, его техническое обслуживание и ремонт, послеремонтное обслуживание;

– логистика – контроль над закупкой и доставка как нового оборудования с заводов изготовителя, так и оборудования после техобслуживания и ремонта к местам их назначения.

Организационная структура такого типа позволяет предприятию оставаться на устойчивых позициях экономического развития и расширять все направления своей деятельности – сервисное обслуживание и ремонт средств механизации ферм молочного скотоводства и приобретение нового оборудования у заводов изготовителей.

Такую структуру предприятия можно отнести к линейно-функциональной. Главной задачей управленческих структур является правильное согласование деятельности всех подразделений предприятия для эффективного их использования по решению стратегических, тактических и текущих задач предприятия. Этому должен способствовать не только профессионализм работников предприятия, но и грамотный анализ состояния и тенденций развития и информационное обеспечение.

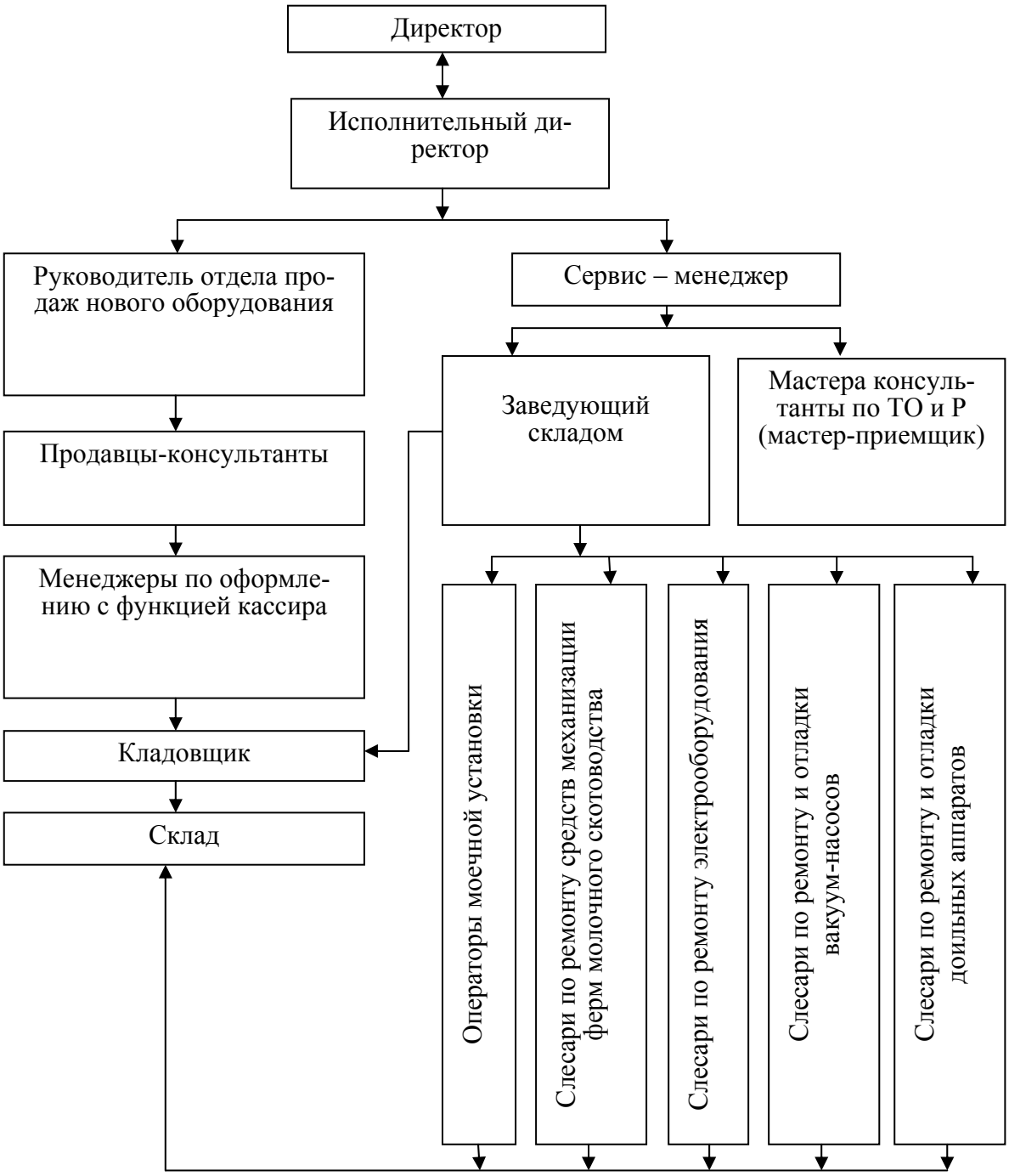


Рисунок 1.
Организационно-функциональная схема предприятия агротехсервиса молочного скотоводства

Управление бизнес-процессами требует комплексного рассмотрения как внешних, так и внутренних факторов, к которым могут относиться: неопределенность среды, обострение конкуренции, постоянно меняющаяся правовая среда и другие.

Поэтому для эффективного решения функциональных задач предприятия, необходимо информационное обеспечение всех структур управления (отделов и др.), которое бы не только предоставляло информацию о текущем состоянии дел, но и координировало работу всех подразделений предприятия, а также позволяло прогнозировать последствия тех или иных изменений.

Рассмотрим более подробно функциональную модель предприятия агротехсервиса, построенную с помощью программного средства Visio. Диаграмма этой модели представлена на рис. 2.

Из рисунка 2 видно, что на входе предприятия регистрируются данные заказчика, запчасти и новое оборудование, а также комплекты нового доильного оборудования. К основным документам и службам, которыми контролируется работа, относится законодательство и должностные инструкции.

Исполнителем заказов на предприятии является трудовой коллектив, работающий на имеющемся оборудовании. На выходе деятельность предприятия определяется получаемой прибылью, выполненными заказами по ТО и Р, договорами на послеремонтное обслуживание.

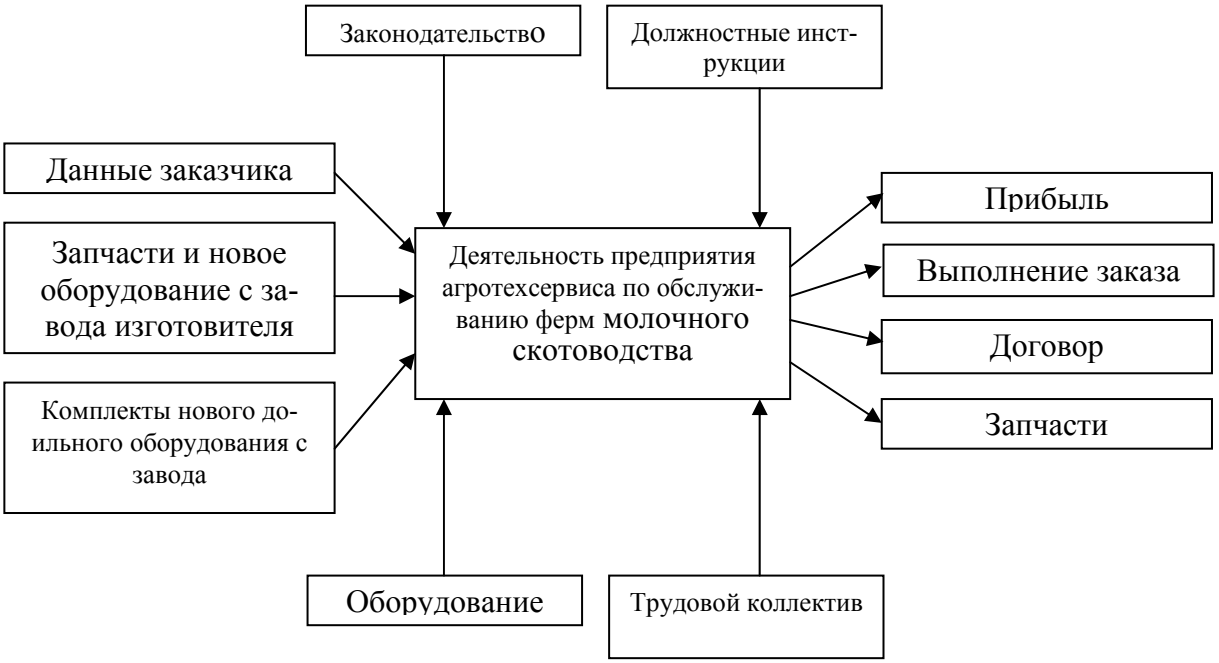


Рисунок 2.
Диаграмма функционирования модели предприятия агротехсервиса

На рис. 2 видны потоки входной, выходной и контролирующей информации, описания которых представлены в таблицах 1, 2, 3.

Таблица 1

Входная информация

№	Вход	Объекты
1	Данные заказчика	ФИО клиента, адрес проживания, место работы
2	Запчасти и новое оборудование с завода изготовителя	Наименование организации, юридический адрес, наименование запчастей, наименование нового оборудования, техническая характеристика
3	Комплекты нового доильного оборудования с завода изготовителя	Наименование организации, юридический адрес, наименование марки комплекта, модель, технические характеристики

При поступлении информации идет сбор информации и оборудования, представляемой потребителям поставщиками.

Таблица 2

Выходная информация

№	Выход	Объекты
1	Выполненный заказ по ТО и Р	Ремонт оборудования, техническое обслуживание оборудования
2	Договор	Договор о проведении технического обслуживания, договор о проведении ремонта
3	Список необходимых запчастей	Наименование организации, юридический адрес, наименование запчастей, технические характеристики
4	Прибыль	Деньги

Средствами выходной информации служат результаты, которые формируются на этапах всего бизнес-процесса. Основным результатом предприятия агротехсервиса является в первую очередь получение прибыли и удовлетворение спроса на ТО и Р средств механизации ферм молочного скотоводства окружающих территорий.

Описание контролирующих органов представлено в табл. 3.

Таблица 3

Контролирующие органы

№	Контроль	Объекты
1	Должностные инструкции	Должностные инструкции
2	Законодательство	Трудовой кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ

Деятельность предприятия агротехсервиса в первую очередь опирается на контролирующие органы, выполнения всех предписывающих пунктов должностной инструкции и законодательных кодексов является обязательным условием для каждого члена трудового коллектива.

Бизнес-процессы предприятия агротехсервиса можно разделить на три группы:

– основные бизнес-процессы;

– обеспечивающие бизнес-процессы;

– управляющие бизнес-процессы.

Данные бизнес-процессы представлены на рис. 3.

Рисунок 3.
Модель деятельности предприятия агротехсервиса

Основными бизнес-процессами являются процессы, которые ориентированы на оказание услуг по техническому обслуживанию и ремонту средств механизации ферм молочного скотоводства, продажу нового оборудования и запасных частей.

На предприятии агротехсервиса такими основными бизнес-процессами являются:

– Анализ рынка конкуренции;

– Произведение внутреннего анализа;

– Изучение потребителей и потребностей;

– Определение возможностей;

– Разработка маркетинговой стратегии.

Вспомогательные бизнес-процессы:

– Обслуживание оборудования (ТО и Р);

– Регулирование информационных ресурсов.

К бизнес-процессам управления можно отнести:

– Определение маркетинговых каналов;

– Создание маркетингового плана и бюджета.

Необходимо помнить, что помимо повышения эффективности функционирования бизнес-процессов на предприятии агротехсервиса большое значение имеет расчет и экономическое обоснование сети агротехсервиса существенным образом влияющее на затраты, связанные с транспортировкой запасных частей, вновь приобретенного нового

оборудования, при доставке оборудования с ферм молочного скотоводства на ремонт предприятиям агротехсервиса, а через них на конечную стоимость оказываемой услуги.

В конечном решении данной проблемы целесообразно предприятия агротехсервиса (относительно сельхозтоваропроизводителей) расположить так, чтобы сумма кратчайших расстояний от этого предприятия до вершин графа была минимальной (при решении этой задачи графическим способом, который мы рекомендуем применять на предварительной стадии решения задачи).

Окончательный вариант логистических схем перевозки оборудования между предприятиями агротехсервиса и сельхозтоваропроизводителями должен решаться с помощью экономико-математических методов при целевой функции – минимум затрат на перевозку оборудования.

Список литературы

1. Буйносов А.П. Модель эксплуатационного износа сложной технической системы / А.П. Буйносов, И.М. Пышный, В.А. Тихонов // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2013. – № 1. – С. 52–57.
2. Кореняко Е.А. Система бизнес-планирования на предприятии как основа для выработки оптимальных управленческих решений / Е.А. Кореняко, Е.А. Колмаков, Е.С. Пахомова // Социально-экономические явления и процессы. 2012. – № 7. – С. 85–90.
3. Огородников П.И. *Max* информации при *min* сложности методов количественного анализа (пособие начинающему исследователю). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 357 с.
4. Огородников П.И. Концептуальные аспекты эффективной работы сельскохозяйственной техники и служб техсервиса на базе информационных технологий. Монография / Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2004.

Разумовский В.А.[1]

О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КРИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова*: критическая технология, производственный процесс, бюджетные средства, эффективность, критерий, проектное управление, методика, отбор.*

Keywords: *critical technology, production process, budgetary funds, efficiency, criterion, project management, technique, selection.*

Всякое определение должно быть конструктивным. В том смысле, что оно должно содержать один или несколько ключевых признаков, с помощью которых однозначно идентифицируется анализируемый объект или явление. В определении критической технологии (как технологии, имеющей «важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и обеспечения безопасности государства»[2]) таких признаков не наблюдается. Это первое на что хотелось бы обратить внимание.

Второе замечание касается ответа на следующий вопрос. Чем объясняется (обосновывается) столь значительное внимание, которое уделяется технологиям? На наш взгляд, более существенным, актуальным, представляется понятие производственного процесса, который непосредственно ориентирован на выпуск продукции, т.е. на потенциального заказчика и потребителя. Не отождествляется ли в данном случае «достижение результата» с «нахождением в процессе», поскольку, перефразируя[3], «каждый производственный процесс – технология, но не каждая технология – производственный процесс».

Исходя из высказанных соображений, в дальнейшем предлагается следующий порядок изложения материала.

Вначале (на примерах наукоемкой машиностроительной продукции) разъясним терминологию, связанную с технологиями. В том числе, что нами понимается под внедрением (реализацией) технологии. Далее рассмотрим механизм отбора технологий для внедрения с участием бюджетных средств. И через него определим критические технологии.

Перейдем к терминологии.

Продукция – товар (образец техники, изделие, т.е. нечто вещественное, материальное); работа (научно-исследовательская, опытно-конструкторская); услуги (информационные, сервисные).

Технология – метод (совокупность производственных методов), позволяющий получить из исходных материалов продукцию с заданными свойствами. Следуя этому определению, признаком, идентифицирующим, позволяющим группировать, а затем и сравнивать технологии, является пара: исходные материалы – продукция с заданными свойствами.

Технологический процесс – вся совокупность технологий (в частном случае одна технология), используемых при производстве продукции. Технологический процесс является составной, необходимой частью производственного процесса.

Производственный процесс – собственно процесс производства продукции. Значительно шире технологического процесса. Поскольку в него помимо технологического процесса включаются вспомогательные и обслуживающие операции. Например, изготовление инструмента, ремонт оборудования, внутризаводское перемещение материалов и деталей, складские операции, контроль и т.п.

Ключевой характеристикой производственного процесса является мощность, т.е. предельное годовое количество выпускаемой продукции определенного наименования (в шт.), которое могут обеспечить его основные средства (технологии).

Перечисленные термины непосредственно увязываются друг с другом по схеме, показанной на рис. 1.

Рис. 1. К разъяснению термина "внедрение технологии"

---

[1] Разумовский Валерий Алексеевич – д.т.н., профессор кафедры финансов и кредита Академии труда и социальных отношений; гл.н.с. НТЦ «Информтехника» – филиала НИИ стандартизации и унификации, в.н.с. ЦНИИ экономики, информатики и систем управления. E-mail: avgust1347@km.ru

[2] Федеральный закон от 29 апреля 2008 года №57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», ст. 10, п. 8 (с изм. и доп. от 28.12.2010г., 01.06., 16.11.2011г., 3.02, 12.03., 04.11.2014 г.).

[3] Диденко А. «Гособоронзаказ»: специальный счет и правоохранительная практика. 18.12.2016. – http://dfnc.ru/oboronzakaz/gosoboronzakaz-spetsialnyj-schet-i-raschetnyj-v-chem-raznitsa/

Рис. 1 отражает принципиальную позицию автора, согласно которой технология может считаться внедренной только тогда, когда она используется в составе действующего или законтрактованного процесса производства продукции. Что предполагает известными при внедрении технологии основные характеристики производственного процесса.

Жизненный цикл технологии представляет собой последовательность этапов, в течение которых возникает и существует технология (от замысла до утилизации) и которые могут описываться с разной степенью детализации. В частности, для анализа состояния, хода разработки и внедрения технологии приемлемой является детализация на рис. 2:

Рис. 2. Этапы жизненного цикла технологии

При таком понимании основополагающих терминов комплексный анализ состояния, хода разработки и внедрения промышленных технологий предполагает:

1. По каждой технологии:

а) констатацию ее фактического состояния, включающую (рис. 2):

– наименование этапа жизненного цикла, на котором находится технология (на рис. 2 – ОКР, временная точка t_2);

– оценки денежных затрат ($З_1^2$) и времени до начала промышленного использования ($t_2 - t_1$). Эта позиция предполагает возможность вариантного исполнения, например, в виде зависимости времени ($t_2 - t_1$) от объема выделяемых денежных средств $З_1^2$;

– продолжительность периода времени с начала разработки технологии ($t_1 - t_0$);

– затраченные денежные средства за этот период $З_0^1$;

б) фиксацию отклонений фактического состояния технологии от плановых заданий по контролируемым параметрам (срокам, затраченным средствам, достигнутым результатам).

в) подтверждение (проверку) действующего статуса (приоритета) технологии в связи с появлением новых технологий, изменением конъюнктуры рынка, предпочтений заказчика, уточнением исходных и прогнозных данных по технико-экономическим показателям технологии;

2. Группировки технологий внутри каждого отраслевого направления и каждой внутриотраслевой структуры по разным признакам, например:

– сохраненный/измененный (с указанием причины) статус (приоритет) технологии;

3. Информационную поддержку управленческих решений по отбору технологий, «отвечающих на большие вызовы»[1] и внедряемых прямо[2] или косвенно[3] с участием бюджетных средств.

Соответственно возможны три подхода к построению методики отбора таких технологий. Первый подход ориентирован на максимизацию экономического эффекта от внедряемых технологий. Второй подход реализует идею проектного управления, когда внедряемые технологии входят в состав проектов, целевой установкой которых является выпуск приоритетной продукции с жестко-заданными технико-экономическими характеристиками, сроком и количеством поставки. Третий подход является промежуточным по отношению к первым двум. При его реализации вначале отбираются технологии по правилам проектного управления и на них в первую очередь расходуются бюджетные средства. Оставшиеся ресурсы распределяются между технологиями, исходя из критериев экономической целесообразности.

Рассмотрим указанные подходы более подробно.

Первый подход к построению методики отбора технологий использует три расчетных блока:

– показатели экономической эффективности (целесообразности) технологии;

---

[1] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

[2] Постановление Правительства РФ от 29.01.2007 № 54 (ред. от 06.10.2011) «О федеральной целевой программе “Национальная технологическая база” на 2007–2011 годы».

[3] Самофалова О. Господдержка спасает производство отечественной авиации. – http://www/vz.ru/economy/2016/11/30/846688. html#

– результирующая оценка предпочтительности (эффективности) технологии;

– распределение бюджетных ресурсов между технологиями, исходя из результирующих оценок предпочтительности.

В качестве показателей экономической эффективности технологии используются характеристики денежного потока, который будет генерировать в составе производственного процесса внедряемая технология. Прогноз дисконтированного денежного потока (оттоки и притоки денежных средств, распределенные на прогнозируемом периоде времени и приведенные к одному моменту времени) делается на жизненном цикле технологии, начиная с текущей временной точки, в которой находится технология (на рис. 2 – точка t_2, на рис. 3 – нулевая точка).

Для оценки экономической эффективности технологии изначально (в дальнейшем с некоторой корректировкой) применяются известные показатели: чистый приведенный доход (*NPV*), индекс рентабельности (*PI*), внутренняя норма доходности (*IRR*), срок окупаемости (*PP*)[1]. Показатели рассчитываются на основе данных денежного потока (его пример представлен на рис. 3) и нормы дисконта (*r*), с помощью которой оценивается риск вложения денежных средств в технологию.

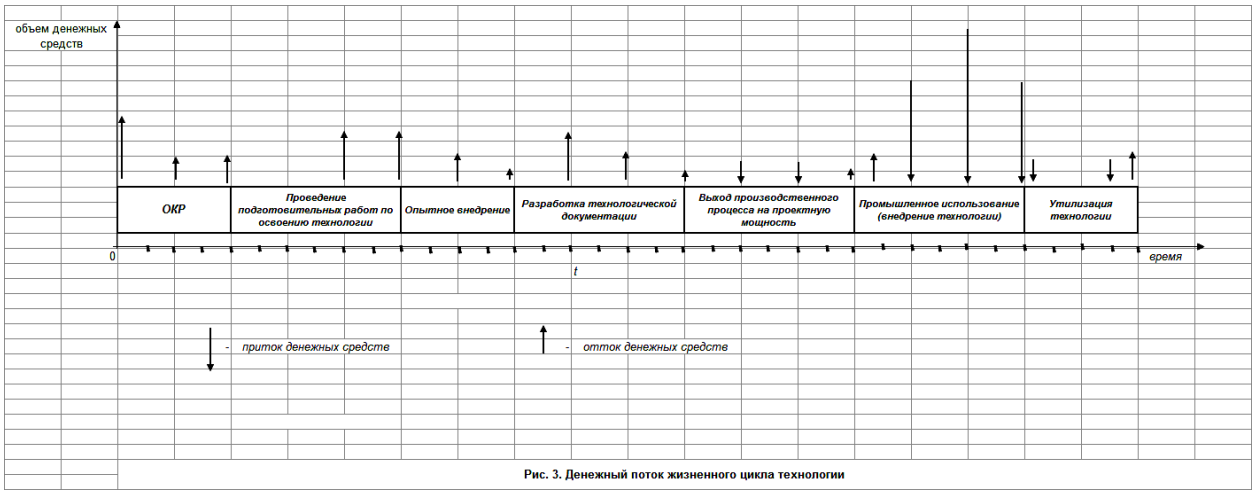


Рис. 3. Денежный поток жизненного цикла технологии

Чистый приведенный доход (аналог прибыли) является разностью суммарных денежных притоков и суммарных дисконтированных денежных оттоков.

Технология признается неэффективной (ее внедрение нецелесообразно), если

$$NPV < 0 \qquad (1).$$

Чем больше положительное значение *NPV*, тем эффективнее технология по (первому) критерию максимизации *NPV*: max *NPV*.

Индекс рентабельности рассчитывается как отношение суммарных дисконтированных денежных притоков к суммарным дисконтированным денежным оттокам. Как правило, устанавливается некоторое минимальное значение (норма) $PI_{\min} > 1$ такое, что если

$$PI < PI_{\min} \qquad (2)$$

технология отвергается (признается неэффективной).

По сути, *PI* (как и следует из определения) характеризует рентабельность, отдачу технологии на вложенные средства. При этом чем больше *PI*, тем эффективнее технология по (второму) критерию максимизации *PI*: max *PI*.

Внутренняя норма доходности представляет собой норму дисконта (*r*), при которой чистый приведенный доход становится равным нулю. То есть, когда

$NPV = 0$.

Подобно (1, 2) технология отвергается, если

$$IRR < WACC \qquad (3),$$

где *WACC* – средневзвешенная стоимость (цена) совокупного капитала, предполагаемого к использованию на периоде жизненного цикла технологии.

В частности, при выполнении соотношения (3) следует ожидать, что технология не позволит организациям, участвующим в разработке и практическом использовании технологии, расплатиться по своим обязательствам перед собственниками и (или) кредиторами.

Чем больше значение *IRR*, тем эффективнее технология по (третьему) критерию максимизации *IRR*: max *IRR*.

Срок окупаемости представляет собой минимальное количество лет, в течение которого инвестиции в технологию окупятся кумулятивным доходом. Должно выполняться условие

$$PP \leq n \qquad (4),$$

где *n* – значение, назначаемое инвестором (распорядителем бюджетных средств).

Чем меньше *PP*, тем эффективнее технология по (четвертому) критерию минимизации *PP*: min *PP*.

[1] Разумовский В.А. Критерии эффективности инвестиционных проектов // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. 2013. – № 4. – С. 78–82.

Подводя итог: внедрение технологии признается экономически целесообразным при одновременном выполнении соотношения (4) и невыполнении соотношений (1–3).

Если обозначить бюджетные средства, требуемые для продолжения жизненного цикла технологии на рассматриваемом отрезке времени, через *IC*, то в качестве (пятого) критерия эффективности технологии следовало бы указать минимизацию *IC*: min *IC*. Естественно также предположить, что эти средства ограничены некоторой предельной величиной $\overline{IC}$:

$$IC \le \overline{IC}.$$

С учетом сказанного отбор технологий должен проводиться по совокупности (частных) критериев:

max *NPV*, max *IRR*, max *PI*, min *PP*, min *IC*.

То есть, посредством решения многокритериальной оптимизационной задачи, которая в общем случае корректного математического решения не имеет. Поэтому отбор технологий предлагается проводить с помощью результирующей оценки предпочтительности технологии, представляющей линейную свертку[1] значений перечисленных частных критериев эффективности.

Продемонстрируем алгоритм свертки на числовом примере.

В табл. 1 представлены характеристики пяти сравниваемых технологий, удовлетворяющих всем перечисленным выше условиям. Показатели в таблице измеряются в условных единицах (*PP* – в годах). Их значения весьма противоречивы. В результате отбор наиболее предпочтительных технологий становится нетривиальной задачей. Так, технология № 3 характеризуется максимальным значением *NPV*, однако она требует и самых больших бюджетных средств, да и срок окупаемости у нее самый большой. Технология № 3 характеризуется минимальным сроком окупаемости, но у нее и минимальное значение индекса рентабельности.

Таблица 1.

ХАРАКТИРИСТИКИ СРАВНИВАЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

№ технологии	*NPV*	*PI*	*IRR*	*PP*	*IC*
1	80	17	30	4	100
2	90	15	27	3	80
3	105	16	35	5	120
4	85	19	25	4	80
5	75	16	20	3	90

Вначале приведем все показатели табл. 1 к соизмеримым единицам и одинаковой целевой направленности (в %). Для этого значения в первых трех столбцах поделим на максимальное значение в каждом столбце (показатели *NPV* , *PI*, *IRR* максимизируются) и умножим на 100. А значения в четвертом и пятом столбцах (показатели *PP*, *IC* минимизируются) заменим на их обратные значения. Затем к обратным значениям применим ту же процедуру, что и к первым трем столбцам.

В итоге табл. 1 преобразуется в табл. 2, где все показатели изменяются от 0 до 100 и значение каждого из них желательно максимизировать.

Таблица 2.

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ХАРАКТИРИСТИКИ СРАВНИВАЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

№ технологии	*NPV*	*PI*	*IRR*	*PP*	*IC*
1	76	89	86	75	80
2	86	79	77	100	100
3	100	84	100	60	67
4	81	100	71	75	100
5	71	84	51	100	89

По данным табл. 2 строится результирующая оценка предпочтительности технологии G_k в виде

$$G_k = \sum_{i=1}^{5} g_i з_{ik} \qquad (5),$$

где k – номер технологии;

i – индекс показателя, i = 1(*NPV*), 2(*PI*), 3(*IRR*), 4(*PP*), 5(*IC*);

$з_{ik}$ – значение i-о показателя для k-й технологии в табл. 2;

g_i – приоритет, вес значимости i-о показателя, удовлетворяющий условиям нормировки:

[1] Разумовский В.А. Алгоритм оптимизации фондового портфеля // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция (РИСК). 2004. – № 4. – С. 54 – 58.

$$g_i \geq 0, \sum_{i=1}^{5} g_i = 1 \qquad (6).$$

С учетом (6) максимальное (лучшее) значение результирующей оценки G_k равняется 100. Большему значению G_k соответствует более предпочтительная технология.

Особенностью результирующей оценки (5, 6) является способ расчета коэффициентов g_i, использующий характеристики областей изменения значений показателей в преобразованной табл. 2.:

$$g_i = \Delta_i / \sum_{i=1}^{5} \Delta_i, \ \Delta_i = \delta_i / m_i,$$

где m_i, δ_i – среднее значение и стандартное отклонение значений *i*-о показателя в табл. 2.

Итоговые результаты расчетов приводятся в табл. 3. Наиболее предпочтительной признается технология под № 2.

Таблица 3.

ИТОГОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТОВ

№ технологии	1	2	3	4	5
результирующая оценка	80,73	89,01	81,57	82,34	77,79
показатели	*NPV*	*PI*	*IRR*	*PP*	*IC*
весовой коэффициент	0,16	0,11	0,28	0,26	0,19

Вторая проблема (после свертки показателей), на которую необходимо обратить внимание, связана с показателем *IRR*. По существу, речь идет о доверии к полученному значению внутренней нормы доходности. Дело в том, что уравнение, с помощью которого рассчитывается *IRR*, по числу отрезков периода времени, на котором анализируется технология, в принципе дает такое же количество и значений *IRR*. Часть из них может превышать или равняться *WACC*, другая – нет. Следовательно, выбирая различные значения *IRR*, одну и ту же технологию по показателю *IRR* можно признать как эффективной, так и неэффективной.

В международной практике проблема множественности *IRR* решается с помощью замены *IRR* на модифицированную внутреннюю норму доходности (*MIRR*). Следуя алгоритму расчета *MIRR*, денежные притоки приводятся к моменту окончания жизненного цикла технологии, а денежные оттоки – к его начальному моменту. И корректируются посредством умножения на поправочный коэффициент $(1+MIRR)^T$, где T – номер последнего отрезка времени жизненного цикла. Затем суммарные дисконтированные денежные притоки приравниваются к скорректированным суммарным дисконтированным денежным оттокам. Из этого уравнения, где в качестве нормы дисконта используется *WACC*, и рассчитывается *MIRR*.

В третьем расчетном блоке методики отбора технологий следует различать два типа процедур:

– группировки (кластеры) технологий, внутри каждой из которых будут располагаться технологии с одинаковым правом (статусом) на получение бюджетных средств;

– распределение бюджетных средств между технологиями внутри каждой из группировок.

Группировки технологий подразумевают изначальное (предварительное) распределение бюджетных средств между ними.

Для примера, табл. 4 содержит группировку технологий, относящихся к авиастроительной промышленности; с потребным объемом бюджетного финансирования по каждой технологии, не превышающим 2500 усл. ед.; до промышленного использования каждой технологии остается менее двух лет; выделяемые на группировку бюджетные средства (*IC*) составляют 8000 усл. ед.

Таблица 4.

ПРИМЕР ГРУППИРОВКИ ТЕХНОЛОГИЙ

№ технологии	потребные бюджетные средства, усл. ед.	оценка предпочтительности, %
1	800	72
2	1600	84
3	2400	65
4	600	87
5	1800	87
6	800	67
7	1600	92
8	200	65
9	400	87
10	600	71

Распределение бюджетных средств внутри группировки (собственно отбор технологий) является результатом решения задачи целочисленного программирования (***R***) в следующей постановке:

Найти значения переменных x_k, $k = \overline{1, K}$ (0 или 1),

где k – индекс (номер) технологии;

K – количество технологий в группировке,

которые максимизируют суммарную предпочтительность технологий:

$$\max \sum_{k=1}^{K} G_k x_k$$

при ограниченных бюджетных средствах $\overline{IC}$:

$$\sum_{k=1}^{K} IC_k x_k \le \overline{IC},$$

где IC_k, $\overline{IC}$ – соответственно бюджетные средства, выделяемые на группировку технологий, и потребные бюджетные средства для внедрения k-й технологии.

Применительно к группировке технологий, представленной в табл. 4, задача ***R***, формулируется следующим образом:

$$\max (72 x_1 + 84 x_2 + 65 x_3 + 87 x_4 + 87 x_5 + 67 x_6 + 92 x_7 + 65 x_8 + 87 x_9 + +71 x_{10}),$$

$$800 x_1 + 1600 x_2 + 2400 x_3 + 600 x_4 + 1800 x_5 + 800 x_6 + 1600 x_7 + 200 x_8 + 400 x_9 + 600 x_{10} \le 8000,$$

$$x_1, x_2, x_3, x_4, x_5, x_6, x_7, x_8, x_9, x_{10} = 0, 1.$$

Решения этой задачи составили:

$$x_1 = 1,\ x_2 = 1,\ x_3 = 0,\ x_4 = 1,\ x_5 = 1,\ x_6 = 1,\ x_7 = 1,\ x_8 = 1,\ x_9 = 0,\ x_{10} = 1.$$

Отобранным для внедрения технологиям соответствуют ненулевые значения переменных (табл. 5). Эти технологии, на наш взгляд, и являются критическими в соответствии с первым подходом к построению методики отбора технологий, внедряемых в промышленное производство с участием бюджетных средств.

Таблица 5.

ТЕХНОЛОГИИ, ОТОБРАННЫЕ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ

№ технологии	потребные бюджетные средства, усл. ед.	оценка предпочтительности, %
1	800	72
2	1600	84
3	0	0
4	600	87
5	1800	87
6	800	67
7	1600	92
8	200	65
9	0	0
10	600	71
ИТОГО	8000	625

То есть критическими технологиями предлагается называть технологии, по которым прогнозируется максимальная экономическая эффективность по сравнению с другими технологиями, участвующими в конкурсном отборе на получение государственной поддержки, и которые в силу этого обеспечены необходимыми бюджетными ресурсами.

Второй подход к построению методики отбора технологий предполагает внедрение технологий в составе процедур проектного управления.

Термином «проектное управление» обозначают область деятельности[1], в ходе которой определяются и достигаются четкие цели проекта (временного предприятия, совокупности действий) при балансировании между объёмом и качеством работ, рисками, ресурсами и временем. Ключевым признаком и фактором успеха проектного управления считается наличие детального плана минимизации рисков и отклонений от графика выполнения и финансирования работ, организация мониторинга с целью эффективного управления изменениями: проект ориентируется на контракт с жесткой фиксацией требований (минимизаций изменений) или на удовлетворенность заказчика.

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Управление_проектами

В каждом конкретном случае проектное управление начинается с балансировки параметров (сторон), так называемого, проектного треугольника: задания (например, объема поставок конкретного образца техники); сроков выполнения задания (поставок); затрачиваемых денежных средств. Термин «сбалансированные» здесь означает достижение консенсуса по указанным параметрам трех заинтересованных сторон: заказчика; головной организации, выполняющей заказ; получателя и распорядителя бюджетных средств (например, Минпромторга России), финансирующего разработку и внедрение технологии.

Наиболее значимую роль в достижении консенсуса играет исполнитель – головная организация. На каждой итерации балансировки треугольника головной организации приходится решать типовую (не значит – простую) задачу, которая включает: определение принципиальной возможности реализации задания, возможности реализации задания в указанные сроки и (при наличии таких возможностей) потребные денежные средства.

В проектном управлении основу решения типовой задачи составляет метод PERT[1] (техника оценки и анализа программ (проектов)), опирающийся на построение и оптимизацию сетевой диаграммы. Пример сетевой диаграммы, соответствующей разбалансированному треугольнику, приводится на рис. 4.

На этом рисунке:

– горизонтальной линией *0*, составленной из сплошных стрелок, показаны работы (*A*, *B*, *C*, *D*) головной организации по выполнению задания заказчика;

– горизонтальной линией *1* (штриховой стрелкой) обозначена работа (подпроект) 1-го контрагента (*E*);

– горизонтальной линией *2* (пунктирной стрелкой) обозначена работа (подпроект) 2-го контрагента (*F*);

– каждую работу характеризуют сроки начала и окончания (продолжительность ее выполнения) и стоимость.

Так, например, чтобы 2-й контрагент выполнил работу *F* и поставил ее результаты головному исполнителю к моменту времени t_1, он должен был начать ее на t_{-2} единиц раньше предполагаемого времени заключения контракта головным исполнителем t_0. Соответственно продолжительность работы: $t_1 - t_0 + t_{-2}$, стоимость S_F.

Стоимость проекта головной организации (не выполняющей требование заказчика по времени) составляет сумма: $S_A + S_B + S_C + S_D + S_E + S_F$.

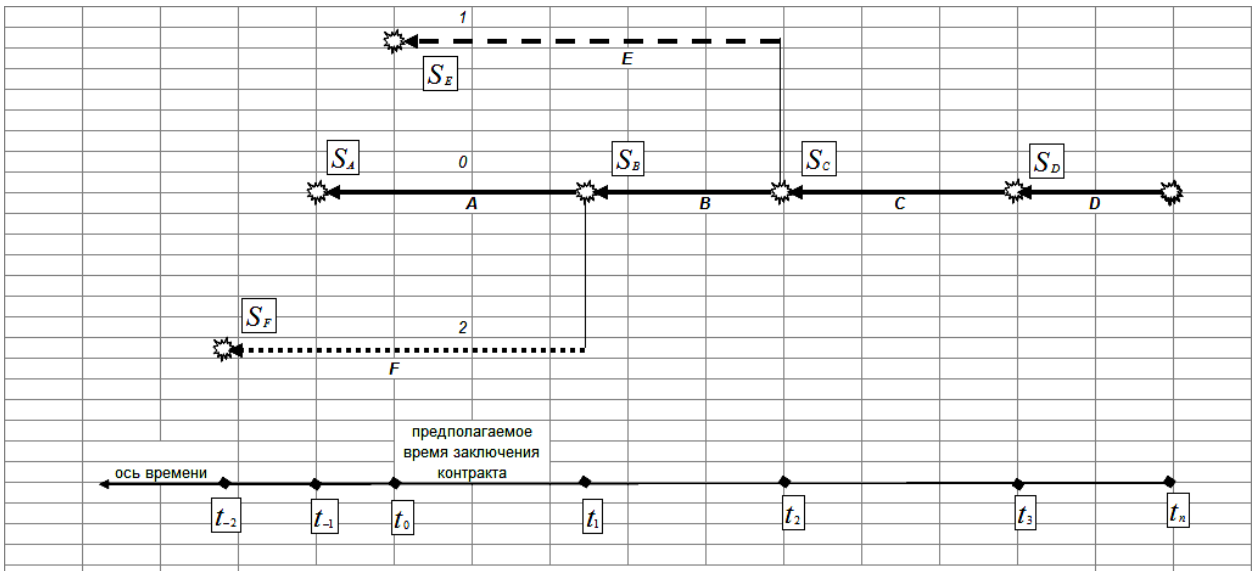


Рис. 4. Сетевая диаграмма реализации задания (проекта) головным исполнителем

Сетевая диаграммы PERT реализует идею метода динамического программирования (Беллмана), которая заключается в двух принципиальных моментах:

1. Диаграмма строится от временной точки, в которой задание (проект) должно быть выполнено (на рис. t_n). И в направлении движения обратному течению времени: от временной точки t_n к t_0;

2. На каждом шаге обратного движения (на стадии балансировки) осуществляется поиск оптимального варианта реализации работы (а частности, по минимуму времени). Например, на рис. 4 в точке t_2 оптимизируются работы *B* и *E* (работа 1-го контрагента).

Получив (предполагаемое, предварительное, прогнозируемое) задание: объем поставок образца техники (шт.) к конкретному моменту времени V_{t_n}, максимальная годовая поставка $\overline{V_{год}}$, головная организация приступает к оценке его реализуемости.

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/PERT

При этом возможны три сценария дальнейшего развития процесса.

1. Образец производился и поставлялся заказчику ранее в количествах, максимальная годовая поставка которых не превышала $\overline{V_{год}}$.

В этом сценарии имеют место: отработанная структура кооперационных связей головной организации (рис. 5) и действующие производственные (технологические) процессы на всех предприятиях этой структуры. По сути, оценка реализуемости (при условии, что по-прежнему функционируют предприятия, представленные на рис. 5) здесь сводится к корректировке и оптимизации стоимости поставок. В частности, к поиску замены «дорогого» предприятия в структуре кооперационных связей.

Рис. 5. Структура кооперационных связей головного исполнителя (пример)

2. Образец производился и поставлялся заказчику в предшествующие годы. Однако новая поставка V_{t_n} ($\overline{V_{год}}$) превышает годовые производственные возможности (мощности) одного или нескольких предприятий на рис. 5. В списке таких предприятий (назовем их «проблемными»), может оказаться и головная организация.

Проблемные предприятия формируют списки узких мест – действующих технологий, которые сдерживают необходимый производственный рост, разрабатывают инвестиционные мероприятия по их «расшивке», оценивают эффективность и стоимость мероприятий, передают эту информацию по кооперационным связям в головную организацию.

Обратим внимание на следующие важные моменты.

Во-первых, в сценарии 2 в общем случае участвует связка проблемных предприятий (технологий), которая к образцу техники привязывается через головную организацию. Во-вторых, за счет перераспределения объемов по производству образца техники между головными организациями возможна ситуация, когда одна и та же технология при одном варианте распределения может оказаться в списке проблемных технологий, в другом – нет. В-третьих, результативность “расшивки” будет иметь место только в случае финансирования и реализации инвестиционных мероприятий по всей связке проблемных технологий, идентифицируемых головной организацией и конкретным образцом техники, а не по одной или нескольким технологиям из этой связки. И, наконец, в-четвертых, финансирование «расшивки» технологий и финансирование производства образца может осуществляться из разных бюджетных источников, что предполагает необходимость четкого взаимодействия между распорядителями бюджетных средств (например, Минпромторгом и МО России).

3. Новый или модернизированный образец техники, т.е. тот, который ранее не производился и не поставлялся заказчику.

В этом сценарии головная организация начинает оценку реализуемости с конструкторской подготовки производства (разработки конструкции изделия, создания чертежей сборки изделия, сборочных элементов и отдельных деталей, запускаемых в производство). Может появиться также необходимость в разработке (приобретении), внедрении новой технологии непосредственно в головной организации.

Головная организация рассматривает варианты разработки, приобретения, внедрения новой технологии, оценивает их экономическую эффективность. Затем запускает заявку на возможность производства комплектующих изделий по вновь создаваемой структуре кооперационных связей. Далее каждый из предполагаемых контрагентов повторяет оценку реализуемости на своем уровне и определяет необходимость и эффективность создания и внедрения у себя новых технологий.

Таким образом, появляется связка новых технологий, требующих участия бюджетных средств, привязанная к головной организации и новому образцу техники.

Не исключено также, что применение действующих технологий потребует их расширения и соответствующих инвестиций в проблемные технологии (как в сценарии 2).

В предложенной трактовке проектного управления присутствуют два уровня: определяющий приоритеты поставок – заказчик (один распорядитель бюджетных средств) и предлагающий технологии – исполнитель (другой распорядитель бюджетных средств). Заказчик, следуя своим целевым установкам, перебирает различные наборы образцов техники и задания по ним до тех пор, пока бюджетные ресурсы, выделяемые исполнителю, не будут достаточны для того, чтобы обеспечить внедрение потребных для этого набора новых и проблемных технологий. Отобранные подобным образом наборы образцов техники и обеспеченные бюджетными ресурсами связки технологий, вполне вписываются в проектную деятельность, о которой говорится в Постановлении Правительства РФ № 1050 от 15.10.2016г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

Проиллюстрируем идею отбора технологий, внедряемых в составе процедур проектного управления, с помощью трансформированных данных табл. 5, где объем выделяемых бюджетных средств на внедрение технологий попрежнему составляет 8000 усл. ед. (табл. 6). В таблице указаны номера новых и проблемных (помечены специально) технологий. Связки технологий привязаны к соответствующим образцам (А, Б, В). Объем потребных бюджетных средств для организации производства по всем трем образцам составляет 10 500 усл. ед.

Таблица 6.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ПО СВЯЗКАМ ТЕХНОЛОГИЙ

образец/связка технологий	№ техногогии	потребные бюджетные средства, усл. ед.
А	1	800
	2 (базовая)	1600
	3	2400
	4	600
Б	5 (базовая)	1800
	6	800
	7	1600
	8 (базовая)	200
В	9	400
	10	600

Расчетная процедура реализуется в три шага.

На первом шаге заказчик составляет наборы производственных заданий по образцам (исполнитель вслед или синхронно с ним – связки внедряемых технологий). На втором шаге заказчик расставляет приоритеты, ранжирует, упорядочивает по важности наборы заданий (наборы технологий). На третьем шаге исполнитель последовательно с учетом приоритетов распределяет выделенные ему бюджетные средства между наборами технологий до тех пор, пока не будут выбраны все технологии бюджетные средства.

Отобранными (критическими в данном случае) считаются технологии, на которые хватило бюджетных средств.

Формализованная постановка задачи отбора технологий R_1 (по аналогии с задачей ***R***) описывается следующим образом.

Найти значения переменных x_k, $k = \overline{1, K}$ (0 или 1),

где k – индекс (номер) набора технологий;

K – количество наборов технологий,

которые максимизируют сумму:

$$\max \sum_{k=1}^{K} g_k x_k$$

при ограниченных бюджетных средствах $\overline{IC}$:

$$\sum_{k=1}^{K} IC_k \, x_k \le \overline{IC},$$

где IC_k, $\overline{IC}$ – соответственно бюджетные средства, выделяемые на внедрение технологий, и потребные бюджетные средства для k-о набора технологий.

Детализируем эту постановку с помощью числовых данных.

Количество *K* согласно табл. 7 составляют 7 наборов технологий: А, Б, В, АБ, АВ, БВ, АБВ. Там же представлены ранги наборов технологий (в ед.): чем выше ранг, тем важнее (для заказчика) набор внедряемых технологий. И потребные бюджетные средства для каждого набора.

Таблица 7.

ИСХОДНЫЕ НАБОРЫ ТЕХНОЛОГИЙ

наборы технологий	состав технологий	потребные бюджетные средства, усл. ед.	ранг важности (приоритет), в ед.
А	№ 1 - 4	5400	2
Б	№ 5 - 8	4400	2
В	№ 9,10	1000	1
АБ	№ 1 - 8	9800	4
АВ	№ 1 - 4, 9,10	6400	3
БВ	№ 5 - 10	5400	3
АБВ	№ 1 - 10	10500	7

Решением задачи R_1 являются значения

$$x_{БВ}, x_B = 1, x_A, x_Б, x_{АБ}, x_{АВ}, x_{АБВ} = 0.$$

Им соответствуют внедряемые технологии №№ 5 – 10.

Таким образом, в соответствии со вторым подходом к построению методики отбора внедряемых технологий критическими технологиями представляются связки новых и действующих технологий, требующих расширения производственных возможностей, которые направлены на производство и поставку приоритетной продукции, обеспеченные необходимыми бюджетными ресурсами.

Технологии, выбранные для внедрения в результате решения задачи R_1 (табл. 7), не исчерпывают весь объем выделенных бюджетных средств: 6400 усл. ед. против 8000. Подобная ситуация характерна для использования в третьем подходе к построению методики отбора технологий, внедряемых с использованием бюджетных средств, когда не вся номенклатура производственных заданий, поступающих от заказчика, реализуется с помощью проектного управления, а только их ограниченная часть. В этом случае методика отбора технологий вначале использует алгоритмы второго подхода, а на оставшиеся бюджетные ресурсы распространяются алгоритмы первого подхода.

Так для распределения остатка бюджетных средств (1600 усл. ед.) следует обратиться к постановке задачи ***R***. Ее решениями будут внедряемые технологии с №№ 1 и 4: потребляемый объем бюджетных средств 1400 усл. ед.; суммарная предпочтительность технологий – 159.

Итоговое объединяющее определение критических технологий:

– связки новых и действующих технологий, требующих расширения производственных возможностей, которые направлены на производство и поставку конкретной приоритетной продукции,

и/или

– технологии, по которым прогнозируется максимальная экономическая эффективность по сравнению с технологиями, участвующими в конкурсном отборе на получение государственной поддержки, обеспеченные необходимыми для их разработки и внедрения бюджетными ресурсами.

Совокупность удовлетворяющих этому определению технологий образует Перечень промышленных критических технологий.

В заключение отметим одно важное обстоятельство. При решении задачи R_1 в двух связках выбранных технологий (В и БВ) находятся одинаковые технологии с №№ 9, 10. Это значит, что здесь присутствует объект для оптимизации технологических заделов (сокращения расходов бюджетных средств).

Сливицкий А.Б.
начальник сектора ГосНИИАС

КОНЦЕПЦИЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ, ПРОИЗВОДСТВ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова*: готовность технологии, оценка уровня готовности, производственная готовность, технология, уровень готовности технологии, уровень производственной готовности.*

Keywords*: technology readiness, readiness assessment level, production readiness, technology readiness level of technology, the level of production readiness.*

Одной из важнейших задач, стоящих на повестке дня таких межгосударственных объединений как ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС, является задача формирования единого инновационно-технологического пространства. Решение этой задачи является областью приложения системного анализа и заключается в комплексном применении целого спектра механизмов правового, информационного, технического и управленческого характера на основе унификации и стандартизации подходов к представлению данных, описанию технологий, инновационного процесса и управлению инновационно-технологическим развитием.

Представляется, что одним из перспективных механизмов унификационного и стандартизационного характера, призванных лежать в основе интеграционного процесса в инновационно-технологической сфере тесно взаимодействующих государств, может стать концепция оценки уровня готовности технологий [1–7], производств и т.д., обеспечивающая единство понимания стадий процесса создания технологий, техники и производств.

Развивая данный тезис, следует отметить, что с 1980-х годов в западной школе управления, применительно к управлению научно-техническими разработками, сформировался (и активно развивается) новый подход (назовём его «готовностный подход»), опирающийся на концепцию готовности объекта управления к штатному использованию. Концепция зиждется на понятии «готовность» (или «зрелость») некоего объекта. Данное понятие используется для описания процесса эволюции объекта управления: от его замысла, идеи до начала его штатного использования с извлечением коммерческой выгоды.

Авторами «готовностного подхода» выделяются и чётко отграничиваются специальные уровни готовности. Каждый уровень имеет свою характеристику. Любой объект в процессе своего эволюционирования последовательно проходит все уровни готовности. Подобное деление непрерывного процесса эволюции является основой управления объектом.

Объектами управления являются: технология, техника, производство и т.п.

Концепция оценки готовности представляет собой специальную систему (модель) уровней готовности (УГ), имеющую форму специальной шкалы характеристик состояния разработок, эволюционирующих во времени. В рамках концепции сформулированы принципы (критерии) оценки состояния – контрольные точки принятия решения и методы отнесения некоторой конкретной разработки к некоторому конкретному УГ. В качестве примера, демонстрирующего данный концептуальный подход, можно привести наиболее известную шкалу оценки уровня готовности технологий, см. рис. 1.

Используемая классификация отражает состояние исследовательских программ в зависимости от текущего УГТ[1]. Модель TRL объективирует оценку готовности, упрощает разработчикам и заказчикам контроль над ходом разработки (в т.ч. на этапе НИОКР) и выбор максимально готовых к системной интеграции и промышленному внедрению технологий. Шкала оценки УГТ позволяет проводить ранжирование технологий по степени их зрелости (готовности), начиная с самой незрелой стадии (УГТ 1) и заканчивая наиболее зрелой стадией (УГТ 9), использованием технологии в штатной, серийно выпускаемой системе (объекте техники, в том числе АТ), см. рис. 1. Шкала обеспечивает сравнимость, казалось бы, несопоставимых технологий, благодаря их стандартизованному описанию.

Каждому УГТ приписывается определённый технический риск (или определённый диапазон значений риска). Риск уменьшается пропорционально увеличению степени готовности технологии, см. рис. 1.

Таким образом, весь этот формализм позволяет сторонам (субъектам) процесса разработки сложных технических систем (СТС) проводить стандартизованную объективную оценку рисков и привлекать финансирование под конкретные мероприятия по «выращиванию», доводке конкретных технологий, то есть по целенаправленному повышению их УГ, а не на абстрактное «развитие отрасли» в целом.

[1] В английской транскрипции уровень готовности технологии это: Technology Readiness Level (далее – TRL).

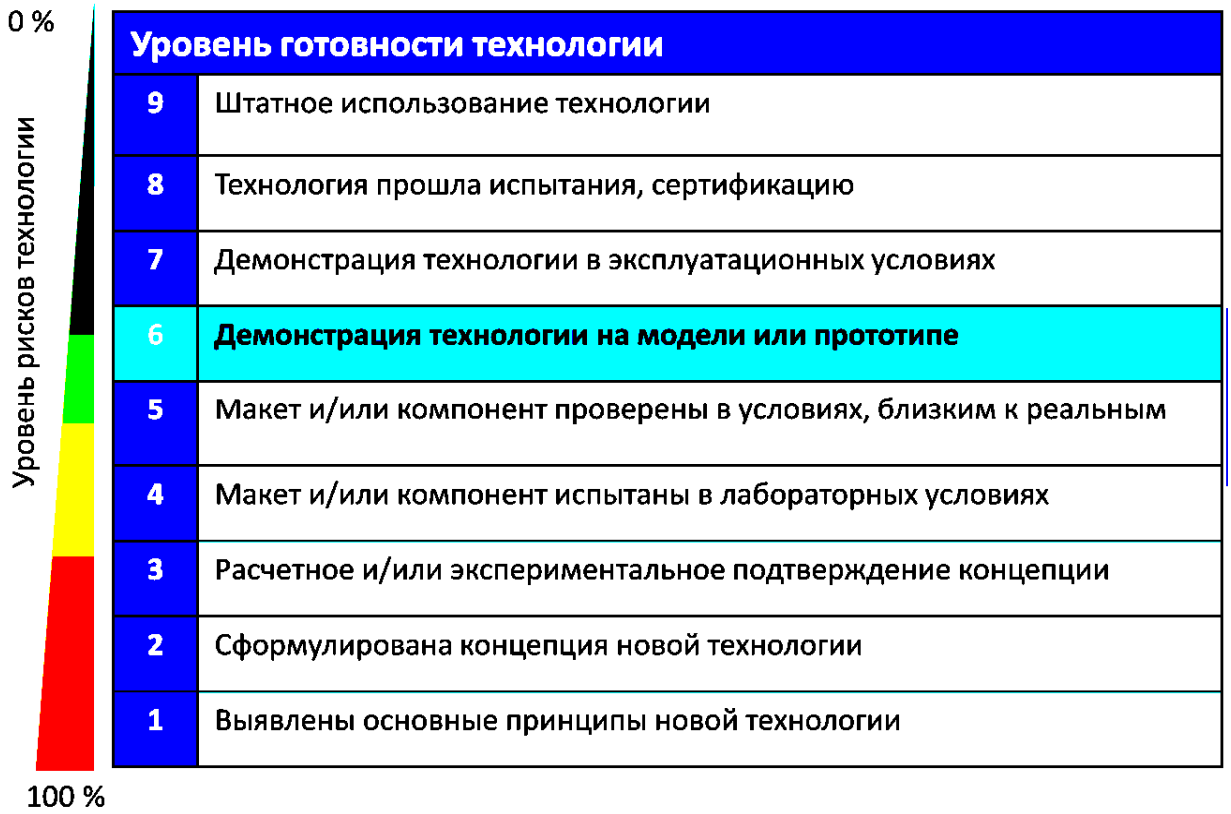


Рисунок 1.
Система (модель) уровней готовности технологий с нанесенной шкалой уровня технологических рисков

К настоящему времени методология оценки УГ как совокупность объективных и надежных методов (инструментов), необходимых для точной оценки технологической зрелости и дающих представление о рисках, которые приводят к перерасходу средств, отставанию от графика, и снижению производительности сильно разрослась. Сформулирован целый спектр качественных и количественных методов, используемых для оценки технологической и производственной готовности, см. табл. 1. Более того, разработаны методы (шкалы) оценки технологической зрелости и готовности государств вообще.

Таблица 1

Качественные и количественные методы, используемые для оценки готовности технологий, см. [7]

Методы	Описание
Качественные методы оценки зрелости	
Уровень производственной готовности (УПГ; MRL)	MRL – это 10-уровневая шкала, используемая для определения текущего уровня производственной зрелости, определения дефицита зрелости и связанных с этих рисков, и обеспечения управления созреванием производственных технологий и сопутствующими рисками
Уровень готовности к интеграции (IRL)	IRL – это 9-уровневая шкала, предназначенная для систематического измерения зрелости, совместимости и готовности различных технологий к интеграции и последовательного систематического поиска различных комбинаций интегрируемых технологий в интересах нахождения максимального синергетического эффекта. Это средство снижения рисков неудачи при объединении разрозненных технологий в систему
Уровень готовности несистемных технологий	Расширение определений TRL на такие несистемные технологии как процессы, методы, алгоритмы и инженерную архитектуру
Уровень готовности для программного обеспечения	Расширение метрики TRL признаками, используемыми при разработке программного обеспечения
Уровень готовности технологии к трансферу (передаче) (TRRL)	TRRL – 9-уровневая шкала, описывающая готовность технологии к передаче для применения в другой сфере иным пользователем. Данный метод расширяет и изменяет понятийный аппарат TRL для лучшего соответствия целям и специфики процесса трансфера технологий
Контрольный список агентства противоракетной обороны	Сделанная на заказ версия метрики TRL, описывающая зрелость аппаратных средств через жизненный цикл развития продукта
Шкала риска Морехуса	9-уровневая шкала, наносящая на карту прогрессию риска, аналогичную прогрессии зрелости технологий. Описания TRL адаптированы в интересах описания БПЛА
Научно-исследовательская степень трудности ($R\&D^3$)	$R\&D^3$ – 5-уровневая шкала, предназначенная для того чтобы характеризовать трудность достижения, следующего (желаемого) уровня TRL. 5 – максимальная трудность, а 1 – наименьшая трудность
Степень продвижения трудности (AD^2)	Метод уточняет шкалу $R\&D^3$, оценивая трудность продвижения технологии от ее текущего уровня до желаемого уровня 9-уровневой шкалой

Количественные методы оценки зрелости	
Системный уровень готовности (SRL)	SRL – это нормализованная матрица попарных сравнений TRL и IRL систем. Это – количественный метод, обеспечивающий понимание системной зрелости как продукт IRL×TRL
Модель оптимизации системного уровня готовности (SRLmax)	SRLmax – это количественная математическая модель с максимизацией SRL при ограничительных ресурсах. Цель SRLmax – достижение максимально возможного уровня SRL на доступном множестве ресурсов таких, как стоимость и расписание
Технологическая готовность и оценка степени риска (TRRA)	TRRA – это количественная модель оценки риска, которая включает TRL, степень трудности ($R\&D^3$) перемещения технологии от одного TRL до другого и значение потребности в технологии (TNV). TRRA расширяет понятие матрицы риска, объединяя «вероятность неудачи» на оси Y и «последствии неудачи» на оси X
Интегрированная технологическая аналитическая методология (ITAM)	ITAM – это количественная математическая модель, которая объединяет различные системные метрики в интересах вычисления совокупной зрелости системы, основанная на готовности составляющих её первичных технологий. Системные метрики включают TRL, ΔTRL, $R\&D^3$ и TNV
Уровень готовности технологии для программного обеспечения готового продукта (NDI)	NDI – это математический метод для оценки зрелости программного обеспечения с использованием ортогональных метрик в сочетании с матрицей сравнения, чтобы исследовать две эквивалентных технологии, которые являются кандидатами на вставку в систему. Включает другие признаки, такие как удовлетворение требований, охрана окружающей среды, критичность, доступность продукта и зрелость продукта
Технологическая метрика вставки (TI)	TI включает интеграцию различных метрик, которые имеют дело со вставкой технологии и подсистем в существующую систему в интересах разработки «расширенной системы». Метрика TI – метрика высокого уровня, вычисленная из подметрик, или измерений, предназначенных для оценки риска и возможности введения технологии на подсистемном и системном уровне
TRL кривая расписания рисков	Это количественная модель, которая не сообщает зрелость технологии в определенный момент времени, но вместо этого использует TRL, чтобы определить соответствующие края графика, связанные с каждым уровнем TRL, чтобы смягчить промахи графика

В дополнение к показателям готовности, перечисленным в таблице 1, существуют другие показатели уровня готовности (в том числе, связанные с готовностью проекта). Специалисты выделяют [7]:

Capability Readiness Levels – уровни готовности способности (возможности) самой оценки готовности;

Human Readiness Levels – уровни готовности человеческого (кадрового) потенциала;

System Readiness Levels (SRL) –уровни готовности системы (системные уровни готовности);

Logistics Readiness Levels – уровни готовности логистических систем;

Operational Readiness Levels – уровни готовности к эксплуатации (эксплуатационные уровни готовности);

Design Readiness Levels – уровни готовности внешнего облика (дизайна);

Software Readiness Levels – уровни готовности программного обеспечения;

Innovation Readiness Levels – уровни готовности инноваций (инновационные уровни готовности);

Programmatic Readiness Levels – уровни готовности программы (программные уровни готовности).

Применительно к описанию готовности технологий уже традиционной стала 9-ти уровневая шкала УГТ, составленная по принципу «от простого к сложному», разработанная в НАСА. Шкала точек принятия решения об успешном прохождении УГТ имеет вид:

1. Основные принципы изучены и усвоены (да, нет).
2. Сформулирована технологическая концепция и ее приложение (да, нет).
3. Верифицированы концептуальные критические функции и характеристики (аналитическая и экспериментальная) (да, нет).
4. Испытаны компоненты и макет в лабораторных условиях (да, нет).
5. Испытаны компоненты и макет в натурных условиях (да, нет).
6. Проведена демонстрация модели или прототипа системы /подсистемы в натурных условиях (наземные или полетные) (да, нет).
7. Проведена демонстрация прототипа системы в требуемых реальных условиях (да, нет).
8. Реальная система выполнена и сертифицирована в испытаниях и демонстрации (на земле и в полете) (да, нет).
9. Реальная система выполнила требуемую задачу (да, нет).

Основной целью применения концепции (методологии) УГТ является помощь управленческому персоналу в принятии решений, касающихся перехода на следующие стадии развития или использования технологии.

Логично предложить следующее определение шкалы уровней готовности: «шкала уровней готовности есть система показателей, определяющих уровни готовности (зрелости) некоего продукта на различных этапах его разработки».

А определение УГ можно сформулировать в виде: «уровень готовности – это индикатор или показатель состояния процесса разработки, позволяющий в рамках формализованной шкалы оценить степень ее готовности (зрелости) для практического использования при разработке и производстве инновационной продукции и принять решение о целесообразности продолжения работ и успешном завершении процесса разработки».

Достижение каждого следующего УГ технологиями (и производством) повышает гарантию эффективности управления этим процессом и снижает риски неудачи программ создания СТС. В случае отрицательного ответа на вопрос, задаваемый в контрольной точке следует: либо вернуться в начало этапа (уровня готовности), давшего отри-

цательный результат и пройти его заново, либо принять решение о возвращении на два и более уровня назад для их повторного прохождения. Осуществлять развитие для перехода на следующий УГТ, не закончив полностью работы по достижению текущего уровня, возможно, но нежелательно, так как существенно повышаются риски из-за потери системности в развитии (ухода от более глубокого освоения набора требований каждой ступени).

Метод применения (использования) модели УТГ состоит из следующих этапов (представим следующим алгоритмом действий):

1) выделение самостоятельных (независимых) технологий;

2) сопоставление каждой из них со специальной шкалой оценки уровня готовности (УГ);

3) приписывание каждой из оцениваемых технологий определенного УГ, формально характеризуемого определенным техническим риском реализации;

4) обоснование необходимости повышения УГ данной технологии;

5) разработку программы доводки;

6) подготовку сводной информации о всех нуждающихся в доводке технологиях;

7) оценку потребных ресурсов для доводки технологии;

8) оценку рассогласования между имеющимися и запрашиваемыми ресурсами;

9) определение приоритетных (критических) технологий, доводку которых необходимо осуществить в первую очередь;

10) повторное выполнение пунктов 4–9 настоящего алгоритма, при необходимости;

11) подготовку решения о выделении ресурсов;

12) проведение через определенный промежуток времени новой оценки УГ и повторение всего цикла.

Весь этот формализм позволяет сторонам (субъектам) разработки СТС проводить стандартизованную объективную оценку рисков и привлекать финансирование под конкретные мероприятия по «выращиванию», доводке конкретных технологий, то есть по целенаправленному повышению уровня их готовности (зрелости).

Таким образом, основной целью использования концепции УГТ является помощь управленческому персоналу в принятии решений, касающихся перехода на следующие стадии развития или использования технологии.

Преимущества данного метода ранжирования возможных состояний процесса создания технологий таковы:

- объективность оценки состояния разработки технологии;
- обеспечение общего понимания статуса (состояния) конкретной технологии и всего НТЗ;
- понятное управление рисками;
- использование для принятия решений, касающихся финансирования технологий;
- использование для принятия и контроля выполнения решений, касающихся перехода технологии на следующий уровень зрелости (готовности).

К недостаткам можно отнести:

- увеличение отчетности, объема документации и необходимость формирования специальной базы данных или отдельной информационной системы;
- для самой оценки используют субъективные таблицы входящих параметров («калькуляторы»);
- относительно новый метод требует времени для освоения, чтобы отследить последующее воздействие на систему;
- необходимо внесение изменений в действующую нормативную правовую и инструктивную регламентную базу.

Использование понятия «уровень готовности» (см. выше) может быть выгодно в ряде случаев по следующим направлениям:

- формализация процедур управления НИОКР;
- поэтапное финансирование НИОКР;
- внедрение в компании современных управленческих технологий, как организационных, так и производственных;
- привлечение инвестиций, продажа бизнеса, выход на международный рынок в качестве продавца или в качестве покупателя.

Таким образом, описанная классификация отражает состояние исследовательских программ в зависимости от текущего УГ. Модель TRL объективирует оценку готовности технологий, упрощает разработчикам и заказчикам контроль над ходом их разработки и выбор максимально готовых к системной интеграции и промышленному внедрению технологий.

Шкала оценки УГТ позволяет проводить ранжирование технологий по степени их зрелости (готовности), начиная с самой незрелой стадии (УГТ 1) и заканчивая наиболее зрелой стадией (УГТ 9) – использованием технологии в штатной серийно выпускаемой системе (объекте техники) и обеспечивать сравнимость, казалось бы, несопоставимых технологий, благодаря их стандартизованному описанию.

В целом методология (система) УГТ предусматривает градацию УГТ, методики оценки УГТ, назначение ответственных за оценку лиц, специальный порядок подготовки управленческих решений и пр.

Основная идея методологии оценки уровня производственной готовности (УПГ) – эффективно вести проекты по созданию и развитию (модернизации) производства (производственно-технологической базы – ПТБ) через управление отдельными этапами создания (развития, модернизации): от констатации дефицита ПТБ до коммерческого запуска, через формирование замысла (концепции) новой ПТБ и её реализацию. Успешное прохождение каждого этапа реализации будет повышать готовность ПТБ к началу производства АТ при одновременном снижении технических рисков.

Методология оценки УПГ зиждется на специальном понятийном аппарате (понятиях: производственная готовность, уровень производственной готовности) и методологических принципах. В неё входит модель оценки УПГ, метод её – модели оценки УПГ – построения (формирования), а также метод применения (использования) модели оценки УПГ.

УПГ – это индикатор или показатель состояния процесса подготовки (создания) производства, позволяющий в рамках формализованной шкалы оценить степень зрелости нового или модернизируемого производства инновационной продукции и принять решение о целесообразности продолжения работ и успешном завершении процесса разработки.

Шкала УПГ есть система показателей, определяющих уровни производственной готовности (зрелости) на различных этапах создания производства.

Базис методологии оценки УПГ составляют следующие научные подходы: системный, процессный, проектный и ситуационный, реализуемые в данной методологии в виде следующих методологических принципов:

- эволюционное развитие ПТБ;
- разделение эволюционного процесса создания ПТБ на этапы и точки принятия решения (ТПР);
- формализованное описание содержания каждого этапа создания ПТБ и достигаемых в ТПР результатов;
- принятие управленческих решений о ходе и продолжении (окончании) этапа развития ПТБ в специальных ТПР;
- уменьшение технических рисков, разрабатываемых производственных технологий и ПТБ, соответственно увеличению их готовности;
- параллельность проектных работ по созданию СТС и ПТБ;
- объединение всех параллельных работ по созданию АТ и ПТБ единой целью – моментом завершения разработки АТ и началом производства АТ.

ИП формирования ПТБ заключается в создании благоприятных условий для её эволюционирования во времени при прохождении некоторых этапов развития. Главный смысл подхода к описанию процесса развития ПТБ – описание её развития через разделение процесса развития ПТБ на отдельные этапы.

Нарастающая, в зависимости от степени производственной готовности, то есть построенная на основе принципа «от простого к сложному», последовательность (шкала) точек принятия решения об успешном прохождении ПТБ УПГ имеет вид:

1. Сделаны выводы относительно основных производственных потребностей (да, нет).
2. Определена концепция производства (да, нет).
3. Подтверждена производственная концепция (да, нет).
4. Достигнута возможность изготовления технических средств в лабораторных условиях (да, нет).
5. Достигнута возможность изготовления прототипов компонентов систем в соответствующих производственных условиях (да, нет).
6. Достигнута возможность изготовления прототипов систем и подсистем при наличии готовых элементов основного производства (да, нет).
7. Достигнута возможность изготовления систем, подсистем или их компонентов в условиях, близких к реальным, и при завершенных конструкторских расчетах (да, нет).
8. Испытана пилотная производственная линия, достигнута готовность к началу мелкосерийного производства (да, нет).
9. Успешно продемонстрирована возможность мелкосерийного производства, подготовлена база для полномасштабного производства (да, нет).
10. Налажено полномасштабное производство с участием субподрядчиков (да, нет).

Приведенная последовательность (шкала) точек принятия решения об успешном прохождении ПТБ УПГ представляет собой систему критериев (принципов), позволяющую констатировать успешное прохождение ПТБ определённого УПГ и получение ею нового качественного состояния (статуса).

Методология оценки УПГ – это операционная основа, или шаблон, для управления процессом создания ПТБ. Основной целью использования методологии оценки УПГ является помощь управленческому персоналу в принятии решений, касающихся перехода ПТБ на следующие стадии её создания или развития (модернизации).

Преимущества данного метода ранжирования состояний производств таковы:

- объективность оценки состояния разработки ПТБ;
- обеспечение общего понимания статуса конкретного производства и всей ПТБ;
- понятное управление рисками;
- использование для принятия решений, касающихся финансирования создания (развития, модернизации) ПТБ;
- использование для выполнения решений, касающихся перехода ПТБ на следующий УПГ.
- Методология оценки УПГ – отражает состояние программ создания ПТБ в зависимости от текущего УПГ. Модель MRL объективизирует оценки готовности ПТБ, упрощает разработчикам и заказчикам контроль над ходом её разработки. Она позволяет сторонам (субъектам) разработки ПТБ проводить стандартизованную объективную оценку рисков и привлекать финансирование под конкретные мероприятия по «выращиванию», доводке конкретных производств, то есть по целенаправленному повышению их УГ.

Методология (система) УПГ предусматривает градацию УПГ, методики оценки УПГ, назначение ответственных за оценку лиц, специальный порядок подготовки управленческих решений и т.п.

В настоящее время методология оценки УПГ (MRL), как одно из перспективных направлений развития управленческой методологии – носит в странах Запада статус «лучшей практики», то есть в силу своей новизны она ещё не вошла в обязательные нормы и правила управления разработками и пока что является самым передовым опытом.

Оптимальное сочетание УГТ и УПГ становится ключевым инструментом для управления рисками на всех этапах разработки, моделирования, тестирования, производства, эксплуатации и обеспечения новой конкурентоспособной техники. При этом в условиях стремительного развития научно-технического прогресса больше внимания следует уделять подготовке промышленно-производственной базы, которая должна обеспечить выпуск и дальнейшую модернизацию перспективных рыночно-ориентированных продуктов.

В результате применения описываемых систем УГТ и УПГ, риск создания нового образца техники (в том числе авиационной) постоянно снижается, а это важный экономический фактор. Понятный прогнозируемый риск, позволяет привлекать необходимые инвестиции. Позволяет производителю осуществлять маркетинг (формировать спрос) и производить продажи еще не построенного образца техники в коммерчески выгодных для себя масштабах.

Система оценки готовности технологий и производства может быть использована:

- при управлении инновационным развитием производственно-технологической базы;
- при управлении использованием и развитием материально-технической базы;
- при создании системы объективной вневедомственной оценки результативности деятельности научных организаций;
- при формировании государственных приоритетов технологического и инновационного развития Российской Федерации;
- при разработке стратегий технологического и инновационного развития Российской Федерации.
- при формирования единого инновационно-технологического пространства государств ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС.

В интересах нормативного закрепления системы оценки УГТ и УПГ на национальном уровне (в Российской Федерации) необходимо проработать такие вопросы как:

- закрепление на законодательном уровне определений понятий «производственная готовность», «уровень производственной готовности» («технология», «готовность технологии», «уровень готовности технологии»);
- закрепление на нормативном правовом уровне полномочий Правительства Российской Федерации, Минпромторга России, генеральных конструкторов и т.д.;
- разработка предложений по структуре систем оценки УГТ и УПГ и функциональному назначению её основных элементов – субъектов оценочной деятельности;
- разработка предложений по организации деятельности по сертификации и лицензированию оценочной деятельности в рамках систем оценки УГТ и УПГ;
- разработка проектов указа Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации о создании и внедрении системы оценки УГТ и УПГ;
- разработка ведомственной документации о создании и внедрении системы оценки УГТ и УПГ – проектов положений, регламентов, порядков, инструкций по организации и работе системы оценки УГТ и УПГ;
- разработка системы информационно-аналитического обеспечения систем оценки и разработка базы данных об уровнях готовности технологий и промышленной готовности в целях информирования заинтересованных организаций;
- разработка предложений по специальному образовательному курсу и подготовка методических рекомендаций и пособий.

В интересах нормативного закрепления системы оценки УГТ и УПГ на наднациональном межгосударственном уровне (в государствах ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС) необходимо:

- внедрить концепцию УГ на национальном уровне;
- провести проработку на экспертном уровне и разработать согласованные предложения от государств ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС;
- разработать пакет межгосударственных соглашений о применении концепции УГ в том числе о взаимном признании соответствующих систем оценки УГ.

Резюмируя следует отметить, что описанная концепция оценки уровня готовности технологий и уровня готовности производств может быть эффективным механизмом формирования единого инновационно-технологического пространства.

Список литературы

1. Алёшин Б.С. О новой концепции организации научных работ // Новости ЦАГИ. 2010. – № 5(85).
2. Буренок В.М., Ивлев А.А., Корчак В.Ю. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация. – Тверь: Купол, 2009.
3. Клочков В.В., Николенко В.Ю. Современная организация создания авиатехники: монография. – М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2013.
4. Скибин В.А., Солонин В.И. Современная методология // Машиностроение. Энциклопедия. Самолеты и вертолеты. Т. IV-21. Авиационные двигатели. Кн.3 / В.А. Скибин, В.И. Солонин, Ю.М. Термис и др.; под ред. В.А. Скибина, Ю.М. Термиса и В.А. Сосунова. – М.: Машиностроение, 2010.
5. Сливицкий А.Б. Актуальные проблемы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности. // Межотраслевая информационная служба. 2014. – № 3.

6. Сливицкий А.Б. Совершенствование инструментария выбора государственных приоритетов, механизмов разработки и реализации стратегий инновационного развития // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. Ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 270–278.
7. Fernandez J.A. Contextual Role of TRLs and MRLs in Technology Management. 2010. – http://prod.sandia.gov/techlib/access-control.cgi/2010/107595.pdf

Сухарев О.С.
д.э.н., профессор, зав. сектором Института экономики РАН

«ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА»: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ключевые слова: *инновации, старые и новые технологии, промышленная политика, проектный подход, экономические изменения.*
Keywords: *innovation, old and new technology, industrial policy, project approach, economic changes.*

1. «Инновационная экономика»: проблемы развития

Позитивная динамика роста инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме в экономике за период 2010–2014 гг. (с 5 до9%), а также роста аналогичного показателя в промышленности с 7 до почти 12,8% не означает, что произошло значительное повышение технологического уровня российской промышленности. Структура затрат в обрабатывающих секторах остаётся неизменной: на материальные затраты приходится порядка 70%, на заработную плату – 12–15%, что создаёт базовое условие по недооценке «трудового фактора» развития промышленности и её интеллектуальной базы. Инвестиции в основной капитал осуществляются в основном за счёт собственных средств (60-65%), привлечённые средства составляют около 40%, к тому же при повышении процентных ставок в 2014–2015 гг. эта структура изменилась ещё более в пользу собственных средств. Учитывая проблемы со спадом в 2015 г. в отдельных секторах промышленности, дефицит инвестиций в основной капитал является очевидным. Наличие подобных структурных проблем сказывается как на возможности осуществления инновационной деятельности на промышленных предприятиях, так и на структуре инновационных результатов, сдвигая их все больше в область тиражирования, копирования, освоения, некоторого усовершенствования и т.д.

Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки на 10 000 занятых в экономике России в период 2010–2014 гг. практически не изменилась, составив 54,6 чел. в начале периода и 55,1 чел. в конце периода, снизившись в 2013 году до 54,3 чел.[1] Положительная динамика в области «инновационной экономики», по идее, должна отражать увеличение числа исследователей, если речь идёт о базовых основах получения инновационных результатов, которые без НИОКР и фундаментальных разработок представить невозможно.

Инновационная экономика, на наш взгляд, должна характеризоваться долей инновационных результатов как минимум в 15–20% и в их структуре должны серьёзно преобладать продуктовые и технологические инновации. При всём этом общий технологический уровень экономической системы и промышленности должен увеличиваться.

Технологический уровень снижается и по добыче, и по обработке, даже несмотря на тот факт, что в тот же период доля инновационных работ, услуг в общем объёме возросла по экономике в целом с примерно 5,5 до 9% и по промышленности до 12%. Эта проблема и эффект, скорее всего, связаны со статистическим учётом инноваций по форме 4, где фигурируют пять типов инноваций: технологические, продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные. Причём инновацией считается и усовершенствование – такое, которого не было на данном предприятии или рынке. Иными словами, учёт инноваций «скрадывает» эффект тиражирования и воспроизведения прошлых результатов (например, НИОКР). Доля инноваций может возрастать, а общий технологический уровень, который можно измерять, например, изменением величины добавленной стоимости на единицу используемого ресурса, может снижаться. Важно также отметить, что анализ расходов на старые и новые технологии показывает[2], что общий технологический уровень для России повышали именно расходы на старые, а не на новые технологии, причём доля последних была низка, около 1,0–1,14% ВВП за период 2008–2014 гг. Доля расходов (на поддержку или использование) в старые технологии составляла порядка 13–15,5% ВВП. Это подтверждается эмпирически по российской экономике в период 2000–2015 гг.

Следовательно, чувствительность расходов по новым технологиям ниже, нежели чувствительность по старым технологиям. Это даёт повод утверждать, что важна структура распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями, а «перераспределительная» логика существовавшей промышленной политики должна быть заменена на логику поощрения консервативных (а не только инновационных производств) и на создание нового ресурса (подобно тому, как в советскую индустриализацию создавались сектора промышленности).

В российской экономике наблюдался следующий эффект: число «старых» технологий сокращалось примерно с 17 до 12 тыс. штук, то есть на 5 тыс. штук с 2010 по 2014 гг., а «новые» технологии возросли с примерно 600 до

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики, доступные по адресу http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/1.2.4.xlsx

[2] Примем, что расходы на новые технологии представляют собой расходы на НИОКР, а на старые – разницу между всей величиной инвестиций в нефинансовые активы предприятий и расходами на НИОКР.

1450 штук, то есть почти на 900 штук (по данным Росстата, под «старыми» имеются в виду используемые передовые технологии, под «новыми» – вновь созданные передовые технологии). Исследований, показывающих, что такое соотношение сокращения одних технологий и роста других вызвано их замещением, не обнаруживается. Учитывая, что слишком высока разница по числу сократившихся и созданных технологий, а также учитывая связь величины расходов на старые и новые технологии и общего технологического уровня, можно утверждать с учётом эффекта замещения, что для российской экономики справедливо считать наличие потерь по уже освоенным технологиям превосходящим незначительное увеличение новых технологий. В свою очередь «новые» технологии получали на развитие весьма ограниченные ресурсы согласно введённым приоритетам и программам.

Согласно данным Счётной Палаты РФ к исходу 2015 года из примерно 650 крупных проектов по Федеральным целевым программам (ФЦП) было выполнено около 40. Программирование промышленного развития строится без учёта задач обновления фондов, решения проблемы повышения технологичности производства и развития техноструктуры.

Еще раз отметим, что рост инновационной активности промышленных предприятий (удельного веса инновационных товаров, работ услуг) по специфике статистического учёта согласно форме 4 включает пять типов инноваций – технологические, продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные. Кроме того, статистические службы оценивают как инновацию новые или значительно усовершенствованные продукты, технологии, процессы, услуги, включая способ передачи услуги, причём новизна рассматривается относительно организации, но не для рынка, безотносительно к тому, кто разработал инновацию – это или иное предприятие. Тем самым в учёт заложена регистрация тиражирования новации, имитации, а также оценки степени усовершенствования, которая по многим видам инноваций точной быть не может. Эти искажающие обстоятельства находят отражение в общей цифре статистики по инновациям, в то время как технологичность рассматриваемой экономической системы может, как вариант, сокращаться. В этом и состоит парадокс «инновационной экономики» – высокая технологическая гонка, требующая всё большего объёма ресурсов на инновации, во-первых, подводит экономическую систему к кризису, когда инновации заканчиваются конкурентным поражением для критической массы фирм, либо исчерпанием их ликвидности, во-вторых, общая позитивная динамика по параметру инновации и инновационной активности может скрыть подлинное снижение технологического уровня промышленности и потерь конкурентоспособности. В частности, могут быть потеряны так называемые «старые» или классические технологии, отсутствие которых служит само по себе ограничением для «инновационного рывка», так как в технических системах далеко не всегда возможно перепрыгнуть через этап развития в силу технологических, кадровых (образовательных), инвестиционных и других ограничений.

Таким образом, структура «старые – новые» технологии, как и решение задачи распределения инвестиций в рамках этой структуры, будут оказывать сильное влияние на организацию экономического роста на новых факторах, особенно в обрабатывающих секторах. От длительности и устойчивости этого роста будет зависеть экономическое будущее страны. Здесь возникает несколько задач, требующих решения: во-первых, преодоление сырьевой зависимости за счёт увеличения несырьевого экспорта и наращения несырьевых доходов бюджета, во-вторых, замещение импорта и реализация программ развития обрабатывающих секторов промышленности, в том числе за счёт использования технологий оборонно-промышленного сектора и эффективного программирования его функционирования.

Рост инноваций, регистрируемый средствами статистики, в российской экономике отражает и специфику учёта. Выделяют пять типов инноваций: технологические, продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые. Система учёта организована так, что если на предприятии инновация используется впервые, то она учитывается как инновация[1]. Таким образом, подлежит учёту процесс тиражирования инноваций, что нивелирует подлинную величину инноваций в экономике. Развитие инновационной деятельности в промышленности зависит от состояния и взаимодействия трёх крупных подсистем: технической, институциональной и финансовой. Конечно, важно принимать во внимание тот аспект, что учёт пяти типов инноваций предполагает и определение наибольшего взноса конкретными типами. Так, если организационные инновации или маркетинговые преобладают, то это особенным образом характеризует данную экономическую систему. Другое дело, что названные типы инноваций не дадут большого взноса в стоимостном измерении, поэтому влиятельными будут продуктовые и технологические инновации в общей структуре инноваций.

Оценка новых методов ведения бизнеса либо маркетинговых инноваций (упаковка, продажи, реклама и т.д.) будет во многом условна. Однако структура инноваций будет являться сильной характеристикой эволюции системы, подобно тому, как определение структуры новых комбинаций по Шумпетеру (также пять типов) будет в аналогичном смысле являться характеристикой развития экономики. Насколько нам известно, именно такая структура не определяется для различных экономических систем и не используется в анализе проблем их совместной эволюции. С точки зрения определения и уточнения действия технологических факторов экономического роста, такая задача была бы крайне актуальной и важной.

Обратившись к трём выделенным подсистемам экономики, влияющим на инновационные результаты, отметим, что финансовая система, слагаемая в организационном смысле банками, включая и ЦБ РФ, фондами, бюджетами раз-

[1] Форма учёта 4, согласно которой учитываются новые или значительно усовершенствованные продукты, услуги или методы производства, процессы (если в них имелось хотя бы одно новшество). При этом важно соблюсти новизну для организации, но не для рынка, то есть не важно, где разработаны усовершенствования или новый продукт, технология, данным предприятием или нет. Если это ново для предприятия, то согласно учёту будет учтено как инновация на данном предприятии. Формы учёта выступают как институты и демонстрируют тем самым своё влияние на оценку изменений в экономике и на принятие решений, которые обычно следуют за этой оценкой.

ных уровней (налоговая система), является, с одной стороны, отражением успешности или не успешности развития экономики, с другой стороны, обеспечивает экономику финансами, позволяет создавать кредит и использовать его на развитие. Институциональная система представлена базовыми нормативами, регулирующими функционирование экономических агентов по правилам. Применительно к промышленности это, прежде всего, закон о промышленной политике и стратегическом планировании, законы о формах ведения бизнеса и антимонопольное законодательство. Кроме того, законы об инновационной деятельности, приватизации и национализации активов также могут быть важными институтами. К ним относятся и органы управления видами деятельности, включая региональные власти. Однако самая важная подсистема – это техническая, поскольку именно она воспроизводит новый результат. Организации фундаментальной науки, отраслевые научно-исследовательские институты, лаборатории корпораций и вузов, опытное и серийное производство – составляют элементы этой подсистемы. Если наблюдаются перманентные изменения всех подсистем одновременно и не удаётся согласовать их в ходе совместного развития, возникают дисбалансы и тормозится экономический рост. Техническая система формирует и регулирует цикл получения научно-технического продукта, от сырья до изделия, минуя все необходимые фазы получения такого результата.

Программы развития, фонды развития, планы являются вспомогательными институциональными инструментами в рамках промышленной политики, поскольку в ситуации разрыва названного цикла, где точно распределены функции получения открытия, изобретения, нового знания, которое затем превращается в новые технологии, при том, что агенты, создающие знание, часто даже не в состоянии осуществить его доводку до соответствующих технологий, особенно в широком значении, не говоря уже о макетах и СТО – специальном технологическом оборудовании (это прерогатива отдельных секторов и видов производств), поэтому получение знания и технологии – две разные функции. Они могут быть совмещены в некой организационной форме, но чтобы осуществить это, требуется создать такую форму, что приведёт к дополнительным издержкам, адаптации, поиску ресурсов (сохранение кадрового ресурса) и т.д. Проведение экспериментов для создания образцов, отработки технологий и проектирования оснастки требует соответствующих действий со стороны других агентов, которые имеют возможность и опыт осуществлять именно такой вид деятельности. Вне всяких сомнений, разные виды деятельности возможно соединить в рамках одной организационной формы, но каким образом, с какими затратами – это требует оценки для установления целесообразности перманентных преобразований. Сами преобразования обычно снижают конкурентный потенциал системы, иногда действуют разрушительно относительно неё.

Каждый этап возникновения научно-технического продукта предполагает свой рынок для промежуточного изделия, свои условия и правила поведения, конкуренции. Это не может не сказаться на общем итоге развития инновационного потенциала экономической системы.

Таким образом, технологичность промышленности в значительной степени определяет технологичность всей экономической системы. Инновационная деятельность также зависит от состояния различных подсистем, влияющих на получение нового продукта, технологии, на приращение знаний и сам процесс их воспроизводства. Изменения в указанных элементах предопределят стратегические задачи развития промышленности и российской экономики, основной траекторией движения которой является инновационное развитие, увеличение доли подлинных инноваций в общем объёме создаваемого продукта и снижение сырьевой зависимости.

2. Технологии и экономические изменения

Институты, отвечающие за появление технологий, копирование технологий, внедрение технологий, обучение кадров, адаптацию являются определяющими экономический долгосрочный рост институтами. Проблема изменчивости таких институтов и влияния этой изменчивости на длительный рост не является решённой. Основная сложность состоит в том, что пока институциональные изменения не осуществлены, невозможно сказать, к чему они приведут и по какому алгоритму или закону их необходимо осуществлять.

Возникновение новых технологий предопределено потребностью в них. Если рынок сжат, подавлен затратным механизмом, обеспечивающим проинфляционное развитие, стимулы к новым технологиям будут блокированы общими условиями и институтами. Вместе с тем новые технологии, направленные на сбережение ресурсов, поддерживают низкую цену на ресурсы, обусловливая противодействие затратному механизму. С другой стороны, для новой технологии нужен редкий ресурс, который дорог, поэтому окупаемость таких технологий достигается при высоких сериях производства, для чего и необходимо поддерживать спрос. К новым технологиям сегодня можно отнести электронные, компьютерно-информационные технологии и биотехнологии, новые материалы, робототехнику, системы искусственного интеллекта и др. Их развитие и основная роль при организации роста предсказывались ещё в середине 1970-х гг., если не ранее. Тем не менее, в России в ходе реформ 1990–2000-х гг. были допущены огромные ошибки в области макроуправления, приведшие по существу к свёртыванию указанных технологических направлений.

На центральное место сегодня выходят медицинские и биотехнологии, обеспечивающие решение проблемы продления жизни людей и снабжения продовольствием.

Инженерные науки всегда имели два вектора, в рамках которых формировали свои технологические достижения – 1) обеспечение безотходности производств, с целью снижения экологических последствий; 2) обеспечение безлюдности производств, то есть высвобождение занятого персонала за счёт роботизации, автоматизации, первоначально – механизации производств, применения машин и приспособлений.

Углубляющаяся специализация труда, повышение интеллектоёмкости труда сделают его дорогим, а рынки труда – очень специфичными, локализованными. Тогда для каждой профессиональной группы будет своя специфика на рынке труда данной профессии. Это тенденция уже прорисовывается сегодня. Это приводит к явному изменению со-

держания института «принципал – агент», что выразится в трансформации отношений между собственником, управляющим и агентом-исполнителем (работником). Стареющее население и сокращение состава рабочей силы обострит социальные проблемы, приведёт к росту пенсионной нагрузки, что однозначно увеличит требования к экономической политике, направленной на технологический прогресс – повышение эффективности экономики как средство снятия этой проблемы (притом почти единственное, ибо финансовые манипуляции и перераспределения в рамках текущего бюджета не являются фундаментальным решением пенсионной проблемы).

Современная индустриализация (кто-то из исследователей называет это четвёртой волной, памятуя о первых двух промышленных революциях и третьей волне Э. Тоффлера) сводится к доминантному развитию информационно-коммуникационных технологий (сетей), биотехнологий и генной инженерии, робототехнике и новым материалам, новой энергетике[1] (реэнергетика – солнечная, ветровая, перспективу имеет и термоядерный синтез). Какое будет соотношение между видами технологий из указанных сфер – остаётся не ясным, и по большому счёту для конкретной системы не поддаётся прогнозу, оценки, причём довольно приблизительные к обозримому сроку (к 2025–2030 гг.) можно сделать для мировой экономики, учитывая динамику развития этих технологий сегодня, что наблюдается аналитиками и регистрируется службами статистики.

Развитие современного производства в опоре на перечисленные технологии будет сильно детерминировано логистическими технологиями, так как снабжение, обслуживание изделия выйдут на первый план, и технологии этого определят комфорт потребителя. Интернет-маркетинг уже набирает обороты, тем самым демонстрирует «вплетение» в сугубо производственную логистику аппарата ИКТ-технологий. Темп технологических изменений подхлестнёт и различные девиации в агентском поведении, что увеличит требования к безопасности информации, породит необходимость контроля распространения технологий и т.д. Отдельные университеты мира уже давно ведут подготовку специалистов в этой сфере, и потребность в них не будет сокращаться. Процесс глобализации в виде интеграции и дезинтеграции (регионализации) не будет сказываться на технологиях, поскольку упрощение трансферта технологий на первый взгляд, при увеличении гонки по технологиям, не снизит уровень правил-барьеров, препятствующих получению технологической ренты. Скорее, поиск этой ренты приведёт к новым монопольным эффектам и скажется на ходе самого процесса глобализации в виде нарастания дезинтеграционных процессов и процессов отделения отдельных территорий на основе волеизъявления населения.

Появление новых технологий может происходить двумя путями: за счёт привнесённых идей или открытий; за счёт и на базе старых технологий, действующего технологического базиса.

Структура старых и новых технологий обеспечит динамику развития экономической системы. Если вести речь о приоритетах технологического развития, то пренебрежение существующими возможностями и старыми технологиями способно создать опасную для будущего диспропорцию не только в сфере развития технологий, но и экономического развития в целом. В экономической науке точка зрения, согласно которой, чем раньше начато инвестирование в создание новых технологий, тем прочнее будут конкурентные преимущества и стабильнее развитие системы. Приведенный взгляд не справедлив во всех случаях, потому как не по всем видам технологий следует его придерживаться для данной страны, к тому же трудности в оценке долгосрочных перспектив развития техники не дают оснований признать, что избранная технология, научное направление окажутся безапелляционно перспективными и не будут на следующих этапах «перекрыты» в научно-технологическом конкурентном смысле иными направлениями и технологиями. Если инвестиции к этому моменту уже будут осуществлены, то придётся пересматривать их структуру и выискивать ресурсы под это новое направление или технологию. Новая комбинация не всегда приживается и выигрывает относительно старой комбинации, причём такое вероятное поражение не предусматривается в современных теориях роста и развития, за исключением некоторых[2].

Следовательно, решения в области технологического развития, особенно долгосрочного характера, не столь однозначны. Инвестиционная или бюджетная логика здесь не применимы, поскольку оценка эффективности и конкурентоспособности технологий помимо количественной стороны имеет существенную качественную сторону, в том числе связанную с обеспечением безопасности государства.

Возможны случаи, когда не первенство определит успех, а наоборот, некоторая осмотрительность и освоение не в первых рядах. Хотя общепринятой позицией в рамках технологической гонки становится обратное положение, что тот, кто захватит лидерство, тот будет определять технологический прогресс далее. По отдельным технологиям это может быть так, но не по всем. Это лидерство может быть перехвачено на следующих фазах-этапах развития, как раз по причине того, что развитие технологий подчиняется не только принципу «созидательного разрушения», но и принципу «комбинаторного наращения».

Устаревание одних технологий и появление новых технологий будет приводить к кризису целых секторов хозяйства, число и масштаб, как и влияние подобных конвергентных кризисов, возрастёт. Особо болезненным будет распределение интерспецифического трудового ресурса, который приносил пользу только в рамках прежних технологий, и с закрытием сектора не в полном объёме будет способен пройти переобучение и вписаться в работу новых тех-

---

[1] Новая энергетика обеспечит вытеснение угля, нефти, сохраняя значение газа как вида топлива, с вытекающим изменением в технологиях, так как оставшиеся углеводороды можно будет активнее использовать для других нужд, а проблема энергоограничений развития отпадёт, энергия может стать изобильной для данного этапа развития общества. Иными словами, если уж и выделять этапы общественного развития, то они будут меняться от доэнергетического к энергетическому (современному) и постэнергетическому обществу. Это в большей степени отвечает реальности, нежели вводимая классификация по индустриализму (индустриальное, новое индустриальное и постиндустриальное общество).

[2] Сухарев О.С. Информационная экономика. – М.: Финансы и статистика, 2015. – С. 142–154.

нологий. К тому же новые технологии наверняка не нуждаются в таком объёме трудового ресурса как прежние технологии и построенные на них секторы экономической деятельности.

Технологическая конкуренция воспроизводит модель «конкуренции как закрытия»[1], то есть новые технологии «закрывают» действующие технологии. Конечно, этот эффект наблюдается не по всему списку технологий, но он значителен и, возможно, будет возрастать. Возникающие структурные деформации, наверняка, будут болезненными – они потребуют иного вида экономической политики. Сегодня мы наблюдаем очень опасный эффект, когда меры политики совершенно не соответствуют наметившимся траекториям технологического развития и эффектам, порождаемым этими траекториями. Кроме того, изменения в области организации науки и образования могут как способствовать технологическому прогрессу, так с течением времени и затормозить его. Накопленная релевантная информация потребует расширения возможностей её обработки и изучения – и здесь не предложено пока никаких рецептов по повышению эффективности. Компьютеры сами по себя не являются таким средством, хотя и повышают производительность в обработке и использовании информации. Вероятно, искусственный интеллект и отдельные модели, на нём построенные, смогут облегчить работу человека по синтезу знаний и их полезному наращению.

Итак, изменения в науке и технике будут сильно влиять на демографию, экономическую структуру, организацию трансакций и секторов экономики, появление новых технологий и видов деятельности, произойдут важные социальные изменения, изменятся требования к образованию, рынкам труда и т.д. Технологии начнут существовать сами по себе (условно), притом, что три источника спроса на них усилятся: потребности текущей жизнедеятельности, которые расширятся за счёт множества видов услуг, защита от внешних угроз и экологии, возникновение «зелёной экономики» и познание мира. Сферы науки и образования будут требовать больших ассигнований, а бюджетные ограничения сокращать возможности развития этих сфер. Поэтому в долгосрочной перспективе мы не верим в «технологические рывки», считая это пустой фразой, ибо подлинный рывок может создать только изменение парадигмы самой науки, с вытекающими технологически сдвигами. Прогресс по одним типам технологий – производственных, в науке (открытия создают базу для будущих технологий) компенсируется отсутствием иных технологий, например, проектирования отвечающих новым вызовам институтов, формам общественного устройства, управления и т.д.

Для развития технологий очень важен исходный накопленный потенциал. Если правительство ставит задачу инновационного развития, структурных изменений экономики, чтобы повысить долю обработки и снизить долю сырья в создаваемом продукте, то для движения к подобным целям требуются ресурсы и правильная оценка возможностей, что отразится на темпе движения и глубине изменений. Проблема определения приоритетов, когда ресурсы ограничены, становится центральной. Кажется, что она не имеет точного научного решения по причине отсутствия жёстких критериев, особенно качественного характера. Однако решение имеется и состоит оно в том, чтобы учесть текущие сложившиеся направления деятельности, сохранившиеся заделы, которые можно легко реанимировать и ввести в производство, поиск других направлений деятельности (диверсификация производства и технологий) и определение вектора развития техники и технологий в долгосрочной перспективе. Таким образом, два аспекта составляют процедуры технологического выбора – это текущая специализация и «внедрённость» на данном научно-техническом направлении, подкрепляемая имеющимися и используемыми патентами, полезными моделями, освоением конкретных видов техники и т.д., и долгосрочная перспектива технического развития, которая на микроуровне устанавливается условно, так как фирмы не имеют разветвлённых систем по долгосрочному прогнозу развития техники и технологий, даже специализируясь на определенном типе технологий и имея специалистов соответствующего технического профиля. Эксперты в смежных технологиях отсутствуют, и этот горизонт выпадает из прогноза. В обрабатывающих секторах можно выделить два крупных типа фирм – с механистическим и органическим производством, то есть первые воспроизводят крупные серии, что и детерминирует их долгосрочную перспективу, так как им необходимо искать перспективные технологии и продукты, которые производятся серийно для относительно крупного рынка, вторые, наоборот, специализируются на малых сериях, осуществляют инновационную деятельность, создают опытные образцы. Именно последние образуют пласт так называемых прикладных исследований и конструкторских разработок, НИОКР, хотя «механистические» фирмы в силу серийных производств имеют возможность концентрировать капитал на нескольких исследовательских и технологических направлениях, создавая лаборатории, проводя и финансируя НИОКР.

Важно отметить, что процесс внедрения новых технологий вызывает существенное сопротивление, то есть атрибутом инновационной деятельности является то, что инноваторов не любят, так как они воспринимаются как возмутители спокойствия, обрекающие остальных на риск. Новаторская идея только тогда будет воспринята без серьёзного сопротивления, когда она обнажает многие преимущества и возможности своего воплощения при невысоком риске для участвующих агентов. Вместе с тем новатор действует так, что выстраивает своё функционирование на принципе авансированного капитала, без которого инновация не может быть реализована, а это обстоятельство авто-

[1] Автор писал о такой модели ещё в 1999 году (www.osukharev.com), статья называлась «Конкуренция как процедура закрытия» и была направлена против статьи Ф. Хайека с названием «Конкуренция как процедура открытия». В свете усиливающихся тенденций технологической гонки и вытекающего эффекта закрытия анализ аспекта конкуренции как процедуры закрытия приобретает первостепенное значение для будущего общества. Даже сейчас в России, ведя разговоры о выдвижении молодёжи (синдром «омоложения кадров», который выражается в нашей стране в выдвижении сервилистов, а не по другим критериям), забывают о выбытии кадров как главном условии омоложения, причём о таком выбытии, которое бы готовило кадровую смену за оплату и в соответствии с пенсионным законодательством. Иными словами, в 65 лет никто не должен занимать никакой административной должности и уловки избрания в 64 года или за два месяца до 65 лет, чтобы побыть еще 5 лет на должности до 70 лет, должны быть исключены законодательно. Это составит основу управления выбытием кадров. Конечно, при всём этом политика в отношении пенсий и заработной платы должна быть иной.

матически порождает риск, зависящий от рыночных условий, конкуренции в рамках данного технологического направления, содержания самой инновации и величины кредитного ресурса, предоставляемого на определённое время.

Для инновационной фирмы процесс сопротивления новым технологиям представляется в виде микроциклов функционирования, то есть инновационный потенциал наращивается, затем устаревает, разрушается, требуется наращивать новый инновационный потенциал либо покидать данный рынок, где конкурируют производства органического типа. Конечно, названные два типа производства выделены нами условно, но они являются базовыми типами при рассмотрении проблем технологического развития на микроуровне.

Этот цикл можно детализировать в виде следующих этапов. Сначала происходит концентрация исследовательско-экспериментальной и ресурсной базы технологий и разработок, проведения НИОКР, затем относительно основного производства происходит расширение участия квалифицированных специалистов, изменяется значимость научно-технических подразделений, роль которых становится избыточной, особенно при кризисных явлениях, охватывающих экономику, снижаются объёмы, заказы, сложность новых разработок. Затем сокращается избыточный персонал, теряются знания и опыт, возникает отставание по техническому уровню от конкурентов, что усиливает потери, переносимые и на персонал. Опыт продолжает теряться, что приводит к свёртыванию процесса поиска новых продуктов, технологий и направлений деятельности, ввергая фирму в стагнационный режим развития. Суть в том, что при всём этом показатели работы фирмы могут не сильно ухудшаться, либо не ухудшаться вообще, она может демонстрировать рост, но это будет уже рост на совсем ином технологическом базисе и уровне знаний.

За развёрнутыми процессами может последовать возникновение полной зависимости производства от внешних источников и технологий. Она может иметь открытый и не явный характер. Инноватор на этой стадии отторгается системой по принципиальным соображениям, как возмутитель спокойствия, когда у системы всё хорошо, она приспособилась к внешним источникам и демонстрирует устойчивую динамику своих основных показателей, внутренние правила блокируют подобных возмутителей спокойствия. Именно такая логика обычно обнаруживается и на макроуровне экономики, когда в стране возникают институты, отторгающие инновации в необходимом объёме, как это было в 1990 и 2000-е гг. Следующая негативная фаза связана с потерей носителей исполнительского знания в области техники и технологий, когда делать разработки уже некому, и фирма ищет специалистов. Когда разработки нового прекращаются или значительно свёрнуты, очередной шаг – это избавиться от избыточной рабочей силы, представленной инженерно-техническими кадрами, что и происходит, всё более втягивая данную фирму в производство механистического типа[1], то есть примитивные формы воспроизведения уже созданной продукции. На следующей фазе развития фирме потребуются новые разработки, но их реанимация потребует новых кадров, обучения и обращения к тем заделам, которые имелись на первоначальной стадии данного микроцикла. Высокие затраты такой модели развития сами по себе действуют в направлении свёртывания процесса инноваций, выступая фактором сопротивления.

Когда утрачены собственные научно-технические заделы, поиск новых направлений представляет собой довольно сложную модель развития, требующую не только инвестиций, но и подготовки людей и соответствующей системы управления (принятия решений). Нужно заметить, что логика подобного цикла справедлива не только для фирм и микроуровня, но и для экономической системы более высокого уровня, региона или страны.

В России отдельные предприятия за последние двадцать лет по нескольку раз проходили этот порочный микроцикл инновационного развития, что, безусловно, является символом нестабильности развития экономики. Во внимание следует принимать и мотивы собственников, владеющих обрабатывающими секторами и обеспечивающих восприятие мер промышленной политики. Их собственные решения часто противоречат и никак не согласованы с теми мерами правительства, которые принимаются в рамках программ стимулирования развития данных производств.

Если собственника, отвечающего за принятие стратегических решений, к коим относится выбор вектора технологического развития, не интересуют новые разработки и рынки, он будет тяготеть к поддержанию производства механистического типа, но не инноваций. Содержать подразделения, отвечающие за подготовку подобных стратегических решений в части новых разработок, собственник не будет, поскольку выделенное подразделение такого типа на фирме должно существовать и после того как успешная инновационная разработка ими осуществлена, иначе стимулы воспроизводства инновационных решений не будут значительными, если внедрение таких решений будет ликвидировать специалистов, их подготовивших и реализовавших.

Технологические изменения в различных экономических системах в долгосрочном измерении способны приводить к изменению инновационного потенциала (наращению), росту эффективности, повышению конкурентоспособ-

---

[1] Механистический тип производства отличается от органического по содержанию и следующим параметрам. При механистическом типе преобладают большие серии, ресурсное обеспечение данного типа производства предполагает специальное оборудование (специфический, а также общий ресурс по О.Уильямсону), кадры средней квалификации, иерархическую структуру управления (обычно линейно-функциональную), инвестиции экстенсивного типа, развитие за счёт больших ресурсов. Контракты представляют собой договора на поставку со счётом на оплату, затраты имеют тенденцию к снижению в силу действия экономии на масштабе, риски минимальные, прибыль – расчётная, методы маркетинга и рекламы – для серийных выпусков. Органический тип производства предполагает создание малых и средних серий, в основном наукоёмкой продукции, предполагает кадры высшей квалификации, использование научных разработок и привлечение учёных, оборудование – только универсальное (ресурсы интерспецифические по О. Уильямсону), структура управления – горизонтальные связи, без жёсткой иерархии и выполнения команд (включая проектный принцип управления, матричная система управления), инвестиции – интенсивные за счёт наилучшего использования, а не расширения ресурса. Кроме того, договора на создание научно-технической продукции и передачу права, сроки работ могут превышать плановые, затраты выше плановых, риски – высокие, прибыль может быть ниже плановой, то есть деятельность может давать убыток, маркетинг ориентирован на работу с заказчиком и поиск информации о новых технологичных решениях и направлениях деятельности.

ности, росту производительности факторов и производства, увеличению объёма выпуска, переоснащению и реструктуризации производства, включая изменения пропорций между макросекторами и технологическими контурами, сложившимися в экономике, повышению технологичности системы, культуры производства, качества продукции, возникновению стимулов для творческого развития персонала, ресурсосбережения (снижения энерго- и материалоёмкости), автоматизации и информатизации процессов производства и управления и др. Таким образом, концентрируясь в различной степени по секторам экономики, новые технологии создают различные по интенсивности и охвату очаги экономических изменений, против которых возникает и обозначенное выше сопротивление, так как новые технологии требуют изменения не только правил поведения агентов, но их психологии, помимо того, что имеется и конкуренция по новым технологиям, а также между новыми и старыми технологиями, наравне с уже со сложившейся конкуренцией и между старыми технологиями.

Это составляет суть длительных изменений, обретающих облик структурной трансформации, смены пропорций цен, доходов, риска, доминирующих видов деятельности. Ключом к таким долгосрочным изменениям являются технологии в широком понимании этого термина, так как появление новых технологических и процессных инноваций приводит к смене организации, системы управления, институтов, регулирующих различные аспекты деятельности. При этом абсолютизировать роль технологий не стоит, так как научно-техническая генерация, несмотря на силу и влияние, соседствует с генерацией институтов, то есть изменений правил, которые подчиняются самостоятельной логике, проводимой в рамках политической системы (изменения законодательства) . Данная логика напрямую может быть совсем не связана с технологиями и их влиянием, и даже не связана с какими-то экономическими закономерностями, поскольку она содержит оттенок интереса конкретных групп агентов, которые и осуществляют смену институтов, преследуя получение каких-то выгод. Следовательно, выявить фундаментальные закономерности или причины институциональных изменений, подчиняющихся политической логике, отражающих несовершенство законодательного процесса, довольно сложно, если в принципе возможно в смысле обеспечения точности (субъективные оценки, разумеется, даются). Дуглас Норт считал, что изменение ценовых пропорций заставляет институты изменяться, но в этих изменениях присутствует влияние как технологий, так и политической системы. Все указанные обстоятельства могут стать причиной изменения пропорций цен, а не цены заставляют изменяться институты. Это вопрос о первопричине институциональных изменений, подобно задачке с курицей и яйцом, вряд ли имеет точное решение по причине наличия в экономике прямых и обратных связей между различными параметрами системы.

Экономическая политика стимулирования долгосрочного экономического роста за счёт создания новых технологий и технического обновления промышленности не может сводиться к абстрактному поощрению технологий или исполнению поставленных приоритетов, которые могут быть с ошибками или неточностями в части определения необходимого ресурса, либо наращиванию инвестиций и увеличению нормы накопления. Такие проектировки политики уже не актуальны и могут подвести экономику к новому кризису. Меры правительства в части индустриализации российской экономики, конечно, необходимо сводить к стимулированию новых технологий, но, как показали наши модели, необходимо и активизировать развитие старого технологического базиса и что важно, ориентируя эти меры относительно государственного сектора промышленности и отдельно – частного сектора обрабатывающих производств. Кроме того, программы развития промышленности, Фонд развития промышленности, Агентство по технологическому развитию и другие структуры, составляющие элементы в рамках общей системы промышленной политики в России (включая госкорпорации), должны предусматривать создание рынков новой продукции, с учётом возникающих межсекторных связей внутри промышленности и рынков ресурсов. Подобные цели должны быть главными, иначе возникает ситуация, когда под сомнение ставятся все ранее совершенные действия и принятые решения в связи с тем, что один элемент для конкретной технологической цепочки покупается, скажем, в Японии или какой угодно другой стране, потому что не производится в России. Даже в области программ обороны цепочка создания технологии или продукта не отслеживается в рамках самой программы, что является ярчайшим примером неэффективности планирования и в целом управления данным сектором, ибо отказ поставщика от продажи России этого элемента ставит под сомнение реализацию всей технологической цепочки. По гражданским производствам данная тема выглядит ещё более остро, программы развития не учитывают эффекта сопряжения номенклатуры и рынков промышленной продукции. Даже если при скудном финансировании таких программ удаётся поддержать рост в секторах, фирмы которых участвуют в программах развития, то долгосрочный характер такого роста будет под угрозой тех дополнительных обстоятельств и институциональных ограничений, о которых ведётся речь.

3. Промышленная политика и «проектный подход» в экономическом развитии

Проектный подход к финансированию и разработке программ развития применяется и известен давно, только в России он стал очередным «управленческим фетишем», своеобразной панацеей развития. Конечно, проектная логика в экономике важна и нужна, она является воплощением общего инженерного мышления и подхода в экономике (методологические дискуссии по этому поводу велись в экономической науке ещё с начала двадцатого века, если не ранее). Однако для решения задач технологического развития и промышленной политики (индустриализации) в России этот подход не является эффективным инструментом, поскольку несмотря на необходимость он не является достаточным. Процедуры и правила формирования программ и проектов закладывают высокую неэффективность применения данного подхода, кроме того, ограниченные финансовые ресурсы, выделяемые на проекты по проектному принципу, также формируют добавочную неэффективность. Существует оговорка, к которой прибегают многие политические деятели, что, дескать, отсутствие проектного способа финансирования усугубило бы ситуацию в обрабатывающих секторах России. Отчасти, вероятно, это справедливо, но когда невозможно проверить и, кстати, сравнить данный

способ с иными возможностями, такое утверждение оказывается голословным, особенно на фоне спада в обрабатывающих производствах в 2015 году, а по многим секторам и в 2016 году. Более того, проектный способ применялся и в 1990-е гг. в рамках программ реструктуризации экономики и конверсии оборонных отраслей. Причём ряд программ не был выполнен как по причине финансовых ограничений, так и институциональных трансформаций, приведших к приватизации объектов, входящих в эти программы. Однако суть подхода не подвергалась критике, когда рассматривался один проект и выдвигался на финансирование от предприятия, без учёта изменения ситуации на самом предприятии за время рассмотрения проекта и затем в период его реализации. Тем самым финансовую поддержку получал проект, но не вид производства и предприятие, у которого этот проект мог занимать только 30% объёма производства или даже меньше. Таким образом, подобное применение проектного способа как инструмента промышленной политики не могло серьёзно повлиять на предотвращение процесса её деиндустриализации, запущенного и развёрнувшегося в значительном масштабе.

В настоящее время диапазон возможных решений в рамках промышленной политики, поощряющей возникновение и применение новых технологий, создающих условия для долгосрочного роста, определён следующими стратегическими условиями:

– финансами (для бюджетных программ развития, которые обязаны преодолеть отрицательные характеристики применения проектного способа управления развитием);

– денежно-кредитной политикой, обеспечивающей кредитом частный сектор, включая обрабатывающие секторы, которая должна распространять своё воздействие не в общем смысле (на систему), а дифференцированно, то есть по секторам, с влиянием на секторальное распределение денежного ресурса (для этого возможен процентный портфель, то есть различные ставки процента по секторам, плюс реализация принципа «плохого баланса» для банковской системы, выступающего правилом распределения кредитных портфелей банков в экономике, понуждая их работать в реальном секторе[1]);

– наличием высокотехнологичных производств и конкретных технологий по направлениям создания продуктов и услуг;

– производством средств производства, включая не самые передовые в технологическом отношении их виды, связанные с новыми технологиями, либо оказывающие сопротивление их внедрению;

– производством потребительских благ – продукты питания, одежда, бытовые приборы и техника длительного пользования, которое создаёт спрос на средства производства;

– степенью разрыва технологических цепочек по каждому виду деятельности и направлению производства;

– состоянием сырьевого и оборонного комплекса;

– кадрами высшей и рабочей квалификации;

– экспортной стратегией и состоянием экспортных производств;

– стратегией замещения импорта и текущей зависимости от импортных изделий и продуктов широкого назначения.

Виды производств необходимо рассматривать отдельно для внутреннего и внешнего рынка. Следует учесть, что оборонно-промышленный комплекс характеризуется значительной степенью автономности, причём в рамках этого комплекса связь между ключевыми параметрами конкурентоспособности изделий и технологичностью производств достаточно высокая. Для остальных видов производств эта связь менее очевидна либо отсутствует, что подтверждает тезис о крупных технологических проблемах развития российской экономики.

Промышленная политика также должна предполагать дифференциацию воздействий соразмерно имеющимся финансовым ресурсам (бюджет) и привлекаемым ресурсам, собственным средствам агентов (при возникновении мотивации) относительно типов производств и рынков – внешнего и внутреннего. С этой целью понадобится создать мониторинг ситуации в промышленности по релевантным показателям, рубежным показателям выполнения программ и реализации проектов с государственным участием, иметь стратегический и оперативные планы промышленной политики, причём в секторальном разрезе, с учётом взаимосвязи секторов средств производства друг с другом, а также секторов средств производства и производящих продукцию потребительского назначения. Понадобится согласовать интересы частного владельца таких производств и государства. Идея проста: государству требуется формировать рынки промышленной продукции с тем, чтобы обеспечить развитие отечественных производств, технологий, что по цепочке создаст спрос на специалистов и НИОКР (образование и наука); частный собственник заинтересован в собственном обогащении, увеличении прибыли. Следовательно, согласовать цели можно только тогда, когда это обогащение будет привязано к решению задачи, нужной государству – и иного способа не будет. Обогащаться нужно через создание определённой товарной номенклатуры, используя инновации. Этот принцип может быть обращён не только к собственникам-резидентам, но и нерезидентам. К тому же нерезидентам может быть выставлено добавочное условие по адсорбции импортных и использованию отечественных технологий, если имеются аналоги внутри страны.

Таким образом, понадобятся институциональные коррекции, отсекающие иные возможности, обеспечивающие кредит для частника и послабления от государства по налогам, если он выбирает сетку производства, которая проектируется аналитиками правительства исходя из задачи восстановления технологических разрывов и исчерпавшихся в ходе деградации отдельных производственных секторов (в частности, российского станкостроения и текстильной промышленности). Тем самым мы вводим общий принцип такой политики, дальнейшая проработка которого должна

[1] Это способно понизить рентабельность банковского сектора, повысить риски, но вместе с тем увеличить и рентабельность реального сектора. Возникнет динамика выравнивания эффективностей, затем и рисков, т.е. ощутимая тенденция к выправлению структуры российской экономики.

обретать форму конкретных институциональных коррекций в виде запретительных правил, налоговых стимулов или высоких налоговых ставок на иные формы деятельности. Это расширит диапазон управления, сделает промышленную политику не абстрактной, а предельно конкретной. Безусловно, такой подход стимулирует определённые виды технологического развития и позволяет сохранить контроль распределения ограниченных ресурсов, не вводя систему в область централизма, но регулируя рынки промышленной продукции, создавая и развивая их.

В рамках новой промышленной политики будет полезен некий координирующий развитие секторов центр при соответствующем министерстве в России, работающий на постоянной платной основе с аналитиками и отраслевыми специалистами в рамках данного министерства (штатного состава). При этом стандартизация и регламентация деятельности должна быть сведена к минимуму, а критерии оценки эффективности промышленной политики сводятся к результативным целям (система основных показателей, например технологический уровень, темп роста производства и занятости, рост компетенций и обучения персонала, рост заработной платы и др.). Цели промышленной политики в России в рамках парадигмы новой модели роста должны сводиться к: развитию стереотипных отраслей за счёт старых и новых технологий, создания абсолютно новых секторов промышленности и новых видов производства и технологий, через целевое кредитование в государственном секторе с возможным допуском в дальнейшем частного капитала; обеспечению использования технологий двойного назначения и технологий оборонного сектора в гражданских производствах, с подключением использования патентной базы России, при сохранении над ней постоянного государственного контроля. Должна быть введена схема получения роялти и использования патента в частном бизнесе, но патент будет принадлежать государству. Это ликвидирует опасность растраты накопленной за многие годы интеллектуальной собственности.

В заключение этого раздела отметим, что в качестве стратегических направлений технологического развития для России должны выступать задачи обеспечения технологического лидерства по отобранным направлениям, в которых исторически накоплен большой интеллектуальный потенциал и имеются конкурентные преимущества на будущее, а также обеспечение обороноспособности. Учитывая размеры территории страны, ресурсное разнообразие и богатство недр, Россия всегда будет представлять собой «лакомый кусок» для внешних агентов, поэтому функция обороны является основополагающей функцией обеспечения развития России.

К приоритетным технологиям, безусловно, относятся космос, атомная энергетика, технологии в области энергетики, судо- и авиастроении и др. Работа в этих направлениях, особенно в области оборонных технологий, не может предполагать всеобщей открытости и встраивания России в глобальную систему технологических связей. Данный путь развития является ошибочным, особенно если издержки такой ориентации и возможная зависимость от внешних источников технологий или ресурсов перекрывают выгоды данного процесса. В качестве базисного элемента промышленной политики должна быть единая государственная техническая политика. России не нужна логика технологических прорывов, которая сомнительна в связи с мощными ресурсными ограничениями, и такая политика способна подорвать не только развитие самих технологий, но и в экономику в широком смысле слова. Следует придерживаться вектора улучшений в области технологий, умело применяя и заимствования без увеличения зависимости, то есть с высокой адсорбцией принимаемых и осваиваемых технологий, стимулировать системно инновации в различных секторах деятельности, создавать новые производства и модернизировать классические типы серийных производств.

Главная задача сводится не к реализации отдельных проектов, что полезно, но требует критической массы таких проектов, чтобы преодолеть негативные системные процессы в промышленности и экономике, а к созданию ресурсов под новые технологии соразмерно с их развёртыванием, с проектированием соответствующих стимулов в частном секторе промышленности, благодаря осуществлению институциональных коррекций. России необходим технологический базис, построенный на сочетании известных и новых технологий, предоставляющий долгосрочные преимущества в области продуктов, процессов, технологий, управления и организации, тем самым обеспечивая долгосрочный конкурентный потенциал страны на внутреннем и внешних рынках. Сведение схем финансирования к выбору приоритетов, причём с ужесточением бюджетных ограничений, приводящее к ужесточению и по приоритетам – контрпродуктивно для фундаментальной науки и для развития сферы технологий, где наравне с успехами должны быть и неудачи – так идёт процесс освоения новых технологий в силу своей природы. Непонимание указанного обстоятельства правительственными службами приводит к сокращениям сектора науки и технологий, искусственному подведению их под бюджетные ограничения, возникающие в привязке к макроэкономическим событиям и изменяемым параметрам. Экономическая политика сильно влияет на эти макроэкономические показатели, но невнимание к обратным связям чревато дальнейшей деградацией отдельных секторов, проходящей под видом их развития согласно приоритетам. Казалось бы, данный аргумент заводит ситуацию в тупик – что же тогда делать? Однако он отражает факты планирования, которые вот уже долгое время наблюдаются в работе правительства Российской Федерации. Делать нужно простую вещь: во-первых, думать, во-вторых, кардинально изменить подходы к формированию и реализации экономической политики по многим направлениям, включая, безусловно и прежде всего, бюджетную и денежно-кредитную политику и др.

Сокращать научные исследования и разработки соразмерно бюджетным возможностям, значит не понимать, что сужение этих возможностей связано именно с тем, что уже ранее сокращали науку, исследования и разработки. Возникает порочный «замкнутый круг сокращений», действие которого не может не завершиться полным конкурентным поражением страны и привязкой модели её развития к внешним источникам. Когда такое сокращение и привязка развития только к приоритетам (не говоря уже об ошибках в области установки приоритетов) приведут к некой критически малой доле разработок, с которой сфера науки не может уже поддерживать свой режим самовоспроизводства (по кадрам и получению релевантных результатов), процессы деградации станут необратимыми. Главное – это их неявный характер, потому что связи с научным внешним миром, контакты, совместные проекты при всём этом могут и

возрастать. В свою очередь, наращивание расходов на НИОКР при неподготовленности системы принять и адсорбировать результаты НИОКР, не говоря уже о том, что имманентно имеется доля НИОКР, дающих отрицательный результат (невозвратные потери в науке и прикладных исследованиях, которые часто не принимаются во внимание при принятии государственных решений и недооцениваются), приводит к снижению эффективности высоких технологий и соответствующих производств. Выезжающие за рубеж научные кадры вывозят с собой и результаты работ, полученные при финансировании в их родной стране. Для этого совершенно не обязательно вывозить отчёты или электронные диски с той научной работой, которая велась, хотя это сделать не сложно. Вся информация находится в головах этих людей. Более того, имеющиеся западные гранты, особенно применяемые в ведущих российских университетах, фактически используются как инструмент для подготовки оттока и отбора наиболее квалифицированных кадров, подготовленных в этих университетах России, потому что возможности хорошего трудоустройства внутри страны им, как правило, не предоставляются в силу сложившейся ситуации в экономике.

Государственный сектор промышленности, предполагающий участие и частного капитала, как и государственные инвестиции должны стать опорой в решении вопроса запуска инновационной экономики. Если уповать на текущий бюджет – проблема никогда не решится. Стратегические задачи решаются посредством стратегически ориентированных действий, а не текущих инструментов, с подчинением всех инструментов воздействия на экономику. Без изменения структуры кардинально переломить ситуацию невозможно, так как именно текущая структура ограничивает по ресурсам возможность наращения инноваций, потребность в них, и свыше этого формы стимулирования просто окажутся перерасходом используемых ресурсов. Ситуация должна стать такой, чтобы ресурсы «потекли» под данные виды деятельности, чтобы именно они приносили ощутимую прибыль владельцу и наращивали капитал. Необходим фронтальный отход от спекулятивной отсталой экономики к экономике, создающей новые продукты, услуги, процессы, технологии. Проекты, программы имеются, отсутствует должный ресурс под них, который был бы способен изменить ситуацию в области экономического развития, выводя его из фрагментарно-локальной области в сферу системных позитивных изменений с наращением результатов в области техники и технологий. Это создаст условия для абсолютно нового типа роста, который на начальном этапе не будет быстрым, но устойчивость которого в долгосрочном периоде будет несравнимо выше.

Базовыми секторами роста в промышленности должны быть энергетика, машиностроение и электроника. Кроме того, рост должен опираться на строительную отрасль, здравоохранение и сельское хозяйство. Секторы должны быть замкнуты в своём развитии друг на друга. Правительство в рамках новой промышленной политики, формирующей условие новой модели роста, обязано спроектировать и ввести «секторальную связку», контролируя процесс распределения и размещения собственности, включая иностранное участие, возникновение форм бизнеса в секторах (крупного, среднего, малого бизнеса, пропорция между ними важна для обеспечения конкурентной устойчивости сектора).

Поиск новых технологий и нестандартных решений в данной области, проектирование функции и подведение ресурсов под задачу создания функции и механизма её реализации – вот что составляет перспективу для решения проблемы согласования ресурсов, потребностей и возможностей, включая и финансовые возможности. Будущее состоит в том, что не нужно определять прорывные рынки и технологии, потому как в то время, когда осуществляется такое «определение», возможности участия уже ограничены для данного субъекта. Следует формировать новый рынок, который будет прорывным с соответствующими новыми технологиями. Это довольно рискованный путь, поскольку технологии часто конфликтуют, но сочетание успехов и неуспехов на этом пути должно сводить баланс в сторону положительного сальдо. Главное – обратиться к тем функциям, которые нужны и важны, потому что люди будущего из огромного набора функций будут отвергать то, что им не нужно. Следовательно, ресурсы должны выделяться именно на важные для социума функции. Такое решение этой проблемы не является тривиальным. Такой подход создаст приоритетность и финансирование по функциям – он напоминает функциональный тип специализации в развитии машиностроения.

Трудности с выводом устаревших видов технологий создадут препятствия и новые формы сопротивления для введения новых технологий. Однако если темп этих новых технологий не будет быстрым, то сопротивление со стороны устаревающих технологий будет ещё большим. Тем самым технологическая гонка сама по себе является средством поддержания технологического обновления.

Степень концентрации ресурса выступает важным параметром для развивающейся системы на базе определённых технологий. Горизонт технологических трансформаций определяется не просто, хотя развивающийся сегодня набор технологий был известен, как мы отмечали, ещё в середине 1970-х гг. Например, профессор В.К. Фальцман ещё в 1988 году приводил в своей статье[1] таблицу, в которой отслеживал технологические изменения на протяжении четырех пятилеток развития СССР. С сокращениями приведём эту таблицу (табл. 1)[2].

Данная информация о приоритетах и их изменении говорит о нескольких важных вещах. Во-первых, наблюдается преемственность в формулировке приоритетов. Во-вторых, в СССР прекрасно видели задачи научно-технического развития. В-третьих, развитие новых технологий сопровождалось задачами по совершенствованию так называемых базовых технологий (в применяемой нами терминологии – «старые технологии»). В-четвёртых, эволюция техники происходила согласно принципу наращения и преемственности результата, без прыжков и спонтанных рывков, посредством улучшения и совершенствования технологического базиса экономики. В-пятых, методы планирова-

[1] Фальцман В.К. Научно-технический прогресс в СССР: смена приоритетов// Вопросы экономики. – М., 1988. – № 11. – С. 28–37.

[2] Там же, с. 29.

ния обеспечивали неуклонный научно-технический прогресс и сокращение исторического отставания СССР по технологическому развитию от передовых западных стран, позволяли выправить имевшие ранее место перекосы, например, в области генной инженерии и т.д. Конечно, данная таблица отражает лишь некоторую часть технологий, обычно используемых в секторах машиностроения и промышленности в широком значении, отдельные виды технологий в силу уникальности и секретности создавались в атомной промышленности, космосе, оборонном секторе. Данная таблица является свидетельством того, как по пятилеткам шла эволюция технических систем, как она планировалась, какие ресурсы требовала. Однако такую таблицу надо снабжать оценкой достижений, того, что достигнуто, какие параметры были воплощены в реалиях. Можем уверенно предположить, что ухудшение этих рубежных параметров научно-технического развития стало ощущаться к исходу 1980-х гг. Однако у этого исхода не было фундаментальных оснований. Все последующие годы функционирования рынков обнажили ещё большее отставание и меньшую мотивацию к внедрению новой техники, технологий, и более того, полностью обесценили все указанные по пятилеткам достижения в области общих машиностроительных технологий и материаловедения.

Таблица 1

Приоритеты в технике, технологиях, материалах в СССР (четыре пятилетки)

1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1985 гг.	1986–1990 гг.
Внедрение оборудования с ЧПУ, автоматизированные системы управления, электроника, новые экономичные материалы, включая полимеры и особо чистые материалы. Увеличение единичной мощности технологических агрегатов с обеспечением их экономичности.	Рост мощности машин и агрегатов, синтетические материалы с заданными свойствами, сверхпроводники, малооперационные технологии (бездоменная металлургия и т.д.).	Промышленные роботы, системы автоматического управления, создание полностью автоматических заводов и цехов. Плазменные, лазерные и радиационные методы обработки металлов, сверхчистые, полупроводниковые, сверхпроводящие полимеры и композиционные материалы.	Гибкие производства, САПРы, автоматические многооперационные линии, робототехника и роторно-конвейерная техника, мембранные и химические технологии, биотехнология и генная инженерия, расширение базовых технологий в 1,5–2 раза, развитие материалов с заранее заданными свойствами.

Современная промышленность начинает демонстрировать эффект отрыва высоких технологий от технологий общего назначения. Казалось бы, это инженерно-технический нонсенс, однако, всё более рельефным становится режим такого развития современных производств, когда малые инновационные предприятия, имеющие очень узкую специализацию, сосуществуют с крупными машиностроительными гигантами, обеспечивающими производство высоких серий и ведущих научно-технические разработки. Конечно, база для внедрения новых разработок выше у этих гигантов, но и сектор высоких технологий, единичных образцов, создания уникальных приборов и оборудования также существует и развивается наравне с такими типами производства, формируя под себя свой рынок. Такой же эффект наблюдаем и в области микроэлектроники, когда большие корпорации типа Microsoft соседствуют с малыми и средними фирмами, создающими специальное технологическое оборудование для микроэлектроники. Нужно отметить, что часто крупные транснациональные гиганты поглощают такие компании, но начальный толчок в научно-техническом развитии придают именно они.

Промышленная политика как составная и определяющая часть политики экономического роста в рамках новой его модели (несырьевой), во-первых, должна исходить из оценки состояния промышленности и её секторов, оценки факторов развития (труд, капитал, технологии, институты, включая базовые программы развития), во-вторых, определения рынков и разрывов по продукции и технологиям в рамках сложившихся производственных контуров, в-третьих, определения направлений воздействий и ресурсов, требующихся для роста производств с обязательным учётом психологических моделей поведения агентов в промышленности и глубины секторальных связей на внутреннем рынке. Только затем необходимо выделение и позиционирование стратегий, ориентированных на экспорт и обеспечивающих замещение импорта, также по наиболее значимым направлениям. Конечно, промышленная политика должна быть дифференцированной, набор мероприятий для каждого сектора должен быть обоснован, а также гибок, способен изменяться с изменением условий. Данный подход позволит установить те технологии, которые реально можно заимствовать и адсорбировать на внутреннем рынке, без тяжёлых последствий, а лучше с позитивными результатами для развития отечественной промышленности. При этом необходимы макроструктурные меры в рамках реализации макроэкономической и структурной политики с обеспечением перелива ресурсов в пользу обработки и наукоёмких секторов. Это будет не голословная, а подлинная трансформация, для которой необходим план, измеримый во времени и по вводимым параметрам развития. Таргетировать нужно номинальный ВВП, темп роста, уровень занятости и т.п., но не инфляцию, что является признаком отсталости не только экономики, но и экономического мышления, модели развития.

Файзуллоев М.К.
д.э.н., доцент, декан экономического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета, Душанбе
mashrab@mail.ru
Рахмонов Д.Р.
к.э.н., старший преподаватель Таджикского национального университета, Душанбе
jaloliddin78@inbox.ru

ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ И ВЫБОР

Ключевые слова: *инновационная стратегия, промышленное предприятие, инновационное развитие, инновационный процесс, инновация, модернизация, инновационная активность.*
Keywords: *innovation strategy, industrial enterprise, innovative development, innovation process, innovation, modernization, innovation activity.*

Процесс глобализации и ускоренного инновационного развития в XXI веке еще более актуализировали задачу обеспечения конкурентоспособности экономики стран на мировой арене. В современных условиях, безусловно, побеждают те страны, которые имеют необходимый инновационный потенциал, обеспечивающий их экономический рост и экономическое развитие. Современный этап глобализации и возникшие многообразные социально-экономические проблемы вынудили многие страны мира объединить свой потенциал в рамках таких межгосударственных организаций, как ЕС, СНГ, БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, ОЭСР и др. Объединившиеся в рамках этих организаций страны введут совместные работы по важнейшим перспективным направлениям развития, в частности сотрудничают в области инновационного развития.

Следует отметить, что с этой же целью было принято Решение Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 года о разработке Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года. В число основных направлений разработанной программы включены производственные технологии и промышленная инфраструктура, которые в свою очередь предусматривают применении робототехники и ресурсосберегающих способов производства в промышленности [1, с. 27–28].

Конечно, в разработку данной программы были вовлечены все государств-участники СНГ, в том числе Республика Таджикистан, и с целью достижения поставленных целей от государств-участников СНГ требовалось разработка собственной государственной программы, направленной на инновационное развитие отраслей национальных экономик (промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, здравоохранения, образования и др.).

Поскольку промышленность в системе национальной экономики относится к числу стратегических и социально значимых отраслей, поэтому в Программу инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 гг. включены следующие задачи: концентрация научного и научно-технического потенциала на приоритетных направлениях научных исследований и развития промышленности; реструктуризация промышленности в регионах, сильно зависящих от внешних поставок ресурсов; организация промышленного производства конкурентоспособной импортозамещающей продукции из местного сырья на основе разработок учёных, изобретателей и рационализаторов и привлечения новых зарубежных технологий; сокращение производства материалоемкой и энергоемкой продукции; разработка и реализация мероприятий, направленных на стимулирование инновационной активности промышленных предприятий и использование новейших научно-технических разработок и технологий [2, с. 17].

Также необходимо отметить, что в Республике Таджикистан приняты законы «О технологическом парке» (21.07.2010 г., № 629) и «Об инновационной деятельности» (17.04.2012 г., № 822), и тем самым создано правовое поле для инновационной деятельности промышленных предприятий.

Однако проведенные исследования свидетельствуют о том, что в настоящий момент полноценная инновационная политика на промышленных предприятиях Республики Таджикистан вовсе не разработана или же не имеет четкого обоснования и механизмов реализации. Основной причиной этого мы считаем неопределенность инновационной стратегии у большинства обследованных предприятий промышленности Республики Таджикистан.

При выработке инновационной стратегии промышленным предприятиям необходимо учесть ресурсное обеспечение стратегии, так как от качественных кадровых, материально-технических, финансовых и иных ресурсов зависит качество и возможность реализации стратегии инновационного развития.

Как показывает проведенное исследование, многие предприятия пищевой промышленности Республики Таджикистан стремятся осуществить инновационные мероприятия с целью повышения качества производимой продукции и улучшения основных показателей экономической эффективности, в реализации которых немаловажную роль играют кадровые составляющие инновационного потенциала.

Повышение качества продукции в свою очередь зависит от эффективной деятельности инженерно-технологических работников, поэтому нами была проанализирована численность данных специалистов в кадровом составе некоторых предприятий. Оказалось, что на сегодня в ЗАО «Комбинати шири Душанбе» работает 4 специалиста с высшим инженерно-технологическим образованием, что составляет 12,5% от численности работников с высшим образованием и 1,3% общей численности работников предприятия. В ЗАО «Фабрикаи шири Саодат» работают 3 специалиста с высшим инженерно-технологическим образованием, что составляет 15% от числа работников с высшим образованием и 2,6% общей численности работников. В ЗАОСП «Тачам» и ООО «Маколли» этот показатель в среднем составляет 15% от общей численности работников с высшим образованием [3].

В настоящее время стратегии инновационного развития обследованных предприятий направлены на восстановление технико-технологического парка с целью энерго- и ресурсосбережения. Результаты внедрения технологических инноваций можно заметить в деятельности некоторых предприятий пищевой промышленности – ЗАО «Комбинати шири Душанбе», ООО «Фабрикаи шири Саодат», ЗАО «Комбинати гушту консерва», ЧП «Часком – Инвест», ООО «Сомон Турон Инвест», ООО «Маколли», ООО «Маквиоли», ЗАО СП «Тачам» и др.

Вышеназванные предприятия с целью увеличения прибыли и реализации приказа Президента Республики Таджикистан с 24.04.2009 № 653 «О дополнительных мероприятиях экономного использования энергии» внедрили в производство энергосберегающие технологические линии более нового поколения.

По многим критериям новая технология по производству цельномолочных продуктов ЗАО «Комбинати шири Душанбе» является наиболее эффективной в отрасли в целом. При сопоставлении данных по потреблению электроэнергии до внедрения новой технологии и после обнаруживается значительная экономия электроэнергии, которая составляет 483 кВт/ч, т.е. годовой объем экономии электроэнергии равняется 1 млн. 174 тыс. кВт. В стоимостном выражении годовой объем снижения расходов электроэнергии составит 422 тыс. сомони.

При сопоставлении электропотребления внедренной новой технологии на ЗАО СП «Тачам» и технологии 80-х годов, используемой в ОАО «Комбинати хуроквории Точикистон», обнаруживаются существенные различия. Реальный расход электроэнергии для производства основного продукта (пиво) в ОАО «Комбинати хуроквории Точикистон» составляет в 3 раза больше, чем в ЗАО СП «Тачам» (соответственно 90 тыс. кВт и 30 тыс. кВт в год). То есть при одинаковом объеме годового производства ЗАО СП «Тачам» за счет новой и модернизированной технологии сэкономит 60 тыс. кВт. электроэнергии, которое в денежном выражении составляет 21тыс. сомони. Также нужно отметить, что новая технология позволила ЗАО СП «Тачам» повысить качество продукции, изменить ёмкость и дизайн упаковочных материалов, сократить время изготовления продукции и уменьшить некоторые материальные и трудовые затраты.

Известно, что результатом разработки и реализации инновационной стратегии промышленного предприятия является производство и продажа новой продукции. В то же время следует отметить, что производство инновационной продукции подразумевает как производство совершенно новой продукции, так и продукции отчасти новой и кардинально измененного существующего продукта.

Среди проанализированных предприятий только на ЗАО «Комбинати шири Душанбе» реализованы все этапы инновационного процесса, начиная от инновационного маркетинга до коммерциализации инновационного продукта. Нужно отметить, что ЗАО «Комбинати шири Душанбе» в 2008 году сумел реализовать собственные разработки и приобрести патенты на такие кисломолочные продукты, как: «Чургот» (патент № TJ 194 с 18.06.2008 до 18.06.2018) и «Дугоб» (патент № TJ 195 с 18.06.2008 до 18.06.2018).

В отличие от ЗАО «Комбинати шири Душанбе» другие исследованные нами предприятия не использовали перспективных результатов фундаментальных и прикладных исследований, но многие из них внедрили в производства технологические инновации.

Как было отмечено выше, обеспечение инновационного развития предполагает выбор оптимальной инновационной стратегии. Основу инновационной стратегии составляет комплекс действий, которые направлены на достижение конкурентных преимуществ в долгосрочной перспективе.

При разработке и выборе инновационной стратегии появляется необходимость применения ряда управленческих подходов к ее реализации в зависимости от ее видов: наступательной, оборонительной и имитационной.

Наступательная стратегия применяется в том случае, если предприятие желает укрепить свою рыночную позицию. Выбор данной стратегии означает, что промышленное предприятие готово осуществить все этапы инновационного процесса – от начала до конца. Важными условиями ее реализации являются наличие тесных контактов со специализированными организациями научно-исследовательского и научно-технического профиля. Наступательная стратегия имеет следующие разновидности: основанная на управлении издержками с целью их сокращения за счет применения новых технологических решений; направленная на создание новой рыночной конъюнктуры, когда производя новый продукт, предприятие создает рынок новой продукции; направленная на обеспечение неудовлетворенных потребностей на рынке товаров и услуг, что и является двигателем инновационного развития.

Данные стратегии широко известны в классической теории менеджмента и достаточно активно применяются в разработке стратегии долгосрочного развития предприятия.

Оборонительная стратегия характерна для предприятий, которые стремятся к удержанию своих рыночных позиций. В данном случае предприятия не заинтересованы в инновационном развитии, так как попытаются сохранить рыночные позиции исходя из своего монопольного положения и существующих административных барьеров. Но необходимо отметить, что в рамках оборонительной стратегии предприятия прибегают к незначительным изменениям в продукте или услугах.

Имитационная стратегия характерна для предприятий, имеющих стабильное положение на рынке за счет воспроизведения инновационных качеств продукции и передовых технологий других производителей. По сути, стабильность рыночного положения промышленного предприятия в этом случае обусловлена его способностью адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, оперативно и успешно копируя новые научно-технические и технологические свойства продукции конкурентов.

Основы формирования инновационной стратегии представлены на рис. 1.

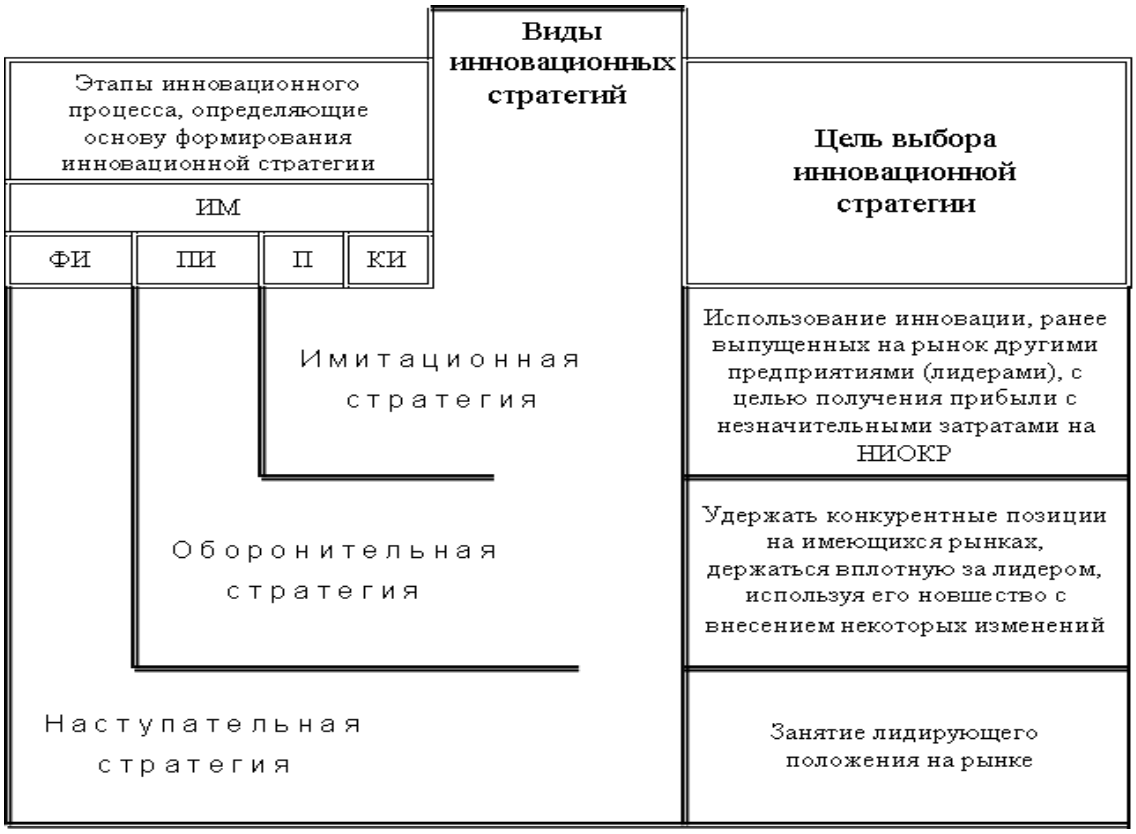


Рисунок 1.
Основы формирования инновационной стратегии промышленного предприятия

Как видно из рис. 1, выбор той или иной инновационной стратегии обусловлен поставленными целями и избранными этапами реализации инновационного процесса, соответствующими этим целям: ИМ (инновационный маркетинг), ФИ (фундаментальные исследования), ПИ (Прикладные исследования), П (Производство), КИ (коммерциализация инноваций). Инновационный маркетинг, являясь исходным и постоянным этапом инновационного процесса, играет решающую роль в формировании новой стратегии инновационного развития предприятия или отказе от реализации ранее избранной стратегии. Если предприятие реализует некоторый этап, то оно должно либо самостоятельно реализовывать предыдущий этап (за исключением случая, когда рассматриваемый этап является первым – этапом фундаментальных исследований), либо использовать чужие результаты реализации предыдущего этапа, приобретая их у других предприятий и организаций.

Также возможно, что выбранная инновационная стратегия (наступательная, оборонительная или имитационная) в какой-то момент может потерять своё предназначение при реализации этапов инновационного процесса. Например, при наступательной стратегии такому ходу событий во время проведения фундаментальных и прикладных исследований может способствовать появление информации о том, что предполагаемые стратегией результаты уже получены другими организациями или новаторами.

При разработке стратегии инновационного развития необходимо учесть инновационный потенциал предприятия. Учет инновационного потенциала позволяет разработать реализуемую стратегию, т.е. ту, которая основывается на существующих возможностях и экономическом потенциале предприятия.

Под экономическим потенциалом понимается совокупность возможностей и ресурсов предприятия, при максимальном использовании которых обеспечивается эффективность развития, и достигаются поставленные цели хозяйствующего субъекта в инновационном аспекте. Исходя из этого, инновационный потенциал рассматривается как способность предприятия к внедрению передовых достижений науки и техники. Для этого предприятию необходимо располагать следующими ресурсами и возможностями: интеллектуальные ресурсы (изобретения, лицензии, патенты, технические и технологические решения, модели и промышленные образцы); информационные ресурсы, необходимые для налаживания инновационных процессов на предприятии; материальные ресурсы (необходимые исследовательское, лабораторное и экспериментальное оборудование); финансовые ресурсы (собственные, заемные, бюджетные); кадровые ресурсы (творческие и креативные работники, лидер-новатор, специалисты по маркетингу, по НИОКР и рыночному прогнозированию); инфраструктурное обеспечение (эффективная организационно-управленческая струк-

тура, наличие соответствующих подразделений, отделов, технологических парков, конструкторских бюро, лабораторий и т.д.).

Кроме названных выше ресурсов важны и такие факторы как партнерские отношения, сотрудничество с научно-исследовательскими центрами, НИИ, НИО, вузами, а также производственный опыт и навыки самих предприятий.

На наш взгляд реализация любой выбранной инновационной стратегии требует применения полного набора общих функций управления, а именно: планирование, организация, контроль, координация, учет и анализ, которые направлены на реализацию каждого этапа инновационного процесса, в определенной последовательности (рис. 2).

Мотивы становятся предпосылкой или источником формирования целей управления инновационными процессами. Последовательно процесс управления в соответствии с принципиальной схемой начинается с формирования системы целей и задач инновационного процесса (или проекта) на определенный период времени.

В данном случае планирование, организация и контроль выступают как основные (базовые) функции, а мотивация и анализ как обеспечивающие функции управления инновационными процессами. Реализация обеспечивающих функций способствует успешному осуществлению основных функций управления [5, с.112].

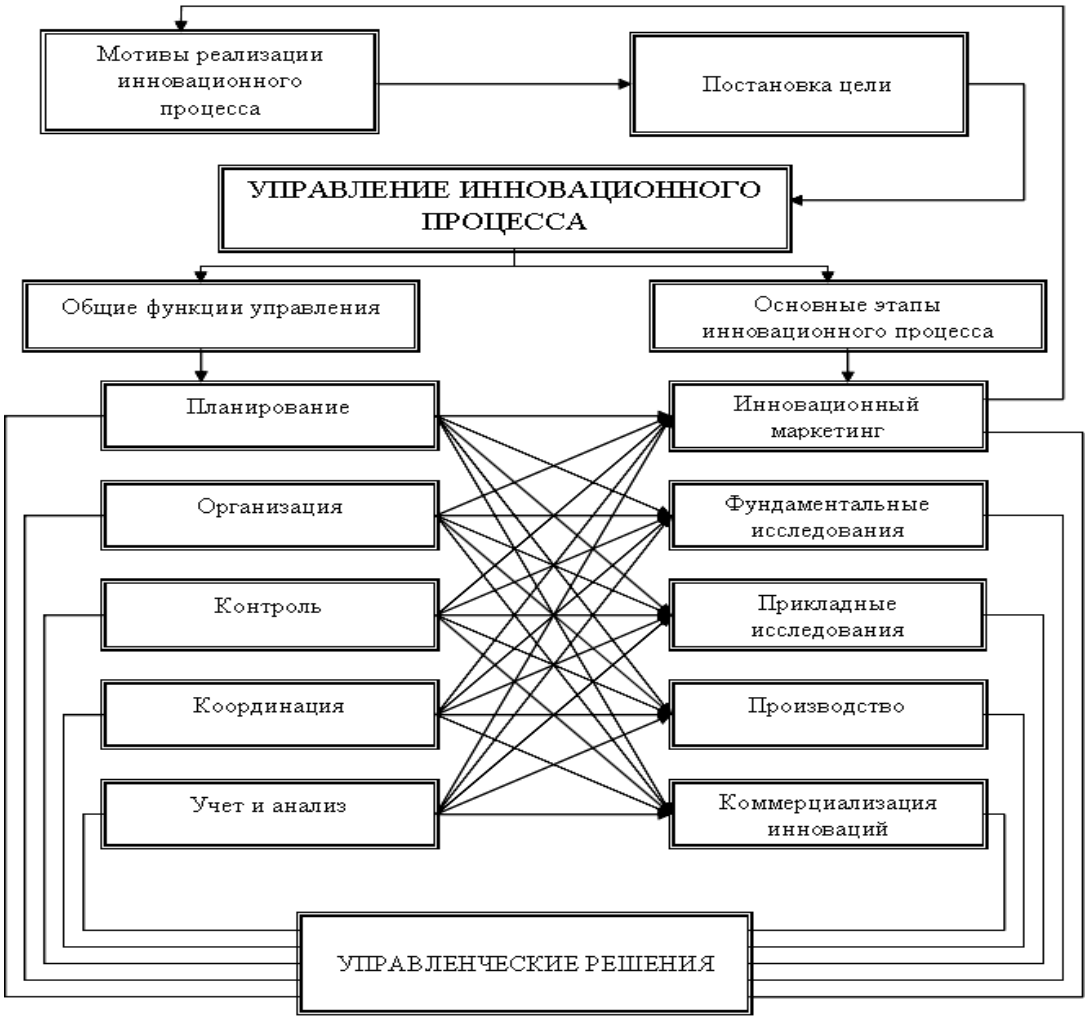


Рисунок 2.
Схема управления инновационным процессом на промышленных предприятиях

Следует отметить, что независимо от содержания инновационных процессов, предприятия выполняют базовые функции управления в отношении реализуемых этапов инновационного процесса. В данном случае состав функций и задач управленческого воздействия может быть регламентирован в зависимости от вида выбранной инновационной стратегии.

Так как в настоящее время большинство предприятий промышленности Республики Таджикистан не располагают достаточным инновационным потенциалом, обеспечивающим их самостоятельную деятельность в инновационном аспекте, можно признать для них целесообразным выбор имитационной стратегии инновационного развития.

В настоящее время бывшие организации прикладной науки практически не ведут научно-инновационную деятельность из-за отсутствия заказов на создание инноваций, а следовательно, отсутствует и финансирование этой деятельности. Заводская наука, представленная отделами главного конструктора (СКБ), главного технолога, заводскими лабораториями и опытно-экспериментальными цехами (участками) значительно сократила объём производимых НИОКР [4, с. 95].

Развитие НИС в качестве приоритетного направления должно предполагать создание Национального Фонда инновационного развития, главной целью которого станет «выращивание» новых бизнесов и перспективных инновационных проектов с последующей продажей созданных компаний в частные руки. Причём Фонд должен будет обес-

печивать финансирование существенной доли (до 40–50%) стартового капитала частных венчурных фирм на «доконкурентной» стадии развития [4, с. 117].

Подводя итог исследуемой проблематике, следует отметить, что стратегические изменения в деятельности большинства обследованных предприятий не ощущаются, явно заметно отсутствие их стремления к разработке стратегий развития, имеющей инновационную направленность. В этом случае необходимо применять новые отраслевые подходы, которые будут способствовать формированию инновационного подхода к разработке стратегий развития хозяйствующих субъектов. Оптимальный выбор и разработка инновационной стратегии должны способствовать ускорению перевооружения национальных промышленных предприятий и создать условия для повышения темпов производства отечественной инновационной продукции.

Список литературы

1. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года (18.10.2011 г.).
2. Программа инновационного развития Республики Таджикистан на 2011–2020 годы (№ 227 от 30.04.2011).
3. Статистический бюллетень: Экономические показатели деятельности промышленных предприятий Республики Таджикистан за 2014 год. – Душанбе, 2015. – 118 с.
4. Файзуллоев М.К. Основы формирования национальной инновационной системы: монография. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 354 с.
5. Яголковский С.Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы: научная монография. – М., 2010. – 263 с.

Шутьков А.А.
д.э.н., академик РАН, гл.н.с. Института проблем рынка РАН
a.a.shutkov@yandex.ru
Шутьков С.А.
д.э.н., профессор Национального института бизнеса
s.a.shutkov@yandex.ru

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: *инновационная политика, модернизация, ресурсно-инновационная модель, техническая оснащенность, продовольственная безопасность, программа.*

Сегодня перед Россией стоит весьма сложная задача экономического и социального возрождения в условиях международной изоляции и открытой антироссийской политики ряда ведущих стран мира. В этих условиях формирование эффективной инновационной политики является основой модернизации, важнейшим фактором повышения эффективности производства, его интенсификации, конкурентоспособности, решения проблем по улучшению качества жизни населения страны. Реализация этих задач во многом зависит от развития аграрного сектора экономики страны, который создает 5–6 рабочих мест в других отраслях экономики.

Ключевые основы инновационной политики сельского хозяйства формируются государством через разработку и реализацию нормативных документов (законов, программ, концепций и других инструментов). Государственная инновационная политика, представленная совокупностью управленческих решений, должна направляться на стимулирование приоритетных инновационных процессов, модернизации производства, разработка и осуществление которых воздействует на ускорение научно-технического развития отрасли, рост ее эффективности.

Для науки проблема активизации инновационных процессов не нова. За годы современной аграрной реформы коллективами ученых Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства, Всероссийского НИИ экономики, труда и управления в сельском хозяйстве, рядом других научных учреждений и авторами предлагались другие подходы развития науки и техники, их освоения практикой в агропромышленном комплексе, направленные на активизацию инновационных процессов, модернизацию производства. Разрабатывались предостерегающие прогнозы, которые, к сожалению, подтвердились. Ныне объемы производства сельскохозяйственной продукции (несмотря на некоторую динамику роста за последние годы) оказались на уровне более чем 40-летней давности, о чем свидетельствуют статистические данные по России за 1970–2015 годы:

– в области земледелия: посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась с 121,9 до 79,3 млн. га (на 35%). Производство зерна уменьшилось с 107,4 до 104,8 млн. т. (на 2,4%);

– в области животноводства: поголовье крупного рогатого скота снизилось с 51,6 до 19 млн. голов (в 2,7 раза), в том числе коров с 20,6 до 8,4 млн. голов (в 2.4 раза), свиней – соответственно с 33,2 до 21,5 млн. (в 1,5 раза), овец и коз с 67,0 до 24,9 млн. голов (в 2,7 раза). Производство молока уменьшилось с 45,4 до 30,8 млн. т. (в 1,5 раза). На порядок ниже оказалось производство мяса, яиц и шерсти;

– в материально-технической сфере: обеспеченность сельскохозяйственных товаропроизводителей тракторами снизилась с 1227,8 до 233,6 тыс. шт. (в 5,2 раза), комбайнами зерновыми с 370,8 до 61,4 тыс. шт. (в 6 раз).

С этим связана потеря страной продовольственной независимости. Парадоксально, что Россия, обладая огромными природными, земельными и водными ресурсами (более 50% мировых черноземов, 20% пресной воды, производства почти 9% мирового объема минеральных удобрений), крупным научным потенциалом ныне не в состоянии обеспечить население страны основными продуктами питания отечественного производства. В 2015 году, несмотря на принятие эмбарго России к ряду стран по ввозу продовольственных товаров, в ответ на санкции Запада импорт продовольствия продолжается, составляя в истекшем году около 30% к потреблению населением. За 1992–2015 годы импорт мяса возрос с 334 до 997 тыс. т. (в 3 раза) молока и сливок сгущенных с 46 до 181 тыс. т. (в 3,9 раза), картофеля с 142 до 687 тыс. т. (в 4,8 раза). Значительно увеличился ввоз овощей, фруктов, семенного материалов, сельскохозяйственной техники. В целом за эти годы импорт только основных продовольственных товаров возрос с 9,6 млрд. долл. США до 22,2 млрд. или в 2,3 раза.

Сегодня предприятия и объединения агропромышленного комплекса функционируют в весьма сложной обстановке. На внешние факторы – санкции и контрсанкции, кризис мировой экономической системы – наложились внутренние – финансовый кризис, резкое снижение уровня инновационной активности.

Возможности повышения эффективности сельского хозяйства на базе использования достижений науки раскрыты в материалах научной сессии Российской академии наук «Генетические ресурсы растений, животных и микроорганизмов на службе человека», состоявшейся 26 октября 2016 года. «На основе использования отечественного генофонда и современных фундаментальных знаний учеными создано с внесением в Государственный реестр селекци-

онных достижений, допущенных к испытанию на территории Российской Федерации, более 10 тысяч сортов и гибридов сельскохозяйственных культур. Ежегодно выявляется более тысячи генисточников, устойчивых к абиатическим и биологическим факторам среды, создаются и передаются в Государственную комиссию по испытанию и охране селекционных достижений 300 новых сортов и гибридов» (7).

В области растениеводства селекционерами для Нечерноземной зоны России создан сорт озимой пшеницы «Немчиновка» с урожайностью более 100 ц с 1 га. Учеными ВНИИ риса созданы новые сорта риса с потенциальной продуктивностью 110 ц с гектара. Выведены принципиально новые гибриды кукурузы с урожайностью 100–150 ц с 1 га, предназначенные для производства зерна в регионах с ограниченным до 80–90 дней вегетационным периодом.

В области животноводства выведен ленинградский тип черно-пестрого скота с продуктивностью более 12000 кг молока в год. Создана высокотехнологичная мясная порода крупного рогатого скота «Русская комолая» с среднесуточным приростом живой массы 1100–1200 г. В свиноводстве созданы Свободовский, Восточный и Краснодарский типы крупной белой породы с приростом живой массы при откорме до 700-800 г за сутки. В птицеводстве созданы мясные бройлерные кроссы Смена-8и и Русь с расходом корма на 1 кг прироста живой массы 800–900 г кормовых единиц и др.

Сегодня основные приоритетные направления фундаментальных и прикладных исследований аграрной науки предусматривают разработки:

– в экономике и организации производства – совершенствование организационно-экономических отношений, развитие сельских территорий:

– в земледелии – рациональное использование земельных ресурсов с повышением их продуктивности;

– в растениеводстве – выведение высокоурожайных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур с совершенствованием технологий возделывания;

– в животноводстве – выведение высокопродуктивных пород (линий) животных и птицы с интенсивными технологиями содержания;

– в области механизации и электрификации – создание эффективных машин и оборудования с рациональным их использованием.

Анализ показывает, что за последние годы для аграрного сектора экономики принято множество федеральных законов, программ, доктрин, стратегий и других нормативных документов. Однако большинство из них носят декларативный характер с низким уровнем финансового обеспечения, что не способствует активизации процессов модернизации. Не в полной мере отвечает требованиям интенсификации агропромышленного производства ныне действующая Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Серьезной корректировки требует Федеральный закон «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

На фоне незначительного роста производства сельскохозяйственной продукции в последние годы, составляющего 3–4%, сохраняется высокая зависимость нашей страны в продовольственном обеспечении населения. В этой связи необходим пересмотр концепции развития АПК и, прежде всего сельского хозяйства на основе формирования качественно новой ресурсно-инновационной стратегии, предусматривающей активное воздействие науки и передовой практики на модернизацию, предусматривающую интенсификацию процессов экономического воспроизводства.

С учетом современных изменений в мировой экономике, острой конкурентной борьбы на рынках стратегия инновационной политики как основа модернизации должна базироваться на рациональном использовании имеющегося в стране ресурсного потенциала. Составляющими такого подхода является: рациональное использование земли, животных, материально-технических, финансовых, трудовых ресурсах, достижений науки и передовой практики; активизация инновационных процессов, направленных на модернизацию технологических цепочек в процессах производства, транспортировки, хранения, переработки продукции; систему управления. Это вызывает необходимость смещения акцента в организации ведения агропромышленного производства от экстенсивных к интенсивным формам с решением проблем обеспечения продовольственной безопасности. Суть данной стратегии – в воздействии науки и передового опыта на рациональное использование всего комплекса ресурсного потенциала.

Полагаем, что наиболее важными аспектами решения задач модернизации на основе формирования эффективной инновационной политики с использованием ресурсно-инновационной модели развития аграрного сектора экономики следует считать:

– корректировку внешнеторговых отношений, обеспечивающих защиту отечественных товаропроизводителей через экономические инструменты регулирования;

– формирование необходимой материально-технической базы, ее модернизацию на инновационной основе;

– государственную поддержку развития науки и техники, создание эффективных форм освоения инноваций;

– формирование эффективной финансово-кредитной политики и механизма экономических отношений, направленных на диверсификацию экономики;

– преодоление деградации трудовых ресурсов и социальных территорий;

– формирование профессионального кадрового потенциала с рациональным его использованием при управлении.

В настоящее время наиболее острой проблемой на рынке, вызывающей необходимость модернизации является неоправданно высокая доля импорта продовольственных товаров, вызванная серьезными перекосами в нормативной базе (федеральных законах, постановлений правительства, программах). Создание льготных условий импорта готовой продукции, низкие таможенные сборы странам – экспортерам сузили внутренние возможности для отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей вести расширенное воспроизводство.

Импортируя продовольствие и обеспечивая им свыше одной трети объема внутреннего потребления населением продовольствия за счет разорительной продажи своих природных ресурсов, страна финансирует не отечественных, а зарубежных товаропроизводителей, способствуя тем самым захвату ими национального агропродовольственного рынка и его отдельных продуктовых сегментов, сохранению системных проблем в сельском хозяйстве. Многие годы ориентация на крупномасштабный импорт как основное средство решения продовольственной проблемы в стране наносит ущерб ее экономике и, прежде всего, базовым подотраслям сельского хозяйства, обрекая их на разрушение и деградацию. Миллиарды долларов, потраченные на закупку и обслуживание импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – это, по существу нереализованные инвестиции в развитие национального агропромышленного комплекса, что не позволяет ему на равных конкурировать на отечественном и мировом агропродовольственных рынках (3).

В результате принятия антикризисных мер в 2015 году в стране создаются условия для наращивания собственного производства. Отечественной продукцией можно заменить до 50% импорта, но делать это нужно в максимально короткие сроки. В противном случае потребление населением страны продуктов питания может еще более сократиться, хотя оно и так уже ниже рекомендуемых медицинских норм (4).

Фундаментом инновационной политики, обеспечивающей интенсификацию агропромышленного производства является формирование материально-технической базы, ее модернизация, предусматривающая осуществление комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, техническое перевооружение отраслей. Игнорирование данных вопросов в развитии села за годы аграрной реформы привело к деиндустриализации, технической и технологической отсталости по сравнению с развитыми странами. За 1990–2015 годы парк тракторов в сельскохозяйственных организациях уменьшился: с 1365,6 до 233,6 тыс. шт. (в 5,8 раза), плугов с 538,3 до 64,1 тыс. (в 8,4 раза), сеялок с 673,9 до 93,6 тыс. (в 7,2 раза), комбайнов зерновых с 370,8 до 61,4 тыс. шт. (в 6 раз). Катастрофическое снижение технической оснащенности произошло в орошаемом земледелии и животноводстве (табл. 1).

Таблица 1

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях (на конец года, тыс. шт.)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Тракторы	1365,6	746,7	480,3	310,3	233,6	17,1
Плуги тракторные	538,3	238,0	148,8	87,4	64,1	11,9
Культиваторы	602,7	260,1	175,5	119,8	93,2	15,4
Сеялки	673,9	314,8	218,9	134,0	93,6	14,0
Зерноуборочные комбайны	407,8	198,7	129,2	80,7	61,4	15,0
Кукурузоуборочные комбайны	9,6	4,4	2,2	1,1	0,8	8,3
Кормоуборочные комбайны	120,9	59,6	33,4	20,0	14,0	11,6
Картофелеуборочные комбайны	32,3	10,0	4,5	2,9	2,4	7,4
Свеклоуборочные машины	25,0	12,5	7,2	3,2	2,2	8,8
Дождевальные машины	79,4	19,2	8,6	5,4	5,9	7,4
Доильные установки	242,2	88,7	50,3	31,4	25,1	10,4

Анализ показывает, что более 50% успеха сельскохозяйственного производства зависит от энерговооруженности. Надо иметь не менее трех лошадиных сил на гектар пашни – имеем 1,68. Сегодня в два раза меньше. Поэтому не укладываемся в агротехнические сроки проведение полевых работ. Колосовые зерновые надо убирать 7–8 дней, ни одного дня позже. А мы убираем 20 дней, целый месяц, полтора месяца и под снег посевы пускаем. Также и другие работы. В результате нарушения оптимальных агротехнических сроков в стране ежегодно потери составляют 15–20 млн. т зерна, миллионы тонн картофеля и овощей (5).

В настоящее время по обеспеченности тракторами в расчете на 100 га пашни Россия отстает от Англии в 4 раза, Германии в 3,7 раза, США в 2,8 раза, Канады в 3 раза, Белоруссии в 2,6 раза. Аналогичное положение и с другими машинами и оборудованием.

Снижение технической оснащенности, как ключевого фактора инноваций, развития сельского хозяйства привело к резкому ухудшению использования земельных угодий, нарушению сроков проведения полевых работ, снижению производительности труда. За 1990–2015 годы выведено из оборота 38,4 млн. га пашни, (сопоставимые с посевной площадью Германии, Италии и Франции вместе взятых), которая заросла бурьяном и мелколесьем. За эти годы посевная площадь сельскохозяйственных культур уменьшилась в 1,5 раза, в том числе зерновых культур в 1,3, картофеля и овощей в 1,4, кормовых культур в 2,6 раза (табл. 2).

Таблица 2

Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур в России (в хозяйствах всех категорий, тыс. га.) (1)

Посевные площади	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Вся посевная площадь	117 705	84 670	75 837	75 188	79319	67,4
Зерновые и зернобобовые культуры	63 068	45 585	43 593	43 194	46 642	73,9
в т.ч. пшеница	24 244	23 205	25 343	26 613	26 830	110,6
Технические культуры	6111	6458	7615	10 900	12 709	207,9
в т.ч. подсолнечник	2739	4643	5568	7153	7005	255,7
Картофель и овощебахчевые	3966	3728	3109	3022	2993	75,5
в том числе картофель	3124	2834	2277	2212	2128	68,1
Кормовые культуры	44 559	28 899	21 610	18 071	16 974	38,1

Стратегия ведения земледелия, основанная на комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, должна строиться на базе оптимизации пропорций развития растениеводства и животноводства, их интеграции, которые грубо нарушены за пореформенные годы. Во многом это связано с лоббированием крупных монополий, занимающихся экспортом зерна с целью получения сверхприбыли. Сегодня экспорт зерна при недостаточном его выделении для животноводства идет на фоне небывалого за всю историю спада поголовья скота и птицы. В 2015 г. по сравнению с 1990 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в 3 раза, свиней в 1,8, овец и коз в 2,3, птицы в 1,3 раза (табл. 3).

Таблица 3

Поголовье скота и птицы на конец года в России (в хозяйствах всех категорий, млн. голов) (1)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Крупный рогатый скот	57,0	27,5	21,6	20,0	19,0	30,0
в т.ч. коровы	20,5	12,5	9,5	8,8	8,4	40,9
Свиньи	38,3	15,8	13,8	17,2	21,5	56,1
Овцы и козы	58,2	15,0	18,6	21,8	24,9	42,8
Птица	660,0	340,7	357,5	449,3	492,5	74,6

В 2015 году поголовье крупного рогатого скота опустилось до уровня 1923 года, свиней до 1957 года, овец и коз до 1935 года, что привело к резкому увеличению сезонности сельскохозяйственного труда и безработице (в настоящее время каждый третий трудоспособный сельский житель – безработный).

Вывод сельскохозяйственных угодий из оборота, обвальное сокращение поголовья скота и птицы, деиндустриализация, перекосы в экономических отношениях, снижение уровня инновационной и инвестиционной активности привели к спаду производства. За 1990–2015 годы производство зерна снизилось на 10,2%, мяса всех видов на 39,1, молока на 45,5, яиц на 10,5, шерсти 75,3% (табл. 4). В целом производство валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах за годы аграрной реформы составило 92,6% к уровню 1990 году, а объемы ее оказались на уровне более чем 40-летней давности.

Таблица 4

Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в России (в хозяйствах всех категорий) (1)

	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. в % к 1990 г.
Зерно, млн. т.	116,7	65,5	77,8	61,0	104,8	89,8
Мясо (в живой массе), млн. т.	15,6	7,0	7,7	10,5	9,5	60,9
Молоко, млн. т.	55,7	32,3	31,1	31,8	30,9	55,5
Яйцо, млрд. шт.	47,5	34,1	37,1	40,6	42,5	89,5
Шерсть, тыс. т.	226,7	40,3	49,0	53,5	56,0	24,7
Валовая продукция в сопоставимых ценах, в % к 1990 г	100,0	60,7	68,1	71,8	92,6	

Для восстановления производства сельскохозяйственной продукции дореформенного (1990 г.) уровня сегодня инновационная политика должна способствовать активизации процессов модернизации, направленных на импортозамещение и повышение уровня конкурентоспособности производства. Новые долговременные системные внешние вызовы, сложности в финансово-кредитной системе, борьба на продовольственном рынке являются теми условиями, в которых в ближайшие годы будет происходить реализация сценария, связанного с обеспечением продовольственной безопасности страны. Такая ситуация для России складывается на фоне того, что в развитых странах все в большей степени формируются новые более интенсивные поколения пятого и шестого технологических укладов, связанных с развитием научно-технического прогресса по многим направлениям ведения агропромышленного производства. В этих условиях решение проблемы перевода аграрного сектора на новый более высокий уклад должно основываться на использовании ресурсно-инновационной модели развития АПК на всех стадиях производственно-экономической цепочки, опираясь на полноценную нормативную базу, достаточное финансирование, обеспечивающее интенсификацию. Эта модель объединит ресурсы, инновации и модернизацию, раскрывая возможности всех составляющих, обеспечивая мультипликационный эффект.

Наиболее важным экономическим условием эффективной инновационной политики является ресурсная, техническая и технологическая обеспеченность развития научно-технического процесса. При этом стабильное и полное финансирование является основой эффективного функционирования инновационной сферы. С этим непосредственно связана деятельность научных учреждений и их экспериментальной базы (6).

Сложившийся негативный груз экономических, технических, технологических и социальных проблем требует принципиально новых подходов к активизации инновационных процессов. Нужна иная, чем прежняя модель использования достижений науки и техники, основанная на системном подходе к рациональному использованию природного, производственного, научно-технического, экономического и кадрового потенциала. Справедливая риторика органов власти в отношении инноваций должна подкрепляться конкретными масштабными действиями эффективных структурных преобразований, основанных на укреплении материально-технической базы товаропроизводителей, ее модернизации, предусматривать синергетическое взаимодействие институциональной среды, инноваций производственной и социальной инфраструктуры.

В стране имеется достаточно высокий научный потенциал, сосредоточенный в научно-исследовательских учреждениях Федерального агентства научных организаций (ФАНО), Российской академии наук и высших учебных заведениях Министерства сельского хозяйства России. Его рациональное использование является ключевым фактором интенсификации, повышения производительности труда, конкурентоспособности производства и импортозамещения.

За последние годы в научных учреждениях создано более 300 высокоурожайных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, 295 новых и усовершенствованных технологий и другой научно-технической продукции. Несмотря на это имеющийся научный потенциал используется крайне ограниченно. В настоящее время уровень внедрения научных разработок не превышает 5–7% от имеющихся достижений науки и передовой практики. В дореформенные годы он составлял 55–60%. Анализ показывает, что наиболее полное использование результатов исследований в виде новых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, пород и линий животных и птицы, средств механизации и автоматизации, организации труда и управления сегодня обеспечивало бы увеличение производства сельскохозяйственной продукции на 25–30%.

Сегодня важно не только сохранить, но и повысить уровень научных исследований, связанный с реорганизацией науки, которую осуществляет ФАНО в соответствии с Федеральным законом «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вызвавшем необоснованную ломку организационных структур управления с сокращением объемов финансирования. Прошедшие годы реформирования науки, вызвавшие крупные издержки, свидетельствуют о необходимости существенной корректировки программы реорганизации. Следует использовать многолетний опыт организации научных исследований ныне реорганизованной Россельхозакадемии, Целью таких преобразований должна стать не ломка старого прогрессивного, а создание нового на базе опыта и переоценки старого во имя ускорения научно-технического прогресса, активизации инновационных процессов. В центре внимания должен стоять не чиновник, а ученый с достойной оплатой, создающий научно-техническую продукцию. Именно ему необходимо создать комфортные (прежде всего материальные) условия для творческой работы.

Следует отказаться от остаточного принципа государственного финансирования научных исследований. Нужно восстановить положение о том, что на проведение исследований и разработок направлять не менее 4% от расходной части бюджета, как это принято федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». Важна более эффективная поддержка научных организаций при ведении исследований по прорывным направлениям.

Основная роль в развитии механизма внедрения инноваций должна принадлежать Министерству сельского хозяйства РФ и его органам в регионах с решением задач мобилизации имеющегося научно-технического потенциала. Непосредственная роль в реализации инноваций принадлежит руководителям и специалистам, фермерам и другим участникам бизнеса. Они должны не только планировать, но и организовывать работу производственных подразделений, подбирать непосредственных исполнителей, обучать их технике, технологии и организации производства, контролировать ход выполнения инновационных мероприятий, направленных на модернизацию. Успешное освоение достижений научно-технического прогресса во многом зависит от того, насколько плодотворна связь ученых с руководителями и специалистами, соединяющими науку с производством. Важным инструментом в активизации инновационных процессов является разработка и реализация региональных систем ведения агропромышленного производства, основанных на использовании последних достижений науки и передовой практики.

Необходима корректировка финансово-кредитной политики, направленной на диверсификацию экономики товаропроизводителей, ее модернизации. В настоящее время подавляющее большинство сельскохозяйственных товаропроизводителей не в состоянии вести не только расширенное, но и простое воспроизводство, что приводит к существенному спаду инвестиционной активности, снижению уровня их технической оснащенности. Общая суммарная кредиторская задолженность сегодня достигла критического уровня (свыше 2 трлн. рублей), в 1,3 раза превысив денежную выручку от реализации всей продукции. Около 30% убыточных, более 50% сельскохозяйственных организаций не имела доступа к кредитам.

Непомерно высокая стоимость кредитных ресурсов, достигшая 20% годовых, сдерживает инвестиционные процессы. Расчеты показывают, что для ведения расширенного воспроизводства кредиты не должны превышать 3–5% ставки. Надо провести реструктуризацию долгов, списание их в первую очередь по просроченной задолженности. Это обеспечит лишь частичную компенсацию потерь финансовых ресурсов вследствие рыночной стихии и спекуляции.

Настоятельно требуется переход к экономически обоснованной государственной поддержке села, направленной на модернизацию. Уровень субсидирования сельского хозяйства в расчете на 1 га пашни в 2015 году в России составил 10 долл. США, тогда как в странах Евросоюза – 300 долл. а в Японии – 475. У нас при низком уровне объема выделенных средств из бюджета в 2016 году на 2017 год предусмотрено его сокращение на 5,4%, что соответствует немного более 1% расходной части федерального бюджета. Расчеты показывают, что для решения задач модернизации, основанной на активизации инновационных процессов, в ближайшие годы следует довести объем государственной поддержки до триллиона рублей, приблизив к странам Европейского союза. Необходима корректировка ценовых отношений, механизмов закупочных и товарных интервенций, повышения доли страховых возмещений до 80% от собранной страховой премии, налогового стимулирования инновационного бизнеса.

Ключевое место должно быть отведено предотвращению деградации трудовых ресурсов и социальной сферы сельских территорий, формированию профессионального кадрового потенциала. О тревожном состоянии трудовых ресурсов в деревне свидетельствуют данные Росстата по миграции работников. Если в 1990 году в сельскохозяйственном производстве было занято 9,9 млн. человек, то в 2015 году их число уменьшилось до 6,3 млн. или на 36,4%. У работников села самая низкая номинальная заработная плата, составляющая лишь 53,6% от среднероссийской. За эти годы в сельской местности исчезло 16 тысяч деревень. Здесь на порядок более высокая смертность по сравне-

нию с городом. Деревне нужны больницы, детские сады и ясли, школы, дороги, которых крайне недостаточно. Несмотря на это ресурсное обеспечение Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 года» в 2015–2017 годах сокращается с 104 до 48 млрд. рублей.

Таким образом, инновационная политика как основа модернизации должна базироваться на системном подходе – с одной стороны на решении проблем развития модернизации производства, с другой – на защите отечественных товаропроизводителей от экспансии продовольственных товаров зарубежных стран. Ускоренный переход сельского хозяйства на формирование данной парадигмы с использованием эффективных экономических инструментов, технических и технологических укладов – основа обеспечения продовольственной и национальной безопасности страны.

О потенциальных возможностях решения задач инновационного развития свидетельствует практика восстановления сельского хозяйства СССР после Великой отечественной войны 1941–1945 годов, когда фашистской Германией в стране было разрушено и сожжено более 70 тысяч сел, 2,9 тысяч МТС. При таком тяжелом положении деревни в СССР с выделением необходимых финансовых и материально-технических ресурсов за 5 лет (1946–1959) были восстановлены объемы производства продукции земледелия и животноводства довоенного 1940 года. Впоследствии, прежде всего, с государственной поддержкой села была коренным образом переоснащена материально-техническая база, освоено 16,3 млн. га целинных и залежных земель. Страна по уровню потребления продуктов питания на душу населения вышла на 7 место в мире. За годы же аграрной реформы (1992–2015 гг.) производство сельскохозяйственной продукции опустилось на уровень более чем 40-летней давности.

Исходя из экспертной оценки, преодолеть депрессивный характер состояния агропромышленного производства возможно только на базе корректировки инновационной политики как основы модернизации с индустриализацией, переходом на ресурсно-инновационную модель развития. В этой связи необходимо:

– на первом этапе скорректировать в 2017–2018 годах ныне действующую Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции на 2013–2020 годы с доведением годовой финансовой поддержки села не менее чем до триллиона рублей.

– на втором этапе – разработать качественно новую Программу восстановления и развития агропромышленного комплекса до 2025 года на базе новых подходов к использованию ресурсно-инновационного потенциала с акцентом на импортозамещение при повышении объемов финансовой поддержки до уровня стран Европейского союза.

В соответствии с методологией целевого управления и планирования Программа должна содержать: четкое определение цели социально-экономического развития села; корректировку законодательной базы; изменение инструментов экономических отношений; необходимое выделение финансовых ресурсов; устранение диспропорций в развитии отраслей; решение задач активизации инновационных процессов и модернизации с указанием сроков выполнения мероприятий. Иначе будет продолжена популистская риторика об успехах в сельском хозяйстве, возможностях России накормить население половина планеты мира при существенной зависимости страны от импорта продовольственных товаров.

Список литературы

1. Статистические материалы ЦСУ СССР и Росстата за 1970–2015 годы.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.
3. Алтухов А.И. Необходимость новой государственной аграрной политики в контексте продовольственной независимости страны // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2015. – С. 13–19.
4. Долгушкин Н.К. Оптимизация размещения агропромышленного производства как один из путей решения проблемы импортозамещения // Актуальная политика России в условиях международной и региональной интеграции. Ч. 2. – М.: ВНИИЭСХ, 2015. – С. 74–75.
5. Ежевский А.А. Пора переплавить колокола // Советская Россия. – М., 2014. – 23 октября. – С.1–2.
6. Миронова Н.Н. Особенности инновационных процессов в АПК // Вестник Национального института бизнеса. – М., 2014. – № 21. – С. 81–87.
7. Романенко Г.А. Генетические ресурсы растений, животных и микроорганизмов – основа фундаментальных исследований сельскохозяйственной науки // Генетические ресурсы растений, животных и микроорганизмов на службе человечества (материалы научной сессии). – М., 2016. – С. 7.
8. Ушачев И.Г. Научные проблемы импортозамещения и формирования экспортного потенциала в агропромышленном комплексе // Импортозамещение в АПК: проблемы и перспективы. – М.: ВНИИЭСХ, 2015. – С. 14–37.
9. Шутьков А.А. Продовольственная безопасность: теория, политика и практика. – М.: НИБ. – 475 с.
10. Шутьков А.А. Новый вектор российской аграрной политики – импортозамещение //АПК: экономика, управление. – М., 2015. – № 4. – С. 15.
11. Шутьков А.А., Шутьков С.А. Парадигма активизации инновационных процессов в условиях глобализации экономики // Экономика сельского хозяйства России. – М., 2016. – № 8. – С. 2–9.

Якубовский Ю.В.
д.т.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и организация производства» Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Владивосток
kbj1946@mail.ru
Огнев Ю.Ф.
д.т.н., профессор, профессор кафедры «Самолето- и вертолетостроение» ДВФУ
ognev@mail.primorye.ru
Карастелев Б.Я.
д.т.н., профессор, заведующий кафедрой «Экономика и организация производства» ДВФУ
Бровко П.М.,
соискатель ДВФУ
petr_1883@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ, МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Ключевые слова: *стратегическое планирование, технологическое развитие, уровень технологичности, производственная система, вертолётостроение.*

Keywords*: strategic planning, technological development, level of manufacturability, manufacturing system, helicopter industry.*

В хозяйственной практике высокотехнологичных компаний экономически развитых стран утвердился подход к пониманию технологического развития как комплекса взаимосвязанных технологических, социально-экономических и организационно-управленческих процессов. При таком подходе для разработки мероприятий по повышению уровня технико-технологического развития производственной системы вместе с мерами по совершенствованию материальной базы производства разрабатываются и реализуются меры совершенствования институциональной составляющей системы, представленной организационно-управленческими отношениями.

Необходимо адекватное понимание отношений между базисными инновациями, техническими и экономическими изменениями в производственных системах.

На способность производственной системы к внедрению новых, прогрессивных технологий воздействуют разнообразные факторы, среди которых следует особо отметить влияние внутренних институциональных (организационных) факторов, которое находит первостепенное отражение в технологичности производственной системы.

Под технологичностью производственной системы понимается системное свойство, которое обеспечивает способность системы достигать поставленных целей с одновременным наращиванием своих возможностей при существующих ресурсных ограничениях[1]. Для достижения цели развития система выполняет определенный набор функций (видов деятельности). Качество выполнения функций производственной системы обусловлено имеющимися в её распоряжении ресурсными возможностями, а также нормами и правилами (институтами) взаимодействия между элементами, определяющими внутриорганизационные отношения и соотношения. Нормы и правила взаимодействия элементов внутри системы могут быть формальными и неформальными. Под воздействием научно-технического прогресса требования внешней среды к функциям производственной системы изменяются, а содержание и процесс реализации функций внутри системы сохраняют инерционность, продолжительность которой зависит от времени трансформации отношений внутри системы. Характеристикой результативности управленческой деятельности по изменению организационных отношений и соотношений в системе, повышающей эффективность осуществления её функций, выступает показатель технологичности.

Тогда оценка технологичности производственной системы может осуществляться через определение численного значения её уровня.

Понятием «уровень технологичности» оперируют при группировке отраслей промышленности по уровню наукоёмкости[2], где в основу группировки положен критерий затрат на НИОКР. Отрасли, у которых затраты на НИОКР превышают 3,5% от стоимости товарной или реализованной продукции, считаются наукоёмкими. Такой подход к понятию «уровень технологичности» лишен однозначности. Безусловно, процесс создания наукоёмкой продукции является достаточно капиталоёмким. Но кроме величины капитала на технологическое развитие влияет и наличие у произ-

[1] Сухарев О.С. Экономика технологического развития: монография. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 480 с.

[2] Баранов В.В., Зайцев А.В., Мурадов А.А. Влияние фактора технологичности отрасли на модель взаимоотношений государства и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. – № 1 (29). – С. 19–30; Модернизация российской экономики: структурный потенциал: монография / Отв. ред. Н.И. Иванова, науч. рук. Ю.В. Куренков. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 228 с.

водственной системы компетенций в проектировании, производстве, послепродажном обслуживании, а также имеющиеся организационно-коммуникативные стимулы к освоению новых технологий. Данный подход к уровню технологичности не учитывает также внутриотраслевые различия в технологическом развитии: системы могут иметь одинаковый уровень затрат на НИОКР, но значительно различаться по показателям производственной эффективности.

Авторская трактовка понятия «уровень технологичности» представляет собой меру способности производственной системы воспринимать и внедрять достижения научно-технического прогресса. Тогда сущность уровня технологичности раскрывается через скорость, с которой новые знания трансформируются в повышение результативности функций системы и снижение затрат на их осуществление. Уровень технологичности производственной системы отражает степень организованности её внутренних процессов. При прочих равных условиях производственная система, у которой организованность внутренних процессов выше, сможет быстрее освоить новые технологии. Уровень технологичности производственной системы субъекта определяется как отношение технологичности сравниваемой системы к технологичности отраслевого лидера или другого принятого эталона.

Для определения уровня технологичности исследуемой производственной системы предлагается методический подход, в основе которого лежит принцип ответственности частного к общему, т.е. высокий уровень технологичности обеспечивается системным (гармоничным) сочетанием всех значений показателей технологичности[1]. Во всех элементах управления производственной системы должна обеспечиваться высокая степень организованности.

Уровень технологичности производственной системы имеет комплексный характер, и для его определения нет единичного показателя. Поскольку технологичность представляет собой системное свойство целостностного, она должна описываться совокупностью показателей.

При выборе показателей руководствуются следующими требованиями:

– выбранный набор показателей должен отражать особенности рассматриваемого производства в разрезе осуществляемых видов деятельности (функций системы);

– показатели должны отвечать требованиям полноты (комплексности) описания объектов управления;

– для расчета и исследования показателей должна быть доступна информация в публикуемой предприятиями отчетности.

Для производственной системы как субъекта хозяйствования предлагается в качестве объектов управления выбрать техническую подготовку производства, снабжение, производство, сбыт продукции, основные средства, финансы и персонал (обоснование выбора данных объектов управления и показатели, характеризующие каждый из них, представлены в табл. 1).

Таблица 1

Показатели технологичности производственной системы

№ п/п	Показатель	Объект управления	Обоснование выбора показателя для производственной системы
1	Продолжительность производственного цикла	Управление производством	Организованность внутрипроизводственных процессов обеспечивает продвижение прогрессивных технологий планирования и управления производством.
2	Материалоёмкость	Управление снабжением	Организованность процессов снабжения и закупок создает стимулы для внедрения технологий построения взаимодействия с поставщиками и управления цепями поставок и логистики.
3	Издержкоёмкость	Управление технической подготовкой производства	Организованность технической подготовки производства обеспечивает продвижение прогрессивных технологий проектирования изделий и новых технологических процессов.
4	Фондоотдача	Управление основными средствами	Организованность эксплуатации дорогостоящего оборудования способствует внедрению современных технологий управления процессами технического обслуживания, ремонта и модернизации оборудования.
5	Капиталоотдача	Управление сбытом	Организованность сбыта продукции обеспечивает продвижение современных технологий интегрированной логистической поддержки.
6	Выработка на одного занятого	Управление персоналом	Организованность трудовых процессов создаёт стимулы для внедрения прогрессивных технологий управления персоналом, а также способствует продвижению технологий в другие подсистемы предприятия.
7	Коэффициент независимости	Управление финансовой деятельностью	Организованность подсистемы управления финансовой деятельностью обеспечивает необходимым капиталом процесс внедрения современных технологий, что во многом определяет эффективность в капиталоёмких отраслях.

В основе предлагаемого методического подхода к определению уровня технологичности производственной системы используется модернизированная аналогия модельного представления управления организации производства[2]. Обобщенный уровень технологичности производственной системы определяется по формуле:

[1] Карастелев Б.Я., Якубовский Ю.В., Бровко П.М. Методические аспекты исследования уровня технологичности производственных систем) // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2014. – № 4 (72). – С. 107–114.

[2] Ансофф И. Стратегическое управление: сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.; Якубовский Ю.В. Теория и практика совершенствования корпоративного управления (на примере ОАО «Дальэнерго») // Проблемы реформирования и особенности развития электроэнергетики Дальнего Востока: материалы науч.-практич. конф. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2006. – С. 190–193.

$$УТ = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^{n} K_i} \qquad (1),$$

где УТ – численное значение уровня технологичности,

K_i – относительное значение показателя, характеризующего организованность i-го элемента высокотехнологичной производственной системы (табл. 1).

Согласно предлагаемой формуле при высоких значениях большинства показателей и низком значении хотя бы одного показателя общий уровень технологичности будет ниже этого показателя. Поскольку за реализацию каждого частного показателя технологичности отвечает определенная подсистема производственного управления, то их комплексную эффективность в совокупности можно трактовать через понятие «совершенство функционирования хозяйствующего субъекта», обеспечивающего обобщенный или итоговый уровень технологичности.

Показатели – продолжительность производственного цикла, материалоёмкость и издержкоёмкость – имеют противоположное направление действия на итоговый показатель уровня технологичности. Поэтому при расчете относительных значений указанных частных показателей технологичности они берутся в минус первой степени.

Полученное по формуле (1) значение уровня технологичности производственной системы требуется сравнить с пороговыми значениями. Для определения значимости исследуемого уровня технологичности производственной системы используется шкала Харрингтона, которая наиболее адекватно описывает позиции инновационного развития:

0,8–1 – высокий уровень технологичности. Производства, занимающие позицию на данном уровне, являются отраслевыми лидерами, применяют прогрессивные инструменты управления и технологии в производственно-организационной деятельности, ориентированы на активное освоение достижений научно-технического прогресса.

0,63–0,8 – хороший уровень технологичности. Характеризует производственные системы, способные занять лидирующие позиции, как правило, находящиеся на начальных стадиях развития отрасли или в условиях кризисной внешней среды. Для того чтобы стать лидером, требуется осваивать новые технологии, совершенствовать систему управления. Есть необходимые ресурсы и возможности, чтобы занять лидирующие позиции.

0,37–0,63 – удовлетворительный уровень технологичности. Производственная система не осваивает новых прогрессивных технологий, использует наработки старой технологии. Для поддержания эффективной деятельности привлекаются ресурсы со стороны в виде государственной помощи или прямых вливаний от головной организации.

0,2–0,37 – низкий уровень технологичности. Система находится в кризисной ситуации, неспособна осваивать новые технологии. Процесс ликвидации производственной системы неизбежен.

0–0,2 – очень низкий уровень технологичности. Данный вариант не рассматривается, так как организация не может производить продукцию соответствующего уровня качества и, следовательно, не может существовать.

На основе методического подхода с предложенным инструментарием разработана методика планирования исследований уровня технологичности производственной системы по этапам процедур (рис. 1).

Этап	Процедуры
I. Целеполагание	1.1 Определение цели исследования
	1.2 Определение задач исследования
	1.3 Обоснование объекта исследования
	1.4 Определение сроков и исполнителей
	1.5 Выбор необходимых инструментальных средств
II. Сбор и подготовка информации	2.1 Формулирование требований к информации
	2.2 Определение источников информации
	2.3 Сбор необходимой информации
	2.4 Оценка и подготовка полученной информации к исследованию
III. Расчетный	3.1 Расчеты показателей технологичности
	3.2 Расчет относительных частных показателей уровня технологичности
	3.3 Определение обобщенного уровня технологичности на основе аналогии модернизированного модельного представления управления организации производства.
IV. Результаты и рекомендации	4.1 Сравнение полученного обобщенного уровня технологичности с пороговым значением
	4.2 Выявление причин снижения обобщенного уровня технологичности производственной системы
	4.3 Разработка рекомендаций и мероприятий по повышению обобщенного уровня технологичности производственной системы.
V. Заключительный	5.1 Разработка стратегии планирования и управления технологическим развитием производственной системы
	5.2 Определение необходимых инвестиций
	5.3 Принятие решения

Рисунок 1.
Этапы и процедуры исследования уровня технологичности производственной системы

Данная методика позволяет на практике получить исходный инструмент для определения уровня технологичности и прогноза стратегии развития. Она была апробирована на данных производственных предприятий вертолётостроения.

Вертолётостроение, как высокотехнологичный сектор машиностроения, занимает особое место в российской экономике: в условиях существующей слабо развитой системы наземных коммуникаций на большей территории страны, с помощью вертолётов обеспечивается транспортная доступность регионов, что способствует тем самым их социально-экономическому развитию. Без применения вертолётной техники невозможна эксплуатация и освоение

стратегических природных ресурсов, запасы которых в основном сосредоточены в малоосвоенных и труднодоступных районах. Кроме того вертолётная техника занимает важное место в обеспечении национальной безопасности страны.

К концу XX века отечественным вертолётостроением был накоплен конструкторский и производственный потенциал, позволявший создавать уникальные виды вертолётной техники и занимать до четверти мирового рынка. Распад страны и социально-экономический кризис привели к падению объёмов производства на предприятиях вертолётостроения, снижению технологического и кадрового потенциала отрасли и, как следствие, потере многих сегментов рынка сбыта продукции.

Поступательное развитие российского вертолётостроения начало осуществляться после консолидации предприятий разработчиков и производителей вертолётной техники в рамках единой структуры – холдинге АО «Вертолеты России». Это позволило предприятиям нарастить объёмы производства и реализации продукции, вкладывать средства в создание новых образцов техники и модернизацию производственной базы. Однако, несмотря на положительный сдвиг в развитии отрасли, по уровню технологического развития российские производители отстают от ведущих мировых компаний, о чем как бы свидетельствует разрыв в производительности труда в 3–4 раза в пользу зарубежных вертолётостроителей (табл. 2).

Таблица 2

Показатели мировых производителей вертолётной техники

Производитель	Поставлено машин, шт.	Экономические показатели (долл. США)			
		Выручка, млрд.	Прибыль от продаж, млрд.	Затраты на НИОКР, млрд.	Производительность труда тыс./чел.
АО «Вертолеты России»					
2012	290	4,04	0,64	0,16	96,4
2015	212	3,5	0,95	0,06	78,3
Airbus Helicopter					
2012	475	7,3	0,4	0,38	383,6
2015	395	7,5	0,47	0,36	326,9
Augusta Westland					
2012	н/д	5,4	0,6	0,64	420,6
2015	н/д	4,9	0,61	0,47	386,2
Bell					
2012	261	4,2	0,63	0,18	353,2
2015	223	3,4	0,4	0,09	486,4

Источник: http://www.bellhelicopter.textron.com, http://www. russiauhelicpters.aero.ru, http://www.airbus-group.com, http://www. finmeccanica.com

У зарубежных компаний на базе технологий пятого технологического уклада (интегрированные компьютерные системы проектирования, производства и управления жизненным циклом изделия, робототехника и др.) производственная система выстроена как кооперация независимых поставщиков различного уровня. Это позволяет компаниям выпускать расширенную линейку продукции при приемлемом уровне затрат на производство, гибко реагировать на запросы клиентов, создать систему послепродажного обслуживания, обеспечивающую оптимизацию эксплуатационных затрат у клиентов и получение дополнительного дохода производителем[1].

Производственные системы российского вертолётостроения в основе соответствуют технологиям предыдущего четвертого технологического уклада: кооперация основных и вспомогательных производственных процессов осуществляется в рамках единой организационной структуры, доля современных технологий, особенно информационно-коммуникационных, незначительна. Производство большинства видов гражданской техники не рентабельно из-за малого масштаба заказов в существующей системе. При сокращении поставок военной техники и усилении индивидуализации спроса на гражданскую продукцию производственная система российского вертолётостроения эффективна только при осуществлении стратегического планирования и управления технологическим развитием и, конечно же, при существенной государственной поддержке.

Развитие российского вертолётостроения, возможность усиления его позиций на внутреннем и внешнем рынке обусловлены его способностью внедрять в хозяйственную деятельность новые, прогрессивные технологии проектирования, производства и послепродажного обслуживания. В условиях глобализации экономики технологическое развитие производственной системы, производящей наукоёмкую, высокотехнологичную продукцию, характеризуется, прежде всего, скоростью освоения новых передовых технологий: производственные системы, освоившие в хозяйственной деятельности прогрессивные технологии раньше конкурентов, обеспечивают себе лидирующие позиции на рынке[2].

Результаты исследования представлены в табл. 3.

[1] Поставщики авиапрома: целевое состояние / Исследование Strategy Partners Group. – http://strategy.ru/UserFiles/File/OPK/2015_Providers.pdf

[2] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

Таблица 3

Показатели уровня технологичности производственных систем российского вертолётостроения

№ п/п	Предприятие	Период								
		2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
1	1. ПАО «Казанский вертолетный завод» (лидер)[1]	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	2. АО «Улан-Удэнский авиационный завод»	0,95	0,92	0,97	0,98	0,89	0,64	0,93	0,76	0,85
3	3. ПАО «Ростовский вертолетный завод»	0,92	0,87	0,81	0,82	0,67	0,74	0,7	0,53	0,77
4	4. ПАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие	0,59	0,37	0,35	0,49	0,36	0,48	0,35	0,25	0,44
5	5. ПАО ААК «ПРОГРЕСС»	0,45	0,48	0,56	0,40	0,49	0,68	0,54	0,47	0,38

Лидирующие позиции в производственной системе по показателям научного, производственного и экономического потенциалов занимает ПАО «Казанский вертолетный завод». Данное предприятие обладает собственным инжиниринговым центром, способным не только осваивать производство машин, спроектированных внешней организацией, но и разрабатывать машины собственной конструкции.

Остальные предприятия не разрабатывают свои машины, а ориентируются на внедрение улучшающих производственных инноваций, что сдерживает организацию продвижения прогрессивных базисных технологий.

Особо следует отметить выявленную в ходе исследования низкую способность к технологическому развитию ПАО ААК «ПРОГРЕСС» и ПАО «Кумертауское авиационное производственное предприятие». Эти предприятия специализируются на производстве вертолётов, разрабатываемых КБ Н.И. Камова – единственного в мире разработчика вертолётов соосной схемы. Потеря компетенций в создании вертолётов с соосными винтами может негативно отразиться на конкурентоспособности российских производителей на мировом рынке, а также на обеспечении национальной безопасности.

Поскольку предприятие ПАО ААК «Прогресс» находится в г. Арсеньев Приморского края, где функционирует кафедра «Самолето- и вертолетостроения» Дальневосточного федерального университета, то были выполнены совместные госбюджетные НИР с кафедрой «Экономики и организации производства» в направлении возможности повышения экономической эффективности вертолетостроительного производства за счет научно-технологического развития.

Повышение уровня технологического развития производственной системы российского вертолётостроения возможно на основе внедрения новых инструментов планирования и управления технологическим развитием, отвечающих требованиям динамичной конкуренции на глобальных рынках.

На первом этапе методики планирования исследований уровня технологичности производственной системы (целеполагание, рис. 1) предприятия был задан временной период на разработку мероприятий стратегии краткосрочного планирования в 3 года с возможностью развития на среднесрочное видение.

Требования внешних субъектов к структурам оборонно-промышленного комплекса (ОПК) рассматривались по семи позициям, табл. 4.

Таблица 4

Предъявляемые требования к структурам оборонно-промышленного комплекса разными субъектами Российской Федерации

№ п/п	Субъект	Предъявляемые требования
1	Государство	Обеспечение обороноспособности и занятости, налоговые поступления, инновационное развитие
2	Население страны	Обеспечение обороноспособности при оптимальном перераспределении ресурсов, стабильная занятость и рост качества жизни
3	Вооруженные силы и другие силовые органы	Стабильное выполнение заказов, высокое качество военной техники и минимизация затрат жизненного цикла
4	Бизнес	Получение долгосрочного заказа на поставленные продукты
5	НИИ, университеты и другие образовательные учреждения	Заказы на проведение научных исследований, опытно-конструкторских, технологических работ и подготовку кадров
6	Работники организаций	Постоянная занятость и стабильное повышение доходов
7	Территориальные власти	Диверсификация и производство продукции гражданского назначения для территориального развития

На втором и третьем этапе исследований расчетным путем были определены частные и обобщенный показатели уровня технологичности за 2007–2015 гг. Детальный анализ результатов исследования поведения обобщённого уровня технологичности уровня и его частных составляющих на протяжении 9 лет с отслеживанием других эксперт-

[1] Для предприятия лидера значение уровня технологичности принимаются за единицу. Если у сравниваемого предприятия значение показателя технологичности превышают значения показателя лидера, то относительный показатель технологичности принимается за единицу.

ных наблюдений позволяет указать на внутренние несоответствия (диспропорции) в управлении технологическим развитием производства по каждому из семи показателей (табл. 5).

Таблица 5

Внутренние несоответствия (диспропорции) в управлении технологическим развитием производства ПАО ААК «Прогресс»»

№ п/п	Показатели технологичности производственной системы	Несоответствия (диспропорции)
1	Продолжительность производственного цикла	Низкая эффективность производственных процессов: устаревшие технологии, недостаточное использование IT, неразвитость стратегически важных компетенций
2	Материалоемкость	Не выстроена эффективная система кооперация с поставщиками, удаленность от основных баз снабжения и закупок.
3	Издержкоемкость	Незаконченный процесс корпоративного строительства, неэффективность организационных процессов создания новых образцов техники, технологий
4	Фондоотдача	Устаревшая материально-техническая база и высокие затраты на поддержание работоспособности
5	Капиталоотдача	Избыточные мощности с дополнительными затратами на их содержание, слабая диверсифицированность и отсутствие адекватного новым условиям хозяйствования инструментария управления
6	Выработка одного занятого	Нарушение основных принципов саморазвития трудового коллектива
7	Коэффициент независимости	Ограниченный доступ к рынку капиталов

На четвертом этапе разрабатываются рекомендации и мероприятия по повышению обобщенного уровня технологичности производственной системы. По каждому виду работ разрабатывается техническое задание на эскизное или предэскизное проектирование, в результате выполнения которого могут быть определены затраты, сроки исполнения и эффективность.

На пятом заключительном этапе было рассмотрено два сценария:

а) хозяйственная деятельность предприятия осуществляется в традиционном (инерционном) режиме и происходит дальнейшее снижение уровня технологичности с ухудшением экономической эффективности производства;

б) оптимистичный сценарий, который предусматривает преодоление противоречий внутри производственной системы при внедрении современных технологий, которые будут определять лидерство в будущем. В этом сценарии достигается значение показателя обобщенного уровня технологичности до величины 0,7 и это приводит к росту рентабельности предприятия в среднесрочной перспективе на 4%.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Брега А.В.
д.полит.н., профессор Финансового университета

ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА КАК УСЛОВИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: *общественный договор, политическая модернизация, консенсус, политическая власть, общественные настроения.*
Keywords*: social contract, political modernization, consensus, political rule, social sentiment.*

Осознание единства общества и государства является важнейшим условием устойчивости перед лицом кризисных явлений. В этой связи актуализируется проблема социально-политического согласия, под которым понимается состояние социальной системы, характеризующееся относительно высоким уровнем интеграции, устойчивости, а также целостности на основе объединения разделяемых обществом и властью единых ценностей и интересов.

Другими словами, российскому обществу после трансформаций 90-х и стабильности 2000-х требуются новые саморегулирующиеся механизмы, координирующие отношения между обществом и государством и основанные на консенсусе общих интересов и ценностей. В этом смысле очевидна взаимосвязь социально-политического согласия и его легитимирующей основы – общественного договора.

Необходимость нового общественного договора диктуется, во-первых, слабой устойчивостью общенационального консенсуса относительно справедливости сложившихся социально-экономических отношений; во-вторых, современной конфигурацией политической системы России, которая обеспечивает слабую связь с власти и населения.

Исторически общественный договор в России носил патерналистский характер. Он гарантировал определенный уровень безопасности и стабильности в обмен на послушание населения при осуществлении экономических и политических проектов властей. Так общественный договор в советскую эпоху сводился к формуле: «поступай в соответствии с предложенными императивами, а власть позаботится о тебе и о твоей семье».

Развал советской политической системы и прекращение соответствующего общественного договора не привели к новому согласию в обществе. Состояние, в котором оказалось российское общество, можно описать как состояние полной неразберихи. Понадобились тяжелые 1990-е гг., чтобы сформировать в российском обществе мощный запрос на новую «уверенность в будущем», и в 2000-е гг. новое политическое руководство страны смогло этот запрос в значительной степени удовлетворить. Теперь образ будущего связывался уже не с абстрактным «коммунизмом», а с удовлетворением повседневных нужд обычных людей (работа, зарплата, личная безопасность)[1].

События 2014–2016 годов способствовали консолидации российского общества вокруг власти. Однако эффект данного единения в настоящее время продолжает снижаться, поскольку негативные последствия экономического кризиса все больше сказываются на снижении жизненного уровня россиян. Показатели экономики и социального самочувствия – наглядное тому подтверждение. Так, на конец 2015 года показатели подушевого ВВП в России соответствуют в реальных ценах уровню 2006 года, уровень средней зарплаты – 2007 году. При ожидаемых показателях экономики за 2016 год эти показатели отступят еще на один год – к уровням 2005 и 2006 года соответственно.

В настоящее время среди рядовых граждан наблюдается рост понимания того, что патерналистские ожидания завышены и что в будущем им придется рассчитывать более на собственные силы и предприимчивость. Возрастающая неспособность властей выполнять элементарные обязательства по отношению к гражданам только укрепляют это понимание. С другой стороны, немало россиян все еще надеются на возврат к какой-то форме патерналистского общественного договора, при котором государство будет выступать своеобразным страховщиком личной ответственности за свое благосостояние.

В какой-то мере существовавшая в 2000-х годах система взаимодействия власти и общества отвечала устойчивому запросу на патернализм. Иначе говоря, условный «общественный договор» российского общества с властью предполагал, что за счет денег от экспорта энергоносителей населению обеспечивается опережающий рост доходов по сравнению с производительностью труда. При этом власть также не бедствует, извлекая повышенную сырьевую ренту. Однако в условиях затяжного кризиса данный «общественный договор» оказался трудно неисполнимым, поскольку ресурсная база сильно уменьшилась. Государственной власти сегодня приходится изыскивать значительные сред-

[1] Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.) / Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН. – С. 31. – http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf

ства для поддержки беднеющего населения и нейтрализации социальных протестов. С другой стороны, обострилась борьба во властных группах, коррупционные дела второй половины 2016 года – наглядное тому подтверждение.

В итоге социально-экономическая ситуация последних трех лет с новой силой актуализировала повестку дня 2008 года, связанную с экономической модернизацией, что априори не может не сказаться на системе социально-политических отношений. Появление темы модернизации вновь в нашем политическом дискурсе в большей мере обусловлено проблемами отставания, неожиданно пришедших вызовов: достижение пределов в развития сырьевой экономики и падением инвестиций, недоступности новых технологий в результате санкций.

Собственно, тезис о насущности модернизации четко обозначил Президент РФ в Послании к Федеральному Собранию 2016 года, отметив что, «если мы не решим базовые проблемы российской экономики, не запустим в полную силу новые факторы роста, то на годы можем зависнуть возле нулевой отметки, и, значит, нам придётся постоянно ужиматься, экономить, откладывать на потом своё развитие… Это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего»[1]. Другими словами, отвечая на вызовы времени, власть обозначила подготовку к масштабным переменам, требующим от нее не только интеллекта, воли, ресурсов, но и обеспечения поддержки общества. Обозначенный шесть лет назад вопрос о готовности общества к модернизации вновь поставлен в повестку дня.

Ответ на данный вопрос неизбежно подводит к поиску устойчивых оснований политического согласия и общественного договора между обществом и властью. Почему следует об этом говорить в настоящее время? Дело в том, что любая масштабная модернизация технологического уклада и экономических отношений вызывает существенные сдвиги в социально-политической структуре общества и межгрупповых взаимодействиях. В результате предполагаемого сокращения участия государства в сфере экономики и регулирования социально-экономических отношений[2] мы получим новую реальность. В свою очередь эта реальность потребует новых оснований для общественного договора взамен или в дополнение внутриполитической **вертикально-интегрированной** конфигурации властных отношений.

Консенсус и договор предполагает наличие субъектов. Соответственно, выделим основные социальные группы, между которыми должно быть заключено своеобразное соглашение или общественный договор.

Отношение населения к возможным существенным переменам в жизни страны по данным Института социологи РАН в настоящее время выглядят следующим образом: «39% желают перемен (после 2008 г. эта группа сократилась на 6 процентных пунктов); 61% не желают перемен, среди них: 19% (т. е. 32 от 61% нежелающих перемен) перемен не хотят, поскольку их устраивает нынешний политический и экономический курс президента В. Путина (эта группа после 2008 г. сильно – более чем на 1/3 – сократилась); 42% (т. е. 67 от 61% нежелающих перемен) не хотят перемен, поскольку боятся поменять «плохое на худшее», как уже было в начале 1990-х гг. (после 2008 г. эта группа резко – более чем в 1,5 раза – возросла)»[3].

Несмотря на то, что во многих случаях люди достаточно отчетливо понимают, что их требования в рамках нынешнего общественного договора не могут быть выполнены, они не видят альтернативных решений своих проблем и часто в обыденной жизни критикуют власти, при этом проявляют политическую апатию к активным формам протеста. Реалии экономического, социального и политического развития России делают существующий общественно-политический консенсус достаточно нестабильным, а сохраняющееся неверие в социальную справедливость серьезно затрудняет достижение согласия.

Даже среди той части населения, которая первоначально приветствовала возможность получения экономической независимости и искренне поддерживала идеи и правила экономической свободы и самостоятельности, растет разочарование в правительстве и во всем государственном аппарате, которым очень трудно отказаться от жесткого регулирования экономических и социально-политических процессов. Ясно, что многие элементы институциональной системы нынешнего российского государства остались в неприкосновенности, поскольку они обеспечивают личные интересы чиновничьего аппарата, который нуждается в юридической основе для получения рентно-дотационных доходов.

Непоследовательная и нелогичная политика в области законотворчества и правоприменения, а также в области экономики и предпринимательства продемонстрировала инвестиционному и бизнес-сообществу как внутри, так и за пределами России, что власть ненадежна, настроена враждебно по отношению к предпринимателям, поддерживает высокий уровень коррупции, склонна к приоритизации государственных интересов, программ и бизнесов в ущерб частным[4].

Выясняется, что государственный аппарат мало заинтересован в формировании открытой системы управления, поскольку отсутствие механизмов подотчетности на различных уровнях управления несмотря на сокращение ресурсной базы позволяет заниматься «распилом» бюджетных и внебюджетных средств. Российское государство, предоставленное самому себе, превращается в «хищническое», главной целью и основным содержанием деятельности которого, как уже отмечалось выше, является извлечение ренты.

---

[1] Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2017 г. / http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379

[2] «У нас общее понимание национальных приоритетов и общий подход – предоставить бизнесу максимум свободы. Это лучший ответ на любые внешние ограничения» (из выступления В.В. Путина на съезде «Деловой России» 18 октября 2016 г.) – http://www.kremlin.ru/events/president/news/53112

[3] Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.) / Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования. – М.: Институт социологии РАН. – С. 31. – http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf

[4] Коротко о главном: российская экономика – 2017. – http://inosmi.ru/economic/20170104/238482276.html

И, наконец, нельзя не отметить относительно немногочисленную, но влиятельную группу игроков, использующих существующую обстановку хаоса для упрочения своего личного положения путем приобретения еще более привлекательных активов. Данная группа заинтересована в установлении собственной «корпоративной» формы общественного договора, которая бы обеспечивала ей сохранение прав собственности. Именно эта группа имеет весьма тесные связи с властью, поскольку от нее зависит благосостояние чиновников. Рядовые граждане выключены из этого корпоративного общественного договора, и им остается рассчитывать только на собственные силы (либо уйти в параллельную экономику, либо безуспешно требовать, чтобы корпоративные игроки выполняли свои обязательства по отношению к ним).

В отличие от западных демократий, в России нет публичной конкуренции элит за власть, сопровождающейся активной критикой правящей группы через независимые СМИ и другие каналы, – той конкуренции, которая финансируется и организуется оппозиционными группами элиты. Информационное пространство идеологически монополизировано. И если в развитых демократиях СМИ, как правило, преувеличивают экономические проблемы в пропагандистских целях, а оппозиционные силы имеют возможность координировать социальные выступления через информационные источники, в России сегодня они преуменьшают проблемы, снимают с власти ответственность, перенося ее на внешние факторы, а оппозиция лишена доступа к капиталу и возможности координации протестов.

Таким образом, мы можем выделить социальные слои, которые заинтересованы в сохранении старых правил социальной игры. Причем нынешний госаппарат в полной мере эксплуатируют желания и ожидания этих слоев. Другие слои уже сознательно или ситуативно действуют, не надеясь на покровительство и помощь государства, что в конечном итоге ведет к необходимости заключения нового общественного договора. В результате наблюдается симбиоз противоречивых моделей социального поведения, в основе которых лежит разное понимание общественного договора. В итоге можно выделить три основных модели.

Первая модель – связана с «привычкой» власти выступать в качестве отца и с привычкой населения ожидать от власти «патерналистского поведения».

Как уже отмечалось, привилегированные круги бюрократии пытаются использовать глубоко укорененные у значительной части населения стереотипы, привычки и ожидания патерналистического характера, которые позволяют им заниматься хищнической деятельностью. Власти хотя уже не обеспечивают народу более или менее приличный уровень жизни, похоже, все еще надеются и далее использовать патерналистское отношение к народу. Это несоответствие между реальностью и ожиданиями, характерное для значительной части народа и правительства, служит основным источником конфликтов и разногласий и является главным препятствием на пути достижения согласия в отношении нового равновесия в общественной игре.

Другими словами, желание россиян иметь «сильное государство» оказалось подмененным: от имени «сильного государства» ключевые решения в политике и экономике принимают бесконтрольные чиновники, чье восприятие обществом, скорее, негативное.

Вторая модель связана с той частью населения, которое успешно приспособилось к рыночным условиям и желает серьезных перемен в существующих социально-экономических и политических отношениях. Другими словами – это люди, обнаруживающие сильное стремление улучшить свое положение, надеясь на самих себя, а не на патернализм государства. Факт наличия таких групп имеет историческое значение. В России появляются массовые слои и группы, способные в относительно благоприятных социально-экономических условиях к самостоятельному решению собственных жизненных проблем. Данная модель поведения, имеющая в настоящее время очень слабую институциональную поддержку, в определенной мере является предвестником зарождающегося нового общественного договора, основанного на вере в собственные силы и на свободе экономической деятельности.

Складывающееся позитивное отношение к предпринимателям свидетельствует не просто о том, что россияне толерантны к рыночной экономике как таковой и ее основным агентам, или о том, что предприниматели не воспринимаются населением как антагонистическая сила. Куда важнее то, что предприниматели сегодня воспринимаются общественным сознанием как часть «трудового народа», которая вместе со всем народом противостоит государственным чиновникам и примыкающим скорее к чиновникам, нежели к остальному населению, работникам правоохранительных структур[1].

Третья модель связана со слоем, представляющим крупный бизнес, который ориентирован на особый корпоративный договор, заключенный между группами влияния и бюрократическими группировками, демонстрирующими желание выйти из-под контроля государства и активно использовать сохраняющиеся элементы старой системы для приобретения ценных активов с целью упрочения личного положения своих членов.

Подобная сегментация моделей поведения, является отражением сегментации общества, которая препятствует установлению стабильного равновесия и достижению общественного согласия. Такое расслоение и отсутствие общих правил игры является основным источником социальной неэффективности и дезориентированности, которые в равной степени ощущают обычные граждане, правительственные бюрократы и политические лидеры.

Итак, большая часть нашего общества понимает невозможность согласования интересов различных социальных групп так, чтобы это устроило всех или почти всех. В свете этого особую роль играет государство, которому общество как бы «выдает мандат» на согласование интересов разных групп. Российское общественное сознание традиционно признает государство выразителем общих интересов, способным принимая во внимание интересы различных

[1] Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – С. 87.

социальных групп, на базе общественного согласия проводить политику, направленную на благо народа как единой общности[1].

У российской экономики две базовые проблемы – риски, несоразмерные возможностям получения дохода, и зарегулированность. Выход из данной ситуации видится, прежде всего, в реформировании самого государства. При этом правящая элита должна не только поставить под контроль чиновничество, используя при этом достаточно жесткие меры, но и отказаться от собственных рентных привилегий. Иначе перманентное конфликтное состояние и неустроенность общества нам не преодолеть.

[1] Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – С. 50.

Галаева Е.В.
д.э.н., профессор Академии труда и социальных отношений
Кумар Ю.Б.
к.э.н., системный аналитик Медлабс Диагностикс, Нью-Джерси, США

ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Ключевые слова*: социальное государство, социальное обеспечение, заработная плата, пособие по безработице, размер пенсии, медицина и образование, межстрановые различия.*
Keywords*: welfare state, social security, wages, unemployment benefits, pension, healthcare and education, cross-country differences.*

В нашей Конституции записано, что наша страна является социальным государством, и это является нашим преимуществом, неким ноу-хау, что могло бы положительно отличать нас от других рыночных стран. Вместе с тем, до сих пор не определены критерии, по которым можно определить, является ли то или иное государство социальным. Можно предположить, что социальное государство должно отличаться в лучшую сторону по таким показателям, как размер средней и минимальной заработной платы, средний размер пенсии, средний размер (или максимальный и минимальный) пособия по безработице, небольшой разрыв в доходах между 10%-ми самых богатых и 10%-ми самых бедных людей.

Именно по этим показателям может проводиться межстрановый анализ степени «социальности» того или иного государства.

Традиционно наиболее социальными считаются скандинавские страны, наиболее рыночными – англоязычные – США, Великобритания, Канада, Австралия.

Если говорить о разрыве в уровне доходов между богатыми и бедными, то мы не вписываемся в скандинавский сценарий – там этот разрыв составляет в среднем 6 раз. Мы по этому показателю конкурируем с США – 15–16 раз.

Об уровне средней заработной платы в развитых странах ОЭСР можно судить по табл. 1.

Таблица 1

Средняя годовая заработная плата в развитых странах ОЭСР в 2014 г. в долларах США[1]

Наименование стран	Средняя годовая заработная плата в долларах США	
	по валютному курсу	по паритету покупательной способности
Австралия	65 195	51 746
Австрия	51 557	50 986
Великобритания	55 539	50 329
Германия	55 649	58 389
Дания	64 654	52 369
Испания	31 683	38 701
Италия	36 891	40 188
Канада	42 689	39 270
Нидерланды	59 165	59 219
Норвегия	72 602	57 395
США	50 075	50 075
Финляндия	51 965	45 697
Франция	45 325	45 148
Швейцария	91 179	66 074
Япония	40 765	46 495
ОЭСР	**40 007**	**40 548**

Мы видим из таблицы, что в развитых странах ОЭСР средняя зарплата колеблется вокруг отметки 4000 долларов в месяц, а в ряде стран (Нидерланды, Германия, Норвегия) приближается к уровню в 5000 долларов в месяц. Наибольшую заработную плату демонстрирует Швейцария – лишь немногим меньше 6000 долларов. В целом по ОЭСР среднемесячная заработная плата составляет около 3200 долларов.

Что касается России, то в 2016 г. она составила немногим более 35 000 руб. в месяц, что в зависимости от колебаний курса рубля составляет 500–550 долларов США, и это примерно в 7–8 раз меньше, чем в экономически развитых странах. Кроме того, размер реальной заработной платы в России неуклонно снижается.

[1] http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en#page175

Следует сказать, что и в мире в целом в последние годы происходит замедление темпов прироста реальной заработной платы: в 2015 году темп ее прироста составил в мире 1,7 против 2,5% в 2012 г. Здесь следует заметить, что снижение мирового темпа прироста реальной заработной платы происходит за счет развивающихся стран, в то время как в развитых странах эти темпы даже несколько увеличились: с 0,2 до 1,7% по развитым странам Большой двадцатки стран. Что же касается развивающихся стран, входящих в Большую двадцатку, то по этим странам темпы прироста реальной заработной платы снизились с 6,6 в 2012 г. до 2,5% в 2015 году, в том числе в Китае – с 1,6 до 0,9%[1].

Наиболее высокие темпы прироста реальной заработной платы демонстрировали такие страны, как США (2,2%), Германия и Швеция (2%), Швейцария и Испания – 1,6%[2].

Что касается таких важных вопросов социального обеспечения, как пособия по безработице и пенсии, то об их размерах можно судить по данным табл. 2.

Таблица 2

Средние размеры пенсий и пособий по безработице в годовом исчислении в национальных валютах развитых стран ОЭСР в 2014 г.

Наименование стран	Средний размер пособия по безработице[3]	Средний размер минимальной (базовой, социальной) пенсии[4]
Австралия	17 001	21 569
Австрия	11 077	12 008
Великобритания	10 128	5881
Германия	9648	8724
Дания	129 116	70 896
Испания	5964	8864
Италия	–	6511
Канада	8545	9173
Нидерланды	15 337	13 243
Норвегия	140 943	167 963
США	2268	8652
Финляндия	13 562	8921
Франция	8739	9600
Швейцария	25 032	19 210
Япония	86 856	98 160

Если пересчитать указанные суммы в доллары США и разделить на 12, мы увидим, что обе социальные выплаты колеблются вокруг величины в 1000 долларов.

В отношении пособия по безработице следует заметить, что в разных странах ОЭСР установлены разные условия и временные рамки его выплаты. Если пособие выплачивается полгода, то для определения его месячной величины указанные в таблице цифры следует делить не на 12, а на 6, и тогда размер пособия будет составлять уже не 1000, а 2000 долларов США.

В нашей стране размер пособия много лет не менялся и составляет максимально 4900 руб. в месяц, или примерно 80 долларов США. Сейчас правительство рассматривает вариант увеличения размера пособия примерно на 3000 руб. за счет сокращения срока его выплаты до полугода. В этом случае средний размер пособия в расчете на год снизится еще больше и в ежемесячном исчислении составит только 60–70 долларов.

В отношении пенсионных выплат следует отметить, что мы указали только гарантируемый государством минимум. В зависимости от стажа работы и размера получаемой заработной платы указанный размер может быть существенно повышен (в 2–3 раза). Размер средней пенсии по стране обычно в 1,5–2 раза превышает ее минимальный размер. Кроме того, в развитых странах ОЭСР большое развитие получили корпоративные пенсионные планы (чего нет у нас, за исключением некоторых самых крупных корпораций). Корпоративная составляющая позволяет увеличить размер пенсии еще примерно на 20–30%.

В нашей стране в 2016 г. средний размер пенсии составил примерно 13 000 руб. в месяц, или с учетом колебаний курса рубля примерно 200 долларов США, что многократно ниже установленных в экономически развитых странах стандартов. Единственным преимуществом нашей страны в отношении пенсионного обеспечения является низкий возраст выхода на пенсию. В странах ОЭСР этот возраст в среднем составляет 64,6 лет для мужчин и 63,1 год для женщин[5]. Вместе с тем, в планах Правительства стоит вопрос о повышении пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 63 года для женщин, при реализации которых указанное преимущество будет утрачено.

Было бы жаль полностью утратить и те социальные услуги, которые предоставлялись в советское время в рамках общественных фондов потребления – доступ к ряду бесплатных медицинских услуг, бесплатное высшее и среднее специальное образование (в настоящее время уже половина студентов в нашей стране учится на платной основе), санаторное лечение, что было всегда серьезным преимуществом нашей страны по отношению ко всем другим странам, а

[1] http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_537790/lang--en/index.htm

[2] http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_537846.pdf (с. 125)

[3] http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PAG

[4] http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en#page129

[5] http://www.oecd.org/els/public-pensions/Pensions-at-a-Glance-infographic.PNG

также те преимущества, которые давал советский трудовой кодекс – продолжительность отпуска, оплату сверхурочных работ и работы в выходные дни (в двойном размере), предоставление досрочного выхода на пенсию за вредные и тяжелые условия труда и т.п.

Таким образом, судя по тем показателям, которые мы проанализировали, говорить о создании в нашей стране социального государства пока преждевременно. Речь может идти пока только о целевой установке в развитии нашего общества. Судя по заработной плате и рассмотренным социальным выплатам, экономически развитые страны являются гораздо более «социальными государствами», чем наша страна. Но если задаться целью «догнать и перегнать» указанные страны по рассмотренным показателям, то мы будем неуклонно двигаться к более справедливому и солидарному обществу. При этом необходимо выработать этапы приближения к указанной цели и определить критерии их достижения (желательно, в обозримом будущем), а далее формировать экономическую политику государства таким образом, чтобы она позволяла своевременно выполнить определенные на каждом этапе критерии.

Ошибкой советского периода является не то, что была установлена недостижимая цель – построение коммунизма (на пути к этой цели мы произвели грандиозные свершения), а то, что мы не определили те критерии и показатели (подцели), по которым мы могли бы судить о том, что такое коммунизм и когда мы его сможем построить.

По нашему мнению, этих показателей может быть не так много. Например, могли бы быть установлены четыре основных критерия:

1) превышение размера заработной платы и всех социальных пособий над всеми другими странами мира;

2) предоставление каждой семье просторного и качественного жилья;

3) предоставление каждой семье солидного дачного участка;

4) наличие автомобиля у каждого взрослого члена семьи.

Определенный в таких терминах коммунизм уже не выглядел бы некой утопической формулой, а был бы реальной целью, достижимой уже в поколении внуков. И это была бы та часть формулы коммунизма, которая звучала как «каждому – по потребностям» и гарантировалась государством. Другая часть формулы «от каждого по способностям» определяла бы текущий уровень потребления семьи. Чем более сложную работу выполняет человек и чем более эффективно он работает – тем выше должна была быть его зарплата («уравниловки» в зарплате быть не должно), и тем к большему набору личных благ он имел бы доступ (качество мебели, марка автомобиля, путешествия и пр. – это должно было зависеть от реализации требования «от каждого – по способностям»).

В советское время семья считала себя успешной, если имела квартиру, участок в 6 соток земли и автомобиль. Причем это чувство успешности оказалось очень устойчивым – даже сейчас, как показывают социологические опросы, семья, обладающая указанным имуществом, продолжает относить себя к среднему классу даже при наличии низких текущих доходов. А коммунизм мог бы предложить все это в немного большем размере. Например, в бывшей ГДР вывели формулу хороших жилищных условий: количество членов семьи плюс одна общая комната. Действительно, зачем одинокому человеку иметь десятикомнатную квартиру, которую он должен регулярно сам убирать (при социализме найм частным лицом на работу другого частного лица был запрещен в целях исключения эксплуатации человека человеком), учитывая, что большую часть дневного времени этот человек должен находиться на работе (при социализме существовало не только право на труд, но и обязанность трудиться)? Коммерческое использование жилых помещений (сдача в наем) при социализме тоже было запрещено.

Поэтому, если бы у данного человека спросили, какую квартиру он хотел бы иметь для личного проживания, он скорее всего предпочел бы иметь одно-двухкомнатную квартиру, что вписывается в норму ГДР. Тогда семья из двух человек имела бы трехкомнатную квартиру, семья из трех человек – четырехкомнатную (или две двухкомнатные) и т.д.

То же самое с земельными участками: зачем одинокому человеку иметь гектар земли, которую он сам должен обрабатывать? Ему вполне хватило бы тех самых 6 соток. А семье из трех человек хватило бы участка в 20 соток (то есть можно было бы установить норму не 6 соток на семью, а 6 соток на одного человека, включая новорожденных – территория нашей страны вполне это позволяет). И тогда коммунизм выглядел бы вполне реальным и достижимым в самом ближайшем будущем. Что касается норм, отражающих человеческие потребности в жилье и земельных участках, можно было бы их уточнить путем, например, референдумов или социологических опросов.

Что касается текущих доходов (зарплат, пенсий), то с учетом тогдашнего курса рубля и общественных фондов потребления мы если и отставали от развитых стран по их средним значениям, то совсем немного (гораздо меньше, чем сейчас).

Когда-то Н. Хрущёв провозгласил промежуточную цель на пути к коммунизму «Каждой семье – отдельную квартиру», которую предполагалось достичь к 1980 г. Он ошибся, по-видимому, лет на 20–25. Эта цель могла быть достигнута уже в начале 2000-х годов, учитывая сложившиеся к тому времени высокие цены на нефть. И до коммунизма в тех терминах, которые мы определили выше, оставалось бы еще 30–40 лет. То есть мы построили бы указанное справедливое общество примерно к 2040–2050 г.

При построении социального государства сейчас нам нужно не забыть то, что было при социализме, а, наоборот, вспомнить и взять оттуда все ценное. Во всяком случае, все законы, принимавшиеся тогда и касавшиеся имущественных, трудовых и других отношений очень тщательно прорабатывались и научно обосновывались, чего очень не хватает в настоящее время.

Следует заметить, что принцип примерно равноценной недвижимости при разных текущих доходах во многом реализован в США, если говорить об «одноэтажной Америке», оставляя за скобками олигархов. Небольшие города США состоят из совершенно однотипных домов – и по площади (примерно 150 квадратных метров, включающих 4–5 комнат), и по материалам для строительства, и по стоимости. Здесь просто существуют жесткие типовые нормы по застройке, которые одновременно являются некими нормами, регулирующими масштабы собственности на недви-

жимое имущество для одного домохозяйства. Каждый дом имеет небольшой и тоже типовой участок земли: перед домом небольшая лужайка с парковкой для нескольких машин, за домом – небольшой задний дворик с сарайчиком для хозяйственной утвари, площадкой для барбекю и детской или спортивной площадкой. Со стороны кажется, что все люди живут совершенно одинаково, как при социализме. Разница в доходах, конечно, существует, но она выливается в больший доступ к развлечениям, посещению ресторанов, спортивных и культурных мероприятий, покупке более дорогих вещей. Регулирующим, а значит, и выравнивающим фактором является, конечно, и количество детей в семье. Чем семья богаче – тем больше детей она может себе позволить, которых она должна при этом разместить на имеющейся небольшой площади дома (площадь дома является, таким образом, фактором, косвенно регулирующим количество детей в семье). Самые распространенные семьи в США – это семьи с двумя детьми.

Каждый городок в США имеет свой парк с оборудованными детскими и спортивными площадками и бесплатным доступом для населения, а также городские (бесплатные) школы. В таких городках низок уровень преступности, почти отсутствуют бытовые кражи. Люди настроены приветливо и позитивно и выглядят довольными жизнью. Пожалуй, единственный недостаток экономики США – это дорогие медицинские услуги и ограниченный доступ к ним для бедного населения. Именно эту проблему предполагал решить Барак Обама, предложив программу реорганизации системы медицинского страхования, называемую в народе «Obamacare».

В настоящее время весь мир встал перед выбором пути своего дальнейшего развития, и здесь существуют две главные альтернативы: либо мы двинемся в сторону создания государств всеобщего благоденствия, предполагающих нормируемое распределение жизненно важных благ, либо в сторону более жесткого деления людей на классы по сословному или какому-либо еще признаку.

Учитывая, что по Конституции наша страна сделала выбор в пользу первого пути, мы, двигаясь по этому пути, должны избежать прошлых ошибок: конкретизировать заданную цель в количественных показателях, понятных народу и способных мобилизовать его на новые свершения.

Капитанов В.А.
к.т.н., ведущий специалист НИИ «Полюс», Бюро инновационных разработок, г. Москва
Иванова А.А.
Институт прикладной математики и механики, г. Донецк

НЕРАВЕНСТВО И РАНГОВЫЙ ОБМЕН

Ключевые слова: *неравенство, ранговый обмен, функции распределения, кривая Кузнеца, коэффициент Джини.*
Keywords: *inequality, rank exchange, distribution function, Kuznets curve, the Gini coefficient.*

1. Понятие о ранговом обмене и состояние вопроса

Широко распространённое мнение о том, что распределение благ в рыночной экономике происходит в ходе достижения баланса между спросом и предложением, в результате торга равносильных или, по крайней мере, независимых друг от друга игроков, давно подвергается заслуженной критике. Ведь каждый игрок на рынке стремится дешевле покупать и дороже продавать. Игрок употребляет свои ресурсы для достижения этой цели, добиваясь тем большего смещения цены в свою пользу, чем бóльшими по сравнению с контрагентом ресурсами он обладает. В предельном случае, когда сделка становится чрезвычайно выгодной для продавца/покупателя вследствие того, что количество его ресурсов близко к бесконечности, имеет место хорошо известная современной экономической науке монополия/монопсония, при которой цены определяются отнюдь не рыночным равновесием. Некоторые факты, подтверждающие адекватность концепции рангового обмена, изложены в работах (Гидулянов, 1998), (Боулз, 2010), (Капитанов, Иванова 2014).

2. Цель работы

Целью работы является подбор базы фактов, подтверждающих существование рангового обмена. Для достижения указанной цели рассматриваются наиболее общие статистические данные.

Необходимо отметить, что существуют факты, необъяснимые в рамках концепции рангового обмена, и их изучение крайне важно, поскольку они определяют границы применимости концепции. Обсуждение этих фактов выходит за рамки настоящей работы и планируется в следующих публикациях.

3. Методика исследования

Сообщество игроков, применяющих друг к другу ранговый обмен, характеризуется статическими и динамическими характеристиками. Применительно к исследованию рангового обмена статическая характеристика расслоения сообщества есть кривая распределения игроков по уровню доходов. Кривая должна быть построена таким образом, чтобы её вид выявлял механизм распределения благ между игроками (будь то ранговый обмен или какой-либо другой механизм распределения).

Динамическая характеристика расслоения сообщества есть зависимость степени неравенства от времени.

Если у некоторого сообщества статические и динамические характеристики неравенства те же, что характерны для рангового обмена, то, можно утверждать, что в этом сообществе ранговый обмен преобладает, если нет – то нет.

Статические характеристики – кривые распределения граждан страны по доходам – неполны и их приходится получать по косвенным данным. Это приводит к погрешностям, для сокращения которых статические характеристики следует получать из нескольких независимых источников, что и сделано в настоящей работе.

При изучении динамических характеристик неравенства для достижения цели исследования необходимо не только определить наличие долгосрочного роста/падения неравенства, но и показать наличие/отсутствие характерных для рангового обмена откликов неравенства на колебания нормы прибыли.

4. Статика неравенства

4.1. Способ представления распределения игроков по уровню доходов

Распространённым способом графического представления неравенства являются гистограммы доходов по когортам или плотности распределения вероятности попадания игроков в ту или иную когорту по доходам. Однако из-за различных способов разбиения на когорты эти данные не могут быть графически сопоставлены на одной гистограмме с данными из любого другого источника.

Работать с «сырыми» данными без разбиения их на когорты позволяет кривая Лоренца. Однако она имеет недостаток, делающий её непригодной для нашего исследования – любые законы распределения на кривой Лоренца дают одни и те же качественно неразличимые вогнутые кривые, отличающиеся лишь степенью неравенства, т.е. площадью под кривой.

Поэтому предлагается другой способ графического представления неравенства, не нуждающийся в квантовании шкалы доходов – это функции распределения вероятностей, лишенные всех перечисленных недостатков.

4.2.Получение эталонных статических характеристик неравенства при ранговом и эквивалентном обмене. Математическое моделирование

Количественный расчет рангового обмена win-win (или рангового обмена с общим излишком) несложен и строится на следующих предположениях:

– при экономическом взаимодействии двух партнеров появляется общий излишек, т.е. некоторое дополнительное количество благ по сравнению с тем количеством, которое произвели бы те же люди, действуя поодиночке;

– общий излишек равен капиталу, т.е. количеству ресурсов наиболее богатого партнёра из пары, умноженному на норму прибыли;

– излишек распределяются между взаимодействующими партнерами пропорционально ресурсам каждого из них. Математическая модель рангового обмена и характерные для рангового обмена результаты расчета опубликованы (Капитанов, Иванова 2014).

Для вычленения результатов действия именно рангового обмена и только его необходима другая математическая модель, отличающаяся от математической модели рангового обмена только отсутствием последнего. Эту математическую модель, которую предлагается называть моделью эквивалентного обмена, можно построить, считая эквивалентным обменом распределение общего излишка между взаимодействующими партнёрами в соотношении, не зависящем от количества ресурсов взаимодействующих партнёров, что и будет означать наличие в модели установившейся вследствие совершенной конкуренции справедливой рыночной цены, на которую ни покупатель, ни продавец повлиять не могут. С точки зрения вычислительного алгоритма эквивалентный обмен предполагает распределение общего излишка между партнёрами случайным образом.

В остальном же использованная в настоящей работе математическая модель эквивалентного обмена ничем не отличается от математической модели рангового обмена.

Результаты расчета рангового и эквивалентного обмена приведены на рис. 1.

4.3. Получение распределение населения Российской Федерации по доходам на основе прямых данных

Данные Росстата существенно неполны и обрываются на уровне доходов от 60 000 руб./мес. (7,1% населения), причём последняя когорта оставлена открытой, её правая граница не указана. Разумеется, считать сумму 60 000 руб./мес. верхней границей доходов в Российской Федерации нельзя.

Согласно данным «Форбс», доходы деятелей государственной службы и бизнеса составляли в 2013 г. от 83 тыс. руб./мес. до 92 млн. руб./мес. Будем считать 50 богатейших людей России по версии «Форбс» верхними когортами распределения населения по доходам. Тогда распределение населения России по доходам выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Уточненное распределение населения России по уровню доходов в 2013 г.

Граница когорты, руб./мес.		Ширина когорты, руб./мес.	Середина когорты, руб./мес.	Доход когорты, руб./мес.	Кол-во человек в когорте	Доля когорты в населении, %
левая	правая					
0	2000	2000	1000	292 540 066	292 540	0,2
2000	3000	1000	2500	2 559 725 578	1 023 890	0,7
3000	5000	2000	4000	19 307 644 356	4 826 911	3,3
5000	7000	2000	6000	49 146 731 088	8 191 122	5,6
7000	9000	2000	8000	79 570 897 952	9 946 362	6,8
9000	12 000	3000	10 500	165 870 217 422	15 797 164	10,8
12 000	15 000	3000	13 500	203 388 480 887	15 065 813	10,3
15 000	20 000	5000	17 500	371 160 208 738	21 209 155	14,5
20 000	25 000	5000	22 500	368 600 483 160	16 382 244	11,2
25 000	30 000	5000	27 500	337 883 776 230	12 286 683	8,4
30 000	35 000	5000	32 500	299 487 892 568	9 215 012	6,3
35 000	40 000	5000	37 500	257 800 933 163	6 874 692	4,7
40 000	50 000	10 000	45 000	414 675 543 555	9 215 012	6,3
50 000	60 000	10 000	55 000	305 704 368 970	5 558 261	3,8
60 000	83 333	23 333	71 667	744 270 684 582	10 385 172	7,0
83 333	166 667	83 333	125 000	125 000	1	0,0000007
166 667	250 000	83 333	208 333	625 000	3	0,0000021
250 000	666 667	416 667	458 333	458 333	1	0,0000007
666 667	833 333	166 667	750 000	1 500 000	2	0,0000014
833 333	1 250 000	416 667	1 041 667	1 041 667	1	0,0000007

1 250 000	1 833 333	583 333	1 541 667	1 541 667	1	0,0000007
1 833 333	2 333 333	500 000	2 083 333	2 083 333	1	0,0000007
2 333 333	4 583 333	2 250 000	3 458 333	3 458 333	1	0,0000007
4 583 333	5 250 000	666 667	4 916 667	4 916 667	1	0,0000007
5 250 000	5 833 333	583 333	5 541 667	5 541 667	1	0,0000007
5 833 333	6 666 667	833 333	6 250 000	6 250 000	1	0,0000007
6 666 667	7 416 667	750 000	7 041 667	14 083 333	2	0,0000014
7 416 667	8 666 667	1 250 000	8 041 667	16 083 333	2	0,0000014
8 666 667	9 416 667	750 000	9 041 667	9 041 667	1	0,0000007
9 416 667	9 500 000	83 333	9 458 333	9 458 333	1	0,0000007
9 500 000	9 583 333	83 333	9 541 667	9 541 667	1	0,0000007
9 583 333	9 750 000	166 667	9 666 667	9 666 667	1	0,0000007
9 750 000	9 833 333	83 333	9 791 667	9 791 667	1	0,0000007
9 833 333	10 750 000	916 667	10 291 667	10 291 667	1	0,0000007
10 750 000	10 916 667	166 667	10 833 333	10 833 333	1	0,0000007
10 916 667	12 833 333	1 916 667	11 875 000	11 875 000	1	0,0000007
12 833 333	13 166 667	333 333	13 000 000	13 000 000	1	0,0000007
13 166 667	14 416 667	1 250 000	13 791 667	13 791 667	1	0,0000007
14 416 667	16 333 333	1 916 667	15 375 000	15 375 000	1	0,0000007
16 333 333	17 250 000	916 667	16 791 667	33 583 333	2	0,0000014
17 250 000	17 416 667	166 667	17 333 333	17 333 333	1	0,0000007
17 416 667	17 583 333	166 667	17 500 000	17 500 000	1	0,0000007
17 583 333	18 833 333	1 250 000	18 208 333	18 208 333	1	0,0000007
18 833 333	19 916 667	1 083 333	19 375 000	19 375 000	1	0,0000007
19 916 667	21 250 000	1 333 333	20 583 333	20 583 333	1	0,0000007
21 250 000	23 833 333	2 583 333	22 541 667	22 541 667	1	0,0000007
23 833 333	24 833 333	1 000 000	24 333 333	24 333 333	1	0,0000007
24 833 333	31 916 667	7 083 333	28 375 000	28 375 000	1	0,0000007
31 916 667	32 500 000	583 333	32 208 333	32 208 333	1	0,0000007
32 500 000	32 666 667	166 667	32 583 333	32 583 333	1	0,0000007
32 666 667	38 083 333	5 416 667	35 375 000	35 375 000	1	0,0000007
38 083 333	39 583 333	1 500 000	38 833 333	38 833 333	1	0,0000007
39 583 333	43 666 667	4 083 333	41 625 000	41 625 000	1	0,0000007
43 666 667	58 333 333	14 666 667	51 000 000	51 000 000	1	0,0000007
58 333 333	80 833 333	22 500 000	69 583 333	69 583 333	1	0,0000007
80 833 333	92 583 333	11 750 000	86 708 333	86 708 333	1	0,0000007

Источник: Рассчитано авторами на основе данных Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# и «Форбс». – http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2013-reiting-dohodov-federalnyh-chinovnikov/2013.

4.4. Распределение населения Российской Федерации по доходам на основе косвенных данных

Для проверки адекватности распределения необходимо сопоставить его с альтернативными распределениями населения по доходам, полученными из независимого от Росстата и «Форбс» источника. В качестве одного из таковых может быть предложено распределение цен на подержанные автомобили (avtopoisk.ru).

Было рассмотрено 467 тыс. предложений о продаже, цены автомобилей варьировали от 10 тыс. руб. до 158 млн. руб., последняя цифра свидетельствует о том, что выборка достаточно широка и обеспеченные слои общества в поле зрения данного исследования явно попали. Кривая функции распределения предложений цен на подержанные автомобили в России представлена на рис. 1.

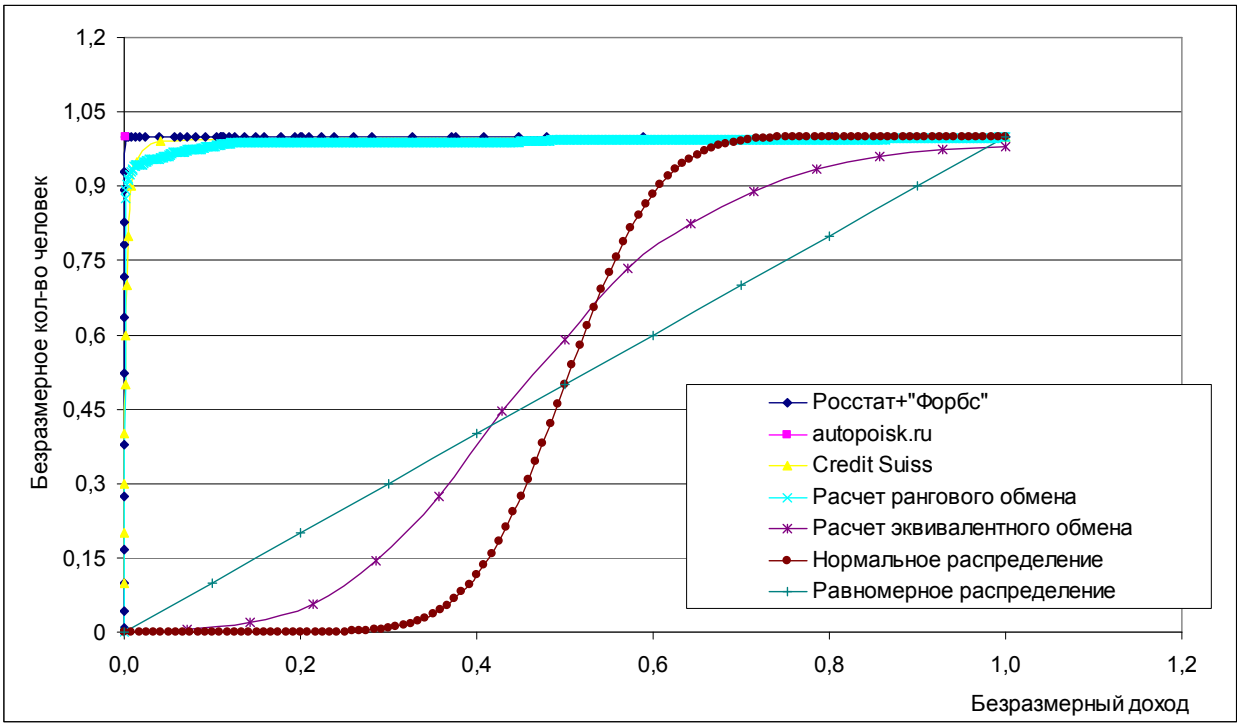
4.5. Распределении населения Российской Федерации по уровню богатства

В качестве еще одного альтернативного источника данных о расслоении общества могут быть использованы данные ежегодного бюллетеня Исследовательского института Credit Suisse, примечательные тем, что описывают благосостояние в т.ч. и богатейшего 1% населения каждой страны. Недостаток этих данных в том, что они являются сведениями не о доходах (как все рассмотренные выше источники), а об уровне богатства граждан разных стран, однако в силу нехватки данных пренебрегать даже таким источником не следует.

Доля доходов низших слоев общества выше, чем доля их богатства, считая богатство прямо пропорциональным доходу, мы занизим уровень дохода бедных по сравнению с реальным значением и получим завышенную оценку неравенства. Это следует учитывать в выводах.

Кривая распределения населения России по уровню богатства согласно бюллетеню Исследовательского института Credit Suisse приведена на рис. 1.

4.6. Статика неравенства. Обсуждение результатов



Источники: сводные данные Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# и «Форбс». – http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2013-reiting-dohodov-federalnyh-chinovnikov/2013; данные www.avtopoisk.ru; данные Credit Suisse Research Institute http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5; расчеты авторов.

Рисунок 1.
Функции распределения населения России по доходам

На рис. 1, кроме статистических данных и результатов математического моделирования, представлены две характерные кривые – кривая равномерного распределения величины полученного дохода и кривая нормального распределения величины полученного дохода. Несложно заметить, что реальные данные радикально отличаются от обеих этих кривых.

Существующий в обществе характер неравенства ни в коей мере не объясняется внешними по отношению к человеку случайными обстоятельствами, т.к. в таком случае наблюдалось бы равномерное распределение (т.е. линия $y=x$), когда получение самого высокого, самого низкого и среднего дохода равновероятно. Такое бы наблюдалось только при идеальном и достаточно длительном эквивалентном обмене, полученная расчетным путем функция распределения при эквивалентном обмене тяготеет именно к линии $y=x$.

Также неравенство нельзя объяснить и внутренними по отношению к человеку случайными обстоятельствами (индивидуальными особенностями интеллекта, работоспособности и т.п.), т.к. в таком случае наблюдалось бы нормальное распределение, ведь все индивидуальные особенности живых существ распределены в популяции по нормальному закону.

Каков же в действительности закон распределения населения по доходам? Глядя на рис. 1, можно утверждать, что этот закон – экспоненциальный. Этот вывод может показаться противоречащим общепринятому мнению (Пирс, 2003) о логнормальном характере распределения населения по уровню доходов, но это не так. Логнормальное распределение следует считать переходной формой от нормального к экспоненциальному.

При достаточно глубоком расслоении общества существованием восходящей ветви логнормальной кривой плотности распределения членов общества по доходам можно пренебречь (хотя она, несомненно, есть, см. табл. 1). Иными словами, логнормальное распределение характеризуется настолько высокой асимметрией и настолько малым эксцессом, что людей с доходами ниже среднемодального практически нет, или, что то же самое, подавляющая часть общества попадает в самую первую, беднейшую когорту.

Принципиально этот вывод не нов и соответствует результатам классических исследований неравенства Вильфредо Парето, с той лишь разницей, что Парето предложил не экспоненциальное, а степенное распределение населения по доходам. В настоящей работе отдано предпочтение экспоненциальным аппроксимациям перед степенными только потому, что последние несколько хуже (с коэффициентом детерминированности лишь около 0,8) описывают исследуемые данные.

Высокие значения коэффициента корреляции при аппроксимации фактических данных экспоненциальными распределениями указывают на адекватность экспоненциальной аппроксимации.

Глубина расслоения общества в приближении экспоненциальным распределением характеризуется всего одним параметром – интенсивностью. Найденные методом наименьших квадратов значения интенсивности для различных данных приведены в табл. 2.

Таблица 2

Аппроксимация распределений населения по доходам

	R^2 при экспоненциальной аппроксимации	Интенсивность
Доходы населения РФ по Росстат и «Форбс»	0,9855	3450
Цены подержанных машин в РФ	0,9913	325,0
Богатство населения РФ по Credit Suisse	0,9871	546,0
Расчет рангового обмена	0,9881	670,0

Источники: сводные данные Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# и «Форбс». – http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2013-reiting-dohodov-federalnyh-chinovnikov/2013; данные www.avtopoisk.ru; данные Credit Suisse Research Institute http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5; расчеты авторов.

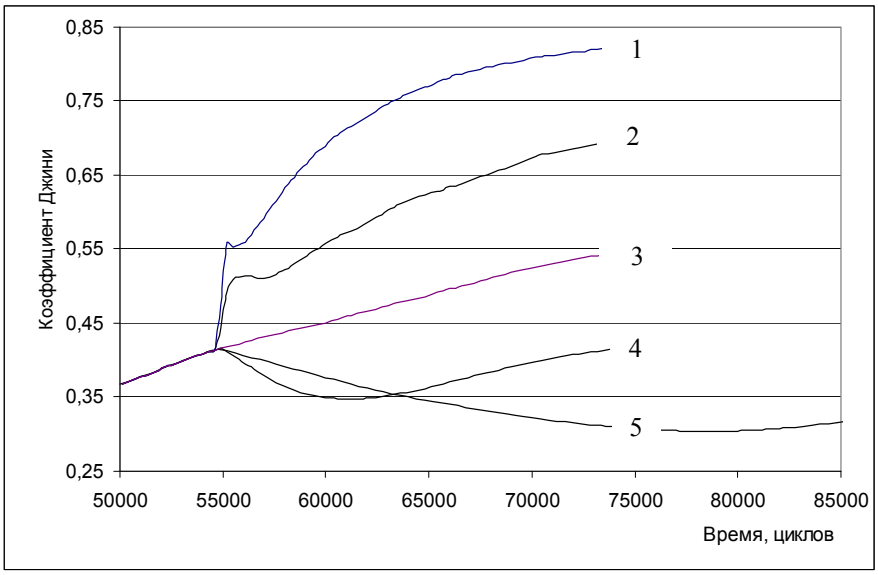
Из представленных на рис. 1 и в табл. 2 результатов следует, что математическая модель рангового обмена позволяет получить распределения населения по доходам, весьма близкие к реальным.

Сопоставление расчетных функций распределения при ранговом и эквивалентном обмене говорит о том, что именно учет рангового обмена в математической модели (а не какие-либо другие допущения) приводит к экспоненциальному распределению. Следовательно, можно утверждать, что блага в российском обществе действительно распределяются в соответствии с законом рангового обмена.

5. Динамика неравенства

5.1. Получение эталонных динамических характеристик неравенства при ранговом обмене. Математическое моделирование

Приведенные на рис. 1 результаты расчета неравенства при эквивалентном обмене явно показывают неадекватность модели эквивалентного обмена фактическим данным, поэтому нет никакой необходимости в определении динамических характеристик неравенства при эквивалентном обмене. А динамические характеристики неравенства при ранговом обмене опубликованы в (Капитанов, Иванова 2014) и представлены на рис. 2.



1 – увеличение нормы прибыли в 4 раза; 2 – увеличение нормы прибыли в 2 раза; 3 – без изменения нормы прибыли; 4 – уменьшение нормы прибыли в 2 раза; 5 – уменьшение нормы прибыли в 4 раза. Источник: (Капитанов, Иванова 2014).

Рисунок 2.
Расчет динамики неравенства при ранговом обмене. Результаты скачкообразного изменения нормы прибыли

При постоянной норме прибыли неравенство в условиях рангового обмена будет монотонно расти (см. рис. 2 линия 3). При скачкообразном снижении нормы прибыли наблюдается снижение неравенства, затем снова переходящее в монотонный рост, но уже с меньшей скоростью (см. рис. 2 линия 4, 5). Сложнее всего выглядит отклик неравенства на повышение нормы прибыли – сначала резкий скачок вверх, затем падение, затем монотонный рост с большей скоростью, чем до скачка нормы прибыли, но с меньшей скоростью, чем во время скачка неравенства (см. рис. 2 линия 1, 2).

Может показаться удивительным, но все эти три характерные для рангового обмена вида динамики неравенства вполне подтверждаются реальными статистическими данными.

5.2. Динамика неравенства при повышении нормы прибыли. S-образная кривая Кузнеца

Сложный, с двумя экстремумами характер изменений неравенства при повышении нормы прибыли (см. рис. 2 линии 1 и 2) накладывает определенные ограничения на статистические данные, которые могли бы послужить подтверждением/опровержением этой полученной расчетным путем тенденции.

Что вообще можно считать устойчивым повышением нормы прибыли в данной стране в данный момент времени? Простой рост ВВП скорее свидетельствует о неизменности, чем о росте нормы прибыли, периодические же ускорения роста ВВП сменяются замедлениями и рецессиями и, с учетом инерционности неравенства, вычленить характерные максимум и минимум неравенства не представляется возможным.

Поэтому для детектирования отклика неравенства на повышение нормы прибыли необходимо рассматривать очень мощное и долговременное повышение нормы прибыли, скачок нормы прибыли должен быть такого масштаба и продолжительности, чтобы подавить все шумы, и современной экономической науке такой эпизод известен.

Согласно Саймону Кузнецу не позднее XIX в. в развитых странах наступил переход к массовому индустриальному производству (по Кузнецу – «капиталистическая модернизация»). Кузнец идентифицировал новую экономическую эру, названную им «современным экономическим ростом», по характерному индикатору – увеличению каждое десятилетие среднедушевого дохода в среднем на 15%, не встречавшемуся в более ранние исторические периоды (Филатов, 2002).

Следствием этого роста стало резкое увеличение коэффициента Джини (до 1920 г.), а затем его сокращение, причем согласно Кузнецу, такие изменения коэффициента Джини во времени характерны для любого общества, вставшего на путь капиталистической модернизации.

В прошлом восходящий участок кривой Кузнеца прослеживается до XV–XVI вв. (Ван Занден, **2004).** Однако судьба нисходящего участка кривой оказалась не столь однозначной. Буквально через полтора десятка лет после опубликования кривой Кузнеца (т.е. в начале 1970-х гг.) начался новый рост коэффициента Джини (официальные данные об этом применительно к США приведены на www.census.gov), продолжающийся и по сей день с перерывами на кризисы. На сегодняшний день можно утверждать, что кривая Кузнеца носит сложный характер, она скорее повернутая S-образная, чем перевернутая U-образная, т.е. имеет два экстремума – максимум около 1920 г. и минимум около 1970 г. (Пикетти, 2016).

Общество, построенное на ранговом обмене, реагирует на резкое увеличение нормы прибыли с последующей ее стабилизацией именно так, как показывает S-образная кривая Кузнеца – сначала наблюдается рост коэффициента Джини, затем снижение и потом снова монотонный рост (см. рис. 2). Т.о. ход кривой Кузнеца подтверждает наличие в обществе сильного рангового обмена.

5.3. Динамика неравенства при стабильной норме прибыли

В настоящее время (т.е. после капиталистической модернизации и в условиях относительно стабильной нормы прибыли) неравенство по доходам в большинстве случаев нарастает. Не менее 84% мирового ВВП (по данным Всемирного банка http://www.worldbank.org/en/country, http://data.worldbank.org/data-catalog/poverty-and-equity-database и официального статистического ведомства Японии http://www.stat.go.jp/english/data/zensho/2004/hutari/gaiyo18.htm) по состоянию на 2013 г производится в странах с растущим неравенством.

К странам с растущим неравенством относятся четыре крупнейших экономики мира – Китай, США, Япония, Германия. Из крупных экономик к ним относятся Великобритания, Россия, Италия, Индия, Канада, Индонезия, Швеция, Польша и Бельгия (неравенство считали растущим, если при линейной аппроксимации зависимости коэффициента Джини от времени наблюдался его рост при коэффициенте детерминированности не менее 0,5).

Т.о. наблюдающийся в большинстве случаев долгосрочный рост неравенства подтверждает наличие сильного рангового обмена в обществе.

5.4. Динамика неравенства при резком снижении нормы прибыли

Широко известно, что кризисы и рецессии, вызывающие снижение нормы прибыли, сопровождаются и сокращением неравенства. Так, отмечено (Ван Занден, **2004)** сокращение коэффициента Джини в европейских городах, пострадавших от Тридцатилетней войны. Официальная статистика США (www.census.gov) показывает некоторую корреляцию между рецессиями и локальными минимумами неравенства. Нами ранее (Капитанов, Иванова 2014) отмечалось снижение неравенства в Российской Федерации во время кризисов 1998 и 2008 гг.

По данным Всемирного Банка удалось идентифицировать 123 случая, когда были одновременно известны и динамика коэффициента Джини и динамика ВВП, причем ВВП снижался. Это количество данных уже позволяет проводить некоторый статистический анализ. В 27 случаях (22%) снижение ВВП сопровождалось повышением коэффициента Джини, т.е. концепция рангового обмена не объясняла ход событий. В 96 случаях (78%) снижение ВВП сопровождалось снижением коэффициента Джини, т.е. концепция рангового обмена подтверждалась – в подавляющем большинстве случаев снижение нормы прибыли влекло за собой сокращение неравенства в полном соответствии с концепцией рангового обмена.

6. Заключение и выводы

В настоящей работе произведены оценки распределения населения Российской Федерации по доходам из нескольких независимых источников.

Предложен способ представления расслоения общества в виде функции распределения величины получаемого дохода, показаны достоинства и недостатки такого способа представления.

Предложена экспоненциальная (вместо общепринятой логнормальной) аппроксимация кривых распределения членов общества по уровню дохода, на статистическом материале доказана адекватность такой аппроксимации.

Особенность экспоненциального распределения населения по доходам, принципиально отличающая его от логнормального состоит в том, что людей с доходами ниже среднемодального практически нет.

В качестве параметра для количественной оценки глубины неравенства при экспоненциальном распределении общества по доходам предложена интенсивность распределения.

Изучены долгосрочные тренды неравенства, вызванные капиталистической модернизацией, и выявлено, что повышение нормы прибыли приводит к росту, затем снижению и затем к повторному росту неравенства.

Обобщены статистические данные и показана тенденция к возрастанию неравенства в большинстве развитых экономик мира.

Статистически доказано, что в подавляющем большинстве случаев снижение нормы прибыли ведет к снижению неравенства, а затем к повторному его росту.

Показано, что все указанные особенности как статики, так и динамики расслоения общества по доходам удовлетворительно описываются в рамках концепции рангового обмена, рассматривающей только сделки win-win, т.е. в экономике в целом преобладают сделки с общим излишком, который распределяется между игроками согласно закону рангового обмена.

Предложено объяснение хода кривой Кузнеца и показано, что инновационная активность и связанный с ней рост экономики с точки зрения социального расслоения общества приводят к сложному переходному процессу, сопровождающемуся ростом, падением и повторным ростом неравенства в обществе.

Список литературы

1. Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. Пер. с англ. Букина К.А., Демидовой А.В., Карабекян Д.С., Карпова А.В., Шиловой Н.В. – М.: Дело; АНХ, 2010.
2. Ван Занден Я.Л. Где начало «кривой Кузнеца»? Западная Европа в период раннего Нового времени (перевод с англ. Н.В.Бутурлина) // Экономическая история: Ежегодник. 2004. – С. 537–562.
3. Власть и деньги – 2013. Рейтинг доходов федеральных чиновников. Forbes Media LLC. – http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2013-reiting-dohodov-federalnyh-chinovnikov/2013
4. Гидулянов В. Формула «цивилизованного рынка» // Правила игры. 1998. – № 4. – С. 22–29.
5. Диденко Д.В. Интеллектуальная экономика, дифференциация доходов и системные трансформации: Переосмысливая «кривую Кузнеца» // Межрегиональная Ассоциация «История и компьютер». Международная конференция «Инновационные подходы в исторических исследованиях: Информационные технологии, модели и методы». 2008.
6. Капитанов В.А., Иванова А.А. (2014). Влияние пропорционального распределения общего излишка на имущественное расслоение // Экономика и прогнозирование. 2014. – № 2. – С. 125–136.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
8. Пирс Д.У. Словарь современной экономической теории. Пер. с англ. Пивовар А.Г. – М.: ИНФРА-М, 2003.
9. Продажа авто в России. – http://www.avtopoisk.ru
10. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов. В процентах. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level
11. 7.5.Состав и использование денежных доходов населения (млрд. рублей; 1992 г. – трлн. руб.). Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат). – http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-05.htm
12. Филатов И.В. Теоретическое наследие С. Кузнеца и проблемы модернизации постсоциалистических стран // Социально-экономическая трансформация в России. – http://ecsocman.hse.ru/text/19177111/
13. Credit Suisse Global Wealth Databook 2015. Credit Suisse Group AG, Credit Suisse Research Institute. – http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-CCA04D4BB9B9ADD5
14. Statistic Japan. Statistic Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications. 2. Income and Expenditures by Yearly Income Quintile Group. – http://www.stat.go.jp/english/data/zensho/2004/hutari/gaiyo18.htm
15. The Changing Shape of the Nation's Income Distribution 1947–1998. U.S. Department of Commerce. – http://www.census.gov/prod/2000pubs/p60-204.pdf
16. The World Bank. – http://www.worldbank.org/en/country
17. The World Bank. Poverty and Equity Database. – http://data.worldbank.org/data-catalog/poverty-and-equity-database

Клочкова Е.Н.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Klotchkova.EN@rea.ru
Дарда Е.С.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Darda.es@rea.ru

РЫНОК АССИСТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И УСТРОЙСТВ: СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ

Ключевые слова: *ассистивные технологии и устройства, лица с ограниченными возможностями, инвалиды.*
Keywords*: assistive technologies and devices, persons with disabilities, disabled.*

Как показывает практика, инвалиды имеют более низкий уровень здоровья и образования, меньшую экономическую активность и более высокие показатели бедности по сравнению с людьми, не имеющими инвалидности. Отчасти это связано с тем, что данная категория населения сталкивается с барьерами, препятствующими их доступу к услугам здравоохранения, образования, занятости и транспорта, а также к информации. Результаты социологических исследований, проведенных на территории Российской Федерации, показывают, что 60% граждан с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата приходится преодолевать барьеры при пользовании общественным транспортом, 48% – при совершении покупок; 75% респондентов – инвалидов по зрению отмечают трудность или полную невозможность посещения спортивных сооружений и мест отдыха.

Создание «доступной среды» является первоочередной задачей государства на современном этапе формирования системы социальной защиты граждан. Государственная политика в сфере поддержки инвалидов и лиц с ограниченными возможностями направлена на формирование организационных подходов к решению задачи создания всесторонней системы, предполагающей как обеспечение нуждающихся ассистивными технологиями и устройствами с целью формирования «доступной среды» для данной категории граждан, так и обеспечение социальной защиты инвалидов, совершенствование всех элементов системы социального обеспечения, сочетающих обеспечение нуждающихся категорий граждан как в денежной форме, так и в форме реальной социальной адаптации. Политика государства в отношении инвалидов ориентирована на обеспечение их равных прав и возможностей, а также обеспечение всестороннего и реального участия инвалидов в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства.

В 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов, в связи с чем приняла на себя ряд серьезных обязательств по обеспечению надлежащего уровня гарантий для людей с ограниченными возможностями. В Конвенции о правах инвалидов (Статьи 20 и 26), резолюции Всемирной ассамблеи здравоохранения WHA58.23 и принятых ООН Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов, подчеркивается важность ассистивных устройств; государствам предлагается содействовать обеспечению доступа к ассистивным устройствам и технологиям по умеренной стоимости, а также способствовать обучению инвалидов, специалистов и работников абилитационных и реабилитационных служб[1].

Всемирная организация здравоохранения с сотрудничающими центрами и партнерами способствует проведению этой деятельности путем:

– разработки нормативных руководящих принципов;

– организации региональных и страновых семинаров, совещаний и симпозиумов для содействия и поддержки в обеспечении доступа к ассистивным устройствам;

– оказания содействия в разработке национальной политики и программ в отношении ассистивных устройств и технологий с особым акцентом на развитие кадровых ресурсов;

– создания базы данных о наличии соответствующих ассистивных устройств и технологий[2].

В структуре рынка ассистивных технологий и устройств для людей с ограниченными возможностями выделяют четыре основных сегмента:

– средства для облегчения мобильности;

– средства для ухода, медицинская мебель и оборудование;

– средства для улучшения зрения и чтения;

– средства для улучшения слуха.

Необходимо отметить, что действующее федеральное законодательство в сфере социальной защиты в целом соответствует нормам Конвенции. Основополагающим в этой сфере является Федеральный закон «О социальной за-

[1] Конвенция ООН по правам инвалидов.

[2] Всемирная организация здравоохранения. – http://www.who.int/disabilities/technology/ru/

щите инвалидов в Российской Федерации», который определяет государственную политику России в этой области и базируется на международных принципах и нормах о правах и свободах человека.

В соответствии с принятой в России классификацией в отношении средств жизнеобеспечения людей с ограниченными возможностями используется понятие «технические средства реабилитации», то есть устройства, содержащие технические решения, в том числе специальные, используемые для компенсации или устранения стойких ограничений жизнедеятельности инвалида[1].

В соответствии с Федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р (ред. от 10.09.2014) к видам технических средств относят:

– трости опорные и тактильные, костыли, опоры, поручни;

– кресла-коляски с ручным приводом (комнатные, прогулочные, активного типа), с электроприводом, малогабаритные;

– протезы, в том числе эндопротезы, и ортезы;

– ортопедическая обувь;

– противопролежневые матрацы и подушки;

– приспособления для одевания, раздевания и захвата предметов;

– специальная одежда;

– специальные устройства для чтения «говорящих книг», для оптической коррекции слабовидения;

– собаки-проводники с комплектом снаряжения;

– медицинские термометры и тонометры с речевым выходом;

– сигнализаторы звука световые и вибрационные;

– слуховые аппараты, в том числе с ушными вкладышами индивидуального изготовления;

– телевизоры с телетекстом для приема программ со скрытыми субтитрами;

– телефонные устройства с текстовым выходом;

– голосообразующие аппараты;

– специальные средства при нарушениях функций выделения (моче- и калоприемники);

– абсорбирующее белье, подгузники;

– кресла-стулья с санитарным оснащением.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики[2], на начало 2016 г. в России зарегистрировано 12 751 тысяч инвалидов (на 1000 человек населения приходится 87 человек с ограниченными возможностями), из них 617 – дети, что составляет 4,8% от общего числа инвалидов, при этом около половины – это инвалиды второй группы (рис. 1).

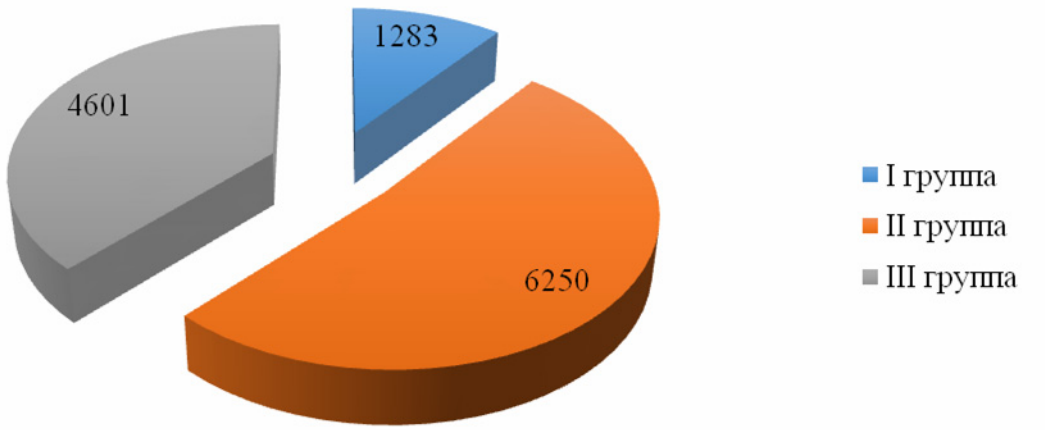


Рисунок 1.
Численность инвалидов в Российской Федерации на 1 января 2016 г. (тыс. чел.)

По данным на 1 января 2015 г. 3801 тысяч человек инвалидов находятся в трудоспособном возрасте и 8265 тысяч человек являются пенсионерами.

Весьма положительным моментом является установившаяся динамика к сокращению численности инвалидов (рис.2).

[1] Всемирная организация здравоохранения. – http://www.who.int/disabilities/technology/ru/

[2] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/

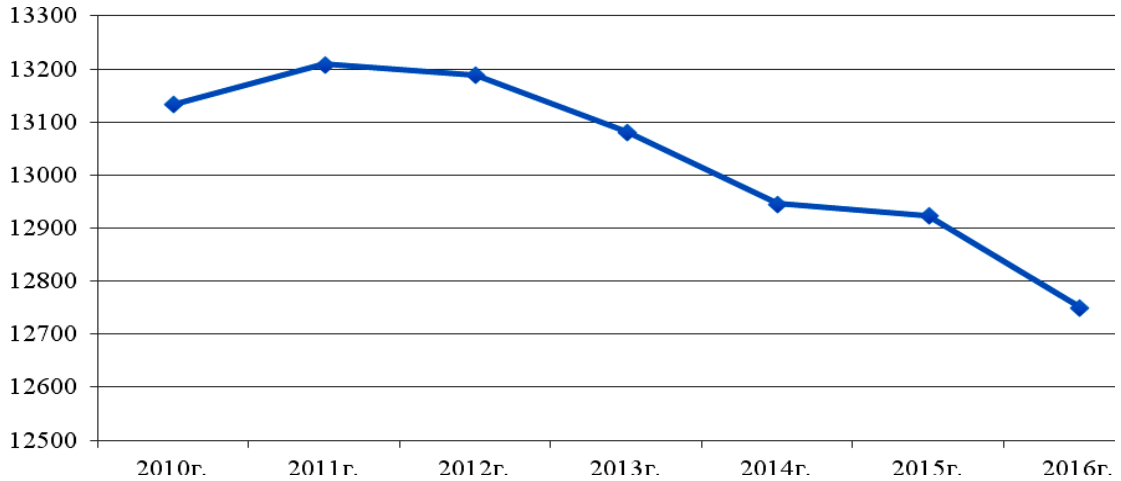


Рисунок 2.
Численность инвалидов в Российской Федерации за период 2010-2016 гг. (на 1 января, тыс. чел.)

Вместе с тем, при наметившейся тенденции сокращения численности инвалидов в стране, следует отметить, что по данным Минтруда России[1] в период с 2009 по 2015 гг. наблюдалась положительная динамика по объемам обеспечения инвалидов по всем основным группам технических средств (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о технических средствах реабилитации и протезно-ортопедических изделиях, которыми обеспечены инвалиды

Технические средства реабилитации	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Трости опорные и тактильные, костыли, опоры, поручни	29 294	295 277	434 628	463 230	435 189	377 020	404 261
Кресла-коляски с ручным приводом (комнатные, прогулочные, активного типа), с электроприводом, малогабаритные.	89 930	94 303	149 086	134 235	140 696	110 880	143 638
Кресла-стулья с санитарным оснащением	38 704	42 635	70 184	66 810	60 741	51 742	64 786
Протезы, в том числе эндопротезы, и ортезы	414 435	442 221	575 368	594 810	585 317	522 955	676 743
Ортопедическая обувь	609 579	585 314	787 010	807 510	869 846	821 147	984 503
Противопролежневые матрацы и подушки	49 794	57 398	82 737	86 015	87 965	70 208	89 697
Приспособления для одевания, раздевания и захвата предметов	626	944	1457	1569	1780	1496	2408
Специальная одежда	2110	2322	4767	2338	3389	1538	1893
Специальные устройства для чтения «говорящих книг», для оптической коррекции слабовидения	29 488	20 987	33 547	31 748	27 462	18 550	33 259
Собаки-проводники с комплектом снаряжения	60	61	62	64	61	52	49
Медицинские термометры и тонометры с речевым выходом	27 986	23 469	30 290	28 262	22257	16 220	24 195
Сигнализаторы звука световые и вибрационные	22 528	17 379	21 076	23 229	14 933	9951	21 617
Слуховые аппараты, в том числе с ушными вкладышами индивидуального изготовления	67 670	78 475	95 030	84 162	83 780	77 827	113 706
Телевизоры с телетекстом для приема программ со скрытыми субтитрами	17 734	12 093	12 266	10 688	7703	5134	11 243
Телефонные устройства с текстовым выходом	20 473	14 014	13 896	10 892	9224	5360	11 457
Голосообразующие аппараты	560	594	844	932	973	694	1009
Специальные средства при нарушениях функций выделения (моче- и калоприемники)	12 498 011	13 982 834	21 045 290	29 957 368	25 504 771	24 564 183	38 814 872
Абсорбирующее белье, подгузники	138 776 777	179 109 728	321 620 648	357 795 935	378 073 893	308 115 440	356 686 488
Услуги по сурдопереводу	336 288	308 016	311 585	368 289	254 804	362 756	458 266

Источник: Росстат.

Существенно увеличилось число тростей, костылей, опор и поручней – более чем в 13 раз; в 3,8 раза увеличилось число приспособлений для одевания, раздевания и захвата предметов; более чем в 3 раза возросло количество специальных средств при нарушениях функций выделения. С момента утверждения государственной программы «Доступная среда» тенденция по указанным последним двум группам сохранилась: темпы роста составили 165,3% и 184,4% соответственно. Следует также отметить, что по данным группам технических средств наблюдались наиболее высокие темпы роста. Наряду с этим, по сравнению с 2011 г., количество тростей, костылей опор и поручней сократи-

[1] https://www.fedstat.ru/indicator/41634

лось (на 7%). Данная тенденция для рассматриваемой группы характерна на протяжении 2012-2014 гг. и лишь в 2015 г. наблюдалось некоторое увеличение показателя по сравнению с предыдущим годом (темп роста составил 107,2%). Аналогичная ситуация складывалась и в отношении числа кресел-колясок и кресел-стульев: если по сравнению с 2009 г. можно отметить положительный рост показателя, то по сравнению с 2011 г. наблюдается отрицательная динамика (–3,7% и 7,7% соответственно). Вместе с тем, по сравнению с 2014 г. показатели увеличились по данным группам технических средств почти на треть.

На протяжении 2009–2015 гг. положительная тенденция наблюдалась в отношении обеспеченности инвалидов протезами и ортопедической обувью – среднегодовой темп прироста составлял около 8% по каждой группе; в среднем на 10,3% ежегодно увеличивалось число противопролежневых матрацев и подушек; более чем на 25% ежегодно увеличивалось количество приспособлений для одевания, раздевания и захвата предметов, причем их число по сравнению с 2014 г. возросло в 1,6 раза.

Противоположная ситуация складывается в отношении следующих групп технических средств: специальная одежда; специальные устройства для чтения «говорящих книг», для оптической коррекции слабовидения; собаки-проводники с комплектом снаряжения; медицинские термометры и тонометры с речевым выходом. На протяжении 2011–2015 гг. отмечалась отрицательная динамика обеспеченности инвалидами данными средствами. Такая же тенденция наблюдалась и относительно групп: «телевизоры с телетекстом для приема программ со скрытыми субтитрами» и «телефонные устройства с текстовым выходом». Вместе с тем, в 2015 г. их число по сравнению с 2014 г. увеличилось более чем в 2 раза. Аналогично в отношении обеспеченности сигнализаторами звука и слуховых аппаратов – в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом отмечался существенный рост показателей. Почти в 1,5 раза за последний год увеличилось оснащение инвалидов голосообразующими аппаратами: в период 2011–2015 гг. их число возрастало в среднем почти на 20% ежегодно. Наконец, в период с 2011 по 2015 гг. ежегодно на 10% увеличивалось число услуг по сурдопереводу и только за последний год их число увеличилось почти в 1,5 раза.

В качестве ожидаемых результатов государственной программы «Доступная среда» на 2011–2020 гг.», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.12.2015 № 1297 (ред. от 25.05.2016) отмечается увеличение доли инвалидов, получивших мероприятия по реабилитации и (или) абилитации в общей численности инвалидов, имеющих такие рекомендации в индивидуальной программе реабилитации или абилитации (дети) (до 57 процентов к 2020 году).

По данным Минтруда России[1] в 2015 г. 83 070 детям-инвалидам были рекомендованы технические средства реабилитации, в том числе 82,4% при переосвидетельствовании. Больше всего лиц нуждались в ортопедической обуви (54,8%); подгузниках (29,5%); туторах нижних конечностей (25,8%); прогулочных креслах-колясках с ручным приводом (19,5%); корсетах, головодержателях, реклинаторах, оптураторах (17,2%); слуховых аппаратах, в том числе с ушными вкладышами индивидуального изготовления (13,4%), а также аппаратах нижних конечностей (10,5%), опорах (10,4%) и ходунках (10,3%).

По мнению экспертов, наибольшей востребованностью среди ассистивных технологий и устройств пользуются памперсы, протезы, ортопедическая обувь и кресла-коляски. Таким образом, ассистивные технологии, предназначенные для помощи при передвижении, и средства ухода являются наиболее многочисленной группой средств реабилитации, с заявками на которые обращаются инвалиды в органы соцзащиты.

Потребность инвалидов в технических средствах вследствие различных заболеваний имеет свои особенности. По данным представителей ФСС РФ, в специальных технических средствах больше всего нуждаются инвалиды вследствие травм – 33% и, особенно, вследствие травм опорно-двигательного аппарата – 42,8%. При этом в сложном и атипичном протезировании (ортезировании) нуждается 1/3 инвалидов, имеющих потребность в протезно-ортопедической помощи.

Однако в целом, востребованность тех или иных ассистивных технологий и устройств определяется не собственно профилем заболевания, а тем, какие функции жизнеобеспечения нарушены у больного. Так, в случае онкозаболеваний необходимы средства ухода и устройства, облегчающие мобильность; в случае болезней системы кровообращения – кардиостимуляторы и устройства, облегчающие мобильность, поскольку паралич – одно из частых последствий при инсультах; тяжелые формы сахарного диабета приводят к необходимости ампутации конечностей (и, соответственно, протезированию) или потере зрения. Частичная потеря слуха, требующая использования специальных устройств, является общей проблемой старения и присуща примерно трети всех людей старше 65 лет.

Следует отметить, что формирование рынка ассистивных технологий и устройств в Российской Федерации в значительной степени осуществляется за счет средств Федерального бюджета, поскольку, как отмечалось ранее, инвалиды являются на сегодняшний момент наименее обеспеченной частью населения.

Финансирование производства ассистивных технологий и устройств осуществляется в соответствии с федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.12.2005 № 2347-р.

Средства идут по двум каналам:

– передача средств в ФСС, оттуда – в региональные отделения ФСС РФ, которые и занимаются сбором заявок от инвалидов, организацией закупок и их выдачей, а также – выдачей компенсаций за самостоятельно приобретенные инвалидами технические средства.

– Передача субвенций в региональные бюджеты. В этом случае организацией обеспечения занимаются профильные исполнительные органы государственной власти субъектов РФ (министерства/департаменты социальной

[1] https://www.fedstat.ru/indicator/41634

защиты, социальной политики и т.п.). В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в 2009–2010 гг. заключены соглашения между Минздравсоцразвития России и высшими должностными лицами органов исполнительной власти 21 субъекта РФ о передаче осуществления полномочий Российской Федерации по обеспечению инвалидов услугами, протезами, протезно-ортопедическими изделиями и услугами по их ремонту.

Из бюджетов субъектов РФ финансируются региональные программы социальной поддержки инвалидов. Помимо Федерального бюджета, в формировании рынка ассистивных технологий и устройств активно участвуют местные бюджеты. Так за счет средств местных бюджетов инвалиду предоставляется одно техническое средство реабилитации, необходимое для устранения ограничений тех или иных категорий жизнедеятельности в бытовой, профессиональной или общественной деятельности, согласно рекомендациям индивидуальной программы реабилитации инвалида. В региональный перечень входят специальные средства передвижения (вертикализатор взрослый, подъемное устройство и др.), специальные средства для ухода, быта и досуга, расходные материалы для инсулиновой помпы, электроаспиратор (отсос хирургический), глюкометр с речевым выходом, лупы и др.

Удовлетворение потребностей инвалидов и лиц с ограниченными возможностями требует разработки комплексного, системного подхода, направленного на регулирование жизнедеятельности инвалидов и маломобильных групп населения и обеспечивающего переход от преимущественно финансовых форм социальной поддержки инвалидов к формам социальной адаптации и вовлечения данных категорий граждан в экономические и социальные процессы, происходящие в обществе. Является актуальной реализация программ, направленных на преодоление самоизоляции инвалидов и снижение их социальной зависимости. Данный подход должен обеспечиваться путем разработки и внедрения в практику новых нормативных, проектно-конструкторских, технических и организационных решений, разработанных с учетом российского и международного опыта, способствующих формированию в Российской Федерации системы обеспечения ассистивными технологиями и устройствами с целью создания доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения с целью повышения их мобильности.

Костин Ю.Д.
Ущаповский К.В.
Телегин В.С.[1]

ИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ВОПРОСАХ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УКРАИНЫ

Ключевые слова: *мотивация, персонал, эконометрические модели, энергетика, факторы мотивации, принятие решений, управление персоналом.*

Принятие решений по совершенствованию качества управления персоналом на энергетических предприятиях предусматривает выбор одной из возможных альтернатив на основе использования правил или критериев, позволяющих сравнивать альтернативы между собой, и выбирать наилучшие или приемлемые альтернативы с точки зрения этих критериев.

Следует заметить, что задачи, связанные с управлением персоналом, часто связаны с ситуациями, когда полной информации нет и нет возможности применять только количественные методы для анализа и выбора решений. Поэтому многие решения в сфере управления персоналом принимаются интуитивно, без использования современных подходов и необходимых экономико-математических методов. Среди современных подходов к принятию решений в условиях риска и неопределенности следует назвать подходы, основанные на использовании нечеткой логики; экспертных систем или систем поддержки принятия решений [1, 2, 7].

Проблемами теории принятия решений и разработки моделей и алгоритмов для задач управления персоналом предприятий занимались Ю. Арсеньев, В. Василенко, Т. Давыдова, Э. Кирхлер, Дж. Обэр-Крие, С.Шелобаев, А. Шротт и другие [1, 2, 3, 5, 7]. В то же время, для изучения влияния отдельных факторов в принятии решений целесообразно использовать социологические методы, основанные на опросе респондентов, и эконометрические методы, позволяющие построить модели для анализа причинно-следственных взаимосвязей [4, 6].

В исследовании была поставлена цель – на основе собранной социологической информации от респондентов, представляющих различные группы персонала энергетических предприятий, выполнить анализ влияния индивидуальных факторов на выбор и предпочтения различных форм мотивации персонала.

В качестве инструментария использовались методы статистической обработки экспертной информации и эконометрические модели, разработанные для дискретных или целочисленных зависимых переменных [4].

Исходными материалами для исследования являлись данные анкетирования различных групп персонала крупных энергетических предприятий востока Украины.

В анкетах, были выделены такие основные формы мотивации персонала, как: денежная мотивация, предоставление жилья, получение образования за счет средств предприятия или в результате целевого направления, обеспечение путевками, повышение по службе.

Респонденты должны были указать в анкетах ранги, от 1 до 5, характеризующие степень важности для них той или иной формы мотивации. При этом чем важнее форма мотивации для респондента, тем меньшее значение ранга. То есть наиболее важная форма мотивации оценивается как 1 (первое место), наименее важная форма мотивации оценивается как 5 (последнее место).

Следует заметить, что мотивация труда должна соответствовать потребностям различных категорий персонала и быть связана с показателями эффективности и качества труда. На выбор приоритетов тех или иных видов мотивации результатов труда могут оказывать существенное влияние такие факторы, как: возрастная группа, образование, семейное положение, доходы семьи, социальный статус, наличие или отсутствие жилья, степень удовлетворенности профессиональными и личными достижениями, состояние здоровья и т.д. В связи с этим принятие решений по выбору соответствующих методов мотивации должно соответствовать наиболее важным потребностям тех или иных групп персонала. Для разработки стратегии управления персоналом и такой ее составляющей, как методы и способы мотивации персонала, проводились социологические исследования, позволяющие выявить потребности тех или иных групп респондентов и наиболее предпочтительных для них видов мотивации труда [6, 8]. Также следует учитывать, что на результаты эффективности труда оказывают влияние и общие индивидуальные и групповые компетенции и качества, позволяющие проявить более высокий или низкий синергетический эффект.

---

[1] Костин Юрий Дмитриевич – д.э.н., профессор кафедры экономической кибернетики Харьковского национального университета радиоэлектроники, зав. лабораторией «Моделирование экономических процессов в инфраструктурных отраслях».

Ущаповский Константин Валерьевич – к.э.н., докторант Харьковского национального университета радиоэлектроники.

Телегин Виталий Сергеевич – исполнительный директор АК «Харьковоблэнерго».

Например, в слаженном коллективе общая эффективность труда структурного подразделения будет более высокой, чем в результате рассогласованных действий и индивидуалистских черт поведения сотрудников. Для разных категорий персонала эффективность результатов труда может измеряться различными наборами показателей. Так, для менеджеров верхнего уровня показателями эффективности их управленческого труда могут служить такие показатели, как величина чистого дохода предприятия, темпы роста чистой прибыли предприятия, доля рынка, показатель конкурентоспособности предприятия. Для инженерно-технического персонала показателями эффективности труда могут служить: разработанные и проведенные тренинги по техническому обслуживанию и наладке энергетического оборудования, снижения энергетических потерь, рационализаторские предложения и изобретения, направленные на улучшение функционирования оборудования. Для таких категорий персонала, как электромонтеры, электрослесари показателями эффективности труда могут служить количество обслуженных энергетических установок, степень надежности эксплуатируемого оборудования на участках, закрепленных за отдельными работниками.

Для анализа различий в оценках респондентов представлены три основные группы персонала: «Руководители», «Профессионалы» и «Квалифицированные работники». Всего в анкетировании принимало участие более 900 респондентов, однако заполненные и пригодные для анализа анкеты насчитывали 864 шт. и распределились следующим образом: 214 анкет от респондентов из группы «Руководители», 461 анкета от респондентов из группы «Профессионалы» и 189 анкет из группы «Квалифицированные работники». Заполнение анкет относится к периоду апрель-май 2016 г.

Для каждой из групп проводился расчет средних рангов и квадратического отклонения ранга, а для оценки степени существенности статистической разницы применялся критерий Стьюдента [4, 6].

Как следует из расчетов, представленных в табл. 1, наблюдаются статистические различия в оценках средних рангов таких видов мотивации, как: предоставление жилья и обеспечение путевками. Для группы «Профессионалы» показатель предоставления жилья имеет большую значимость, чем для группы «Руководители». Аналогично, с точки зрения группы «Профессионалы» важность способа мотивации, выраженного в предоставлении путевок, также выше, чем в группе «Руководители».

Таблица 1

Значения критерия Стьюдента для проверки степени различия в оценке степени методов мотивации в группах «Руководители» и «Профессионалы»

№	Показатели	Усл. обозн.	Руководители		Профессионалы		Критерий Стьюдента		Выводы
			Сред. ранг	Ср. кв. откл.	Сред. ранг	Ср. кв. откл.	t-знач.	p	
1	Денежная мотивация	Y_1	1,3	1,102	0,656	0,307	1,578	>0,1	Нет сущ. статист. разницы
2	Предоставление жилья	Y_2	2,9	1,372	2,28	1,212	1,77	<0,1	Есть сущ. статист. разница
3	Получение образования	Y_3	3,45	1,190	2,897	1,759	1,261	>0,1	Нет сущ. статист. разницы
4	Обеспечение путевками	Y_4	4,1	0,967	3,461	1,253	1,990	<0,1	Есть сущ. статист. разница
5	Повышение по службе	Y_5	3,05	1,145	2,92	1,325	0,363	>0,1	Нет сущ. статист. разницы

Таблица 2

Значения критерия Стьюдента для проверки степени различия в оценке степени важности методов мотивации в группах «Руководители» и «Квалифицированные работники»

№	Показатели	Усл. Обозн.	Руководители		Квалифициров. Работники		Критерий Стьюдента		Выводы
			Сред. Ранг	Ср. кв. откл.	Сред. Ранг	Ср. кв. откл.	t-знач.	P	
1	Денежная мотивация	Y_1	1,3	0,656	1,16	0,514	-0,6909	>0,1	Нет сущ. Статист. Разницы
2	Предоставление жилья	Y_2	2,9	1,372	2,44	1,247	-1,066	>0,1	Нет сущ. Статист. Разница
3	Получение образования	Y_3	3,45	1,190	3,33	1,081	-0,314	>0,1	Нет сущ. статист. разницы
4	Обеспечение путевками	Y_4	4,1	0,967	3,16	1,098	-2,785	<0,05	Есть сущ. статист. разница
5	Повышение по службе	Y_5	3,05	1,145	3,555	1,247	1,302	>0,1	Нет сущ. статист. разницы

Как следует из расчетов, представленных в табл. 2, существенная статистическая разница наблюдается только для такого показателя, как обеспечение путевками. Для группы «Квалифицированные работники» этот показатель более важен, чем для группы «Руководители».

В табл. 3 приведены расчеты степени важности различных видов мотивации для группы «Профессионалы» и «Квалифицированные работники». Существенная статистическая разница наблюдается только для такого показателя, как повышение по службе. Для группы «Профессионалы» этот показатель является более важным, чем для группы «Квалифицированные работники».

Таблица 3

Значения критерия Стьюдента для проверки степени различия в оценке степени важности методов мотивации в группах «Профессионалы» и «Квалифицированные работники»

№	Показатели	Усл. обозн.	Профессионалы		Квалифициров. работники		Критерий Стьюдента		Выводы
			Сред. ранг	Ср. кв. откл.	Сред. ранг	Ср. кв. откл.	t-знач.	p	
1	Денежная мотивация	Y_1	1,102	0,307	1,16	0,514	0,586	>0,1	Нет сущ. статист. разницы
2	Предоставление жилья	Y_2	2,28	1,212	2,44	1,247	0,465	>0,1	Нет сущ. статист. разница
3	Получение образования	Y_3	2,897	1,759	3,33	1,084	0,967	>0,1	Нет сущ. статист. разницы
4	Обеспечение путевками	Y_4	3,461	1,253	3,16	1,098	–0,857	>0,1	Нет сущ. статист. разница
5	Повышение по службе	Y_5	2,92	1,325	3,555	1,247	1,704	<0,1	Есьсущ. статист. разницы

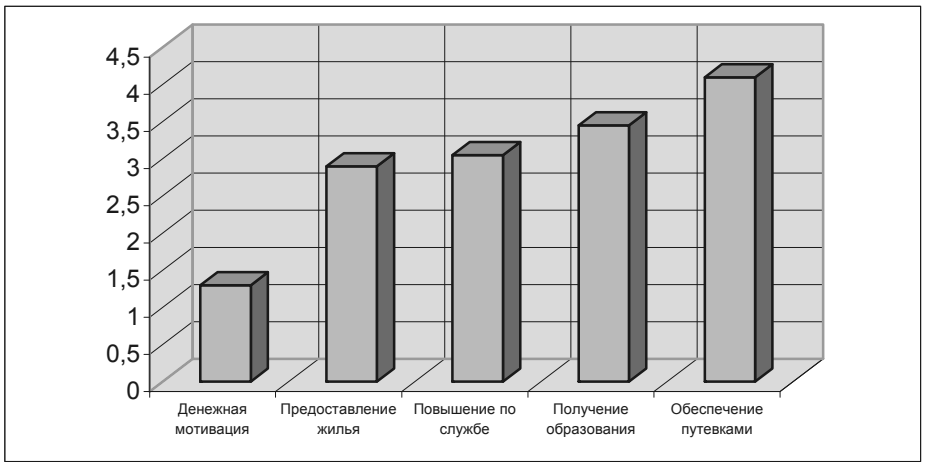


Рисунок 1.
Упорядоченные по степени важности методы мотивации для группы «Руководители»

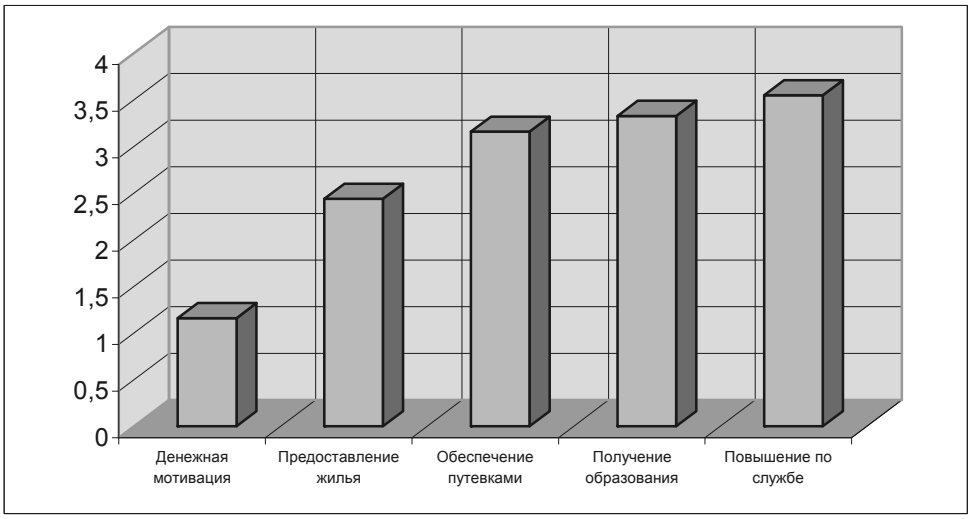


Рисунок 2.
Упорядоченные по степени важности методы мотивации для группы «Профессионалы»

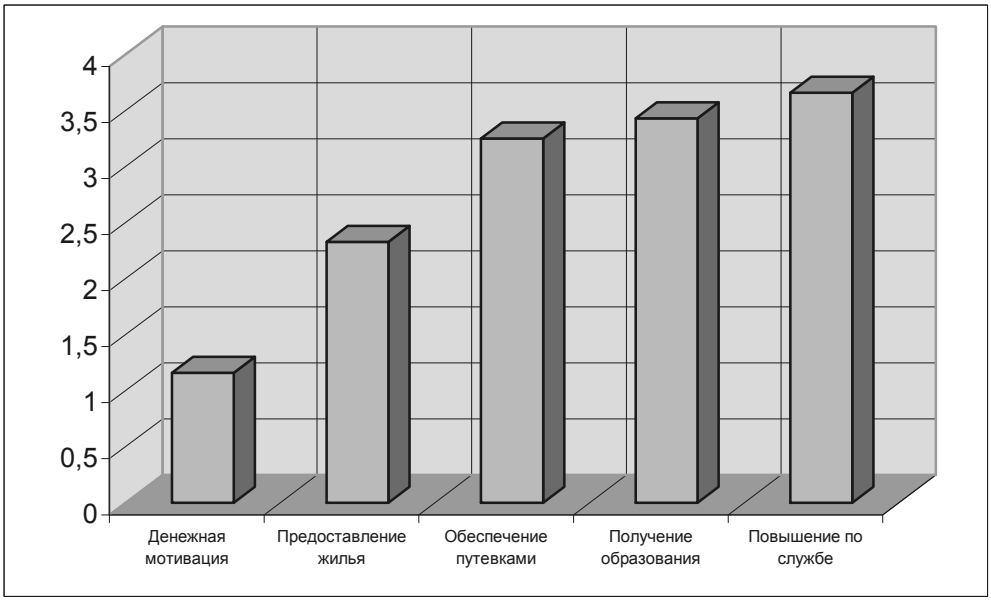


Рисунок 3.
Упорядоченные по степени важности методы мотивации для группы «Квалифицированные работники»

На рис.1–3 представлены упорядоченные значения средних рангов, характеризующих степень важности методов мотивации для группы «Руководители», «Профессионалы» и «Квалифицированные работники».

Таким образом, несмотря на различия представителей групп «Руководители», «Профессионалы» и «Квалифицированные работники» по социальному статусу, уровню образования, величине дохода и другим характеристикам, наиболее важными для всех данных групп респондентов являются денежная мотивация и предоставление жилья. Далее за ними идут методы мотивации, связанные с материальными видами поощрений. Повышение по службе как фактор, в основном, нематериальной мотивации носит наименьшую значимость для таких групп, как «Профессионалы» и «Квалифицированные работники».

В то же время, для группы «Руководителей» этот вид мотивации стоит на третьем месте. Таким образом, важно отметить, что для персонала украинских энергетических предприятий не выполняются некоторые предположения ценности иерархий, представленных в пирамиде Маслоу. Возможно, только для очень высокооплачиваемых топ-менеджеров подобная иерархия от материальных ценностей к нематериальным ценностям действительно соблюдается. Для большинства представителей персонала в первую очередь важны методы материального стимулирования, направленные на повышение дохода и решение жилищной проблемы.

Для оценки степени влияния индивидуальных мотивационных факторов на величину рангов использованы результаты анкет по группам «Руководители», «Профессионалы» и «Квалифицированные работники». Учитывая, что зависимая переменная – ранг, характеризующий предпочтение того или иного метода мотивации, проставленного в анкете респондента, является целочисленной величиной, принимающей дискретные значения, для оценки их параметров использованы специальные эконометрические модели, позволяющие оценить условные математические ожидания [4].

В качестве факторных признаков также использовались данные анкет, учитывающие индивидуальные особенности респондентов (возрастная группа, полученное образование) и условия работы (формы повышения квалификации и количество человек в подчинении).

В общем виде эконометрическая модель зависимости целочисленной переменной от ряда факторов может быть представлена как условное среднее $m(x,\beta) \equiv E(y|x,\beta) = \exp(x'\beta)$, определяемое для заданного закона распределения и параметров распределения β, которые необходимо оценить статистическим методом на основе имеющихся наблюдений x [4].

Оценки параметров были получены методом максимального правдоподобия, а результаты расчетов получены с помощью пакета Eviews [4].

В табл. 4–6 приведены результаты, характеризующие статистическую значимость или статистическую незначимость полученных оценок параметров в моделях, определяющих зависимость величины ранга вида мотивации от индивидуальных характеристик респондента. Если оценка параметра модели является статистически значимой, то можно говорить об устойчивом влиянии данного фактора на величину ранга. Для статистически незначимых оценок параметров такие выводы сделать невозможно.

Как видно из полученных расчетов, при оценке выбора денежной мотивации респондентов из группы «Руководители» и «Профессионалы» были статистически значимыми оценки параметров для возрастной группы 35–45 лет, в то время как для группы «Квалифицированные работники» возрастной фактор не имел существенного влияния на оценку важности денежной мотивации. Для группы «Профессионалы» статистически значимыми получились оценки параметров при возрастных группах 25–35 лет и 35–45 лет для модели, характеризующей зависимость оценки степени важности предоставления жилья.

Таблица 4

Влияние факторов на величину рангов различных видов мотивации для группы «Профессионалы (инженеры)»

Методы мотивации		Возрастная группа			Образование	Формы повышения квалификации		
Вид мотивации	Сред. ранг	25–35 лет	35–45 лет	45–55 лет	высшее	Работа под рук. наст.	Повыш. квалиф.	Тренинги
		X1_1	X1_2	X1_3	X2	X3_1	X3_2	X3_7
Денеж. мотив. (y_1)	1,16	0.0354 СНЗОП	–0.20324 СЗОП*	Н	–0.24729 СЗОП$^{(-*)}$	–0.18470 СЗОП*	0.035360 СНЗОП	–0.04606 СНЗОП
Предост. жилья (y_2)	2,33	–0.4391 СЗОП**	–0.80883 СЗОП***	–0.22956 СЗОП$^{(-*)}$	0.04620 СНЗОП	–0.15280 СНЗОП	–0.44289 СЗОП**	–0.23633 СЗОП$^{(-)}$
Получ. образ. (y_3)	3,43	0.2074 СЗОП*	–0.71823 СЗОП$^{(-)}$	0.541028 СЗОП***	–0.40713 СЗОП**	–0.55521 СЗОП***	–0.62201 СЗОП***	0.095743 СНЗОП
Обеспеч. путевками (y_4)	3,25	–0.1583 СЗОП$^{(-*)}$	0.04675 СНЗОП	–0.03007 СНЗОП	–0.33056 СЗОП***	–0.14580 СЗОП$^{(-*)}$	0.350324 СЗОП**	–0.06710 СНЗОП
Повыш. по службе (y_5)	3,66	0.0281 СНЗОП	0.40908 СЗОП**	–0.27174 СЗОП$^{(-)}$	–0.41701 СЗОП**	0.050254 СНЗОП	–0.26570 СЗОП*	0.165020 СНЗОП

Примечания:

«Н» – фактор не включался в модель из-за мультиколлинеарности; СЗОП*** – статистически значимая оценка параметра при p<0.01; СЗОП** – статистически значимая оценка параметра при p<0.05; СЗОП* – статистически значимая оценка параметра при p<0.1; СЗОП – статистически значимая оценка параметра при p<0.2; СЗОП$^{(-)}$ – статистически значимая оценка параметра при p<0.2; СЗОП$^{(-*)}$ – статистически значимая оценка параметра при p<0.25; СНЗОП – статистически незначимая оценка параметра при p>0.25.

Таблица 5

Влияние факторов на величину рангов различных видов мотивации для группы «Руководители» (менеджеры)

Методы мотивации			Возрастная группа			Образование	Формы повышения квалификации				Количество человек в подчинении				Другие факторы
Вид мотивации	Сред. ранг	Ср. кв. откл.	25–35 лет	35–45 лет	45–55 лет	высшее	Работа под рук. наст.	Повыш. квалиф.	Обуч. в ПТУ	Тренинги	нет	1–5 чел.	5–10 чел.	10–20 чел.	
			X1_1	X1_2	X1_3	X2	X3_1	X3_2	X3_3	X3_7	X4_1	X4_2	X4_3	X4_4	C
Денеж. мотив. (y_1)	1,1	0,307	Н	–0.1852 СНЗОП	Н	Н	Н	0.41260 СЗОП*	–0.3113 СЗОП$^{(-)}$	Н	0.28575 СЗОП*	Н	Н	Н	–0.28575 СЗОП*
Предост. Жилья (y_2)	2,28	1,212	–0.1127 СНЗОП	–0.2444 СНЗОП	Н	Н	Н	–0.1715 СНЗОП	0.2101 СНЗОП	Н	–0.4993 СЗОП**	Н	Н	Н	1.305311 СЗОП***
Получ. образ. (y_3)	2,89	1,759	–0.1148 СНЗОП	Н	–0.3386 СЗОП$^{(-*)}$	Н	Н	0.40951 СЗОП**	Н	–0.21133 СЗОП*	0.09754 СНЗОП	Н	Н	Н	0.933580 СЗОП***
Обеспеч. путевками (y_4)	3,46	1,253	–0.1698 СЗОП$^{(-*)}$	Н	0.0754 СНЗОП	Н	Н	–0.0447 СНЗОП	Н	–0.52445 СЗОП***	0.32285 СЗОП**	Н	Н	Н	1.099789 СЗОП***
Повыш. по службе (y_5)	2,92	1,325	0.49086 СЗОП***	Н	-0.1464 СНЗОП	Н	Н	-0.1167 СЗОП	Н	0.24311 СЗОП$^{(-)}$	–0.2719 СЗОП**	Н	Н	Н	1.390520 СЗОП***

«Н» – фактор не включался в модель из-за мультиколлинеарности или меньшего количества наблюдений; СЗОП*** – статистически значимая оценка параметра при p<0.01; СЗОП** – статистически значимая оценка параметра при p<0.05; СЗОП* – статистически значимая оценка параметра при p<0.1; СЗОП – статистически значимая оценка параметра при p<0.2; СЗОП$^{(-)}$ – статистически значимая оценка параметра при p<0.2; СЗОП$^{(-*)}$ – статистически значимая оценка параметра при p<0.25; СНЗОП – статистически незначимая оценка параметра при p>0.25.

Таблица 6

Влияние факторов на величину рангов различных видов мотивации для группы «Квалифицированные работники» (электрики)

Методы мотивации			Возрастная группа			Образование	Формы повышения квалификации				Количество человек в подчинении				Другие факторы
Вид мотивации	Сред. ранг	Ср. кв. откл.	25–35 лет	35–45 лет	45–55 лет	высшее	Работа под рук. наст.	Повыш. квалиф.	Обуч. в ПТУ	Тренинги	нет	1–5 чел.	5–10 чел.	10–20 чел.	
			X1_1	X1_2	X1_3	X2	X3_1	X3_2	X3_3	X3_7	X4_1	X4_2	X4_3	X4_4	C
Денеж. мотив. (y_1)	1,1	0,307	Н	–0.1852 СНЗОП	Н	Н	Н	0.41260 СЗОП*	–0.3113 СЗОП$^{(-)}$	Н	0.28575 СЗОП*	Н	Н	Н	–0.28575 СЗОП*
Предост. жилья (y_2)	2,28	1,212	–0.1127 СНЗОП	–0.2444 СНЗОП	Н	Н	Н	–0.1715 СНЗОП	0.2101 СНЗОП	Н	–0.4993 СЗОП**	Н	Н	Н	1.305311 СЗОП***

Получ. образ. (y_3)	2,89	1,759	–0.1148 СНЗОП	Н	–0.3386 СЗОП$^{(-*)}$	Н	Н	0.40951 СЗОП**	Н	–0.21133 СЗОП*	0.09754 СНЗОП	Н	Н	Н	0.933580 СЗОП***
Обеспеч. путев-ками (y_4)	3,46	1,253	–0.1698 СЗОП$^{(-*)}$	Н	0.0754 СНЗОП	Н	Н	–0.0447 СНЗОП	Н	–0.52445 СЗОП***	0.32285 СЗОП**	Н	Н	Н	1.099789 СЗОП***
Повыш. по службе (y_5)	2,92	1,325	0.49086 СЗОП***	Н	–0.1464 СНЗОП	Н	Н	–0.1167 СЗОП	Н	0.24311 СЗОП$^{(-)}$	–0.2719 СЗОП**	Н	Н	Н	1.390520 СЗОП***

«Н» – фактор не включался в модель из-за мультиколлинеарности или меньшего количества наблюдений; СЗОП*** – статистически значимая оценка параметра при $p<0.01$; СЗОП** – статистически значимая оценка параметра при $p<0.05$; СЗОП* – статистически значимая оценка параметра при $p<0.1$; СЗОП – статистически значимая оценка параметра при $p<0.2$; СЗОП$^{(-)}$ – статистически значимая оценка параметра при $p<0.2$; СЗОП$^{(-*)}$ – статистически значимая оценка параметра при $p<0.25$; СНЗОП – статистически незначимая оценка параметра при $p>0.25$.

Выводы

Как видно из полученных расчетов, часто при выборе той или иной формы мотивации возрастной фактор для отдельных групп играет важную роль. Также для групп респондентов «Профессионалы» и «Руководители» при оценке видов мотивации важным был фактор образования и количества людей в подчинении. Кроме того, при выборе тех или иных форм мотивации важным было общение с наставниками, повышение квалификации и участие в тренингах, что способствовало большему обмену информации, сознательности выбора, понимания важности данной формы мотивации.

Таким образом, в результате проведенного статистического анализа получены выводы о наличии (отсутствии) значимых статистических различий в выборе степени важности инновационных, корпоративных, компетентностных качеств для различных групп персонала. С помощью эконометрического анализа получены модели, характеризующие степень влияния индивидуальных факторов и характеристик респондентов на величину рангов, характеризующих степень предпочтительности методов мотивации для каждого респондента.

Список литературы

1. Арсеньев Ю.Н., Шелобаев С.И., Давыдова Т.Ю. Принятие решений. Интегрированные интеллектуальные системы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
2. Василенко В.А. Теорія і практика розробки управлінських рішень. – Київ: ЦУЛ, 2003. – 420 с.
3. Обэр-Крие Дж. Управление предприятием / Пер. с фр. Ф.Р. Окунев, А.П. Сизов. – М.: Сирин, 1998. – 255 с.
4. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. – М.: Дело, 2001. – 400 с.
5. Филонович С.Р. Лидерство и практические навыки менеджера: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации», Модуль 9. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 288 с.
6. Циба В.Т. Математичні основи соціологічних досліджень: кваліметричний підхід. – К.: МАУП, 2002. – 248 с.
7. Кирхлер Э., Шротт А. Принятие решений в организациях // Психология труда и организационная психология; т. 4 / Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. – 160 с.

Нехаев В.В.
д.и.н., профессор, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
tulastat@inbox.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ПЕНСИОНЕРОВ КАК АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *демографическая ситуация, уровень жизни, пенсии, прожиточный минимум, денежные доходы, занятость, социальное обеспечение.*

Демографическое старение общества по своему значению вышло за рамки национальных границ. Его последствия в самых различных аспектах служат предметом оживленных дискуссий не только демографов, социологов и статистиков, но и политологов, хозяйственных деятелей и представителей власти. Основная проблема этих обсуждений состоит в том, как обеспечить достойный уровень жизни и не снизить темпы экономического развития для выполнения социальных программ.

Изменение численности населения пожилого возраста объективно приводит к тому, что многие параметры социально-экономической ситуации, включая ее остроту, стабильность и напряженность, определяются условиями жизни и достатком пенсионеров. По этой причине статистический анализ уровня и качества жизни лиц пенсионного возраста имеет исключительно важное значение на современном этапе социально-экономического развития общества.

Старение населения представляет собой многосторонний и многоаспектный общественный процесс, статистическое исследование которого невозможно осуществить без использования количественных показателей. Они позволяют провести комплексный анализ состояния, структуры и особенностей объекта исследования.

Численность жителей в возрасте 65 лет и старше является исходной и базисной величиной статистического исследования демографического старения населения, так как дает начальное представление о масштабах явления и служит основой для расчета большинства относительных показателей. Согласно классификации ООН, население считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше в общем числе жителей составляет более 7% [1]. В Тульской области на начало 2016 года 18% жителей были старше 65 лет. Основную численность пожилых людей в регионе составляли женщины (71%), так как продолжительность их жизни больше, чем у мужчин.

В области сохраняется тенденция увеличения превышения численности людей старше трудоспособного возраста над численностью детей и подростков. К началу 2016 года население старших возрастов превысило в 2.1 раза численность детей и подростков в возрасте до 16 лет (в 2000 г. – в 1,6 раза) [2].

За последние 15 лет население региона стало старше почти на 2 года, средний возраст населения Тульской области увеличился до 43 лет – это самый высокий показатель среди субъектов РФ. В 2015 году ожидаемая продолжительность жизни населения области увеличилась по сравнению с 2000 годом на 7 лет (у мужчин – на 8 лет, у женщин – на 5 лет) и составила в среднем 70 лет (у мужчин – 64 года, у женщин – 76 лет).

За последние 10 лет наблюдается некоторое сокращение частоты смертей среди людей пожилого возраста – с 64 до 52 умерших на 1000 человек в возрасте 60 лет и старше. Основной причиной смерти в этом возрасте являются болезни системы кровообращения, далее – смерть от болезней органов нервной системы и от новообразований [3].

Прогнозные оценки Федеральной службы государственной статистики говорят о необратимости процесса старения населения в Тульской области. К 2031 году, несмотря на высокую смертность населения, доля лиц старше трудоспособного возраста возрастет с 30 до 32%, удельный вес людей в возрасте 65 лет и старше достигнет 22%, то есть, увеличится на 4 процентных пункта [4].

Старение населения рассматривается как неблагоприятный фактор, увеличивающий демографическую нагрузку на трудоспособное население. Если по России коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста на начало 2016 года сложился на уровне 427 человек на 1000 трудоспособного населения, то в Тульской области он составил 537 человек.

Сложившаяся демографическая ситуация в Тульской области является основным фактором роста доли пенсионеров в общей численности населения. Численность пенсионеров, состоящих на учете в органах Пенсионного фонда РФ по Тульской области, по состоянию на 1 января 2016 года составила 545,2 тыс. человек. Несмотря на общее снижение численности пенсионеров за последние 15 лет, доля их в общей численности населения области постепенно растет и на конец 2016 года составила 36% (на конец 2000 г. – 34%).

Таблица 1

Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения[1] (тысяч человек)

	2000 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Все пенсионеры	591,6	552,4	547,2	546,3	545,2
из них получают пенсии:					
трудовые пенсии	568,0	464,4	450,1	446,3	440,0
в том числе:					
по старости	471,5	410,4	403,2	401,1	395,6
по инвалидности	72,9	38,9	33,2	31,6	30,1
по случаю потери кормильца	23,6	15,1	13,7	13,6	14,3
пенсии по государственному пенсионному обеспечению	23,6	88,0	97,1	100,0	105,1
в том числе: пенсии военнослужащих и членов их семей:	2,1	0,8	0,7	0,7	0,7
по инвалидности	1,4	0,7	0,6	0,6	0,6
по случаю потери кормильца	0,7	0,1	0,1	0,1	0,1
пенсии пострадавших в результате радиационных или техногенных катастроф и членов их семей	х	59,3	67,1	69,8	74,9
пенсии федеральных государственных служащих	х	0,4	0,7	0,7	0,7
социальные	21,5	27,5	28,6	28,8	28,8
Доля пенсионеров в общей численности населения, в процентах	34,4	35,6	36,0	35,8	36,2

В 2015 году в Тульской области каждый восемнадцатый пенсионер получал пенсию по инвалидности. Основными причинами инвалидности среди лиц пенсионного возраста являлись злокачественные новообразования и болезни системы кровообращения, на которые приходилось три четверти всех случаев впервые установленной инвалидности. Инвалидность вследствие болезней костно-мышечной системы и соединительной ткани получили 8% лиц пенсионного возраста. В 2015 году уровень первичной инвалидности пенсионеров снизился по сравнению с предыдущим годом на 4% (против 2000 г. – на 26%) [2].

Пенсия – главный вид социального обеспечения нетрудоспособных граждан. Её основное предназначение состоит в стремлении обеспечить достойный уровень жизненных благ человеку, который в силу каких-либо причин не может работать. Данный показатель является основной характеристикой уровня жизни пенсионеров. В последние годы наблюдался постоянный рост назначенных месячных пенсий, как в целом, так и по отдельным видам пенсионного обеспечения. Это во многом связано с их комплексным законодательным регулированием, которое предусматривает их одновременное изменение на протяжении достаточно длительного периода. Средний размер назначенной месячной пенсии по состоянию на 1 января 2016 года составил 11875 рублей и увеличился по сравнению с предыдущим годом на 11%.

Однако уровень жизни, обеспечиваемый пенсионной системой своим участникам, характеризуется не номинальным, а реальным размером пенсии. В реальном исчислении размер назначенных месячных пенсий на 1 января 2016 года снизился за год на 1.6%. Соотношение размера месячной пенсии с величиной среднемесячной заработной платы по экономике и прожиточным минимумом пенсионера по Тульской области представлено в табл. 2.

Таблица 2

Средний размер назначенных месячных пенсий (по данным отделения ПФР по Тульской области; 2012, 2013, 2015 гг. – на 1 января следующего года, 2014 г. – на конец года)

Годы	Средний размер назначенных месячных пенсий, рублей	Реальное изменение средних назначенных пенсий, в % к предыдущему году	Средний размер назначенных месячных пенсий в % к	
			среднему размеру начисленной заработной платы	величине прожиточного минимума пенсионера
2012	8997,6	102,2	44,7	181,8
2013	9803,9	102,4	42,6	168,7
2014	10 688,3	97,0	41,3	163,5
2015	11 874,8	98,4	43,1	159,9

Из данных табл. 2 видно, что за последние два года средний размер назначенных месячных пенсий превышал величину прожиточного минимума пенсионера в среднем в 1,6 раза, соотношение среднего размера пенсий и среднего размера заработной платы за рассматриваемый период выросло с 41 до 43%.

В последнее десятилетие увеличение размера назначенных пенсий происходило на фоне роста потребительских цен. За 2001–2015 годы цены на потребительские товары и услуги выросли в 5,4 раза, в 2015 году индекс потребительских цен составил 112,9%. Сопоставление 2015 и 2014 годов показало, что уровень инфляции вырос в основном за счет продовольственных товаров, прирост цен на которые составил в 2015 году 14,8%, в 2014 году – 16,2% [5].

[1] 2010–2015 гг. – по данным отделения ПФР по Тульской области (2010, 2013, 2015гг. – на 1 января следующего года., 2014 г. – на конец года); 2000 г. – по данным органов социальной защиты населения (на конец года).

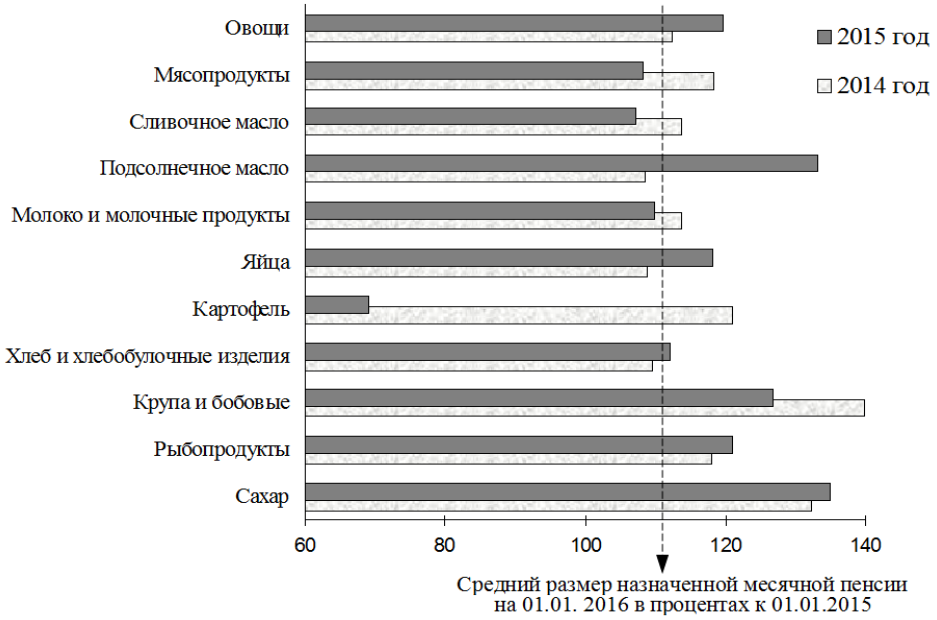


Рисунок 1. Изменение цен на продукты питания, входящие в пищевой рацион пожилого человека, в процентах к декабрю предыдущего года

Остается низкой потенциальная возможность пенсионеров на рынке товаров и услуг. Так, на 1 января 2016 года покупательная способность среднего размера назначенной месячной пенсии отмечена в 2,2 раза ниже, чем покупательная способность среднедушевого денежного дохода населения за 2015 год.

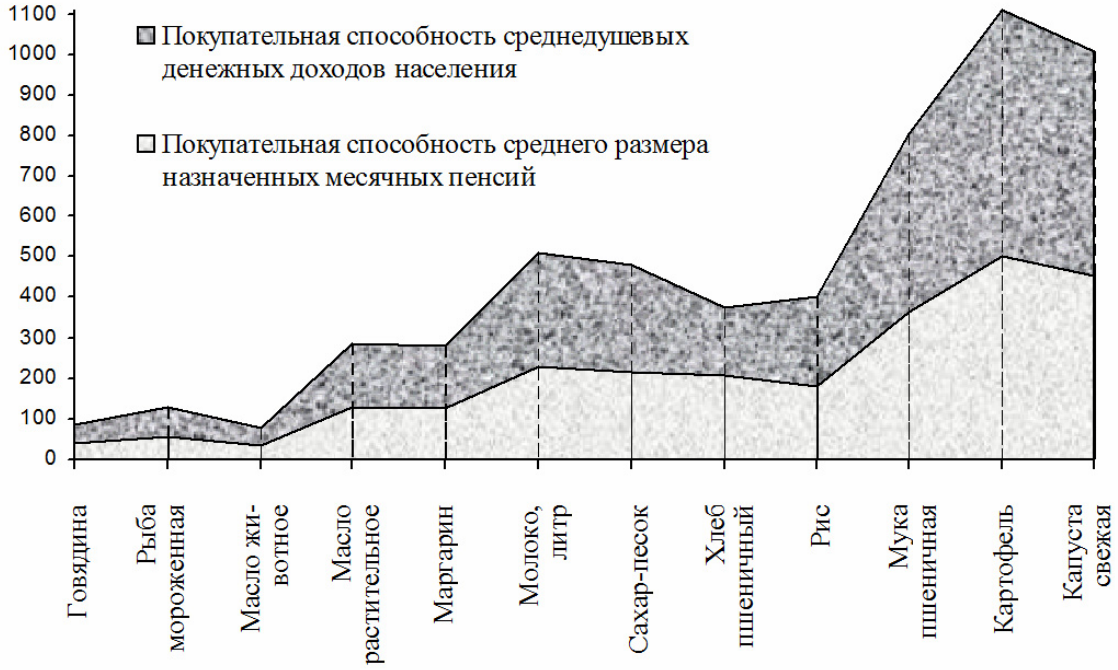


Рисунок 2. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения и среднего размера назначенных месячных пенсий в Тульской области в 2015 году

Размер пенсий не всегда в состоянии удовлетворить все потребности человека, поэтому многие пенсионеры продолжают работать и после выхода на пенсию. За 2000–2015 годы численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе ПФР по Тульской области, увеличилась в 2,2 раза и составила 36% от общей численности пенсионеров (в 2000 г. – 15%) [6]. Такая тенденция объясняется как экономическими, так и психологическими факторами. После выхода на пенсию россияне сталкиваются с серьезными материальными проблемами и для их решения они могут полагаться лишь на поддержку семьи, государства и доходы в случае продолжения трудовой активности. Наиболее эффективным способом повышения уровня жизни пенсионеров является занятость.

Воспринимая работу зачастую как вынужденную меру и подчеркивая связанные с нею перегрузки, многие пенсионеры ощущают и ее плюсы – повышение чувства собственной значимости, сохранение межличностного общения, вовлеченности в общественные процессы и другое. В 2015 году в Тульской области доля лиц старше трудоспособного возраста занимала 13% в общей численности рабочей силы (в 2010 г. – 10%). Среди мужчин в возрасте 60–72 лет уро-

вень занятости составил 31% (в 2010 г. – 22%), среди женщин в возрасте 55–59 лет – 60%, в возрастной группе 60–72 года – 24% (в 2010 г. – 53 и 17% соответственно) [6].

Существенным фактором в обеспечении соответствующего уровня жизни пенсионеров является наличие помощи, оказываемой различными учреждениями социального обеспечения и социальной помощи населению. В 2015 году в Тульской области функционировали 9 центров социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов и 87 отделений социальной помощи на дому. Центрами социального обслуживания в течение этого года обслужено 5,6 тыс. человек, или в 1,5 раза больше предыдущего года.

Таким образом, в результате исследования отдельных аспектов уровня жизни пенсионеров можно констатировать, что как на федеральном, так и на региональном уровнях делается еще не все, чтобы лица пенсионного возраста чувствовали себя достойными и полноценными гражданами общества. Столь серьезный и значимый социально-экономический процесс, каким является процесс демографического старения населения, требует постоянных и разнообразных статистических наблюдений как сплошного, так и выборочного характера. На наш взгляд, подобные статистические обследования необходимы для принятия стратегических управленческих решений в области пенсионной реформы и многих других вопросов, касающихся жизни пожилых людей.

Список литературы

1. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
2. Тульский статистический ежегодник. 2015: Статистический сборник / Туластат. – Тула, 2016. – 354 с.
3. Демографический ежегодник Тульской области. 2015: Статистический сборник/ Туластат. – Тула, 2016. – 126 с.
4. Предположительная численность населения Тульской области. 2016: Статистический сборник / Туластат. – Тула, 2016. – 30 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/
6. Баланс трудовых ресурсов. 2015: Статистический сборник / Туластат. – Тула, 2016. – 45 с.

Смирнова Т.Л.[1]

ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЛОЧЁННОСТИ В РОССИИ

Ключевые слова: *социальная политика, устойчивое развитие, профессиональные группы работников, занятость, заработная плата.*

Keywords: *social policy, sustainable development, professional group of employees, employment, wages.*

Формирующаяся инновационная модель развития секторов экономики в России приводит к изменению численности занятых и структуры спроса на профессионально-квалификационные группы работников в результате создания и использования объектов интеллектуальной собственности, внедрения передовых технологий для усиления глобальной конкурентоспособности предприятий и организаций. Научное прогнозирование формирующихся структурных сдвигов занятого в экономике населения страны вызвано необходимостью их корректировки с помощью государственной политики для обеспечения приоритетного развития наиболее развитых секторов экономики, являющихся точками экономического роста в РФ.

Накопленные традиции исследования в этом вопросе показывают, что государство является наиболее сильным институтом, воздействующим на структуру занятости профессионально-квалификационных групп работников. В условиях углубления дифференциации социально-экономических отношений между работодателями и работниками государством определяется долгосрочная стратегия развития ключевых и эффективных секторов экономики, обеспечивающая гибкость институциональной координации структуры спроса и предложения. Социальное взаимодействие государства и субъектов экономических взаимоотношений осуществляется через взаимную кооперацию и сотрудничество, формирование общности норм и ценностей. В настоящее время:

– технологические платформы определяют динамику создания и структуру новых качественных рабочих мест;

– формирование специфики экономической занятости населения обеспечивается мобильностью профессиональных групп через систему дифференцированных контрактов;

– модели социального партнерства экономических субъектов повышают ценность и эффективность аллокации профессиональных работников в секторах экономики.

Современные сетевые процессы организации производства и гибкие бизнес-модели управления меняют структуру занятости работников и формы участия государства в моделях социального партнерства через развитие дочерних и зависимых обществ крупных холдинговых структур. Активное внедрение инновационных и информационных технологий в корпоративном секторе экономики приводит к росту числа высокотехнологичных рабочих мест, производительности труда работников наукоемких производств и сокращению численности занятых работников низкой квалификации. Неустойчивая демографическая ситуация в регионах страны приводит к ускорению процессов демографического старения населения и увеличению среднего возраста занятых, что снижает чувствительность работников к инновационным процессам, замедляя темпы инновационно-технологического развития секторов экономики. Развитие моделей социального партнёрства предприятий с профессиональными образовательными учреждениями при участии региональных органов власти является эффективным механизмом социального взаимодействия и корректировки структурных сдвигов спроса и предложения профессионально-квалификационных групп, формирования специфики экономической занятости, инструментом управления когнитивным потенциалом работников, обеспечивая контроль перераспределения разнонаправленных внешних эффектов между работником и работодателем.

Создание и внедрение в производство инновационных технологий требует квалифицированных работников с исследовательскими и когнитивными компетенциями, информационной и профессиональной культурой, необходимыми для роста производительности труда. Новые рабочие места с более высоким технологическим уровнем ориентированы на использование специфического человеческого интеллекта в секторах экономики для создания информационных технологий, медицинских и биотехнологий, нанотехнологий, ядерных технологий, когнитивных технологий и формирования технологической ренты. Внедряемые инновационные технологии в процессы производства вызывают рост уровня автоматизации производства и производительности труда работников, снижение спроса на специалистов. Оптимизация штатно-квалификационной структуры работников предприятий и организаций приводит к сокращению спроса на профессионально-квалификационные группы низкой квалификации и росту уровня структурной безработицы в отдельных секторах экономики.

Уровень заработной платы является важным социальным индикатором воспроизводственных процессов в экономике страны, доминирующим элементом механизма формирования экономического неравенства профессионально-

[1] Смирнова Татьяна Леонидовна – д.э.н., доцент НИЯУ МИФИ. Научные интересы: занятость, устойчивое развитие, направления реструктуризации российской экономики. E-mail: CTL2002@mail.ru

квалификационных групп. Реструктуризация занятости работников в экономике страны происходила несколькими этапами: 1992–2000 и 2000–2015 гг. Средний уровень оплаты труда работников в России значительно ниже среднего уровня оплаты труда в большинстве европейских стран из-за более низкой, как правило, производительности труда.

В результате дифференциации уровней инновационной активности предприятий в стране сохраняется разрыв в уровне оплаты труда работников между разными секторами экономики, который сопровождается усилением поляризации доходов разных групп населения. В 1998–2015 гг. коэффициент Джини (характеризующий социальное неравенство населения страны) в РФ вырос с 38 до 42%[1]. Минимальная заработная плата в России периодически повышается, но остается ниже прожиточного минимума и не обеспечивает воспроизводственную функцию для семьи значительной части работников.

Существенный разрыв в уровне доходов населения регионов страны вызван, главным образом, экономическим неравенством субъектов РФ. Однако во всех регионах страны прослеживается единая тенденция преобладания заработной платы как основного источника в структуре доходов населения страны, которая составляет около 70%. Второе место в структуре доходов населения страны занимают социальные трансферты. В европейских странах в структуре доходов работников заработная плата занимает меньшую долю, составляя только 30%, преобладают доходы от собственности и бизнеса. На фоне общих тенденций повышения заработной платы наблюдается усиление дифференциации уровней заработной платы среди экономических агентов, расширение их самостоятельности в установлении ставок заработной платы.

Повышение эффективности предприятий осуществляется за счет гибкого механизма подстройки заработной платы. Дифференциация заработной платы обусловлена неоднородной структурой рабочих мест в экономике. Государство является наиболее сильным институтом, воздействующим на МРОТ в национальной экономике. В условиях углубления дифференциации динамики развития секторов экономики, государством определяется долгосрочная стратегия поддержки ключевых и эффективных секторов экономики, формирующих гибкость и дифференциацию заработной платы, осуществляется политика регулирования доходов населения в регионах.

Список литературы

1. Europe 2020: A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. – Brussels: EC, 2010. – P.3.
2. Росстат. – http://www.gks.ru
3. Евростат. – http://ec.europa.eu/eurostat
4. Cardoso F.H. Economic Development in Latin America: Essay in Honor of Werner Baer / Ed. H. Esfahani, G. Hewings, G. Facchini. – New York: Palgrave Macmillan, 2010.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

[1] Росстат [Электронный ресурс]. – URL http://www.gks.ru (дата обращения: 15.09.2016).

Ткаченко А.А.
д.э.н., профессор, заместитель директора Института исследований международных экономических отношений Финансового университета
alaltkachenko@gmail.com

ИЗМЕРЕНИЕ БЕДНОСТИ И ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС И СНГ: РАЗЛИЧИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ[1]

Ключевые слова: *бедность, уровень жизни, трудовая миграция, рабочая сила, экономическая интеграция, ЕАЭС, СНГ, международные стандарты.*

Keywords*: poverty, levels of living, labor migration, labour force, economic integration, EAEU, CIS, international standards.*

Создание Содружества независимых государств (СНГ) было не только вынужденной мерой, продиктованной геополитической целесообразностью, но и попыткой сохранить общее экономическое пространство в условиях общих культурных традиций на фоне этнокультурной самобытности титульных наций новых государств и существовавших экономических связей. Понимание важности этих связей для максимально возможного сохранения имевшегося потенциала не привело к ожидаемому развитию новых отношений, несмотря на массу принятых документов как в органах СНГ (Межпарламентская ассамблея и др.), так и на основе двусторонних соглашений. Содружество не смогло даже консолидироваться вокруг ядра, хотя потенциал российский экономики был столь же важен для других государств-членов, как потенциал метрополии для стран Содружества наций (Commonwealth of Nations).

В нашу задачу не входит анализ ошибок, которые привели к топтанию на месте, к уменьшению стран-членов до 10 и неосуществлению задач и целей, ради которых было создано это Содружество. Создание на этом же пространстве новых объединений, последнее из которых – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), вновь ставит задачу формирования единого экономического пространства. Создание значительно труднее, чем сохранение уже налаженных связей и взаимоотношений, особенно когда последнее могло обойтись без или с минимумом негативных последствий, с учетом изменений во вновь образовавшихся государствах и в остальном, новом глобальном мире. Подписанный в результате создания ЕАЭС Договор[2] и работа над другими документами связаны с созданием второго в мире экономического интеграционного объединения, пусть и несравнимо меньшего масштаба (ВВП Евросоюза в 11,8 раза больше ВВП ЕАЭС, 2015), которое стремится к единому рынку труда, капиталов (инвестиций), товаров и услуг, что требует координации действий во всех областях. Последствием успешности или не успешности характера развития интеграции может стать консолидация СНГ или его окончательный развал. В этом докладе мы ограничимся анализом лишь двух вопросов при решении задачи гармонизации отношений в объединяемом пространстве – принятым методологическим подходам к измерению бедности и экономической миграции, считая их важнейшими для стран ЕАЭС, хотя и по разным причинам. Начнем с уровня бедности, так как он является важной составляющей уровня жизни населения, последний в свою очередь более всего влияет на экономическую мобильность населения.

Все страны ЕАЭС стремятся повышать уровень благосостояния населения, решая одновременно две важнейшие задачи социально-экономического развития: во-первых, уменьшение бедности и ликвидация нищеты, которые как основные задачи входили в Цели развития тысячелетия ООН, и, во-вторых, сокращение дифференциации в доходах населения за счет более быстрого роста доходов у низкодоходных групп населения. Если обратиться к методологии Всемирного банка (ВБ), то в странах ЕАЭС существует даже явление крайней или экстремальной бедности или нищеты, если брать даже нижний из двух введенных ВБ в 2015 г. показателей. Имеется в виду показатель в 1,9 долл. в сутки на душу населения, в соответствии с которым в Киргизии доля населения с таким доходом составляла 2,9% или 164,2 тыс. чел. и в Армении 2,4% или 72,6 тыс. чел (последние данные за 2012–2013 гг.), даже в России такое население в этот год наличествовало – 0,01%. Второй вопрос связан с трудовой миграцией населения, очень важной для стран, отдающих и принимающих мигрантов.

Статистика внешней миграции по России ведется ВБ с 1994 г., объем исходящих потоков ремиттансов[3] возрастал весь период, но первый скачок произошел в 2006 г. (1,8 раза по сравнению с предыдущим годом), затем в 2008 г. (1,5 раза), максимальный показатель 37,22 млрд. долл. был в 2013 г., когда ВВП страны еще рос, но в 2015 г. исходя-

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финуниверситета 2016 года.

[2] «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014).

[3] Понятие «ремиттансы» (personal remittances) значительно шире понятия «денежные переводы мигрантов» (personal transfers) и количественно включает в себя, например, и трансфер капиталов между домохозяйствами, поэтому оно вошло в русский язык без перевода, хотя не специалисты употребляют слова «денежные переводы» и «ремиттансы» как синонимы, что противоречит Руководству МВФ по платёжному балансу.

щий поток уменьшился по сравнению с предыдущим годом, когда сокращение уже началось, почти на 40% (39,6). Это реакция трудовой миграции на два различных явления: уменьшение потребностей российской экономики в иностранной рабочей силе при начавшейся рецессии и падение курса рубля, когда получаемая зарплата обесценилась вдвое, а также на изменение правил трудовой деятельности мигрантов в результате административно-нормативных мер. Если бы эти правила регулировались законами и общими соглашениями в рамках ЕАЭС, спад, как представляется, был бы меньшим. Соответственно, произошло падение входящих потоков у двух основных получателей ремиттансов: в Армении на 36,5% по сравнению с максимальным объемом 2013 г. (2,19 млрд. долл.) и в Киргизии на 32,2% (2,28 млрд.)[1]. Можно предположить, что падение в Киргизии было несколько меньшим потому, что трудовые мигранты из этого государства ЕАЭС находят место приложения своего труда и в Казахстане.

Как видно из табл. 1 по доле ремиттансов по отношению к ВВП, они не играют какой-либо практической роли для Казахстана (0,1%) и России (0,15%), хотя для какой-то части населения России возможно представляют определённый интерес, так как общий объем потока все же существенный – 6,34 млрд. долл. Но проблемы измерения этих потоков существуют как в результате отсутствия надежных национальных источников информации, так и в расхождениях между определениями самого феномена, которые отмечает ВБ.

Таблица 1

Основные показатели уровня жизни населения стран ЕАЭС в 2015 г.

	на душу населения		Средняя заработная плата, долл.*	Приток ремиттансов		Доля бедных в % ко всему населению
	ВВП***	ВНД**		в % к ВВП	на душу населения, долл.[2]	
Армения	8394	3880	359	14,1	693,3	29,8
Белоруссия	17 661	6 460	413	1,3	129,6	5,1
Казахстан	25 876,5	11 580	568	0,1	13,0	2,7
Киргизия	3427	1170	209	25,7	372,6	32,1
Россия	24 451,4	11 400	561	0,15	53,1	13,3

* – 2014

** – Atlas method[3]

*** – GDP per capita, PPP (current international $).

Источники: Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2012–2015 гг. Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М.: 2016. – С. 10, 14, Migration and Remittances. Factbook 2016, 3rd ed. – Washington (DC): World Bank, 2016.

Проблема образования общего рынка стран ЕАЭС состоит в огромных различиях их исходного уровня развития, если за таковой принять год подписания Договора как стартовую точку, хотя это весьма условно, так как их экономические, включая трудовую миграцию, и социальные взаимоотношения даже в рамках СНГ насчитывают уже более четверти века. Но в данном случае нас интересуют возможности реализации их интересов, которые должны расшириться в связи с образованием интеграционного пространства. Но на этом пространстве все действующие силы – от государственных и наднациональных структур (Евразийская экономическая комиссия, ЕЭК) до граждан государств и экономических мигрантов должны обладать возможно более полной и точной информацией для принятия адекватных ситуации решений.

Наличие такой информации, её соответствие международным стандартам и возможности унификации в рамках ЕАЭС не должны зависеть или, точнее, минимально зависеть от уровня развития страны, её статистических служб и бюджетного дефицита. Если речь идет о современной экономике, то это должно соблюдаться независимо от того, развитая это страна, или быстроразвивающаяся экономика, или страна, находящаяся в данный момент в рецессии: важнее всего для самой страны, общества, экономики – точность и полнота информации. Иначе все принимаемые решения будут не соответствовать реалиям с соответствующими последствиями. ЕЭК, имеющая департамент статистики, обязана взять на себя те же функции, которые возложены на Статистический директорат Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Евростат и другие аналогичные структуры. Тем более что работать над достижением этих целей ей придётся не на пустом месте, а имея большие возможности, заложенные в информационно-методологической базе Межнационального Статкомитета СНГ. С другой стороны, и сам Межстаткомитет имеет массу проблем с точностью, полнотой и своевременностью предоставления национальной статистики из стран СНГ[4]. Но, во-первых, страны ЕАЭС должны вести себя по-другому, исходя из собственных и общеинтеграционных интересов. Во-вторых, их обязанности прописаны более четко, и их выполнение является гарантией существования образования в целом. И, в-третьих, они могут использовать опыт других объединений, прежде всего ЕС, и помощь международных структур: того же Евростата[5], Статистического отдела ООН и т.д.

[1] World Bank, 2016.

[2] Рассчитано автором по: Migration and Remittances. Factbook 2016, table 6.13, Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2016. – С. 26.

[3] В данном случае этот метод предпочтительней ППС, так как нас интересуют не возможности потребления мигранта в стране пребывания, а реальная стоимость его переводов на родину.

[4] Например, даже ВБ сообщает в своих публикациях, что Узбекистан и Туркменистан не предоставляют данных по платежным балансам.

[5] Евростат стал оказывать помощь в переходе на международные нормы странам на постсоветском пространстве вскоре после их образования как странам с переходной экономикой.

Вернемся к данным таблицы. Различия в уровне развития стран-членов ЕАЭС настолько велики, что их можно разделить на три группы: страны с низким средним уровнем развития[1], к которым относятся Армения и Киргизия, страны с высоким средним уровнем развития – Казахстан и Россия, а также особое положение Белоруссии, которая занимает промежуточное, срединное положение между двумя полярными группами стран, но даже она не дотягивает до среднего показателя по региону «Европа + Центральная Азия», который составляет 6891,9 долл. (2014). Средний показатель по ЕАЭС выше за счет Казахстана и особенно России, население которой составляет 80,2% всего Союза, – 10 700 долл.[2] Разрыв между самой «богатой» страной ЕЭАС и самой «бедной» составлял в 2015 г. 9,74 раза, в то время как такой же разрыв в ЕС между Люксембургом и Болгарией – 5,7 раза. А если исключить Люксембург как страну с уникальным положением, то разрыв уменьшится с лидирующими Нидерландами и Ирландией до 2,9 раза.

Средняя заработная плата дифференцирована значительно меньше: разрыв в 2,72 раза, но исключая Киргизию, между остальными странами он колеблется в пределах от двух третей до единицы. Но это кажущееся благополучие, которое, на наш взгляд, связано скорее с общим низким средним уровнем заработной платы и средних доходов в этих странах, о чем можно судить по мере её превышения прожиточного минимума.

Ремиттансы не играют сколько-нибудь заметной роли в Казахстане и России (исключение слои в последней самой низкодоходной группе домохозяйств), но уже для Белоруссии их роль меняется. Исходя из низкого уровня бедности в этой стране, можно предположить, что их значительная часть идет для финансирования малого бизнеса, но источников данных для подобных выводов пока не существует, хотя методология их получения ВБ разработана, и возможности её применения зависят скорее от общей позиции стран ЕАЭС, которая вполне могла бы быть согласована ЕЭК при наличии заинтересованности и главное – понимания важности подобной информации. Несмотря на относительно более благоприятное экономическое положение по сравнению с Киргизией Армения по размеру среднедушевых ремиттансов лидирует с большим отрывом. Это объясняется, по нашему мнению, более высокой квалификацией рабочей силы из Армении, так как численность мигрантов не может объяснить столь больших различий. Так, по данным ВБ в 2010 г. (данные из доклада 2016) накопленная эмиграция (international migrant stock) из Армении составляла 222 тыс. чел., а из Киргизии 232 тыс. чел. В Россию в 2014–2015 гг. ежегодно прибывало из Армении около 46 тыс. чел, из Киргизии 26-28 тыс. чел. Попутно можно заметить, что даже терминология, применяемая Росстатом в данном вопросе, не способна сблизить методологию, напротив, она делает непонятным её перевод. Например, такие страны СНГ, как Армения и Киргизия, не имеют общих границ с Россией, а имеющая общую границу Абхазия относится Росстатом к странам дальнего зарубежья. Но как объяснить в делении всех стран на 2 группы пару «СНГ – *дальнее* зарубежье», при этом от термина «ближнее зарубежье» Росстат отказался. В 2016 г., как и в 2015 г., объединение стран ЕАЭС в публикациях Росстата и Статкомитета СНГ никак не выделяется, хотя статистика ЕС продолжает публиковать раздельно данные по ЕС-15, ЕС-17, 18, 19, 27 и, наконец, ЕС-28. Именно такие публикации обеспечивают сопоставимость информации и возможность анализа как в рамках прежнего, так и расширившегося объединения.

На трудовую миграцию влияет и состояние рынка труда, когда излишнее предложение на нем выталкивает рабочую силу на внешние рынки труда, которые в СНГ были наиболее ёмкими в основном в двух странах: России и Казахстане. Россия особенно нуждается в дополнительной рабочей силе не только в связи с демографическим постарением населения, но и из-за нехватки многих профессий в результате непродуманной политики среднего профессионального образования, длившейся в течение многих лет после развала системы профессиональной подготовки кадров в начале 1990-х гг.

Если сравнить уровни доходов стран двух интеграционных объединений ЕС и ЕАЭС со средними по объединениям показателями, то минимальный показатель в ЕС у Болгарии составляет 45%, в то время как минимальный показатель Киргизии всего лишь 10,9%, а показатель Армении – 36,3%[3]. Это свидетельствует о необходимости чрезвычайных усилий со стороны всех стран ЕАЭС, Евразийского банка развития, международных инвестиционных институтов для того, чтобы хотя бы в течение ближайших 10–15 лет довести уровень доходов в этих двух странах до среднего по объединению или хотя бы до 45%, как в Болгарии. Напомним, что Болгария состоит в ЕС уже 10 лет, а ЕАЭС завершает только второй год своего существования. Но 10 лет для экономики, не нашедшей своей оптимальной модели развития[4], пролетают очень быстро.

В наших расчетах средневзвешенной оценки ВНД на душу населения стран ЕАЭС мы исходили из численности населения каждой страны, которая различается почти в 50 раз (48,87 раза). Но специальные обследования населения этих стран, например, выборочные обследования домашних хозяйств, которые являются главным источником данных об уровне жизни населения и глубине его бедности, а также о трудовых мигрантах и ремиттансах, получаемых домашними хозяйствами на их родине, различаются в странах-членах весьма значительно. Главный вопрос при их проведении – это достаточный объем выборки для её репрезентативности. При надлежащей методологии выборочные обследования бюджетов домохозяйств позволяют получить информацию для оценки уровня жизни и степени неравенства доходов у различных групп населения в странах ЕАЭС, оценить их доходы и расходы, а также – в странах со значительной ролью ремиттансов в экономике – их роль в доходах домашних хозяйств и сокращении бедности. Хотя переписи населения и играют значительную роль в получении подобных сведений (при наличии соответствующих

[1] Здесь мы прибегаем к терминологии ВБ, введенной по отношению к делению стран по доходам, хотя она не представляется удачной, но по последним введенным критериям к странам с низким уровнем развития относятся страны с доходом ниже 1025 долл. США.

[2] Рассчитано автором как средневзвешенная по численности населения.

[3] Рассчитано автором по: Migration and Remittances. Factbook 2016, 3rd ed. – Washington (DC): World Bank, 2016. – P. 26.

[4] Мы имеем в виду частые смена правительств Болгарии с 2001 г. – 7 правительств.

вопросов в опросном листе) и являются, кроме того, основой для составления совокупности (выборки) обследуемых домашних хозяйств, они проводятся редко, поэтому без специальных обследований обеспечивать всех потребителей важной информацией невозможно. Можно выразить лишь сомнение в представительности генеральной совокупности и её репрезентативности, так как доля обследуемых домохозяйств среди стран ЕАЭС находится в слишком широком диапазоне: от 1,0% в генеральной совокупности в Армении (максимум среди стран ЕАЭС и СНГ) до всего лишь 0,1% в России (минимум). Если в методологическом подходе таких стран, как Армения, Белоруссия, Казахстан, самой целью обследования домашних хозяйств является уровень жизни: интегрированное обследование уровня жизни (Армения), выборочное обследование по уровню жизни (Беларусь), обследование по оценке уровня жизни (Казахстан), то в России уровень жизни как цель обследования в названии не присутствует, а в Кыргызстане обследование бюджетов объединено с обследованием рабочей силы.

Рассмотрим некоторые данные обследования 2015 года домашних хозяйств в Армении. Оно показало, что среди лиц трудоспособного возраста (все лица 15 лет и старше)[1], вовлеченных в миграцию, 91,5% нуждались или искали работу в России и только 2,1% в других странах СНГ, а уже завершили работу в период 2012–2015 г. 97,7% в России и 1,1% в других странах СНГ. При этом если среди отсутствовавших в течение 4-11 месяцев потребность и поиск работы составлял 78% среди всех уехавших, то у мигрантов с пребыванием более 12 месяцев – только 60,2%[2]. В этих обследованиях в определении внешних мигрантов и их статуса статистические органы Армении исходят из методологии ООН. Армения является единственной страной из государств ЕАЭС, которая среди бедных (они составили в 2015 г. 29,8%, уменьшившись за 1 год всего на 0,2 процентных пункта) рассматривает три уровня бедности: экстремальную бедность (2,0% всего населения), которая выделяется на основе черты бедности, проведённой по расходам на питание, очень бедных, нижняя черта бедности (8,4%), проводимую по общим доходам, которые на 42% выше доходов экстремальной бедности, и бедных (19,4%), верхняя линия бедности, доходы которой выше предыдущей группы на 21,8%[3]. Необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, уровень бедности измеряется в Армении отдельно для сельского и городского населения. Во-вторых, при выработке единых методологических подходов было бы невозможным отказаться от столь детальной интересной методологии в пользу унификации с утратой получаемых данных. Следовательно, унификация не должна, как представляется, вести к упрощению принятых процедур и выработанной методологии, а основываться на выработке общих рамок, выход из которых возможен только в одну сторону – расширения методологических подходов, но не их сужения (упрощения). Например, к более детальной группировке населения по городам разной величины, как принято в методологии Росстата. Выделение городского и сельского населения, а также столицы позволяет увидеть, что наиболее ущемленными являются городские домохозяйства, исключая Ереван. Среди жителей села уровень бедности (доля бедных) ниже. Но динамика этого показателя в 2008–2015 гг. была обратной: в городской местности он снижался, а в сельской возрастал. При этом в 2008 г. и 2014 г. уровень бедности на селе был даже ниже аналогичного показателя Еревана.

Следует подчеркнуть, что при этом не решен ряд вопросов сопоставимости не только методологических подходов, но и, например, языка информационных документов в странах ЕАЭС. Так, приведенное как пример обследование домашних хозяйств в Армении публикуется только на армянском и английском языках. Статистические органы всех стран ЕАЭС, конечно, обладают знаниями английского, но речь идет обо всем массиве потребителей информации. С другой стороны, Армения применяют четкие и международно принятые понятия бедности, а в публикациях Росстата в 2000-е гг. произошел подмен этого четкого понятия неопределённым термином «малоимущие», которое к тому же в экономической науке означает совсем иное явление: и бедные в данный момент могут иметь довольно значительное имущество, и домохозяйства, имеющие мало имущества, могут быть совсем не бедными.

Образование ЕАЭС, к сожалению, не привело к началу процесса унификации понятий. Напротив, можно привести противоположные примеры. Так, принято употреблять термин страны «входа» и «выхода» мигрантов. Это принято в работах на многих зыках в отличие от терминологии Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который ввёл два синонимичных понятия «страны въезда» и «страны трудоустройства», но не ввёл термин «страны выезда».[4] Необъяснимый нонсенс.

На примере Армении была показана роль российской экономики в системе международной региональной интеграции, к которой относится создание ЕАЭС, несмотря на то что единого территориального региона это сообщество не образует, что также будет вызывать определённые сложности, мешающие интеграции. Говоря о миграции в СНГ, В.С. Чудиновских отмечает, что одной из негативных сторон является распространенность недокументированной, нелегальной трудовой миграции.[5] Соглашаясь с тезисом, что это сужает возможности использования административных источников данных, отражающих выдаваемые документы на работу в странах приема (в России это теперь патенты и разрешения на работу), отметим, что недокументированная и нелегальная миграция – не синонимы. Но если иностранный гражданин является **высококвалифицированным специалистом**, то он имеет право работать в России без патента. Каково же первое условие признания его таковым? Его зарплата за год должна составлять не менее 2 млн. руб. Цифра впечатляет, а еще более государственное отношение к науке и образованию, ведь органы, установившие

[1] Это уже делает методологию обследований весьма различной, так как в других странах ЕАЭС, например, России существует и верхнее ограничение по возрасту – 72 года.

[2] Social Snapshot and Poverty in Armenia, 2016**.** Part 1 – Armenia: poverty profile in 2008–2015. National statistical service of RA. – Yerevan, 2016. – P.25.

[3] Ibid., p. 37.

[4] Пункт 5 статьи 96 Договора.

[5] Статистика трудовой миграции в странах сети МИРПАЛ / Отчет подготовлен О. Чудиновских. МИРПАЛ, 2011.

эти критерии – органы государственные. Понимая, что в нашей стране даже доктор наук, профессор со всеми надбавками в 99% вузов и в 90% НИИ не получает столько, для высококвалифицированного иностранного специалиста в этих сферах введен более низкий порог в 1 млн. руб. И это при среднегодовой зарплате в 2016 г. среди научных работников около 560 тыс. руб.: от 375 тыс. для организаций муниципальной собственности до 605 тыс. руб. для организаций региональной (субъектной) собственности; у преподавателей вузов эти показатели, соответственно, составляют 600, 360 и 750 тыс. руб.[1] Конечно, на таком рынке труда специалистов высшей квалификации – научных и педагогических работников высшей школы найти работу в России представителям других стран ЕАЭС невозможно. Остается только обмен кадрами, но общий рынок и интеграция в этом случае ни при чем. Не углубляясь в детали, можно сделать вывод, что без смены подобного подхода к трудовой миграции, когда на первое место ставится заработная плата, а не квалификация, как во всех развитых странах, создание свободного потока рабочей силы на территории ЕАЭС невозможно. Но для этого нужны и другие создатели общего правового пространства, с иным фокусом мышления.

Сближению подходов стран ЕАЭС к возможностям и этапам создания общего рынка труда способствуют дискуссии и выработка единого или близкого мнения специалистов. В качестве примера можно назвать состоявшийся в 2014 г. в Кишиневе (Молдова) семинар и совместное совещание по статистике миграции, организованный ЕЭК ООН и Евростатом в рамках Программы работ Конференции европейских статистиков в партнерстве с Росстатом, Статкомитетом СНГ и Национальным Бюро статистики Республики Молдова. Участвовало 31 государство, а отсутствовали представители стран Западной Европы, у которых подобные проблемы решены; кроме того, их позиция вполне видна в деятельности Евростата. Но при этом участвовала Мексика, для которой вопросы трудовой миграции в рамках НАФТА по-прежнему весьма актуальны, а также многие международные организации, в чью компетенцию входит статистика миграции в целом и трудовой миграции в том числе. Были и все страны постсоветского пространства, на котором произошли в 1990-е и 2000-е гг. столь большие миграционные подвижки, кроме Туркменистана. Отсутствие последнего мы связываем не столько с низкой миграционной активностью населения этой страны, например, в РФ ежегодно в 2010-е гг. разрешение на работу получали около 500 чел., патенты – 0, сколько с отсутствием статистики по этому государству, что видно, хотя бы из публикаций Статистического комитета СНГ, за 2010–2016 гг. не получившего ни одного статистического издания из Туркменистана, который хотя и вышел из СНГ (с августа 2005 г.), остается его ассоциированным членом-наблюдателем.

Не затрагивая тему гуманитарной миграции, которая была если не основной, то очень важной для России, стран СНГ и Балтии в 1990-е гг., обратимся к проблеме трудовой миграции и миграции в целом как главной темы обсуждения на заседании Межпарламентского союза в ноябре 2015 г.[2] Миграционный взрыв в Европе актуализировал комплекс серьезных проблем. Для всего мирового сообщества, по словам В.И.Матвиенко, необходим поиск новой парадигмы миграции, сочетающей в себе как вопросы защиты прав человека, так и вопросы национальной безопасности государств. Утверждается, что Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ с начала своей деятельности уделяет большое внимание сфере миграции, а в качестве примера приводятся 17 модельных законодательных актов и других документов, разработанных и принятых МПА СНГ к 2015 г. и регламентирующих различные аспекты миграционных процессов. Можно согласиться, что их имплементация в национальные правовые системы является основой эффективного взаимодействия миграционных органов стран Содружества, но как она происходит на Ассамблеи не было представлено, но был сделан довольно странный – во второй части, вывод: действующее миграционное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно в части закрепления за *регионами* определенных полномочий в регулировании миграционных потоков[3]. Если данный тезис руководителей субъекта, в котором заседает МПА СНГ, распространить на ЕАЭС, то никакой интеграции не получится.

С одной стороны, Россия участвует во многих международных форумах разного уровня, в том числе профессионалов по вопросам статистики миграции или экономических проблем миграции, а, с другой, в своей собственной законодательной базе или даже в совместной базе в рамках объединений упорно идет на внедрение терминов и понятий, которые заведомо отличаются от международно принятых, чем затрудняет и себе, и другим унификацию методологических подходов и методических приемов. Тот же пример МПА – и рекомендаций в данном направлении, в том числе модельных законов «О миграции» и «О миграции трудовых ресурсов»[4]. Даже в русском языке есть нормы, объясняющие содержание слова «ресурсы» – например, минерально-сырьевые ресурсы: но если они добыты или тем более доставлены для дальнейшей переработки, то это сырье, продукция, а не ресурс. А какие же ресурсы могут обладать мобильностью как главной характеристикой миграции? И таких противоречий в российской экономике с переплетающимися элементами старых дорыночных понятий и рынка не просто много, но есть даже тенденция к их росту. Вторая опасность не только социального, но и экономического характера состоит, как нам представляется, в неправильном подходе к нелегальной миграции, которую очень часто идентифицируют с незаконной.

Что же принес 2016 год трудовым мигрантам, которые должны стать не мигрантами, а свободно передвигающимися по территории ЕАЭС гражданами стран-членов этого интеграционного объединения. Вероятно, мы назойливо повторяем слово «интеграционный», но, по нашему мнению, его суть не улавливается policy-makers. Для подтверждения – один пример. Несмотря на облегчение требований, трудоустройство граждан Казахстана в России по-прежнему требует в 2016 г. наличия сертификата, который подтверждает владение русским языком, знание истории и основ законодательства РФ. А смог бы развиваться ЕС при таких требованиях?

---

[1] Оценка автора на основе данных за 9 месяцев 2016 г.

[2] Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2016. – № 2 (79).

[3] Вестник Межпарламентской Ассамблеи. – СПб., 2016. – № 2 (79). – С. 11.

[4] Подробнее см.: Трудовые ресурсы // Новая российская энциклопедия. – М., 2016. – Т. 16 (2). – С. 201–202.

Тулешов В.У.[1]
Курманбаев Е.А.[2]

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В КАЗАХСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *социальный капитал, демократия, социально-рыночная модель развития, механизмы поддержки экономики.*
Keywords: *social capital, democracy, social-market model of development, mechanisms supporting the economy.*

Развитие стран в современном мире во многом зависит от выбора модели экономического развития. Рассматривая Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сквозь призму модели экономического развития, следует заметить, что страны-члены ЕАЭС после развала СССР лишь слегка модифицировали социалистическую (плановую) модель экономического развития. Данная модель и сейчас представлена небольшой группой стран, экономики которых частью медленно (Куба, Вьетнам, Северная Корея), а частью быстро двигались к краху. Плановая экономика привела к значительным искажениям в производстве и распределении, исчерпала экстенсивный путь развития хозяйства и сформировала низкую конкурентоспособность национальной экономики, приведя ряд социалистических стран к дезинтеграции (СССР, Югославия).

Условно к этой категории можно отнести и Китай с его полурыночными методами руководства экономикой, хотя изменение форм собственности (точнее, их сегодняшнее разнообразие) говорит о том, что в этой стране сформировалась довольно специфическая, отличная от других социалистических стран, модель социально-экономического развития. Особенности этой экономической модели развития характеризуются термином «Пекинский консенсус», для которого характерен реформированный патернализм государства над обществом, экономикой и правами личности.

В отличие от ЕАЭС, Европейский Союз изначально был создан на основе социально-рыночной модели экономического развития, соответствующей социальной форме демократии. Такая модель характерна для стран-членов ЕС, Канады и Израиля. Иногда ее называют социал-демократической (социал-либеральной) моделью, функционирующей в большей степени на основе континентальной системы права. Характерным для нее со времени господства социал-демократических идей в Европе является значительное перераспределение доходов частного сектора через налоговую систему. Доля госбюджета в ВВП превышает 50%, система социальной поддержки, регулирования трудовых отношений осуществляется не на уровне предприятий, а на национальном уровне. В основе этого типа макроэкономической политики лежат положения Стокгольмского консенсуса, утверждающего, что качество жизни важнее темпов экономического роста, и в связи с этим постоянный рост жизненного уровня широких кругов населения имеет преимущество перед общеэкономическими показателями [1]. Эта экономическая модель развилась исторически на основе капиталистических отношений и в целом объективно отражала желание европейских наций жить мирно и вместе с тем свободно интегрируясь. Триединые составляющие опоры конструкции европейской интеграции – экономический либерализм вкупе с политическим плюрализмом и социально ориентированной внутренней политикой – стали результатом многонационального европейского консенсуса относительно важнейшего для каждого гражданина европейских государств вопроса о правах и свободах личности и вытекающих из этого правах и свободах собственника.

В ЕАЭС политические элиты Казахстана, России, Беларуси, в определенной степени Армении и Кыргызстана, модифицировали развалившуюся социалистическую модель экономического развития, во-первых, введя институт частной собственности, но не сделав суд ее гарантом. Во-вторых, провозгласив политический плюрализм, но ограничив подлинную свободу слова сохранившимся патернализмом государства над гражданским обществом. В-третьих, формально осуществив разделение властей, однако не выстроив реальную систему противовесов и не создав равенство ветвей власти. Рыночно ориентированный патернализм фактически свел все надежды на реальную модернизацию к восстановлению традиционных основ жизнедеятельности народов, тем самым практически закрыв дверь социально-экономическим инновациям в странах ЕАЭС. Доминирование государства во всех сферах жизни, и прежде всего в экономике (квазигоссектор), стало «визитной карточкой» этих стран.

Социальная политика в условиях слабости законодательной и судебной ветвей власти, их подчиненного положения по отношению к исполнительной власти, также во многом свелась к модификации социальной политики времен СССР. А это существенным образом обнажило неспособность удовлетворять социальные потребности общества. Именно это коренным образом отличает ее от социальной политики в ЕС, где гражданское общество является самым важным и безальтернативным ее бенефициаром.

[1] Тулешов Валихан Утебалыулы – к.филос.н. руководитель научного проекта, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей. E-mail: tulesh1@yandex.ru
[2] Курманбаев Ербол Асылханович, – к.ф.-м.н., доцент, зав. кафедрой информатики КазГЮИУ E-mail: erbol_k@bk.ru

Еще больше постсоветская модель экономического развития отличается от либеральной, неолиберальной или частно-корпоративной, либерально-демократической модели (капиталистической по способу распределения прибавочного продукта), соответствующей либеральной форме демократии. Она характерна для англосаксонских стран (США, Великобритания, Ирландия, Новая Зеландия и др.), которые функционируют на основе англосаксонской системы права. Для этой модели характерны низкий удельный вес государственной собственности и государственного бюджета в структуре ВВП, законодательное обеспечение максимальной свободы субъектов рынка. Нередко такую модель называют американской моделью.

По типу макроэкономической политики, которая в конце XX в. была рекомендована руководством МВФ и Всемирного банка к применению в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис, эта модель соответствует «Вашингтонскому консенсусу», который включает набор из 10 известных рекомендательных норм [2] и на который обрушивается критика в период обострения кризисных явлений. Тем не менее, при точном применении рекомендаций они обеспечивали прогресс.

В отличие от этой модели экономического развития, постсоветская (условно говоря, «евразийская») модель показывает неэффективность в главном – в невосприятии инноваций, неспособности осуществить модернизацию и реализовать проект приемлемой экономической интеграции. В итоге экономики Казахстана, России, Беларуси, Армении, Кыргызстана в условиях падения мирового спроса на традиционные экспортные товары теряют конкурентоспособность, что ведет к существенному снижению уровня жизни населения.

Конечно, чтобы сделать интеграционный проект ЕАЭС со знаком «плюс», необходимо по большей части применить действия, прямо противоположные тем, которые были осуществлены изначально. И, прежде всего, необходимо сменить модель экономического развития, поскольку постсоветская модель имеет существенные недостатки, способствующие развитию неустойчивости государства. Это не только коррупция, низкая (либо нулевая) динамика общественного развития, неинновационность, но и отсутствие гарантированного судом права собственности, слабость институтов и т.д.

В качестве методологии изменения модели экономического развития (а это можно делать на любой стадии и при любой форме экономического развития), на наш взгляд, было бы правильно опереться на опыт Великобритании и США, которые вышли из кризиса 1980-х годов прошлого века посредством чрезвычайно активных реформ, проведенных М. Тэтчер и Р. Рейганом. Понятия «тэтчеризм» и «рейганомика» вошли в мировую экономическую теорию как модели институциональных изменений или экономической модернизации Великобритании и США, смены модели экономического развития, отражая новое понимание экономической политики в пределах неолиберализма, отстаивающего принципы саморегулирования, свободного от излишней регламентации в условиях преодоления кризиса индустриального состояния общества и его перехода к постиндустриальному состоянию.

Даже первичное знакомство с государственными моделями инструментальной поддержки экономического развития наталкивает на ряд необходимых и достаточных условий, без которых невозможно ее осуществлять. Поскольку современное экономическое развитие осуществляется на основе рыночной экономики, то необходимыми базовыми условиями, которые признаются большинством теоретиков институционализма, выступают: рыночное хозяйство, политический плюрализм, система сдержек и противовесов разных ветвей власти, система прав и свобод личности, свобода слова, свобода совести. В качестве же достаточных условий в развитых странах мира выступают либерально и/или социально ориентированные экономическая политика государства (макроэкономическая политика) и соответствующая политико-правовая сторона (нострификация, принятие законов, имплементация и т.д.). Обращение к созданию и использованию инструментов экономического развития возникает в странах свободной экономики постоянно, т.е. не только из-за того, что необходимо преодолевать последствия кризисов, но и для того, чтобы поддерживать текущую конкурентоспособность различных отраслей экономики.

Для государств-членов ЕАЭС особый интерес представляет послевоенный опыт инструментальной поддержки экономического развития европейских государств. Это постепенная отмена таможенных пошлин и количественных ограничений во взаимной торговле согласно Римскому договору 1957 года. Это стандарты единой сельскохозяйственной политики, свободное передвижение капитала, услуг и рабочей силы. Это образование общего сельскохозяйственного рынка и введение единообразия цен в 1964 году. Это и план Тиндеманса о расширении сообщества и углублении интеграции, принятый в 1969 году. Это и Европейское соглашение о совместном плавании курсов валют, позволявшее валютам стран-участниц изменяться относительно друг друга в диапазоне 2,25%. Это введение Европейской валютной системы в 1979 г. Это, наконец, соглашение между ЕЭС и Европейской ассоциацией свободной торговли о создании Европейского экономического пространства в 1991 г. Именно эти инструментальные формы поддержки экономического развития позволили государствам Европы пройти основные стадии развития европейской интеграции. Однако следует подчеркнуть, что заимствование этого опыта инструментальной поддержки, как и технологий, не должно осуществляться без соответствующего изменения внутренней среды интегрирующих государств.

Итак, учитывая положение о необходимости изменения внутренней среды и внутренней политики, формами инструментальной поддержки экономического развития должны выступать все возможные инструменты, которые в демократических странах функционируют только в целостном взаимосвязанном виде. Это: развитие науки как долгосрочная перспективная форма (фундаментальные исследования); прикладные исследования и разработка технологий как среднесрочная перспективная форма; внедрение технологий как актуальная инновационная форма процесса производства; государственное регулирование и создание целостной модели экономического развития на основе доминирующей в обществе политической платформы (социал-демократия, либерал-демократия); поддержка и развитие интеграционных проектов и процессов; экономическая политика государства и макроэкономическая политика; стандартизация; суды; поддержка малого и среднего бизнеса, различных социальных слоев населения; развитие социальной ин-

фраструктуры как важнейшая форма поддержки экономического развития; институты развития (банки данных, финансово-кредитные, инновационные, страховые, венчурные фонды, фондовые рынки и другие специализированные организации); свободная инновационная деятельность бизнес-структур и НПО.

Все эти формы инструментальной поддержки экономического развития в совокупности ведут к формированию инновационности и эффективности экономического развития, поскольку отчасти они сами друг с другом конкурируют, создавая инновационное конкурентное пространство. Таким путем принципом функционирования системы форм инструментальной поддержки экономического развития становится принцип инклюзивности или действия инклюзивных институтов, которые допускают участие если не всех, то гораздо большого числа граждан в экономических отношениях с возможностью получения и гораздо большей прибыли.

Чтобы определить основные направления совершенствования механизмов экономической и социальной адаптации и интеграции индивидов в обществе необходимо осознать, что экономическая и социальная сферы в современном мире со времени наступления акционерной фазы развития капиталистического уклада хозяйствования являются нераздельными сторонами общественной жизни. А с точки зрения целостности самого процесса развития эти направления могут быть представлены как механизмы формирования национального социального капитала.

Механизмы формирования национального социального капитала служат для передачи импульса движения и развития социального взаимодействия, социальной интеграции, национальной идентичности и дальнейшего преобразования одного вида социальной энергии индивидов, социальных и этнических групп, населения в целом через элементы механизма (философия, религия, право, образование, воспитание, организация общества, институты и государство) в другой, более развитый вид. Старые механизмы формирования национального социального капитала, основанные на взаимном отчуждении масс от власти, этносов от нации, человека от человека, имеют только одну степень свободы, основанную на господстве и подчинении индивида государству, приоритете прав государства над правами личности. В условиях обретения суверенитета и независимости, государство и нация, общество, создают новую парадигму, появляется своего рода дифференциал, увеличивающий возможности социального развития и умножающий степени свободы через устранение причин социальной отчужденности личности от общества, государства от нации и т.д.

Таким образом, необходимо не только формировать статичный национальный контент информационного поля, но также формировать содержательную идеологическую матрицу восприятия актуальных событий. В этой связи, предлагаемые механизмы, как преобразователи движения социальных отношений в обществе по пути поступательного развития, по нашему мнению, должны видоизменить скорость и траектории всего комплекса социальных взаимодействий общества.

О каких механизмах идет речь?

Исторический механизм формирования национального социального капитала представляет собой создание исторического самосознания нации. В Казахстане запуск данного механизма будет происходить через формирование историософского самосознания (историософии) общегражданской казахской нации, включая каждого отдельного индивида. Такая форма историософского мировоззрения представляет собой развитие философских взглядов, представлений и теорий в истории становления и развития этноса, страны и государственности в целом, начиная с самых первых исторических форм идентификации людей на пространстве современной казахской государственности. Задача исторического механизма заключается в последовательном, соответствующем историческим вехам развития национального сознания, воссоздании метафизических духовных основ развития самосознания граждан.

Культурный механизм формирования национального социального капитала представляет собой ре-традиционализацию старых и имплементацию (инкорпорацию и модернизацию) новых моделей культуры не как внешних по отношению к человеку, а как внутренних. Задача культурного механизма – обеспечить восприятие, понимание, дальнейшее претворение и развитие исторически последовательной иерархии идентичностных ценностей, сформировать историко-культурную детерминированную модель современного национального поведения и национальной психологии. Культура, как навык поведения и психологии и, одновременно, как творчество нового, создание новых условных и безусловных культурных рефлексов, должна быть представлена во всей полноте того исторического материала, в котором были сохранены и выделены важнейшие составляющие современной национальной идентичности общегражданской казахской нации.

Либеральный механизм будет осуществляться через развитие полноценных рыночных основ национальной экономики, с созданием оптимального внутреннего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Такой национальный рынок должен быть создан как рынок в полном смысле капиталистический, где право частной собственности – важнейшее личное право, ограничивающее право государства на внеэкономические формы управления и взаимодействия с бизнесом и институтами гражданского общества. Задача либерального механизма заключается в последовательном развитии рыночных отношений как капиталистических или в поступательном движении от самых ранних и главных форм капитализма (торгового и промышленного капитала) – к более поздним и основным (финансовому и акционерному капиталу). Именно в такой последовательности либеральный механизм осуществит переход современной нации к последующей, исторически производной форме капитала – социальному капиталу.

Религиозный (конфессиональный) механизм будет создан через реформацию религиозного самосознания нации, т.е. через казахский (тюркский) ислам (бог не в мечети, бог в человеке, в семье, роде, племени и нации, в духовной сочлененности этих субъектов и социумов) и формирование светских, глубоко демократических параметров развития общества и общественных (религиозных и межрелигиозных) отношений. Задача религиозного механизма – поднять национальное сознание на новый, не просто религиозный, а подлинно философский уровень религиозной рефлексии, сформировать глубокие онто-методологические, гносеологические и этические параметры функционирования религиозного самосознания индивида, гражданина своего Отечества.

Политический механизм будет развиваться через имплементацию новых значений политических прав личности, которые формируются посредством проникновения в общественную жизнь страны новейших глобальных трендов современности, основанных на дальнейшем раскрепощении и освобождении личности в условиях формирования новой экономической структуры общества и перехода национальной экономики на новые технологические уклады, сокращении экономического отчуждения людей от результатов своей экономической деятельности. Задача политического механизма – обеспечить более высокую скорость претворения прав и свобод личности на основе национальных моделей культуры. Поэтому, национальная модель демократии в предстоящие годы все больше и больше будет строиться и отлаживаться на основе национальной модели этики.

Совершенствование механизмов экономической и социальной адаптации и интеграции как важных частей национального социального капитала осуществляются через следующие принципы.

Принцип совпадения исторического и логического предполагает формирование историософского содержания личности через представление всех исторических форм общностей людей как форм реализации социального капитала. В этом принципе заложена особая значимость не только таких форм государственности как каганат или орда, которые с незапамятных времен являлись формами государственности кочевников, но и форм обычного права, изначально выраженного, оформленного и закрепленного в постулатах мировоззрения и этической системы Тенгри, в последующем в степных кодексах, трансформировавшихся в институты государственно-правовой системы, где «степной демократии», «степному праву» был придан характер властной, военной вертикали, что выразилось в создании особой структуры управления и появлении особенных черт государственного устройства. С проникновением в степь мусульманской религии и далее, через времена российского протектората, вплоть до Алашской автономии и Казахской Советской Социалистической Республики, основные мировоззренческие позиции национального сознания и самосознания подверглись существенным корректировкам, значение которых сегодня в целях создания единой культурно-идеологической концепции развития казахской общегражданской нации должно быть переосмыслено.

Принцип частной собственности и либерализации политической системы должен обеспечить раскрытие инновационного политического потенциала нации, поскольку именно последний способен реализовать самые глобальные космополитические притязания нации, позволит сформировать универсальное убежище нации – такое универсальное государство, которое осуществит ее вековые мечты о вечности и субстанциональности. Нация, живущая в осознании всех своих достоинств и приоритетов, интересов и ценностей, перспектив и веры, будет всегда живой и активной, будет вечной.

Принцип секулярности, осознанный как принцип терпимости и толерантности, являющийся духовным результатом борьбы Реформации и Контрреформации в Европе, должен быть осознан как принцип сочленения интересов различных конфессий на пространстве культурно-языковой унии общегражданской казахской нации. Унитарное казахское государство является и будет по-настоящему мультикультурным и мультиконфессиональным только на мощной метафизической платформе современной передовой номадической философии. Именно последняя превращает вульгарный мультикультурализм «плавильного котла» конфликтующих и сталкивающихся цивилизаций в полисоциокультурализм, где доминирующим основанием различных конфессиональных направлений становится многообразная инновационная культура государствообразующего этноса, доминирующая культура. Вот в этом отношении и можно будет говорить о единстве многообразного применительно к национальному социальному капиталу, где диалектика отношений будет нацелена не на борьбу, а на единство противоположностей.

Принцип приоритета прав личности над правами государств и цивилизаций в современном мире выражает самый важный аспект формирования национального социального капитала. Его значение выражается в том, что современное развитие человеческой цивилизации проходит этап господства отношений вещной зависимости. Капитализм не умирает, а перерождается в новую общемировую общественно-экономическую формацию. Быстрое наступление этапа отношений свободной индивидуальности предопределено становлением нового глобального и общепланетарного информационного способа производства, проявляющегося в переходе человеческой цивилизации на уровень шестого технологического уклада. Новая система ценностей, формируемая информационным способом производства и эрой информационных технологий, соответственно, новой информационной общественно-экономической формацией, ведет к таким формам человеческой профессиональной и метафизической специализации, социализации и интеграции, которые невозможны без дальнейшего устранения оставшихся форм отчуждения человека от своей человеческой сущности как свободного существа.

Интеграционные объединительные региональные и глобальные тренды стали способами межцивилизационной коммуникации и сотрудничества, что применительно к новым независимым государствам постсоветского пространства стало не только способом их выживания и адаптации в мире, но и важнейшим философским методом и практической формой их дальнейшего продвижения и развития в будущем. Поэтому, в качестве важнейших социальных стандартов стали выступать стандарты развития здравоохранения, образования, социальной, транспортной и иной инфраструктуры, бизнеса и предпринимательства, а в целом – продвижения социальных и политических прав и свобод личности в направлении более полного удовлетворения личностью своих растущих потребностей.

Список литературы

1. Леонард М. XXI век – век Европы. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 250 с.
2. Rogoff K. Wither the Washington Consensus? // Foreign Policy. 2003.

Шаховская Л.С.
д.э.н., профессор, зав. кафедрой Мировой экономики и экономической теории Волгоградского государственного технического университета
mamol4k@yandex.ru
Климкова К.О.
аспирант Волгоградского государственного технического университета klimkova-ksenia@mail.ru

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ РОССИИ

Ключевые слова: *бедность, ментальность, институт, доход, уровень бедности, институциональный подход, экономическая бедность, социальная бедность, социальная политика, расходы, консолидированный бюджет.*

Во второй декаде XXI века, в условиях постоянно увеличивающейся бедности во всех странах мира, эта проблема привлекает все более активное внимание научной общественности, а в российском государстве борьба с бедностью приобретает значение национального приоритета. Бедность – это социально-экономическое явление с давней традицией анализа: каждая эпоха и культура вырабатывают собственное восприятие бедности, создавая социальные идеалы равенства. Значительные успехи в экономическом, социальном и технологическом развитии человеческой цивилизации, достигнутые за последнее столетие, тем не менее, не привели к существенному росту общего уровня жизни населения планеты – именно по этой причине проблемы бедности во всех странах, даже находящихся на очень высоком уровне развития, являются объектом пристального изучения и внимания. И, совсем не случайно, Нобелевскую премию по экономике 2015 года получил Ангус Дитон именно за исследование проблем бедности в различных странах мира.

В российской теории и практике сформировалось понимание необходимости разработки не только комплекса мероприятий социальной политики по устранению проявлений бедности, но и выработки качественно новой стратегии социально-экономического развития, ориентированной, прежде всего, на предупреждение бедности, на борьбу с ее причинами. Как показывает мировой и отечественный опыт последних лет, лишь эмпирическими поисками оптимального решения проблемы найти не удаётся. Необходима активизация научного поиска в области методологии экономического анализа проблем бедности и благосостояния, который должен привести к формированию научного фундамента социальной политики государства[1].

Доходы населения определяют его материальное положение и в значительной мере отображают состояние и эффективность экономики и экономических отношений в обществе. Доходы характеризуются уровнем, составом и структурой, динамикой, соотношением с расходами, дифференциацией по различным слоям и группам населения. Распределение доходов, как правило, предшествует распределению потребительских благ и предметов потребления.

Доходы населения – это сумма денежных средств и материальных благ, полученных или произведённых домашними хозяйствами за определённый промежуток времени. Уровень и структура потребления населения находится в прямой зависимости от размера дохода, именно это определяет роль доходов в жизни человека.

Согласно данным, представленным Федеральной службой государственной статистики, основным источником доходов населения в РФ является заработная плата (табл. 1)[2].

Таблица 1

Структура денежных доходов населения России в 2015 году (млрд. рублей) [2]

	2015 г.	%
Всего денежных доходов	53 100,6	100
– оплата труда	34 993,3	65,9
– доходы от предпринимательской деятельности	3876,3	7,3
– социальные выплаты	9664,3	18,2
– доходы от собственности	3504,6	6,6
– другие доходы	1062	2,0

Отличительной чертой российской бедности является то, что бедные – это не безработные граждане, а работающее население, причем, часть бедных – это российская интеллигенция: врачи, учителя, работники бюджетной сферы.

[1] Шаховская, Л.С. Бедность как экономическая категория: институциональный подход: монография / Л.С. Шаховская, К.О. Климкова. – Saarbrucken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2016. – 139 с.

[2] Структура денежных доходов населения России в 2015 году (млрд. рублей) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Причитающуюся долю валового продукта, идущую на удовлетворение личных потребностей, население получает первоначально в виде доходов. Далее, полученные доходы расходуются для приобретения необходимых товаров и услуг. Таким образом, уровень доходов населения имеет большое значение, так как именно он определяет уровень потребления.

С 1998 г. Федеральной службой государственной статистики проводятся регулярные опросы потребительского поведения населения в России. Опросы организуются ежеквартально (в феврале, мае, августе и ноябре) с охватом 5 тысяч человек в возрасте 16 лет и старше, проживающих в частных домохозяйствах на всей территории Российской Федерации. Анкета исследования содержит вопросы о субъективном мнении респондента о личном материальном положении, сбережениях, о ситуации на рынках товаров и услуг, и общей экономической ситуации. На основании собранных данных и на основе 5 индикаторов составляется индекс потребительской уверенности. Данный индикатор разработан специально для измерения потребительской уверенности, определенной как степень оптимизма относительно состояния экономики, который население выражает через потребление и сбережение[1]. Значение индекса ниже нулевой отметки говорит о том, что пессимистично настроенных граждан по отношению к личному материальному положению и к экономике, больше, чем оптимистов.

Состояние экономической ситуации в России после мирового финансово-экономического кризиса (2008 г.) и последовавшего за ним экономического спада, определилось снижением индекса потребительской уверенности с показателя 0,4 еще в I квартале 2008 года до -35 в I квартале 2009 года. На данный момент времени, в связи с последними экономическими обстоятельствами, в том числе санкциями, эмбарго и снижением цен на энергоносители, показатель индекса вновь ухудшился до -32 в I квартале 2015 года[2]. 2016 год также характеризуется пессимистичным настроем населения России по отношению к экономике и личному благосостоянию (табл. 2).

Таблица 2

Индекс потребительской уверенности населения в России 2008-2015 гг.

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
I квартал	0.4	**–35**	–10	–13	–5	–7	–11	**–32**	**–30**
II квартал	–2	**–32**	–7	–9	–4	–6	–6	**–23**	**–26**
III квартал	1	**–25**	–11	–7	–6	–7	–7	**–24**	**–19**
IV квартал	–20	**–20**	–10	–7	–8	–11	–18	**–26**	–

Индекс потребительской уверенности – показатель, который очень тонко отражает взгляд и настрой населения с учетом того, что уровень бедности в России прогрессирует с каждым годом и Волгоградская область здесь не является исключением, даже превосходя средний показатель по Российской Федерации[3] (рис. 1).

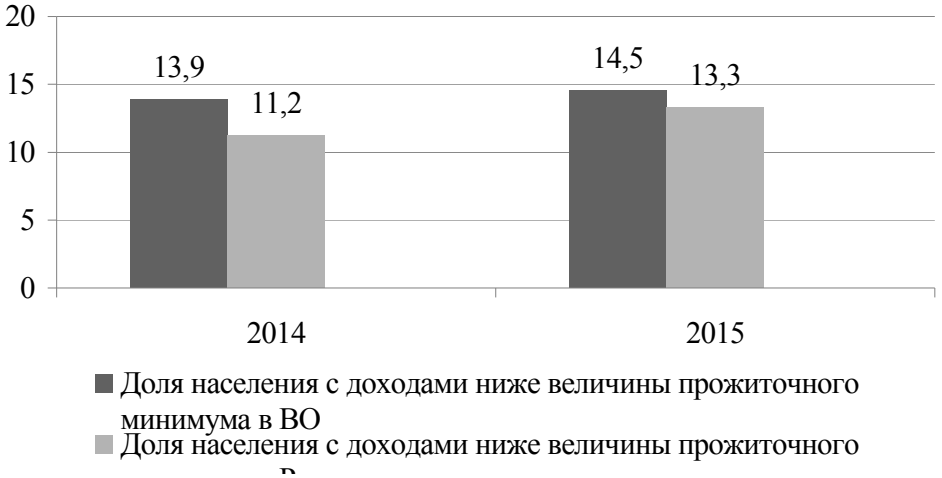


Рисунок 1.
Доля населения с доходом ниже прожиточного минимума в Волгоградской области и России в 2014–2015 гг.

Дифференцированную оценку уровня бедности на региональном уровне позволяет сделать система потребительских бюджетов. Распределение населения по потребительским бюджетам является эффективным аналитическим инструментом изучения уровня бедности населения, однако, в российской практике используется только прожиточный минимум (ПМ), являющийся потребительским бюджетом минимума материальной обеспеченности, позволяющим удовлетворять лишь физиологические потребности человека. Он определяет границу абсолютной бедности чело-

[1] Индекс потребительской уверенности // Википедия. – https://ru.wikipedia.org/wiki/индекс_потребительской_уверенности

[2] Индекс потребительской уверенности в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[3] Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

века и является важным социальным нормативом, достижение которого лежит в основе государственной политики борьбы с абсолютной бедностью[1].

Главным критерием, определяющим право на социальную помощь, является нуждаемость. Согласно общепринятому мнению, нуждаемость – это такое материальное положение, при котором индивидуальный или среднедушевой доход физического лица и членов его семьи ниже величины прожиточного минимума, установленного в том или ином субъекте РФ. Однако нуждаемость не закреплена в качестве юридического факта, или основания, в нормах права социального обеспечения. Следовательно, в данном контексте термин «основание» употребляется не в специально-юридическом смысле, а в общем.

По мнению замминистра финансов Татьяны Нестеренко необходимо определить понятие «нуждаемость» законодательно, конкретизировав критерии и порядок оценки доходов и имущества гражданина или семьи, и в соответствии с этим ввести пособие на бедность.

Многие ученые разрабатывают понятие нуждаемости. Приведем в пример только некоторые из определений. Согласно Е.И. Бутенко, нуждаемость – это такое состояние (жизненная ситуация), при которой гражданин или семья не может самостоятельно удовлетворить свои элементарные потребности[2].

Т.В. Иванкина формулирует понятие нуждаемости как определенный уровень потребности, при наличии которого гражданин получает право на ее удовлетворение за счет общественных фондов[3].

Приведенные определения дают весьма общее представление о том, кого считать нуждающимся в социальной помощи сейчас, во втором десятилетии двадцать первого века, а значит, являются упрощенным подходом к определению самого явления. Высокоразвитое промышленное производство и повсеместное разделение труда в XXI столетии, делают общество зависимым от справедливого управления государством экономической и социальной сферами национальной экономики. Прошло время, когда человек мог удовлетворить свои потребности только за счет своего труда. К тому же, в связи с новой развивающейся экономической формацией, потребности человека эволюционируют, что требует справедливого и профессионального управления процессом распределения материальных и духовных благ со стороны государства.

Для определения сути проблемы борьбы с бедностью, предлагаем рассмотреть деление класса бедных на два вида: «экономическая бедность» и «социальная бедность». Причем, каждый из этих видов – представители и экономической, и социальной бедности нуждаются в соответствующей поддержке как со стороны государства, так и со стороны общества.

Согласно официальной статистике к бедному классу причисляются люди, чей доход меньше или равен, установленному прожиточному минимуму. Количество причисляемых к данной категории в 2015 году достигло в России цифры в 22 миллиона человек, включая более 370,82 тысячи человек населения (14,5%) в Волгоградской области[4].

Рассматривая показатель прожиточного минимума (ПМ) в Волгоградской области в 2015 году, который включает в себя средства, необходимые для проживания в сумме 8889 рублей, можно утверждать, что по факту такому показателю соответствует даже не бедный класс, а класс нищих. Такой доход едва ли достаточен для нормального проживания и соответствует крайней, физиологической бедности.

На наш взгляд, сегодня в Волгоградской области имеет место не что иное, как *социальная бедность населения*, чему, по нашему мнению, соответствует среднедушевой доход, равный двойному, установленному в регионе, прожиточному минимуму (2ПМ). Такой доход позволяет иметь хорошее питание, но не позволяет обеспечивать себе качественное образование, жилье, качественные услуги по здравоохранению, и различные культурные мероприятия.

Согласно статистике о среднедушевых денежных доходах населения Волгоградской области, в 2015 году 370,82 тыс. человек или 14,5% , имели доход ниже или равный прожиточному минимуму, что причисляется к экономической бедности. И около 35,2% доход, равный или ниже 2ПМ, который по нашей классификации относится к социальной бедности[5] (табл. 3).

Таблица 3

Классификация бедности (данные на примере Волгоградской области в 2015 г.)

Социальный слой	Критерий	Количество (тыс. человек)	%
Экономическая бедность	Доходы ниже или равные прожиточному минимуму (1ПМ)	370,82	14,5
Социальная бедность	Доходы выше 1ПМ, но ниже или равные двойному прожиточному минимуму (2ПМ)	900,66	35,2

Источник: разработано авторами.

Иными словами 49,7% населения Волгоградской области проживают в состояниях экономической и социальной бедности. Такой показатель говорит о критическом состоянии экономики региона, на который влияет целый пере-

[1] Бобков В. Уровень социального неравенства // Экономист. 2012. – № 3. – С. 58–67

[2] Бутенко Е.И. Понятие и признаки нуждаемости в праве социального обеспечения России // Российский юридический журнал. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2010. – № 1 (70). – С. 195–202.

[3] Иванкина Т.В. Проблемы правового регулирования распределения общественных фондов потребления. – Л., 1979. – С. 46.

[4] Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[5] Шаховская Л.С. Бедность как экономическая категория: институциональный подход: монография / Л.С. Шаховская, К.О. Климкова. – Saarbrucken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2016. – 139 с.

чень показателей, необходимых для ее развития. Предлагаем рассмотреть подход государства и региональных властей к указанной проблеме – бедности населения.

Социальная политика государства представляет собой форму сознательного воздействия на социальную сферу жизнедеятельности населения, с целью ее изменения. Социальная сфера включает в себя объективные и субъективные составляющие. Объективными – являются условия жизни людей, субъективными – потребности индивидов. Социальная политика оказывает влияние на условия жизни людей. Воздействие социальной сферы ограничивается пределами, когда у населения не воспроизводится чувство нуждаемости.

Процесс трансформации системы экономических и социальных отношений в Российской Федерации происходит крайне противоречиво. В связи с этим значение и роль консолидированного регионального бюджета в социально-экономическом развитии резко возросла за последние четверть века. Консолидированный региональный бюджет составляет основу финансовой системы субъекта Российской Федерации и представляет собой составную часть ее бюджетной системы в целом. «Бюджетная система Российской Федерации – основанная на экономических отношениях и государственном устройстве Российской Федерации, регулируемая законодательством Российской Федерации совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов»[1].

С позиции объекта статистического исследования региональный бюджет – это основной финансовый документ, содержащий экономико-статистические показатели, используемые при анализе и планировании бюджета и объективно характеризующие финансовое состояние региона. Расходы консолидированного бюджета Волгоградской области на социальную политику составили по данным на 1 июля 2016 года 19,38% (9 476,6 млн. рублей), которые представлены на рисунке 2[2]. При общей установленной цифре 17 091,9 млн. рублей на социальную политику в уточненном плане на 2016 год.

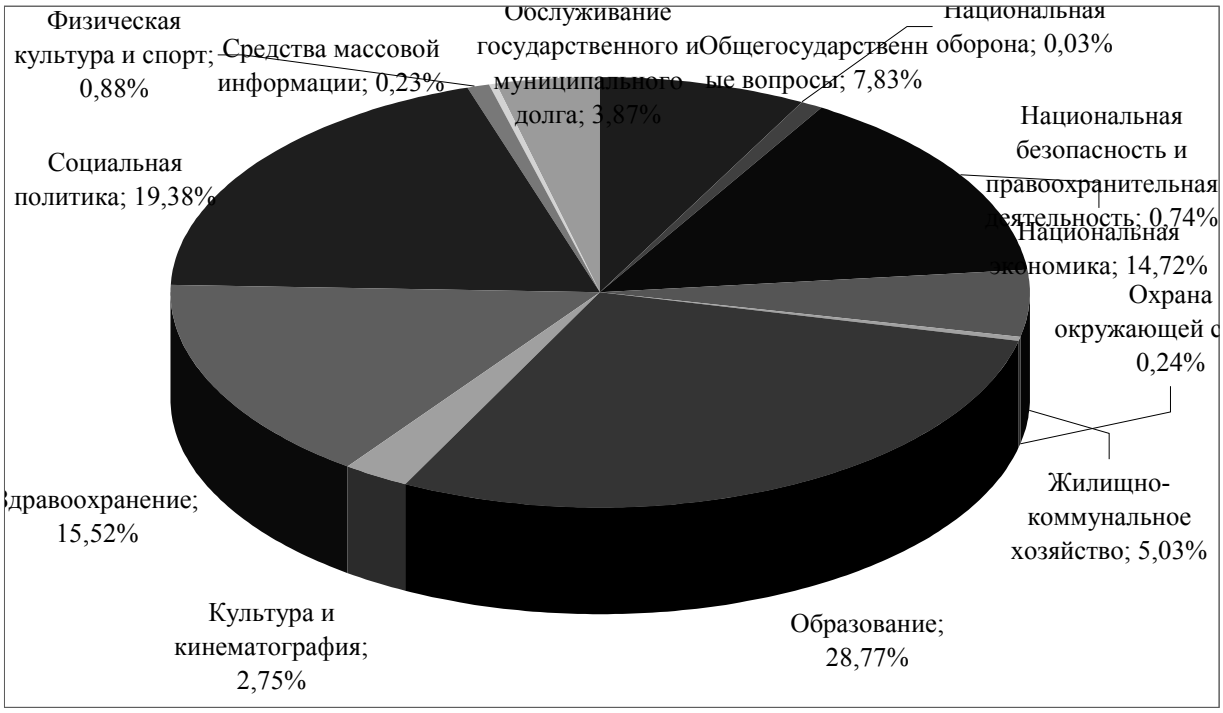


Рисунок 2.
Расходы консолидированного бюджета Волгоградской области на 1 июля 2016 года (млн. рублей)

Интересной особенностью формирования расходов консолидированного бюджета на социальную политику является тот факт, что при прочих условиях ухудшения жизни людей, в связи с противоречивыми экономическими обстоятельствами, в 2016 году расходы на социальную сферу в уточненном плане все-таки были сокращены в сравнении с планом 2015 года на 3 138,2 млн. рублей[3] (рис. 3).

Как можно видеть из представленных показателей, поддержка социальной сферы администрацией Волгоградской области сокращается и на это есть свои причины, связанные с ростом долга области перед федеральным бюджетом, что приводит к увеличению показателя бедности среди населения области, который составлял 14,5% в 2015 году. Предпринимаемые сейчас меры социальной поддержки населения Волгоградской области не только не помогают населению, но и тормозят процесс сокращения бедности на институциональном уровне, не создавая и не совершенствуя соответствующие институты борьбы с ней.

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998г. № 145-ФЗ (ред. от 03.07. 2016 г.)

[2] Итоги исполнения консолидированного бюджета Волгоградской области на 1 июля 2016 года // Официальный сайт Комитета финансов Волгоградской области . URL:http://volgafin.volganet.ru/current-activity/analytics/5371/ дата обращения: 23.10.2016)

[3] Итоги исполнения консолидированного бюджета Волгоградской области на 1 июля 2015 года // Официальный сайт Комитета финансов Волгоградской области. – http://volgafin.volganet.ru/current-activity/analytics/5371/

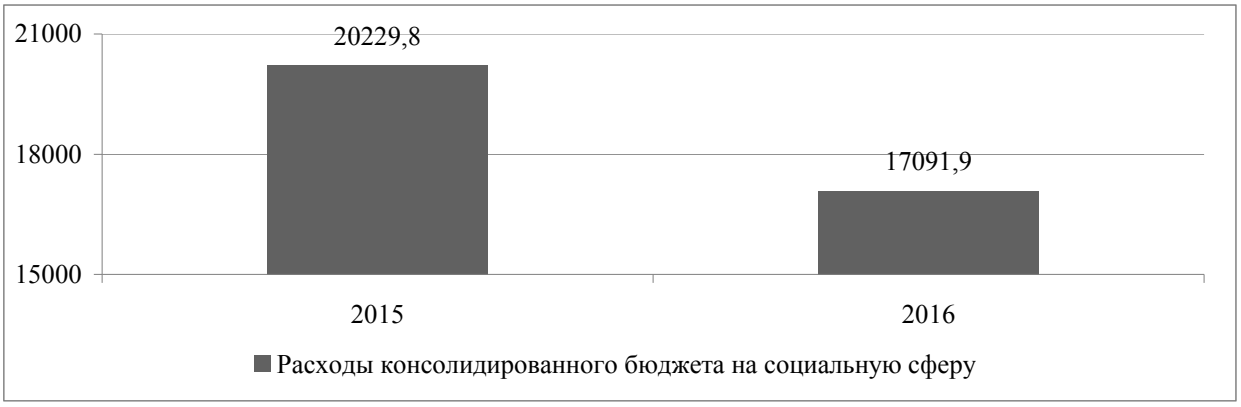


Рисунок 3.
Расходы консолидированного бюджета Волгоградской области на социальную сферу согласно уточненному плану 2015–2016 гг.

С точки зрения институционального подхода институты социальной сферы нельзя изменять или совершенствовать, не касаясь всех базисных социально-экономических условий жизни общества. Необходимо учитывать всё множество факторов, которые влияют на характер взаимосвязей между отдельными социальными группами и индивидами, в них входящими. Объясняется это тем, что институты социальной сферы, в том числе и бедность, одновременно выступают в экономической, социальной и политической роли.

Экономический характер институтов проявляется в их связи с доходами населения и финансовыми возможностями государства. Состояние институтов социальной защиты населения (например, обязательного и добровольного страхования) характеризуется параметрами, определяющими уровень заработной платы и доходов населения. В этом случае экономический характер заключается в том, что источниками страховых взносов выступают отчисления работников и работодателей. Для осуществления масштабных социальных программ необходимы огромные ресурсы, производимые экономической сферой, а прерывание спада производства и дальнейшее развитие экономики невозможны без компетентного, эффективного труда и занятости[1].

Проблема бедности анализируется в теориях институциональных изменений и в связи с «порочным кругом бедности». «Порочный круг бедности» основывается на признании того факта, что экономическое развитие невозможно без роста производительности факторов производства, а рост производительности, невозможен без инвестиций. Основой инвестиций является процесс накопления, но он становится невозможным в ситуации расширяющейся бедности. Обычно из этого делается вывод, что без внешнего вмешательства развитие экономики невозможно, что не всегда согласуется с экономической практикой. В некоторых случаях негативный процесс может быть переломлен в результате институциональных реформ. Институциональное значение бедности заключается, прежде всего, в том, что она формирует в обществе слой людей, поведенческие предпосылки которых не позволяют создавать условия для возникновения институтов, необходимых для эффективного функционирования современного рыночного хозяйства и демократических институтов открытого общества. В свою очередь, наиболее обеспеченные категории граждан заинтересованы в становлении формальных институтов, сохраняющих status quo, и, обеспечивающих увеличение доходов для этих групп[2].

Значительный уровень бедности серьёзно препятствует благоприятной социальной модернизации в обществе. Снижение социальной дифференциации и реформа оплаты труда становятся первоочередными в преобразовании социальной сферы. Институциональными ограничениями в таком случае выступают: неразвитость таких ценностей рыночной экономики, как самостоятельность, индивидуализм, независимость от государства в обеспечении достойных условий для жизни и личностного развития[3].

Особенно значимой функция социально-экономического развития становится в переходный период, когда к базовым традиционным проблемам экономического развития, присоединяются проблемы формирования и развития рыночной инфраструктуры, а также проблемы преодоления кризисных явлений, которые образуются при переходе экономики из одного состояния в другое. Выход из кризисного состояния может быть болезненным, если экономические проблемы пущены на самотек, но он может оказаться менее болезненным, если региональная администрация будет активно воздействовать на процессы социально-экономического развития, используя местные преимущества и создавая новые.

Выход из кризиса в любой сфере жизни региона напрямую связан с уровнем экономической активности ее населения. Социально-экономическое развитие в значительной мере определяется ресурсными возможностями региона, которые зависят от степени его социально-экономического развития. Следовательно, только развивая экономическую активность населения, можно реализовать те или иные прорывы в жизни местного сообщества, поднимая тем самым

[1] Климкова К.О. Институционализация бедности в России как препятствие её современному экономическому развитию / К.О. Климкова, Л.С. Шаховская // Финансовая жизнь. 2015. – № 1. – С. 12–15.

[2] Шарипова Н.Е. О проблеме бедности: институциональный подход // Проблемы современной экономики. 2007. – № 4 (24).

[3] Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования – М., 2004. – № 4. – С. 33–43.

уровень его благосостояния, который, в конечном счете, всегда определяет успех той или иной социально-экономической политики.

В сложившихся тяжелейших условиях для страны необходимо менять подход к регулированию бедности, государство должно стараться бороться с бедностью, используя общественные ресурсы экономического развития, такие как:

– социальная ответственность бизнеса, заключающаяся в реализации следующих мероприятий: обеспечение широким социальным пакетом (дополнительное пенсионное страхование, дополнительное добровольное медицинское страхование, различные формы оздоровления, обучение и повышение квалификации своих работников); благотворительная и волонтерская деятельность, и т.п.;

– гражданское общество, в котором активная гражданская позиция населения каждого региона РФ, его активная экономическая и политическая деятельность способствуют развитию российского государства в целом и его национальной экономики, в частности;

– социальное согласие, позитивные функции которого способствуют групповой и индивидуальной идентификации, повышению сплоченности общества, адекватному приспособлению к социальной ситуации, к изменяющимся, в том числе и кризисным, условиям[1].

Основными направлениями формирования институционального механизма борьбы с бедностью в России должны являться:

– работа общественных объединений и фондов, направленная на повышение финансовой грамотности населения;

– активно реализуемая добровольная волонтерская деятельность;

– организация банками и компаниями микрофинансирования предпринимательства поддержки в получении навыков для трудоустройства молодежи;

– развитие институтов государственно-частного партнерства в сфере образования.

Другими словами, только в случае постоянного увеличения экономического благосостояния России, общество может надеяться на повышение уровня и качества жизни населения в ее регионах. Следовательно, в государстве должны проводиться вышеуказанные направления формирования институционального механизма борьбы с бедностью с целью интенсификации экономического роста национальной экономики.

[1] Шаховская Л.С. Бедность как экономическая категория: институциональный подход: монография / Л.С. Шаховская, К.О. Климкова. – Saarbrucken (Germany): Palmarium Academic Publishing, 2016. – 139 с.

Безруков А.В.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Тенетова Е.П.
к.э.н., доцент Российского экономического университета

РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *демографическая конъюнктура, экономическое развитие региона, коэффициент демографической нагрузки, уровень экономической активности населения, население в трудоспособном возрасте, население в нетрудоспособном возрасте, естественный прирост, метод канонических корреляций.*

Keywords*: the demographic state, the economic development of region, the demographic dependency ratio, the level of economic activity of the population, the population of working age, the population of non-working age, the natural gain, the method of canonical correlations.*

Демографическая конъюнктура, несомненно, имеет особое значение в экономическом развитии страны. Устойчивое развитие экономики, как известно, требует положительной демографической ситуации, поскольку население, являясь первостепенным ресурсом любого государства, представляет собой движущую силу его экономики и оказывает мощнейшее давление на экономику в ситуациях демографического провала. Страны с самой высокой численностью населения обладают, по мнению авторов, наибольшим потенциалом экономического развития и конкурентоспособности.

Россия, как и многие европейские страны, в настоящее время переживает непростую демографическую ситуацию, происходит количественное и структурное изменение населения, влияющее на экономическое развитие. В данной статье, на примере Центрального федерального округа Российской Федерации рассмотрено влияние демографической конъюнктуры на развитие региона.

Количественное изменение населения региона характеризуется сокращением численности населения за счет естественных факторов (сокращение рождаемости и рост смертности), что и характерно для рассматриваемого периода с 2007 по 2015 годы: показатель естественного прироста, рассчитанный на каждую тысячу человек населения отрицательный (табл. 1).

Увеличение численности населения региона за счет миграционных процессов также является фактором количественного изменения населения, при этом в большей степени происходит «отток» высококвалифицированного и «приток» низкоквалифицированного населения, что негативно сказывается на качественных характеристиках населения. Показатель миграционного прироста региона свидетельствует об его отрицательной динамике: в 2007 году на каждую 1000 человек населения прибыло 70 человек, а в 2015 году – 57 человек (табл. 1).

Таблица 1

Показатели демографической конъюнктуры Центрального федерального округа РФ[1]

годы	Коэффициент демографической нагрузки, ‰	Уровень экономической активности населения, %	Рабочая сила, тыс. чел	ВРП в текущих основных ценах, млн. руб.	Миграционный прирост на 1000 чел. населения, человек	Среднедушевой денежный доход, руб.	Доля населения в трудоспособном возрасте, %	Естественный прирост на 1000 чел. населения, чел.
2007	600	68,2	20 191	20 8917,7	70	17085	62,5	–6,3
2008	607	68,4	20 215	12 674 395	70	19105	62,2	–5,6
2009	624	68,5	20 180	11 405 184	64	22 215	61,6	–4,5
2010	631	68,5	20 677	13 444 440	74	24 689	61,3	–4,5
2011	647	69,3	20 914	16 062 124	56	27 096,9	60,7	–3,2
2012	665	70	21 041	17 432 295	62	30 017,6	60	–2,5
2013	686	69,9	21 007	19 160 906	60	33 466,6	59,3	–2,3
2014	709	70,6	21 126	20 820 579	56	34 970	58,5	–2,2
2015	735	70,7	21 108	–	57	38 776	57,6	–1,8

К структурным факторам, влияющим на изменение демографической ситуации, относятся изменения в возрастной структуре и увеличение численности нетрудоспособного населения по отношению к численности трудоспособного населения. Изменение в возрастной структуре населения характеризуется сокращением численности населения в

[1] http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

трудоспособном возрасте: доля населения в трудоспособном возрасте в 2007 году в Центральном федеральном округе Российской Федерации составила 62,5%, а в 2015 году – 57,6%. Увеличение численности нетрудоспособного населения по отношению к численности трудоспособного населения характеризуется коэффициентом демографической нагрузки. В период с 2007 по 2015 год коэффициент демографической нагрузки имеет динамику роста: в 2007 году на каждую 1000 человек трудоспособного населения приходилось 600 человек нетрудоспособного населения, а в 2015 году на каждую 1000 человек трудоспособного населения приходилось 735 человек нетрудоспособного населения (табл. 1).

Для определения воздействия демографической ситуации на экономическое развитие представленного региона на основе данных табл. 1 целесообразно провести анализ, используя метод канонических корреляций. Напомним некоторые методологические аспекты канонического корреляционного анализа. Данный метод является обобщением регрессионного анализа и позволяет находить максимальные корреляционные связи между двумя группами величин. Эта зависимость определяется при помощи новых аргументов – канонических величин (канонических переменных), вычисленных как линейные комбинации исходных признаков по каждой из групп. Количество получаемых канонических функций определяется числом исходных переменных в меньшей из их групп, если численность этих групп разная. Требования к проведению канонического анализа отличаются от регрессионного: совместность многомерного распределения наблюдаемых признаков и число наблюдений не менее чем количество исходных переменных плюс два. Канонические функции, описывающие разные исходные наборы переменных, получают при этом таким образом, чтобы максимально коррелировать между собой, а внутри групп переменных корреляция между каноническими переменными, составляющими разные канонические функции, равна нулю[1]. Метод канонических корреляций представляется возможным разделить на следующие этапы:

1. Определение наборов исходных переменных, составляющих зависимую и независимую группы.
2. Вычисление и оценка параметров канонических переменных.
3. Оценка канонических переменных и проверка их значимости и существенности.
4. Интерпретация полученных значимых канонических взаимосвязей.

Определим зависимую и независимую группы исходных показателей.

1 группа (зависимые показатели):

X1 – валовый региональный продукт в текущих основных ценах, млн. руб.;

X2 – среднедушевые денежные доходы населения, руб.

2 группа (независимые показатели):

X3 – коэффициент демографической нагрузки;

X4 – уровень экономической активности населения, %;

X5 – рабочая сила, тыс. чел.;

X6 – доля населения в трудоспособном возрасте, %.

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции между исходными показателями свидетельствует о высокой межгрупповой корреляционной зависимости между ними (табл. 2).

Таблица 2

Парные коэффициенты корреляции между показателями экономического развития и социально-демографического состояния Центрального федерального округа РФ

	Коэффициент демографической нагрузки	Уровень экономической активности населения,	Рабочая сила, тыс. человек	Доля населения в трудоспособном возрасте
ВРП в текущих основных ценах, млн. руб.	0,845596	0,816975	0,813797	–0,853768
Среднедушевой денежный доход, руб.	0,986978	0,950298	0,935773	–0,990260

В результате проведения канонического анализа средствами ППП STATISTICA выделены канонические переменные Root 1 и Root 2 с собственными значениями 0,999 и 0,381, соответственно. Общие характеристики канонической модели приведены в табл. 3. Каноническая модель высоко значима по Хи-квадрат критерию Пирсона (р-значение <0,01). Канонический коэффициент корреляции R=0,999 свидетельствует о сильной взаимосвязи между каноническими переменными.

Таблица 3

Общие характеристики канонической модели

Канонический R: ,99943 Хи^2(8)=25,401 p=,00133		
	1 набор (зависимые)	2 набор (независимые)
Число переменных	2	4
Процент извлеченной дисперсии	100,000%	94,2646%
Общая чрезмерность	93,4962%	93,5598%

Канонические веса переменных представлены в табл. 4 (первый набор) и табл. 5 (второй набор).

[1] Безруков А.В., Хохлова О.А. Практикум по многомерной статистике с использованием ППП STATISTICA. Учебное пособие. – Орёл: ООО «Научное обозрение», 2016. – С. 99–110.

Таблица 4

Канонические веса набора зависимых переменных (первый набор)

	Root 1	Root 2
ВРП в текущих основных ценах, млн. руб.	–0,030333	–2,14098
Среднедушевой денежный доход, руб.	–0,973078	1,90731

Таблица 5

Канонические веса набора независимых переменных (второй набор)

	Root 1	Root 2
Коэффициент демографической нагрузки, ‰	5,216153	56,84519
Уровень экономической активности населения, %	0,383262	1,14213
Рабочая сила, тыс. чел	0,012423	2,62823
Доля населения в трудоспособном возрасте, %	6,587557	60,22758

Низкое собственное значение канонической переменной Root 2 позволяет рассматривать ее как второстепенную составляющую (табл. 6).

Таблица 6

Собственные значения канонических функций

	Root 1	Root 2
Собственные значения	0,998862	0,380663

Кроме этого, Хи-квадрат тест значимости канонических переменных (табл. 7) свидетельствует о незначимости канонической функции Root 2 (р-значение 0,642). Поэтому взаимосвязь канонических переменных d_{21} и d_{22} можно признать слабой и статистически незначимой, что позволяет исключить ее из рассмотрения в анализе.

Таблица 7

Результаты Хи-квадрат теста значимости канонических функций

Каноническая функция	Канонический R	Канонический R^2	Хи-квадрат	Степени Свободы	р-значение
Root 1	0,999431	0,998862	25,40135	8	0,001333
Root 2	0,616979	0,380663	1,67687	3	0,642092

Факторные структуры и процент извлеченной дисперсии исходных переменных представлены в табл. 8 и 9. Для зависимых переменных каноническая функция Root 1 описывает 89,7% исходной дисперсии, Root 2 описывает 10,3% исходной дисперсии. Для независимых переменных каноническая функция Root 1 описывает 93,3% их дисперсии, каноническая функция Root 2 – 1%.

Таблица 8

Факторная структура и дисперсии набора зависимых переменных

	Root 1	Root 2
ВРП в текущих основных ценах, млн. руб.	–0,890769	–0,454455
Среднедушевой денежный доход	–0,999900	0,014166
	Доля извлеченной дисперсии	Чрезмерность
Root 1	0,896635	0,895614
Root 2	0,103365	0,039347

Таблица 9

Факторная структура и дисперсии набора независимых переменных

	Root 1	Root 2
Коэффициент демографической нагрузки	–0,986618	0,116809
Уровень экономической активности населения	–0,950036	0,102737
Рабочая сила, тыс. чел	–0,935798	0,068861
Доля населения в трудоспособном возрасте	0,990062	–0,098600
	Доля извлеченной дисперсии	Чрезмерность.
Root 1	0,932981	0,931919
Root 2	0,009666	0,003679

В результате проведенного анализа наибольшая корреляция наблюдается между каноническими переменными d_{11} и d_{21}:

$$d_{11} = -0{,}03X_1-0{,}97X_2$$
$$d_{21} = 5{,}21X_3+0{,}38X_4+0{,}01X_5+6{,}59X_6$$

Таким образом, на основе анализа канонических корреляций можно заключить, что в Центральном федеральном округе Российской Федерации коэффициент демографической нагрузки, процент экономически активного населения, численность рабочей силы, доля населения в трудоспособном возрасте значимо влияют на уровень экономического развития и уровень жизни в этом регионе, или, согласно интерпретации канонических переменных, ухудшение социально-демографической ситуации в этом регионе на протяжении 2007–2015 годов значимо негативно сказывалось на его экономическом развитии.

Белов П.Г.
д.т.н., профессор Московского авиационного института

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И СНИЖЕНИЕ РИСКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫЗОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *вероятность, затраты, опасность, потребности, последствия, предпосылки, ресурсы, рождаемость, смертность, социальное время, ущерб.*

Keywords*: probability, cost, risk, needs, consequences, preconditions, resources, fertility, mortality, social time, damage.*

Исходные понятия и представления

Начну с интерпретации человека и созданных им сообществ как открытых сложных систем, из чего следует невозможность их существования без взаимодействия с окружающей средой с целью удовлетворения *потребностей*, необходимых для их самосохранения и самовоспроизводства. Так как суть подобного взаимодействия состоит в обмене потоками энергии, вещества и информации, то для его осуществления необходимы соответствующие *ценности*, под которыми логично подразумевать аккумуляторы или генераторы только что перечисленных форм движения материи. При этом важное место при определении последних принадлежит людским *интересам*, т.е. сугубо индивидуальным представлениям о том, что ценно в смысле удовлетворения каких-то их потребностей.

Помимо упомянутых выше форм проявления движущейся материи особое место в жизни человека занимает время, которое из-за необратимости было названо Вольтером «абсолютной ценностью». Еще более тесная связь между рассматриваемыми здесь категориями и временем указана американским трансценденталистом Г.Д. Торо, который ценой любой вещи называл «то количество собственной жизни, которое готов отдать за обладание ею немедленно или в рассрочку». Заметим, что здесь речь идет уже не об астрономическом времени, а – о времени *социальном*, измеряемом в человеко-годах и кратных им единицах [1].

Здесь уместно также условиться с природой тех объективно существующих факторов, которые способны причинить ущерб не только здоровью и жизни людей, но и принадлежащим их ценностям. Вначале введу ряд рабочих определений: *ущерб* – это результат изменения объекта из состава людских, материальных и природных ресурсов, делающего его менее пригодным для выполнения возложенных функций; *опасность* – потенциальная возможность причинения какого-либо прямого или косвенного ущерба; угроза – актуализированная опасность, характеризуемая конкретной формой или способом проявления; вызов – угроза, уже требующая реагирования с целью снижения предполагаемого ущерба.

Что касается природы объективно существующих опасностей, то их логично считать неотъемлемым атрибутом всякой *неравновесности*: а) термодинамической – разности давлений, напряжений, скоростей, температур и других потенциалов содержимого системы; б) статистической – неравномерности заполнения её пространства веществом стабильной конфигурации либо газо-жидкостных или иных массивов, не имеющих собственной устойчивой формы; в) информационной – неадекватной или неодинаковой осведомленности разных людей о процессах и явлениях в связанной с ними системе. Частным проявлением неравновесности можно считать неудовлетворение потребностей, необходимых для самосохранения, самовоспроизводства и самосовершенствования людей, а также их непрерывную и естественную борьбу[1] за соответствующие ресурсы.

Столь же целесообразно договориться и о способах определения *издержек*, обусловленных перманентно существующими угрозами и вызовами, подразумевая, что одна их часть должна отражать затраты на предупреждение вызванных ими чрезвычайных происшествий с конкретным человеком или страной, а другая – ущерб в случае их возникновения. Самой подходящей единицей измерения подобных издержек может служить упомянутый выше человеко-год, а основными *показателями* – их ожидаемые средние размеры и вероятность появления за определенный исторический период. Выбор подобных единиц и показателей позволит учесть вклад ценности жизни через объем национального времени, являющийся главным ресурсом любой страны и рассчитываемый для конкретного исторического периода перемножением средних численности и продолжительности жизни её граждан.

О серьёзности рассматриваемого здесь демографического кризиса в России свидетельствуют последние выкладки и прогнозы. Так, нынешняя численность её населения в 143 миллиона может сократиться к 2050 на 22%. При этом размеры его активно трудоспособной доли уменьшатся в стране на 42% [2]. Таким образом, после ожидаемого сокращения населения России на несколько десятков миллионов человек, его не хватит даже для укомплектования

[1] В подтверждение этому – следующее высказывание *Гераклита*: «Должно знать, что война общепринята, что вражда естественный порядок вещей в природе, и что одно в ней возникает за счет другого».

армии и обеспечения устойчивой работы транспорта, оборонной и добывающей промышленности, здравоохранительных и правоохранительных учреждений.

На рисунке 1 представлена динамика факторов численности населения России, названная «русским крестом» [3] из-за пересечения в 1992 г. кривых рождаемости и смертности. Чуть правее приведен график изменения численности юношей призывного возраста. Их количество к 2020 году составит немногим более 600 тысяч, что явно недостаточно.

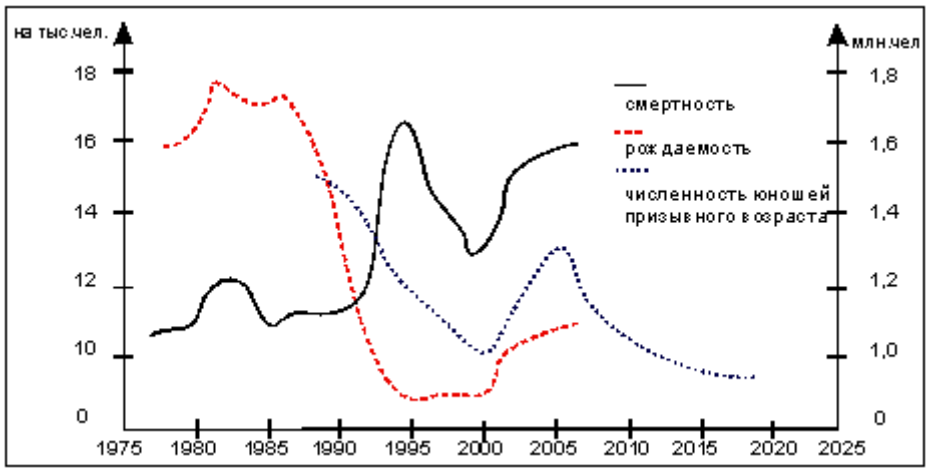


Рисунок 1.
«Русский крест» и динамика численности призывников

Дело в том, что длина государственной границы, приходящейся на одного российского солдата, – самая высокая в мире. В сочетании с необоснованными территориальными претензиями, которые многие страны имеют к России, и тем, что наши ближайшие соседи (Турция, Иран, Китай, Индия, Пакистан, Япония и среднеазиатские страны СНГ) имеют высокую плотность населения и высокие темпы экономического роста, но бедны минеральными, энергетическими и другими природными ресурсами, эта особенность не может не рассматриваться как потенциальная угроза безопасности России.

Всё это означает, что демографический кризис в нынешней России уже перешел из гуманитарно-цивилизационного состояния в качественно новое, а именно – в вызов национальной безопасности [4]. На высшем политическом уровне руководством страны этому даны недвусмысленные определения и соответствующие установки. Безусловно, столь тревожная ситуация и угрожающий характер ее развития не могли не вызвать соответствующего реагирования российских властей, однако пока всё сводится к социально-материальному фактору. И в данное время даже не проектируются сколь-нибудь эффективные государственно-управленческие воздействия на другие не менее важные факторы.

Вот почему нужны дальнейшие усилия по исследованию и априорной количественной оценке влияния демографических факторов на национальную безопасность, что и явилось целью настоящей работы. В ее основе лежит системное исследование процессов возникновения и проявления демографического вызова, а также оценка разрушительного эффекта и обоснование мероприятий по снижению его социально-экономического ущерба.

Моделирование демографического вызова

После обоснования актуальности проблемы перейдем к оценке риска демографического вызова на основе представления процесса его формирования и проявления в виде диаграммы соответствующих причинно-следственных связей, включающей дерево происшествия (accident tree) и дерево событий – его исходов (events tree). Данная графическая диаграмма включает в себя совокупность взаимосвязанных и значимых для моделируемого процесса событий, а сам он интерпретируется как бы прохождением сигнала от каких-либо исходных предпосылок дерева происшествия к конечным исходам дерева событий. Это позволяет определять соответствующий риск (вероятность наступления демографического вызова, ожидаемый от него средний ущерб) и значимость всех учтённых при этом факторов [5].

В качестве основных причин появления демографического вызова, являющихся предпосылками верхнего уровня дерева происшествия, были выделены низкая рождаемость и высокая смертность как главные факторы уменьшения численности населения России. Считалось также, что сами эти причины были обусловлены отсутствием у наших граждан либо соответствующего желания, либо возможностей, а последнее – более конкретными факторами. Подобным образом исследовались и пути вероятного проявления разрушительного эффекта демографического вызова. При этом рассматривались два наиболее возможных сценария его развития, названные «инерционным» (как это имеет место сегодня) и «активным», что означает осуществление более решительных мер к сохранению и приумножению народов России, в особенности – государствообразущего. Каждый такой сценарий интерпретировался последовательностью конкретных событий-исходов дерева событий.

Укрупненная модель возникновения и разрушительного проявления демографического вызова представлена на рисунке 2, в центре которого находится моделируемое событие – демографический вызов, являющееся одновременно верхним событием для дерева происшествия (нижняя часть диаграммы) и нижним – для дерева событий (её верхняя часть). Дерево происшествия включает цепи событий-предпосылок этого вызова, начинающиеся с упомянутых выше

предпосылок двух верхних уровней, которые затем детализируются 73-мя предпосылками, распределенными на трех нижних уровнях. События верхних уровней показаны прямоугольниками, соединенными линиями и кругами с точкой или крестиком, которые означают логическое перемножение (конъюнкцию) и сложение (дизъюнкцию) входящих в круги сигналов, т.е. условия наступления вышерасположенного события при появлении соответственно хотя бы одной предшествующий ему предпосылки и одновременно всех.

В верхней части диаграммы прямоугольниками и эллипсами изображены наиболее вероятные сценарии развития исследуемого демографического вызова, представляющие собой последовательности его предполагаемых исходов. Вместо конечных событий-исходов данного дерева событий, означающих причинение конкретного ущерба, на рис. 2 указаны лишь их цифровые коды 87 – 106. Текстом и стрелками в его правой части пояснены метод и последовательность построения деревьев происшествия и событий – его исходов, а формулами левой части – математические выражения, увязывающие ожидаемый от демвызова средний ущерб *M[Y]* и вероятность *P(X)* его появления с вероятностями исходных – P_i и конечных – Q_{ci} событий всей диаграммы, а также с ущербом Y_{ci} от конечных исходов.

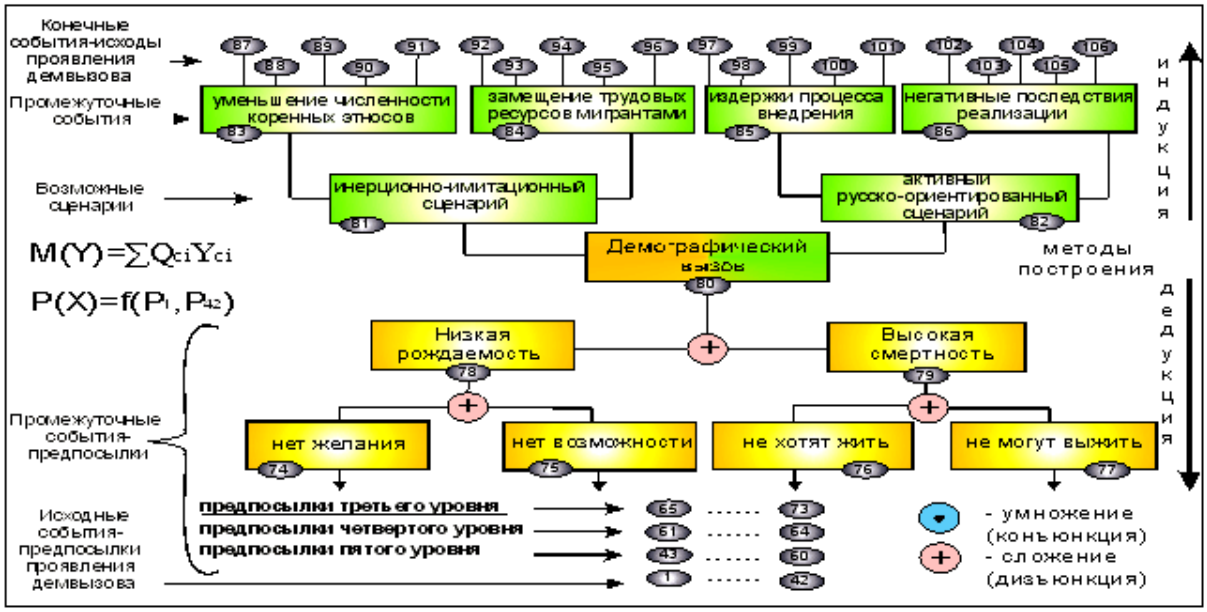


Рисунок 2.
Укрупненная модель демографического вызова

Для приближенного определения параметров демографического риска, характеризуемых упомянутыми выше мерами возможности *P(X)* и результата *M[Y]* его проявления, рекомендуется метод экспертного оценивания. Их значения выражались словами естественного языка (вероятный, высокий, скорый…) и эквивалентными им количественными значениями, выраженными в соответствующих единицах: для ущерба – это человеко-год утраченного национального времени (либо стоимость в денежном выражении); для меры возможности его причинения – безразмерная вероятность или относительная частота; для времени наступления ущерба – календарный год или день. Соотношения между такими качественными и количественными значениями этих параметров риска задавались специальными таблицами.

При построении дерева происшествия мы также руководствовались объективными закономерностями появления подобных ситуаций, применяя их к моделируемому случаю. Информация по содержанию исходных событий предпосылок дерева происшествия вместе с их цифровыми кодами и мерами возможности, выраженными соответствующими вероятностями P_i наступления в течение 10 лет, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Сведения об исходных предпосылках дерева происшествия

Код	Наименование предпосылки	Значение P_i
1	Феминизация, нацеленность на карьеру	0,5
2	Снижение роли отца в современных семьях	0,5
3	Культивирование денег, пропаганда гедонизма	0,7
4	Отсутствие пропаганды деторождения	0,6
5	Низкое пособие на ребенка	0,9
6	Высокие цены на товары для детей	0,7
7	Низкие школьные дотации и стипендии	0,8
8	Дорогое образование	0,8
9	Неуверенность в обеспеченности работой в будущем	0,5
10	Недостаточность иных источников дохода	0,6
11	Боязнь за судьбу детей	0,8
12	Осознание невозможности повлиять на ситуацию	0,8
13	Неуверенность в материальной помощи от государства	0,7
14	Обеспокоенность высоким уровнем инфляции	0,8
15	Дороговизна лечения	0,6

16	Отсутствие надежных методов	0,6
17	Нездоровый образ жизни	0.8
18	Недооценка опасности абортов и поздних браков	0,7
19	Стесненные жилищные условия	0,8
20	Доход ниже прожиточного минимума	0,7
21	Отсутствие учреждений полного пансиона для детей	0,9
22	Низкая материальная помощь малообеспеченным семьям с детьми	0,8
23	Опошление традиционных ценностей	0,8
24	Отсутствие жизнеутверждающей идеологии	0,8
25	Ощущение никчемности жизни	0,6
26	Отсутствие профилактики и позднее выявление заболеваний	0.7
27	Безответственность перед семьей	0,8
28	Безответственность перед государством	0,5
29	Разочарование в политике правительства	0,5
30	Невозможность устранения причин легитимными методами	0,4
31	Повышенная стрессовая обстановка	0,7
32	Эквивалентная вершина (обеспокоенность будущим)	0,932
33	Низкий психологический тонус	0,7
34	Неразвитость культуры семейного отдыха	0,8
35	Неразвитость инфраструктуры досуга	0,6
36	Высокое чувство ответственности за семью	0,7
37	Отсутствие иных способов пополнения дохода	0,6
38	Повышенные профессиональные риски	0,6
39	Хронический недостаток времени	0,6
40	Негативное воздействие факторов рабочей среды и экологии	0,8
41	Вредные привычки	0,8
42	Неправильное питание	0,7

Что касается дерева событий – возможных разрушительных исходов демографического вызова, то оно строилось путем воспроизводства тех последствий демографического вызова, которые могут иметь место как при непринятии кардинальных мер по изменению сложившейся демографической ситуации (инерционный сценарий), так и при реализации программы её улучшения (активный сценарий). В табл. 2 представлены конечные события-исходы демографического вызова с их условными вероятностями Q_{ci} и ущербами Y_{ci}, выраженными в миллионах человеко-годов (Мчг) утраченного национального времени.

Таблица 2

Сведения о конечных исходах демографического вызова

№	Наименование конечного события-исхода	Q_{ci}	Y_{ci}
87	Сокращение численности трудовых ресурсов	0,3	15
88	Старение и рост демографической нагрузки на работающих	0,3	10
89	Снижение рождаемости из-за привлечения женщин к труду	0,1	4
90	Подрыв национальной безопасности из-за некомплекта силовых структур	0,2	15
91	Разрушение села из-за дальнейшей урбанизации населения	0,1	5
92	Обострение неконтролируемых процессов на рынке труда	0,2	7
93	Дестабилизация из-за нарушения межэтнического баланса	0,1	4
94	Самосегрегация мигрантов и этнический сепаратизм	0,1	5
95	Криминализация общества и обострение этноконфликтов	0,3	10
96	Постепенное отчуждение Дальнего Востока и Сибири	0,3	15
97	Затраты на исключение отторжения экспертным сообществом	0,2	2
98	Издержки на преодоление идейно-коррупционного саботажа	0,3	20
99	Затраты на обеспечение требуемой внутренней поддержки	0,1	4
100	Издержки на блокирование противодействия за рубежом	0,2	10
101	Затраты на парирование этнорегионального сопротивления	0,2	7
102	Активизация русофобских настроений и провокаций	0,3	2
103	Дестабилизация социально-политической системы	0,2	4
104	Геополитическое давление с угрозами внешней изоляции	0,1	15
105	Противодействие агентов влияния и пятой колонны	0,1	20
106	Радикализация национально-экстремистских элементов	0,3	1

Предложенная выше диаграмма причинно-следственных связей и только что приведенные данные о ее исходных предпосылках и конечных исходах необходимы для последующего количественного анализа демографического вызова.

Количественный анализ моделей

Учитывая трудоемкость данного анализа, для его проведения был привлечен программный комплекс автоматизированного логико-вероятностного моделирования и расчета безопасности «АРБИТР» [6]. Дело в том, что в отличие

от всех известных ныне подобных компьютерных систем, этот комплекс обладает следующими уникальными возможностями: а) способен оперировать сколь угодно большим числом тех учитываемых факторов, вероятности воздействия которых изменяются в широких пределах; б) может оперировать графическими моделями как с древовидной, так и с циклической структурой; в) пригоден для точного прогноза не только перечисленных выше параметров риска, но также количественного вклада конкретных факторов в появление и проявление демографического вызова, а также эффекта от мер по снижению его вредного влияния на национальную безопасность; г) представляет результаты такого прогноза в виде таблиц и наглядных столбчатых графиков; д) использует единое формализованное представление исходных графических моделей в виде так называемых «схем функциональной целостности» (СФЦ), состоящих из ограниченного набора тех символов и реализуемых ими функций, которые показаны в табл. 3.

Таблица 3

Графические символы СФЦ и выполняемые ими функции

i x_i p_i	Функциональная вершина. Обозначает событие x_i, происходящее с вероятностью P_i и относящееся к конкретному элементу i системы.
j	Вспомогательная вершина. Используется для представления логических условий реализации в системе определенных функций.
	Дизъюнктивная дуга. Входит в вершину и используется для представления логической операции «ИЛИ» (дизъюнкция).
	Конъюнктивная дуга. Входит в вершину и используется для представления логической операции «И» (конъюнкция).
i y_i $\bar{y}_i$	Прямая y_i и инверсная $\bar{y}_i$ выходные дуги, соответственно представляющие условия реализации и нереализации своей функции элементом i системы.

Практическое использование программного комплекса включает следующие четыре основных этапа (первый из них выполняются вручную, а остальные три – автоматически):

1. Разработка графической модели исследуемого процесса, её преобразование в соответствующую СФЦ и ввод в программный комплекс совместно с параметрами учитываемых факторов P_i, Q_{ci}, Y_{ci} и логическим критерием функционирования (ЛКФ), указывающим код оцениваемого события и условия его наступления или отсутствия.

2. Преобразование графической модели в логическую, которая представляет собой выражение в терминах булевой алгебры, состоящее из кодов учтенных событий и операторов их обработки путем логического сложения, перемножения или отрицания.

3. Построение расчетного вероятностного многочлена, осуществляемое по правилам алгебры событий с целью сведения логической модели к минимальной дизъюнктивной форме, а затем путем замены кодов событий на вероятности их появления, а логических операторов – на алгебраические знаки сложения и перемножения.

4. Вычисление вероятностных показателей, характеризующих меры возможности и результата возникновения моделируемого события, а также их вклада в значения этих параметров риска, включая возможные изменения под воздействием предлагаемых мероприятий.

С учетом изложенных соображений была осуществлена априорная количественная оценка меры возможности появления демографического вызова. Интерфейс программного комплекса АРБИТР с исходными данными и результатами решения этой задачи показан на рис. 3. При найденных экспертным оцениванием вероятностях исходных предпосылок дерева происшествия (см. правую колонку табл. 1) оказалось, что мера возможности возникновения моделируемого вызова за предстоящие десять лет $M_B = P(X{=}80) \approx 0{,}999988$.

Разработанная выше модель и выбранная технология её автоматизированного количественного анализа позволяют также оценить средний ущерб от демографического вызова и обосновывать рациональные решения по снижению всех параметров соответствующего риска.

В частности, если в качестве критерия рациональности принять экономное расходование финансовых средств и социального времени[1], то положительный либо отрицательный вклад конкретных предпосылок и исходов может быть определен по изменениям вероятности или ущерба от проявления демографического вызова, а также по тем затратам, которые необходимы для реализации мероприятий, предлагаемых для снижения этих параметров риска.

Что касается ожидаемого ущерба $M[Y]$, то его прогноз осуществлялся в предположении, что проявление демографического вызова может идти по одному из двух сценариев – инерционному или активному, а каждый из них завершается двумя промежуточными и пятью конечными исходами. При этом последние считались независимыми совместными случайными событиями, что означает возможность их наступления в разных сочетаниях, например, – только первое, только второе, первое и второе вместе, первое, второе и третье… Изложенная особенность учтена при построении СФЦ, показанной на рис. 4.

Расчет ожидаемого от демвызова среднего ущерба проводился отдельно для каждой группы совместных событий после задания её ЛКФ; для рассмотренной выше он имел вид:

$$Y_c = Y_{501} + Y_{502} + \ldots + Y_{531}.$$

[1] По рекомендации МОТ, гибель одного человека эквивалентна утрате обществом 6000 человеко-дней.

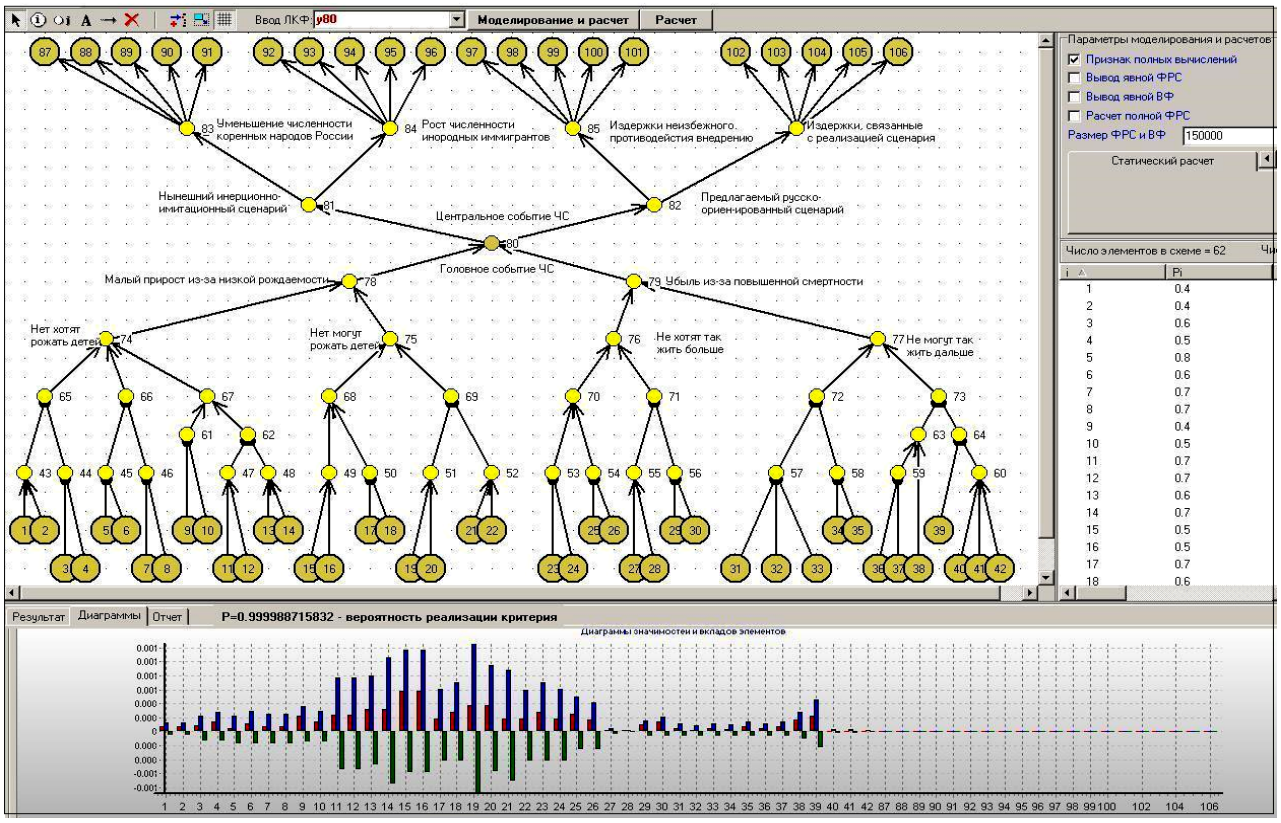


Рисунок 3.
Фрагмент интерфейса с результатами прогноза вероятности демографического вызова

Так как и остальные группы имели одинаковое число (пять) независимых совместных событий, то априорная оценка ожидаемого от них ущерба осуществлена аналогичным образом, но при своих вероятностях Q_{ci} и ущербах Y_{ci} (см. табл. 2). При этом оказалось, что

- ожидаемый средний ущерб по инерционно-имитационному сценарию, вызванный одним лишь уменьшением численности коренных этносов W_r = 10,98905 $\times 10^6$ чг, а только замещением трудовых ресурсов мигрантами W_r = 9,17432 $\times 10^6$ чг;
- ожидаемый средний ущерб по активному русско-ориентированному сценарию, обусловленный одними лишь издержками процесса его внедрения W_r = 9,81477$\times 10^6$ чг, а только негативными последствиями его реализации W_r = 4,91370 $\times 10^6$ чг;
- суммарный ожидаемый средний ущерб, связанный с инерционно-имитационным сценарием развития демографического вызова *W*инерц = 20,16337 $\times 10^6$ чг, а с активным русско-ориентированным сценарием – *W*актив = 14,72847 $\times 10^6$ чг.

Обоснование мероприятий по снижению риска демографического вызова

Выбор подобных мероприятий рекомендуется проводить с учетом значимости вклада конкретных предпосылок и исходов демографического вызова в его появление и проявление: где эти характеристики выше, там мероприятия эффективнее. Однако при иллюстративных расчетах мы ограничились оценкой мероприятий по снижению вероятностей первых четырех предпосылок, т.е. причин низкой рождаемости из-за малого престижа материнского труда вследствие искажения его ценности средствами массовой информации (пропаганда гедонизма, феминизации и нацеленности на карьеру, вместо пропаганды деторождения и повышения роли отца в современной семье). Для снижения обусловленного этим риска демографического вызова были взяты для примера следующие государственно-управленческие решения:

1) послание Президента РФ «О ценностных ориентирах российской государственности»;
2) Федеральный закон «О государственном и муниципальном социальном заказе»;
3) законодательное регулирование СМИ в части защиты морали и нравственности;
4) внесение изменений в нормативные акты РФ, регулирующие вопросы образования.

При оценке результативности предложенных мероприятий мы исходили из суммарных затрат на их подготовку и реализацию в 2595 чг или 3,114 млн. рублей (если считать, что 1 человеко-день соответствует 40 у.е., а 1 у.е. равна 30 рублей). Предполагалось также, что в результате внедрения предложенных мероприятий вероятность исходных предпосылок с кодами 1 – 4 может снизиться до значения 0,2. Повторный расчет при новых значениях этих вероятностей дал снижение вероятности демографического вызова всего на 0,0002[1].

[1] Данный результат наглядно подтверждает принципиальную невозможность решения столь сложной проблемы, зависящей от громадного числа существенных факторов, путем внедрения лишь отдельно взятых мероприятий как, например, – ныне принятого материального поощрения матери двух и более детей.

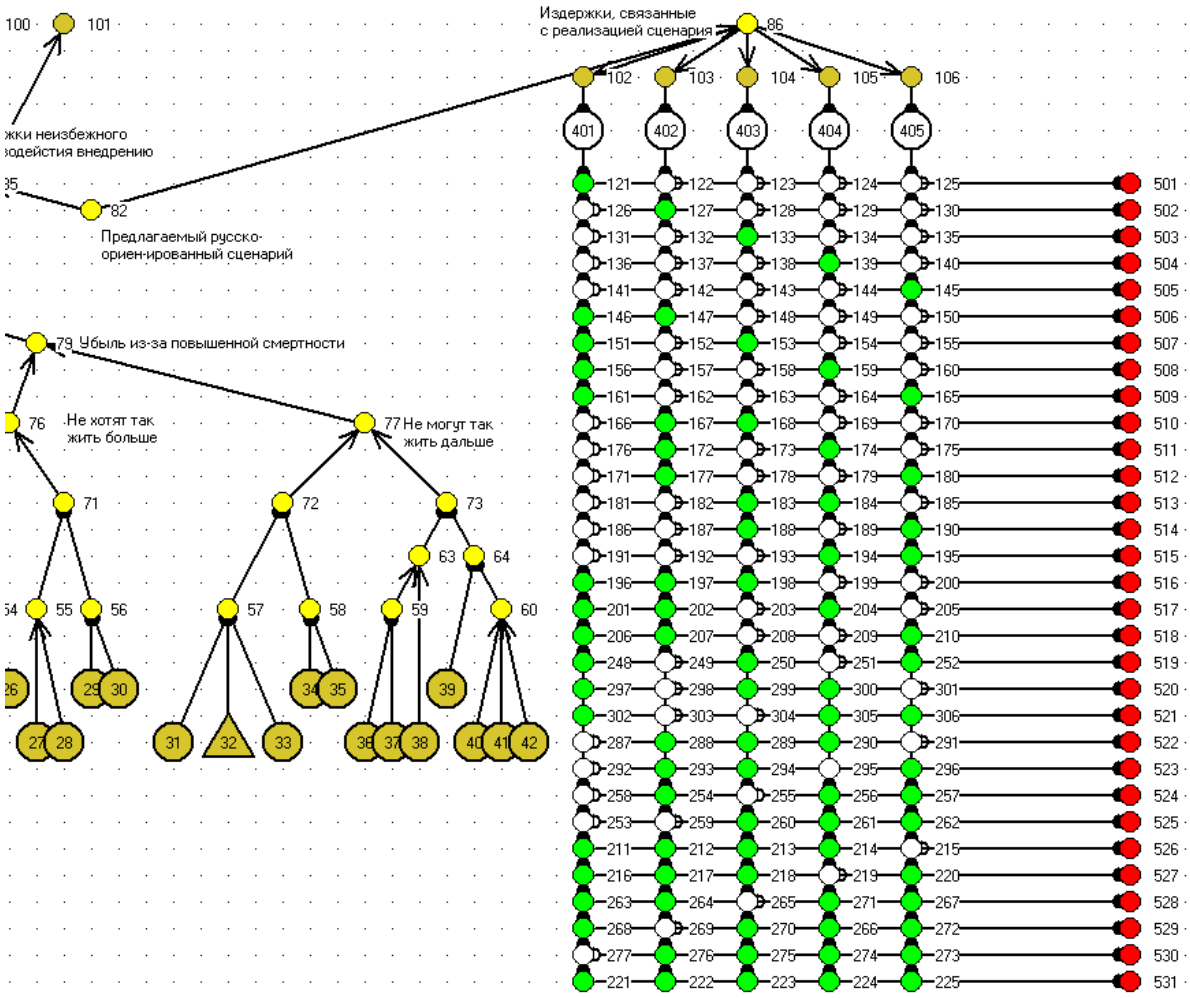


Рисунок 4.
Фрагмент интерфейса АРБИТР с комбинациями исходов демографического вызова

Подобно был проведен перерасчет и ожидаемого среднего ущерба от наступления демографического вызова в случае активного русско-ориентированного сценария. До внедрения мероприятий этот ущерб был равен *W*актив = 14,72847×10^6 чг, а после – 14,72569×10^6 чг, т.е. величина его снижения оказалась равной Δ*W*актив =0,00188 ×10^6 чг или 1880 человеко-лет, что эквивалентно 823,440 млн. руб. Упомянутые и другие оценки параметров до и после внедрения мероприятий по снижению демографического риска представлены на рис. 5.

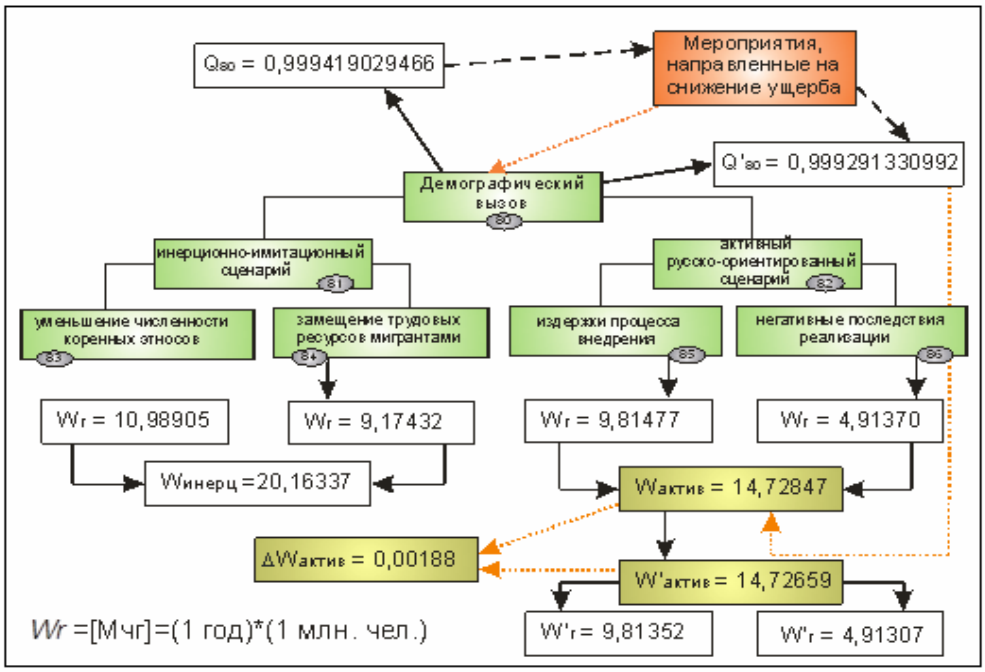


Рисунок 5.
Параметры риска до и после внедрения мероприятий по их снижению

Как видно из приведенных иллюстративных расчетов, моделирование с помощью диаграмм причинно-следственных связей всё же позволяет повысить результативность управления демографическими процессами, хотя для достижения должного эффекта требуются не разовые мероприятия, а обстоятельные программы, типа предложенной авторами [7].

Список литературы

1. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества. – М.: Радио и связь. 1996. – 246 с.
2. Капица С.П. Мировой демографический кризис и Россия // Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона / Под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 71–88.
3. Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. – М., 1999. – № 6. – С. 7–15.
4. Белов П.Г. Национальная безопасность. Теория, методология, практика. – СПб.: Стратегия будущего, 2015. – 486 с.
5. Белов П.Г. Управление рисками. Системный анализ и моделирование. – М.: Юрайт. 2014. – 728 с.
6. Можаев А.С Автоматизированное структурно-логическое моделирование систем. Учебник. – СПб: ВМА им. Н.Г. Кузнецова, 2006. – С. 294–308.
7. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / Монография. В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и др. – М.: Научный эксперт, 2007. – 888 с.

Бойко Ю.П.
к.с.-х.н., ВНИИ картофельного хозяйства
Масюк Ю.А.
н.с. ВНИИ картофельного хозяйства
Старовойтова О.А.
к.с.-х.н., в.н.с. ВНИИ картофельного хозяйства

ОРГАНИЧЕСКИЙ КАРТОФЕЛЬ – ОСНОВА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *органический картофель, экология, безопасность, защита растений, стабильность агроэкосистем.*
Keywords*: organic potato, environment, safety, plant protection, stability of agroecosystems.*

В России стали разводить картофель ещё во времена царствования Петра Великого. В СССР производили около трети мирового валового сбора картофеля. В настоящее время, доля российского картофеля по отношению к мировому производству составляет около 10%.

Получение экологически чистого кулинарного (органического) картофеля связано с созданием агроэкосистем, поддержание экологической устойчивости которых не требует вмешательства ядохимикатов. При этом совершенствуют методики выявления, разведения и повышения эффективности полезных организмов, в том числе энтомофагов, энтомопатогенов и микробов-антагонистов. Генетики создают новые штаммы полезных микроорганизмов, используют метаболиты и их синтетические аналоги. Учёные поддерживают и расширяют Государственную коллекцию микроорганизмов; активируют и насыщают агроценозы полезной флорой и фауной; применяют иммуногенетические методы, создают сельскохозяйственные ландшафтные агроэкосистемы, создают ассоциации поддерживающих друг друга сельскохозяйственных культур (4).

В ВИЗР, ВНИИБЗР, ВНИИФ и других научно-исследовательских организациях создают коллекции организмов с целью сохранения генетических ресурсов и биоразнообразия. Живые коллекции животных и растений служат отправной научной базой для формирования устойчивых агробиоценозов в различных климатических зонах (5).

При получении кулинарного картофеля большое значение имеет проблема борьбы с колорадским жуком, проволочниками, тлями и другими вредителями и переносчиками вирусных болезней картофеля с применением экологически безопасных средств. Особое внимание уделяется изучению естественных врагов этих вредителей, в том числе энтомофагам и микробиологическим агентам. Для биоэкологической защиты картофеля используют микроорганизмы, поражающие или вытесняющие вредные организмы – энтомопатогенные бактерии, вирусы, грибы, паразитические и хищные простейшие, антагонистические, сапрозойные и хищные нематоды и др.

Полезные бактерии. Для повышения плодородия почвы применяют бактерии из родов Азотобактер и Клостридиум, обитающие в клубеньках бобовых растений, способные связывать атмосферный азот из воздуха и переводить его в вещества, доступные для питания растений. Количество азота, ежегодно фиксируемого свободноживущими почвенными бактериями, достигает 5–10 кг/га, примерно столько же азота в связанной форме поступает в почву вместе с осадками. Клубеньковые бактерии в клубеньках бобовых культур накапливают азотистых веществ до 90 кг/га.

При заделке в почву соломы, которая бедна азотом, идёт сначала отток азота из почвы, который идёт на формирование бактерий. Поэтому семена, высеянные в почву с неразложившейся соломой, нуждаются в дополнительном азотном питании. В соломе находятся вещества, которые в высоких концентрациях тормозят прорастание семян сорняков. Дожди и поливная вода ускоряют процесс разложения соломы и вымывают из почвы токсичные вещества.

Ряд видов бактерий играют существенную роль в восстановлении структуры почвы. Этому способствуют выделяемые ими слизистые коллоидные соединения – полиурониды, которые склеивают мельчайшие, в основном глинистые частицы почв.

Качественный и количественный состав микрофлоры земель слабо отзывается на дополнительное внесение минеральных и органических удобрений. Однако на бедных почвах и пустошах внесение органических удобрений способствует существенному повышению численности и качественному составу почвенной микрофлоры.

Дождевые черви оказывают существенное влияние на численность и видовой состав почвенных бактерий. При этом действие пищеварительных ферментов червей способствует жизнедеятельности бактерий, находящихся в поглощаемой ими почве.

В неудобренных почвах живут автохтонные бактерии с замедленным обменом веществ, деятельность которых ограничивается разложением растительных остатков. Это преимущественно микрококки и неспорообразующие палочковидные бактерии. При внесении органических удобрений в почве увеличивается количество так называемых зимогенных бактерий. К этой группе причисляют некоторые виды спорообразующих бактерий, которые до этого при-

сутствуют в почве в качестве покоящихся стадий, а также неспорообразующие псевдомонады, которые расселяются ветрами и дождевыми водами. Зимогенные бактерии размножаются чрезвычайно быстро и характеризуются активным обменом веществ. При исчерпании питательных веществ колонии их быстро исчезают, а отдельные особи или преобразуются в споры или погибают. Клубеньковые бактерии служат источником питания для многих видов мелких почвообитающих животных – нематод и энхетриид.

Из энтомопатогенных бактерий, поражающих многие виды вредных насекомых можно выделить почвенную бактерию тюрингская палочка – Bacillus thuringiensis Berliner. Бактерия активна против многих видов вредителей, в первую очередь поражает чешуекрылых. В настоящее время ведётся целенаправленная селекция штаммов этой бактерии, патогенных к различным видам вредных насекомых. У поражённых бактерией насекомых развивается заболевание, которое называют септицемия. Гибель насекомых наступает через 2–3 суток после заражения. На основе Bacillus thuringiensis создан ряд отечественных микробиологических препаратов против многих видов вредителей. Это Битоксибациллин (БТБ), рекомендованный против колорадского жука и многих видов вредных совок, Дендробациллин, впервые применённый Е.В. Талалаевым против сибирского шелкопряда, Энтобактерин и др. За рубежом на базе этой бактерии созданы биопрепараты Дипел, Новодор и др. Новодор показал высокую эффективность против колорадского жука.

Бактерии антагонисты. Против возбудителей болезней картофеля применяют бактерий-антагонистов. Особенно эффективно применение таких видов бактерий в почве, которая является внешней средой для различных микробиологических сообществ. По данным Т.Д. Страхова, споры головни зерновых культур, попадая в почву под действием почвенных бактерий-антагонистов, быстро теряют жизнеспособность и почва, таким образом, быстро самоочищается от возбудителя. В борьбе с мучнистой росой применяют опрыскивание навозной жижей. Высокая эффективность этого способа борьбы объясняется наличием в навозе антагонистов мучнисторосых грибов, грибницу и плодовые тела которых разрушают бактерии.

Полезные вирусы. Многие виды насекомых поражаются энтомопатогенными видами вирусов. В природных условиях вирусы часто вызывают массовую гибель вредных насекомых. Так эпизоотии наблюдаются у непарного шелкопряда, многих видов совок и др. Больные гусеницы листогрызущих вредителей обычно переходят на вершины деревьев и перед гибелью повисают на ветвях деревьев. Болезнь поэтому назвали «вершинной». Вирусы насекомых обладают редкой специфичностью и приспосабливаются к геному определённого вида. В поражённых вирусом насекомых накапливается по несколько миллиардов телец-включений, которые в дальнейшем служат источником заражения других особей. Из вредителей картофеля вирусами поражаются озимая совка (биопрепарат ВИРИН-ОС) и колорадский жук (биопрепарат ВИРИН-КЖ).

Вирусы-бактериофаги. Антагонистическими свойствами в отношении возбудителей болезней растений обладают некоторые виды вирусов, получивших название бактериофаги. Такие вирусы способны растворять (лизировать) бактериальные клетки. Бактериофаг с успехом применяли против рябухи табака и др.

Полезные грибы. Нередко можно увидеть мёртвых мух, прилепившихся к стёклам. Если внимательно приглядеться то становятся заметными тонкие нити, расходящиеся от мухи в разные стороны. Это гифы энтомопатогенного гриба Empusa muscae, поражающего мух. Тело поражённых насекомых зарастает грибом. В сухую погоду поражённые насекомые быстро высыхают, превращаясь в мумии. Попадая во влажную среду, гриб прорастает, образуя мицелий, который попадая в других особей вызывает их гибель. Впервые против вредителей сельского хозяйства микроскопические грибы применил Мечников. Он использовал гриб зелёная мускардина против жука – кузьки на злаках.

В листовом опаде лесов, в навозе, в компостных кучах и в другом разлагающемся материале обитают грибы, патогенные для почвенных беспозвоночных. К ним относятся представители зоопагалов из групп гифомицетов и фикомицетов, относящихся к несовершенным грибам. В обеих группах есть эктозоические (растущие сверху) и эндозоические (размножающиеся внутри) формы, а также хищники. Представители обеих групп поражают амёб и микроскопических нематод.

Гифомицеты специализировались в основном на нематодах и при этом выработали различные способы захвата добычи. У некоторых видов гифы, находящиеся в почве образуют сети с липкой поверхностью, к которой прилипают нематоды; или гифы образуют клейкие петли, клетки которых набухают, как только нематода попадает в такую петлю. Для других видов грибов достаточно, чтобы кусочек гифы прилепился к телу нематоды. При соприкосновении с жертвой, гриб сразу же пускает внутрь её проникающие ростки (гаустории), которые переваривают внутренние органы нематоды. В почвах сельскохозяйственных угодий такие гифомицеты могут наряду с другими микроорганизмами подавлять размножение фитопатогенных нематод.

Перспективным агентом микробиологической борьбы с фитопатогенными нематодами служит факультативный сапрофаг хищный гриб Артроботрис олигоспора. Достаточно положить на почву пашни несколько капустных листьев и прикрыть их плоскими камнями, чтобы после начала разложения листьев обнаружить там грибы, улавливающие нематод и других микроскопических животных. Обнаружить нематодоулавливающие грибы можно после заделки в почву зелёных удобрений (сидераты). При этом наблюдается быстрое нарастание численности свободноживущих нематод. Вслед за этим повышается активность грибов, ими питающихся. Установлено что фитопатогенные цистообразующиее нематоды из родов Гетеродера и Глободера в свободноживущем состоянии становятся жертвами гриба.

Как и грибы, паразитирующие в растениях, грибы, поражающие членистоногих подразделяются на факультативно сапрофитные и обязательно (облигатно) паразитических с множеством переходных форм. Почвенные насекомые или почвообитающие стадии насекомых заражаются или мицелием или спорами гриба. Споры гриба прорастают внутрь жертвы сразу же после попадания на покровы насекомого. При этом хитиновый покров насекомого предварительно растворяется с помощью хитиназы, выделяемой грибом. Такой ход заражения характерен только для влажной,

дождливой погоды. В сухую погоду гриб развивается в насекомом только вегетативно, а спорообразование начинается либо незадолго до гибели, либо сразу же после гибели жертвы. В погибшем насекомом гриб начинает развиваться как сапрофит. В этот период он переваривает те ткани, которые не были затронуты при его жизни. На активность энтомопатогенных грибов в почве и на поверхности сильно влияют свойства почвы – водопроницаемость, содержание гумуса, уровень структуры почвы и т. д.

Один из самых распространённых энтомопатогенных грибов – Боверия Бассиана (Beauveria bassiana (Bals.) Vuill). Этот патоген поражает более ста видов насекомых, в том числе вредителей картофеля – колорадского жука и озимую совку. На основе этого гриба создан отечественный биопрепарат Боверин, рекомендованный против совок и колорадского жука. В Болгарии выпускают аналогичный биопрепарат Боверол. Грибы из рода Такстериана поражают многие виды тлей (отечественный биопрепарат Энтомофторин), активный против персиковой и других видов тлей.

Грибы-антагонисты. Некоторые виды сапрофитных грибов в процессе жизнедеятельности выделяют ядовитые вещества (токсины), с помощью которых подавляют развитие грибных болезней растений. Такие грибы получили название антагонистов, а токсичные вещества, вырабатываемые ими, антибиотиками. Открыты природные антагонисты, используемые против патогенных грибов из родов Гельминтоспоридия, Ризоктония, Фузария и др. К наиболее активным грибам-антагонистам относятся виды, принадлежащие к роду Триходерма (несовершенные грибы). В настоящее время в борьбе с возбудителями корневых гнилей используют биопрепарат Триходермин, разработанный на основе различных штаммов Триходермы в ВИЗР при непосредственном участии Н.С. Федоринчика. Для борьбы с возбудителями болезней растений применяют также некоторые природные или синтетические антибиотики.

Полезные нематоды – микрогельминты. Микрогельминты обитают во всех систематических группах насекомых Цвалювембург (12) в своей сводке указал на 750 видов насекомых, у которых были обнаружены микрогельминты (= энтомопатогенные нематоды) из 50 родов различных семейств. Существенную роль в регуляции численности колорадского жука играют энтомопатогенные и антагонистические нематоды. Достижения отечественных учёных и передовой зарубежный опыт свидетельствуют о том, что многие виды энтомопатогенных нематод из семейств Гетерорабдитид (Heterorhabditidae), Диплогастерид (Diplogasteridae), Мермитид (Mermitidae) и Штейнернематид (Steinernematidae) перспективны в плане организации биоэкологической борьбы с колорадским жуком и другими болезнями и вредителями картофеля. С их помощью при поддержке других экологически безопасных мер защиты растений можно надёжно защитить картофель и его предшественников без применения химических средств.

Энтомопатогенные нематоды и их энтомопатогенные бактериальные сателлиты эффективны в отношении более ста видов наиболее опасных вредителей сельского и лесного хозяйства. Они быстро размножаются в естественных и экспериментальных хозяевах и на искусственных питательных средах. Это позволяет в сравнительно короткие сроки создавать на их основе технологии производства коммерческих нематодных энтомопатогенных биоинсектицидов и разрабатывать технологии их рационального применения против колорадского жука, подгрызающих совок, проволочников и других сельскохозяйственных вредителей, что становится серьёзной альтернативой химическому методу борьбы с вредителями и болезнями картофеля.

Полезные простейшие. Отдельные виды микроспоридий (представители рода Нозема) – способны регулировать численность вредных видов насекомых, в том числе колорадского жука, озимой совки и др. (7).

Членистоногие энтомофаги. Паразиты и хищники вредителей растений играют большую роль в регуляции численности вредителей картофеля, его предшественников и сопутствующих растений. Большинство паразитов насекомых относится к отряду перепончатокрылых, в частности бракониды, ихневмониды, осы сколии, хальциды и др.

В ограничении численности колорадского жука на картофельных полях существенное значение имеют местные энтомофаги. К энтомофагам колорадского жука относятся многие виды хищных насекомых, в частности представители отрядов насекомых (Insekta) – двукрылые (Diptera); жесткокрылые (=жуки) (Coleoptera), клопы (=полужесткокрылые) (Hemiptera = Heteroptera) и сетчатокрылые (Neuroptera), а также паразитические насекомые из отряда перепончатокрылых насекомых (Hymenoptera). Всего к энтомофагам колорадского жука причисляют 23 вида паукообразных членистоногих и 270 видов насекомых из них 190 видов жуков и 34 вида клопов (2, 3).

Многолетние исследования ВИЗР показали, что местные энтомофаги, за исключением некоторых видов жужелиц, обитающих на поверхности почвы, постоянно заселяют картофельное поле в течение вегетационного периода. В зоне с двумя генерациями колорадского жука развитие наиболее уязвимых начальных фаз второго поколения вредителя совпадает с массовым появлением хищников (1).

На территории европейской части России, где колорадский жук сильно распространился, выявлено свыше 50 видов местных, преимущественно многоядных энтомофагов. Из насекомых к ним относятся хищные жуки, жужелицы златоглазки, хищные клещи, хищные клопы, кокцинеллиды, муравьи, некоторые виды пауков, в частности паук-бокоход (Xysticus Kochi. Thor.), обитающий в лесной и лесостепной зонах и др.

Из энтомофагов, эффективных на родине колорадского жука – американском континенте, в СССР с переменным успехом завозили, разводили в лабораторных условиях и выпускали в природу (интродуцировали) различные виды энтомофагов – хищных клопов периллюс и подизус, паразитическую муху дорифорофагу и специализированного яйцееда эдовум. В целом эти группы энтомофагов снижают численность вредителя в первом поколении на 20–25% и во втором поколении на 80–90%. Местные энтомофаги адаптировались к питанию яйцами, личинками и имаго колорадского жука. Из экологически безопасных способов борьбы с колорадским жуком можно назвать механический сбор личинок и имаго вредителя в периоды массового размножения с помощью пневматического сборщика насекомых ПСН2 (9).

Птицы. Многие виды птиц постоянно или периодически питаются насекомыми. Чем разнообразнее видовой состав окружающих посадки птиц, тем эффективнее осуществляемая ими защита растений от членистоногих вредите-

лей (11). Насекомыми питаются полевой воробей, горихвостка, мухоловка-пеструшка, поползни, большая синица, синица гаичка, синица лазоревка, синица московка, скворцы, удоды и др.

Птицы поедают обычно гладких гусениц, но иногда и волосистые виды, личинок пилильщиков, особенно в годы массового размножения вредителей, мелких жуков, яйца и гусениц молей, взрослых бабочек. Особую роль в уничтожении вредителей играют скворцы – они сдерживают массовое размножение многих видов – свекловичного долгоносика, златогузок в гнёздах, дубовой листовёртки. Скворцы охотно питаются вредителями на полях, особенно после зяблевой вспашки.

Условно биологические методы борьбы. Для борьбы с вредными организмами используют также антифиданты, гормоны и их синтетические аналоги, феромоны, а также массовую интродукцию в биоценозы генетически стерильных членистоногих. Так как в перечисленных выше мерах борьбы задействованы химические вещества, выделяемые агентами биоэкологической борьбы, а не самими животными, применение таких веществ в деле защиты растений от вредителей и болезней можно назвать условно биологическими.

Антифиданты – вещества, применение которых делает защищаемое растение малопригодным для питания вредителем.

Гормоны. Гормоны регулируют физиологические процессы у членистоногих, такие как диапаузу, линьки, развитие, рост и определяют характеристики этих процессов, действуя в чрезвычайно низких концентрациях. Гормоны задерживают линьку насекомого, нарушают его жизненный цикл, в результате чего вредители оказываются неподготовленными к зиме и погибают на несвойственной для вида стадии развития от холода. Гормон насекомых экдизон вызывает дополнительные линьки, в результате чего получаются гигантские особи вредителя. Не имея возможности достигнуть стадии имаго, такие насекомые обычно погибают или становятся добычей насекомоядных птиц или земноводных животных.

Феромоны – вещества (половые аттрактанты), выделяемые насекомыми. Соединения представляют собой пахучие вещества, привлекающие особей противоположного пола. Феромоны или их синтетические аналоги помещают в специальные капсулы и используют в ловушках разного типа для отлова кукурузного мотылька, вишнёвой мухи, плодожорок и других видов вредителей.

Фитонциды. Развитие паразитических грибов и бактерий сдерживают некоторые антибиотические вещества, выделяемые высшими растениями, такие вещества получили название фитонциды. Фитонцидные свойства растений можно использовать как путём совместного выращивания фитонцидных и защищаемых культур, так и приготавливая настойки, отвары, растворы, суспензии, экстракты и др. для обработки вегетирующих растений и запасов в хранилищах. Летучие вещества лука, хрена и чеснока ограничивают размножение многих видов патогенных бактерий и грибов.

Фитонцидные растения. Многие виды растений обладают акарицидными, гербицидными, зооцидными, инсектицидными, репеллентными и фунгицидными свойствами.

Растения акарицидные. Специфическим действием в отношении клещей обладают следующие растения: Аконит носатый, Белена чёрная, Борщевик рассечённый, Горчак ползучий, Карпезиум полынный, Козлятник восточный, Ломонос маньчжурский, Лук репчатый, Мелия, Ольха серая, Пиретрум розовый, Ромашка далматская, Ромашка кавказская (=пиретрум мясокрасный) Синюха голубая, Тысячелистник обыкновенный, Чайное дерево, Чеснок посевной.

На базе использования теоретического и практического опыта советских, российских и зарубежных исследователей нами разработана технология создания устойчивых агроэкосистем для получения органического картофеля и других сельскохозяйственных культур, практически исключающая использование пестицидов. Химические препараты мы применяем только при возникновении первичных и изолированных очагов карантинных объектов или видов, впервые появившихся на территории страны, а также для ликвидации особо опасных болезней и вредителей при лавинообразном размножении на ограниченных площадях.

Мы при этом используем устойчивые к болезням и вредителям сорта картофеля, воспроизводим и применяем агенты биоэкологической борьбы, создаём благоприятные экологические условия для полезных элементов флоры и фауны, что способствует поддержанию в агробиоценозах биологического равновесия (6).

Против фитофтороза мы применяем медный купорос (0.01%), останавливающий развитие фитофторы и биоудобрение КБУ, обладающее фунгостатическими свойствами, биопрепараты на основе энтомопатогенных нематод и др. (10).

Против картофельных цистообразующих нематод проводим ограждающие, предупредительные, профилактические и истребительные мероприятий, достигая уровня поражения картофеля этим патогеном экономически незначимого уровня. От очагов поражения нематодами можно избавиться путем многолетнего выращивания на таких участках культур, не подверженных глободерозу, или устойчивых к глободерозу сортов картофеля. При применении Агат – 25, и других аналогично действующих биопрепаратов, у картофеля образуется мощная корневая система, которая развивается быстрее, чем размножается золотистая картофельная цистообразующая нематода ЗКЦН. В результате кусты картофеля как бы «убегают» от нематодной инвазии и успевают закончить вегетацию, не пострадав в значительной степени от корневого паразита. Клубни, обработанные биопрепаратами Агат-25, Симбионт, Корневая смесь и др. в рекомендованных нормах, обеспечивают быстрый рост растений и интенсивное клубнеобразование.

Картофель можно высаживать на глободерозных участках только после не менее чем пятилетнего возделывания на них непоражаемых сельскохозяйственных культур, в противном случае наблюдается не только накопление патогена в почве, но и возможность возникновения и накопления агрессивных новых рас картофельной нематоды. При возделывании восприимчивых к нематоде сортов часто в пахотном горизонте остаются перезимовавшие клубни, которые в весенний период возобновляют свое развитие, что служит источником сохранения в почве инфекционного начала глободероза. Поэтому такие растения картофеля подлежат полному удалению с полей. Если посадка нематодо-

устойчивых сортов картофеля осуществляется по предшественнику, которым является восприимчивый к глободерозу сорт картофеля, то это неизбежно приводит к смешению сортов, особенно это опасно на семенных участках.

Необходимым профилактическим приёмом, в борьбе с глободерозом картофеля является проведение мониторинга с целью своевременного выявления, локализации и незамедлительной ликвидации первично возникающих больных растений. В фазе начала цветения растений характерные признаки глободероза картофеля проявляются наиболее очевидно. Растения отстают в росте и развитии, низкорослые с одним или двумя тонкими стеблями, с измельченными листьями, со сморщенной листовой пластинкой, которая преждевременно приобретает светлую окраску до сильно выраженного хлороза. Выявление больных растений и своевременное их удаление предотвращает прогрессирующее размножение картофельной нематоды, предупреждает дальнейшее накопление опасного инвазионного начала в почве и предотвращает дальнейшее распространение болезни на свободные места и соседние поля.

Для привлечения местной полезной энтомофауны мы создаём своеобразные «островки безопасности», для чего высеваем различные зонтичные, крестоцветные и сложноцветные нектароносы, например, укроп, кориандр, подсолнечник, топинамбур, топинсолнечник и др. Путём направленной культивации создаём островки клевера, тысячелистника, ромашки. Такие островки составляем с таким расчётом, чтобы цветение растений происходило во все периоды вегетации расположенного рядом картофеля. Таким образом осуществляется привлечение божьих коровок, верблюдок, галлиц, златоглазок, хищных клопов, сирфид и других видов полезных насекомых. Осуществляя эти мероприятия, можно существенно сократить интродукцию паразитов и хищников, улучшить санитарное состояние почвы, обогатить почву оригинальной полезной почвенной микрофлорой. Особое значение сопутствующие картофелю растения могут иметь в условиях небольших приусадебных участков, где цветущие растения имеют ещё и большое эстетическое значение (8).

Применение комплекса мероприятий по созданию экологической стабильности в экосистемах с доминированием картофеля открывает широкие возможности для разработки технологии получения органического кулинарного картофеля и другой экологически безопасной сельскохозяйственной продукции.

На западе разработана научно-техническая документация, регламентирующая получение органического картофеля. У нас работы по созданию технологий производства органической сельскохозяйственной продукции включены в общегосударственную программу: «Разработать адаптивную стратегию интенсификации растениеводства для создания новых сортов и гибридов культурных растений, конструирования высокопродуктивных экологически устойчивых агрофитоценозов и агроэкосистем, высокоточных ресурсосберегающих технологий, возделывания сельскохозяйственных культур на основе нового поколения технических средств с учётом глобального и локального изменения климата», в которой наш институт принимает непосредственное участие. В экспериментальном севообороте органического картофеля в ООО Редкинская Агропромышленная компания (Тверская область) под руководством специалистов ФГБНУ ВНИИКХ получены партии сертифицированного органического картофеля.

Список литературы

1. Бондаренко Н.В. Биологическая защита растений. – М.: Агропромиздат, 1987. – 278 с.
2. Гусев Г.В., Коваль А.Г. Биологический метод борьбы с колорадским жуком. – М., 1990. – 64 с.
3. Гусев Г.В. Энтомофаги колорадского жука. – М.: Колос, 1991. – 171 с.
4. Захаренко В.А., Новожилов К.В. Фитосанитарный щит для продовольствия России. – М.; СПб.: Интегрейд корпорейшн, 1998. – 366 с.
5. Захаренко В.А. Павлюшин В.А., Воронин К.Е., Дмитриев А.П., Михайлова Л.А., Афанасенко О.С., Жемчужина А.И., Исмаилов В.Я. Каталог Государственных коллекций полезных и вредных организмов. – М.; СПб.: 2001. – 81 с.
6. Зейрук В.Н., Масюк Ю.А., Абашкин О.В., Черников В.И., Тихонова Л.В., Марьяновская М.В., Трофименков В.Н. Экологические аспекты борьбы с болезнями и вредителями // Материалы докладов международной научно-практической конференции «Биологическая защита растений, перспективы и роль в фитосанитарном оздоровлении агроценозов и получении экологически безопасной продукции. 23–25 сентября 2008 г. – СПб., 2008. – С. 236–240.
7. Исси И.В. Микроспоридии, регулирующие численность вредных видов // Труды ВИЗР. 1968. – Вып. 31. – С. 300–330.
8. Подобедов В.И., Масюк Ю.А., Абашкин О.В., Зейрук В.Н., Абросимов Д.В. Энтомофауна картофеля и топинамбура в экстремальных условиях 2010 – 2011 гг. // Топинамбур – многофункциональная биотехнологическая культура 21 века. Материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2011. – С. 26–29.
9. Старовойтов В.И., Перфильева С.Д., Черников В.И. Пневматический сборщик насекомых ПСН2,8 в борьбе с колорадским жуком. Информационный листок. – М.: МособлЦНТИ, 1998. – № 108–98. – 2 С.
10. Тихонова Л.В., Зейрук В.Н., Абашкин О.В., Кукушкина Л.Н., Масюк Ю.А., Марьяновская М.В., Черников В.И. Борьба с фитофторозом с помощью энтомопатогенных нематод // Современная микология в России. Тезисы докладов Второго съезда микологов. – М., 2008. – Т. 2. – С. 305.
11. Защита растений в устойчивых системах землепользования. – Торжок, 2003. – Т. 1. – 391 с.
12. Zwaluwenburg R.H. van. The Interrelations of Insects and Round-worms // Bull. Expt. Sta. Hawaitan Sugar Planters.. 1928. – N 20. – 68 p.

Зотов Н.А.
заместитель руководителя Управления здравоохранения Альметьевского муниципального района МЗ РТ
Назмутдинова Р.Н.
к.соц.н., доцент, Альметьевский филиал Университета управления ТИСБИ

О РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАМКАХ ГОДА ПРОФИЛАКТИКИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ И О ПЛАНАХ НА 2017 ГОД В АЛЬМЕТЬЕВСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: *онкологические заболевания, профилактика рака, заболеваемость в Альметьевском муниципальном районе, противораковая кампания, терапия предраковых и ранних стадий онкологии, онкологическая помощь.*

Keywords: *oncological diseases, cancer prevention, sickness rate in Almetyevsk municipal district, anti-cancer campaign, treatment of precancerous and early stages of cancer, cancer care.*

Общеизвестно, что хорошее здоровье является главным ресурсом для социального и экономического развития как общества в целом, так и отдельной личности и является важнейшим критерием качества жизни. Будучи важнейшим свойством трудовых ресурсов, общественное здоровье оказывает огромное влияние на социально-экономическое развитие, приобретая наряду с такими качественными характеристиками рабочей силы, как образование, квалификация, роль ведущего фактора экономического роста. Необходимо констатировать, что здоровье редко является предметом заботы человека. Свое здоровье люди используют как товар, продавая труд, собственные ресурсы для увеличения доходов и социального статуса. Очень жаль, но здоровье нередко приобретает цену только после его утраты.

Ведущая роль в воздействии на уровень здоровья населения принадлежит социально-экономическим факторам, к которым относятся жилищно-бытовые условия; благоустройство территории; степень урбанизации территории; вредные привычки – алкоголизм, курение, наркомания; величина доходов населения; развитие социальной помощи нуждающимся группам населения; наличие или отсутствие достойной работы; доступность и качество образования; проблемы семьи и нравственности – разводы, аборты, суициды, преступность, в том числе убийства; религиозные особенности; старение населения, и т.д.

Мы считаем, что в целях дальнейшего улучшения здоровья необходимо концентрировать усилия в пяти направлениях: общественной политике, физической и социальных средах, на непосредственных условиях местной среды, на совершенствовании персональных умений избирать здоровый образ жизни и на медицинском обслуживании.

Онкологические заболевания – ведущая группа патологий современного человечества. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что раком может заболеть любой человек, но более 30% всех случаев смерти от рака можно предотвратить. Эксперты отмечают, что в ближайшие десятилетия онкологическая заболеваемость будет расти во всем мире. В этой связи важна просветительская работа с целью повышения онкологической настороженности населения. Это требует особого внимания и новых решений, как со стороны государства, так и со стороны каждого человека.

В Европе за счёт профилактики рака число заболевших людей было снижено на 20%. В мировой медицинской практике, наметился прогресс успешного лечения ранних стадий заболевания. Сдерживающие факторы – сложность организации регулярных масштабных диагностических обследований на доклинической стадии рака, высокая скорость патогенеза некоторых её форм.

Первичная заболеваемость злокачественными новообразованиями в Российской Федерации, в том числе и в Республике Татарстан, неуклонно растет. В структуре заболеваемости в Татарстане — это поражения кожи, молочной железы и толстой кишки. Средний возраст заболевших в Альметьевске составляет 68 лет: 66 мужчины и 72,5 – женщины. Основные причины смертности в Альметьевском муниципальном районе (уже умерли 1 214 человек, в 2010 – 915) – это рак легкого (1-е место), рак желудка (2-е), рак молочной железы (3-е). Это были запущенные формы заболевания. Но всем пациентам мы говорим, что рак это не приговор. Очень важно в этом свете плотное взаимодействие в области диагностики злокачественных новообразований с представителями всех медицинских специальностей.

В целях привлечения внимания общества к вопросам сохранения и укрепления здоровья населения указом президента республики Татарстан Рустамом Нургалиевичем Минниханов 2016 год объявлен годом профилактики онкологических заболеваний.

13 мая 2016 года главой Альметьевского муниципального района Айратом Ринатовичем Хайруллиным было подписано соответствующее распоряжение. Определен план мероприятий, состоящий из информационного медиаблока, ивента и полиграфии, в общей сложности по 17 пунктам. Лучшим мероприятием в борьбе с раком на сегодняшний день является борьба с курением и неправильным питанием, уменьшением ультрафиолетового облучения.

В рамках проекта «Образование против новообразований» был создан сайт: http://poleznoznat.info/, на котором любой человек может получить знания о профилактике онкологических заболеваний, пройти тест, узнать о факторах снижения вероятности онкологических заболеваний, а также позвонить на горячую линию и получить консультацию. В рамках этой кампании состоялся информационный проект «Альметьевск против рака груди». Организаторы мероприятия и волонтеры Альметьевского медицинского колледжа говорили об основных причинах онкологии, врачами-онкологами было осмотрено 560 женщин, выявлено 88 различных патологий молочных желез, из них 6 подозрений на рак молочной железы, 1 подозрение на рак кожи. Эти женщины отправлены на дообследование и уточнение диагнозов.

В течение 2016 года было проведено много лекций, образовательных школ для пациентов с раздачей памяток и буклетов, на стеллах и баннерах размещалась информация о 10 шагах профилактики онкологических заболеваний, проводились акции с бесплатным обследованием желающих на предмет выявления онкозаболеваний. В городе предпринимаются меры, направленные на сокращение использования автомобильного транспорта, устанавливается приоритет общественного транспорта, велосипедов, электротяги, запрещение использования бензина, содержащего свинец.

Сегодня в Альметьевске (онкоцентр которого обслуживает 9 районов республики с численностью населения 630,3 тысяч человек, более 14 тысяч онкологических больных состоят на учете) проводятся малоинвазивные хирургические и эндоскопические операции, организованы новые подразделения: круглосуточный онкологический стационар с палатами интенсивной терапии, региональный эндоскопический центр с возможностью общего обезболивания, второй зал для химиотерапии. Открылось отделение выездной паллиативной помощи на 2 врачебные бригады.

Организация противораковой работы в Альметьевском районе поставлена на очень высокий уровень. Профилактическая направленность здравоохранения и района в целом позволяет влиять на факторы риска и способствовать раннему выявлению заболевания. Мы с уверенностью можем сказать, что онкологическая помощь на сегодня доступна: открыты 4 первичных онкологических кабинета в МСЧ, АДГБ, ЦРБ и 3 поликлинике, куда пациенты могут попасть по направлению терапевта или ВОП, так и по самообращениям, есть филиал РКОД. Пациентам обеспечено адекватное лечение, контроль и реабилитация, им также оказывается паллиативная помощь, обеспечивающая качественное дожитие наших пациентов.

Естественно, что в ранней диагностике принимают участие не только учреждения здравоохранения, но и работодатель, и сам гражданин, своевременно проходя медицинские осмотры и обращаясь за медицинской помощью. Это государственная программа, поэтому руководство обязано предоставить день для бесплатного медицинского обследования. Специалисты призывают граждан: «Придите, пройдите, сделайте!» Вовремя сделанная флюорография, ФГДС, маммография и другие медицинские обследования помогают выявить зачатки заболевания, назначить эффективное лечение и предотвратить летальный исход. Очень важна диспансеризация взрослого населения, для визита к специалистам потребуется всего лишь один день.

Очевидно, что важнейшую роль в решения этой проблемы играет первичная профилактика. Поэтому мы позволим себе напомнить 10 правил профилактики рака.

1. Бросайте курить! Курение является причиной более 20% всех смертей от рака в мире. В 70% случаев курение является причиной развития рака легких и губ.

2. Будьте сдержанны, употребляя алкоголь! Крепкие спиртные напитки, крепленые вина способствуют развитию рака полости рта, гортани и желудочно-кишечного тракта.

3. Избегайте сильного и длительного солнечного облучения. Чрезмерное воздействие УФ-излучения, которое человек получает не только от солнца, но и от оборудования для искусственного загара, вредно для здоровья.

4. Соблюдайте правила охраны здоровья на рабочих местах. Интенсивность воздействия канцерогенов в связи с профессиональной деятельностью несет в себе риск развития рака.

5. Придерживайтесь правил рационального питания! Чаще употребляйте свежие фрукты, овощи, соки, продукты из злаковых. Избегайте переработанных мясных продуктов.

6. Остерегайтесь избыточного веса. Ограничивайте употребление высококалорийных продуктов. Будьте физически активны, по меньшей мере, 30 минут в день.

7. С 45 лет необходимо ежегодно проходить медицинские осмотры.

8. Обращайтесь немедленно к врачу, если вы обнаружили у себя необычную припухлость, опухоль или неясное кровотечение (кровянистые выделения)!

9. Научитесь самообследованию молочных желез. Регулярно проходите УЗИ, маммографию: от 35 до 45 лет – 1 раз в 2 года, старше 45 лет – ежегодно. Деторождение и грудное вскармливание снижают риск рака молочной железы, применение оральных контрацептивов и гормонозаместительная терапия увеличивают его.

10. Не забывайте ежегодно с 20 лет проходить гинекологические осмотры в смотровом кабинете или в женской консультации.

Оптимизм, с которым медики относятся к терапии предраковых и ранних стадий онкологии, основан на практическом использовании достижений науки и новейших технологий. В этой связи можно отметить:

– внедрение в повседневную практику высокоэффективных малоинвазивных диагностических комплексов КТ, МРТ, МСКТ, ПЭК-КТ, позволяющих в режиме реального времени проводить 2D и 3D визуализацию единичных скоплений пораженных клеток (на стадии предрака), документировать и мгновенно передавать результаты в ведущие онкологические центры для компетентного анализа;

– медицинскую кооперацию, направление пациентов в рамках государственной программы для лечения в ведущие специализированные медицинские центры с оплатой услуг из средств бюджета РФ или бюджета территорий РФ;

– лучшее понимание механизма патогенеза ранних стадий онкопроцесса, новые способы и методы лечения, основанные на открытиях в области биохимии, патофизиологии, клинической медицины.

Карманов М.В.
д.э.н., профессор Российского экономического университета
Karmanov.MV@rea.ru
Махова О.А.
к.э.н., доцент Российского экономического университета
Makhova.OA@rea.ru

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ ПАРАМЕТРОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС

Ключевые слова: *страны БРИКС, численность населения, гендерная диспропорция, возрастная структура населения, старение населения, демографический потенциал.*

Keywords*: BRICS countries, population, gender disparity, age structure of population, population aging, demographic potential.*

С момента своего возникновения и до настоящего времени БРИКС был и продолжает оставаться объединением стран, обладающим на нашей планете самым мощным демографическим потенциалом[1]. В его состав входят первые два государства из тройки мировых лидеров по общей численности населения (или три государства из первой пятерки, или четыре государства из первой десятки). Данный факт предопределяет доминирующее положение стран БРИКС на демографической карте земного шара (табл. 1).

Таблица 1

Демографические масштабы БРИКС

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Среднегодовая численность населения, млн. чел.	2624,2	2775,7	2903,5	3003,7
Удельный вес в общей численности населения мира, %	43,3	42,6	42,1	41,7

За 2000–2014 гг. общая среднегодовая численность населения стран БРИКС увеличилась на 379,5 млн. чел. или на 14,5% (все население Земли за этот же отрезок времени возросло на 1 млрд. 151 млн. чел. или на 19%). То есть, несмотря на некоторое снижение (на 1,6 процентных пункта) своего относительного представительства, государства БРИКС сосредотачивают на своей территории почти 42% жителей земного шара, обеспечив в текущем столетии почти 33% абсолютного прироста их численности[2].

Внутри самого объединения стран БРИКС имеются заметные количественные различия, объективно связанные с размерами двух глобальных демографических лидеров – Китая и Индии. При этом следует обратить внимание на то, что они носят порядковый характер, так как число жителей Китая и Индии в разы превышает число жителей Бразилии и России и в десятки раз число жителей ЮАР. В относительном выражении это проявляется следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения по странам БРИКС, %

Страны	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Бразилия	6,6	6,7	6,7	6,8
Россия	5,6	5,2	4,9	4,8
Индия	38,0	39,5	40,5	41,2
Китай	48,1	47,0	46,1	45,4
ЮАР	1,7	1,6	1,8	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

С 2000 по 2014 гг. численность населения выросла: в Бразилии – на 17,0%, в Индии – на 24,3, в Китае – на 8,1, в ЮАР – на 21,6%. И только в России наблюдалась депопуляция, которая выразилась в итоговом сокращении числа жителей на 3,2 млн. чел. или на 2,2%. По указанным причинам Бразилия и ЮАР незначительно (соответственно всего на 0,2 и 0,1 процентного пункта) увеличили свое демографическое представительство в составе БРИКС, а Китай и тем

[1] Давыдов В.М. БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. – М., 2015. – № 5. – С. 13–18.

[2] БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 235 с.

более Россия его уменьшили (соответственно на 2,7 и 0,8 процентных пунктов)[1]. Особняком в рассматриваемом ряду стран стояла Индия, которая за счет самого высокого за рассматриваемый период времени темпа прироста сумела нарастить свой демографический вес в БРИКС на 3,2 процентных пункта.

С учетом национальных запасов территории, имеющихся в каждом государстве, произошло изменение физической плотности населения (рис. 1). Число жителей на один квадратный километр территории, возросло во всех государствах БРИКС за исключением Российской Федерации, где имело место небольшое снижение. Причем максимальная плотность заселения территории наблюдалась в Индии и Китае, где она заметно превышала средний мировой уровень, который в 2014 г. составлял чуть более 53 человек на км^2. ЮАР была достаточно близка к указанному рубежу, а вот Бразилия и особенно Россия были заселены значительно реже.

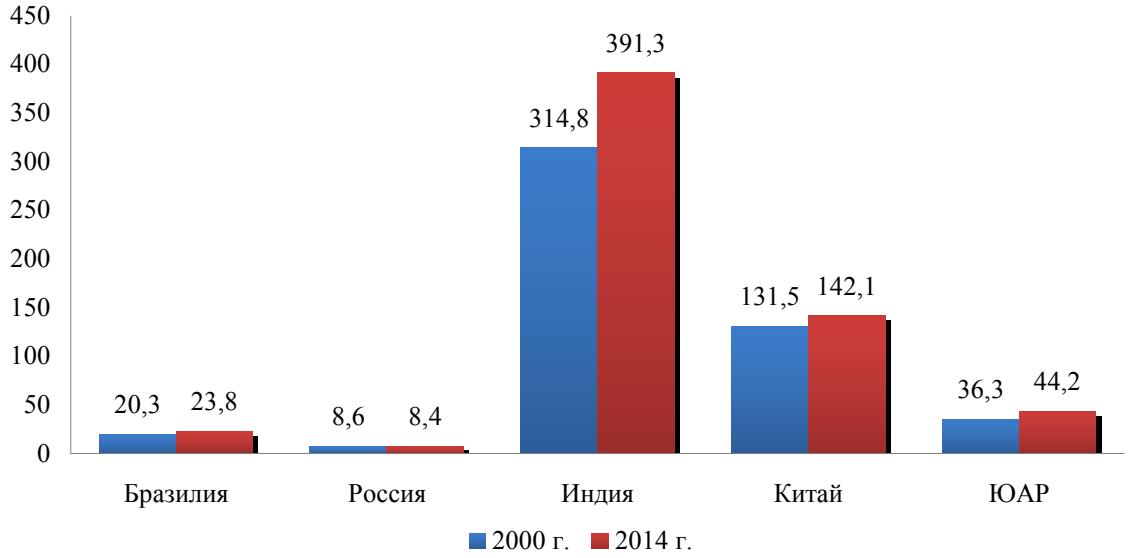


Рисунок 1.
Физическая плотность населения по странам БРИКС, чел. на км^2

Среди государств БРИКС, впрочем, как и среди многих других государств земного шара, Россия выделяется низким уровнем физической плотности населения, что связано с огромным размером ее территории, составляющей 13% всей территории земного шара.

В гендерном аспекте государства БРИКС представляют собой достаточно неоднородное образование, входящие в него страны различаются не только состоянием, но и направлением динамики полового распределения жителей (табл. 3).

Таблица 3

Половая структура населения стран БРИКС, %

Страны	2000 г.		2014 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Бразилия	49,7	50,3	49,4	50,6
Россия	46,8	53,2	46,3	53,7
Индия	51,8	48,2	51,8	48,2
Китай	51,8	48,2	51,2	48,8
ЮАР	51,6	48,4	48,9	51,1

По состоянию на текущий момент государства БРИКС можно разделить на две группы: страны с преобладанием мужского населения и страны с преобладанием женского населения. К первым относятся Индия и Китай, а ко вторым – Бразилия, Россия и ЮАР. Причем если за последние пятнадцать лет Индия сохранила практически на одном уровне степень превосходства мужчин над женщинами, то Китай при наличии мужского превосходства двинулся в сторону постепенного выравнивания половой структуры населения. Развитие гендерных пропорций стран второй группы шло по разным направлениям. За 2000–2014 гг. Бразилия и Россия усилили превосходство женщин над мужчинами, а ЮАР вообще совершила своеобразный структурный «кульбит», поменяв преобладание мужчин в начале века на почти равноценное преобладание женщин в настоящее время.

С позиций степени диспропорциональности полов (разница по модулю удельных весов мужчин и женщин во всем населения) наблюдались подвижки, представленные в табл. 4.

[1] Боков А.Н., Карманов М.В., Смелов П.А., Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А. Демографические угрозы Российской Федерации в условиях глобализации. – М.: РУСАНС, 2016. – 156 с.

Таблица 4

Распределение стран БРИКС в зависимости от степени диспропорциональности половой структуры населения

Степень диспропорции полов, %	2000 г.	2014 г.
До 1 (слабая)	Бразилия – 0,6%	–
1 – 3 (средняя)	–	Бразилия – 1,2% Китай – 2,4% ЮАР – 2,2%
3 и более (сильная)	Россия – 6,4% Индия – 3,6% Китай – 3,6% ЮАР – 3,2%	Россия – 7,4% Индия – 3,6%

В текущем столетии среди государств БРИКС степень гендерной диспропорции усилилась в Бразилии и России, ослабла в Китае и ЮАР, а в Индии осталась на стабильном уровне. При этом ее минимум наблюдался в Бразилии, а максимум в России, где преобладание женщин явно носит чрезмерный характер.

В последние годы страны, входящие в состав БРИКС, уверенно двигались в фарватере ряда глобальных трендов, одним из которых была дальнейшая урбанизация общества (рис. 2).

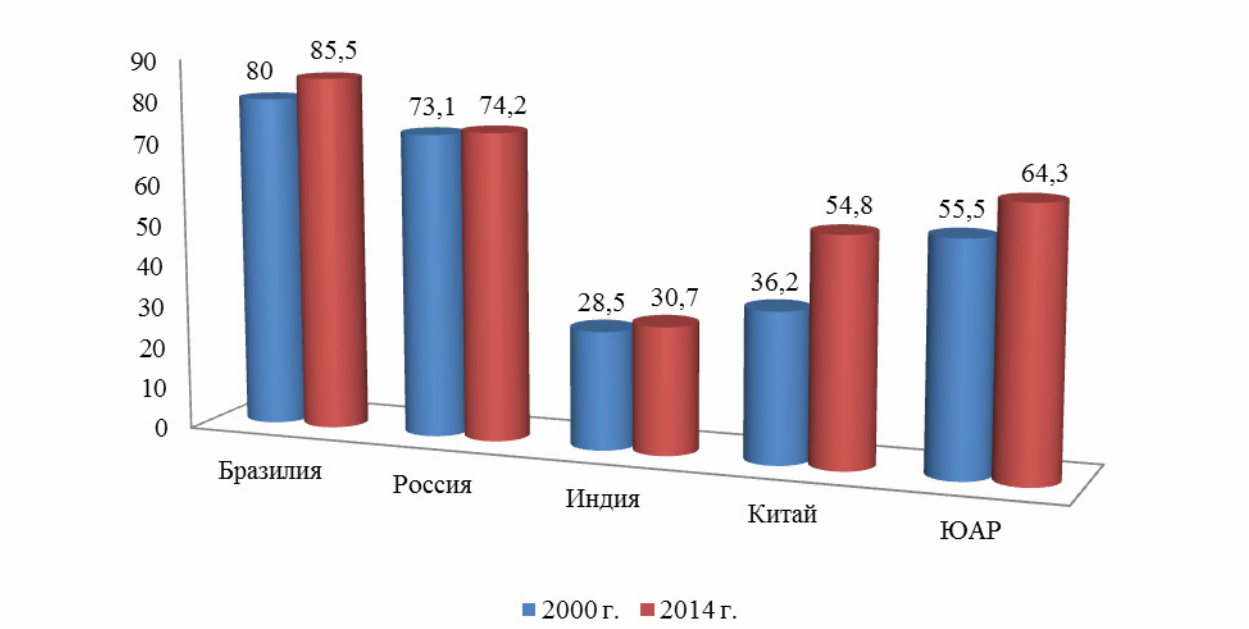


Рисунок 2.
Удельный вес городских жителей в общей численности населения по странам БРИКС, %

С точки зрения уровня урбанизации общества государства, входящие в состав БРИКС, распадаются на две качественно различные группы. В первую из них попадают страны, где либо до сих пор преобладают сельские жители (Индия), либо преобладание городских жителей носит минимальный характер (Китай). Ко второй группе относятся страны, где преобладание городских жителей носит либо заметный (ЮАР), либо существенный (Бразилия и Россия) характер.

С глобальных позиций приходится констатировать, что два крупнейших по численности населения государства земного шара достаточно долго относились к разряду сельских популяций, а Китай всего несколько лет назад смог перешагнуть в категорию стран с преобладанием городских жителей. Причем китайский «скачок» в удельном весе городского населения с 2000 по 2014 гг. сразу на 18,6 процентных пунктов следует признать быстрым и внушительным. Также заметно вырос уровень урбанизации общества в ЮАР и в Бразилии, а вот изменения, произошедшие в Индии и в России, по нашему мнению, можно признать медленными. Правда, если в России они наблюдались в районе почти трех четвертей всех жителей, то в Индии удельный вес горожан даже не смог перевалить рубеж одной третьей части всего населения.

Чтобы разобраться в причинах подобных расхождений необходимо обратить взгляд на динамику численности городских жителей (табл. 5).

Максимальный темп прироста числа городских жителей за 2000–2014 гг. зафиксирован в Китае (63,2%), что собственно и обеспечило его столь стремительное продвижение по «рельсам» урбанизации общества. ЮАР, Индия и Бразилия тоже отличались заметными темпами прироста количественных размеров городской популяции (соответственно 41,1%, 34,1 и 23,1%), правда, в Индии примерно такими же темпами развивалась и сельская популяция, а поэтому уровень урбанизации общества рос крайне медленно[1].

[1] Ткаченко А.А. О демографическом развитии стран БРИКС. Заметки с цивилизационного форума «Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС» // Демографическое обозрение. 2014. – Т. 1, № 4. – С. 135–144

Таблица 5

Изменение численности городского населения по странам БРИКС

Страны	Численность городского населения в 2000 г., млн. чел.	Численность городского населения в 2014 г., млн. чел.	Темп роста (убыли) городского населения, %
Бразилия	140,9	173,4	123,1
Россия	107,4	106,6	99,3
Индия	283,7	380,3	134,1
Китай	459,1	749,2	163,2
ЮАР	24,6	34,7	141,1

Из общего ряда стран БРИКС выбивалась Россия, где за период времени, рассматриваемый в табл. 5, численность городских жителей не возросла как в вышерассмотренных странах, а наоборот снизилась на 0,7%. И только то обстоятельство, что численность сельских жителей сократилась еще более существенно, чем численность городских, привело к дальнейшему повышению уровня урбанизации российского общества.

Другим достаточно устойчивым глобальным трендом в настоящее время является продолжающийся процесс демографического старения общества. Он выражается в том, что в результате взаимодействия естественных и миграционных компонент в различных странах мира наблюдается увеличение удельного веса лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения. Его воздействию в той или иной степени оказались подвержены и страны БРИКС (табл. 6).

Таблица 6

Характеристики возрастной структуры населения стран БРИКС

Страны	Численность жителей в возрасте 60 лет и старше, млн. чел.		Темп роста численности населения в возрасте 60 лет и старше, %	Удельный вес жителей в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения, %	
	2000 г.	2014 г.		2000 г.	2014 г.
Бразилия	14,2	23,0	162,0	8,2	11,3
Россия	26,8	27,8	103,7	18,2	19,3
Индия	72,0	102,9*	142,9	7,2	8,3
Китай	130,9	212,4	162,3	10,4	15,6
ЮАР	2,7	4,5	166,7	6,1	8,3

* Оценка.

С 2000 по 2014 гг. во всех государствах БРИКС наблюдалось увеличение численности лиц в возрасте 60 лет и старше. Причем, если в России этот процесс протекал достаточно медленно (за рассматриваемые пятнадцать лет число старых людей повысилось на 3,7%), то в остальных странах рост был существенным – чуть более чем 1,4 раза в Индии до почти 1,7 раза в ЮАР. В результате удельный вес старых людей в обществе увеличился: в Бразилии на 3,1; в России на 1,1; в Индии на 1,1; в Китае на 5,1 и в ЮАР на 2,2 процентных пункта. Правда, данные показатели были достигнуты государствами в рамках качественно различных этапов шкалы демографического старения Э. Россета (табл. 7).

Таблица 7

Оценка степени старости населения стран БРИКС

Удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения, %	Характеристика	2000 г.	2014 г.
До 8	Демографическая молодость	Индия ЮАР	–
8–10	Начало старения	Бразилия	Индия ЮАР
10–12	Собственно старение	Китай	Бразилия
12 и более	Демографическая старость	Россия	Россия Китай

В настоящее время самыми молодыми в демографическом отношении среди государств БРИКС являются Индия и ЮАР, а самыми старыми – Россия и Китай. Причем с 2000 по 2014 гг. все страны БРИКС сделали качественный шаг вперед. Индия и ЮАР вошли в стадию начала старения, Бразилия – в стадию собственно старения, Китай – в стадию демографической старости, а Россия продолжила свое поступательное развитие в рамках очень высокого уровня демографической старости (удельный вес стариков в обществе от 18% и выше).

Подобные трансформации объективно не могли не сказаться на изменениях типов возрастной структуры населения, определяемых на основании классификации Г. Сундберга (табл. 8 и 9).

Таблица 8

Возрастная структура населения стран БРИКС в 2000 г., %

Возрастные группы, лет	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
До 15 (дети)	30,0	18,4	34,3	23,0	35,1
15–49 (родители)	49,9	49,7	47,3	51,8	47,9
50 и старше (прародители)	20,1	31,9	18,4	25,2	17,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 9

Возрастная структура населения стран БРИКС в 2014 г., %

Возрастные группы, лет	Бразилия	Россия	Индия*	Китай	ЮАР
До 15 (дети)	23,7	16,3	28,5	16,5	30,0
15–49 (родители)	51,2	49,3	50,9	52,8	49,6
50 и старше (прародители)	25,1	34,4	20,6	30,7	20,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Оценка.

Общее направление трансформации возрастного состава населения государств БРИКС в текущем столетии проявилось в сужении поколений детей и в расширении поколений родителей[1]. В итоге за рассматриваемый период времени поколения детей сузились: в Бразилия – на 6,3; в России – на 2,1; в Индии – на 5,8; в Китае – на 6,5 и в ЮАР – на 5,1 процентных пунктов. Соответственно за пятнадцать лет поколения родителей расширились: в Бразилии – на 5; в России – на 2,5; в Индии – на 2,2; в Китае – на 5,5 и в ЮАР – на 3,4 процентных пунктов. Причем только в России относительное расширение поколений родителей по размеру превзошло относительное сужение поколений детей, и только в нашей стране наблюдалось одновременное сужение не только поколений детей, но и поколений родителей (на 0,4 процентного пункта). В Бразилии, Индии, Китае и ЮАР поколения родителей расширили свое относительное представительство в обществе.

Изменение распределения жителей по поколениям привела к тому, что за период времени с 2000 по 2014 гг. имели место следующие изменения типов возрастной структуры (табл. 10).

Таблица 10

Эволюция типов возрастной структуры населения по странам БРИКС

Типы возрастной структуры населения	**2000 г.**	**2014 г.**
Прогрессивная	Индия ЮАР	–
Стационарная	Бразилия	Индия ЮАР
Регрессивная	Россия Китай	Бразилия Россия Китай

В 2014 г. в кругу государств-членов БРИКС уже не осталось ни одной страны с прогрессивным типом возрастной структуры общества, для которого характерно серьезное преобладание поколений детей над поколениями прародителей. Индия и ЮАР на практике «разменяли» прогрессивный на стационарный тип возрастного распределения жителей, а Россия и Китай продолжили свой путь развития в пределах регрессивного типа, заметно наращивая превосходство поколений прародителей над поколениями детей[2].

В целом, если попытаться обобщить основные направления и результаты демографического развития стран БРИКС в текущем столетии, то, по нашему мнению, с достаточно высокой степенью вероятности можно говорить о следующих перспективах. Несмотря на некоторое сокращение демографического веса государств БРИКС, связанное с более высокими уровнями рождаемости, например, на африканском континенте и в мусульманском мире, в ближайшие десятилетия это объединение стран, скорее всего, сохранит свое лидирующее представительство на демографической карте земного шара. Государства, входящие в состав БРИКС, явно продолжат свое развитие в русле целого ряда глобальных демографических трендов, связанных с дальнейшим ростом уровня урбанизации общества, постарением популяции, снижением интенсивности рождаемости, сокращением уровней младенческой и детской смертности, что подготовит объективные предпосылки для трансформации основных параметров воспроизводства населения.

[1] Побегаева Д.Б. Изучение динамики и структуры социальных показателей стран-членов БРИКС // Инновационная наука. 2016. – №8-1. – С. 116–120.

[2] Калугина З.И. Человеческое развитие в странах БРИКС: общее и особенное // Регион: Экономика и Социология. 2016. – № 3. – С. 250–268.

Киселев С.Н.[1]

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ключевые слова: *Дальний Восток, демографические тенденции, старение населения, проблемы народонаселения, возрастная группа.*

Keywords: *Far East, population projections, population aging, population problems, age group.*

Медико-демографические характеристики населения являются наиболее важными проблемами внутренней жизни страны, особенно это касается дальневосточного региона. Изменения в составе населения влияют на производительность труда, масштабы инфляции и распределение доходов, определяют политику государства в области семейной политики, развития системы образования и подготовки кадров, здравоохранения, жилищной политики, сферы услуг, формирования структуры занятости [10].

За общими цифрами численности населения, рождаемости, смертности стоят глубинные демографические процессы, приводящие к изменению количественного и качественного состава населения, а значит, требующие принятия конкретных управленческих решений в системе оказания медицинской помощи. В последнем докладе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ, 2015), посвященном целям развития тысячелетия, связанным со здоровьем, было отмечено, что мир сегодня подвергается важным демографическим изменениям, что формирует и актуализирует потребности в продвижении здоровья, профилактике заболеваний и медицинской помощи [11].

Неоднозначность демографической ситуации в Российской Федерации послужила стимулом к разработке и принятию целого ряда законодательных и нормативных актов, реализация и мониторинг которых имеют прямое отношение к системе здравоохранения.

Ситуация, складывающаяся на Дальнем Востоке России, не перестает привлекать внимание политиков и государственных деятелей, специалистов, работающих в области демографии и охраны общественного здоровья, которые характеризуют ее как кризисную, а в ряде случаев – как катастрофическую.

Развитие Дальнего Востока является сегодня приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации, что, в частности, закреплено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. («Стратегия-2020») и ряде стратегических документов [1–7].

В сентябре 2015 года распоряжением Правительства Российской Федерации была создана некоммерческая организация «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке», основной целью деятельности которой является комплексное решение вопросов по обеспечению ДВФО трудовыми ресурсами, достижение положительной миграционной динамики за счёт дополнительного притока населения и его закрепления, а также реализация положений Закона «О дальневосточном гектаре».

На прошедшем в сентябре 2016 года Восточном экономическом форуме (г. Владивосток) с участием Президента РФ В.В. Путина обсуждались новые и интересные идеи по улучшению демографической ситуации в регионе, направленные на создание новых рабочих мест, от которых напрямую зависит рост населения Дальнего Востока, привлечение в ДВФО жителей других регионов и зарубежных стран.

Участниками 2-й Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока», которая проходила в Хабаровске под эгидой Министерства РФ по развитию Дальнего Востока в октябре 2016 года, подготовлен и направлен в Правительство Российской Федерации для утверждения до конца 2016 года итоговый перечень мер демографического развития регионов Дальнего Востока, который будет положен в основу Концепции демографического развития Дальнего Востока. В числе этих мер предложены конкретные мероприятия, в том числе погашение части ипотечных кредитов при рождении первого и второго ребенка; развитие рынка арендного жилья, проведение кампании по популяризации образа семей с детьми, в том числе многодетных семей, реализация специальной программы повышения качества медицинских услуг на уровне первичного звена, создание специальных центров доабортного консультирования и т.д. Отдельно участники конференции обсудили меры по реализации закона о «дальневосточном гектаре», который мог бы стать действенным ресурсом для развития самозанятости и предпринимательства, источником повышения благосостояния людей, проживающих на Дальнем Востоке.

За последнее десятилетие XX века население Дальневосточного федерального округа сократилось на 897,2 тыс. человек. В период с 2001 по 2015 г. темпы сокращения населения снизились, однако за этот период регион потерял еще 964,7 тыс. человек, в общей сложности за четверть века сокращение составило 23,1%, что представляет угрозу

[1] Киселев Сергей Николаевич – д.м.н., профессор, декан лечебного факультета, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом истории медицины и правоведения Дальневосточного государственного медицинского университета МЗ РФ, г. Хабаровск. E-mail: serkiss@rambler.ru

для безопасности страны. Наиболее значительное сокращение зарегистрировано в Чукотском автономном округе (в 3,2 раза), Магаданской обл. (в 2,6 раза), Камчатском крае и Сахалинской области (в 1,5 раза). Отток населения из территорий округа вызван существенным отставанием жизненного уровня населения этого региона от среднего по России. Соотношение между величиной денежных доходов населения и величиной прожиточного минимума в начале 2015 г. оказалось ниже среднероссийского в 1,4 раза.

Сокращение численности населения за счет естественной убыли и миграционных процессов имеет далеко идущие последствия: деформируется возрастная структура населения, сокращается численность экономически активного населения, увеличивается демографическая нагрузка на занятое население. Все эти моменты имеют важное значение для стратегии развития любой территории. Естественно, что в сложившихся условиях слабая заселенность районов Дальнего Востока, соседствующих с перенаселенным Китаем, вызывает особую тревогу.

Деформация возрастной структуры населения развивается в направлении сокращения доли населения в возрасте моложе трудоспособного и увеличении доли населения старших возрастных групп, в том числе пенсионного возраста.

Как видно из табл. 1, в целом по стране удельный вес населения в возрасте моложе трудоспособного уменьшился в 2015 г. по сравнению с 1991 г. на 6,3%, а в возрасте старше трудоспособного увеличился на 5,6%. За этот же период в Дальневосточном федеральном округе численность населения в возрасте моложе трудоспособного уменьшилась на 8,4%, а численность населения в возрасте старше трудоспособного выросла на 10,6%. Наибольшее сокращение населения в возрасте моложе трудоспособного зарегистрировано в Магаданской и Еврейской автономной областях (9,4 и 9,3% соответственно), в Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях произошло максимальное увеличение населения в возрасте старше трудоспособного (15,2%, 13,8 и 12,0% соответственно).

На Дальнем Востоке более резко, чем в России в целом, сократилась доля лиц в возрасте моложе трудоспособного. В 2015 г. удельный вес этой группы составил относительно 1991 г. 69,6% (по России – 74,1%). Среди всех федеральных округов – это максимальное сокращение. В перспективном периоде также не предполагается роста населения в возрасте моложе трудоспособного. Следовательно, вырисовывается весьма негативная картина демографического будущего. В этих условиях опасность представляет неизбежное нарастание темпов сокращения населения за счет сужения его воспроизводственной базы.

Таблица 1

Возрастной состав населения по федеральным округам, %

Федеральный округ	удельный вес возрастных групп в общей численности населения								
	Моложе трудоспособного			трудоспособного			Старше трудоспособного		
	1991 г.	2002 г.	2015 г.	1991 г.	2002 г.	2015 г.	1991 г.	2002 г.	2015 г.
Российская Федерация	24,3	18,6	18,0	56,7	60,7	57,4	19,0	20,7	24,6
Центральный	20,9	16,4	15,6	56,1	59,3	57,6	23,0	24,3	26,8
Северо-Западный	23,1	16,8	16,3	58,3	62,5	57,9	18,6	20,7	25,8
Южный	26,0	21,1	17,6	54,9	58,4	56,7	19,1	20,5	25,7
Приволжский	24,6	19,1	18,0	56,0	60,2	56,8	19,4	20,7	25,2
Уральский	25,9	19,1	19,7	57,5	62,6	57,7	16,6	18,3	22,6
Сибирский	26,9	19,8	19,9	56,9	62,1	57,2	16,2	18,1	22,9
Дальневосточный	27,6	19,8	19,2	61,4	65,1	59,2	11,0	15,1	21,6

Сокращение численности населения в возрасте моложе трудоспособного в перспективе приведет к уменьшению населения в репродуктивном возрасте, сокращению экономически активного населения со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими и геополитическими последствиями.

Дальневосточный федеральный округ – в числе лидеров по приросту доли населения в возрасте старше трудоспособного. Удельный вес данной категории в возрастной структуре населения вырос к 2015 г. против 1991 г. на 96,4% (по России – на 29,5%). Опять-таки такого максимального прироста населения старше трудоспособного возраста нет ни в одном из федеральных округов России.

Доля трудоспособного населения уменьшилась на Дальнем Востоке за период с 1991 до 2015 г. на 2,2%, тогда как по России за этот же период времени она увеличилась на 0,7%. Можно было бы считать изменение удельного веса этой категории граждан незначительным, если бы этот процесс не сопровождался существенным сокращением удельного веса населения в возрастной группе младше трудоспособного (на 8,4%), являющейся резервом пополнения контингента трудоспособного возраста. В течение последних лет наметилась тенденция сокращения абсолютной численности трудоспособного (рис. 1). На 1 января 1991 г. в регионе насчитывалось 4,8 млн. человек этой группы, в 2002 г. – 4,58 млн., а в 2015 году – уже 3,7 млн. чел., т. е. произошло уменьшение на 23,7%.

Рост в структуре населения доли лиц старше трудоспособного возраста свидетельствует, что Дальний Восток стремительно идет к своей старости. Принято считать, что население территории стареет, если в его структуре лиц старше 65 лет более 7%. Уже сегодня можно говорить, что в Дальневосточном округе происходит прогрессирующее старение населения. Доля лиц старше 65 лет стабильно увеличивается. Если в 1979 г. в структуре населения региона она составляла 4,8%, то в 1989 г. – 5,0, в 1999 г. – 7,3, в 2001 г. – 7,7, а в 2015 г. – уже 12,2%. Постарение населения в недалеком будущем может создать серьезные проблемы в плане увеличения демографической нагрузки на тех, кто занят трудовой деятельностью. В 2002 г. на Дальнем Востоке этот показатель составлял 537 человек нетрудоспособного возраста на каждую 1000 населения трудоспособного возраста, к началу 2016 г. достиг величины 690 нетрудоспособных. При таком соотношении занятого населения и иждивенцев весьма трудно обеспечить достойную жизнь проживающему в регионе населению.

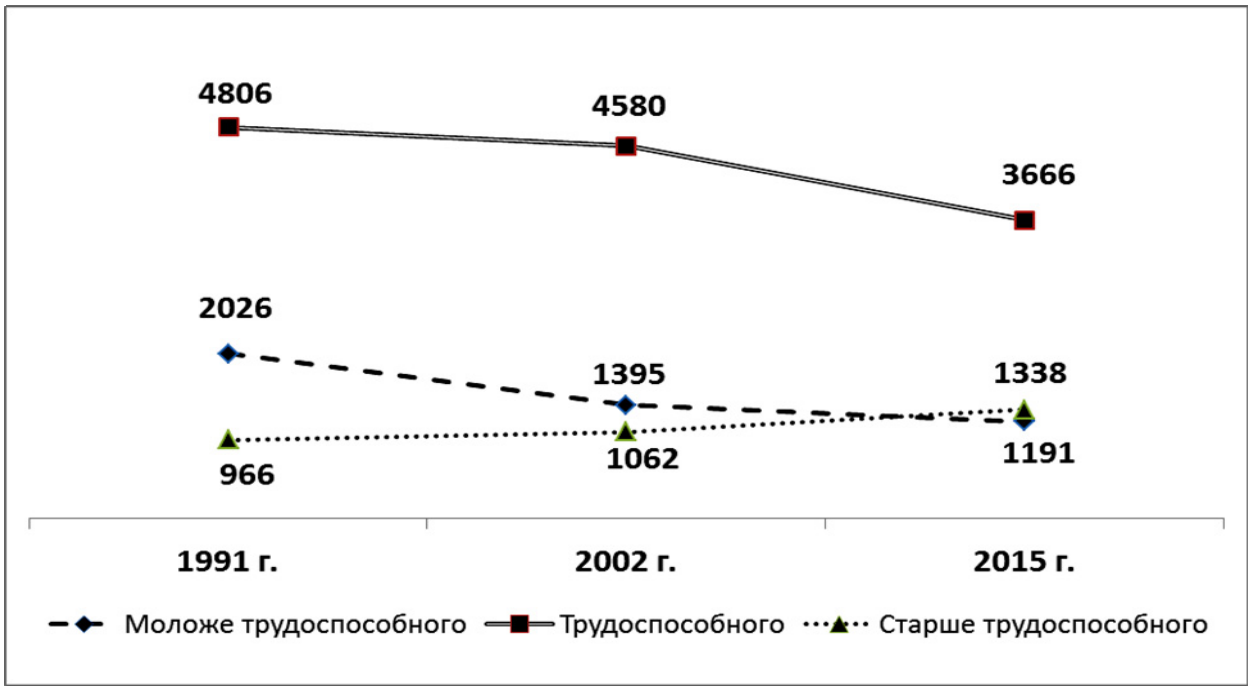


Рисунок 1.
Численность населения Дальнего Востока по основным возрастным группам на 1 января соответствующего года, тыс. чел.

Сохранение современного режима воспроизводства населения и динамика численности возрастных контингентов будут оказывать серьезное влияние на экономику и социальное развитие региона в будущем. В плане долгосрочной перспективы социального развития региона указанные тенденции носят выраженный негативный характер в плане формирования трудового потенциала, поскольку трудовые ресурсы будут пополняться все более малочисленными поколениями молодежи. Особенно неблагоприятны отдаленные перспективы (2035 г. и последующие), когда из трудоспособного возраста начнут выходить относительно многочисленные контингенты 80-х годов рождения, которым не будет адекватной замены из идущих вслед за ними малочисленных поколений.

Таким образом, происходящая на Дальнем Востоке деформация возрастной структуры населения ухудшает его качественные характеристики и разрушает основы народонаселения региона, формировавшиеся в течение многих десятилетий с большими трудностями и издержками. В сложившихся условиях необходимо принятие неотложных мер по преодолению негативных тенденций в демографическом развитии Дальнего Востока.

Считаем, что в современных условиях сохранение людского потенциала в Дальневосточном регионе и удовлетворение потребности в рабочей силе в первую очередь должны осуществляться за счет проживающего здесь населения, генетически адаптированного к местным условиям. В связи с этим, прежде всего, следует исходить из необходимости закрепления местного населения, создания всех необходимых условий для появления стимулов жить и работать на Дальнем Востоке. Тем не менее, регион для возрождения своей экономики не сможет обойтись без привлеченного населения, поэтому очевидно, что без притока трудовых ресурсов извне не обойтись. Необходимо формировать новые принципы миграционной политики, обеспечивающие привлекательность региона, для того чтобы помочь мигрантам обосновываться на дальневосточной земле и обрести здесь вторую родину.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия».
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения».
5. Указ Президента РФ от 31 августа 2012 г. № 1248 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике».
6. Указ Президента РФ 19 декабря 2012 года № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
7. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
8. Киселев С.Н. Динамика возрастной структуры населения Дальневосточного федерального округа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2004. – № 2. – С. 22–24.
9. Киселев С.Н. Медико-социальные аспекты демографических процессов в Дальневосточном федеральном округе // Дальневосточный медицинский журнал. 2004. – № 3. – С. 5–9.
10. Медков В.М. Демография: учебник. – М.: Инфра-М, 2007. – 683 с.
11. World health statistics 2015. WHO, 2015. – 164 p.

Низамов И.Г.
д.м.н. профессор Кафедры общественного здоровья, экономики и управления здравоохранением Казанской государственной медицинской академии Минздрава России
kafedra.oz@yandex.ru, ignizamov@mail.ru

СМЕРТНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ ТОРМОЗНОЙ МЕХАНИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: *уровни, структура и динамика смертности экономически активного населения, социально-экономическое развитие.*

Keywords: *mortality rate of the economically active population, levels, structure, dynamics, socio-economic development.*

Основной целью научно-технического прогресса является гармоничное развитие человека, его физических и духовных возможностей. Речь идет о создании комфортной среды обитания, в которой бы формировался здоровый, благополучный и счастливый человек.

При таком подходе к пониманию главной цели развития экономика становится важнейшим средством ее достижения.

Темпы развития экономики, в свою очередь, зависят от количества и качества трудовых ресурсов общества, важнейшими индикаторами которых являются здоровье, образованность и мотивированность к конкурентоспособному труду.

Численность трудовых ресурсов постепенно уменьшается [1, 8]. Так, за 2008-2015 гг. она в Татарстане уменьшилось на 5% и составляет 1,7 млн. человек [9]. Уменьшение численности трудовых ресурсов на 1% означает более 19 тыс. исчезнувшего населения. Это сопоставимо с численностью среднего района республики.

Вместе с тем, в мире общая численность населения постепенно стабилизируется. По данным Томаса Пикетти, в 2013-2014 гг. темпы роста экономики превысили 3%, тогда как рост мирового населения составляет 1% в год [5].Таким образом, теория Мальтуса не подтверждается практикой – в мире численность населения постепенно стабилизируется и к концу нынешнего года составит 7,5 млрд. человек. Естественный прирост положительный.

Является аксиомой то, что без должного уровня здоровья нет конкурентоспособного работника, высокой эффективности его трудовой деятельности и благополучия в обществе.

Как известно, обобщенными интегральными количественно измеряемыми индикаторами состояния и динамики здоровья населения трудоспособного возраста являются, в первую очередь, демографические показатели, среди которых особое внимание хотелось бы обратить на частоту смертности.

К сожалению, мы еще очень далеки от понимания сути, смысла таких явлений Природы, как Жизнь и Смерть. Природа устроена так, что между этими двумя ее явлениями постоянно происходит известная диалектическая борьба, в которой во всех случаях победителем оказывается Смерть.

В свое время ученики спросили Сократа, чтобы он ответил на вопрос: «Что такое смерть?» Мудрец сказал: «Что можно говорить о Смерти, если мы еще ничего не знаем о Жизни. Причина Смерти известна только богам».

Как видим, разработанность проблемы существенно не сдвинулась с места, а ведь прошли тысячелетия!

Медицина со времен своего рождения ищет ответы на вопрос: «Почему люди болеют»? Ей некогда было заниматься изучением вопросов типа: «Почему люди не болеют? Почему отдельные индивидуумы и группы населения остаются здоровыми на длительное время, долго живут. Где причины их крепкого здоровья?». К сожалению, по большому счету, и здесь нет обоснованных в полной мере ответов, хотя уже многие годы проблема стучится во все двери и окна [7].

Роль медицины в современной жизни заключается в завоевании определенного пространства у Смерти для возможного продления сроков жизни человека. Результаты этой работы измеряются минутами, часами, сутками, а также годами и десятилетиями, однако общие ее итоги не дают большого повода для оптимизма, ибо Смерть всегда побеждает врача, каким бы сверхспециалистом он не был.

В свое время Джек Лондон говорил, что Жизнь – это игра, из которой человек никогда не выходит победителем.

Исходя из сказанного, какие-то «шапкозакидательские» программы по существенному снижению смертности на популяционном уровне следует считать неуместными. Другое дело, ориентация в работе на достигнутые успехи в этой области в отдельных регионах страны, а также на зарубежный опыт.

Важно то, что в рамках страны или ее субъектов нельзя допускать сверхвысоких размеров, а также резких различий в уровнях смертности как общей, так и в отдельных возрастных группах. Эти тревожные уровни могут быть сбалансированы дополнительными управленческими усилиями соответствующих структур общества.

Уровень смертности работающего населения в стране, а также в Республике Татарстан за 2015 год, сложился следующим образом.

Россия в прошлом году потеряла 459 440 человек своего трудоспособного населения, в т.ч. 364 727 мужчин и 94 713 женщин [13]. Количество умерших мужчин почти в 4 раза (3,8) превышает абсолютные размеры смертей среди женщин. Таким образом, в стране и республике Татарстан продолжается сверхсмертность мужской части работающего населения – наших непосредственных кормильцев. Это наш фирменный знак.

Соответствующие интенсивные показатели по России составляют в расчете на 1000 населения 5,4%, 8,2, 2,3%.

Люди экономически активного возраста уходят в иной мир, в первую очередь, вследствие:

1) болезней органов кровообращения – 29,8%

2) внешних причин – 26,3%

3) злокачественных новообразований – 14,5%

4) болезней органов пищеварения – 9,2%

5) болезней органов дыхания – 4,3%

Доля указанных пяти нозологических форм в структуре смертности ЭАН составляет 84%.

Татарстан потерял за прошедший год 2015 г. около 11 тыс. (10 612 человек) работающего населения (табл. 1). Структурные характеристики смертности примерно совпадают с общероссийскими.

Таблица 1

Численность умерших в трудоспособном возрасте в Республике Татарстан (в абс. числ. и на 1000 населения соответствующего возраста, 1990–2015 гг.)

Годы	Всего умерло	Частота смертности (на 1000 населения)
1990	8826	4,3
1991	9116	4,4
1992	10 289	5,0
1993	12 166	5,9
1994	14 007	6,7
1995	12 655	6,8
1997	12 233	5,8
1998	11 612	5,4
1999	12 157	5,6
2000	13 570	6,1
2001	14 264	6,4
2002	14 167	6,3
2003	14 363	6,4
2004	15 225	6,6
2005	15 735	6,7
2006	14 261	6,0
2007	13 876	5,9
2008	13 361	5,6
2009	12 405	5,2
2010	12 908	5,5
2011	12 341	5,3
2012	11 702	5,0
2013	11 400	4,9
2014	11 644	5,1
2015	10 612	4,7
Итого	329 262	–

Интенсивный показатель смертности в Татарстане немного меньше (4,7‰) российского, вместе с тем, данный уровень следует считать предельно неблагоприятным.

Сегодня в стране и Республике Татарстан в трудоспособном возрасте умирает 23–25% от общего количества умерших, что в абсолютных размерах составляет 228–248 человек из 1000 умерших.

Подобного рода человеческих потерь не имеет ни одна из более-менее развитых стран мира.

Средний возраст умерших в трудоспособном возрасте равен всего 51 году. Ежегодный недополученный ВРП от преждевременной смертности экономически активного населения Республики Татарстан составляет более 10 млрд. рублей, что равно одной четвертой части консолидированного бюджета здравоохранения.

В нашей стране умирает:

а) молодое население, которые по законам Природы должно жить;

б) это происходит в мирное время;

в) сказанное наблюдается на фоне снижения численности трудовых ресурсов и роста демографической нагрузки на работающее население;

г) люди умирают преимущественно от, так называемых, управляемых причин смертности со стороны здравоохранения и общества в целом.

В известном смысле, для нас пока еще остается загадкой крайне неравномерная распространенность смертности ЭАН по отдельным территориям республики (табл. 2).

Таблица 2

Колебания уровней смертности ЭАН по отдельным территориям Республики Татарстан в 2015 году (в расчете на 1000 населения соответствующего возраста)

Сравнительно низкие уровни смертности в (3,8-3,9‰) в	Сверхвысокие уровни смертности (7,0‰ и выше) в
г. Казани г. Наб. Челны Рыбно-Слободском и Тюлячинском районах	Агрызском Лениногорском Спасском Мензелинском и Алькеевском районах

В 2015 г. низкие уровни смертности ЭАН зарегистрированы в г. Казани и Набережные Челны, а также в Рыбно-Слободском и Тюлячинском районах (3,8–3,9%). Сверхвысокие ее уровни наблюдаются в Агрызском, Лениногорском, Спасском, Бугульминском, Мензелинском и Алькеевском районах (7,0% и выше).

В этих районах показатели смертности только ЭАН существенно выше, чем уровень общей смертности в ряде стран Европы, в Японии, Корейской республике и т.д. Вариабельность уровней смертности ЭАН на указанных территориях доходит до 2 раз. Таким образом, в республике ***объективно существует проблема неравенства по здоровью среди трудоспособного населения.***

Нам думается, что в ближайшее время в стране должна быть развернута комплексная исследовательская и практическая внедренческая деятельность, целью которой является поиск адекватных ответов, прежде всего, на 2 вопроса:

1) почему настолько разнятся размеры продолжительность жизни и смертности ЭАН по территориям;

2) каковы причины высокой, а также низкой смертности ЭАН в разрезе отдельных районов и городов.

Уникальность ситуации заключается в том, что сегодня руководители здравоохранения не готовы дать адекватного системного ответа на подобного рода вопросы. Они по-видимому не ощущают актуальность данной проблемы, ее остроту и общегосударственную значимость.

Сегодня ряд креативных организаторов здравоохранения добиваются позитивных результатов, как правило, только на экстенсивных путях развития отрасли (здания, новые службы, инфраструктура, внедрение зарубежного опыта и т.д.)

Системно подготовленные профессионалы берут за главный критерий оптимальности ***здоровье и сбереженные человеческие жизни.***

В этом заключается качество их профессиональной компетентности.

В последние годы в стране реализован ряд точечных государственных программ, направленных на снижение заболеваемости и смертности вследствие отдельных нозологических форм с оценкой их эффективности.

Вместе с тем, их результаты нуждаются в известном осмыслении с точки зрения оптимальности и влияния на более укрупненные интегрированные критерии здоровья, каковыми несомненно являются размеры общей смертности по возрастам, ожидаемой продолжительности жизни (Аганбегян А.Г., 2015).

Вызывает по этому поводу беспокойство и то, что на фоне некоторого уменьшения размеров общей смертности и смертности по отдельным нозологиям одновременно наблюдается ее рост по причине, например, «старости», из-за «симптомов и синдромов», различных отклонений от норм [4, 6]. Иными словами, смертность «переливается из одного кармана в другой», чего по логике вещей не должно было бы происходить.

Справедливости ради, хотелось бы подчеркнуть, что наши нынешние старания по снижению смертности можно сравнить с усилиями, направленными на приближение к результатам, достигнутым здравоохранением страны полвека тому назад. Иными словами, мы догоняем вчерашний день, а результаты в этой области носят в основном восстановительный характер.

Дело в том, что в 60-е годы прошлого столетия в Татарстане было уже достигнуто снижение уровня общей смертности до 7,0 на 1000 населения.

Подумать только, это ведь современный уровень смертности в развитых странах Европы, который был достигнут в наших условиях 55 лет тому назад!

Сказанное дает очень серьезный повод к размышлениям с точки зрения, как это могло произойти при тех ресурсах здравоохранения, развития науки и технологий того времени?

Этот вопрос пока остается без ответа, или имеющиеся объяснения располагают слабой доказательной базой.

Концептуальная декомпозиция потерь от высоких уровней смертности работающего населения в том виде, как мы их сегодня понимаем, может быть рассмотрена как с экономической, так и с медико-социальной и социально-экономической позиций.

1. Экономические потери связаны с

– потерей трудовых ресурсов и проблемой поддержания необходимых темпов роста ВВП страны;

– необходимостью увеличения расходов для обеспечения потребностей социально-малозащищенных групп населения;

– обострением проблем формирования адекватного бюджета государства (в т.ч. бюджета медицины, образования, культуры и т.д.)

2. К общим медико-социальным потерям относятся:

– усиление процесса исчезновения семей – первичных ячеек общества;

– стабилизация сравнительно низких уровней рождаемости;

– потеря основных кормильцев оставшихся членов семьи (дети, старики, инвалиды);
– рост количества детей-сирот и полусирот с соответствующими последствиями для общества;
– повышение психосоциального напряжения среди населения;
– увеличение размеров неравенства в обществе.

В конечном итоге все сказанное, оказывая кумулятивный эффект, существенно усложняет реализацию современных приоритетных планов социально-экономического развития общества.

Расчеты показывают, что двухкратное снижение смертности ЭАН, что вполне реально, означает для страны сбережение жизни более 200 тысяч трудящихся с соответсвующим социально-экономическим результатом. Однако, данный результат может быть достигнут только при условии достаточного ресурсного обеспечения здравоохранения.

Руководители органов и учреждений отрасли, будучи высококообразованными и интелегентными людьми, как правило, благодарят властные структуры «за отеческую заботу» о здоровье народа. Это происходит на фоне финансирования медицины прорядка 3–5% от ВВП [11].Сегодня для здравоохранения нужна материнская забота, ибо только мать способна накормить своих детей, оставаясь при этом сама голодной или полуголодной.

Для решения подобного рода суперзадач требуется весьма существенная модернизация системы управления охраной здоровья населения страны. Суть ее заключается в создании раздельной и в то же время взаимоинтегрированной системы охраны здоровья и системы здравоохранения. Ведущие ученые страны – специалисты в области общественного здоровья и здравоохранения профессора Хабриев Р.У., Линденбратен А.Л., Комаров Ю.М., Щепин О.П., Стародубов В.И. и их соратники считают, что нам необходимо принять новую стратегию охраны здоровья населения как основу социальной политики государства. В ней следует раздельно рассматривать системы охраны здоровья и здравоохранения. По мнению указанных авторов, ответственность за сохранение и укрепление здоровья и создание условий для здорового образа жизни ложится на государство и органы власти, а за восстановление утраченного здоровья и трудоспособности по медицинским причинам – на отрасль «Здравоохранение» [7, 12].

Граждане с их желанием быть здоровыми и не болеть должны быть в фокусе внимания государства, а пациент с его проблемами и надеждами на выздоровление – в центре внимания здравоохранения.

Реализация данного пионерского проекта, который нам весьма импонирует, требует создания соответствующих адекватных структур управления охраной здоровья населения по всей вертикали власти, начиная с уровня муниципалитетов страны (Хабриев Р.У. и др., 2014)

Только при создании представленной системы управления появляется реальная возможность для формирования «единого профилактического пространства» (Стародубов В.И. и др., 2016), в котором население будет охвачено многоаспектным медико-социальным обеспечением как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях.

Проблему смертности ЭАН следует считать одной из сложнейших и вместе с тем актуальнейших проблем общества, в том числе, системы охраны здоровья населения.

Предлагаемая система должна отвечать в полной мере таким критериям, как

1) взаимоинтегрированность,
2) адекватность,
3) сбалансированность развития отдельных позиций,
4) хорошая управляемость,
5) нацеленность на снижение смертности и персонифицированную охрану здоровья здоровых людей.

Очень важно то, что принимаемые решения должны быть адекватными для конкретных территорий и базироваться на методологии разработки и реализации целевых комплексных программ (Аганбегян А.Г., 2010).

Такое управление должно быть не только направленным на то, чтобы делать людей здоровыми и счастливыми, но и быть способным этого добиться.

В этом плане, похоже, лед трогается. По сообщению министра здравоохранения В.И. Скворцовой (Медицинская газета. – М., 2016. – № 90, 30 ноября), Правительство сформировало комиссию по охране здоровья граждан, которую возглавил председатель правительства РФ Д. Медведев. В комиссию вошли министры, представители религиозных и общественных организаций. Очень важно, что эффективность ее деятельности должна оцениваться количественно измеряемыми индикаторами здоровья. Среди них приоритетную значимость будут иметь уровни и динамика смертности экономически активного населения и ожидаемая продолжительность жизни.

В состав указанной комиссии должны войти также специалисты по организации здравоохранения и общественному здоровью, т.к. только они заинтересованы в результатах, достигаемых одновременно на индивидуальном и на популяционном уровнях с непосредственным выходом на позитивную динамику здоровья населения территории (региона, муниципального образования) и страны в целом.

Заключение

На современном этапе развития нашего общества и системы охраны здоровья населения главным тормозным механизмом на пути снижения общей смертности и повышения продолжительности жизни населения страны следует считать проблему сверхсмертности ЭАН.

В структуре умерших четвертую часть составляют граждане трудоспособного возраста, что существенно снижает темпы социально-экономического развития страны, ослабляя ее экономику, благополучие и безопасность населения.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Экономика России на распутье… Выбор посткризисного пространства. – М.:АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 379 с.
2. Аганбегян А.Г. Преодоление депопуляции в России: впервые за последние 20 лет рождаемость сравнялось по смертности. – http:// www.inesnet.ru/territoriya-zdorovya/Zdravooxranenie/preodolenie-depopulyacii
3. Аганбегян А.Г. Повышение крайне низкой продолжительности жизни населения России – важнейшая неотложная задача // Экономические стратегии. – М., 2015. – №5-6. – С.60-79.
4. Гришунина А. Хромая статистика // Медицинский вестник. 2016. – № 11, 14 июня.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
6. Самородская И.В. Динамика здоровья населения России за 2014-2015 гг. // Медицинский вестник. 2016. – № 4, 24 февраля.
7. Стародубов В.И., Сон И.М., Сененко А.Ш., Короткова А.В., Леонов С.А., Цетковский М.С., Евдаков В.А., Бондаренко А.А. Общественное здравоохранение единого профилактического пространства // Менеджер здравоохранения. 2016. – № 4. – С. 6–13.
8. Стародубов В.И. Обращение 18.10.2016. – http:// www.inesnet.ru/
9. Статистика здоровья населения и здравоохранения (по материалам Республики Татарстан.) Учебно-методическое пособие / А.Ю.Вафин, В.Г.Шерпутовский, Е.И.Шишмарева, Н.И.Молокович и др. – Казань, 2016. – 268 с.
10. Стиглиц Д. Цена неравенства. 2 изд. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: ЭКСМО, 2015. – 512 с.
11. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». – М.: Геотар-Медиа, 2010. – 592 с.
12. Хабриев Р.У., Линденбратен А.Л., Комаров Ю.М. Стратегия охраны здоровья населения как основа социальной политики государства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2014. – № 3. – С. 3–5.
13. Щетинина М. В расцвете сил // Медицинский вестник. 2016. – № 5, 14 марта.

Павлов К.В.
д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, зав. кафедрой экономики и менеджмента Камского института гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru
Степчук М.А.
к.м.н., начальник отдела медицинской статистики областного государственного учреждения здравоохранения «Медицинский информационно-аналитический центр», г. Белгород
m.stepchuk@km.ru
Пинкус Т.М.
заместитель директора по статистике, анализу и прогнозированию областного государственного учреждения здравоохранения «Медицинский информационно-аналитический центр», г. Белгород
belmiac@mail.ru

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *регион, модернизация здравоохранения территории, Белгородская область, трёхуровневое оказание медицинской помощи.*
Keywords: *region, modernization of the health area, Belgorod region, three-level medical care.*

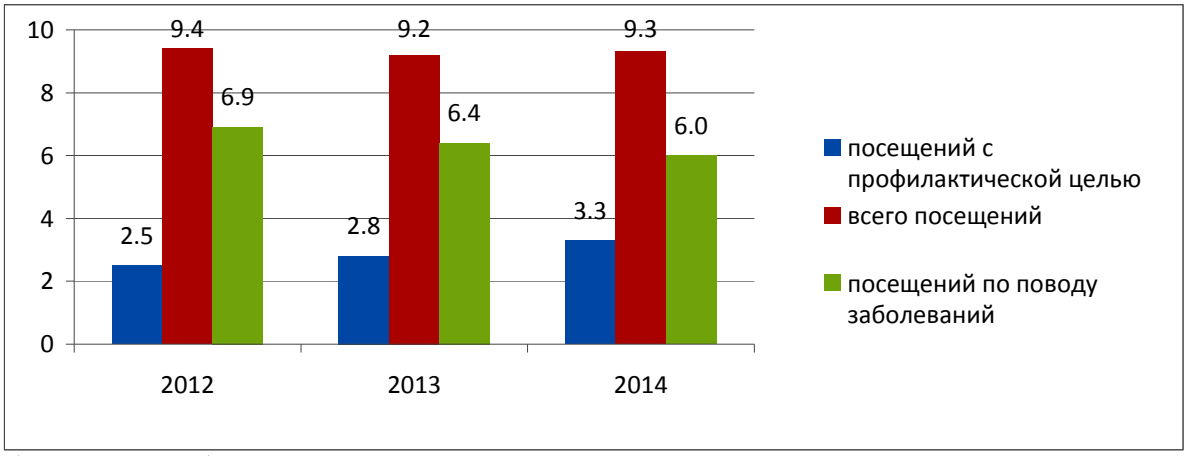
На современном этапе развития общества реорганизация и модернизация системы здравоохранения региона как основа решения проблем сохранения здоровья населения и решения связанных с этим иных социально-экономических проблем зависят от активного межведомственного взаимодействия, а также от эффективности деятельности самой системы здравоохранения, проблем его финансирования, укомплектования и уровня профессионализма кадров, оснащения медицинских организаций современным оборудованием, эффективными методами и методиками диагностики и лечения и разработкой адекватной системы мотивации качественной работы специалистов [1]. В этой связи изучение динамики этих явлений в период модернизации здравоохранения региона приобретает первостепенную значимость и актуальность. Исходя из сказанного, целью данного исследования является изучение состояния и динамики развития медицинской помощи (в т.ч. специализированных её видов) в регионе за последнее время, а также определение перспектив ее развития.

Здравоохранение Белгородской области в настоящее время располагает сетью медицинских организаций, в состав которой входят: 50 больничных организаций, имеющих в своем составе 53 врачебные амбулатории, 62 центра (отделения) врача общей (семейной) практики (ВОП), 543 фельдшерско-акушерских пункта (ФАП), 1 домовое хозяйство; 18 самостоятельных амбулаторно-поликлинических организаций; 3 станции скорой медицинской помощи (кроме того, 37 станций и отделений, не имеющих статуса юридического лица); 4 станции переливания крови; 5 круглогодичных санаторно-курортных организаций; дом ребенка; 7 организаций особого типа, не оказывающих медицинскую помощь населению. В регионе также широко развита сеть частных и ведомственных медицинских организаций, 9 из которых участвуют в реализации территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам Белгородской области бесплатной медицинской помощи (программа госгарантий). Приоритет в развитии системы здравоохранения региона отдан развитию внебольничной медицинской помощи и её профилактического направления с конечной целью увеличения продолжительности жизни и сокращения смертности населения [3]. Параллельно развивалась специализированная, в том числе высокотехнологичная медицинская помощь (ВМП).

В целях обеспечения ПМСП жителям области функционирует широкая сеть медицинских организаций, включающая территориальные поликлиники для взрослых, детские поликлиники, женские консультации, врачебные и фельдшерские здравпункты в городах и лечебно-профилактические учреждения врачебного участка в сельской местности, к которым относятся фельдшерско-акушерские пункты, здравпункты, центры врача общей практики, участковые больницы, врачебные амбулатории, являющиеся первичным звеном в системе ПМСП [4]. Для жителей районного центра основным учреждением, оказывающим ПМСП, является поликлиника центральной районной больницы. Всего в 2014 году ПМСП в области оказывалась 133 амбулаторными медицинскими организациями, в которых работало 14 454 человека, из них: врачей – 3109; среднего медицинского персонала – 6989; младшего медицинского персонала – 1977. За анализируемый период с 2012 по 2014 гг. обеспеченность врачебными кадрами амбулаторно-поликлинического звена увеличилась на 8,1% и составила в 2014 г. 20.1 на 10 000 населения (2012 г. – 18.5); а обеспеченность средним медицинским персоналом увеличилась на 2,7% и составила 45,2 (2012 г. – 44,0) на 1000 населения [5].

В результате проведенной реорганизации мощность амбулаторно-поликлинических медицинских организаций за 2012–2014 годы сократилась всего на 0.3% и составила в 2014 г. 33 812 посещений в смену (2012 г. – 33 923). Соот-

ветственно несколько снизилась обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими организациями, которая составила 218,7 посещений в смену на 10 000 населения, что ниже среднего показателя по ЦФО (Центральный федеральный округ) (ЦФО 2013 г. – 234,5). Однако это не повлияло на количество посещений к врачам амбулаторно-поликлинического звена (первичного звена), которое на протяжении этих лет не изменилось и составило 9,3 на 1 жителя в год. В то же время, в связи с активным развитием профилактического направления работы первичного звена изменилась структура посещений (см. рис. 1).



* Авторская разработка

Рисунок 1.
Структура посещений к врачам амбулаторно-поликлинического звена за период с 2012 по 2014 гг.

Как видно из рис. 1, количество посещений с профилактической целью увеличилось на 32% и составило в 2014 г. 3,3 посещения на 1 жителя в год (2012 г. – 2.5), а их доля в структуре посещений увеличилась на 5,5% и соответственно составила 35,5% от общего количества посещений в поликлинике и на дому (2012 г. – 30,0). Доля посещений по поводу заболеваний, наоборот, уменьшилась на 13,0% и составила 6.0 посещений на 1 жителя в год в 2014 г. (для сравнения в 2012 г. – 6,9). Это подтверждает существование тенденции о переориентации работы врачей первичного звена на профилактическую работу. С этой целью проводилась диспансеризация определенных групп взрослого населения Белгородской области – общее число граждан, подлежащих диспансеризации в 2014 году, составило 301 258 человек (прошли диспансеризацию 301 478 человек, что составляет 100,1% от плана). С помощью мобильных бригад в рамках диспансеризации обследовано 13,8% населения, а граждан, проживающих в сельской местности – 44,6%. Доля отказов от отдельных исследований составила 4.3%, а доля письменных отказов от диспансеризации в целом – 1,3%. По половому признаку обследованные распределились: мужчины – 44,1%, женщины – 55,9%. По возрасту: 21–35 лет – 33,7%; 36–60 лет – 41,3%; старше 60 лет – 25%. По результатам осмотров по группам здоровья граждане распределились следующим образом: I группа здоровья – 32,7% (98 531 человек); II группа здоровья – 23,4% (70 588 человек); III группа здоровья – 43,9% (132 359 человек). Частота выявленных поведенческих факторов риска составила (в %): нерациональное питание – 25,7; низкая физическая активность – 19,5; курение – 18,1; избыточная масса тела (ожирение) – 17,9; риск пагубного потребления алкоголя – 1,6. Частота выявления патологии составляет (на 1000 обследованных): болезни системы кровообращения – 15,61; эндокринологические заболевания – 6,83; болезни органов пищеварения – 6,4; болезни глаз – 3,28; болезни нервной системы – 2,33; болезни органов дыхания – 1,9; болезни крови – 0,97; злокачественные новообразования – 0,78; глаукома – 0,57. Кроме этого, выявлены злокачественные новообразования следующих локализаций: молочной железы в 180 случаев; предстательной железы – 93; женских половых органов – 24; желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), нижние отделы) – 9; трахеи, бронхов, легких – 11; (ЖКТ, верхние отделы) – 3. В итоге по результатам диспансеризации приняты следующие решения: установлено диспансерное наблюдение за 22,2% лиц; назначено лечение – 21,7%; направлено на дополнительное диагностическое исследование – 0.5%; направлено на получение специализированной, в том числе, высокотехнологичной медицинской помощи – 0,13%; направлено на санаторно-курортное лечение – 3,7% обследованных лиц.

По мнению авторов, смысл и цель диспансерного наблюдения для граждан, имеющих хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ) или хотя бы высокий риск их развития – это достижение заданных значений параметров фискального, лабораторного и инструментального обследования; коррекция факторов риска развития заболевания; предупреждение обострений ХНИЗ; снижение числа обращений к врачу, вызовов скорой помощи и госпитализаций; повышение качества жизни и снижение числа предотвратимых смертей [6]. Мероприятия по достижению этой цели включены в подпрограмму развития ПМСП и реализуются в районах Белгородской области.

В целом значение ПМСП для населения определяется высокой доступностью этого вида медицинской помощи, возможностью получения квалифицированного обследования и лечения без госпитализации, а зачастую и без освобождения от работы или учебы. С целью повышения доступности встречи пациента с врачом практически во всех амбулаторно-поликлинических учреждениях области реализована возможность электронной записи на прием к врачу с использованием информационно-сенсорных терминалов и Интернет-сервисов [7].

Для повышения доступности медицинской помощи преимущественно пожилого сельского населения в отдалённых сёлах и хуторах, проведения осмотров и диспансеризации используются медицинские мобильные бригады.

Количество мобильных бригад, созданных при центральных районных больницах (ЦРБ), за 2012–2014 годы увеличилось на 7 бригад и составило 36 (2012 г. – 29) [5]. На 34.6% увеличилось количество их выездов, на 30,6% – число осмотренных жителей, а число диспансерных больных, получивших консультации – в 5,4 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика объёмов работы врачей мобильных бригад центральных районных больниц (ЦРБ) области за 2012–2014 годы

Мобильные бригады	Количество выездов				Осмотрено (чел.)				Консультировано (чел.)			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2012 г., %	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2012 г.,%	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 2012 г., %
Всеми бригадами	1131	1397	1522	134,6	81 548	99 592	106 494	130,6	8149	21 584	44 292	>в 5,4 р.
Одной бригадой	39	42	42	107,7	2812	2906	2958	105,2	281	654	1230	>в 4,4 р.

* Авторская разработка

Соответственно увеличивалась нагрузка на каждую бригаду. Для эффективной и качественной работы бригад специалисты использовалось портативное оборудование [8]. Кроме того, с целью повышения доступности ПМСП сельскому населению внедряется использование дистанционных видов помощи, в том числе, возможности телемедицины.

Важной составляющей первичной медико-санитарной помощи является скорая медицинская помощь (СМП). С целью обеспечения населения данным видом помощи в Белгородской области создана широкая сеть станций (подстанций) СМП, 3 из которых являются самостоятельными юридическими лицами и 38 отделений СМП. Отделения СМП организованы в административных районах при центральных районных больницах. Радиус обслуживания в городской черте сегодня не превышает 10 км, в селе – около 30 км. В крупных городах и районных центрах: Белгород, Старый Оскол, Губкин и Валуйки в составе СМП организованы подстанции из расчёта 20-минутной транспортной доступности. Число выездов бригад скорой медицинской помощи в 2014 г. снизилось и составило 316 вызова на 1000 населения (2012 г. – 317), при Федеральном нормативе – 318. Ежедневно по области обслуживается около 1341 вызовов. В течение года работало 493 бригады (2012 г.– 471), из них: 79 – врачебных (2012 г. – 84), 362 – фельдшерских (2012 г. – 335), 29 – бригад интенсивной терапии (2012 г. – 28), 10 – психиатрических (2012 г. – 10), 13 – педиатрических (2012 г. – 14). Обеспеченность врачебными бригадами в 2014 г. снизилась и составила 0.31 на 10 000 населения (2012 г. – 0,33), фельдшерскими – 0,23 (2012 г – 0,22) Уменьшилась укомплектованность врачебных должностей СМП и с учетом совместительства она составила 92.9% (2012 г. – 98,6); средним медицинским персоналом – 98,7% (2012 г. – 99,4). Кроме основной задачи служба СМП осуществляла перевозку инфекционных больных, плановых больных, в том числе больных на гемодиализ и другие. За анализируемый период наблюдается уменьшение на 4,4% числа перевозок (с 30 457 в 2012 г. до 29 093 в 2014 г.) и в структуре вызовов перевозки в 2014 году составили 6% (2012 г. – 6,2) [6].

В целях рационального использования СМП проводится работа по переадресовке больных с неотложными состояниями (в часы работы поликлиник) участковой службе. С целью их обслуживания в поликлиниках г. Белгорода запланировано открытие кабинетов неотложной помощи [9]. В настоящее время решаются вопросы оптимизации оказания скорой медицинской помощи в рамках Белгородской агломерации, а также расширении радиуса обслуживания МБУЗ (Муниципальное больничное учреждение здравоохранения) СМП г. Белгорода за счет территории Белгородского района и улучшения взаимодействия указанных структурных подразделений СМП. В планах на ближайшую перспективу в целом по области число вызовов СМП должно снизиться до 313 на 1000 населения в год. Этому будет способствовать использование программы ГЛОНАС, переход на единую диспетчерскую службу и обслуживание вызовов по принципу ближайшей бригады.

Неоценимое значение в оказании медицинской помощи населению имеют восстановительное лечение и реабилитация, которые направлены на восстановление физического, психологического и функционального состояния, трудовой и профессиональной деятельности пациентов [10]. В Белгородской области создана многоуровневая система восстановительного лечения и медицинской реабилитации, включающая в себя ряд этапов: стационарный, амбулаторно-поликлинический и санаторно-курортный этапы. Основные реабилитационные мероприятия в области осуществляются в амбулаторно-поликлинических и стационарных учреждениях здравоохранения [11].

На стационарном этапе в области восстановительное лечение и медицинская реабилитация начинается с первых дней пребывания больного в стационаре [5]. Кроме этого, оно обеспечивается в ОГБУЗ (Областное государственное бюджетное учреждение здравоохранения) «Ново-Таволжанская больница медицинской реабилитации» на 192 койках, в отделении восстановительного лечения и медицинской реабилитации ОГБУЗ «Алексеевская ЦРБ» на 20 койках, в ОГБУЗ «Чернянская центральная районная больница» – на 15 койках, в ОГБУЗ «Вейделевская центральная районная больница» – на 15 койках и на 64 койках реабилитации на базе санатория «Красиво». Всего в стационарных отделениях медицинская реабилитация в 2014 году проводилась по кардиологическому, неврологическому, ортопедическому, терапевтическому профилю и по профилю патологии беременности. Непосредственно в санатории «Красиво» осуществляется реабилитация кардиологических больных после хирургических вмешательств, стентирования, протезирования клапанов, которые в общей массе прошедших реабилитацию составляли до 35%. Средняя по региону длитель-

ность реабилитационного курса на специализированных койках составила 16 дней, что на 27% ниже федерального норматива (норматив – 22 дня).

Долечивание после стационарного лечения организовано в медицинских организациях с использованием отделений (кабинетов) восстановительного лечения, физиотерапии, лечебной физкультуры, рефлексотерапии, а также в санаторно-курортных учреждениях [12, 13]. На базе ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа» путем реорганизации областного центра медицинской реабилитации организовано отделение, в котором оказывается широкий спектр медицинских услуг по реабилитации больных в амбулаторных условиях. Широко используется восстановительное лечение и медицинская реабилитация на базе физиотерапевтических отделений (кабинетов), кабинетов ЛФК, массажа в городских поликлиниках области, Яковлевской, Новооскольской, Грайворонской, Волоконовской, Корочанской и других центральных районных больницах.

С целью оздоровления населения в системе здравоохранения области имеется 5 санаториев круглогодичного функционирования общей коечной мощностью 850 коек, в т.ч.: ОГАУЗ «Санаторий «Красиво» на 450 коек; ОГКУЗ «Санаторий для детей с родителями» в г. Белгороде – на 100 коек; МБУЗ «Городской детский санаторий «Надежда» г. Старый Оскол» – на 100 коек; ОГКУЗ «Детский санаторий г. Грайворон» – на 100 коек; ОГКУЗ «Детский противотуберкулезный санаторий п. Ивня» – на 100 коек. В 2014 году санаторно-курортное лечение получило 16 198 человек, что на 9,2% больше, чем за 2012 год. Из общего числа получивших санаторно-курортное лечение в 2014 году 29,8% составили дети до 17 лет (2012 г. – 37,2).

Для улучшения оказания медицинской помощи по восстановительному лечению, медицинской реабилитации и санаторно-курортному оздоровлению населения области по предложению авторов [6] в Программу включены и реализуются следующие мероприятия: внедрение новых методик восстановительного лечения и реабилитации больных; укрепление материально-технической базы учреждений медицинской реабилитации; оснащение эффективным медицинским оборудованием учреждения, осуществляющие восстановительное лечение и медицинскую реабилитацию; проведение последипломной подготовки врачей-специалистов по медицинской реабилитации; обеспечение преемственности между медицинскими учреждениями восстановительного лечения, медицинской реабилитации, общей лечебной сети и санаторно-курортными учреждениями; обеспечение выполнения квот на лечение в стационарах больниц и отделениях медицинской реабилитации и восстановительного лечения.

Паллиативная медицинская помощь является актуальной в здравоохранении области [14]. Она призвана улучшить качество жизни пациентов с различными хроническими заболеваниями, когда возможности специализированного лечения ограничены или исчерпаны. В регионе за последние 3 года в многопрофильных больницах была организована 281 паллиативная койка, в т.ч. 263 койки – для взрослых, 18 коек – для детей. Кроме этого функционирует 35 паллиативных коек для онкологических больных в ОГБУЗ «Областной онкологический диспансер». Обеспеченность паллиативными койками в области составляет 2.0 на 10 000 населения, что значительно выше общероссийского показателя (РФ 2013 г. – 0,21). В 2014 году на паллиативных койках было пролечено 6562 человека, из них умерло 206 человек, больничная летальность составила 3,1%. Длительность лечения по данному профилю составляет 13,2 дня, что на 17 дней ниже федерального норматива (30 дней) и на 9 дней ниже среднего показателя по РФ (за 2014 год – 22,0 дня). Работа паллиативных коек составила 273 дня в году. Низкие показатели функционирования паллиативных коек объясняются наличием объективных и субъективных причин: продолжалась организовываться служба и учёба специалистов, отрабатывался порядок госпитализации на эти койки, население не в полной мере осознало положительную роль паллиативной помощи в системе оказания медицинской помощи и ряд других [15].

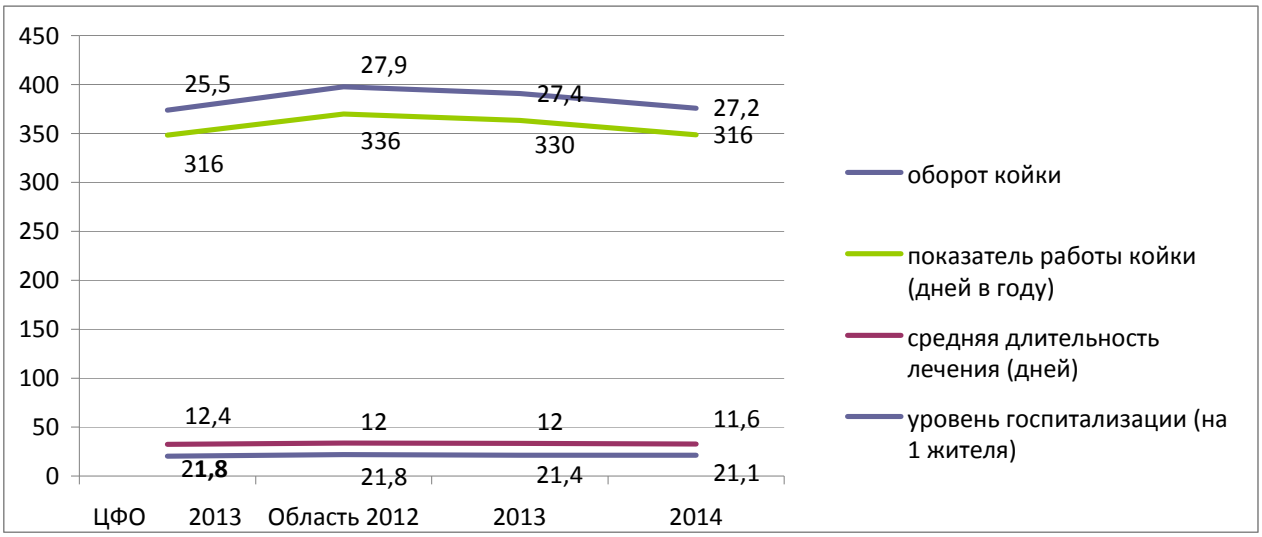
Одним из основных критериев оценки работы первичного звена является показатель смертности прикреплённого населения к данному участку, в том числе на дому. В 2014 году в области зарегистрировано всего 21 641 случаев смерти (около 2-х случаев на 1 участок в месяц, РФ – 3). Случаев смерти на дому лиц всех возрастов зарегистрировано 14 848 (2012 г. – 16 138) или 1,2 случая на 1 участок в месяц. Из них: в возрасте 0–17 лет включительно 25 случаев или 0,17% (2012 г. – 32 случая или 0,2%), в трудоспособном возрасте (женщины 18–54 года, мужчины 18–59 лет) – 2357 случаев или 15,9% (2012 г. – 2460 случаев или 15,2%), старше трудоспособного возраста – 12 466 человек или 84,0% (2012 г. – 13 646 случаев или 84,6%). При проведении анализа смертности на дому авторы особое внимание обратили на группу лиц 0–17 лет включительно и на случаи умерших на дому в трудоспособном возрасте.

Так, за анализируемые годы число случаев смерти на дому лиц в возрасте 0 – 17 лет включительно уменьшилось на 23,3%, в результате показатель составил 9,2 на 100 000 детского населения (2012 г. – 12,0). Однако показатель младенческой смертности (смертность детей до 1 года) на дому увеличился на 8,0% и составил 4,1 на 100 000 детского населения (2012 г. – 3,8). При этом удельный вес младенческой смертности на дому (этот показатель имеет важное социальное значение, так как особенно высок риск гибели детей из семей социального риска и, прежде всего, зависит от недостаточного ухода родителей за детьми раннего возраста) увеличился на 12,7% и составил 44,0% от всех умерших на дому в возрасте 0–17 лет (2012 г. – 31,3%). Увеличился на 0,9% и показатель числа лиц, умерших на дому в трудоспособном возрасте, который составил 267,9 на 100 000 населения соответствующей возрастной группы (2012 г. – 265,5). Это обстоятельство требует разработки дополнительных мероприятий по профилактике как младенческой смертности, так и смертности населения трудоспособного возраста на дому [5].

Для государства большое значение имеет снижение финансовых затрат на дорогостоящее стационарное лечение. В этой связи ПМСП имеет приоритетное значение в медицинском обслуживании как наиболее массовый и доступный вид медицинского обслуживания. По данным многих авторов 80% обратившихся за медицинской помощью, начинают и заканчивают свое лечение в амбулаторно-поликлинических медицинских организация. При этом затраты на оказание данного вида медицинской помощи в 4–5 раз уступают затратам на оказание стационарной помощи населению [16].

С этой целью в регионе часть объёмов стационарной помощи планово перемещалась в область амбулаторной помощи. Круглосуточный коечный фонд области на 01.01.2015 г. составил 11 994 койки. В зависимости от потребности в оказании тех или иных видов помощи осуществлялась оптимизация дорогостоящих неэффективно использующихся стационарных коек. Так, за последние три года в области было сокращено 89 коек круглосуточного пребывания различных профилей. В связи с этим обеспеченность круглосуточным коечным фондом уменьшилась и составила в 2014 году 77.6 на 10 000 населения (2012 г. – 78,5), этот показатель ниже среднего по ЦФО (ЦФО 2013 г. – 79,8). В результате улучшилась эффективность работа стационара [17].

Таким образом, в результате приведения деятельности стационарных медицинских организаций к федеральным нормативам и стандартам оказания медицинской помощи и развития амбулаторно-поликлинической помощи в Белгородской области значительно сократились такие показатели использования коечного фонда, как уровень госпитализации – на 3,2% и длительность лечения – на 6,5% (см. рис. 2).



* Авторская разработка

Рисунок 2.
Динамика основных показателей деятельности медицинских стационарных учреждений за 2012–2014 годы

Для компенсации объёмов стационарной помощи за эти годы развиты более экономичные стационарозамещающие виды медицинской помощи: дневные стационары при поликлиниках и дневные стационары на дому. В 2014 году функционировали 61 дневной стационар для взрослых и 7 дневных стационаров для детей. Коечный фонд стационарозамещающих видов помощи составил 2781 место и 269 условных мест – в стационарах на дому, которые эффективно использовались. В общей сложности в 2014 году в дневных стационарах было пролечено 86.8 тысяч человек, ими было проведено 986,1 тыс. пациенто-дней, что составляет 638 дней на 1000 жителей и полностью удовлетворяет потребность в этом виде помощи.

В соответствии с Программой [6] осуществлялся переход на трёхуровневое оказание медицинской помощи, и внедрялись новые формы организации ПМСП, в первую очередь в пилотных районах: переход на более эффективную и менее затратную трёхэтапную стандартизованную организационную систему её оказания первого уровня с приоритетом профилактики; развитие этой системы в сельской местности по принципу врача общей практики; приведение к стандартам уровня оснащённости медицинских организаций, широкое использование межрайонных центров и других эффективных подходов и методов, обеспечивающих повышение качества и социально-экономическую эффективность первичной помощи. Одновременно использовались новые формы финансирования первичной помощи, в частности, такие, как одноканальное финансирование на основе подушевого норматива с применением частичного фондодержания, консолидация средств бюджетов всех уровней в системе здравоохранения региона, а также отраслевая оплата труда медицинских работников, как стационаров, так и первичного звена, что в итоге должно обеспечить привлечение квалифицированных специалистов и повысить мотивацию улучшения качества их труда [18]. Кроме этого, использовалось привлечение инвесторов, государственно-частное партнёрство и иные формы. Сегодня от состояния первичной медико-санитарной помощи зависит эффективность и качество деятельности всей системы здравоохранения региона, сохранение трудового потенциала области, а также решение медико-социальных проблем, возникающих, в т.ч. на уровне семьи и у социально незащищённых групп населения [19].

Вместе с тем, указанные задачи не могут быть решены только лишь за счет работы системы здравоохранения, для этого требуется эффективное межведомственное взаимодействие. Для активного выявления факторов риска и своевременного принятия мер профилактической направленности, в особенности среди наиболее уязвимых групп населения, представляется целесообразным сформировать «медико-социальные группы», в состав которых могут быть включены социальный работник, участковый полицейский, а также медицинский работник. В задачи данной группы должны входить: патронаж хронических больных и лиц с факторами риска развития различных заболеваний (алкоголизм, наркомания); проведение профилактических бесед; контроль приема лекарственных препаратов и выполнения назначений врача среди граждан, нуждающихся в социальном обслуживании. При этом профилактические мероприя-

тия будут направлены на снижение смертности населения от основных причин: цереброваскулярные болезни, острое нарушение мозгового кровообращения, острый коронарный синдром, гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, сахарный диабет, онкологические заболевания, туберкулез, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, внешние причины. При этом обязательный контроль параметров таких факторов, как: артериальное давление, липидный спектр, глюкоза крови. Всё это позволит на первом уровне оказания медицинской помощи выявлять заболевания на ранних стадиях развития и обострение хронических заболеваний, их оздоровление, коррекция факторов риска развития заболеваний; недопущение необходимости госпитализации в круглосуточный стационар и применения специализированной, в т.ч. высокотехнологичной медицинской помощи.

Однако в настоящее время продолжается процесс старения населения региона, наблюдается высокий уровень хронических заболеваний и их осложнений у лиц пожилого возраста, что требует оказание им затратной специализированной, в том числе, высокотехнологичной медицинской помощи. С этой целью и с целью обеспечения специализированной помощью всего населения области организована трехуровневая система ее оказания путем создания межрайонных специализированных центров, определения путей рациональной маршрутизации пациентов, соблюдения этапности оказания медицинской помощи в соответствии с утвержденными порядками и стандартами. В рамках территориальной программы госгарантий оказание специализированной медицинской помощи в условиях круглосуточных стационаров организовано на базе 42 государственных и 8 муниципальных медицинских организаций. Первый уровень включает 17 медицинских организаций, оказывающих первичную, в том числе первичную специализированную медико-санитарную помощь. Второй уровень включает 13 медицинских организаций, на базе которых организованы межмуниципальные центры для оказания специализированной медицинской помощи по следующим профилям: акушерство, неонатология, кардиология, неврология, травматология, инфекция, офтальмология, оториноларингология, хирургия, гастроэнтерология и паллиативная помощь. Третий уровень включает 20 медицинских организаций, оказывающих специализированную, в том числе высокотехнологичную медицинскую помощь. В их число входит ряд стационарных учреждений и отделений, где оказывается специализированная помощь больным, страдающим социально-значимыми заболеваниями.

Так, например, онкологическая помощь населению области оказывается в ОГБУЗ «Белгородский онкологический диспансер», ОГБУЗ «Детская областная клиническая больница» и МБУЗ «Городская больница № 2» Старооскольского городского округа. Коечный фонд онкологической службы представлен 423 койками, в том числе 253 онкологического профиля для взрослых, 35 коек для детей, 35 коек для оказания паллиативной помощи и 100 коек радиологических [5]. В 2014 году средняя длительность работы койки-места онкологического профиля снизилась на 6,2% и составила 336 дней в году (2012 г. – 358), при утверждённом показателе на 2014 год – 327 дней. Работа койки-места с перегрузкой в онкологическом диспансере связана с неэффективным использованием коек в городской больнице № 2 г. Старый Оскол. Всего на онкологических койках было пролечено в 2014 г. 13 057 больных, из них умерло 67 человек, больничная летальность составила 0,5%. Больничная летальность от злокачественных новообразований во всех стационарах области составила 1.8% (2012 г. – 1,3%). Длительность лечения онкологических больных увеличилась на 7,9% и составила 10,9 дней (2012 г. – 10,1). Онкологическую помощь оказывают 80 онкологов при штатной численности 102,25 единиц и занятых – 96,75 единиц. Укомплектованность составила 94,65%, а коэффициент совместительства – 1,2. Обеспеченность врачами-онкологами за последние 3 года выросла на 2% и составила 0.52 на 10 000 населения (2012 г. – 0,51). В поликлинике количество штатных должностей онкологов составило 61,5 единиц, занятых – 56,0 единиц, физических лиц – 44 онколога, коэффициент совместительства составил 1,3.

Фтизиатрическую помощь населению оказывают 3 противотуберкулезных диспансера и одна специализированная противотуберкулезная больница. Общая коечная сеть фтизиатрической службы составляет 450 коек, в том числе 400 коек для взрослых и 50 коек для детей. Обеспеченность туберкулезными койками сократилась на 9,4% и составила 2,9 на 10 000 населения (2012 г. – 3,2). Сокращение коечного фонда обусловлено тем, что в области идет снижение уровня общей заболеваемости туберкулезом. Медицинскую помощь туберкулёзным больным оказывает 71 врач фтизиатр при штатной численности 116.0 единиц, занятых – 111.75 единиц. Укомплектованность составила 94,8%, коэффициент совместительства – 1,6 (2012 г. – 1.5). В поликлинике количество штатных должностей – 80,0 единиц, занятых – 75,75 единиц, физических лиц – 54 единиц, в том числе 31 – участковый фтизиатр. Укомплектованность в поликлинике составила 94,7%, коэффициент совместительства – 1,4.

Психиатрическую помощь жители получают в 4 специализированных стационарах и психиатрическом отделении центральной районной больницы, кроме того, в поликлиниках оказывается психиатрическая помощь в амбулаторных условиях. Коечный фонд психиатрической службы за последние 3 года сократился на 1,0% и представлен 1000 койками, в т.ч. 960 – для взрослых и 40 – для детей, из них 980 – в специализированных стационарах и 20 – в отделении ЦРБ. Обеспеченность койками сократилась на 1,5% и составила 6,5 на 10 000 населения (2012 г. – 6,6), по РФ (2013 г.) обеспеченность психиатрическими койками составила – 10.0. Работа койки-места составила в среднем 327 дней. В 2014 году пролечено 4918 больных, из них умерло 27. Больничная летальность составила 0,55%. Всего в учреждениях здравоохранения области работает 88 врачей психиатров, в т.ч. 49 в поликлинике при штатной численности 139,75 единиц, из них 56,75 единиц должности психиатров участковых. Занятых должностей – 139,25 единиц. Укомплектованность составила 63,0%, коэффициент совместительства – 1,6. Обеспеченность врачами психиатрами за последние 3 года увеличилась на 20% и составила 0,6 на 10 тыс. населения (2012 г. – 0,5).

Наркологическую службу области представляют 2 наркологических диспансера, наркологическое отделение центральной районной больницы и штат психиатров-наркологов, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях. Коечный фонд наркологической службы в течение последних лет не изменялся и составляет 130 коек, в т.ч. 120 – в наркологических диспансерах и 10 – в ЦРБ. Обеспеченность койками составила 0,84 на 10 тыс. населения

(РФ в 2013 году – 1,7). Работа койки-места составила 328 дней. В 2014 году пролечено 3815 больных, из них умерло 16 чел., больничная летальность – 0,4%. Всего в учреждениях здравоохранения области 112,5 штатных должностей психиатров-наркологов, в том числе 21 – участковые, занято всего 108,5 единиц (96,4%), (2012 г. – 118,0 и 112,5 соответственно). В поликлинике количество штатных должностей – 95.5 единиц, занятых – 93 (97,4%). Фактически работает 68 врачей психиатров-наркологов, в т.ч. 55 – в поликлинике. Обеспеченность врачами наркологами увеличилась на 10,0% и составила 0,44 на 10 000 населения (2012 г. – 0,4). Коэффициент совместительства составил – 1,6, в поликлинике – 1,7 [6].

Дерматовенерологическую помощь в области оказывают 2 кожно-венерологических диспансера и врачи дерматовенерологи в амбулаторно-поликлинических условиях. Коечный фонд дерматовенерологической службы за последние 3 года не изменился и составляет 104 койки, в том числе: 89 коек дерматологического профиля, 15 коек – венерологического. Обеспеченность дерматологическими и венерологическими койками составляет 0,67 на 10 тыс. населения (РФ в 2013 г. – 0,91). Работа дерматовенерологических коек в 2014 году в среднем составила 336 дней. Всего в учреждениях здравоохранения области 93,0 штатные должности дерматовенерологов, занято – 91,75 единиц (98,6%). В поликлинике количество штатных должностей 84,0 единиц, занятых – 82,75 единиц (98,5%). Фактически работают 78 врачей дерматовенерологов, в т.ч. 72 – в поликлинике. Обеспеченность врачами дерматовенерологами увеличилась на 19,0% и составила 0,5 на 10 000 населения (2012 г. – 0,42). Коэффициент совместительства составил – 1,2, в поликлинике – 1,15.

Таким образом, населению области оказывается специализированная медицинская помощь на всех трёх уровнях, в том числе больным, страдающим социально-значимыми заболеваниями [20]. Однако для её развития, повышения доступности и качества необходимо доукомплектовать учреждения квалифицированными специалистами и оснастить эффективными технологиями и оборудованием и, в первую очередь, сделать все это в межрайонных центрах.

Обеспеченность населения высокотехнологичной медицинской помощью (ВМП) является показателем уровня развития здравоохранения области, а объём этой помощи характеризует уровень развития ПМСП и в обратно пропорциональной степени эффективность её функционирования. В 2014 году в рамках реализации подпрограммы 3 государственной программы «Развитие здравоохранения Белгородской области на 2014–2020 годы» проводился отбор пациентов, нуждавшихся в оказании им высокотехнологичной медицинской помощи, как в муниципальные и областные учреждения здравоохранения, так и в медицинские учреждения федерального подчинения.

В области имеют лицензии на оказание высокотехнологичной медицинской помощи пять медицинских организаций, в том числе: 3 – областных и 2 – муниципальных. В 2014 году было пролечено в этих учреждениях 2864 пациента, из них 1649 – помощь оказана за счет средств обязательного медицинского страхования (ОМС). На оказание ВМП планировалось выделение средства из бюджетов всех уровней в размере – 195,8 млн. руб. (2013 г. – 291,7), из них: 167,3 млн. руб. из областного бюджета (2013 г. – 225,4) и 28.5 млн. руб. из Федерального бюджета (2013 г. – 66,4). В 2014 году всего поступило средств 195.1 млн. руб. (дефицит – 0,4% за счёт всех бюджетов). Фактически израсходовано всего 204,3 млн. руб. (в том числе остаток средств 2013 г. – 8,9 млн. руб.).

В ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница (ОКБ) Святителя Иоасафа» ВМП оказывается по 11 лицензированным профилям, в том числе: нейрохирургия, неонатология, онкология, сердечно-сосудистая хирургия, ортопедия (эндопротезы), травматология и ортопедия, трансплантология, абдоминальная хирургия, урология, акушерство и гинекология.

Всего в 2014 году в этой больнице оказана ВМП 1215 больным, в том числе:

– абдоминальная хирургия – 30;
– акушерство и гинекология – 60;
– нейрохирургия – 127;
– неонатология – 0;
– онкология – 70;
– офтальмология – 98;
– сердечно-сосудистая хирургия –587;
– травматология и ортопедия (эндопротезы) – 200;
– трансплантология – 7;
– урология – 5 [5].

Анализ показал, что за 2012–2014 годы объём оказания ВМП в ОКБ увеличился на 14,4%, однако в сравнении с 2013 год он уменьшился на 28,9% за счёт снижения финансирования из областного и федерального бюджетов. Динамика объёмов ВМП, оказанной в ОКБ за 2012–2014 годы, показана в табл. 2.

Таблица 2

Динамика объемов оказания ВМП в ОКБ за 2012–2014 годы

Профиль МП	Объемы ВМП по годам (человек)		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Абдоминальная хирургия	–	–	30
Акушерство и гинекология	100	-	60
Нейрохирургия	120	160	127
Неонатология	100	100	-
Онкология	105	182	70
Офтальмология	–	–	98

Сердечно-сосудистая хирургия	272	883	587
Травматология и ортопедия (эндопротезы)	304	304	200
Травматология и ортопедия	51	70	31
Трансплантология	10	10	7
Урология	–	–	5
Итого	1062	1709	1215

* Авторская разработка.

Из них умерло 15 пациентов (2013 г. – 17), в т.ч.: в кардиохирургическом отделении – 12 (2013 г. – 11), в нейрохирургическом отделении – 3 (213 г. – 5). Больничная летальность составила 1,2% (2013 г. – 1,0). Средняя длительность пребывания больного на койке в ОКБ за 2012–2014 годы показана в табл. 3.

Таблица 3

Динамика средней длительности лечения и летальность в ОКБ за 2012–2014 годы, (в днях)

Профиль ВМП	2012 г.	2013 г.	2014 г.
– Абдоминальная хирургия	–	–	15,9
– Акушерство и гинекология	18,1	–	9,8
– Нейрохирургия	17,8	16,3	19,8
– Неонатология	46,5	46,5	–
– Онкология	12,5	13,1	14,6
Профиль ВМП	2012 г.	2013 г.	2014 г.
– Офтальмология	–	–	9,5
– Сердечно-сосудистая хирургия	17,3	15,7	15,1
– Травматология и ортопедия (эндопротезы)	13,9	11,8	11,7
– Травматология и ортопедия	19,5	18,8	19,4
– Трансплантология	46,7	57,0	41,8
– Урология	–	–	13,8
Летальность, в %	1,1	1,0	1,2

* Авторская разработка.

Как видно из табл. 3, средняя длительность пребывания больного на профильных койках ВМП следующая: абдоминальная хирургия – 15,9 дня (2012 г. – нет), акушерство и гинекология – 9,8 (2012 г. – 18,1), сердечно-сосудистая хирургия – 15,1 (2012 г. – 17,3), травматология и ортопедия – 19,4 (2012 г. – 19,5), травматология и ортопедия (эндопротезы) – 11,7 (2012 г. – 13,9), нейрохирургия – 19,8 (2012 г. – 17,8), онкология – 14,6 (2012 г. – 12,5), трансплантология – 41,8 (2012 г. – 46,7), урология – 13,8 (2013 г. – нет), офтальмология – 9,5 (2013 г. – нет). Таким образом, средняя длительность лечения уменьшилась на 6,9 дня и составила 17,4 дня (2012 г. – 24,0) [5].

В ОГБУЗ «Детская областная клиническая больница» (ДОКБ) по мере получения лицензий на осуществление медицинской деятельности расширилось оказание ВМП по профилям, и увеличился её объём. Так, в 2014 г. ДОКБ имела бессрочные лицензии по следующим профилям: неонатология, оториноларингология, онкология, педиатрия, урология-андрология, гематология, абдоминальная хирургия, травматология и ортопедия. По этим профилям оказано на 15,25% больше объёма ВМП, который составил 204 ребенка (2012 г. – 177), в т.ч. по профилям: травматология и ортопедия – 34; онкология – 40; педиатрия – 83; неонатология – 13; урология – 20; отоларингология – 14. Наряду с этим уменьшилось на 37,1% число детей, направленных в федеральные медицинские учреждения, которое составило 1248 (2012 г. – 1984) детей, в том числе: для получения ВМП – 748 (2012 г. – 1639), по СМП – 500 (2012 г. – 345), из них выполнено кардиохирургических операций – 159 (2012 г. – 82). Кроме того, на базе ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа» кардиохирургических операций проведено на 50,0% меньше (2012 г. – 24). Таким образом, за анализируемые годы в целом по области объём ВМП детям уменьшился на 26,2%.

В ОГБУЗ «Белгородский онкологический диспансер» в 2014 году для оказания ВМП было выделено 177 квот по областному бюджету и 10 квот – по федеральному. По состоянию на 01.01.2015 года квоты были освоены на 100%, как и в предыдущие 2 года.

В МБУЗ «Городская клиническая больница №1» и МБУЗ «Городская больница № 2 г. Белгорода» выполнены небольшие объёмы ВМП по замене крупных суставов.

Таким образом, высокотехнологичная медицинская помощь населению области оказывается в муниципальных и областных учреждениях здравоохранения, а также в медицинских учреждениях федерального подчинения за счёт средств областного и федерального бюджетов, средств ОМС и внебюджетных источников. Однако за последние три года финансирование ВМП за счёт средств бюджетов снизилось на 32,9%, что привело к уменьшению объёмов ВМП на 11,8% и, соответственно, увеличению времени на ожидание её получения у ряда больных.

Таким образом, анализ системы оказания медицинской помощи населению в период модернизации здравоохранения в Белгородской области показал, что эта система получила свое развитие на всех уровнях ее оказания: первичная медико-санитарная помощь, специализированные ее виды, в том числе, высокотехнологичная медицинская помощь. Однако модернизация проводилась недостаточно системно [6]. При осуществлении процесса оптимизации объёмов стационарной помощи медленно реорганизовывалась и совершенствовалась система оказания амбулаторной помощи. Росли требования к специалистам и к показателям объёма их работы, в т.ч. по оформлению документации, и это при дефиците кадров и отсутствии в ряде медицинских организаций достаточного количества средств на адекват-

ную мотивацию труда медицинских работников. Этому также способствовало сложное социально-экономическое положение в регионе в связи с продолжающимся кризисом в стране, ростом дефицита финансирования программных мероприятий по развитию здравоохранения и медицинской помощи, в том числе, высокотехнологичной, без своевременной отсрочки их реализации. Все это требует дальнейшего совершенствования системы управления, организации и реализации мероприятий по внедрению трёхуровневого оказания медицинской помощи населению, а также внедрению оптимальной стандартизированной системы организации её первого уровня. Реализация этих мероприятий позволит вернуть доверие населения к преимущественному оказанию амбулаторной помощи, к отказу от приоритета стационарной помощи и ускорению процесса переориентации специалистов первичного звена на профилактическую работу.

Таким образом, нами была дана оценка значимости достигнутых результатов внедрения трёхуровневой системы оказания ПМСП и перспективной трёхэтапной организации её первого уровня. Для разработки новых форм организации и финансирования ПМСП авторами был изучен опыт организации работы врачей земской медицины, участковой службы в советский период, результаты внедрения принципа ВОП в РФ, организации внебольничной помощи в развитых странах мира, а также организации ПМСП в период реформирования здравоохранения в последние годы. Результаты анализа ситуации в области показывают, что в регионе ПМСП организована по территориально-участковому принципу, была и остаётся приоритетным направлением здравоохранения, а участковый терапевт по-прежнему является ключевым звеном оказания ПМСП. Причиной недофинансирования амбулаторной помощи явилась ориентация здравоохранения в предыдущие годы на развитие стационарной МП. В этой связи расходы на амбулаторную помощь не превышали 20% от стоимости программы госгарантий. Это сказалось на состоянии первичного звена, особенно в сельской местности, где слабо развита инфраструктура, 50% врачей (работающих или планирующих работать на селе) нуждались в соцзащите. В этой связи дефицит врачей на селе составил – 31,6%, в отдельных районах – около 50% (в городе – 22%). Кроме этого, 32,6% зданий нуждалось в капремонте, 17% оборудования имело 100% износ, у 22% – износ составлял около 50%, что создавало проблемы своевременной диагностики, восстановительного лечения и реабилитации. В области развивалась ПМСП по принципу ВОП и их число достигло 26,6% от числа врачей первичного звена здравоохранения региона (для сравнения в РФ – 8,5%). Сравнительный анализ работы ВОП в сельской и городской местности показал, что они в сельской местности работают эффективнее. Установлено, что имел место дефицит средств на переподготовку и последипломное образование специалистов. В ряде учреждений недостаточно средств на выплаты специалистам первичного звена отдельных надтарифных коэффициентов, в том числе стимулирующих качество МП и профработу. Слабо организована система амбулаторного долечивания, патронажа, паллиативной помощи, восстановительного лечения и реабилитации. Имели место проблемные вопросы в организации работы СМП и ряд других. Стоимость медуслуг увеличивалась, а состояние здоровья населения улучшалось медленно. Кроме этого, наблюдался небольшой процент выявления заболеваний на ранних стадиях развития и оздоровления хронических больных. Росли общие расходы на здравоохранение региона.

По мнению авторов, сложившаяся система финансирования отрасли в России в целом и в Белгородской области в частности не позволяет системе здравоохранения быть рентабельной, даже в том случае, если путём многократного увеличения финансирования или сокращения объема и перечня бесплатных услуг восстановить баланс обязательств и возможностей отрасли. С учётом результатов исследования передового опыта и анализа ситуации в области нами был предложен рациональный путь решения проблемы. Наряду с ликвидацией дефицита финансирования программы госгарантий за счёт увеличения страховых взносов, обеспечения подушевого норматива и одноканального финансирования ПМСП, совершенствования оплаты труда с мотивацией качества МП и сохранения здоровья населения, этот путь предполагает как совершенствование системы управления ПМСП с применением финансово-экономических и профессиональных подходов, так и более рациональную организацию системы оказания ПМСП, предусматривающую интенсификацию работы специалистов первичного звена с приоритетом профилактики, что должно повысить не менее чем на 80%, достижение поставленных задач, уменьшить уровень госпитализации на 30–40% и потребность в высокотехнологичной помощи на 15-20%. Одновременно следует осуществить рациональную маршрутизацию пациентов на этапы оказания менее затратной, но более интенсивной амбулаторной медпомощи. Это позволит сэкономленную часть средств направить на дополнительное финансирование ПМСП, которое необходимо довести за 4–5 лет до 60%.

При участии авторов была разработана комплексно-целевая программа «Развитие здравоохранения Белгородской области на 2015–2030 годы». В ней нами были научно обоснованы следующие перспективные направления развития ПМСП: переход на трёхуровневое её оказание и более перспективную и менее затратную трёхэтапную систему первого уровня с приоритетом профилактики; развитие этой системы в сельской местности по принципу ВОП; приведение к стандарту оснащённости медицинских организаций, широкое использование межрайонных центров и других эффективных форм и методов, обеспечивающих повышение качества и социально-экономической эффективности ПМСП, а также привлечение инвесторов и использование государственно-частного партнёрства.

При этом реализуется **три вида** ПМСП: *первичная доврачебная* – оказывается фельдшерами, акушерами и другими средними медработниками первичного звена; *первичная врачебная* – оказывается участковыми терапевтами и педиатрами, ВОП; *первичная специализированная* – оказывается врачами специалистами поликлиники, межрайонных центров и консультативных областных поликлиник. Для повышения доступности и эффективности ПМСП на территории области формируется *трёхуровневая система* организации её оказания. *Первый уровень* обеспечивает население ПМСП, в т.ч. первичной специализированной, неотложной и скорой помощью, которую оказывают специалисты первичного звена и СМП. Профработа первичным звеном проводится совместно со специалистами отделений медпрофилактики и Центров здоровья. Первичную специализированную МП оказывают врачи специалисты первичного

звена. *Второй уровень* обеспечивает оказание первичной специализированной медпомощи по наиболее востребованным профилям, специалистами межтерриториальных центров, развёрнутых на базе амбулаторных учреждений крупных городов области, в которых применяется широкий спектр диагностических процедур и специальные рентгенологические исследования, включая компьютерную томографию. *Третий уровень* – это консультативно-диагностическая первичная специализированная медпомощь, которая организована в поликлиниках областных больниц и диспансеров. В них проводятся консультации и диагностические исследования, в том числе с использованием высоких технологий.

Слабым звеном в области является первый уровень ПМСП из-за недостаточно развитой материально-технической базы поликлиник, низкой укомплектованности квалифицированными специалистами и недостаточной их мотивацией в эффективной работе. В комплексно-целевую программу развития здравоохранения области до 2030 г. включена подпрограмма 2 «Развитие ПМСП», а также разработанная нами её перспективная *трёхэтапная система организации первого уровня* (рис. 3).

Рисунок 3

Первый этап – профилактический, на котором из профмероприятий приоритетными направлениями являются: формирование у населения ЗОЖ; проведение иммунопрофилактики; консультации по проблемам здоровья; школы здоровья; скрининговые исследования выявления факторов риска; выявление заболеваний на ранних стадиях развития и их оздоровление; диспансерное наблюдение лиц из групп риска, здоровых, беременных, детей, лиц декретированных групп; больных с хроническими заболеваниями и профилактика их обострений, а также проведение рациональной маршрутизации больных. С целью повышения социально-экономической эффективности ПМСП, профработу авторы предлагают сосредоточить на патологии, вызывающей наибольшие социально-экономические потери: сосудистые заболевания (гипертоническая болезнь, атеросклеротическая болезнь сердца, острые нарушения мозгового кровообращения), диабет II типа, онкологические болезни, дегенеративные заболевания позвоночника и крупных суставов. Таким образом, на превом этапе осуществляется преимущественно профобслуживание в основном здоровых людей, а также лиц с хроническими заболеваниями вне стадии обострения, вследствие чего основой работой участкового врача становится профилактическая, а не лечебная работа.

Второй этап – амбулаторный (парагоспитальный). На этом этапе *приоритетными направлениями* являются: коррекция факторов риска, долечивание больных в поликлинике, «стационаре на дому», дневном стационаре при поликлинике; оказание неотложной и паллиативной помощи на дому и в поликлинике; МП впервые заболевшим и лечение больных с лёгкими обострениями хронических заболеваний; патронаж. Эти мероприятия выполняются специалистами первичного звена. В помощь им создаются постоянные медбригады для оказания неотложной помощи на дому, в том числе в выходные и праздничные дни, а мобильные медбригады – для оказания ПМСП в малодоступных сёлах и хуторах. Кроме того, на базе приёмного отделения при ЦРБ и городских многопрофильных больниц развёртываются диагностические отделения для коррекции неотложных состояний с последующей маршрутизацией пациентов на этапы оказания менее затратной, но не менее квалифицированной и интенсивной помощи. Открываются в поликлиниках кабинеты для оказания неотложной и паллиативной помощи. Это уменьшает уровень госпитализации и стоимость ПМСП, повышает её качество и доступность.

Третий этап – этап восстановительного лечения и реабилитации. В отделениях (центрах) восстановительного лечения и реабилитации, созданных на базе существующих физиокабинетов всех поликлиник, оснащённых эффективным оборудованием и укомплектованных квалифицированными специалистами (физиотерапевт, врач ЛФК, медицинский психолог, социальный работник и др.) проводится восстановительное лечение и комплексная реабилитация:

функциональная, трудовая, социальная и психологическая. Это позволит увеличить доступность и качество данного вида помощи населению, в первую очередь – сельскому и повысит социально-экономическую эффективность ПМСП.

Для оценки результатов труда медработников первичного звена были с нашим участием разработаны и внедрены 14 критериев, в том числе 5, характеризующих конечные результаты труда специалистов первичного звена. *Таким образом,* предложенная нами перспективная организационная система ПМСП направлена на расширение объёмов амбулаторной помощи, профилактику и формирование ЗОЖ, снижение стоимости МП, повышение эффективности работы первичного звена и системы здравоохранения в целом, а также сохранение здоровья населению региона.

Список литературы

1. Калиниченко Л.А. Этапность внедрения организационно-экономического механизма управления поликлиникой // Здравоохранение. 2004. – № 3 – С. 181–186.
2. Павлов К.В. Инновационная экология как перспективное научное направление. – Ижевск: Шелест, 2016. – 360 с.
3. Баранов А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект. – М.: Экономика, 1983. – 255 с.
4. Карташов Ю.Т. Качество медицинской помощи: ожидания и действительность // Здравоохранение. 2008. – № 5 – С. 29–35.
5. Степчук М.А. Основные показатели деятельности лечебно-профилактических учреждений и состояния здоровья населения Белгородской области. Статсборник. ОГКУЗ «МИАЦ». – Белгород, 2015. – 200 с.
6. Степчук М.А., Пинкус Т.М., Павлов К.В. Развитие перспективных форм организации и финансирования первичного звена здравоохранения региона в условиях модернизации российской экономики. – Ижевск: Шелест, 2015. – 356 с.
7. Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. – Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. – 504 с.
8. Колесников С.И. Экономические основы природопользования. – М.: Дашков и К°, 2011. – 304 с.
9. Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ / Серия: Экономическое славяноведение. – Ижевск: Книгоград, 2011. – 348 с.
10. Маркс К. Капитал. (Книга 3-я). Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. – 551 с.
11. Меркин Р.М., Соловьева О.Г. Дискуссионные проблемы теории интенсификации строительного производства // Известия академии наук. Серия Экономическая 1984. – № 4. – С. 33–40.
12. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. – М.: Магистр, 2009. – 458 с.
13. Сорокин Г.Н. Интенсификация социалистического воспроизводства // Вопросы экономики. – М., 1985. – № 3. – С. 3–13.
14. Титова Т.Д. Эффективность интенсификации на внутренних водоемах: монография. – Калининград: Калининградский государственный университет, 1971. – 138 с.
15. Тихонов И.А. Основы интенсивного экономического развития. – М.: Мысль, 1979. – 198 с.
16. Теория инновационной экономики / Под ред. О.С. Белокрыловой. – Ростов н/Д, 2009. – 376 с.
17. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / Под науч. ред. В.С. Селина, В.А. Цукермана. – Апатиты: Кольский НЦ РАН, 2012. – 255 с.
18. Эффективность интенсификации производства на основе внедрения достижений науки / Под ред. В.П. Лебедева. – М.: Мысль, 1975. – 255 с.
19. Еделев Д.А., Ляпунцова Е.В. Инновационные факторы социально-экономического развития российской промышленности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2014. – № 4. – С. 250–255.
20. Клочков В.В., Ратнер С.В. Управление развитием «зеленых» технологий: социально-экономические аспекты. – М.: ИПУ РАН, 2013. – 291 с.

Пациорковский В.В.
д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ГРАЖДАН

Ключевые слова: *демографическое развитие, экономический рост, доходы населения, усадебное хозяйство, благополучие.*
*Keywords****: demographic development, economic growth, incomes of the population, manors household, well-being.***

В последние годы в нашей стране успехи в подавлении спада численности населения заметно превосходят все достижения, связанные с социально-экономическим развитием, которое обычно идентифицируется с экономическим ростом и сопровождающим его повышением доходов населения. Руководители страны постоянно говорят о необходимости инновационного развития и повторной индустриализации. Одновременно при этом они отмечают падение доходов населения и указывают на перспективы их будущего восстановления, которые связываются с переходом от стагнации к новой волне экономического роста[1].

В принципе, эта картинка видна и понятна каждому обывателю. К сожалению, никто из ответственных лиц не говорит простому человеку, как ему компенсировать выпадающие доходы домохозяйства. Тезис о том, что «всем людям надо дать возможность свободно работать, и они заработают – и для себя, и для всей страны»[2], весьма привлекателен, но вряд ли реализуем в современных условиях. Даже если согласиться с тем, что все люди хотят свободно работать.

Сложившиеся к настоящему времени трудовые отношения формировались в эпоху промышленного развития, в исходной точке которого доминировал живой труд. При этом основной вектор перемен в течение долгого времени состоял и состоит в постоянной и непрерывно идущей замене живого труда прошлым трудом. Набирающие сегодня силу тенденции распространения роботизации и интеллектуальных технологий, открывая широкие перспективы создания малолюдных, а в дальнейшем и безлюдных производств, заметно ограничивают возможности утилизации живого труда.

Человеческий фактор еще долго сможет присутствовать в промышленном производстве и в реальном секторе экономики в целом. И все же вряд ли будет большим преувеличением сказать, что на локальных рынках труда многих развивающихся и тем более развитых стран спрос на еще недавно массовые профессии постоянно сокращается. В то же время занимать вновь создаваемые экономически эффективные рабочие места оказывается некому. Система профессиональной подготовки кадров просто не готовит таких специалистов. Вполне вероятно, что новая волна экономического роста приведет к повышению оплаты труда ограниченного круга работающих и огромному всплеску числа ликвидируемых рабочих мест.

Возникает вопрос: «Как можно устранить указанное противоречие»? Уместно предположить, что здесь трудно найти простые решения. Слишком большие, пользующиеся огромным влиянием в обществе, силы заинтересованы в сохранении сложившегося положения вещей. Вместе с тем его можно рассматривать как частный случай проявления более общего противоречия, связанного с нарушением био-социального равновесия в индивидуальном и общественном развитии.

В новое время мы преступили пределы дозволенного в отношениях с нашей природой и стали социализировать сферы жизни, являющиеся ее исключительной прерогативой. Среди таких сфер можно отметить планирование семьи и регулирование рождаемости, повлекшие за собой отказ от естественного отбора, самостоятельный выбор пола, глубокую трансформацию уклада жизни, разрушающую основы воспроизводства человека, и др. Таких факторов достаточно большое число.

Тем не менее, вклад каждого из них в достижение конечного результата различен. Поэтому в целом среди шагов, направленных на формирование уклада жизни людей, стимулирующего демографическое и социально-экономическое развитие, а значит, обеспечивающего безопасность, благополучие и воспроизводство духовно и нравственно здорового (благочестивого и добродетельного) человека, в качестве первоочередных следует отметить:

– обеспечение доступности широких слоев населения к строительству индивидуального жилища усадебного типа;

– повышение производственной функции домохозяйств и роли самозанятости в экономике;

– включение иждивения в минимальную оплату труда:

---

[1] Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 10. – С. 5.-30.

[2] Там же, с. 22.

– переход на оплату труда по формуле: одна семья – один кормилец;

– увязка завершения периода полового созревания с достижением гражданской ответственности и получением аттестата зрелости;

– омоложение брака и рождаемости;

– признание многодетности социальной нормой. Критика малодетности и нуклеарной семьи;

– создание постоянно действующего механизма, обеспечивающего стимулирование вступления в брак, а также рождение первого и последующих детей.

Отдельные из перечисленных выше шагов будут более полно раскрыты ниже. Другие – обсуждены нами ранее в ряде предшествующих публикаций[1], тогда как третьи далеко выходят за рамки предмета рассмотрения предлагаемой работы.

Вполне уместно предположить, что во времени масштабы влияния отмеченных ранее противоречий могут быть заметно сокращены, если в системе производства товаров и услуг все возрастающую роль начнут играть *домохозяйства, моральная экономика и самозанятость*. Это огромная ниша новой экономики, в которой открываются возможности обеспечения постоянных источников доходов значительной части экономически активного населении, в том числе и тех, у кого уже практически потеряны все шансы на успех на рынке наемного труда.

Россия слишком поздно встала на путь формирования общества потребления и создания экономики, базирующейся на постоянно растущем потребительском спросе населения. Четверть века движения по этому пути показывает, что наше народное хозяйство слабо подготовлено к функционированию в новых условиях. Огромная часть товаров народного потребления как завозилась, так все еще и завозится из-за рубежа, а производство стремится к добыче энергоносителей, выпуску средств производства (там, где это возможно) и удовлетворению нужд обороны.

Видимо, природа нашей экономики, много лет базировавшейся на производственной модели экономического роста, исключает возможность перехода к обществу потребления и модели, основанной на зависимости экономического роста от платежеспособного спроса населения. С учетом очень туманных перспектив движения вперед для стран, практикующих последнюю модель, вполне возможно, что в этом залог нашего благополучия и достаточно успешного будущего.

В наших условиях формирование связки между производством и потреблением среди прочих факторов зависит, в том числе, и от успехов в модернизации домохозяйств и поощрения самозанятости. В пользу указанного вектора развития свидетельствуют и изменения, происходящие в смене технологического уклада.

Индивидуальное усадебное жилище с автономными системами жизнеобеспечения способствует укреплению производственной функции домохозяйств – фундаменту самозанятости, а с ней и формированию структуры доходов населения, более точно соответствующей новым реалиям жизни. При этом в производственной модели экономического роста на первый план выходят совокупные доходы домохозяйств. В них в отличие от денежных доходов, связанных с поступлениями от наемного труда, что характерно для потребительской модели, большую роль играют денежные и натуральные доходы в домохозяйство, связанные со свободным трудом и собственными усилиями по производству продуктов питания, товаров и услуг на личном подворье. Натуральные доходы в этом случае имеют как товарную форму, так и собственно натуральные поступления в домохозяйство, которые предназначены для самообеспечения[2].

Положение дел в этой сфере будет меняться к лучшему по мере распространения частного землепользования и домовладения, а также в том случае, если подворья товаропроизводителей смогут рассчитывать на учет своих интересов в модернизации производства в городской и сельской местности. К сожалению, этот вопрос до сих пор находит слабое отражение в решениях органов власти.

Наличие в домохозяйстве поступлений собственной продукции в натуральной форме уже сегодня, а тем более на перспективу, имеет существенное значение. Это связано с тенденциями перемен на продовольственных рынках. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что в массовом обществе повышение доступности продовольствия неизбежно сопровождается снижением его качества. Данное обстоятельство обусловлено не только хорошо просчитываемым соотношением «цена-качество».

Оно предполагается и господствующим технологическим укладом, в котором биотехнологии, ускорители роста, различного рода пищевые добавки, заменители и консерванты начинают играть все большую роль, приводя к распространению на потребительском рынке, к примеру, не только обезжиренных, но и полностью изготовленных без животных жиров (no fat) сметаны, сыров и творога. Фактически на рынке все чаще предлагаются под привычными именами традиционных продуктов питания товары с далекими от благополучия и здоровья людей потребительскими свойствами. Об издержках быстрого питания (fast food) и говорить не приходится[3].

Поэтому проблемы здорового питания все полнее связываются с индивидуальным производством и потреблением на уровне семьи и дома основного набора продуктов питания, т.е. с моральной экономикой. В последнее время в домохозяйствах все более широкое распространение получает скорее производственная, чем потребительская техника: аэрогрили, мини-хлебопекарни, сепараторы, соковыжималки, экструдеры и др.

---

[1] Пациорковский В.В. Воспроизводство населения: семья и домохозяйство // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. – М.: Экон-Информ, 2015. – С. 280–281; Пациорковский В.В. Изменение условий жизни и размещения населения – ключевые факторы демографического развития. // Народонаселение. – М., 2012. – № 2. – С. 35–40. Пациорковский В. В. Модернизация домохозяйств как императив развития России // Россия и современный мир. – М., 2012. – № 3. – С. 85–96.

[2] Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – С. 197–210.

[3] Smith A. Encyclopedia of junk food and fast food. – Westport (Connecticut): Greenwood Press, 2006. – 320 p.

Понятие «моральная экономика» введено в употребление А.В. Чаяновым для целей описания особенностей и существа семейно-трудового хозяйства. При этом в качестве таковых в семейно-трудовом хозяйстве выделялись отказ от использования наемного труда и ориентация производства на удовлетворение потребностей семьи.

В одной из своих работ А.В. Чаянов отмечал: «Мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получившего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы»[1]. Иными словами, посредством понятия «моральная экономика» вводилось коренное отличие семейно-трудового хозяйства от капиталистического фермерского хозяйства.

Сегодня в связи с глубокими переменами, происходящими как в нашей стране, так и в мировой экономике было бы вполне *своевременно и корректно возвратиться к исходному смыслу рассматриваемого понятия, расширив его от крестьянских семейно-трудовых хозяйств до основной массы домохозяйств, функционирующих в народном хозяйстве.* При этом те домохозяйства, в которых производство товаров и услуг выходит за рамки их собственного потребления и реализуется на рынке, просто необходимо рассматривать в качестве одной из организационных форм *частнохозяйственных* предприятий[2].

Здесь, правда, осмысленно и несколько расширительное толкование частнохозяйственных предприятий. В таком случае к ним следует относить все домохозяйства, в которых производятся рыночные товары и услуги, независимо от способа их реализации. Связано это с тем, что с позиций оценки общественной эффективности такого производства важно не только то, как были реализованы продукция и услуги. Вполне возможно, что еще важнее, как само это производство соответствует текущему технологическому укладу, т.е. его энерговооруженность, уровень механизации выполняемых работ и обусловленные ими затраты труда.

В многоукладной экономике общество просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал один технологический уклад. Это значит, что труд в быту и на личном подворье должен быть сопоставим с трудом в общественном производстве. Поэтому положение дел на личном подворье должно в такой же мере беспокоить общество, как и положение дел у средних и крупных товаропроизводителей.

Разрушенная индустриальным обществом и вновь встающая сегодня на ноги, домашняя экономика моральна по своей природе. Отсутствие в предлагаемом ею способе производства наемного труда открывает огромные возможности совершенно других социально-экономических отношений, которые в уходящем обществе рассматриваются как реликты или чудачества отдельных людей. С этой точки зрения моральная экономика представляет собой равновесный бизнес, который исключается как последовательно реализуемым капиталистическим предпринимательством, так и наемным трудом в бюджетной сфере.

У человека, вжившегося в вековую интеллектуальную традицию капиталистического способа производства, само предположение об укреплении производственной функции семьи и домохозяйства, тем более в нашей стране, сразу же вызывает реакцию отторжения. Вместе с тем события последних двух декад в аграрном секторе экономики России позволяют говорить об этом с большей уверенностью.

В дореформенный период соотношение двух основных секторов аграрного производства нашей страны в течение многих лет сохранялось на близком уровне. Крупные хозяйства и хозяйства населения давали, соответственно, 75 и 25% объема производимой продукции. В 1990 г., например, это соотношение составляло 73,7 и 26,3%[3]. С началом формирования многоукладной экономики приведенное соотношение стало быстро изменяться. Первый пик перемен пришелся на 1998 г., а второй – на 2003 г., когда крупные хозяйства произвели 37,9%, фермеры – 4,2, хозяйства населения 57,9% сельскохозяйственной продукции[4].

В 2004 г. впервые в рассматриваемый период годы проявилась тенденция сокращения абсолютных объемов производства и доли хозяйств населения (51,0%) в структуре продукции сельского хозяйства. Эта тенденция и привела к росту вклада крупных производителей (43,1%) и фермеров (5,9%)[5].

2015 г. и 2016 г. были самыми успешными для крупных товаропроизводителей. В 2015 г. они произвели 50,8% сельскохозяйственной продукции, тогда как хозяйства населения – 38,4, а фермерские хозяйства 10,8%[6]. Этот более чем 20-и летний тренд показывает, что в аграрном секторе нашей экономики сельские домохозяйства уже много лет занимают позиции одного из ведущих товаропроизводителей.

Хорошо известно, что концентрация и специализация производства способствует повышению экономической эффективности. Она оправдывает себя в условиях устойчивого роста спроса на производимую продукцию. Между тем реальность рыночных отношений состоит в заметном колебании спроса и предложения на отдельные виды продукции, а также цикличном характере всего капиталистического производства. В условиях колебания спроса и тем более спада производства крупные специализированные предприятия, лишенные маневренности, как правило, первыми становятся жертвами изменившейся конъюнктуры рынка. В этом плане мелкие и средние хозяйства, чисто с экономической точки зрения, повышают устойчивость системы производства, а поэтому их вклад не может быть сведен к минимуму. А это значит, что сельское домохозяйство – далеко не временщик в аграрном производстве.

---

[1] Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М.: Экономика, 1989. – С. 203.

[2] Там же, с. 203.

[3] Сельское хозяйство в России. 2000. – М.: Госкомстат России, 2000. – С. 33.

[4] Россия в цифрах. 2004. – М.: ФГАС, 2004. – С. 207.

[5] Там же, с. 210.

[6] Россия в цифрах. 2016. – М.: ФГАС, 2016. – С. 275.

С учетом сказанного, несмотря на довольно тяжелое положение сельских домохозяйств, господствующий в них ручной труд, отсутствие кооперации и другие факторы, само их совокупное участие в качестве одного из основных игроков товарного производства, свидетельствует о глубоких переменах в развитии экономики. Указанное обстоятельство вряд ли правильно относить исключительно на счет разрухи переходного периода.

Более того, мы считаем, что в ближайшие годы во всех секторах экономики, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов, объемы продукции, которая произведена хозяйствами населения, будут быстро возрастать. В первую очередь это относится к водному, лесному, рыбному хозяйствам, а также к получению и использованию энергии из альтернативных источников (биогаза, ветра и солнца).

В сторону домохозяйств в известной мере смотрит и весь реальный сектор экономики. Примером тому может служить появление новых тенденций в сфере производства и труда.

В сфере производства новые технологии гарантируют широкие возможности не только для массового производства товаров, но и для товаров обладающих индивидуальными свойствами. Особенно ярким примером движения в указанном направлении служит появление 3D-принтеров – устройств, использующих метод послойного создания (выращивания) физического объекта по цифровой 3D-модели[1]. Распространение таких технологий открывает огромные товарные ниши для домашнего производства. В перспективе оно может оказать заметное влияние на потребление и спрос массовой фабрично-заводской продукции.

В сфере труда к числу таких новых тенденций можно отнести легализацию: выполнения работ без заключения долговременного договора с работодателем, удаленных рабочих мест и дистанционной работы. Теперь уже федеральным законом («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 апреля 2013 г. № 60-ФЗ) в Трудовой кодекс РФ введена новая глава 49.1, посвященная регулированию труда дистанционных работников[2]. Все эти новшества, так или иначе, приближают производство к домашнему хозяйству. По умолчанию предполагается, что именно туда (не всегда, но очень часто) выносится основная часть удаленных рабочих мест.

Здесь возникает коллизия между *квартирой* – семейным жилищем в многоэтажной застройке и *домохозяйством*, которое выполняя производственные функции, скорее всего, должно быть индивидуальным и включать в себя дом, двор с хозяйственными постройками и землю. Широким массам людей надо дать возможность встать на ноги путем получения в руки хотя и небольшого, но реального актива в виде участка земли под индивидуальное жилищное строительство, а не стоять всю жизнь в очереди на жилье или льготную программу его строительства. Такого рода инновация может повлечь за собой огромные перемены в жизни миллионов людей и социально-экономическом развитии нашего общества.

Она в полном смысле слова отражает «интерес времени», может наполнить содержанием и стать путеводной нитью в жизни основной части членов нашего общества. Все это повысит общественную и трудовую мотивацию, а значит, будет способствовать переменам во всех секторах экономики, в том числе в установках на модернизацию и восстановления попранной шоковой терапией и чековой приватизацией социальной справедливости.

Важно подчеркнуть, что реализация предлагаемой инициативы ориентирована не на перераспределение ресурсов. В первую очередь она ориентирована на модернизацию существующего жилищного фонда и повторное заселение пустующих сельских территорий и теряющих население малых городов под общим лозунгом: «*Построй свой дом!*» Это значит, что она предполагает капитализацию и вовлечение в хозяйственный оборот (застройку, куплю-продажу, налогообложение) огромных, сегодня все еще неликвидных активов на землях населенных пунктов и землях сельскохозяйственного назначения с разрешенным видом использования для «дачного строительства».

Сегодня жилищное строительство служит хорошим индикатором перемен, происходящих в сельской местности. Оно развивается по нескольким направлениям.

Индивидуальное жилищное строительство на землях населенных пунктов в сельской местности. Несмотря на все трудности получения земли и разрешения на строительство жилого дома, в наиболее успешных регионах (Республика Чувашия, Краснодарский край, Белгородская область и др.) к настоящему времени фактически отстроена и обустроена новая сельская местность.

В состав этого направления входит все жилищное строительство в сельской местности, возводимое как по инициативе самих индивидуальных застройщиков, так и по различным программам при поддержке государства, местных властей и корпоративного сектора. Справедливости ради следует отметить, что это очень маленькая доля жилья от общего объема жилищного строительства, ведущегося в сельской местности силами самого населения. Так, например, в 2015 г. в сельской местности было введено в действие 23,3 млн. кв. метров общей площади, из них за счет собственных и заемных средств населения 18,9 млн. кв. метров или 81,1%[3].

Покупка готового жилища горожанами на селе также может рассматриваться в составе этого направления. При этом одни из них покупают это жилище с намерением жить и хозяйствовать на земле. А другие – делают это для целей перемены мест и сбрасывания усталости от городской жизни (дауншифтинг)[4].

Коттеджное строительство. Оно характерно для пригородной зоны в сельской местности, тяготеющей к крупным городам. Обычно это дорогое жилище, которое могут себе позволить успешные городские предприниматели

---

[1] 3D-принтер. Википедия. – http://ru.wikipedia.org/wiki/3D-принтер

[2] Степанов В. Дистанционные работники – новая категория работников в российском трудовом праве. – http://www.top-personal.ru/lawissue.html?2271

[3] Россия в цифрах 2016. – М.: ФСГС, 2016. – С. 306.

[4] Каждый пятый москвич мечтает уехать жить в деревню. – http://vybor2012.mirtesen.ru/blog/43487219369/Kazhdyiy-pyatyiy-moskvich-mechtaet-uehat-zhit-v-derevnyu?from=mail&l=bnq_bn&bp_id_click=43487219369&bpid=43487219369

и чиновники. Примерами здесь могут служить Рублевка и Новая Рига в Подмосковье, Комарово и Репино в Санкт-Петербурге и др. Поскольку здесь работают большие деньги, для них отсутствуют препятствия как на землях населенных пунктов, так и на землях сельскохозяйственного назначения, а иногда даже на землях лесного фонда и заповедных зон, запрещенных к продаже, но доступных в долгосрочную аренду.

Примерами здесь могут служить застройка территории Бородинского поля, входящей в состав музея-заповедника «Бородино» (Можайский район, Московской обл.)[1] и застройка охранной зоны «Радонеж» (Сергиево-Посадский район, Московской обл.)[2]. В целом рассматриваемое направление перемен ограничено в своих масштабах.

Садовые и дачные поселки с правом строительства индивидуального жилища усадебного типа. Такие поселки создаются на коммерческой основе на землях сельскохозяйственного назначения, выкупленных хозяевами участков в собственность. В разной местности размер таких участков колеблется в интервале от 7 до 15 соток. В то же время число таких участков, приобретаемых одним собственником, не ограничивается. В настоящее время это наиболее распространенный путь строительства жилья в сельской местности. Такие поселки обычно возникают на дальних границах пригородной зоны крупных городов, но в пределах их повседневной доступности. Все ближнее Подмосковье может служить примером такого рода развития.

Родовые поместья – «неделимый земельный участок, площадью от одного до полутора гектаров, предоставляемый совершеннолетним гражданам Российской Федерации бесплатно, в пожизненное наследуемое пользование и владение, без права продажи, для строительства дома, создания и ведения приусадебного хозяйства, без налогообложения земли, строений и урожая. Земельный участок и возведенная на нем усадьба приобретают статус жилища… Закон о родовых поместьях действует только для совершеннолетних граждан РФ. Дети живут в РП родителей. По достижении совершеннолетия, дети могут остаться с родителями в их поместье, а могут каждый взять себе свой участок. Таким образом, семья может взять себе участок для РП в столько гектар, сколько в ней желающих совершеннолетних граждан РФ, а может и ограничиться 1 га… Участки выделяются как отдельно, так и группами (Поселение Родовых поместий)»[3]. Такие поместья и поселения получили распространение в Республике Башкортостан, Алтайском крае, Владимирской, Ярославской областях и других регионах. Всего по данным в сети Интернет на 24.11.2016 г. их насчитывается 360 единиц[4].

Экопоселения. «Это поселения людей, стремящиеся создать модель устойчивой жизни. В них проживают люди, сознательно отказавшиеся от вредных привычек, практикующие пермакультурные принципы земледелия[5]. Такие поселения возникают обычно в радиусе от 50 до 500 км от городов. Их можно рассматривать как продолжателей глобального движения экопоселений[6].

Дальневосточный гектар. Его получение и использование регулирует Федеральный закон[7]. Этот закон вступил в действие с 1 июня 2016. Его реализация только начинается. Можно предположить, что его успешная или неуспешная реализация окажет в ближайшей перспективе заметное влияние на сельское развитие в стране.

Поощрение и поддержка массового индивидуального жилищного строительства в малых городах и на селе особенно актуальны для регионов, в которых удельный вес селян составляет менее 25% общей численности населения[8]. Для таких регионов дальнейшее снижение численности селян свидетельствует о переходе к состоянию достижения естественного минимума сельского населения, единственным выходом из которого является повторное заселение сельской местности. Домохозяйства с развитой производственной функцией могут рассматриваться в качестве основных гарантов заселенности территории.

Возвращаясь к предмету нашего рассмотрения, можно привести несколько аргументов в пользу того, что распространение самозанятости в семейном домашнем хозяйстве окажет оздоровляющий эффект на паразитическое потребление. При этом самозанятость в домашнем хозяйстве нельзя отождествлять с мелким предпринимательством. В то же время без широкого распространения такой самозанятости все призывы к поддержке мелкого предпринимательства останутся без ответа со стороны людей.

Первое. Самозанятость в домашнем хозяйстве связывает в единое целое оба момента экономических отношений производство и потребление. В этом случае каждый шаг по увеличению потребления предполагает рост личных затрат времени и сил всех трудоспособных членов семьи на соответствующее увеличение производства продукции или услуг.

Нельзя забывать, что домохозяйство не только производит и потребляет различные рыночные блага (товары и услуги). Одновременно оно осуществляет постоянный процесс производства и потребления нерыночных благ (забота о доме и близких, воспитание и протежирование детей, поддержка престарелых родителей, любовь, внимание, взаи-

---

[1] Незаконная застройка Бородинского поля. – http://www.xmetra.ru/article/Nezakonnaya_zastroika_Borodinskogo_polya.html

[2] Суд признал незаконными особняки в заповеднике «Радонеж». – http://izvestia.ru/news/558460

[3] Родовые поместья. – http://ni.kprf.ru/n/129/

[4] Список поселений, состоящий из Родовых поместий России. – http://www.anastasia.ru/static/patrimony_list.php

[5] Экопоселения России. – https://vk.com/ecovegetarian

[6] Герцберг Л.Я., Будилова Е.Е. Экопоселение – перспективная форма //Народонаселение. – М., 2016. – № 2. – С. 16–25.

[7] ФЗ от 2 мая 2016 года № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/

[8] Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010; Пациорковский В.В. Факторы демографического развития: пространственное размещение населения // Народонаселение. – М., 2010. – № 4. – С. 35–50.

мопонимание и др.). Поэтому всякое наращивание трудовых затрат, выходящих за пределы обеспечения среднего уровня потребления, наталкивается в нем на сопротивление его членов. Цементирующая все эти процессы система взаимных обязательств и привязанностей, общих целей и путей их достижения тем прочнее и прозрачнее, чем интенсивнее домохозяйство реализует свою миссию, связанную с производством рыночных и нерыночных благ.

Еще не так давно домохозяйство было основным производителем огромной массы рыночных и нерыночных благ, равно как и центром местной жизни. С ним и его главой имели дело община и местные органы власти при решении всех возникавших проблем и выполнением взаимных обязательств. Такой способ домашнего производства обеспечивал ограниченный экономический рост, гарантированное расширенное воспроизводство населения и минимальное распространение паразитизма в тех слоях общества, которые работали сами на себя.

Второе. Домашнее производство ведет, с одной стороны, к ограничениям в использовании наемного труда в экономике. С другой стороны, само это обстоятельство сильно сужает возможности накопления богатства и передачи его по наследству. Исторически наследство служит одним из наиболее распространенных источников социального неравенства и паразитизма. И наоборот, необходимость зарабатывать на жизнь собственными силами представляет собой мощный стимул развития творческих способностей, лучших человеческих качеств людей и поддержания справедливости в обществе. Как отмечал один из основоположников философии хозяйства: «Признак хозяйства – *трудовое* воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность *даровому* их получению»[1].

Третье. В случае распространения домашнее производство может увести с рынка труда в сферу самозанятости значительную часть соискателей наемных рабочих мест. Это обстоятельство должно сыграть положительную роль в плане ограничения различных форм паразитизма как за счет сокращения излишней конкуренции на рынке труда, так и за счет формирования более широкой социальной прослойки людей, опирающихся в решении жизненных проблем на собственные силы и поддержку ближайшего окружения. Вряд ли надо доказывать, что иждивенчество и социальный паразитизм воспроизводятся отказом от самостоятельного поиска выхода из трудных жизненных ситуаций и распространенностью надежд, что кто-то поможет, а то и должен помочь в их решении.

Четвертое. Распространение самозанятости в домашнем хозяйстве предполагает развитие гражданских отношений при одновременном ограничении трудовых отношений. Это очень важный момент. Любое домохозяйство требует наличия недвижимости (жилища и другого имущества) и, как минимум, выполнения взаимных обязательств его членов по обеспечению во времени благоприятных условий функционирования их совместного «дела», именуемого домохозяйством.

«Семейный Кодекс РФ» в основном регулирует отношения совместной собственности (имущества супругов), в первую очередь с акцентом на его раздел[2], обходя вопрос о том, как оно наживается. Более того, он не содержит даже понятия домохозяйства. Законодатель по умолчанию считает, что общее имущество супругов и есть домашнее хозяйство. Последствия такого допущения в первую очередь негативно сказываются на семье. Для семьи последствия отрыва от домохозяйства пагубны потому, что они разрушают режим ее устойчивого функционирования. Для общества распространение подобной практики постепенно, но неуклонно ведет к нарушению режима воспроизводства населения со всеми вытекающими отсюда последствиями сокращения его численности. В то же время отношения домохозяйства со всей внешней средой, государством, местными органами власти и другими агентами хозяйственной жизни могут и должны регулироваться «Гражданским кодексом», что, безусловно, будет стимулировать развитие гражданского общества и сужение воспроизводственной базы социального паразитизма.

В семейном домохозяйстве, распределение обязанностей и внутрихозяйственные отношения его членов не могут и не должны регулироваться «Трудовым кодексом». В лучшем случае они могут регулироваться «Гражданским кодексом». Справедливости ради следует отметить, что в повседневной жизни они чаще всего соотносятся с обычным правом. Опыт показывает, что это реальность, от которой уйти в сферу материального права достаточно сложно.

---

[1] Булгаков С. Философия хозяйства (Мир как хозяйство). – http://magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak01.htm

[2] Семейный Кодекс РФ. 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ. Статьи 33–46. – http://www.consultant.ru/popular/family/

Поплыко В.И.
к.э.н., доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета
v_poplyko@tut.by

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *численность населения, дети, трудоспособные, активное население, пенсионеры, коэффициент трудового замещения, коэффициент реальной поддержки пожилых, демографическая траектория развития, демографический кризис, пенсионное обеспечение.*

Keywords: *population, children, able-bodied, active population, pensioners, labor replacement rate, the ratio of real support for the elderly, the demographic trajectory of development, demographic crisis, pensions.*

Динамика численности населения и его половозрастной структуры

Население Республики Беларусь сокращается. Эта негативная тенденция характерна для большинства малых стран Европейского континента.

Безусловно, ключевую роль играют низкая рождаемость, миграция, социальные и экономические факторы. Согласно прогнозам ООН, в период с 1995 по 2050 г. численность населения практически всех европейских государств, а также Японии уменьшится. Например, в таких странах, как Болгария, Италия или Эстония, она сократится на 25–30%. Население всех этих стран сильно постареет, средний возраст их жителей достигнет небывалых в истории значений, и резко упадет коэффициент демографической поддержки пожилых, т.е. отношение числа лиц трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) к числу лиц в возрасте 65 лет и старше. Во многих странах он сократится более чем наполовину: с 4 или 5 до 2, в России – с 5,6 до 2,4[1].

По состоянию на 1 января 2015 г. общая численность белорусских граждан составила менее 9,5 млн. человек. На этом фоне кардинально меняется половозрастная структура населения. В первую очередь, это связано с двумя разнонаправленными тенденциями: сокращением числа детей и ростом населения преклонного возраста. В Беларуси за 1959–2013 гг. доля населения в возрасте 0–15 лет снизилась ровно в 2 раза с 33,3 до 16,7% к итогу. В то же время удельный вес людей пенсионного возраста увеличился в 1,8 раза с 13,5 до 23,9%[2].

На рисунке 1 представлена траектория демографического развития Беларуси. Она дает представление о качественных демографических сдвигах, описанных ранее. На диаграмме изображен треугольник Гаусса, на котором показана возрастная структура населения. Стороны треугольника представляют собой шкалы, на которых откладываются значения долей возрастных групп (детей, трудоспособных и пенсионеров), общая сумма которых равна 100%. Белорусская траектория движения – левый нижний угол, т.е. рост населения старших возрастов на фоне низкой доли детей среди населения. Мы скатываемся в демографическую яму.

Большинством исследователей наличие демографического кризиса объясняется с позиций теории демографического перехода. Согласно данной концепции, страны и регионы мира в разные периоды в зависимости от уровня их социально-экономического развития преодолевают четыре исторических этапа демографического развития. В основе замещения каждого этапа последующим лежит процесс демографического перехода, то есть смены типов воспроизводства населения. На первом этапе показатели рождаемости и смертности населения крайне высоки, прирост его численности практически не наблюдается, а продолжительность жизни очень низкая, т.е. для данной фазы характерен традиционный тип воспроизводства. На втором этапе традиционный тип воспроизводства сменяется «переходным»: в результате значительного сокращения уровня смертности при сохранении стабильно высоких темпов рождаемости, что объясняется большими достижениями в области здравоохранения, улучшением условий и качества жизни населения, происходит стремительный рост численности населения или так называемый «демографический взрыв» («демографическая революция»). На третьем этапе коэффициент смертности стабилизируется на низком уровне, рождаемость начинает постепенно сокращаться, как следствие, темпы прироста численности населения существенно замедляются. Четвертая стадия характеризуется переходом к современному (рациональному) типу воспроизводства, который отличается крайне низкими показателями смертности и рождаемости, высокой продолжительностью жизни населения, в результате обеспечивается лишь простое замещение поколений. В этот период численность населения практически перестает расти, а в некоторых странах и вовсе происходит ее сокращение[3].

---

[1] Демографическая аналитика. – http://www.demoscope.ru/analit03.html

[2] Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник / Ред. кол. В.И. Зиновский и др. – Минск: Нац. Стат. комитет Респ. Беларусь, 2014. – С. 72–101.

[3] Демография: учебник / Под общ. ред. Н.А. Волгина. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 384 с.

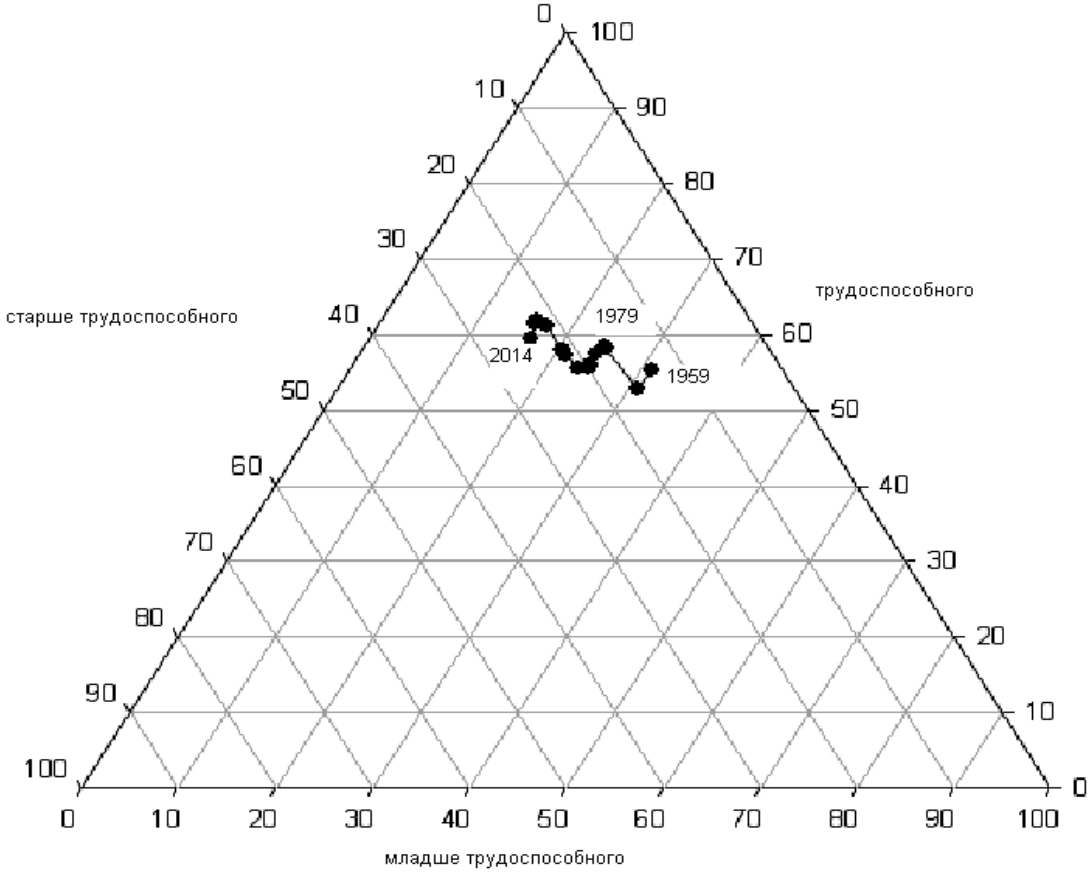


Рисунок 1.
Демографическая траектория развития Беларуси за 1959–2014 гг.

В итоге Беларусь прошла последовательно все этапы демографического развития и к началу XXI века вступила на его завершающую стадию перехода к современному типу воспроизводства населения, который характеризуется сокращением численности трудоспособного населения и как следствие трудовых ресурсов. Это приводит к возникновению многих экономических проблем. К ним относятся сужение внутреннего потребительского рынка, сокращение предложения на рынке труда, снижение числа налогоплательщиков, рост на этом фоне социальных обязательств, возникновение дефицита Фонда социального страхования и другие.

Сокращение числа детей и рост населения старше трудоспособного возраста оказывает крайне негативную роль, в первую очередь, на демографическую ситуацию в Беларуси. Обратимся к рис. 2, на котором приведены некоторые демографические показатели:

– коэффициент потенциального (трудового) замещения, численность детей, не достигших трудоспособного возраста – от 0 до 15 лет к лицам трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет);

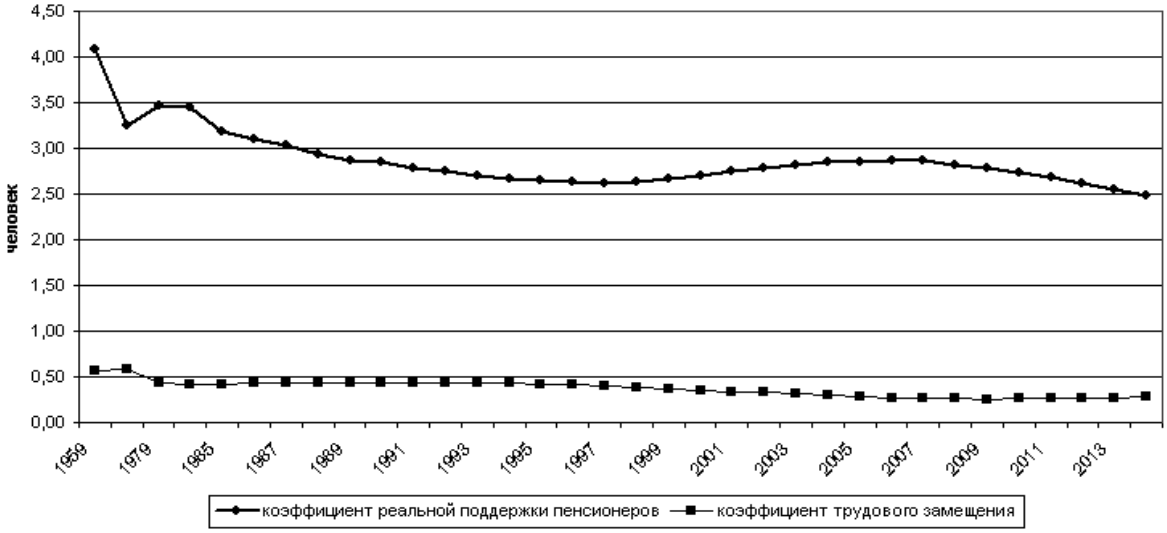


Рис. 2 Динкамика коэффициентов реальной поддержки пенсионеров и трудового замещения

– коэффициент реальной поддержки пожилых, т.е. отношение числа лиц трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) к числу лиц в возрасте 65 лет и старше (далее коэффициент поддержки).

Значение коэффициента поддержки на протяжении последних 20 лет находится в пределах 2,5–2,7. Согласно действующей в стране солидарной пенсионной системы работающие граждане оплачивает через налоги доходы пенсионеров. Получается следующая картина – на 2,5 трудоспособных людей приходится 1 пенсионер. В Беларуси при распределительном механизме пенсионной системы этого крайне недостаточно, поскольку реальное количество занятых на производстве и оказании услуг значительно меньше.

В Беларуси наблюдаются очень низкие значения коэффициента замещения лиц трудоспособного возраста детьми. В последние 50 лет его значения сократились ровно в 2 раза с 0,57 до 0,28. Складывается негативная ситуация, связанная с сокращением и старением населения. Формируется отрицательный долгосрочный тренд на ближайшую перспективу.

На рисунке 3 представлена динамика численности занятых и лиц трудоспособного возраста[1]. Выявляется любопытная картина, когда 10–20% трудоспособного населения официально не участвует в производстве товаров и оказании услуг. Да, есть учащиеся, военнослужащие, инвалиды, домохозяйки и даже безработные. Последних по официальной статистике менее 50 тыс. человек. Определенное число белорусских трудоспособных граждан стали мигрантами и работают на рынках труда других стран. Но если разница свыше 1 млн. человек – это повод «задуматься» правительству о методологии оценки и регулирования белорусского рынка труда. Этот факт подтверждает наличие теневой экономики, которая не приносит доходы в бюджет, и тем более в пенсионный фонд.

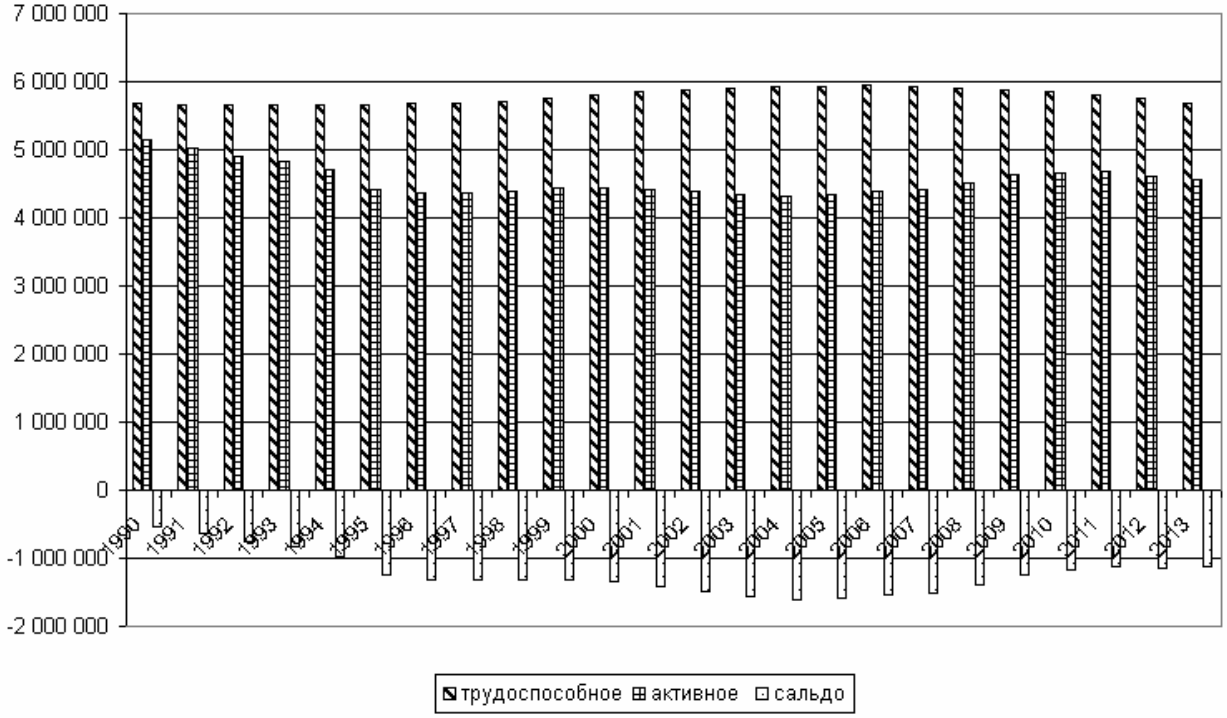


Рис. 3 Динамика трудоспособного,активного населения и их сальдо, чел.

Складывающаяся демографическая ситуация в стране имеет долговременный тренд. Если ничего не будет меняться в социальной политике и сохранятся существующие негативные тенденции, то через 20 лет на 1 пенсионера будет, приходится менее 2-х человека трудоспособного возраста. При расчетах на 1 занятого в экономике это значение станет еще меньше.

Региональный аспект

Проводя оценку демографической ситуации в Беларуси невозможно не затронуть региональный аспект. Понятно, что складывающаяся ситуация с половозрастной структурой, рождаемостью, миграцией будет различаться по регионам республики. В более выгодной ситуации окажутся территории с крупными городскими центрами, чем сельские районы. Проведем расчеты за 2013 год по всем 118 районам Беларуси. Ситуация моделируется от лучшей (например, Минский район) до худшей (отдельные районы Витебской, Гомельской и Могилевской областей[2].

[1] Труд и занятость в республике Беларусь. Статистический сборник / Ред. кол. И.В. Медведева и др. – Минск: Нац. Стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – С. 30.

[2] Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2015 г. и среднегодовая численность населения за 2014 год. – http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/989/989e93eae848efced72c8d59ed117b0e.zip

Понятно, что качественные характеристики населения включают множество параметров, а демографическая ситуация будет неравномерной даже в рамках отдельной страны. Чтобы оценить состояние демографической среды в Республике Беларусь, проведем региональный анализ.

Столица, областные центры (всего 6) по своим масштабам имеют огромный демографический и экономический потенциал, обладают значительными финансовыми и материальными возможности для реализации социальных программ. А как обстоят дела в провинции, в остальных 111 районах страны.

Рассмотрим в данном случае демографический потенциал, который включает множество показателей – численности населения, половозрастной структуры, миграции, естественного движения и других показателей. Собрать данную статистику достаточно сложно, поэтому ограничимся следующими характеристики населения региона:

– коэффициент трудового замещения;

– коэффициент поддержки.

Для выявления региональных особенностей соберем данные за 2013 год по 118 районам Беларуси, при этом включим все города, городские поселки и сельские населенные пункты в соответствующие территориально-административные единицы.

На следующем этапе работы проведем кластерный анализ белорусских районов по выбранным признакам для разбиения на группы. Он представляет собой совокупность методов классификации многомерных наблюдений или объектов, основанных на определении расстояния между объектами с последующим выделением из них групп, «сгустков» наблюдений (кластеров, таксонов). Кластерный анализ используется при исследовании структуры совокупностей социально-экономических показателей или объектов: предприятий, регионов, социологических анкет, коллективов и т.д. Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокупность объектов на группы «схожих» объектов, называемых *кластерами*[1].

В процессе анализа количество классов менялось от 1 до 5. Нам важно выявить кластеры с низкими значениями и с наилучшими показателями. Затем постараться выявить территориальные закономерности демографического потенциала. Проведя несколько итераций и расчетов за 2013 год, получим 5 групп, которые оптимальны по количеству объектов между собой. Данный подход позволит нам проверить гипотезу о существовании групп районов, объединить их по определенным признакам, избежать слепой «интерпретации» полученных результатов чисто эмпирическим и формальным путем. В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System)[2].

Полученные результаты расчетов приведены в табл. 1. В ней представлены сводка результатов кластерного анализа и разбиения районов на группы. Количество территориально-административных районов, объединенных в группы, колеблется от 11 до 51 единиц, а их доля, соответственно от 9 до 43% к итогу. Самое главное заключается в том, что расчеты координат центроидов дают представление о некой средней величине признаков каждого кластера. Таким образом удалось получить как количественную (число объектов), так и качественную характеристику (по признакам) каждой выделенной группы районов.

Таблица 1

Результаты кластерного анализа

№	Число районов	Доля, в % к итогу	коэффициент трудового замещения	упадет коэффициент реальной поддержки пожилых людей
1	51	43,22	0,303124	2,15048
2	12	10,17	0,269203	2,86308
3	28	23,73	0,340321	1,81446
4	11	9,32	0,398213	2,20071
5	16	13,56	0,297489	1,59273
	118	100	0,272	2,55

Источник: [5].

Анализ демографических показателей населения белорусских районов за 2013 г. свидетельствует о следующем. Есть регионы с наиболее высокими и низкими значениями исследуемых показателей, и поэтому всю совокупность можно разбить на группы. Существенные региональные различия наблюдаются и в характере пространственного размещения населения страны, для которой характерен тип городского расселения.

Первый кластер самый многочисленный по количеству районов с высокими значениями коэффициента замещения и низкими показателями коэффициента поддержки. Он включает Барановичский, Березовский, Жабинковский, Ивацевичский, Кобринский, Пинский, Браславский, Верхнедвинский, Глубокский, Лепельский, Лиозненский, Оршанский, Поставский, Толочинский, Чашникский, Шумилинский, Калинковичский, Речицкий, Рогачевский, Светлогорский, Волковысский, Лидский, Новогрудский, Островецкий, Ошмянский, Слонимский, Сморгонский, Вилейский, Клецкий, Логойский, Молодечненский, Несвижский, Пуховичский, Слуцкий, Смолевичский, Солигорский, Столбцовский, Узденский, Червенский, Бобруйский, Кировский, Климовичский, Кличевский, Костюковичский, Кричевский, Круглянский, Мстиславский, Осиповичский, Хотимский, Чериковский, Шкловский районы.

[1] Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере / Под ред. В.Э. Фигурнова. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 384 с.

[2] STATGRAPHICS Plus For Windows. User Manuals. Manugistics Inc., USA. 1995.

Второй кластер заключает в себя самые густонаселенные территории с min значением коэффициента замещения и мах величиной коэффициента поддержки. Это Брестский, Витебский, Полоцкий, Гомельский, Жлобинский, Мозырский, Гродненский, Борисовский, Дзержинский, Минский, Горецкий и Могилевский район.

Третий кластер является вторым по числу – 29 районов с высокими значениями коэффициента замещения и невысокими показателями коэффициента поддержки. К нему относятся Ганцевичский, Дрогичинский, Ивановский, Каменецкий, Ляховичский, Пружанский, Дубровенский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Ельский, Житковичский, Лоевский, Октябрьский, Петриковский, Берестовицкий, Вороновский, Ивьевский, Мостовский, Березинский, Копыльский, Крупский, Любанский, Стародорожский, Белыничский, Быховский, Глусский и Дрибинский район.

Четвертый кластер объединяет территории, пострадавшие от последствий катастрофы на ЧАЭС. Районы отличаются мах высокими значениями коэффициента замещения и невысоким уровнем коэффициента поддержки: Лунинецкий, Малоритский, Столинский, Брагинский, Кормянский, Лельчицкий, Наровлянский, Хойникский, Чечерский, Краснопольский и Славгородский.

Пятый кластер отличается самыми низкими значениями коэффициента поддержки (1,59) и невысокими (чуть выше среднереспубликанского уровня) величинами коэффициента замещения. К нему относятся Бешенковичский, Городокский, Докшицкий, Миорский, Россонский, Сенненский, Ушачский, Шарковщинский, Дятловский, Зельвенский, Кореличский, Свислочский, Щучинский, Воложинский, Мядельский и Чаусский районы.

Выводы

С позиций теории демографического перехода в настоящее время развитые государства уже вступили на его завершающую стадию, тем самым, осуществив переход к современному типу воспроизводства. Не стала исключением и Республика Беларусь. В настоящее время в индустриально развитых государствах демографический кризис проявляется в форме депопуляции, старения нации, сокращения репродуктивных возможностей населения.

Проблема стареющего населения актуальна и для Беларуси. На начало 2014 г. количество жителей страны старше трудоспособного возраста составляло 2,3 млн. человек или почти 23,4% от общей численности людей, живущих в РБ. Возрастной порог в 60 лет превысил уже каждый пятый белорусский житель. В дальнейшем старение белорусов приобретет еще больший масштаб: согласно официальному демографическому прогнозу, к 2036 г. доля населения в возрасте 55 лет для женщин и 60 для мужчин и старше превысит 28%[1]. За 1959-2013 гг. количество пенсионеров увеличилось на 10 п.п. с 13,5 до 23,9%. За аналогичный период количество детей приходящихся на 1 пенсионера снизилось более чем в три раза с 2,3 до 0,7.

Сложившаяся неблагоприятная демографическая конъюнктура, определяемая динамикой естественных процессов в населении, вынуждает белорусское руководство принимать непопулярные решения. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 137 от 11 апреля 2016 г. предусматривается поэтапное с 1 января 2017 года ежегодное повышение на 6 месяцев общеустановленного пенсионного возраста до достижения мужчинами 63 лет, женщинами – 58 лет. Наряду с этим увеличен страховой период с 5 до 15 лет для получения трудовых пенсий[2].

Вместе с тем, согласно оценкам МВФ к 2050 году дефицит пенсионного фонда мог бы достичь 7% ВВП, однако в результате объявленного в Беларуси повышения пенсионного возраста он может составить 5% ВВП. По мнению международных экспертов, принятые белорусскими властями решения о повышении пенсионного возраста смогут обеспечить равновесное состояние пенсионного фонда до 2022 года[3].

В заключении нужно отметить, что проведенный анализ позволяет осуществлять предварительную диагностику состояния демографического развития отдельных регионов и страны в целом, выявляя сильные и слабые территории для определения приоритетных сфер управленческого воздействия, дает возможность перенимать положительный опыт регионов-лидеров и учитывать причины положения аутсайдеров. Представленные подходы и полученные результаты могут быть использованы в качестве ориентиров при разработке и реализации государственных программ социально-экономической и демографической политики с целью повышения качества управления в социальной сфере.

---

[1] Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник..., с. 102.

[2] Указ Президента Республики Беларусь № 137 от 11 апреля 2016 г. «О совершенствовании пенсионного обеспечения». – http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-137-ot-11-aprelja-2016-g-13449

[3] Предупреждение МВФ: в будущем в Беларуси ожидается дефицит пенсионного фонда. – http://naviny.by/rubrics/finance/2016/06/20/ic_news_114_476984/

Свистунов А.А.
Сучков С.В.[1]

НА ПУТИ К ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ МЕДИЦИНЕ КАК МОДЕЛИ ПРАКТИЧЕСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ключевые слова: *здравоохранение, персонифицированная медицина, клиническая информатика, превентивно-профилактические технологии.*

Охрана здоровья является одной из важнейших функций современного цивилизованного государства, а обеспечение национальной безопасности в сфере здравоохранения признается одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества в целом. При этом демографические показатели в Российской Федерации сохраняются на неудовлетворительно низком уровне по сравнению с аналогичными показателями экономически развитых стран, иллюстрируя, тем самым, неблагоприятную для России демографическую ситуацию. Более того, при колоссальных расходах, связанных с разработкой новейших технологий, показатели общей заболеваемости и, особенно, индексы *хронизации* заболеваний и *инвалидизации* населения продолжают неуклонно расти. Особую тревогу вызывает снижение продолжительности жизни и увеличение смертности людей трудоспособного возраста с переходом значительной их части в зону потенциальных рисков инвалидизации. Очевидно и то, что нарастающий дефицит кадровых ресурсов неуклонно превращается в реальную угрозу национальной безопасности.

Тенденции развития современной клинической медицины плотно концентрируются вокруг активно разрабатываемого направления, получившего название *персонализированной медицины (ПМ)* и включенного в пятерку самых приоритетных областей XXI века. Идеология этой модели заключается в управлении состоянием индивидуального здоровья и резервами организма с задачей продления полноценной и здоровой жизни до естественных (биологически обусловленных) пределов. Социум сегодня объективно требует нового подхода к охране здоровья – охране, основанной на предупреждении (*превенции*) заболеваний, а не на бессрочном и, соответственно, баснословно дорогом лечении хронических (а следовательно, – «тупиковых») случаев.

Для претворения на практике концепции ПМ должна быть создана принципиально новая стратегия, основанная на *доклиническом* и/или *предиктивном* выявлении биоиндикаторов скрытой патологии задолго до проявления канонических (клинических) признаков болезни. Такого рода стратегия дает врачу реальную возможность вовремя принимать *превентивно-профилактические* меры, *персонализация* которых окажет существенное влияние на демографическую ситуацию.

Т.е., по сути, ПМ ставит основной задачей смену приоритетов в стратегии сохранения здоровья мировых популяций и населения России, в частности. А прогнозы ведущих мировых аналитиков свидетельствуют, что реализация такой государственной стратегии окажет существенное позитивное влияние на состояние национального генофонда в целом.

Основы ПМ были заложены французским ученым Доссэ, которому удалось обнаружить четкую связь между определенным набором генов и заболеваниями, имеющими сложную и неоднозначную природу (например, сахарный диабет/СД), что и послужило началом разработки соответствующих технологий, заложив ростки этой истории. Сами же задачи ПМ уже решаются благодаря революционным достижениям системной биологии и трансляционной медицины, именуемыми «-омиксами» и составляющими основу ПМ.

Соответственно, диагностическое зондирование различных биообразцов организма с применением современных технологий может обеспечить врача-клинициста достаточными объемами информации, необходимой для постановки диагноза и оценки совокупных рисков у конкретного пациента или лица из группы риска.

При этом современные технологии *гено-* и *фенотипирования* не только значительно повышают эффективность диагностики, но и резко увеличивают пропускную способность КДЦ и поликлиник при профилактических обследованиях и диспансерных наблюдениях, применяя в качестве инструментов скрининга не субъективную точку зрения врача, а микробиочипы с различными типами детекции.

Как же осмыслить данные сканирования по завершению манипуляций в целом? Это делает биоинформатика, предлагающая способ интерпретации огромного массива данных, применяя для их решения методы математического моделирования. Данная группа объединяет многочисленные и достаточно разнообразные вычислительные методы, которые ставят своей целью анализ имеющихся геномных, протеомных, метаболомных и интерактомных данных, а

[1] Свистунов Андрей Алексеевич – профессор, член-корреспондент РАН, первый проректор Первого МГМУ. Сучков Сергей Викторович – д.м.н., зав. кафедрой персонализированной медицины Первого МГМУ, профессор кафедры клинической иммунологии и аллергологии МГМСУ.

также консолидацию, процессинг и анализ данных медико-информационных сетей базовых категорий и аффилированных сетевых облаков.

Важной вехой в становлении и развитии биоинформатики стал Проект «Геном Человека», по мере реализации которого биоинформатика перестала быть только вспомогательным инструментом, делая человека (пациента или лица из группы риска) источником Гулливеровых баз данных и одновременно предлагая уникальный способ интерпретации столь огромных информационных массивов.

Так, например, итоги диагностического тестирования и терапевтических манипуляций после компьютерной обработки используются в создании единых *информационных баз* (например, электронных историй болезни), необходимых для мониторинга (с использованием мобильных телесистем и облачных технологий) индивидуального здоровья.

Поэтому предмет *клинической информатики* – науки о накоплении, передаче и обработке информации в организме больного и медицинских системах, а также информационных процессах при патологических состояниях – требует особого подхода для *догоспитального* этапа оказания медицинской помощи, в котором и совершается большинство ошибок.

При создании единых информационных систем разных уровней глобализации и клинического масштабирования сегодня используются не только базовые станции, но и система мобильных телекоммуникационных платформ, а также новейшие сетевые облака.

А что следует предпринять в сфере, ориентированной на манипуляции с огромными коллекциями биообразцов – *БИОБАНКАМИ?*

Важнейшая роль биобанков состоит в повышении биобезопасности страны, и, соответственно, биобанки используются для исследований болезней, причины которых до сих пор не ясны, создания предиктивно-диагностических и прогностических тестов, выявления биомаркеров заболеваний и разработки новых ЛП.

Важным аспектом построения эффективной системы биозащиты является создание глобальной системы мониторинга инфекционной и онкологической заболеваемости, контроля и прогноза развития эпидпроцесса. Для решения данной задачи требуется адекватное информационное обеспечение, уровень которого в значительной мере определяется наличием паспортизированной коллекции биообразцов национальной популяции, позволяющей получать уникальные данные. По этой причине биобанки становятся эффективной бизнес-структурой, привлекающей инвестиции, ибо спектр потенциальных клиентов биобанков очень широк (фармацевтические и биотехнологические компании, контрактные исследовательские организации и др.).

Между тем, на смену БИОБАНКАМ, БИОМАРКЕРАМ и прочим участникам и игрокам арены ПМ движутся реально перегруженные новейшей информацией «поезда», содержание которых ориентировано не только на смену самой платформы здравоохранения, но и менталитета как каждого врача-специалиста в своей конкретной области, так и медицинского сообщества в целом.

ПМ – принципиально новая отрасль здравоохранения, основанная на базовой информации по индивидуальным геномам, протеомам и метаболомам конкретного индивидуума, что заставляет и формирует вопрос фундаментального порядка, а именно – что же должна делать современная диагностика для решения задач сквозь призму ПМ?

Во-первых, своевременно определять генетическую предрасположенность к возникновению типовых видов патологии *(*этап *генотипирования)* и с высокой степенью достоверности количественно определять риск заболевания.

Во-вторых, путем тестирования на биомаркеры оценивать стадию развития патологического процесса, прогнозируя его течение с возможным развитием осложнений и выбирая по итогам *таргетирования* превентивно-профилактический или лечебно-реабилитационный протокол.

И в-третьих, за счет динамического скрининга биомаркеров проводить и отслеживать реакции организма на терапию и/или хирургическое вмешательство.

Основой для решения вышеуказанных задач должны стать стандартные алгоритмы, что позволит использовать для целевых мероприятий потенциал клинико-диагностических центров (КДЦ) и поликлиник, обходя серьезные затраты из категории *КОЙКО-ДЕНЬ*. Так, например, используя протокол геномного сканирования и информацию, полученную из трех основополагающих источников

(а) генеалогического древа;

(б) анамнеза болезни и

(в) анамнеза жизни,

следует выявить лица, предрасположенные к развитию данного заболевания, формируя для второго этапа (*фенотипирования*) соответствующие группы, что позволяет отслеживать потенциальных больных и/или лиц с наличием рисков и угроз.

К ключевым факторам раннего прогнозирования следует отнести и фактор «онкологической настороженности» в его современной трактовке. А именно – предусматривая обязательным этапом идентификацию единичных (циркулирующих в организме) трансформированных клеток – клеток-предшественников канцерогенеза *(CTC),* что крайне информативно для:

(а) предранней (*доклинической*) диагностики рака в стадии *латенции* (предрака) на этапе диспансеризации;

(б) своевременной оценки совокупных рисков метастазирования по итогам протоколов сканирования и молекулярной визуализации;

(в) мониторинга лечения и прогнозирования возможных рецидивов.

Молекулярная визуализация (molecular imaging) – еще одна важнейшая диагностическая модальность, которая позволяет комбинировать превентивно-профилактические, лечебно-реабилитационные и диагностические подходы и является базовой нанотехнологией ПМ.

Аккумулируемые в ходе обследования результаты гено- и фенотипирования используются в создании информационных (глобальных, региональных и целевых) банков, необходимых для мониторинга индивидуального здоровья.

Становится возможным и применение *биомаркеров,* определяющих формирование групп риска, а также эффективный мониторинг не только самого заболевания, но и состояния здоровья (в том числе, в рамках целевых диспансеризаций). В будущем это позволит определять весь комплекс генов предрасположенности и их продуктов, формируя «генетический паспорт» индивидуума, что даст возможность всестороннего мониторинга мультифакториальных форм патологии. Тем более что именно биомаркеры дали толчок к разработке концепции антимишеневой (таргетной) терапии, обосновав необходимость создания особых («таргетных») ЛП, способных внедряться в ключевые звенья патогенеза и корригировать возникающие в них сдвиги.

По сути, индивидуальное здоровье в единой связке с управлением последним становится социальным свойством личности, обеспечивающим человеку конкурентоспособность, профессиональное и креативное долголетие, и благополучную старость.

При этом одним из наиболее значимых направлений персонализированной медицины и аффилированных с нею мероприятий становится *таргетная* терапия. Такого рода терапевтические манипуляции способны блокировать, например, рост раковых клеток с помощью вмешательства в действие целевых (как правило, регуляторных) биомолекул, а не просто «тупо» препятствовать размножению быстро делящихся клеток (как это делает традиционная химиотерапия).

Принципиальная разница между классической онкотерапией (химиотерапией) и лечением таргетными ЛП состоит в том, что «умные» лекарства могут четко идентифицировать мутирующие клетки и оказывать разрушающее воздействие исключительно в пределах злокачественного новообразования, не затрагивая при этом здоровых органов и тканей.

Как следует из вышеизложенного, реализация целей и задач ПППМ обеспечит со временем переход от системы, ориентированной на лечение заболевания, к системе охраны индивидуального здоровья и программам по управлению здоровьем собственным (ПУСЗ), которые отличаются яркой *превентивно-профилактической* направленностью.

Неэффективность переменяемых в практическом здравоохранении методов лечения и реабилитации становится очевидной – например, количество больных СД за 20 лет к 2016 г. увеличилось примерно вчетверо. Обусловлено это тем, что лечение начинается, как правило, после развития самого заболевания, а применяемые методы универсального характера не обеспечивают ни лечебного, ни реабилитационного, ни, тем более, превентивно-профилактического эффекта, приводя в итоге к пагубным итогам.

Так, постепенное развитие хронического заболевания может годами не сказываться на состоянии здоровья и не иметь внешних проявлений, формируя в поэтапном ключе громадные по масштабу риски и угрозы для конкретного индивидуума.

Геномное же тестирование и применение *предиктивно-диагностических* тестов с биомаркированием дают возможность получать информацию об индивидуальном риске, что позволяет выявить патологический процесс на стадии *генетической предрасположенности* или *доклинической* стадии, обеспечив личность возможностью *превенции,* перспективами здоровья и благополучия на ближайшее будущее. В рамках такого сценария государству следует обязать страховые компании оплачивать пакеты услуг с включением стоимости *омикс*-тестов, т.к. именно государство заинтересовано в итогах профилактики. А специалист креативного толка после 50 приобретает возможность получать больший доход от использования своего интеллектуального и творческого капитала, по сравнению с работником, имеющим заболевания, приводящие к временной или стойкой утрате профессиональной трудоспособности. В чем также заинтересовано, в первую очередь, государство.

А лица, находящиеся в условиях длительных нагрузок и/или стрессовых факторов, смогут проходить процедуры индивидуальной профилактики, способствующие повышению нагрузочного порога и формированию повышенной резистентности к стрессу. Таким образом, внедрение в практику наукоемких отраслей национальной экономики ресурсной базы ПМ позволит сохранять бесценный кадровый потенциал для каждого из таких лиц, находящихся под *профилактическим* наблюдением и/или в режиме *превентивного* мониторинга.

Не секрет, что национальная безопасность в сфере охраны здоровья является конкурентным преимуществом в условиях глобализации, ибо этот показатель первым входит в индекс человеческого развития – универсального показателя уровня общественного развития той или иной страны. Неизбежно возникает вопрос – можно ли что-то изменить? Можно, если в сложившихся сегодня условиях стратегический акцент сфокусировать на понятии “витальной” безопасности не только популяционного, но и индивидуального порядка, которую следует отнести к составляющей безопасности национальной, незамедлительно обеспечив государственными гарантиями.

Как следует из вышесказанного, реализация целей и задач ПМ обеспечит со временем переход от системы, ориентированной на лечение заболевания, к системе охраны индивидуального здоровья и программам по управлению здоровьем собственным, которые отличаются яркой профилактической направленностью. Ориентировочные расчеты показывают, что лица, которые находятся под регулярным наблюдением, позволяющим выявлять патологические сдвиги на ранних (доклинических) этапах болезни, и по отношению к которым принимаются меры по их своевременному устранению, получают не менее 8-15 лет полноценной и активной трудоспособности к общей продолжительности жизни. А интенсивное внедрение в практику наукоемких отраслей позволяет достигать социальной экономии, исчисляемой десятками миллиардов долларов в год на каждом миллионе лиц, находящихся под профилактическим наблюдением.

По этой причине ключевым аспектом совершенствования модели здравоохранения становится стимулирование людей к здоровому образу жизни и дисциплине на фоне системного использования ресурсной базы *превентивно-*

профилактических и *лечебно-реабилитационных* мероприятий. Соответственно, стратегическим драйвером в русле такого рода движения вперед становится консенсус целого ряда отраслевых и межотраслевых компетенций, а точнее и проще, – применение интегрального подхода, включающего в себя:

(а) тестирование на предрасположенность к рискам, угрозам и болезням;

(б) рекомендации по профилактике и управлению рисками;

(в) разработка персонализированных таргетных ЛП и схем *превентивно-профилактических* и *реабилитационных* мероприятий на основании индивидуальных особенностей пациента или лица из группы риска, а также

(г) мониторинг самого процесса применения *превентивно-профилактических* и *лечебно-реабилитационных* мероприятий в едином ключе.

Сможет ли новая модель – модель ПМ – прижиться зависит от социальной и экономической эффективности самой модели!

Настало время менять приоритеты, и человек в большей степени сам должен нести ответственность за свое (индивидуальное) здоровье. И поэтому одна из главных задач ПМ заключается в перемещении фокуса на конкретную личность (пациента или лицо из группы риска).

Такого рода смену приоритетов и обеспечивают технологии дня завтрашнего и соответствующие последним новые сегменты мировых рынков, ориентируемые не на массовые лаборатории и потоковые поликлиники, а на индивидуальную работу лечащего врача с конкретным пациентом или лицом из группы риска. На таких рынках уже сегодня наблюдается заметный рост доли *превентивно-профилактических* средств и соответствующего инструментария, несмотря на то, что переходный период требует серьезных денежных вливаний. При этом частное инвестирование остается основополагающим, ибо спрос на средства ПМ будет только расти, а коммерциализируемость технологий является весьма высокой. Да и нефинансовые риски предельно минимизированы, так как модель ПМ рассчитана на плотное взаимодействие с государственными органами власти, а также малым и средним бизнесом (включая страховые компании).

И, наконец, ни сама модель ПМ, ни аффилированные с нею проекты не требует высоких затрат на вхождение в отрасль и не предполагают серьёзного противодействия ни со стороны конкурентов (ввиду их отсутствия на данном этапе), ни со стороны органов власти (ввиду их прямой заинтересованности в успехе проекта).

Большое значение в границах продвинутых рынков будут иметь программы по управлению собственным здоровьем (ПУСЗ), отличающиеся яркой *профилактической* направленностью и ориентированные на комплексное удовлетворение потребностей потребителя и рынка в целом. Более того, помимо интереса самого *ПРОИЗВОДИТЕЛЯ*, в развитых странах с катастрофической скоростью нарастает и активность посредников – отмечается взрыв работ по созданию *Центров ПМ*, использование которых ПОТРЕБИТЕЛЕМ также стремится к прогрессирующему росту…

Мы находимся на грани глобальных перемен, которые иллюстрируют переход от достаточно консервативной системы здравоохранения, ориентированной на лечение заболеваний к системе, сосредоточенной на защите индивидуального здоровья путем управления собственным. По нашему мнению, решение такого масштабного вопроса возможно уже сегодня на основе использования «Проектного принципа» создания и реализации *предиктивно-прогностических* и *превентивно-профилактических* технологий и практик, инкрустированных в персонализированную оболочку с одной стороны и освоении новейшей идеологии сетевых форм сервиса и управленческих платформ, с другой. При использовании ***прогрессивного*** сценария по ходу движения вперед одновременно внедряются адаптированные к таким платформам бизнес-модели (включая модели государственного и частного партнерства). Данный сценарий может обеспечить более сдержанный рост расходов на медицинское обеспечение благодаря форсированному развитию глобальных медицинских рынков по протоколам, концентрирующим основное внимание на рынках поэтапно внедряемой в практику модели ПМ.

Для экономических показателей здравоохранения внедрение ***персонализированного*** сегмента будет означать расширение перечня форм патологии, так как будет учитываться индивидуальная особенность каждого человека. С другой стороны, это позволит перейти на конкурентное ценообразование, в русле которого для страховых организаций откроет возможность проводить сравнительный анализ стоимости услуг между различными клиниками и соответственно точнее управлять страховыми рисками. Для населения же – оптимизировать свои затраты по медицинской страховке. В итоге лечебно-профилактические учреждения смогут проводить *бенчмаркинг* (расчетно-оценочные мероприятия у постели больного) по медицинской услуге для выявления тенденций роста эффективности лечения и/или профилактики.

С переходом к модели управляемой конкуренции в потоке развития прогрессивный сценарий (модель ПМ) обеспечит рынок адекватными ориентирами, делая отрасль привлекательной для частных инвестиций и формируя контуры государственного и частного партнерства в границах, намного шире, чем просто здравоохранение. Вышеуказанный подход с внедрением в практику идеологии и технологий ПППМ потребует не только политической воли, но и колоссальных усилий со стороны государства, медицинского сообщества и социума в целом. Поэтому очевидно, что реализация программы ПППМ потребует не только накопленных фундаментальных знаний, но и глубокой реформы образовательного процесса, а также правильной этической и правовой интерпретации результатов доклинического тестирования и результатов последующих этапов *превентивно-профилактических* мероприятий. Соответственно, для реализации поставленных практикой задач придется разработать новые методы медицинской помощи, ориентирующие клиента на перемены в привычном для себя отношении к себе. При этом должна возрасти роль медицинской культуры, которая является частью культуры общей и одним из условий воспитания грамотности каждого человека в отношении охраны собственного здоровья.

Результаты всех мероприятий здравоохранения, его служб и программ анализируются с позиций ***социальной, медицинской*** и ***экономической*** эффективности.

Так, ***медицинская*** эффективность отражает степень достижения поставленных задач диагностики и лечения заболеваний с учетом критериев качества, адекватности и результативности.

Социальная же эффективность – это степень достижения социального результата. В отношении конкретного индивидуума – это возвращение его к труду и активной жизни в обществе, удовлетворенность медицинской помощью как профилактической, так и лечебной направленности. В масштабе всей системы здравоохранения – это увеличение продолжительности предстоящей (в том числе творческой) жизни населения, снижение уровня показателей смертности и инвалидности, удовлетворенность общества в целом системой оказания медицинской помощи.

А ***экономическая*** эффективность – это соотношение итоговых результатов и произведенных затрат, что является составляющим звеном в оценке системы здравоохранения в целом, отдельных ее подразделений, а также экономическим обоснованием мероприятий по охране здоровья населения.

Становится очевидным, что стране и обществу необходима принципиально новая медицинская школа, что приобретает особое значение в связи с переходом здравоохранения и страны в целом на инновационный путь развития и что следует из Концепции развития здравоохранения РФ. Остается лишь надеяться, что государственная политика в сфере охраны здоровья и современный мир будут разумны, однако, цивилизованному обществу предстоит четко обозначить свою позицию по отношению к тому, что уже происходит и будет происходить в рамках практического использования достижений ПМ.

Ярных Э.А.
д.э.н., профессор кафедры статистики Российского экономического университета
Константинова А.Г.
старший преподаватель Иркутского государственного университета

СИСТЕМА СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: *потенциал, региональное развитие, социально-экономический потенциал региона, демографический потенциал, демографическая ситуация, индекс развития демографического потенциала.*

Keywords*: potential, regional development, social and economic capacity of the region, demographic capacity, demographic situation, index of development of demographic potential.*

Социально-экономическое развитие страны зависит не только от её природных богатств и прочих материальных ресурсов, но и от степени развития и состояния человеческих ресурсов, их качественных и количественных характеристик. Состояние человеческих ресурсов, в свою очередь, определяется сложившейся в стране демографической ситуацией, характером демографических процессов, характеризующих демографический потенциал страны в целом и её отдельных территорий.

Понятие «потенциал» используется в разных областях знаний, в том числе и применительно к региональному развитию. При этом в контексте задач настоящего исследования приоритетным видится изучение понятия «социально-экономический потенциал региона». С учётом исходного значения понятия «потенциал», уровень социально-экономического потенциала региона представлен скрытыми резервами и возможностями его развития как территории с установленными административно-территориальными границами, единым экономическим, культурным, политико-правовым пространством, при обеспечении реализации всего комплекса ресурсов региона (природных, трудовых, научных, материальных, демографических, использовании преимуществ существующей и потенциальной структуры экономики, институционально-правовых факторов) в интересах повышения качества жизни населения.

Важнейшим условием обеспечения системности развития региона является подготовка качественной информационно-аналитической базы о состоянии социально-экономических процессов и социально-экономического потенциала развития территорий.

Структура социально-экономического потенциала региона, в зависимости от реализуемых функций может быть представлена следующими основными блоками (рис. 1): – блок ресурсного потенциала;

– блок потенциалов, обеспечивающего текущее развитие региона;

– блок потенциалов готовности к осуществлению реформирования состояния социально-экономического развития региона.

Из представленной на рис. 1 схемы, видно, что в системе различных подчинённых потенциалов социально-экономического потенциала региона, базовые функции и ключевую роль выполняет демографический потенциал, становясь одним из основных факторов эффективности регионального развития, поскольку на нём «замыкается» множество других потенциалов[1].

Стоит отметить, что некоторые исследователи не структурируют подробно факторы эффективности регионального развития, относя демографический потенциал к одному из основных факторов обеспечения эффективности социально-экономического развития региона. К примеру, исследователи называют демографический потенциал одним из стратегических факторов регионального развития.

В последние годы актуализировались вопросы применения понятия «потенциал» в демографической статистике, что связано с необходимостью выявления скрытых ресурсов в составе населения в зависимости от тех или иных демографических критериев.

Сложность устройства демографической системы, особенно сильно проявляющаяся при глубоком изучении демографических и социально-экономических показателей в прошлом, настоящем и возможном проявлении их в будущем, обусловливает необходимость учёта свойственной этим процессам динамики. Эта динамика становится следствием ряда демографических процессов, что, в свою очередь, определяет необходимость формирования и применения в анализе специальной системы статистических показателей при осуществлении статистического анализа, которые бы в полной мере позволили раскрыть статическую, динамическую и структурную специфику текущих и будущих явлений.

[1] Евсеенко О. И. Методологические основы оценки демографического потенциала региона: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – СПб., 2001. – 243 с.

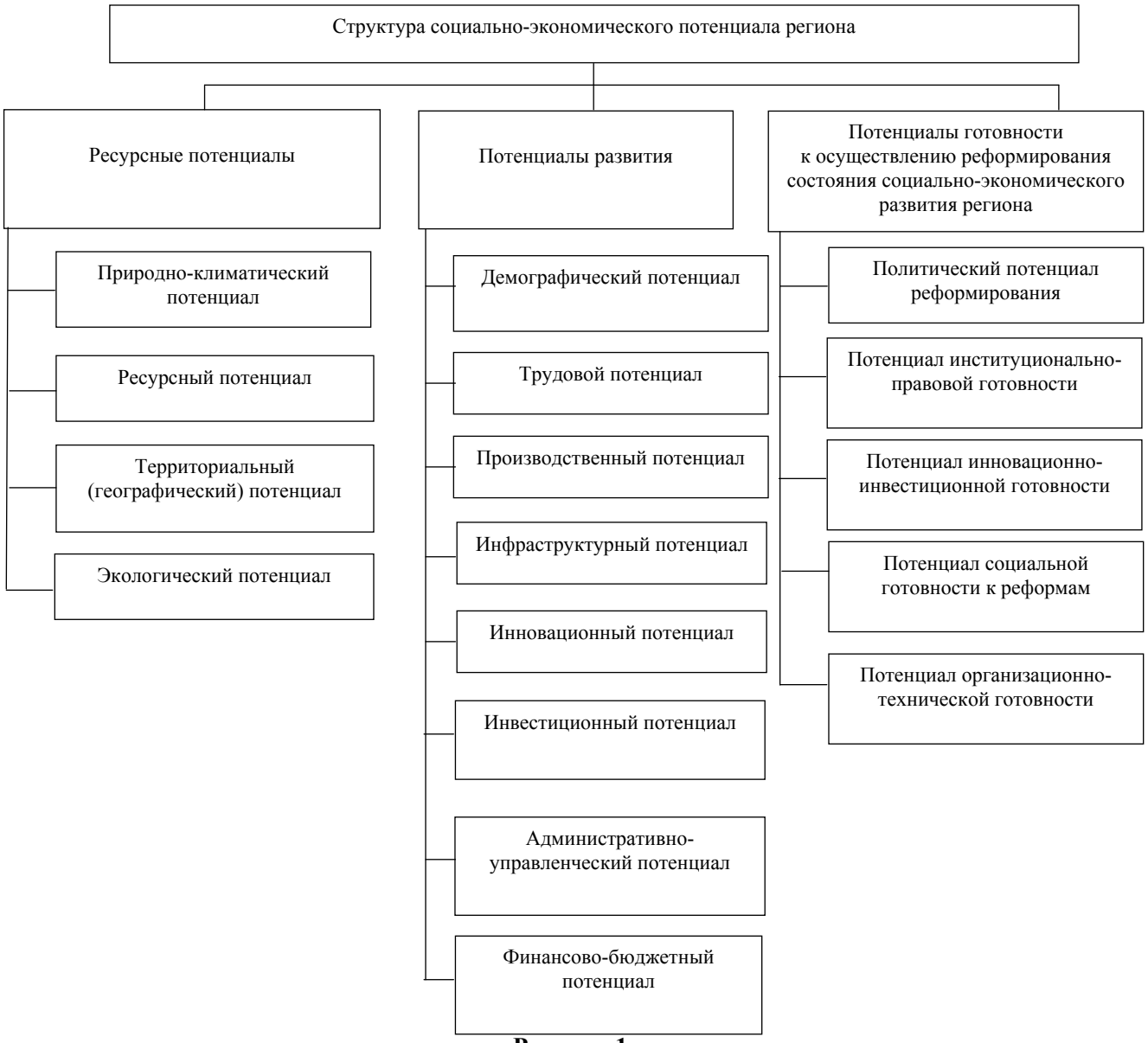


Рисунок 1.
Структура социально-экономического потенциала региона

Другой важной категорией потенциальной демографии является потенциал демографического роста, обусловленный возрастной структурой населения[1]. Демографический рост позволяет определить вклад определённой возрастной группы реального населения в его прирост в будущем при постоянстве во времени уровня рождаемости и смертности. Другими словами, данный параметр позволяет определить вклад составляющих воспроизводства населения в прирост в прогнозируемом, будущем периоде при условии его стабилизации. Данная категория, являясь одновременно конкретным параметром, выражается как отношение численности условной группы населения, которое имеет постоянные с определённого времени функции рождаемости и смертности, к реальной численности населения на конкретный временной промежуток. При учёте уровня смертности данный параметр трансформируется в нетто-потенциал населения, без её учёта – в брутто-потенциал населения.

Демографический потенциал, как и численность населения, позволяет наблюдать итоги воспроизводства населения за предшествовавший период, вместе с этим характеризуя специфику воспроизводства населения и его демографическую перспективу на основе необходимого учёта вклада в его воспроизводство различных демографических и возрастных групп населения[2].

Развитие населения, как один из компонентов потенциальной демографии, применительно к региональному уровню управления, предлагает определять его как процесс позитивных изменений количественных и качественных параметров населения. Подобные изменения обусловлены следующими процессами: стабилизации рождаемости на уровне, позволяющим обеспечить простое воспроизводство населения, увеличением уровня продолжительности жиз-

[1] Буржуа-Пиша Ж. Анализ населения в процессе его стабилизации // Демографические модели. – М.: Статистика, 1977. – С. 132.

[2] Эдиев Д. М. Теория и приложения демографических потенциалов: дис. ... д-ра физ.-мат. наук: 05.13.18. – Черкесск, 2008. – С. 53.

ни, положительным сальдо межрегиональной миграции, ростом доли населения, которое состоит в браке, общим повышением уровня образования в регионе и др.

Предлагаемое исследователями понимание демографического потенциала раскрывается через факторы, влияющие на потенциал воспроизводства населения той или иной территории.

Можно выделить три крупные группы факторов, формирующих демографический потенциал населения региона (рис. 2)[1].

При реализации статистического измерения на основе количественных показателей сложившейся в регионе демографической ситуации могут быть использованы три концепции: интегральная; групповая; системная.

В основе интегральной концепции лежит ориентация на использование одного обобщающего показателя, позволяющего объединить в единое целое разнообразные и многочисленные параметры демографического потенциала. Достоинством данного подхода является возможность характеристики состояния объекта исследования одним числом, что значительно упрощает последующий анализ, особенно с позиций временных и пространственных сопоставлений. Недостатками данной концепции является ее сложность и многочисленные методологические проблемы, связанные с выбором или разработкой алгоритма получения сводной оценки характера демографической ситуации в регионе. В некоторых случаях выделить один или объединить несколько показателей бывает просто невозможно.

Рисунок 2.
Факторы демографического потенциала

В соответствии с групповой концепцией предполагается для исследования состояния демографического потенциала региона одновременное использование группы показателей. Достоинством данного метода является решение методологических проблем выбора одного или интегрального критерия. Недостатком данной концепции является возникновение потребности в установлении взаимосвязей, соподчиненности, приоритетов между ее отдельными элементами.

В основе системной концепции лежит использование системы взаимосвязанных показателей, позволяющих охарактеризовать различные стороны, грани и аспекты демографического потенциала, которые располагаются не хаотично, а в конкретной иерархической последовательности. Такой подход предоставляет возможность осуществлять статистический анализ состояния и развития демографического потенциала на основе определенной логической схемы, где каждый компонент (показатель) занимает строго определенное место. Преимущества данной концепции заключаются в целостности прикладного анализа, заключающегося в постепенном переходе от одних параметров к другим, органично дополняющим уже осуществленные расчеты. Недостатком данной концепции является сведение проблемы построения системы показателей к четкому обоснованию ее логической конструкции и выделению отдельных блоков (разделов), включающих конечное число содержательных параметров.

[1] Сукнёва С.А. Демографический потенциал воспроизводства населения северного региона: на примере Республики Саха (Якутия): 08.00.05. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011. – С. 52.

В современных условиях статистическое исследование демографического потенциала становится ключевым условием обеспечения эффективного долгосрочного регионального развития.

Статистическое исследование демографического потенциала регионов должно осуществляться на основе разветвленной системы показателей, в максимально полной мере характеризующих влияние на формирование демографического потенциала факторов. Сформулированная система показателей анализа демографического потенциала региона должна в полной мере отражать состояние и тенденции развития территории, как по структуре, так и по временным и пространственным аспектам.

Статистическое исследование демографического потенциала региона должно осуществляться с использованием следующей системы статистических показателей (таблица 1).

Однако изучение демографического потенциала территории целесообразно осуществлять не только на основе частных показателей, но и с использованием интегральных характеристик. В этой связи предлагается ввести понятие и одновременно новый показатель, позволяющий оценить состояние демографического потенциала региона в комплексе – индекс развития демографического потенциала.

Как в научной, так и в практической деятельности субъекты управления сталкиваются с проблемой сравнения и упорядочения некоторых неподдающихся непосредственному изменению сложных социально-экономических систем, в частности региональных применительно к изучению демографического потенциала. При этом общее представление о характере количественного проявления оцениваемого свойства (интегрального показателя) может складываться как результат агрегирования частных признаков, либо иными математическими действиями, предполагающими, в том числе их нормирование ввиду неоднородности состава изучаемого явления. В связи с этим, изучение демографического потенциала требует разработки и оценки интегрального показателя, который бы включал в себя ключевые составляющие, которые влияют на его развитие.

Таблица 1

Система статистических показателей статистического анализа демографического потенциала региона

Группа анализа демографического потенциала	Критерии	Показатели анализа
Демографическая ситуация	Показатели численности населения	Динамические показатели общей численности населения
		Динамические показатели численности населения по полу
		Динамические показатели численности населения по основным возрастным группам
	Показатели рождаемости	Динамические показатели по количеству родившихся и количеству умерших
		Коэффициенты рождаемости: суммарные и возрастные
		Коэффициент воспроизводства населения
	Показатели смертности	Средняя ожидаемая продолжительности жизни
		Показатели смертности по основным причинам
		Индекс сверхсмертности у мужчин
		Смертность населения в репродуктивном возрасте
		Коэффициенты младенческой смертности
		Основные причины младенческой смертности
		Коэффициент материнской смертности
	Миграционные процессы	Миграционный прирост населения: относительный и абсолютный
		Длительность проживания по выбытиям
		Показатели внутрирегиональной миграции
		Интенсивность миграционного оборота
Демографическая структура	Половозрастная структура	Возрастно-половая пирамида и возрастная структура населения (по классификации Г. Сундберга)
		доля населения младше трудоспособного возраста
		доля населения в трудоспособном возрасте
		доля населения старше трудоспособного возраста
		Демографическая нагрузка на жителей трудоспособного возраста лицами в нетрудоспособном возрасте
		Доля женщин в фертильном возрасте
		Демографическая нагрузка на жителей трудоспособного возраста лиц моложе трудоспособного возраста
		коэффициент демографической старости населения
	Миграционная структура	доля местных уроженцев в составе населения
Социально-экономические процессы		Уровень образования по возрастным группам
		Уровень образования по гендерным группам
		Уровень занятости по возрастным группам
		Уровень занятости по гендерным группам
		Структура трудовых ресурсов
Медико-демографические процессы		Уровень заболеваемости общий
		Относительные показатели прерывания беременности
		Возрастная и гендерная структура заболеваемости

Таким образом, необходимость применения интегрального показателя демографического потенциала региона обусловлена, с одной стороны, наличием значительного множества факторов и выражающих их статистических показателей, которые влияют на формирование демографического потенциала территории, а, с другой стороны, разнородностью этих факторов.

При наличии исследований, посвящённых вопросам оценки отдельных характеристик демографического потенциала и его количественных значений в виде тех или иных статистических показателей, на современном этапе в недостаточной степени развиты подходы к интегральной оценке развития демографического потенциала региона. Сложность решения данной научной задачи состоит, прежде всего, в формировании набора показателей, определяющих уровень развития демографического потенциала в регионе.

Принимая во внимание указанные особенности и проблемы, при разработке интегрального показателя демографического потенциала или индекс развития демографического потенциала (далее ИРДП) необходимо руководствоваться следующими принципами:

– принцип содержательной ёмкости и достаточности ИРДП, в соответствии с которым его состав должен быть представлен небольшим числом статистических показателей (индексов), позволяющих сделать однозначный вывод об уровне развития демографического потенциала в регионе;

– принцип обеспечения однородности при расчёте ИРДП, в соответствии с которым разнородные статистические показатели должны подвергаться нормированию;

– принцип учёта разной степени влияния показателей на развитие демографического потенциала, согласно которому расчёт ИРДП производится с учётом соответствующих коэффициентов.

Состав статистических показателей, образующих ИРДП региона, предлагается сформировать из ряда показателей по следующей модели:

$$I_{irdp} = \sqrt{\frac{D_f * K_{sko} * E_o * I_k}{Z_n * K_m}},$$

где I_{irdp} – индекс развития демографического потенциала;

D_f – доля женщин в фертильном возрасте (от 15 до 49 лет), %;

K_{sko} – коэффициент фертильности (суммарный коэффициент рождаемости), ‰;

E_o – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;

I_k – индекс качества жизни (в соответствии с результатами рейтинговых оценок), балл.;

Z_n – уровень заболеваемости, чел.;

K_m – коэффициент младенческой смертности, чел.

Таким образом, предлагается следующий способ интерпретации значений индекса развития демографического потенциала региона (табл. 2).

Таблица 2

Порядок интерпретации значений индекса развития демографического потенциала регионов

Значения ИРДП	Интерпретация
I_{irdp_a}*0,25+I_{irdp_a}<I_{irdp}	Высокий уровень развития ДП
I_{irdp_a} < I_{irdp}<I_{irdp_a}*0,25+I_{irdp_a}	Уровень развития ДП выше среднего
I_{irdp_a}-I_{irdp_a} *0,25< I_{irdp}< I_{irdp_a}	Уровень развития ДП ниже среднего
I_{irdp}<I_{irdp_a}-I_{irdp_a} *0,25	Низкий уровень развития ДП
I_{irdp_a} – среднее значение ИРДП по выборке регионов за период	

Формирование демографического потенциала в России происходит под влиянием ряда факторов, которые в зависимости от характера (политические, правовые, экономические, социальные) и уровня проявления (федерального или регионального) обретают свою специфику на конкретной территории. В этой связи, статистическое исследование демографического потенциала в России следует осуществлять на основе изучения специфических черт конкретных территорий.

Беленикин Р.О.
старший инспектор Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний
Ruslan.Belenikin@mail.ru

МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: *молодежь, Воронежская область, воронежская молодежь, гражданская активность, гражданское участие, поведенческие стратегии, добровольческое движение, волонтеры.*

В последние годы во многих научных исследованиях, выступлениях политиков, общественных деятелей, в СМИ достаточно часто звучит тезис, согласно которому россияне, прежде всего, молодые люди в массе своей аполитичны. Материалы Института социологии РАН показывают, что данный тезис не отражает в полном объеме реальные процессы. Активное включение в жизнь поколения «нулевых», рост численности среднего класса актуализировали активистские практики различной направленности. Группы населения, ориентированные на инициативность, успех, готовность к сотрудничеству, стремление к переменам, составляют 37% населения и превышают «инертных» россиян (29%), негативно относящихся к переменам (2014 г.)[1].

Подготовка страны к 70-летию Великой Победы и ее празднование ярко высветили ценностные ориентиры населения России и ее регионов. Только за один – 2015 год – в Воронежской области было проведено свыше 7 тысячи мероприятий патриотического характера[2]. Одним из таких мероприятий явился национальный проект «Лес победы». Практически все население региона приняло участие в высадке деревьев, количество которых соответствует числу погибших в годы Великой Отечественной войны земляков.

Но не все формы общественно-политического и гражданского активизма проявляются интенсивно. Более того, электоральное поведение воронежской молодежи отличается пониженным тонусом и вызывает некоторую напряженность[3]. Вместе с тем протестный потенциал молодежи региона весьма незначительный. Каких-либо массовых проявлений недовольства, как в других регионах, не наблюдается. В то же время обнаруживается зона напряженности вокруг сборов на капитальный ремонт домов. Почти каждый второй законопослушный житель (49%) отмечал, что сумма оплаты за капремонт для их семейного бюджета весьма существенна (6,6 руб. за кв. м.)[4].

Свою актуальность для региона сохраняет проблема противодействия терроризму. При всей значимости блокировки аккаунтов террористов в социальных сетях и закрытия их Интернет-ресурсов необходимо подключать к решению указанной проблемы соответствующие региональные структуры для ведения контрпропаганды и критики действий террористов. Речь идет прежде всего о Межконфессиональном Совете при Воронежской областной Думе и Национальной палате при губернаторе Воронежской области. Не так давно они смогли «предотвратить очень опасную попытку разделить воронежских мусульман на суннитов и шиитов, и тем самым искусственно создать очаг напряженности уже внутри самой конфессии»[5].

По данным социологических исследований актуального состояния сознания воронежской молодежи, подавляющая часть респондентов (73,5%) фиксирует в обществе рост напряженности и агрессии. С точки зрения молодых людей главная причина этого роста состоит в разрыве уровня доходов граждан. К причинам, воздействующим на разобщенность российского общества, респонденты отнесли также различия в уровне образования и культуры, «загруженность» личными, семейно-бытовыми проблемами[6].

В качестве еще одного достаточно важного и неоднозначного фактора, влияющего на ослабление социальных связей в регионе, молодые респонденты рассматривают проблемы миграции. С одной стороны, приезжающие не воспринимаются как конкуренты на рынке труда, с другой стороны, социологи отмечают, что в целом количество опрошенных студентов, трактующих факт приезда как позитивное явление, снижается. Факторы, определяющие негатив-

---

[1] Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивации, ценности и формы участия // Власть. – М., 2014. – № 9. – С. 11.

[2] См.: Гражданское общество: состояние и перспективы развития в Воронежской области: монография / Л.Н. Алисова, Л.А. Гончаров, Р.И. Мельникова, Д.А. Мещеряков, Н.П. Поливаева, В.И. Селютин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 43.

[3] См.: Там же, с. 83.

[4] См.: Бюллетень Института общественного мнения (ИОМ) «Квалитас». – Воронеж, 2015. – № 1.

[5] См.: Никифоров А.К. Борьба без правил или откуда России может грозить опасность // Информационный бюллетень Межконфессионального совета при Воронежской областной Думе. 2013. – № 4. – С. 33.

[6] См.: Глухова А.В. Молодежь: искушение экстремизмом // Информационный бюллетень Межконфессионального совета при Воронежской областной Думе. 2013. – № 4. – С. 21–29.

ные ожидания молодых воронежцев от переезда мигрантов на постоянное место жительства в страну и в Воронежскую область, группируются в три блока. Первый – состоит в том, что подобные миграционные процессы, по мнению опрошенных, могут осложнить криминогенную обстановку (так считают 76,5%). Второй – в том, что они отрицательно отразятся на трудоустройстве местного населения (62%). Третий – в том, что приезд людей из других территорий негативно скажется на социально-экономическом состоянии коренного населения (46%).

Респондентам был также задан вопрос, как они себя ведут, если человек другой национальности говорит или делает то, что им не нравится. Ответы показали, что доминируют две поведенческие стратегии – оппоненту пытаются объяснить, что он не прав (61,5%), либо делают вид, что ничего не произошло (32,5%), т.е. выбирают стратегию уклонения[1]. Менее толерантные поведенческие реакции (угрозы, драки и т.п.) не получили сколько-нибудь серьезного распространения в молодежной среде. Однако сравнение социологических данных с предыдущими результатами аналогичного исследования свидетельствуют о постепенном снижении уровня терпения в отношении нарушителей правил общежития. Исследование показало: 51% молодых людей сталкивались со случаями оскорбления, угрозами, избиениями у себя на работе или по месту учебы[2].

Проведенное исследование выявило готовность определенных групп молодежи к различным формам протеста: демонстрациям (58,5%), забастовкам (51,5%), пикетированию административных зданий (21%). Что касается радикальных форм протеста, то воронежская молодежь не испытывает к ним каких-либо тяготений[3].

В последние годы во всех муниципальных образованиях Воронежской области активно развивается добровольческое движение. Все больше молодых людей осознают необходимость личного участия в решении проблем, стоящих перед обществом и государством. Условно воронежских волонтеров можно разделить по ряду направлений, в которых они работают: пропаганда и популяризация донорства крови; пропаганда здорового образа жизни; социальное служение (работа с ветеранами и гражданами пожилого возраста, помощь социально-незащищенным категориям населения); помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; экологическое добровольчество; спортивное волонтерство; добровольчество при ЧС, поиски пропавших людей.

В соответствии с законом был создан список объединений, осуществляющих добровольческую деятельность на территории области. В настоящее время в него входят около 400 организаций из муниципальных образований области и свыше 50 организаций городского округа г. Воронеж. С августа 2014 г. Открыта регистрация для получения Личных книжек волонтера (добровольца). В базе данных – более 1500 волонтеров и число их растет[4].

Следует отметить, что труд добровольцев в нашей стране в той или иной мере используют более 75% российских НКО (Всероссийское обследование НКО, проведенное Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ ВШЭ, 2009). Как показал анализ полученных результатов в исследовании социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и инициативных групп (ИГ) по Воронежской области 2015 г., в организациях, работающих с добровольцами, в среднем доброволец СО НКО тратит в месяц от 1 до 6 дней на работу, в ИГ этот показатель такой же, что свидетельствует о незначительной загруженности волонтеров работой в СО НКО и ИГ. К тому же каждая пятая СО НКО вообще не привлекает к своей работе добровольцев. Эти цифры прямо противоположны вышеозначенному общероссийскому показателю, что говорит о нераскрытом потенциале привлечения работников в социально ориентированных некоммерческих организациях и инициативных группах в регионе. Привлекаемые некоммерческими организациями и инициативными группами добровольцы могут участвовать в их деятельности по-разному. Согласно результатам опроса, наиболее распространенной формой участия добровольцев в деятельности НКО и ИГ являются всевозможные коллективные акции (молодежные, культурно-просветительские, правозащитные, экологические) – 60,8 и 84,6% соответственно.

Более одной пятой опрошенных (20,3%) отметили значительной участие добровольцев в сборе и передаче вещей, продуктов нуждающимся. Далее следуют профессиональная помощь, работа специалистом или консультантом (например, медицинским работником, педагогом, дизайнером, юристом) 14,9 и 26,9% соответственно. Напротив, сравнительно редко практикуются сбор финансовых средств, участие в благоустройстве социальных учреждений, и – особенно – донорство и переписка с заключенными[5].

Исследователи, эксперты, обществоведы, анализируя добровольческую деятельность в Воронежской области, приходят к выводу о целесообразности создания при Общественной палате области Центра по поддержке и развитию добровольчества. В его компетенцию могло бы входить координирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, волонтерских движений, а также мониторинг акций и учет наиболее активных добровольцев. Кроме того, Центр занимался бы стимулированием условий для участия в программах, которые максимально «подходят» для волонтеров. Вероятно, возможны и другие варианты организационного вспомоществования добровольческим объединениям области.

Важно отметить также, что воронежская молодежь активно участвует в профилактике правонарушений, так или иначе сотрудничает с правоохранительными органами. Прежде всего молодые люди обеспечивают безопасность на

---

[1] Гражданское общество: состояние и перспективы развития в Воронежской области: монография / Л.Н. Алисова, Л.А. Гончаров, Р.И. Мельникова, Д.А. Мещеряков, Н.П. Поливаева, В.И. Селютин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 97.

[2] Там же, с. 99.

[3] Там же, с.101.

[4] Там же, с. 146–147.

[5] См.: Кубанева Н. К. О некоторых вопросах развития институтов гражданского общества и их взаимодействия с властью в Воронежской области // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. – С. 635–636.

улицах, где отсутствует достаточное количество полицейских. Но такого рода деятельность, конечно, не может восполнить нехватку патрульных полицейских, численность которых в последние годы заметно сократилась[1]. Поэтому в области необходима программа по поддержке общественных объединений, занимающихся профилактикой и противодействием преступности. Весьма целесообразно было бы включить в данную программу раздел, предусматривающий стимулирование мотивации молодежи в направлении создания и укрепления добровольных народных дружин по месту жительства и учебы.

Гражданская активность как характеристика молодежного сознания и поведения становится реальностью тогда, когда она коррелирует с жизненными целями данной когорты. Общероссийские социологические исследования последних лет подтверждают, что приоритетной целью молодых людей остается любовь, семейное счастье, профессиональный успех, карьерный рост. Может ли стремление к семейному благополучию каким-то образом стимулировать гражданскую активность российской молодежи? Вероятно, для этого необходимо, чтобы молодые люди, во-первых, ясно видели зависимость между семейным комфортом и общественной ситуацией; во-вторых, понимали, что для позитивной траектории изменения последней активность должна носить соответствующий общественный характер и выражаться в различных формах самоорганизации[2]. Вместе с тем во многих регионах (прежде всего, центральных), как свидетельствуют данные социологических опросов, в молодежном сознании доминирует позитивное восприятие своих жизненных условий. Поэтому высокой «автоматической» готовности к их изменениям ожидать вряд ли возможно.

В то же время обращает на себя внимание более конструктивная позиция нового поколения активистов, нацеленных на созидательную работу и добивающихся заметного улучшения дел. Эти люди виртуально и реально объединяют вокруг себя единомышленников, волонтеров, в случае необходимости формируют проектные и целевые сообщества, собирают тысячи подписей в защиту предпринимателей или поддержку гражданских инициатив, меняют жизнь к лучшему: добиваются ремонта дорог, приведения в порядок помещений, открытия новых социальных учреждений, монтажа пандусов для инвалидов, благоустройства парков и дворов и т.п. Эти инициативы и практики преобразуют жизнь Воронежа и области.

Следует отметить, что в соответствии с Законом Воронежской области от 7 апреля 2006 года № 31-ОЗ «О Молодёжном парламенте Воронежской области» при Воронежской областной Думе в 2006 году создан Молодёжный парламент Воронежской области, который представляет собой коллегиальный, совещательный и консультативный орган при Воронежской областной Думе. Он образован в целях изучения проблем молодежи в Воронежской области, своевременного информирования о них представителей государственной власти, содействия в деятельности Воронежской областной Думы в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем молодежи в Воронежской области[3].

По инициативе Губернатора Воронежской области Алексея Васильевича Гордеева в 2009 году было сформировано Молодежное правительство Воронежской области, выступает в роли связующего звена между молодежью региона и властными структурами региона и реализует ряд инициатив, проектов и программ, направленных на образование, развитие и воспитание молодежи, а также решает проблемы общества, учитывая и используя при этом потенциал и идеи молодежи в рамках социально-экономического развития региона[4].

Таким образом, молодежная среда сегодня очень разнородна, представлена многочисленными позициями и интересами, в силу чего заслуживает постоянного и пристального внимания. Поэтому принципиально важна государственная и региональная молодежная политика, которая по-прежнему носит фрагментарный характер, имеет ограниченное финансирование. Все это, по мнению руководства Федерального агентства по делам молодежи, дает основание полагать, что «в регионах проводится лишь несколько статусных мероприятий по молодежной проблематике», а до молодежной политики, доходящей до каждого молодого человека, особенно для молодежи в трудной жизненной ситуации, она не доходит[5].

---

[1] Гражданское общество: состояние и перспективы развития в Воронежской области: монография / Л.Н. Алисова, Л.А. Гончаров, Р.И. Мельникова, Д.А. Мещеряков, Н.П. Поливаева, В.И. Селютин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 196–197.

[2] См.: Ушамирский А. Э. Гражданская активность молодежи в регионе: проблемы и перспективы // Становление и развитие гражданского общества в российских регионах: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Воронеж, 22 апреля 2016 г.) / Отв. ред.: Л.Н. Алисова, В.И. Селютин. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2016. – С. 186–187.

[3] http://www.mol36.ru/about/parlament

[4] http://molprav.govvrn.ru/

[5] Молодежь и молодежная политика в контексте глобальных тенденций: доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. – М., 2015. – С. 48–50.

Головчин М.А.
к.э.н., н.с. Института социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН, г. Вологда
mag82@mail.ru
Соловьева Т.С.
м.н.с. ИСЭРТ РАН
solo_86@list.ru

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ТРУДУ КАК К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ[1]

Ключевые слова: *молодежь, рынок труда, отношение к труду, ценности.*

Keywords: *youth, labor market, work ethic, values.*

Развитие российского социума в постсоветский период связано с процессом переориентации на новую систему ценностей, в том числе и на образцы массового потребления во всех сферах (образовании, труде и т.д.), что во многом затрагивает молодое поколение. В результате значительных изменений в аксиологическом пространстве россиян заметную трансформацию претерпевает и ценность труда, которая для молодежи служат ядром трудовой мотивации.

Согласно данным исследования «Урал-2015» (N=950), для современной молодежи основными условиями выбора места трудовой деятельности являются: справедливая оплата труда (57%) и удобный график работы (54%). Квалификация рабочих мест, творческий характер профессиональной деятельности, трудовой коллектив значимы менее чем для половины молодых людей[2].

Заметные изменения происходят на рынке труда. За период 2000–2014 гг. показатели занятости среди молодежи 25–29 лет по России выросли на 7% (в Вологодской области – на 5%). В остальных возрастных группах уровень занятости снизился. Уровень безработицы среди молодежи имеет тенденцию к снижению, однако стоит отметить, что это может компенсироваться ростом и увеличением продолжительности скрытой безработицы[3].

Для выявления ценностных ориентаций, в т.ч. и трудовых, молодого поколения ИСЭРТ РАН был проведен поквартирный опрос в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). В выборку исследования вошли 1000 чел. в возрасте 16–29 лет включительно (генеральная совокупность – 217 841 чел.).

Согласно данным социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г., к работе в секторах материального производства более склоны пессимисты (те, кто не уверен в своем будущем), в основном за счет представителей возрастной группы от 16 до 18 чел. (75%). Оптимисты (те, кто уверен в своем будущем) же проявляют большую склонность к работе в организациях социального обслуживания (табл. 1).

Результаты опроса показали, что чертами, отличающими систему ценностей молодого поколения, являются:

– большее внимание к универсальным аспектам жизни (по классификации Шварца-Билски[4]): важность любви в молодежной среде оценивают на 4,5 из 5-ти баллов; среди всего населения области в целом – на 4,1 балла;

– меньший акцент на важности свободы и независимости – 3,9 баллов (среди всего населения области – 4,3 балла);

– в оценках молодежи отношение к гедонистическим ценностям более прагматично, чем во мнениях всего населения (3,6 против 4,1 балла).

– менее важной вологодская молодежь для себя считает ценность творческой самореализации (3,7 балла). Это связано с тем, что в сложной экономической обстановке первостепенное значение начинают играть материальные ценности, духовные же отходят на второй план. Так, среди молодых людей, которым финансовых средств хватает лишь на повседневные затраты, творчество и искусство считают для себя ценным 54%; среди тех, кто не имеет затруднений с покупками – 64%.

---

[1] Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № №15-22-01013 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси 2015–2016 гг.».

[2] Павлов Б.С. Трансформация отношения молодежи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 142.

[3] Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации: монография / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, М.А. Антонова, И.Н. Дементьева, В.С. Каминский, О.Н. Калачикова, Т.П. Кожина, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – С. 38–39.

[4] Schwarts S. H., Bilsky W. Towards a theory of the universal structure and content of values: Extention and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. – N 3. – P. 878–891.

Таблица 1

Распределение ответов молодежи Вологодской области на вопрос: «В какой сфере производства Вы трудитесь в настоящее время?», в % от тех, кто работает, совмещает работу и учёбу

Сфера производства	Среднее по опросу	В том числе:					
		Оптимисты 16–18 лет	Оптимисты 19–24 года	Оптимисты 25–29 лет	Пессимисты 16–18 лет	Пессимисты 19–24 года	Пессимисты 25–29 лет
Материальное производство*	48,8	40,0	43,2	48,5	75,0	44,1	46,6
Духовное (нематериальное) производство и обслуживание**	9,2	0,0	10,8	11,7	0,0	5,1	9,5
Социальное обслуживание***	20,2	40,0	18,9	14,7	0,0	28,8	24,3
Распределение и обмен****	19,8	20,0	27,0	22,7	25,0	18,6	16,9
Управление*****	1,8	0,0	0,0	2,5	0,0	1,7	2,7
Деятельность общественных и политических организаций******	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	1,7	0,0

* Промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, ремонт, транспорт и т.д.

** Культура, искусство, связь, наука, образование, литература, средства массовой информации.

*** Здравоохранение, физическая культура, экология, нотариат, юриспруденция, правоохранительная деятельность, жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание, соцобеспечение и страхование.

**** Финансово-банковская, посредническая деятельность и оказание услуг, охрана, торговля, трудоустройство, материально-техническое снабжение и сбыт.

***** Госаппарат, хозяйственное управление.

****** Технический аппарат, избирательные штабы, группы обслуживания и информационной поддержки.

Ценности достижения (к которым относится и трудовая деятельность) не входят в число главных приоритетов молодого поколения. Так, интересная работа находится на 4 месте в ранжированном списке наиболее важных аспектов жизни (4,2 балла из 5-ти возможных), уступая ценностям здоровья, материальной обеспеченности, счастливой семейной жизни, любви (4,5 балла), наличия хороших и верных друзей (4,4 балла), свободы, независимости (4,3 балла). При этом занятость в соответствии со своими интересами более ценной является для городских жителей (4,3 балла), чем для сельских (4 балла). Это может быть связано с тем, что сельская молодежь склона вести поиск работы руководствуясь не столько своими склонностями, сколько факторами оплаты труда и географического положения.

Необходимо отдельно отметить, что среди незанятой на рынке труда молодежи, распространено мнение о том, что специфической чертой молодого поколения является забота только о самом себе (таким образом высказались 40% респондентов). Это говорит о наличии опасного явления, когда особенности профессионального поведения порождают иждивенческие настроения, постепенно становящиеся частью мировоззрения.

В современном обществе труд является инструментальной ценностью, т.е. средством достижения жизненных целей, зачастую сугубо материальных. По данным опроса ИСЭРТ РАН, более 80% жителей области считают трудовую деятельность способом получения средств для собственного существования и существования своей семьи (табл. 2). Меньшая часть видит в работе возможность самореализации (64%), достижения жизненного успеха (61%), получения морального удовлетворениям, приобретения авторитета (52%).

Таблица 2

Распределение ответов жителей области на вопрос: «Ваша работа для Вас – это, прежде всего, способ...», в % от опрошенных

Вариант ответа	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Прокормить себя (семью)	84,9	3,5	11,6
Заработать денег	82,1	4,4	13,6
Реализовать себя как личность	63,5	11,7	24,8
Достичь успеха	60,6	12	27,4
Получить новые знания	57,9	13,7	28,4
Получить моральное удовлетворение	56,2	14,9	28,9
Сделать карьеру	53,4	16,0	30,6
Заслужить уважение, признание	51,9	14,5	33,6
Чувствовать себя в безопасности	50,5	14,8	34,6
Заслужить любовь	32,9	27,8	39,4

Источник: опрос населения области по оценке трудового потенциала (ИСЭРТ РАН, 2015 г.). Выборка опроса – 1500 чел. (в Вологде – 406 чел., в Череповце – 395 чел., в районах – 613 чел.).

Восприятие природы трудовой деятельности у молодежи в целом соответствует традиционным представлениям, которые транслирует население области (табл. 3). В основном, труд для молодежи – это возможность материального обеспечения (74%), что особенно характерно для вологжан 16–18 лет (90%).

Как потребность приносить пользу обществу труд воспринимается только 11% молодых людей. Закономерно, что на подобной позиции в большей степени (44%) стоят работники здравоохранения и соцобслуживания, так как работа в этой сфере предполагает некоторое самоотречение, альтруизм.

Таблица 3

Отношение вологодской молодежи к труду, в % от тех, кто работает в настоящее время

Вариант ответа	Среднее по опросу
Возможность для заработка	74,3
Ощущение своей полезности	11,4
Вынужденная необходимость	6,1
Внутренняя потребность	5,6
Возможность проявления творчества	2,0
Возможность для общения	0,4
Другое	0,2

Стоит отметить, что среди наиболее молодых респондентов высок процент тех, кто считает трудовую деятельность возможностью для творчества (10%). Со временем потребность проявления креативности в работе перестает играть какую-либо роль (в группе 25–29 лет – чуть более 1%), человек осознает свое место в производственной цепи, поэтому работа становится рутинной. Менее всего творческий характер труда важен для молодежи, занятой в социальном обслуживании, финансово-банковской деятельности, торговле, снабжении.

О преобладании прагматического отношения к труду свидетельствует и мнение молодежи о наиболее важных сторонах трудовой жизни. Достойный заработок и получение средств для существования являются важными для большинства молодых вологжан. Менее значимо желание чувствовать себя полезным и нужным.

Статусные мотивы (проявление творчества в рабочей деятельности, самореализация в профессии, самоутверждение в трудовом коллективе) более важны для молодых женщин, чем мужчин (83 против 72%). Преобладающая часть юношей (93%) в труде видит более приземленные, прагматические стороны – получение материального достатка, средств для существования.

Важным аспектом осознания труда как ценности является выбор профессии по призванию с опорой на чей-то образец (чаще всего, близких родственников – отца, матери). Результаты опроса свидетельствуют о том, что межпоколенческая связь в выборе профессии особо заметно проявляется в материальном производстве. В этом случае сильнее авторитет отца, чем матери: отцы 56% молодых людей, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и т.д., также работают в этой сфере. Среди молодых людей, занятых в нематериальном производстве и социальном обслуживании, наоборот, сильнее пример матерей. Иная картина сложилась для работников аппарата управления. В этом случае большая часть отцов и матерей молодых людей являются промышленными рабочими, инженерами и служащими (60% – отцы и 70% – матери). Таким образом, результаты исследования говорят о том, что «профессиональные династии», в которых отец и мать – представители одной профессиональной группы, а дети идут по их стопам, в настоящее время является большой редкостью. Семейное дело обычно продолжается, если деятельность родителей либо выгодна материально, либо человек с детства питал интерес к работе отца или матери.

Создание условий для формирования профессионального призвания в обществе может обеспечить потенциал не только для стабилизации ситуации на региональном рынке труда, но и для улучшения социально-экономических трендов в субъекте Федерации. Поэтому, основой молодежной политики на среднесрочный период может стать поддержка трудовых династий в важных для экономического развития северного региона отраслях – сельское и лесное хозяйство, ветеринария и т.д. Реализации этого направления, к примеру, может способствовать проведение «Слетов профессиональных династий», популяризирующих идею передачи трудовых традиций от поколения «отцов» к молодому поколению.

Дунаева В.И.[1]

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

Ключевые слова: *российская молодёжь, молодежная среда, система ценностей, социально-психологическая ситуация, развитие личности, общественный прогресс, средства массовой информации, процессы глобализации, институты социализации, системный кризис.*

Keywords: *Russian youth, youth, values, social-psychological situation, personal development, social progress, mass media, globalization, institutions of socialization, systemic crisis.*

Процесс становления современной российской молодёжи происходит в условиях ломки «старых» ценностей советского периода и формирования новой системы ценностей и новых социальных отношений, в условиях системного кризиса современного российского общества и его институтов социализации (семьи и семейного воспитания, системы образования и воспитания, институтов труда и трудовой деятельности, армии). Наблюдается тенденция подмены ценностей высокой культуры усредненными образцами массовой потребительской культуры, переориентации молодёжи от коллективистских духовных ценностей к корыстно-индивидуальным ценностям. Это, а также отсутствие четко сформулированной национальной стратегии развития, консолидирующей общество, противоречивость государственной молодёжной политики закономерно приводит нас к крайне негативным последствиям.

На фоне мировоззренческой неопределенности молодёжи, коммерциализации и негативного влияния СМИ, непрекращающейся духовной агрессии Запада и экспансии массовой коммерческой культуры, насаждения стандартов и психологии общества потребления, происходит нравственная деградация личности и снижение ценности человеческой жизни. Идет размывание ценностных основ и традиционных форм общественной морали, снижение интереса молодежи к отечественной культуре, ее истории, традициям, к носителям национального самосознания. Указанные факторы в сочетании с процессами дифференциации и материального расслоения общества, возникшего при переходе к рыночным отношениям, закономерно приводят к расширению зоны десоциализации, маргинализации молодёжи (растерянности, апатии, пессимизму молодых людей, их неверию в будущее). Они стимулируют асоциальные и противоправные формы самореализации молодёжи: нарастание криминальных проявлений в молодёжной среде, отчуждение от трудовой деятельности, алкоголизм, наркоманию, проституцию; стремление к участию в неформальных молодёжных объединениях. Подобные обстоятельства в формирования ценностных ориентиров молодёжи могут быть использованы деструктивными силами для дестабилизации обстановки в России и осуществления очередной «оранжевой революции», чего справедливо опасается наше правительство.

Молодежная среда, в силу её возрастных, социально-психологических и мировоззренческих особенностей остро нуждается в социокультурной идентификации, а потому в большей степени, чем другие социальные и возрастные группы восприимчива к трансформационным процессам, связанным с усвоением систем ценностей, норм, формирующих определённые формы поведения. Процесс социального становления молодежи, выбора ею жизненного пути и стратегий развития, осуществляется через обучение и воспитание, усвоение и преобразование опыта старших поколений. Молодость представляет собой период активного формирования устойчивой системы ценностей, становления самосознания и социального статуса личности. Ценностные ориентации, социальные нормы и установки молодёжи «определяют тип сознания, характер деятельности, специфику проблем, потребностей, интересов, ожиданий молодёжи, типичные образцы поведения»[2].

В целом, положение молодёжи в российском обществе характеризуется как крайне нестабильное и противоречивое. С одной стороны она представляет собой самую мобильную, динамичную часть нашего общества; с другой стороны, в силу ограниченного характера её практической, созидательной деятельности, неполной включённости молодого человека в систему общественных отношений – самую социально неподготовленную, а значит, и уязвимую её часть. Реализация жизненных планов молодёжи в значительной степени зависит от материальных ресурсов родителей, на основании чего могут возникать определённые межпоколенческие противоречия. «Родители же зачастую становятся главными виновниками нереализованных рыночных притязаний и потребительских амбиций своих чад»[3]. В молодёжном сознании и поведении самым причудливым образом могут сочетаться противоречащие друг другу черты и качества: стремление к идентификации и обособление, конформизм и негативизм, подражание и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и уход, отрешённость от внешнего мира.

---

[1] Дунаева Валентина Ивановна – к.соц.н., доцент кафедры «Информационное обеспечение управления и производства» факультета «Вычислительная техника» Пензенского государственного университета. E-mail: inoup@pnzgu.ru

[2] Карпухин О.И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. – М., 2011. – № 3. – С. 125.

[3] Добреньков В.И., Смакотина Н.Л., Васенина И.В. Экстремизм в молодёжной среде. Результаты социологического исследования. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 42.

Говоря о молодёжной социокультурной среде, конечно же, нельзя не отметить и её определённые положительные черты. Современная молодёжь в целом настроена весьма патриотично, верит в будущее России. Высказывается за продолжение перемен в сторону повышения социально-экономического благополучия страны, создание гражданского общества и правового государства. Она хочет жить в великой стране, обеспечивающей достойную жизнь своим гражданам, уважающей их права и свободы. «Молодёжь легче адаптируется к новым экономическим условиям, она стала более рациональной, прагматичной и реалистичной, ориентирована на стабильное развитие и созидательный труд»[1]. Она имеет гораздо большую свободу выбора профессии, образцов поведения, спутников жизни, стиля мышления, по сравнению со своими сверстниками 20–30 летней давности. Но это, как говорится, одна сторона медали.

Другая её сторона показывает, что продолжающееся «смутное время», наиболее остро отразилась именно на молодом поколении. Наше общество стремительно стареет, идет сокращение численности молодёжи, количества молодых семей, числа рождённых детей. Каждое новое поколение молодёжи оказывается менее здоровым, чем предыдущее, болезни «перебрались» из старости в молодость, поставив под угрозу генофонд нации.

Возросла социально-экономическая нагрузка на рабочие места в целях обеспечения жизни всех поколений; стремительно снижается интеллектуальный потенциал молодежи, инновационные возможности общества. Молодежь оказалась наиболее ущемлённой частью общества. Налицо явный конфликт между интересами молодежи и реальными возможностями социальной мобильности. Произошла резкая дифференциация и социальная поляризация молодёжи, основанная на имущественном расслоении, социальном происхождении и собственном социальном положении молодых людей. Обладая социальными, возрастными признаками разных общностей, они различаются по материальным возможностям, ценностным ориентациям, образу и стилю жизни. Встал вопрос о жизненных перспективах молодежи: её творческой самореализации (образовании, профессии, карьере), благосостоянии, возможности материально обеспечить свою будущую семью. Налицо проблемы занятости молодежи, ухудшения её материально-бытового положения, доступности образования. Молодёжная среда стала опасной криминогенной зоной. Произошло резкое омоложение преступности, усиление её группового характера, рост числа «женских» преступлений и преступлений, совершенных несовершеннолетними. Каждое новое поколение молодёжи в сравнении с предыдущими поколениями по основным показателям социального положения и развития гораздо менее духовно и культурно развито, более безнравственно и криминально, отдалено от знаний и образования, в меньшей степени профессионально подготовлено и ориентировано на труд.

В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей. В социокультурных ценностях современной молодежи превалируют потребительские ориентации. Культ моды и потребления постепенно и поэтапно овладевает сознанием молодежи, приобретая универсальный характер. Начинает превалировать тенденция к усилению процессов стандартизации культурного потребления и досугового поведения, поддерживаемая пассивно-потребительским отношением к культуре. Нельзя не отметить и аполитичность молодёжи, которая трезво и без ложных надежд оценивает отношение к себе со стороны государства и общества как безразличное и откровенно потребительское. «77% опрошенных полагает что «когда нужно они вспоминают о нас». Может быть поэтому современное молодое поколение замкнулось в собственном мирке. Молодые люди поглощены внутренней проблематикой выживания в сложное и жестокое время. Они стремятся получить ту культуру и то образование, которые помогут выстоять и добиться успеха»[2].

По результатам опросов Фонда общественного мнения, проведённых в 2014 году 53% молодых россиян на вопрос: «Какие жизненные цели, по вашему мнению, чаще всего ставит перед собой современная молодёжь?», в первую очередь, отметили её стремление к достижению материального благополучия и обогащения; во вторую очередь (19%) – получение образования; в третью очередь (17%) – работу и карьеру. Анализ полученных данных говорит о четкой прагматичной и рациональной позиции молодёжи, её стремлении к достижению материального благосостояния и успешной карьере, взаимосвязанных с возможностью получения хорошего профессионального образования. Для современной молодёжи в целом характерно изменение направленности жизненных ориентаций от социальной (коллективистской) составляющей к индивидуальной. «Персональная ценностная позиция молодых людей не коррелируется с ценностями политической идеологии, которой они отдают предпочтение»[3]. Материальное благосостояние стало цениться гораздо выше свободы, ценность оплаты труда стала превалировать над ценностью интересной работы. Среди общественных проблем, более всего тревожащих молодых людей в настоящее время, на первом месте стоят такие проблемы как: рост цен, инфляция, возросший уровень коррумпированности властных структур, усиление неравенства доходов и социального неравенства, разделение на богатых и бедных, проблемы экологии, пассивность граждан, их безразличное отношение к происходящему. Из личных проблем, испытываемых молодыми людьми, на передний план выдвигаются проблемы материальной обеспеченности и здоровья, хотя ориентация на здоровый образ жизни формируется недостаточно активно.

---

[1] Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодёжи. – СПб: ИД «Петрополис», 2013. – С. 80.

[2] Фонд общественное мнение российский опрос молодежи от 18-23 июля 2014 года (100 населенных пунктов 44 субъекта РФ 1500 респондентов). Принципы и ценности молодежи // Социологические исследования. – М., 2014. – № 8. – С. 152.

[3] Карпухин О.И. Молодёжь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. – М., 2011. – № 3. – С. 113.

Таблица 1

Распределение основных ценностей молодых людей[1]

1.	Деньги	35,3%
2.	Образование, профессия	31,4%
3.	Получить от жизни больше удовольствий	20,7%
4.	Деловая карьера	19,6%
5.	Любовь	11,6%
6.	Секс	8,3%
7.	Мир (чтобы не было войны)	7,8%
8.	Семья	7,5%
9.	Действия ради будущего России	4,5%
10.	Идеалы, вера	2,7%

По результатам экспертного исследования, проведённого в 2014 году фондом имени Питирима Сорокина, иерархия доминирующих ценностей молодых россиян выстраивается следующим образом:

– Материальное благополучие.
– Ценность «Я» (индивидуализм).
– Карьера (самореализация).
– Семья.
– Стабильность.
– Свобода.
– Уважение к старшим.
– Бог (вера в Бога).
– Патриотизм.
– Долг и честь.

Среди ценностных установок, доминирующих сегодня в российском обществе, экспертами были отмечены следующие антиценности:

– Культ денег.
– Безразличие и индивидуализм.
– Вседозволенность.
– Циничный прагматизм, культ карьеры.
– Крах семьи.
– Социальное иждивенчество.
– Сексуальная распущенность.

Характеризуя молодёжное сознание и систему ценностей современной российской молодёжи, социологи выделяют:

– преимущественно развлекательно-рекреативную направленность её жизненных ценностей и интересов;
– вытеснение ценностей национальной культуры западными образцами поведения и символами.

Доминирование потребительских ценностных ориентаций неизбежно отражается на жизненной стратегии молодых людей. Данные анализа результатов проведенных в 2013–2014 годах кафедрой социологии молодежи МГУ им. М.В. Ломоносова социологических исследований среди студентов показали, что «в настоящее время в молодежной среде, в обществе можно встретить неоднозначно оцениваемые жизненные принципы. Полученные данные позволяют сделать вывод о неблагополучии в молодежной среде и требуют более детального изучения. Обращает на себя внимание довольно высокая степень равнодушия молодежи к таким традиционно отрицательным явлениям как приспособленчество, равнодушие, беспринципность, потребительство, праздный образ жизни и их положительная оценка»[2] (см. табл. 2).

Все нижеперечисленные проблемные особенности современной молодёжной среды однозначным образом свидетельствуют о тревожной тенденции глубокой и системной социальной деградации значительной части современной российской молодежи, в частности, и всего нашего общества в целом. Молодёжная среда чётко копирует и отображает в себе все наиболее значимые процессы, происходящие в нашем обществе.

Системный кризис, в котором до сих пор пребывает наше общество и государство, четко и ясно не сформулировавшие национальную идею и не определившие свою стратегию развития, привёл к утрате ими смысла собственного существования и сразу же сказался на молодёжной среде.

В ней, как и в современном российском обществе в целом, однозначно отсутствует единая устоявшаяся система и иерархия ценностей. Одновременно можно наблюдать сосуществование двух процессов: как преемственности традиционных ценностей, исторически присущих нашему обществу, так и становление, массовое распространение новых либеральных (потребительских) интересов. Оздоровление молодёжной среды, осуществляющей формирование ценностных ориентаций современной российской молодёжи, может быть, на наш взгляд, осуществлено посредством совершенствования системы, форм и методов осуществления молодёжной политики в Российской Федерации.

---

[1] Фонд имени Питирима Сорокина. Ценности в современной России: итоги экспертного исследования проведённого с 15 июня по 10 сентября 2014 года // Социологические исследования. – М., 2014. – № 10. – С. 119.

[2] Социология молодёжи. – М.: Гардарики, 2014. – С. 190–193.

Таблица 2

Перечень явлений, встречаемых в молодежной среде

№	Перечень явлений	Отрицательная оценка	Равнодушие	Положительная оценка
1	Нарушение общественного порядка	79	15	6
2	Национализм	71	14	15
3	Экстремизм	69	16	15
4	Незаконное обогащение	64	19	18
5	Иждивенчество	63	28	9
6	Эгоизм	59	25	16
7	Равнодушие	57	34	9
8	Беспринципность	52	31	16
9	Потребительство	43	39	18
10	Подражание западному образу жизни	43	25	32
11	Праздный образ жизни	37	33	30
12	Приспособленчество	31	28	41
13	Карьеризм	16	22	58

Первая проблема, требующая своего решения, – неразработанность теории и методики духовного воспитания молодежи. Большинство рекомендуемых методик носят характер мероприятий в сочетании с тренингами, тестами. Концептуальная разработка воспитания в значительной степени сводится лишь к сфере школьного воспитания. Целесообразно, чтобы кроме педагогов в разработку идеологии воспитательной работы включились философы, социологи, культурологи, психологи и другие специалисты. Только в результате комплексных исследований, на основе выяснения наиболее общих и сложных проблем можно определить более узкие направления духовно-нравственного воспитания. При этом особое значение имеют работы в области социальной философии, связанные с исследованием проблем становления и развития подрастающего поколения. Только на таком теоретическом фундаменте, при участии государственных и общественных организаций, различных социальных институтов, может разрабатываться и осуществляться успешная молодежная политика. Учитывая, что школа сама по себе не в состоянии решить вопросы, связанные с воспитанием, мы считаем чрезвычайно важным укрепление института семьи, потому что воспитательная работа должна начинаться в семье, а школа должна проводить и завершать воспитательную работу. В связи с этим непременного решения требует целый спектр в равной степени важных вопросов по поддержке института семьи: необходимость поддержки многодетных семей, семей, относящихся к социально незащищенным слоям населения, семей с детьми с ограниченными возможностями развития. Не стоит забывать и о поддержке семей с одаренными детьми, ждут помощи и совершенно обычные, рядовые семьи, которые и создают базу института семьи нашей страны, при этом особого внимания, на наш взгляд, требуют сельские семьи, чьи проблемы зачастую остаются без внимания. Миссия общества – крепкая семья, с верой, с почитанием духовных семейных традиций.

В основе национальных ценностей, духовных и нравственных ориентиров лежит наша тысячелетняя культура. В последнее время в нашей стране возрос интерес к классическому искусству. Об этом свидетельствуют аншлаги, многочасовые очереди на выставки В. Серова, И. Айвазовского в Москве, переполненные залы на концерты классической, духовной музыки. Поэтому так важно привлечь подрастающее поколение к отечественной духовной традиции через самые разнообразные формы школьной и внешкольной воспитательной работы. Изучение православной культуры в образовательных учреждениях – это еще одно эффективное средство решения проблем духовно-нравственного воспитания, которое принесет добрые плоды нашему подрастающему поколению в укреплении системы традиционных ценностей.

Трудно переоценить роль педагога и образования в целом в воспитании гражданина. Можно назвать пять основных методов в данном направлении:

– примеры – личный пример или примеры поступков уважаемых людей;
– объяснение правил и моральных норм – следует не только запрещать, но и объяснять;
– призыв к совести, сердцу;
– этическая среда в образовательном учреждении;
– опыт – оказание помощи нуждающимся в заботе людям, опека животных, и т.п.

Если говорить о конкретных принципах работы педагога в области духовно-нравственного воспитания, то следует обратить внимание на следующие составляющие: развитие мотивации и умения осознавать смысл своих действий (рефлексия), создание доброжелательной обстановки при взаимодействии с учащимися, синтез обучения и воспитания в педагогической практике, межпредметность и ориентированность на ожидаемые результаты.

Всех нас в определённой степени объединяет ощущение кризисности исторического момента, его решающей роли в судьбе всего человечества. Для многих ясно, что Россия находится на историческом переломе. Сейчас по-новому встаёт проблема духовного самоопределения Отечества, ибо духовная культура – не «надстройка», а «базис» материальной цивилизации.

Зуляр Р.Ю.
к.полит.н., доцент Иркутского государственного университета
raksana-m@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *государственная молодежная политика, политическая социализация молодежи, молодежь Иркутской области, органы по делам молодежи.*
Keywords: *national youth policy, youth political socialization, the youth of the Irkutsk Region, youth authorities.*

Молодежь – стратегически важный ресурс развития страны, а государственная молодежная политика (ГМП) – значимое направление в жизни государства: в современных условиях молодые люди ждут помощи со стороны власти по принципиально важным вопросам своей жизни (здоровье, безопасность, трудоустройство, решение жилищной проблемы и др.).

Современная модель ГМП РФ формировалась с начала 1990-х годов: были определены не только основные направления и механизмы ее реализации, но и ее внутренние нормы, система построения, пути развития, методы оценки эффективности, которые не являются устоявшимися и пока не имеют единых общепризнанных стандартов, правил, традиций. За последние 25 лет эта область политики подвергается реформированию во второй раз. Первые серьезные изменения произошли в начале 90-х годов XX в. и были связаны с коренными изменениями в нашей стране. Для этих изменений характерен отход от признания государством монополии комсомольской организации в работе с молодежью и формирование патерналистской позиции по отношению к ней. Молодежь в тот период воспринималась как объект молодежной политики, как социально-демографическая группа, требующая помощи и поддержки со стороны государства и общества в решении задач социализации. Такой подход способствовал социальной поддержке молодежи, однако, в то же время оказывал влияние на формирование у части молодежи иждивенческих позиций.

В настоящее время ГМП претерпевает «вторую волну» значительных изменений. Это связано с осмыслением предыдущего опыта деятельности в сфере реализации молодежной политики, актуализацией ряда проблем современной молодежи и необходимостью обновления существующих подходов к организационной работе с молодежью, связанной и с определенными изменениями в молодежной среде, и с теми проблемами, которые становятся актуальными для нашего общества в целом. Постепенно осуществляется концептуальный переход от идеи поддержки и социальной защиты молодежи к идее создания условий для повышения степени интеграции молодых граждан страны в общественно-политические, социокультурные отношения с целью увеличения их вклада в социально-экономическое развитие страны. ГМП России, в соответствии с подходами, декларируемыми должностными лицами, представляет собой деятельность органов власти по созданию условий самореализации молодого человека; возможностей социально-позитивной деятельности молодежных объединений и молодежных инициатив; законодательных гарантий для молодежи в правовой, экономической и иных сферах жизни. Согласно распоряжению Правительства от 17.11.2008 г. ГМП рассматривается как самостоятельное направление деятельности государства, которое должно способствовать формированию необходимых социальных условий для инновационного развития страны и реализовываться на основе взаимодействия с институтами гражданского общества, общественными объединениями и молодежными организациями»[1].

Анализ реализации ГМП позволяет сделать выводы об ее результатах, эффективности и выявить существующие проблемы. Во-первых, современное состояние данной политики характеризуется большим числом акторов, представляющих государство: при ее выполнении задействованы ресурсы ряда ведомств (министерства, агентства, комитеты и пр.). Поскольку в стране практически отсутствуют крупные авторитетные общественные организации, доминирующая роль государства в реализации молодежной политики представляется нам оправданной. Но отсутствие реальной вертикали власти в сфере ГМП приводит к неоднозначному результату. В каждом субъекте РФ молодежная политика проводится с позиции главы региона. Молодежь в стране одинаковая, а молодежная политика каждого субъекта РФ разная. Вместе с тем, полномочия в области ГМП в основном отнесены к уровню субъектов РФ. В результате этого действия разных органов исполнительной власти по реализации ГМП оказываются нескоординированными.

Во-вторых, повышение эффективности ГПМ сдерживается ограниченным объемом государственных ресурсов, выделяемых на ее реализацию и бюрократическими препонами при их перечислении в нужное место в требуемые сроки. Отсутствие единой системы финансирования сферы ГМП в стране привело к неравномерности исполнения ряда программ и проектов.

[1] Молодежная политика // Консультант-Плюс. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/8c06531ad22712c2c23f6f27e6fa335c490c621c/

В-третьих, отсутствие Федерального закона о молодежи, комплексно решающего вопросы формирования и реализации ГМП на всех уровнях, создает сложности в однозначном толковании и понимании реализации молодежной политики.

Численность населения Иркутской области составляет 2 412 800 по состоянию на 29.08.2016 г.[1]. Из них молодежи в возрасте 14–30 лет 549 174, что составляет 22,76%. Эти показатели характеризует область как молодежную, молодежь – крупная социально-демографическая группа. Значительное количество средних и высших учебных заведений (города Иркутск, Братск, Ангарск) дополняют эту характеристику еще и понятием «студенческая область». Молодежь в Иркутской области – важный ресурс политической, экономической, социальной и культурной жизни.

22.04.1991 г. решением Иркутского областного Совета народных депутатов был создан Комитет по делам молодежи (со штатом восемь человек, под председательством Н.В. Слободчикова). Перед ним поставили задачи определить направления молодежной политики, координировать деятельность организаций и учреждений, реализующих ГМП, разрабатывать программы в интересах молодежи. 18.06.1996 г. было создано подведомственное учреждение ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи» – рабочий орган Комитета.

В 1996 г. произошла реорганизация Комитета по делам молодежи в Комитет по социальной политике администрации области[2]. В составе Комитета пять человек работали в отделе по делам молодежи (начальник отдела – В.И. Рудых). Значительные изменения произошли в 1998–2000 гг., когда 13.04.1998 г. губернатор области Б.А. Говорин упразднил Комитет по социальной политике и восстановил Комитет по делам молодежи. Комитет в апреле 1998 г. возобновил свою деятельность в структуре: председатель, заместитель председателя, отдел социально-культурных программ, отдел социально-экономических программ со штатом в 8 человек. Председатель комитета в 1998–2003 гг. – А.И. Беломестных.

В феврале 2000 г. Комитет был реорганизован в Комитет по молодежной политике администрации Иркутской области, а в июле губернатор изменил его структуру и увеличил штат до 17 человек. Комитет состоял из 2-х отделов: по социально-культурным программам и патриотическому воспитанию, и по социально-экономическим программам. В том же году распоряжением губернатора были созданы Центр профилактики наркомании и Молодежный кадровый центр.

В 2003–2006 гг. комитет по молодежной политике администрации Иркутской области возглавлял В.В. Барышников. Администрация Иркутской области 12.08.2004 г. приняла постановление «О комитете по молодежной политике Иркутской области» и положение о нем. В соответствии с ним Комитет по молодежной политике являлся исполнительным органом государственной власти области со штатом 15 человек и осуществлял функции государственного управления в сфере ГМП. Со второй половины 2006 г. до февраля 2007 г. молодежную политику проводил А. В. Васильков.

Постановлением Администрации области от 03.11.2006 г. Комитет был переименован в Агентство по молодежной политике Иркутской области с предельной штатной численностью в 15 человек. С февраля 2007 г. по ноябрь 2008 г. руководитель Агентства по молодежной политике Иркутской области – И.В. Иванов. 29.10.2007 г. было утверждено постановление «Об агентстве по молодежной политике Иркутской области». 14.04.2008 г. Постановлением администрации области была определена структура и предельная штатная численность агентства в количестве 18 человек.

Указом Президента РФ от 12.05.2008 г. «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» была установлена новая структура федеральных органов исполнительной власти, в т.ч. образовано Министерство спорта, туризма и молодёжной политики РФ, на которое возложены функции по выработке и реализации ГМП. Новому Министерству было передано Федеральное агентство по делам молодёжи, созданное вместо Государственного комитета по делам молодёжи. 22.10.2008 г. Правительство Иркутской области Агентство по молодежной политике присоединило к созданному Министерству по физической культуре, спорту и молодежной политике области. Функции по управлению в области формирования и реализации областной ГМП возложены на Управление по молодёжной политике Министерства.

В 2008–2010 гг. министрами были: Б.В. Пузыня, К.Ю. Волков, А.Ю. Зубков. С ноября 2010 г. – апрель 2013 гг. должность министра исполнял И.В. Иванов. Министерство включало в себя два управления: по молодежной политике и по физической культуре и спорту, а также различные подведомственные учреждения. Министра Иванова сменил П.В. Никитин на период май 2013 г. – октябрь 2015 г., а его с 28.10.2015 по – 31.05.2016 гг. И.Ю. Резник.

С 1 июня 2016 г. губернатором области С.Г. Левченко Министерство по физической культуре, спорту и молодежной политики Иркутской области было разделено на два: Министерство спорта и Министерство по молодежной политике. В настоящее время Министерство по молодежной политике Иркутской области включает в себя: министра, двух заместителей, советника, Отдел реализации стратегических направлений ГМП, Отдел поддержки молодежных и общественных инициатив, Отдел реализации государственных программ, Отдел правовой, контрактной, кадровой работы и документационного обеспечения, Финансово-хозяйственный отдел. Подведомственные учреждения представлены ОГКУ «Молодежный кадровый центр», «Центр социальных и информационных услуг для молодежи», «Центр профилактики наркомании», «Центр профилактики наркозависимых “Воля”».

Муниципальная молодежная политика – продолжение ГМП и составная часть муниципальной социальной политики. В 2016 г. на территории области действует 43 органа по делам молодежи в МО. В открытых источниках нет

[1] Численность населения по полу и возрасту // Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/population/

[2] Серебряков Е. А. Государственная молодежная политика современной России и ее реализация в Иркутской области // Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Т. 1. – Иркутск, 2015. – С. 277–286.

данных общего количества штатных единиц специалистов по работе с молодежью, действующих в подразделениях администраций муниципальных образований области.

В декабре 2014 г. – январе 2015 г. был проведен экспертный опрос специалистов отделов по делам молодежи в виде анонимного анкетирования на территории Иркутской области в рамках подготовки ВКР Я.Д. Никулиной под научным руководством автора статьи. Целью исследования являлось изучение мнений экспертов относительно проблем, связанных с реализацией молодежной политики в области, а именно: понимания целей, которые должно ставить перед собой государство при реализации ГМП; эффективности работы органов местного самоуправления по реализации ГМП; особенностей взаимодействия федеральных и региональных органов власти в сфере ГМП и др.

Выбор конкретных лиц для исследования был обусловлен их заинтересованностью в процессах осуществления молодежной политики в области, так как они все на момент исследования являлись специалистами органов по делам молодежи. В опросе приняло участие 34 эксперта из 18 муниципальных образований Иркутской области. А именно: Иркутский район, г. Иркутск, Усольский район, г. Усолье, г. Саянск, пос. Тельма, г. Братск, г. Бодайбо, Катангский район, Мамско-Чуйский район, Ольхонский район, Чунский район, Боханский район, Аларский район, Киренский район, Усть-Кутский район. Данное исследование не претендует на полное отражение видения реализации ГМП в Иркутской области специалистами ОДМ, но является достаточно полным и содержательным для выявлений тенденций, особенностей в данной области политики. Автору статьи представляется, что за период 2015 г. и по настоящее время мало что изменилось в реализации ГМП в Иркутской области, и приведенные данные исследования актуальны.

Кратко итоги выглядят следующим образом. На вопрос: «Выделите 3 основные проблемы в реализации ГМП на территории области» были получены следующие результаты: ответ «отсутствие развитой структуры молодежных общественных организаций, их неэффективная работа» выбрало 50%; «недостаточно разработана законодательная база ГМП в области, не учитывает социально-экономические проблемы молодежи» – 41,2%; «непонимание органами власти своих целей при реализации ГМП» – 38,2%; «недостаточная проработка проектов по привлечению молодежи в социально-политическую среду в области» – 38,2%; «полное отсутствие мониторинга существующей ситуации в сфере ГМП» – 29,4%; «отсутствие слаженной работы государственных структур в сфере ГМП» – 29,4%. Вариант «Другое» указало 8,9% опрошенных: некомпетентность специалистов; недостаток финансирования; отсутствие подведомственных учреждений. В целом по региону специалисты выделяют одни и те же проблемы. Интерес представляет ответ «некомпетентность специалистов» – ведь именно специалисты и отвечают на данный вопрос. Можно предположить, что имеется в виду факт совмещения несколько функций: чаще всего социальные работники исполняют функции специалистов в ОДМ, они работают с пенсионерами, инвалидами, с молодежью. Это происходит из-за нехватки квалифицированных кадров в МО.

Следующий открытый вопрос звучал так: «Какие цели должно ставить перед собой государство при реализации ГМП?». Ответы на данный вопрос условно разделили на четыре блока. Процентное соотношение вывести было невозможно, т. к. ответы представляли комбинацию из разных групп. Следующие цели, по мнению специалистов, должно ставить перед собой государство:

1. идеологические: разработка государственной идеологии, которая помогла бы молодым людям осознать свое место в государстве и в социальном пространстве своего региона;

2. патриотические: государство должно развивать у молодого поколения любовь и преданность к Родине, укреплять единство нации, прививать молодежи уважение к другим нациям;

3. правовые: необходимо принятие федерального закона ГМП, который мог бы организовать и координировать деятельность региональных органов власти в сфере молодежной политики;

4. мобилизационные: привлечение молодежи в кружки, секции, помощь в реализации молодежных проектов, а также просто создание условий для удовлетворения потребностей молодых людей.

Вопрос «Какие политические структуры, институты должны взять на себя ответственность за реализацию ГМП в Иркутской области?» предполагал возможность дать несколько вариантов ответа. Ответы распределились следующим образом: «Органы по делам молодежи МО» – 52,9%; «Администрация области» – 44,1%; «Министерство по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области» – 44,1%; «Молодежные, общественно-политические организации» – 32,4%. Наименее важным элементом в системе управления в сфере ГМП эксперты считают молодежные и общественно-политические организации. Один участник опроса предложил вариант ответа: губернатор области должен взять ответственность за реализацию ГМП в регионе. Выбор нескольких вариантов ответа свидетельствует о невозможности и ненужности сосредоточения всего контроля в руках одной политической структуры, эксперты видят необходимость в разделении функций управления между несколькими органами управления.

Вопрос «Как вы считаете, достаточно ли в законодательной базе региона учитываются социально-экономические проблемы молодежи?» показал такие результаты: «Частично рассматриваются» – 58,8%; «Уделяется совсем немного внимания» – 26,5%; «Совершенно не учитываются» – 11,8%; «Учитываются в полной мере» – 2,9%. Более половины опрошенных считают, что в законодательной базе региона только частично учитываются социально-экономические проблемы молодежи. Что касается четко отрицательных или наоборот четко положительных ответов, то здесь совсем небольшой процент согласившихся. Можно говорить о недоработке в данной сфере законодательно-правовой базы в области.

Следующие два вопроса связаны друг с другом, и их целью является выяснение уровня соответствия реализации ГМП. Первый вопрос «Насколько реализация ГМП соответствует существующим целевым программам, стратегии и концепции?» показал следующие ответы: «Полностью соответствует» – 41,2%; «Пункты программы выполняются частично» – 41,2%; «Почти не соответствует» – 14,7%; «Не соответствует» – 2,9%. Второй – открытый вопрос, и к нему могли перейти те, кто выбрал три последних варианта ответа в представленном выше вопросе. Это сделано для

того, чтобы выявить причины несоответствия и получить более развернутую оценку эксперта по данной проблеме. К вопросу перешли 12 специалистов, которые отметили следующие причины: недостаток бюджетного финансирования – 3; низкий профессиональный уровень кадров – 2. И далее каждый специалист дал по одному варианту ответа: «Низкий мотивационный уровень работников, отсутствие заинтересованности в каких-либо изменениях ситуации к лучшему», «Плохой мониторинг данных», «Отсутствие единого закона в РФ о ГМП», «Нехватка штатных единиц в отделе», «Недостаточное информирование молодых людей о существующих программах», «Не учитываются интересы молодежи», «Недостаток научного подхода при разработке программ».

Вопрос, посвященный проблеме взаимодействия региональных и федеральных органов власти, звучал следующим образом: «Какие проблемы вы видите во взаимодействии федеральных и региональных органов власти в сфере ГМП?». Ответы распределились следующим образом: «Недостаточная финансовая поддержка со стороны центра» – 52,9%; «Недостаточное понимание федеральными органами власти реальных проблем молодежи в регионе» – 38,2%; «Существуют некоторые противоречия в нормативно-правовых актах центра и области» – 32,4%; «Полномочия федеральных и региональных органов власти в этой сфере четко и системно не определены» – 26,5%. Можно сделать вывод, что финансовая сторона проблемы взаимодействия является наиболее важной, и это можно проследить во многих других ответах на вопросы, приведенные выше. Также большой процент ответов пришелся на вариант: у центральных органов власти плохое, недостаточное понимание проблем существующих в каждом отдельном регионе и Иркутская область не исключение. Почти такие же результаты и у второго варианта ответа, то есть наличие противоречий в нормативно-правовой базе региона и центра не способствуют налаживанию эффективного взаимодействия между этими двумя элементами системы. Отсюда вытекает и нечеткое разграничение полномочий, что всегда являлось причиной разногласий в различных сферах взаимодействия.

Последний вопрос анкеты связан с положением и интересами молодежи в социальной и политической сферах Иркутской области: «По какой причине молодежь не участвует в общественной и политической жизни своей области?». Ответы распределились так: «Молодые люди не верят в то, что можно что-то изменить в социальной и политической жизни области и страны» – 58,8%; «Убеждение в том, что в органах власти все куплено, недоверие к самим политикам» – 26,5%; «Потребительское отношение к жизни является определяющим фактором неучастия молодежи» – 26,5%; «Уделяется недостаточное внимание со стороны общественных организаций по привлечению молодых людей в социально значимые проекты» – 17,6%; «Существование у молодежи более важных проблем и занятий в жизни, равнодушие к жизни социума» – 11,8%. По мнению большинства экспертов, главная причина пассивности молодежи – недоверие к власти, отсутствие веры в возможность каких-либо изменений существующей ситуации. На втором месте – мнение о потребительском отношении к жизни самих молодых людей и уверенность в том, что «в органах власти все куплено». Последнее характерно не только для молодого поколения, но и для людей из других социальных слоев и возрастных групп. Возможно, в этом причина низкой явки на местные и региональные выборы в последние годы в Иркутской области. Стоит отметить, что не все специалисты соглашались ответить на вопросы анкеты и легко шли на контакт, но, несмотря на это, в итоге, после анализа результатов опроса получился достаточно широкий спектр мнений и оценок специалистов из разных муниципальных районов Иркутской области.

Для уточнения и дополнения проведенного анкетирования экспертов были проведены в январе 2015 г. три глубинных интервью со специалистами ОДМ Иркутска и Иркутского района (здесь они приводятся в кратком виде). Интервью носило формализованный характер, с опорой на вопросы анкеты, но эксперты устно комментировали свои ответы, запись велась на диктофон. По этическим соображениям было принято решение не указывать фамилии экспертов.

Эксперт № 1, г. Иркутск обозначил основные проблемы в реализации ГМП на территории области: недостаточность финансирования, отсутствие четкой вертикали управления, отсутствие единой региональной политики, кадровая закостенелость в ОДМ. Региональные и муниципальные органы власти должны работать сообща, необходимо связующее звено. Необходимы средства и субсидии от региона, которые можно было бы соединять с муниципальными средствами. Но региональные власти имеют свои четыре учреждения, которые нужно содержать, а программные мероприятия осуществить этим количеством учреждений невозможно, т. к. работа должна идти по всей области, а не только в Иркутске. Наблюдается следующий недостаток – невыстроенная система работы с молодежью, отсутствие подготовленных специалистов на местах во всех муниципальных образованиях области. «*Работать должен тот, кто живет с молодежью в конкретном районе*» – говорит эксперт. Необходимо создавать условия для того, чтобы молодежь оставалась в области или возвращалась обратно. А для этого нужен единый вектор развития для региональной молодежной политики, который пока не наблюдается. Отсутствует «скелет», на основе которого можно было бы выстраивать в единое целое все законы, нормативные акты, программы и т.д.

Основные цели ГМП в России есть, и они все изложены в «Основах государственной молодежной политики в РФ на период до 2025 года» от 29.11.2014 г. Однако проблема кроется в вопросах местного значения. В ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ГМП уделено недостаточно внимания. Хотя работа с молодыми людьми, как с самой энергичной и работоспособной группой населения, должна освещаться в полной мере именно в федеральных законах. Задачи ГМП муниципалитеты формулируют по-своему и на примере друг друга, либо других регионов, выстраивают основные направления работы с молодежью.

Что касается институтов, которые должны взять на себя ответственность за реализацию ГМП в регионе, эксперт говорит о том, что необходимо в целом выстраивать вертикаль управления. Создание таких условий в Иркутске, *«чтобы человек мог учиться, проявлять себя, развиваться в творчестве, получать общественное признание, учиться зарабатывать деньги независимо от того, чем он занимается – это и есть основная цель органов по делам молодежной политики»*. С помощью правильной подачи информации, а затем создания соответствующих мероприятий

можно идти к этим целям. Специалист выделяет основные направления в работе с молодежью: управление, лидерство (молодежная дума, студенческие советы); творчество; военно-патриотическое воспитание (отряды, выступления на памятные даты); духовно-нравственное воспитание (семья, отношения супругов, роль отца в семье); учеба, вузы (студенты – как отдельная категория, трудоустройство); информационное направление (помощь в преодолении трудностей в выделении необходимой информации из обширного информационного потока). В отношениях между регионом и федеральным центром важную роль, по мнению специалиста, играет личностный фактор: «*Все зависит от руководителя региона, он должен эффективно представлять свой район на федеральном уровне*».

Эксперт № 2, Иркутский район. Говоря о проблемах в реализации ГМП в области, эксперт выделяет несколько трудностей, характерных для его районного муниципального образования – нехватка кадров (при отсутствии специалистов по молодежной политике, работники вынуждены совмещать несколько функций); удаленность районов и проблема информированности/коммуникации (отсутствие Интернета в некоторых удаленных районах области).

По мнению эксперта, необходимо создать единый районный центр молодежи, который смог бы более конкретно заниматься удаленными районами и не только ими. Довольно сложно стало собирать специалистов по делам молодежной политики для обучения и информирования о новых тенденциях, что, безусловно, необходимо при таком ритме изменений. Раньше подобные собрания проходили раз в квартал, сейчас реже, причина – недостаточное финансирование. По мнению эксперта, государство должно ставить перед собой цели, касающиеся патриотического воспитания молодежи, которое необходимо прививать каждому. Необходимо вовлекать молодежь в различные общественно-экономические структуры, чтобы молодые люди учились ставить цели и достигать их самостоятельно. По мнению эксперта, главной причиной неучастия молодежи в общественной и политической жизни своей области является отсутствие стимулов для этого и заинтересованности. Даже когда появляются какие-либо попытки проявить себя, все это до дела не доходит и обрывается на полпути из-за нехватки денег или каких-либо других технических причин, и весь процесс тормозится.

Эксперт № 3, Иркутский район. Главными проблемами ГМП на территории Иркутской области являются: отсутствие единой стратегии в регионе, а также центров молодежи, нехватка обученных кадров в сфере молодежной политики. Особенно это касается отдаленных районов, но и в центре области штатное расписание ограниченно определенным количеством человек и из-за этого нет возможности брать молодых специалистов на работу, в итоге получается, что один работник совмещает несколько функций и берет на себя большую нагрузку. «*Обязанности возлагаются на специалистов по социальной работе, которые работают и с пенсионерами и с инвалидами, и более точечное внимание на молодежь оказывается минимальным*» – утверждает эксперт. На вопрос о законодательной базе региона эксперт отметил, что практически отсутствуют рычаги экономической поддержки молодежи, также нет поддержки молодых талантов, отсутствуют конкретные механизмы закрепления на селе молодых людей, которые стремятся в центр региона для развития и самореализации. В законодательной базе не учитываются в полной мере все проблемы молодых людей. МО полностью должны брать на себя расходы и искать средства для поддержки молодежи при их развитии в разных сферах, это касается помощи в организации конференций, форумов, различных кружков, клубов, концертов и т.д. По мнению эксперта, это может быть устранено принятием закона, который выстроил бы иерархию и единоначалие (по единому принципу вертикали) для реализации программ.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы: молодые люди Иркутской области – это активная группа населения, но т. к. большая часть молодежи переезжает в центр области, то там активность высокая и возрастает в последнее время. В разных муниципальных образованиях свои проблемы, однако, есть и характерные для области в целом: не хватает единого вектора развития ГМП для региона, отсюда и проблемы с работой общественных молодежных организаций и непонимание в органах по делам молодежной политики своих целей и задач.

В каждом районе формулируются свои цели и задачи работы, что не очень хорошо сказывается на общей ситуации в области. Большой проблемой является нехватка кадров либо их непрофессионализм в некоторых вопросах. Финансирование – это общая проблема. Мероприятия финансируются из дефицитных местных бюджетов, поэтому, как правило, частично. Не хватает экономической поддержки творческой молодежи. Практически все мероприятия на федеральном уровне проходят в центре страны, а удаленность региона от федерального центра создает проблемы при осуществлении различных акций, ориентированных на общефедеральный уровень.

Левикова С.И.
д.филос.н., профессор Московского педагогического государственного университета
levikovasi@inbox.ru

НЕФОРМАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА В РОССИИ: УХОД В НЕБЫТИЕ ИЛИ ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

Ключевые слова: *молодежь, российская молодежь, неформальная молодежная субкультура, общество, социализация, сбой социализации.*
Keywords*: youth, Russian youth, informal youth subculture, society, socialization, the failure of socialization.*

В последнее время из средств массовой информации практически ушла тема неформальной молодежной субкультуры. Ушли в прошлое 90-е годы XX века и первое десятилетие XXI века, когда в журналах и газетах постоянно встречались, если не статьи, то по крайней мере заметки о ней; когда на телевидении снимались репортажи, передачи и устраивались диспуты, посвященные как феномену неформальной молодежной субкультуры, так и различным его аспектам; когда создавались научные организации, исследовавшие неформальную молодежь, и писались исследования, посвященные ей. Второе десятилетие XXI века ознаменовалось фактически молчанием о неформальной молодежной субкультуре. В результате этот феномен стал постепенно забываться, и у многих возникло впечатление, что он вообще прекратил свое существование, канул в небытие, оставив после себя лишь воспоминания, периодическую моду на различную атрибутику, характерную для той или иной неформальной молодежной субкультуры (прически, одежда, украшения, сленг и т.п.), несколько художественных фильмов, да стареющих бывших неформалов, которые давно вписались в формальную жизнь современного общества и слились с той самой толпой, выделяться из которой они так стремились во времена своей молодости…

Однако такое поведение СМИ вовсе не ново по отношению к определенным сторонам жизни молодежи. В 60-х годах прошлого столетия в США была популярна такая молодежная организация (вернее, течение), как «новые левые», деятельности которой средства массовой информации уделяли много внимания, чем способствовали серьезному интересу к ней со стороны молодежи и привлечению в ее ряды новичков. Однако к концу 1960-х годов о «новых левых» перестали писать. Вообще. Вскоре течение распалось на составляющие, а потом и вообще кануло в прошлое. Лидеры же «новых левых» отмечали в конце 1960-х годов, что молчание средств массовой информации об их течении сыграло наиболее серьезную роль в его распаде.

Вряд ли у российских средств массовой информации была какая-то цель или умысел, когда они вдруг дружно замолчали о неформальной молодежной субкультуре. Причины здесь намного банальнее. Среди них можно отметить и то, что эта тема перестала быть «горячей» и привлекать к себе внимание широкой аудитории, поскольку глобальных изменений с феноменом не происходило, а писать одно и то же на протяжении длительного времени смысла не имело; и то, что феномен неформальной молодежной субкультуры перестал ощущаться чем-то из ряда вон выходящим и перешел в разряд повседневной рутины, не заслуживающей особого внимания; и то, что социальные проблемы и внутри России, и за ее пределами настолько обострились, что способствовали переключению внимания аудитории и затмили собой феномен неформальной молодежной субкультуры. В результате молчание СМИ и привело к тому, что о феномене, фактически, знают лишь те молодые люди, которые имеют непосредственное отношение к нему[1], да редкие исследователи, которые либо продолжают собственные исследования, либо по тем или иным причинам сталкиваются с феноменом неформальной молодежной субкультуры и вынуждены на него реагировать.

Занятно, но несколько лет назад я была приглашена на конференцию, где делала пленарный доклад. Конференция была посвящена не проблемам молодежи, а социальным особенностям современного этапа развития нашей страны. Перед началом конференции меня встретил представитель вуза, где она проходила, и по дороге в зал, спросил: «А чем Вы занимаетесь?» Когда я ответила, что неформальной молодежной субкультурой, он посмотрел на меня внимательно и уточнил: «Так Вы занимаетесь тем, чего сейчас уже нет?»

Я вспомнила этот случай потому, что, к сожалению, коллега высказал точку зрения, которая выработалась сейчас у многих. И причина тому не только молчание средств массой информации о феномене неформальной молодежной субкультуры, хотя, безусловно, СМИ сыграли здесь большую роль. К сожалению, отрицательную роль играет устойчивое представление о том, что неформальная молодежная субкультура для молодого человека – это нечто естественное и проходящее. А потому даже если молодой человек окажется в неформальной молодежной субкультуре, то рано или поздно он ее покинет. По принципу: вырастет, «перебесится». И принадлежность к той или иной нефор-

[1] В настоящее время я веду спецкурс по неформальной молодежной субкультуре для студентов 5 курса МПГУ, которые готовятся обучать обществоведению старшеклассников в школе. Эти занятия мне показывают, что даже общее представление о неформальной молодежной субкультуре у них весьма смутное.

мальной молодежной субкультуре воспринимается родителями, да и другими взрослыми, имеющими отношение к молодому человеку, «вдруг» облачившемуся в «униформу» той или иной неформальной молодежной субкультуры, начавшему себя вести непривычным образом и подолгу пропадающему с «аналогичными» ему молодыми людьми, как какое-то детское заболевание, которое следует перетерпеть: ведь никто же не болеет, например, ветрянкой или коклюшем всю жизнь: рано или поздно ребенок выздоравливает. Но болезнь лечат. А как «лечить» принадлежность молодого человека к неформальной молодежной субкультуре, которая, как правило, не доставляет удовольствия родителям? Правильно: нотациями и попыткой удержать «заболевшего» ребенка дома. Но от такого «лечения» можно получить лишь обратный эффект.

Для того чтобы социальный феномен прекратил свое существование, ушел в небытие, должны исчезнуть причины его существования. Это азбучные истины: нет причин – нет феномена. А потому разобраться в том, существует ли социальный феномен или нет, если вы по каким-либо причинам не имеете о феномене информации или не встречаете его проявлений, необходимо посмотреть, что сталось с причинами существования этого феномена. И, забегая вперед, я могу сразу сказать, что основные причины существования феномена неформальной молодежной субкультуры никуда не пропали. Они продолжают существовать в современной России, а потому даже молчание средств массовой информации о феномене неформальной молодежной субкультуры его не отменяет. Напротив, закрывая глаза на него, СМИ переводят его с социального на индивидуальный уровень, превращая его в проблему лишь родителей и их детей, или, в худшем случае, неформальных молодых людей и правоохранительных органов, а то и психиатров[1].

Обращение к публикациям в Интернете (на Яндексе), посвященным как самому феномену неформальной молодежной субкультуры (хотя там он фигурирует, по крайней мере, под тремя названиями: «молодежная культура», «молодежная субкультура» и «неформальная молодежная субкультура»; хотя встречается и такое отжившее, как «молодежное движение»), показало, что почти за шестнадцать лет там, практически, ничего не изменилось[2]. То есть, безусловно, появились новые статьи, новые авторы (если, конечно, авторство статьи обозначено), новые картинки (фотографии), новые сюжеты и даже описание одной-двух относительно новых неформальных молодежных субкультур. Однако, по сути, принципиально ничто не изменилось. Практически все то, что писалось в конце XX – начале XXI столетий об этом социальном феномене чуть ли не в тех же словах (с небольшими нюансами) повторяется и сейчас. И это очень грустно, поскольку феномен неформальной молодежной субкультуры, в действительности, является серьезным современным социальным явлением и, если его замалчивать или забалтывать, то проблемы не только сохранятся и в будущем, но, не исключено, что и возрастут.

Особенно расстраивает то, что большая часть авторов просто переписывает (с небольшими изменениями) то, что было наработано в последние два десятилетия прошлого века по феномену неформальной молодежной субкультуры, в результате чего из публикации в публикацию повторяются практически одни и те же положения. И было бы понятно, почему это происходит, если бы мы имели дело с каким-то давно свершившимся историческим фактом (типа войны с Наполеоном или реформ Петра Великого), хотя и там сейчас исследователи открывают много нового и интересного. Однако феномен неформальной молодежной субкультуры, несмотря на фактическое молчание о нем СМИ, не только не канул в Лету, не только продолжает существовать, но и развивается. Кроме того, ведь не только во второй половине XX столетия[3], но и в XXI столетии велись серьезные научные исследования данного социального фено-

---

[1] Просматривая Интернет-публикации по неформальной молодежной субкультуре, я обратила внимание на то, что среди них много таких, которые либо созданы врачами-психиатрами, либо передают мнение врача-психиатра по поводу той или иной неформальной молодежной субкультуры (см., например, подборку видео материалов на сайте http://love-mother.ru/molodezhnye-subkultury-spisok-vidy.html). И эта ситуация не нова. Еще в советское время к изучению представителей неформальных молодежных субкультур нередко привлекали именно психиатров, тем самым подчеркивая, что подобное поведение молодых людей представляет собой клиническую девиацию, бороться с которой необходимо с помощью психиатрии. А потому, к сожалению, нередки случаи, когда родители, поняв, что их ребенок стал неформалом, тут же диагностируют у него психическое расстройство и тащат к соответствующему врачу.

[2] Я не буду тут перечислять адреса Интернет-статей, поскольку, во-первых, список будет большим и займет много места, а, во-вторых, достаточно просто задать в поиск одно из перечисленных в скобках название интересующего феномена на Яндексе и просмотреть имеющиеся там публикации.

[3] Алексеев А. Неформальное движение. – М., 1992; Артюхов С. М. Отрицательный угол. – М., 1990; Березовский В.Н., Кротов Н.И. Неформальная Россия. – М., 1990; Герасименко А.П. Критика теорий молодежной культуры. – М., 1997; Гришин В.А. Субкультура и ее проявления в молодежной среде // Общественные, самодеятельные движения. – М., 1990; Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы. Кто есть кто? – М., 1990; Давыдов Ю.Н. Трагедия позднего повзросления. Молодежная революция 60-х гг. и ее сегодняшние ровесники // Иностранная литература. – М., 1983. – № 1; Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры. Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. – М., 1980; Ендживский М. Тусовка. – М., 1990; Запесоцкий А., Файн А. Эта непонятная молодежь. Проблемы неформальных молодежных объединений. – М., 1990; Исламшина Т.Г. Молодежные субкультуры. – Казань, 1997; Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон. – М., 1989; Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб., 2000; Марков А. Самодеятельные молодежные объединения. – Л., 1988; Методологические проблемы исследования молодежи. – М., 1998; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. – СПб., 1999; Молодежь в современном мире: проблемы и суждения // Вопросы философии. – М., 1990. – № 5; Неформальная Россия. – М., 1990; Никулина О.В. Молодежная субкультура: за и против. – М., 1985; Ольшанский Д. В. Неформалы: групповой портрет в интерьере. – М., 1990; Петров Д.В. Молодежные субкультуры. – Саратов, 1996; Плаксий С.И. Молодежные группы и объединения: причины возникновения и особенности деятельности. – М., 1988; Сенкевич З.В. Молодежная культура: за и против. – Л., 1990; Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. – М., 1998. – № 11; Субкультурные объединения молодежи: критический анализ. – М.: АН СССР, Ин-т философии, 1987; Суртаев В.Я. Молодежь и культура. – СПб., 1999; Тарасов А. Есть ли будущее у молодежи? // Свободная мысль. – М., 1996. – № 7; Шкурин В. Н. Неформальные молодежные объединения. – М., 1990; Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. – СПб., 1993; Pilkington, H. Russia's Youth and its Culture: A Nation's constructors and Constructed. Routledge, 1994; Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. Routledge, 1996 и др.

мена[1]. Но они по большей части остаются в стороне не только Интернет-публикаций, но и тех, кто занимается и разработкой молодежной политики в нашей стране, и тех, кто непосредственно работает с молодежью по линии Комитетов по делам молодежи на различных уровнях (городском, районном, республиканском, окружном и т.п.)[2].

Причины возникновения и существования неформальной молодежной субкультуры, представленные в большинстве различных публикаций, в том числе и интернетовских, выглядят примерно так: «Вызов обществу, протест. Вызов семье, непонимание в семье. Нежелание быть как все. Желание утвердится в новой среде. Желание привлечь к себе внимание. Неразвитая сфера организации досуга для молодежи в стране. Копирование западных структур, течений, культуры. Религиозные идейные убеждения. Дань моде. Отсутствие цели в жизни. Влияние криминальных структур, хулиганство. Возрастные увлечения и др.»[3]. Практически из публикации к публикации эти причины повторяются либо порознь, либо в том или ином сочетании. К ним, как правило, добавляются еще такие причины как «желание самовыражения» и/или «желание самоутверждения». Психологи любят добавлять в качестве причины возрастной период отрицания всего и вся (период негативизма, осложненный процессом полового созревания). Безусловно, все эти причины имеют определенное отношение к неформальной молодежной субкультуре. Однако если внимательнее присмотреться к ним, то тогда станет непонятным, почему феномен неформальной молодежной субкультуры появляется лишь (и именно) в середине XX столетия и существует по сей день. Почему его не было, например, в эпоху Возрождения или в эпохи Античности или Средневековья? Ведь все сказанное, так или иначе, относится к молодым людям, находящимся на этапе перехода из состояния детства в состояние взрослости. То есть к молодым людям, которые еще не заняли своего места во взрослой жизни, но уже пытаются оторваться от своей родительской семьи. А потому для существования феномена неформальной молодежной субкультуры необходимо искать его собственную, основную, главную, доминирующую причину.

Может ли этой причиной быть возрастной период отрицания всего и вся, на котором настаивают психологи? Нет. Через такой период проходят абсолютно все молодые люди, и неформальная молодежная субкультура не является его следствием. Возможно ли говорить о том, что период пребывания человека в неформальной молодежной субкультуре соответствует какому-то определенному возрастному этапу (обычно называют возрастные рамки от примерно 13–14 до 21–28 лет)? И здесь мы имеем дело с натяжкой, поскольку возрастные рамки приверженцев неформальной молодежной субкультуры очень размыты, и там можно встретить людей, совсем не соответствующих названным цифрам. Кроме того, даже если мы обратимся к периоду реального исторического существования феномена неформальной молодежной субкультуры, который берет начало в конце первой половины XX столетия и продолжается до настоящего времени, то увидим, что далеко не все люди, соответствующие указанным возрастным рамкам, входили в неформальные молодежные субкультуры. Более того, самые «урожайные» годы для этого социального феномена не выводили на цифры более 15 процентов от общего числа молодых людей в тех странах, где этот феномен наблюдался,[4] а в обычной ситуации их число и того меньше.

---

[1] Арефьев А.Л. Поколение, которое теряет Россия // Социологические исследования. – М., 2002. – № 8; Башкатов И.П., Стрелкова Т.С. Молодежные субкультуры // Социологические исследования. – М., 2006. – № 11; Бурдеева Н. О. Молодежная субкультура: социологический анализ понятия // Наука. Образование. Молодежь. – Майкоп, 2004; Волков Ю.Г., Добреньков В.И. и др. Социология молодежи. – Ростов н/Д, 2001; Воронов В., Черничкина Е. Что нужно знать о молодежной субкультуре? // Воспитание школьников. 2001. – № 4, 5; Гогерчак С.Ю. Молодежь как феномен культуры: Дис. к.филос.н. – Ростов н/Д, 2004; Гончарова Н.Г. Трансформация досуговой деятельности современной российской студенческой молодежи. Дис. к.соц.н. – Ростов н/Д, 2009; Земрах Т.В. Базовые ценности современной молодежной культуры: Дис. к.филос.н. – Ростов н/Д, 2005; Карпиленя С.С. Молодежная субкультура как способ социализации молодежи в условиях модернизации российского общества. Дис. к.соц.н. – Ростов н/Д, 2009; Корчагина Ю. Подросток и субкультура // Здоровье детей. 2008. – № 24; Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. – М., 2000; Молодежная культура и ценности будущего. – СПб., 2001; Левикова С.И. Молодежная культура. – М., 2002; Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М., 2004; Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. – М., 2010; Луков В.А. Молодежные субкультуры в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2007. – № 4; Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. – М., 2002. – № 10; Mikhailova Y.D., Torchinov E.A. Images at an Impasse: Anime and Manga in Contemporary Russia // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. – Folkestone: Global Oriental, 2008; Оберемко О., Блюдина У. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. – СПб., 2004; Орлов Д.В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе. Дис. к.соц.н. – Саратов, 2008; Резухина Е.В. Подростковые и молодёжные субкультуры: психолого-педагогический аспект // Психологический журнал. 2006. – № 18; Хапаева Д. Готическое общество: морфология кошмара. – М., 2007; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2003 и др.

[2] Я в течение длительного времени проводила занятия с работниками комитетов по делам молодежи не только Москвы и Московской области, но и различных городов и регионов России, рассказывая о сущности феномена неформальной молодежной субкультуры, его причинах и некоторых опасностях, которые он может таить (но не обязательно таит). Как правило, слушатели ожидали, что я им буду рассказывать о том, чем одна неформальная молодежная субкультура отличается от другой, а потому были настроены в основном скептически. Но в процессе нашего общения их отношение к теме занятий менялось, и они отмечали, что даже не подозревали, с представителями какого социального феномена в действительности имеют дело.

[3] http://lazy404.narod.ru/index/0-4

[4] Безусловно, подсчитать количество тех, кто принадлежит к неформальным молодежным субкультурам, крайне сложно, поскольку сам статус неформальности не дает жесткой фиксации, и человек может сегодня так или иначе входить в неформальную молодежную субкультуру, а завтра спокойно ее покинуть и заняться чем-либо иным (тем более что отношение к неформальной молодежной субкультуре является, как правило, не основным его занятием и времяпрепровождением в жизни, а параллельно он либо учится, либо работает). Однако попытки выявить количество субкультурной молодежи все-таки предпринимались, особенно в прошлом столетии. И они показали, что во времена так называемой Студенческой революции в США 60-х годов прошлого столетия, когда возникло впечатление, что хиппи заполонили всю эту страну, процент тех самых хиппи от молодых людей составлял не более двух (Америка. 1969. – № 156. – С. 4–6). Примечательны результаты попыток посчитать неформалов, приведенные в книге «Критика буржуазных теорий молодежи» (М.: Прогресс, 1982, гл. 4). Также интересны данные, собранные американским социоло-

Но тогда где следует искать истинную, доминирующую причину возникновения и существования неформальной молодежной субкультуры? Поскольку мы имеем дело с социальным феноменом, то и причина должна быть в первую очередь социальной. Я утверждала ранее[1] и продолжаю утверждать и сейчас, что основной причиной проявления и существования неформальной молодежной субкультуры в современных обществах является сбой социализации молодых людей, который приводит к их невписываемости в общество, обделенности, которые, в свою очередь, они компенсируют с помощью принадлежности к той или иной неформальной молодежной субкультуре. То есть то, что общество традиционным способом недодает молодому человеку, он сам «добирает» посредством неформальной молодежной субкультуры. Здесь я коротко поясню, о чем идет речь, хотя в своих книгах и статьях я этот вопрос подробно разбирала.

Коль скоро речь зашла о социализации, то несколько слов о ней. Существует много определений социализации, но все они сводятся к тому, что это «длительный процесс, при котором индивид усваивает знания, опыт, нормы поведения и нравственные ценности, принятые в том обществе, которое его окружает»[2]. Суть этого процесса в том, чтобы «перевести человека из биологического состояния в самостоятельную социальную личность, обладающую самосознанием. Человек, который осознаёт собственный образ, понимает своё отличие от других, находит своё место и играет свою роль в обществе. Социализация возможна только при взаимодействии индивидов. Этот процесс строится на межличностных отношениях. В результате происходит передача физиологического и нравственного опыта, социальных норм, человеческих ценностей. Личностью понимается собственная ответственность, права и обязанности перед обществом, смысл происходящих событий и значение различных поступков». Причем «каждый индивид должен пройти все стадии взаимодействия с окружающими людьми, чтобы достичь определённого уровня самосознания»[3].

Так вот, причина появления неформальной молодежной субкультуры кроется именно в сбое социализации, но не в части усвоения знаний, а в части усвоения опыта в плане отработки социальных ролей, а также и, в первую очередь, усвоения норм поведения и нравственных ценностей, принятых в том обществе, которое окружает сначала ребенка, а затем уже молодого человека, становится характерной именно для современных индустриально развитых обществ, начавших переход к постиндустриальной стадии. То есть определенная стадия развития общества приводит к таким изменениям, которые оборачиваются появлением неформальной молодежной субкультуры[4]. И поскольку основных инстанций социализации лишь две: семья и общество[5], то и сбой социализации необходимо искать именно там. И здесь надо сразу сказать, что (за исключением лишь немногих неформальных молодежных субкультур, типа гопников) в неформальные молодежные субкультуры попадают молодые люди из так называемых благополучных семей. Именно в таких семьях родители, порой либо слишком опекают своих детей, из-за чего те теряют возможность что-либо решать в своей жизни и нуждаются в альтернативной среде, где бы они сами могли принимать решения; либо в силу ряда причин (как правило, это работа, необходимая, чтобы обеспечить жизнь и оплатить дальнейшее обучение ребенка) родители не в состоянии уделять достаточно внимания и времени своему ребенку, компенсируя свое отсутствие в его жизни его материальным благополучием, из-за чего молодой человек оказывается лишенным моделей поведения и взаимоотношений в семье, за наработкой которых он и отправляется в среду сверстников в неформальной молодежной субкультуре. Общество же дает сбой социализации молодых людей и в рамках школы, и отправляя новобранцев в так называемые «горячие» точки, и не обеспечивая молодого человека работой и т.п.[6]

Следует отметить, что набор причин, приводящих к сбою социализации, ведущий к обделенности, невписываемости молодого человека в общество, прокладывающих ему дорогу в неформальную молодежную субкультуру, никуда не делся и продолжает существовать в современном российском обществе. Но если есть причины, то надо искать и их следствие, а именно неформальные молодежные субкультуры. Они исчезли в соответствие с молчанием о них средств массовой информации? Ничуть. Просто они себя не очень афишируют. Но практически во всех крупных городах есть места, где собираются представители тех или иных неформальных молодежных субкультур. И, как правило, это места в центре городов: либо на площади около какого-нибудь памятника, либо в каком-нибудь сквере (парке), либо в каком-нибудь клубе, кафе и т.п. Безусловно, климатические особенности нашей страны делают субкультурную молодежь заметной лишь в теплое время года, но это вовсе не означает, что она отсутствуют вообще.

гом Д. Янкеловичем (Yankelovich D. Changing Youth Values in the 70's. A Study of American Youth. – N.Y., 1974; Yankelovich D. New Morality. A Profile of American Youth in the 70's. – N. Y., 1974; Yankelovich D. New Rules: Searching for Self-fulfillment in a World Turned Upside Down. – N.Y., 1981; Yankelovich D. Skelly and White Ink. The General Mills American Family Report: 1976–1977. – The Raising Children in a Changing Society. – N.Y., 1977; Yankelovich D. The Changing Values on Campus. – N. Y., 1977; Yankelovich D. The New Morality. A Profile of American Youth in the 70's. – N.Y., 1974 etc.). Привожу здесь ссылки на исследования прошлого века лишь потому, что те немногочисленные исследования, которые проводятся в настоящее время не очень репрезентативны в силу незначительного охвата. Кроме того, они все равно не выходят за рамки уже указанных 15%.

[1] Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М., 2004; Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. – М., 2010, а также в ряде статей, опубликованных и в журналах, и в сборниках научных статей.

[2] http://gopsy.ru/psihologija/chto-takoe-socializacija.html

[3] Там же.

[4] Причины того, почему именно в индустриально-развитых социальных системах, начавших переход к постиндустриализму, появляются неформальные молодежные субкультуры, я подробно разбирала в следующих публикациях: Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М., 2004; Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. – М., 2010.

[5] Хотя семья, безусловно, является элементом общества, но здесь я хочу выделить ее особо, поскольку она играет очень большую роль в «попадании» молодого человека в неформальную молодежную субкультуру.

[6] Подробнее см.: Левикова С.И. Молодежная субкультура. – М., 2004; Левикова С.И. Неформальная молодежная субкультура. – М., 2010.

Что происходит в неформальных молодежных субкультурах? Да, то же самое, что происходило во всех неформальных молодежных субкультурах и в XX веке. При этом не имеет особого значения, как они называются (хиппи, панки, готы, эмо, ванильки, помятые и т.п.), и как выглядят их представители. В основном, сами не понимая того, молодые люди отрабатывают в неформальных молодежных субкультурах социальные роли, которые им необходимы будут во взрослой жизни и которые они по тем или иным причинам не имеют возможности отработать так называемым традиционным путем[1]; молодые люди в неформальных молодежных субкультурах не столько самовыражаются (хотя и это тоже присутствует, но в рамках «канонов» той или иной неформальной молодежной субкультуры), сколько самоидентифицируются, определяются, кто же они такие на самом деле. А, определившись, они покидают неформальную молодежную субкультуру и «вписываются» в общество, начинают вести жизнь «обычных» взрослых людей. Кстати, они живут и работают среди тех, кто ранее не имел никакого отношения к неформальным молодежным субкультурам, причем последние не всегда знают или догадываются о прошлом своих коллег или соседей.

Изменилось ли что-либо в феномене неформальной молодежной субкультуры в России в настоящее время по сравнению с XX или началом XXI века? Безусловно, да. Однако принципиально изменилось лишь то, что возникли так называемые «электронные» неформальные молодежные субкультуры. И причиной этого является развитие и распространение электронных средств массовой коммуникации. Что здесь имеется в виду? Если ранее все представители неформальных молодежных субкультур где-то встречались и непосредственно общались с себе подобными, а потому и создавали субкультурные элементы (прически, внешний вид, грим, украшения, жаргон, манеры поведения и общения и т.д.), дабы отличать «своих» от «чужих», то теперь часть неформальной молодежи предпочитает, сидя у себя дома, проводить время у компьютеров и «зависать» в общении с «себе подобными». То есть целый ряд неформальных молодежных субкультур либо переместились, либо возникают и существуют в «мировой паутине», хотя, по сути, принципиально это ничего не меняет: изменение формы не влечет за собой изменения содержания. И в подобных неформальных молодежных субкультурах молодые люди «добирают» ту социализацию, которую они недополучают в семье или в обществе.

Следует отметить, что часть молодых людей не обращается к неформальным молодежным субкультурам в современной России потому, что им предоставляется альтернативный путь для компенсации нехватки социализации: это различные молодежные организации, созданные для молодежи и с целью работы с молодежью.[2] Эти организации сумели частично скорректировать тот сбой социализации, который имеется у ряда подростков и молодых людей. Однако подобных организаций и течений в настоящее явно недостаточно. А потому молодые люди будут поддерживать существование старых и создавать новые неформальные молодежные субкультуры. И в этом нет ничего плохого, если бы не опасность того, что в неформальных молодежных субкультурах молодые люди оказываются предоставленными сами себе. А этим могут воспользоваться некоторые заинтересованные в молодых людях взрослые и при желании превратить одних неформалов в банды (как это в свое время случилось с люберами), а других – обратить в веру и затянуть в секту (примеров здесь хоть отбавляй: и «Семья любви», и «Наследники Иисуса» и многие другие). А потому следует серьезнее относиться к социальному феномену неформальной молодежной субкультуры и не закрывать глаза на его существование. Ведь даже если идет речь о небольшой части молодых людей в крупных городах нашей страны, то это не означает, что их следует обходить вниманием.

---

[1] Я использую здесь оборот «так называемый», поскольку и путь неформальной молодежной субкультуры уже почти за 70 лет стал традиционным.

[2] В ряду подобных организаций можно назвать различные клубы по интересам (например, клуб «Созвездие» в Москве); молодежные движения (например, «Наши», движение волонтеров и т.п.); молодежные организации и движения, создаваемые Русской Православной церковью и др.

Макарова О.А.
к.соц.н., доцент Забайкальского государственного университета
makarova108@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Ключевые слова: *молодежь, государственная молодежная политика.*

Современная государственная молодежная политика представляет собой, прежде всего, деятельность органов власти по созданию условий, обеспечивающих самореализацию молодого человека, социально-позитивную деятельность молодежных объединений и молодежных инициатив, деятельность по созданию определенных законодательством гарантий для молодежи в правовой, экономической и иных сферах жизни.

В современной литературе сложилось множество подходов к определению понятия «государственная молодежная политика».

Как отмечает З.А. Зумакулова «экстернально-политический подход интерпретирует государственную молодежную политику с точки зрения экономического, культурного и национального развития Российской Федерации. Согласно этому подходу, государственная молодежная политика представляет собой целостную систему мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, информационного, кадрового характера, направленных на создание необходимых условий для выбора молодыми гражданами своего жизненного пути и сознательного участия в возрождении России.

В рамках институционально-социального подхода государственная молодежная политика – это деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных институтов, условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив, в том числе в самоорганизующемся гражданском обществе»[1].

В документе «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) государственная молодежная политика рассматривается как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене»[2].

На современном этапе основные положения государственной молодежной политики в Российской Федерации определены «Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», целями которой являются совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. В основах государственной молодежной политики определены приоритетные задачи, предусматривающие ряд мероприятий, направленных на совершенствование социально-экономических, правовых и организационных условий.

Сегодня, в условиях сложившегося федеративного устройства государства, государственная молодежная политика реализуется на всех трех уровнях управления, где учитываются специфика и особенности уровневого механизма ее реализации, ресурсная база и доля представительства молодежной группы в данном процессе.

Система управления государственной молодежной политикой на федеральном уровне представляет собой многоуровневый процесс, включающий деятельность всех ветвей власти. Практически все федеральные министерства и ведомства в той или иной степени занимаются решением проблем молодежи. Главным механизмом участия в решении проблем молодежи является реализация ими социальных программ, по которым они выступают генеральными заказчиками, включая в свои социальные программы подпрограммы, а также разделы по работе с молодежью.

---

[1] Зумакулова З.А. Роль и значение молодежи в структуре гражданского общества // Вопросы экономики и права. 2015. – № 1. – С. 23.

[2] Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года – http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf

«Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России на среднесрочную перспективу, государственная молодежная политика в Российской Федерации будет реализована по следующим приоритетным направлениям:

– вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития;

– развитие созидательной активности молодежи;

– интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества»[1].

Система управления государственной молодежной политики на региональном уровне включает в себя, прежде всего, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В каждом субъекте Российской Федерации имеются свои региональные органы, осуществляющие молодежную политику. В Забайкальском крае основным органом власти, осуществляющим молодежную политику является Министерство образования, науки и молодежной политики Забайкальского края. Это исполнительный орган государственной власти Забайкальского края, который вырабатывает и реализует государственную политику; осуществляет управление в сфере образования, науки, молодежной политики, социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа в возрасте до 23 лет; осуществляет нормативное правовое регулирование в пределах установленных полномочий.

Министерство осуществляет свои полномочия по трем направлениям: образование, наука и молодежная политика. В области молодежной политики Министерство:

– осуществляет региональные и межмуниципальные программы и мероприятия по работе с детьми и молодежью;

– определяет и реализует основные направления работы с молодежью в целях обеспечения соблюдения прав молодежи, обеспечения гарантий в сфере труда и занятости, содействия предпринимательской деятельности молодежи, формирования условий, направленных на ее физическое и духовное развитие, оказания государственной поддержки молодой семье, талантливой молодежи, деятельности молодежных и детских объединений;

– вносит в установленном порядке предложения по правовому регулированию вопросов, затрагивающих интересы детей и молодежи;

– вносит и в пределах своих полномочий реализует предложения по определению мер обеспечения дополнительных социально-экономических и правовых гарантий в области труда и занятости молодежи, предпринимательской деятельности молодых граждан, предоставления им социальных услуг, поддержки молодых семей, талантливой молодежи, создания условий для физического и духовного развития молодежи, для деятельности молодежных и детских объединений;

– организует проведение научных исследований в целях реализации молодежной политики;

– организует привлечение внебюджетных источников финансирования инновационных молодежных и детских программ;

– в пределах своих полномочий осуществляет контроль за соблюдением законодательства о молодежи всеми юридическими лицами независимо от форм собственности, гражданами.

Приоритетными направлениями региональной молодежной политики в Забайкальском крае являются научные, спортивные, политические и творческие мероприятия для молодых и талантливых, число которых за последние несколько лет увеличилось. Сегодня, молодежная политика Забайкальского края реализуется по четырем направлениям:

1. Поддержка талантливой молодежи;
2. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи;
3. Содействие вторичной занятости молодежи;
4. Поддержка молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации.

Результатами совместной деятельности исполнительных и законодательных органов Забайкальского края являются принятые еще в 2010–2011 гг. краевые целевые долгосрочные программы:

– «Допризывная подготовка и патриотическое воспитание молодежи Забайкальского края», разработанная в целях развития краевой системы допризывной подготовки и патриотического воспитания молодежи Забайкалья;

«Жилище», целью которой является комплексное решение проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечивающее доступность жилья для граждан с различным уровнем дохода;

«Молодежь Забайкалья» создана для оказания помощи молодежи при трудоустройстве, проведения консультаций по вопросам жилищного законодательства, воспитания детей.

Важнейшими событиями последних лет в развитии краевой молодежной политики стали мероприятия Всероссийского года молодежи и заседание Консультативного Совета глав муниципальных образований Забайкальского края, в ходе работы которого было проанализировано состояние молодежной политики в крае, выработаны предложения и рекомендации по ее дальнейшему совершенствованию на региональном и муниципальном уровнях.

На муниципальном уровне молодежная политика воплощается:

– в реализации региональных программ «Молодежь» и разработанных на их основе муниципальных программ;

– в обеспечении выполнения постановлений и решений вышестоящих органов государственной власти и органов местного самоуправления, касающихся решения молодежных проблем;

– в разработке проектов нормативных документов, подготовке проектов решений и постановлений органов местного самоуправления по вопросам молодежной политики;

---

[1] Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г.). – http://pandia.ru/text/80/116/44533.php

– в организации информирования молодежи о наличии возможностей реализации её интересов в сфере трудоустройства, образования, профориентации и профессиональной подготовки, культуры, досуга, спорта и туризма;

– в организации работы по реализации принятых программ, решений по проблемам молодежи;

– в участии в заседаниях комиссии по делам несовершеннолетних, подготовка вопросов на заседание комиссии;

– в организации на территории городского поселения мероприятий для подростков и молодежи, детских праздников;

– в координации взаимодействия с общественными организациями молодежи, школьников, Советом воинов-интернационалистов, общественными движениями, оказании им помощи;

– в реализации Конституционных прав и интересов молодежи;

– в организации конференций, семинаров, совещаний по вопросам молодежной политики;

– в участии в обеспечении оздоровления, отдыха, занятости молодежи, координации усилий всех ведомств в предупреждении правонарушений молодежи.

Муниципальная молодежная политика как самостоятельная отрасль деятельности была выделена с начала становления местного самоуправления. Ее роль, положение, функции вытекают из задач местного самоуправления (укрепление стабильности территориальных сообществ, повышение качества жизни населения, его жизнеобеспечения), определяется близостью этого уровня власти нуждам, потребностям, проблемам и интересам населения.

Главным условием реализации Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Закон о МСУ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ принятого Государственной Думой Федерального Собрания РФ 16.09.2003 года является осуществление проявленной населением инициативы в самостоятельном решении местных проблем через органы местного самоуправления. Под этим углом зрения муниципальная молодежная политика определяется как интеграция усилий различных субъектов социальной жизни: органов государственного и муниципального управления, общественных объединений, граждан, предприятий различных форм собственности. На уровне муниципальной молодежной политики есть реальная возможность осуществить принцип адресности, создать условия для реализации интересов молодых граждан и социальных групп. На муниципальном уровне особенно ощутимы различия в направлениях молодежной политики. С одной стороны, это в целом позитивное явление, но, с другой стороны, молодежная политика ограничивается отдельными вопросами, а молодежь – объект этой политики, не получает целостного решения своих жизненно важных проблем.

Конкретное выражение муниципальной молодежной политики определяется сложившимся образом жизни населения, культурно-историческими традициями, социально-политической ситуацией и зависит от характера самоопределения города в региональном, российском, наднациональном пространствах.

Муниципальная молодежная политика является продолжением государственной молодежной политики и составной частью муниципальной социальной политики, в основу понимания которой положено определение молодежи как одного из основных социальных факторов, необходимых для целей развития и технического прогресса общества. Формируя свое мировоззрение, молодежь задает направленность социально-экономического развития общества.

Молодое поколение нашего общества живет в постоянно меняющемся мире. Происходят изменения не только социально-экономические, но меняются ценности и убеждения молодежи. Социологическое исследование, проведенное Молодёжным парламентом при Законодательном Собрании Забайкальского края показало, что социальные ценности молодежь ранжирует следующим образом: наличие крепкой семьи и хороших детей; материальное обеспечение; здоровье и силы; более оптимистическое отношение к будущему; наличие веры в свои силы.

Положение молодежи в обществе определяется рядом объективных и субъективных факторов, среди которых – уровень материальной обеспеченности, возможность получить образование, сделать карьеру, реализовать свои гражданские права и социальные гарантии. Материальное положение молодежи во многом определяет его социальное самочувствие.

Молодежь, в основном, не придерживается идеи равенства, хотя считает, что государство должно смягчить неравенство, причину бедности молодое поколение видит как в личных качествах неимущих людей, так и в наличии объективных условий. В связи с этим возрастает необходимость поддержки органами местного самоуправления мер по реализации муниципальной молодежной политики.

Сегодня в городском округе «город Чита» продолжается работа по реализации молодежной политики, направленная на создание условий для успешной социализации, эффективной самореализации молодежи, раскрытие ее потенциала и поддержки талантливых детей и молодежи и привлечение наибольшего числа инициативных людей.

Так, по данным отчета[1] Руководителя Администрации городского округа «город Чита» на эти цели в 2015 году направлено средств в объеме 1,2 млн. руб. В рамках реализации молодежной политики, были проведены следующие мероприятия:

– конкурс «Сохраним будущее», «Живи, Россия» – в финале конкурса приняло участие 500 человек из 80 учреждений города;

– конкурс социальной рекламы – в конкурсе приняли участие 10 образовательных организаций;

– конкурс лидеров школьного самоуправления «Прорыв 2015» в рамках поддержки талантливой молодежи;

– форумы «Чита – город молодых» и «Молодежь за здоровый образ жизни!»;

[1] Отчет Руководителя Администрации городского округа «город Чита» о результатах своей деятельности и о результатах деятельности Администрации городского округа «город Чита» в 2015 году.

– летняя профильная школа молодежного актива «Смена», в ходе которой проведены различные мастер-классы, как творческого содержания, так и по написанию социальных проектов, направленных на поддержку и развитие молодежных инициатив в городе;

– акции по профилактике алкоголизма и наркомании, токсикомании и СПИДа, «Чита – это наш с тобой город», «Весенняя Неделя Добра» под девизом «Мы вместе создаем наше будущее!» (в акции приняли участие более 5 тысяч человек, собрано около 10 тонн вещей и направлено погорельцам и нуждающимся семьям города и края), в рамках экологических десантов в период «Весенней недели добра» (убрано более 40 тонн мусора);

– месячник военно-патриотического воспитания, проведение военно-патриотических игр «Служить отчизне готов» (веревочный курс допризывника) и «За гранью» (марш-бросок и школа безопасности). Приняло участие около 100 человек, среди которых школьники, студенты, работающая молодежь.

Создан Муниципальный штаб регионального отделения волонтерского корпуса «Волонтеры – 70», который активно принимал участие во всех мероприятиях, посвященных празднованию 70-летия Победы. Студенты образовательных организаций системы среднего и высшего профессионального образования принимали активное участие в эколого-патриотической акции «Я помню! Я горжусь!» по благоустройству памятных мест Читы.

За отчетный период на 20% выросло количество волонтерских отрядов, увеличилось число инициативной молодежи, желающей активно участвовать в реализации молодежной политики на территории города Чита.

Число общественных объединений и организаций, зарегистрированных в Забайкальском крае, составляет 470 объединений по состоянию на 2016 год, из них 73 общественных объединения, уставы которых предусматривают участие в выборах. В Забайкальском крае на долю общественных организаций приходится 66% (310 организаций) от общего количества зарегистрированных общественных объединений, на второе место выходят иные виды общественных объединений – 30% (143 объединения), из которых большую часть так же, как и в России в целом, составляют профессиональные союзы – 89% (127 союзов).

В Забайкальском крае активизировалась деятельность студенческих отрядов, которых студенты могут участвовать в творческой, социально полезной, социально значимой деятельности в свободное от учебы или основной работы время. Особенностью отрядного движения в Забайкальском крае является широкий спектр направлений деятельности студенческих трудовых и волонтерских отрядов, что позволяет удовлетворить различные интересы (см. рис. 1).

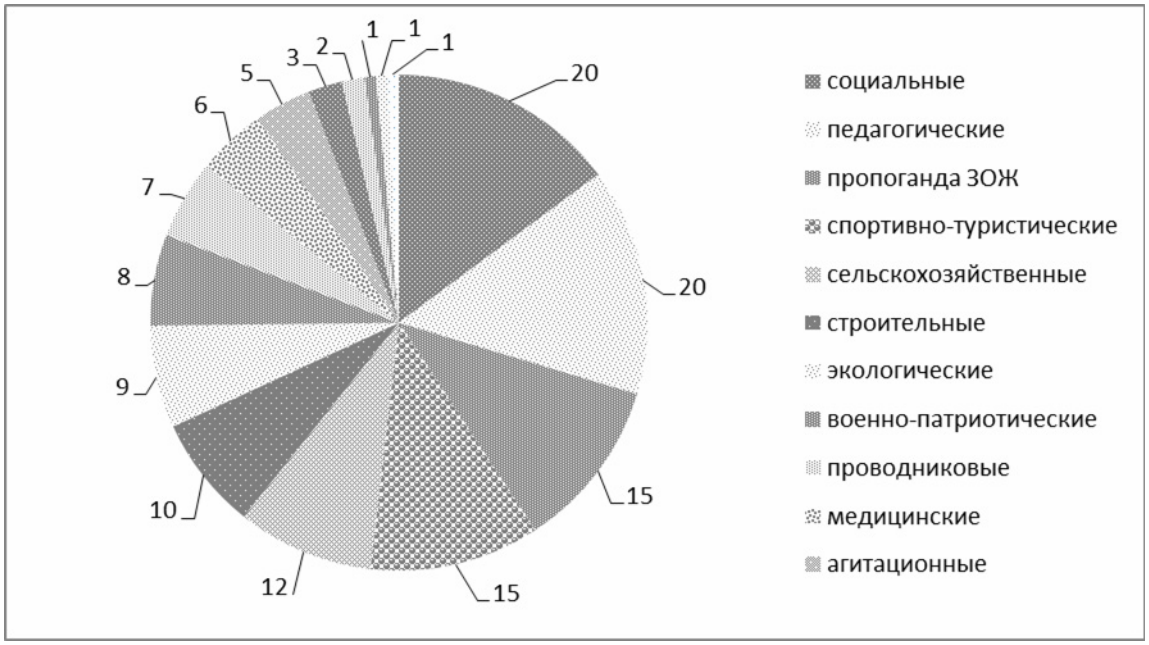


Рисунок 1.
Направления деятельности студенческих отрядов Забайкальского края

На территории Забайкальского края осуществляет свою деятельность Молодежная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды» (МООО «РСО»). По данным Забайкальского регионального отделения МООО «РСО» в Забайкальском крае на 2015 год зарегистрировано 14 студенческих отрядов, в деятельности которых участвуют 500 бойцов.

С образованием в 2013 году Забайкальского регионального отделения молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды» (далее – МООО «РСО») была составлена его программа развития на 2014–2016 годы.

Мероприятия программы разработаны по двум ключевым направлениям:

– создание условий для развития Забайкальского регионального отделения МООО «РСО»;

– проведение мероприятий, направленных на развитие движения студенческих отрядов в Забайкальском крае.

В период с 2014-2015 год Забайкальским региональным отделением МООО «РСО» были организованы такие мероприятия как:

– Методические семинары «Настройся на будущее»;

– I Слет студенческих отрядов Забайкальского края – 2014;
– Фестиваль творчества. День Рождения Забайкальского краевого студенческого отряда – 2014;
– Акция «Георгиевская ленточка»;
– Спартакиада «Спортивный двор – 2015»;
– II Слет студенческих отрядов Забайкальского края – 2015;
– Региональная школа подготовки командного состава студенческих отрядов Забайкальского края.
– Участие во многих других мероприятиях и шествиях, посвященных 9 мая, дню города[1].

Взаимодействуя между собой, с различными организациями, учреждениями студенческие отряды осуществляют свою деятельность круглый год. Набирают новых бойцов отряда, участвуют в акциях, семинарах, тренингах, каждый год проходят обучение, накапливают опыт и применяют его на практике в летний период времени. Тем самым студенческим отрядам каждый год предстоит взаимодействовать с работодателями, в особенности педагогическому направлению с работодателями детских спортивных, оздоровительных и др. лагерей. Таковых, к сожалению, на сегодняшний день не так уж и много:

– спортивно-оздоровительный лагерь «Арахлей»
– детский оздоровительный лагерь «Серебряный бор»
– детский оздоровительный лагерь им. М.В. Фрунзе.

Для эффективного взаимодействия с работодателями планируется заключить соглашение с Торгово-промышленной палатой Забайкальского края и Объединением работодателей Забайкальского края.

Одной из основных задач является обеспечение равных возможностей для вступления в РСО и участие в движении студенческих отрядов для всех студентов, вне зависимости от места их обучения. Такое равенство необходимо достигать путем выстраивания эффективных взаимоотношений со всеми учреждениями высшего и среднего профессионального образования. Важным вопросом взаимодействия является совмещение графика работ с учебным планом образовательного учреждения.

В связи с этим на базе учебных заведений планируется создание структурных подразделений забайкальского регионального отделения – штабов студенческих отрядов в учреждениях профессионального образования. Поэтому одним из важных механизмов выстраивания эффективных взаимоотношений с учреждениями высшего и среднего профессионального образования является заключение и реализация соглашения с Советом ректоров учреждений высшего профессионального образования Забайкальского края и Советом директоров учреждений среднего профессионального образования Забайкальского края.

В целях развития кадрового потенциала, повышения политической и социальной активности молодежи, повышения уровня образованности в молодежной среде, обеспечения инициативного участия молодежи в общественной жизни края, установления конструктивного диалога с органами власти в Забайкалье создаются Советы молодых специалистов. На протяжении ряда лет в регионе успешно развивается движение молодых учителей. Один из традиционных проектов для молодых педагогов «Летняя школа», который в 2011 году прошел в новом формате. Он получил статус межрегионального мероприятия и новое наименование – «Летняя школа молодого ученого, педагога – исследователя и лидера в молодежной политике».

Кроме Забайкальского совета молодых педагогов, в крае работают:

- Забайкальский совет молодых государственных гражданских служащих;
- Молодежный совет Федерации профсоюзов Забайкалья (МС ФПЗ);
- Молодежный координационно-совещательный орган – Совет молодых специалистов филиала ОАО «МРСК Сибири» – «Читаэнерго»;
- Дорожный совет молодых специалистов Забайкальской железной дороги;
- Клуб молодых хореографов;
- Совет молодых ученых и специалистов Забайкальского края;
- Совет молодых специалистов Министерства финансов Забайкальского края;
- Совет молодых специалистов территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю;
- Совет молодых экономистов и многие другие.

Несмотря на положительную динамику и достигнутые результаты в ряде направлений остается нерешенным ряд проблем.

Сегодня лишь в 34 муниципальных образованиях края работают специалисты по делам молодежи. Чаще всего они курируют также вопросы образования или вопросы культуры. В таких условиях обеспечивать эффективную реализацию молодежной политики на местах крайне сложно. Поэтому развитие кадрового потенциала сферы муниципальной молодежной политики является одной из приоритетных задач Минобразования Забайкальского края. В связи с этим ежегодно реализуется комплекс мероприятий, направленных на развитие профессиональных компетенций специалистов молодежной сферы, лидеров общественных объединений.

Другой проблемой реализации муниципальной молодежной политики является характер ее реализации на муниципальном уровне. В муниципальных образованиях Забайкальского края финансирование сферы молодежной политики осуществляется за счет муниципальных целевых программ. Так, например, по состоянию на 20 марта 2012 года соответствующие программы были приняты только лишь в 11 муниципальных образованиях (г. Чита, г. Петровск-Забайкальский, Алек-Заводский район, Балейский район, Дульдургинский, Кыринский, Нерчинский, Тун-

[1] Забайкальский Краевой студенческий отряд. – www.zabkso.212d.ru/

гокоченский, Хилокский, Шилкинский, Приаргунский районы), разрабатывались муниципальные программы в 5 муниципальных образованиях (Читинский, Сретенский, Агинский, Могойтуйский районы, п.Агинское), финансировались программы в 8 муниципальных образованиях (г.Чита, Алек-Заводский район, Балейский район, Дульдургинский, Кыринский, Нерчинский, Тунгокоченский, Хилокский, Шилкинский, Приаргунский районы) в 2-х муниципальных образованиях программы были приняты, но не финансировались (г. Петровск-Забайкальский, Хилокский район). Поэтому в силу отсутствия финансовых ресурсов у Администраций муниципальных образований Забайкальского края и кадрового дефицита реализация молодежной политики существенно ограничена, следовательно, и дальнейшее ее развитие значительно затруднено. Также, существенными факторами, влияющими на реализацию государственной молодежной политики, являются миграция молодежи и изменение ценностных ориентаций.

Таким образом, реализации муниципальной молодежной политики свойственны следующие проблемы в работе с молодежью:

– узковедомственный, отраслевой подход;

– недостаточная степень информационной открытости о реализуемых проектах и программах, о результатах деятельности органов власти в рамках приоритетных направлений государственной молодежной политики;

– автономность в отношениях с органами по работе с молодежью;

– разобщенность, отсутствие общих подходов, нескоординированность деятельности структур по работе с молодежью, органов самоуправления города;

– отсутствие муниципальных нормативно-правовых актов и стандартов социальной поддержки молодежи;

– слабая материально-техническая база.

Решение проблем молодых граждан предполагает качественную подготовку специалистов для работы с молодежью, подготовку государственных и муниципальных служащих органов по делам молодежи.

На основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что для развития молодежной политики Забайкальского края необходимо решение ряда проблем. Во-первых, без федерального закона о молодежи трудно говорить о молодежной политик как таковой, поскольку молодежная политика должна отражать стратегическую линию государства и представлять собой целостную систему мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, информационного, кадрового характера, направленных на создание необходимых условий для выбора молодыми гражданами своего жизненного пути. Во-вторых, необходимы квалифицированные специалисты и отделы по работе с молодежью на муниципальном уровне, которые были бы заинтересованы этой деятельностью и были бы открыты для диалога с молодым населением. В-третьих, необходимо создание учреждений по работе с молодежью в муниципальных образованиях, основной целью которых должно быть привлечение молодежи к совместной проектной деятельности, участию в грантах, что будет способствовать повышению уровня общественно-политического участия молодежи с одной стороны, и приобретению практического опыта, с другой.

Медведева Л.Н.
д.э.н., профессор Волжского политехнического института (филиал ВолгГТУ), г. Волгоград
milena-med@yandex.ru
Ковалев С.П.
н.с. ВНИИОЗ, г. Волгоград
Медведев А.В.
аспирант Волгоградского государственного аграрного университета

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ БИЗНЕС – ГРУПП

Ключевые слова: *молодежное предпринимательство, возрастные группы, государственная поддержка, проекты законов по молодежному предпринимательству, технопарк.*
Keywords: *youth entrepreneurship, age groups, government support, the draft laws on youth entrepreneurship, technology park.*

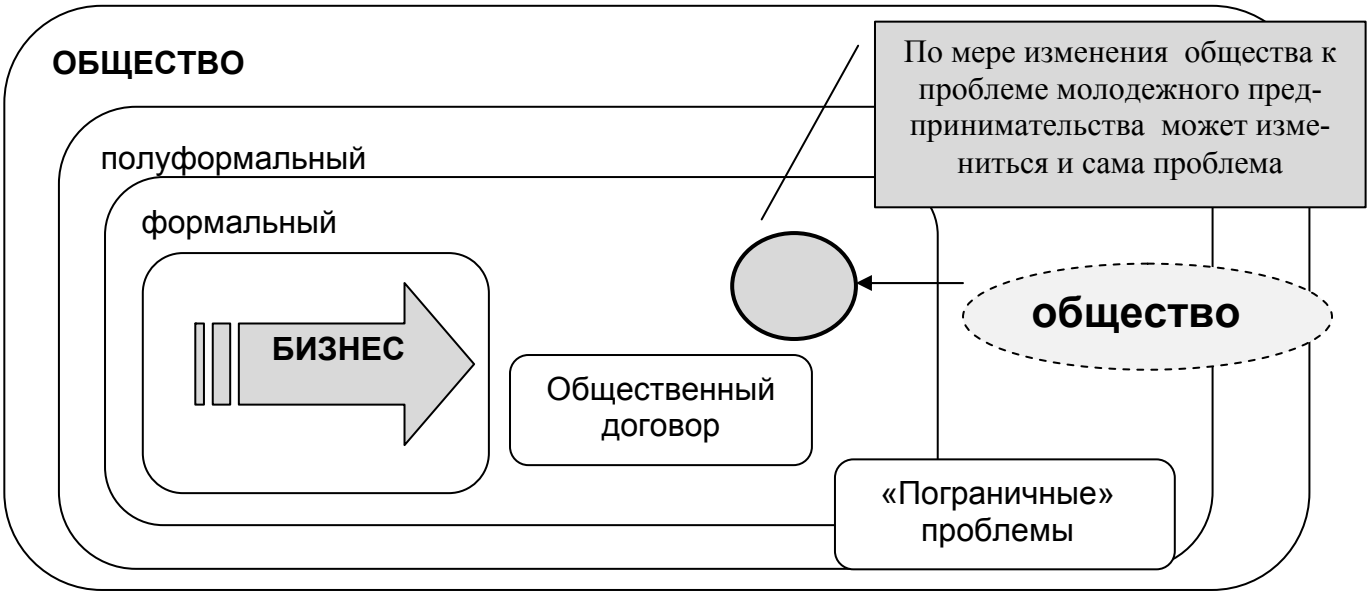
Мировой опыт свидетельствует о том, что малый бизнес является важнейшим сегментом современной рыночной экономики, в котором сосредоточена значительная часть национальных богатств мира. Располагая значительной ресурсной базой, малый бизнес оказывает огромное влияние на характер социально-экономического развития конкретной территории. Личный бизнес формирует у граждан ценностные установки, важные для утверждения рыночных институтов, развивает правовое сознание, инициативу, готовность к риску и принятию самостоятельных решений. Благодаря малому предпринимательству в сферу бизнеса вовлекаются широкие слои населения, в том числе и молодежь. Молодое поколение, являясь «носителем новых идей», является базисом для развития инновационного предпринимательства. Уступая крупному бизнесу в стратегическом развитии, малый бизнес в качестве компенсации активно и умело использует в своей хозяйственной практике особые, «нетрадиционные» ресурсы, слабо используемые корпоративным бизнесом.

Высокий предпринимательский дух, находящий проявление в постоянной готовности проявлять инициативу, идти на риск, активно использовать еще не апробированные инновации и опирающийся на такие психологические качества малых предпринимателей, как сильная воля, уверенность в своих силах, целеустремленность, упорство, настойчивость, способность работать, не считаясь со временем. Привлекательность выражается понятием «аттрактор» (от англ. attract – привлекать, притягивать). В экономике каждый из объектов малого бизнеса обладает разным уровнем привлекательности для трудовых ресурсов. Научные исследования показывают, что не более 10–15 процентов работоспособного населения склонно к предпринимательству. Даже при наличии способностей к предпринимательской деятельности молодой человек должен «смочь» стать предпринимателем. В России в настоящее время существует ряд государственных структур, курирующих молодежную политику (Администрация Президента России; Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ; Министерство образования и науки РФ; Комитет ГД по физической культуре, спорту и делам молодежи; Федеральное агентство по делам молодежи), однако, системного подход в развитии молодежного предпринимательства не наблюдается. Как результат, не существует четко сформулированной политики, определяющей цели и задачи развития молодежного предпринимательства [6].

Обратимся к международному опыту. Большинство молодежных общественных организаций берут на себя обязательства по налаживанию взаимодействия между молодыми предпринимателями, по организации обучения и консультирования начинающих предпринимателей. Так, при Федеральной палате экономики Австрии действует специальная организация Молодая экономика Австрии, которая информирует своих членов об интересных событиях и встречах в области бизнеса, проводит опросы на важные экономико-политические темы с целью мониторинга пожеланий молодежного предпринимательства. Объединяет молодых предпринимателей Германии на федеральном уровне – Wirtschaftsjunioren Deutschland (WJD). Членами организации могут быть молодые предприниматели в возрасте до 40 лет. Перед WJD поставлена задача повышению конкурентоспособности германского предпринимательства. Помогает молодым немцам вести бизнес – Союз молодых собственников семейных предприятий Германии. В Италии действует Ассоциация молодых предпринимателей, которая содействует продвижению предпринимательских идей в молодежной среде. Фонд молодежного предпринимательства Канады всемерно содействует молодым предпринимателям в создании и развитии бизнеса [10]. В ряде университетов помимо профильных факультетов имеются бизнес-школы, на базе которых осуществляется поствузовское образование в области малого бизнеса. Федерация молодых предпринимателей Японии объединяет предпринимателей до 45лет и является структурным подразделением ТПП [3, 5, 6]. Международная практика показывает, что важную роль в развитии молодежного бизнеса во многих странах мира играют национальные ТПП.

Современная молодежь испытывает наибольшую потребность в развитии своих профессиональных навыков в предпринимательстве, а также в совершенствовании личных качеств – уверенности в себе, творческого подхода, готовности идти на риск. Проводимые в России социологические опросы студентов показывают, что до 10% из них думают о создании собственного предприятия. В связи с этим поддержка общества и государства необходима уже с момента осознания молодым человеком, что он хочет заниматься собственным бизнесом. Первый документ, в котором упоминалось «молодежное предпринимательство» – Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Основные направления государственной молодежной политики Российской Федерации» [9]. В разделе «Содействие предпринимательской деятельности молодежи» впервые предлагалось создать систему мер, направленную на реализацию инновационного потенциала молодежи, облегчение стартовых условий вхождения молодых граждан в рыночные отношения.

Предлагалось установить правовой статус молодежного, студенческого и ученического предприятия и предоставить ряд субсидий и налоговых льгот. В современных условиях понятие «предпринимательство», без учета «молодежного», дано в ст. 2.1 ГК РФ: «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Малый и средний бизнес в стране регулируется Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в редакции с изменениями и дополнениями). Отношения между гражданским обществом и малым бизнесом представляют договор, который может быть формальным и полуформальным, и отражать сложившиеся условия ведения бизнеса (см. рис 1) [1,7].



Формальный договор	*Полуформальный договор*	*«Пограничные» проблемы*
Требования по поддержке молодежного предпринимательства изложены в законодательных актах: *– правовые нормы;* *– налоговая политика*	*Предсказуемые ожидания:* *– следование мировым стандартам по развитию молодежного МСП*	*Молодежные проблемы, в отношении которых у общества может оформиться определенные ожидания*

Рисунок 1.
Общественный договор между властью и предпринимательством и гражданским обществом по обеспечению условий для развития бизнеса

В настоящее время Федеральные законы не выделяют молодежное предпринимательство в отдельную категорию, предоставляя ему поддержку на общих основаниях с другими субъектами малого предпринимательства. В 2016 году Проект закона «О государственной поддержке молодежного предпринимательства» был представлен в Госдуму. В проекте предусматриваются конкретные меры помощи молодым начинающим бизнесменам, в числе которых трехлетние налоговые каникулы; освобождение от всех социальных взносов на 10 лет; освобождение от государственной пошлины за регистрацию самих ИП и малых предприятий. Документ определяет размер и порядок получения различных дотаций и грантов на развитие приоритетных отраслей молодежного предпринимательства. По мнению авторов, представителей «ПАРТИИ РОСТА», данный законопроект позволит практически вдвое увеличить долю малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте с 20 до 40% к 2020 году.

Второй проект, который был разработан ТПП РФ, определяет Стратегию развития молодежного предпринимательства в России до 2020 года. В нем основные направления поддержки молодого предпринимательства сводятся к

созданию условий для активной молодежи, желающей вести предпринимательскую деятельность. В число ключевых задач входят меры, направленные на популяризацию предпринимательской деятельности среди молодежи, формирование предпринимательской среды; отбор перспективных предпринимательских идей; профильное обучение; приобретение молодыми людьми навыков ведения бизнеса; создание системы информационной поддержки молодежного предпринимательства; организация коммуникационных, консультационных площадок для успешных молодых предпринимателей. В проекте в рамках реализации мероприятий по законодательной деятельности планируются меры, направленные на установление правового статуса молодежного, студенческого и ученического предприятия; предоставление единовременных субсидий для реализации молодежных проектов; освобождение малых молодежных инновационных предприятий от уплаты налога на прибыль организации (налоговые каникулы) в течение первых 2 лет работы, а также уплату 50% суммы налога – в последующие два года; установление размера транспортного налога – 0% в течение первых 3 лет деятельности МИПов, созданных при вузах и НИИ; установление ставки по социальным страховым платежам в размере 14%; введение сниженной ставки НДС на все операции, связанные с реализацией инновационной продукции; разработка нормативного правового акта, предусматривающего компенсацию расходов (до 70%) малых инновационных компаний, созданных молодыми людьми, связанных с оценкой объектов интеллектуальной собственности и регистрацией патентов, товарных знаков. Предлагаемая обучающая программа: «Основы предпринимательства» предназначена для различных групп молодежи: школьников старших классов, студентов, молодых людей на безвозмездной основе. В обоих проектах законов о молодежном предпринимательстве представлены понятия, которые раскрывают суть молодежного предпринимательства.

Так, молодежь – социально-демографическая группа граждан РФ, постоянно проживающих на территории России, в возрасте от 14 до 35 лет; молодой предприниматель – физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, возраст которого не превышает 35 лет и средний возраст штатных сотрудников не превышает 35 лет; молодежное предприятие – юридическое лицо, отнесенное к малым предприятиям, в том числе и к микропредприятиям в соответствии с критериями № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в котором для юридических лиц средний возраст штатных сотрудников – до 35 лет и возраст руководителя – до 35 лет, а доля вкладов лиц в уставном (складочном) капитале до 35 лет превышает 75%; молодежное предпринимательство – осуществление гражданами Российской Федерации в возрасте до 35 лет, а равно юридическими лицами – субъектами малого предпринимательства, отвечающими следующим условиям: средний возраст штатных сотрудников – до 35 лет; возраст руководителя – до 35 лет; в уставном капитале, если он предусмотрен организационно-правовой формой юридического лица, доля вкладов лиц не старше 35 лет превышает 75%. Исходя из основных положений предлагаемых проектов можно считать, что молодежное предпринимательство в России определяется в возрастных границах от 18 до 35лет [1, 2, 4, 5]. В сравнении с развитыми странами возраст молодого предпринимателя уменьшен на 5 лет, что ничем не оправдано. Даже в установленном диапазоне (от 18 до 35 лет), временной разбег крайне неоднороден и имеет свои внутренние подгруппы, что не дает оснований относиться к «молодежному предпринимательству» как к однонаправленному вектору развития молодежного бизнеса. В международной практике под «молодым предпринимателем» понимается не физиологический возраст человека, а срок деятельности его организации, и это обычно до 6 лет. Все исследования вокруг молодежного предпринимательства сводятся к решению двух важных вопросов: первый – выявление реперных точек для проведения целевого финансирования или организации научно-просветительского образования для молодых людей; второе – определение периодов для оптимизирования государственного и частного финансирования и субсидирования молодежного предпринимательства. Несмотря на многочисленные истории успеха предпринимательских фирм, результаты большинства исследований показывают, что в первые годы существования молодой предприниматель подвержен высокому риску неудачи: примерно одна из пяти молодых организаций терпит неудачу, а 2/3 молодых предприятий закрываются в течение первых семи лет.

Волгоградская область входит в состав Южного федерального округа. Развитие и поддержка МСП в области входит в число приоритетных направлений региональной политики. В 2015 году по ряду показателей наблюдалась положительная динамика – увеличилось количество индивидуальных предпринимателей, выросли налоговые поступления по специальным режимам налогообложения. Положительная тенденция в сегменте МСП области является результатом созданной системы поддержки малого бизнеса, которая включает в себя реализацию подпрограммы «Развитие и поддержка МСП в Волгоградской области» государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» и привлечение средств федерального бюджета. В 2015 году расходы на реализацию подпрограммы составили – 484,5 млн. рублей. Финансовая поддержка осуществлялась в форме субсидий для возмещения понесенных затрат: по договорам лизинга; на приобретение оборудования и модернизацию производства; на начало предпринимательской деятельности и участие в выставочно-ярмарочных мероприятиях. Региональная инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства включает: НП «Региональный гарантийный фонд», ГФ «Региональный микрофинансовый центр», ГАУ «Волгоградский областной бизнес-инкубатор», Центр инжиниринга.

Волжским политехническим институтом (филиал ВолгГТУ) с марта 2014 по март 2015 года проводилось исследование по состоянию малого бизнеса в области. Было опрошено 1045 человек. Собираемая информация включала в себя: возраст опрашиваемого; дата открытия бизнеса; дата завершения бизнеса; вид бизнеса; уровень прибыльности. Все участника опроса были поделены на три базисные группы:

Возрастная группа	Процент от общей выборки
Первая – от 18 до 23	19%
Вторая – от 23 до 27	45%
Третья – от 27 до 35	36%

Первая возрастная группа: 18–23 года. В данной возрастной группе перед участниками стоит задача по созданию фирмы и поиску собственной ниши на рынке. В отличие от зрелых компаний, которые уже нашли свое место на рынке и адаптировались к бизнес-среде, молодые компании находятся в наименее выгодном положении. Отличительной особенностью данной группы является начало предпринимательской деятельности, период накопления знаний и практических компетенций. Доля респондентов этого периода в общей выборке составила 19%. Движущей силой этой группы является стремление к выражению собственной индивидуальности и независимости. Причем это не всегда связано с достижением значимых коммерческих результатов. Поэтому доля закрытых предприятий наиболее высока по отношению к другим возрастным группам – около 70%. Те, у кого не получилось сохранить бизнес, отрицательно высказываются по поводу нового бизнеса в будущем. Главной проблемой данной группы является максимальная подверженность внешним обстоятельств. Отсутствие среднесрочного и долгосрочного планирования ставит эту группу в зависимость от внешних факторов. Поэтому с точки зрения финансовой поддержки (посевных инвестиций) данная группа наименее перспективна. Основным направлением их поддержки является информационное обеспечение и коммуникационное обслуживание.

Вторая возрастная группа: 23–27 лет. Характерной особенностью второй группы является наличие у опрашиваемых базового образования, которое начинает определять выбор деятельности. Бизнес строится по принципу: «делай бизнес с друзьями по институту». В этой категории основным стимулом развития собственного бизнеса становится не самоутверждение, а выбор между работой на кого-то или на себя. Именно этот момент разделяет людей, которые, получив образование, начинают искать работу, проходя собеседования в компаниях, или начинают своё дело. При этом наиболее успешными предпринимателями в этой категории являются предприниматели, начавшие заниматься бизнесом в предшествующий период (первая возрастная группа). Опыт имеет большое значение при принятии решений, так как без ранее полученных знаний потребуется много времени для наблюдений и изучения вопроса. Важной отличительной особенностью в диапазоне данной группе является преодоление точки «2П» (прибыль или перспектива); когда роль прибыли начинает доминировать перед будущей перспективностью и собственным интересом в деле. Именно в этот момент респондентами было отмечено: «что они занимаются не тем, чем хотят, а то, что наиболее прибыльно на данный момент». Такой подход связан с появлением семей и переходом в другие социальные группы, требующие стабильного дохода. Тем не менее, именно в этой группе происходит формирование наиболее устойчивых и прибыльных бизнесов. Это обусловлено несколькими факторами: роль прибыли постепенно теряет статус доминирующей; потери от бизнеса не превышают допустимого уровня невозврата долговых обязательств; свобода выбора в принятии решений без сильных ограничений со стороны деловых партнеров. Принято считать, что именно в молодых предпринимательских фирмах создаются радикальные инновации. Однако по мере увеличения возраста % проведения рискованных стратегий начинает сокращаться, делая выбор в пользу умеренных стратегий ведения бизнеса. Явные конкурентные преимущества при этом начинают получать: торговый, производственный и агентский бизнес. Ещё одной отличительной чертой данной группы является формирование партнерских отношений и коллективное ведение бизнеса, привлечение собственных и опосредованных материальных и нематериальных капиталов. При изначальном инвестировании личных средств предпринимателя или средств, заимствованных у родственников, постепенно дальнейшее развитие требует значительного заимствованного капитала. В этот период некоторым молодым предпринимательским фирмам удается получить государственные субсидии, что способствует высоким темпам развития и роста, и именно в этом моменте данная возрастная группа наиболее отзывчива на вложения инвестиций. Ведь именно в этой группе формируются наиболее перспективные направления, которые в последующем способны развиться в крупный бизнес. Для этой возрастной группы очень важно финансовое и организационно-административное стимулирование.

Третья возрастная группа: 27–35 лет. Эта возрастная группа, закрывающая цикл молодежного предпринимательства, демонстрирует устойчивость и стабильность, в отдельных случаях – переходящую к стагнации. Объединяющим звеном является стремление к зоне комфорта, когда затраченные силы на получение прибыль не столь велики, как ранее. Если ведение бизнеса не соотносится с личностной мотивацией, то предпринимателю лучше начать работать по найму, без ведения собственного дела. По количеству открытия новых фирм, данная группа близка в первой группе. Но если в первой группе открытие происходит под действием внутренних стимулов, то открытие бизнеса в третьей группе происходит под давлением внешних обстоятельств: сокращение рабочих мест, снижение заработной платы, переезд в другую местность. При этом вновь открываемые организации имеют минимальный процент «перспективности» и «инновационности», ориентируясь на уже созданные и работающие виды бизнеса.

Выбирая наиболее безопасные стратегии и учитывая негативный опыт предшествующих компаний, данная группа является наиболее консервативной, несмотря на то, что она все ещё относится к молодежному предпринимательству. Исходя из данных исследования, можно утверждать, что наиболее интересный период для открытия собственного дела находится в диапазоне от 23–30 лет. Однако поддержка молодежного бизнеса оправдывает себя и в период до 40 лет [4,6].

Государственная поддержка молодёжного предпринимательства и малого бизнеса, является неотъемлемой частью развития экономики страны и должна основываются на принципах: комплексности; государственно-частного партнерства; приоритета общественных инициатив в области государственной политики в сфере молодежного предпринимательства; поддержки и стимулирования общественных инициатив в сфере молодежного предпринимательства; информационной открытости государственной политики в сфере молодежного предпринимательства; учёта интересов и потребностей различных групп молодежи [4]. Перспективным направлением развития молодежного предпринимательства может стать процесс интеграции предприятий и вузов на уровне региона посредством создания инновационных структур – «технопарков». Основная функция технопарков заключается в генерации, создании, выращивании и доведении научных изобретений и разработок до этапа коммерциализации, запуска в производство. В целях

ресурсного обеспечения целесообразно создание в регионах Инновационно-технологического Центра (технопарка) «Энергии будущего» как частно-государственной структуры, действующей на основе договоров (концессий). Развитость инфраструктуры технопарка, наличие современных офисных и лабораторных помещений, конференц-зала, выставочного комплекса, многофункциональной IT-площадки позволяет Центру оказывать комплекс консалтинговых услуг малым инновационным предприятиям, находящимся на территории технопарка, а также проводить обучающие семинары, организовывать выставки, презентовать новинки техники и технологий в области энергетики, совершенствовать взаимодействие банков и инвестиционных фондов с малыми инновационными предприятиями по получению кредитов и грантов. Молодые предпринимательские фирмы по праву считаются важными «двигателями» рыночной экономики. Преследуя цель выживания в условиях жесткой конкуренции, молодые компании имеют тенденцию к разработкам и представлению инновационных товаров и(или) услуг [8].

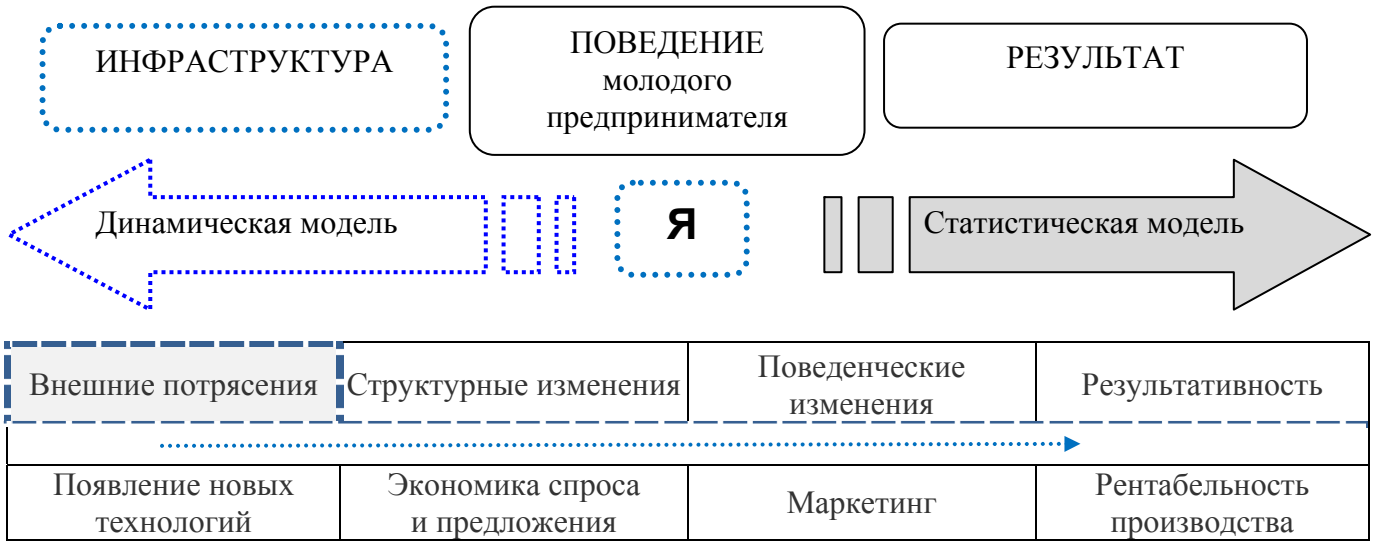


Рисунок 2.
Модель воздействия общества и рынка на молодого предпринимателя

Список литературы

1. Данные Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru
2. Колеватова А.В. Молодежь на рынке труда в современных условиях // Региональные проблемы перехода к инновационной экономике: материалы междунар. науч. конференции (вып. 11, ч. 3). – Кемерово, 2010. – С. 47–49.
3. Исследования всемирного банка: ведение бизнеса в 2014 году. – http://gtmarket.ru
4. Медведева Л.Н. Развитие малого предпринимательства (региональный аспект) /Л. Н. Медведева, И.Г. Юдаев // Предпринимательство (журнал-книга). 2010. – № 2. – С. 18–21.
5. Официальный сайт федерального агентства по делам молодежи. – fadm.gov.ru
6. Официальный сайт Всероссийского молодежного форума «Селигер». – forumseliger.ru
7. Постановление Верховного совета РФ от 3 июня 1993 года N 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации. – http://www.consultant.ru
8. Старовойтов М.К. Технопарк как форма научно-промышленной интеграции: опыт и перспективы регионов / М.К. Старовойтов, Л.Н. Медведева, Е.В. Гончарова // Региональная экономика: теория и практика. 2009. – № 33. – С. 2–10.
9. Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (2007 г., с изм. и доп.). – www.consultant.ru
10. Beekman A.V., Robinson R.B. Supplier partnerships and the small, high-growth firm: Selecting for success // Journal of Small Business Management. 2004. – Vol. 42, N 1. – P. 59–67.

Викторук Е.Н.
Москвич Ю.Н.
Ардюкова О.С.
Довыденко Л.В.[1]

СМЕНА ПАРАДИГМЫ УСПЕХА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ КРАСНОЯРСКА

Ключевые слова: *современное образование, модернизация, ценности и мотивации достижения успеха, внутренний и внешний успех, этические проблемы успеха, психология и социология успеха, глобальные вызовы.*

Keywords: *modern education, modernization, the values and motivations for success, , the internal and external motivation types of success, the ethical problems of success, the psychology and sociology of success, global challenges.*

Введение

Модернизация российского общества – сложный экономический, социальный, культурный и политический процесс, ценностные основания которого по многим причинам в настоящее время приобретают приоритетное значение. В первую очередь это связано с необходимостью перехода российской экономики на инновационный путь развития, создания новых современных отраслей промышленности. Ключевой основой нового богатства страны на этом пути развития должна стать не традиционная для России «природная рента», получаемая путем добычи и продажи с максимальной прибылью природных ресурсов, а новый источник благополучия – «интеллектуальная рента», получаемая от производства и продажи инновационных продуктов с высокой добавочной стоимостью. Основным источником доходов страны в этой связи вместо привычных «нефти и газа» должен стать сам «человек», его «природные ресурсы»: интеллект, способность создавать и принимать новое. Возникает повышенный запрос на человека-творца, человека-организатора, иными словами на активного созидательного работника с высокой внутренней установкой на личный и общий успех[2]. Грядущая новая промышленная революция[3] возможна лишь при условии новой интеллектуальной революции[4] и адаптации системы ценностных установок большого числа населения стран лидеров идущих перемен к новым требованиям. Очевидно, что степень готовности довольно значимой доли населения к таким изменениям может стать одним из факторов, лимитирующим развитие конкретной страны, конкретно выражающемся как в дефиците востребованного числа таких людей, так и в отсутствии у них необходимых ценностных установок, знаний и компетенций[5]. Исследования реального состояния человеческого капитала различных групп населения в особенности молодежи, студентов становятся крайне необходимыми не только для понимания в целом готовности населения России к работе и жизни в условиях новых перемен, но и к осознанной корректировке как опережающего, так и отслеживающего типа образовательных программ обучения, формированию новых сред учебных практик, проектной и исследовательской деятельности студентов и их адаптации к новым вызовам.

---

[1] Викторук Елена Николаевна – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии, социологии и религиоведения, Красноярский государственный педагогический университет. Профессиональные интересы: философия человека, философия науки, социальная философия, философия образования, этика. E-mail: eviktoruk @yandex.ru

Москвич Юрий Николаевич – к.ф.-м.н., профессор, зам. проректора по науке и международной деятельности, Красноярский государственный педагогический университет. Профессиональные интересы: социальная философия, социология, современное образование, культурные факторы модернизации. E-mail: yumoskvich@mail.ru

Ардюкова Ольга Сергеевна – аспирант. Профессиональные интересы: социальная философия, деловая этика, профессиональная этика, моральное лидерство. E-mail: helga_1990@list.ru

Довыденко Лариса Владимировна – аспирант. Профессиональные интересы: социальная философия, деловая этика, профессиональная этика, инновации в образовании, образование взрослых. E-mail: dovidenko.larisa@yahoo.ru

[2] Москвич Ю.Н. Творцы и созидатели нового мира: откуда пришли и куда держать путь // Осмысление глобального мира: кол. монография. – Вып. 1. – Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2007. – С. 18. – www.dialog21.ru

[3] Шваб Кл. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016; Schwab Kl. The Age of Adaptation. – https://www.project-syndicate.org/commentary/technological-economic- transformation-by-klaus-schwab-2015-02

[4] Москвич Ю.Н. Ключевые проблемы формирования устойчивого целеполагания для опережающего образования инновационной России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Часть 1. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2009; Москвич Ю.Н. Образование на пути к новым целям: взгляд из ожидаемого завтра // Вестник алтайской науки. 2009. – № 3(6).

[5] Москвич Ю.Н. Образовательная стратегия накануне новой технологической революции: роль человеческого и культурного капиталов в развитии России и её регионов // Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая: материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 14 апреля 2016 года под ред. И.Р. Лазаренко. – Барнаул: АлтГПУ, 2016.

Ранее нами проводились исследования готовности студентов г. Красноярска к инновационной предпринимательской деятельности[1], восприятия ими ценностей прогрессивного развития[2], зафиксировавших заметную смену ценностных установок. В данной работе проводится исследование мотиваций достижения успеха у студентов нескольких университетов г. Красноярска.

Грани успеха сегодня: смена парадигмы

Смена «парадигмы успеха» отмечается в последнее время исследователями различных областей социально-гуманитарного знания (менеджмент, социология, психология, социальная философия, этика). Эта смена выражается прежде всего в смещении содержательных и смысловых акцентов в трактовке концепта успеха как особой формы мотивации достижительности/достигательности, уходящей корнями в американскую деловую культуру. Культурологи, этики, менеджеры активно используют модель кросс-культурной деловой коммуникации, разработанную Р. Льюисом[3], который делит все мировые культуры на три большие группы: моноактивные, полиактивные и реактивные. Каждой из названных культур соответствуют и три различные по наполнению модели успеха. При этом успех как «достижительная» мотивация соответствует моноактивной культуре, образом которой является американская бизнес-культура. Так исторически сложилось, что «именно Америка культивировала и произвела на свет концепт успеха, успешного человека, и именно «американскими стандартами» определяются достижения индивида» вне зависимости от принадлежности к той или иной культуре или нации[4]. В США «успех» прошел множество стадий культурно-исторической эволюции, став сильной и функциональной национальной идеей, естественной частью «американской мечты»[5], но и здесь происходит трансформация парадигмы успеха: смещение «точки опоры» развития личности с внутренних оснований на внешние. Это «переворачивание» схемы адаптации: социальное самоутверждение становится решающим фактором в формировании человека.

Общеизвестна классификация ценностных ориентаций Ф. Тромпенаарса, продолжившего наработки ведущего социолога XX века Т. Парсонса. Ф. Тромпенаарс выделил две «культуры успеха» – культура достижений и культура принадлежности[6]. Для нашего исследования эта классификация важна тем, что коррелирует с выделяемыми в психологии типами мотивации на внутренний (интериоризированный) и внешний (экстериоризированный) успех. Культура достижений характеризуется тем, что статус члена общества определяется успешностью выполнения им своих функций, здесь высока значимость новаторства, предприимчивости и т.п. В культуре принадлежности статус определяется принадлежностью человека к той или иной группе по кровно-родственному или профессиональному признаку, здесь значимы факторы возраста, связей, срока работы в организации, того, что называют лояльность организации[7]. К культурам достижений относятся Австрия, США, Великобритания, Швейцария, Мексика, Германия. К лидерам в низких значениях этого индекса относятся Венесуэла, Индонезия, Чили, страны СНГ.

В связи с этим интересна постановка вопроса о самой **ценности** успеха. «Успех» как ценность (его параметры, пути достижения) обсуждается не только в научной, но и в популярной литературе, в прикладных исследованиях, в ходе учебных семинаров и консультационных практикумов. Тема успеха приобретает новое звучание благодаря всевозможным движениям, ориентированным на самосовершенствование личности в деловой, профессиональной и личностной сферах. Серьезной критике идея успеха подвергается в дискуссиях о современном российском обществе»[8]. Многолетний проект по исследованию этики успеха проводится НИИ прикладной этики под руководством В.И. Бакштановского[9]. Отмечается, что этос успеха противостоит одновременно как модели выживания, так и модели агрессивно-циничного успеха, который противоречит самой сути этики.

Противоречивость тенденций понимания и практической реализации различных моделей успеха с особой остротой ставит вопрос об **этике успеха**. Общеизвестно, что культ успеха может приводить к вытеснению моральных ориентиров и к социальной аномии. Это делает крайне важным культивирование этики успеха в современном «достижительном» обществе, ведь негативными следствиями достижительности могут быть высокие моральные риски: индивид, вовлеченный в жизненную и деловую гонку, часто попадает под искушение нарушить те или иные моральные запреты, «правила игры» ради скорого достижения успеха и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с

---

[1] Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Виртуальные и реальные лики инновационных лидеров: Красноярские ожидания и пределы роста // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Ч. 1: Сб. научных трудов / ИНИОН РАН. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М., 2010. – С. 276–284.

[2] Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Культурные и ментальные запросы инновационного развития и ценности студенческой молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редколл.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 355–363; Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. Культурные и ментальные запросы инновационного развития и ценности студенческой молодежи // Человек: образ и сущность. – М., 2012. – С. 122–139.

[3] Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. – М., 2001. – 448 с.

[4] Михайлова О.В. Экспликация понятия «успех» в американском культурно-историческом контексте // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. – № 2.

[5] Анатомия американской мечты. – http://art.thelib.ru/science/unusual/misc/anatomiya_amerikanskoy_mechti.html

[6] Тромпенаарс Ф., Хэпден-Тернер Ч. Четыре типа корпоративной культуры. – Минск: Попурри, 2012.

[7] http://studopedia.ru/14_2458_klassifikatsiya-lyuisa.html

[8] Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Словарь прикладной этики. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. – С. 234–267.

[9] Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. – 224 с.

законом. В связи с этим актуализируется тема **этической безопасности идеи успеха,** предполагающая определенные самоограничения идеи успеха. В новой этике успеха следует ориентироваться:

- на нравственную критику и самокритику рационального жизненного поведения, отношения к жизни как «деловому предприятию», критику с позиции самой этики успеха и позиций иных этических подсистем;
- на критику аморализма, которым часто отягощается стремление к успеху;
- на установление пределов «внедренческой» активности идеи успеха в жизнь общества, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора ценностей[1].

Многие исследователи[2] связывают сущность этики успеха с ориентацией на нравственно-позитивную ценность успеха, подтверждаемую как общественным признанием потребности личности в уважении, чести, славе, так и удовлетворенностью «победителя» результатами собственной самореализации. Помимо этого, этика успеха с необходимостью предполагает риск в сфере морального выбора, Основное требование этики успеха – преодоление опасностей и соблазнов «грязной игры», достижение поставленных целей только по правилам «честной игры». **Успех как ценность** в современном обществе отличается от удачи (фортуны), от просто хорошей или полезной работы, от доставшейся «сверху» доли благ и т.п. «Человек успеха» ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие уровню базовой ценности человеческого существования (труд, игра, любовь, смерть, господство). Субъекта с сильной мотивацией успеха характеризует поиск и создание ситуаций, в которых можно получить удовлетворение от достижений. Успешные (в полном смысле слова) люди сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние, в том числе ситуативные, стимулы и ориентируются на эти стандарты**.** Очевидно, что общество, где набирается «критическая масса» людей с такими качествами, начинает изменяться. Настоящий успех – дело личного выбора и ответственности. Все сказанное выше позволяет понять, как меняется парадигма успеха в модернизирующемся российском социуме. Хотя и остаются вопросы, насколько в меняющихся представлениях об успешном (состоявшемся) человеке важен социально-публичный план, а в какой мере более важными становятся достижения, связанные с самовоспитанием и саморазвитием? Формирование этики успеха становится актуальной задачей российского образования, от школьного до университетского[3].

Методика опроса

В опросе использовалась методика психологической диагностики мотиваций достижения успеха студентов, разработанная С.А. Пакулиной[4]. В ней определены девять ключевых категорий успеха, характерных для студентов университетов: успех-материальный уровень; успех-удача; успех-признание; успех-власть; успех как результат, личный успех; успех-психическое состояние; успех-преодоление; успех-призвание. Их анализ позволяет выявить предпочтение студентов к внешнему (экстериоризированному) успеху, т.е. к успеху, направленному на внешнюю, предметную сферу или внутреннему (интериоризированному) успеху, успеху затратной внутренней деятельности человека. Анкета опроса представляет собой список из 36 вопросов, определяющих предпочтения студентов к каждой из девяти входящей в методику категории успеха[5]. Каждому респонденту предлагалось оценить эти 36 выделенных значений понятия «успех для меня – это...» в ключевых областях своей жизни, связав их со смыслом достижений и успешных результатов в его поведении. Каждое суждение следовало оценить в пределах от 1 до 5 баллов, обозначив значимость сделанного выбора в соответствующей графе анкеты в следующих оценках: 5 баллов – очень значимо; 3–4 балла – значимо; 1–2 балла – незначимо.

Опрос проводился в декабре 2016 – январе 2017 года в нескольких университетах г. Красноярска. Всего было опрошено 301 студентов, из них 217 девушек и 84 юношей, обучающихся преимущественно гуманитарным специальностям. Основную часть опрошенных составляли бакалавры и магистры Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (178 студентов филологов, историков, политологов, биологов, географов, студентов социальной работы, менеджмента организации, факультета иностранных языков и Института физического воспитания, спорта и здоровья), Сибирского государственного технологического университета (89 студентов обучающихся психологии, социальной работе, управлению персоналом и техническими системами), Сибирского федерального университета (29 студентов культурологов, рекламы и связи с общественностью) и Красноярского государственного медицинского университета (5 студентов). Анкета опроса, содержащая 36 выделенных значений понятия личностного успеха в ключевых областях жизни студентов, представленных в привычной для гуманитариев форме, не вызывала у опрашивающих больших затруднений. Выбранный большой спектр направлений обучения респондентов не случаен. Он позволяет устранить возможные имеющиеся или формирующиеся в процессе обучения стереотипы восприятия имеющихся мотиваций достижения успеха у студентов различных профессиональных групп.

---

[1] Викторук Е.Н., Москвич Ю.Н. Этика меняющихся университетов: новые граничные условия успеха // Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 246 с.

[2] Мишаткина Т.В., Бороздина Г.В. Этика делового общения / Уч.-метод. пособие. – Мн.: БГЭУ, 2005. – 18 с.

[3] Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 11. Российская идея успеха: экспертиза и консультация. – Тюмень; Москва: Издание Центра прикладной этики и Финансово-инвестиционной корпорации «Югра», 1997. – 272 с.

[4] Пакулина С.А. Адаптивные способности студентов педагогического вуза: структура, факторы и средства развития. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 201с.

[5] Пакулина С.А. Психологическая диагностика мотивации достижения успеха студентов в вузе. – http://lib.herzen.spb.ru/text/pakulina_12_88_23_32.pdf

Результаты и обсуждения

Результаты опроса представлены в табл. 1. и 2. Из табл. 1. видно заметное (более 5%) гендерное различие ответов юношей и девушек. Оно наблюдается почти в половине значений понятия успеха в анкете опроса (в 16 из 36).

Юноши в большей степени, чем девушки относят к значимым для успеха «Возможность командовать другими людьми» (3,74 и 3,45), «Возможность принимать решения за других» (2,55 и 2,25), иметь «Свое дело в предпринимательстве» (3,38 и 3,09) и «Власть, влияние на других» (2,85 и 2,62), «Благоприятное стечение обстоятельств» (3,74 и 3,45, соответственно).

Девушки в свою очередь в большей степени, чем юноши считают значимыми для успеха «Душевное равновесие, эмоциональную стабильность» (4,33 и 4,08), «Уверенность в безопасности» (3,88 и 3,67), «Самореализацию» (4,51 и 4,32), «Самоутверждение» (3,79 и 2,85) и «Проявление в творчестве» (3,75 и 3,45, соответственно).

Таблица 1

Распределение суммарных значений ответов на значения понятия успеха в целом по всей выборке опроса и отдельно для студентов юношей и девушек. Жирным шрифтом выделены крайние позиции с наибольшей и наименьшей частотностью упоминаний

№ п/п	Вопрос	Среднее по всей группе	Среднее, юноши	Среднее, девушки
1	Переживание удовлетворения, радости	3,97	3,93	3,99
2	Устойчивая позиция личности в конкретной ситуации	4,08	4,07	4,08
3	**Удачное достижение желаемой цели**	**4,60**	**4,60**	**4,60**
4	Материальное благополучие	3,93	3,99	3,90
5	Реализация возможности делать что хочешь	3,97	3,89	4,00
6	**Власть, влияние на других**	**2,68**	**2,85**	**2,62**
7	Самоутверждение	3,70	3,49	3,79
8	Умение выделиться в обществе	3,09	3,08	3,09
9	Душевное равновесие, эмоциональная стабильность	4,26	4,08	4,33
10	Возможность полнее проявить себя, свои способности	4,14	4,23	4,11
11	**Самоуважение, удовлетворенность собой**	**4,41**	**4,24**	**4,47**
12	Положительный результат в учебе, работе	4,20	4,26	4,17
13	Благоприятное стечение обстоятельств	3,53	3,74	3,45
14	**Возможность командовать людьми**	**2,42**	**2,64**	**2,33**
15	Общественное признание, одобрение	3,43	3,46	3,41
16	Хорошее самочувствие, настроение	4,21	4,25	4,20
17	Возможность поездить по миру	4,02	3,89	4,06
18	Уверенность в безопасности	3,82	3,67	3,88
19	Проявление себя в творчестве	3,66	3,45	3,75
20	Личное благосостояние	4,13	4,04	4,16
21	Источник внутренних сил человека	4,02	3,82	4,09
22	**Профессионализм, мастерство**	**4,34**	**4,36**	**4,34**
23	Везение в большинстве случаев	3,42	3,45	3,40
24	Признание Вашего авторитета окружающими	3,32	3,33	3,31
25	Высокий социальный статус	3,42	3,54	3,38
26	**Самореализация**	**4,46**	**4,32**	**4,51**
27	**Удовлетворенность в любви и здоровье**	**4,42**	**4,30**	**4,46**
28	Служение высшей идее	3,24	3,31	3,21
29	Свое дело в предпринимательстве	3,17	3,38	3,09
30	**Осуществление ожидаемого результата**	**4,32**	**4,39**	**4,29**
31	Возможность попасть в нужное окружение	3,71	3,79	3,68
32	Ощущение положительного эмоционального подъема	4,21	3,99	4,29
33	Популярность, значимость для других	3,09	3,11	3,08
34	**Самостоятельность, независимость, свобода действий**	**4,29**	**4,19**	**4,32**
35	**Возможность принимать решения за других**	**2,34**	**2,55**	**2,25**
36	**Дело по душе, интересная работа**	**4,69**	**4,70**	**4,69**

Из табл. 1. также видно, что наиболее часто опрошенные связывают свой успех с такими высоко значимыми понятиями успеха, как

1. Дело по душе (4,69 балла);
2. Удачное достижение желаемой цели (4, 60 балла);
3. Самореализация (4, 46 балла);
4. Удовлетворенность в любви и здоровье (4,42 балла) и
5. Самоуважение, удовлетворенность собой (4,41 балла).

Небольшие гендерные отличия имеются только в трех последних случаях.

К наименее значимым для успеха утверждениям (менее 3,0 балла) отнесено наличие:

1. Возможности принимать решения за других (2,34 балла);
2. Возможности командовать людьми (2,42 балла) и
3. Власти, влияния на других (2,68 балла).

Результаты по всем остальным суждениям достижения успеха находятся в диапазоне средней значимости в 3,0–4,0 балла.

Таблица 2

Распределение оценок значимости по видам мотивации успеха всеми участниками опроса

№ вопроса	Количество оценок 1, %	Количество оценок 2, %	Количество оценок 3, %	Количество оценок 4, %	Количество оценок 5, %
1	1,99	3,65	24,58	34,55	35,22
2	1,00	3,32	20,27	37,87	37,54
3	**0,33**	**0,33**	**4,65**	**28,24**	**66,45**
4	1,00	5,32	21,93	43,52	28,24
5	2,99	7,97	19,93	27,24	41,86
6	15,61	28,57	32,23	18,94	4,65
7	4,32	7,97	27,91	32,56	27,24
8	7,64	22,59	32,89	26,91	9,97
9	1,66	4,65	9,97	33,55	50,17
10	0,66	2,66	15,61	44,19	36,88
11	**1,33**	**2,66**	**9,63**	**26,58**	**59,80**
12	1,00	4,98	13,29	34,88	45,85
13	4,65	12,62	28,90	32,89	20,93
14	23,92	33,22	23,92	15,28	3,65
15	5,32	12,96	32,23	32,89	16,61
16	2,66	3,65	10,96	35,22	47,51
17	3,65	8,31	14,29	30,23	43,52
18	4,65	7,31	21,93	33,22	32,89
19	5,98	10,63	24,25	29,24	29,90
20	0,33	3,32	19,27	37,54	39,53
21	1,99	4,32	19,60	38,21	35,88
22	1,66	1,00	9,63	36,88	50,83
23	6,98	13,29	31,56	27,57	20,60
24	5,32	15,28	36,54	28,24	14,62
25	4,65	15,28	30,23	32,89	16,94
26	**1,00**	**0,66**	**7,97**	**32,56**	**57,81**
27	**1,66**	**2,66**	**7,64**	**28,57**	**59,47**
28	8,31	16,61	30,56	32,23	12,29
29	12,29	17,61	28,90	22,92	18,27
30	1,00	1,66	11,96	35,22	50,17
31	2,99	8,31	28,57	34,88	25,25
32	0,66	2,66	15,61	37,54	43,52
33	5,65	23,59	36,54	24,58	9,63
34	1,33	2,66	13,62	30,90	51,50
35	24,58	33,89	28,24	9,97	3,32
36	**0,66**	**0,66**	**4,32**	**17,28**	**77,08**

В табл. 2. представлены итоговые показатели оценки всеми участниками опроса мотиваций успеха. В соответствии с используемой в исследовании методикой диагностики мотивации успеха студентов 36 мотиваций успеха подразделяются на 9 групп успеха разного вида.

Внешнюю мотивацию достижения успеха (экстериоризированный успех) составляют четыре вида успеха[1]:

1. Успех-удача, или везение по основанию «созревание во времени», определяет неустойчивый, ситуативный результат деятельности (высказывания анкеты 3; 13; 23; 31).

2. Успех как материальный уровень жизни представляет собой ценность материального продукта деятельности, внешнее, результативное достижение, определяющее удовлетворение второго уровня потребностей по А. Маслоу (высказывания анкеты 4; 17; 20; 29).

3. Социальное подкрепление составляет успех-признание, который определяет популярность личности в социальном окружении, одобрение авторитетными «значимыми другими» (высказывания анкеты 8; 15; 25; 33).

4. Успех-власть выступает как потребность доминирования над другими, желание субъекта контролировать социальное окружение (высказывания анкеты 6; 14; 24; 35).

Внутреннюю мотивацию достижения успеха (интериоризированный успех) составляют пять видов успеха:

1. Успех как результат собственной деятельности представляет собой ориентацию на достижение результата в деятельности (высказывания анкеты 5; 12; 22; 30).

2. Личный успех характеризуется высоким уровнем притязаний, самоуважением, стремлением к познанию и актуализации своих возможностей (высказывания анкеты 11; 18; 26; 27).

[1] Пакулина С.А. Психологическая диагностика мотивации достижения успеха студентов в вузе. – http://lib.herzen.spb.ru/text/pakulina_12_88_23_32.pdf

3. Успех как психическое состояние характеризуется положительным эмоциональным подъемом, переживанием чувства удовлетворенности, заключается в усилении и поддержке исходного побуждения к цели и обладает закрепляющим действием, на базе которого формируются более сильные мотивы деятельности (высказывания анкеты 1; 9; 16; 32).

4. Успех как преодоление препятствий выражается в поисковых действиях в зоне нереально возможного успеха и обеспечивает настойчивость в преодолении возникающих трудностей в учении и адаптации (высказывания анкеты 2; 7; 21; 34).

5. Успех-призвание предполагает рефлексивную оценку значимости не только результата, а прежде всего самой деятельности, поведения и растворения себя в профессиональном деле, составляет потенциал личности. Человек, воспринимающий карьеру как призвание, сосредоточен на целях, задачах и усилиях, необходимых для их достижения. Такая концентрация усилий приводит к достижению желаемых результатов (объективному успеху), за которой следует удовлетворенность собственной деятельностью (субъективный успех) (высказывания анкеты 10; 19; 28; 36).

В табл. 3. представлены распределение оценок значимости мотиваций успеха по группам внутреннего и внешнего успеха. Отчетливо видно, что наибольшее число наиболее значимых и значимых оценок отдано группам внутреннего успеха.

Таблица 3

Итоговое распределение оценок значимости по группам успеха всеми участниками опроса.

Ключевые категории мотивации достижения успеха	Количество оценок 1, %	Количество оценок 2, %	Количество оценок 3, %	Количество оценок 4, %	Количество оценок 5, %
Экстериоризация успеха					
1. Успех-удача	3,74	8,64	23,42	30,90	33,31
2. Успех как материальный уровень жизни	4,32	8,64	21,10	33,55	32,39
3. Успех-признание	5,81	18,60	32,97	29,32	13,29
4. Успех-власть	17,36	27,74	30,23	18,11	6,56
Интериоризация успеха					
5. Успех как результат собственной деятельности	1,66	3,90	13,70	**33,55**	**47,18**
6 Личный успех	2,16	3,32	11,79	**30,23**	**52,49**
7. Успех как психическое состояние	1,74	3,65	15,28	**35,22**	**44,10**
8. Успех как преодоление препятствий	2,16	4,57	20,35	**34,88**	**38,04**
9. Успех-признание	3,90	7,64	18,69	**30,73**	**39,04**

Анализ данных табл. 4. показывает, что в пяти группах успеха наблюдаются заметные гендерные отличия, в четырех группах успеха их нет. Наибольшие отличия наблюдаются в группах «успех-власть» и «личный успех».

Таблица 4

Средние показатели мотивов достижения успеха по всей группе опроса и по гендерным группам опроса

№ п/п	Мотивы достижения успеха	По всем респондентам	Мужчины	Женщины
1.	Успех-удача	**15,3**	**15,6**	**15,1**
2.	Успех как материальный уровень жизни	15,2	15,3	15,2
3.	Успех-признание	13,0	13,2	13,0
4.	Успех-власть	**10,8**	**11,4**	**10,5**
5.	Успех как результат собственной деятельности	16,8	16,9	16,8
6.	Личный успех	**17,1**	**16,5**	**17,3**
7.	Успех как психическое состояние	**16,7**	**16,3**	**16,8**
8.	Успех как преодоление препятствий	**16,1**	**15,6**	**16,3**
9.	Успех-призвание	15,7	15,6	15,8

Рассмотренные выше два вида внутреннего (интериоризированного) и внешнего (экстериоризированного) успеха в методике С.А. Пикулиной соотнесены с понятием локус контроля, теоретического понятия в психологии, которое характеризует свойство личности приписывать свои успехи или неудачи либо только внутренним, либо только внешним факторам.

Категория экстериоризированного успеха представляет собой успех, направленный на внешнюю, предметную сферу, и имеет максимальный в используемой методике балл – 80, интериоризированный успех – это успех затратной внутренней деятельности человека, его максимальное значение в данной методике равно 100 баллам. С целью удобной обработки данных и последующего сравнения в преобладающей мотивационной тенденции (экстериоризированный-интериоризированный успех) сумму баллов экстериоризированного успеха необходимо умножить на 1,25. Расчет этих двух интегральных видов успеха проводится следующим образом.

Экстериоризированный успех равен сумме успеха-удачи (сумма баллов по ответам на вопросы 3, 13, 23 и 31) + успеха как материальный уровень жизни (сумма баллов по ответам на вопросы 4, 17, 20 и 29) + успеха-признания (сумма баллов по ответам на вопросы 8, 15, 25 и 33) + успеха-власти (сумма баллов по ответам на вопросы 6, 14, 24 и 35) * 1,25.

Интериоризированный успех равен сумме успеха как результата собственной деятельности (сумма баллов по ответам на вопросы 5, 12, 22 и 30) + личного успеха (сумма баллов по ответам на вопросы 11, 18, 26 и 27) + успеха как психического состояния (сумма баллов по ответам на вопросы 1, 9, 16 и 32) + успеха как преодоления препятствий (сумма баллов по ответам на вопросы 2, 7, 21 и 34) + успеха-призвания (сумма баллов по ответам на вопросы 10, 19, 28 и 36)

Расчёт на примере одного из испытуемых будет выглядеть так:

(Успех-удача (5+4+3+5) + успех как материальный уровень жизни (3+5+5+2) + успех-признание (1+1+1+1) + успех-власть (3+2+1+1)) * 1,25 = (17+15+4+7)*1,25 = **53,75** (экстериоризированный успех)

Успех как результат собственной деятельности (5+4+4+5) + личный успех (5+5+5+4) + успех как психическое состояние (5+5+5+4) + успех как преодоление препятствий (4+3+5+5) + успех-призвание (5+4+1+5) = 18+19+19+17+15 = **88** (интериоризированный успех). Таким образом, преобладающей мотивационной тенденцией у данного респондента является – внутренний интериоризированный успех (88 баллов).

Следует особо отметить, что у большинства людей локус контроль, как правило, не имеет ярко выраженной тенденции[1], т.е. у одного и того же человека присутствует и одна и другая характеристика в соотношении приблизительно 50/50. таким образом в исследовании, например, у одного респондента может быть: экстериоризированный успех, равный 63,75 баллам, а интериоризированный успех 77 баллам. Разница между мотивационными тенденциями небольшая, но по количеству баллов для данного конкретного респондента мы можем определить, что преобладающей мотивационной тенденцией у него является внутренний интериоризированный успех. Проведенный таким образом итоговый расчет показывает, что данная ситуация является наиболее распространенной. Было установлено, что преобладающей мотивационной тенденцией у респондентов проведенного нами опроса доминирующим является внутренний (интериоризированный) успех. Он является локус контролем подавляющего числа опрошенных – (94,01%, 283 человека из 301 опрошенного, 78 юношей и 218 девушек). Внешний (экстериоризированный) успех значим всего для 18 респондентов (5 юношам и 13 девушек).

Таким образом проведенные исследования показывают, что для подавляющего числа принявших участие в опросе студентов г. Красноярска внешние мотивы достижения успеха вторичны по сравнению с внутренними мотивациями успеха. Именно они составляют основу личностных ценностных установок студентов в настоящее время. Приоритетными пространствами мотивации достижения успеха для них являются пространства саморазвития, самоконтроля и самоопределения: «успех как результат собственной деятельности», «личный успех», «успех как психическое состояние», «успех как преодоление препятствий» и «успех-признание». Новая парадигма успеха очень близка к образу «успешного человека» в «обществе риска»[2], «инновационных обществах» XXI века[3] и нового глобализирующегося мира[4], постоянно формирующих новые вызовы и проблемы. Очевидно, что наиболее адаптивными к этим изменениям будут прежде всего люди с сильными внутренними мотивациями преодоления возникающих трудностей, конфликтов и кризисных ситуаций. Отмеченные выше внутренние мотивация достижения успеха являются частью нового востребованного человеческого капитала. Появление в университетах новых содержательных внутренних мотиваций на желаемое достижение успеха «сейчас и здесь» делает среду обучения более оптимистичной и направленной на повышение качества образования.

Мониторинг эволюции духовной культуры выпускников КГПУ им. В.П. Астафьева подтверждает это. Доля выпускников этого университета «с уверенностью и оптимизмом смотрящих в завтрашний день» неуклонно росла в последние 20 лет: в 1993 году их было 25%, в 1997 году – 32%, в 2000 году 42%, а в 2011 году уже составило почти две трети (64%)[5].

---

[1] Роттер Джулиан. Теория социального научения. – http://psylib.org.ua/books/hjelz01/txt21.htm

[2] Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

[3] Образование для инновационных обществ в XXI веке. Саммит «Группы восьми» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года) // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. 2006. – № 9. – С. 3–12.

[4] Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: учеб. пособие/ под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.

[5] Гендин А.М., Пинаев В.А., Сергеев В.А. Десять лет спустя: эволюция духовной культуры выпускников педагогического вуза (по материалам мониторинга): монография научн. ред. О.А. Карлова / – Красноярс. гос. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – 248 с.

Савойский А.Г.[1]

ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Ключевые слова: *Россия, новая молодёжная политика, единая молодёжная структура ЕАЭС, роль ТПП РФ и РСПП, Новая современная эра, новая форма экономического развития страны, экономическая дипломатия, Российский Национальный и Международный Валютный Фонд, новая мировая валюта.*

Keywords: *Russia, New Youth Policy, EAEU' Common Youth Structure, Role of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation and Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), New Modern Age, New Form of Economic Development of Country, Economic Diplomacy, Russian National and International Monetary Fund, New World Currency.*

Как известно, с 1 января 2015 года на основе Таможенного Союза (Россия, Беларусь, Казахстан) был запущен Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В течение года к нему присоединились Киргизия и Армения. На очереди – Таджикистан.

В новом интеграционном объединении – ЕАЭС – управляющей структурой является Евразийская экономическая комиссия. Она расположена в Москве и занимается, в основном, снятием тарифных барьеров и созданием общих технических стандартов. Ведутся также переговоры о партнёрстве с другими странами.

1 января 2015 года в Минске начал работу Суд Евразийского экономического союза.

В 1-м полугодии 2016-го на пространстве ЕАЭС завершилось формирование общего рынка фармацевтической продукции. Предпринимаются попытки импортозамещения.

К 2019 году планируется создание общего электроэнергетического рынка.

В 2025 году планируется создать общий энергетический рынок и ввести единую национальную валюту, хотя гарантий того, что будет через 10 лет, никто не даёт.

В наши дни происходит дальнейшее формирование институциональной базы ЕАЭС, но процесс развивается крайне медленно. И дело здесь не только в мировых кризисах и санкциях. Проблема заключается в Большой политике, в векторном направлении самого Экономического союза, в его возрастных кадрах, подавляющее большинство которых мыслят «старыми категориями».

Самые последние конкурсы на замещение вакансий в Евразийской экономической комиссии касались исключительно планирования и анализа функционирования внутренних рынков. Полагаю, здесь уместно будет вспомнить высказывание Михаила Ломоносова о том, что брать «цифири с потолка», «ошибки замечать не много стоит: дать нечто лучшее – вот что приличествует достойному человеку».

России нужна разумная экономическая дипломатия с развитием всех её видов по классическому принципу «товар/услуги-деньги-товар». Экономический прорыв возможен только со сменой мест политики и экономики: Экономика должна идти впереди, а Политика – позади, Экономика – основа, а Политика – надстройка. Пока что в России установлена диктатура либеральной экономической политики («бизнес – власть», «процесс ради самого процесса», «денежные знаки – денежные знаки»).

Какие существуют предложения у российского экспертного сообщества по улучшению работы Евразийского экономического союза? Прежде всего,

– необходимо **устранить некое сдерживание в раскрытии потенциала молодёжи** в данной международной интеграции. Ситуация в наши дни такова, что «социальный лифт» остановился и ждёт прихода мастера. Собралась целая команда, но никто не знает, как его починить. Федеральный закон о продлении работы госслужащих до 70 лет и практика занятия нескольких должностей одновременно не направлены на обеспечение занятости молодёжи;

– полезным во всех отношениях мог бы стать **диалог между властью, бизнесом и молодёжным научно-экспертным сообществом.** Сегодня такой диалог на пространстве ЕАЭС развит недостаточно, хотя попытки предпринимаются, и деловая встреча в стенах ТПП – тому подтверждение. Хорошо было бы постоянно расширять подобные встречи с представителями бизнеса и экспертного сообщества других союзных государств;

– **мнение молодёжного** научного и делового **сообщества должно зазвучать на уровне интеграционных объединений.** Желательно, чтобы к нему прислушивались. Здесь необходим двусторонний процесс и **создание,** например, **единой молодёжной структуры ЕАЭС**.

[1] Савойский Александр Геннадьевич – к.полит.н., член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН), эксперт правительственной делегации Российской Федерации на заседаниях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, ученый секретарь Международного института П. Сорокина – Н. Кондратьева, ученый секретарь Отделения цивилизационных исследований Международной академии глобальных исследований (МАГИ). E-mail: asavoysky@gmail.com

Понятно, что **на Евразийский экономический союз и на молодёжь возлагаются большие надежды.** Это будущее региона, континента, планеты. Но многое в наши дни упирается в политику государств. Только в России на сегодняшний день около 33 млн. молодых людей в возрасте до 35 лет. Вывод: **Нужна новая молодёжная политика** на уровне Конституции государства и других законодательных актов. Нужны **гарантии прав занятости** и **социальные гарантии** для более широкого участия молодых россиян в интеграционных процессах. Ответственность высокопоставленных лиц, принимающих решение по молодежной политике, должна быть четко регламентирована, а неисполнение – наказуемо.

Считаю, что такой важный вопрос, как «Молодёжь и евразийская интеграция», следует ввести в работу Федерального агентства по делам молодёжи и в другие значимые структуры, а также создать Специальный Комитет по делам молодёжи в Государственной Думе нового созыва.

Молодёжь Российской Федерации вполне сформировалась на интеллектуальном и профессиональном уровне. Она ждёт доверия и готова брать на себя ответственность за интегральные процессы в стране и на международной арене. Примером служит недавнее расформирование Сборной команды России по футболу, потерпевшей поражение на Евро-2016. Июньская петиция Артёма Хасанова из Тюмени и его Открытое письмо первым лицам России собрали около миллиона подписей на Интернет-сайте Change.org. Другой пример – официальное выступление Олимпийской чемпионки, 34-х летней Елены Исинбаевой против политизации спорта Международными спортивными организациях, в надежде на то, что Сборная России всё-таки будет участвовать в августе в Летних Олимпийских Играх Рио-2016. И Олимпийская Сборная России будет в них участвовать, к сожалению, без Исинбаевой и других заслуженных мастеров спорта. Ситуацию в Большом спорте необходимо менять в более благоприятную сторону для России.

Государству предлагается заниматься молодежью серьёзнее. Структур по вопросам молодёжи во всей стране – явно недостаточно. В лучшем случае, проводятся социологические опросы и анкетирование, организовываются дебаты, форумы, конкурсы, интерактивные и спортивные игры. Заграничные стажировки молодых людей единичны, система государственных премий и грантов далека от совершенства, в плане её прозрачности, гласности и финансирования. Даже Премия Президента России для молодых учёных была сокращена в 2015 году с 4-х – до 3-х при 147 представленных заявках.

Проекты, сценарии и модели развития, разработанные либеральными демократами по западным меркам, к успеху и процветанию Россию за четверть века не привели. Время бездарно упущено. Предложенная ими модель развития Общества оказалась непригодной. Ожидать «экономического чуда» ещё 25 лет, оставив всё, как есть (на чём настаивают либералы и сторонники защиты мирового рынка), уже не получится. России предстоит дистанцироваться от мировых кризисов. Произойдёт это как внутри страны, так и на пространстве Евразийского экономического союза. Необходимо построить Новый современный мир в рамках долгосрочного проекта «Большая Евразия».

Россия вступает в эпоху развития Гражданского общества, народной демократии с иной формой экономического развития страны. То, о чём говорил Президент Путин ещё в 2002 году, начинает, наконец, осуществляться, пройдя 14-летний цикл эволюции Гражданского общества.

Уверен: успех России связан с экономической дипломатией, а не с развитием только внешней, военной и финансовой политики по принципу «деньги – деньги».

России необходимо в кратчайшие сроки умело дистанцироваться от мировых кризисов, резко ограничить вывоз капитала, перестать оплачивать финансовую стабильность США (покупка долларов и ценных правительственных бумаг), начать активно вкладывать в собственную экономику и человеческий капитал и создать свой, Российский Национальный и Международный Валютный Фонд (РНИМВФ) с новой мировой валютой (эквивалент природных ценностей).

Евразийскому экономическому союзу необходим свой центральный, Международный валютный фонд в Москве с новой мировой валютой**.** Только в этом случае, Россия сможет рассчитывать на роль мировой державы в будущем.

В России совсем скоро появится новая структура, которая заменит гайдаровскую Высшую школу экономики в разработке стратегии, тактики и слаженного управления внутренней и внешней экономикой. Эта структура будет направлена на развитие и созидание, а не на поддержание прежних ориентиров.

Стратегия успеха НКО в ЕАЭС будет заключаться в создании эффективной организационной структуры и в её финансировании. Субботники и волонтёрство – это лишь единичные акции, «выехать» на которых в масштабах ЕАЭС не удастся.

ЕАЭС представляет собой непаханое поле для серьёзных инициатив и проектов молодёжи всех союзных государств. Необходимо значительно расширить международные проекты, зарубежные стажировки и молодёжные обмены (научные, студенческие, культурные, спортивные, туристические), проводить летние школы для молодёжи. Это принесёт контакты, связи, опыт и возможность проявить себя.

Творческого потенциала у российской молодежи много, это радует. Следует отметить, что Россия вступила в полосу пассионарной активности, особенно среди молодёжи. В этот период **особо важна борьба за сознание нового поколения.**

На Кавказе молодежь обучают легендам и мифам по Корану, а также арабскому языку, чтобы умели его читать. В своём сознании кавказская молодёжь ориентирована на Арабские Эмираты и Катар, на Ближний Восток. Это опасно, и с этим надо что-то делать. Именно поэтому необходимо отбирать наиболее энергичную молодежь, создавать специальные структуры, концентрировать лучшие умы и профессионалов с тем, чтобы вовлекать их в созидательные процессы вместе со старшим поколением.

Почти 2 млн. молодых людей задействованы теперь в Вооружённых силах и Национальной гвардии России. Вот, где необходимо умело распоряжаться временем: обучать не только военному делу, но и практиковать гражданские профессии, готовить к мирной жизни по завершению службы (строительство инфраструктуры и социального жилья, озеленение территорий, возведение мостов и создание прочных дорог). Абсолютно необходимо **совершенствовать образование военных** дистанционным и Интернет-вэбинарным методом под руководством опытных кураторов. Иначе, свободное время контрактников и призывников займут дедовщина, наркотики, гомосексуализм и вербовка по Интернету.

Пришло время создать на пространстве ЕАЭС совместную систему цивилизационного образования: дистанционно, с помощью специальных научно-образовательных сайтов в Интернете. Программа цивилизационного образования уже начинает внедряться в странах евразийского континента. Недавно для этих целей были созданы Евразийская ассоциации университетов и Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК), Ассоциация научно-образовательных центров стран БРИКС и Сетевой университет БРИКС.

Среди молодых **всегда полезен** обмен мнениями и информацией **(лекции, конференции и семинары, летние школы, деловые игры, конкурсы на лучшие проекты),** однако, **молодежи необходима практическая деятельность.**

Россию Новой Эры ждёт создание новых механизмов и приведение их в функциональное состояние с единственной целью: **экономический прорыв и повышение жизненного благосостояния народа в ближайшие годы.** Видимость прилагаемых усилий чиновников и либеральный принцип «процесс обсуждения важнее решения» не приносят ощутимых результатов.

В настоящее время надеяться молодым людям на карьерный рост **в проектах ЕАЭС** пока не приходится. Намечаются крупные проекты, но в них, как правило, всё «схвачено» крупным бизнесом.

Для приложения знаний и опыта молодых, для их карьерного роста необходимы условия. Почему бы не предложить каждому бизнесмену в течение малого экономического цикла в 7 лет помочь встать на ноги двум молодым предпринимателям в малом или среднем бизнесе?!

Почему бы не закрепить на государственном уровне освобождение от уплаты налогов для отдельных категорий предпринимателей в возрасте до 35 лет, для поддержания их стартовых проектов и развития в будущем.

Существует большой вопрос, **заинтересованы ли государственные структуры в молодёжных инициативах и усилиях?!** Молодёжи важно знать, что в нашей стране существуют условия, когда знания, мотивация, социально ответственное поведение и профессионализм простых граждан будут замечены.

Надеюсь, данные предложения дойдут до тех, кому они адресованы, и совсем скоро появится возможность узнать о реакции и конкретных действиях ответственных лиц.

И последнее. Основным символом культуры, гордости и патриотизма всегда является язык. Верю, что совсем скоро наступят времена, когда вместо «кофе-брейк» станут говорить и писать «Перерыв», вместо «кейс» – командные методы в управлении, вместо «форсайт-сессия» – формат коллективной работы интеллектуалов по обсуждению будущего, вместо «омбудсмен» – правозащитник, вместо «сэлфи» – личное фото, сделанное самим; а вместо «инаугурация» – торжественное посвящение с клятвой на Конституции России. В этом тоже заключается патриотизм к Родине, как и то, чтобы не проводить впредь на территории РФ никакие международные форумы исключительно на английском языке.

Борьба за сознание и активную профессиональную деятельность нового поколения будет нелёгкой. Но эта цель уже витает в воздухе всего нашего общества. Важно, чтобы представители органов власти внесли перечисленные проблемы в свою Повестку дня и повернулись бы лицом к молодёжи не только на словах, но и на деле уже в самое ближайшее время.

Список литературы

1. Абаева А.М. Молодые видят в ЕАЭС хорошую платформу для осуществления своих инициатив. – http://nasledie.ru/?q=node/6393
2. Ломоносов Михаил Васильевич – цитаты и афоризмы. – http://millionstatusov.ru/aut/lomonosov.html
3. Памятная золотая монета Банка России номиналом 100 рублей. Банк России. – http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=24112015_093109coins.htm
4. Сутырин В. Ставки в игре на разрыв евразийской интеграции растут // *Евразия. Эксперт*. – http://ia-centr.ru/expert/23655

Селиванова З.К.
к.соц.н., доцент НИУ «Московский энергетический институт»
zoi75@bk.ru

О ВЛИЯНИИ ВАЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К РОССИИ (НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ключевые слова: *патриотизм, любовь к Родине, отношение студентов к России, социологическое исследование, метод исследования, анкетный опрос.*

Key words: *patriotism, love of country, the attitude of students to Russia, sociological research, research method, questionnaire survey.*

На протяжении истории развития человечества существовало различное понимание патриотизма, различное отношение к нему – от безоговорочного утверждения его позитивного характера, до его отрицания. В настоящее время также существует множество определений и различных оценок. Например, патриотизм определяется как «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам», «исторические элементы патриотизма в виде привязанности к родной земле, языку, традициям формируются уже в древности»[1]. Президент РФ Владимир Путин неоднократно обращался к идее патриотизма. Более того, он утверждает, что в России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма – «это и есть национальная идея»[2].

Однако при этом мы придерживаемся демократической позиции в оценке патриотизма, с точки зрения которой патриотизм в первую очередь включает в себя не просто гордость достижениями в самых различных сферах жизни общества, но и признание того, что главной созидающей силой является народ. Поэтому согласимся с известной фразой русского мыслителя XIX века Н.Г. Чернышевского: «патриот – это человек, служащий Родине, а Родина – это, прежде всего, народ».

Оценивать уровень патриотизма можно по-разному, в том числе на основе различных эмпирических оценок. В данном исследовании использована оценка в контексте конкретных важных событий современности мирового и внутрироссийского масштаба.

В декабре 2016 года на базе НИУ «МЭИ» было проведено социологическое исследование на предмет изучения отношения студентов (бакалавров и магистров) к России в связи с произошедшими различными политическими событиями и влияние этих событий на отношение к России. Целью данной работы является выявление отношения студентов к России и характера влияния мировых и внутрироссийских политических событий на это отношение. Объектом исследования являлись студенты технического высшего учебного заведения города Москвы. Опрошено 150 студентов (бакалавры – 19–20-летние юноши и девушки, а также магистры – юноши и девушки в возрасте 23–24 лет).

Первый вопрос, который был задан: «Изменилось ли Ваше отношение к России в связи с присоединением к ней Крыма, последовавшими санкциями, ухудшением уровня части граждан?». Предлагалось выбрать один из пяти предложенных вариантов ответов. Линейное распределение полученных ответов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение мнений опрошенных студентов к России в связи с присоединением к ней Крыма, последовавшими санкциями, ухудшением уровня жизни части граждан

Варианты ответа	% респондентов к общему числу опрошенных
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	39%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	25%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	15%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	11%
Затрудняюсь ответить	9%

На первом месте оказался вариант ответа «нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим» с большим отрывом от других вариантов, набрав 39%; на втором месте – «улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм» с 25%. Подобные ответы указывают на то, что более 64% респондентов являются активными патриотами своей страны. Еще у 11% патриотические чувства стали слабее в связи с произошедшими событиями, хотя они также

[1] Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 467.

[2] Путин: патриотизм – «это и есть национальная идея» // ТАСС. 2016. – 3 февраля. – http://tass.ru/politika/2636647

относятся к патриотам, но критически относящимися к данному событию. В то же время 15% опрошенных утверждают, что у них нет патриотических чувств к России. Еще 9% затруднились ответить.

Отличий в распределении мнений между юношами и девушками нет, но есть некоторые отличия в распределении мнений по возрасту. По сравнению с юношами-бакалаврами среди опрошенных юношей-магистров несколько чаще выбирался ответ «усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм». Это перераспределение происходило за счет варианта ответа «не изменилось, осталось прежним – хорошим» и это означает, что юноши-магистры отнеслись более эмоционально («усилилась гордость») к этим событиям. Среди девушек-бакалавров при ответе на этот вопрос чаще выбирался вариант ответа «затрудняюсь ответить», чем среди девушек-магистров, что является естественным.

Следующий вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к России в связи с усилившейся критикой России со стороны западных стран?». Распределение ответов на него представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение мнений опрошенных студентов к России в связи с усилившейся критикой России со стороны западных стран

Варианты ответа	% респондентов к общему числу опрошенных
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	56%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	19%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	17%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	5%
Затрудняюсь ответить	7%

Таким образом, вновь на первом месте в распределении ответов с 56% оказался вариант ответа «нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим» с очень большим отрывом от других вариантов, опередив их на 37%. На втором месте – вариант ответа «улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм» с 19%. Эти ответы показывают, что при усилившейся критике со стороны западных стран три четверти опрошенных студентов патриотически настроены. При этом 17% опрошенных опять декларируют отсутствие патриотических чувств к России, а 7% – затруднились ответить. В оценке этого события лишь у 5% опрошенных патриотические чувства стали слабее.

Отличий в распределении мнений между юношами и девушками также не наблюдается. Здесь, как и при ответе на первый вопрос, по сравнению с юношами-бакалаврами среди опрошенных юношей-магистров несколько чаще выбирали ответ «усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм». Но среди девушек-бакалавров ответ на этот вопрос не вызывал больших затруднений в сравнении с девушками-магистрами.

Ответы на следующий вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к России в связи событиями вокруг Олимпиады-2016, Параолимпиады-2016, антидопинговыми скандалами вокруг российских спортсменов?» представлены й табл. 3.

Таблица 3

Распределение мнений опрошенных студентов к России в связи с событиями вокруг Олимпиады-2016, Параолимпиады-2016, антидопинговыми скандалами вокруг российских спортсменов

Варианты ответа	% респондентов к общему числу опрошенных
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	48%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	21%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	15%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	9%
Затрудняюсь ответить	16%

Анализ табл. 3 показывает, что события и скандалы, связанные с Олимпиадой и Параолимпиадой в 2016 году не оставляют студентов равнодушными и у 69% опрошенных вызывают и усиливают чувство патриотизма, а уменьшают лишь у 9%. Однако при сравнении с другими вопросами при ответе на этот вопрос затруднившихся ответить оказалось больше (16%). И в этом вопросе устойчиво повторяют отсутствие патриотических чувств 15% ответивших. Отличий в распределении мнений по полу и по возрасту не наблюдается.

Следующий вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к России в связи с событиями в Сирии, военной операцией России, критикой России со стороны западных стран?». Распределение ответов – в табл. 4.

Военные действия России в Сирии и критика нашей Родины западными странами вызвали у 29% опрошенных студентов усиление национальной гордости, укрепление патриотических чувств, а у 11% – ослабление этих чувств, вызванное неодобрением. При этом у 35% респондентов отношение не изменилось, осталось прежним – хорошим. Интересно, что здесь лишь 11% утверждают негативное отношение к России. При ответе на этот вопрос среди девушек несколько больше затруднившихся ответить, причем больше затруднившихся ответить среди девушек-бакалавров.

Таблица 4

Распределение мнений опрошенных студентов к России в связи с событиями в Сирии, военной операцией России, критикой России со стороны западных стран

Варианты ответа	% респондентов к общему числу опрошенных
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	35%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	29%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	11%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	11%
Затрудняюсь ответить	15%

Заключительный вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к России в связи с прошедшими осенью 2016 года выборами в Государственную Думу РФ и результатами этих выборов?». Распределение ответов на него представлено в табл. 5.

Таблица 5

Распределение мнений опрошенных студентов к России в связи с прошедшими осенью 2016 года выборами в Государственную Думу РФ и результатами этих выборов

Варианты ответа	% респондентов к общему числу опрошенных
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	36%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	5%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	18%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	18%
Затрудняюсь ответить	24%

Анализ ответов показывает весьма неоднозначное отношение студентов к этому событию. Результаты выборов в Государственную Думу РФ не изменили хорошее отношение к России лишь у 36% респондентов, при этом только у 5% отношение улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм, а у 18%, наоборот, ухудшилось, они стали меньше гордиться Россией, патриотические чувства стали слабее. Заметим, что и отрицание патриотизма в этом отношении усиливается – 18%. Существенно увеличилось и количество затруднившихся ответить. Существенных отличий в распределении мнений по полу и по возрасту не наблюдается.

Представляет интерес и сравнение отношения к России и влияния на него между различными событиями. Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6

Сравнение между оценками и реакциями на различные события

Варианты ответа	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5
Нет, не изменилось, осталось прежним – хорошим	39%	56%	48%	36%	36%
Улучшилось, усилилась национальная гордость, укрепился патриотизм	25%	19%	21%	5%	5%
Нет, не изменилось, осталось прежним – плохим, у меня нет патриотических чувств к России	15%	17%	15%	18%	18%
Ухудшилось, я стал меньше гордиться Россией, мои патриотические чувства стали слабее	11%	5%	9%	18%	18%
Затрудняюсь ответить	9%	7%	16%	24%	24%

Как видим, усилившаяся критика России со стороны западных стран не смогла изменить хорошего отношения к стране у наибольшей части респондентов (56%), другие исследуемые события воспринимаются существенно менее позитивно-однозначно. Относится это и к усилению национальной гордости – если события, связанные с присоединением к России Крыма, последовавшими санкциями и ухудшением уровня жизни части граждан вызвали улучшение отношения к России, усилили национальную гордость, укрепили патриотизм у 25% респондентов, так же высок процент возрастания гордости в связи с событиями вокруг Олимпиады, чуть менее – в связи с критикой другими странами. Военные действия России в Сирии и результаты выборов в Государственную Думу РФ ухудшили отношение к России у 18% респондентов по каждому событию, они стали меньше гордиться Россией, их патриотические чувства стали слабее, а улучшили – лишь у 5%. Эти же два последних вопроса вызвали у респондентов больше затруднений при выборе варианта ответа.

Важно отметить, что у части респондентов (15–18%) сформировалось устойчивое негативное отношение к России, отсутствие патриотизма, а это – одна шестая часть. Эти молодые люди по результатам своего относительно небольшого жизненного опыта уже сформировали такое отношение, и в том числе попали под воздействие других культур и цивилизаций через манипулирование со стороны субъектов иных государств. В условиях, когда патриотизм является полем активного противостояния национально-государственных, негосударственных и антигосударственных

(антироссийских) интересов, наличие такой довольно большой когорты среди молодежи не может не тревожить. Для нейтрализации этого необходимо как проведение некоторых социальных преобразований, так и усиление профилактического патриотического воспитания.

Далее. В качестве открытого вопроса в анкете было предложено сформулировать свое понимание патриотизма. Для 95% опрошенных бакалавров патриотизм – это «любовь к Родине», «вера и гордость за нее», в том числе для 11% это еще «желание изменить в стране к лучшему», 3% респондентов готовы «жертвовать собой ради Родины».

Для 90% опрошенных магистров патриотизм – это «любовь к Родине (Отечеству)», «вера и гордость за нее», некоторые респонденты уточняют «вера и гордость за страну, а не за государство». Среди 90% респондентов: 8% опрошенных дополняют, что «патриотизм – это еще и преданность Родине, готовность приносить пользу стране и народу»; 7% «готовы жертвовать собой ради Родины»; 3% «гордятся достижениями страны и культурой народа»; 1% «верит в народ и в путь, выбранный страной на мировой арене».

Интересно, что среди опрошенных магистров 2% девушек утверждают, что такого чувства как патриотизм не существует и слово «патриотизм» придумано управленческой системой для того, чтобы было легче управлять и контролировать народ. Среди магистров 11% затруднились или не захотели ответить на этот вопрос.

Известно, что в современной России государственными структурами, различными организациями, общественными объединениями проводится большая работа по вопросам патриотического воспитания, в том числе посредством формирования исторического и политического сознания. Примеров много: так, Федеральное общественное учреждение «Межрегиональный центр развития и поддержки одаренной и талантливой молодежи» проводит различные мероприятия, такие как Национальный молодежный патриотический конкурс «Моя гордость – Россия!» и Всероссийский детско-молодежный патриотический фестиваль «Молодые патриоты России», способствующие повышению уровня патриотизма. Это очень хорошие мероприятия, заставляющие молодежь задуматься об этом, но хотелось бы, чтобы подобные мероприятия охватили бы как можно большее количество молодых людей и стали бы нормой для многих. Необходима еще более целостная система, в том числе учитывающая целевые когорты молодежи, более широкая и направленная работа в школе, вузе, со средствами массовой информации.

Выводы:

– необходимо направленное воздействие на средства массовой информации и контроль со стороны государства для того, чтобы уменьшить отрицательное влияние иллюзорных образов, создаваемых СМИ;

– система патриотического воспитания молодежи нуждается в идеологическом «основании» – сильном государстве, необходима разработка эффективных форм и методов патриотического воспитания и противодействия негативному воздействию вредоносных идеологий, разработка и внедрение социальных технологий.

Фионова Л.Р.
д.т.н., профессор Пензенского государственного университета
flr@pnzgu.ru
Ладанова О.Ю.
к.п.н., доцент Пензенского государственного университета
ladanova.2011@mail.ru

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ПРОДУКТИВНЫХ ФОРМ РАБОТЫ ПО ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: *проект, форма работы со студентами, патриотическое воспитание, архив, творческая лаборатория, проектная деятельность, олимпиады, конференции, Интернет-выставка, публикации, исторический источник, формирование патриотизма, гражданственность.*

Патриотическое воспитание молодежи в настоящее время – одно из приоритетных направлений образования. Согласно государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (далее – Программа) целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России. Совершенствование и развитие успешно зарекомендовавших себя форм и методов работы по патриотическому воспитанию с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей граждан – важная задача реализации данной Программы.

В 2012–2016 годах в рамках Программы в Пензенском государственном университете разработан и реализован ряд проектов, направленных на совершенствование патриотического воспитания студентов. Одной из продуктивных форм работы является ***создание творческой лаборатории – архива «Учебный».***

Архивы являются важнейшей частью социальной памяти, культурного наследия человечества. Проходят столетия, одно поколение сменяет другое, и память о содеянном каждым из них сохраняется в таком уникальном и бесценном источнике, как архивный документ. В настоящее время далеко не все наши граждане имеют достаточно четкое представление о работе архивов. А между тем их деятельность представляет как для общества в целом, так и для любого его гражданина значительный интерес. Знакомясь с архивным документом, студенты испытывают особое чувство прикосновения ко времени. Листая архивное дело или знакомясь с публикацией на основе архивных документов, студенты как бы переворачивают живые страницы далекой и одновременно близкой истории нашей родины. Чтобы на долгие годы сохранить эту историю и передавать ее из поколения к поколению, нужно «продлить жизнь» документу, то есть обеспечить его правильное хранение и использование. Вот почему в Пензенском государственном университете (ПГУ) на кафедре Информационного обеспечения управления и производства (ИнОУП) разработан и реализован ***проект «Творческая лаборатория» – создан архив «Учебный»***, целью работы которого является познание студентами-документоведами и архивоведами работы архивных служб на практике, приобщение к сохранению лучших традиций общества и государства.

Метод проектов – это способ организации самостоятельной деятельности студентов по достижению определенного результата, проектирование — это целенаправленная деятельность, позволяющая найти решение проблем и осуществить изменения в окружающей среде.

Проект проходил в несколько этапов:

- создание архива «Учебный» (то есть условий, максимально приближенных к профессиональной деятельности работника архивной службы, которые позволяют студентам в ходе учебного процесса работать с архивными документами);
- организация комплектования архива копийными документами, хранения и учета архивных документов;
- организация использования документов архива «Учебный».

Для осуществления цели был реализован ряд задач:

– Определена и изучена нормативно-методическая база, регулирующая вопросы организации архива.

– Разработаны нормативные документы архива «Учебный» ПГУ (положение, должностные инструкции работников, положения о структурных подразделениях, годовой план работы архива).

– Осуществлены комплектование архива копийными документами, в частности, создана коллекция архивных документов сотрудников кафедры ИнОУП ПГУ; хранение и учет архивных документов (заполнены книга учета поступления и выбытия документов, список фондов и листы фондов).

– Определена и изучена нормативно-методическая база, регулирующая вопросы использования документов архива.

– В соответствии с намеченными целью и задачами составлен план мероприятий.

При реализации проекта студенты под руководством преподавателей изучили нормативные методические документы:

1. Федеральный закон от 22.10.2004 №125-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об архивном деле в Российской Федерации». Из данного закона были взяты сведения об источниках комплектования государственного архива, виды архивных фондов.

2. ГОСТ Р 7.0.8-2013 СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. (Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.10.2013 №1185-ст.). Из ГОСТа были взяты определения: архив, архивная коллекция, публикация архивных документов.

3. «Основные Правила работы архивов организаций» (одобрены решением Коллегии Росархива от 06.02.2002). На основании требований, прописанных в данном нормативно-методическом документе, были оформлены дела, принимаемые в архив, составлены описи дел, обзоры и исторические справки.

4. Приказ Минкультуры РФ от 18.01.2007 №19 (ред. от 16.02.2009) «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (Зарегистрирован в Минюсте РФ 06.03.2007 №9059). Из данного документа были взяты формы акта приема-передачи архивных документов на хранение; листа-заверителя дела. Также на основании него производилось комплектование архива документами.

5. Приказ Минкультуры от 31 марта 2015 г. «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях». (Зарегистрирован в Минюсте 7 сентября 2015 г. Рег. № 38830). В соответствии с этим документом в архиве «Учебный» были организованы хранение, комплектование, учет и использование документов.

6. Приказ Росархива от 11.03.1997 №11 «Об утверждении Регламента государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации» (Зарегистрирован в Минюсте РФ 08.07.1997 №1344). На основе данного Регламента был определен порядок ведения книги учета поступлений документов; списков фондов; списков дел и документов или их разновидности; листов фондов или заменяющие их документы, а также другие учетные документы.

Для изучения учетных документов по интересующей тематике был организовано посещение Государственного архива Пензенской области и Отдела архивного хранения документов Пензенского государственного университета.

7. Составление архивных описей. Методические рекомендации / Федеральная архивная служба России Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. – М., 2005. На основе данных рекомендаций производилась классификация фондов архива «Учебный», в том числе по типовой схеме для фондов личного происхождения.

8. Примерное положение об архиве государственного учреждения, организации, предприятия (утверждено приказом Роскомархива от 18.08.1992 года № 176). В соответствии с этим документом определены состав документов, задачи, функции и права учебного архива.

9. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников государственных архивов, центров хранения документации, архивов муниципальных образований, ведомств, организаций, лабораторий обеспечения сохранности архивных документов». Согласно этому документу квалификационная характеристика каждой должности имеет три раздела: «Должностные обязанности», «Должен знать» и «Требования к квалификации». В соответствии с этим документом были разработаны должностные инструкции работников учебного архива.

10. Информационное письмо Росархива от 04.09.2015 «О планировании работы архивных учреждений Российской Федерации на 2016 год и их отчетности за 2015 год». В соответствии с этим документом составлен План работы архива «Учебный».

В результате этой работы совместными усилиями преподавателей и студентов были созданы условия для работы творческой лаборатории-архива «Учебный».

С целью ***организации работы архива*** «Учебный» были разработаны Положение об архиве, Должностные инструкции работников, Положения о структурных подразделениях архива, Годовой план работы архива.

Согласно этим документам учреждение архив «Учебный» создано по инициативе преподавателей и студентов кафедры Информационного обеспечения управления и производства Пензенского государственного университета с целью эффективной организации процесса обучения архивному делу 1 октября 2012 года как архив копий документов Государственного архива Пензенской области (ГАПО) и копий личных фондов архивных документов, сдаваемых фондообразователями в архив «Учебный» ПГУ с целью систематизации и последующей передачи в ГАПО.

Полное наименование структурного подразделения, закрепленное в Положении об архиве: Архив «Учебный». Местонахождение учреждения: ул. Красная, д.40, корп. 7, ауд. 305А, г. Пенза, 440026, Россия.

В соответствии с Положением архив не является юридическим лицом, создан с целью эффективной организации процесса обучения архивному делу в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации.

По своей организационно-правовой форме архив является структурным подразделением кафедры ИнОУП. Учредителем является кафедра Информационного обеспечения управления и производства Пензенского государственного университета.

Архив не осуществляет бухгалтерский учет, предоставляет информацию о своей деятельности Учредителю. Финансовое обеспечение деятельности архива осуществляется за счет средств кафедры ИнОУП ПГУ на основании бюджетной сметы.

Архив не имеет права предоставлять и получать кредиты (займы), ведет статистическую отчетность, отчитывается о результатах деятельности в установленные сроки перед Учредителем. Архив «Учебный» имеет свой штамп, бланки.

Согласно Положению об архиве основной целью создания архива «Учебный» является эффективная организация процесса обучения архивному делу; осуществление деятельности по хранению, комплектованию, учету и использованию копий архивных документов и архивных фондов.

Целями деятельности архива являются:

- предоставление копий документов с целью обучения студентов архивному делу;
- постоянное хранение архивных копий документов и архивных фондов, хранящихся в архиве;
- обеспечение сохранности и учет копий документов, хранящихся в архиве;
- комплектование архива копиями документов Архивного фонда Российской Федерации, иными архивными документами на различных видах носителей в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- создание информационно-поисковых систем, банков и баз данных о документах архива;
- ведение научно-исследовательской и методической работы в области архивоведения, документоведения и археографии;
- предоставление услуг в установленной сфере деятельности.

Для достижения указанных целей архив «Учебный» осуществляет следующие виды деятельности:

- осуществляет хранение и учет архивных копий документов и архивных фондов, поступивших в архив на законном основании;
- проводит работу по улучшению физического состояния копий документов, их реставрацию, консервационно-профилактическую обработку;
- проводит мероприятия по соблюдению особого режима хранения, учета и использования копий документов;
- составляет список организаций – источников комплектования; осуществляет прием документов на постоянное, долговременное и временное хранение, в том числе на договорной основе;
- проводит экспертизу научной, исторической и практической ценности документов, хранящихся в архиве;
- создает пользователю архивными документами условия, необходимые для поиска и изучения архивных документов;
- временно, до устранения повреждений, ограничивает использование копий архивных документов, признанных в установленном порядке находящимися в неудовлетворительном физическом состоянии;
- организует документальные выставки;
- выявляет архивные материалы и подготавливает к изданию сборники архивных документов, путеводители, перечни, указатели, справочники о составе и содержании документов архива и иные справочно-информационные издания;
- проводит совместно с научными учреждениями или самостоятельно научные исследования по архивоведческой и документоведческой тематике, участвует в научно-практических конференциях;
- разрабатывает перспективные и годовые планы работы архива.

Управление архивом «Учебный» осуществляется в соответствии с Положением на принципах демократичности, приоритета общечеловеческих ценностей, охраны жизни и здоровья человека, свободного развития личности, единоначалия и самоуправления.

Структура и численность назначенных ответственными за работу архива студентов определяется в соответствии с Положением и закрепляется специальным документом – структурой учреждения, в котором указываются все структурные подразделения, наименование должностей и количество штатных единиц по каждой из должностей.

В архиве «Учебный» действуют следующие структурные подразделения: отдел хранения и комплектования, отдел учета, отдел использования. За документационное обеспечение архива отвечает заместитель куратора.

Организационная структура архива «Учебный» представлена на рис. 1.

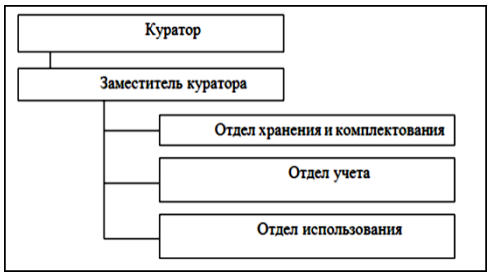


Рисунок 1.
Организационная структура архива «Учебный»

Отделы являются структурными подразделениями архива «Учебный». Каждый отдел возглавляет свой начальник, назначаемый и освобождаемый от должности куратором архива «Учебный».

В архив «Учебный» принято на хранение (вид приема – выборочный) копии 6-ти фондов различных организаций, содержащие документы как по основной деятельности, так и по личному составу (кадровые) и 13-ти фондов личного происхождения.

После того, как архив «Учебный» был создан, стало возможно ***использование архивных документов в реализации других проектов.***

Формы использования архивных документов: информационное обеспечение пользователей в соответствии с их запросами и в инициативном порядке; представление документов пользователям для исследований; экспонирование документов на выставках; использование документов в средствах массовой информации; проведение информационных мероприятий; выдача документов во временное пользование; публикация документов.

Имея под руками архивные материалы, можно организовать исследовательскую работу студентов, работу по патриотическому воспитанию. Фонды архива «Учебный» позволяют организовать ***конкурс между командами студентов***, который стал традиционным на кафедре ИнОУП ПГУ, начиная с 2013 года. Все студенты третьего и четвертого курсов, разделившись на бригады по 3–4 человека, работают над какой-либо проблемой, связанной с функционированием учебного архива. В конце первого семестра учебного года (по Положению с 20 по 28 декабря) результаты работы представляются в торжественной обстановке с использованием презентации на празднике-конкурсе по архивоведению. Архивные фонды личного происхождения преподавателей кафедры ИнОУП уже выставлялись на конкурсе по архивоведению, проходившем под названием «Загадочные архивы Шерлока Холмса» в 2015 году. Информация о проведении данного конкурса опубликована на официальном сайте Пензенского государственного университета (http://fvt.pnzgu.ru/news/2015/12/22/1133848).

В марте 2016 г. проект «Научно-техническая обработка коллекции архивных документов сотрудников кафедры «Информационное обеспечение управления и производства» Пензенского государственного университета» был представлен на II Межвузовской студенческой олимпиаде в номинации «Документоведение и архивоведение» и занял первое призовое место.

В июне-июле 2016 г. по результатам проекта была написана статья, представленная на 27 научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и образования студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава университета».

В августе 2016 г. дипломная работа выпускницы Журавлевой Л.А. «Научно-техническая обработка коллекции архивных документов сотрудников кафедры ИнОУП ПГУ» участвовала в III Международном конкурсе научно-методических и выпускных квалификационных работ «ГНОЗИС» среди студентов, бакалавров и магистрантов в области социальных, гуманитарных, естественных и технических наук» и заняла первое призовое место.

Было принято решение на основе документов коллекции разработать ***проект по созданию Интернет-выставки***, посвященной юбилею сотрудника кафедры ИнОУП. К 1 октября 2016 г. работа была закончена. Интернет-выставка на основе коллекции архивных документов сотрудников кафедры ИнОУП размещена на официальном сайте кафедры ИнОУП (http://dep_inoup.pnzgu.ru). Результаты проделанной работы были представлены на XIII Всероссийском конкурсе научно-исследовательских и творческих работ молодежи «Меня оценят в XXI веке», проходившем в октябре 2016 года. Студентка Исаева Ю.И. стала лауреатом заочного этапа этого конкурса, представив проект в секции Краеведение «Создание Интернет-выставки на основе коллекции архивных документов сотрудников кафедры ИнОУП ПГУ». Тезисы работы опубликованы в сборнике по материалам конференции.

Параллельно велась работа по реализации ***проекта «Подготовка публикаций»***. Статья к 70-летию сотрудника кафедры ИнОУП Г.М. Тростянского сдана в набор в редакцию газеты «Университетский вестник». Номер вышел 10 ноября 2016 года.

Реализуемые в рамках проектной деятельности на кафедре ИнОУП мероприятия позволяют сформировать у студентов чувство гордости за свою страну, достижения российской науки, культуры и государственности, отечественного спорта, за трудовые свершения граждан, подвиги защитников Отечества.

Актуальность проектной деятельности обусловлена инновационной направленностью экономического развития: владение логикой и технологией проектирования позволит более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие функции и обеспечивает не только конкурентоспособность специалиста, но и формирует чувство патриотизма, гражданственности.

Голубев В.С.
д.г.-м.н., к.х.н., гл.н.с. ФИЦ ИУ РАН

К ПРОБЛЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ: ЦЕЛИ И МЕТОДЫ

Ключевые слова: *научная деятельность, управление наукой, кризис материальной цивилизации, естественно-гуманитарный синтез, оценка качества научной работы.*

Постановка проблемы

Цель науки – поиски истины. Ответ на вопрос, что истинно, а что нет, дает практика. Но в реальности часто происходит другое. Человек изобретает свои субъективные законы и основывает на них социальную практику. Человеку свойственно ошибаться. Изобретенное им («антропогенные» законы) часто оказывается противоречащим объективным законам. Свидетельство этому – весь негатив истории человечества, в особенности, войны.

Другой аспект проблемы: не поиски истины, а удовлетворение потребностей движут человеком. Так появляются не отвечающие естеству законы. Яркий пример: закон либерализма – возвышение потребностей (имеются в виду «низшие потребности»), извращающий природу человека.

Работа научного сотрудника оценивается по формальным критериям (число публикаций, индекс цитирования и т.п.). Но наиболее продвинутые в этом аспекте исследования, которые больше других финансируются, могут также оказаться ошибочными. Однако выявляется это намного позже. Средства на исследования оказываются затраченными впустую. Наоборот, «новое» не цитируется, не признается, не финансируется, а достойная научная карьера для носителей «нового» не достижима.

Остановимся еще на одном аспекте. Когда науки еще не было (в ее современном понимании), человечество изобретало мифы. Таковы все религии. Их живучесть, несмотря на успехи наук, – свидетельство того, что в человеке по-прежнему сильно иррациональное начало. Все это в совокупности обусловливает все более распространяющееся критическое отношение к науке. Но другого способа поиска истины, кроме науки, нет. Поэтому приходится мириться с ее несовершенством, имея в виду, что ошибочные построения науки в будущем будут выявлены и исправлены.

Итак, цель науки – открывать «новое» для познания мира и человека и для практического использования. Цель управления наукой – повысить эффективность данного процесса. В данном сообщении обсуждаются проблемные вопросы современной науки и методы их решения; обосновываются индексы успешности научного сотрудника и качества научной работы.

Кризис материальной цивилизации и наука

Мир переживают острый социогуманитарный кризис – кризис человека и социальной модели. Проявление этого кризиса – возникновение глобальных проблем, среди которых главные: разделение на богатых и бедных (стран мира, людей), загрязнение окружающей среды, гонка вооружений, войны, низкая рождаемость в развитых странах, падение культуры, нравственности и т.п.

Причина кризиса – глубокое и все углубляющееся несоответствие, разлад между материальным и идеальным, между уровнем технологического развития и сознанием человека, между естественными и гуманитарными науками. Техно-гуманитарный разрыв – это отставание гуманитарной составляющей развития от техногенной. Он особенно присущ либеральному обществу. Все проблемы человечества как настоящие, так прошлые и будущие, упираются в проблему эволюционного качества человека.

Неконтролируемый технический прогресс (а таковым он в какой-то степени всегда остается) – опасный враг человечества. Главная задача – ликвидировать этот разрыв, перейти от чисто техногенного развития к техно-гуманитарной гармонии.

Кризис цивилизации – это и кризис науки. Он имеет мировоззренческий характер. В основе кризиса лежит мировоззрение вульгарного материализма «бытие определяет сознание». Естественная наука всегда имела дело с материей и была по существу материалистической. Ей человечество обязано материальным прогрессом и научно-техническими революциями. На ее основе формировались новые технологические уклады. Но и совершенствовались орудия убийств. Гуманизация естественной науки – необходимое условие техно-гуманитарной гармонии.

За гуманитарный прогресс отвечают гуманитарные науки. Но они явно не справляются со своей задачей. Некоторые причины этого: индуктивный метод исследования и недостаток дедукции, субъективизм, отсутствие теоретического аппарата (в том числе, количественных характеристик социогуманитарных систем и критериев их развития),

качественные построения и многое другое. По существу, гуманитарные науки были и остаются по преимуществу преднауками.

Существующий потенциал гуманитарных наук пока мало задействован для гармоничного развития человека. Ибо непросто отделить в них объективное от субъективного, истинное от ложного. Так, каждый философ развивает свою собственную философскую систему, не затрудняясь определить ее место в бесконечном ряду построений других. Некоторые философские системы вообще фантастичны. Например, предлагается воскресить всех живших на Земле людей (?). Было бы полезно извлечь рациональные зерна из существующих философских систем, чтобы посеять их на поле гуманитарного развития.

Экономические и социальные науки, как правило, плетутся в хвосте стихийно возникших социоэкономических систем, изучая их постфактум. Теории фиксируют частности и не в силах предсказать новый порядок, который стал бы средством решения гуманитарных проблем человечества. Концепция устойчивого развития («Sustainable Development»), выдвинутая ООН для спасения человечества, вообще не имеет теоретического обоснования. Нет его, по существу, и у концепции ноосферы.

В исторических науках не задан предмет количественного исследования. В науках о здоровье (валеология, геронтология) до сих пор не выяснено, что является количественной характеристикой здоровья человека. У человековедения и психологии нет своего теоретического аппарата. Этот перечень легко продолжить. Гуманитарная наука не смогла предложить человечеству эволюционно обоснованный путь гармоничного развития человека. В этом одна из причин современного цивилизационного (социогуманитарного) кризиса.

Для выхода из кризиса важное значение имеет проблема естественно-гуманитарного синтеза. Новым естественно-гуманитарным наукам предстоит разработать свой теоретический аппарат и дать количественные критерии развития. На этой основе предложить эволюционно обоснованную систему ценностей и приоритетов. Практика новых наук создаст необходимые условия для гармоничного развития человека.

Траектория естественно-гуманитарного синтеза

Обсудим некоторые актуальные вопросы российской науки, в особенности, в области естественно-гуманитарного синтеза. Конечно, автор не может говорить от имени всей науки. Поэтому ограничимся, возможно, субъективными суждениями о том, что происходит в российской науке, вообще; и в области изучения глобальной системы природа-человек-общество, в частности – своего рода эмпирическими обобщениями.

Первое обобщение: клановость в науке и, как следствие, консерватизм. Главный лозунг, действующий на всех уровнях научной лестницы: «дорогу своим» и «не пускать чужих». Если ты не входишь в когорту избранных и их приближенных, то твоя научная карьера – путь с тысячью препятствиями. А об академической карьере (быть избранным в члены Академии) вообще забудь.

Этот принцип всеобщ. Академические журналы уже давно превратились в своего рода «междусобойчики», публикующие «своих» или тех, чьи работы не противоречат «своим». На научных трибунах засилье «своих», многим из которых вообще нечего сказать. В члены РАН обычно выбирают «своих» – тех, кто всю жизнь делал академическую карьеру, имеющую весьма косвенное отношение к научной. Конечно, среди академиков есть зачинатели новых наук, научных направлений и научных школ. Но их – меньшинство. В то же время многие незаурядные ученые, делавшие научную (а не академическую) карьеру, в члены Академии не попадают.

В итоге имеем кризис российской науки. Засилье «своих» неизбежно ведет к тому, что всякое «новое» встречается в штыки. Положение зачинателя «нового» ненадежно, он всегда «подвешен», от него требуют чего-то другого – его направление не признается, не развивается, не финансируется. И если его новации все-таки признаются (с большим опозданием), то перехватываются «своими». Зачинатель же замалчивается.

Неспособность «своих» открывать «новое» имеет следствием пережевывание задов зарубежной науки, преклонение перед Западом (неужели это – неистребимая родовая черта российской интеллигенции, вообще?!). И это при том, что многие разработки отечественных «не своих» намного опережают западную науку. Между тем, налицо высокомерие Запада – там работы российских ученых (за редким исключением) не цитируются, не переводятся.

Второе обобщение: заблуждения в науке. Человеку свойственно ошибаться. Свои ошибки он переносит в науку. Так рождаются ложные концепции и теории, негативно влияющие на человечество. Это имеет особое значение применительно к гуманитарным наукам, на основе построений которых зачастую происходит социальное конструирование.

Если ошибочные построения в естественных науках исправляются последующими исследованиями без особого ущерба для человека, то в гуманитарных науках такие построения могут негативным образом изменить природу общества – вопреки «правильным» законам. Ярчайший пример этого – все, что происходило в России в XX веке и происходит сейчас. Коммунизм – это утопия, а его построение было провозглашено государственной идеологией. Либерализм – это исторически прошедшее, а реформы в посткоммунистической России происходят по либеральному сценарию. Лженаука, ее политические интерпретаторы (к тому же они – непрофессионалы или полупрофессионалы) – злейшие враги прогресса.

Третье обобщение: невостребованность науки. Это приводит к весьма печальным последствиям. У России формально отсутствует государственная идеология и основанная на ней стратегия развития. Имеющиеся же разработки в области стратегии («Стратегия-2020» и предполагаемые будущие стратегии) осуществляются либеральными экономистами и поэтому в принципе не могут отвечать эволюционным требованиям современности. Альтернативные стратегии не принимаются во внимание. Если бы при проведении реформ 90-х годов прошлого века учитывались по-

следние достижения науки, то не было бы ни шоковой терапии и олигархата в России, ни майдана и последующих событий на Украине.

Этими обобщениями негативного характера пока и ограничимся. «Правильное» управление наукой обеспечит преодоление указанных негативных ее аспектов. Рассмотрим некоторые обобщения позитивного характера.

Четвертое обобщение: генеральное развитие науки о человеке и социуме в XXI *веке – естественно-гуманитарный синтез.* Наука предполагает существование своего теоретического аппарата, количественных законов и методов исследования. Когда этого нет, то имеем дело всего лишь с пред-науками – науками качественного знания. Таковы гуманитарные науки. Естественно-гуманитарный синтез особо значим, если иметь в виду, что на основе гуманитарных построений ведется социальное конструирование. Синтез придаст конструированию объективный научный характер.

Пятое обобщение: наука о человеке (человековедение) – главная наука XXI *века*. Человек в XXI веке становится главной производительной силой, движителем прогресса. Между тем, главной науки – науки о человеке – практически нет.

Величайший мыслитель всех времен Л.Н. Толстой писал по этому поводу следующее (в работе «Так что же нам делать?): … «без науки о том, в чем назначение и благо человека, не может быть никаких настоящих наук и искусств, ибо предметов наук и искусств бесчисленное множество (я подчеркиваю слово бесчисленное, так как понимаю его в точном значении); и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства становятся, как они и сделались у нас, праздной и вредной забавой».

Качество человека определяется тем, насколько его жизнь отвечает объективным социоприродным законам. Эти законы выявляются наукой о человеке – человековедением (человекознанием). Многочисленные подходы к проблеме человека носят по преимуществу качественный характер. Эта проблема широко представлена в философии, социологии, психологии и других гуманитарных науках. Исследования человека методами естественных наук носят, как правило, фрагментарный характер.

Давно дискутируется вопрос о необходимости синтеза естественных и гуманитарных наук. Научных публикаций в этом направлении не счесть, но они большого энтузиазма не вызывают. Ибо ученый-естественник обычно вносит в гуманитарную науку лишь то, чему он «научен» в свой науке. От этого неизбежна искусственность, неубедительность таких построений. Требуется же не просто перенос, а новая идеология – иные принципы, иной теоретический аппарат.

Человековедение – это прежде всего естественно-гуманитарный синтез. На основе ее законов формируется научно обоснованное мировоззрение. Человек, обладающий таким мировоззрением, сознательно ведет строй своей жизни. Он стремится к гармонии с самим собой, обществом и природой. Цель человековедения – познать природу человека, его место в природе и обществе, его предназначение. Тем самым способствовать формированию поколения сполна удовлетворенных жизнью людей.

Если же человек не знает, почему и зачем он появился, в чем смысл его жизни, какова эволюционно обусловленная траектория развития его и социума, то он не может быть сполна удовлетворен жизнью. Отсюда рождаются социальный хаос и ощущение бессмысленности жизни.

Шестое обобщение: социогуманитарное просвещение как синтез образования и воспитания. Для этого потребуются глубинные изменения существующих систем воспитания и образования, их новый синтез. Назовем такой синтез социогуманитарным просвещением.

Обычно считается, что воспитание и образование имеет одну цель – всестороннее развитие человека. Но тем самым как бы утрачивается специфика каждого из процессов – воспитательного и образовательного. Полагаем, что все-таки имеется определенная специфика целей воспитания и образования. Воспитание – это процесс гармоничного развития человека. Цель образования – не просто получение знаний, но формирование «правильного», то есть научно обоснованного, мировоззрения. В совокупности это формирует «человека гармоничного».

Воспитание и образование сопряжены, взаимно влияют друг на друга – между ними существуют прямая и обратная связи. Правильное воспитание развивает способности к обучению. В свою очередь, овладение научным мировоззрением в результате обучения способствуют гармоничному развитию личности.

В раннем детстве на первом плане находится воспитание. Мировоззрение формируется постепенно в процессе обучения. Роль обучения с возрастом усиливается. Особенно значима для формирования мировоззрения учеба в вузе.

Какое же мировоззрение научно обосновано, отвечает современности и способствует становлению «человека гармоничного»? Таким мировоззрением является социальный гуманизм. Согласно нему жизнь – высшая ценность бытия. Все остальные ценности сопряжены с этой главной. Человек, придерживающийся этого мировоззрения, трепетно, бережно относится к жизни своей и других, к жизни природы. Такое отношение сопряжено с правильным пониманием жизни человека как единства биологического, социального и духовного начал. В соответствии с этим пониманием он сознательно строит свою жизнь.

Как выработать социогуманитарное мировоззрение? Для этого необходима внутренняя работа человека над самим собой. Но она приходит с возрастом. Вначале же особенно значима роль образования как школьного, так и вузовского. Для школы важна гуманизация образования. Преподавание естественнонаучных и гуманитарных дисциплин должно быть взаимно увязано и направлено на понимание мира в целом и места в нем человека. Особенно важны гуманитарная и экологическая составляющие образовательного процесса. Ибо именно они дают правильное понимание феномена жизни вообще и человека, в частности. В школе образование и воспитание как бы сливаются воедино, составляя суть социогуманитарного просвещения.

Что касается высшего образования, то здесь ситуация несколько иная, чем в школе. Ибо отдельно существуют вузы естественного и гуманитарного профиля. Гуманизация образования в вузах естественного профиля подразумевает преподавание в них определенных гуманитарных дисциплин в связи с естественнонаучными. Полезно было бы ввести также преподавание дисциплин, в которых реализован естественно-гуманитарный синтез.

Вузы гуманитарного профиля проще ориентировать на выработку социогуманитарного мировоззрения. Мотивы социогуманизма так или иначе присутствуют в большинстве гуманитарных дисциплин. Требуется лишь их усилить, сделать акцент на них. Полезно будет ввести и новые учебные курсы, в которых дается естественнонаучное обоснование мировоззрения социогуманизма. Социогуманитарное просвещение является необходимой предпосылкой для преодоления социогуманитарного кризиса, формирования «человека гармоничного».

Седьмое обобщение: от экономического роста к гуманизации экономики и развитию. Экономический рост (с целью роста потребления и увеличения прибыли владельцев капитала) уже не может рассматриваться как критерий развития. Таким критерием становится рост национального богатства (в обобщенном смысле), включающего наряду с физическим капиталом другие – человеческий, социальный, природный, культурный, демографический, финансовый. Национальное богатство является потенциалом экосоциогуманитарного развития. Тем самым экономика рассматривается уже не как цель, а как средство гармоничного развития человека, социума и природы. От либеральной к социогуманитарной экономике – такова новая траектория XXI века. Концепция гуманизации экономики может рассматриваться как развитие «философии хозяйства» русского ученого XX века С.Н. Булгакова.

Восьмое обобщение: от охраны к гуманизации окружающей среды. Противоположность «естественная биосфера – искусственная (управляемая) биосфера» разрешается на основе гуманизации окружающей среды. Регулируемая биосфера включает в себя гармоничное сочетание природного и антропогенного компонентов. Регулирование означает управление внешними механизмами функционирования биосферы (выбросами CO_2 в атмосферу, промышленными и бытовыми отходами и др.) и ограниченное разумное вмешательство в ее внутренние механизмы (сохранение биоразнообразия, экохозяйство как сотворчество человека и природы: посадка лесов, аквафермы, заповедное дело и др.).

Итак, главная проблема современной науки – ее гуманизация с тем, чтобы она служила интересам человека. Пока в большей степени она служит интересам государства и власти. Особенно прискорбно видеть ее обслуживающей военно-промышленный комплекс. Разоружение, мир на Земле – все это подвластно науке, которая выявляет законы развития. Всеобщая гармония, разрешение противоположностей через их гармонический синтез – таков истинный закон развития. А не «борьба» противоположностей, следуя которой человечество заблудилось. Яркий пример: Украина, где «борьба» противоположностей (вступать в Европейский или в Таможенный Союз) уже привела к человеческим жертвам и всеобъемлющей деградации.

Не зная, как изучать человека, наука изучает все остальное. Тратятся безумные ресурсы на познание микромира. Физиков почему-то волнуют абстрактные (однозначно не решаемые?!) проблемы: что происходило миллиарды лет назад и что будет происходить через миллиарды лет. Наука – в поисках эксклюзивных технологий, могущих стать проклятием для человечества. Исследуется холодный, враждебный человеку космос… Материалистическая (не гуманитарная) ориентация науки уже подвела мир на грань выживания.

И это происходит в то время, когда наибольшая угроза человечеству происходит от него самого. Когда миллионам людей в мире не хватает воды и продуктов питания. Когда человек и природа деградируют. Когда человечество захлебывается в отходах своей деятельности, зачастую не нужной и даже вредной. Когда бесплодно тратятся ресурсы на выращивание миллионщиков, чей образ жизни находится в вопиющем противоречии с естественными законами. Когда в России разрушены промышленность и сельское хозяйство. Когда страна утратила продовольственную безопасность. Когда деградируют образование, медицина и наука. Когда происходит депопуляция…

Мир ожидает социогуманитарный переход, когда в центре развития окажется «человек гармоничный» – человек творческий, человек совершенствующийся. Что это будет так, косвенно свидетельствует следующее. Земля не получает из космоса сигналов других более развитых цивилизаций. Они уже «выросли из детства»: отказавшись от экспансии в космос, они занялись благоустройством своего природного Дома и своего внутреннего мира.

О реформировании в науке

Вопрос о реформировании РАН уже неоднократно запускался в широкую общественность. Но создается впечатление, что дискуссия ведется зачастую по частным вопросам. В годы реформ 90-х годов ученых и науку в целом власть обрекла на нищенское существование. Одновременны были открыты все двери для отъезда ученых на Запад. В результате «утечки мозгов» российская наука понесла неисчислимые потери. Страна лишилась талантливых ученых и, как следствие, перспектив на ускоренное инновационное развитие. Запад же без всяких усилий получил человеческий капитал высокого качества.

«Утечка мозгов» имеет в основном материальную подоплеку: невозможность молодому человеку строить свою жизнь из-за низкой оплаты труда ученых. Молодежь не идет в науку также из-за низкого престижа данной профессии, а еще потому, что отсутствуют нормальные стимулы для карьерного роста. Ибо, как правило, в академики избираются на основе «академической», а не научной карьеры. Следствием данных факторов является качество научных исследований – Нобелевских лауреатов в посткоммунистической России почти нет.

Какая же реформа в действительности нужна? Суть ее может быть определена лишь одним способом – в зависимости от цели реформирования. Если же цель не ясна или она формулируется в неоднозначных терминах, то реформа идет по известному правилу: хотели как лучше, а получили как всегда.

Цель науки – изучать природу, общество и человека, открывать «новое». Цель реформы – повысить эффективность этого процесса: совершенствовать структуру РАН, повышать качество научной работы и квалификацию научных сотрудников. Существуют, по крайней мере, три проблемы, требующие решения: структура РАН; управление наукой; критерии оценки научных исследований.

Структура РАН архаична и крайне недемократична. Членами Академии считаются только академики и члены-корреспонденты. Все же остальные – всего лишь наемные работники; в их числе, и те, кто в основном и движет науку – доктора и кандидаты наук. Выбирают же в академики и члены-корреспонденты сами члены Академии. Это все равно, как если бы в Госдуму выбирал не народ, а сами думцы.

Конечно, Академия – не Дума. Но как Дума представляет народ, так и Академия – научных работников, которые, соответственно, и должны ее избирать. При существующей процедуре выборы не имеют демократического характера. Общее собрание РАН, где происходят выборы, просто не в силах объективно оценить вклад конкретного кандидата в науку. Инновационная траектория развития страны требует новых форм организации науки.

Демократизация подразумевает расширение состава членов Академии: введение в ее состав докторов наук. Это означает изменение процедуры академических выборов: член-корреспондентов выдвигают из своего числа и избирают доктора наук, а академиков – член-корреспонденты. При этом более объективно станет оцениваться вклад в науку избираемых ученых. Здесь подчеркивается лишь принципиальная сторона вопроса без обсуждения самой процедуры выборов.

Требуют существенного уточнения критерии выбора в члены академии. Научная работа не должна подменяться, как это зачастую происходит, академической карьерой. Не секрет, что в РАН достаточно «номенклатурных» академиков, которые избраны не по научным, а по карьерным заслугам. Типичный путь в академики – сначала стать директором института или его заместителем и на этом основании получить академическое звание. А потом можно и уйти из больших начальников на спокойное академическое существование. К сожалению, таким карьерным путем часто приходится идти даже незаурядным ученым.

Этот порочный путь к академическим званиям должен быть закрыт. Потребуется осуществить разграничение в руководстве РАН административной и научной функций. Директора академических институтов должны выполнять чисто административные функции и в силу этого уже не избираться в академики. В каждом институте должен быть научный руководитель с наивысшим статусом, ответственный за научную работу. Для придания большей динамичности развитию науки было бы целесообразно установить предельные сроки пребывания на руководящих должностях.

Должны четко выдерживаться критерии, по которым происходят выборы. В сущности, они просты. Если ученый развил новое научное направление, то он – явный кандидат в член-корреспонденты. Если же им развито несколько новых направлений или новая наука, или создана своя научная школа, то он – кандидат в академики. Все это могло бы способствовать росту качества научной работы и более квалифицированному отбору на научный Олимп, главный критерий которого – научные достижения.

Для реформирования науки важно определение приоритетных научных направлений. Приведем в этом аспекте характерное высказывание академика Э. Галимова (журнал «Ноосфера», № 1, 2010): «На самом деле в науке нет приоритетов… В науке приоритет определяют новые идеи, открытие новых законов, в каком бы направлении они ни были сделаны, поскольку научные открытия могут изменить всю систему государственных и хозяйственных приоритетов. Наука индивидуальна и свободна».

Проще всего было бы с этим согласиться. Но не есть ли такая абсолютная демократия (в определении приоритетности научных направлений) всего лишь констатацией неумения или даже нежелания управлять наукой?! А также оправданием бесперспективных исследований?! Если быть последовательным, то высказывание Э. Галимова означает следующее. Никому неизвестно, в какой области знаний будут сделаны научные открытия. Поэтому надо заниматься всем. А это значит – ничем, поскольку «океан незнания» безбрежен.

Определение приоритетных направлений – центральная проблема управления наукой. Но это должно происходить по преимуществу снизу, в академических институтах. А работающие в них академики и член-корреспонденты должны стать лидерами данного процесса. Сверху же, со стороны Президиума РАН, необходимо обеспечить максимально благоприятные условия для проведения приоритетных исследований. Правильная политика в отношении перспективных научных направлений и будет означать способность Президиума РАН управлять наукой. Важные приоритеты в области исследования системы природа-человек-общество следуют из рассмотренных выше эмпирических обобщений 4–8.

Существующая структура институтов РАН достаточно архаична. Разделение институтов по отдельным наукам (математика, физика, геология и т.п.) уже не отвечает требованиям современности, когда главным становится синтез (а не анализ, как на начальном этапе становления наук). Для решения важнейших проблем человечества требуются методы разных наук, универсальные специалисты. Работая же в рамках конкретной науки, институты страдают архаичностью тематик, не всегда связанных с актуальными запросами дня. Ибо наука – не цель, а средство решения реальных проблем жизни.

Теперь жизнью на первый план выдвигаются инновационные системные исследования (методами разных наук) – по проблемам и объектам, а не по отдельным наукам. Поэтому требуется сформулировать наиболее приоритетные проблемы, в решении которых будут задействованы самые разные научные организации. Это, в свою очередь, потребует создания особых структурных подразделений. Те же структуры и лица, которые не вписываются в приоритетные проблемы, по существу, есть субъекты «чистой» науки.

Хорошо известно высказывание: наука – способ удовлетворить собственное любопытство за счет государства. Почему ученый выбирает зачастую «чистую» науку, далекую от актуальных проблем, число которых не счесть? «Чис-

тая» наука, конечно, нужна. Но развивать ее, кажется, более уместно в вузах, совмещая занятия ею с преподаванием. Не исключено, что «проблемная» и «чистая» наука должны несколько по-разному финансироваться, по-разному оплачиваться и труд в них.

В РАН имеется достаточный опыт проведения исследований по проблемам и объектам. Например, с 1988 г по 1991 г. успешно функционировала «Программа биосферных и экологических исследований АН СССР», в которой приняли участие многие академические институт. Требуется поднять исследования по проблемам и объектам в РАН на принципиально новый уровень. Сформулировать такие проблемы и объекты на основе самоорганизации «снизу» и управления «сверху» – важнейшая задача Академии.

Цензура в академических журналах

Цензура – система государственного контроля за печатью и средствами информации. В России цензура массовой информации не допускается. А как решается вопрос о цензуре в академических журналах?

Академические журналы все более превращаются в своего рода «междусобойчики», публикующие «своих» авторов и те материалы, которые не выходят за рамки традиционных исследований. Метод такого превращения – отзывы анонимных рецензентов на рукописи присылаемых в журналы статей. Рецензентов выбирает сама редакция журналов. Если отзывы отрицательные – статья не публикуется. Если в отзывах содержатся замечания, дальнейшее превращается в малопродуктивную дискуссию с редакцией. Не редки случаи, когда рукопись просто замалчивается.

Как правило, проходными являются публикации «академических профессионалов», которые всю жизнь занимаются одной проблемой и за рамки ее редко выходят. Они «все знают». Их чему-то научили, и они всю жизнь этим занимаются. Все же «новое» встречается ими в штыки. А еще чаще – просто замалчивается (что проще). Ибо их цель – сохранить себя в науке. Но не развитие науки, требующее утверждения истинно «нового». Не ремесленники ли они от науки?!

Фактически имеет место цензура со стороны редакции журнала. Рецензент анонимен; автор же (особенно «нетрадиционного») бесправен. Его апелляции (когда они допускаются), как правило, не принимаются во внимание. Редакция руководствуется принципом диалектики – да или нет. Хотя конструктивным является принцип «разумного компромисса» – и да, и нет.

В идеале функция рецензента – отличить истинное от не истинного. Содержательная оценка истинности научных результатов, если и возможна, то требует сложного анализа. Но разве может это сделать рецензент, труд которого к тому же не оплачивается? Особенно если он «академический профессионал», перегруженный традиционным знанием? Особенно если в рукописи содержится «новое», которое всегда имеет дискуссионный характер? Не сможет! Это сможет сделать только будущее время. Публикация дискуссионных материалов, возможно, главная функция научных журналов. Ибо в них более вероятно присутствие «нового».

Проблема «нового» и «истинного» в науке решается не сразу, а часто годами. Одна из целей управления наукой – разработать методы скорейшего разрешения этой проблемы, а именно – что из «нового» истинно. Один из таких методов – широкая научная дискуссия относительно «нового» в науке. Она способна снизить остроту проблемы и избежать издержек научного поиска.

Для этого потребуется существенное реформирование академических журналов. В каждом из них должен иметь место раздел «дискуссионные материалы», где публикуется «новое». По этому «новому» проводится научная дискуссия. И если «новое» побеждает, то исследования по данному направлению признаются наиболее актуальными. Тогда в журналах станет меньше традиционных материалов; больше – постановочных, принципиального плана; еще больше – новых, дискуссионных. Это будет специфический, объективный и эффективный, способ управления наукой.

Приведу знакомый автору пример научного управления через дискуссию. В 70-х годах прошлого века рядом авторов было сформулировано новое научное направление «динамика геохимических процессов». Оно было принято в штыки. В одном из журналов («Геология рудных месторождений) были опубликованы две статьи с критикой данных исследований. В журнале развернулась дискуссия. Она завершилась победой «нового».

Прошло время. Дальнейшие исследования полевых геологов и экспериментаторов подтвердили истинность «нового». И тогда произошло объективно необходимое – новое научное направление было официально признано, вошло в плановые академические исследования, было проведено шесть Всесоюзных симпозиумов по кинетике и динамике геохимических процессов и т.д.

К сожалению, таких примеров мало. Чаще (особенно в наше либеральное время) «новое» с ходу отвергается или замалчивается. Цензура в академических журналах процветает.

Стиль академического журнала (многочисленное цитирование предшественников, особенно, иностранных, обзор их работ и др.) затрудняет публикацию «нового». «Новым» обладает лишь автор, и оно еще не цитируется. Так, сам автор по образованию физик, кандидат химических и доктор геолого-минералогических наук. Но теперь пишет и как-то публикует (по преимуществу, не в академических журналах) работы по экономике, экологии, социологии, человековедению и др. Может ли он быть «академическим профессионалом» в экономике, экологии и других науках? Вряд ли. Но тогда ему закрыт путь к публикациям в академических журналах (что реально и происходит), следовательно, и к признанию его научной успешности.

Но даже не это главное. Главное, что такой ученый имеет не «замыленный» взгляд на проблемы новой для него науки. Именно его публикации способны двигать эту науку. Но ему-то и нет хода. Как и где ему публиковаться? Научный сотрудник, как и любой человек, свободен. И нельзя препятствовать высказывать ему свою «правду». «Истина»

не просто сдается. Пусть человек ошибается. И если это будет доказано научной дискуссией, то другие уже не повторят его ошибки.

Используемый в академических журналах аппарат анонимных рецензентов особенно невыносим и, естественно, не демократичен. Между автором и рецензентом должна быть задействована обратная связь, которая в условиях анонимности отсутствует. Как известно, устойчивы и, следовательно, жизнеспособны только системы с обратной связью. Гласный рецензент – одновременно и ответственный рецензент, ибо он отвечает за свой отзыв научной репутацией. Давно бы следовало сделать рецензирование научных статей открытым, а обсуждение дискуссионных вопросов выносить на редколлегию с участием автора.

Работы постановочного плана следует публиковать в разделе «дискуссионные вопросы», который должен иметь каждый журнал. Новые разработки всегда имеют дискуссионный характер. И им необходимо открыть путь. Между тем, уже имеется положительный опыт решения проблемы публикации «нового». Так, издательство URSS успешно выпускает серию «Relata Refero», где публикуемые книги содержат нетрадиционные материалы.

Теперь происходит процесс формирования новой синтетической, системной науки. Ее предмет – сложный природный или социальный объект. Описать его можно, только используя методы разных наук. «Системщик» не может быть «академическим профессионалом» одновременно во всех этих науках. Поэтому критерии оценки его работы должны быть другими, чем «академических профессионалов». Другими должны быть и требования к его публикациям. Назрела необходимость в новых системных научных журналах. Реформирование академических журналов, разработка критериев оценки публикаций, укрепление редколлегий и т.п. – одно из главнейших приоритетных направлений реформирования науки.

Индекс успешности научного работника

Чиновники от науки выработали критерии успешности научного работника. Главные среди них: количество публикаций в зарубежных журналах, количество публикаций в ВАКовских журналах, индекс цитируемости. Способна ли успешно развиваться наука, пользующаяся этими критериями? Учитывая сложившуюся реальность, вряд ли. Наоборот, это будет загнивающая наука. Как известно, прогресс сопровождается ростом структурного разнообразия. Нельзя сводить критерии развития науки всего лишь к нескольким показателям. Наоборот, чем больше этих показателей, чем они разнообразнее, тем объективнее они отражают успешность работника.

Индекс цитируемости мало значим и не может использоваться для оценки качества научной работы. В какой-то степени он отражает успешность работника, но отражает ее субъективно. Ибо сам работник участвует (прямо или косвенно) в формировании этого индекса. Зачастую непосредственно он сам просит своих коллег цитировать (к месту, а больше не к месту) его работы.

Используемые критерии оценки работы ученого не достаточны. Отрицается разнообразная жизнь науки. В связи с этим предлагается индекс успешности (*ИУ*) научного работника, более объективно отражающий его деятельность.

Чем разнообразнее результаты труда научного работника, тем он более успешен – его работа способствует прогрессу науки. Чем больше показателей, характеризующих результаты научной работы, отражено в *ИУ*, тем он более показателен.

Пусть r_i $(i = 1,2,... n)$ – набор индикаторов, характеризующих результаты научной работы за фиксированное время (год и др.). Результативность работы G определим формулой:

$$G = a_1r_1 + a_2r_2 + \ldots + a_nr_n \quad (1)$$

где a_i – постоянные коэффициенты.

Преобразуем формулу следующим образом:

$$G = a_1r_{1max}J_1 + a_2r_{2max}J_2 + \ldots + a_nr_{nmax}J_n, \; J_i = r_i / r_{imax} \quad (2)$$

Здесь J_i – i-составляющая индекса успешности J, r_{imax} – максимально возможное (наблюдаемое) значение i- индикатора.

Далее полагаем, что одинаково значим вклад в результаты научной работы максимальных значений каждой из составляющих G (в принципе здесь можно ввести весовые коэффициенты), то есть:

$$a_1r_{1max} = a_2r_{2max} = \ldots = a_nr_{nmax} \quad (3)$$

Индекс успешности J на основе приведенных формул вводим следующим образом:

$$J = G/G_{max} = 1/n\,(r_1/r_{1max} + r_2/r_{2max} + \ldots + r_n/r_{nmax}) \quad (4)$$

Как видно, индекс успешности – величина безразмерная, меняющаяся по мере роста успешности от нуля до единицы (предельных значений, практически не реализуемых).

Рассмотрим один из возможных способов расчета J. Выбор того или иного варианта зависит от принятого набора оценочных индикаторов научной работы. Чем их больше, тем полнее и объективнее отражаются результаты научной работы.

В качестве одного из вариантов (а их может быть несколько) выберем следующие индикаторы. Пусть r_1 – число опубликованных (за рассматриваемое время, год или др.) работ в ВАКовских журналах, r_2 – в зарубежных, r_3 – в прочих научных журналах и сборниках, r_4 – в популярных изданиях, r_5 – число изданных монографий, r_6 – научно-популярных книг, r_7 – учебных пособий, r_8 – число выступлений на научных конференциях, r_9 – прочитанных лекций.

Если исследуется научное сообщество (институт и др.) в целом, то максимальные значения каждого из индикаторов r_{imax} находятся непосредственно из данного их набора для каждого из сотрудников. Например, рассчитывается J

для всех сотрудников научного института. Тогда значения r_{imax} отвечают наиболее успешному по этому индикатору сотруднику.

Но возможен и другой более простой путь, когда требуется рассчитать индекс успешности отдельного сотрудника без анализа успешности всех сотрудников (для его научного отчета и др.). Для этого волевым способом надо непосредственно задать индикаторы r_{imax}.

Рассмотрим конкретный пример. Пусть рассчитывается индекс успешности сотрудника по результатам его работы за год. В качестве примера зададим следующие максимальные значения индикаторов: $r_{1max} = 5$, $r_{2max} = 3$, $r_{3max} = 10$, $r_{4max} = 4$, $r_{5max} = 3$, $r_{6max} = 2$, $r_{7max} = 1$, $r_{8max} = 10$, $r_{9max} = 100$.

Пусть конкретный сотрудник имеет следующие значения индикаторов: $r_1 = 3$, $r_2 = 0$, $r_3 = 5$, $r_4 = 1$, $r_5 = 1$, $r_6 = 0$, $r_7 = 0$, $r_8 = 6$, $r_9 = 0$. Тогда по формуле для J рассчитывается его индекс успешности $J = 0{,}26$.

Разработанная методика расчета индекса успешности обоснована и имеет более объективный характер, чем обычно используемая балльная система оценки научной работы. Перспективно ее использование на практике. Вместе с тем, следует отметить все-таки формальный характер предложенной методики оценки научной работы. Содержательная оценка истинности научных результатов требует более сложного анализа.

Индекс качества научной работы

Индекс успешности научного работника является оценкой лишь «количества» научной работы. Не менее, а, пожалуй, более важна оценка качества научных результатов. Оценить качество научной работы весьма не просто, а, по мнению ряда ученых, вообще не возможно. Но ведь есть же всеми признанные выдающиеся ученые, исследования которых оценены уже при их жизни. А премии, государственные и международные! Разве их присуждение не свидетельствует, как правило, о высоком качестве работ их лауреатов?! Значит, проблема все-таки допускает определенное, пусть частичное, решение.

Проблема не в том, можно или нет оценить качество научной работы. Она – в том, как формализовать эту процедуру. Конечно, проще всего оставаться на точке зрения, что такая формализация не возможна и не нужна. Возможно, это справедливо для практикуемых в научных учреждениях отчетов по работе (за год и др.). Но разве самому ученому не важно знать, насколько значима для науки его работа?!

Российский индекс цитирования (РИНЦ) вряд ли можно использовать для этой цели. Международные индексы (Scopus, Web of Science и пр.), возможно, в большей степени годятся для оценки качества публикаций. Но и они также субъективны и не отражают всю многообразную деятельность ученого.

Обсудим иной подход к решению данной проблемы. В ее центре вопрос критерия (критериев) оценки качества научной работы. В общем виде решение этого вопроса содержится в эргодинамике. Качество научной работы тем выше, тем больше ее вклад в структурную энергию (национальное богатство в обобщенном смысле) социума; в данном случае, в ее составляющую – культурный капитал. Однако пока не ясно, как применить этот общий критерий на практике, особенно, к конкретному исследователю (для науки страны в целом этот вопрос в принципе решается через расчет культурного капитала и его индекса).

Оставляя для последующего анализа проблему оценки качества конкретной научной публикации (этот вопрос в какой-то степени решается на основе упомянутых выше индексов), рассмотрим возможный подход к оценке качества научной работы конкретного исследователя в целом. Введем по аналогии с индексом успешности научного работника индекс качества всей его научной работы на рассматриваемое время – индекс качества научного работника *ИКР*.

Учтем наиболее существенные, на наш взгляд, составляющие качества научной работы и их вклад (g) в качество научного работника *КР* (в условных единицах):

– новое научно-обоснованное мировоззрение – g_1 ;
– новая наука – g_2 ;
– новое явление или новая закономерность (в эксперименте) – g_3 ;
– практическая реализация нового явления – g_4;
– новое направление в существующих науках – g_5 ;
– новая научная школа – g_6 ;
– теория нового явления – g_7 ;
– развитие и совершенствование существующих теорий – g_8 ;
– рядовые научные исследования – g_9 .

Ограничимся девятью (n=9) данными составляющими *КНР* (вопрос о составляющих и их вкладе может решаться по-разному, что нуждается в особом исследовании). Тогда предельное максимально возможное (идеальное, не реализуемое на практике) значение качества научного работника (*КР*) будет:

$$(КР)_{max} = (g_1 + g_2 + \ldots + g_n) \qquad (5)$$

Определим индекс качества j-научного работника как отношение имеющихся в работах данного исследователя m -составляющих *КР* к максимально возможному их значению:

$$(ИКР)_j = (КР)_j / (КР)_{max} = (g_{j1} + g_{j2} + \ldots + g_{jm}) / (g_1 + g_2 + \ldots + g_n) \quad (6)$$

Пусть, например, индивид установил в процессе своей научной работы новое явление, развил его теорию и, естественно, вел рядовые исследования. Тогда *ИКР* для него будет:

$$ИКР = (g_3 + g_7 + g_9) / (g_1 + g_2 + \ldots + g_n) \qquad (7)$$

Для практических расчетов *ИКР* требуется задать значения g_i (i = 1,2,…n). Для этого надо учесть «вес» каждой из этих составляющих в суммарной величине $(КР)_{max}$. Данный вопрос нуждается в специальном исследовании. Ограничимся лишь иллюстративным примером, задавшись «весами» g_i по следующей формуле:

$$g_i = (10 - i)\, g_0\,,\ (i = 1,2,\ldots n) \qquad (8)$$

Тогда будем иметь:

$$ИКР = [(10 - 1) + (10 - 2) + \ldots + (10 - m)] / [(10 - 1) + (10 - 2) + \ldots \ldots + (10 - n)] \qquad (9)$$

Для рассмотренного выше примера научного работника (открывшего новое явление) найдем по формуле (6.9) *ИКР* = 0,24.

Суммарную оценку научной деятельности по индексу труда ученого *ИТ* предлагаем рассматривать как среднее арифметическое частных индекса успешности *ИУ* и индекса качества *ИКР*:

$$ИТ = (ИУ + ИКР)/\ 2 \qquad (10)$$

ИТ характеризует как производительность труда научного работника (индекс *ИУ*), так и итог всей его научной деятельности. В частности, для рассмотренного в данном и предыдущем параграфе примере имеем *ИТ* = 0,25.

Конечно, предлагаемый подход является лишь введением в сложную проблему количественной оценки научной деятельности. Но он демонстрирует возможность критериальной оценки работы ученого. В частности, такая оценка позволит на более объективной основе избирать членов РАН.

О балльной оценке научной работы

Как разработанный подход соотносятся с применяемой на практике балльной оценкой научной работы? Индекс успешности и индекс качества научного работника строятся на основе определенного теоретического аппарата. Но откуда берутся баллы и их численные значения (30, 15, 10 и т.д.) для оценки разного рода научных результатов, абсолютно не понятно. И если в предложенных индексах не удается избежать определенной доли субъективизма, то баллы ультра субъективны.

Следует отметить, что набор показателей, по которым ведется оценка результативности научного работника, с годами менялся причем в неблагоприятном направлении. Так, если в индивидуальных показателях результативности научной деятельности в институтах РАН за 2006-2007 гг. использовалось 14 показателей, то за 2014–2015 гг. – лишь 5. Тем самым все менее учитывается разнообразная жизнь науки. Рост разнообразия – это прогресс, и наоборот. Чем разнообразнее результаты труда научного работника, тем он более успешен. И чем больше набор индикаторов, по которым оценивается научная работа, тем более показательна такая оценка. В предложенных автором индексах может быть учтены практически все стороны деятельности ученого.

Обсудим конкретно, что нам предлагают разработчики балльной системы в качестве индивидуальных показателей результативности за 2014–2015 гг. За опубликованные статьи в ВАК-журналах начисляется 15 баллов, а в иностранных – уже 30 баллов. Это ли не унижение российской науки, преклонение перед Западом (неистребимая черта российской действительности)?! Далее, статьи, опубликованные в любых других журналах или сборниках научных трудов, вообще не учитываются. Получается, что если один сотрудник опубликовал какое-то число статей в разных изданиях, а другой вообще ничего не опубликовал, то их труд оценивается одинаково. Тем самым не учитываются не только важные научные публикации (особенно если учесть, что в ВАКовских журналах царствует научная цензура, что неблагоприятно сказывается на качестве публикаций), но и научно-популярные. А популяризация науки чрезвычайно важна, об этом говорится на всех уровнях. Также оказывается, что не нужно заниматься научно-общественной деятельностью – публикациями в газетах и других общественных изданиях, выступлениях в ненаучной аудитории и т.п.

Еще более поразительная картина с докладами на научных конференциях. Учитываются лишь «заказные» доклады и сделанные на пленарных заседаниях. А основная работа конференций (особенно, высокого ранга) происходит на секциях, круглых столах и др. Получается: участие в последних мероприятиях – напрасный труд.

Этими сторонами научной деятельности плюс опубликованные монографии (которые почему-то оцениваются недостаточно – малыми баллами) и ограничивается официальная оценка результативности работы ученого в РАН.

Не учитываются такие важные стороны деятельности ученого, как преподавание, научное руководство соискателями ученых степеней и дипломниками, написание учеников и учебных пособий (отнесение их к монографиям сомнительно). Заметим, что в более ранних вариантах оценки результативности (до появления ФАНО?) эти компоненты рассматривались, но опять-таки в балльном варианте. Не учитывается и самый, может быть, важный аспект – практические приложения научных исследований.

Констатируем: число баллов за разного рода результаты работы научного сотрудника устанавливаются произвольно. Учитываются лишь некоторые стороны научной деятельности. Другие, не менее важные аспекты научной работы игнорируются. Чрезмерен субъективизм данного подхода. Балльная оценка разработана людьми, далекими от реальной жизни науки и не понимающими существа научной деятельности. Если результативность по-прежнему будет оцениваться в каких-то непонятных баллах (уже одно это дискредитирует науку), то вряд ли такая наука будет развивающейся. Скорее, она будет загнивающей.

Заключение

Перефразируем известное высказывание «нет ничего практичнее хорошего управления». Управление в соответствии с объективными законами социоприродного развития решает многие проблемы: эффективность научных исследований, их качество, выбор приоритетов и др. Пора ввести в практику управление наукой с помощью дискуссий и научно обоснованных индексов успешности научного работника и качества научной работы. Решение обсуждаемых проблем будет способствовать росту эффективности научного творчества.

Дерябин Н.И.
к.т.н., президент фонда поддержки информационных технологий в авиационной и ракетно-космической промышленности, доцент Московского филиала Военно-медицинской академии

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ XXI ВЕКА

Ключевые слова: *кибернетика, стратегия, управление, информация, энергия, технология, медицина.*

«Для того чтобы решить проблему, нужно подняться на более высокий уровень сознания, нежели тот, на котором эта проблема была сформулирована»
А. Эйнштейн

Современное информационное общество имеет свои особенности, которые существенным образом влияют на понятия и положения, принятые ранее.

♦ **Кибернетика** (от др.-греч. Κυβερνητική – «искусство управления») наука об общих закономерностях получения, хранения, передачи и преобразования информации в сложных управляющих системах, будь то машины, живые организмы или общество.

Кибернетика включает системный анализ, стратегическое управление и информационные технологии.

Системный анализ – совокупность методов и средств, используемых при исследовании и конструировании сложных и сверхсложных объектов, прежде всего методов выработки, принятия и обоснования решений при проектировании, создании и управлении социальными, экономическими, человеко-машинными и техническими системами.

Стратегическое управление – процесс интерактивного выполнения комплекса планируемых мероприятий, направленных на реализацию единой стратегии в иерархии всех систем (технических, биологических, социальных, информационных и т.д.) объединенных процессом стратегического управления и планирования.

Информационные технологии (ИТ) – широкий класс дисциплин и областей деятельности, относящихся к технологиям управления и обработки информации, в том числе, с применением вычислительной техники.

Любая деятельность везде и всегда подразумевает сбор и обработку информации, выработку управляющего решения и его реализацию. Столяр, например, вначале думает, что он хочет сотворить (обработка информации и принятие решения), затем берет линейку и размечает заготовки (мера движения инструмента и расходования физических усилий – энергия), после чего реализует задуманное (затрачивает энергию и создает материальный объект). Иными словами, формируется процесс: **информация – энергия – материя.** В то же время имеет место непрерывная информационная поддержка всех этапов данного процесса (мышление созидателя-творца) – она необходима для эффективного управления процессом. Следует обратить внимание, что информационная составляющая (обработка информации и принятие решения) такого процесса всегда является первичной и определяющей все последующие действия.

Энергия – сегодня трактуется как единая мера различных форм движения и взаимодействия материи, мера перехода движения материи из одних форм в другие.

«Материя и излучение, согласно специальной теории относительности, являются только особыми формами энергии, распределенной в пространстве; таким образом, весомая масса теряет своё особое положение и является лишь особой формой энергии»[1].

Материя (от лат. *māteria* «вещество») – общий термин, определяющийся множеством всего содержимого пространства-времени и влияющее на его свойства. Иначе говоря, материя в современном понимании – это не только вещество, но и поля: электромагнитное, гравитационное и квантовые различной природы, и даже такие субстанции как тёмная материя и тёмная энергия.

На основании вышеизложенного формулируется определение информации:

Информация – нематериальная (высшая) форма движения, использующая особую энергию, распределённую в пространстве, для творения (образования) различных видов материи и алгоритмов её взаимодействия.

В этом случае определение энергии будет уже следующим:

Энергия – особая форма информации, распределённой в нелокальном пространстве. Скорее всего, именно такую трактовку подтверждает явление психокинеза (воздействие мысли на материю).

Другой, уже биологический пример процесса «информация-энергия-материя» – создание белковой молекулы в организме человека. Такой процесс уже автоматизирован: Рибосома – ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) – иРНК (информационная рибонуклеиновая кислота) – тРНК (транспортная РНК) – материальный объект (органическая

[1] Эфир и теория относительности // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т.1. – М., 1965. — С. 685.

молекула). Рибосомы осуществляют биосинтез белка на основе информации (своего рода чертежи), поставляемой из ДНК молекулами иРНК, с использованием аминокислот (в качестве строительного материала), поставляемых транспортными РНК. Иными словами, жизнь на Земле существует благодаря двум видам «информационных» молекул – ДНК и РНК. Именно в них заложены все «коды» и функциональные алгоритмы наших организмов. Следовательно, в человеке налицо две составляющие: информационная (нематериальная) и биологическая (материальная). И в этом случае информационная составляющая первична. Если биологическая компонента (физиология) исторически изучалась врачами, то на информационную обратили серьёзное внимание только в последнее время, особенно с развитием кибернетической медицины. В настоящее время, например, в Минздраве России обсуждается введение в медицинских учреждениях должности «врач-кибернетик» и осуществляется разработка соответствующего профессионального стандарта[1].

Ещё один комментарий известного учёного, имеющий непосредственное отношение к приведённому примеру, в котором действуют уже законы квантового мира:

«Информация не просто математическое понятие, она всегда имеет физическое воплощение, которое в традиционной теории информации следует законам классической физики, а в квантовой информатике – законам квантового мира» (Майкл Нильсен, 2003).

В квантовой информатике, естественно, речь идёт о наносистемах.

Наносистема – материальный объект в виде упорядоченных или самоупорядоченных, связанных между собой элементов с нанометрическими характеристическими размерами, кооперация которых обеспечивает возникновение у объекта новых свойств, проявляющихся в виде квантово-размерных, синергетически-кооперативных, «гигантских» эффектов и других явлений, и процессов, связанных с проявлением наномасштабных факторов[2].

Человек – наносистема с квантовым характером внутренних процессов. Белок человека – это наночастица, размер которой находится обычно в пределах от 4 до 50 нм. Белки образуют полипептидную наноцепь. Молекула ДНК человека представляет собой две нуклоидные наноцепи, закрученные относительно друг друга с периодом 3,4 нм, общим диаметром 2 нм. Размер гемоглобина, переносчика кислорода в крови человека имеет диаметр 7 нм, инсулин (полипептидный гормон) – 2,2 нм, а фибриноген, свёртывающий кровь – 50 нм. Размеры вирусов, с которыми приходится бороться человеку, находятся в пределах от 10 до 200 нм. Вирус гриппа, например, имеет диаметр 60 нм.

В головном мозге человека по данным разных источников насчитывается от 65 до 100 миллиардов нейронов. Цитоскелет нейрона состоит из фибрилл разного диаметра. Микротрубочки (Д = 20-30 нм) – состоят из белка тубулина и тянутся от нейрона по аксону, вплоть до нервных окончаний. Нейрофиламенты (Д = 10 нм) – вместе с микротрубочками обеспечивают внутриклеточный транспорт веществ. Микрофиламенты (Д = 5 нм) – состоят из белков актина и миозина, особенно выражены в растущих нервных отростках и в нейроглии и т.д.

Поэтому, человека можно представить в виде совокупности материальных точек квантовомеханической системы. Как в классической, так и в квантовой механике элементарным объектом изучения является материальная точка. Однако эти объекты, имея одинаковое название, коренным образом отличаются друг от друга: материальная точка классической механики имеет три степени свободы, а материальная точка квантовой механики – бесконечное число степеней свободы. Следовательно, материальная точка квантовой механики обладает неограниченной информационной вместимостью[3]. Значит, без системного кибернетического подхода современной медицине не обойтись.

Кибернетическая медицина – научное и практическое направление в медицине, которое основано на понятиях, законах и закономерностях жизнедеятельности человеческого организма и окружающей его среды, и связано с соответствующими технологиями, методами и методиками кибернетики. Окружающая среда здесь понимается, в том числе, и как нелокальное пространство.

Свойство нелокальности квантовой теории вызывает существование корреляций между состояниями запутанных подсистем исходной системы, на каких бы расстояниях друг от друга они не находились. Поэтому появляется возможность мгновенного определения квантового состояния в одном месте на любом расстоянии путём измерения, запутанного с ним состояния в другом месте и соответственно, его передача с бесконечной скоростью[4].

Кибернетическая медицина объединяет:

♦ Наномедицину;
♦ Высокотехнологичную медицину;
♦ Телемедицину;
♦ Интегративную медицину;
♦ Аюрведу;
♦ Квантовые биотехнологии, использующие квантовые компьютеры, нанокомпьютеры и ДНК-компьютеры;
♦ Квантовую психологию;
♦ 3D-биопечать;
♦ Астрофизическую методологию.

---

[1] Зарубина Т.В. Нормативное и научно-методическое обеспечение ЕГИСЗ. Международный конгресс «Информационные технологии в медицине», г. Москва, 13–14 октября 2016 г.

[2] Пул Ч., Оуэнс Ф. Мир материалов и технологий. Нанотехнологии; Пер. с англ. – М.: Техносфера, 2005.

[3] Квантовомеханическая система и её наглядная модель. – http://bibliofond.ru/view.aspx?id=93721; Тарасов Л.В. Основы квантовой механики. – М.: Высшая школа, 1978. – С.166-167. – http://aklimets.narod.ru/Razmernost.htm

[4] http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/826524

Аюрведа (санскр. «āyu» – «смысл жизни», «принцип жизни» и «veda» – знание, учение) – традиционная система индийской медицины, базирующая на учении о миссии человека во вселенной.

Интегративная медицина – научное и практическое направление в медицине, которое основано на системном подходе к жизнедеятельности человека и окружающей его среде без ограничения времени и пространства в процессе генезиса и базирующееся на когнитивной науке.

Генезис – момент зарождения и последующий процесс развития, приведший к определённому состоянию, виду, явлению.

Когнитивная наука (cognitive science**) –** комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей.

Когнитивное моделирование – моделирование, предназначенное для анализа и принятия решений в малоизвестных ситуациях, основанное на субъективных представлениях экспертов.

Квантовая психология – наука о психическом отражении действительности в процессе существования человека в нелокальном пространстве как субъективной квантовомеханической системы (наносистемы).

Кибернетическая медицина – это медицина, основанная на достижениях современной науки, охватывающих практически все знания, накопленные человечеством. Именно поэтому столь значим здесь системный анализ. «Главные проблемы биологии связаны с системами и их организацией во времени и пространстве» (Н. Винер).

Основы стратегического управления в человеческом сообществе на государственном, отраслевом и корпоративном уровнях рассмотрены достаточно подробно [1, 2, 6, 7]. Аналогичный подход был распространен и на Вселенную [3–5] – см. рис. 1.

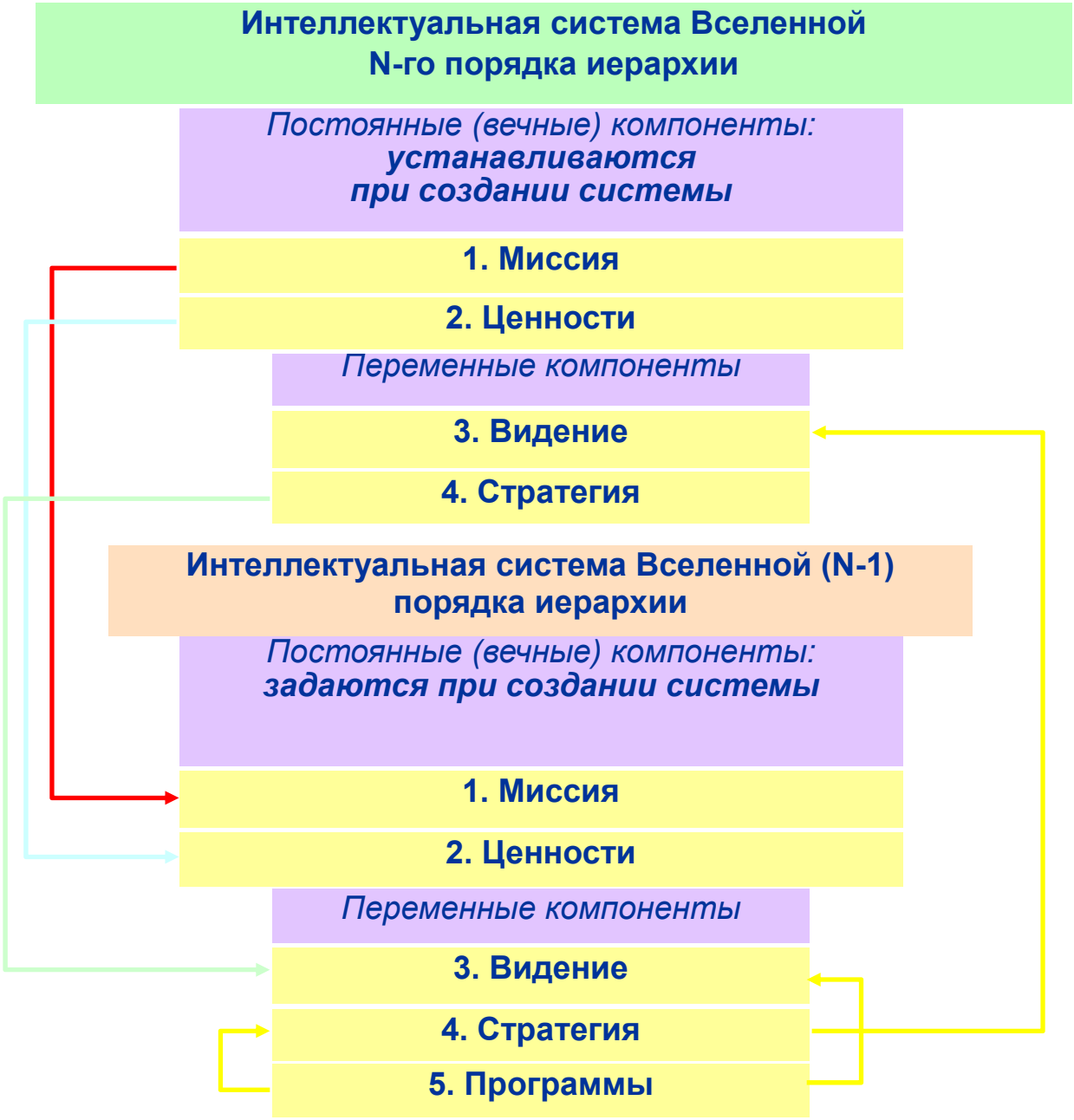


Рисунок 1.
Стратегическая иерархия в системе «Вселенная – Человек»

Миссия – определяет смысл существования системы.

Ценности – руководящие принципы системы при выполнении миссии.

Видение – прогнозирование возможных состояний системы на пути выполнения миссии.

Стратегия – комплекс выполняемых системой действий, реализующих видение пути достижения миссии на основании заложенных ценностей.

Стратегическое каскадирование – соответствие миссий, ценностей, видения и стратегий нижестоящей системы тем, которые имеются у вышестоящей системы: при этом миссия вышестоящей системы поддерживается миссиями нижестоящих систем, а вышестоящие стоящие системы обеспечивают все условия для выполнения миссий нижестоящими системами (обозначены стрелками «сверху-вниз» с левой стороны на рис. 1).

С правой стороны на рис. 1 стрелками «снизу-вверх» обозначены оперативная, тактическая и стратегическая обратные связи.

На рис. 1 отражена лишь одна ветвь системы. В действительности, вид общей системы стратегического управления будет представлять собой перевернутую крону дерева ветвями вниз, а стволом вверх. На основе системного анализа можно сформулировать следующие два закона[1]:

♦ ***Закон единства и подобия Вселенной:*** «Все процессы мироздания реализуются единой иерархической системой стратегического управления посредством совокупности типовых процедур и алгоритмов на всех уровнях». Этот закон вытекает из основ стратегического управления – см. рис. 1 (общая система каскадирования и обратных связей).

♦ ***Закон системной иерархии:*** «Ни один творец не может создать ничего более совершенного, чем он сам».

Закон также вытекает из основ стратегического управления: нижестоящую систему создает только вышестоящая для решения собственных задач с целью получения своего рода «помощника» на пути выполнения персональной миссии. Как, например, министр здравоохранения страны не сможет решать поставленные задачи без создания поликлиник, больниц и соответствующих образовательных учреждений. В то же время, «помощник» во Вселенной не в состоянии созидать то, что может его «патрон» из-за колоссальной разницы в интеллекте. «...Чем точнее и подробнее измеряют астрономы Вселенную, тем более тонко настроенной она оказывается... По моему мнению, Реальность, давшая жизнь Вселенной, должна быть Личностью, ибо только Личность может создать что-то с подобной степенью точности. Задумайтесь также над тем, что эта Личность, должна быть, по меньшей мере, в сотни триллионов раз более «разумной», чем мы, человеческие существа, даже учитывая наши потенциальные возможности» *(Хью Росс).* Альберт Эйнштейн более категоричен: «Я верю в Бога, как в Личность, и по совести могу сказать, что ни одной минуты моей жизни я не был атеистом. Еще, будучи молодым студентом, я решительно отверг взгляды Дарвина, Геккеля и Гексли, как беспомощно устаревшие». Джон Флеминг придерживался аналогичного мнения: «Великое множество современных открытий полностью разрушило старые материалистические представления. Универсум[2] предстает сегодня перед нами как мысль, но мысль предполагает наличие Мыслителя».

Эти два закона позволяют на основе системного анализа всего происходящего в человеческом сообществе на Земле понять происходящее во Вселенной, и наоборот. Например, дети, играющие в песочнице, делая куличи или машинки из песка, только подражают взрослым – их творения никогда не будут съедены или перевозить кого-либо. Дети лишь внешне копируют созданное взрослыми, которые сами являются «творцами» этих детей. И ничего выдающегося самостоятельного, кроме подражания родителям, дети в принципе создать не могут, пока не дорастут до уровня их «творцов». Аналогично и люди на Земле. И неважно, кто является их Творцом: Природа, Бог, Инопланетяне или Темная материя, которую сегодня астрофизики считают «настоящей хозяйкой Вселенной». В любом случае – это Интеллектуальная система (Личность) более высокого уровня иерархии, деятельность которой человек может только копировать в более слабом исполнении, в том числе из-за невозможности автоматического использования фундаментального принципа наименьшего действия.

♦ **Принцип наименьшего действия** – все происходящие процессы реализуются с минимальными затратами энергии при максимально эффективном (оптимальном) результате. Оптимизация заключается в нахождении наилучшего варианта по комплексному (интегральному) критерию максимальной функциональности и гармонии в нелокальном пространстве, а также минимума энергопотребления при реализации своих функций.

Примером может служить электрический ток, который всегда течёт по линии наименьшего сопротивления, или луч света, распространяющийся только по кратчайшему пути. Если в качестве примера взять какую-либо систему, то в этом случае функциональность определяется совокупностью всех возможностей (функций), которые предоставляет или реализует данная система. Можно сравнить функциональность и соответствующие затраты энергии самолёта и птицы. Системой является и Вселенная, и человек. Гармонию можно кратко охарактеризовать – «ничего лишнего».

А теперь обратимся к законам и определениям квантового мира, который господствует во Вселенной, потому как в ней привычная для нас материя составляет всего 4% (остальное: темная материя – 23% и темная энергия – 73%).

♦ **Ква́нтовая запу́танность** (спутанность) – квантовомеханическое явление, при котором квантовые состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми. Такая взаимозависимость сохраняется, даже если эти объекты разнесены в пространстве за пределы любых известных взаимодействий, что находится в логическом противоречии с принципом локальности. Кроме того, общее знание о системе в целом всегда больше суммы полных знаний о её подсистемах.

Квантовое состояние – любое возможное состояние, в котором может находиться квантовая система.

---

[1] Интересно высказывание Н. Винера: «Невозможно доказательство того, что природа подчинена законам…», но «…без веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки».

[2] Универсум – от лат. «единая Вселенная».

Принцип локальности утверждает, что на объект влияет только его непосредственное окружение.

♦ **Квантовая суперпозиция** (когерентная суперпозиция) – это суперпозиция состояний, которые не могут быть реализованы одновременно с классической точки зрения, это суперпозиция альтернативных (взаимоисключающих) состояний. Принцип существования суперпозиций состояний обычно называется в контексте квантовой механики просто *принципом суперпозиции (смешением)*.

♦ **Квантовая телепортация –** передача квантового состояния на расстояние при помощи разъединённой в пространстве сцепленной (запутанной) пары и классического канала связи, при которой состояние разрушается в точке отправления при проведении измерения, после чего воссоздаётся в точке приёма. Квантовая телепортация не передаёт энергию или вещество. Передаче подлежит только информация.

♦ **Квантовая криптография** – метод защиты коммуникаций, основанный на принципах квантовой физики. В отличие от традиционной криптографии, которая использует математические методы, чтобы обеспечить секретность информации, квантовая криптография сосредоточена на физике, рассматривая случаи, когда информация переносится с помощью объектов квантовой механики.

«Изучать квантовые каналы связи необходимо, т.к. всякий физический канал, в конечном счете, является квантовым. В квантовом мире передатчик приготавливает квантовое состояние носителя информации в зависимости от поступающего сообщения… Очевидна и перспектива создания методов кодирования-декодирования, учитывающих квантово-механическую природу носителя информации…»[1]

♦ **Эгоквант –** нематериальная субстанция человека, подлежащая квантовой телепортации с использованием принципов и алгоритмов квантовой криптографии.

Э́го (др.-греч. Εγώ, лат. *ego* – «я») – согласно психоаналитической теории, та часть человеческой личности, которая осознаётся как *«Я»* и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия.

Квант (от лат. quantum – «сколько») – неделимая порция какой-либо величины в физике. В данном случае речь идёт о кибернетическом кванте информации особого вида (эгокванте), автоматическая телепортация которого происходит при летальных повреждениях материального носителя (тела человека).

Субста́нция (лат. *substantia* – сущность; то, что лежит в основе) – то, что существует самостоятельно, само по себе. Иначе говоря, эгоквант продолжит существование даже после повреждений тела человека, несовместимых с жизнью.

В рамках психоанализа бессознательное и сознательное рассматриваются как понятия разного уровня. Получается, что эгоквант человека является его личностью самого высокого уровня. А биологическое тело[2] человека является своего рода материальным носителем криптографического ключа для шифрования-дешифрования. Значит, лишение человека биологической жизни, как и уничтожение листа «одноразового блокнота» в квантовой криптографии, не изменяет и не разрушает его эгоквант, а лишь автоматически запускает процесс квантовой телепортации. Следует отметить, что у пациентов, перенесшим клиническую смерть, особенно распространенным является видение длинного темного туннеля с ослепительным светом в конце него и полета к этому свету. Затем происходят видения образов людей в белом одеянии в заполненном ярким светом пространстве. Такое происходит у 15–18% «воскресших». Но ведь современная квантовая телепортация осуществляет передачу информации на Земле, закодированную именно в частицах света – фотонах. Что это – простое совпадение или видение реального процесса?

А как обстоят дела с сознанием, с мыслями человека и его памятью?

«Ученые выявили области мозга, связанные с восприятием собственной личности и способностью распознавать ложь, а также зоны, руководящие любопытством и тягой к приключениям. Были обнаружены центры аппетита, агрессии, страха, открыты участки, отвечающие за чувство юмора и оптимизм. Ученые даже выяснили, почему любовь «слепа». Оказывается, что материнская и романтическая любовь отключают «критические» функции мозга. Но поиски участка, управляющего памятью, пока не увенчались успехом… Известный исследователь мозга Карл Лэшли во время эксперимента демонстрировал, что даже после того, как у крысы удалено до 50 процентов мозга, она по-прежнему помнит вещи, которым её обучили до этого. Любопытно, но нет разницы в том, какую часть мозга удалять – грызуны без правого или левого полушария были способны выполнять выученные ранее действия, как и прежде.

С памятью связана еще одна загадка. Компьютерный диск не меняется, и каждый раз выдает одну и ту же информацию, но 98% молекул нашего мозга полностью обновляются каждые двое суток. А это значит, что через каждые два дня мы должны забывать все, что узнали до этого. Не найдя убедительного объяснения этим фактам, доктор биологии, Руперт Шелдрейк предположил, что воспоминания располагаются в «пространственном измерении, недоступном для нашего наблюдения[3]».

Ещё один удивительный факт: «Французский мужчина, живущий относительно нормальной и здоровой жизнью, несмотря на отсутствие 90% мозга, заставляет учёных пересмотреть теории о биологической сущности сознания… Другими словами, в мозге вовсе нет конкретных регионов, где «живёт» сознание[4]». Томограмма его черепа приведена на рис. 2.

---

[1] Холево А.С. Квантовая информатика: прошлое, настоящее, будущее // В мире науки. – М., 2008. – № 7. – С. 70.

[2] Тело также содержит неразрывно связанную с ним биологическую информацию как, например, генетическая информация в ДНК.

[3] Ефремова Е.А., Богатырёва Ж.В. Где хранится память человека? – http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=32204

[4] https://geektimes.ru/post/278470/

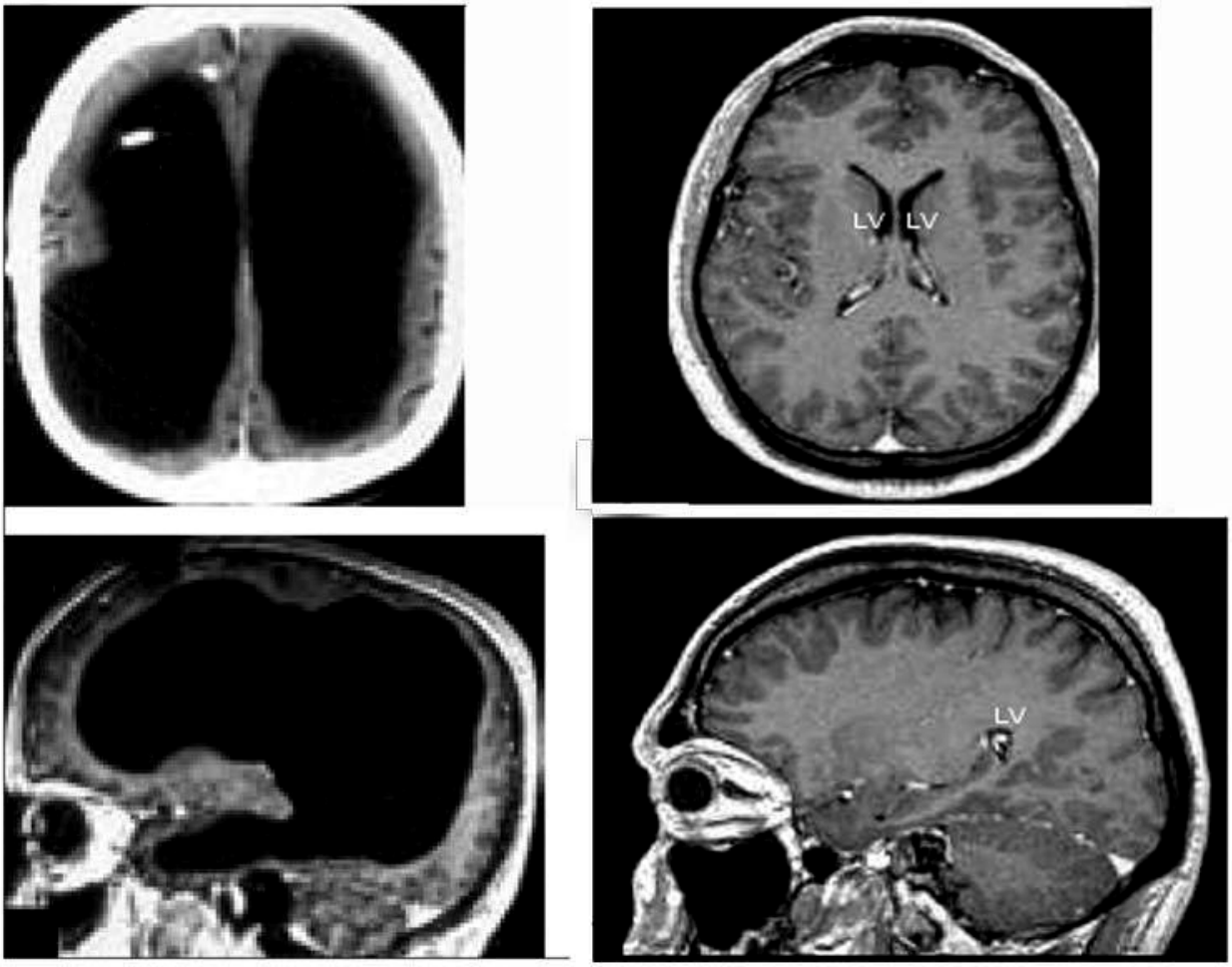


Фото: Feuillet et al. / The Lancet

Рисунок 2.
Слева томограмма черепа пациента с жидкостью и практически отсутствующим мозгом, а справа – череп с обычным мозгом без аномалий.

Интересно, что данное состояние никоим образом не сказалось на социальном положении этого человека: у него есть семья, двое нормальных детей, и он занимает должность гражданского служащего. Значит, его способность мыслить не пострадала.

Получается, что наша долговременная память, полученные знания и мысли в действительности находятся за пределами мозга человека, а мозг в этом случае работает лишь как «приёмник-передатчик» и его не зря сравнивают с компьютером. Но откуда тогда приходят мысли в голову человека, и где хранится его память?

«Я полагаю, что открытия в области квантовой физики все больше поддерживают точку зрения Платона, согласно учению которого имеется иная, более совершенная нематериальная реальность. Имеются доказательства наличия нематериальной, нефизической Вселенной, абсолютно реальной, пусть и недоступной для ясного восприятия наших органов чувств и научных инструментов. Если мы рассмотрим внетелесный опыт, путешествия шаманов, осознанные сновидения также, несмотря на то, что они не могут быть воспроизведены в строго научном смысле, указывают на наличие нематериальных измерений реальности» (профессор Фред Алан Вольф – известный американский физик-теоретик, 1998).

Воспользуемся законом единства и подобия Вселенной и рассмотрим архитектуру «клиент-сервер», которая состоит из клиентов и серверов. Основная идея состоит в том, чтобы размещать серверы на мощных машинах и обеспечить доступ к ним с менее мощных машин-клиентов посредством внешних интерфейсов. **Сервер** выполняет обслуживание и управление базой данных и отвечает за целостность и сохранность данных, а также обеспечивает операции ввода-вывода при доступе клиента к информации. Клиент-сервер (англ. *Client-server*) – вычислительная или сетевая архитектура, в которой задания или сетевая нагрузка распределены между поставщиками услуг, называемыми **серверами**, и заказчиками услуг, называемыми **клиентами.** Фактически клиент и сервер – это программное обеспечение (информация). Обычно эти программы расположены на разных вычислительных машинах (удалённый сервер) и взаимодействуют между собой через компьютерную сеть посредством сетевых протоколов. Программы сервера, ожидают от клиентских программ запросы и предоставляют им свои ресурсы в виде данных (информации). Причём каждый клиент идентифицирован (своего рода эгоквант). Кроме того, существует **система мгновенного обмена сообщениями** (англ. *Instant messaging, IM*) – службы мгновенных сообщений (Instant Messaging Service, IMS), программы онлайн-консультанты (OnlineSaler) и программы-клиенты (Instant Messenger, IM) для обмена сообщениями в реальном времени через Интернет. Могут передаваться текстовые сообщения, звуковые сигналы, изображения, видео, а также произ-

водиться такие действия, как совместное рисование или игры. Многие из таких программ-клиентов могут применяться для организации групповых текстовых чатов или видеоконференций. Если клиентом представить конкретного человека, а сервер способным работать без материального носителя, то получим определённый аналог функционирования сознания людей во Вселенной.

Древнегреческий философ Хилон констатировал: **«Познай самого себя, и ты познаешь Богов и Вселенную»!** Данный тезис следует считать стратегическим руководством к действию в кибернетической медицине.

Список литературы

1. Дерябин Н.И. Виртуальная революция: миф или реальность? // Стратегическое управление оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века (7 изд., дополненное). – М.: МАИ, 2007. – 316 с.
2. Дерябин Н.И. Концепция стратегического управления оборонным комплексом России в информационном обществе XXI века // Ежегодник «Россия: тенденции и перспективы развития» / ИНИОН РАН. – М., 2010. – Вып. 5, ч. 1. – С. 98–105.
3. Дерябин Н.И. Квантовая психология или как стать Богом. – М.: Амрита-Русь, 2009. – 376 с.
4. Дерябин Н.И. Квантовая психология или философия жизни в XXI веке // Материалы Всероссийской научной конференции «Футурологический конгресс: будущее России и мира». – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 588–604.
5. Дерябин Н.И. Квантовый скачок. Эволюция сознания человека. – М.: Амрита-Русь, 2011. – 192 с.
6. Дерябин Н.И. Государство как институт социальной иерархии и порядка // Материалы Всероссийской научной конференции «Нравственное государство как императив государственной эволюции». Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 396–408.
7. Дерябин Н.И., Государственное стратегическое управление и национальная безопасность // Ежегодник «Россия: тенденции и перспективы развития» / ИНИОН РАН. – М., 2016. – Вып. 11, ч. 2. – С. 32–38. – http://www.rkpr.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100045018

Камнев А.Н.
д.б.н., в.н.с. биологического факультета МГУ
dr.kamnev@mail.ru

СТРАТЕГИЯ НТР РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГИДРОБИОЛОГИИ В РОССИИ (Часть вторая)

Ключевые слова*: гидробиология, периоды развития гидробиологии, задачи гидробиологии, гидросфера, мировой океан, вода как объект исследований, стратегия развития гидробиологии, подготовка кадров*
Keywords*: hydrobiology, periods of development of hydrobiology, tasks of hydrobiology, hydrosphere, world ocean, water as an object of research, development strategy of hydrobiology, training.*

Стратегия развития гидробиологии и её основные задачи

На современном этапе у гидробиологической науки, помимо анализа структуры и функционирования надорганизменных систем (не исключая интересов к вопросам аутоэкологии), возникают новые задачи, связанные не только с загрязнением и изменением физико-химических характеристик воды, но и с катастрофическим истощением запасов чистой пресной воды в целом, т.е. с уменьшением самого водного ресурса и среды обитания гидробионтов.

Общий объём воды на нашей планете составляет примерно 1500 000 000 км^3. Если бы эту воду равномерно распределить по поверхности Земли, то толщина её слоя составила бы почти 4 км (Степанов, 2007). Известно, что большая часть этой воды – 97% – находится в морях и океанах. Её объём оценивается в 1370 000 000 км^3. 3% приходится на пресные воды, причём большая часть пресных вод, до 80%, в которых также обитают гидробионты, сосредоточена в ледниках и залегающем снежном покрове, основные запасы которых сосредоточены в Арктике, Антарктике и отчасти в высокогорных районах. Объем этих водных ресурсов оценивается в 25 000 000 км^3. Значительная часть воды содержится в земной коре. Это подземные воды. Их запасы составляют примерно – 8 млн. км^3.

В атмосфере, где также обитают живые организмы, по крайней мере до высоты 4–5 км, масса воды равняется 1,31013 т. Если бы вся атмосферная вода стала жидкостью и равномерно растеклась по поверхности Земли, то слой этой части гидросферы составил бы 24 мм.

За последние 100 лет потребление пресной воды в мире выросло более чем в 7 раз, что превышает нормы потребления примерно в 10 раз. В результате этого количество пресной воды на каждого человека уменьшилось на 60%. При таком потреблении воды в последующие два десятилетия количество её запасов должно уменьшиться в 2 раза. Интересно отметить, что уже в начале XXI в. около 40% населения Земли жило в условиях очень низкого обеспечения водой. При аналогичном водопотреблении к 2025 г. в критической ситуации может оказаться 60% населения планеты (Шикломанов, 2004). Таким образом, к этому времени нехватка чистой пресной воды будет выступать в качестве основной проблемы, препятствующей развитию человечества.

Согласно прогнозу Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, к 2030 г. половине жителей Земли будет нечего пить. Поэтому всем странам придётся ежегодно тратить 200 млрд. долларов только на опреснение океанической воды, но имеющихся энергоресурсов может хватить только до 2047 г. Таким образом, в данный момент человечество стоит на рубеже объективного и обязательного пересмотра отношения к использованию имеющихся энергоресурсов, к воде, охране водных ресурсов, их чистоте и рациональному использованию, к экологии гидробионтов в уменьшающемся объёме чистой воды и к пониманию проблем гидросферы в целом. В этом контексте гидробиология становится одним из важнейших стратегических научных направлений во всем мире.

В докладе ООН о мировых водных конфликтах указано, что США и Китай уже начали проводить политику по использованию пресной воды вне своей территории. В частности, США оказывает давление на Канаду, чтобы завладеть её водными ресурсами.

Принцип таких войн достаточно прост. Под воздействием внешних факторов, в частности электромагнитных излучений, особенно в высокочастотном диапазоне, изменяются физико-химические свойства атмосферы и водного пространства. В первую очередь электромагнитные излучения меняют окислительно-восстановительный потенциал воды не только во внешней водной среде, но и в организмах, что, в свою очередь, изменяет степень активности электронов в окислительно-восстановительных реакциях организма, а это влияет на все процессы, в которых вода принимает участие. Например, у растений (включая водные и прибрежно-водные) изменяется естественная физиологическая скорость транспирации, а это может привести к осушению водоёмов и опустыниванию территорий. Вода же, оказавшаяся в атмосфере в результате транспирации, поступает через воздушное пространство на другие, заранее подготовленные территории.

Самое страшное, что технические средства (по-другому это можно назвать оружием) для осуществления этих процессов уже есть. Поэтому не учитывать эти факты в рамках гидробиологической науки, на мой взгляд, не только неправильно, но является государственным преступлением.

Поскольку по запасам пресной воды Россия занимает второе место в мире после Бразилии, можно сказать, что чистая пресная вода становится главным стратегическим ресурсом страны, а от её запасов и качества зависит безопасность и благосостояние страны.

Таким образом, сегодня в связи с серьёзным экономическим кризисом, загрязнением окружающей среды, уменьшением запасов пресноводных источников, а параллельно с изменившейся системой образования (в частности, срока обучения в вузах), государство в целях сохранения национальной безопасности обязано пересмотреть своё отношение к ряду научных направлений. В частности, к гидробиологии, которая должна стать стратегической дисциплиной государственного значения.

Итак, на ближайшее будущее наиболее важным в гидробиологии становится направление, связанное с сохранением и очисткой воды как различных природных водных объектов, так и всех категорий сточных, канализационных и технических вод. В его рамках проводятся: мониторинг различных типов загрязнителей, в том числе экзаметаболитов гидробионтов; нормирование и его коррекция в зависимости от изменений состояния окружающей среды; наблюдение за появлением новых типов загрязнителей водного пространства; анализ инвазивных процессов в водных экосистемах; мониторинг «токсичных цветений», а также выяснение природы и механизмов их образования; анализ процессов самоочищения водоёмов и роли гидробионтов в них.

Одной из ключевых задач, связанных с проблемой чистой воды, должна быть отработка системы контроля качества, обеспечения и очистки воды, необходимой для функционирования, например, Москвы и Московской области как потенциально тиражируемой модели современного мегаполиса. Эта работа должна найти пути сохранения созданной антиэкологической урбанистической структуры – Москвы, а также показать экологически допустимые формы и размеры современных городов, с учётом современного состояния вопросов, связанных с чистой пресной водой.

В связи с тем, что в России нет нормативов по токсинам морских и пресноводных гидробионтов, необходимо в ближайшее время создать такую нормативную базу, а также подразделение, занимающееся контролем токсинов гидробионтов в воде, воздухе и самих промысловых гидробионтах. Аналогичные службы давно существуют во всех цивилизованных государствах и достойно финансируются.

В последние годы на большинстве очистных сооружений России наблюдается усложнение состава очищаемых сточных вод. Это связано с переходом предприятий на повторное использование сточных вод и, следовательно, концентрированием в них загрязняющих веществ (например, тяжёлых металлов), а также экономией воды, что снижает эффект разбавления сточных вод. Возникает проблема самой эксплуатации сооружений биологической очистки и поддержания удовлетворительных окислительных и седиментационных свойств активного ила, способствующих очищению воды. В иле накапливаются тяжёлые металлы, а под их воздействием очистка сточных вод нарушается, активный ил диспергируется. Увеличивается рост численности нитчатых форм бактерий и происходит вытеснение флокулообразующей микрофлоры, что, в свою очередь, приводит к повышению выноса взвешенных веществ из вторичных отстойников и нарушению всех санитарных показателей качества биологической очистки. Поэтому сегодня перед гидробиологами встаёт задача поиска путей сохранения полноценного биоценоза активного ила, способного участвовать в очистке сточных вод. Одним из таких путей может быть искусственная селекция активного ила.

Вторым по значимости должно быть направление, связанное с исследованиями и анализом распространения, запасов, продукционных характеристик гидробионтов и прибрежно-водных растений. Эти исследования должны включать данные аэрокосмических и морских исследований, а также выборочных водолазных сборов. Сопоставление и анализ полученных данных позволят получить достоверные данные о распространении, запасах первичных продуцентов – морских макроводорослей и трав. Эти работы помогут выявить новые потенциальные участки для развития марикультуры и создания морских ферм, а соответственно, на втором этапе будет необходимо провести работы по формированию плантаций, локальному повышению продуктивности и рациональному сбору гидробионтов, а также налаживанию отечественного производства по переработке гидробионтов.

Оценка запасов биологических ресурсов России дана в работе Д.С. Павлова и Б.Р. Стригановой (2005). Методы оценки запасов морских гидробионтов достаточно подробно показаны сотрудниками ВНИРО (Блинова и др. 2005). Важно напомнить, что Россию омывают 13 морей, но при этом многие ценные промысловые виды гидробионтов практически не вылавливаются, не собираются из штормовых выбросов и, соответственно, не используются. Большинство этих гидробионтов, а точнее продуктов их переработки, мы закупаем за рубежом. К этому же направлению нужно отнести уточнение и определение квот вылова.

Работы, связанные с исследованием распространения и запасов промысловых видов гидробионтов, позволят оценить биогеохимический вклад макрофитов и других гидробионтов в функционирование Мирового океана и по-новому посмотреть на вопросы биогеохимии океана. В рамках этого направления важно продолжать работы по экологии простейших и водных грибов, которые выполняют в водоёмах важную функцию редуцентов.

Не менее важным является направление по оценке запасов гидробионтов пресноводных водоёмов. В начале XXI столетия общая площадь водного зеркала озёр России составляла 225 000 км^2, искусственных водохранилищ – 70 000 км^2, протяжённость рек – примерно 500 000 км. (Богословский, 1960; Шатуновский, Бобырев, 2005). Это именно те зоны (включая прибрежную часть с прибрежно-водной растительностью), роль которых гидробиологи должны оценить ещё и с точки зрения биогеохимии (например, оценки углеродных потоков и их динамики).

Большую часть пресноводных водоёмов составляют болота. Например, только в Карелии они занимают 5,5 млн. га (Кузнецов и др., 2005). Естественные болота, особенно бореальные, имеют огромное значение для сохра-

нения водных ресурсов страны и поддержания биосферного баланса углерода, который депонируется в торфяных отложениях (Вомперский и др., 2005). Этим обусловливается необходимость, с одной стороны, сохранения болот в их естественном состоянии, а с другой – проведение глубоких гидробиологических исследований механизмов функционирования этих богатых растительностью (включая лекарственные растения) экосистем (Буданцев, 2005).

Следующее приоритетное направление гидробиологии включает вопросы, связанные с аквакультурой в природных и искусственных водных системах. Не исключено, что в этих целях в ряде случаев более рационально использовать территории других стран, нуждающихся в квалифицированных консультациях и в налаживании производственного цикла, необходимого для получения промысловой биомассы гидробионтов. В открытых естественных водоёмах важным практическим направлением является отработка методов безопасного локального повышения продуктивности водных фототрофов и поиск возможных механизмов управления этим процессом. Полученная продукция может быть использована как в разных отраслях промышленности, так и в целях очистки природных водоёмов и очистных сооружений. По-прежнему актуальной и перспективной для экономики страны является организация акваферм по выращиванию моллюсков, других беспозвоночных и макроводорослей, что, к сожалению, в течение последних 25 лет практически не велось.

В рамках данного направления должны разрабатываться проекты, связанные с аквакультурой самых различных гидробионтов, востребованных во всех областях народного хозяйства – как, например, в энергетической, пищевой и фармакологической промышленностях, так и в сфере очистки водных объектов в России и за рубежом. Сегодня, наряду с потребностями в разведении фототрофных (водорослей и трав) и беспозвоночных организмов, большой интерес вызывает культивирование промысловых земноводных (аксолотль, тритон, лягушка), которые, в частности, используются в учебном процессе различных учебных заведений в качестве живых препаратов (Силкин, Хайлов, 1988; Возжинская, Камнев 1994; Козлов, 2002; Кузьмин, 2005; Цоглин, Пронина, 2012).

Очень важным направлением современной гидробиологии становится направление, связанное с тем, что гидросфера является важнейшей частью системы, участвующей в формировании и регулировании климата Планеты. В связи с изменением климата для гидробиологии становится важным понимание влияния этих процессов на жизнедеятельность водных экосистем. Не менее важным направлением становится оценка вкладов гидробионтов в биогеохимические процессы океана и биосферы на современном этапе.

В последнее время наблюдается ацидификация водной среды (снижение pH воды), т.е. глобальное изменение условий обитания гидробионтов. Увеличение кислотности Мирового океана приводит к затруднению роста раковин моллюсков, а их сокращение, в свою очередь, может отразиться на объемах рыбных ресурсов. Поэтому появляется ещё одно очень важное направление «Оценка реакции гидробионтов и водных экосистем на изменение pH морской среды».

Не менее важным направлением является повышение уровня юридической грамотности современного гидробиолога за счёт введения в сетку расписания юридических дисциплин. Юридическое образование даст возможность гидробиологам участвовать в создании новой, более совершенной законодательной базы, связанной как с водными ресурсами, добычей и использованием гидробионтов, так и с обеспечением необходимых полномочий и прав экспертов-экологов. Гидробиология должна вывести на новый уровень отношение к квотированию вылова промысловых гидробионтов, к нормированию не только водных источников, но и смежных с водой зон, в частности береговой зоны, рекреационной зоны, сельскохозяйственных угодий, свалок, находящихся в непосредственной близости от водных источников. Сегодня гидробиология должна опираться не только на глубокие биологические и юридические знания, но должна иметь юридические полномочия.

Наконец, следующим приоритетным направлением современной гидробиологии является профориентационная и просветительская деятельность в области охраны и рационального использования водных ресурсов (Камнев, 1997). Для работы в этом направлении современный гидробиолог должен обладать элементарными психолого-педагогическими знаниями и иметь за плечами педагогический опыт, полученный ещё во время обучения. Инструментом для реализации этого направления должны стать все СМИ, включая электронные, созданные в рамках различных гидробиологических подразделений.

В целях подготовки специалистов, понимающих стратегическую значимость гидробиологии и предметов, связанных с водными ресурсами, необходимо уделять внимание, во-первых, ранней профориентации и мотивации школьников (Камнев, 2014; Камнев и др., 2013), используя для этого стационарные городские экологические образовательные площадки, выездные детские экологические лагеря и экспедиции, а также все средства массовой информации, активно заниматься научной, педагогической и просветительской деятельностью.

Резюмируя всё сказанное выше, можно сформировать первоочередные задачи современной гидробиологии:

1. Сохранение и очистка воды как различных природных водных объектов, так и всех категорий сточных, канализационных и технических вод. В рамках этого направления проводятся: мониторинг различных типов загрязнителей, в том числе экзаметаболитов гидробионтов; нормирование и его коррекция в зависимости от изменений состояния окружающей среды; наблюдение за появлением новых типов загрязнителей водного пространства; наблюдение и анализ последствий инвазивных процессов в водных экосистемах; наблюдение за появлением «токсичных цветений» и выяснение природы и механизмов их образования; усовершенствование процессов биологического самоочищения водоёмов.

2. Усовершенствование методов оценки запасов промысловых гидробионтов, их вылова, а также методов сбора и использования штормовых выбросов (например, макроводорослей и трав). К этому же направлению нужно отнести уточнение и определение квот вылова.

3. Аквакультура как способ повышения продуктивности водных экосистем. Решение проблемы обеспечения населения пищевыми продуктами. Это направление включает вопросы, связанные с аквакультурой в природных и искусственных водных системах. Не исключено, что в этих целях в ряде случаев более рационально использовать территории других стран, нуждающихся в квалифицированных консультациях и в налаживании производственного цикла, необходимого для получения промысловой биомассы гидробионтов.

4. Оценка влияния изменения глобальных климатических условий на водные экосистемы и отдельные виды гидробионтов. Гидробионты и водные экосистемы в биогеохимических процессах.

5. Оценка влияния глобальной ацидификации водной среды на водные биоценозы. Реакция гидробионтов и экосистем в целом на эти процессы.

6. Участие в создании новой, более совершенной законодательной базы, связанной как с водными ресурсами, добычей и использованием гидробионтов, так и с обеспечением необходимых полномочий и прав экспертов-экологов. Сегодня гидробиология должна опираться не только на глубокие биологические и юридические знания, но должна иметь юридические полномочия.

7. Профориентационная и просветительская деятельность в области охраны и рационального использования водных ресурсов.

Не менее важным направлением современной гидробиологии должно быть максимальное использование знаний, накопленных в области гидробиологиии рациональная интенсификация их использования.

Для этого необходимо по-новому посмотреть на историю развития гидробиологии (Зернов, 1949; Виноградов, 1958, 1977; Зенкевич, 1963; Константинов, 1986; Абакумов, 1981; Винберг, 1984; Фёдоров, 2014), для чего провести ревизию всех старых взглядов, подходов и методов, используемых в гидробиологии ранее, но по каким-то причинам не востребованным сегодня. Попытаться вычленить и использовать все ранее обозначенные разумные научные зёрна и направления. Вероятно, наиболее удобной формой сбора информации такого рода может служить постоянно действующая историческая Интернет-школа, посвящённая нашим отечественным гидробиологам.

Кроме того, для развития гидробиологической науки считаю целесообразным поддерживать контакты с ушедшими на пенсию по возрасту или по болезни специалистами и организовать для них постоянно действующий Интернет-семинар, что будет полезно как для специалистов-гидробиологов, находящихся дома, так и для самой гидробиологии. При этом ушедшие на пенсию специалисты-профессионалы не будут считать себя не востребованными, а смогут жить полноценной творческой жизнью и иметь дополнительный доход, участвуя в реализации отдельных проектов.

Не менее важно восстановить контакты с бывшими выпускниками нашей кафедры, которые в настоящее время разбросаны по всему миру и работают в самых разных сферах. Думаю, что их опыт будет также очень полезен для развития современной отечественной гидробиологии. Не исключено, что пора организовать Интернет-институт/центр консультантов, состоящий из опытных специалистов, которые по разным причинам лишены возможности работать в стенах институтов и профильных кафедр. Работу подобных конференций, семинаров и школ могут осуществлять ранее созданные Интернет-журналы «Экология гидросферы», «Гидробиолог», «Планета океан», «Вопросы современной альгологии» и др. Опыт проведения подобных мероприятий уже имеется.

В связи с тем, что экологические проблемы, связанные с водой, актуальны не только для России, но и для всего мира, нужно активизировать совместные работы с зарубежными коллегами-гидробиологами, в том числе с нашими соотечественниками за рубежом.

Современная гидробиология должна включать в сферу своих интересов самые разные юридические вопросы, прежде всего связанные с экологическим, гражданским, уголовным и административным правом, которые необходимы при правильном использовании водных ресурсов. На современном этапе гидробиология через своих специалистов должна принимать участие в разработке всех законодательных и исполнительных документов страны, связанных с экологией водных ресурсов, т.е. все законы, касающиеся использования этих стратегических ресурсов, должны иметь глубокую научную гидробиологическую обоснованность. Другими словами, современные гидробиологи должны работать не только в научно-исследовательских институтах и на кафедрах гидробиологического профиля, но и в качестве специалистов и консультантов в Думе, в Совете Федерации, а также во всех экспертных экологических комиссиях и комитетах.

Наконец, имея колоссальный академический и практический опыт, отечественная гидробиология (через свои академические и образовательные подразделения) могла бы создать тиражируемую модель развития современной гидробиологии для многих стран с ограниченными экономическими возможностями, что, в свою очередь, позволило бы удовлетворить свои интересы, в том числе и экономические.

Гидробиология как стратегическое государственное направление биосферной экологической науки должна вернуться к плановому государственному заказу специалистов-гидробиологов нового формата для удовлетворения нужд различных отраслей народного хозяйства, управленческих органов и экспертных экологических организаций. Более того, такой подход должен быть подкреплён законодательной базой.

Для выполнения всех перечисленных выше задач и решения современных проблем гидробиологии необходимы специалисты, уровень образования которых должен соответствовать требованиям времени. Выполнение заказа по подготовке таких специалистов ложится на кафедры гидробиологии страны. Учебно-научные подразделения, опираясь на академический подход в образовании, должны давать возможность аспирантам и студентам принимать участие не только в научной деятельности, но и привлекать их к решению производственных задач разного уровня, что даст возможность получать финансирование для развития и кафедр, и студентов.

Все эти требования к современному гидробиологу и должны формировать структуру педагогического процесса гидробиологических кафедр. Для успешной работы этих кафедр, необходимо внести необходимую корректуру (Кам-

нев, 2015). С одной стороны, эти кафедры должны быть более привлекательными для студентов, как это было, например, в 1970-1980-е гг., когда деятельность гидробиологических кафедр была востребована государством, а молодёжь мечтала о морских экспедициях и исследованиях, что было обусловлено великолепной мотивационной деятельностью средств массовой информации и фильмами команды Кусто. С другой, опираясь на глубокие традиционные академические принципы обучения, готовить востребованных специалистов-гидробиологов, но уже нового уровня, способных работать, как уже говорилось выше, во всех государственных и международных структурах и проектах. В-третьих, участвовать в разработке научных направлений, связанных с требованиями времени.

В качестве важнейшего академического принципа изложения материала по теме «Структура и функционирование живых систем (включая надорганизменные)», на мой взгляд, должна быть использована схема основных функций живого вещества в биосфере: энергетическая, окислительно-восстановительная, газовая, концентрационная, средообразующая, транспортная, что, в свою очередь, развивает правильное экологическое логическое мышление у студентов. В дальнейшем студент сможет использовать навыки такого изложения материала при решении многих прикладных задач, в частности, связанных с очисткой водных объектов.

На наш взгляд, кафедры гидробиологии должны уделить особое внимание смежным с водой зонам – вода-воздух и вода-суша, экологии супралиторали, прибрежной зоны различных водных объектов, местам берегового стока, диффузному, точечного и эоловому загрязнению водных объектов. Не менее важными знаниями по гидробиологии должны быть знания по экологии нейстона и плейстона, т.е. той части водной среды, которая в большей степени испытывает нагрузку эоловых загрязнений. Это особенно важно для южных областей России (Чёрное, Азовское, Каспийское моря). Очень важно включить в рамки лекционных дисциплин тему «Гидробиология рекреационных зон».

Гидробиологические кафедры должны по-новому посмотреть на «Основы морской биогеографии». Это важнейшее для гидробиологии направление (Зенкевич, 1947; Кафанов, Кудряшов, 2000), которое могло бы выделиться в самостоятельную науку. Однако, несмотря на то, что у этого направления есть свои предмет и методы, оно до сих пор не имеет общепринятой терминологии и номенклатуры, хотя такая унификация необходима для решения и теоретических, и практических вопросов не только гидробиологии. Например, в настоящее время существует несколько схем биогеографического районирования: схемы Сетчелла, Экмана, Цзена, Зиновой и др., но все они не совпадают.

Очень важными и обязательными должны быть совместные практики студентов-гидробиологов со студентами гидрологами и гидрохимиками (Китаев, 2007; Камнев, 2015). Это могут быть совместные межфакультетские практики, может быть и совместная работа разных специалистов в одной научной экспедиции.

По моему глубокому убеждению, кафедра гидробиологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова может стать моделью в области подготовки кадров, быть флагманом не только гидробиологической науки, но и задавать тональность в подготовке специалистов-гидробиологов, способных работать в любых государственных и международных проектах. Выпускники кафедры должны разбираться не только в разнообразии гидробионтов и понимать структурно-функциональные особенности надорганизменных систем, они обязаны великолепно знать физико-химические свойства воды как среды обитания гидробионтов, быть хорошо подготовленными в области юриспруденции, а также быть знакомыми с основными принципами психологии и педагогики.

Представленная концепция развития гидробиологии в России базируется не только на теоретическом знакомстве с историей гидробиологии в целом и кафедры гидробиологии в частности, но и на собственном опыте автора концепции, приобретённом в результате многолетней (более 35 лет) научной, педагогической, общественной и социальной деятельности.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить всех моих педагогов, коллег, поддерживавших меня и помогавших мне не только в научных исследованиях, но зачастую и в непростых жизненных ситуациях, и ради них – и продолжающих работать рядом с нами, и в память об уже ушедших от нас – передать весь свой накопленный с их помощью опыт кафедре гидробиологии.

Список литературы

1. Абакумов В.А. К истории контроля качества вод по гидробиологическим показателям // Научные основы контроля качества вод по гидробиологическим показателям. – Л.: Гидрометеоиздат, 1981. – С. 46–74.
2. Богословский Б.Б. Озероведение. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 336 с.
3. Блинова Е.И., Вилкова О.Ю., Малютин Д.М., Пронина О.А. Изучение экосистем рыбохозяйственных водоёмов, сбор и обработка данных о водных биологических ресурсах, техника и технология их добычи и переработки. Вып. 3. Методы ландшафтных исследований и оценки запасов донных беспозвоночных и водорослей морской прибрежной зоны // Научно-технические и методические документы. – М.: Издательство ВНИРО, 2005. – 134 с.
4. Буданцев А.Л. Оценка современного состояния ресурсов важнейших лекарственных и пищевых растений флоры России. // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 87–92.
5. Бурдин К.С., Камнев А.Н., Спиридонов В.А. Научно-технические и экономические проблемы использования макроводорослей для очистки морской среды от загрязнений // Наука и промышленность России. 2002. – № 9. – С. 13–18.
6. Вернадский В.И. Живое вещество в химии моря. – Пг: Науч. хим.-техн. изд-во, 1923. – 36 с.
7. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. 1. Значение биогеохимии для изучения биосферы. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 47 с.
8. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. 1922–1932 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 250 с.
9. Вернадский В.И. Избранные соч. Т. 4, кн. 2. История природных вод. – М., Изд-во АН СССР, 1960. – 657 с.
10. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
11. Винберг Г.Г. Гидробиология // История биологии (с начала XX века до наших дней). – М.: Наука, 1975. – С. 231–248.

12. Винберг Г.Г. Взаимозависимость общегидробиологических и рыбохозяйственно-гидробиологических исследований // Сб. тр. ГосНИОРХ. 1984. – Вып. 223. – С. 3–10.
13. Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. – 155 с.
14. Виноградов К.А. К истории гидробиологических исследований на Черном море за 60 лет советской власти // Гидробиологический журнал. 1977. – № 5. – С. 66–77.
15. Вода. Многоликая планета / Под ред. А. Журавлева. – М.: Бук Хаус, 2005. – 296 с.
16. Возжинская В.Б., Камнев А.Н. Эколого-биологические основы культивирования и использования морских донных водорослей. – М.: Наука, 1994. – 202 с.
17. Вомперский С.Э., Ковалев А.Г., Глухова Т.В., Смагина М.В., Ерофеев А.Е. Современное торфонакопление и первичная продукция олиготрофных болот и влияние на них гидролесомелиорации. // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 254–265.
18. Гапочка М.Г. Экологические аспекты взаимодействия электромагнитных полей миллиметрового диапазона с биологическими объектами / Автореф. дис. докт. биол. наук. – М., МГУ, 2013. – 49 с.
19. Горбунов А.В., Грановская Г.А., Ермолаев Б.В., Ильченко И.И., Фронтасьева М.В., Павлов С.С. Оценка содержания ртути в диагностических биоматериалах различных групп населения урбанизированных территорий московского региона // Экология урбанизированных территорий. 2015. – №. 2. – С. 16–24.
20. Девис К., Дэй Дж. Вода – зеркало науки. – Л.: Гидрометеоиздат, 1964. – 152 с.
21. Дерпгольц В.Ф. Мир воды. – Л.: Недра, Ленинградское отделение, 1979. – 254 с.
22. Жуков В.В., Васильев В.П. Неправительственные организации объединяют усилия. // Твёрдые бытовые отходы. 2009. – Октябрь. – С. 22–23.
23. Заика В.Е. К столетию гидробиологии // Экология моря. 2003. – Вып. 63. – С. 81–83.
24. Зернов С.А. Опыт синхронической таблицы по развитию гидробиологии, ихтиологии и других ближайших наук // Русский гидробиологический журнал. 1921. – № 1. – С. 1–6.
25. Зернов С.А. Общая гидробиология. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 587 с.
26. Зенкевич Л.А. О задачах, объекте и методе морской биогеографии // Зоол. журн. 1947. – № 3. – С. 201–220.
27. Зенкевич Л.А. Биология морей СССР. – М.: Наука, 1963. – 739 с.
28. Камнев А.Н. Опыт создания системы непрерывного деятельного биологического образования // Материалы совещания комиссии по биологическому образованию международного союза биологических наук (CBE – IUBS) 25-30 августа 1997. – М.: МГУ, 1997. – С. 65–67.
29. Камнев А.Н., Камнев О.А., Панов В.И. Экологические и психолого-педагогические предпосылки деятельного экологического образования // Экосихологические исследования – 3 / Под редакцией В.И. Панова. – М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 245–275.
30. Камнев А.Н. Проект «Отдых и учёба с радостью»: научно-приключенческие программы «Океания», «Вождь краснокожих», «Храброе сердце», «Лес полон знаний», «Новый опыт», «Lingvocamp» как инструмент образования и воспитания детей и молодёжи // Проблемы региональной экологии. 2014. – № 6. – С. 171–174.
31. Камнев А.Н. Гидробиология: вчера, сегодня, завтра. Концепция возрождения гидробиологических кафедр в России (на примере развития отдельно взятого подразделения университета) // Вопросы современной альгологии. 2015. – № 3 (10). – http://algology.ru/852
32. Кафанов А.И., Кудряшов В.А. Морская биогеография. – М.: Наука, 2000. – 176 с.
33. Киселев И.А. История планктологии // Морской и пресноводный планктон. – Л., 1987. – С. 5–25.
34. Китаев С.П. Основы лимнологии для гидробиологов и ихтиологов. – Петрозаводск: Карельск. НЦ РАН, 2007. – 395 с.
35. Козлов В.И. Аквакультура в истории народов с древнейших времён. – М.: ДФ АГТУ, 2002. – 349 с.
36. Константинов А.С. Общая гидробиология. – М.: Высшая школа, 1986. – 472 с.
37. Кузнецов О.Л., Антипин В.К., Грабовик С.И., Дьячкова Т.Ю., Токарев П.Н. Растительные ресурсы болот России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 195–201.
38. Кузьмин С.Л. Эксплуатация ресурсов земноводных в России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 138–146.
39. Малов А.М., Александрова М.Л. Ртуть всегда рядом с нами! // Твердые бытовые отходы. 2010. – Сентябрь. – С. 48–49.
40. Михайлов В.Н., Добровольский А.Д., Добролюбов С.А. Гидрология. – М.: Высшая школа, 2007. – 464 с.
41. Павлов Д.С., Стриганова Б.Р. Биологические ресурсы России и основные направления фундаментальных исследований // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 4–20.
42. Пирожник И.И., Рылюк Г.Я., Еловичева Я.К. География Мирового океана. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 316 с.
43. Протасов А.А., Карпинский М.Г. Гидробиология в датах // Морской экологический журнал. 2011. – № 3. – С. 86–91.
44. Рябушко Л.И. Потенциально опасные микроводоросли Азово-черноморского бассейна. – Севастополь, 2003. – 286 с.
45. Сент-Дьердье А. Биоэнергетика. – М.: Физматгиз, 1960. – 155 с.
46. Силкин В.А., Хайлов К.М. Биоэкологические механизмы управления в аквакультуре. – Л.: Наука, 1988. – 230 с.
47. Степанов А.М. Вода. Ее физические и лечебные свойства. – М.: Народная мастерская качества жизни, 2007. – 278 с.
48. Фёдоров В.Д. Кафедре гидробиологии Московского университета 90 лет: прошлое и настоящее. М.: ООО «ПКЦ Альтекс», 2014. – 160 с.
49. Цоглин Л.Н., Пронина Н.А. Биотехнология микроводорослей – М.: Научный мир, 2012. – 184 с.
50. Шатуновский М.И., Бобырев А.Е. Современное состояние и динамика рыбных ресурсов пресных водоемов России // Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. – С. 121–131.
51. Шикломанов И.А. Мировые водные ресурсы в начале XXI века в условиях повышения эффективности использования пресных вод. Раздел в монографии «Водные ресурсы – проблема XXI века» ВМО. 2004. – № 959. – С. 135–157.
52. Vershinin A., Kamnev A. Harmful algae in Russian european coastal waters // 9th Int. Conf. on Harmful algal blooms: Proceedings. Hobart, Australia, 7–11 February 2000. – UNESCO. 2001. – P. 112–114.
53. Vershinin A. Zernova V. Kamnev A. Toxic and potential toxic algae in Russian European coastel waters. // Abstr. Sixth International Phycological Congress. 9–16 August 1997. Leiden. Phycologia. 1997. – Vol. 36, N 4. – P. 70–71.
54. Vershinin A.O., Moruchkov A.A. , Sukhanova I. N., Kamnev A. N. , Pan'kov S. L. , Morton, and J. S. Ramsdell. Seasonal Changes in Phytoplankton in the Area of Cape Bolshoi Utrish of the Northern Caucasian Coast in the Black Sea, 2001–2002 // Океанология. 2004. Vol. 44, N 3. – P.372–376.

Медведева Л.М.
д.и.н., профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

ПОРЕФОРМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Ключевые слова*: реформирование, образование, наука, инновационная деятельность, публикационная активность, инвестиции в НИОКР.*
Keywords: *reform, education, science, innovation, publication activity, R&D investment.*

Стратегия современного развития России, стоящей перед внутренними и внешними вызовами и угрозами, направлена на всестороннюю модернизацию страны. Цель состоит в социально-экономических преобразованиях на основе использования инноваций и высоких технологий. Очевидно, что важнейшими инструментами ее достижения должны выступать наука и образование, создающие потенциал, без которого невозможно обеспечить обновление экономики, подъем уровня жизни и культуры населения, военную и экологическую безопасность.

В развитых странах мира система получения нового знания и внедрения его результатов является мощным двигателем прогресса. Согласно докладу «Глобальный инновационный индекс», опубликованному в 2016 г. Корнельским университетом, школой бизнеса INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (специализированное учреждение системы Организации Объединенных Наций) передовые позиции среди стран-новаторов заняли Швейцария, Швеция, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Сингапур. Китай в данном рейтинге расположился на 25-м месте, Россия – на 43-м. В число лидеров по качеству инноваций вошли Япония, США, Соединенное Королевство и Германия. Эти страны выделяются среди остальных по уровню развития высшего образования, числу научных публикаций и количеству поданных международных заявок на патенты[1].

Успех в области инноваций во многом определяется уровнем ее материальной поддержки. Наиболее крупные в абсолютном выражении инвестиционные вложения в НИОКР делают США, Китай, Япония, Германия и Республика Корея. Наглядными представляются данные о доле расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в ВВП. При сравнении данного показателя в число лидеров выходят Республика Корея (4,3% ВВП), Израиль (4,1%), Япония (3,6%). Финляндия и Швеция превзошли уровень 3%, приблизились к нему Австрия, Германия и Швейцария. Россия, как и лидер Латинской Америки Бразилия, в НИОКР инвестирует 1,2% ВВП[2].

В Российской Федерации наука и образование в последние десятилетия претерпели существенные изменения. Но, несмотря на длительное, колеблющееся от умеренных до радикальных видов, реформирование, не удалось существенным образом активизировать интеллектуальный потенциал страны. Состояние образования и науки в настоящее время не соответствует той роли, которую они должны играть в повышении жизнеспособности общества. При этом следует заметить, что эти сферы деятельности тесно связаны между собой. Уровень образования определяет качество подготовки научных кадров, а наука дает тот материал, который составляет содержание обучения.

Авторы обращают внимание на существующие проблемы. Так А.И. Андреев, отмечает, что положение науки в российской жизни периферийно, а ее участие во многих процессах фрагментарно. России нужно готовиться работать в условиях новой парадигмы производства, основанного на информатизации, роботизации, биотехнологиях[3]. Н.Н. Кривых, М.Е. Якубова указывают на те недостатки, которые волнуют сейчас российское научное сообщество: ограниченность финансового обеспечения; отсутствие грамотного правового регулирования и рыночных стимулов инновационной деятельности; неразвитость связи между научными, учебными заведениями и предпринимательскими компаниями[4].

Исследователи оценивают и результаты проводимых реформ. Н.Л. Удальцова подчеркивает, что, несмотря на объявленную политику «принуждения к инновациям», академические структуры и российское предпринимательство

---

[1] Глобальный инновационный индекс 2016 г.: в рейтингах лидируют Швейцария, Швеция, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Сингапур; в число 25 ведущих стран вошел Китай. – http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2016/article_0008.html

[2] Каковы объёмы инвестиций стран в НИОКР? Новый инструмент ЮНЕСКО для сбора данных выявил перспективных инвесторов. – http://www.unesco.org/new/ru/natural-sciences/about-us/single-view/news/how_much_do_countries_invest_in_rd_new_unesco_data_tool_re/

[3] Андреев А.И. Основные проблемы и перспективы развития российской науки: экономические и управленческие аспекты // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. – Т. 2, № 7. – С. 40, 43.

[4] Кривых Н.Н., Якубова М.Е. Анализ инновационной активности экономики Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2016. – Т. 11, № 6. – С. 30–35.

остаются далекими друг от друга мирами. Нарастает расхождение между качеством подготовки профессиональных кадров и потребностями создания инновационной системы[1].

Вполне резонный вопрос задает В.П. Бабинцев: означает ли массовость нововведений, трактуемых как новшество, переход к более высокому качеству образования? Автор вполне обосновано полагает, что деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, которая получает все большее распространение в вузах, предопределяет дальнейший кризис высшего образования[2]. С.И. Плаксий отмечает, что реальное бюджетное финансирование образования в России «еще далеко от достаточного для содержания учебных заведений, и прежде всего обеспечения достойной заработной платой преподавателей, а тем более далеко от стимулирования инновационного развития образования»[3].

Несмотря на то, что в научной и вузовской среде на базе критического анализа ситуации формируются плодотворные идеи и практические предложения, они не оказывают реального влияния на проводимую государственную политику и существуют параллельно с официальной позицией. Видимые результаты реформирования проявляются в перманентных структурных перестройках, разработке новых индикаторов работы учреждений для их аттестаций и переаттестаций.

В результате огромной работы по переходу от специалитета к бакалавриату и магистратуре значительно изменилась организация учебного процесса образовательных учреждений, которая приобщила их к внешней атрибутике западных стандартов. Но уровень профессиональной подготовки от этого не повысился, и дипломы российских вузов не приобрели большей, чем раньше ценности на зарубежном рынке труда. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что дело не только в форме, но и в содержании. А чтобы наполнить деятельность содержанием, требуется работа специалистов соответствующих областей, а не чиновников или менеджеров, которым передают функции подготовки правил и стандартов, и эффективность которых определяется количеством произведенной документации. Совершенствовать менеджмент в науке и образовании необходимо, но его границы должны очерчиваться соответствующими полномочиями, а деятельность руководствоваться принципом «не наука для управления, а управление для науки».

Развитие науки и образования – это творческая деятельность, создающая новое качество. Для нее требуются специфические условия, при которых особую ценность приобретает время, свободное от организационных проблем, бесполезной суеты и заботы о хлебе насущном. Ограниченность ресурсов не позволяет обеспечить баланс между стимулами, возможностями и результатами деятельности. Но даже имеющийся потенциал используется не всегда по назначению. Часто меняющиеся требования, формы отчетности, гонка за показателями отвлекают от по-настоящему важной и продуктивной деятельности.

Российские учебные заведения вынуждены приспосабливаться к рыночным отношениям и реформационным процессам. Проводимая ими реструктуризация и модернизация существенным образом меняют характер работы. Внедряются новые методы обучения, расширяется применение информационных технологий, устанавливаются международные обмены студентами и преподавателями, прилагаются усилия для укрепления связи с производством. Но дефицит средств и несовершенство управленческих решений приводят к тому, что наряду с конструктивными тенденциями развиваются и деструктивные.

Происходит явное и скрытое сокращение видов работ, которые учитываются в нагрузке преподавателя, определяющей оплату его труда. Набор дисциплин в учебных планах различных направлений профессиональной подготовки сужается, и они становятся все более универсальными, сокращается курсовое проектирование, экзамены заменяются текущей аттестацией и т.д. Преподаватели, чтобы обеспечить плановый объем нагрузки, расширяют круг выполняемых обязанностей, ведут множество дисциплин. Напряженность их труда растет, ограничивая возможности творческого подхода. Больше времени стало уходить на переработку методических материалов по формальным признакам. Аудиторная нагрузка профессора нередко достигает размеров, при которых занятие наукой становится проблематичным. Более благоприятная ситуация наблюдается только в статусных столичных вузах, которые могут себе позволить хранить традиции прошлого.

Учреждения науки и образования поставлены в условия, когда министерские требования нужно выполнять несмотря ни на что, так как стоит вопрос «быть или не быть?». И следует отдать должное российским преподавателям и ученым, которые в достижении цели на многое способны. Учитывая то, что в России рост публикаций в период первых 15 лет текущего столетия составил 12% против десятикратного роста в Китае и трехкратного в Индии[4], руководством страны ставилась задача повысить показатели, решение которой привело к повышению публикационной активности российских исследователей. В 2012–2015 гг. число опубликованных отечественными учеными работ выросло на 28,3%, и доля российских научных работ в мире поднялась до 2,38%[5]. Процесс получил динамичное развитие, хотя и приобрел противоречивый характер.

В научной среде количество публикаций в год зависит и от автора, и от отрасли науки, в которой он работает, но условной нормой ранее считалось 2–3 статьи в год. В последнее время растет число авторов, которые публикуют в десять и в двадцать раз больше. И не только в научно-исследовательских институтах, но и в учебных заведениях, где основную работу составляет учебная нагрузка. Чтобы публиковать одну статью каждые две недели, (пусть даже в со-

---

[1] Удальцова Н.Л. Системные проблемы и угрозы национальной инновационной системе России // Экономика. Налоги. Право. 2016. – № 3. – С.116.

[2] Бабинцев В.П. Высшее образование: дискредитация смыслов // Управление городом: теория и практика. 2016. – № 1. – С. 44.

[3] Плаксий С.И. Инвестиции в образование // Знание, понимание, умение. 2015. – № 3. – С. 19.

[4] Президент РАН: Россия в науке опустилась до уровня Ирана. – http://www.bbc.com/russian/news/2016/01/160121_russia_science_fortov

[5] Российские ученые расписались. – http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/30/647377-redaktsii-dokazatelstvo-nauki

авторстве) и параллельно издавать монографии и учебники, нужно обладать недюжинными способностями. Если это итог научных изысканий, то результат не заставит себя ждать, и скоро в России произойдет инновационный бум, а если это имитация деятельности, то дальнейшее развитие получит только рынок статей, который успешно поглощает гранты, средства институтов и личные сбережения исследователей.

Несмотря на то, что внедряются технологии искусственного повышения индекса цитируемости и публикационной активности авторов, которые дискредитируют науку, девальвируют ее значение и подают плохой пример молодому поколению, с ними не только не борются, но и поощряют. А те, кто особенно поднаторел в их применении, получают высокие рейтинги, грантовую и другие виды материальной поддержки.

Требование публиковаться только в высокорейтинговых и в зарубежных журналах ставит исследователей в затруднительное положение. В России не так много значимых изданий, они не в состоянии и не обязаны удовлетворять растущие потребности всех желающих разместить свои статьи на их страницах. Исследователям в области физики, астрономии, инженерных наук, химии, математики, генетики, молекулярной биологии более доступна не только отечественная издательская база, но и зарубежная. В то же время представители гуманитарных наук не располагают такими возможностями. У российских историков, политологов или социологов, трактующих события мирового развития с концептуальных позиций, отличных от принятых за рубежом, или рассматривающих специфические российские проблемы, мало шансов вызвать интерес к своим трудам в иностранных издательствах, но это не значит, что они не имеют научной ценности.

Более реалистичный и соответствующий национальным потребностям путь интеграции в мировую науку должен лежать через поддержку журналов и издательств отечественных научных и образовательных учреждений. Популяризацию научных достижений российских исследователей необходимо осуществлять через сайты, предоставляющие доступ к их публикациям, переведенным на различные языки профессиональными переводчиками, учитывая скромные навыки общения российских ученых с иностранной аудиторией. Целесообразно использовать важнейшие средства развития научных контактов – международные конференции и совместные проекты, которым уделяется неоправданно мало внимания.

Один из современных трендов реформирования в России – сокращение и слияние научных и учебных учреждений, создание крупных исследовательских центров и федеральных университетов. План состоит в том, чтобы обеспечить концентрацию сил, сокращение расходов, оптимизацию структуры. Однако успех его внедрения зависит от взаимодействия всех участников процесса: тех, кто выполняет работу, кто ее заказывает, кто организует и руководит. В силу того, что на практике главную роль в объединении играет государство, а интересы и инициатива других сторон вторичны или вообще не учитываются, процесс не всегда дает ожидаемые результаты. В науке это может привести к сужению специализации исследований, устранению альтернативности источников и методов решения проблем. И в науке, и в образовании уничтожается конкурентная среда – важный принцип их качественного развития.

Назрела необходимость децентрализации издательских центров, очагов активной научной деятельности и каналов международных контактов. К сожалению, эта идея противоречит проводимой в настоящее время политике укрупнения, но именно через ее осуществление можно активировать исследовательскую работу в регионах.

Говоря о советской системе высшего образования, следует отметить, что она, в конечном счете, имела стройную и рациональную структуру, которая учитывала мировой опыт, потребности общества, личные возможности и интересы каждого. Развитая сеть учебных заведений различного уровня позволяла диверсифицировать подготовку кадров и регулировать поступление в них в соответствии со способностями и уровнем знаний, полученных в школе.

Опыт революционной ломки общественных отношений периода 1990-х показал, что прежде, чем перестраивать то, что создавалось и работало десятилетиями нужно, во-первых, выявить в нем рациональное, требующее бережного сохранения и продолжения, во-вторых, учитывать национальные интересы, условия и традиции, в-третьих, действовать, руководствуясь не скороспелыми идеями незрелых политиков или рвением чиновников, а научно обоснованными программами с учетом мнения не только власти, но и общества, и в обязательном порядке той его части, которой это непосредственно касается, и которая в этом хорошо осведомлена.

Советская система науки и образования была приспособлена ко вполне определенным социально-экономическим отношениям и держалась за счет поддержки государства. Современная задача состоит в том, чтобы переложить значительную часть расходов с государства на потребителей, главным образом, на предпринимательский сектор, что вполне соответствует тенденциям рыночной экономики. Такая политика достаточно успешно осуществляется, например, в Китае. Но российские компании, за исключением крупных корпораций, не готовы инвестировать в научные исследования и подготовку квалифицированных кадров. Разрушая прежний порядок и не создавая условий для развития нового, государство вынуждено на себе нести бремя основных затрат. Повысить заинтересованность бизнеса в инновациях можно только через развитие самого бизнеса.

Чтобы поднять науку и образование на более высокий уровень, необходим системный подход, при котором эти сферы будут рассматриваться не как самостоятельные, а как зависимые от многих факторов. Общество должно развиваться пропорционально, тогда спрос и предложение будут сбалансированы. Один из важных принципов организации науки и образования – это преемственность в деятельности структурных элементов. Начинать профессиональную подготовку кадров нужно в общеобразовательной школе, а еще лучше в детском саду, и идти к конечной цели, решая задачи последовательно с учетом особенностей каждого этапа.

Руководствоваться сиюминутными потребностями в образовательной и научной деятельности, значит заведомо обеспечить себе место аутсайдера. Чрезмерное увлечение практической стороной вопроса и пренебрежение фундаментальной противоречит рациональному подходу к знанию и его роли в обществе.

Михайлов О.В.
д.х.н., профессор, гл.н.с. Казанского НИТУ

АЛЬТЕРНАТИВА «ГЛОБАЛИЗМ – АНТИГЛОБАЛИЗМ» И БИБЛИОМЕТРИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ[1]

Ключевые слова: *интеллектуальная мобильность, российская наука, наукометрия.*

Одной из ключевых проблем, связанных с интеллектуальной мобильностью российских ученых в современном мире, является проблема передача конкретной информации, полученной в результате их научной деятельности, путем ее опубликования в том или ином доступном для широкой научной общественности научном издании (журнале, монографии и др.) в печатной и (или) электронной форме. Проблема эта – отнюдь не знамение нынешнего не очень спокойного времени, она так или иначе давала себя знать во все временные эпохи развития России – и в «досоветскую» (императорскую), и в советскую, и в «постсоветскую». В немалой степени это связано с тем обстоятельством, что российские ученые в основной своей массе являются неотъемлемой частью русского мира, который уже на протяжении многих десятилетий (если не столетий) олицетворяет собой нечто вроде «моста», связывающего меж собой две весьма различные по менталитету, традициям, религиям, языкам, да и формам государственного устройства части человеческой цивилизации – т.н. «Запад» и «Восток». И отношение к вышеуказанной проблеме в любую из вышеуказанных эпох в различных слоях российского научного сообщества также было весьма различным.

В настоящее же время в российской научной среде проявляются два полярных научно-мировоззренческих подхода к проблемам интеллектуальной мобильности, различие между которыми фактически сводится к ответу на весьма принципиальный вопрос, а именно: публиковать ли свои статьи и иные научные материалы и соответственно цитировать эти самые статьи в научных изданиях (и прежде всего – в журналах) независимо от национальной принадлежности последних или же публиковать и цитировать эти статьи исключительно в своих, РОССИЙСКИХ изданиях. Соответственно этим двум полярным подходам можно выделить и две резко различные категории российских исследователей, а именно т.н. «интернационалистов» («глобалистов») и «изоляционистов» («антиглобалистов»). (Заметим в связи с этим, что близкие им по смыслу термины – «местники» и «космополиты» были использованы еще 55 лет назад Корнхаузером[2]). Существует и значительное число таких наших соотечественников, которых по одним параметрам можно причислить к первой, а по другим – ко второй из этих категорий (к ним, кстати, принадлежит и автор этих строк). Антироссийские санкции со стороны США и стран ЕС в определенной степени задели и различные аспекты научного сотрудничества между российскими исследователями и их зарубежными коллегами, вследствие чего «водораздел» между этими двумя подходами среди российских ученых ныне обозначился еще более резко. На первый взгляд, выбор между этими подходами в пользу какого-то из них или промежуточного между ними – это личное дело каждого исследователя, и в подлинно гражданском обществе именно так и должно быть. Но это лишь на *первый* взгляд, потому что для *российской* науки выбор в пользу того или иного варианта *сообществом российских ученых* сейчас уже отнюдь не безразличен, причем как для ее дальнейшего развития, так и – по большому счету – для судеб нашей страны, неотъемлемой частью которой она является.

«Глобалисты» рассматривают мировую науку как *единое целое*, а российскую науку – как неотъемлемую *часть* мировой. Публикуя свои результаты в немалой степени на современной «латыни» науки – английском языке, они в случае необходимости готовы перейти на написание своих статей и на любом другом языке (даже на китайском, арабском или японском), если таковой вдруг станет этой самой «латынью». По их мнению, эксперты, оценивающие успехи российских ученых для решения вопросов, связанных с моральным или же материальным их поощрением (присуждение премий, грантов, установление надбавок к зарплате, назначение на научные должности и др.), должны быть большей частью такими специалистами, чьи собственные достижения в науке так или иначе признаны в мире – независимо от того, где они живут и работают; соответственно, такие «космополиты» не видят ничего худого в том, если для решения указанных выше проблем будут задействованы прежде всего авторитетные ученые из т.н. «дальнего зарубежья». Как правило, такие ученые достаточно сносно владеют английским языком, могут самолично писать на нем статьи; они же имеют хорошие навыки пользования компьютерной техникой и технологиями (в частности, для представления своих статей в печать в режиме *online*, как это ныне принято во многих зарубежных журналах). Для них характерна также сравнительно высокая цитируемость их работ (по крайней мере, в международных журналах), причем подчас даже в тех случаях, когда сами они за пределы России либо не выезжали вообще, либо делали это крайне редко. Значительная часть таких физических лиц позитивно воспринимает «наукометрическую» оценку научной деятельности (включая и свою

[1] Настоящая статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках финансируемого Фондом проекта № 14-06-00044.

[2] Kornhauser W. Scientists in industry conflict and accommodation. – Berkeley: Univ. of California Press, 1962.

собственную), хотя в ряде случаев и критически относится к отдельным наукометрическим (библиометрическим) параметрам, для этой оценки используемым. При этом, по мнению большинства из них, эти параметры должны быть подобраны и задействованы таким образом, чтобы ни в коем случае не ставить «на одну доску» статьи в ведущих высокоавторитетных международных журналах и статьи в т.н. «фейковых» изданиях, созданных исключительно для помощи далеким от науки людям в деле защиты ими диссертаций. «Антиглобалисты» же, напротив, рассматривают мировую науку как состоящую из *отдельных национальных* наук, а российскую науку – как *автономную* и даже *изолированную* от всего остального научного мира. Соответственно, они считают, что российские ученые должны читать и цитировать в основном работы других российских ученых; из зарубежной научной литературы читать следует лишь то, что переведено на русский язык. Свои же собственные труды надлежит писать тоже только по-русски и публиковать их исключительно в российских изданиях. По отношению же к наукометрической оценке научной деятельности такие ученые, как правило, занимают в лучшем случае скептическую позицию, в худшем – откровенно ее отвергают. Но уж коль библиометрические индексы все же используются, то носить эти параметры должны «патриотический характер» (т.е. они должны быть подобраны таким образом, чтобы в них отражалось преимущество непременно «наших», российских журналов). И понять их можно: бесстрастная статистика свидетельствует о том, что за редким исключением показатели цитируемости работ «антиглобалистов» весьма низки – во всяком случае, существенно ниже, нежели у «глобалистов». Эксперты же, оценивающие успехи *российских* ученых, считают они, должны быть подобраны лишь из числа граждан России и никак иначе. Что же касается знания английского языка и владения компьютерными технологиями, то по крайней мере в среднестатистическом отношении какого-либо преимущества «глобалистов» перед «антиглобалистами» скорее всего не обнаружится: в конце концов, среди тех, кто причисляет себя к первым, имеются не один и не два человека, которые ни разу не участвовали в научных мероприятиях, проходивших за пределами России (в силу, например, не очень хорошего владения английским языком или боязни вообще покидать пределы нашей страны), тогда как среди вторых найдутся опять-таки не один и не два человека, которые в таких мероприятиях участвовали далеко не однажды. Про владение компьютером я уж и не говорю: в серьезной научной работе, по большому счету, без этого сейчас никуда – что первым, что вторым. Как бы то ни было, «антиглобалистам» Россия представляется чем-то вроде «осажденной крепости», а российскую науку они в первую очередь считают средством поддержания ее оборонной мощи. И к слову сказать, они по-своему правы, особенно с учетом вполне реальной ныне военной угрозы со стороны стран Запада (и в первую голову – стран блока НАТО), да и того, что сказал более ста лет назад предпоследний российский император Александр III: «У России есть лишь два верных союзника – это ее армия и военный флот». А потому в целом, по их мнению, нынешняя российская наука должна быть похожа на советскую науку образца 70-х годов прошлого века, если не на более раннюю науку сталинской эпохи. По этому поводу один из ведущих наших специалистов по проблемам социологии науки П.Е. Чеботарев[1] писал буквально следующее: «Например, от них вы можете услышать, что международная публикация результатов российских ученых есть подарок «геополитическому противнику», так как он воспользуется нашими достижениями скорее, чем мы сами. Если напомнить, что речь идет об открытых работах, они спросят: *"А кто доказал, что их результаты нельзя применить в военной области"*? Пожелав продолжить дискуссию, вы услышите еще более «мощный» аргумент: *"Да ведь геополитическое соперничество не ограничивается гонкой вооружений!"*». В полном соответствии с вышеизложенной позицией «затворники» полагают, что поскольку российским авторам нет резона публиковаться в международных изданиях, то такие их публикации, равно как и ссылки на них, учитывать незачем. По соображениям патриотизма они готовы публиковаться не только в авторитетных российских журналах (каковых по мировым меркам у нас, однако, немного), но и в отечественных изданиях, которые зачастую не читают даже сами авторы помещенных там статей.

Коль скоро речь зашла о библиометрических показателях российских ученых, то представляется интересным сопоставить публикационную активность «глобалистов» и «антиглобалистов»; некоторые данные на этот счет представлены в Таблице 1. Как нетрудно заметить при их сопоставлении, ««глобалисты» опережают «антиглобалистов» почти по всем приведенным в ней показателям, которые вообще-то следует считать ключевыми при оценке этой самой публикационной активности, и лишь по последнему, пятому, который скорее относится к сфере научно-педагогической, нежели сугубо научной деятельности (учебники и др. учебная литература) они немного им уступают. И что весьма симптоматично и даже поразительно, преимущество «глобалистов» перед «антиглобалистами» по первым двум пунктам табл. 1 проявляется в отношении как статей в российских журналах, так и статей в журналах зарубежных (!).

«Антиглобалисты» на первый взгляд кажутся бóльшими патриотами России, нежели «глобалисты». Однако на поверку многими из «антиглобалистов» – осознанно или неосознанно – движет не что иное, как простое желание *сохранить ту среду*, в которой они худо-бедно конкурентоспособны. «Глобалисты» же весьма часто, как это ни покажется парадоксальным, действительно движимы патриотизмом, пусть они его и не афишируют в той форме, как «антиглобалисты». Однако на деле именно стремление развивать российскую науку, учить научную молодежь, что должна прийти им на смену, заставляет многих из них продолжать работать в России. И это при том, что немалое число представителей этой категории исследователей без особых проблем смогли бы адаптироваться в научной среде США, Японии, Германии и других ведущих в научном отношении стран мира (причем, наверное, даже сейчас, в период нового всплеска антироссийских санкций с их стороны).

Как бы то ни было, противостояние «Глобализм» vs «Антиглобализм» в современной российской науке стоит обсудить более детально. И можно найти аргументы в поддержку как того, так и другого мировоззренческого подхода в научной деятельности; наиболее значимыми из них нам представляются следующие. Вот – за «глобализм»:

[1] См.: Управление большими системами. – М., 2013. – Т. 44. – С. 506–537.

Таблица 1

Распределение «глобалистов» и «антиглобалистов» по количеству и ассортименту их публикаций[1]

Виды публикаций	«Глобалисты»		«Антиглобалисты»	
	Среднее число публикаций	«Глобалисты», имевшие публикации (в % от общего их числа)	Среднее число публикаций	«Антиглобалисты», имевшие публикации (в % от общего их числа)
Статьи в рецензируемых российских журналах	5,87	78,0	4,66	70,7
Статьи в рецензируемых зарубежных журналах	4,63	46,7	0,85	20,0
Статьи в сборниках и материалы конференций	8,65	75,3	7,76	73,7
Монографии и главы в монографиях, изданных в странах «дальнего зарубежья»	2,17	48,5	1,06	31,5
Учебники, главы в учебниках, методические пособия / руководства	1,52	37,4	1,68	42,5

Аргумент первый: *в наше время российская наука, по самым оптимистическим оценкам, вносит в мировую науку весьма незначительный по современным меркам вклад – не более чем 5% (реально же – и того меньше, на уровне 2–3%). Если же пересчитать этот вклад на душу населения или даже на одного научного сотрудника, то по ЛЮБОМУ из них Россия окажется где-то в начале второй сотни (!) стран мира (что, конечно же, никак не соответствует месту и значимости России в современном мире).* Даже в печальной памяти эпохе сталинизма, когда наша наука по сравнению с наукой в других странах была достаточно мощной, чтобы развиваться, не особо оглядываясь на остальной мир; когда не существовало той языковой унификации мировых журналов, что есть сейчас, и национальные журналы в *каждой* стране издавались на государственных языках этих стран; когда русский язык был де-факто одним из международных языков науки, его учили и использовали в своей научной работе исследователи не только т.н. «социалистического лагеря», но и целого ряда других стран; когда за контакты с «заграницей» можно было запросто попасть не то что в поле зрения пресловутых «органов», но и угодить за решетку, и даже рисковать своей жизнью, находились люди, которые шли на такие контакты, ибо они понимали, что таковые жизненно необходимы для развития *советской* науки. *Аргумент второй: идея «суверенитета» или «автономности» российской науки на фоне мировой науки абсурдна в принципе; для любого непредвзято настроенного человека должно быть совершенно очевидно, что ТАКАЯ наука, как современная российская, развиваться в наше время в отрыве от науки мировой просто никак не сможет.* Нравится это «антиглобалистам» или же нет, но надо сказать прямо: это все равно что идея некоего «суверенитета» «мурманской», «казанской», «петербургской» и др. и даже «московской» науки на фоне науки российской. Сопутствующая же ей автаркия, сопровождаемая фактическим выбрасыванием «за борт» большей части современной научной продукции, публикуемой в международных и национальных журналах ведущих в научном отношении стран мира (и прежде всего – США, Германии, Японии, Англии), отказом от экспертизы, осуществляемой рецензентами международных журналов и международных конференций, неизбежно приведет и к попранию научных критериев как таковых. Что, кстати, уже в весьма значительном количестве и наблюдается в последние годы (к примеру, *в наше время* в России во многих областях знания можно защитить докторскую диссертацию с чисто русскоязычным списком публикаций по ее тематике). Это, впрочем, еще полбеды. Гораздо хуже то, что такая автаркия порождает имитацию научной деятельности в масштабах, несопоставимых с мировыми. К примеру, в двух с лишним тысячах т.н. «ВАКовских журналов» и в журналах не из списка ВАК, в сборниках несчетного числа конференций наряду с «нормальными» работами публикуются тысячи псевдо-, а то и явно лженаучных текстов, не соотнесенных с уровнем современного научного знания, не имеющих никакой научной новизны и научной значимости. *Аргумент третий*: следствием предлагаемой «антиглобалистами» фактической самоизоляции нашей науки от мировой неизбежно станет превращение «суверенной» российской науки в вотчину разного рода демагогов, мошенников и графоманов от этой самой науки. Что, кстати сказать, уже начинает иметь место (ибо эти субъекты в постсоветский период развелись в весьма значительном количестве, причем не только в общественных и гуманитарных науках, как это часто утверждают, но и в других ее отраслях) и представляет весьма реальную (пусть и весьма часто недооцениваемую самими работающими на ниве науки, и «антиглобалистами» в том числе) для нее опасность. А также к тому, что труды российских авторов, «читабельность» которых *в наше время*, прямо скажем, и так-то оставляет желать лучшего, читать (а тем более – изучать и цитировать их) за пределами России скорее всего перестанут вообще. Перестанут, сколько бы ни убеждали нас авторитетные и не очень ученые и государственные мужи, как это сделал, например, академик Ю.С. Осипов (на тот момент Президент РАН) в том, что «если человек — специалист высокого класса, то он будет и русский язык изучать, и читать статьи на русском».

А вот – за «антиглобализм».

Аргумент первый: *у нас уже имеется целый ряд национальных журналов, которые переводятся на английский язык и распространяются за рубежом, и эта мера вполне способна решить проблему «доставки» результатов научных исследований русскоязычных ученых до сведения их зарубежных коллег.* Но! Для адекватного перевода содержания какой-либо статьи в любой области науки на английский язык нужно до тонкостей знать *англоязычную* терминологию именно в данной, причем обычно весьма *узкой области*, иначе выходит, грубо говоря, просто *чепуха* (или, по

[1] Шматко Н.А. Доклад на XXXI сессии Международной Школы по социологии науки и техники им. С.А. Кугеля. Санкт-Петербург, 26–28 октября 2015.

А.И. Китайгородскому[1], «реникса»), которую специалисты в этой самой области понять просто не смогут. Переводчики же «наших» статей, не в обиду им будь сказано, этой специфичной терминологией владеют далеко не всегда. К тому же такие «переводные» наши журналы не входят ни в top 10, ни в top 20, ни даже в top 50 мировых журналов в своих областях; говоря откровенно, их мало кто читает и еще меньше – цитирует. Во всяком случае, ключевой ныне признанный показатель их цитируемости – импакт-фактор по признанным международным базам данных цитируемости *Web of Science* и *Scopus* у подавляющего большинства из них не дотягивает даже до значения 1.000. *Аргумент второй*: *существуют т.н. языково-зависимые области знания, например, отдельные разделы филологии, лингвистики, этнографии, где адекватной трансляции на английский язык в ряде случаев может и не быть вовсе.* Это действительно так, но тут есть что возразить, а именно: языково-зависимых отраслей знания сравнительно немного, к тому же за редким исключением разрабатывающие их ученые не сосредоточены непременно в какой-либо одной стране. С другой стороны, не всегда язык, с которым связана тема *научного исследования*, оказывается наиболее адекватным для *научных рассуждений* – например, это может быть древний или недостаточно богатый или в недостаточной степени известный зарубежным специалистам язык. А это значит, что даже в таких областях знания не так уж редко бывает удобно для общения ученых разных стран использовать опять-таки английский язык. Но как бы то ни было, исследователи Германии, Франции, Италии, Японии, Китая и др. *неанглоязычных* стран все свои значимые результаты – нравится им это или нет – стараются публиковать непременно на *английском* языке, в противном случае мировое научное сообщество о них просто не узнает. Можно, конечно, много и долго дискутировать на тему о том, насколько хорош английский язык в качестве современной «латыни» научного мира (по мнению автора этих строк – все-таки не очень), но ведь другого-то общепризнанного претендента на эту роль пока нет. Искусственный язык «эсперанто», на который во второй половине XX в. возлагались большие надежды научного (и не только) мира в качестве будущего всеобщего языка, «латынью» современной науки и жизни так и не стал и ныне фактически предан забвению. И даже несмотря на обострившуюся ныне конфронтацию «Восток – Запад» какой-либо конкурент английскому языку на этот почетный статус до сих пор не только не «прорисовался», но и вряд ли «объявится» в обозримом будущем. *Аргумент третий*: *ныне, в эпоху антироссийских санкций целый ряд авторитетных научных журналов «закрыл свои двери» для статей российских авторов, причем даже для тех из них, статьи которых до этих санкций там активно печатали.* Это, увы, действительно так, но, думается, это все же не повод для того, чтобы «становиться в позу» и решительно отказываться от сотрудничества с соответствующими зарубежными журналами. Тем более если учесть, что львиная доля публикаций в авторитетных международных журналах относится к сфере естественных наук, которые всегда были, есть и будут вне политики (хотя пресловутые санкции со стороны США и ЕС – дело, конечно, достаточно серьезное, и коль скоро они распространяются отнюдь не только на политическую и экономическую сферу, было бы неправильно считать, что наших ученых и исследователей, равно как и зарубежных их коллег из указанных стран это никак не касается). Что же касается наук гуманитарных и особенно общественных, которые, как ни крути, к политике привязаны весьма сильно и «настроения» в них сильно зависят от политической конъюнктуры, то связанные с ними ученые вряд ли сильно пострадали от этих санкций: их как публиковали в зарубежных журналах в весьма, мягко говоря, ограниченном масштабе, так и публикуют ныне. И дело тут не только (а возможно, и не столько) в политических мотивах, сколько в том, что в отличие от естественных наук, содержащих знания об окружающей нас природе, которые, как правило, в той или иной степени представляют интерес для исследователей-естественников всех стран мира независимо от их национальной специфики (к примеру, обнаружение явления сверхпроводимости или получение искусственных алмазов одинаково интересно исследователям из России, США, Китая, Японии и т.д. и т.п.), исследования в области наук гуманитарных и общественных зачастую носят ярко выраженную национальную специфику и интересны лишь ученым данной конкретной страны или (в лучшем случае) небольшой группы стран (к примеру, вряд ли американским, немецким или японским ученым-гуманитариям будут интересны данные исследований наших ученых-гуманитариев по истории БАМа или данные социологических исследований по статистике потребления алкоголя среди оленеводов Чукотки), так что «антиглобализм» тех наших ученых, что занимаются только что указанными специфическими проблемами, оказывается для них мерой просто вынужденной.

Как гласит расхожая русская поговорка, «нет худа без добра», и после введения антироссийских санкций Президент и Правительство РФ провозгласили курс на всемерное импортозамещение и поддержку своих собственных производителей; по аналогии с этим, как мне представляется, следует принять меры и по повышению авторитета российских изданий. Они достаточно просты. Во-первых, стоит издавать хотя бы все журналы Российской академии наук (как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля) на *английском языке.* Во-вторых, и это главное, по возможности **больше цитировать** именно в них **статьи** именно **своих**, **российских авторов**, а не американских, английских, немецких или еще каких-то «иноземных» (как это, увы, весьма часто делается сейчас), благо оснований для этого предостаточно. Если мы пойдем по такому пути, то сможем существенно повысить импакт-факторы наших журналов и по этому показателю если не сравняться, то значительно приблизиться к ведущим международным журналам. Тогда и у многих зарубежных авторов (по крайней мере, из стран *BRICS*) появится желание публиковаться именно в наших российских изданиях, и тем самым они автоматически приобретут статус журналов **международных**… Понятно, что это за месяц и даже за год-два не сделать, но это **нужно делать**. Полагаю, что при таком развитии событий будет постепенно стираться и «грань» между «глобалистами» и «антиглобалистами», отчего выиграют и те, и другие, да, наверное, и российская наука в целом. Ну а пока что относительно мирное сосуществование двух напрямую связанных с ними стратегий: «писать свои статьи по-английски» *versus* «переводить чужие труды на русский» продолжается…

[1] Китайгородский А.И. Реникса. – М.: Молодая Гвардия, 1973. – 192 с.

Орлов А.И.
д.э.н., д.т.н., к.ф.-м.н., директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор МФТИ
prof-orlov@mail.ru

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЙСКУЮ НАУКУ?

Ключевые слова: *наука, управление, принятие решений, наукометрические показатели, экспертные оценки, библиометрические базы данных, индексы цитирования, Российская академия наук.*
Keywords: *science, management, decision-making, scientometric indicators, expert estimates, bibliometric databases, citation indexes, Russian Academy of Sciences.*

Основная проблема современной науки – всеобщее невежество научных работников. Это шокирующее утверждение легко обосновать, сопоставив количество актуальных публикаций по практически любой научной специальности (сотни тысяч и миллионы) с возможностями восприятия человека (сотни и тысячи статей и книг).

Как следствие, исследователи разбиваются на кланы (кластеры), состоящие обычно из нескольких сотен лиц. Научный работник в какой-то мере знает работы членов своего кластера и не интересуется исследованиями тех, кто не входит в кластер.

Кластеры взаимодействуют между собой обычно по административным вопросам, например, в борьбе за ресурсы. Иногда в борьбе рождается нездоровая монополия. Например, отделение математики РАН формируется тремя небольшими институтами математики (в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске), т.е. фактически тройкой директоров этих институтов. Научные результаты 10 тысяч математиков России, работающих в других организациях, при этом игнорируются.

Иногда говорят, что каждый специалист знает свою область, знаком с работами коллег и хорошо видит, «кто чего стоит». Из сказанного выше ясно, что это заблуждение. Следовательно, для управления наукой необходимо использовать некоторые показатели, не сводящиеся к непосредственному впечатлению. Есть две группы показателей успешности научной деятельности – наукометрические (число цитирований работ определенного автора, число публикаций, импакт-фактор журнала и др.) и экспертные (ученые степени, членство в научных обществах, в том числе в академиях, занимаемые должности). Рассмотрим эти группы показателей, а также ряд более общих вопросов управления наукой[1]. Основное утверждение настоящей работы таково: число цитирований – ключевой показатель результативности научной деятельности. Именно по числу цитирований следует оценивать вклад в науку исследователя или организации[2].

Начнем с обсуждения общих вопросов развития отечественной науки. При подготовке статьи использованы наши ответы на вопросы экспертного опроса по реформированию РАН и перспективам развития российской науки, организованного Профсоюзом РАН и Общественно-научным форумом «Россия: ключевые проблемы и решения», а также материалы нашего доклада «Число цитирований – ключевой показатель эффективности научной деятельности» на XVI Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» (Москва, декабрь 2016 г.).

О реформировании и перспективах развития российской науки. Для работников вузов на нынешнем этапе проведения реформы науки наиболее заметным является введение частичного использования наукометрических показателей при оценке результативности работы профессорско-преподавательского состава (например, такое требование: за 5 лет профессор должен опубликовать не менее 10 статей в журналах списка ВАК, доцент – не менее 8, и т.д.). Недостатками являются попытки рекомендовать публикации в журналах из баз WoS и Scopus (т.е. в основном в зарубежных журналах), отсутствие анализа цитируемости, необоснованные ссылки на индексы Хирша и значения импакт-факторов. Возможный механизм решения – разработка (в конкретном вузе и в РФ в целом) научно обоснованных рекомендаций по оценке результативности научных исследований (с опорой на базовый показатель для фундаментальных исследований – число цитирований). Эти рекомендации должны позволять принимать обоснованные управленческие решения по финансированию научных исследований.

Наряду с расширением фронта научных исследований, в частности, числа диссертаций, наблюдаем падение авторитета РАН (как совокупности действительных членов и членов-корреспондентов, так и институтов бывшей РАН). Результаты деятельности действительных членов и членов-корреспондентов РАН, как правило, не нужны отечествен-

[1] Орлов А.И. Наука как объект управления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. – № 101. – С. 1243–1273. – http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/11.pdf

[2] Орлов А.И. Число цитирований – ключевой показатель эффективности научной деятельности исследователя и организации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 124. – С. 984–1009. – http://ej.kubagro.ru/2016/10/pdf/64.pdf

ной науке, что подтверждается сравнительно малым числом цитирований этой группы лиц по сравнению с другими авторами. Эта совокупность лиц должна быть уравнена в правах с другими общественными организациями научной направленности, например, такими, как Российская академия естественных наук (РАЕН), Международная академия исследований будущего (МАИБ), Российская академия статистических методов (РАСМ). Основная часть институтов бывшей РАН должна быть передана в состав вузов или профильных ведомств (Роскосмос, Росатом и др.).

Сильная сторона современной отечественной фундаментальной науки – ее самодостаточность. Для получения нужных стране научных результатов мировая наука российским исследователям не нужна. Более того, мировая наука – это вредный миф, поддерживаемый врагами России с целью выкачивания ресурсов из нашей страны[1].

Слабая сторона: миф о том, что совокупность действительных членов и членов-корреспондентов РАН – это «штаб» российской науки. Пополнение РАН путем кооптации привело к засорению РАН субъектами, выбранными не за научные заслуги, а по другим причинам. По каждой из тематик РИНЦ из первых 100 наиболее результативных ученых (по числу цитирований) действительных членов и членов-корреспондентов РАН соответствующих отделений не более 10%.

Выборы осени 2016 года продемонстрировали крайнюю степень деградации РАН:

а) избрали чиновников, очевидно, в надежде на лоббистские услуги, проще говоря, в коррупционных целях, на что и обратил внимание Президент РФ;

б) в отделении медицинских наук избрали большое число жен и детей действующих «академиков»;

в) в отделении математики избрали лиц, чьи работы никому не нужны (единичные цитирования, впрочем, и публикации единичны); при публичном обсуждении в газете «Троицкий вариант – наука» установлено, что сговор директоров трех НИИ (институтов математики в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске) предопределяет итоги выборов в РАН;

г) в иностранные члены РАН избрали матерого врага России Киссинджера.

Каким направлениям и научным российским школам необходимо уделить особое внимание в ближайшие 2–3 года?

В области математических методов исследования: новая парадигма математических методов исследования, статистика нечисловых данных и прикладная статистика в целом, теория принятия решений, организационно-экономическое моделирование и особенно теория экспертных оценок.

В области экономики и управления: контроллинг, экономика предприятия и организация производства, эконометрика и математические и инструментальные методы экономики в целом, солидарная информационная экономика. Необходимо освободить экономическую теорию и практику от рыночных извращений, взять за основу определение Аристотеля: экономика – это наука о том, как вести хозяйство.

Требуются существенные изменения в правовом обеспечении научно-технологического развития

Как уже отмечалось, необходимо совокупности действительных членов и членов-корреспондентов РАН придать статус обычной общественной организации, такой, как РАЕН, МАИБ, РАСМ и другие общественные академии.

Большинство НИИ, подведомственных ФАНО, целесообразно включить в состав вузов или профильных ведомств (Институт космических проблем РАН и Институт медико-биологических проблем РАН – в Роскосмос, Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН – в Росатом, и т.п.).

Экспертизы по поручению руководства страны должны осуществляться не РАН, а творческими коллективами, созданными из наиболее результативных научных работников (из первых 100 наиболее результативных ученых (по числу цитирований) по каждой из тематик РИНЦ).

Какие критерии должны использоваться для оценки эффективности работы научных организаций и деятельности научных сотрудников?

Основной показатель результативности – это число цитирований. Если работа процитирована – значит, она нужна. Из трех основных показателей РИНЦ число публикаций дает оценку продуктивности, индекс Хирша не имеет рациональной интерпретации и не должен использоваться для оценки эффективности работы научных организаций и деятельности научных сотрудников, а вот число цитирований – это тот показатель, который является наиболее адекватной оценкой научного вклада исследователя в области фундаментальной науки.

В рассматриваемой области есть ряд вредных заблуждений. Так, применение наукометрических показателей, полученных по зарубежным базам данных (WoS, Scopus и др.), вредно, поскольку основная масса российских изданий в них не представлена. Активное самоцитирование научных организаций и научных сотрудников – показатель их передового положения в науке, наличия научных школ, перспективных научных направлений. С самоцитированием не следует бороться, его надо поощрять. Понятие «мусорных журналов», т.н. «мурзилок» пропагандируется загнившей частью научного сообщества, имеет целью принижение новых научных направлений и журналов, особенно дейст-

[1] Гринченко С.Н. Является ли мировая наука «организмом»? // Biocosmology – neo-Aristotelism. Bilingual Electronic Journal of Universalizing Scientific and Philosophical Research based upon the Original Aristotelian Cosmological Organicism. 2014. – Vol. 4, N 1–2. – P. 115–122. – https://sites.google.com/site/biocosmologyneoaristotelism/home/1-1

вующих вне Москвы. Цель такого принижения – переключение потока направляемых в печать статей и соответствующих финансовых потоков на столичные центры, теряющие свои творческие потенции.

Итак, число цитирований по РИНЦ – ключевой показатель результативности (эффективности) научной деятельности.

Следует принять положение (нормативный документ), согласно которому показатели по WoS, Scopus и др. не используются в отечественной практике, по грантам принимаются только публикации на русском языке, при выборах на те или иные позиции, при защитах диссертаций учитываются только публикации на русском. Это позволит, в частности, исключить нарушение прав отечественных налогоплательщиков, когда первая публикация, выполненная на их деньги, появляется в иностранном журнале.

Что должно быть сделано для повышения статуса и социальной защищенности научных работников?

Необходимо добиться понимания обществом необходимости научных исследований. Руководители различных рангов должны постоянно подчеркивать пользу науки, опираться на результаты научных исследований при принятии управленческих решений. Средства массовой информации должны популяризировать научные результаты.

В свою очередь, научные работники не должны "удовлетворять свое любопытство за государственный счет". Им следует постоянно ориентироваться на интересы общества. Необходимо избавиться от загнившей части научных деятелей, ликвидировать необоснованные привилегии действительных членов и членов корреспондентов РАН (уравнять это сообщество в правах с другими общественными академиями), отправить на почетную пенсию престарелых лиц, числящихся научными работниками.

Пока в зданиях НИИ, подведомственных ФАНО, царит запустение, сотрудники в рабочее время отсутствуют, каждый налогоплательщик будет вправе сказать: «Зачем мне кормить этих паразитов?» Когда в НИИ будет кипеть жизнь, как в 60-е годы XX в., статус и уровень социальной защищенности научных работников вернутся к высоким показателям.

Необходимо пресечь деструктивную деятельность сообщества Диссернет, которое своими акциями зачастую дискредитирует науку. Обратите внимание, как пресечение антиармейской пропаганды привело к повышению статуса военнослужащих в глазах общества.

Впрочем, в настоящее время актуально не столько развитие новых исследований, сколько сбережение накопленных знаний, умений, навыков.

Что необходимо делать для распространения и популяризации научных знаний и повышение престижа науки?

Необходимо постоянно заниматься распространением и популяризацией научных знаний и повышением престижа науки. Это касается прежде всего руководства страны, регионов, ведомств, организаций.

Кардинальное решение возможно лишь при изменении психологии масс, отказа от псевдорыночного лозунга максимизации прибыли (прибыли) и переходе на иные базовые принципы, прежде всего патриотические.

В частности, средства массовой информации должны работать на повышение престижа науки, заниматься популяризацией научных знаний. Например, следует восстановить издание журнала «Квант» с обязательной рассылкой по всем школам.

Во всех НИИ и вузах должны быть созданы подразделения, занимающиеся распространением и популяризацией научных результатов, полученных в этой организации как внутри страны, так и за рубежом. В частности, для зарубежных читателей должны выпускаться издания, отражающие научные результатов, полученных в этой организации. Российская научно-техническая разведка должна обеспечить научных работников информацией о зарубежных исследованиях по их тематике. Должна получить дальнейшее развитие деятельность ИНИОН.

Что необходимо делать для укрепления связей между наукой и образованием?

Передача большинства организаций бывшей РАН в состав соответствующих вузов позволит обеспечить участие ведущих ученых в преподавании, а преподавателей вузов – в современных научных исследованиях. Стихийный процесс слияния научной и преподавательской деятельности, как известно, давно идет. Сотрудники академических НИИ преподают (по совместительству), а преподаватели обязаны вести научные исследования (например, как уже отмечалось, профессора обязаны опубликовать за 5 лет не менее 10 статей в журналах списка ВАК).

Об экспертном научном обеспечении деятельности органов государственной власти и управления

Текущее состояние экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти и управления не является удовлетворительным. С одной стороны, привлекаемые к экспертизе лица и организации зачастую работают неадекватно. С другой стороны, органы государственной власти и управления часто игнорируют выводы экспертов.

Целесообразно создание Межведомственного экспертного совета по проблемам научно-технологического развития России, который взял бы на себя организацию экспертного научного обеспечения деятельности органов госу-

дарственной власти и управления. Экспертизы по поручению руководства страны должны осуществляться не РАН, а творческими коллективами, созданными из наиболее результативных научных работников (из первых 100 наиболее результативных ученых (по числу цитирований) по каждой из тематик РИНЦ). Кроме того, Межведомственный экспертный совет по проблемам научно-технологического развития России взял бы на себя руководство теми организациями бывшей РАН, которые нецелесообразно передавать в вузы и профильные ведомства (например, ИНИОН, ВИНИТИ, РИНКЦЭ, музеи). Возможно, целесообразно создание органа управления, аналогичного по ряду функций Государственному комитету по науке и технике СССР.

Разберем некоторые затронутые положения подробнее. Прежде всего отметим необходимость разделения фундаментальной науки и прикладной науки. Прикладные научные исследования делаются по заказу, и результаты оценивает заказчик. Широкому распространению полученных результатов зачастую препятствуют соображения коммерческой или государственной тайны. Фундаментальная наука нацелена на приращение знания, и полученные результаты поступают во всеобщее пользование. Именно поэтому число цитирований работ ученого – оценка его вклада в (фундаментальную) науку[1]. В настоящей статье мы обсуждаем проблемы фундаментальной науки.

Критика наукометрических показателей. С нее мы начали в публикациях 2013 г.[2] Выявлен ряд вредных мифов.

Например, в фундаментальной науке наиболее естественная цепочка публикаций, соответствующая развитию исследований, такова: тезисы доклада (первая формулировка идеи на конференции или научном семинаре) – тематический сборник (статьи единомышленников, сплотившихся вокруг новой идеи) – монография – учебник – широкое использование (именно так развивались отечественные работы по ряду направлений, например, по теории экспертных оценок). Обратите внимание – в этой цепочке нет статей в научных журналах. Т.е. для развития науки публикации в журналах, вообще говоря, не нужны. Между тем любители наукометрии упирают прежде всего на статьи в журналах, пренебрегая другими видами публикаций.

Почему пропагандисты наукометрических показателей делают упор на журналы? Одна из причин – потому что таким путем оценку научной продуктивности можно проводить путем применения программного продукта. Достаточно составить базу данных из списков литературных ссылок в электронных версиях журналов и формально ее обработать. Другая причина – «владельцы» журналов таким образом закрепляют свои позиции в научном мире, «зарабатывают деньги». В их руках – ресурс (возможность публикации), необходимый для профессиональной деятельности. Пропаганда погони за публикациями в зарубежных научных журналах – антироссийская деятельность, которую можно сравнить с пропагандой кражи интеллектуальной собственности.

Велики возможности внесения искажений, «накрутки» показателей[3]. Целесообразно в первых публикациях допустить неточности, ошибки, недоработки. Тогда появляется основания для публикации следующих статей, улучшающих предыдущие. Главное, не получить слишком рано окончательный результат и тем самым не прекратить поток новых статей. Например, существование пятого момента случайной величины можно последовательно заменять на существование четвертого, третьего и второго. Или вместо условия дифференцируемости функции обойтись условием непрерывности. В результате получаем «облако» взаимно ссылающихся статей в связке из нескольких журналов.

Надо поднять импакт-фактор журнала, чтобы увеличить финансирование? Вот план мероприятий (по аналогии со сбором десятка-другого отзывов на диссертацию и автореферат, которые, как все знают, пишет сам соискатель): вместо одной полноценной статьи делим ее на последовательные кусочки, допускающие дальнейшее развитие, создаем команду «авторов» и рассылаем по журналам, затем перекрестно продолжаем «развитие» положений исходного набора статей.

Последствия методологических ошибок. Методологические ошибки – упор на необоснованные экспертные оценки (см. ниже) и неадекватное использование индексов цитирования – приводят к неправильным управленческим решениям. В частности, не получают адекватной оценки новые научные направления, которые еще не обзавелись своими журналами. Вне оценивания оказываются наиболее ценные результаты, отраженные в монографиях и учебниках. Оценка по журнальным статьям и импакт-факторам журналов объективно задерживает подготовку книжных изданий – ведь после выхода книги ссылаться будут на нее, а не на предыдущие статьи. Ссылки на работы, в которых получены принципиально новые результаты, зачастую «тонут» среди ссылок на массы эпигонов. На настоящий момент существенно, что в современных условиях отнюдь не все отечественные журналы имеют полноценные электронные версии, и не все включены в системы учета цитирования. Сказанное объясняет, почему Международный союз математиков предостерегает от неправильного использования статистики цитирований.

По сравнению с упором на наукометрические показатели гораздо больший вред развитию науки наносят традиционные экспертные процедуры.

Речь идет не только о присвоении ученых степеней не по заслугам. Само по себе наличие ученых степеней можно сравнить с воинскими званиями или классными чинами, введенными Петром Первым. По ученой степени

---

[1] Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.

[2] См., например: Орлов А.И. О некоторых методологически ошибочных методах анализа и оценки результатов научной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 528–533.

[3] Луценко Е.В. Хиршамания при оценке результатов научной деятельности, ее негативные последствия и попытка их преодоления с применением многокритериального подхода и теории информации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. – № 108. – С. 1–29. – http://ej.kubagro.ru/2015/04/pdf/01.pdf

можно создать первое впечатление о квалификации незнакомого специалиста. Однако нелепо, что ученая степень присуждается на всю оставшуюся жизнь и не требует подтверждения. Современные информационно-коммуникационные технологии дают возможность проводить такое подтверждение регулярно на основе анализа библиометрических баз данных.

Процедура присуждения ученых степеней нелепа. Невозможно по пятнадцатиминутному (для кандидатской степени) или тридцатиминутному (для степени доктора наук) докладу разобраться в деталях сделанной работы. Члены диссертационного совета принимают решение по диссертации, не читая ее (из-за недостатка времени). Нелепо их обвинять, если диссертация содержит некорректные заимствования.

Очевидна тенденция к загниванию структур, пополняемых путем кооптации, например, РАН. Это и произошло. Академия наук перестала быть центром отечественной науки. Само существование РАН наносит большой вред развитию науки. Подчеркнем: ее сохранение в нынешнем виде мешает развитию отечественной науки. Речь идет не о ликвидации РАН, а о преобразовании ее в общественную организацию типа Королевского научного общества или Американской статистической ассоциации.

Вредна связка административных должностей с наличием ученых степеней и членством в РАН. Хозяйственники (директора НИИ, ректоры вузов) должны заниматься управлением, а не наукой. Ведь очевидно, что если директор НИИ ведет научные исследования, то он ресурсы всего НИИ перетягивает на свою тематику, сокращая поддержку других научных направлений. Наблюдаем конфликт интересов: директор как научный работник заинтересован в направлении ресурсов на нужды своих исследований, а как администратор заинтересован, наоборот, в развитии всех научных направлений, имеющихся в НИИ, что предполагает распределение ресурсов между всеми этими направлениями.

Есть и другие проблемы, мешающие развитию отечественной науки.

Сложившаяся система научных специальностей нелепа и мешает развитию науки. Начнем с нелепого объединение математики и физики в «физико-математические науки». Математики и физики занимаются совсем разными объектами. Математика – абстрактными системами, а физика – реальным миром.

В действующей системе специальностей видны два осколка статистики – одна из экономических наук и часть математики (специальность 01.01.05 «теория вероятностей и математическая статистика»). Нет статистики в технических исследованиях, в биологических, в медицинских... Должна быть наука «Статистика» верхнего уровня, в одном ряду с науками «Математика», «Физика», «Биология», «Социология» ...

Есть только осколок кибернетики (в математике) вместо науки «Кибернетика» верхнего уровня.

Менеджмент находится внутри экономики, как специализация в одной из экономических специальностей. А следовало бы наоборот – поместить экономику внутри менеджмента (как науки об управления предприятиями, отраслями, народным хозяйством).

Можно считать сказанное досадными мелочами. Но эти «вредные мелочи» мешают развитию отечественной науки. Каждому желающему получить ученую степень приходится выбирать одну из камер (специальностей) и следовать обычаям, принятым в выбранной камере. Встречаются «странноватые» ситуации. Так, автор настоящей статьи, математик по образованию и опыту работы (согласно РИНЦ – один из самых цитируемых математиков России), имеет ученые степени доктора технических наук (хотя никогда не имел дела с техникой) и доктора экономических наук (по математическим и инструментальным методам экономики). Степень по физико-математическим наукам также не вполне подходит – физикой (и вообще естественными науками) никогда не занимался. Наибольший вред нынешняя система научных специальностей оказывает на подготовку новых научных кадров. Например, автор настоящей статьи может официально готовить только экономистов, но не математиков.

Что можно делать? Подведем предварительные итоги.

Оценка эффективности научной деятельности должна проводиться на основе числа цитирований. Если работа цитируется – значит, она нужна! А если не цитируется – то не оказывает влияния на развитие науки.

Как быть с другими наукометрическими показателями? Число публикаций оценивает продуктивность, а число цитирований – результативность. Индекс Хирша нелеп и должен быть выведен из употребления. Импакт-факторы журналов, в которых опубликованы работы, не имеют отношения к оценке публикаций. В современных условиях важна лишь возможность получить Интернет-версию работы.

Взамен действительных членов и членов-корреспондентов РАН к выполнению работ по заданию руководства страны следует привлекать наиболее цитируемых исследователей.

Большинство институтов бывшей РАН (ныне подчиняющихся ФАНО) следует передать вузам или профильным ведомствам.

Необходимо совершенствовать систему научных специальностей.

И одно частное предложение. На основе накопленного опыта[1] целесообразно в рамках социологической науки создать специальность «Математические и инструментальные методы в социологии», аналогичную экономической специальности «Математические и инструментальные методы в экономике».

Обоснования рекомендаций настоящей статьи. Утверждения настоящей статьи приведены, как правило, без подробных доказательств. Подобные доказательства можно найти в многочисленных ранее опубликованных нами работах, некоторые из которых указаны в сносках. А можно рассматривать сказанное как экспертное мнение одного из самых цитируемых отечественных ученых. Приведем рейтинги А.И. Орлова в Российском индексе научного цити-

[1] Орлов А.И. Математические методы в социологии за сорок пять лет // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. – № 117. – С. 91–119.

рования (РИНЦ), построенные по числу цитирований научных публикаций согласно тематикам его работ (в соответствии с перечнем тематик РИНЦ). (На 06.01.2017 у А.И. Орлова в РИНЦ указаны 476 публикации и 9471 цитирование. Индекс Хирша 31.)

1. Информатика – 2*
2. Кибернетика – 1*
3. Космические исследования – 1*
4. Математика – 4
. Науковедение – 1*
6. Организация и управление – 1*
7. Охрана окружающей среды. Экология человека – 1*
8. Социология – 2*
9. Стандартизация – 1*
10. Статистика – 1*
11. Транспорт – 1*
12. Экономика. Экономические науки – 8

Здесь звездочками отмечены данные по тематикам, к которым РИНЦ не относит работы А.И. Орлова. Любопытно, что по «официальным» тематикам А.И. Орлова его рейтинги равны 4 и 8, а по «дополнительным» 10 тематикам из приведенного выше списка – 1 или 2.

В настоящую статью включены результаты предварительного изучения проблемы. Нужны обсуждения. Необходимо дальнейшее развитие.

Положихина М.А.
к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В НАУЧНОЙ СФЕРЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФАНО)

Ключевые слова*: реформа РАН; управление научными организациями; научные сотрудники; оценка труда научных сотрудников; оплата труда научных сотрудников; численность научных сотрудников в России.*

Keywords*: reform of the RAS; management of scientific organizations; research staff; evaluation of research staff's work; research staff's wage; the number of research staff in Russia.*

Проведенная в 2013 г. реформа РАН была шоком для академического сообщества. Но, надо отметить, что лежащие в ее основе теоретические подходы были сформулированы и публично изложены раньше – в 2005–2007 гг. Например, в исследовании С. Белановского, проведенном по заказу Центра стратегических разработок (2005 г.), на основе опроса 1200 научных сотрудников в 30 академических институтах 11 городов РФ были сделаны следующие выводы:

«*…В составе академической науки имеется значительный "кадровый балласт" – около 60% численности научных работников… Эффективность гуманитарного сектора академической науки очень низка – доля в нем «кадрового балласта» составляет более 90%. В негуманитарном сегменте доля "балласта" 53%.... Неэффективным академическим ученым свойственна завышенная самооценка их научных достижений – 75% из них считают себя эффективными, действующими учеными… Выявлена несколько более высокая жизнеспособность академической науки в регионах по сравнению с Москвой. В Москве по сравнению с регионами более остро стоит проблема пополнения кадрового резерва науки. Однако наука в регионах гораздо хуже оснащена научным оборудованием… Предположительно наметилась тенденция прихода в науку эффективно работающей молодежи… Академические ученые представляют собой не самый высокодоходный, но отчасти привилегированный слой российского населения. Среднемесячный денежный доход академического ученого из всех источников составляет 9595 руб., аналогичный доход среднего городского жителя России составляет 6543 руб… Академическим ученым свойственны сильные протестные настроения. Около 60% из них примут участие в акциях протеста в гипотетическом случае закрытия их институтов… Электоральные установки российских академических ученых заметно отличаются от общероссийских в сторону политического негативизма. В них резко снижена доля голосующих за "Единую Россию" и за В. Путина…» [Белановский С., 2005].*

Тогда к данной работе в научной среде отнеслись недостаточно серьезно. Ведь наряду с достоверными и убедительными фактами в ней приводились и совершенно необоснованные. Например, вывод о неэффективности («кадровом балласте») от 60 до 90% научных работников РАН, сделанный на основе опроса 2% от их численности. Не говоря об отсутствии критериев отнесения научного работника к «кадровому балласту» (и неопределенности самого этого понятия), репрезентативность данной выборки и распространение полученных в результате опроса мнений на всю генеральную совокупность не являются приемлемыми с научной точки зрения.

Однако определенный эффект данное исследование имело – оно послужило одним из оснований для дискредитации академической науки как профессионального сообщества и как конструктивного оппонента власти. Конечно, имел значение и субъективный фактор. Но «теория» под реформирование РАН была подготовлена ранее. Стоит напомнить резюме Круглого стола «Наука и инновации в России: направления реформ», который проводился в рамках VIII Международной научной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие» в апреле 2007 г. в НИУ-ВШЭ:

«…Во-первых, нужна глубокая институциональная реформа науки.

Во-вторых, ее главным устремлением должна стать поддержка лучших, а не размазывание бюджета по всем, и это на всех уровнях – отраслевом, институциональном, научных групп и индивидуальном.

И, в-третьих, должна быть достигнута полная прозрачность системы финансирования наукой, как это делается, допустим, в Национальных лабораториях США» [Демина Н., 2007].

То, что сейчас происходит с академическим (бывшим) сектором, а ныне учреждениями науки ФАНО, в значительной степени есть реализация именно этих идей: начиная от самого создания ФАНО и акценте на имущественных вопросах, до попыток выявления «выдающихся» ученых, лучших коллективов и т.д.

Можно уверенно констатировать, что и в целом проводимая в настоящее время политика в научной сфере основывается на определенных, далеко не бесспорных теоретических постулатах. На некоторых из них хотелось бы остановиться подробнее.

1. Управление (руководство) наукой (научными организациями, подразделениями), как и любым другим видом деятельности, должны осуществлять менеджеры. И, наоборот, выполнение руководящих (управляющих) функций в науке (и в других видах деятельности) осуществляют только менеджеры.

То, что управление требует специальных навыков, а на определенном уровне – и профессиональных знаний, в настоящее время является аксиомой. Но не следует забывать, что выделение профессиональной группы «управленцев» происходит постепенно. Ведь любая коллективная человеческая деятельность требует координации и управления. На «низовых» организационных уровнях, когда имеют значение в первую очередь исполнительские знания и умения, управленческие функции выполняют наиболее квалифицированные и опытные работники, совмещая их со своей профессиональной деятельностью. И только на более «высоких» организационных уровнях на первый план выходят управленческие навыки.

Это более чем известная и даже банальная истина отражается в традиционном отделении административного аппарата предприятий (организаций) от руководителей структурных подразделений (бригадиров и начальников участков; заведующих лабораториями, отделами и секторами и т.д.). Считать последних менеджерами, т.е. исключительно «управленцами» или «руководителями», нет никаких оснований. Это переходный слой, который должен обладать, с одной стороны, высокой профессиональной квалификацией в своей области деятельности, а с другой – уметь выполнять определенные управленческие функции.

Данный «переходный» слой совершенно необходим для обеспечения функционирования любой организации. Деление же работников только на две группы – исполнителей и руководителей, – представляет собой крайне примитивный подход, особенно применительно к научной сфере. Исследования социологов и науковедов давно доказали, что для нормальной деятельности организации (в первую очередь, инновационного характера) нужны работники, выполняющие различные и достаточно многочисленные ролевые функции, связанные в т.ч. с передачей и оценкой информации. Эти функции нельзя ни свести к паре «исполнитель – руководитель», ни признать «балластом» для научной организации.

Однако в настоящее время в России преобладает примитивно механистический подход к научным кадрам – или научные сотрудники, или менеджеры. Современная недальновидная кадровая политика в научной сфере, особенно в части оценки и оплаты труда научных работников, ведет к развалу научных организаций и дальнейшей деградации (если не уничтожению) отечественного научного потенциала.

Так, в утвержденных в 2008 г. Минздравсоцразвития РФ профессиональных квалификационных группах должностей работников сферы научных исследований и разработок было ведено разделение на «научных сотрудников» (должности от младшего научного сотрудника до главного научного сотрудника) и «руководителей структурных подразделений» [Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.07.2008 № 305н]. Затем, во исполнение «майского» указа Президента РФ 2012 г. о повышении к 2018 г. средней заработной платы научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе[1], стимулирующие надбавки руководителям структурных подразделений почти перестали выплачиваться. В результате руководить научным подразделением с экономической точки зрения стало менее выгодно, чем заниматься одной только научной деятельностью. А ведь эти должности традиционно занимают наиболее высококвалифицированные и опытные научные работники. Следствием недооценки их труда служит или замещение должностей руководителей структурных подразделений более низко квалифицированными кадрами (что грозит полным развалом исследовательских процессов) или очередной раут «обходных» бюрократических «маневров».

Но, если какое-то внимание оплате труда научным сотрудникам уделяется [письмо Минобрнауки РФ от 12.05.2016 № МОН-П-1917], то про вспомогательный научный персонал (техников, лаборантов, редакторов и т.д.) совсем забыли. Возможности по стимулированию их труда в научных организациях практически отсутствуют, а должностные оклады находятся на уровне минимальной заработной платы. В результате ухудшается обеспечение научной деятельности и снижается привлекательность научных организаций как рабочего места для молодежи.

Высказывается мнение, что это временная ситуация, которая сохранится только до тех пор, пока не будет выполнен упомянутый указ Президента. Но, как неоднократно демонстрировала отечественная практика, нет ничего более постоянного, чем «временные решения». В любом случае «перекосы» в соотношении заработной платы различных групп научных работников негативно влияют на профессиональный и карьерный рост в научной сфере, на престиж научной деятельности в целом и на ее организацию.

Одновременно, при акценте на управленческую составляющую деятельности руководителей структурных подразделений, недооценивается необходимость управленческих знаний и умений для директорского корпуса. В настоящее время директоров научных учреждений выбирают из научных сотрудников, которые в большинстве случаев не имеют специальной управленческой подготовки. Вот для них краткосрочные курсы менеджмента были бы очень кстати.

При этом не понятно, как будет складываться дальнейшая карьера тех директоров, кто не будет избран на очередной срок. Смогут ли они вернуться в науку? Ведь быть директором – это, прежде всего, выполнять функции менеджера, а не исследователя. И пытаться «сидеть на двух стульях», значит делать и то, и другое дело плохо. Возможен ли в таком случае альтернативный административный карьерный рост, например, переход в структуры, управляющие научными учреждениями? Сейчас в органах государственной власти, которые осуществляют управление наукой (прежде всего, Минобрнауки РФ и ФАНО), практически нет «выходцев» из собственно научной сферы. По мнению же специалистов, наилучших результатов добиваются не профессиональные управленцы, а те, кто, освоив свою профессию, перешел к управлению в данной области, получив дополнительное образование по специальности «менеджмент».

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2334.

Представляется, что выстраивание возможных карьерных траекторий для исследователя и для администратора в области науки позволит наконец-то разделить научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность. Каждая из них необходима для нормального функционирования научных организаций, но требует различных навыков и умений. И совмещение этих двух видов деятельности в отечественной науке на протяжении длительного времени является одной из причин, мешающих ее развитию.

С другой стороны, «эффективные менеджеры», руководящие в настоящее время отечественной наукой, не знают ее специфики и не могут решить существующих в ней проблем. Проводимая ими политика в значительной степени служит прикрытием для достижения других, часто латентных, а не публичных целей.

2. Оценка труда научных сотрудников должна основываться на формальных критериях, прежде всего – цитируемости публикаций и количестве публикаций в зарубежных журналах, а для самих научных сотрудников следует ввести профессиональные стандарты.

Про эти «новации» кадровой политики в научной сфере написано и сказано уже достаточно много. К сожалению, «услышано» из этого очень мало. Поэтому стоит повторить то, что для многих специалистов является очевидным.

«…научная деятельность не может развиваться по стандартам» [Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., 2016, с. 221]. Соответственно, невозможно и совершенно не нужно, даже вредно пытаться разрабатывать и внедрять профессиональные стандарты для научных сотрудников. Вместе с тем, еще в 2008 г. Президиум РАН утвердил квалификационные характеристики по должностям научных работников научных учреждений, подведомственных Российской академии наук [Постановление Президиума РАН от 25.03.2008 № 196]. Возможно, их следует обновить. Но в целом они вполне могут служить основой для оценки труда научных сотрудников.

Индивидуальные же наукометрические показатели должны быть вспомогательными критериями оценки, т.к. возможности по манипулированию ими («накручиванию») весьма значительны. При этом показатели цитируемости следует рассматриваться на фоне средней цитируемости статей по различным областям науки, а также учитывать опубликованные монографии. Кроме того, акцент следует делать на российские издания. Ведь далеко не все отрасли науки являются глобальными (многие входят в национальные лакуны), а вот оплачивают научные исследования в России в основном отечественные налогоплательщики.

Давно известно, что только использование адекватной теории может дать позитивные результаты. Положенные же в основу реформ научной сферы в России упрощенные и сомнительные теоретические постулаты закономерно ведут к неоднозначным и скорее негативным итогам.

Например, ***заработная плата научных сотрудников растет. Хотя не совсем так, как предполагается принятыми нормативными документами*** [Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р].

По данным Росстата, в 2014 г. в целом по РФ заработная плата научных сотрудников учреждений федеральной формы собственности составляла 48,2 тыс. руб. В 2015 г. она увеличилась до 51,8 тыс. руб. (или на 107,5%), причем соотношение со средней по стране заработной платой (30,7 тыс. руб.) составило 168,7%. При этом в г. Москве (где сосредоточено больше 40% научных сотрудников учреждений федеральной формы собственности) заработная плата выросла с 53,9 до 58,8 тыс. руб. соответственно (или на 109,1%), но соотношение со средней по региону (58,0 тыс. руб.) составило только 101,4% [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016; Письмо Минобрнауки РФ от 12.05.2016 № МОН-П-1917].

Наибольших успехов в увеличении заработной платы научных сотрудников учреждений федеральной формы собственности в 2015 г. добились в Карачаево-Черкесской республике (превышение в 3,6 раза средней по региону), Новгородской области (превышение 2,9 раз), Ульяновской (2,6 раз), Курганской (2,4 раза), Нижегородской (2,3 раза), Белгородской и Кировской (2,2 раза), Ивановской и Архангельской областях (2,1 раз), а также в Пермском крае (2,5 раз). Однако во многих случаях это регионы с очень низкой средней заработной платой (в Карачаево-Черкесской республике – 18,6 тыс. руб., Ивановской области – 18,0 тыс. руб., Курганской – 19,4 тыс. руб., Кировской – 19,8 тыс. руб.) или с очень небольшой численностью научных сотрудников [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016].

Кроме того, в 2016 г. наблюдается замедление темпов роста заработной платы научных сотрудников учреждений федеральной формы собственности. За январь-сентябрь 2016 г. она достигла 46,1 тыс. руб., увеличившись по сравнению с соответствующим периодом 2015 г. на 105,5%, тогда как в соответствующий период 2015 г. по сравнению с 2014 г. рост составлял 110,9% [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016].

Если же сравнивать динамику заработной платы научных сотрудников учреждений федеральной формы в течение года, то получается еще менее благополучная картина.

В целом по РФ заработная плата научных сотрудников учреждений федеральной формы за январь-сентябрь (три квартала) 2014 г. составляла 39,4 тыс. руб., а в IV квартале она увеличилась на 8,8 тыс. руб., или 22%. Заработная плата научных сотрудников учреждений федеральной формы за три квартала 2015 г. равнялась 43,7 тыс. руб., в IV квартале она выросла на 8,1 тыс. руб., или 18,5% [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016]. Приведенные данные свидетельствуют о значительной неравномерности роста заработной платы научных сотрудников учреждений федеральной формы собственности, основное увеличение которой приходится на конец текущего года.

Такое положение объясняется применяемой «техникой» увеличения заработной платы научным сотрудникам – за счет выплат нерегулярных надбавок, величина которых в конце года существенно выше. Должностные же оклады при этом не меняются. Безусловно, такое нестабильное финансирование вызывает рост неуверенности сотрудников в перспективах научной деятельности.

Главное же – это ***продолжающееся сокращение численности научных кадров***. За период с начала реформы РАН количество научных сотрудников в целом по стране уменьшилось на 27 тыс. человек, или почти на 25% (табл. 1). В наибольшей степени численность научных сотрудников сократилась в Северо-Западном ФО (почти на 40%), особенно в г. Санкт-Петербурге (более 40%), и Приволжском ФО (более чем на 32%) [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016].

Таблица 1

Изменение численности научных сотрудников за 2013–2016 гг.[1]

№ пп	Регион, Федеральный округ	2013 г., тыс. человек	I полугодие 2016 г., тыс. человек	Отношение 2016 г. к 2013 г., %
1.	Центральный	58,7	43,6	74,3
2.	г. Москва	45,6	34,8	76,3
3.	Северо-Западный	15,2	9,2	60,5
4.	г. Санкт-Петербург	11,8	7,0	59,3
5.	Южный	3,8	3,0	78,9
6.	Северо-Кавказский	2,3	1,8	78,3
7.	Приволжский	8,7	5,9	67,8
8.	Уральский	3,8	3,0	78,9
9.	Сибирский	11,3	9,9	87,6
10.	Дальневосточный	3,8	3,5	92,1
11.	РФ в целом	107,7	80,7	74,9

С одной стороны, данный процесс обусловливается демографическими сдвигами: отходом от научной деятельности достаточно многочисленных трудовых кадров старших возрастов и приходом в науку менее многочисленных трудовых кадров младших возрастов. С другой стороны, продолжается отток научных кадров из России, причем самых продуктивных и квалифицированных. Результатом одновременного действия этих факторов может стать резкое сокращение отечественного научного потенциала, восстановить который будет очень непросто.

Представляется, что в настоящее время, хотя и в меньших масштабах, повторяется ситуация 1990-х годов, когда резкое сокращение финансирования научной деятельности со стороны государства привело к кратному уменьшению отечественного научного потенциала, сокращению наукоемких производств и прикладной науки. Последствия этого – современная технологическая зависимость страны от внешних поставок технологий и наукоемкой продукции. Но опасность недостаточного финансирования научной деятельности так и не осознана. Более того, государственные расходы на науку продолжают сокращаться, только теперь это в основном касается фундаментальных исследований [Онищенко Е., 2016]. Сохранение данной тенденции ведет к глубокому кризису в научной сфере России с далеко идущими неблагоприятными последствиями для хозяйства и общества в целом.

Нарастание негативных явлений в организации научной деятельности в России во многом объясняется некомпетентностью руководства наукой со стороны государства. Выдумываются все новые инструменты, ведутся поиски спасительного «отдельного звена», создаются «с нуля» отдельные структуры – вместо того, чтобы выстраивать из существующих элементов инновационную систему, частью которой является наука. Очевидна и проблема государства как заказчика НИР.

В связи с этим неоднократно предлагалось разделить Минобрнауки на два отдельных ведомства: по управлению образованием и по управлению государственным научным сектором. А также создать публичный орган, который бы координировал деятельность всей научной сферы и ее связь с производством. Кроме того, представляется необходимым провести индексацию должностных окладов научных работников всех категорий и нормативно закрепить регулярность выплат стимулирующего характера.

Главное же, следует отказаться от примитивных и сомнительных теоретических подходов к управлению научной деятельностью, от некритического заимствования зарубежного опыта. «Чтобы иметь реальный суверенитет, мы должны сами себя кормить, защищать, учить, лечить, обогревать, должны сами обустраивать свою страну и определять наше будущее» [Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., 2016, с. 293–294].

Список литературы

1. Белановский С. Оценка состояния РАН // Полит.ру. Наука в современной России. – М. – 15.12.2005. – http://polit.ru/article/2005/12/15/ran/
2. Демина Н. Как реформировать науку. Рецепт от ВШЭ // Полит.ру. Наука в современной России. – 25.05.2007. – http://polit.ru/article/2007/05/25/sciencehse/
3. Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки // Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Рынок труда, занятость и заработная плата. – М., 2016. –http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
4. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 304 с.
5. Онищенко Е. Ученые уедут, пожелав держаться // Газета.ru. Наука. – 27.06.2016. – https://www.gazeta.ru/science/2016/06/27_a_8330927.shtml

[1] Составлено по данным Росстата [Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки, 2016].

6. Письмо Минобрнауки РФ от 12.05.2016 № МОН-П-1917 «Об обеспечении повышения оплаты труда научных сотрудников федеральных государственных учреждений» // Техэксперт. Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – М., 2016. – http://docs.cntd.ru/document/456009010
7. Постановление Президиума РАН от 25.03.2008 № 196 «Об утверждении Квалификационных характеристик по должностям научных работников научных учреждений, подведомственных Российской академии наук» // РАН. Президиум. Документы. – М., 2008. –http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=74cc04fa-5b7f-4570-bc32-37097e70f226
8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.07.2008 № 305н (ред. от 19.12.2008) «Об утверждении профессиональных квалификационных групп должностей работников сферы научных исследований и разработок» // Российская газета. – М., 2008. – № 164.
9. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 19. – Ст. 2469.

Раков Д.Л.
к.т.н., с.н.с. ИМАШ РАН
Синев А.В.
д.т.н., профессор, в.н.с. ИМАШ РАН
Терещук В.С.
к.т.н., с.н.с. ИМАШ РАН
Печейкина М.А.
старший преподаватель МЭИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *наукометрия, индекс цитирования, морфологический подход, кластерный анализ, оценка новизны и уровня.*
Keywords*: scientometrics, citation index, morphological approach, cluster analysis, assessment of novelty and level.*

Наукометрические показатели в настоящее время в основном используются для оценки результативности научной деятельности и основаны на таких показателях, как количество публикаций автора и количество ссылок на его работы. Одним из основных показателей является так называемый индекс Хирша [1], при помощи которого осуществляется поиск ученых, пишущих интенсивно и качественно [2]. Вопросы наукометрических оценок широко изучаются и обсуждаются. Но в области технических наук необходимо оценивать не только публикации, но и патентную деятельность авторов – учитывать как сами патенты (на изобретения и полезные модели), так и заявки на их выдачу, а также свидетельства на регистрацию программ для ЭВМ. Данным вопросам уделяется сравнительно мало внимания [3].

Для оценки технических решений (ТР) авторов может быть эффективно использован морфологический подход, основанный на кластерном анализе [3]. Он заключается в построении морфологической таблицы, заполнении ее возможными альтернативными вариантами и в выборе из всего множества комбинаций наилучших решений. Морфологический подход, идея которого возникла еще в средние века, базируется на комбинаторном принципе поиска решений [4]. Специальная процедура систематического комбинирования понятий (терминов) была введена Р.Луллием (1234–1315). «Логическая машина» Луллия позволяла получать путем комбинирования исходных понятий более сложные понятия и суждения. Идеи Р.Луллия и его последователей оказали заметное влияние на творчество немецкого математика Готтфрида Вильгельма Лейбница, который был, по-видимому, первым использовавшим термин «комбинаторика» в современном его понимании. Комбинаторику Лейбниц рассматривал как половину так называемого общего «Искусства Изобретения», а именно ту половину, которая относится к синтезу. Вопрос о природе второй половины (анализ), к сожалению, не был им рассмотрен. Датой рождения современного морфологического подхода можно считать 1942 г. Это дата выхода в свет первой работы швейцарского астрофизика Ф.Цвикки по морфологическому анализу реактивных двигателей с описанием его метода «морфологического ящика» и построения морфологических таблиц (МТ).

Основная трудность оценки ТР, содержащихся в патентоспособных ТР, заключается в неопределенности из-за неполной информации о критериях оценки. Можно назвать следующие факторы неопределенности [5]:

- Отсутствие методов расчета, математических моделей и количественных оценок для измерения отдельных качеств и свойств ТР в его проекте (неопределенность первого рода);
- Отсутствие информации о взаимной значимости разнообразных критериев, часть которых противоречит друг другу (неопределенность второго рода);
- Решая реальные проектные задачи структурного синтеза с целевыми функциями сложного вида, не допускающими применения теоретических методов нахождения экстремумов, приходится использовать человеко-машинные приемы нахождения вариантов лучших, чем уже просмотренные, без всяких гарантий получения действительно оптимальных решений (неопределенность третьего рода).

Предметом поиска является достижение некоторых компромиссных уровней для ряда противоречивых критериев. Последовательность вычислительных операций для нахождения оптимума в алгоритме проектного расчета отображается целевой функцией. Эта функция не соответствует основным требованиям теоретических методов оптимизации, так как она разрывна; не всегда может быть определена; существует в операторной записи; не базируется на аналитических выражениях; не дифференцируема; не унимодальная; не сепарабельна и не аддитивна. Особенностью является также то, что невозможно аналитически моделировать гиперповерхность целевых функций и прогнозировать их изменение на шаге приращения переменных. Вместо шагового продвижения в пространстве признаков предлагается зональные исследования с использованием кластеров. Из этого следует, что оптимального варианта в общепринятом смысле в таких задачах не существует. Отсутствие теоретических методов, обосновывающих поиск экстремума и

наличие на практике результатов действительно успешного решения проектных комбинаторных задач с помощью эвристических приемов означает, что основным назначением систем поддержки исследователей на этапе синтеза ТР должна быть помощь в классификации структурных признаков, а также в сборе и накоплении информации о самых различных сочетаниях элементов проектируемого объекта. Решение задачи структурного синтеза с практической точки зрения поможет в снижении неопределенности при исследовании технических систем на ранних стадиях проектирования [5].

В упрощенном виде процедура оценки ТР из описаний патентов осуществляется последовательным выполнением ряда процедур. Вначале формируется морфологическая таблица из известных ТР и патентов [6]. В нее (рис. 1) заносится одно или несколько опорных ТР авторов для оценки, выбирается ряд критериев, которым присваиваются экспертным путем бальные оценки. За основу определения весовых коэффициентов критериев и балльных оценок взят метод «Wertanalyse», рекомендованный обществом немецких инженеров для оценки и сравнения ТР [7].

Элементы признаков →

Признаки ↓

	P^1	P^2	P^3	...	P^k
P_1	P_1^1	P_1^2	P_1^3	...	P_1^k
P_2	P_2^1	P_2^2	P_2^3	...	P_2^k
P_3	P_3^1	P_3^2	P_3^3	...	P_3^k
...	...	...	...	...	...
P_n	P_n^1	P_n^2	P_n^3	...	P_n^k

Рисунок 1.
Морфологическая таблица ТР

В дальнейшем генерируется некоторое количество альтернатив и формируется морфологическое множество решений, которое разбивается на кластеры. Сначала исследуются варианты ТР кластера, в котором находится опорный вариант – оцениваемое ТР. В дальнейшем проводят разработку других кластеров. С опорным вариантом сравниваются технические решения, рассчитывается степень его новизны [7, 8]. Оценка базируется на понятиях меры сходства и различия вариантов. Мера сходства вычисляется из меры расстояния Хэмминга. Поскольку каждое техническое решение характеризуется «своим» набором элементов признаков, то можно всегда отыскать признаки, определяющие его оригинальность и индивидуальность. Те варианты, которые имеют наименьшие значения меры сходства по сравнению с базовым множеством, обладают большей «новизной». При помощи предлагаемого подхода был исследован ряд научных и прикладных систем, на ряд которых были получены патентов [9–11].

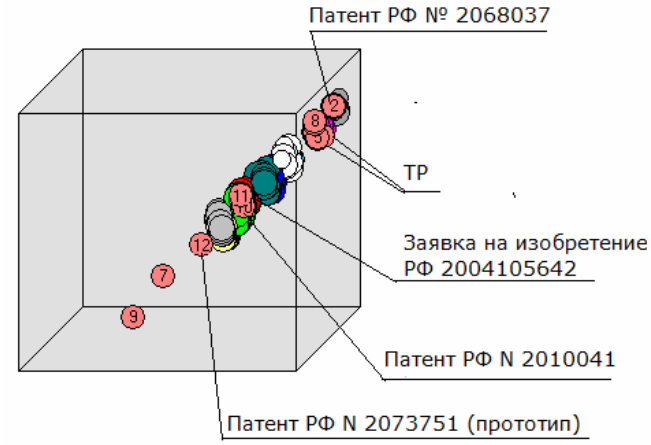


Рисунок 2.
Расположение кластеров ТР в морфологическом поле решений

Для сравнения вариантов ТР используют набор критериев {K} с весовыми оценками {w} и производят попарное сравнение вариантов (рис. 3).

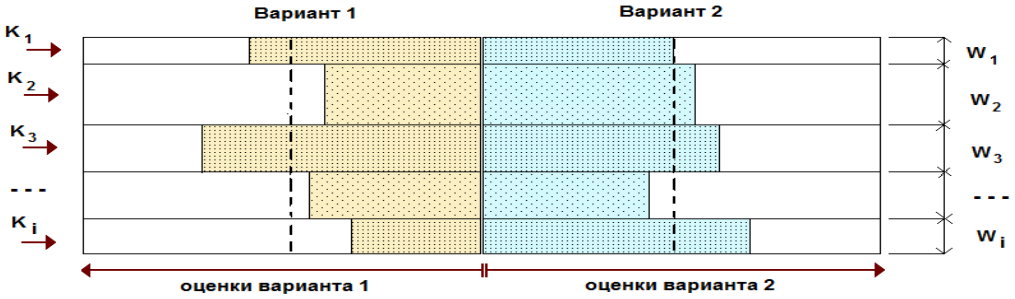


Рисунок 3.
Сравнение вариантов

Процесс развития ТР и изменение внешних условий моделируются в предложенном подходе путем задания разных весовых коэффициентов у критериев, соответствующих их прогнозируемым изменениям в течение времени. Например, можно прогнозировать, что некоторая оценка через некоторое время будет иметь более высокий весовой коэффициент (рис. 4, рис. 5). Таким образом, можно рассматривать развитие ТР в течение времени, жизненный цикл, а также определить будет ли система «устойчива».

Время пребывания развивающихся систем различной природы в устойчивых состояниях (соответствующих устойчивой структуре), естественно, различно, но независимо от природы. Таким образом, процесс развития можно представить как последовательность циклов эволюционного изменения состояний внутри цикла со скачкообразным переходом состояния в конце цикла на новый качественный уровень, означающий начало нового цикла развития.

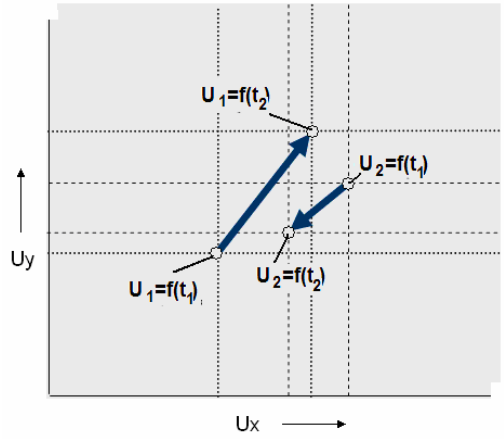


Рисунок 4.
Изменение уровня ТР 1 и 2 с течением времени (противоречивое изменение)

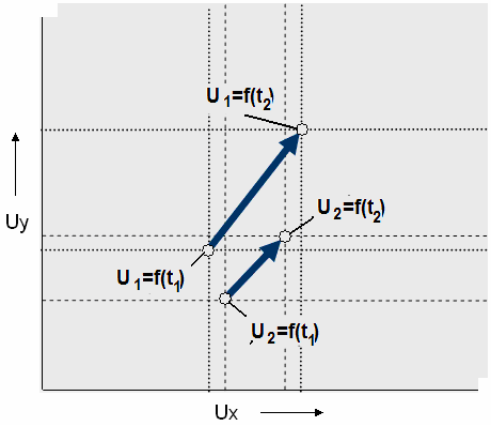


Рисунок 5.
Изменение уровня ТС 1 и 2 с течением времени (непротиворечивое изменение)

В заключении можно сделать выводы о том, что использование морфологического подхода при проведении исследований технических решений из описаний патентов позволяет получить относительно точные оценки полученных результатов.

Предлагаемый подход позволяет:

- оценивать патентоспособные технические решения;
- предсказать изменение основных характеристик ТР;
- определить и дифференцировать эволюционирующие и стабильные признаки;
- определить направление эволюции любого признака ТР;
- определить среднюю скорость эволюции уровня ТР;
- установить связь между эволюцией кластеров и вариантов в них.

Это позволяет повысить вероятность создания инновационной продукции с высокими качественными показателями и одновременно снизить риски технологического характера. Данные меры позволят поднять технический и технологический уровни научно-технических разработок, исключить дублирование проводимых исследований и повысить конкурентоспособность отечественных предприятий.

Список литературы

1. Hirsch J. E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proc. National Academy of Sciences of the USA. 2005. – Vol. 102, N 46. – P. 16569–16572.
2. Акимова Г.П., Даниленко А.Ю., Пашкин М.А. Подходы к оценке работы научных коллективов // Труды Института системного анализа РАН. – М., 2015. – Т. 65, № 2. – С. 39–43.
3. Раков Д.Л. Использование морфологического подхода при проведении патентных исследовании технических систем // Изобретательство. 2014. – Т. 14, № 11. – С. 19–26.
4. Бутенко Л.Н., Бутенко Д.В. Концептуальный анализ и синтез систем. – Волгоград: ВолгГТУ, 2015. – 84 с.

5. Осин М.И. Методы автоматизированного проектирования летательных аппаратов. – М.: Машиностроение, 1984. – 51 с.
6. VDI 2800: 2000-05-Wertanalyse / VDI Society for Systems Engineering and Project Design. – 17 p.
7. Rakov D.L., Sinyev A.V. The Structural Analysis of New Technical Systems Based on a Morphological Approach under Uncertainty Conditions // Journal of Machinery Manufacture and Reliability. 2015. – Vol. 44, N 7. – P. 74–81.
8. Раков Д.Л., Синёв А.В. Параллельное проектирование на этапах структурного синтеза и параметрической оптимизации при формировании облика новых технических систем // Проблемы машиностроения и автоматизации. 2011. – № 4. – С. 99–102.
9. Rakov D.L. Superlight Reentry Vehicles // Space Technology. 2004. T. 24, N 4. – P. 237–243.
10. Раков Д.Л. Способ ввода информации и устройство для его осуществления. Патент на изобретение RUS 2141685 13.01.1998.
11. Клименко Б.М., Раков Д.Л., Торбек Ю. Устройство для нанесения покрытия микродуговым оксидированием вентильных металлов и сплавов. Патент на изобретение RUS 2413040 04.09.2008.

Уварова Т.Б.
д.и.н., зав. сектором ИНИОН РАН
ethn.uvarova@inbox.ru
Шемберко Л. В.
зав. сектором ИНИОН РАН
irichem@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *информационные технологии, аналитические технологии, стратегическое планирование, информационные ресурсы, инфосфера, социальные и гуманитарные науки, поиск информации, лингвистические средства.*

Keywords*: information technologies, analytical technologies, information resources, infosphere, social sciences and humanities, strategic design, information retrieval, linguistic tools.*

Хорошую информацию трудно добыть.
Сделать с ней что-нибудь – еще труднее.
Роберт Линн Асприн[1]

Стратегия научно-технологического развития РФ до 2035 года, формирование которой осуществлялось широким экспертным сообществом на протяжении нескольких лет, была утверждена указом Президента РФ 1 декабря 2016 г.[2] Данный документ определяет внутреннюю политику, развитие науки, технологий и инноваций на долгосрочный период; он был принят в условиях, когда высокие темпы освоения новых знаний и создания инновационной продукции становятся ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности.

Важными задачами для достижения стратегических целей государственной политики в области развития науки и технологий являются:

– создание эффективной системы максимально полного использования интеллектуального потенциала нации;

– разработка научных проектов, направленных на получение новых фундаментальных знаний, которые необходимы для долгосрочного развития страны и основаны на конвергенции различных направлений исследований, включая социальные и гуманитарные науки.

Институт научной информации (ИНИОН РАН) призван внести свой значимый вклад в обеспечение фундаментальных научных исследований в области общественных наук, выполняемых под руководством ведущих ученых страны. На первое место сейчас выходят проблемы разработки долгосрочного стратегического плана, который будет способствовать концентрация всех ресурсов – финансовых, материальных и кадровых – на приоритетных научных направлениях, направленных на формирование востребованных информационных ресурсов по социальным и гуманитарным наукам. Особое внимание при этом должно уделяться увеличению практического применения результатов научных и информационно-аналитических исследований, а также обеспечению интеграции научной, образовательной и инновационной деятельности, включая комплексный мониторинг всего фронта исследований в мировой социально-гуманитарной сфере, выявление новых идей, гипотез, методов, трендов, обнаружение, как лакун, так и точек роста нового гуманитарного знания.

Среди актуальных задач стратегии развития ИНИОН РАН, необходимо выделить следующие:

– разработка новых инструментов информационно-аналитического обеспечения научных исследований, соответствующих сложности проблем и задачам повышения результативности их решения, научно-информационное, аналитическое и навигационное сопровождение доступа к достижениям мировой науки;

– развитие новой инфраструктуры и системы координации научно-информационной, научно-исследовательской и информационно-аналитической деятельности, обеспечение взаимодействия ведущих научно-исследовательских центров академической и вузовской науки, развитие механизмов эффективного обмена научной информацией;

– внедрение в социально-гуманитарной области новых информационно-коммуникационных технологий с учетом основных трендов мирового развития, прежде всего, исходя из приоритета сетевых технологий, сконцентриро-

[1] Асприн Р. Мифические персоны. – М.: ГРИФ-Ф-Лтд., 1993. – 448 с.

[2] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года (указ Президента РФ подписан 1 декабря 2016 г.). – http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010007

ванных вокруг человека как конечного универсального создателя и потребителя информации по социальным и гуманитарным наукам;

– обеспечение интеграции российского сектора исследований в области общественных наук в глобальную международную сеть научных и образовательных учреждений; развитие каналов взаимодействия между российскими и зарубежными исследователями для обмена опытом и развития международных научных проектов и совместных публикаций; продвижение достижений российских исследователей в мировую науку;

– координация научно-информационных, научно-исследовательских работ и информационно-аналитических работ по приоритетным направлениям развития сферы исследований и разработок, прежде всего, в области междисциплинарных исследований социально-экономической и гуманитарной направленности, которые включены в Государственную программу по развитию науки и технологий до 2020 года.

Одна из актуальных задач стратегического проектирования при этом заключается в том, чтобы выявить круг потребителей информации по социальным и гуманитарным наукам, определить степень их заинтересованности в создаваемых научных и информационно-аналитических продуктах и предлагаемых услугах – экспертных, аналитических, справочно-информационных, образовательных, консультационных. Это необходимо для того, чтобы понять, с какими проблемами придется столкнуться различным подразделениям ИНИОН уже в ближайшем будущем, какие технологии потребуются им для того, чтобы обеспечить формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего научно-информационного центра в области социально-гуманитарных наук.

Важным конечным результатом реализации стратегической программы является положительная динамика роста информационных ресурсов, необходимых для повышения экономической эффективности научных исследований (фундаментальных и прикладных) в социальной и гуманитарной сферах и их доступность потребителю как в традиционной, так и в электронной форме.

Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий и широкое внедрение их достижений в социальную практику привели к формированию совершенно новой информационной среды, которую часто называют информационным пространством (или инфосферой). Необходимо вспомнить, что еще в 1995 г. Государственная Дума РФ приняла «Концепцию формирования и развития информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов[1].

Основными компонентами научного информационного пространства являются, во-первых, информационные ресурсы, во-вторых, средства взаимодействия потребителей с различными ресурсами при поиске информации по запросам различной сложности, в-третьих, информационная инфраструктура, которая обеспечивает функционирование, изменение и развитие информационного пространства[2]. Таким образом, в структуре информационного пространства выделяются:

- пользовательский слой, который охватывает коллективных и индивидуальных потребителей информации и их информационные потребности;
- информационный слой, который формируется из различных отечественных и зарубежных информационных ресурсов (тематических, проблемно-ориентированных, библиографических, реферативных, фактографических, полнотекстовых, мультимедийных и пр.);
- функционально-технологический слой, который возникает при использовании программно-лингвистического комплекса в процессе сбора, переработки, информационного поиска, хранения, анализа и распространения информации, а также реализации справочно-информационного или экспертного обеспечения различных категорий потребителей, реализуемых с учетом целей, задач и направлений проводимых ими научных исследований;
- коммуникационный слой, который представляет собой результат взаимодействия потребителей с информационными ресурсами для определения наиболее продуктивных научных контактов, организации сетевого взаимодействия и формирования профессиональных сообществ, в которых происходит обмен информацией, научными идеями, опытом и новыми знаниями.

Содержание понятия «информационная среда» и его отличие от понятия «информационное пространство» описано в работе К.А. Калюжного[3], в которой на основе системного подхода определены важнейшие функции, структуры и признаки информационной среды науки. Результаты анализа информационной среды науки и образования содержатся в работе Н.В. Максимова.[4]

В течение последних трех десятилетий в ИНИОН РАН успешно создавалась информационная среда в области социальных и гуманитарных наук, призванная стать важной составляющей единого информационного пространства России.

В базах данных Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН) представлено более 3,5 млн. записей документов по экономике и демографии, историческим наукам, философии и социологии, правоведению и политологии, науковедению, проблемам образования, экологии, по литературоведению, языкознанию

---

[1] Концепция формирования и развития информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов // Межотрасл. инф. служба. 1995.– № 3. – С. 3–8.

[2] Уварова Т.Б., Шемберко JI.В. Формирование многомерного информационного пространства по этнологии и исторической антропологии // НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНИТИ.– М., 2014.– № 8.– С. 15–25.

3 Калюжный К.А. Информационная среда и информационная среда науки: сущность и назначению // Наука. Инновации. Образование / Научно-технологическая политика и комплексные проблемы развития науки. 2015. – Вып. 18. – С. 8–23. http://cyber leninka. ru/article/n/informatsionnaya-sreda-i-informatsionnaya-sreda-nauki-suschnost-i-naznachenie#ixzz4RxUiS211

[4] Максимов Н.В. Информационная среда науки и образования: от информационного обслуживания к распределенной системе управления знаниями // Информационное общество. – М., 2009. – Вып. 6. – С. 58–67.

и религиоведению почти на 140 языках. Накопленный информационный массив предназначен для всестороннего анализа направлений отечественных и зарубежных научных исследований и выявления важнейших образовательных траекторий для высших учебных заведений. Он позволяет для каждой научной или проблемной области создавать информационную среду требуемого масштаба, нужной глубины ретроспективы, с учетом особенностей проблемно-тематического, видового и языкового профиля документов.

Поиск информации в области социальных и гуманитарных наук предполагает традиционное членение предметных сфер при обработке информационных запросов и, соответственно, выборе профильных баз данных, формируемых специалистами конкретных областей знаний. При этом многие исследуемые процессы и явления оказываются маргинальными, попадают на общую или пограничную территорию, находящуюся, например, между экономикой и политикой, философией и социологией, историей и этнологией, правоведением и политологией, литературоведением и языкознанием. Нередко в научных исследованиях можно наблюдать размывание дисциплинарных и отраслевых границ, а также применение интегрированных и политематических подходов при изучении проблем, в том числе и глобальных.

Отраслевой и междисциплинарный поиск в базах данных ИНИОН РАН, для проведения которого разработана специальная технология, позволяет любому исследователю создавать проблемно-ориентированную среду, в границах которой необходимо определить степень разработанности изучаемых проблем или тем, а также выявить основные научные подходы, методы и возможности их интеграции. Следует подчеркнуть, что проблемно-тематическое поле, в котором рассматриваются цели и задачи стратегического планирования, расширяется с каждым годом. При этом появляются все новые и новые проблемы, которые попадают в поле зрения ученых и специалистов самых различных научных дисциплин – экономистов и политологов, философов и социологов, правоведов и психологов, историков и лингвистов.

Анализ информационного потока документов, поступающих в отраслевые базы данных ИНИОН, показывает, что в настоящее время социальные и гуманитарные науки сталкиваются с необходимостью формирования новых методологических подходов, более адекватных состоянию современного общества и социального знания для исследования таких социальных и гуманитарных проблем, как переход от «коричневой» к «зеленой» экономике, мониторинг национальных и этнических конфликтов, противодействие терроризму и идеологическому экстремизму, техногенным, биогенным и социокультурным угрозам, проблем продовольственной безопасности и продовольственной независимости, изучение культурного наследия, проблем толерантности и веротерпимости, а также оценка рисков, обусловленных научно-технологическим развитием.

Следует отметить, что изучение состояния проблемного поля, в том числе и в области национального стратегического планирования, проводится на основе анализа информационного потока отечественных и зарубежных публикаций, количество которых (в том числе и в электронном виде) увеличивается постоянно. Однако возможность огромного выбора информации по разным причинам не облегчает научную и исследовательскую деятельность ученых, преподавателей, руководителей[1]. Им приходится тратить все больше и больше времени на поиск новых идей, концепций, трендов, а также последующий анализ, оценку собранных данных и их обобщение. Нередко проходят годы, прежде чем исследователь поймет, что выбранное направление информационного поиска не является самым удачным.

При использовании информационных ресурсов в области социальных и гуманитарных наук исследователи нередко оказываются в ситуациях, требующих решения таких информационных задач, как:

- где найти нужную информацию, причем быстро, просто и в соответствии с требованиями к ретроспективной глубине, видовому и языковому составу документов, проблемно-тематическим аспектам – концептуальным или теоретическим, с учетом уровня рассмотрения проблемы – глобальный, национальный, отраслевой;
- как быстро и просто провести эффективный информационный поиск самостоятельно с помощью известных информационных ресурсов (традиционных и электронных);
- каким образом отобрать данные и нужную информацию, а также цитаты и библиографические ссылки, и как проверить достоверность, точность и качество, актуальность и ценность собранной информации.

Для решения этих задач, по мнению экспертов, необходима разработка механизмов «умного» информационного поиска, достаточно простого и комфортного для отбора ценной научной информации на различных языках из доступных отечественных и зарубежных информационных ресурсов. Кроме того, для информационно-аналитического обеспечения российских поисковых и прикладных исследований, оценки состояния отечественных и зарубежных общественных наук, для определения приоритетных направлений развития, выявления лакун и точек роста нового знания необходима разработка новых теоретико-методологических подходов к формализации знаний для переработки социально-экономической и гуманитарной информации больших объемов.

Важно отметить, что структурирование любой изучаемой проблемы осуществляется как компонент более общей когнитивной модели знания, которая включает: во-первых, разработку принципов понятийно-лингвистического представления информации как когнитивной конструкции при аналитико-синтетической переработке информационного потока, который отражается в базах данных по социальным и гуманитарным наукам; во-вторых, формирование унифицированной схемы описания информационной потребности, удовлетворение которой необходимо для решения научной проблемы и построения когнитивной модели нового знания, и, в-третьих, определение способов концептуальной организации содержания научных документов и запросов с помощью комплекса лингвистических средств.

Анализ результатов автоматизации информационных процессов в области социальных и гуманитарных наук показывает, что организационно-технологические проблемы формирования сбора, обработки и хранения информаци-

[1] Боровик М.А., Шемберко Л.В. Проблемы поиска информации по социальным и гуманитарным наукам и пути преодоления информационных барьеров // НТИ. Сер. 1. Организация и методика информ. работы / ВИНИТИ. – М., 2016.– № 5.– С. 15–21.

онных ресурсов во многом решены. В настоящий момент на первый план выходит вопрос о соответствии создаваемых электронных ресурсов информационным запросам основных категорий потребителей информации – ученых, исследователей, преподавателей высшей школы, руководителей. В связи с этим особое внимание в последние годы уделялось совершенствованию комплекса лингвистических средств и разработке электронного словаря нового типа БИСОН (Большой информационный словарь по общественным наукам), который является достаточно мощным когнитивным механизмом в системе организации и представления знаний в области социальных и гуманитарных наук[1].

Целью создания электронного словаря нового типа БИСОН является формирование целостного, системного представления о составе, структуре и сфере применения информационно-поисковых тезаурусов (ИПТ) по социальным и гуманитарным наукам, предназначенных для содержательной переработки документов и запросов, а также снижения интеллектуальных и временных затрат на интерактивный поиск научной информации в базах данных ИНИОН – в Интернете и оптических дисках.

Тезаурусный подход, который используется в АИСОН для переработки информационного потока документов и запросов по социальным и гуманитарным наукам свыше 30 лет, показал ярко выраженную тенденцию к комплексному исследованию предметов этих наук, к устойчивому сближению и взаимопроникновению понятий и терминов

Набор терминов, включенных в словарь БИСОН из отраслевых ИПТ[2],служит основой для обеспечения системности аналитико-синтетической переработки документов, а также индексирования запросов, ориентированных на поиск информации в базах данных ИНИОН, и позволяет описать темы большинства текстов рассматриваемой предметной области. В тезаурусе поисковый термин (дескриптор) приводится в определенном смысловом контексте – в окружении терминов, находящихся с ним в родовидовых, синонимических и ассоциативных отношениях. При этом смысловой контекст одного и того же дескриптора в различных отраслях отражает не отдельно взятое понятие, а часть сложившейся системы знания с возможностью перехода от более общих понятий к более частным и обратно. При этом каждый отраслевой тезаурус служит лингвистической моделью, которая репрезентирует терминологическую систему той или иной дисциплины и обеспечивает формирование системы целостного знания, выраженного в научных текстах по социальным и гуманитарным наукам.

Наиболее важными особенностями словаря БИСОН являются:

– большой объем словаря (свыше 50 тыс. терминов);

– интегрированный принцип построения;

– возможность многоуровневой навигации по лексико-терминологическому пространству различных научных отраслей с целью выбора поисковых терминов;

– шрифтовое и цветовое оформление терминов, обеспечивающее определение их статуса (дескриптор или синоним) и отраслевую принадлежность;

– открытость словаря для пополнения новой терминологией.

---

[1] Шемберко Л.В, Шнайдерман М.Б., Слива А.И. Лингвистический навигатор по социальным и гуманитарным наукам: назначение, структура и принципы применения // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2014. – № 11. – С. 26–37.

[2] Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по экономике и демографии / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Архангельская В.А. при участии Мдивани Р.Р. (классификационный указатель); – М., 2001. – 492 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по философии / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Гинзбург Б.П. при участии Мдивани Р.Р. (Классификационный указатель по ББК); Ред.: Мдивани Р.Р., Серебряная Е.И. – М., 2002. – 324 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по правоведению / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Базарнова С.В., Шевцова С.О. при участии Мдивани Р.Р. (Классификационный указатель по ББК); Ред.: Крысанова Н.В., Мдивани Р.Р., Слива А.И. – М., 2002. – 808 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по социологии / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Гинзбург Б.П. при участии Мдивани Р.Р. (Классификационный указатель по ББК); Ред.: Гирко Л.В., Ли О.С., Мдивани Р.Р. – М., 2003. – 240 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по политологии / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Базарнова С.В., Мдивани Р.Р., Слива А.И., Шевцова С.О.); Ред.: Верченов Л.Н., Ильин М.В., Магай Е.В., Мдивани Р.Р., Мелешкина Е.Ю., Пивоваров Ю.С. (отв. ред.). – М., 2007. – 632 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по языкознанию / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Смиренский В.Б.; Ред.: Антонюк Г.С., Магай Е.В., Мдивани Р.Р. (отв. ред.); Стрельченко П.Я. – М., 2007. – 200 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по религиоведению / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Денискин А.А. при участии Мдивани Р.Р. (Классификационный указатель по ББК); Ред.: Кимелев Ю.А., Магай Е.В. Мдивани Р.Р. – М., 2008. – 164 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по науковедению: наука и образование / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Магай Е.В., Мдивани Р.Р., Хадиаров Г.Г.; Ред.: Макешин Н.И., Мдивани Р.Р.– М.: ИНИОН РАН, 20011. – 496 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по литературоведению / РАН. ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека; Курашова М.Я., Смиренский В.Б., Швырева Г.П., Этова О.В., при участии Мдивани Р.Р. (Классификационный указатель по ББК); Ред.: Магай Е.В., Мдивани Р.Р. (отв. ред.). – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 112 с.

Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН по историческим наукам: В 2-х томах / РАН ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека. – М.: ИНИОН РАН. (Сер.: Информационно-поисковые тезаурусы ИНИОН по социальным и гуманитарным наукам).

Т. 1. История. Археология / Авт. Базарнова С.В., Матвеева Е.Ю. при участии Громовой Д.Н., Окороковой И.Л., Русаковой М.Ю.; Ред.: Магай Е.В., Мдивани Р.Р., Пивоваров Ю.С. (отв. ред.), Шевырин В.М., – М., 2012. – 606 с.

Т. 2. Этнология и историческая антропология / Авт. Магай Е.В., Мдивани Р.Р., Уварова Т.Б.; Ред.: Мдивани Р.Р. (отв. ред.) / РАН ИНИОН. Центр информатизации. Фундаментальная библиотека. – М.: ИНИОН РАН, 2014.– 450 с.

Следует подчеркнуть, что электронный словарь БИСОН может использоваться как в интегрированном виде, так и по отдельным отраслям социальных и гуманитарных наук. Для поиска нужных терминов (дескрипторов) разработан электронный навигатор, который представляет собой поисковую систему с возможностями анализа и выбора иерархических связей дескрипторов, а также просмотра и выбора ассоциативных терминов и синонимов для включения в поисковый запрос.

В заключение представляется важным отметить следующее.

Современный уровень развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) обеспечивает доступ самых различных категорий потребителей информации к отечественным и зарубежным информационным ресурсам, необходимым для проведения научных исследований и анализа социально-экономических и политических процессов с целью совершенствования механизмов принятия решений на различных уровнях – концептуальном, международном, национальном и региональном. Вместе с тем в настоящее время существует ряд факторов, ограничивающих оперативное и эффективное использование информационных ресурсов разного объема и содержания. К их числу следует отнести, прежде всего, дефицит времени, психологические, социальные и экономические факторы, дефицит финансовых средств, а также недостаточный уровень информационной культуры пользователей, низкий уровень их подготовки в области многоцелевого использования возможностей ИКТ, слабое знание иностранных языков и эффективных стратегий поиска.

При определении задач стратегического планирования в области научно-информационного обеспечения необходимо принять во внимание следующее: для облегчения работы потребителей информации с большими объемами информации в области социальных и гуманитарных наук должны быть созданы разнообразные, достаточно сложные, но простые в использовании механизмы, формы и технологии переработки информации на различных языках, разнообразные форматы представления и выдачи информации, а также разработаны стратегии «умного» поиска, ориентированные на пользователей различной информационной и компьютерной подготовки.

Внедрение новых технологий для формирования информационной среды, обеспечивающей проведение научно-информационных исследований в процессе стратегического проектирования, может быть эффективным лишь при условии, если удастся определить, какие профессиональные и информационные компетенции, умения и навыки необходимы ученым и научным сотрудникам, чтобы оперативно решать наиболее важные задачи. Кроме того, представляется необходимым установить, какие современные методы и средства (в том числе электронные) целесообразно использовать для повышения квалификации научных сотрудников и исследователей. И, наконец, необходимо разработать и оперативно внедрить на практике самые различные инновационные подходы, механизмы и средства мотивации, обеспечивающие привлечение молодых ученых в научно-исследовательскую и информационно-аналитическую деятельность.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Аванесов В.С.
д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика» testolog@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: *российское образование, образовательная политика и управление, экономика образования, содержание образования, формы и методы обучения, модернизация образования, реформирование сферы образования.*

Парадоксально, что сокращая финансирование образования,
государство старается взять всё под свой контроль.
Но там, где государство необходимо, его нет, или очень мало,
а там, где без государства можно обойтись, его много, и слишком.
Игорь Ильинский «Образовательная революция»

Введение

Современное образование в России всё меньше становится похожим на то, которое сейчас утверждается в странах, устремлённых вперёд в достижении высокого качества знаний. Главное различие – в направлениях. В России мы видим непомерное усиление государственного контроля в сфере образования, за рубежом такого контроля вообще нет, и он там никому не нужен. Потому что обман там станет себе дороже.

В первую очередь там меняются формы организации образовательного процесса. Эти формы важны и для нас. Так что не случайно было сказано, что «модернизация» остаётся темой научной дискуссии, при условии поиска конкретной *формы* её осуществления[1].

После столетий применения массовых форм *обучения* на уроках в школах, и на лекциях в вузах, за рубежом уже более века назад началось массовое самостоятельное *изучение* учебных текстов, вместе с практикой решения заданий подходящего уровня трудности, а также с самопроверкой уровня подготовленности. Это позволяет создавать подходящий для каждого учащегося собственный учебный процесс, по собственной траектории развития, со своими оценками прироста учебных достижений[2].

Попытки увеличения доли самостоятельной работы делаются и у нас, но этому мешают система оплаты труда учителей и вузовских педагогов, привязанная к количеству уроков и лекций, недостаточная обеспеченность пособиями, техникой, кадрами и технологией самостоятельной работы.

В последние годы за рубежом всё больше становятся нормой компьютерные формы адаптивного изучения и адаптивной самопроверки. У нас же чаще используются обучение на уроках и лекциях, а также педагогические и непедагогические формы контроля – вроде проведения ЕГЭ, посредством нетехнологических, трудоёмких вопросов и задач. Выбраться из этого тупика мы не можем вот уже второе десятилетие[3].

Во всём мире на смену преимущественно словесным формам обучения теперь приходит самостоятельное и вдумчивое изучение заранее подготовленных учебных текстов. Не случайно утверждалось в древней поговорке: *Vox audita perit littera scripta manet,* которую можно перевести так: сказанное слово проходит, написанная буква остаётся! В наши дни расширяются электронные (e-learning) и связанные с этим дистанционные формы изучения (distant learning), а также смешанные формы (blended learning). Набирают масштабы формы т.н. распределённого образования (distributed education).

Проблемная ситуация

Современный учебный процесс характеризуется тесной взаимосвязью информационных и педагогических технологий обучения, сочетание которых даёт возможность самостоятельно решать большее число учебных заданий, с

---

[1] Мишин Ю.Д. Постников П.М. Прохоров В.Т. Модернизация: мифическая и действительная // Модернизация отечественного высшего образования: расчёты и просчёты // Материалы межд. научно-методич. конф. 3 февраля, 5 марта 2015 г. СГУПС, НТИ (филиал) МГ. – Новосибирск. Изд-во СГУПСа, 2015. – С. 4.

[2] Аванесов В.С. Методологические и теоретические основы педагогического контроля. Дисс. на соискание учён. степ. докт. пед. наук. – СПб., 1994. Гл. 6.

[3] Иванов А. Пути выхода из катастрофы ЕГЭ. – http://gazeta-licey.ru/educ/school/28916-svoboda-ne-uchit-ne-uchitsya .

меньшей затратой сил и средств, а значит, и с большей эффективностью. Но такой учебный процесс надо умело готовить и обеспечивать. При множестве создавшихся сейчас антиинновационных барьеров у нас такого рода рациональное образование может появиться не скоро.

Проблемная ситуация в сфере российского образования исследована в работе А.В. Баранникова. Он выделяет её характерные признаки, отмечая, что у нас:

– организация и качество образования поставлены в зависимость от способности и возможности учителя;

– «неудачниками» образования становятся учащиеся, чей стиль учения не совпадает (не соответствует) с представлениями учителя о том, как должно происходить обучение;

– жёсткие и немобильные, недоступные для текущих изменений, учебный план, программы и учебно-методические документы создают препятствия для индивидуально-организованного образования и самообразования;

– закрепление учебного плана и программы за единым классом и возрастом создаёт неудобства как для успевающих учащихся, так и для тех, кто испытывает трудности в учении;

– ориентиром образования выступает усреднённый представитель класса;

– тестирование, контроль и оценка в основном осуществляется для фиксации того или иного уровня образования, и уже не могут быть использованы для организационно-образовательной деятельности и получения качественного результата. Они оказываются неэффективными с точки зрения выстраивания образования, так как сосредоточены только на остаточных знаниях, и к тому же безотносительно к их применению учащимися в своей каждодневной практике;

– сегодняшняя система образования больше приспособлена для обучающей деятельности учителя, чем для учения, познания и самопознания учащегося;

– массовая школа не предоставляет персонального времени, поддержки и сопровождения для практического (т.е. с целью применения полученных знаний и перевода их в компетенции) освоения выбираемого образования. Обучающие материалы не трансформируются в образовательные материалы для изучения учащимися[1].

И это верно. В странах, имеющих доказательные результаты повышения качества образования, уже разработаны так называемые компьютеризованные фонды учебных текстов и заданий, куда может получить быстрый доступ каждый учащийся и студент. В таких фондах хранятся и непрерывно пополняются системы текстов и заданий постепенно возрастающей трудности преимущественно в тестовой форме, с компьютерными программами выбора подходящих учебных материалов. Что исключает потери учебного времени и устраняет, таким образом, избыточные учебные трудности – для тех учащихся и студентов, которые чаще других встречаются с неудачами при решении очередных заданий или задач в самостоятельной работе.

Программа электронного фонда может быстро и прицельно подобрать задания с вероятностью успешного выполнения более 50%. Для высокомотивированных учащихся, любителей трудных заданий в школах и вузах программы могут подобрать задания с меньшей вероятностью успешного решения, но всё-таки соответствующие реальному уровню обучающихся. И всё это делается из стремления сэкономить затраты времени учащихся. Фактор экономии учебного времени – один из самых важных в организации качественного образования.

За рубежом вместо учебных классов всё чаще применяются открытые аудитории и учебные пространства, где могут заниматься, без помех, большое число обучающихся, каждый со своим планшетом или ноутбуком, с персональным подбором заранее разработанных учебных материалов, преимущественно в электронном виде. Учебный день делится на две части: в первой части учитель работает с детьми, во второй – дети работают с помощниками учителей. Это позволяет делать т.н. Батавская форма обучения, которая появилась в США ещё в конце XIX века, но до России она добраться всё ещё не может. Уже много лет она компенсирует там недостатки классно-урочной формы, такие как ориентированность учителей на среднего ученика и недостаточный учёт индивидуальных особенностей детей. Со способными учениками занимается обычно сам учитель, а с отстающими – помощники учителя[2].

В российском государственном образовательном бюджете финансирование для помощников учителей и их систематической работы по коррекции знаний у учащихся не закладывается. А без коррекции, и добавим, педагогической диагностики, качественного образования не бывает[3]. Кто бы, что бы и как бы ни говорил. Пока такое финансирование могут выделять только некоторые частные образовательные организации. И потому только там и можно полноценно применять Батавскую форму занятий. Но на этом пути возникли новые барьеры. После введения в России бухгалтерского принципа «деньги идут за учеником» хорошие школы стали наполняться учащимися сверх разумного предела. А это отрезает всякую возможность качественно учить. Введение этого, казалось бы, здравого экономического принципа на самом деле разрушает российское образование. Особенно в сельских и малокомплектных школах. Это пример т.н. «творческого разрушения[4]» российского образования.

Большие деньги тратятся на госконтроль в предположении, что это заставит лучше учиться. Но принуждение к хорошей учёбе угрозой проверок и выставления неудовлетворительных оценок вызывает депрессию у некоторых учащихся. А потому эти деньги лучше направить на коррекцию знаний. Тогда образование станет здоровьесберегающим – по организации, и качественнее – по уровню.

Сложившаяся ситуация нуждается в исправлении. Пока неизвестно – кто её возьмётся исправить?

---

[1] Баранников А.В. Современная школа в новых условиях распределённого образования. – М.: УЦ, Перспектива, 2016. – 412 с.

[2] http://works.doklad.ru/view/BbXMr9P62TM.html

[3] Аванесов В.С. Без диагностики и коррекции образование качественным не бывает. – http://viperson.ru/articles/bez-diagnostiki-i-korrektsii-obrazovanie-kachestvennym-ne-byvaet

[4] Об этом термине см. далее в этой статье.

Определение понятий

В докладе даётся определение двух основных понятий, пересекающихся при обсуждении вопросов модернизации и реформирования сферы образования. Первое понятие – модернизация.

Модернизация – это обновление и усовершенствование существенных элементов системы образования в соответствии с требованиями современности при поддержке обучающихся и их родителей, учёных и педагогов, общественных органов и государства. В этом определении полезно выделить две главные части:

Первая – это *сущность* модернизации как усовершенствование существующего образовательного уклада посредством изменения образовательной политики, форм и методов управления образованием, обновления концепций, педагогических форм и методов во всех основных элементах образовательной деятельности.

Вторая часть определения модернизации – условия её поддержки гражданами, педагогическим сообществом, социумом в целом и государством. Это условие единства или совпадения взглядов граждан по ключевым вопросам оценки состояния и перспектив развития образования. Исторический обзор и анализ результатов шести основных этапов преобразования российского образования[1] показывает, что такого рода единства взглядов на рассматриваемую проблему модернизации образования достигнуть пока не удалось.

***Реформы* трактуются как способ изменения, преобразование или переустройство тех или иных значимых сфер жизнедеятельности государства и общества, осуществляемого сверху, самой властью**[2].

Л.Н. Данилова считает, что имеется два смысла понятия «реформа». В широком смысле – это любая реорганизация и изменение. В узком смысле реформа касается только отдельной сферы общественно-политической жизни[3]. Этот же автор подчёркивает нейтральность значения понятия «реформа». В нём нет информации о позитивности или негативности изменений, о прогрессе или регрессе[4]. Вероятно из-за этого органы управления чаще говорят о реформах.

Успешных реформ в российской истории было заметно меньше, чем неуспешных. Ещё ярче эта закономерность выражена в истории образовательных реформ последних двадцати лет: здесь неуспешными оказались практически все реформы. Главные причины отсутствия позитивных результатов – недостаточное финансирование, замена государственной образовательной политики ведомственной, бюрократизм, нескрываемое игнорирование мнения учёных и педагогов, а потому и отсутствие поддержки с их стороны[5].

В последние 20 лет образование оказалось на пересечении двух процессов. Первый – уменьшение финансирования. Второй – увеличение числа реформ, концепций, решений, доктрин и т.п., которые не компенсировали нехватку денег на достойную зарплату педагогам и на развитие образования.

Отличие модернизации от реформы

Различие между модернизацией и реформированием заключается в том, что реформы организуются и управляются сверху, властными органами, в то время как модернизация осуществляется всеми возможными силами – профессионалами, гражданами, обществом и органами управления страной.

Сравнение двух понятий и их существенных признаков, применительно к сфере образования, а также исторический опыт образовательных реформ, позволяет вывести важную закономерность: в настоящее время реформы в сфере образования становятся менее эффективными, или, как показывает недавний опыт, совсем не эффективными. Главные причины – их неподготовленность, научная необоснованность, отсутствие поддержки основных сторон образовательного процесса, нехватка финансирования, субъективизм в оценке текущих результатов и низкое качество проведения самих реформ.

Ещё одна причина неэффективности образовательных реформ – некоторая автономность образовательной деятельности, где пока ещё очень многое, если не всё, связано с учителем. А потому успех модернизации решается преимущественно на этом уровне. Как и в случаях управления культурой или искусством, в сфере образования министерская форма управления – не самая подходящая. Даже Госкомитеты и Советы оказывались более подходящими формами.

Неудачи образовательных реформ и модернизаций объясняются также нарушением известных в педагогике принципов паритетности и приоритетности основных сторон образовательного процесса. Таких основных сторон насчитывается пять:

– обучающиеся: дети, студенты и др. контингенты обучающихся;
– их родители и родственники;
– педагоги школ и профессорско–преподавательский состав вузов;
– местные органы управления образованием;
– государство и представляющий его орган – Министерство образования и науки.

---

[1] Современные проблемы науки и образования: научная рефлексия целей и результатов модернизации российского образования. Учебно-методическое пособие / Забайкальский гос. университет. Сост. Гомбоева М.И. [и др.]. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 140 с.

[2] Political Science: An Introduction. – New Jersey: Prentice Hall International, 1988. – 350 p.

[3] Данилова Л.Н. Концептуальные основы реформирования общего образования. Монография. – Ярославль: Канцлер, 2016. – 218 с.

[4] Там же, с.10.

[5] Аванесов В.С. Педагогическое тестирование в России конца XX – начала XXI века. – http://viperson.ru/articles/pedagogicheskoe-testirovanie-v-rossii-kontsa-xx-nachala-xxi-veka

Образование хорошим бывает тогда, когда каждая из названных сторон делает всё возможное в координации с другими сторонами. В России государство традиционно пытается стать первой и главной стороной образовательного процесса, рассматривая все остальные стороны как своих подчинённых. Такое нарушение паритета сторон влечёт ухудшение баланса управления образовательным процессом, усиление государственного контроля, расширение формализма и бюрократических методов управления, недоверие к оценкам учителей и учащихся.

Этапы реформирования образования

С начала 90-х годов в России проводились шесть этапов реформ образования[1].

Первый этап относится к 1991-1992 годам. Провозглашались необходимость ввести вариативность и информатизацию образования, обеспечить многоплановость школы и права ребёнка на выбор образования. Это открывало возможность выбора индивидуальных образовательных траекторий, удовлетворения интересов, склонностей и способностей личности, учёта её психофизиологических особенностей и уровня развития[2]. Однако существующая система образования при отсутствии нормального финансирования, техники и технологии, опирающаяся на традиционную классно-урочную форму, оказалась реально не способной на реализацию хотя бы одной из этих возможностей.

Второй этап проходил в период с 1993 по 1997 годы. На этом этапе были подготовлены правовые основы для реформирования образования, вводились элементы либерализации и индивидуализации образовательного процесса. Модернизированное образование должно было быть личностно-центрированным, научно организованным, с текущим самоконтролем, свободным от принуждения, с существенным увеличением времени на самостоятельную работу, выполняемой в меру сил и способностей каждого.

Для такого рода организации образования главенствующая классно-урочная форма подходит меньше всего, в то время как она применяется больше всего. К этой форме привязана и оплата труда учителей. Доминирование классно-урочной формы и привязку к ней системы оплаты труда можно назвать главными ошибками ведомственной образовательной политики. Поскольку государство по-прежнему избегало тратить средства на развитие образования, второй этап модернизации образования не привёл к существенным положительным результатам[3].

Третий этап проводился в период с 1998 по 2000 год. Были разработан и принят ряд нужных документов для развития образования, но финансовый фактор оказался по-прежнему непреодолимым.

Четвёртый этап охватывал период с 2000 по 2005 годы. В это время были приняты «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», «Концепция модернизации российского образования», произошло присоединение к Болонской декларации, введён ЕГЭ, расширилась платность образования, утвердилось ошибочное понимание образования как услуги и личного блага. Коммерциализация образования и ЕГЭ отрицательнее всего повлияли на качество образования.

На *пятом* этапе, в период с 2005 по 2010 годы была предпринята попытка создания систем оценки качества образования. Однако каких-либо внятных доказательств хотя бы минимальной приемлемости используемых при этом оценок не было дано. Вся информация по критериям качества оценок оказалась фактически засекреченной. Например, по имевшимся данным, оценки ЕГЭ не удовлетворительны[4] по качеству. Создаётся впечатление, что их не показывают в печати потому, что их показывать нельзя. Очень похоже, что они ничтожны и с научной точки зрения[5]. Можно согласиться с авторами монографии, которые написали так: извилистый курс российской реформы образования в целом выразился в том, что отечественное образование выживало, но вовсе не развивалось[6].

И наконец, *шестой* этап образовательных реформ начался с 2010 года и продолжается в наши дни. Заметные позитивные результаты были получены в период выдвижения на должность Президента РФ Д.А Медведева, в рамках Национального проекта «Наша новая школа». Были выделены заметные финансовые средства, что было с пониманием воспринято педагогическими коллективами[7]. Но деньги расходовались точечно. А потому последний этап реформирования образования для образования в целом каких-то весомых положительных результатов тоже не принёс[8].

---

[1] Современные проблемы науки и образования: научная рефлексия целей и результатов модернизации российского образования. Учебно-методическое пособие // Забайкальский гос. Университет / Сост. Гомбоева М.И. [и др.]. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 140 с.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Аванесов В.С. Ошибочные цели – плачевные результаты (второй, расширенный вариант статьи). – http://viperson.ru/articles/oshibochnye-tseli-plachevnye-rezultaty-vtoroy-rasshirennyy-variant-stati

[5] Аванесов В.С. Проблема демаркации педагогических измерений. – http://viperson.ru/articles/problema-demarkatsii-pedagogicheskih-izmereniy

[6] Поломошнов А.Ф. Модернизация российского образования: проблема курса. Монография. А.Ф. Поломошнов, Н.Н. Колосова, Э.Н. Янова, Е.Е. Пойла, Н.А. Полякова, М.А. Коломейцева, А.Б. Габибов. [А.Ф. Поломошнов и др.), под. общ. ред. А.Ф. Поломошнова. – Пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2015. – 154 с.

[7] Аванесов В.С. Приоритетный Национальный проект «Образование»: результаты и перспективы. – http://viperson.ru/articles/prioritetnyy-natsionalnyy-proekt-obrazovanie-rezultaty-i-perspektivy

[8] Аванесов В.С. Приоритетный национальный проект `Образование` как форма перехода к общественно-государственному управлению образовательной сферой. http://viperson.ru/articles/prioritetnyy-natsionalnyy-proekt-obrazovanie-kak-forma-perehoda-k-obschestvenno-gosudarstvennomu-upravleniyu-obrazovatelnoy-sferoy

Причины модернизации образования

Главные причины необходимости модернизации образования:

– устарелость содержания и форм образовательной деятельности, массовая приверженность педагогического состава знаниевой и репродуктивной парадигме, доминирующая классно-урочная форма проведения занятий.

– выросли нагрузки на работников образовательной сферы, при снижении уровня жизнеобеспечения;

– недостаточна учебная мотивация многих студентов и учащихся;

– отсталость форм управления образованием, давление избыточной отчётностью и проверками на образовательные организации, некачественный ЕГЭ и другие *непедагогические* методы контроля. Разрыв между словом и делом, подмена педагогических методов модернизации бюрократическими методами реформирования.

Другие причины модернизации – несоответствие нынешнего состояния российского образования требованиям каждой из отмеченных сторон внутри страны и от уровня образовательных результатов, достигнутых другими странами.

Современные требования к научной модернизации образования охватывают широкий круг вопросов, начиная со строительства новых учебных зданий, а они должны быть выстроены по новым проектам, пригодным для новых форм и методов проведения учебных занятий, создания условий для самостоятельного изучения электронных учебных курсов. Далее идут необходимость переподготовки и повышения педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава вузов и учителей школ, выпуск недорогой и качественной учебной техники в требуемых количествах, разработка нового поколения электронных учебников, курсов, новых электронных учебных текстов, технологичных заданий, компьютерных программ и др.

Основное направление прежних образовательных реформ состояло в том, чтобы дать как можно большему числу учащихся знания, соответствующие государственным образовательным стандартам. Но этот подход находится в некотором противоречии с подходом, имеющимся в других странах, когда каждая школа, учитывая неравные способности и возможности детей, стремится дать каждому столько, сколько они могут усвоить[1]. При этом главная ориентация педагогов идёт не на государственные стандарты, а на реальные возможности, способности и возможные ограничения каждого учащегося. Так создаются условия для настоящего личностно-ориентированного образования.

При втором подходе удаётся уменьшить принудительность в системе образования, количество конфликтов, депрессию и другие отрицательные явления, имеющие место в учебном процессе там, где главной целью ставится выполнение требований любой ценой небезошибочных ФГОСов[2].

Ключевые проблемы модернизации образования в РФ

Из множества нерешённых проблем российского образования в данном докладе выделяется шесть ключевых направлений модернизации, подлежащих реализации в первую очередь:

1) Образовательная политика и управление
2) Экономика образования
3) Обновление содержания
4) Формы и методы обучения и самостоятельного изучения
5) Техническая и технологическая модернизация
6) Отмена ЕГЭ

1. Образовательная политика и управление

Это первое и главное направление модернизации образования. Оно было названо в 2001 году, в докладе Л.С. Катанандова, руководителя рабочей группы Президиума Государственного совета РФ. Вот выдержки из его доклада: «Существующая организация образования в России ограничивает эффективность развития и не позволяет решить центральную задачу модернизации образования – обеспечить его современное качество, выстроить эффективную образовательную систему с действенной экономикой и управлением, которая бы отвечала запросам современной жизни и потребностям развития личности, общества и государства»[3]. Это направление модернизации было оставлено тогда без должного внимания.

Равно не приняты были к исполнению и другие конструктивные тезисы докладчика о том, что суть модернизации – в освоении механизмов развития: Вот эти тезисы: «Цель модернизации образования состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования...», «Важнейшей целью модернизации управления отраслью должно стать создание системы постоянного обновления образования...», «Сегодня такими механизмами устойчивого раз-

---

[1] Педагогика: Педагогические теории, системы, технологии / Под редакцией С.А. Смирнова. 3-е изд. – М.: Academia, 1999. – 372 с.

[2] Аванесов В.С. Национальные проекты нужны, но другие. Доклад на VII международной научной конференции «Россия: приоритетные национальные проекты и программы развития». Секция: «Качество управления, механизмы социального партнёрства и национальная конкурентоспособность». ИНИОН РАН, 14 декабря 2006 года. – http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=60

[3] Катанандов Л.С. Модернизация российского образования: Документы и материалы / ГУ ВШЭ. – М., 2002. – С. 17.

вития и постоянного обновления выступают прежде всего инновационные способы развития производственных и общественных систем»[1].

Сейчас управление образованием в России называется государственно-общественным, но по сути оно в большей мере является государственным. Такое управление могло быть эффективным только при советской власти, которая бесплатно тогда учила и лечила, как могла. В новых условиях управление стало более бюрократизированным, а потому некачественным и неэффективным. И, похоже, в таком существе оно себя уже исчерпало. Достаточно вспомнить умерщвление движения педагогов-новаторов, введение разрушительного ЕГЭ, объединение разнопрофильных вузов, сокращение филиалов и др. В то время как за рубежом наблюдается противоположный тренд. Там увеличивается число вузов. Например, в Китае и Индии число граждан, получивших высшее образование, превысило триста миллионов человек, что указывает на фактический рост человеческого капитала в этих локальных человеческих цивилизациях, а, следовательно, и на рост конкурентных преимуществ у этих двух стран[2].

Уже отмечалось разными авторами, что в России образовательная политика государства нередко подменялась ведомственной политикой. Но последняя была неэффективна, потому что Министерство образования и науки РФ уже много лет перегружено обилием руководимых объектов и исполняемых функций, а потому не в состоянии производительно работать. Напомним, что в советское время были Министерство образования, Госкомитет по высшей школе и Госкомитет по науке. Сейчас количество функций заметно прибавилось, особенно контрольных, а главный орган управления образования и наукой стал единственным.

Для сравнения. Министерство образования США в своём подчинении имеет всего девять вузов, да и то военных и специальных[3], и нет ни одного гражданского вуза. А среди гражданских есть лучшие вузы мира, бюджеты каждого из которых превышают бюджет всего российского образования. И нет там ЕГЭ, госаттестации, нет ФЭПО, Рособрнадзора, ВАКа и нет поощряющего коррупцию ВАКовского списка журналов.

При подлинной модернизации образования неизбежно увеличение роли общества и общественных органов в управлении образовательной деятельности, ограничение ведомственной образовательной политики и усиление роли общественно-государственной образовательной политики**.** Как и во всём мире, в России подлинно развивающимся, эффективным и качественным образованием может быть только *общественно-государственное*. К этому и надо двигаться[4].

2. Улучшение экономики образования

Экономика образования кратко и точно была охарактеризована первым, ныне покойным министром образования постсоветской России Эдуардом Днепровым. Она как была при его жизни затратная, нецелевая, социально безадресная, предельно затромбированная, во многом подверженная коррупции и при этом абсолютно не поддающаяся счёту, такой, похоже, и осталась. Не хватает открытости, достоверной отчётности, статистики, нет действенного общественного контроля бюджетных расходов на приобретение некачественных форм и методов, нет информации о стоимости и качестве приобретаемых т.н. «тестов ЕГЭ». Не видно, чтобы в этом направлении что-то существенно улучшилось. Это направление требует больше расследования, чем научного исследования. А потому в докладе не рассматривается.

3. Обновление содержания образования

Это специальное, методическое направление модернизации российского образования. Оно не получает развития уже много лет. Профессия методиста становится редкой, мнение профессионалов редко принимается во внимание. Между тем, без методической работы качественного образования не бывает. Здесь нужны постоянные методологические и методические дискуссии, к чему министерские работники не склонны, поскольку они к этим формам деятельности не тяготеют. А если и берутся решать методические вопросы, то получается так, как случилось с некачественным и разрушительным ЕГЭ.

Для развития третьего направления модернизации нужны творчески разработанные учебные программы, учебники и пособия. Требуется организация методической работы с учётом национальных различий. Содержание образования у нас и в мире всегда оказывается недостаточно адекватным требованиям современной педагогической теории и практики.

---

[1] Образовательная политика на современном этапе. Доклад рабочей группы президиума Государственного совета РФ по вопросам реформы образования 29 августа 2001 г. Документы и материалы / ГУ ВШЭ. – М., 2002. – С. 31.

[2] Подберёзкин А.И. Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ) в Евразии: аналитический доклад. – http://viperson.ru/articles/strategicheskiy-prognoz-razvitiya-otnosheniy-mezhdu-lokalnymi-chelovecheskimi-tsivilizatsiyami-lchts-v-evrazii-analiticheskiy-doklad

[3] Харсеева Н.В., Копенкина Ю.В. Система российского образования: проблемы и перспективы. Монография. – Краснодар: КСЭИ, 2016. – 84 с. Это военно-медицинский ун-т, Военная академия, Национальная академия здравоохранения и безопасности горных работ, Военно-морская академия, Военно-морская торговая академия, Федеральный учебный центр правоохранительных органов, академия ФФБР, Академия береговой охраны, Военно-воздушная академия США.

[4] Аванесов В.С. Приоритетный национальный проект `Образование` как форма перехода к общественно-государственному управлению образовательной сферой – http://viperson.ru/articles/prioritetnyy-natsionalnyy-proekt-obrazovanie-kak-forma-perehoda-k-obschestvenno-gosudarstvennomu-upravleniyu-obrazovatelnoy-sferoy

4. Формы и методы обучения и самостоятельного изучения

Некоторые формы и методы обучения пришли к нам из глубокой древности. Цивилизационный подход к определению форм и методов позволяет выделить четыре основные педагогические цивилизации:

– первобытная – до возникновения письменности, где обучение проводилось словом.

– древняя (после появления письменности). Здесь рукописные тексты начали постепенно замещать словесные формы обучения. И это продолжалось много столетий.

– средневековая цивилизация. Использовались слово и тексты. Первые университеты начали готовить первых дипломированных педагогов. Возникла педагогика.

– информационная цивилизация. Используются слово, тексты, рисунки, изображения, презентации, мультимедиа и прочие формы наглядного обучения, появились компьютерные форм обучения и новых образовательные технологии.

В *четвёртом* направлении модернизации российского образования достойное место могут занять:

– распределённые формы образования. Каждый учащийся или студент с помощью компьютерных технологий и средств телекоммуникаций обучается одновременно в разных образовательных учреждениях и (или) у территориально удалённых педагогов. В образовательной системе распределённого типа ключевую роль занимает наставник (тьютор), далее учитель, помощник учителя и репетитор, помогающие выстраивать индивидуальную траекторию образовательного процесса учащихся (студентов). Распределённое образование осуществляется с помощью дистанционных технологий и телекоммуникаций.

– адаптивное обучение и адаптивный тестовый контроль. С помощью компьютерной программы, теории и методики педагогических измерений и математических моделей появилась возможность автоматизированного управления учебным процессом, на основе сопоставимых оценок уровня подготовленности каждого испытуемого и уровня трудности каждого задания.

- компьютерные дистанционные методы, электронное обучение и смешанные формы, квантование учебных текстов, тестовые формы самопроверки уровня и структуры подготовленности, супертесты и супертексты[1] и множество других форм и методов, имеющихся в современном образовательном арсенале.

5. По пятому направлению – техническая и технологическая модернизация образования

Здесь понадобится подготовка кадров, способных создавать интересные для учащихся и студентов новые учебные материалы и массовые открытые курсы. Кроме того, потребуется открытие новых учебных центров по основным направлениям развития образования. Как это было сделано в СССР. Лучше, чтобы такие центры функционировали на основе полной самоокупаемости.

Предстоит наладить массовый выпуск ноутбуков и планшетов из расчёта не менее одного на каждого учащегося (студента), а также создать современную программно-методическую среду, управляющую процессом самообразования студентов

6. Шестое направление – отмена ЕГЭ

В начале 2000-х годов Министерство образования возглавило т.н. «*эксперимент»* по ЕГЭ. Наше мнение о невозможности создания научно-обоснованного метода, одновременно и качественно измеряющего, одним тестом, уровни подготовленности слабых выпускников и сильных абитуриентов, т.к. это противоречит аксиомам педагогических измерений, не было принято во внимание. А потому в Минобре прошлых лет посчитали возможным опровергнуть отмеченные аксиомы, и начали, за государственный счёт, свой «эксперимент». Именно на этом этапе закончилась государственная образовательная политика в вопросах ЕГЭ и началась чисто ведомственная.

После ряда лет бесплодного «экспериментирования» в министерстве сделали первый шаг по исправлению допущенной ошибки. Были отменены все аттестационные ЕГЭ, кроме русского языка и математики. После этого изучение в школах всех остальных учебных предметов стихийным образом превратилось в факультативное. Фактически дети получили право не изучать то, что не входит в процесс их аттестации посредством ЕГЭ, а учителя получили право не учить тех, кто не собирается сдавать их предмет на приёмных экзаменах в вуз[2]. Такой неожиданный результат ЕГЭ оказался настоящим разрушительным ураганом для общего среднего образования России. Как и прогнозировалось в самом начале этой эпопеи[3], ЕГЭ оказался своего рода средством «креативного разрушения[4]» образования. Другой вариант своеобразного феномена креативного разрушения больше известен как выражение В.С Черномырдина –

---

[1] О них см. в конце статьи.

[2] ЕГЭ: свобода не учить и не учиться? Учёный совет матфака ПетрГУ требует отделить школу от ЕГЭ, причем базовый ЕГЭ по математике отменить незамедлительно. – http://vercont.ru/stati_i_obzory/ege__svoboda_ne_uchit_i_ne_uchitsya_.html

[3] Об этом было написано с первого дня провозглашения идеи ЕГЭ, см.: Аванесов В.С. Единый государственный экзамен, или эта вещь будет посильнее Фауста Гёте // Учительская Газета. – М., 2000. – № 49, 28 ноября.

[4] Понятие «творческого разрушения», впервые использовано немецким экономистом Вернером Зомбартом в книге «Война и капитализм» (1913) и популяризировано австро-американским экономистом и социологом Йозефом Шумпетером в его книге «Капитализм, социализм и демократия» («Capitalism, Socialism and Democracy», 1942). На русском яз.: Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – С. 461. – http://vikent.ru/enc/1562/

«хотели сделать как лучше, получилось – как всегда»[1]! Вопросу непригодности ЕГЭ посвящено много работ автора этого доклада[2], и почти все они доступны в Интернет[3].

Очень интересны история возникновения ЕГЭ и последствия этого экзамена в изложении Э.Д. Днепрова[4]. Приведём здесь наиболее яркие выдержки из его работы:

«Впервые идея ЕГЭ возникла как частная, локальная, инструментальная задача, когда экономисты отрабатывали так называемые ГИФО – государственные именные финансовые обязательства, т.е. размер участия государства в оплате высшего образования конкретного студента. ЕГЭ понадобился как чисто расчетный инструмент: от результатов сдачи ЕГЭ зависел размер ГИФО – количество средств, выделяемых из бюджета на обучение студента. «Именно в этом пункте, – писал один из лучших специалистов по содержанию школьного образования В.В. Фирсов, – и зарыта пресловутая собака, пробудившая дорогостоящую во всех смыслах эпопею ЕГЭ»[5]. Так у образования и общества родилась новая головная боль.

...Требовалось серьезнейшая концептуально-аналитическая, научно-методическая и организационно-управленческая, не побоюсь этого слова – исследовательская работа, чтобы дать ответ на все названные и многие другие вопросы. И на этой основе надлежало принять выверенное решение. Но наша новейшая образовательная политика не имеет такого навыка, таких традиций. Посему таковой работы проведено не было. Был так называемый мозговой штурм в достаточно узком кругу образовательных функционеров, принявший установку на «блицкриг». А далее – по Наполеону: главное ввязаться в драку…

Однако уже первые шаги показали провальность такого рода действий. ***При отказе от системного подхода к проблеме ЕГЭ осталось непонятым главное: что введение новой аттестационной процедуры (ЕГЭ) неизбежно влечет за собой изменения в содержании и методах школьного обучения, что школа начнёт подстраивать содержание и даже уклад своей деятельности под параметры этой аттестационной процедуры***.

…Вопрос о ЕГЭ решался ***вне*** общего контекста задач модернизации образования, ***вне*** всякой связи с базовой по отношению к ЕГЭ, ведущей задачей модернизации школы – ***обновления содержания общего образования***. Причем решался ***до*** разработки стандартов общего образования. То есть содержание ЕГЭ начинало играть (уже играло) роль стандарта, что предопределяло и *массированное оскудение и глубокую консервацию общего образования*. Поставив телегу впереди лошади, идеологи ЕГЭ превращали, по существу, учебный материал в средство натаскивания к ЕГЭ.

Все выше сказанное стало ***первой, основной причиной*** профанации и дискредитации ЕГЭ.

Нерешённой оставалась и масса организационных вопросов, начиная *от обязательности или добровольности ЕГЭ* и кончая вопросами «*информационной безопасности*» – доставки, хранения экзаменационных материалов, обеспечения объективности и надежности самого ЕГЭ и т.д. К этой работе поначалу хотели привлечь даже спецслужбы и независимые структуры, а кончилось все её передачей в руки коммерческих структур и органов управления образованием. Что сделало поле злоупотреблений при ЕГЭ необъятным.

Недостроенная и не очень внятная конструкция под названием ЕГЭ начала свое шествие по стране. Идеологам ЕГЭ она казалось триумфальной. Большей части общества и педагогов – провальной. Как справедливо отмечал в 2000 г. профессор В.С. Аванесов, к началу эксперимента по единым экзаменам ни министерством, ни РАО «не было представлено никакой научной, даже плохой программы; все делалось в авральном порядке и затратном режиме. Ничего не известно о гипотезах, плане, методах, критериях оценивания, об ожидаемых результатах. Или о подходах к интерпретации и применению результатов для улучшения качества образования в стране, не говоря уже о расходах и источниках финансирования. А потому слово *эксперимент* вряд ли вообще уместно»[6].

Это – одно из сотен подобных высказываний. Кто-либо воспринял всю эту критику, изменил ситуацию? Занялся глубинным анализом проблемы? Никто. Результаты всех этих, мягко говоря, недоработок не замедлили сказаться. Они производили крайне удручающее впечатление. Вот некоторые из них. **В социальном плане** намерение расширить доступность образования не получило должной реализации. Более того, оно во многом дало обратные результаты, так как ЕГЭ превратился в ***средство отсева из школы***. Как отмечалось в «Первом сентября», «интерес к ребенку теперь только один: сколько баллов он может принести школе на ЕГЭ. Неперспективных школа выталкивала»[7].

Оборотной стороной оценочно-контрольных функций, возложенных на ЕГЭ, стало то, что контроль возобладал над содержанием образования, подверстал его под себя, превратившись в центральное звено образовательного процесса.

В педагогическом и социально-педагогическом плане ЕГЭ в том виде, в каком он был навязан, **дал наиболее драматичные результаты.**

---

[1] Черномырдин В.С. Крылатые фразы. – http://homestartup.ru/oth_chernomyrdin.html

[2] Аванесов В.С. Являются ли КИМы ЕГЭ методом педагогических измерений? – http://viperson.ru/wind.php? ID=563869 &soch=1

Avanesov V.S. Consequences of the EGE in RUSSIA. KEDI Journal of Educational Policy. Special Issue: Korean Educational Development Institute v.3, №1 2006. pp. 89-99. Guest Editor –Prof. Hoi Suen. Penn. State Univ. http://testolog.narod.ru

[3] Аванесов В.С. Дилемма единого государственного экзамена. – http://viperson.ru/articles/dilemma-edinogo-gosudarstvennogo-ekzamena; Аванесов В.С. Централизованное тестирование лучше ЕГЭ. – http://testolog.narod.ru/Obrasov11.html

[4] Днепров Э.Д. Единый государственный экзамен: замыслы и итоги // Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. – М.: Мариос, 2011. – С. 338–347; см. также Предисловие к статье Э.Д. Днепрова. – http://viperson.ru/articles/predislovie-k-statie-e-d-dneprova

[5] Вопросы образования. – М., 2004. – № 2. – С. 189.

[6] Первое сентября. – М., 2001. – 10 июля.

[7] Первое сентября. – М., 2005. – 25 июня.

Не вдаваясь в детали (каждая из которых требует особого рассмотрения: например, обучение по одним методикам, оценка его результатов – по другим; сопряженность ЕГЭ с другими формами контроля и оценки знаний; стрессовость одноразового ЕГЭ, часто ломающая судьбу ребёнка), отметим главное. ***Эта новация превратила все школьное образование в натаскивание к ЕГЭ, свела его к начётничеству***. Что неизбежно привело к резкому *обеднению и примитивизации образования*.

Иными словами, – *и это главное – ЕГЭ, по существу, сломал сам тип традиционной российской общеобразовательной школы, тип традиционного широкоформатного развивающего российского школьного образования*, которое, при всех его известных недостатках, всегда вызывало уважение в мире…

И в этом самое опасное – политическое последствие навязанного ЕГЭ. *За все последние 15 лет – это, пожалуй, самая крупная победа технократов над российским образованием. Можно думать, что идеологи ЕГЭ не хотели этого. Как не предвидели они и того* **зловещего политического результата, который получили в итоге и который близок нынешним рыночным экстремистам –** ***установку на выращивание антиграждан…*** «Если единый экзамен влечет за собой столь очевидные негативные последствия, как стало возможным массовое внедрение этой напасти?»[1]. А ведь ответ предельно прост: власть нас не слышит. И не спрашивает – ни общество, ни специалистов…***…блицкриг ЕГЭ стал не только нагляднейшей иллюстрацией псевдополитики в образовании, но и дискредитацией идей модернизации образования***[2].

Условия успешной модернизации

В литературе подчёркивается важный вопрос об изменении роли учащегося, учебного заведения, и о необходимости резкого увеличения объёма доступных информационных и образовательных электронных ресурсов[3]. Быстрая и масштабная информатизация образования влечёт за собой необходимость реорганизации учебно-методической работы, изменений в уровне и структуре подготовленности школьных и вузовских педагогов, существенного повышения их зарплат и, соответственно, расширения их роли. Это роли не урокодателя, а руководителя и организатора процесса личного развития обучающихся, овладевшего современными навыками тьютерской работы, умением создавать новые технологичные учебные материалы и новые технологичные учебные задания.

При массовом использовании технологичных заданий в тестовой форме открываются и новые возможности повышения эффективности управления образованием, поскольку здесь используется принцип обучения и учёта реальных результатов каждого учащегося.

Правда, есть и такие виды знаний, умений, навыков и компетенций, которые лучше формируются традиционными формами и методами. А потому их надо применять в той мере, в какой это педагогически целесообразно, что доступно лишь педагогу-мастеру. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью изменения содержания системы повышения педагогической квалификации, в сторону изучения педагогами новых образовательных технологий обучения и контроля. Не случайно полагают, что качество системы образования не может быть выше качества работающих в ней учителей[4]. Однако применение электронного обучения позволяет существенно снизить влияние этого действительно важного фактора.

Модернизация образования становится возможной там, где выделяются достаточные средства на развитие образования, где органы управления образованием понимают роль технических средств, компьютерных программ и различают настоящие тесты от халтуры вроде т.н. «тестов ЕГЭ», где управленцы развивают электронные формы организации учебной работы. Без настоящих тестов и педагогических измерений такие формы эффективно не работают. В большинстве случаев критику ошибок образовательной политики у нас слышать не хотят. Вследствие чего возник разрыв между реальным опытом профессионального сообщества и управляющих структур. Отмеченный разрыв обнуляет возможности реальной модернизации.

Вклад автора доклада в разработку новых педагогических форм и методов модернизации образования

Автором разработаны:

Теория и методика квантования учебных текстов, обеспечивающих лучшее *понимание* изучаемого материала[5]. Методы технологичной проверки уровня *усвоения* учебного материала, что обеспечивается посредством системы заданий в тестовой форме. Это супертексты и супертесты[6]. Метод технологической проверки уровня *применения* зна-

---

[1] Первое сентября. – М., 2005. – 21 мая.

[2] Днепров Э.Д. Единый государственный экзамен: замыслы и итоги // Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. – М.: Мариос, 2011. – С. 338–347.

[3] Павлова Е.Т. Технология разработки электронных образовательных ресурсов: учебно-методическое пособие. – Воронеж: Научная книга, 2016. – 98 с.

[4] Барбер М., Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира // Редакция «МакКинзи», 2008. – 59 с.

[5] Аванесов В.С. Новые образовательные технологии: квантование учебных текстов и супертест. – http://viperson.ru/articles/vadim-avanesov-novye-obrazovatelnye-tehnologii-kvantovanie-uchebnyh-tekstov-i-supertest; Аванесов В.С. Теория квантования учебных текстов. – http://viperson.ru/articles/vadim-avanesov-teoriya-kvantovaniya-uchebnyh-tekstov; Аванесов В.С. Супертекст. – http://viperson.ru/articles/supertekst

[6] Там же.

ний, умений, навыков и компетенций, посредством разработки новых автоматизированных учебных ситуаций, с квантованием текста и заданий в тестовой форме.

Перечисленным в докладе формам, а также методам тестирования и квантования учебных текстов обучено более 16 тысяч профессорско-преподавательского состава и педагогов школ в России и странах СНГ. К этому можно добавить более сотни опубликованных научных трудов, полезных при решении проблемы модернизации образования.

Предложения:

1. Главным направлением, после политической модернизации и управления, предлагается избрать образовательно-технологическую и методическую модернизацию сферы образования. Это означает, что на данном этапе предстоит концентрация усилий на разработке новых образовательных технологий, включающих систему педагогически обоснованных, учебных текстов и систему технологичных заданий к ним, позволяющих каждому учащемуся добиваться больших результатов в усвоении учебных материалов за меньшее время. Число решаемых каждым учащимся технологичных заданий легко учитывается программно и автоматически регистрируется в текущем рейтинге учащихся.

Одним из важных следствий данного управленческого подхода к организации учебного процесса становится полная прозрачность учебных достижений – для самих учащихся, для их родителей и органов управления образованием. Это путь к реализации новой для нас методики обучения по результатам[1]. Естественным образом тогда отпадает необходимость проведения дорогостоящих форм государственного контроля, включая некачественный ЕГЭ[2].

2. Создать российский государственный фонд цифровых образовательных ресурсов. Это позволит наладить централизованную систему самостоятельной работы всех школьников и студентов страны, вести полный учёт изученного материала и числа решённых каждым заданий. Кроме того, средства дистанционного образования и уже упоминавшейся методической системы полного усвоения знаний помогут сохранить малокомплектные школы, с небольшим педагогическим штатом и скромными затратами. Успешная модернизация образовательной деятельности невозможна без государственной системы т.н. цифровых образовательных ресурсов, ассоциированной с уже имеющимися мировыми электронными образовательными ресурсами. Это позволит облегчить доступ учащихся, студентов и педагогов к лекциям известных педагогов и учёных, тиражировать передовой педагогический опыт, довести до каждого учащегося видеоматериалы учебных экспериментов, системы развивающих и проверяющих заданий в тестовой, технологичной форме, а также заданий и текстов для адаптивных технологий обучения и контроля уровня подготовленности.

Разработка и внедрение в практику образовательного фонда цифровых образовательных ресурсов потребует целенаправленного повышения педагогической квалификации педагогического состава. Не случайно, там, где эта работа уже началась, одним из наиболее востребованных курсов автора в данном направлении стал «Применение тестовых форм в учебном процессе и при аттестации». Этот недельный визуализированный курс содержит тысячу примеров технологичных заданий, приложений и практических разработок, варианты текстов и заданий[3]. Курс рассчитан на учителей школ и профессорско-преподавательский состав вузов, преподающих любую учебную дисциплину. Автором этого доклада по данному курсу уже подготовлены тысячи педагогов.

3. Существенную часть функций нынешнего министерства лучше передать общественно-профессиональным органам с соответствующими правами и обязанностями. В такой логике надзор непедагогическими формами и методами за всеми вузами, школами, студентами и учащимися со стороны специально созданного для этого Рособрнадзора становится не нужным.

4. Министерство образования и науки РФ целесообразно разделить на министерство образования и два Госкомитета или Совета – по науке и высшему образованию. Все направления государственной регламентации образовательной деятельности – лицензирование, аккредитацию, контроль и надзор в сфере образования предлагается возложить на специально созданные общественно-профессиональные организации – независимые и самоокупаемые.

5. Возродить на условиях независимости и самоокупаемости Центр добровольного тестирования учащихся и студентов по школьным и вузовским учебным дисциплинам. Централизованное тестирование много лучше Единого государственного экзамена[4].

---

[1] https://www.ied.edu.hk/obl/files/pratical_guide_5.pdf

[2] *Иванов А.* Пути выхода из катастрофы ЕГЭ. – http://gazeta-licey.ru/educ/school/28916-svoboda-ne-uchit-ne-uchitsya

[3] Пособие В.С. Аванесова «Композиция тестовых заданий» можно бесплатно скачать по адресу: http://viperson.ru/articles/kompozitsiya-testovyh-zadaniy

[4] Аванесов В.СЯ. Централизованное тестирование лучше единого государственного экзамена. – http://testolog.narod.ru

Валицкая А.П.
д.филос. н., член-корреспондент РАО, профессор РГПУ, Санкт-Петербург
avalitskaya@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *модернизация, социокультурный феномен, аксиосфера, парадигма, наукометрия, профессионализм, мировоззрение, педагогическое образование.*

Отечественное образование сегодня – в затяжном и невнятном процессе модернизации. Разумеется, парадигмальные изменения необходимы: глобальное информационное пространство – это сегодняшняя образовательная среда, взорвана аксиосфера социума, сомнению подверглась прежняя система нравственных, политических, культурных ценностей, масс-медиа и реклама агрессивно внушают потребительские ориентиры, идеалы индивидуального успеха.

«Понять систему образования данного общества, значит понять строй его жизни»[1], – писал русский философ еще в первой четверти прошлого столетия. Эта зависимость, несомненно, работает и в обратном направлении: жизнь общества, его культура и ценности определяют принципы построения образования.

Парадигма[2] образования – это система принципов, принятых научно-педагогическим сообществом. К ним относятся: (1) понимание сущностных качеств этой институциональной структуры и ее роли в культуре, науке, экономике страны; (2) представление о природе и составе современного знания, о способах конструирования учебного модуса наук и их взаимосвязи в образовательном процессе во всех его типах и уровнях; (3) отчетливость целей и задач педагогического труда, основательная психологическая подготовка, верифицируемость критериев профессионализма учителя[3]. Эти принципы связаны между собой причинно-следственной зависимостью, а смена парадигмы образования происходит в момент изменения типа социума и, соответственно, системы ценностных ориентиров. Таким образом, эффективная образовательная политика правительства с необходимостью предполагает ясное обозначение целей и стратегии реформы. К сожалению, такой научно обоснованной концепции модернизации отечественного образования не было и нет. Более того, в идеологии и практике политики модернизации допущены парадигмальные ошибки, которые привели к кризису современной отечественной высшей и средней школы. Чтобы идти дальше, нужно самым решительным образом провести «работу над ошибками».

Первая парадигмальная ошибка – определение образования как сферы обслуживания и, как следствие, его коммерциализация и коррупция. (Хотя почему, собственно, считать коррупцией плату за экзамен или зачет? Это ведь «услуга», а потребитель платит сколько скажут!). Такая «рыночная» установка привела к катастрофическому падению социального статуса учителя: он теперь не воспитатель души и ума, а продавец услуг, причем на рынке «покупатель всегда прав».

Вторая ошибка – в понимании природы знания и, соответственно, количественные методы оценки качества образованности: тестирование, цифровое «рейтингование» учебных заведений. Неизбежное следствие этих критериев – утрата научной фундаментальности и нравственной компоненты как естественнонаучного, так и гуманитарного знания.

Третья ошибка: разрушение профессионального педагогического образования, отказ от его специфики, которая определяется наличием фундаментальной мировоззренческой базы и методической подготовки, обеспечивающих способность успешно работать в радикально изменившейся образовательной среде. Предполагается, что любой математик или историк, имеющий высшее образование (будь то университет или технический вуз) может идти в школу. Мы имеем множество примеров профессиональной непригодности таких специалистов, которая чревата психологическим и физическим травматизмом для обеих сторон образовательного процесса.

Почему ошибочна идея «экономики знания» и образования как сферы обслуживания?

Знание – не товар[4], а ценность; как известно, ценности – свобода, истина, любовь, талант, справедливость – не имеют рыночной цены, они эквивалентны смыслу жизни. Можно купить, продать, обменять информацию, но не знание, поскольку оно сопряжено с пониманием, целеполаганием, убеждением, нравственным усилием совести, разрешающей ту или иную практику.

«В чем отличие научного знания от товара? Допустим, что я имею товар, что я его продал и получил за него деньги. В этом случае товара у меня больше нет, а деньги у меня есть. Но когда я имею знание, и я это знание передаю всем другим, то все равно я остаюсь обладателем этого знания и тем, кто его создал, т.е. я в этом смысле не теряю ни-

---

[1] Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995. – С. 25.

[2] См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 2002.

[3] См. подробнее: Валицкая А.П. Теория образования в контексте современности. – СПб., Астерион, 2014. С. 132 и др.

[4] См.: Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы круглого стола // Вопросы философии. – М., 2014. – № 8.

чего»[1]. Но, добавим, это мое знание умножено в умах и жизненной практике тех, кто его усвоил, там оно обретает собственные эмоционально-психологических оттенки и ассоциации: возникает сообщество единомышленников, совершающих воспроизводство знания, развитие науки. Это, собственно, и есть педагогический диалог, существенно отличающийся от информационного взаимодействия с машиной: ты ей ничего не даешь, кроме команды, а она тебе – запрашиваемых сведений.

Образование – социогуманитарная система, в которой происходит второе рождение человека, духовное становление его личности. Кто тут «покупатель», кто «продавец», и в чем состоит «услуга»? Абсурд, да и только. Однако абсурд опасный, поскольку «заказчик» не знает (по малолетству или необразованности), чего он хочет, а обслуживающий персонал (парикмахер, сапожник, учитель?) «продаст» только то, что может, (сапоги, сертификат, диплом?) за ту плату, которую сам назначит. Примеры купли-продажи курсовых и дипломных работ, докторских и кандидатских диссертаций «под ключ» читатель легко найдет в Интернете или в материалах экспертизы ВАК.

Знание, как и любая другая ценность, умножается и становится духовным богатством человека, если его передают друг другу в бескорыстном, свободном, дружественном обмене. Кстати: болезненный фантом плагиата – той же, рыночной природы. Нельзя украсть или закрыть в сундуке индивидуальной собственности и товарной цены мысль, любовь, красоту и веру – неизменных спутников знания; оно живет в ноосфере культуры, в свободном диалоге людей, стремящихся к истине. На рынок идут только симулякры, лжесвидетельства образованности (дипломы, которые покупают на переходах в метро, заказные диссертации и т.п.).

Теперь о количественных критериях оценки качества образованности и научной эффективности. Количество и качество – общенаучные категории, которые соотносятся друг с другом в диалектике перехода количества накопленных возможностей в качественный скачок. Однако исчисление качества научных или социогуманитарных процессов в количественных показателях дает на практике обратный результат: чем больше количество, тем ниже качество. Это очевидно в научной деятельности, эффективность которой нельзя посчитать по количеству публикаций без ущерба для смысла и подлинной ценности работы ученого[2].

Вынужденная погоня наших ученых за индексами (особенно молодых, желающих получать гранты и степени. А ведь это – будущее отечественной науки!) ведет к появлению массы посредников, предлагающих дорогостоящие услуги для публикации в РИНЦ, Скопусе и др. Та же ситуация в образовательной практике: чем больше отличников у педагога, который ставит количественную задачу, тем меньше вероятность их качественной подготовки; чем больше усилий «натаскивания» на тесты ЕГЭ, тем меньше надежды на качество осмысленной духовной работы.

Образовательные стандарты диктуют формально-количественный перечень компетенций, получение которых, как правило, не обеспечивается содержанием предлагаемых учебных курсов, а достоверные критерии проверки их наличия отсутствуют вовсе. Моральный ущерб способов организации ЕГЭ – следящие камеры, «выворачивание карманов», принципиальная атмосфера недоверия и подозрительности – рождает у подростка нормальную реакцию сопротивления, поиска обходных путей, желания перехитрить надзирателей. Где уж тут гражданское достоинство, патриотизм, чувство товарищества, да и просто элементарная порядочность! Не зря в народе ЕГЭ окрестили «педагогической шизофренией»[3].

Почему именно эти ошибочные позиции приняты нашими модернизаторами от образования, есть ли альтернатива?

Процесс модернизации запущен в 1990-х Министерством образования и науки, которое руководствуется рекомендациями Всемирного банка реконструкции и развития[4]. Этот банк еще в 1994 году оплатил (при участии фонда Сороса) подготовку аналитического доклада «Россия: образование в переходный период» и кредитовал исполнение его рекомендаций. Доклад имел гриф: «Конфиденциально. Только для служебного пользования» и потому не стал предметом обсуждения научно-педагогической общественностью России. В этом документе международным коллективом разработчиков, при участии отечественных чиновников, были рекомендованы именно те меры, которые сегодня реализованы: привести систему в соответствие с экономическими возможностями страны на основе ее коммерциализации, сократить количество школ, ПТУ, институтов, в частности, ликвидировать высшее педагогическое образование. Эти рекомендации, равно как и превратно истолкованные идеи Болонского процесса, до сих пор неукоснительно исполняются Министерством образования и науки. Предлагаемый здесь подход (если отказаться от идеи враждебного замысла) определяется позитивистской моделью, ориентированной на стандартный минимум знаний, и категорически исключает для высшей и средней школы России принципы всеобщности, фундаментальности, государственного заказа, свободы собственных образовательных программ[5].

Современный Учитель – гуманитарий-профессионал**,** которого нужно готовить как спецназовца, поскольку ему предстоит работать в агрессивной, постоянно изменяющейся социальной среде. Такая подготовка, разумеется, требует, *во-первых,* соответствующего отбора «на входе» в профессию; *во-вторых*, специальной образовательной програм-

---

[1] Лекторский В.А. . Материалы круглого стола «Достоинство знания как проблема современной эпистемологии» // Вопросы философии. – М., 2014. – № 8.

[2] Пружинин Б.И. О том, что мерить нельзя // Вопросы философии. – М., 2014. – № 6; Чеботарев П.Ю. Наукометрия: как с ее помощью лечить, а не калечить // Управление большими системами. Специальный выпуск 44: «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». – М., 2013.

[3] http://www.ng.ru/ideas/2008-04-08/14_ege.html

[4] Соколова В. Серые кардиналы образования // Совершенно секретно. – М., 2011. – № 4.

[5] Программы развития высшей школы России см., например http://foresight.sfu-kras.ru/sites/foresight.sfu-kras.ru/files/_Doklad_Vysshaya_shkola_-_2030_ekspertnyy_vzglyad_2012.pdf

мы, включающей серьезную подготовку по трем компонентам: базовый мировоззренческий цикл + фундаментально-предметный + практическая часть углубленной психолого-методической программы.

Сегодня радикально изменились задачи образования в целом и каждого учителя, в частности. Средняя школа – особая зона риска: именно здесь закладываются основания государственности, формируются ценности и цели граждан нашей страны, ее интеллектуальный и духовно-нравственный капитал. Именно здесь – острие атаки на сознание детей, подростков, юношей со стороны экстремистских религиозных, националистических, потребительских ценностей и идеалов. Учитель должен сам обладать устойчивостью ценностных констант, адекватной картиной мира и человека в нем, комплексом гуманитарных знаний и, что особенно важно, – уметь передать своим воспитанникам способность защиты от манипулятивных технологий, способность свободно ориентироваться в социокультурной ситуации в стране и мире, осознанно выбирать и отстаивать собственную позицию. Важно помнить, как велика ответственность учителя: последствия педагогической ошибки, пожалуй, серьезнее, чем медицинской, ибо нравственный калека опасен для общества. Полицейский и судебная система наказывает за преступление, которое должен был предупредить учитель, но оказался неспособным это сделать. Сегодня принято в криминальных действиях подростков, наркомании и участившихся суицидах обвинять родителей. Едва ли это справедливо: авторитет семьи активно работает (да и то не всегда!) в дошкольном возрасте, социализация ребенка, его культурный статус – дело школы. Вот почему сегодня педагогическое образование, соответствующее вызовам времени, становится главной, подчеркну – *ключевой* – проблемой России, проблемой государства и общества.

Измайлова М.А.
д.э.н., профессор Финансового университета

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ РОССИИ

Ключевые слова*: образование, модернизация, инновационное развитие, технологизация, информационно-коммуникационные технологии.*

Keywords*: education, modernization, innovative development, technologization, information and communication technologies.*

Становление инновационной экономики, технологизация производства, новые требования к качеству современного специалиста ставят перед системой российского образования новый перечень вопросов, на который экономика и общество в целом ждут оперативного отклика. Наиболее адекватной формой ответа высшей школы на модернизацию экономики и всего социума должен стать пересмотр содержания и форм подготовки специалистов, а также переосмысление роли и места образования в жизни общества с учетом современных трендов его трансформации.

Прямым образом на систему образования сегодня воздействует группа факторов, среди которых доминирующими являются следующие[1]:

1) переход страны на демократический путь развития сопровождается повышением ценности социального капитала нации и одновременно сопровождается прогрессивным распространением сетевой формы саморегуляции общества;

2) усиливающиеся темпы новой индустриализации влекут за собой переход на путь инновационного развития экономики. Перестройка экономики не будет происходить одномоментно, поэтому важнейшим этапом перехода является запуск волны технологических стартапов, который сейчас происходит в большинстве стран ОЭСР и во многих развивающихся странах. Образование играет крайне важную роль в сопровождении массовой стартап-культуры, в том числе, в аспекте обучения навыкам ведения бизнеса, проектно-ориентированного обучения и менторинга;

3) постепенно снижается роль традиционных корпораций, все большая роль отводится малому и среднему бизнесу, индивидуальному предпринимательству, которое на основе 3D печати, смарт-технологий развивает DIY-культуру (самостоятельное изготовление, ремонт, усовершенствование техники, мебели, одежды, оборудования и других предметов широкого потребления);

4) все более отчетливо проявляется тенденция старения населения, которое на фоне повышения качества здравоохранения и фармацевтической отрасли приводит к появлению внушительного по численности класса умственно и физически активных людей постпенсионного возраста;

5) информационно-коммуникационные технологии, становящиеся уже неотъемлемой частью жизни современного человека, все более глубоко проникают в образовательный процесс вуза. По статистике, более 90% населения в мире пользуются услугами Интернета. На основе развития цифровых и мобильных технологий к 2021 году планируется завершение оцифровки мирового культурного наследия, которое будет храниться в Интернете и будет доступно из любой точки планеты и, несомненно, составит часть контента современного образования. Но не следует забывать и об обратном эффекте Интернет-технологий, способном негативно воздействовать на изменение массового и индивидуального сознания, а также привести к феномену психоразрыва (разделению людей на пользователей и непользователей когнитивных продуктов).

Вся совокупность внешних вызовов требует переосмысления сущности и предназначения образования. Не вызывает сомнений тезис о недостаточности полученных в академической среде знаний – их следует постоянно актуализировать, поскольку скорость их обновления возросла многократно – они удваиваются каждые 72 часа[2]. Кроме того, следует не просто знать, но и уметь применить свои знания в решении практических задач, т.е. требуется владение компетенциями.

Следствием влияния данных и огромного числа иных – не менее актуальных – факторов является появление ранее неизвестных проблем вузовского образования. В их числе следует назвать, во-первых, появление цифрового разрыва между «нецифровыми» педагогами и «цифровыми» обучающимися; во-вторых, продолжающийся рост разочарования студентов в вузовском образовании – неинтересно и неполезно; в-третьих, переход преподавателей, интегрирующих инновационные подходы к содержанию и реализации образовательного процесса, в альтернативное образование; в-четвертых, усиливается давление профессионального сообщества и конкретных работодателей, осущест-

[1] Образование 2030. Результаты первого этапа российского форсайта. –http://dok.opredelim.com/docs/index-51709.html

[2] Тихомиров В.П. Мир на пути Smart Education. Новые возможности для развития // Открытое образование. 2011. – № 3. – С. 22–28.

вивших, по сути, частичную приватизацию системы профессиональной подготовки вследствие неудовлетворенности качеством формальной подготовки в высшей школе.

Кроме того, становится все более ощутимым и давление государства, идущего по пути отбора вузов «первого эшелона» и оказания поддержки для трансформации их образовательной и научной деятельности в соответствии с государственной политикой; призывающего решать проблемы интеграции мигрантов и роста толерантности в российском обществе; поощряющего рост числа работодателей, включенных в образовательный процесс вузов; инициирующего легитимизацию новых форм обучения (электронное обучение и реализация дистанционных образовательных технологий, мобильные технологии и т.д.); приветствующего обучение по индивидуальным образовательным траекториям; требующего прозрачности образовательного процесса (например, он-лайн трансляция защит выпускных квалификационных работ и диссертационных исследований).

Адекватный отклик системы образования на весь спектр внешних вызовов проявляется в постепенной трансформации индустриального образования в новый формат, основывающийся на ином методическом подходе к организации образовательного процесса, который предусматривает: образовательно-развлекательные квесты; специализированные группы в соцсетях (обсуждение решаемых проектов); обучение педагогов и учащихся на массовых он-лайн курсах (MOOC) – COURSERA: по компьютерным наукам, математике, бизнесу, социальным наукам, инженерии, образованию (платно только сертификация и содействие трудоустройству)[1]. Для обучающихся – это лифт в европейские университеты, для образовательной организации – это расширение контактной аудитории, узнаваемость, рост компетентности. Индустриальное образование неуклонно замещается индивидуализированным[2], основными характеристиками которого являются: 1) учет данных о личных характеристиках обучающихся (особенности темперамента, персональный стиль обучения), персональная история, персональные цели; 2) использование данных о доступных возможностях предлагаемых образовательных программ и отдельных образовательных решений приведет к формированию уникального набора знаний, умений, компетенций, именуемого компетентностной моделью выпускника, которая, в свою очередь, обеспечит в реальных условиях будущей профессиональной деятельности осуществление определенного типа деятельности, выполнение определенной задачи, решение конкретной проблемы.

Системной проблемой высшей школы является более длинный цикл смены программ подготовки в сравнении с циклами смены технологий. Для решения данной проблемы существующее индустриальное образование должно, в частности:

- обеспечивать диалог между сферами образования и индустрии, в т.ч. совместное обсуждение перспектив отраслевого развития и отклик высшей школы не столько на текущие, сколько на будущие потребности экономики в новых компетенциях, порождаемых технологическими и социальными изменениями;
- снимать барьеры для адаптации к требованиям отрасли в профессиональном образовании, в т.ч. распространение моделей дуального образования и сверхбыстрой профессиональной подготовки, совместная разработка профессиональных стандартов с участием ассоциаций работодателей и внедрение образовательных программ на их основе, независимая отраслевая сертификация либо сертификация у работодателей;
- резко расширить возможности для стажировок студентов на предприятиях реальной экономики, а также для опробования различных профессий — не только для студентов и молодых профессионалов, но и для школьников, и создавать условия, когда в рамках базовой подготовки школьники осваивают 1–2 рабочих профессии;
- развивать программы для поддержки самозанятости, в том числе, предпринимательское образование, менторские программы для стартапов и некоммерческих проектов, создание стимулов и инфраструктуры для молодежного предпринимательства и др.

В ситуации, когда в стране одновременно реализуются как проекты индустриального образования, так и проекты нового образования, главная задача национального регулятора – создать равные «правила игры», которые позволят проявить лучшие качества существующих и новых подходов к образованию и сформировать сбалансированную систему их интеграции. Иными словами, регулятор должен обеспечивать максимальную общественную эффективность, соблюдая интересы конечных пользователей и общенациональные интересы, через серию конкретных мер[3]:

1) в стране должны быть сформированы равные правила доступа к ключевым ресурсам для разных образовательных институтов: доступ к учащимся, к бюджетам развития, к грантам или дотациям и пр. Следует избегать избыточных преференций традиционным институтам, в т.ч. государственным, т.к. это резко ухудшает конкурентоспособность новых проектов;

2) необходимо создать возможность фиксации достижений человека в течение всей жизни и поддерживать индивидуальные образовательные траектории, что позволит выбирать между провайдерами «системного» и «нового» образования;

3) требуется специальная работа по интеграции существующих традиционных решений с появляющимися новыми решениями (например, следует поощрять использование образовательными организациями механизмов обучения в социальных сетях, инструментов управления индивидуальными образовательными траекториями, ресурсов онлайн-обучения и пр.);

4) качество образовательных инноваций серьезно улучшается, если производители образовательных продуктов способны работать не только внутри страны, но и за ее пределами. Поскольку в большинстве стран существуют программы поддержки высокотехнологичного экспорта, подобные программы могут быть реализованы и для экспорта

[1] https://www.coursera.org/about/programs

[2] Robinson K. Out of Our Minds: Learning to be Creative. – N.Y.: Wiley, 2011.

[3] Будущее образование: глобальная повестка. – http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf

образовательных услуг, в т.ч. образовательных технологических решений (например, персональные «цифровые наставники», доступные в режиме 24/7; образовательные курсы, самоулучшающиеся по мере использования их студентами; образовательные симуляторы, обладающие привлекательностью видеоигр и способные удерживать вовлеченность и высокую учащихся на протяжении длительного времени и др.);

5) необходимо создавать возможности для появления новых образовательных форм через поддержку научно-исследовательских экспериментов в области образования. В частности, необходимы специализированные гранты на создание новых образовательных технологий, которые могут быть заимствованы у «обучающихся организаций». Так, в компаниях Google, Toyota и Apple выделяется время на деятельность, которая принципиально не связана с текущей рутиной, и поощряются те, кто готов пробовать, ошибаться и снова пробовать.

Таким образом, учет всей совокупности влияния внешних факторов, мобилизация и наращивание потенциалов системы образования в тесном диалоге с профессиональным сообществом, следование государственной политике во всех сферах жизни общества позволит в среднесрочной перспективе выстроить модель нового образования, соответствующего реалиям становления инновационной экономики России.

Каспрук Л.И.
д.м.н., профессор Оренбургского государственного медицинского университета
Жакупова Г.Т.
ассистент ОрГМУ
Снасапова Д.М.
ассистент ОрГМУ

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННОЙ РОЛИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ключевые слова: *научно-исследовательская работа, медицинское образование, формирование, образовательный стандарт.*
Keywords: *scientific research, medical education, formation, educational standard.*

Система высшего образования в России переживает сегодня многонаправленный процесс обновления. Необходимость реформирования высшей школы в значительной степени связана с тем, что в настоящее время становятся востребованными прежде всего конкурентоспособные выпускники, которые могут самостоятельно выстраивать траекторию своей профессиональной деятельности, умеют работать с большим объемом информации, нестандартно мыслить, демонстрируют высокий уровень адаптивности к изменяющимся социальным условиям и запросам современного рынка труда, владеют развитыми коммуникативными навыками, способны к обучению на протяжении всей жизни, готовы к расширению управленческих функций и умеют прогнозировать результаты своей работы.

Современное образование является ведущей социально значимой областью человеческой деятельности, общечеловеческой ценностью, неразрывно связывающей прошлое, настоящее и будущее в развитии общества. Образование является важнейшим условием социального и профессионального становления человека, целенаправленного формирования его личности.

Образовательная сфера чутко реагирует на любые изменения в общественном развитии. В условиях модернизации высшего образования, в том числе медицинского, когда основным способом активизации учебной деятельности студентов признаются исследование и творчество, особенно актуальным становится поиск решения проблемы формирования и развития у студентов исследовательской компетенции.

При этом одной из актуальных задач вузовского медицинского образования становится обучение студентов способам поиска и переработки информации путем самостоятельной исследовательской деятельности. Эта задача требует целенаправленного формирования и развития профессиональной исследовательской компетенции студентов, способствующей укреплению потребности в познании.

Однако вышеозначенная задача в настоящее время не находит эффективного решения в современном образовательном пространстве, сохраняющем «знаниевую ориентацию». Решение такой задачи возможно путем внедрения в учебный процесс современных образовательных подходов и технологий, направленных на формирование исследовательской компетенции. Основная доля составляющих исследовательской компетенции формируется в рамках научно-исследовательской работы (НИР) [3].

Все вышеозначенное невозможно без формирования исследовательской компетенции в период обучения студентов в вузе. В федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения, по которым в данное время ведется обучение студентов бакалавриата и магистратуры, заложена необходимость привлечения студентов к научно-исследовательской деятельности в рамках учебного процесса, и это является обязательной составной частью модели подготовки выпускника с высшим образованием [1].

В инновационном образовательном процессе студент должен иметь следующее:
– высокий образовательный уровень;
– гибкое мышление;
– профессиональную мобильность;
– умение вырабатывать собственную стратегию деятельности;
– осуществлять поиск;
– осуществлять анализ;
– оценивать информацию, необходимую для решения профессиональных задач.

В условиях рыночной экономики необходимо отслеживать спрос на специалистов, вносить соответствующие коррективы в содержание и организацию учебного процесса. Требования к специалистам формализуются в рамках модели, включающей квалификационную характеристику: перечень профессиональных задач, знаний и умений.

Для будущих работодателей, в свою очередь, важны не только наличные знания и умения, но и уровень готовности к освоению нового. Наличие модели специалиста не гарантирует нужный уровень подготовленности, но применяется для создания модели подготовки с перечнем и объемом дисциплин, мероприятий учебного процесса, ориентированных на конечный результат.

Введение новых образовательных стандартов позволяет более четко разграничить виды научной работы студентов в вузе. Рассматриваемая нами проблема не является совершенно новой. Потребность современного общества в людях, способных быстро переориентироваться на актуальные сферы производства, обладающих установкой к самосовершенствованию и самоорганизации, меняет отношение к образовательному процессу в направлении слияния науки с процессом обучения.

Традиционно выделяются два вида исследовательской деятельности студентов в вузе:

– исследовательская деятельность студентов, встроенная в учебный процесс в рамках учебного плана (в этом случае ее принято называть учебно-исследовательской деятельностью);

– исследовательская деятельность студентов, выходящая за пределы учебного процесса (этот вид деятельности обычно называют научно-исследовательской).

Такое четкое разграничение научной работы студентов в вузе представляется принципиальным потому, что подобное разграничение позволяет более точно подчеркнуть разные конечные цели данных видов деятельности.

Научно-исследовательская деятельность, осуществляемая за пределами учебного процесса, относится к одному из видов деятельности, которым может заниматься студент вуза в период обучения: учебная (это – основной вид деятельности, которым охвачены все студенты вуза), научная, общественная, спортивная, творческая.

Учебно-исследовательская деятельность имеет свою специфику. Ее главной целью является не получение нового научного знания, а прежде всего развитие личности студента. Учебно-исследовательская деятельность – это деятельность, главной целью которой является образовательный результат (не обязательно научный, т. е. отличающийся новизной). Она направлена на обучение студентов исследовательским методам и приемам при получении знаний, развитие у них способности к исследовательскому типу мышления, активизацию личностной позиции обучающегося.

Основной функцией учебно-исследовательской деятельности и ее результатом являются активизация познавательной деятельности студентов, развитие стремления к познанию и преобразованию себя и окружающей действительности по законам научного исследования. Поэтому в учебно-исследовательскую деятельность, по новому образовательному стандарту, должны быть вовлечены все студенты вуза. Обычно итогом этого вида научной деятельности является подготовка и защита выпускной квалификационной работы, процесс защиты которой должен обнаружить способность и готовность будущего выпускника к использованию научных методов и подходов в профессиональной деятельности.

Значимость научно-исследовательской деятельности студентов актуализирует задачу поиска и внедрения новых (эффективных и современных) форм ее организации. Условно формы вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность можно разделить на два вида.

С одной стороны, это формы, которые позволяют развивать у студентов навыки самостоятельных научных исследований в рамках учебного процесса (рефераты, доклады, лабораторные работы, исследовательские задания в период практик, курсовые и дипломные работы и др.), где студенты осваивают аналитические, поисковые и синтезирующие элементы научной работы, в результате чего у них развиваются общие и специальные научные навыки проведения и обобщения результатов исследования, элементы критического мышления и комплекс творческих способностей личности будущего специалиста.

С другой стороны, особое внимание должно уделяться внеаудиторной самостоятельной работе студентов [2]. В нашей практике накоплен фонд соответствующих технологий работы со студентами:

– студенческие научные и научно-практические конференции;

– научные кружки и проблемные группы,

– «круглые столы»;

– конкурсы;

– олимпиады и др.

Научно-исследовательская работа непосредственно в процессе обучения выявляет:

– мотивы студентов, познавательные, профессиональные и личностные интересы;

– обосновывает поисковую деятельность;

– учит самоконтролю, самооценке;

– закладывает основу их дальнейшей творческой деятельности.

Все вышеизложенные положительные факторы способствуют формированию необходимых качеств специалиста, повышают ответственность и уровень мотивации, развивают стремление к познавательной деятельности и управлению своим обучением, воспитывают способность адаптироваться к любым изменениям на «рынке» труда и быть востребованным.

В рамках работы студенческого научного кружка кафедры общественного здоровья и здравоохранения № 1 проведенные научно-практические конференции в значительной степени способствовали ознакомлению студентов с методами и приемами научных исследований, повышению престижа и популяризации научных знаний, развитию творческой личности, овладению студентами мастерством ведения дискуссии, подготовки презентаций и публичных выступлений.

В 2014-2016 гг. проведены научно-практические конференции:

– «Актуальные аспекты организации донорства» (2014 г.),

– «Традиции и новаторство в отечественной медицине» (2015 г.),

– Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием «Актуальные аспекты общественного здоровья и здравоохранения» (2016 г.).

Названные научно-практические конференции могут рассматриваться как одна из эффективных форм развития исследовательских и научных способностей у студентов. По результатам анкетирования и интервьюирования студентов (175 респондентов), в 95% случаев отмечалась высокая мотивация студентов, что побуждало их быть в активном поиске в рамках выбранной тематики исследования, работать самостоятельно.

Научно-исследовательская работа студентов начинается на кафедре общественного здоровья и здравоохранения при изучении истории медицины в следующих формах:

– разработка проектов;

– разработка творческих работ;

– участие в олимпиадах (Всероссийская олимпиада по истории медицины, Ставрополь, 2014 г.);

– участие в выставках;

– участие в конкурсах, в конференциях;

– выступления с докладами, творческими отчетами.

Формированию исследовательских навыков у студентов также способствуют:

– участие студентов в планировании, организации и проведении исследований по истории медицины и общественному здоровью и здравоохранению;

– постановка целей и задач;

– разработка программы исследования;

– выбор материалов и методов исследования;

– сбор информации;

– участие в проведении статистической обработки и анализе полученных результатов под руководством научного руководителя.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: исследовательская компетенция студентов – это совокупность личностно-осмысленных исследовательских знаний, умений, навыков, опыта деятельности, ценностных ориентации, поведенческих моделей, которые могут сформироваться в процессе исследовательской деятельности. Формирование исследовательской компетенции студентов в медицинском образовании является целостным процессом поэтапного включения их в исследовательскую деятельность, который опирается на преемственность в содержании, формах, методах, средствах подготовки, связанных со стимулированием научного поиска, развитием самостоятельности студентов в ходе исследовательской работы.

Для развития исследовательских компетенций необходимо создание определенных условий, способствующих формированию и развитию поисковых, исследовательских и экспериментальных умений студентов, что на кафедре общественного здоровья и здравоохранения № 1 Оренбургского государственного медицинского университета реализуется на основе научно-исследовательской работы студентов в рамках дифференцированного и индивидуального подхода.

Список литературы

1. Алексанова Г.Т., Алексанова С.А. Формирование исследовательской компетенции у студентов вуза в условиях перехода на новые стандарты обучения // Концепт. 2016. – Спецвыпуск № 03. – http://e-koncept.ru/2016/76028.htm.
2. Арзуманова Р.А. Формирование исследовательской компетенции студентов вуза в свете требований ФГОС нового поколения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. – М., 2014. – № 1. – С. 7–12.
3. Чумичева Р.М. Формирование исследовательских компетенций у студентов в процессе педагогической практики // Вестник Нижневартовского государственного университета. – Нижневартовск, 2009. – № 3.

Коломейцев А.Е.
к.филос.н., доцент МПГУ

СТРАТЕГИЯ ПЕДАГОГИКИ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Ключевые слова*: знание, умение, труд, истина, убежденность, уверенность.*
Keywords*: knowledge, ability, labour, truth, belief, confidence.*

Образовательные технологии сообщают человеку знания, с помощью которых он осуществляет себя в природной среде и реализует себя как трудовое существо в среде социальной, а все вместе это обеспечивает ему жизнь и вознаграждение от общества, т.е. дает пищу, кров и деньги. Деньги здесь – знаковый эквивалент труда под гарантийные обязательства власти. Меняется власть – меняются и деньги, неизменным остается только труд, ценности которого мы обязаны своим происхождением, и главная составляющая которого определяется по достаточно простой, но нравственно эффективной формуле: сделано – на славу, сработано – на совесть.

Добросовестный труд и благочестивое поведение – это альфа и омега человеческой нравственности в социальном общежитии. Вместе с тем, свобода воли, дарованная человеку Богом и природно врожденная ему, не имеет в виду любовь к труду, а являет себя первичным образом как своеволие и произвол. Работа – не волк, в лес не убежит. Любовь к труду прививается и культивируется в семье – как первично нравственной и трудовой ячейке, а дисциплина труда появляется у ребенка – как его признание любви родителей к нему, которые заботятся о нем и никогда не пожелают ничего плохого. Именно в ответ на любовь родителей в младенствующем сознании юного существа возникает чувство благодарности, которое впоследствии он переносит в сферу труда как благообразующего принципа жизненного производства. Ребенок научается быть благодарным.

Знание и здоровье – это жизненный капитал детей со стороны их будущей пригодности для социального бытия. Чтобы быть полезным для общества – не воровать, а трудиться надо. А для осуществления положительно результативного труда, помимо вдумчивости и умений как компетенций человека, еще необходимы совестливость и честность как нравственно дисциплинирующие начала его личностного «я». Математика дисциплинирует ум, а труд дисциплинирует волю. Добросовестность и благочестие являют нам духовную основу религиозного сознания: поступать по-божески и жить по совести – по-людски одно и то же. В более точном смысле мы имеем в виду латинский термин «religio», который переводится на русский язык как «добросовестность» и «благочестие», «набожность» и «благоговение», а в интегративном синтезе означает наличие принципа святости в душе человека, который позволяет ему разграничивать в своих мыслях добродетели и пороки и различать их в чужом поведении, объективируя нравственную оценку: что такое – хорошо, а что такое – плохо.

Что такое хорошо, а что такое плохо – это этика. Что такое хорошо, а что такое лучше – это эстетика. А что такое хорошо и кому все это нужно – это наша жизнь. Инженерия жизни – наша задача. Если раньше (в эпоху сельского бытия) каждый мог быть кузнецом своего счастья, то сейчас (в эпоху технического всесилия) каждый может стать инженером своего счастья или своих несчастий – в зависимости от рациональной организации своей жизни, правил управления своей жизнью и от уровня контроля над процессом своего жизненного производства. Принципы, правила и законы жизненного производства формируют «я» как живую кибернетическую систему, соотнося ее с природой как живым организмом, с социальным организмом себе подобных и с духовным организмом самого «я» как божественной средой. Человеческое достоинство – это умение владеть и управлять собой: инженерия человеческого достоинства – наша задача. Для этого нам нужна истина и фабрика по ее производству, которая именуется наукой. Истина как «знание того – что есть» не является конечной целью жизненного производства, но она необходима для инженерного процесса, в основании которого всегда обнаруживаются человеческие изобретения. Именно изобретения являют нам истину – во плоти ее применимости и полезности – как продукт человеческого таланта. Талант познавать, талант любить, талант побеждать, талант строить, талант верить – вот они – наши радости земные и дары небесные. Исторические образцы такой самоорганизации и самореализации жизни представлены в Проекте «Энциклопедия интеллектуального мира», где основное внимание обращено на факт личностного характера инженерных технологий в строительстве и обустройстве «внешнего» и «внутреннего» в мирах человеческих, когда посредством усилий своего ума и упорства своей воли дело осуществления всеобщего цивилизационного прогресса отдельные конкретные люди воспринимали как личное дело и понимали как дело личного прогресса. Будущее – не открывается, будущее – изобретается: инженерия будущего – вот наша задача! (приложение 1).

Идеалом интеллектуализма всех времен и народов был человек мудрый. Генетически известно, что мудрыми не рождаются, а мудрыми становятся: мудрыми нас делает сама жизнь, а научает нас мудрости первичным образом философия, которая как раз и являет себя для нас как любовь к мудрости. Философия собирает и описывает исторические идеалы мудрости во всех сферах её личностного проявления, что позволяет рассматривать историю философии и

её аналитику как историческую лестницу восхождения к мудрости, когда само обучение философии становится поэтапным научением мудрости.

«Мудрый» значит «компетентный». Именно так оценивал мудрость Сократ, видевший свою задачу в изучении человека. «Никогда не доверил бы я, – говорил он, – свою жизнь кормчему или врачу, не изучившим своё искусство, но о важнейших делах человеческих – о политике и управлении государством – почему-то каждый считает себя вправе судить и участвовать в них». Чтобы судить – надо знать: знание – вот та сила, которая должна управлять человеком – как в служении отечеству, так и в управлении собой. Для Сократа знания и поступки, теория и практика едины: знание определяет ценность дела, а дело утверждает ценность знания. Отсюда и его уверенность в том, что истинные знания и подлинная мудрость, доступные человеку, неотделимы от справедливых дел и других проявлений добродетели.

«Мудрый» значит «рациональный». «Под мудростью следует понимать, – расширяет позиции Сократа основатель рационального метода Рене Декарт, – не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках». Если *homo sapiens* – человек созерцающий и размышляющий, а *homo intellectus* – человек думающий и делающий, то *homo rationalis* – это не только то и другое вместе взятое, но и в дополнение – человек оценивающий и вычисляющий с точки зрения жизненной значимости, целевой стратегии и личностного смысла. Жизненно мудрый человек – это человек рациональный. Именно на рациональной платформе рассудочности и разумности человека происходит накопление его жизненного опыта и формирование его здравого смысла. В историческом аспекте можно сказать, что интеллектуальные способности человека генетически заданы ему не для пустого воображения в гипотетических и аллегорических мирах, а для организации рационально выверенных форм жизнедеятельности в реальном мире: «рациональный» значит «жизнеспособный».

Духовная инженерия личности – это педагогическая задача. Всеобщим основанием здесь является рациональность – как разумность и рассудочность человеческого сознания, соотнесенного с жизненным опытом и здравым смыслом. Когнитивные технологии человека помогают ему пробиться в мир истины, а креативные технологии он усваивает через проникновение в суть божественного ремесла. Когда я говорю, что «могу», то это означает не только, что я «знаю» и я «умею», но и ещё, что я «хочу». Соотнесение того – «что мы хотим» и «что для этого нужно делать» – формирует платформу корреляционной истины, в которую корреспондентские и когерентные истины входят как её фундаментные сваи. Разум – целесообразен, рассудок – ценосообразен: посредством разума мы воплощаем общие и личные цели, посредством же рассудка мы эти цели оцениваем – придавая им жизненную значимость и ценностный смысл. Истина и вера, красота и любовь, правда и справедливость – вот наше добро = как духовное имущество, как духовная ценность, как духовное достояние. Педагогические задачи, исходя из вышесказанного, распадаются на два, по крайней мере обозримых, класса задач – это образовательные задачи по организации духовной сущности (=интеллекта) человека и воспитательные задачи по формированию духовного облика (=нравственности) человека. Нельзя сказать, что существует некая однозначная модель инженерии идеального существа. Даже природа и бог – с этим не справились. Но создание гармоничной личности, живущей в миру с собой и в согласии с людьми, возможно и необходимо. Профессиональное образование и компетентная работа, социальная значимость и одобрение общества, ощущение нужности – себе, семье и людям – семена этих полезных качеств можно и нужно заложить и прорастить в духовной почве младенствующего сознания, а также подпитать и укрепить их стойкость и рост в душах молодых людей. Духовное взращивание индивидуального «я» – «наша» всеобщая социальная задача (приложение 2).

Сеять разумное и вечное в душе человека – это сельскохозяйственный подход к производству добра, а вот изобретать и строить разумное и совестливое в душе человека – это инженерное дело божественного порядка – как духовная демиургия. Жить хорошо хотят все: пустые мечты рождают пустые желания. Чтобы желания были жизненно открытыми и социально полезными, реализовывать их нужно через труд – добросовестный труд на благо общества. На пользу себе – но не во вред другим, на пользу другим – но не во вред себе. Таков характер «я» и «мы» – в совести и разуме. Пусть возможное – станет лучшим: вот – наш девиз. Пробудить кибернетический генотип сознания человека – организующий наше сознание, управляющий нашим сознанием, контролирующий наше сознание – в целях производства добра суть наша демиургическая задача. Самоорганизация, самоуправление, самоконтроль – духовного мира моего «я» в целях всеобщего благополучия – задача «моего» человеческого достоинства. Вся жизнь – борьба: со сном и ленью. Моя совесть – мой контролер. Быть человеком = моя задача! (приложение 3).

Приложение 1

ПРОЕКТ
сюжетного моделирования образовательного процесса на примере темы «Энциклопедия интеллектуального мира (ЭИМ)»

1. ЭИМ: рациональная этика Сократа (=2,0 п.л.).
2. ЭИМ: атомизм Демокрита (=2,0 п.л.).
3. ЭИМ: идеализм Платона (=2,0 п.л.).
4. ЭИМ: философия и математика в логике Аристотеля (=2,0 п.л.).
5. ЭИМ: мистика чисел в учении пифагорейцев (=2,0 п.л.).
6. ЭИМ: античный космос в терминах Платона (=6,0 п.л.).
7. ЭИМ: принципы организации античного космоса и мышления (=5,0 п.л.).

8. ЭИМ: математическая организация мышления (=6,0 п.л.).
9. ЭИМ: библия природы Галилео Галилея (=2,0 п.л.).
10. ЭИМ: геометрическая этика Б. Спинозы (=2,0 п.л.).
11. ЭИМ: мир человека в мире Гельвеция (=3,0 п.л.).
12. ЭИМ: когнитивные технологии Рене Декарта (=4,0 п.л.).
13. ЭИМ: метаморфозы истины в духе Гегеля (=3,0 п.л.).
14. ЭИМ: долг как основание нравственности И. Канта (=2,0 п.л.).
15. ЭИМ: трансцендентальная этика Фридриха Ницше (=2,0 п.л.).
16. ЭИМ: психология прагматизма У. Джемса (=2,0 п.л.).
17. ЭИМ: социальная физика как научная социология Огюста Конта (=3,0 п.л.).
18. ЭИМ: идеология труда К. Маркса (=3,0 п.л.).
19. ЭИМ: социальная инженерия В.И. Ленина (=2,0 п.л.).
20. ЭИМ: инженерия человеческих душ в социальной кибернетике И.В. Сталина (=2,0 п.л.).
21. ЭИМ: трудовая дисциплина ума и воли в педагогической системе А.С. Макаренко (=2,0 п.л.).
22. ЭИМ: задачи любви в генетической этике Вл. Соловьёва (=3,0 п.л.).
23. ЭИМ: философия свободы Н. Бердяева (=2,0 п.л.).
24. ЭИМ: жизнь как живое творчество В.А. Сухомлинского (=2,0 п.л.).
25. ЭИМ: интеллектуальная революция и ее смысл (=2,0 п.л.).

Приложение 2

ПРОГРАММА
исследовательских работ по теме
«Стратегия педагогики: ценности и смыслы»

Раздел I. Интеллектуальные технологии (Homo intellectus)

1. Когнитивные технологии античного мышления: истина древних греков.
2. Численный мир пифагорейцев.
3. Атомы и амеры Демокрита.
4. Идеализм Платона.
5. Логическое и математическое в когнитивных технологиях Аристотеля.
6. Античный космос в терминах Платона.
7. Порядок и хаос в античном космогенезисе и миросозерцании.
8. Физическое и математическое в научном реализме Галилея.
9. Интеллектуальные технологии рационального анализа: Рене Декарт.
10. Интуиция очевидного в рациональном анализе.
11. Энумерация достоверного в рациональном синтезе.
12. Природа доказательства.
13. Истина либерального мышления.
14. Проблема истины в абстрактной и прикладной математике.
15. Математическая организация мышления.
16. Математическая культура и прогресс интеллекта.
17. Интеллектуальные технологии диалектического синтеза: Георг Вильгельм Фридрих Гегель.
18. Метаморфозы истины в духе Гегеля.
19. Сосредоточенное и рассеянное в организации мышления: абстрактное и конкретное.
20. Квантовая экономика Карла Маркса.
21. Социальная инженерия В.И.Ленина.
22. Изобретение и открытие.
23. Технологии квантового мира: Макс Планк.
24. Теория относительности и рационализм: А.Эйнштейн.
25. Инженерные технологии русского полета: небо и космос.

Раздел II. Нравственные ценности (Homo moralis)

1. Семья и любовь.
2. Эгоизм и любовь.
3. Любовь и вера.
4. Вера и правда.
5. Вера и свобода.
6. Рациональная этика Сократа: законы права и законы правды.
7. Нравственная ценность человеческого достоинства.
8. Ценность истины.

9. Ценность денег.
10. Психосинтез ума и воли в рацио-мире Рене Декарта.
11. Истина и вера как крепость и здоровье духа.
12. Функции надежды как смысла жизни.
13. Мир человека в мире Гельвеция.
14. Геометрическая этика Спинозы.
15. Долг как основание нравственности: Иммануил Кант.
16. Когнитивные технологии этики Ницше: трансцендентальный синтез.
17. Духовная генетика Вл. Соловьева.
18. Психосинтез «Я» и «Мы».

Раздел III. Устойчивость личности (Homo stabilis)

1. «Я» как синтез «транс» и «интер».
2. Социальные технологии психосинтеза «я»: благородство и подлость.
3. Идеи и деньги в сознании и поведении.
4. Продажность как принцип.
5. Юродивые особенности стохастического мышления: искушение и соблазн.
6. Функции хаоса в душе человека.
7. Душа человека: интроскопия зла.
8. Homo humus (человек земной).
9. Homo humanus (человек мечты).
10. Наслаждение и долг.
11. Надежда и разочарование.
12. Абдуктивное и аддуктивное в стохастическом изображении.
13. Истина и вера против подкупа и лжи.
14. «Я» и «Мы» в совести и разуме.
15. Долг и свобода в душе человека.
16. Кибернетика сознания по Рене Декарту: принципы морального либерализма.
17. Сомнение как принцип самоорганизации сознания и поведения.
18. Любовь как формула психосинтеза «я»: эгоизм и любовь.
19. Абдуктивные свойства любви.
20. Аддуктивные функции долга.
21. Очарование надежды.
22. Жизнь ученого и ее смысл.

Приложение 3

СПИСОК
публикаций по исследовательской теме
«Стратегия педагогики: ценности и смыслы»
(2011–2016 гг.)

1. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Духовное единство «я» и «мы» в генетической этике Вл. Соловьева // Вопросы гуманитарных наук. 2011. – № 1. – С. 32–34.
2. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Энциклопедия интеллектуального мира: когнитивные технологии Рене Декарта (Часть 1) // Актуальные проблемы современной науки. 2011. – № 2. – С. 38–52.
3. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Энциклопедия интеллектуального мира: когнитивные технологии Рене Декарта (Часть 2) // Актуальные проблемы современной науки. 2011. – № 3. – С. 25–34.
4. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Энциклопедия интеллектуального мира: задачи любви в генетической этике В.С. Соловьева (Часть 1) // Современные гуманитарные исследования. 2011. – № 3. – С. 27–36.
5. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Энциклопедия интеллектуального мира: задачи любви в генетической этике В.С. Соловьева (Часть 2) // Современные гуманитарные исследования. 2011. – № 4. – С. 40–49.
6. Коломейцев А.Е. Идея всеединства в будущем человечества: homo moralis // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всероссийской научной конференции 04 июня 2010 г., Москва / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 176–183.
7. Коломейцев А.Е., Яковлева Л.Е. Духовное формирование личности: любовь как дело истины и веры // Дизайн и технологии. – 2012. – № 29 (71). – С. 112–117.
8. Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е. Когнитивные системы: рационализм и мистицизм. Монография. – М.: ФГБОУ ВПО МГУДТ, 2013. – 150 с.
9. Коломейцев А.Е. Философия образования: функции совести в душе человека // Цивилизация знаний: проблемы и смыслы образования: в 2-х ч.: труды Четырнадцатой Международной научной конференции, г. Москва, 26–27 апреля 2013 г. – М.: РосНОУ, 2013. – Ч. II. – С. 12–13.
10. Коломейцев А.Е. Когнитивные технологии эмоционального мира: истина любви // Философские опыты. – Вып 6: Социальные практики и политический идеал: Сб. научн. тр. / Редкол.: А.П. Алексеев и др.; Сост., отв. ред. Н.В. Гоноцкая. – М.: Полиграф-Информ, 2014. – С. 68–100.

11. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Пространство интеллектуального мира. Часть 1. Рене Декарт. Когнитивные технологии рационального мира: разум, рассудок, здравый смысл (Научно-методическая разработка) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. – Т. 5. Вып.1, ч. 1. 2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-1.2014.31.
12. Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е. Философия образования: рациональное знание: Монография. – М.: ФГОБУ ВПО МГУДТ, 2014. – 140 с.
13. Коломейцев А.Е., Савельев А.Д. Генотип справедливости в древнегреческой общине: правда Сократа // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». Вып. 2. – М.: РосНОУ, 2015. – С. 26–32.
14. Коломейцев А.Е., Меськов В.С., Сабанина Н.Р. Философия любви В.С. Соловьёва: Науч.-метод. изд. – М.: ГАОУ ВПО МИОО, 2015. –142 с.
15. Бицин Я.Х., Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Стратегия образования: наука и рационализм. – София: Interlogos Skepssis, 2015. – 234 с.
16. Коломейцев А.Е., Меськов В.С. Пространство интеллектуального мира. Ч. 2. Мудрость Сократа: Интеллектуальные технологии Античного мира (Научно-методическая разработка) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2015. – Т.8. – Вып. 2. – 2227-9490e-aprovr_e-ast8-2.2015.31.
17. Меськов В.С., Коломейцев А.Е. Энциклопедия интеллектуального мира: космические миры Платона и Демокрита (Ч. 1) // Актуальные проблемы современной науки. 2015. – № 6 (85). – С. 53–64.
18. Коломейцев А.Е. Технологии развития личностного интеллекта: представление и понимание // Цивилизация знаний: российские реалии: труды Шестнадцатой Международной научной конференции, г. Москва, 24-25 апреля 2015 г. – М.: Рос НОУ, 2015. – С. 86–90.
19. Меськов В.С., Коломейцев А.Е. Энциклопедия интеллектуального мира: космические миры Платона и Демокрита (Ч. 2) // Актуальные проблемы современной науки. 2016. – № 1 (86). – С. 39–55.
20. Меськов В.С., Коломейцев А.Е., Сабанина Н.Р. Теологические истоки гуманизма: Бог есть любовь // Современные гуманитарные исследования. 2016. – № 2 (69). – С. 37-40.
21. Маклаков В.В., Меськов В.С., Полтавский А.В., Коломейцев А.Е. Когнитивные практики естественных наук: истина и действительность в моделях Кеплера и Демокрита (Ч. 1) // Вопросы гуманитарных наук. 2016. – № 3 (84). – С. 22-33.
22. Маклаков В.В., Меськов В.С., Полтавский А.В., Коломейцев А.Е. Когнитивные практики естественных наук: истина и действительность в моделях Кеплера и Демокрита (Ч. 2) // Современные гуманитарные исследования. 2016. – № 3 (70). – С. 43–55.
23. Аршинов В.И., Бицин Я.Х., Меськов В.С., Коломейцев А.Е. Трансдисциплинарные пропозиции когнитивных наук: правила рационального метода (Ч. 1) // Актуальные проблемы современной науки. 2016. – № 4 (89). – С. 39–47.
24. Аршинов В.И., Бицин Я.Х., Меськов В.С., Коломейцев А.Е. Трансдисциплинарные пропозиции когнитивных наук: правила рационального метода (Ч. 2) // Вопросы гуманитарных наук. 2016. – № 4. – С. 29–39.
25. Коломейцев А.Е., Меськов В.С., Сабанина Н.Р. Пространство интеллектуального мира. Ч. 3. Владимир Соловьев. Когнитивные технологии нравственного мира: магия любви, истина любви, мудрость любви (научно-методическая разработка) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Т. 12. – Вып. 2. – 2227-9490e-aprovr_e-ast12-2.2016.22.
26. Яковлева Л.Е., Коломейцев А.Е. Когнитивные принципы науки: симметрии и структуры: Монография. – М.: ФГБОУ ВПО «МГУДТ», 2016. – 144 с.
27. Аршинов В.И., Петровский В.А., Коломейцев А.Е., Коломейцева М.А. Когнитивная персонология: принцип закономерности в мире Платона // Вопросы гуманитарных наук. 2016. – № 5 (86). – С. 12–20.
28. Аршинов В.И., Меськов В.С., Петровский В.А., Коломейцев А.Е. Майевтические роды истины и смысла: Сократ и Галилей // Современные гуманитарные исследования. 2016. – № 5 (72). – С. 59–73.
29. Меськов В.С., Плохотников К.Э., Коломейцев А.Е., Коломейцева М.А. Когнитивная педагогика: функции интуиции и дедукции в сознании человека // Педагогические науки. 2016. – № 5 (80). – С. 13–20.
30. Коломейцев А.Е., Яковлева Л.Е. Педагогика как наука: функции представления и понимания в развитии интеллекта // Философия и наука: проблемы соотнесения. Алешинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7–9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т.А. Шиян. – М.: РГГУ, 2016. – С. 256–261.

Корнилов И.К.
д.соц.н., к.т.н., профессор Московского политехнического университета
korniloivan@yandex.ru

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО: НОВЫЕ СМЫСЛЫ

Ключевые слова: *образование, инженер, техническое знание, методы преподавания.*

Общей целью инженерного образования, независимо от направления и профиля специальности, является подготовка студентов к решению сложных технических задач. Подобная целевая установка предполагает соответствующий уровень компетентности. Конечно, высокий уровень компетентности необходим, но не менее важной составляющей обучения является адекватное восприятие студентами социальных задач, стоящих как перед современным обществом, так и перед будущим социумом. А для решения подобных задач необходима структурная модернизация инженерного образования, ориентированная на осознанное стремление будущих специалистов к эффективной инновационной деятельности.

Мотивация студентов, по-прежнему, как и много лет назад, базируется на следующих факторах:

- осознание значительного вклада инженеров в развитие и само существование общества будущего;
- природная любознательность, мечты и фантазии, присущие любому молодому поколению;
- потребность в фундаментальных знаниях, определяющих степень ценности специалиста для любого работодателя;
- глубокое понимание необходимости приобретения базовых умений, навыков и знаний, необходимых для проектирования и эксплуатации сложных технических систем.

Для реализации задач, стоящих перед высшей технической школой будущего, необходимо создание целого ряда условий, без выполнения которых невозможна реализация имеющихся планов, а, следовательно, и успешная подготовка новых инженерных кадров.

Одним из базовых условий является участие конкретных предприятий в реализации тех стандартов образовательного процесса, которые приняты в последние годы. Будущие специалисты, получающие высшее техническое образование, обязаны обладать не только теоретической подготовкой по проектированию и реализации проектов, а также эксплуатации оборудования. Они должны иметь возможность пройти практическую подготовку, заключающуюся не в простом присутствии на предприятии определенный период учебного времени, а в решении реальных производственных проблем, как минимум, в качестве помощника инженера (инженера-стажёра).

В настоящее время в высшей школе существует серьёзное противоречие, тормозящее её развитие как основной институциональной составляющей общества будущего. Это противоречие заключается в увеличивающемся объёме знаний (не только фундаментальных, но и специальных), которые следует усвоить студенту за время обучения; и в то же время будущий инженер обязан уметь работать в команде, то есть обладать значительным числом различных личностных компетенций, позволяющих ему легко адаптироваться в коллективе.

Кроме того, инженеру необходимо постоянно и самостоятельно совершенствовать собственные знания и умения. А для этого следует создавать реально действующие инженерные сообщества, включая собственные профсоюзы, отстаивающие интересы этой важной для любого развитого общества страты – инженеры страны. Государство, если оно хочет действительного развития отечественного производства, должно поддерживать и развивать новые, или просто забытые, социальные структуры. Например, издательства, которые будут издавать широкий спектр различной технической литературы, включая специальные журналы по отраслям.

Если попробовать перечислить основные «параметры», по которым следует оценивать современного инженера, то учитывая многочисленный и разнообразный опыт большого количества организаций и фирм из разных стран, можно сформулировать следующие позиции:

- фундаментальные научные знания (в зависимости от специальности они могут быть различными);
- методология инновационной деятельности (системный подход, методы и приёмы научного и инженерного творчества, патентное право);
- умение разрабатывать проекты и реализовывать их в условиях конкретного производства (как минимум по профилю своей специальности);
- знание методов эффективного управления коллективом, что включает коммуникативные навыки и способность к быстрой адаптации в условиях изменяющихся факторов;
- способность к саморазвитию и самообучению, в том числе способность к рефлексии;
- понимание принципов и канонов инженерной этики, с глубоким осознанием типовых проблемных ситуаций, возникающих в процессе инженерной деятельности.

В связи с вышесказанным могут быть определены основные цели подготовки инженеров. Естественно, образование должно быть направлено на знание основ технических наук. При этом следует ориентироваться на проблемное обучение и концептуальные формы знания, помогающие приобрести студентам навыки системного подхода к решению технических задач. Одновременно необходимо готовить студентов к функции руководства и управления комплексными социотехническими системами, что требует знаний в области психологии межличностных отношений и умений принимать творческие решения в условиях неопределённости. Высшие технические учебные заведения должны готовить студентов в атмосфере осмысленного, глубокого понимания сути современных технологических изменений и их влияния на стратегические направления развития социума.

Переход к реальной практике обучения требует ответа на основной вопрос: какими конкретно знаниями, умениями и навыками должны обладать будущие инженеры? И здесь следует исходить из конечного результата, а именно – с какими задачами столкнётся инженер на практике? Общим ответом может быть следующий – инженер должен быть способен находить не только технически, но и экономически эффективные решения. При этом обязательным условием успешной работы является наличие у него личностных коммуникативных компетенций, позволяющих максимально использовать потенциал коллектива, в котором он работает.

На этапе разработки учебных планов следует учитывать потребности всех участников и потребителей учебного процесса: студенты, преподаватели, отраслевые промышленные предприятия, общество в целом. Поскольку в реальной действительности нет возможности увеличивать сроки обучения и объём получаемых знаний, следует так структурировать учебные планы, чтобы дисциплины, входящие в них, были согласованы и дополняли друг друга. Обязательным, независимо от специализации, должно быть включение в учебный план курсов по «Введению в инженерное дело», в которых с помощью интегрированного подхода необходимо давать через призму всех дисциплин, составляющих содержание учебного плана, общую панораму инженерного дела, с обязательным объяснением роли и значения той или иной дисциплины для решения реальных инженерных задач. Затем должны быть представлены дисциплины, планомерно подводящие студента к возможности самостоятельного выполнения выпускной работы, в которой студент должен продемонстрировать умение разрабатывать проекты и составлять задания по их выполнению в условиях конкретного производства.

Вовлечение студентов непосредственно в процесс обучения – активные занятия, предполагает анализ реальных ситуаций, связанных с их будущей профессиональной деятельностью. Эффективным является комплексное, интегрированное обучение, позволяющее не только отработать навыки и умения по проектированию и эксплуатации технических объектов и систем, но и сформировать универсальные компетенции, ориентированные на успешные межличностные отношения и работу в команде.

Существенную роль в освоении новых знаний играет удачно подобранная система контроля результатов обучения. Очевидно, что кроме традиционно используемых способов контроля (экзамены, презентации и т.п.), необходимы такие способы и приёмы, которые мотивируют студентов не только на получение более высоких баллов (оценок), но и на личностный рост (саморазвитие, самосовершенствование). Для достижения подобных целей следует использовать различного рода анкетирования, самооценки, взаимное (перекрестное) оценивание студентами друг друга.

Несмотря на то, что в целом инженерное образование по-прежнему ориентировано на подготовку к основным видам деятельности, составляющим основные этапы жизненного цикла: составление технического задания, проектирование объектов или процессов, реализация проектов или собственно процесс производства, эксплуатация или потребление результатов промышленного производства, за последние десятилетия возникли новые тенденции, которые следует учитывать в процессе обучения. Эти тенденции сформировались под влиянием таких факторов как смена парадигмы свободного потребления природных ресурсов на парадигму их экономичного использования, развитие международных проектов, предполагающих мобильное использование инженерных кадров, активное развитие большого количества инновационных проектов и соответственно бурный рост предпринимательства.

Значительная часть зарубежных исследователей связывает перспективы инженерного образования с реализацией подхода CDIO (Conceive – Design – Implement – Operate) в соответствии с моделью «Планировать – Проектировать – Производить – Применять».

В рамках данного подхода предлагаются двенадцать стандартов, которые должны определять подготовку будущих инженеров. В таблице 1 приведена краткая информация о назначении данных стандартов.

Таблица 1

Стандарты подхода CDIO

№ стандарта	Цель стандарта	Основная идея стандарта
1	Обоснование нового подхода	Философия CDIO определяет контекст инженерного образования
2	Формулирование знаний, умений и навыков	Планирование результатов обучения
3	Разработка учебного плана	Фиксация междисциплинарных связей
4	Вводный курс	Стимулирование интереса и понимания студентов к процессу обучения
5	Проектная деятельность	Приобретение студентами опыта разработки конкретных проектов
6	Рабочее пространство для инженерной деятельности	Приобретение студентами практических навыков в процессе изучения дисциплин
7	Интегрированное обучение	Освоение инженерных знаний одновременно с приобретением межличностных навыков
8	Активные методы обучения	Мотивация студентов к инициативному включению в процесс обучения

9	Повышение компетентности преподавателей в профессиональной деятельности	Стимулирование повышения квалификации преподавателей
10	Повышение компетентности преподавателей в педагогической деятельности	Совершенствование методов преподавания
11	Оценка обучения	Постоянный контроль результатов учебного процесса
12	Оценка программ обучения	Совершенствование программ обучения

При внедрении проблемно-ориентированного обучения, основанного на проектных заданиях, следует учитывать следующие особенности:

1. Качество обучения и качество проекта, связанного с изготовлением конкретного технического объекта, далеко не равнозначны и требуют периодической корректировки учебных планов в зависимости от реальных запросов будущих работодателей.

2. Для успешной самостоятельной работы студентов над проектами необходимо добиваться такого положения в задании, которое будет соответствовать балансу уже имеющихся знаний студента и знаний, требуемых для проектирования или научно-исследовательской работы.

3. Преподавателям следует переориентироваться с авторитарного метода консультирования студентов на дружески-консультационный способ общения.

4. Удачным вариантом обучения следует считать не только выполнение предыдущих пунктов, но и привлечение консультантов из соответствующих отраслей промышленности, заинтересованных в выполнении подобных проектов.

В целом следует признать наиболее эффективным направлением развития инженерного образования, впрочем, как и вообще любого образования, интегрированный подход к учебному процессу. Для реализации такого подхода необходимо начинать с формулирования конкретных результатов обучения; затем сформировать взаимосвязи и последовательность изложения отдельных учебных курсов, каждый их которых должен быть ориентирован, прежде всего, на конечные результаты подготовки будущих инженеров. Следует максимально широко внедрять активные методы обучения, включающие овладение студентами творческих, инновационных и коммуникационных навыков.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. – СПб.: ИНИР, 2016. – 328 с.
2. Броудер Д., Кроули Э.Ф., Малмквист Й. и др. Переосмысление инженерного образования. Подход CDIO. – М.: Высшая школа экономики, 2015. – 504 с.
3. Корнилов И.К. Основы инженерного искусства. – М.: МГУП, 2014. – 372 с.
4. Корнилов И.К. История и основы инженерного дела. – М.: МГУП, 2016. – 228 с.

Крюкова О.С.
д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru)

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова*: социализация, образовательная политика, социальные нормы, патриотическое воспитание.*
Keywords*: socialization, education policy, social norms, patriotic education.*

К числу традиционных институтов социализации личности относится «институт образования (наряду с институтами семьи и школы)»[1], в широком смысле, и конкретно – школа, которая в нашей стране относительно недавно перешла на новые образовательные стандарты и формы итоговой аттестации, в том числе ГИА, итоговое сочинение и ЕГЭ.

О недостатках и достоинствах ЕГЭ было сказано достаточно. Однако Единый государственный экзамен – это данность, и в рамках современных реалий можно и нужно обсуждать вопрос о том, какое воздействие на формирование личности оказывает этот вид итоговой аттестации. Психологические аспекты подготовки к ЕГЭ связаны с мотивацией учащихся, а также со стрессами, которым подвергаются и выпускники, и педагоги. В то же время этот экзамен является формой жесткой инициации.

Социальные аспекты ЕГЭ связаны не только с потенциальной возможностью социального лифта, которую этот экзамен в идеале должен предоставлять, но и с формированием активной жизненной позиции, нравственных установок и патриотизма. Это в первую очередь относится к ЕГЭ по русскому языку, к ЕГЭ по обществознанию и, в меньшей степени, к ЕГЭ по истории, литературе и иностранным языкам.

ЕГЭ по русскому языку включает творческую часть С, при выполнении которой учащиеся должны после прочтения того или иного текста определить и прокомментировать одну из проблем текста, выявить позицию автора, привести два аргумента, исходя из своего читательского и/или жизненного опыта, и сделать заключительный вывод. При этом необходимо соблюдать этические нормы, а также правила грамматики и т.п. Собственно творческая часть этого задания заключается прежде всего в подборе аргументов.

В числе текстов для анализа можно выделить несколько групп. Это тексты о Великой Отечественной войне; тексты на экологические темы; тексты, содержащие нравственные или социальные проблемы; тексты о современных проблемах русского языка; тексты о роли книг в жизни человека; патриотические тексты; тексты о культуре и искусстве и др.

Ряд экзаменационных текстов публикуется на сайте Федерального института педагогических измерений, отдельные тексты (до тридцати шести типовых экзаменационных вариантов) ФИПИ публикует в сборнике для подготовки к ЕГЭ (серия подобных сборников охватывает различные учебные предметы в формате ЕГЭ)[2]. Этот сборник издается не слишком большим в масштабах всей страны тиражом, что, в совокупности с достаточно высокой ценой, снижает его доступность, особенно в регионах. Это ставит выпускников изначально в неравные условия. Существуют также сборники тренировочных заданий ЕГЭ, которые так же выходят ограниченными тиражами[3]. Впрочем, этот вопрос лежит в плоскости стратегии образовательной политики.

Для усвоения социальных норм и формирования активной жизненной позиции принципиален сам состав текстов для написания рецензии. Для типовых экзаменационных вариантов ЕГЭ по русскому языку 2015–2017 гг. были выбраны отрывки из публицистических статей Д.А. Гранина, Д.С. Лихачева, В.А. Солоухина, В.М. Пескова, а также отрывки из художественных и публицистических произведений о Великой Отечественной войне (представлены такие авторы, как В.П. Некрасов, А.Н. Толстой, Л.А. Кассиль и Б. Васильев). В числе неизменно актуальных текстов на патриотическую тему – отрывки из произведений М.Ю. Лермонтова (очерка «Панорама Москвы») и Н.М. Карамзина. Отрывок из рассказа А.П. Чехова «В аптеке» художественно отображает проблему «маленького человека». Из русских писателей XX в. в сборниках типовых экзаменационных вариантов ЕГЭ по русскому языку представлены также В.В. Набоков, Л.М. Леонов, Ф.А. Абрамов. Составители этих сборников привлекают и тексты, рассчитанные на юношескую аудиторию, в том числе произведения таких известных писателей, как А.Г. Алексин и А.А. Лиханов.

---

[1] Савостова М.Н. Образовательные факторы социализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. – № 1. – С. 57.

[2] См.: ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов / Под ред. И.П. Цыбулько. – М.: Национальное образование, 2015. – 368 с.

[3] См.: Крюкова О.С. русский язык. Тренировочные материалы для подготовки к ЕГЭ. – М.: МГУ, 2010. – 72 с.

Формирование нравственных и гражданских ценностей у учащихся в идеале должно происходить при формулировании позиции автора, представленной в тексте для самостоятельного анализа, и в процессе подбора аргументов для эссе. В сборнике типовых экзаменационных вариантов ЕГЭ по русскому языку содержится некая подсказка для учащихся в виде перечня проблем данного текста и отраженной в данном тексте позиции автора по этим проблемам. Позиция автора, приведенная в справочном разделе сборника типовых экзаменационных вариантов, может представлять собой изречение назидательного характера, например: «Совесть относится к вечным моральным ценностям человека и не зависит от времени, в котором он живет»[1]. Задачей выпускников становится, таким образом, самостоятельный подбор аргументов. При всей условности экзаменационного материала следует констатировать, что во многих экзаменационных текстах содержится описание сложной жизненной ситуации и вариантов поведения человека в этой ситуации. Герой такого отрывка должен сделать нравственный выбор. Подбирая аргументы, выпускник мысленно ставит себя на место этого героя.

В ЕГЭ по обществознанию на формирование гражданской позиции направлены задания 21–24, предполагающие творческую работу с текстом социально-гуманитарной направленности.

ЕГЭ по литературе предлагает выпускникам ряд вопросов тестового характера, четыре мини-сочинения (5–10 предложений) и одно сочинение, рассчитанное на 300 слов. Одно из мини-сочинений содержит достаточно сложный вопрос, т.к. выпускники должны привлечь для сравнительного анализа большой корпус текстов. Учащимся, например, может быть предложен отрывок из «Слова о полку Игореве», при этом, помимо вопросов терминологического характера, нужно ответить на вопрос: «А в каких еще произведениях русской литературы XIX–XX вв. присутствуют черты воинской повести?» При ответе на этот вопрос уместно привлечь не только произведения М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого о войне 1812 г., но и произведения русской литературы XX в., посвященные Великой Отечественной войне.

Казалось бы, подобные задания призваны воспитывать патриотизм, формировать активную гражданскую позицию. Но позволяет ли это сделать школьная программа? Если ЕГЭ по русскому языку предполагает использование читательского опыта, то ЕГЭ по литературе опирается на определенный состав произведений.

В Федеральном образовательном стандарте среднего общего образования рекомендованы к изучению произведения не менее трех авторов второй половины XX века по выбору. В рекомендуемый перечень авторов (а выбор произведений – на усмотрение педагогов и учащихся) вошли следующие писатели: Ф. Абрамов, Ч. Айтматов, В. Астафьев, В. Белов, А. Битов, В. Быков, В. Гроссман, С. Довлатов, В. Кондратьев, В. Некрасов, Е. Носов, В. Распутин, В. Тендряков, Ю. Трифонов, В. Шукшин. Выбор произведений не предусматривает обязательное изучение произведений о Великой Отечественной войне. Можно выбрать интеллектуальную и «городскую» прозу, то есть А. Битова и Ю. Трифонова. Андрей Битов труден для понимания школьников, поскольку его многие произведения написаны в постмодернистском ключе и их восприятие требует серьезной гуманитарной эрудиции.

Из упомянутых авторов произведения о войне есть у Виктора Астафьева (повесть «Пастух и пастушка», роман «Прокляты и убиты»), Василия Гроссмана (роман «Жизнь и судьба»), Вячеслава Кондратьева (повесть «Сашка»), Виктора Некрасова (повесть «В окопах Сталинграда»). Повесть Е. Носова «Усвятские шлемоносцы» описывает несколько дней сенокоса 1941 г., до начала Великой Отечественной войны. Пахарь станет воином, но это еще не вся военная тема. В тетралогии Федора Абрамова «Братья и сестры» (причем не во всех частях, разумеется), а также в повести Валентина Распутина «Живи и помни» речь идет о жизни деревни во время войны, о трудовом фронте Великой Отечественной. Произведения В. Гроссмана и В. Некрасова с большим трудом дошли до читателя, неоднозначно оценивались критикой. Роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты» неоднозначно оценивается не только литературной критикой, но и ветеранами. Из всех названных авторов представителем именно военной прозы является только Василь Быков, но это же белорусский писатель!

Можно также высказать предположение, что вместо объемного произведения В. Гроссмана, которое увидело свет лишь в 1980-е гг., школьник выберет один из рассказов В. Шукшина, причем самый маленький. Это ни в коей мере не умаляет художественных достоинств прозы Шукшина, но о войне выпускник современной школы, руководствуясь приведенным списком авторов, узнает немного. Более того, выпускник ознакомится с весьма спорными концепциями национального характера, узнает о предательстве, но не увидит подлинного героизма.

В списке образовательного стандарта не нашлось места ни повестям Б. Васильева «А зори здесь тихие» и «В списках не значился», ни роману Ю. Бондарева «Горячий снег», ни роману А. Фадеева «Молодая гвардия», ни «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, ни «Блокаде» А. Чаковского. Место «настоящего» человека занял человек сомневающийся, рефлексирующий и дезертир (Андрей Гуськов в повести В. Распутина «Живи и помни») или даже предатель (Рыбак в повести В. Быкова «Сотников»). Упомянутые произведения В. Распутина и В. Быкова затрагивают серьезные нравственные проблемы, их нужно изучать в школе, но где же образцы мужества и героизма?

В федеральный стандарт все же попали отдельные главы (например, «Переправа») из поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин», несколько стихотворений о войне (опять же по выбору), а также рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека». И роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир» тоже в программе (однако уже высказываются, причем с самой высокой трибуны, идеи об исключении этого произведения из программы средней школы), а ведь в этом произведении как раз говорится и о «дубине народной войны», и о «скрытой теплоте» патриотизма, и о патриотизме истинном и ложном. Читая Толстого, можно понять, что патриотом является не тот, кто бьет себя в грудь, произнося громкие фразы, а тот, кто скромно делает свое дело. Патриоты – это Тушин и Тимохин, а не штабные офицеры. Но эти

[1] ЕГЭ. Русский язык: типовые экзаменационные варианты: 36 вариантов / Под ред. И.П. Цыбулько. – М.: Национальное образование, 2015. – С. 351.

страницы нужно прочитать под опытным руководством педагога, а не просмотреть в Интернете в кратком изложении! Нужно не только видоизменять ЕГЭ по литературе, что предполагается в дальнейшем, но и совершенствовать федеральные образовательные стандарты.

Таким образом, ряд заданий по гуманитарным предметам Единого государственного экзамена (прежде всего по русскому языку), помимо задачи проверки компетенций выпускника, имплицитно направлен на формирование гражданской позиции молодых людей и воспитание патриотизма. Объясняя, «что такое хорошо и что такое плохо» на конкретных жизненных примерах, тексты подобных заданий дают образцы высоконравственного поведения и порицают негативные тенденции в жизни, разъясняя, как следует поступать в данной ситуации и как не следует, что, в конечном счете, и является одним из инструментов социализации личности.

Матюшенко С.В.
д.п.н., доцент, профессор кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *российское образование, педагогическая деятельность, интеллектуальная собственность, инновационное развитие.*

В условиях современного социально-экономического развития российского общества, а именно его модернизации, открываются новые возможности для осмысления всего того ценного, что накоплено российской педагогической мыслью, чтобы превратить его в фактор инновационного развития российского образования. В данном случае обоснованным, на наш взгляд, становится выявление интеллектуальной собственности в педагогике как в науке, активно занимающейся решением задач, связанных не только с интеллектуальным потенциалом человека и общества, но и способствующей их развитию.

Российская педагогическая мысль, обобщая опыт развития педагогики, свидетельствует, что последняя является равноценной наукой среди существующих отраслей интеллектуальной деятельности, именно поэтому мы можем говорить о ее результативности при обучении, воспитании, развитии и образовании людей. Мы должны ясно представлять себе значимость этого для жизнедеятельности общества.

Результатами педагогической деятельности являются педагогические достижения. Часто различного рода педагогические находки рассматриваются как отдельные успехи педагога в его деятельности, но если бы они не были рациональными, оптимальными, не улучшали учебный и воспитательный процессы, то педагогика не смогла бы не только непрерывно развиваться, но и совершенствоваться. Именно поэтому мы считаем, что ***в педагогике имеются достижения, которые можно отнести к интеллектуальной собственности.*** По нашему мнению, *педагогической интеллектуальной собственностью могут быть признаны результаты творческой деятельности педагога в виде педагогического достижения, в дальнейшем способствующие прогрессивному развитию человека путем обучения, воспитания и образования*[1].

Основаниями для ее выделения в современном мире будут следующие моменты:

– педагоги, как представители интеллектуальной профессии, стабильно занимающиеся интеллектуальным трудом и показывающие хорошие результаты интеллектуальной деятельности, имеют право на закрепление своих достижений как интеллектуально значимых для общества;

– появилась определенная группа фактов педагогической материи (технологий обучения и воспитания[2], образовательного продукта[3] и др.), имеющих близкое к интеллектуальной собственности содержание, которые объединяются в самостоятельное явление как отдельную форму интеллектуальной собственности.

Анализ немногих существующих работ по вопросу интеллектуальной собственности в педагогике показывает, что данная тема исследована недостаточно. Тем не менее, идея об интеллектуальной собственности в российской педагогике не нова.

Анализ работ показывает, что идеи о наличии интеллектуальной собственности в педагогике высказываются как прямо, так и косвенно. Это дает нам основание осуществить научную обработку мнений об интеллектуальной собственности в педагогике по двум направлениям: анализ непосредственных и опосредованных высказываний. При этом к первому направлению будут отнесены все работы, в которых идея об интеллектуальной собственности в педагогике преподносится в качестве постулатов, а ко второму направлению – те источники, в которых через какие-то педагогические категории обозначается такая идея.

Начнем описание источников с *непосредственных высказываний об интеллектуальной собственности в педагогике.* Первое такое высказывание появилось в первом номере журнала «Педагогика» в 1991 г. В.В. Белич в статье «Авторское право педагога-исследователя»[4] на основании «Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях» предлагает ввести понятие «педагогическое изобретение». Им названы основные признаки такого изобретения, раскрыты условия, при которых педагогическое достижение можно отнести к педагогическому изобретению, определены даже виды последнего. По его мнению, в квалификационных научных работах по педагоги-

---

[1] Матюшенко С.В. Интеллектуальная собственность как педагогическое явление // Омский научный вестник. 2009. – № 2. – С. 144.

[2] Матюшенко С.В. Процессы, обеспечивающие создание интеллектуальной собственности в педагогической деятельности // Омский научный вестник. 2009. – № 5. – С. 125–129.

[3] Щетинин В.П. Научные подходы к экономике образования // Педагогика. – М., 1996. – № 1. – С. 12–17.

[4] Белич В.В. Авторское право педагога-исследователя // Педагогика. – М., 1991. – № 1. – С. 40–45.

ке должны содержаться педагогические изобретения. Таким образом, он не только выдвинул идею о возможности существования авторских прав педагогов на свои достижения, но и пропозиционировал ее.

Следующее высказывание о наличии интеллектуальной собственности в российской педагогике прозвучало через пять лет. 10 января 1996 г. в газете «Учительская газета» было высказано мнение о том, что «учителя обладают интеллектуальной собственностью». А в приложении к «Учительской газете» («Открытый урок» за февраль 1996 г.) был дан перечень педагогических наработок в начальной школе, которые, по мнению автора Ю. Конова, можно отнести к интеллектуальной собственности[1]:

– части системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова;

– организационный механизм и методика обучения грамоте по методу Д.Б. Эльконина, разработанный Г.А. Цукерман;

– элементы методики Г.Г. Микулиной по обучению математике в 1 классе;

– новые разделы методического руководства для педагогов, работающих по методике И.И. Аршковой (математика, 2 класс);

– новые разделы методических рекомендаций по обучению естествознанию во 2 классе по Н.Я. Дмитриеву;

– новые разделы методических рекомендаций по обучению русскому языку в 3 классе по А.В. Полякову;

– основные положения методических рекомендаций З.И. Романовской по обучению чтению во 2 классе из серии «Методика развивающего обучения Л.В. Занкова»;

– способ, методику и технику определения ведущей руки ученика, разработанные М.Г. Князевой, В.Ю. Вильдавским;

– методика эстетического и нравственного воспитания учащихся в период становления почерка по Е.Н. Потаповой.

Таким образом, автор статьи не только сумел оценить высокое качество приведенных им педагогических достижений, но и зафиксировал уровень достигнутых педагогами результатов как уровень интеллектуальной собственности.

В декабре 1997 г. на международной конференции «Интеллектуальная собственность и формы ее реализации», проходившей в Нижнем Новгороде, были предложены к заслушиванию четыре выступления по проблеме «Интеллектуальная собственность в образовании»: Д.А. Дороничева, Н.Н. Калинкиной, Р.С. Лукьяновой и О.И. Фокиной[2]. Оценивая данные сообщения, можно отметить единодушие авторов в том, что «интеллектуальная собственность распространяется на все сферы человеческой деятельности, в том числе и на образование». Суммируя мнения авторов об интеллектуальной собственности в образовании, можно утверждать, что они трактуют ее «как способность преподавателя читать лекции, проводить семинарские занятия, лабораторные работы, консультации»; отмечают, что «педагог-творец создает конкретную педагогическую инновацию, как образовательную услугу»; показывают, что «образовательная интеллектуальная собственность не меняет своих владельцев, а только приумножает число пользователей»; перечисляют ее специфические виды, выступающие в форме дидактических материалов (авторские программы, учебники, методические пособия, сценарии, опорные конспекты, задачи и упражнения и др.)

Продолжил разрабатывать данную тему Е.Г. Воробьев. Он проводит идею о том, что «творческая деятельность гуманитарных вузов приводит к производству интеллектуальной собственности»[3]. Интеллектуальная собственность при этом выглядит как учебные и научные произведения.

Анализ произведений гуманитарных вузов он производит с точки зрения возможности их отнесения к интеллектуальной собственности и обозначения конкретных видов произведений как объектов интеллектуальной собственности. Соотнеся признаки произведений, созданных в гуманитарных вузах, с признаками интеллектуальной собственности, он отмечает, что «основные признаки интеллектуальной собственности, такие как “существование на определенном носителе, результат творческой деятельности, восприятие людьми и копируемость, отчужденность от автора», присутствуют в учебных и научных произведениях гуманитарных вузов.

Критерий назначения произведения лежит в основании классификации Е.Г. Воробьева и по нему он выделяет научные и учебные произведения. К научным произведениям автор относит: монографии, сборники научных статей, диссертации, периодические вузовские издания. Учебные произведения подразделяются им на письменные (учебники, учебные пособия, учебные материалы, курсы лекций, альбомы схем, рефераты, курсовые и дипломные работы, обучающие программы), устные (лекции, доклады, сообщения, групповые занятия) и аудиовизуальные (учебные диафильмы, слайды, видео- и аудиоматериалы).

Интересна его мысль об устной словесной форме учебного произведения. Он считает, что «лекции, доклады, сообщения и групповые занятия с учащимися являются совместной творческой деятельностью педагога и коллектива обучающихся», и на этом основании эти формы он относит к явлению соавторства. Таким образом, мы видим, что Е.Г. Воробьев предпринял попытку доказать, что в образовательном учреждении педагогами тоже создается интеллектуальная собственность.

---

[1] Конов Ю. Богач-бедняк // Учительская газета. – М., 1996. – 10 января; Конов Ю. Богач-бедняк // Открытый урок: приложение к «Учительской газете». – М., 1996. – № 1, февраль. – С. 4–5.

[2] Интеллектуальная собственность и формы ее реализации: мат-лы междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 25–27 декабря 1997 г.) / Под общ. ред. проф. И.И. Столярова, проф. Ю.В. Трифонова, доц. Л.В. Новокшоновой. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.

[3] Воробьев Е.Г. Право интеллектуальной собственности в гуманитарных вузах // Интеллектуальная собственность: современные правовые проблемы. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1998. – С. 92.

Первое практическое достижение в этом направлении нам показывает З.Ф. Мазур. Он произвел анализ средств обучения как интеллектуальной собственности в педагогике на основе практического опыта получения патента на полезные модели, используемые в процессе обучения в средней школе[1].

Постепенно идея существования интеллектуальной собственности в педагогике становится все более популярной. В сборнике «Международное сотрудничество в образовании» (Санкт-Петербург, 2002 г.) демонстрируется убеждение в наличии данного явления (М.В. Воронов, П.В. Герасименко, В.Г. Дегтярев, Т.А. Макарова)[2]. А в передовой статье «Российской академии образования – 60 лет»[3] уже отмечается, что пора внедрять полученные интеллектуальные результаты педагогической деятельности на планомерной основе. Продолжена данная тема была в статье В.П. Симонова, опубликованной в шестом номере журнала «Педагогика» за 2004 г.[4]. Говоря об «интеллектуальном продукте в науке», автор статьи обращает внимание на возможность существования его в педагогике с помощью оценки эффективности педагогической деятельности по ее результативности.

С 2005 г. в исследование данной проблемы включились и юристы. Рассуждая о правовом статусе объектов интеллектуальной собственности в образовательном процессе, А. Бердашкевич пишет, что «результаты, продукты и средства творческой деятельности в области образования представляют собой объекты интеллектуальной собственности, которые могут быть предметом авторских, смежных или патентных прав»[5]. При этом он различает правовое обеспечение образовательных услуг и учебных материалов. Обратим внимание на то, что его статья была подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 05-03-03417а. Это свидетельствует о том, интерес к интеллектуальной собственности в педагогике не только проявился, но и начал обретать черты долгосрочных научных изысканий.

Характеристика идей об интеллектуальной собственности в российском образовании через *опосредованные высказывания об интеллектуальной собственности в педагогике* будет осуществлена нами по нескольким позициям, определившимся в ходе анализа источников.

Позиция 1. «Соотношение видов педагогического опыта и интеллектуальной собственности». С этой точки зрения рассмотрим труды Я. С. Турбовского[6]. Во всех своих работах, посвященных педагогическому опыту, он определяет его динамику от «педагогического рационализаторства» до «педагогического изобретения», тем самым утверждая, что педагогический опыт – не только воплощение деятельности педагога, но и его реальные, объективные и качественно новые достижения, обладающие признаками интеллектуальной собственности.

Позиция 2. «Соотношение педагогического мастерства и интеллектуальной собственности». Отмечая, что «мастерство педагога – это высший уровень осуществления педагогической деятельности»[7], часть исследователей склонна обозначить достижения педагога на этом уровне как обладающие абсолютной новизной, объективностью, высокой результативностью и возможностью повторения, тем самым фиксируя у них несколько ключевых признаков интеллектуальной собственности. К сожалению, явного указания на интеллектуальную собственность мы здесь не увидели, но утверждение о том, что «у отдельных педагогов есть разработанные индивидуальные методические системы», косвенно позволяет нам такие системы обозначить как отдельные объекты интеллектуальной собственности в педагогике.

Позиция 3. «Соотношение видов педагогического творчества и интеллектуальной собственности». Данную позицию демонстрирует известный российский педагог В.И. Загвязинский[8] Он анализирует педагогическое творчество по «своему объективному смыслу» и в качестве характеристики результатов педагогического творчества использует, хотя и условно, такие классические термины интеллектуальной собственности, как «открытие», «изобретение» и «усовершенствование», что свидетельствует о сложившемся мнении ученого в отношении того, к чему по итогам педагогической деятельности можно отнести педагогические достижения.

Позиция 4. «Соотношение профессионального роста учителя и интеллектуальной собственности». И.Ф. Харламов, оценивая профессиональный рост учителя, определяет четыре его ступени, и считает, что на последней ступени, такой как «педагогическое новаторство», есть место настолько новому и прогрессивному, что тогда: «новаторство в педагогической работе, как и в других областях человеческой деятельности есть подлинное открытие, важное изобретение, и его нужно было бы отмечать специальными дипломами и соответствующими свидетельствами»[9]. Данная цитата позволяет нам считать, что мнение этого ученого-педагога определяет уровень педагогических достижений на ступени «новаторство» как уровень интеллектуальной собственности.

---

[1] Мазур З. Ф. Научно-педагогические основы проектирования средств и технологий интеллектуальной собственности в сфере образования: автореф. дис. … д-ра пед. Наук. – М., 1998.

[2] Международное сотрудничество в образовании: мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2002. – Ч. 1.

[3] Российской академии образования – 60 лет // Педагогика. – М., 2003. – № 7. – С. 3–13.

[4] Симонов В.П. Оценка интеллектуального продукта в науке // Педагогика. – М., 2004. – № 6. – С. 26–30.

[5] Бердашкевич А. Правовой статус объектов интеллектуальной собственности в образовательном процессе // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2005. – № 9. – С. 11.

[6] Турбовский Я.С. Изучение опыта – направление развития педагогической науки в современных условиях // Изучение и обобщение педагогического опыта: сб. науч. тр. / Под ред. Я.С. Турбовского и др. – М.: Изд-во АПН СССР, 1990. – С. 5–17; Турбовский Я.С. Соотношение новаторского и массового педагогического опыта / Я.С. Турбовский, А.М. Цирульников // Изучение и обобщение педагогического в условиях реформы школы: сб. науч. тр. / Под ред. Я.С. Турбовского. – М.: АПН СССР, 1986. – С. 27–40.

[7] Баткина И.Б. Педагогическое мастерство преподавателя высшей школы как социокультурное явление. – Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 1996. – С. 12.

[8] Загвязинский В.И. Педагогическое мастерство. – М.: Педагогика, 1987; Загвязинский В.И. Педагогическое творчество учителя. – М.: Педагогика, 1988. – С. 70–75.

[9] Харламов И.Ф. О педагогическом мастерстве, творчестве и новаторстве // Педагогика. – М., 1992. – № 7–8. – С. 15.

Позиция 5. «Соотношение новшеств, новаций, инноваций и интеллектуальной собственности». Предположения о том, что новшества, новации и инновации отражают качественный уровень преобразования педагогической практики явно не свидетельствуют о том, что именно их можно отнести к интеллектуальной собственности в образовании, но при прочтении источников, содержащих информацию о новшествах, новациях и инновациях, часто встречаются как малые, так и большие перечни особых педагогических достижений, которые по своему уровню достойны называться интеллектуальной собственностью. Приведем примеры.

В 1991 г. в газете «Учительская газета» (№ 41) была опубликована статья Ю. Рюрикова[1]. В ней автор приводит внушительный список (48 наименований) новшеств, выявившихся, по его мнению, в процессе осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы (1984 г.). Если произвести первичный анализ данного перечня с точки зрения интеллектуальной собственности, то далеко не все обозначенные в нем педагогические новшества мы можем назвать педагогической интеллектуальной собственностью, ввиду того, что не подлежат охране «подходы», «концепции» и «идеи» (п. 5 ст. 1259 ГК РФ) (таких позиций в перечне 21). Но если произвести анализ статьи с позиции того, что старые явления начинают изучаться с помощью нового инструментария, такого как отнесение результатов интеллектуальной деятельности к интеллектуальной собственности, то оценка всех педагогических новшеств, о которых упоминает Ю. Рюриков, показывает, что они действительно настолько оригинальны, объективны и высокорезультативны, что мы можем говорить о том, что такие новшества действительно могут быть объектами интеллектуальной собственности в педагогике.

Подтверждение такой взаимосвязи находим мы и у В.И. Беляева[2], когда рассуждая о новациях и инновациях, он отмечает, что явным признаком новизны в данном случае служат уникальность и авторство педагогической методики или разработки. Подкрепляет он свои теоретические выкладки интеллектуальным анализом педагогического опыта Ш.А. Амонашвили, В.Ф. Шаталова, И.П. Волкова и Е.Н. Ильина, отмечая, что их инновации не только создали инновационную педагогику, но и настолько усовершенствовали и модернизировали педагогическую практику, что стоит говорить о принципиальных педагогических достижениях, сыгравших огромную роль в развитии не только педагогики, но и общества.

Таким образом, можно считать, что многие новшества, новации и инновации в сфере педагогики по своим характеристикам часто достойны называться педагогической интеллектуальной собственностью.

Позиция 6. «Соотношение образовательных услуг и интеллектуальной собственности (как интеллектуального товара)». В.П. Щетинин в своей статье «Научные подходы к экономике образования»[3] рассматривает понятие «образовательные услуги», принятое на законодательном уровне, относительно сферы интеллектуальной собственности. Считая «образовательные услуги разновидностью экономических услуг», он определяет их как «особый вид интеллектуального товара, создаваемого в отрасли в виде знаний, умений и навыков для удовлетворения образовательных потребностей личности». Он считает, что такой товар есть разновидность интеллектуальной собственности, только особого вида, так как знания, методические приемы и разработки педагога определяют в данном случае качество образовательных услуг. Таким образом, данный автор рассматривает идею об интеллектуальной собственности в образовании в виде интеллектуальной собственности как интеллектуального товара.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сказать, что в опосредованных высказываниях об интеллектуальной собственности в педагогике содержится информация, позволяющая утверждать, что определенные достижения педагогической деятельности трактуются некоторыми исследователями как результаты интеллектуальной деятельности, и в определении их статуса используется терминология интеллектуальной собственности.

Представляет интерес анализ идей об интеллектуальной собственности в педагогике на основе хронологического принципа. Как уже было отмечено, с 1986 г. появляются научные работы, в которых можно встретить идеи об интеллектуальной собственности в педагогике. Таким образом, можно констатировать, что еще до начала исследования российскими юристами интеллектуальной собственности, педагогами были предприняты попытки произвести оценку педагогических новшеств как результатов интеллектуальной деятельности.

Относительно тенденций появления непосредственных и опосредованных высказываний об интеллектуальной собственности в педагогике можно заметить, что источники, содержащие непосредственные высказывания об интеллектуальной собственности в педагогике, появилась почти на пять лет позже, чем публикации, в которых можно увидеть опосредованные высказывания на эту тему, и совпали по времени с официальным началом развертывания исследований по интеллектуальной собственности в нашей стране (1991–1993 гг.).

Итак, научное осмысление интеллектуальной собственности в российской педагогической науке интенсивно началось с 1986 г. По нашему мнению, два исторических события оказали на это влияние – начавшаяся реформа общеобразовательной и профессиональной школы (апрель 1984 г.) и начавшаяся перестройка (апрель 1985 г.)

В течение двух последующих десятков лет идеи об интеллектуальной собственности в педагогике по-прежнему высказывались, и если суммировать все выше описанные варианты высказываний об интеллектуальной собственности в педагогике, то можно сделать следующие выводы:

1. В российской педагогике имеются достижения, которые можно отнести к интеллектуальной собственности.

2. Педагогические достижения могут иметь статус «педагогического открытия», «педагогического изобретения», «педагогического рационализаторства» или «педагогического усовершенствования».

---

[1] Рюриков Ю. Педагогическая революция: ключ ключей // Учительская газета. – М., 1991. – № 41.

[2] Беляев В.И. Педагогика А. С. Макаренко: традиции и новаторство. – М.: Изд-во МИЭПУ, 2000.

[3] Щетинин В.П. Научные подходы к экономике образования // Педагогика. – М., 1996. – № 1. – С. 12–17.

3. Появляются интеллектуальные педагогические достижения на самом высоком уровне профессионализма педагога, таком, например, как новаторство.

4. Объектами интеллектуальной собственности в педагогике могут стать научные и учебные произведения, средства обучения, воспитания и развития, а также образовательные услуги.

Вместе с тем, несмотря на то, что сегодня интеллектуальная собственность в общественном сознании и поведении перестала быть химерой и обрела законодательную базу в виде Части IV Гражданского кодекса Российской Федерации, интеллектуальная собственность в педагогике по-прежнему определяется на уровне идеи. В этих условиях крайне важно показать наличие интеллектуальной собственности в педагогике, поэтому их констатация – существенный шаг в определении места и роли педагогических достижений в системе тех факторов, которые не только определяют интеллектуальную картину жизни современного российского общества, но и позволят сделать рывок в интеллектуальное будущее.

Наличие интеллектуальной собственности в российской педагогической науке может быть подтверждено следующим образом. Во-первых, путем проведения эмпирических исследований с помощью процесса констатации. Во-вторых, значимостью исторических педагогических фактов. Под историческим фактом принято понимать «знание, достоверность которого доказана историей». В нашем случае историческими фактами могут выступать представления об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке конца XX в., содержащиеся в педагогических источниках. В нашем случае существенными педагогическими источниками, в публикациях которых можно обнаружить искомое, являются педагогические издания, архивы, материалы аттестаций и т.д.

Ведущим методом выявления представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке, мы считаем, должен стать метод контент-анализа как «качественно-количественного изучения текста».

Композиционно схема такого выявления представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке включает в себя первый этап в виде фиксирующих вариантов, второй этап в виде аналитических вариантов и третий этап в виде констатирующих вариантов.

На первом этапе необходимой оказывается *фиксация* по педагогическим источникам представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке, чтобы *зарегистрировать их наличие.* Далее стоит задача *определения* сущности и видов выявленных представлений для того, чтобы сложилось понимание их сходства и различия, разъяснились их содержание и смысл.

На втором этапе исследования, прежде всего, предполагается проведение *анализа* выявленных представлений об интеллектуальной собственности по двум аспектам: по педагогам-авторам достижений и по самим педагогическим достижениям. Такой анализ необходим для фактологического подтверждения того, что представления об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке действительно отражают педагогическую интеллектуальную собственность, так как в них описываются конкретные педагогические достижения, созданные конкретными педагогами, и используемые в педагогической деятельности.

Поэтому анализ выявленных представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке должен включать в себя: по педагогам-авторам достижений – определение их социального статуса, места проживания авторов, гендерные различия, фиксацию имени; по самим педагогическим достижениям – место его создания, отнесенность к направлению педагогической деятельности, предназначенность для конкретной учебной дисциплины и классового порога. Такой анализ даст нам обоснованное определение того, кто, где, когда, для кого и какие создал педагогические достижения, позволит выявить педагогов, работающих в этом направлении, и скомпоновать фонд педагогических достижений, возникших в исследуемый период как интеллектуальная собственность.

Следующим шагом второго этапа эмпирического исследования должна стать *оценка* выявленных представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке рассматриваемого периода. Она необходима для совмещения сущности данных представлений с имеющейся терминологией интеллектуальной собственности, определенной нами при фиксации представлений об интеллектуальной собственности по формальному признаку, позволяющей судить о том, насколько развит процесс интеллектуализации тех педагогических достижений, которые мы выявили; а также определения степени оформленности зафиксированных нами педагогических достижений на предмет их отнесения к объектам интеллектуальной собственности. Такое оценивание позволит нам достаточно полно раскрыть сопряженность интеллектуальной собственности и педагогических достижений и укрепить понимание того, что в педагогике имеются достижения, которые можно отнести к интеллектуальной собственности и определить как фактор инновационного развития российского общества.

На третьем этапе произойдет составление *картины развития представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке.* Составление данной картины необходимо для определения внутренней и внешней динамики этого процесса, степени объективизации зафиксированных педагогических достижений, тенденций проявления представлений об интеллектуальной собственности, соотношения с развитием представлений об интеллектуальной собственности в других науках. Появление такой картины развития представлений об интеллектуальной собственности в российской педагогической науке обозначит его место педагогической интеллектуальной собственности в процессе модернизации России на современном этапе.

Махова О.А.
к.э.н., доцент кафедры статистики Российского экономического университета
Makhova.OA@rea.ru

РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТАТИСТИКИ

Ключевые слова: *инклюзивное образование, Конвенция о правах инвалидов, инвалиды, дети с ограниченными возможностями.*

Keywords: *inclusive education, Convention on the rights of persons with disabilities, persons with disabilities, children with disabilities.*

За последние двадцать лет в России и в мире наблюдается тенденция увеличения численности детей-инвалидов. Согласно мировым исследованиям, более чем 500 миллионов человек в мире являются инвалидами в результате умственных, физических или сенсорных дефектов; в среднем в мире около 2,5% детей имеют существенные нарушения здоровья и еще около 8% – трудности с поведением или (и) обучением. В России доля детей-инвалидов в общей численности инвалидов возросла с 4,0% в 2010 году до 4,8% к 2015 году, также увеличилась численность детей-инвалидов приходящихся на 1000 детей: с 20 человек на 1000 детей в 2010 году до 22 ребенка на 1000 детей в 2015 году[1].

Указанные тенденции обусловили переход от медицинского понимания сущности инвалидности к социальному, необходимость смещения акцентов политики в сторону профилактики инвалидности и создания условий для интеграции инвалидов в общество, учета их потребностей и использования возможностей лиц с инвалидностью в различных сферах жизни общества. На решение данных проблем были направлены Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая в 1981 году по итогам Международного года инвалидов, Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, принятые в 1993 году Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН), а также принятая ООН в 2006 году Конвенция о правах инвалидов[2], ратифицированная Российской Федерацией в 2012 году. Конвенция о правах инвалидов как последний специализированный и всеобъемлющий договор, признающий права человека инвалида и закрепляющий социальную и правозащитную модель инвалидности, определила ряд особенностей современной государственной социальной политики в отношении к детям-инвалидам и детям с ограниченными возможностями, среди которых особое место занимает такой принцип социальной политики как социальная инклюзия. Прежде всего, это означает включение детей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями в общество, в образование, расширение их доступа к социальным благам и услугам. Инклюзия связана и с преодолением дискриминации по полу, возрасту, здоровью, этничности и каким-либо другим признакам. Законодательно закрепляется принцип недопущения дискриминации по признаку инвалидности. Любой отказ человеку с инвалидностью в обеспечении какой-то услуги или приспособления теперь трактуется как дискриминация и может быть обжалован в судебном порядке.

Законодательство Российской Федерации в сфере образования в этой связи также предусматривает гарантии равных прав на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов. Новый Закон «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ), призванный заменить два базовых закона: «Об образовании» (1992 год) и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996 год), впервые на государственном уровне определил особенности обучения граждан с выдающимися способностями, иностранцев, лиц без гражданства и получение образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. В Законе нашел отражение ряд положений Конвенции ООН о правах инвалидов, устанавливающих право на инклюзивное обучение. Так в статье ст.79 Закона «Об образовании в Российской Федерации» приоритет отдается инклюзивному образованию, когда предоставляется возможность всем учащимся в полном объеме участвовать в жизни коллектива детского сада, школы, института, в дошкольной и школьной жизни, то есть предполагается обучение детей с ограниченными возможностями не в специализированном, а в обычном учебном заведении. При этом не исключаются возможности получения образования и в специальных учреждениях[3].

С 1 сентября 2016 года вступил в силу Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

---

[1] Кучмаева О.В., Садовникова Н.А., Махова О.А., Трансформация системы образовательных учреждений для детей-инвалидов // Научное обозрение. 2016. – № 21. – С. 109–115.

[2] Конвенция о правах инвалидов – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/

[3] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – http://zakonobobrazovanii.ru/

Трансформация системы образования в России характеризуется значительным увеличением числа воспитанников-инвалидов, посещающих организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми[1]. Их число в 2015 году составило 60551 чел. (табл. 1), что на 53% больше по сравнению с 2011 годом и на 11% по сравнению с 2014 годом. Отметим, что в эти же годы рост коснулся всех категорий воспитанников, посещающих данные учреждения, поэтому доля детей-инвалидов в общей численности воспитанников изменилась незначительно, увеличившись с 0,7 до 0,8%.

Таблица 1

Численность воспитанников-инвалидов, посещающих организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (на конец года)

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Численность воспитанников-инвалидов, человек	39 604	42 029	46 456	54 691	60 551
в процентах от общей численности воспитанников, посещающих организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8

В 2015 году лишь 29% детей-инвалидов в возрасте 0–7 лет посещали организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, причем в основном это дети 5–7 лет и старше. Так, по данным за 2015 год лишь 5,5% воспитанников с инвалидностью были в возрасте до 3 лет, 33,6% – в возрасте 3–4 года и 60,9% – в возрасте 5 лет и старше.

Среди детей в возрасте 3–8 лет около 60% посещают дошкольные или общеобразовательные учреждения. Большая часть – детский сад (26,5%) или общеобразовательное учреждение (20,0%). Среди причин, по которым дети-инвалиды и дети, страдающие хроническими заболеваниями, в возрасте 3–8 лет, не посещают дошкольное (или общеобразовательное) учреждение в первую очередь выделяется состояние здоровья (87,6%).

Стоит отметить, что в табл. 2 представлены данные опроса родителей детей-инвалидов, и соответственно, мнение значительной части родителей таково, что состояние здоровья их детей не дает им возможности посещать образовательные учреждения.

Таблица 2

Посещение дошкольных или общеобразовательных организаций детьми-инвалидами в возрасте 3–8 лет году в 2014 году (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в процентах)

Типы учреждений и причины непосещения	Доля, %
Дети-инвалиды или дети, страдающие хроническими заболеваниями, всего	100,0
в том числе посещают	
детский сад	26,5
специальное коррекционное учреждение (на постоянной основе)	7,2
группу кратковременного пребывания	2,7
группу круглосуточного пребывания	0,9
учится в общеобразовательном учреждении (включая надомные формы обучения)	20,0
не посещает дошкольного (или общеобразовательного) учреждения	42,6
Дети-инвалиды или дети, страдающие хроническими заболеваниями, в возрасте 3–8 лет, не посещающие дошкольное (или общеобразовательное) учреждение – всего	100,0
в том числе по причинам непосещения	
нет мест	5,8
высокая оплата	0,0
нет поблизости	1,9
дома ребенку лучше	4,2
не может посещать дошкольное (или общеобразовательное) учреждение по состоянию здоровья	87,6
другие причины	0,5

По данным единой информационной сети Минобрнауки России[2] (по состоянию на начало 2014/2015 учебного года) в общеобразовательных организациях обучается 481,6 тыс. детей с ограниченными возможностями здоровья (2012/2013 учебный год – 138,8 тыс. детей).

По данным Минобрнауки России, доля детей-инвалидов, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, в общей численности обучающихся в общеобразовательных учреждениях составляет 1,7%. И эта цифра не меняется с момента начала статистического наблюдения (2011–2015 гг.). Доля же детей с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, в общей численности обучающихся несколько больше, и проявляет тенденцию к росту: на начало 2011/2012 учебного года она составляла 2,5%, к началу 2015/2016 учебного года увеличилась до 3,5%. Можно предположить, что введение в действие Закона «Об образовании в Российской Фе-

[1] Данные Росстата (форма № 85-К). До 2014 года приводится численность воспитанников-инвалидов, посещающих дошкольные образовательные организации.

[2] Официальный сайт Министерства образования и науки России – http://минобрнауки.рф/

дерации», определившего характеристики инклюзивного образования, способствовало созданию условий для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья.

Говоря о развитии инфраструктуры образовательных учреждений, направленной на удовлетворение потребностей в образовании детей, необходимо акцентировать внимание на ежегодном сокращении их количества. С 2003 по 2016 год число общеобразовательных организаций уменьшилось на 34,96% с 65,5 до 42,6 тысяч учреждений, в том числе без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций соответственно с 63,8 до 41,9 тысяч учреждений. Среди факторов, влияющих на динамику до 2011 года, необходимо отметить уменьшение контингента обучающихся в общеобразовательных организациях. Число учащихся в общеобразовательных организациях сократилось с 17 млн. 729 тысяч человек в 2003/04 учебном году до 13 млн. 596 тысяч человек в 2010/11 учебном году. При этом переломный момент зафиксирован в 2011/12 учебном году, когда наблюдался рост численности учащихся в общеобразовательных организациях в сравнении с предыдущим учебным годом на 0,63% до 13 млн. 654 тысячи человек. В последующие годы также число учащихся ежегодно возрастает, но число общеобразовательных организаций по-прежнему сокращается. В 20015/16 учебном году численность учащихся в 42,6 тысяч общеобразовательных организациях составила 14 млн. 666 тысяч человек, примерно такая же численность учащихся (14 млн. 727 тысяч человек) в 2006/07 учебном году получала общеобразовательные услуги более чем в 60 тысячах организаций.

Особое внимание обратим на имеющуюся в последние семь лет положительную динамику естественных демографических процессов в населении: стабильный рост рождаемости и снижение детской смертности. Указанное демографическое развитие определяет дальнейшее увеличение числа учащихся в общеобразовательных организациях, в том числе при расширении масштабов внедрения инклюзивного образования. В этой связи, сокращение числа общеобразовательных организациях вызывает определенную тревогу.

Вместе с тем продолжают действовать специальные общеобразовательные организации для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. При этом также отметим ежегодное уменьшение их численности. Число учреждений данного вида сократилась на 15,69% с 1969 в 2003 году до 1660 учреждений в 2015 году.

Рисунок 1.
Динамика числа общеобразовательных организаций для обучающихся и воспитанников с ограниченными возможностями здоровья в России, ед.

Численность учащихся в организациях для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья хоть и не имела четкую тенденцию к снижению на протяжении всего периода, также уменьшилась с 256,8 тысяч человек в 2003/2004 учебном году до 212,2 тысяч человек в 2014/2015 учебном году (сокращение на 17,37%). Однако необходимо обратить внимание на то, что численность детей, обучающихся в таких организациях в последние годы отнюдь не сокращается: в 2010/2011 учебном году она составляла 207,7 тыс., в 2013/2014 учебном году – 210,2 тыс. детей, что меньше чем в 2014/2015 учебном году. Отметим, что стратегический тренд на закрытие специальных, т.н. коррекционных, образовательных учреждений, не находит поддержки у многих детей и их родителей, что приводит к увеличению наполняемости оставшихся образовательных организаций.

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2014 год 69% детей с ограниченными возможностями здоровья в возрасте 9-15 лет посещает общеобразовательные организации, 16,7 % обучаются на дому с прикреплением к конкретному общеобразовательному учреждению. Настораживает, что, судя по ответам родителей, 12,3% детей инвалидов или детей, страдающих хроническими заболеваниями, не подлежат обучению по состоянию здоровья, еще 2,0% не посещают общеобразовательного учреждения по другим причинам.

При этом родители детей-инвалидов, получающих в настоящее время в той или иной форме общее образование, настроены на получение их детьми профессионального образования (62,6%), в том числе 26,2% – начального или среднего профессионального образования, 36,3% – высшего профессионального образования. Лишь 1% родителей не ориентированы на продолжение обучения ребенком в системе профессионального образования, 36,4% родителей детей-инвалидов затруднились с ответом.

Растет численность детей-инвалидов, обучающихся в профессиональных образовательных организациях, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, в отличие от других категорий обучающихся. За период с 2011/2012 учебного года численность инвалидов, обучающихся в такого рода учреждениях увеличилось на 9,2% и составила на начало 2015/2016 учебного года 14788 человек. Однако доля инвалидов составляет лишь 0,5% от численности обучающихся.

Численность инвалидов-студентов образовательных организаций высшего образования составила на начало 2015/2016 учебного года 18 043 чел. В отличие от численности студентов, обучающихся на специалистов среднего звена, здесь не удается проследить какую-либо тенденцию – к росту или сокращению численности. Доля инвалидов среди студентов организаций высшего образования составляет около 0,4%. Разработка индивидуальных учебных планов и индивидуальных графиков для обучающихся инвалидов осуществляется в 123 образовательных организациях высшего образования.

Закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепил в качестве принципа государственной политики «адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников» (п. 3 ст. 2 Закона). Закон гарантирует гражданам с отклонением в развитии (с ограниченными возможностями здоровья) право получения образования, обязывая государство создавать «гражданам с отклонениями в развитии условия для получения ими образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов» (п. 6 ст. 5 Закона)[1].

В соответствии с Законодательством дети с ограниченными возможностями здоровья могут получать образование в общих классах и группах системы общего образования, по индивидуальной программе на дому, в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях. Сегодня в России действует система специального (коррекционного образования), в которую входят учреждения восьми видов: специальные (коррекционные) образовательные учреждения для обучения детей с нарушением слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, тяжелым нарушением речи, эмоционально-волевой сферы и поведения и с умственной отсталостью.

В соответствии с пунктом 27 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» инклюзивное образование – это обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Инклюзия в образовании предполагает реформирование учебных заведений с тем, чтобы они отвечали нуждам и потребностям всех без исключения учащихся. Цель такой школы – дать всем учащимся возможность наиболее полноценной социальной жизни, наиболее активного участия в коллективе, местном сообществе, тем самым обеспечить наиболее полное взаимодействие и заботу друг о друге как членах сообщества.

Расширение доступности качественных образовательных услуг для детей-инвалидов позволит повысить количество детей, имеющих общее среднее образование и, следовательно, долю тех, кто сможет получить среднее и высшее профессиональное образование и в дальнейшем иметь больше шансов оплачиваемой занятости.

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». –http://zakonobobrazovanii.ru/

Осипов М.Ю.
к.ю.н., с.н.с. Института законоведения и управления ВПА, г. Тула
osipov11789@yandex.ru

ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА В ВУЗЕ

Ключевые слова: *фундаментализация, высшее образование, высшие учебные заведения, становление личности, профессионализм.*
Keywords: *fundamentalization of higher education, institutions of higher education, formation of personality and professionalism.*

Одной из актуальных проблем, стоящих перед российским высшим образованием является проблема повышения его качества. Что же представляет собой качество высшего образования?

В федеральном законе об образовании под качеством образования понимается «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»[1]. Однако такое понимание качества образования не позволяет говорить о том, что в вузе готовят профессионалов. Почему? Дело все в том, что указанная в федеральном законе об образовании концепция качества относится только к первому уровню качества – соответствие стандарту[2].

В теории же выделяются 4 уровня или 4 концепции качества основной образовательной программы: соответствие стандарту, соответствие применению, соответствие стоимости, соответствие скрытым потребностям. Рассмотрим эти уровни качества более подробно.

Соответствие стандарту. Данный уровень качества говорит о том, что полученное образование в виде знаний, умений, навыков и компетенций соответствуют требованиям стандарта.

Соответствие применению. Данный уровень качества образования говорит о том, что полученные знания, умения и навыки выпускника вуза могут быть продуктивно использованы в практической деятельности выпускника.

Соответствие стоимости. Данный уровень качества образования означает степень соответствия тех знаний, умений, навыков и компетенций, которые получит студент, той цене, которые он заплатил за свое обучение. При этом образовательная программа соответствует стоимости, если большинство студентов, работая по специальности в течение 5 лет, после окончания вуза окупили свое обучение, если же нет, то программа не соответствует стоимости.

Соответствие скрытым потребностям. Образовательная программа соответствует скрытым потребностям, если ее реализация позволяет сформировать у студента такие знания, умения, навыки и компетенций, которые будут удовлетворять не только очевидные требования и потребности работодателя, но и скрытые или неочевидные потребности[3].

Кроме того, провозглашенная в Федеральном законе об образовании концепция качества образования, ориентированная только на соответствие стандарту, по сути дела не позволяет говорить о том, что в вузе происходит становление личности профессионала.

Почему? Дело все в том, что как отмечается в литературе, «профессионал – мастер своего дела»[4]. Профессионализм же – высокое мастерство, глубокое овладение профессией, качественное, профессиональное исполнение[5].

Именно профессионального исполнения своих обязанностей ждут от работника работодатели.

И их можно понять. В условиях рыночной экономики и конкуренции производитель заинтересован, прежде всего, в повышении качества своей продукции или услуг. Повышение же качества продукции и услуг невозможно, если работники не будут на высоком профессиональном уровне исполнять свои трудовые обязанности.

А для того, чтобы работники на высоком профессиональном уровне исполняли свои обязанности, необходимо, чтобы они обладали профессиональной компетентностью.

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СПС Консультант +

[2] Ребрин Ю.И. Управление качеством. – Таганрог, 2004.

[3] Ребрин Ю.И. Управление качеством. – Таганрог 2004; Осипов М.Ю. Проблемы проектирования основных образовательных программ высшего образования с учетом требования систем менеджмента качества//Альма – матер. 2015. – № 9. – С. 90.

[4] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011.

[5] Там же.

Профессиональная же компетентность – это «обладание совокупностью профессиональных знаний и опыта (компетенций), а также положительного отношения к работе, требуемые для эффективного выполнения рабочих обязанностей в определенной области деятельности. Компетентность подразумевает не только умение выполнять работу, но также способность передавать и использовать знания и опыт в новых условиях...»[1].

Именно молодых профессионалов хотят видеть в выпускниках вуза потенциальные работодатели (в массовом количестве), однако, к сожалению этого не происходит.

Как показывают социологические исследования, результаты которых представлены на сайте ВЦИОМ, по мнению работодателей, которые, как известно, являются главными потребителями продукции вуза, оценка качества высшего образования распределяется следующим образом[2].

Таблица 1

Как Вы оцениваете качество выпускников российских вузов?[3]

Очень высокое	Скорее высокое	Среднее	Скорее низкое	низкое	Затрудняюсь ответить
1	12	55	21	7	4

Таблица 2

Исходя из Вашей практики, в целом достаточно или недостаточно для выполнения основной работы у молодых специалистов (выпускников вузов): теоретических знаний; практических знаний и навыков?[4]

	Скорее достаточно	Скорее недостаточно	Затрудняюсь ответить
Теоретических знаний	43	53	4
Практических знаний и навыков	6	91	3

Анализ опроса показывает, что около 83% работодателей оценивают образование в вузах как среднее или низкое.

Анализ табл. 2 показывает, что большинство работодателей считает, что молодым специалистам не хватает ни теоретических знаний, ни практических навыков для выполнения основной работы, а следовательно, личность профессионала, к сожалению, не сформировалась в ходе обучения в вузе.

Возникает вопрос, а что необходимо сделать для становления личности профессионала в вузе.

Думается, прежде всего необходимо во многом пересмотреть концепцию образовательных программ высших учебных заведений.

Этот пересмотр должен заключатся, прежде всего, в увеличении доли дисциплин фундаментального цикла и сокращении мелких, отраслевых дисциплин.

Это, к сожалению, касается многих ведущих вузов страны. Так, например, в учебном плане Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина учебный план подготовки бакалавров насчитывает 55 дисциплин из них 10 дисциплины гуманитарного и социально-экономического цикла: 1) философия, 2) экономика, 3) профессиональная этика, 4) иностранный язык в сфере юриспруденции 5) безопасность жизнедеятельности, 6) латинский язык, 7) логика, 8) история, 9) физическая культура и две дисциплины по выбору: риторика для юристов либо социология для юристов[5]. В области информационно-правового цикла насчитывается две дисциплины: 1) информационные технологии в юридической деятельности; 2) правовые основы информационной деятельности.

В области профессионального цикла выделяются дисциплины базовой части и дисциплины вариативной части.

К дисциплинам базовой части относятся следующие дисциплины. 1) Теория государства и права; 2) История отечественного государства и права; 3) История государства и права зарубежных стран; 4) Конституционное право; 5) Административное право; 6) Гражданское право; 7) Гражданский процесс; 8) Арбитражный процесс; 9) Трудовое право; 10) Уголовное право; 11) Уголовный процесс; 12) Экологическое право; 13) Земельное право; 14) Финансовое право; 15) Налоговое право; 16) Предпринимательское право; 17) Международное право; 18) Международное частное право; 19) Криминалистика; 20) Право социального обеспечения; 21) Конкурентное право; 22) Право интеграционных объединений[6].

В вариативную часть профессионального цикла дисциплин входят по учебному плану следующие дисциплины 1) Введение в профессию бизнес-юрист; 2) Судебные системы РФ и зарубежных стран; 3) Римское право; 4) Административное судопроизводство; 5) Конституционное право зарубежных стран; 6) Конституционное судопроизводство; 7) Юридическое делопроизводство; 8) Муниципальное право; 9) Таможенное право; 10) Банковское право; 11) Жи-

[1] Руководство по образованию и обучению специалистов в области авиационной метеорологии. РД 52.21.703-2008" (утв. Росгидрометом 12.09.2008) // СПС Консультант +

[2] Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать // Пресс-выпуск №3152. – https://wciom.ru/index. php?id=236&uid=115775

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Учебный план подготовки бакалавров направление подготовки Юрист в сфере бизнес права. – http://www.msal.ru/content/obrazovanie/bakalavriat/

[6] Там же.

лищное право; 12) Проблемы теории права; 13) Договорное право; 14) Торговое (коммерческое) право; 15) Банкротство хозяйствующих субъектов[1].

Самое интересное начинается, когда анализируешь дисциплины по выбору.

К дисциплинам по выбору учебный план МГЮА по данному направлению подготовки относит. 1) Страховое право/Правовое регулирование рынка ценных бумаг; 2) Корпоративное право/Государственный контроль и надзор в сфере предпринимательской деятельности; 3) Преступления в сфере экономики/Административные правонарушения в сфере предпринимательской деятельности; 4) Договоры о труде в бизнес сфере/Основы лицензионно разрешительной деятельности; 5) Правовые основы бизнеса в сфере природопользования/Правовое регулирование земельно-имущественных отношений; 6) Право международной торговли/Правовые основы бухгалтерского учета[2].

Смоделируем следующую ситуацию с гипотетическим выпускником данного вуза. Приходит человек в страховую компанию с дипломом вуза, у которого в учебном плане существует такой набор дисциплин, устраиваться на работу юристом. У него спрашивают. Вы страховое право знаете. Да, говорит человек – знаю. А правовое регулирование рынка ценных бумаг Вы изучали? Нет, говорит человек, не изучал. Тогда извините, нам такой человек не нужен. Нам нужен человек, который бы знал и страховое право и правовое регулирование рынка ценных бумаг, поскольку мы работаем с ценными бумагами.

Приходит человек с таким дипломом в любую фирму устаиваться на работу. У него спрашивают. Вы знаете особенности корпоративного права. Да говорит человек, знаю. А знаете ли Вы особенности правового регулирования государственного контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности. Нет, говорит, человек не знаю. Тогда извините, нам такой человек не нужен. Нам нужен человек, который бы знал и корпоративное право, и особенности правового регулирования государственного контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности.

Выпускник пополняет армию молодых безработных.

Причина этого заключается в доминировании знаниевого подхода к изучению дисциплин в вузе, а не практико-ориентированного, который и позволяет формировать личность профессионала.

Возникает, однако, вопрос, каким же образом возможно формировать личность профессионала в вузе.

По нашему мнению, для того, чтобы сформировать личность профессионала необходимо, во-первых, чтобы выпускник вуза обладал определенным набором знаний, который является необходимым в практической профессиональной деятельности, а во-вторых, выпускник вуза должен обладать определенным набором практических умений и навыков, для того, чтобы на высоком уровне осуществлять выполнение своих трудовых обязанностей.

Но для того, чтобы это осуществить, необходимо радикальным образом пересмотреть планирование учебного процесса в высших учебных заведениях путем избавления от мелких, не очень важных дисциплин, а основной упор сделать на фундаментальные дисциплины, изучение которых позволит заложить основы для становления личности профессионала. При этом под фундаментализацией высшего образования следует понимать опору образовательной программы на базисные дисциплины, с помощью которых формируются те компетенции, которые предусмотрены федеральным государственным образовательным стандартом.

Покажем на примере юридического образования, как это возможно сделать.

Прежде всего, у нас имеется определенный набор компетенций, предусмотренных федеральным государственным образовательным стандартом, совокупность которых позволяет говорить о том, что в вузе произошло становление личности профессионала.

Далее, необходимо определить дисциплины, с помощью которых они будут формироваться.

Для этого необходимо сформировать так называемую карту компетенций, которая может выглядеть следующим образом.

Таблица 3

Примерный образец карты компетенций по направлению подготовки 030900.62 «Юриспруденция»

Вид цикла	Наименование дисциплины	Код формируемой компетенции	Наименование компетенции
Гуманитарный и социально-экономический цикл	Введение в специальность	ОК 1	осознает социальную значимость своей будущей профессии
----------	Профессиональная этика юриста	ОК 2 ОК 5 ОК 6 ОК 7	способен добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста обладает культурой поведения, готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе имеет нетерпимое отношение к коррупционному поведению, уважительно относится к праву и закону стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства
----------	Логика Философия	ОК 3	способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения
----------	Риторика	ОК 4	способен логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь

[1] Учебный план подготовки бакалавров направление подготовки Юрист в сфере бизнес права. – http://www.msal.ru/content/obrazovanie/bakalavriat/

[2] Там же.

----------	экономика, политология, социология, культурология.	ОК 8 ОК 9	способен использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач способен анализировать социально значимые проблемы и процессы
----------	Иностранный язык	ОК 13	владеет необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке
----------	Основы медицинских знаний и физическая культура	ОК 14	Владеет навыками здорового образа жизни, систематически занимается физической культурой и спортом
Информационно-правовой цикл	Информационные технологии в юридической деятельности	ОК 10 ОК 11 ОК 12	способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях
Профессиональный цикл дисциплин	**Нормотворческая деятельность** Теория государства и права История отечественного государства и права История государства и права зарубежных стран Теоретические основы правового регулирования Теорию правотворчества Техника правотворчества Отраслевые дисциплины	ПК 1	способен участвовать в разработке нормативно-правовых актов в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности
----------	**Правоприменительная деятельность** Теория государства и права История отечественного государства и права История государства и права зарубежных стран Теория реализации, применения и толкования норм права Техника и технология создания юридических документов Отраслевые дисциплины	ПК 2 ПК 3 ПК 4 ПК 5 ПК 6 ПК 7	Способен осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры способен обеспечивать соблюдение законодательства субъектами права способен принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом; способен применять нормативные правовые акты, реализовывать нормы материального и процессуального права в профессиональной деятельности способен юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства владеет навыками подготовки юридических документов
----------	**Правоохранительная деятельность** Теория государства и права История отечественного государства и права История государства и права зарубежных стран Основы правоохранительной деятельности Права человека Криминалистика Криминология и профилактика правонарушений Отраслевые дисциплины	ПК 8 ПК 9 ПК 10 ПК 11 ПК 12 ПК 13	готов к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства способен уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина способен выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения способен осуществлять предупреждение правонарушений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению способен выявлять, давать оценку коррупционного поведения и содействовать его пресечению способен правильно и полно отражать результаты профессиональной деятельности в юридической и иной документации
----------	**Экспертно-консультационная деятельность** Теория государства и права История отечественного государства и права История государства и права зарубежных стран Основы экспертизы нормативно – правовых актов Теория и практика юридического консультирования Отраслевые дисциплины	ПК 14 ПК 15 ПК 16	готов принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции; способен толковать различные правовые акты способен давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности

----------	**Педагогическая деятельность** Теория государства и права История отечественного государства и права История государства и права зарубежных стран Общая педагогика Юридическая педагогика Отраслевые дисциплины	ПК 17 ПК 18 ПК 19	способен преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом уровне способен управлять самостоятельной работой обучающихся способен эффективно осуществлять правовое воспитание

Анализ этой карты показывает, что к числу необходимых дисциплин для реализации компетентностного подхода в области юриспруденции можно отнести следующие дисциплины: 1) Введение в специальность; 2) Профессиональная этика юриста; 3) Логика; 4) Философия; 5) Риторика; 6) Экономика; 7) Политология/Социология; 9) Культурология; 10) Иностранный язык; 11) Основы медицинских знаний и физическая культура; 12) Информационные технологии в юридической деятельности; 13) Теория государства и права; 14) История отечественного государства и права; 15) История государства и права зарубежных стран; 16) Теоретические основы правового регулирования; 17) Теория и техника правотворчества; 16) Теория реализации, применения и толкования норм права; 18) Техника и технология создания юридических документов; 19) Основы правоохранительной деятельности; 20) Права человека; 21) Криминалистика; 22) Криминология и профилактика правонарушений; 23) Основы экспертизы нормативно-правовых актов; 24) Теория и практика юридического консультирования; 25) Юридическая педагогика, а также отраслевые дисциплины.

К числу отраслевых дисциплин вполне можно отнести те, что записаны в федеральном государственном образовательном стандарте в качестве базовых: 1) Конституционное право; 2) Административное право; 3) Гражданское право; 4) Гражданский процесс; 5) Арбитражный процесс; 6) Трудовое право; 7) Уголовное право; 8) Уголовный процесс; 9) Экологическое право; 10) Земельное право; 11) Финансовое право; 12) Налоговое право; 13) Предпринимательское право; 14) Международное право; 15) Международное частное право; 16) Право социального обеспечения.

Таким образом, общее число дисциплин при реализации проекта по фундаментализации высшего образования сокращается до 41. Если добавить к этим дисциплинам такие дисциплины как 1) Семейное право; 2) Прокурорский надзор; 3) Муниципальное право; 4) Правоохранительные органы; 5) Римское право, тогда общее количество дисциплин возрастает до 47. При этом возникает возможность резерва увеличения дисциплин по выбору.

В самом деле, на освоение теоретической части курса отводится по Федеральному государственному образовательному стандарту по направлению подготовки «Юриспруденция» без подготовки и защиты бакалаврской работы 222 зачетных единицы[1]. При этом в гуманитарном и социально-экономическом цикле к дисциплинам базовой части Федеральный государственный образовательный стандарт относит следующие дисциплины: 1) Философия; 2) Иностранный язык в сфере юриспруденции; 3) Экономика; 4) Профессиональная этика; 5) Безопасность жизнедеятельности.[2] При этом общая трудоемкость базовой части составляет 14 зачетных единиц. При этом трудоемкость 1 из дисциплин должна иметь 2 зачетные единицы, а остальные 4 – 3 зачетные единицы

В самом деле (5-4)*2+4*3=14 зачетных единиц. Общая же трудоемкость цикла по юриспруденции колеблется от 24 до 30 зачетных единиц.

Следовательно, количество зачетных единиц, отводимых на вариативную часть гуманитарного и социально-экономического цикла колеблется от 10 до 16 зачетных единиц. Из карты компетенций мы видим, что из числа дисциплин гуманитарного цикла относятся: 1) Логика; 2) Риторика; 3) Политология; 4) Социология; 5) Культурология; 6) Основы медицинских знаний и физическая культура.

Понятно, что все 6 дисциплин не могут быть реализованы в вариативной части, иначе объем дисциплин будет меньше 2 зачетных единиц, если принять во внимание что трудоемкость цикла составляет 24 зачетных единицы.

Следовательно, к числу дисциплин за исключением дисциплин по выбору при трудоемкости вариативной части профессионального цикла дисциплин должны быть отнесены 1) Логика; 2) Риторика; 3) Основы медицинских знаний и физическая культура.

При минимальной трудоемкости в 2 зачетные единицы можно сформировать следующий набор дисциплин базовой и вариативной части. Дисциплины базовой части 1) Философия; 2) Иностранный язык в сфере юриспруденции; 3) Экономика; 4) Профессиональная этика; 5) Безопасность жизнедеятельности. Дисциплины вариативной части 1) Логика; 2) Риторика; 3) Основы медицинских знаний и физическая культура.

Общая минимальная трудоемкость этих дисциплин будет равна 6. Оставшиеся 4 единицы должны быть распределены между 3 дисциплинами: 1) Политология/Социология/Культурология или между двумя парами дисциплин, например, Политология/Социология, Общая педагогика/Юридическая педагогика.

В этом случае требования стандарта выполняются. Трудоёмкость дисциплин по выбору из числа дисциплин вариативной части составит 40% от гуманитарного и социально-экономического цикла, что соответствует Федерально-

[1] Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 № 464 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) “бакалавр”)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 21.05.2010 № 17337) // СПС Консультант +

[2] Там же.

му государственному образовательному стандарту[1]. В информационно-правовом цикле общая трудоемкость колеблется от 6 до 10 зачетных единиц.

При этом величина базовой части цикла составляет 4 зачетных единиц.

Соответственно оставшиеся две зачетные единицы должны быть отнесены к дисциплинам по выбору; например Информационная безопасность/Правовое регулирование использования информационных технологий. Соответственно, если мы выбираем минимальное значение трудоемкости цикла в 6 зачетных единиц, то тогда удельный вес дисциплин по выбору в данном цикле составит 2, что составляет 100% от общей трудоемкости вариативной части профессионального цикла дисциплин. Если же мы возьмем 10 зачетных единиц, то тогда общая трудоемкость дисциплин по выбору составит 6 зачетных единиц, что также составляет 100% от вариативной части профессионального цикла дисциплин. Поскольку общая трудоемкость теоретической подготовки составляет 222 зачетных единицы, следовательно, общая трудоемкость профессионального цикла дисциплин составляет 188 зачетных единиц. При этом 133 зачетных единицы отводится на дисциплины базовой части, к которым относятся 1) Теория государства и права; 2) История отечественного государства и права; 3) История государства и права зарубежных стран; 4) Конституционное право; 5) Административное право; 6) Гражданское право; 7) Гражданский процесс; 8) Арбитражный процесс; 9) Трудовое право; 10) Уголовное право; 11) Уголовный процесс; 12) Экологическое право; 13) Земельное право; 14) Финансовое право; 15) Налоговое право; 16) Предпринимательское право; 17) Международное право; 18) Международное частное право; 19) Криминалистика; 20) Право социального обеспечения;

Соответственно к вариативной части профессионального цикла дисциплин, общей трудоемкостью 55 зачетных единиц должны быть отнесены следующие дисциплины: 1) Теоретические основы правового регулирования; 2) Теория и техника правотворчества; 3) Теория реализации, применения и толкования норм права; 4) Техника и технология создания юридических документов; 5) Основы правоохранительной деятельности; 6) Криминология и профилактика правонарушений; 7) Права человека; 8) Теория и практика юридического консультирования; 9) Юридическая педагогика; 10) Семейное право; 11) Прокурорский надзор; 12) Муниципальное право; 13) Правоохранительные органы; 14) Римское право. Общее количество единиц по выбору должно быть не менее 19. Соответственно на 14 дисциплин должно приходиться не более 36 зачетных единиц. При таком раскладе 8 из этих дисциплин должны иметь общую трудоемкость 3 зачетных единицы, а 6 дисциплин должны иметь по две зачетных единицы. В самом деле (14–8)*2+8*3=36. Оставшиеся 19 зачетных единиц должны быть отведены под дисциплины по выбору.

К сожалению, становлению личности профессионала в вузе препятствует ряд обстоятельств, связанных с качеством самих федеральных государственных образовательных стандартов по юриспруденции. Так, например, такие компетенции как: способен давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности (ПК-16); способен преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом уровне (ПК-17); способен управлять самостоятельной работой обучающихся (ПК-18); способен эффективно осуществлять правовое воспитание (ПК-19) отнесены почему-то как к дисциплинам общегуманитарного и социально-экономического цикла, так и к дисциплинам профессионального цикла[2]. Кроме того, почему-то компетенция «владеет навыками ведения здорового образа жизни, участвует в занятиях физической культурой и спортом» (ОК 14) отнесена к профессиональному циклу дисциплин. Каким образом профессиональные компетенции могут относиться к дисциплинам общегуманитарного и социально-экономического цикла или каким образом отраслевые и фундаментальные дисциплины профессионального цикла имеют отношение к формированию компетенции владения навыками ведения здорового образа жизни, участвует в занятиях физической культурой и спортом, остается загадкой. В заключение необходимо отметить, что некачественные стандарты порождают некачественные образовательные программы, которые в свою очередь не позволяют осуществить фундаментализацию высшего образования и препятствуют формированию личности профессионала. Для исправления данной ситуации представляется необходимым проведение регулярной педагогической экспертизы образовательных стандартов, что улучшит их качество и будет способствовать фундаментализации высшего образования и, как следствие, формированию личности профессионала.

[1] Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 № 464 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) “бакалавр”)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 21.05.2010 № 17337) // СПС Консультант +

[2] Там же.

Тагаев М.Дж.
д.ф.н., профессор Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек
mamed_tagaev@list.ru
Борчиева Б.Т.
к.ф.н., доцент Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС (На материале Киргизской Республики)

Ключевые слова: *билингвизм, билингвальное образование, образовательная система, язык обучения, язык как предмет изучения, киргизский язык, русский язык, образовательные и когнитивные ресурсы, билингвальная языковая личность, интеграционные процессы, гуманитарное пространство.*

Keywords: *bilingualism, bilingual education, the education system, language learning, language as a subject of study, Kyrgyz language, Russian language, bilingual linguistic identity, educational and cognitive resource, integration processes, humanitarian space.*

Социальная потребность в билингвальном и полилингвальном образовании вызывается не только возрастанием роли билингвизма в современном обществе, но и тем обстоятельством, что в силу различных исторических условий не все языки обладают одинаковым аккумулятивным и когнитивным потенциалом, чтобы обеспечить языковой личности полноценный доступ к качественному образованию и информационному пространству. В этой связи перед представителями многих языков, в том числе и киргизского, встает задача получения образования на уровне мировых стандартов путем использования других языков, чаще всего мировых. Отсюда возникает потребность в билингвальном образовании.

В данной статье ставится задача провести ситуационный анализ и перспективы внедрения билингвального образования в Кыргызстане как основы интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Кыргызстан – это небольшая страна в Центральной Азии с 6-миллионным населением, которая за 70–80 лет преодолела сплошную неграмотность и превратилась в одну из стран с образованным населением. Эта страна традиционно находится в российском образовательном пространстве, и поэтому здесь развит кыргызско-русский билингвизм. Практически каждый ее житель в той или иной мере владеет русским языком (от элементарного понимания до свободного его использования).

По этническому составу свыше 73% жителей страны составляют киргизы, далее следуют русские (6%) и узбеки (14%). Кроме того, в Кыргызстане проживают представители более чем 80 национальностей. Таким образом, Кыргызстан характеризуется как страна с многонациональным этническим составом, что и определяет языковую и образовательную политику государства. Среди постсоветских государств Кыргызстан – одна из немногих стран, где практически функционирует 2 государственных языка, хотя один из них, русский, терминологически называется официальным.

В настоящее время в республике функционирует 1410 школ с кыргызским языком обучения, с русским – 201 школа, с узбекским – 136 школ, с таджикским – 2 школы[1]. По данным Национального статкомитета в 2012 году из более чем одного миллиона школьников в кыргызских школах обучалось 630 829, в русских – 278 110, в узбекских – 91 621, в таджикских – 2732 детей.

Однако несмотря на то, что число киргизских школ в разы больше, чем русских, а число представителей русской национальности составляет около 6%, число учащихся в школах с русским языком обучения ныне составляет более 280 тыс., т.е. 27,5% от общего количества учащихся в республике. Если при этом учесть, что классы с русским языком обучения функционируют также и в смешанных школах (их свыше 400), а в 72 частных преподавание ведется преимущественно на русском языке, то количественный состав учащихся, обучающихся на русском языке, значительно возрастает.

Школы с русским языком обучения, как правило, функционируют в городах, имеют значительный контингент учащихся (свыше тысячи детей в каждой из них), и всегда переполнены вследствие высокой мотивированности родителей дать детям образование на русском языке. Зачастую родители, проживающие в сельской местности, отправляют своих детей к родственникам в городе с тем, чтобы они обучались в такой школе. Таким образом, русская школа в Кыргызстане не только не исчезла с выездом русскоязычного населения за пределы страны, но и имеет вполне очевидную тенденцию к расширению.

[1] 2009–2013. Статистический ежегодник Киргизской Республики. – Бишкек, 2014. – С. 48. (Национальный статистический комитет Киргизской Республики).

Особенность сегодняшней русской школы в Кыргызстане состоит в том, что она укомлектована на 90–95 % из детей местной национальности (киргизы, узбеки, дунгане, уйгуры, корейцы и др.). Они в достаточной степени владеют русским языком, вхожи в русскую культуру, но в то же время многие из них отдалены от родного языка и ценностей своей культуры.

Школы же с киргизским языком обучения сосредоточены в основном в регионах, где живет свыше 70% населения страны, благодаря чему здесь складывается монолингвальный состав населения. Несмотря на то, что русский язык изучается в киргизской школе, он в сознании детей остается невостребованным балластом. За годы суверенного развития Кыргызстана выросло целое поколение молодых людей, не владеющих активными формами русской речи. Как видно, монолингвальные школы создают очевидный образовательный и культурный дисбаланс, приводят к социальному расслоению общества.

«В системах образования Центральной Азии до сих пор классы делятся по языковым и этническим принадлежностям учащихся. Это деление ведет к неравенству возможностей учащихся в будущем и к ряду социальных проблем», – утверждают некоторые исследователи[1]. Этот тезис имеет право на существование и характеризует, в первую очередь, систему образования в Кыргызстане.

Таким образом, функционирующая система образования в Кыргызстане по своей природе монолингвальная, поскольку языком образования и познания мира является в основном один язык – кыргызский, русский, узбекский или таджикский, а другие языки (английский, немецкий, китайский и др.) изучаются как предметы. Такое положение дел приводит к формированию социальных групп с разной ментальностью, разными взглядами на мир и разными системами ценностей. Кроме того, выпускники киргизских и русских школ в итоге имеют неравные стартовые условия и возможности для получения качественного образования и карьерного роста. При этом обследование показало, что наиболее успешными становятся выпускники, владеющие несколькими языками.

В этих условиях возникает проблема, как и каким образом компенсировать ограниченные возможности местных языков, которые в эпоху глобализации в силу исторического развития не могут соперничать с мировыми языками. Как ни печально, приходится соглашаться с мнением Беатрис Шультер, что кыргызский язык по существу остается языком бытового общения, несмотря на стремление государственных органов всячески продвигать его. Несмотря на свое богатство и метафоричность, исконно лексика киргизского языка и его функциональные стили недостаточно приспособлены для отображения результатов современных научных поисков и внедрения новых технологических решений. Поэтому знание, кроме родного, еще одного языка, «работающего» на переднем крае науки и новых технологий, становится для каждой личности жизненной потребностью. Как правило, таким языком является русский язык, который становится не только способом эффективного познания глобального мира, но и закладывает в сознание кыргызстанцев черты общей ментальности с другим народами ЕАЭС и создает основу для общего гуманитарного пространства.

Для внедрения билингвального образования ситуация в Кыргызстане более благоприятная, чем в других государствах Центральной Азии. Сложилось так, что киргизы утратили в историческом прошлом свою руническую письменность как средство хранения знаний и доступа к образованию. Возрождение письменности и образования было связано в разные годы с другими системами письма: на арабской, латинской, кириллической основе. Поэтому современная письменность и образовательная деятельность на киргизском языке опирается на багаж мировых знаний, накопленный на базе ресурсов других языков, в значительной степени – русского языка.

В этой связи обращение киргизов к помощи мировых языков, высокая мотивированность к их изучению стали частью их ментального поведения, благодаря чему многие из них являются носителями особого, евразийского взгляда на мир, сформировавшегося на базе диалога родного и русского языков и культур. Генерация двуязычных людей с евразийским мышлением является основой интеграционных процессов и создания общего гуманитарного пространства в ЕАЭС.

Особая роль в динамике этих процессов принадлежит русскому языку и Русскому миру. В интервью американскому журналисту Чарли Роузу В.В. Путин в числе преимуществ, доставшихся от союзного государства (общая инфраструктура, единый железнодорожных транспорт, единая дорожная сеть, единая энергосистема и др.), назвал «великий русский язык, который объединяет все бывшие республики Советского Союза и даёт нам очевидные конкурентные преимущества при продвижении различных интеграционных проектов на территории постсоветского пространства»[2].

Результаты опроса и анкетирования в целом подтвердили эту тенденцию: основная масса респондентов (до 76%) в целом положительно отнеслась к идее билингвального образования. В то же время, несмотря на востребованность такого типа образования, его внедрение в образовательную систему Кыргызстана наталкивается на большие сложности концептуального, учебно-методического, кадрового и материального порядка. Во-первых, отсутствует тщательно продуманная концепция билингвального образования, применимая в условиях Кыргызстана; во-вторых, с распадом прежней советской системы образования не стало и надлежащего учебно-методического обеспечения даже существующего процесса обучения; в-третьих, учительская профессия из-за низкой зарплаты и социального статуса все больше становится малопривлекательной; в четвертых, школа не получает достаточной материальной поддержки со стороны государства.

---

[1] Шультер Б. Многоязычное образование как путь к решению языкового ущемления в образовательных системах Центральной Азии. – www.cimera.org

[2] Путин В.В. Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS. – http://kremlin.ru/events/president/news/50380

Несмотря на все эти сложности, внедрение билингвального образования является весьма перспективным. Выбор такого приоритета в образовательной политике является весьма значимым для социальной интеграции многонационального общества, социально-экономической адаптации населения к реальностям рыночной экономики и вызовам времени, для защиты прав и свобод, особенно в условиях, когда около миллиона кыргызстанцев работает за пределами страны.

Билингвальное образование предполагает, что лингвокультурные контакты, получение образования и изучение основ наук осуществляется средствами двух или нескольких языков в ходе познавательной деятельности личности. При этом ареной взаимодействия и контактов родного языка с другими языками является не столько общество, сколько сознание школьника.

Основой билингвального образования является использование двух языков, один из которых является родным, другой – контактным и относится к числу мировых. При этом следует различать 1) язык как предмет изучения и 2) язык как средство обучения (как средство познания мира). На наш взгляд, данное противопоставление языка как предмета изучения и как средства обучения имеет решающее значение для определения моделей билингвального образования.

Родной язык, который дети усваивают и с помощью которого входят в окружающий мир, создает в их сознании культурно-языковую матрицу, определяющую восприятие мира, нормы поведения, образ мыслей, что в конечном счете формирует ментальность и уникальность этноса. Если билингвальное образование преследует цель сохранить национальную самобытность и духовную идентичность школьника, то на начальном этапе, когда происходит становление личности, языком обучения должен быть родной язык, а второй язык при этом должен рассматриваться как предмет изучения.

В этой связи на начальном этапе образовательный процесс должен осуществляться средствами родного языка, чтобы приобщить личность к культурным ценностям своего этноса. Однако на последующих ступенях образовательного процесса ресурсов родного языка может оказаться недостаточно для познания мира в некоторых областях человеческого знания, а также для самореализации и утверждения личности в данном сообществе. И тогда возникает необходимость использования в образовательном процессе еще одного языка, более приспособленного в данных условиях для решения данной задачи.

Смысл билингвального образования состоит в том, чтобы превратить второй язык, (как правило, мировой) из предмета изучения в средство обучения и способ овладения основами наук и познания мира. Ведь язык сродни инструменту, который портится, если не находит применения. Мало кто проявляет к нему праздный интерес, и изучает язык ради него самого. Мы изучаем язык для того, чтобы общаться, получать с его помощью новые знания о мире. Реальная жизнь требует, чтобы граждане свободно владели несколькими языками для полноценного участия в жизни как внутри страны, так и за ее пределами.

В этой связи возникает вопрос, какие языки предпочтительно избрать в качестве инструмента билингвального образования. Естественно, первым и основным компонентом такого инструментария является киргизский язык. Что же касается второго компонента, то в данном случае следует принять во внимание, с одной стороны, когнитивный потенциал и ресурсы самого языка, с другой – учитывать традиции его изучения в стране и его востребованность.

По степени аккумулированных в языке человеческих знаний, несомненно, ведущие места занимают английский и русский языки. Однако следует учесть, что в Кыргызстане с этих позиций для наших граждан предпочтителен русский язык. Достаточно сказать, что в библиотеках страны более 90% книг по разным отраслям знания составляет литература на русском языке. Кроме того, только 3,2% WEB-сайтов представлено на киргизском языке.

В этой связи внедрение билингвального образования в учебный процесс позволяет не только воспитать многогранную личность, которая, с одной стороны, благодаря своему языку, остается в лоне своей культуры, а с другой, владея другими языками, обретает дополнительные и эффективные возможности для познания и общения с миром. Это способствует интеграции общества и взаимопониманию между этническими сообществами, наращиванию образовательного потенциала молодого поколения, что, в конечном счете, благотворно сказывается на экономическом развитии страны.

В этой связи актуальной представляется задача разработки различных моделей билингвального образования. Анализ ситуации, сложившейся в системе образования, учет потребностей общества и особенностей регионов Кыргызстана позволяют обосновать некоторые выводы, которые могут оказать существенное влияние на разработку и выбор моделей билингвального образования:

1. Каждый регион Кыргызстана имеет свою национально-культурную специфику.

2. В каждом из регионов КР традиционно сложились свои типы школ, язык обучения которых отражает национально-культурный состав данного региона.

3. При определении модели билингвального образования для региона следует учитывать региональный фактор.

4. Модели должны быть разными для сельских и городских школ. Наибольшую сложность представляет реализация программы билингвального образования в сельских школах по ряду причин объективного и субъективного порядка. К числу объективных следует отнести недостаточный уровень развития учебно-материальной базы в сельской местности, отсутствие квалифицированных специалистов, недостаток двуязычных учительских кадров и отсутствие традиций билингвального образования.

К субъективным факторам относятся непонимание и, как следствие, неприятие идеи билингвального образования, которая, по мнению некоторой части населения, ведет к сужению функций родного языка, утрате национально-культурных ценностей, деградации молодого поколения под влиянием чужого языка и культуры.

5. Наиболее перспективной представляется модель билингвального образования для большей части населения с языковыми компонентами «киргизский + русский» языки. Для отдельных групп населения в зависимости от культурно-языкового и образовательного пространства предпочтительны модели билингвального образования с другим набором языковых компонентов.

6. Для ряда городских школ, где имеются соответствующие условия, оптимальной может быть модель с языковыми компонентами 1) «русский + киргизский + английский» или 2) «киргизский + русский + английский».

Разумеется, переход на билингвальное образование потребует и определенной корректировки существующих учебных планов, перехода на принципиально иную систему подготовки и переподготовки педагогических кадров, разработки принципиально новых учебников и программ, внесение изменений и дополнений в существующие на сегодня системы оценивания и проверки уровня знаний, умений и навыков учащихся, корректировки и пересмотра структуры и содержания общереспубликанского тестирования. Программа перехода общеобразовательных школ КР на билингвальное образование должна быть расписана досконально, до мельчайших деталей, подкреплена финансовыми, материальными и другими необходимыми ресурсами.

На начальном этапе должны быть отобраны базовые школы, представляющие желательно все регионы республики. В дальнейшем подобные школы могут стать опорными, и их положительный опыт будет учитываться и распространяться. На первых порах в роли таких школ могли бы выступать профильные школы, а также сеть кыргызско-турецких лицеев, которые фактически уже являются учебными заведениями, где обучение осуществляется по определенной билингвальной модели.

Поэтому, думается, для успешной реализации идеи билингвального образования необходим плавный переход: на первоначальном этапе комплектовать отдельные классы из учеников, прошедших первоначальный отбор и тестирование, а затем по мере накопления необходимого опыта и ресурсов, на базе складывающегося положительного общественного мнения о системе такого типа переходить уже полностью на модели билингвального образования.

Причем, учитывая положительный опыт, накопленный в мировой практике образования (Турция, Болгария, Алжир, Тунис, республики Прибалтики) переход на билингвальное образование, следует осуществлять, начиная со среднего уровня обучения.

Приведем некоторые условия реализации билингвального образования для школ с киргизским языком обучения + «русский и иностранный языки». Условиями для внедрения такого типа билингвального образования являются:

1. Деление классов на подгруппы при изучении второго языка обучения.
2. Языковая подготовка преподавателей-предметников, чьи дисциплины предполагается вести на другом языке.
3. Внедрение новых инновационных технологий и методик, разработка программ и учебников нового типа.
4. Преподавание ряда предметов как гуманитарного, так и естественно-математического блока на русском языке.
5. Подготовка педагогических кадров по естественно-математическим дисциплинам с дополнительной языковой и методической основой на двух языках: родной + мировой.
6. Создание двуязычных справочников и пособий нового типа по основам наук и методикам преподавания.
7. Организация педагогической практики в билингвальных школах.
8. Организация научно-методического журнала «Билингвальная школа» или специальной рубрики в периодических изданиях.
9. Материальное стимулирование педагогов, преподающих свой предмет на двух языках.
10. Введение системы «TOEFL» по русскому и иностранным языкам, отбор и формирование по результатам тестирования отдельных классов, обучаемым по программе «Билингвальное образование».

Следующий этап связан с подготовкой базовых ресурсов и условий для внедрения билингвального образования. Первым таким ресурсом являются учебники нового типа, в которых концепция учебной дисциплины должна строиться с оглядкой на то, что учебный предмет рассчитан на учащегося с иным языком и культурой

Другой необходимый ресурс представляют учительские кадры. Как показали результаты опроса, лишь около 10% учителей изъявили готовность вести занятия на двух языках. Между тем большая часть учителей в школах Кыргызстана, как правило, владеет двумя и более языками. Однако это не решает проблемы применения второго языка как средства преподавания предмета. Чтобы второй язык стал средством преподавания, недостаточно фактических знаний по данному предмету и умения общаться на нем. Необходимо формирование специальных знаний, умений и навыков, овладение методиками вести предмет на другом языке, что требует специального обучения. Отсюда возникает проблема переподготовки учителей для работы в билингвальной школе.

Общественно-мотивационный ресурс – это готовность кыргызстанского общества к принятию идеи билингвального образования. Опросы показали, что общество в целом положительно относится к билингвальному образованию как способу дать молодому поколению более качественные знания. В свою очередь положительная мотивация может стать источником не только моральной, но и материальной поддержки образовательной деятельности средствами нескольких языков.

Наконец, ведущая роль принадлежит финансовым ресурсам. Разумеется, решение этой проблемы должно взять на себя государство, на которое ляжет практически вся основная часть расходов. Однако, как мы знаем, возможности бюджета Кыргызстана весьма ограниченны. Поэтому нужны дополнительные источники финансирования. К ним можно отнести: помощь международных доноров, привлечение ресурсов родителей, желающих дать детям более качественное образование, возможности местных администраций, помощь спонсоров в лице бывших выпускников школы и др.

В заключение отметим, что формирование билингвальной языковой личности со знанием русского, родного и других языков, индивида с евразийской ментальностью является одной из ведущих базовых основ формирования и укрепления гуманитарного пространства в странах ЕАЭС.

Алиев А.Ш.
с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕЗЕРВОВ РОСТА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: *промышленный потенциал, эффективность, обрабатывающая промышленность, уровень экономической активности.*

В целом, ***региональная экономическая политика*** направлена на улучшение экономической ситуации в проблемных регионах. Как правило, региональная политика стремится внести свой вклад в снижение межрегионального неравенства в доходах, а также уровня безработицы и уровня бедности в самых неблагоприятных районах.

Необходимость формирования региональной политики экономического развития также продиктована общими задачами ускорения экономического роста и повышения эффективности и конкурентоспособности страны. Поэтому сопряжёнными целями региональной политики являются содействие структурным реформам и более полная реализация экономического потенциала региона.

Таким образом, решение многих социальных и экономических проблем связано с *развитием обрабатывающего сектора промышленности.* Именно там создается основная масса новых продуктивных рабочих мест, сосредоточены наиболее перспективные производства по выпуску готовой продукции с высокой долей добавленной стоимости, формируется экспортный потенциал, возникают мультипликативные эффекты для всей экономики, решается проблема диверсификации экономики.

Именно с этой точки зрения очень важно оценить существующий потенциал промышленного развития (в части несырьевого сектора) и степень его использования. При этом, исходя из общего определения экономического потенциала, под промышленным потенциалом обычно понимается *уровень экономической активности в сфере промышленного производства, достигаемый при полном и наиболее эффективном варианте использования производственных факторов.* Под экономическим в т.ч. промышленным потенциалом отрасли, региона, экономики в целом обычно понимается *уровень экономической активности, достигаемый при полном и наиболее эффективном варианте использования факторов производства.*

Однако при таком определении подобный индикатор является ненаблюдаемым, т.к. для конкретных объектов оценки экономического потенциала (отрасль, регион) практически невозможно определить и обосновать максимально возможный уровень эффективности использования факторов производства, которым он располагает.

В этих условиях, как правило, в качестве технологической границы эффективности используют оценки, которые соответствуют наивысшему уровню эффективности однотипных объектов, охваченных статистической выборкой. Получаемый при этом индикатор экономического потенциала можно рассматривать как приближение к ненаблюдаемому и не отражаемому в действующей статистической отчётности показателю потенциала роста экономики.

Анализ существующих информационных возможностей реализации такого подхода показывает, что его требованиям в наибольшей степени отвечает *региональная статистика*. Использование отраслевой статистики затруднительно по причине ее несопоставимости в силу различий в используемых отраслевых технологиях, уровнях государственной поддержки отраслей, их налоговой нагрузки, различий в доступе к кредитным и материальным ресурсам и т.д.

В отличие от отраслевой региональная статистика обеспечивает более высокую степень сопоставимости объектов наблюдения (регионы), т.к. в каждом из них представлены все основные отрасли обрабатывающей промышленности (легкая, пищевая, машиностроение, промстройматериалы и т.д.), и все регионы находятся в более однородных условиях, чем отрасли промышленности несмотря на то, что есть специфические факторы, ухудшающие сопоставимость регионов по отдельным индикаторам (различия в уровнях развития инфраструктуры, обеспеченности водными ресурсами, качестве земельных угодий и т.д.).

Существующая региональная статистика обеспечивает возможность использования следующих индикаторов:

– промышленное производство;
– производство топливной промышленности и цветной металлургии;
– выпуск сельского хозяйства;
– выпуск малого бизнеса;
– инвестиции в экономику региона;
– население регионов;
– уровень занятости населения;
– доля дипломированного населения;
– средняя зарплата;

– доход местных бюджетов;

– отдельные индикаторы развития инфраструктуры.

Такой круг индикаторов позволяет включать в анализ как показатели (выпуск промышленности, МБ), так и факторы, формирующие промышленный потенциал. При этом для повышения степени сопоставимости регионов необходимо максимально ограничить число факторов роста промышленного производства только теми, которые имеются во всех регионах (сельхозсырье, инвестиции, труд, энергопотребление и т.д.).

Современная экономическая наука располагает эконометрическими методами и моделями, которые позволяют определять эффективность использования различных ресурсов. Наиболее известными из них являются стохастический метод оценки технологических границ эффективности с использованием аппарата производственных функций[1].

Однако результаты, получаемые на основе таких моделей, имеют сложную эконометрическую интерпретацию, не допускающую однозначную трактовку составляющих элементов полученной оценки потенциала, обоснование мер по более полному использованию выявленных резервов.

Существуют упрощённые подходы к оценке потенциала, допускающие более понятную интерпретацию таких оценок. Такой подход основан на сочетании индексных и эконометрических методов и включает в себя *следующие этапы:*

а) *Обоснование конкретного вида индикатора промышленного потенциала* обеспечивающего максимальную сопоставимость регионов с точки зрения требований развития и диверсификации промышленного производства;

б) *Использование статистических методов для обоснования перечня факторов, формирующих промышленный потенциал региона;*

в) *Оценки эффективности использования факторов* для каждого региона как отношение отобранного индикатора промышленного развития (на душу населения) к фактору (на душу населения);

г) *Расчеты отклонения оценок эффективности по каждому региону от максимальной* (или средней) по совокупности всех регионов:

$$\Delta Ef^{n}_{k} = Ef^{n}_{max} - Ef^{n}_{k} \quad k=1,n$$

где Ef^{n}_{k} – эффективность использования ресурса вид n регионом k (например, $Ef^{1}_{k} = Ind_{k} / Inv_{k}$ – эффективность использования инвестиционных ресурсов);

д) *Обоснование вклада каждого ресурса n в рост промышленного производства* с использованием эконометрической модели анализа панельных данных:

Ind = f(Inv,Agr,…) и расчет вкладов фактора n e_n в изменение промышленного выпуска за базовый период (например, 2015 год к 2014 году). Для этого используются методы эконометрики анализа панельных данных и система STATA;

е) *Расчеты оценок неиспользованного промышленного потенциала* по каждому региону k как взвешенная сумма произведений отклонений ΔEf^{l}_{k} на базовое значение фактора:

$\Delta Res_k = \sum_n e_n * \Delta Ef^{n}_{k} * F^{n}_{k}$, где F^{n}_{k} – базовое значение фактора (например, инвестиции на душу населения в 2015 году);

ж) Оценка промышленного потенциала региона:

$Inp_k = Ind_k + \Delta Res_k$ как сумма достигнутого уровня промышленного развития Ind_k и имеющихся резервов Res_k;

з) Разложение полученной оценки резервов Res_k по факторным составляющим.

Применительно к апробированной на статистике за 2014 год методике мы ограничились тремя факторами: сельским хозяйством, инвестициями и долей дипломированного населения (труд).

Для выделения обрабатывающего сектора промышленности из промышленного выпуска нами использован показатель доли топливной промышленности и металлургии в промышленности. Хотя показатель выпуска промышленности без этих двух отраслей не тождественен в строгом смысле показателю обрабатывающей промышленности, но при таком подходе обеспечивается выравнивание условий для всех регионов как богатых природно-минеральными ресурсами, так и не обладающих ими, а результаты и выводы анализа будут в большей степени отвечать требованиям диверсификации экономики и инклюзивного роста.

Оценка резервов роста промышленного производства по каждому региону рассчитывается по каждому фактору в отдельности. В основе расчета – разрыв между достигнутым уровнем эффективности использования этого фактора и потенциально возможным уровнем. На рис. 1 показана схема такого расчета на примере фактора «**сельское хозяйство**».

Уровень развития сельского хозяйства является *важным фактором роста промышленного производства,* т.к. от этого фактора зависит обеспеченность сырьем обрабатывающего сектора промышленности.

В этом отношении величина промышленного производства на единицу сельхозпродукции при определенных оговорках[2] может рассматриваться как *индикатор эффективности использования этого фактора.*

---

[1] Materov I.S., Jondrow J., Knox Lovell C.A., Schmidt P. On the estimation of technical inefficiency in the stochastic frontier production function model / Center for Naval Analyses, USA University of North Carolina; CEMI, Academy of Sciences; Michigan State University. – East Lansing, 1981.

[2] Данная оценка может рассматриваться как первое приближение к индикатору эффективности использования фактора «сельское хозяйство». Более точная оценка может быть получена, если из общего выпуска промышленной продукции вычесть не только ТЭК и цветную металлургию, но и черную металлургию, химию, машиностроение, оставив только отрасли, непосредственно связанные с сельским хозяйством (легкая, пищевая и т.д.).

Примечание: нижний ориентир – среднее значение эффективности фактора по всем регионам, верхний ориентир – среднее значение по двум регионам, следующим после региона с максимальным значением

Рисунок 1.
Схема расчета оценки существующих резервов роста промышленности по фактору «сельское хозяйство»

Среднеарифметическая оценка эффективности использования этого фактора в 2014 (средняя невзвешенная по регионам) году составила 1,1 сума промышленного производства на один сум стоимости сельхозпродукции. Ряд регионов имел оценки ниже среднего уровня: Сурхандарьинская область – 0,4, Джизакская – 0,5, Бухарская область – 0,6, Наманганская область – 0,7, Кашкадарьинская и Хорезмская – 0,8.

Чтобы оценить существующий резерв (потенциал) роста промышленности по этому фактору в указанных выше регионах, достаточно определить уровень выпуска промышленности при условии, что индикатор эффективности повысился бы хотя бы до среднего по республике уровня (с 0,4 до 1,1 по Сурхандарье, с 0,5 до 1,1 по Джизакской области и т.д.). В этом случае дополнительный выпуск промышленности, например, по Джизакской области составил бы: (1,1–0,5) *1500*0,342 = 292,2 тыс. сум/чел., или рост на 36,2% к базовому уровню. Здесь 1500 тыс. сум/чел – базовый уровень производства сельского хозяйства по области, 0,342 – оценка вклада фактора «сельское хозяйство» в промышленный рост, полученная с учетом других факторов роста промышленного производства (инвестиции, квалифицированный труд) на основе эконометрики.

Аналогичные расчеты, выполненные по Сурхандарье, показали наличие резерва роста промышленного производства по рассматриваемому фактору на 70% по Бухарской области на 27%, по Наманганской области – на 21%. При этом полученные оценки можно считать *нижней границей имеющихся резервов роста промышленного производства региона,* т.к. они основаны на предпосылке о возможности достижения среднереспубликанского уровня эффективности использования сельхозресурсов в интересах развития перерабатывающей промышленности.

Вместе с тем, ряд регионов имеют оценки эффективности переработки сельхозресурсов, существенно превосходящие средний уровень. Используя эту информацию, аналогичным образом можно рассчитать и *верхнюю оценку существующих резервов роста регионального промышленного производства,* если среднюю оценку эффективности фактора по республике в целом заменить на оценку для выбранного *эталонного региона или среднюю для двух эталонных регионов.*

При этом однако возникает проблема обоснования выбора эталонного региона для того или иного фактора. Так, для фактора «сельское хозяйство» наивысшая эффективность его использования имеет место для Андижанской области – 2,5 сума. Но такая высокая оценка может быть следствием развития отраслей, непосредственно не связанных с сельским хозяйством (например, с автомобилестроением).

Следующими по этому критерию областями являются Ташкентская область (1,8 сума) и Навоийская область (1,5 сума). При этом высокий показатель по столичной области может быть объяснен лучшей инфраструктурой развития обрабатывающей промышленности и близостью наиболее емкого сегмента внутреннего потребительского рынка – г. Ташкента.

Что касается Навоийской области (1,5 сум), то основной выпуск промышленной продукции в этой области составляет цветная металлургия, которая не включена нами в показатель выпуска промышленного производства. Следовательно, данный индекс точнее описывает эффективность использования ресурсов сельскохозяйственного сырья для

нужд промышленности, а высокая оценка эффективности этого фактора для Навоийской области позволяет использовать её как один из эталонных регионов для получения максимальной границы существующих резервов.

В последующих расчетах, чтобы снизить влияние индивидуальных особенностей регионального развития на промышленный потенциал, в качестве *верхней границы имеющихся резервов роста промышленного производства* нами использована средняя оценка по 2-му и 3-му региону с наилучшими значениями эффективности по соответствующему фактору. Сами же расчеты выполняются аналогично путем замены среднереспубликанской оценки 1.1 сума на среднюю оценку для Ташкентской и Навоийской областей, равной 1.65.

Полученные при этом интервальные оценки показывают, что за *счет улучшения объемов и глубины переработки сельхозсырья дополнительный прирост промышленной потенциал республики может составить от 2,4 до 6,8% к базовому уровню.* Наибольшими резервами здесь обладают такие регионы, как Сурхандарьинская область (от 70% до 122%), Джизакская область (36–71%), Бухарская область (от 27 до 58%), Наманганская область (от 21 до 49%). Именно этим областям необходимо усилить реализацию мер по модернизации предприятий легкой и пищевой промышленности, привлечению в эту сферу прямых иностранных инвестиций, внедрению минитехнологий по переработке сельхозсырья и производству конкурентоспособной продукции с ориентацией на малый и частный бизнес.

Величина **инвестиций** является еще одним важным фактором роста промышленного производства, обеспечивающим модернизацию существующего промышленного потенциала и создание новых мощностей.

Если по фактору «сельское хозяйство» резерв роста промышленного производства составлял от 2,4 до 6,8%, то здесь он здесь он несколько уже (от 2,4 до 6,8%), что свидетельствует как о более эффективном использовании этого ресурса, так и о существующих, еще не использованных в полной мере резервах решения задачи диверсификации национальной экономики.

В наибольшей степени это относится к таким областям, как республика Каракалпакстан (от 58 до 81%), к Бухарской области (от 25 до 37%), Кашкадарьинской области (от 24 до 36%), Сурхандарьинской области (от 14 до 22%).

Фактор труд введен анализ в форме индикатора **доли дипломированного населения.** Это объясняется тем, что по сравнению с другими отраслями и секторами экономики промышленность предъявляет наиболее высокие требования к профессиональной подготовке занятых на предприятиях отрасли. Рабочие места, ориентированные на квалифицированный труд, обладают наибольшей устойчивостью и обеспечивают доходы занятых, выше среднереспубликанского уровня.

Наиболее высокие показатели выпуска промышленности (без топливной промышленности и цветной металлургии) на один процент дипломированного населения был достигнут в 2014 году в Навоийской области (99 тыс. сум), Сырдарье (91 тыс. сум), Андижане (90 тыс. сум), г. Ташкенте (84 тыс. сум). Применительно к этим регионам можно говорить об эффективном использовании квалифицированных трудовых ресурсов для целей промышленного развития, изучая их опыт и используя его в регионах, где этот показатель ниже средне республиканского уровня.

Если же рассмотреть **все факторы роста промышленного потенциала**, то следует сделать следующие выводы:

1. В целом по республике резервы роста обрабатывающей промышленности оцениваются величиной от 6,4 до 17,7%. Их использование позволило бы существенно улучшить структуру экономики, улучшить показатели макроэкономической эффективности, создать большое число новых продуктивных и устойчивых рабочих мест.

2. Основная часть этих резервов сосредоточена в 5–7 регионах. Наибольшим потенциалом роста обрабатывающей промышленности в абсолютном выражении характеризуются следующие регионы: Бухарская область – до 1330 тыс. сум на д.н, республика Каракалпакстан – до 1250 тыс. сум, Сурхандарьинская область – до 1090 тыс. сум, Джизакская – до 1040 тыс. сум, Кашкадарьинская – до 930 тыс. сум. В относительном выражении это равнозначно увеличению выпуска продукции обрабатывающей промышленности в Сурхандарье до 3 раз, республике Каракалпакстан до 2,7 раза, Джизаке – до 2,3 раз, в Кашкадарьинской и Бухарской областях – до 2,1 раза.

Наибольший потенциал роста промышленного производства связан с более эффективным использованием сельскохозяйственного сырья. На фактор «сельское хозяйство» пришлось около 40% всех существующих резервов роста промышленного производства. Это свидетельствует о необходимости ускоренного развития малого промышленного предпринимательства в сельской местности и малых городах, ориентированного на глубокую переработку сельхозпродукции с ориентацией преимущественно на внешний рынок.

Важенина И.С.
д.э.н., доцент, в.н.с. Института экономики УрО РАН
isvazhenina@mail.ru
Важенин С.Г.
к.э.н., зав. сектором Института экономики УрО РАН
svazhenin@mail.ru

ДОВЕРИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА КОНКУРЕНТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ТЕРРИТОРИЙ[1]

Ключевые слова: *региональное развитие, межрегиональное конкурентное сотрудничество, конкурентоспособность, доверие.*

Конкурентное сотрудничество территорий становится все более значимой экономической реальностью. Это явление хозяйственной жизни в экономическом пространстве XXI века не только непосредственно наблюдаемое, но и фиксируемое в конкретных проектах. В современных условиях все ярче проявляется зависимость сотрудничества от уровня доверия между партнерами. К сожалению, и сегодня в России остается на низком уровне доверие в экономике, а от решения этой проблемы будут зависеть, в том числе, и перспективы становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве.

Основы концепции сотрудничества территорий были заложены еще в XVIII веке в теории абсолютных и относительных преимуществ (А. Смит, Д. Рикардо), суть которой заключается в том, что одни страны (регионы) могут производить товары более эффективно и по более низкой цене, чем другие, и на этой основе имеют абсолютные преимущества, реализуемые через торговлю[2].

В реальной действительности территориям приходится все активнее сотрудничать с другими регионами, компаниями в достижении своих целей. Поэтому у ряда экономистов и практиков возникла парадоксальная, на первый взгляд, идея: нельзя ли получить выгоду от сотрудничества и с конкурентами, раз уж они все равно существуют и никуда не исчезнут (или, по крайней мере, разделить с ними риски). Объединение преимуществ сотрудничества с выгодами от конкуренции в таком контексте выглядит весьма привлекательным. Сотрудничество может стать основой для формирования стратегического преимущества, платформой для снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве[3].

В современной России конкурентное сотрудничество территорий весьма редкое явление, а его потенциал остается недооцененным либо же вообще не востребованным. Но уже приходит понимание того, что конкурентное сотрудничество территорий — это неизбежность, которую надо не только признать, но и максимально реализовать в целях повышения устойчивости и достижения стабильности развития в конкурентной экономике. Это подтвердили результаты социологических исследований, проведенных авторами в 2013 и 2016 гг.[4]

---

[1] Доклад подготовлен в рамках исследований, проводимых при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-02-00016 «а»).

[2] См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007.

[3] См.: Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. 2014. – № 2; Волков С.К. Кооперация регионов как фактор повышения конкурентоспособности близлежащих территорий // Маркетинг в России и за рубежом. – М., 2014. – № 3; Минакир П.А. Пространственные эффекты в экономике и управлении // Экономика и управление. 2011. – № 5; Швецов А. Либерализация государственной региональной политики // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 7; Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сосуществование территорий: необходимость и возможность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2002. – № 29; Важенина И., Важенин С. Горизонты территориальной конкуренции в современном экономическом пространстве // Общество и экономика. 2011. – № 3.

[4] Опросы были посвящены оценке конкуренции и перспектив становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве. Всего от представителей органов власти и управления, бизнеса и научного сообщества Уральского, и Приволжского федеральных округов было получено в 2013 г. 367, а в 2016 г. – 408 анкет. Среди представителей власти и управления – депутаты областных и городских Дум, ведущие специалисты экономических министерств и ведомств Свердловской, Челябинской, Тюменской, Оренбургской и Курганской областей, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, а также работники экономических комитетов городов Екатеринбург, Нижний Тагил, Ижевск, Пермь, Челябинск, Курган, Качканар, Копейск. В числе представителей бизнеса – руководители и заместители руководителей предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в Свердловской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Пермской областях, а также в Республике Башкортостан и Удмуртской республике. Научное сообщество в опросе представлено учеными-экономистами Института экономики УрО РАН, Уральского государственного экономического университета, Тюменского государственного нефтегазового университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета, Оренбургского государственного университета и Удмуртского государственного университета. В опросах также участвовали сотрудники Управления Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области, Свердловской областной экономической коллегии адвокатов.

Приведенные в табл. 1 результаты опросов убедительно свидетельствуют о высокой поддержке конкурентного сотрудничества территорий как среди представителей бизнеса, органов власти и управления, так и особенно членов научного сообщества. Отметим рост суммарной величины ответивших на данный вопрос «Да» и скорее «Да», чем «Нет» по всем трем группам респондентов.

Перспективы конкурентного сотрудничества территорий в определенной степени будут определяться преодолением или смягчением влияния факторов, тормозящих сегодня этот формирующийся феномен. Как показал наш опрос, особого внимания заслуживают в данном случае такие факторы, как низкий уровень интеграционной зрелости, значительные различия в экономическом потенциале и отсутствие достаточных стимулов к экономической интеграции регионов и городов. Представляется необходимым обратить внимание на такой фактор, сдерживающий конкурентное сотрудничество территорий, как низкий уровень интеграционной зрелости регионов и городов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Поддерживаете ли Вы конкурентное сотрудничество соперничающих территорий?», % от количества респондентов

	Всего		в том числе:					
			Власть		Бизнес		Наука	
	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.
«Да»	27	37	19	37	24	31	36	38
Скорее «Да», чем «Нет»	46	45	57	44	34	44	45	47
Скорее «Нет», чем «Да»	12	8	14	9	18	8	6	7
«Нет»	7	4	4	3	9	7	7	4
Затрудняюсь ответить	8	6	6	7	15	10	6	4
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Интеграционная зрелость территории представляет собой готовность территории к сотрудничеству, которая делает возможным включение данной территории в процессы эффективного межтерриториального взаимодействия. Это специфический нематериальный актив территории, без которого вряд ли возможна реализация конкретных проектов, необходимых для становления реального конкурентного сотрудничества регионов и городов. Принципиально то, что «самостоятельно регион не в состоянии одновременно работать над несколькими крупными проектами в рамках государственных экономических интересов, ему необходима кооперация с другим регионом (другими регионами) и участие в проектах федеральных структур органов власти»[1]. Без достижения необходимого уровня интеграционной зрелости территория не в состоянии реально интегрироваться и включиться в результативное конкурентное сотрудничество, как бы ни стремились к этому их руководители, какие бы соглашения они не заключали, какие бы стратегические проекты они не разрабатывали[2].

На невысокий уровень интеграционной зрелости территорий указывает и полученная нами в ходе опроса оценка готовности территорий к сотрудничеству в конкурентной экономике. В 2016 г. только 41% всех респондентов считают, что территории либо готовы, либо скорее готовы, чем нет к конкурентному сотрудничеству. Причем, такую оценку дали 48% представителей органов власти и управления, 53 – бизнеса и только 28% представители научного сообщества. Настораживает тот факт, что 64% ученых-экономистов, принявших участие в нашем опросе, считают, что территории либо скорее не готовы, чем готовы, либо не готовы к сотрудничеству в современной экономике.

В России становление интеграционной зрелости, к сожалению, происходит в условиях сохраняющегося низкого качества управления, что определено, прежде всего, неэффективными институтами и недостаточной квалификацией управленческих кадров всех уровней[3]. Негативное воздействие также оказывает и отсутствие реального федерализма, без которого невозможны действенные партнерские отношения территорий в конкурентной экономике[4].

Организация и поддержание конкурентного сотрудничества территорий – это не дорога с односторонним движением, к тому же без всякого рода препятствий и подводных камней. Задача видится в том, чтобы, оказывая всемерную поддержку развитию сотрудничества регионов в конкурентной экономике, свести к минимуму возможные негативные последствия. Следует согласиться с Т.В. Усковой и Е.В. Лукиным в том, что «активизация экономического сотрудничества регионов должна основываться на институциональном и нормативно-правовом сопровождении данного процесса»[5].

Результативность конкурентного сотрудничества территорий определяется не только их стремлением к установлению взаимовыгодного партнерства, выбором наиболее подходящих форм сотрудничества, но и действенной поддержкой подобных стратегических проектов федеральными и региональными органами власти. Результаты нашего

[1] Логинов М., Муринович А. Межрегиональный проект как метод реализации государственных экономических интересов // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 1. – С. 99.

[2] См.: Важенина И.С., Важенин С.Г. Алгоритм конструирования региональных аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // Экономика региона. 2010. – № 1.

[3] «В России институты межмуниципального сотрудничества только складываются. Очевидно, что этот путь будет сложным» – Одинцова А. Межмуниципальное сотрудничество: уроки зарубежного опыта // Федерализм. 2013. – № 2. – С. 145.

[4] См.: Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? // Общественные науки и современность. – М., 2013. – № 6. – С. 7.

[5] Ускова Т.В., Лукин Е.В. О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3. – С. 77.

опроса в 2016 г. в качестве приоритетных мер поддержки становления конкурентного сотрудничества территорий позволяют особо выделить такие действия, как построение необходимой инфраструктуры сотрудничества и формирование институтов /норм, правил/ конкурентного сотрудничества (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Каковы приоритетные (перспективные) действия по становлению результативного конкурентного сотрудничества территорий?», % от количества ответов

	Всего	в том числе:		
		Власть	Бизнес	Наука
Формирование институтов /норм, правил/ конкурентного сотрудничества	27	27	26	27
Построение необходимой инфраструктуры сотрудничества	30	33	29	29
Сведение к минимуму трансакционных издержек сотрудничества	15	15	10	17
Организация федеральных конкурсов проектов конкурентного сотрудничества	13	9	17	15
Проведение соответствующих семинаров, консультаций	15	16	18	11
Другое	–	–	–	1
Всего	100	100	100	100

Конструирование конкурентного сотрудничества территорий включает в себя обязательный учет ряда основополагающих свойств сотрудничества. Во-первых, *сотрудничество формируется постепенно (взращивается), а не появляется мгновенно.* Во-вторых, *сотрудничество требует взаимных усилий.* В-третьих, *сотрудничество связано с риском.* В-четвертых, *сотрудничество включает (предполагает) добровольное ограничение экономических интересов партнеров в целях достижения консенсуса.* В-пятых, *сотрудничество основывается на институциональном и нормативно-правовом сопровождении.* В-шестых, *сотрудничество немыслимо без доверия как в экономике соперничающих территорий, так и непосредственно во взаимоотношениях между ними.* К сожалению, уровень доверия в экономике России остается на низком уровне. Наш опрос показал, что в 2016 г. 58% респондентов оценили уровень доверия в экономике как «Ниже среднего» и «Низкий» (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Ваша оценка уровня доверия в экономике?», % от количества респондентов

	Всего		в том числе:					
			Власть		Бизнес		Наука	
	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.
Высокий	–	–	–	–	–	1	–	–
Выше среднего	5	4	8	5	4	5	4	1
Средний	42	35	58	45	40	33	29	27
Ниже среднего	30	34	22	34	27	33	39	36
Низкий	12	24	4	12	14	26	17	33
Затрудняюсь ответить	11	3	8	4	15	2	11	3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Глобализация мировой экономики, усиление и расширение конкуренции, углубляющиеся экономические кризисы привели к актуализации необходимости достижения большей самостоятельности регионов в экономическом пространстве. Общемировыми трендами стали деятельное участие регионов в международном сотрудничестве, их конкуренция друг с другом и активное позиционирование себя в мировой экономике. К примеру, в XXI веке возрастающее значение самостоятельности регионов демонстрирует экономическая политика КНР, где правительство в рамках стимулирования конкуренции между провинциями предоставляет им ощутимую самостоятельность в экономических вопросах, вплоть до налаживания международного сотрудничества.

В перспективе российские регионы, чтобы стать конкурентоспособными на мировом уровне, должны научиться грамотно позиционировать себя в российской экономике и в глобальном экономическом пространстве, активно сотрудничать между собою, а также с крупными российскими компаниями и с зарубежными партнерами. Подобные качества не приобретаются быстро и предполагают соответствующую подготовку руководства регионов. Залогом успешной региональной политики как в ходе ее разработки, так и реализации, является понимание необходимости завоевания доверия (на всех уровнях) и неизбежность участия в конкуренции за доверие.

Для понимания особенностей становления доверия необходимо раскрыть его сущность. *С нашей точки зрения, доверие – это неотъемлемая составляющая экономических отношений, характеризующая ожидания их участников по поводу соблюдения ими установленных правил взаимодействия и принятых на себя обязательств.* Доверие, как подчеркивают многие ученые[1], стимулирует экономическое взаимодействие, обеспечивает стремление к сотрудничеству и выполнению принятых на себя обязательств, способствует преодолению оппортунизма и появлению «жизнерадостности» (по словам Дж.М. Кейнса), стимулирующей людей к экономической деятельности. Бывший премьер-

[1] См.: Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. – М.: Дело, 2003. – С. 246; Фукуяма Ф. Доверие. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 20–21; Мильнер Б.З. Теория организации. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 188; Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. – Том 7, № 1. – С. 83.

министр Сингапура Ли Куан Ю считал доверие самым ценным активом, и объяснял экономические и социальные успехи Сингапура именно завоеванием доверия людей. Он также неизменно прилагал усилия для сохранения доверия иностранных компаний и банков к Сингапуру, что позволило этой небольшой стране без каких-либо ценных ресурсов за полвека превратиться из небольшого провинциального города в одну из финансовых и предпринимательских столиц мира. Доверие стало основным конкурентным преимуществом Сингапура.

Чем выше доверие к региону, тем шире круг потенциальных партнеров, тем глубже горизонт планирования многолетних совместных действий, больше шансов получения инвестиций, выше конкурентный иммунитет территорий[1]. Завоевавший и удержавший доверие к себе регион становится более успешным, поэтому не приходится удивляться, когда завоевание доверия становится конкурентной целью[2] региона, предварительным условием начала сотрудничества и долгосрочных совместных проектов. В современном экономическом пространстве все заметнее проявляет себя конкуренция территорий/регионов за доверие.

Завоевание доверия ни в коей мере не является самоцелью экономической политики региона. Справедливо указывается, что доверие, предоставляя конкурентное преимущество, все же только ресурс, на который следует опираться. Оно не дает гарантии делового успеха, но является духовным капиталом, который позволяет другим организационным структурам, стратегиям и тактикам работать намного эффективнее[3].

При всех трудностях завоевания доверия гораздо сложнее его удержать. Выделим факторы, способствующие разрушению доверия в регионе, которые проявляют себя наиболее заметно:

1. Недоверие внутри региона между отдельными целевыми аудиториями, например, между населением и властью, между предпринимателями и населением, между инвесторами и властью и т.д.
2. Высокий уровень коррупции на всех уровнях.
3. Масштабный теневой бизнес, высокий уровень экономических преступлений.
4. Неудачные проекты, реализованные (или нереализованные) в регионе в прошлом.
5. Неразвитость институциональной среды, отсутствие правовой базы, высокие административные барьеры.
6. Экономическая и социальная нестабильность.
7. Отсутствие социально-ориентированной политики властей региона.
8. Сорванные договорные обязательства, невыполненные обещания и др.

Устранение или сведение к минимуму указанных явлений – сложное и в то же время необходимое условие для становления доверия в регионах и городах, а, следовательно, и формирования результативного сотрудничества территорий в конкурентной экономике.

Без доверия даже самые благие начинания как федеральной, так и региональной властей обречены на провал, чему много примеров в российской истории. Хорошо это доказывает история Российско-Закавказской торговой компании, активное участие в которой принимал А.С. Грибоедов, известный не только как автор знаменитого «Горя от ума», но и как влиятельнейший чиновник и искусный дипломат. Для развития и освоения края, недавно присоединенного к империи, предполагалось создать торговую компанию с совместным государственно-частным капиталом по образцу английской Ост-Индской компании. Появившаяся в 1831 году компания, однако, так и не приступила к деятельности, хотя в нее вложили немало государственных денег. Выясняя причины неудачи компании, местный чиновник констатировал, что армянские купцы «не склонны к взаимной доверенности», а московские фабриканты, на которых была основная надежда авторов проекта компании, не вложили ни рубля[4]. При недоверии к власти даже перспектива монопольной торговли с богатейшим краем не могла побудить московских купцов к сотрудничеству ни с правительством, ни с региональными закавказскими чиновниками.

Сегодня в России доверие к власти со стороны бизнеса и жителей остается на низком уровне. Как показали результаты наших социологических опросов низок и уровень доверия в экономике в целом (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили сегодняшний уровень доверия в экономике России?», % от количества респондентов

	Всего		в том числе:					
			Власть		Бизнес		Наука	
	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.	2013 г.	2016 г.
Высокий	–	–	–	–	–	1	–	–
Выше среднего	5	4	8	5	4	5	4	1
Средний	42	35	58	45	40	33	29	27
Ниже среднего	30	34	22	34	27	33	39	36
Низкий	12	24	4	12	14	26	17	33
Затрудняюсь ответить	11	3	8	4	15	2	11	3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

[1] См.: Важенина И., Важенин С. Феномен конкурентного иммунитета территории // Общество и экономика. 2009. – № 11–12.

[2] См.: Важенин С.Г., Сухих В.В. Специфика доверия как конкурентной цели в экономике // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2015. – № 2.

[3] См.: Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. – М.: Дело, 2000. – С. 239.

[4] См.: Эйдельман Н.Я. «Быть может за хребтом Кавказа» // Русская литература и общественная мысль первой половины XIX века. Кавказский аспект. – М.: Наука, 1990. – С. 152–154.

Опрос показал, что если в 2013 году 42% респондентов оценили уровень доверия в экономике как «Ниже среднего» и «Низкий», то в 2016 году доля респондентов с такими оценками уже составила 58%. Отметим, что доля респондентов с оценками доверия в экономике как «Ниже среднего» и «Низкий» с 2013 года выросла среди всех трех групп респондентов.

Мы предложили респондентам выделить основные причины снижения доверия в экономике. По итогам опроса 2016 года (табл. 5) в тройку лидеров вошли «Высокий уровень коррупции и бюрократии» (29% от количества ответов), «Значительный разрыв в доходах крупного бизнеса и рядовых граждан, малого и среднего бизнеса» (25%), «Высокий уровень и масштабность экономических преступлений» (18%). Подчеркнем совпадение мнений о лидирующей тройке причин снижения доверия в экономике России у всех групп наших респондентов.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Каковы основные причины снижения доверия в экономике?», % от количества ответов

	Всего	в том числе:		
		Власть	Бизнес	Наука
Высокий уровень коррупции и бюрократии	29	24	32	32
Высокий уровень и масштабность экономических преступлений	18	14	21	20
Значительный разрыв в доходах крупного бизнеса и рядовых граждан, малого и среднего бизнеса	25	29	21	24
Недостаточная экономическая грамотность и подготовка руководителей бизнес-структур	11	12	13	8
Слабая связь бизнеса с местным населением, его интересами и традициями	10	12	7	10
Низкий уровень конкуренции в экономике	6	7	5	5
Другое	1	2	1	1
Всего	100	100	100	100

Снижение доверия в экономике, как нам представляется, не очень беспокоит как федеральные, так и региональные и местные органы власти. Думается, что это ошибочная позиция. Негативные последствия от потери (снижения) доверия в экономике сказываются на многих социально-экономических процессах. Это и снижение инвестиционной привлекательности, и ущерб деловой репутации, и финансовые затруднения, и уменьшение поддержки населения (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Какие негативные последствия от потери /снижения/ доверия в экономике Вы выделите?», % от количества ответов

	Всего	в том числе:		
		Власть	Бизнес	Наука
Снижение репутации территорий, компаний	18	15	21	20
Потеря бизнес-партнеров	13	12	13	13
Финансовые затруднения	15	16	20	12
Потеря квалифицированных кадров	12	13	10	13
Снижение инвестиционной привлекательности	22	26	19	20
Утрата поддержки органами власти и управления	6	4	7	8
Снижение поддержки населения	13	14	9	13
Другое	1	-	1	1
Всего	100	100	100	100

Помощь в построении доверия должна идти и от государства. Доверие как важнейшая предпосылка общественных трансформаций, условие достижения социально-экономической стабильности, должно быть в центре государственной политики. Государство должно не только инициировать, но и способствовать становлению и развитию доверия в экономике посредством создания благоприятных условий для ведения бизнеса на всей территории страны, защиты прав собственности, предпринимательских структур и т.д.[1] При этом необходимо обеспечить единство и неизменность (в рамках разумного) «правил игры», действующих на территориях всех субфедеральных образований. Без таких общегосударственных мер регулирования конкуренции за доверие результаты сотрудничества регионов между собой, регионов с бизнесом и населением будут малозначительными.

В процессе социологического опроса 2016 года респондентам было предложено выбрать наиболее действенные способы повышения доверия в экономике. Как и ожидалось, респонденты прежде всего выделили такие меры, как: «Проводить действенную борьбу с коррупцией», «Активизировать борьбу с теневой экономикой» и «Законодательно повысить юридическую и финансовую ответственность руководителей бизнес-структур за выполнение договорных и партнерских контрактов (соглашений)». На эти три предложения по повышению доверия в экономике пришлось 68% полученных ответов (табл. 7).

[1] См.: Татаркин А.И., Сухих В.В., Важенин С.Г. Государство в системе отношений доверия в экономике // Общество и экономика. – М., 2006. – № 10.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Ваши предложения по повышению уровня доверия в экономике?», % от количества ответов

	Всего	в том числе:		
		Власть	Бизнес	Наука
Активизировать борьбу с теневой экономикой	22	24	20	20
Проводить действенную борьбу с коррупцией	27	26	28	8
Оказывать федеральную, региональную и муниципальную поддержку союзам, ассоциациям субъектов экономики, кластерам, альянсам и т.д.	13	13	16	12
Законодательно повысить юридическую и финансовую ответственность руководителей бизнес-структур за выполнение договорных и партнерских контрактов /соглашений	19	18	18	20
Обеспечить необходимую информационную открытость бизнеса	13	11	8	16
Стимулировать участие бизнеса в выставочно-ярмарочной, конгрессной деятельности и т.д.	5	6	9	3
Другое	1	2	1	1
Всего	100	100	100	100

Доверие складывается на основе множества факторов, которые необходимо учитывать в процессе его становления и удержания. Это определяет сложность контроля и минимизации негативных явлений и процессов, которые могут привести к потерям в реализации партнерских отношений регионами и городами.

Все территории характеризуются разным экономическим потенциалом, они отличаются объемами и специфичностью имеющихся ресурсов и активов, в том числе особенностями пространственного положения, инвестиционного и предпринимательского климатов, сложившимися имиджем и репутацией в экономическом пространстве, что определяет их возможности и ограничения в конкурентном сотрудничестве.

Среди перспективных проектов сотрудничества регионов и городов можно выделить, например, создание «Большого Екатеринбурга». На расширенном заседании правительства Свердловской области в августе 2016 г. принято решение о разработке проекта – формирование Екатеринбургской агломерации. В числе предполагаемых участников агломерации – Екатеринбург, Арамиль, Березовский, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Сысерть, Белоярский, Дегтярск. Не секрет, что ежедневная деловая и досуговая миграция делают пространство разных городов единым. Руководство муниципалитетов все чаще сталкивается с ситуациями, когда удовлетворение разнообразных потребностей горожан становится общим вопросам для двух и более территорий.

Интересным может также стать проект «Уральское созвездие», продвижением которого занимается Правительство Свердловской области при поддержке Полномочного представительства Президента РФ в Уральском федеральном округе. Данный проект предполагает сотрудничество регионов УрФО и Пермского края. В настоящее время при поддержке правительств Челябинской и Свердловской областей ведутся также предпроектные работы по созданию Уральской скоростной магистрали между Челябинском и Екатеринбургом.

Герасименко О.А.
к.э.н., доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета
gerasimenko@bsu.edu.ru
Семибратский М.В.
к.э.н., начальник центра проектного управления Высшей школы управления НИУ «БелГУ»
semibratsky@inbox.ru

МЕХАНИЗМ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ГЧП НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: *проект, государственно-частное партнерство, проектное финансирование, регион.*
Keywords*: project, public-private partnerships, project finance, region.*

ГЧП – это долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию проектов в целях достижения задач публично-правовых образований, повышения уровня доступности и качества публичных услуг, достигаемое посредством привлечения частных ресурсов и разделения рисков между партнерами.

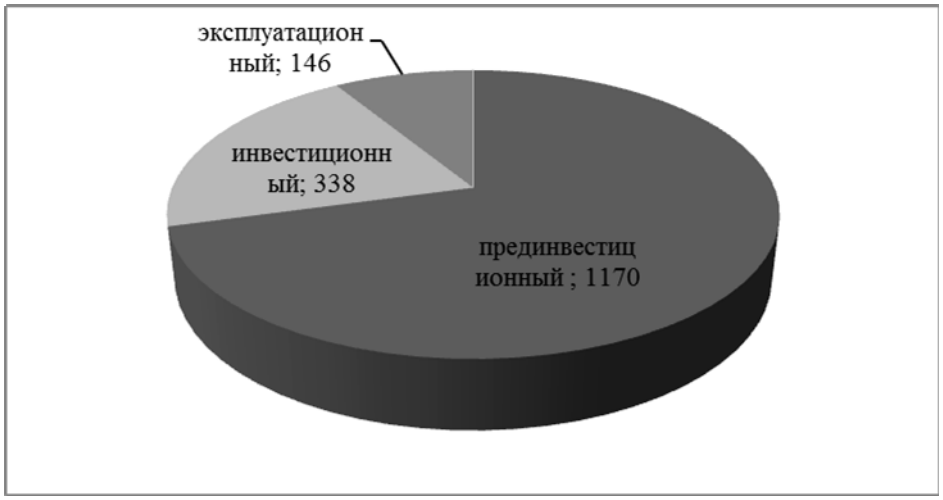


Рисунок 1.
Текущее состояние рынка проектов ГЧП в РФ[1]

Рост ГЧП в последние годы тесно связан с техникой финансирования, которую называют «проектным финансированием». Это относительно недавнее изобретение. При изучении финансовой политики необходимо разбираться в технике проектного финансирования и способах его использования в рамках ГЧП (рис.1).

Проектное финансирование – метод финансирования крупных проектов за счет долгосрочных займов. Это форма финансового инжиниринга – заимствования под залог денежных средств, полученных от проекта. Оно зависит от подробной оценки рисков, связанных со строительством, эксплуатацией, получением доходов и распределением их среди инвесторов, кредиторов и других участников договорных и прочих отношений. По существу, это прекрасно подходит для финансирования проектов ГЧП. Проектное финансирование – не то же самое, что финансирование проектов, потому что проекты финансируются множеством разных способов. Например, за счет государственных заимствований, при помощи системы государственных закупок, не прибегая к ГЧП[2].

Передача финансовых обязательств по привлечению средств на реализацию инфраструктурных проектов частному сектору – одно из главных различий между государственным/муниципальным заказом и ГЧП (рис. 2).

[1] Ткаченко М. Потенциал для применения механизмов ГЧП для развития общественной инфраструктуры в муниципальных образованиях / Центр развития государственно-частного партнерства. 2016. – С. 7–8.

[2] Йескомб Е.Р. Государственно-частное партнерство: основные принципы финансирования. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 457 с.

Транспортная инфраструктура
- Автомобильные дороги и объекты дорожной инфраструктуры
- Аэропорты
- Морские и речные порты
- Инфраструктура ЖД транспорта
- Общественный транспорт (метро, трамваи)

Коммунальная инфраструктура:
- Объекты обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО)
- Холодное и горячее водоснабжение и водоотведение
- Объекты благоустройства

Социальная инфраструктура:
- Объекты здравоохранения
- Объекты образования
- Объекты физической культуры и спорта
- Объекты культуры и культурного наследия
- Объекты социального и социально-бытового обслуживания населения

Энергетическая инфраструктура:
- Объекты передачи и распределения электрической и тепловой энергии
- Системы уличного и дорожного освещения

IT-инфраструктура:
- Системы фото и видео фиксации нарушений правил дорожного движения
- Организация платного парковочного пространства

Рисунок 2.
Основные сферы и отрасли применения проектов ГЧП

Финансирование проектов ГЧП имеет более сложную по сравнению с государственным/муниципальным заказом структуру статей расходов и источников финансирования.

Состав статей расходов по финансированию проекта ГЧП[1]:

- затраты на предпроектный этап (помимо разработки проектно-сметной документации, также включают разработку финансовой, инвестиционной и контрактной документации; относятся к рисковым безвозвратным издержкам);
- затраты на реализацию проекта – капитальные затраты (осуществляются за счет средств частных инвесторов с возможным софинансированием из бюджета); текущие затраты (включают затраты на эксплуатацию и содержание инфраструктурного объекта, покрываются за счет средств бюджета либо выручки от оказания услуг).

Затраты на предпроектный этап включают комплекс затрат на выполнение работ по первичному отбору, оценке, разработке полной проектной документации, привлечению инвесторов и проведению конкурсных процедур по проекту ГЧП. Сумма данных затрат может составлять от 10% общего объема финансирования проекта ГЧП. Ключевой особенностью затрат на предпроектный этап является их рисковый характер, обусловленный необходимостью проведения подробной оценки и проработки проектов, а также комплекса мероприятий по взаимодействию с потенциальными инвесторами и органами ГМУ до финального решения о реализации инвестиционного проекта. Вследствие рискового характера и значительного объема (в абсолютном значении и относительно прочих инвестиционных проектов) и частный сектор, и органы ГМУ стремятся переложить большую часть затрат на подготовительные работы по проектам ГЧП друг на друга[2].

Финансирование предпроектных работ из бюджета позволяет стимулировать спрос со стороны частных инвесторов на проекты ГЧП в регионе и таким образом:

- сократить сроки и повысить вероятность привлечения внебюджетного финансирования в проект ГЧП, в том числе в инвестиционные проекты со сложной структурой реализации;
- привлечь дополнительных участников конкурсных процедур, улучшая предложения по условиям соглашения о ГЧП для публичного партнера;
- повысить приоритетность политики в сфере ГЧП и общую эффективность управления проектами ГЧП в регионе.

Участие частного сектора в финансировании предпроектных работ важно для привлечения компетенций и экспертизы частных компаний. Разделение рисков по финансированию данных работ стимулирует частные компании к дальнейшему участию в проекте и повышает качество разрабатываемой документации. Заинтересованность частного инвестора в затратах на предпроектный этап имеет место в случае инициации проекта частной стороной, а также высокой инвестиционной привлекательности проекта.

Капитальные затраты направлены на проектирование, строительство, реконструкцию или модернизацию объекта инфраструктуры и осуществляются преимущественно за счет средств частных инвесторов. В случае софинанси-

[1] Рекомендации по реализации проектов ГЧП в субъектах Российской Федерации. – М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2013. – С. 34–39.

[2] Тхориков Б.А. Методология индикативного управления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 10. – С. 154–157.

рования капитальных затрат рекомендуемая доля бюджетных средств должна составлять не более 70% (может быть компенсирована после ввода объекта в эксплуатацию).

Текущие затраты по проектам ГЧП включают эксплуатацию и управление инфраструктурным объектом и покрываются в зависимости от доходной модели за счет потребителей услуг данного объекта либо средств бюджета. В целях повышения инвестиционной привлекательности проекта ГЧП часть текущих затрат может быть субсидирована как гарантия минимальной загрузки объекта. В мировой практике специальные требования к долгосрочным расходным обязательствам по покрытию текущих затрат по проектам ГЧП преимущественно не применяются, поскольку предполагается, что органы публичной власти не нарушают выданных обязательств. Однако вследствие необходимости широкого привлечения частных инвесторов в проекты ГЧП в ряде государств также практикуется отнесение расходных обязательств бюджета по проектам ГЧП к долговым обязательствам.

Кроме того, затраты по проектам ГЧП разделяются на два вида: прямые (безусловные) и условные затраты. Прямые затраты осуществляются непосредственно в соответствии с проектной документацией и условиями соглашения о ГЧП. Условные затраты возникают в случае реализации рисков по проекту ГЧП и направлены на устранение причин и последствий данных рисков. Условные затраты, связанные с прогнозируемыми рисками, которые отражены в соглашении о ГЧП, возлагаются на ту сторону, которая может управлять ими наиболее эффективно. В свою очередь непрогнозируемые риски, которые не могут быть отражены в соглашении о ГЧП, распределяются между сторонами на основании дополнительного соглашения, которое подписывается сторонами в случае наступления таких рисков.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации финансирование капитальных затрат по проекту ГЧП может осуществляться при помощи следующих инструментов:

- долевое финансирование, включая собственные средства частного инвестора и средства Фонда национального благосостояния;
- долговое финансирование: облигационный займ, включая средства пенсионных фондов, привлекаемые посредством выпуска ипотечных, корпоративных и концессионных облигаций; кредиты российских и международных финансовых институтов (ВЭБ, ЕБРР, IFC и др.) в том числе с использованием инструментов проектного финансирования; кредиты государственных и коммерческих банков;
- гранты международных финансовых институтов.

Источники финансирования определяются по согласованию сторон проекта ГЧП: частным инвестором – с точки зрения рисков и доходности по проекту и ситуации на рынке капитала; органами ГМУ – с учетом приоритетов развития инфраструктурного комплекса, бюджетной эффективности и долговой нагрузки.

Для реализации проектов ГЧП в большинстве случаев создается специализированная проектная компания (так называемая СПК), которая аккумулирует финансовые ресурсы. Как правило, специализированная проектная компания формируется для осуществления инвестиционной сделки и приобретает определенные права собственности или обязательства по проекту. Данная компания учреждается инициаторами проекта. Основной целью создания СПК является аккумулирование активов, обязательств и рисков частной стороны по проекту. СПК также служит инструментом для защиты активов и обеспечения совместного владения активами по проекту, а также управления корпоративными финансами в процессе привлечения долгового и долевого финансирования. Важную роль в финансировании проектов ГЧП играют первоначальные инвесторы – инициаторы проекта (так называемые «спонсоры проекта»), которыми могут быть разработчик проекта, инжиниринговая или строительная компания, управляющая компании или некоторый частный инвестор. Другими участниками финансирования проектов ГЧП являются кредиторы – лица, инвестирующие в проект после его разработки, – коммерческие банки, банки развития, различные финансовые учреждения, а также иные стратегические инвесторы, такие, как пенсионные фонды. Средства пенсионных фондов являются привлекательным источником финансирования проектов ГЧП в России вследствие рублевой ликвидности, долгосрочного характера размещения пенсионных накоплений, низкой процентной ставки по данному виду капитала, а также наличия высокого спроса со стороны данных организаций на новые инструменты, позволяющие диверсифицировать портфель вложений.

Преимущества пенсионного финансирования[1]:

- совпадение валюты (рублевое финансирование проектов с рублевой выручкой и как следствие отсутствие валютного риска);
- долгосрочный характер (при инвестировании пенсионных накоплений могут использоваться инструменты с горизонтом вложения до 15 лет);
- привлекательная ставка (целевой доходностью инвестирования пенсионных накоплений является ставка, превышающая размер процента по облигациям федерального займа на 2–4% либо привязанная к инфляции плюс 1–2%);
- возможности для размещения (например, расширенная инвестиционная декларация Внешэкономбанка позволяет приобрести 70% выпуска ипотечных облигаций);
- высокий спрос (снижение доходов от инвестирования пенсионных накоплений одновременно с увеличением объема средств под управлением обеспечивает необходимость новых объектов для инвестирования).

Оптимальным инструментом для привлечения пенсионного финансирования являются концессионные и ипотечные облигации. Для данных ценных бумаг принято специальное нормативное регулирование, позволяющее инвестировать пенсионные накопления в упрощенном порядке. Концессионные облигации представляют собой вид ценных бумаг, которые юридическое лицо (частный партнер) выпускает на основании заключенного концессионного со-

[1] Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП / Ассоциация «Центр развития ГЧП»; Министерство экономического развития Российской Федерации. – М., 2016. – С. 2–12.

глашения. Концессионные облигации предполагают целевой характер эмиссии – реализация действующего концессионного соглашения. Выпуск концессионных облигаций может быть дополнительно обеспечен государственной гарантией Российской Федерации либо Внешэкономбанка.

Порядок выпуска концессионных облигаций включает следующие этапы:

1. концессионер (частный партнер по проекту ГЧП) заключает с концедентом соглашение (при этом для привлечения пенсионного финансирования требуется, чтобы в качестве концедента выступал субъект РФ или Российская Федерация);

2. далее концессионер вправе выпустить концессионные облигации, которые могут быть включены в котировальный список А1;

3. с помощью привлеченных средств концессионер реализует проект в соответствии с условиями и требованиями концессионного соглашения;

4. концессионер получает от эксплуатации объекта концессионного соглашения выручку, за счет которой погашает номинальную стоимость и купонный доход по концессионным облигациям.

Решением об эмиссии данных облигаций предусматривается право владельца облигаций предъявить их к досрочному погашению в случаях: делистинга или обращения одной из сторон концессионного соглашения в суд с требованиями о его досрочном расторжении.

Ипотечные облигации также являются эффективным средством привлечения средств пенсионных фондов к финансированию проектов ГЧП. Данные ценные бумаги могут быть использованы при условии, что они были допущены к торгам и соответствуют хотя бы одному из критериев:

- выпуску облигаций присвоен рейтинг не ниже «BB-» по Fitch или Standard&Poor's либо «Ba^3» по Moody's;
- выпуск облигаций должен быть включен хотя бы в один котировальный список высшего уровня.

Порядок выпуска ипотечных облигаций включает следующие этапы:

1. частный партнер заключает с банком договор кредита под залог объектов недвижимости (далее – ипотечный кредит);

2. банк реализует ипотечный кредит организации, специально созданной для реализации данной сделки (далее – ипотечный агент);

3. ипотечный агент осуществляет эмиссию ипотечных облигаций, реализуемых компании, управляющей пенсионными накоплениями;

4. средства, привлеченные от размещения облигаций, направляются банку в порядке оплаты по ипотечному кредиту;

5. ипотечный агент погашает ипотечные облигации за счет поступлений от частного партнера (условия по ипотечному кредиту синхронизированы с условиями погашения ипотечных облигаций).

Органам публичной власти необходимо осуществлять мониторинг и контроль исполнения соглашений о ГЧП с целью повышения результативности и эффективности их реализации. Данные процедуры призваны обеспечить выполнение соглашения и координацию взаимодействия публичной и частной сторон в процессе реализации проекта. Мониторинг и контроль рекомендуется осуществлять в течение всего срока реализации проекта ГЧП, включая подготовку условий контроля проекта при разработке соглашения о ГЧП (процедуры разрешения споров и механизмы корректировки соглашения) и стадию завершения проекта (контроль за передачей активов и иные операции).

По сравнению с государственным/ муниципальным заказом мониторинг и контроль проекта ГЧП характеризуется большей продолжительностью и сложностью, обеспечивая:

- соблюдение сторонами соглашения о ГЧП своих обязательств, включая, непрерывность предоставления и высокое качество услуг инфраструктурного объекта; своевременное осуществление платежей сторонами соглашения о ГЧП;
- управление рисками публичной и частной сторон;
- реагирование на изменения во внешней среде в части угроз и новых возможностей для проекта.

Мониторинг и контроль проекта ГЧП включает следующие основные функции: организация работы ответственных органов власти; мониторинг результатов реализации проекта ГЧП (ключевых показателей эффективности проекта, закрепленных в соглашении о ГЧП); работа с изменениями по проекту; контроль за передачей активов и иными операциями при завершении проекта.

Значительным заимствованиям со стороны проектных компаний способствует то, что в целом сложнее привлечь капитал, чем заем. А если необходимость в привлечении большего объема капитала связана с необходимостью привлечения большего числа инвесторов, это лишь усложняет управление проектом (особенно на этапах конкурса и строительства). Более того, если привлекается много инвесторов, первоначальные спонсоры могут потерять контроль над проектом.

Голодов С.В.
к.э.н., доцент РЭУ
sergej-golodov@yandex.ru

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *валовой внутренний продукт, валовой региональный продукт, численность занятых, эффективность экономики, кластерный анализ, экспоненциальное сглаживание, прогноз.*

Производительность труда используется как интегральный показатель эффективности экономики. Дискуссия о том, какими показателями измерять, какие факторы оказывают наиболее существенное влияние на динамику производительности труда, чем объясняется отраслевая и региональная дифференциация, продолжается не один десяток лет. Изменение социально-экономической модели в Российской Федерации происходило под лозунгами повышения эффективности экономики, в частности, декларировалось, что рыночная экономика, конкуренция создают эффективного собственника, формируют значительно более высокий уровень производительности труда. Так ли это? Есть смысл провести анализ, сравнить.

Руководители страны всё чаще и серьёзнее обращают внимание на проблему роста производительности труда. «Мы по-прежнему не можем задействовать ключевой резерв развития экономики, имею в виду рост производительности труда. По итогам 2014 года он составил всего полпроцента, а по итогам первого квартала текущего года показатель вообще ушел в минус», – сказал В.В. Путин на совещании по реализации майских указов.[1] Указ Путина о долгосрочной государственной экономической политике, подписанный в мае 2012 года, содержал поручение правительству принять меры для увеличения производительности труда к 2018 году в 1,5 раза относительно уровня 2011 года.

Динамика производительности труда (отношение валового регионального продукта в текущих ценах к численности занятых в регионе) по федеральным округам представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика производительности труда по федеральным округам РФ тыс. руб.)

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Российская Федерация	88,4	263,9	538,9	823,3
Центральный федеральный округ	102,2	327,7	681,9	1017,1
Северо-Западный федеральный округ	86,6	211,6	548,6	818,7
Южный федеральный округ	56,4	124,6	363,1	601,5
Северо-Кавказский федеральный округ	40,4	99,5	245,1	393,2
Приволжский федеральный округ	72,8	158,9	389,3	619,2
Уральский федеральный округ	151,4	376,3	852,4	1304,7
Сибирский федеральный округ	78,2	181,1	451,9	667,4
Дальневосточный федеральный округ	97,4	213,1	671,8	1009,1

Традиционный статистический анализ позволяет выделить регионы, которые опережают уровень производительности труда, сложившийся в Российской Федерации, а также регионы, отстающие от него.

К первым относятся: Центральный, Уральский, Дальневосточный федеральные округа. Все остальные демонстрируют показатели ниже, чем по стране. Причём, если Центральный федеральный округ опережает уровень России довольно давно, то Дальневосточный округ устойчиво превысил этот показатель в 2008 г.

Все три округа характеризуются развитой промышленностью, наукой, сферой образования. Дальневосточный округ отстаёт по этим параметрам, но в последние годы укрепление связей России со странами азиатско-тихоокеанского региона стимулируют и общий подъём экономики округа.

Группировка федеральных округов проведена с помощью метода кластерного анализа к-средних. Исходная матрица представляет собой пространственно-временной массив данных – 8 региональных образований и динамику производительности труда с 2000 г. по 2014 г. В результате расчётов получено четыре кластера.

В первый кластер вошёл Уральский федеральный округ. В нём, как уже отмечалось, изначально отмечался высокий уровень показателя. Производительность труда в этом округе на протяжении всего исследуемого периода превышает показатели всех других округов.

Второй кластер включает Северо-Кавказский федеральный округ. Показатели в нём практически самые низкие за весь исследуемый период.

[1] http://vz.ru/news/2015/5/7/744093.html

Третий кластер включает Центральный, Северо-Западный и Дальневосточный округа. Их показатели довольно близки. Их объединение объясняется развитой промышленной базой, особенно её оборонной компонентой. Причем показатель Дальневосточного округа опережает соответствующий показатель Северо-Западного округа.

В четвёртый кластер вошли Южный, Приволжский и Сибирский округа. Значения производительности труда в этих округах очень близки. И они существенно отстают от лидеров. На рис. 1 показана динамика производительности труда.

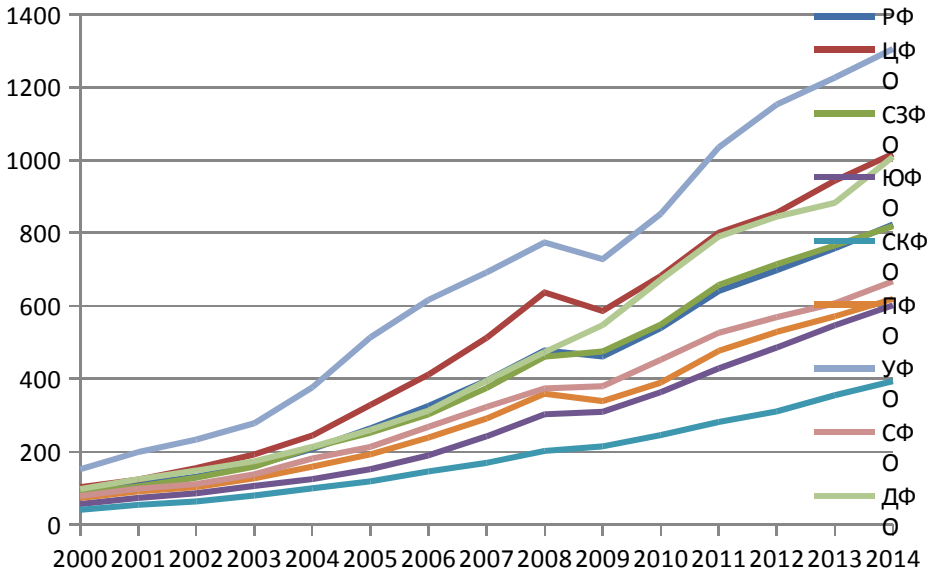


Рисунок 1.
Динамика производительности труда, тыс. руб.

С помощью экспоненциального сглаживания выполнены прогнозы производительности труда до 2020 г. Они приведены в табл. 2.

Таблица 2

Прогноз производительности труда, тыс. руб.

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Российская Федерация	1016,6	1080,9	1145,4	1209,8
Центральный федеральный округ	1250,6	1328,2	1405,9	1483,5
Северо-Западный федеральный округ	984,7	1039,8	1095,0	1150,2
Южный федеральный округ	772,6	829,5	886,4	943,4
Северо-Кавказский федеральный округ	510,8	549,9	589,1	628,3
Приволжский федеральный округ	766,9	815,9	865,04	914,1
Уральский федеральный округ	1547,8	1628,6	1709,5	1790,4
Сибирский федеральный округ	824,4	877,0	929,7	982,3
Дальневосточный федеральный округ	1319,7	1423,8	1527,9	1632,1

Динамика производительности труда демонстрирует устойчивость тенденции, что позволяет предположить наличие существенных возможностей для осуществления поставленной задачи – повышение производительности труда к 2018 г. в 1,5 по отношению к уровню 2011 г.

Список литературы

1. Воскобойников И., Гимпельсон В. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 11.
2. Татарников О.В., Голодов С.В. Статистическое моделирование инновационных процессов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2014. – № 3 (27).
3. www.gks.ru

Горнин Л.В.
к.э.н., Министерство финансов РФ

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КОМПЛЕКСА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ПРОДУКЦИИ МЯСНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: *государственное регулирование; межрегиональная интеграция; комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства; этноэкономика.*

Keywords: *state regulation; interregional integration; complex industrial processing of livestock products; the ethnical economy.*

Сельское хозяйство Сибирского федерального округа развивается в соответствии со Стратегией долгосрочного социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации[1], предусматривающей полное обеспечения населения страны продовольствием, а предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности – разнообразным сырьём. В границах федеральных округов между регионами происходит постоянный обмен необходимым продовольствием. Однако современный технологический уровень позволяет внедрять технологии глубокой переработки продукции мясного животноводства и получать разнообразную продукцию, являющуюся сырьём для целого ряда отраслей.

В проводимом исследовании поставлена задача научного обоснования возможностей развития региональной экономики путём создания комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства. На основе продуктового подхода в данный комплекс объединены: пищевая промышленность (мясная); комбикормовое производство; подотрасли легкой промышленности (текстильная, кожевенная, овчинно-шубная); фармацевтическая. Таким образом, в комплекс объединены абсолютно разные отрасли, в основе деятельности которых лежит переработка животноводческого сырья, что не в полной мере соответствует общепринятой системе государственного регулирования, основанной на отраслевом подходе.

Проведенные исследования показали, что мясное животноводство – это совокупность отраслей, поставляющих рынку, прежде всего, мясо. Помимо этого остаётся непищевое сырьё (у каждой отрасли – своё), которое служит основой для производства в других отраслях экономики – лёгкой, комбикормовой, химической и др. Развитие отраслей промышленности во многом сдерживается отсутствием отечественного оборудования для переработки непищевого сырья – эндокринного, кож, шерсти и др. Поэтому вполне логична прямая связь между развитием машиностроения для отраслей, потребляющих непищевое сырье мясного животноводства, и самим мясным животноводством. Этот подход позволяет рассматривать совокупность отраслей сельского хозяйства, перерабатывающих отраслей и машиностроения как единый комплекс (рис. 1).

В сложной макроэкономической ситуации, в которой находятся в настоящее время значительное число регионов России, необходим поиск «точек роста», комплексный подход к использованию региональных ресурсов. Считаю, что всё большую актуальность в планировании получает территориально-отраслевой подход. Как развивать каждую из подотраслей, объединённых в комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства? Здесь необходимо учитывать и наличие крупных корпоративных объединений на территории региона, и кластерный подход, который осуществляется в ряде регионов. В Омской области создаются крупные агрокластеры, действующие в масштабах области и базирующиеся на переработке конкретного вида сельскохозяйственного сырья: зерновой, мясной, молочный и т.д. В Новосибирской области кластеры создаются на муниципальном уровне. В Алтайском крае развиваются корпоративные объединения. В республиках Бурятия, Тыва, Алтай в основу развития аграрного производства заложено развитие этноэкономики.

В условиях рынка в Российской Федерации государственное регулирование экономики представляет собой систему мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых правомочными государственными учреждениями с целью приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям хозяйствования[2].

Роль государства следует рассматривать с двух позиций – как регулятора деятельности экономических субъектов, а также как собственника и предпринимателя. Деятельность регулятора реализуется исполнительными органами управления в каждой из отраслей экономической деятельности, при этом используются определенные формы и методы воздействия на всех уровнях государственного управления.

---

[1] Стратегия долгосрочного социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации до 2020 г. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – http://www.mcx.ru

[2] Янбарисов Р.Г. Экономическая теория: уч. пособие. – М.: ИД-«ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2009. – С. 511.

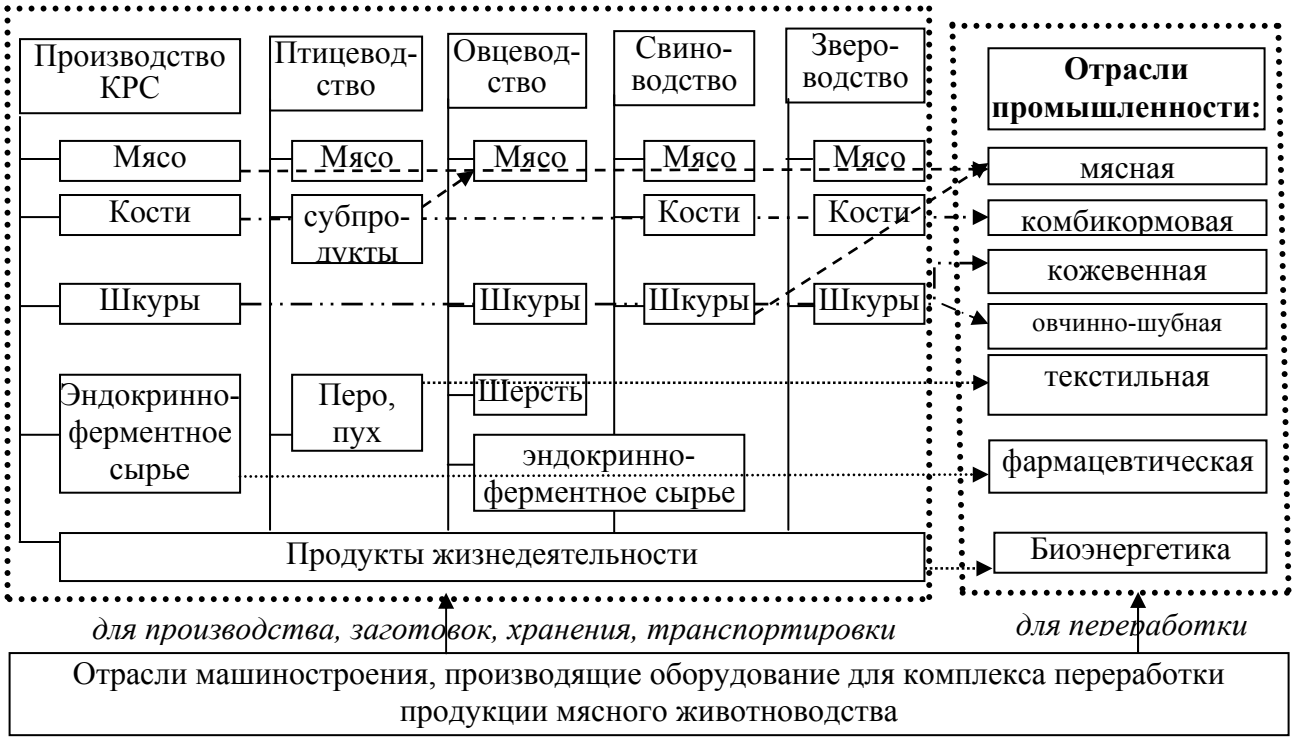


Рисунок 1.
Структура комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства

Государственное регулирование экономики можно определить как одну из функций органов государственного управления (наряду с планированием, контролем и др.) и одновременно как систему, имеющую целевую установку, в которой есть объекты, в отношении которых реализуется данная функция, субъект, реализующий её, и организационно-экономический механизм, посредством которого эта функция реализуется.

Целями государственного регулирования экономических отраслей, входящих в комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства, являются: достижение экономической и социальной стабильности; обеспечение национальных конкурентных преимуществ; адаптация рыночного механизма к различным ситуациям, складывающимся под влиянием внешних факторов. С помощью государственного регулирования обеспечивается создание экономико-правовых условий для развития стабильных взаимовыгодных производственно-технологических связей планируемого комплекса с производителями сельскохозяйственного сырья, наиболее рационального расположения предприятий комплекса, формирования межрегиональной инфраструктуры материально-технического обеспечения и обслуживания и товародвижения готовой продукции.

Задача государственного регулирования на внутреннем рынке – стимулировать субъекты, производящие конкурентоспособную высокотехнологичную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Для расширения государственного регулирования комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства необходимо учитывать ситуацию, складывающуюся в мировой экономике.

Мир, как считает ряд ученых, постепенно превращается в единую торговую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, где свободно распространяются идеи и передвигаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и совершенствуя механизмы их взаимодействия[1], унифицируются методы управления, распространяются одинаковые жизненные стандарты[2], национальные производства и финансы становятся все более зависимыми от регулирования международных субъектов, накапливаются структурные сдвиги[3]. Эти процессы являются составными частями глобализации, включающей процессы возникновения либерализованной и интегрированной мирохозяйственной системы и экономической экспансии.

Уровень конъюнктуры глобального рынка определенного товара в открытой экономике неизбежно сказывается на уровне цен на этот товар на национальном рынке, что является ориентиром для товаропроизводителей при регулировании себестоимости продукции, а значит, уровня конкурентоспособности данного товара и конкуренции на рынках отдельных стран, позволяя формировать политику продвижения своего товара внутри страны и за рубежом, оттесняя товар конкурента, или выживая и сохраняя узкий сегмент уже имеющегося рынка.

---

[1] Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.; Клавдиенко В.П. Глобализация мирового хозяйства и трансформация экономических систем в странах Восточной Европы и России // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 6. Экономика. 2000. – № 5. – С. 78–87.

[2] Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России. Доклады и выступления на международной научной конференции (21–23 июня 2002 г.) / Под ред. А.В. Бузгалина. – М., 2002. – Т. 2. – С. 14.

[3] Кучуков Р. Некоторые особенности процесса глобализации / Р. Кучуков, А. Савка // Экономист. – М., 2003. – № 5. – С. 40–46.

Считаю, что при организации государственного регулирования общеэкономических отраслевых пропорций необходимо более четко применять комплекс элементов структурной и отраслевой политики, тогда формулируется региональная промышленная политика, что позволяет более полно использовать резервы регионов и федеральных округов.

Необходимо формирование субфедеральной программы в рамках Сибирского федерального округа, включающей основные направления государственного регулирования комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства, минуя в качестве предваряющего этапа разработку соответствующей федеральной программы и учитывая перспективы развития отраслей на федеральном уровне, что позволит сократить количество уровней планирования, сформировать устойчивые межрегиональные связи и значительно повысит экономическую эффективность управления регионами.

Отраслевая структура может иметь различную ориентацию: социальную, милитаристскую, сырьевую. В настоящее время в Сибирском федеральном округе отраслевая структура имеет социальную ориентацию, а предлагаемый комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства имеет ярко выраженную социальную ориентацию, так как включает в себя отрасли потребительского сектора.

Цель структурной политики заключается в формировании общегосударственных, межотраслевых и региональных пропорций, обеспечивающих повышение аллокативной эффективности и конкурентоспособности отраслей экономики[1].

Именно поэтому целесообразно развивать государственное регулирование на субфедеральном уровне, что позволит формировать устойчивые хозяйственные связи между регионами Сибирского федерального округа на основе комплексного использования ресурсной базы, создавать условия для технологического обновления отраслей комплекса, совершенствовать структурную политику и на этой основе выравнивать условия социально-экономического развития регионов, входящих в округ.

Выбор модели структурной политики зависит от того, какой критерий ориентации выбирается для отрасли: ориентация на внешний или на внутренний рынок. Считаю, что выбор в данном случае определяется уровнем конкурентоспособности конечной продукции, поэтому у отраслей, входящих в комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства, ориентация будет разная. Но общим направлением для развития каждой из этих отраслей должно быть удовлетворение потребностей прежде всего населения собственной страны и постепенное вытеснение с российского рынка импортной продукции. Для решения этой задачи потребуется продуманная отраслевая политика, включающая меры государственного регулирования деятельности в этих отраслях. Рассмотрим основные задачи по отраслям, входящим в комплекс промышленной переработки продукции мясного животноводства. Мясная промышленность является самой развитой среди отраслей, включенных автором в данный комплекс, и единственной, направленной на решение проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны. И именно в ней сложился ряд проблем, характерных для пищевой промышленности Сибирского федерального округа (табл. 1):

– уровень самообеспечения округа составляет 86,8%, значительно колеблется по регионам. Только 4 региона вывозили мясо и мясопродукцию за пределы региона, в остальных она потребляется на месте;

– самый низкий уровень самообеспечения наблюдается в регионах, где производство мяса сосредоточено в личных подсобных хозяйствах: Республике Бурятия, Республике Тыва, Забайкальском крае.

Таблица 1

Уровень самообеспечения регионов СФО мясом*

	Уровень самообеспечения регионов СФО мясом, 2014 г. в %	Мясо (Ввоз (+), вывоз –)), тыс. т	Удельный вес ЛПХ в общем объеме производства мяса в регионе
Республика Алтай	142,8	–8,7	68,3
Республика Бурятия	56,2	+26,3	76,9
Республика Тыва	71,0	+4,9	76,1
Республика Хакасия	92,3	+2,8	58,9
Алтайский край	139,6	–67,2	53,6
Забайкальский край	64,6	+25,9	87,5
Красноярский край	69,6	+66,4	50,7
Иркутская область	60,8	+64	40,7
Кемеровская область	48,0	+96	28,6
Новосибирская область	89,4	+19,8	41,0
Омская область	130,5	–42,6	45,1
Томская область	124,9	–16,6	19,2
Сибирский федеральный округ	86,8	+171,0	47,6

* Собственные расчёты автора на основе данных Росстата.

Потенциальное увеличение объёмов сбыта мясной продукции на рынке СФО, по расчетам автора составляет 171,0 тыс. тонн мяса и мясной продукции. Поэтому для дальнейшего развития данной отрасли государство должно выбрать поддержку стратегии её роста и основную ставку сделать на предприятия малого и среднего бизнеса, учитывая следующие факторы:

[1] Мельников В.В. Государственное регулирование национальной экономики: учеб. пособие для магистров. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2015. – 338 с.

– продукция в основном скоропортящаяся, длительная транспортировка снижает её качество и сроки реализации;

– учитывая низкую плотность населения в большинстве муниципальных районов СФО, необходимо развивать малые предприятия мясной промышленности непосредственно в сельских районах;

– всем предприятиям отрасли необходимо вести более гибкую ассортиментную стратегию с учетом особенностей потребления мясной продукции местным населением;

– создать логистическую систему, которая на масштабной территории Сибири будет дорогостоящей, если не будет создана на основе высоких технологий, обеспечивающих диспетчеризацию и навигацию.

Развитие малого бизнеса в сельской местности имеет двойное социальное значение: занятость, повышающую доходность населения, и как следствие, рост потребления мясной продукции на местах (сегодня покупательная способность сельского населения гораздо ниже, чем в городах) и развитие сельской территории за счет увеличения налоговой базы местных бюджетов.

Кроме того, именно малый бизнес даёт возможность производить уникальную продукцию по рецептурам народов Сибири и на основе использования нетрадиционных видов сырья. Во всех регионах СФО приняты программы по развитию туризма, в том числе гастрономического туризма, главная цель которого – показать особенности питания, существующие в Сибири, разнообразие национальных кухонь за счет выпуска готовой продукции по национальным рецептам (алтайская, бурятская, тувинская, татарская, немецкая, кумандинская, хакасская, якутская, русская, украинская и другие виды кухонь, в зависимости от народа, проживающего на данной территории).

Второе направление государственного регулирования мясной отрасли – поддержка использования нетрадиционного мясного сырья, уникального для мирового продовольственного рынка и производящегося или добываемого в СФО. К данной категории сырья следует отнести:

– мясо северных оленей и маралов;

– мясо боровой, водоплавающей, болотной и полевой дичи, диких животных, добываемых на охоте (лось, косуля, горный козёл, кабан, медведь) практически не используемое в мясной промышленности, являющееся ценным сырьем для освоения национального и международного продовольственного рынка. Это – экологически чистая продукция, не вывозящаяся из регионов её производства. Отраслевые стандарты переработки, хранения и транспортирования должны быть разработаны сибирскими технологами с учетом более длительного транспортирования и требованиям производства экопродукции.

Требуется государственная поддержка разработки технологий переработки мяса всех видов дичи, учитывающих, в т. ч. особенности его потребления в странах-соседях, что входит в задачи научных центров и вузов Сибирского федерального округа. Главной задачей государственной поддержки мясной промышленности Сибири должно стать развитие производства собственной уникальной продукции и её активное продвижение прежде всего на национальном рынке.

Объектами государственного регулирования непродовольственного животноводческого сырья являются наиболее значимые для сельских территорий виды продукции мясного животноводства: шкуры и шерсть.

По данным Российского союза кожевников и обувщиков, по результатам опроса предприятий кожевенной промышленности России в 2014 г. ими переработано 115 тыс. тонн (на 11% ниже уровня 2013 года). С учетом того, что при максимальной загрузке мощностей годовая потребность в кожевенном сырье российских кожевенных предприятий составляет 220 тыс. тонн, дефицит сырьевых кожевенных ресурсов составляет 40%[1].

Значительно пополнить рынок кожевенного сырья можно за счёт грамотной организации заготовительной деятельности в муниципальных районах республик, развивающих этноэкономику. Например, в Республике Тыва в настоящее время создана уникальная система хозяйствования в форме аратских и семейно-родовых хозяйств, которые производят 92% продукции сельского хозяйства республики. Основной проблемой этнического хозяйства является отсутствие структуры по реализации продукции. В связи с плохой реализацией в мусор выбрасывается ценнейшее сырьё для производства – кожа и руно, массово сжигают шерсть в отдаленных чабанских стоянках из-за неразвитости транспортных услуг. Государственное регулирование в этом вопросе играет стратегическую важную роль, так как совершенная логистика перемещения сырья и товаров является основным требованием развития предпринимательской деятельности в Туве[2].

Серьезной проблемой для основного потребителя кожевенного сырья – обувной отрасли – является её импортозависимость, обусловленная тем фактором, что производство обуви на 70% (по оценке экспертов) представляет собой сборку импортируемых частей (деталей) обуви и в меньшей степени зависит от конъюнктуры рынка кожевенного сырья. В этой ситуации реализация в Сибирском федеральном округе стратегии развития комплекса промышленной переработки продукции мясного животноводства призвана стать дополнительным стимулом для реализации федеральной Стратегии развития легкой промышленности, а значит, разработка в её рамках подпрограммы развития кожевенной, обувной, овчинно-шубной и меховой промышленности в Сибирском федеральном округе является своевременной и актуальной. Именно интеграционные процессы в рамках Сибирского федерального округа позволят не только активно развивать сельское хозяйство, но и возродить отечественную легкую промышленность.

---

[1] Развитие рынка кожи в Российской Федерации. – http://www.souzkogevnikov.ru/news/?p=8

[2] Донгак Б.А. Современные проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере этнического хозяйства Республики Тыва // Фундаментальные исследования. 2014. – № 9–1. – С. 139–142.

Губайдуллина Т.Н.
д.э.н., профессор Казанского (Приволжского) федерального университета
m155308@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОЦЕНКИ УРОВНЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: *устойчивое развитие эколого-экономической системы, модель устойчивого развития, проблемы и противоречия.*

Keywords: *sustainable development of ecological-economic systems, model of sustainable development, issues and contradictions.*

Для условий России устойчивое развитие предполагает прежде всего поступательное движение страны по стратегической траектории, обеспечивающей достижение объективно прогрессивной системы общественных целей, для чего особенно важным является смена приоритетов общественного развития в направлении обеспечения эффективного развития и сохранения природного и трудового потенциала, развития человека как активного участника эволюции как экономической, так и экологической систем, нацеленного в первую очередь на сохранение и совершенствование человека, качественных параметров его жизнедеятельности, на создание необходимых условий для более полной реализации его творческих и духовных начал.

Так, в Декларации Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро устойчивое развитие определяется как ряд целевых направлений, включающих в себя права человека на здоровую жизнь, охрану окружающей среды в качестве важнейшего элемента в рамках процесса общественного развития, уменьшение разрыва между уровнем жизни народов мира и другие. В этих документах устойчивое развитие рассматривается в антропогенном ракурсе, то есть основным принципом является выживание и возможность неопределенно долгого развития цивилизации.

Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением авторов, утверждающих, что решающим фактором в развитии человечества в современную эпоху являются предельные возможности биосферы, а устойчивое развитие человечества, мировой системы и стран мира – это такое развитие, которое протекает в условиях устойчивой биосферы, т.е. такое экономическое, прежде всего, развитие, которое полностью соответствует возможностям биоты сохранять окружающую среду благоприятной для существования человечества. Или, другими словами, под устойчивым развитием[1] следует подразумевать целенаправленное антропогенное изменение природной среды и социального положения, которое должно помочь обществу преодолеть ограниченность биосферных условий его существования.

В приведенных определениях, по-нашему мнению, сформулирован принцип, который должен быть положен в основу понимания устойчивого развития – биосфероцентрический, то есть сохранение окружающей природной среды, устойчивости и возможности естественной эволюции биосферы.

Основой концепции перехода на модель устойчивого развития является ее ноосферная направленность, что означает развитие общества, и прежде всего экономических отношений в нем, приемлемое для сохранения экологической ниши человека, а значит, и условий для развития цивилизации. Особый интерес представляют конкретные направления практической реализации концепции устойчивого развития.

В основе территориального (регионального) подхода к исследованию проблем устойчивого развития лежит тезис о единстве эколого-экономического пространства и противоречивости эколого-экономических интересов субъектов, хозяйствующих на этом пространстве. Устойчивое развитие может характеризоваться при этом на различных уровнях: глобальном, национальном, местном. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение методологических проблем устойчивого развития отдельного предприятия как основного товаропроизводителя, функционирующего в условиях экономического и экологического кризиса. Данный аспект является объектом научных изысканий в основном специалистов в области экономической географии, хотя в последние годы появляются публикации экономистов теоретического направления[2], позволяющие на практике реализовывать методологические подходы исследования региональных моделей устойчивого развития.

---

[1] Возняк В.Я. Общественное развитие и экология: взаимосвязь, противоречия, кризисы // Вопросы экономики. – М., 1995. – № 2. – С. 129–138; Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского: Сб. докладов. – М.: Неправительственный Экофонд, 1997. – 155 с.; Федотов А.П. Планета Земля, человечество, экономика // Экономист. – М., 1995. – № 11. – С. 43–56.

[2] См.: Бронштейн А.М., Литвин В.А., Русин И.И. Экологизация экономики: методы регионального управления. – М.: Наука, 1990; Лемешев М.Я., Чепурных Н.В., Юрина Н.П. Региональное природопользование : на пути к гармонии. – М.: Мысль, 1986; Львовская К.Б., Ронкин Г.С. Окружающая среда, рынок, регион. – М.: Наука, 1993; Экономический рост как объект региональных исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1998; Вишнякова О.Н. Экологические проблемы экономической стабилизации в период перехода к устойчивому развитию. Диссерт. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – Казань, 1999 и др.

Необходимо при этом отметить, что среди отечественных ученых термин «устойчивое развитие региона» иногда толкуется без учета влияния на экономику региона экологического фактора[1]. Устойчивость при этом определяется как стабильность, как устойчивое функционирование региона при изменении условий. Кроме того, устойчивость региона трактуется как сопротивляемость к управляющим воздействиям, как понятие, схожее с инерционностью и подвижностью региона.

На наш взгляд, для подобной характеристики развития экономической системы региона более точным понятием является ее «стабильность», отражающая прежде всего финансово-экономические отношения в экономической системе, а категория устойчивости все же должна применяться с позиции научного анализа проблем эколого-экономического взаимодействия, в аспекте исследования критериев экологического типа развития экономики региона. Такой подход широко используется как на глобальном, так и на национальном уровне теоретических и практических разработок.

Согласно докладу «Будущее, которого мы хотим», принятому по итогам конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20», концепция устойчивого развития предполагает сохранение для будущих поколений всего, что необходимо для удовлетворения жизненных потребностей: водных, минеральных, здоровой окружающей среды; энергетических и других природных ресурсов; устойчивой биосферы[2].

Одним из наиболее значимых результатов конференции «Рио + 20», является акцент на учёте природного капитала. Таким образом может быть создан столь необходимый эталон сравнения для стран и компаний, который побудил бы их к действиям, направленным на пополнение баланса планеты, а не на полное истощение её запасов[3].

Достижение глобальных целей устойчивого развития возможно через достижения на местном уровне[4].

Муниципальные образования обладают серьезным потенциалом и способны внести ощутимый вклад в решение социально-экономических задач развития страны. Для этого необходимо определить приоритеты в развитии территорий на основе применения систематизированного подхода к развитию муниципальных образований[5].

В исследовании тенденций устойчивого развития муниципальных образований, проводимых PricewaterhouseCoopers International Limited (PwC), названы «Города возможностей». Проведенный нами анализ результатов данного проекта, который осуществляется с 2007 г., позволяет сформулировать ряд выводов, определить место российской столицы с помощью системы индикаторов устойчивого развития и разработать рекомендации по включению в аналогичные исследования других крупных российских городов, характеризующихся высокими темпами урбанизации. Это позволит более обоснованно формировать стратегические направления их устойчивого развития с целью сохранения ресурсной базы для будущих поколений.

Прежде всего, следует отметить, что в исследование включены крупнейшие города мира: в 2011 г. – 26, в 2012 г. – 27, в 2014 г. – 30, в 2016 г. – 30 городов. Кроме того специальные исследования проводятся по отдельным группам городов. В частности, в 2014 г. был опубликован рейтинг городов семи ведущих стран с развивающейся экономикой «От Москвы до Сан-Паулу», в 2016 г. – рейтинг 10 городов-лидеров, предоставляющих наибольшее число возможностей.

В основу исследования PwC положена система показателей, сгруппированных по направлениям: интеллектуальный капитал и инновации, технологическая готовность, транспорт и инфраструктура, здравоохранение, безопасность и правопорядок: устойчивое развитие и окружающая среда, экономическое влияние, благоприятные условия для ведения бизнеса, затраты, демография и жилищные условия, и другие. Исходная информация содержится в таких источниках, как многосторонние международные организации, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, национальные статистические организации, такие как Управление национальной статистики Великобритании и Бюро переписи населения США, и коммерческие провайдеры данных.

Методические особенности данных расчетов состоят в том, что рейтинги городов по конкретному параметру представляются по убыванию – от большего (лучшего) показателя к меньшему (худшему). Далее городам присваивается балл от самого высокого до 1 (самый низкий показатель). После того как все параметры соответствующим образом ранжированы и оценены по балльной системе, их распределяют по категориям. В каждой категории баллы за тот или иной параметр суммируются для получения общего показателя. В результате составляются таблицы рейтингов, отражающие сравнительные показатели всех городов, участвующих в исследовании.

По каждой группе выявляются города-лидеры. Так, в 2016 г. в число таких городов вошли Лондон (лидер по группам «Интеллектуальный капитал и инновации» и «Вход в город», аналитики отмечают некоторые изменения, связанные с тем, что в этом году в Великобритании прошел референдум о выходе из ЕС), Сингапур (лидер по группам «Технологическая готовность» и «Транспорт и инфраструктура»), Торонто (лидер по группам «Демография и уровень жизни»), Париж (вошел в топ-10 по многим показателям), Амстердам (вошел в топ-10 по семи из десяти параметров,

---

[1] Панасюк М.В. Перспективные подходы к решению проблемы регионального анализа и управления // Экономический вестник РТ. 1998. – № 1–2. – С. 36–44; Khairullov D.S., Panasyuk M.V. Ensuring sustainable development of the regional economy in conditions of Russia's accession to the WTO // Social Sciences and Interdisciplinary Behavior: The 4th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science (ICIBSoS 2015), Kazan Federal University, Kazan, Russia, 22–23 October 2015 & Arya Duta hotel, Jakarta, Indonesia, 07–08 November 2015. – Boka Raton, FL: CRC Press/Balkema (Taylor & Francis Group). 2016. – P. 83–87.

[2] Доклад «Будущее, которого мы хотим», Конференция ООН по устойчивому развитиюРио+20. –http://www.un.org/ru/sustainablefuture/about.shtml

[3] PricewaterhouseCoopers: аналитический обзор расстановки сил в глобальной экономике на период до 2023 года. – http://gtmarket.ru/news/2012/06/22/4449

[4] Повестка дня на 21 век. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch28

[5] Основные положения стратегии устойчивого развития России. – sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/strat.html

по которым оценивались города), Нью-Йорк (высокий рейтинг по группе «Демография и уровень жизни»), Стокгольм (лидер по группе «Устойчивое развитие и окружающая среда»), Сан-Франциско (второе место в рейтинге «Интеллектуальный капитал и инновации»), Гонконг (лидирует по самым разным параметрам), Сидней (высокие баллы по группе «Устойчивое развитие и окружающая среда»)[1].

Первоначально методика исследования была изложена в работе «Города возможностей – 2011». Аналитики PwC рассматривают пути развития 26 городов, которые являются финансовыми, культурными центрами.

Анализируя показатели этих городов, международные эксперты постарались понять, что помогло городам занять лидирующие позиции, что является движущим фактором развития городов, а также передать полученные знания государственным служащим, лицам, определяющим политические курсы, бизнесменам, специалистам и гражданам, вносящим свой вклад в развитие своего города.

Исследование «Города возможностей – 2011» – это четвертое издание, в котором обращается пристальное внимание на некоторые из наиболее актуальных в настоящее время проблем – региональное управление, образование, устойчивое развитие, плотность населения, транспорт и охрану природы[2].

Результаты корреляционного анализа указывают на то, что исследователи движутся в правильном направлении. Существует соответствие между благоприятными экономическими и социальными показателями. Из 10 индикаторов пять находятся в тесной положительной взаимосвязи – интеллектуальный капитал и инновации; здравоохранение, безопасность и защищенность; простота ведения бизнеса; технологическая подготовленность, а также демография и приспособленность для жизни. Другими словами, если один из них растет, другие, как правило, подтягиваются вслед за ним. Например, показатели, отражающие здравоохранение и интеллектуальный капитал следуют друг за другом с поразительной точностью: +87%.

Следует вывод о том, что наиболее конкурентоспособные города – это почти всегда те, в которых мужчинам и женщинам, создающим интеллектуальные ресурсы, предлагаются профессиональные и персональные условия, которые дают возможность обеспечить их здоровье и безопасность.

Как отмечают аналитики PwC, корреляционный анализ вносит интереснейший аспект в исследование, в котором данные создают свои собственные схемы, причем такого рода, в которых случайный маршрут приводит к новым, зачастую неожиданным и парадоксальным выводам, ставящим под сомнение одни теории и подтверждающим другие.

В дополнение к показателям, обсуждавшимся выше, к ним также относятся простота ведения бизнеса, технологическая подготовленность, а также демография и приспособленность для жизни. В этом блоке достойно упоминания то, что только простота ведения бизнеса является «жестким» экономическим или финансовым показателем. Остальные четыре – это социальные, образовательные или технологические показатели.

Что интересно, затраты – наиболее «жесткий» и прямолинейный экономический показатель из всех демонстрирует отрицательные соотношения с экономическим влиянием, а также с транспортом и инфраструктурой.

Это замечательная иллюстрация трансформации современных столичных экономик, которые сегодня зависят от образования, науки и техники, а не от традиционной промышленности. Более того, для того, чтобы закрепить свой успех, современные города обязаны непрерывно привлекать и сохранять высокообразованных, технически грамотных и умеющих использовать цифровые технологии работников умственного труда, которые во все большей степени составляют сущность их человеческого капитала и которые требовательны и бескомпромиссны по отношению к стандартам качества жизни.

Индикатор интеллектуального капитала и инноваций имеет наибольшую корреляцию с каждым другим показателем. Индикатор здравоохранения, безопасности и защищенности – на втором месте. При этом эти два показателя больше соотносятся друг с другом, чем любые другие показатели.

Таким образом, в соответствии с этими данными, успешная современная городская экономика находится в зависимости (и почти исключительно является продуктом) интеллекта и социального благополучия – методическое заключение, которое, как представляется, не столько оспаривает какую-то теорию, сколько подтверждает здравый смысл.

Существует также точка зрения, что преодолеть кризис невозможно только с помощью использования чисто технических средств, необходима перестройка сознания людей. Эту точку зрения развивал Н. Моисеев: «Техническое развитие абсолютно необходимо, но его недостаточно: иной должна стать цивилизация, иным – духовный мир человека, его потребности, его ментальность»[3].

Развитие городов со временем изменяется. Как материальные, так и нематериальные составляющие – физический и интеллектуальный капитал – в современных городах должны быть сбалансированы и нацелены на интенсивное развитие. Интеллект является фундаментом для возникновения новых идей, служит стимулом при создании инноваций. В идеальном мире это приводит к процветанию.

---

[1] PwC: топ-10 городов возможностей. – http://www.vestifinance.ru/articles/74752?pag

[2] Города возможностей-2011. – https://studydoc.ru/doc/2434567/goroda-vozmozhnostej

[3] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 70.

Касаев Б.С.
д.э.н., профессор Финансовый университет
bkasaev@mail.ru

МЕНЕДЖМЕНТ И МАРКЕТИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК ИННОВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова*: экономическая система, менеджмент, маркетинг, инновационные факторы территории.*
Keywords*: economic system, management, marketing, innovative factors of the territory.*

Введение. Территории были в застое, развивались или деградировали в зависимости от эффективной или неэффективной управленческой деятельности. Именно поэтому приоритеты, цели, а также само соотношение менеджмента и маркетинга территорий на самом деле формируют экономическую систему территории с тем или иным уровнем социально-экономического развития. Многочисленные примеры истории различных территорий неопровержимо доказывают, что общественная жизнь во всех формах ее проявления зависит от состояния экономической системы, а последняя зависит от уровня профессионализма и морально-нравственного облика управленцев. С другой стороны современная теория менеджмента «замкнута» на проблемах организаций, которые в основном относятся к классу объектов, производящих товары или оказывающих услуги в составе отраслей и сфер экономики. В этой связи нам представляется, что уже накоплена необходимая критическая масса для того, чтобы расширить содержание современной теории менеджмента. Одним из перспективных направлений в поиске элементов такого наполнения нам представляется разработка аспектов менеджмента для объектов-территорий как особых и сложных организаций для осуществления их менеджмента и маркетинга.

Классы территорий как сложных организаций. Нетипичным примером современных организаций как сложных систем можно считать *территории*, части (функциональные подсистемы) которых, как правило, характеризуются настолько тесными двусторонними связями, что в большинстве случаев изолированное изучение этих подсистем может приводить к неверным выводам. Для определённости будем использовать следующее понятие территории.

Территория — часть земной поверхности в определенных установленных административных границах со свойственными ей географическим положением, природными и созданными деятельностью людей условиями и ресурсами, а также с воздушным пространством и расположенными под нею недрами.

С целью учета сходства и различий в значениях самих параметров объектов будем различать следующие 10 классов объектов – территорий: *страны, регионы, муниципальные образования, территории выделенной структуры: федеральные округа, урбанизированные комплексы, мегаполисы, моногорода, трансграничные, объединения стран, Земля в целом*.

Общей основой для разработки теоретических положений и применения их в практике дальнейшего развития может представляться *методология функционального зонирования*, что на наш взгляд является важным отправным пунктом в исследовании современных территорий, имея при этом ввиду, что каждый объект определенного класса может иметь свои специфические особенности, которые должны быть рассмотрены отдельно в условиях, максимально приближенных к реалиям их функционирования.

С учетом направлений преимущественного использования территория подразделяется на *семь* зон различного функционального назначения: *жилой застройки*, *общественно-деловых центров*, *производственной*, *инженерной и транспортной инфраструктуры*, *рекреационной*, *сельскохозяйственного использования*, *специального назначения*.

На территориях различного класса и уровня рассмотрения сходится большое количество интересов: *государственных, федеральных и региональных, муниципальных, общественных организаций, групп граждан, владельцев земельных участков и коммерческой недвижимости, населения* и т.д.

В связи с этим лица, принимающие решения (менеджеры соответствующего уровня), должны находиться в постоянном поиске путей развития территории различных образований для удовлетворения потребностей населения, федеральных, региональных органов государственной власти, общественных организаций, групп граждан, владельцев земельных участков, коммерческой недвижимости, предпринимательских структур и др.

В виду наличия разнообразных объектов, иерархичности построения самой структуры территория может рассматриваться как сложная система. Поэтому сложность такой системы можно оценивать через разнообразие ее состояний. Так например, если система включает ***n*** элементов, каждый из них может иметь ***q*** состояний, и они связаны «каждый с каждым» (т.е., число связей ***n***(***n***-1), а каждая связь может иметь ***S*** состояний, то общее разнообразие ***C*** такой системы равно:

$$C = q^{n} \cdot S^{n(n-1)}$$

Если рассматривать некую территорию, представленную семью функциональными зонами, то состояние каждой зоны может находиться, например, в пяти состояниях (от высококачественного до дотационного) и если при этом

$\boldsymbol{S}$ =2, то тогда $\boldsymbol{C} = 5^7 \cdot 2^{7\cdot 6} = 5^7 \cdot 2^{42}$, что является довольно большим числом. Такие сложные системы с необозримым разнообразием состояний требуют нового подхода к их анализу и управлению, именно это обстоятельство, на наш взгляд, потребует разработки методических принципов, подходов и методов, отвечающих на вызовы новых направлений в современной теории менеджмента.

Роли менеджмента и маркетинга в формировании и развитии экономической системы территории

Экономическую систему территории определяют как функциональную подсистему общества, в которой осуществляется производство, распределение и потребление материальных благ и услуг. В обобщенном виде функционирование экономической системы можно представить блок-схемой, приведенной на рис. 1.

В результате разделенного осуществления процессов общественного труда происходит преобразование различных (природных, материальных, энергетических, информационных и др.) ресурсов в материальные блага и услуги, потребляемые обществом.

В результате указанных преобразований, общество по отношению к экономической подсистеме преобразования ресурсов (производственной системе) выступает, с одной стороны, как ассоциация производителей, а с другой стороны как общество потребителей, формирующее определенные требования к материальным благам и услугам – их ассортименту, количеству, качеству и др.

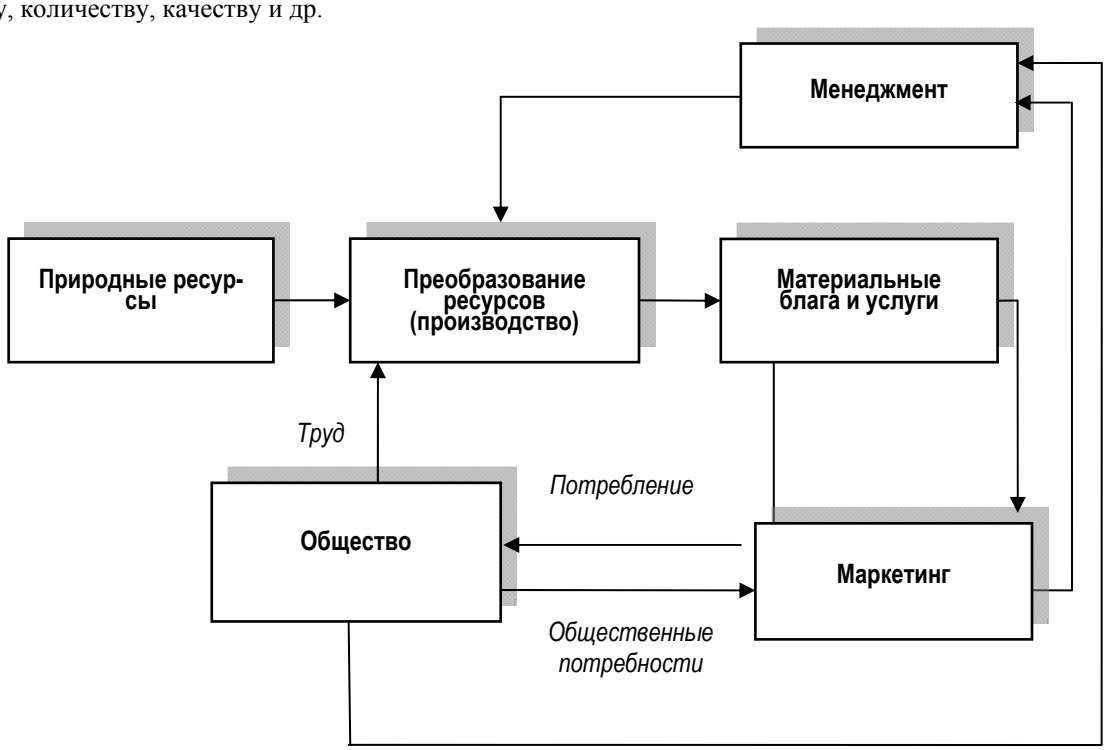


Рисунок 1.
Схема функционирования экономической системы территории.

Результат сравнения параметров общественной потребности и фактически произведенных материальных благ и услуг является задающим (воздействующим) фактором для развития экономики, т.е. стимулом, реализуемым в процессе управления экономической системой на основе *маркетинга*.

Таким образом, *маркетинг задает ориентиры* целей, к которым должна стремиться экономическая система территории и в режиме функционирования, и в режиме развития, т.е. осуществления перехода на более высокий уровень своего развития. При этом *менеджмент, реализуя свойственные ему функции: планирования, организации, мотивации и контроля,* обеспечивает достижение сформированных на основе результатов маркетинговых исследований целей данной территории. Такое распределение ролей обосновано, поскольку в процессе *менеджмента реализуются не только простые результаты сравнения потребностей и ресурсов данной территории, но и цели*, вырабатываемые обществом и определяемые рядом не только экономических, но и социально-политических факторов (внешней средой для системы), свойственных для конкретного объекта функциональной зоны рассматриваемой территории.

Менеджмент территории на несколько порядков сложнее, чем для организаций, объектами которых являются предприятия.

Эта сложность может объясняться тем обстоятельством, что для экономической системы территорий свойственны два основных организующих процесса: *развитие* и *функционирование*, причем протекающие одновременно, но имеющие при этом определенное различие.

Так, если экономическую систему характеризовать составом элементов *N* и числом связей *M*, то функционирование – это решение в системе *Nз* и *Mз* определенного количества задач, представленных деревом задач, и достижение определенных целей, заданных деревом целей. При этом адаптация экономической системы, т.е. изменение ее свойств, состава и структуры для рационального ее функционирования, будет происходить относительно быстро, но

только в пределах *Nз* и *Мз*. Развитие же системы идет в значительной степени за счет численного увеличения *N* и *M*, а адаптация экономической системы с точки зрения решения задач развития осуществляется на несколько порядков медленнее, чем при функционировании.

Экономические системы территорий различных классов характеризуются рядом *особенностей*:

– они отличаются большой сложностью, обусловленной наличием множественных и достаточно сильных вещественных, энергетических и информационных связей между подсистемами (функциональными зонами территории) и их элементами;

– для экономических систем характерно непрерывное, динамичное и в увеличивающихся масштабах не повторяющееся развитие по сравнению, например, с биологическими системами. Так, если виды животных или растений в процессе эволюции меняются за периоды в тысячи, десятки тысяч и более лет, то способы производства, экономические отношения могут претерпевать существенные и неоднократные изменения в течение жизни одного поколения людей.

Экономические системы испытывают непрерывное воздействие внешних факторов и общества, причем эти воздействия имеют в основном не детерминированный, а стохастический характер. Так, распределение природных ресурсов, состояние погоды и другие факторы внешней среды поддаются прогнозированию, во всяком случае, при современном уровне наших знаний об этих факторах, лишь с некоторой степенью достоверности. В свою очередь и определение потребностей общества в материальных и духовных благах также поддается лишь определенным статистическим оценкам. Таким образом, можно заключить, что с одной стороны складывающиеся особенности экономической системы для конкретной территории вытекают из особенностей ее исходных внутренних факторов, организации самого производства и уровня инфраструктуры.

С другой стороны маркетинг как фактор, задающий ориентиры для менеджмента, необходим и для обеспечения *устойчивого равновесия экономической системы территории*, равновесие которой поддерживается рыночным процессом регулирования цен и является примером экономического *гомеостазиса*.

Декомпозиция на зоны как элемент планирования в менеджменте территории

Актуальность территориального планирования, включающего планы и проекты развития территорий, отмечается в Постановлении Совета Федерации «О территориальном планировании в Российской Федерации» от 20 февраля 2008 г. №67-СФ.

В этом документе указывается, что территориальное планирование является важным элементом системы стратегического планирования и прогнозирования развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, позволяющим осуществлять выбор приоритетных направлений развития общественной инфраструктуры, специализации территорий, а также эффективное планирование бюджетных инвестиций на долгосрочный период.

В то же время существует ряд острых проблем, сдерживающих этот важный для развития территорий процесс. *Во-первых*, до сих пор не утверждены схемы территориального планирования РФ. Разработка документов территориального планирования в субъектах Российской Федерации тормозится из-за отсутствия необходимой нормативной базы на федеральном уровне. *Во-вторых*, недостаточно скоординированы работы, связанные с подготовкой проектов документов территориального планирования (в части их содержания, объемов и сроков финансирования) для размещения объектов капитального строительства федерального, регионального или местного значения на территориях нескольких субъектов РФ или муниципальных образований. Субъекты РФ и муниципальные образования планируют развитие территорий и размещение объектов государственной и муниципальной инфраструктуры на долгосрочный период без учета стратегических ориентиров социально-экономического развития страны, целей и задач реализуемых федеральных, региональных и муниципальных долгосрочных целевых программ. *В-третьих*, сроки подготовки проектов документов территориального планирования сдерживаются отсутствием достоверных картографических материалов, квалифицированных специалистов в сфере архитектуры и градостроительства, способных организовывать эту работу в различных территориальных образованиях, а также отсутствием соответствующих методических материалов. *В-четвертых*, на сегодняшний день зонирование территорий осуществляется в соответствии с плохо увязанными между собой нормами, содержащимися в целом ряде нормативно-правовых документов:

– Земельном Кодексе РФ, Градостроительном Кодексе РФ;

– Федеральном Законе «Об особо охраняемых природных территориях»;

– Федеральном Законе «О железнодорожном транспорте в РФ» и др.

Согласно действующему законодательству при градостроительном проектировании обязательно должно проводиться:

– зонирование территорий для осуществления градостроительной деятельности (градостроительное зонирование);

– зонирование территорий поселений;

– зонирование отдельных территориальных зон.

При градостроительном проектировании существует специальное зонирование (районирование) территории в соответствии с действующими нормативными документами: климатическое, зон влажности, распределения среднего за год числа дней с переходом температуры воздуха через 0°С, по весу снегового покрова, по средней скорости ветра за зимний период, по давлению ветра, по толщине стенки гололеда, по среднемесячной температуре воздуха в январе, по среднемесячной температуре воздуха в июле и др.

Зонирование территорий представляет собой механизм взаимосвязанных процессов:

– деление территорий на зоны с установлением границ каждой зоны;

– определение в пределах каждой из данных зон правового режима земельных участков, а также всего, что находится над их поверхностью и под ней. В современном земельном законодательстве данные зоны принято называть территориальными зонами.

«*Территориальная зона – часть территории, которая характеризуется особым правовым режимом использования земельных участков и границы которой определены при зонировании земель в соответствии с земельным, градостроительным, лесным, водным законодательством, об охране окружающей природной среды, о налогах и сборах и иным законодательством РФ и ее субъектов, а также установлены градостроительные регламенты*».

Такое определение дано в Законах о Земельном кадастре и Градостроительном кодексе, где также определены границы зон. Границы территориальных зон могут устанавливаться:

– по линиям магистралей, улиц, проездов, разделяющим транспортные потоки противоположных направлений;

– красным линиям;

– границам земельных участков;

– границам населенных пунктов в пределах муниципальных образований;

– границам муниципальных образований, в том числе границам территорий городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга;

– естественным границам природных объектов и иным границам.

Функциональный подход

В менеджменте территорий объекты управления ранжируются в виде классов объектов-территорий, выполняющих или несущих определенную функциональную нагрузку для конкретной территории. Особая роль в оценке менеджмента социально-экономического развития территорий отводится *выделенному общему для всех классов территорий системному понятию – функциональная зона территории*.

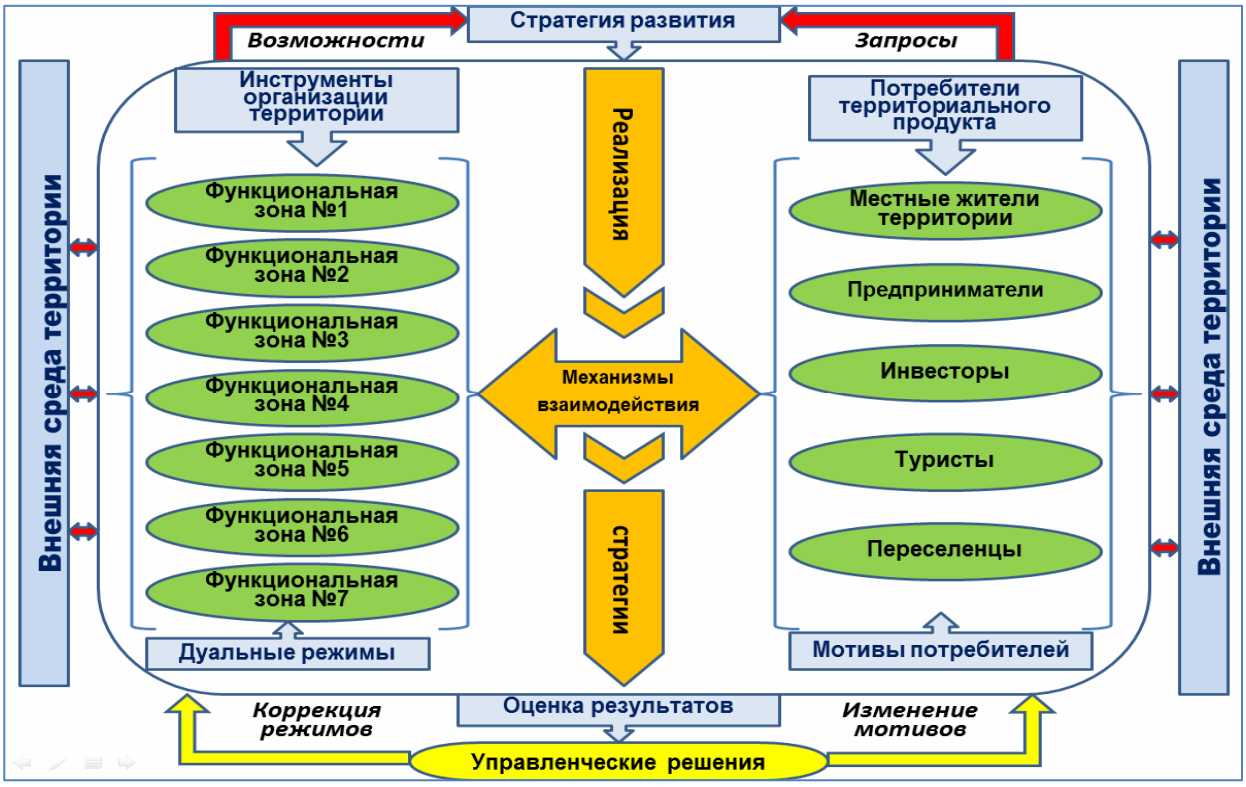


Рисунок 2.
Структурная модель организации-территории в формате функциональных зон

Функциональные зоны – это зоны, для которых документами территориального планирования определены границы и функциональное назначение. На практике независимо от класса объекта (что важно для менеджмента) используются ***семь*** функциональных зон:

– *Жилищная:* застройка повышенной этажности (10 этажей и выше), многоэтажная застройка (5–9 этажей), малоэтажная застройка (1–4 этажа), усадебная застройка;

– *Общественно-деловая:* общественные и торговые центры, объекты здравоохранения, спортивные сооружения, высшие и среднетехнические учебные учреждения, среднеобразовательные школы, детские дошкольные учреждения, культовые сооружения;

– *Производственная:* различные предприятия, коммунально-складские территории;

– *Инженерной и транспортной инфраструктуры*: улицы и дороги, железнодорожные пути, полоса отвода железной дороги;

– *Рекреационная*: городских лесов, зеленых насаждений общего пользования, водных поверхностей, дома отдыха, профилактории;

– *Сельскохозяйственного использования:* коллективные сады, пашня, мелиорированные земли, дачи, земли для садоводства и огородничества и др.;

– *Специального назначения:* спецобъекты, полигоны утилизации твердых бытовых отходов, кладбище, прочие.

Планирование в менеджменте территории, как правило, направлено не на фиксацию существующего положения, а на ее развитие (изменение) в будущем, путем определения баланса функциональных зон для обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности жителей территории и других потребителей территориального продукта.

Планируемое функциональное зонирование территории определяет границы функциональных зон с указанием параметров их планируемого развития. Оно отображает планируемые границы и параметры семи зон (рис. 2).

Организация функциональных зон и субъектов менеджмента территории

Глобальные направления стратегии развития территории

В зависимости от имеющегося потенциала и выбора целей для территории любого класса рассматриваются одновременно *три глобальных направления в стратегии их развития* (см. рис 3):

1. Стратегия социально-экономического развития территории.
2. Стратегия повышения инвестиционной активности территории.
3. Стратегия формирования благоприятного имиджа территории.

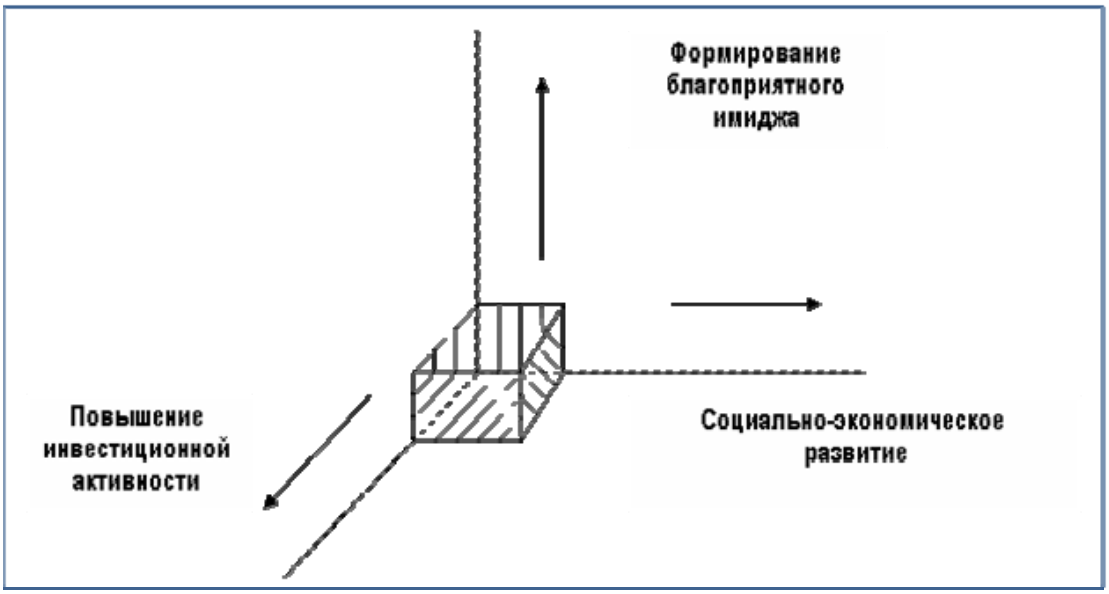


Рисунок 3.
Глобальные направления развития в менеджменте территории

1. Стратегия социально-экономического развития территории

Оценка социально-экономического положения – одна из наиболее традиционных задач экономической теории и практики. Однако, несмотря на широкое употребление термина и наличие огромного количества программ социально-экономического развития территорий, в частности муниципальных образований и субъектов Российской Федерации, *единой методологической базы и унифицированной системы оценки существующего положения не существует*.

В значительной степени это объясняется сложностью и многомерностью экономических и градостроительных систем, функционирующих и развивающихся социальных, экологических и экономических институтов.

2. Стратегия повышения инвестиционной активности территории

Зависит от инвестиционного потенциала территорий, состоящего, в свою очередь, из следующих компонентов:

– *ресурсно-сырьевой потенциал* (средневзвешенная обеспеченность территорий запасами основных видов природных ресурсов);

– *трудовой потенциал* (трудовые ресурсы, различные характеристики трудоспособной части населения, в частности их образовательный уровень);

– *производственный потенциал* (результаты деятельности в основных производственных сферах хозяйства территорий);

– *институциональный потенциал* (степень развития ведущих институтов рыночной экономики на территории);

– *инновационный потенциал* (уровень НИОКР и их финансирования, внедрение достижений НТП на территории);

– *инфраструктурный потенциал* (транспортно-географическое положение региона и его инфраструктурная обеспеченность);

– *финансовый потенциал* (объем бюджетных доходов, прибыльность организаций и доходы населения территорий);

– *потребительский потенциал* (совокупная покупательная способность населения территорий).

Расчет уровня инвестиционной активности за год можно произвести по формуле

$$ИНА_T = \frac{\textit{Объем инвестиций в основной капитал на душу населения}}{\textit{Эталонный объем инвестиций в основной капитал на душу населения}} \quad (\boldsymbol{Ф1}).$$

Эталонный объем инвестиций представляет собой лучший показатель для территорий рассматриваемого класса.

3. Стратегия формирования благоприятного имиджа территории

Для оценки территории по состоянию имиджа (***ИМД$_T$***) на первом этапе можно использовать данные ежегодной государственной статистики, в которой фиксируются факты периодической миграции населения с территории на территорию.

$$ИМД_T = \frac{\textit{Число прибывших на территорию}}{\textit{Число убывших с территории}} \quad (\boldsymbol{Ф2}).$$

Исходные данные для расчета показателей территории по указанным глобальным направлениям развития удобнее использовать в виде табл. 1. В структуре приведенной таблицы представлены три раздела ***АБВ***. В разделе ***А*** содержатся данные, отражающие природно-климатические и демографические показатели территории.

Структура модели показателей территории (МПТ)

Социально-экономическая диагностика состояния территории любого класса в современных условиях приобретает характер системного исследования жизнедеятельности территории с целью выявления ключевых проблем и поиска резервов для повышения уровня социально-экономического развития (СЭР) территории. Показатели СЭР приведены в разделе ***Б***. Как правило, каждый фактор в отдельности не определяет изучаемое явление во всей полноте.

Таблица 1

Модель показателей территории

Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Единица измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км			
2	Высота над уровнем моря	метры			
3	Годовая сумма осадков	мм			
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С^0			
5	Численность населения	тысяч человек			
6	Прибыло на территорию	тысяч человек			
7	Выбыло с территории	тысяч человек			
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета/источник данных	Эталонное значение	Значение для территории	Функц. зона
1.	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	РР 10.2	1 430 532		
2.	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	РР 23.2	1 539 200		
3.	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	РР 25.1/2.2	10 242,7		
4.	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	РР 22.1/2.2	411 046,8		
5.	Отношение численности активного населения к общей числ. населения	РР 3.1/2.2	0,66		
6.	Соотношение среднедушевых денеж. доходов и вел. прож. минимума	РР 4.2/4.13	18,83		
7.	Оборот розничной торговли, на душу насел., руб.	РР 20.3	314 072		
8.	Основные фонды отраслей экономики на душу насел., руб.	РР 11.1/2.2	4 335 260		
9.	Коэффициент плотности автодорог (на 1000 кв км)	РР 17.4	600		
10.	Обеспеченность дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответствующего возраста	РР 5/2	100		
11.	Обеспеченность дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	РР 5.3/2.2	0,0005912		
12.	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	РР 5.13/2.2	0,0624746		
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведе-	РР 5.19/2.2	0,0062438		

	ниями, чел.				
14.	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	РР 5.26/2.2	0,0260927		
15.	Мощность врачебных амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	РР 6.3/2.2	0,0334778		
16.	Численность врачей, чел.	РР 6.4/2.2	0,00649		
17.	Численность среднего медицинского персонала, чел.	РР 6.6/2.2	0,01273		
18.	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	РР 13.1/2.2	334 256,93		
19.	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	РР 13.1/2.2	217 928,66		
20.	Производство и распр. электроэн., газа и воды на душу насел., руб.	РР 13.1/2.2	30 250,83		
21.	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	РР 14.1/2.2	52 201,77		
22.	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	РР 4.28	33,44		
23.	Внутренние затраты на науч. исслед. и разр. руб. на душу насел.	РР 21.5/2.2	21 982,22		
24.	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	РР 21.16/2/2	37 930,56		
25.	Уровень зарегистр. безработицы, *%* (к общему насел.)	РР 3.14/2.2	0,00561		
26.	Доля населения с денеж. доходами ниже вел. прожиточ. минимума (в %)	РР 4.15	6,6		
27.	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	РР 9.1/2.2	0,01469		
28.	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	РР 9.5/2.2	41,507		
29.	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	РР 8.2/2.2	0,003630		

Раздел В

Интегрирующие показатели

№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории
1	Оценка имиджа	Расчет «$ИМД_T$» по формуле (Ф2)	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	Расчет «$ИНА_T$» по формуле (Ф1)	
3	Оценка уровня СЭР	Расчет «$СЭР_T$» по формуле (Ф3)	
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_т \cdot ИНА_т \cdot СЭР_т$	

Только комплекс факторов в их взаимосвязи может дать определенное представление о характере изучаемого явления. Интегральный показатель в расчетной схеме по данной территории приведен в разделе ***В***. Расчет уровня социально-экономического развития (***$СЭР_T$***) в конкретном году можно произвести, используя формулу Ф3. Наличие в знаменателе суммы отношений негативных показателей к значениям эталона в случае увеличения негативных показателей дополнительно влияет на МПТ, уменьшая в целом его расчетное значение. Для *многофакторной корреляционной модели* уровня СЭР подобраны 29 факторов, которые оказывают существенное влияние на уровень *маркетинговых отношений переменных – маркетинговых показателей территории (МПТ*). Используя перечисленные переменные можно вывести *МПТ*. Идея заключается в том, что рост показателей СЭР территории должен соответствовать росту его позитивных параметров и уменьшению значений негативных параметров по отношению к некоторому эталону значений для каждого параметра. Значения эталона по двадцати девяти факторам для каждого класса территорий устанавливаются экспертным путем на основе отбора в рейтинге класса однотипных территорий значений ведущих позиций по каждому показателю. Модель показателей территории, по которой выполняется расчет, имеет вид:

$$МПТ = \frac{\sum_{i=1}^{24} \frac{П_i}{Э_i} + \sum_{j=1}^{5} \frac{Э_j}{П_j}}{\sum_{j=1}^{5} \frac{П_j}{Э_j}} \quad (Ф3).$$

$П_i$ – позитивные показатели развития территории; с номерами; $\boldsymbol{i}$ =1,2,…,24;

$Э_i$ – эталонные значения позитивных показателей для данного класса территорий;

$П_j$, $Э_j$, – негативные показатели состояния территории и эталона; $\boldsymbol{j}$ =1,2,…5;

Деятельность по реализации целей развития территории регулируется органами управления территорией в рамках существующего регламента управления, включающего полномочия и обязанности управляющих органов. Механизмы реализации приоритетных территориальных преобразований встроены в систему, которая представляет собой структуру, состоящую из *трех контуров управления стратегическими направлениями развития территории*.

1-контур: оценка состояния социально-экономической системы, *выбор и расчет инвестиционных проектов на осуществление маркетинговых мероприятий*;

2-контур: учет изменения потенциала территории в следующем плановом периоде в результате инвестирования, а также *учет изменения уровня* СЭР;

3-контур: предоставление данных для стратегического планирования следующего цикла СЭР и формирования маркетинговых мероприятий адекватного повышения имиджа территории.

Одним из основных составляющих механизмов реализации приоритетных территориальных преобразований является территориальное планирование.

Территориальное планирование осуществляется путем планирования развития территорий для установления функциональных зон, определения зон планируемого размещения объектов федерального, регионального и установления зон планируемого размещения объектов местного значения. Территориальное планирование осуществляется в целях обеспечения устойчивого развития территорий с учетом эталонных показателей в рассматриваемом классе. Устойчивое развитие территорий определенного класса позволяет обеспечить при градостроительной деятельности безопасность и благоприятные условия жизнедеятельности человека, ограничивает негативное воздействие хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохраняет и рационально использует природные ресурсы в интересах настоящего и будущего поколений. Используемая в ходе исследования системно-динамическая модель функционирования механизмов управления развитием базируется на принципах сбалансированного развития территории и позволяет оценить управляющие воздействия, оказываемые администрацией и наблюдательным советом территорий на снижение негативной пространственной поляризации показателей развития с учетом многочисленных параметров внешней среды. Отмеченные ранее ключевые направления развития территорий на основе менеджмента и территориального маркетинга, формируя концепцию стратегического развития территории, представляют собой стратегическую триаду, выражающую единство процессов социально-экономического развития, инвестиционной активности и формирования имиджа.

Выводы. В дальнейшем развитии российского менеджмента территорий *важнейшая приоритетная задача* — оптимизация стратегий пространственного развития – подразумевает:

– стимулирование конкуренции территорий за инвестиции и трудовые ресурсы, снятие ограничений на перемещение трудовых ресурсов:

– обеспечение автономии каждого уровня власти, его возможности самостоятельно определять цели собственного развития и средства их достижения за счет расширения доходной базы территорий и муниципалитетов, повышение их ответственности за реализацию собственных полномочий;

– повышение прозрачности и оптимизация межбюджетных отношений (сокращение типов дотаций, субсидий и субвенций, стимулирование бездотационное региональных столиц за счет конкурсных субсидий на развитие агломераций).

Таким образом, можно сформулировать суть стоящей перед российскими территориями общей задачи менеджмента: создать деловой климат и сформировать социальную среду, которая была бы более дружественной и по отношению к бизнесу, и по отношению к человеку, к его потенциалу, самостоятельности и креативности. Последнее особенно важно: разрыв между уровнем развития человеческого потенциала и уровнем развития институтов, рыночной среды – главный структурный вызов экономического развития нашей страны.

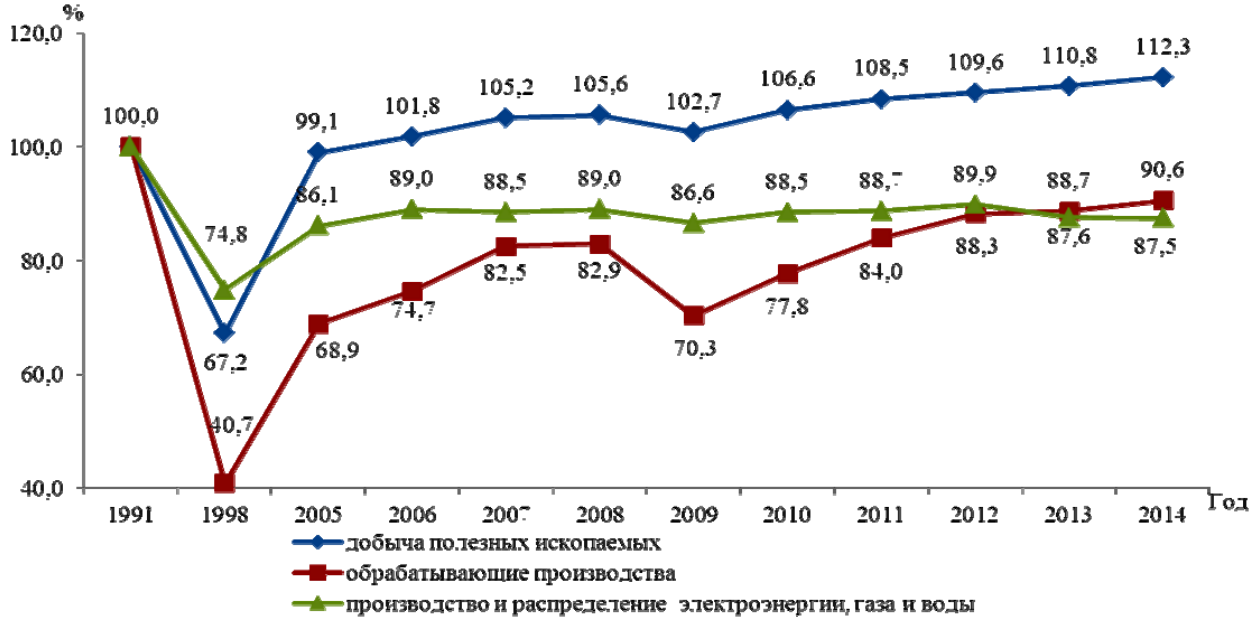
Мазилов Е.А.
к.э.н., зав. лабораторией инновационной экономики Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ИНСТРУМЕНТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: *экономический рост; промышленный комплекс; инструменты поддержки; инновации; высокотехнологичные производства; Фонд развития промышленности.*
Keywords*: economic growth; industrial complex; support tools; innovation; high-tech industries; Industry development fund.*

Промышленный комплекс является основой экономики Российской Федерации, обеспечивая все отрасли народного хозяйства средствами труда, гарантируя экономическую безопасность государства и достойный уровень жизни населения. Его развитие является приоритетом обеспечения стратегической безопасности государства. Несмотря на это, в данном секторе экономики до сих пор существует ряд системных проблем, которые не позволяют вывести его на интенсивный путь развития.

Мировой финансовый кризис, пик которого пришелся на период 2008–2009 гг., отчетливо продемонстрировал уязвимость экономической модели, оторванной от реального производства[1], а экономические санкции 2014 г. в отношении России еще раз указали на зависимость отечественной экономики от внешних факторов. В связи с этим вопросы модернизации промышленного комплекса и повышения его конкурентоспособности становятся еще более актуальными, особенно в контексте национальной безопасности.



Рассчитано на основе: данных с официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Рисунок 1.
Динамика промышленного производства Российской Федерации в 1991–2014 гг. (1991 = 100), %

За 25 лет построения рыночной экономики обрабатывающей промышленности так и не удалось достичь объемов производства 1991 г. (рис. 1). Для сравнения: за этот период промышленность Китая выросла в 2,4 раза[2]. По мнению ведущих ученых, темпы роста промышленного производства в развитых и новых индустриальных странах дости-

[1] Гулин К.А. Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы / К.А. Гулин, А.П. Ермолов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 6. – С. 58–77.

[2] Мазилов Е.А. Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона / Е.А. Мазилов, К.А Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 3. – С. 71–84.

гали 7–8,5% в год[1]. Таким образом, можно говорить о том, что проводимая в стране промышленная политика не дала должных результатов, а системный кризис в экономике, длящийся уже четверть века продолжается.

Анализ структуры отечественного промышленного комплекса показал, что более 66% продукции производится предприятиями обрабатывающего сектора (табл. 1). Причем за десятилетие ситуация кардинальным образом не изменилась. В 2014 г. каждый пятый рубль отгруженной продукции приходился на химическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий. В то же время сложилась тенденция к росту данного вида производства – за исследуемый период его доля увеличилась на 4,6 п.п. (до 21,5%).

Доля стратегически важного для экономики вида экономической деятельности – производства машин и оборудования составляет 13,2%. В структуре промышленного производства ведущих мировых экономик аналогичный показатель достигает 50%. Доля машиностроения в Китае и Франции составляет 35–40%, в США – 46%, Японии и Германии – 51–54%)[2]. Таким образом, в целом динамика значений по России не показывает ухудшения структурных пропорций промышленного комплекса, но основные показатели не соответствуют мировым тенденциям, что свидетельствует о недостаточном уровне развития базовых отраслей промышленности.

Таблица 1

Структура промышленного комплекса РФ в 2005–2014 гг., %*

Группы отраслей	Год					Абс. откл. 2014–2005 гг.
	2005	2010	2012	2013	2014	
Обрабатывающие производства в том числе:	65,1	65,6	65,7	65,6	66,2	1,1
– химическое производство, производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий	16,9	19,3	20,3	21,5	23,1	6,2
– производство машин, транспортных средств и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования	13,0	12,9	14,7	14,6	13,2	0,2
– производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	10,9	11,5	10,5	10,3	10,8	–0,1
– металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	13,9	12,1	10,5	9,6	9,9	–4
– прочие виды производств	3,1	3,2	3,2	3,2	3,2	0,1
– производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3,1	2,9	3,0	3,0	2,7	–0,4
– целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	2,3	2,1	2,0	1,8	1,7	–0,6
– обработка древесины и производство изделий из дерева	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	–0,1
– текстильное, швейное производство, производство кожи, изделий из кожи	0,9	0,8	0,7	0,7	0,7	–0,2
Добыча полезных ископаемых	22,5	21,7	23,4	23,5	23,4	0,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	12,4	12,7	10,9	10,9	10,3	–2,1

* Рассчитано автором на основе данных с официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

Основные индикаторы развития обрабатывающих производств в 2005–2014 гг. свидетельствуют об отсутствии существенных положительных изменений (табл. 2). Рентабельность предприятий имеет устойчивую тенденцию к снижению и в 2014 г. составила лишь 10,7%. В то же время, средневзвешенная процентная ставка по кредитам, предоставленным кредитными организациями в 2014 г. составила 11,34% (для субъектов МСП этот показатель выше – 12,91%). Такой размер процентной ставки в сочетании с низким уровнем рентабельности продукции обрабатывающей промышленности делают кредит практически недоступным. Обрабатывающая промышленность также не привлекательна с инвестиционной точки зрения, поскольку инвестору выгоднее открывать депозиты в банках и вкладывать средства в более рентабельные отрасли экономики.

Таблица 2

Основные показатели функционирования обрабатывающих производств в Российской Федерации в 2005–2014 гг.*

Показатель	Год					Абс. откл. 2014–2005 гг.
	2005	2010	2012	2013	2014	
Рентабельность реализованной продукции, %	15,3	14,3	11,0	8,8	10,7	–4,6
Сальдированный финансовый результат в сопоставимых ценах, млрд. руб.	2093,4	2139,2	2639,4	1643,0	877,1 –1216,3	
Уровень износа ОПФ, %	47,8	47,8	46,8	46,8	47,1	0,7
Доля занятых в обрабатывающей промышленности в общей численности экономически активного населения, %	17,2	15,2	15,1	14,8	14,6	–2,6
Инвестиции в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности на одно предприятие, млн. руб.	2,6	4,3	5,1	5,2	5,0	2,4
Уровень инновационной активности, %	10,9	11,3	13,4	13,3	12,2	2,3
Количество используемых производственных технологий в расчете на одно предприятие обрабатывающего комплекса	0,29	0,51	0,47	0,48 0,51	0,22	

* Рассчитано автором на основе данных с официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/

[1] Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.

[2] Мазилов Е.А. Зарубежный опыт стимулирования инновационной деятельности в промышленном секторе // Молодой учёный. 2014. – № 3 (62). – Ч. IV. – С. 469–472.

На фоне этого по-прежнему остается высоким износ основных производственных фондов (ОПФ, 47%). Продолжает сокращаться доля работников обрабатывающего сектора (на 2,6 п.п.). Одним из немногих показателей, демонстрирующих рост, является объем инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности (в расчете на одно предприятие). Данный показатель за анализируемый период увеличился на 2,4 млн. руб. в сопоставимых ценах, составив в 2014 г. порядка 5 млн. руб. в расчете на одно промышленное предприятие.

Уровень инновационной активности предприятий обрабатывающей промышленности составляет порядка 12%, что намного ниже, чем в странах-лидерах. Так, в Германии удельный вес организаций промышленности, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций достигает 80%, в Финляндии – 52%, во Франции – 50%. К тому же количество используемых передовых производственных технологий в расчете на одно промышленное предприятие осталось на уровне 2005 г., что, несомненно, является негативным результатом[1].

За последние несколько лет в России разработка и внедрение технологических инноваций осуществлялась лишь на 5% промышленных предприятий, причем на наиболее перспективные НИОКР, связанные с новыми технологиями, приходится всего лишь 2,3% от общей суммы затрат на инновации. По различным оценкам, в России реализуется от 8–10% инновационных идей и проектов, в то время как в Японии – 95, в США – 62%[2].

Низкий уровень технологичности обрабатывающего сектора РФ приводит к тому, что экономика по-прежнему является низкоукладной. На долю пятого (высшего на данном этапе развития современных производственных сил и технологий) технологического уклада приходится порядка 1% производимой промышленной продукции. Выпуск высокотехнологичной продукции напрямую зависит от степени активности использования достижений научно-технического прогресса и внедрения инновационных процессов в промышленности.

В то же время существует масса факторов, препятствующих активному использованию этих достижений. Так, в 2014 г. руководители предприятий[3] отмечали недостаток собственных денежных средств на развитие нововведений (66%, табл. 3). Почти столько же отметили высокую стоимость нововведений (63%). Более половины (55%) длительный срок окупаемости. Таким образом, основной причиной является нехватка у предприятий свободных денежных средств. В то же время ни один из ответивших не считает, что организация не способна к освоению инновации.

Таблица 3

Основные факторы, препятствующие инновационной деятельности на предприятиях промышленного комплекса в 2014 г. (по данным опроса руководителей, в %)

Основные факторы	%
Недостаток собственных денежных средств	65,7
Высокая стоимость нововведений	62,7
Длительные сроки окупаемости нововведений	55,2
Высокий экономический риск	44,8
Недостаток финансовой поддержки со стороны государства	32,8
Низкий инновационный потенциал организации	20,9
Недостаток квалифицированного персонала	20,9
Неразвитость инновационной инфраструктуры	16,4
Низкий платежеспособный спрос на новые продукты	13,4
Несовершенство законодательных и нормативно-правовых документов	9,0
Недостаток информации о новых технологиях	7,5
Недостаток информации о рынках сбыта	6,0

Таким образом, проблема получения и использования заемного капитала является одной из наиболее острых и актуальных на современном этапе развития промышленного комплекса.

В настоящее время в РФ осуществляется поддержка компаний обрабатывающей промышленности. Реализуются следующие госпрограммы: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (2012–2020 гг.), «Развитие авиационной промышленности» (2013–2025 гг.), «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» (2013–2025 гг.), «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» (2013–2020 гг.), «Развитие судостроения» (2013–2030 гг.). Кроме того, Министром промышленности и торговли РФ подписаны 20 приказов об утверждении планов по импортозамещению в приоритетных отраслях промышленности, которые также предусматривают поддержку приоритетных отраслей промышленности.

Помимо нормативно-правового обеспечения существует целый комплекс инструментов поддержки. Так, Минпромторгом РФ осуществляется субсидирование процентной ставки по кредитам в сфере производства редких и ред-

[1] Мазилов Е.А. Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона / Е.А. Мазилов, К.А Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 3. – С. 71–84.

[2] Краскина О.С. Инновационная деятельность как инструмент повышения конкурентоспособности / О.С. Краскина, С.А. Мироседи // Материалы IV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Научный потенциал студенчества в XXI веке» Т. 3. Экономика. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. – 592 с.

[3] По данным опроса по оценке состояния и развития промышленности Вологодской области по итогам прошедшего года проведенного в 2015 г. В опросе приняли участие 67 руководителей крупных и средних промышленных предприятий. Опрос проводился сотрудниками отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах под руководством зав. отделом д.э.н. Усковой Т.В.

коземельных металлов, а также НИОКР в рамках реализации комплексных проектов по организации серийных производств станкоинструментальной продукции, выдаются субсидии в виде имущественного взноса РФ в госкорпорацию «Ростех» на цели реализации проектов по созданию серийных производств станкоинструментальной продукции для предприятий тяжелого машиностроения, металлургии и станкостроения.

Для предприятий авиастроения предоставляются субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам на техническое перевооружение, а также субсидии российским лизинговым компаниям на возмещение части затрат на уплату процентов но кредитам на закупку воздушных судов. Судостроительным компаниям выдаются субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и уплату лизинговых платежей на закупку гражданских судов.

Предприятиям транспортного машиностроения предоставляются субсидии на компенсацию части затрат, связанных с выпуском и поддержкой гарантийных обязательств в отношении колесных транспортных средств, соответствующих нормам Евро-4 и Евро-5. Также осуществляется субсидирование процентной ставки по кредитам на реализацию инвестиционных и инновационных проектов; на компенсацию части затрат на содержание рабочих мест; на использование энергоресурсов энергоемкими предприятиями автомобильной промышленности; процентной ставки по кредитам на технологическое перевооружение; на возмещение потерь в доходах российских лизинговых организаций, а также на уплату процентов по кредитам на приобретение инновационных вагонов с повышенной осевой нагрузкой.

Для компаний легкой промышленности существует возможность получения субсидий на компенсацию части затрат на уплату процентов по кредиту и части затрат на уплату лизинговых платежей; на компенсацию части затрат на создание и (или) развитие имущественного комплекса, в том числе инфраструктуры индустриальных парков; на организацию индустрии детских товаров; на компенсацию части затрат на проведение НИОКР; на покрытие процентной ставки по кредитам на осуществление сезонных закупок сырья и материалов и осуществление технического перевооружения, а также на реализацию новых инвестиционных проектов по техническому перевооружению.

Предприятия химического комплекса и лесной промышленности имеют возможность получения субсидий на поддержку развития производства композиционных материалов (композитов), на комплексные инвестиционные проекты по созданию новых производств с применением промышленных биотехнологий, покрытие процентной ставки по кредитам на реализацию инвестиционных проектов для предприятий химического комплекса, а также на создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива, техническое перевооружение, реализацию инвестиционных проектов создания новых высокотехнологичных обрабатывающих производств.

С 2015 г. функционирует Фонд развития промышленности, который выдает целевые займы в размере от 50 до 700 млн. руб. под льготную процентную ставку в размере 5%[1]. Фонд был создан на основе реорганизации Российского фонда технологического развития, который был учрежден в 1992 г. и осуществлял финансовую поддержку научно-технических проектов и экспериментальных разработок, которые соответствуют приоритетным для Фонда технологическим платформам. Фонд предоставлял целевой беспроцентный заем. Назначение займа – финансирование НИОКР в составе технологического проекта. Сумма займа – от 10 до 300 млн. руб. на срок до 60 месяцев.

Фонд развития промышленности с момента своего создания на реализацию проектов компаниям выделил 19,61 млрд. руб., еще 5,01 млрд. руб. зарезервирован на одобренные проекты. Бо́льшая часть из выделенных средств направлена на финансирование крупного бизнеса в машиностроении (7,33 млрд. руб.). Кроме того, активно поддерживаются проекты в отрасли фармацевтики, металлообработки и металлургии, электроники.

Деятельность Фонда определяется приоритетами развития отечественного промышленного комплекса, закрепленными в программных документах и указах Президента РФ. Так, Фондом развития промышленности осуществляется поддержка, проектов по следующим направлениям.

1. «Проекты импортозамещения» – направлены на импортозамещение и производство конкурентоспособной продукции гражданского назначения.

2. «Проекты добанковского финансирования» – проекты на стадии завершения разработки нового продукта гражданского назначения и разработки технико-экономического обоснования проектов, планируемых к реализации при поддержке коммерческих банков.

3. «Проекты прединвестиционного финансирования» – проекты на стадии завершения разработки нового продукта гражданского назначения и технико-экономического обоснования проектов, планируемых к реализации при основном объеме финансирования со стороны крупных институтов развития, ориентированных на поддержку стратегических проектов, а также частных стратегических инвесторов.

4. «Проекты консорциумов» – проекты консорциумов предприятий по разработке перспективных, учитывающих принципы наилучших доступных технологий, базовых отраслевых технологий, предусматривающих дальнейшую их адаптацию и внедрение на предприятиях консорциума.

Однако перечень направлений использования средств незначительный и жестко регламентирован (к примеру, на средства Фонда нельзя осуществлять строительство производственных площадей). Кроме того, проекты рассматриваются и поддерживаются только в случае, если их общий бюджет составляет более 100 млн. руб., а в отдельных случаях (проекты прединвестиционного финансирования) не менее 1 млрд. руб. Кроме того, объем продаж новой продукции, производимый в рамках полученных средств, должен быть не меньше 1 млрд. руб. Все это значительной степени ограничивает перечень компаний, способных воспользоваться данным инструментом поддержки.

Кроме того, в РФ функционирует Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, который активно поддерживает малые инновационные компании[2]. Фондом реализуется ряд программ, в рамках

[1] Официальный сайт Фонда развития промышленности. – http://www.rftr.ru

[2] Официальный сайт Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. – www.fasie.ru

которых на конкурсной основе обеспечивается финансирование перспективных проектов: программа «СТАРТ» (безвозмездная и безвозвратная субсидия в денежной форме (грант) малым предприятиям); программа «Развитие» (финансирование на паритетной основе малых предприятий по следующим направлениям: «Энергосбережение», «Умный дом», «ФАРМА», «Медицина будущего», «Медицина и биотехнологии», «Экспорт»); программа «Кооперация» (паритетное финансирование крупным предприятиям коммерциализации результатов выполненных НИОКР); программа «Коммерциализация» (субсидии малым предприятиям на финансовое обеспечение расходов, связанных с реализацией инновационных проектов, результаты которых имеют перспективу коммерциализации, за исключением расходов на выполнение НИОКР) и др.

В рамках проводимых конкурсов малый бизнес может получить гранты от 1 до 15 млн. руб. на инновационные разработки по различным программам. Объем финансирования НИОКР из средств федерального бюджета по программам и конкурсам Фонда, в 2014 г. составил 3,7 млрд. руб. Фонд профинансировал 6692 контрактов на выполнение НИОКР, в том числе заключено 4263 новых контракта.

Проведенный анализ показал, что сложившаяся система поддержки предприятий обрабатывающего сектора в большей степени сориентирована на малый и крупный бизнес. Поэтому представляется целесообразным формирование и внедрение дополнительных инструментов поддержки обрабатывающей промышленности, сконцентрированной в первую очередь на среднем бизнесе. Реализовывать ее целесообразно на региональном уровне, поскольку таким образом можно учитывать особенности развития бизнеса на конкретной территории, оказывать более точечную адресную помощь. Таким инструментом может стать Региональный фонд развития промышленности (Фонд).

В России уже есть опыт создания аналогичных структур. Так, в Ульяновской области начал работать региональный фонд развития промышленности. Займы на сумму до 20 млн. руб. будут предоставляться на модернизацию производства и приобретение зданий и земельных участков, необходимых для расширения действующего или создания нового производства. Срок займа составит не более трех лет по ставке 8,25% годовых. Для субъектов малого и среднего предпринимательства в качестве обеспечения возврата заемных средств также предусмотрена возможность использования поручительства ульяновского регионального фонда. На 2016 г. в бюджете региона уже заложено 100 млн. руб. на наполнение фонда.

Основной целью Фонда должна стать финансовая поддержка отдельных приоритетных проектов по выпуску высокотехнологичной конкурентоспособной продукции, в том числе в рамках реализации политики импортозамещения.

Его деятельность должна быть сосредоточена на двух основных направлениях. Первое – поддержка предприятий малого бизнеса, стремящихся к росту и переходу в группу средних. Второе – поддержка создания на территории субъекта новых производств, также относящихся к среднему бизнесу.

Основными задачами Фонда являются:

– повышение доступности займов на финансирование производственно-технологических проектов;

– стимулирование модернизации и создания новых производств на базе принципов наилучших доступных технологий;

– стимулирование производства конкурентоспособной продукции, обеспечивающей рыночное импортозамещение.

– содействие в подготовке научных, технических специалистов, необходимых в рыночной инфраструктуре, а также содействие особо приоритетным направлениям народного образования.

Основными направлениями работы Фонда должны стать:

1. Содействие проведению прикладных научно-технических разработок в сфере производства. Проводится ежегодный конкурс на финансирование прикладных научно-технических разработок предприятиями промышленного комплекса. Участниками конкурса могут быть любые организации, осуществляющие инновационные разработки и НИОКР в сфере машиностроения, а также разработки согласно утвержденным критическим технологиям федерального уровня и направлениям импортозамещения. Приоритет поддержки отдается компаниям, относящимся к среднему бизнесу. Предметом конкурса является финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, прикладное применение которых возможно на предприятиях и организациях области.

2. Коммерциализация разработки. Является продолжением этапа разработки научно-технического проекта (наиболее эффективных из числа финансируемых за счет средств Фонда), а также победителей ежегодного конкурса бизнес-предложений, организуемого Фондом. Условия конкурса обеспечивают приоритетные для области направления производства.

Результатом работы является оформленный по соответствующим правилам бизнес-проект, который может быть профинансирован Фондом. Решение по финансированию разработки бизнес-проекта принимается советом Фонда.

3. Организация серийного производства разработанной продукции. Финансирование реализации бизнес-проектов производится при условии создания крупного производства, а также привлечения инвесторов.

Результатом реализации проекта является подготовка бизнес-проекта, оформленного в соответствии с существующими правилами.

4. Подготовка научно-технических кадров. Это направление деятельности Фонда позволяет оказать содействие становлению новых специализаций или курсов в учебных заведениях области, созданию приоритетных для развития области научных направлений, повышению качества подготовки специалистов, осуществлять стажировки специалистов и преподавателей в передовых зарубежных научных и производственных центрах. Возможно участие Фонда в совершенствовании системы образования, а также финансирование реализации образовательных программ.

Создание, координацию и контроль над работой Фонда целесообразно осуществлять региональным органам власти и управления. В качестве высшего органа управления Фондом целесообразно рассмотреть возможность фор-

мирования Совета Фонда, в который входят представители власти, научных и учебных организаций, производственных предприятий.

Основным источником финансирования Фонда могут стать средства промышленных предприятий региона. Так, статья 262 «Расходы на научные исследования и (или) опытно-конструкторские разработки» Налогового кодекса РФ регулирует вопросы, связанные с учетом расходов предприятий на НИОКР[1]. Согласно п. 2 ст. 262 к таким расходам относятся и отчисления на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, созданных в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», в сумме не более 1,5 процента доходов от реализации предприятия.

В п. 1 ст. 15.1 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» указано, что «…фонды могут создаваться Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, физическими лицами и (или) юридическими лицами в организационно-правовой форме фонда…».

Так, к примеру, в Вологодской области объем отгруженной продукции предприятиями промышленности в 2014 г. составил 445 010 млн. руб. (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), за январь-ноябрь 2015 г. – 471 393,2 млн. руб. В том числе предприятиями обрабатывающей промышленности – 409 033 и 436 981,2 млн. руб. соответственно. Таким образом, за данный период в бюджет Фонда могло быть перечислено не менее 450 млн. руб. (табл. 4).

Таблица 4

Возможный объем финансирования регионального Фонда развития промышленности

Год	1,5% от выручки	1,0% от выручки	0,1% от выручки
Промышленность в целом			
2014 г., млн. руб.	6675,1	4450,1	445,0
январь-ноябрь 2015 г., млн. руб.	7070,9	4713,9	471,4
В том числе обрабатывающие производства			
2014 г., млн. руб.	6135,5	4090,3	409,0
январь-ноябрь 2015 г., млн. руб.	6554,7	4369,8	437,0
Источник: Рассчитано автором.			

В 2014 г. согласно данным Федеральной налоговой службы от организаций Вологодской области, относящихся к перечисленным видам экономической деятельности, поступило платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации 18518,4 млн. руб., в том числе региональный – 2430,0 млн. руб., а от предприятий обрабатывающего сектора – 16 619,9 и 2075,3 млн. руб. соответственно.

Стоимость поддерживаемых проектов может варьировать в пределах от 10 до 100 млн. руб., при этом не менее 20% финансируется за счет средств компании, а 80% – льготный заем под ставку рефинансирования на срок до 5 лет из средств Фонда. Именно такие объемы финансирования оптимальны для поддержки реализуемых средними предприятиями проектов.

Эффект от реализации подобного проекта заключается не только в росте налоговых отчислений, но и в увеличении объемов реализованной высокотехнологичной продукции, а также создании новых рабочих мест (табл. 5).

Таким образом, при объеме затрат бюджетных средств за 10 лет в размере порядка 2,5 млрд. руб. экономический эффект только за счет отчислений с заработной платы сотрудников вновь созданных рабочих мест составит порядка 3,7 млрд. руб.

Таблица 5

Прогноз социально-экономического эффекта от реализации проекта

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2025 г.	Накопленный итог
Количество поддержанных проектов, ед.	8	10	13	16	21	29	185
Объем реализации высокотехнологичной продукции, созданной в результате реализации проекта, млн. руб.	–	91,9	944,8	2821,3	5702,6	12007	61 154,2
Количество вновь созданных и (или) модернизированных высокопроизводительных рабочих мест, ед.	11	72	162	266	377	683	3785
НДФЛ (13%), млн. руб.	0,86	6,47	19,11	39,86	69,3	295,2	1119,4
Отчисления во внебюджетные фонды (30%), млн. руб.	1,98	14,90	44,10	91,98	159,8	681,3	2583,2

Источник: Рассчитано автором.

Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день в стране создан пакет инструментов поддержки модернизации обрабатывающих производств, которые позволяют проводить модернизацию отечественной обрабатывающей промышленности. В то же время, существующая система инструментов в большей степени сориентирована на малый и крупный бизнес. Поэтому, по мнению автора, формирование Фонда развития промышленности должно стать одним из приоритетных инструментов стимулирования модернизации обрабатывающих производств. Данный инструмент позволит учитывать особенности развития бизнеса на конкретной территории и оказывать точечную адресную поддержку.

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 №117-ФЗ (ред. от 05.10.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2015). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

Молчанова Н.П.
д.э.н., профессор Финансового университета
Антонов А.Ю.
зам. декана факультета таможенного дела и информационных технологий Белгородского университета кооперации, экономики и права

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СТРУКТУРАМИ В РЕГИОНЕ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: *таможенные услуги, региональный уровень, эффективность, регулирование, программный подход.*
Keywords: *customs services, the regional level, the effectiveness of the regulation, the program approach.*

Основой повышения благосостояния населения и качества жизни является устойчивое функционирование экономики и сферы услуг. Данный процесс невозможен без совершенствования системы управления региональными экономическими структурами и предполагает наличие ряда объективных предпосылок и условий, а также применение эффективных механизмов воздействия на деятельность хозяйствующих субъектов. В современных условиях органы государственной власти регионов – субъектов Российской Федерации – практически не имеют возможностей для использования государственных таможенных услуг в качестве одного из инструментов регулирования социально-экономического развития административно-территориальных образований. Вместе с тем, согласно мировому опыту, деятельность по предоставлению таможенных услуг может стать достаточно эффективным инструментом, оказывающим влияние на развитие региональной экономики, особенно на приграничных территориях.

Можно выделить два подхода к определению сущностного содержания таможенных услуг. Первый подход заключается в отнесении к государственным таможенным услугам только тех видов услуг, которые официально закреплены соответствующими нормативно-правовыми актами. Второй подход предусматривает рассмотрение всей работы таможенных органов как деятельности по предоставлению государственных таможенных услуг, призванных обслуживать внешнеторговые потоки. Соответственно, все услуги, оказываемые таможенными органами, следует относить к таможенным услугам. На наш взгляд, более обоснованной представляется точка зрения, рассматривающая таможенные органы в качестве операторов, предоставляющих широкий перечень государственных таможенных услуг, направленных на удовлетворение различных потребностей их получателей. Согласно такому пониманию, к государственным таможенным услугам относится все многообразие выполняемых работниками таможенных органов операций, например: выдача разрешений на различные виды деятельности (включение в различные реестры), предоставление информации (информирование и консультирование), помещение товаров под таможенную процедуру и другие.

Основываясь на изложенном подходе, взимание таможенных платежей или проведение таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС можно рассматривать как действия, совершаемые в рамках государственной таможенной услуги, направленные на легализацию перемещения товаров через таможенную границу. Таким образом, государственные таможенные услуги являются как регламентированными (по которым разработаны административные регламенты и, соответственно, таможенные органы считают их услугами), так и нерегламентированными (административных регламентов нет, но действия обладают всеми свойствами государственных таможенных услуг).

Изучение мнений различных ученых по вопросу определения таможенных услуг приводит к пониманию сущности государственной таможенной услуги как отношений, предусматривающих совокупность действий, направленных на создание оптимальных условий для перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу с целью удовлетворения потребностей всех участников внешнеторговой деятельности (таможенных органов, потребителей таможенных услуг и общества в целом).

В соответствии с предлагаемым определением государственных таможенных услуг, представляется правомерным выделение их специфических свойств, таких как: «действия совершаются сотрудниками таможенного органа; обязательными условиями их предоставления являются непосредственный контакт между потребителем и исполнителем услуг, создание оптимальных условий для перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу страны с целью удовлетворения потребностей всех участников внешнеторговой деятельности» [1, с. 23]. Особенностью рассматриваемой позиции является то, что при предоставлении таможенных услуг не предусматривается получение прибыли. Это позволяет выделить ряд функций таможенных органов, которые, по нашему мнению, целесообразно рассматривать в качестве услуг.

В экономических публикациях до настоящего времени отсутствует единый подход к определению перечня и классификации государственных таможенных услуг. Изучение различных литературных источников позволяет классифицировать их по четырем признакам: 1) по потребителям услуг (лица, осуществляющие деятельность в области

таможенного дела; юридические и физические лица), 2) по уровню предоставления услуг (Федеральная таможенная служба; Региональное таможенное управление; таможня; таможенный пост), 3) по юридическому статусу (регламентированные; нерегламентированные), 4) по назначению (услуги, направленные на результативность проведения таможенного контроля; услуги, направленные на соблюдение таможенного законодательства; услуги, предоставляемые в процессе совершения таможенных операций; услуги, отражающие особенности и условия таможенных операций; услуги, предоставляемые лицам, осуществляющим деятельность в области таможенного дела) [1, с. 29]. Эта классификация создает основания для углубленного рассмотрения проблем, связанных с предоставлением государственных таможенных услуг и обоснованием возможных направлений по дальнейшему совершенствованию данной деятельности.

Анализ информационных источников позволяет заключить, что объем государственных таможенных услуг зависит от совокупности натуральных и стоимостных показателей, отражающих количественные и качественные характеристики партий товаров, перемещаемых в рамках внешней торговли. Однако, согласно существующей практике, региональные органы власти не имеют возможности использовать результаты экономической деятельности, получаемые от предоставления государственных таможенных услуг на подведомственной территории, для повышения уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

В свете изложенного представляет интерес рассмотрение и учет в практической деятельности некоторых закономерностей, проявляющихся в управлении отечественной экономикой в современных условиях. В России, как федеративном государстве, выделяются федеральный, региональный и муниципальный уровни управления. При этом, в рамках регионального уровня можно выделить два подуровня: федерального округа Российской Федерации и субъекта Российской Федерации. Региональный уровень «характеризуется развитыми внутри- и межрегиональными, а также внешнеэкономическими связями. Причины такой открытости обусловлены рыночными основами экономики, в соответствии с которыми в конкурентные отношения вступают не только субъекты хозяйствования (предприятия, организации), но и субъекты Российской Федерации, входящие в состав федерального округа» [2, с. 76].

Данное концептуальное построение позволяет понять, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации испытывают потребность в совершенствовании нормативной базы для продуктивного применения всевозможных инструментов, способствующих созданию прочной основы для устойчивого социально-экономического развития на региональном уровне. Это относится, в том числе, и к государственным таможенным услугам, которые могут содействовать формированию и развитию внешнеэкономических связей. Однако до настоящего времени не выработан сбалансированный механизм воздействия на внешнюю торговлю при помощи государственных таможенных услуг, что в определенной мере обусловлено спецификой их природы.

Анализ положений государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» позволяет сделать вывод о том, что федеральные органы власти концентрируют свое внимание на стимулировании экспорта продукции российских предприятий [3]. Эта новая направленность внешнеэкономической политики имеет существенные отличия от применявшегося ранее поощрения импорта, но очень важна для современного периода развития страны. В условиях активизации деятельности по импортозамещению предусматривается упрощение отдельных таможенных операций (государственных таможенных услуг) как при поставках товаров на вывоз, так и на ввоз.

В этой связи нужно отметить особенности современного периода, который характеризуется встраиванием экономических ограничений – «санкций» – в механизм международного взаимодействия. В общем виде, понятие экономических санкций весьма широкое и, как правило, включает торговые и финансовые меры (действия) запретительного характера. Эти меры применяются одними участниками мировой политики и торговли в отношении других участников в целях принуждения последних к изменению политического и экономического курса.

Воздействие санкций на национальную и региональную экономику экспертным сообществом оценивается неоднозначно. Существует точка зрения, согласно которой иностранные товары наносят больше вреда национальной экономике, чем приносят пользы. Подобная позиция позволяет обосновывать применение разнообразных «антисанкций» и, очевидно, что в таком случае весьма проблематично выглядит разработка мер по развитию и поддержке импорта. В отличие от изложенной точки зрения, более правомерным представляется другой подход. Он заключается в том, что при наличии соответствующих расчетов и обоснований импорт иностранных товаров может выступать одним из факторов, позитивно влияющих на социально-экономическое положение российских регионов.

В связи с этим следует выделить отдельные преимущества, которые достигаются за счет использования товаров зарубежных производителей.

Во-первых, использование иностранной техники, машин и оборудования в отраслях национальной экономики – промышленности, сельском хозяйстве (при условии отсутствия аналогов, производимых на территории России) – приводит к повышению эффективности производства продукции, упрощает управление процессами производства, исключает тяжелый и опасный труд человека и т.д.

Во-вторых, иностранные компоненты (сырье, полуфабрикаты и др.), используемые в производстве российских товаров, позволяют обеспечить достаточный уровень добавленной стоимости в конечном продукте, что приводит к сохранению занятости на предприятиях, своевременной и полной уплате налогов в бюджеты и внебюджетные фонды, сбережению сырьевой базы страны.

В-третьих, ввоз товаров, конечными потребителями которых являются российские физические лица, позволяет, с одной стороны, стимулировать предприятия оптовой и розничной торговли обеспечивать покупателей товарами, соответствующими их потребностям, а с другой стороны, заинтересовать национальных производителей в поддержании конкурентоспособности собственной продукции на внутреннем рынке.

Таким образом, для обеспечения сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации и отдельных регионов необходимо разработать комплекс мер, направленных на осуществление не только экспорта, но и импорта товаров, при условии обеспечения экономической безопасности и соблюдения других интересов государства. Очевидно, что запретительные меры и «санкции», направленные на ограничение роста внешней торговли, в том числе за счет импорта товаров, не выглядят достаточно продуктивными и не отражают долгосрочные цели и экономические интересы нашей страны.

В государственной программе «Развитие внешнеэкономической деятельности» системно представлены проблемы, связанные с оказанием государственных таможенных услуг и развитием внешней торговли Российской Федерации в целом. В частности, к ним относятся:

а) затрудненный доступ участников внешнеэкономической деятельности к получению отдельных видов государственных услуг в сфере поддержки развития международной торговли по причине избыточных (либо недостаточно обоснованных) требований к получателям услуг, осложненных обременительными бюрократическими правилами и процедурами;

б) недостаточная увязка текущих операций в сфере поддержки развития внешнеэкономической деятельности с приоритетами внешней политики Российской Федерации;

в) отсутствие единой системы оказания услуг участникам внешнеэкономической деятельности, охватывающей структуры федерального и регионального уровней, заграничных учреждений Российской Федерации и обеспечивающей их тесное взаимодействие между собой.

На региональном уровне управления можно выделить специфические проблемы предоставления государственных таможенных услуг. Рассмотрим их на примере одного из субъектов Российской Федерации – Белгородской области. Для данного региона, как и для ряда других, одной из проблем является отсутствие полноценной программы, нацеленной на развитие внешнеэкономической деятельности. Отдельные аспекты, связанные с налаживанием этой ответственной работы, представлены в Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года [4]. В этом документе содержатся общие положения, касающиеся внешнеэкономической деятельности. Однако не рассматриваются ни перспективы развития, ни, тем более, конкретные направления совершенствования внешней торговли (при этом следует учитывать, что Белгородская область является приграничным регионом).

Географическая расположенность Белгородской области как одного из субъектов Российской Федерации, обладающих значимым совокупным экономическим потенциалом [5, с. 30–34], приводит к выводу о необходимости совершенствования работы государственных таможенных органов. В целях укрепления социально-экономического положения данной территории, следует развивать всю совокупность государственных таможенных услуг, выполняемых не только региональными отделениями таможенной службы, но и локальными таможенными постами и таможнями при одновременном повышении качества и эффективности их предоставления.

Поскольку основную роль в современных условиях хозяйствования играют финансовые ресурсы, то приоритетное внимание в практической деятельности нужно обратить на возможные пути их экономии и рационального использования. Различные меры и средства улучшения финансового обеспечения хозяйствующих субъектов и повышения результативности инвестирования на региональном уровне управления детально исследуются в современных научных публикациях [6, с. 234–236; 7, с. 271–272]. Соответственно, важным вопросом при предоставлении государственных таможенных услуг должна стать проблема эффективной организации работы таможенных органов в процессе таможенного обслуживания.

Анализ различных интерпретаций определения категории «эффективность» и связанных с нею таких определений, как «эффективность таможенного дела», «эффективность деятельности таможенных органов» и ряда других, позволяет сформулировать определение эффективности применительно к государственным таможенным услугам как максимально возможное снижение временных затрат при оптимальном их соотношении с материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами, обеспечивающими предоставление государственных таможенных услуг в соответствии с заданным уровнем качества. Следовательно, экономически обоснованным можно считать видение эффективности государственных таможенных услуг, учитывающее их качественные характеристики. При этом под качеством государственных таможенных услуг следует понимать набор свойств и характеристик, позволяющих удовлетворять разнообразные потребности пользователей данных услуг. Согласно качественным характеристикам государственных таможенных услуг целесообразно формировать основные критерии, отражающие эффективность их предоставления.

В научной литературе описано достаточно много направлений улучшения качества государственных таможенных услуг, практики их применения, а также повышения результативности управления в данной сфере экономической деятельности. Однако нужно подчеркнуть, что рекомендуемые различными авторами меры применимы в основном на уровне Евразийского экономического союза или отдельно взятого государства; при этом, региональный уровень, как правило, остается за пределами внимания исследователей. В связи с этим, представляется целесообразной активизация исследований по ряду направлений. Смысл этой работы состоит в создании научных основ для формирования работоспособного механизма, посредством которого органы региональной власти смогут оказывать воздействие на внешнюю торговлю. К ним, по нашему мнению, следует отнести:

– во-первых, разработку региональных подпрограмм развития внешнеэкономической деятельности, в составе которых целесообразно выделение самостоятельного раздела по вопросам совершенствования практики предоставления государственных таможенных услуг (актуальность такого подхода многократно возрастает для всех приграничных регионов);

– во-вторых, отчисление части таможенных платежей в региональный бюджет для реализации мероприятий подпрограммы, направленных на развитие внешнеэкономической деятельности;

– в-третьих, использование рекомендуемых специалистами и практиками упрощений при оформлении таможенных процедур для участников внешнеторговой деятельности с применением гарантий региональных органов государственной власти.

Рекомендации по улучшению работы таможенных органов на региональном уровне управления. На наш взгляд, первым этапом работы по улучшению технологии предоставления государственных таможенных услуг (на примере Белгородской области) будет формирование региональной подпрограммы, направленной на развитие внешнеэкономической деятельности. По содержанию и структуре ее можно представить как составную часть федеральной государственной программы «Развитие внешнеэкономической деятельности». Концептуально данная подпрограмма должна согласовываться с целями и задачами обеспечения устойчивого социально-экономического развития в рамках определенной территории.

При этом следует отметить, что органы власти субъектов Российской Федерации до настоящего времени не заинтересованы в разработке подобных подпрограмм ввиду того, что большинство инструментов, которые оказывают прямое воздействие на внешнюю торговлю, находятся в ведении федеральных властных структур, и влияние регионов на данные процессы оказывается опосредованным. Таким образом, можно сделать заключение о необходимости комплексного применения действующих и разработки новых инструментов, способствующих развитию внешней торговли. В совокупности предлагаемых для реализации мер видное место принадлежит работе по совершенствованию методологических основ предоставления государственных таможенных услуг.

По нашему мнению, финансирование мероприятий предлагаемой подпрограммы (на федеральном и региональном уровнях) целесообразно было бы поставить в прямую зависимость от основных экономических результатов предоставления государственных таможенных услуг, основной частью которых являются таможенные платежи. Например, чем больше запланированный (или фактический) объем внешней торговли и, соответственно, сумма таможенных платежей, тем больше субсидий будет выделено Федеральным бюджетом Российской Федерации в регион на цели развития внешнеэкономической деятельности. Такая мера позволит выделить приоритеты для региональных органов власти по формированию благоприятных условий развития внешнеэкономической деятельности. Результатом проводимой политики станет создание оптимальной инфраструктуры для реализации внешней торговли, выработка конкурентных преимуществ регионов в сфере предоставления государственных таможенных услуг. При этом в отдельных регионах, вероятнее всего в приграничных, появится возможность для углубления специализации по оказанию таких услуг, что обеспечит появление дополнительных «точек роста», благотворно влияющих на социально-экономическое развитие конкретного региона.

В решении данной приоритетной задачи видное место принадлежит поддержке формирующихся в отраслях АПК инновационных территориальных кластеров. Их можно охарактеризовать как «группы географически соседствующих и взаимодействующих предприятий (организаций) по производству какой-либо однородной продукции (либо выполнению работ, оказанию услуг) и связанных с ними хозяйствующих субъектов, которые характеризуются общей направленностью экономической деятельности на достижение конечного народнохозяйственного результата» [8, с. 134–135]. Применительно к сфере таможенной деятельности, возможно использование инновационных подходов при проведении внешнеэкономической политики. Например, при обосновании перспектив развития внешней торговли целесообразно учитывать экономический эффект, который может быть получен в результате функционирования территориальных продуктовых кластеров. Таким образом, формирующиеся кластерные структуры становятся привлекательными для частных инвесторов и предпринимателей. В результате целенаправленно проводимой политики хозяйствующие субъекты смогут повысить свою конкурентоспособность на внутри- и межрегиональном рынке товаров и услуг, а в дальнейшем – получить возможности для участия во внешнеэкономической деятельности.

Прогрессивной мерой, направленной на улучшение организации внешних экономических связей, является создание института уполномоченных экономических операторов. Эта новация реализуется посредством применения таможенными органами упрощений в отношении таких операторов при осуществлении ими государственных таможенных услуг. Конечной целью в данном случае является создание более благоприятных условий для осуществления внешней торговли. Однако для получения данного статуса хозяйствующим субъектам необходимо выполнить ряд условий. Наиболее сложным из них является внесение обеспечения уплаты таможенных платежей на сумму, эквивалентную одному миллиону евро по курсу Центрального банка. Очевидно, что названная сумма ограничивает возможности большинства средних и малых предприятий использовать на практике рекомендуемые упрощения.

Затрудняет решение финансовых вопросов то обстоятельство, что региональные органы власти не имеют возможности оказывать содействие участникам внешнеторговой деятельности. В связи с этим, в качестве превентивной меры можно предложить следующее: разрешить региону брать на себя часть рисков уполномоченного экономического оператора и выступать в качестве поручителя при обеспечении уплаты таможенных платежей. Подобное решение проблемы, в случае его практической реализации, позволит большему числу участников внешнеторговой деятельности пользоваться необходимыми упрощениями при получении государственных таможенных услуг. Соответственно, будут созданы основания для снижения издержек хозяйствующих субъектов и повышения эффективности осуществления внешней торговли.

Заключение

Все изложенное выше приводит к следующим выводам.

1. В современной российской практике хозяйствования существует острая необходимость в развитии внешней торговли как одного из факторов устойчивого социально-экономического развития регионов.

2. Государственная программа «Развитие внешнеэкономической деятельности» на период до 2018 года ориентирована в основном на поддержку экспорта, что снижает эффективность проводимой внешнеэкономической политики.

3. Развитие отдельных, ориентированных на экспорт отраслей, невозможно без импорта иностранных товаров, вследствие чего необходима разработка мер по формированию инновационных кластеров в сфере импортозамещения.

4. На региональном уровне (например, в Белгородской области) не практикуется разработка самостоятельных программ, направленных на поддержку внешнеэкономической деятельности. В связи с актуальностью данного вопроса, можно рекомендовать формирование самостоятельных подпрограмм, аккумулирующих мероприятия по развитию внешней торговли, в составе государственных программ субъектов Российской Федерации.

5. В период экономических санкций накопились определенные трудности, препятствующие развитию государственных таможенных услуг в территориальном разрезе. Необходимо внести коррективы в проводимую государством таможенную политику в направлении более полного отражения специфики внешнеэкономической деятельности (с учетом территориального разреза).

Изучение существующей практики приводит к выводу о необходимости развития методологических подходов к исследованию государственных таможенных услуг. Рассмотренные направления совершенствования предоставления государственных таможенных услуг предпочтительно применять на уровне субъектов Российской Федерации. При этом они должны стать реально действующим механизмом воздействия органов региональной власти на внешнеэкономические процессы в рамках подведомственной территории. Системное применение рекомендуемых мер позволит на экономической основе сформировать и углубить специализацию приграничных регионов в сфере оказания государственных таможенных услуг. Развитие инфраструктуры, обслуживающей внешнюю торговлю, и рост ее объемов способно дать региональной экономике дополнительный мультипликативный эффект в виде инвестиций, новых рабочих мест, налоговых поступлений, что в совокупности положительно повлияет на конечные результаты социально-экономического развития.

Список литературы

1. Матвеева О.П., Антонов А.Ю. Государственные таможенные услуги: качество и эффективность. Монография. – Белгород: Издательство Белгородского университета потребительской кооперации, 2010. – 186 с.
2. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. Федеральный округ как ведущее звено в системе государственного управления региональным развитием // Экономика. Налоги. Право. 2011. – № 6. – С. 72–80.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 330 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие внешнеэкономической деятельности”».
4. Постановление правительства Белгородской обл. от 25.01.2010 № 27-пп (ред. от 25.04.2016) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года».
5. Национальная экономика. Система потенциалов: учебное пособие / Тяглов С.Г., Молчанова Н.П., Житников. В.Г., Молчанов И.Н., Митина И.А., Кузнецов Н.Г. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 368 с.
6. Молчанова Н.П. Финансовые основы эффективной региональной инвестиционной политики // Аудит и финансовый анализ. 2014. – № 6. – С. 232–238.
7. Молчанова Н.П. Применение программно-целевого метода в регулировании инвестиций на региональном уровне // Аудит и финансовый анализ. 2010. – № 1. – С. 269–274.
8. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Финансовый аспект в управлении формированием и развитием территориальных кластеров // Вопросы управления. 2016. – № 1 (19). – С. 132–141.

Новоселов А.С.
д.э.н., профессор, зав. Отделом регионального и муниципального управления Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
asnov@ieie.nsc.ru
Маршалова А.С.
к.э.н., в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
marnov@ieie.nsc.ru
Волянская Т.В.
ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
vtv@ieie.nsc.ru

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

Ключевые слова: *региональное и муниципальное управление, пространственное развитие, региональная политика, институциональная структура.*

Высокая конкурентоспособность любой общественно-экономической структуры, включая государство, определяется ее способностью эффективно использовать весь имеющийся ресурсный потенциал, при этом самым главным ресурсом этого потенциала является действующая система управления.

Долгое время российская система государственного управления компенсировала свою несостоятельность высокими ценами на топливно-энергетические ресурсы на мировом рынке: высокие доходы от продажи нефти и газа позволяли в течение десяти лет решать социальные проблемы, несмотря на несовременную структуру экономики, устаревшие фонды, низкую производительность труда. Однако в современных условиях действие негативных внешнеэкономических и внешнеполитических факторов вынуждают кардинально изменить модель управления развитием российской экономики. Современная ситуация переводит рассуждения о переходе к модернизации, к созданию высокотехнологичного сектора экономики из статуса благих пожеланий в статус суровой необходимости, в условие национальной безопасности. Причем угроза национальной безопасности носит внутренний характер и будет зависеть от уровня социальной напряженности, вызванной низкими доходами подавляющей части населения, глубоким расслоением российского общества по уровню доходов и чрезмерной дифференциацией в качестве жизни населения различных регионов.

Положение осложняется тем, что, с одной стороны, смена модели управления не терпит отлагательства, а, с другой, до сих пор нет методологического единства в понимании того, что является ключевым индикатором, интегрирующим в себе цели, ограничения и возможности развития российской экономики. Для российской модели управления экономическим развитием, которая без особых изменений используется в течение последних лет, таким ключевым индикатором служит уровень инфляции. В сценариях развития российской экономики в долгосрочной перспективе, которые разработаны Министерством экономического развития и Центром стратегического планирования сохраняются действующие методологические положения: снижение уровня инфляции, сокращение государственных бюджетных расходов. При этом главным источником сокращения государственных расходов будет ограничение роста доходов работников бюджетной сферы и пенсионных выплат.

Академик РАН В. Ивантер ключевым индикатором, определяющим рост экономики, считает рост потребительского спроса и инвестиций в реальный сектор экономики. И поэтому для того, чтобы обеспечить рост экономики, необходимо стимулировать рост доходов населения и рост инвестиций [1]. Эту же точку зрения активно отстаивает академик Р. Нигматулин, который на Научно-экспертной сессии «Россия и мир» (2016 г.) выступил с резкой критикой современной экономической политики государства и подчеркнул, что главным фактором роста экономики является потребительский спрос. Следует отметить, что такой подход вовсе не является новым словом в мировой экономической науке и практике: именно рост потребительского спроса признается локомотивом роста экономики Китая, Франции и др.

Отсутствие осознанной региональной политики привело к тому, что серьезную угрозу национальной безопасности создают проблемы, связанные с пространственным развитием, которое характеризуется неоправданно высокой дифференциацией в уровне и качестве жизни населения в различных регионах страны. Об этом свидетельствуют основные социально-экономические показатели, такие как денежные доходы населения, среднемесячная зарплата, инвестиции в развитие экономики территорий. Так, например, в 2014 году среднедушевые доходы в республике Калмыкия

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Проект № 16-02-00157.

были в 2,2 раза ниже, чем в среднем по России. В то же время Москва по этому показателю превышала среднероссийский в 2,0 раза. Если столь большие различия в среднедушевых доходах нетрудно объяснить прежде всего различиями в структуре экономики (в Москве размещаются органы власти, работники которых получают высокие зарплаты, зарегистрированы крупные государственные корпорации с среднемесячными миллионными окладами служащих), то непонятно, чем объяснить, например, большую разницу в зарплатах работников учреждений дошкольного образования, общеобразовательных школ, которые трудятся в разных регионах страны, причем не в коммерческих организациях, а в государственных, где государство должно обеспечивать равную оплату одного и того же труда. Так, например, среднемесячная оплата труда работников дошкольных учреждений в Москве в 2,2 раза выше, чем в Ивановской области, в 1,4 раза выше, чем в Новосибирской области. Та же самая тенденция наблюдается в оплате труда работников общеобразовательных школ: в Москве она в 2,9 раза выше, чем в Ивановской области, в 2,1 раза выше, чем в Новосибирской области.

С теоретических позиций предметом государственной региональной политики является пространственная организация экономики и условий жизнедеятельности населения. Основу пространственного развития представляет общественное разделение труда и такое размещение хозяйственной деятельности, которое дает возможность наиболее эффективно использовать ресурсный потенциал страны и ее регионов. Объектами управления государственной региональной политики являются регионы, в отношении которых государство принимает принципиальные решения, определяющие их будущую специализацию и роль в социально-экономическом развитии государства.

Суть государственной региональной политики заключается в том, чтобы четко сформулировать ее цели, приоритеты и принципы реализации. В 2007 году была принята «Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», разработанная Министерством регионального развития Российской Федерации. Главными приоритетами этой концепции являются формирование из регионов – «локомотивов роста» нового опорного каркаса страны; создание системы управления человеческими ресурсами; формирование региональных модулей инновационной системы; создание условий для модернизации промышленности, поддержки и развития конкурентоспособных производственных (территориальных) кластеров; улучшение качества государственного управления в регионах и муниципальных образованиях. Очевидно, что такая государственная региональная политика ориентирована на стимулирование экономического роста регионов, располагающих такими конкурентными преимуществами, которые дают им возможность при государственной поддержке быстро включиться в мирохозяйственные связи.

В предварительных рабочих материалах «Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации», подготовленных в 2016 году Советом Федерации приоритетом является траектория развития, которая приведет к сокращению чрезмерной дифференциации в уровне социально-экономического развития регионов.

Анализ динамики пространственного распределения инвестиций свидетельствует о том, что в реальной практике не находит своего отражения ни одна из этих концепций, если только не признать на государственном уровне, что стране достаточно иметь два «региона-локомотива». Из общего объема государственных инвестиций за 2005–2013 гг. 23,1% приходятся на два субъекта Федерации – на Москву (16,2%) и Санкт-Петербург (6,9%). И эта тенденция стягивания государственных инвестиций на территорию, прилегающую к Москве, продолжается: в 2014 г. Правительство РФ приняло решение о выделении значительных государственных средств на строительство третьего транспортного кольца.

Учитывая то, что московская агломерация имеет наиболее благоприятный инвестиционный климат и более привлекательна для частных инвестиций по сравнению с большинством других регионов России, с точки зрения интересов государства целесообразно и вполне реально привлечь к этому строительству частных инвесторов. Конечно, для этого необходимо было бы приложить значительные организационные и интеллектуальные усилия, в то время как под рукой имеются средства бюджета. Сохранение сложившейся тенденции в инвестиционной политики ограничивает и без того скромные перспективы инвестиционного развития других субъектов Федерации, так как инвестиционный рейтинг большинства регионов очень низкий, и они вряд ли могут рассчитывать на приток частных капиталовложений.

На субфедеральном уровне политика пространственного развития также связана с рядом фундаментальных проблем, требующих своего решения. Во-первых, необходимо объективно обосновать предмет управления, функции и полномочия каждого территориального уровня – федерального, регионального и муниципального. Во-вторых, необходимо решить проблему создания адекватной финансовой системы, обеспечивающей развитие территорий каждого ранга. И, в-третьих, необходимо решить проблему создания эффективной системы управления, основанной на учете интересов и связей взаимодействующих структур общественно-экономического процесса.

Совокупность функций и полномочий каждого уровня управления, которые являются основой для определения их прав и, соответственно, ответственности, представляют собой не что иное, как предмет управления. Об отсутствии ясности по этому важнейшему методологическому вопросу говорит, прежде всего, периодическая передача полномочий с одного уровня на другой, отсутствие соответствия между закрепленными полномочиями и распределением налоговых поступлений по уровням бюджетной системы. В условиях планово-распределительной системы и при приоритете отраслевого принципа управления подавляющая часть материальных и финансовых ресурсов на территории поступала по отраслевым каналам и предназначалась не только для развития производства, но и для развития и содержания социальной сферы. С этих позиций система регионального и муниципального управления была более простой и примитивной, предметом управления было так называемое местное хозяйство. С трансформацией экономики и экономических отношений эти каналы исчезли, и появилась объективная необходимость четкого определения предмета управления на региональном и муниципальном уровне. Для обоснования места и роли региональной социально-экономической системы в общественно-экономическом развитии страны, определения финансовой основы ее разви-

тия, источников средств и механизмов привлечения этих средств на территорию необходимо использовать методологию системного подхода, обеспечивающего представление региональной экономики как целостной системы со всем многообразием внутрирегиональных и межрегиональных отношений и закономерностей. Для этого необходимо рассмотреть регион с позиций воспроизводственного подхода, выявить всю совокупность непрерывных воспроизводственных процессов, протекающих на территории, и их закономерности, взаимозависимость и на этой основе создать систему управления, адекватную предмету управления.

По своей сути региональный воспроизводственный процесс – это непрерывное возобновление кругооборота материально-вещественных, трудовых и финансовых ресурсов региона [8].

В основе теории регионального воспроизводства лежат следующие методологические аксиомы:

– развитие экономики и социальной сферы региона осуществляется в соответствии с законами расширенного воспроизводства;

– регион как социально-экономическое образование рассматривается как система взаимодействующих субъектов – предприятий и организаций различных форм собственности и населения, между которыми существуют информационные, финансовые и материальные, связи;

– эффективность системы управления воспроизводственными процессами региона определяется учетом интересов взаимодействующих субъектов социально-экономических отношений.

Региональный воспроизводственный процесс материализуется в форме конкретных воспроизводственных циклов, результатом которых является воспроизводство продукции, услуг и необходимых условий, обеспечивающих их непрерывное возобновление. К воспроизводственным циклам относятся: воспроизводство трудовых ресурсов, финансово-кредитных и денежных ресурсов, инвестиционных ресурсов и строительного процесса, воспроизводство природных ресурсов и др. Все эти циклы имеют различный уровень локализации. Например, высоко локализован цикл воспроизводства услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Развитие региональной экономики происходит, прежде всего, под влиянием интересов субъектов регионального воспроизводственного процесса, поэтому содержание управления общественным воспроизводством включает выявление экономических интересов различных субъектов, взаимосвязей между ними и создание механизма воздействия, способного обеспечить условия для целенаправленного социально-экономического развития региона и определенный баланс интересов регионального сообщества.

Одной из основных проблем, которые тормозят развитие полноценной системы местного самоуправления, является отсутствие устойчивой финансовой базы развития территорий и неопределенность ее формирования. В то же время без всякого преувеличения можно сказать, что финансовые пропорции интегрируют все пропорции воспроизводства региональной экономики, и поэтому эффективность управления социально-экономическим развитием определяется процессами формирования и использования финансовых ресурсов.

Основным финансовым источником, который служит базой для реализации функций управления социально-экономическим развитием субъектов Федерации и муниципальных образований, является их бюджет. Доходная часть бюджета формируется за счет налогов и сборов, закрепленных за региональными и местными бюджетами, отчисления от регулирующих налогов и финансовая помощь из бюджета вышестоящего уровня, а также неналоговые доходы. Бюджетным кодексом Российской Федерации Законами субъектов Федерации регулируются нормативы отчислений и размеры финансовой помощи нижестоящим бюджетам.

Идеальной модели налогово-бюджетной системы не существует. В разных странах используются различные модели, учитывающие конкретные особенности страны, включая форму государственного устройства, пространственную специфику, размещение производительных сил. Современная модель российской налогово-бюджетной системы, бесспорно, нуждается в серьезной корректировке, призванной устранить следующие недостатки:

– нормативы распределения налогов по уровням бюджетной системы порождают встречные финансовые потоки и не играют стимулирующей роли в повышении налогового потенциала территорий;

– налогово-бюджетная политика не ориентирована на создание условий формирования самодостаточного бюджета за счет собственных доходных источников, что не способствует повышению реальной ответственности органов власти перед населением за принимаемые решения;

– распределение налогов по уровням бюджетной системы не стимулирует заинтересованность органов управления в развитии экономического потенциала и возможности воздействия на его рост.

С одной стороны, существующая налогово-бюджетная политика отражает заинтересованность государства в централизации доходов, поскольку это увеличивает его возможности для маневра и принятия субъективных решений. Но, с другой, – местные инициативы являются дополнительным ресурсом системы управления, способным повысить ее эффективность. И поэтому государство также должно быть заинтересовано в совершенствовании налогово-бюджетных процессов.

Очевидным абсурдом действующего законодательства является возможность регистрации головного офиса компании на территории, не имеющей ни малейшего отношения к ее производственной деятельности. Ее последующая перерегистрация в другом регионе может вызвать бюджетный кризис в регионе, в котором компания была зарегистрирована ранее. Учитывая объективно необоснованную практику, а также исходя из здравого смысла, по-видимому, было бы целесообразно закрепить налог на прибыль крупных государственных компаний полностью за федеральным уровнем. В этом случае у них не возникнет желания к перемене места регистрации, и, соответственно, не возникнет угроза для устойчивости регионального бюджета и будет обеспечена требуемая справедливость финансово-экономических отношений.

Другая проблема связана с прибылью, уходящей в оффшоры. Несмотря на объявленную политику «деоффшоризации», эта проблема не решена даже на уровне государственных корпораций. По оценкам экспертов за прошедшие два десятилетия величина прибыли, уходящая в оффшоры, составила не менее 800 млрд. долл.

Правомерно поставить вопрос о том, что налог на доходы физических лиц должен преимущественно зачисляться в бюджет той территории, где живет человек и его семья. Эта проблема возникает в связи с тем, что в агломерациях крупных мегаполисов существуют значительные потоки трудовой миграции между центром и прилегающими малыми городами и сельскими районами. Поступление налога на доходы физических лиц в бюджет мегаполиса нарушает зависимости между качеством труда и качеством среды проживания работника, т.к. он не участвует в создании финансовой базы для развития и поддержания социальной сферы (коммунальное хозяйство, системы образования и здравоохранения, транспорт), услугами которой пользуется он сам и его семья, и производство которых финансируется местным бюджетом.

Многолетние дискуссии относительно установления более объективных ставок таких налогов, как налог на землю, на имущество, введения налога на роскошь свидетельствуют лишь о явном лоббировании интересов тех, кого это касается и кто одновременно как раз и принимает решения. Общество пытаются убедить в том, что бюджет существенных доходов от этих налогов не получит, а в случае введения прогрессивного налога на доходы физических лиц доходы бюджета даже сократятся. Возникает естественный вопрос, почему власти других экономически развитых стран могут обеспечить налоговый контроль, и эти налоги эффективно используются для развития социальной сферы, а наша власть заранее уверена в своей беспомощности. Например, у Московской области были бы совсем другие бюджетные возможности экономического развития. В настоящее время в области, где недвижимость намного дороже, чем в США, доходы от этих налогов в бюджете составляют относительно небольшую величину.

Таким образом, современная налогово-бюджетная политика не обеспечивает реальных потребностей в финансовых ресурсах, не стимулирует эффективного исполнения полномочий и заинтересованности региональной и муниципальной власти в росте налогооблагаемого потенциала.

Необходимо отметить, что кроме бюджетных средств финансовые ресурсы могут поступать на территорию и по другим каналам, которые включают:

– средства, образующиеся на территории в результате развитие предпринимательства в сфере производства товаров и услуг;

– средства федерального и регионального бюджетов для выполнения целевых программ (если они реализуются на территории) и государственных фондов социального обеспечения;

– коммерческие кредиты.

Исследование источников поступления финансовых ресурсов на территорию позволяет определить:

– роль собственных финансообразующих источников в формировании финансовой базы развития территории;

– структуру финансообразующих источников и их распределение, в том числе между различными уровнями бюджетной системы;

– роль населения в формировании финансового потенциала развития региона;

– роль финансово-кредитного рынка для расширения финансовой базы развития региона;

– роль федерального, регионального и местного уровня в финансировании социально-экономического развития региона;

– способность региона обеспечить свою финансовую самодостаточность.

Воспроизводство финансовых ресурсов территории определяется ее способностью использовать имеющийся ресурсный потенциал, ее конкурентные преимущества и соответствующие механизмы привлечения финансовых ресурсов. Основные факторы, от которых зависит финансовый климат территории, включают:

– промышленный потенциал и его структура, наличие конкурентоспособных производств, продукция которых востребована на внутреннем и внешнем рынке;

– уровень развития производственной и социальной инфраструктуры;

– состояние рынка труда;

– уровень развития всех элементов рыночной инфраструктуры (финансово-кредитной, страховой, торгово-сбытовой и т.д.).

У региональных и муниципальных органов власти имеются определенные рычаги воздействия, направленные на укрепление и развитие финансовых источников. Во-первых, это использование всех инструментов механизма поддержки предпринимательской сферы и создание благоприятного климата для развития экономики региона (долевое финансирование, информационная поддержка, развитие инфраструктуры, отсутствие бюрократических барьеров для вхождения в бизнес, помощь в получении кредитов и их возврате, налоговые льготы, и др.). Во-вторых, это активный поиск возможностей участия в целевых федеральных и региональных программах, которые финансируются из федерального и регионального бюджетов. Учитывая, что при распределении средств федерального бюджета все субъекты Федерации конкурируют друг с другом, вхождение в целевые программы будет определяться способностью региона обосновать свои конкурентные преимущества и доказать эффективность своего участия в реализации этих программ.

Условием непрерывности процесса воспроизводства является непрерывность процесса управления и качество системы управления. Именно качество системы управления является главным ресурсом, определяющим конкурентоспособность территории. В агрегированном виде элементы системы управления можно представить, как:

– планово-прогнозную деятельность, в процессе которой формулируются цели, приоритеты и задачи общественно-экономического развития;

– организационные структуры управления, обладающие полномочиями и ответственностью за принятие решений и их реализацию;

– механизм управления, т.е. рычаги воздействия на поведение субъектов управления, обеспечивающие достижение поставленных целей.

Организационные структуры и используемые ими механизмы воздействия в совокупности представляют собой институциональную часть системы управления, ее «проводящую сеть», основная задача которой состоит в том, чтобы обеспечить реализацию принятых решений. Неэффективность современной системы управления в первую очередь определяется несовершенством ее институциональной части, когда на государственном уровне формулируются разумные, общественно признанные приоритеты, но в системе управления нет «адресатов», принимающих эти сигналы и обеспечивающих их реализацию.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. – № 56. – С. 5–39.
2. Некипелов А.Д. Есть ли альтернатива у проводимой макроэкономической политики? // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2015. – Т. 196. – С. 282–290.
3. Ивантер В.В. и др. Восстановление экономического роста в России. Научный доклад / Отв. Ред. Ивантер В.В. – М., 2016.
4. Татаркин А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. – № 1. – С. 9–33.
5. Швецов А.Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространственная экономика. 2015. – № 1. – С. 38–61.
6. Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: Экономика и Социология. 2014. – № 2 (82). – С. 7–38.
7. Полынев А.О. Сравнительная конкурентоспособность российских регионов: основные факторы и современные тренды // Современные производительные силы. 2014. – № 3. – С. 37–42.
8. Новоселов А.С., Маршалова А.С., Кулаев А.П. и др. Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – 400 с.

Петросянц Д.В.
к.э.н., Финансовый университет

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПСИХООБЩЕСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ РФ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ[1]

Ключевые слова*: региональная политика, социальная напряженность, медиаактивность, социальный капитал, институциональная среда.*
Keywords: *regional policy, social tension, media activity, social capital, institutional environment.*

Современная Россия начинает свое летоисчисление в 90-е годы XX века и сразу попадает в сложнейшие социально-экономические условия, связанные с переходом к новой системе взаимодействия власти, общества, институтов – переходом от действующих неизменно на протяжении семи десятков лет патерналистских подходов в выстраивании социальной политики к некой, совсем на тот момент не сформировавшейся парадигме абстрактного и манящего новыми возможностями капитализма, имеющей в своей основе рыночные принципы и механизмы распределения. Была выдвинута идея перехода на рельсы либерализма в кратчайшие сроки, а отработанных лекал и опыта перехода к новой системе не существовало, и не могло существовать, в силу уникальности ситуации[2]. По мнению Р. Макинтайра, «многие страны пытались ввести системы по моделям Западной Европы и Северной Америки. Но обычно нет ни административного аппарата, ни опыта, чтобы эти системы функционировали эффективно и справедливо. Более того, эти системы испытывают давление из-за возрастающей гибкости рынка труда и социально-экономической фрагментации, которая ее сопровождает. Комплексные системы социальной защиты, основанные на моделях Бисмарка и Бевериджа, которые появились в Западной Европе и Северной Америке в середине XX столетия, плохо приспособлены к гибкому, неформальному рынку труда, который сейчас возникает»[3].

В переходный период 90-х годов преобладали рыночные теории, принижающие вмешательство государства в происходящие социально-экономические процессы. Кроме того, реформы носили спонтанный характер, не выполнялась последовательность, в результате чего не происходило подготовки к очередным реформаторским начинаниям. Достаточно сложной задачей для Правительства является выработка пошаговых преобразований и реформирования различных звеньев социальной системы, разбалансированное развитие которых способно вызывать процессы стагнации, отторжения неудачно внедренных в ткань живого организма психообщественной инфраструктуры *социально-экономических имплантов*.

Проблемы рынка труда являются смежными для многих составных элементов социального блока. К ним можно отнести несоответствие спроса и предложения на рынке труда, а значит, и вопросы обратной связи в системе «работодатель-образование», разросшийся серый рынок труда, приводящий к недобору доходной части бюджета, что в свою очередь серьезно бьет по возможностям государства защитить социально слабые слои населения. Формирование рынка квалифицированного и интеллектуального труда – одно из обязательных условий развития современной экономики, ее инновационного пути развития. По-прежнему подпитка рабочей силой идет из стран бывшего СССР, что, по крайней мере, «закрывает» вопросы, связанные с низкоквалифицированными работниками, но не решает проблемы воссоздания и умножения человеческого потенциала в регионах РФ[4].

Как заявляет заместитель Председателя Правительства РФ О.Голодец, серый рынок труда в РФ к 2013 году достиг отметки примерно в 15–20 млн. человек. При этом, общее количество людей, находящихся в трудоспособном возрасте, составляет 86 млн. Однако из них только 48 млн. платят налоги и отчисляют взносы во внебюджетные фонды. «Здесь есть категория населения, которая не работает по понятным причинам: женщины, ухаживающие за детьми, военнослужащие, которые проходят срочную службу. Но есть целая категория людей, которые сегодня не платят налоги, и встает законный вопрос: кто содержит этих людей?»[5]. В результате происходит недофинансирование пенсионеров. Проблема будет решаться мерами финансово-экономического характера. В частности, Минфин РФ уже разработал меры, которые существенно ограничивают хождение наличности в обращении.

---

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093а.

[2] Сидорина Т.Ю. Социальная политика в обществе вертикального контракта // Мир России: Социология, этнология. – М., 2007. – Т. 16, № 2.

[3] Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. – М., 2002. – № 2. – С. 142–150.

[4] Петросянц Д.В. Демографические аспекты региональной социальной политики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. – № 5 (55). – С. 75.

[5] Агентство Росбалт. – http://www.rosbalt.ru/business/2013/04/03/1113230.html

Становление рыночных отношений в сфере занятости – это прежде всего создание институтов, обеспечивающих ее функционирование. Переходная экономика отличается от рыночной экономики тем, что в ней отсутствуют (или только начинают формироваться) институты, обеспечивающие функционирование рынка. Институциональная структура важна, поскольку рынок требует большого объема информации для своего функционирования, и центральная роль институтов состоит в том, чтобы совершенствовать поток информации. Институциональное развитие необходимо также по двум другим причинам: Россия не имеет ни традиций предпринимательства, ни опыта децентрализованного принятия решений. В силу этого важнейшее место в трансформации отношений занятости, как и всех других экономических отношений, занимают системно-институциональные преобразования. Их главная цель – формирование рыночного поведения в сфере занятости. Тем самым институциональной основой рынка труда является становление новых экономических институтов – экономико-правовых форм собственности, их спецификации; поиска контрагента, контроля за соблюдением контрактов, новое трудовое законодательство; традиции рыночного поведения и рыночной инфраструктуры.

Институт частной собственности является экономической основой функционирования рыночных отношений во всех сферах. Рынок труда в большей степени, чем другие рынки испытывает влияние институциональных факторов, так как труд является специфическим товаром, реализующим не только экономические, но и социальные функции. Поэтому институциональная среда рынка труда обеспечивает не только спецификацию прав собственности и определение условий трансакций, как на других рынках, но и сама по себе является специфическим механизмом функционирования рынка труда. В результате столь высокой значимости институциональных основ рынок труда достигает равновесия не только через традиционный механизм количественной и ценовой гибкости, но и через институциональный механизм.

Рынок труда находится под сильным воздействием формирующихся специфических институтов – профсоюзного движения, коллективных договоров по заработной плате, законодательства об индексации фиксированных доходов, методов и степени участия правительства в регулировании трудовых отношений, а также исторически сложившихся традиций в стране, ее политической эволюции и других внеэкономических факторов[1].

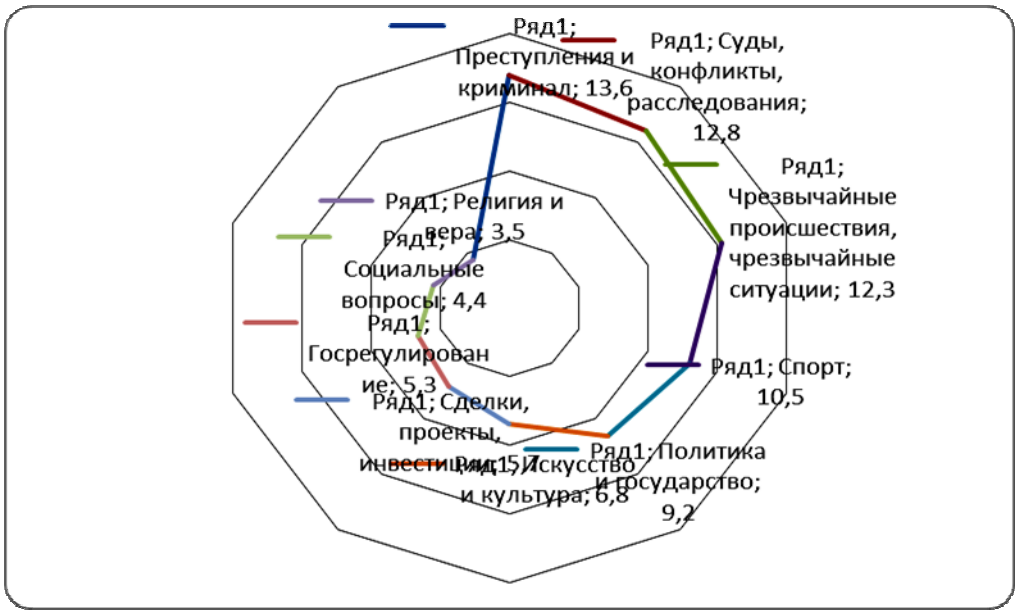
Важно также учитывать уровень и структуру трудовой мотивации свойственной населению региона, квалификационные особенности, привычки к дисциплине, добропорядочность и ответственность, инициативность и творческий потенциал, уникальные национальные и конфессиональные привычки. Иначе ни один механизм предложенный реформаторами не заработает должным образом. Известно немало примеров неудачной имплантации вполне успешных бизнес-практик на почву регионов, где вышеперечисленные условия не позволяли полностью использовать потенциал разработанных клише.

Еще один аспект, на котором нужно заострить внимание, это информационный фон, создаваемый в отношении региона в медийном пространстве. На рис. 1–3 представлена агрегированная тематика медиа-публикаций в трех Северо-Кавказских субъектах Федерации: Республике Дагестан (РД), Республике Северная Осетия (Алания) (РСО(А)) и Республике Кабардино-Балкария (КБР). Обращает на себя внимание, что на инвестиционный климат и благоприятный имиджевый и брендовый потенциал региона негативно влияет информационно-негативный поток, генерируемый российскими федеральными (центральными) СМИ. Основными темами публикаций в исследуемых республиках стали преступления и криминал, чрезвычайные происшествия, суды, конфликты и расследования и т.п. И только в РСО (А) на первом месте по частотности медиа сообщений находятся вопросы политики и государства. Социальные вопросы оказались даже менее значимыми в медиапотоке 2015 года, чем спорт, искусство и культура.

Источник: SCAN-Интерфакс.

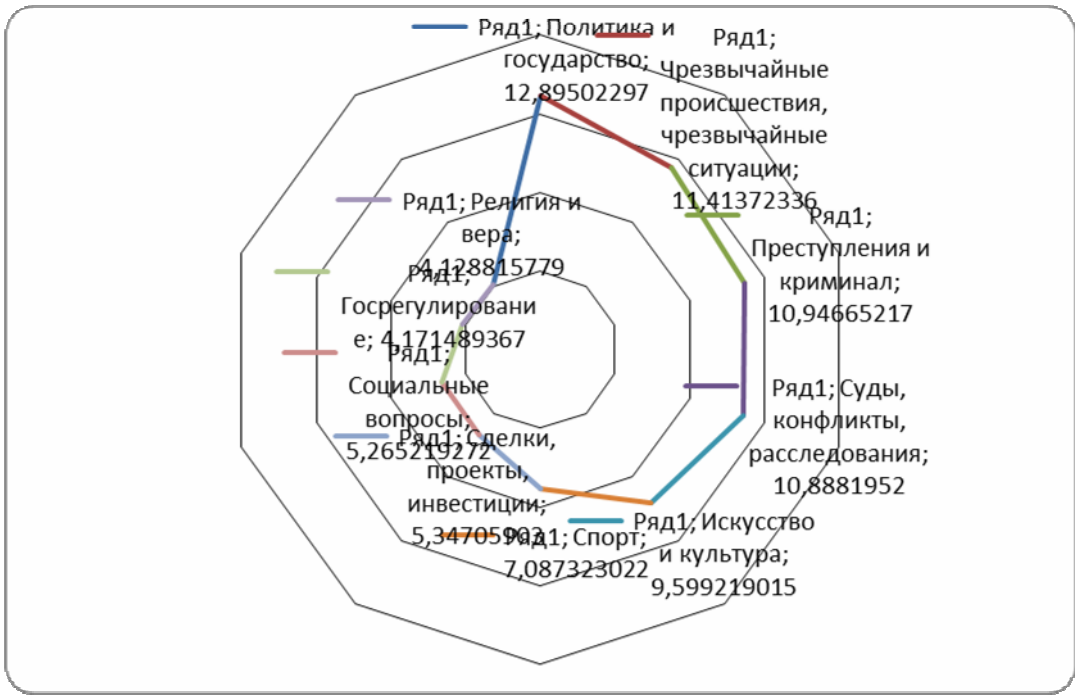
Рисунок 1.
Тематика медиа-публикаций по Республике Дагестан за 2015 г., % от суммарной медиа-активности

[1] Сакс Д., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. – М., 1996. – С. 521.



Источник: SCAN-Интерфакс.

Рисунок 2.
Тематика медиа-публикаций по Республике КБР за 2015 г., % от суммарной медиа-активности



Источник: SCAN-Интерфакс.

Рисунок 3.
Тематика медиа-публикаций по РСО(А) за 2015 г., % от суммарной медиа-активности

Оценить и отнести субъект федерации к регионам того или иного типа по ряду критериев довольно просто. Применяются различные варианты рейтингования на основе статистических показателей социально-экономического развития, на базе экспертных и выборочных опросов населения, по динамике изменения тех или иных показателей, по умозрительным оценкам теневого сектора, секторов личного хозяйства граждан и т.п. Дать системную объективную оценку со всех ракурсов, с позиции экономиста, социолога, политолога, эколога и т.п., не упустив важнейшие детали, нелегко. По мнению исследователей во главе с Дж. Стиглицем из так называемой «комиссии Саркози», «теории, которые мы создаем, гипотезы, которые проверяем, и убеждения, которые имеем, – все формируется нашими системами измерения. Ученые, занимающиеся социальными науками, часто слишком легкомысленно пользовались легко доступными цифрами, такими как ВВП, как основой для своих эмпирических моделей, не задавая себе лишних вопросов об ограничениях и предвзятости таких систем»[1].

[1] Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 24.

Есть ли у Северо-Кавказских регионов общие черты, и черты отличные от других регионов РФ? Одним из факторов, усложняющих познание и понимание идентификационного пространства рассматриваемого региона, является сложившийся стереотип – негативное отношение к этническому/кавказскому фактору[1] По мнению О. Русиновой из пятигорского филиала Северо-Кавказского федерального университета, причина отсталости СКФО кроется в сельскохозяйственном крене экономики региона. «Продукция пятого технологического уклада представлена лишь в трех регионах СКФО: Республике Дагестан – 7,8%, Кабардино-Балкарской Республике – 11,1, Ставропольском крае – 4,6%[2]. А.Ш. Ахмедуев из Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН указывает на опасность в социальном плане все более остро проявляющей себя проблемы увеличения числа так называемого прекариата (англ. precarious) – нового социального класса, положение которого на рынке труда и в социальной структуре общества характеризуется как ненадежное, рискованное, опасное[3]. «Прекариат – это социально-экономическая группа (в некоторых странах она составляет четверть взрослого населения), характеризующаяся тремя особенностями: ее представители заранее не обеспечены рабочими местами; помимо непосредственной оплаты труда, они не получают дополнительных социальных гарантий в виде пенсий и пособий по безработице; люди, принадлежащие к этому классу, часто лишены определенных гражданских прав, которые есть у других членов общества. Прекариат растет за счет мигрантов, женщин, учащихся»[4]. Северо-Кавказский прекариат – это отдельная и уникально специфичная страта современной сложной и противоречивой социальной структуры региона.

Но не только это. Есть еще и эксплуатация статуса «неспокойного региона» с целью извлечения дополнительной ренты из федерального бюджета в пользу дополнительных трансфертов на «обеспечение и стабилизацию социальной напряженности», что на поверку, в ряде случаев, банально оказывается доходом местных элитных кланов. Что можно противопоставить подобной практике? Налаживание открытого и эффективного бизнеса зачастую не складывается в связи с инвестиционными рисками предпринимателей. Принудительное привлечение капитала олигархов, выходцев из этих республик, является ограниченным и точечным. Возможно, поможет включение эффективных механизмов государственно-частного партнерства? Но разрекламированный в последние годы механизм также пока дает осечку.

Объединение регионального сообщества под общие концептуальные задачи в рамках федеративного государства – нетривиальная задача для современной России. Возросшего влияния сецессионистских настроений в различных странах мира, в том числе и в Европе, не могут избежать и регионы нашей страны. И это не только традиционно приводимые в качестве примера республики Северного Кавказа. Есть подобные настроения практически во всех приграничных регионах, которые напрямую пытаются наладить коммерческие отношения с соседями, есть и сырьевые регионы, стремящиеся получать ренту только в свою казну, и не «кормить» федеральный центр. Конфессиональные различия также становятся причинами, не дающими обществу сплотиться вокруг хозяйственных и производственных проблем, атомизируя общество.

Таким образом, есть насущная необходимость консолидировать социальный капитал. При измерении социального капитала могут использоваться качественные и количественные показатели, характеризующие такие компоненты социального капитала, как группа и сеть, доверие, участие в коллективных действиях, социальная включенность, информация и коммуникации[5]. По словам Т. Гужавиной из Института социально-экономического развития территорий РАН, «несмотря на всю сложность категории социального капитала, в научной среде накапливается опыт измерения данного феномена»[6].

В заголовке настоящей статьи использовалось понятие, введенное профессором М.Г. Завельским, «психообщественная инфраструктура»[7] региона (территории), которому он дал следующее определение: «накладываясь на генофонд, действующие нормы поведения в сочетании с природной средой хозяйства формируют его психообщественную инфраструктуру – закрепленные в традициях населения страны такие нравственные устои и деловые навыки, такое понимание им реальности, которые, вместе взятые, проявляются в характерных для большинства обитателей данной территории хозяйственных склонностях, предприимчивости, качестве, дисциплине и интенсивности труда, умении порождать, воспринимать, осваивать новинки и приспосабливаться к ним». В этом же направлении продвигаются эксперты Тюменского государственного университета В. Давыденко и Г. Ромашкина, которые считают, что «теоретическая проблема исследования и изучения экономических механизмов формирования и воспроизводства социальной структуры региона и их оснований состоит в концептуализации категории социального воспроизводства региона с учетом пространственного и других значимых факторов, сущностно раскрывающих жизнедеятельность населения региона, и показывающих, как происходит сохранение, восстановление, обновление и создание условий его сущест-

---

[1] Хунагов Р.Д. Инновационное управление регионом в контексте укрепления российской идентичности / Р.Д. Хунагов, А.Ю. Шадже, Е.С. Куква // Социологические исследования. – М., 2015. – № 3 (371). – С. 77–78.

[2] Русинова О.С. Специфика воспроизводственного развития проблемных регионов Северо-Кавказского Федерального округа // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. – № 4. – С. 136.

[3] Ахмедуев А.Ш. Глобализация и прекаризация населения планеты: опасные вызовы и тренды нового миропорядка // Апробация. 2016. – №3 (42). – С. 111.

[4] Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс. – М., 2014. – С. 130.

[5] Penning J. M. Human capital, social capital and firm dissolution / J.M. Penning, K. Lee, A. van Witteloostuijn // Academy of Management Journal. 1998. – Vol. 41. – P. 425–440.

[6] Гужавина Т.А. Социальный капитал региона как фактор модернизации // Проблемы развития территории. 2016. – № 1 (81). – С. 130–144.

[7] Завельский М.Г. Закономерности хозяйства. // Экономическая политика и фондовый рынок: модели и методы системного анализа. Труды ИСА РАН. – М., 2009. – Т. 47. – С. 8.

вования и развития»[1]. Таким образом, многие исследователи признают необходимость создания в обществе критической массы заинтересованных в поступательном инновационном развитии людей, при определенных условиях способных дать толчок к системному развитию социума, что позволит структурно менять экономику, а также консолидироваться вокруг стратегических проектов развития. Иначе говоря, не мобилизационный сценарий, спускаемый сверху, предопределит развитие хозяйства, а согласование интересов общества и элит в реализации целевой функции построения современного инновационного общества. Что соответственно подводит нас к очевидной необходимости инфраструктурного обновления связей между институтами образования, науки и высокотехнологичного производства[2]. От того, удастся ли создать эти механизмы, будет зависеть устойчивость взаимодействия элит и всего общества, а в итоге, возможность достичь структурных экономических сдвигов.

Проблемы функционирования и развития научно-образовательного комплекса в регионах становятся на современном этапе развития, без преувеличения, ключевыми. Но именно этот бюджетный сектор претерпевает в последние десятилетия перманентное реформирование и тотальную нехватку ресурсов на развитие. Здесь формируется человеческий капитал региона, специалисты необходимые для развития современного производства, науки, медицины, культуры и т.п. На высших учебных заведениях, помимо основной нагрузки, обучить ремеслу, лежит еще одна серьезная ответственность, а именно, формирование патриотических и всесторонне развитых личностей. Собственно, одна из функций современного вуза – это создание центров социализации молодежи, способных консолидировать ее, и подготовить к вхождению в новую страту общества, во взрослую жизнь. Без тщательной работы над качеством человеческого капитала не удастся реализовывать масштабные проекты по переориентации хозяйства на инновационные рельсы развития. В то же время, не получив рефлексии от всего общества, не «достучавшись» до всех социальных страт существующих в конкретном регионе здесь и сейчас, не найдя точки согласования их интересов, на прогресс и успешное развитие регионов рассчитывать не придется.

---

[1] Давыденко В.А. Экономические механизмы формирования и воспроизводства социальной структуры региона / В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2013. – № 8. – С. 95–104.

[2] Симонов К.В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера / К.В. Симонов, Д.В. Петросянц // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – М., 2015. – № 4. – С. 7–9.

Погодина Т.В.
д.э.н., профессор департамента менеджмента Финансового университета

ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *регион, инновации, стратегия нововведений, инновационный потенциал.*
Keywords: *region, innovation, strategy innovations, innovative potential.*

Важнейшей задачей управления инновационным потенциалом региона является оптимальное использование ресурсов и повышение уровня экономического благосостояния. Выявление факторов развития инновационного потенциала региона должно осуществляться на основе двух ключевых концепций: концепции причинно-следственных и функциональных связей и концепции определения целевых установок.

Для оценки факторов, влияющих на инновационный потенциал федеральных округов, мы использовали сравнительный, динамический, коэффициентный и интегральный методы исследования.

Система показателей факторного анализа инновационного потенциала регионов включает 26 показателей, характеризующих использование человеческих, материально-производственных, инвестиционных, инновационно-технологических, информационных и финансовых ресурсов[1].

Исходными данными для анализа послужила информационная база Федеральной службы государственной статистики[2]. Интегральная оценка по каждой группе факторов проводилась по формуле:

$$R_i = \sum X_j / X_{jmax} \quad (1),$$

где: X_j – фактическое значение показателя в рассматриваемом федеральном округе; X_{jmax} – максимальное значение показателя среди всех округов.

Фактор использования человеческих ресурсов оказывает ведущее влияние на формирование и развитие инновационного потенциала, поскольку люди генерируют идеи, которые впоследствии приобретают форму инновационного товара или услуги. Об этом свидетельствуют и данные, показывающие, что разница в производстве ВРП на душу населения колеблется от 97 тыс. руб. в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) до 434 тыс. руб. в Уральском федеральном округе (УФО) (т.е. в 4,5 раза)[3].

В 2009-2013 гг. по влиянию фактора использования человеческих ресурсов на способность регионов к развитию инновационного потенциала ведущие позиции занимают УФО и Центральный федеральный округ (ЦФО), несколько улучшилось положение в Дальневосточном (ДВФО), Северо-Западном (СЗФО) и Приволжском (ПФО) федеральных округах, стабильно низкий уровень демонстрируют Южный федеральный округ (ЮФО) и СКФО.

Анализ состояния и эффективности использования производственных фондов привел к следующим результатам. В большинстве округов России в 2009–2013 гг. произошло ухудшение материально-технической базы вследствие:

– снижения коэффициента годности основных фондов (за исключением ДВФО);
– уменьшения фондоотдачи, рассчитанной по показателю ВРП (за исключением ЮФО и СКФО);
– замедления индексов стоимости основных фондов (за исключением ДВФО)[4].

По обеспеченности и эффективности использования инновационно-технологических ресурсов имеется неравномерная динамика. Инвестиции на душу населения в федеральных округах имеют положительную тенденцию. Особенно это характерно для ДВФО и УФО. Что касается индекса инвестиций в основной капитал, то здесь ситуация обратная. Во всех округах индексы физического объема инвестиций в основной капитал снизились в 2009–2012 гг. по сравнению с 2005–2008 гг. Аналогичная ситуация характерна и для индекса инвестиций в основной капитал организаций с участием иностранного капитала.

В целом, по воздействию инвестиционных факторов на способность регионов к созданию инновационных территориальных кластеров устойчивые лидирующие позиции занимают УФО и ДВФО, несколько улучшилось положение в ЮФО и СКФО, значительное снижение инвестиционного потенциала произошло в ПФО.

По силе воздействия фактора инновационных технологий лидером в 2009–2013 гг. явился СЗФО. За ним следуют ПФО и ДВФО. Самые низкие показатели – в ЮФО.

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. – http://gks.ru

[2] Там же.

[3] Погодина Т.В. Инновационный потенциал социально-экономической системы региона / Т.В. Погодина, Т.А. Медведева // Экономика. Налоги. Право. 2013. – № 6. – С. 56–62.

[4] Погодина Т.В., Задорова Т.В. Оценка инвестиционного потенциала кластеров // Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 24. – С. 24–30.

Среди показателей обеспеченности и эффективности использования финансовых ресурсов наиболее значимым является доля рентабельных организаций, которая в 2009–2013 гг. варьировала от 66,5 до 71,5%. Самые высокие показатели по обеспеченности финансовыми ресурсами в ЦФО, самые низкие – в СКФО[1].

Объединив вышеперечисленные факторы, проведем интегральную оценку их воздействия на способность регионов к созданию инновационных территориальных кластеров, которая проводилась по формуле средней арифметической от частных рейтинговых оценок:

$$R_{int} = R_i/n \quad (2).$$

Объединив все вышеперечисленные факторы, можно выделить следующее. В большинстве федеральных округов Российской Федерации имеется положительная динамика инновационного потенциала, за исключением ЦФО и УФО (табл. 1).

Таблица 1

Оценка инновационного потенциала федеральных округов

Регионы	2000 г.	Среднее за 2004–2008 гг.	Среднее за 2009–2013 гг.	Отклонение 2009/2013 от 2004/2008
1.ЦФО	2,93	2,93	2,90	–0,03
2.СЗФО	2,89	2,98	3,01	0,03
3.ЮФО	2,61	2,69	2,72	0,03
4.СКФО	2,25	2,50	2,61	0,11
5.ПФО	2,65	2,85	2,85	0,00
6.УФО	3,00	2,91	2,87	–0,04
7.СФО	2,44	2,68	2,70	0,02
8.ДВФО	2,45	2,63	3,06	0,43

Наибольший прирост инновационного потенциала на основе обеспеченности факторами производства продемонстрировали ДВФО и СКФО, что необходимо учитывать при использовании финансово-экономических механизмов стимулирования инновационного развития. В целом можно выделить системные сильные и слабые стороны регионов по развитию их инновационного потенциала. Высокую обеспеченность ресурсами демонстрирует СЗФО, недостаточная обеспеченность ресурсами – у СКФО и СФО[2].

Стратегия нововведений может носить наступательный (агрессивный) или оборонительный характер. Необходимость сбалансированного развития требует комплексного подхода, включающего как рискованные, так и безопасные (оборонительные) стратегии. Вышеназванные стратегии можно объединить общим понятием стратегия перспективного развития российских регионов. Наступательные стратегии развития инновационного потенциала социально-экономических систем и подсистем регионов оправданны в тех отраслях, которые признаны приоритетными. Это относится к добыче топливно-энергетических ресурсов, производству кокса и нефтепродуктов, электротехнической и приборостроительной, химической промышленности, электроэнергетики, а также строительной индустрии.

К приоритетным направлениям развития инновационного потенциала можно отнести формирование инновационных территориальных кластеров (ИТК). В 2008 г. Министерством экономического развития РФ были разработаны Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. В 2012 г. утвержден перечень ИТК, определены направления их поддержки. По итогам экспертизы были отобраны программы 25 ИТК, относительно которых Министерству экономического развития России поручено сформировать меры их государственной поддержки[3].

Лидером по количеству сформированных и поддержанных на федеральном уровне кластеров является ПФО. В УФО и ДВФО выделено по одному кластеру. Отсутствуют кластеры в ЮФО и СКФО. В то же время, как показал анализ за 2000–2013 гг., в ДВФО, УФО и ЮФО имеется значительный недоиспользованный потенциал по созданию ИТК. В настоящее время на территории ДВФО действует территориальный кластер федерального значения – *Инновационный территориальный кластер авиастроения и судостроения Хабаровского края.* Однако региональные власти заинтересованы в развитии и других отраслей экономики путем создания кластеров регионального значения. Во многих субъектах округа осуществляется государственная поддержка в следующих формах: предоставление бюджетных инвестиций, налоговые льготы, государственные гарантии при реализации инновационных проектов, информационное и консультационное сопровождение инновационных проектов и др. Эти мероприятия целесообразно использовать и в других регионах России.

В то же время необходим комплексный, системный подход в решении задачи развития инновационного потенциала с использованием инновационных территориальных кластеров. С учетом анализа отечественного и зарубежного опыта, целесообразно выделить следующие ключевые группы финансово-экономических механизмов по созданию инновационных территориальных кластеров – стратегические, риск-менеджмента, финансовые, институциональные, организационные, информационные и инвестиционные[4].

---

[1] Pogodina T.V., Veselovsky M.Y., Abrashkin M.S., Aleksakhina V.G. Improvement of the Innovative Capacity of a Socioeconomic System Based on the Development of the Cluster Approach // Asian Social Science. 2015. –Vol. 11, N 1. – P. 304–312.

[2] Министерство экономического развития РФ. – http://www.economy.gov.ru/

[3] Министерство экономического развития РФ. – http://www.economy.gov.ru/

[4] Тенденции, закономерности и специфика организации и управления экономическими структурами в регионах / [С.Н. Новосёлов и др.]. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2011 – 191 с.

Из существующих моделей кластерной политики (дирижистская, либеральная и смешанная) наиболее приемлемой для России представляется смешанная. Она предполагает ключевую роль региональных органов власти в развитии кластеров, при этом федеральный центр обеспечивают создание инфраструктуры, необходимой для их функционирования. В качестве положительного примера эффективной реализации кластерной политики можно привести ПФО. Особенностью кластерного развития регионов ПФО является активная политика региональных правительств в сфере создания кластеров. Во многих регионах приоритетные направления кластеризации заложены в стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (Самарская область, республика Татарстан, Чувашская республика и др.), тем самым фактически осуществлен переход на кластерный путь экономического развития.

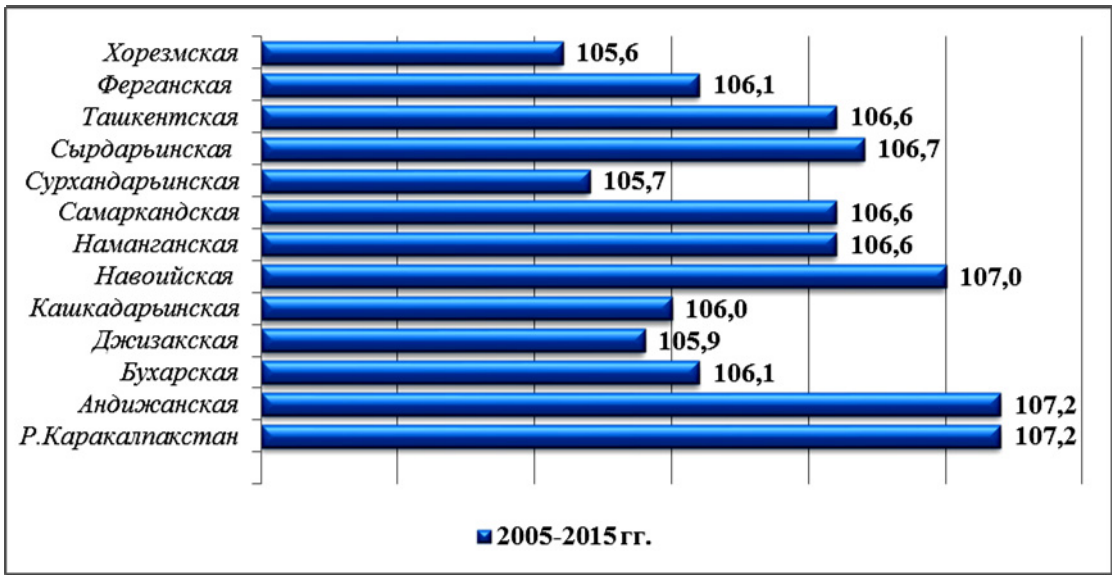
Саатова Х.
к.э.н., в.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАЗРЕЗЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

Ключевые слова: *сельское хозяйство, специализация регионов, посевные площади, сельскохозяйственные культуры.*
Keywords: *agriculture, regional specialization, cultivated areas, agricultural crops.*

Одним из важнейших приоритетов экономического развития республики является дальнейшее реформирование сельского хозяйства, направленное на интенсификацию структурных преобразований и повышение эффективности использования земельных и водных ресурсов. В республике поэтапно и целенаправленно осуществляются меры государственной поддержки, направленные на динамичное развитие сельского хозяйства.

В целом сельскохозяйственное производство в республике развивается достаточно стабильно, но при этом темп его развития в региональном разрезе значительно различаются. Как показывают данные Государственного комитета РУз по статистике, за период 2005–2015 гг. самый высокий средний темп роста сельскохозяйственного производства наблюдался в Андижанской (7,2%), Навоийской (7,0%) областях и Республике Каракалпакстан (7,1%). В то же время относительно невысокие темпы роста сельскохозяйственного производства были отмечены в Джизакской (5,8%), Сурхандарьинской (5,7%) и Хорезмской (5,6%) областях, что связано с дефицитом водных ресурсов и высокой засоленностью посевных площадей[1] (см. рис. 1).



Источник: составлено на основе данных Государственного комитета РУз по статистике.

Рисунок 1.
Средние темпы роста валовой продукции сельского хозяйства за 2005–2015 гг. (*в %*)

В целом по республике темп роста отрасли сельского хозяйства составил 6,3% за период 2005–2015 гг., что является результатом реализации комплексных мер, направленных на структурную трансформацию и диверсификацию сельского хозяйства, а также оптимизацию сельскохозяйственных площадей и эффективное использование земельно-водного потенциала регионов республики.

Именно целенаправленная политика модернизации сельского хозяйства и внедрения новейших высокопродуктивных технологий позволила сохранить устойчивые темпы роста данной отрасли. Это связано также с проведением мер по оптимизации посевных площадей с целью поэтапного сокращения объема производства хлопка-сырца и диверсификации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на то, что в целом сельское хозяйство на макроуровне показывает тенденцию к росту по основным подотраслям, в отдельно взятых регионах соотношение производства основных видов сельхозпродукции растениевод-

[1] Сельское хозяйство Узбекистана / Статистический сборник Госкомстата Республики Узбекистан. – Ташкент, 2005.

ства и животноводства дифференцированное. Это объясняется спецификой земельных угодий, обеспеченностью водных ресурсов. Каждый регион в республике, в силу свой специфики, специализируется на производстве определенных видов сельхозпродукции как растениеводства, так и животноводства.

Анализ данных за 2015 г. по отдельным видам продукции растиневодства в региональном разрезе, показывает, что наибольшую посевную площадь занимает **хлопчатник** в таких регионах, как Сырдарьинская (46,3%), Бухарская (46,0%), Хорезмская (43,7%) и Сурхандарьинская (42,3%) области (см. табл. 1).

В то же время Республика Каракалпакстан (15,9%), Кашкадарьинская (12,5%) и Сырдарьинская (12,1%) области имеют наибольший удельный вес в общем объеме производства валовой продукции хлопка-сырца по сравнению с другими регионами республики. Соответственно, при меньших посевных площадях в данных регионах сбор данной культуры больше, чем в других регионах. Причиной этого являются более благоприятные природно-климатические условия[1].

Таблица 1

Структура распределения посевных площадей по основным сельхозкультурам (по данным за 2015 г.) (в % от общей площади посевных)

Регионы	Зерновые культуры	Технические культуры, в т.ч.: хлопчатник	Картофель и овощебахчевые	из них:		
				картофель	овощи	бахчи
Республика Узбекистан	45,2	37,0	8,8	24,7	59,4	15,9
Республика Каракалпакстан	41,4	40,8	9,5	17,6	43,7	38,7
области:						
Андижанская	41,3	40,9	11,9	24,9	68,5	6,6
Бухарская	38,3	46,0	6,0	27,8	59,7	12,5
Джизакская	52,0	31,4	4,0	11,4	52,5	36,1
Кашкадарьинская	51,1	34,9	6,2	24,8	53,4	21,8
Навоийская	50,6	37,1	6,8	22,9	55,7	21,4
Наманганская	43,0	37,8	10,6	29,8	60,5	9,7
Самаркандская	51,4	30,1	11,8	28,2	65,7	6,1
Сурхандарьинская	42,6	42,3	9,0	35,5	52,3	12,1
Сырдарьинская	68,6	46,3	4,1	20,8	45,8	33,3
Ташкентская	45,2	28,9	13,2	19,2	70,9	9,8
Ферганская	44,0	34,6	10,9	30,7	61,4	7,9
Хорезмская	32,3	43,7	11,9	20,7	54,0	25,4

Источник: составлено на основе данных Государственного комитета РУз по статистике

Наибольшую долю в общем объеме производства **зерновых культур** имеют Сырдарьинская (15,8%), Кашкадарьинская (13,0%) и Джизакская (11,2%) области. Анализ распределения посевных площадей между регионами под зерновые культуры показывает, что наибольшая доля принадлежит таким регионам, как Сырдарьинская (68,6%), Джизакская (52,0%), Самаркандская (51,4%) и Кашкадарьинская (51,1%). Эти регионы имеют наиболее благоприятные условия для выращивания зерновых культур.

В последние годы в специализации регионов произошли кардинальные изменения за счет значительного роста объемов **плодов и ягод.** Такие регионы, как Андижанская (22,6% от общего объема производства в целом по республике), Ферганская (11,9%) и Наманганская (10,4%) области имеют наиболее благоприятные природно-климатические условия, вследствии этого в данных регионах наблюдается наибольшая доля производства плодов и ягод в общем объеме произведенной сельхозпродукци.

Развитие **виноградарства** получило в последние годы весомую государственную поддержку, в результате чего многие регионы республики стали специализироваться на выращивании этой сельхозкультуры. В частности, наибольший сбор винограда наблюдается в таких регионах, как Наманганская (11,5% от общего объема производства), Самаркандская (10,5%), Навоийская (9,5%) и Бухарская (8,8%) области.

В целом, если рассматривать долю каждого региона республики в производстве отдельных видов продукции растениеводства, то Сырдарьинская область специализируется на выращивании 4-х видов основной сельхозпродукции (хлопок-сырец, зерновые, овощные и бахчевые культуры), Самаркандская (картофель, овощи и виноград) и Наманганская (картофель, плоды и ягоды, виноград) области – на 3-х видах, а остальные регионы имеют 1 или 2 вида специализации.

Таким образом, специализация в объемах производимой сельхозпродукции растениеводства по регионам республики объясняется как особенностями природно-климатических условий и земельно-водных ресурсов, а также спросом на сельхозпродукцию в самих регионах, так и территориальным расположением регионов относительно емких рынков потребления.

Вместе с тем в ходе анализа состояния развития сельского хозяйства выявлен ряд проблем, которые могут сдерживать устойчивое развитие данного сектора в ближайшие годы:

– доля хлопчатника и зерновых культур в структуре посевов остается высокой и составляет около 75%, а в хлопкосеющих районах – 85–95%, что может в дальнейшем привести к снижению урожайности;

[1] Сельское хозяйство Узбекистана / Статистический сборник Госкомстата Республики Узбекистан. – Ташкент, 2015.

– хлопчатник засевается на землях: низкоплодородных и засоленных землях; малообеспеченных водой и орошаемых внутрихозяйственными насосами; малоплодородных с низкой рентабельностью;

– при ускоренном развитии животноводства посевы кормовых культур имеют тенденцию к уменьшению;

– имеются ограничения в использовании земельных ресурсов (орошаемое земледелие не позволяет осваивать новые целинные земли);

– нарастающий дефицит водных ресурсов.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

– производство хлопчатника неэффективно в таких регионах, как Хорезмская, Сурхандарьинская и Бухарская области, т.е. при больших посевных площадях объем производства хлопка-сырца относительно небольшой, чем в других регионах. Но при этом в Республике Каракалпакстан и Кашкадарьинской области урожайность данной сельхозкультуры высокая, т.е. при относительно меньших площадях наблюдается наибольший удельный вес в производстве хлопка-сырца среди других регионов республики[1];

– посевные площади, которые используются для выращивания зерновых культур в Самаркандской области, целесообразно переориентировать на выращивание овощей и картофеля;

– в Ферганской и Бухарской областях, учитывая специфику природно-климатических условий, целесообразно выращивать кормовые культуры, поскольку посевные площади, используемые под картофель, не дают большого объема производства;

– в Бухарской и Сырдарьинской областях производство овощей целесообразно увеличить за счет перераспределения земельной посевной площади, но при этом посевные площади под овощи в Ферганской области переориентировать на выращивание плодов, ягод и винограда;

– на посевных площадях под бахчевые в Республике Каракалпакстан и Хорезмской области желательно выращивать другие сельхозкультуры, которые требуют меньшего расхода водных ресурсов.

В целях преодоления и решения выявленных проблем в развитии сельского хозяйства, полагаем целесообразным принятие следующих мер:

– продолжение оптимизации посевных площадей путем поэтапного сокращения объема производства хлопка-сырца и зерновых, с последующей специализацией сельскохозяйственного производства в регионах республики:

– на основе научно-обоснованного анализа состояния сельскохозяйственных земель профильными научными институтами Минсельводхоза и Академии наук, изменение специализации фермерскими хозяйствами в рекомендательной форме с целью повышения рентабельности сельскохозяйственного производства;

– усиление селекционной работы по выведению более высокоурожайных сортов овоще-бахчевых культур, картофеля, винограда, плодов и ягод, с учетом природно-климатических особенностей регионов;

– интенсификация научных исследований по выведению новых отечественных высокоурожайных сортов с заданными свойствами технических культур, в частности хлопчатника;

– стимулирование развития пищевой и перерабатывающей отраслей промышленности, в целях насыщения продуктами питания внутреннего рынка, а также увеличения объемов их экспорта;

– активизация широкого внедрения системы капельного орошения в республике;

– стимулирование создания теплиц облегченной конструкции с использованием альтернативных источников энергии.

Таким образом, можно резюмировать, что отрасль растениеводства в целом имеет положительную динамику роста. Вместе с тем, реализация мер по совершенствованию специализации в сельском хозяйстве позволяет диверсифицировать и повысить эффективность сельскохозяйственного производства, а также урожайность основных сельскохозяйственных культур. Это одно из важнейших направлений развития данной отрасли, являющейся базой для развития пищевой и перерабатывающей отраслей промышленности и выполняющей важную задачу по насыщению продуктами питания внутреннего рынка, а также увеличению объемов их экспорта.

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан от 23 декабря 2015 года № ПП-2460 «О мерах по дальнейшему реформированию и развитию сельского хозяйства на период 2016–2020 гг.» // ИПС Норма-Законодательство.

Сатывалдиева Б.А.
к.э.н., доцент Кыргызского национального университета, Бишкек

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В КЫРГЫЗСТАНЕ

Ключевые слова: *территориальный маркетинг, конкурентоспособность региона, потенциал региона.*

Территориальный маркетинг, с нашей точки зрения, может быть определен как процесс, посредством которого органы местного самоуправления связывают свою деятельность с интересами целевых потребителей. Соответственно цель территориального маркетинга может быть определена как максимизация эффективности социально-экономического функционирования соответствующего региона или территории.

Таким образом, цели и задачи территориального маркетинга концептуально отличаются от целей и задач коммерческого маркетинга, который напрямую связан с финансовой прибылью организации. Территориальный же маркетинг определяет общую цель в терминах наилучшего уровня жизни населения за счет предоставления органами местного самоуправления эффективных услуг, которые бы отвечали индивидуальным либо коллективным потребностям населения, проживающего на территории региона.

Таким образом, задачей территориального маркетинга является укрепление способности регионов к адаптации к меняющимся условиям рынка и поддержка их жизнедеятельности.

Территориальный маркетинг появился вследствие конкуренции между городами, регионами и даже государствами. Регионы даже внутри одной страны конкурируют за ресурсы, инвестиции, государственные фонды, трудовые ресурсы, инвестиции, туристов и т.д.

Из самого определения территориального маркетинга вытекает, что его основой является планомерное и системное изучение состояния и тенденций развития территорий с целью принятия рациональных решений. Отдельные цели и стратегии должны быть объединены общей управленческой философией, опирающейся на изучение различных точек зрения. По своей сути региональный маркетинг становится одной из функций органов местного самоуправления, на уровне муниципальных образований, которую можно рассматривать как одну из составных частей региональной политики. В связи с этим актуальным является повышение эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. На сегодняшний день в Кыргызстане существует система оценки деятельности органов власти и управления, но помимо этого необходимо проводить мониторинг оказываемых органами государственной власти и местного самоуправления услуг. К сожалению, в настоящее время общепринятые методы оценки эффективности оказываемых услуг еще не разработаны.

В Кыргызстане остаются нерешенными следующие проблемы:

– не сформирована региональная политика,

– не создана эффективная система управления на местном уровне,

– в государственном управлении преобладает административный подход.

Территориальный маркетинг, на наш взгляд, должен быть социально-ориентированным, что предполагает разработку и внедрение всестороннего долгосрочного видения развития экономической и социальной сферы на территории, постепенное устранение негативных явлений и решение ряда сложных социально-экономических проблем, формирование стратегий и программ развития регионов с включением маркетинговых инструментов.

На территориальный маркетинг возлагается ответственность за повышение конкурентоспособности региона на основе маркетинговых методов управления. При этом конкурентоспособность региона трактуется как способность эффективно и рационально использовать ресурсы, обеспечивая высокий уровень и качество жизни. Таким образом, конкурентоспособность региона включает в себя два основополагающих момента: 1) достижение высокого уровня жизни населения; 2) эффективность функционирования хозяйственного механизма региона. На наш взгляд, территориальный маркетинг состоит в продвижении и развитии сравнительных конкурентных преимуществ территории, что находит свое выражение в:

– вовлечении пользователей территории, изучении их потребностей и ожиданий (социальный аспект);

– обеспечении устойчивого развития территории (управленческий аспект);

– использовании и продвижении культурного образа территории (ценностный аспект).

Таким образом, механизм реализации территориальной маркетинговой стратегии представляет собой способ целенаправленного, упорядоченного, системного повышения уровня рыночной ориентации административных, социокультурных и бизнес-процессов в регионе путем формирования интерактивной коммуникационной среды, динамичного согласования интересов основных стейкхолдеров и использования эффективной комбинации маркетинговых технологий продвижения территориального бренда.

Своеобразным «сквозным» вектором территориального маркетинга является эффективное использование существующих и создание новых уникальных преимуществ для привлечения в регион инвестиций и нерезидентов, для активизации и интенсификации жизни местного населения, для роста конкурентоспособности территории.

Таким образом, успешное социально-экономическое развитие регионов Кыргызстана может быть достигнуто при совершенствовании регионального управления путем применения важнейшего инструмента – территориального маркетинга. Реализация концепции территориального маркетинга позволяет не только повысить единовременно привлекательность края, но и обеспечить конкурентные преимущества в будущем.

Список литературы

1. Бондаренко В.А., Козлякова И.А. Территориальный маркетинг в развитии инфраструктурных проектов в регионе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. – Т. 2. – С. 41–45. – http://e-koncept.ru/2016/46009.htm
2. Gold J.R., Ward S.V. Place promotion – The Use of Publicity and Marketing to Sell Towns and Regions. 1994. – P. 41.
3. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.
4. Иванов Н.А. Территориальный маркетинг как источник повышения экономической привлекательности региона // Economics. 2016. – № 9 (18). – С. 28–37.
5. Константиниди Х.А. Механизмы повышения конкурентоспособности региона: маркетинг территорий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2014. – № 3 (150). – С. 147–151.
6. Кузнецова И. В. Территориальный маркетинг как инструмент повышения конкурентоспособности муниципального образования // Концепт. 2014. Специальный выпуск № 28. – С. 1–6.
7. Фролов Д.П. Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием // Пространственная экономика. 2013. – № 2. – С. 65–86.

Царьков А.С.
к.т.н., профессор НИУ ВШЭ
Кудряшов С.А.
магистрант НИУ ВШЭ

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СБОРКИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ. МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Ключевые слова: *аналитическая сборка, антикризисное управление, инвестиционные программы, кризис, моногорода, проектный подход, стратегическое управление.*

Введение

В современных условиях глобальной нестабильности все чаще звучит критика инструментов стратегического планирования как малоэффективных и труднореализуемых, тем не менее, именно сейчас роль этих инструментов становится значимой как никогда. Долгосрочные целевые установки, учитывающие основные особенности региональных экономик, позволяют органам государственной власти не только формировать основные направления осуществления их деятельности, но также принимать эффективные управленческие решения в кризисных и посткризисных ситуациях.

Инструменты стратегического управления являются достаточно универсальными и имеют широкий спектр применения, включая развитие различных территориальных образований. Однако до 2014 г. в российском законодательстве не существовало понятия стратегий муниципального развития. Только с появлением ФЗ № 172 от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», они приобрели право на существование. Тем не менее, программы и планы развития, реализующие различные проекты на муниципальном уровне, применялись и ранее. Они показали свою состоятельность даже для таких сложных и неустойчивых территориальных образований как моногорода.

В данной статье рассматривается практика применения проектного подхода в виде *комплексных инвестиционных планов* (далее – КИП) для стабилизации и долгосрочного развития кризисных экономик муниципальных территориальных образований. В качестве примера рассматривается развитие двух моногородов Нижегородской области (г. Павлово и г. Заволжье), оказавшихся в списке наиболее кризисных городов России, составленным Минрегионразвития в 2010 г.

Известно, что моногорода более других территориальных образований подвержены негативному влиянию экономических кризисов и являются источником нестабильности для экономики регионов и страны в целом. 2008 год стал тому подтверждением. Подобная уязвимость представляет серьезную угрозу безопасности таким промышленно-ориентированным регионам, каким является Нижегородская область.

Существует ряд критериев, в соответствии с которыми муниципальное образование может быть отнесено к числу моногородов, среди них наиболее значимым является наличие *градообразующего предприятия* или нескольких предприятий, т.е. организаций, осуществляющих один и тот же вид деятельности, с численностью работников равной 20 и более процентам от среднесписочной численности работников всех организаций муниципального образования[1].

Анализ докризисной и кризисной ситуаций

Ниже рассматривается влияние кризиса 2008-2009 гг. на экономику указанных городов с помощью нескольких групп показателей. Для анализа были использованы открытые статистические данные Федеральной службы государственной статистики, а также данные Министерства экономики и конкурентной политики Нижегородской области.

Демографическая ситуация

Оба города характеризуются отрицательной динамикой числа постоянного населения. Только за период с 2007 по 2009 гг. естественная убыль населения в Павлово составила порядка 2,5% населения или ***1510*** человек (табл. 1). Перед кризисом в 2007 году порядка 37% населения было занято в обрабатывающем производстве, в целом в промышленности работало более 50%, из них 5,3 тыс. человек на градообразующих предприятиях. В кризисный период 2008-2009 гг. среднесписочное число рабочих этих предприятий *сократилось на 1945 человек*, составив в 2010 году 3,3 тыс. человек.

[1] Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709.

В Заволжье демографическая ситуация складывалась несколько лучше: по сравнению с 2007 годом численность населения сократилась на 1,2% (табл. 1). Структура занятности населения по видам экономической деятельности в Заволжье гораздо сильнее напоминает моногород – в 2007 году более ***70%*** экономически активного населения было занято в производстве, из них порядка 12,5 тыс. человек работало на градообразующем предприятии ЗМЗ-холдинг. За два последующих года численность работников градообразующего предприятия *снизилась на 3,5 тыс. человек*.

Таблица 1

Демографическая ситуация в моногородах Павлово и Заволжье 2007–2009 гг.

	Павлово			Заволжье		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Численность постоянного населения на конец года	61110	60454	59881	42001	41744	41491
Численность постоянного населения в трудоспособном возрасте	37576	37012	37000	25487	25135	24978
Число родившихся - всего, человек	591	644	580	399	420	465
Число умерших - всего, человек	1209	1127	989	688	656	625

Ситуация на рынке труда

Основным показателем, характеризующим ситуацию на рынке труда, традиционно является *уровень безработицы*. В обоих городах в 2008-2009 гг. наблюдался существенный рост данного показателя. Как видно из рис. 1, в Павлово за два кризисных года уровень безработицы вырос на 1,6 п.п., (488 человек). Катастрофическая ситуация на рынке труда сложилась в 2010 году в Заволжье. На рис.2 можно увидеть, что уровень безработицы после кризиса составил ***7,16%,*** что являлось худшим результатом среди всех моногородов Нижегородской области. Без работы находилось ***1656*** человек, в то время как в 2008 году их число не превышало 120.

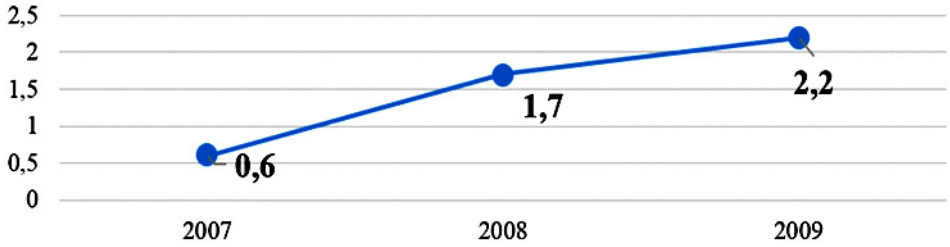


Рисунок 1.
Уровень безработицы г. Павлово 2008–2009 гг.

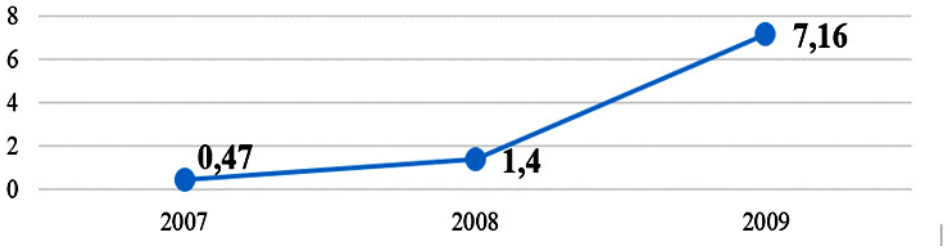


Рисунок 2.
Уровень безработицы г. Заволжье 2008–2009 гг.

Уровень жизни населения

Традиционным мерилом уровня жизни выступает размер *среднемесячной заработной платы* и его динамика. На рис. 3 представлены размеры заработных плат работников средних и крупных предприятий в городах Павлово и Заволжье в 2007–2009 гг. по видам экономической деятельности.

В Заволжье в 2009 году было зафиксировано *серьезное снижение заработной платы*, оно составило 8,5% к 2008 году, тем не менее, уровень заработной платы был выше, чем за аналогичный период в Павлово, но все еще ниже, чем средний показатель по области.

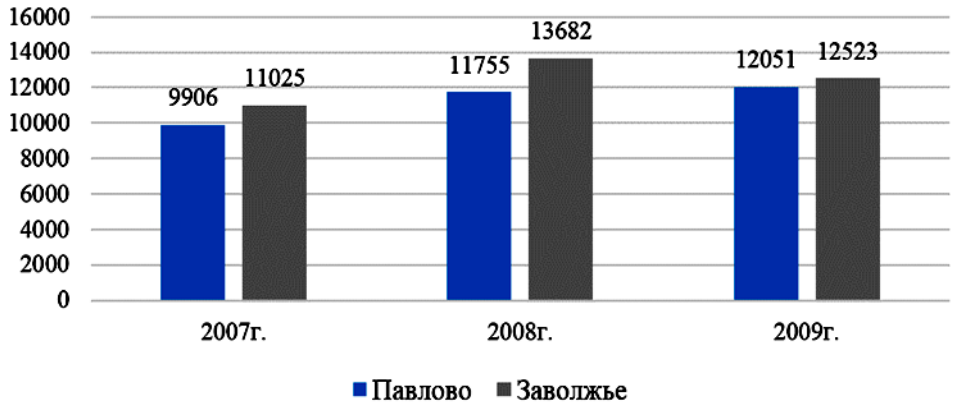


Рисунок 3.
Размер заработной платы в городах Павлово и Заволжье
по видам экономической деятельности (руб.)

Характеристика структуры производства

Исходя из структуры занятости населения можно сделать вывод о том, какие отрасли экономики являются доминирующими в этих городах. По состоянию на начало 2010 года ведущую роль в структуре экономики города Павлово играло производство промышленной продукции (*84,6% объема отгрузки*), из которой порядка ***60%*** производилось на градообразующих предприятиях. В 2009 году произошло серьезное сокращение объема отгруженной продукции по всем видам экономической деятельности суммарно на *18,6%* (10,4 млрд. руб.).

Основу экономики г. Заволжья также составляет промышленность. В 2007 году она формировала ***93,3%*** отгруженных товаров, в то время как по итогам 2009 года – *88,3%.* Столь значительное сокращение доли промышленности обусловлено не уменьшением зависимости экономики города от градообразующего предприятия, а сильным сокращением объемов промышленного производства. Так, объем отгруженной продукции г. Заволжье за 2007 г. составил 20,7 млрд. руб., а за 2009 г. уже *только 11,1 млрд. руб*.

Стратегические направления развития территориальных образований в кризисных ситуациях

Поиск путей выхода из кризиса проходил в рамках стратегических направлений, отраженных в первую очередь в таких основополагающих документах, как Стратегия развития Нижегородской области до 2020 года и План по стабилизации ситуации в экономике.

Стратегия развития реализуется с 2006 г. и является основным координирующим документом, задающим направления и принципы развития области в долгосрочной перспективе. В ней учитываются сильные и слабые стороны области, её естественные особенности, а также потенциальные вызовы и возможности. Основным ориентиром Правительства области является *«уровень благосостояния населения и высокие стандарты качества жизни»*[1]. Главным приоритетом Стратегии является развитие наукоемких производств и отрасли автомобилестроения.

План по стабилизации ситуации в экономике, принятый в 2008 г., был предназначен для оперативного управления регионом и охватывал период с 2008 по 2009 гг. В это время Правительство Нижегородской области предпочитало следовать принятой Стратегии и выполнять свои обязательства перед инвесторами в полном объеме. Основными приоритетами являлись:

- Нормализация платежно-расчетной системы и восстановление объемов кредитования предприятий реального сектора и населения;
- Поддержка отдельных секторов экономики (промышленность и сельское хозяйство);
- Обеспечение стабильности на рынке труда;
- Формирование платежеспособного спроса на продукцию нижегородских предприятий;
- Расширение мер господдержки малого и среднего бизнеса.

В эти годы развитие моногородов происходило в соответствии с приоритетами и принципами Стратегии и Плана, специальные стратегии развития для них не разрабатывались. Ситуация изменилась в 2010 г., когда для стабилизации ситуации в моногородах, включенных в список Минрегионразвития, стали применяться принципиально новые программы, в основу которых легли уже упомянутые КИПы, построенные на проектном подходе.

Каждый моногород обладает своими уникальными особенностями и спецификой, следовательно, применение унифицированных методов не приемлемо. Поэтому для каждого конкретного случая разрабатывалась собственная стратегия в виде КИПов, что наглядно видно при анализе сходства и различия планов, примененных для развития городов Павлово и Заволжье. Цели данных планов идентичны, в то время как задачи и основные предпринимаемые меры похожи лишь отчасти, поскольку каждый из планов учитывал индивидуальные особенности городов. Это в свою

[1] Постановление Правительства Нижегородской области от 17.04.2006 № 127.

очередь потребовало проведения комплексного социально-экономического анализа территорий и градообразующих предприятий.

Главной целью обоих планов являлось «*создание условий для обеспечения экономической и социальной стабильности городов посредством диверсификации производства, снижения монопрофильности, создания конкурентного производства и повышения финансовой устойчивости*»[1].

Задачи программ включали в себя:

- ***В краткосрочном периоде (2010 г.)*** – стабилизацию ситуации на рынке труда;
- ***В среднесрочном периоде (2011–2015 гг.)*** – модернизацию и перепрофилирование производства. Решение задач по развитию социальной и инженерной инфраструктуры, обновлению основных производственных фондов градообразующего предприятия, реализация мер, направленных на поддержку малого бизнеса;
- ***В долгосрочном периоде (до 2020 г.)*** – диверсификацию экономики, создание комфортных условий для жизни населения.

Механизмы селекции проектов и аналитической сборки их в портфели

В основу КИПов был положен проектный подход, который подразумевал поэтапную селекцию наиболее перспективных проектов и сборку их в портфели, соответствующие стратегическим направлениям развития территорий.

Сам процесс аналитический сборки можно было представить в виде двухуровневой системы внутренней и внешней экспертизы. Внутренняя экспертиза осуществлялась с помощью специальных *рабочих групп* по модернизации моногородов, в состав которых входили полномочные представители федеральных и региональных органов исполнительной власти, представители муниципалитетов, различных институтов развития, общественных организаций и других заинтересованных сторон. Основной целью подобных групп являлась *координация деятельности* органов исполнительной власти по реализации инвестиционных проектов, проведение мониторинга и актуализация инвестиционных программ[2].

При проведении селекции использовалась собственная многоуровневая критериальная система оценки, по которой наряду с технико-экономическими показателями проекта, оценивалась значимость проекта для города в рамках одного из стратегических направлений развития и наличие возможностей для его реализации.

Внешняя экспертиза осуществлялась сотрудниками Внешэкономбанка, с выездом на место. ВЭБ выставлял достаточно жесткие требования ко всем отобранным на первом этапе проектам с точки зрения финансовых показателей. Окончательное решение о финансировании принималось на уровне фонда финансирования КИПов. Обобщенная схема аналитической сборки представлена на рис. 4.

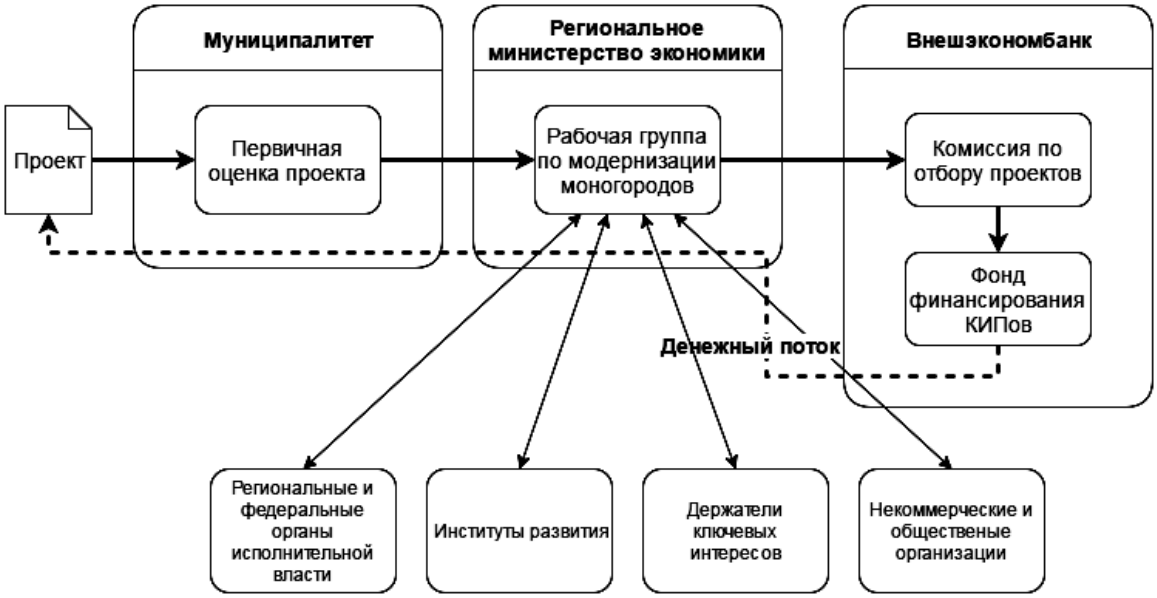


Рисунок 4.
Схема селекции проектов для финансирования

Несмотря на сложность реализуемых мер данные программы нельзя отнести к высоко затратным. Запланированные расходы на реализацию программ представлены в табл. 2.

[1] Постановление Правительства Нижегородской области от 30 сентября 2010 года № 663; Постановление Правительства Нижегородской области от 25 августа 2010 года № 538.

[2] Распоряжение Правительства Нижегородской области от 30.09.2010 года № 2031-р.

Таблица 2

Источники и объемы финансирования комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов Павлово и Заволжье

	Павлово	Заволжье
Частные инвестиции	**10070,07**	**4885,3**
собственные средства	5252,95	3032,5
привлеченные средства	4817,12	1852,8
Бюджетные средства:	**2599,73**	**810,3**
федерального бюджета	2040,07	559,4
областного бюджета	522,2	134,1
районного бюджета	34,1	20,8
городского бюджета	3,36	96
Общий объем	**12669,8**	**5695,6**

В рамках КИПов проекты распределились по портфелям, следующим образом.

КИП для г. Павлово включал в себя портфель из 9 проектов в области развития промышленного производства, 8 проектов – в агропромышленном комплексе, портфель из *21 проекта – по развитию малого и среднего бизнеса*, 4 проекта по оптимизации экологического ландшафта, 5 проектов по развитию социальной инфраструктуры и 4 проекта модернизации инженерной инфраструктуры (табл. 3).

В г. Заволжье на развитие промышленного производства в рамках программы предусмотрено *4 941,32 млн. руб.* на реализацию ***21*** проекта, 4 проекта по развитию агропромышленного комплекса общей суммой на 83,57 млн. руб., 5 проектов по развитию малого предпринимательства на 166,25 млн. руб. (часть из них реализуется в рамках региональных программ развития предпринимательства), 4 проекта развития социальной инфраструктуры на 577,759 млн. руб., 9 проектов по модернизации и строительству инженерной инфраструктуры на сумму 889,024 млн. руб.

Таблица 3

Характеристика проектов, включенных в КИП г. Павлово

Направление		Инвестиции, млн. руб.	Новые рабочие места	Объем отгруженной продукции, млн. руб.	Налоговые поступления в бюджет города, млн. руб.
Развитие промышленного производства	Проекты градообразующих предприятий	914,14	20	7448,5	0,52
	Проекты других предприятий промышленности	4096	274	19798,4	97,479
Развитие агропромышленного комплекса		4901,81	615	43661,57	27,356
Развитие малого предпринимательства		992,23	867	-	9,621
Оптимизация экологического ландшафта		108,56	26	3,34	
Развитие социальной и инженерной инфраструктуры		1574,683	69	1166,4	13,41
Итого:		12587,423	1871	72078,21	148,386

Всего за 5 лет осуществления поддержки в экономику всех моногородов Нижегородской области было вложено порядка ***185 млрд. руб.***, из которых 9,5 млрд. руб. являются бюджетными средствами. За это время на территории региона было создано около *14 тыс. рабочих мест*, из них в 2014 году – 1,1 тыс. В 2014 году в экономику области было привлечено около 7,5 млрд. руб. (из бюджета – 1,4 млрд. руб.) для реализации проектов модернизации моногородов. Основными направлениями финансирования стали:

1. Развитие инженерной и социальной инфраструктуры – *1,2 млрд. руб.*;
2. Создание новых и модернизация имеющихся (не градообразующих) производств – 130,6 млн. руб.;
3. Развитие градообразующих предприятий – 60,9 млн. руб.;
4. Поддержка и развитие малого предпринимательства – 11,2 млн. руб.;
5. Снижение напряженности на рынке труда – 2,4 млн. руб.

Следует отметить, что сами КИПы разрабатывались с соблюдением основных принципов стратегического планирования (ФЗ №172-ФЗ ст. 9). Все они прошли необходимую процедуру государственной регистрации (ФЗ №172-ФЗ ст. 12), а также имели информационно-аналитическое сопровождение, предоставляемое региональным Министерством экономики и конкурентной политики. Помимо этого, согласно закону Нижегородской области № 24-З от 3 марта 2015 г. органы местного самоуправления в праве самостоятельно определять цели и задачи своего социально-экономического развития, а также утверждать планы по достижению этих целей.

Таким образом, КИПы явились для моногородов удачным аналогом муниципальной стратегии социально-экономического развития, а также стратегии отраслевого развития, полностью удовлетворяющим целям стратегии развития региона. К сожалению, после расформирования Минрегионразвития система поддержки моногородов через КИПы перестала функционировать.

Чтобы оценить эффективность КИПов, основанных на проектном подходе, рассмотрим социально-экономические и общественно-политические аспекты их реализации.

Социально-экономические аспекты

Комплексная реализация механизмов селекции, аналитической сборки и мониторинга финансируемых проектов позволила в сжатые сроки достичь необходимой стабильности и выйти на устойчивую траекторию развития. Согласно данным Правительства РФ в настоящее время на территории Нижегородской области расположено 12 моногородов, 11 из которых относятся к третьей категории, а один (г. Заволжье) – ко второй[1]. Таким образом, оба моногорода покинули первую категорию, включающую города с наиболее сложной социально-экономической ситуацией.

Министерство экономики и конкурентной политики Нижегородской области регулярно проводит *оперативный мониторинг* состояния моногородов. На данный момент, во всех моногородах Нижегородской области наблюдается стабильная ситуация[2]. Проведем анализ динамики показателей по нескольким группам индикаторов, используемых при мониторинге КИП.

Среднесписочная численность работников

За период с 2009 по 2015 год ни в Павлово, ни в Заволжье *не наблюдается* серьезных негативных изменений в численности рабочей силы, постепенно происходит её перетекание из обрабатывающей промышленности в другие сферы экономики, такие как оптовая и розничная торговля и оказание услуг (табл. 4). Благодаря реализуемым инвестиционным проектам и созданию посредством этого большого числа постоянных и временных рабочих мест удалось существенно снизить уровень зарегистрированной безработицы (рис. 5).

Таблица 4

Численность работников списочного состава (без внешних совместителей) из средней численности работников, чел.)

Рисунок 5.
Уровень официально зарегистрированной безработицы

Если рассмотреть период 2014–2015 гг., то можно заметить, что моногорода явно стали устойчивее к экономическим потрясениям: *не наблюдается такого резкого увеличения безработицы*, какое было в период 2007–2009 гг. Однако рост все равно наблюдался, но находится в пределах нормы и не оказывает шокового влияния на экономику городов.

Объем отгруженных товаров собственного производства

В табл. 5 приведены данные об отгруженных товарах города Павлово, произведенных субъектами крупного и среднего бизнеса. Несложно заметить, что промышленные составляющие все еще формируют большую часть продукции, произведенной в городе. В 2015 году наблюдалось существенное увеличение ее отгрузки, во многом это связано с реализацией на территории области программы закупки муниципального транспорта в рамках антикризисного плана области[3]. Ситуация в Заволжье принципиально не отличается от ситуации в Павлово. После ощутимого роста отгруз-

[1] Распоряжение Правительства РФ № 1398-р.

[2] Информация о реализации инвестиционных проектов / Министерство экономики и конкурентной политики Нижегородской области. – http://minec.government-nnov.ru/?id=1315

[3] Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2015 № 1393-р.

ки обрабатывающей промышленности в 2011–2013 гг., наблюдалось падение в 2014 с последующим восстановлением в 2015 г.

Таблица 5

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (млн. руб.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Павлово						
Обрабатывающая промышленность	11686,8	14095,3	17378,3	16730,6	14360,9	16894,5
Всего	13756,6	16466,4	19934,6	19652,0	17956,5	18810,0
Заволжье						
Обрабатывающая промышленность	10056,0	11312,0	14440,9	16274,4	12986,4	14282,9
Всего	13599,6	14524,7	17582,3	19814,2	15907,4	17261,0

Темп роста отгрузки в действующих ценах

Многие показатели пересчитываются и корректируются в последующих отчетных периодах, поэтому рассматривать только объемы отгруженной продукции не совсем корректно. Проанализируем также темп роста отгрузки, посчитанный в действующих ценах.

Следует отметить, что повторный спад в г. Павлово начался уже в 2013 году. Однако на этот раз он характеризовался заметно менее глубоким падением, чем в 2008–2009 гг. В это же время в г. Заволжье повышательная тенденция развития наблюдалась вплоть до 2014 г. Причём в 2015 удалось достичь 18% прироста в обрабатывающей промышленности, что помогло в итоге нарастить общий объем отгрузки на 15% (рис. 6).

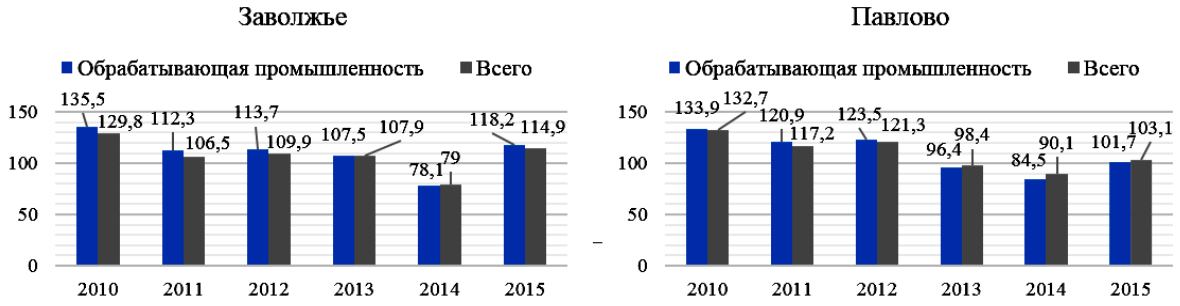


Рисунок 6.
Темп роста объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами

Таким образом, благодаря проведенным мерам по диверсификации экономик, модернизации градообразующих предприятий и снижению зависимости от них, удалось достичь *более плавной реакции на кризис* – серьезных сокращений объемов производства не произошло, вместо этого экономики адаптировались и отреагировали ростом.

Прибыль до налогообложения

Одним из самых демонстративных показателей является прибыль организаций до налогообложения. Так как большую часть продукции создают крупные и средние предприятия, то авторы считают обоснованным использование статистики по этому типу организаций (табл. 6).

Таблица 6

Прибыль (убыток) организаций до налогообложения (млн. руб.)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Павлово							
Обрабатывающая промышленность	-47,0	893,6	416,4	1916,5	1890,8	668,4	1233,0
Всего	92,0	1181,8	576,8	2093,5	2065,7	867,4	1239,2
Заволжье							
Обрабатывающая промышленность	692,3	965,0	-213,5	1650,3	-176,9	-189,9	674,1
Всего	697,1	965,0	-185,2	1674,3	530,6	623,0	949,9

Обрабатывающая промышленность г. Павлово в 2009 г. несла суммарные убытки в размере 47 млн. руб. Впоследствии одновременно с ростом отгрузки продукции начался и рост прибыли, так уже в 2010 году удалось достичь показателя в *893* млн. руб. Проследить явную тенденцию невозможно, т.к. на показатель прибыли влияет *большое число внешних факторов*. В г. Заволжье ситуация остается тревожной, но контролируемой, начиная с 2011 г. наблюдаются колебания от прибыли до убытка, причем объем полученных выгод последующих периодов не покрывает потери предыдущих. Однако в наиболее сложный для экономики страны 2015 г. удалось выйти на показатель прибыли в ***674 млн. руб.*** по обрабатывающим производствам. Тем самым Заволжье фактически повторяет картину, наблюдавшуюся в 2008–2009 гг., однако теперь падение прибыли не сопровождается столь сильными социальными потрясениями.

Среднемесячная заработная плата работников

Одним из ориентиров в реализации программ модернизации моногородов является уровень жизни населения, который традиционно неразрывно связан с уровнем заработной платы. Согласно результатам мониторинга, после кризиса 2008–2009 гг. уровень заработной платы в городах Павлово и Заволжье был примерно на 20% ниже, чем среднеобластной показатель.

Начиная с 2011 г. в обоих городах наблюдается устойчивый рост заработной платы работников. Наибольшие значения этого показателя и темпы прироста наблюдались в обрабатывающей промышленности, зарплаты в которой традиционно превышают среднеобластные значения. В г. Павлово вплоть до 2015 г. размер среднемесячной заработной платы несколько превышал областные показатели, в то время как в Заволжье начиная с 2014 г. наблюдается его отставание (табл. 7).

Таблица 7

Среднемесячная заработная плата работников (руб.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Павлово						
Обрабатывающая промышленность	15859,4	19626	23193,5	24984,4	28584,4	30042,3
В среднем	13967,6	16828,2	20140,6	22095,7	24548,7	25288,7
Заволжье						
Обрабатывающая промышленность	16016	19627,2	21490,7	24060,7	25080,6	27142,5
В среднем	14561,3	17619,4	19605,6	22337,2	24102	25531,7

В целом можно сказать, что темпы роста заработной платы снизились в 2015 г., что отражает общероссийскую тенденцию снижения реальных доходов населения, которая не является уникальной для данных моногородов. Это, в свою очередь, говорит о достижении в них целей стабилизации социально-экономической ситуации.

Таким образом, по всем основным показателям, характеризующим социально-экономическое положение, моногорода Павлово и Заволжье стали гораздо менее чувствительными к кризису, по сравнению с 2008–2009 гг. Это дает право утверждать, что меры территориального развития были достаточно эффективными в качестве инструмента превентивного антикризисного управления и стратегического развития. Пример наиболее депрессивных с экономической точки зрения моногородов подтверждает справедливость данного вывода.

Общественно-политические аспекты

В данном случае можно говорить о повышении консолидации общества и формировании единого мнения относительно происходящих общественных процессов. Это иллюстрируется поддержкой правящей партии, которой в сложившихся реалиях является НРО ВПП «Единая Россия» (далее – «ЕР»). Для оценки изменений её поддержки в обществе был выполнен анализ результатов выборов в представительные органы государственной власти городов Павлово и Заволжье, проведенных в 2010 и 2015 гг. К представительным органам государственной власти относятся Городские Думы городов Павлово и Заволжье, состоящие из 20 депутатов каждая. Для анализа итогов выборов была использована открытая информация, представленная на сайте Центральной Избирательной Комиссии.

В табл. 8 представлены результаты выборов депутатов Городских Дум городов Павлово и Заволжье. На выборах в Городскую Думу г. Заволжье в 2010 г. большинство депутатских мандатов получили *самовыдвиженцы* – 12 из 20. Во многом это обусловлено беспрецедентным падением уровня жизни и благосостояния населения города, а также желанием наиболее активной его части исправить сложившуюся ситуацию. Помимо этого, о кризисной ситуации в обществе говорила и высокая явка[1] (в 2010 г. она составила ***56,46%***). Очевидно, что население города в 2010 г. не испытывало серьезного доверия к «ЕР». Тем не менее, реализация КИПов позволила в короткие сроки достичь социально-экономической стабильности и повысить уровень благосостояния. Это нашло свое отражение в результатах выбо-

[1] Явка избирателей рассчитана как отношение разницы между числом бюллетеней полученных участковыми комиссиями и числом погашенных бюллетеней к числу бюллетеней, полученных участковыми комиссиями.

ров 2015 г.: *явка снизилась* чуть менее чем на 12 п.п., что с одной стороны является следствием переноса выборов (с весны (14.03.2010 г.) на осень (13.09.2015 г.), а с другой свидетельствует о снижении напряженности в обществе. Однако говорить о снижении политической активности в г. Заволжье преждевременно, поскольку самовыдвиженцы по-прежнему формируют большую часть кандидатов. Однако, несмотря на это, их число в Думе уменьшилось в *два раза*, в то время как поддержка «Единой России» возросла – в 2015 г. эта партия получила 10 из 20 мандатов.

Таблица 8

Результаты выборов депутатов Городских дум городов Павлово и Заволжье

	2010			2015		
Партия	Кандидаты	Избранные	Представители бизнеса	Кандидаты	Избранные	Представители бизнеса
Заволжье						
Единая Россия	20	5	4	18	10	7
КПРФ	1	1	2	4	0	0
ЛДПР	5	1	0	14	4	1
Справедливая Россия	6	1	0	4	0	0
Самовыдвижение	47	12	4	39	6	2
Явка избирателей	56,46%			32,88%		
Павлово						
Единая Россия	20	14	6	20	13	8
КПРФ	0	0	0	18	1	0
ЛДПР	6	2	1	11	0	0
Справедливая Россия	5	3	0	5	0	0
Партия Великое Отечество	0	0	0	4	1	1
Самовыдвижение	2	1	1	13	1	1
Явка избирателей	30,93%			30,39%		

Изначально высокая поддержка «ЕР» в г. Павлово в 2015 г. незначительно снизилась. Тем не менее, партия все еще имеет большинство в Городской Думе. Отдельного внимания заслуживает интерес к данным выборам со стороны других политических партий: в 2010 г. в выборах приняло участие 33 человека (20 – представители «ЕР»), в то время как в 2015 г. число кандидатов возросло до 71. Таким образом, можно отметить, что в г. Павлово поддержка партии «ЕР» на данный момент времени номинально уменьшилась, однако партия все ещё обладает большинством.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что стабилизация социально-экономической ситуации посредством КИПов позволила «ЕР» сохранить большинство в Городской Думе в г. Павлово, упрочив свою поддержку среди населения, а также полностью изменить распределение мандатов в Думе г. Заволжье, несмотря на высокую конкуренцию со стороны самовыдвиженцев. В целом в 2015 г. по сравнению с 2010 г. возросло число *представителей бизнеса* в Думах обоих городов, что явно свидетельствует о повышении предпринимательской активности, а также о том, что реальные успехи экономического развития городов привлекли внимание бизнеса и способствовали его вовлечению в работу муниципалитетов. В сложившейся ситуации «ЕР» выступила проводником в Думы для представителей бизнеса. Теперь они составляют большую часть депутатов от этой фракции в обоих городах в 2015 г.

Заключение

Инструменты развития моногородов, примененные в городах Павлово и Заволжье в виде КИПов, продемонстрировали свою способность в сжатые сроки повысить уровень социально-экономической стабильности даже в городах с наиболее депрессивной экономикой. Реализация КИПов, как аналогов муниципальных стратегий развития, позволила не только повысить устойчивость моногородов к кризисным явлениям, но и стабилизировать местные территориальные сообщества. Это удалось за счёт удачной интеграции в рамках данных планов преимуществ как стратегического, так и проектного подходов процедур селекции и аналитической сборки портфелей из наиболее эффективных проектов и мероприятий. Тем самым возник положительный мультипликативный эффект сразу по целому ряду направлений, которые дали весьма значимые социально-экономическую и общественно-политическую проекции.

Как показала практика, ключевым преимуществом такого подхода является его высокая гибкость и адаптивность к изменению внешних условий, позволяющая использовать механизмы стратегического управления для развития широкого круга муниципальных территориальных образований. Дальнейшее развитие проектного подхода связано на наш взгляд с созданием проектных офисов при муниципалитетах. Тем не менее, использование проектного подхода для построения стратегии развития требует серьезных инвестиций и привлечения высококвалифицированных экспертов. В случае с рассмотренными моногородами роль инвестора и консультанта сыграл ВЭБ, в то время как остальные территориальные образования лишены данного ресурса.

Опыт проектного развития моногородов является полезным и демонстративным, однако для его успешного применения необходимо консолидированное взаимодействие всех уровней власти: муниципального, регионального, федерального, а также заинтересованное сотрудничество с другими акторами публичного пространства, такими как бизнес и гражданское общество.

Шамрай-Курбатова Л.В.
к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики и управления Волгоградского института бизнеса
shamraylv@yandex.ru
Леденёва М.В.
д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса
mledenjova@yandex.ru

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРИРОСТА РЕГИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА[1]

The analysis of foreign experience of effective policies increase regional wealth

Ключевые слова: *региональное развитие, региональная экономика, территориальное планирование, инновации, сотрудничество между государственными научно-исследовательскими учреждениями и частным сектором, горизонтальное перераспределение доходов между землями, диспропорции в социально-экономическом развитии регионов, надрегиональные образования.*

Keywords: *regional development, regional economy, territorial planning, innovation, cooperation between public research institutions and the private sector, a horizontal redistribution between the länder, disparities in socio-economic development of regions, supra-regional structures.*

Прирост регионального богатства целесообразно рассматривать с позиции регионального развития, так как первый является прямым следствием второго. Региональное развитие – это режим функционирования региональной системы, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и многофакторным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории.

Возможные действия, направленные на прирост регионального богатства можно условно разделить на три группы:

1) развивать и поддерживать передовые и богатые районы, а остальные могут существовать за счет богатых;

2) поддерживать примерно равные условия жизни во всех районах, регулируя в них уровни налогообложения, занятости, уровень жизни;

3) поддерживать только бедные районы, в расчете на то, что богатые могут развиваться самостоятельно.

Также, необходимо учитывать факт дифференцированного подхода в различных странах к самому понятию «региональная политика», так в одних странах (например, России) региональная политика понимается очень широко, это фактически синоним государственного регулирования территориального развития, включающего в себя и межбюджетные отношения, и территориальное планирование. В других странах (например, Германии) к региональной политике относится очень ограниченный набор инструментов, тогда как межбюджетные отношения и территориальное планирование считаются самостоятельными направлениями федеральной политики. В третьих странах вообще не принято говорить о региональной политике как таковой (Люксембург, Лихтенштейн)[2].

Особый интерес представляет опыт региональной политики Европейского Союза (ЕС), поскольку этот опыт относится к целому ряду входящих в ЕС государств и поэтому может быть применим в различных условиях. Региональная политика ЕС на общеевропейском уровне осуществляется параллельно с проведением региональной политики самими странами-участницами и стремится вовлечь в решение задач ведущих политических деятелей и партнеров на всех уровнях: европейском, национальном, региональном. Со времени подписания Римского договора в 1957 г. ЕС стремится сократить региональное неравенство. Эта цель, подтвержденная в Договоре об образовании Европейского Союза, подписанном в Маастрихте в 1991 г., заключается в уменьшении неравенства в уровнях развития наиболее развитых и наиболее отсталых регионов. За прошедшие годы целесообразность проводимой ЕС региональной политики неоднократно получала подтверждение в реализации таких важных принципов, как:

1) концентрация ресурсов в наиболее нуждающихся регионах и группах регионов;

2) финансирование – это долгосрочная программа, а не одноразовый проект;

3) политика осуществляется путем установления отношений партнерства между Европейской комиссией, национальным правительством, местными и региональными властями;

---

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-12-34023 «Разработка стратегии прироста регионального национального богатства Волгоградской области»).

[2] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 6.

4) принцип дополнительности, когда финансирование на уровне ЕС дополняет, а не заменяет собой ресурсы, ассигнуемые на эти цели на национальном уровне;

5) принцип субсидиарности, при котором управление ресурсами осуществляется на самом нижнем в зависимости от ситуации административном уровне: региональном, национальном или европейском.

Рассмотрим особенности государственного регулирования регионального развития некоторых странах мира: США, Дании, Германии, Италии, Швеции.

Регионы в США существенно отличны и дифференцированы с точки зрения уровня экономического развития, существуют супериндустриальные (Калифорния, Техас, Нью-Йорк) и отсталые штаты (штат Аляска, районы Аппалачей, штаты Теннеси и Южной Дакоты, регионы Прибрежных равнин, Верхних озер, Новой Англии). Государственное устройство США обеспечивает выравнивание территориальных разрывов и сглаживание социально-экономических противоречий. Штаты и местные органы самоуправления наделены обширными полномочиями, что позволило добиться высокого уровня развития инфраструктуры, социальной жизни населения, обеспечения занятости. Американское правительство в кризисных условиях активно реализует национальные проекты восстановления и реинвестирования[1].

Следует отметить, что на осуществление мероприятий регионального социально-экономического развития направлялись денежные поступления, нацеленные на стабильное развитие экономики. Комплексный подход в социальной политике США выражается в том, что особое внимание уделяется молодому поколению, прежде всего детям. Программы регионального экономического развития направлены на стимулирование развития приоритетных отраслей социально-экономической системы. В рамках программ регионального социально-экономического развития предусмотрено финансирование, направленное на улучшение и модернизацию системы образования.

В современных условиях программы модернизации системы образования рассматриваются США как конкурентное преимущество регионов. Поэтому инвестиции направляются на развитие системы регионального образования, что открывает новые возможности в области подготовки кадров, роста производительности труда, генерирования инноваций, позволяющих повысить конкурентоспособность работников, необходимых для дальнейшего развития экономики конкретного региона и страны в целом.

В условиях ограниченного финансирования важнейшим приоритетным направлением является рациональное использование финансовых средств системы здравоохранения. На основе анализа системы показателей, характеризующих медицинскую сферу, составлены интегральные рейтинги ресурсного потенциала здравоохранения штатов, что свидетельствует о наличии корреляционной связи между уровнем здоровья населения и используемыми ресурсами и их структурой. Отдельного внимания заслуживает опыт США в создании предпринимательских зон и технопарков (Силиконовая долина).

Исследования в области региональной экономической политики Дании выявили приоритеты национального планирования экономического развития Дании, которые находят свое отражение в стимулировании развития сотрудничества между государственными научно-исследовательскими учреждениями и частным сектором, а также в коммерциализации результатов научных исследований. В рамках программ инновационного развития обеспечивается равномерное развитие регионов путем активизации предпринимательства, увеличения инвестиций в научные исследования и опытно-конструкторские разработки, и увеличение количества специалистов, имеющих научную степень. Данные меры позволили добиться положительных результатов, что отразились на показателях экономической устойчивости всех пяти административных регионов Дании.

Организацией территории в Германии занимается Федеральное ведомство строительного дела и регионального планирования, которое подчиняется Федеральному министерству окружающей среды, охраны природы, строительства и безопасности[2].

Основным постулатом региональной политики Германии является создание равноценных условий жизни на всей территории страны. Федеральное министерство финансов Германии в системе федерального финансового выравнивания выделяет четыре этапа:

1) вертикальное распределение налогов – распределение налоговых поступлений между федеральным, земельными и местными (или муниципальными) бюджетами;

2) горизонтальное распределение налогов, предусматривающее определенные правила зачисления ряда налогов в бюджеты отдельных земель;

3) выравнивание бюджетных доходов земель – горизонтальное перераспределение доходов между «бедными» и «богатыми» землями;

4) дополнительные гранты (отчисления) из федерального бюджета «бедным» землям.

Наиболее интересен третий этап финансового выравнивания, предусматривающий горизонтальное перераспределение доходов между землями, т.е. изъятие средств у «богатых» земель для зачисления их в бюджеты «бедных» земель. В ходе такого перераспределения учитываются налоговые доходы не только земельных, но и частично местных (общинных) бюджетов (поскольку земли отвечают за обеспечение местных бюджетов необходимыми им средствами). При перераспределении средств исходят из того, что потребности в бюджетных доходах на душу населения во всех землях одинаковы, за исключением городов-земель (Гамбурга, Бремена, Берлина), нуждающихся в более высоких объемах средств на душу населения.

---

[1] Сеиткулова А.С. Зарубежный опыт развития региональной экономики // Известия вузов. 2014. – № 3. – С. 111.

[2] Federal Ministry for Economic Affairs and Energy. – http://www.bmwi.de/

Среди всего разнообразия инструментов региональной политики выделяются меры поддержки социально-экономического развития отдельных регионов, связанные с размещением органов государственной власти. Например, Министерство здравоохранения расположено в Берлине, Бонне, Кёльне, Лангене, Министерство продовольствия и сельского хозяйства – в Берлине Бонне, Ганновере, Брауншвайге, Карлсруэ, Кведлинбурге[1].

Этот опыт, с одной стороны, создает определенные коммуникационные сложности и дополнительные бюджетные расходы (высшие органы власти оказывается удобнее размещать в одном городе), с другой стороны, подобное размещение дает регионам больше инфраструктурных и социально-экономических возможностей роста, обусловленных более пристальным вниманием со стороны органов власти.

Для Италии характерны диспропорции в социально-экономическом развитии регионов. Юг Италии – крупный регион, значительно отстающий от средних по стране показателей по уровню своего развития. Важность региональной политики ЕС для Италии заключается в том, что она формирует принципы, которые взяты на вооружение на национальном уровне. Однако не стоит преувеличивать значение мер, принимаемых на уровне ЕС, поскольку в части региональной политики наднациональные и национальные органы в Евросоюзе делят полномочия примерно поровну. Италия, как и любая другая страна ЕС, предоставляет собственную Национальную рамочную программу, которая должна соответствовать стратегии ЕС в том, что касается регионального выравнивания. Для осуществления единой региональной политики на основе сотрудничества национальных и региональных уровней Национальная рамочная программа учредила Национальный комитет координации и мониторинга единой региональной политики, который находится под контролем Министерства экономического развития Италии. Объектами итальянской региональной политики становятся области, провинции и муниципалитеты.

Основным инструментом финансирования региональной политики в Италии является основанный в 2003 г. Фонд для слаборазвитых регионов. Ресурсы Фонда распределяются между тремя составляющими его фондами, каждый из которых соответствует одному из целевых направлений деятельности. Это Инфраструктурный фонд, Стратегический фонд поддержки реальной экономики и Фонд поддержки занятости и образования[2].

Основная цель региональной политики Швеции – создание условий для равномерного развития всех регионов – достигается путем реализации региональных программ в области транспорта, занятости, коммуникации и др.

Неотъемлемой частью политики регионального развития является промышленная политика, ее методы строятся на оценке уникальных условий и возможностей каждого региона, а целью является стабильное экономическое развитие.

Основным инструментом указанной политики является подготовка «соглашений о развитии», которые базируются на фундаментальном анализе предпосылок экономического роста. Обычно к подготовке соглашений, наряду с местными органами власти, привлекаются ключевые предприятия региона. Соглашение определяет лиц, финансирующих и координирующих его реализацию.

Таким образом, региональная политика в любой стране имеет свои особенности, обусловленные конкретными обстоятельствами географического положения, исторического развития, формирования и развития хозяйственного комплекса. Этим объясняется невозможность простого перенесения опыта одной страны в другую. Но изучение и понимание закономерностей регулирования региональной экономики в других странах позволяет глубже и яснее понимать процессы, происходящие в России. Очевидно, что прямое копирование опыта высокоразвитых стран будет малоэффективным, но, учитывая специфику кризиса в российских регионах, можно признать целесообразным сочетание государственного инициирования региональных программ с механизмами социально-ориентированного рынка.

На основании вышеизложенного в качестве положительного и применимого опыта прироста регионального богатства и улучшения социально-экономического положения регионов, по нашему мнению, можно использовать следующее:

– снижение уровня миграционной активности высокообразованной молодежи за счет выравнивания соотношения выпускников учебных заведений и рабочих мест (создание системы, дающей большие возможности для трудоустройства);

– создание фондов для слаборазвитых регионов за счет средств федерального бюджета с целью финансирования создания рабочих мест и развития инфраструктуры;

– реализация программ по развитию инновационных территориальных кластеров.

Эффективность развития единого экономического пространства страны в значительной мере зависит от скоординированной деятельности всех административно-территориальных структур и государственного регулирования социально-экономических процессов. Непосредственной реализацией политики должны заниматься координационные органы соответствующего уровня управления. Экономическая политика государства может и должна быть дифференцированной по отношению к различным территориям с учетом их демографического, ресурсного, социально-экономического положения, а также совокупного потенциала, необходимого для решения поставленных задач.

---

[1] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 42–43.

[2] Там же. – С. 54–56.

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 13

Часть 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Подписано к печати 28/III – 2016 г. Формат 60×84/8
Усл. печ.л. 108,5 Уч.-изд.л. 123,0

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru